ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Томъ 6 и 7.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 25 августа 1898 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза». Кол. Подъяч., 39.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VI.

Азіатская Россія.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Оглавленіе четвертой книги.

Томъ VI.

АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

ГЛАВА I.

стр

Общій взглядъ на Азію 1

ГЛАВА II.

Кавказъ 51
I. Горы Понто-Каспійскаго перешейка . . 51
II. Западный Кавказъ, бассейнъ Кубани, абхазцы, черкесы, Черноморскіе казаки. . . 77
III. Центральный Кавказъ, бассейны Кумы и Терека 103
IV. Дагестанъ. Восточный Кавказъ. . . . 125
V. Бассейны Ингура, Ріона, Чоруха. . . 140
Мингрелія, Имеретія, Сванетія, Лазистанъ. . 140
VI. Бассейнъ Куры 164
Грузія и Закавказская Татарія 164
VII. Русская Арменія. 212
Араратъ, Алагесъ, Гокчайское плоскогоріе и бассейнъ Аракса. 212
VIII. Общій обзоръ и администрація Кавказскаго края. 249

ГЛАВА III.

Арало-Каспійскій склонъ 267
I. Общій взглядъ 267
II. Памиръ и Алай 276
III. Тянь-Шань 291
IV. Горы Тарбагатай и бассейнъ озера Балхашъ 320

стр.

Покатость Аральскаго и Каспійскаго морей. 332
Сыръ-Дарья и Амуръ-Дарья, Аралъ и Закаспійскій отдѣлъ. 332
V. Народы, населяющіе арало-каспійскую покатость. 382
VI. Государства Арало Каспійской покатости. 422
1) Бактріана или Афганскій Туркестанъ. 444
2) Мервъ, независимые туркмены 444
3) Бухара 450
4) Хива 469

ГЛАВА IV.

I. Сибирь 529
II. Алтай 589
III. Бассейнъ Оби 613
Области: Акмолинская, Семипалатинская, губерніи: Томская, Тобольская, восточные уѣзды губерній Пермской и Оренбургской.
IV. Бассейнъ Енисея и Байкалъ 663
1) Бассейнъ западнаго Енисея 664
2) Байкалъ и Ангара 692
V. Бассейнъ Лены, берега Ледовитаго океана. 723
VI. Беринговъ полуостровъ, бассейнъ Анадыра и Камчатки; чукчи, коряки и камчадалы. 747
Становой хребетъ, бассейнъ Амура, русская Маньчжурія 778
VIII. Сахалинъ. 817
XI. Матеріальное состояніе и управленіе Сибири. 827

Томъ VII.

ВОСТОЧНАЯ АЗІЯ.—КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ.—КОРЕЯ.—ЯПОНІЯ.

ГЛАВА I.

стр.

Общій обзоръ 1

ГЛАВА II.

Китайская имперія 25
Тибетъ 25

ГЛАВА III

Китайскій Туркестанъ 111
Бассейнъ Тарима 111

ГЛАВА IV.

Монголія 149
I. Область озера Куку-норъ 149
II. Монгольская Гань-су 162
III. Чжунгарія и китайскій Или 174
IV. Сѣверная Монголія и Гоби 185
V. Китайская Маньчжурія 235

ГЛАВА V.

Китай 273
Общій взглядъ 273

стр.

Бассейнъ рѣки Бай-хе, провинція Чжи-ли 349
Полуостровъ Шань-дунъ 376
Бассейнъ Желтой рѣки 387
Провинціи Гань-су, Шань-си, Хэ-нань . . . 387
Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна 428
Провинціи: Сы-чуань, Гуй-чжоу, Ху-бэй, Ху-нань, Ань-хой, Цзянъ-су, Цзянъ-си, Чжэ-цзянъ 428
Восточная покатость Нань-шаня, южная Чжэ-цзянъ и Фу-цзянь 509
Бассейнъ Си-цзяна 517
Провинціи Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ 517
Юнь-нань 544
Хай-нань 564
Экономическое и соціальное состояніе Китая 570
Правительство и администрація 625

ГЛАВА VI.

Корея 569

ГЛАВА VII.

Японія 709

АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

Глава I

Общій взглядъ на Азію.

I.

Изъ всѣхъ материковъ, называемыхъ обыкновенно «частями свѣта», Азія по своей величинѣ самая значительная: она составляетъ почти ровно третью часть всей поверхности суши, взятой въ цѣломъ, превосходитъ своими размѣрами площадь, занимаемую Америкой, и на треть больше Африки; Европа, на которую можно смотрѣть отчасти, какъ на простой полуостровной придатокъ Азіи, равняется немного болѣе, чѣмъ пятой части ея. Выразивъ величину Азіи въ числахъ, получимъ, что поверхность континентальной Азіи, безъ Каспійскаго моря и восточныхъ уѣздовъ Пермской губерніи равна 39.034.200 кв. верстамъ, а вмѣстѣ съ островами Японскими, Филиппинскими и Зондскимъ архипелагомъ—41.690.040. кв. в.

Но если, при такой обширности территоріи, Азія занимаетъ первое мѣсто между другими частями свѣта, то, въ прочихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ: въ богатствѣ полуостровныхъ формъ, въ величинѣ береговой линіи, въ количествѣ закрытыхъ морей и въ распространенности морскаго климата во внутренней части континента, она, во всякомъ случаѣ, значительно уступаетъ маленькой Европѣ. Азія не можетъ дать, подобно Европѣ, своимъ обитателямъ очень важнаго—географическаго единства. Разъединенная высокими плоскогоріями, бывшими днищами морей, на области совершенно различныя, она лишена дождей на громадныхъ протяженіяхъ, что, вмѣстѣ съ сухостью воздуха вообще, холодомъ, разрѣженностью вдыхаемой атмосферы, служитъ большимъ препятствіемъ для свободнаго передвиженія *народовъ; кромѣ того, склоны* противулежащихъ горъ не соединены здѣсь между собою тѣми естественными дорогами, какими служатъ въ Европѣ долины Альпъ. Азія могла быть родиной нѣсколькихъ мѣстныхъ цивилизацій, но Европѣ, ея наслѣдницѣ, надлежало слить ихъ всѣ вмѣстѣ и создать ту высшую культуру, которая можетъ быть воспринята всѣми народами на земномъ шарѣ.

Сравнительно съ другими материками, Азія преимущественно страна плоскихъ возвышенностей. Если бы вся суша погрузилась одновременно въ воды океана, то въ то время, когда другія «части свѣта» давнымъ бы давно совсѣмъ исчезли—или же указывали о своемъ существованіи только островками, верхушками горъ—центральная часть Азіи, съ окаймляющими ее горными кряжами, все бы еще, словно цитадель, высоко поднималась надъ поверхностью волнъ. Азіатскія плоскогорія и пространство, которое они ограничиваютъ, образуютъ, такъ сказать, среди континента другой континентъ, и при томъ совершенно отличный отъ окружающаго, съ иными климатомъ, флорою, фауною и людьми. Эти-то плоскогорія, поднимающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на нѣсколько тысячъ футовъ, даютъ Азіи, въ общемъ, наибольшую высоту надъ морскимъ уровнемъ, сравнительно со всѣми другими материками Стараго и Новаго Свѣта. Гумбольдтъ опредѣлилъ среднюю высоту Азіи въ 350 метровъ; между тѣмъ какъ Крюммель, основываясь на картахъ новѣйшихъ изслѣдователей, полагаетъ возможнымъ принять вмѣсто 350 метровъ—500 [1]): средняя же высота Европы выразится тогда лишь $^2/_3$ этого числа.

[1]) „Versuch einer vergleichenden Morphologie der Meeresräume".

Азія богаче береговыми извилинами, нежели Африка и Южная Америка; въ особенности же южная часть ея, гдѣ берега выдаются въ видѣ полуострововъ, омываемыхъ заливами, и острововъ, разбросанныхъ по сосѣднимъ морямъ; но зато вся срединная часть материка, заключающая въ себѣ плоскогорія и пустыни, представляетъ поразительное однообразіе въ очертаніяхъ. Эта поверхность, ограниченная съ юга могучимъ Гималаемъ, Дапзангомъ и Каракорумомъ, почти со всѣхъ прочихъ сторонъ окружена еще другими горными цѣпями; на западѣ отъ нея отдѣляются различные хребты, изрѣзывающіе Памиръ; на сѣверо-западѣ Тянь-Шань; на сѣверѣ—Алтай, а на востокѣ и сѣверо-востокѣ — нѣсколько горныхъ кряжей, отдѣляющихся одинъ отъ другаго рѣчными долинами. Въ цѣломъ, эта мѣстность, столь отличающаяся отъ окраинъ Азіи и заключающая въ себѣ Тибетъ, Китайскій Туркестанъ и степь Гоби, имѣетъ видъ громадной трапеціи, постепенно съуживающейся по направленію къ западу. У юго-западнаго угла ея поднимается горный узелъ, образуемый пересѣченіемъ Гималая и Каракорума;—здѣсь центръ тяжести всего материка. Три большихъ равнины и три плоскогорія расположены въ перемежку, въ видѣ радіусовъ одного колеса вокругъ этого горнаго узла, имѣющаго, однако, высоту меньшую, чѣмъ многіе другіе массивы Азіи: можно подумать, что вслѣдствіе явленія интерференціи, высоты опустились здѣсь въ этой точкѣ ихъ скрещенія. Три низменныхъ области, расходящіяся радіусами отъ центральнаго узла, суть: равнина Татаріи—съ сѣверо-запада; бассейнъ Тарима—съ востока и, наконецъ, впадины, по которой текутъ Гангъ и Индъ,—съ юга и юго-востока. Три плоскихъ возвышенности, соприкасающіяся между собою почти въ центрѣ Азіи:—Памиръ, Тибетъ и Иранъ. Послѣднее плато начинается сначала простою горною цѣпью Гиндукушемъ, отдѣляющею долины Инда и Аму-Дарьи; впрочемъ этотъ отростокъ слишкомъ коротокъ и самыя возвышенности, примыкающія къ нему, далеко не такъ высоки и обширны, какъ Тибетъ; но онѣ имѣютъ еще болѣе правильную геометрическую форму: плоскогоріе Иранъ, включающее въ себѣ большую часть Афганистана, Белуджистана и Персіи, представляетъ собою трапецію, двѣ стороны которой, сѣверная и южная, почти совершенно параллельны.

Сѣверо-западная часть Иранскаго плоскогорія, направляясь въ Курдистанъ, Арменію и Малую Азію, сливается тамъ съ другими горными массами, господствующими надъ Чернымъ и Средиземнымъ морями. Такимъ образомъ почти черезъ весь азіатскій материкъ тянется одна сплошная цѣпь, цѣльная на западѣ и раздвоенная на востокѣ, отдѣляя сѣверный *скатъ отъ южнаго и оставляя* лишь нѣсколько горныхъ проходовъ, послужившихъ воротами, черезъ которыя пролегли историческія дороги. Въ самой срединѣ восточной Азіи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сплошная цѣпь раздваивается, Куэнъ-Лунь образуетъ продолженіе цѣпи Гиндукушъ и другихъ горъ западной Азіи; это самый высокій на землѣ хребетъ, если не по своимъ вершинамъ, то по своей массѣ, и тянется съ запада на востокъ, вѣроятно, на протяженіи 42-хъ градусовъ, т. е. на 3.557 верстъ [1]); хребетъ этотъ составляетъ половину всей континентальной оси, болѣе правильную, чѣмъ та, которая идетъ по направленію къ Европѣ. Всю эту цѣпь, тянущуюся отъ восточной части Куэнъ-Луня до Тавра, въ Анатоліи, можно бы назвать «Діаграфмой», хотя греки и употребляли это названіе только для горъ сѣвернаго Ирана. Европа также имѣетъ свою діафрагму, или преграду, образуемую Пиренеями, Севеннами, Альпами, Схаромъ (Skhar) и Балканами, которая продолжается почти до самыхъ кряжей западной Азіи; но въ этой европейской «Діафрагмѣ», гдѣ собственно говоря, мало настоящихъ плоскогорій, есть множество широкихъ ущелій, удобныхъ проходовъ и даже полныхъ перерывовъ цѣпи, что̀ такъ облегчаетъ переселеніе съ одного склона на другой.

Цѣпи горъ, ограничивающихъ плоскія возвышенности Азіи, или поднимающихся среди нихъ, замѣчательны своей правильностью направленій, а хребты нѣкоторыхъ горныхъ группъ совершенно параллельны между собою. Гималай, въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимается «Лучезарная Гора», или Гауризанкаръ,—кульминаціонная точка земнаго шара,—поворачиваетъ на сѣверъ отъ Индустана въ формѣ кривой, образуя совершенно правильную дугу круга, центръ котораго находится въ Средней Азіи, и именно въ степи Гоби. Вся Гималайская система, а равно холмы Терай въ Индустанѣ, Дапзангъ, Каракорумъ и всѣ прочія цѣпи южнаго Тибета слѣдуютъ, на сѣверъ и югъ отъ главнаго хребта, по параллельной ему кривой. Куэнъ-Лунь, этотъ позвоночный столбъ континента, а вмѣстѣ съ нимъ и множество второстепенныхъ хребтовъ, входящихъ въ составъ его, тянутся по тому же самому направленію. Очевидная параллельность горныхъ цѣпей встрѣчается въ большей части горныхъ системъ Сибири, Китая, Индустана, Индокитая, Ирана и Передней Азіи. Вообще же, если не брать въ разсчетъ безчисленныя мелкія искривленія цѣпей, можно сказать, что горы Азіи имѣютъ два главныхъ направленія: съ востока-юго-востока на западъ-сѣверо-западъ, каковы Алтай, Тарбагатай, западный Гималай, горы Ирана и Кавказа,—и съ востока на западъ, вѣрнѣе: съ востока-сѣверо-востока на западъ-юго-западъ, каковы большая часть сибирскихъ

[1]) F. von Richthofen, „China", I.

горъ, Тянь-Шань и хребты, отроги которыхъ теряются въ плоскогоріяхъ Памира. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпи, имѣющія различныя направленія и представляющія собой кривую, выпуклая сторона которой всегда обращена къ югу [1]), пересѣкаясь между собою, образуютъ кое-гдѣ спутанные узлы, нарушающіе общую правильность горной системы. Точно также и хребты, служащіе продолженіемъ Гималая и Дапзанга, направляясь къ востоку отъ Памира, встрѣчаются съ кряжами, расположенными правильными параллельными рядами къ Тянь-Шаню и Алтаю; можетъ быть скрещиванія ихъ образовали тѣ высоты у Кизылъ-Ярта и Тагармы, которыя вздымаются на восточной окраинѣ Памира. У китайцевъ они еще въ глубокой древности были извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ Цунгъ-Линга или «Луковыхъ горъ», по той, вѣроятно, причинѣ, что на ихъ склонахъ растетъ дикій чеснокъ, усиливающій собою опасность переходовъ, дѣлая уступы скользкими. Этой группой заканчивается тотъ воображаемый хребетъ Болоръ, которому Гумбольдтъ приписывалъ первостепенную роль въ орографическомъ строеніи Азіи [2]). Если разсматривать строеніе континента, пренебрегая частностями, и придерживаться только рѣзкихъ очертаній, то можно замѣтить, что Китайская Имперія защищена со всѣхъ сторонъ цѣпями горъ и плоскогорій, направленіе которыхъ согласуется съ горными хребтами, стоящими отдѣльно, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ въ общемъ, при посредствѣ Памира, острый уголъ, обращенный къ западу и касающійся Гиндукушемъ западныхъ плоскогорій.

Азія, какъ и Европа, раскинута болѣе по направленію съ запада на востокъ—географическій фактъ, оказывавшій очень сильное вліяніе на развитіе человѣчества. Въ то время, какъ Европа и Азія вмѣстѣ занимаютъ въ западно-восточномъ направленіи болѣе половины земной окружности и всего только четверть той же окружности по направленію съ сѣвера на югъ, Новый Свѣтъ, сжатый между океанами Атлантическимъ и Великимъ, тянется въ направленіи, обратномъ съ Азіей: отъ арктическаго полюса почти къ антарктическому, т. е. на протяженіи болѣе чѣмъ одной трети всей окружности нашей планеты. Вслѣдствіе полнаго контраста въ общемъ расположеніи двухъ континентальныхъ группъ, флора, фауна и народы представляютъ подобный же контрастъ. Въ Азіи виды легко могутъ распространяться въ западно-восточномъ направленіи, переходя съ одного края континента на другой, слѣдуя по градусу той же широты или же только слегка уклоняясь въ сторону, чтобы пользоваться горными проходами тамъ, гдѣ плоскогорія мѣшаютъ ихъ движенію. Отъ равнинъ Оксуса и до западнаго прибрежья Средиземнаго моря, а также вплоть до Атлантическаго океана, народы могли перемѣщаться на всемъ этомъ протяженіи, не встрѣчая надобности приспособляться къ иному климату и почти не замѣчая въ немъ рѣзкихъ перемѣнъ. Отсюда, начало общей цивилизаціи и взаимно евліяніе, распространяемыя на громадномъ пространствѣ Протяженіе континента по направленію хода солнца содѣйствовало заранѣе смѣшенію всѣхъ расъ Европы и Азіи черезъ скрещиваніе, и слѣдовательно установленію, мало-по-малу, нѣкотораго единства въ обѣихъ частяхъ Стараго Свѣта, тогда какъ Америка оставалась преимущественно страною разнообразій. Переселяясь съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, народы, а равно животныя и растенія, могли двигаться только по очень ограниченному пространству; къ препятствіямъ, происходящимъ во многихъ мѣстностяхъ отъ рѣзкихъ переходовъ равнинъ къ плоскогоріямъ, здѣсь еще присоединяется разница въ широтахъ. Мѣстныя цивилизаціи развивались въ благопріятныхъ тому мѣстностяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла большаго вліянія на другую; почти повсюду племена оставались безъ взаимной связи, враждовали между собою, или же совсѣмъ не имѣли понятія другъ о другѣ. Какимъ образомъ, напримѣръ, эскимосы могли соединиться въ одну общую культуру съ краснокожими, а эти послѣдніе—съ мексиканцами, гватемальцами, съ племенами муиски, квичуа, аймари, гварани и патагонцами? [1]). Только черезъ посредничество Европы народы Сѣверной и Южной Америки могли получить толчекъ, вдвинувшій ихъ въ общечеловѣческую колею. Благодаря положенію обѣихъ половинъ Америки въ различныхъ полушаріяхъ, европейцы различныхъ климатовъ, португальцы, испанцы, итальянцы, французы, шотландцы и шведы, оставляя Старый Свѣтъ, могли направляться на сѣверъ или на югъ, по ту или по другую сторону экватора, въ страны, климатъ которыхъ сходенъ съ климатомъ ихъ родины и въ различныхъ поясахъ основывать «Новую Францію», «Новую Испанію», «Новую Шотландію», «Новую Англію» и проч. Если бы люди не могли перекочевывать изъ Азіи въ Европу по направленіямъ, параллельнымъ экватору, или только слабо отклоняясь отъ этого направленія, то они никогда бы не создали того прогресса, который далъ имъ возможность переходить съ сѣвера на югъ и приспособляться къ берегамъ Новаго Свѣта, расположеннымъ въ направленіи, обратномъ первобытному движенію народовъ.

---

[1]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.
[2]) „Asie centrale"; — „Fragments asiatiques".

[1]) Carl Ritter, „Asien".

II.

Азія вообще недостаточно изслѣдована, и большую часть мѣстностей, нанесенныхъ уже на наши карты, путешественникамъ приходилось посѣщать лишь украдкой; но она еще менѣе извѣстна въ глубинѣ своихъ нѣдръ. Передняя Азія, Сибирь и нѣкоторыя изъ горныхъ группъ, отдѣляющихъ ее отъ центральной Азіи, а также Индустанъ, Трансгангетія и Китай—мѣстности, развѣданныя и изученныя геологами по формаціямъ, расположеннымъ, впрочемъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и европейскія. Кристаллическія породы, древніе сланцы и палезоическіе пласты входятъ, главнымъ образомъ, въ строеніе сибирскихъ горъ. Вѣроятно также, что Куэнъ-Лунь и Каракорумъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ образованіямъ континента, между тѣмъ, какъ Гималай, гдѣ новѣйшія напластованія покоятся на кристаллическихъ массахъ, происхожденія болѣе поздняго: онъ приподнялся уже во время вторичнаго и третичнаго періодовъ [1]). Можно судить о силѣ колебаній, происходившихъ въ этой части земнаго шара, по тому факту, что эоценовые слои были подняты, около Лега, на высоту 15.000 футовъ.

Мѣстности, гдѣ расплавленныя породы, выходя изъ нѣдръ земли, разливались на ея поверхности, занимаютъ въ Азіи очень значительную часть континента. Возвышенности вулканическаго характера поднимаются въ Сіамѣ и Пегу; а половина полуострова Индустана покрыта вулканическими породами. Грязевые, а также и горячіе источники клокочатъ на вершинахъ глинистыхъ конусовъ, у прибрежья Мекранъ и въ окрестностяхъ Гилменда; угасшіе вулканы поднимаются въ юго-западномъ углу Аравіи и у Бабель-Мандебскаго пролива, равно какъ и на африканскомъ берегу, въ Эфіопіи; Геджасъ и Синайскій полуостровъ имѣютъ также свои древніе потоки лавы, а Сирія, въ Джебель-Гауранѣ, хранитъ еще остатки «ада»; въ Малой Азіи виднѣются еще свои «опаленныя» Каппадокія, «Флеграйскія поля», подобныя итальянскимъ, и огнедышащія горы Гассандагъ и Арге; въ Арменіи Араратъ, Алагёзъ и Абулъ величественно поднимаются надъ другими вершинами; гигантъ Кавказа, Эльбрусъ, есть также древній вулканъ, а по обоимъ концамъ Кавказскаго хребта открываются до сихъ поръ еще кратеры, извергающіе грязь и нефть. Наконецъ, Демавендъ, поднимающійся гордо у южныхъ водъ Каспійскаго моря, есть также «огненная гора», еще неокончательно угасшая.

Сѣверные кряжи высотъ, которыя, подъ различными названіями, отдѣляютъ Туркестанъ и Сибирь отъ Китайской имперіи, должны быть разсматриваемы, какъ звенья той цѣпи, прерывающейся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которая, направляясь отъ южной оконечности Африки къ Новому Свѣту, образуетъ громадный полукругъ у океановъ Индѣйскаго и Тихаго [1]). Другой же полукругъ, какъ извѣстно, можетъ быть описанъ на континентахъ: это «огненный кругъ», намѣченный еще Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Начинаясь съ вулкановъ Новой Зеландіи, онъ моремъ приближается къ берегамъ Азіи, проходитъ черезъ острова Филиппинскіе, Японскіе, Курильскіе и направляется къ американскому берегу, именно къ Алеутскимъ островамъ, и затѣмъ, продолжая идти на юго-востокъ, заканчивается почти у Магеланова пролива. Въ азіатской части этой дуги и въ связанныхъ съ нею кривыхъ, еще дымящіеся вулканы, или дремлющіе, считаются сотнями; но изъ кратеровъ, находящихся на восточномъ берегу континента, производятъ изверженіе и понынѣ, лишь вулканы Камчатки, соединяющіе кривую Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ внутренней Азіи видны также скопленія остатковъ огненнаго происхожденія и слѣды потоковъ лавы изъ вулкановъ, угасшихъ во второй половинѣ третичнаго періода или, во всякомъ случаѣ, много столѣтій тому назадъ. Извѣстно, что Гумбольдтъ любилъ обозначать въ своихъ описаніяхъ [2]) древніе вулканы, отмѣченные въ китайскихъ хроникахъ: одинъ изъ этихъ вулкановъ, Пе-Шань, дѣйствовалъ еще не далѣе какъ въ VII столѣтіи нашей эры, и «наполнялъ воздухъ огнемъ, дымомъ и раскаленными каменьями». Существованіе этихъ кратеровъ было оспариваемо, и путешественники считали возможнымъ предполагать, что собственно горѣнія залежей каменнаго угля принимались прежде за вулканическія изверженія; но вопросъ о нихъ теперь уже разъясненъ окончательно [3]). На югъ отъ Урумчи, почти у восточнаго края Тянь-Шаня, Столичка встрѣтилъ вулканическую мѣстность, замѣчательную своими потоками базальта, вулканическими конусами и ихъ выщербленными кратерами. На западъ отъ Иркутска громаднѣйшіе потоки лавы наполнили долину одного изъ притоковъ Оби, и два кратера виднѣются надъ поверхностью этихъ потоковъ. Видны также еще другія жерла вулкановъ въ долинѣ Иркута и, кромѣ того потоки лавы, далѣе къ

[1]) *F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.*

[1]) Carl Ritter, „De la configuration des continents et des leurs fonctions dans l'histoire"; „Revue germanique", t. VIII.

[2]) „Asie centrale":—„Fragments asiatiques";—„Tableau de la Nature", etc.

[3]) Такъ называемые каменноугольные пожары были причиной тому, что Бай-Шань (Пе-Шань) и еще нѣкоторыя горы Средней Азіи принимались за дѣйствовавшіе вулканы; ошибочность этого взгляда доказана была лишь въ самое недавнее время изысканіями проф. Мушкетова. (См. его „Les volcans de l'Asie centrale", въ „Bull. de l'Acad. Imper. des sciences", Oct. 1876;—Докладъ (его же) въ „Русск. Геогр. Обществѣ", октябрь, 1881).

Прим. перев.

востоку, въ бассейнѣ Джиды, около Селенгинска, точно такъ же, какъ и на плоскогоріи Витимъ, близъ сѣверо-восточнаго угла Байкала. Лавы и базальты разливались также и въ горахъ, прилегающихъ къ Охотску. Слѣды недавнихъ изверженій въ Сибири видны почти на всѣхъ горахъ и террасахъ, граничащихъ съ сѣверо-запада съ Монгольскимъ плоскогорьемъ [1]).

Съ исчезновеніемъ морей соленой воды, наполнявшей прежде громадныя впадины въ центральной Азіи, прекратилась и дѣятельность вулкановъ. Во всякомъ случаѣ, существуетъ еще на югъ отъ Айгуна, въ восточной части континента, въ верстахъ 850 отъ моря, вулканическая область, гдѣ изверженія происходили въ 1721 и 1722 годахъ. Подробные отчеты о нихъ, сдѣланные китайскими учеными, на которые указалъ г. Васильевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно факта недавнихъ изверженій; строенія кратера, потоки лавы, выброшенные каменья, обломки и проч., наконецъ, цѣлыя облака пара, выдѣленіе сѣрнистаго газа изъ трещинъ, доказываютъ, что изверженіе происходило въ такомъ же видѣ, какъ и въ обыкновенныхъ приморскихъ вулканахъ. Даже самое названіе огнедышащей горы: Уйюнъ-Холдонги, т. е. «Десятихолміе», указываетъ, кажется, на то, что почва разверзалась не разъ и выбрасывала конусы изъ обломковъ [2]). Озера и степныя болота, еще недостаточно высохшія на плоскогоріяхъ, можетъ быть, отчасти объясняютъ образованіе этихъ вулканическихъ душниковъ.

Колебанія уровня почвы, давшія теперешнюю форму континенту Азіи, продолжаются и по сю пору, и настолько быстро, что на большей части морскаго побережья наблюдатели не успѣли даже констатировать ихъ съ тѣхъ поръ, какъ приложены научные методы къ изученію явленій природы. Нѣтъ, напримѣръ, сомнѣнія, что сѣверные берега Сибири поднимаются мало-по-малу надъ уровнемъ океана, такъ какъ острова, удаленные отъ берега еще въ половинѣ предыдущаго столѣтія, совершенно соединились съ материкомъ и при томъ не песчаными отмелями, но горной породой, образующей дно [3]). Подобнаго же рода явленія были замѣчены на западѣ Азіи у береговъ морей Чернаго и Эгейскаго: здѣсь также континентъ не перестаетъ подниматься изъ воды со времени населенія этихъ странъ цивилизованными народами. Побережье Аравіи, омываемое Краснымъ моремъ, тоже поднялось, чему служатъ доказательствомъ появившіеся изъ-подъ воды коралловые рифы. Извѣстны также слѣды происходящаго и въ настоящее время подъема на берегахъ Мекрана и Малабара, на Цейлонѣ, въ англійской Бирманіи, въ Восточномъ Китаѣ, у устьевъ Амура и въ Камчаткѣ.

Нѣсколько труднѣе замѣтить пониженіе береговъ, и потому до сего времени имѣются достовѣрныя данныя только относительно немногихъ точекъ азіатскаго побережья. Часть береговъ Сиріи, Большой Ринъ между устьями Инда и полуостровомъ Кучъ, берега Фокіана, Тонкина и Кохинхины понижаются въ текущій періодъ времени. А также и части, лежащія внѣ материка—архипелаги Лакедивскій и Маладивскій — указываютъ на пониженіе ихъ уровня: атоллы, т. е. кольцеобразные рифы, медленно погружаются съ своими коралловыми діадемами, хотя полипы и поднимаютъ ихъ съ года на годъ, поддерживая надъ поверхностью волнъ. Но полипы были не въ силахъ такъ быстро возводить своихъ надстроекъ, напримѣръ на рифахъ Шагоса, и этотъ островъ совсѣмъ исчезъ подъ водою.

III.

Могучій рельефъ азіатскихъ плоскогорій, заходящихъ своими вершинами въ тѣ предѣлы атмосферы, гдѣ воздухъ вдвое разрѣженнѣе, нежели въ равнинахъ, чрезвычайно измѣняетъ нормальный климатъ континента. Уже вслѣдствіе того, что Азія, взятая въ цѣломъ, гораздо больше Европы и протяженіемъ и массивностью формъ, она менѣе подвержена вліянію моря и должна получать сравнительно гораздо меньше влажности, нежели нашъ маленькій материкъ, полуострова котораго развѣтвляются между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Центральная же часть Азіи, почти вполнѣ окруженная горами, задерживающими вѣтры, приносящіе дожди и снѣга, орошается еще бѣднѣе, чѣмъ остальная часть континента. Однако склоны плоскихъ возвышенностей, лежащихъ у самаго берега, а также и горные кряжи, задерживаютъ не всю влагу, приносимую вѣтрами: горные потоки и рѣки текутъ по склонамъ горъ, обращенныхъ къ внутренней части Азіи. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ, проходя черезъ цѣлый рядъ поперечныхъ долинъ, пробиваютъ себѣ дорогу къ океану, но большая часть ихъ не могутъ выносить долгаго пути: будучи слишкомъ маловодными, онѣ или высыхаютъ, едва отойдя отъ своихъ истоковъ, или образуютъ водоемы нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ берутъ начало; или же наконецъ попадаютъ въ ту глубокую впадину, которая простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ, между системами Тянь-Шаня, Алтая и Куэнъ-Луня.

Прежде, когда еще воды, стекавшія во внутрь ограды, окружающей плоскогорія, были гораздо изобильнѣе, обширное море, почти такой же длины, какъ Средиземное, но уступавшее ему

[1]) Kropotkin, „Рукописныя замѣтки".
[2]) Васильевъ, „Извѣстія Русскаго Геогр. Общества", 1855; —Семеновъ, „Добавленіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера", т. I.
[3]) Middendorff, „Sibirische Reise".

въ ширинѣ, наполняло почти всю нижнюю часть этой громадной азіатской впадины. Это «Высохшее море», или Ганъ-Гай, какъ называютъ его китайцы, находилось, какъ можно предполагать, почти на 5.000 футовъ выше теперешняго уровня океана, а глубина его водъ достигала мѣстами 400 саженъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ изысканій, произведенныхъ новѣйшими путешественниками [1]). Ганъ-Гай,—древніе контуры котораго можно еще распознавать тамъ и сямъ, занималъ, между Тибетомъ и хребтомъ Тянь-Шань, весь теперешній бассейнъ Тарима; между Тянь-Шанемъ и Алтаемъ онъ врѣзывался заливомъ, которому Рихтгофенъ далъ названіе «Джунгарскаго бассейна»; на западѣ онъ соединялся съ бассейномъ Шамо, гдѣ вѣтеръ теперь рябитъ лишь песокъ, проливомъ, усѣяннымъ островами, расположенными въ томъ же направленіи, какъ и Тянь-Шань. Теперь это днище «Высохшаго моря» раздѣлено небольшими порогами на вторичныя впадины, занятыя руслами рѣкъ, частью теперь уже совершенно высохшихъ, а также болотами и болѣе или менѣе вывѣтрившимися солончаками, послѣдними остатками того, что было нѣкогда средиземнымъ моремъ Азіи.

Общее безплодіе почвы, какъ въ этой впадинѣ, такъ и въ окрестныхъ плоскогоріяхъ, недостатокъ влажности въ воздухѣ, рѣзкіе переходы отъ жары къ холоду—все это дѣлаетъ внутреннія области замѣчательно похожими одна на другую, несмотря на ихъ различное географическое положеніе и на разницу къ широтахъ. Волнистыя степи краснозема, тянущіяся въ области Алтая и придающія иногда всему пейзажу видъ огромной жаровни [2]), глинистыя плоскогорія съ ихъ мрачнымъ, сѣрымъ колоритомъ, похожія на море густой грязи, мѣстности съ менѣе печальными видами, попадающіяся тамъ и сямъ, пустыни, съ ихъ песчаными буграми, похожими скорѣй на гигантскія волны, гонимыя вѣтромъ, наконецъ, равнины, усѣянныя булыжникомъ и обломками кварца, кремней, яшмы, карнеоля, аметиста, мелкая масса которыхъ обращена уже въ пыль и развѣяна вѣтромъ,—все это въ своей совокупности представляетъ крайне однообразное цѣлое, но оно тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ проще очертаніе линій. По этимъ громаднымъ плоскогоріямъ, съ ихъ безконечными пространствами потянутаго рябью песку, простирающимися отъ одного горизонта до другаго, словно по волнующемуся морю въ періодъ пассатныхъ вѣтровъ, караваны бредутъ по нѣсколько дней, иногда и недѣль, встрѣчая вездѣ на пути крайне бѣдную картинами природу, съ ея неизмѣннымъ видомъ уныніе и величія. Точно также, спускаясь съ плоскогорій въ низменности закрытаго бассейна, нельзя замѣтить никакой перемѣны: степи плоскогорій, раскинувшихся на высотѣ 4½ верстъ надъ уровнемъ океана, и равнина, замѣстившая собою «Высохшее море», пустынныя земли Тибета и сѣверной части Гоби, отдѣленныя другъ отъ друга пространствомъ въ 18 градусовъ широты, представляютъ тотъ же характеръ и то же однообразіе; кое-гдѣ лишь встрѣчаются оазисы съ прѣсной водой, составляющіе контрастъ своей роскошной растительностью съ окружающими ихъ скалистыми горами и степями плоскихъ возвышенностей. Виды мѣстныхъ растеній очень многочисленны, какъ въ низинахъ, такъ и на высотахъ: вблизи текучихъ водъ не встрѣчается иныхъ деревьевъ, кромѣ ивъ и тополей. Пастухи, кочующіе со своими стадами съ равнинъ на пастбища плоскогорій, взбираясь иногда на вышину 13—19.000 футовъ, не замѣчаютъ тамъ почти никакой перемѣны природы, несмотря на то, что подъемъ на горныя поляны очень великъ. Какая разница съ Европой,—гдѣ такъ силенъ контрастъ между роскошными равнинами Ломбардіи и утесами Альпъ!

Названіе «Центральная Азія» дано неудачно русскими той части континента, которая соприкасается съ Европой, и которая принадлежитъ къ той же самой арало-каспійской впадинѣ, какъ и половина Россіи, орошаемая Волгой и ея притоками. По мнѣнію Рихтгофена, это названіе слѣдуетъ удержать спеціально за Ганъ-Гаемъ и всею тою частью Тибетской возвышенности, воды которой испаряются, не имѣя стоковъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта часть континента отличается отъ всѣхъ другихъ окраинъ Азіи той очень важной особенностью, что продукты, происшедшіе отъ разрушенія плоскогорій и горъ дѣйствіемъ атмосферныхъ вліяній, оставались въ самомъ-же бассейнѣ, между тѣмъ какъ за ея рубежемъ горные обломки постепенно уносились въ море: тамъ главное направленіе—центростремительное, тогда какъ здѣсь, т. е. внѣ предѣловъ внутренняго бассейна, оно есть центробѣжное. Но на раздѣльномъ хребтѣ, одинъ склонъ котораго обращенъ къ Китаю, а другой къ Каспійскому морю, т. е. къ плоскогорью Памиръ, имѣются также свои замкнутыя котловины, воды которыхъ не стекаютъ въ низменности. Афганистанъ и Иранское плоскогоріе равнымъ образомъ имѣютъ свои отдѣльные бассейны, свои озера и болота, лишенныя стоковъ. Въ западной части континента, въ Малой Азіи, также находятся скопленія воды—соленыя озера, не имѣющія сообщенія съ моремъ, несмотря на относительное изобиліе выпадаемой влаги въ этой части Азіи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ морями. Наконецъ, вдали отъ горъ и плоскихъ возвышенностей, равнины Сиріи, Аравіи и Индіи представляютъ собою обширныя пространства, воды которыхъ

---

[1]) *F. von Richthofen*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Kostenko*, „Путешествіе въ Памиръ“

не стекаютъ въ моря. Вся арало-каспійская впадина, отдѣленная отъ Чернаго моря лишь небольшою выпуклостью, въ 100 футовъ высоты, есть замкнутый бассейнъ или, вѣрнѣе, собраніе различныхъ между собою бассейновъ, въ родѣ «Высохшаго моря», съ которымъ она, повидимому, когда-то соединялась посредствомъ проливовъ Джунгаріи, и величественными воротами которыхъ были «Геркулесовы столбы»— вершины Тянь-Шаня, Тарбагатая и Атлая [1]). Въ геологическую эпоху, предшествовавшую современной, Каспійское море, Аральское, Балкашъ и множество другихъ озеръ меньшихъ размѣровъ, постепенно отдѣлились одни отъ другихъ, такъ же, какъ различныя озера и топи Ганъ-Гая; но обѣ эти впадины—одна на западѣ, а другая въ центрѣ Азіи, сильно различаются между собою: первая гладью своихъ равнинъ, вторая—могучимъ рельефомъ окружающихъ ее горъ.

Если взять вмѣстѣ тѣ области Азіи, которыя не получаютъ настолько достаточнаго количества воды, чтобы она, поднявшись выше преградъ, окружающихъ впадины, могла достигнуть моря, то получилась бы поверхность, равная почти Европѣ, т. е. около девяти милліоновъ квад. верстъ. Эти мѣстности, слишкомъ бѣдныя влагою, продолжаютъ собою, проходя чрезъ Аравійскій полуостровъ, полосу тѣхъ пустынь или областей, недостаточно орошаемыхъ, которыя тянутся во всю ширину африканскаго материка, между берегомъ Средиземнаго моря и Суданомъ. Такимъ образомъ черезъ весь Старый Свѣтъ пролегаетъ вкось безводная полоса, касающаяся Европы лишь у ея юго-восточной части, занимающая почти половину Азіи и такую же часть Африки. Историческими данными доказано, что въ теченіе послѣднихъ 4.000 лѣтъ, большая часть Азіи была подвержена высыханію. Въ отдаленную отъ насъ эпоху, область, въ которой теперь находятся болота Лобъ, была занята обширнымъ внутреннимъ моремъ Ли-Гай или «Западнымъ моремъ», составлявшимъ значительную часть Ганъ-Гая. Но постоянное высыханіе этой мѣстности не позволяло долѣе удерживать за бассейномъ Тарима названіе «Западное море», и оно было перенесено на Каспій. При посредствѣ ирригаціи удалось создать еще кое-гдѣ маленькіе оазисы, но, вообще, безъ толку пропадающія земли тянутся на громадныхъ пространствахъ. Цѣлыя государства исчезли, множество городовъ засыпано пескомъ, а нѣкоторыя мѣстности, прежде удобныя для путешествій, теперь болѣе не могутъ быть посѣщаемы, по причинѣ полнѣйшаго отсутствія воды и растительности. Территоріи, бывшія населенными еще въ то время, когда путешествовалъ по нимъ Марко Поло, на югъ отъ Лобъ-Нора, теперь совсѣмъ недоступны [1]). Точно также и внѣ большихъ азіатскихъ бассейновъ, на горахъ и плоскогоріяхъ южной Сибири и Монголіи, явленіе постепеннаго высыханія еще очевиднѣе, особенно въ западныхъ частяхъ. На востокъ отъ Байкала, прежняя масса воды, занимавшей углубленія плоскихъ возвышенностей и террасъ, раздробилась на безчисленное множество озеръ, болотъ и прудовъ, образующихъ легко мѣняющійся лабиринтъ. Отъ Байкала и до Амура и отъ Аргуни до Хингана, мѣстность усѣяна болотами, относящимися къ эпохѣ, когда эта страна имѣла тотъ же видъ, который представляетъ теперь Финляндія [2]).

На востокъ отъ замкнутаго бассейна западнаго Китая, ручьи и рѣки размыли громадные овраги, обнаруживъ геологическую природу древнихъ степей. На нѣкоторомъ пространствѣ, превосходящемъ величиною Францію, территорія сѣвернаго Китая покрыта желтоземомъ, слой котораго достигаетъ мѣстами 1.600—2.000 фут. толщины. Въ провинціи Шенъ-Зи воздухъ почти всегда наполненъ этой желтой пылью; мельчайшія пылинки поднимаются вихремъ и покрываютъ дороги, деревья, дома, нивы, путешественниковъ; желтый цвѣтъ считается священнымъ: цвѣтъ плодороднаго желтозема—это цвѣтъ цивилизаціи, созданной здѣсь плугомъ земледѣльца [3]). Страна «Желтой земли», или Гоангъ-Ту, дала свое названіе рѣкѣ Гоанго, которая, протекая по ней, несетъ свои осадки въ Гоангъ-Гай или Желтое море. Эта почва, размывки которой, уносимыя рѣками, засариваютъ бухты и заливы китайскаго побережья, есть почти то же самое, что у нѣмецкихъ геологовъ извѣстно подъ именемъ лёса (залегающаго въ долинахъ Рейна и Дуная), и которому приписывается аллювіальное или ледниковое происхожденіе. Желтоземъ очевидно не произошелъ путемъ напластованій водныхъ осадковъ, такъ какъ въ немъ отнюдь не видно слоистости; онъ не содержитъ въ себѣ рѣчныхъ раковинъ, а исключительно лишь остатки земноводныхъ моллюсковъ. Во всей своей толщинѣ желтоземъ пронизанъ вертикальными ходами, съ различными развѣтвленіями, оставленными, очевидно, корешками многочисленныхъ растеній, поверхъ которыхъ постепенно накоплялась наносная пыль; каждый изъ этихъ маленькихъ вертикальныхъ ходовъ окруженъ трубочками изъ углекислой извести, защищающими эти ходы отъ разрушенія. Вода проливныхъ дождей, падая на этотъ грунтъ, впитывается пористой почвой; но въ мѣстахъ, гдѣ дороги утоптаны ѣздой, связь между частичками глины настолько плотнѣетъ, что вода долгое время застаивается въ грязныхъ лужахъ на поверх-

[1]) F. von Richthofen, *цитированное сочиненіе.*

[1]) Johnson, „Journey to Jlchi, Journal of the R. Geogr. Soc". 1867.—F. von Richthofen, „China".

[2]) Kropotkin, „Рукописныя замѣтки".

[3]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.

ности земли. По Рихтгофену, теорія котораго основана на долгихъ наблюденіяхъ и подкрѣплена сильными доводами, тотъ желтоземъ, которымъ покрыта немалая часть Китая [1]), есть не что иное, какъ глина, нанесенная изъ степей когда-то вѣтрами въ эти закрытые бассейны плоскогорій.

Эта громадная масса пыли образовалась черезъ разрыхленіе горныхъ обломковъ атмосферными дѣятелями и размываніе ихъ силою просачивающейся воды. Въ толщѣ Гоангъ-Ту промыты шахты, тамъ и сямъ открываются подземныя галлереи, глинистые своды которыхъ постоянно рушатся. Вода также образуетъ овраги съ ихъ отвѣсными стѣнами, развѣтвляющіеся до безконечности. Во многихъ мѣстахъ плоскогоріе, на которомъ находишься, кажется совершенно ровнымъ, горизонтальнымъ, а между тѣмъ оно разбито на множество отдѣльныхъ площадокъ, соединенныхъ лишь узенькими перемычками, что ставитъ въ совершенную невозможность оріентироваться и даже въ положеніе, ведущее, при отсутствіи проводника, къ неминуемой гибели. Разрушеніе породъ всего болѣе происходитъ постоянно въ западной сторонѣ, въ горныхъ породахъ Монгольской плоской возвышенности, гдѣ однообразныя мѣстности отдѣляются другъ отъ друга мысами и бастіонами, которые, удаляясь, все постепенно понижаются: въ нѣкоторыхъ долинахъ рѣкъ торчатъ лишь ихъ отроги въ видѣ стѣнъ, укрѣпленій, замковъ съ башнями или отдѣльныхъ башенекъ. Не одна изъ этихъ глыбъ была обращаема въ цитадель, съ готовыми ходами, расположенными этажами и съ скрытыми гротами, въ которыхъ можно было укрываться и защищаться. Но за то какія сильныя перемѣны произошли въ той части страны, которая когда-то была также голой пустыней, а теперь, ставъ мѣстностью хорошо орошенною, даетъ изобильные урожаи: Гоангъ-Ту есть по преимуществу страна земледѣльческая, и ея поля, съ зеленью, рисующейся на желтомъ фонѣ, обновляютъ каждый годъ свою производительную силу, не нуждаясь въ удобреніи—желтоземъ самъ служитъ удобреніемъ для пограничныхъ съ нимъ полей. Было время, когда большой рѣки Гоанго не существовало, ея бассейнъ образовался мало-по-малу размываніемъ въ краяхъ тѣхъ ложбинъ, что вели къ плоскогорію, впадина котораго заключала въ себѣ Ганъ-Гай. То же самое можно сказать и о притокахъ верхней Зунгари, прорѣзавшихъ, далѣе къ востоку, часть плоской возвышенности Кингама и смывшихъ обломки [1]). Происходитъ ли то же самое на югъ отъ Китая съ рѣками Тибетской возвышенности и состоитъ ли почва этой страны также изъ желтозема, еще ни одинъ путешественникъ не могъ подтвердить этого; но есть нѣкоторыя достовѣрныя указанія на то, что эта догадка вѣрна и что геологическія явленія въ этой странѣ вполнѣ схожи съ тѣми, которыя существуютъ въ верхнемъ бассейнѣ Гоанго. Можно думать, что вообще всѣ географическіе пояса восточной Азіи передвинулись къ западу: овраги «Желтой земли» все далѣе врѣзываются въ плоскогорія; источники Гоанго и ея притоковъ отодвигаются дальше и дальше въ глубь континента; самый берегъ моря былъ когда-то ближе къ востоку: такъ Японія и Курильскіе острова являются, вѣроятно, остатками того, что было нѣкогда берегомъ Азіи [2]). Понятно, что это пониженіе берега принадлежитъ къ довольно отдаленной геологической эпохѣ.

На сѣверномъ склонѣ азіатскаго материка воды направляютъ свое теченіе къ океану въ видѣ трехъ большихъ рѣкъ Оби, Енисея и Лены; но онѣ свободно несутъ свои волны только извѣстную часть года. Въ этихъ холодныхъ областяхъ, гдѣ владычествуютъ полярные сѣверо-восточные вѣтры, подъ широтой, граничащей съ ледовитымъ океаномъ, рѣки не имѣютъ судоходнаго значенія, такъ какъ плаваніе по нимъ можетъ продолжаться всего три-четыре мѣсяца въ году. Кромѣ того, громадныя долины этихъ рѣкъ, текущихъ въ тундрахъ, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни деревень, гдѣ вообще нѣтъ культуры, дѣлаютъ самое плаваніе крайне затруднительнымъ и долгимъ. Путешествія изъ Европы къ устьямъ этихъ большихъ сибирскихъ рѣкъ начались не ранѣе 1600 г., въ царствованіе Бориса Годунова; но нѣсколько лѣтъ спустя, одного запрещенія со стороны русскаго правительства было достаточно, чтобы остановить всю торговлю съ сибирскимъ берегомъ [3]), и только въ 1869 году, благодаря норвежцамъ Карлсену и Іогансену, суда снова направились къ Оби и Енисею. Что касается до Лены, то по ней въ первый разъ, въ 1878 г., поднялось судно, на которомъ совершилъ свою кампанію Норденшильдъ. Торговыя сношенія съ этихъ поръ были установлены между Европой и Азіей посредствомъ лимановъ сибирскихъ рѣкъ; но этотъ результатъ, какъ свидѣтельство побѣды надъ враждебной стихіей, долго еще не будетъ имѣть важности съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ эти сѣверныя страны остаются безъ на-

[1]) Въ Туркестанскомъ краѣ сѣв.-западныя предгорія Тянь-Шаня покрыты громадными отложеніями леса, которыя, по ихъ обширному развитію и мощности, а также и агрономической роли, мало въ чемъ уступаютъ желтозему Китая. Кромѣ того, во многихъ другихъ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Туркестаномъ, встрѣчаются образованія этой иловатой и тонкой известково-песчанистой глины—образованія, справедливо называемыя нѣкоторыми геологами культурной формаціей. (См.: Романовскій „Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края"; — Middendorff, „Ferghana", и др.). Прим. пер.

[1]) Kropotkin, „Рукописныя замѣтки".

[2]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.

[3]) „Отечеств. Записки", 1877 г. №№ 10 и 11.

селенія и промышленности. Можно сказать, что хотя рѣки Сибири и впадаютъ въ открытое море, но это такъ же безполезно для населенія, какъ если бы онѣ текли въ закрытомъ

Гималайская горная цѣпь.

бассейнѣ: льды и мрачные, пустынные берега отдѣляютъ ихъ отъ остальнаго міра. Рѣка Амуръ вливается въ Охотское море на востокѣ континента и течетъ въ климатѣ болѣе благопріятномъ, нежели рѣки, направляющіяся къ Ледовитому океану; устье Амура остается открытымъ въ теченіе полугода и все-таки, до настоящаго времени, недостатокъ населенія въ этомъ рѣчномъ бассейнѣ дѣлаетъ его, какъ естественную дорогу материка, глухимъ захолустьемъ. Такимъ образомъ, добрая половина Азіи, съ ея впадинами, долинами рѣкъ, доступъ въ которыя затруднителенъ, лишена тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются

большая часть другихъ странъ, при помощи рѣкъ.

Отъ залива Печели до Персидскаго залива, какъ въ умѣренной полосѣ, такъ и на тропическихъ полуостровахъ, почва Азіи почти вездѣ отлично орошена, и нѣкоторыя изъ рѣкъ, протекающихъ по этимъ мѣстностямъ, не только считаются однѣми изъ самыхъ важныхъ на земномъ шарѣ по своей длинѣ и массѣ воды, но также и по той пользѣ, которую они приносятъ судоходству и ирригаціи.

Большія рѣки склона, обращеннаго къ Великому и Индійскому океанамъ, расположены группами, очень схожими между собою, какъ замѣтилъ давно еще Карлъ Риттеръ. Гоанго и Янцекіангъ, обѣ берутъ свои начала въ горныхъ массахъ, расположенныхъ одна подлѣ другой, и текутъ сперва въ противуположныя стороны, а потомъ, описавъ каждая громадный изгибъ, сближаются снова: часто уклоняясь то къ сѣверу, то къ югу отъ полуострова Шанъ-Тунга, Гоанго приближался къ устью сосѣдней рѣки, и еще не дальше какъ въ половинѣ настоящаго столѣтія онъ впадалъ въ море неподалеку отъ устья Янцекіанга. Главная рѣка Индокитая беретъ свои истоки съ тѣхъ же горъ: это могущественный Меконгъ, который, по вычисленіямъ Франсиса Гарнье, по своей массѣ воды, послѣ Амазонской, Конго и Лаплаты, есть самая значительная рѣка на земномъ шарѣ. Салуэнъ и Иравади также берутъ свои истоки въ той же части Китая, которая могла бы назваться «матерью водъ». Брамапутра, имя которой означаетъ «святость», и Гангъ, воды котораго считаются еще болѣе священными, обѣ берутъ свои начала другъ возлѣ друга въ Гималаѣ, но на противуположныхъ склонахъ, и соединяются потомъ общею дельтою, образованною ихъ наносами. Индъ и Сатледжъ, хотя и соединяютъ свои воды на довольно далекомъ разстояніи отъ ихъ общаго устья, но могутъ быть разсматриваемы, какъ парныя рѣки, сходныя съ Гангомъ-Брамапутрой, такъ какъ походятъ на нихъ въ своемъ верхнемъ теченіи. Отправляясь почти изъ одного общаго пункта, эти, самыя многоводныя въ Индіи, четыре рѣки, текутъ сначала по направленіямъ, настолько противуположнымъ одна къ другой, что ихъ крайнія точки мѣстами отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 2.200 верстъ, но потомъ снова соединяются по-парно, Гангъ съ Брамапутрой на востокѣ и Индъ съ Сатледжемъ на западѣ:—это четверо животныхъ индусской легенды: слонъ, олень, корова и тигръ, бѣгущіе съ вершины священной горы въ равнины Индустана. Двѣ рѣки, текущія въ Персидскій заливъ, также между собою близнецы, пользующіеся какъ библейской, такъ и исторической извѣстностью. Онѣ берутъ свои источники въ одной и той же части горъ, но вскорѣ удаляются другъ отъ друга, затѣмъ сближаются и продолжаютъ свой путь вмѣстѣ, сообщаясь естественными каналами; потомъ подходятъ къ общей дельтѣ, снова разъединяясь, какъ это было во времена Александра, или же соединяясь въ одну рѣку, носящую названіе Шатъ-эль-Араба, какъ это есть въ наше время. Наконецъ, внутренній бассейнъ Татаріи, Аральское море, имѣетъ Сыръ-Дарью и Аму-Дарью, точно также принадлежащія къ парной системѣ, т. е. обѣ рѣки текутъ въ одинаковомъ направленіи и когда-то, повидимому, даже соединялись общей дельтой, посредствомъ руслъ, теперь уже высохшихъ.

Такъ какъ дѣло самыхъ простыхъ географическихъ открытій на континентѣ Азіи далеко еще не окончено, то и гіетометрическія наблюденія, къ сожалѣнію, недостаточно полны; направленіе и сила вѣтра, количество выпадаемыхъ дождей были измѣрены только въ тѣхъ странахъ, куда проникла европейская наука; громадныя пространства, равныя по величинѣ почти Европѣ, до сихъ поръ для метеорологовъ—области, если не совсѣмъ неизвѣстныя, то все же еще очень мало развѣданныя. Невозможно даже приблизительно опредѣлить количество выпадающаго дождя въ различныхъ частяхъ Азіи; извѣстно только, что климатъ ея представляетъ полный контрастъ съ европейскимъ. Европа, материкъ почти островной формы, окруженъ со всѣхъ сторонъ водою, пользуется выпадающей влагой круглый годъ, а средняя разница между количествомъ влаги, выпадающей въ мѣсяцы наиболѣе сухіе и наиболѣе влажные, не превосходитъ болѣе какъ въ три раза. Между тѣмъ какъ громадная масса азіатскаго материка лежитъ подъ слоями атмосферы съ гораздо болѣе правильными воздушными теченіями, на востокъ отъ западной Сибири и Передней Азіи, которыя, собственно говоря, составляютъ промежуточную ступень между Европой и Азіей, теченіе вѣтровъ и выпаденіе дождей слѣдуютъ съ замѣчательной регулярностью, соотвѣтствуя временамъ года: на всемъ южномъ берегу материка и на восточномъ, въ самый сухой мѣсяцъ выпадаетъ въ 50—60 разъ меньше воды, чѣмъ въ мѣсяцы наиболѣе дождливые. Зимою слои холоднаго воздуха скопляются надъ восточной Сибирью и именно въ той части ея, гдѣ протекаетъ Лена съ притоками: здѣсь, колеблясь близъ Якутска, находится полюсъ холода; тогда небо ясно, воздухъ чистъ и временами въ этой странѣ снѣгъ выпадаетъ такъ рѣдко, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большую часть зимы его бываетъ недостаточно даже для саннаго пути. Холодный воздухъ, направляясь на востокъ и на югъ, приноситъ съ собою всегда прекрасную и сухую погоду. Лѣтомъ происходитъ явленіе обратное, какъ это видно на картѣ г. Воейкова, имѣющей, впрочемъ, значеніе не болѣе какъ подготовительной работы: та часть Сибири, гдѣ

барометръ указываетъ зимою наибольшее давленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ поверхность материка, надъ которой лѣтомъ виситъ наиболѣе легкій слой атмосферы; въ это время морской воздухъ, направляясь сюда одновременно съ океановъ Индійскаго и Великаго, чтобы заполнить собою разрѣженную атмосферу, приноситъ съ собою облака и дожди. По всему берегу, начиная отъ Краснаго моря и до Охотскаго, въ этотъ періодъ воздушнаго отлива къ восточной Сибири [1]) владычествуетъ муссонъ, приносящій дожди.

Очень вѣроятно, что обѣ Индіи, лежащія по ту и по сю сторону Ганга, вмѣстѣ съ островами Суматрой, Явой, Борнео и съ архипелагами, къ нимъ прилегающими, получаютъ болѣе половины всей той влаги, которая, въ видѣ облаковъ, разносится по всему азіатскому материку. Въ этихъ странахъ, островныхъ и полуостровныхъ, защищенныхъ съ сѣвера Гималаемъ и его восточными продолженіями и предоставленныхъ вполнѣ дѣйствію тропическихъ лучей, морской воздухъ приносится насыщенный парами, разражающимися ливнями при малѣйшемъ соприкосновеніи облаковъ со склонами холмовъ или горъ. Въ лѣтнее время вся южная часть азіятскаго континента, нагрѣвающаяся гораздо сильнѣе, чѣмъ море, привлекаетъ къ себѣ, какъ къ очагу, массу воздуха, висящаго надъ Индійскимъ океаномъ: образуется вѣтеръ, несущій дождь—южный муссонъ. Насыщенный влагой изъ громаднаго пароваго котла, называемаго Индійскимъ океаномъ, муссонъ проходитъ съ проливнымъ дождемъ по берегамъ Малабара, Трансгангетіи и затѣмъ разбивается о выступы Гималая и другихъ хребтовъ, окаймляющихъ съ юга китайскія плоскогорья. По дождевымъ облакамъ, которыя дробятся, зацѣпляясь за откосы нижнихъ вершинъ, отчетливо видно, что морской вѣтеръ не поднимается выше 5.000—6.000 футъ и часто, поднявшись на эту высоту, онъ встрѣчается съ другими воздушными теченіями. Въ низменностяхъ этотъ дождь падаетъ такими страшными ливнями, что производитъ цѣлый потопъ: жители умѣреннаго пояса не могутъ представить въ своемъ воображеніи ничего подобнаго. Годичное выпаденіе воды въ 20, 30 и 40 футовъ—не особенная рѣдкость въ нѣкоторыхъ частяхъ Индустана. Въ Шерра-Понджѣ, на горахъ Кассія, у которыхъ протекаетъ нижнимъ теченіемъ Брамапутра, въ годъ выпадаетъ до 50 футовъ воды: иногда тамъ бываютъ такіе проливни, что въ нѣсколько часовъ грунтъ покрывается слоемъ воды болѣе чѣмъ въ 20 и 28 дюймовъ; такова и долина Инда, гдѣ въ одинъ дождь выпадаетъ столько воды, сколько въ иной долинѣ Франціи, далеко не бѣдной дождями, за цѣлый годъ. Солнечный зной и обиліе воды даютъ тропической Индіи все необходимое для воспроизведенія самой роскошной растительности, какая только можетъ украшать землю.

IV.

Благодаря извилистымъ берегамъ и неправильностямъ рельефа, всѣ страны южной Азіи, за исключеніемъ безводныхъ Ирана и Аравіи, отличаются тѣмъ разнообразіемъ видовъ, котораго нѣтъ въ другихъ частяхъ континента. Правда, по очертаніямъ своихъ береговъ вся Передняя Азія, т. е. Анатолія, Арменія, Сирія, Аравія, долины Тигра и Ефрата, имѣетъ много общаго съ структурою Европы: она также окружена морями, глубоко врѣзывающимися внутрь материка и заранѣе указывающими пути къ торговлѣ и къ передвиженію народовъ; но на востокѣ множество плоскихъ возвышенностей и горныхъ массъ, заходящихъ своими вершинами за предѣлы умѣреннаго пояса, и въ особенности сухіе вѣтры, господствующіе въ этой части Стараго Свѣта и дующіе то съ африканскихъ пустынь, то изъ Центральной Азіи, лишаютъ необходимой влаги большую часть внутреннихъ странъ материка. Природа развертываетъ свои красивые пейзажи, украшенные безконечнымъ разнообразіемъ дикой или культурной растительности, только въ мѣстахъ низменныхъ, пользующихся естественнымъ орошеніемъ или ирригаціонными каналами. Рядомъ съ чудными лѣсами Мазандарана, воспѣтыми персидскимъ поэтомъ Фирдуси, какъ рай съ вѣчной весною, стоятъ голыя скалы плоскогорій, покрытыя рѣдкимъ кустарникомъ; холодные утесы Кавказа высоко поднимаются надъ моремъ зелени мингрельскихъ долинъ, прячущихъ въ волнистостяхъ хребта непроходимыя чащи деревьевъ, перепутанныхъ ліанами; сыпучіе пески Аравійской пустыни сразу прерываются у полей Вавилоніи, прославленныхъ Геродотомъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ за ихъ удивительное плодородіе [1]).

На востокъ отъ безплодной Аравіи расположены два большихъ полуострова Индіи и множество острововъ, которые, по богатству растительности, яркой окраскѣ цвѣтовъ и красотѣ животныхъ, вѣроятно самыя очаровательныя мѣста на землѣ: это волшебные острова арабскихъ сказокъ, гдѣ песокъ—рубины и сапфиры, гдѣ деревья разливаютъ въ воздухѣ ароматъ, возвращающій силу и здоровье, гдѣ птицы, разукрашенныя брилліантовыми перьями, ведутъ разговоры съ мудростью, недостающей многимъ людямъ. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ, разбросанныхъ среди голубаго моря, лежатъ, впрочемъ, на пути, посѣщаемомъ ура-

[1]) Voyeikov, „Die atmosphärische Circulation“, „Ergänzungsheft“, № 38; „Petermanns Mittheilungen“.

[1]) Carl Ritter, „Iran“; Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“.

ганами; кромѣ того они страдаютъ отъ землетрясеній и потоковъ клокочущей лавы, часто заливающей поля. Но морской воздухъ, насыщенный парами, наносится со всѣхъ сторонъ и скоро исправляетъ разрушенное, возстановляя великолѣпіе зелени и цвѣтовъ.

Сравнивая между собою континенты, шведъ Торбернъ Бергманъ, еще столѣтіе тому назадъ, замѣтилъ, что полуостровныя части материковъ почти всѣ обращены къ югу, таковы: Аравія, Индустанъ, Индокитай. Но гомологія не ограничивается отдѣльными частями материковъ; то же самое видно на всей сушѣ, взятой въ цѣломъ, оканчивающейся къ югу тремя массами правильной формы: Южной Америкой, Африкой и Австраліей, и кромѣ того, каждый изъ сѣверныхъ континентовъ, Европа, Азія и Сѣв. Америка, заканчиваются къ югу тремя полуостровами. Въ этомъ отношеніи, сходство гораздо полнѣе между Европой и Азіей, нежели между обоими континентами Стараго Свѣта съ Сѣв. Америкой, у которой полуострова Калифорніи и Флориды уже какъ бы атрофированы, а промежуточный полуостровъ былъ превращенъ въ перешеекъ поднятіемъ пороговъ центральной Америки. Нужно замѣтить также, относительно полуостроововъ Стараго Свѣта, что аналогичные изъ нихъ, по своимъ характернымъ очертаніямъ, расположились въ соотвѣтственномъ географическомъ порядкѣ. Такъ напр. Аравія, которая по своей формѣ почти четыреугольна, соотвѣтствуетъ Испаніи, у которой тотъ же замкнутый контуръ и та же незначительная извилистость береговой линіи. Индустанъ можно приравнять къ Италіи: онъ болѣе богатъ изгибами, нежели Аравійскій полуостровъ и, такъ же, какъ Италія, отдѣляетъ отъ себя съ южной стороны большой островъ. Наконецъ, полуостровъ Индукитай, какъ и Греція, омывается моремъ, на которомъ разсѣяно много островоовъ и островковъ. Архипелаги Азіи и Европы, какъ и соотвѣтствующій имъ архипелагъ Америки — Антильскій, имѣютъ каждый изъ нихъ свой вулканическій очагъ и свои потоки лавы. Но только на одномъ изъ этихъ трехъ архипелаговъ, на азіатскомъ, находится наибольшее число кратеровъ, производившихъ самыя сильныя изверженія; въ этой области, съ возникшими вновь землями, произошли на нашихъ глазахъ очень важныя геологическія перемѣны, и ее можно бы разсматривать въ цѣломъ какъ нѣчто вродѣ перешейка между Азіей и Австраліей; однако Уолесомъ указана очень точно граница между этими двумя частями свѣта, и ее не трудно опредѣлить, замѣчая разницу на растительныхъ и животныхъ видахъ, живущихъ по ту и по сю сторону демаркаціонной линіи [1]). Въ вулканической цѣпи южныхъ островоовъ Зондскаго Архипелага, Бали, напр., принадлежитъ къ азіатской группѣ, между тѣмъ какъ Ломбокъ, удаленный отъ него не болѣе какъ на 40 верстъ, относится уже къ группѣ австралійской.

По замѣчательной аналогіи, восточный берегъ Азіи, какъ и южный, имѣетъ три полуострова, обращенныхъ съ сѣвера на югъ: Камчатку, Корею и Сахалинъ. Послѣдній есть островъ только по виду, въ дѣйствительности же это полуостровъ, и своими подводными порогами, мѣшающими проходу большихъ кораблей, соединенъ съ сибирскимъ берегомъ [1]). Есть ли все это простое совпаденіе и не нужно ли видѣть скорѣй дѣйствіе закона въ такомъ расположеніи земель? Трудно сомнѣваться въ существованіи этого закона, но причину такого правильнаго расположенія суши нельзя будетъ объяснить раньше, чѣмъ узнаютъ внутреннее строеніе нашей планеты. Отъ состоянія внутренней массы должны зависѣть въ особенности внѣшнія формы той наружной коры, на которой развивается исторія народовъ.

Географическое сходство не менѣе поразительно, если отъ полуостроововъ Азіи перейти къ островамъ, расположеннымъ на ея юго-восточной сторонѣ. Такъ, напримѣръ, островъ Суматра есть, очевидно, полуостровъ Малакки, вдвое большій по величинѣ и соединенный, такъ же, какъ и Малакка, съ Индукитаемъ, но посредствомъ перешейка, отчасти уже опустившагося—Андаманскими и Никобарскими островами. Нѣсколько островоовъ, въ томъ числѣ Суматра, Ява и весь рядъ мелкихъ островковъ, служащихъ ихъ восточнымъ продолженіемъ, расположены правильнымъ рядомъ на расщелинахъ почвы, которыя связываютъ ихъ съ внутренней расплавленной массой. Но отличительною чертою островоовъ, раскинутыхъ правильными рядами на юго-западѣ Азіи и на ея восточныхъ моряхъ, служитъ форма ихъ береговъ, вытянутыхъ въ видѣ кривой линіи, составляющей часть окружности. Начиная съ сѣверо-западной оконечности Суматры и до самаго Флореса, берега островоовъ, обращенныхъ къ Индійскому океану, развернуты въ видѣ дуги правильнаго круга. То же самое можно сказать и относительно береговъ Борна, Паловена, Люсона и Формозы, окаймляющихъ съ востока Южно-Китайское море. Восточнымъ берегомъ Кореи начинается третья кривая, идущая къ островамъ Ліу-Кіу. Японскій архипелагъ вмѣстѣ съ Сахалиномъ образуетъ еще одну кривую, которая встрѣчается, у острова Іессо, съ пятой кривой, составленной Курильскими островами, направляющимися къ Камчаткѣ. Наконецъ далѣе, цѣпь Алеутскихъ островоовъ, примыкая однимъ концомъ къ Камчаткѣ, другимъ соединяясь на американскомъ берегу съ полуостро-

[1]) *„Malay Archipelago“.*

[1]) Oscar Peschel, „Geographische Homologien“, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

вомъ Аляской, расположилась въ видѣ ограды у Берингова пролива. Радіусы круговъ, образуемыхъ различными кривыми, мало разнятся между собою: средняя величина ихъ 1.700 — 1.900 верстъ. Но самое побережье материка, предъ которымъ развертываются правильныя дуги этихъ острововъ, можно разсматривать тоже какъ дуги: берегъ При-Амурской области, берега Китая между Китайскимъ моремъ и Тонкинскимъ заливомъ, затѣмъ берега Кохинхины до самаго устья Меконга, имѣютъ контуръ округленный, какъ-бы очерченный циркулемъ. Если бы уровень Тихаго океана поднялся на 1.500 — 2.000 футовъ, то приморская горная цѣпь русской Манчжуріи, Сикота-Алинъ, преобразовалась бы въ архипелагъ, подобный Японскому, а низменная долина рѣкъ Амура и Зунгари обратилась бы въ море, похожее по очертанію береговъ на цѣпь Курильскихъ острововъ. На западѣ, хребетъ Хинь-Гань имѣетъ форму кривой, параллельной ряду Курильскихъ острововъ; но онъ состоитъ изъ породъ болѣе древняго образованія.

V.

Очень вѣроятно, что въ Азіи живетъ около двухъ третей населенія всего земнаго шара; но эта масса размѣстилась далеко неравномѣрно на громадной территоріи этого континента. Обитатели его распредѣлились, сообразно условіямъ почвы и климата; можно сказать, что густота населенія прямо пропорціональна количеству выпадающихъ дождей: тамъ, гдѣ есть недостатокъ во влажности, а слѣдовательно и въ растительности, тамъ и населеніе рѣдко. Болѣе $^1/_{10}$ Азіи—песокъ, скалы, тундры — абсолютно области необитаемыя, а въ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстностей еще ни разу не проникалъ караванъ. На $^4/_5$ континента, число жителей, по разсчету на квадратную версту, не достигаетъ и двухъ десятковъ. На остальную часть, т. е. на $^1/_5$, приходятся Индія, нѣкоторыя части Индокитая, бассейны Янцекіанга и Гоанго, Японія, Люсонъ и Ява, гдѣ скучены народы Азіи, дающіе ея населенію громадный численный перевѣсъ надъ жителями всѣхъ другихъ странъ земнаго шара. Болѣе половины всего людскаго рода пріютились на югѣ и востокѣ Азіи, на поверхности, которая равняется не болѣе какъ $^1/_{16}$ всей суши. Эта скученность населенія—явленіе аналогичное тому, которое представляется въ Западной Европѣ, т. е. на совершенно противоположной окраинѣ Стараго Свѣта.

Изолированные другъ отъ друга плоскогоріями, высокими горами, безводными пустынями, народы Азіи должны были, весьма естественно, болѣе различаться между собою, нежели европейцы. Послѣдніе, къ какой бы націи ни принадлежали, какъ бы *ни была сильна* ихъ національная вражда и соперничество, всегда сознаютъ, что они и ихъ противники принадлежатъ къ одному человѣческому обществу, а переходы отъ однихъ племенъ къ другимъ, отъ иберійцевъ къ кельтамъ, отъ славянъ къ финнамъ, отъ турокъ къ албанцамъ и проч., съ помощью скрещиваній, сгладились уже во многихъ мѣстностяхъ и помѣси стерли рѣзкость контрастовъ, существовавшихъ въ прежнее время между различными расами. Между тѣмъ скрещиваніе племенъ въ Азіи далеко не такъ полно, чтобы сближать расы. На сѣверѣ, конечно, этнологическія переходныя ступени очень многочисленны, напр. между турками и монголами, русскими и финнами; на западѣ семиты и иранцы основали также національности и народности, въ которыхъ очень трудно отыскать ихъ первоначальные элементы. Безъ сомнѣнія, въ Азіи уже не существуетъ вполнѣ чистокровныхъ расъ и нигдѣ, кромѣ, можетъ быть, Андаманскихъ острововъ, не найдется чистыхъ потомковъ племени, существовавшаго тысячи лѣтъ тому назадъ [1]).

Зато какой рѣзкій контрастъ между народами въ другихъ частяхъ континента! Различныя племена, извѣстныя отчасти подъ общимъ названіемъ туранцевъ, отчасти подъ именемъ финно-татаръ, составляютъ въ большинствѣ случаевъ, отдѣльныя группы, совершенно отличающіяся отъ остальныхъ народовъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи и образомъ жизни. На сѣверѣ Стараго Свѣта самоѣды [2]), остяки и другія сибирскія племена составляютъ собою одну изъ наиболѣе характерныхъ подъ-расъ. На востокѣ, манчжуры и тунгузы, а на западѣ киргизы и татары — представители тюркской вѣтви. На монголовъ и бурятовъ можно смотрѣть, преимущественно какъ на типы расы монгольской, называемой также, за неимѣніемъ лучшаго названія, желтой расой. На южныхъ плоскогоріяхъ жители Тибета составляютъ равнымъ образомъ самостоятельную вѣтвь, тогда какъ бассейны восточныхъ рѣкъ заняты громадной китайской націей, болѣе или менѣе смѣшанной; превосходя численностью всѣ другія націи въ свѣтѣ, китайцы рѣзко различаются своимъ міросозерцаніемъ и нравами отъ всѣхъ другихъ людей. На юго-востокѣ отъ нихъ—малайцы, составляющіе одно изъ крупныхъ расовыхъ подраздѣленій, на нѣкоторыхъ изъ Зондскихъ острововъ и на полуостровѣ Малаккѣ, по своему характеру представляютъ контрастъ со всѣми другими жителями Азіи. Точно также арабы, живя внутри своего полуострова, едвали имѣли возможность смѣшиваться съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, и вмѣстѣ съ евреями относятся къ расѣ семитической, такъ хорошо со-

[1]) Topinard, „Anthropologie".

[2]) Слѣдовало бы измѣнить правописаніе слово „самоѣдъ": названіе это взято съ финскаго языка и буква ѣ въ немъ болѣе чѣмъ неумѣстна. Прим. пер.

хранившей свой первоначальный типъ. Наконецъ, индійскія племена представляютъ какъ-бы рядъ независимыхъ наслоеній: они хотя и живутъ въ одной и той же странѣ, но раздѣлены между собою на враждебные роды и касты, и развивались независимо одни отъ другихъ, не смѣшиваясь ни кровью, ни понятіями. Священныя поэмы индусовъ разсказываютъ намъ, какъ «благородныя» племена боролись противъ своихъ единоплеменниковъ «низшей» расы, у которыхъ была черная кожа и приплюснутый носъ, а также противъ аназикосовъ или безносыхъ людей, наконецъ противъ духовъ и обезьянъ. Теперь борьба окончилась, но кастовый законъ стоитъ между старинными врагами, какъ духовная преграда.

Разсмотрѣнное въ общемъ населеніе страны, въ южной и восточной сторонѣ континента, принадлежитъ къ культурнымъ націямъ, несмотря на то, что области сѣверныя, сравнительно пустынныя, были еще недавно населены исключительно дикими племенами, и кочевое населеніе, находящееся еще въ томъ переходномъ состояніи къ цивилизаціи, которое считается варварскимъ, бродитъ до сихъ поръ въ равнинахъ и плоскогоріяхъ Средней Азіи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ странныхъ, такъ сказать, миражей, которые такъ многочисленны въ исторіи народовъ, высокія горы центральной Азіи были часто принимаемы за колыбель человѣческаго рода, и вліяніе наивныхъ розсказней отражается еще на многихъ серьезныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Казалось весьма естественнымъ, что эти горныя вершины были, якобы, резиденціей боговъ, а также и первыхъ людей, созданныхъ ими; переселеніе народовъ должно было, почему-то, слѣдовать теченію рѣкъ, спускаясь по ихъ рѣзвымъ потокамъ, сбѣгающимъ съ областей снѣга въ видѣ прозрачной струи. Индусы смотрятъ на блестящую діадему горы Меру, поднимающуюся на сѣверѣ, какъ на мѣсто, откуда разлились первые лучи свѣта на ихъ праотцевъ. Араратъ, въ Арменіи, гордо поднимающійся своими снѣговыми конусами надъ другими горными хребтами и долинами, считался также у многихъ народовъ вершиной, на которую общій прародитель человѣчества впервые вступилъ ногой послѣ потопа. Наконецъ, нагоріе, образующее водораздѣлъ между восточною Азіею и западною и называемое совершенно основательно «Маковкою Земли», было также почитаемо, какъ мѣсторожденіе народовъ, распространившихся потомъ по западной Азіи и Европѣ. На эти необитаемыя плоскогорія смотрѣли какъ на колыбель тѣхъ безчисленныхъ милліардовъ людей, которые со временъ происхожденія арійцевъ жили на западъ отъ Памира.

Нынѣ иллюзіи эти разсѣялись, и не въ областяхъ снѣга люди думаютъ отыскивать слѣды своихъ предковъ. Понятно, что географія преданій и мифовъ очень важна и можетъ послужить историкамъ цѣнными указаніями, но она обманываетъ тѣхъ, кто думаетъ исключительно руководствоваться ею. Источникомъ цивилизаціи, которою такъ гордятся теперь европейцы, былъ вовсе не центръ Азіи, съ ея высокими обнаженными плоскогоріями и почти-что пустынными долинами. Кромѣ своей собственной страны, такъ счастливо расположенной, Европа обязана большею частью своей цивилизаціи бассейну Нила, окраинамъ Азіи, землѣ Оксуса и Яксарта, долинамъ Кавказа, Малой Азіи, Сиріи, Вавилоніи, Аравіи, Персіи, Индустану и Китаю.

Безъ образованія, переданнаго намъ народами Азіи, безъ ремеслъ, завѣщанныхъ намъ предшественниками, безъ фруктъ и растеній, которыя они научили насъ воздѣлывать, безъ подмоги, которую мы имѣемъ въ лицѣ животныхъ, прирученныхъ ими, мы находились бы еще въ глубокомъ варварствѣ. Всѣ наши европейскіе языки, исключая басскаго,—азіатскаго происхожденія, всѣ они принесены арійцами, финнами и татарами, и наши словари свидѣтельствуютъ, какъ много заимствовано нами у восточной цивилизаціи. И именно въ ту пору, когда у насъ не существовало еще лѣтописей, вліяніе Азіи на варварскія племена Европы было очень значительно. Когда наши предки, греки, владѣя уже письменностью и связанные съ прошлымъ преданіями, переходившими изъ вѣка въ вѣкъ, могли дать полный отчетъ о своемъ существованіи, они развивались совершенно самобытно, независимо отъ другихъ народовъ; дѣйствительно, они жили собственной жизнью и подвергали переработкѣ и измѣненіямъ все, что приходило къ нимъ изъ чужихъ странъ. Но до этой эпохи самостоятельности, откуда же пришелъ первый толчекъ, какъ не изъ Азіи, прошедшей уже въ то время извѣстную эру цивилизаціи? Развѣ сравнительное изученіе языковъ не показываетъ, что большая часть европейскихъ идіомовъ связана съ азіатской рѣчью, изъ которой развились также зендъ и санскритъ; а раскопки доисторическихъ могилъ не свидѣтельствуютъ ли, чѣмъ наши невѣдомые праотцы были обязаны Азіи? Кто научилъ ихъ искусству плавить мѣдь, приготовлять сплавы для бронзы, а позднѣе ковать желѣзо? Кто принесъ въ Европу драгоцѣнные камни, нефритъ [1]), золотые браслеты и оже-

[1]) Минералъ, сходный съ лучистымъ камнемъ, и по составу подходящій къ роговой обманкѣ; главное мѣсторожденіе нефрита находится въ Китаѣ; въ древности этому довольно рѣдкому минералу приписывали цѣлебныя свойства при болѣзняхъ почекъ, черезъ что онъ и получилъ, будто-бы, названіе „почечнаго камня". Хотя можно думать и наоборотъ, т. е. самая почковидная форма минерала дала поводъ употреблять его для симпатическаго леченія, на которое древніе были столь падки. Впрочемъ, вообще очень сомнительно, чтобы древніе пользовались нефритомъ (νεφρίτης) исключительно какъ лечебной спеціей; всего вѣроятнѣе, что ихъ дорожили какъ „пережиткомъ", остаткомъ временъ каменнаго вѣка, когда этотъ минералъ

релья? Языкъ, религія, обычаи, инструменты, домашнія животныя, культурныя растенія — все это принесено съ Востока и, можетъ быть, поэтому всегда, помимо привѣтствія благодѣтельнаго свѣтила, наши праотцы благоговѣйно обращали свои взоры къ священному Востоку? Не ради ли этого, такъ сказать, инстинктивнаго чувства признательности они требовали, чтобы ихъ хоронили, повертывая головой къ востоку?

Въ началѣ нашей исторіи, послѣ того какъ Европа одержала первую побѣду въ Азіи, разрушивши городъ Трою, эллинская цивилизація развивалась на полуостровѣ, лежащемъ въ западной части Малой Азіи, равно и въ самой Греціи. Европа начиналась тогда, можно сказать, на востокъ отъ Іоническаго моря, въ странѣ, размытой водою на острова и полуострова, носящей и по своимъ географическимъ условіямъ европейскій характеръ. Черезъ посредство городовъ восточной Іоніи, мы, преемники грековъ, получили въ наслѣдство науку, переданную имъ народами Азіи, халдеями, ассирійцами, мидянами и персами. Науки ихъ не погибли въ цѣломъ и, благодаря своимъ сосѣдямъ, малоазіатскимъ грекамъ, ихъ цивилизаторское значеніе сохранилось для остальнаго міра. Самое названіе «Азія», прилагаемое теперь къ материку, который составляетъ болѣе половины всего Стараго Свѣта, повидимому, греческаго происхожденія: прежде оно прилагалось только къ небольшой части азіатскаго берега, у Іоническаго моря, исторически принадлежавшаго Европѣ. Хотя названіе это толковалось различно и происхожденіе его было отыскано въ нѣсколькихъ языкахъ, но очень вѣроятно, что древніе авторы, съ Гомера и Геродота, обозначали имъ только аллювіальную равнину Эфеса; потомъ оно распространилось на долину Каистра, затѣмъ на Малую Азію и, наконецъ, на весь материкъ. Подобно этому, имя одного маленькаго племени, жившаго на югъ отъ Средиземнаго моря, перенесено было на ливійскую провинцію, а затѣмъ и цѣлый континентъ сталъ называться Африкой.

Переработавши языки, идеи и религіи, заимствованные изъ Азіи, еще въ доисторическія времена переселенія народовъ, Европа, такъ сказать, возмужала, не переставая однако и послѣ этого обращаться къ той странѣ, откуда она взяла столь многое изъ того, что вошло въ ея интеллектуальную и нравственную жизнь. Чувство благоговѣнія, вызываемое прошлымъ, придало священный характеръ историческимъ мѣстностямъ и долгое время въ умахъ людей поддерживалась жизнь, реально тамъ уже прекратившаяся. Историческая жизнь въ бассейнѣ Ефрата и въ долинахъ Ливана была отодвинута на задній планъ; Аѳины, потомъ Римъ сдѣлались центромъ тяжести всего міра, и несмотря на это маленькая Іудея, стоявшая вдали отъ историческаго движенія, произвела религію, распространившуюся мало-по-малу на весь западный міръ. Христіанская вѣра взяла свое начало въ Галилейскомъ округѣ, въ еврейской деревушкѣ Виѳлеемѣ, близъ Назарета, хотя апостолы и положили потомъ въ Римѣ тотъ краеугольный камень, на которомъ должна была основаться Церковь. Конечно, въ своемъ развитіи христіанство связано съ іудейскимъ народомъ, такъ сказать, своей вещественной генеалогической основой, нельзя отрицать, что Іудея была исходнымъ пунктомъ христіанскаго движенія и что именно евреи тогда, какъ и въ наше время, странствуя и торгуя, переносили изъ города въ городъ новую религію.

Уже арабскіе географы среднихъ вѣковъ указали на фактъ, замѣчательнѣйшій въ исторіи, что всѣ высшіе культы въ человѣчествѣ, за исключеніемъ буддизма, черпали свои начала въ западной Азіи [1]). Не говоря уже о различныхъ арійскихъ религіяхъ, начиная съ ведизма и до политеизма грековъ, которые, вѣроятно, также выросли на пространствѣ между Олимпомъ, Виѳиніей и Памиромъ, іудейство, парсизмъ, христіанство и исламъ—продукты этихъ странъ древняго міра, прилегавшихъ къ пустыннымъ берегамъ Краснаго моря и Каспійскаго. Могущественныя проявленія человѣческаго духа обнаруживались ритмически въ созиданіи этихъ религій; они проявлялись не только въ связанныя между собою эпохи, но и съ интервалламп, равнявшимися почти шести столѣтіямъ: точно волны одна за другой, чередою, разбивались о берегъ морской. Впрочемъ, всѣ эти религіи по своимъ началамъ имѣютъ

дѣйствительно могъ считаться не только полезнымъ, но даже драгоцѣннымъ въ силу пригодности къ выдѣлкѣ различныхъ вещей, въ томъ числѣ и орудій, такъ какъ въ немъ прочность соединена съ очень слабой хрупкостью. Можетъ быть этотъ минералъ обладаетъ еще какими-нибудь качествами, неизвѣстными намъ, но, во всякомъ случаѣ, на него можно смотрѣть отчасти какъ на реликвію древнѣйшаго культа, которую очень часто клали въ могилы вмѣстѣ съ покойникомъ, благодаря чему этотъ камень служитъ въ настоящее время какъ бы вѣхами, или путеводной нитью для археологическихъ изысканій, и съ помощью которой можно будетъ опредѣлить географическій ходъ и районъ древней цивилизаціи. Хотя нужно замѣтить, что часто, при раскопкахъ кургановъ, вмѣсто нефрита находятъ сходственные съ нимъ минералы, какъ напр. змѣевикъ и проч.: зависѣло ли это отъ неумѣнія древнихъ точно различать сходные между собой минералы, или же на химическую разность не обращали вниманія, или же, наконецъ, еще въ сѣдой древности практиковались уже фальсификаціи?

Примѣч. перев.

[1]) Renan, „Langues sémitiques. Monothéisme des races semitiques".

между собою очень много родственнаго; всѣ онѣ подчинялись лишь вліяніямъ мѣстностей, которыя отъ береговъ Краснаго моря и до Каспія представляются замѣчательно сходными по своимъ существеннымъ чертамъ: несмотря на разницу въ деталяхъ, пустыни Аравіи, Палестины, Халден и Персіи, всѣ онѣ одинаково походятъ другъ на друга своимъ величественнымъ однообразіемъ. Уже удалившись отъ своихъ исходныхъ пунктовъ и распространяясь подъ иными климатическими условіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приспособляясь къ образу мыслей различныхъ между собою народовъ, всѣ религіи, въ особенности же христіанство, принимали характеръ совершенно отличный отъ другихъ культовъ общаго съ ними происхожденія.

Буддизмъ также пытался распространиться въ западныхъ странахъ Азіи, и тамъ, гдѣ находится долина Бамьяна, черезъ которую шелъ главный путь древнихъ народовъ, изъ Индустана въ Переднюю Азію, сохранились его слѣды. У этихъ историческихъ воротъ Гиндукуша, на высотѣ 8.500 футовъ, одинъ буддистскій царь, владѣвшій бассейномъ верхняго Оксуса, велѣлъ высѣчь въ скалѣ двѣ колоссальныя статуи, помѣщенныя въ нишахъ, черезъ которыя проходили богомольцы [1]). Другіе религіозные памятники также относятся къ эпохѣ распространенія этого культа на сѣверъ и сѣверо-западъ; но буддизмъ могъ окончательно упрочиться только на востокъ отъ Памира и Тянь-Шаня. Монголы, китайцы, тибетцы охотно встрѣчали индійскихъ миссіонеровъ и, если не вполнѣ усвоили себѣ ихъ ученіе, то приняли имя буддистовъ, формулы и обряды новой религіи. Буддизмъ, смѣшанный съ различными суевѣріями, распространенъ въ Китаѣ, Тибетѣ, Монголіи и у многочисленныхъ племенъ, живущихъ на пространствѣ между Байкаломъ и берегами Каспія; эта религія—самая значительная по числу своихъ послѣдователей. Географически, христіанство стало религіей образованныхъ народовъ Европы и Новаго Свѣта; между тѣмъ какъ вліяніе его въ Азіи ничтожно и, кромѣ армянъ, несторіянъ, маронитовъ и нѣсколькихъ новообращенныхъ племенъ въ азіатской Россіи, единственные христіане по религіи или по имени—переселенцы изъ Европы. Что касается до магометанской религіи, развившейся южнѣе, нежели іудейство и христіанство, то она распространилась на громадное пространство и въ особенности далеко на югъ и на востокъ отъ христіанскихъ владѣній. Аравія, родина ислама, стала мусульманской страной, равно какъ и Палестина, въ которой развились іудейство и христіанство. Почти вся западная Азія, до самаго Гиндукуша, принадлежитъ разнымъ магометанскимъ сектамъ; въ Индустанѣ почитатели пророка болѣе многочисленны и могущественны, чѣмъ гдѣ бы то ни было: ихъ власть простирается далеко на Китай и на Зондскій архипелагъ. Сѣверъ Африки былъ также обращенъ въ исламъ арабами, и даже внутри этого континента, мусульманская религія была всегда въ полномъ своемъ развитіи. Въ Европѣ она исповѣдуется только османлисами Турціи, затѣмъ татарами и разными инородцами Россіи. Исламъ былъ изгнанъ огнемъ и мечемъ изъ всей южной Европы, но вліяніе его на европейскую цивилизацію было далеко не безслѣдно. Мавры были въ продолженіе нѣкотораго времени воспитателями западныхъ націй, и, не напрасно для прогресса наукъ и искусствъ, арміи крестоносцевъ сражались два вѣка противъ сарацинъ, чтобы собственно завладѣть «Святою» землею, родиной Авраама и Іисуса.

VI.

Если смотрѣть сверху внизъ на драму всемірной исторіи, то она есть не что иное, какъ рядъ безпрерывной борьбы между Европой и Азіей, съ различными лишь перемѣнами. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Азіи: она первая выслала въ Европу земледѣльцевъ, создала религіозные миѳы, принесла письменность. Поворотъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ начался для Европы еще въ тѣ легендарныя времена, къ которымъ относится миѳическое сказаніе о походѣ Аргонавтовъ; но первая большая побѣда со стороны Европы, которой собственно и открывается европейская исторія, это—когда свободные граждане Аѳинъ одержали побѣду надъ полчищами рабовъ Дарія и Ксеркса. Тогда обнаружилась разница между цивилизаціями Греціи и Востока. Греки понимали—и мы, ихъ питомцы, поняли въ одинъ изъ знаменательныхъ для насъ дней,—что истинная цѣль жизни поддерживать и расширять свободу, не щадя живота. Тѣ моменты, когда цѣлый народъ показывалъ себя достойнымъ борцемъ за свое дѣло, остаются самыми славными въ исторіи человѣчества. Тѣ поля битвъ, на которыхъ происходили лишь простыя бойни для полумилліона жертвъ, всегда забываются, между тѣмъ какъ Ѳермопилы, Платея, Мараѳонъ и Саламинъ становятся навсегда памятными.

Послѣ тѣхъ побѣдъ, которыми такъ торжественно началась исторія современнаго человѣка, Европа должна была не безъ борьбы охранять свое возникающее превосходство. Александръ, конечно, побѣдилъ въ самое короткое время почти всю западную Азію, и его имя, какъ полубога, раздается еще и по настоящее время на Кавказѣ, въ Бактріи, у подножія Алтая и даже за Байкаломъ [1]); но если македоняне

[1]) „*Voyages de Moorcroft, Burnes, Masson*".

[1]) Кгороtkin, „Рукописныя замѣтки".

проникли съ оружіемъ въ рукахъ въ самое сердце Азіи, то черезъ это они сами стали азіатами и, присоединивъ Грецію къ Азіи, тѣмъ содѣйствовали лишь довершенію плановъ Дарія и Ксеркса. Если Римъ, въ свою очередь, высылалъ противъ Востока свои побѣдоносныя арміи, то онъ былъ самъ впослѣдствіи еще болѣе порабощенъ религіей, вышедшей изъ Палестины, будучи охваченъ азіатскими понятіями и нравами; даже самый центръ имперіи былъ перенесенъ туда, куда его словно тянула притягательная сила азіатскаго материка—на Босфоръ. Въ ту пору, когда цивилизованные народы юга, арійцы и семиты, ревностно распространяли свое нравственное вліяніе на Востокѣ, движеніе среди варварскихъ племенъ западнаго континента и Азіи вызвало перетасовку расъ, если не въ западной Европѣ, то на

Берегъ «Желтой земли» въ провинціи Шанъ-Си.

равнинахъ Россіи. Лишь только Римская имперія была поколеблена, какъ восточный міръ сталъ давить Европу тѣмъ гнетомъ, отъ котораго она не освободилась и черезъ 1.000 лѣтъ. Алане, авары, разныя племена Кавказа, гунны, печенѣги, куманы, мадьяры, финны, а затѣмъ наконецъ татары, монголы, входили въ Европу черезъ ея степныя пространства; одинъ изъ этихъ пришлыхъ народовъ даже основалъ въ Карпатахъ цѣлое государство, существующее и по-нынѣ. А съ южной стороны, арабы, пробираясь по берегамъ Средиземнаго моря, вошли въ самую внутрь Галліи; ихъ единовѣрцы—турки завладѣли Балканскимъ полуостровомъ и сдѣлали столицей своей имперіи тотъ городъ, который былъ вторымъ Римомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій можно было опасаться, что европейскій міръ долженъ будетъ исчезнуть подъ наплывомъ волнъ, нахлынувшихъ съ Востока.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій въ исторіи — это почти внезапное возникновеніе, въ началѣ XIII вѣка, монгольской имперіи, самой громадной изъ когда-либо существовавшихъ. Численность кочевыхъ народовъ восточной Азіи, включая сюда даже самыхъ миролюбивыхъ изъ нихъ, не могла простираться свыше 4 или 5 милліоновъ душъ. Климатическія условія и почва не могли замѣтно измѣниться со времени среднихъ вѣковъ, и потому можно заключить, что въ эпоху наплыва монголовъ въ Европу, въ азіатскихъ степяхъ было почти то же самое число жителей, что теперь; общее количество людей, способныхъ носить оружіе, въ той части Азіи, не могло превосходить полумилліона. Сколько же было этихъ воиновъ, соединившихся въ полчища, чтобы отправиться на наживу, не опасаясь гибели при переходахъ черезъ безплодныя пустыни? Несомнѣнно, что орды кочевниковъ не могли сформировать тѣхъ несмѣтныхъ армій, о которыхъ говорятъ лѣтописи среднихъ вѣковъ [1]). Ужасъ и страхъ, нагнанные на побѣжденныхъ, преувеличили численность побѣдителей; бѣглецы воображали, что толпы нападающихъ должны быть несмѣтны, для того чтобы этимъ объяснить собственное внезапное пораженіе. Восточныя страны были для нихъ какой-то «лабораторіей, гдѣ приготовляли людей»; хотя, однако, извѣстно, что европейскія страны, будучи гораздо плодороднѣе и пользуясь болѣе счастливымъ климатомъ, производили населеніе въ большемъ изобиліи. Въ дѣйствительности, побѣды монголовъ зависѣли не столько отъ численности воиновъ, сколько отъ быстроты передвиженій, отъ внезапныхъ атакъ и единства дѣйствій, тогда какъ населеніе европейскихъ странъ, занятыхъ непріятелемъ, было разбросано, безъ связи, неспособное сопротивляться всей массой, въ силу своихъ земледѣльческихъ привычекъ, удерживавшихъ ихъ въ деревняхъ. Войско, высланное Чингисъ-Ханомъ изъ Самарканда, въ погоню за султаномъ Аладиномъ, и состоявшее всего изъ 20.000 человѣкъ, въ три года прошло побѣдителемъ черезъ Хоросанъ, Персію, Арменію, Грузію, Кавказъ, Крымъ, Поволжье и вернулось назадъ къ своему повелителю [1]).

Чтобы достигнуть равнинъ Китая, монголамъ стоило только спуститься съ своихъ безплодныхъ плоскогорій въ долины, по которымъ текутъ притоки Гоанго. Нѣсколько дорогъ были однако заграждены отъ нихъ Великой стѣной, за которой были расположены счастливыя южныя страны; имъ оставалось только избрать для своей цѣли проходъ, лежащій въ западной части Азіи, тамъ, гдѣ по близости начинались владѣнія европейцевъ; но не всѣ, однако, могли достигнуть его. Во время большихъ передвиженій племенъ, множество воиновъ были оттѣсняемы на западъ другими ордами, разсѣивались въ Кашгаріи, окруженной непроходимыми для арміи горами, содѣйствуя увеличенію помѣсей или, такъ сказать, этнологическихъ осадковъ, образовавшихся въ проходахъ центральной Азіи. Тѣмъ не менѣе выходцы, составлявшіе ядро массы, хорошо знали настоящіе проходы по преданіямъ, и, слѣдуя дорогой, черезъ древніе морскіе проливы Джунгаріи, пробрались къ южному подножію Алтая. Въ этихъ проходахъ, потоки человѣческихъ волнъ, подобно морю, бушевавшему здѣсь въ былое время, устремились въ равнины западной Сибири, чтобы оттуда направиться однимъ въ Европу, другимъ въ Персію, Индію, захватывая попутно не только народовъ своей расы, т. е. татаръ и монголовъ, но также и толпы побѣжденныхъ, которыя покидали опустошенныя земли, отправляясь искать свою долю въ побѣдахъ и грабежахъ. Разъ вышедши изъ центральной Азіи, ни одна орда не возвращалась уже болѣе на родныя пастбища. Указываютъ, впрочемъ, на одинъ примѣръ,—это съ астраханскими калмыками, которые въ 1770 году пытались уйти туда, чтобы ускользнуть отъ власти Россіи; но только не многимъ изъ нихъ удалось добраться до страны своихъ предковъ, къ подножію Алтая. Теперь тамъ, въ центрѣ Монгольской имперіи, гдѣ прежде происходила такая сумятица, господствуетъ тишина, и Джунгарскія ворота представляютъ собою глухую пустыню. Населеніе, которое жило на сѣверъ отъ Китая и когда-то столь буйное, стало теперь совершенно мир-

[1]) И все же при опредѣленіи численнаго состава ордъ, нахлынувшихъ въ Европу, нельзя, повидимому, брать въ разсчетъ только однихъ кочевниковъ Азіи; кромѣ нихъ, во многихъ мѣстностяхъ Средней Азіи существовало и осѣдлое населеніе, какъ это доказываютъ развалины многолюдныхъ городовъ, ирригаціонныхъ каналовъ и проч.
Прим. перев.

[1]) Григорьевъ, „Русское обозрѣніе", 1875, т. IV. № 4.

нымъ; можетъ быть это можно приписать политикѣ Китая, заинтересованнаго распространеніемъ ученія Ламы въ Монголіи, которое смогло, по крайней мѣрѣ въ частяхъ, прилегающихъ къ китайскимъ владѣніямъ, измѣнить воинственный народъ въ монашествующій [1]).

Слѣды древнихъ переселеній еще не уничтожились. Смѣшанность фауны и флоры, которая замѣтна на границѣ двухъ континентовъ [2]), можетъ быть приравнена и къ населенію, живущему въ естественныхъ предѣлахъ той впадины, которая была когда-то покрыта моремъ, раздѣлявшимъ два континента. Самоѣды и лапландцы могутъ быть еще разсматриваемы, какъ азіаты, хотя они и занимаютъ западное положеніе территоріи, вмѣстѣ съ другими племенами, живущими въ центральной части Европейской Россіи, т. е. съ чувашами, мордвой, черемисами и прочими инородцами, сильно напоминающими своими обычаями азіатскихъ остяковъ. которые однако живутъ довольно далеко отъ нихъ, какъ и просвѣщенные русскіе, которыми они окружены. Башкиры, татары, киргизы и калмыки живутъ себѣ въ Европѣ точно такъ же, какъ и въ своихъ родныхъ странахъ. Но если нѣкоторыя азіатскія племена проникли черезъ Скандинавію до самыхъ береговъ Атлантическаго океана, то европейскіе народы стали въ свою очередь производить вторженіе въ Азію: славяне стоятъ уже твердой ногой на берегахъ Великаго океана и въ Закавказьѣ. Эгейское море и Мраморное не образуютъ этнологическихъ границъ: напротивъ. воды этихъ морей омываютъ какъ берега Греціи, такъ и Анатоліи, гдѣ греки болѣе многочисленны, нежели турки, живущіе въ той части европейскаго континента, которая была отнята у нихъ.

Азіаты, бывшіе когда-то иниціаторами, представляютъ теперь передъ лицомъ Европы элементъ варварскій. Хотя къ западной цивилизаціи примѣшивается и много дурнаго, но можно сказать, что Европа,—континентъ спеціально «арійскій»,—есть воспитательный очагъ для народовъ Азіи. Общее движеніе культуры прежде распространялось съ востока на западъ, слѣдуя ходу солнца; въ настоящее же время лучи европейской жизни расходятся во всѣ стороны: въ Азію, Африку, Новый Свѣтъ и Австралію. Скоро минетъ уже четыре вѣка, какъ перевѣсъ Европы въ дѣлѣ воспитанія всего міра окончательно установленъ; путешествія и открытія, постепенно знакомившія съ очертаніями материковъ, позволили европейцамъ въ то же время установить прочно свое вліяніе въ странахъ, открытыхъ ими. Конечно, всюду, гдѣ высаживались европейскіе мореплаватели впервые, они давали доказательства своей высшей цивилизаціи, было ли то избіеніе туземцевъ, обращеніе ихъ въ невольничество или обманы и развращеніе ихъ тысячами способовъ. Ненавистью и пораженіями другъ друга начинались отношенія между человѣческими расами: они сильно боролись передъ тѣмъ, какъ ознакомиться другъ съ другомъ, какъ съ равными представителями человѣчества.

Цивилизаторское вліяніе Азіи на Европу исходило съ различныхъ частей материка; точно также и европейское вѣяніе даетъ себя чувствовать въ Азіи съ разныхъ пунктовъ, при посредствѣ приморскихъ странъ: сначала одни португальцы ступили ногой на берега Индустана, Индукитая и Малайскаго архипелага; потомъ испанцы, голландцы, англичане и французы учредили свои конторы или свои укрѣпленія по берегамъ и на островахъ. Кипръ —островъ англійскій, Малая Азія, по крайней мѣрѣ фиктивно, считается подъ протекторатомъ Англіи, и ея же агенты распространяютъ свое покровительство также по Белуджистану, Афганистану, а можетъ быть и Персіи; нѣкоторые пункты на аравійскомъ берегу, а также и на персидскомъ, прямо или косвенно, принадлежатъ Великобританіи; она же присматривается уже ко всему побережью Оманскаго залива; полуостровъ Индустанъ, островъ Цейлонъ, часть Индукитая — англійскія владѣнія или владѣнія ихъ данниковъ. Порядочный кусокъ Индіи, по ту сторону Ганга, находится во владѣніи или же въ нѣкоторомъ подчиненіи у французовъ; Голландія, Англія и Испанія раздѣлили вмѣстѣ съ мѣстными султанами архипелагъ, соединяющій Азію съ Австраліей. Изъ восточныхъ государствъ Японія быстрѣе всѣхъ проникласъ вліяніемъ европейскихъ идей и ввела у себя соотвѣтственныя преобразованія; въ приморскихъ городахъ Китая построились цѣлые кварталы, населенные европейцами и американцами. Наконецъ вся сѣверная часть континента находится подъ властью Россіи, самой обширнѣйшей державы на земномъ шарѣ: въ концѣ XVI вѣка казаки покорили для своего царя всю Сибирь съ ея различными племенами, а также и пушными звѣрями, составлявшими предметъ ихъ охоты. Можно считать, что болѣе чѣмъ половина поверхности Азіи и треть ея населенія подчинены европейскимъ государствамъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ слѣдующія числа, опредѣляющія численность населенія и величину территоріи, подчиненныхъ прямо или косвенно европейцамъ:

	Пространство кв. кил.	Съ населеніемъ душъ.
Русскія владѣнія заним.	17.002.408	23.045 560
Англійскія „ „	5.519.756	296.854.691
Голландскія „ „	2.045.694	34.392.700
Французскія „ „	705.620	22.974.000
Испанскія „ „	298.772	7.030 000
Португальск. „ „	19.980	881.000
Итого. . . .	25.592.220	385.377.951 [1]).

[1]) F. von Richthofen, „China“ I.

[2]) Сѣверцевъ, „Извѣст. Русс. Геогр. Общ. “1877. т. XIII.

[1]) F. Umlauft, „Statistiches Taschenbuch“, 1897. F. Juraschek, „Geogr.—Statist. Tabellen“. 1897.

Слѣдовательно въ Азіи почти столько же нехристіанъ, сколько въ Европѣ католиковъ и протестантовъ различныхъ вѣроисповѣданій, взятыхъ вмѣстѣ, включены добровольно или силою въ кругъ европейской политики.

VII.

На островахъ и въ приморскихъ странахъ, гдѣ европейцы учредили свои конторы или колоніи, движеніе во внутрь материка все болѣе и болѣе увеличивается посредствомъ торговли и политики, хотя собственно дѣло открытій еще далеко не закончено. Въ центральной части Азіи есть еще обширныя пространства, гдѣ путевыя линіи новѣйшихъ путешественниковъ, измѣрявшихъ пройденный путь и описавшихъ его въ общихъ чертахъ, еще до сихъ поръ не пересѣклись. Въ мѣстностяхъ, уже посѣщенныхъ ими, много пунктовъ остались неизвѣными, а сколько фактовъ требуютъ подтвержденія, сколько еще можно увидѣть новыхъ мѣстоположеній и городовъ, сколько бы народовъ нужно лучше изучить!

Извѣстно, что древніе, корабли которыхъ не рисковали пускаться въ Индійскій океанъ, къ «странѣ шелка», вели торговлю, хотя и съ затрудненіями, съ Серикой, посредствомъ дорогъ, которыя никогда не были извѣстны западнымъ полководцамъ и по которымъ древніе купцы водили свои караваны. Вѣроятно невозможно отыскать ихъ точные маршруты у греческихъ писателей; но главный складъ товаровъ былъ въ городѣ Бактрѣ, и легко возможно, что путь, упоминаемый у Птоломея, шелъ на востокъ, къ верхнюю равнину Оксуса и пересѣкалъ южную часть Памира, а оттуда спускался по одному изъ притоковъ Эхардеса или теперешняго Тарима въ бассейнъ, извѣстный въ наше время подъ именемъ Кашгаріи; желательно бы также отыскать Каменную Башню, о которой упоминаютъ купцы древности, въ Ташъ-Курганѣ или «Холмѣ изъ каменьевъ», находившемся на берегу одного изъ притоковъ Ярканда, на плоской возвышенности Сириколь, т. е. на одномъ изъ восточныхъ спусковъ Памира [1]). Китайцы, въ началѣ нашей эры, будучи еще на вершинѣ своего военнаго могущества, побѣдили западную Татарію, и въ то время, когда ихъ войска слѣдовали черезъ проходы, расположенные на сѣверъ отъ Тянь-Шаня, купцы и богомольцы ихъ же національности держались болѣе крутой дороги, шедшей черезъ «Маковку Земли». Гіуэнъ-Цангъ, знаменитѣйшій изъ китайскихъ пилигримовъ, разсказываетъ о своемъ путешествіи съ такими подробностями, что можно бы было по нимъ составить его маршрутъ на картѣ Памира; возвращался же онъ въ свое отечество черезъ ту же верхнюю долину Оксуса, по которой онъ выбрался на плоскую возвышенность. Что касается до Марко Поло, то этотъ, отправившись изъ Бактріи, слѣдовалъ по пути, вѣроятно, мало разнящемуся отъ того, по которому ходили его греческіе предшественники, и прошелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ всю «гладь Памира, который считается самымъ высокимъ мѣстомъ на землѣ». Изъ Ярканда онъ обогнулъ степь Гоби, чтобы войти въ самый Китай, около истоковъ Гоанго. Въ продолженіе послѣднихъ шести столѣтій не было еще ни одного путешественника, который тоже пересѣкъ бы континентъ съ запада на востокъ и могъ бы съ ними сравниться въ этомъ отношеніи, такъ какъ позже многіе проходили только часть его пути. Кромѣ того, Марко Поло, будучи важнымъ сановникомъ Китайской Имперіи, посѣтилъ почти всѣ провинціи этого государства, восточный Тибетъ и проникъ въ Бирманію черезъ тѣ малоизвѣстныя страны, которыя отдѣляютъ Юнъ-Нанъ отъ Индукитая. Своими увлекательными повѣствованіями о Китаѣ, его городахъ и островахъ, Марко Поло, болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ путешественниковъ, могъ развить страсть къ открытіямъ: это онъ показалъ Колумбу призракъ, преслѣдовавшій послѣдняго въ его плаваніяхъ по западнымъ морямъ [1]).

Когда Марко Поло проходилъ черезъ пустыни Памира, другой путь изъ Европы въ Монголію лежалъ сѣвернѣе и былъ уже пройденъ множествомъ купцовъ, монаховъ и посланниковъ. Въ половинѣ XIII столѣтія, центръ тяжести Монгольской имперіи, которая простиралась тогда отъ Южнаго моря до Чернаго, находился вблизи Алтая, и очень естественно что большая торговая дорога шла прямо къ Каракоруму, столицѣ этого громаднаго государства; орды монголовъ и татаръ, слѣдуя этой дорогой, прошли къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, въ въ долину Яксарта; по ней прошли также Планъ де-Карпинъ и Рубрукъ, посланные Людовика IX. Европейскіе искатели приключеній толпились тогда у императорскаго шатра, и сношенія Запада съ имперіей Востока были такъ многочисленны, что думали даже основать каоедру монгольскаго языка въ Парижской Сорбоннѣ [2]).

Но могущество монголовъ вскорѣ пало, Каракорумъ пересталъ быть столицей и развалины его очутились въ пустынѣ. Тѣмъ не менѣе дорога изъ Китая черезъ сѣверную сторону Тянь-Шаня и ворота Джунгаріи, была всегда извѣстна купцамъ. Пеголотти, а вслѣдъ за нимъ и другіе, проходили по ней въ XIV вѣкѣ и вѣроятно, она считалась очень важной въ эконо-

[1]) Rowlinson, „Journal of the R. Georg. Soc.“, 1872; *Izquier, „Le Pamir“.*

[1]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

[2]) Abel Rémusat, „Rapports des princes chrétiens avec le grand empire des Mongols“, Mémoires de l'Institut. Acad. des Inscript., tome VI.

мическомъ отношеніи, если промышленники долгое время не обращали вниманія на великое открытіе—океаническій путь. Когда дороги въ Индію, вокругъ мыса Доброй Надежды, и въ

Колоссальные идолы въ Баміанской долинѣ.

Новый Свѣтъ стали хорошо извѣстны, когда стало очень легкимъ дѣломъ отправляться, не подвергаясь никакой другой опасности, кромѣ бурь, на острова, богатые золотомъ, жемчугомъ и пряными кореньями, тогда только негоціанты

начали забывать пустыни далекой Азіи, отдѣлявшія ихъ отъ богатыхъ рынковъ Китая. Длинныя и опасныя дороги Татаріи, Джунгаріи и Монголіи были оставлены, и только въ настоящее время снова принимаются за дѣло, начатое Марко Поло. Въ наше время лицъ, отправляющихся въ подобныя экспедиціи, очень много; они вооружены всѣмъ, что можетъ дать наука, и пользуются со стороны туземцевъ

тѣмъ почтеніемъ, которое послѣдніе оказываютъ могущественнымъ европейскимъ націямъ. Кругъ неизслѣдованныхъ мѣстностей, съ каждымъ шагомъ путешественника, изъ года въ годъ, все болѣе и болѣе съуживается. Таинственная область Памиръ описана уже въ общихъ чертахъ; сѣверный и западный Китай изслѣдованъ уже по всѣмъ направленіямъ. Но нѣкоторыя мѣстности Тибета все еще представляютъ собою невѣдомыя страны, и очень важныя географическія задачи не будутъ разрѣшены до тѣхъ поръ, пока европейскіе изслѣдователи не посѣтятъ эти мѣста. Можно сказать, что Азія не имѣетъ еще географическаго единства по отношенію къ исторіи человѣка, такъ какъ центральныя части ея неизвѣстны въ деталяхъ движенія народовъ и торговыя сношенія продолжаютъ производиться океаническимъ путемъ и черезъ приморскія страны.

Необходимымъ слѣдствіемъ постепенныхъ открытій внутри материка и прогресса въ торговлѣ будетъ сообщеніе Азіи той географической цѣльности, которой ей теперь не достаетъ, и, въ силу равновѣсія со всѣмъ остальнымъ міромъ, въ ней должны будутъ произойти перемѣны. Не далеко то время, когда сѣти европейскихъ желѣзныхъ дорогъ будутъ продолжены въ Азію и соединятъ города Босфора и Индустана, когда линіи прямаго сообщенія пройдутъ отъ береговъ Вислы до береговъ Инда, и путешественники будутъ отправляться толпами въ области, теперь неизвѣстныя, напр. въ Восточный Тибетъ, въ которомъ, навѣрно, увидятъ нѣкоторыя изъ наиболѣе грандіозныхъ явленій, касающихся жизни нашей планеты: тамъ находятся, недалеко другъ отъ друга, истоки нѣкоторыхъ очень важныхъ рѣкъ, спадающихъ съ высочайшихъ на земномъ шарѣ плоскогорій въ низменности, можетъ быть, въ видѣ чудныхъ водопадовъ или горныхъ потоковъ, низвергающихся въ ущелья, въ сотни и тысячи футовъ глубиною. Индія и Китай—двѣ страны, гдѣ населеніе наиболѣе скучено, войдутъ въ непосредственное сношеніе; Калькутта и Шанхай проведутъ на встрѣчу другъ другу торговыя дороги.

Всѣ эти экономическіе перевороты значительно поднимутъ многіе изъ тѣхъ городовъ, которые или обѣднѣли или совсѣмъ исчезли, послѣ того какъ сухопутныя дороги были оставлены ради дорогъ океаническихъ, болѣе опредѣленныхъ и менѣе затруднительныхъ. Невозможно, чтобы не возродились снова большіе города въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Бактрія и Согдіанъ, тамъ, гдѣ главныя дороги, что пойдутъ изъ Средней Европы и Индіи, будутъ пересѣкаться съ тѣми, которыя поведутъ въ Месопотамію, Сирію и Египетъ. Самаркандъ, Бактръ и Гератъ поднимутся снова на мѣстѣ древнихъ развалинъ или же поодаль отъ нихъ, но въ мѣстности, пользующейся тѣми же географическими преимуществами. То же самое можно сказать и относительно долины рѣкъ-близнецовъ Тигра и Ефрата и о Вавилоніи и Ниневіи, такъ какъ, благодаря исключительному благопріятному положенію, которымъ пользуется эта мѣстность, ее пересѣкутъ всѣ тѣ дороги, что пойдутъ къ морямъ Черному, Средиземному, Каспійскому и къ заливамъ Персидскому и Аравійскому. Но кромѣ тѣхъ городовъ, которые снова «возникнутъ изъ праха», выростутъ въ Центральной Азіи еще новые города; съ проведеніемъ иныхъ путей сообщенія, въ плоскогоріяхъ и пустыняхъ, раздѣлявшихъ прежде народы, образуются сами собой новые жизненные пункты, новые центры тяготѣнія для народовъ. Гдѣ построятся эти громадныя столицы, которыя будутъ служить общей метрополіей для китайцевъ и русскихъ, для индійцевъ и европейцевъ? На этотъ вопросъ пока еще нельзя отвѣтить, такъ какъ его рѣшеніе поставлено въ зависимость не только отъ климата и почвы, но и отъ политическаго соперничества. Азія—это поле битвъ, на которомъ въ будущемъ произойдутъ рѣшительныя стычки въ исторіи человѣческаго рода.

Европейское вліяніе на населеніе Азіи все ростетъ, и этотъ обширный континентъ все болѣе и болѣе становится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ простую зависимость отъ маленькаго полуострова, примыкающаго къ ея западной оконечности. Могущество Европы сказывается здѣсь вліяніемъ двухъ соперничествующихъ державъ—Англіи и Россіи, которыя такъ сильно разнятся между собою по традиціямъ, политическому положенію и своимъ интересамъ. Россія владѣетъ сѣверной областью, Англія—южной; различные мелкіе народы и тамъ и здѣсь, пытаясь поддержать свою независимость, все болѣе и болѣе втягиваются въ сферу вліяній этихъ большихъ государствъ. На крайнемъ Востокѣ Японія блюдетъ свою политическую автономію и начинаетъ соперничать съ Европой административными нововведеніями. Китайцы же не разстаются ни съ одной изъ своихъ національныхъ особенностей, и власть ихъ уменьшилась только со времени наплыва въ Азію иностранцевъ и благодаря трактатамъ, навязаннымъ имъ на ихъ же собственной территоріи. Поднебесная Имперія, заключающая въ себѣ, можно полагать, третью часть населенія всего земнаго шара и пятую часть въ одномъ только бассейнѣ Янцекіанга, тяготится уже массою своихъ обитателей; но этотъ полу-милліардъ душъ, толпы которыхъ могутъ однимъ своимъ натискомъ подавить арміи, владѣетъ еще той силой, которую даютъ ему промышленность, трудъ, терпѣніе; ихъ здравый смыслъ, твердо установленныя привычки и неутомимая настойчивость дѣлаютъ ихъ страшными для конкуррентовъ. Кромѣ того, сравнительно съ индусами, они пользуются еще важными преимуществами, зависящими отъ тѣсной род-

ственной связи между расами и прочнаго національнаго союза, при которыхъ имъ не страшны ни внутреннія междуусобицы, ни племенная ненависть, ни партіи, ни касты. Помимо всего этого, они своей трезвостью и умѣреннымъ образомъ жизни легче, чѣмъ другіе народы, способны приспособляться къ климатическимъ условіямъ самыхъ разнообразныхъ странъ: это раса, которая и возобновляется, и держится рѣзнею. Въ вопросѣ о преобладаніи въ Азіи задѣты не только Англія и Россія, какъ это многіе полагаютъ, но также и Китай, который обѣщаетъ, рано или поздно, быть сильнымъ противникомъ въ борьбѣ за свое господство. Даже болѣе: китайская нація не можетъ избѣгнуть столкновенія съ бѣлымъ населеніемъ Европы и Америки въ основныхъ вопросахъ цивилизаціи и нравовъ, прежде чѣмъ она не сдѣлается дѣятельнымъ и сознательнымъ соучастникомъ въ этихъ вопросахъ. Это неизбѣжное столкновеніе пріостановитъ на время умственный прогрессъ человѣчества, пока общность идей и взглядовъ и пока исходные пункты, подкрѣпленные наукой, не позволятъ снова двинуться впередъ [1]).

Столкновеніе этихъ трехъ враждебныхъ державъ еще замедлено громадностью пространства, отчасти занятаго пустынями, раздѣляющими ихъ. Если Китай легко доступенъ съ моря, то за то вполнѣ защищенъ съ суши: тамъ, гдѣ онъ соприкасается съ русскими владѣніями, лежатъ области, скорѣе пустынныя, чѣмъ населенныя; а по другую сторону китайской границы, порубежное русское населеніе такъ малочисленно, что не можетъ производить на Китай никакого политическаго давленія. Между «Срединнымъ Цвѣткомъ» Янгъ-Це и англійской Индіей раздѣльную полосу составляютъ не пустыни, а горныя области, совсѣмъ еще неизслѣдованныя. Въ западной же части континента, промежуточная полоса, отдѣляющая владѣнія русскихъ и земли ихъ данниковъ отъ англійской Индіи, простирается въ ширину на нѣсколько сотъ верстъ, и народы, живущіе на этой полосѣ, сохраняютъ еще свою политическую независимость: они храбро сопротивляются съ той и другой стороны англійскимъ и русскимъ нашественникамъ, стремящимся завладѣть стратегическими пунктами на ихъ территоріи. Государственные люди, мнѣнія которыхъ имѣютъ авторитетное значеніе, утверждаютъ, искренно или съ цѣлью провести противника, что промежуточная полоса будетъ всегда неприкосновенна для обѣихъ соперничествующихъ державъ и что передовые посты, выдвигаемые въ Туркестанѣ и въ Индіи, нисколько не грозятъ въ будущемъ встрѣчею у воротъ Гиндукуша или у истоковъ Мургаба.

Въ военномъ отношеніи Китай далеко уступаетъ другимъ двумъ державамъ. Хотя онъ благоразумно воспользовался послѣднимъ двадцатилѣтіемъ внѣшняго мира, чтобы преобразовать свою армію, пополнить арсеналы, отлить пушки, построить броненосцы, но сомнительно, чтобы онъ, внѣ своихъ владѣній, могъ помѣриться силой съ одной изъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, китайское правительство, съ господствующимъ въ немъ этикетомъ и порабощенное традиціями, очень трудно выдвинуть на тотъ новый путь, на который влечетъ исторія; оно, конечно, не соглашается, чтобы иностранцы пользовались богатствомъ почвы и торговыми выгодами въ ущербъ коренному населенію. Принимая къ себѣ иностранцевъ съ почтеніемъ, требуемымъ договорами, китайцы въ то же время умѣютъ оградить свои экономическіе интересы. Они охотно, послѣдовательно и не торопясь пользуются всѣми открытіями и усовершенствованіями, которыя заносятся къ нимъ, но любятъ прилагать ихъ у себя сами, отстраняя мало-по-малу своихъ учителей. Благодаря европейцамъ, у которыхъ они обучились нѣкоторымъ искусствамъ, китайцы стали теперь гораздо могущественнѣе противъ того времени, когда они впервые открыли имъ къ себѣ доступъ. Соблюдая свое высокое положеніе, которымъ пользуются съ незапамятныхъ временъ и которое создано условіями самой почвы, и не потрясая историческихъ основъ народной жизни, они могутъ поставить себя въ иныя условія, принявъ вызовъ на борьбу цивилизаціи съ цивилизаціей же, съ торговыми народами, заставившими ихъ открыть устья своихъ рѣкъ пушечными выстрѣлами. Съ матеріальной стороны, Китай обладаетъ той значительной силой, которую ему даетъ численность населенія. Въ Манчжуріи, на Формозѣ и въ центральной области, китайцы мало-по-малу побѣждаютъ территоріи культурой, и часто даже въ чужихъ краяхъ, куда они уходятъ, однако, безъ своихъ семействъ, пользуются численнымъ перевѣсомъ. Ихъ отечество набито биткомъ, и китайскій народъ уходитъ оттуда въ Индію, что по ту сторону Ганга, на Зондскій архипелагъ, въ Австралію, на Сандвичевы острова и въ Соединенные Штаты.

Въ противуположность Китаю, Англія не можетъ бороться за свою власть въ Азіи цѣлой народной массой. У нея нѣтъ никого, кромѣ наемниковъ тамъ, гдѣ находится ея главная резиденція,—на восточномъ континентѣ. Но все же завоеванная англичанами территорія есть для нихъ опорная точка, которая даетъ страшную силу какъ для сопротивленія, такъ и для нападенія. Кромѣ того, она формируетъ арміи въ своей имперіи, гдѣ скучена болѣе чѣмъ шестая часть населенія всего земнаго шара, и собираетъ въ видѣ налоговъ съ индусскихъ крестьянъ сумму настолько значительную, что ей не приходится обращаться къ бюджету метрополіи.

[1]) Letourneau, „*Encyclopédie nouvelle*“.

Безъ сомнѣнія, англичане не могутъ разсчитывать на преданность порабощенныхъ и даже ихъ слишкомъ презираютъ, чтобы требовать этого; очевидно также, что наступятъ времена, когда жители Индустана настолько разовьются, что сбросятъ съ себя англійское ярмо, но, кажется, что это время наступитъ еще не скоро. Конечно, Англія теперь сильнѣе укрѣпилась въ Индіи, чѣмъ до возстанія сипаевъ въ 1857 г., но все же, войска ея набраны изъ туземцевъ, которые составляютъ главную часть ея арміи, и администрація можетъ успѣшно дѣйствовать только благодаря индусамъ же или «eurasiens», т. е. метисамъ, занимающимъ всѣ низшія должности. Здѣсь нѣтъ еще иной власти, кромѣ власти англичанъ: кое-гдѣ формировалось общественное мнѣніе, но оно остается лишеннымъ всякой власти въ странѣ, гдѣ расы и касты разбили ее на множество разнохарактерныхъ обществъ: общая разрозненность подчиняетъ ихъ власти немногихъ. Англичане, принадлежащіе почти всѣ безъ исключенія къ богатому и господствующему классу, не держатъ у себя даже прислуги, принадлежащей къ ихъ расѣ, такъ какъ этотъ родъ занятій унижаетъ-де британскую спѣсь; а они здѣсь живутъ какъ боги, витая въ высшемъ мірѣ надъ порабощенной толпой, которая ихъ ненавидитъ, но трепещетъ.

Для Англіи очень важная задача, независимо отъ всякихъ перемѣнъ во внутренней политикѣ, не только поддерживать свое владычество въ Индіи, но и соединить легкими и быстрыми путями два центра своей громадной имперіи, «въ которой солнце никогда не заходитъ». Ей недостаетъ, какъ государству, географической связи, такъ какъ между ея владѣніями находятся большіе пробѣлы. Дорога отъ Лондона до Калькутты, какъ для флота, такъ и для арміи, далеко не гарантирована; можно бояться нападенія съ фланга, если Россія завладѣетъ Дарданеллами и верхнимъ бассейномъ Ефрата, или, если поставитъ казачьи гарнизоны по крѣпостямъ Афганистана. До настоящаго времени Англія, благодаря скорости своихъ пароходовъ, имѣетъ большое преимущество передъ Россіей въ борьбѣ за власть: англійскія войска могутъ гораздо скорѣе проплыть разстояніе, отдѣляющее Темзу отъ Инда, нежели слабые отряды русскихъ экспедицій успѣютъ пройти пустынными берегами Каспійскаго моря къ оазису Мургаба. Что бы ни говорили карты, а Англія, повидимому, гораздо ближе къ Индіи, нежели Россія къ верховьямъ Оксуса. Средиземное море принадлежитъ британскому флоту, Суэцкій каналъ можетъ быть закрытъ для прохода судовъ другихъ націй, если того захочетъ Англія; точно также, она властвуетъ на Красномъ морѣ и на Аравійскомъ берегу, равно какъ въ Персидскомъ заливѣ и на берегу Мекрана. Но морскихъ путей недостаточно, надо завладѣть также и сухопутными. Она не можетъ располагать той дорогой, которая идетъ изъ Европы черезъ Остенде и Салоники въ Константинополь, безъ союза съ другими державами; въ Азіи же она стремится проторить себѣ прямые пути. Захвативши, въ будущемъ, Малую Азію, какъ нѣчто въ родѣ ипотеки, и располагая островомъ Кипръ, Англія будетъ хозяйничать въ крайнемъ углу Средиземнаго моря, у самаго изгиба Ефрата; а съ востока она завладѣетъ прочными позиціями въ Мекранѣ и въ Белуджистанѣ, и вступитъ въ союзъ съ государями западной Азіи; затѣмъ, съ помощью денежныхъ поддержекъ, постепенно преобразуетъ ихъ въ своихъ вассаловъ, не входя въ издержки и опасности по управленію народомъ, такъ какъ она въ этомъ отношеніи пользуется тѣми громадными преимуществами передъ Россіей, которыя даютъ ей ея капиталы. Ея пути сообщенія построятся быстро. Городъ Кандагаръ, откуда англійскіе гарнизоны могутъ наблюдать за цѣлымъ Афганистаномъ, будетъ постепенно соединенъ желѣзной дорогой, менѣе чѣмъ въ 1.000 километровъ длиною, съ остальными дорогами Индіи; половина разстоянія, отдѣляющая Александретту отъ Калькутты, будетъ пройдена англійскими локомотивами. Подобныя стремленія развѣ не предрѣшаютъ политическую судьбу Азіи?

Болѣе медленные въ своихъ движеніяхъ,—такъ какъ еще не преодолѣли окружающія ихъ естественныя препятствія,—русскіе, разсматриваемые какъ военная держава, имѣютъ, сравнительно съ своими противниками, англичанами, преимущество другаго рода. Территорія, занимаемая ими, не раздроблена на отдѣльныя части: русскія владѣнія отъ береговъ Лапландіи и до самаго Памира представляютъ страну, географически совершенно цѣльную; никакая другая держава, союза который надо было бы добиваться, не лежитъ между центромъ имперіи и ея самыми отдаленными владѣніями у Оксуса. Кромѣ того, большая часть населенія побѣжденныхъ территорій состоитъ изъ русскихъ, и съ году-на-годъ ихъ элементъ возрастаетъ съ помощью земледѣльческой колонизаціи. Туземные же элементы такъ ничтожны, что русскому правительству нечего бояться возстаній, и славяне, предки которыхъ скрещивались съ различными инородцами, не относятся высокомѣрно къ прежнимъ владѣльцамъ страны; полное сліяніе между ними невозможно по причинѣ различія въ нравахъ, а у магометанъ, кромѣ того и религіозныхъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе православный народъ и магометане-татары далеко не то, что индусы и англичане, принадлежащіе къ двумъ совершенно различнымъ породамъ. Національная связь между народами Азіатской Россіи столь же легко осуществима, какъ и въ Европейской Россіи, тогда какъ совершенно немыслимо, чтобы властвующіе англичане и ихъ поддан-

ные, индусы, могли слиться въ одну націю. Несомнѣнно также, что русскіе, въ будущемъ, подобно англичанамъ, проложивши свои желѣзныя дороги и ряды колодцевъ въ пустыняхъ Азіи, будутъ еще тѣснѣе связаны матеріально съ азіатской частью имперіи. Сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя все *болѣе и болѣе изрѣзываютъ* въ настоящее время Азіатскую Россію, будутъ продолжены къ самому порогу Гиндукуша, и военныя силы государства тогда могутъ быть собраны въ нѣсколько недѣль на границы земель, которыя подчинятся вліянію Англіи. Плоскогоріе Иранъ и долины верховьевъ Тигра и Ефрата представляются особенно слабыми

Верховье Янтцекіанга.

пограничными пунктами въ этомъ отношеніи. Высматриваютъ ли уже обѣ державы эти слабые пункты или нѣтъ, пытаются ли онѣ ускорить или отсрочить моментъ столкновенія, но онѣ неизбѣжно должны будутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу. Всѣ маленькія промежуточныя государства раздробятся подъ напоромъ съ двухъ сторонъ, подъ вліяніемъ притяженія; интригами между обѣими имперіями, соперничествующими въ вліяніи, политическими, религіозными и торговыми заговорами, начинается скрытно та война, которая рано или поздно должна будетъ вспыхнуть.

Глубокіе перевороты приготовляются въ центрѣ Древняго міра. Тѣ страны Азіи, на которыя цивилизованные люди вѣрно или ложно смотрятъ, какъ на мѣсто своего происхожденія, должны будутъ стать театромъ крупнаго политическаго столкновенія между двумя могущественнѣйшими государствами Европы. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, можно считать, что какъ западная Азія, такъ и Индія будутъ окончательно во власти западной цивилизаціи и, что съ того времени всѣ націи Европы и Азіи будутъ поставлены въ условія развитія, содѣйствующія пользованію взаимнымъ прогрессомъ. Благодаря повороту западной культуры на востокъ, въ людяхъ увеличится сознаніе своего единства: политическіе перевороты подготовляютъ міру общую судьбу, съ равноправнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся жизни народовъ.

Глава II

Кавказъ.

I. Горы Понто-Каспійскаго перешейка.

Кавказскія горы въ прежнее время часто причислялись къ европейскому континенту. Крутой подъемъ ихъ на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Понта Евксинскаго давалъ греческимъ морякамъ поводъ думать, что за этими горами начинается Азія; между тѣмъ какъ коммерсантамъ, основывавшимъ свои колоніи на сѣверномъ берегу Понта, напротивъ, казалось, что Кавказъ ограничивалъ съ юга обширныя равнины Скиѳіи. Еще географы тѣхъ временъ задавались вопросомъ: были ли естественной границей между обѣими частями свѣта, русло и болота Ѳаза, въ Колхидѣ, или же Киммерійское ущелье и рѣка Танаисъ [1]). Традиціи заставляли нашихъ предковъ, эллиновъ, часто обращать свои взоры къ этимъ горамъ, болѣе высокимъ, чѣмъ ихъ оба Олимпа, Этна, Гемусъ и даже Альпы. Греческіе миѳы связываютъ исторію эллинскаго полуострова съ этими отдаленными отъ него горами, въ которыхъ греки, будто бы, отыскали первыя начала своей цивилизаціи, съ берегами Колхиды, столь прославленной походомъ Аргонавтовъ за Золотымъ Руномъ, символизующимъ богатство всей природы, равно какъ и науку, промышленность и торговлю. Греки пытались также найти въ этихъ горахъ Азіи свое національное происхожденіе—Девкаліона, который населилъ Грецію и былъ сыномъ Прометея, титана, вдунувшаго божественную искру въ уста человѣка, и прикованнаго къ одной изъ скалъ Кавказа. Тотъ же, такъ сказать, предразсудокъ, котораго, вѣроятно, не чуждъ и миѳъ о Прометеѣ, привелъ нѣкогда и ученыхъ къ тому, что они окрестили именемъ, принадлежащимъ жителямъ Кавказа, всѣхъ бѣлыхъ людей Европы и Америки, какъ бы свидѣтельствуя такимъ образомъ инстинктивное почтеніе европейскихъ народовъ къ горамъ, поднимающимся на рубежѣ Азіи. Воображали также, что эта гористая мѣстность, какъ предполагаемая земля нашихъ предковъ, всегда была населена представителями самой чистой расы, и говорили съ такимъ самодовольствомъ о ихъ красотѣ, стройности и граціи, что точно этими тѣлесными превосходствами обладали всѣ народы бѣлой расы. Названіе «кавказская раса», какъ синонимъ бѣлой расы, арійской, индо-европейской, не совсѣмъ еще исчезло изъ обыденнаго языка.

Послѣ путешествій Палласа и другихъ изслѣдователей, описавшихъ дѣйствительный рельефъ этой страны, нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что Кавказъ долженъ быть отнесенъ къ Азіи [1]). Онъ вполнѣ отдѣленъ отъ Европы глубокой впадиной, въ которой видны теперь воды Маныча, частью стоячія, частью медленно текущія, но въ геологическій періодъ, предшествовавшій

[1]) *Hérodote, „Histoires", livre IV, 45.*

[1]) Humboldt, „Asie centrale"; — Carl Ritter, „Asien" I, p. 16.

настоящему, наполнявшія собою понто-каспійскій проливъ. На югѣ, система кавказскихъ горъ, сохраняя характеръ отдѣльной цѣпи, соединяется съ горами Малой Азіи посредствомъ поперечнаго высокаго хребта, и, слѣдовательно, Кавказъ составляетъ, такимъ образомъ, передовую горную массу азіатскаго континента. Равнымъ образомъ, судя по исторіи своихъ обитателей, Кавказъ составляетъ часть азіатскаго міра. До самаго вступленія русскихъ, жители Закавказья, грузины, мингрельцы, армяне, курды и турки имѣли сношенія главнымъ образомъ съ югомъ, именно съ Персіей и Анатоліей, съ которыми они то вели дружбу, то враждовали. Что касается жителей собственно Кавказа, то они сравнительно болѣе многочисленны на южномъ склонѣ, обращенномъ къ орошеннымъ, плодороднымъ и населеннымъ равнинамъ. Сторона же, обращенная къ Европѣ, очень бѣдна деревнями, а низменности, простирающіяся у подножья горъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—настоящія пустыни. Завладѣвъ Кавказомъ, русское правительство соединило административно эти азіатскія земли, и центръ тяжести для всего Кавказа опредѣлился у южной подошвы Кавказскихъ горъ; здѣсь сосредоточены военныя силы русской Имперіи, предназначенныя для дѣйствій въ Передней Азіи. Еще недавно добрый кусокъ турецкой территоріи былъ присоединенъ силою оружія къ Закавказью, и южная половина Кавказа, самая многолюдная, почти такъ же расширилась, какъ и сѣверная; она даже больше, если, согласно административному подраздѣленію, къ ней причислять Дагестанъ, расположенный однако къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта.

Слѣдующія данныя подробнѣе знакомятъ съ пространствомъ и численностью населенія Кавказскаго края.

	Поверхность (по Стрѣльбицкому) кв. верстъ.	Населеніе По переписи 1897 г.	Плотность населенія на кв. версту.
Предкавказье:			
Ставропольская губ...	52.234	876.298	160
Терская область.....	61.016	933.485	150
Кубанская „	82.909	1.922.773	230
Черноморская губерн.	6.454	54.228	81
Закавказье:			
Кутаисская губ.....	32.046	1.075.861	331
Тифлисская „	35.644	1.040.943	290
Эриванская „	24.449	804.757	320
Бакинская „	34.530	789.659	229
Елисаветпольская губ.	38.773	871.557	221
Дагестанская обл.....	26.147	586.636	203
Карская обл.....	16.381	292.498	179
Закатальскій округъ..	3.544	82.168	230
Итого	414.128	9.248.695	220

Очень мало найдется горныхъ цѣпей съ такимъ замѣчательно цѣльнымъ характеромъ, какъ Кавказъ или Кок-кафъ и Кафдагъ, какъ называютъ *его татары и турки, составляющій* звено, «цѣпи, опоясывающей міръ», говоря словами восточной миѳологіи [1]). Если смотрѣть на него съ Моздокскихъ степей или Екатериноградской станицы, то по мѣрѣ приближенія къ нему, онъ кажется какимъ-то громаднымъ валомъ съ тысячами блистающихъ зубьевъ. Поэты называютъ Кавказъ «Горою», выражая этимъ словомъ понятіе о громадномъ хребтѣ, какъ объ одной сплошной и грозной горѣ, тянущейся отъ одного моря до другаго, на пространствѣ болѣе чѣмъ 1.000 верстъ. Кавказъ также называютъ «Большимъ» въ отличіе отъ неправильной цѣпи «Малаго-Кавказа», или, вѣрнѣе, Анти-Кавказа, который поднимается съ южной стороны Закавказья, по ту сторону бассейна Куры. Конечно, Кавказъ вполнѣ заслуживаетъ прозвище Великаго. Морякъ, плавающій у восточныхъ береговъ Чернаго моря, русскій, татаринъ, приближаясь къ нему со стороны степей, видятъ какъ горы, подернутыя дымкой, мало-по-мало увеличиваются, едва замѣтно выдѣляясь сквозь облака и испаренія болотъ, скрывающія очертанія ихъ контуровъ, затѣмъ начинаютъ обрисовываться выступы, на которыхъ видны снѣгъ, лѣса и овраги, а вскорѣ и совсѣмъ застилаютъ собою горизонтъ: ихъ вершины заходятъ въ полосу облаковъ, вѣтровъ и бурь, и закрываютъ собою солнце въ продолженіе цѣлаго полудня, угрожая долинѣ обвалами и снѣжными глыбами; по склонамъ ихъ шумно сбѣгаютъ потоки, водопады и ручьи. Русскіе, привыкшіе къ виду равнинъ и холмовъ, поражаются видомъ этихъ вершинъ, которыя кажутся имъ принадлежащими къ совершенно другой природѣ, нежели та, которую они видѣли въ своемъ отечествѣ, и еще недавно они удивлялись большему: въ долинахъ этихъ горъ жили люди, которымъ приходилось сражаться въ теченіе многихъ поколѣній и которыхъ поэзія окружила чарами, всегда связанными съ доблестью и красотой. Русская литература сохранила глубокіе слѣды того вліянія, которое производили на зрителя кавказская природа и войны съ этими горцами. Пушкинъ воспѣлъ красоту этихъ горъ, а Лермонтовъ, кромѣ того, описалъ преданія и обычаи ихъ жителей; сцены, нарисованныя имъ въ романѣ «Герой нашего времени», игравшемъ большую роль въ умственномъ развитіи русской молодежи, взяты изъ жизни на Кавказѣ. Сколько людей, лучшихъ людей, отправлялись умирать на Кавказъ, подобно Лермонтову, преслѣдуемые при жизни и тѣмъ болѣе чтимые по смерти.

Главное направленіе Кавказскаго хребта—съ юго-востока на сѣверо-западъ, съ очень слабыми уклоненіями въ сторону. Въ общемъ, этотъ хребетъ слѣдуетъ тому же направленію, какъ и горы Персіи, большая часть горныхъ цѣпей Малой Азіи и другія горныя системы

[1]) Klaproth, „Tableau du Caucase".

азіатскаго материка. Геологическимъ происхожденіемъ Кавказъ обязанъ тѣмъ же условіямъ, которыя подняли и скомкали въ ряды складокъ большую часть Стараго Свѣта. Между прочимъ, кавказская гряда отличается тѣмъ, что не выдѣляется рѣзко своимъ рельефомъ надъ окружающими ее землями. Съ правильностью, не имѣющей примѣровъ, она продолжается по обѣ стороны скалистыхъ уступовъ, въ видѣ глинистыхъ пригорковъ, вулканическаго характера, извергающихъ изъ себя грязь, горячую воду и проч. По обѣимъ сторонамъ цѣпь заканчивается низменными полуостровами, подверженными дѣйствію подземной силы и вдающимися въ море: съ запада—полуостровъ Тамань, а съ востока—Апшеронскій. Первый едва отдѣленъ отъ Керченскаго полуострова, связаннаго съ Крымомъ, между тѣмъ какъ второй вдается въ Каспійское море и оканчивается вулканическими островками, за которыми хребетъ идетъ далѣе въ видѣ порога, рѣзко разграничивая впадину, заполненную Каспійскимъ моремъ на части сѣверную и южную. По обѣимъ сторонамъ этого порога, лотъ опускается на 1.300 футъ глубже, чѣмъ на линіи, служащей продолженіемъ Кавказскихъ горъ. На восточномъ берегу Каспія, мысъ, съ которымъ соприкасается подъ-каспійскій порогъ, нѣсколько на сѣверъ отъ Красноводскаго полуострова, есть исходная точка для всѣхъ тѣхъ горъ, пригорковъ, скалъ и обрывистыхъ утесовъ плоскогорій, которые служатъ точнымъ продолженіемъ линіи Кавказскаго хребта до самой долины Мургаба, лежащей между Мервомъ и Гератомъ [1]). Посредствомъ этихъ высотъ и тѣхъ, что расположены въ сѣверномъ Афганистанѣ, система Кавказскихъ горъ связана съ хребтомъ Гиндукушъ.

Какъ и Пиренеи, на которыя онъ походитъ по своему направленію, гребню и положенію между двумя морскими бассейнами, Кавказскій хребетъ можно разсматривать какъ бы раздѣленнымъ на два неравныхъ по длинѣ отрѣзка: та самая выемка, которая образуетъ естественную границу между западнымъ Кавказомъ и восточнымъ, если и не расположена въ самой срединѣ цѣпи, то находится на равномъ разстояніи отъ обоихъ морей: это та промежуточная впадина въ цѣпи, по которой проходитъ главный военный путь изъ Европейской Россіи въ Тифлисъ. Въ меридіональномъ направленіи у самаго прохода хребетъ такъ съуженъ съ обоихъ боковъ, что разстояніе между противуположными равнинами менѣе 100 верстъ, между тѣмъ какъ далѣе, къ востоку и къ западу, горная масса занимаетъ пространство значительно большее: въ западномъ Кавказѣ ширина хребта, взятая по направленію съ сѣвера на югъ, вдвое, а въ восточномъ—въ два съ половиной раза шире, нежели въ части, прилегающей къ грузинской дорогѣ [1]). Западная половина хребта не только гораздо шире, чѣмъ средняя часть его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая высокая: въ этой части горной системы поднимаются главныя вершины, превосходящія высотою Монбланъ, т. е. высочайшій пунктъ въ Европѣ. Главныхъ вершинъ шесть: Эльбрусъ (18.522 ф.), Коштанъ-тау, Дихъ-тау, Казбекъ (16.533 ф.), Ушба и Агишъ-тау; ихъ высота въ метрахъ:

Эльбрусъ—5.646 метр.; Коштанъ-тау—5.211 метр.; Дихъ-тау—5.185 метр.; Казбекъ—5.045 м.; Ушба (Безочъ-мта)—5.027 (?); м. Агишъ-тау или Адигъ-тау—4.876 (?) м.

Дагестанъ, т. е. «Горная страна» преимущественно, образующій существенную часть восточнаго Кавказа, ниже, чѣмъ западный Кавказъ; но зато онъ неровенъ, скомканъ, самый хребетъ развѣтвляется на множество извилинъ которыя, расходясь лучами въ разныя стороны, превращаютъ долины въ настоящій лабиринтъ. Прежде когда-то, Понто-Каспійскія горы считались гораздо болѣе высокими. По Аристотелю, верхушки Кавказа были освѣщаемы солнцемъ четыре часа спустя послѣ того, когда въ равнинахъ легла уже тѣнь. Еще въ половинѣ XVII столѣтія нѣкоторые писатели опредѣляли высоту наиболѣе поднятыхъ точекъ въ 75 верстъ [2]).

Прежніе географы полагали, что цѣпь составлена изъ одного цѣльнаго, непрерывнаго хребта; но изслѣдованія Абиха, Ходзько и другихъ геодезистовъ, которые прошли эту страну, производя измѣренія высотъ, доказываютъ, что главный рельефъ этой цѣпи есть составной. Главная цѣпь почти вездѣ составлена изъ двухъ, а мѣстами даже изъ трехъ и четырехъ хребтовъ параллельныхъ между собою или почти параллельныхъ и связанныхъ тамъ и сямъ въ горные узлы; строеніе этой части хребта напоминаетъ кордильеры Андовъ; хотя, конечно, промежутки, заключенные между параллельными хребтами Кавказа, не такъ велики, какъ плоскогорія Андовъ съ окаймляющими ихъ хребтами, и имѣютъ бо́льшею частью форму котловинъ или вытянутыхъ воронокъ, въ которыя стекаетъ первоначально вода, направляющаяся отсюда дальше, черезъ ущелье, размытое въ одной изъ стѣнъ, окружающихъ котловину. Главнымъ хребтомъ можно считать тотъ, который служитъ водораздѣльной преградой между рѣчными системами, хотя онъ во многихъ мѣстахъ не такъ высокъ, какъ хребты, идущіе вблизи его. Такъ, напримѣръ, Эльбрусъ расположенъ на сѣверъ отъ Главнаго хребта, въ одномъ изъ боковыхъ кряжей. Можно ска-

[1]) *Abich*, „Mémoires de l'Académie de St. Pétersbourg". 1862.

[1]) Семеновъ, „Геогр. Стат. Словарь Росс. Имперіи".
[2]) Riccioli, „Geographia reformata".

зать, что, въ орографическомъ отношеніи, самая высокая точка Кавказа есть Коштанъ-тау; эта гора, на которую, замѣтимъ, еще никто не взбирался, находится на хребтѣ, раздѣляющемъ два склона, и есть самая высочайшая гранитная вершина Кавказа. Между истоками Кубани и Адайкохомъ, расположеннымъ въ 160 верстахъ далѣе къ востоку, въ водораздѣльномъ хребтѣ нѣтъ ни одной щербины, ни одного перевала, который бы лежалъ ниже, чѣмъ на 10.000 футовъ высоты. Первый уступъ въ хребтѣ, который находится ниже этого уровня, именно на высотѣ 9.365 футовъ, есть Малисонское ущелье, расположенное какъ разъ у одного изъ крутыхъ перерывовъ въ главномъ хребтѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда начинается поперечное звено, соединяющее его съ горами Зикары. На востокъ отъ этого прохода, проломы, на высотѣ въ 7.000—10.000 футовъ, очень многочисленны. Генеральныя съемки на Кавказѣ, давно уже оконченныя, позволили достаточно полно воспроизвести на картахъ точный рельефъ горъ, ихъ котловины, гребень и проч.; но другія работы по изслѣдованію Кавказа далеко еще не выполнены; много интереснѣйшихъ мѣстностей остаются не описанными. Послѣ 1868 года на Казбекъ и Эльбрусъ взбирались англичане Фрешфильдъ, Муръ и Тукеръ, имѣвшіе проводникомъ француза Девуасу изъ Шамуни: кромѣ ихъ еще нѣкоторые другіе предприниматели выполнили подвигъ подобнаго же рода, и снѣгъ большей части вершинъ не разъ былъ утоптанъ ногой смѣльчака; но на долю членовъ «Альпійскаго Клуба» еще осталось не мало такихъ мѣстъ, куда стоитъ взобраться, особенно въ западномъ Кавказѣ.

Сѣверный склонъ хребта значительно отличается отъ южнаго; южный болѣе обрывистый, сравнительно съ сѣвернымъ, спускающимся къ степямъ Маныча; разстояніе отъ Главнаго хребта и до низменной равнины, орошаемой Курою, вдвое больше, чѣмъ отъ того же хребта до полей, раскинутыхъ у Сулака и Терека. Подобная же разница замѣтна между обоими склонами и въ западной части хребта: по одну сторону его впадина, по которой течетъ Ріонъ, а по другую—покатость, спускающаяся постепенно къ Кубани. Но эта, покатая сторона склона отличается страшной неровностью: недалеко отъ гребня, склонъ прерывается уступами, идущими отъ параллельныхъ хребтовъ, а спустившись нѣсколько ниже, онъ опять сталкивается съ линіею высокихъ известковыхъ террасъ, напоминающихъ собою откосъ вала; этотъ валъ идетъ о-бокъ съ Главнымъ хребтомъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго и во многихъ мѣстахъ онъ какъ-бы ступшевывается, но у дуги, образуемой верхнимъ теченіемъ Терека, его профиль замѣтенъ совершенно отчетливо. Образуется такимъ образомъ какъ бы одна громадная долина между предгоріями юрской формаціи и главной цѣпью[1]). Наклонъ этого откоса, обращенный къ степямъ, очень незначителенъ, между тѣмъ какъ со стороны хребта, площадки обрываются сразу, образуя глубокія пропасти. Потоки, вытекающіе изъ котловинъ, пробираются по этимъ террасамъ «Черкесскаго Кавказа» [2]), извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ «Черныхъ Горъ», ненначе какъ глубокими клюзами, съ ревомъ соскакивая со скалы на скалу: есть стѣны, почти отвѣсныя, вышиною болѣе чѣмъ въ 3.000 футовъ. Но тѣмъ не менѣе, эти-то террасы, съ ихъ оврагами, размываемыми водами горныхъ потоковъ, для черкесовъ гораздо важнѣе, нежели высокія горы, такъ какъ на нихъ расположены ихъ луга и лѣса, разбитые на отдѣльные участки, при чемъ каждый уголокъ имѣетъ свое названіе; между тѣмъ какъ большая часть вершинъ остаются безъимянными; еще недавно жителямъ равнинъ извѣстны были только двѣ вершины: Эльбрусъ и Казбекъ [3]).

Правильность Кавказа не ограничивается только его общимъ рельефомъ: ее можно прослѣдить и въ геологическомъ строеніи, по крайней мѣрѣ на сѣверномъ склонѣ. Главный хребетъ состоитъ существеннымъ образомъ изъ кристаллическихъ пластовъ, залегающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гранитѣ и мало-помалу уменьшающихся въ массѣ по направленію съ запада на востокъ. Поперечное звено, Сурамъ, который служитъ, такъ сказать, перемычкой, соединяющей Кавказъ съ Анти-Кавказомъ, также образованъ изъ кристаллическихъ породъ; но съ этой стороны геологическіе слои лежатъ далеко не такъ правильно, ровно, какъ на сѣверномъ склонѣ. По правую и по лѣвую стороны главнаго хребта, уступы его склоновъ состоятъ главнымъ образомъ изъ известняковъ и кварцовыхъ наслоеній, относящихся къ вѣкамъ юрскому, мѣловому и эоценовому; а далѣе, къ сѣверу, піоценовые и новѣйшіе слои, залегая въ степяхъ, покрываютъ собою формаціи, предшествовавшія имъ. Долины Уруха, Терека и Бакзана сходны между собою по преобладающимъ напластованіямъ. Потоки, берущіе начало въ безплодныхъ и дикихъ котловинахъ, образованныхъ изъ гранита, текутъ потомъ по мергелю и песчанику, въ небольшихъ долинахъ, на которыхъ разсѣяны многочисленные аулы, а затѣмъ скопляются въ желобинахъ съ известковыми стѣнами, надъ которыми видны лѣса и пастбища. Далѣе идутъ степи, гдѣ потоки соединяются уже съ Терекомъ [4]). На половинѣ цѣпи, тамъ, гдѣ она наиболѣе съуже-

[1]) Ходзько, „Зап. Кавк. Отд. Русс. Геогр. Общ“., т. VI, 1864 г.

[2]) K. Koch, „Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus“.

[3]) Kupffer, „Voyage dans les environs du mont Elbrous“.

[4]) E. Favre, „Mémoires de la Société Helvétique des Sciences naturelles“, t. XXVII. 1876.

на, между Дагестаномъ и западнымъ Кавказомъ, врѣзывается нѣчто вродѣ геологическаго залива, вдающагося въ долину верхняго Терека; въ этомъ мѣстѣ обширное, совершенно горизонтальное плоскогоріе песчаника, принадлежащаго къ третичному періоду, вклинивается въ мѣловыя напластованія. Дѣйствіе на магнитную стрѣлку обнаруживается всего сильнѣе въ этой части Кавказа, и именно: между Владикавказомъ—у сѣверной подошвы и Душетомъ—на южномъ склонѣ хребта, стрѣлка компаса склоняется на 38 сек. къ промежуточнымъ пластамъ [1]).

Порфиры, выброшенные изъ глубины, поднимаютъ свои утесы на высотахъ Кавказа за предѣлы снѣговой линіи. Лава, уже болѣе поздняго періода, обнажена въ центральной части цѣпи и, главнымъ образомъ, на южномъ склонѣ; на сѣверѣ, высочайшая вершина Кавказа—Эльбрусъ—есть древній вулканъ, дѣйствовавшій, вѣроятно, въ ту эпоху, когда Черное и Каспійское моря соединялись Манычемъ, т. е. въ концѣ третичнаго періода или же въ началѣ слѣдующаго; Эльбрусъ заканчивается вершиной подковообразной формы, которая, какъ полагаютъ взбиравшіеся на нее, есть ни что иное, какъ частію разрушенный уже кратеръ. Казбекъ — это трахитовый конусъ, а вершины «Красныхъ Горъ», грушрующихся на югъ отъ этого великана, представляютъ собою вулканы. Путь, по которому протекаетъ Арагва, проходитъ у столбчатаго базальта [2]). Вулканическая дѣятельность еще не совсѣмъ прекратилась на Кавказѣ: она проявляется не только по обѣимъ оконечностямъ цѣпи, заканчивающимся сопками (грязевыми вулканами), но и въ видѣ огневыхъ, а также и нефтяныхъ источниковъ, очень многочисленныхъ и выходящихъ изъ подземныхъ озеръ, расположенныхъ симметрично по обѣимъ сторонамъ хребта. Теплые источники Кавказа—самые изобильные, какіе только извѣстны: большая часть ихъ, какъ кажется, не связаны съ вулканическимъ центромъ, расположеннымъ подъ Кавказскимъ хребтомъ; они идутъ вдоль по линіи преломленія горныхъ пластовъ [3]), параллельно оси горъ или, вѣрнѣе, по направленію съ востока на западъ.

Колебанія уровня почвы, вѣроятно, вулканическаго происхожденія, происходятъ промежутками въ долинахъ Аракса и Куры. Кромѣ того, правильныя поднятія почвы происходятъ на двухъ крайнихъ концахъ Кавказскаго хребта. Скалистые утесы, стоящіе у воротъ Петровска, въ Дагестанѣ, носятъ слѣды продолжительныхъ ударовъ волнъ на высотѣ около 300 футовъ, и слѣд. гораздо высшей, чѣмъ арало-каспійскій порогъ Маныча. Въ Абхазіи, слѣды измѣненія уровня морскаго берега вполнѣ очевидны. На высотѣ почти 500 футовъ видны морскія терасы, когда-то бывшія берегомъ и совершенно похожія на тѣ, которыя омываются до сихъ поръ Чернымъ моремъ. Источники, вытекающіе изъ болотъ, которыми пропитана почва на этой высотѣ, содержатъ въ себѣ виды тѣхъ же ракообразныхъ, mysis и бокоплавовъ gammarus, которыя водятся по настоящее время въ Черномъ морѣ, чѣмъ и объясняется ихъ прежняя связь съ моремъ, если только присутствіе этихъ животныхъ на возвышенной мѣстности нельзя приписать тому, что икра означенныхъ раковъ могла быть занесена туда птицами, на ихъ перьяхъ, хвостѣ или ногахъ. Небольшое озеро Абрау, близъ Новороссійска, заключаетъ въ себѣ также полу-морскую фауну, приспособившуюся мало-по-малу къ прѣсной водѣ. Можно допустить, что колебанія почвы, приподнявшія эти озера, происходили во время четвертичнаго періода, но несомнѣнно, что и въ новѣйшую эпоху эта мѣстность еще претерпѣваетъ измѣненія въ уровнѣ. Развалины построекъ, которыя видны на аллювіи близъ Сухумъ-Кале, выше и ниже поверхности моря, доказываютъ, что уже въ историческій періодъ почва опускалась въ глубину морскихъ волнъ, затѣмъ опять поднялась и теперь опускается снова [1]). Остатки одной крѣпости до сихъ поръ покрыты на 15—20 футовъ водою, и одну большую стѣну нашли даже на глубинѣ около 5 саженъ. Море постоянно выбрасываетъ, послѣ бурь, монеты, кольца и другіе предметы древности. Прибрежные жители, которые имѣютъ привычку послѣ каждой большой бури осматривать берегъ, нашли однажды въ пескѣ золотую корону. Слѣдовательно, въ этомъ районѣ происходило или постепенное осѣданіе, или же мѣстный обвалъ [2]). Подобное же явленіе происходитъ и въ портѣ Баку: близъ берега видны еще остатки какого-то зданія.

Передовыя предгорія Кавказа не настолько высоки, чтобы скрывать собою отъ жителей равнинъ главный хребетъ; съ Ставропольской степи, на разстояніи около 200 верстъ, виденъ Эльбрусъ, точно бѣлый шатеръ, стоящій одиноко на горизонтѣ. Съ каждой верстой, путешественникъ, держащій путь на югъ, видитъ безпрестанно, какъ эта гора все растетъ на фонѣ неба, въ то время, какъ по обѣимъ сторонамъ ея не видно ни одной точки, указывающей на существованіе хребта. Наконецъ, открывается главный хребетъ, съ его величественнымъ, суровымъ, почти страшнымъ видомъ, съ вершинами, покрытыми снѣжной діадемой, и испещренный снѣжными лавинами; но

[1]) Стебницкій, „Извѣстія Русск. Геогр. Общ.“, Т. IV, 1870, п. 1.
[2]) Dubois du Montpereux, „Voyage autour du Caucase“.
[3]) Abich, „Beiträge zur Kenntniss der Thermalquellen in den Kaukasischen Ländern“.

[1]) Прендель, „Записки Новороссійскаго Общества“, т. V, 1879, № 2.
[2]) Чернявскій, „Извѣстія Русск. Геогр. Общ.“, т. XIII, 1877, № 5.

въ немъ нѣтъ той прелести и разнообразія, какъ въ Альпахъ: онъ гораздо уже, очертанія его проще и однообразнѣе, нежели у массивовъ Альпъ. Горы Кавказа спускаются обрывисто, а гребень имѣетъ видъ заостренныхъ зубьевъ: отвѣсный бокъ Веттергорна, въ бернскихъ Альпахъ, можетъ служить типичнымъ образчикомъ характера Кавказскихъ горъ [1]); между прочимъ, на Кавказѣ нѣтъ такихъ большихъ водопадовъ, какъ въ Альпахъ: его горы давно проточены водами, текущими въ привычныхъ ложахъ [2]).

Недостатокъ отдѣльныхъ горныхъ массъ и большихъ промежуточныхъ долинъ лишаетъ Кавказъ озеръ, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣются въ Альпахъ; нѣтъ также такихъ водоемовъ, какіе попадаются въ горахъ Швейцаріи и Тироля. Что касается до озеръ прѣсной воды, которыя разстилались въ былое время у подошвы горъ, въ равнинахъ обоихъ склоновъ, то они опустѣли еще со временъ ледниковаго періода. Одно изъ такихъ древнихъ озеръ, современное вулканическимъ изверженіямъ, происходившимъ въ этой странѣ [3]), замѣщено теперь полями Владикавказа и Алагира, въ долинѣ Терека. Другое озеро, не менѣе обширное, лежало на югѣ, въ бассейнѣ Карталіи, между Сурамомъ и Мцхетомъ, и исчезло съ того времени, когда разорвана была преграда, сдерживавшая воды Куры. Вся долина Алазана и его притока Айрычая, который встрѣчаетъ на пути продольную впадину, открывающуюся на югъ отъ цѣпи, была также наполнена водою, и озеро не могло найти себѣ инаго выхода, какъ только черезъ клюзы [4]), открывающіяся подъ прямымъ угломъ въ предгоріяхъ Кавказа. Всѣ рѣчныя долины, по которымъ спускается Кубань съ притоками, Зеленчукъ, Лаба, Бѣлая, а также Кура особенно у бассейна Ахалцыха, служили резервуарами озерныхъ водъ [5]); относительно этой страны можно сказать то же, что и относительно многихъ другихъ, что «всѣ ея рѣки — это ущемленныя озера» [6]). Анти-Кавказъ, какъ обширное горное плато, или, скорѣй, собраніе неправильныхъ горныхъ массъ съ осями, направленными подъ различными углами, представляетъ, вслѣдствіе этого, гораздо больше замкнутыхъ впадинъ и своими озерами отличается отъ понто-каспійской цѣпи.

Хотя Кавказъ и выше Альпъ, но на вершинахъ его сравнительно менѣе снѣга и льда; это зависитъ не только отъ того, что онъ занимаетъ болѣе южное положеніе, или вслѣдствіе иныхъ климатическихъ условій, но также отчасти и потому, что его гребень очень узокъ, и въ немъ нѣтъ тѣхъ котловинъ, гдѣ бы тающій снѣгъ могъ скопляться и образовывать ледники [1]).

На Кавказскихъ горахъ снѣговая линія сильно колеблется въ различныхъ частяхъ хребта, находясь въ зависимости отъ географической широты, открытой мѣстности, обилія снѣга и дождей, направленія и силы вѣтра и положенія горы относительно всей горной массы. Разность высотъ снѣговой линіи на Кавказѣ равна не менѣе, какъ 6.000 фут.; по Радде, на западныхъ бокахъ Гариболо, звена, идущаго на югъ отъ Пассисъ-Мта, линія снѣга начинается на высотѣ 8.250 футъ, между тѣмъ по Парроту, на сѣверо-западномъ склонѣ Большаго Арарата она не спускается ниже 14.250. Гора Алагезъ, въ предкавказьѣ, достигающая 13.500 фут. высоты, лѣтомъ совершенно лишена снѣга. На самомъ Кавказѣ, натуралистъ Рупрехтъ, взбиравшійся на высоту 12.500 футовъ, на южномъ склонѣ горъ, не встрѣтилъ ни одной лавины, но это могло случиться лишь въ восточной части хребта, у Каспія, на склонѣ же, обращенномъ къ Черному морю, влажные вѣтры покрываютъ снѣгомъ ту сторону хребта, которая обращена довольно часто къ югу. Въ нѣкоторыхъ высокихъ долинахъ бассейна Ріона количество выпадающаго снѣга, во время зимы, опредѣляютъ не менѣе какъ въ 16—23 фута [2]). Если взять среднюю высоту снѣговой линіи въ различныхъ частяхъ хребта, то можно опредѣлить ее для южныхъ склоновъ Кавказа въ 9.500—11.500 футовъ, съ повышеніемъ въ этихъ предѣлахъ по направленію съ востока на западъ. На противоположной сторонѣ цѣпи, т. е. обращенной къ степямъ Маныча, получится другой рядъ точекъ, для линіи постояннаго снѣга, съ 10.800—12.800 футовъ [3]). Такимъ образомъ средняя граница вѣчныхъ снѣговъ на Кавказѣ почти на 2.000 футовъ выше, чѣмъ въ Пиренеяхъ, расположенныхъ однако на одной съ нимъ широтѣ. Столь замѣтную разность можно приписать чрезвычайной сухости воздуха въ продолженіе цѣлаго года, по крайней мѣрѣ на сѣверныхъ скатахъ, и знойности кавказскаго лѣта [4]). Пространство, занятое постоянно снѣгомъ, начинается отъ Оштека (или Оштена), въ западномъ Кавказѣ, и продолжается до Казбека; а далѣе за нимъ, къ востоку, бѣлѣютъ въ теченіе круглаго года только отдѣльныя вершины [5]). По Морицу Вагнеру, сумеречное зарево въ горахъ Кавказа не отличается тѣмъ блескомъ и силой, какъ въ Альпахъ, по причинѣ сравнительно меньшаго количества снѣга [6]).

---

[1]) Douglas Freshfield, „Travels in the Central Caucasus".
[2]) Otto Krümmel, „Globus", 1879, № 7.
[3]) Abich, „Trümmer und Geröllablagerung".
[4]) **Клюзами** (cluse) геологи называютъ родъ поперечныхъ долинъ съ отвѣсными стѣнами, Прим. перев.
[5]) Стебницкій, „Извѣстія Кавк. Отд. Русск. Географ. Общ.", т. V, 1877—1878.
[6]) Kropotkin, „Notes manuscrites".

[1]) F. Favre, „Glaciers de la chaine du Caucase", Bibl. univers. 1869.
[2]) G. Radde, „Reisen in Mingrelischen Hochgebirge".
[3]) Стебницкій, „Изв. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ." т. V, 1877—1878.
[4]) Ходзько, „Изв. Русск. Геогр. Общ.", 1877, № 5.
[5]) Stebnitzkiy, „Mittheilungen von Petermann", 1875.
[6]) „Der Kaukasus".

Метеорологическія станціи, устроенныя въ различныхъ пунктахъ на Кавказѣ, даютъ возможность измѣрять, приблизительно, уменьшеніе той степени влажности, въ зависимости отъ которой находится постепенное повышеніе линіи вѣчныхъ снѣговъ, по направленію съ запада на востокъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ влажный вѣтеръ удаляется отъ Чернаго моря и приближается къ восточному Кавказу, гдѣ болѣе преобладаютъ вѣтры континентальные. Въ части Кавказа, обращенной къ Черному морю, выпадаютъ влаги въ формѣ снѣга и дождя, почти втрое больше, нежели въ центральной части [1]), и въ 6—8 и даже 10 разъ больше, судя по наблюденіямъ, нежели въ бассейнѣ Куры и на Апшеронскомъ полуостровѣ; въ бассейнѣ нижней Куры случается, что въ теченіе цѣлаго полугода не выпадаетъ ни одной капли дождя. Вліяніе влажныхъ вѣтровъ Чернаго моря не простирается дальше горъ Меска и Сурама, соединяющихъ, на востокъ отъ Кутаиса, главный хребетъ съ массами Предкавказья. Что касается до Каспійскаго моря, то оно доставляетъ очень малое количество дождя и снѣга восточному нагорію цѣпи. Конечно, континентальный сѣверо-восточный вѣтеръ приноситъ съ собою нѣкоторое количество водяныхъ паровъ, но онъ почти всецѣло оставляетъ ихъ на первыхъ же выступахъ Кавказа, у подножья Дагестана. Каждый путешественникъ могъ замѣтить, что, отправляясь изъ Владикавказа или изъ Алагира, въ дождливый день, онъ находилъ, приближаясь къ высотамъ хребта, необыкновенно прекрасную погоду; при спускѣ же съ горъ, происходитъ обратное: оставляя воздухъ сухимъ и небо яснымъ, попадаешь подъ слой сѣрыхъ облаковъ, въ влажную атмосферу [2]).

Хотя лѣтнія жары, вмѣстѣ съ сухими вѣтрами, и приподнимаютъ общій уровень снѣговой линіи на Кавказѣ на высоту значительно большую, чѣмъ въ Пиренеяхъ, но изъ этого, однако, нельзя заключить, что температура въ горахъ Кавказа выше, чѣмъ въ Пиренеяхъ или Альпахъ; хотя казалось бы весьма естественнымъ, что въ Кавказскихъ горахъ, благодаря ихъ южному положенію, температура должна бы быть выше, но холодные сѣверо-восточные вѣтры, не умѣряемые вѣтрами теплыми, съ юго-запада, которые задерживаются плоскогоріями Малой Азіи, значительно понижаютъ нормальную температуру Кавказа. На Кавказѣ и въ Швейцаріи, климатъ почти одинаковъ, но въ послѣдней далеко не бываетъ такихъ рѣзкихъ переходовъ, какъ на Кавказѣ. Напримѣръ, метеорологическія станціи въ Швейцаріи показываютъ разницу между лѣтнею и зимнею температурою въ 18 или 19 градусовъ, между тѣмъ какъ въ Пятигорскѣ, въ 1876 году, она равнялась 27 градусамъ.

Соотношенія между высотой данной мѣстности, температурой и количествомъ выпадающей влаги видны изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ у Воейкова, Стебницкаго и Статковскаго:

	Высота надъ уров. моря.	Температура.	Температура на уров. моря.	Выпаден. дождей.	Періодъ наблюденій.
	метр.			метр.	число лѣтъ.
Зап. Кавказъ.					
Кутаисъ	152	14°,86	—	2,398	5
Сочи	5	14°	—	2,098	3
Поти	8	14°,87	—	1,760	4
Редутъ-Кале	6	14°,44	—	1,608	22
Новороссійскъ	20	12°,41	—	0,762	2
Предкавк., центр. и вост. Кавказъ:					
Владикавказъ	684	8°,07	14°,17	0,920	5
Алагиръ	639	8°,05	14°,16	0,972	22
Пятигорскъ	505	9°,37	13°,73	0,548	5
Ставрополь	58	8°,62	13°,30	0,677	9
Дербентъ	2	13°,06	—	0,370	2
Сурамъ	730	10°,62	14°,61	0,558	25
Закавказье:					
Тифлисъ	409	12°,67	14°,73	0,471	25
Баку	8	14°,50	—	0,238	10
Елизаветполь	445	12°,89	15°,18	0,209	25
Аралыхъ	833	11°,40	15°,52	0,152	22
Шемаха	679	11°,13	15°,20	0,380	25
Шуша	1.368	8°,81	15°,58	0,528	22
Александрополь	1.291	5°,35	15°,13	0,316	25

Отъ недостатка снѣга зависитъ малое число ледниковъ. На вершинахъ, покрытыхъ снѣгомъ и въ особенности вокругъ Эльбруса, они, однако, довольно многочисленны, и можно было бы пройти по льду на разстояніи около 200 верстъ, именно между Джуманъ-Тау и Кальтберомъ, надъ долиной Ардона. Ледникъ, который спускается ближе другихъ къ равнинѣ—это Кальчидонъ или Караганъ, простирающійся отъ Адайкоха до горной долины Уруха: Фрешфильдъ видѣлъ въ Швейцаріи только одинъ ледникъ, равный длиною этому—Алечскій. Въ среднемъ Кавказскія рѣки, берущія начало изъ ледниковъ, не заходятъ истоками за предѣлы высоты 950 футовъ, и слѣдовательно ихъ граница на нѣсколько сотъ футовъ выше, чѣмъ въ Швейцарскихъ Альпахъ; въ противуположность снѣговой линіи, предѣлы рѣчныхъ истоковъ на сѣверномъ склонѣ хребта лежатъ гораздо ниже, чѣмъ на южномъ; причиной этому обрывистость южнаго склона и покатость сѣвернаго, спускающагося длинными долинами къ степи. Но и на южномъ склонѣ Кавказа есть нѣсколько прекрасныхъ ледниковъ, особенно въ долинѣ верховьевъ Ингура, занимаемой Вольной Сванетіей. Въ восточной части цѣпи другіе ледники, впрочемъ мало извѣстные, спускаются съ Тебулосъ-Мта и сосѣднихъ съ нимъ

[1]) Stebnitzkiy, „Mittheilungen von Petermann", 1875.
[2]) Statkovsky, цитированное сочиненіе.

вершинъ. Есть также ледники и въ горахъ Богоса; крайній изъ нихъ, вилообразный, виденъ съ вост. на Шахъ-дагѣ [1]). Явные слѣды, оставленные движеніемъ древнихъ ледниковъ, Европы, ледяные потоки спускались въ долины гораздо ниже и главнымъ образомъ по сѣверному склону: около входа въ долины Малки, Баксана Терека, видны эрратическія глыбы,

Видъ горы Казбекъ со станціи Казбекъ.

доказываютъ, что въ кавказской цѣпи такъ же, какъ и въ другихъ горныхъ системахъ остановившіяся на небольшихъ высотахъ, вдающихся мысами въ равнины. Ермоловскій камень, что близъ Дарьяльскаго ущелья, у сѣвернаго выхода изъ него, имѣетъ около 14 саж. въ длину и 582 куб. саженя въ объемъ. Въ са-

[1]) Абихъ, „Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ.“ Т. VII. —Стебницкій, „Изв.“ т. V 1877—1878.

момъ Владикавказѣ и верстахъ въ 7 къ сѣверу, находятся эрратическіе камни до 27 футовъ длиною. Въ Сванетіи, деревни, расположенныя въ настоящее время въ двухъ верстахъ отъ ледниковъ, построены изъ каменьевъ, занесенныхъ прежними ледниками [1]). Въ новѣйшую эпоху извѣстны слѣдующія движенія ледниковъ: съ 1849 по 1875, т. е. за двадцать пять лѣтъ, Баксанъ поднялся съ 7.350 на 7.630, а Бассинги, за время 1861—1873 годовъ, съ 6.580 на 7.000 футовъ.

Въ наше время наиболѣе извѣстный ледникъ на Кавказѣ, чаще другихъ попадающійся на глаза путешественникамъ, это Девдораки (или Девдаравки), одинъ изъ тѣхъ восьми, которые спускаются съ Казбека; онъ виденъ въ 5 верстахъ на западъ отъ долины, по которой течетъ Терекъ недалеко отъ военно-грузинской дороги, идущей изъ Владикавказа въ Тифлисъ. Нижняя часть этого ледника бываетъ причиною внезапныхъ наводненій, остававшихся долгое время необъясненными. Проходъ Амелишка, служащій стокомъ и открывающійся въ нижней части ледника, слишкомъ узокъ, чтобы пропустить всю массу напирающаго льда. У выхода, вслѣдствіе запруды, образуется какъ-бы гигантская плотина, поднимающаяся свыше, чѣмъ 650 фут. между стѣнами прохода: когда напоръ скопившейся массы становится слишкомъ сильнымъ, то преграда прорывается, и вся вода, ледъ, каменья низвергаются въ оврагъ, идущій отъ Амелишки, и запруживаютъ теченіе Терека своей мутной массой, ничѣмъ уже не напоминающей ледникъ. Съ 1776 года этотъ Девдораки обрушивался шесть разъ, какъ и ледникъ Гитрозъ въ Альпахъ. Послѣдній обвалъ, случившійся въ 1832 г., загромоздилъ устье Терека почти на двѣ версты въ ширину и болѣе чѣмъ на 300 футовъ въ вышину. Теченіе рѣки, задерживавшееся въ прежніе разы на нѣсколько дней [2]), пріостановилось въ этомъ году всего лишь на восемь часовъ, прежде чѣмъ пробилось подъ сводами этой массы, заградившей ей путь: масса льда, которая была опредѣлена въ 650 милліоновъ куб. футовъ, вполнѣ растаяла только лишь по истеченіи двухъ слишкомъ лѣтъ [3]). Ледникъ начинаетъ снова скользить въ долину: за тринадцать лѣтъ, протекшихъ съ 1863 по 1876 г., онъ успѣлъ подвинуться впередъ на 230 метровъ, въ то время когда всѣ другіе ледники, наблюдаемые на Кавказѣ Абихомъ, отодвинулись, какъ и Альпійскіе, за тотъ же періодъ времени, назадъ. Среднее движеніе этого ледника опредѣляютъ въ 10 сант. въ день, между тѣмъ какъ средняя скорость движенія «Ледянаго моря» на Монбланѣ считаютъ въ 30 сантиметровъ. Г. Статковскій полагаетъ возможнымъ устранить впредь обрушиваніе Девдораки, расширивъ стѣны оврага Амелишки и такимъ образомъ облегчивъ проходъ льду: тогда ледяной потокъ, въ силу своей упругости, будетъ плавно двигаться въ этомъ ущельѣ и стаивать болѣе равномѣрно, не врываясь въ долину Терека, расположенную наискось ко рву, по которому скользитъ Девдораки.

Вотъ, по Абиху, границы главныхъ Кавказскихъ ледниковъ въ 1876 году:

Улухатъ (на зап. отъ Эльбр.)—2.659 мет.; Кичкинаколь—2.384 мет.; Баксанъ (на востокъ отъ Эльбруса)—2.325 мет.; Терсколь—2.625 мет.; Ирикъ—2.552 мет.; Урухъ-донъ (на востокъ отъ Эльбруса)—2.610 мет.; Сѣв. Пасисъ-Мта—2.565 мет.; Южн. Пасисъ-Мта 2.245 мет.; Псеканъ-Су—2.210 мет.; Адулъ—2.225 мет.; Черекъ—2.059 мет.: Бисинги—2.130 мет.; Це-донъ—2.004 мет.; Кальчи-донъ—1.739; Тетнульдъ (ист. Ингура)—1.954 мет.; Степанъ-Цминда (на в. отъ Казбека)—2.898 мет.; Девдораки (на сѣверъ отъ Казбека)—2.239—2.311 (?) мет.; Богосъ—2.659 метровъ; Билинги—2.428 мет.; Шагъ-дагъ—3.163 мет.

Если предѣльная линія ледниковъ лежитъ на Кавказѣ выше, чѣмъ въ Альпахъ (хотя, однако, средняя температура въ обѣихъ орографическихъ системахъ почти одна и та же), то и лѣсныя породы ростутъ гораздо выше на понто-каспійскомъ хребтѣ: на высотѣ болѣе 7.600 футовъ [1]), встрѣчаются еще деревья, а надъ ними азаліи и рододендроны съ ихъ яркими цвѣтами, небольшіе кусты волчняка съ деревянистыми стеблями, цѣлые ковры кислицы съ ея ярко-зелеными листьями и, наконецъ, различныя растенія апшійскихъ пастбищъ. Полоса деревьевъ много выше на сѣверномъ склонѣ, чѣмъ на южномъ, и это зависитъ, конечно, отъ большей степени влажности, такъ какъ сѣверный склонъ, если и получаетъ сравнительно меньше дождя, за то и теряетъ черезъ испареніе гораздо меньше. Мѣстами гребень хребта рѣзко отдѣляетъ чащу лѣсовъ, расположенныхъ къ сѣверу, отъ пастбищъ, обращенныхъ къ югу. Извѣстно, что въ горахъ средней Европы изъ деревьевъ, растущихъ наиболѣе высоко, попадаются приземистыя сосны съ ихъ вѣчнозеленой листвой; а въ горахъ Сибири—лиственница, кедръ или betula nana; на Кавказѣ же послѣдними представителями лѣсныхъ породъ являются березки, съ ихъ чахлой листвою. Большіе лѣса, расположенные этажами на покатостяхъ склоновъ, смѣшаны между собою въ пропорціи, зависящей отъ количества теплоты и влажности, требуемой различными видами деревьевъ; главнымъ образомъ попадаются береза, хвойныя, кленъ, липа, ясень, грабъ, букъ, дубъ и каштанъ. Самшитъ, слу-

[1]) E. Favre, „Ouvrage cité".
[2]) Klaproth, „Voyage au Caucase et en Georgie"
[3]) *Abich, Statkovskiy, Stebnitzky*, Khatissian, etc.

[1]) Gustav Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".

жащій весьма цѣннымъ подѣльнымъ матеріаломъ и вывозимый особенно въ Англію, откуда потомъ уже расходится по всей Европѣ, растетъ въ нѣкоторыхъ лѣсахъ густыми, непроходимыми чащами; весь берегъ Чернаго моря между Поти и постомъ св. Николая покрытъ самшитомъ [1]), распространяющимъ въ воздухѣ сильный запахъ. Изъ кустарниковъ, преимущественно кавказскихъ, azalea pontica— одинъ изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ наземной флоры. Это удивительное растеніе, кровавокрасные листья котораго осенью составляютъ такой рѣзкій контрастъ съ темной зеленью елей, занимаетъ полосу не менѣе чѣмъ въ 5.900 футовъ по отвѣсу, между передовыми выступами горъ и склонами, лежащими на 6.600 футахъ высоты. Въ нѣкоторыхъ частяхъ хребта азалія исчезаетъ, уступая мѣсто рододендрону. Разсказывали въ старину, хотя повторяютъ нерѣдко и теперь, что медъ изъ азалій ядовитъ и что люди, испробовавшіе его, будто бы мгновенно пьянѣютъ, а иногда доходятъ даже до состоянія бѣшества. Это, такъ сказать, повѣрье, переходящее изъ вѣка въ вѣкъ, удостовѣренное еще Клапротомъ [2]), совершенно ошибочно или основано на какихъ-либо совершенно исключительныхъ случаяхъ, какъ утверждаютъ это множество путешественниковъ. Въ Кабардѣ, гдѣ есть собственники, владѣющіе тысячами ульевъ, не знаютъ ничего подобнаго о вредныхъ качествахъ меда изъ азалій [3]).

На южныхъ откосахъ дикій виноградъ вьется вокругъ деревьевъ и, смѣшиваясь съ ліанами, образуетъ ряды фестоновъ. Очень вѣроятно, что Кавказъ есть родина винограда: здѣсь, по еврейскому преданію, одинъ изъ патріарховъ, приготовивъ изъ него вино, первый позналъ его опьяняющія свойства. Полагаютъ, что и орѣхъ, ростущій въ долинахъ Имеретіи, есть также мѣстнаго происхожденія. Ни въ какой другой странѣ нѣтъ такого обилія различныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, какъ здѣсь; въ Карталіи, на юго-западъ отъ Казбека, есть множество сортовъ деревьевъ, однако еще очень мало извѣстныхъ, и не улучшенныхъ культурою, но кисловатые плоды которыхъ могутъ быть превращены современемъ въ превкусные фрукты [4]); Кавказъ есть преимущественно страна фруктовыхъ деревьевъ; взять, напр., лѣса Мингреліи, которые еще не опустошены европейскими купцами, столь изобильные растительностью, и сады ея, гдѣ столько роскошныхъ цвѣтовъ и плодовъ, которымъ западные садоводы легко бы могли придать самый тонкій вкусъ. Но, направляясь далѣе къ востоку, гдѣ становится уже замѣтнымъ переходъ отъ влажныхъ береговъ Чернаго моря къ безводному прибрежью Каспія, растительность все уменьшается, лѣса попадаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ приближенія къ восточному концу хребта; самыя деревья становятся мельче и болѣе рѣдкими; степной вѣтеръ сжигаетъ траву и солнечные лучи сколь зятъ по голымъ утесамъ. Нѣкоторыя изъ растеній, привезенныхъ изъ Россіи, плохо приживаются на Кавказѣ, не смотря на то, что ихъ разсаживаютъ на различныхъ высотахъ имѣющихъ ту же температуру, которой они пользовались на родной почвѣ. Русскіе солдаты успѣшно разводятъ различныя европейскія овощи въ крѣпостныхъ огородахъ въ долинахъ Сванетіи, зато возлюбленная березка напоминающая имъ далекую родину, остается всюду хилымъ деревцомъ [1]).

Культурныя растенія, такъ же, какъ и дикія ростутъ на отлогостяхъ Кавказскихъ горъ гораздо выше, чѣмъ въ Альпахъ, благодаря продолжительному и жаркому лѣту. Въ мѣстности которую современемъ, вѣроятно, пересѣчетъ туннель кавказской желѣзной дороги, именно между бассейнами Ардона и Ліахвы, всѣ деревни, пріютившіяся на высотѣ болѣе чѣмъ двухъ верстъ надъ уровнемъ моря, окружены полями ячменя. Около деревни Колота въ Осетіи, крайняя граница ячменя, опредѣленная съемками, находится на высотѣ 8.100 футовъ южнѣе, ближе къ Алагозу, ячмень сѣютъ даже на высотѣ 8.200 футовъ [2]). Пшеница растетъ еще на 6.500 футахъ и, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на 3.200 фут. выше, чѣмъ въ Альпахъ кукуруза—до 2.900 футовъ, а виноградъ не рѣдко дозрѣваетъ въ Осетіи, около деревни Курта, и слѣд. на высотѣ 3.580 футовъ: лучшій виноградъ Кахетіи, въ долинѣ Алазана собираютъ на 2.500 футахъ [3]).

Очень много лѣсовъ на Кавказѣ совсѣмъ исчезли, чтобы уступить свое мѣсто полямъ но большая часть пустырей не заняты пашнями, фруктовыми садами или виноградниками. Въ самыхъ богатыхъ лѣсныхъ уѣздахъ истребленіе лѣсовъ производится крайне варварскими пріемами: не даютъ себѣ даже трудъ заняться вырубкой деревьевъ, а, согласно обычаю, вѣроятно съ цѣлью оздоровленія мѣстности, зажигаютъ деревья, рискуя иногда при этомъ истребить цѣлый лѣсъ; или же, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватаетъ для домашнихъ животныхъ сѣна, наламываютъ обыкновенныхъ вѣтокъ, съ листвой или с

---

[1]) Въ настоящее время, изъ описаній кавказскаго лѣсничаго, г. Маррграфа, не видно, чтобы чащи самшита (Buxus sempervir.) были „непроходимыми"; мѣстами онѣ совершенно истреблены различными предпринимателями, снабжающими самшитомъ иностранные рынки.

Прим. перев.

[2]) Voyage au Caucase et en Georgie".

[3]) Lamberti, „Relatione della Colchide", 1661.

[4]) Koch, „Reise durch Russland nach dem Kaukasisches Isthmus".

[1]) Von Seidlitz, „Russische Revue", 1878. № 1.

[2]) G. Radde, „Mittheilungen von Petermann", 1876. N

[3]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie".

почками и даютъ ихъ вмѣсто корму. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно были непроходимые лѣса, теперь уже не видно ничего, кромѣ мерзости запустѣнія. То же самое можно сказать даже и о склонахъ высокихъ горъ, гдѣ также лѣса быстро уничтожаются.

Несмотря на опустошенія, производимыя на Кавказѣ, большая часть дикихъ животныхъ, которыя водились тамъ еще въ отдаленныя историческія эпохи, встрѣчаются и до сихъ поръ. Серны, а также видъ каменнаго барана, туръ, часто попадаются въ горныхъ долинахъ; точно также стада буйволовъ, описываемыхъ невѣрно подъ именемъ aurochs, бродятъ еще въ лѣсахъ, у подошвы Эльбруса, въ мѣстности, орошаемой притоками Кубани: ихъ грива не такъ роскошна, какъ у литовскихъ зубровъ, а шерсть передней части туловища не такъ густа, какъ у американскихъ бизоновъ [1]). Кавказскій медвѣдь, который, какъ говорятъ, менѣе страшенъ, нежели русскій, попадается не выше какъ на высотѣ 5.000 футовъ, т. е. на границѣ фруктовыхъ деревьевъ, и вмѣстѣ съ волкомъ и рысью водится въ лѣсахъ Абхазіи; геологъ Прендель встрѣтилъ одного изъ нихъ на разстояніи менѣе десяти верстъ отъ Сухумъ-Кале [2]). У подошвъ горъ, въ чащахъ лѣсовъ, на равнинахъ, рыщетъ дикій кабанъ; въ особенности же онъ любитъ камыши по берегамъ рѣкъ и прудовъ. Тигръ, забѣгающій сюда, какъ полагаютъ, изъ Персіи, попадается очень рѣдко, и то лишь исключительно въ низменной части Закавказья, такъ какъ онъ никогда не проникаетъ въ горныя долины. Леопарда тоже рѣдко можно встрѣтить въ равнинѣ нижней Куры, а еще рѣже леопарда встрѣчаются здѣсь гіена и шакалъ; этотъ послѣдній забѣгаетъ иногда въ лѣса, расположенные на сѣверныхъ склонахъ хребта. По своей фаунѣ и флорѣ Закавказье подходитъ къ подтропической Азіи, тогда какъ на самомъ Кавказѣ или вѣрнѣе Предкавказьѣ, животныя и растительные виды принадлежатъ къ европейскимъ. Въ этомъ отношеніи впадина Маныча не есть еще граница, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ ея, подчиненнымъ вліянію одного и того же климата, существуетъ одна и та же флора и фауна [3]).

Хорошо орошенныя поля Закавказья могли бы прокормить число жителей, равное населенію Франціи, и вѣроятно, что они были таковыми двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Долины сѣвернаго склона Кавказа и берега рѣкъ, стекающихъ по нимъ, также настолько плодородны, что могли бы удовлетворить нуждамъ многихъ милліоновъ людей. Однако Кавказъ, въ общемъ, населенъ гораздо слабѣе, чѣмъ равнины Россіи. Въ сѣверной части Кавказа преобладаютъ степи, такъ что жители въ этой части территоріи не могутъ далеко отходить отъ рѣкъ. Въ Закавказьѣ равнины, лежащія по нижнему теченію Аракса и Куры, остаются пустынными, по причинѣ ихъ крайне нездороваго климата; наконецъ, въ горной области, все пространство, находящееся поверхъ полосы лѣсовъ, есть пустыня, занятая скалами, пастбищами, снѣгомъ: тамъ никого не видно, кромѣ пастуховъ и охотниковъ. Самая высокая деревня на Кавказѣ—Курушъ, въ горахъ Дагестана, у одного изъ истоковъ притока рѣки Самуръ находится на высотѣ 8.070 футовъ, т. е. на высотѣ, почти равной той, на которой построенъ Сенъ-Бернардскій домъ въ швейцарскихъ Альпахъ; но вершины хребта поднимаются еще на 7.000 — 10.000 футовъ надъ этими послѣдними жилищами кавказскихъ горцевъ.

Самая здоровая полоса на Кавказѣ лежитъ между 2.400 и 6.600 футовъ надъ морскимъ уровнемъ; въ этихъ предѣлахъ обыкновенно жители Тифлиса, Эривани и Елизаветполя устраиваются на лѣтнее время. Самое наилучшее мѣсто для дачъ—это высота въ 4.000 футовъ; на этой линіи ростетъ еще виноградъ, шелковица, южные злаки, при чемъ здѣсь можно дышать чистымъ и прохладнымъ воздухомъ, вѣющимъ съ ледниковъ [1]). Татары, въ своихъ знойныхъ долинахъ, начинаютъ собирать кукурузу съ половины мая, отсылая въ это время свои семейства и стада въ горы; вмѣстѣ съ тѣмъ они торопятся, чтобы и самимъ отправиться вслѣдъ за семействами и возвратиться въ долины не ранѣе какъ ко времени сбора винограда. Въ деревняхъ же въ знойное время остаются лишь нѣсколько человѣкъ, занятыхъ поливкою полей кукурузы и риса [2]). Между тѣмъ, болѣе густое населеніе Закавказья не живетъ въ здоровыхъ областяхъ предгорій; оно наиболѣе скучено въ долинахъ, по которымъ текутъ обильныя рѣки и гдѣ проходятъ главные пути сообщенія; населеніе равнинъ легко можетъ быть удвоено, стоитъ только возобновить ирригаціонные каналы, когда-то заброшенные, и снова приспособить ихъ для орошенія полей всей мѣстности, лежащей между Араксомъ и Курою. По древнимъ хроникамъ Закавказье было прежде въ шесть разъ населеннѣе теперешняго. Когда въ первой половинѣ XIII столѣтія завладѣлъ этой страной Батый, то онъ заставилъ каждаго десятаго мужчину служить въ своей арміи и набралъ такимъ образомъ восьмисотъ-тысячное войско; населеніе страны состояло изъ 16 милліоновъ душъ [3]), — столько же, вѣроятно, было и въ эпоху Страбона.

---

[1]) G. Radde, „Mitteilungen von Petermann". 1868, № 2.

[2]) „Зап. Новороссійск. общества", 1879 г., № 2.

[3]) Сѣверцовъ. „Изв. Русск. Геогр. Общ." 1879 г., № 2; *Kolenati, „Bereisung Circassiens".*

[1]) G. Radde, „Die Vorträge über den Kaukasus", „Ergänzungschaft zu Petermann's Mittheilungen".

[2]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie du Caucase".

[3]) Von Haxthausen, „Transkaukasia".

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговыя сношенія въ этой странѣ настолько уменьшились, что пути между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, по которымъ ходили еще греки, римляне, генуэзцы, были совершенно забыты. Въ 1823 году, можетъ быть въ первый разъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, были отправлены товары изъ Редутъ-Кале въ Баку, и на эту новость смотрѣли, какъ на нѣчто необыкновенное [1]). Даже и до сихъ поръ сообщеніе между противуположными склонами хребта довольно затруднительно. Желѣзная дорога еще не пересѣкла цѣпь, и только одинъ колесный путь соединяетъ обѣ половины Кавказа, проникая черезъ хребетъ. Этотъ путь, часто повреждаемый, а иногда мѣстами совсѣмъ разрушаемый обвалами снѣга или камней, и проходящій на востокъ отъ Казбека, черезъ Дарьяльское ущелье, во всѣ времена служилъ большой дорогой для переселеній и войскъ. Путь черезъ Дарьялъ, извѣстный въ древности подъ именемъ «Кавказскихъ воротъ», дѣйствительно походилъ на ворота, входъ въ которыя былъ защищенъ крѣпостями, замѣненными впослѣдствіи русскими укрѣпленными постами. Въ восточной части цѣпи, вдоль по берегу, лежащему между скалами и Каспіемъ, проходитъ второй путь, болѣе удобный какъ для полководцевъ, такъ и для переселенцевъ, направлявшихся изъ Азіи въ Европу или обратно; но и этотъ путь могъ быть заграждаемъ тамъ и сямъ, на мысахъ, а одинъ изъ проходовъ, устроенныхъ на крайнемъ звенѣ Дагестана, такъ же, какъ и Дарьяльское ущелье, представлялъ «укрѣпленныя ворота» или дербентъ, давшія свое названіе сторожевому городу, лежащему въ этой части берега. Что касается пути, идущаго по берегу Чернаморя, въ западномъ Кавказѣ, то онъ потерялъ значеніе большой исторической дороги еще во времена римской эпохи. Путь этотъ, проходившій по берегу и соединявшій обѣ половины имперіи Митридата, еще до сихъ поръ сохранилъ на себѣ остатки въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ видѣ военно-межевыхъ знаковъ, считающихся у абхазцевъ «обителью гномовъ» [2]). Но со временъ могущества Византіи, этотъ путь былъ покинутъ. Въ продолженіе многихъ вѣковъ путь по западному берегу Кавказа, проложенный между горами и моремъ, на протяженіи 370 слишкомъ верстъ, былъ очень труденъ и слишкомъ часто преграждался естественными препятствіями; кромѣ того, прежде онъ былъ защищаемъ воинственными племенами, и нужны были цѣлыя арміи, чтобы пробраться черезъ ихъ грозныя ущелья. Но у этихъ негостепріимныхъ береговъ море было свободно, и различные народы Запада: греки и генуэзцы, русскіе и турки, изъ которыхъ одни вели съ населеніемъ Кавказа торговлю, другіе войну, имѣли всѣ выгоды, чтобы пользоваться моремъ какъ для перевозки товаровъ, такъ и солдатъ. Генуэзскіе пути, отъ которыхъ сохранились еще и доселѣ нѣкоторые слѣды, шли не вдоль берега, а черезъ горы и соединяли внутреннія части страны съ гаванями Чернаго моря.

Не безъ борьбы приходилось различнымъ народамъ перебираться съ одного склона хребта на другой. Непріятель поджидалъ его въ ущельяхъ, и остатки сильно пораженныхъ пришельцевъ должны были искать убѣжища гдѣ-нибудь въ хорошо защищенныхъ горныхъ долинахъ, вдали отъ своихъ братьевъ по языку и расѣ. Всякое значительное переселеніе народа, переходившаго черезъ хребетъ, принуждено было, такъ сказать, процѣживаться сквозь рядъ ущелій и оставлять среди горъ новыхъ приблудковъ. «Кавказъ—гора языковъ», говоритъ Абульфеда, описывая собственно Дагестанъ, а персы и теперь еще повторяютъ его слова. Страбонъ говоритъ, что греческіе купцы, торговавшіе съ гаванью Діоскуріасъ, на берегу Понта Евксинскаго, встрѣчали тамъ «если не триста различныхъ народовъ, какъ думаютъ нѣкоторые авторы, мало заботящіеся объ истинѣ, то не меньше семидесяти племенъ, говорящихъ различными языками» [1]). Плиній также указываетъ, что на рынкахъ Колхиды объяснялись на ста тридцати нарѣчіяхъ. И теперь еще, какъ и во времена Страбона, считаютъ въ этой странѣ не менѣе какъ семьдесятъ языковъ и діалектовъ; но, какъ показалъ Усларъ, извѣстный кавказскій лингвистъ, на каждое мѣстное нарѣчіе путешественники и купцы смотрѣли какъ на особый языкъ; въ дѣйствительности же, всѣ кавказскія нарѣчія могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько небольшихъ семействъ [2]). Такъ, напримѣръ, тридцать предполагаемыхъ нарѣчій Дагестана можно свести къ пяти. Нѣсколько древнихъ діалектовъ принадлежали господствовавшимъ въ этой обширной странѣ могущественнымъ народамъ, отъ которыхъ теперь не осталось никого, кромѣ очень небольшихъ группъ, затерявшихся въ горахъ. Одинъ геологъ сравниваетъ ихъ съ эрратическими камнями, съ затерявшимися обломками горъ, нынѣ исчезнувшихъ.

Кавказъ, который своими скалистыми утесами, снѣгами и ледниками, такъ величественно заканчиваетъ собою однообразіе безпредѣльныхъ равнинъ Россіи, разнится не менѣе рѣзко своимъ населеніемъ, расою и языками отъ славянскаго міра, простирающагося отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана, кажущагося столь цѣльнымъ въ глазахъ иностранцевъ, и въ сущности также состоящаго изъ разнообразныхъ элементовъ. Русскіе про-

[1]) Gamba, „Voyage dans la Russie méridionale", t. I.
[2]) Черняевскій, „Извѣст. Русск. Географ. Общ." 1877, № 5.

[1]) „Géographie, livre" XI, 16.
[2]) „Извѣстія Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ." т. V 1877—1878.

никаютъ мало-по-малу съ одного склона на другой въ долины Кавказа, и число жителей, принадлежащихъ къ племенамъ народа-побѣдителя, можно опредѣлить не менѣе какъ въ 1.400.000, что составляетъ почти $^1/_4$ всего населенія. Больше всего они живутъ въ той части Кавказа, которая граничитъ съ собственно Россіей, т. е. въ Кубанской области и Ставропольской губерніи. Точно также въ самомъ Закавказьѣ они составляютъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ этнографическихъ элементовъ, въ особенности въ городахъ и военныхъ пунктахъ. Тамъ и сямъ разбросанныя казачья поселенія, или колоніи ссыльныхъ сектантовъ, даютъ славянской расѣ перевѣсъ надъ другими. Между тѣмъ, многія изъ туземныхъ племенъ совсѣмъ исчезли съ Кавказа, будучи частью истреблены, частью высланы, а частью добровольно бросили Кавказъ; въ то же время какъ другія группы, населяющія эту страну, мало-по-малу уменьшались, борясь за существованіе съ пришлыми русскими, эти послѣдніе не переставали быстро распространяться, захватывая все далѣе и далѣе пограничныя земли на сѣверномъ склонѣ и сливаясь мало-по-малу съ колоніями, разроставшимися по южную сторону хребта, по направленію къ сѣверу. Вотъ приблизительныя численныя отношенія между различными національностями, живущими на Кавказѣ, по даннымъ 1891—1892 г. Въ 1892 г. Русскихъ—2.481.547; Поляковъ—11.180; Чеховъ—920; Болгаръ—106; Нѣмцевъ—22.856; Румынъ—1.206; Грековъ—57.707; Эстовъ—2.382; Персовъ—12.687; Татовъ—124.683; Тальминцевъ—50.510; Курдовъ—100.043; Осетинъ—164.445; Армянъ—954.612; Цыганъ—725; Евреевъ—45.666; Айсоровъ—2.272; Грузинъ—383.582; Тушиновъ—5.624; Пшавовъ—9.155; Хевсуровъ—6.560; Ингилойцевъ—8.727; Имеритинъ—423.201; Гурійцевъ—76.095; Аджарцевъ—59.516; Мингрельцевъ и Лазовъ—214.811; Сванетовъ—14.035; Кабардинцевъ и др. черк. пл.—161.953; Чеченцевъ—195.917; Абхазцевъ—60.444; Ингушей—28.003; Лезгинъ и вост. горцевъ—596.829; Турокъ—70.226; Татаръ—1.139.659; Карапапаховъ — 24.134; Карачоевцевъ — 25.000; Туркменовъ—19.000; Ногайцевъ—61.560; Турменовъ-таракямовъ—8.893; Кумыковъ—108.836; Калмыковъ—12.314.

Извѣстно, что не легко и не скоро удалось завоевать Кавказъ, и дѣло покоренія тянулось два вѣка. Сначала русскіе построили рядъ укрѣпленій на сѣверномъ Кавказѣ, которыя были постоянно охраняемы казаками, готовыми при малѣйшей тревогѣ вскочить на сѣдла. Владѣнія же русскихъ въ Закавказьѣ вначалѣ представляли нѣчто совершенно отдѣльное, не имѣвшее никакой связи съ остальной Россіей; но мало-по-малу давленіе побѣдителей усилилось: *всѣ племена*, жившія въ равнинахъ, были окончательно подчинены, а горцы постепенно принуждены были, съ году на годъ, все болѣе съуживать поле своихъ военныхъ дѣйствій. Русскіе располагали не только обоими морями, чтобы окружить горную мѣстность и помогать своимъ союзникамъ или подданнымъ, каковыми были мингрельцы, имеретины и грузины, противъ горцевъ, но еще съ первыхъ войнъ располагали также и той брешью, которая лежитъ между долинами Терека и Арагвы. Въ 1796 году четыре сотни русскихъ проникли въ Дарьяльское ущелье; въ 1784, въ 1795, 1796 и 1799 они уже пользовались этой дорогой; въ началѣ XIX столѣтія, когда Грузія была присоединена къ имперіи, было приступлено къ постройкѣ вдоль Терека и Арагвы военной дороги, соединившей Закавказье въ равнинами сѣвера. Съ тѣхъ поръ Кавказъ былъ разрѣзанъ какъ бы на два различныхъ ломтя. Пушкинъ описываетъ свое путешествіе въ 1828 [1]) по этому, все еще опасному пути. Путешественники, купцы, рабочіе должны были дожидаться военнаго конвоя, который сопровождалъ ихъ отъ одной крѣпостцы до другой, въ положенное время. Двигались по этому пути медленно, среди облаковъ пыли, не смѣя отставать отъ всадниковъ и отъ телѣгъ съ ихъ потерянными ободьями, при чемъ въ продолженіе дня проходили обыкновенно не болѣе 15 верстъ. Но арміи и обозы вступали въ «ворота», и самыя воинственныя горныя племена очутились раздѣленными другъ отъ друга. Этотъ первый путь предшествовалъ тому, что былъ потомъ проложенъ черезъ Мамисонское ущелье, между долинами Терека и Ріона, а за ними были устроены и другіе пути, которые, если и не пересѣкали хребта, то проходили по боковымъ долинамъ, расчищая лѣса, въ которыхъ прятались горцы, устраивавшіе засады противъ русскихъ. «Если бы я могъ, говорилъ Шамиль, то окропилъ бы священнымъ елеемъ деревья моихъ лѣсовъ и смѣшалъ душистый медъ съ грязью моихъ дорогъ, ибо эти лѣса и эта грязь составляютъ мою силу». Но рытвины и топи далеко еще не исчезли, лѣса перестали быть непроходимыми, горы ужь не недоступны и населеніе порабощено. Въ одномъ стихотвореніи Лермонтова говорится, что гордый Казбекъ сначала съ презрѣніемъ смотрѣлъ на карловъ, идущихъ съ сѣверныхъ равнинъ, чтобы взять его приступомъ; но когда онъ ихъ увидѣлъ поближе, вооруженныхъ заступами, кирками и топорами, производящихъ окопы и вырубающихъ лѣса, онъ вздрогнулъ до самаго основанія,—онъ понялъ, что часъ его пробилъ.

Кавказъ, разсматриваемый по отношенію рельефа земной коры, водъ, распредѣленію жителей, раздѣленъ на нѣсколько различныхъ

[1]) „Поѣздка въ Эрзерумъ".

областей, ограниченныхъ естественными предѣлами, что облегчаетъ описаніе этой страны по отдѣльнымъ частямъ, хотя и связаннымъ между собою болѣе или менѣе общими чертами. Весь западный Кавказъ, который выдается остріемъ у входа въ Азовское море, съ обоими его склонами, населенный русскими, составляетъ отдѣльную естественную область вмѣстѣ съ бассейномъ Кубани и сосѣдними степями. Средній Кавказъ, гдѣ смѣшанное населеніе живетъ въ своихъ лачугахъ, построенныхъ среди пастбищъ и по берегамъ рѣкъ, есть тоже область, географически отдѣльная отъ прочихъ, точно такъ же, какъ и весь восточный Кавказъ, гдѣ ютятся племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «горцевъ». Бассейнъ Терека, равнины и озера Кумы, составляющіе остатки уже на половину высохшаго древняго моря, представляютъ полный контрастъ съ гористою областью. На югъ отъ хребта, бассейнъ Ріона и Чоруха, въ части страны, завоеванной у турокъ, заселенъ людьми одинаковаго происхожденія и составляетъ собою также отдѣльную часть Кавказа, съ довольно рѣзкой этнической границей. Но далѣе отъ нихъ, на востокъ, тамъ, гдѣ поля орошаются Курою, въ обитателяхъ нѣтъ уже цѣльнаго характера и грузины живутъ въ этой мѣстности въ перемежку съ татарами; тѣмъ не менѣе, съ географической точки зрѣнія, эта страна есть нѣчто цѣльное и самостоятельное. Можно сказать то же самое и про долину Аракса, съ ея населеніемъ, состоящимъ изъ армянъ и татаръ.

II. Западный Кавказъ, бассейнъ Кубани, абхазцы, черкесы, Черноморскіе казаки.

Къ западу отъ горнаго узла, въ которомъ царитъ Эльбрусъ, цѣпь превращается въ приморскій хребетъ, такъ круто обрывающійся своимъ склономъ у береговъ Чернаго моря: его откосъ продолжается глубоко подъ водою, такъ какъ не далеко отъ берега, на глубинѣ версты, а по Чернявскому [1]) даже 3.600 метровъ, лотъ еще не касается дна [2]). Уголъ склона между главнымъ хребтомъ Западнаго Кавказа и морскимъ берегомъ можно считать, въ 8 градусовъ,—наклонъ очень значительный, если при этомъ принять въ разсчетъ террасы, спускающіяся одна за другою по склонамъ.

Часть прибрежнаго хребта, граничащая съ Эльбрусомъ, довольно высока и на ея вершинахъ, поднимающихся на 9.800—11.800 футовъ, лежитъ постоянный снѣгъ. Но здѣсь, какъ и въ центральной части Кавказа, главный хребетъ сопровождаютъ параллельные меньшіе хребты, образующіе съ нимъ и съ поперечными къ нимъ звеньями, большія продолговатыя впадины, заканчивающіяся слабыми спусками къ побережью, а крутыми обрывами къ сторонѣ главнаго хребта; по тропинкамъ, проложеннымъ черезъ цѣпь и идущимъ долинами, параллельно хребту, достигаютъ перевала, а затѣмъ уже для того, чтобы перейти черезъ цѣпь, остается только обогнуть вершины. Недалеко отъ Эльбруса начинается линія вѣчныхъ снѣговъ; сначала идетъ Джуманъ-тау, тянущійся ввидѣ кровли, а за нимъ, выдѣляясь среди другихъ вершинъ, Марухъ, сверкающій своей снѣжной маковкой; еще далѣе, величественный Оштенъ (или Оштекъ)—высочайшая точка горной массы Фишта—расположившійся почти на половинѣ приморской части хребта, довольно рѣзко выдѣляясь среди окрестныхъ вершинъ своимъ снѣжнымъ гребнемъ, заканчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей конечной пирамидой наиболѣе высокую часть хребта. Со стороны моря въ сѣверо-западномъ направленіи, на горизонтѣ виднѣется его профиль, быстро понижающійся и похожій на зубья пилы. Съ 9.800 футовъ онъ спускается на 6.500, потомъ 5.000 и наконецъ на 3.200, отдѣляясь мѣстами глубокими ущельями. Послѣдній пунктъ хребта, который можно считать еще горой, есть Идокопасъ, на юго-востокъ отъ порта Новороссійскъ. Далѣе же идутъ холмы, покатыя стороны которыхъ сливаются уже съ аллювіемъ Таманскаго полуострова. Сообщеніе между обоими склонами производится посредствомъ тропинокъ, идущихъ ступеньками, но и ими почти некому пользоваться: военное мѣстечко Сухумъ-Кале не соединено непосредственно съ Кубанской областью какой-нибудь стратегической дорогой. Пока состоится устройство шоссейнаго пути, ожидаемаго въ 1883 году, приходится еще путешествовать по песчаному берегу, усѣянному щебнемъ. Во время сильныхъ волненій на морѣ, пѣшеходы и всадники должны пробираться по линіи индо-европейскаго телеграфа, то взбираясь на скалы, то опускаясь въ долины рѣкъ или рѣченокъ, стекающихъ въ море.

Вотъ между прочимъ высота различныхъ точекъ въ западномъ Кавказѣ (въ метр.) Охтенъ (Фишта)—2.852; Охтенъ Марухъ—3.500; Охтенъ Нахаръ—2.931; Сангаро—2.400 Псегаско—1.888; Идокопасъ—735.

Хотя береговой климатъ очень влаженъ, но рѣки, впадающія въ Черное море, слишкомъ коротки, чтобы быть полноводными: это, по большей части, рѣки, которыя питаются ливнемъ, выпадающимъ на склоны высотъ. Только немногія изъ рѣкъ южной долины (Кодоръ, Бзыбь и Мзымта) имѣютъ нѣкоторое значеніе,

[1]) „Изв. Русск. Геогр. Общ.“, 1877. № 5.

[2]) Ссылка не точна: у Чернявскаго сказано: „Извѣстно пока, что глубина Чернаго моря принимается a priori до 3.600 метровъ, но уже не вдалекѣ отъ Кавказскаго берега есть глубины въ 2.000 метровъ“.

Прим. перев.

благодаря параллельности главнаго хребта съ боковыми звеньями, между которыми они берутъ свои истоки. Большая часть горныхъ долинъ носитъ на себѣ слѣды древнихъ озеръ, которыя высохли, пробивъ себѣ выходъ въ ущелье или же въ подземные водоемы. Цѣлыя рѣки вытекаютъ изъ пещеръ, размывая пласты юрскаго известняка; таковъ, напримѣръ, Мычишъ, который большею частью изображается на картахъ какъ длинная, ровная, независимая рѣка, между тѣмъ какъ онъ, въ дѣйствительности, есть не что иное, какъ рукавъ Бзыби, который течетъ подъ слоемъ горы Псхувъ и выходитъ наружу, пробиваясь между рядами скалъ, невдалекѣ отъ моря: скрытую часть его русла опредѣляютъ почти въ три версты. Около Гагровъ, у берега, бьетъ обильный подводный ключъ. Рѣка Пицунда, сосѣдняя съ Бзыбью, представляетъ тоже интересное явленіе; она измѣнила свое теченіе уже въ историческую эпоху; прежде текла на югъ, теперь же течетъ на сѣверъ отъ мѣстечка Пицунды [1]),

Рѣки Абхазіи не могутъ приносить иной пользы, кромѣ какъ для орошенія садовъ, лежащихъ у моря,—садовъ, рѣдкихъ по красотѣ,—въ мѣстахъ, которыхъ не касались бѣдствія войны; пальмы смѣшиваются съ европейскими деревьями, а въ тѣнистыхъ аллеяхъ растутъ въ изобиліи розы и жасмины. Но большая часть водъ, стекающихъ съ горъ, застаиваются въ топяхъ, по выходѣ изъ долинъ, и настолько заражаютъ воздухъ, что десятая доля населенія обречена на болѣзни. Папоротники, которые покрываютъ толстымъ слоемъ большую часть полянокъ на Абхазскихъ горахъ, также отчасти способствуютъ развитію болѣзней въ этомъ вообще нездоровомъ климатѣ. Эти папоротники, въ нѣсколько аршинъ вышины, растутъ такъ густо и такъ переплетаются между собою, что трудно бываетъ проложить себѣ дорогу между ихъ стеблей и листвой; когда они вянутъ, то, подгнивая у корня, своими сплетеніями надъ землей образуютъ какъ бы своды, подъ которыми скопляются газы, развивающіеся въ гніющихъ остаткахъ растеній. Дожди, падающіе на эти скопленія, не могутъ испаряться: даже на склонахъ горъ почва болотистая и гніющая; вблизи мѣстъ, поросшихъ папоротникомъ, воздухъ зловонный, почти негодный для дыханія, и жители ближайшихъ къ нимъ деревень страдаютъ лихорадками. Поэтому абхазцы, избѣгая сосѣдства съ болотистыми мѣстами, должны были селиться или въ лѣсахъ, или на голыхъ плоскогоріяхъ [2]). Вездѣ, гдѣ русскіе позаботились объ истребленіи папоротниковыхъ зарослей, тамъ мѣстный климатъ значительно улучшился [3]). Въ полосѣ, лежащей между низкими мѣстами, заросшими папоротникомъ, и горными пастбищами, находятся прекрасные лѣса пихты, дуба, каштана, смѣшанные съ самшитомъ и лещиной.

Эта часть берега Чернаго моря, простирающаяся почти на 400 верстъ длины, у подножья западнаго Кавказа станетъ современемъ для русскихъ-сѣверянъ вторымъ Крымомъ, страною дачъ и садовъ, когда нездоровость климата уничтожится. Но, во всякомъ случаѣ, абхазскій берегъ, хотя расположенъ южнѣе, чѣмъ Крымъ, и имѣетъ болѣе жаркій климатъ, рѣже затемняемый туманами, но онъ однако тѣмъ уступаетъ крымскому, что не защищенъ отъ непогоды, за исключеніемъ развѣ мѣстностей, лежащихъ на южномъ склонѣ боковыхъ цѣпей. Масса морской воды, съ температурой сравнительно возвышенной, заполняющая собою тѣ бездны Чернаго моря, что начинаются у самаго берега, сильно содѣйствуетъ согрѣванію воздуха, поддерживая его до конца ноября на 14—15 градусахъ; средняя температура зимнихъ мѣсяцевъ въ Сухумѣ колеблется между 7°,3 и 8°,5. Осенью и весною здѣсь дуютъ съ страшною силой юго-западные вѣтры и заносятъ иногда съ плоскогорій Анатоліи зимній холодъ; во время такихъ вѣтровъ плаваніе въ этой части моря дѣлается крайне опаснымъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ защищенныхъ гаваней. Абхазскій берегъ зато вполнѣ защищенъ отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, полярныхъ токовъ воздуха, идущихъ по Каспію и Кумѣ; хотя, въ своей сѣверной окраинѣ, западный Кавказъ уже не настолько высокъ, чтобы помѣшать проходу этихъ холодныхъ вѣтровъ Бора—какъ итальянскіе и греческіе моряки, плавающіе по Черному морю, назвали сѣверо-восточный вѣтеръ, напоминающій имъ подобный бичъ того же имени [1]) въ Тріестскомъ заливѣ—налетаетъ шквалomъ съ холмомъ, отдѣляющихъ Новороссійскъ отъ степей, и страшно волнуетъ море. Въ 1848 году, 12 января, всѣ суда, стоявшія на Новороссійскомъ рейдѣ, были или унесены въ открытое море или выброшены на берегъ; одно изъ нихъ, покрытое брызгами волнъ, мгновенно замерзавшими на бортахъ и на палубѣ, вслѣдствіе тяжести образовавшагося на немъ льда, пошло ко дну со всѣмъ экипажемъ [2]).

Весь сѣверный склонъ береговой цѣпи принадлежитъ къ бассейну Кубани (Кумавъ—у ногайцевъ, Кубинъ—у абхазцевъ). Эта рѣка, первые истоки которой берутъ свои начала съ ледниковъ Эльбруса, принимаетъ потомъ въ себя каждую рѣчонку, каждый ручей, стекающій съ долинъ западнаго Кавказа, исключая, разумѣется, тѣхъ небольшихъ потоковъ, кото-

[1]) Черняевскій, „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ 1877. № 5.
[2]) Титовъ, „Опытъ медицинской географіи“.
[3]) Statkovsky, „Climatologie du Caucase“, Владыкинъ, „Путеводитель по Кавказу“.

[1]) Названіе Бора, по всей вѣроятности, происходитъ отъ Boreas. Прим. перев.
[2]) Фонъ-Врангель, „Метеорологическій сборникъ Академіи Наукъ“, т. V, № 4, Statkovsky, „Climatologie du Caucase“.

спаряются въ степяхъ, прежде чѣмъ ютъ достигнуть до главной рѣки. Она, му полукружному направленію, напоми- французскій Адуръ; Кубань, такъ же, какъ рѣка, служитъ геологической границей гористой частью страны и поверхностью, й тѣмъ родомъ степей, которыя извѣст- Франціи подъ именемъ «ландовъ». На- сь трижды въ годъ весенними дождями, ми ливнями и тающими снѣгами лѣтомъ, принимаетъ видъ большой рѣки, и бе- , отдаленные другъ отъ друга на 75— кенъ, расширяются во время половодья чѣмъ на версту, и мѣстами глубина до- ъ болѣе десяти футовъ; тогда какъ во низкой воды, именно въ августѣ, сен- октябрѣ, она не бываетъ глубже 3½ фу- въ исключительные, впрочемъ, года слу- что ея сѣверный рукавъ у самой дельты ь высыхаетъ [1]). Попытки учредить пра- судоходство по Кубани долго не имѣли пороги, водяныя поросли въ нижнемъ , а выше песчаныя отмели часто задер- суда; однако съ 1873 года пароходы, иду- Керчи, поднимаются на Кубани до самой ской станицы, отстоящей всего въ 25 ъ отъ Ростово-Владикавказской желѣз- роги; на ея верховьяхъ же могутъ пла- шь плоскодонныя барки [2]). Инженеры тали прорыть судоходный каналъ, кото- , огибая устье Кубани, соединялъ ея теченіе съ моремъ [3]). По другому про- редполагалось направить часть Кубан- водъ въ Куму, съ цѣлью поднять зе- е въ степяхъ, по которымъ течетъ эта

тахъ въ 50 отъ морскаго берега, Ку- несущая въ море среднимъ числомъ куб. метр. воды въ секунду [4]), раздѣ- на два рукава, которые въ свою очередь азвѣтвляются. Главный сѣверный ру- ротока, направляется къ лиману Ахта- иву Азовскаго моря, а южный, болѣе одный, Кара-Кубань, входитъ въ боло- нскаго полуострова, снова раздваивает- ютъ отъ Темрюка и затѣмъ вливается въ Азовское, а частью въ Черное по- омъ такъ называемаго богара или , часто перемѣщающагося и свободна- для судовъ, сидящихъ въ водѣ не глуб- на два фута. Отъ одного устья до другаго, отъ южнаго рукава Кубани до Протока у Ахтари, по прямой линіи, будетъ не менѣе 100 верстъ, но если слѣдовать по береговому пути, то это разстояніе по крайней мѣрѣ удвоится. Дельту Кубани, имѣющую въ общемъ, видъ треугольника, можно бы приравнять къ дельтѣ Нила если не по величинѣ, то по формѣ: она занимаетъ пространство около 6.000 кв. верстъ. Осадки, образовавшіе ее, не уносились въ открытое море, какъ это происходитъ съ рѣками: Волгой, Роною, Миссисипи, но отлагались въ самомъ лиманѣ, у песчаной отмели, отдѣляющей его отъ Азовскаго моря и болѣе древней по происхожденію, нежели дельта. Содержаніе осадковъ въ водѣ доходитъ среднимъ числомъ до 1: 480, и наносы быстро заполнили бы весь лиманъ, если бы вода не увлекала ихъ съ одной стороны въ Азовское море, а съ другой прямо въ Черное. Засариваніе лимана еще нельзя считать полнымъ, особенно въ сѣверной части, гдѣ лиманъ раздѣляется на множество отдѣльныхъ прудовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго параллельными бортами, окаймлявшими ложа древнихъ рѣкъ [5]).

Въ низовьяхъ рѣка часто измѣняла свое теченіе; острова и протоки перемѣщаются такъ часто, что описанія старинныхъ авторовъ стали совершенно непонятны: перемѣнились и направленія рѣки и самыя названія. Еще въ концѣ XV столѣтія Кубань несла въ Азовское море массу воды сравнительно гораздо большую. Но съ того времени она перемѣщалась со стороны, въ сторону и всякое новое половодье измѣняетъ ея направленіе. На всемъ Таманскомъ полуостровѣ, усѣянномъ болотами и ериками или ложными рѣками, т. е. остатками половодья, сообщающимися съ моремъ, находятъ сухія балки и обнаженные берега, на коихъ видны слѣды послѣдовательныхъ наслоеній и измѣненій уровня рѣки. Хотя полуостровъ имѣетъ въ ширину около 40 верстъ, но часто случается, что озера и рѣки, переполняясь водою, преобразовываютъ его въ совершенный островъ, подобный тому, какимъ онъ былъ прежде когда-то. Вообще же весь полуостровъ ничуть нельзя считать низменностью: онъ состоитъ изъ пяти рядовъ холмовъ, идущихъ параллельно и поднимающихся мѣстами болѣе чѣмъ на 500 футовъ; эти ряды отдѣлены между собою промежутками, покрытыми наносной почвой и служившими когда-то проливами; и теперь еще часть ихъ занята плавнями. Вытянутая форма полуострова по направленію съ востока на западъ, расположеніе его озеръ и песчаный остроконечникъ указываютъ, что полуостровъ Тамань есть какъ бы спускъ горной цѣпи, заканчивающейся у Азовскаго моря.

іюлѣ 1846 года, разлившись Кубани во многихъ доходилъ до 20 верстъ, были затоплены всѣ при- ауды, вмѣстѣ съ запасами хлѣба и сѣна. (См. винъ, очеркъ Кавказа и народовъ, его населя-

ина Кубани=около 680 верстъ; разстояніе же до Гнфлинской станицы 400 верстъ.
Прим. перев.

ъ-Вурмейстеръ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общ.“ III, № 4; „Извѣстія Кавказск. отдѣла“, т. III. нилевскій, „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ т. II. 1869.

[1]) Даниловскій, тамъ же.

По Абиху, сопки, грязевые вулканы [1]) этого полуострова были въ прежнее время дѣятельнѣе, чѣмъ теперь. Они расположены въ рядъ, составляющій продолженіе горной цѣпи, или параллельны ея оси. На этой же линіи, служащей продолженіемъ хребта, недалеко отъ города Темрюка, въ 1799 г. возникъ дѣйствующій вулканическій островокъ; онъ былъ всего саженъ 200 въ окружности, извергалъ черноватую грязь на высоту 14 футовъ надъ уровнемъ Азовскаго моря и скоро исчезъ; но на мѣстѣ его появился другой, въ 1814 г., который тоже держался лишь нѣкоторое время надъ поверхностью волнъ [2]). Маленькіе вулканическіе пригорки на полуостровѣ Тамань, извергающіе грязь, одни изъ самыхъ замѣчательныхъ на земномъ шарѣ; они представляютъ собою цѣлый рядъ переходныхъ явленій, начиная съ простыхъ сопокъ и кончая настоящими вулканами; малороссійскіе казаки назвали нѣкоторые изъ нихъ «пекломъ». Въ 1799 году островокъ Темрюкъ, по свидѣтельству туземцевъ, извергалъ пламя и дымъ, а Куку-Оба или «Синій холмъ» находящійся верстахъ въ 10 къ сѣверо-западу отъ Тамани, зимою 1794 года открылъ кратеръ и съ пламенемъ выбрасывалъ куски замерзшей земли на разстояніе около версты. Прочія вулканическія вершины полуострова извергаютъ каменья и глинистую грязь; въ этой грязи находятъ корни камыша, остатки водорослей и другихъ водяныхъ растеній: вулканическіе источники очевидно сообщаются съ лиманомъ и съ моремъ. Говорятъ, что во время бурь въ грязевыхъ колодцахъ слышенъ какой-то шумъ. Въ прежнее время, въ массѣ глины, выбрасываемой кратерами, и вблизи этихъ маленькихъ вулкановъ, находили множество обломковъ греческихъ и скиѳскихъ глиняныхъ издѣлій. Палласъ, желая объяснить присутствіе этихъ обломковъ, спрашиваетъ: не имѣли ли древніе обыкновенія бросать сосуды и другіе предметы въ жерла вулкановъ, въ видѣ приношеній.

Нефтяные источники полуострова и сѣвернаго склона западной части Кавказа вытянуты въ ту же линію и въ томъ же направленіи, какъ и сопки. Область третичной формаціи, въ которой глина и мергель заключаютъ въ себѣ столь цѣнный матеріалъ, какъ нефть, занимаетъ поверхность не менѣе 1.300 кв. верстъ, продолжаясь кромѣ того довольно далеко подъ лиманами. Вода Темрюкскаго озера содержитъ въ себѣ небольшую примѣсь нефти, что не мѣшаетъ однако благоденствовать въ ней щукамъ, окунямъ и другимъ рыбамъ; въ озерѣ ловится также много раковъ, имѣющихъ впрочемъ нѣсколько горьковатый вкусъ [1]). Почва, столь богатая нефтью, буравлена пока только тамъ, гдѣ изобильные источники минеральнаго масла разливаются на поверхности, или гдѣ они выходятъ наружу въ видѣ газовъ; вообще же до сихъ поръ еще не получено тѣхъ блестящихъ результатовъ, на которые разсчитывали прежде. Въ 1866 году начались работы, въ «нефтяной долинѣ» или Куда-ко, на землѣ, подаренной Императоромъ одному изъ сановниковъ; первый колодезь давалъ въ день до 800 ведеръ петроля; но почти все это добро пропало безъ проку: резервуаръ былъ устроенъ въ высохшемъ ложѣ рѣки, подверженномъ дѣйствію ливня. Впрочемъ эти колодцы вскорѣ изсякли;—три раза ихъ углубляли и наконецъ совсѣмъ оставили [2]). Въ 1870 году были вырыты шесть другихъ колодцевъ, дававшихъ въ суммѣ 13.820 ведеръ ежедневно, или 62.000 тоннъ въ годъ; немедленно послѣ буренія, начиналъ лить источникъ нефти на высоту 50 футовъ надъ уровнемъ почвы. Если бы эту «область нефти» эксплоатировать «по-американски», соединить берегъ Анапы съ р. Кубанью желѣзной дорогой, то изъ такой богатой мѣстности можно бы было вывозить болѣе трехъ съ половиною милліоновъ ведеръ очищеннаго петроля ежегодно [3]).

Едва-ли найдется въ Старомъ Свѣтѣ страна, гдѣ бы такъ часто мѣнялось населеніе, вслѣдствіе войнъ, убійствъ и выселеній, какъ въ бассейнѣ Кубани и западномъ Кавказѣ. Никакая страна не заслуживаетъ такъ вѣрно названія «страны крови», даваемаго другимъ мѣстностямъ, опустошеннымъ битвами, какъ эта. Съ половины нынѣшняго столѣтія племена и націи исчезли изъ долинъ, замкнутыхъ съ востока Эльбрусомъ, а люди другой расы заняли покинутыя пепелища своихъ предшественниковъ. Историческая цѣпь этого народа здѣсь сразу прерывается; его преданія, языкъ и нарѣчія безвозвратно потеряны, такъ какъ большая часть изгнанниковъ повымерла, а среди уцѣлѣвшихъ и разсѣявшихся остатковъ племени, врядъ-ли можно отыскать ту цѣлость идей и нравовъ, того, что составляло какъ бы душу ихъ родины. Отъ хозяевъ страны остались только географическія названія, болѣе или менѣе исковерканныя непривычнымъ языкомъ чужеземцевъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи черкесы занимали большую часть степей сѣвернаго Кавказа; они владѣли пастбищами къ сѣверу отъ Кумы, добывали соль изъ озеръ Манычской впадины [4]). Въ 1859 году Паули насчитывалъ ихъ въ западномъ Кавказѣ болѣе полумилліона, а въ

[1]) Или „плевки" — какъ ихъ называютъ мѣстные жители. Прим. перев.

[2]) Von Bauer, „Bulletin de l'Académie des Sciences de *S.-Petersbourg*", *tome V, 1863, Abich.*

[1]) Pallas, „Voyage en Crimée".

[2]) Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".

[3]) Романовскій, „Оффиціальный отчетъ 1879 г.".

[4]) Klaproth, „Voyage au Caucase et en Georgie".

1864 г., въ концѣ войны, послѣ которой вся горная область была окончательно покорена, число туземцевъ опредѣляли еще въ 300,000 душъ. Въ настоящее время они перестали существовать какъ самостоятельное населеніе страны, живутъ въ разбросъ, оставаясь въ странѣ на исключительныхъ условіяхъ, и скоро на всемъ Кавказѣ совсѣмъ не останется чистыхъ представителей черкесской національности. Абхазцы, жившіе на берегу моря и въ южныхъ долинахъ, также почти исчезли несмотря на то, что ихъ, какъ номинально подчинившихся Россіи съ 1810 года, щадили болѣе, нежели черкесовъ. Въ 1864 году абхазцевъ было около 150.000, а въ 1877 году, передъ послѣдней Восточной войной, число ихъ уменьшилось на треть: болѣе 20.000 душъ эмигрировало послѣ того, какъ турки принуждены были оставить

Дарьяльское ущелье.

укрѣпленное мѣстечко Сухумъ. Нѣкоторыя долины совершенно лишились своихъ прежнихъ обитателей и пустѣютъ въ ожиданіи русскихъ: о туземцахъ напоминаютъ лишь кладбища, осѣненныя рощами дикой сливы, груши и яблони, переплетенныхъ виноградною лозою [1]).

Побѣжденные еще при императорѣ Николаѣ, черкесы или адиге [2]), жившіе исключительно на сѣверномъ склонѣ Кавказа, въ долинахъ верхнихъ притоковъ Кубани [3]), не пожелали подчиниться власти побѣдителей и вмѣсто того, чтобы поселиться въ низменной равнинѣ, какъ имъ было то предложено, предпочли совсѣмъ выселиться изъ страны, всей массой; только 70.000 согласились остаться на сдѣланныхъ имъ условіяхъ. Такъ счастливо отдѣлавшись отъ подобныхъ враговъ, русское правительство старалось содѣйствовать «исходу» несчастныхъ туземцевъ, облегчивъ имъ дорогу; прокламаціей намѣстника, объявленной въ 1864 году, послѣ окончательнаго пораженія горцевъ, всѣмъ адиге было приказано въ теченіе мѣсяца «очистить долины», подъ страхомъ быть объявленными военноплѣнными. Приказъ былъ выполненъ, и болѣе $^4/_5$ адиге, понукаемые русскими войсками, занимавшими въ это время долину за долиной [4]), покинули свое отечество и направились искать убѣжища въ европейской Турціи, въ Анатоліи, на Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ Оттоманской имперіи. Съ 1-го января по 10 іюля 1864 г. всѣхъ горцевъ, переселявшихся въ Турцію, было вывезено изъ портовъ:

Тамани—27.337 душъ; Анапы—16.452 д.; Новороссійска—61.995 д.; Туапсе—63.449 д.; Сочи—46.754 д.; мыса Адлера—20.731 д. Изъ прочихъ портовъ—21.350 д. Итого—256.067 душъ.

Изъ этихъ оффиціальныхъ данныхъ, касающихся черкесовъ, отправленныхъ, въ продолженіе полугода, подъ наблюденіемъ русскихъ офицеровъ изъ портовъ Чернаго моря во временныя депо, учрежденныя въ Требизондѣ, Самсунѣ и Синопѣ, видно, что число переселенцевъ достигало почти 260.000. Прочими также оффиціальными отчетами, число всѣхъ черкесовъ, эмигрировавшихъ съ 1858 по 1864 г. опредѣляется въ 398.000 человѣкъ. Считая еще тѣхъ, которые ушли съ Кавказа до или послѣ большаго исхода, и тѣхъ, которые поумирали во время морскаго плаванія, можно принять, что число всѣхъ черкесовъ и вообще кавказцевъ, покинувшихъ свои горы, не менѣе какъ въ полмилліона. Само собою понятно, каковъ былъ процентъ смертности, сколько этихъ несчастныхъ страдальцевъ погибло во время перевозки на баржахъ черезъ море, а потомъ, въ шалашахъ, раскинутыхъ на берегу, отъ недостатка необходимой пищи, непогоды и дурнаго обращенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе половины выходцевъ поумирали съ голоду или отъ болѣзней, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ они оставили свою дорогую родину. Прибывши наконецъ въ страну, гдѣ имъ была предоставлена земля, изгнанники очутились среди враждебнаго населенія, чужаго имъ по языку, религіи, нравамъ. Пріученные къ постояннымъ войнамъ, они и на новомъ мѣстѣ продолжали держаться военныхъ пріемовъ и грабежей, захватывая мечомъ то, что, будучи мирными земледѣльцами, добыли бы плугомъ. Изгнаніе черкесовъ было не только бѣдствіемъ для нихъ самихъ, но и для тѣхъ, съ кѣмъ пришлось имъ жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ.

На Кавказѣ остались очень не многіе адиге, собственно тѣ, которые, такъ сказать, цѣною порабощенія купили себѣ право остаться въ своемъ отечествѣ. Но на адиге очень долгое время смотрѣли какъ на типъ другихъ кавказскихъ племенъ, еще не эмигрировавшихъ, и вліяніе ихъ на сихъ послѣднихъ было слишкомъ значительно, чтобы не видѣть необходимости изучить этотъ народъ таковымъ, какимъ онъ былъ до 1864 г., въ тѣ времена, когда онъ своимъ энергическимъ сопротивленіемъ русскимъ пріобрѣлъ себѣ славу героевъ, поставивъ себя на-ряду съ самыми доблестными націями на земномъ шарѣ. Преданія джигитовъ, патріархальная простота нравовъ, физическая красота, изящность безспорно дѣлали черкесовъ первыми между остальными кавказцами, и ихъ именемъ часто называли всѣхъ другихъ горцевъ. Къ несчастію, они жили только войною, и многіе эти-

---

[1]) „Сборникъ извѣстій о Кавказѣ", т. I.

[2]) Слово „адиге" у всѣхъ племенъ этого народа означаетъ островъ. Прим. перев.

[3]) Изъ прилагаемой таблички видно, какъ (приблизительно) измѣнялись численныя отношенія между различными племенами черкеской національности въ промежутокъ между 1835—1858 гг. Изъ племенъ перечислены только главнѣйшія, при чемъ блуждавшія границы ихъ территорій опредѣлены при помощи рѣкъ, а порядокъ расположенія въ столбцѣ указываетъ на сосѣдства.

	Между рѣками:	Число душъ въ 1835 г.	Въ 1885 г.
Большая Кабарда. .	Терекомъ и Малкой.	24.000	24.272
Малая Кабарда. . .	Терекомъ и Сунджей.	6.000	12.735
Абреки или бѣгл. кабардинцы . . .	въ дол. мал. и бол. Зеленчука	4.000	4.707
Шапсугу	Шапса и Супъ. . .	200.000	160.000
Натухаджи	Низ. Кубани и Черн. моря	60.000	20.000
Абадзехи	Схагуаше и Пшишъ.	9.000	6.521
Баедухи.	по Кубани до Пшишъ		4.000
Кемгуй (Темирго) .	Кубанью и Схагуаше	11.000	8.168
Бесленейцы.	въ Кубанской котл.	25.000	5.115
Мохошевцы	Чехураджъ и Шеде.	5.000	5.000
Убыхи	на сѣв. отъ Абх. у Черн. моря . . .	19.000	25.000
		527.000	315.550

(См. „Русс. Вѣстн.", 1842 г.;—Берже, „Кавк. Календ.", 1858 г.;—Дубровинъ, „Очерки Кавказа";—Ильинъ, Карта Европейской Россіи).

[4]) „Кубанскія Вѣдомости", 1687 г. № 39;—Dulaurier, *„Revue des deux Mondes"* 15 dec 1865; 1-e Janvier, 1866.

мологи объясняютъ самое слово «черкесъ» въ смыслѣ «грабитель», «бандитъ», «разбойникъ большой дороги». Тѣмъ не менѣе, названіе націи можетъ быть произведено отъ Kerkétes, упоминаемыхъ у Страбона [1]). Языкъ адиге грубый, гортанный, съ произношеніемъ затруднительнымъ для всякаго иностранца. Говорятъ, что кромѣ обыкновеннаго языка, въ военныхъ дѣйствіяхъ черкесы употребляли особенный жаргонъ [2]).

Адиге принадлежатъ, вѣроятно, къ той же вѣтви, какъ и грузины, лезгины, чеченцы и прочіе народы Кавказа, о которыхъ неизвѣстно достовѣрно, принадлежатъ ли они къ арійцамъ или же, быть можетъ, представляютъ смѣсь другихъ расъ. Они большею частью красивы, стройны, съ тонкой таліей и широкоплечи; лицо овальное, чистое, съ блестящими глазами и окаймлено густыми черными, иногда каштановыми или свѣтлыми, волосами. Ихъ привычку держаться прямо и откидываясь назадъ приписываютъ матерямъ, которыя грудныхъ дѣтей привязываютъ плашмя къ доскѣ. У мужчинъ и женщинъ тучность или какой-либо другой физическій порокъ считается позоромъ; тѣ, у которыхъ есть таковой, удерживаются отъ посѣщенія общественныхъ празднествъ и народныхъ собраній [3]). Зная, что красота есть неотъемлемая принадлежность ихъ расы, черкесы женятся рѣдко на женщинахъ другой крови. Ихъ своеобразный нарядный костюмъ, который они носятъ съ такой ловкостью, сдѣлался національнымъ костюмомъ всѣхъ вообще горцевъ, а также и русскихъ казаковъ; даже миролюбивые евреи до сихъ поръ одѣваются въ черкеску, украшенную патронами, впрочемъ совершенно для нихъ безполезными.

У черкесовъ, какъ и албанцевъ Пинда, съ которыми они имѣютъ большое сходство, кровавая месть есть высшій законъ. Кровь за кровь; убійца долженъ быть наказанъ, если онъ, по меньшей мѣрѣ, не выкупитъ свое преступленіе, или если ему не удастся украсть ребенка изъ семейства своего врага, воспитать его, какъ собственнаго сына и затѣмъ возвратить его въ родительскій домъ. Подлогъ лошади измѣненіемъ тавра, такъ же какъ и убійство, требуетъ кроваваго возмездія [4]). Вражда между семьями продолжается иногда на цѣлыя поколѣнія; но тѣмъ не менѣе черкесы отличаются отъ своихъ сосѣдей сванетовъ тѣмъ, что смотрятъ съ презрѣніемъ на ихъ каменныя жилища и живутъ въ деревянныхъ хижинахъ легкой постройки, разсчитывая при оборонѣ только на силу своихъ мускуловъ. Надо замѣтить, что кровомщеніе никогда не совершается на глазахъ женщины: одного мановенія ея руки достаточно, чтобы остановить убійство. Но въ то же время мужъ или отецъ столь священной особы, могутъ убить ее самое, не отдавая никому отчета. Слѣдуя древнему обычаю, молодой человѣкъ похищаетъ силою дѣвушку, на которой онъ хочетъ жениться. Молодая черкешенка впередъ знаетъ, что ей придется оставить родительскій домъ, уступить притворной или дѣйствительной силѣ, или быть проданной въ чужіе края; но сила обычая такова, что лишеніе отечества и гаремная жизнь обыкновенно ничуть не страшатъ ее. Дѣвушки увѣрены въ томъ, что, по издавна сложившемуся взгляду, онѣ въ чужихъ краяхъ сдѣлаются законными супругами разныхъ вельможъ, благодаря своей красотѣ, изящнымъ манерамъ и поэтическому языку. Въ то время, какъ другія женщины Востока были не что иное, какъ рабы, черкешенки оставались людьми свободными, и это дѣлало ихъ еще болѣе привлекательными. Что касается мальчиковъ, то ихъ чаще всего воспитывали не сами родители, но аталыки или воспитатели, которые выбирались изъ людей, обладавшихъ физическими и нравственными достоинствами: мужествомъ, вѣжливостью, краснорѣчіемъ, умѣніемъ управляться съ оружіемъ, съ конемъ. Родители не довѣряли своей нѣжности и, боясь портить собственныхъ дѣтей, давали имъ другаго отца, поручая ему сдѣлать изъ нихъ хорошихъ наѣздниковъ, бойцовъ и охотниковъ, научить ихъ выражаться языкомъ простымъ, краснорѣчивымъ и поэтическимъ. Когда воспитаніе молодаго человѣка считалось оконченнымъ, онъ опять вступалъ въ свою семью, не переставая, однако, относиться къ аталыку, какъ къ своему истинному отцу. Встарь, посредствомъ фиктивной кражи,—остатка варварскихъ обычаевъ—аталыкъ завладѣвалъ ребенкомъ: онъ похищалъ его черезъ три дня послѣ рожденія, въ присутствіи однако семи свидѣтелей, обязанныхъ клятвою подтвердить впослѣдствіи подлинность юноши [1]). Благодаря тѣмъ заботамъ, какія прилагались черкесами къ воспитанію молодыхъ людей, ихъ народъ сталъ «самымъ просвѣщеннымъ на землѣ» [2]).

Гордясь своей свободой, адиге не были однако равны между собою. Они раздѣлялись на три сословія: на князей и дворянъ, потерявшихъ свое значеніе во время междоусобицъ [3]), и на простыхъ крестьянъ-воиновъ; но всѣ они раздѣлялись на тлеуши, или «братства», члены которыхъ были преданы другъ другу до самой смерти; эти братства играли не малую роль въ борьбѣ съ русскими [4]). Въ равнинахъ въ особенности дворяне пользовались властью,

[1]) „Géographie". livre, XI chap. II; Klaproth, „Tableau du Caucase".
[2]) Reineggs, Klaproth, etc.
[3]) Bodenstedt, „Die Völker des Caukasus".
[4]) Colenati, „Bereisung Circassiens".

[1]) Reineggs, „Beschreibungen des Caukasus"; K. Koch, „Reise durch Russland nach Caukasien".
[2]) Bell, „Journal d'une residence en Caucasie".
[3]) Люлье, „Записки Кавказскаго отдѣла", т. IV, 1857.
[4]) Koch.—Bell, etc.

а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имъ удавалось даже установить въ своихъ помѣстьяхъ правежъ вродѣ феодальнаго; но ихъ крестьяне убѣгали къ горнымъ черкесамъ, и дворяне тщетно пытались вернуть ихъ назадъ. Черезъ это происходила безпрестанная вражда, и нѣкоторые изъ дворянъ, терпѣвшихъ пораженія, прибѣгали не разъ къ иноземной помощи [1]). Кромѣ трехъ свободныхъ классовъ, были еще рабы, состоявшіе изъ военно-плѣнныхъ или бѣглецовъ, и употреблявшіеся для работъ. Воля свободныхъ людей, выраженная въ народныхъ собраніяхъ, становилась закономъ, а князья, какъ и дворяне, были не болѣе, какъ исполнителями этой воли. Священники, принадлежавшіе также къ господствующему классу, пользовались слабымъ вліяніемъ, такъ какъ религія черкесовъ, а равно ихъ сосѣдей, была чрезвычайно смѣшаннаго характера: они были одновременно и язычниками, державшимися старыхъ боговъ, и христіанами или магометанами, по обрядовой сторонѣ; какъ язычники, они поклонялись Шибле, богу грома, войны и правосудія [2]); ему послѣ побѣды приносили въ жертву лучшую овцу изъ своего стада. Они чтили деревья, пораженныя молніей, и преступникъ могъ находить подъ ними надежное убѣжище. Они считали, что боги воздуха, воды, лѣса, фруктовыхъ деревьевъ, животныхъ и всякой твари, одухотворены вѣяніемъ Великаго Духа, и имѣли свой культъ: всему приносилась особая жертва, хотя бы въ видѣ нѣсколькихъ капель напитка, торжественно вылитаго изъ кубка. Чтобы умилостивить волны и вызвать у нихъ милосердіе къ родственникамъ «на морѣ сущимъ», мать, жена, или невѣста моряка задаривали ручьи, журчавшіе у горъ: теченіемъ уносило ихъ приношенія въ Черное море, которое отвѣчало на это завываніемъ вѣтра и поднятіемъ облачка [3]).

Такова была религія древнихъ черкесовъ; но еще до второй половины XVIII столѣтія князья и дворяне считались большей частью христіанами, преклоняли свои колѣна въ церквахъ, развалины которыхъ видны тамъ и сямъ на вершинахъ холмовъ [4]). Шейкъ Мансуръ обратилъ почти всѣхъ своихъ земляковъ въ секту магометанъ-суннитовъ, за что былъ сосланъ на Соловецкіе острова, гдѣ и кончилъ свою жизнь среди ледяныхъ покрововъ Бѣлаго моря. Вліяніе крымскихъ хановъ было направлено къ тому же: изъ среды черкесовъ все болѣе и болѣе появлялось горячихъ послѣдователей ислама по мѣрѣ того, какъ развивалась въ нихъ ненависть къ русскимъ-христіанамъ, завладѣвшимъ ихъ родиной. Но въ то же время нѣкоторыя практическія стороны магометанства, и въ особенности многоженство, не были введены въ этой странѣ, какъ общепринятыя — древніе нравы стояли за семью. Воинъ стыдился даже видаться съ женою въ присутствіи товарищей, и, если браки не держались совсѣмъ въ секретѣ, то во всякомъ случаѣ отнюдь не считалось удобнымъ говорить о нихъ. Въ религіозномъ рвеніи черкесовъ и другихъ горцевъ западнаго Кавказа нельзя сравнивать съ честными татарами изъ племени Карачай, или «Черный потокъ», которые занимали южныя долины Кубани, на западъ отъ Эльбруса, на территоріи, гдѣ, какъ говоритъ легенда, жили прежде френги, т. е. франки, или европейцы [1]): эти карачаи—мусульмане преимущественно [2]). Они занимаются большею частью торговлей и служатъ посредниками между различными племенами, живущими на разныхъ склонахъ горъ.

Абхазцы, сохранившіе еще названіе абазовъ, подъ которымъ они были извѣстны грекамъ, называютъ себя обыкновенно абзуа, что̀ значитъ собственно «народъ» [3]); до времени большихъ переселеній они занимали почти весь южный склонъ Кавказа, между долинами Ингура и Бзыби, и переходили не разъ за главный хребетъ, чтобы завладѣть землями черкесовъ. Они говорятъ языкомъ, похожимъ на языкъ адиге [4]), но по внѣшнему виду и по нравамъ замѣчается сильный контрастъ между этими двумя народами. Абзуа ростомъ меньше, чѣмъ черкесы, ихъ кожа смуглѣе, волосы темнѣе; черты лица большею частью неправильны, выраженіе лица грубое и дикое. Они далеко не такъ красивы, какъ ихъ сосѣди; рабы изъ ихъ племени, мужчины и женщины, освобождались за половину той цѣны, которую стоили черкесы [5]). Они не такіе ловкіе наѣздники, какъ ихъ сосѣди, но какъ и эти послѣдніе любили жить мечомъ: долгое время ихъ занятіемъ были разбои на морѣ; до того времени, когда Черное море еще не принадлежало русскимъ, ихъ суда, ходившія подъ веслами и подъ парусами и экипажъ которыхъ состоялъ изъ 200—300 человѣкъ, отваживались нападать на берега Анатоліи, Крыма и Европейской Турціи, вплоть до Босфора. Въ прежнее время многіе изъ нихъ отправлялись въ Египетъ, чтобы продаться тамъ въ солдаты и въ рабство. Въ отрядѣ ма-

[1]) Люлье, тамъ же.

[2]) Помимо Шибле у нихъ былъ еще Созерисъ, богъ земледѣлія, обилія и домашняго благосостоянія, отчасти соотвѣтствующій по идеѣ и по празднествамъ въ честь его, древнерусскому Яру. Прим. пер.

[3]) Bodenstedt, цитированное сочиненіе.

[4]) Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ указываютъ, что христіанство было принято ими во время Юстиніана. Георгій Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря въ 1550—1557 годахъ, пишетъ о черкесахъ, какъ о христіанахъ; но спустя немного лѣтъ, именно около 1576 г., доминиканецъ Іоаннъ Лукскій уже сообщаетъ, что между черкесами стало развиваться магометанство. (См. Н. Дубровинъ, „*Очеркъ Кавказа*“). Прим. пер.

[1]) K. Koch, „Reise nach Caucasien“.

[2]) G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge“.

[3]) По Дубровину, собственно чеченцы, а не абхазцы, называютъ себя „народомъ“ (Нахле). Прим. пер.

[4]) Klaproth, „Tableau du Caucase“.

[5]) Gamba, „Voyage dans la Russie méridionale“.

мелюковъ и въ самомъ Каирѣ, среди жителей было очень много такихъ, которые родились въ горныхъ долинахъ Абхазіи [1]). Какъ и черкесы, абхазцы дѣлились на военныя группы, имѣвшія своихъ князей, дворянъ и свободныхъ людей, возлагавшихъ на рабовъ всѣ трудныя земледѣльческія работы. У нѣкоторыхъ абхазцевъ деньги были неизвѣстны до прихода русскихъ: денежной единицей считалась обыкновенно корова, а телята процентами; случилось, что къ концу нѣсколькихъ лѣтъ, небольшой заемъ нужно было уплачивать цѣлымъ стадомъ. Только въ 1867 году этотъ первобытный пріемъ былъ замѣненъ тѣмъ, который принятъ всѣми цивилизованными народами [2]). Абхазцы, подобно черкесамъ, все еще остаются язычниками по своимъ понятіямъ и нѣкоторымъ обрядамъ; исповѣдуя исламъ, они удерживаютъ нѣкоторые слѣды древне-христіанскаго культа; они чтутъ кресты и церкви, ѣдятъ свинину, дѣлаютъ приношенія въ храмы въ видѣ вкладовъ, панцырей, оружія или одежды; еще до сихъ поръ церковь, построенная, какъ гласитъ легенда, апостоломъ Павломъ, на одномъ изъ выступовъ Маруха, служитъ мѣстомъ стеченія богомольцевъ [3]). Но болѣе всего чтимый ими храмъ — дремучій лѣсъ; они любили подвѣшивать на вѣткахъ дуба свои приношенія и произносить здѣсь клятвы. Прежде на вѣтвяхъ священныхъ деревьевъ они помѣщали гробы своихъ мертвыхъ; они полагали, что взрывъ газовъ, развившихся въ трупѣ, заставляетъ злыхъ духовъ на-вѣки уважать покой мертвецовъ; почтеніе къ мертвымъ доходило до крайностей: мѣста погребенія содержались гораздо лучше, чѣмъ жилища живыхъ [4]).

Абхазецъ.

И по сіе время нѣсколько тысячъ абхазцевъ живутъ еще въ горныхъ долинахъ южнаго Кавказа [5]), между тѣмъ какъ адиге уже перестали существовать, какъ народъ, на противоположномъ отъ нихъ склонѣ. Карачаи,—единственные туземцы въ горахъ, которые устояли противъ волнъ, нахлынувшихъ изъ Россіи. Всюду, кругомъ ихъ, территоріи когда-то независимыхъ горцевъ уже заняты другой народностью; нѣсколько бѣглыхъ русскихъ семействъ, которыя поселились когда-то у абхазцевъ [1]), были, такъ сказать, авангардомъ будущихъ завоевателей. Жители Кавказа смотрѣли прежде на югъ, какъ на страну цивилизаціи, и Грузія въ особенности дарила ихъ оружіемъ, дорогими тканями, литературнымъ языкомъ; теперь же они принуждены обращать свои взоры на сѣверъ, откуда имъ шлютъ пока лишь одни указы, арміи и переселенцевъ. Великороссы, малороссы, казаки, принадлежащіе къ этимъ обѣимъ славянскимъ семьямъ, принимаютъ участіе въ переселеніяхъ, которымъ правительство придавало преимущественно военный характеръ, организуя земледѣльческіе поселки на военную ногу. Можно сказать, что теперь весь западный Кавказъ сталъ уже русской землею. Колоніи чеховъ, основанныя на земляхъ черкесовъ, мало-по-малу сливаются съ русскимъ населеніемъ. Число славянскихъ поселенцевъ на землѣ адиге давно превосходитъ число горцевъ, владѣвшихъ ею.

На сѣверѣ отъ горной области, равнины низовьевъ Кубани и полуостровъ Тамань суть мѣстности, гдѣ слѣдовали наиболѣе частыя перемѣны населенія различныхъ расъ, не связанныхъ между собою промежуточными помѣсями. Что это, напримѣръ, были за люди, оставившіе послѣ себя долмены, всюду разсѣянные на полуостровѣ Тамань и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ [2]), но нигдѣ на самомъ Кавказѣ [3])? Эти памятники отличаются отъ другихъ, находимыхъ въ разныхъ странахъ, своимъ круглымъ отверстіемъ съ лицевой стороны, настолько широкимъ, что въ него можетъ пройти голова ребенка. Неизвѣстно, какому бы народу можно приписать эти памятники, относящіеся къ желѣзному вѣку [4]), такъ какъ исторія Кубани

[1]) Reineggs, „Beschreibung des Caucasus".
[2]) Грабовскій, „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", вып. 4.
[3]) Kolenate, „Bereisung Circassien".
[4]) Wakgontcht, „Traduction de Brousset".
[5]) Абхазія раздѣлялась: на собственно Абхазію или Абсне (отъ Гагръ по берегу моря до р. Ингура), Цебельду (по верхов. р. Кодора и въ дол. р. Далъ), Самурзаканъ (по берегу моря, между рр. Галидзгой и Ингурюмъ), и проч. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, всѣхъ абхазцевъ насчитывали около 128.000 душъ. Въ 1865 г. въ округахъ Сухумскомъ, Бзыбскомъ, Абживскомъ и Цебельдѣ было 17.990 душъ обоего пола. *Прим. пер.*

[1]) K. Kadde, цитированное сочиненіе;—Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".
[2]) Ландъ, „Сборникъ извѣстій о Кавказѣ".
[3]) Dubois du Montpéreux, „Voyage autour du Caucase";—Bergé, „Русское Обозрѣніе", 1874, № 11; Bell, „Journal d'une résidence".
[4]) Bell, цитированное сочиненіе.

простирается въ глубь временъ всего вѣковъ на десять, т. е. не долѣе той эпохи, когда хазары и половцы, остатки которыхъ поселились въ Венгріи подъ именемъ кумановъ, владѣли или же только проходили по землѣ, на которой въ ту пору находились эллинизованные города Кимрійскаго Босфора. Около конца X-го столѣтія, русская колонія Тмутаракань, довольно отдаленная отъ ядра славянскихъ націй, была уже прочнымъ поселкомъ на полуостровѣ Таманъ и поддерживала связь съ прочими группами русскихъ выходцевъ, жившихъ въ Крыму. Изъ лѣтописей видно, что русскіе изъ Тмутаракани боролись съ яссами и косогами, предшественниками черкесовъ. Камень съ надписью, найденный около Тамани и перенесенный теперь въ С.-Петербургскій эрмитажъ, свидѣтельствуетъ о состояніи цивилизаціи у древне-русскихъ обитателей этой мѣстности: на этомъ камнѣ указано разстояніе между Керчью и Тмутараканью, измѣренное по льду зимою 1068 года. Но эти первыя славянскія колоніи не были настолько сильны численностью, чтобъ могли удержаться среди враждебнаго населенія. Татары, пришедшіе подъ предводительствомъ монгольскихъ вождей, завоевали эту землю одновременно съ занятіемъ Крыма. Въ началѣ 18-го вѣка здѣсь снова поселились русскіе: то были казаки, предпочитавшіе уйти въ подданство крымскаго хана, нежели подчиниться власти Петра Великаго. Къ этимъ казакамъ некрасовцамъ, названнымъ такъ по имени ихъ главы, Некрасова, присоединилось еще очень много раскольниковъ, пришедшихъ сюда изъ разныхъ концовъ Россіи; вскорѣ вся страна снова была всецѣло населена русскими, которые обработывали почву, занимались рыболовствомъ на берегахъ рѣкъ и озеръ, разводили отличный украинскій скотъ, распространившійся отсюда потомъ даже въ Закавказье. Но тѣмъ не менѣе эти промышленные поселенцы не нравились правительству, и въ 1777 году они вынуждены были искать убѣжища сначала у черкесовъ, затѣмъ въ Турціи, въ ея азіатскихъ и европейскихъ владѣніяхъ; большая часть ихъ затерялась потомъ среди мусульманскаго населенія. Послѣ нихъ ногайскіе татары, выселившіеся изъ Крыма, въ числѣ двухъ тысячъ семействъ, поселились въ станицахъ, оставленныхъ некрасовцами; но, въ свою очередь, они должны были покинуть эту страну и уйти въ степи на западъ отъ Дона.

Съ тѣхъ поръ страна эта стала принадлежать русской имперіи, а земли ея были розданы по усмотрѣнію императрицы Екатерины и всемогущаго Потемкина. Несчастные нижнеднѣпровскіе казаки, ушедшіе сначала въ Турцію, послѣ того какъ имъ разрѣшено было вернуться въ Россію, должны были выносить на себѣ всю тяжесть сраженій и вылазокъ, а по окончаніи *войны, когда* Потемкинъ основался на берегахъ Буга, ихъ принудили покинуть свои деревни и земли, отведенныя имъ въ Новороссіи, и идти на поселеніе въ болотистыя пустыни, на правый берегъ Кубани. Пришедши сюда въ 1793 г. въ числѣ 17.000 воиновъ, и слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 30.000 душъ, они были такъ же хорошо приняты черкесами, какъ и ихъ предшественники; но вскорѣ черноморцы не замедлили войти съ своими сосѣдями въ столкновеніе и изъ друзей превратились въ побѣдителей. Война, которая свирѣпствовала между ними и прежними владѣльцами земли, была, такъ сказать, войной нечаянныхъ нападеній. Казаки построили форты въ стратегическихъ пунктахъ, караульныя башни и укрѣпленныя станицы по всей линіи Кубани; труднѣе всего имъ было бороться съ непріятелемъ, таившимся въ камышахъ рѣки и при всякомъ удобномъ случаѣ нападавшимъ врасплохъ; но казаки сами умѣли набрасываться на врага внезапно, какъ тигръ, подстерегшій добычу,—въ ихъ средѣ развились тѣ грозные пластуны, которые наводили ужасъ на непріятельскіе аванпосты во время войнъ Россіи [1]). Сражаясь постоянно съ черкесами, казаки въ концѣ концовъ усвоили ихъ пріемы, нравы и обычаи, и даже опытный глазъ не всегда могъ сразу отличить казака отъ кавказскаго горца.

Въ то же время, когда шла у нихъ война съ черкесами, продолжавшаяся семьдесятъ лѣтъ, они должны были еще бороться и съ враждебной природой, которую побѣдить окончательно удастся еще очень не скоро. Города, деревни, каналы, дороги—все было уничтожено, когда они пришли въ эту страну: не осталось ничего кромѣ безформенныхъ развалинъ, впослѣдствіи изученныхъ археологами, пытавшимися опредѣлить мѣста городовъ, упоминаемыхъ древними авторами. Большая часть мѣстностей въ этой странѣ могла заселяться лишь медленно; въ то время, какъ въ степяхъ недоставало воды, въ другихъ мѣстахъ ея было въ изобиліи, а низменности нерѣдко и совсѣмъ затоплялись. На Кубанской дельтѣ, гдѣ лихорадки постоянны, процентъ смертности очень великъ, а въ нѣкоторые годы онъ значительно превышаетъ число рожденій. Среднимъ числомъ, третья часть дѣтей, рождающихся въ этой странѣ, умираетъ очень рано: возрастъ отъ 3 до 5 лѣтъ переживаетъ не болѣе какъ половина дѣтей [2]).

На узкомъ карнизѣ Кавказскаго склона, обращеннаго къ Черному морю, нѣтъ населенныхъ городовъ: эмиграція лишила страну большей части ея обитателей, продолжительныя войны разорили поля, недостатокъ путей не позволяетъ снабжаться съѣстными припасами извнутри страны, почти всѣ рейды

[1]) Короленко „Черноморскіе казаки".
[2]) Ландъ, „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", т. III.

плохо защищены, климатъ морскаго прибрежья нездоровъ. Все это препятствуетъ тому, чтобы пользоваться замѣчательными выгодами этого берега, долженствующаго со временемъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ въ Старомъ Свѣтѣ. Даже Сухумъ-Кале, охраняющій входъ въ южную часть этой страны и претендующій на названіе города, есть незначительное мѣстечко, несмотря на то, что онъ служитъ главнымъ пунктомъ военнаго округа, несмотря на свой превосходный портъ, глубокій и хорошо защищенный отъ вѣтровъ; на его мѣстѣ, какъ полагаетъ большая часть русскихъ археологовъ, стоялъ греческій городъ, называвшійся у милетцевъ Діоскуромъ, тридцать два вѣка тому назадъ, а позднѣе извѣстный подъ именемъ Севастополя. Казалось бы болѣе естественнымъ, конечно, искать Діоскуръ южнѣе, у тѣхъ мѣсть, гдѣ находится деревня Изгауръ или Искурія [1]), но по близости ея и около мыса почти не находятъ древнихъ развалинъ; между тѣмъ какъ одинъ греческій городъ съ улицами, площадями, фундаментами зданій, виденъ на нѣсколькихъ футахъ глубины въ портѣ Сухума [2]); а повсюду въ окрестностяхъ уцѣлѣли еще остатки каналовъ, дорогъ и древнихъ построекъ, а также развалины греческихъ памятниковъ [3]), служившія у турокъ матеріаломъ для постройки въ 1787 году крѣпости Сухумъ, разрушенной вмѣстѣ съ городомъ въ войну 1877 года. Даже въ лучшіе годы торговля Сухумъ-Кале, ввозная и вывозная, не достигала болѣе нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Въ 1876 году въ портѣ было всего 997 судовъ, вмѣстимостью 232.750 тоннъ. Прибрежные жители удачно занимаются ловлей дельфиновъ: въ 1872 году ихъ было поймано, на одномъ только Сухумскомъ рейдѣ, до 3.800 штукъ. Къ сѣверу отъ города видны остатки боевой стѣны, которая, какъ говорятъ, была когда-то длиною въ «шестьдесятъ тысячъ шаговъ» [4]), и построена въ V вѣкѣ для защиты приморскаго города отъ абхазцевъ.

Мѣстечко Пицунда, древній Pythius византійцевъ, было также важнымъ городомъ, какъ свидѣтельствуютъ это окрестныя развалины: византійскій храмъ, обновленный русскимъ правительствомъ, былъ построенъ, какъ полагаютъ, Юстиніаномъ въ 551 г. Въ пицундскомъ монастырѣ умеръ Хризостомъ, находившійся въ ссылкѣ. Уголокъ, служившій византійцамъ мѣстомъ для ссылокъ, генуэзцы впослѣдствіи обратили въ торговый и самый оживленный пунктъ морскаго прибрежья: сюда именно стекались итальянскіе купцы и миссіонеры, оставившіе послѣ себя столько слѣдовъ своего пребыванія въ видѣ сторожевыхъ башенъ, оружія, монетъ [1]). Судя по преданіямъ туземцевъ, изъ иностранцевъ самое замѣтное вліяніе на цивилизацію страны оказали генуэзцы или «джиновы». Имъ также принадлежало оружіе, украшенное французскими и латинскими изреченіями, которое находили довольно часто въ горахъ, около половины этого столѣтія [2]).

За Пицундой слѣдуютъ древнія крѣпости Гагры, Адлеръ или Ардилеръ (Ардувачъ) и еще нѣкоторыя другія. Далѣе идетъ якорная стоянка Туапсе, гдѣ виденъ всего одинъ домъ, стоящій у берега; хотя современемъ появится здѣсь большой, торговый городъ, такъ какъ рейдъ Туапсе очень глубокъ и отлично защищенъ [3]); уже работаютъ надъ постройкой пути, который пересѣчетъ Кавказъ на сѣверъ отъ Туапсе и затѣмъ спустится у Екатеринодара, пройдя черезъ термальную станцію Ключевая. Первый приморскій городъ, лежащій почти у крайняго пункта Кавказа, Новороссійскъ или Суджукъ, благодаря своему рейду, ведетъ нѣкоторую торговлю: въ 1876 году въ его портѣ было 486 судовъ вмѣстимостью 177.400 тоннъ; его рейдъ подверженъ бурѣ, равно какъ и сосѣдняя съ нимъ бухта Геленджикъ, служившая во время войны съ черкесами мѣстомъ высадки русскихъ войскъ.

Рейдъ Анапы еще менѣе надеженъ, и лоцмана совѣтуютъ морякамъ быть всегда готовыми сняться съ якоря; въ 1876 году, число судовъ, заходившихъ въ портъ, не превышало 476, съ вмѣстимостью въ 156.950 тоннъ. Анапу, бывшій турецкій городъ, русскіе завоевали три раза, а въ 1860 году, главный административный пунктъ полуострова Тамань былъ изъ него временно перенесенъ въ Темрюкъ. Въ то время Темрюкъ былъ простой казачьей станицей, съ домиками, расположенными на холмѣ, высотой въ 250 футовъ, среди узкаго перешейка, раздѣляющаго два пруда, сообщающихся съ Кубанью. Въ его сосѣдствѣ расположены, въ видѣ пяти отдѣльныхъ группъ, главные грязевые вулканы полуострова Тамань: всѣхъ сопокъ насчитывается здѣсь болѣе сотни, при чемъ, между ними есть много такихъ, которыя постоянно мѣняютъ свои мѣста. За послѣднія нѣсколько лѣтъ, грязью, выбрасываемой этими вулканами, стали лечиться отъ ревматическихъ болей. Деревенька Тамань, давшая полуострову свое имя, кромѣ того, что лежитъ у самаго пролива, противъ Керчи и Еникале, не имѣетъ никакихъ другихъ преимуществъ; прилегающій къ ней берегъ низокъ и доступенъ только для плоскодонныхъ судовъ. Далѣе отъ нея, на сѣверо-во-

[1]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase"; — Müller, „Edition des Geographies minores"; — E. Desjardin, — „Notes manuscrites".

[2]) Чернявскій, „Извѣст. Русск. Геогр. общ." 1877, № 5.

[3]) Предшественниками милетцевъ, основавшихся здѣсь не ранѣе 8-го в. до Р. Х., были финико-ассиріане (см. Курціусъ, „Греція"). Пр. пер.

[4]) Lamberti, „Relatione della Collchide".

[1]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".

[2]) Gamba, „Voyage dans la Russie méridionale".

[3]) Карпановъ, „Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. общ." 1873—1874.

стокъ, находится крѣпость Ѳанагорія, построенная изъ остатковъ греческаго города того же имени, отъ котораго сохранились еще нѣсколько развалившихся стѣнъ и гробницъ, хотя и менѣе цѣнныхъ, нежели тѣ, что находятся на противоположномъ отъ нея берегу [1]).

Станицы, построенныя казаками въ степи, орошаемой Кубанью и ея притоками, со временъ основанія ихъ пользуются тѣми преимуществами передъ поморскими пунктами, что лежатъ на перекресткѣ естественныхъ степныхъ дорогъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстечекъ оживлены торговлею и могли бы считаться настоящими городами, если бы дома ихъ не были разбросаны на такомъ громадномъ пространствѣ. Въ Кубанской области насчитывается не менѣе 146 станицъ, имѣющихъ свыше 2.000 жителей,—цифра громадная, если принять во вниманіе краткость періода, въ который совершалась колонизація. Въ продолженіе одного только 1872 года, населеніе Кубанской территоріи поднялось съ 672.000 душъ на 733.000; въ то время какъ нормальный приростъ населенія не превосходитъ шести или семи тысячъ душъ, эмиграція сразу повысила его не меньше какъ на 54.000 [2]). Понятно, что быстрое заселеніе края не могло не отразиться бѣдственно на многихъ переселенцахъ, расположившихся на болотистой почвѣ, или выбиравшихъ мѣста для своихъ поселковъ на авось. Въ числѣ собственниковъ, владѣющихъ лучшими участками, находятся и высокопоставленныя лица; съ 1860 по 1870 г. въ Кубанской обл. и Ставропольской губ. было роздано болѣе 120.000 участковъ [3]).

Казаки не дѣлятъ свою землю на отдѣльныя собственности. «Вмѣстѣ мы ее завоевали, говорятъ они, вмѣстѣ защищали, вмѣстѣ и владѣемъ ею». Община рѣшаетъ каждый годъ, какая часть полей должна быть занята той или другой культурой; огороды—единственная частная собственность казака. Но офицеры, уже переставшіе быть выборными своихъ братьевъ-казаковъ, получили отъ правительства вмѣстѣ съ чинами и участки земли или хутора, которые должны были еще болѣе вызвышать значеніе этихъ чиновъ. Еще во времена Екатерины разныя начальствующія лица получали «въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе» хутора, какъ бы частную собственность. Примѣру высшихъ лицъ слѣдовали многіе офицеры казачьихъ общинъ, и вокругъ ихъ станицъ построились хутора, куда уже не могли проникать стада, принадлежащія общинѣ. Въ 1842 г. правительство раздѣлило всю землю между чинами, придерживаясь іерархическаго порядка, именно: генераламъ было роздано по 1.500 десятинъ, штабъ-офицерамъ по 400, оберъ-офицерамъ по 200 и простымъ казакамъ по 30. Участки простыхъ казаковъ, составляющіе общинную собственность, очутились также раздѣленными на мелкіе куски, и напрасно крестьяне протестовали противъ такого дѣлежа почвы, столь противнаго ихъ интересамъ [1]). Въ послѣднее время разные сектанты, и въ особенности шалопуты, начинаютъ сильно разростаться въ малорусскихъ селеніяхъ: круговая порука придаетъ имъ особенную силу и возможность процвѣтать тамъ, гдѣ другіе гибнутъ [2]).

На вывѣтрившихся долинахъ, пересѣкающихъ известковыя террасы, обращенныя крутизной своей къ Кавказу, находятся самыя плодородныя земли, вслѣдствіе чего тамошнія деревни въ настоящее время населены болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Самая главная изъ станицъ, расположенныхъ у подошвы кавказскихъ подгорій—Майкопъ, бывшая прежде важнымъ стратегическимъ пунктомъ и сборнымъ мѣстомъ для войскъ, предназначавшихся къ отправкѣ черезъ хребетъ; въ качествѣ рынка, снабжающаго съѣстными припасами прилегающую къ нему мѣстность, Майкопъ занимаетъ видное мѣсто между другими городами Кавказа. Въ самой долинѣ Кубани процвѣтаютъ также и торговыя мѣстечки и станицы: Баталпашинская, Николаевская, близъ которой разработываются Каракентскія угольныя копи, Ладовская, Усть-Лабинскъ, Екатеринодаръ. Этотъ послѣдній казачій городъ сдѣлался главнымъ пунктомъ Кубанской области и ведетъ довольно значительную торговлю; сюда съѣзжаются до 25 тыс. крестьянъ на сентябрьскую ярмарку, гдѣ продается однихъ мануфактурныхъ товаровъ среднимъ числомъ на два милліона рублей [3]). Въ Екатеринодарѣ есть также нѣсколько фабрикъ; расположившись у верховья рѣки, онъ снабжаетъ съѣстными продуктами порты Чернаго моря: Новороссійскъ, Анапу и кромѣ того Ейскъ, портъ, лежащій на югъ отъ Таганрога у песчаной стрѣлки, омываемой желтоватыми волнами Азовскаго моря. Въ 1848 году Ейскъ еще не существовалъ. Основанный по указанію моряка Трифонова, онъ началъ застраиваться почти съ американской быстротой, благодаря раздачѣ земель, освобожденію отъ налоговъ, свободной торговлѣ и обильному улову рыбы, доходъ отъ которой простирается среднимъ числомъ до 200.000 руб. Въ первыя десять лѣтъ его существованія, число жителей достигло 20.000. Его развитіе было задержано послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ своихъ льготъ, но все же Ейскъ остался самымъ многолюднымъ городомъ на Кавказскомъ прибрежьѣ, и нѣсколько сосѣднихъ

[1]) Görtz, „Archäologische Topographie der Halbinsel Taman".
[2]) Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе".
[3]) *Ярославскій, „Крестьянскія переселенія".*

[1]) Попка, „Черноморскіе казаки, ихъ частная жизнь и боевая".—Dragomanov, „рукописныя замѣтки".
[2]) Благовѣщенскій, Линтваревъ и Маргграфъ. „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", IV, 1878.
[3]) „Извѣстія Кавказскаго Отдѣла", III.

станицъ сравнительно съ нимъ не болѣе какъ деревни. Около семисотъ каботажныхъ судовъ приходятъ ежегодно на его рейдъ, чтобы нагрузиться зерномъ, шерстью, льнянымъ сѣменемъ; но эти суда не могутъ подходить къ самому берегу, такъ какъ только въ 3-хъ верстахъ отъ него начинается глубина едва на 14 футовъ. Несмотря на это, напр. въ 1876 г., въ его портѣ находилось 1.439 судовъ, вмѣстимостью въ *167.420 тоннъ*.

Ставрополь, главный городъ той губерніи Кавказа, которая по своему протяженію уступаетъ по величинѣ только Кубанской области лежитъ уже внѣ бассейна рѣки Кубани, хотя воды, орошающія его, направляются въ Азов-

Типы кавказскихъ евреевъ.

ское море, черезъ посредство Егорлыка, Зап Маныча и Дона. Расположенный болѣе чѣм на 2.000 футахъ высоты, на одной изъ террас упирающихся въ подножье Кавказа, Ставр поль, въ эпоху своего основанія, т. е. въ

или 1777 г., былъ не болѣе какъ «Номеръ Восьмой», и неизвѣстно даже, съ какого времени онъ сталъ называться греческимъ именемъ—«городомъ Креста»; долгое время онъ не имѣлъ иного значенія, кромѣ стратегическаго, въ ряду тѣхъ десяти крѣпостей, которыя охраняли равнины Предкавказья, на промежуткѣ между дельтой Дона и городомъ Моздокомъ. Занимая довольно большое пространство на нѣсколькихъ пригоркахъ, отдѣляющихся другъ отъ друга глубокими оврагами, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ въ Россіи; проточной водою орошается множество садовъ, славящихся превосходными фруктами, а клочки чернозема на Ставропольской террасѣ, такъ же, какъ и черноземъ Малороссіи, даютъ земледѣльцамъ обильные урожаи.

На сѣверъ отъ Ставрополя, въ долинѣ Егорлыка и еще другаго притока Маныча, Средн. Егорлыка, раскинулась группа многолюдныхъ деревень; жители ихъ большею частью уже не казаки, а крестьяне, выходцы изъ среднихъ губерній Россіи. Самые поселки ихъ называются не станицами, а селами, такъ что самимъ названіемъ опредѣляется существенная разница между прежними деревнями бассейна Кубани и тѣми, что вновь въ бассейнѣ Егорлыка.

Вотъ перечень городовъ, станицъ и деревень Зап. Кавказа, имѣющихъ болѣе 5.000 жителей:

Кубанская область: Екатеринодаръ—65.453; Ейскъ—35.715; Майкопъ—36.921; Темрюкъ (городъ) 22.170; Ново-Покровская (станица) 7.000; Пашковская—6.000; Ново-Михайловская—6.550; Старо-Минская - 6.250; Ладовская—6.175; Ново-Троицкая—6.150; Петровская—6.050; Ивановская—5.950; Старо-Щербиновская—5.900; Уманская—5.650; Успенская—5.600; Темиргоевская—5.420; Ильинская—5.400; Баталпашинская—5.320.

Черноморскій округъ: Григориполисская (станица)—5.300; Анапа—5.200; Бекешевская—5.100.

Ставропольская губернія: Ставрополь—41.404; Бѣлаглинское (село)—11.220; Безопасное—6.805; Краснополяна—6.500; Ладовская балка—6.200; Ново-Дмитріевское—5.800; Донское—6.775; Ново-Георгіевское—5.600; Средне-Егорлыкское—5.450; Кугульта—5.400; Песчанокопская—5.300; Сандата—5.200; Медвѣжье—5.150.

III. Центральный Кавказъ, бассейны Кумы и Терека.

Между Эльбрусомъ и Казбекомъ, слѣдовательно на протяженіи 170 верстъ, главный хребетъ *настолько высокъ, что вершинами своими* и ледниками, скользящими въ котловинные и въ горные долы, заходитъ далеко за предѣлы снѣговой линіи. Мѣстами, прибрежныя звенья сливаются съ вершинами хребта и образуютъ тѣ горные массивы, которые, такъ ярко блистая своими ледяными вершинами, высоко поднимаются надъ остальными горами. Эльбрусъ съ его контрфортами составляетъ одну изъ самыхъ массивныхъ частей Кавказа: татары называютъ его Ялъ-бузъ, или «Ледяная грива», а черкесы смотрятъ на него какъ на «Святую Гору», на «Вершину Блаженныхъ» и считаютъ, что снѣжная вершина Эльбруса есть «тронъ Властелина вселенной, царя духовъ» [1]). Адишъ, Каштанъ-тау и Дихъ-тау сгруппированы возлѣ этого пункта и выдвигаются мысами за предѣлы главнаго хребта. Далѣе къ востоку Адай-Кохъ, Дзеа-Кохъ и сосѣднія съ ними горы представляютъ другую группу величественныхъ вершинъ. Нѣсколько дальше отъ этой группы съ ея снѣжными вершинами и ледниками, къ востоку, цѣпь прерывается глубокой брешью, черезъ которую протекаютъ воды Ардона; но вскорѣ эта брешь замыкается хребтомъ Зикари, идущимъ параллельно оси главнаго хребта. Масса Зилла-Кохъ поднимается на югъ отъ впадины, размытой потоками, т. е. между массивами Тепли и тѣми, что заканчиваются въ восточной части куполомъ Казбека или «Главой». Этотъ куполъ—Мкинвари, какъ называютъ его грузины, Урсъ-Кохъ, или «Бѣлая гора», какъ называютъ его осетины, а также «Пикъ Виолеема или Христа» [2]). Казбекъ еще болѣе почитаемъ, нежели Эльбрусъ, благодаря своему положенію у воротъ Кавказа, называемыхъ теперь Дарьяльскимъ ущельемъ: здѣсь же находится отдѣленный ледникомъ отъ горныхъ полянъ [3]) знаменитый гротъ, съ котораго отшельники, съ помощью желѣзной цѣпи, могли подниматься къ «колыбели Іисуса Христа» и къ «шатру Авраама».

Средняя высота Кавказскаго хребта между Эльбрусомъ (5.646 метр. 18.572 ф.) и Адайкохомъ (4.646 м. 15.239 ф.) равна 3.800 (12.500 ф.) метрамъ, а высота нѣкоторыхъ промежуточныхъ точекъ:

Зикари (10.265 ф.) 3.129 метр. Зилга-Кохъ (12.538 ф.) 3.853 м. Тепли (13.523 ф.) 4.202 м. Мамисонъ (9.387 ф.) 2.862 м. Крестовая гора (7.323 ф.) 2.263 м. Бешъ-тау (4.592 ф.) 1.400 м.

Контрфорты и террасы, которыми спускается снѣжный хребетъ, образуютъ различныя звенья «Черныхъ горъ», а затѣмъ развертываются въ видѣ громаднаго полукруга у Кабардинской равнины и поднимаются потомъ снова на сѣверѣ, въ видѣ массы Бешъ-тау, закан-

[1]) Kolenati, „Die Bereisung des Caukasus". Bodenstedt, „Die Völker des Caukasus"

[2]) Муромцевъ, „Изв. Русск. Геогр. Общ." 1872, № VIII. – Хатисьянъ; – Statkovsky. „Climatologie du Caucase".

[3]) Klaproth, „Tableau du Caucase".

чивающейся полуостровной формой. Воды, стекающія по этому амфитеатру, какъ и альпійскіе потоки, соединяющіеся на поляхъ Піемонта, образуютъ многоводный Терекъ, по Кавказу стремительно несущійся къ Каспію. Между тѣмъ какъ воды, стекающія съ выступовъ, наиболѣе выдвинутыхъ, не соединяются съ Терекомъ, а направляются въ степи, образуя къ сѣверу Калаусъ, и къ сѣверо-востоку Куму.

Калаусъ, въ верхней долинѣ котораго находится нѣсколько деревень съ осѣдлымъ населеніемъ, по своему характеру есть настоящая степная рѣка. Весною, когда таютъ снѣга, Калаусъ широко разливается по низменнымъ частямъ равнины; лѣтомъ же, во время жаровъ, онъ мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ удаляется отъ холмовъ, на которыхъ беретъ свое начало и, наконецъ, совсѣмъ высыхаетъ, не достигнувши впадины Маныча, этого остатка отъ существовавшаго когда-то понто-каспійскаго пролива. Извѣстно, что эта незначительная рѣка, періодически совсѣмъ высыхающая, представляетъ собою замѣчательное явленіе своимъ раздвоеніемъ къ Каспійскому морю и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Черному [1]). Калаусъ входитъ въ впадину Маныча у самаго водораздѣла, и во время половодья небольшая горка заставляетъ его раздѣляться на два потока, изъ которыхъ одинъ сливается съ Манычемъ Дона, а другой направляется къ дельтѣ Кумы. Крутые берега его, заключающіе въ себѣ ложе въ 4—5 верстъ шириною, доказываютъ, что эта рѣка была когда-то гораздо многоводнѣе; но ея русло, по которому могли бы течь Рона или Нилъ, занято теперь медленно текущей рѣчкой, пробирающейся отъ одного болота къ другому и поросшей камышами. Напрасно надѣялись нѣкогда на то, чтобы, пользуясь водами Калауса, соединить каналомъ оба моря; эта рѣка слишкомъ маловодна, и теченіе ея слишкомъ неправильно, чтобы она могла служить судоходнымъ цѣлямъ.

Бассейнъ Кумы обширнѣе, чѣмъ бассейнъ Калауса, а воды ея стекаютъ съ болѣе высокихъ холмовъ и даже настоящихъ горъ, на которыхъ снѣгъ сохраняется въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Сойдя съ высокой долины, Кума является уже многоводной рѣкой, въ которую собираются рѣченки, спадающія съ западныхъ прибрежныхъ хребтовъ и мало-по-малу увеличиваютъ ее; но, принявши въ себя послѣдній постоянный притокъ, верстахъ въ 235 отъ Каспійскаго моря, она начинаетъ постепенно уменьшаться и, извиваясь, уходитъ въ степь; тамъ часть ея воды испаряется, а остальная часть, раздѣлившись направо и налѣво, течетъ дальше, орошая луга ногайскихъ татаръ и калмыковъ. Бываетъ не рѣдко, что въ 95 верстахъ отъ того мѣста, которое было прежде устьемъ этой рѣки, послѣдняя капля воды уходитъ изъ своего ложа въ сторону, вслѣдствіе плотинъ, настроенныхъ туземцами [1]). Прежде, когда воды въ бассейнѣ Кумы было значительно больше, дельта ея начиналась тамъ, гдѣ теперь рѣка уже перестала существовать. Сѣверный рукавъ ея направился къ западному Манычу, ложе котораго замѣщено теперь озерами и прудами Гайдука, расположенными въ формѣ ожерелья. Оба другіе рукава Кумы, опредѣляющіе свое направленіе лужами, лужицами и ручейками, тянутся почти параллельно къ бухтѣ Каспійскаго моря, называемой до сихъ поръ еще Кумскимъ Прораномъ, т. е. водосливомъ рѣки Кумы. Во время сильныхъ и исключительныхъ половодій рѣка сноситъ плотины, построенныя ногайцами, и временно наполняетъ свое прежнее русло; такъ, напримѣръ, было въ 1879 г., когда въ «водосливѣ» показались снова желтыя воды Кумы, и прибрежные жители, какъ говорятъ, пытались удержать ее въ новомъ ложѣ. Но въ ту пору, когда дуютъ вѣтры восточный и сѣв.-восточный, господствующіе здѣсь большую часть года, то происходитъ явленіе противоположное: вода изъ бухты входитъ въ прежнее ложе рѣки Кумы и гонитъ передъ собой стоячія воды болотъ; такимъ образомъ, подъ напоромъ вѣтра обратное теченіе проникаетъ иногда довольно далеко во внутрь материка [2]). Такъ заканчиваетъ свое теченіе рѣка, не уступающая величиною Гароннѣ, но которая течетъ въ полосѣ, гдѣ атмосфера много суше, чѣмъ въ западной Франціи. Кума, равно какъ и Калаусъ, не имѣетъ достаточно воды, чтобы могла питать собою понто-каспійскій каналъ. Кромѣ того, невозможно было бы воды верхней долины провести къ водораздѣльному хребту, не прорѣзавъ степь каналомъ верстъ во 100 длиною. Пристань Серебряковская, у устья Кумы, недоступна для судовъ, сидящихъ въ водѣ болѣе двухъ футовъ. Тѣ же суда, которыхъ углубленіе болѣе чѣмъ четыре фута, должны становиться на якорь въ разстояніи почти 7 верстъ отъ берега [3]).

Терекъ совсѣмъ не таковъ, какъ Манычъ или Кума, которые высыхаютъ, не достигнувъ моря. Его главные источники берутъ свое начало на высотѣ около 8.200 футовъ, въ котловинѣ, окруженной ледниками; еще не успѣвъ выйти изъ областей снѣга и горныхъ полянъ, Терекъ уже является могучей рѣкою. Соединившись съ другими потоками, онъ огибаетъ съ восточной и южной стороны массивы Кавказскихъ горъ, среди которыхъ возвышается Казбекъ, а затѣмъ, пройдя черезъ цѣлый рядъ бассейновъ и ущелій, выходитъ на равнину черезъ

[1]) Bergsträsser, *„Mittheilungen von Petermann“*, 1859.

[1]) Bergsträsser, „Mittheilungen von Petermann“, livraison citée.

[2]) Pallas, „Voyage pendant les années 1793 et 1794“.

[3]) Петриченко, „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“ II, 1872.

скалистыя ворота, расположенныя у входа въ городъ Владикавказъ. У основанія громаднаго откоса, состоящаго изъ вулканическихъ изверженій, наполнившихъ древнее озеро, Терекъ соединяется съ нѣсколькими потоками или донами, которые стекаютъ съ сосѣднихъ долинъ съ такой же быстротой, какъ и самъ Терекъ, и точно также катя булыжникъ, образующій длинные полуостровки, отодвигающіе потоки все болѣе и болѣе къ низовьямъ: Гузель-донъ, Фіагъ-донъ, Ар-донъ или «Бѣшеная рѣка» присоединяются также въ главной рѣкѣ, а за ними Урухъ, выходящій изъ ущелья, глубиною въ нѣсколько сотъ футовъ, гдѣ онъ течетъ подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, растущихъ на скалистыхъ уступахъ. Черекъ, Баксу и другія рѣченки также сливаются съ Терекомъ, присоединившись предварительно къ р. Малкѣ, т. е. къ самому большому изъ притоковъ Терека, получающаго свои воды съ снѣжныхъ вершинъ Эльбруса. Обширныя ложа высохшихъ рѣкъ, направляющіяся къ сѣверу, дали Палласу и другимъ путешественникамъ поводъ думать, что нѣкогда Малка соединялась съ Кумою и текла вмѣстѣ съ нею въ впадину Маныча; голыши, приносимые потокомъ, измѣнили теченіе рѣки и направили ее въ Терекъ. Можетъ быть даже, что и эта рѣка текла когда-то прямо на сѣверъ, къ понто-каспійскому проливу, и что, обходя контрфорты Дагестана, она мало-помалу современемъ потечетъ въ Каспій прямою дорогою [1]). Еще до слiянія съ Малкой, Терекъ несетъ воды болѣе 500 куб. метр. (17.650 к. ф.) въ сек. Выйдя совсѣмъ изъ горной области, онъ замедляетъ свое теченіе и направляется извилинами къ Каспійскому морю [2]); послѣ чего онъ принимаетъ еще одну очень важную рѣку, протекающую по Чечнѣ, быструю Сунджу, въ которую вливаются изобильные сѣрные источники: Мельчиги—большой горячій ручей, образуемый пятью обильными источниками, вода которыхъ столь горяча, что даже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ выхода она не годна для питья [3]).

Ниже впаденія рѣки Сунджи, Терекъ, теряя много воды въ отводныхъ каналахъ и черезъ испареніе, остается все же достаточно полноводнымъ, чтобы образовать громадную дельту и вливаться въ море многочисленными рукавами. Эти рукава, постоянные или временные, часто во время наводненій перемѣщаются, и сравнительное значеніе ихъ мѣняется съ каждымъ столѣтіемъ: одинъ изъ такихъ рукавовъ есть «Старый Терекъ», который былъ когда-то гораздо важнѣе, чѣмъ «Новый Терекъ», замѣнившій его массою своей воды. Не считая наносныхъ полуострововъ, которые почти удваиваютъ длину береговой линіи, сама дельта вдоль по берегу занимаетъ около 115 верстъ, а ложа нѣкоторыхъ рукавовъ, частью исчезнувшихъ, повидимому, соединяютъ ее съ устьями сосѣднихъ рѣкъ: съ одной стороны съ Кумою, съ другой—съ Сулакомъ. Къ западу отъ дельты теперешняго Терека можно еще распознать прежній берегъ Каспія, а также замѣтны параллельные ряды бугровъ, совершенно похожихъ на тѣ, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, образовались чрезъ пониженія уровня водъ въ ту эпоху, когда Каспійское море отдѣлилось отъ Чернаго. По Бэру [1]), аллювій Терека гораздо быстрѣе покрываетъ прибрежье Каспія, нежели Волга. Морскія бухты совершенно заполнены рѣчными наносами, и рыболовныя станціи, находившіяся въ 1825 г. на берегу, тридцать лѣтъ спустя, отодвинулись на 15 верстъ во внутрь материка. Весь берегъ между Кумою и Терекомъ съ 1841 г. отодвинулся къ востоку на 1—2 версты [2]). Но всѣ эти новыя мѣстности, завоеванныя у моря, еще плохо осушены и крайне нездоровы. Въ іюлѣ и въ августѣ мѣстные рабочіе и садоводы жалуются на то, что у нихъ въ это время голова точно «вспухши»,—они становятся жертвой болотной лихорадки и всякаго рода галлюцинацій [3]).

Количество воды, которое несетъ Терекъ, совершенно достаточно, чтобы имѣть возможность провести каналъ къ цѣпи, раздѣляющей оба Маныча, и такимъ образомъ проложить водный путь отъ Каспійскаго моря къ Черному: таковъ проектъ инженера Данилова. По всей вѣроятности, однако, этому дорого стоющему предпріятію еще долго придется ждать осуществленія. Вода Терека и его притоковъ служитъ теперь только для ирригаціи полей, прилегающихъ къ берегу. Каналъ Эристова, питаемый Малкой, пересѣкаетъ равнину въ южной части бассейна и, пройдя 220 верстъ, соединяется съ Терекомъ. Казаки прорыли его по собственному почину, захвативъ такимъ образомъ тѣ земли, которыя правительство не имѣло въ виду предоставлять имъ. Другой каналъ, Курскій, на сѣверъ отъ предыдущаго, идетъ также отъ Малки; на немъ устроено 19 мельницъ; во время высокой воды этотъ каналъ предоставляетъ изъ себя рѣку въ 150 верстъ длиною. Третій каналъ, къ сѣверу отъ притока Сунджи, орошаетъ собою около 100.000 десятинъ земли. Умѣло направленныя воды кавказскихъ рѣкъ, съ ихъ плодоносной глиной, могутъ быть проведены далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и богатѣйшій кабардинскій бассейнъ станетъ современемъ страной преимущественно земледѣлія и садоводства; очень не-

[1]) Pallas, „Voyage pendant les années 1793 et 1794“, —Reinegge, „Beschreibung des Kaukasus.“

[2]) „Вся длина Терека, отъ устья до истоковъ—около 450 верстъ. Прим. пер.

[3]) *Берже, „Чечня и чеченцы“.*

[1]) „Kaspische Studien“.

[2]) „Зап. Кавказ. Отд. Русск. геогр. общ.“ т. VI.

[3]) „Кавказскій календарь“ 1880 г.

много нужно, чтобы земля стала плодороднѣе и лучше орошена; нѣтъ недостатка и въ рабочихъ рукахъ; чего недостаетъ здѣсь,—это—науки и свободной иниціативы.

Кабардинцы, или какъ они сами называютъ себя: кабертай, населяютъ почти весь южный склонъ центральнаго Кавказа, между Эльбрусомъ и Казбекомъ. Они этнологически очень близкіе родственники черкесамъ или адиге, почти совершенно исчезнувшимъ на Кавказѣ; красивые, стройные и гордые, какъ адиге, любящіе, подобно имъ, войну и борьбу, они съ трудомъ привыкаютъ къ мирнымъ привычкамъ земледѣльческой жизни; отъ своихъ прежнихъ сосѣдей, черкесовъ, они различаются только лишь по языку, да и тотъ похожъ на языкъ адиге по обилію свистящихъ и гортанныхъ звуковъ. Ихъ князья считаютъ себя происходящими отъ арабовъ, что̀ можетъ быть отчасти объяснено желаніемъ новообращенныхъ мусульманъ связывать свое происхожденіе съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ Магометъ. Во всякомъ случаѣ, разницу, которую замѣчаютъ при взглядѣ на кабардинскаго князя и на простаго воина, можно просто приписать иному образу жизни, а также вліянію скрещиванія съ чужеземцами. Этотъ народъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пришелъ съ сѣверо-запада, можетъ быть даже изъ Крыма, оттѣсненный оттуда къ берегамъ Терека сначала ногайскими татарами, а затѣмъ русскими. Кабардинцы сохранили кое-что изъ кочевой жизни: они гораздо болѣе заняты коннозаводствомъ и овцеводствомъ, нежели обработкой пашень. Ихъ земли до сихъ поръ есть общинная собственность, точно такъ же, какъ луга и лѣса; каждый имѣетъ право на полосу земли до тѣхъ поръ, пока онъ обработываетъ ее самъ; въ противномъ случаѣ земля поступаетъ тотчасъ же обратно въ общину кабардинцевъ. У нихъ, кажется, болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ кавказскихъ племенъ, смѣлая кража считается доблестью,—при томъ однако условіи, чтобы совершалась за предѣлами своей деревни и своего племени [1]) и чтобы воръ оставался не пойманнымъ; иначе онъ дѣлается предметомъ всеобщихъ шутокъ и насмѣшекъ. Вопреки требованію русскихъ властей, похищеніе невѣсты считается для молодаго человѣка дѣломъ весьма почетнымъ; за нѣсколько дней до свадьбы, женихъ прокрадывается въ комнату поджидающей его молодой дѣвушки и увозитъ ее. Когда онъ возвращается съ нею, чтобы вымолить прощеніе, то можетъ впередъ разсчитывать на одобреніе его поступка со стороны всѣхъ тѣхъ, кто чтитъ еще древніе обычаи [2]).

Собственно кабардинцевъ считается около 62.000; на ихъ территоріи живутъ еще, впрочемъ, и другіе разноплеменные народы. Въ прежнее время кабардинцы считались главнымъ племенемъ въ Предкавказьѣ; но они были покорены раньше другихъ горцевъ, такъ какъ по географическому положенію ихъ страна представляла мѣстность, открытую для нападеній со всѣхъ сторонъ. Достаточно было русскимъ перейти нѣсколько небольшихъ рѣкъ, чтобы вступить на территорію Кабарды, а затѣмъ открылась долина Терека, прорѣзывающая съ сѣвера на югъ всю Кабарду и служившая естественной дорогой для завоевателей. Укрѣпленія и посты, учрежденные на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, вдоль по рѣкѣ, раздѣлили равнину на двѣ разныя половины: Большую Кабарду, на западѣ, и Малую Кабарду—на востокѣ; здѣсь же между двумя склонами Кавказа, была проложена главная военная дорога, которой русскіе были обязаны прочнымъ установленіемъ своего могущества. Кромѣ того, самое расположеніе Кабардинскихъ деревень, раскинутыхъ линіей вдоль берега рѣки, еще болѣе лишало ихъ возможности защищаться отъ нападеній. Въ 1763 г. кабардинцы приняли для виду крещеніе, отправившись въ русскія владѣнія, и поселились въ степи, по среднему теченію Терека. Въ началѣ этого столѣтія болѣе 40 тысячъ кабардинцевъ ушли изъ-подъ власти русскихъ и направились къ туркамъ, на Кубань, гдѣ имъ было оказано убѣжище и дана земля, на которой еще и до сихъ поръ живутъ потомки «бѣглыхъ кабардинцевъ». Но ядро этого племени осталось въ бассейнѣ верхняго Терека, и кабардинская молодежь продолжаетъ до сихъ поръ поступать въ царскую армію. Изъ среды молодыхъ людей императоры любили формировать превосходныхъ «черкесовъ», такъ ловко гарцующихъ на своихъ сильныхъ и неутомимыхъ лошадяхъ во время парадныхъ смотровъ. Они одѣваются въ красивый изящный костюмъ, который носятъ съ особенной ловкостью; онъ состоитъ изъ огромной шапки иди «папахи» и черкески, украшенной патронами и стянутой въ таліи. По возвращеніи на родину, они уже не принадлежатъ своему народу и гордятся не своей свободой, чѣмъ гордились ихъ предки, а своимъ порабощеніемъ. Кромѣ того, торговля кабардинцевъ съ русскими и продолжительныя пребыванія въ ихъ странѣ чужеземцевъ болѣе и болѣе измѣняютъ ихъ древніе нравы. Къ тому же разноплеменное населеніе въ ихъ странѣ нарушаетъ цѣльность ихъ расы. Татары, уруспевцы, балкары и ногайцы, группируясь въ общины, управляемыя старшинами, живутъ тутъ же отдѣльными деревнями. По селамъ бродятъ евреи, отыскивая желающихъ получать ихъ никогда неоплатныя ссуды. Лучшія земли захвачены тамъ и сямъ нѣмецкими поселеніями, и даже такъ называемая «шотландская» колонія, къ сѣверу отъ Пятигорска, совершенно онѣмечена. Что касается до городовъ, расту-

[1]) Габровскій, „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", вып. IV.

[2]) Bell, „*Journal d'une résidence en Circassie*".

щихъ съ каждымъ днемъ, то они стали исключительно русскими. Территорія, къ сѣверу отъ Малки, давно уже была вполнѣ русской и занята казаками, предки которыхъ пришли въ эту страну еще во времена Іоанна Грознаго.

Осетины также многочисленны въ бассейнѣ Терека, какъ и кабардинцы, но они почти не встрѣчаются въ равнинѣ и живутъ исключительно въ долинахъ той части горной области, которая граничитъ съ запада Адайкохомъ, а съ востока Казбекомъ. Впрочемъ ихъ аулы разсѣяны не только среди пастбищъ и ущелій сѣвернаго склона,—двѣ пятыхъ осетинскаго населенія живетъ на южномъ склонѣ, въ долинѣ притоковъ Ріона и Куры, берущихъ свое начало съ откосовъ Зикары и Брутсабзели; осетины занимаютъ также часть Тріалетскихъ горъ, лежащую къ югу отъ равнины Куры [1]). Изъ самой точной переписи видно, что число осетинъ достигаетъ болѣе 164 тыс. душъ. Они составляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ національностей на Кавказѣ; но не своему могуществу они обязаны своей извѣстностью, а скорѣй тѣмъ различнымъ теоріямъ, которыми ученые пытались объяснить происхожденіе и родственныя связи этихъ горцевъ. Кто они: алане, какъ это предполагаютъ нѣкоторые этнологи, послѣ того какъ были собраны цѣнныя указанія относительно этого предмета у историковъ Византійской имперіи и среднихъ вѣковъ? Или чистые представители «арійцевъ» Кавказа, а можетъ быть даже сородичи германцевъ или же скорѣй персовъ? Весьма возможно также, что осетины прежніе азы, родственные тѣмъ, которые переселились въ Скандинавію, какъ думаетъ г. Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ? [2]). Или, не семиты ли они отчасти, какъ утверждаетъ это Пфаффъ [3]). Судя по разнообразію ихъ типовъ и физіономій, варіирующихъ отъ идеально красивыхъ до отвратительно безобразныхъ, можно думать, что осетины—національность смѣшанная; она заключаетъ въ себѣ грузинъ, армянъ и кабардинцевъ. Въ Дигоріи, на сѣверномъ склонѣ, нѣсколько благородныхъ родовъ несомнѣнно татарскаго происхожденія; на югѣ, въ долинѣ Ліахвы или Ливахъ-дона, многія аристократическія семейства произошли отъ грузинъ. Если не обращать вниманія на множество исключеній, то въ общемъ смѣло можно сказать про осетинъ, что по красотѣ они стоятъ гораздо ниже всѣхъ другихъ племенъ Кавказа. Осетины большею частью, какъ по чертамъ лица, такъ и по фигурѣ, угловаты, неуклюжи, у нихъ совершенно нѣтъ того чарующаго взгляда, того благородства въ лицѣ, той стройной походки, которыми отличаются черкесы и кабардинцы. Между ними блондиновъ больше, нежели брюнетовъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ глаза голубые, точно у скандинавовъ, между тѣмъ какъ у другихъ, особенно у тѣхъ, которые напоминаютъ собою евреевъ, торгующихъ подержанными вещами, говорящихъ, какъ они, такимъ же вкрадчивымъ голосомъ, глаза обыкновенно черные или каріе [1]).

Но къ какой бы расѣ Европы или Азіи ни причисляли этотъ народъ, достовѣрно лишь то, что ихъ языкъ принадлежитъ къ одному изъ нарѣчій арійской вѣтви. Самихъ себя осетины называютъ иронами, что напоминаетъ Иранъ или Персію, а свою страну они называютъ Иронистаномъ. Въ дигорскомъ нарѣчіи много примѣшано татарскихъ и черкескихъ словъ; но діалектъ, на которомъ говорятъ въ горныхъ долинахъ и который сохранилъ еще свою чистоту, отличается богатствомъ корней, сходныхъ съ корнями языковъ индо-европейскихъ, греческаго, латинскаго, славянскаго и нѣмецкаго [2]), хотя онъ болѣе грубъ, чѣмъ тотъ, которымъ говорятъ въ равнинѣ. Пытались отыскать въ нравахъ осетинъ нѣкоторыя иного рода данныя, указывающія на ихъ родство съ западными націями. У ироновъ, напр., имѣются кровати, столы, сидѣнья—чего нѣтъ у другихъ горцевъ; они-по европейски привѣтствуютъ другъ друга, цѣлуются и жмутъ руку такъ же, какъ и цивилизованные народы Запада; наконецъ,—важное указаніе, касающееся пьянства—они молотятъ рожь точно такъ же, какъ германцы, приготовляютъ изъ нея хмѣльной напитокъ и изготовляютъ пивныя кружки точно такой же формы, какая употребляется у крестьянъ сѣверной Германіи. Путешественники указываютъ также на сходство жилищъ южныхъ осетинъ и имеретинцевъ съ фермерскими хижинами въ Альпахъ: это деревянные домики, крытые дранью, на которую накладывается тяжелый булыжникъ [3]); но въ горныхъ долинахъ, гдѣ лѣсу мало, они живутъ въ каменныхъ башняхъ, построенныхъ еще въ глубокой древности, и изъ которыхъ многія уже представляютъ развалины.

Вообще же осетины не дѣлаютъ особенной чести индо-европейской расѣ, слывя представителями Кавказскихъ племенъ. Физически они стоятъ ниже своихъ сосѣдей-горцевъ и, точно также, не могутъ быть сравниваемы съ ними по благородству, сознанію собственнаго достоинства и мужеству, хотя Фрешфильдъ и называетъ ихъ джентльменами Кавказа. Въ прежнее время они занимались, подобно нѣкоторымъ другимъ горскимъ племенамъ, тѣмъ,

[1]) N. von Seidlitz, „Carte ethnologique du Caucase". 1880.

[2]) Klaproth, Kohe, Koch.

[3]) *Recherhes sur les populations primitives du Caucase*".

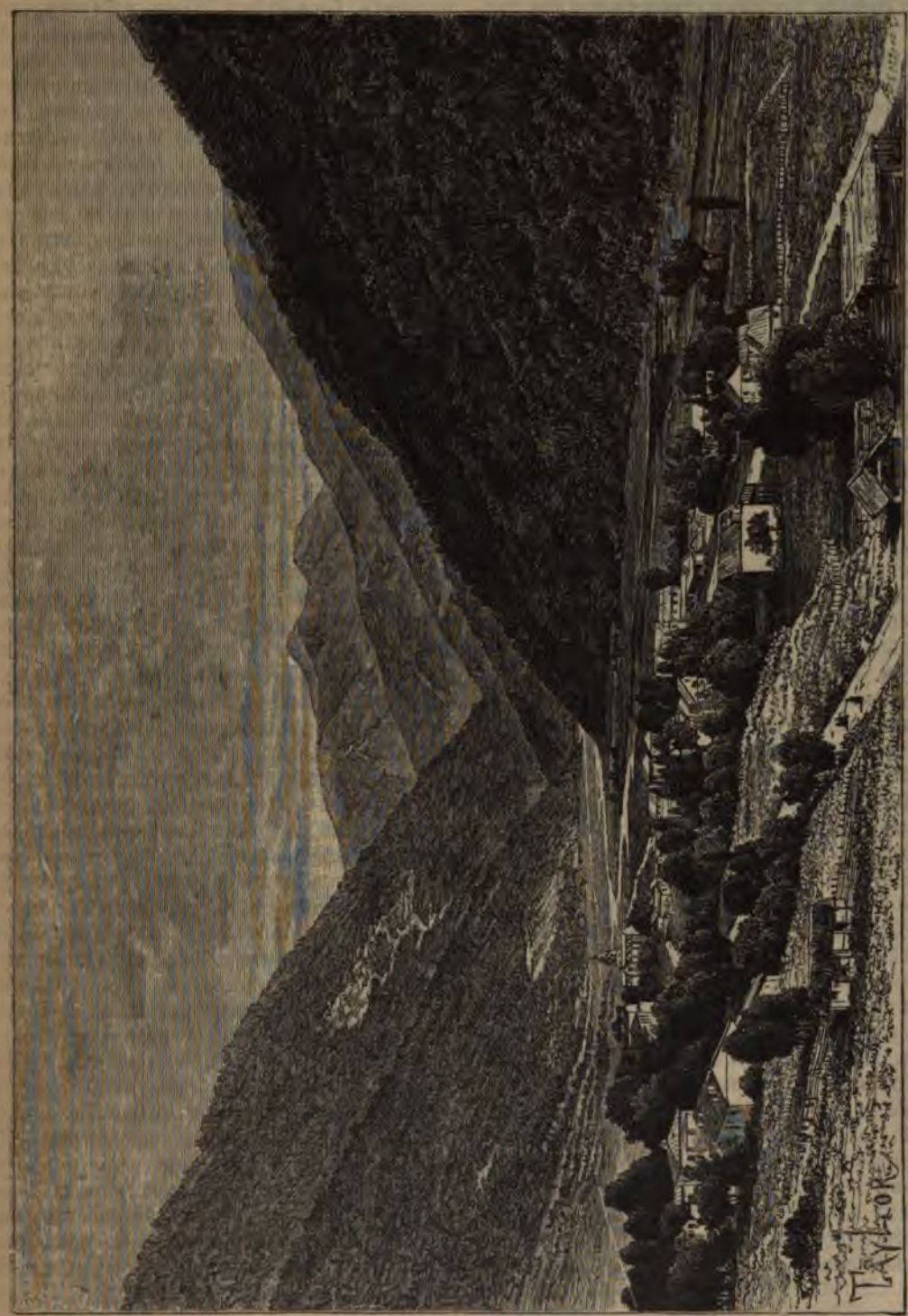
[1]) У осетинъ сохранилось не мало легендъ о подвигахъ древнихъ нартовъ, почитаемыхъ народомъ за святыхъ: нартами они называютъ израильтянъ, живущихъ будто бы въ нынѣшней Имеретіи.

Прим. пер.

[2]) Klaptoth, Sjogren, Rosen, etc.

[3]) Koch, „Wanderungen im Oriente"; —фонъ-Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе". 1878, № 1.

го охотно продавались тому, кто больше пла-
лъ: осетины поступали солдатами на службу
изантіи, Грузіи и Персіи, которыя посылали
ь горы агентовъ для набора рекрутъ; наем-
бенно они почитали, да чтутъ еще и теперь,
бога разбоевъ, Саубарега, который, сидя на
черномъ конѣ, охраняетъ бандитовъ въ ихъ
экспедиціяхъ и указываетъ имъ путь [1]). Бу-



Пассанауръ на военно-грузинской дорогѣ.

ники возвращались домой только для того,
чтобы прокутить вырученныя деньги.

Военныя привычки настолько деморализо-
вали осетинъ, что они въ концѣ концовъ мог-
ли заниматься только однимъ *грабежемъ*; осо-
дучи не прочь при случаѣ убить или ограбить,
не подвергаясь большой опасности, они, какъ
извѣстно, были слишкомъ осторожны, когда имъ

[1]) Пфаффъ, см. выше.

приходилось, защищая свою свободу, вступать въ бой съ русскими, и когда исходъ битвы казался имъ сомнительнымъ. Владѣя долинами центральнаго Кавказа и слѣдовательно располагая самыми важными стратегическими пунктами въ горахъ, они, однакожъ, оставили западныхъ черкесовъ и дагестанскихъ лезгинъ сражаться порознь и быть побѣжденными. Вмѣсто того, чтобы занять въ священной войнѣ первое мѣсто, какъ казалось того требовали обстоятельства, они медлили рѣшеніемъ принять участіе въ битвахъ до того времени, когда побѣда уже окончательно склонилась на сторону русскихъ. Нищета отдала ихъ въ руки эксплоататоровъ разныхъ національностей и въ подчиненіе княжескимъ родамъ, между которыми встрѣчается даже одна венгерская фамилія [1]). Чтобы положить конецъ спорамъ о земельной собственности, русское правительство объявило всѣ земли въ долинѣ собственностью государства. Большая часть осетинъ считались мусульманами, теперь же они называютъ себя христіанами и чтутъ св. Николая не меньше, чѣмъ и пророка Илью. Впрочемъ, какъ извѣстно, они въ продолженіе послѣднихъ десяти вѣковъ трижды мѣняли свою религію. Будучи тысячу лѣтъ тому назадъ христіанами, они затѣмъ обратились въ исламъ, а послѣ, двѣсти лѣтъ спустя, въ царствованіе царицы Тамары, они снова возвратились къ своей прежней вѣрѣ. При новыхъ политическихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ XV столѣтіи, они во второй разъ приняли магометанство, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ грузинами. Вопреки исповѣдываемому ими теперь христіанству, они не только придерживаются многоженства, но, кромѣ того, ихъ первая жена смотритъ на дѣтей, прижитыхъ съ остальными женами, какъ на своихъ рабовъ. Кромѣ оффиціальной религіи и остатковъ мусульманства, они удерживаютъ слѣды и язычества. На Св. Недѣлѣ осетины несутъ хлѣбъ и масло въ священные лѣса и тамъ въ гротахъ, въ часовняхъ, бывшихъ нѣкогда христіанскими, приносятъ на жертвенникъ свои приношенія и ѣдятъ барановъ, закланныхъ въ жертву. Наиболѣе чтимыми памятниками осетинъ, служатъ ихъ «саппады» или древнія гробницы, осьмиугольной формы, вышиной отъ 9 до 12 футовъ, оканчивающіяся пирамидальной крышей, съ продѣланнымъ въ ней отверстіемъ. Въ нѣкоторыхъ осетинскихъ и черкесскихъ деревняхъ эти саппады такъ многочисленны, что могли бы образовать настоящій некрополь. Съ половины послѣдняго столѣтія эти памятники запрещено сооружать вновь, по той причинѣ, что выходящіе изъ нихъ газы заражаютъ воздухъ [1]).

Послѣ кабардинцевъ и осетинъ, изъ «инородцевъ» бассейновъ Кумы и Терека, ногайскіе татары—наиболѣе многочисленны; почти всѣ они кочуютъ въ восточной части степей, по берегамъ Каспійскаго моря и тѣхъ соленыхъ озеръ, что зимой наполняются дождемъ, а лѣтомъ осушаются солнцемъ и вѣтромъ. Эти ногайцы, потомки прежнихъ владѣтелей Крыма, и родственные тѣмъ, которыхъ можно видѣть еще разбросанными тамъ и сямъ по берегу Кубани, суть истинные азіаты: они живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, какъ и ихъ бѣдные сосѣди, ставропольскіе и астраханскіе калмыки; когда же имъ приходится мѣнять пастбища, то кладутъ своихъ дѣтей въ корзины, привѣшиваютъ ихъ къ бокамъ верблюдовъ, женщины влѣзаютъ на горбъ животнаго, и караванъ, отправившись въ путь, переходитъ такимъ образомъ черезъ пустыни;—сцены средней Азіи повторяются на западномъ берегу Каспійскаго моря, который, впрочемъ, въ степной полосѣ мало отличается отъ восточнаго берега. Нужно однако сказать, что районъ этой кавказской Азіи мало-по-малу съуживается по мѣрѣ того, какъ монгольское населеніе оттѣсняется русскими; еще полъ-столѣтія тому назадъ ногайцевъ на Кавказѣ было до 79 тысячъ [2]); съ того времени это число значительно уменьшилось [3]). По чертамъ лица, фигурѣ и походкѣ большая часть ногайцевъ выглядятъ монголами; плоское лицо, широкій носъ, выдавшіяся скулы, маленькіе и косые глаза, высокій лобъ и рѣдкая борода указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на помѣсь ихъ съ калмыками. Они кротки и привѣтливы, но упорно держатся закоренѣлыхъ пріемовъ, враги всякихъ перемѣнъ, и обрусѣніе ихъ идетъ только по берегамъ рѣкъ, гдѣ рыбный промыселъ и земледѣліе ставятъ ихъ въ постоянное сношеніе съ русскими, или же когда бѣдность заставляетъ ихъ работать въ качествѣ наемниковъ у армянъ и казаковъ. Въ 1865 году насчитывали до двадцати ногайскихъ деревень, по постройкамъ походившихъ на русскія [4]). Унылые, какъ вообще монголы, они съ грустной ироніей производятъ свое имя отъ словъ, обозначающихъ: «ты будешь несчастенъ!» [5]). Въ окрестностяхъ Кизляра живутъ также нѣсколько тысячъ туркменовъ. Одна легенда, заключающая въ себѣ смутный геологическій намекъ относительно подводной части Каспійскаго моря, гласитъ, что эти туркмены пришли сюда

[1]) Красновскій, „Записки Кавк. Отд." VII, 1860.—Въ Дигоріи существуетъ преданіе, что нѣсколько вѣковъ тому назадъ, венгеренъ Бадель, родоначальникъ баделятъ, принесъ съ собою въ Дигорію ружье, оказавшее осетинамъ большія услуги въ войнахъ, за что былъ осыпанъ почестями, распространившимися и на его потомство.
Прим. пер.

[1]) Фонъ-Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе" 1878. № 2.
[2]) Koch. „Reise durch Russland und die Kaukasischen Isthmus".
[3]) Мевесъ, „Зап. Кавк. Отд." т. VII, 1866 г.
[4]) „Зап. Кавк. Отд." т. VII, 1866 г.
[5]) Kolenati, „Bereisung des Kaukasus".

имъ путемъ изъ азіатскихъ степей чрезъ сноводскъ и Апшеронскій полуостровъ [1]).

амый большой городъ въ бассейнѣ Кумы, игорскъ, расположенъ у южной подошвы ука, у выдавшейся мысомъ горной массы тау. Этотъ пятиглавый порфировый ко-, окруженный мѣловыми рифами, подни-щійся среди степей, вмѣстѣ съ прилегающи-съ нему вершинами горъ Лисицы, Верблю-Змѣи, служилъ во всѣ времена сборнымъ томъ для степныхъ кочевниковъ [2]). Пяти-къ находится въ одной изъ тѣхъ мѣстностей Кавказѣ, гдѣ наиболѣе тѣснятся различныя ена, кабардинцы, ногайцы, казаки; нынѣ онъ сталъ, кромѣ того, сборнымъ пунктомъ русскихъ, пріѣзжающихъ сюда изъ разныхъ рній, а равно и для другихъ европейцевъ. амомъ дѣлѣ, Пятигорскъ, въ качествѣ ле-ой станціи, съ ея изобильными сѣрными ми, пользуется у врачей и у больныхъ адной репутаціей по своимъ цѣлебнымъ ствамъ: одинъ этотъ городъ имѣетъ столь-ке посѣтителей, сколько цѣлыя сотни дру-станцій, съ ихъ 700 различными мине-ными источниками Кавказа, перечислен-и у Ходзько. Группа лечебныхъ водъ Пяти-ка, включая сюда и источники, бьющіе въ окрестностяхъ, не далѣе, какъ верстахъ въ отъ города, представляютъ собою полную ю минеральныхъ водъ, рекомендуемыхъ йшей терапевтикой [3]). Двадцать источни-въ самомъ Пятигорскѣ, температура ко-ахъ колеблется между 29 и 47 градусами ьзія, и которые даютъ вмѣстѣ среднимъ омъ 10 литровъ въ секунду, представляютъ зецъ сѣрнистыхъ водъ. Верстахъ въ 20 на ро-западъ, по ту сторону горной массы тигорья», расположенной островкомъ, ція Желѣзноводскъ, самое названіе кото-показываетъ на характеръ ея водъ, имѣетъ цать отдѣльныхъ источниковъ, различаю-ся между собою температурой и содержа-ъ угольной кислоты; но количество выбра-аемой ими воды находится въ зависимости землетрясеній. На западъ, въ той же доли-гдѣ и Пятигорскъ, возлѣ деревни Эссенту-находятся двадцать другихъ источниковъ,— одныхъ и щелочныхъ, содержащихъ іодъ и ъ, и пробивающихся сквозь слой мергеля. ще далѣе, въ самомъ, такъ сказать, ядрѣ ъ, бьетъ величественный фонтанъ, которому есы дали названіе Нарзанъ, т. е. «Напи-ъ богатырей», и извѣстный теперь подъ име-ъ менѣе поэтическимъ, но болѣе точнымъ— Кисловодскъ; этотъ источникъ, которому нѣтъ равнаго по качеству, даетъ ежедневно болѣе 1.500.000литровъ воды (18 въ секунду) и 5.400 куб. метровъ угольной кислоты. Стѣна въ нѣсколько верстъ длиною, окружавшая гроты и гробницы, преграждала нѣкогда входъ къ священному источнику [1]); до сихъ поръ еще кое-гдѣ видны ея остатки. Изъ другихъ ключей, не приносящихъ пока еще пользы, одни содержатъ хлоръ, другіе магнезію, морскую соль и проч., между тѣмъ какъ озера и пруды, оставшіеся въ степи, вслѣдствіе отступленія моря, какъ и лиманы Черноморья, заключаютъ въ себѣ солоноватую грязь и микроскопическія водоросли.

Пятигорскъ раскинутъ на громадномъ пространствѣ, въ долинѣ р. Подкумокъ, южномъ притокѣ Кумы, а средняя высота города на 1.550 футовъ выше уровня нездоровой атмосферы равнинъ; его громадные бульвары, парки и сады еще болѣе содѣйствуютъ оздоровленію города. Гостиницы, роскошные дома, крытыя галлереи, блестящіе магазины, въ которыхъ продаются персидскіе и бухарскіе ковры и тысячи предметовъ, привезенныхъ изъ Тулы, а также съ заводовъ Франціи и Англіи, придаютъ Пятигорску видъ европейскаго лечебнаго города, вродѣ Карлсбада, Киссингена, Виши; но этотъ русскій городъ гораздо новѣе перечисленныхъ: до 1830 года онъ не существовалъ даже и по имени. Въ концѣ прошлаго столѣтія, больные пріѣзжали сюда купаться «подъ выстрѣлами черкесовъ». Русскіе вельможи, для леченія этими водами, отправлялись сюда подъ охраной доброй сотни всадниковъ и прислуги, конвоировавшихъ ихъ экипажи, палатки, провизію, и жили во все время леченія бивуакомъ, неподалеку отъ источника [2]). Въ настоящее время введены приспособленія: надъ подземными озерами и колодцами устроены ванны; но зато теперь не видно болѣе собственно геологической работы самихъ источниковъ. Громадные туфовые ряды, отлагавшіеся источниками, и такъ удивившіе Палласа, почти всѣ закрыты постройками или развалинами, и самая пропасть, которую наполняетъ на 75 футахъ глубины небольшое дымящееся озеро, потеряла уже свой прежній страшный видъ: теперь купающіеся сходятъ въ нее туннелемъ, и воркующіе голуби, которые прежде гнѣздились въ нишахъ колодца, совсѣмъ исчезли. Говорятъ, что эта бездна разверзлась около 1774 года, и что въ то же самое время почва на довольно большомъ пространствѣ [3]) дала трещину. Эсентуки и прочія станціи для купаній, принадлежащихъ къ группѣ Пятигорска, окружены, правда, безплодными степями, но зато красоту этихъ мѣстъ, которой нельзя не

Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere und in Kaukasus".

) Favre, „Mémoires de la Société helvetique des ces naturelles", т. XXVII, 1876.

) Jules Francois, „Comptes rendus de l'Academie des ces", *séance du 29 mai 1876.*

[1]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase"

[2]) G. Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".

[3]) Pallas, „Second voyage."

восхищаться, составляютъ массивы величественнаго Эльбруса съ его ледниками, лѣсами, горными потоками. Съ юрасоваго хребта Бермамутъ, который поднимается на 8.500 футовъ высоты, на юго-западѣ отъ Кисловодска и его прекрасныхъ лѣсныхъ чащъ, гигантъ Кавказскихъ альпъ является во всемъ своемъ величіи; Бермамутъ одна изъ горъ Кавказа, на которую взбираются гораздо чаще, чѣмъ на всѣ другія.

Георгіевскъ, лежащій на сѣверо-востокъ отъ Пятигорска, но въ томъ же самомъ рѣчномъ бассейнѣ, былъ до 1824 года главнымъ городомъ Предкавказья. Уступивши затѣмъ Ставрополю свою роль главнаго административнаго пункта, Георгіевскъ сталъ простой деревушкой; онъ сохраняетъ еще свое значеніе, какъ мѣсто, куда свозятся земледѣльческіе продукты бассейна Кумы и какъ станція Кавказской желѣзной дороги. Благосостоянію этого города содѣйствуютъ нѣмецкія колоніи. Внизъ, по теченію Кумы и ея западныхъ притоковъ, идутъ нѣсколько старинныхъ казачьихъ станицъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Отказное, Александровская, Благодарное и Прасковея, сдѣлались уже городами и важными сельскохозяйственными центрами. На востокъ отъ Прасковеи на обоихъ берегахъ Кумы, стоялъ когда-то извѣстный городъ Мадьяръ или Мадьяры. Случайное совпаденіе названій дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ думать, что этотъ городъ былъ столицей венгровъ; но это названіе татарскаго происхожденія, означающее «зданіе», «дворецъ», принадлежало, какъ кажется, одному изъ главныхъ городовъ Хозарской имперіи [1]). Онъ былъ построенъ татарами-кипчаками, и различные документы, открытые недавно, доказываютъ, что еще въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія Мадьяръ былъ цвѣтущимъ городомъ и часто посѣщался русскими купцами; арабскій географъ Абульфеда описываетъ его подъ именемъ Ку-Мадьяра. Во время Палласа, въ немъ было еще тридцать два неразрушенныхъ дома; теперь же виднѣются лишь нѣсколько остатковъ башенъ и груда развалинъ, покрывающихъ обширное пространство; валяющіеся всюду обломки кирпича глазурованы въ персидскомъ вкусѣ. Здѣсь же найдено нѣсколько надписей, приписываемыхъ татарскимъ мусульманамъ [2]), и медалей, выбитыхъ, какъ видно, въ Сараѣ, на Волгѣ. Армянская деревня Святой Крестъ построена среди его развалинъ; въ окрестностяхъ видно множество кургановъ. На востокъ, вдоль Кумы слѣдуютъ земледѣльческіе поселки, но по мѣрѣ удаленія отъ рѣки, встрѣчаются лишь кочующіе ногайцы и калмыки.

Главный городъ Кабарды, а въ то же самое время и самый значительный городъ въ бассейнѣ Терека, имѣетъ очень громкое названіе—Владикавказъ; у туземцевъ же, осетинъ, онъ называется не иначе какъ Капкай, т. е. «Горныя Ворота». Онъ и въ самомъ дѣлѣ находится у подошвы Черныхъ Горъ, у входа въ высокія ущелья, черезъ которыя пробѣгаетъ Терекъ; городъ лежитъ на высотѣ 2.300 футовъ и какъ центральная крѣпость Кавказа, стерегшая главный военный путь, проходящій мимо, въ продолженіе всей Кавказской войны, съ 1784 г., былъ очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ; со времени же покоренія горцевъ, онъ ростетъ еще и какъ торговый городъ. Чистенькій и изящный Владикавказъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые обязаны своимъ возникновеніемъ почвѣ и которые быстро возрождаются снова, если ихъ разрушаетъ война или пожаръ. Владикавказъ есть ворота, черезъ которыя равнины европейской Россіи сообщаются съ Закавказьемъ, и преддверіе въ переднюю Азію. Жизнь въ немъ однако пока еще имѣетъ сдержанный характеръ, такъ какъ преобладающій элементъ въ городѣ чиновники и военные; въ 1874 году число мужчинъ вдвое превосходило число женщинъ.

Недавно еще военная дорога, проходящая чрезъ Кавказскія альпы, изъ Владикавказа въ Тифлисъ, была нѣсколько разъ повреждаема и даже разрушаема сильнымъ разливомъ бурнаго Терека; снѣжные обвалы и камни преграждали ему выходы изъ ущелья; извѣстно также, что Девдоракскій ледникъ постоянно грозитъ обрушиться на эту дорогу и покрыть ее грудой обломковъ; среднимъ числомъ она блокируется каждые 17 дней въ году, на разстояніи около 14 верстъ [1]). Будетъ однако необходимо предпринять очень крупныя работы, когда придется соединять Владикавказъ съ Тифлисомъ желѣзной дорогой, если только вѣрно, что уже рѣшено, несмотря на всѣ препятствія, представляемыя природой, попытаться проникнуть черезъ горы долиной Терека. Но гдѣ будетъ начинаться туннель? Желѣзная дорога, проходя ниже теперешней шоссейной, должна будетъ встрѣтить горы близъ деревни Коби, извѣстной своими углекислыми водами, и появиться снова на открытой мѣстности, пройдя 16 верстъ подъ горнымъ хребтомъ? Или желѣзный путь свернетъ къ востоку, чтобы прорѣзать горы туннелемъ меньшей длины, спустившись по южному склону долиной Малой Арагвы? Рѣшатъ ли инженеры направить дорогу западнѣе, въ долину Ардона? Если да, то въ этомъ случаѣ путь пойдетъ на сѣверо-западъ отъ Владикавказа, въ верхнюю долину Ардона, черезъ ворота или ущелье Алагиря, города, окруженнаго фруктовыми садами и служившаго прежде пунктомъ для ссыльныхъ, пройдетъ вблизи рудъ сребороднаго свинца Сѣдона, до сихъ

[1]) Klaproth, „Voyage au Caucase".
[2]) Von Baer, „Beiträge zur Kenntniss der Russischen Reisen", *4 vol.*

[1]) „Записки Кавказск. Отдѣла", VII. 1866.

горъ еще не обогатившагося этимъ сокрови-
щемъ, и поднимется постепенно черезъ брешь
въ главной цѣпи, до туннеля, длиной въ $4^1/_2$
версты, который придется прорыть въ хребтѣ

возможность очень удобно направляться отсю-
да въ Грузію и бассейнъ Куры черезъ перевалъ
Роки, доступный только для всадниковъ, а съ
другой стороны въ Имеретію и бассейнъ Ріона,

Видъ Пятигорска съ горы Машукъ.

Роки, на востокъ отъ водораздѣльнаго хребта
Зикари. Верхняя долина Ардона лежитъ у
обоихъ склоновъ Закавказья—здѣсь именно
находится, съ точки зрѣнія путей сообщенія,
центръ Кавказа: проѣзжающіе будутъ имѣть

черезъ Мамисонскій перевалъ. Кромѣ того, до-
пускаютъ еще восточное направленіе пути, ко-
торый соединитъ Грозное и Нижній Терекъ,
долины Арагвы, черезъ Аргунъ и тунель, про-
рытый на западъ отъ горы Барбало. Благосо-

стояніе Владикавказа и другихъ городовъ обоихъ склоновъ зависитъ главнымъ образомъ отъ окончательнаго выбора направленія, по которому пройдетъ Закавказская желѣзная дорога. Впрочемъ очень вѣроятно, что цѣпь будетъ обойдена съ востока желѣзной дорогой, которая соединитъ города Петровскъ, Дербентъ и Баку, прежде чѣмъ рискнутъ пробить горы ради прямаго пути [1]).

Ниже Владикавказа, по Тереку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ прежнее время черкесы держали бродъ, т. е. недалеко отъ сліянія Малки съ Терекомъ, въ самомъ центрѣ Кабарды, у большой дороги, находится Екатеринодаръ. Основанный Потемкинымъ въ 1778 г.—какъ одна изъ крѣпостей Кавказской линіи.—онъ семь лѣтъ спустя былъ сдѣланъ главнымъ городомъ по управленію Кавказомъ. Но въ 1790 году, Екатеринодаръ потерялъ значеніе главнаго города, и съ тѣхъ поръ онъ не что иное, какъ простая казачья станица. Политическій и торговый центръ этой мѣстности—Моздокъ или «Черный лѣсъ», городъ происхожденія сравнительно древняго, такъ какъ основанъ еще въ 1759 г. владѣтелемъ Малой Кабарды, котораго неудачная война заставила покинуть свою страну; Моздокъ служилъ мѣстомъ убѣжища для кабардинцевъ, бѣжавшихъ изъ долины Терека, осетинъ и чеченцевъ съ горъ, армянъ и грузинъ изъ Закавказья. Почти до послѣдняго времени, выходцы изъ Арменіи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, были преобладающимъ населеніемъ въ Моздокѣ: благодаря имъ этотъ городъ, въ которомъ болотные міазмы заставили жителей перемѣститься со времени своего основанія на 7 верстъ въ сторону, сталъ главнымъ рынкомъ Предкавказья; сюда съѣзжаются и станичные казаки и горцы изъ Дагестана, земледѣльцы изъ Кабарды, и кочевые ногайцы съ низовьевъ Терека и Кумы. Чтобы содѣйствовать развитію этого города, военная дорога изъ Ставрополя въ Тифлисъ, распоряженіемъ правительства, была проведена черезъ Моздокъ; но съ постройкой желѣзнаго пути, городъ потерялъ тѣ торговыя выгоды которыми онъ пользовался, благодаря прихотливому повороту столбовой дороги. Съ тѣхъ поръ Моздокъ пользуется лишь своими естественными преимуществами, служитъ биржей для торговыхъ сдѣлокъ между различными мѣстными національностями и какъ пунктъ для сбоза земледѣльческихъ продуктовъ изъ колоній, лежащихъ по среднему теченію Терека. На берегахъ Терека виднѣются еще до сихъ поръ три разрушенныхъ города, Татаръ-путъ, Джулатъ и неизвѣстные еще развалины, стѣны и рвы которыхъ приписываются легендой хромоногому Тимуръ-Хану [1]).

Грозный, дома котораго группируются вокругъ крѣпости Грозная, въ настоящее время, служитъ главнымъ естественнымъ пунктомъ для всей долины Сунджи, долины, можетъ быть самой плодородной во всемъ Предкавказьѣ; его минеральныя воды, сдѣлавшіяся извѣстными съ половины прошлаго столѣтія, посѣщаются очень многими, но нефтяные колодцы въ его окрестностяхъ не имѣютъ большаго промышленнаго значенія. Многочисленныя деревни и мѣстечки, между которыми болѣе другихъ выдается Урусъ-Мартанъ, разбросаны въ равнинѣ Грознаго и по окрестнымъ холмамъ. Далѣе, на востокъ, лежитъ магометанскій городъ Аксай съ его садами, раскинувшимися въ обильно орошенной мѣстности, воды которой теряются въ топяхъ нижняго Терека и Каспійскаго прибрежья.

Кизляръ древнѣе Моздока, такъ какъ о немъ упоминается еще въ хроникахъ 1616 года; въ немъ, какъ и въ Моздокѣ, находили пріютъ бѣглые всѣхъ націй и въ особенности армяне, мало-по-малу завладѣвшіе всей мѣстной торговлей. Положеніе Кизляра, у самаго основанія дельты, весьма выгодно отзывается, если не на жизненныхъ удобствахъ, то на торговлѣ и земледѣліи: Терекъ съ своими рукавами, которые сдерживаются боковыми плотинами, не всегда достаточно прочными, снабжаетъ прибрежныхъ жителей вполнѣ достаточнымъ количествомъ воды, необходимымъ для ирригаціи земель. Въ 1861 г. насчитывали вокругъ Кизляра болѣе 1.250 садовъ, поставлявшихъ на рынки Россіи различные фрукты и овощи. Кизляръ извѣстенъ также въ восточной Европѣ своими виноградниками, на которые, въ урожайные годы, спускаются гурьбами сборщики винограда изъ Дагестана. Кизлярское вино вывозится черезъ маленькую сосѣднюю пристань, Брянскъ, и служитъ русскимъ промышленникамъ для фабрикаціи портвейна, мадеры, хереса и прочихъ винъ, пользующихся извѣстностью. На Нижегородской ярмаркѣ продается этого вина болѣе 400.000 ведеръ ежегодно.

Слѣдующіе города бассейна Кумы и Терека имѣютъ болѣе 5.000 т. жителей:

Ставропольская губернія: Пятигорскъ (1897 г.)—48.523 жит.; Прасковея (мѣстечко)—8.000; Александровская (слобода)—7.400; Благодарное (село)—6.050; Отказное (село)—5.150 жит.

Терская область: Владикавказъ (1897 г.)—44.147 жит.; Кизляръ (1897 г.)—6.774; Грозный—15.735; Моздокъ—8.380; Урусъ-Мартанъ—6.900; Аксай—5.000 жит.

[1]) Въ настоящее время желѣзнодорожная сѣть въ краѣ составляетъ свыше 2.103 в.: Владикавказская жел. д. съ вѣтвями на Новороссійскъ, Кисловодскъ и Петровскъ—1.136 в. и Закавказская съ вѣтвями на Поти, *Кутаисъ, Ткибули и Сураханы*—967 в.

[1]) Берже, „Русское Обозрѣніе", 1874, № 11.

. Дагестанъ. Восточный Кавказъ.

массивахъ восточнаго Кавказа нѣтъ та-
гигантскихъ вершинъ, какъ Казбекъ и
русъ, но зато въ общемъ они своимъ
фомъ представляютъ значительно боль-
выпуклость, поднимающуюся надъ рав-
ми. Открытыя бреши между вершинами
нительно выше, а боковыя цѣпи настоль-
аздвинули эту горную часть Кавказа, что
анимаетъ собою до двухъ градусовъ ши-
. Среди этихъ горъ, различныхъ по вы-
и направленію, представляются болѣе раз-
разные виды, нежели у подошвы запад-
колоссовъ; въ большей части долинъ вид-
кругомъ на горизонтѣ горы, покрытыя
омъ или лѣсными чащами. Спутанность
ьныхъ цѣпей долгое время покровитель-
ала горцамъ противъ русскихъ: послѣдніе
проникнуть въ лабиринтъ горныхъ до-
не иначе, какъ пробравшись по пропа-
ь извилистаго ложа рѣки, или же идя на
ь по неизвѣстнымъ горнымъ тропинкамъ
двергаясь скрытой засадѣ туземцевъ. Из-
но, что послѣднія рѣшительныя битвы
сходили въ Абхазіи, но зато въ Дагеста-
ольше всего велась борьба на смертъ про-
славянскихъ завоевателей.

ру Борбало, съ которой берутъ начало по-
стекающіе въ четыре большія рѣки, въ Те-
Сулакъ, Куму и ея большой притокъ Ала-
разсматриваютъ обыкновенно какъ ру-
западнаго Дагестана. Къ этому горному
подходитъ главная боковая цѣпь Анди, и
, сливаясь съ главнымъ хребтомъ, обра-
вмѣстѣ съ нимъ треугольникъ восточна-
авказа. Можно, впрочемъ, смотрѣть на Да-
нъ какъ на громадное плато, изрытое до-
ми; на высотахъ ихъ глубина лежитъ все-
ишь на нѣсколько сотъ или тысячъ футовъ
уровня хребта. По Абиху, весь горный
станъ есть не что иное, какъ система скла-
состоящая изъ пластовъ осадочнаго, юр-
, мѣловаго и третичнаго, сцѣпленія меж-
торыми прерваны и разсѣчены трещина-
. Подобно тому, какъ на западѣ Эльбрусъ,
дящійся на одной изъ боковыхъ цѣпей,
имается высоко внѣ средняго хребта, точ-
акже и въ цѣпи Анди возвышаются надъ
и другими кульминаціонными точками во-
наго Кавказа Тебулосъ-мта, 15.000 футовъ
ты, и еще нѣсколько другихъ пиковъ или
», достигающихъ 13.150 ф., между тѣмъ
собственно главный-то, позвоночный, хре-
не заходитъ за предѣлы 10—11.500 фу-
. Впрочемъ, хребетъ постепенно подни-
ется къ востоку, и на югъ отъ Самура,
множество другихъ еще точекъ заходятъ за линію вѣчныхъ снѣговъ, таковы: Сари-дагъ, Вицыри, Базардьюзъ, Тхванъ-дагъ и Баба-дагъ на продольномъ хребтѣ, и Алахунъ-дагъ, Шалбузъ-дагъ или восточный Эльбрусъ и Кизылъ-кайя въ сѣверныхъ боковыхъ массивахъ. Но востокъ отъ Баба-дагъ горы начинаютъ быстро понижаться по направленію къ Каспійскому морю, и на Апшеронскомъ полуостровѣ онѣ уже не что иное, какъ холмы. Почти всѣ названія горъ или турецкія или грузинскія.

Укажемъ на различныя высоты восточнаго Кавказа:

Главный хребетъ: Борбало (10.781 ф.) 3.287 метр.; Сари-дагъ (11.982 ф.) 3.656 м.; Вицыри (12.733 ф.) 3.882 м.; Базардьюзъ (14.699 ф.) 4.182 м.; Тхванъ-дагъ (13.740 ф.) 4.189 м.; Баба-дагъ (11.915 ф.) 3.633 м.; Атешъга (Апшеронъ) (905 ф.) 276 метр.

Цѣпь Анди: Тебулосъ-мта (14.760 ф.) 4.500 м.; Качу (14.012 ф.) 4.271 метр.; Диклосъ-мта (13.717 ф.) 4.182 метр.

Восточные массивы: Алахунъ-дагъ (11.752 ф.) 3.583 метр.; Шагъ-дагъ (13.947 ф.) 4.252 м.; Шалбузъ-дагъ (13.933 ф.) 4.248 м.; Кизылъ-кайя (12.231 ф.) 3.729 метр.

Нѣсколько потоковъ, сбѣгающихъ съ предгорій Дагестана, впадаютъ въ Терекъ черезъ посредство его южнаго притока, Сунджи; Сулакъ же получаетъ почти весь избытокъ воды, которая падаетъ на горы въ видѣ дождя, и состоитъ изъ четырехъ рѣчекъ, носящихъ у татаръ названіе Койсу. Подобно Тереку и Ардону, эта рѣка передъ тѣмъ какъ выйти черезъ величественное ущелье въ равнину, течетъ сначала по Чернымъ горамъ, и затѣмъ уже, повернувъ на востокъ, направляется къ Каспію. Сулакъ такъ же, какъ и Терекъ, съ помощью наносовъ, все болѣе и болѣе выдвигаетъ свое устье въ море и во время половодья даже образуетъ временную дельту, при чемъ его воды смѣшиваются отчасти съ водой Терека въ громадной бухтѣ Аграханъ, похожей, въ сущности, скорѣе на прудъ, нежели на морской заливъ. Разсчитывая углубить фарватеръ, Петръ Великій хотѣлъ измѣнить теченіе Сулака, отведя его въ сторону посредствомъ канала, но эта работа не принесла, какъ многія другія предпріятія подобнаго рода, начатыя Петромъ, никакой пользы: разливы рѣки разрушили оплоты, а грязь засорила судоходный каналъ. Оросительныя канавки, прорытыя нѣсколько лѣтъ назадъ, имѣли большій успѣхъ. Количество земли, орошаемое нижнимъ Сулакомъ, доходитъ до 55 тысячъ десятинъ [1]).

Южнѣе Сулака въ Каспійское море впадаетъ еще нѣсколько рѣкъ, которыя по большей части представляютъ собою простые ручейки, пробивающіеся между булыжникомъ. Един-

„Зап. Кавказ. Отд. Р. Г. О.“, т. IV. 1864.

[1]) „Зап. Кавк. Отд.“, т. VI. 1864.

ственная важная рѣка — Самуръ; по выходѣ изъ горы, онъ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, которые безпрестанно мѣняютъ свои мѣста среди песку и голышей. Можно сказать, что Самуръ и всѣ другія рѣки, текущія по равнинѣ Кубы, образуютъ одну общую дельту, и, мѣняясь своими ложами, сообща покрываютъ наносами берегъ Каспійскаго моря. Эти потоки, стремительно ниспадающіе на рыхлую почву, ими самими нанесенную, можно сравнить съ fiumi и съ fiumare восточнаго склона Апеннинъ, мѣняющими постоянно свое теченіе; тамъ и самъ находятся прежнія ихъ русла, ложныя рѣки и пруды, оставленные рѣками. Мѣстность у низовьевъ Самура, водная система которой еще не установилась, есть одна изъ самыхъ нездоровыхъ на Кавказѣ.

Въ 1868 году, по окончаніи войнъ, разорившихъ долины Кавказа, русское правительство предприняло перепись горныхъ туземцевъ; число ихъ доходило до 908.000; въ 1872 году насчитывали ихъ 995.000, изъ которыхъ почти половина, именно 478.000, приходилась на Дагестанъ. Чеченцы и лезгины сѣвернаго склона, между Кабардой и Каспійскимъ моремъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ въ настоящее время не менѣе 670.000 душъ [1]). Это населеніе подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, различныхъ по происхожденію, религіи, нравамъ, языку; теперь однако уже доказано, что большая часть нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ этой области Кавказа, въ сущности не что иное, какъ только различныя patois, принадлежащія къ одной и той же лингвистической вѣтви. Одинъ изъ такихъ языковъ Дагестана употребителенъ лишь въ деревнѣ Инухъ, расположенной въ юго-западной части страны и состоящей изъ тридцати домовъ; при томъ этотъ столь мало распространенный языкъ, какъ и большая часть дагестанскихъ нарѣчій, за исключеніемъ нѣсколькихъ аварскихъ документовъ, писанныхъ арабскими буквами, совершенно лишенъ литературы.

Между населеніемъ восточнаго Кавказа насчитывается около 196.000 чеченцевъ, подраздѣляющихся между собою на двадцать разныхъ группъ и говорящихъ различными нарѣчіями. Извѣстные отчасти подъ именемъ мисджеговъ, какъ ихъ называютъ лезгины, ихъ восточные сосѣди, или кистинъ, какъ ихъ называютъ грузины, чеченцы занимаютъ весь западный Дагестанъ, расположившись на востокъ отъ осетинъ и кабардинцевъ, и на предгоріяхъ, спускающихся въ равнины [2]). Протекающая по ихъ территоріи Сунджа дѣлитъ страну на Малую Чечнію или низменную, и Большую Чечнію—горную. Чеченцы равнины и горъ, какъ извѣстно, сражались съ наибольшимъ ожесточеніемъ противъ русскихъ; въ прошломъ столѣтіи Даугъ-Бегъ и Омаръ-Ханъ, а въ текущемъ Хази-Молла, а за нимъ Шамиль, группировали вокругъ себя чеченцевъ, которые, какъ магометане-сунниты и болѣе пламенные послѣдователи своего культа, нежели ихъ единовѣрцы, черкесы и абхазцы западнаго Кавказа, боролись съ той энергіей, которую придаетъ фанатизмъ, соединенный съ любовью къ свободѣ и съ страстью къ битвамъ. Однако они вынуждены были уступить, и съ 1859 года въ Чечнѣ, самой плодороднѣйшей и здоровой мѣстности Предкавказья, живутъ только побѣжденные, русскіе подданные. Крѣпость Грозная, существовавшая съ 1819 года и сдѣлавшаяся теперь городомъ Грознымъ, была построена побѣдителями на берегахъ Сунджи, между обѣими территоріями чеченцевъ, — угрозы этой крѣпости не оставались напрасными. Такъ же, какъ и черкесы, горные чеченцы продолжаютъ покидать свои родные аулы; тѣ изъ нихъ, которые не соглашались селиться въ равнинѣ, въ окрестностяхъ Моздока и другихъ городовъ, лежащихъ по Тереку и Кумѣ, уходили въ Турецкую Арменію по сотнѣ и по двѣ семействъ, конвоируемые русскими солдатами. По мѣсяцу и по два эти несчастные плелись, въ сопровожденіи своихъ стадъ, по пути изъ Владикавказа, черезъ Тифлисъ, въ Александрополь. На турецкой территоріи ожидали ихъ другія бѣдствія: тамъ недоставало для нихъ земли, черезъ что происходили кровавыя стычки между ними и ихъ новыми сосѣдями. Ихъ перемѣщали по нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, и на кладбищахъ въ каждомъ мѣстѣ ссылки оставалась не малая часть эмигрантовъ [1]).

Жители Чечніи во многомъ похожи на черкесовъ: они на видъ такіе же гордые, стройные, изящные, любятъ богатую одежду и носятъ ее съ такой же ловкостью. Носъ у нихъ большей частью орлиный, взглядъ безпокойный, почти злой; но тѣмъ не менѣе они великодушны и всегда сохраняютъ свое достоинство въ рѣчи и въ обхожденіи; они могутъ убить, но не оскорбить. Ихъ женщины, отличающіяся стройностью и граціей, одѣваются въ красивыя платья, обрисовывающія ихъ талію, и широкія панталоны изъ розоваго шелка; ноги у нихъ обуты въ желтые чевяки, а руки украшены серебряными браслетами; суконная накидка, ниспадающая на плечи, скрываетъ отчасти и прическу. Жилища чеченцевъ, по большей части, настоящія берлоги—холодныя, сырыя, мрачныя,

[1]) N. von Seitlitz, „Carte ethnographique du Caucase 1880".

[2]) Мѣстныя условія содѣйствовали процвѣтанію въ ихъ странѣ скотоводства, но двухъ-лѣтнее истребленіе *сѣна* (въ 1840 и 1841 г.) русскими войсками, вызванное *стратегическими соображеніями*, совершенно убило эту промышленность (См. Дубровинъ, „Очеркъ Кавказа"). Прим. пер.

[1]) Vivien de Saint-Martin, „Année géographique" 1866.

нѣкоторыя сакли по-просту вырыты въ землѣ, а иныя сплетены изъ вѣтокъ или сложены изъ камней, грубо наваленныхъ въ кучу. Издали ихъ аулы, гнѣздящіеся на отвѣсныхъ скалахъ

Гора Гунибъ.

или на откосахъ, напоминаютъ собою эрратическіе камни, остановившіеся на краю пропасти. До покоренія русскими, большая часть горцевъ жила общинами и управлялась народными *сходами, подобными тѣмъ, какіе* существовали когда-то въ швейцарскихъ кантонахъ. Другія же общины подчинялись наслѣдственнымъ ханамъ, основавшимъ свою власть еще въ эпоху нашествія магометанъ. Наконецъ, всѣ они одинаково подчинялись адату или обычному праву.

Страшные для жителей равнинъ, какъ грабители и разбойники, дагестанскіе горцы, въ особенности чеченцы, быть можетъ изъ всѣхъ

другихъ воинственныхъ народовъ, во время священной войны противъ русскихъ, выказали въ себѣ самыя блестящія качества свободныхъ людей: «мы всѣ равны!» любили они повторять; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ не было рабовъ, за исключеніемъ плѣнниковъ и сыновей этихъ послѣднихъ. Да и тѣ, плѣнные, часто женились на дочеряхъ своихъ владѣльцевъ и становились такимъ образомъ равноправными членами семьи [1]). Гордость чеченъ доходила до фанатизма, ихъ гостепріимство, хотя и не безъ примѣси нѣкоторыхъ странностей, было безгранично. Встрѣчая путешественника, они цѣлой кавалькадой стремглавъ спускались съ своего аула, и, на лету, помахивая ружьями и пистолетами, салютовали чужеземцу выстрѣлами, а затѣмъ, мгновенно остановившись въ десяти или пятнадцати шагахъ отъ него, привѣтствовали почтительнымъ «селям-алекумъ!» Въ подобныхъ обществахъ правосудіе отправляется «кровавымъ закономъ», и, не смотря на русскій кодексъ, ихъ древній обычай остается единственнымъ уставомъ, который они чтутъ. Убійство, грабежъ и кража съ насиліемъ могутъ быть искуплены только смертью, или же, по меньшей мѣрѣ, виновный долженъ отпустить волосы на головѣ и не брить ихъ до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшій не согласится выбрить его собственноручно и оба не дадутъ передъ Кораномъ клятву въ братствѣ [2]). Случается также, что по случаю большихъ празднествъ, законы о мести пріостанавливаютъ свою силу [3]). Если, напр., горецъ замѣчаетъ, что у него украдена лошадь,—онъ вооружается, завертывается въ бѣлую шерстяную матерію, употребляемую для савановъ, беретъ монету для уплаты священнику съ тѣмъ, чтобы этотъ помолился объ усопшемъ, и затѣмъ отправляется отыскивать пропавшее животное. Но обыкновенно укравшій уже успѣлъ сбыть краденую лошадь, продавши ее въ какой-нибудь отдаленный аулъ. При видѣ прежняго владѣльца лошади, готоваго биться съ нимъ на смерть, новый владѣлецъ возвращаетъ животное и, въ свою очередь, надѣвъ саванъ и заплативши священнику, отправляется отыскивать продавшаго украденное животное. Можетъ быть такой-то и есть воръ? Тогда призываютъ священника, и завязывается смертельный бой; если же продавшій былъ также обманутъ, то и ему теперь надлежитъ отправляться въ поиски, надѣвъ на себя ужасные символы, обозначающіе борьбу на смерть. Такимъ образомъ эти визиты одного къ другому оканчиваются лишь смертью виновнаго, если только воръ не былъ чужой, приходившій съ другаго склона горъ [4]). Другой обычай, у ингушей [5]), свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени сильна у нихъ вѣра въ безсмертіе души: если наканунѣ свадьбы одинъ изъ обрученныхъ умираетъ, то брачная церемонія черезъ это не пріостанавливается: мертвый соединяется узами съ живымъ, — свадьба-де рано или поздно совершится на небѣ,—и отецъ не можетъ уже отступиться отъ приданаго, обусловленнаго заранѣе. Христіанство имѣло всегда свою долю послѣдователей, но тѣмъ не менѣе всѣ чеченцы—сунниты, за исключеніемъ брагуновъ, живущихъ по Сунджѣ. У кистинъ есть три церкви, построенныя на горѣ, въ честь Св. Георгія, Богородицы и Св. Марины; эти храмы очень часто посѣщаются богомольцами, при чемъ въ извѣстное время приносятся въ жертву бараны. Ихъ церкви переполнены останками животныхъ [6]).

Почти всѣ племена, живущія въ долинахъ восточнаго Кавказа, на востокъ отъ чеченцевъ, извѣстны подъ общимъ названіемъ лезгинъ, названіемъ, по татарской этимологіи, равнозначущимъ слову «разбойникъ», «грабитель»: но, какъ кажется, это имя принадлежало народу еще въ глубокой древности, такъ какъ грузины и армяне съ незапамятныхъ временъ называли ихъ лек'ами или лекс'ами. Число лезгинскихъ племенъ постоянно измѣнялось въ зависимости отъ войны и выселеній; Коленати насчитывалъ ихъ 55, а Берже – 51; Комаровъ, придерживаясь общихъ подраздѣленій, на своей этнографической картѣ Дагестана отмѣтилъ границы владѣній 27 племенъ [7]). Всѣ эти мелкія народности имѣютъ свои собственные діалекты, полные гортанныхъ звуковъ, трудныхъ по произношенію для европейца. Усларъ и Шифнеръ [8]) группируютъ всѣ эти діалекты, относя къ аварскому языку главныя нарѣчія западнаго Дагестана, а также нарѣчія Дарго и Куры, въ восточномъ Дагестанѣ. Но горцы отдаленныхъ мѣстностей не могутъ понимать другъ друга и прибѣгаютъ къ третьему языку: у священниковъ и купцовъ, принадлежащихъ къ западнымъ племенамъ, такимъ языкомъ служитъ арабскій; въ восточной же части, во всеобщемъ употреб-

[1]) Берже, „Чечня и чеченцы". Globe, „Société de Géographie de Genève", 1861.

[2]) *Берже, тамъ же.*

[3]) *Reineggs, „Beschreibung des Kaukasus".*

[4]) Kennan, „Bulletin of the Geographica American Society".

[5]) Ингуши - племя чеченцевъ, занимавшее низменности. Между прочимъ они интересны еще тѣмъ, что прежде почитали нѣчто вродѣ мумій, или скелетовъ, принадлежавшихъ, какъ утверждаетъ преданіе, народу нартъ, Нарта, и остававшихся будто бы болѣе 2.000 лѣтъ до прихода русскихъ потлѣнными. Вообще на Кавказѣ, суди по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, есть не мало легендъ и вещественныхъ остатковъ, указывающихъ на долговременное пребываніе въ этой странѣ израильтянъ. Прим. перев.

[6]) Берже, тамъ же.

[7]) „Зап. Кавк. Отд." VIII, 1873.

[8]) Mélanges asiatiques, divers mémoires"; „Bulletin de l'Acad. de Sc. de S.-Petersbourg; divers mémoires", „Зап. Кавк. Отд." V, 1878.

и турецкій жаргонъ Азербейджана. Самое
чательное изъ лезгинскихъ племенъ, поль-
вшееся славою храбрѣйшихъ и составля-
е почти пятую часть всѣхъ лезгинъ, есть
я аваровъ, живущее на востокъ отъ ихъ
айшихъ сосѣдей, чеченцевъ. Слѣдуетъ ли на
смотрѣть какъ на братьевъ тѣхъ аваровъ,
рые основали громадную имперію на Дунаѣ
ъ которыми торжествовалъ Карлъ Великій.
ьшая часть писателей признаетъ это пред-
женіе правдоподобнымъ [1]). Между тѣмъ,
омарову, имя аваровъ, обозначающее на
цкомъ языкѣ жителей долины, «бѣглецы»,
дяги» — происхожденія новѣйшаго.

ь Дагестанъ слиш-
мало пахатной зе-
чтобы все полумил-
ое населеніе могло
обработкой полей
отоводствомъ. Од-
они хорошіе земле-
цы: ихъ сады, окру-
ые стѣнами, тща-
но орошенные, со-
ятся въ совершен-
и доставляютъ зер-
фрукты, овощи; но,
отря на это, они дол-
или уходить въ чу-
страны или зани-
ся грабежемъ, что-
ополнять средства,
ходимыя для суще-
ванія. Расположив-
по обоимъ скло-
хребта, они могли
каться на сѣверъ,
олины Терека или
ка или на югъ,
лодородную Грузію.

Ногайскій мальчикъ.

енѣе отважные, нежели чеченцы, но еще
е твердые и неутомимые, лезгины имѣли
обой ту невыгоду, что были разбиты на
ество племенъ, существовавшихъ незави-
и часто враждовавшихъ одно съ другимъ;
ѣ того, среди ихъ молодежи было принято,
нѣкогда у албанцевъ и швейцарцевъ, по-
ть наемниками къ мелкимъ окрестнымъ
ькамъ; силы страны обрушивались противъ
мой въ безпрестанныхъ войнахъ. Въ битвѣ,
ны не были такъ благородны, какъ чер-
: послѣдніе отпускали плѣнниковъ, не при-
я имъ никакого вреда, между тѣмъ какъ
ны рубили имъ правую руку и относили
ои жилища, какъ трофеи [2]).
лько во время послѣднихъ войнъ всѣ лез-
соединились, чтобы общими усиліями бо-
я противъ Россіи за свою независимость и
вѣру. Между лезгинскими племенами указы-
таютъ на дидо, живущихъ въ верхней долинѣ
андійскаго Койсу, какъ на имѣющихъ особую
религію и слывущихъ между сосѣдями поклон-
никами дьявола [1]), умилостивляющими бога
зла посредствомъ жертвоприношеній. Всѣ же
остальные лезгины — мусульмане. Хотя они
большіе охотники до вина и табаку и удержи-
ваютъ многое изъ христіанства и язычества,
тѣмъ не менѣе, все же ревностные сунниты
и, благодаря лишь преданности своей религіи,
они смогли забыть вѣковую вражду съ одноплеменными родами и народами, ради священной войны или газавата. Сгруппировавшись вмѣстѣ съ чеченцами вокругъ своего соотечественника Кази-Мулла, а потомъ его питомца Шамиля (Самуила), изъ племени Койсу-бу, они не одинъ разъ прогоняли русскихъ до самыхъ крѣпостей въ равнинѣ, и случалось, что эти послѣдніе должны были покидать свои военныя поселенія и отдѣльные гарнизоны, слишкомъ далеко забравшіеся въ горы. Сила лезгинъ происходила отъ стремленія къ увлекавшему ихъ равенству. Подвиги легендарнаго героя лезгинъ, Хаджи-Мурада, начались войной противъ аварскихъ хановъ. Но мало-по-малу учредилась аристократія изъ наибовъ или правителей, которые захватили власть и черезъ своихъ мюридовъ или «учениковъ» распоряжались полновластно вооруженными силами. Толпы горцевъ, постепенно порабощенныя своими руководителями, перестали сражаться противъ русскихъ съ прежней энергіей. Отрѣзанные съ трехъ сторонъ, окруженные фортами, тѣснимые точно желѣзнымъ кольцомъ, подступавшими со всѣхъ сторонъ колоннами, видя свою страну исчерченною дорогами, по которымъ двигались горныя пушки, они вынуждены были прекратить войну, послѣ того какъ половина ихъ пала отъ ядеръ, болѣзней и голода [2]). Когда сдался Шамиль, въ 1859 г., при немъ оставалось изъ его приверженцевъ не болѣе четырехсотъ человѣкъ.

Послѣ покоренія снова загорѣлась старинная родовая ненависть. Лезгинскій Дагестанъ,

---

Klaproth, „Tableaux historiques de l'Asie".
Gambra, „*Voyage dans la Russie méridionale*".

[1]) Carla Serena, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1890.
[2]) Владыкинъ, „Путеводитель по Кавказу".

изъ всѣхъ другихъ областей Кавказа сдѣлался главнымъ мѣстомъ кровавыхъ столкновеній и убійствъ. Среднимъ числомъ на каждыя триста человѣкъ приходится одинъ убитый или раненый ежегодно. Округъ Кайтаго-Табасеранъ на западъ отъ Дербента пользуется печальной извѣстностью и насчитываетъ въ своей средѣ болѣе убійцъ, чѣмъ въ какой бы ни было другой провинціи русской Имперіи [1]). Но зато въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ этими людьми, способными ежеминутно браться за кинжалъ или ружье, живутъ тихіе ухбуканы, кубичи или кубачи, задача которыхъ не сражаться, а снабжать лишь оружіемъ всѣхъ окрестныхъ горцевъ. Необходимые для всѣхъ, они и уважаются всѣми, и ихъ нейтралитетъ никогда не былъ нарушаемъ. Въ прежнее время они изготовляли кольчуги, теперь же занимаются, главнымъ образомъ, выдѣлкой ружей и кинжаловъ; они умѣли также лить и небольшія пушки. Кромѣ того ухбуканскіе ткачи приготовляютъ сукна. Какого происхожденія этотъ небольшой промышленный народъ, затерявшійся между земледѣльцами и пастухами? Кубичи называютъ себя: «френги» или «френки», т. е. франками, европейцами, но они ни по виду, ни по своему языку, принадлежащему къ группѣ дарго, не оправдываютъ этого названія [2]). Они европейцы лишь по той смышлености, съ какою усвоили себѣ промышленные пріемы, будучи обучены имъ, вѣроятно, бѣглыми, или, быть можетъ, они переняли искусства у бывшихъ рабовъ, или же, наконецъ, у путешественниковъ. Ухбуканы очень малочисленны: въ 1867 г. ихъ было не болѣе двухъ тысячъ душъ, обитавшихъ въ 400 домахъ. Нѣсколько лезгинскихъ общинныхъ федерацій или магаловъ представляютъ также, благодаря общей солидарности и свободѣ каждаго, замѣчательное благосостояніе; такова федерація изъ пяти общинъ, называемая Даргилярской или Дарго, въ которой прежде устраивались, въ равнинѣ возлѣ Акуша, большія народныя собранія, вродѣ швейцарскихъ landsgemeinden. Этотъ магалъ давалъ прибѣжище эмигрантамъ всѣхъ національностей и ихъ округъ былъ самымъ населеннымъ во всемъ Дагестанѣ [3]).

Прибрежье Каспійскаго моря, какъ историческая дорога для армій и народовъ, проходившихъ изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію, задерживало у себя часть побѣдителей или отсталыя группы, принадлежавшія всѣмъ національностямъ, какія только слѣдовали по этой дорогѣ съ военными или торговыми цѣлями. На этой узкой береговой полосѣ живутъ монголы, семиты, арійцы и турки, а еще далѣе отъ нихъ, на сѣверъ, ногайцы, раскинувшіе свои шатры въ степяхъ, прилегающихъ къ Сулаку. Начиная съ этой болотистой низменности и вплоть до Дербента вся береговая часть занята преимущественно татарами-кумыками, числомъ болѣе 50.000 душъ; подвигаясь все далѣе къ сѣверу, они оттѣсняютъ въ боковыя долины мѣстное населеніе, принимая однако въ свою среду множество армянскихъ торговцевъ. Другіе татары, родственные живущимъ въ Закавказьѣ, занимаютъ мѣсто южнѣе, въ равнинахъ Кубы, содѣйствуя этнографическому преобладанію въ этой странѣ тюркскаго элемента. Всѣ жители побережья, къ какой бы они расѣ ни принадлежали, говорятъ на языкѣ «френковъ», т. е. турецкимъ нарѣчіемъ Азербенджана. Но персы, таты или таджики, происходящіе отъ побѣдителей, владѣвшихъ этой страною еще во времена сасанидовъ, сохранили свой языкъ и нравы. Они живутъ еще отдѣльной колоніей у Дербента, но наиболѣе многочисленны между Кубою и Бакинскимъ заливомъ. Евреи, разбросанные тамъ и сямъ въ горахъ, очевидно пришли изъ Персіи вмѣстѣ съ татами, такъ какъ они говорятъ между собою персидскимъ языкомъ, а ихъ женщины носятъ иранскій костюмъ; кромѣ того они сами считаютъ Персію своимъ отечествомъ [1]). Всѣ евреи, живущіе въ Кубѣ, точно такъ же, какъ и ихъ бакинскіе и шемахинскіе сородичи, поселились въ этой странѣ съ незапамятныхъ временъ, и полагаютъ, основываясь на свидѣтельствахъ армянскаго историка Моисея изъ Хорена, что они происходятъ отъ израильтянъ, эмигрировавшихъ въ Персію болѣе 2500 лѣтъ тому назадъ, послѣ перваго разрушенія Храма Салмана-саромъ [2]). Въ ихъ обыденномъ, персидскомъ, языкѣ примѣшано много древне-еврейскихъ словъ и халдейскихъ названій, не употребительныхъ у другихъ евреевъ; имена, которыя они даютъ своимъ дѣтямъ при рожденіи, относятся ко временамъ Судей и изъяты изъ употребленія болѣе двадцати пяти вѣковъ. Впрочемъ большая часть кавказскихъ евреевъ были принуждаемы прежде къ принятію христіанства и смѣшались такимъ образомъ съ остальнымъ населеніемъ; весьма вѣроятно, что очень немногіе изъ нихъ сохранили свою національность; черезъ смѣшеніе они становились осетинами, лезгинами, грузинами и въ особенности татарами. Множество деревень, извѣстныхъ подъ именемъ Джутъ-Кенд'а или «жидовскаго города» населены исключительно жителями, называющими себя татарами [3]).

[1]) Комаровъ, „Сборникъ свѣдѣній о Кавк. горцахъ".
[2]) *Klaproth, „Tableau du Caucase".*
[3]) *Фонъ-Зейдлицъ, „Извѣстія Кавк. Отд.", т. V. 1877, Koch, „Wanderungen im Oriente".*

[1]) Комаровъ, „Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О.", т. VIII, 1873 г.
[2]) У Мегасѳена, писавшаго въ концѣ IV-го или въ началѣ III вѣка до Р. Х., находится извѣстіе о томъ, что Навуходоносоръ переселилъ часть плѣнныхъ евреевъ — или иверійцевъ, какъ онъ называетъ ихъ — на востокъ отъ Чернаго моря. (См. Прот. Пятаго Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ). Прим. перев.
[3]) Черный, „Горные евреи"; фонъ-Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе" 1879, № 12.

, странѣ горцевъ совсѣмъ нѣтъ городовъ. э въ лезгинскихъ аулахъ собираются одно-ѣнно тысячи горцевъ, созываемые ихъ ю по случаю празднества или битвы; но новенно все населеніе разсѣяно по дере-амъ, среди скалъ или пастбищъ. Хунзакъ, ая столица аварскихъ хановъ, лежащій у о изъ притоковъ Койсу, представляетъ ь не болѣе какъ развалины, у которыхъ ложена русская крѣпость; Гимры, нахо-йся повыше сліянія Аварскаго Койсу ндійскимъ, тѣсно связанъ съ воспомина-і о войнахъ за независимость: здѣсь умеръ -Мулла, родился Шамиль. Ведено, въ ѣ, раскинутый на высокой террасѣ, воды ой стекаютъ въ Терекъ, представляетъ) довольно большую деревню, укрѣпле-небольшимъ русскимъ фортомъ, замѣнив-, собой цитадель Шамиля. Недалеко отъ поднимается «гора» Гунибъ, верхняя тер-которой, занимающая поверхность въ ь. верстъ, служила послѣднимъ убѣжищемъ ока. Гунибъ извѣстенъ у русскихъ подъ емъ «Горы Гитары» и названъ такъ по ѣ скалъ; противъ нея поднимается другая съ утесистыми уступами, точно гигант-песчаная глыба, еще болѣе странная, и инающая собою «Саксонскую Швей-».

родъ Темиръ-Ханъ-Шура, въ землѣ ку-кихъ татаръ, расположенъ, если не въ инѣ, то во всякомъ случаѣ въ долинѣ, ши-открытой по направленію къ Каспійскому , и лежащей на высотѣ всего 1.530 фут.), или вѣрнѣе прудъ, давшее городу свое ніе, теперь уже высохло; тѣмъ не менѣе существуютъ мѣстныя лихорадки, такъ дожди въ этой мѣстности столь ничтожны, е могутъ образовать правильныхъ стоковъ , которая застаивается въ низкихъ мѣстахъ.

для Темиръ-Ханъ-Шуры и большихъ чекъ, лежащихъ одно къ юго-западу — ить, и другое къ югу—Губенъ, такъ) и для всей страны кумыковъ, гаванью ить городъ Петровскъ, бывшій во время ь съ горцами важнымъ стратегическимъ гомъ въ качествѣ порта, снабжавшаго антомъ. Рейдъ Петровска одинъ изъ ме-лохихъ на Каспійскомъ морѣ. Благодаря у берега, укрѣпленнаго каменнымъ опло-суда защищены отъ вѣтровъ западнаго наго, и имѣютъ здѣсь хорошую якорную ку: глубина рейда съ его песчанымъ дномъ олуверстѣ отъ берега достигаетъ 20 фут. овскъ построенъ недавно, но онъ, какъ », вытѣснилъ своего южнаго сосѣда, Тарки, оторомъ, какъ говоритъ Гамба, въ началѣ столѣтія, было 12.000 жителей, состоявъ почти исключительно изъ татаръ [1]), и который теперь не что иное какъ незначитель-ное мѣстечко, или пригородъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Петровскъ оживленъ торговой дѣятель-ностью, и большая часть судовъ, идущихъ изъ Астрахани въ Баку, пользуются здѣшней якор-ной стоянкой; этимъ однако не удовлетворяется еще честолюбіе негоціантовъ г. Петровска: они смотрятъ на Петровскъ, какъ на крайній пунктъ Кавказской желѣзной дороги и, можно сказать, что современемъ онъ займетъ на этой линіи то же мѣсто, что и Ростовъ, но лишь на противоположномъ концѣ понто-каспійскаго перешейка. Въ окрестностяхъ Петровска изъ нѣсколькихъ колодцевъ добывается нефть. Земледѣліе стало развиваться въ этой странѣ послѣ того, какъ владѣльцы громадныхъ про-странствъ необработываемой земли согласились уступать крестьянамъ, на оброчныхъ условіяхъ, сначала двѣ пятыхъ, а потомъ половину своихъ земель.

Узкій проходъ, остающійся между концомъ Табасеранской цѣпи и моремъ, охраняется го-родомъ Дербентомъ или Дербендомъ, построен-нымъ, какъ гласитъ легенда, царями мидій-скими или Александромъ. Но онъ вовсе не при-надлежитъ къ такой далекой древности, такъ какъ построенъ, вѣроятно, въ концѣ пятаго или въ началѣ шестаго вѣка персидскимъ ца-ремъ изъ династіи Сасанидовъ: Масуди припи-сываетъ основаніе этого города Хозрою Аму-ширвану. Этотъ, единственный въ своемъ родѣ, укрѣпленный городъ, заключенъ между двумя параллельными стѣнами, прикрытыми башнями, спускающимися съ горъ къ морю и украшен-ными надгробными плитами, надписи на кото-рыхъ послужили предметомъ изученія для исто-риковъ; дома и базаръ, расположенные въ этомъ наклонномъ параллелограммѣ, образуютъ собственно одну улицу, длиною около 3-хъ верстъ. Самое названіе города обозначаетъ большія укрѣпленныя ворота, или «Желѣзныя ворота»,—по-арабски и по-турецки: Баб-ель-Хадибъ и Демиръ-Капыси; называютъ его также и Баб-ель-Абубомъ, что значитъ «Во-рота Воротъ». Всѣ путешественники среднихъ вѣковъ говорятъ, что стѣна выходила далеко въ море, и при томъ, по однимъ источникамъ на милю, а по другимъ всего на полмили [2]). Теперь не видно даже слѣдовъ этой подводной стѣны, что объясняютъ мѣстнымъ поднятіемъ берега: между городомъ и теперешнимъ бере-гомъ тянется длинная полоса земли, которая по виду кажется поднятою со дна [3]). На за-падъ отъ крѣпости Нарынъ-Кале, охраняющей

[1]) Gamba, „Voyage dans la Russie méridionale".

[1]) Christ Burrough, „Hakluyt's collection of the early voyages", 1.

[2]) Съ X-го в. (по Р. Х.) и по новѣйшее время море отступило отъ берега, какъ это можно заключить изъ стариннаго плана г. Дербента, не менѣе какъ на 200 саженъ, обнаживъ такимъ образомъ часть стѣны, скры-вавшейся подъ водою. (См. „Зап. Кавк. Отд. II.—Пятый Арх. Съѣздъ въ Тифлисѣ"). Прим. перев.

городъ съ вершины горы, выдающейся мысомъ, стѣны защищены точно также башнями, расположенными на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, и идутъ вдоль по горному хребту, спускаясь во рвы и поднимаясь на горные склоны, вплоть до отдаленныхъ пиковъ. Если вѣрить туземцамъ, эта стѣна, неимѣющая, впрочемъ, важнаго стратегическаго значенія, тянулась когда-то съ своими башнями черезъ весь Кавказскій хребетъ, отъ одного моря до другаго; такой валъ, конечно, могъ защищать всѣ равнины, расположенныя у восточной подошвы Кавказскихъ горъ: на разстояніи 28 верстъ отъ Дербента можно различать еще его остатки. Дважды взятыя русскими, знаменитыя ворота Азіи стали принадлежать имъ окончательно по договору 1813 г., но городъ, какъ постъ, выдвинутый мусульманами-шіитами противъ суннитовъ сѣвера, до сихъ поръ сохранилъ свой азіатскій видъ. Впрочемъ, очень мало русскихъ городовъ, которые могли бы сравниться въ промышленности съ этимъ персидскимъ городомъ, приходящимъ однако въ упадокъ, если только вѣрно, что въ 1825 году въ немъ было 26.000 жителей, т. е. вдвое болѣе чѣмъ въ настоящее время [1]). Вода Рубаза проходитъ черезъ водопроводъ длиною въ 15 верстъ, орошая около полутора тысячъ садовъ, засаженныхъ фруктовыми деревьями различныхъ сортовъ, а также виноградомъ, хлопкомъ, мареной, шафраномъ и табакомъ. Прежде марена играла очень важную роль въ торговлѣ Дербента: въ 1861 г. ея вывезено на сумму болѣе чѣмъ милліонъ рублей. Какъ и Петровскъ, Дербентъ имѣетъ у себя нефтяные колодцы и ломку асфальта. Портъ его, обнесенный набережной, иногда замерзаетъ.

Менѣе живописная Куба по численности населенія и промышленности походитъ на Дербентъ. Расположенная у верхушки вулканическаго конуса, размытаго потоками или чайями, спадающими съ Шахъ-Дага и съ сосѣднихъ горъ, Куба населена, подобно Дербенту, мусульманами-шіитами, занимающимися преимущественно садоводствомъ. Тысячи евреевъ живутъ въ немъ торговлей. Городъ, къ сожалѣнію, лежитъ въ лихорадочной мѣстности; въ 1825 году Кубу даже пытались перенести въ болѣе здоровое мѣсто, лежащее на разстояніи 12 верстъ къ сѣверо-западу. Но жители не послѣдовали примѣру, поданному чиновниками, и эти послѣдніе возвращаются въ старый городъ, гдѣ они, впрочемъ, живутъ больше зимою. Въ горахъ находится община Крызъ, состоящая изъ пяти деревень. Главный городъ долины Самура—Ахты, построенный среди горъ, у сліянія двухъ незначительныхъ рѣкъ.

Слѣдующіе города и мѣстечки восточнаго Кавказа имѣютъ болѣе 4.000 жит.:

Дагестанъ: Дербентъ—13.775 ж.; Губденъ—5.500 ж.; Ахты—5.650 ж.; Казанищи—4.400 ж.; Тарки—4.100 ж.; Темиръ-Ханъ-Шура—17.335.

Бакинская губернія: Куба — 15.117 ж.; Крызъ—4.800 ж.

V. Бассейны Ингура, Ріона, Чоруха.

Мингрелія, Имеретія, Сванетія, Лазистанъ.

Эта часть Закавказья, недавно увеличенная кускомъ территоріи, которой владѣли турки, съ давнихъ временъ была исторически связана съ Европой. Еще греки построили сто двадцать мостовъ черезъ Фазисъ и проложили прекрасный колесный путь черезъ горы, между городомъ Сарапанесомъ или теперешнимъ Шарапаномъ и долиной р. Куры. Кромѣ римлянъ, впослѣдствіи, эту страну посѣщали генуэзцы; они здѣсь имѣли свои города и конторы; турки, завладѣвъ побережьемъ этой страны, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы хозяевами Константинополя и наслѣдниками византійскихъ императоровъ. Европейское вліяніе отразилось также и на религіи мѣстныхъ жителей, которые почти всѣ были христіанами еще съ первыхъ вѣковъ церкви, между тѣмъ какъ въ восточной части Кавказа, гдѣ царитъ еще азіатскій духъ, татары, персы и горцы исповѣдуютъ магометанство въ той или другой формѣ. Но если бассейны Ингура и Ріона по своей исторіи были наиболѣе европейскими сравнительно съ другими частями Кавказа, то все же они оставались долгое время внѣ движенія новѣйшей цивилизаціи, а нѣкоторые округа горной страны обрѣтаются и по сю пору въ полнѣйшемъ варварствѣ. Съ этой областью, древней Колхидой, очень немногія страны въ свѣтѣ могутъ поспорить въ великолѣпіи растительнаго міра, естественномъ плодородіи почвы и въ прочихъ богатствахъ природы, но тѣмъ не менѣе она очень малолюдна, едва-ли, при одинаковомъ пространствѣ, она хотя въ половину такъ населена, какъ Франція. Можно также сказать, судя по приблизительнымъ даннымъ, что и вновь присоединенная территорія, Лазистанъ, населена еще рѣже, и число душъ на квадратную версту въ ней еще менѣе.

Бассейны Ингура и Ріона совершенно отдѣлены другъ отъ друга Кавказскимъ хребтомъ, Анти-Кавказомъ и промежуточною горною цѣпью Мескъ. Отъ Абхазіи до страны лазовъ горы идутъ правильнымъ полукругомъ, въ которомъ самая низшая точка, исключая морскаго побережья, есть Сурамскій перевалъ, достигающій 3.015 футовъ высоты. Горные кряжи, параллельные Главному хребту, разбиваютъ въ свою очередь этотъ громадный полукругъ на мѣстности, замкнутыя почти вплотную и кое-

[1]) *Von Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere und in dem Kaukasus“.*

гдѣ образующія какъ-бы свои маленькіе отдѣльные мірки.

Долина верхняго Ингура, составляющая по административному дѣленію округъ Вольной Сванетіи, есть типъ подобнаго закоулка, совершенно отдѣльнаго отъ остальнаго Кавказа; она представляетъ изъ себя продольную впадину, заключенную между двумя параллельными хребтами; ея высота доходитъ до 6.500 футовъ. Къ сѣверу отъ нея тянется Главный хребетъ, почти сплошь испещренный снѣгомъ, съ нѣсколькими ледниками, спускающимися въ верхнихъ котловинахъ: на югѣ находится другой хребетъ, еще болѣе правильный и съ остроконечными вершинами, тоже покрытыми вѣчными снѣгами. Ледники Труйбера сталкивали свои переднія морены въ мѣстность, расположенную не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ сванетской деревни Джабеши, въ общинѣ Мужалъ: эта деревня, какъ и многія другія, построена на обломкахъ, занесенныхъ сюда древними потоками льда [1]). Потоки берутъ свои начала въ ледникахъ Адиша, главнымъ образомъ, въ трехъ пунктахъ: съ Тетнульда, напоминающаго савойскій Монъ-Бланъ, съ Ушба или двурогаго «Чудовища», съ Нуамъ-Куамъ, а также съ другихъ горъ Главнаго хребта и съ боковой цѣпи Корилдашъ; эти потоки, образующіе Ингуръ, соединяются въ углубленіи впадины, занятой Вольной Сванетіей, ограниченной поперечной преградой, на югъ отъ массивовъ Эльбруса. Чтобы выбраться изъ горной долины, Ингуру необходимо пробиться черезъ узкій проходъ между скалъ: онъ низвергается въ пропасть и течетъ сначала на югозападъ, затѣмъ на югъ, по ущелью длиною въ 75 верстъ. Это ущелье, средняя ширина котораго не болѣе $2^1/_2$—5 саженъ съ его гранитными или сланцевыми откосами, поднимающимися на 650—1.300 футовъ, посѣщается очень рѣдко, и то лишь въ послѣднее время; однако эта клюза представляетъ изъ себя цѣлый рядъ восхитительныхъ пейзажей, благодаря пышной растительности, окаймляющей берегъ Ингура, и небольшимъ обломочнымъ конусамъ, находящимся у сліянія маленькихъ притоковъ; вообще это ущелье,—единственное на Кавказѣ, по благородству очертаній и разнообразію видовъ. До военныхъ экспедицій въ 1858 г. не было ни одной дороги, проникавшей въ его тѣснины: Сванетія сообщалась съ Мингреліей лишь опасной тропинкой, проторенной въ горахъ, на высотѣ около 10.000 футовъ [2]).

Въ ущельяхъ Ріона и его верхнихъ притоковъ, нельзя уже встрѣтить тѣхъ величественныхъ видовъ, какіе на Ингурѣ, хотя въ каждомъ изъ нихъ есть свои восхитительныя мѣста. Обѣ главныя рѣки бассейна, Ріонъ и Цхенисъ (Цхенис-цхали, т. е. Рѣка Лошади), въ которыхъ прежде когда-то находили золотой песокъ [1]), берутъ свои начала съ ледниковъ Пасисъ-мта или «Горы Пазисъ»,—названіе, очень похожее на Фазъ и Фазисъ, данное греками рѣкѣ, извѣстной въ наше время подъ грузинскимъ названіемъ Ріона или Ріони: въ этомъ совпаденіи именъ хотѣли видѣть нѣчто этимологически родственное. Отдѣленные отъ своихъ истоковъ цѣпью Гариболо, Ріонъ и Цхинисъ все болѣе и болѣе расходятся въ стороны: первая орошаетъ собою княжескую Сванетію и Мингрелію, а вторая страну Ратша и Имеретію. Квирила, стекающая съ восточныхъ долинъ, и Хани—съ южной стороны горъ, по клюзѣ, напоминающей въ миніатюрѣ ингурскую, соединяются другъ съ другомъ, потомъ съ Ріономъ въ плодородной равнинѣ, простирающейся на югъ отъ Кутаиса. Въ этой мѣстности начинался древній заливъ, который мало-по-малу былъ покрытъ заносами Ріона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, спадающихъ съ амфитеатра окрестныхъ горъ: нѣсколько холмовъ—остатковъ прежнихъ острововъ,—поднимаются среди наносной почвы покрывающей всю равнину; крайніе горные выступы являются закругленными и притупленными у подошвы потоками, извилистое теченіе которыхъ чрезвычайно измѣнчиво. Въ 70 верстахъ отъ устья, деревни расположены всего лишь на высотѣ 40 футовъ. Болота, трудно осушаемыя по недостатку склона, окаймляютъ на большомъ разстояніи судоходную часть Ріона, но густыя поросли камыша, и цѣлый пластъ водныхъ растеній, а также лѣса и кустарники скрываютъ эти болота отъ взгляда; вокругъ ихъ не видно ничего, кромѣ маленькихъ озеръ, остатковъ того моря, которое прежде покрывало всю эту страну.

У морскаго берега часть древняго морскаго залива еще сохранилась до сихъ поръ въ видѣ озера, удержавшаго по сю сторону свое греческое названіе: Παλαιόστομ(«Старое Устье»); полагаютъ, что оно было еще въ эллинскую эпоху бухтой, въ которую вливались воды Фазиса. По Бахушту, грузинскому писателю прошлаго столѣтія, Палеостомъ соединялся съ моремъ протокомъ, посредствомъ котораго суда, проникнувъ въ теперешнее озеро, могли находить въ немъ убѣжище [2]). Въ мѣстахъ наиболѣе глубокихъ, лотъ опускается на 9 саж., но почти всюду илистые и плоскіе берега этого озера идутъ далеко подъ водою въ видѣ мелей; вода мутная и содержитъ много органическихъ остатковъ. Фауна Палеостома отчасти еще морская и хотя вода въ немъ отнюдь не солоноватая, но въ ней находятъ тѣхъ же балановъ, нереидъ и немертъ, что и въ водѣ Чернаго

[1]) Fawre, „Mémoires de la Société helvetique des sciences naturelles".
[2]) Бакрадзе. *„Записки Кавк. Отд."*, *т. VI. 1846.*

[1]) Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale", - Radde, „Votrage über den Kaukasus".
[2]) „Description géographique de la Géorgie, publiée par Brosset".

моря [1]). Песчаная гряда отдѣляетъ это озеро отъ моря и тянется правильной линіей далеко къ сѣверу. Воды Ріона, точно такъ же, какъ и Ингура и всѣхъ другихъ рѣкъ, текущихъ къ мингрельскому прибрежью, должны были прорваться черезъ эти дюны, прежде чѣмъ онѣ пробились къ морю; рѣки увеличиваютъ съ каждымъ годомъ новой полосою наносовъ берегъ, лежащій внѣ естественной плотины. Дельта Ріона, такъ же, какъ и дельта рѣки По и большей части рѣкъ, которыя впадаютъ въ море черезъ промоину, образовавшуюся въ береговомъ кордонѣ, начинаютъ свою дельту внѣ такого кордона: воды должны соединиться, не дойдя до ограды, чтобы проникнуть черезъ нее сообща. Среднее количество воды, которое несетъ Ріонъ, опредѣляютъ въ 967 куб. метровъ [2]); но почти навѣрное извѣстно, что эта цифра была слишкомъ преувеличена, такъ какъ по ней выходитъ, что на весь рѣчной бассейнъ въ 13.820 кв. верстъ (15 760 кв. кил.) выпадаетъ дождя около 2 метровъ (1,95 метра); хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и выпадаетъ влаги вдвое болѣе показаннаго числа, но нужно принять въ разсчетъ испареніе и въ особенности громадное количество воды, поглощаемой богатой растительностью Мингреліи. По свидѣтельству Страбона, Ріонъ и его притокъ, Квирила, были судоходными до самаго Сарапанеса, лежавшаго въ 140 верстахъ отъ теперешняго устья; между тѣмъ какъ въ наше время суда останавливаются у Орпири, проходя всего двѣ трети прежняго разстоянія [3]). Изъ карты, изданной въ 1738 году Александромъ, княземъ Имеретіи, видно, что большія барки могли подниматься по рѣкѣ почти до самаго Кутаиса, но это указаніе не пользуется однако довѣріемъ [4]). Во время низкой воды, съ іюля по декабрь, глубина достигаетъ едва лишь 20—30 дюймовъ.

Горы, образующія водораздѣлъ между Ріономъ и бассейномъ Куры, на югѣ и на юго-востокѣ тянутся непрерывной горной цѣпью отъ Меска или Сурама, соединяясь на западѣ съ береговой цѣпью Лазистана. Даже о-бокъ съ главнымъ хребтомъ эти горы кажутся довольно величественными: нѣкоторыя вершины покрыты зеленью у подошвы, а выше лѣсами и горными пастбищами, достигаютъ и даже переходятъ за высоту 8.200 футовъ, не касаясь однако ни одной точкой линіи вѣчнаго снѣга. На западѣ, послѣдняя гора этой цѣпи, называемая обыкновенно Аджарскимъ или Ахалцыхскимъ хребтомъ, заканчивается всего въ верстѣ отъ берега, омываемаго Чернымъ моремъ. Главныя высоты этой цѣпи суть: Ненисъ-Цкаро, главн. верш. (на югъ отъ Кутаиса) (9.450 ф.) 2.884 метр. Нагебо, на востокъ отъ Ненисъ-Цкаро (8.594 ф.) 2.620 метр. Сагатло, на востокъ отъ Нагебо (8.141ф.) 2.482 метр. Чехатай, первая гора съ западной стороны цѣпи (3.306 ф.) 1.008 метр.

Съ аллювіальныхъ равнинъ, по которымъ пробѣгаетъ Ріонъ, высоты Аджара имѣютъ видъ горной цѣпи; но если смотрѣть на нихъ съ южной стороны, то онѣ кажутся не болѣе какъ шероховатой каемкой, обрамляющей плоскогоріе, на которомъ въ безпорядкѣ разбросаны горы съ округленными вершинами, раздѣленное на неправильныя части долинами, образовавшимися черезъ размываніе потоками. Съ любой изъ подобныхъ вершинъ, раскинутыхъ въ странѣ лазовъ или Лазистанѣ, недавно присоединенная къ Россіи мѣстность представляется волнистою, напоминающей бушующее море. На сѣверо-востокъ отъ Артвина и на юго-востокъ отъ Батума, въ горной массѣ Карчъ-Шаль есть вершина, достигающая 11.257 футовъ высоты, но за исключеніемъ ея никакой другой пунктъ въ землѣ лазовъ не превышаетъ высотою горъ, тянущихся оградой съ сѣверной стороны; эти послѣднія поднимаются, въ среднемъ, на 8.300 футовъ и слѣд. болѣе чѣмъ на 1.950 фут. заходятъ за наиболѣе предѣльную полосу лѣсовъ. Гора Арзіани, именемъ которой часто называютъ всю горную возвышенность, находящуюся на востокъ отъ нижняго бассейна Чороха или Чоруха, по виду совершенно похожа на древній вулканъ: въ доисторическую эпоху лава разливалась здѣсь изъ многихъ сосѣднихъ съ нею вершинъ [1]). Утесы изъ чернаго базальта представляютъ сильный контрастъ съ прекрасными лугами, флора которыхъ, простирающаяся чуть не до самыхъ вершинъ, почти та же, что и въ западной Европѣ. Въ долинѣ фруктовыя деревья и лѣсныя породы не менѣе роскошны, чѣмъ на склонахъ южнаго Кавказа. Лазистанъ – это земной рай; большая часть горцевъ умѣютъ выбирать для своихъ деревень мѣста, свидѣтельствующія о ихъ любви къ природѣ: съ каждой изъ ихъ деревень открывается прекрасный видъ на цвѣтущіе луга, обрывистыя скалы, горные потоки, водопады, рощи и живописно разбросанныя хижины [2]).

Всѣ рѣки, стекающія съ горъ Арзіани по направленію къ западу, сливаются съ Чорухомъ черезъ посредство р. Аджара или Имаршеви. Южнѣе, другія рѣки, текущія уже по русской территоріи, вливаются также въ Чорухъ; хотя большая масса воды этой рѣки течетъ еще по

[1]) Tcherniawsky, cité par Oscar Peschel, „Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

[2]) Radde, „Das Relief der Kaukas s Länder“.

[3]) Длина рѣкъ этого района (въ верстахъ) Ріонъ—320 Цхенисъ—150, Квирила—120, Хони—100, Ингуръ—150; что касается до Палеостома, то онъ занимаетъ въ окружности не болѣе 25—30 верстъ“.

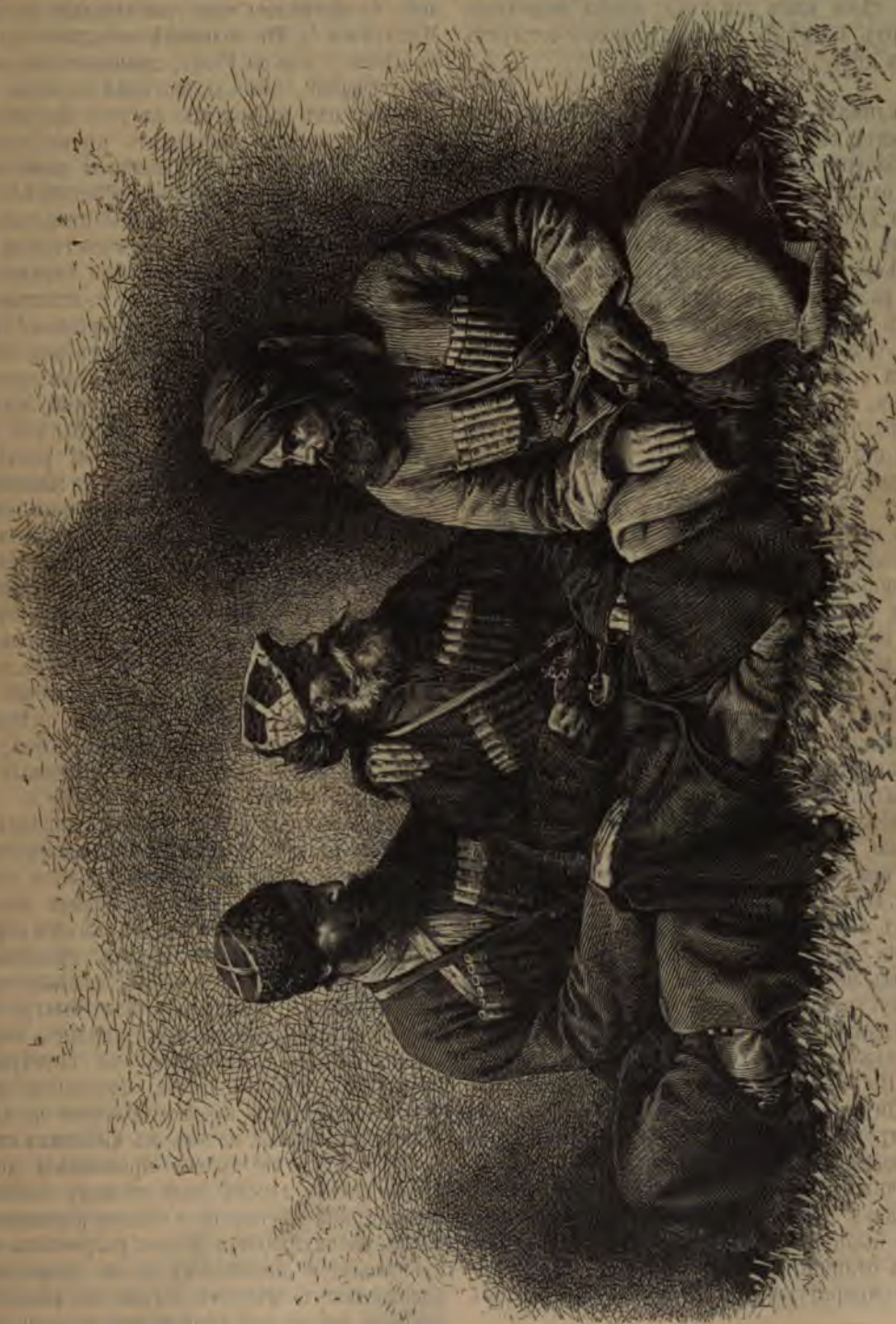
Прим. перев.

[4]) „Военно-статистическое описаніе Кутаисской губерніи“, *1868 г.*

[1]) Казбекъ, „Три мѣсяца въ турецкой Грузіи“.

[2]) G. Radde, „Mittheilungen von Petermann“, 1875, № 2.

турецкимъ владѣніямъ. Главная рѣка страны беретъ свое начало на югъ отъ Требизонта и Понтійской цѣпи и, принявъ здѣсь первые притоки, направляется параллельно берегу Чернаго моря и верхней долинѣ Ефрата. Въ этой



Типы и костюмы мингрельцевъ.

мѣстности Малой Азіи горы, плоскогорія, долины—все вытянуто въ правильныя линіи, имѣющія юго-западное и сѣверо-восточное направленіе. Пройдя около 280 верстъ, Чорухъ *принимаетъ въ себя р. Туртумъ*, а съ нимъ р. Олты и направляется прямо къ Черному морю по глубокой клюзѣ, пересѣкающей береговую горную цѣпь. По выходѣ изъ ущелья, эта рѣка, подобно Ріону, образуетъ наносную равнину, выдвигающуюся за нормальную линію морскаго берега и защищающую съ западной стороны батумскій рейдъ, которому также угрожаютъ заносы. Немного уступая Ріону по массѣ воды, Чорухъ, однако, менѣе судоходенъ въ своей верхней части, нежели мингрельская рѣка; его

теченіе слишкомъ быстро. Въ 1875 году, когда эта страна принадлежала еще туркамъ, около 200 каиковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ среднимъ числомъ грузъ въ три тонны, спустились по рѣкѣ отъ Артвины до Батума въ восемь часовъ; между тѣмъ какъ для того, чтобы подняться въ верхъ по рѣкѣ, требовалось отъ четырехъ по пяти дней [1]).

По климату Закавказье, какъ извѣстно, принадлежитъ къ полосѣ умѣреннаго пояса, наиболѣе благопріятной для растительности; растенія отличаются удивительнымъ разнообразіемъ и красотою формъ. Благодаря обильнымъ дождямъ и защитѣ отъ сухаго сѣверо-восточнаго вѣтра, представляемой Кавказскимъ хребтомъ, различныя садовыя и лѣсныя породы ростутъ на южныхъ склонахъ горъ гораздо выше, нежели въ другихъ странахъ, пользующихся той же самой температурой. Такъ, напримѣръ, орѣхъ ростетъ въ Сванетіи на высотѣ болѣе чѣмъ въ 5.400 фут.; онъ осѣняетъ своими вѣтвями совмѣстно съ другими плодовыми деревьями, струистыя воды Ингура, чуть пониже ледника Труйберъ; горцы сѣвернаго склона приходятъ по осени цѣлой гурьбою собирать здѣсь различные плоды, за которыми имъ пришлось бы ходить слишкомъ далеко, если бы они направились въ бассейнъ Терека [2]). Бѣлая шелковица и виноградъ ростутъ въ Сванетіи даже на высотѣ 3.280—3.600 фут., а Рупрехтъ, въ долинѣ верхняго Ріона, видѣлъ хлопчатникъ, ростущій на 2.090 фут. высоты.

Въ общемъ, въ отношеніи растительности, западная сторона Закавказья походитъ болѣе на приатлантическую Францію и среднюю Европу, нежели на прибрежье Средиземнаго моря. Хотя по нѣкоторымъ чертамъ мингрельская флора кажется принадлежащей къ обѣимъ полосамъ. Индигоноска, не составляющая, однако, до сихъ поръ предмета промышленности, ростетъ на берегахъ Ріона рядомъ съ хлопчатникомъ; изъ зерновыхъ же растеній преобладаетъ здѣсь кукуруза; говорятъ, что въ Лазіи попадаются даже чайныя деревца [3]); камфарное дерево также акклиматизовано въ этой мѣстности [4]). Во время цвѣтенія, гранатовыя деревья, ростущія дико цѣлыми лѣсами, придаютъ странѣ видъ громаднаго сада. Но зато эвкалиптусъ, столь полезный для улучшенія климата въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ, не можетъ расти въ Закавказьѣ: не потому, чтобы средняя температура была для него недостаточной,—эвкалиптусъ отлично ростетъ въ Лигуріи, гдѣ годовая температура ниже,—но потому, что онъ не можетъ вынести крайностей кавказской зимы [1]). Оливковое дерево, разведенное греками и генуэзцами на южномъ берегу Таврида, серебристая листва котораго блеститъ такъ на откосахъ, спускающихся къ Алупкѣ и Ялтѣ, пока не привилось еще окончательно на берегу Мингреліи [2]). Въ половинѣ текущаго столѣтія, въ Поти, у дельты Ріона, произрастали довольно успѣшно лимоны, но одна суровая зима погубила ихъ въ-конецъ; съ того времени это дерево перестало составлять принадлежность закавказской флоры, что, кажется, можетъ служить указаніемъ на полное измѣненіе мѣстнаго климата. Избытокъ влажности представляетъ невыгодную сторону береговой мѣстности, между тѣмъ какъ другія части этой страны страдаютъ иногда обратнымъ, т. е. излишней сухостью. Средняя температура Кутаиса (14°,85) на полтора градуса выше, чѣмъ она должна быть, судя по климату приморскихъ городовъ. Причина такой аномаліи тотъ сухой, палящій и порывистый восточный вѣтеръ, что дуетъ такъ часто въ долинѣ Ріона, губя растенія и разслабляя до изнеможенія людей и животныхъ. Чтобы защитить себя отъ этого бича, закрываютъ всѣ окна въ домахъ и окружаютъ себя водой, налитой въ плоскую посуду, съ цѣлью сдѣлать вдыхаемый воздухъ болѣе влажнымъ. Направляясь съ востока на западъ, этотъ вѣтеръ мало-по-малу слабѣетъ: въ Поти онъ уже не такъ непріятенъ, а въ Редутъ-Кале совсѣмъ не ощутителенъ [3]). Болѣе слабый токъ воздуха направляется съ запада, и, смѣняя собою восточный вѣтеръ въ долинѣ Ріона, приноситъ съ собою обыкновенно дождевыя тучи съ Чернаго моря.

Мингрельцы и другіе жители западнаго Закавказья владѣютъ слишкомъ раскошными лѣсами, чтобы могли научиться дорожить деревьями. Въ равнинѣ, кругомъ, вблизи жилищъ, можно видѣть деревья съ обломанными верхушками и громаднѣйшіе прутья, срѣзываемые ради потѣхи. Многія породы, цѣнныя по своимъ нѣжнымъ плодамъ, стали быстро исчезать съ того времени, какъ явились сюда на поиски за дорогими деревьями иностранные купцы, и въ особенности французы; орѣхъ, украшавшій собою прежде большую часть пейзажей Закавказья, исчезъ въ низинахъ страны почти всюду, гдѣ только проложены дороги. Уничтоженіе лѣсовъ мало-по-малу измѣняетъ видъ горной мѣстности, и однако расчищенныя мѣста распахиваются рѣдко: разработка земли производится по-старому и на старыхъ же, насиженныхъ мѣстахъ. Здѣсь, на родинѣ винограда, рѣдко гдѣ производятъ хорошее вино. Виноградныя лозы, оставленныя на произволъ, тянутся гирляндами по стеблямъ молодаго

[1]) Кавбекъ, тамъ же.
[2]) G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".
[3]) Кавбекъ, „Три мѣсяца въ турецкой Грузіи." Radde, „Vier Vorträge, über den Kaukasus".
[4]) *Ruprecht, „Mittheilungen von Petermann", 1862, № 5.*

[1]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie du Caucase".
[2]) Dubois du Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".
[3]) Statkovsky, ouvrage cité.

вяза, дуба или ольхи, покрывая до самой верхушки своею листвой, словно сѣткой, деревья въ 80 футовъ вышины. Туземцы не любятъ затруднять себя собираніемъ винограда на такой высотѣ: они обираютъ только нижніе гроздья, предоставляя остальное птицамъ небеснымъ. Сколько покинутыхъ нивъ сплошь поросли папоротникомъ. Масса построекъ исчезла въ зелени, и самъ владѣлецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, не можетъ распознать своихъ мѣстъ!

Бассейны Ингура и Ріона, эти страны прекрасныхъ деревьевъ и яркихъ цвѣтовъ, славятся, между прочимъ, и домашними животными. Въ вольной Сванетіи, говоритъ Радде, разводятъ «лучшій домашній скотъ въ свѣтѣ» [1]). Обѣ породы мѣстныхъ быковъ одинаково превосходны: одна—малорослая, веселая, рѣзвая, другая же отличающаяся силою, солидностью и статностью—это украинская порода, введенная въ долину Ингура закавказскими купцами-татарами. Очутившись въ новомъ климатѣ, на богатыхъ пастбищахъ, съ ихъ высокой и сочной травою, украинскій скотъ измѣнилъ цвѣтъ шерсти; его масть по оттѣнку и по рисунку часто походитъ на тигровую. Въ горныхъ долинахъ лошадей очень мало, но онѣ также замѣчательны по своей силѣ и граціи. Ослы и мулы изъ Сванетіи продаются татарами втрое и вчетверо дороже, нежели тѣ, что вывозятся изъ равнинъ. Овцы и другія мелкія домашнія животныя тоже отличаются красотой и отличнымъ качествомъ получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ. Копченая свинина изъ Ратши, въ верхней долинѣ Ріона, цѣнится гастрономами, а мѣстные каплуны не менѣе жирны и сочны, нежели изъ Бресса или Манса.

Въ низшихъ мѣстахъ, гдѣ болота своими міазмами порождаютъ лихорадки, вліяніе маляріи такъ же гибельно для животныхъ, какъ и для людей; это фактъ очень извѣстный на всемъ Кавказѣ. Крестьяне, живущіе въ болотистыхъ мѣстностяхъ Мингреліи, не могутъ охранить отъ нея даже своихъ куръ, разводимыхъ на дворахъ. Тороповъ не сомнѣвается, что лихорадки могутъ быть причиной падежей [2]).

Извѣстно, какъ благодѣтельно климатъ и почва той части западнаго Закавказья, которая лежитъ выше уровня болотистой мѣстности, дѣйствовали на благосостояніе человѣка, на развитіе его силъ и красоты. Но не нужно, однако, думать, что всѣ жители этой страны принадлежатъ къ одной чистой расѣ. Между ними замѣтно громадное разнобразіе въ типахъ, и особенно сильно бросается въ глаза разница у мингельцевъ между блондинами и брюнетами; у первыхъ—высокій лобъ и овальное лицо, у вторыхъ же лобъ ниже и фигура шире, но тѣ и другіе красивы и статны. Еще во времена давно минувшія, восточные берега Чернаго моря посѣщались странствующимъ людомъ и непріятелемъ различныхъ расъ, и очень многіе изъ чужеземцевъ, остававшихся въ здѣшней странѣ, дали начало отраслямъ новыхъ родовъ. Арабы, убѣгавшіе отъ господства турокъ, и даже негры, содѣйствовали образованію помѣсей. Но какъ бы ни были многочисленны эти помѣси, ихъ разнообразные элементы послужили основаніемъ къ произведенію прекраснаго и оригинальнаго типа. Въ низменныхъ частяхъ Мингреліи и въ особенности на ближайшихъ предгоріяхъ, вплоть до высотъ въ 3.330—4.000 футовъ, почти всѣ обитатели ихъ очень красивы: достаточно однодневной прогулки въ Зугдиди или въ другой подобный же маленькій городокъ у нижняго Ріона или нижняго Ингура, чтобы убѣдиться въ томъ, что никакая другая человѣческая раса не имѣетъ болѣе красивыхъ представителей [1]). Но зато въ самомъ, такъ сказать, ядрѣ горъ, гдѣ борьба за существованіе была очень трудной и часто гибельной, жители ужъ не такъ красивы; тамъ и симъ попадаются фигуры положительно безобразныя, въ особенности между женщинами; зобъ и кретинизмъ встрѣчаются довольно часто у сванетовъ и всего болѣе въ верхней долинѣ Цхенисъ — тутъ есть цѣлыя семейства, состоящія изъ кретиновъ [2]). Когда поднимаются по берегу Ингура отъ кукурузныхъ полей къ горнымъ пастбищамъ, покрытымъ пеленою снѣга, то наблюдаютъ измѣненія во внѣшности обитателей, аналогичныя съ тѣми, какія можно замѣтить, направляясь отъ прекрасныхъ итальянскихъ озеръ къ ущельямъ кантона Вале.

Сванеты, живущіе въ долинѣ верхняго Ингура и по верхнему Цхенису, очевидно, народность смѣшанная, хотя ихъ этнографическая основа—грузинская, равно какъ и языкъ. Они составляли когда-то могущественную національность, прославленную Страбономъ [3]), и еще въ XV столѣтіи занимали долину верхняго Ріона. Остатки этого народа происходятъ, главнымъ образомъ, отъ бѣглыхъ, которые вслѣдствіе дурнаго обращенія, притѣсненій владѣльцевъ или бѣдствій войны, уходили изъ равнинъ Мингреліи и конечно не могли нигдѣ находить для себя лучшаго убѣжища, какъ въ горахъ, этихъ естественныхъ крѣпостяхъ. Сванеты, поселившіеся въ горахъ, въ сосѣдствѣ съ ледниками, были тамъ почти недоступны; Ингуръ, во время половодья, запиралъ ихъ долины, а перевалы горъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году были загромождены снѣгомъ, такъ что къ нимъ могли пробираться только самые отважные смѣльчаки; кромѣ того, верхнюю Сванетію окружали горныя поляны, пре-

[1]) „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".
[2]) Тороповъ, *„Опытъ медицинской географіи Кавказа"*.

[1]) Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".
[2]) Radde, „Reise im Mingrelischen Hochgebirge".
[3]) „Geographie", livre XI, chap. 2.

вращенныя частыми войнами въ совершенныя пустыни. Сванеты же бассейна Цхениса менѣе отдѣлены отъ остальнаго міра: высота мѣстности, занимаемой ими, не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ, а окружающія ихъ горы не представляютъ обрывистыхъ утесовъ и доступъ въ ихъ ущелья менѣе затруднителенъ. Сванеты этихъ долинъ, будучи прикрѣплены къ землѣ своими князьями, вынесли на себѣ самое тяжелое феодальное иго; они назывались сванетами-дадьянъ, по имени одной княжеской древне-грузинской фамиліи, владѣвшей ими. Ихъ трудно по виду отличить отъ сосѣднихъ съ ними имеретинъ, тѣмъ болѣе, что, какъ и эти послѣдніе, они говорятъ настоящимъ грузинскимъ языкомъ. Сванеты дадишкальяны, живущіе въ западной части бассейна верхняго Ингура, бывшіе тоже закрѣпощенными, происхожденія татаро-кумыкскаго; по уничтоженіи крѣпостнаго права, русское правительство откупало ихъ у владѣльца какъ рабовъ. Нѣсколько солдатъ, занимающихъ посты, являются здѣсь единственными представителями русской власти; но сванеты-дадишкальяны не имѣютъ съ ними никакихъ другихъ отношеній, кромѣ продажи спиртныхъ напитковъ. Восточныя общины верховьевъ Ингура, съ населеніемъ въ 4.120 жителей, долгое время сохраняли полную независимость и хотя они присягнули Россіи въ 1853 году, но часто и теперь еще продолжаютъ называться «вольными» [1]).

Во многихъ отношеніяхъ они дѣйствительно свободны, хотя и подчинены русскому государю, и одна «мятежная» деревня, по распоряженію властей, уничтожена не далѣе какъ въ 1876 году. У вольныхъ сванетовъ или «бывшихъ вольныхъ сванетовъ», какъ называютъ ихъ оффиціальные документы [2]), нѣтъ ни господъ, ни начальства; ихъ священники не пользуются никакой властью. На общинныхъ собраніяхъ всѣ горцы имѣютъ равный голосъ, и важные вопросы рѣшаются единогласно; въ случаяхъ, когда имѣется хотя бы одинъ голосъ противъ постановленія, или если кто-либо изъ вотирующихъ приходитъ въ собраніе послѣ рѣшенія дѣла, то вопросъ поднимается снова и вотируется до тѣхъ поръ, пока не состоится полнаго согласія, чего достигаютъ, впрочемъ, всегда. Но община не касается частныхъ распрей, которыя обыкновенно рѣшаются законами возмездія, равно какъ и споры между двумя враждующими деревнями. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Кавказа не господствуетъ такъ кровавая месть, какъ въ Сванетіи; рѣдко можно встрѣтить лицо, не бывшее убійцей [3]): отецъ бросаетъ ружейную пулю въ люльку новорожденнаго [1]). Всѣ дома, расположенные по берегу верхняго Ингура, представляютъ собою настоящія крѣпости, способныя выдержать осаду: всѣ они гнѣздятся на скалистыхъ выступахъ и охраняются четыреугольной башней, вышиной въ 65—80 футовъ, съ которой приближающійся врагъ еще издали можетъ служить хорошимъ прицѣломъ. Входныя двери въ эту бойницу помѣщаются во второмъ или въ третьемъ этажѣ, куда можно войти только по бревну, съ высѣченными на немъ ступеньками и замѣняющему собою наклонную лѣстницу.

Наслѣдственная вражда и убійства были причиной значительной убыли населенія въ долинѣ Джабе-Шеви; но оно все же оставалось довольно многочисленнымъ, и сванеты принуждены были уходить къ своимъ сосѣдямъ. Еще во время своего военнаго могущества, ихъ молодежь отправлялась на завоеванія, и не разъ они грабили равнину; такъ, напримѣръ, въ концѣ XIV вѣка, они дошли до самаго Кутаиса и сожгли этотъ городъ [2]). Еще немного лѣтъ тому назадъ сванеты практиковали у себя дѣтоубійство, съ цѣлью уменьшать въ семействѣ число дѣтей: мальчики пользовались предпочтеніемъ, тогда какъ большая часть дѣвочекъ должны были гибнуть. Во время голодовокъ горцы продавали своихъ уже взрослыхъ дѣтей и подростковъ, цѣны на которыхъ колебались между 200—350 руб. [3]). Теперь эти горцы бродятъ у постоялыхъ дворовъ, въ поискахъ за поденной работой. Что касается до небольшой мелочной торговли съ населеніемъ, живущимъ въ нижней долинѣ, то она предоставлена евреямъ изъ деревни Лахамули. Эти евреи отличаются отъ своихъ братьевъ по происхожденію воинственными привычками: они исповѣдываютъ христіанскую вѣру и считаютъ себя сванетами, несмотря на то, что горцы верхняго Ингура не только не женятся на ихъ дочеряхъ, но даже брезгаютъ ѣсть съ ними за однимъ столомъ.

«Вольныхъ сванетовъ» и «сванетовъ княжескихъ» по послѣдней переписи было болѣе 14.000. Составляя одинъ изъ христіанскихъ народовъ Кавказа, они выдѣляютъ себя изъ среды своихъ единовѣрцевъ, ставя себя выше другихъ: они считаютъ, что ихъ предки были крещены самимъ Іисусомъ Христомъ; ихъ религія развивалась довольно своеобразно, смѣшиваясь съ

---

[1]) Столяновъ, „Записки Кавк. Отд.“, т. X, 1876 г.
[2]) „Списки населенныхъ мѣстъ Кавказа“, 1879 г.
[3]) *Radde, цитированное сочиненіе.*

[1]) Bernoville. „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juillet 1872.
[2]) Изъ грузинскихъ лѣтописей извѣстно, что Сванетія первоначально входила въ составъ Грузинскаго царства и управлялась эристами; затѣмъ она подчинялась Имеретіи, а позже, когда Мингрелія стала независимою, Сванетія подпала власти Дадіановъ. Что касается до верхнихъ сванетовъ или „вольныхъ“, то они еще раньше мингрельцевъ освободились изъ-подъ власти имеретинскаго царя и, уничтоживъ у себя князей и дворянъ, оставались съ того времени независимыми. Прим. перев.
[3]) Bodenstedt, „Die Völker des Kaukasus“.

атками болѣе древнихъ культовъ. Склепы ь церквей, обыкновенно небольшихъ строе-, едва вмѣщающихъ въ себѣ десятокъ при-канъ, и вокругъ которыхъ собираются толпы рода, наполнены рогами тура и каменнаго рана—предметами очень чтимыми. Священ-ки или «паши» образуютъ особенную касту, которой санъ передается отъ отца къ сыну; они не пользуются никакими иными пра-

Типы сванетовъ.

ми, кромѣ того, что не подлежатъ крово-ценію. Настоящая религія сванетовъ—ихъ ычаи. У мѣстныхъ женщинъ не принято, къ у грузинокъ верхней долины Ріона, забот-во скрывать свой ротъ и подбородокъ, но во емя пѣнія гимновъ или народныхъ пѣсенъ, ѣ закрываютъ ротъ платкомъ, для того-де, обы помѣшать діаволу войти въ него. Точно же и *сванетъ, отправляющійся* въ путь по важному дѣлу, хранитъ молчаніе, или, если онъ твердитъ молитву, то никто не долженъ слы-шать его голосъ: малѣйшее вырвавшееся слово можетъ навлечь бурю [1]). Суевѣрія ихъ аналогичны съ тѣми, которыя встрѣчаются у нор-вежскихъ рыбаковъ, у бурятъ и американскихъ охотниковъ.

Долина верхняго Ріона, извѣстная подъ име-немъ Ратши, болѣе обширна и многолюдна, не-жели объ западныя долины Цхениса и Ингура, а потому она всегда служила главной дорогой для пастуховъ, купцовъ, равно какъ и для войскъ, желавшихъ пробраться изъ равнинъ Грузіи въ долину Терека. Населеніе Ратши какъ почти всѣ жители Кутаисской губерніи, по

[1]) Бокрадзе, „Зап. Кав. Отд.“, 1864, т. VI; Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge“; Bodenstedt, цитированное сочиненіе.

своему происхожденію и языку—грузины; они цивилизованнѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, сванеты, и имѣютъ болѣе сношеній съ иноземцами. Однако, они слишкомъ многочисленны для занимаемой ими территоріи, ихъ выси негодны для полевой культуры, вслѣдствіе чего обитатели принуждены тысячами переселяться въ болѣе низменныя мѣста. Они очень трудолюбивы, не расточительны и по большей части возвращаются въ свои мѣста съ заработкомъ. Плотники и пильщики, встрѣчающіеся въ Имеретіи и Мингреліи, почти всѣ изъ Ратши.

Грузины верхняго Ріона извѣстны болѣе подъ именемъ имеретинъ, т. е. «людей съ другой стороны», такъ какъ горная цѣпь Сурамъ раздѣляетъ собою ядро этой расы. Имеретіей же называлось, при перемѣщеніи политическихъ границъ, то все западное Закавказье, то лишь горная половина этой страны: подъ Мингреліей обыкновенно подразумѣваютъ низменность, заключающую въ себѣ аллювіальную равнину и береговую полосу. Вліяніе климата, съ его влажностью и обиліемъ міазмовъ, не могло не отразиться на обитателяхъ; сложилось мнѣніе, что мингрельцы большею частью народъ нерадивый и въ особенности въ болотистыхъ мѣстностяхъ, но переселенцы изъ ихъ же племени, живущіе въ сухомъ климатѣ Тифлиса, напротивъ, отличаются дѣятельностью [1]). Конечно, безжалостныя опустошенія, производившіяся набѣгами, постоянныя междуусобицы и, сверхъ того, полное порабощеніе крестьянъ своими господами,—все это могло вселить только отвращеніе къ труду: къ чему задавать себѣ трудъ обработывать почву, если продукты труда пойдутъ въ чужіе амбары и скотные дворы? Эта несчастная страна испытала на себѣ всѣ формы рабства. Рабы могли владѣть, въ свою очередь, рабами, и такимъ образомъ, эти послѣдніе, именно рабы-каторжники, были одновременно собственностью двухъ господъ. До 1841 года, въ числѣ рабовъ были даже священники. Въ сравнительно недавнее время, князья Мингреліи отбирали свою дань у подчиненныхъ самолично: въ сопровожденіи своихъ придворныхъ, гостей, слугъ, сокольничихъ, съ лошадьми и собаками, они отправлялись къ своимъ вассаламъ и жили у нихъ до тѣхъ поръ, пока не истощались для гостей всѣ запасы провизіи; затѣмъ князья отправлялись почтить своимъ присутствіемъ другаго несчастнаго, и, переѣзжая такимъ образомъ съ одного пира на другой, приводили въ разореніе хозяевъ. Никакая женщина не могла быть увѣрена, что она останется въ своей семьѣ, въ особенности если она была красива; господа завладѣвали женщинами, продавали дѣтей. Слишкомъ слабые, чтобы сопротивляться, мингрельцы скрывали дома свои въ густой зелени, избѣгая встрѣчи съ господиномъ, чѣмъ отличались отъ гордыхъ обитателей горъ, группировавшихъ свои башни-бойницы въ одну сплошную цитадель [1]). Было нѣсколько мятежей, особенно сильныхъ въ 1857 и 1858 годахъ, съ цѣлью освобожденія забранныхъ въ плѣнъ женщинъ и отмѣны колодъ, надѣвавшихся владѣльцами на шеи своихъ рабовъ, но и эти возстанія были подавлены и погашены кровью [2]). Рабство въ Мингреліи уничтожили три года спустя послѣ того, какъ оно было отмѣнено въ Имеріи, но поборы съ крестьянъ не вполнѣ прекратились, и дѣти рабовъ еще не усвоили себѣ нравовъ свободныхъ людей. На плодороднѣйшихъ поляхъ Имеретіи и Мингреліи жители остаются нищими, подобно бѣднымъ ломбардцамъ, живущимъ также на чрезвычайно богатой землѣ, питаются почти исключительно отварной кукурузой или пшеномъ, кушаньемъ, напоминающихъ итальянскую polenta; ихъ обыкновенный костюмъ—рубашка въ лохмотьяхъ, подвязанная веревкой или ремнемъ, и вмѣсто шляпы на головѣ—кусокъ сукна, укрѣпленный подъ подбородкомъ тесемкой. Не зная ремеслъ, жители могутъ уходить въ городъ только въ качествѣ носильщиковъ или чернорабочихъ. Жилище мингрельца—грязная деревянная лачуга или шалашъ; нѣсколько тощихъ животныхъ, козъ и свиней бродятъ вокругъ полей кукурузы, плохо воздѣланныхъ, плохо огороженныхъ; и тутъ же въ грязныхъ лужахъ отдыхаютъ буйволы. Хотя и видны успѣхи въ этой странѣ, благодаря изобильному производству кукурузы, но этотъ рай Закавказья есть одна изъ тѣхъ странъ, которыя отлично доказываютъ, какъ слабо мѣстная производительность зависитъ непосредственно отъ естественныхъ богатствъ страны. Иные люди, обрабатывая гранитныя скалы, пользуются бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели мингрельцы, еле перебивающіеся на своихъ тучныхъ, аллювіальныхъ земляхъ!

Лазы Аджара и Чоруха, жившіе еще недавно неподалеку отъ русской политической границы Закавказья, приходятся братьями по языку и по крови мингреламъ и грузинамъ; тѣ же изъ ихъ сородичей, что живутъ еще въ Турціи, вплоть до Требизонда и далѣе, являются болѣе или менѣе смѣшанными; но множество названій доказываетъ, что грузины въ прежнія времена жили даже и во внутренней части Малой Азіи [3]). Еще Розенъ, посѣтившій Лазію въ 1844 г., доказалъ, что нарѣчіе мѣстныхъ жителей очень близко подходитъ къ грузинскому языку [4]); между говоромъ, который слышенъ у бывшей русской границы, а также на берегахъ Чоруха, и настоящимъ мингрельскимъ языкомъ

[1]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie du Caucase".

[1]) G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".
[2]) Бороздинъ, „Записки Кавк. Отд.", VII, 1866.
[3]) Hyde Clarke, „Ausland", 1870, № 51.
[4]) „Ueber die Sprache der Lasen".

изъ окрестностей Зугдиди, гдѣ до сихъ поръ еще сохранилась древняя народная поэзія, разницы почти нѣтъ [1]); но въ языкѣ жителей западнаго берега есть значительная примѣсь турецкихъ и греческихъ словъ. Что касается до нравовъ аджаръ и другихъ горцевъ Лазистана, то они походятъ и въ этомъ отношеніи на имеретинъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, чтутъ сѣдины и любятъ гостепріимство въ широкихъ размѣрахъ; они очень сдержанны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытны; какъ и большая часть кавказцевъ, они любятъ роскошь и живописный костюмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нельзя упрекнуть въ лѣности, какъ это часто дѣлали лица, недостаточно знакомыя съ ними [2]); ихъ поля хорошо воздѣланы, дома содержатся чисто. Женщины въ Лазіи красивы, хорошо сложены и замѣчательны своей храбростью. Очень многіе изъ прибрежныхъ лазовъ покидаютъ свои мѣста; одни поступаютъ въ матросы, и ихъ фелуки, съ тѣхъ поръ какъ прекращены морскіе грабежи, плаваютъ по портамъ Чернаго моря; другіе—направляются въ большіе многолюдные города, гдѣ занимаются различными ремеслами: имъ издавна принадлежитъ монополія въ торговлѣ кухонными принадлежностями изъ латуни [3]). И прежде Константинополь былъ городомъ, къ которому они направлялись преимущественно, а съ тѣхъ поръ, какъ ихъ земля присоединена къ Россіи, лазы-мусульмане тысячами выселяются на турецкую территорію. Константинопольское правительство съумѣло привлечь къ себѣ это населеніе, урѣзавши власть беговъ, бывшихъ прежде полу-независимыми, и капризы которыхъ были единственнымъ закономъ для ихъ подданныхъ. Очень вѣроятно, что теперь лазы-христіане станутъ знакомиться больше съ Тифлисомъ и русскими портами Чернаго моря.

Турецкій режимъ не могъ не отразиться на лазахъ, и они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнятся съ мингрелами, жившими въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Три вѣка тому назадъ всѣ грузины верхней долины Аджара были христіанами; во многихъ деревняхъ видны еще церкви, построенныя въ византійскомъ стилѣ и доселѣ хорошо сохранившіяся. Нѣкоторыя общества обратились къ мусульманству не далѣе какъ въ концѣ XVIII вѣка, хотя до сихъ поръ еще между ними извѣстно много такихъ

Мингрелка.

семей, которыя остаются христіанами по сущности, а мусульманами только по виду, и такихъ, которыя соединили обѣ религіи, не вѣдая сами, гдѣ кончаются догматы ихъ прежней вѣры и гдѣ начинается новое ученіе. Вмѣстѣ съ религіей введенъ былъ въ эту страну и турецкій языкъ; грузинская рѣчь недавно совсѣмъ исчезла въ городахъ и большихъ деревняхъ,—ее можно слышать только въ глухихъ деревушкахъ. Колоніи армянъ, разсѣянныя по всей странѣ лазовъ, также совершенно забыли свой родной языкъ и говорятъ исключительно по-турецки [1]). Въ настоящее время русскій языкъ вытѣсняетъ мало-по-малу турецкій какъ изъ Батума, такъ и изъ другихъ городовъ, а христіанство снова изгоняетъ исламъ. Въ этой странѣ уже попадаются славяне: путешественникъ Казбекъ встрѣтилъ здѣсь нѣсколько рус-

[1]) Цагарели, „Изв. Русск. Геогр. Общества“ 1878, № 1.

[2]) Османъ-Бей, „Изв. Русск. Геогр. Общества“, декабрь, № 1874.

[3]) Казбекъ, „Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи“.—Radde und Siewers, „Mittheilungen von Petermann“ 1875, № 2.

[1]) Казбекъ, тамъ же.

скихъ семействъ, происходящихъ отъ бѣглыхъ, покинувшихъ свое отечество изъ нежеланія отбывать воинскую повинность.

Долинѣ Ріона, торговое значеніе которой поняли еще аргонавты, и въ которую тридцать вѣковъ спустя, отправились генуэзцы въ поиски за тѣмъ же «Золотымъ руномъ», снова суждено принять на себя значительную коммерческую роль; прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ вдоль этой долины пролегла желѣзная дорога, соединивъ Черное море съ Тифлисомъ, этотъ первый участокъ того желѣзнаго пути, который современемъ будетъ вести въ Индію. Но гдѣ былъ путь, по которому ходили прежде греческіе купцы? Гдѣ былъ тотъ городъ Колхиды, который считался ихъ главнымъ рынкомъ? Смутныя преданія, между которыми многія, вѣроятно, заимствованы изъ классической литературы, ссылаются на экспедиціи греческихъ героевъ и на развалины въ этой странѣ, въ которыхъ признаютъ «дворцы Язона». Шарапанъ, нынѣ простая деревня, лежащая у сліянія рѣкъ Квирилы и Дзирулы, Поти-Тифлисской желѣзной дороги, кичится тѣмъ, что она построена на мѣстѣ того страшнаго лѣса, черезъ который долженъ былъ проникнуть миѳическій персонажъ, чтобы завладѣть Золотымъ руномъ. На юго-востокъ отъ Кутаиса, у входа въ ущелье Хани, существуютъ другія развалины, расположенныя амфитеатромъ на склонахъ одного холма: это остатки Багдада, города, бывшаго у турокъ важнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Въ прошломъ столѣтіи его жители, почти исключительно мусульмане, были изгнаны, но Багдадъ и до сихъ поръ еще остался довольно большой деревней.

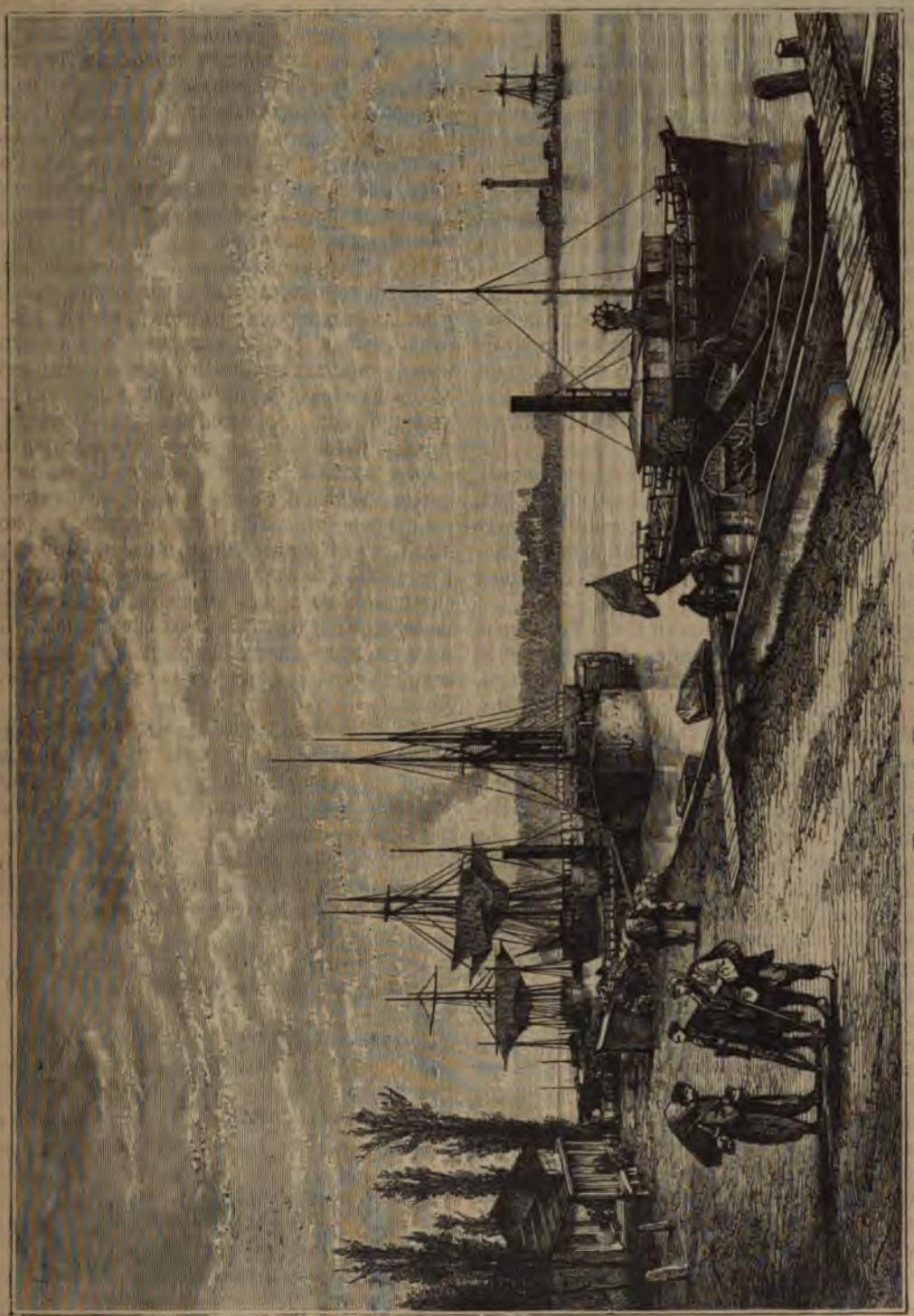
Кутаисъ, главный городъ губерніи, заключающей въ себѣ самую значительную часть западнаго Закавказья, занимаетъ очень удобное положеніе, у перекрестка трехъ долинъ, по которымъ текутъ Ріонъ, Квирила и Хани, соединяющаяся съ Квирилой; здѣсь же находится начало аллювіальной равнины, которая простирается до самаго моря. Прикрытый передовыми выступами предгорій, онъ хорошо защищенъ отъ сѣвернаго вѣтра, хотя эта же защита въ лѣтнее время часто бываетъ причиной удушливой жары; впрочемъ, прохладныя воды Ріона, протекающаго черезъ городъ, питаютъ роскошную растительность его садовъ и парковъ. Существовалъ ли Кутаисъ три-четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ гласитъ объ этомъ преданіе, и былъ ли онъ родиной Медеи, это еще вопросъ; несомнѣнно лишь то, что онъ основанъ во времена глубокой древности,—такъ какъ еще Прокопъ упоминалъ о немъ подъ именемъ Катаисіон'а,—и онъ не переставалъ появляться въ исторіи, то какъ столица Грузіи, то какъ одинъ изъ важныхъ городовъ *Кавказіи, и всегда какъ укрѣпленное* мѣсто, изъ-за котораго спорили цари. Но самый городъ перемѣщенъ: главный кварталъ его находится пониже акрополя, на террасахъ, занимающихъ правый берегъ рѣки, а улицы теперешняго Кутаиса тянутся вдоль по равнинѣ, окаймляющей лѣвый берегъ. Зданіе наиболѣе замѣчательное въ городѣ—остатки собора, построеннаго Багратидами, въ началѣ XI столѣтія, на скалахъ, занятыхъ акрополемъ: начатый архитекторами армянскими, законченный греческими и приноровленный къ мѣстному вкусу, этотъ храмъ послужилъ моделью для всѣхъ другихъ церквей въ этой странѣ; развалины его до сихъ поръ еще служатъ очень цѣннымъ памятникомъ грузинскаго искусства [1]). Въ послѣднее время Кутаисъ быстро разросся: съ 4.000 т. жителей населеніе поднялось до 12.000, благодаря торговлѣ и успѣхамъ мѣстной промышленности; выдѣлка шляпъ пользуется особенной извѣстностью [2]). Залежи каменнаго угля Тквибулы, извѣстныя и слегка разрабатываемыя еще съ половины текущаго столѣтія, не играютъ до сихъ поръ важной промышленной роли, хотя находятся менѣе чѣмъ въ 30 верстахъ, на сѣверо-востокъ, отъ Кутаиса, въ горахъ Накерала, и залегаютъ толщью въ 40—65 футовъ [3]); въ этой мѣстности находятъ также родъ чернаго янтаря, изъ котораго выдѣлываютъ браслеты и другія вещицы, служащія для украшенія. Съ 1879 года, въ верхней долинѣ Квирилы начата разработка марганцевой руды, количество которой опредѣляютъ въ нѣсколько милліоновъ тоннъ [4]). Нѣсколько выше городка Они, главнаго торговаго пункта верхней долины Ріона, находится станція углекисло-желѣзныхъ источниковъ, Уцера, привлекающая къ себѣ ежегодно тысячи купающихся.

Хони, на сѣверо-западъ отъ Кутаиса, у входа въ долину Цхениса, служитъ рынкомъ, гдѣ княжескіе сванеты сбываютъ свои продукты; еще ниже, неподалеку отъ сліянія Цхениса съ Ріономъ, находится другое населенное мѣстечко, Кулахи. Эта часть Кавказа наиболѣе населенная [5]).

Орпири, пристань на Ріонѣ, у сліянія его съ Цхенисомъ, есть село, въ которомъ живутъ скопцы, по большой части очень зажиточные, и когда-то организованные на военную ногу для доставки съѣстныхъ припасовъ. Торговля въ селѣ уменьшилась со времени проведенія желѣзной дороги. Что касается до двухъ портовъ Чернаго моря, Редутъ-Кале и Поти, то купцы тщательно избѣгаютъ посѣщать ихъ, боясь лихорадки, а моряки также обходятъ ихъ, по причинѣ плохой якорной стоянки. Редутъ-Кале, имя котораго такъ странно со-

[1]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".
[2]) Freshfield, „Central Caucasus".
[3]) Gustav Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".
[4]) Méounarguia, notes manuscrites".
[5]) Стебницкій, „Извѣстія Кавказскаго Отд.". V. 1877.

ставлено изъ двухъ однозначущихъ словъ,— одно французское, другое турецкое, — есть калкая деревушка, основанная русскими въ екущемъ столѣтіи; она имѣла еще нѣкоторое



Городъ Поти и устье Ріона.

значеніе, какъ мѣсто высадки войскъ, несмотря на свои невыгодныя стороны, такъ какъ въ ея сосѣдствѣ по нижнему теченію Ингура, нахо-дятся богатыя селенія, между которыми осо-бенно многолюдны Зюглиди, Джвари и Цаленд-

жихэ, разбогатѣвшія черезъ шелкъ-сырецъ; климатъ Редутъ-Кале, впрочемъ, менѣе вреденъ для здоровья нежели другихъ приморскихъ го-родковъ; тѣмъ не менѣе онъ почти совсѣмъ оставленъ ради города, лежащаго южнѣе— Поти, расположеннаго у устья р. Ріона или Фазиса, отъ которой и произошло турецкое на-званіе Поти-кале-фашь или «Замки Фазиса». Дома его, окруженные палисадами, построены

на сваяхъ, вдоль рѣки, въ нездоровой, болотистой мѣстности, и раскинуты на пространствѣ, достаточномъ для большаго города: два раза въ годъ разливъ Ріона превращаетъ Поти въ полуостровъ. Рейдъ находится далеко отъ города, и портъ, построенный у самаго устья рѣки, недоступенъ для судовъ средняго углубленія. Были предприняты дорого-стоющія работы по углубленію порта: въ подражаніе тому, что сдѣлалъ инженеръ Гартлей для песчаной отмели Сулина, у устья Дуная, продолжены были въ море оба берега рѣки посредствомъ моловъ, проложенныхъ по морскому дну; вмѣстѣ съ тѣмъ желали защитить входъ для судовъ отъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, сдѣлавъ молъ съ сѣверной стороны гораздо длиннѣе. Но до сихъ поръ успѣли только снести песчаную отмель, а въ послѣднее время эта борьба съ моремъ, какъ кажется, и совершенно оставлена. Портъ Ріона остается годнымъ лишь для вывоза зерна и шелка-сырца; моряки принуждены выжидать благопріятнаго момента для выхода въ море; ввозъ также незначительный. Въ 1876 г. вывозъ равнялся 4.721.000 рублей, а ввозъ—1.209.000: среднимъ числомъ въ годъ ввозится на 600.000—1.000.000 рублей. Навигація закрыта въ Поти, въ среднемъ, 205 дней въ году [1]).

Портъ Батумъ, значительно предпочитаемый предыдущему и находящійся отъ него менѣе чѣмъ въ 50 верстахъ, на юго-западъ, присоединенъ къ Россійской имперіи со времени послѣдней войны. Стремленіе завладѣть имъ, какъ якорной стоянкой, составляло одну изъ побудительныхъ причинъ похода русскихъ въ Малую Азію; хотя они и были отбиты передъ Батумомъ, но турки, проигравшіе сраженіе на другомъ полѣ, должны были уступить этотъ портъ, котораго русское правительство такъ давно добивалось. Впрочемъ, съ торговой точки зрѣнія, Батумъ принадлежалъ гораздо болѣе русскимъ, нежели туркамъ. Въ батумскій портъ, располагающій 65 футами глубины, заходили большіе одесскіе пароходы, чтобы выгружать здѣсь на небольшія суда товары, предназначавшіеся для Поти. Батумъ, подъ вліяніемъ Англіи, объявленъ, по Берлинскому договору, порто-франко, что̀ не помѣшало ему однако сдѣлаться хорошо укрѣпленнымъ городомъ: какъ гавань, онъ не имѣетъ неудобствъ рѣчныхъ пристаней, отдѣленныхъ отъ моря песчаными отмелями; но полуостровъ, образованный наносами Чороха въ Черное море, съ западной стороны, къ несчастью, безпрестанно увеличивается, загораживая песчаными мелями доступъ на якорную стоянку, которая уже настолько уменьшилась въ размѣрахъ, что не можетъ вмѣщать въ себѣ болѣе двѣнадцати большихъ судовъ. Ничего нѣтъ легче, какъ соединить, въ будущемъ, портъ съ рѣкою судоходнымъ каналомъ, прорывши его въ низменной равнинѣ; такой каналъ, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, откроютъ, такъ сказать, двойной входъ въ Батумъ: одинъ со стороны Чороха, другой со стороны Ріона. Необыкновенное плодородіе мингрельскихъ равнинъ и долинъ Ливана въ бассейнѣ Чороха придастъ Батуму важное коммерческое значеніе въ будущемъ. Главные продукты вывоза—зерновой хлѣбъ, хлопокъ и превосходныя яблоки, извѣстныя въ Россіи подъ названіемъ «крымскихъ», и наконецъ, дельфиній жиръ, добываемый изъ животныхъ, пойманныхъ въ бухтѣ.

Во внутренней части русскаго Лазистана главный городъ, Артвинъ, построенъ на склонѣ горы амфитеатромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Чорохъ, выйдя изъ клюзы, становится судоходнымъ; онъ занимаетъ въ окружности, вмѣстѣ съ своими садами, не меньше 8 верстъ. Главный предметъ промышленности—окраска матерій; кромѣ того въ немъ фабрикуются шелковыя издѣлія и другія ткани. Почти всѣ его купцы, большей частію армяне, находятся, черезъ посредство Батумскаго порта, въ сношеніяхъ съ Константинополемъ и Марселемъ. Говорятъ, что въ Артвинѣ лазы наиболѣе красивы: всѣ дѣти ихъ могли бы служить образцами для скульпторовъ и живописцевъ. Быть можетъ нѣтъ такихъ странъ, гдѣ бы меньше встрѣчалось больныхъ или хилыхъ, какъ въ Лазіи [1]).

На югъ отъ Артвина, мѣстечко Арданучъ, бывшее нѣкогда столицею царства, расположено на плоскогоріи у выхода изъ Адскаго Ущелья, а гораздо выше Артвина, въ самомъ ядрѣ горъ, стоитъ другой городъ, принадлежавшій туркамъ, Олти, служащій главнымъ торговымъ этапомъ между Ардаганомъ и Эрзерумомъ: подобно Артвину, это городъ фруктовъ и цвѣтовъ.

Изъ городовъ и мѣстечекъ западнаго Закавказья, слѣдующія имѣютъ болѣе 4.000 жителей:

Кутаисская губернія: Кутаисъ—32.023; Зугдиди—5.450; Кулахи—5.350; Джвари—4.850; Цаленджиха—4.450; Хони—4.000.

Батумская область: Батумъ—26.162; Артвинъ—16.456.

VI. Бассейнъ Куры.

Грузія и Закавказская Татарія.

На Куру и Араксъ можно смотрѣть какъ на рѣки-близнецы, независимыя другъ отъ друга. Онѣ почти равны по длинѣ, берутъ начало въ одной и той же мѣстности, но остаются раздѣ-

[1]) *Петровскій, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г. № 3.*

[1]) K. Koch, „Wanderungen im Oriente“.

ыми между собой, какъ въ верхнемъ, такъ среднемъ теченіи, плоскими возвышенно- и и высокими горными цѣпями. Во времена бона [1]) эти рѣки имѣли отдѣльныя устья, настоящее время онѣ соединяютъ свои ія невдалекѣ отъ Каспійскаго моря, всего 0 футахъ высоты, среди низменной рав- , которая, по своей пустынности, одно- ію и глади, напоминаетъ морскую поверх- . Какъ области этнографическія, оба бас- , Куры и Аракса, сильно различаются у собою. Положимъ, какъ тотъ, такъ и ій бассейнъ населенъ татарами, но зато рхнему и среднему теченію сѣверной рѣки ъ грузины,—давшіе этой рѣкѣ названіе ари,—а берега южной рѣки заняты глав- образомъ армянами. Съ точки зрѣнія по- ческой, Кура принадлежитъ всецѣло Рос- ой Имперіи, тогда какъ истоки Аракса ъ начало на турецкой землѣ, а своимъ мъ берегомъ средняго теченія съ впадаю- и въ него притоками съ юга, онъ принад- ъ персамъ.

азваніе грузинской рѣки: Кура или Куръ, различается отъ греческаго названія: ·os» или «Koros», передѣланнаго францу- въ Cyrus; одинъ изъ ея истоковъ бьетъ емъ и извѣстенъ у турокъ подъ именемъ алловой воды» или «Жемчужнаго источ- ». Эта рѣка течетъ по воронковидной кот- нѣ, бывшей въ древности озеромъ и окру- ой со всѣхъ сторонъ высокими горами; во я таянія снѣговъ эта котловина преобразо- ется въ озеро, или, по меньшей мѣрѣ, въ го. Выйдя изъ впадины черезъ клюзу, Кура ирается у восточной подошвы Арзіанской ой цѣпи, затѣмъ круто поворачиваетъ, те- черезъ цѣлый рядъ ущелій, по выходѣ которыхъ мало-по-малу спускается съ пло- рій и пробиваетъ себѣ брешь въ горахъ, мляющихъ эту плоскость. Эти горы суть: апада—Аджаръ, а съ востока Тріалеты, ащія продолженіемъ Аджара и спускаю- я постепенно въ равнину, къ Тифлису. Въ ней части этого ущелья, идущаго въ видѣ ѣки между Ацхуромъ и Боржомомъ, на яженіи 23 верстъ, Кура низвергается бы- мъ потокомъ съ высоты, имѣющей въ об- ъ 535 футовъ. Выйдя на равнину Карта- и, она поворачиваетъ на востокъ и, слѣдуя швѣ Тріалетскихъ горъ, принимаетъ въ всѣ небольшіе притоки, текущіе въ доли- этихъ горъ. Въ той мѣстности, гдѣ Кура ъ свое начало, только двѣ или три вер- ы превосходятъ высоту 9.850 футовъ, боль- часть высотъ не достигаетъ этой высоты сохраняетъ снѣга въ продолженіе лѣта. очти всѣ плоскогорія, съ которыхъ берутъ свои начала верхніе притоки Куры, очень неровны и походятъ на горный лабиринтъ; но между Ардаганомъ и Ахалцыхомъ, тѣ плоскогорія, которыя тянутся по восточной сторонѣ долины Куры, принимаютъ уже характеръ настоящихъ плато. Если принимать въ разсчетъ только выдающіеся пункты хребта, можно сказать, что это плоскогоріе есть настоящая горная цѣпь, которая проходитъ черезъ всю страну, отдѣляя Араксъ отъ Куры. Средняя высота этой цѣпи надъ уровнемъ Чернаго моря опредѣляется въ 6.600 футовъ; но собственно въ правильной части плоскогорія возвышаются лишь притоки и удлиненные холмы съ едва замѣтной покатостью и вовсе не имѣющіе вида горъ. Впадины этихъ однообразныхъ плоскогорій наполнены озерами, изъ которыхъ вода, выливаясь черезъ край, течетъ частью въ Араксъ, частью въ Куру; но между этими озерами есть и такія, которыя не имѣютъ стоковъ, и вода въ нихъ мало-по-малу становится солоноватой: множество глубокихъ впадинъ давно на половину повысохли, и только небольшія болота указываютъ на существовавшія въ древности на ихъ мѣстѣ озера. Одинъ видъ страны ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь былъ когда-то огромный озерной бассейнъ, заливы котораго развѣтвлялись по ущельямъ окрестныхъ горъ. На востокъ отъ этого моря дѣйствовали нѣкогда вулканы. Двойной рядъ вершинъ съ кратерами тянется на востокъ отъ Ахалкалаки и въ общемъ имѣетъ видъ цѣпи, направляющейся съ сѣвера на югъ, перпендикулярно къ хребту Тріалетскихъ горъ. Одинъ изъ вулкановъ, Самсаръ, заканчивается овальнымъ кратеромъ почти въ три версты длиною; потокъ его лавы простирается на сѣверо-западъ, на большую часть плато. Большой Абулъ и Малый Абулъ, имѣющіе общее основаніе, напоминаютъ формой оба конуса Арарата; съ ихъ трахитово-порфирныхъ вершинъ можно видѣть, обернувшись къ западу, весь Кавказскій хребетъ, Эльбрусъ и Тебулосъ-мта.

Другія вершины вулкановъ, извергавшія когда-то расплавленные каменья, расположены въ видѣ полукруга, у котораго, точно въ воронкѣ, расположилось прекрасное озеро Торопованъ, заключающее въ себѣ остатки озерной фауны [1]) и напоминающее собою обширный кратеръ, наполненный водою [2]). Съ высоты этихъ черныхъ горъ, съ зіяющими внизу разсѣлинами, выщербленными гребнями хребтовъ, глубокими пропастями и потоками словно и по сю пору клокочущей лавы, представляется величественное зрѣлище, съ нѣсколько, однако, зловѣщимъ оттѣнкомъ: пастухи, бродящіе вблизи, стараются избѣгать этой мѣстности, — въ ней «царятъ злые духи». Извилистыя долины

„Livre XI", chap. IV; — Von Baer, „Kaspische en"

[1]) Байеръ, „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", I, 1871.
[2]) Абихъ, „Записки Кавказ. Отдѣла", VIII, 1872.

Куры, съ ихъ тѣнистыми рощами и журчащими ручейками, рѣзко отличаются отъ безжизненныхъ плоскогорій и ихъ широкихъ ложбинъ, размытыхъ рѣкою; кромѣ того, тамъ и сямъ рѣка должна была пробиваться черезъ узкія ущелья между потоками лавы, изъ которыхъ одни выстроились колоннами, другіе поднялись въ видѣ обрывистыхъ утесовъ и столбовъ, а на нѣкоторыхъ вершинахъ виднѣются развалины замковъ [1]). Взятые вмѣстѣ, эти вулканическіе массивы, равно какъ и Тріалетскія горы, соприкасающіяся съ ними и съ гористыми терасами, поднимающимися на западъ отъ Тифлиса, составляютъ какъ бы начало Малой Азіи, вдающейся сюда мысомъ, и служатъ для всей страны какъ бы огромной лабораторіей урагановъ: почти всѣ бури съ градомъ, въ Картлиніи, разрѣшаются на склонахъ Тріалетскихъ горъ [2]), на узкой полосѣ, занимающей около 95 верстъ въ длину. Частыя градобитія заставили нѣкоторые уѣзды въ этой мѣстности совершенно покинуть земледѣліе и заняться извозомъ. Другая полоса бурь и градобитія простирается у подошвы горъ, у Елисаветполя. Еще Вахуштъ, въ своей Географіи Грузіи, говоритъ о частыхъ буряхъ въ странѣ и указываетъ на то, что онѣ мѣшаютъ развитію шелководства, такъ какъ громъ служитъ главной причиной смертности шелковичныхъ червей.

Вотъ, между прочимъ, главныя высоты въ верхнемъ бассейнѣ Куры:

Казиль-гійдукъ (истоки Куры—(10.200 ф.) 3.109 метр.; Большой Абулъ (вулканъ) — (10.960 ф.) 3.341 метр.; Самсаръ—(10.830 ф.) 3.302 метр.; Годореби—(10.470 ф.) 3.192 метр.; Эмлекли—(10.015 ф.) 3.053 метр.; Койретынъдагъ (на зап. отъ Куры)—(9.965 ф.) 3.038 метр.; Арджеванъ (Тріалетскія горы) — (9.060 ф.) 2.762 метр.; перевалъ Канлы (между Курой и Чорухомъ)—(9.000 ф.) 2.468 метр.; перевалъ Коджоръ (между равн. Ахалц. и Тифлиса)—(4.335 ф.) 1.321 метр.

Соединившись съ Арагвой, которая несетъ почти столько же воды, сколько и сама Кура, эта послѣдняя поворачиваетъ на югъ, потомъ на юго-востокъ, но вообще придерживаясь направленія Главнаго хребта, точно такъ же, какъ и ея оба притока, Іора и Алазанъ, по выходѣ ихъ изъ горныхъ ущелій. Соединившись съ Курою, эти два притока дѣлаютъ ее уже настоящей рѣкой, а недалеко отъ ея низовьевъ, тамъ, гдѣ Куру пересѣкаетъ путь, идущій изъ Елисаветполя въ Баку, она несетъ на себѣ пароходы, сидящіе въ водѣ около 4 футовъ [3]); только недостатокъ населенія мѣшаетъ пользоваться этимъ судоходнымъ путемъ, болѣе чѣмъ въ 700 верстъ длиною, считая разстояніе до самаго устья Куры. Въ настоящее время рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи не приноситъ иной пользы, кромѣ рыбнаго промысла, такъ какъ рыба въ ея водахъ размножается чрезвычайно сильно. Въ промысловыхъ мѣстахъ Сальянъ, гдѣ рѣка развѣтвляется, у дельты, на нѣсколько рукавовъ, ловится столько рыбы за-разъ, сколько нигдѣ, вѣроятно, на земномъ шарѣ [4]): десятки тысячъ красной рыбы и сотни тысячъ разной другой рыбы, меньшей цѣнности, вылавливается ежегодно рыбаками концесіонерной компаніи. Не взирая на административные безпорядки, государство получаетъ дохода съ этихъ промысловъ не менѣе 120.000 рублей. Судя по описанію Палласа, кажется, что въ водахъ Куры лѣтъ сто тому назадъ рыбы было еще больше: тогда вылавливали до 15.000 осетровъ въ одинъ день. Случалось, что въ продолженіе сутокъ осетры запруживали рѣку, почти сплошной двигающейся массой, несмотря на то, что Кура имѣетъ не менѣе 70 саженъ ширины и 72 фута глубины. Г. Данилевскій замѣчаетъ, что пароходство содѣйствовало уменьшенію рыбы въ Курѣ. Бываетъ, что пароходъ встрѣчаетъ у входа въ рѣку цѣлыя стаи осетровъ, тысячами и милліардами входящихъ въ Куру, для метки икры, и испуганныя рыбы, убѣгая изъ рѣки, удаляются въ море [5]).

Кура, соединившись съ Араксомъ, несетъ 676 куб. метровъ воды въ секунду; эта восточная рѣка Закавказья содержитъ сравнительно съ своимъ бассейномъ гораздо меньше воды, нежели Ріонъ, текущій въ западной сторонѣ Закавказья. Меньшее изобиліе дождей и большая испаряемость на склонѣ, спускающемся къ Каспійскому морю, объясняютъ эту разницу. Большая часть бассейна Куры состоитъ изъ настоящихъ пустынь, совершенно лишенныхъ ирригаціи, но все же, послѣ дождей, настолько богатыхъ травою, что пастухи-татары въ весеннее время выгоняютъ сюда свои стада, пасущіяся лѣтнее время на горныхъ пастбищахъ. Вообще въ Грузіи, между рѣками Курой и Іорой, и между Іорой и Алазаномъ, простираются каменистыя степи, не имѣющія постояннаго населенія. Кромѣ верховьевъ трехъ притоковъ Куры, съ ихъ низменными тѣнистыми берегами, вся остальная мѣстность,—камни и глина,—представляетъ повсюду печальное зрѣлище полнѣйшей засухи. Въ прошломъ столѣтіи татары воздѣлывали рисъ на лѣвомъ берегу Куры, на сѣверъ отъ Елизаветполя, но набѣги лезгинъ принудили ихъ покинуть свои поля, отъ которыхъ нынѣ уцѣлѣли лишь остатки ирригаціонныхъ каналовъ, проведенныхъ отъ Іоры; стада дикихъ козъ бродятъ по опустѣвшимъ пажитямъ; на правомъ берегу Куры громадныя пространства покрыты полынью и другими растеніями пустырей. Та-

[1]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".
[2]) *Абихъ, „Записки Кавк. Отд.", 1879, т. X, кн. 3.*
[3]) *„Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", 1872, т. II.*
[4]) Von Bauer, „Kaspische Studien".
[5]) „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", 1827 г. III.

тарскіе пастухи, живущіе здѣсь, устраиваютъ себѣ въ землѣ настоящія логовища, чтобы укрываться въ нихъ зимою отъ холоднаго вѣтра, гуляющаго по голымъ плоскогоріямъ Карайяза: нѣсколько подпоръ, укрѣпляющихъ землянки и выходящихъ концами наружу, служатъ единственнымъ указаніемъ на существованіе подземной деревни. Съ первыхъ же дней весны, татары съ радостью покидаютъ свои грязныя жилища, наполненныя всякими гадами, и уходятъ буковыми лѣсами, на югъ, въ долы Гокчайя [1]).

Въ этихъ мѣстахъ цивилизація отодвинулась назадъ: пастушеской жизни здѣсь предшество-

каналомъ»; этотъ каналъ проходитъ чере степь Карайяза (Черный глазъ), между Кур и Іорой; къ несчастью, мѣстность, выбранн для опытовъ, оказалась очень нездоровой, земледѣльцевъ, рискующихъ своей жизн является сюда очень немного. Кромѣ того, и женеры, изъ страсти къ линейкѣ и компасу, пр водили желоба съ геометрической точностью, обращая вниманія ни на склоны, ни на вып клости, тогда какъ мѣстные земледѣльцы, с оружая свои каналы, относились къ неровн стямъ почвы гораздо серьезнѣе.

Въ южной сторонѣ восточнаго Кавказ между Нухой и Шемахой, татарское населен

Типъ татарина.

вало земледѣліе. Впрочемъ, нужно сказать, что даже зимою, т. е. въ то время, когда уровень рѣки очень низокъ, Кура вмѣстѣ съ Араксомъ даютъ лишь 194 куб. метра въ секунду, но лѣтомъ, слѣд. въ то время года, когда влага наиболѣе необходима, массу воды, которую можно было бы утилизировать, опредѣляютъ болѣе чѣмъ 1.000 куб. метровъ въ секунду [2]). Единственныя значительныя работы по ирригаціи, которыя были предприняты тифлисскими инженерами для изученія гидрологіи р. Куры, состоятъ въ сущности изъ нѣсколькихъ соединенныхъ канавъ, названныхъ «Маріинскимъ

сохранившее въ своемъ владѣніи земли, п учаетъ русскихъ новичковъ, какимъ образом вода, которой пользуются умѣючи, можетъ пр вращать пустыни въ сады; каждый потокъ, сп скающійся съ Главнаго хребта на равнин останавливаютъ у выхода изъ ущелья запр дами, раздѣляющими его на мпожество мелких рукавовъ, изъ которыхъ каждый въ свою оч редь наполняетъ оросительныя канавки и желоба, и дробится до тѣхъ поръ, пока используется послѣдняя капля воды. Въ общем всѣ эти каналы и канавки, выходя изъ горна прохода, чтобы оросить эту громадную площад имѣющую видъ полукруга, походятъ на арт ріальную систему, которая, развѣтвляясь всему организму, несетъ съ собою кров

[1]) N. Von Seidlitz, — „Mittheilungen von Petermann“ 1880, — „Notes manuscrites“.

[2]) Béliy et Habb, „*Observation faites de 1860 à 1869*“.

жизнь. Вода, предназначенная для орошенія, не достигаетъ русла Куры. Но воды этой же рѣки, проведенныя въ боковые каналы, могли бы идти навстрѣчу небольшимъ потокамъ и превращать, такимъ образомъ, степь въ плодородныя нивы. Нѣкоторыя изъ неорошенныхъ степныхъ пространствъ опасны для проходящихъ по нимъ караванамъ, по недостатку фуража и ядовитымъ травамъ, ростущимъ въ этихъ степяхъ; отъ здѣшняго полыня гибнутъ лошади. Въ 1722 г., когда армія Петра Великаго проходила черезъ эти степи въ Шемаху, артиллерія лишилась всѣхъ своихъ лошадей. Сто лѣтъ спустя то же самое несчастіе постигло армію генерала Циціанова.

Часть степей Карабага и Ширикума, занимая пространство, имѣющее форму треугольника, заключеннаго между Курою и Араксомъ, а также степь Муганъ, начиная съ праваго берега Аракса и низовьевъ Куры вплоть до самаго подножья горъ Талыша, были прежде воздѣланной и населенной равниной. Каналъ, вырытый 15 столѣтій тому назадъ, проходилъ черезъ степь Карабага и черезъ многолюдный городъ Билгавъ, разрушенный впослѣдствіи Чингисъ-ханомъ. Когда, двумя столѣтіями позже, Тимуръ велѣлъ вырыть снова каналъ, городъ выстроился опять и существовалъ еще до прошлаго столѣтія. На востокъ отъ Аракса, находятъ слѣды многочисленныхъ каналовъ, проведенныхъ отъ рѣки и направляющихся на востокъ черезъ равнину; но замѣтно, что возобновленіе этихъ каналовъ не могло бы возстановить прежнюю возможность пользованія водой: понизился ли средній уровень рѣки, или же берега ея покрылись наноснымъ слоемъ, но оросительные каналы очутились на уровнѣ высшемъ, нежели сама рѣка [1]). Одинъ изъ такихъ каналовъ, прослѣдованный Тороповымъ, имѣетъ не менѣе 140 верстъ длины, а по сторонамъ его находятся громадныя груды развалинъ существовавшаго тамъ довольно большаго города [2]). Остатки постоялыхъ дворовъ (каравансараевъ) и засоренныхъ водоемовъ доказываютъ также, что дорогой, теперь уже оставленной, когда-то пользовались множество путниковъ. Могильные курганы разбросаны тамъ и сямъ по равнинѣ; на всемъ полуостровѣ, образованномъ сліяніемъ Аракса съ Курою, тянутся многочисленные ряды окоповъ, прерываемые кое-гдѣ сторожевыми холмами и прикрытіями. Нѣкоторые изъ этихъ окоповъ, нарушающихъ однообразіе степи, идутъ на протяженіи 10 и 15 верстъ: народъ, построившій подобныя укрѣпленія для защиты своей территоріи, располагалъ, конечно, иными естественными источниками богатства, нежели камышъ, солончаки и песокъ. Населеніе страны стало уменьшаться со времени нашествія монголовъ, въ началѣ тринадцатаго столѣтія; въ ту пору жители, не желавшіе вступать въ полчища Батыя, покидали свои города и поля, и искали убѣжища въ горахъ. Ирригаціонные каналы запустѣли и покрылись тиной; воды Аракса и Куры стали заливать во время половодья всѣ впадины, мимо которыхъ онѣ протекали въ прежнее время, и образовали нездоровыя и болотистыя скопленія воды; получились настоящія озера, какъ напримѣръ, Махмудъ-чаласи, въ мѣстахъ наиболѣе низкихъ и заполняемыхъ тѣми рѣченками, которыя очень слабы, чтобы добраться до моря. Вслѣдствіе испаренія исчезли многія озера, и отъ нихъ остались лишь солонцы, окруженные какъ бы краснымъ поясомъ желтокорня и другихъ растеній солончаковыхъ почвъ; въ этой мѣстности, гдѣ прежде повсюду протекали оросительныя воды, пастухамъ теперь приходится довольствоваться вырытыми колодцами, въ которыхъ еле сочится солоноватая вода. Мѣстами пространства покрыты безконечнымъ сѣренькимъ чернобыльникомъ, а кой гдѣ попадается еще delphinium съ его голубыми цвѣтками [1]). И все же было бы сравнительно легко сдѣлать почву плодородной; при земледѣльческихъ сооруженіяхъ, практикуемыхъ въ Ломбардіи и въ Фландріи, она могла бы прокормить не меньше двухъ милліоновъ людей. Изслѣдованія, произведенныя въ 1860 году, съ цѣлью ввести ирригацію, показали, что здѣсь, въ низменной равнинѣ, давно покинутой, находится около двухъ милліоновъ десятинъ орошенной земли. Довольно большое пространство въ степи покрыто черноземомъ и недостаетъ только воды, чтобы сдѣлать этотъ край одной изъ житницъ Передней Азіи. Даже и безъ орошенія, почва у подошвы горъ Талыша настолько еще влажная, что позволитъ воздѣлывать громадныя поля зерновыми растеніями, могущими служить предметомъ значительнаго вывоза въ Закавказьѣ; раскольники, живущіе здѣсь богатыми деревнями, стали вести большую торговлю съ тѣхъ поръ, какъ имъ была дана свобода передвиженія въ предѣлахъ страны. Ни въ какой другой части Кавказа не привилась такъ хорошо колонизація, какъ здѣсь.

Прежде опасались, что вторичной разработкѣ почвы можетъ сильно препятствовать нездоровость климата, зависящая, какъ и въ французскомъ Комаргѣ, отъ разложенія органической матеріи дѣйствіемъ лучей палящаго солнца; но эта нездоровость, кажется, была преувеличенной. Страшный лѣтній зной, которому приходится иногда подвергаться въ этихъ равнинахъ, выразился въ легендѣ, повѣствующей о ядовитыхъ змѣяхъ, покрывающихъ собой эту равнину и преграждающихъ въ нее доступъ. Плутархъ говоритъ, что армія Помпея, опасаясь

[1]) Statkovsky, „Climatologie du Caucase".
[2]) *Тороповъ, „Кавказскій календарь, 1869".*

[1]) Фонъ-Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе". 1879.

быть съѣденой, отступила при видѣ множества этихъ гадовъ; наконецъ, еще не такъ давно, въ 1800 г., русскіе, съ генераломъ Зубовымъ во главѣ, проходившіе зимою черезъ эту степь, степь. Однако Тороповъ и другіе путешественники указываютъ на то, что, напротивъ, пресмыкающіяся, змѣи и скорпіоны очень рѣдки въ степи Муганъ, а пастухи, бродящіе здѣсь,

Мцхетъ, бывшая столица Грузіи.

видѣли землю, сплошь покрытую окоченѣвшими гадюками [1]). Даже дикія животныя, какъ говорятъ, не осмѣливались переходить черезъ эту ничуть ихъ не боятся и даже роются въ землѣ, отыскивая трюфли, которыхъ здѣсь очень много. Если повѣріе относительно змѣй есть не болѣе, какъ выдумка, то черепахъ водныхъ и сухопутныхъ во всѣхъ влажныхъ мѣстахъ здѣсь

[1]) Gamba, „*Voyage dans la Russie méridionale*", II.

особенно много. Иногда въ степи попадаются стада дикихъ козъ, скачущихъ вдали по равнинѣ. Птицы вьются цѣлыми тучами вокругъ болотъ и текучихъ водъ, у дельты.

Кура можетъ, современемъ, содѣйствовать возобновленію земледѣлія въ своемъ бассейнѣ не только своими водами, но также и илистыми осадками, которые теперь уносятся въ Каспійское море. Эта рѣка,подобно Ріону, безпрестанно завладѣваетъ морскимъ берегомъ, и ея изжелта-красноватыя волны, болѣе легкія, чѣмъ соленая вода, врѣзываются далеко въ море. Съ 1829 по 1862 г., т. е. въ періодъ тридцати трехъ лѣтъ, приращеніе континента, какъ показываютъ сравнительныя карты, равнялось 120 кв. верстъ, слѣд. около 4 кв. верстъ ежегодно [1]). Главное теченіе рѣки точно также пробивается черезъ кордонъ дюнъ, служащихъ нормальной линіей берега; выйдя за эту черту, рѣка раздѣляется на два рукава, образуя при семъ полуостровъ, примыкающій къ матерой землѣ островками и наносными отмелями. Акуша, западный рукавъ дельты, раздѣляется въ свою очередь на нѣсколько вторичныхъ рукавовъ, изъ которыхъ каждый вдается далеко въ заливъ Кизылъ-Агачъ. Кромѣ того, замѣтно, что къ сторонамъ дельты примыкаетъ множество континентальныхъ язычковъ, очевидно наноснаго происхожденія и образованныхъ блуждавшими рукавами Куры; волны, гонимыя съ сѣверо-востока полярнымъ вѣтромъ, направляясь къ сушѣ, сглаживали неправильныя очертанія морскаго берега, заполняя ихъ аллювіемъ, и придали берегу закругленіе въ формѣ серпа, обращеннаго вогнутой стороной къ сушѣ. Островъ Сари, расположенный на юго-западъ отъ крайней оконечности этого полуострова, увеличивается подобнымъ же путемъ; тѣ же самыя волны приносятъ къ нему землистыя частички и отлагаютъ ихъ на песчаномъ берегу островка. Весь берегъ Ленкорана получилъ также приростъ, благодаря частичкамъ земли, приносимымъ къ нему волнами, съ размываемой дельты Куры. Такимъ же образомъ образовался и тотъ рядъ болотъ, что раскинутъ у подножья предгорій Иранской возвышенности. Въ этихъ нездоровыхъ мѣстностяхъ комары кружатся надъ землей такими густыми роями, что татары принуждены пристраивать у своихъ жилищъ павильоны, или вышки въ родѣ сторожевыхъ будокъ, довольно, впрочемъ, живописныхъ, гдѣ они обыкновенно проводятъ ночь, чтобы избѣгнуть нижнихъ слоевъ атмосферы, наполненныхъ насѣкомыми.

Горный округъ Ленкоранъ, которымъ Россія завладѣла у своей сосѣдки, какъ бы въ видѣ залога, или ипотеки, принадлежитъ географически Персіи, и есть не что иное, какъ кайма изъ горныхъ террасъ, поднимающихся на югъ отъ Каспійскаго моря, съ господствующимъ среди нихъ вулканомъ Савалавъ. Пробираясь по склонамъ горъ, лежащихъ въ ихъ территоріи, русскія войска достигли горныхъ проходовъ, расположенныхъ на высотѣ 6.309—6.600 футовъ, откуда имъ уже не представлялось никакихъ затрудненій выбраться и на Иранскую плоскую возвышенность. Въ этой странѣ, орошаемой обильно дождями, приносимыми съ Каспійскаго моря муссономъ, дующимъ правильно съ сѣвера, флора и фауна разнятся съ кавказскими; въ этой пограничной области, гдѣ водятся тигры, пышные лѣса могутъ быть отнесены отчасти къ тропическимъ; но лѣсныя породы, ростущія на высотѣ большей, чѣмъ 660 футовъ, и покрывающія склоны Талыша вплоть до 6.000 футовъ высоты, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ скорѣе къ флорѣ средней Европы [1]). Очень мало такихъ странъ, гдѣ бы разница въ флорѣ была такъ ощутительна, какъ здѣсь между склонами горъ Талыша и степью Муганъ, на которой, въ ея безводной части, встрѣчается не болѣе пяти растительныхъ видовъ [2]). Конечно, дожди на цоколяхъ Иранскаго плоскогорія вчетверо обильнѣе, чѣмъ въ степяхъ, и среднее количество дождей выпадающихъ въ Баку, равно всего 0,34 метра, тогда какъ въ Ленкоранѣ эта величина опредѣляется въ 1,33 метра [3]). Если смотрѣть на эту область со стороны этнографической, то она лежитъ внѣ Кавказа и всецѣло принадлежитъ къ персидской территоріи.

На сѣверъ отъ Куры, въ странѣ, сохранившей еще со временъ персидской эпохи, свое прежнее названіе—Ширвана,—нѣсколько холмовъ, отдѣленныхъ равниною, повидимому, составляли прежде часть горной системы Кавказа; размываемые постоянно водою во время продолжительнаго геологическаго періода, они отдѣлились отъ контрфортовъ Кавказа и остались среди степи, на расчищенной вокругъ нихъ мѣстности, какъ свидѣтели минувшаго. Эта область была подвержена не только измѣненіямъ медленными дѣйствіями воды, но не рѣдко была потрясаема и дѣйствіемъ подземной силы. Землетрясенія здѣсь часты; городъ Шемаха въ особенности сильно страдаетъ отъ нихъ, несмотря на то, что дома въ немъ строятся очень низкими и приспособленными къ сопротивленію колебаніямъ почвы; въ 1669 году, когда этотъ городъ былъ самымъ многолюднымъ во всемъ Закавказьѣ, одно сотрясеніе, длившееся всего лишь нѣсколько секундъ, превратило его въ груду обломковъ, и 8.000 душъ погибло подъ его развалинами. Мѣстная хроника гласитъ,

[1]) Von Bauer, „Kaspische Studien“;—„Кавказскій календарь 1869“.

[1]) Schneider, „Dresden Geographische Gesellschaft“, nov. 1879.

[2]) Тороповъ, тамъ же.

[3]) N. Von Seidlitz, „Historische ethnographische Skizze des Gouv. Baku“.

что деревня Лача, лежавшая на югъ отъ Шемахи, была совершенно поглощена развернувшейся почвой, со всѣми своими жителями и стадами. Въ маѣ 1859 г. новое землетрясеніе, которому, къ счастью, предшествовали, за часъ времени, легкія колебанія и подземный гулъ, разрушило Шемаху и промышленную деревню Боскалъ; большая часть жителей, вмѣстѣ съ властями, покинули городъ, а Губернское Правленіе было переведено въ Баку. Въ 1872 г. земля еще разъ поколебалась подъ Шемахой. Изслѣдованіями Абиха доказано, что дѣйствіе подземныхъ силъ распространяется въ этой мѣстности съ сѣверо-запада на юго-западъ, по продолженію оси Кавказскихъ горъ, и что самый городъ мало удаленъ отъ центра сотрясеній [1]). Бывали случаи, что изъ глинистой или каменистой массы со взрывомъ вдругъ начинала извергаться нефть, сопровождая изверженіе дымомъ и пламенемъ; остатки одного изъ подобныхъ взрывовъ, видѣнныхъ ботаникомъ Кохомъ въ равнинѣ, лежащей южнѣе Шемахи, покрывали собою поверхность, имѣвшую около версты въ окружности, при чемъ соленая вода, отзывавшаяся на вкусъ нефтью, заполняла собою трещины, образовавшіяся въ почвѣ [2]).

Апшеронскій полуостровъ [3]), составляющій восточное продолженіе Кавказской цѣпи, а съ нимъ и весь берегъ до самаго устья Куры, служатъ ареной непрерывной вулканической дѣятельности: изверженія газа и горячей воды, источники нефти, вулканы, выбрасывающіе грязь и даже лаву, свидѣтельствуютъ о постоянномъ подземномъ броженіи въ этой мѣстности, расположенной полукратеромъ вокругъ Бакинскаго залива. Казалось бы, что силы, приподнявшія Кавказскій хребетъ, стремятся въ этомъ мѣстѣ продолжить его черезъ Каспійское море [4]), между тѣмъ извѣстно, что уже въ новѣйшій періодъ здѣсь происходили мѣстныя пониженія, какъ доказываютъ это постройки въ портѣ Баку, погрузившіяся въ воду, и островъ Наргинъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ прежде частью материка [5]). Ханыковъ показалъ, что съ X столѣтія и по днесь, берегъ Каспійскаго моря у восточной оконечности Кавказа былъ подверженъ попеременнымъ колебаніямъ [6]): приподнявшись на 60 футовъ выше теперешняго уровня берега, онъ опустился потомъ на $16^1/_2$ футовъ, послѣ того поднялся снова и затѣмъ опустился опять. Какъ Апшеронскій полуостровъ, такъ и различные острова, служащіе его продолженіемъ съ восточной стороны, очевидно приподняты съ морскаго дна однимъ подземнымъ толчкомъ, неравно, однако, распредѣлившимся, ибо самый рельефъ почвы представляетъ рядъ многочисленныхъ складокъ, въ видѣ куска скомканной матеріи, происшедшихъ несомнѣнно отъ боковаго нажатія. На полуостровѣ находятся вулканы, выбрасывающіе грязь, и конусы ихъ достигаютъ слѣдующей высоты: Босъ-дагъ 1.180 футовъ, Османъ-дагъ 1.305 и Кирики 512 фут. Всѣ впадины въ почвѣ заполнены болотами. Что касается конечной части полуострова, то она, какъ и песчаная дельта Куры, была, такъ сказать, срѣзана волнами въ формѣ серпа. Св. островъ, «Святой островъ», называемый также Палагайемъ, на сѣверъ отъ оконечности Апшерона, принялъ подобную же форму. Этотъ островъ, какъ и другіе прилегающіе къ нему, происхожденія вулканическаго: одинъ изъ нихъ, Кумани, поднялся со дна въ 1864, а другой, Лозы, имѣлъ въ 1876 году три изверженія и выбрасывалъ каменья, долетавшіе до мыса Алата, на континентѣ [1]). Вокругъ полуострова рѣзвятся многочисленными стаями тюлени, но за-то рыбы здѣсь очень мало, что объясняютъ присутствіемъ въ водѣ газовъ и нефти.

Во многихъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова достаточно слегка пробить верхній слой почвы, чтобы изъ нея сталъ выходить горючій газъ; маленькая искра причиняетъ цѣлый пожаръ, который можетъ прекратить только сильная буря или проливной дождь. Бываетъ иногда, что пламя появляется произвольно, и нерѣдко въ бурную ночь виднѣется зарево, отражающееся на бокахъ холмовъ. Даже среди моря нефть бьетъ ключомъ и разносится далеко волнами въ видѣ пленки, поддернутой радужными цвѣтами. Около мыса Шихова, на югъ отъ Баку, изверженіе газа производитъ такой сильный водоворотъ, что моряки принуждены бросать якорь, во избѣжаніе опасности [2]). Стоитъ только кинуть въ подобный потокъ зажженую паклю, какъ газъ мгновенно воспламеняется и на поверхности воды начинаютъ распространяться сверкающія волны. Въ другихъ мѣстахъ подземныя силы не ограничиваются изверженіемъ газа, петроля и асфальта, но приподнимаютъ морское дно; еще недавно замѣтили одинъ островокъ, появившійся около Баку. Легенда о Прометеѣ, похитившемъ огонь, быть можетъ, имѣла въ народномъ воображеніи нѣкоторую связь съ появленіями пламени на холмахъ и водахъ Баку.

Главный источникъ горючаго газа находится

---

[1]) „Записки Кавк. Отд. Русс. Геог. Общ.“, т. V. 1862.

[2]) „Wanderungen im Oriente“.

[3]) Названіе этого полуострова происходитъ отъ персидскихъ словъ: abi-cherin (прѣсная вода), и дано, вѣроятно, по той причинѣ, что изобильный источникъ таковой воды находится у самаго мыса, лежащаго противъ Св. Острова. (Березинъ. фонъ-Зейдлицъ).

[4]) Абихъ, „Записки Кавк. отд.“ VI, 1864.

[5]) Eichwald, „Reise auf den Kaspischen Meere und in den Kaukasus“.

[6]) „Записки Кавк. *отдѣла*“, *т. II.*

[1]) „Извѣстія Кавк. отдѣла“ IV, 1876,—Лосенко, „Русское Обозрѣніе“, 1879, № 10.

[2]) Абихъ, „Записки Кавк. отдѣла Русск. Геогр. Общества“, т. VI, 1864.

въ четырнадцати верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Баку, близъ деревень Балаханъ и Сураханъ, на берегу одного довольно большаго соленаго пруда. Эта мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Атешъ-га, стала знаменитымъ какъ священное мѣсто у огнепоклонниковъ. Кажется однако, что это святилище поклонниковъ огня, въ его теперешнемъ видѣ, существуетъ не такъ давно, какъ это обыкновенно полагаютъ: начало основанія его относится къ XVII столѣтію, къ той эпохѣ, когда множество купцовъ изъ Индіи посѣщали дворы татарскихъ хановъ въ Дербентѣ, Шемахѣ и Баку. «Храмъ огня»— очень скромное помѣщеніе, занимающее, какъ бы изъ милости, уголъ на одномъ громадномъ заводѣ, служащемъ для обработки петроля и асфальта; заводъ снабжается непосредственно газомъ, выходящимъ изъ земли и имѣющимъ значеніе не болѣе, какъ горючаго матеріала. Исполняющіе роль священнослужителей не имѣютъ никакого понятія объ ихъ настоящей религіи: на алтарѣ, рядомъ съ изображеніями Сивы, стоятъ сосуды, относящіеся къ парсійскому культу, русскія иконы Николая Чудотворца, образъ Богородицы, католическое распятіе, и всѣмъ этимъ реликвіямъ воздается равное почитаніе [1]).

Промышленное значеніе этого колосальнаго «завода», устроеннаго самою природой на Апшеронскомъ полуостровѣ и Св. островѣ, значительно возросло за послѣдніе годы. Продажа нефтяныхъ участковъ земли принесла государству болѣе 3-хъ милліоновъ рублей. Нѣтъ ничего проще устройства обжигательныхъ печей въ этой странѣ: достаточно зажечь газъ, выходящій изъ трещинъ въ слояхъ известняка, чтобы камни стали мало-по-малу обжигаться до желаемой степени. Въ частныхъ домахъ и на сосѣднихъ заводахъ пользуются этимъ газомъ для топлива, освѣщенія и кухни; свѣтъ, получаемый отъ Балаханскаго газа, далеко не такъ силенъ, какъ свѣтъ отъ обыкновеннаго уличнаго, такъ какъ онъ менѣе богатъ углеродомъ. Поднятіемъ своимъ на поверхность земли нефть обязана напору этого газа, проталкивающаго ее черезъ слои песку и булыжника, залегающихъ подъ поверхностью наружнаго пласта третичнаго образованія; поднимаясь съ глубинъ, нефть увлекаетъ съ собою большое количество песку, который, скопляясь вокругъ отверстій, образуетъ коническіе пригорки, вышиною до 50 футовъ. До сихъ поръ не видно, чтобы 700 нефтяныхъ колодцевъ, вырытыхъ въ окрестностяхъ Баку, до глубины 260—330 футовъ, были бы близки къ истощенію: изъ нихъ получается пять шестыхъ всего петроля, добываемаго на Кавказѣ; съ 1870 по 1878 г. производство болѣе чѣмъ удесятерилось: построена цѣлая флотилія пароходовъ и парусныхъ судовъ для перевозки этого продукта. Но неопытность людей, занимающихся нефтянымъ промысломъ, служитъ причиною громадныхъ потерь; такъ, напримѣръ, одно время Балаханскій источникъ, дающій ежедневно 4.800 тоннъ, въ продолженіе мѣсяца билъ «въ пустую», за неимѣніемъ готовыхъ резервуаровъ для собиранія нефти [1]). Многіе изъ бакинскихъ пароходовъ отапливаются минеральнымъ масломъ.

Нефтяной промыселъ на Кавказѣ распредѣлялся въ 1871 г. слѣдующимъ образомъ:

Въ Терскомъ округѣ было 172 источн., давшихъ—29.930 пуд.; въ Дагестанѣ было 127 источн., давшихъ—12.749 пуд.; въ Кубанской обл. было 14 источн., давшихъ—97.890 пуд.; въ Тифлисской г. было 99 источн., давшихъ—69.347 пуд.; въ Бакинской губ. было 285 источн., давшихъ— 1.138.023 пуд. Итого 697 источниковъ, давшихъ 1.372.149 пуд.

Въ 1878 г. одинъ только Бакинскій нефтяной промыселъ далъ 19.536.020 пуд., при чемъ экспортъ равнялся 9.894.994 пудамъ, или 162.000.000 килограммовъ (по Лисенко). Добываніе соли имѣетъ для Баку также нѣкоторое значеніе: въ 1876 году ея добыто здѣсь 7.300 тоннъ.

Въ центральной части Закавказья, равно какъ и въ западной, численный перевѣсъ населенія лежитъ на сторонѣ грузинъ или картвелъ, потомковъ тѣхъ иберійцевъ, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ. Изображенія, находимыя въ гробницахъ, представляютъ тотъ же типъ и даже ту самую прическу, какія можно видѣть и у теперешнихъ обитателей страны: въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось за протекшія двѣ тысячи лѣтъ. Владѣя страной въ самыя отдаленныя историческія времена, грузины сохранили до сихъ поръ, если не свою независимость, то во всякомъ случаѣ этнографическую цѣльность и нарѣчія, имѣющія по своему происхожденію общія начала. Прежде они владѣли территоріей болѣе обширной, и несмотря на то, что ихъ страна подвергалась въ различныя эпохи нашествіямъ персовъ и мидянъ, армянъ, монголовъ, турокъ, и наконецъ славянъ, грузины до сихъ поръ еще занимаютъ всѣ земли отъ равнинъ Куры до Требизонда и отъ Эльбруса до Арзіани, слѣдовательно, пространство, равное почти Франціи. Изъ всѣхъ народовъ Кавказа грузины, въ числѣ, превосходящемъ милліонъ душъ, сгруппировались наиболѣе тѣсно, и среди ихъ населенія чужеземцевъ встрѣчается менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Тифлисъ, главный городъ всего Закавказья, расположенъ въ Грузіи.

Какъ политическое государство, Грузія имѣ-

[1]) De Gobineau, „Les Religions et les philosophes *dans l'Asie centrale*".

[1]) Абихъ, „Записки Кавказскаго Отдѣла", X. 1876.

ла свой періодъ процвѣтанія и военной славы [1]). Особенно въ XII вѣкѣ, въ царствованія Давида «Возстановителя» и Тамары, картвелы господствовали надъ всѣми другими странами Кавказа: имя Тамары осталось популярнымъ отъ Чернаго моря до каспійскаго. Во всѣхъ горныхъ долинахъ имя ея послужило предметомъ безчисленныхъ легендъ и народныхъ пѣсенъ; большая часть разсѣянныхъ всюду развалинъ слыветъ за остатки ея дворцовъ или крѣпостей; какъ правительница, она въ народномъ изображеніи стоитъ на-ряду съ Александромъ и какъ святая—съ св. Георгіемъ и пророкомъ Ильей. Но періодъ могущества Грузіи длился не долго; вслѣдъ за нашествіемъ Чинхисхана наступилъ рядъ безпрерывныхъ войнъ и междуусобицъ. Борьба прекратилась лишь въ 1802 году, когда Грузія стала оффиціально русской провинціей, будучи и до того времени фактически таковою. Географическое положеніе Грузіи не позволяло ея населенію сплотиться въ одну цѣлую націю и поддерживать свою независимость. Большая часть картвеловъ жили въ равнинѣ, а условія почвы и климата заставляли ихъ, какъ земледѣльцевъ, разсѣиваться по деревнямъ. Они окружены со всѣхъ сторонъ горами, обитатели которыхъ, живя въ своихъ тѣсныхъ, холодныхъ и безплодныхъ долинахъ, бросали завистливые взгляды на равнину, и всегда, когда представлялся удобный случай, спускались въ нее на грабежъ. Кромѣ того, грузинская территорія раздѣлена на три части, совершенно разграниченныя между собою горами и лѣсами: на востокѣ—долина Куры, въ центрѣ—долины Ріона и Ингура, а на западѣ—Чоруха; всѣ эти три части—мѣстности, географически различныя между собою, и весьма естественно, что населеніе каждой изъ нихъ жило особой политической жизнью. При томъ, владѣнія грузинъ представляли по формѣ слишкомъ длинную полосу, вытянутую по направленію съ востока на западъ, и вслѣдствіе уже одного этого условія, раздробленіе всей націи на различныя народности было почти неизбѣжнымъ.

Картвелы или собственно карталины, сохранившіе еще названіе, принадлежавшее цѣлой націи,—это грузины, живущіе на востокъ отъ Сурама, въ равнинѣ озернаго происхожденія, центръ которой есть Гори, а крайняя точка Мцхетъ, древняя столица Карталиніи. Въ восточной части картвелы смѣшиваются съ тифлисскими грузинами, и названіе послѣднихъ часто употребляется какъ общее для различныхъ народностей Грузіи. Кахетины, занимающіе самую восточную часть Грузіи, живутъ въ долинѣ Іоры и Алазана. На западъ отъ Сурама, долины Ріона, Цхениса и низовье Ингура населяютъ имеретины и мингрельцы; гурійцы занимаютъ сѣверный склонъ Аджарскихъ горъ, а по другую сторону этой стѣны и отчасти въ бассейнѣ Чоруха живутъ лазы. Наконецъ, сванеты и еще кое-какія племена пріютились, словно въ крѣпостяхъ, въ горныхъ долинахъ Кавказа. Карталины различныхъ семей не вполнѣ могутъ понимать другъ друга, вслѣдствіе примѣси чужеземныхъ словъ, вошедшихъ въ мѣстные идіомы; тѣмъ не менѣе отъ Требизонда и до Тифлиса всѣ нарѣчія чрезвычайно между собою схожи; у грамотныхъ карталинцевъ единство языка поддерживалось съ помощью письменности, издававшейся на грузинскомъ языкѣ. Карталинская литература существуетъ не позже, какъ съ десятаго вѣка: начавшись съ перевода Библіи, мало-по-малу она разросталась благодаря религіознымъ сочиненіямъ, поэтическимъ произведеніямъ, пѣснямъ, драмамъ и научнымъ книгамъ, а въ настоящее время обогатилась переводами иностранныхъ сочиненій и періодическими изданіями [1]); но дальнѣйшая обработка языка и умственное развитіе націи были пріостановлены крайними мѣрами, вызванными въ видахъ централизаціи. Съ 1807 года грузинскіе архивы и цѣнные памятники литературы, находившіеся въ Тифлисѣ, были перевезены въ С.-Петербургъ. Употребленіе картвельскаго языка замѣнено языкомъ побѣдителей и изученіе русской рѣчи стало обязательнымъ во всѣхъ школахъ страны. На грузинскій языкъ, причисляемый одними авторами къ индо-европейскому корню, а другими—къ группѣ алтайскихъ нарѣчій, можно смотрѣть, какъ на языкъ, занимающій самостоятельное мѣсто: таково мнѣніе Клапрота [2]), поддерживаемое Цагарелли, грузинскимъ филологомъ, такъ тщательно изучившимъ грамматику своего языка [3]). Грузинскій языкъ, подобно басскому въ Европѣ, есть остатокъ того языка, который былъ прежде въ употребленіи въ Азіи на значительно большомъ пространствѣ и который не имѣетъ никакого родственнаго отношенія къ діалектамъ арійскому, семитскому и уральскому. Что касается до грузинскаго алфавита, употреблявшагося еще въ X вѣкѣ, если еще не раньше, то онъ такъ же, какъ и армянскія буквы, взятъ изъ арамейскаго алфавита, черезъ посредство пельви и зенда [4]).

За исключеніемъ большей части лазовъ, обратившихся въ мусульманство, всѣ карталины

[1]) Еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., когда парояне овладѣли Арменіей, то императоръ Нервъ, за содѣйствіе, оказанное грузинскимъ царемъ въ изгнаніи парянъ, подарилъ ему часть Арменіи, граничившей съ Грузіей.
Прим. перев.

[1]) Лучшіе историки, поэты, переводчики св. писанія, были родомъ изъ Верхней Карталиніи.
Прим. пер.

[2]) „Voyage au mont Caucase et en Géorgie".

[3]) О грамматикѣ грузинскаго языка.

[4]) Lenormann, „Introduction à un mémoire sur la propagation de l'alphabet phenicien dans l'ancien monde".

вотнымъ, и подчинять ихъ своему капризу, а нравы, привитые народу рабствомъ, до сихъ поръ еще не успѣли стереться. Большинство грузинъ неряшливы и безпечны, но зато они веселы, общительны, прямодушны, что̀ заставляетъ забывать ихъ непривлекательныя качества; въ общемъ грузины считаются менѣе развитыми, нежели другіе кавказцы; въ школахъ, гдѣ имъ приходится учиться вмѣстѣ съ татарами и армянами, они стоятъ, по способности къ изученію иностранныхъ языковъ, по наукамъ и легкости изложенія, ниже другихъ [1]); но это, можетъ быть, происходитъ отъ разницы въ подготовкѣ между тѣми и другими дѣтьми: грузины принадлежатъ къ сельскому населенію, между тѣмъ какъ армяне—къ горожанамъ. Воровство—порокъ почти неизвѣстный между грузинами и армянами, живущими въ Грузіи. Въ судебныя учрежденія въ Тифлисѣ сравнительно очень рѣдко поступаютъ жалобы о кражахъ, и еще рѣже въ подобныхъ случаяхъ преступниками оказываются туземцы. Надо замѣтить однако, что многіе изъ нихъ занимаются воровствомъ въ нѣсколько иной формѣ—незаконной торговлей. Царь Вахтангъ, издавшій сводъ законовъ для своей страны, не питалъ, кажется, особеннаго довѣрія къ честности своего народа: «Я составилъ этотъ кодексъ, писалъ онъ, но въ Грузіи никогда не произносились справедливые приговоры,—да никогда и не будутъ произносить ихъ» [2]). Кромѣ тѣхъ варварскихъ наказаній, которыя употреблялись прежнимъ грузинскимъ правительствомъ, русскіе ввели еще въ этой странѣ карательную мѣру, наиболѣе унизительную—тѣлесное наказаніе. «Наказать по-русски» стало синонимомъ—«высѣчь розгами» [3]).

Одна изъ чертъ, наиболѣе замѣчательныхъ въ грузинскомъ народѣ, это ихъ любовь къ пѣснямъ и танцамъ. Грузины не обладаютъ большими музыкальными способностями, и ихъ языкъ, обильный гортанными и свистящими звуками, едва-ли созданъ для мелодій, но, тѣмъ не менѣе, они могутъ пѣть подъ звуки дайры (бубенъ или трехструнной балалайки), по цѣлымъ днямъ. Они, можно сказать, способны сопровождать напѣвомъ каждое свое движеніе. Выпалывая поля кукурузы, или исполняя другія полевыя работы, мужчины, расположившись правильными группами, поютъ въ нѣсколько голосовъ пѣсни, соотвѣтствующія роду работы, и по мѣрѣ того, какъ подвигаются впередъ, понижаютъ голосъ; ускоряя движенія, ускоряютъ и тактъ. Дойдя до конца борозды, рабочіе сразу останавливаются и затѣмъ снова, напѣвая въ тактъ, возвращаются назадъ, слѣдуя въ пѣніи тому же порядку. Суровые помѣщики, наѣхавшіе къ нимъ изъ пасмурной Россіи, думали было сначала прекратить это пѣніе, но потомъ уступили: работа безъ веселыхъ пѣсенъ плохо спорилась у имеретинскихъ поденщиковъ.

Обязанность справлять многочисленные праздники, похожіе на французскія «frères и ducasses», обычай возвелъ на степень закона. Пѣшкомъ, верхами, въ скрипучихъ арбахъ, все населеніе переносится на мѣсто празднества, избирая для этого сборнымъ пунктомъ почитаемый храмъ или дубовую рощу, такъ какъ грузины любятъ природу и красивый кругозоръ. Пѣсни и танцы, угощенія, торговля, выполненіе религіозныхъ обрядовъ—все идетъ своимъ чередомъ; но самое богослуженіе исполняется съ особеннымъ увлеченіемъ. Богомольцы подходятъ съ пѣніемъ къ священнику, чтобы тотъ снялъ съ ихъ шеи желѣзное кольцо, свидѣтельствующее о временномъ подчиненіи своему святому, а затѣмъ, освободившись отъ колецъ, приносятъ жертвоприношеніе въ видѣ барана или быка, предназначеннаго для празднества. Часто при этомъ, кидаясь въ ноги молящимся, появляется невѣста «бѣлаго Георгія», одѣтая въ бѣломъ; тотъ, кто хочетъ проникнуть въ церковную ограду, долженъ переползти черезъ нее или же перепрыгнуть [1]). Случается нерѣдко, что армяне и татары-мусульмане, пришедшіе на праздникъ съ торговыми цѣлями, невольно заражаются религіознымъ пыломъ грузинъ и принимаютъ участіе въ ихъ пѣніи и обрядахъ [2]). За религіозными танцами слѣдуетъ обыкновенная пляска и игры, принимающія иногда характеръ сраженій: побѣдители завладѣваютъ кушаками побѣжденныхъ, одѣваютъ на себя ихъ громадныя бурки, а на голову напяливаютъ величавыя папахи. Прежде подобныя битвы устраивались и на улицахъ Тифлиса, въ память изгнанія персовъ, при чемъ воинственный азартъ заходилъ мало-по-малу такъ далеко, что на мѣстѣ празднества всегда оставалось нѣсколько труповъ.

Восточная Грузія, равно какъ и западная, въ этнографическомъ отношеніи богата малодоступными областями, которыя заняты горцами, еще очень недавно открывшими къ себѣ свободный доступъ. По одну сторону ихъ живутъ сванеты, а по другую—хевсуры, пшавы, тушины. Самыя высокія долины восточнаго Кавказа, въ сосѣдствѣ съ Борбало, служили пріютомъ для бѣглыхъ всѣхъ племенъ и нарѣчій, впослѣдствіи измѣнившихъ, благодаря долгому пребыванію среди горныхъ пастбищъ и снѣговъ, если не свой типъ, то во всякомъ случаѣ, внѣшній видъ, и сгруппировавшихся въ небольшія народности. Чеченцы, лезгинцы,

[1]) Bedenstedt, „Die Völker des Kaukasus".
[2]) Reineggs, „Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus".
[3]) *Владикинъ, „Путеводитель по Кавказу".*

[1]) „Кавказъ", 1878, №№ 229 и 230; „Русское Обозрѣніе", 1878, № 11.
[2]) Дубровинъ, „Вѣстникъ Европы", 1868, апрѣль и май.

грузины, и даже евреи, говоритъ преданіе, вошли въ составъ новыхъ племенъ; но главный элементъ, преобладающій въ этихъ группахъ, набирался съ юга, и грузинскій типъ попадается на глаза путешественнику чаще другихъ [1]). Исповѣдываніе ими христіанской религіи указываетъ также на то, что среди этихъ народцевъ вліяніе грузинъ было преобладающимъ. На сѣверномъ же склонѣ горъ общепринятый языкъ происхожденія чеченскаго.

Гора Борбало заслуживаетъ вниманія, какъ центръ, изъ котораго рѣки расходятся во всѣ стороны въ видѣ лучей, и въ то же время какъ этнографическая грань. На востокъ отъ нея, орошаемая двумя рѣчками, образующими Андійскій Койсу, находится Тушетія, на югъ—Алазанъ, протекающій по Кахетіи; по берегамъ его живутъ отчасти тушины, но главное населеніе состоитъ преимущественно изъ грузинъ, размѣстившихся въ долинѣ рѣки; на юго-западъ—истоки Іоры, а также восточные притоки Арагвы, пробѣгаютъ по землѣ пшавовъ. На западъ и сѣверо-западъ, на обоихъ склонахъ горъ центральнаго Кавказа, живутъ хевсуры, или «ущельный народъ». Вообще же нѣтъ опредѣленныхъ границъ для владѣній этихъ племенъ; они часто мѣняютъ мѣстность, уходя съ своими стадами на пастбища, изстари принадлежащія имъ, или же пріобрѣтаемыя удачными военными экспедиціями.

Пшавы, живущіе пониже другихъ, на высотѣ всего 3.300 футовъ и слѣдовательно въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ грузинами долинъ, болѣе цивилизованы, нежели напр. хевсуры, и говорятъ грузинскимъ языкомъ; численность ихъ начинаетъ постепенно увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ они стали жить въ мирѣ съ своими сосѣдями и доставлять свои припасы на тифлисскій рынокъ. Тушины, менѣе многочисленные и слишкомъ стѣсненные въ своихъ дикихъ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ снѣжными горами, пользуются славой самыхъ умныхъ и самыхъ промышленныхъ горцевъ въ этой части Кавказа. Большая часть мужчинъ принуждены уходить изъ дому мѣсяцевъ на шесть въ году, подобно савоярамъ и овернцамъ, и во время своихъ дальнихъ путешествій сталкиваться съ различными національностями, живущими въ долинахъ, съ ихъ идеями, болѣе широкими и духомъ, болѣе предпріимчивымъ; нѣкоторые тушины обладаютъ замѣчательными познаніями и говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ; ихъ собственный языкъ крайне грубъ, бѣденъ гласными буквами и очень богатъ согласными, девять свистящихъ и восемь гортанныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый сочетается различнымъ образомъ съ предыдущими или послѣдующими буквами такъ близко, что нужно было изобрѣсти для обозначенія ихъ спеціальные знаки [1]).

Хевсуры, оставаясь изолированными въ зимнее время и даже вполнѣ отдѣленными другъ отъ друга главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, до сихъ поръ еще невѣжественны и почти совершенные варвары; но по нѣкоторымъ своимъ племеннымъ чертамъ, они самый интересный народъ въ Азіи. Они не такъ смуглы, какъ тушины, и очевидно смѣшанной расы: они отличаются фигурой, цвѣтомъ глазъ и волосъ, и формой черепа; физіономіи по большей части дикія, взглядъ свирѣпый. Между ними множество крайне сухощавыхъ, а головы ихъ похожи скорѣй на черепы мертвецовъ, оживленныхъ съ помощью чуда. Хевсуры рѣдко такъ статны, какъ черкесы: у нихъ ноги и руки слишкомъ велики и безъ всякой пропорціи съ туловищемъ. Земля, на которой они живутъ, снабдила ихъ желѣзными мускулами; имъ приходится карабкаться по самымъ обрывистымъ скаламъ, имѣя на себѣ тяжелую ношу; часто можно видѣть, какъ они возвращаются изъ Владикавказа, и, пробираясь по снѣгу и каменьямъ, тащатъ на своихъ плечахъ по кулю соли, вѣсомъ около трехъ пудовъ. Но, чтобы спуститься съ горы, по снѣжному склону, они никогда не прибѣгаютъ, какъ осетины, къ «природнымъ» салазкамъ, а предпочитаютъ спускаться на свернутой буркѣ. Они прямо спускаютъ съ горы не только свой багажъ, но и животныхъ, связавши имъ предварительно ноги [2]).

Въ горныхъ долинахъ Борбало, насчитывали:

	По Радде:	По Зейдлицу:
Пшавовъ	7.475	9.155
Хевсуровъ . .	5.845	6.560
Тушинъ . .	5.100	5.624
Всего .	18.420	21.339

Хевсуры и пшавы, по нѣкоторымъ своимъ обычаямъ, не успѣвшимъ еще исчезнуть, несмотря на усилія русскихъ чиновниковъ и священниковъ, походятъ на краснокожихъ и другихъ дикихъ народовъ Новаго Свѣта и Африки. Такъ напримѣръ, ихъ женщины уходятъ рожать гдѣ-нибудь въ отдаленной лачугѣ или пещерѣ безъ всякой посторонней помощи, даже со стороны мужа. Послѣдній въ это время бродитъ вокругъ жалкаго помѣщенія больной и если слышитъ мучительные крики, при трудныхъ родахъ, то старается ружейными выстрѣлами ободрить несчастную. По окончаніи родовъ, маленькія дѣвочки, увѣдомленныя отцомъ, тайкомъ пробираются въ сумерки или на разсвѣтѣ къ больной, чтобы принести ей хлѣба, молока и сыру. Родильница, считающаяся не-

[1]) Въ разговорномъ языкѣ пшавовъ, тушинъ и хевсуровъ, а также въ ихъ книгахъ священнаго писанія, сохранились слѣды древне-грузинскаго языка.

Прим. пер.

[1]) Anton Schiefner, „Bulletin de l'Academie de S. Pétersbourg", t. XII, 1856.

[2]) Казбекъ, „Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи".

чистой, должна оставаться въ продолженіе мѣсяца въ своемъ шалашѣ, который по уходѣ ея сжигается. На отца въ тѣхъ случаяхъ, когда у него родится сынъ, сыплятся поздравленія и устраиваютъ на его счетъ пирушку, въ которой однако хозяинъ не долженъ принимать участія. Обычай хевсуровъ требуетъ, чтобы въ семействѣ никогда не было болѣе трехъ дѣтей. Для женщины считается стыдомъ родить раньше, чѣмъ черезъ четыре года послѣ замужества, или снова имѣть ребенка въ промежутокъ болѣе краткій, нежели три года; дѣвушка-мать обязана лишить себя жизни. Трудныя условія для существованія въ этой странѣ, стужа и холода, объясняютъ указанныя предосторожности, принимаемыя хевсурами; но по крайней мѣрѣ они не прибѣгаютъ къ дѣтоубійству, какъ это дѣлали прежде сванеты западнаго Кавказа. Кромѣ того хевсуры очень любятъ своихъ дѣтей, хотя ихъ обычай и запрещаетъ ласкать ихъ при постороннихъ. Мальчиковъ обыкновенно окрещиваютъ названіемъ какого-нибудь дикаго звѣря, напр.: Медвѣдь, Левъ. Волкъ, Пантера или другимъ какимъ-либо именемъ, символизирующимъ будущія доблести ребенка; дѣвочкамъ же даютъ имена нѣжныя: Роза, Жемчужина, Блестка, Солнышко и проч...

Большая часть браковъ рѣшаются предусмотрительными родителями еще въ то время, когда ихъ дѣти качаются въ люлькѣ; тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ исполняетъ всѣ формальности похищенія невѣсты, которая давнымъ давно предназначена ему; когда свадьба уже совершена и закончена пирушкой, молодые обязаны нѣсколько недѣль или мѣсяцъ не видаться другъ съ другомъ при постороннихъ. Разводы здѣсь довольно часты, и кромѣ того очень многіе хевсуры слѣдуютъ примѣру магометанъ, вводя у себя многожество. Прежніе обряды при погребеніи теряютъ свою силу. Встарину запрещалось оставить кого-нибудь умереть въ домѣ: умирающій долженъ былъ закрыть глаза, имѣя предъ лицомъ своимъ солнце или звѣзды, и чтобы послѣдній его вздохъ смѣшался съ вѣяніемъ вѣтерка. Стоя передъ покойникомъ, родные должны были выражать сначала радость, а затѣмъ уже давать волю слезамъ, рыданіямъ и печальнымъ причитаніямъ. Если умиралъ ребенокъ, котораго не успѣли окрестить, то его нужно было потереть пепломъ.

Гордясь тѣмъ, что они христіане, хевсуры исповѣдуютъ, однако, свою религію довольно оригинально: главный богъ ихъ — богъ войны, а изъ прочихъ боговъ и ангеловъ они особенно почитаютъ Мать земли, Ангела Дуба и Архангела собственности [1]); подобно магометанамъ, они празднуютъ пятницы, не ѣдятъ свинины, питаютъ отвращеніе къ пѣтухамъ, почитаютъ священныя деревья, приносятъ жертвы духамъ земли и воздуха. Ихъ священники лечатъ больныхъ, кропятъ народъ кровью животнаго, приносимаго въ жертву, предвѣщаютъ будущее, варятъ церковное пиво; они же завладѣли всѣми богатствами страны, заключающимися въ цѣнныхъ алмазахъ, старинныхъ медаляхъ и серебряныхъ чеканныхъ сосудахъ. Однако хевсуры съ сожалѣніемъ лишаютъ себя и свои жилища всякихъ украшеній, такъ какъ они, въ противоположность тушинамъ, одѣвающимся въ черное, любятъ носить одежду яркихъ цвѣтовъ, украшенную бахромою и блестками. Они, можетъ быть, единственный народъ на землѣ, сохранившій привычку носить на себѣ кольчуги, наручи и каски, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ; но въ прежнее время всѣ народы Кавказа имѣли при себѣ это вооруженіе. Не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія чеченцы-ингуши носили еще кольчугу и щитъ [1]). Странствуя въ этихъ горахъ и замѣчая неожиданно передъ собой людей, закованныхъ въ латы, путешественникъ можетъ принять ихъ за потомковъ крестоносцевъ, и множество авторовъ дѣйствительно задавались вопросомъ, не происходятъ ли хевсуры отъ рыцарей, загнанныхъ сарацинами въ долины Кавказіи [2]). Законъ кровавой расправы принуждаетъ хевсуровъ одѣваться въ броню. Всякій, намѣревающійся мстить, или опасающійся мщенія, беретъ съ собой все свое оружіе, необходимое какъ для защиты, такъ и для нападенія: кольчугу, щитъ, кинжалъ, шашку и ружье; руки закрываютъ перчаткой, заканчивающейся желѣзнымъ остріемъ,—оружіе, которымъ наносятъ тѣ страшные удары, слѣды отъ которыхъ виднѣются на лицѣ почти всякаго мужчины въ этой странѣ [3]).

Татары хотя далеко не такъ многочисленны въ бассейнѣ Куры, какъ грузины, но занимаютъ, однако, почти всю остальную часть этого бассейна, начиная отъ самаго Тифлиса. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они живутъ сплоченнымъ населеніемъ, не смѣшиваясь съ другими народами; эти татары—турки, утратившіе названіе своей расы, но представляющіе собою несравненно меньшую помѣсь, нежели османлисы Турціи; византійцы и арабы соединяли ихъ подъ общимъ названіемъ хазаровъ, вмѣстѣ съ тѣми племенами, которыя жили по берегамъ Дона и Волги. Между татарами встрѣчаются всякіе типы, начиная съ самыхъ благородныхъ и кончая самыми грубыми; но вообще, они врядъ-ли менѣе красивы и стройны, нежели ихъ сосѣди картвелы; лица почти у всѣхъ серьезныя и строгія. Закавказскіе татары, разсматриваемые какъ народъ, обладаютъ такими нравственными качествами, какихъ не имѣется у другихъ жителей Кавказа; только между

[1]) F. Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus“.

[1]) Sallas, „Second Voyage en Russie“.
[2]) Зиссерманъ, „Кавказъ“. 1851.
[3]) F. Radde, „Die chewsuren und ihr Land“.

ними, оставшимися свободными, можно встрѣтить такую рѣдкую искренность, такую честность, стоящую внѣ искушеній, и удивительно

ники, стоятъ выше другихъ мѣстныхъ племенъ. Также и по образованію, во многихъ уѣздахъ они стоятъ выше русскихъ, будучи боль-

Вооруженіе хевсуровъ.

радушное и утонченное гостепріимство. Большая часть ихъ очень дѣятельны, и, какъ скотоводы, земледѣльцы, садовники и ремесленшею частью грамотны: многіе между ними хорошо пишутъ по-турецки — «на языкѣ падишаховъ»; очень часто встрѣчаются татары, знающіе, про-

мѣ своего языка и туземныхъ нарѣчій, еще два литературныхъ языка: арабскій и персидскій, одинъ семитскій, другой—арійскій.

Татары въ нѣкоторомъ отношеніи являются цивилизаторами Кавказа, и ихъ языкъ, собственное нарѣчіе Адербейджана, служитъ для взаимныхъ сношеній между различными народами Кавказа; исключая армянъ и русскихъ, всѣхъ туземцевъ, въ какой бы они расѣ ни принадлежали, принимаютъ обыкновенно за татаръ [1]), что, конечно, указываетъ на отсутствіе національнаго типа. Навѣрное албанцевъ Страбона, этихъ людей «искреннихъ и по возможности избѣгающихъ всякаго торгашества» и столь прославленныхъ географомъ Амазіи, можно встрѣтить между татарами, населяющими въ настоящее время эту страну. Точно также между ними можно встрѣтить, судя по названіямъ деревень, представителей воинственныхъ народовъ, производившихъ свои набѣги на южную Европу—кумановъ и печенѣговъ; нѣсколько здѣшнихъ мѣстечекъ носятъ арабскія названія [2]). Татарамъ недостаетъ только иниціативы, чтобы пользоваться въ странѣ большимъ вліяніемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они очень много терпятъ отъ ростовщиковъ и подчиненія господству армянъ. По своимъ нравамъ татары низовьевъ Куры, Ширвана и Баку похожи больше на черкесовъ, нежели на турокъ [3]). Хотя религія разрѣшаетъ имъ многоженство, но они рѣдко пользуются этимъ правомъ; ихъ женщины вообще работаютъ свободно, безъ принужденія и ходятъ съ открытымъ лицомъ. Наконецъ, замѣчательной чертой тюркскаго населенія Закавказья можетъ служить его крайняя вѣротерпимость. Шіиты здѣсь преобладаютъ, но они ничуть не притѣсняютъ мусульманъ-суннитовъ; у татаръ Закавказья между обѣими сектами совсѣмъ не существуетъ той свирѣпой вражды другъ къ другу, которая встрѣчается въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Они пользуются той же терпимостью и со стороны христіанъ; во многихъ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ поочередно выбираютъ старшинъ какъ изъ среды армянъ, такъ и изъ татаръ, во избѣжаніе недовольства съ чьей-либо стороны. У самой персидской границы, гдѣ шіиты еще до сихъ поръ выполняютъ свои религіозныя процессіи со всей торжественностью, христіане не только безъ опасенія могутъ присутствовать на этихъ церемоніяхъ, но даже и принимаютъ въ нихъ участіе. Такъ, напримѣръ, въ г. Шушѣ, военные музыканты разыгрываютъ различныя аріи, а казаки гарцуютъ на своихъ лошадяхъ, на похоронныхъ процессіяхъ, изображающихъ смерть Гассана и Гусейна; между тѣмъ какъ главные участники въ этой церемоніи идутъ передъ толпой и оплакиваютъ мучениковъ изъ семьи пророка и, увлекаемые фанатизмомъ, наносятъ себѣ мученія жестокими истязаніями. Во главѣ процессіи идутъ «шрамовники», обрекшіе себя на истязанія, укутанные въ саваны. Идя въ тактъ съ музыкой, они наносятъ себѣ по головѣ удары обнаженной шашкой: кровь струится изъ пораненныхъ мѣстъ, и острое лезвіе все продолжаетъ бередить раны; вскорѣ маска изъ запекшейся крови начинаетъ покрывать все лицо, на которомъ можно различить только бѣлки ихъ глазъ, мечущихъ свирѣпые взгляды, и бѣлые зубы, виднѣющіеся изъ-подъ страдальческой улыбки. Другіе правовѣрные втыкаютъ себѣ заостренныя лучины въ прорѣзы, сдѣланные на обнаженномъ черепѣ, привѣшиваютъ замки къ скуламъ и къ ушамъ, продѣвая ихъ въ тѣло, укрѣпляютъ два обнаженныхъ меча по сторону плечъ, такъ чтобы съ каждымъ движеніемъ туловища остріе вонзалось въ тѣло; навѣшиваютъ на руки, на грудь, на поясницу цѣпочки и зеркала, прикрѣпляя ихъ къ тѣлу желѣзными пристежками. Часто эти несчастные падаютъ отъ потери силъ или обливаясь кровью, между тѣмъ какъ дервиши и муллы, роль которыхъ болѣе легкая, продолжаютъ идти дальше, возбуждая толпу пѣніемъ, молитвами и вскрикиваніями [4]).

Другіе приверженцы секты шіитовъ живутъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ восточной части Закавказья о-бокъ съ татарами:—это древніе владѣльцы страны, персы и таты, извѣстные въ Туркестанѣ подъ именемъ таджиковъ, выдѣлившіеся здѣсь сплоченными группами. Живутъ они въ окрестностяхъ Баку, но распространены и дальше, на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, почти до самой Кубы. Почти весь округъ Ленкоранъ, у персидской границы, по своему населенію, состоящему изъ татишей, принадлежитъ также Ирану; эти послѣдніе находятся въ полудикомъ состояніи и занимаютъ гористую часть этой мѣстности. Живя долгое время въ глуши, между горными вершинами и болотами нижней Куры, они не могли такъ цивилизоваться, какъ другіе народы восточнаго Закавказья. Ихъ языкъ, на который однако не слѣдуетъ смотрѣть какъ на простое мѣстное нарѣчіе, развивался въ параллель съ другими иранскими діалектами и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походитъ на афганскій [5]). Иранцы, таты, и татиши, взятые какъ группа, стоятъ на очереди послѣ грузинъ и татаръ по занимаемому ими пространству, но армяне, группирующіеся больше въ городахъ и особенно въ Тифлисѣ, болѣе многочисленны, и ихъ вліяніе гораздо значительнѣе. Кромѣ этихъ первостепенныхъ племенъ въ бассейнѣ Куры, нужно

[1]) Фонъ Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе", 1879 г. № 12.
[2]) Фонъ Зейдлицъ, тоже.
[3]) Татары были переселены въ Грузію персидскимъ шахомъ въ 1480 г. *Прим. пер.*

[4]) Verestchtaghin, „Tour du monde", 1869.
[5]) Dorn, „Ueber das Puschtu"; фонъ-Зейдлицъ, цитированное сочиненіе.

принять еще во вниманіе небольшія племена монголовъ, этихъ жалкихъ остатковъ прежнихъ властителей, живущихъ теперь болѣе или менѣе смѣшанными съ татарами, на лѣвомъ берегу Алазана, между Сигнахомъ и Закаталами. Осетины, а также и греки, вызванные сюда въ 1829 году, чтобы замѣстить собою татаръ, наконецъ, русскіе и нѣмецкіе земледѣльцы, пришедшіе въ эту страну, частью какъ ссыльные, частью по собственной охотѣ, дополняютъ собою осѣдлое населеніе восточнаго Закавказья.

Русскіе сектанты, поселенные здѣсь въ 1838, 1840 и въ послѣдующихъ годахъ, на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта,—большею частью молокане и духоборцы, пришедшіе сюда съ рѣки Молочной, что въ Таврической губерніи. И тѣ, и другіе, благодаря господствующему у нихъ согласію, пользуются гораздо большими удобствами жизни, нежели ихъ сосѣди, татары и грузины; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это же благосостояніе и нравственная изолированность заставляютъ ихъ держаться разъ установившейся рутины; во многихъ отношеніяхъ они уступаютъ другимъ славянскимъ колоніямъ. Духоборцы, лишенные почти всѣ какого-либо образованія и знающіе лишь на память нѣсколько религіозныхъ пѣсенъ, уважаются всѣми за чистоту нравовъ. Молокане болѣе образованы, болѣе утонченны, занимаются охотно торговлей, но менѣе любимы своими сосѣдями; одна изъ ихъ колоній, въ окрестностяхъ Тифлиса, почти исключительно завладѣла извозомъ. Что касается до нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся такъ же, какъ и русскіе сектанты, недалеко отъ Тифлиса и Елизаветполя, то они остаются совершенно отдѣльными отъ окружающаго населенія. Они трудолюбивы, хорошіе земледѣльцы, и земли, отданныя имъ въ 1817 году, т. е. въ то время, когда они прибыли сюда изъ Вюртемберга, они преобразовали въ настоящіе сады; но они считаются не очень гостепріимными: путникъ съ трудомъ можетъ добиться у нихъ ночлега или утолить голодъ [1]). Нельзя не замѣтить, что за два поколѣнія швабскіе колонисты замѣчательно какъ измѣнились физически, подъ вліяніемъ среды. Хотя они совсѣмъ не смѣшивались съ своими сосѣдями грузинами, армянами и татарами, но большая часть ихъ имѣетъ уже темные волосы, черные глаза, овальное, съ правильными чертами, лицо и красивую стройную талію. Они уже болѣе не походятъ на своихъ родственниковъ, оставшихся въ родной сторонѣ.

Городъ, лежащій у самыхъ верховьевъ Куры и 20 лѣтъ тому назадъ присоединенный къ Россіи—крѣпость Ардаганъ; онъ построенъ въ горной котловинѣ, отличающейся плодородіемъ, у южной подошвы того горнаго мыса, на которомъ стоитъ крѣпость Рамазанъ. Русскіе, занявши эту м ность въ 1877 году, завладѣли вмѣстѣ съ тѣм самыми важными проходами, ведущими въ до ны Чороха и Аракса. Но Ардаганъ съ восточ стороны не соединенъ еще хорошими пут съ остальнымъ Закавказьемъ, и вулканичес область, пересѣкаемая Курою, представля большія препятствія для торговли. Въ ст одного изъ тѣхъ ущелій, по которому пр каетъ Кура, пониже Ардагана, находится з менитый монастырь Вардзія или Вардзі (замокъ Розъ), высѣченный въ рыхлой ска состоящей изъ вулканическаго пепельнаго фа, прослоеннаго черной вулканической ока ной. Подземный городокъ, содержащій въ с безчисленное множество келій, располож ныхъ этажами и соединяющихся между со корридорами и галлереями, окаймляя пропа лежитъ почти на 200 футахъ надъ уровн Куры. Залы служили церквями, въ котор до сихъ поръ еще виднѣются остатки стѣн живописи; въ другихъ же залахъ были уст ны, такъ называемые, лѣтніе и зимніе дво царицы Тамары [2]).

На востокъ отъ этихъ ущелій, крѣпость Ах калаки, построенная у сліянія двухъ приток Куры, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важ значеніе, несмотря на свое расположеніе плоскогоріи въ 5.500 футовъ высоты, отк томъ доступу вѣтровъ и покрытомъ снѣгомъ цѣлымъ мѣсяцамъ, но богатомъ черноземс Русскіе сектанты сдѣлали городъ Ахалкал значительнымъ рынкомъ. Ахалцыхъ, «Но крѣпость», или Акиска, бывшая въ прежн время турецкимъ городкомъ Ак-гиссаръ («л лой крѣпостью»),—также военный городъ, ох няющій нѣсколько дорогъ, идущихъ отъ р ской границы; но въ мирное время онъ служ преимущественно торговымъ центромъ, и мяне, со времени выселенія отсюда тур вмѣстѣ съ тысячею евреевъ, составляютъ по все мѣстное населеніе, занимающееся то влей, а еще больше контрабандою; глав промышленность этого города—выдѣлка се бряныхъ издѣлій. Прежняя крѣпостная меч передѣланная въ церковь, одно изъ прел снѣйшихъ зданій на Кавказѣ. Во времена рецкаго господства Ахалцыхъ былъ главн рынкомъ грузинскихъ рабовъ, которыхъ д станскіе лезгины, не обращая вниманія русскихъ, находили средство захватывать плѣнъ въ равнинѣ [3]).

Расположившись на высотѣ болѣе чѣм 3.300 футовъ и построенный отчасти на той лѣ, у подножія которой протекаетъ Посковъ, большой притокъ Куры, Ахалцыхъ окруж голыми горами съ ихъ желтоватымъ оттѣнк но равнины, окружающія его, представля

[1]) Veretschaghin, „Tour du monde", 1869.

[2]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du C se". — Max von Thielmann, „Streifzüge im Kaukasus"

[3]) K. Koch, „Wanderungen im Oriente".

красивѣйшія мѣстности, съ раскинутыми на нихъ развалинами монастырей и церквей въ чисто-грузинскомъ стилѣ. Окрестности Ахалцыха обладаютъ одними изъ самыхъ богатыхъ теплыхъ источниковъ на Кавказѣ. На юго-востокъ отъ него, пониже Вардзіи, минеральныя воды Аспинца, бьющія ключемъ у самаго берега Куры, на сѣверо-западъ отъ термальныхъ соленыхъ водъ Аббасъ-Тумана, привлекаютъ къ себѣ множество купающихся и расположены въ одной изъ тѣнистыхъ и живописнѣйшихъ долинъ на Кавказѣ. Далѣе на сѣверо-востокъ, въ одной изъ боковыхъ долинъ Куры, источники Цинубани, самые изобильнѣйшіе въ цѣлой странѣ, даютъ около 175 литровъ воды въ минуту. Наконецъ, если спускаться отъ Ахалцыха къ Тифлису и слѣдовать по берегамъ Куры, то придется пройти черезъ великолѣпный горный проходъ, у котораго, на высотѣ 2.625 футовъ, расположенъ Боржомъ, городъ, усердно посѣщаемый купающимися и дачниками. Для богачей и вельможъ Боржомъ—это лѣтній Тифлисъ: дворцы и виллы построились въ сосѣдствѣ съ развалинами, служащими доказательствомъ, что до XVI вѣка эта страна была гораздо населеннѣе; здѣсь воздухъ чистъ и прохладенъ, вода въ изобиліи; въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны горъ, для охотниковъ найдутся еще серны и дикія козы. Среди елей на высотѣ 7.880 футовъ, къ общему удивленію, попадаются остатки укрѣпленнаго замка грузинской постройки, охранявшаго когда-то горный путь между Ахалцыхомъ и Кутаисомъ.

Сурамъ хорошо извѣстенъ путешественникамъ: расположенный на спускѣ желѣзной дороги, ведущей изъ Поти въ Тифлисъ, онъ служитъ мѣстомъ невольной пріостановки; это небольшое, но очень торговое мѣстечко, по виду очень похоже на большое русское село. Высоко надъ его домами, на уединенной скалѣ стоитъ укрѣпленный замокъ, владѣлецъ котораго, желая сдѣлать его недоступнымъ, какъ гласитъ легенда, можетъ быть, впрочемъ, очень близкая къ дѣйствительности, положилъ подъ первый камень единственнаго сына бѣдной вдовы; въ одной изъ народныхъ балладъ, распѣваемыхъ на вечеринкахъ, передается разговоръ матери съ ея единственнымъ сыномъ [1]). Сурамомъ заканчивается съ запада Карталинская равнина, въ которой вода древняго озера замѣстилась обильно-плодородной почвой. Желѣзная дорога, проходящая черезъ Сурамъ, обогащена съ 1890 г. туннелемъ, самымъ значительнымъ въ Россіи (дл. 3 в. 374 с.) Наибольшій подъемъ или склонъ на желѣзной дорогѣ — 0,045; наименьшій радіусъ кривизны—60 саж. Туннель этотъ, находящійся между ст. Малита и Михайлово, построенъ для увеличенія провозоспособности Закавказской желѣзной дороги, которая, вслѣдствіе трудности движенія черезъ перевалъ, была слишкомъ недостаточна [1]). Горы Мескъ, покрытыя когда-то лѣсами, теперь уже во многихъ мѣстахъ обнажены, и восточный вѣтеръ, спускающійся со склоновъ этихъ горъ въ долину Кутаиса, сталъ болѣе рѣзокъ и сухъ.

Гори, главный городъ этой мѣстности и, такъ сказать, этнографическій центръ Грузіи, расположенъ, почти-что на срединѣ существовавшаго здѣсь въ древности озера, недалеко отъ сліянія Куры съ ея притоками Ліахвы и Меджуда, направляющимися сюда изъ Осетіи. Этотъ городъ построился у подошвы одной небольшой горы, съ красующейся на ея вершинѣ цитаделью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой прекрасной мѣстности, что можетъ стать со временемъ садомъ Тифлиса, благодаря обилію воды, годной для ирригаціи. Но мѣстные жители не умѣютъ еще извлекать выгоду изъ своей плодородной земли и превосходнаго климата; они однако доставляютъ въ Тифлисъ много вина, служащаго болѣе крѣпкимъ напиткомъ, нежели вино кахетинское, а здѣшняя пшеница считается лучшей въ Закавказьѣ.

На востокъ отъ Гори тянутся отроги, состоящіе изъ третичнаго рухляка, круто обрывающіеся у берега Куры; къ сѣверу же они мало-по-малу спускаются скатами, покрытыми обломками разрушенныхъ скалъ. На вершинѣ одного изъ этихъ отроговъ, верстахъ въ восьми отъ Гори, находится городъ пещерныхъ людей (троглодитовъ), Уфлисъ-цихе или Уплосъ-циха; онъ не менѣе интересенъ, чѣмъ монастырь Вардзія, и посѣщается гораздо чаще, такъ какъ лежитъ не далеко отъ Тифлиса и желѣзной дороги. Скала Уфлисъ-цихе, вышиной въ 650 футовъ, состоящая изъ наслоеній, различныхъ по плотности, вся изрыта, изрѣзана, выдолблена, высѣчена, съ вершины до основанія, и представляетъ пирамидальную груду, имѣющую видъ построекъ: остается только снять легкую каменистую оболочку, чтобы городъ появился на свѣтъ со всѣми своими башнями и куполами [2]). Очень вѣроятно, что грубые троглодиты были первыми обитателями Уфлисскихъ гротовъ, но зато люди, жившіе въ этихъ пещерахъ послѣ нихъ, уже были знакомы съ роскошью и искусствами; въ подземныхъ залахъ этого древняго города находятъ остатки греческой, римской, арабской и византійской архитектуры.

Мцхетъ (или Мцхета), построенный у входа въ тотъ горный проходъ, который когда-то былъ заполненъ водами озера, находившагося на мѣстѣ Карталиніи, въ настоящее время есть не болѣе какъ деревушка, не имѣющая ника-

---

[1]) *Von Haxthausen*, „Transkaukasia"; — Max von Thielmann, *цитированное сочиненіе.*

[1]) Фабриціусъ, „Русское Обозрѣніе".

[2]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".

кого значенія; но въ IV и V столѣтіяхъ, Мцхетъ былъ столицей грузинскихъ царей. Этотъ городъ на самомъ дѣлѣ занимаетъ очень важное положеніе въ центрѣ Закавказья, такъ

стилась недалеко отъ Мцхета, даже по сос
ству съ нимъ, такъ какъ, дѣйствительно, во
въ 20 верстахъ отъ него стоитъ главный
родъ Грузіи и всего Кавказа; она перемѣ

Тифлисъ.

какъ дорога изъ Дарьяльскихъ Воротъ, у которыхъ проходитъ Арагва, пересѣкается въ Мцхетѣ съ тѣмъ путемъ, который идетъ отъ Чернаго моря къ Каспійскому, черезъ долины Ріона и Куры. Разрушенная столица перемѣ-

лась болѣе къ югу, чтобы нѣсколько удалит
отъ осетинъ, этихъ очень опасныхъ сосѣдей

[1]) Пфафъ, „Воспоминанія объ осетинахъ“. — N. Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann“, 1880.

тысячу лѣтъ тому назадъ. Устои одного моста черезъ Куру, построеннаго римлянами и относящагося къ эпохѣ преслѣдованія Митридата Помпеемъ, уцѣлѣли, какъ говорятъ, до 1841 г. Но Мцхетъ владѣетъ болѣе замѣчательнымъ памятникомъ своего прошедшаго — соборной церковью, основанной царемъ Мріаномъ въ 328 году, хотя съ того времени она часто реставрировалась и была даже перестроена; но все же она долгое время служила «Saint-Denis» [1]) для грузинскихъ царей и первыхъ сановниковъ государства. Другая церковь въ Мцхетѣ относится также къ IV столѣтію. Высокій курганъ въ окрестностяхъ города былъ недавно раскопанъ.

Тифлисъ, главный городъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый большой городъ въ Азіатской Россіи, не дальше какъ въ XV столѣтіи состоялъ всего изъ небольшой группы домовъ, построенныхъ на берегу Куры, скользящей по скалистому ущелью и занимающей своимъ русломъ не болѣе семи саженъ ширины. Не было ни одного мѣста въ долинѣ болѣе удобнаго для постройки прочнаго моста черезъ Куру, чѣмъ здѣсь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это составляло единственное преимущество Тифлиса; деревушка не могла расти, пока не была поставлена на степень политическаго центра и не сдѣлалась пунктомъ, въ которомъ сходились всѣ дороги Закавказья.

Грузинское названіе Тифлиса. — Тфилисъ или Тфилисъ-Калаки, обозначающее «Теплый городъ»,—происходитъ несомнѣнно отъ теплыхъ сѣрнистыхъ водъ съ температурой въ 45°, бьющихъ близъ Куры, въ расщелинѣ Тсавкиси, струясь сквозь порфиръ и сланецъ. Можно также приписать названіе «теплый городъ» той дѣйствительно невыносимой жарѣ, заносимой сюда съ голыхъ раскаленныхъ скалъ, окружающихъ бассейнъ, въ которомъ лежитъ этотъ городъ, расположенный на высотѣ 1.200 футовъ надъ уровнемъ моря. Повсюду вокругъ Тифлиса видны лишь склоны холмовъ или сланцевыхъ горъ, съ ихъ желтымъ или сѣрымъ оттѣнкомъ, лишенные лѣсовъ, покрывавшихъ ихъ въ прежнее время; точно также и верхній, растительный слой земли былъ снесенъ вѣтрами и дождями и исчезъ такимъ образомъ съ большей части утесовъ. Съ тѣхъ поръ какъ русскіе сдѣлались хозяевами страны, они сильно опустошили лѣса въ окрестностяхъ Тифлиса; но они производили истребленіе лѣсовъ только въ оврагахъ, низменныхъ мѣстахъ и островкахъ, орошаемыхъ Курою; сѣроватая масса, выдающаяся мысами на 1.300 и 1.600 футовъ выше уровня города, повсюду застилаетъ горизонтъ. Повыше квартала, бывшаго древнимъ городомъ Грузіи, стѣны, бастіоны и разрушившіяся башни нарушаютъ однообразіе горизонта. Между тѣмъ какъ на обоихъ берегахъ быстрой Куры, соединенныхъ тремя мостами, съ висячими надъ водой галлереями, низенькими домиками, съ крышами, раскрашенными въ разные цвѣта, церквями съ ихъ колокольнями, заканчивающимися восьми-гранными пирамидами, все это вмѣстѣ составляетъ живописную картину. Но между тѣмъ внѣшній видъ этого азіатскаго Тифлиса остается угрюмымъ: сѣроватый оттѣнокъ кирпичныхъ и деревянныхъ построекъ производитъ на путешественника какое-то тяжелое впечатлѣніе [1]). Почти половина домовъ во время переписи 1874 г. была крыта землею, что придавало имъ видъ лачугъ и производило странный контрастъ съ рядомъ стоящими большими зданіями [2]). На сѣверо-западъ отъ стараго города идутъ, правильно выстроившись, новыя улицы, съ ихъ тяжелыми домами, церквами, казармами, дворцомъ, въ стилѣ, завезенномъ сюда русскими; на широкомъ бульварѣ, по которому послѣ захода солнца толпится публика, видны магазины, обставленные со всей роскошью большихъ европейскихъ городовъ. А еще далѣе къ сѣверу, главнымъ образомъ на лѣвомъ берегу Куры, вокругъ вокзала желѣзной дороги, городъ постоянно увеличивается. Тифлисъ развертывается все болѣе и болѣе на сѣверномъ берегу, по направленію къ Мцхету, чтобы въ широкой равнинѣ искать побольше свѣта и воздуху, которыхъ ему не достаетъ.

По разнообразію жителей Тифлисъ есть истинная столица Кавказіи. Хотя она и лежитъ въ этнографическихъ предѣлахъ Грузіи, но тѣмъ не менѣе этотъ городъ не есть чисто грузинскій: въ 1803 году, изъ 2.700 домовъ только четыре принадлежали грузинамъ [3]). Армяне составляютъ самый большой процентъ тифлисскаго населенія: они составляютъ треть всѣхъ жителей, тогда какъ ни русскіе, ни грузины не составляютъ и пятой части, если даже при этомъ считать въ числѣ грузинъ мингрельскихъ и имеретинскихъ носильщиковъ и водовозовъ, этихъ «овернцевъ» Тифлиса, слѣдующихъ пѣшкомъ за своей лошадью, везущей бурдюки, изъ которыхъ свищетъ вода.

Жителей Тифлиса, сгруппированныхъ по національностямъ, на основаніи переписи 1876 г. можно расположить въ такомъ порядкѣ:

Армянъ—37.308, грузинъ вообще—21.623, русскихъ—19.574, нѣмцевъ—2.005, татаръ и турокъ—2.310, персіянъ—1.692, поляковъ—1.592, евреевъ—1.145, грековъ—388, осетинъ—293, французовъ—267, прочихъ жителей—1.354.

---

[1]) Въ церкви Св. Дениса короновались французскіе короли. *Прим. перев.*

[1]) Венюковъ, „Рукописныя замѣтки".
[2]) Фонъ Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе".
[3]) Владыкинъ, „Путеводитель по Кавказу".

Въ пансіонахъ, казармахъ, госпиталяхъ и тюрьмахъ находилось 14.473 души [1]).

Въ Тифлисѣ очень много пріѣзжихъ и пришлыхъ холостыхъ людей, пребывающихъ въ городѣ лишь временно. Среднимъ числомъ населеніе горожанъ состоитъ почти изъ $^2/_3$ мужскаго пола, именно: мужчинъ 97.576, а женщинъ 54.788. Этимъ объясняется отчасти та нравственная испорченность, на которую указываютъ всѣ путешественники. Вся эта безсемейная толпа наполняетъ собою улицы, но въ особенности же толпится около базара, на которомъ можно видѣть купцовъ всѣхъ расъ и костюмовъ, соотвѣтственно роду выставляемыхъ ими товаровъ: оружіе, кубки, ковры, шелковыя издѣлія, русскія и англійскія матеріи, «articles de Paris» и проч. Армяне очень искусные ювелиры и занимаются отдѣлкой въ оригинальномъ вкусѣ различныхъ драгоцѣнныхъ камней. Базаръ—главный и истинный центръ Тифлиса, если не въ геометрическомъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ въ торговомъ. Тифлисскія бани—другой центръ, средоточіе общественной жизни для русскихъ, армянскихъ и грузинскихъ женщинъ: здѣсь онѣ занимаются своимъ туалетомъ, уборкой и раскрашиваніемъ волосъ. Въ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ, но зато имѣется богатый естественно-историческій музей, а во дворцѣ находится прекрасный рельефный планъ Кавказскаго хребта. Между многими учеными обществами, основанными въ Тифлисѣ, Географическое Общество, какъ отдѣленіе С.-Петербургскаго, издаетъ документы и записки, очень цѣнныя для географіи и этнографіи Кавказа; Медицинское Общество печатаетъ также очень полезныя изданія. Кромѣ этихъ двухъ Обществъ, нужно упомянуть еще о третьемъ, которое ставитъ своей цѣлью собираніе древнихъ рукописей, писанныхъ на закавказскихъ парѣчіяхъ.

Задыхаясь въ этой жаровнѣ, въ которой расположенъ Тифлисъ, жители пользуются всякимъ случаемъ подышать чистымъ воздухомъ и толпятся въ окрестныхъ садахъ и паркахъ. Можно встрѣтить тысячи гуляющихъ въ аллеяхъ ботаническаго сада, расположеннаго у западной стороны старинной крѣпости, въ верхней части оврага, съ его теплыми источниками, и въ прекрасномъ городскомъ саду, устроенномъ въ центрѣ города, съ его тѣнистыми аллеями бѣлыхъ акацій, спускающимися къ Курѣ. Во время лѣтней жары, служащіе, а также богатые купцы, въ сопровожденіи трактирщиковъ и торговцевъ отправляются толпами за городъ къ виллямъ и трактирамъ, расположеннымъ въ горахъ. Главный «сенаторіумъ» окрестностей Тифлиса—городокъ Коджоры, дома котораго разбросаны на высотѣ отъ 4.350 до 4.950 фут., по склонамъ горы, лежащей на западъ отъ Тифлиса, и въ которомъ грузинскіе цари имѣли свою лѣтнюю резиденцію; здѣсь же видны еще остатки древнихъ лѣсовъ. Манглисъ, Бѣлый-Ключъ и другія деревеньки раскинуты дальше, въ самомъ сердцѣ Тріалетскихъ горъ, покрытыхъ до сихъ поръ еще густыми лѣсами. Множество ломокъ алебастра снабжаютъ Тифлисъ известью, необходимой для построекъ [1]). На югъ отъ города видны расщелины и кратеры вулкановъ, выбрасывавшихъ прежде потоки лавы, имѣющіе видъ огромныхъ ступенекъ надъ плодородными нивами Сомхета, орошаемыми однимъ изъ притоковъ Куры. Эта мѣстность была долгое время во владѣніи Орбеліани, княжеской фамиліи китайскаго происхожденія, которая, сопутствуемая различными восточными племенами [2]), покорила и завладѣла этой страной двадцать три вѣка тому назадъ, и которая существуетъ еще и по настоящее время. Различныя развалины Сомхета свидѣтельствуютъ о минувшемъ могуществѣ фамиліи Орбеліани.

Слѣдуя на юго-востокъ отъ Тифлиса, большая дорога, спускающаяся въ долину и къ подошвѣ горъ, поднимающихся на югѣ, пересѣкаетъ собою нѣсколько рѣкъ, довольно опасныхъ во время разлива, но зеленѣющіе берега которыхъ образуютъ точно оазисъ среди безводныхъ земель. У одной изъ такихъ рѣкъ, орошающихъ сады Анненфельда, поднимается знаменитая колонна Шамхоръ, о которой упоминаетъ еще Абулъ-Феда, въ тринадцатомъ вѣкѣ. Удивительно красивый по гармоничному сочетанію пьедестала, фундамента, фризы, капители и конечной колонки, этотъ минаретъ имѣетъ болѣе 180 футовъ высоты; но онъ сильно обветшалъ и наклонился, а куфическую надпись, сдѣланную на фризѣ, уже совершенно невозможно прочесть. Этотъ памятникъ, стоящій точно маякъ среди окрестныхъ развалинъ, полей и степей, относится, вѣроятно, къ девятому столѣтію [3]). Бассейнъ Шамхора, воды котораго протекаютъ у деревни этого же имени, есть самый важный пунктъ на Кавказѣ по своимъ минеральнымъ богатствамъ. Здѣсь въ котловинѣ, среди порфировыхъ горъ, почти на 5.000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, находится заводъ Кедобекъ для добыванія мѣдной руды изъ сосѣднихъ съ нимъ рудниковъ. Это промышленное заведеніе, купленное въ 1863 г. нѣмецкими инженерами, требуетъ постоянно болѣе тысячи рабочихъ — персіанъ, татаръ, армянъ и грековъ,—и добываетъ среднимъ числомъ отъ восьми до десяти тысячъ тоннъ шести-процентной руды, издѣлія изъ которой покупаются отчасти правительствомъ для артиллерійскаго вѣдомства. Заводъ располагаетъ

[1]) По послѣдней переписи въ Тифлисѣ 152.364 жит.

[1]) Фонъ-Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе“, 1880, № 2.

[2]) Saint-Martin, „Discription de l'Arménie“;—Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase“.

[3]) K. Koch, „Wanderungen im Oriente“;—Dubois de Montpéreux, цитированное сочиненіе.

сѣтью желѣзныхъ дорогъ и 12.800 десятинами земли и лѣса, вообще отлично устроенныхъ; одинъ изъ минныхъ колодцевъ находится уже на глубинѣ около 2.000 футовъ [1]). Въ 1877 г. на заводѣ добыто до 53.000 пудовъ мѣди, стоимостью въ 530.000 рублей. Залежи квасцовъ, не менѣе богатыя, чѣмъ въ Толфѣ близъ Чивита-Веккіи, занимающія поверхность въ 30 квадр. верстъ, находятся возлѣ Соглыка, въ бассейнѣ Шамхора [2]); по различнымъ остаткамъ, найденнымъ въ минахъ, видно, что этими залежами пользовались еще во времена римской эпохи: въ 1878 году изъ нихъ добыто 7.800 пудовъ квасцовъ. Равнымъ образомъ, въ этой части Елизаветпольскаго округа добывается желѣзо и кобольтъ.

Въ 200 верстахъ на юго-востокъ отъ Тифлиса находится древній городъ Ганджа, бывшій столицей ханства того же имени, извѣстный теперь у русскихъ подъ именемъ Елизаветполя, и губернскаго города. Онъ существуетъ съ XI столѣтія; но прежній городъ стоялъ на нѣсколько верстъ въ сторону отъ теперешняго: до сихъ поръ еще видны развалины, приписываемыя одной легендой, лишенной всякаго основанія, городу, построенному Александромъ Великимъ [3]), который никогда, какъ извѣстно, и не былъ въ бассейнѣ Куры. Недалеко отъ Елизаветполя, нѣсколько на юго-востокъ, на поляхъ, черезъ которыя протекаетъ Тертеръ, передъ сліяніемъ съ Курою, стояла древняя столица Агваніи или Албаніи, Партавъ, на мѣстѣ которой находится теперь деревня Барда или Бердайя [4]); этотъ городъ былъ разрушенъ въ первой половинѣ X вѣка «руссиками», «народомъ дикимъ и страннымъ»,—какъ говорятъ о нихъ арабскіе авторы—пришедшимъ къ нимъ съ сѣвера Каспійскимъ моремъ [5]). Эта страна была прежде гораздо населеннѣе, судя по остаткамъ жилищъ; большая дорога, идущая отсюда на западъ, долиною Тертера къ плоскогорію Гокча, прежде оцѣпляла города и деревни отъ низовьевъ Куры и до бассейна верхняго Аракса. Самый городъ Елизаветполь, построенный въ концѣ XVI столѣтія на теперешнемъ мѣстѣ, былъ прежде гораздо значительнѣе: всюду видны остатки многихъ разрушенныхъ зданій и прекрасная персидская мечеть, построенная Шахъ-Абазомъ, большая часть домовъ, изъ которыхъ почти всѣ не имѣютъ оконъ, это глиняныя мазанки, сохраняющіяся безконечно долго, благодаря сухости климата, и вмѣстѣ съ развалинами, придающія городу какой-то ветхій видъ. Жилища окружены прекрасными деревьями, въ особенности чинарами; городъ,—это большой садъ, имѣющій верстъ двадцать въ окружности, и тѣмъ не менѣе онъ не пользуется здоровымъ мѣстоположеніемъ; весь чиновный людъ переселяется на лѣто южнѣе, въ горы, покрытыя лѣсомъ, въ Геленендорфъ, въ Хаджи-Кендъ и на берега живописнаго «Синяго озера» (Гѣкъ-гѣль). Елизаветполь страдаетъ, къ сожалѣнію, однимъ видомъ проказы, извѣстной подъ мѣстнымъ названіемъ «годовикъ», такъ какъ эта болѣзнь продолжается около года, не поддаваясь излеченію никакими средствами; полагаютъ, что эти пораженія кожи, оставляющія послѣ себя на лицѣ отвратительные слѣды, аналогичны съ «Алепской язвой». Можетъ быть эту спеціальную болѣзнь можно приписать двадцати двумъ кладбищамъ, находящимся въ сосѣдствѣ съ городомъ, прилегающимъ къ садамъ и примѣшивающимъ трупные останки къ водѣ ирригаціонныхъ каналовъ, проведенныхъ изъ рѣки Ганджи [1]). Воды послѣдней, развѣтвляясь по сотнямъ садовъ, не всегда достигаютъ Куры. Благодаря Елизаветпольскимъ татарамъ, занимающимся почти исключительно земледѣліемъ или садоводствомъ, швабскимъ колонистамъ въ Геленендорфѣ, пришедшимъ сюда въ 1816 году, а равно духоборцамъ, населяющимъ нѣсколько окрестныхъ деревень, страна эта славится своими фруктами и овощами; здѣсь ростутъ превосходнѣйшія вишни въ Закавказьѣ; кромѣ того здѣсь занимаются главнымъ образомъ производствомъ табаку и хлопка, разводятъ также тутовое дерево, воспитываютъ шелковичныхъ червей, изготовляютъ телѣги по образцу неуклюжихъ экипажей, вывезенныхъ изъ Швабіи, и имѣютъ также нѣсколько ткацкихъ фабрикъ. Армяне, которые относительно городскаго населенія нѣсколько малочисленнѣе татаръ, служатъ торговыми посредниками.

Шуша, самый большой городъ въ Елизаветпольской губерніи, населенъ также армянами и татарами, столь разнящимися какъ по роду дѣятельности, такъ и по нравамъ. Построенный почти на 2.500 футахъ высоты, на мелафировой террасѣ, расположенной у горной долины и окруженной, кромѣ того, амфитеатромъ горъ, Шуша одинъ изъ тѣхъ городовъ Кавказа, климатъ которыхъ наиболѣе суровый. Онъ мало похожъ на города равнинъ: его улицы широки и вымощены плитнякомъ, дома построены не изъ кирпича или изъ битой глины, а изъ тесаннаго камня, добытаго изъ того же пласта, на которомъ стоитъ городъ; укрѣпленныя зданія съ башнями и подземными выходами придаютъ Шушѣ видъ средневѣковаго европейскаго города [2]). Армянскіе купцы очень дѣятельны, ведутъ прямыя сношенія съ торговыми домами въ Тифлисѣ, Москвѣ, Марсели, занимаются преимуще-

[1]) N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann". 1880.
[2]) Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".
[3]) Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale", t. II.
[4]) Проценко, „Кавказскій календарь", 1880.
[5]) Kunik;—Moses Kagankavatzi; Dorn d'Ohsson, „Peuples du Caucase".

[1]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie du Caucase".
[2]) Verestchaghin „Tour du Monde", 1869.

ственно торговлей шелкомъ и владѣютъ нѣсколькими фабриками шелковыхъ тканей. На сѣверъ отъ Шуши находится Джанятагскій конскій заводъ, основанный съ цѣлью сохранить породу лошадей карабагскихъ; онъ еще съ прошлаго столѣтія сталъ приходить въ упадокъ. Что касается до мѣдныхъ рудъ въ горахъ, расположенныхъ нѣсколько западнѣе, то онѣ приносятъ лишь небольшую пользу.

По другую сторону бассейна Куры, Телавъ, бывшая столица Кахетіи и резиденція «царя-царей» въ XI вѣкѣ, теперь не болѣе какъ уѣздный городъ: онъ оставался долгое время простой деревней, довольно, впрочемъ, живописной, благодаря развалинамъ крѣпости, раскинутымъ на вершинѣ скалы, въ долинѣ Алазана. Важность этого города, какъ рынка, наиболѣе посѣщаемаго оптовыми виноторговцами, все болѣе ростетъ; но отсутствіе хорошаго сообщенія съ Тифлисомъ, исключая той дороги, что идетъ черезъ перевалъ Гомбори, и колеснаго пути представляетъ для города большое неудобство, тѣмъ болѣе, что онъ осужденъ на долгое время оставаться внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сигнахъ, расположенный, какъ и Телавъ, на высотѣ болѣе двухъ тысячъ футъ, на возвышенности къ югу отъ долины Алазана, началъ свое существованіе съ крѣпости или, въ переводѣ его названія съ татарскаго языка, «мѣста убѣжища»; мало-по-малу онъ сдѣлался торговымъ городкомъ, и армяне, привлеченные сюда торговлей винами, составляютъ теперь преобладающее населеніе города. По другую сторону долины, у южной подошвы главнаго Кавказскаго хребта, нѣкоторые города, съ ихъ орошенными полями служили для защиты противъ лезгинъ; таковы: Бѣлоканы и Закаталы. Послѣдній, какъ городъ, самъ менѣе важенъ, нежели его южный пригородъ Талы, окруженный садами. Нуха, построенная точно также у подошвы Главнаго хребта, еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, была простой деревушкой: въ ея крѣпости, построенной въ 1765 году татарскимъ ханомъ Гусейномъ, находится дворецъ въ персидскомъ стилѣ, необыкновенно оригинальной красоты и служащій центромъ различныхъ кварталовъ города, съ его широко раскинутыми предмѣстьями, оросительными каналами и окрестными рощами, въ которыхъ раздаются трели многочисленныхъ соловьевъ. Нуха населена преимущественно мусульманами-суннитами, занимающимися главнымъ образомъ шелководствомъ и выдѣлкой шелковыхъ тканей; этотъ городъ—самый важный торговый центръ по вывозу шелку-сырца; одна компанія шелководовъ во время крѣпостнаго права [1]) владѣла двадцатью восемью деревнями. Съ тѣхъ поръ, какъ болѣзнь шелковичныхъ червей произвела сильныя опустошенія въ западной Европѣ, въ Нуху каждый годъ наѣзжаютъ сотни французскихъ и итальянскихъ купцовъ, чтобы добывать яичекъ шелковичнаго червя.

Шамахи, или Шемаха, какъ говорятъ русскіе, уѣздный городъ прежней провинціи Ширванъ, былъ прежде самымъ большимъ центромъ въ Закавказьѣ, и полагаютъ, что въ XVII столѣтіи въ его стѣнахъ находилось не менѣе ста тысячъ жителей, но послѣ того онъ много пострадалъ отъ землетрясеній и еще больше отъ людской жестокости. Его опустошилъ Петръ Великій, а затѣмъ Надиръ-Ханъ. Лишенный степени губернскаго города въ пользу Баку, онъ все же остался самымъ многолюднымъ пунктомъ въ цѣлой губерніи. Подобно сосѣднему съ нимъ городу Лагичу, расположенному нѣсколько сѣверо-западнѣе, въ долинѣ, начинающейся у Баба-дага, Шемаха обогатилась мануфактурной промышленностью. Татарскія женщины приготовляютъ шерсть, красятъ ее и ткутъ изъ нея прекраснѣйшіе ковры, подражая персидскимъ образцамъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи эта работа, требующая терпѣнія и вкуса, можетъ быть поставлена выше подобныхъ же произведеній французской фабрикаціи, какъ по красотѣ рисунка, такъ и по богатству красокъ и дешевизнѣ; «эти ковры самые лучшіе и самые прочные во всей Азіи [1])». Гранаты безъ сѣмячка, получаемые изъ шемахинскихъ садовъ, пользуются извѣстностью на Востокѣ [2]).

Баку, губернскій городъ восточной провинціи Закавказья, имѣетъ совершенно азіатскій видъ. Его низенькіе дома съ плоскими крышами, высокіе минареты, дворецъ хановъ, окружающіе его желтоватые холмы и голубыя воды залива придаютъ ему типичный видъ восточнаго города. Одна старинная башня, имѣющая видъ усѣченнаго конуса, стоитъ совершенно уединенно на берегу моря: это—«башня Молодой Дѣвушки», построенная, вѣроятно, для караульной службы, а въ теперешнее время превращенная въ маякъ. Вмѣстѣ съ воротами ханскаго дворца, украшенными великолѣпными арабесками, эта башня служитъ единственнымъ интереснымъ памятникомъ древности въ Баку. Городъ грязенъ, улицы кривыя и пыльныя; въ 1878 году Баку не былъ еще освѣщенъ: городъ нефти не имѣлъ ни одного фонаря. Высшее начальство по ночамъ сопровождали казаки съ зажженными факелами [3]). Баку имѣетъ важность для торговли только какъ портъ всего Закавказья, прилегающаго къ Каспійскому морю. Не менѣе пятидесяти судовъ, экипажъ которыхъ составляютъ по большей части татары, постоянно видны на его глубокомъ рейдѣ, совершенно защищенномъ окрестными холмами,

[1]) „Kolenati. Bereisung Hoch-Armeniens und Elisavetpol".

[1]) K. Koch, „Wanderungen im Oriente".
[2]) Reneggs, Klaproth. etc.
[3]) „Вѣстникъ Европы". 1879.

расположенными полукругомъ, островками и подводными мелями; пароходы могутъ бросать якорь на 20 футахъ глубины и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Благодаря своему привилегированному положенію между другими портами Каспійскаго моря, Баку легко можетъ стать наиболѣе важнымъ торговымъ пунктомъ въ сношеніяхъ съ Персіей, а черезъ посредство Астрахани, съ бассейномъ Волги и всей остальной Россіей. Хотя Баку находится еще только въ ожиданіи желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна, идя по берегу Каспія, соединитъ его съ Ставрополемъ, а другая, пройдя долину Куры, соединитъ съ Тифлисомъ, но уже какъ портъ, онъ занимаетъ послѣ Астрахани, самое бойкое мѣсто въ предѣлахъ внутренняго моря. Въ 1877 году 654 судна, съ общей вмѣстимостью въ 100.200 тоннъ, вели торговыя сношенія съ Персіей, а число каботажныхъ судовъ въ бакинскомъ портѣ, въ томъ же году, достигало 1.818; что касается до предметовъ ввоза и вывоза, то первые оцѣниваются въ 879.060 рублей, а вторые—въ 1.279.620. Но промышленность самаго города сводится почти къ нулю: обработка нефти и ея смолистыхъ продуктовъ производится вблизи «огненныхъ источниковъ», въ Балаханахъ и Маштаги. Бакинскіе рыбаки занимаются и ловлей тюленей.

Сальяны или Сальянъ, городокъ, расположенный у дельты Куры, недалеко отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка раздваивается на рукава, пользуется тѣми выгодами, которыя доставляютъ ему рыбная ловля и плодородіе садовъ. Оффиціально онъ считается простымъ мѣстечкомъ, но тѣмъ не менѣе это единственный настоящій городъ закавказскаго прибрежья, на югъ отъ Баку. Ленкоранъ или Ленкорудъ, хотя и лежитъ при морѣ у персидской границы, но какъ портъ не пользуется тѣми преимуществами, которыми располагаетъ Баку. Названіе города происхожденія татарскаго, обозначающее «якорная стоянка», и тѣмъ не менѣе суда, открытыя дѣйствію вѣтра и волнъ, должны останавливаться въ трехъ верстахъ отъ берега. Жизнь въ Ленкоранѣ подвержена риску, по причинѣ тѣхъ скопленій воды или протоковъ, которые разсѣяны вдоль берега, и извѣстныхъ подъ названіемъ мурд-абъ или «мертвыхъ водъ»: во всей этой мѣстности свирѣпствуетъ лихорадка. Въ болотахъ охотники ловятъ сѣтями безчисленное множество утокъ и иныхъ болотныхъ птицъ. Вмѣстѣ съ воздѣлываніемъ риса, введеннымъ въ этой сырой мѣстности, сюда была перенесена чуть-ли не вся индѣйская флора, чрезвычайно интересная для ботаниковъ [1]).

На югъ отъ Ленкорана, маленькій портъ Астара, расположенный на песчаной косѣ, у устья рѣки того же имени, пользуется едва-ли не большими преимуществами, нежели Ленкоранъ, какъ по своему климату, такъ и по болѣе удобному доступу для судовъ; здѣсь же находится русская таможня, а по другую сторону рѣки начинается персидская территорія. Астара особенно извѣстна своими сушеными фруктами, чернильными орѣшками, сырымъ хлопкомъ и разными припасами, привозимыми въ этотъ городъ персами, которые получаютъ въ обмѣнъ бумажныя ткани, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, въ томъ числѣ и самовары. Годичная торговля въ Астарѣ простирается до милліона рублей.

Слѣдующіе изъ городовъ бассейна Куры и восточнаго Закавказья, имѣютъ болѣе 5.000 жителей:

Карская область: Ардаганъ—21.660.

Тифлисская губернія: Тифлисъ — 152.364; Ахалцыхъ—15.788; Сигнахъ—9.250; Телавъ—8.698; Гори—10.277.

Бакинская губернія: Баку—108.048; Сальяны—9.050 Маштаги—5.075.

Елизаветпольская губернія: Шуша—27.143; Нуха—24.180; Елизаветполь—32.798.

Округъ Закаталы: Талы—5.950; Бѣлоканы—5.550.

VII. Русская Арменія.

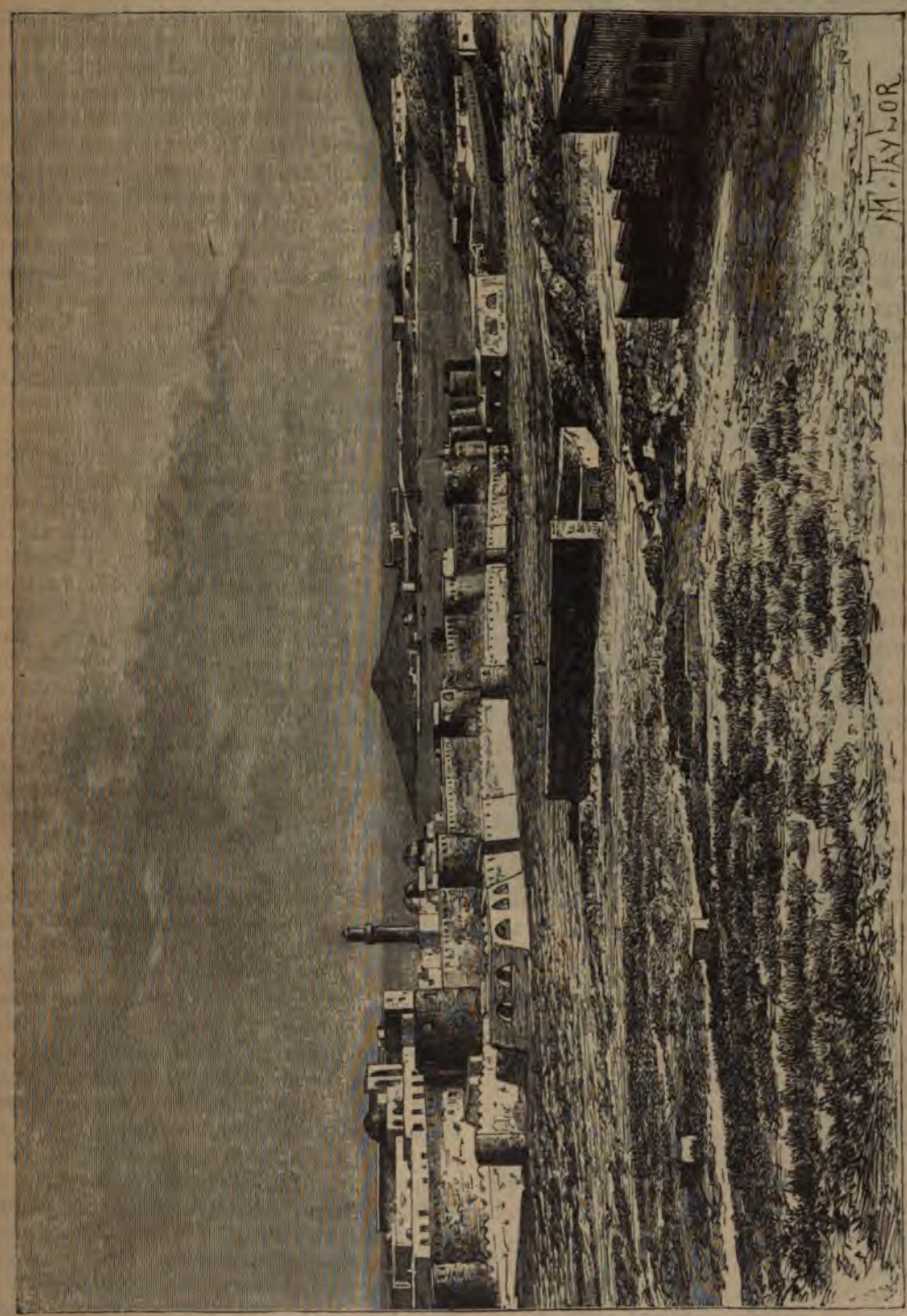
Араратъ, Алагезъ, Гокчайское плоскогоріе и бассейнъ Аракса.

Бассейнъ Аракса, взятый въ общемъ, отличается географическимъ единствомъ: это широкая полоса, имѣющая видъ полукруга, идущаго на сѣверъ отъ Иранскаго плоскогорія и обращеннаго своей выпуклой стороной къ югу. Высокія горы, съ ихъ могущественными контрфортами, опоясываютъ этотъ бассейнъ почти со всѣхъ сторонъ, кромѣ части, прилегающей къ Каспійскому морю и занятой аллювіальной равниной, образованной наносами Аракса и Куры. Рѣки-близнецы протекаютъ по мѣстностямъ, этнографически неоднороднымъ. На берегахъ Куры живутъ армяне, грузины, татары; въ равнинѣ Аракса—армяне, курды, отчасти татары, одни о-бокъ съ другими; не несомнѣнно, что собственно армяне составляютъ здѣсь преобладающій элементъ, и при томъ не только по степени своей культуры и вліянію на остальное населеніе, но также и по своей численности. Въ политическомъ отношеніи, бассейнъ Аракса является точно также раздробленнымъ: верховья его принадлежатъ Турціи, правый берегъ примыкаетъ большею частью своего теченія къ Персидской территоріи, а добрая половина этого бассейна принадлежитъ Россіи, завладѣвшей на немъ самыми благопріятными стратегическими пунктами, позволяющими ей во всякое время спуститься въ долину Ефрата. Россія имѣла въ виду пріобрѣсти также истоки

[1]) Фонъ Зейдлицъ, „Русское Обозрѣніе" 1879.

той рѣки съ ея верхними притоками, до самаго
іадина, но, подъ вліяніемъ Англіи, должна
ыла съузить эти предѣлы и удовольствоваться
ѣмъ, что ей было удѣлено, не взирая на Санъ-

На сѣверъ отъ истоковъ Аракса, горы, сѣверный склонъ которыхъ спускается къ Черному морю, изрѣзаны оврагами и долинами, а ихъ контрфорты и неправильныя звенья, ка-



Видъ города Баку.

тефанскій договоръ, Берлинскимъ конгресомъ.
Знаменитая гора Араратъ, этотъ исполинъ
анти-Кавказа, и Эчміадзинскій монастырь,
елигіозная столица армянъ и центръ этой на-
іональности, находятся на русской территоріи.

ковы: Керечи-дагъ, Соганлы-дагъ, Чилдиръ-дагъ и проч., сливаются на сѣверъ отъ Карскаго бассейна, на плоскогоріи, занятомъ озерами, заканчиваясь на востокѣ вулканами Абуломъ и Самсаромъ. Эти спутанныя звенья

чрезвычайно затрудняютъ сообщеніе между противоположными склонами, несмотря на то, что они далеко не достигаютъ той высоты, какъ массивы Кавказа или Анти-Кавказа; самая высокая вершина Казилъ-Дагъ или «Красная гора», находящаяся между бассейномъ Аракса и озеромъ Чалдыромъ, имѣетъ высоты всего лишь 10.200 футовъ, а слѣд. лежитъ ниже идеальной линіи вѣчныхъ снѣговъ. На югъ отъ истоковъ Аракса площадь, занимаемая горами, съуживается, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится выше и встрѣчается съ водораздѣльнымъ хребтомъ, идущимъ по направленію съ запада на востокъ, между долиной Аракса и той, которая идетъ параллельно Ефрату или Мураду; нѣсколько вершинъ съ угасшими кратерами, расположенныхъ въ рядъ на этой вулканической цѣпи, достигаютъ высоты болѣе чѣмъ 9.850 футовъ. Перли-дагъ, находящійся на срединѣ цѣпи, и Чингилъ, на ея восточной оконечности, около перевала, ведущаго изъ равнины Эривани въ Баязетъ, оба достигаютъ почти 10.500 футовъ высоты.

Нѣсколько ручейковъ, стекающихъ въ Араксъ, указываютъ своимъ названіемъ «Тузла-су», на характеръ воды, которая передъ выходомъ на поверхность проходитъ черезъ залежи соли [1]). На сѣверъ отъ Перли-дага въ равнинѣ, съ третичнымъ напластованіемъ, кромѣ трахитоваго конуса Текелти-дагъ, находится еще гора Кульпъ, — одна изъ самыхъ громаднѣйшихъ массъ каменной соли, какія только извѣстны; не вдалекѣ отъ нея Араксъ, еще не принявъ въ себя западный Арпачай, проходитъ черезъ узкое ущелье съ базальтовыми стѣнами. Окружающіе холмы лишены растительности и состоятъ изъ глины и мергеля различныхъ цвѣтовъ, краснаго, синяго, зеленаго и сѣраго, что придаетъ мѣстности какой-то странный, пестрый видъ. Соленосная гора, образованная изъ такихъ же разноцвѣтныхъ слоевъ, идетъ на востокъ съ слабымъ подъемомъ, между тѣмъ какъ на западѣ она прерывается сразу, обрывисто, всего на разстояніи какихъ-нибудь полутора верстъ и заканчиваясь тремя крутыми уступами; въ ея обнаженныхъ стѣнахъ видны прожилки соли, бѣлаго, розоваго и зеленоватаго цвѣта, отдѣленныя слоями глины, заключающей въ себѣ безчисленные кристалы селенита, блещущіе на солнцѣ. Самый верхній пластъ соли, толщина котораго равняется, въ среднемъ 50 футамъ, никогда еще не былъ эксплоатированъ солепромышленниками; точно также не обращается никакого вниманія на самый нижній слой, отчасти выщелоченный; разработываютъ только средній пластъ, толщина котораго колеблется между 100 и 210 футами; яма, вырытая съ лицевой стороны уступа, тянется вглубь болѣе чѣмъ на полверсты (600 метр.). Ломка соли въ Кульпѣ, вѣроятно, можетъ считаться, внѣ Китая, одной изъ самыхъ древнѣйшихъ. Армяне разсказываютъ, что сюда приходилъ Ной запасаться солью, и даже могутъ указать мѣсто, гдѣ патріархъ началъ свою работу. Въ части рудника, уже заброшенной, рабочіе нерѣдко находятъ молоты и каменные ломы, относящіеся къ той эпохѣ, когда еще не знали употребленія металловъ. Эти орудія рудокоповъ, прикрѣплявшіяся къ ручкѣ посредствомъ ремня, сдѣланы изъ діорита, т. е. изъ такой горной породы, которая не встрѣчается ни въ одной изъ окрестныхъ горъ и, вѣроятно, пріобрѣталась путемъ торговли съ отдаленными странами. Хотя способы добыванія и улучшились съ тѣхъ поръ, но все же они остаются крайне грубыми, а недостатокъ дорогъ ограничиваетъ дѣятельность Кульпинскаго рынка Тифлисской и Эриванской губерніями. Среднее количество добываемой соли поднялось за послѣднія сорокъ лѣтъ, начиная съ 1835 года, съ 4.000 на 16.300 тоннъ [1]).

Гора Араратъ, «историческій центръ Армянскаго плоскогорія» и центральный пикъ цѣпи тѣхъ плоскогорій и возвышенностей, которыя тянутся черезъ Старый Свѣтъ, начинаясь у мыса Доброй Надежды и оканчиваясь у Берингова пролива [2]), поднимается на восточномъ продолженіи вулканической цѣпи между Араксомъ и Ефратомъ; но ея коническая масса, бѣлѣющая отъ снѣга и испещренная черными прожилинами, такъ высоко поднимается надъ другими горами, что она кажется стоящею какъ бы во главѣ кортежа, а холмы и плоскія возвышенности простираются у ея подножья точно равнины. Самое имя Арарата происхожденія, вѣроятно, арамейскаго и равнозначуще выраженію «особенно высокій»; армянское же названіе — Мазисъ, которое и есть настоящее имя горы, такъ какъ она находится на армянской землѣ, обозначаетъ «большой» или «величественный» [3]). Турки дали названіе Арарату Агридагъ или «скалистая гора» (Арги-дагъ, гора Ковчега), между тѣмъ какъ персы называютъ ее Коғ-і-ну или «Гора Ноя» [4]). Весьма естественно, что на эту величественную гору, единственную по своей славѣ, болѣе гордую, чѣмъ оба Олимпа эллиновъ, жители долины Ефрата смотрѣли какъ на божественную вершину и что, по восточнымъ мнѣніямъ, съ ея священной верхушки сошли люди и животныя, чтобы населить собою міръ. Армяне до сихъ поръ еще показываютъ издали точное мѣсто, на которомъ остановился ковчегъ Ноя послѣ «сорокадневнаго плаванія надъ вершинами самыхъ высокихъ горъ». «Духи, вооруженные ог-

[1]) *H. Koch*, „Wanderungen im Oriente".

[1]) G. Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".
[2]) Carl Ritter, „Erdkunde, Asien", vol. X.
[3]) Vivien Saint Martin, „Recherches sur les populations primitives du Caucase".
[4]) Carl Ritter, volume cité.

ненным мечемъ, охраняли этотъ священный корабль, зеленый, какъ дернъ холмовъ» [1]).

Если смотрѣть на Араратъ изъ Нахичевани, то онъ кажется одной конической массой, поднимающейся на сѣверо-западѣ; изъ Баязета онъ виденъ на югѣ, а изъ Эривани—съ сѣвера; съ двухъ послѣднихъ пунктовъ, онъ представляется въ видѣ двухъ различныхъ горъ, стоящихъ по линіи направленія Кавказскаго хребта. Большой Араратъ поднимаетъ свою двуглавую вершину къ сѣверо-западу отъ Малаго Арарата, отдѣляющагося отъ своего сосѣда глубокой впадиной, въ общемъ же обѣ горы, вмѣстѣ съ ихъ контрфорсами, занимаютъ между двумя равнинами, Баязета и Эривани, пространство около 900 кв. верстъ. Высота Арарата и прилегающихъ къ нему возвышенностей слѣдующая:

Большой Араратъ—5.610 метр. (16.925 ф.); Малый Араратъ—3.596 м. (11.695 ф.); промежуточный перевалъ (по Абиху)—2.705 метр. (8.872 фут.); Баязетъ (крѣпость)—2.043 метр. (6.700 фут.); Эчміадзинъ—765 метр. (2.827 ф.); Эривань—985 м. (3.130 фут.)

Склоны Арарата почти со всѣхъ сторонъ очень пологи и напоминаютъ Этну; но мѣстами потоки лавы и очень глубокій снѣгъ, становящійся рыхлымъ въ продолженіе лѣтняго времени, дѣлаютъ восхожденіе очень труднымъ для путешественника. Армяне разсказываютъ различныя чудеса, которыми были часто останавливаемы ихъ пастухи и нечестивцы, пытавшіеся взобраться на гору «Матери-Міра»; а неудачныя попытки Турнефора и Морье еще болѣе утвердили ихъ въ этомъ. Но когда Парротъ [1]) вполнѣ удачно достигъ вершины, въ 1829 году, они единодушно отрицали, чтобы такой подвигъ могъ быть исполненъ, продолжая по-прежнему держаться своихъ мнѣній и набрасывать нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на увѣренія этого ученаго, пока другіе, вслѣдъ за Парротомъ, не выполнили эту задачу съ такимъ же успѣхомъ. Въ 1850 году г. Ходзько провелъ цѣлыхъ пять дней на вершинѣ, ради своихъ работъ по тріангуляціонной съемкѣ Кавказа. Отсюда онъ визировалъ Савелянъ, отстоящій на 329 верстъ на юго-востокъ, и Эльбрусъ, на разстояніи 413 верстъ къ сѣверо-западу, и сносился посредствомъ геліотроповъ съ другими астрономами, находившимися на Акдагѣ, среди Гокчайскаго плоскогорія.

Араратъ съ сѣверо-восточной стороны.

На высотѣ 11.400 футовъ (3.475 метр.) горные склоны сплошь покрыты растительностью, но на 12.300 фут. (3.750 м.) семейство злаковъ уже прекращается; на 13.000 ф. (3.950 м.) и до самой линіи постоянныхъ снѣговъ, встрѣчается не болѣе разновидностей въ флорѣ, чѣмъ на высотахъ европейскихъ Альпъ [2]). Виды, ростущіе на высотахъ Арарата, всѣ очень похожи или однородны съ тѣми, что встрѣчаются на Альпійскихъ вершинахъ, но они не такъ многочисленны, какъ на этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, изъ 49 разновидностей, ростущихъ на Фаульгорнѣ, здѣсь, на соотвѣтственной полосѣ, найдено всего лишь 31, что, безъ сомнѣ-

[1]) James Creagh, „*Armenians, Koords and Turks*".

[1]) „Reise zum Ararat".

[2]) G. Radde, „Записки Кавказ. Отдѣла Русс. Геогр. Общества", т. I № 2.

нія, можно приписать большей сухости воздуха на горахъ Арменіи [1]). Что касается до фауны этихъ горъ, съ которыхъ, по восточнымъ миоамъ, сошли всѣ существующія животныя, то она сравнительно очень бѣдна: волкъ, гіена и, пожалуй, еще пантера, встрѣчающаяся въ лѣсахъ у горной подошвы, по близости Аракса: на склонахъ самаго Маиса встрѣчается только туръ, каменная куница и одинъ видъ зайца; не видно даже летучихъ мышей.

Хотя Араратъ всего на три градуса широты южнѣе Перипеевъ, но онъ гораздо выше свободенъ отъ снѣга. Линія вѣчныхъ снѣговъ начинается, по Вагнеру, на высосѣ 13.840 фут. (4.220 м.) и на 14.330 ф. (4.370 м.) по Парроту, а слѣдовательно она здѣсь болѣе чѣмъ на полторы версты выше начала снѣговой линіи въ Пиренеяхъ. Это зависитъ отъ открытой, мѣстности, на которой стоитъ Араратъ, вслѣдствіе чего онъ предоставленъ всей силѣ солнечныхъ лучей, отражаемыхъ прилегающей къ нему плоской возвышенностью, и вліянію вѣтровъ, содѣйствующихъ испаренію влаги; вотъ почему этотъ громадный вулканъ показываетъ свои обнаженные утесы изъ черной лавы менѣе чѣмъ на 3.280 футовъ ниже своей верхушки; но зато въ оврагахъ, которыми изборождены его бока, снѣгъ лежитъ гораздо ниже; разсказываютъ даже, что въ одномъ мѣстѣ, въ нижней части, онъ покрытъ сплошь снѣгомъ, точно зубчатымъ воротникомъ. Въ большей части его ущелій снѣжныя лавины принимаютъ кристаллическое строеніе и превращаются въ настоящіе ледники,—единственные въ Арменіи,—спускающіеся ниже 9.850 футовъ (3.000 метр.) высоты; главнымъ изъ нихъ, въ сѣверо-западной части горы, считается ледникъ св. Іакова, воронка котораго образована навѣрное предшествовавшими изверженіями Арарата и похожа на ту, что находится въ небольшой долинѣ Гель-Бове, у склона Можнибелло [2]). Въ минувшую геологическую эпоху ледники Арарата спускались гораздо ниже: это видно по остаткамъ глетчеровъ и по слѣдамъ, оставленнымъ ими на поверхности трахитовыхъ скалъ, въ видѣ шлифовки и шрамовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волнистыя поверхности стѣнъ такъ отлично отесаны продолжительными прохожденіями льдовъ, что блестятъ точно металлъ, отражая солнечные лучи съ ослѣпительной яркостью [3]).

Фактъ очень любопытный: Араратъ, несмотря на громадное количество снѣга, который покрываетъ его конечную пирамиду, и которымъ засыпанъ его кратеръ, совершенно не даетъ воды; натуралистъ Вагнеръ могъ найти только два ручья у подошвы этой могучей горы, да и тѣ были не болѣе, какъ небольшія струйки, журчащія между каменьями. Въ то время, какъ сосѣднія горы, одинаковаго вулканическаго происхожденія, даютъ цѣлые потоки воды и наполняютъ ею обширныя и глубокія озера,—склоны Арарата остаются сухими и знойными. Во время засухъ, они необитаемы по недостатку растительности и влаги; пастухи не гоняютъ туда своихъ стадъ; рѣдко встрѣчаются тамъ и дикія животныя; даже птицы избѣгаютъ этой горы съ ея чернѣющими утесами, съ блеклой растительностью. Здѣсь царитъ полнѣйшая глушь, точно среди песчаной пустыни. Вода, образующаяся отъ таянія снѣговъ, или падающая въ видѣ дождя, исчезаетъ въ трещинахъ почвы, подъ слоями пепла и лавы, и скопляется, вѣроятно, или въ подземныхъ озерахъ, или же, скорѣй, стекаетъ въ скрытыя рѣки.

Эти подземныя воды, которыя въ соприкосновеніи съ слоями, лежащими въ нѣдрахъ земли и ихъ высокой температурой, превращаются въ пары, объясняютъ, можетъ быть, страшное изверженіе, происходившее въ 1840 году: одинъ древній кратеръ, расположенный пониже монастыря св. Іакова, вдругъ снова разверзся; густой паръ поднялся вверхъ выше вершинъ Арарата, распространяя въ воздухѣ запахъ сѣры; послышались глухіе подземные раскаты, и затѣмъ гора стала выбрасывать изъ трещинъ громадное количество каменьевъ, изъ которыхъ многіе достигали вѣсомъ до пяти тоннъ; въ почвѣ образовались трещины, открывшія выходъ парамъ, и со дна рѣки Аракса стали бить клокочущіе горячіе ключи. Монастырь св. Іакова исчезъ подъ развалинами, равно какъ богатая и многолюдная деревня Аргури, которую армяне считали самой древней на землѣ. Дѣйствительно, названіе Аргури въ переводѣ означаетъ «виноградная лоза», а легенда добавляетъ къ этому, что въ Аргури Ной посадилъ первую лозу, по выходѣ своемъ изъ ковчега. Отъ изверженія пострадали не только двѣ тысячи душъ, жившія въ Аргури, но и въ Эриванѣ, Нахичевани и Баязетѣ тысячи другихъ людей погибли при землетрясеніи; къ счастію, почти всѣ жители въ самый моментъ сотрясенія были вышедши изъ домовъ, подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ [4]). Четыре дня спустя послѣ изверженія и землетрясенія, новое несчастіе разрушило почти всѣ нивы и сады Аргури: вода и грязь, скопившіяся въ кратерѣ и образовавшіяся отчасти черезъ таяніе снѣга, прорвали заключавшія ихъ стѣнки и разлились по склонамъ горы цѣлыми потоками, затопивши равнину, обративъ ее въ обширное болото. Изверженіе, разрушившее Аргури, было самымъ сильнымъ изъ

[1]) Statkovsky, „Problèmes de la climatologie du Caucase".

[2]) Abich, „Beiträge zu Kenntniss des Russischen Reiches".

[3]) *Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat".*

[4]) Moritz Wagner, Abich, Ходзько.

тѣхъ, которыя извѣстны въ исторіи этой горы, хотя Араратъ уже и до того времени былъ нѣсколько разъ центромъ сильныхъ землетрясеній. Что касается до увѣреній путешественника Рейнегса, который, будто бы, видѣлъ въ 1785 г. дымъ и пламя, выходившіе изъ вершины Арарата, то это болѣе, чѣмъ сомнительно; никто изъ мѣстныхъ жителей армянъ не замѣтилъ этого явленія.

Аллахъ-ггезъ (Око Господне), или скорѣй Ала-гёзъ, т. е. «пестрая гора»—если только это не есть исковерканное турками армянское названіе горы: Аракадзъ [1]), стоитъ противъ Арарата, по другую сторону равнины, раскинутой у Эривани. Эта вулканическая масса поднимается не такъ высоко, какъ Араратъ; но если его притупленный конусъ достигаетъ едва 13.750 футовъ высоты, то, по своему протяженію и могучимъ контрфорсамъ, онъ превосходитъ своего гордаго противника. На югъ и на востокъ, потоки его лавы спускаются въ самую долину Аракса; на западъ и на сѣверъ отъ него другіе потоки лавы, также относящіеся къ отдаленному геологическому періоду, разливались по долинѣ Арпачая, у Александрополя; масса извергнутаго вещества простирается на сотни верстъ въ окружности. Гора заслуживаетъ названія пестрой, по разноцвѣтнымъ оттѣнкамъ окалины, гладко отшлифованнымъ каменьямъ и обсидіанамъ, между которыми пробивается тамъ и сямъ зелень и цвѣты. Три изъ древнихъ кратеровъ заполнены маленькими озерами, находящимися вѣчно въ тѣни, бросаемой окружающими ихъ стѣнами; но съ Алагеза, какъ и съ Арарата, въ долину воды стекаетъ очень немного: по временамъ и эта вода теряется въ окалинѣ и пеплѣ. Одно озеро, находящееся на югъ отъ горы, Айгеръ-гиль, питается подземной водой и само даетъ начало истокамъ прекрасной рѣки Карасу, притоку Аракса, катящей свои воды у подножья старинной цитадели Армавиръ [2]).

Алагезъ стоитъ отдѣльно отъ прочихъ горъ, какъ и Араратъ; онъ соприкасается лишь небольшой и вытянутой возвышенностью съ горами, обращенными на сѣверъ отъ него, именно съ тѣми, что идутъ параллельно Кавказскому хребту и соединяютъ такимъ образомъ вулканическую цѣпь плоскогорія Ахалкалаки съ массивами, расположенными на востокъ отъ Эривани, у большаго озера Гокчай. Эти горы, Сомхетъ, Памбакъ и еще нѣсколько другихъ, вершины которыхъ достигаютъ 8.080—9.850 футовъ (2.400—3.000 метр.), представляютъ собою простые кряжи плоскогорія, спускающіеся по обѣимъ сторонамъ длинными скатами, съ слабымъ наклономъ къ порогамъ горнаго прохода. Этекъ-майданскій перевалъ, находящійся на торговомъ пути изъ Тифлиса въ Эривань, пересѣкаетъ эту цѣпь на высотѣ 7.120 футовъ. Въ этомъ мѣстѣ находится сѣверо-западный уголъ той горной возвышенности, у которой перекрещиваются различныя оси Кавказскихъ горъ, образуя настоящій горный лабиринтъ и направляясь съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, съ юго-запада на сѣверо-западъ; но господствующее направленіе остается сѣверо-западо-юго-восточнымъ, параллельнымъ главному хребту. Впрочемъ хребты, имѣютъ, въ среднемъ, почти одинаковую высоту; они поднимаются на 3.280 футовъ надъ тѣмъ громаднымъ пьедесталомъ, какимъ служитъ имъ плато, и только немногіе изъ вулканическихъ конусовъ достигаютъ сравнительной высоты въ 5.000 футовъ, или 10.000 футовъ абсолютной высоты. Этимъ пересѣченіемъ хребтовъ равной высоты и объясняется образованіе среди нихъ обширнаго озера, наполняющаго впадину въ плоской возвышенности, которое, превышая на 6.340 футовъ уровень Чернаго моря, не имѣетъ другихъ стоковъ кромѣ какъ юго-западной стороны къ Араксу, посредствомъ рѣки Занги, да и то лишь въ лѣтнее время. Это озеро—Гокъ-чай (Гокча) или «Синяя Вода», какъ называютъ татары,—Севанга на языкѣ армянъ. Шардэнъ былъ первымъ европейскимъ путешественникомъ, указавшимъ на него. А между тѣмъ озеро занимаетъ не менѣе 1.212 кв. верстъ (1.370 кв. километровъ) и слѣдовательно въ два съ половиной раза больше Женевскаго озера. Его глубина, можетъ быть, и не такъ значительна, какъ озера Леманъ, но все же довольно велика: среднимъ числомъ она достигаетъ отъ 148 до 285 футовъ, но лотъ отыскиваетъ на линіи, идущей вдоль озера, и 360 футовъ, именно въ его самомъ съуженномъ мѣстѣ [1]). Въ сѣверной части бассейна вода имѣетъ прѣсный вкусъ, какъ и въ большей части озеръ, служащихъ водоемами, но въ его южной части, гдѣ вода возобновляется медленнѣе, она нѣсколько солоноватая; въ озерѣ не болѣе пяти видовъ рыбы: изъ нихъ можно назвать форель и лосось; но зато, въ отношеніи количества, рыбы вообще очень много. Случается, что за одинъ разъ вытаскиваютъ сѣтью отъ 1.000 до 2.000 форелей: зимою ловятъ ихъ, пробивая ледъ.

Гокчай обязано своимъ названіемъ прекрасному лазоревому цвѣту воды. Треугольной формы, нѣсколько съуженное у средины двумя выдающимися съ противуположныхъ сторонъ мысами, оно со всѣхъ сторонъ вполнѣ окружено горами, которыя вблизи берега кажутся сѣрыми, за тѣмъ мало-по-малу переходятъ въ синеватый фонъ, черезъ который пробиваются тамъ и сямъ бѣлыя полоски снѣга. Общій видъ

[1]) Carl Ritter, „Asien“, vol. X.
[2]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase“.

[1]) Семеновъ, „Словарь Россійской Имперіи“. Кесслеръ, „Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“, т. VII, 1876.

этого пейзажа величественный и торжественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и унылый. Склоны горъ, состоящіе изъ порфира и лавы, почти совершенно обнажены; даже на берегу не видно нигдѣ деревца. Отъ древнихъ городовъ не осталось ничего, кромѣ груды развалинъ, среди которыхъ часто находятъ множество монетъ, относящихся ко временамъ Сассанидовъ. Деревни пріютились въ хорошо защищенныхъ уголкахъ, у высокихъ уступовъ скалъ; кое-гдѣ видны лачуги, на половину вырытыя въ землѣ. Въ различныхъ мѣстахъ на плоскогоріи, раскинуты многочисленныя могильныя насыпи, называемыя гробницами огу или великановъ, расположенныя или отдѣльно, или рядами на краю террассы, и похожія на тѣ, которыя встрѣчаются на Алагезѣ и почти на самой вершинѣ Малаго Арарата [1]). Почти всѣ поля, раскинутыя на плоской возвышенности, давно уже стоятъ подъ паромъ, и страна снова сдѣлалась пустынной; еще недавно, равно какъ и въ эпоху свайныхъ построекъ, ни одного судна не было видно на волнахъ этого озера [2]); сами рыбаки не удаляются далеко отъ берега. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ плоскогоріе покрыто снѣгомъ, а зимою, не смотря на жестокія бури, спускающіяся съ горъ, случается не рѣдко, что озеро покрывается льдомъ сначала у береговъ, а затѣмъ мало-по-малу и на самой срединѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Гокчая находится монастырь Севанъ, знаменитый у армянъ еще въ IX вѣкѣ; онъ занимаетъ островокъ изъ лавы, т. е. собственно вершину конуса, поднятаго со дна озера. Трудно вообразить болѣе печальное мѣсто для ссылки, болѣе мучительной скуки, какую навѣваетъ этотъ островокъ съ его черными скалами, лишенными всякой растительности, съ его монахами, обреченными на молчаніе во все время, исключая четырехъ дней въ году. Но деревни, лежащія не вдалекѣ, на плоскогоріи, сдѣлались лечебнымъ мѣстомъ для обитателей нездоровой Эривани. Лихорадки, столь обыкновенныя и опасныя въ равнинѣ Аракса, совсѣмъ отсутствуютъ на плоскогоріи; воздухъ здѣсь чистый и укрѣпляющій.

На востокъ отъ Гокчая и его вулканической ограды, съ которой стекаютъ ручьи, наполняющіе маленькія долины, скрещиваются звенья Карабагскихъ горъ, извѣстныя у грузинъ подъ именемъ Рани, или персидской страны Арранъ—древней земли Іудеевъ, и простираютъ свои лабиринты по направленію съ востока на юго-востокъ. Въ этой самой области, изрѣзанной глубокими ущельями, вершины волнистыхъ массивовъ Гокчая достигаютъ самой большей высоты и если не касаются линіи вѣчныхъ снѣговъ, то тѣмъ не менѣе въ обрывахъ ихъ почти постоянно видны полосы снѣга. Круглый годъ сохраняютъ свои снѣжныя шапки только три или четыре горы: вершина Гемышь 11.270 фут. (или 3.740 метровъ), съ которой текутъ истоки Тертера, Казанголъ-дагъ, и его южный сосѣдъ, Капуджикъ, который продолжается на югъ къ городу Ордубату крутыми обрывами, заканчивающимися на вершинѣ остроконечной стѣною и обвалившимися у боковъ откосами. На югъ отъ этихъ кульминаціонныхъ точекъ восточной Арменіи, по другую сторону ущелья Аракса, поднимаются горы такой же высоты и точно также испещренныя полосами снѣга. Между цѣпью, въ которой царитъ Капуджикъ, и горами, идущими у Шуши, открывается бассейнъ Зангезура, средняя высота котораго 3.950 фут. (1.200 метр.) и который, кажется, прежде составлялъ такую же озерную впадину, какъ Гокча, но онъ опустѣлъ благодаря двумъ рѣкамъ,—Бергушета и Акеры, соединяющимся вмѣстѣ, передъ впаденіемъ въ Араксъ. Въ центрѣ этого бассейна поднимается коническая гора Ишкли или Качалъ-дагъ, достигающій 9.850 футовъ (3.000 метр.) вышины. Пепелъ и окалина выброшенные окрестными вулканами и скопившіеся на днѣ бывшаго озера слоями въ нѣсколько сотъ футовъ, размыты рѣками въ глубокіе овраги. Пемзовыя террасы, занятыя подъ посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ, оканчиваются надъ зеленѣющими долинами разноцвѣтными утесами, сѣрыми, зелеными, синими и даже ярко-красными; размытые дождями въ видѣ иглъ и обелисковъ, они образуютъ тамъ и сямъ каменныя глыбы, нависшія въ видѣ сводовъ; это такія же «крытыя колонны», какія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Подобными приспособленіями пользуются крестьяне, устраивая въ нихъ свои погреба, стойла и даже самыя жилища [1]).

Флора гористой страны замѣчательно какъ походитъ на горную флору Европы, и если бы путешественника вдругъ перенести съ долины Альпъ на берега одного изъ притоковъ Аракса, то онъ ничуть не замѣтилъ бы перемѣны мѣстности: онъ нашелъ бы здѣсь тотъ же букъ, дубъ, осину, тѣ же кустарники въ лѣсахъ, а между дерномъ тѣ же цвѣты [2]). Горныя долины, покрытыя слоемъ чернозема, очень плодородны; по причинѣ этого плодородія страна получила названіе Карабагъ, т. е. Черный садъ. Но на склонахъ въ лѣсной полосѣ, нуждающейся во влагѣ, гдѣ лѣтній зной доходитъ до 40° Цельсія, почва вообще безплодна: шалфей и еще нѣсколько душистыхъ травъ составляютъ почти единственныя растенія лужаекъ, а представители фауны—пресмыкаю-

[1]) Берже, „Русское Обозрѣніе“ 1874. № 11.
[2]) *Байеръ, „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“*, I, 1871.

[1]) N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann“, 1880,—„Рукописныя замѣтки“.
[2]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.

щіеся: пауки, скорпіоны [1]) и страшные тарантулы, извѣстные у русскихъ обыкновенно подъ названіемъ фаланги (phalangium araneoides).

Аракъ, рѣка преимущественно армянская, беретъ свое начало внѣ русской территоріи, на югъ отъ Эрзерума; онъ получаетъ свои пер-

Типы и костюмы армянъ

Карабагскія лошади, считающіяся самыми лучшими и самыми красивѣйшими въ Закавказьѣ, отличаются способностью карабкаться по горамъ съ ловкостью козъ.

[1]) G. Radde, „Vier Vorträge über *den Kaukasus*".

выя воды съ вулкана Бингол-даге или «Горы тысячи ручьевъ», южный склонъ котораго питаетъ нѣсколько притоковъ Ефрата, а также и самый Ефратъ; Аракъ былъ отчасти извѣстенъ подъ именемъ «рѣки тысячи

озеръ»[1]). Въ видѣ небольшой рѣченки онъ проникаетъ въ русское Закавказье и затѣмъ увеличивается вдвое, принявши въ себя Арпачай или Ахуреанъ, спускающійся съ вулканическихъ плоскогорій Александрополя и Алагеза: только благодаря этому притоку, Араксъ можетъ орошать большую часть бассейна Эривани, который безъ него былъ бы пустыней. Повернувъ къ югу отъ массивовъ Гокчайскаго плоскогорія и горъ Карабага, Араксъ выходитъ изъ дна древняго озера черезъ узкое горное ущелье, скользитъ по порогамъ въ 30—40 саженъ ширины, и его клокочущія воды, ударяющіяся то въ одну, то въ другую сторону берега, между черными, обрывистыми, торчащими словно иглы, скалами, спускаются въ среднемъ по наклону въ $16^1/_2$ на версту и даже въ 50 футовъ, съ части ущелья, наиболѣе наклонной [2]). Ордубатъ, при входѣ въ Аразбарское ущелье, находится еще на 3.050 фут. (929 метр.) надъ уровнемъ Каспійскаго моря и почти въ 100 верстахъ отъ равнины, войдя въ которую, сливается съ рѣкой Бергушедъ и, вмѣстѣ съ нею, обогнувъ съ южной стороны «Гору храбрыхъ» или Дири-дагъ, стоящую одиноко въ равнинѣ, принимаетъ нѣсколько рѣкъ съ персидскихъ горъ и соединяется затѣмъ съ Курой, протекши всего около 750 верстъ. У подножья «Горы храбрыхъ», названной этимъ именемъ разбойниками, которыхъ еще въ 1877 году здѣсь было до 300 человѣкъ, рѣка проходитъ подъ мостомъ Худаферинъ, приписываемымъ преданіемъ Помпею; но постройка этого моста относится навѣрно къ эпохѣ, болѣе поздней; повыше находится еще другой мостъ, который, по мнѣнію туземцевъ, построенъ Александромъ, но, вѣрнѣе, что онъ римской постройки [3]). Худаферинскій мостъ, у котораго производится довольно большая торговля между русскимъ берегомъ и персидскимъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній на Араксѣ. Гидравлическія работы у его сліянія съ Курой заброшены. Оросительные каналы, разносившіе по полямъ плодородіе, тоже оставлены, что способствовало, вмѣстѣ съ болотами Куры, превращенію этой части Каспійскаго прибрежья въ проклятое мѣсто. Араксъ, какъ полагаютъ, склоняется все больше къ правому берегу, пытаясь снова отдѣлиться отъ Куры и течь въ море независимо, какъ это было во времена Страбона.

Бассейнъ Аракса—это одна изъ тѣхъ странъ Передней Азіи, которая наиболѣе страдаетъ отъ крайностей температуры. Климатъ Эривани еще болѣе невыносимъ, нежели тифлисскій. Такъ, напримѣръ, зимою температура до—30° и даже до—33°, а средняя температура января мѣсяца равна—15°; это объясняется отчасти высокимъ мѣстоположеніемъ равнины, находящейся на 3.280 футовъ надъ уровнемъ моря; лѣтнія жары, не рѣдко свыше 40°, достигающія даже 44° и 45° (Цельсія), заставляютъ европейцевъ искать въ это время убѣжища въ тѣни, въ горахъ. Изнурительныя лихорадки и другія болѣзни очень обыкновенны въ Эривани. «Въ Тифлисѣ, говоритъ армянинъ, не отличить молодаго отъ старика, въ Эривани—живые не лучше мертвыхъ!» Къ счастью, въ знойную пору, въ равнинѣ Эривани дуетъ по вечерамъ сѣверо или сѣв.-сѣв.-западный вѣтеръ, нѣчто въ родѣ мистраля, съ особенной силой срывающійся съ горъ Алагеза. Этотъ вѣтеръ, происходящій, какъ и мистраль, отъ разности въ температурахъ между снѣжными вершинами и знойной долиной, начинаетъ дуть около пяти часовъ вечера и продолжается почти до разсвѣта. Въ то время, когда свирѣпствуетъ этотъ вѣтеръ, жители сидятъ запершись въ своихъ домахъ, не желая подвергать себя массѣ пыли и крупнаго песку, вихремъ кружащихся въ воздухѣ. Въ окрестностяхъ Эривани всѣ тополи, стоящіе у дорогъ и въ садахъ, наклонены на югъ-юго-востокъ [4]).

Кромѣ пирамидальныхъ тополей, насажденныхъ руками людей, обитающихъ въ долинахъ Аракса, во многихъ мѣстахъ, въ особенности вблизи городовъ, другое дерево раскидываетъ свои вѣтви надъ нивами, это нальбандъ, видъ окулированнаго вяза (Ulmus campestris suberosa), съ его густою листвой, совершенно непроницаемой для солнечныхъ лучей. Нальбандъ—одно изъ красивѣйшихъ декоративныхъ деревьевъ, какія гдѣ-либо существуютъ, но онъ встрѣчается только въ русской Арменіи. Абрикосовыя деревья растутъ во всѣхъ садахъ; крестьяне воздѣлываютъ рисъ, хлопчатникъ, кунжутъ и клещевинное деревцо; разводятъ также виноградъ, изъ котораго получается вино темнаго цвѣта, очень богатое алкоголемъ, и, какъ дессертное, можетъ быть приравнено къ мадерѣ или хересу. Но виноградники эти могутъ процвѣтать только при томъ условіи, если отъ зимнихъ стужъ лозы прикрывать землею, а въ знойную пору поливать ихъ наравнѣ съ огородными растеніями. Безъ оросительныхъ каналовъ въ этомъ климатѣ все погибаетъ; почва не рѣдко высыхаетъ такъ сильно, что бываетъ похожа скорѣе на закаленный кирпичъ. Но вездѣ, гдѣ протекаетъ живительная вода, почва зеленѣетъ и покрывается цвѣтами; среди пустынь нарождаются оазисы. Персіане, живущіе въ этой странѣ, проводя оросительныя канавки, принуждены, по большей части, устраивать для воды подвалы, чтобы предохранять такимъ образомъ испареніе этой цѣнной влаги [5]); персіане являются здѣсь благодѣтелями, которымъ мѣстные жители обя-

[1]) C. Koch. „Wanderungen im Oriente".
[2]) Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".
[3]) *Фонъ-Зейдлицъ, рукописныя замѣтки.*
[4]) G. Radde, „Vier Vorträge über den Kaukasus".
[5]) Von Seidlitz, „Mittheilungen von Peterman", 1800; рукописныя замѣтки.

заны своимъ существованіемъ; не станетъ воды—не станетъ людей, которые принуждены будутъ или бѣжать отсюда, или погибнуть. Одинъ англійскій инженеръ занятъ, говорятъ, тѣмъ, чтобы провести воды Арпачая на юго-востокъ и распредѣлить ее каналами по полямъ Сардарабада, на западъ отъ Эчміадзина, стоящихъ теперь пустынными; говорятъ также, что сотни тысячъ эмигрантовъ, нѣмцевъ, ирландцевъ или русскихъ, могли бы поселиться на этой землѣ, если бы мѣстность оживить водой. Въ бассейнѣ нижняго Аракса, точно также, цѣлый народъ могъ бы существовать на берегахъ его текучихъ водъ.

Въ ожиданіи каналовъ, долженствующихъ обновить эти поля, во всей русской Арменіи земледѣліе находится по своимъ техническимъ пріемамъ на самой первобытной ступени. Армяне, такіе ловкіе торговцы, оказываются рутинерами какъ земледѣльцы, а ихъ сосѣди татары, какъ видно, ничуть не служатъ имъ примѣромъ болѣе опытныхъ хозяевъ. Въ большей части уѣздовъ, кабаны, живущіе стадами среди кустарниковъ и въ камышахъ по Араксу, составляютъ большое зло для земледѣлія; они сильно вредятъ полямъ, расположеннымъ въ сосѣдствѣ съ порослями камыша. Но татары, какъ добрые мусульмане, питаютъ такое сильное отвращеніе къ этимъ нечистымъ животнымъ, что не хотятъ преслѣдованіемъ ихъ осквернять свои руки. Они не согласны предоставить даже сосѣдямъ возможность истреблять дикихъ свиней и часто изъ-за убитаго кабана между сосѣдними крестьянами, принадлежащими къ различнымъ національностямъ, поднимаются жестокія ссоры [1]). Земледѣльческія орудія армянъ самаго первобытнаго устройства; до сихъ поръ еще для молотьбы служатъ грубыя волоки, снабженныя снизу рядами остроконечныхъ голышей [2]). Археологи могутъ спросить, вмѣстѣ съ Коннингамомъ: тѣ каменныя стрѣлы, которыхъ такъ много находятъ во всѣхъ частяхъ свѣта, не служили ли онѣ, какъ и у армянъ, для мирныхъ, чисто земледѣльческихъ цѣлей?

Главная нація, населяющая долину Аракса, по численности своей занимаетъ на Кавказѣ четвертое мѣсто, и уступаетъ по своему вліянію только русскимъ; это армяне, или вѣрнѣе: гай, гайкъ, гайканы, какъ они сами себя называютъ. Названіе «Арменія» происхожденія арамейскаго, обозначающее, вѣроятно, «высокая страна», есть въ то же время названіе наиболѣе неопредѣленное, прилагаемое главнымъ образомъ ко всей области плоскогорій, съ господствующимъ на нихъ двуглавымъ Араратомъ. Слѣдуя политическимъ превратностямъ и выселеніямъ, собственно Арменія или Гайзданъ, т. е. земля, населенная гайками, измѣняла свои границы съ каждымъ столѣтіемъ; въ настоящее время она занимаетъ почти всю долину Аракса, значительную часть бассейна Куры по обѣ ея стороны, затѣмъ весь верхній бассейнъ Ефрата, до сліянія его двухъ верхнихъ истоковъ, берега озера Ванъ и нѣсколько кусковъ персидской земли въ бассейнѣ озера Урмія. Центръ тяжести армянскихъ владѣній перемѣщался все ближе и ближе къ сѣверу; онъ находился прежде недалеко отъ озера Вана, въ равнинѣ верховьевъ Мурада, т. е. восточнаго Ефрата; деревня Гайкъ носитъ еще до сихъ поръ названіе національности. Но территорія, подчиненная мусульманамъ-туркамъ, не могла оставаться священной землей для армянъ. Во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ только разсѣяны армяне, вездѣ они смотрятъ на гору Араратъ и на долину Аракса, какъ на свое истинное отечество; тамъ до сихъ поръ находится главное ядро ихъ расы, съ наименьшей примѣсью чужаго элемента; кромѣ того, тамъ и языкъ армянскій наиболѣе чистъ и наиболѣе подходитъ къ тому, который употребляется еще при богослуженіи, но уже вполнѣ исчезъ изъ общаго употребленія еще въ концѣ XIV вѣка.

Когда эта мѣстность была покорена русскими въ 1828—1829 гг., то 130.000 армянъ пришли изъ Персіи и Турціи, чтобы подъ покровительствомъ русской арміи поселиться въ долинѣ Аракса и Куры и замѣстить собой курдовъ и татаръ, стремившихся въ свою очередь уйти на земли, оставшіяся во власти магометанъ. Во время послѣдней войны, 1877 и 1878 годовъ, произошло подобное же явленіе: изъ Ардаганскаго округа, въ долинѣ верхней Куры, и изъ Карской области, въ бассейнѣ Аракса, почти все мусульманское населеніе поуходило въ предѣлы Турціи, а взамѣнъ ихъ явились массой армяне. Эти послѣдніе пришли изъ верхняго бассейна Ефрата, съ береговъ Чоруха, но въ особенности изъ той части турецкой территоріи, которая должна была по Санъ-Стефанскому договору принадлежать Россіи, и которая по Берлинскому конгрессу снова осталась за Турціей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти переселенія народовъ, встрѣчавшихся на пути, не обходились безъ убійствъ, голода и эпидемій; потеря людей была громадна, и теперь еще, несмотря на мирное время, религіозная и расовая ненависть служатъ причиной ужасающихъ драмъ; но вообще враждебное населеніе размѣстилось сообразно естественному влеченію.

До сихъ поръ еще нѣтъ сколько-нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ относительно численности армянъ въ Малой Азіи, но весьма вѣроятно, что ихъ тамъ меньше, чѣмъ въ русскихъ владѣніяхъ.

Вотъ вѣроятныя цифры армянъ, въ Кав-

[1]) Parot,—Petzholdt.
[2]) ФонъЗейдлицъ, рукописныя замѣтки.

казской и Европейской Россіи—954.612. Въ Турецкой Арменіи (по Равенштейну)—760.000 Въ Персидской Арменіи (по Дюлорье)—150.000 Въ Европейской Турціи—250.000. Въ другихъ странахъ—60.000. Итого—2.174.612.

Обыкновенно полагаютъ, что число всѣхъ армянъ доходитъ до 3-хъ, а по нѣкоторымъ авторамъ до 4-хъ милліоновъ [1]), но навряд-ли ихъ больше двухъ. Одна странная особенность, показывающая, насколько армяне разсѣяны по разнымъ странамъ, заключается въ томъ, что ихъ города и они сами гнѣздятся большими группами вдали отъ Арменіи и даже внѣ азіатскаго материка: напр., въ Константинополѣ число армянъ достигаетъ не менѣе 200.000 душъ; Тифлисъ—второй городъ гайканъ по численности населенія, расположенъ тоже на неармянской землѣ или, такъ сказать, въ ихъ черезполосномъ владѣніи. Есть также еще нѣсколько другихъ городовъ въ Закавказьѣ, которыхъ можно по преобладающему населенію назвать армянскими.

Прошло много вѣковъ, какъ армяне, лишившись политическаго единства и національной независимости, разбрелись по всему Востоку; еще Геродотъ видѣлъ ихъ въ Вавилонѣ. Когда ихъ земля стала добычей побѣдителей, они предпочли «жить иностранцами на чужой землѣ, нежели быть рабами въ своемъ отечествѣ». Они переселялись толпами, и въ XI вѣкѣ ихъ видѣли пробиравшимися въ Россію, Польшу, Буковину и въ Галицію. Теперь ихъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ отъ Лондона до Сингапура и Шанхая, и всюду они составляютъ кружки значительныхъ негоціантовъ. Часто сравниваютъ армянъ съ евреями, разсѣянными также по всему свѣту, и это сравненіе во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрно; гайканы навѣрно не уступятъ израильтянамъ въ религіозной устойчивости, въ духѣ солидарности, точно такъ же, какъ и въ страсти къ наживѣ и торговой оборотливости, но они не такъ предпріимчивы, какъ евреи, и, въ то время когда послѣднихъ можно встрѣтить на отдаленныхъ концахъ свѣта единицами, успѣшно выдерживающими борьбу за существованіе, армяне могутъ двигаться лишь болѣе или менѣе сплоченными группами. Кромѣ того, большинство армянъ, остающихся въ родной землѣ, далеко не чувствуетъ того отвращенія къ воздѣлыванію полей, какъ евреи; во многихъ уѣздахъ Закавказья почти всѣ хлѣбопашцы принадлежатъ къ армянской національности. Извѣстно, что изъ нѣкоторыхъ деревень Карабага, жители ихъ, гайканы, уходятъ въ отхожіе промыслы въ качествѣ каменщиковъ и плотниковъ [2]). Ни въ какой странѣ на земномъ шарѣ нельзя встрѣтить евреевъ, списывающихъ себѣ пропитаніе подобнымъ образомъ.

Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что семитическій элементъ игралъ большую роль въ складѣ жизни армянскаго народа, такъ какъ происходили многочисленныя переселенія евреевъ и переходъ ихъ массами изъ Палестины въ Арменію [1]). На общій взглядъ «потомки Гайка», арійцы, очень близко стоятъ къ персамъ; но постоянныя превратности, сопряженныя въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ съ войнами, покореніями, ссылками, содѣйствовали смѣшенію этихъ арійцевъ со всѣми сосѣдними національностями и въ особенности съ евреями, переселявшимися толпами въ горы Арменіи, какъ плѣнники ассирійскихъ завоевателей [2]). Царскій родъ, самый знаменитый, царствовавшій въ Гайзданѣ и въ Грузіи, именно Багратиды, ведетъ свое начало отъ евреевъ, и генеалогія его простирается до Давида, царя-пророка. Между различными поселенцами въ Арменіи, оказывавшими довольно сильное вліяніе на націю, указываютъ на племя мамигоновъ, которые, вмѣстѣ съ княземъ Дженасдана, т. е. Китая, вступили въ Арменію, въ Сомхетъ, въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Данныя лѣтописцевъ доказываютъ очевиднымъ образомъ, что большая часть чужеземцевъ, приходившихъ сюда, подобно норманнамъ и варягамъ, т. е. въ качествѣ полководцевъ [3]), и принимавшихъ на себя обязанность сражаться противъ друзей и недруговъ, были иранцы, принадлежавшіе, вѣроятно, къ тому же племени, какъ и таджики въ бассейнѣ Оксуса [4]).

Всѣ грамматики помѣщаютъ языкъ гайканъ въ семью арійскую. Онъ очень схожъ съ зендомъ: по синтаксису онъ даже вполнѣ иранскій, по составу же словъ походитъ гораздо больше на греческій языкъ и на славянскіе; хотя онъ довольно грубъ, обиленъ согласными буквами, но зато по богатству словъ и грамматическихъ формъ онъ сходенъ съ іонійскимъ: въ немъ та же гибкость въ образованіи словъ, та же способность составлять неопредѣленное наклоненіе для составныхъ словъ [5]). Конечно, современный армянскій языкъ подраздѣляется на нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій, заимствовавшихъ множество выраженій изъ грузинскаго и турецкаго языковъ; такъ напр., въ долинѣ низовьевъ Аракса, въ особенности тамъ, гдѣ армяне окружены со всѣхъ сторонъ татарами, они говорятъ на жаргонѣ, въ которомъ

[1]) Issaverdens, „Armenia and the Armenians".

[2]) N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", *1880г.—рукописныя замѣтки.*

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. X.

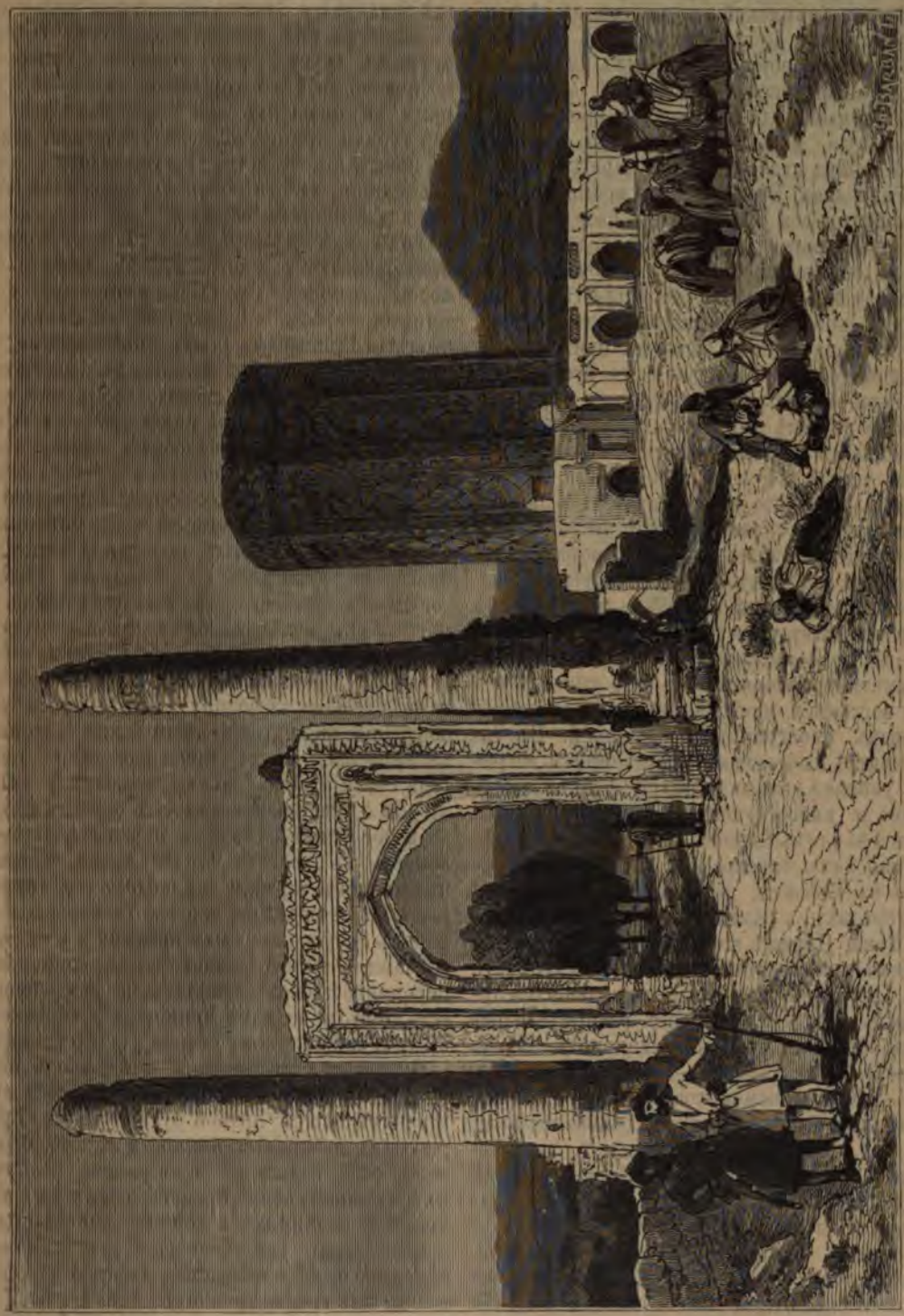
[2]) До сихъ поръ еще въ Закавказьѣ существуютъ лишь армянскія деревни съ населеніемъ, говорящимъ на древне-еврейскомъ языкѣ. (См. Мшакъ, 1881 г.).
Прим. перев.

[3]) Saint Martin, „Memoires sur l'Armenien".

[4]) Schweiger-Lerchenfeld, „Armenien";—Fr. von Gellvaldt, „Central Asie".

[5]) Dulaurier, „Revue des Deux Mondes". 15 avril 1855.

преобладаетъ турецкій языкъ; можно указать также на то, что, напримѣръ, въ Ширванѣ, въ южномъ Кавказѣ, множество армянскихъ обществъ совершенно не говорятъ на родномъ языкѣ. Подобныя перемѣны были неизбѣжны, по причинѣ разсѣянія націи; большая часть армянъ давно уже покинула свою родную отчизну, и тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Буковинѣ и Трансильваніи, даже совершенно забыли языкъ своихъ предковъ. Въ священномъ монастырѣ Эчміадзинѣ, гдѣ рѣчь гайканъ ближе всего подходитъ къ ихъ классическому языку, она сохранилась какъ чистый иранскій діалектъ.



Видъ у города Нахичевань

Наконецъ, армянская литература, которая въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ не перестаетъ все болѣе обогащаться, объясняетъ исторію языка и данныя о его происхожденіи. Въ Ванскомъ округѣ скалы носятъ на себѣ армянскія над-

писи, сдѣланныя клинообразной вязью. Изъ другихъ гайканскихъ документовъ, писанныхъ греческими и персидскими буквами, видно, что въ V вѣкѣ христіанской эры въ эпоху полнаго процвѣтанія армянской литературы въ тѣ времена, когда еще до трехсотъ школъ были открыты для образованія молодыхъ людей, армяне составили свой собственный алфавитъ, употребляемый и до настоящаго времени. Въ XIV столѣтіи, нашествіе Тамерлана сразу положило конецъ классическому періоду литературы Гайяздана. Въ настоящее время армяне, столь заботящіеся о воспитаніи своихъ дѣтей, всячески стремятся дать имъ всѣ средства пользоваться образованіемъ; нѣтъ такой общины, которая не заботилась бы объ открытіи или содержаніи школы; часто даже ихъ деревенскія общества принуждены бываютъ приходить по этому поводу въ столкновеніе съ русской администраціей, считающей ихъ не въ мѣру ревностными въ дѣлѣ народнаго образованія, и съ собственнымъ духовенствомъ, опасающимся утерять черезъ это часть того вліянія, которое перейдетъ къ учителямъ. Научное и литературное движеніе сравнительно съ численностью армянъ ведется также довольно энергично, и, кажется, тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Россіи, печатаютъ книгъ всего больше. Прежняя армянская литература почти вся состояла изъ сочиненій по богословію, исторіи, метафизикѣ и грамматикѣ; теперь же она затрогиваетъ всѣ другіе вопросы и обогащается переводами образцовыхъ иностранныхъ сочиненій. Въ самомъ центрѣ Анатоліи путешественники встрѣчаютъ гайканъ, занимающихся французскимъ языкомъ и интересующихся его литературой; уже въ 1854 г. въ Европѣ и Азіи было не менѣе 22 армянскихъ типографій. Ихъ журналы издаются въ Тифлисѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ, а различныя общества въ Москвѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и въ Венеціи занимаются изданіемъ памятниковъ письменности древняго языка. Въ 1880 году число издававшихся армянскихъ газетъ и журналовъ распредѣлялось такимъ образомъ: въ Константинополѣ—9, въ Тифлисѣ—5, Эчміадзинѣ—1, Москвѣ—1, Венеціи—1. Самое знаменитое учрежденіе армянъ за границей,—это монастырь, основанный въ 1717 году монахомъ Мехитаромъ, т. е. «утѣшителемъ», на островѣ Санъ-Лазарро, возлѣ канала лагунъ, по которому гондолы слѣдуютъ изъ Венеціи въ Лидо. Въ этомъ зданіи изъ розоваго кирпича, окруженномъ садами, издаются очень цѣнные документы; здѣсь же находится библіотека, заключающая въ себѣ рѣдкія восточныя рукописи.

Венеціанскіе мехитаристы, точно такъ же, какъ и большая часть гайканъ, живущихъ внѣ Закавказья и Турціи, принадлежатъ къ армяно-унитаріанскому вѣроисповѣданію, довольно *близкому къ римско-католической церкви*, удерживая при этомъ нѣкоторыя изъ своихъ традицій. Но главная масса армянскаго народа въ равнинахъ Ефрата и Аракса остается вѣрной древней христіанской религіи; въ городахъ, гдѣ приходится однимъ сектантамъ жить о-бокъ съ другими, они очень враждебно относятся другъ къ другу и даже стараются, насколько возможно, избѣгать торговыхъ сношеній. Разница въ догматахъ той и другой секты, т. е. собственно армянской и католической, лежитъ въ пониманіи естества Іисуса Христа, ада и чистилища, власти соборовъ, церковной іерархіи и различныхъ обрядовъ; но, такъ сказать, во внѣшнихъ формахъ, какъ тѣ, такъ и другіе, придерживаются множества различныхъ символовъ, относящихся къ прежнему культу. Армянскій народъ, окрещенный въ началѣ IV столѣтія Григоріемъ I «Просвѣтителемъ», есть первый народъ, обратившійся въ христіанство массой; но, утерявши своихъ боговъ, онъ не забылъ своихъ повѣрій и переходилъ къ новому культу мало-по-малу: подобные перевороты совершаются лишь медленнымъ путемъ. Еще и до сихъ поръ, какъ во времена Зороастра, они устраиваютъ празднество въ честь священнаго огня. Въ день годоваго праздника чета новобрачныхъ сожигаетъ въ большомъ мѣдномъ сосудѣ все лучшее, что производитъ земля: разнаго рода цвѣты, хлѣбные колосья вмѣстѣ съ соломинкой, ладонъ, лавровыя вѣтки и проч. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни повертываются лицомъ къ солнцу, какъ бы прося у него ободренія; женихъ и невѣста также обращаютъ къ нему свои взоры, призывая его въ свидѣтели своей любви; больные просятъ у солнца здоровья, умирающіе желаютъ бросить въ него свой послѣдній взглядъ, а мертвыхъ хоронятъ лицомъ къ востоку [1]). Во время большихъ праздниковъ армяне приводятъ въ церковь или подъ священныя деревья быковъ, или барановъ [2]), украшенныхъ цвѣтами и восковыми свѣчами, а затѣмъ убиваютъ ихъ, сопровождая церемонію пѣснями и молитвами: это, очевидно, есть не что иное, какъ приношеніе жертвы богу Митрѣ, завѣщанному старой религіей новой.

Духовный глава армянъ—католикосъ, власть котораго зиждется на храненіи у себя очень цѣнныхъ мощей: правой руки мученика Григорія. Онъ избирается высшими лицами Эчміадзина, если только не былъ раньше назначенъ въ преемники своимъ предшественникомъ, послѣ чего ему подчиняются всѣ его единовѣрцы, исповѣдывающіе григоріанство; онъ назначаетъ епархіальныхъ епископовъ, избирая ихъ почти всегда изъ среды монаховъ, и шлетъ свои распоряженія Константинопольскому и Іерусалим-

[1]) Cirbied, „Mémoires de la Société des antiquaires de France“, t. II, 1820. Bodenstedt, „Die Völker des Kaukasus“. Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat“.

[2]) N. Von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann,“ 1880. Рукописныя замѣтки.

скому патріархамъ: послѣднее условіе было очень важно для русскаго правительства, присоединившаго къ своимъ владѣніямъ священную гору Араратъ и чтимый народомъ Эчміадзинскій монастырь. Завладѣвши этимъ кускомъ земли, столь знаменитымъ на Востокѣ, оно въ то же время еще болѣе содѣйствовало упроченію авторитета духовнаго главы болѣе чѣмъ двухъ милліоновъ людей. Такимъ образомъ петербургскія власти, не особенно мягко относящіяся къ религіямъ и сектамъ, удаляющимся отъ православія, всегда тщательно заботились, чтобы обставить католикоса самыми высокими знаками своего почтенія, пріобрѣтая такимъ образомъ нѣчто въ родѣ права покровитель-

Армянка.

ствовать армянамъ, живущимъ въ Турціи. Конечно, въ большей части случаевъ излишнее рвеніе въ обрусѣніи народовъ имперіи, побуждало чиновниковъ употреблять жестокія и притѣснительныя мѣры противъ армянъ, но все-таки, никакія своеволія губернаторовъ и политическіе перевороты не мѣшали имъ пользоваться тѣмъ значительнымъ вліяніемъ въ имперіи, которое они пріобрѣтаютъ, благодаря своему образованію, знанію языковъ, изворотливости, часто пронырству и, наконецъ, той замѣчательной способности, съ какою они умѣютъ проникать въ оффиціальный міръ. Извѣстно, какой долей власти отъ имени своихъ повелителей Османлисовъ пользуются гайканы въ Константинополѣ. Въ Петербургѣ они также начинаютъ играть роль, подобную той, которую нерѣдко выполняли ловкіе итальянцы во Франціи. Въ Закавказьѣ они мало-по-малу скупаютъ земли и, какъ собственники, держатъ въ рукахъ своихъ сосѣдей-татаръ.

По внѣшнему виду армяне русскаго Закавказья отличаются отъ грузинъ развѣ только болѣе крупными чертами лица, болѣе округленнымъ лицомъ, болѣе короткой и толстой шеей. Очень многіе изъ нихъ скоро тучнѣютъ, и вѣроятно причиной этому служитъ ихъ слишкомъ сидячій образъ жизни. У армянъ обыкновенно густые черные волосы, почти всегда украшенные у женщинъ цвѣтами, глаза большіе, черные и томные; по виду они кажутся кроткими, тихими, почти меланхоликами. Хотя очень спокойные по своей натурѣ, они способны храбро отражать нападенія, какъ это и доказали въ началѣ XVIII столѣтія, во время семилѣтней войны за независимость, которую имъ пришлось выдержать противъ персовъ, въ горахъ Карабага, и, кромѣ того, во многихъ мѣстныхъ возстаніяхъ противъ турокъ. Въ домашней жизни армяне не носятъ при себѣ оружія, между тѣмъ какъ грузины особенно въ бассейнѣ Ріона любятъ увѣшивать себя съ ногъ до головы цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и кинжаловъ: какъ сильно сказываются въ этомъ контрастѣ національные характеры! И именно человѣкъ миролюбивый, не носящій оружія, предоставленный самому себѣ, съумѣлъ наилучшимъ образомъ сохранить свою свободу: армяне не признаютъ дворянъ, свободно избираютъ своихъ начальниковъ, и во всѣ времена умѣли избавляться отъ той тяжкой участи раба, какая была

и есть еще въ настоящее время, хотя и подъ другимъ названіемъ, долею большинства грузинъ. Вообще можно сказать, что малообразованные армяне Аракса обнаруживаютъ въ себѣ замѣчательныя природныя способности, и коль скоро имъ представляется возможность учиться, они съ удивительной быстротой пріобрѣтаютъ знанія и превосходятъ даже славянъ той изумительной легкостью, съ какой имъ даются языки. «У армянина умъ въ головѣ, между тѣмъ, какъ у грузина онъ только во взглядѣ». Судя по ихъ литературѣ, армяне, среди другихъ народовъ, имѣютъ рѣдкій недостатокъ— быть слишкомъ тяжелыми, принимать все черезчуръ серьезно. Гармонія стиха трогаетъ ихъ очень мало [1]), хотя и у нихъ были превосходные поэты, и даже въ наше время ихъ лучшіе писатели воспѣваютъ природу и отчизну. Армяне особенно любятъ разсуждать о богословіи, метафизикѣ, грамматикѣ и пріобрѣли извѣстность въ исторіи литературы собственно трудами по эрудиціи. Нѣкоторыя сочиненія греческихъ классиковъ, считавшіяся безвозвратно потерянными, напримѣръ, отрывки изъ Эзопа, Филона, Хризостома, были найдены въ древнихъ армянскихъ переводахъ мехитаристами Венеціи и Вѣны [2]).

Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ армяне, они старательно избѣгаютъ людей другой расы и другаго языка. Кромѣ того, торговыя занятія зачастую выдѣляютъ ихъ въ особый классъ: въ городахъ и въ большей части татарскихъ и грузинскихъ деревень, они столь же необходимы и столь же ненавидимы и презираемы, какъ и евреи въ восточной Европѣ. Между тѣмъ, безъ особеннаго преувеличенія, къ гайканскимъ крестьянамъ могутъ быть примѣнены слова Турнефора: «Армяне лучшій и честнѣйшій народъ въ мірѣ», — или замѣчаніе Байрона: «Добродѣтели армянина — въ немъ самомъ, свои пороки онъ получилъ отъ другихъ». Но что значитъ мнѣніе свѣта для нихъ, живущихъ внѣ общества и среди людей, говорящихъ другимъ языкомъ? Армяне, придерживающіеся старины, какъ земледѣльцы, такъ и коммерсанты, живутъ какъ бы замурованными въ своей семьѣ. Они доселѣ еще держатся патріархальнаго быта; дѣдъ приказываетъ, дѣти, зятья и внуки повинуются; женщина, вынужденная молчать, по крайней мѣрѣ до рожденія перваго ребенка, носитъ вокругъ шеи и нижней части лица толстую суконную повязку, которая закрываетъ ей ротъ: чтобы быть понятой, она должна, подобно нѣмой, объясняться знаками. Сдѣлавшись матерью, она пріобрѣтаетъ право говорить въ полголоса съ женщинами своей семьи; но чтобы разговаривать свободно, она должна достигнуть зрѣлыхъ лѣтъ и даже старости. Всѣ заботы о хозяйствѣ лежатъ на ней до появленія въ домѣ невѣстки [1]). Иностранецъ рѣдко бываетъ приглашенъ въ армянскій домъ, и, право, можно много разъ пройти черезъ ихъ деревню, сомнѣваясь даже, обитаема ли она. Постройки и сады, окруженные высокой стѣной, совершенно скрыты отъ взгляда. Нѣтъ ничего угрюмѣе и безобразнѣе длиннаго ряда глиняныхъ стѣнъ, носящихъ у нихъ названіе деревни, особенно въ равнинахъ, лишенныхъ зелени.

Татары, населяющіе низовые берега Аракса, нисколько не различаются по языку, религіи и нравамъ отъ тюркскихъ племенъ долины Куры. Цыгане составляютъ весьма незначительную часть населенія Арменіи. Что касается курдскихъ пастуховъ, кочующихъ по близости съ Араратомъ, на склонахъ Алагеза и по берегамъ Гокчайскаго озера, то почти всѣ они живутъ здѣсь лишь временно, приходя изъ Курдистана, Персіи и Турціи. Среди этихъ же пастуховъ насчитываютъ нѣсколько сотенъ іезидовъ, на которыхъ всѣ ихъ сосѣди смотрятъ съ ужасомъ, какъ на поклонниковъ дьявола. Курды образуютъ значительную часть осѣдлаго населенія закавказской Арменіи, только въ округѣ Зангезуръ, на юго-востокъ отъ Гокчайскаго озера. Двѣнадцать, тринадцать тысячъ курдовъ этого округа одѣваются такъ же, какъ и татары, привыкаютъ говорить ихъ языкомъ, и мало-помалу смѣшиваются съ ними [2]).

Главнымъ городомъ въ верхней долинѣ Аракса, въ части, завоеванной русскими, служитъ прекрасный Кагызманъ, скрытый фруктовыми деревьями, яблонями, грушами, сливами, вишнями, абрикосами, персиками, шелковицами, орѣшниками, вьющимся виноградомъ. Въ бассейнѣ Аракса, но собственно только въ части долины, орошаемой однимъ изъ его небольшихъ притоковъ, находится знаменитый Карсъ, столица горной Арменіи и въ то же время самый многолюдный городъ территоріи, не очень давно присоединенной къ Россіи. Этотъ городъ купленъ дорогою цѣною. Еще въ 1828 г. имъ овладѣлъ Паскевичъ, а въ 1855 г. вошелъ въ него Муравьевъ, взявши городъ голодомъ, послѣ долгой осады и безплодныхъ штурмовъ; наконецъ въ 1877 году русскіе снова заняли этотъ городъ и окончательно присоединили его къ Имперіи. Еще до войнъ Россіи съ Турціей, Карсъ выдержалъ много осадъ. Какъ столица Армянскаго царства, въ IX и X столѣтіяхъ онъ былъ разграбленъ Тамерланомъ, Амуратомъ III, персами, и его значеніе, какъ сильной крѣпости, издавна привлекало всѣхъ полководцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ занимаетъ центральное положеніе между верхними бассейнами Куры, Чо-

[1]) Bodenstedt, „Die Völker des Kaukasus".
[2]) Dulaurier, „Revue des deux Monde" 15 apr. 1854.

[1]) James Creagh., „Armenians, Koords and Turks".
[2]) N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", 1880; „рукописныя замѣтки".

Аракса, Ефрата и господствуетъ надъ
ми проходами и долинами этихъ рѣкъ.
я мѣстность содѣйствуетъ энергической
гѣ. Въ этомъ мѣстѣ Карсъ-чай съужи-
я и, образуя двойной изгибъ, однимъ по-
омъ примыкаетъ къ городу, а другимъ
етъ крѣпость. Съ высоты своихъ черныхъ
ьтовыхъ скалъ, Карсъ, выстроенный изъ
ковъ лавы, въ прежнее время могъ стойко
живать небольшія осады, но, со временъ
тія артиллеріи, онъ долженъ былъ укрѣ-
свои высоты; въ войну 1877—78 годовъ
адцать фортовъ, расположенныхъ по
кности и снабженныхъ окопами, пред-
яли оборонительную линію въ шестнад-
верстъ длиною. Форты вмѣстѣ со скалами
ьта и абсидіана— единственные интерес-
предметы въ этомъ черномъ, печальномъ
ѣ, лишенномъ растительности и окружен-
голыми скалами. Несмотря на то, что
ь занимаетъ положеніе на высотѣ около
футовъ, онъ ведетъ довольно оживлен-
орговлю.

лесный путь, спускаясь на востокъ, доли-
Карсъ-чай, и соединяясь съ тѣмъ, который
отъ Арпачая, связываетъ такимъ обра-
Карсъ съ Александрополемъ, т. е. древнюю
кую крѣпость съ русскимъ укрѣпленіемъ,
которымъ велись постоянныя работы, на-
съ 1837 года; до того времени суще-
ала здѣсь только деревенька Гумры, насе-
ія армянскими выходцами. Александро-
построенный недалеко отъ восточнаго бе-
Арпачая, въ бассейнѣ, находящемся на
тъ массива Алагезъ и менѣе чѣмъ въ 200
іяхъ ниже своего прежняго соперника,
женъ полями, значительно лучше обрабо-
ми, такъ какъ Арпачай или «Рѣка ржи»
аетъ ихъ въ изобиліи водою, необходимою
рошенія. Александрополь сдѣлался наслѣд-
ъ города Ани, бывшаго въ десятомъ и
адцатомъ столѣтіяхъ резиденціей армян-
Багратидовъ и разореннаго сельджуками
-Арслана, а затѣмъ монголами Батыя.

Въ 1319 году, землетрясеніе докончило
еніе города, и жители его разсѣялись по
Кавказу, Крыму, до самой Польши. Раз-
ы покрываютъ трехугольный мысъ, на-
щійся на правомъ берегу Арпачая и отдѣ-
щійся съ запада отъ плоскогорія высохшимъ
ь, стѣны котораго изрыты гротами и мо-
ми; съ сѣверо-востока сильная двойная
а защищала городъ съ единственной до-
ой къ нему стороны; на самомъ высокомъ
ѣ скалы возвышается акрополь. Остатки
вей, мечетей, дворцовъ въ мавританскомъ
го же время византійскомъ стилѣ, разсѣяны
верхности скалы; почти всѣ уцѣлѣвшіе
ки носятъ армянскія надписи; видны
е слѣды стѣнной живописи, а въ пещерахъ
птурныя изображенія, грубо высѣченныя
изъ камня. Если вѣрить даннымъ армянскихъ лѣтописей, по всей вѣроятности преувеличеннымъ, то въ Ани было не менѣе 100.000 жителей, и тысяча церквей возвышали свои куполы надъ другими зданіями [1]).

На юго-востокъ отъ Ани, и уже въ обширной равнинѣ, отдѣляющей два колосса Алагезъ и Араратъ, находится другая груда развалинъ,— Талышъ, который, кажется, также былъ столицею армянскаго царства; теперь же это маленькая деревушка, гнѣздящаяся между высокими стѣнами, башнями и остатками дворцовъ. Область низовьевъ Арпачая есть страна развалинъ. На западъ отъ этой рѣки, видны еще остатки Пакарана или «Собраніе боговъ» [2]). Нѣсколько далѣе къ югу двѣ столицы, построенныя послѣдовательно одна за другой тѣмъ же царемъ Эриваномъ II, Эрованташадъ и Эрованташердъ, и имѣвшія, какъ говорятъ, 30.000 еврейскихъ и 20.000 армянскихъ домовъ находились при сліяніи Аракса съ Арпачаемъ; первая стояла на восточномъ берегу, а вторая на западномъ. Армавиръ, другой главный городъ этого царства, съ блуждающей столицей, основанный также Эриваномъ II, ранѣе двухъ вышеупомянутыхъ городовъ, оставилъ послѣ себя на холмѣ ничего незначащія развалины, расположенныя среди равнины, на берегахъ канала Кара-су, близъ Аракса. Наконецъ, на югъ отъ рѣки, на террасѣ изъ лавы, отдѣленной отъ окружающихъ холмовъ глубокими расщелинами, возвышается «черная крѣпость», Кара-Кала или Кара-Кале, которую Дюбуа-де-Монпере ошибочно принималъ за древній Тигранокертъ. Очень немногіе изъ старинныхъ замковъ могутъ сравниться съ суровою прелестью ея башенъ, построенныхъ изъ краснаго порфира и черной лавы, и воздвигнутыхъ надъ пропастями, на глубинѣ которыхъ шумитъ вода. По армянскому преданію, близъ этого мѣста Іовъ, сидя у своего пепелища, бесѣдовалъ съ тремя поучавшими его друзьями.

Истинный Римъ гайканъ, Эчміадзинъ, находящійся на западъ отъ Эривани, почти среди равнины, есть самъ по себѣ небольшой городъ. Въ его сосѣдствѣ группируются дома маленькаго города Вагаршабада; самъ же Эчміадзинъ есть не что иное, какъ огромный монастырь, выстроенный изъ битой глины, съ церковью, пирамидальной колокольней и боковыми башенками. Четыреугольная ограда, сѣроватыя стѣны которой лишены даже башенъ, скрываетъ собою нижнюю часть зданій. Если и есть что истинно прекраснаго въ Эчміадзинѣ, такъ это его прозрачныя воды, цвѣты, тополевыя рощи и фруктовые сады,—жалкіе остатки «зеленыхъ садовъ», видѣнныхъ въ семнадцатомъ вѣкѣ Шардэномъ, Таверье и Турнефоромъ. Тѣмъ

[1]) Hamilton, „Asia Minor“. — Carl Ritter, „Asien“, X — Dubois de Montpéreux, etc.

[2]) Carl Ritter, цитированное сочиненіе.

не менѣе Эчміадзинскій монастырь, названіе котораго означаетъ: «Сошелъ Единородный!» есть столица армянскаго народа. Здѣсь именно, согласно легендѣ, «Единородный Сынъ» явился въ солнечномъ лучѣ Григорію Просвѣтителю и однимъ ударомъ молніи низвергнулъ въ преисподнюю языческія божества. Эчміадзинъ стоитъ на мѣстѣ города, бывшаго столь могущественнымъ въ древнее время въ Арменіи. Тутъ возвышался Ардеметъ-Кагакъ, «Городъ Артемизы» или Анахиты (Армянская Венера), куда со всѣхъ сторонъ стекались вѣрующіе на поклоненіе богинѣ [1]). Сюда же, къ подножію Армавирской крѣпости, ходили совѣщаться съ священными дубами, гдѣ жрецы подобно тому, какъ въ Додонѣ, прислушиваясь къ шопоту листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, предсказывали судьбу [2]). Божества храма измѣнились, протекло не менѣе двадцати пяти столѣтій, а это мѣсто въ равнинѣ осталось священнымъ. Монастырская библіотека богаче мехитаріанской, находящейся въ Венеціи; она обладаетъ 635-ью старинными рукописями [3]), а ея типографія, самая древняя въ Арменіи, издаетъ журналъ и нѣсколько народныхъ армянскихъ книгъ. На монастырскомъ колоколѣ видна тибетская надпись съ мистическими словами (Om Mani Padmi houm), резюмирующими суть жизни и смерти и всѣхъ вѣчныхъ истинъ. Такимъ образомъ, Арменія еще въ очень отдаленную эпоху была въ сношеніяхъ съ буддійскимъ міромъ [4]).

Эривань, главный городъ русской Арменіи и второй по населенію въ бассейнѣ Аракса, такъ какъ Александрополь превосходитъ его численностью жителей, построенъ въ сѣверо-восточномъ углу древняго озернаго бассейна, чрезъ который протекаетъ рѣка Занга, дробящаяся въ тысячахъ ирригаціонныхъ каналовъ. Главнымъ образомъ Эривань населена армянами; между тѣмъ какъ подъ владычествомъ персовъ, преобладающимъ населеніемъ были татары. Построенная при входѣ въ горную долину, ведущую, черезъ Гокчайское плоскогоріе, въ Тифлисъ и бассейнъ Куры, Эривань должна была занимать важное стратегическое и торговое значеніе; ея крѣпость, возвышающаяся на массивахъ базальтовыхъ колоннъ, напоминаетъ о многочисленныхъ военныхъ подвигахъ. Въ Эривани, почти сплошь построенной въ персидскомъ стилѣ, есть нѣсколько живописныхъ зданій, прекрасная мечеть, украшенная арабесками и оттѣненная великолѣпными вязами; но особенно хороши огороды и фруктовые сады, по которымъ струятся быстрыя воды; отсюда открывается чудный видъ на Араратъ съ его двуглавой вершиной, возвышающійся на юго-западѣ; но за ирригаціонной полосой начинаются сѣрыя и оголенныя поля. Отвратительный климатъ, съ рѣзкими переходами отъ жары къ холоду, пыль, лихорадки вскорѣ обезлюдили бы городъ, если бы онъ не занималъ первенствующаго положенія на границѣ Персіи и Турціи, и если бы его сады и соляныя копи не составляли значительнаго предмета торговли. Такъ, напримѣръ, въ 1876 г. въ Эриванскомъ уѣздѣ добыто соли 12.890 тоннъ. Лѣтомъ всѣ русскіе чиновники удаляются въ горныя долины. Семеновка, колонія молоканъ, построенная на Гокчайскомъ плоскогорьѣ, близъ верхняго спуска дороги, идущей изъ Эривани въ Тифлисъ, и въ ея сосѣдствѣ, Делижанъ, лежащій при раздѣленіи пути въ Александрополь, считаются въ числѣ весьма здоровыхъ станцій, какъ для жителей равнины Аракса, такъ для и обитателей долины Куры. Самое большое село плоскогорья, Каваръ, находится не далѣе какъ въ 6 верстахъ на югъ отъ Гокчайскаго озера; оффиціально оно извѣстно подъ именемъ Ново-Баязета. Мѣдныя руды этого округа болѣе не обработываются.

На востокъ отъ Эривани, въ долинѣ, находящейся среди вулканическихъ горъ, есть развалины города, бывшаго также одной изъ множества армянскихъ столицъ. Въ Башъ-Карны или Гарны, который, какъ увѣряютъ армяне, былъ построенъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, находятся остатки храма греческой постройки, можетъ быть посвященнаго армянской Венерѣ и называвшагося въ честь основателя «Трономъ Тиридата». Въ Башъ-Карны видны еще остатки дворца и крѣпостей; но базальтовыя колонны, расщелины, въ которыхъ бѣжитъ потокъ, скалистые вулканическіе уступы, голубаго, зеленаго, краснаго цвѣтовъ, какъ доказательства древнихъ изверженій, гораздо замѣчательнѣе остатковъ человѣческихъ построекъ. Здѣсь, въ самомъ дикомъ мѣстѣ этой волнистой области, находится Кегартъ, Кергашъ, или Айриванкъ, т. е. «Подземный монастырь», половина котораго высѣчена въ туфѣ и лавѣ. Среди равнины, тамъ, гдѣ воды потока Карны, Карны-чая развѣтвляются въ оросительные каналы передъ впаденіемъ въ Араксъ, возвышался Артаксатъ, построенный генераломъ Антіоха Артаксіасомъ, по указанію Ганнибала [1]) и бывшій армянской столицей до той поры, пока римлянинъ Корбулонъ, въ царствованіе Нерона, не разрушилъ его. Неронія, названная такъ ея основателемъ Тиридатомъ въ честь «Цезаря», заступила его мѣсто, но она сдѣлалась столицею только въ концѣ перваго столѣтія, чтобы быть затѣмъ вскорѣ разрушенной въ пользу Вагаршабада. Когда, въ 370 году, она была разрушена арміею Сапора II, то въ ея стѣнахъ насчитывали болѣе 200.000 ты-

[1]) Carl Ritter, „Asien", tome X;—Saint-Martin, „Memoires sur l'Armenie"; — Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".

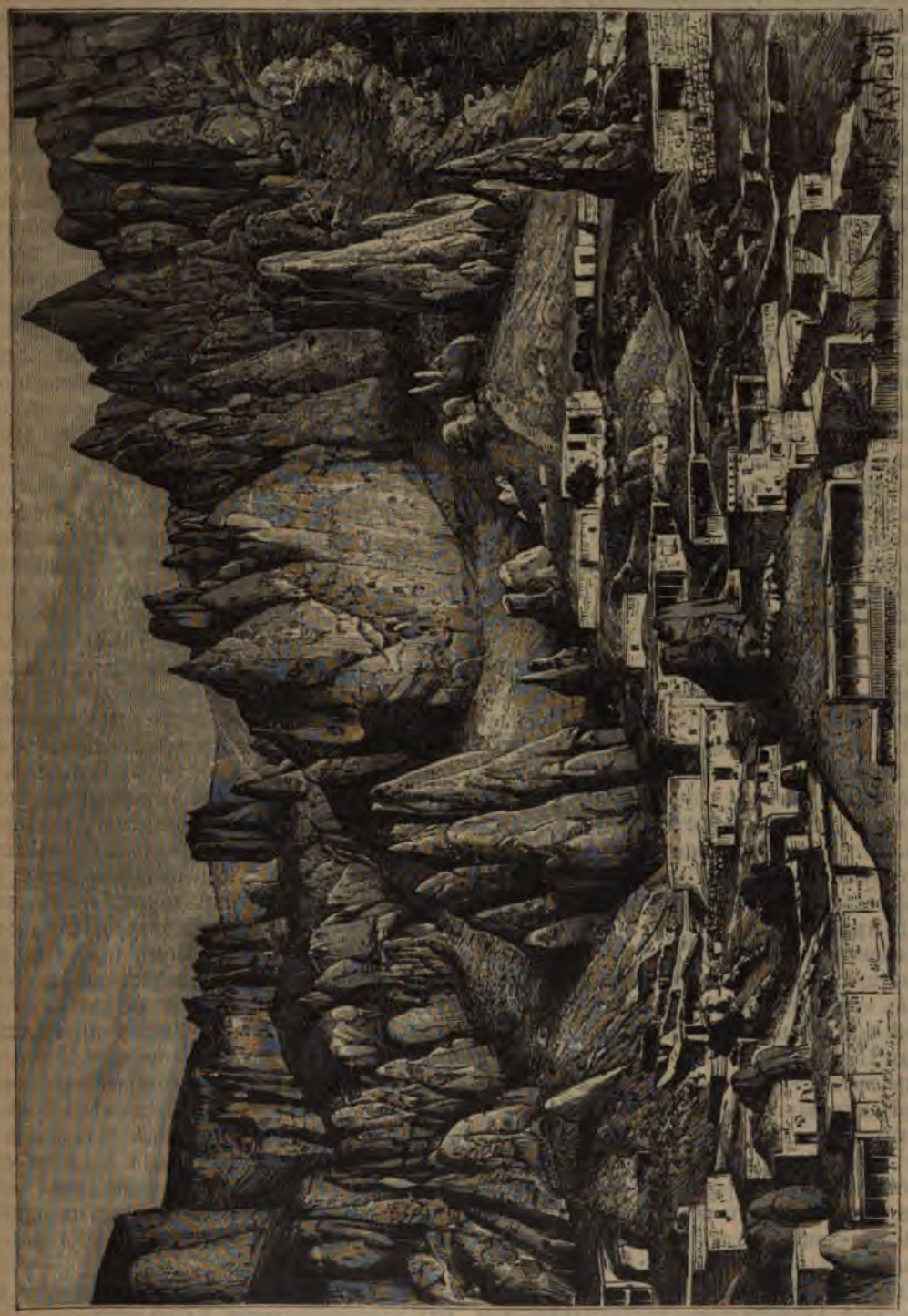
[2]) Моисей Хоренскій.

[3]) Morits Wagner, цитированное сочиненіе.

[4]) *Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase".*

[1]) Ernest Desjardins, „рукописныя замѣтки".

чъ жителей, армянъ и евреевъ, которые частью или избиты, частью уведены въ плѣнъ [1]). Древняя Ардахаръ, которую можно еще видѣть и теперь, есть не что иное, какъ древняя цитадель Артаксакъ; повсюду кругомъ простирается нездоровая равнина, съ разбросанными по ней калкими хижинами. Аракъ, нѣкогда протекавшій у подножія городской стѣны, перемѣнилъ свое ложе и течетъ въ настоящее время почти въ 10 верстахъ южнѣе, около начала возвышенности, идущей къ подошвѣ Арарата.



Предмѣстье Жируди въ Зангезурскомъ округѣ.

Нахичевань, главный городъ уѣзда, раскинувшагося на юго-востокъ отъ Арарата, по мнѣнію армянъ,—древнѣе Эчміадзина: преданіе говоритъ, что онъ былъ построенъ патріархомъ Ноемъ, послѣ насажденія имъ первой виноград-

[1]) Saint-Martin, „Mémoires sur l'Armenie".

ной лозы у предгорія Арарата. Самое его названіе, по-армянски, означаетъ «Первое пристанище», а мѣстные священники показываютъ могильный курганъ, подъ которымъ, какъ они говорятъ, былъ похороненъ Ной. Городъ этотъ столь же древній, какъ и исторія, описанный еще Птоломеемъ подъ именемъ Наксуаны, нѣсколько разъ строился и снова перестраивался; всѣ существующіе теперь дома выстроены изъ камня, добываемаго на мѣстѣ развалинъ. На главномъ порталѣ древняго дворца, у котораго стоятъ два высокихъ минарета, построенныхъ изъ кирпича, находится подпись на персидскомъ языкѣ, украшенная богатыми арабесками; около этого же мѣста возвышается двѣнадцати-угольный монументъ, называемый «башнею» хановъ, вокругъ котораго также сдѣлана надпись, рельефными буквами, занимающая въ длину около 1.480 футовъ [1]). Хотя Нахичевань есть одинъ изъ священныхъ городовъ, почитаемыхъ армянами, однакожъ онъ, главнымъ образомъ, населенъ татарами, занимающимися садоводствомъ и виноградниками; онъ много потерялъ во время персидскаго владычества, такъ какъ до того времени въ его стѣнахъ помѣщалось 40 тысячъ жителей. Сотни фруктовыхъ садовъ обильно орошаются окрестными источниками, а также водою, проведенною изъ Аракса, и ручейками, стекающими съ горъ Карабага. Въ сосѣднихъ скалистыхъ контрфорсахъ, расположенныхъ на сѣверо-западъ, со временъ глубокой древности разрабатываютъ залежи каменной соли, чередующейся съ пластами глины, въ родѣ кульпинскихъ, и точно также заключающихъ въ себѣ каменныя орудія, оставленныя древними рудокопами. Среднее количество соли, добываемой въ Нахичевани, опредѣляютъ въ 4.500 тоннъ (Густавъ Радде). Нахичеванскіе жерновые камни, вытесанные изъ разноцвѣтнаго песчаника, очень цѣнятся во всей Арменіи.

Нахичеванская таможня есть пунктъ, черезъ который проходитъ много товаровъ, составляющихъ въ этой мѣстности предметъ торговли съ Персіей. Средній вывозъ товаровъ изъ Нахичевани въ Персію, за періодъ 1862—72 годовъ простирался до 280.000 рублей. Ввозъ изъ Персіи въ Нахичевань на 1.100.000 рублей.

На юго-востокѣ отъ города расположенъ на берегу Аракса, пограничный постъ Джульфа, напротивъ древняго персидскаго каравансарая, возвышающагося надъ скалами изъ кровавокраснаго песчаника и стѣнами древней крѣпости. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія въ Джульфѣ было сорокъ тысячъ жителей, и она славилась во всей Арменіи своею промышленностью и торговлей». Но «Великій» Шахъ-Абазъ нашелъ нужнымъ превратить въ пустыню округъ, отдѣляющій Персію отъ Нахичевани, и всю территорію, занимаемую турками. Жители Джульфы получили приказаніе выселиться всей массой; тѣхъ, которые не успѣвали бѣжать, бросали въ рѣку, а городъ былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ на глазахъ изгнанниковъ, будущихъ колонистовъ Новой-Джульфы, близъ Испагани. Отъ старой Джульфы остались только ничтожныя развалины и остатки монументальнаго моста, съ четырьмя башнями по угламъ и устоями, омываемыми волнами «буйнаго Аракса» [1]). Самые любопытные памятники въ Джульфѣ—это гробницы обширнаго кладбища, расположеннаго на разстояніи почти полутора верстъ вдоль берега Аракса; нѣкоторыя изъ надгробныхъ статуй отличаются замѣчательно тонкой работой. Десять семействъ, живущихъ въ разрушенномъ каравансараѣ,—вотъ и все, что оставалось въ 1854 году отъ населенія Джульфы [2]). Подъ плитами могильныхъ склеповъ гнѣздятся ужасные скорпіоны.

Ордубатъ расположенъ на Араксѣ, пониже Джульфы, около того мѣста, гдѣ рѣка, пройдя черезъ ущелье Мигри, достигаетъ своей крайней южной точки и обходитъ съ южной стороны Карабагскія горы въ видѣ луки. Это самый пріятный городъ во всей Арменіи; семьдесятъ источниковъ, бьющихъ ключемъ, смѣшиваютъ свои прозрачныя воды съ оросительными каналами и поддерживаютъ богатую растительность окружающихъ садовъ. Ни въ какой другой части Аракскаго бассейна нѣтъ такихъ высокихъ и вѣтвистыхъ деревьевъ, какъ здѣсь; на городской площади сохранился лишенный своей верхушки и полузасохшій платанъ, имѣющій въ окружности не менѣе 6 саженъ. Въ окрестностяхъ Ордубата, въ садахъ и на откосахъ горъ, всюду разбросаны дачи. Въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверо-западъ, въ «Золотой долинѣ», находится деревня Акулиссы, раздѣленная на двѣ группы домовъ, въ которыхъ живутъ богатые армянскіе негоціанты, занимающіеся главнымъ образомъ торговлею шелкомъ и отдачею подъ большіе проценты своихъ капиталовъ эриванскимъ и тифлисскимъ спекуляторамъ. Акулиссы, бывшій въ прошломъ столѣтіи значительнымъ городомъ, былъ разрушенъ Надиръ-Шахомъ, который методически уничтожалъ домъ за домомъ до тѣхъ поръ, пока негоціанты не согласились уплачивать ему требуемый выкупъ [3]). Мѣдныя руды въ окружающихъ горахъ въ настоящее время не составляютъ важнаго предмета промышленности: въ 1877 г. добыто было всего 117 тоннъ чистой мѣди.

Слѣдующіе города въ бассейнѣ Аракса имѣютъ населеніе свыше 5.000 душъ.

Карская область: Карсъ—20.946; Кагызманъ—7.000.

[1]) *Dubois du Montpereux*, „Voyage autour du Caucase".

[1]) Pontem indignatus Araxes, „Encide", VII.
[2]) Dubois de Montpéreux, „цитированное сочиненіе".
[3]) K. Koch, „Wanderungen im Oriente".

ривanская губернія: Александрополь— 94; Эривань (съ двумя пригородами)— 59; Нахичевань—13.710; Новобаязетъ— 5; Ордубатъ—5.500 ч. [1]).

войной бассейнъ, Бергушета и Акеры, рас-женный между горами Ордубата и Шуши, и азующій административный округъ Зангe-, не заключаетъ въ себѣ настоящихъ горо-, а всего лишь нѣсколько значительныхъ течекъ, населенныхъ армянами, татарами урдами. Самое населенное мѣстечко есть зыракъ; главнымъ административнымъ ктомъ считается здѣсь Джирузи, называемый рмянски Корысъ или «деревнею столбовъ», дствіе туфовыхъ иглъ, образовавшихся ываніемъ водою склона той террасы, на рой построено мѣстечко. Домики съ плос-и крышами, расположенные другъ относи-но друга ступеньками, образуютъ какую-странную лѣстницу, спускающуюся сверху зъ, подъ которой ютятся жители, расхажи-щіе подземными улицами. Другія же жи-а, погреба, сараи, вырыты въ террасахъ ганическаго пепла, а обвалы, поросшіе яномъ, защищаютъ жилье; внизу, по бере-ь потока, ростутъ густолиственные вязы. ерешнее Джирузи новаго происхожденія: 80 футахъ или, вѣрнѣе, на 5.250 футахъ высоты, простираются поля, замѣнившія кнюю деревню. Лѣтомъ, когда пятьдесятъ чъ кочующихъ пастуховъ сгоняютъ свои а съ окрестныхъ мѣстъ на богатыя паст-а Зангезура, Джирузи становится на нѣ-ько недѣль торговымъ пунктомъ, и толпы ода тѣснятся тогда на ступеняхъ этого гро-наго амфитеатра, застроеннаго лачугами [2]).

. Общій обзоръ и администрація Кавказскаго края.

усскіе вовсе не новые пришельцы на Кав-. Тмутаракань составляла часть Кубанска-ассейна съ конца девятаго вѣка, и еще въ году «руссики» появились передъ Бердой, дножія Карабагскихъ горъ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ Стенька Разинъ раз-илъ Баку, а въ 1723 году Петръ Великій тиралъ свои побѣды до нынѣшней Персіи. ѣе столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ ія ступила твердою ногою въ Закавказскій ; провинціи мало-по-малу присоединились Имперіи оружіемъ, покупкой, доброволь-ь подчиненіемъ. Сравнительно съ большею ью европейскихъ странъ, положеніе Кав-за послѣдніе сто лѣтъ было совершенно рмальнымъ; самая богатая и населенная часть страны, служившая опорнымъ пунктомъ для арміи, и съ помощью которой удалось при-соединить къ имперіи все Закавказье, принад-лежитъ Россіи еще съ начала текущаго сто-лѣтія.

Народонаселеніе Закавказскаго края, еще болѣе слабое по численности, чѣмъ въ Евро-пейской Россіи, послѣ завоеваній быстро уве-личилось несмотря на войны, переселенія, изгнанія массами, несмотря на вредный кли-матъ нѣкоторыхъ округовъ. Переселенія казаковъ и русскихъ крестьянъ, а также бѣглыхъ армянъ, уравновѣсили собою число покинув-шихъ страну, а вмѣстѣ съ этимъ шло замѣтное увеличеніе населенія черезъ естественный при-ростъ равномѣрно по всѣмъ округамъ края, даже у славянскихъ выходцевъ. Въ началѣ военной окупаціи, Кавказъ былъ «могилой рус-скихъ». Въ продолженіе года болѣе чѣмъ деся-тая часть ихъ гибла отъ лихорадокъ. Но опытъ употребленія хинина, лучшія гигіеническія условія и кое-гдѣ осушеніе болотъ значительно улучшили положеніе дѣлъ, и въ настоящее время смертность русскихъ на Кавказѣ гораз-до менѣе, чѣмъ въ самой Россіи.

Такъ, напримѣръ, смертность среди войскъ на Кавказѣ выражается слѣдующими данными:

Въ 1837 году одинъ смертный случай на 9 больныхъ. Въ 1846 году одинъ смертный слу-чай на 17 больныхъ. Въ 1862 году одинъ смертный случай на 41 больнаго. Общая смертность въ 1864 году 25 на 1.000 больныхъ. Общая смертность въ 1872 году 19,86 на 1.000 больныхъ., тогда какъ, напр., смерт-ность въ Московскомъ уѣздѣ доходитъ до 41,11 на 1.000.

Подобное же явленіе было наблюдаемо въ Алжирѣ, гдѣ испанскіе и французскіе пересе-ленцы не только постепенно попривыкли къ климату, но сдѣлали его болѣе сноснымъ. Про-центъ смертности на Кавказѣ сравнительно съ нарождаемостью менѣе, нежели въ другихъ ча-стяхъ Русской имперіи, и въ этомъ отношеніи Кавказъ занимаетъ даже одно изъ первыхъ мѣстъ между многими странами въ свѣтѣ. По Бунге, цифра смертности въ кавказскихъ про-винціяхъ не превышаетъ, въ среднемъ, двухъ третей числа рожденій, между тѣмъ какъ въ остальной части Русской имперіи, Франціи, Англіи, Австріи и даже Германіи, процентъ смертности значительно болѣе. Такъ:

На Кавказѣ: на 1.000 жителей рождается— 37,9, умираетъ—25,2; въ Россіи: на 1.000 жи-телей рождается—47,8, умираетъ—34,7; въ Англіи: на 1.000 жителей рождается—35,6, умираетъ—22,7; во Франціи: на 1.000 жите-лей рождается—26,6, умираетъ—23.

Процентъ самоубійцъ на Кавказѣ довольно высокъ и статистика указываетъ на замѣча-тельный фактъ, что число ихъ почти одинаково у обоихъ половъ. Въ этомъ видна поразитель-

[1]) Свѣдѣнія по послѣдней переписи 1897 г.
[2]) N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann“

ная разница съ Европой, гдѣ число мужчинъ-самоубійцъ въ три, четыре раза превышаетъ женщинъ-самоубійцъ. У нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, у армянъ и осетинъ, женщины чаще, чѣмъ мужчины оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ. Слѣдуетъ ли искать причину этого контраста въ вынужденной вѣмотѣ армянскихъ женщинъ и смертельной скукѣ ежедневной рутины, а также жестокости осетинскихъ мужей? Поэтическому инстинкту кавказскихъ женщинъ, проявляющемуся въ импровизаціяхъ, пѣніи, въ ихъ страстной дикціи, приходится часто сталкиваться съ грубымъ подчиненіемъ домашнему рабству [1]).

Большая часть кавказскихъ земель, лежащихъ надъ полосою хлѣбныхъ растеній, можетъ быть обитаема только пастушескими племенами. Но кромѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ развитію земледѣлія препятствуютъ снѣга и льды, есть еще довольно обширныя пространства, опустошенныя самимъ человѣкомъ и легко доступныя для возстановленія ихъ плодородія; это равнины, страдающія засухой, ирригаціонные каналы которыхъ давно пришли въ негодность, или такіе участки земель, которые орошались только близъ текущими водами. Обширныя равнины Эчміадзина и Эривани, низовьевъ Куры и Аракса, не превратились ли въ пустыню, по крайней мѣрѣ хоть частями, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ ирригаціонные каналы засорились грязью и камышемъ? «Месопотамія», образуемая Алазаномъ, Іорою, Курою, не есть ли безлюдная степь, несмотря на многоводныя рѣки, окружающія ее со всѣхъ сторонъ? Милліоны людей исчезли изъ Закавказья вмѣстѣ съ сѣтью оросительныхъ каналовъ, принадлежавшихъ древнимъ народамъ; конечно, на отводныхъ каналахъ, которые скоро будутъ прорыты, народятся новые милліоны людей. Тамъ, гдѣ проходятъ волны живительной влаги, появляются зародыши городовъ и растительности. Заселеніе земли идетъ о бокъ съ ея оздоровленіемъ, поля замѣщаютъ болота.

Завладѣвъ Кавказомъ, русское правительство не оставило поземельную собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала прежде, и подвергало ее многочисленнымъ измѣненіямъ, часто противорѣчивымъ и зависѣвшимъ отъ различныхъ вліяній, господствовавшихъ въ канцеляріяхъ С.-Петербурга. Сверхъ того, мѣры, принятыя для владѣнія землей, усложнились самымъ фактомъ завоеваній, уничтоженіемъ полевой культуры, истребленіемъ ауловъ, населеніемъ и выселеніемъ массами, военной и земледѣльческой колонизаціей.

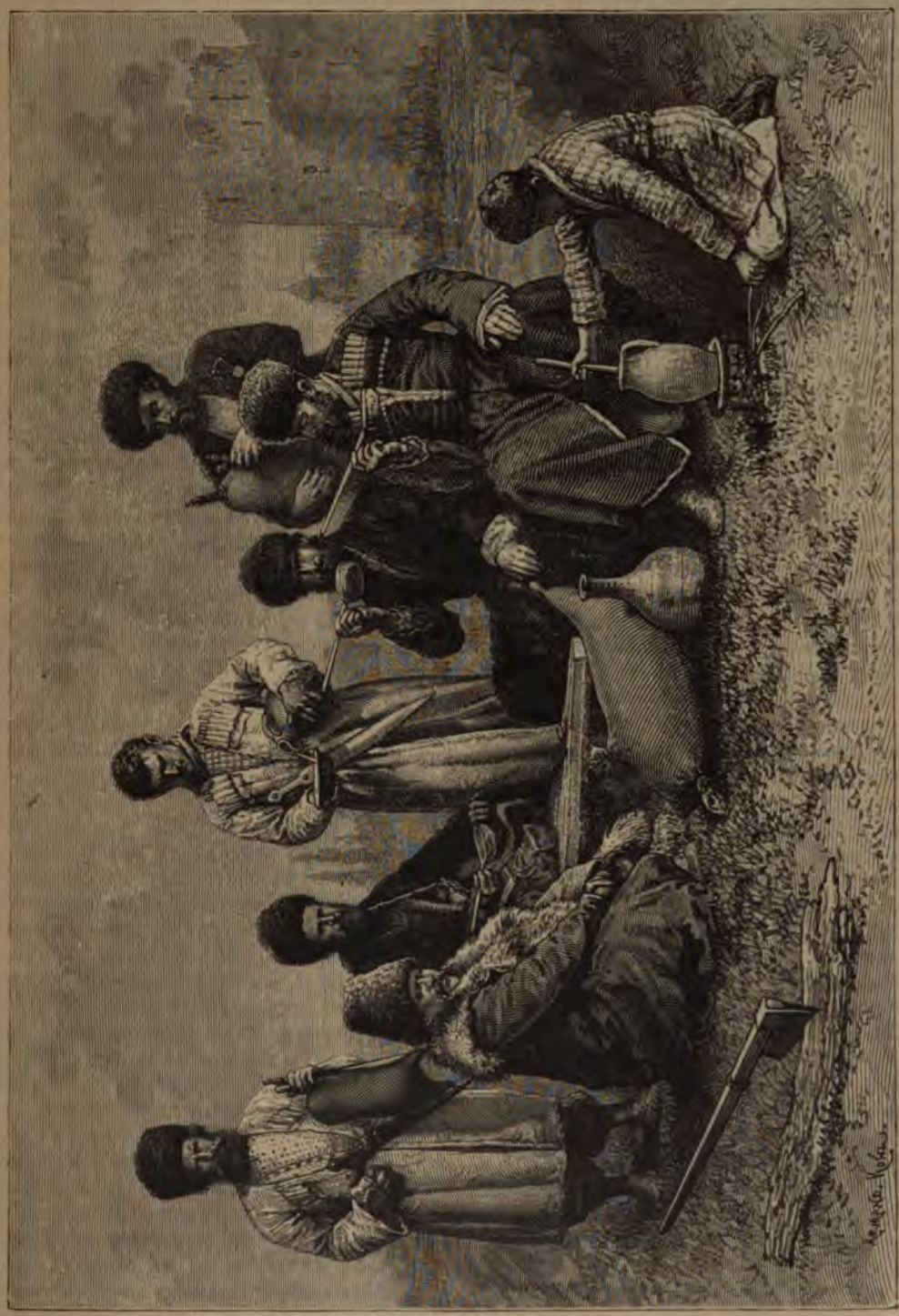
Въ первый періодъ владычества всѣ основанныя колоніи были военными. Населенныя казаками, которые были одновременно земледѣльцами и воинами, эти колоніи должны были строить деревни и крѣпости, обработывать поля, рыть каналы, проводить дороги и постоянно наблюдать за непріятелемъ, грозившимъ имъ скрытыми засадами въ камышахъ. Всѣ удивляются громадной работѣ, исполненной исключительно руками людей, которые, сверхъ того, очень часто должны были мѣнять по приказу начальниковъ свои мѣста или пріемы. Благодаря имъ, вся западная часть Предкавказья окончательно колонизована; она была бы значительно населеннѣе, если бы правительство долгое время не противодѣйствовало свободному переселенію русскихъ крестьянъ, покидавшихъ Россію, не говоря уже о милліонахъ крѣпостныхъ, которые охотно бы ушли въ эту страну, если бы это зависѣло только отъ нихъ.

Во всѣхъ уже населенныхъ областяхъ Кавказа русское правительство прежде всего старалось заручиться расположеніемъ князей, укрѣпивъ за ними владѣніе землей, и только во время большихъ войнъ съ горцами въ Кабардѣ и Дагестанѣ оно иногда, силою обстоятельствъ, вынуждено было опираться на народъ, чтобы поднять его противъ аристократіи; такъ, напримѣръ, дѣйствовалъ Ермоловъ; но эта система скоро была оставлена, и уже въ концѣ царствованія императора Николая старались пріобрѣсти расположеніе мѣстной аристократіи. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ не существовало крѣпостнаго права, русское правительство учредило его, пожаловавъ князьямъ значительныя помѣстья. Такимъ образомъ, кабардинскіе князья, нѣкогда пользовавшіеся обширными общинными полями наравнѣ съ другими, вдругъ, по римскому праву, превратились въ крупныхъ собственниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ получили въ собственность цѣлыя княжества, занимавшія собою до двадцати, пятидесяти и даже сотни тысячъ десятинъ земли; правительство должно было впослѣдствіи выкупать землю у этихъ владѣтелей, для того, чтобы или раздать ее казакамъ или же дать въ надѣлы, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, крестьянскимъ общинамъ. Правда, въ 1863 году рѣшено было въ принципѣ, что земля цѣликомъ будетъ принадлежать общинамъ, но на практикѣ поддерживаютъ крупную собственность, и въ одной только Кабардѣ 140 участковъ, каждый въ 550 десятинъ, были сохранены для людей, могущихъ быть полезными правительству своими личными услугами или вліяніемъ; сверхъ того, всѣ офицеры арміи получили, внѣ земель, присоединенныхъ къ общинѣ, участки въ полную собственность. Что касается лѣсовъ и луговъ, они остались нераздѣленными. Такимъ образомъ, установился порядокъ вещей, существующій въ Россіи; кромѣ сословій крупныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ каждый отдѣльное помѣстье, есть сословіе крестьянъ, дѣлящихъ между собою землю по способу круговой поруки и общин-

[1]) Ставискій, „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ" I, *1871*.

наго пользованія ею. Средній налогъ, который крестьяне платятъ государству, составляетъ три рубля съ семьи.

Рабство, существующее въ различныхъ формахъ въ большей части Кавказа, сначала при русскомъ правительствѣ возросло, а затѣмъ въ 1866 году, оно было совершенно уничтожено, хотя и при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ для освобожденныхъ. Въ силу «свободныхъ договоровъ», освобожденные вынуждены были платить собственникамъ или двѣсти рублей деньгами, или же шестью годами работы; подростки свыше пятнадцати-лѣтняго возраста были обязаны уплачивать за себя по сто пятидесяти рублей, или же закрѣпостить себя на десять лѣтъ тяжелаго труда. Если крѣпостной имѣлъ скотъ или иную движимую собственность, ее дѣлили на три части, изъ коихъ одна доставалась осво-



Типы и костюмы армянъ.

божденному. Въ результатѣ была страшная нищета, особенно въ равнинахъ [1]).

Однихъ земледѣльческихъ производствъ Кавказа уже достаточно для того, чтобы они могли служить значительнымъ предметомъ вывоза. До уничтоженія крѣпостнаго права земли въ Имеретіи продавались отъ 22 до 28 рублей за десятину, въ настоящее же время онѣ стоятъ вдесятеро дороже; земли же въ бассейнахъ Куры и Аракса, подверженныя грозамъ или саранчѣ, возрасли въ цѣнѣ не такъ быстро. Хлѣбныя растенія, произрастающія въ изобиліи, идутъ большею частью на производство алкоголя. Кавказъ болѣе, чѣмъ Бессарабія, Крымъ и низовья Дона, можетъ считаться въ Русской Имперіи «страною винодѣлія»: въ настоящее время пространство, занимаемое виноградниками, достигаетъ 123.000 десятинъ, при чемъ на Закавказье приходится 103 тысячи десятинъ, дающихъ около $10^1/_2$ милліоновъ ведеръ вина, остальныя 20 тысячъ десятинъ расположены въ Предкавказьѣ, при чемъ производство достигаетъ тамъ около 3 милліоновъ ведеръ. Но пространство земель, которое кавказскіе земледѣльцы могли бы употреблять на воздѣлываніе винограда, само собою разумѣется, значительно превышаетъ полосу лозъ во Франціи, и до настоящаго времени филоксера очень мало коснулась виноградниковъ Терека и Ріона [2]). Самый ужасный бичъ для винодѣловъ долины Терека есть oidium (грибокъ). Кавказъ снабжаетъ Россію значительнымъ количествомъ своихъ столовыхъ винъ; особенно хороши кахетинскія вина и кромѣ того кизлярскія и низовьевъ Терека; въ Вардзіи, Ахалцыхскаго уѣзда, виноградную лозу воздѣлываютъ на высотѣ около 4.000 футовъ [3]). Табакъ становится одной изъ важныхъ статей производства на Кавказѣ, такъ какъ количество земли, отводимой подъ воздѣлываніе этого растенія, достигало въ 1876 г. до 3.611 десятинъ, давшихъ въ суммѣ около 15.000 пудовъ табаку [4]); вывозъ черноморскихъ портовъ Кавказа заключается главнымъ образомъ въ табакѣ. Закавказскія равнины снабжаютъ хлопкомъ русскія бумагопрядильни въ значительно меньшемъ количествѣ сравнительно со спросомъ. Во время войны Соединенныхъ Штатовъ, производство быстро возрасло, и торговля хлопкомъ съ Англіей доставила кавказскимъ купцамъ прибыль около двухъ милліоновъ рублей; но, быстро разбогатѣвъ и разсчитывая на слишкомъ легкую продажу, они не съумѣли организовать правильнымъ образомъ отправку продукта, требуемаго манчестерскими фабрикантами, и вскорѣ кавказскій хлопокъ былъ изгнанъ изъ западныхъ рынковъ. Среднее производство кавказскаго хлопка простирается до 600.000 пудовъ. Шемахинскій и нухинскій шелкъ-сырецъ очень цѣнятся, преимущественно французскими фабрикантами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ шелковичные черви были уничтожены болѣзнью на югѣ Франціи; восточная область Закавказья — одна изъ самыхъ важныхъ странъ, гдѣ только разводится хорошій «шелкопрядъ»; французскія прядильщицы были приглашены въ различные города Закавказья: Зугдиди, Нуху и Шемаху для обученія туземныхъ женщинъ искусству разматывать шелкъ [1]). По колоссальному производству съѣстныхъ продуктовъ, овощей и фруктовъ, Кавказъ займетъ относительно Россіи такое же значеніе, какъ Алжиръ по отношенію къ Франціи. Въ долинѣ Аракса царствуетъ тропическая жара, и вездѣ, гдѣ почва хорошо орошается, жатвы бываютъ превосходны. На склонахъ Кавказскихъ горъ, вслѣдствіе разнообразія въ климатѣ, различныя культуры могутъ произрастать на весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Нужно пройти черезъ Иранское плоскогорье, на югъ отъ закавказскихъ полей, чтобы снова найдти, на берегахъ Персидскаго залива, флору Ордубата и Ленкорани.

Между тѣмъ, южные округа, съ ихъ почти тропической флорой, населены наименѣе. Кавказское населеніе, столь рѣдкое, что по густотѣ далеко не можетъ быть приравнено къ Франціи и къ сосѣднимъ съ нею странамъ, тѣснится особенно въ Мингрельской равнинѣ, климатъ и растительность которой наиболѣе походятъ на западно-европейскіе: въ двухъ уѣздахъ этой равнины на квадратную версту приходится болѣе 40 человѣкъ; и замѣчательно, что именно тутъ, гдѣ мингрельцы селятся особенно близко другъ къ другу, они гораздо зажиточнѣе и въ значительной степени содѣйствуютъ обогащенію страны продажею избытка своихъ продуктовъ; кромѣ того, крестьяне этой же мѣстности съумѣли лучше другихъ защитить себя отъ вторженія армянскихъ купцовъ, такъ дорого заставляющихъ платить имъ за свое посредничество [2]). Послѣ Кутаисскаго и Сенакскаго уѣздовъ, самые населенные округа Кавказа, расположенные какъ-бы симметрично на противоположныхъ концахъ и склонахъ Кавказскаго хребта, одинаково обязаны своимъ благосостояніемъ садоводству и культурѣ европейскихъ растеній. Сверхъ того и самая земля здѣсь распредѣлена лучше, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ она разбита на отдѣльныя собственности. Въ Магалѣ, или общинѣ Дарго, каждый изъ ея членовъ пользуется правомъ владѣть участкомъ земли, годной для культуры.

[1]) „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", I, 1868; II, 1869; III, 1870; V, 1871.

[2]) Бокъ, „Русское Обозрѣніе", 1878, № 8.

[3]) „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", III, 1875.

[4]) Въ 1891 г. собрано табаку въ Предкавказьѣ — 909.902 п., а въ Закавказьѣ — 148.408 п., а всего — *1.058.310 пудовъ*.

[1]) Бороздинъ, „Записки Кавказскаго Отдѣла", № VII, 1866.

[2]) Messnargnia, „рукописныя замѣтки".

Охота и сборъ плодовъ въ лѣсахъ не могутъ имѣть важнаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ всѣ равнины населены и склоны горъ значительно обезлѣсены; но рыбный промыселъ, какъ извѣстно, производится въ очень широкихъ размѣрахъ у береговъ Азовскаго, Чернаго и особенно Каспійскаго морей. Лиманы Ахтари и Ейска, воды Кубани, прибрежья Поти и Батума, низовья Терека, а въ особенности Кура и заливъ Кизылъ-Агачъ, съ его желтоватой водой, очень богаты рыбою, служащей преимущественно пищей жителямъ Кавказа, а также предметомъ вывоза въ Россію и Персію.

Несмотря на природныя богатства кавказской территоріи, культура находится еще въ зачаточномъ состояніи; во всемъ, что касается промышленности, придерживаются старинныхъ пріемовъ, за исключеніемъ горнаго дѣла. Такимъ образомъ, Бакинскіе нефтяные колодцы, Кедабекскіе мѣдные рудники, Саглыкскіе квасцовые заводы, около Елизаветполя, а также желѣзный заводъ Чазаша въ долинѣ Болниса, въ 75 верстахъ на юго-западъ отъ Тифлиса, обладаютъ сложными приспособленіями, требуемыми современной наукой; и въ то же время рядомъ съ новѣйшими инструментами видны еще въ употребленіи и орудія каменнаго вѣка. Такое положеніе вещей будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока Кавказскій край не соединятъ съ Европой, Россіей и Передней Азіей хорошими путями, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ стоять отдѣленнымъ отъ нихъ степями и горами, лишенными дорогъ. Обѣ половины Кавказа имѣютъ всего только одну желѣзную дорогу; Предкавказье связано съ желѣзнодорожной сѣтью Россіи и Европы Ростово-Владикавказской желѣзной дорогою; Черное море соединяется желѣзнымъ путемъ съ столицею Закавказья; но оба склона Кавказа сообщаются между собою лишь дорогами Военно-Грузинской, проходящей у ледниковъ Казбека, и еще той, что идетъ черезъ Мамисонскій перевалъ; на востокѣ, Кавказскія горы огибаютъ путь, идущій изъ Дербента въ Баку; но вскорѣ будетъ проложенъ такой же путь съ запада, по Абхазскому прибрежью. Большія линіи желѣзныхъ дорогъ, долженствующія современемъ соединить Владикавказъ съ Тифлисомъ, Елизаветградъ съ Петровскомъ и Баку, Грозный, черезъ Астрахань, съ Саратовомъ, Батумъ съ Ростовомъ, пока еще совсѣмъ не входятъ въ планы построекъ. Приступлено однако къ прокладкѣ желѣзнаго пути отъ Тифлиса до Баку, который соединитъ собою два моря—Черное и Каспійское; эта дорога превратитъ Баку въ одинъ изъ главныхъ рынковъ Востока, такъ какъ, кромѣ того, этотъ городъ будетъ исходной точкой желѣзныхъ путей Предкавказья, Кахетіи и Арменіи [1]). Болѣе двадцати лѣтъ поговариваютъ о постройкѣ большой международной линіи между Европой и Индіей, которая пройдетъ по западному берегу Каспійскаго моря, черезъ Баку, и поднимется, черезъ Ленкорань и Рештъ, на Иранское плоскогорье; но осуществленіе этого проекта, кажется, очень отдалено. На южныхъ и западныхъ границахъ до Иранскаго плоскогорія или Турецкой Арменіи (лежащихъ на югъ и на западъ отъ русскихъ владѣній) можно достигнуть только очень неудобными дорогами; одна лишь военная дорога, построенная собственно для перевозки пушекъ, а не товаровъ, соединяетъ Карсъ и Эрзерумъ, и служитъ продолженіемъ пути, ведущаго изъ Тифлиса въ Александрополь и Карсъ черезъ плоскогорія Арменіи. Вѣтвь этой дороги спускается на югъ, къ Эривани, и персидской границѣ, — къ Джульфѣ.

Вообще теперешнее состояніе внѣшней торговли въ Закавказьѣ мало даетъ надеждъ на то, чтобы пассажирское и товарное движенія по международному пути, проложенному изъ Кавказа въ Малую Азію и Персію, могли бы вскорѣ оплатить издержки, затраченныя на постройку таковой дороги. Въ 1878 году, вся торговля закавказской территоріи, какъ вывозная, такъ и ввозная, достигала всего 12 милліоновъ рублей, т. е. менѣе четырехъ рублей на душу; собственно внѣшняя торговля Закавказья черезъ посредство Чернаго и Каспійскаго морей, а также и сухаго пути, выразилась въ 1878 г. въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Черезъ Черное море. Рубли.	Черезъ Каспійское море. Рубли.	Сухимъ путемъ. Рубли.
Вывезено на .	4.575.050	1.349.350	334.300
Ввезено на . .	1.418.400	1.931.600	2.666.100
Итого . .	39.93.450	3.280.050	3.000.400

Впрочемъ, со времени проведенія Закавказской и Закаспійской желѣзныхъ дорогъ и съ закрытіемъ безпошлиннаго транзита черезъ Закавказье, торговля Кавказа значительно расширилась. Цѣнность товаровъ, провезенныхъ по Черноморской границѣ, достигала за 1886—96 гг. послѣдовательно 4,1—9,5 милліоновъ рублей. Цѣнность отпуска по той же границѣ и за то же время опредѣлялась въ среднемъ въ 36,9 милліоновъ рублей. Общій оборотъ внѣшней торговли по Черноморскому берегу за то же время въ среднемъ составлялъ 43,7 милліоновъ рублей. По сухопутной турецкой границѣ обороты внѣшней торговли Кавказа не превышаютъ въ среднемъ 0,3 милліоновъ рублей. По сухопутной русско-персидской границѣ за то же время въ среднемъ привезено товаровъ на 4,0 милліона рублей, а вывезено на 1,0 милліонъ рублей. Моремъ изъ Персіи привезено товаровъ въ 1891 г. на 7,6, а отпущено туда на 8,5 мил. рублей.

Число судовъ заграничнаго плаванія, посѣ-

[1]) Фабриціусъ, „Русское Обозрѣніе“, 1876, № 11.

тившихъ черноморскіе порты въ 1889 году, достигало 1.165; въ каботажномъ плаваніи въ тѣ же порты въ 1892 г. пришло 4.073 судна и вышло 4.056 судовъ.

Кавказъ лишенъ пока того матеріальнаго единства, которое создается обладаніемъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и торговыми центрами; еще менѣе онъ богатъ тѣмъ нравственнымъ единствомъ, которое является лишь у цѣльной народности или при полной солидарности національностей, имѣющихъ общіе интересы и одинаковыя стремленія. Образованіе распространено еще слишкомъ слабо для того, чтобы молодые люди различныхъ національностей могли чувствовать то родство, которое дается воспріятіемъ однихъ и тѣхъ же идей и фактовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, въ этомъ направленіи замѣтны уже большіе успѣхи, и во многихъ школахъ армянинъ сидитъ рядомъ съ татариномъ, русскій съ грузиномъ. Изъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ можно указать на слѣдующія: фельдшерская школа и женскій институтъ въ Тифлисѣ; гимназіи: въ Тифлисѣ, Ставрополѣ, Владикавказѣ, Ейскѣ, Эриванн, Елизаветполѣ и Кутаисѣ. Кромѣ того Тифлисъ, Кутаисъ, Пятигорскъ, Темиръ-Ханъ-Шура располагаютъ прогимназіями; въ Тифлисѣ, Баку и Владикавказѣ открыты техническія школы [2]). Многіе богачи, или только достаточные родители, отправляютъ своихъ дѣтей учиться за границу; въ 1879 году насчитывали не менѣе 28 армянъ въ различныхъ школахъ и университетѣ Цюриха. Большимъ препятствіемъ для общаго образованія молодыхъ людей Кавказа служитъ не только различіе языковъ, но также и алфавитъ. Абхазцы, осетины, горцы Дагестана до тѣхъ поръ не могли выучиться читать, пока гг. Люлье, Сьегренъ, Шифнеръ, Усларъ и Загурскій не изобрѣли для нихъ особаго алфавита, воспроизводящаго значками каждый изъ пятидесяти различныхъ звуковъ этихъ языковъ. Именно Кавказу необходимо было бы имѣть универсальную азбуку, предложенную еще въ 1852 году Лепсіусомъ, и послѣ того въ разныхъ формахъ гг. Беллемъ, Кудро и многими другими учеными [1]).

Извѣстно, что Кавказъ страна столь же различныхъ религій, какъ и нарѣчій. У нѣкоторыхъ горныхъ племенъ существуетъ еще въ разныхъ формахъ язычество. Здѣсь встрѣчаются также двѣ такихъ большихъ магометанскихъ секты, какъ сунниты и шіиты, различающіяся другъ отъ друга стрижкой волосъ и усовъ, и различными обрядами: они живутъ въ перемежку общинами въ восточномъ Кавказѣ, особенно въ Бакинской губерніи, гдѣ въ 1873 году насчитывали: шіитовъ 270.787; суннитовъ 206.121 душъ (Зейдлицъ). Въ странѣ есть не мало евреевъ, а также израильтянъ, обращенныхъ съ давнихъ поръ въ христіанство [2]). Православные, армяне-грегоріанцы, армяне-уніаты составляютъ между христіанами преобладающій элементъ; но сектанты также многочисленны, и ихъ гораздо болѣе, чѣмъ показываютъ оффиціальныя данныя. По переписки, сдѣланной въ 1873 г., однихъ раскольниковъ на Кавказѣ насчитывали:

Въ Предкавказьи — 24.722; въ Закавказьи — 30.024; всего—54.746.

Молокане живутъ большими колоніями преимущественно въ Ставропольской губерніи, около Тифлиса, на Ахалкалакскомъ плоскогоріи, въ Муганской степи, а въ настоящее время они распространяются и во вновь присоединенныхъ территоріяхъ.

Распредѣленіе населенія Кавказа по вѣроисповѣданіямъ, въ %:

Губерніи, области и округа.	Правосл.	Сектанты.	Римско-католич.	Армяно-грегор.	Армяно-католич.	Прот.	Іудеи.	Магометане сунниты.	Магометане шіиты.	Язычн:	Прочія испов.
Ставропольская..	89,2	1,0	0,1	0,6		0,7	0,4	—	6,3	1,7	—
Терская.....	40,0	4,3		2,8			0,6	—	52,1	0,1	—
Кубанская съ Черн. окр.....	90,7	1,1		1,8			0,3	—	6,0	0,01	—
Тифлисская.....	61,35	1,53	0,46	22,25	2,00	0,63	0,94	8,43	2,41	—	—
Кутаисская.....	86,61	0,01	0,07	0,83	0,97	0,12	0,76	10,50	0,13	—	—
Эриванская.....	0,47	0,48	0,05	55,14	0,87	0,02	0,01	4,44	36,77	1,70	—
Елисаветпольская	0,21	1,05	—	36,33	—	0,27	1,24	25,20	36,28	—	0,42
Бакинская.....	3,39	2,55	0,16	7,74	—	0,30	1,20	39,54	44,12	—	—
Дагестанская...	0,93	—	0,02	0,18	—	0,01	1,46	95,88	1,52	—	—
Карская.....	14,28	5,56	0,01	20,70	0,45	0,32	—	45,58	6,81	1,18	5,11
Закатальскій окр.	5,36	—		0,71			—	93,93	—	—	—

[1]) Въ 1881 г. число всѣхъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ Тифлисѣ и другихъ городахъ Кавказскаго края, доходило до 34; изъ этого числа на русскомъ языкѣ—24; на грузинскомъ—4; на армянскомъ—5; на адербейджанскомъ—1. Прим. пер.

[2]) Въ 1892 г. въ учебныхъ заведеній въ Кавказскомъ учебномъ округѣ состояло: мужскихъ гимназій — 9, прогимназій — 2 (учащихся 4.055 ч.), реальныхъ училищъ —8 (уч. 2.319 ч.), женскихъ гимназій—10 (уч. 3.842 ч.), *прогимназій—6 (уч. 759 ч.), 1 учительскій институтъ и 4 учит. семинаріи (уч. 363 ч.); городскихъ* училищъ —36 (уч. 7.052 ч.), горскихъ школъ — 5 (уч. 595 ч.), ремесленныхъ училищъ — 7 (уч. 631 ч.), мореходныхъ классовъ—3 (уч. 109 ч.), маріинскихъ женскихъ училищъ —2 (уч. 245 ч.). Въ томъ-же году учащіеся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ распредѣлялись такъ: русскихъ—51,1%, грузинъ—19,4, армянъ—13,7, татаръ—2,9, горцевъ—1,8, евреевъ—1,2, и другихъ національностей—7,6.

[1]) Загурскій, „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", II, V, 1871.

[2]) Въ 1876 г. въ Тифлисѣ евреевъ-жителей было 673 м. и 472 ж., военныхъ чиновъ 141—всего 1 268. Прим. пер.

Различіе религій и національностей имѣло необходимымъ послѣдствіемъ и различные способы пониманія и примѣненія юридическихъ правъ. Такъ, русское правительство, несмотря на всѣ свои усилія, вынуждено было, по крайней мѣрѣ на время, отказаться отъ введенія всюду общихъ россійскихъ законовъ, и у горцевъ-мусульманъ по настоящее время существуютъ еще два кодекса,—религіозный кодексъ или шаріатъ, основанный на Коранѣ, и обычное право или адатъ. Шаріатъ примѣняется только въ религіозныхъ вопросахъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ, между тѣмъ какъ адатъ рѣшаетъ дѣла, касающіяся собственности и интересовъ общины. Судъ посредствомъ адака производится публично, на площади, избранными судьями; нѣкоторыя деревни пріобрѣли себѣ извѣстность своимъ замѣчательнымъ правосудіемъ, и въ сомнительныхъ случаяхъ къ нимъ обращаются какъ къ настоящему апелляціонному суду.

Почти всѣ кавказскіе горцы питаютъ еще враждебное чувство побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, и съ гордостью вспоминаютъ время прежней независимости. Среди жителей равнины, одни, какъ ногайцы, татары, таты, знаютъ, что ихъ братья и единовѣрцы живутъ внѣ границъ Русской Имперіи и считаютъ себя поэтому иностранцами на своей же родинѣ; другіе, какъ напримѣръ, курдскіе пастухи, суть не болѣе какъ кочующіе пришельцы, готовые каждый день сложить свои палатки. Грузины считаютъ, что имъ суждено скорѣе служить русскимъ, чѣмъ быть имъ равными. Армяне, политически подчиненные, стремятся сдѣлаться господами силой капитала [1]). Славяне-побѣдители, хотя въ дѣйствительности и многочисленные, пока не съумѣли еще соединить политически всѣ эти разрозненныя народности. Ихъ преобладаніе по преимуществу военное, и Кавказъ одинаково служитъ имъ театромъ войны и страною колонизаціи.

Съ стратегической точки зрѣнія Малая Азія и Персія совершенно открыты для русской арміи. Черное море сдѣлалось русскимъ озеромъ. Каспійское море принадлежитъ Россіи почти всецѣло, а флотъ, стоящій въ превосходномъ портѣ Баку, можетъ по первому сигналу принять войска и доставить ихъ хозяевами на берега Мазендерана. Александрополь и Карсъ, сильныя и хорошо вооруженныя первоклассныя крѣпости, достаточно грозны для верхняго бассейна Евфрата, а перевалы, черезъ которые придется переводить солдатъ и артиллерію, находятся во власти русскихъ. Въ случаѣ войны съ Англіей за господство въ Передней Азіи, Россія займетъ господствующее положеніе. Прежде Босфору можно было грозить съ сѣвера съ двухъ сторонъ; теперь онъ можетъ быть подверженъ нападенію еще и съ восточной стороны. Если Англія владычествуетъ на Средиземномъ морѣ, то того же нельзя сказать относительно Чернаго моря: чтобы везти сухопутную кампанію, у нея не найдется столько войскъ, чтобы помѣряться силами съ русскими въ Азіатской Турціи, гдѣ она сама взяла на себя роль покровительницы, и границы которой,—быть можетъ неосторожно,—она гарантировала. Долиной Ефрата, Россія всегда, по первому желанію, можетъ приблизиться къ «святымъ мѣстамъ», покореннымъ нѣкогда крестоносцами, гдѣ христіане всѣхъ вѣроисповѣданій, католики, православные, протестанты, стремятся занять преобладающее религіозное значеніе:—не очевидно ли также, что русское вліяніе

---

[1]) Приводимъ слѣдующія интересныя данныя, касающіяся движенія населенія и естественнаго прироста въ Тифлисской губерніи:

Во всѣхъ городахъ Тифлисской губ. армяне составляютъ господствующій элементъ; въ г. Тифлисѣ почти половина населенія состоитъ изъ армянъ, другая же половина—изъ грузинъ (26%) русскихъ (24%) и татаръ (5%). Въ остальныхъ городахъ армяне своей численностью подавляютъ грузинъ; такъ напримѣръ, въ Ахалцыхѣ армянъ 93%. Даже въ чисто-грузинской мѣстности, въ городахъ Телавѣ и Сигнахѣ, населеніе почти исключительно армянское (73 и 89%), тогда какъ въ селеніяхъ Телавскаго уѣзда на 49.103 жит. приходится армянъ всего лишь 2.869, т. е. 6%; въ Сигнахскомъ уѣздѣ на 74.142 жит.—5.567 армянъ или 7,5%. Сельское армянское населеніе преимущественно сгруппировалось въ Ахалкалакскомъ и отчасти въ Ахалцыхскомъ, Борчалинскомъ и Тифлисскомъ уѣздахъ.

Относительно прироста населенія можно замѣтить, что въ г. Тифлисѣ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ находятся грузины, у которыхъ на 100 жит. среднимъ числомъ въ годъ прирастаетъ 1 человѣкъ, у армянъ—0,8. Для русскихъ, у которыхъ приростъ равенъ всего 0,4%, условія не особенно благопріятны. Но болѣе всего невыгодны условія для татаръ, у которыхъ на 100 душъ вымираетъ ежегодно 5 человѣкъ.

Изъ уѣздныхъ городовъ въ благопріятныхъ условіяхъ находятся Ахалкалаки, Телавъ, Сигнахъ и Душетъ,—они даютъ приростъ отъ 1,3 до 3% въ годъ. Въ городахъ же Гори и Ахалцыхѣ ежегодно вымираетъ 0,3 до 1,7%.

Въ селеніяхъ Тифлисской губерніи—грузинъ 58%, армянъ 18%, татаръ 10%, осетинъ 9%; на остальныя народности приходится 4,7%.

Приростъ населенія у грузинъ и армянъ, въ селеніяхъ и городахъ:

	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.
На 100 жителей прирастаетъ у армянъ	0,7 чел.	1,5 чел.
На 100 жителей прирастаетъ у грузинъ	0,7 „	1,7 „

Громадное вліяніе оказываетъ вѣроисповѣданіе жителей: такъ, у православныхъ грузинъ ежегодно прирастаетъ 1,7%, а у грузинъ-магометанъ всего 0,8%. Татары даютъ такой же малый приростъ, какъ и русскіе (отъ 0,4 до 0,5%). Для русскихъ очевидно вредны мѣстныя климатическія условія, потому что у нихъ если рождается болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ народностей (5,3%) зато и умираетъ громадный процентъ—4,9%. На татаръ же дѣйствуетъ не мѣстность, а условія жизни, зависящія отъ ихъ вѣроисповѣданія; у нихъ среднимъ числомъ ежегодно рождается 3 человѣка, а умираетъ 2,5 на 100 душъ.

Въ общемъ приростъ населенія собственно Тифлисской губерніи достигаетъ 1,3%. (См. данныя Кавказскаго Статистическаго Комитета „о движеніи населенія въ Тифлисской губерніи“, 1882 г. Кавказскій календарь, 1882 г. и проч.). Прим. перев.

*

будетъ увеличиваться съ этой странѣ пропорціонально населенію Кавказа! Во всѣ времена народы, живущіе въ сосѣдствѣ съ Араратомъ и Анти-Кавказомъ, принимали значительное и самостоятельное участіе въ политическихъ движеніяхъ Передней Азіи, а теперь эти же народы представляютъ собою не болѣе какъ авангардъ несмѣтной славянской національности! Противъ ея грознаго могущества есть только одна преграда,—это союзъ свободныхъ народовъ; но развѣ можно думать, чтобы армяне, курды, турки бассейновъ Тигра и Ефрата, освободившись, соединились другъ съ другомъ, забыли свою религіозную ненависть и національное соперничество?

Кавказскіе народы не имѣютъ никакихъ политическихъ преимуществъ передъ славянскимъ населеніемъ Русской имперіи: лезгины, грузины, армяне и татары, равно какъ и великоруссы и малороссы, подчинены самодержавной и неограниченной власти царя и одинаково обязаны повиноваться ей «не только словомъ, дѣломъ, но и помышленіемъ». Ни одна изъ народностей Кавказа не имѣетъ конституціи, гарантирующей ея права, и большая часть ихъ болѣе или менѣе покровительствуемы обычаями, одни писаными, другіе передаваемыми устно, по преданію. Представителемъ особы Императора на Кавказѣ состоитъ генералъ-губернаторъ или Намѣстникъ, которому предоставлена чрезвычайная власть. Что касается прежнихъ царствующихъ фамилій страны, то онѣ лишены всякой политической власти, получаютъ пенсіи, пользуются привилегіями и почестями, благодаря присягѣ «быть вѣрными и вѣчными слугами русскаго царя».

Бюджетъ Кавказа, составлявшій по отчетамъ въ 1878 г. 6.750.000 руб., входитъ въ общій бюджетъ Имперіи. Собственно бюджета Закавказья (включая Дагестанъ), увеличивающагося изъ года въ годъ, хватило бы съ избыткомъ на мѣстные расходы, если бы не удвоивалось, а въ нѣкоторые годы не учетверялось бы содержаніе на границахъ значительной арміи; такимъ образомъ съ возрастаніемъ издержекъ увеличивается и дефицитъ. Бюджетъ Закавказья въ 1870 году достигалъ 5.358.470 руб., а въ 1880 году 8.784.980 рублей (Шавровъ, «Кавказскій Календарь»); при чемъ:

Общій приходъ Кавказа въ 1878 г. составлялъ 16.339.703 руб. Расходъ 71.660.325 руб. Дефицитъ 55.320.622 руб.

Дефицитъ этотъ, колеблющійся между 18 и 40 милліонами рублей въ мирное время, возросъ до 57 милліоновъ во время войны. За 10 лѣтъ, отъ 1869 года по 1878, общую сумму расходовъ опредѣляютъ не менѣе 343.131.005 рублей. Во всемъ Закавказьѣ общая сумма расходовъ, долженствующихъ *служить развитію страны*, какъ напримѣръ образованію, постройкѣ дорогъ, содержанію лѣсовъ, колонизаціи, не превосходитъ сумму 1.800.000 рублей.

Главныя статьи дохода Кавказскаго края составляетъ налогъ на спиртъ; на Кавказѣ этотъ налогъ составляетъ болѣе чѣмъ половину ежегоднаго дохода, т. е. 3.520.000 р.—изъ общей суммы бюджета, равной 6.755.000 р.

Административно Кавказъ раздѣленъ на провинціи не одинаковой величины, съ ихъ первоначальнымъ устройствомъ, носящимъ военный характеръ и разнообразныя оффиціальныя названія: губернія, округъ, область и проч. Тифлисъ, столица обоихъ склоновъ, есть въ то же время главный административный пунктъ всего Закавказья: между тѣмъ какъ Ставрополь, такъ хорошо расположенный, какъ наблюдательный пунктъ на плоскогоріи, обращенномъ къ центральной части цѣпи, есть главный административный пунктъ Предкавказья. Дагестанъ, который долженъ былъ бы принадлежать къ сѣверному Кавказу, напротивъ, причисляется къ южному. Русскіе, такъ долго останавливаемые на своемъ пути лезгинскими горцами, у подножья первыхъ контрфорсовъ Кавказа, обозначили границу тамъ, гдѣ начиналась для нихъ линія вылазокъ. Другая географическая странность: Кубинскій уѣздъ,—конечно вслѣдствіе этнологическаго и религіознаго единства народностей, населяющихъ оба склона Кавказа въ восточной части цѣпи,—составляетъ часть закавказской губерніи, Бакинской. Дербентъ или «Ворота» остался политической границей между сѣвернымъ и южнымъ округами Кавказа.

Слѣдующая таблица представляетъ перечень провинцій съ подраздѣленіемъ ихъ на уѣзды и съ населеніемъ по оффиціальной переписи. Что касается областей, лежащихъ въ Закаспійскомъ краѣ и зависящихъ административно отъ военнаго управленія Кавказа, т. е. туркменскихъ земель, еще не вполнѣ подчиненныхъ Россіи, то географически эта страна не можетъ быть отдѣляема отъ остальной части арало-каспійской территоріи.

Таблица административнаго раздѣленія Кавказскаго края, съ показаніемъ числа жителей и пространства.

	Квадратн. километр.	Квадратн. верстъ.	Число душъ обоего пола.
Сѣв. Кавказъ.			
I. Губернія Ставропольская.			
1. Уѣздъ Ставропольскій (Ставрополь 41.404 ж.) .	7 693	6.760	166.205
2 Уѣздъ Александровскій .	11.847	10.410	180.204
3. „ Новогригорьевскій	12.254	10.768	218.444
4. „ Медвѣжинскій .	7.195	6 322	233.760
5. Земли кочующихъ калмы-			

	Квадратн. километр.	Квадратн. верстъ.	Число душъ обоего пола.
ковъ, Больше-Дербетовскаго улуса	5.340	4.692	46.985
6. Земли кочующихъ туркменовъ; караногайцевъ, эдишкульцевъ и ачикулакджембулуковцевъ.	24.382	21.425	
Итого	68.711	60.377	876.298
II. Область Кубанская.			
1. Уѣздъ Темрюкскій (Темрюкъ 22.170)	10.788	9.480	342.679
2. „ Ейскій (Ейскъ 35.715)	12.704	11.163	276.636
3. „ Екатеринодарскій (Екатеринодаръ 65.453)	11.726	10.304	243.927
4. „ Майкопскій (Майкопъ 36.821)	16.042	14.096	284.168
5. „ Баталпашинскій	18.143	16.030	218.225
6 „ Кавказскій	16.518	14.515	249.301
7. „ Закубанскій	8.503	7.472	307.837
Итого	94.524	83.060	1.922.773
III. Область Терская.			
1. Округъ Пятигорскій (раздѣленъ на уѣзды Пятигорскій № 1 и Нальчикскій № 8, Пятигорскъ и Нальчикъ 48.523)	22.326	19.619	283.127
2. „ Владикавказскій (Владикавказъ 44.147)	10.920	9.596	137.833
3. „ Кизлярскій (Кизляръ 6.774)	6.736	5.915	99.750
4. „ Грозненскій (Грозный 15.735)	11.112	9.765	227.648
5. „ Хасавъ-Юртовскій.	5.593	4.914	69.230
6. „ Сунженскій окр.	4.305	3.782	115.397
Итого	60.987	53.590	933.485
Всего на Сѣверномъ Кавказѣ	224.221	197.027	3.732.556
изъ коихъ водная поверхность (озера и лиманы) занимаетъ	2.570	2.258	
Закавказье:			
IV. Область Дагестанская.			
1. Округъ Темир-Хан-Шуринскій (Тем.-Х.-Шура 17.335)	6.320	5.553	93.843
2. „ Гунибскій	4.486	3.942	58.594
3. „ Казикумухскій	2.273	1.997	53.665
4. „ Андійскій	3.469	3.048	46.993
5. „ Аварскій	1.481	1.301	37.230
6. „ Кайтаго-Табасаранскій.	3.004	2.640	89.706
7. „ Кюринскій	2.917	2.564	76.549
8 „ Самурскій	5.710	4.018	47.593
9. „ Даргинскій	1.660	1.458	82.463
Итого	29.704	26.102	586.636
V. Округъ Закатальскій	4.168	3.662	82.168

	Квадратн. километр.	Квадратн. верстъ.	Число душъ обоего пола.
VI. Губернія Тифлисская.			
1. Уѣздъ Тифлисскій и Борчалинскій (Тифлисъ 152.364)	10.922	9.598	353.004
2. „ Душетскій (Душетъ 2.483)	4.077	3.582	69.925
3. „ Телавскій (Телавъ 8.698)	2.381	2.093	65.149
4. „ Сигнахскій (Сигнахъ 9.300)	6.152	5.406	100.097
5. „ Горійскій (Гори 10.277)	6.619	5.817	191.656
6 „ Ахалцихскій (Ахалцихъ 15.788)	2.716	2.386	69.144
7. „ Ахалкалакскій (Ахалкалаки 5.558)	2.703	2.375	73.362
8. „ Тіонетскій	4.747	4.195	36.438
Итого	40.344	35.452	958.775
VII. Губернія Кутаисская.			
1. Уѣздъ Кутаисскій (г. Кутаисъ 32.023)	3.333	2.929	223.327
2. „ Шаропанскій (Квирилы 347)	3.126	2.747	157.726
3 „ Рачинскій (Они 626)	2.830	2.487	72.742
4. „ Лечгумскій (Лайлаши 637)	4.611	4.052	50.517
Приставство Сванетское			
5. Уѣздъ Сенакскій	1.729	1.519	119.184
6. „ Зугдидскій (Хони 421)	2.797	2.457	117.623
Заштатный городъ Редутъ-кале (51 чел.)			
7. Уѣздъ Озургетскій (Озургети 700)	2.235	1.964	92.212
Итого (съ 7.367 неплат. податей)	20.661	18.155	833 331
VIII. Сухумскій отдѣлъ.			
1. Округъ Пицундскій	3.687	3.240	11.680
2. „ Очемчирскій	4.682	4.114	80.116
Городъ Сухумъ			7.202
Цебельдинское Попечительство			1.500
Итого	8.369	7.354	100.498
IX. Округъ Черноморскій.			
1. Округъ Новороссійскій (г. Новороссійскъ 15.382)			33.055
2. „ Туапсинскій	7.313	6.426	8.020
3. „ Сочинскій			13.153
Итого			54.228
X. Губернія Елисаветпольская.			
1. Уѣздъ Елисаветпольскій (Елисаветполь 32.798)	8.809	7.740	162.178
2. „ Казахскій	6.896	6.059	112.468
3. „ Шушинскій (Шуша 27.143)	5.241	4.606	140.740
4. „ Зангезурскій.	7.751	6.811	142.064
5. „ Нухинскій (Нуха 24.189)	3.774	3.316	117.062
6. „ Арешскій	3.253	2.859	62.917

	Квадратн. километр.	Квадратн. верст.	Число душъ обоего пола.
7. Уѣздъ Джеванширскій .	5.176	4.548	67.005
8. „ Джебраилскій . .	3.253	2.859	67.123
Итого	44.153	38.798	871.557
XI. Губернія Бакинская.			
1. Уѣздъ Бакинскій (Баку 108.048	4.118	3.619	177.606
2. „ Кубинскій (Куба 15.117) . . .	7.053	6.198	181.515
3. „ Шемахинскій (Шемаха 20.680) . . .	7.345	6.454	123.610
4. „ Гекчайскій . .	3.591	3.155	109.663
5. „ Джевадскій (Сальяны 10.168) . .	12.689	11.150	85.065
7. „ Ленкоранскій (Ленкорань 8.687)	5.314	4.669	112.200
Острова	77	67	—
Итого (съ 11.556 неплат. податей)	40.187	35.312	789.659
XII. Губернія Эриванская.			
1. Уѣздъ Эриванскій (Эривань 28.459) . . .	3.018	2.652	127.072
2. „ Нахичеванскій (Нахичевань 13.710)	4.365	3.836	100.942
3. „ Новобаязетскій (Ново-Баязетъ 8.515)	6.148	5.403	123.839
4. „ Эчміадзинскій . .	3.806	3.345	124.643
5. „ Александропол. (Александрополь 31.594) . . .	3.755	3.299	163.435
6. Уѣздъ Сурмалинскій . .	3.628	3.188	88.844
7. „ Шаруро-Дарагезскій . . .	3.005	2.640	75.982
Итого (съ 8.963 неплат. податей).	27.725	24.362	804.757
XIII. Область Батумская.			
1. Округъ Батумскій (Батумъ 26.162)	1.436	1.262	85.576
2. „ Аджарскій . . .	2.413	2.120	
3. „ Артвинскій . . .	3.384	2.974	56.456
Итого	7.233	6.356	142.032
XIV. Область Карсская.			
1. Округъ Карсскій	9.622	8.455	114.438
Городъ Карсъ . .			20.946
2. „ Ардаганскій . . .	4.469	3.927	65.667
3. „ Кагызманскій . .	1.608	1 413	59.726
4. „ Ольтинскій . .	2 887	2.537	31.721
Итого.	18.586	16.332	292.498
Всего по Закавказью	248.445	218.313	5.516.139
Всего по Кавказскому и Закавказск. краю, включая внутреннія воды, озера (3.705 кв. в.) и острова (112 кв. в.)	472.666	415.340	9.252.695

Примѣчаніе. Населеніе показано по переписи 28 января 1898 г.

Глава III

Арало-Каспійскій склонъ.

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ, НЕЗАВИСИМАЯ ТУРКМЕНІЯ, ХИВА, БУХАРА, СТРАНА ВЕРХНЯГО ОКСУСА.

I. Общій взглядъ.

На западъ отъ Каспійскаго моря Европа имѣетъ рѣзко опредѣленную границу съ Азіей: древній понто-каспійскій проливъ, по южную сторону котораго выдвигаются первыя плоскогорія Кавказа, составляетъ между континентами какъ-бы естественный пограничный ровъ. Но зато на сѣверъ и на востокъ отъ Каспія границы Европы и Азіи сливаются въ равнинѣ, переходящей мало-по-малу въ пригорки и пустыни, пространства песку, глины, въ *каменистыя мѣстности*, солончаковыя степи и болота. Если и существуетъ съ этой стороны какой-либо естественный рубежъ между двумя материками, то это та наиболѣе низменная часть выпуклости, которая проходитъ между Аральскимъ бассейномъ и долиной Оби: по обѣ стороны этой возвышенности разсѣяны многочисленныя озера, съ неопредѣленными очертаніями—остатки высохшихъ морей, а за этой полосой снова начинается область равнинъ, простирающаяся до самой подошвы плоскогорій и горъ, составляющихъ часть континентальной цѣпи.

Такимъ образомъ арало-каспійскій склонъ плоскогорій Средней Азіи сливается съ сѣверо-западной стороны съ степями Россіи, между

Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, а съ сѣверной стороны онъ отдѣляется едва замѣтно отъ равнинъ Оби; со всѣхъ же другихъ сторонъ эта область имѣетъ рѣзко опредѣленныя границы. Съ запада она омывается водами Каспія, съ юга—отдѣлена отъ Персіи и Афганистана горной «преградой», которая, начинаясь у юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, соединяется потомъ въ формѣ вытянутой кривой съ Гиндукушемъ и Каракорумомъ. На востокъ лежитъ плоская возвышенность Памиръ, а на сѣверо-востокъ горы Тянь-Шань и Тарбагатай, съ ихъ горными полянами и снѣжными вершинами. Поверхность Арало-Каспійской области, включая въ нее государства, находящіяся подъ протекторатомъ Россіи, а также Уаханъ, Бадакшанъ, Балхъ и земли туркменовъ, занимаетъ болѣе трехъ милліоновъ кв. верстъ и, слѣдовательно, въ шестеро превышаетъ величину Франціи. Территорія болѣе чѣмъ въ милліонъ кв. верстъ, простирающаяся къ сѣверу, въ бассейнъ Оби, въ административномъ отношеніи также присоединена къ этому естественному бассейну русскаго Туркестана и составляетъ часть одного и того же генералъ-губернаторства.

Русскій Туркестанъ, имѣющій наклонъ съ сѣверной и восточной стороны къ Каспійскому морю, состоитъ на половину изъ гористой мѣстности и на половину изъ низменностей. Разнообразіе климатовъ, фауны и флоры не менѣе поразительны, нежели геологическія образованія этого громаднаго пространства, по одну сторону котораго поднимаются горы, высотой въ 20—23 тысячъ футъ, а по другую—низменности, спускающіяся у береговъ Каспія ниже морскаго уровня. Впрочемъ, есть нѣкоторое сходство между восточной стороной гористой мѣстности и западной частью области низменныхъ равнинъ. И тамъ, и здѣсь предѣлы годичной температуры гораздо шире, чѣмъ въ Европѣ или въ какой-либо другой странѣ, сосѣдней съ моремъ; колебанія температуры необыкновенны. Такъ, напримѣръ, во время холодовъ, осенью и зимой, въ долинахъ и горахъ Туркестана господствуетъ полярный сѣверо-восточный вѣтеръ; лѣтомъ же и весною приноситъ съ собою жару юго-западный вѣтеръ, экваторіальный [1]); такимъ образомъ въ каждое изъ временъ года климатъ претерпѣваетъ рѣзкія противуположности въ температурѣ, что, впрочемъ, свойственно всѣмъ странамъ, лежащимъ внутри материка. Вообще, Арало-Каспійскій склонъ, приведенный къ уровню моря, находится въ іюлѣ мѣсяцѣ между изотермическими линіями 20 и 25° Ц.,—температура острововъ Зеленаго Мыса, лежащихъ на 2.580 верстъ ближе къ экватору. Для января мѣсяца въ Аральской области изотермическими линіями будутъ: 5—15°, т. е. тѣ линіи, что проходятъ черезъ Канаду, южную Гренландію и Шпицбергенъ и, слѣдовательно, черезъ мѣстности, лежащія на 2.800 верстъ ближе къ полюсу,—настолько сильны колебанія температуры крайнихъ мѣсяцевъ въ русской Татаріи. Но разница между жаркимъ днемъ и холоднымъ еще болѣе значительна: среднимъ числомъ она равна 74° между 44° и—25, и даже—30°. Въ равнинѣ сухость воздуха и недостатокъ росы также содѣйствуютъ рѣзкости климата. Часто атмосфера бываетъ столь слабо насыщена парами, что дыханіе становится затруднительнымъ; извѣстны цѣлые годы, въ которые дождь ни разу не освѣжилъ почву: въ 1858 году продолжительность дождей въ пустынѣ Кара-кумъ не превосходила въ итогѣ четырехъ часовъ. Влажность, приносимая юго-западными вѣтрами, задерживается выступами Памира и долинами Тянь-Шаня, т. е. тамъ, гдѣ есть ручьи, потоки и рѣки; при всемъ томъ дожди эти менѣе обильны, нежели въ горахъ Европы и Индіи.

Другая общая характерная черта для русскаго Туркестана, его горъ, долинъ и равнинъ,—это постоянное высыханіе почвы въ теченіе современнаго геологическаго періода. Обѣ рѣки-близнецы, Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, текутъ съ Памира и Тянь-Шаня, почти параллельно одна другой, въ озеро, называемое всѣми прибрежными жителями Аральскимъ моремъ; но въ предшествовавшую эпоху обѣ эти рѣки были значительно многоводнѣе, и несомнѣнно, что онѣ, соединяясь въ одно общее русло, впадали въ Каспій. Въ настоящее время, отдѣленныя одна отъ другой, онѣ все еще считаются однѣми изъ самыхъ большихъ рѣкъ Азіи, по крайней мѣрѣ по длинѣ: обѣ онѣ имѣютъ въ протяженіи не менѣе 2.000 верстъ; но количество воды, несомой ими, очень незначительно въ сравненіи съ той массой влаги, какую несутъ въ море такія могущественныя рѣки окраинъ материка, какъ Обь, Енисей, Лена, Амуръ, Гоанго, Янгце-Кіангъ, Меконгъ, Брахмапутра, Гангъ, Индъ. Бассейны рѣкъ Аму и Сыра обнаруживаютъ на поверхности явные слѣды постепеннаго высыханія: всюду видны оставленныя ложа рѣкъ, частью уже засоренныя; множество рѣченокъ, которыя когда-то достигали главной рѣки, останавливаются на полдорогѣ и затериваются или въ пескахъ, или въ солончаковыхъ болотахъ: мелкія озера высыхали сотнями и тысячами, не оставивъ послѣ себя ничего кромѣ пласта соли. Большія озера, внутреннія моря, въ родѣ Балкаша и Арала, измельчали, озера плоскихъ возвышенностей, какъ напримѣръ Исыкъ-Кулъ, совсѣмъ опустѣли; многія изъ нихъ даже совершенно исчезли, какъ напримѣръ, тѣ, что замѣстились равнинами Кульджи и Ферганы. Каждая мѣстность Арало-Каспійскаго склона, разсматриваемая

[1]) Борщовъ, „Ботаническая географія Арало-Каспійской области".

отдѣльно, свидѣтельствуетъ собою общее явленіе засухи. Посредствомъ постояннаго высыханія почвы, большая часть страны преобразовалась въ степи и при томъ не только въ равнинахъ, но и въ горахъ. На Памирѣ, Тянь-Шанѣ и Тарбагатаѣ каждая продольная долина, каждая впадина представляютъ собою оголенную степь, съ растительностью чрезвычайно ограниченной, какъ числомъ видовъ, такъ и періодомъ ея годичнаго роста. Климатъ здѣсь врядъ-ли болѣе благопріятенъ для растеній, нежели въ арктическихъ странахъ, такъ какъ развитіе мѣстныхъ растеній ограничено всего тремя мѣсяцами,—съ одной стороны зимними снѣгами, съ другой—лѣтней засухой [1]).

Въ подобной странѣ, гдѣ большая часть мѣстностей настолько подвержены засухѣ, что становятся непригодными даже для кочевниковъ и ихъ стадъ, населеніе, конечно, весьма незначительно. Обитатели Арало-Каспійскаго склона распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Поверхность въ кв. верстахъ.	Поверхность въ километрахъ.	Вѣроятное населеніе въ 1880 г.	Число душъ на кило.
Въ русскихъ владѣніяхъ отъ Атрека до Иртыша	3.262.157	3.708.135	4.500.000	1
„ Хивѣ . .	50.800	57.800	300.000(?)	12
„ Бухарѣ . .	210.000	239.000	2.150.000	9
„ землѣ независимыхъ туркменовъ	228.900	206.500	200.000	1
„ Авганскомъ Туркестанѣ	118.600	135.000	950.000	6
Всего . .	3.870.457	4.346.435	8.500.000	2

Слѣдовательно, принимая въ разсчетъ даже обильно орошенныя долины, гдѣ населеніе наиболѣе густо, видимъ, что въ общемъ, на арало-каспійскомъ склонѣ не приходится жителей и двухъ человѣкъ на кв. версту; страна эта въ 6—7 разъ малолюднѣе, нежели Кавказскій край, несмотря на его громадныя пространства, необитаемыя земли, на скалы и поверхности, покрытыя снѣгомъ. Мѣстныя преданія, историческія данныя, равно какъ и развалины множества городовъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что эта область въ прежнія времена была гораздо населеннѣе. Число жителей уменьшилось вмѣстѣ съ уменьшеніемъ воды. Большія имперіи, основанныя въ бассейнахъ Оксуса и Согдіаны, исчезли: очаги цивилизаціи, такъ ярко освѣщавшіе весь восточный міръ, погасли; просвѣщенные народы снова обратились почти въ варварство, кочевое состояніе восторжествовало надъ земледѣліемъ, и попятное движеніе сказалось очень сильно. Господствующая раса также измѣнилась: измѣненіе климата, высыханіе почвы успѣшнѣе, нежели войны, создали въ результатѣ замѣщеніе части коренныхъ обитателей-арійцевъ тюрками и киргизами. Въ горныхъ долинахъ Памира, отъ Каратегина до Уахана, живутъ племена землевладѣльцевъ-арійцевъ, ушедшихъ въ горы, вслѣдствіе натиска со стороны кочевниковъ, которые, пришедши сюда съ сѣверо-востока, заняли равнины. Перемѣщеніе изотермъ и изохименъ уменьшаетъ или увеличиваетъ площадь, занятую растеніями, заставляя ихъ спускаться съ горъ въ равнины или подниматься съ равнинъ на горы, превращаетъ пахатныя земли въ пастбища, расширяя предѣлы пустынь, и привлекая къ нимъ кочующихъ татаръ, отодвигаетъ осѣдлыхъ арійцевъ. Войны и убійства ускорили лишь ходъ, указанный климатомъ. Но городское населеніе могло оставаться отчасти независимымъ отъ среды, благодаря торговлѣ и промышленности: коренная раса, смѣшанная различнымъ образомъ, могла существовать до сихъ поръ о-бокъ съ расой, пришедшей съ сѣвера. Арійцы и тюрки, или какое бы другое названіе ни дали имъ, живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ, образуя различныя группы, приспособляющіяся къ внѣшнимъ условіямъ, сообразно склонностямъ и старинным обычаямъ. Оксусъ служитъ нѣсколько вѣковъ не болѣе какъ политической границею между землями Ирана и Турана, ибо во всѣ времена на сѣверъ отъ этой рѣки, среди туранскаго населенія, жили группы иранцевъ, разсѣянныя въ видѣ острововъ и архипелаговъ.

Въ настоящее время народъ, говорящій арійскимъ языкомъ, беретъ верхъ надъ остальными племенами. Русскіе, сильные тѣмъ могуществомъ, которымъ они пользуются благодаря высшей цивилизаціи, пренебрегаютъ затрудненіями, представляемыми климатомъ, и завоевываютъ съ успѣхомъ громадныя пространства, съ цѣлью дать тѣсную политическую связь вновь присоединеннымъ странамъ Арало-Каспійскаго склона. Ихъ войска отправлялись туда послѣ того, какъ страна была изучена натуралистами, послами или купцами. Русскіе заняли города, издавна существующіе, или построили новые, и въ различныхъ торговыхъ и стратегическихъ пунктахъ, казавшихся имъ благопріятными, положили начало колонизаціи, именно въ горныхъ долинахъ, указавъ мѣстѣ съ тѣмъ точные предѣлы кочевникамъ. Пароходство по обѣимъ рѣкамъ, дорога, а позже и желѣзные пути уменьшатъ, такъ сказать, пространство этой страны и позволятъ такимъ образомъ славянскому элементу легко упрочить свое превосходство. Это не болѣе какъ вопросъ времени. Въ землѣ таджиковъ, сартовъ, узбековъ, Ташкентъ и Самаркандъ становятся русскими городами, подобно Казани, бывшей прежде въ землѣ татаръ, чувашей и черемисовъ.

[1]) *Grisebach, „Végétation du Globe“.*

Съ половины текущаго столѣтія пріобрѣтенія русскихъ въ Туркестанѣ шли очень быстро, несмотря на то, что не разъ изъ С.-Петербурга предписывались границы какъ бы съ цѣлью положить конечный предѣлъ наступательныхъ движеній. Въ общемъ количество всѣхъ земель, завоеванныхъ со времени взятія Ак-Мечети, въ 1853 г., равно почти 1.000.000 кв. верстъ, что превосходитъ въ два раза поверхность Франціи [1]). То по произволу честолюбиваго генерала, то въ наказаніе туземцевъ за оскорбленіе русской власти набѣгами, присоединяется еще и еще новая провинція къ громаднымъ владѣніямъ русскаго орла. Памя тенъ еще циркуляръ канцлера Горчакова, относя-

Цѣпи Алая и Трансъ-Алая.

[1]) Вешняковъ, „Территоріальныя пріобрѣтенія и успѣхи Россіи за послѣднія тридцать лѣтъ".

щійся къ 1864 году, когда дѣло заключалось въ томъ, чтобы за предѣлами кочевыхъ народовъ подчинить Россіи область, населенную земледѣльцами и съ раскинувшимися на ней городами, и могущую служить для арміи опорнымъ пунктомъ, гласившій, что обстоятельства и интересы Россіи заставляютъ направить царскія войска именно туда и не далѣе. Съ того времени русскіе сильно подвинулись впередъ; но, тѣмъ не менѣе, Арало-Каспійскій склонъ далеко еще не весь находится въ политической власти Россіи; Хива и Бухара остаются, конечно, только фиктивно независимыми, но на югъ отъ Оксуса находятся еще различныя маленькія государства, прилегающія къ горамъ Гиндукуша и существующія самостоятельно, которыхъ ничуть нельзя считать вассалами Имперіи. Договоромъ, заключеннымъ между Россіей и Англіей, въ 1873 году, изъ этихъ государствъ создана Авганская территорія; но эта дипломатическая уловка не мѣшаетъ русскимъ мало-по-малу распространять свое вліяніе въ этихъ странахъ, отдѣленныхъ отъ Авганистана громадной стѣной Гиндукуша и несомнѣнно составляющихъ часть Арало-Каспійскаго склона, какъ съ точки зрѣнія физической географіи, такъ и по населенію; пространство, простирающееся на нѣсколько сотъ тысячъ кв. верстъ, если въ настоящее время еще не служитъ окраиною русской имперіи, то оно рано или поздно станетъ ею [1]). На югозападѣ, по Атреку, живутъ различныя племена туркменовъ, изъ коихъ въ особенности извѣстны текинцы, такъ храбро сопротивлявшіеся русскимъ, понесшимъ отъ нихъ въ 1878 г. довольно сильное пораженіе; но средства русскихъ такъ велики сравнительно съ тѣми, которыми располагаютъ кочевники-текинцы, что на битву при Денгилъ-Тепе можно смотрѣть какъ на простую случайность, не имѣющую никакого серьезнаго значенія въ исторіи, и это небольшое замедленіе не отсрочитъ рѣшеніе судьбы [2]). На всю низменную область, простирающуюся отъ береговъ Каспійскаго моря и подножья Памира и отъ подошвы иранскихъ плоскогорій до истоковъ Оби и Иртыша, можно заранѣе смотрѣть какъ на русскую территорію. Простая горная цѣпь отдѣляетъ ее отъ страны, расположенной на англо-индѣйскомъ склонѣ, въ чертѣ, тяготѣющей къ странѣ Ганга. Одной стороною Бамьянскій перевалъ обращенъ къ С.-Петербургу, другой—къ Калькуттѣ, посматривающимъ на него то съ вожделѣніемъ, то съ боязнью.

На востокъ отъ Туркестана сосѣди русскихъ—китайцы. Обѣ имперіи, раскинувшіяся на нѣсколько тысячъ верстъ, соприкасаются своими границами. Плоская возвышенность Памиръ, Небесныя Горы и, далѣе къ востоку, условная пограничная линія, проходящая черезъ Джунгарскія Ворота, отдѣляютъ русскія владѣнія отъ китайскихъ, оставляя при этомъ большую часть границы открытою для вторженія. Но чтобы ни говорила молва, а русскимъ совершенно нечего опасаться появленія на ихъ границѣ новаго Чингизъ-Хана: на ихъ сторонѣ всѣ преимущества оружія, провіанта, военныхъ позицій, и еще болѣе того громаднаго превосходства, которое даетъ наука въ приложеніи къ войнѣ.

II. Памиръ и Алай.

Памиръ и Тибетъ, массивы которыхъ встрѣчаются другъ съ другомъ на сѣверъ отъ Индустана и на востокъ отъ Оксуса, суть двѣ горныя цѣпи Азіи, хотя, вѣрнѣе сказать, обѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, составляютъ одну континентальную цѣпь. Расположившись подъ прямымъ угломъ, одна параллельно экватору, а другая по направленію меридіана, онѣ образуютъ ту «Крышу», тотъ «Вѣнецъ міра», или Бам-и-дуніаг'ту, названіе котораго, заимствованное съ киргизскаго, примѣняется обыкновенно лишь къ одному Памиру.

Вмѣстѣ съ своими мысами, выдающимися въ видѣ горъ надъ равнинами Оксуса на западѣ, и Тарима, на востокѣ, Памиръ занимаетъ въ центрѣ Азіи пространство, равное приблизительно 70.000 кв. верстъ. Его громадные уступы, выдвигающіеся вмѣстѣ съ контрфорсами верстъ на 500, образуютъ какъ бы западную часть той стѣны, которая окружаетъ въ видѣ плоскогорій и горныхъ системъ Китайскую имперію, рѣзко раздѣляя Азію на двѣ половины и заграждая пути для переселеній и военныхъ набѣговъ. Поднимаясь, въ среднемъ, на высоту 13.000 футовъ надъ уровнемъ земли, годной къ культурѣ, въ области снѣговъ и горныхъ пастбищъ, Памиръ былъ бы страной голода и смерти для народовъ или для армій, которые вздумали бы зайти въ него. Однако небольшіе караваны путешественниковъ и купцовъ и небольшіе отряды воиновъ проходили черезъ это плоскогоріе не рѣдко. Невозможно, чтобы въ прежнее время не пытались пройти кратчайшимъ путемъ пространство, отдѣляющее Оксусъ отъ Кашгаріи и Европу отъ Китая. Греки, римляне, арабы, итальянцы и китайцы не разъ пересѣкали Памиръ, одни съ торговыми предпріятіями, другіе въ пылу религіозной страсти, третьи ради завоеваній; но очень немногіе изъ путешественниковъ оставили описанія своихъ маршрутовъ; всѣ они старались перейти плоскогоріе черезъ борозды, лежащія въ самой нижней части его. На однообразномъ пространствѣ слѣды путниковъ теряются такъ же скоро, какъ и слѣды корабля

[1]) Вамбери, тамъ же.

[2]) Пророчество автора, какъ извѣстно, сбылось очень скоро. *Прим. перев.*

еанѣ. Въ Памирѣ, имя котораго есть си-
ъ пустыни [1]), нѣтъ ни городовъ, ни об-
анныхъ полей, ничего, что могло бы слу-
вѣхами; мѣстности всюду одинаковы, од-
азны. Никакія точныя указанія въ древ-
сочиненіяхъ о путешествіяхъ не могутъ
ь отыскать съ достовѣрностью прежніе
карамановъ, и только новѣйшіе изслѣдо-
и, прошедшіе разныя части его, тщательно
ившіе на карту маршруты, дали нако-
возможность составить общее понятіе о
огоріи и его рельефѣ. Благодаря имъ,
о было разобраться въ хаосѣ древней но-
атуры, возстановить географію Азіи, сте-
различныя фантастическія цѣпи горъ, на-
ныя на карты на-угадъ... «Меридіональ-
хребетъ Болоръ, составляющій, по мнѣ-
умбольдта [2]), ось материка, пересталъ уже
ствовать на картахъ, по крайней мѣрѣ
рядъ вершинъ; точно также Имаюсъ древ-
смѣшивается съ громаднымъ плоского-
Памиръ. Очень возможно, впрочемъ, что
ніе Болора или Балора прилагалось въ
ости только къ области, сосѣдней съ Гин-
немъ, вѣроятно къ странѣ, извѣстной въ
время подъ названіемъ Дардистана [3]).
ческіе торговцы, сопровождавшіе куп-
другихъ націй, можетъ быть китайцевъ,
оромъ вѣкѣ христіанской эры, если не ра-
той эпохи, умѣли отыскивать дороги въ
ку или «Страну шелка», черезъ Памиръ.
авшись въ Бактріанѣ, т. е. въ долинѣ
яго Оксуса, и войдя, конечно, при этомъ
ошенія съ народами, жившими на востокъ
еръ отъ нихъ, греки принуждены были
оваться дорогой чрезъ плоскогоріе и, под-
ясь по Оксусу, пробираться возможно
е узкимъ горнымъ проходомъ, передъ
какъ выдти въ долину. Такъ Птоломей,
авшій всѣ документы, черезъ географа
на Тирскаго, добытые македонянином
омъ Тиціаніуомъ, дѣйствительно гово-
что греки направлялись на сѣверъ въ
у Комедъ. Оттуда дорога шла у подошвы
огорія черезъ долину Оксуса, вѣроятно и
ъ его притокъ Сургъ-абъ [4]), направляясь
Каменной Башнѣ», главному пункту пере-
нія дороги и остановокъ послѣ столь про-
ительнаго пути. Гдѣ находилась эта баш-
Относительно этого вопроса можно дѣлать
о предположенія, такъ какъ остановки
овъ могли происходить безразлично въ од-
изъ тѣхъ безчисленныхъ впадинъ, въ ко-
хъ пересѣкаются нѣсколько дорогъ и гдѣ
вьючныхъ животныхъ находятъ вдоволь
и воды. Наконецъ, пастухи развѣ не
, въ разныя времена, обозначать различ-

ныя мѣста «Каменными башнями», которыя служили имъ сигналами, межевыми знаками, могильными памятниками? Одинъ изъ этихъ многочисленныхъ Таш-Курган'овъ или «Каменныхъ грудъ», расположенный на подъемѣ въ 10.800 футовъ, у одного изъ верхнихъ притоковъ рѣки Яркандъ, у восточной подошвы Памира, сталъ даже чѣмъ-то въ родѣ деревни и главнымъ городомъ малолюднаго Сириколя. Раулинсонъ предполагаетъ, что это можетъ быть и есть «Каменная Башня» греческихъ и римскихъ купцовъ, ходившихъ въ «Страну шелка» [1]). Во всякомъ случаѣ невѣроятно, что для того, чтобы отправиться изъ долины Сургъ-абъ въ долину Тарима,—древній Эхардесъ,—караваны шли тропинкой, хотя и болѣе удобной, но которая вела ихъ далеко на юго-востокъ. Кромѣ того Ташъ-Курганъ и Сириколь, по Гордону, происхожденія сравнительно новѣйшаго. До путешествіи Федченко, Сѣверцова и другихъ русскихъ изслѣдователей, положившихъ въ области плоскогорія предѣлы того пространства, на которомъ должна была находиться знаменитая «Каменная Башня», ученые искали ее по всей центральной Азіи. Нѣтъ пункта, упоминаемаго древними, который бы такъ часто не перемѣщали на картѣ съ одного мѣста на другое. Предполагали найти его на мѣстѣ новаго города Ташкента или «Каменнаго Замка», на сѣверѣ отъ Яксарта; думали также, что онъ находился главнымъ образомъ въ Ферганѣ, а Риттеръ, Гумбольдтъ и Лассенъ [2]) считали развалины, стоящія на холмѣ «Соломонова Трона», что возлѣ города Ошъ, за остатки Каменной Башни. Птоломей, сбитый съ толку смутными и противорѣчивыми указаніями купцовъ, помѣстилъ Каменную Башню гораздо далѣе къ сѣверу: по указываемой имъ широтѣ ее нужно бы было искать въ самой Сибири, по ту сторону Тянь-Шаня.

Другимъ купцамъ, приходившимъ съ востока, дороги были извѣстны болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до той эпохи, когда римляне проходили черезъ Памиръ. Китайцы знали о существованіи народовъ, живших на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, а ихъ частыя сношенія съ ними происходили черезъ перевалы Цунгъ-Линга, или Памира русскихъ географовъ. Вслѣдъ за экспедиціей Чангъ-Кіена, снаряженной около 128 года до Р. Х., торговля стала развиваться очень быстро, и вскорѣ китайскіе караваны, изъ которыхъ иные состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправлялись прямо отъ береговъ Тарима къ берегамъ Сыръ-Дарьи въ страну Таванъ; нерѣдко отправлялось до десяти и двѣнадцати карамановъ въ годъ и, благодаря этимъ путешествіямъ, какъ полагаютъ, введены въ Китаѣ лозы и сѣмена вино-

Сѣверцовъ, Vlue, Forsyth, Paquier etc. „Asie centrale".
Shaw, „Journal of the Geographical Society", 1876.
Richthofoen, „цитированное сочиненіе".

[1]) „Journal of the Geogr" Society. vol. XLII, 1872.
[2]) Ritter, „Asien", V; Humboldt, „Asie centrale"; Lassen, „Indische Alterthümer".

града, орѣха, гранатоваго дерева, бобовъ, огурцовъ, петрушки, люцерны, шафрана, кунжута[1]). Отправляясь долиной Тарима, китайскіе купцы должны были искать переходъ черезъ горы, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они менѣе широки; они огибали на сѣверо-востокъ всю массу Памира и Алайскихъ горъ, идя черезъ Терекъ-даванъ; но извѣстно также изъ лѣтописей того времени, что они пересѣкали Памиръ на-прямикъ, черезъ южные перевалы, чтобы соединить этой дорогой земли Оксуса и Кипина или Кабулистана.

Междоусобныя войны и большія переселенія народовъ остановили торговое движеніе, установившееся непосредственно между восточной и западной Азіей; но миссіонеры и богомольцы-буддисты снова проторили дорогу въ Памиръ. Гіуенъ-Цангъ, знаменитѣйшій изъ этихъ богомольцевъ, разсказываетъ о своемъ шестнадцатилѣтнемъ путешествіи, совершенномъ имъ по Центральной Азіи, въ первой половинѣ VI вѣка, и въ его путевыхъ замѣткахъ можно отыскать довольно много сходныхъ именъ на путь въ южный Памиръ черезъ Бадакшанъ, Іаханъ и страну Сириколь[2]). Это почти тотъ самый путь, по которому слѣдовалъ Марко Поло, сопровождавшій своего дядю и своего отца во время знаменитаго путешествія 1272—1275 г.; однако, кажется[3]), что онъ держалъ путь нѣсколько сѣвернѣе и что съ мѣста перехода черезъ верхній Оксусъ онъ прямо пересѣкъ «плоскогоріе Памиръ» по направленію съ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ и долженъ былъ «объѣзжать верхомъ двѣнадцать дней» эту мѣстность, не встрѣтивъ за всю дорогу ни жилищъ, ни растительности, при чемъ каждый несъ съ собою то, что ему было нужно[4]). Въ 1603 г. католическому миссіонеру Гоесу пришлось также проходить черезъ южную часть Памира, вѣроятно той же дорогой, что и Гіуенъ-Цангу. Послѣ того протекло болѣе двухъ столѣтій прежде, чѣмъ европейскій путешественникъ снова проникъ въ южный Памиръ. Въ 1838 г. англичанинъ Вудъ поднялся по одному изъ развѣтвленій верхняго Оксуса до самаго Сары-Куля или Куль-Кальяна: вслѣдъ за этимъ начался рядъ новыхъ научныхъ изслѣдованій. Въ 1868 году Гайвардъ посѣтилъ юго-восточную часть плоскогорія; индусы, посланные англійскимъ топографическимъ бюро, также прошли какъ черезъ большой, такъ и малый Памиръ; въ 1871 г. грекъ Потагосъ тоже отправился черезъ южную сторону плоскогорія изъ Бадакшана въ Кашгаръ. Въ 1875 г. Форсайтъ, Гордонъ, Троттеръ спустились по плоскогорію до Бадакшана и посѣтили Шигнанъ и Рошанъ, вмѣстѣ съ топографомъ изъ Индіи, принадлежавшимъ къ ихъ экспедиціи.

Что касается до сѣвернаго Памира, то его перестали посѣщать со временъ китайскаго владычества. Арабы, владѣвшіе долиной Сыръ-Дарьи, имѣли интересъ отправлять всѣ торговыя экспедиціи дорогами сравнительно легкими, огибающими съ сѣверной стороны массивы Тянь-Шаня; по этимъ же дорогамъ ходили и европейскіе послы, отправлявшіеся ко двору монгольскихъ властелиновъ. Дѣло географическихъ изслѣдованій въ сѣверномъ Памирѣ было начато лишь благодаря индусу Абдулъ-Меджиду, который въ 1861 году первый прошелъ черезъ Памиръ съ юга на сѣверъ, и затѣмъ русскимъ изслѣдователямъ: Федченко, Костенко, Мушкетову, Сѣверцову, Оханину и проч. Въ настоящее время болѣе $^4/_5$ всей поверхности Памира болѣе или менѣе извѣстны: промежутокъ, отдѣляющій столь важную маршрутную линію г. Сѣверцова 1878 года отъ пути, пройденнаго англійской экспедиціей въ 1873 году, равенъ не болѣе 45—50 верстамъ. Въ общихъ чертахъ и съ приблизительной точностью Памиръ нанесенъ уже на карты; до двадцати важныхъ пунктовъ опредѣлены астрономически Бонсдорфомъ, Шварцемъ, Скази; высота 2.000 мѣстностей измѣрена барометромъ или другими инструментами; ни одна изъ неизслѣдованныхъ чрезполосныхъ земель не отстоитъ своей центральной частью болѣе чѣмъ на 55 верстъ отъ границъ областей, уже извѣстныхъ, и можно быть увѣреннымъ, что ни одна изъ горныхъ массъ, ни одна сколько-нибудь значительная выпуклость поверхности не избѣгла взора путешественника[1]).

Памиръ вполнѣ ограниченъ какъ со стороны сѣвера, такъ и юга горными хребтами, высотой въ 6.500—9.850 футовъ, несмотря на то, что само плоскогоріе возвышается на 13.000 футъ надъ поверхностью Туркестанской равнины. Съ юга, цѣпь Гиндукушъ, продолженная горами, примыкающими къ Куэнъ-Луню, составляетъ раздѣлительный валъ, по другую сторону котораго развертывается бассейнъ Инда. Съ сѣвера За-Алай и Алай, составляющіе географически часть Тянь-Шаня, отдѣляютъ Памиръ отъ склоновъ, спускающихся къ Сыръ-Дарьѣ. Однако плоскогоріе, окаймленное двумя рядами горъ, имѣющихъ направленіе зап.-юго-западное и вост.-сѣв.-восточное, далеко не представляетъ на всемъ своемъ пространствѣ одинаковую поверхность. Напротивъ, Памиръ раздѣленъ на множество, такъ сказать, отдѣльныхъ «Памировъ» посредствомъ ряда высотъ и даже настоящихъ горъ, глубокихъ овраговъ, по которымъ воды стекаютъ на западъ въ р. Аму, на востокъ—въ Таримъ, не имѣя при этомъ

[1]) Bretschneider, On the study and value of chinese botanical works".

[2]) Stanislas Julien, „Histoire de la vie d'Hiouen-Tsang et de ses voyages".

[3]) Paquier, „le Pamir".

[4]) *Marco Polo, édition Pauthier,* Livre chap. XXXII.

[1]) „Bulletin de la „Société de Géographie de Paris", 1880.

ій водораздѣльной цѣпи. Рельефъ плоскихъ
ышенностей, исключая горныхъ уступовъ,
ставляетъ колебанія не свыше 3.500 фу-
, вслѣдствіе чего климатъ, ландшафты и
ачительная флора плоскогорія почти вездѣ
аковы. Кромѣ того выпуклости не настоль-
брывисты, чтобы затруднять собою киргиз-
ъ пастуховъ или путешественника. «По
у Памиру есть тропинки; тысячи дорогъ
крещиваются: съ проводникомъ можно безъ
удненій ходить по всѣмъ направленіямъ» [1]).
сей сѣверной части Памира, расположен-
на югъ отъ величественной пограничной
За-Алай, нѣтъ такихъ высотъ, которыя
имались бы выше чѣмъ на 1.000—1.650 фу-
относительной высоты и составляли бы
удненіе при переходѣ черезъ нихъ; всюду
транство это покрыто затвердѣлой глиной
движущимися песками [2]). Между Рангъ-ку-
и Яшилъ-кулемъ, въ мѣстности, посѣщен-
недавно Сѣверцовымъ, а также и въ цен-
ьномъ Памирѣ, путь настолько удобенъ,
походитъ скорѣй на шоссейную дорогу. Въ
мъ мѣстѣ западнаго Памира генералъ Аб-
въ перешелъ безъ большихъ хлопотъ, вмѣ-
съ артиллерійской батареей, хребетъ Алай,
ты Кара-Казыкъ или «Черный Колъ», на-
щійся на одной высотѣ съ вершиной горы
. [3]). Недоступный въ прежнее время для
й, по трудности добыванія провіанта, Па-
ь не можетъ уже болѣе останавливать воен-
силы, снабженныя хорошимъ обозомъ. Но
зъ него можно проходить только во время
рехъ мѣсяцевъ въ году, отъ іюня до сен-
я; въ продолженіе $^2/_3$ года, земля покрыта
омъ, а вѣтры слишкомъ суровы, чтобы при
ь выдержать дѣйствіе холода.
орныя породы Алая, покрытыя на поверх-
и пескомъ и глиной, состоятъ изъ гранита
исталлическихъ сланцевъ. Массы гранита,
рыя образовали бы остовъ горъ, если бы
когоріе было размыто рѣками, вытянуты
разъ въ томъ же направленіи, какъ и
ныя цѣпи Тянь-Шаня [4]); въ томъ же на-
леніи выдвинуты въ самую равнину за-
наго Туркестана и оконечности горныхъ
товъ, но зато между гранитомъ мѣста за-
ены формаціями, болѣе поздними и даже
совыми. Главный склонъ Памира обращенъ
ападу и юго-западу; его предѣльная линія,
рая очень извилиста и почти сглажена,
одится гораздо ближе къ восточной равнинѣ,
ели къ низменности Арало-Каспійскаго скло-
На восточной сторонѣ плоскогорія подни-
ся самая значительнѣйшая вершина —
ая Тагарма или Тигальма, называемая,
благодаря, конечно, скалѣ, также еще Уй-Тагъ или Гора-Домъ, и Муз-Тагъ-Ата или «Отецъ Ледяныхъ горъ», такъ какъ ея снѣга, покрывающіе вершину и ледники, спускаются въ окрестныя ущелья. Тагарма поднимается, вѣроятно, не менѣе какъ 10.000 футъ выше Монблана и тянется далеко на юго-востокъ контрфорсами Чичикликъ, сохраняя высоту 20.000 футовъ. По Троттеру и Костенко высота Тагармы 25.500 футовъ, а по Гайварду—21.000. Можно вообще сказать, что восточная окраина Памира, въ которой г. Сѣверцовъ видѣлъ не болѣе одного ряда возвышенностей, выдающихся въ формѣ отдѣльныхъ мысовъ и поднимающихся то тамъ, то сямъ, напоминаетъ горный хребетъ лишь въ зачаточномъ видѣ и продолжается въ направленіи отъ азіатскихъ плоскогорій къ центральному горному узлу, параллельными рядами, къ Гималайскимъ горамъ. Тагарма и различныя горныя массы, направляющіяся наискось къ Тянь-Шаню, часто описывались въ кашгарскомъ Туркестанѣ подъ турецкимъ названіемъ Кизылъ-Арта или «Краснаго Перевала»: это Цунгъ-Лингъ или «Луковичныя горы» китайскихъ авторовъ.

Плохо защищенный со стороны окраины, съ ея брешами, Памиръ часто бываетъ посѣщаемъ вѣтрами, которые, спускаясь съ юго-запада въ арало-каспійскія равнины, дуютъ съ страшной силой, поднимая вихри снѣга или пыли. Въ это время рогатый скотъ сбивается въ кучу, стараясь плотнѣе прижаться другъ къ другу, чтобы противиться порывамъ вѣтра; отдѣлившееся животное гибнетъ. У самаго Кара-Куля и въ песчаныхъ ущельяхъ Кизылъ-Арта, камни носятъ на себѣ слѣды штриховъ, которые чертитъ на нихъ песокъ, постоянно проносящійся надъ ними съ сѣвернымъ вѣтромъ [1]). Въ этихъ мѣстахъ воздухъ вообще очень сухъ и особенно прозраченъ, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда цѣлыя тучи пыли наносятся вѣтромъ изъ пустыни [2]). Случается, что термометръ въ тѣни показываетъ всего 10° С, тогда какъ на солнцѣ ртуть поднимается до 70°; путешественникъ, который держалъ въ рукахъ градусникъ, принужденъ былъ предохранять руки отъ обжога [3]). Холодъ и вьюги, случающіяся по Гордону особенно часто въ февралѣ и мартѣ, не составляютъ исключительнаго препятствія для путешественника; разница въ температурѣ, зависящая отъ прозрачности воздуха, есть одна изъ опасностей, съ которыми приходится бороться путешественнику. Часто также путники страдаютъ отъ «горной болѣзни», и Гордонъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ сотоварищей, который могъ служить «горнымъ барометромъ» по жестокимъ головнымъ

) Gordon, „The Roof of te World".
) Костенко, „Алайская экспедиція 1876 г".
) Venucov, „le Globe, journal de la Soc. de Géogr. enève", 1880, п. 1.
) Mouchketov, „Expédition de l'Alai en 1877".

[1]) Костенко, „Алайская экспедиція", 1876;—Коростовцевъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общества", 1877, п. 4.
[2]) Костенко, Michell.
[3]) Сѣверцовъ, Венюковъ.

болямъ, появлявшимся у него каждый разъ, какъ поднимались на высоту свыше 11.800 [1]).

Тѣмъ не менѣе Памиръ бываетъ временно обитаемъ. Киргизы съ сѣвера изъ Кокана и Каратегина или съ запада изъ Шигнана бродятъ по этимъ степямъ въ лѣтнее время, сопровождая свои стада; путешественники встрѣчали тамъ и сямъ груды камней, какъ остатки древнихъ лагерей и гробницы киргизскихъ святыхъ, украшенныя бараньими рогами и кусками развѣвающейся матеріи. Повыше границы деревьевъ, между которыми видны низкорослая береза, можжевельникъ съ толстымъ и стелющимся стволомъ [2]) и колючій кустарникъ, нѣтъ инаго матеріала для топки, кромѣ деревянистыхъ корней одного вида лаванды [3]); а еще выше не попадаются уже и эти корни, и пастухамъ приходится носить съ собою топливо. Но во многихъ областяхъ Памира трава на пастбищахъ, несмотря на высоту 13.200 ф., такъ же густа, какъ на лугахъ западной Европы, а можетъ быть и болѣе сочна: «это лучшія пастбища въ свѣтѣ, такъ какъ тощія лошаденки жирѣютъ на нихъ въ десять дней», говоритъ Марко Поло, и это подтверждаютъ новѣйшіе изслѣдователи и проводники изъ Ухана. Въ горной долинѣ Сариколь, на склонѣ Кашгара, нѣкоторыя растенія, какъ напр., рожь и бобы, созрѣваютъ на высотѣ 10.150 фут. Но тѣмъ не менѣе параллельные склоны, раздѣленные между собою низменностями, особенно въ сѣверномъ Памирѣ, по большей части почти всюду совершенно лишены зелени, и трава ростетъ только во влажныхъ впадинахъ, на берегу ручейковъ и озеръ [4]).

Но фауна гораздо богаче, нежели еще недавно предполагали. Экспедиція Сѣверцова въ 1878 г. нашла въ Памирѣ 112 видовъ разныхъ птицъ, тогда какъ въ европейскихъ Альпахъ, на той же высотѣ, насчитываютъ ихъ не болѣе дюжины. На болотахъ, окаймляющихъ озера, видѣли слѣды, оставленные сернами, зайцами, оленями, лисицами, медвѣдями, волками, рысями и леопардами. Въ Большомъ Памирѣ встрѣчали каменныхъ барановъ, подобныхъ тѣмъ, которые водятся въ Гималаяхъ. Наиболѣе характерное животное плоскогорія — это овца, называемая качкаръ или архаръ, ovis Poli или Pallii натуралистовъ, и достигаетъ $1^1/_2$ аршина вышины и вѣсу 10—11 пудовъ [5]); качкаръ отличается своими громадными опущенными рогами, свернутыми въ спираль. Прежде это животное было очень обыкновенно на плоскогорьяхъ, такъ какъ всюду во множествѣ находятъ его рога вмѣстѣ съ черепомъ, но въ настоящее время можно иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней не встрѣтить ни одного качкара. Кажется, этотъ видъ овцы вымираетъ; эпизотія 1869 года почти совершенно истребила расу ovis Poli во всемъ сѣверномъ Памирѣ; но Сѣверцовъ находилъ ихъ еще тамъ въ 1877 году [1]). Медвѣдя также не встрѣчаютъ въ этой части плоскогорія. Греческій путешественникъ Патагосъ видѣлъ обезьянъ мелкой породы въ южныхъ горныхъ долинахъ [2]). Вѣроятно, тигръ не попадается болѣе въ Памирѣ, и путешественники смѣшивали его съ леопардомъ.

На плоскогоріи, не менѣе чѣмъ на Аралo-Каспійскомъ склонѣ, слѣды высыханія почвы очевидны, хотя впадины плоскогорія Памиръ вообще не особенно глубоки и сравнительно небольшаго дождя достаточно, чтобы вода стала выливаться изъ нихъ черезъ край, и тѣмъ не менѣе множество озеръ уже не могутъ питать свои рѣки и, оставаясь отнынѣ изолированными въ своихъ узкихъ бассейнахъ, мало-по-малу, обращаются въ резервуары солоноватой или даже соленой воды, какъ тому можетъ служить примѣромъ Сусыкъ-Куль, въ полосѣ южнаго Памира. Масса соли залегаетъ въ центральномъ Памирѣ, въ долинѣ, сосѣдней съ Рангъ-Кулемъ или «Козьимъ озеромъ»,—резервуаромъ, вода котораго еще прѣсна, благодаря рѣкѣ, протекающей здѣсь и вливающейся въ одинъ изъ притоковъ Оксуса. Во многихъ мѣстахъ слои выпарившейся соли, или магнезіи, покрываютъ, точно снѣгъ, пространства, когда-то покрытыя водою.

Самое большое озеро Памира Кара-Куль или «Черное озеро», названное такъ по цвѣту темно-синей воды, въ настоящее время, кажется, находится въ періодѣ высыханія. Расположенный немного южнѣе За-Алая и «Краснаго» перевала или Кизылъ-Арта, въ Памирѣ-Каргоши или въ «Заячьемъ Памирѣ», Кара-Куль окруженъ со всѣхъ сторонъ снѣжными горами, съ которыхъ спускаются нѣсколько ледниковъ; его громадная впадина не заполняется, какъ прежде, водою, и высоты уже не вдвигаются массами въ западную часть озера. Глинистая равнина, окружающая его съ разсѣянными на ней кустарниками и лужами, тянется далеко на нѣсколько верстъ шириною, до самыхъ подножій горъ. Очевидно, что Кара-Куль, занимающій въ настоящее время поверхность не менѣе, чѣмъ на 220 кв. верстъ, былъ прежде гораздо обширнѣе и составлялъ съ небольшими окрестными озерами одинъ сплошной бассейнъ [3]). Повсюду вокругъ него видны крутые или отлогіе разрыхленные берега, покрытые выпарившейся магнезіей, блистающей на солнцѣ ослѣпительной бѣлизной и конечно въ мѣстахъ, не покрытыхъ завалами песку. Мѣ-

[1]) „The Roof of the World".
[2]) Костенко.
[3]) Гордонъ.
[4]) Костенко, Коростовецъ.
[5]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань".

[1]) Сѣверцовъ, Костенко.
[2]) „Bulletins de la Société d'Anthropologie", 1880.
[3]) Мушкетовъ, „Изв. Географ. Общ." 1878 г.

поросшія травою, въ которыхъ ютятся ди-
гуси, утки и чайки, идутъ широкой поло-
по берегу, а полуострова и многочислен-
острова также служатъ мѣстомъ ихъ крат-
ременнаго пребыванія. Главный холмъ,
имающійся среди озера, дѣлитъ его на двѣ
вины, сѣверную и южную, примыкая къ
гу песчаной косой. Воды, приносимой рѣ-
и, недостаточно, чтобы замѣстить убыль
испаренія въ Черномъ озерѣ. Дожди здѣсь
ь рѣдки, и почти всегда влага приносится
въ лѣтнее время тучами, въ видѣ круп-
града, а зимою въ видѣ снѣга. По Костен-
на всѣхъ картахъ Кара-Куль представляет-
зливающимся то въ Оксусъ, то въ р. Кашгаръ,
аконецъ въ оба эти бассейна разомъ: это об-
тельство дало поводъ китайцамъ сравнить
съ двуглавымъ чудовищемъ, и назвать его
ю-Драконъ. Если и существовалъ когда-либо
ъ, достаточно полноводный, чтобы нести
ы Кара-Куля въ р. Кашгаръ посредствомъ
Гарканъ-су, то его давно уже не стало; что
ется до южнаго стока, соединявшаго озе-
ъ Оксусомъ, то онъ, вѣроятно, не вполнѣ
высохъ: во время проливныхъ дождей онъ
авляетъ еще немного воды черезъ ту брешь,
которой течетъ Чонъ-су (Большая рѣка)
Ак-Байталъ [1]). Кара-Куль, почти не имѣю-
стока, мало-по-малу сконцентрировалъ со-
содержащіяся въ его водахъ: магнезія со-
ила послѣднимъ дотого горькій вкусъ, что
отныя пьютъ ихъ только при сильной жаж-
но эти воды остаются всегда прозрачными,
тогда, когда вѣтры волнуютъ ихъ до са-
дна, и въ бассейнѣ несомнѣнно водится
а, такъ какъ летающіе надъ нимъ соколы
угія хищныя птицы отъ времени до вре-
быстро спускаются къ поверхности озе-
. По разсказамъ пастуховъ, уровень Кара-
ь повышается регулярно каждую пятницу:
странное явленіе, которому г. Костенко
ненъ придавать нѣкоторую вѣру, можно
ъснить только дѣйствіемъ какого-нибудь силь-
перемежающагося источника [3]). Г. Ко-
овцевъ тоже говоритъ о періодичности
были воды въ «Черномъ озерѣ», но безъ
анія продолжительности колебаній уровня.
азличныя высоты Памира суть:
ходъ Кизылъ-артъ, по Коростовцеву —
2 метр.; Кара-куль, по Костенко—4.020 м.;
ходъ Узъ-бель (къ югу отъ Кара-Куля),
Коростовцеву—4.631 метр.; нижняя грани-
остоянныхъ снѣговъ, по Коростовцеву—
0 метр.

а сѣверѣ Памира два параллельные хреб-
Алайскій и За-Алайскій, поднятые—первый
итами, второй гранитами, ограничиваютъ
когорье въ видѣ двойнаго вала. Тотъ и
другой принадлежатъ къ системѣ Тянь-Шаня,
и геологическое ихъ строеніе, по словамъ г. Мушкетова, точно такое же; но будучи явственно отдѣлены отъ восточнаго массива Небесныхъ горъ проходами Когъ-артъ и Терекъ-даванъ [1]), изъ которыхъ послѣдній служитъ главнымъ переваломъ для каравановъ, ходящихъ между Ферганой и Кашгаріей, они могутъ быть разсматриваемы какъ независимое цѣлое. Западный отрывокъ Тянь-Шаня, который на западѣ врѣзывается своими отрогами въ равнины Туркестана, между бассейнами Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, тянется на 700 слишкомъ километр. въ длину; такъ же, какъ Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ, этотъ отрывокъ состоитъ изъ различныхъ хребтовъ, направляющихся—одни отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, другіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и пересѣкающихся между собою, на извѣстныхъ разстояніяхъ; но главнымъ направленіемъ остается первое, то-есть направленіе Алайскихъ и За-Алайскихъ горъ.

На сѣверо-восточномъ углу плоскогорья Памира, два гребня представляютъ замѣчательную правильность. Алай или Кичи-Алай, составляющій въ то же время водораздѣльный хребетъ между бассейномъ Сыра и бассейнами Аму и Тарима, явственно ограничиваетъ Ферганскую долину своими горами, отъ 4.000 до 5.000 и даже до 5.500 метр. средней высоты, отдѣленными одна отъ другой проходами, неглубоко врѣзывающимися въ массу плоскогорья; одинъ изъ наименѣе высокихъ между проходами, открывающимися на западѣ отъ Терекъ-давана, есть перевалъ Исфайрамъ (3.600 метр.), находящійся на одномъ изъ «переломовъ» Алая, то-есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь круто перемѣняетъ направленіе, поворачивая почти безъ изгиба къ западу. Съ этого широкаго порога, покрытаго пастбищами и легко доступнаго, видны на обширномъ пространствѣ только мурава, скалы да снѣга: ослѣпительный гребень За-Алайскаго хребта закрываетъ видъ Памира [2]). Съ сосѣдняго пригорка можно созерцать колосса За-Алайскихъ горъ, бѣлоснѣжную пирамиду, которой покойный Федченко далъ названіе «Пикъ Кауфманъ»; это ,вѣроятно, самая высокая гора всей системы Тянь-Шаня. Другая группа, состоящая изъ трехъ равныхъ вершинъ, почти такой же высоты, какъ и Гора Кауфманъ, поднимается надъ гребнемъ немного восточнѣе: это «Гурумди» киргизовъ [3]). Ни одного дерева не видно на склонахъ: только

Сѣверовъ, „Экспедиція 1878 года".
Коростовцевъ, цитир. статья.
Костенко, „Экспедиція на Алайскія горы, въ 1875 г.":

[1]) Горные проходы Тянь-Шаня носятъ татарскія названія даванъ (дабанъ), артъ (ярлъ), бель или куталъ. Дабаномъ называется трудный и каменистый проходъ; артъ—это опасный проломъ въ высокой горѣ; бель—низкій и удобный проходъ; куталъ же означаетъ широкое отверстіе между невысокими холмами (Федченко).
[2]) Федченко, „Путешествіе въ Туркестанъ".
[3]) „Proceedings of the Geograph. Society", 1880.

изрѣдка, тамъ и сямъ, встрѣчаются кусты можжевельника; туземцы не знаютъ другаго топлива, кромѣ кизяка, то-есть коровьяго кала.

Пространство, заключающееся между Алайскимъ и За-Алайскимъ хребтами, разсматриваютъ какъ особенное плоскогорье, образующее какъ бы внѣшнюю террасу Памира, одну изъ ступеней, по которымъ нужно спускаться съ этой «Кровли міра» въ долину Ферганы. Это не что иное, какъ высохшее озеро [1]), ширина котораго, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, не менѣе 40 километр., и которое тянется въ формѣ широкой аллеи по направленію отъ сѣверовостока къ юго-западу. Высшая часть этого промежуточнаго пространства, извѣстная у киргизовъ подъ именемъ Башъ-Алай или «Головы Алая», представляетъ настоящее плато, типъ столькихъ другихъ возвышенныхъ равнинъ, заключенныхъ между горными цѣпями центральной Азіи: съ западной стороны глинистое пространство, тамъ и сямъ содержащее въ почвѣ примѣсь соли, но представляющее мѣстами богатыя пастбища, съуживается и въ то же время углубляется, врѣзывается въ толщу горной массы, измѣняясь сначала въ долину, затѣмъ въ простое ущелье, гдѣ остается мѣсто лишь для прохода водъ ручья. Эта нагорная степь—земной «рай» киргизовъ (таковъ буквальный смыслъ слова Алай), но рай, который они могутъ посѣщать только въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году.

На этомъ-то едва примѣтномъ порогѣ плоскогорья Башъ-Алай, въ поперечномъ направленіи къ гребнямъ двухъ горныхъ цѣпей, и находится линія водораздѣла: съ одной стороны тающіе снѣга стекаютъ къ рѣкѣ Кашгаръ, съ другой—къ одному притоку Оксуса. Два потока, берущіе начало на Алайскомъ плоскогорьѣ, получили оба одно и то же имя, Кизылъ-су (Красная вода), по причинѣ краснаго цвѣта ихъ высокихъ береговъ и ложа; большая часть ручьевъ, спускающихся съ горъ къ этимъ главнымъ рѣкамъ, тоже имѣютъ красноватый оттѣнокъ, зависящій, безъ сомнѣнія, отъ глинъ, которыя были отложены древними ледниками. Впрочемъ, ледяныя рѣки и теперь еще висятъ надъ долиной «Красныхъ Водъ», спускаясь изъ снѣжныхъ цирковъ За-Алайскихъ горъ. На сѣверныхъ склонахъ Алая горные потоки тоже катятъ во время разливовъ «кровавыя воды», происходящія отъ глинистыхъ слоевъ, образовавшихся вслѣдствіе размыванія пластовъ тріаса [2]). Въ ручьяхъ, текущихъ къ западной «Красной водѣ», то-есть къ Сургъ-абъ, какъ ее называютъ таджики, Федченко открылъ одинъ видъ форели, рыбу, которая не водится ни въ одной рѣкѣ равнинъ Туркестана. Быть можетъ, эта рыба сходна съ той, которую Гриффитъ нашелъ у Баміана, на другомъ притокѣ Оксуса. Перемѣны климата прогнали эту породу рыбъ изъ водъ равнины и заставили ее подняться къ горнымъ потокамъ.

Къ западу отъ горнаго прохода Исфайрамъ и перевала Кара-казыкъ, Алайскій хребетъ, которому въ этой области часто даютъ названіе Алайтага, поднимается постепенно, сопровождаемый на сѣверѣ параллельными кряжами, черезъ которые протекаютъ горные ручьи Ферганы. Алай соединенъ посредствомъ боковыхъ отроговъ съ этими кряжами и составляетъ вмѣстѣ съ ними, къ сѣверу отъ истоковъ Зарявшана, массивъ высокихъ горъ, превышающій на 2.000 метр. границу постоянныхъ снѣговъ и изливающій огромные ледники въ окрестныя нагорныя долины. Съ высшаго пика этого массива, самой высокой вершины Алая въ собственномъ смыслѣ, спускается на сѣверъ глетчеръ, носящій имя «ледника Щуровскаго». Съ боковъ хребта Хотуръ-тау и съ сосѣднихъ горъ льются многочисленные каскады, частію простые ручейки, разсыпающіеся въ пыль на карнизахъ скалъ, частію прозрачные снопы воды, ниспадающіе съ сильнымъ шумомъ на каменные утесы и образующіе широкіе потоки. Эти водопады составляютъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ зрѣлищъ на Алаѣ, ибо въ горахъ центральной Азіи каскады такъ же рѣдки, какъ и на скатахъ Кавказа: вообще въ отношеніи красоты водъ алайскія Альпы далеко уступаютъ Альпамъ Европы. Лѣса, растущіе на этихъ средне-азіатскихъ горахъ, тоже далеко не имѣютъ того величественнаго вида, какимъ отличаются лѣса европейскіе: они состоятъ преимущественно изъ а р ч и, особаго вида можжевельника (juniperus pseudosabina), который издали похожъ на кипарисъ, но у котораго стволъ болѣе кривой и вѣтви немного болѣе раскинуты. Лѣса арчи начинаются на высотѣ около 1.500 метр., граница же послѣднихъ деревъ находится выше 3.000 метр. [1]).

Хребетъ Караче-тау, составляющій западное продолженіе главной цѣпи Алая, сохраняетъ почти до самаго Ташкента, къ которому онъ подходитъ съ южной стороны, высоту болѣе 4.000 метр.; затѣмъ онъ довольно быстро понижается по направленію къ Самарканду. Но отъ этого хребта отдѣляется подъ острымъ угломъ другой кряжъ, направляющійся на сѣверо-западъ. Эти горы, прерываемыя широкими брешами, имѣютъ особое названіе для каждаго изъ своихъ отрывковъ, какъ-то: Ура-тепе, Джуланъ, или Саусаръ-тау, Кара-тау, Нура-тау; съ южной стороны ихъ сопровождаютъ еще другія горы въ видѣ стѣнъ.

Параллельные хребты, идущіе между Алаемъ и западнымъ Памиромъ, вообще говоря,

[1]) Мушкетовъ, цитир. статья.
[2]) *Федченко*, цитирован. сочиненіе.

[1]) Костенко, „Экспедиція на Алай," въ 1876 г.".

выше внѣшней цѣпи, и при томъ они стоятъ на гораздо болѣе высокомъ пьедесталѣ. Но горные потоки дѣлятъ ихъ на многочисленные отрывки; они не только не сливаются съ линіей водораздѣла, но даже перерѣзаны черезъ извѣстные промежутки поперечными долинами, гдѣ проходятъ рѣки, спускающіяся съ полуденной покатости Алая и съ противолежащихъ горъ. Такъ, За-Алайскій хребетъ отдѣленъ, на западѣ, отъ горъ Каратегинъ глубокой брешью, на порогѣ которой, въ проходѣ Терсъ-агаръ, одинъ и тотъ же источникъ съ двумя водопадами течетъ на сѣверъ къ р. Тузъ-алтынъ-дара, притоку р. Сургъ-абъ, и на югъ къ р. Мукъ-су. Далѣе на западѣ и самъ Сургъ-абъ отрѣзываетъ кусокъ отъ горъ Каратегинъ, чтобы

Ледникъ Щуровскаго.

соединиться съ болѣе многоводной рѣкой Мукъ-су [1]), которая беретъ начало въ одной изъ самыхъ дикихъ мѣстностей Средней Азіи. Съ перевала Терсъ-агаръ, откуда видишь у себя подъ ногами лежащую на тысячу метровъ ниже верхнюю долину р. Мукъ-су, взоръ обнимаетъ обширный амфитеатръ горъ, которыя на сѣверо-востокѣ примыкаютъ къ За-Алайскому хребту. Горы Шельвели и Сандалъ господствуютъ своими гребнями надъ фирновыми полями цирковъ и надъ ледниками ущелій; со склоновъ ихъ боковыхъ отроговъ отдѣляются снѣжныя лавины, которыя заваливаютъ теченіе ручьевъ и превращаютъ ихъ во временныя озера. Рѣка Мукъ-су образуется изъ соединенія трехъ маленькихъ рѣчекъ: одна изъ этихъ рѣчекъ, которая спускается по долинѣ Баляндъ-кишкъ, открывающейся на востокъ, по направленію къ озеру Кара-Куль, прикрыта, при выходѣ изъ своего ущелья, боковымъ ледникомъ, около 2 километровъ шириною, оканчивающимся кристаллическими стѣнами, имѣющими 60 метр. высоты. Другой глетчеръ, наполняющій долину Сель-су, еще гораздо значительнѣе: простираясь въ длину по меньшей мѣрѣ на 15 километровъ (киргизы же приписываютъ ему слишкомъ въ два раза большее протяженіе), онъ составляетъ одну изъ главныхъ ледяныхъ рѣкъ центральной Азіи; Оханинъ, первый русскій, имѣвшій счастіе изслѣдовать эту грандіозную область, далъ этому леднику имя путешественника Федченко, который до него такъ много сдѣлалъ, чтобы пролить свѣтъ на невѣдомый міръ Алая и Памира [1]). Отъ этого величественнаго массива, быть можетъ равнаго массивамъ пика Кауфманъ и Тагармы, отдѣляются двѣ цѣпи—одна, извѣстная подъ названіемъ горъ Дарвазъ, направляется на юго-западъ къ большому изгибу Аму-Дарьи, другая, получившая наименованіе хребта Петра Великаго, господствуетъ на югѣ надъ долиной рѣки Сургъ-абъ.

Къ западу отъ горнаго узла Алай-тагъ, гдѣ всѣ параллельныя цѣпи соединяются въ одно снѣговое плоскогорье, съ котораго спускаются ледники въ окружающіе цирки, два параллельные хребта Зарявшанскихъ и Гиссарскихъ горъ тоже перерѣзаны брешами, черезъ которыя проходятъ рѣки; но уже цѣпи расходятся въ формѣ опахала; онѣ постепенно понижаются и наконецъ пропадаютъ въ равнинѣ, снова появляясь то тутъ, то тамъ въ видѣ скалъ,

[1]) Костенко, „Русское Обозрѣніе“, 1876 г. № 12.

[1]) „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, XVI, 1880 г.

выступающихъ на подобіе острововъ среди низменности. Между Самаркандомъ и Гиссаромъ нѣкоторыя изъ горныхъ вершинъ поднимаются еще за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, и хотя менѣе высокія, чѣмъ пикъ Кауфманъ въ За-Алайскихъ горахъ, онѣ, быть можетъ, кажутся болѣе величественными, благодаря ихъ большей относительной высотѣ надъ уровнемъ сосѣднихъ равнинъ и низкихъ боковыхъ отроговъ или предгорій. На юго-востокъ отъ Самарканда, пикъ Газрети-Султанъ, увѣнчанный блестящей діадемой изъ льдовъ, представляется обитателямъ равнины настоящимъ царемъ горъ, на что̀ указываетъ носимое имъ громкое прозвище. Не видимъ ли мы какъ-бы отблескъ этихъ сверкающихъ снѣговъ въ описаніи алмазныхъ и рубиновыхъ горъ, которое намъ оставили богатыя фантазіей сказки народовъ? И что, какъ не амфитеатръ горныхъ склоновъ, испещренныхъ бѣлыми полосами снѣга, придаетъ своимъ контрастомъ столько прелести зеленѣющимъ оазисамъ верхняго Аму и Зарявшана?

Различныя высоты системы Алая (по измѣреніямъ Костенко, Федченко, Оханина): Терекъ-даванъ (Костенко)—3.140 метр.; проходъ Исфайрамъ (Федченко)—3.600 метр.; проходъ Кавукъ (Федченко)—4.000 метр.; проходъ Кара-казыкъ (Костенко)—4.389 метр.; Башъ-Алай, у истоковъ Кизылъ-су (Костенко)—3.500 метр.; главная вершина Алай-тага (Федченко)—5.800 метр.; средняя высота Алай-тага (Костенко)—4.800 метр.; нижняя граница ледника Щуровскаго (Федченко)—3.570 метр.; пикъ Кауфманъ (За-Алайск. горы) (Федченко)—7.500 метр.; перевалъ Терсъ-агаръ (Костенко)—2.956 метр.; нижняя граница постоянныхъ снѣговъ, на За-Алайскихъ горахъ (Федченко)—4.250 метр.; Шельвели (Оханинъ)—7.500 метр.; Сандалъ (Оханинъ)—7.500 метр.; Чабдара (Гиссарскія горы) (Федченко)—5.580 метр.; Газрети-Султанъ (Гиссарск. горы) (Федченко)—4.500 метр.

III. Тянь-Шань.

Опираясь на большую центральную выпуклость континента, Тянь-Шань образуетъ обширную горную систему, самую могучую на сѣверной покатости Азіи, какъ по своему протяженію, длинѣ и высотѣ своихъ хребтовъ, такъ и по обилію своихъ снѣговъ, по громадной массѣ своихъ ледниковъ. Имя «Небесныхъ горъ», данное ему китайцами и удержанное за нимъ западными націями, происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ высоты его вершинъ, бѣлые снѣга которыхъ сливаются съ облаками неба. Его многочисленные хребты были однимъ изъ главныхъ препятствій для переселеній народовъ, *походовъ* завоевателей, торговыхъ сношеній, и во всѣ времена историческіе пути обходили эти горы на востокѣ, черезъ проходы Джунгаріи. До недавняго времени даже русскіе, несмотря на свои военные рессурсы и на сознаніе превосходства своей цивилизаціи, останавливались у сѣвернаго основанія Тянь-Шаня, не отваживаясь перейти черезъ эти громады горъ: тутъ высился для нихъ, какъ неприступная стѣна, рубежъ извѣстнаго міра. При томъ же обширныя пустыни, «Голодная степь», большія болота, мелководныя озера заграждаютъ доступъ къ этимъ высокимъ горнымъ массамъ. Никакая долина большой рѣки, за исключеніемъ Сыръ-Дарьи, не ведетъ къ нхъ проходамъ, да и самая Сыръ-Дарья теряется въ замкнутомъ озерѣ, какъ и всѣ другіе потоки, спускающіеся съ Тянь-Шаня. Хотя Небесныя горы составляютъ главный массивъ Азіи къ сѣверу отъ Гималайя и Куэнь-Луня, однако съ гидрографической точки зрѣнія онѣ гораздо менѣе важны, чѣмъ второстепенныя горныя цѣпи, въ которыхъ берутъ начало большія сибирскія рѣки: Обь, Енисей, Лена. Тянь-Шань весь лежитъ въ области центральной Азіи, неимѣющей никакого истеченія къ морю; это массивъ степей, пустынь, на половину высохшихъ озеръ, обширныхъ соляныхъ болотъ, которыя образуютъ, такъ сказать, «внутренній материкъ», заключенный въ серединѣ азіатскаго континента. При томъ же онъ обитаемъ, да и то въ очень слабой степени, только въ долинахъ его окружности и на нѣкоторыхъ плоскогорьяхъ; превосходя, по пространству, въ двадцать пять разъ швейцарскія Альпы, онъ не заключаетъ въ своихъ предѣлахъ даже десятой части ихъ народонаселенія. Въ то же время это одинъ изъ рубежей, раздѣляющихъ племена и народы; для монголовъ, киргизовъ, джунгаровъ, таджиковъ эти снѣговые хребты, какъ исполинскіе валы, служатъ предѣлами ихъ отечества, и тѣ же высокіе гребни Небесныхъ горъ почти вездѣ составляютъ политическія границы между Россійской имперіей и Китаемъ.

Система Тянь-Шаня, какъ она представляется намъ со времени новѣйшихъ изслѣдованій, составляетъ, вѣроятно, по совокупности своего рельефа, выпуклость земной поверхности болѣе значительную, чѣмъ всѣ горныя цѣпи Европы, взятыя вмѣстѣ, отъ восточныхъ Карпатовъ до Сіерры-Невады. Г. Семеновъ давалъ общее имя «Небесныхъ горъ» только хребтамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Иссыкъ-куля, въ области, надъ которой господствуетъ, съ восточной стороны, массивъ Ханъ-Тенгри; а Гумбольдтъ называлъ такъ только цѣпи, которыя тянутся между Нарыномъ и Кашгаръ-Дарьей; напротивъ, для китайскаго писателя Гіуэнъ-Цанга Небесныя горы начинались на востокъ отъ массива Ханъ-Тенгри. Г. Сѣверцовъ первый призналъ географическую связь громаднаго горнстаго пространства, продолжающагося

отъ порога Джунгаріи до цѣпей Туркестана. «Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, говоритъ этотъ путешественникъ [1]), я направлялся къ юго-западу и постоянно видѣлъ возвышающіяся цѣпь Александра, за ней другая цѣпь, далѣе опять новые хребты. Небесныя горы какъ-будто продолжаются безъ конца; всегда видишь зубцы пилы, вырѣзывающіеся на горизонтѣ, и

Ледникъ Чуровскаго.

влѣво громады снѣжныхъ горъ. Пройдя Семирѣченскій Ала-тау, я созерцаю бѣлый Тальгаръ и другія вершины Заилійскаго Ала-тау. Вотъ снѣга, блистающіе на небѣ!» Тянь-Шань начинается въ Монголіи простымъ гребнемъ скалъ, поднимающимся надъ ложемъ «высохшаго моря», по-китайски Ханъ-хай; но къ этому гребню, направляющемуся къ западу-юго-запа-

[1]) „Географическое *распредѣленіе животныхъ*“.

ду, примыкаетъ второй, затѣмъ три, четыре и болѣе, которые соединены промежуточными плоскогорьями: всѣ эти хребты постепенно повышаются, расширяютъ свое основаніе и въ концѣ концовъ занимаютъ, по направленію съ сѣвера на югъ, пространство около восьми градусовъ географической долготы. Около середины Небесныхъ горъ ширина плоскогорья, на которомъ стоятъ гряды горъ, уменьшается постепенно, параллельные хребты убавляются въ числѣ, и наконецъ, Тянь-Шань, который, впрочемъ, уже утратилъ это имя на своей западной оконечности, пропадаетъ въ равнинахъ Туркестана, гдѣ послѣдніе его слѣды являются въ видѣ незначительныхъ отроговъ, каменистыхъ возвышенностей, окруженныхъ песками и болотами. По направленію отъ востока къ западу различныя цѣпи Небесныхъ горъ протянулись вмѣстѣ почти на 2.500 километровъ въ длину: принимая среднюю ширину массива только въ 400 километр., находимъ, что общая площадь этой орографической системы равняется приблизительно 1.000.000 квадр. километр., то-есть составляетъ почти столько же, сколько площадь Франціи, соединенной съ Пиренейскимъ полуостровомъ.

Не всѣ хребты Тянь-Шаня имѣютъ нормальное направленіе отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, или просто отъ востока къ западу; между ними есть много такихъ, которые тянутся, параллельно одни другимъ, отъ юго-востока къ сѣверо-западу или отъ востока-юго-востока къ западу-сѣверо-западу: горы послѣдняго рода были подняты діабазами, тогда какъ правильныя цѣпи образованы гранитами и сіенитами [1]). По расхожденію своихъ хребтовъ, Тянь-Шань можетъ быть разсматриваемъ какъ резюме общаго рельефа Азіи; разница только въ томъ, что возвышенности, направляющіяся къ сѣверо-западу, имѣютъ гораздо меньшую относительную важность въ Тянь-Шанѣ, нежели въ совокупности континентальнаго рельефа. Главныя цѣпи системы Небесныхъ горъ, тѣ, которыя стоятъ на широкомъ основаніи и возвышаются до пояса постоянныхъ снѣговъ, тянутся параллельно, отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, тогда какъ цѣпи, идущія наискось къ этому направленію, какъ-то: Кара-тау и Нура-тау, примыкаютъ къ системѣ съ внѣшней стороны, на сѣверной покатости, обращенной къ равнинамъ Туркестана и Сибири: только одинъ изъ этихъ хребтовъ пересѣкаетъ Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ, именно тотъ, который господствуетъ на востокѣ надъ Ферганской равниной и образуетъ краевую цѣпь всего центральнаго нагорья. Наружныя цѣпи расположены въ видѣ опахала, такъ сказать, внѣ массы Небесныхъ горъ, вслѣдствіе чего заключенныя между ними равнины принимаютъ треугольную форму. Сыръ-Дарья и ея притоки, также притоки другихъ рѣкъ, теряющихся въ степныхъ озерахъ, сначала текутъ съ востока на западъ, въ одной изъ промежуточныхъ долинъ собственно такъ называемаго Тянь-Шаня, затѣмъ, по выходѣ изъ главнаго массива, поворачиваютъ на сѣверо-западъ, отклоняемыя внѣшними цѣпями [1]). Въ самомъ сердцѣ системы всѣ долины Небесныхъ горъ такъ же, какъ долины Алая, Памира и восточной Сибири, принадлежатъ къ весьма древнимъ геологическимъ періодамъ, такъ какъ пласты тріаса и юры отложились тамъ правильно между кристаллическими, девонскими и каменноугольными вершинами главныхъ цѣпей. Кромѣ того, тамъ видны огромные слои лесса, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 метровъ въ толщину и придающіе ландшафту своимъ однообразнымъ сѣровато-желтымъ цвѣтомъ утомительную монотонность [2]).

До половины настоящаго столѣтія Тянь-Шань принадлежалъ къ числу наименѣе извѣстныхъ областей земнаго шара, и только съ большимъ трудомъ, при помощи сравнительнаго изученія китайскихъ документовъ, европейскимъ географамъ и ученымъ: Риттеру, Гумбольдту, Ремюза, удалось различить нѣкоторыя черты этой таинственной страны. Но непрерывное поступательное движеніе русскихъ на сибирской покатости Тянь-Шаня, сношенія, которыя они завязали съ владѣтелемъ Кашгаріи, когда она была еще независима отъ Китая, позволили многочисленнымъ путешественникамъ, геологамъ или натуралистамъ обойти массивъ во всѣхъ направленіяхъ, и отнынѣ остается только обозначить точнѣе разныя детали его архитектуры, изучить тщательнѣе его формаціи и горныя породы, узнать ближе и классифицировать его естественныя произведенія. Съ 1856 года г. Семеновъ началъ дѣло изслѣдованія невѣдомой страны, которое неутомимо продолжали гг. Валихановъ, Голубевъ, Венюковъ, Сѣверцовъ, Рейнталь, Проценко, Остенъ-Сакенъ, Каульбарсъ, Мушкетовъ, Пржевальскій, Полторацкій, Регель и другіе. Въ особенности изслѣдованія г. Сѣверцова пролили много свѣта на общее геологическое строеніе, на флору и фауну «Небесныхъ горъ». Но многія любопытныя путевыя записки еще не изданы въ свѣтъ, многіе важные труды по этому предмету спокойно почіютъ въ архивахъ, хотя остается еще много сомнительныхъ, требующихъ разъясненій, пунктовъ, хотя многія горы, выставленныя какъ колоссы того или другаго массива, должны будутъ преклониться передъ другими, болѣе могучими, исполинами. Съ другой стороны, современемъ

[1]) *Мушкетовъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общ.“, 1878 г.*

[1]) F. von Richtofen, „China“.

[2]) Мушкетовъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общества“, XIV, 1877 г.

должна выработаться и установиться окончательная номенклатура взамѣнъ существующаго нынѣ обилія именъ татарскихъ, джунгарскихъ, русскихъ, китайскихъ, что ведетъ только къ путаницѣ, такъ что иногда смѣшиваютъ совершенно различныя и очень удаленныя одна отъ другой горы, или принимаютъ одинъ пикъ за цѣлую группу вершинъ. Наконецъ, предстоитъ еще произвести точныя измѣренія, которыя должны замѣнить имѣющіяся нынѣ опредѣленія высотъ, сдѣланныя на основаніи малонадежныхъ барометрическихъ наблюденій, исходящихъ изъ фиктивной средней высоты и простыхъ вычисленій, извлеченныхъ изъ вида растительности и высоты снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приводимыя разными путешественниками высоты горъ разнятся между собой на нѣсколько сотъ и даже на тысячу метровъ.

Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ,—не принимая въ разсчетъ кряжей и островковъ скалъ, находящихся въ пустынѣ Гоби,—начинается на разстояніи около 200 километровъ къ востоку отъ города Хами (Хамиль) и, постепенно поднимаясь въ видѣ ряда хребтовъ и вершинъ, вскорѣ достигаетъ высоты отъ 2 до 3 километровъ. Перевалъ Кошети (Кошети-даванъ или Кошети-даба), черезъ который проходитъ дорога, соединяющая Хами, у южнаго основанія горъ, съ городомъ Баркулъ, на сѣверномъ скатѣ, лежитъ уже на высотѣ 2.734 метровъ [1]). Продолжаясь въ западномъ направленіи, эта горная цѣпь, вѣроятно, сохраняетъ свою высоту и даже, какъ кажется, образуетъ массивъ въ группѣ горъ Богдо, судя, по крайней мѣрѣ, по обильнымъ ручьямъ, питаемымъ его снѣгами; но тотчасъ же за этой группой открывается глубокая брешь, черезъ которую проходитъ дорога Умруци (Урумчи, Умрици) въ Турфанъ и въ Пишанъ (Пи-чанъ). Весь этотъ отрывокъ Тянь-Шаня окруженъ узкимъ поясомъ зелени, питаемымъ параллельными ручьями, которые берутъ начало въ оврагахъ и вскорѣ по выходѣ изъ нихъ теряются въ пескахъ или разливаются болотами въ глинистыхъ мѣстахъ равнины. Вокругъ этой зеленѣющей опушки возвышенностей продолжаются, по направленію къ западу, два залива нѣкогда существовавшаго азіатскаго средиземнаго моря, превратившіеся постепенно въ «гоби» или пустыни.

Горы Баркуля и Хами, поднимающіяся, какъ мы сейчасъ сказали, въ видѣ мыса надъ окружающими пустынными пространствами, имѣли капитальную важность во всемірной исторіи. Подобно молу, разбивающему воду на два теченія, этотъ массивъ во всѣ времена раздѣлялъ потокъ переселеній: это межа, поставленная между двумя историческими путями. Въ то время, какъ нѣкоторые народы, въ своемъ движеніи на западъ, слѣдовали вдоль полуденнаго основанія этой горной цѣпи и, вступивъ въ бассейнъ Тарима, осѣдали въ долинахъ обширнаго полукруга Кашгаріи, другіе народы, и притомъ гораздо болѣе многочисленные, проходили черезъ узкія ворота пустыни Номинъ-мингинъ-гоби (на картѣ Рафайлова, Найманъ-мингенъ-гоби на другихъ картахъ), оставленныя природой между Баркульскими горами и передовыми вѣтвями Алтая, и продолжали свой путь на сѣверо-западъ черезъ равнины Джунгаріи, гдѣ разсѣяны озера и болота Ляусутая и обширныя, наполовину затопленныя водой, пространства области Тянь-Шань-пелу, остатки бывшаго сѣверо-западнаго залива «высохшаго моря» или Ханъ-хай. Кочуя по пастбищамъ, окаймляющимъ эти низменныя земли, монголы могли легко обходить на сѣверѣ всю систему Небесныхъ горъ черезъ тотъ или другой изъ многочисленныхъ горныхъ проходовъ, которые открываются на западъ къ бассейну рѣки Или, на сѣверо-западъ къ озеру Балхашъ, на сѣверъ къ Черному Иртышу и озеру Зайсанъ. Среднее возвышеніе пороговъ, черезъ которые проходятъ изъ Монголіи въ Сибирь, не превышаетъ, вѣроятно, 1.000 метровъ. Высшая точка дороги, направляющейся на сѣверо-западъ отъ города Баркуля, къ озеру Улюнгуръ и къ Черному Иртышу, лежитъ всего только на высотѣ 765 метровъ. Что касается цѣпи, идущей наискось къ главному направленію Тянь-Шаня, цѣпи, которая, по мнѣнію Рихтгофена, направляется на сѣверо-западъ, отъ Баркульскаго мыса къ горамъ Тарбагатай, то изслѣдованія г. Потанина не подтвердили ея существованія Правда, что небольшой отрогъ, примыкающій къ крайнему углу Баркульскаго Тянь-Шаня, тянется на сѣверо-западъ, но затѣмъ онъ опять соединяется съ главной цѣпью, къ западу отъ города (Баркуля): это внѣшняя закраина или стѣнка древняго озера, которое мало-по-малу испарилось, оставивъ послѣ себя только маленькій озерной бассейнъ Баркуль, которому сосѣдній городъ, извѣстный у китайцевъ подъ именемъ Шинси-фу, обязанъ своимъ татарскимъ названіемъ. За Баркульскими высотами, въ сѣверо-западномъ направленіи, вплоть до долины Чернаго Иртыша, нѣтъ болѣе никакихъ горъ, кромѣ неправильныхъ возвышеній почвы, бывшихъ острововъ и полуострововъ древняго внутренняго моря, отдѣлявшаго массивы Алтая отъ цѣпей Тянь Шаня [1]).

Къ западу отъ пролома Урумци и отъ древняго Турфанскаго залива, въ который вулканы, упоминаемые китайскими писателями, изливали нѣкогда потоки расплавленной лавы, и гдѣ, го-

[1]) Карта сѣверо-западной Монголіи, составленная Рафайловымъ.

[1]) Путешествія Потанина, карта Рифайлова.

ворятъ, горѣли когда-то подземные пласты каменнаго угля [1]), главная цѣпь Тянь-Шаня, снова поднимаясь до пояса постоянныхъ снѣговъ, принимаетъ имя горъ Катунъ или Катынъ. Эта цѣпь, одна изъ наименѣе извѣстныхъ частей системы Небесныхъ горъ, принадлежитъ, вѣроятно, къ числу самыхъ высокихъ цѣпей и, безъ всякаго сомнѣнія, превышаетъ 5.000 метровъ: ни одинъ изъ китайскихъ писателей не упоминаетъ о существованіи прохода, который бы перерѣзывалъ эту громаду; всѣ караванныя дороги обходятъ ее на востокѣ или на западѣ, и озера, простирающіяся по обѣ стороны этой области Тянь-Шаня, даютъ поводъ думать, что снѣга очень обильны на высотахъ [2]). При истокахъ рѣки Кашъ, которая беретъ начало въ одномъ изъ массивовъ Катуна и течетъ на западъ къ Кунгесу и Или, изъ цирковъ горъ спускаются обширные ледники, посѣщенные недавно Регелемъ [3]). Тамъ система «Небесныхъ горъ» состоитъ уже изъ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ. На югъ отъ Катуна тянется другая цѣпь, перерѣзанная поперечными долинами или ущельями, черезъ которыя проходятъ потоки, спускающіеся съ главнаго хребта. Къ западу отъ одного изъ этихъ проломовъ, черезъ который протекаетъ одинъ притокъ озера Богла-норъ (Бостанъ-норъ, Багарашъ-куль, Баграчъ-куль), называемаго иначе Карашаромъ, Тянь-Шань образуетъ четыре параллельныхъ возвышенности, извѣстныя, какъ и сосѣднее озеро, подъ многими различными именами, которыя еще не замѣнены правильной географической номенклатурой. Между этими различными цѣпями, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, разстилаются на высотѣ болѣе 2.000 метровъ, два обширныхъ бассейна, которые были когда-то озерами, а теперь представляютъ естественные луга: это двѣ «Звѣзды», Малый Юлдузъ и Большой Юлдузъ, орошаемые, и тотъ и другой, рѣками, спускающимися къ озеру Карашаръ. Здѣсь въ одномъ изъ этихъ громадныхъ луговыхъ цирковъ, Тамерланъ, выступившій въ походъ противъ кашгарскаго владѣтеля, соединилъ пять отрядовъ, которые подвигались разными дорогами черезъ Небесныя горы, съ цѣлью истребить всѣхъ жителей, которыхъ они найдутъ между озеромъ Зайсанъ на сѣверѣ и озеромъ Карашаръ на югѣ. Императорскій шатеръ былъ поставленъ въ центрѣ равнины, и «разрушитель міра» возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, блиставшемъ драгоцѣнными камнями. Вокругъ пышнаго ханскаго павильона тѣснились менѣе высокія, но всѣ роскошно убранныя дорогими тканями и разными украшеніями, палатки эмировъ: почва исчезала подъ сплошнымъ покровомъ изъ разноцвѣтныхъ ковровъ. По окончаніи приготовленій къ пиршеству, эмиры и князья были допущены, въ знакъ особой милости, къ цѣлованію слѣда шаговъ своего грознаго повелителя; всѣ получили подарки, и воины были «внѣ себя отъ восторга» [1]).

Эти обширные луга, видѣвшіе Тамерлана во всей его славѣ, составляютъ «обѣтованную землю» для пастуховъ-номадовъ; ни въ одной долинѣ кочевники не находятъ болѣе сочной травы для своихъ стадъ, болѣе здороваго климата, и въ лѣтнее время скотъ ихъ здѣсь не безпокоятъ ни оводы, ни комары. Однако, эти великолѣпныя пастбища были совершенно заброшены въ 1876 году, во время посѣщенія этой мѣстности г. Пржевальскимъ. Ограбленные въ 1876 г. джунгарскими магометанами, кочевники, обитатели обоихъ Юлдузовъ, въ числѣ около пятидесяти тысячъ человѣкъ, принуждены были покинуть край, и одни изъ нихъ спустились на юго-востокъ къ озеру Карашаръ, другіе направились на сѣверо-западъ, чтобы пробраться на русскую территорію, въ долину рѣки Или. Оставшись такимъ образомъ единственными хозяевами пустынныхъ горныхъ степей, дикія жвачныя животныя сдѣлались очень многочисленны въ лугахъ Большаго и Малаго Юлдуза, и потому здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо, можно изучить фауну Небесныхъ горъ. Въ этихъ мѣстахъ часто встрѣтишь качкара или архара (ovis Poli), стадами въ 30 или 40 головъ; горная коза, называемая натуралистами сарга Skyn (сарга Sibirica), тоже странствуетъ по травянистымъ плато и прыгаетъ по скаламъ значительными бандами; олень «маралъ», который въ другихъ гористыхъ областяхъ Азіи обыкновенно не покидаетъ покрова большихъ лѣсовъ, здѣсь бродитъ по горнымъ скатамъ, поросшимъ ползучимъ кустарникомъ, которые окружаютъ оба Юлдуза, и забирается даже въ область травъ; но ovis Karelini, который, послѣ качкара, можетъ считаться великаномъ бараньей расы, и аргали, подъ именемъ котораго часто смѣшиваютъ разныя породы, не встрѣчаются въ восточномъ Тянь-Шанѣ. Хищныя животныя, въ особенности волки и лисицы, очень многочисленны въ этой части Тянь-Шаня; медвѣдь «съ бѣлыми когтями», ursus leuconyx, обыкновенный въ степяхъ Юлдузъ, не водится нигдѣ, кромѣ Небесныхъ горъ [2]). Коршунъ-ягнятникъ этихъ горъ, который имѣетъ не менѣе 1 метра 20 сантим. въ длину, и у котораго разстояніе между распущенными крыльями составляетъ около 3 метровъ, — страшная птица; онъ нападаетъ иногда даже на человѣка, когда видитъ его на краю пропасти, и ударомъ крыла старается сбросить его въ бездну [3]).

[1]) Регель, „Русское Обозрѣніе", 1880 г. № 3.
[2]) Костенко, „Туркестанъ".
[3]) „Русское Обозрѣніе", 1880, № 3.

[1]) Карлъ Риттеръ, „Азія, восточный Туркестанъ"; Куропаткинъ, „Англо-русскія границы въ Средней Азіи".
[2]) Пржевальскій, „Путешествіе въ Лобъ-Норъ".
[3]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань".

Смотря по положенію мѣста, по среднему направленію вѣтровъ, по степени обилія дождей, склоны горъ, въ восточномъ Тянь-Шанѣ представляютъ замѣчательные контрасты. Полуденныя отлогоски, вообще болѣе крутыя и быстро теряющія, черезъ испареніе или истеченіе, небольшое количество дождевой воды, приносимое имъ облаками, почти всѣ безлѣсны; напротивъ, скаты, обращенные на сѣверъ, гораздо болѣе тѣнисты; сосновые лѣса показываются тамъ и сямъ на поросшей травой покатости, даже на высотахъ, превосходящихъ 2.450 метровъ, верхній предѣлъ древесной растительности. Высокая цѣпь Нарать, или Нара-тау, которая господствуетъ на сѣверѣ надъ Малымъ Юлдузомъ, и которую перерѣзываетъ горный проходъ на высотѣ 2.990 метровъ, представляетъ поразительнымъ образомъ эту противоположность между двумя скатами. На сѣверной сторонѣ этихъ горъ лѣса, растущіе по берегамъ рѣки Занмы, одного изъ подпритоковъ Или, состоятъ почти исключительно изъ «тянь-шанской сосны» и особой породы ясеня, тогда какъ въ болѣе важной долинѣ Кунгеса, а также въ большей части бассейновъ сѣвернаго склона горъ, фруктовыя деревья, въ особенности дикая яблоня и абрикосовое дерево ростутъ огромными лѣсами и даютъ превосходные плоды, хотя немного кисловатые на вкусъ. Дикіе кабаны, медвѣди, олени, косули спускаются массами въ долину Кунгеса, чтобы полакомиться плодами, которые въ иныхъ мѣстахъ покрываютъ почву толстыми слоями, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ [1]).

Сѣверный хребетъ Тянь-Шаня подъ конецъ самъ отдѣляется отъ массива Небесныхъ горъ, уклоняясь отъ него въ направленіи на западъ-сѣверо-западъ и на сѣверо-западъ. Эта цѣпь принимаетъ послѣдовательно различныя названія, какъ-то: Иренъ-хабирганъ, Боро-хоро, Талки, данныя кочевыми племенами, которыя бродятъ со своими стадами по ея пастбищамъ. На сѣверъ отъ Кульджинской равнины, которая отдѣляетъ ее отъ Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ, она соединяется съ другими небольшими параллельными цѣпями въ гористое плато, изрытое водами, которое образуетъ родъ выступа или мыса надъ равнинами и степями Семирѣчья. На западѣ это плоскогорье развѣтвляется на отроги въ формѣ полуострововъ и продолжается отдѣльными массивами, между которыми текутъ горные ручьи, теряющіеся въ озерѣ Балхашъ или въ окружающихъ пустыняхъ. Главный изъ этихъ массивовъ, вершины котораго еще превышаютъ 2.500 метровъ, возвышается на подобіе стѣны между Семирѣчьемъ и долиной рѣки Или: оттого онъ перерѣзанъ многочисленными тропинками, проложенными черезъ его проломы. Имена переваловъ, изъ которыхъ самые замѣчательные Аламанъ и Алтынъ-Имель или «Золотое Сѣдло», употребляются обыкновенно для обозначенія различныхъ частей гребня, черезъ который они проходятъ.

Направленіе этого отрога, выдвинутаго, въ видѣ желѣзка копья, въ западныя равнины, совпадаетъ съ направленіемъ главной оси Тянь-Шаня, то-есть онъ тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Такъ же точно орьентирована цѣпь Джунгарскаго Ала-тау, которая отдѣляется отъ нагорья, образуя острый уголъ съ цѣпью Иренъ-хабирганъ. Джунгарскій Ала-тау представляетъ съ сѣверной стороны типъ сіерры, по правильности его рельефа, относительной высотѣ его покрытыхъ снѣгомъ остроконечныхъ вершинъ и однообразнымъ зазубринамъ его гребня; съ юга, напротивъ, онъ просто имѣетъ видъ приподнятаго края плоской возвышенности. Простираясь въ длину слишкомъ на 300 километровъ, эта горная цѣпь, очень удачно выбранная какъ политическая граница между Россійской имперіей и Китаемъ [1]), перерѣзана всего только двумя удобными для сообщенія проходами, изъ которыхъ одинъ называется Тентекскимъ, а другой Лепсинскимъ; но въ восточной своей части она заворачиваетъ къ югу боковымъ контрфорсомъ, черезъ который ведетъ Каптагайскій порогъ, прославившійся во своей области Небесныхъ горъ, благодаря сибирскому вѣтру, который съ страшной силой низвергается въ эту брешь, чтобы подняться затѣмъ на плоскогорье, вздымая вихри песку и даже гравія [2]). На востокъ отъ Джунгарскаго Ала-тау сѣверная и южная равнины сообщаются посредствомъ возвышенной степи съ остатками древняго, нѣкогда покрывавшаго ихъ моря. Далѣе, на китайской территоріи, горы Барлукъ, высота которыхъ превышаетъ 1.800 метровъ, продолжаютъ ось цѣпи Ала-тау и соединяются съ системой Тарбагатая.

Пространство, заключающееся между Джунгарскимъ Ала-тау и «Небесными горами» въ собственномъ смыслѣ, представляетъ равнину, извѣстную подъ именемъ Тянь-Шань-пелу; но эта равнина, нѣкогда морская, постепенно поднимается къ западу, чтобы образовать удлиненное плоскогорье, закраины котораго составляютъ Ала-тау на сѣверѣ, Боро-хоро и Талки на югѣ. Озеро Сайрамъ, занимающее одинъ изъ водоемовъ этого плато, между лѣсистыхъ высотъ, находится всего только на разстояніи 200 метровъ отъ горнаго прохода Талки, въ цѣпи того же имени, у основанія крутаго склона, вдоль котораго прежде слѣдовала китайская такъ называемая «Императорская» дорога изъ Пекина въ Кульджу, теперь испортившаяся.

---

[1]) Пржевальскій, цитиров. сочиненіе.

[1]) Венюковъ, „Русско-азіатскія границы".

[2]) Костенко, цитированное сочиненіе.

Площадь этого резервуара слегка солоноватой воды опредѣляютъ приблизительно въ 750 к. километр., а высота его мѣстоположенія, которая всего только на какую-нибудь сотню метровъ меньше высоты пролома Талки, составляетъ, по Матвѣеву, 1.800 метр. [1]). Впрочемъ, другіе изслѣдователи давали ему болѣе значительную высоту 1.920 и даже отъ 2.100 до 2.200 метровъ. Это озеро, какъ полагаютъ, очень глубокое, получило отъ монголовъ названіе Сери-объ-норъ, что̀ значитъ «Большая вода». Туземцы очень боятся его и говорятъ, что иногда оно яростно бушуетъ въ совершенно тихую погоду, когда въ воздухѣ не шелохнетъ: это происходитъ, по объясненію ихъ, оттого, что тогда просыпается чудовище, въ пучинахъ водъ [2]).

Въ огромной совокупности морщинъ, параллельныхъ или расходящихся, которыя образуютъ систему Небесныхъ горъ, одна изъ самыхъ величественныхъ горныхъ цѣпей есть, безспорно, та, которая высится прямо надъ равнинами Кульджи, расположенная противъ крутыхъ скатовъ Боро-хоро. Эта цѣпь, Тянь-Шань или Темурлыкъ, язственно ограничена на востокѣ и западѣ двумя рѣками, Текесъ и Кегенъ, которыя спускаются съ горъ, лежащихъ южнѣе, ибо линія возвышенностей, служащая для раздѣленія водъ, мѣняетъ мѣсто въ разныхъ частяхъ Тянь-Шаня: въ то время какъ въ восточномъ Тянь-Шанѣ эту линію образуетъ сѣверный хребетъ, между Кульджой и Карашаромъ водораздѣльной линіей становится средняя цѣпь; затѣмъ на западѣ есть еще третья раздѣльная гряда, изливающая воды съ одной стороны къ Сибири и Туркестану, съ другой къ бассейну Тарима. Рѣка Кегенъ, которая отдѣляетъ цѣпь Тянь-Шань отъ западныхъ хребтовъ, получаетъ свои первыя воды съ очень высокихъ массивовъ и протекаетъ по днамъ древнихъ, высохшихъ озеръ, представляющихъ удобные пути съ востока на западъ Тянь-Шаня, пути, по которымъ часто проходили полчища завоевателей. Эти котловины, какъ и долина рѣки Текесъ, сообщаются съ бассейномъ озера Иссыкъ-Куль черезъ горный проходъ Санташъ, лежащій на небольшой высотѣ: громадный «санъ-тасъ» или груда камней,—откуда и самое имя перевала,—возвышается подлѣ тропинки, какъ наглядное свидѣтельство о числѣ путниковъ, которые, проходя, бросили по камню на священное мѣсто, въ честь горнаго духа. Существуетъ легенда, будто Тамерланъ, проходя черезъ Санташъ, далъ приказъ своимъ воинамъ воздвигнуть эту горку, для чего каждый изъ нихъ долженъ былъ принести свой камень и положить его въ общую кучу; на обратномъ пути изъ похода, оставшіеся въ живыхъ люди взяли назадъ свои камешки и сложили изъ нихъ вторую кучу, меньше первой: огромная груда камней, которая видна теперь на перевалѣ, указываетъ, какъ велико было число погибшихъ на войнѣ [1]).

Къ сѣверу отъ прохода Санташъ, рѣка Кегенъ вырывается изъ своей нагорной долины черезъ грозное ущелье, самое страшное, какое путешественники видѣли до сихъ поръ въ Небесныхъ горахъ. Эта разсѣлина въ скалахъ, на днѣ которой реветъ Кегенъ, извѣстный здѣсь подъ именемъ Актогоя, а ниже подъ именемъ Чарына, имѣетъ отъ 300 до 500 метровъ глубины, и стѣны ея во многихъ мѣстахъ перпендикулярны или даже переходятъ за линію отвѣса. Съ главнымъ потокомъ сливаются три другіе меньшіе, три ручья Мерке, которые передъ тѣмъ тоже текутъ по дну тѣснинъ, прорытыхъ черезъ конгломераты кристаллическихъ горныхъ породъ, гранита, сіенита, порфира. Въ наибольшей части ущелья Актогой бѣжитъ, пѣнясь, съ камня на камень, и его воды кажутся совершенно бѣлыми на днѣ ущелья; въ другихъ мѣстахъ онѣ представляются неподвижными и черными, какъ-будто запертыми въ глубокихъ водоемахъ; сама скала всегда сырая, темная, какъ стѣны колодца. Когда стоишь на днѣ этой пропасти, то нависшіе надъ головой выступы камня по бокамъ ея совершенно скрываютъ небо, такъ что можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь во внутренности земли. Впрочемъ, нѣкоторыя части ущелья имѣютъ менѣе угрюмый видъ; гранитныя крутизны представляютъ тамъ и сямъ террасы, откуда выглядываетъ группа деревьевъ, составляющая своею зеленью рѣзкій контрастъ съ голой скалой; на скатахъ, никогда не освѣщаемыхъ непосредственно солнцемъ, эти деревья—сосны, тогда какъ на отлогостяхъ, обращенныхъ къ свѣту, растутъ бузина и другія мелкія деревца [2]).

Чарынъ, самый большой притокъ рѣки Или, сопровождается на западѣ другой рѣкой, называемой Чиликъ, которая тоже протекаетъ черезъ гористую область и разрѣзываетъ ее на отдѣльные массивы; но пространство, заключающееся между этими двумя рѣками, состоитъ большею частью не изъ группъ горныхъ вершинъ, а изъ возвышенной степи, извѣстной подъ именемъ плоскогорья Джаланашъ, предполагаемая высота котораго всего только 1.200 метровъ, и которое составляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающими горами совершеннымъ отсутствіемъ древесной растительности, бѣдностью своей фауны и флоры, похожихъ на фауну и флору низменныхъ степей.

Двѣ параллельныя гряды горъ, которыя тя-

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости“ 1879 г. Алферакн, „Русское Обозрѣніе“.

[2]) Костенко, цитированное сочиненіе.

[1]) Семеновъ, „Mittheilungen von Petermann“, 1858 г.; Сѣверцовъ, „Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“, 1870 г.; Костенко, цитированное сочиненіе.

[2]) Сѣверцовъ, „Путешествіе на Тянь-Шань“.

нутся на сѣверѣ отъ бассейна Иссыкъ-Куль, носятъ обѣ столь обыкновенное въ татарскихъ земляхъ названіе Ала-тау, или «Пестрыхъ горъ». Сѣверная гряда называется Заилійскимъ Ала-тау, а южная—Ала-тау Кунгей. Въ дѣйствительности обѣ онѣ составляютъ одну и ту же цѣпь гранитныхъ высотъ, перерѣзанную въ продольномъ направленіи долиной съ двойнымъ скатомъ, гдѣ отложились известковые пласты, и гдѣ текутъ съ одной стороны воды Чилика, съ другой—воды Большаго Кебина, одного изъ главныхъ истоковъ рѣки Чу. Благодаря сосѣдству укрѣпленія Вѣрнаго, эти гористыя области извѣстны намъ лучше, чѣмъ другія части Тянь-Шаня. Впереди Заилійскаго Ала-тау, состоящаго главнымъ образомъ изъ гранита, но частью также изъ метаморфическихъ сланцевъ, известняковъ и песчаниковъ, идутъ, со стороны степи, невысокія порфировыя горы, усѣянныя эрратическими камнями, перенесенными туда съ большой цѣпи; остатки моренъ видны въ различныхъ долинахъ, между прочимъ у выхода долины рѣки Тургень, къ востоку отъ Вѣрнаго: громадный ледникъ наполнялъ нѣкогда всѣ верхніе цирки, откуда текутъ воды этого горнаго потока. Теперь не существуетъ болѣе ни одного ледника на обоихъ Ала-тау, сосѣднихъ съ Вѣрнымъ; но около центральной ихъ части эти два гребня переходятъ за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, который лежитъ на высотѣ около 3.300 метровъ. Одна вершина Заилійскаго Ала-тау, триглавый Талгаръ, и одинъ изъ его сосѣдей, съ западной стороны, пирамидальный пикъ Алматы, поднимаются на цѣлый километръ выше, достигая пояса вѣчныхъ снѣговъ.

Южная цѣпь Ала-тау не имѣетъ вершинъ, превосходящихъ 3.600 метровъ. Какъ правильный каменный валъ, слегка зазубренный пониженіями гребня, она возвышается надъ берегами озера Иссыкъ-Куль своими голыми скалами, ярко блестящими на солнцѣ, тогда какъ на сѣверномъ скатѣ виднѣются черноватыя группы сосенъ. Въ этихъ горахъ хвойные лѣса уцѣлѣли еще, благодаря большому возвышенію ихъ пояса, заключеннаго между средними высотами 1.750 и 2.600 метровъ; но лиственныя деревья, между которыми преобладала дикая яблоня, были большею частью истреблены непредусмотрительными казаками и другими русскими колонистами страны.

На востокѣ двѣ параллельныя цѣпи «Пестрыхъ горъ», общая длина которыхъ около 250 километр., явственно ограничены горнымъ проходомъ Санташъ и ущельемъ Актогоя; на западѣ Буанское ущелье, по дну котораго протекаетъ рѣка Чу, рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ хребта Александровскаго. Эта брешь, дикая и мрачная, усѣяна огромными каменными глыбами, среди которыхъ высятся порфировые столбы причудливыхъ формъ; но она не имѣетъ того дикаго величія, какимъ отличается Актогойская тѣснина; въ одномъ только мѣстѣ, при впаденіи притока Большой Кебинъ, можно полюбоваться красивымъ зрѣлищемъ водопада, который образуетъ эта рѣка, низвергаясь изъ разсѣлины горы, черной отъ растущихъ по бокамъ ея сосенъ, въ нижнюю равнину, лежащую на 100—120 метр. ниже. Послѣ сліянія съ Большимъ Кебиномъ, р. Чу, вдоль которой идетъ бомъ, или опасная тропинка, изсѣченная въ видѣ карниза, на выступахъ скалъ пересѣкаетъ западное продолженіе Заилійскаго Ала-тау, который въ этомъ мѣстѣ является уже незначительной гранитной возвышенностью; затѣмъ она принимаетъ въ себя другой притокъ Малый Кебинъ. Тамъ же начинается широкая равнина, раздѣляющая двѣ отдѣлившіяся отъ Тянь-Шаня вѣтви, которыя продолжаются далеко и наконецъ пропадаютъ въ степи. Сѣверная отрасль, называемая Кандыль-ташъ, которая отдѣляется отъ Заилійскаго Ала-тау, направляясь къ сѣверо-западу, не можетъ быть названа грядой горъ въ собственномъ смыслѣ; это скорѣе широкій цоколь изъ плоскихъ возвышенностей, поддерживающій горы, изъ которыхъ ни одна не достигаетъ границы лѣтнихъ снѣговъ; южная вѣтвь, другой Ала-тау, извѣстный обыкновенно подъ именемъ хребта Александровскаго, есть настоящая цѣпь, съ бѣлыми, покрытыми снѣгомъ, вершинами, которая тянется съ востока на западъ, на пространствѣ болѣе 300 километровъ. Высшая вершина этого хребта, Гамышъ, названа русскими «горой Семенова» въ честь одного изъ первыхъ новѣйшихъ изслѣдователей Небесныхъ горъ.

Географическій центръ всей системы Тянь-Шаня составляетъ большое озеро, извѣстное у туземцевъ подъ именемъ Иссыкъ-куль или «Теплаго озера». Оно со всѣхъ сторонъ окружено горами,—на сѣверѣ цѣпью Ала-тау Кунгей, а на югъ Ала-тау Терскей: зубчатыя стѣны опоясывающаго его громаднаго амфитеатра образуютъ овалъ, имѣющій 650 километр. въ окружности. Иссыкъ-Куль—самый значительный бассейнъ въ области Небесныхъ горъ, а внутри цѣпи онъ—единственное большое озеро, которое осталось изъ многочисленныхъ резервуаровъ, наполнявшихъ нѣкогда борозды между параллельными хребтами Тянь-Шаня. Но прежде онъ былъ гораздо обширнѣе: старые берега, оставленные его водами на высотѣ 60 метровъ надъ нынѣшней его поверхностью, на склонахъ окружающихъ горъ, и въ Буамскомъ ущельи, въ 50 километр. къ западу, показываютъ прежніе уровни озера [1]). Даже въ такой короткій промежутокъ времени, какъ десять лѣтъ, протекшихъ отъ 1867 до 1877 года, констатировано правильное пониженіе уровня водъ при-

[1]) Романовскій, „Путешествіе 1878 г.“, „Извѣстія Русск. Геогр. Общества XV, 1879 г.

близительно на 2 метра [1]), пониженіе, которое свидѣтельствуетъ о временномъ или постоянномъ обсыханіи страны. Окаймляющіе это внутреннее море плоскіе берега, шириною отъ 100 до 400 метровъ, состоящіе по большей части изъ красноватой глины и усѣянные лужами соленой воды, служатъ другимъ признакомъ обѣдненія страны въ отношеніи влажности. У западнаго угла озера рѣка Чу изливалась нѣкогда въ Иссыкъ-Куль, когда уровень этого бассейна былъ выше нынѣшняго, затѣмъ опять выходила изъ него очищенная отъ своихъ наносовъ [2]): подобное же явленіе мы видимъ въ гидрографіи Европы, гдѣ, напримѣръ, р. Арва, въ предшествующія времена геологической исторіи, впадала въ Леманъ и вскорѣ снова выходила изъ него, но затѣмъ она мало-по-малу засорила приносимыми ею землистыми частицами свою собственную дельту, и такимъ образомъ русло ея отдѣлилось отъ ложа озернаго бассейна. Теперь Арва смѣшиваетъ свои воды съ водами Лемана уже не прямо, а черезъ теченіе Роны; что касается рѣки Чу, то она выпускаетъ изъ себя одинъ истокъ въ Иссыкъ-куль, тихій ручей Кутемальды [3]), но истокъ очень бѣдный водой, перемежающійся, текущій только послѣ большихъ дождей и во время таянія снѣговъ. У киргизовъ существуетъ преданіе, что будто-бы обитатели края, желая избавиться отъ стѣснительнаго для нихъ сосѣдства водъ Иссыкъ-Куля, прорыли ручей Кутемальды, чтобы опорожнить озеро, но что, неумѣло взявшись за дѣло, они только дали озеру новый притокъ, вмѣсто желаемаго истока. Въ настоящее время Теплое озеро не имѣетъ истеченія, такъ что воды его теряются только путемъ испаренія. Тѣмъ не менѣе оно въ десять разъ превосходитъ Женевское озеро по протяженію: площадь его исчисляется въ 5.780 километровъ.

Высота Иссыкъ-Куля надъ уровнемъ моря должна быть около 1.500 метровъ (1.380 м., по Семенову, 1.615 м., по Голубеву); съ конца сентября снѣга покрываютъ берега озера, и впадающіе въ него потоки остаются скованными льдомъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; однако, самъ Иссыкъ-Куль никогда не замерзаетъ,—отсюда и произошло данное ему имя «Теплаго озера» [4]),—если только, какъ утверждаетъ одинъ англійскій путешественникъ [5]), Иссыкъ-Куль не обязанъ своимъ названіемъ теплымъ ключамъ, бьющимъ со дна у береговъ и которые дѣлаютъ купанье почти невозможнымъ во многихъ мѣстахъ; незамерзаніе этого бассейна объясняютъ большой глубиной занимаемой имъ впадины, гдѣ холодныя поверхностныя воды постоянно замѣняются менѣе студеными жидкими слоями, поднимающимися изъ глубокихъ пропастей дна [1]). Въ монгольскомъ языкѣ «Теплое озеро» называется Темуртуноръ, по причинѣ желѣзныхъ блестокъ, приносимыхъ впадающими въ него ручьями, и которыя употребляются туземцами для выдѣлки оружія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега имѣютъ совершенно черный цвѣтъ отъ этихъ металлическихъ наносовъ. Вода немного солонова-та, что тоже служитъ признакомъ постепеннаго высыханія; но въ степяхъ Туркестана эта вода показалась бы прѣсной, въ сравненіи съ тамошней водой. Рыба водится въ этомъ озерѣ во множествѣ, но если отдѣльные виды очень многочисленны, то число видовъ весьма не велико: до сихъ поръ извѣстны всего только четыре вида. Г. Семенову удалось поймать тамъ только одинъ видъ карпа. Удивительно прозрачныя,—свѣтло-голубыя, какъ бирюза, у береговъ и болѣе темнаго лазурнаго цвѣта по серединѣ озера, надъ пучинами неизмѣренной еще глубины,—воды Иссыкъ-Куля разстилаются широкой скатертью на необозримое пространство, далѣе, чѣмъ кругъ небосклона; отдаленный берегъ скрытъ кривизной обширной поверхности озернаго бассейна, но громады горъ высятся за этой выпуклостью, на-половину задернутыя при основаніи легкой дымкой, окрашенной лучами солнца въ красноватый цвѣтъ, и поднимающія свои остроконечныя снѣговыя вершины къ ясному, почти всегда безоблачному, небу. Черты представляющагося взорамъ ландшафта чрезвычайно просты и тѣмъ лучше запечатлѣваются въ памяти: плоскій красный берегъ, зеленоватыя воды, полоса фіолетовыхъ паровъ на горизонтѣ, лазурныя горы, бѣлый гребень, обрисовывающійся на голубомъ фонѣ неба, и, въ обширномъ пространствѣ, вѣчное безмолвіе, ничѣмъ не нарушаемая тишина; рѣдко-рѣдко случится увидѣть какой-нибудь признакъ, напоминающій присутствіе человѣка, какую-нибудь хижину, пріютившуюся на берегу, какую-нибудь барку, движущуюся по волнамъ этого внутренняго моря [2]). Только въ 1872 году первое судно, достойное этого имени, пустилось по водамъ озера, но кажется, что берега его прежде были населены многочисленными обитателями; волны иногда выбрасываютъ костяки, черепы и разные предметы человѣческаго искусства; г. Колпаковскій нашелъ въ водѣ, на глубинѣ полутора аршинъ, черепки глиняной посуды и куски желѣза. По киргизской легендѣ цѣлый городъ покоится вѣчнымъ сномъ на днѣ озера, и изъ одного колодца этого

[1]) Регель „Mittheilungen von Peterman", 1879 г. № 10;—Костенко, цитиров. сочин.
[2]) К. Риттеръ, „Азія"
[3]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань".
[4]) Сѣверцовъ, цитирован. сочиненіе.
[5]) Asthon Dilke, „Valley of the Ili"; „Proceedings of *the Geograph. Society*", *1844* г.

[1]) Семеновъ, „Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества", I. 1867 г. Костенко и др.
[2]) Сѣверцовъ, цитирован. сочиненіе.

города и вылились всѣ воды, наполнившія громадный бассейнъ [1]).

Къ востоку отъ Иссыкъ-Куля, этой срединной впадины системы Небесныхъ горъ, группируются горы, извѣстныя подъ именемъ Ханъ-Тенгри, которыя, въ этомъ безконечномъ мірѣ Тянь-Шаня, могутъ быть разсматриваемы какъ господствующій массивъ; хотя высшая вершина этихъ горъ, кажется, уступаетъ по высотѣ главнымъ вершинамъ За-Алайской цѣпи, но зато въ группѣ Ханъ-Тенгри собрано наибольшее число снѣговыхъ горъ, поднимающихся выше, чѣмъ Монъ-Бланъ и Эльбрусъ; въ этой группѣ тянь-шаньскіе ледники всего лучше напоминаютъ древній видъ страны, когда по ней двигались ледяныя рѣки; здѣсь же берутъ начало самые значительные потоки, расходящіеся отсюда къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта, наконецъ, тутъ же открывается важнѣйшій, наиболѣе посѣщаемый горный проходъ между двумя скатами, сѣвернымъ и южнымъ, кульджинскимъ и татарскимъ.

Этотъ массивъ Тянь-Шаня составляетъ часть южной цѣпи, которая начинается на югѣ отъ бассейна Большаго Юлдуза, и которая, подъ разными именами, тянется съ востока на западъ. За первымъ хребтомъ, Кокъ-тепе, слѣдуетъ другой, Гешикъ-хаши, далѣе идетъ хребетъ Шаликъ-тау, за которымъ высятся горы Музартъ-тау, прорѣзанныя широкимъ пролетомъ, который тоже называется Музартомъ. Проходъ, которому предъидущіе путешественники приписывали высоту въ 4.500 метровъ, лежитъ, по Регелю, на цѣлый километръ ниже, но съ окружающихъ горъ спускаются въ этотъ проходъ такія огромныя ледяныя рѣки, и вѣтры поднимаютъ тамъ такіе страшные вихри и навѣваютъ такіе сугробы снѣга, что легко можно было преувеличить высоту порога: скелеты животныхъ, которыя погибли, застигнутыя снѣжнымъ бураномъ, указываютъ направленіе, котораго должны держаться путники, и свидѣтельствуютъ въ то же время объ опасностяхъ дороги. Морены заграждаютъ долину, и караваны принуждены дѣлать большіе обходы по склонамъ, чтобы обогнуть ледяныя массы, толкающія эти каменные валы. Водопадъ, вырывающійся изъ-подъ свода одного ледника, низвергается съ высоты крутой стѣны въ долину Музарта, и его воды, сливаясь съ текущимъ по дну ручьемъ, убѣгаютъ вмѣстѣ съ нимъ между скалами. Но самыя большія массы кристаллизованной воды, образующія главный ледникъ, «Mer de glace» Музарта, спускаются съ южнаго склона горъ. Въ трехъ километрахъ къ югу отъ прохода, порогъ котораго представляетъ очень удобную дорогу, вступаешь въ циркъ, около 6 километровъ длиною, покрытый сѣроватыми горками и грудами камней, смѣшанныхъ съ кусками льда. Десять большихъ глетчеровъ блестятъ въ корридорахъ изъ скалъ, возвышающихся на 1.200—1.800 метровъ надъ амфитеатромъ моренъ; напротивъ перевала поднимается величественная пирамида изъ розоваго гранита, высота которой около 6.000 метровъ. Груды каменныхъ обломковъ, по которымъ пробираются узкой тропинкой караваны, лежатъ на льду: трещины, образовавшіяся въ кучахъ камней, обнаруживаютъ тамъ и сямъ стѣны расколовшагося льда [1]). На южной покатости часть тропы всегда загорожена глетчеромъ въ 15 метровъ высоты, гдѣ путники должны вырубать ступеньки во льду, и съ котораго лошадей спускаютъ при помощи веревокъ; въ сосѣдствѣ, въ Мазаръ-башѣ, китайскимъ правительствомъ учрежденъ военный постъ изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, для того, чтобы путешественники всегда могли найти проводниковъ и помощь въ этомъ трудномъ проходѣ, которымъ, впрочемъ, торговые караваны пользуются только при спускѣ; отправляясь изъ Аксу въ Кульджу, они должны выбрать, на западѣ цѣпи, другіе перевалы, гдѣ могли бы проходить лошади. Зимой переходъ черезъ Музартъ легче, чѣмъ лѣтомъ, потому что трещины тогда прикрыты снѣгомъ Новѣйшіе изслѣдователи гг. Каульбарсъ, Полторацкій, Шепелевъ, Костенко, Дилькъ, Регель переходили черезъ этотъ хребетъ, но ни одинъ европейскій путешественникъ не слѣдовалъ дорогой, идущей по ту сторону перевала, къ равнинамъ Кашгаріи.

На западъ отъ Музарта простирается цѣлый міръ ледниковъ и высокихъ горныхъ вершинъ, которыя, такъ сказать, составляютъ кортежъ массивовъ Ханъ-Тенгри, «царя небесъ». Эта область, которая ожидаетъ своего Вимпера, еще не была описана: ни одинъ путешественникъ не пытался еще взобраться на этотъ колоссъ. Извѣстно только, что многіе изъ его ледниковъ, между прочимъ, тотъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сары-Джассы, притокъ Тарима, не уступаютъ по длинѣ глетчеру Алечъ, въ Валлисскихъ Альпахъ. Отъ Музартъ-тау до западной оконечности Сары-Джассинъ-тау, на протяженіи слишкомъ 100 километровъ, снѣговой гребень держится на средней высотѣ болѣе 5.000 метровъ: всѣ его вершины превышаютъ по меньшей мѣрѣ на одинъ километръ возвышеніе европейскаго Монъ-Блана, и къ югу отъ этого гребня высится отдѣльно, изолированный въ своемъ величіи, исполинъ Ханъ-Тенгри, называемый также Карагель-басъ.

Далѣе, за хаотической громадой высокихъ вершинъ за плоскогорьемъ, изрѣзаннымъ во

[1]) Костенко, цитирован. сочиненіе; Голубевъ, „Путешествіе 1859 г.“; „Извѣстія Русск. Геогр. Общества“, VI, 1870 г.

[1]) Шепелевъ, „Извѣстія Русск. Географ Общества“, 1872 г., № 4; Регель, „Mittheilungen von Petermann“, 1879 г. № 10.

всѣхъ направленіяхъ верхними притоками Тарима и Сыра, горы опять принимаютъ свое нормальное направленіе и продолжаются прямолинейно въ видѣ правильныхъ хребтовъ отъ востока къ западу. Раздѣленныя на параллельные отроги, онѣ образуютъ огромный массивъ, который имѣетъ не менѣе 350 километр. въ ширину на сѣверѣ отъ Кашгара, и котораго краевыя цѣпи, на сѣверной и на южной его сторонѣ, поднимаются гораздо выше, чѣмъ средняя; какъ разъ по оси этой системы тянется борозда, въ которой течетъ Нарынъ, главный притокъ Сыръ-Дарьи. Южный хребетъ, Кокъ-шаль, удерживаетъ за собой первенство, которое онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ Музартъ тау и Ханъ-Тенгри; хотя перерѣзанный по всей ширинѣ, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, долинами рѣкъ, спускающихся на юго-востокъ въ Кашгарію, этотъ хребетъ вездѣ сохраняетъ свою высоту, превышающую 4.500 метр., а многія изъ его вершинъ, въ массивѣ Кокъ-кія поднимаются даже болѣе, чѣмъ на 5.000 метр. Эти горы, крутые склоны которыхъ спускаются къ китайскому Туркестану, тоже принадлежатъ къ числу наименѣе извѣстныхъ областей Азіи. Однако, около западной ихъ оконечности есть легко доступный и очень удобный для прохода перевалъ, Туругъ-артъ (или Турагъ-артъ), хорошо извѣстный купеческимъ караванамъ. Въ этой области Небесныхъ горъ громадный пьедесталъ въ 4.000 метр. высоты, образуемый плоской возвышенностью, поддерживаетъ на себѣ только голые холмы да отрывочныя звенья, между которыми проходятъ русла высохшихъ рѣкъ. Путешественники разсказываютъ, что имъ приходилось идти въ теченіе цѣлыхъ часовъ по грунту изъ красной глины, не встрѣчая другой растительности, кромѣ одного вида rheum, растущаго тамъ и сямъ миріадами [1]). Съ той и другой стороны скатъ очень отлогій; даже на сѣверѣ, по направленію къ Аксайскому плоскогорью, покатость, по словамъ г. Остенъ-Сакена [2]), не превышаетъ 200 метр., между порогомъ и озеромъ Чатыръ-куль. Это озеро, гдѣ, по свидѣтельству киргизовъ, не водится никакой рыбы, есть остатокъ существовавшаго нѣкогда очень длиннаго внутренняго моря, заключеннаго между южной цѣпью и горами, которыя образуетъ на сѣверѣ параллельная гряда Кубергенты, Акъ-баша, Кара-койна. Вода не имѣетъ истеченія, по крайней мѣрѣ поверхностнаго; несмотря на то, она не соленая, даже не солоноватая [3]),—явленіе рѣдкое въ замкнутомъ бассейнѣ, указывающее на то, что, вѣроятно, истокъ озера высохъ въ недавнее время. Къ сѣверу отъ Чатыръ-куля эта цѣпь перерѣзана проходомъ Ташъ-робатъ или «Каменный каравансарай», названнымъ такъ потому, что прежде тамъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ каменный постоялый дворъ для проѣзжихъ купцовъ. Караваны, отправляющіеся изъ Вѣрнаго въ Кашгаръ, всѣ проходятъ черезъ Ташъ-робатъ или Туругъ-артъ, даже зимой, привозя прибрежнымъ жителямъ Тарима котлы и другія желѣзныя издѣлія русской фабрикаціи, и пріобрѣтая въ обмѣнъ грубыя, но прочныя бумажныя матеріи, производимыя кашгарцами. На югѣ отъ перевала Туругъ артъ, въ самой долинѣ Тояна или Тояна, по которой слѣдуютъ караваны, путешественникъ Столичка нашелъ, какъ онъ полагаетъ, признаки существованія древнихъ вулкановъ, подобныхъ тѣмъ, которые горѣли нѣкогда въ окрестностяхъ Турфана и Пичана, на берегахъ того же «Высохшаго моря» [4]). Напротивъ, г. Мушкетовъ, который недавно объѣхалъ эту страну и совершилъ восхожденіе на многія ея крутизны, отрицаетъ вулканическое происхожденіе этихъ горъ; по его словамъ, каменныя породы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, представляютъ собою авгитовые порфиры и діабазы [5]). Широкіе с ы р т ы или пустынныя плоскогорья образуютъ на югѣ Тянь-Шаня выступающія террасы, какъ-бы наружныя ступени, на которыя опирается масса Небесныхъ горъ.

Къ западу отъ прохода Туругъ-артъ, южная цѣпь опять поднимается на большую высоту, и съ одного перевала, находящагося на сѣверѣ, въ одной параллельной цѣпи, г. Остенъ-Сакенъ насчиталъ не менѣе 63 пиковъ, возвышающихся на гребнѣ. Первоначальное направленіе хребта—съ сѣверо-востока на юго-западъ, но потомъ онъ поворачиваетъ къ западу, затѣмъ къ сѣверо-западу, въ томъ же направленіи, какъ и крайнія развѣтвленія сѣверныхъ цѣпей. Изгибаясь такимъ образомъ и пересѣкая параллельные хребты центральнаго Тянь-Шаня, массивы поперечной цѣпи: Кара-теке, Суйокъ или Суокъ (то-есть «Холодъ»), Кара-коль, Яссы-тау, Когартъ-тау, Урумбашъ, Чичикли,—необходимо должны были задерживать воды въ параллельныхъ бороздахъ внутреннихъ цѣпей, послѣдствіемъ чего было образованіе многочисленныхъ озеръ, теперь уже по большей части вытекшихъ въ ущелье, черезъ которое уходятъ воды Нарына. Съ этой стороны система Небесныхъ горъ совершенно ограничена, такъ какъ равнины Ферганы разстилаются у самаго основанія цѣпи; но у юго-западнаго угла Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ различные массивы направляются къ юго-западу, чтобы продолжить Небесныя горы Алайскимъ хребтомъ: здѣсь громадная сводообразная возвышенность Тянь-Шаня соприкасается съ четыреугольной массой Памира,

[1]) Osten-Sacken, „Sertum tianschanicum".
[2]) „Voyage dans le Tian-chan, en 1867".
[3]) Остенъ-Сакенъ, цитирован. сочиненіе.
[4]) H. Rawlinson, „Meeting of the Geographical Society", 15 іюня 1874 г.
[5]) „Извѣстія Русск. Географ. Общ.", XIV, 1878 г.

которая ограничиваетъ на западѣ глубокую впадину или долину, гдѣ текутъ воды Тарима. Ещe въ началѣ третичнаго періода, широкій морской проливъ, усѣянный горами, выступавшими

несущаго на себѣ горы Тянь-Шаня [1]). Черезъ всю систему Небесныхъ горъ тянулась наискось, по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, цѣпь большихъ озеръ, обширныхъ

Ovis Poli.

Аргали.

Ovis Karelini.

изъ воды въ видѣ острововъ, соединялъ Фергану и Кашгарію посредствомъ прохода Когъ-артъ и такимъ образомъ совершенно отдѣлялъ плоскую возвышенность Памира отъ плоскогорья,

внутреннихъ морей, отъ которыхъ теперь осталось только одно, Иссыкъ-Куль; другія озера,

[1]) Сѣверцовъ, „Русск. Географ. Общество", засѣданіе 16 мая 1879 г.; — „Russische Revue", 1879 г., № 9.

леніи, быстро уходили на какое-нибудь другое пастбище; не имѣя опредѣленнаго отечества, они не могли, понятно, бороться съ той энергіей отчаянія, какую выказывали многіе осѣдлые горцы-земледѣльцы въ своихъ битвахъ. Чтобы покорить кавказцевъ, потребовалось сто лѣтъ постоянныхъ войнъ, и цѣлыя арміи были истрачены въ этой непрерывной борьбѣ, тогда какъ тутъ простыя сотни казаковъ въ тріумфѣ проѣхали по долинамъ безконечнаго Тянь-Шаня, не встрѣтивъ почти никакого отпора со стороны его жителей и едва обмѣнявшись съ ними нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Какой историческій контрастъ между этими двумя системами горъ—Кавказомъ, вокругъ котораго не переставали тѣсниться и сталкиваться различные народы, и Тянь-Шанемъ, котораго всѣ націи, за исключеніемъ кочевыхъ пастушескихъ народцевъ, постоянно избѣгали, дѣлая для этого длинные обходы! Можно сказать, что по исторіи своего населенія, какъ и по своимъ текучимъ водамъ, Небесныя горы принадлежатъ къ замкнутому бассейну.

Различныя высоты Тянь-Шаня, по опредѣленіямъ Потанина, Костенко, Сѣверцова, Голубева, Регеля, Каульбарса, Остенъ-Сакена, Матвѣева, Пржевальскаго, Буяновскаго, Скази:

Восточный Тянь-Шань: Перевалъ Кошети, по Потанину—2.734 метр.; Катунскія горы, по Костенко—4.800 метр.; плато Малый Юлдузъ—2.400 метр.; плато Большой Юлдузъ—1.800 метр.; проходъ Наратъ (Пржевальскій)—2.987 метр.

Тянь-Шань, къ сѣверу отъ Кульджи: Горы Боро-хоро, средняя высота, по Матвѣеву—1.950 метр.; проходъ Ситирти, по Матвѣеву—1.759 метр.; проходъ Талки, по Матвѣеву—1.909 метр.; проходъ Алтынъ-Имель, по Скази—1.817 метр.; проходъ Каптагай, по Костенко—1.329 метр.; озеро Сайрамъ, по Матвѣеву—1.800 метр.; городъ Кульджа—630 метр.

Центральный Тянь-Шань: Проходь Санташъ, по Регелю—2.027 метр.; плоскогорье Джаланашъ, по Сѣверцову—1.200 метр.; Хан-Тенгри—7.200 метр.; порогъ Музарта, по Костенко—3.350 метр.; гора Николая—5.300 метр.; Угусъ-басъ (Терскей-Ала-тау)—5.030 метр.; проходъ Барскаунъ—3.600 метр.; проходъ Заука—3.895 метр.; Сыртъ верхняго Нарына (Каульбарсъ)—3.500 до 3.600 метр.; Талгаръ (заилійскій Ала-тау)—4.600 метр.; Алматы (заилійскій Ала-тау)—4.200 метр.; о. Иссыкъ-Куль (по Семенову)—1.380 метр.; о. Иссыкъ-Куль (по Голубеву)—1.615 метр.; укр. Нарынское (Каульбарсъ)—2.063 метр.; Вѣрный—930 метр.

Западный Тянь-Шань: Туругъ-артъ, проходъ—3.500 метр.; Кара-бель, проходъ—3.883 метр.; Суйокъ, проходъ—3.870 метр.; Когъ-артъ, по Буняковскому—3.206 метр.; Ташъ-робатъ, по Буняковскому—3.930 метр.; о. Чатырь-куль, по Буняковскому—3.370 метр.; о. Сонъ-куль, по Буняковскому—2.866 метр.; прох. Шамсъ (Буняковскій)—3.608 метр.; Гамышъ или гора Семенова (хр. Александровскій)—4.683 метр.; Кара-бура (Таласъ-тау)—3.300 метр.; Минъ-Джильке (Кара-тау)—2.100 метр.; Кара-тау—1.650 метр.; городъ Коканъ—393 метр.; городъ Ташкентъ—462 метр. Верхній предѣлъ деревьевъ (по Остенъ-Сакену и Каульбарсу)—отъ 2.700 до 3.000 метр.

IV. Горы Тарбагатай и бассейнъ озера Балхашъ.

Пространство, шириною около 400 километ., отдѣляющее крайніе массивы восточнаго Тянь-Шаня и Джунгарскаго Ала-тау отъ горныхъ цѣпей Алтая, представляетъ, правда, широкія бреши между Монголіей и русской Азіей; но рядомъ съ этими горными проходами, игравшими такую важную роль въ исторіи переселенія народовъ и завоеваній, занимающія это пространство плоскогорья и цѣпи горъ образуютъ, своимъ общимъ направленіемъ, родъ перешейка между двумя системами Тянь-Шаня и Алтая. Центральный массивъ этого перешейка, массивъ, который можно сравнить съ уцѣлѣвшимъ быкомъ обрушившагося моста, составляетъ хребетъ Тарбагатай, имя котораго буквально значитъ «гора тарбагановъ» или сурковъ-байбаковъ (Arctomys bobac). Имѣя весьма незначительные размѣры въ сравненіи съ двумя громадными выпуклостями земной поверхности, между которыми онъ возвышается, массивъ Тарбагатай есть совокупность горъ, равняющаяся, по своему рельефу, цѣпи Пиренеевъ: длина его, отъ востока къ западу, почти такая же, какъ длина этой цѣпи, а главныя его вершины не превосходятъ, по возвышенію, пикъ Нету или Монъ-Пердю.

Такъ же, какъ Небесныя горы, Тарбагатай представляетъ въ расположеніи своихъ хребтовъ двѣ различныя оси, изъ которыхъ одна направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, а другая тянется къ сѣверо-западу. Первое направленіе, параллельное южному Тянь-Шаню, принадлежитъ горамъ Барлукъ (Барлыкъ) и Уръ-кошаръ (Учъ-кошаръ), которыя составляютъ также самую южную цѣпь Тарбагатая и которыя поднимаются нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ въ поясъ постоянныхъ снѣговъ. Что касается главной цѣпи Сурковыхъ горъ, именно сѣверной, то гребни и вершины ея идутъ въ томъ же направленіи, какъ и сѣверный Тянь-Шань. Два хребта пересѣкаются около восточной части системы, и тамъ-то, недалеко отъ мѣста ихъ встрѣчи, надъ равнинами Иртыша, находятся самыя высокія вершины: Сауру (Сауръ) и Музъ-тау или «Гора льдовъ». Когда созерцаешь эту группу высокихъ горъ

съ береговъ Чернаго Иртыша или озера Зайсанъ, пикъ Сауру, проглядывающій сквозь вѣтви тополей, сіяетъ блескомъ бѣлыхъ снѣговъ на голубомъ фонѣ неба и на фіолетовой дымкѣ, которою подернуты нижніе скаты; нѣкоторые ледники спускаются даже ниже пояса лѣсовъ въ овраги горъ Сауру и Музъ-тау. Но этотъ центральный массивъ снѣговыхъ высотъ высится уединенно, и со всѣхъ сторонъ цѣпь быстро понижается, продолжаясь на западъ отрогами хребта Манракъ, а на востокъ отрогами хребта Кара-дыръ; на сѣверѣ легко доступный проходъ, поднимающійся только на половину высоты снѣговыхъ вершинъ, позволяетъ китайскимъ мандаринамъ перебираться, даже въ колесномъ экипажѣ, съ покатости, обращенной къ озеру Балхашъ, на покатость, спускающуюся къ озеру Орхуновъ, въ Монголіи [1]). Горныя породы, изъ которыхъ образованъ хребетъ Манракъ, какъ кажется, вулканическаго происхожданія [2]).

Собственно такъ называемый Тарбагатай отдѣленъ отъ другихъ цѣпей невысокими порогами, которые поднимаются не болѣе какъ на 1.000 метр. надъ уровнемъ моря. Идя вверхъ по теченію рѣкъ или ручьевъ, текущихъ съ водораздѣльной возвышенности, почти не замѣчаешь, что дорога идетъ въ гору: горы виднѣются только вдали; но встрѣчающіяся на пути груды камней, похожія по виду на морены, напоминаютъ о дѣйствіи, произведенномъ нѣкогда движеніемъ ледниковъ. На западъ отъ этихъ пониженій, Тарбагатай снова повышается мало-по-малу, не переходя, однако, большимъ числомъ вершинъ за границу вѣчныхъ снѣговъ; на южной покатости бѣлое пятно видно круглый годъ только на одной горѣ, Тасъ-тау, главной вершинѣ Сурковой цѣпи, окруженной степями и принимающей на свои голыя скалы отблескъ бѣловатыхъ пространствъ, тоже лишенныхъ зелени [3]). Только по берегамъ потоковъ почва осѣнена деревьями, но на сѣверномъ скатѣ, болѣе возвышенномъ, очень мало видно древесной растительности. Богатые алпійскіе луга покрываютъ зеленымъ ковромъ верхніе склоны горъ и служатъ мѣстомъ сходбища для пастуховъ обѣихъ покатостей.

Хребетъ Тасъ-тау, на который совершено было нѣсколько восхожденій со времени путешествія Шренка въ 1840 г., оканчивается двумя острыми вершинами, изъ которыхъ одна извѣстна была подъ именемъ «Горы знаменъ» у китайцевъ, имѣвшихъ обыкновеніе каждый годъ водружать на ней новое знамя. Вершины Тасъ-тау состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ и доломита. Граниты, сіениты, порфиры тоже составляютъ значительную часть горныхъ породъ Тарбагатая; но кажется, что самыя распространенныя формаціи, занимающія тамъ наибольшее протяженіе, это—песчаники, известняки и сланцы, принадлежащіе къ каменноугольному періоду. Залежи каменнаго угля были открыты на южномъ склонѣ горной цѣпи, близъ китайскаго города Чугучака, и во время посѣщенія края Татариновымъ. въ 1864 году, коіи разработывались руками преступниковъ, осужденныхъ на каторгу. Русскіе изслѣдователи нашли также въ оврагахъ большіе куски самородной мѣди и мѣсторожденія желѣзной руды. Въ сѣверной долинѣ Терсъ-Айрыка, спускающейся къ озеру Зайсанъ, около сотни китайскихъ искателей золота занимаются собираніемъ золотаго песку, смѣшаннаго съ древними рѣчными наносами [1]). Нѣкоторые изъ многочисленныхъ могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ на выступахъ горъ, на перевалахъ, въ равнинахъ, и туземное названіе которыхъ, о б о или о б а (могила, груда камней)—встрѣчается во множествѣ географическихъ именъ страны, заключали много золотыхъ вещей, ради которыхъ киргизы и дѣлаютъ раскопки въ этихъ древнихъ могилахъ.

Обыкновенно принимаютъ, что хребетъ Тарбагатай оканчивается у горнаго прохода Караколь, или нѣсколько западнѣе, у предгорій, которыя господствуютъ надъ городомъ Сергіополемъ; однако, эта горная система продолжается еще на западъ цѣпью Денгизъ-тау или «Озерная гора», которая тянется на сѣверъ отъ озера Балхашъ и, подъ конецъ, сливается съ водораздѣльной возвышенностью, между аралокаспійской покатостью и бассейномъ Оби. Живописныя Аркатскія скалы, которыя, въ видѣ ряда высотъ, идутъ въ сѣверномъ направленіи къ Семипалатинску, тоже принадлежатъ къ системѣ Тарбагатая. Всѣ эти горы перерѣзаны очень удобными для сообщенія проходами, которые соединяютъ противуположные скаты и позволяютъ путешественникамъ обходить высокую часть цѣпи между равнинами двухъ большихъ озеръ: Ала-куль и Зайсанъ. Однако, всего чаще посѣщаемый проходъ,—тотъ который имѣлъ наиболѣе важное историческое значеніе, открывается именно въ высокой части Тарбагатая, къ востоку отъ хребта Тасъ-тау: это Хабаръ-ассу. Въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій кашгарскіе купцы, отправлявшіеся на ярмарки: Троицкую, Оренбургскую и Ирбитскую, не осмѣливались ѣхать туда прямымъ путемъ по берегамъ Балхаша, изъ опасенія быть ограбленными въ дорогѣ; перейдя различныя цѣпи Тянь-Шаня и Джунгарскаго Ала-тау, они слѣдовали почти по тому-же направленію, которое принимаетъ теперь линія русско-китайской границы, и переваливали черезъ Тарбагатай

[1]) Полк. Сосновскій, Струве, Потанинъ, Мирошниченко.

[2]) Финшъ, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876".

[3]) Шренкъ; Гумбольдтъ, „Asie centrale".

[1]) Струве и Потанинъ, „Записки Русск. Геогр. Общества", т. I. 1867 г.

по проходу Чабаръ-ассу, чтобы затѣмъ спуститься по сибирской покатости [1]). Съ своей стороны, татары и русскіе торговые люди, ѣхавшіе изъ равнинъ Сибири и восточной Россіи, избрали тотъ же путь, только въ обратномъ направленіи. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ: въ Тюмени, въ Тобольскѣ, въ Тарѣ, въ Томскѣ, основались факторіи или конторы бухарцевъ, и существующая въ окрестностяхъ Томска колонія мусульманъ (около 300 душъ) напоминаетъ еще объ этихъ торговыхъ сношеніяхъ прежняго времени. Стѣснительныя мѣры русскаго правительства, въ 1745 году, остановили преуспѣяніе этого края, учредивъ пограничныя таможни, установивъ даже смертную казнь для тѣхъ, кто сталъ бы производить торговлю ревенемъ, затѣмъ воспретивъ безусловнымъ образомъ проѣздъ путешественниковъ [2]). Однако, впослѣдствіи торговыя сношенія возобновились понемногу. На порогѣ перевала одинъ богатый киргизъ выстроилъ каравансарай, гдѣ и останавливаются проѣзжающіе, почти всѣ сарты, которые служатъ посредниками торговаго обмѣна между Россіей и Китаемъ. Съ проходовъ Тарбагатая видны на сѣверо-западѣ блестящія водныя скатерти озеръ Сассыкъ-куль и Ала-куль и смутно обрисовывающійся на небѣ неопредѣленный, подернутый фіолетовой дымкой, профиль горъ Джунгарскаго Ала-тау.

Различныя высоты Тарбагатая суть:

Средняя высота цѣпи Барлукъ, по Костенко—1.400 метровъ; проходъ Джаирскій, по Костенко—1.812; вершина хребта Мусъ-тау (Сауру)—3.400; самые возвышенные пики хребта Манракъ, по Финшу—1.500; проходъ Чаганъ-обо, къ югу отъ Сауру—1.427; проходъ Бургасутай, на востокѣ Тарбагат.—1.090; проходъ Хабаръ-ассу (по срединѣ Тарбагатая,) (Мирошниченко)—2.874; Тасъ-тау, центральный пикъ Тарбагатая, по Ѳедорову—2.958; Алетскій проходъ, на западѣ Тарбагатая, по Семенову—1.800; порогъ Сергіопольской дороги, между Тарбагатаемъ и Денгизъ-тау, по Вальдбургъ-Цейлю—650; средняя высота Тарбагатая, по Шренку и Семенову—1.800; средняя высота границы вѣчныхъ снѣговъ на Тарбагатаѣ, по Шренку—2.760; высота границы снѣговъ на Сауру (Сосновскій)—3.287; средняя высота цѣпи Денгизъ-тау, по Финшу—1.200; вершины Аркатскаго хребта, по Шренку—770 метровъ.

Съ обѣихъ сторонъ своего хребта, Памиръ и Тянь-Шань изливаютъ избытокъ своихъ дождевыхъ водъ и тающихъ снѣговъ въ замкнутые бассейны: на востокѣ въ бассейнъ Тарима, на западѣ въ арало-каспійскую котловину. Одинъ только Тарбагатай посылаетъ на востокъ нѣсколько потоковъ въ Иртышъ и составляетъ, такимъ образомъ, по одному изъ своихъ склоновъ, часть океанской покатости; всѣ другія горы Туркестана принадлежатъ къ Средней Азіи, по истеченію своихъ водъ къ внутреннимъ бассейнамъ. Наибольшая водная масса, естественно, должна вытекать изъ выпуклой части громаднаго полукруга плоскихъ возвышенностей и горныхъ цѣпей, обращенныхъ въ сторону дождливыхъ западныхъ вѣтровъ. И дѣйствительно, въ равнинахъ Туркестана и Семирѣчья протекаютъ самыя многоводныя рѣки, получающія начало въ снѣжныхъ массахъ водораздѣльнаго хребта; тамъ же разстилаются широкой водной площадью самыя большія озера, настолько обширныя, что туземцы даютъ имъ названіе «морей». Однако, рѣчная и озерная система Памира и Небесныхъ горъ далеко не имѣетъ той важности, какъ подобная же система восточной части Европейской Россіи, гдѣ невысокіе холмы, болотные пороги, едва примѣтныя волнистыя повышенія почвы образуютъ границы гидрографическаго бассейна. Эта покатость Россіи, по протяженію, уступаетъ равнинамъ Туркестана; но она имѣетъ Волгу и изливаетъ эту могучую рѣку въ такое море, какъ Каспійское, тогда какъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья такъ небогаты водой, что не могутъ перейти за Аралъ, куда онѣ впадаютъ, а третья большая рѣка Или теряется въ озерѣ Балхашъ.

Впрочемъ, геологическое изслѣдованіе страны указываетъ съ полной очевидностью на тотъ фактъ, что вытекающія съ горъ рѣки орошали ее нѣкогда гораздо большимъ количествомъ воды. Такъ, не говоря уже о моряхъ третичнаго періода, простиравшихся на сѣверѣ Азіи, достовѣрно извѣстно, что, даже въ относительно недавнюю эпоху, Балхашъ, развертывающій нынѣ свой бассейнъ въ видѣ обширной дуги, на сѣверъ отъ центральнаго Тянь-Шаня, продолжался на 400 километровъ къ востоку и къ юго-востоку, вплоть до порога плоской возвышенности, одну впадину которой наполняетъ озеро Эби-норъ, а къ западу онъ простирался на четвертную ширину. Хребетъ Ала-тау Джунгарскій выдвигался тогда, въ видѣ мыса, среди сплошнаго внутренняго моря, теперь раздѣленнаго на особенныя водныя площади, озера и болота. Въ настоящее время глинистыя низины, солончаковыя пространства, сыпучіе пески указываютъ мѣстности, которыя нѣкогда были покрыты водами. Еще въ историческія времена Балхашъ былъ соединенъ въ одинъ бассейнъ съ Сасыкъ-кулемъ или «Вонючимъ озеромъ», Ала-кулемъ «Пестрымъ озеромъ» и съ Джаланашъ-кулемъ, составляющими его продолженіе на востокѣ. Даже въ семнадцатомъ столѣтіи Балхашъ, говорятъ, наполнялъ всю впадину, отдѣляющую

[1]) Schrenk, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", von Baer und Helmersen, Bd. VII.

[2]) Потанинъ, „Записки Русск. Географ. Общества", т. I. 1867 г.

его нынѣ отъ Аральскаго моря, если только авторъ описанія Сибири («Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель») не ошибся, говоря, что это озеро, притоки котораго онъ подробно и точно перечисляетъ всѣ до единаго, выпускало изъ себя двѣ рѣки въ Аралъ: Сыръ-Дарью и Амуръ-Дарью (Яманъ-Дарья, Сарыту) [1]; но этотъ фактъ въ высшей степени невѣроятенъ, ибо нѣкоторые виды балхашской фауны свидѣтельствуютъ объ изолированности этого озернаго бассейна, продолжающейся уже въ теченіе длиннаго геологическаго періода [2]). На китайской картѣ, составленной въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, по повелѣнію императора Кіенъ-лонга, два юго-восточные бассейна составляли въ то время одинъ Пестрое озеро, отдѣленное теперь отъ Вонючаго озера перешейкомъ въ 100 километр. ширины, который иногда затопляется послѣ быстраго таянія зимнихъ снѣговъ [3]). Островной холмъ Аралъ-Тюбе, поднимающійся на 190 метровъ среди озера Ала-куль, не имѣетъ ничего вулканическаго, хотя Гумбольдтъ говоритъ о немъ, какъ объ огнедышащей горѣ, разверзающей свой кратеръ надъ поверхностью водъ [4]). Всѣ предполагаемые вулканы Семирѣченской и Кульджинской страны не что иное, какъ горящія залежи каменнаго угля [5]).

Еще въ наши дни Балхашъ очень обширенъ. Китайцы знаютъ его подъ именемъ Си-хай или «Западнаго моря»,—названіе, которое, впрочемъ, примѣняется у нихъ также къ Аралу и къ Каспійскому морю. Киргизы окрестныхъ мѣстностей видятъ въ немъ Денгизъ или просто «Море», какъ будто и не существуетъ другаго моря на свѣтѣ; но они называютъ его также Акъ-денгизъ или Ала-денгизъ, то-есть «Бѣлое море» или «Пестрое море», можетъ быть, по причинѣ острововъ, которые пестрятъ и оживляютъ его поверхность [6]). Третій изъ замкнутыхъ бассейновъ Азіи, по своимъ размѣрамъ, Балхашъ протянулся на пространствѣ, средняя величина котораго исчисляется въ 21.800 квадр. километровъ; но эта цифра только приблизительная, ибо какъ измѣрить точнымъ образомъ площадь озера безъ рѣзко обозначенныхъ очертаній, безъ твердыхъ береговъ, озера, котораго вся южная часть окаймлена низменными берегами, выступающими изъ-подъ воды, когда вѣтеръ дуетъ съ юга, и снова погружающимися въ воду, когда вѣтеръ повернетъ на сѣверъ? Болота продолжаютъ озеро, отмели образуютъ продолженіе твердой земли; цѣлые лѣса камышей, которые достигаютъ 4 и 5 метровъ вышины, и въ которыхъ міріадами гнѣздятся птицы и укрываются дикіе кабаны, скрываютъ промежуточный поясъ между землей и водой. Зимой, когда киргизскіе пастухи спустятся съ хребта Ала-тау и его предгорій, они въ этихъ же камышахъ ищутъ со своими стадами убѣжища и защиты отъ страшнаго сѣвернаго вѣтра [1]). Напротивъ, сѣверный берегъ, образуемый крутыми скалами плоскогорья, которое поднимается въ видѣ двойной террасы надъ поверхностью водной площади, имѣетъ совершенно опредѣленное очертаніе; даже кое-гдѣ утесы его образуютъ выступы горъ, которые подвинулись далеко въ озеро въ видѣ мысовъ. Вдоль этого возвышеннаго берега воды глубоки, и изсѣченія его могли бы служить гаванями, еслибы когда-нибудь установилось серьезное судоходство на Балхашѣ. Но этотъ бассейнъ по своему мелководью слишкомъ походитъ на обширное болото, чтобы онъ могъ когда-либо служить для цѣлей большаго торговаго движенія. Если даже берега его заселятся современемъ, Балхашу все-таки, кажется, не суждено носить на своихъ водахъ другихъ судовъ, кромѣ рыболовныхъ барокъ,—ибо озеро очень богато рыбой,—да перевозочныхъ лодокъ между двумя противоположными берегами, отстоящими одинъ отъ другаго всего только на нѣсколько километровъ, въ самыхъ узкихъ частяхъ бассейна. Глубина нигдѣ, кажется, не превышаетъ 21 метра, а средняя величина промѣровъ ниже даже 10 метровъ [2]). Принимая какъ точную эту приблизительную среднюю глубину, находимъ, что вмѣстимость Балхаша составляетъ около 218 милліардовъ кубич. метровъ, то-есть въ два съ половиною раза превосходитъ объемъ Женевскаго озера, которое, однако, въ 36 разъ менѣе обширно по размѣрамъ поверхности. Незначительная толщина слоя воды въ Балхашѣ не позволяетъ этому резервуару противостоять дѣйствію мороза: съ конца ноября и до начала апрѣля озеро бываетъ покрыто ледяной плитой.

Вода въ Балхашѣ прозрачная, но соленая въ наибольшей части бассейна; при устьяхъ рѣки Или она почти прѣсная, тогда какъ около южной оконечности она до такой степени насыщена солью, что животныя, пьющія этотъ разсолъ, умираютъ,—откуда и произошло прозвище Итъ-ичмезъ («собака не пьетъ ее»), данное киргизами этой части озера. Изъ этого видно, что явленіе обсыханія страны достигло уже болѣе сильной степени въ этомъ бассейнѣ, чѣмъ въ бассейнѣ Арала. Интересно было бы сдѣлать сравнительные анализы воды разъединенныхъ нынѣ озеръ, которыя составляли часть древняго внутренняго моря, для того, чтобы констатировать такимъ образомъ раз-

[1]) Бабковъ, „Записки Русск. Географ. Общ.“, т. I, 1867 г.
[2]) Проф. Кеслеръ, „Труды петербургскаго общества естествоиспытателей“.
[3]) Венюковъ, Рукописныя замѣтки.
[4]) „Annales des Voyages“, déc. 1830; К. Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“.
[5]) Мушкетовъ, „Записки минералогич. общ.“, II, 1877 г.
[6]) Голубевъ; Костенко, „Туркестанскій край“.

[1]) Spörer, „Mittheilungen von Petermann“, 1868.
[2]) Нифантьевъ; Костенко, „Туркестанскій край“.

*

личныя перемѣны, происшедшія въ содержаніи жидкости со времени раздѣленія этихъ бассейновъ: вода съ ея осадками, приносимая рѣками, и количество дождей постоянно измѣняютъ относительную пропорцію солей, измѣняютъ тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ озерный резервуаръ менѣе значителенъ. Въ настоящее время, какъ видно изъ разсказовъ путешественниковъ, Ала-куль — самое соленое изъ этой группы озеръ; Сассыкъ-куль, съ «вонючей водой», чуть солоновато. Измѣняясь въ степени солености, различныя озера равнины должны были измѣняться также въ высотѣ положенія, съ тѣхъ поръ, какъ они не соединены болѣе въ одну впадину. Перешейки, раздѣляющіе нынѣ эти бассейны, могли появиться либо путемъ образованія дюнъ, либо вслѣдствіе внутренняго давленія земли, и въ каждомъ озерѣ уровень не перестаетъ колебаться, смотря по обилію снѣговъ, дождей и интенсивности испаренія. Принимаютъ, какъ вѣроятный фактъ, но не провѣренный точными измѣреніями, что Балхашъ лежитъ немного выше, чѣмъ другія озера; его высоту опредѣляютъ въ 238 метровъ, тогда какъ Сассыкъ-куль лежитъ, будто бы, на 8 метровъ ниже. Озеру Ала-куль приписываютъ промежуточный уровень [1]). Находящееся въ предѣлахъ Монголіи озеро Эби-норъ, отдѣленное отъ Ала-куль обсохшей Чулакской равниной, имѣетъ, по однимъ, всего только 213 метровъ высоты (по Матвѣеву, 256 метр.); напротивъ, по другимъ географамъ, это самый высокій изъ всѣхъ озерныхъ бассейновъ сѣвера.

Контрастъ двухъ береговъ Балхаша происходитъ главнымъ образомъ отъ различія, существующаго между двумя покатостями въ отношеніи обилія текучихъ водъ. На всей огромной дугѣ сѣвернаго берега, которая развертывается на протяженіи около 700 километровъ, не считая тысячи небольшихъ изсѣченій побережья, Балхашъ не получаетъ ни одного постояннаго притока: Токранъ, который обыкновенно доходитъ до озера, совершенно изсякаетъ послѣ большихъ засухъ. То же самое нужно сказать о временныхъ притокахъ южнаго берега, берущихъ начало въ степи и пересыхающихъ лѣтомъ, подобно африканскимъ «уади»; но съ этой стороны высокія снѣговыя горы, Ала-тау Джунгарскій, центральныя цѣпи Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ, Ала-тау Заилійскій, тоже изливаютъ избытокъ своихъ водъ въ равнину, и этотъ избытокъ достаточенъ для того, чтобы большинство мѣстныхъ рѣкъ могли достигать озера и приносить ему свои осадки: обширный полукругъ низменныхъ земель, который образовали рѣчные наносы въ древнемъ, на-половину засыпанномъ морѣ, даетъ мѣрило могущественнаго дѣйствія этихъ водъ Тянь-Шаня, проявляющагося въ измѣненіи геологическаго вида страны; можно съ увѣренностью предсказать, что въ близкомъ будущемъ приносимые рѣками илъ и песокъ разобьютъ Балхашъ на отдѣльные бассейны, подобные озерной группѣ Ала-куля.

Главный притокъ Балхаша, Или,— большая рѣка, по крайней мѣрѣ по длинѣ его теченія, такъ какъ имѣетъ не менѣе 1.500 километровъ протяженія. Образуясь изъ соединенія Текеса и Кунгеса, онъ получаетъ черезъ первую изъ этихъ рѣкъ ледниковыя воды, текущія съ горнаго прохода Мусъ-артъ, тогда какъ вторая рѣка, Кунгесъ, сливается съ потоками, бѣгущими съ хребта Нарать и съ другихъ цѣпей восточной части Небесныхъ горъ. Въ Кульджинской равнинѣ Или, еще имѣющій видъ стремительнаго горнаго потока, катитъ быстрыя воды въ руслѣ, шириною отъ 200 до 400 метровъ и глубиною отъ 1 до 6 метровъ, надъ которымъ постоянно господствуетъ съ сѣверной стороны высокій берегъ, образуемый боковыми отрогами цѣпи Алтынъ-Имель. Рѣка судоходна для небольшихъ судовъ болѣе, чѣмъ на половинѣ своего теченія; у Илійска, гдѣ она мѣняетъ направленіе, чтобы течь на сѣверо-западъ, параллельно внѣшнимъ передовымъ цѣпямъ Тянь-Шаня, теченіе, болѣе тихое, носитъ, въ періодъ разливовъ, барки, приходящія изъ озера, откуда онѣ проникаютъ въ рѣку черезъ порогъ бара. Ущелье, прорытое въ массѣ порфира, образуетъ границу между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Или; фигуры Будды и тибетскія надписи, изсѣченныя въ скалѣ, какъ-бы указываютъ, что здѣсь нѣкогда процвѣтало дунганское царство. Ниже этой тѣснины рѣка, уже теряющая много воды испареніемъ, вступаетъ въ область дельты, очень обширную въ сезонъ разливовъ. Въ это время многочисленныя развѣтвленія Или обнимаютъ треугольное пространство слишкомъ въ 13.000 квадр. километровъ; но обыкновенно южное ложе дельты есть единственный рукавъ, который наполненъ водой, и которымъ рѣка изливается въ озеро, и только въ сосѣдствѣ устья Или выдѣляетъ изъ себя нѣсколько боковыхъ потоковъ изъ ложныхъ рѣкъ, которые, не достигая Балхаша, теряются въ болотахъ.

Изъ другихъ притоковъ Балхаша ни одинъ не катитъ достаточно большаго количества воды, чтобы быть судоходнымъ въ теченіе значительной части года, а многіе между ними даже бываютъ отдѣлены отъ озера въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ песчаными стрѣлками. Караталъ, питаемый снѣгами обоихъ скатовъ Джунгарскаго Ала-тау у западной его оконечности, есть одна изъ «семи рѣкъ», которыя заставили дать области, заключенной между Джунгарскимъ Ала-тау и Балхашемъ, имя Семирѣченскаго края; но можно бы было съ такимъ же правомъ дать странѣ наименованіе трехрѣченскаго, де-

[1]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань“; Карта Регеля, „Mitteilungen von Petermann“, *1879.*

сятирѣченскаго или двадцатирѣченскаго края, смотря по тому, сколько будемъ насчитывать въ ней значительныхъ потоковъ. Эти семь рѣкъ по преимуществу, то-есть тѣ, отъ которыхъ область получила свое названіе, суть: Караталъ и его притокъ Кокъ-су, Бійенъ, Акъ-су и Сарканъ, Басканъ и Лепса [1]). Иногда, хотя совершенно ошибочно, къ «семи рѣкамъ» причисляютъ Или, тогда какъ одинъ изъ сейчасъ названныхъ потоковъ хребта Ала-тау исключаютъ изъ ихъ числа; но эта разница номенклатуры происходитъ оттого, что административная провинція, Семирѣченская область, гораздо болѣе обширная, чѣмъ край того же

Переходъ киргизовъ черезъ рѣку.

[1]) Schrenk, „Reisebericht in Baer und Helmesens's Beiträge“, Bd. VII;—Семеновъ, „Географ. Словарь Россійской Имперіи“;—Spörer, „Mittheilungen von Petermann“ 1868 г.

имени, обнимаетъ также теченіе Или. Караталъ, самая длинная, но не самая обильная изъ семи рѣкъ, кажется, имѣлъ прежде весьма важное значеніе для канализаціи орошаемой имъ мѣстности: ирригаціонныя канавки виднѣются повсюду въ прибрежныхъ равнинахъ, и остатки буддійскихъ строеній до сихъ поръ встрѣчаются тамъ и сямъ на берегахъ рѣки. Лепса — самая многоводная изъ рѣкъ, вытекающихъ съ хребта Ала-тау, и болота ея устья сливаются съ болотами другой рѣки, Акъ-су, въ одну обширную дельту съ измѣнчивыми ложами. Эти лепсинскія болота составляютъ послѣднее, наиболѣе удаленное на сѣверъ, мѣсто убѣжища тигровъ; но эта кошачья порода, которыхъ иногда встрѣчаютъ далѣе на сѣверѣ, являются здѣсь случайно забредшими животными [1]). Рѣка Аягузъ, впадающая въ Балхашъ у западной оконечности озера, тоже иногда причисляется къ «семи рѣкамъ»; она вытекаетъ изъ передовыхъ отроговъ Тарбагатая, и пески ея содержатъ, впрочемъ въ очень незначительномъ количествѣ, блестки золота. На берегахъ этой рѣки, теперь почти пустынныхъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ развалины городовъ, принадлежащихъ къ древней буддійской цивилизаціи.

Озера Сассыкъ-куль и Ала-куль принимаютъ въ себя, какъ и Балхашъ, горные потоки, спускающіеся съ хребта Ала-тау; но самый большой притокъ этого двойнаго озернаго бассейна, Чурту, Эмиль или Имель, приходитъ съ востока и собираетъ свои первыя воды въ оврагахъ Тарбагатая. Перемѣнные объемы воды, приносимые этими потоками, оказываютъ непосредственное дѣйствіе на очертанія и уровень Ала-куля. Хотя эта область частію обсохла, какъ и все остальное пространство покатости замкнутыхъ бассейновъ Азіи, однако по временамъ здѣсь замѣчаются обратныя явленія. Живущіе на Ала-кулѣ киргизы разсказываютъ, что уровень этого озера, послѣ того какъ онъ постоянно понижался во времена ихъ дѣдовъ и отцовъ, сталъ вдругъ повышаться и не переставалъ подниматься съ 1850 до 1862 года, затопляя острова и плоскіе берега. Прибыль водъ прорвала, наконецъ, песчаныя стрѣлки, которыя тянулись поперегъ озера отъ одного берега до другаго, и за которыя монголы дали Ала-кулю прозвище Гурге-Норъ или «озера съ мостомъ». Быть можетъ, новый періодъ обсыханія снова выдвинулъ на поверхность эти песчаныя косы, и киргизы могутъ опять начать переходить черезъ озеро по его естественному мосту.

Мѣстности, прежде затопленныя, которыя недавно покинуты отступившими водами, теперь считаются самыми безплодными, по причинѣ песковъ и твердыхъ глинъ, составляющихъ наибольшую часть почвы, гдѣ, кромѣ того, находятся еще соляныя частицы. Гдѣ прежде было озеро, тамъ теперь безжизненная пустыня; никакой растительности не встрѣтишь на берегахъ бывшаго озернаго бассейна. Такъ, напримѣръ, на южной сторонѣ Балхаша легко узнать старые высокіе берега, о которые нѣкогда ударялись волны озера. Далѣе на западъ можно прослѣдить контуры высохшаго внутренняго моря, которое протяженіемъ было не меньше Балхаша, и отъ котораго теперь остались только лужи, маленькіе пруды, да болотистыя и солончаковыя пространства земли. Это древнее море простиралось на сѣверѣ западнаго Тянь-Шаня, отъ цѣпи Александровской до внѣшнихъ предгорій хребта Кара-тау; теперь его замѣнили пески и глины степи, называемой Муюнъ-кумъ или Акъ-кумъ: на востокѣ и на сѣверѣ прежній берегъ довольно ясно обозначенъ теченіемъ рѣки Карагаты, спускающейся съ Александровскихъ горъ, и теченіемъ Чу, главной рѣки бассейна, питаемой тающими снѣгами хребта Терскей-Ала-тау.

V. Покатость Аральскаго и Каспійскаго морей.

Сыръ-Дарья и Амуръ-Дарья, Аралъ и Закаспійскій отдѣлъ.

Эти озера, эти болота, эти пересыхающіе лѣтомъ ручьи, эти частыя пустыни, избѣгаемыя кочевниками, начинаютъ собою, у основанія лѣсистыхъ скатовъ Небесныхъ горъ, обширную область низменныхъ степей, которая протянулась черезъ весь Туркестанъ и, перейдя за рѣку Уралъ, продолжается во внутрь Европейской Россіи. Почти вездѣ степь представляется какъ открытое голое пространство, гдѣ взоръ свободно скользитъ по ровной почвѣ до кривизны земли подъ горизонтомъ. Однако, большинство степей только кажутся горизонтальными, въ дѣйствительности же поверхность ихъ развертывается въ видѣ длинныхъ волнъ, столь же правильныхъ, какъ волны тропическаго моря, вздымаемыя равномѣрнымъ дуновеніемъ пассатныхъ вѣтровъ; но общее однообразіе оттѣнковъ мѣшаетъ глазу различать гребни и промежуточныя борозды волнистой равнины, и путешественникъ, въ первый разъ попавшій въ степь, бываетъ немало удивленъ при видѣ лошадей, всадниковъ, цѣлыхъ каравановъ, вдругъ исчезающихъ въ этихъ складкахъ почвы, словно они провалились сквозь землю. Отсутствіе предметовъ сравненія, деревьевъ или зданій, не позволяетъ зрителю отдать себѣ отчетъ объ истинномъ размѣрѣ возвышеній и углубленій рельефа, а между тѣмъ какой-нибудь незначительный холмикъ въ 20 или 30 сажень вышины, о который нѣкогда ударялись волны моря, высится надъ равниной, какъ величественная

[1]) Семеновъ, цитиров. сочиненіе.

гора; какой-нибудь обглоданный водами крутой, обрывистый берегъ, со стѣнъ котораго осыпается песокъ въ сосѣднюю лужу, принимаетъ видъ грандіозныхъ береговыхъ утесовъ океана. Утромъ рефракція свѣтовыхъ лучей способствуетъ увеличенію размѣровъ всѣхъ предметовъ: орелъ, стоящій на землѣ, кажется верблюдомъ; пучекъ травы принимаетъ видъ дерева. Когда солнце поднимается высоко, воздухъ, сильно нагрѣваемый лучами пылающаго неба, почти всегда безоблачнаго, непрестанно дрожитъ и переливается, какъ паръ раскаленной печи: все принимаетъ волнистую и измѣнчивую форму. Когда небо покроется облаками, поднимается вѣтеръ, приносящій цѣлыя тучи горячаго песку, подъ которыми все сливается въ красноватый туманъ [1]).

Совершенно однообразную картину представляютъ эти равнины зимой, когда все пространство покрыто снѣгомъ, который по временамъ поднимаютъ и кружатъ вихремъ жестокіе бураны, бушующіе на широкомъ просторѣ степи. Разнообразіе различныхъ степей начинаетъ обнаруживаться въ первые дни весны, тотчасъ послѣ того, какъ выступившія изъ береговъ рѣки и лужи опять вернутся въ свое обычное ложе, и когда киргизы выжгутъ сухой хворостъ и старую траву на пастбищахъ. Молодыя растенія всходятъ и развиваются въ нѣсколько дней; угрюмая нагота равнинъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, смѣняется зеленью и цвѣтами. Въ эту пору года степь является въ своихъ самыхъ разнообразныхъ видахъ, вслѣдствіе различія грунтовъ, песковъ, глинъ, камней, болотъ прѣсноводныхъ или соляныхъ: каждый родъ почвы обнаруживается своей собственной флорой и фауной; нигдѣ растенія и сопровождающія ихъ животныя не зависятъ болѣе близкимъ образомъ отъ физическихъ условій обитаемой ими почвы и мѣстности.

Но это богатство и блескъ весенняго расцвѣта степной природы продолжаются недолго. Чрезвычайно неравномѣрный климатъ страны, знойный въ сезонъ жаровъ, леденящій въ періодъ холодовъ, позволяетъ успѣшно прозябать лишь небольшому числу растеній, выдерживающихъ крайности температуры. Лѣтній зной сжигаетъ молодые ростки, цвѣты гибнутъ подъ палящими лучами солнца; во многихъ мѣстахъ степь, сѣрая, пыльная, опять принимаетъ тотъ же монотонный видъ, какой она имѣла въ продолженіе зимы; только осенью, въ теченіе нѣсколькихъ дней, дожди немного оживляютъ растительность; кажется, что наступаетъ вторая весна; но вскорѣ растенія снова увядаютъ, и печальный покровъ зимы разстилается надъ пустынями. Недостатокъ текучихъ водъ на землѣ, рѣдкость водяныхъ паровъ въ воздухѣ способствуютъ увеличенію однообразія вида, придаваемаго странѣ обширнымъ протяженіемъ ея равнинъ, сравнительно съ малымъ возвышеніемъ выпуклостей рельефа почвы. Даже въ какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстахъ отъ большихъ рѣкъ, тамъ, гдѣ туземцы еще не выкопали ирригаціонныхъ каналовъ, оплодотворяющихъ землю, находишься уже какъ-будто среди настоящей пустыни, и, въ какую сторону ни посмотришь, вездѣ увидишь продолжающіеся до самаго горизонта либо сыпучіе пески, либо цѣлые лѣса тростника, либо соры, болота, наполненныя соленой водой, или такиры, глинистыя пространства, въ которыхъ верблюды вязнутъ зимой, и которыя лѣтомъ дѣлаются твердыми какъ камень. Оттого киргизу, который выберетъ себѣ уголокъ земли въ степи, нужно много трудовъ и заботъ, чтобы совершенно пропитать его водой. При помощи маленькихъ земляныхъ насыпей онъ дѣлитъ свое поле на небольшія квадратныя площадки въ родѣ перегородокъ, устраиваемыхъ въ салинахъ, и, черпая воду изъ боковаго арыка, наполняетъ послѣдовательно каждый изъ квадратовъ; когда почва достаточно напитана влагой, излишекъ воды выпускается, смотря по скату мѣстности, черезъ отверстія, сдѣланныя въ насыпяхъ, раздѣляющихъ перегородки поля. По способамъ земледѣлія, Туркестанъ походитъ на Египетъ [1]).

Пустыни въ собственномъ смыслѣ протянулись на пространствѣ, которое можно считать равнымъ половинѣ равнины Туркестана, заключенной между порогомъ Оби и Иранскимъ плоскогорьемъ. Въ сѣверной части этого пояса, область, ограниченная нижними теченіями рѣкъ Чу и Сары-су, извѣстна у туземцевъ подъ именемъ Бекъ-пакъ-дала или Бедъ-пакъ-дала, то-есть «Вшивой степи» [2]), русскіе же обыкновенно называютъ ее «Голодной степью». На югъ отъ рѣки Чу тянутся «Бѣлые пески» (Акъ-кумъ); «Красные пески» (Ки-зиль-кумъ) занимаютъ большую часть страны, ограниченной съ сѣвера Сыръ-Дарьей, съ юга Аму-Дарьей. Между Сыромъ и Ураломъ путешественники должны проѣзжать черезъ «Черные пески» (Кара-кумъ). Другая область «Черныхъ песковъ», еще гораздо болѣе обширная, обнимаетъ почти все треугольное пространство, ограниченное на сѣверо-западѣ долиной Узбоя, на сѣверо-востокѣ теченіемъ Аму-Дарьи, на югѣ оазисами, простирающимися у основанія Иранскаго плоскогорья. Многія другія песчаныя пустыни, менѣе значительныя, разсѣяны въ остальной части Туркестана.

Между этими песчаными пространствами, которыя, впрочемъ, всѣ одинаково имѣютъ сѣроватый цвѣтъ, даже тѣ, которыя носятъ на-

[1]) Левшинъ, Нешель, Гельмерсенъ, Вамбери, Каразинъ и т. д.

[1]) Grisbach, „Végétation du globe", trad. Tchihatchev.
[2]) Красовскій, „Область Сибирскихъ киргизовъ".

званіе «Черныхъ» или «Красныхъ» песковъ, мало найдется такихъ, которыя бы больше пугали киргизовъ, чѣмъ Голодная степь, гдѣ мѣстами возвышаются барханы или песчаные бугры, на ложѣ изъ известковыхъ породъ или изъ мергельной глины; дорога изъ Ташкента въ Акмолинскъ пересѣкаетъ эту степь, по недостатокъ воды и пастбищъ заставляетъ караваны дѣлать длинные круги. Лѣтомъ, въ то время, когда въ тѣни палатки термометръ поднимается до 36 градусовъ, температура песку, накаляемаго непосредственно солнечными лучами, достигаетъ 47 и 48 градусовъ; путники, проходящіе черезъ Голодную степь, даже послѣ того, какъ дневная жара спадетъ, испытываютъ на подошвахъ ощущеніе обжога, а сопровождающія ихъ собаки не могутъ прилечь отдохнуть иначе, какъ выкапывая глубокія ямы въ почвѣ, чтобы найти тамъ болѣе прохладный слой. Нѣкоторыя изъ южныхъ пустынь еще болѣе страшны въ жаркую лѣтнюю пору: во время экспедиціи противъ теккинскихъ туркменовъ сотни людей погибли отъ нестерпимаго зноя, усиливаемаго отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ песчаной поверхности, а на верблюдахъ смертность была еще сильнѣе. «Черные пески» (Кара-кумъ) на сѣверѣ отъ Аральскаго моря болѣе доступны, благодаря прорѣзывающимъ ихъ параллельнымъ пониженіямъ почвы или оврагамъ, направляющимся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между грядами песчаныхъ бугровъ, высотою отъ 8 до 10 метровъ, которые какъ бы составляютъ продолженіе каменистаго хребта Кара-тау. Эти углубленія почвы или промежуточныя борозды представляютъ длинныя узкія долины, похожія на леды (lèdes) французскихъ дюнъ, и одѣтыя, какъ и онѣ, мягкой муравой, на которой пасутся стада, да кое-какими деревцами, каковы: ива песковъ и дикая маслина или джида: эти долины въ прежнія времена были воздѣланы, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣды ирригаціонныхъ каналовъ (арыковъ) [1]. Что касается самихъ бархановъ, которые почти всѣ тверды, то флора ихъ состоитъ изъ растеній съ очень глубокими корнями, которые ищутъ влажность, скрытую подъ сухими слоями верхняго песку. У основанія этихъ горокъ тамъ и сямъ бьютъ изъ земли ключи чистой воды, производимые просачиваніемъ дождя и снѣга [2]; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаешь цѣлыя группы въ двадцать или тридцать фонтановъ, блистающихъ серебристой струей между песками. Въ разныхъ частяхъ степи открыли слои льда, прикрытые пылью, нанесенной вѣтромъ, и сохранявшіеся годами несмотря на лѣтнія жары [3].

Многія глинистыя степи съ почвой, пропитанной солью, выступающею въ видѣ налета на поверхность, не менѣе пустынны, чѣмъ пески, и путешественники гораздо больше боятся переходовъ черезъ эти солончаковыя пространства, потому что тутъ находятся самыя опасныя топи, гдѣ, послѣ малѣйшаго дождя, верблюды вязнутъ въ полужидкомъ соленомъ илѣ, а также потому, что вода здѣсь—большая рѣдкость, и караванъ всего чаще подвергается опасности страдать отъ жажды. Мѣстами привала на дорогахъ обыкновенно служатъ колодцы; но сколько разъ, добравшись до желанной воды, томимые жаждой путники узнаютъ съ отчаяніемъ, что колодезь заваленъ трупами животныхъ, превратившими жизненную влагу въ ядъ! Нужно очистить колодезь, вычерпать изъ него всю воду и ждать цѣлые часы, пока ключъ снова наполнитъ яму, или даже копать новые резервуары. Обыкновенно поиски воды продолжаютъ до 4 метровъ отъ поверхности почвы, но бываютъ также раскопки, достигающія 40 метр. глубины [4].

Скудная природная растительность, которую представляетъ арало-каспійская область, отличается въ особенности своими кустами, своими колючими растеніями; почва тамъ ни довольно богата, ни довольно влажна, чтобы питать лѣсную растительность: настоящіе лѣса увидишь только въ сѣверо-западной части равнинъ, орошаемой рѣками Ураломъ и Эмбой. Русскіе повсюду вырубаютъ деревья; киргизы испытываютъ нѣчто въ родѣ ужаса, вступая въ лѣсъ, и чувствуютъ себя привольно только на широкомъ просторѣ безпредѣльнаго пространства; но для тѣхъ и другихъ одиноко стоящія деревья, какъ они встрѣчаются тамъ и сямъ среди пустыни, составляютъ своего рода святыню, на которую путникъ уже издали взираетъ съ благоговѣніемъ. Въ «Бѣлыхъ Пескахъ», къ сѣверу отъ Ауліе-ата, есть два такихъ священныхъ дерева, чтимыхъ и посѣщаемыхъ киргизами. Въ Тургайской степи тоже есть легендарная ольха, около 6 метровъ въ обхватѣ, широко раскинувшая свои вѣтви и дающая пріютъ въ своей густой листвѣ гнѣзду хищной птицы, которую никто не осмѣливается трогать изъ боязни совершить святотатство. Стволъ и вѣтви увѣшаны приношеніями: лентами, конскими хвостами и гривами, медалями; каждый киргизъ, проходя мимо этого священнаго дерева, благоговѣйно бормочетъ имя Аллаха [5].

Степи Оренбургскаго Туркестана представляютъ нѣкоторое сходство съ степями Россіи;

---

[1]) Нетель; Гельмерсенъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches". Bd. XVIII, J. Barande, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris". 1879, № 4.

[2]) Мейеръ, цитиров. сочиненіе; Нетель, цитиров. сочиненіе.

[3]) Борщовъ; Grisebach, „Végétation du Globe", trad. Tchihatchev.

[4]) Хорошкинъ, Вамбери и т. д.

[5]) Полторацкій; „Зап. Русск. Геогр. Общ." 1867 г. Köschel, „Beiträge von Baer und Helmersen", Bd. XVIII.

но флора ихъ заключаетъ гораздо меньшее число видовъ, и травы не находятъ тамъ слоевъ чернозема, гдѣ они могли бы развиваться съ такой же силой, какъ въ южно-русскихъ степяхъ. Отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу Татаріи растительность становится все болѣе и болѣе скудной до самаго основанія горныхъ цѣпей, гдѣ начинается другой, отличный отъ предъидущаго, поясъ. На всемъ пространствѣ этой арало-каспійской страны, столь же обширной, какъ вся западная Европа, ботаники открыли до сихъ поръ только 1.152 вида явнобрачныхъ растеній [1]); вдали отъ рѣкъ, въ открытой равнинѣ, вся растительность состоитъ изъ нѣсколькихъ типическихъ видовъ, «бурыхъ, какъ шерсть верблюда», покрывающихъ монотонныя пространства на протяженіи сотенъ и тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ пустыни на встрѣтишь ничего, кромѣ чернобыльника, растенія черноватаго цвѣта, которое, покрывая большія пространства, придаетъ природѣ невыразимо печальный, угрюмый видъ; въ другихъ мѣстахъ, въ солончаковыхъ степяхъ, не увидишь никакихъ растеній, кромѣ красноватыхъ солянокъ, отъ которыхъ почва получаетъ кроваво-красный цвѣтъ. Флора всего пространства, заключеннаго между Аральскимъ озеромъ и Каспійскимъ моремъ, и продолжающагося съ сѣвера на югъ между Эмбой и Атрекомъ, состоитъ всего только изъ 329 видовъ [2]). Нѣтъ такого маленькаго кантона Франціи, который бы не былъ богаче растеніями, чѣмъ эта громадная территорія западной Азіи, подраздѣляющаяся на области различной растительности, смотря по обилію воды и пропорціи солей, содержащихся въ ея почвахъ.

Въ исторіи земнаго шара растительность Туркестана представляетъ собою форму недавняго происхожденія. Составляющіе ее виды, переселившіеся туда изъ всѣхъ окружающихъ странъ: изъ русскихъ степей, съ Алтая, изъ Сибири и Персіи,—постепенно обогащали почву, по мѣрѣ отступленія водъ изъ обширной равнины. Но всѣ эти иноземныя вторженія не могли, конечно, совершаться безъ того, чтобы не происходило столкновеній между видами. и въ этой борьбѣ одерживаютъ верхъ формы, переселяющіяся съ юга. Такъ, саксаулъ (anabasis ammodendron) и джида (eleaegnus, дикая маслина), уроженцы Персіи, постоянно подвигаются впередъ, тогда какъ тополи, пришельцы съ сѣвера, отступаютъ къ странамъ своей первоначальной родины [3]). Любопытно видѣть, какъ всѣ эти растенія приспособляются къ условіямъ почвы и климата степей: чтобы лучше сопротивляться вѣтрамъ, они пріобрѣтаютъ болѣе гибкій стволъ, представляютъ менѣе значительную поверхность, лишаютъ себя листвы; чтобы уменьшить испареніе, они облекаются твердой и толстой корой, настоящей броней черепахи, вмѣсто тонкой верхней кожицы, и сокъ ихъ смѣшивается съ соляными веществами; они покрываются жесткими волосами или колючками и выдѣляютъ изъ себя эѳирныя масла, которыя также способствуютъ ослабленію испаренія. Такимъ-то образомъ, благодаря этой аккоммодаціи, вдали отъ всякой проточной воды могутъ развиваться деревянистые виды, каковъ, напримѣръ, саксаулъ, похожій на зеленѣющій пукъ прутьевъ, совершенно лишенный листьевъ, хотя производящій цвѣты и плоды; вмѣсто ежегодныхъ концентрическихъ слоевъ новая древесина ствола образуетъ простыя утолщенія или бугорки, наростающіе на старомъ деревѣ или окрущающіе его сѣтью. Зерно саксаула отличается такой плотностью, что жаръ, скрытый подъ пепломъ, тлѣетъ болѣе сутокъ; древесина его тяжелѣе воды, и при ударахъ топора изъ нея сыплются искры [1]). Травяныя степи, лишенныя влажности, которая позволяла бы имъ покрываться дерномъ, подобнымъ муравѣ европейскихъ луговъ, производятъ лишь уединенные пучки травы, занимающіе не болѣе трети всей поверхности. Время роста и цвѣтѣнія коротко, но зато растенія пользуются имъ съ удивительной энергіей: при первомъ пробужденіи весны оренбургскія степи одѣваются въ пышный уборъ изъ тюльпановъ, къ которымъ тамъ и сямъ примѣшаны лилейныя и касатиковыя или ирисовыя растенія; необозримое пространство представляетъ сплошной коверъ, сотканный изъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ [2]). Но пройдетъ нѣсколько недѣль послѣ этого праздника степи—и земля уже опять приняла свой обычный видъ, угрюмый и сѣроватый; растенія завяли, засохли, и вѣтеръ разсѣеваетъ ихъ по безконечной равнинѣ. Бриза, привлекаемая какъ-бы собирательнымъ фокусомъ на раскаленную поверхность почвы, поднимаетъ и кружитъ передъ собой столбы пыли; обломки высохшихъ растеній несутся и скачутъ тысячами и милліонами; свертываемые вѣтромъ въ клубки, эти «бѣгуны степей» то катятся по землѣ, соперничая между собой въ скорости, то яростно гонятся другъ за дружкой, дѣлая прыжки въ нѣсколько аршинъ: словно живыя существа, увлеченныя какой-то фантастической скачкой [3]).

Фауна Туркестана, какъ и его флора, отличается поразительнымъ однообразіемъ на обширныхъ пространствахъ; но, благодаря разнообразію мѣстностей и рельефа почвы, отъ оази-

[1]) Lehmann, „Reise nach Buhara", „Beiträge von Baer und Helmersen", Bd. XVII; Эверсманъ, Эйхвальдъ, Карелинъ, Нешель, Борщовъ, и т. д.

[2]) Борщовъ, „Ботаническая географія арало-каспійской области".

[3]) Борщовъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Григорьевъ, „Записки Русск. Географ. Общ.", 1861.

[2]) Grisebach, „Végétation du Globe", trad. Tchihatchev.

[3]) Von Baer, „Caspische Studien".

са до пустыни и горъ, животные виды здѣсь многочисленны: для одной только равнины арало-каспійской покатости совокупность фауны заключаетъ, по Сѣверцову, 47 млекопитающихъ и 97 птицъ [1]). Пресмыкающіяся, змѣи, ящерицы, скорпіоны заползаютъ во всѣ трещины почвы. Лѣсныя чащи, окаймляющія берега рѣкъ, скрываютъ почти всѣхъ четвероногихъ страны: тигровъ, барсовъ, дикихъ кошекъ, волковъ, лисицъ, кабановъ; но въ открытой равнинѣ могутъ жить только соединенныя въ общества животныя, которыя быстро проходятъ большія пространства, въ поискахъ за пастбищами и сырыми мѣстами. Караваны купцовъ, батальоны солдатъ, идущіе по ихъ слѣдамъ черезъ закаспійскую пустыню, встрѣчаютъ иногда стада сайгъ и табуны дикихъ ословъ или кулановъ, которые несутся съ громовымъ шумомъ, окруженные столбами поднимаемой ихъ копытами пыли, потомъ вдругъ останавливаются въ молчаніи и, постоявъ немного, снова исчезаютъ, потрясая своимъ галопомъ звонкую почву [2]). Свойство климата не позволяетъ туземцамъ разводить, вдали отъ рѣкъ и воздѣланныхъ земель, другія породы животныхъ, кромѣ вьючнаго и верховаго скота: верблюдовъ, лошадей, ословъ и барана, такого же кочевника, какъ и его господа, и прокармливающаго ихъ своимъ мясомъ. Части равнины, гдѣ человѣкъ могъ окружить себя, при помощи земледѣлія и разведенія домашнихъ животныхъ, средой, напоминающей Европу, составляютъ лишь узенькіе оазисы, угрожаемые сыпучими песками и часто опустошаемые саранчей. Но онъ живетъ, однако, или по крайней мѣрѣ кочуетъ по своей странѣ. Зимой онъ слѣдуетъ за своимъ скотомъ, который ходитъ всюду отыскивать себѣ кормъ подъ тонкимъ слоемъ снѣга, раскапывая его ногой и растапливая его своимъ дыханіемъ. Лѣтомъ онъ располагается на стоянку въ сосѣдствѣ колодцевъ, у подошвы холмовъ, гдѣ кругозоръ менѣе монотоненъ и растительность болѣе разнообразна, чѣмъ среди ровной степи.

Арало-каспійская покатость усѣяна озерными пространствами, которыя напоминаютъ о древнемъ внутреннемъ морѣ Туркестана. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ этой страны, преимущественно на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ отъ Аральскаго озера, встрѣчаются пропасти или глубокія впадины въ формѣ воронки. Эти воронки, уровень которыхъ находится на довольно большой глубинѣ, даже на 30 метр. ниже окружающей почвы, почти всѣ наполнены солью или соленой водой и содержатъ морскія раковины въ глинахъ и пескахъ, изъ которыхъ состоятъ ихъ берега; края нѣкоторыхъ воронокъ разорваны промоиной, и расходящіеся отсюда размытые рвы указываютъ направленіе древняго потока, вылившагося изъ впадины. Соляныя болота, разсѣянныя на почвѣ степи подлѣ прѣсноводныхъ прудовъ и озеръ, тоже заключаютъ въ себѣ остатки морскихъ организмовъ, образующіе цѣлые слои. Эти раковины сердцевика (cardium), ракушки (mytilus), винтушки (turitella) и другихъ видовъ, обыкновенныхъ въ Аральскомъ морѣ, повидимому, служатъ доказательствомъ того, что это озеро прежде простиралось до тѣхъ мѣстъ, то-есть почти до порога, отдѣляющаго нынѣ бассейнъ Оби отъ арало-каспійской покатости; во всякомъ случаѣ этотъ фактъ представляетъ сильный аргументъ для тѣхъ ученыхъ, которые ищутъ слѣды древняго морскаго пролива, соединявшаго Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ [1]).

Изъ рѣкъ, впадавшихъ нѣкогда въ Аральское море, только двѣ достигаютъ его въ наши дни—Сыръ-Дарья и Аму-Дарья. Сыръ («рѣка» по преимуществу, по Сѣверцову; «желтая» рѣка, по Левшину), Яксартъ древнихъ писателей, со временъ Александра Македонскаго, и Шашъ или Сигунъ арабовъ, зарождается въ самомъ сердцѣ Небесныхъ горъ. Одинъ изъ его истоковъ выходитъ изъ озера на Барскаунскомъ проходѣ, въ горной цѣпи Терской Алатау; другой изливается изъ болотъ горнаго прохода Заука; самый обильный потокъ выходитъ изъ-подъ конечной аркады ледника Петрова, котораго кристаллическая масса, простирающаяся въ длину верстъ на пятнадцать и перерѣзанная пятью серединными моренами, наполняетъ разсѣлину удивительно правильной формы, открывающуюся въ горахъ Акъ-ширякъ или Акъ-ташъ, почти столь же высокихъ, какъ и массивъ Ханъ-тенгри. Другой ледникъ, Иръ-ташъ, менѣе значительныхъ размѣровъ, очень интересенъ по формѣ своего бассейна, загороженнаго при выходѣ высокими скалами; по всей вѣроятности, въ прежнее время съ вершины этихъ утесовъ льды обрушивались въ видѣ кристаллическаго катаракта еще болѣе грандіознаго, чѣмъ теперешній водопадъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какіе представляетъ намъ альпійскій міръ [2]).

Зарождающаяся рѣка еще не приняла имени Сыра; при каждомъ новомъ большомъ притокѣ она перемѣняетъ наименованіе. При выходѣ изъ ледника Петрова она называется Якъ-ташъ, затѣмъ, начиная отъ впаденія притока Кара-сай, это названіе измѣняется въ Тарагай. По принятіи другаго значительнаго притока, Кара-коль, и по вступленіи въ поясъ лѣсовъ, на высотѣ 2.900 метровъ, рѣка получаетъ отъ киргизовъ новое имя — Большаго

[1]) „Распредѣленіе животныхъ въ Туркестанѣ".
[2]) Вамбери, „Странствованіе дервиша въ Средней Азіи".

[1]) Мейеръ, „Киргизская степь", „Матеріалы для географіи и статистики Россіи"; Lehmann, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches". Bd. XVII. Нешель, Гельмерсенъ, то же изданіе: т. XVIII.
[2]) Каульбарсъ, „Зап. Русск. Геогр. Общ.", т. V, 1875 г.

Нарына. Ниже двойнаго сліянія съ притоками Уланъ и Курмекты, Нарымъ вступаетъ въ Капчегайское ущелье, куда еще не могъ спуститься ни одинъ путешественникъ, чтобы посмотрѣть на катаракты рѣки; но предполагаютъ, что эти неизвѣстные водопады должны быть очень красивы и грандіозны, такъ какъ разница уровня между верхнимъ и нижнимъ ложемъ, на пространствѣ около 43 километровъ, исчисляется отъ 900 до 965 метровъ [1]). По соединеніи съ Малымъ Нарыномъ, рѣка, уже спокойная, протекаетъ послѣдовательно черезъ нѣсколько бывшихъ озерныхъ ложъ, столь многочисленныхъ въ западномъ Тянь-Шанѣ; затѣмъ, прежде, чѣмъ выйти окончательно изъ области горъ, чтобы вступить въ Ферганскую равнину, она должна еще пройти послѣдовательно два дикихъ ущелья. На югъ отъ города Намангана, она принимаетъ въ себя притокъ Кара-Дарью, который смѣшиваетъ свое мутное теченіе съ чистыми лазурными водами Нарына [2]), и съ этого-то мѣста главная рѣка принимаетъ, наконецъ, свое имя Сыръ-Дарьи; киргизы обыкновенно считаютъ главной вѣтвью рѣки Кара-Дарью или «Черную рѣку», хотя она катитъ, вѣроятно, объемъ воды, не превышающій пятой части жидкой массы Нарына [3]); но дѣло въ томъ, что этимъ притокомъ гораздо больше пользуются для искусственнаго орошенія почвы: воды его разведены въ безчисленное множество ирригаціонныхъ каналовъ или арыковъ, тогда какъ сѣверная, то-есть главная вѣтвь рѣки остается на всемъ своемъ теченіи дикимъ потокомъ, еще не приспособленнымъ для служенія цѣлямъ земледѣлія.

Въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ Сыръ-Дарья приняла видъ величественнаго потока, она уже начинаетъ мелѣть, уменьшаться въ объемѣ. Въ Ферганской равнинѣ и далѣе, внизъ по теченію, рѣка, хотя она получаетъ одинъ за другимъ нѣсколько притоковъ, которые всѣ приходятъ къ ней съ горъ, лежащихъ на сѣверъ отъ нея, катитъ жидкую массу все менѣе и менѣе значительную. Въ этой-то части теченія рѣки, въ обширномъ амфитеатрѣ плоскихъ возвышенностей и горъ, который окружаетъ Фергану, воды, текущія въ Сыръ-Дарью, приносятъ наибольшую пользу человѣку: большая часть равнины, при помощи искусственнаго орошенія, превращена жителями въ цвѣтущій садъ, и нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно, долгіе годы мира и спокойнаго развитія промышленности сдѣлаютъ изъ этой страны вторую Ломбардію. Все пространство треугольной формы, заключающееся между Сыромъ и Кара-Дарьей, то-есть Икисуараси или «Междурѣчье», представляетъ страну воздѣланныхъ земель, тѣнистыхъ садовъ, текучихъ водъ: это самая плодоносная часть всего Туркестана. Различная

Растительность на Кизылъ-Кумѣ.

[1]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань“.
[2]) Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja“.
[3]) Костенко, „Туркестанскій край“.

рѣки, спускающіяся съ Алай-тага и съ другихъ южныхъ горъ, тоже дѣлятся на безчисленное множество арыковъ, окаймленныхъ по краямъ тополями и другими деревьями. Но большинство рѣкъ края, отводимыхъ справа и слѣва всѣми прибрежными жителями въ свои оросительные каналы, истощаются, какъ и рѣки сѣверныхъ степей, прежде, чѣмъ успѣютъ достигнуть теченія Сыръ-Дарьи. Песчаныя пространства, лишенныя необходимой для оплодотворенія ихъ почвы воды, образуютъ тамъ и сямъ небольшіе архипелаги пустынь, и вдоль праваго берега Сыръ-Дарьи тянется поясъ безплодныхъ и необитаемыхъ земель. Тѣмъ не менѣе Фергана можетъ быть разсматриваема въ цѣломъ, какъ прекрасно обработанная, плодоносная страна, какъ земля зелени и цвѣтовъ. Климатъ тамъ неравномѣрный, но болѣе прохладный лѣтомъ, менѣе холодный зимой, нежели въ голой степи, гдѣ свободно разгуливаютъ полярные вѣтры. Мягкій голубой цвѣтъ составляетъ общій колоритъ этой страны: «все тамъ окрашено въ бирюзовой оттѣнокъ,—говоритъ путешественникъ Уйфальви,—небо, камни, оперѣніе вороновъ и черныхъ дроздовъ, и даже стѣны памятниковъ» [1]).

Выше города Ходжента, Сыръ-Дарья покидаетъ высохшее ложе древняго Ферганскаго озера, огибая горы Чокталъ, и слѣдуетъ, подобно Аму-Дарьѣ, въ сѣверо-западномъ направленіи, параллельно хребту Кара-тау. Рѣка, повидимому, протекаетъ теперь сѣвернѣе, чѣмъ она текла прежде. Длинное болото Тусь-кане, которое тянется, въ видѣ кривой, длиною около 200 верстъ, на сѣверъ отъ горъ Нура-тау, имѣетъ совершенно видъ бывшаго рѣчнаго ложа; тутъ, вѣроятно, проходилъ нѣкогда Яксартъ, слѣдуя правильному скату степи, чтобы идти на соединеніе съ Аму-Дарьей, близъ горной цѣпи Шейкъ-джейли, гдѣ видно древнее рѣчное русло [2]). Направленіе, принимаемое нынѣ рѣкой, оставляетъ ей гораздо меньшую покатость къ Аральскому морю. Здѣсь мы видимъ явленіе, сходное съ тѣмъ, какое представляетъ намъ рѣка Чу: Сыръ-Дарья тоже огибаетъ громаднымъ полукругомъ своего нижняго теченія бассейнъ древняго моря, теперь засыпаннаго песками. Такъ же, какъ песчаныя пустыни Акъ-кумъ и Кара-кумъ, обширные пески Кизылъ-кумъ не что иное, какъ высохшее морское дно, которое нѣкогда соединялось съ нынѣшнимъ Аральскимъ озеромъ въ одно средиземное море. Сыръ-Дарьинскія пустыни не самыя безплодныя въ Туркестанѣ: мѣстами онѣ покрыты кустарникомъ, гдѣ колючіе кусты перемѣшаны съ деревцами разныхъ породъ, саксаулъ, главный представитель лѣсной флоры туранскихъ степей, растетъ здѣсь разсѣянными группами и рощицами. Для пользы края, необходимо было бы сохранять это дерево, вмѣсто того, чтобы истреблять его, какъ это дѣлаютъ теперь, съ достойной сожалѣнія непредусмотрительностью, употребляя его какъ топливо, въ особенности на пароходахъ сыръ-дарьинской флотиліи.

Въ этой части своего теченія, проходящей черезъ пустынныя пространства, Сыръ долженъ былъ нѣкогда принимать въ себя рѣку Чу, которая въ наши дни уже не въ силахъ добраться до него. Чу—главная рѣка бассейна горной цѣпи Терской Ала-тау и хребта Александровскаго. Питаемая этой обширной областью высокихъ горъ, поднимающихся до пояса вѣчныхъ снѣговъ, рѣка Чу катитъ много воды во всей верхней части своего теченія; но ниже впаденія въ нее рѣчки Кара-каты она не получаетъ болѣе ни одного притока, развѣ только послѣ продолжительныхъ дождей, и теченіе ея, по дорогѣ развѣтвляющееся тамъ и сямъ, истощается мало-по-малу. Точно также Таласъ, большая рѣка, выходящая изъ Тянь-Шаня черезъ широкій Ауліе-атскій проломъ, останавливается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чу и теряется въ обширныхъ болотахъ; но копая почву ниже, на продолженіи этихъ рѣкъ, находятъ еще свѣжую воду на глубинѣ одного или полутора метра, изъ чего нужно заключить, что вода разливается подъ землей. Другія болота служатъ р. Чу резервуарами испаренія; около оконечности цѣпи Кара-тау, тамъ, гдѣ этому потоку оставалось бы только сдѣлать поворотъ къ югу, чтобы достигнуть долины Сыръ-Дарьи, онъ разливается, на разстояніи 100 километр. отъ этой рѣки, во время своего половодья, въ большое болото, Саумаль-куль, откуда уже не можетъ выбраться; а лѣтомъ онъ даже не достигаетъ и этого болота [1]). Къ западу отъ Чу другая рѣка, бывшая прежде притокомъ Сыръ-Дарьи, тоже теряется въ пескахъ степи, пройдя пространство болѣе 800 километр.; это Сары-су, называемый Яманъ-су въ верхнемъ его теченіи и Янъ-су въ томъ мѣстѣ, гдѣ почва вышиваетъ послѣднія его капли. Онъ зарождается сѣвернѣе озера Балхашъ, на слегка волнистомъ плато, образующемъ водораздѣльную возвышенность между областью замкнутыхъ бассейновъ и Обской покатостью. Другія рѣки, истоки которыхъ находятся въ той же области, изсякаютъ подобнымъ же образомъ, не будучи въ состояніи достигнуть Сыра или Арала; каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенную область, гдѣ повторяются въ миніатюрѣ тѣ же явленія, какія представляютъ въ большихъ размѣрахъ покатости Аральскаго и Каспійскаго морей. Въ одномъ изъ этихъ замкнутыхъ бассейновъ, на сѣверъ отъ рѣки Сары-су, центральное озеро состоитъ изъ небольшой водной площади, кото-

[1]) „Bulletin de la Société d'acclimatation", 1879.
[2]) Костенко, цитированное сочиненіе.

[1]) Копыловъ, „Русское Обозрѣніе", 1874 г., № 4.

рая, однако, носитъ громкое имя Денгизъ («море»), свидѣтельствующее, быть можетъ, о болѣе значительномъ ея протяженіи въ прежнія времена. Наконецъ въ сѣверо-западныхъ степяхъ, рѣки Иргизъ и Тургай, спускающіяся съ Марождарскихъ горъ и съ другихъ цѣпей холмовъ, соединяются въ цѣлый лабиринтъ болотъ, который чуть не каждый день мѣняетъ свои очертанія, смотря по тому, какая погода—идутъ ли дожди или стоитъ засуха. Между рѣками страны многочисленныя Кара-су, то-есть «Черныя воды», текущія по торфяному грунту, отличаются отъ всѣхъ другихъ потоковъ Туркестана сопротивленіемъ, которое онѣ оказываютъ морозу. По разсказамъ киргизовъ, эти «Черныя воды» не перестаютъ течь въ продолженіе всей зимы въ то время, какъ всѣ другія рѣки превращаются въ ледяные пути [1]).

Во всемъ своемъ нижнемъ теченіи Сыръ часто мѣнялъ русло не только во времена, предшествовавшія исторіи, но даже въ новые вѣка. Султанъ Баберъ, царствовавшій надъ Ферганой въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, и который, безъ сомнѣнія, долженъ былъ хорошо знать главную рѣку своего ханства, утверждаетъ въ своихъ «Запискахъ» [2]), что Сигунъ терялся тогда въ пескахъ, не соединяясь ни съ какимъ другимъ потокомъ. Въ настоящее время одинъ рукавъ рѣки отдѣляется отъ главнаго потока верстахъ въ 11 ниже форта Перовскій: это—Яны-Дарья или Джаны-Дарья, т. е. «Новая рѣка». Вѣрнѣе, однако, было бы дать ей названіе «Перемежающейся рѣки», такъ какъ она въ разныя эпохи то появлялась, то исчезала, смотря по естественнымъ измѣненіямъ главнаго русла и по канализаціоннымъ работамъ прибрежнаго населенія. Извѣстно, что въ четырнадцатомъ столѣтіи текла большая рѣка въ нынѣшнемъ ложѣ Яны-Дарьи [3]). Въ 1740 году, во время посѣщенія края Муравинымъ, тамъ вовсе не было воды; рѣка совершенно высохла. Затѣмъ въ періодъ съ 1760 по 1770 годъ она опять открылась, кара-калпаки и киргизы тотчасъ же стали копать каналы на ея берегахъ, для проведенія воды на свои земли. Въ 1820 году Яны-Дарья снова перестала существовать: входъ въ нее былъ загражденъ плотиной, которая и отбросила воды въ главное русло Сыра. Впослѣдствіи эта плотина была снесена разливомъ рѣки, и Яны-Дарья съ 1848 года опять возобновила свое теченіе въ юго-западномъ направленіи [4]). Но она не достигаетъ ни Аму-Дарьи, ни Аральскаго моря; пройдя около 300 километр., она теряется въ озерѣ Кукча (Кукча-денгизъ).

Однако, по другую сторону этого бассейна испаренія можно ясно различить слѣды прежняго ложа, и Мейеръ нашелъ на его берегахъ кучи высохшаго тростника, остатки камышей, подобныхъ тѣмъ, которые покрываютъ болота и берега текучихъ водъ во всѣхъ равнинахъ Туркестана. Это русло старой Яны-Дарьи огибало на югѣ крутые обрывистые берега глинистаго плоскогорья, ограничивающаго съ восточной стороны Аральское море, и соединяло озеро Кунградское и Дау-кара въ области нижняго Оксуса (Аму-Дарьи): бывшая рѣчная долина въ этомъ мѣстѣ такъ хорошо сохранила свой первоначальный видъ, какъ будто воды только-что покинули ее [1]). Впрочемъ другія рѣчныя русла, сообщавшіяся прежде съ ложемъ Яны-Дарьи, разнообразно развѣтвляются по направленію къ Аральскому морю; но въ ту эпоху, когда текли воды во всѣхъ этихъ долинахъ, орьентированныхъ по большей части съ юга на сѣверъ, между параллельными цѣпями дюнъ, уровень Аральскаго моря былъ на 15 метровъ выше теперешняго; по всей вѣроятности, весь этотъ рѣчной лабиринтъ высыхалъ постепенно, по мѣрѣ пониженія уровня воды во внутреннемъ морѣ Туркестана [2]). Какъ бы то ни было, нынѣшній рельефъ страны не позволяетъ допустить, что будто Сыръ-Дарья могла впадать непосредственно въ Каспійское море, какъ это говорятъ древніе писатели. Какъ могъ мореплаватель Патроклъ найти устья Яксарта въ 2.400 стадіяхъ, то-есть почти въ 450 километрахъ къ сѣверу отъ истоковъ Оксуса, когда мы знаемъ, что въ этой области, между бассейнами Каспійскаго и Аральскаго морей, возвышается плоскогорье Устъ-Уртъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ видѣлъ только бухту, глубоко врѣзывающуюся въ материкъ, вѣроятно, Киндерлинскую [3]), и этотъ заливъ по ошибкѣ былъ смѣшанъ съ рѣчнымъ устьемъ. Сыръ не могъ быть притокомъ Каспійскаго моря иначе, какъ черезъ Яны-Дарью и Аму-Дарью.

Главный рукавъ нынѣшняго Сыра опять дѣлится на двѣ вѣтви, въ небольшомъ разстояніи внизъ отъ выхода Яны-Дарьи. Оба эти потока тоже измѣнились какъ въ направленіи, такъ и въ объемѣ жидкой массы, южный рукавъ нѣкогда былъ самой обильной рѣкой изъ двухъ; но съ теченіемъ времени стокъ его уменьшился мало-по-малу до того, что, наконецъ, туземцы дали этой вѣтви Сыра прозвище Джаманъ-Дарьи, то-есть «Худой рѣки»; далѣе южный рукавъ опять дѣлится, но только небольшая часть его воды снова соединяется съ Сыромъ,

---

[1]) Полторацкій, „Записки Русск. Географ. Общества", 1876 г.; — „Bulletin de la Soc. de Géogr.", déc. 1869.

[2]) Французскій переводъ Пави-де-Куртеля, т. I, стр. 2.

[3]) Herbert Wood, „Journal of the Geograph. Society", 1876; — Врунн, „Плаваніе вокругъ Каспійскаго моря".

[4]) Терентьевъ, „Записки Русск. Географ. Общества"; „Статист.", IV, 1874 г.

[1]) „Киргизская степь, матеріалы для географіи и статистики Россіи".

[2]) Herbert Wood, цитирован. мемуаръ; — Карта нижняго теченія Аму-Дарьи, составленная русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1873 г.

[3]) H. Kiepert. „Zeitschrift der Gesellschaft für die Erdkunde", т. IX.

остальная же часть испаряется въ болотахъ. Сѣверная вѣтвь, Кара-узякъ, которая въ началѣ была просто ирригаціоннымъ каналомъ, продолжаетъ рѣку въ сѣверо-западномъ направленіи и соединяется съ Араломъ близъ сѣверо-восточной оконечности озера. До сихъ поръ еще не опредѣлено точнымъ образомъ среднее количество воды, приносимое Сыръ-Дарьей въ это внутреннее море; но, по приблизительному исчисленію, оно не превышаетъ половины объема рѣчнаго стока, какимъ онъ найденъ по измѣренію у форта Перовскаго, выше трифуркаціи рѣки. За мѣру низкихъ водъ, какъ показало это измѣреніе, можно принять 885 кубич. метровъ въ секунду, средній же объемъ протекающей жидкой массы почти втрое больше; но ниже Перовска, по берегамъ всѣхъ рукавовъ, протоковъ и ложныхъ рѣкъ дельты, разстилаются тѣ обширныя болота, гдѣ испаряются воды, и которыя примѣтны издали только по волнующимся отъ вѣтра лѣсамъ камышей. Низменныя земли, по которымъ протекаетъ Сыръ-Дарья, очень богаты дичью и по справедливости могутъ быть названы страной охоты по преимуществу: тутъ встрѣтишь во множествѣ всякаго звѣря—волковъ, оленей, кабановъ, барсуковъ, дикихъ козъ, зайцевъ; густыя поросли, вдоль берега, кишатъ фазанами; въ камышахъ и на рѣкѣ гнѣздится всякаго рода водяная птица: цапли, ибисы, журавли, гуси и утки (въ томъ числѣ красный гусь, въ родѣ фламинго) расхаживаютъ по болотамъ, отыскивая добычу. Еще около половины настоящаго столѣтія тигръ, огромный звѣрь, ростомъ развѣ немного поменьше королевскихъ тигровъ Индіи, тоже рыскалъ среди сыръдарьинскихъ чащей, но въ послѣднее время онъ сталъ очень рѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ и даже, быть можетъ, совсѣмъ исчезъ изъ этой страны; по крайней мѣрѣ въ 1876 году одинъ важный сановникъ имперіи, страстный охотникъ, не могъ, несмотря на поиски киргизовъ и всѣхъ солдатъ мѣстнаго войска, открыть ни одного логовища тигровъ [1]).

Судоходство на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи непостоянно и сопряжено съ опасностью. Русскіе, правда, держатъ военную флотилію на этой рѣкѣ, но имъ стоитъ большаго труда проводить суда черезъ баръ, который не имѣетъ даже одного метра (менѣе полутора аршинъ) средней глубины; часто пароходы садились на мель, наѣзжая на песчаныя отмели, загораживающія рѣчное ложе: «здѣсь не пароходы возятъ пассажировъ, а пассажиры тянутъ на себѣ пароходы», говорятъ обыкновенно, когда рѣчь зайдетъ о плаваніи по Сыру [2]). Ледяная кора, покрывающая Сыръ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ [1]), и, еще болѣе, тучи комаровъ, обращающія въ бѣгство киргизскихъ судовщиковъ въ лѣтнюю пору, быстрое теченіе, сталкивающее суда при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, недостатокъ топлива для машинъ пароходовъ—всѣ эти неудобства тоже составляютъ серьезныя препятствія установленію правильнаго судоходства. Не по призыву торговли, а единственно для надобностей военной службы, суда появились на водахъ Яксарта: до прибытія русскихъ, киргизы имѣли только плохія барки да плоты, связанные изъ камыша. При настоящихъ условіяхъ, и пока теченіе рѣки не будетъ урегулировано при помощи человѣческаго искусства, вода ея можетъ быть утилизируема только для орошенія почвы; при разумномъ употребленіи, эта вода прибавила бы къ существующему узкому поясу воздѣланныхъ земель обширныя пространства, отвоеванныя у безплодной пустыни. Достовѣрно извѣстно, что въ прежнія времена обработанныя мѣстности занимали гораздо болѣе значительное протяженіе въ странѣ. Двѣнадцать тысячъ арыковъ, гласитъ легенда, распространяли жизнь среди песковъ [2]), но большая часть этихъ живительныхъ артерій засорилась: слѣды старыхъ оросительныхъ канавокъ виднѣются во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь растетъ только дикій кустарникъ, гдѣ прогуливаются бугры сыпучаго песку; большіе города, покинутые жителями, представляютъ теперь не болѣе, какъ груды мусора, гдѣ ползаютъ разные гады. Въ этихъ странахъ потокъ воды вызываетъ къ жизни города, запруда обращаетъ ихъ въ развалины. Какъ намъ разсказываетъ исторія, копать и отводить каналы было главное искусство завоевателя и основателя царства. Обширная сѣть канализаціи, которую теперь приготовляютъ и которая должна брать у рѣки 35 куб. метровъ въ секунду для орошенія 100.000 гектаровъ (слишкомъ 90.000 десятинъ) земли, нѣтъ сомнѣнія, будетъ имѣть послѣдствіемъ возрожденіе народовъ на берегахъ древняго Яксарта.

Изъ двухъ скатовъ «Кровли міра» самый обширный, то-есть западный, спускаетъ всѣ свои воды въ Аму-Дарью или «рѣку» Аму, извѣстную древнимъ подъ именемъ Оксуса. Слѣдовательно, отъ Гиндукуша до Алая, область истоковъ Оксуса занимаетъ пространство, шириной въ 300 слишкомъ километровъ. Оттуда-то рѣка и получаетъ всю свою жидкую массу: изъ общей длины ея теченія, исчисляемой въ 2.500 километровъ, вся нижняя часть, болѣе половины, не имѣетъ притоковъ.

Что считать главнымъ истокомъ этой знаме-

[1]) Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Société d'acclimatation", 1879 г.

[2]) Терентьевъ, „Записки Географ. Общества"; „Статистика", IV, 1874 г.

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости"; „Извѣстія Русскаго Географ. Общества", 1873 г., № 4.

[2]) Herbert Wood, „The Shores of lake Aral"; Костенко, цитированное сочиненіе.

нитой рѣки, которую арабскіе географы назы-
вали Джайхунъ или Гихонъ и которую турк-
мены, живущіе на берегахъ ея, до сихъ поръ
ще знаютъ подъ этимъ именемъ, желая ви-
дѣть въ ней одинъ изъ миѳическихъ потоковъ
земнаго рая? Въ настоящее время еще невоз-
можно отвѣтить окончательно на этотъ вопросъ,
ибо стокъ (объемъ протекающей воды) различ-
ныхъ рѣкъ плоскогорья никѣмъ не былъ измѣ-
ряемъ, и путешественники, переходившіе че-
резъ эти рѣки, или слѣдовавшіе вдоль ихъ те-
ченія, посѣтили край въ разныя эпохи и не
могли сравнивать своихъ наблюденій. Въ 1838 г.

Видъ степи Кизылъ-Кумъ.

когда англичанинъ Вудъ достигъ береговъ озе-
ра Сары-куль (неизвѣстно, произошло ли это
имя отъ турецкаго Сарыкъ-куль, «Желтое озе-
ро», или отъ Сйръ-и-коль, по-персидски Сиръ-
и-коли, «Голова горы») или Куль-кальянъ, ко-

торому онъ, какъ вѣрноподданный своей королевы, далъ названіе «озера Викторіи»,—онъ не сомнѣвался, что ему посчастливилось найти столь долго отыскиваемый истокъ древняго Оксуса; но теперь сдѣлалось вѣроятнымъ, что главная вѣтвь рѣки есть Акъ-су или «Бѣлая Вода» киргизовъ, которая беретъ начало на востокѣ отъ плоскогорья Большой Памиръ и отъ озера Сары-куль. Этотъ Акъ-су, не то ли же самое, что Вакъ-шу, о которомъ говорятъ уже санскритскіе писатели [1]), и котораго названіе было передѣлано древними греками въ Оксосъ или Оксусъ, имя и до сихъ поръ еще употребляемое географами? Если такъ, то, значитъ, киргизы тюркскаго племени кочевали уже по этимъ плоскимъ возвышенностямъ гораздо ранѣе средневѣковыхъ переселеній народовъ, гораздо ранѣе завоеваній Александра Македонскаго, такъ какъ имя рѣки имѣетъ смыслъ только въ ихъ языкѣ [2]).

Самая южная изъ верхнихъ вѣтвей Оксуса—Сархадъ или рѣка Малаго Памира, долина которой была изслѣдована въ первый разъ научнымъ образомъ въ 1868 году «мирзой» Суджа, инженеромъ-географомъ на службѣ остъ-индскаго правительства. Этотъ притокъ Оксуса зарождается въ томъ же пониженіи почвы, какъ и Акъ-су, но течетъ въ противоположномъ направленіи, къ юго-западу, и наконецъ соединяется у Лангаръ-кишта съ Оксусомъ Большаго Памира,—съ тѣмъ Оксусомъ, который жители Бадахшана, считая его главной рѣкой, называютъ Джайхуномъ, и по которому, въ новѣйшія времена, первый поднялся упомянутый англичанинъ Вудъ. Вновь открытое имъ озеро истока, которое такъ же часто называютъ его именемъ, какъ и именами озера Викторіи и Сары-куль, представляетъ продолговатый бассейнъ, уровень котораго значительно измѣняется по временамъ года, понижаясь зимой и повышаясь лѣтомъ, подъ вліяніемъ тающихъ снѣговъ. Вудъ пробилъ въ одномъ мѣстѣ ледъ, чтобы сдѣлать промѣръ дна, но нашелъ тамъ только 3 метра глубины; однако, озеро, вѣроятно, довольно глубоко въ сосѣдствѣ одного мыса на сѣверномъ берегу. Высоту положенія этого бассейна надъ уровнемъ моря Троттеръ опредѣляетъ въ 4.236 метровъ [3]).

Акъ-су, называемый Мургабомъ въ одной части его теченія, тоже выходитъ изъ озера Газъ-куль или Ой-куль, которое мирза Суджа принялъ за истокъ Сархада; менѣе широкій и лежащій на менѣе значительной высотѣ, нежели озеро Вуда, бассейнъ Газъ-куль часто исчезаетъ подъ грудами снѣга, падающими съ Акъ-таша или «Бѣлаго камня» и съ сосѣднихъ горъ. Направляясь сначала на востокъ, какъ бы для того, чтобы идти на соединеніе съ Таримомъ, потомъ поворачивая къ сѣверу, Акъ-су принимаетъ въ себя на западѣ воды, спускающіяся къ нему съ Большаго Памира, затѣмъ на востокѣ усиливается притокомъ, который посылаетъ ему пикъ Тагарма, и, слѣдуя, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи общему наклону покатости, спускающейся по направленію къ западу, соединяется послѣдовательно со всѣми горными потоками центральнаго Памира затѣмъ сливается съ южнымъ Оксусомъ, который, въ своемъ верхнемъ теченіи, прошелъ черезъ область Ваханъ, восточный Бадахшанъ, Шигнанъ, Рошанъ. Послѣ того Оксусу, сдѣлавшемуся уже большой рѣкой, остается еще соединить свой потокъ съ потокомъ сѣверной вѣтви, называемой Сургъ-абъ, которую питаютъ снѣга За-Алайской цѣпи и горъ Каратегинъ. Далѣе, Аму-Дарья, по выходѣ изъ ущелій передовыхъ плато Памира, имѣетъ лишь второстепенные притоки. Ниже своихъ данниковъ изъ западнаго Бадахшана она не получаетъ болѣе ни одной капли воды изъ южныхъ областей; тамъ всѣ ея естественные притоки разведены арыками для орошенія полей или поглощаются пескомъ пустыни. Со стороны праваго берега рѣка тоже получаетъ весьма небольшое количество воды.

Зарявшанъ или Заревшанъ есть одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя изсякаютъ прежде, чѣмъ достигнутъ Аму-Дарьи. А между тѣмъ она зарождается какъ могучая рѣка, подъ сводомъ громаднаго Зарявшанскаго ледника, спускавшагося со склоновъ одной высокой горы въ цѣпи Алай-тагъ и протянувшагося, по словамъ Мищенкова, на 50 верстъ въ длину. Справа и слѣва, каждый снѣжный циркъ горъ посылаетъ свой потокъ Зарявшану. Черезъ двойной проломъ южныхъ цѣпей, онъ получаетъ значительную рѣку, которая проходитъ на высотѣ 2.210 метровъ, черезъ озеро Искандеръ, названное такъ въ память Александра Македонскаго; горные склоны, поднимающіеся слишкомъ на 1.000 метровъ, окружаютъ этотъ красноводный бассейнъ, нынѣшняя глубина котораго около 60 метровъ, но надъ которымъ господствуютъ старые песчаные берега, лежащіе на 100 метровъ выше теперешнихъ береговъ. По вступленіи въ Самаркандскую равнину, Зарявшанъ,—имя котораго по-персидски означаетъ «раздаватель золота» и дано ему, быть можетъ, за его золотоносный песокъ, или, что болѣе вѣроятно, за плодородіе, приносимое его водами прибрежнымъ полямъ,—дѣлится на безчисленное множество ирригаціонныхъ каналовъ, которые всѣ вмѣстѣ оплодотворяютъ пространство болѣе 458.000 гектаровъ; но, не доходя 100 километровъ до Аму-Дарьи, онъ истощается совершенно. Уже въ Бухарѣ Зарявшанъ не приноситъ достаточно воды для

[1]) Rémusat, „Vivien de Saint-Martin", H. Rawlinson etc.

[2]) Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere", Вениковъ, Рукописныя замѣтки.

[3]) Гордонъ, цитированное сочиненіе.

орошенія полей, вслѣдствіе чего жители многочисленныхъ деревень принуждены были переселиться въ другія мѣста, выше по рѣкѣ. Смотря по обилію снѣговъ и дождей, по колебаніямъ климата, по альтернативамъ мира и войны, соотвѣтствующимъ дѣятельной культурѣ или временному прекращенію земледѣльческихъ работъ, вода спускается болѣе или менѣе низко въ естественныхъ и искусственныхъ руслахъ Зарявшана, и даже бываетъ такъ, что въ нижнихъ мѣстахъ излишекъ водъ во время разливовъ рѣки уходитъ въ болота [1]).

На югъ отъ Аму-Дарьи, другая рѣка, имѣющая весьма значительный бассейнъ, тоже изсякаетъ, далеко не доходя до главной рѣки, въ которую она нѣкогда впадала, и отъ которой она теперь отдѣлена песчаной пустыней. Этотъ бывшій притокъ Оксуса, называемый Мервскимъ Мургабомъ, беретъ начало среди афганской территоріи, въ горахъ Гарджистана, соединяется со всѣми ручьями, бѣгущими съ сѣвернаго склона Гератскихъ горныхъ цѣпей, затѣмъ, развѣтвляясь въ равнинѣ, теряется наконецъ въ пескахъ, начинающихся за Мервскимъ оазисомъ. Гератская рѣка, Гери-Рудъ, проходящая поперечной долиной или ущельемъ черезъ краевую цѣпь Иранскаго плоскогорья, тоже составляла прежде часть того же бассейна, но подобно тому, какъ Мервскій Мургабъ изсякаетъ прежде, чѣмъ достигнуть Аму-Дарьи, Гери-Рудъ, извѣстный въ своемъ нижнемъ теченіи подъ зендскимъ именемъ Теджент или «Рѣка» [2]), пересыхаетъ, не дойдя до Мургаба; оросивъ сарахскіе сады, онъ смачиваетъ пески, образуя мокрый слой почвы, гдѣ путники съ трудомъ собираютъ просачивающуюся капля за каплей солоноватую воду, затѣмъ онъ окончательно испаряется. Летучіе пески, переносимые вѣтромъ съ мѣста на мѣсто на сѣверѣ отъ двухъ ирригаціонныхъ дельтъ Мургаба и Гери-Руда, совершенно скрыли подъ собой бывшія рѣчныя ложа, такъ что теперь неизвѣстно даже, въ какомъ направленіи текли воды. Судя по общему скату почвы, спускающемуся отъ юго-востока къ сѣверо-западу, параллельно горнымъ цѣпямъ Гюлистана и Туркестана, нужно полагать, что теченіе этихъ рѣкъ направлялось въ ту же сторону, и что онѣ соединялись не съ нынѣшней Аму-Дарьей, но съ западнымъ рукавомъ этой рѣки, который изливался въ Каспійское море; въ этомъ направленіи выкопаны и линіи колодцевъ.

Во всей части своего нижняго теченія внизъ отъ страны Балхъ, Аму сохраняетъ свое нормальное направленіе къ сѣверо-западу. У Килифа, откуда русскіе начали правильную съемку рѣки [3]), и гдѣ еще видны кое-какіе слѣды моста, построеннаго Надиръ-шахомъ, послѣдній выступъ Гиссарскихъ горъ съуживаетъ ложе, которое имѣетъ въ этомъ мѣстѣ не болѣе 300 метровъ въ ширину; но въ равнинѣ берега раздвигаются на разстояніе, среднимъ числомъ болѣе 700 метровъ, хотя глубина водъ не менѣе 6 метровъ, и хотя во время разлива скорость теченія измѣняется отъ 10.000 до 5.600 метровъ въ часъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка имѣетъ не менѣе 2 километровъ въ ширину, даже въ періодъ мелководья; но въ этихъ частяхъ теченія она окружаетъ своими водами низменные острова, гдѣ растутъ ивы, подобныя деревьямъ аллювіальныхъ острововъ Миссисипи, и Iasiagrostis splendens, высокій злакъ съ золотистыми колосьями. Высокіе берега Аму-Дарьи, подтачиваемые водами, почти вездѣ довольно обрывисты; глина пустыни, расположенная слоями, которые представляютъ почти такую же твердость и такой же наружный видъ, какъ сланцы, является тамъ и сямъ въ формѣ настоящихъ утесовъ, напоминающихъ крутые скалистые берега моря. Прежде чѣмъ вступить въ низменную область воздѣлываемыхъ земель, которыя почти всѣ находятся на лѣвомъ берегу, рѣка должна даже перерѣзать въ Тойюбойнѣ (Верблюжій проходъ), черезъ ущелье въ 330 метровъ шириною, полосу мѣловыхъ скалъ, содержащихъ большое число ископаемыхъ. Путешественники констатировали тотъ фактъ, что теченіе Оксуса идетъ обыкновенно вдоль праваго берега: такъ же, какъ въ Волгѣ и въ сибирскихъ рѣкахъ, воды и здѣсь неудержимо повинуются боковому движенію, которое имъ сообщается вращеніемъ земли вокругъ своей оси [2]).

Аму-Дарья катитъ значительное количество землистыхъ частицъ. Вода въ ней отъ присутствія этихъ осадковъ почти всегда желтоватая; во время сильныхъ разливовъ она даже принимаетъ темнокрасный цвѣтъ, свидѣтельствующій о примѣси наносовъ Сургъ-аба и его «кровавыхъ водъ». Несмотря, однако, на мутный цвѣтъ, вода этой рѣки имѣетъ пріятный вкусъ: достаточно дать осѣсть мельчайшимъ частичкамъ песку, которыми она наполнена. «Никакая вода не можетъ сравниться съ ней», говорятъ туземцы и путешественники; «даже вода благословеннаго Нила менѣе хороша [3]). Подобно египетской рѣкѣ, Оксусъ имѣетъ свои правильные разливы, происходящіе отъ таянія снѣговъ. Половодье начинается въ маѣ, и въ концѣ іюля или въ началѣ августа приливъ достигаетъ своего высшаго уровня. Въ октябрѣ рѣка уже совершенно вернулась въ свое ложе и продолжаетъ понижаться въ теченіе всей зимы: это періодъ мелководья, который продол-

[1]) Костенко, цитированное сочиненіе.

[2]) Карлъ Риттеръ, „Азія"; Zimmermann, „Denkschrift über den Oxus".

[3]) Костенко, „Туркестанскій край".

[1]) Alexander Burnes, „Travels into Bokhara".

[2]) Гербертъ, Вудъ, Богдановъ и т. д.

[3]) А. Вамбери, „Странствованіе дервиша въ Средней Азіи".

жается до весеннихъ дождей. Иногда, въ холодное время года, поверхность рѣки, предоставленная дѣйствію полярныхъ вѣтровъ, замерзаетъ совершенно, и караваны переходятъ рѣку по льду, на дорогѣ изъ Мерва въ Бухару [1]). Средняя толщина ежегодной ледяной коры равняется 30 сантиметрамъ у Нукуса, выше бифуркаціи нижнихъ потоковъ.

Начиная съ половины 1874 года, водная масса, несомая Оксусомъ, была правильно измѣряема. У Питняка, то-есть непосредственно за «Верблюжьимъ проходомъ» внизъ по рѣкѣ, среднее количество стока исчисляется Шмидтомъ и Дорандтомъ [2]) въ 3.570 кубич. метровъ въ секунду (3.328 кубич. метр., по Герберту Вуду). Для всей поверхности бассейна, которая можетъ быть исчисляема приблизительнымъ образомъ въ 300.000 квадр. километровъ, безъ рѣкъ Зарявшана и Мургаба, эта масса воды представляетъ годовой жидкій слой толщиною въ 30 сантиметровъ на квадратный метръ площади; это избытокъ дождевой воды надъ потерей отъ испаренія, избытокъ значительный, свидѣтельствующій объ обиліи снѣговъ на плоской возвышенности Памира. Такимъ образомъ, пропорціонально поверхности бассейновъ истеченія Аму-Дарья катитъ столько же воды, сколько большія рѣки западной Европы, какъ, напримѣръ, Жиронда. По порядку абсолютной важности, изъ европейскихъ рѣкъ только Дунай и Волга стоятъ выше Аму; меньшая на половину, чѣмъ Шатъ-эль-Арабъ, эта средне-азіатская рѣка очень близко подходитъ, по объему жидкой массы, къ Нилу. При большихъ наводненіяхъ, какимъ былъ, напримѣръ, разливъ 1887 года, она превосходитъ даже Миссисипи въ среднемъ его теченіи [3]).

Но у Нукуса, то-есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ передъ впаденіемъ въ Аральское море, она уже катитъ только половину того объема воды, который протекаетъ по ея руслу на «Верблюжьемъ проходѣ»: здѣсь по величинѣ она уже уступаетъ Ронѣ, Рейну, По, Невѣ, Днѣпру. По измѣреніямъ Шмидта и Дорандта, количество протекающей въ секунду воды въ Аму-Дарьѣ, у Нукуса, представляетъ слѣдующія цифры:

Средній объемъ при низкомъ состояніи воды —976 куб. метр.; средній годовой объемъ за три года: 1873, 1874, 1875—1.596 куб. метр.; въ періодъ половодья — 4.537 куб. метр.; во время наводненія 1878 года, по Гельману — 27.400 куб. метр.

Это оскудѣніе Аму-Дарьи объясняется тѣмъ, что въ промежуточномъ пространствѣ между Верблюжьимъ проходомъ и Нукусомъ ирригаціонные каналы, которые всѣ выкопаны на лѣвомъ берегу, отняли у рѣки значительную часть ея жидкой массы въ пользу прибрежныхъ равнинъ Хивы. Вода вошла въ землю, но лишь за тѣмъ, чтобы снова явиться на поверхности въ формѣ зелени, въ этихъ грушахъ тополей, ивъ, кленовъ и вязовъ, которыя составляютъ такой пріятный контрастъ съ угрюмымъ однообразнымъ пространствомъ безжизненной пустыни, въ рощицахъ и садахъ фруктовыхъ деревьевъ, въ поляхъ, засѣянныхъ хлѣбными растеніями, и въ искусственныхъ лугахъ. Въ продолженіе ирригаціоннаго сезона, то-есть съ половины апрѣля и до конца іюля, поля Ховарезма, общее протяженіе которыхъ исчисляется въ 10.600 квадр. километровъ [1]), поглощаютъ 8 милліардовъ кубич. метровъ воды, то-есть седьмую часть годоваго стока рѣки, и общее количество отлагаемаго ила составляетъ 16.660.000 тоннъ,—масса, достаточная для того, чтобы повышать ежегодно поверхность прибрежныхъ равнинъ на восемь десятыхъ миллиметра. Пропорція содержащихся въ водѣ землистыхъ частицъ измѣняется, смотря по высотѣ разлива, отъ величины, меньшей одного килограмма до 3.400 граммовъ или на кубическій метръ воды [2]).

Г. Гербертъ Вудъ вычислилъ, что количество воды, употребляемое для орошенія Хивинскаго края, превосходитъ на цѣлую треть то количество, которое было бы строго необходимо. Земледѣльцы, не зная заранѣе, какого уровня достигнетъ разливъ Аму-Дарьи, принуждены копать свои каналы такимъ образомъ, какъ будто они предвидятъ засуху; но такъ какъ чрезмѣрное обиліе воды тоже можетъ быть причиной бѣдствій, то имъ нужно создавать искусственныя озера и болота на всей окружности своихъ оазисовъ, чтобы имѣть резервуары, куда бы можно было спускать лишнюю воду изъ арыковъ. Необходимо, слѣдовательно, каждый годъ перекапывать оросительные каналы, чтобы очистить ихъ отъ накопившейся грязи, которая обыкновенно образуетъ слой около 60 сантиметровъ средней толщины. Въ августѣ мѣсяцѣ, какъ только собранная жатва свезена въ житницы, водоотводные каналы запираютъ при помощи временныхъ запрудъ и приступаютъ къ очисткѣ ложа, при чемъ выбрасываютъ грязь по обѣ стороны арыка, укрѣпляя такимъ образомъ его боковыя насыпи. Но въ то время, какъ землистыя частицы, приносимыя рѣкой въ каналы, убираются каждый годъ и никогда не задерживаютъ свободной циркуляціи воды въ ирригаціонной сѣти, естественныя русла, идущія въ направленіи къ Аральскому морю, засариваются изъ году въ годъ: въ этихъ руслахъ отлагаются песчаныя мели, измѣнчивые бары, которые дѣлаютъ плаваніе по рѣкѣ труднымъ

[1]) Алекс. Борисъ, цитированное сочиненіе.
[2]) „Записки экспедиціи на Аму-Дарью", 4-й выпускъ.
[3]) Гельманъ, „Записки Кавказскаго отдѣла географ. *общества за 1879 г.*".

[1]) Basiner, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches" Ld. XV.
[2]) Шмидтъ и Дорандтъ, цитированный мемуаръ.

и опаснымъ и сообщаютъ совокупности рѣчныхъ водъ естественную наклонность разливаться по сторонамъ въ ирригаціонные каналы, куда ихъ увлекаетъ сила тяжести. Такова одна изъ главныхъ причинъ постоянныхъ перемѣнъ русла, происходящихъ въ нижней области Оксуса [1]).

Съ геологической точки зрѣнія можно сказать, что истинная дельта Аму-Дарьи есть та аллювіальная равнина, которую рѣка ежегодно оплодотворяетъ своими водами и осадками. Треугольное пространство, ограниченное Аральскимъ моремъ и двумя внѣшними или крайними вѣтвями Аму, Талдыкомъ на западѣ и Янысу на востокѣ, есть дельта только повидимому, ибо формаціи, по которымъ тамъ протекаютъ рѣчныя воды, не были отложены этими водами; это болѣе древнія образованія, гдѣ различныя части потока вырыли себѣ случайныя русла, и гдѣ среднее паденіе гораздо значительнѣе, чѣмъ въ наносныхъ равнинахъ: отъ Нукуса до устьевъ, на разстояніи 120 километровъ по прямой линіи, общее паденіе превышаетъ 18 метровъ [2]), тогда какъ отъ Новаго Орлеана до Мексиканскаго залива, на протяженіи болѣе значительномъ, паденіе составляетъ всего только нѣсколько сантиметровъ въ продолженіе низкаго уровня водъ. Слѣдовательно, эта область нижняго Оксуса не можетъ быть принимаема за дельту развѣ только въ геометрическомъ значеніи этого слова; дельты въ собственномъ смыслѣ образуются лишь при впаденіи каждаго изъ рукавовъ рѣки въ Аральское море: тамъ, дѣйствительно, отлагаются аллювіальные полуострова на отмеляхъ, и потоки Аму-Дарьи развѣтвляются и безпрестанно перемѣщаются въ этихъ грязяхъ, которыя нанесены ими же самими. Высокіе бары, которые поднялись со дна въ большей части устьевъ, преграждая доступъ всякому судну, имѣющему болѣе метра водоуглубленія, и, выше, густые камыши, достигающіе 6 и 8 метровъ высоты, среди которыхъ разливаются воды, не будучи еще въ состояніи прорыть себѣ черезъ эти чащи правильныя русла, останавливаютъ всякія другія суда, кромѣ каюковъ хивинскихъ рыбаковъ. Однако, пароходъ «Перовскій», сидящій въ водѣ немного больше одного метра, успѣлъ, въ 1873 году, проложить себѣ дорогу черезъ рукавъ Яны-су, черезъ озеро Дау-кара и черезъ Куванъ-джерму или «Новый перекопъ», и появился передъ Нукусомъ, къ великому удивленію туземцевъ. Съ той поры судоходство по нижнему Аму никогда не прерывалось, несмотря на препятствія, встрѣчаемыя при входѣ въ рѣку, и на быстрое теченіе, которое часто пароходы съ трудомъ одолѣваютъ. Нѣкогда западный рукавъ, Талдыкъ, былъ самый глубокій, но онъ обмелѣлъ и засорился мало-по-малу, вслѣдствіе естественнаго стремленія рѣки уклоняться все болѣе и болѣе къ правой сторонѣ [1]); подобнымъ же образомъ другой рукавъ, Дарьялыкъ, то-есть «Новый потокъ», былъ покинутъ въ западныхъ равнинахъ, и прежняя столица страны, Катъ, расположенная нѣкогда на южной сторонѣ рѣки, въ 20 километрахъ къ западу отъ нынѣшняго Аму [2]), представляетъ теперь лишь безформенную груду развалинъ. Тамъ и сямъ, среди мокрыхъ земель и болотистыхъ пространствъ, поднимаются, на подобіе острововъ, холмы въ 50 и даже въ 75 и 90 метровъ высотою; киргизы, свято почитающіе память усопшихъ, устроили на этихъ буграхъ свои кладбища, и съ далекаго разстоянія видны развѣвающіеся по воздуху конскіе хвосты и флаги или значки, украшающіе могилы [3]).

Большія перемѣны, происшедшія въ теченіи Оксуса уже въ историческую эпоху, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ физіографіи, и изъ всѣхъ явленій этого рода, которыя были наблюдаемы въ новыя времена, съ ними можно сравнивать только періодическія перемѣщенія китайской Желтой рѣки. Если область нижней Аму-Дарьи не есть настоящая дельта, и если рѣка еще не проложила себѣ въ этой области правильныхъ руслъ, то это потому, что она течетъ тамъ только съ недавняго времени, быть можетъ, не болѣе трехъ-сотъ пятидесяти лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, не далѣе какъ въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія Аму былъ притокомъ Каспійскаго моря; но это было лишь временное явленіе; со временъ греческихъ историковъ эта рѣка уже два раза переходила отъ Каспія къ Аралу и обратно.

Въ эпоху Страбона. Оксусъ. по его словамъ, «величайшая рѣка всей Азіи, за исключеніемъ рѣкъ Индіи» [4]). впадалъ въ Каспійское море, и торговое движеніе. направлявшееся съ Понта Эвксинскаго въ Индію, производилось черезъ эту рѣку. составлявшую тогда продолженіе, на восточной сторонѣ Гирканскаго моря, закавказской долины Куры. Послѣ завоеваній Александра Македонскаго, основанія эллинскихъ государствъ въ бассейнѣ Оксуса и географическаго изслѣдованія восточныхъ водъ Каспійскаго моря. произведеннаго, по порученію Селевка I, мореплавателемъ Патрокломъ, кажется по истинѣ невозможнымъ, чтобы могла быть ошибка относительно такого важнаго факта, какъ теченіе Оксуса. Но въ эпохи первыхъ арабскихъ и турецкихъ писателей эта рѣка. о которой Эдризи говоритъ. что она «превосходитъ всѣ рѣки

[1]) Гербертъ Вудъ, Каульбарсъ и др.

[2]) Столѣтовъ, Гельманъ, „Записки Кавказск. отдѣла географ. общества“, 1879.

[1]) Гербертъ Вудъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Ленцъ; H. Kiepert, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, Zb. IX.

[3]) Левшинъ; H. Wood, „Journal ot the Geographical Society“, 1875.

[4]) „Географія Страбона“, кн. XI, 7, 3.

въ мірѣ, какъ по объему и глубинѣ водъ, такъ и по ширинѣ ложа» [1]), уже свернула съ прежняго пути на сѣверъ и изливалась въ Аральское море; всѣ арабскіе документы той эпохи удостовѣряютъ этотъ фактъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ рѣка опять направила свое теченіе къ Каспійскому морю, въ сторону котораго ее увлекаетъ относительно сильное паденіе, ибо бифуркація нынѣшняго ложа и стараго русла, ниже Яны-Ургенча, находится на высотѣ 42 метр. надъ уровнемъ Арала, и на высотѣ 114 метр. надъ уровнемъ Каспія; это составляетъ паденіе болѣе 14 сантиметровъ на километръ [2]). Новое русло было наполнено въ продолженіе около двухъ столѣтій; но около половины шестнадцатаго вѣка, Аму-Дарья, оставивъ дорогу къ Каспію, снова вернулась,—во второй разъ уже въ историческія времена, — въ Аральское море.

Эти попеременныя перемѣщенія среднеазіатской рѣки были оспариваемы очень многими учеными; мало найдется географическихъ вопросовъ, которые бы подавали поводъ къ такимъ продолжительнымъ спорамъ. Отрицали даже, чтобы Оксусъ текъ къ Каспійскому морю во времена древнихъ грековъ; старое русло было приписываемо геологическимъ временамъ, задолго предшествовавшимъ исторіи человѣчества; высказывали предположеніе, что это русло не существуетъ болѣе и не наполнялось ни разу съ тѣхъ поръ, какъ поднятіе почвы подъ Кавказомъ и его Закаспійскимъ продолженіемъ будто бы заставило всѣ рѣки страны перенести свое теченіе далѣе къ сѣверу. Песчаные бугры, насыпи изъ обвалившейся глины, заграждающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впадину бывшаго рѣчнаго ложа, приводились въ доказательство давности отступленія водъ Каспійскаго Оксуса, а единогласные разсказы туземцевъ отвергались, какъ нестоющіе вниманія, подъ предлогомъ, что геологическая очевидность явленія должна была сама по себѣ породить народное преданіе. Наконецъ, указывали на различіе фаунъ Каспія и Арала какъ на доказательство того, что Оксусъ не переходилъ попеременно отъ одного моря къ другому: до сихъ поръ извѣстенъ только одинъ видъ рыбъ, изъ семейства лососиныхъ, общій обоимъ бассейнамъ [3]). Тѣмъ не менѣе, фактъ перемѣщенія русла Оксуса имѣетъ за собой положительныя историческія свидѣтельства; формальные документы, цитируемые сэромъ Генри Раулинсономъ, Юлемъ, Бруномъ [4]), не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ; итальянскіе и испанскіе портуланы (описанія и карты морскихъ береговъ и пристаней), составленные на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мореплавателями и торговыми людьми, показываютъ намъ, что западные народы очень хорошо были знакомы съ «Ургенджской рѣкой», то-есть съ Аму-Дарьей, и знали ее какъ притокъ Бакинскаго моря, извѣстнаго въ наши дни подъ именемъ Каспійскаго. На одной картѣ Каталонскаго атласа 1375 года Сыръ и Аму даже соединены въ одинъ потокъ, и этотъ планъ согласуется съ современными свидѣтельствами; кромѣ того, названія Ochus и Amo, находящіяся къ югу отъ главнаго устья, даютъ право заключить, что Ургенджская рѣка изливалась въ море нѣсколькими рукавами. Мы не можемъ только опредѣлить съ точностью время возвращенія Аму-Дарьи въ Аральское море. Въ 1559 году, когда англійскій путешественникъ Дженкинсонъ посѣтилъ Туркестанъ, Оксусъ уже пересталъ течь въ Каспійское море, но онъ еще орошалъ равнины на западѣ отъ Куня-Ургенджа, и Дженкинсонъ могъ сѣсть на судно передъ этимъ городомъ, чтобы отправиться въ плаваніе по рѣкѣ; наконецъ, около 1575 года, по свидѣтельству Абуль-Гази, рѣка, уклоняясь все далѣе и далѣе на востокъ, покинула Ургенджскій оазисъ и устремилась всей своей массой къ Аральскому морю. Абуль-Гази, разсказывающій намъ объ этомъ событіи и о тѣхъ значительныхъ перемѣнахъ, которыми оно сопровождалось въ земледѣльческой промышленности страны, былъ ургенджскимъ ханомъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно переворота, который совершился тогда въ физической географіи Туркестана [1]).

Когда Муравьевъ обслѣдовалъ, въ 1819 году, часть прежняго теченія Аму-Дарьи къ Каспійскому морю, его открытіе было встрѣчено съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и въ возраженіяхъ не было недостатка; но Эйхвальдъ въ 1826 году, Карелинъ въ 1836 году, Вамбери въ 1863 году, подтвердили описаніе Муравьева; наконецъ, въ 1871 году, во время приготовленія новой русской экспедиціи противъ Хивы, изысканія были возобновлены г. Стебницкимъ, отъ стараго устья на 300 километровъ вверхъ по долинѣ; послѣ того работа изслѣдованія была старательно продолжаема—со стороны Хивы г. Глуховскимъ, а въ центральной части прежней рѣки г. Лупандинымъ; теперь мы уже имѣемъ подробную карту стараго теченія Аму-Дарьи. Покинутое ложе, средняя ширина котораго не менѣе километра, такъ отчетливо сохранило свои очертанія, какъ будто воды только вчера оставили его. Обрывистые берега Узбоя выгрызены въ глинистой землѣ до глубины 20 и 25 метровъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаные от-

[1]) Henry Rawlinson, „Edinburgh Review", янв. 1872 г.; „Journal of the Geograph Society", passim.

[2]) Тилло, „Нивеллированіе Аральскаго моря въ 1873 г.".

[3]) Богдановъ, „Извѣстія Русск. Географич. Общества", 1874 г., № 6;—„Русское Обозрѣніе", 1875 г., ноябрь.

[4]) „Journal of Geograph. Society ",etc.;—„Плаваніе вокругъ Каспійскаго моря".

[1]) Lenz. „Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu-Daria";—Циммерманъ, Баллиеръ и др.

косы скрыли подъ собой параллельные слои береговой стѣны; аллювіальныя мели, поднимавшіяся со дна до самой поверхности теченія, могутъ быть сразу узнаны, точно такъ же, какъ и острова, разсѣянные посреди рѣки. Самыя глубокія впадины бывшаго ложа до сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ заняты продолговатыми, извилистыми озерами, напоминающими своей формой рѣчныя излучины; только большая часть этихъ резервуаровъ наполнены соленой водой, окаймленной по краямъ кристаллами соли, похожими на снѣгъ. Гребенчики (деревцо), тростники, ростущіе цѣлыми лѣсами въ ложбинахъ, представляютъ восхитительное зрѣлище для путешественника, которому передъ тѣмъ пришлось странствовать цѣлыя недѣли по страшной, лишенной всякой растительности, песчаной пустынѣ; тамъ и сямъ, на берегахъ прѣсныхъ водъ, онъ съ неописанною радостью видитъ даже настоящія рощицы, состоящія изъ тополей и дикихъ маслинъ (джида). Прежде полагали, что Узбой имѣлъ еще другое устье, къ югу отъ острова Челекень, въ бухтѣ, называемой заливомъ Хивинскимъ; г. Стебницкій не отыскалъ этой рѣчной вѣтви и даже не думаетъ, чтобы она когда-нибудь существовала [1]), но одинъ рукавъ протекалъ по южной сторонѣ полуострова Дарджа, который нужно считать истинной дельтой прежняго Оксуса. Туркмены показываютъ еще планъ ирригаціонныхъ каналовъ въ мѣстности, бывшей низовьемъ Аму-Дарьи [2]). Замѣчательно, что высохшая рѣка оканчивала свое теченіе не въ равнинѣ, но черезъ ущелье, черезъ ворота горъ, между двухъ вершинъ, которыя, благодаря контрасту съ окружающей ровной пустыней, имѣютъ очень внушительный видъ; горы эти—Большой Балханъ, на сѣверѣ, и Малый Балханъ, на югѣ. Туземцы прежде называли покинутое русло Оксуса разными именами, смотря по частямъ его теченія, какъ-то: Лауданъ, Дарьялыкъ, Куня-Дарья (Старая рѣка), Узбой, Энгіунджъ, Деуденъ; но теперь ему даютъ общее наименованіе Узбой, отъ равнинъ Хивы до Балханскаго залива. Оно начинается на востокѣ, въ нынѣшней дельтѣ Аму-Дарьи, тремя руслами Дарьялыка, Деудана и Тону, изъ которыхъ два первыя соединяются близъ «Желтыхъ Камышей» или Сары-Камышъ. За этимъ двойнымъ озеромъ, которое, безъ сомнѣнія, было обширнымъ озернымъ бассейномъ, и вода котораго была, до недавнихъ наводненій и предпринятыхъ русскими работъ, гораздо солонѣе морской, Узбой слѣдуетъ въ южномъ направленіи, чтобы обойти крутые склоны плоскогорья Усть-Уртъ; затѣмъ онъ поворачиваетъ къ западу, проникаетъ въ проломъ горной цѣпи, составляющей продолженіе Кавказскаго хребта на восточной сторонѣ Каспійскаго моря, и, соединившись съ бывшимъ потокомъ Акъ-тамъ или «Бѣлая Глина», впадаетъ въ продолговатый заливъ Балханскій, въ южной части Каспійскаго моря. Общая длина Узбоя, между нынѣшнимъ теченіемъ Аму и его прежнимъ устьемъ, около 800 километровъ: долина Оксуса была тогда длиннѣе на все это разстояніе. Развалины городовъ и деревень, находимыя путешественниками на берегахъ верхняго Узбоя, между дельтой нынѣшней Аму-Дарьи и озеромъ Сары-Камышъ, принадлежатъ, очевидно, къ двумъ эпохамъ, соотвѣтствующимъ двумъ періодамъ истеченія Оксуса къ Каспійскому морю. Постройки древнѣйшихъ городовъ указываютъ на несравненно болѣе высокую степень цивилизаціи и богатства, чѣмъ та, о которой свидѣтельствуютъ развалины позднѣйшихъ поселеній, во всемъ похожихъ, судя по сохранившимся остаткамъ, на строенія современныхъ намъ Хивинскихъ городовъ [1]). По свидѣтельству туземцевъ, другой рукавъ Оксуса [2]) отдѣлялся отъ рѣки вблизи Чарджуя, гораздо выше нынѣшней дельты, и бѣжалъ прямо на западъ черезъ равнины, которыя впослѣдствіи превратились въ пустыню и извѣстны теперь подъ именемъ Кара-Кумъ (Черные пески).

Заливъ Балханскій вдается далеко внутрь материка, и песчаныя пространства, солончаковыя котловины, обширныя болота, находящіяся на протяженіи Узбоя, придаютъ ему скорѣе видъ бывшаго морскаго пролива или длинной цѣпи озеръ, чѣмъ простаго рѣчнаго ложа. Вѣроятно, что въ предшествовавшую геологическую эпоху, прежде, чѣмъ сдѣлаться русломъ простой рѣки, ложе Узбоя принимало въ себя воды, которыя Аралъ, имѣвшій тогда болѣе высокій уровень, чѣмъ въ наши дни, посылалъ непосредственно въ Каспійское море, ибо, какъ мы знаемъ, высыханіе составляетъ общее явленіе въ замкнутыхъ бассейнахъ Азіи. Въ тѣ времена, когда притоки Оксуса и Яксарта, теперь пропадающіе въ пескахъ пустыни, приносили свои воды главному потоку, и когда страна изобиловала лѣсами, какъ о томъ опредѣленно говоритъ Страбонъ, и какъ это повторяютъ арабскіе писатели десятаго столѣтія, уровень Арала необходимо долженъ былъ превышать горизонтъ, котораго воды его достигаютъ въ настоящее время: этотъ бассейнъ продолжался въ ту эпоху далеко на югъ, до подошвы крутыхъ береговъ Усть-Урта.

Понятно, что уровень Аральскаго моря долженъ былъ значительно колебаться изъ вѣка въ вѣкъ, не только вслѣдствіе перемѣнъ климата, которыя влекутъ за собой увеличеніе или уменьшеніе дождей и мѣстной растительности,

[1]) „Journal of the Geographical Society", vol. XLIV, 1874 г.

[2]) Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere".

[1]) Костенко, „Туркестанскій край".

[2]) Герберт Вудъ, цитированное сочиненіе и „Journal of the Geograph. Society", 1875 г.; — Костенко, цитированное сочиненіе.

но также смотря по измѣненіямъ теченія Аму-Дарьи. Если многочисленные признаки, — и между ними главнымъ образомъ линіи уровня, начертанныя водами на западныхъ береговыхъ утесахъ Аральскаго моря,—свидѣтельствуютъ о болѣе высокомъ уровнѣ этого озера въ предшествовавшую эпоху, то нѣкоторые другіе факты доказываютъ, что было также время, когда Аралъ не наполнялъ всего бассейна, въ которомъ онъ заключенъ. Его уровень и площадь попеременно увеличивались и уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ обитаетъ на его берегахъ. Его, правда, называютъ «моремъ», и до извѣстной степени онъ заслуживаетъ это наименованіе, не за глубину, но за большое протяженіе; однако, онъ зависитъ всецѣло, въ отношеніи своего питанія, отъ двухъ впадающихъ въ него рѣкъ: пусть Аму и Сыръ удалятся отъ аральской котловины, чтобы направить свои воды въ Каспій, и «море Ховарезма» неминуемо должно обмелѣть и высохнуть въ небольшое число лѣтъ. Но Аму-Дарья, какъ мы видѣли, уже два раза покидала Аралъ въ историческія времена, тогда какъ одинъ изъ рукавовъ Сыръ-Дарьи тоже изливался нѣкогда въ Каспійское море черезъ теченіе Оксуса. Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Аралъ нисходилъ въ разные періоды своей исторіи до размѣровъ незначительнаго степнаго озера.

Впрочемъ, этотъ вопросъ легко можетъ быть разрѣшенъ посредствомъ простаго вычисленія. Г. Стебницкій исчислялъ, въ 1870 году, поверхность Арала, безъ четырехъ главныхъ острововъ бассейна, въ 65.781 квадр. километр.: это площадь, равная восьмой части Франціи. Самая впалая часть бассейна, идущая вдоль западныхъ высокихъ береговъ, у основанія плоскогорья Устъ-Уртъ, имѣетъ всего только 68 метровъ въ самомъ глубокомъ мѣстѣ; да и этотъ поясъ большихъ глубинъ очень узокъ. Около центра бассейна лотъ нашелъ глубину воды, равную 53 метрамъ; но вокругъ этихъ двухъ впадинъ ложе Арала опять повышается неправильно отъ середины къ берегамъ, и въ сосѣдствѣ прибрежья озеро превращается въ простое болото; на обширныхъ пространствахъ, особенно въ восточной и южной части бассейна, рыболовы могутъ ходить по морю на нѣсколько верстъ отъ берега, при чемъ вода доходитъ имъ только до пояса; линія береговъ вездѣ неопредѣленна, измѣнчива и зависитъ отъ вѣтровъ, которые заставляютъ ее отступать или выдвигаться впередъ на нѣсколько верстъ, смотря по ихъ направленію. Взявъ среднюю ариѳметическую величину всѣхъ произведенныхъ до сихъ поръ промѣровъ дна, находимъ, что весь бассейнъ въ цѣломъ его объемѣ, разсматриваемый какъ имѣющій вездѣ одинаковую глубину, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ 10, по большей мѣрѣ 15 метровъ. Если даже принять эту послѣднюю глубину за истинную, то и тогда общій объемъ воды въ Аральскомъ морѣ достигаетъ едва 1.000 милліардовъ кубич. метровъ (по Герберту Вуду, 942.970.000.000 кубич. метровъ или 1.233.434.000.000 кубич. ярдовъ), слѣдовательно, по вмѣстимости, это море только въ одиннадцать разъ больше маленькаго Женевскаго озера, которое, однако, въ 116 разъ уступаетъ ему протяженіемъ. Изъ этого видно, какъ незначительна относительная важность этого озернаго бассейна, который представляетъ такую красивую фигуру на картѣ Азіи!

Количество воды, которое Аму-Дарья приноситъ въ теченіе года Аралу, извѣстно; количество же, изливаемое Сыръ-Дарьей, не было измѣрено съ такой же точностью; но мы знаемъ, что оно составляетъ около 1.200 куб. метровъ въ секунду, и что около половины этой послѣдней рѣки изливается въ озеро. Слѣдовательно, приносимый двумя рѣками объемъ воды,—не принимая въ разсчетъ мелкихъ, почти всегда пересохшихъ, притоковъ, которые отъ времени до времени вливаютъ въ озеро небольшое количество дождевой воды,—равняется приблизительно 2.200 кубич. метрамъ въ секунду. Эта жидкая масса составляетъ какъ-разъ такой объемъ, какой отняло бы у озера годовое испареніе, равное 1.020 миллиметрамъ. Но при этомъ нужно принять во вниманіе также и дожди, падающіе непосредственно въ бассейнѣ Арала, которые, впрочемъ, представляютъ, по Карлу Шмидту и Дорандту [1]), только отъ 8 до 9 сантиметровъ въ годъ. Годовое испареніе, исчисляемое гг. Шмидтомъ и Дорандтомъ въ 1.150 миллиметровъ, уноситъ ли также и этотъ вносъ облаковъ, и сохраняется ли приблизительно равновѣсіе между прибылью и убылью воды въ бассейнѣ? Извѣстно, что со времени прибытія русскихъ въ край было уменьшеніе объема водной массы Арала: испареніе получило перевѣсъ. Вслѣдствіе недостаточности приносимаго притоками количества воды, заливъ Айбугирскій, который еще фигурируетъ на многихъ картахъ къ западу отъ устьевъ Аму-Дарьи, и который въ 1848 г. имѣлъ метръ глубины, былъ уже въ 1870 г. не болѣе какъ болото, совершенно отдѣленное отъ главнаго озера перешейкомъ, состоящимъ изъ ила и заросшимъ камышами. Въ 1871 г., во время Хивинской экспедиціи, русскіе географы констатировали тотъ фактъ, что соленый заливъ Айбугиръ совсѣмъ исчезъ, и что въ бывшемъ его ложѣ растутъ деревья; если онъ иногда и появляется опять, то уже не какъ заливъ Аральскаго моря, а какъ бассейнъ, образующійся отъ разлива Аму-Дарьи; онъ наполняется теперь только прѣсной водой. Съ исчезновеніемъ этого залива площадь Аральскаго бассейна убавилась на порядочный кусокъ, который можно исчислять приблизительно

[1]) Цитированный мемуаръ.

въ 3.500 квадр. километровъ. Но, одновременно съ Айбугиромъ, сколько другихъ низменныхъ береговъ на окружности Арала должны были высунуться изъ-подъ воды и такимъ образомъ

Озеро Сары-Куль.

съузить поверхность озернаго бассейна? Обширное песчаное пространство, окаймляющее сѣверные берега Аральскаго моря, представлено на картѣ Гладышева и Муравина, относящейся къ 1740 году, какъ покрытое водами, и дѣйствительно современные намъ изслѣдователи доказали, что вода удалилась оттуда въ недавнюю эпоху. На скатахъ береговыхъ утесовъ, въ западной части бассейна, старыя линіи берега видны на высотѣ 43 и даже 75 метровъ надъ теперешнимъ уровнемъ водъ [1]). Въ на-

[1]) Мишенковъ, „Записки Русск. Геогр. Общества", IV, 1871 г.

чалѣ нынѣшняго столѣтія вода омывала основаніе холмовъ, которые теперь находятся почти въ 60 верстахъ отъ берега [1]), и киргизы показываютъ мечеть, построенную нѣкогда на восточномъ берегу озера, и которая теперь удалена отъ него на десятки верстъ [2]). Песчаная степь не перестаетъ увеличиваться на счетъ пустыни водъ, и можно прослѣдить взоромъ прогрессъ образованія дюнъ на морскомъ побережьи. Первый рядъ песчаныхъ горокъ состоитъ изъ твердыхъ, вполнѣ окрѣпшихъ холмовъ, поросшихъ тамарискомъ или гребенчикомъ; второй рядъ, болѣе близкій къ озеру, имѣетъ уже кое-гдѣ молодыя поросли гребенчика, который поднимаетъ свои стебли надъ пескомъ, недавно нанесеннымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ; на самомъ берегу моря песчаные бугры, когда смотришь издали, сливаются съ желтоватыми волнами; но они растутъ малопо-малу, и въ самомъ озерѣ морщинистыя песчаныя мели покрываются постоянно увеличивающимися длинными бугорками, зачатками будущихъ дюнъ [3]). Многочисленные острова, бывшіе нѣкогда подводными мелями, послѣдовательно выступили на поверхность, оправдывая своимъ обиліемъ имя озера, Аралъ-денгизъ, которое по-турецки значитъ: «море острововъ». Русскіе прежде называли его «Синимъ моремъ», откуда и произошло наименованіе «Синей орды», которое носили кочевники окрестныхъ мѣстъ [4]). Такъ же, какъ киргизы и туркмены, они говорили съ ужасомъ о какой-то пропасти на днѣ озера, будто-бы поглощающей воды Арала, которыя подъ землей утекаютъ въ Каспійское море [5]).

Несравненно быстрѣе должна была совершаться перемѣна въ размѣрахъ Аральскаго моря въ ту эпоху, когда Оксусъ, переставъ течь на сѣверъ, направилъ свой потокъ на юго-западъ, къ Каспію. Предположимъ повтореніе подобнаго событія, то-есть возвращеніе Аму въ старое русло, и Аралъ, лишающійся ежегодно 50 милліардовъ кубич. метровъ рѣчной воды, потеряетъ, въ первый же годъ, двадцатую часть своей вмѣстимости. По прошествіи десяти или двѣнадцати лѣтъ, онъ уже будетъ имѣть только половину своего нынѣшняго объема, всѣ плоскія, неглубокія мѣста дна, то-есть самая обширная часть его бассейна, будутъ уже сухой землей; черезъ двадцать четыре года вода останется еще только въ пяти впадинахъ ложа, изъ которыхъ двѣ главныя находятся одна въ центрѣ, другая въ западныхъ областяхъ моря; различныя отдѣльныя озера, остатки бывшаго Арала, уменьшатся до размѣровъ другихъ денгизовъ Киргизской степи. Встрѣчающіеся на Аралѣ бугры, подобные тѣмъ, которые мы видимъ на западныхъ берегахъ Каспія, и тоже перпендикулярные къ направленію берега, свидѣтельствуютъ, своимъ образованіемъ, о періодѣ быстраго истеченія, во время котораго берегъ дѣйствіемъ воды былъ изрытъ на длинные параллельные овраги, отдѣленные одинъ отъ другаго промежуточными стѣнами [1]).

Древніе писатели, которые говорятъ о странѣ, орошаемой Оксусомъ и Яксартомъ, упоминаютъ объ Аральскомъ морѣ только въ тѣ эпохи, когда не называютъ этихъ двухъ рѣкъ притоками Каспія. Греческіе и римскіе географы, которые описываютъ Оксусъ какъ рѣку, впадающую въ Гирканское море, совершенно не знаютъ о существованіи промежуточнаго моря. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ столь обширная водная площадь, нынѣшнее протяженіе которой почти равно протяженію Эгейскаго моря, могла быть совершенно неизвѣстна древнимъ, еслибы она имѣла въ ту эпоху такіе же размѣры, какъ въ наши дни. Греческіе государи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій управляли странами, заключающимися между Персіей и большими горными цѣпями центральной Азіи; купцы, полководцы эллинскаго языка переходили черезъ рѣки Оксусъ и Яксартъ, и ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о второмъ морѣ, лежащемъ на востокъ отъ Гирканскаго. Но въ эпоху арабскаго завоеванія, когда Джайхунъ, покинувъ дорогу къ Каспійскому морю, направилъ свое теченіе къ котловинѣ Арала, всѣ писатели знаютъ это озеро: они чертятъ его карты, говорятъ о судахъ, плавающихъ по его водамъ. Одинъ изъ этихъ средневѣковыхъ авторовъ, Хорземи, уроженецъ страны, опредѣляетъ протяженіе этого «моря» такимъ образомъ, что оно имѣетъ около 400 верстъ въ окружности [2]); не считая небольшихъ изсѣченій морскаго прибрежья, въ наши дни окружность Арала втрое больше: ее можно считать равной 1.350 километр. (около 1.250 верстъ). Но со времени возвращенія Оксуса къ Каспійскому морю прекращаются всякія извѣстія объ Аральскомъ озерѣ: ни одинъ европейскій путешественникъ не упоминаетъ о немъ. Марко Поло, отправляясь изъ приволжскихъ степей въ пустыни по теченію Оксуса, конечно, долженъ былъ проходить въ сосѣдствѣ обширной котловины, которую теперь занимаетъ туркестанское море; но онъ не знаетъ даже о существованіи его. Монахъ Рубруквисъ, который прошелъ черезъ страну непосредственно на сѣверѣ отъ впадины, наполняемой нынѣ Аральскимъ моремъ, ничего не говоритъ объ этомъ

[1]) Meyendorff. „Reise nach Bokhar", „Mittheilungen von Petermann", 1878 г. № 8.
[2]) Гербертъ Вудъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Сѣверцовъ, Богдановъ, „Русское Обозрѣніе", 1875 г., № 8. „Mittheilungen von Petermann" 1878, № 8.
[4]) Левшинъ, Эверсманъ и т. д.
[5]) Левшинъ, „Описаніе киргизъ-кайсаковъ".

[1]) Сѣверцовъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 7.
[2]) Ali-Suavi, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", tome IV.

мномъ водномъ пространствѣ, онъ упомиъ только о «большой рѣкѣ, орошающей страну по волѣ жителей, воды которой ощаются почвой и наконецъ теряются въ тахъ, не достигая какого либо моря» [1]). шруты путешествія Ибнъ-Батуты, Пего-и, отъ каспійскаго берега въ Ховарезмъ и Отраръ на Сыръ-Дарьѣ, проходятъ какъ черезъ пространство, которое въ наши покрыто площадью водъ [2]). Всѣ эти факты ъ право заключить съ полной увѣренью, что въ своихъ послѣдовательныхъ коніяхъ, относительно уровня и объема жидмассы, Аральское озеро прошло черезъ пеъ почти совершеннаго высыханія, и что время оно нисколько не отличалось отъ сочисленныхъ озерныхъ бассейновъ, разныхъ въ степи: оно бывало попеременно оремъ, то болотомъ.

мотря по альтернативамъ увеличенія и ьшенія Аральскаго моря, вода его имѣетъ шую или меньшую степень солености: соканіе соли возрастаетъ съ усиленіемъ иснія, умаляется съ увеличеніемъ приноси рѣками жидкой массы. Въ настоящее ія воды Арала, получающаго обильную дань своихъ притоковъ, двухъ большихъ рѣкъ, очень слабой степени солены, и животныя, я и домашнія, пьютъ ихъ безъ отвращенія; томъ же относительная важность прѣсныхъ потоковъ, изливающихся въ озеро, и ѣчивое дуновеніе вѣтровъ разнообразно мѣщаютъ водяные слои различной солеи, вслѣдствіе чего наблюденія, сдѣланныя разные, даже непосредственно слѣдующіе ъ за другимъ, года, не даютъ одного и же результата, какъ показываютъ слѣдующіе цифры:

оленость Аральскаго моря, по Тейху, лѣтомъ 1 г. 12,9000 на 1000; 1872 г. 10,9089; по му 1873 г. 12,2757 на 1000.

о можно принять, какъ средній выводъ изъ изведенныхъ до сихъ поръ анализовъ, что чество солей всякаго рода, растворенныхъ аральской водѣ, составляетъ 11 частей на 0. Пропорція морской соли приблизительно дну треть меньше въ Аралѣ, нежели въ Ка-, тогда какъ гипсъ содержится тамъ въ колиѣ почти въ три раза болѣе значительномъ, ь въ послѣднемъ изъ этихъ бассейновъ, но:

орск. соль: въ аральск. в., 6,2356 на 1000; асп. в., 8,9504 на 1000. Гипсъ: въ аральск. в., 62 на 1000; въ касп. в., 0,5592 на 1000. евидно, Аральское «море», по составу своей ы, не есть остатокъ океана: это внутренній ейнъ, гдѣ содержаніе солей зависитъ отъ свойства почвы окружающихъ мѣстностей. Что касается фауны Арала, то подробное изученіе ея началось только въ эти послѣдніе годы [1]); оно показало, что прѣсноводные и морскіе виды живутъ тамъ рядомъ одинъ съ другимъ. Въ цѣломъ, однако, прѣсноводная фауна беретъ перевѣсъ; она не заключаетъ въ себѣ осетровъ и стерлядей, свойственныхъ Каспію, и вообще, по Кесслеру, въ аральскихъ водахъ ловится только треть видовъ, найденныхъ въ этомъ морѣ, т. е. Каспійскомъ [2]). Фалькъ, Георги, Палласъ, Эверсманъ — всѣ говорили о существованіи тюленей въ Аралѣ, что было бы чертой сходства съ фауной Каспійскаго моря и Ледовитаго океана; но путешественникъ Макшеевъ доказалъ, что это ластоногое животное не водится въ Аралѣ. Зато въ его притокахъ, Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, открыли рыбъ, принадлежащихъ къ роду, который до того времени считался исключительно американскимъ, къ роду scaphirhynchus [3]).

Многочисленныя мели, не только у береговъ, но и по срединѣ бассейна, далѣе внезапные штормы, поднимающіе сильное волненіе на поверхности озера, наконецъ, недостатокъ населенія на большей части прибрежья—все это не позволяетъ судоходству получить дѣйствительно важное значеніе на водахъ Арала; до сихъ поръ оно приносило нѣкоторую пользу только съ военной точки зрѣнія, какъ средство для перевозки транспортовъ между дельтой Сыръ-Дарьи и устьями Аму-Дарьи; но давно уже явилась мысль связать Аральское море съ сѣтью внутренняго судоходства Европы, возстановивъ старое теченіе Узбоя до залива Балханскаго; еще Петръ Великій, восторженный ученикъ голландцевъ, только и мечтавшій что о прорытіи вездѣ каналовъ, задумалъ поворотить теченіе Оксуса къ Каспійскому морю, и въ 1713 г. далъ инструкціи въ этомъ смыслѣ несчастному Бековичу-Черкасскому. Даже сдѣлано было начало приведенія этого проекта въ исполненіе, и часть Аму-Дарьи, на этотъ разъ направляемая рукой человѣка, пошла прежней дорогой, къ Каспійскому морю. Во время большаго разлива 1878 года, когда города, окруженные со всѣхъ сторонъ водой, превратились въ острова, а дороги въ каналы, русло Узбоя получало въ секунду массу воды, равную 873 кубич. метрамъ, которая, однако, почти цѣликомъ терялась въ прибрежныхъ болотахъ: только небольшой потокъ въ 4 метра достигалъ озера Сары-Камышъ [4]). Въ 1879 году стокъ канала, который направили въ Узбой, не превышалъ уже 60 метровъ въ секунду, но при помощи боковыхъ плотинъ удалось заставить новую

) „Recueil de voyages et de mémoires, publié par la té de Géographie de Paris", tome IV.
) Henry Rawlinson, цитированное сочиненіе; Грунвъ, ваніе вокругъ Каспійскаго моря".

[1]) Богдановъ, „Русское Обозрѣніе", 1876 г. № 6.
[2]) „Русское Обозрѣніе", 1875 г., № 4.
[3]) Богдановъ, цитированное сочиненіе.
[4]) Гольманъ, „Записки Кавказскаго Отдѣла Географ. Общества", т. X, 1879 г.

рѣку изливаться въ бассейны «Желтыхъ Камышей» (Сары-Камышъ). Однако, для того, чтобы возстановить старый Узбой, воды Аму ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отдавать этому двойному озеру, ибо уровень нижняго пруда почти на 15 метровъ ниже уровня Каспійскаго моря, а чтобы поднять его на достаточную высоту до порога, откуда бы вода полилась въ русло Узбоя, для этого нужно бы было наводнять пространство, обнимающее около тысячи квадр. километровъ. Безъ сомнѣнія, какъ показали изысканія г. Гельмана, можно бы было обойти этотъ озерной бассейнъ, выкопавъ искусственный каналъ; но если бары въ устьяхъ Аму-Дарьи останутся на томъ же мѣстѣ, если самыя теченія Сыра и Аму, равно какъ и невѣрные, измѣнчивые фарватеры Аральскаго моря не будутъ замѣнены правильными каналами, то спрашивается—какая можетъ быть польза отъ возстановленія Узбоя: судоходство, которое производилось бы по извилистому потоку, оканчивающемуся съ той и другой стороны непроходимыми мелями, всегда оставалось бы ненадежнымъ, зависящимъ отъ случая, если бы даже были сдѣланы серьезныя попытки къ созданію его на новой рѣкѣ. Въ этихъ странахъ, гдѣ рѣдкіе оазисы осаждаются песками пустыни, вода должна бы быть употребляема до послѣдней капли для орошенія прибрежныхъ полей.

Песчаная степь Кара-Кумъ, или «Черные пески», обширная область треугольной формы, простирающаяся на югъ отъ Аральскаго моря, между Аму-Дарьей, Узбоемъ, текинскими горами и Мервскимъ оазисомъ, есть одна изъ этихъ пустынь, которыя при помощи искусственнаго орошенія могли бы превратиться въ плодоносныя равнины, и гдѣ находятся остатки многихъ большихъ и многолюдныхъ городовъ. Рѣдкія, проложенныя караванами, тропинки проникаютъ въ эти пустынныя пространства, и путники считаютъ дневными переходами разстояніе, раздѣляющее колодцы, которые къ тому же слишкомъ часто оказываются пустыми, безъ воды, либо просачивающими негодную для питья солоноватую или соленую жидкость, тамъ, по выраженію Арминія Вамбери, «каждая капля воды есть капля жизни» [1]). Подвижные пески, тщательно обходимые караванами, тянутся въ видѣ буґровъ, словно волны моря, на обширныхъ пространствахъ; въ другихъ мѣстахъ, глинистая почва, твердая, какъ камень, и растрескавшаяся, звенитъ подъ ногами лошадей и верблюдовъ; солончаки съ обманчивымъ тонкимъ грунтомъ, въ которомъ немало погибло путниковъ и животныхъ, отражаются въ воздухѣ дѣйствіемъ миража. Почти вездѣ земля голая; только изрѣдка тамъ и сямъ попадаются пучки репейника и низкихъ колючихъ растеній. Чащи саксаула рѣдко встрѣчаются въ пустынѣ къ югу отъ Аму-Дарьи, и почти всѣ поросли этого деревца, существовавшія тамъ лѣтъ сто тому назадъ, уже истреблены. Но нѣкоторые изъ горныхъ скатовъ, ограничивающихъ на юго-западѣ область пустыни, представляются почти зеленѣющими, или по крайней мѣрѣ зеленовато-синими, благодаря влажности, приносимой туда облаками. У основанія этихъ высотъ бьютъ изъ земли ключи, вокругъ которыхъ развилась растительность и возникли селенія. Пустыня отдѣлена отъ горъ поясомъ воздѣлываемыхъ земель: это атоки или деревни, населенныя туркменами племени теке: Ахалъ-атокъ на западѣ, Дерегезъ-атокъ въ серединѣ, Келатъ-атокъ на востокѣ.

Большой Балханъ, на сѣверѣ прежняго устья Аму-Дарьи, есть главный массивъ этой горной цѣпи, которую можно бы было назвать «туркменскимъ Кавказомъ», такъ какъ она составляетъ продолженіе Кавказскихъ горъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря. Этотъ массивъ высится почти одиноко, имѣя съ одной стороны пустыню, поднимая съ другой стороны свой крутой обрывистый склонъ высоко надъ остроконечными вершинами гряды горъ Курянынъ-Кары, которыя продолжаются на западъ до полуострова въ формѣ удочки, запирая на половину входъ въ Красноводскій заливъ. На сѣверъ отъ Большаго Балхана и его западнаго продолженія простирается гористая область, которая далѣе, въ территоріи, называемой «Закаспійскимъ отдѣломъ», сливается съ плоской возвышенностью Усть-Уртъ. На югѣ, Малый Балханъ, менѣе высокій и менѣе поражающій рѣзкостью формъ, нежели Большой Балханъ, и покрытый тамъ и сямъ зеленѣющими полосками тощей растительности, составляетъ начальную гряду краевой цѣпи Иранскаго плоскогорья, которая тянется съ замѣчательной правильностью въ юго-восточномъ направленіи, и которую сосѣдніе туземцы, туркмены на сѣверѣ и персіяне на югѣ, называютъ разными именами. Часть этихъ горъ, ближайшая къ Малому Балхану, носитъ названіе Курянъ-дагъ; за ней слѣдуютъ горы Копетъ-дагъ (Копепетъ-дагъ Кипетъ-дагъ) или Даманъ-и-кохъ; далѣе идутъ горы Гулистана, самыя высокія во всей цѣпи и прерываемыя въ востокѣ долинами рѣкъ Гери-Рудъ и Мургъ-абъ. Самое имя Даманъ-и-кохъ, означающее буквально «краевая гора», указываетъ на положеніе ея относительно Иранскаго плоскогорья.

Хотя Курянъ-дагъ и Копетъ-дагъ могутъ быть разсматриваемы какъ внѣшняя закраина южныхъ возвышенныхъ земель, однако, между этими горами и плоскогорьемъ въ собственномъ смыслѣ остается проходъ въ видѣ широкой доли-

[1]) Вамбери, „Странствованія дервиша въ центральной Азіи".

ы, въ которой текутъ воды Атрека. Здѣсь, акъ и во всей системѣ Тань-Шаня и Алая, роисходитъ пересѣченіе двухъ хребтовъ, изъ оторыхъ одинъ направляется съ сѣверо-запа-

Хребетъ Искандеръ-Куль.

да на юго-востокъ, а другой тянется почти по направленію меридіана, и именно, въ углу, образуемомъ этими двумя складками почвы, открывается равнина, впрочемъ, неправильная и гористая, наклоненная къ водамъ Каспійскаго моря.

Разныя высоты туркменскаго Кавказа:

Большой Балханъ, по Бларамбергу—1.602 метровъ; Малый Балханъ—794; средняя высота вершинъ Копетъ-дага — 2.250 до 2.300; Кара-дагъ, на сѣв. отъ Мешеда, по Непиру—2.398 метровъ.

Атрекъ—большая рѣка, длиною болѣе 500 километровъ; но въ сосѣдствѣ своего устья онъ обыкновенно представляетъ незначительный

потокъ, шириною около десяти метровъ (14 аршинъ): отводъ воды для орошенія полей и непосредственное испареніе почти совершенно истощили его; часто въ его широкомъ руслѣ остаются только тамъ и сямъ лужи мутной, иловатой воды, пріобрѣвшей солоноватый вкусъ, тогда какъ весной, во время большаго наводненія, воды его разливаются на пространствѣ отъ 2.000 до 2.500 метровъ въ ширину [1]). Далѣе на югѣ течетъ другая рѣка, менѣе значительная, но устье которой никогда не пересыхаетъ, и которая обильно орошаетъ окрестности Астрабада, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря: это Гургенъ (Гурганъ, Джорджанъ, Хурганъ, Хургенъ, Верканъ, Гирканія, Нугсапіа) или «Волчья рѣка». Эта изобилующая рыбой [2]) рѣка, длина которой не достигаетъ 200 километровъ, получила, однако, большую историческую важность, и имя ея сдѣлалось именемъ всей страны Гирканской, съ неопредѣленными предѣлами: естественной границей Персіи считается то нижнее теченіе этой рѣки, то низовье Атрека, и, поднимаясь вверхъ по долинамъ этихъ рѣкъ, русскіе могутъ обойти позиціи туркменовъ въ ихъ природныхъ укрѣпленіяхъ на горахъ Даманъ-и-кохъ. Оффиціально границей служитъ Атрекъ, но до сихъ поръ еще ни одинъ русскій путешественникъ, ни одинъ солдатъ не проникалъ въ верхнія области рѣчнаго бассейна.

Въ прежнія времена переходъ черезъ рѣку Гургенъ былъ защищенъ «Красной стѣной» (Кизылъ-аланъ), которая должна была сохранять земледѣльческія населенія Персіи отъ набѣговъ коченниковъ, проклятыхъ Яджуджъ и Маджуджъ, «Гога и Магога», какъ ихъ называли арабскіе писатели среднихъ вѣковъ. Само собой разумѣется, сооруженіе этой стѣны, какъ и постройка всѣхъ, теперь лежащихъ въ развалинахъ, зданій центральной Азіи, приписываютъ «двурогому» Искандеру (Александру Великому), и легенда гласитъ, что будто цѣлая армія духовъ, состоявшихъ въ распоряженіи македонскаго царя, трудилась надъ этимъ валомъ и воздвигла его въ нѣсколько дней. Но намъ неизвѣстно даже, точно ли «Красная стѣна» греческаго происхожденія; полагаютъ, что она была построена, какъ и Дербентскія ворота, Хозроемъ Ануршиваномъ. Во время сооруженія этого памятника уровень Каспія, кажется, былъ ниже, нежели въ наши дни, если только не было послѣ того мѣстнаго осѣданія почвы той страны, ибо западный конецъ стѣны выдвинутъ въ море на нѣсколько километровъ. Гюмишъ-тепе или «Серебряный холмикъ», составлявшій нѣкогда одну изъ главныхъ крѣпостей большой стѣны, былъ островомъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія; но понижеиіе уровня Каспійскаго моря опять перемѣстило его на твердую землю. Отъ этого укрѣпленія, гдѣ нашли только черепки глиняной посуды, оружіе и скелеты, погребенные по магометанскому обычаю, стѣна продолжается на востокъ, оставаясь на разстояніи, среднимъ числомъ, 2-хъ или 3-хъ километровъ къ сѣверу отъ Гургена. Остатки ея можно прослѣдить до самыхъ истоковъ рѣки и даже до Буджнурда, въ верхней долинѣ Атрека: слѣдовательно, длина ея превышала 350 километровъ. Въ настоящее время эта стѣна «Гога и Магога» есть не болѣе, какъ рядъ пригорковъ отъ одного до двухъ метровъ высотою и около десяти метровъ шириною, надъ которыми черезъ каждую тысячу шаговъ господствуютъ развалины башенъ [1]).

Между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, ясно ограниченная плоская возвышенность образуетъ большой, каменистый островъ между морскими водами и низменными степями, изъ которыхъ послѣднія нѣкогда были покрыты обширнымъ средиземнымъ моремъ Туркестана. Плоскогорье это носитъ киргизское названіе Устъ-Уртъ, которое обыкновенно, хотя ошибочно, передѣлываютъ въ Усть-Уртъ (то-есть какъ будто «устье Урта» или равнины), тогда какъ это слово означаетъ «Высокую Равнину», въ противоположность Низменной равнинѣ или Астъ-Урту киргизовъ [2]). Эта возвышенная равнина представляетъ типъ террасы, по своему уединенному положенію и по обрывистой крутизнѣ своихъ краевъ. Неровности ея почвы происходятъ главнымъ образомъ отъ дѣйствія дождевыхъ и снѣговыхъ водъ, которыя разорвали верхніе слои и вырыли воронкообразныя углубленія, безчисленные замкнутые бассейны, неимѣющіе стока ни къ Аральскому, ни къ Каспійскому морю [3]). Почти вездѣ Устъ-Уртъ ограниченъ крутымъ утесомъ или обрывомъ, по-киргизски ч и н к ъ, который дѣлалъ бы плоскогорье неприступнымъ, еслибы края его не были прорѣзаны то тамъ, то тутъ оврагами и лощинами; изъ основанія его бьютъ многочисленные ключи прѣсной воды, имѣющей слегка сѣрнистый вкусъ. На западѣ отъ Аральскаго моря этотъ «чинкъ» высится въ видѣ сплошной стѣны, поднимающейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ на 100 метровъ, и на краю крутыхъ скатовъ виднѣются тамъ и сямъ какія-то таинственныя постройки въ формѣ усѣченной пирамиды [4]). Плоскогорье во всей его массѣ состоитъ изъ третичныхъ гор-

[1]) „Извѣстія Русск. Географ. Общ.“, т. VIII, 1872 г. № 3.
[2]) Вамбери, „Странствованія дервиша въ Средней Азіи“.

[1]) Herbelot, „Bibliothèque orientale“; — Вамбери; — Стебницкій; Эйхвальдъ; Муравьевъ; Дальгаръ; Морганъ; сэръ Генри Раулинсонъ и др.
[2]) Левшинъ, „Описаніе области киргизъ-кайсаковъ“.
[3]) Stumm, „Zeitschrift für Erdkunde“, 1874.
[4]) Basiner, „Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches“, Bd. XV.

породъ и слѣдовательно по своему гео-
ескому образованію, рѣзко отличается отъ
инъ, простирающихся на востокъ отъ Ара-
самыя высокія его выпуклости дости-
ь высоты 200 метровъ надъ уровнемъ это-
ера, и слѣдовательно, слишкомъ 250 метр.
уровнемъ Средиземнаго моря; но кромѣ
небольшая цѣпь скалъ, кальцинирован-
, солнцемъ, Акъ-тау или «Бѣлая гора»,
тся отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на
ю-западной оконечности плоской возвы-
ости, и вдается далеко въ Каспійское мо-
бразуя полуостровъ Мангышлакъ. Боль-
часть областей плоскогорья, уже пройден-
, русскими изслѣдователями, лишена ра-
льности, такъ что часто путешественники
уждены были питаться въ этихъ пусты-
такъ называемымъ «земляным хлѣбомъ»
ипога или Parmelia esculenta),—родъ ли-
который растетъ въ видѣ шариковъ, по-
хъ на разбросанный по землѣ птичій по-
[2]). Однако, тамъ есть много пастбищъ въ
инахъ и оврагахъ, и южная часть пло-
рья скорѣе заслуживала бы названія «По-
рнъ», «Поля кулановъ» или «Дикихъ ло-
й», чѣмъ прозвища Кафланкиръ или «По-
игровъ», даннаго ей туркменами [3]). Въ
вомъ киргизскомъ населеніи нѣтъ недостат-
а Устъ-Уртѣ; но этому населенію часто
ходится мѣнять мѣсто стоянки. Кратчай-
уть съ береговъ Каспійскаго моря къ усть-
Аму-Дарьи идетъ отъ восточной оконеч-
и залива Мертвый Култукъ и направляется
ѣверо-востокъ, черезъ плоскогорье Устъ-
ь, къ Кунграду, на протяженіи, по прямой
и, около 415 километровъ. Въ первый разъ
дорогой воспользовались русскіе коммер-
ы въ 1878 году, и отправленные по ней
ваны не встрѣтили никакихъ препятствій:
рутыхъ обрывовъ, ни потоковъ, ни сыпу-
ъ песковъ; двѣнадцать колодцевъ, располо-
ныхъ на пути слѣдованія карамановъ, со-
ать годную для питья воду, въ количе-
, достаточномъ, чтобы напоить двѣсти вер-
овъ. Эти животныя везутъ телѣги, имѣю-
среднимъ числомъ, около тридцати пудовъ
и. Недавно предложенъ былъ проектъ по-
йки желѣзной дороги, которая со единила
Каспійское море съ Аральскимъ, слѣдуя
ь цѣпи озеръ и соляныхъ болотъ, замѣнивъ,
вѣроятно, бывшій морской проливъ, меж-
заливомъ Мертвый Култукъ и аральской
гой Чернышева.

Нѣкоторые изъ восточныхъ бассейновъ Ка-
, врѣзывающіеся далеко во внутренность
ей, могутъ быть разсматриваемы какъ от-
ьныя озера, составляющія переходъ между
обширнымъ Гирканскимъ моремъ и солончаковыми болотами, разсѣянными въ пустыняхъ Туркестана. Одинъ изъ этихъ бассейновъ, почти независимыхъ отъ Каспійскаго моря, есть Кара-богазъ или «Черная Пучина», громадный овалъ котораго разстилается на пространствѣ болѣе 16.000 квад. километровъ. Ограниченное на западѣ маленькой песчаной насыпью, это озеро сообщается съ моремъ только черезъ протокъ, шириной отъ 200 до 800 метровъ, имѣющій не болѣе одного метра глубины при входѣ, такъ что только плоскодонныя суда могутъ проникать въ Кара-богазъ. Быстрое теченіе, идущее изъ Каспійскаго моря, всегда направляется черезъ этотъ узкій проливъ, со скоростью отъ 5 до 6 километровъ въ часъ. Западные вѣтры ускоряютъ воздушные токи, дующіе въ противоположномъ направленіи, замедляютъ это теченіе, но никогда оно не движется со скоростью меньшей 2.750 метровъ въ часъ [1]). Мореходы, плавающіе по водамъ Каспія, туркмены, кочующіе по его берегамъ, были поражены непреклоннымъ, неумолимымъ ходомъ этой морской рѣки, катящей соленую воду, чрезъ подводныя скалы, въ заливъ съ невѣдомыми границами, простирающійся далеко за кругъ горизонта, и боязнь этого теченія въ проливѣ, этой «черной пучины», была причиной того, что изслѣдователи Каспійскаго моря долго не отважились пускаться на судахъ въ Кара-богазъ. Соймоновъ въ 1726 г., Токмачевъ въ 1764 г., ограничились обслѣдованіемъ протока, ведущаго въ заливъ; Карелинъ и Бларамбергъ въ 1836 г. вошли въ Кара-богазъ, но, проплывъ около 36 километровъ, вернулись назадъ; только въ 1847 году Жеребцовъ, первый изъ изслѣдователей тѣхъ мѣстъ, смѣло проникъ въ это внутреннее озеро, чтобы произвести съемку его береговъ. «Черная Пучина», такъ же, какъ другая предполагаемая бездна Арала, считалась прежде чѣмъ-то въ родѣ водоворота, куда, будто-бы, низвергались морскія воды, которыя затѣмъ уходили подземными каналами въ Персидскій заливъ или въ Черное море. Быть можетъ, смутные слухи о существованіи залива Кара-богазъ послужили основаніемъ для разсказа Аристотеля по поводу тѣхъ пучинъ Понта Эвксинскаго, гдѣ, будто-бы, клокотали воды Гирканскаго моря, изливавшіяся туда послѣ продолжительнаго теченія въ преисподнихъ ада. Арабскіе географы Истахри и Якутъ тоже говорятъ о какомъ-то «Черномъ Курганѣ» (Сіо-кохъ), подлѣ котораго воды, будто-бы, низвергаются въ пропасть, образуютъ водовороты и затѣмъ снова выходятъ въ Индійскомъ океанѣ [2]).

) Барботъ-де-Марни, „Русское Обозрѣніе“, 1877 № 3.
) Палласъ, Эверсманъ, Базинеръ, Миддендорфъ“.
) Вамбери, „Странствованія дервиша въ Средней

[1]) Жеребцовъ, „Von Baer Kaspische Studien“; Петрусевичъ, „Записки Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географ. Общества“, т. XI, 1880 г.

[2]) Rawlinson, „Road to Merv“, „Proceedings of the Geographical Society“, vol. I, мартъ 1879 г.

Существованіе теченія, уносящаго соленыя воды Каспія въ обширный заливъ Кара-богазъ, было объяснено вполнѣ удовлетворительно покойнымъ академикомъ Бэромъ. Этотъ бассейнъ имѣетъ небольшую глубину, среднимъ числомъ отъ 4 до 12 метровъ; вѣтры свободно разгуливаютъ въ немъ по всѣмъ направленіямъ, лѣтнія жары даютъ себя чувствовать во всей ихъ силѣ, и, слѣдовательно, испареніе тамъ весьма значительно: лѣтомъ надъ озеромъ всегда стоитъ туманъ. Постоянно уменьшающаяся въ толщинѣ слоя жидкой массы, постоянно мелѣющая вслѣдствіе этой потери паровъ, огромная водная площадь можетъ пополнять свою убыль только благодаря непрерывному приливу новыхъ водъ. Тщательныя изслѣдованія, которыя очень удобно могутъ быть производимы въ узкомъ и неглубокомъ каналѣ, соединяющемъ Кара-богазъ съ моремъ, не обнаружили существованія обратнаго подводнаго теченія, уносящаго въ Каспій болѣе соленыя воды залива. Такимъ образомъ этотъ внутренній бассейнъ отдаетъ исключительно атмосферѣ воду, приносимую каспійскимъ теченіемъ; но, уменьшаясь отъ испаренія, громадное болото сохраняетъ соль: оно концентрируетъ ее, насыщается ею съ каждымъ днемъ все больше и больше. Теперь, говорятъ, уже никакое животное не можетъ существовать тамъ; рыбы, увлеченныя теченіемъ въ озеро, становятся слѣпыми по прошествіи пяти дней [1]). Тюлени, прежде посѣщавшіе Кара-богазъ, не показываются тамъ болѣе; самые берега его лишены всякой растительности. На глинистомъ днѣ начинаютъ уже отлагаться слои соли, и лотъ, вынутый изъ воды, тотчасъ же покрывается соляными кристаллами. Бэръ хотѣлъ вычислить приблизительно количество соли, которое теряетъ ежедневно Каспійское море въ пользу Аджи-коуссара или «Горькаго колодца», какъ называютъ туркмены внутреннюю часть озера. Взявъ наименѣе высокія числа для степени солености каспійскихъ водъ, ширины и глубины пролива, скорости теченія, – ученый авторъ сочиненія «Kaspische Studien» доказалъ, что Кара-богазъ получаетъ каждый день 350.000 тоннъ (около 2.100.000 пудовъ) соли, то-есть столько, сколько ея потребляется во всей Россійской имперіи въ теченіе шести мѣсяцевъ. Если отъ дѣйствія сильныхъ бурь или вслѣдствіе медленнаго отложенія осадковъ баръ при входѣ замкнется, то «Черная Пучина» быстро уменьшится въ протяженіи, берега ея превратятся въ громадныя соляныя поля, и водная площадь, которая останется въ центрѣ бассейна, будетъ не болѣе, какъ грязная лужа, покрывающая кристаллическую плиту.

На всѣхъ берегахъ Туркестана, и преимущественно на окружности Мангышлакскаго полуострова и вблизи мыса Тюкъ-Караганъ— или вѣрнѣе Тюпъ-Караганъ, то-есть «Приморокъ, поросшій акаціями»,—встрѣчаются ... резервуары каспійскаго прибрежья, представляющіе всѣ степени соляной концентраціи. Одинъ резервуаръ еще получаетъ отъ времени до времени воды моря и пока еще отложилъ на своихъ берегахъ только очень тонкій слой соли; въ другомъ, тоже наполненномъ водой, дно скрыто подъ толстымъ слоемъ розовыхъ кристалловъ, похожихъ на мраморную мостовую; третій обратился уже въ компактную массу соли, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ лужи воды, лежащія на метръ и болѣе ниже уровня моря. Есть, наконецъ, такіе, что потеряли испареніемъ всю наполнявшую ихъ нѣкогда воду, и пласты соли, устилающіе ихъ дно, частію ужъ засыпаны пескомъ. Ащи-сай, между Кара-богазомъ и полуостровомъ Мангышлакъ, есть одинъ изъ этихъ высохшихъ бассейновъ, наполненныхъ солью; уровень его на 15 метровъ ниже поверхности Каспійскаго моря [1]).

Цѣпь болотъ, солончаковыхъ котловинъ, небольшихъ озеръ, соединяетъ заливъ Кара-богазъ съ другимъ соляным резервуаромъ, который мало-по-малу отдѣляется отъ сѣверо-западнаго залива Каспійскаго моря. Да и самъ этотъ заливъ, называемый «Мертвымъ» (Мертвый Култукъ, т. е. «мертвый заливъ»), есть скорѣе степное озеро, чѣмъ бухта моря. Средняя глубина воды въ этомъ бассейнѣ не превышаетъ 2-хъ метровъ, и суда, пускающіяся въ плаваніе по его водамъ, подвергаются опасности сѣсть на мель, каждый разъ, когда восточный вѣтеръ гонитъ волны къ открытому морю. Эта обширная бухта, частію отдѣленная отъ Каспія песчаными мысами и отмелями, не получаетъ ни одного постояннаго притока, и полное испареніе ея водъ можетъ быть предупреждено только непрерывнымъ приливомъ жидкихъ массъ, приходящихъ изъ открытаго моря. Но, принося свою дань соленыхъ водъ, это морское теченіе, при содѣйствіи дующихъ съ суши береговыхъ вѣтровъ, которые увлекаютъ съ окружающихъ степей столбы песку и отлагаютъ его среди залива, постоянно повышаетъ отмели и, такимъ образомъ, работаетъ надъ изолированіемъ Мертваго Култука, надъ преобразованіемъ его въ громадное соляное болото. Однако, гораздо прежде, чѣмъ произойдетъ отдѣленіе этой «мертвой» бухты отъ остальнаго Каспія, рукавъ, которой она выдѣляетъ изъ себя на юго-западъ, къ низменности, составляющей продолженіе залива Кара-богазъ, будетъ превращенъ въ соляное озеро. Этотъ морской рукавъ, Кайдакъ или Кара-су (Черная Вода) наполняетъ длинную и глубокую разсѣлину, по краямъ которой возвышаются крупныя скалы, образующія продолженіе «чинка» или обрывистаго ската плоской возвышенности Усть-Уртъ.

[1]) Семеновъ, „Словарь Россійской Имперіи".

[1]) Von Baer, „Kaspische Studien".

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда степныя племена были еще совершенно независимыми отъ Россіи и стояли съ ней на равной ногѣ, главный рынокъ, гдѣ производилась мѣновая торговля между Хивой и Московіей, былъ расположенъ на берегахъ залива Кара-су. Въ то время баръ, отдѣляющій этотъ фьордъ отъ Мертваго Култука, былъ легко переходимъ; теперь же онъ почти неприступенъ, и русское правительство принуждено было упразднить въ 1843 году крѣпость Ново-Александровскъ, которую оно построило въ 1826 г. на восточномъ берегу бухты Кара-су. Соленость воды въ Мертвомъ Култукѣ уже въ два раза сильнѣе, чѣмъ въ центральномъ бассейнѣ Каспія, а въ бухтѣ Кара-су она почти вчетверо больше и превышаетъ даже соленость Суэзскаго залива, самаго соленаго изъ всѣхъ морей, сообщающихся съ океаномъ. Пропорція морской соли доходитъ въ Кара-су почти до 4-хъ сотыхъ, а всѣ соли, взятыя вмѣстѣ, представляютъ 57 тысячныхъ воды; это значитъ, что животная жизнь тамъ почти или совсѣмъ прекратилась [1]).

Вся область, простирающаяся на сѣверовостокъ отъ Каспія и продолжающаяся въ видѣ ряда слѣдующихъ одно за другимъ болотъ, до прибрежныхъ низменностей Аральскаго моря имѣетъ тотъ же неопредѣленный характеръ, представляя нѣчто переходное между моремъ и степными водами: тамъ только и видишь, что «соры», болота, камыши или соляныя озера, и когда западные вѣтры дуютъ съ большой силой въ продолженіе нѣсколькихъ дней, равнина снова покрывается водой. До 1879 года русскіе чиновники, инженеры и сборщики податей обыкновенно объѣзжали на сѣверѣ это болотистое и солончаковое пространство, называемое туземцами Теньтякъ-соръ, и астраханскіе и гурьевскіе рыбо-промышленники, пользуясь тѣмъ, что начальство никогда не заглядываетъ въ эту мѣстность, отправлялись туда солить наловленную рыбу, чтобы уклониться отъ платежа установленнаго налога. Естественные каналы, имѣющіе нѣкоторое истеченіе послѣ сильныхъ дождей, соединяютъ соляныя озера этой области съ моремъ, и одинъ изъ этихъ каналовъ судоходенъ для мелкихъ судовъ. По берегамъ болотъ тамъ и сямъ бьютъ изъ земли нефтяные ключи [2]).

Хотя впадающія въ Каспій рѣки текутъ въ море съ европейской покатости, и хотя приносимые ими землистые осадки отлагаются преимущественно передъ западнымъ берегомъ, однако, морская впадина гораздо глубже на западной сторонѣ. Противъ туркменскихъ береговъ, между Красноводскомъ и Чикишляромъ, глубину въ 50 метровъ находятъ въ морѣ, не ближе, какъ на разстояніи отъ 50 до 75 километровъ отъ берега, такъ какъ по другую сторону бассейна, на такомъ же удаленіи отъ прибрежья, нужно опускать лотъ на 600 слишкомъ метровъ. Потопленный берегъ продолжается отъ Красноводскаго полуострова до Мазандеранскаго побережья, къ основанію Ашуръадинской стрѣлки; длинный и узкій островъ Огурчинскій, названный такъ русскими по причинѣ его формы, напоминающей огурецъ, есть, очевидно, остатокъ прежняго берега: это рядъ дюнъ, вершина которыхъ постоянно повышалась отъ наносимаго вѣтромъ песку, по мѣрѣ того, какъ основаніе ихъ погружалось въ море. На сѣверѣ отъ Мангышлакскаго полуострова островъ Кулали есть другая цѣпь песчаныхъ горокъ, или, вѣрнѣе сказать, одна большая дюна, имѣющая ту характеристическую форму полумѣсяца, которая замѣчается въ большей части холмовъ сыпучаго песку. Очевидно, Каспійское море подвергалось многочисленнымъ колебаніямъ уровня со времени отдѣленія его отъ Понта Эвксинскаго. Если бугры западнаго прибрежья Каспія и устьевъ Волги доказываютъ, своей формой и своимъ расположеніемъ, перпендикулярнымъ къ линіи береговъ, что въ извѣстную эпоху воды моря быстро понизились, то контуры острововъ Огурчинскаго и Кулали, вылѣпленные, такъ сказать, правильнымъ ударомъ волнъ, служатъ, напротивъ, указаніемъ на періодъ повышенія каспійскихъ водъ. Съ 1830 по 1863 годъ, непосредственныя измѣренія каспійскаго уровня, сравненныя съ нарѣзками, сдѣланными Ленцомъ на одномъ береговомъ утесѣ близъ города Баку, свидѣтельствуютъ о пониженіи горизонта водъ на 1.20 метра. Съ другой стороны двѣ тріангуляціи Кавказа, произведенныя въ 1830 и 1860 годахъ, обнаружили пониженіе кавказскаго уровня, за этотъ промежутокъ времени, на 1,25 метра,—число, почти совпадающее съ результатомъ непосредственнаго наблюденія. Слѣдовательно, въ 1860 году уровень Каспія былъ слишкомъ на 26 метровъ ниже уровня Чернаго моря [1]).

VI. Народы, населяющіе аралокаспійскую покатость.

Хотя эта часть азіатскаго континента извѣстна обыкновенно подъ именами Туркестана и Татаріи, но она населена не исключительно людьми тюркскаго племени, и даже коренное населеніе ея, вѣроятно, принадлежитъ къ аравійской семьѣ народовъ: здѣсь именно, въ центрѣ Стараго Свѣта, цивилизованные народы Европы привыкли искать первоначальную ро-

[1]) Бэръ, цитированное сочиненіе.

[2]) Мейеръ и Полонскій, „Извѣстія Русскаго Геогр. Общества", 1880 г.

[1]) „Извѣстія Русскаго Географ. Общества", т. XVI, 1880 г.

дину своей расы. Какова бы ни была степень основательности этого общераспространеннаго мнѣнія, но во всякомъ случаѣ обширная равнина, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть названа въ этнологическомъ отношеніи страной контрастовъ; противоположность, которую представляютъ чудные сады, орошаемые водами Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, и страшныя пустыни «Красныхъ» или «Черныхъ» песковъ, повторяется и въ самыхъ обитателяхъ этихъ земель: одни занимаются земледѣліемъ и промышленностью: они садоводы, ремесленники и стремятся пользоваться удобствами осѣдлой жизни; другіе, напротивъ, номады и пастухи: они кочуютъ со своими стадами въ степяхъ, и, чтобы обогатиться, стараются овладѣть сокровищами, накопленными ихъ сосѣдями, жителями плодоносныхъ оазисовъ. Между городами устанавливаются торговыя сношенія, но между горожанами и кочевниками въ прежнія времена шла непрерывная война, вызываемая, такъ сказать, самой природой: пустыня осаждаетъ оазисъ, а кочующій пастухъ угрожаетъ осѣдлому земледѣльцу. Такая борьба существовала въ краѣ искони-вѣковъ и прерывалась только въ эпохи иноземныхъ нашествій и завоеваній, которыя связывали на нѣкоторое время Арало-каспійскую покатость съ другими странами, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда уничтожали всю мѣстную цивилизацію поголовнымъ истребленіемъ жителей. Нигдѣ противоположные элементы не уравновѣшиваются лучше своей относительной силой: борьба между ними продолжалась изъ вѣка въ вѣкъ. Нигдѣ также религія не приняла столь ясно выраженнаго дуалистическаго характера: здѣсь, въ древней Бактріи, среди роскошнаго райскаго сада, окруженнаго безплодными песками, возникъ и развился маздеизмъ, культъ двухъ главныхъ боговъ-близнецовъ и враговъ, ведущихъ между собой непрестанную войну. Ормуздъ и Ариманъ имѣетъ каждый свою свиту, свой сонмъ духовъ, которые воюютъ въ воздушныхъ пространствахъ, тогда какъ на землѣ, увлекаемой въ движеніи небесъ, живетъ въ вѣчной взаимной враждѣ людской родъ.

Впрочемъ, различіе между кочевниками и осѣдлыми жителями, столь рѣдкое въ отношеніи нравовъ и преданій, гораздо менѣе значительно съ точки зрѣнія племеннаго происхожденія. Иранъ и Туранъ—это скорѣе символическія выраженія, чѣмъ термины, соотвѣтствующіе фактамъ реальнымъ и опредѣленнымъ. Между осѣдлыми и цивилизованными населеніями Арало-каспійской покатости примѣшаны въ сильной степени элементы тюркскіе и даже монгольскіе; съ другой стороны, арійцы, потомки древнихъ парѳянъ и персовъ, входятъ нѣкоторой долей въ составъ бродячихъ народцевъ аму-дарьинскаго бассейна. Смотря по превратностямъ *исторіи, которыя соотвѣтствуютъ* въ широкой мѣрѣ колебаніямъ мѣстнаго климата, образованныя націи земледѣльцевъ и пастушескія племена степей поочередно одерживали верхъ, и чужеземные завоеватели: иранцы, македоняне, аравитяне, монголы, русскіе — усиливали то одинъ, то другой изъ враждующихъ элементовъ. Въ настоящее время, благодаря преобладанію славянскаго племени, арійцы снова взяли перевѣсъ; но въ странѣ есть достаточно мѣста для всѣхъ, и естественныхъ богатствъ, хорошо утилизируемыхъ, хватило бы съ излишкомъ для жителей всякой расы, иранцевъ и туранцевъ. Имѣющаяся нынѣ статистика населенія, живущаго между Каспійскимъ моремъ, Иранскимъ плоскогорьемъ, Памиромъ, Тянь-Шанемъ и водораздѣльной линіей Обскаго бассейна, крайне неполна и неточна, и даваемое ею общее число жителей, 7 милліоновъ душъ (что̀ составитъ, въ среднемъ выводѣ, по 2 жителя на каждый квадр. километръ), есть чисто приблизительное. Еще гораздо болѣе сомнительны будутъ выводы, если мы захотимъ опредѣлить числовыя величины, показывающія распредѣленіе народовъ этой громадной территоріи по языкамъ и племенному происхожденію. Извѣстно только, что такъ называемая «туранская» раса имѣетъ здѣсь наибольшее число представителей: она составляетъ, вѣроятно, двѣ трети народонаселенія.

Туркмены или туркоманы, которые занимаютъ, какъ осѣдлые жители или кочевники, всю юго-западную часть Татаріи,—отъ плоской возвышенности Усть-Уртъ до страны Балхъ,—громадную область, пространствомъ около 500.000 квадр. километр., являются, вмѣстѣ съ киргизами, главными представителями тюркской расы на Арало-каспійской покатости. Общее число ихъ опредѣляютъ приблизительно около милліона душъ [450.000 по Вамбери, внѣ Персіи и Хивы; — 980.000, по Вамбери, во всей западной Азіи;—1.000.000, по Куропаткину [1])—1.250.000, по Галкину [2])]. Они дѣлятся на многочисленные народцы, подраздѣляющіеся, въ свою очередь, на второстепенныя племена, которыя распадаются на орды, дробящіяся на кланы, роды или группы семействъ: завоеванія и переселенія до сихъ поръ не перестаютъ соединять и вновь разъединять различныя подраздѣленія расы, которыя при этомъ часто мѣняютъ и самое имя; но главныя дѣленія сохраняются, и различіе политическаго порядка сообщаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ вполнѣ опредѣленный характеръ. Между этими туркменами, племена, живущія на плоской возвышенности Усть-Уртъ и во всей «закаспійской» области, по берегамъ Кара-богаза и Балханскаго залива, состоятъ въ русскомъ подданствѣ; двѣсти тысячъ другихъ туркменъ за-

[1]) „Туркменія и туркмены".
[2]) „Историческіе и этнографическіе матеріалы".

висятъ косвеннымъ образомъ, черезъ хивинскаго хана, отъ той же державы и сливаются мало-по-малу съ сартами и узбеками, которыхъ сады и поля перемѣшаны съ ихъ обработанными землями [1]); большинство іомудовъ и гокдановъ—данники Персіи, но въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году они кочуютъ на сѣверѣ отъ Атрека и тогда обязаны выбирать себѣ хана, отвѣтственнаго передъ русскимъ правительствомъ; племя эрсари признаетъ надъ собой власть бухарскаго эмира, а племена эль-эли зависятъ отъ того или другаго изъ афганскихъ владѣтелей. Наконецъ, половина туркменъ состоитъ изъ племенъ, непризнающихъ надъ собой никакой иноземной власти: это текинцы и сарыки. Салоры, жители страны Мервъ, о которыхъ говорятъ, что они стоятъ выше всѣхъ другихъ туркменскихъ народцевъ по благородству расы, утратили уже свою независимость: они теперь покорены мервскими текинцами. Текинцы—самые многочисленные и самые храбрые изъ туркменъ; ихъ военный крикъ: уранъ! уранъ! всего чаще раздается въ закаспійскихъ степяхъ, и еще недавно они нанесли русскимъ самое кровавое пораженіе, какое когда-либо приходилось испытать славянскимъ завоевателямъ въ Туркестанѣ. Классификація всѣхъ этихъ племенъ крайне затруднительна, о чемъ можно судить по различію исчисленій, представляемыхъ разными путешественниками: такъ, напримѣръ, по Муравьеву, общая численность туркменъ эль-эли, живущихъ на границахъ Афганистана, до 400.000 душъ; — по Вамбери же, ихъ всего только 15.000 душъ.

Главныя туркменскія племена, по Петрусевичу и др.:

Текинцы мервскіе — 50.000 кибитокъ или 250.000 чел.; текинцы атокскіе—30.000 кибитокъ или 150.000 чел.; эрсари—40.000 кибитокъ или 200.000 чел.; іомуды—20.000 кибитокъ или 100.000 чел.; сарыки—20.000 кибитокъ или 100.000 чел.; гокланы—9.000 кибитокъ или 45.000 чел.; чодоры—6.000 кибитокъ или 30.000 чел.; эль-эли—3.000 кибитокъ или 15.000 чел.; салоры — 3.000 кибитокъ или 15.000 чел.

Большинство туркменъ, въ особенности тѣ, которые живутъ по окраинамъ пустыни, между Атрекомъ и Аму-Дарьей, сохранили характеристическія черты своей расы,—широкій лобъ, маленькіе косолежащіе и острые глаза, небольшой, но рѣзко очерченный носъ, довольно толстыя губы, оттопыренныя уши, черную рѣдкую бороду, короткіе и густые волоса [2]). Въ долинѣ Атрека и во всей гористой области, ограничивающей Иранское плоскогорье, туркмены въ сильной степени смѣшались съ иранской кровью. Персидскія женщины, которыхъ грабители уводятъ въ неволю во время своихъ разбойничьихъ экспедицій, измѣняютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе первоначальный типъ расы, такъ что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ иранской границей рѣдко встрѣтишь туркмена, черты котораго не напоминали бы персіянина. Но если туркменъ утратилъ свою татарскую физіономію, то онъ сохранилъ свой острый глазъ, пронизывающій свѣтъ какъ стрѣла, а также свою гордую и воинственную осанку: этой-то смѣлостью своей поступи онъ и отличается, главнымъ образомъ, отъ другихъ народовъ той же расы,—киргизовъ, кара-калпаковъ, узбековъ. Почти всѣ туркмены высокаго роста, очень сильнаго сложенія и обладаютъ большой гибкостью членовъ. Племена внутреннихъ мѣстностей смотрятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на смѣшанныхъ туркменовъ персидской границы, которые и сами вообще согласны съ тѣмъ, что примѣсь чужой крови составляетъ для нихъ упадокъ, вырожденіе племени. Каждый прославившійся воинъ считаетъ долгомъ имѣть по крайней мѣрѣ одну жену чистой туркменской породы, и дѣти, родившіяся отъ этой жены, почитаются дѣтьми болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ рожденныя отъ другихъ женъ.

За исключеніемъ жителей Мерва, а также населенія нѣсколькихъ деревень въ горахъ Гулистана, на сѣверѣ отъ Мешеда, и населенія крѣпостей или «кургановъ» въ Атокѣ, всѣ туркмены, кочующіе и осѣдлые, обитаютъ въ кибиткахъ, и даже по числу этихъ разборныхъ войлочныхъ палатокъ, возвышающихся среди равнины, обыкновенно исчисляютъ силу племенъ: среднимъ числомъ, считаютъ по 5 душъ на кибитку. Ковры и подушки составляютъ всю меблировку этого переноснаго жилища. Одѣяніе состоитъ, для обоихъ половъ, изъ красной шелковой рубахи, которая покрываетъ все тѣло, отъ плечей до лодыжки. Мужчины надѣваютъ сверхъ рубашки чапанъ или халатъ, а на головѣ носятъ легкую барашковую шапку: этотъ костюмъ хорошо защищаетъ ихъ отъ степнаго холода, но не выказываетъ ихъ стройности и ловкости; хотя отличные наѣздники, они далеко не имѣютъ такой красивой посадки на конѣ, какъ русскій казакъ. Женщины обыкновенно не носятъ другой одежды, кромѣ длинной рубахи; но когда нужно принарядиться, онѣ повязываютъ вокругъ пояса большую шаль, обуваютъ ноги въ красные или желтые сапожки, украшаютъ себя запястьями, ожерельями, серьгами; подобно американскимъ индіянкамъ, онѣ даже продѣваютъ себѣ кольца въ перегородку ноздрей; наконецъ, онѣ привязываютъ себѣ на грудь сумочки или коробочки съ амулетами, похожія на патронташъ и сопровождающія ихъ движенія серебристымъ побрякиваньемъ. То-

[1]) Галкинъ, цитированное сочиненіе.

[2]) De Bloqueville, „Tour du Monde“, tome, XIII—„Bulletin de la Société de Géographie“, іюль и августъ, 1872 г.;—Girard de Rialle, „Les Peuples de l'Asie centrale“.

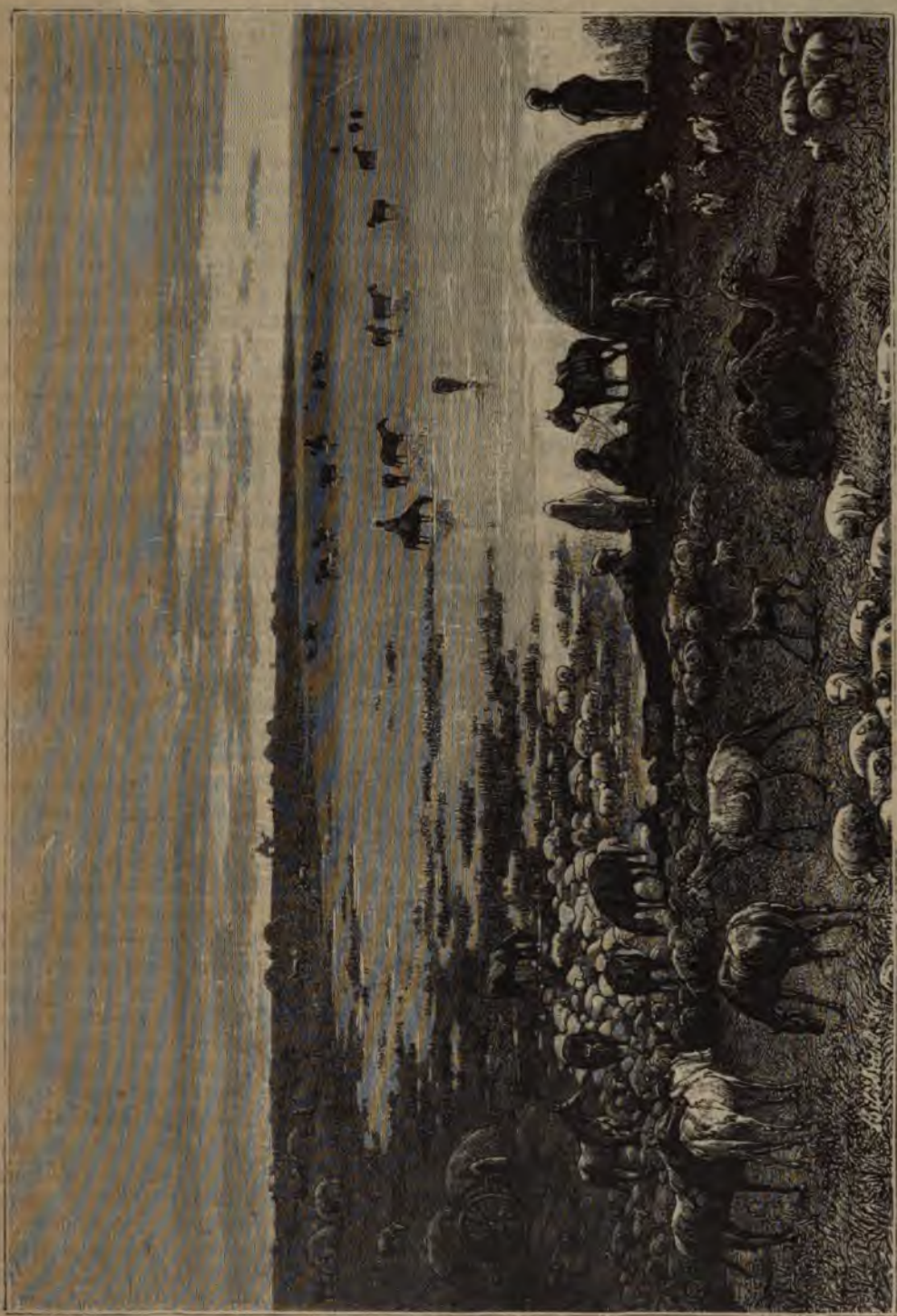
ловной уборъ ихъ весь унизанъ и увѣшанъ монетами, цвѣтными каменьями, настоящими или поддѣльными, разными золотыми и серебряными украшеніями, и имѣетъ иногда такіе огромные размѣры, что заключенное въ немъ лицо походитъ на образъ святаго, обрамленный ризой. Туркменскія женщины не прячутъ лица подъ покрываломъ, какъ другія магометанки. «Куда намъ бѣднымъ жительницамъ степей, говорятъ онѣ, сообразоваться съ городскими обычаями!» [1]).

Туркменка.

Туркмены, живущіе въ оазисахъ Даманъ-кохъ, не имѣютъ никакихъ властей. «Мы народъ безъ главы, говорятъ они съ гордостью, мы всѣ равны и каждый изъ насъ царь. Намъ не надо тѣни дерева, не хотимъ мы быть и подъ сѣнію начальника!» Между ними нѣкоторыя личности принимаютъ, правда, титулъ акъ-сакала (буквально: «сѣдая борода»), бая, бія или бея, даже хана; но это просто тщеславіе, и никто не думаетъ оказывать такому самозванному главѣ больше почтенія, чѣмъ другимъ воинамъ, если онъ не отличается особенными качествами храбрости или добродѣтели, или если онъ не успѣлъ навербовать себѣ кліентовъ продажей хлѣба въ кредитъ. Тѣ, которыхъ называютъ «добрыми», то-есть богачи, люди, умудренные опытомъ, самые неустрашимые бойцы, пользуются большимъ вліяніемъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы принять общее рѣшеніе въ пользу войны или въ пользу мира; но они не имѣютъ никакой власти, какъ судьи, и никто не пойдетъ жаловаться кому бы то ни было по поводу личнаго оскорбленія, покражи имущества или какой-нибудь неправды. Обиженный самъ отплачиваетъ обидчику, если можетъ, и порождаемыя местью войны продолжаются изъ рода въ родъ, если только первоначальная обида или неправда не будетъ

[1]) Туркмены-іомуды, - „Военный сборникъ“, янв. 1872 г.; — „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, *іюль, 1872 г.*

заглажена посредствомъ денежнаго вознагражденія. Вступая въ союзъ другъ съ другомъ по своей доброй волѣ, расходясь по собственному желанію, отвѣтствуя за свои поступки только передъ собственной совѣстью, туркмены повинуются лишь традиціоннымъ правиламъ поведенія, передаваемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе съ незапамятныхъ временъ. Жизнь въ степяхъ, освященная дебомъ или обычаемъ и согласующаяся съ традиціоннымъ кодексомъ ихъ морали, сдѣлала изъ нихъ людей свободныхъ, вольницу; но это не мѣшаетъ имъ уважать мирнаго сосѣда, быть гостепріимными, держать данное слово. Туркмены отличаются отъ окружающихъ народовъ, персіянъ, афганцевъ и бухарцевъ, болѣе строгой честностью и менѣе испорченными нравами. Только на войнѣ они даютъ полный просторъ своей свире-



Берегъ Каспійскаго моря.

пой жестокости; но въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ они обнаруживаютъ замѣчательную честность. У нихъ не заимодавецъ, а должникъ хранитъ у себя росписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить точную цифру своего долга; что касается кредитора, то ему нечего дѣлать съ этимъ документомъ [1]). Можно опасаться, какъ-бы вносимая теперь чуждая «цивилизація» не измѣнила этой патріархальной простоты нравовъ.

Туркмены сохранили еще обычай, нѣкогда существовавшій у всѣхъ народовъ, который состоитъ въ томъ, что браку предшествуетъ притворное похищеніе невѣсты, воспоминаніе первобытныхъ нравовъ. Завернутая въ длинное покрывало и держа въ рукахъ козу или ягненка, молодая дѣвушка садится верхомъ на коня, скачетъ во весь опоръ и быстрыми поворотами то въ ту, то въ другую сторону старается уклониться отъ похитителя, который преслѣдуетъ ее во главѣ компаніи друзей. На третій или четвертый день послѣ свадьбы молодая туркменка должна совершить новое притворное бѣгство, должна уйти къ своимъ родителямъ, у которыхъ она и остается въ продолженіе цѣлаго года, чтобы дать мужу время наворовать, на своемъ хищническомъ промыслѣ, сколько нужно людей и такимъ образомъ уплатить условленный калымъ плѣнниками [2]); это долгъ чести, отъ котораго онъ не можетъ отказаться. Всѣ другія событія туркменской жизни тоже сопровождаются старыми символическими обычаями. Такъ, у нихъ не ограничиваются оплакиваніемъ умершихъ, но обычай требуетъ еще, чтобы въ теченіе цѣлаго года, въ тотъ самый часъ, когда умеръ покойникъ, всѣ его родственники и друзья принимались испускать протяжный вой, не прерывая, впрочемъ, ни на минуту своихъ занятій, и бываетъ такъ, что они вдругъ начинаютъ свои жалобныя завыванія, продолжая въ то же время ѣсть, пить или курить. Если покойный былъ великій воинъ, то нужно воздвигнуть могильный курганъ или ексу надъ его костями: каждый храбрецъ племени приноситъ по меньшей мѣрѣ семь корзинъ земли, и такимъ-то образомъ выростаютъ въ короткое время тѣ горки, вышиною отъ восьми до десяти метровъ, которыя виднѣются тамъ и сямъ въ степяхъ.

Всѣ туркмены говорятъ тюркскими нарѣчіями джагатай, мало различающимися одно отъ другаго, и исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, магометанскую суннитскаго толка, но не всѣ съ одинаковымъ усердіемъ. Самые ревностные изъ нихъ, вѣроятно, тѣ, которые живутъ на персидской границѣ; они находятъ въ своей религіозной ненависти къ шіитамъ, обитателямъ сосѣдняго плоскогорья, предлогъ и оправданіе для своихъ разбойничьихъ набѣговъ и того тяжелаго рабства, въ которомъ они держатъ своихъ плѣнниковъ: правда, что они считаютъ себя также въ правѣ грабить и убивать хивинцевъ или бухарцевъ, не изъ за различія культа, но въ силу закона возмездія, который позволяетъ имъ мстить за прежнія избіенія. Еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія они смѣло пускались въ дрянныхъ баркахъ по Каспійскому морю, чтобы ловить невольниковъ на бакинскомъ берегу [1]), и въ видахъ пресѣченія этихъ хищническихъ набѣговъ, русское правительство и основало морскую станцію на островѣ Ашуръ-аде: ихъ военныя суда превратились теперь въ рыболовныя. Нѣкоторые персидскіе округи совершенно обезлюдѣли отъ туркменскихъ набѣговъ; въ другихъ мѣстахъ, оставшіеся жители запираются въ деревняхъ, которыя похожи на крѣпости, и гдѣ караульные днемъ и ночью стоятъ на стражѣ, чтобы поднять тревогу при малѣйшемъ признакѣ опасности. На нѣкоторыхъ, слишкомъ открытыхъ для нападенія поляхъ, черезъ каждые сто шаговъ построены башни. Число людей, уведенныхъ туркменами въ плѣнъ изъ Персіи, въ теченіе одного столѣтія, опредѣляютъ въ милліонъ душъ; случалось такъ, что одновременно до 200.000 невольниковъ томились въ рабствѣ въ Туркестанѣ [2]). Горе пастухамъ, которые заберутся въ пастбища, сосѣднія съ становищами туркменовъ! Разбойники, спрятавшіеся гдѣ-нибудь за холмомъ или въ оврагѣ, скоро отрѣзываютъ имъ отступленіе и, захвативъ въ плѣнъ, гонятъ ихъ передъ собой, закованныхъ въ цѣпи. Цѣлыя орды кочевниковъ не имѣютъ другаго занятія, кромѣ разбойничества, торговли персидскими невольниками или войны съ другими туркменскими народцами; и чтобы обезпечить себя отъ нападеній этихъ наслѣдственныхъ разбойниковъ, южные народы принуждены были воздвигать исполинскія стѣны, въ нѣсколько сотъ верстъ длины, остатки которыхъ и теперь еще видны въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря. «Гдѣ твоя душа?» спрашиваетъ одна женщина у туркменскаго героя и отвѣчаетъ: «Твоя душа въ твоемъ мечѣ, твоя душа въ золотой стрѣлѣ» [3]). Грабитель по профессіи, «черный» туркменъ позволяетъ себѣ только одинъ трудъ и одну заботу—уходъ за своимъ конемъ, его неразлучнымъ товарищемъ, который выручаетъ его изъ всѣхъ бѣдъ и опасностей разбойничьей жизни, который для него дороже женъ и дѣтей, и съ высоты котораго онъ «не хочетъ знать ни отца, ни матери»; всякое употребленіе своихъ рукъ для земле-

[1]) Вамбери, „Странствованіе лжедервиша въ Средней Азіи".

[2]) *Alex. Burnes*, „*Travels into Bokhara*".

[1]) Eichwald, „Reise auf dem Kaspichen Meer".

[2]) „Revue des Deux Mondes", 15 апр. 1880 г.

[3]) Radlow, „Volksliteratur der Türkischen Stämme",—Elie Reclus, „Philosophie positive", мартъ 1878 г.

дѣльческихъ работъ или для какого-нибудь ремесла показалось бы унизительнымъ: онъ предоставляетъ эти занятія женщинамъ и рабамъ. Приводить захваченныхъ въ плѣнъ людей—вотъ его честь и слава. Когда лихіе наѣздники отправляются среди ночи въ аламанъ или разбойничій набѣгъ,—они любятъ больше мракъ, какъ хищные звѣри,—ишанъ или странствующій дервишъ не преминетъ благословить ихъ и призвать милость неба на ихъ благородное предпріятіе. Попавшіеся въ плѣнъ старики или больные тотчасъ же умерщвляются, не только потому, что они не имѣютъ цѣны, но также потому, что кровь ихъ угодна богу браней; что же касается духовныхъ лицъ, то ихъ обыкновенно щадятъ, въ виду того, что они могли бы бросить дурной зарокъ на своихъ похитителей.

Въ прежнее время большинство уводимыхъ туркменами плѣнниковъ были обречены влачить жалкое существованіе въ вѣчномъ рабствѣ; однако, весьма значительная часть сыновей невольниковъ, а часто также и сами невольники поднимались мало-по-малу, благодаря своему уму, своей ловкости и хитрости, гораздо выше тѣхъ, которые ихъ поработили. Очень многіе изъ персіянъ, проданныхъ на рынкахъ Хивы и Бухары, достигали того, что дѣлались негоціантами, высшими чиновниками, администраторами округовъ. Въ ханствахъ, еще независимыхъ, имъ обыкновенно даются самыя деликатныя и наилучше вознаграждаемыя должности. Хотя шіиты по происхожденію, они, однако, усердно исполняютъ обряды мѣстнаго вѣроисповѣданія [1]). Со времени уничтоженія продажи персидскихъ невольниковъ на базарахъ ханствъ, ловля плѣнниковъ дѣлается только въ видахъ полученія выкупа [2]). Въ былое время нѣкоторые владѣтельные князьки Хорассана тоже получали очень хорошіе барыши, продавая своихъ собственныхъ подданныхъ.

Въ эти послѣдніе годы разбойничьи промыслы степныхъ хищниковъ много поубавились. Сдерживаемые на западѣ, на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ русскими войсками и флотиліями, вынужденные отнынѣ уважать границы состоящихъ подъ покровительствомъ Россіи ханствъ, Хивы и Бухары, встрѣчая также и со стороны Персіи болѣе серьезное, чѣмъ прежде, сопротивленіе, такъ какъ они теперь наталкиваются на колоніи курдовъ, которыхъ персидское правительство поселило въ долинахъ горъ и, которые храбро защищаютъ свое новое отечество, туркмены волей неволей должны оставлять мало-по-малу свои обычаи безпрестанныхъ войнъ и разбойничьихъ набѣговъ: изъ бандитовъ они дѣлаются садоводами [1]). Гокланы теперь по большей части мирные земледѣльцы и даже занимаются съ успѣхомъ шелководствомъ. Уже многочисленныя орды текинцевъ, недавно наводившія страхъ своими разбойничьими подвигами, стали вести осѣдлую жизнь, и занимаются прорытіемъ ирригаціонныхъ каналовъ, чтобы увеличить площадь своихъ оазисовъ. Самая нравственность рода измѣнилась, и въ своихъ бесѣдахъ съ европейскими путешественниками туркмены упорно отрицаютъ справедливость взводимыхъ на нихъ обвиненій въ разбойничествѣ [2]). Прежняя ходячая поговорка: «если разбойники нападутъ на кибитку твоего отца, помогай имъ грабить и бери свою долю добычи» [3]), не имѣетъ уже смысла въ примѣненіи къ большей части племенъ. При томъ же у туркменовъ переходъ отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому дѣлается очень легко и просто. Обѣднѣніе, ссора съ сосѣдями, бракъ съ женщиной изъ кочующей группы превращаютъ осѣдлаго жителя въ кочевника; наоборотъ, совѣты или примѣръ друзей, занимающихся воздѣлываніемъ почвы, потеря верблюдовъ, какая-нибудь неудача заставляютъ номада отказаться отъ бродячей жизни. Сами земледѣльцы иногда переходятъ съ мѣста на мѣсто, когда сила ихъ полей истощится или если мѣстный климатъ оказывается неблагопріятнымъ для нихъ. Культура нѣкоторыхъ пищевыхъ растеній можетъ быть примирима съ этой кочевой жизнью. Чтобы получить хлѣбъ, носящій по-латыни ихъ имя, polygonum tartaricum, или гречу, татары выжигаютъ растительность на выбранномъ пространствѣ, сѣютъ и собираютъ жатву черезъ два или три мѣсяца, послѣ чего перекочевываютъ въ другія мѣста. Туркменскіе скотоводы, перекочевывая регулярно, смотря по времени года, съ однихъ и тѣхъ же пастбищъ Иранскаго плоскогорія на однѣ и тѣ же травяныя степи равнины, находятся въ переходномъ состояніи между бродячей и осѣдлой жизнью. Оттого русскіе и надѣются смирить южныхъ кочевниковъ Татаріи, какъ они угомонили уже сѣверныхъ, воздвигая укрѣпленія, господствующія надъ зимними становищами туземцевъ. Кромѣ того, русскіе устраиваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго склады съѣстныхъ припасовъ, и проводятъ желѣзную дорогу, направляющуюся отъ залива Михайловскаго къ оазисамъ туркменовъ.

Верблюдъ и лошадь, неразлучные товарищи кочующаго туркмена, естественно, должны уменьшаться въ числѣ, во-первыхъ вслѣдствіе войны туркменъ съ русскими, а во-вторыхъ и

---

[1]) **Верещагинъ**, „Revue des Deux Mondes“, 1873 г.
[2]) **„Русское Обозрѣніе“**, 1879 г., № 8.

[1]) Стебницкій, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, апр. 1872 г.
[2]) Нэпиръ, „Journal of the Geographical Society“, t. XLVI, 1876 г.
[3]) Гродековъ, „Отъ Герата до Самарканда“.

потому, что, съ распространеніемъ въ странѣ земледѣлія, и воинственныя привычки уступятъ мѣсто болѣе мирнымъ нравамъ; говорятъ даже, что туркмены добровольно сбываютъ съ рукъ своихъ верблюдовъ, продавая ихъ персіянамъ, изъ опасенія, чтобы русскіе не овладѣли ихъ скотомъ для перевозки своихъ военныхъ припасовъ и провіанта. Большинство верблюдовъ туркменскаго края одногорбыя животныя, поменьше ростомъ и слабѣе силой двугорбыхъ, но зато выносливѣе къ жарѣ: они могутъ дѣлать переходы около 40 верстъ въ день, съ кладью отъ 9 до 12 пудовъ. Они пасутся на волѣ, безъ путъ, вокругъ кибитокъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже опять дѣлаются полудикими и уходятъ далеко вглубь степей, гдѣ и остаются цѣлые мѣсяцы. Что касается туркменскихъ верховыхъ лошадей, происшедшихъ отъ скрещиванія арабской породы съ туземными животными, быть можетъ, знаменитыми нисейскими конями древнихъ парѳянъ, то онѣ некрасивы на видъ, но мало найдется во всемъ свѣтѣ равныхъ имъ по выносливости: разсказываютъ даже о переѣздахъ въ 1.000 верстъ, сдѣланныхъ въ пять или шесть дней подрядъ, безъ отдыха; послѣ этого понятна поговорка, что «два дня купца не стоятъ одного дня вора» [1]). Эти туркменскія лошади, очень цѣнимыя русскими офицерами, имѣютъ голову болѣе длинную, грудь болѣе узкую, ноги болѣе мохнатыя, чѣмъ у чистокровныхъ арабскихъ коней, но онѣ лучше выносятъ климатъ, голодъ и жажду. Говорятъ, что онѣ происходятъ отъ животныхъ, приведенныхъ арабами во время перваго завоеванія и впослѣдствіи Тамерланомъ и Надиръ-шахомъ. Воспитываемыя подъ кровомъ кибитки вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми и ласкаемыя рукой женщинъ, туркменскія лошади отличаются необыкновенно кроткимъ нравомъ и большой смышленостью: всѣ онѣ очень красиво держатъ голову. Часто можно видѣть въ бѣдной изодранной кибиткѣ хозяина и его семью, одѣтыхъ въ лохмотья, тогда какъ лошадь всегда покрыта хорошимъ войлокомъ [2]).

Кара-калпаки или «Черныя шапки» составляютъ въ географическомъ смыслѣ переходъ отъ туркменовъ юга къ киргизамъ сѣвера. Остатки могущественной націи, они еще имѣютъ представителей своей расы на огромномъ пространствѣ, въ Европейской Россіи—въ губерніяхъ Астраханской, Пермской, Оренбургской, на Кавказѣ—въ Кубанской области, въ Сибири—въ Тобольской губерніи: переселенія добровольныя или насильныя разсѣяли ихъ племена на тысячи верстъ разстоянія одни отъ другихъ; но, по ихъ преданіямъ, всѣ они происходятъ изъ Ховарезма [1]). Кара-калпаки разбросаны нѣсколькими маленькими группами въ долинѣ Зарявшана, но наиболѣе сплоченную массу они составляютъ еще въ сырыхъ равнинахъ нижней Аму-Дарьи и на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря: тамъ они живутъ, быть можетъ, въ числѣ 50.000 душъ, тогда какъ во всей Россійской Имперіи ихъ насчитываютъ около 300.000 человѣкъ. На берегахъ Аральскаго моря «Черныя шапки» (называются этимъ именемъ потому, что обыкновенно носятъ на головѣ колпаки или высокія шапки изъ черныхъ барашковъ) по большей части рослый и сильный народъ, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, большими глазами, короткимъ носомъ, толстымъ подбородкомъ, широкими руками [2]). Однако, женщины ихъ слывутъ первыми красавицами въ Туркестанѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, что кара-калпаки представляютъ рѣзко обособленный типъ: разсѣянные на обширномъ пространствѣ, среди различныхъ народовъ, они, повидимому, разнообразно смѣшались съ другими племенами, а въ Татаріи они мало-по-малу сливаются съ образовавшимся изъ помѣсей населеніемъ сартовъ. Кара-калпаки, смирные, кроткіе, охотно занимающіеся земледѣльческими работами, служатъ, обыкновенно, посмѣшищемъ для своихъ сосѣдей, именно по причинѣ хорошихъ качествъ ихъ характера: ихъ тихій, миролюбивый нравъ, ихъ природное добродушіе доставили имъ репутацію самыхъ глупыхъ людей на свѣтѣ; впрочемъ, имъ дѣйствительно не достаетъ живости и предпріимчивости; взглядъ у нихъ вялый, безъ огня, ротъ почти всегда разинутъ и нижняя губа отвисла [3]). По всей вѣроятности, черезъ нѣсколько поколѣній, этотъ малочисленный, лишенный энергіи народецъ не будетъ уже имѣть независимаго существованія въ Туркестанѣ.

Многочисленная киргизская нація, заключающая, быть можетъ, два милліона душъ (2.400.000 по Левшину; 3.000.000 по Красовскому), и область которой, столь же обширная, какъ вся Европейская Россія, простирается отъ береговъ Волги до бассейна Тарима и отъ низовьевъ Аму-Дарьи до рѣки Иртыша, есть, по численности, самая важная между кочевыми расами Азіи; но она не имѣетъ этнической связи и дробится до безконечности: сами киргизы сравниваютъ себя съ «пескомъ морскимъ», который разносится вѣтромъ на далекое разстояніе, хотя песчаные берега отъ этого не бѣднѣютъ; представителей этого племени встрѣчаешь даже на границахъ Тибета и

[1]) Муравьевъ, „Путешествіе въ Хиву".
[2]) „Военный Сборникъ", янв. 1872 г.;—„Bulletin de la Société de Géogr. de Paris", іюль 1872 г.

[1]) Гребенкинъ, „Русскій Туркестанъ" II, 1872 г.
[2]) Вамбери, „Sketches of Central Asia"; Girard de Rialle, „Les Peuples de l'Asie centrale".
[3]) Каразинъ, „Сцена изъ страшной жизни въ Средней Азіи".

Индостана. Два главные отдѣла киргизской расы соотвѣтствуютъ рельефу страны. Въ равнинѣ арало-каспійской покатости и бассейна Оби живутъ киргизъ-кайсаки, самая многочисленная группа; въ долинахъ Тянь-Шаня, Алая и Памира бродятъ буры, буруты [окончаніе утъ въ монгольскомъ языкѣ есть форма множественнаго числа: бурутъ, якутъ, тунгутъ, тангутъ] [1]), или кара-киргизы, «черные киргизы», называемые также киргизами «дикихъ горъ» или «дикими горными киргизами» (Дикокаменные киргизы).

Киргизы сами себя называютъ кайзаками или казаками, хотя наименованіе «киргизъ» или вѣрнѣе «кргызъ» имъ не безъизвѣстно, и, если вѣрить ихъ толкованію, это слово значитъ буквально «Сорокъ дѣвушекъ». По ихъ легендѣ, сходной съ легендой многихъ другихъ народовъ Азіи, они происходятъ отъ сорока дѣвъ и красной собаки, символа ихъ дикой и бродячей жизни. Они раздѣляются на слѣдующія четыре орды: «Большую» (Улу - юзъ), самую древнюю, которая занимаетъ восточную часть Киргизскаго края, преимущественно на югъ отъ озера Балхашъ и въ сосѣдствѣ Небесныхъ горъ; «Среднюю» (Урта - юзъ), племена которой кочуютъ главнымъ образомъ въ области невысокихъ холмовъ, отдѣляющихъ бассейнъ Оби отъ арало-каспійской покатости; «Внутреннюю» или «Букеевскую», кочующую въ Оренбургскихъ степяхъ, и, наконецъ, «Малую» (Качи-юзъ), которая владѣетъ западной областью края и простирается далеко въ Европейскую Россію; несмотря на свое имя, эта послѣдняя орда самая важная, какъ по численности, такъ по степени цивилизаціи и по роли, которую ей обезпечиваютъ ея постоянныя сношенія съ русскими, военными властителями страны. Тщетно русское правительство, со временъ Екатерины II, пыталось поставить надъ Малой ордой хана; всѣ назначаемые правители были свергаемы или умерщвляемы [2]). Такъ же, какъ и туркменскія племена, федерація или союзъ киргизовъ дѣлится на второстепенныя группы, а эти послѣднія, въ свою очередь, подраздѣляются на кланы, часто враждующіе между собой, и народы, заключающіе, среднимъ числомъ, отъ пяти до пятнадцати кибитокъ. Каждый изъ этихъ ауловъ или маленькихъ общинъ живетъ въ полной независимости, не признавая, послѣ власти русскихъ завоевателей, старательно избѣгаемыхъ, никакого другаго начальства, кромѣ авторитета главы семейства и третейскихъ судей, избираемыхъ ими самими въ случаѣ какихъ-либо споровъ и несогласій. Русскіе ограничиваются обложеніемъ этихъ кочевниковъ податью въ размѣрѣ полутора рублей съ кибитки, но правительственнымъ чиновникамъ трудно открыть всѣ становища, въ оврагахъ и лощинахъ за холмами между барханами, среди непроходимой чащи камышей, по берегамъ болотъ, подъ покровомъ лѣсовъ; да и находимые ими аулы часто покидаются, по причинѣ періодической перемѣны мѣста жительства кочевниковъ, смотря по времени года. Вотъ почему оффиціальная статистика всегда оставалась ниже дѣйствительности, хотя изъ года въ годъ казна успѣвала открывать все большее и большее число уклоняющихся отъ взноса подати. Въ 1837 году, когда было въ первый разъ приступлено къ сбору подати, русскіе чиновники нашли только 15.500 кибитокъ въ бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ; въ 1846 г. они переписали ихъ уже 67.280, а въ 1862 г. число войлочныхъ палатокъ, гдѣ былъ взимаемъ налогъ, простиралось уже до 155.000 слишкомъ [1]). Въ 1872 году первая оффиціальная перепись, произведенная въ двухъ областяхъ, Тургайской и Уральской, не смотря на сопротивленіе киргизовъ, насчитала 605.000 кочевниковъ; сверхъ того Букеевская орда, аулы которой почти всѣ разсѣяны на западѣ отъ рѣки Урала, на европейской территоріи, заключаетъ, по разнымъ исчисленіямъ, отъ 160.000 до слишкомъ 200.000 душъ [2]). По послѣдней же переписи 1897 г. въ Тургайской области значится 453.123 ч., а въ Уральской—644.001.

Богатый киргизъ.

Не имѣя начальниковъ, всѣ киргизы считаютъ себя болѣе или менѣе принадлежащими къ дворянству. Ихъ мелочное аристократическое тщеславіе безгранично. Когда два киргиза встрѣтятся, первый вопросъ, съ которымъ они обращаются другъ къ другу, слѣдующій: «Кто были твои семь предковъ?» И всѣ, даже восьмилѣтнія дѣти, умѣютъ въ отвѣтъ перечислить свою генеалогію до седьмаго колѣна по восходящей линіи. Тѣ, которые насчитываютъ хановъ между своими предками,—и дѣйстви-

[1]) Радловъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg", t. VI.

[2]) Левшинъ, Мейеръ *и др.*

[1]) Мейеръ, „Киргизская степь". „Матеріалы для географіи и статистики Россіи". [2]) Тилло, „Извѣстія Русск. Географ. Общества" 1873 г. № 2. Обручевъ, Риттихъ и др.

тельно находятся такіе, которые ведутъ свой родъ отъ Чингисъ-хана,—почитаются людьми высшей породы, отличающимися своей «бѣлой костью» отъ массы «чернокостнаго» народа. Благородные киргизы, которымъ русское правительство жалуетъ разныя привилегіи, и которыхъ оно вывело въ званіе «султановъ», не освобождая ихъ, однако, отъ платежа подушной подати, окружены сбродомъ теленгутовъ,—то-есть бѣглыхъ, чужеземцевъ, сыновей невольниковъ—которые прежде служили имъ маленькими арміями во время междоусобныхъ войнъ, а теперь гоняютъ стада своего господина и обработываютъ его поля. Эта челядь въ большомъ презрѣніи у вольныхъ кочевниковъ и не имѣетъ права вступать въ какой-либо изъ клановъ или ауловъ; она считается какъ-бы особой кастой, непринадлежащей къ націи и живетъ въ отдѣльныхъ станахъ, вмѣстѣ съ своими господами, султанами, также ненавидимыми массой народа. Біи или «старѣйшіе» представляютъ собою выборныхъ судей, къ которымъ всѣ охотно обращаются въ случаѣ споровъ; на ихъ судъ, вопреки русскому закону, отдаютъ дѣла, которыя должны бы разбираться султанами или русскими чиновниками [1]). «Чернокостные» присвоиваютъ себѣ коллективное дворянство или благородное происхожденіе, которое даетъ имъ кланъ, имѣющій свой особенный знакъ, подобный тотему индѣйцевъ, и благоговѣйно сохраняемый изъ вѣка въ вѣкъ. Каждое племя отличается также особеннымъ крикомъ, который члены его испускаютъ, какъ призывный кличъ, въ своихъ празднествахъ или спорахъ.

Языкъ вездѣ одинъ и тотъ же и представляетъ лишь незначительныя измѣненія у различныхъ киргизъ-кайсацкихъ племенъ. Онъ принадлежитъ къ чистому тюркскому корню и очень мало подвергался чуждымъ вліяніямъ: въ немъ можно замѣтить только кое-какіе слабые слѣды монгольскаго языка и небольшое число словъ арабскихъ и персидскихъ, внесенныхъ вмѣстѣ съ магометанской религіей [2]). На сѣверѣ, дѣйствіе русской рѣчи уже даетъ себя чувствовать, и даже въ нѣкоторыхъ аулахъ Оренбургской степи киргизы разговариваютъ между собой по-русски [3]); но поселенцы славянской расы сдѣлали, быть можетъ, больше позаимствованій, въ обыденной разговорной рѣчи, изъ идіома побѣжденныхъ, чѣмъ эти послѣдніе изъ діалекта своихъ побѣдителей. Подобно тому, какъ во времена монгольскаго нашествія москвитяне получили отъ татарскихъ завоевателей слова, относящіяся къ политикѣ и администраціи, такъ точно нынѣшніе русскіе берутъ въ свой языкъ у покоренныхъ бродячихъ инородцевъ выраженія, относящіяся къ кочевой жизни [1]). По свидѣтельству Вамбери, изъ всѣхъ киргизскихъ племенъ кипчаки, принадлежащіе къ Средней ордѣ, всего лучше сохранили свой первоначальный типъ, свои древніе нравы и обычаи и чистоту своего языка. Что касается происхожденія этой націи, то оно еще составляетъ предметъ горячихъ споровъ между этнологами, и нѣкоторые ученые даже хотѣли видѣть въ киргизахъ арійскихъ скиновъ, такихъ же, какъ древніе обитатели береговъ Понта Эвксинскаго. Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о родословіи ихъ расы, нынѣшніе киргизы несомнѣнно всего больше походятъ на монголовъ и на тюркскія и татарскія народности, составляющія съ ними одну группу по языку. Это крѣпко сложенные, коренастые люди, съ толстой и короткой шеей, широкимъ и невысокимъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими косолежащими глазами, рѣдкой бородой, смуглымъ, часто грязно-коричневымъ цвѣтомъ кожи [2]). Дородность составляетъ очень обыкновенное явленіе у киргизовъ Оренбургской степи, и при томъ она считается у благороднаго сословія націи чѣмъ-то въ родѣ привилегіи, прибавляющей важности и придающей болѣе величавый видъ. По большей части они обладаютъ огромной физической силой, но крайне лѣнивы, вялы, неповоротливы и неуклюжи; походка ихъ тяжелая, тѣмъ болѣе, что отъ постояннаго сидѣнья на конѣ, на которомъ они проводятъ половину своей жизни, ноги у нихъ слегка выгнуты дугой. Въ нѣкоторыхъ племенахъ, матери даже имѣютъ привычку класть подушки между колѣнами спеленатымъ груднымъ дѣтямъ, для того, чтобы постепенно выгнуть имъ ноги и такимъ образомъ сдѣлать ихъ болѣе приспособленными для верховой ѣзды [3]). Подобно ногайцамъ, киргизы часто имѣютъ угрюмый или печальный видъ; между ними рѣдко встрѣтишь людей, которые были бы такъ же предупредительны, привѣтливы въ обхожденіи, отличались бы такимъ же веселымъ характеромъ, какъ башкиры, или имѣли бы такой же смѣлый, неустрашимый взглядъ, какъ туркмены. Большинство ихъ до крайности лѣнивы и безпечны: ничего не дѣлать—это для нихъ верхъ блаженства и славы. Въ киргизскихъ пѣсняхъ женщины прославляютъ лѣность мужчинъ и свое собственное трудолюбіе. Привыкшія къ правильному труду, киргизки, вообще говоря, болѣе стройны и ловки, чѣмъ ихъ мужья, которыхъ онѣ превосходятъ также и нравственными качествами. Въ праздничные дни онѣ любятъ принарядиться: на го-

[1]) Тилло, „цитированное сочиненіе".
[2]) Крассовскій, „Киргизская степь".
[3]) Радловъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", 28 августа 1863 г.

[1]) Вамбери, „Die primitive Cultur des Turko-tatarschen Volkes".
[2]) Радловъ; Вамбери; Верещагинъ, Girard de Rialle и пр.
[3]) Левшинъ, „Описаніе киргизъ-кайсаковъ".

лову надѣваютъ высокую бархатную или парчевую шапочку, украшенную металлическими бляхами, вышивками и бусами, а косы продолжаютъ до самыхъ пятъ, при помощи лентъ и конскихъ гривъ; онѣ прибѣгаютъ къ румянамъ и бѣлиламъ гораздо больше, чѣмъ европейскія женщины, и даже, чтобы нарумянить себѣ щеки, натираютъ ихъ растеніями съ ѣдкимъ сокомъ.

Киргизы большихъ степей, народъ вооруженныхъ пастуховъ, по преимуществу кочевники: какое-нибудь событіе, преслѣдованіе другаго племени, худыя предзнаменованія, сильная буря заставляютъ ихъ перемѣнить отечество. Такъ, въ 1820 году большая часть астраханскихъ киргизовъ покинули свои становища, чтобы вернуться въ Азію, по простому слуху, что администрація собирается сдѣлать имъ перепись; они испугались, что послѣдствіемъ этой переписи будетъ то, что ихъ молодыхъ людей заберутъ въ военную службу и сдѣлаютъ солдатами на двадцать или на тридцать лѣтъ. Тщетно русскіе правители велѣли выстроить настоящіе дома для киргизскихъ «султановъ», разсчитывая, что это придастъ больше важности послѣднимъ и будетъ способствовать возвышенію ихъ въ мнѣніи народа: хотя очень польщенные оказанной имъ честью, киргизскіе «бѣлокостники» продолжали жить по-прежнему подъ войлочной палаткой, оставляя въ своихъ домахъ всѣ предметы роскоши, свидѣтельствующіе объ ихъ богатствѣ и цивилизаціи; только самые жалкіе члены націи, тѣ, которые почти низведены на степень рабовъ среди казацкихъ колоній, соглашаются обитать въ деревянныхъ домикахъ. Киргизы предчувствуютъ, что осѣдлая жизнь въ домахъ будетъ совпадать для нихъ когда-нибудь съ потерей свободы [1]). Киргизская юрта, совершенно похожая на калмыцкую и туркменскую кибитку, состоитъ изъ простой деревянной рѣшетки, покрытой снаружи краснымъ сукномъ у нѣкоторыхъ «султановъ», бѣлымъ войлокомъ у богатыхъ и обыкновенной кошмой у «чернокостныхъ». Въ какихъ-нибудь полчаса времени цѣлый аулъ исчезъ и направляетъ путь къ другимъ мѣстамъ стоянки: къ сѣверу—въ началѣ лѣта къ югу—въ первые дни зимы.

Киргизка.

Киргизъ-кайсаки не имѣютъ того воинственнаго темперамента, какимъ отличаются ихъ южные сосѣди, туркмены. Однако, они долго оказывали сопротивленіе славянскимъ завоевателямъ. Они приняли русское подданство въ 1734 году; но они думали въ то время, что исполняютъ лишь пустую формальность, когда же поняли, что въ мнѣніи русскихъ они утратили свое независимое существованіе, война началась. Она продолжалась болѣе ста лѣтъ съ промежутками вооруженнаго мира [2]). Послѣд-

[1]) Левшинъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Григорьевъ, „Русское Обозрѣніе", 1873 г.

нее возмущеніе имѣло мѣсто въ 1870 году, и мангышлакскіе киргизы разрушили тогда одну русскую деревню и осаждали фортъ Александровскій [1]). Но, по природѣ, киргизъ-кайсаки народъ миролюбивый. Чтобы отмстить за обиды, удовлетворить старую злобу или воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для грабежа, они, правда, предпринимаютъ отъ времени до времени баранты или вооруженныя экспедиціи, подобныя аламанамъ туркменъ, но дѣлается это обыкновенно только для того, чтобы хищнически напасть и заграбить лошадей. Они не употребляютъ въ дѣло оружія, кромѣ какъ противъ дичи. Страстные охотники, они преслѣдуютъ и убиваютъ степнаго волка сначала ударами бича, а потомъ—хлыстомъ изъ желѣзной проволоки [2]). Они умѣютъ дрессировать сокола, коршуна и даже беркута, пріучая ихъ ловить дичь; однако, помощь беркута на охотѣ не безопасна для нихъ самихъ: бывали случаи, что крылатый хищникъ, тщетно отыскивая взоромъ съ небесной выси волка, лисицу или какое-нибудь другое животное, забившееся въ свою берлогу или нору, налеталъ на своего господина, сшибая его съ коня ударомъ могучихъ крыльевъ, вонзая когти въ его тѣло и стараясь выклевать ему глаза [3]).

Киргизъ-кайсаки называютъ себя магометанами суннитами, но они по большей части до такой степени чужды всякому фанатизму, что ихъ съ такимъ же правомъ можно бы было причислить къ шаманистамъ и къ язычникамъ. Между ними встрѣчаются даже такіе, которые на разспросы путешественниковъ отвѣчаютъ, что и сами не знаютъ, къ какой религіи принадлежатъ. Когда они впервые вступили въ сношенія съ русскими, они не были мусульманами; въ то время не существовало ни одной мечети въ киргизскихъ степяхъ, не было ни одного муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Это сами русскіе всего болѣе способствовали обращенію киргизовъ въ послѣдователей Магомета, предполагая ихъ таковыми. Косвенно, они были обратителями этого народа въ магометанскую вѣру, напоминая ему имя Аллаха во всѣхъ своихъ договорахъ и условіяхъ, но они имѣли полный успѣхъ въ этомъ отношеніи только у сановныхъ степняковъ, да у купцовъ. Главная масса націи осталась тѣмъ, чѣмъ она была до русскаго господства, принявъ, впрочемъ, изъ религій окружающихъ народовъ то, что внушало имъ страхъ. Наиболѣе приверженными къ шаманству оказываются тѣ изъ киргизовъ, которымъ всего рѣже приходилось имѣть сношенія съ русскими [4]). Впрочемъ, киргизскій исламизмъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они ненавидятъ христіанъ и послѣдователей Али (шіитовъ) и считаютъ позволительнымъ обкрадывать, грабить и даже убивать этихъ иновѣрцевъ, но ихъ религіозные обычаи и обряды не имѣютъ никакой связи съ предписаніями Корана. Пуще всего боятся они дурнаго глаза и никогда не забудутъ украсить разноцвѣтными лентами голову молодаго верблюда, чтобы удалить отъ него пагубныя вліянія: все у нихъ примѣта, хорошая или худая,—паденіе нитки на камень бѣлый или черный; оттѣнокъ желтый или красный пламени, которое поднимается, когда на огонь брошено масло, трещины продольныя или поперечныя, которыя образуются на поджариваемыхъ бараньихъ лопаткахъ и т. д.[1]). Они пробуютъ заклинать злыхъ духовъ, дѣлая имъ жертвоприношенія, привязывая къ травамъ, къ камышамъ, къ кустамъ, къ кольямъ, воткнутымъ въ землю, волосы, тряпки или ленты. Въ горахъ они вѣшаютъ также части одежды на вѣтвяхъ деревьяхъ, осѣняющихъ цѣлебные источники [2]). Собираясь въ путь-дорогу или отправляясь въ военную экспедицію, на баранту, киргизъ пришиваетъ себѣ сзади, къ шапкѣ, одинъ или два мѣшечка, содержащихъ писанныя молитвы, которыя должны дать ему мужество и удачу въ предпріятіи.

Изъ всѣхъ магометанскихъ обычаевъ всего быстрѣе было принято многоженство, принято, впрочемъ, не массой бѣдныхъ киргизовъ, неимѣющихъ средствъ платить болѣе одного раза калымъ или выкупъ за жену, а богачами, которые обладаютъ сотнями и тысячами головъ скота. Такъ же, какъ у большинства народовъ, выходящихъ изъ состоянія варварства, у степняковъ существуетъ еще, тамъ и сямъ, въ бракахъ обычай притворнаго похищенія; но есть также много киргизовъ, которые на самомъ дѣлѣ похищаютъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ военную добычу. Чаще всего они отправляются за этого рода добычей къ калмыцкимъ народцамъ Небесныхъ горъ и такимъ образомъ исполняютъ древній обычай, по которому всякая невѣста должна быть взята не изъ своего племени и даже націи. По традиціи, киргизы—экзогамисты или «чужебрачники», чѣмъ и объясняется большое сходство типа этихъ тюркскихъ племенъ съ ихъ сосѣдями монгольской расы. Изъ національныхъ обычаевъ всего лучше сохранились тѣ, которые относятся къ чествованію памяти усопшихъ. Киргизы хоронятъ своихъ покойниковъ съ плачемъ и рыданіями и возобновляютъ траурныя церемоніи или справляютъ поминки на сороковой день, затѣмъ на сотый день, въ концѣ года и еще по прошествіи девяти лѣтъ. Близкіе родственники бьютъ себя въ грудь и испускаютъ вопли, утромъ и

[1]) Загорскій, „Русское Обозрѣніе", 1879 г., 5.
[2]) Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja".
[3]) Ибрагимовъ, „Древняя и Новая Россія", 1875 г., № 9.
[4]) *Левшинъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Григорьевъ, цитирован. статья.
[2]) Костенко, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", мартъ, 1877 г.

вечеромъ, въ продолженіе цѣлаго года, передъ куклой, одѣтой въ платье умершаго. Могильные курганы, которые возвышаются на вершинѣ холмовъ, украшенные пиками съ развѣвающимися на концѣ конскими гривами и хвостами, составляютъ предметъ величайшаго почитанія. Нѣкоторые холмы сплошь усѣяны надгробными памятниками всевозможной величины и формы, воздвигнутыми въ честь усопшихъ, пирамидами, башенками, куполами, портиками; матери велятъ представлять на этихъ памятникахъ колыбели своихъ дѣтей, а дѣти изображаютъ на нихъ кибитку, гдѣ трудилась мать. Курганы встрѣчаются также въ большомъ числѣ въ открытой степи: одна изъ могильныхъ насыпей, возвышающихся на берегу рѣки Тургай, имѣютъ 32 метра въ вышину и 290 метр. въ окружности; по сказанію легенды, подъ этимъ холмомъ покоится прахъ героя или батыря исполинскаго роста, одного изъ тѣхъ, которые поднимали горы, какъ простые камни для своихъ пращей [1]). Проходя или проѣзжая мимо этихъ могилъ, киргизы считаютъ долгомъ сотворить молитву съ колѣнопреклоненіемъ у подножія кургана и оставляютъ тамъ, для нуждающихся, разныя вещи, одежду, съѣстные припасы, деньги. Бѣдные прохожіе могутъ взять себѣ, какъ даръ отъ умершаго, все, что увидятъ на его могилѣ; но они обязаны, взамѣнъ того, и сами сдѣлать какое-нибудь маленькое приношеніе, дабы ни одинъ нуждающійся не вернулся отъ покойника съ пустыми руками [2]).

Въ общемъ ходѣ развитія человѣческихъ обществъ земледѣліе составляетъ прогрессъ въ сравненіи съ пастушескимъ образомъ жизни; но относительно киргизовъ этого нельзя сказать. У этихъ степняковъ тотъ, кто нисходитъ въ состояніе хлѣбопашца, есть уже человѣкъ обездоленный, утратившій радости жизни и свободу. Еще и въ наши дни почти всѣ киргизъ-кайсаки магометанской вѣры—кочевники; тѣ же, которые, по неимѣнію собственнаго скота, вынуждены обработывать землю въ сосѣдствѣ русскихъ поселеній, отрекаются отъ имени кайсаковъ уже со втораго поколѣнія, носятъ русскую одежду и называютъ себя христіанами; близъ укрѣпленныхъ постовъ южной Сибири, это они поставляютъ хлѣбъ русскимъ линейнымъ казакамъ. На всей окружности киргизскаго края мелкіе русскіе торговцы держатъ туземцевъ въ кабалѣ посредствомъ ростовщичьихъ ссудъ, и примѣру этихъ кулаковъ слишкомъ усердно слѣдуютъ, во внутренности степей, такъ называемые «ханы», то-есть богатые киргизы; всякій разъ, какъ слишкомъ суровая зима влечетъ за собою гибель значительной части скота, среди киргизовъ происходитъ эмиграціонное движеніе, направляющееся изъ территоріи ордъ къ русскимъ владѣніямъ. Между киргизами есть такіе богачи, которые насчитываютъ въ своихъ стадахъ сотни верблюдовъ, тысячи лошадей и до двадцати тысячъ барановъ. У нихъ есть также и крупный рогатый скотъ, но въ меньшемъ числѣ; до половины восемнадцатаго столѣтія киргизы еще не вводили этихъ животныхъ въ своихъ степяхъ, и имъ стоитъ большаго труда прокармливать ихъ и защищать отъ холода во время продолжительной зимы. Общее количество домашнихъ животныхъ въ киргизской степи опредѣлялось въ 1872 году, по Тилло, слѣдующими цифрами:

Верблюдовъ—120.000; лошадей—1.720.000; быковъ и пр.—600.000; барановъ—2.000.000; козъ—180.000.

Кучки деревьевъ, густые камыши, узкіе и длинные овраги между песчаныхъ бугровъ служатъ убѣжищами большей части стадъ во время бурановъ; но въ открытой степи нужно выкапывать большія ямы, куда и укрывается скотъ отъ непогоды, или протягивать войлочный заборъ со стороны вѣтра. Самыя лучшія пастбища всегда приберегаются къ зимѣ: когда земля покроется снѣгомъ, лошади начинаютъ разгребать снѣгъ копытами и обгладываютъ верхнюю часть стеблей, затѣмъ на то же мѣсто пускаются верблюды, которые обрываютъ траву ближе къ землѣ, наконецъ, очередь доходитъ до барановъ, которые уже выщипываютъ растенія до самаго корня.

Неакклиматизировавшіяся животныя гибнутъ отъ этой тяжелой жизни, отъ стужи и безкормицы. Дромадеры туркменской породы не могли быть введены въ край, и только двугорбые верблюды переносятъ тамошній климатъ. Бараны всѣ принадлежатъ къ породѣ овецъ съ курчавой шерстью и жирнымъ хвостомъ (курдюкомъ); эти животныя, когда подростутъ, дѣлаются обыкновенно такими сильными и такими большими, что дѣти во время своихъ игръ разъѣзжаютъ на нихъ верхомъ. Стада всегда ходятъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ козъ, и иногда случается, въ началѣ или въ концѣ зимы, что при переходѣ черезъ рѣки, покрытыя тонкимъ или хрупкимъ льдомъ, овцы тонутъ сотнями, желая слѣдовать за своими легкими проводницами [1]). Что касается киргизской лошади, то она некрасива на видъ, но очень крѣпка, вынослива и неприхотлива; она дѣлаетъ шагомъ до 80 верстъ въ день,—даже по 100 верстъ, какъ говоритъ г. Костенко,—ѣстъ все, что попадется, ложится на голый песокъ и переноситъ, безъ вреда для своего здоровья, всѣ крайности тепла и холода. Во время своихъ конскихъ скачекъ или байга, киргизы и калмыки могутъ легко проскакать около 10 верстъ въ четверть часа, около 20 верстъ въ полчаса, и иные киргизскіе наѣздники, мѣняя

[1]) Левшинъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Koschel, „Beiträge zur Kenntniss des Russishen Reiches", Bd. XVIII.

лошадей на нѣсколькихъ станціяхъ, пробѣгали въ тридцать четыре часа около 1300 верстъ. Цѣнныя лошади, какъ-то: карабаиръ или «полукровный» и аргамакъ, чистой породы, менѣе выносливы. Аргамакъ, столь замѣчательный блескомъ своего одѣянія, стройнѣе и выше на ногахъ, чѣмъ чистокровная арабская лошадь; его можно встрѣтить только у киргизскихъ «султановъ» [1]).

Черные или дикокаменные киргизы, извѣстные у туземцевъ подъ именемъ бурутовъ (буровъ), менѣе многочисленны, нежели киргизъ-кайсаки, такъ какъ общее число ихъ на обоихъ скатахъ хребта Тянь-Шаня не превышаетъ 350.000 или 400.000 душъ; они мало отличаются, по типу, языку и нравамъ, отъ своихъ сосѣдей, обитателей равнинъ, и народная легенда даже производитъ ихъ отъ выходцевъ изъ степныхъ кайсацкихъ ордъ, убѣжавшихъ въ горы [2]). Однако, эти горные киргизы, очевидно, въ болѣе сильной степени смѣшались съ монголами и представляютъ совершенно тотъ же физическій типъ, какъ и калмыки; почти всѣхъ ихъ женщинъ русскіе находятъ безобразными, исключая женщинъ племени сары-багишъ. Онѣ никогда не закрываютъ лица, и глаза ихъ смѣло глядятъ изъ косо разрѣзанныхъ вѣкъ; волосы у нихъ жесткіе и твердые, какъ конская грива; по праздничнымъ днямъ онѣ носятъ головной уборъ вродѣ туркменскаго, сплошь увѣшанный металлическими бляхами и монетами, которыя звенятъ при каждомъ движеніи. Грязные и склонные къ пьянству, никогда не моющіеся, никогда не вытирающіе своихъ кухонныхъ инструментовъ и посуды иначе, какъ пальцами, изъ опасенія «прогнать изобиліе» изъ дома [3]), буруты болѣе дики, болѣе невѣжественны, чѣмъ киргизы равнинъ, но зато они, говорятъ, болѣе честны и болѣе прямодушны въ сравненіи съ ихъ сосѣдями степняками. Очень униженные теперь, эти дикокаменные киргизы, повидимому, были нѣкогда націей, гораздо болѣе цивилизованной, чѣмъ въ наши дни: китайскіе лѣтописцы говорятъ о «ки-си-ли-цы», какъ о народѣ могущественномъ и промышленномъ, который велъ дѣятельную торговлю съ отдаленными странами внѣшней Азіи. Но великія переселенія народовъ увлекли далеко на западъ и на югъ эту вѣтвь киргизской націи, а тѣ, которые остались на мѣстѣ, были оттѣснены мало-по-малу въ горныя долины. Потомъ пришли русскіе, которые истребили всѣхъ киргизовъ сибирскихъ степей, къ востоку отъ Иртыша, или оставили лишь ничтожные обломки этихъ инородческихъ племенъ, скоро утратившихъ самое имя и слившихся съ другими народами. Они сохранили отъ своей древней цивилизаціи разныя мастерства и умѣютъ строить вѣтряныя мельницы, ковать желѣзо, ткать прекрасныя матеріи [1]). Чернымъ киргизамъ совершенно чуждо аристократическое тщеславіе, такъ сильно развитое у киргизъ-кайсаковъ, и ни одинъ изъ этихъ горцевъ не претендуетъ на благородное происхожденіе, не кичится своей «бѣлой костью»; однако, ихъ начальники или манапы, въ нѣкоторыхъ племенахъ, захватили въ свои руки обширную, почти неограниченную, власть, и даже присвоили себѣ право жизни и смерти надъ своими управляемыми. Память о былой славѣ не совсѣмъ угасла у тянь-шаньскихъ киргизовъ, и ихъ поэты, ихъ импровизаторы, вокругъ которыхъ собирается толпа слушателей въ становищахъ, воспѣваютъ еще древнихъ батырей, которые пронзали по тысячѣ человѣкъ однимъ ударомъ копья и поднимали одной рукой гору, гдѣ заснула ихъ невѣста: ничто не было невозможнымъ для этихъ храбрецовъ былыхъ временъ. Ученые хотѣли видѣть въ пѣсняхъ и былинахъ кара-киргизовъ остатки древнихъ эпическихъ поэмъ, и въ нѣкоторыхъ изъ ихъ воззваній или молитвъ проходитъ какъ бы вѣяніе Ведъ:

«Всевышній, Царь небесный, ты, который производишь изъ земли зелень и одѣваешь деревья листьями; ты, который покрываешь кости мясомъ и черепъ волосами, творецъ творенія, Небо, которое создало звѣзды.

«Вы, шестьдесятъ властителей, давшіе намъ отца, и ты, Пай Онльгуэнъ, давшій намъ мать.

«Дайте намъ скота, дайте хлѣба, дайте главу дому, пошлите намъ свое благословеніе!» [2]).

Черные киргизы дѣлятся на многочисленныя племена, изъ которыхъ западныя извѣстны подъ общимъ именемъ «Правой» (Онъ), тогда какъ восточные народцы, на обоихъ скатахъ Небесныхъ горъ, составляютъ такъ называемую «Лѣвую» (Соль). Киргизы этой послѣдней вѣтви, то-есть «Лѣвой», находятся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ тянь-шаньскими калмыками, происходящими частію отъ тѣхъ калмыковъ, которые ушли въ 1771 году изъ астраханскихъ степей въ Джунгарію, и которые потеряли, во время этого исхода, такое большое число своихъ отъ голода, холода и битвъ. Побѣжденные черными киргизами и другими степными народами въ сраженіи, данномъ въ мѣстности къ югу отъ озера Балхашъ, калмыки нашли убѣжище только въ восточныхъ долинахъ Небесныхъ горъ, гдѣ ихъ поселило китайское правительство, рядомъ съ ихъ соплеменниками, тор-

[1]) Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Société d'acclimatation", 1879 г.

[2]) Хорошкинъ, „Сборникъ статей, относящихся къ Туркестану".

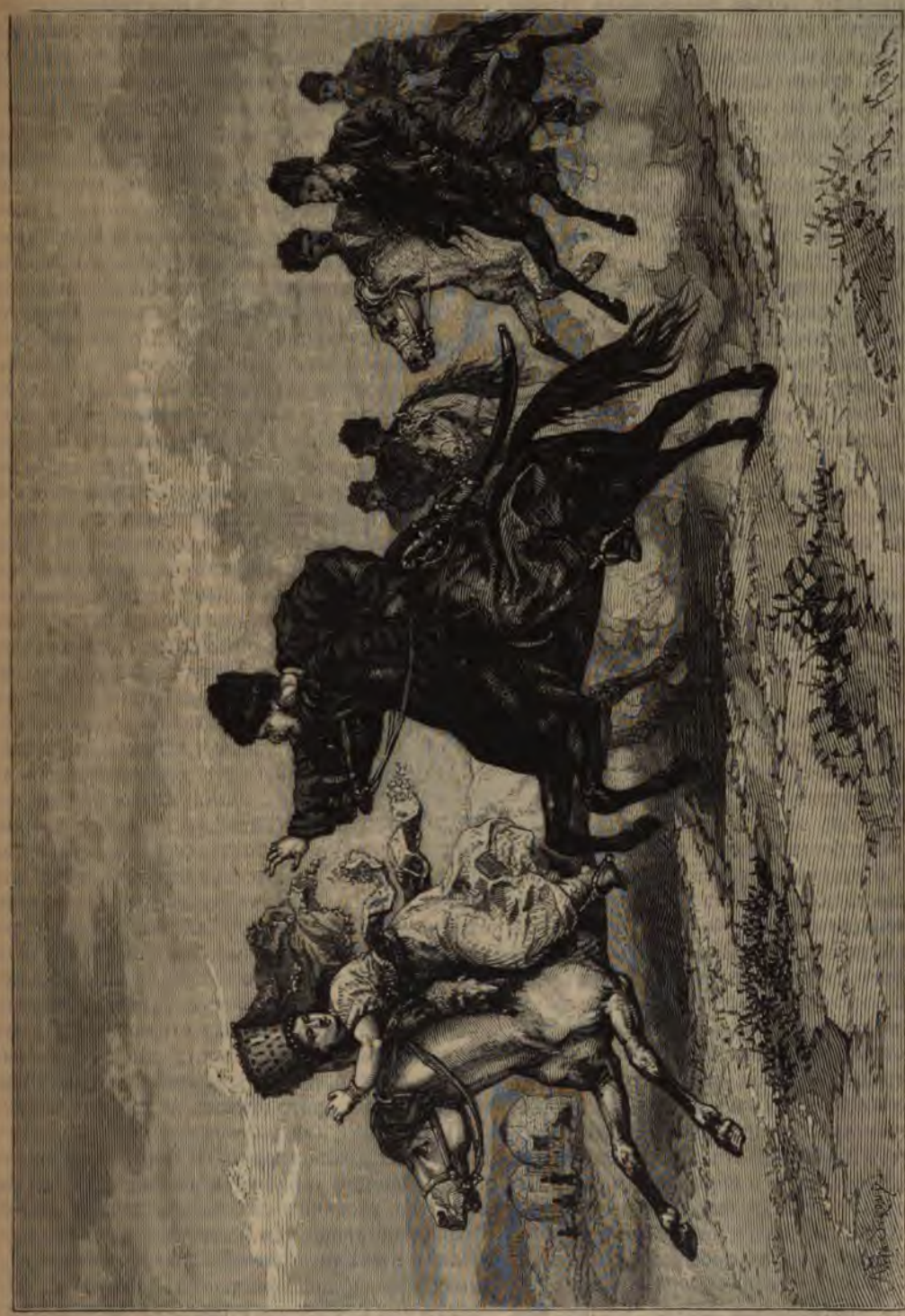
[3]) Семеновъ, „Mittheilungen von Petermann", 1859 г., № 3.

[1]) Валихановъ, „Путешествіе въ 1858 и 1859 годахъ".

[2]) Радловъ, „Volksliteratur der türkischen Stämme Sibiriens"; Elie Réclus, „Philosophie positive".

гами или торгутами, буддистами, какъ и они, и говорящими нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ ихъ языку. Азіатскіе калмыки ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ. У нихъ такое

рыхъ племенъ имѣютъ привычку чернить себѣ зубы [1]). Такъ же, какъ киргизы, и даже гораздо чаще, калмыки употребляютъ быка для перевозки тяжестей и для верховой ѣзды.



Туркменскій обычай: догонка невѣсты.

же плоское лицо, съуженное въ верхней части, такіе же узкіе и косолежащіе глаза, такія же блѣдныя губы, искривленныя печальной улыбкой, такое же массивное туловище, поддерживаемое *кривыми ногами*. *Женщины* нѣкото-

Едва-ли найдется народъ, среди котораго оспа произвела бы болѣе страшныя опустоше-

[1]) Каразинъ, „Сцены изъ страшной жизни въ Средней Азіи".

нія, чѣмъ у тянь-шаньскихъ калмыковъ: оттого они прокляли самое имя этого бича; у нихъ считается грѣхомъ не только говорить, но даже упомянуть о немъ какимъ-нибудь намекомъ. Въ зимнюю пору, семья, пораженная страшнымъ недугомъ, можетъ считаться пропащей семьей: холодъ, въ соединеніи съ болѣзнью, не пощадитъ ни одного изъ обитателей кибитки; всѣ члены семейства, отъ мала до велика, погибнутъ, и никогда никакой наслѣдникъ не явится за полученіемъ вещей, оставшихся въ зараженномъ жилищѣ. Чтобы предохранить себя отъ заразы, калмыкъ, зашедшій нечаянно или по ошибкѣ въ кибитку, гдѣ есть больные оспой, первымъ дѣломъ напивается водкой до опьяненія, послѣ чего его родные и друзья, вооруженные нагайками, хлещутъ его до крови, чтобы прогнать вошедшаго въ его тѣло злаго духа. Въ противоположность своимъ сосѣдямъ, киргизамъ, калмыки мало заботятся о своихъ умершихъ. Они почти никогда не погребаютъ ихъ, а оттащивъ мертвое тѣло на нѣкоторое разстояніе отъ становища, бросаютъ его на пескѣ, отчего нерѣдко случается, что голодная собака приноситъ въ кибитку кусокъ трупа и пожираетъ его на глазахъ родныхъ покойника [1]).

Въ богатой долинѣ рѣки Или, между Тянь-Шанемъ въ собственномъ смыслѣ и Джунгарскимъ Ала-тау, главная масса населенія состоитъ изъ таранчей, земледѣльческаго народа тюркско-татарской расы, но, очевидно, смѣшаннаго въ сильной степени съ арійскими элементами: они происходятъ отъ кашгарскихъ колонистовъ, приведенныхъ въ край манчжурскими завоевателями, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія; хотя мусульмане по имени, они не знаютъ большей части предписаній своей религіи и руководствуются старыми обычаями, предшествовавшими магометанскому шаріату [2]); женщины ихъ не закрываютъ себѣ лица. Всѣ обитатели этой Илійской страны, за исключеніемъ небольшаго числа русскихъ гражданскаго сословія и казаковъ, пришли съ китайской территоріи, на югѣ и на востокѣ. Самые извѣстные изъ этихъ пришельцевъ—дунгане, которые населяютъ главнымъ образомъ города бассейна рѣки Или и составляютъ нѣчто въ родѣ авангарда своимъ единоплеменникамъ внутреннихъ провинцій Китайской имперіи и округовъ турфанскаго и урумційскаго. Солоны происходятъ отъ тунгузскихъ военныхъ поселенцевъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, которые пришли въ край въ прошломъ столѣтіи, и которымъ грозитъ опасность исчезнуть отъ неумѣреннаго употребленія опіума [3]). Сибо или шибо, которые составляли, вмѣстѣ съ солонами, отдѣльное войско, подраздѣлявшееся на восемь «знаменъ» или хошуновъ, были чистокровные манчжуры, говорившіе цивилизованнымъ языкомъ націи [1]); остатки этихъ племенъ, сохранившіе ихъ имя, сдѣлались туземцами черезъ брачные союзы съ калмыцкими женщинами. Между жителями этой страны встрѣчаются также, въ небольшомъ числѣ, манчжуры и китайцы «хамбинги». Извѣстно, что Кульджинскій край есть одинъ изъ тѣхъ, гдѣ, во времена новаго періода исторіи, происходили самыя ужасныя побоища, оканчивающіяся истребленіемъ цѣлыхъ расъ народовъ. Говорятъ, что въ 1858 году манчжуры велѣли перебить, безъ различія пола и возраста, всѣхъ калмыковъ, обитавшихъ въ Илійской равнинѣ: болѣе милліона человѣческихъ жизней погибло въ этой чудовищной рѣзнѣ. Столѣтіе спустя, новые поселенцы, таранчи и дунгане, которыхъ манчжуры ввели въ край на мѣсто истребленныхъ калмыковъ, жестоко отмстили своимъ господамъ за пролитые послѣдними потоки крови. Ожесточенная война, въ которой не было пощады ни одному плѣннику, свирѣпствовала между поселенцами и ихъ господами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и окончилась въ 1865 году поголовнымъ избіеніемъ манчжуровъ, солоновъ и сибо; только молодыя женщины избѣгли смерти. Многолюдные города были обращены въ груды развалинъ; если вѣрить разсказамъ туземцевъ, около двухъ милліоновъ человѣкъ погибли въ эти страшные годы разрушенія. Когда господство китайцевъ уступило мѣсто владычеству таранчей и дунганъ, въ долинѣ Или, еще недавно такъ густо населенной, оставалось не болѣе 130.000 жителей.

До прибытія русскихъ въ бассейны Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, политическое могущество принадлежало, въ цивилизованныхъ государствахъ страны, націи узбековъ, тюркско-татарской расы, какъ киргизъ-кайсаки и кара-киргизы, и говорящихъ также тюркскимъ языкомъ, джагатаемъ или уйгуромъ, однимъ изъ цивилизованныхъ и литературныхъ діалектовъ тюркскаго корня. Какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ различныя расы или народности живутъ рядомъ одна съ другой, и гдѣ привилегіи, политическія и соціальныя, принадлежатъ одной изъ нихъ, въ Туркестанѣ имя узбековъ, какъ господствующаго класса, естественно, составляло предметъ честолюбія для всякаго, и потому національность ихъ увеличилась большой частью людей смѣшанной крови. На милліонъ узбековъ, живущихъ нынѣ въ Арало-Каспійскомъ бассейнѣ, значительная пропорція, безъ сомнѣнія, состоитъ изъ помѣси съ иранскими элементами, какъ это доказываютъ черты лица, походка и характеръ. Отъ Ферганы до Хивы и отъ Хивы до афганскихъ провинцій Гинду-Куша, кон-

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости", 1 апрѣля 1880 г.
[2]) „Tour du Monde", 1874.
[3]) Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan le Ferghanah et Kouldja".

[1]) Радловъ, „Русское Обозрѣніе", 1873, № 3.

тъ между различными племенами, которыя одинаково именуютъ себя узбеками, такъ еликъ, какъ контрастъ между національями, носящими разныя названія. Что осоо поражаетъ у большинства узбековъ, въ ахъ которыхъ есть уже примѣсь персидской и, это густая растительность на подбородаже узбеки, сохранившіе татарскій типъ, кое лицо и косолежащіе глаза, имѣютъ о такую же величественную бороду, какъ ицы [1]).

збеки считаютъ себя потомками кочевыхъ енъ знаменитой Золотой Орды, получивэто названіе, какъ говорятъ, отъ золотыхъ овъ, которыми обвертывали жерди, состашія остовъ ханской палатки; но, очевидно, асу ихъ съ давнихъ поръ примѣшались енты монгольскіе и рскіе. Знаменитые ры, давшіе имъ ъ, которымъ они готъ въ настоящее я, языкъ гораздо боприближающійся къ рскому корню, чѣмъ цкій, употребляелевантинцами, быѣроятно, тѣ изъ тюртатаръ, которымъ надлежала наибольдоля участія въ обваніи расы узбековъ ихъ дней [2]): носимое національное названобуквально значитъ бодный человѣкъ», только оно не продитъ отъ имени одизъ ихъ государей, исъ-хановыхъ поовъ, который обра- их въ магометанскую вѣру въ первыхъ хъ четырнадцатаго столѣтія. Таковы, ка мы ихъ видимъ теперь, то-есть смѣшанс различными элементами, турецкими, ольскими, иранскими, — узбеки предстаютъ еще значительный контрастъ, съ одной оны съ чистыми кочевниками страны, туркми и киргизами, съ другой—съ арійцами, ршенно осѣдлыми. Нѣкогда болѣе цивилинные, болѣе занимавшіеся земледѣліемъ, въ наши дни, они частію снова вернулись остоянію номадовъ; можно сказать, что они перь еще полукочевники, и между ними не ость встрѣтить горожанъ, которые прово почти весь годъ въ палаткѣ среди своего и у которыхъ домъ служитъ житницей [3]). раздѣленные на роды и племена, изъ ко-

Сартъ.

торыхъ иные носятъ то же имя, какъ киргизскіе народы, узбеки считаютъ даже принадлежащими къ ихъ націи кланы, на которые съ такимъ же правомъ могли бы имѣть притязаніе черные киргизы: таковы, напримѣръ, ферганскіе туруки или тюрки, можетъ быть, близкіе родичи тѣхъ, которые, подъ такимъ же этническимъ наименованіемъ, получили въ передней Азіи и въ Европѣ столь важную историческую роль. Между узбекскими племенами старѣйшимъ или самымъ благороднымъ почитается племя мангитовъ, изъ которыхъ вышла царствующая фамилія бухарскихъ хановъ или эмировъ, и которое, вслѣдствіе того, пользовалось многочисленными прерогативами [4]). Въ мусульманскомъ мірѣ узбеки представляютъ собою наиболѣе искренній и страстный элементъ; между ними меньше встрѣтишь равнодушныхъ къ вѣрѣ меньше лицемѣровъ, нежели между другими народностями Туркестана. Почти всѣ разбойники, но также почти всѣ «святые» края,— болѣе девяти десятыхъ общагочисла,—принадлежатъ по происхожденію къ племени узбековъ [2]); персіяне, таджики, сарты, афганцы, арабы, фигурируютъ пропорціонально въ гораздо меньшемъ числѣ между «Божьими людьми», несмотря на то, что духовное сословіе вербуется почти исключительно изъ таджидовъ: въ двухъ тысячахъ мечетей Зарявшанскаго округа едва ли наберется полсотни муллъ, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ, то-есть не таджиковъ [3]). Хотя узбеки располагали политической властью въ теченіе столѣтій, они остались простыми и честными, въ сравненіи съ иранцами, которые составляютъ массу чиновниковъ и сборщиковъ податей. Эти иранцы, въ насмѣшку, величаютъ своихъ господъ, узбековъ, Югунъ-келле или «толстыми черепами», въ смыслѣ тупоголовыхъ, и это прозвище, кажется, справедливо съ двоякой точки зрѣнія, такъ какъ у узбековъ костяной ящикъ головы дѣйствительно толще, шире и крѣпче, чѣмъ у ихъ соотечественниковъ иранской расы [4]). Что-

Венюковъ; Уйфальви; Шау; Жираръ-де-Ріаль и пр. Friedrich Müller, „Allgemeine Ethnographie“.
Вамбери; Уйфальви; Верещагинъ и др.

[1]) Ханыковъ, „Bokhara, its amir and its people“.
[2]) Ханыковъ; Хорошкинъ, „Сборникъ статей, относящихся къ Туркестану“; Гродековъ, „From Samarkand to Herat“, франц. переводъ Ш. Марвена.
[3]) Гребенкинъ, „Русскій Туркестанъ“, часть II.
[4]) Вамбери, „Sketches of Central Asia“; Girard de Rialle, цитированное сочиненіе.

бы показать, въ шутливой формѣ, контрастъ характера, существующій между узбеками и таджиками, жители края разсказываютъ такую исторію, что будто одна принцесса обѣщала свою руку тому изъ двухъ претендентовъ, который проведетъ оросительный каналъ черезъ Голодную степь. Узбекъ добросовѣстно принялся за дѣло, началъ копать ровъ для арыка и довелъ его до водопада, который виденъ еще и въ наши дни; но у него не хватило времени окончить эту гигантскую работу. Таджикъ не задавалъ себѣ такого большаго труда. Онъ поступилъ гораздо проще: передъ назначеннымъ днемъ, разослалъ камышевыя циновки вдоль песчаной пустыни, и когда принцесса взошла на свою башню, чтобы увидѣть вдали серебристую струю водъ канала, показалъ ей работу узбека, блестѣвшую на солнцѣ. Несчастный соперникъ, съ отчаянія, бросилъ свой заступъ высоко въ воздухъ, и при паденіи инструментъ раскроилъ ему голову [1]).

Утрата политической власти, по всей вѣроятности, будетъ имѣть слѣдствіемъ все большее и большее сближеніе узбековъ съ классомъ сартовъ и даже, во многихъ мѣстахъ, сліяніе ихъ въ одну націю. Сарты составляютъ смѣшанную расу, какъ и узбеки, но иранскій элементъ у нихъ преобладаетъ, и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ тѣхъ изъ узбековъ, которые сохранили тюркскую физіономію. Впрочемъ, имя сартовъ всего чаще употребляется для обозначенія не особенной національности, а класса, отличающагося родомъ занятій и нравами. Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ цивилизованныхъ таджиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія; нѣкоторые писатели подводятъ даже и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана [2]). «Когда гость приходитъ къ тебѣ и ѣстъ твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, ты можешь сказать, что это сартъ»,—такъ рѣшила мѣстная вѣжливость. Когда киргизъ или узбекъ-кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построитъ себѣ тамъ домъ и займется торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами [3]). Осѣдлые цыгане, извѣстные подъ именемъ мазанговъ,—въ противоположность кочевымъ цыганамъ или лули,—называются тѣмъ же именемъ; къ сартамъ же всего скорѣе можно причислить и курамъ, то-есть «сбродъ» окрестностей Ташкента; такъ называютъ людей всякаго рода и племени: узбековъ, киргизъ-кайсаковъ, кара-калпаковъ, которые поселились въ подгородныхъ деревняхъ, вокругъ большаго города [1]). Во всей Ферганѣ большинство жителей сами себя называютъ «курамъ», изъ чего видно, что имъ хорошо извѣстно, что они произошли изъ смѣшенія различныхъ расъ [4]). Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульджѣ, они говорятъ турецкимъ языкомъ, тогда какъ въ Ходжентѣ и въ Самаркандѣ—они употребляютъ персидскій [2]). Представляя собою по преимуществу населеніе смѣшанной крови въ странахъ арало-каспійской покатости, сарты увеличиваются въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другія народности, и этотъ народъ или классъ несомнѣнно имѣетъ будущее, несмотря на презрѣніе, оказываемое имъ людьми благородной расы. Киргизы любятъ дѣлать игру словъ изъ имени сартовъ: они называютъ ихъ сары-яты, что значитъ «желтыя собаки», и киргизъ, соглашающійся выдать свою дочь замужъ за одного изъ этихъ презрѣнныхъ парій, навлекаетъ безчестіе на весь свой родъ [4]). Униженіе, въ которомъ властители страны держали сартовъ, имѣло естественнымъ слѣдствіемъ нравственную порчу послѣднихъ; оно сдѣлало ихъ боязливыми, хитрыми и фальшивыми. Вообще, сарты очень походятъ на евреевъ, какъ по физіономіи, такъ и по характеру, и вполнѣ заслуживаютъ свое наименованіе, если правда, что оно означаетъ «старьевщикъ», то-есть торгующій подержанными вещами; но по Лерху, смыслъ этого названія—просто «горожанинъ». Они особенно любятъ производить коммерцію деньгами, въ качествѣ мѣнялъ, ростовщиковъ и т. п.; но, какъ и евреи, они стараются пріобрѣсти образованіе, и умъ ихъ гораздо болѣе доступенъ новымъ идеямъ, чѣмъ умъ узбековъ [5]). Хотя сарты очень боятся горъ, однако, они мало-по-малу пробираются туда въ качествѣ земледѣльцевъ, и покойный Федченко отзывается объ ихъ поселеніяхъ, какъ о самыхъ цвѣтущихъ колоніяхъ края. Они имѣютъ обыкновеніе насаждать вокругъ селенія деревья, которыя скоро разростаются въ маленькія рощи. Въ этомъ отношеніи сарты непохожи на киргизовъ, которые любятъ, правда, деревья, какъ защиту для кибитокъ отъ солнца и вѣтра, но которымъ никогда не придетъ въ голову разводить ихъ самимъ [6]).

Арійская раса представлена въ Туркестанѣ преимущественно таджиками, единоплеменниками тѣхъ, которые, подъ именемъ татовъ, живутъ по другую сторону Каспійскаго моря; слово таджикъ, означающее «увѣнчанный», доказываетъ, что въ эпоху, когда раса полу-

[1]) Костенко, „Туркестанскій край".
[2]) Гребенкинъ, „Русскій Туркестанъ"; Schuyler, „Turkistan".
[3]) Ch. de Ujfalvy, „Le Kohigtan, le Ferghanah et *Kouldja*".
[4]) Федченко, „Путешествіе въ Туркестанъ".
[5]) Кунъ, „Русское Обозрѣніе" 1876 г., № 4.
[6]) Костенко, цитированное сочиненіе.
[7]) Верещагинъ, „Tour du Monde", t. XXX.
[8]) „Туркестанскія Вѣдомости", 25 марта 1880 г.
[9]) Гребенкинъ, „Русскій Туркестанъ", часть II.

чила это наименованіе, власть принадлежала ея представителямъ [1]); она и теперь еще принадлежитъ имъ съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ таджики составляютъ классъ имущихъ,—это спекулянты, купцы, землевладѣльцы, а узбеки работаютъ въ ихъ садахъ и виноградникахъ. Во многихъ странахъ аралокаспійской покатости они называютъ себя «парсиванъ», то-есть персіянами; это, въ самомъ дѣлѣ, иранцы, мало отличающіеся отъ иранцевъ Персіи, и нарѣчіе, которымъ они говорятъ, содержитъ лишь незначительную примѣсь выраженій турецкихъ, арабскихъ или монгольскихъ. Съ перваго взгляда легко отличить изящнаго и граціознаго таджика отъ мѣшковатаго, неуклюжаго узбека: достаточно срав-

Киргизскіе наѣздники.

[1]) Ханыковъ, „Объ этнографіи Персіи".

нить походку того и другаго; однако скелетъ таджика остается болѣе массивнымъ, чѣмъ скелетъ персіянина въ собственномъ смыслѣ; на сѣверѣ отъ горнаго узла Гинду-Кушъ рѣдко встрѣтишь тѣ тонкія и стройныя таліи, которыя такъ обыкновенны на Иранскомъ плоскогорьѣ [1]). Что касается типа лица, то онъ тотъ же самый. Характеристическіе признаки таджиковъ—длинная голова съ высокимъ лбомъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій носъ, прямой у большинства, горбатый у нѣкоторыхъ; цвѣтъ лица румяный, волоса темнорусые, густые, борода обильно обросшая [2]). Таджики верхней долины Аму-Дарьи поразительно похожи на жителей Кашмира. Очевидно, таджики составляютъ умственную аристократію Туркестана, и всѣ, кто имѣетъ претензію на хорошія манеры въ прибрежныхъ городахъ Сыра и Аму, стараются подражать ихъ языку [3]). Но сколько пороковъ гнѣздится на днѣ этого вѣжливаго, покрытаго внѣшнимъ лоскомъ общества! Сколько есть таджиковъ, вполнѣ заслуживающихъ обвиненія, несправедливо взводимаго противъ всей расы, о которой говорятъ, что эти люди безъ идеала, необузданные любители чувственныхъ наслажденій, существа сладострастныя и жестокія, живущіе только для наживы, игры и разврата!

Галчи, осѣдлые горцы, живущіе на западномъ скатѣ Памира, въ самаркандскомъ Когистанѣ, въ Каратегинѣ, въ Ваханѣ, въ Шигнанѣ, въ Дарвазѣ, въ Бадахшанѣ, тоже арійцы иранскаго корня, но они лучше таджиковъ сохранили первоначальную чистоту расы, благодаря тому, что рѣдко берутъ себѣ женъ изъ другого племени: подобно тому, какъ ихъ начальники производятъ свой родъ по прямой линіи отъ Александра Великаго, они считаютъ себя потомками воиновъ македонскаго царя. Характеристическія особенности типа галчей,—то-есть «голодныхъ вороновъ», по ихъ собственному опредѣленію смысла этого имени,—«несчастныхъ» или «бѣдняковъ», по объясненію таджиковъ, жителей равнины [4])—составляютъ: очень широкая голова [5]), тонкій и красивый, слегка закривленный носъ, рѣзкое очертаніе губъ. Путешественникъ Уйфальви встрѣчалъ галчей, похожихъ, какъ двѣ капли воды, на крестьянъ Романьи. Изъ пяти иранскихъ народцевъ Когистана четыре говорятъ родственными нарѣчіями и легко понимаютъ другъ друга, тогда какъ пятый, ягнаубы, населяющіе долину того же имени, имѣетъ особенный языкъ, хотя тоже арійскаго корня, но совсѣмъ непохожій на идіомъ ихъ соплеменниковъ. Своимъ прямодушіемъ и простотой галчи составляютъ совершенную противоположность съ лукавыми сартами и таджиками равнины. У нихъ гостепріимство священно, и въ каждомъ изъ ихъ селеній есть особый домъ для пріема странниковъ. Рабство не существуетъ и никогда не существовало въ землѣ галчей; всѣ жители ея люди вольные и управляются сами собой: ихъ старшины или «бѣлыя бороды», обязанные этимъ титуломъ уваженію, которое они пріобрѣли своей правотой, нелицепріятной справедливостью, должны преклоняться передъ рѣшеніями народнаго собранія. Рѣдко случается, чтобы галчи позволяли себѣ имѣть болѣе одной жены, хотя религія разрѣшаетъ имъ многобрачіе; однако, женщина не считается совершенно равной мужчинѣ: при раздѣлѣ наслѣдства сыновья получаютъ двѣ трети, а дочери только одну треть.

Таджики верхняго Туркестана, нынѣ мусульмане, сохранили еще кое-какіе остатки древняго культа огня, и это, вѣроятно, чрезъ нихъ нѣкоторые обряды или обычаи поклоненія пламени распространились отъ народца къ народцу до крайнихъ предѣловъ Сибири. Какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствовало арійское вліяніе, у таджиковъ до сихъ поръ справляется праздникъ огня или солнца, во время котораго зажигаютъ костры, подобно тому, какъ у европейскихъ народовъ зажигаютъ костры или смоляныя бочки на Ивановъ день, и эти огни, такъ же, какъ и у насъ въ Европѣ, предназначаются къ тому, чтобы очищать своимъ пламенемъ всѣхъ, кто перепрыгнетъ черезъ нихъ. Больные должны три раза обойти вокругъ костра, затѣмъ перешагнуть трижды черезъ огонь; если же чающій исцѣленія слишкомъ слабъ, чтобы выполнить эти предписанія, то ему нужно по крайней мѣрѣ пристально смотрѣть на пламя въ то время, какъ надъ нимъ произносятъ заклинанія для того, чтобы прогнать болѣзнь къ «пустынямъ и озерамъ» [1]). У горныхъ арійцевъ, на востокъ отъ Самарканда и Бухары, и на югъ отъ Памира, въ Ваханѣ и Бадахшанѣ, запрещено дуть на свѣтъ, ибо нечистое дыханіе человѣка не должно прикасаться къ пламени, чистотѣ по преимуществу; туземцы пріобрѣли привычку гасить лучины, служащія имъ свѣтильникомъ, производя теченіе воздуха маханіемъ руки [2]). Вокругъ колыбели новорожденнаго, вокругъ одра умирающаго постоянно носятъ горящій факелъ. Тамъ и сямъ на берегахъ Панджи, южной вѣтви верхней Аму-Дарьи, встрѣчаются древнія башни, сооруженіе которыхъ приписываютъ зардушти или «огне-поклонникамъ» [3]). Многія не арійскія племена Туркестана и Сибири соблюда-

[1]) Ибрагимовъ, „Древняя и Новая Россія", 1876 года, № 9.
[2]) Shaw, „Visit to high Tartary Yakrand and Kashghar".
[3]) Веретагинъ, „Le Tour du Monde", t. XXV.
[4]) Юль; Федченко; Уйфальви и др.
[5]) Ханыковъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Ch. de Ujfalvy, цитированное сочиненіе.
[2]) Gerden, „The Roof of the World".
[3]) Wood, „Journey to the source of the river Oxus"; Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja".

ютъ обычаи, аналогичные обычаямъ галчей. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ никогда не начинаютъ трапезы безъ того, чтобы не бросить въ честь огня кусочка мяса, капли напитка [1]).

Къ прежнимъ народностямъ и къ эмигрантамъ различныхъ расъ, которые были приведены въ страну войнами, одни какъ завоеватели, другіе какъ плѣнники, въ текущемъ столѣтіи прибавились еще славяне всякаго рода и племени, великоруссы, малоруссы и поляки. Они составляютъ еще весьма незначительный процентъ народонаселенія, никакъ не больше десятой части (эмиграція русскихъ въ Сыръ-Дарьинскую область, въ десятилѣтіе съ 1867 по 1877 г., по Костенко, 300.000 душъ; въ Семирѣченскую, 44.000, изъ которыхъ 20.000 казаковъ), но политическое преобладаніе расы обезпечиваетъ имъ вліяніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе ихъ малое число. Это русскіе генералы даютъ приказанія, передъ которыми всѣ преклоняются; эти русскіе гарнизоны занимаютъ стратегическіе пункты края и своими грозными орудіями, блистающими на солнцѣ, могутъ разрушить крѣпости и сжечь жилища туземцевъ. Но до настоящей минуты русскіе колонисты въ собственномъ смыслѣ играли весьма незначительную роль въ дѣлѣ преобразованія страны. Замѣчено даже, что казаки гораздо болѣе приблизились къ киргизамъ, чѣмъ киргизы къ русскимъ, по нравамъ и образу жизни: во многихъ мѣстахъ казаки приняли костюмъ, нравы и обычаи туземцемъ и, подобно имъ, живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ.

Мулла таджикъ.

Однако, обрусѣніе народовъ Арало-Каспійской покатости уже началось на нѣкоторыхъ пунктахъ, и именно въ мѣстностяхъ страны, наиболѣе удаленныхъ отъ Европейской Россіи. Военныхъ колонистовъ, казаковъ, посланныхъ правительствомъ въ уединенныя, раскиданныя станицы Тянь-Шаня и опустошавшихъ своимъ хищническимъ хозяйствомъ край, куда они шли противъ воли, смѣнили тамъ и сямъ переселенцы, пришедшіе добровольно и занимающіеся завоеваніемъ почвы посредствомъ земледѣлія. Уже въ 1865 году одинъ крестьянинъ изъ центральной Россіи, посланный своимъ обществомъ въ качествѣ развѣдчика, поселился на восточномъ берегу озера Иссыкъ-Куль, и два года спустя къ нему присоединилось до сотни его односельчанъ, вызванныхъ имъ съ родины [1]). Съ того времени основались новыя земледѣльческія колоніи въ различныхъ долинахъ Небесныхъ горъ, и земледѣліе или, вѣрнѣе сказать, хищничество казака, поочередно звѣролова, рыболова, пчеловода, лѣсоруба, уступило мѣсто правильной обработкѣ почвы. Группы русской колонизаціи, слѣдующія одна за другой по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, соединяютъ долину Иртыша съ долиной Нарына, и, безъ всякаго сомнѣнія, эта линія скоро продолжится черезъ Фергану къ западнымъ долинамъ Памира. Русское населеніе образуетъ уже, отъ Кавказа до Урала и отъ Урала до Тянь-Шаня, полный полукругъ около «инородцевъ» Туркестана, и съ каждымъ годомъ этотъ поясъ, длиною въ нѣсколько тысячъ верстъ, расширяется и продолжается все далѣе и далѣе. Киргизы и туркмены, узбеки, сарты и таджики, замкнутые въ постоянно увеличивающемся кругѣ славянскихъ поселеній, подвергнутся, рано или поздно, той участи, которую испытали приволжскіе татары, чуваши и мордва.

VII. Государства Арало-Каспійской покатости.

1. Бактріана или Афганскій Туркестанъ.

Государства и провинціи этой области Азіи не могутъ имѣть постоянныхъ, точно очерченныхъ границъ. На востокѣ плоская возвышенность, на югѣ горные хребты, на западѣ песчаная пустыня составляютъ ихъ естественные предѣлы, и эти предѣлы выдвигаются впередъ или отступаютъ, смотря по обилію снѣговъ, богатству пастбищъ, распространенію искусствен-

[1]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань".

наго орошенія, движенію переносныхъ песковъ. Аму-Дарья только частію своего теченія служитъ сѣвернымъ рубежемъ этимъ областямъ Туркестана и отдѣляетъ ихъ отъ Бухары. Между группами населенія западнаго Памира сѣверныя считаются тяготѣющими къ Бухарскому ханству, южныя связаны политически съ Афганистаномъ; но за этими двумя государствами обрисовывается на горизонтѣ тѣнь соперничествующихъ европейскихъ державъ, оспаривающихъ одна у другой обладаніе Азіей. Позади Бухары виднѣется Россія, уже обратившая эмира въ своего вассала; позади Афганистана выступаетъ фигура Британіи, владычицы Индіи, и жители спорной страны, хотя пользующіеся полунезависимостью, хорошо знаютъ, что ихъ будущая судьба уже съ давняго времени составляетъ предметъ горячаго спора между русскимъ и англичаниномъ. Дипломатическая переписка, которой обмѣнялись, въ 1872 и 1873 годахъ, петербургскій и лондонскій кабинеты, установила даже, временно, что сѣверный предѣлъ Афганистана долженъ обнимать, на сѣверѣ отъ естественныхъ границъ, образуемыхъ горнымъ валомъ Гиндукуша и древняго Паропамиза, земли Ваханъ, Бадахшанъ, Кундузъ, Хульмъ, Балхъ и Меймане. Такимъ образомъ, два европейскихъ государства распоряжались судьбой территорій и народовъ, которые были посѣщены очень немногими путешественниками, и которыхъ научное изслѣдованіе предстоитъ еще сдѣлать. Понятно, что Англія, овладѣвая стратегическими позиціями въ областяхъ Афганистана, сосѣднихъ съ индійской границей, старается увеличить размѣры этого государства съ сѣверной стороны и тѣмъ уменьшить объемъ будущихъ владѣній Россіи. Что касается этой послѣдней державы, которая еще далеко не окончила своего дѣла завоеванія и ассимиляціи, то она можетъ выжидать. Географически, верхнее теченіе Аму-Дарьи и вся сѣверная покатость иранскаго плоскогорья и Афганистана принадлежитъ къ арало-каспійскимъ странамъ, и возростающее вліяніе славянской державы непремѣнно должно рано или поздно соединить въ одну политическую группу различныя части этого огромнаго бассейна. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году между афганскими владѣніями аму-дарьинской покатости и Афганистаномъ, въ собственномъ смыслѣ, существуетъ полное разобщеніе; тогда русскія арміи могли бы свободно проникнуть въ сѣверныя долины Гиндукуша, Кохъ-и-Бабы, горъ Гарджистана.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣли эти страны въ исторіи Азіи, и какъ много народовъ и армій продефилировали чрезъ горные проходы индійскаго Кавказа. Тамъ находятся, на западѣ отъ громаднаго полукруга горныхъ цѣпей *и плоскихъ возвышенностей*, замыкающаго Китайскую имперію, первые пороги, позволяющіе переходить черезъ раздѣльный хребетъ между сѣверомъ и югомъ континента. Тамъ должны были переходить пилигримы, купцы, переселенцы, воины; тамъ встрѣчались различныя цивилизаціи, съ ихъ религіями, нравами и произведеніями. Тамъ сходились и пересѣкались большія международныя дороги Азіи, тѣмъ болѣе важныя въ прежнія времена, что всемірная торговля еще не имѣла въ своемъ распоряженіи морскихъ путей, открытыхъ впослѣдствіи европейскими мореплавателями. Дороги, связывающія непосредственно долину Аму-Дарьи съ долиной Инда, имѣютъ, кромѣ того, надъ дорогами, открывающимися западнѣе между Туркестаномъ и Персіей, ту огромную выгоду, что онѣ проходятъ почти вездѣ черезъ мѣстности, пригодныя для земледѣлія и населенныя, избѣгаютъ большихъ безводныхъ пустынь: вездѣ мѣстами остановки для путешественниковъ и каравановъ служатъ города, а необходимые имъ съѣстные припасы доставляютъ воздѣланныя поля и сады. По краямъ этихъ дорогъ, соединяющихъ двѣ половины азіатскаго континента, естественно, должны были возникнуть могущественные города: тамъ царствовали повелители имперіи, владѣнія которыхъ простирались отъ береговъ Индійскаго океана до равнинъ Сибири, и жители сотнями тысячъ были собраны въ ихъ огромныхъ столицахъ. Можно заранѣе разсчитывать на богатую жатву открытій, которую изслѣдователи принесутъ изъ этихъ странъ Азіи, и которая дастъ возможность разъяснить многіе еще сомнительные пункты всемірной исторіи. Не тамъ ли же, въ центрѣ тяжести азіатскаго континента, должна гораздо существеннѣе, чѣмъ въ Константинополѣ, разрѣшиться, наконецъ, великая проблема политическаго равновѣсія между Европой и Азіей, извѣстная подъ именемъ «восточнаго вопроса»?

Самое восточное государство въ бассейнѣ Оксуса,—если можно дать названіе государства землѣ, столь слабо населенной,—есть Ваханъ, чрезъ который протекаетъ Сархадъ или Панджа, нижняя вѣтвь Аму-Дарьи. Территорія Вахана весьма значительна, такъ какъ верхнее теченіе Сархада, отъ его истока въ Маломъ Памирѣ до большаго изгиба Ишкашимскаго, имѣетъ не менѣе 250 километровъ протяженія; но эта область такъ возвышенна, такъ холодна, такъ бѣдна растительностью, что ея рѣдкіе жители не могли нигдѣ поселиться, кромѣ какъ въ нѣсколькихъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтра лощинахъ, на берегу рѣки: самая низкая деревушка Вахана лежитъ на высотѣ 2.700 метровъ, а самое возвышенное селеніе, Сархадъ, находится на высотѣ 3.600 метровъ, слѣдовательно, выше, чѣмъ вершина высочайшаго пика Пиренейскихъ горъ; за Сархадомъ, еще выше, разбросаны тамъ и сямъ лѣтнія жилища. Тальникъ и другой низкій кустарникъ составляютъ

единственную древесную растительность этой холодной долины, и обитатели ея, вахи, сѣютъ въ своихъ садахъ только горохъ и ячмень; по счастію, они имѣютъ, кромѣ того, стада курдючныхъ барановъ, яковъ и другаго крупнаго рогатаго скота; главное ихъ удовольствіе — это охотиться лѣтомъ на каменнаго козла, качкаря (ovis Poli), а также на куропатокъ съ помощью прирученныхъ соколовъ.

Даже въ этой дикой горной области, столь удаленной отъ плодородныхъ равнинъ, и которая, казалось бы, не представляетъ ничего заманчиваго для завоевателей, войны и рабство смѣшали расу; вахи или ваханцы—это народъ, происшедшій отъ смѣшенія таджиковъ и узбековъ, говорящій одновременно двумя языками—татарскимъ, который ихъ природный языкъ, и персидскимъ, цивилизованнымъ діалектомъ, который они употребляютъ въ сношеніяхъ съ иностранцами [1]). Нѣкоторые изъ этихъ горцевъ въ полномъ смыслѣ слова красавцы, съ тонкими чертами лица, отличающими персидскій типъ; но бѣлокурые волосы и голубые глаза тоже не рѣдкость между ними. Въ настоящее время вахи магометане шіитскаго толка, и при томъ очень искренніе и ревностные въ своей вѣрѣ, доказательствомъ чего, между прочимъ, служитъ тотъ фактъ, что они регулярно посылаютъ десятину своему духовному главѣ, имѣющему пребываніе въ Бомбеѣ [2]); но тѣмъ не менѣе они до сихъ поръ сохранили, вмѣстѣ съ нѣкоторыми слѣдами древняго культа огня, много нравственныхъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ другихъ мусульманъ; женщина пользуется у нихъ бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели у большинства восточныхъ народовъ, и, какъ у киргизовъ, такъ и у этого племени, всѣ деньги семьи обыкновенно отдаются на руки женѣ.

Во время своего путешествія къ истокамъ Аму-Дарьи, въ 1838 году, англичанинъ Вудъ опредѣлялъ общее число ваханцевъ только въ 1.000 душъ, тогда какъ тридцать пять лѣтъ спустя другой англійскій путешественникъ, Форситъ, и его товарищи по экспедиціи исчисляли населеніе долины въ 3.000 человѣкъ: эта послѣдняя цифра очень близко подходитъ къ числу, показанному однимъ документомъ русскаго происхожденія, по которому въ Ваханѣ находится будто бы 550 жилыхъ домовъ [3]). Народное преданіе говоритъ, что прежде этотъ край былъ гораздо болѣе населенъ; съ другой стороны, въ послѣднее время колоніи ваханцевъ основались также на восточномъ скатѣ Памира, въ Сириколѣ и въ Кашгаріи. Но, очевидно, Ваханъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ не числу жителей, а своему географическому положенію на проходѣ, ведущемъ съ Арало-Каспійской покатости въ бассейнъ Тарима; черезъ Ваханъ проходитъ самая удобная дорога Памира, та, по которой въ это послѣднее время, идя, быть можетъ, по слѣдамъ Марко Поло, слѣдовали путешественники Вудъ, мирза Суджа, Поталось, Форситъ и Гордонъ. Относительно легко доступные перевалы, которыми каждый годъ пользуются горцы, киргизы и ваханцы, ведутъ на югъ, черезъ Гинду-Кушъ, въ Читраль и Канджудъ, то-есть въ верхную долину Инда. Проходъ караванов, которымъ доставляютъ проводниковъ и вьючныхъ животныхъ, и которые подвергаются опасности сдѣлаться предметомъ разныхъ прижимокъ и вымогательствъ и даже рискуютъ быть ограбленными при удобномъ случаѣ,—такова главная причина, которая побудила воздвигнуть настоящія оборонительныя крѣпости въ печальной долинѣ Сархада. Въ Кила-Панджа или «Пяти фортахъ», въ нѣсколькихъ верстахъ ниже сліянія двухъ горныхъ ручьевъ Большаго и Малаго Памира, остались двѣ изъ этихъ крѣпостныхъ башенъ, хорошо сохранившіяся. Здѣсь находится резиденція ваханскаго мира или эмира, называющаго себя потомкомъ Сикандара, то-есть Александра Македонскаго, котораго, впрочемъ, и всѣ другіе князьки области горъ считаютъ своимъ предкомъ [1]). Во время посѣщенія Вахана путешественникомъ Вудомъ, этотъ край былъ почти совершенно независимъ отъ Бадахшана; послѣ того прежнія вассальныя отношенія возстановились, и ваханскій эмиръ снова сдѣлался данникомъ Бадахшана, а черезъ это государство и вассаломъ Афганистана. До 1873 года ежегодный подарокъ, приносимый, въ видѣ дани, сюзерену, состоялъ изъ невольниковъ, и чтобы добыть этотъ живой товаръ, ваханцы должны были вести противъ своихъ сосѣдей непрерывную войну посредствомъ нападеній изъ засады и неожиданныхъ набѣговъ. Этимъ и объясняется обезлюденіе страны и запустѣніе пастбищъ Памира, куда прежде лѣтомъ приходили въ большомъ числѣ киргизскіе пастухи со своими стадами.

Бадахшанъ съ 1869 года состоитъ въ вассальной зависимости отъ Афганистана и посылаетъ ему ежегодно дань деньгами въ размѣрѣ около 180.000 франк. и лошадьми въ числѣ 500 головъ [2]); но этотъ край заключенъ въ такія опредѣленныя границы съ географической точки зрѣнія, что онъ всегда будетъ сохранять отдѣльное политическое существованіе; онъ отдѣленъ снѣговыми горами Гинду-Куша, Читраля и Кафиристана, проломы которыхъ, недоступные для верховыхъ животныхъ, находятся на высотѣ, превышающей 5.000 метровъ. Пространство Бадахшана можетъ быть исчисляемо приблизительно въ 20.000 квадр. килом.

[1]) Gordon, „The Roof the World".
[2]) Gordon, цитированное сочиненіе.
[3]) Behm und Wagner, „Die Bevölkerung der Erde", V.

[1]) Вудъ, Гардонъ, Уйфальви и т. д.
[2]) „Journal of the Geographical Society," XLII, 1872.

Что касается населенія, довольно густаго въ нижнихъ областяхъ страны, которыя спускаются пологимъ скатомъ на сѣверо-западъ, къ Аму-Дарьѣ, то общая численность его, вѣроятно, не менѣе 150.000 душъ [1]). Почти всѣ бадахшанцы — таджики персидскаго языка, по большей части магометане суннитскаго толка; между ними, во внутренности края, поселились въ небольшомъ числѣ узбеки и другіе турки, но въ цѣломъ раса сохранила красоту иранскаго типа.

Бадахшанъ естественно дѣлится на двѣ части—восточную, которая граничитъ съ Ваханомъ, и черезъ которую протекаетъ Панджа (южная вѣтвь верхней Аму-Дарьи), поворачивая на сѣверъ; и западную, которую орошаетъ рѣка Кокча или Кучка, то-есть «Зеленая», подпритокъ средняго Оксуса. Съ южной стороны протянулся высокій гребень Гинду-Куша, гдѣ открываются два пролома: Нусканъ (5.100 метровъ высоты), надъ которымъ господствуютъ ледники, и Дора (4.000 метр.), немного менѣе трудный для перехода. Двѣ половины Бадахшана раздѣлены очень высокой отраслью Гинду-Куша, примыкающей далѣе на сѣверѣ къ возвышеннымъ плоскогорьямъ, которыя Оксусъ огибаетъ въ своемъ теченіи. Горный проходъ, который обыкновенно избираютъ путешественники и купеческіе караваны, чтобы попасть изъ бассейна Кокчи въ бассейнъ Панджи и подняться на востокъ къ проломамъ Памира, лежитъ на высотѣ 3.320 метровъ, по Вуду [2]); часто переходъ бываетъ очень труденъ, не только по причинѣ глубокихъ снѣговъ, но также по причинѣ восточнаго вѣтра, который дуетъ тамъ съ страшной силой въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году, съ конца осени до половины весны: это такъ называемый «ваханскій вѣтеръ», котораго бадахшанцы справедливо боятся пуще всего на свѣтѣ. Важнѣйшее поселеніе этой области —Ишкашимъ, именемъ котораго иногда называютъ всю восточную часть Бадахшана; онъ расположенъ на южномъ берегу Панджи или Сархада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ на сѣверъ къ Шигнану и Рошану, чтобы соединиться съ другими рѣками, образующими Аму-Дарью. Ишкашимъ находится, слѣдовательно, въ точкѣ пересѣченія естественныхъ путей, перерѣзывающихъ страну съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Это селеніе обязано своимъ важнымъ значеніемъ также сосѣдству рубиновыхъ копей, пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность со временъ глубокой древности; онѣ занимаютъ, въ 32 километрахъ ниже Ишкашима, верхнюю часть крутыхъ утесовъ, возвышающихся на 360 метровъ надъ правымъ берегомъ Панджи. Многочисленныя подземныя галлереи, почернѣвшія отъ копоти лампъ, на половину наполненныя просачивающейся сквозь почву водой, проникаютъ далеко во внутренность горъ. Ишкашимскіе рубины, изъ которыхъ самыми драгоцѣнными считаютъ камни великолѣпнаго блѣдно-краснаго или розоваго цвѣта, были прежде извѣстны подъ вульгарнымъ именемъ б а л а с а (rubis-balais, balai или balach), которое произошло отъ слова Балакшанъ (Balacian, Балачанъ, въ книгѣ Марко Поло), искаженнаго названія страны, употреблявшагося нѣкогда европейцами. Вслѣдствіе войны, отдавшей эти копи въ руки кундузскаго эмира, этотъ послѣдній, недовольный тѣмъ, что онъ получалъ, какъ ему казалось, слишкомъ мало драгоцѣнныхъ камней, овладѣлъ всѣми жителями края, въ числѣ пяти сотъ семействъ, и велѣлъ продать ихъ въ рабство. Во время проѣзда путешественника Вуда въ 1838 году, этотъ округъ былъ еще почти безлюденъ, и рубиновыя копи были совершенно заброшены. Съ того времени разработка ихъ опять возобновилась, на этотъ разъ въ пользу афганскаго эмира.

Южный Бадахшанъ тоже обладаетъ копями, прославившимися на всемъ востокѣ, мѣсторожденіями бирюзы и лазуревaго камня или лазурика, которыя находятся на сѣверномъ скатѣ Гинду-Куша, близъ истоковъ Кокчи, въ округѣ Лажурдъ или Лазурдъ,—откуда и произошли слова: «лазурикъ» (lapis lazuli) и «лазурь», «лазурный» [1]). Въ скалахъ, состоящихъ изъ бѣлаго и чернаго известняка и прорѣзанныхъ жилами въ видѣ линій, какъ агатъ, открываются тамъ и сямъ отверстія рудниковъ, расположенныя безъ всякаго видимаго порядка, на высотѣ 500 метровъ надъ уровнемъ рѣки; но только немногія копи проникаютъ далеко въ толщу горы, по причинѣ частыхъ обваловъ галлерей, неимѣющихъ никакихъ искусственныхъ подпоръ. Самый драгоцѣнный лазурикъ находятъ обыкновенно въ самомъ черномъ известнякѣ; менѣе цѣнятся камни и л и, прекраснаго индиговаго цвѣта, а с м а н и, свѣтло-синяго или голубаго цвѣта, и с у в с и, зеленоватаго оттѣнка [2]). Эксплоатація лазуриковыхъ копей часто прерывалась, то по причинѣ малыхъ выгодъ, приносимыхъ ими самимъ рудокопамъ или ихъ господамъ, то по случаю войнъ или внутреннихъ волненій и междоусобій, парализующихъ промышленность страны; однако, бадахшанскіе камни всѣ очень хорошо извѣстны купцамъ бухарскимъ, кабульскимъ и кашгарскимъ. Говорятъ, что разработка этихъ копей драгоцѣнныхъ камней даетъ ежегодно отъ 500 до 1000 килограммовъ [отъ 1.221 до 2.442 фунтовъ камня] [3]). По словамъ индійскаго пу-

[1]) Emil Schlagintweit, Niemann, „Mittheilungen von Petermann“, 1873, № 5.

[2]) „Journey to the Source of the river Oxus“.

[1]) H. Vule, „The Book of sir Marco Polo“.

[2]) Wood, „Journey to the Source of the River Oxus“.

[3]) Пундитъ Мунфулъ, Journal of the Geograph Society“, vol. XLII, 1872.

тешественника Пундита Мунфуля, рудокопы работаютъ въ галлереяхъ только зимой, лѣтомъ же они покидаютъ копи, потому что боятся змѣй. Бассейнъ рѣки Кокчи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ во всей Азіи по своимъ минеральнымъ богатствамъ, извѣстенъ обыкновенно подъ именемъ Хама-канъ, что значитъ «сплошь усѣянный рудниками», ибо, кромѣ лазуриковыхъ копей, онъ изобилуетъ также важными мѣсторожденіями мѣди, свинца, квасцовъ, сѣры и желѣзной руды, разрабатываемой съ незапамятныхъ временъ. Лежащія сѣвернѣе горы и высокая цѣпь Ходжа-Мохамедъ, продолжающаяся на сѣверъ къ большому изгибу Аму-Дарьи, тоже содержатъ мѣдную и свинцовую руду, а воды многихъ горныхъ потоковъ катятъ золотоносный песокъ; благодаря этимъ минеральнымъ богатствамъ, бадахшанцы пріобрѣли славу лучшихъ кузнецовъ и мастеровъ металлическихъ издѣлій на всемъ Востокѣ; но они обязаны этой славой также своимъ учителямъ, греческимъ художникамъ, ибо въ древности Бадахшанъ составлялъ часть Эллинской Бактріаны; въ индійскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, можно видѣть серебряную чашу, принадлежавшую къ числу сокровищъ одного бадахшанскаго государя и очень любопытную по красотѣ и отчетливости работы, хотя эта древность относится уже къ эпохѣ упадка греческаго искусства [1]).

Богатый минеральными сокровищами, Бадахшанъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ странъ центральной Азіи, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя естественныя условія въ отношеніи здоровости климата, чистоты водъ, красоты тѣнистыхъ рощъ и лѣсовъ, плодородія долинъ. Бадахшанскіе арбузы и дыни, яблоки, персики, виноградъ славятся во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Тамошнія лошади замѣчательны своей крѣпостью и вѣрностью шага на трудныхъ горныхъ дорогахъ,—качества, которымъ онѣ обязаны тѣмъ, что кабульскій эмиръ выбралъ ихъ, какъ главную дань, платимую ему этимъ краемъ. Бадахшанскіе бараны доставляютъ часть шерсти, употребляемой для тканья чудесныхъ кашмирскихъ шалей; стада дикихъ свиней бродятъ во всѣхъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Бадахшана. Но обитатели этой страны, такъ изобилующей естественными рессурсами всякаго рода, живутъ по большей части въ крайней бѣдности [2]); феодальный порядокъ, затѣмъ войны, внесенныя кундузскими узбеками въ долину Кокчи и сопровождавшіяся грабежемъ и истребленіемъ населенія, наконецъ, тягостныя подати, налагаемыя кабульскимъ эмиромъ и еще увеличиваемыя его вассаломъ,—все это легло тяжелымъ гнетомъ на край и довело до нищеты почти всѣхъ бадахшанцевъ. Кромѣ того, властители страны предавались, до недавняго времени торговлѣ невольниками; ни одинъ путешественникъ не могъ быть увѣренъ въ своей личной безопасности, пока не вступилъ въ улицы какого-нибудь города. Въ силу религіозной традиціи, одни только невѣрные могли быть обращаемы въ рабство, но шіиты тоже причислялись къ невѣрнымъ, и многіе сунниты, подвергнутые пыткѣ, принуждены были выдавать себя за послѣдователей Али. Однако, нужды торговли ставили индусскихъ купцовъ и евреевъ внѣ всякой опасности быть захваченными въ плѣнъ и проданными въ неволю.

Не взирая на войны, тиранію, рабство, бадахшанскіе таджики описываются въ лестныхъ чертахъ рѣдкими путешественниками, которые отваживались проникнуть въ ихъ страну. У бадахшанцевъ сильно развито чувство равенства, несмотря на различіе происхожденія и состоянія; всѣ они отличаются хорошими манерами, и даже ребенокъ подходитъ съ важностью къ пожилымъ людямъ, чтобы засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе; женщины, между которыми много бѣлокурыхъ, привѣтливы, дѣятельны, хорошія хозяйки, и хотя мусульманки, но пользуются, по крайней мѣрѣ принадлежащія къ бѣдному классу, полной свободой открывать лицо и разговаривать съ мужчинами, знакомыми ихъ семейства. Бадахшанцы очень гостепріимны, скромны, хотя и любопытны въ глубинѣ души, имѣютъ веселый нравъ, несмотря на важный видъ; но ихъ природныя качества вполнѣ развиты только въ «возмутившихся» округахъ, то-есть въ тѣхъ округахъ, гдѣ населеніе сохранило свою первоначальную независимость [1]).

Во время путешествія Вуда, главнымъ городомъ Бадахшана было мѣстечко Джеремъ или Джурумъ, состоящее изъ нѣсколькихъ раскиданныхъ деревень, которыя всѣ вмѣстѣ имѣли никакъ не болѣе 1.500 жителей. Прежняя столица, Файзабадъ, лежащая верстахъ въ пятидесяти на сѣверо-западъ отъ Джерема, тоже въ долинѣ Кокчи, представляла тогда груду развалинъ, стѣны крѣпости еще стояли на одной скалѣ праваго берега Кокчи, при выходѣ рѣки изъ горнаго ущелья, но отъ самаго города оставались только кучи мусора, осѣненныя тамъ и сямъ деревьями, которыя были пощажены пожаромъ, истребившимъ городъ во время нашествія кундузцевъ, въ 1828 году. Сдѣлавшись снова главнымъ городомъ страны, Файзабадъ возродился изъ-подъ развалинъ; однако, въ 1866 году, въ немъ насчитывалось всего только 400 домовъ; по свидѣтельству кафира Ямшеда, онъ превосходитъ, по численности населенія, всякій другой городъ Бадахша-

[1]) H. Vule, цитированное сочиненіе.

[2]) Пундитъ Мунфуль, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLII, 1872.

[1]) Wood, „Journey to the Source of the River Oxus".

статуй высѣчены лѣстницы и комнаты или гроты; сосѣднія стѣны горъ, состоящія изъ легко раскапываемой кремнистой глины, перемѣшанной съ мелкимъ булыжникомъ, тоже пробуравлены во всѣхъ направленіяхъ. Цѣлый народъ могъ бы удобно размѣститься въ этихъ «двѣнадцати тысячахъ» выкопанныхъ ямъ или пещеръ, занимающихъ скаты долины на протяженіи около 13 километровъ; нѣкоторые пригорки изрыты такимъ множествомъ глубокихъ впадинъ, что походятъ на пчелиные ульи [1]). Часто цѣлыя партіи рабочихъ занимаются раскопкой мусора, лежащаго кучами въ пещерахъ подземнаго города, и находятъ монеты, кольца и другія золотыя и серебряныя вещи. На скалахъ горнаго прохода были открыты клинообразныя надписи; но большая часть медалей и монетъ, принадлежащихъ уже къ мусульманской эпохѣ, носятъ куфическія надписи. Что касается лежащей статуи Будды, тоже имѣвшей громадные размѣры (не менѣе тысячи футовъ въ длину), которую видѣлъ миссіонеръ Гіуэнъ-Цангъ въ седьмомъ столѣтіи, то новѣйшіе путешественники не отыскали никакихъ остатковъ этого колоссальнаго идола [2]).

Хотя городъ Баміанъ географически составляетъ часть Туркестана, такъ какъ онъ находится на берегу рѣки Сургъ-Абъ, на тысячу слишкомъ метровъ, то-есть на цѣлую версту ниже перевала Хаджи-Какъ, его, однако, обыкновенно считаютъ принадлежащимъ къ Афганистану. Это происходитъ оттого, что путешественники, вмѣсто того, чтобы спускаться къ равнинамъ Кундуза, слѣдуя по теченію рѣки, перерѣзанной водопадами и сопровождаемой обрывистыми скалами, направляются на сѣверъ, чтобы перейти послѣдовательно нѣсколько небольшихъ горныхъ цѣпей, параллельныхъ Гянду-Кушу, которыя хотя не достигаютъ границы постоянныхъ снѣговъ, но, тѣмъ не менѣе, составляютъ весьма серьезныя препятствія между возвышенной Баміанской долиной и равнинами, спускающимися къ Аму-Дарьѣ. По Гриффиту, высоты горныхъ проходовъ: Хаджи-Какъ — 3.716 метр.; Иракъ—3.932 метр.; высота горнаго города Баміанъ—2.590 метр.

Горный проходъ Акъ-Робатъ или «Бѣлый Каравансарай», непосредственно на сѣверѣ отъ Баміана и Кара-Коталъ или «Черный перевалъ», въ «Черныхъ горахъ» (Кара-Кохъ), имѣютъ, тотъ и другой, слишкомъ 3.000 метровъ высоты, но, тѣмъ не менѣе, обоими можно пользоваться для проѣзда фургоновъ и артиллеріи. Между этими двумя проходами нужно переходить черезъ небольшой отрогъ, подъемъ на который очень труденъ по причинѣ сильной крутизны его скалъ, на что указываетъ самое имя его, Данданъ-Шиканъ, то-есть «разбиватель зубовъ». На сѣверѣ отъ перевала Кара-Коталъ путешественникамъ не приходится болѣе переходить черезъ гребни, параллельные Паропамизу, но дорога, идущая по теченію рѣки Хульмъ, пролегаетъ черезъ страшныя ущелья, прерываемыя живописными долинами: одна изъ этихъ тѣснинъ, открывающаяся выше Гейбака, носитъ названіе Дура-и-Зинданъ, что значитъ «Ущелье тюрьмы», и на ея отвѣсныхъ скалахъ, возвышающихся на 300 метровъ, видны развалины старинныхъ укрѣпленій, доказывающія, что прежніе властители края хорошо понимали стратегическую важность этого горнаго прохода. Въ цѣломъ, всѣ эти горы сѣвернаго ската индійскаго Кавказа имѣютъ болѣе пріятный, болѣе живописный видъ и одѣты болѣе богатой растительностью, чѣмъ дикія, голыя крутизны Афганистана; всѣ склоны ихъ покрыты зеленѣющими пастбищами, а гребни и вершины ласкаютъ взоръ необыкновенной мягкостью линій [1]). Но болотистыя равнины, разстилающіяся у подошвы этихъ горъ, въ особенности низменная долина рѣки Кундузъ или Акъ-Серай, принадлежатъ къ самымъ нездоровымъ мѣстностямъ центральной Азіи. «Если хочешь умирать, поѣзжай въ Кундузъ», гласитъ бадахшанская поговорка. Разсказываютъ, что изъ ста тысячъ бадахшанцевъ, переселенныхъ насильно въ эту страну Мурадъ-бегомъ въ 1830 году, оставалось въ живыхъ, восемь лѣтъ спустя, не болѣе шести тысячъ человѣкъ.

Самый городъ Кундузъ, хотя столица государства, представлялъ, даже во времена наибольшаго могущества Мурадъ-бега, невзрачную кучку жилищъ, состоявшую изъ пятисотъ или шестисотъ глиняныхъ домишекъ, камышевыхъ хижинъ и узбекскихъ палатокъ, разбросанныхъ среди садовъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей и болотъ: эту столицу скорѣе можно было принять за временное становище грабителей, чѣмъ за настоящій городъ [2]). Талиханъ, лежащій восточнѣе, у подошвы горной цѣпи, которая отдѣляетъ Кундузъ отъ Бадахшана, кажется, имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе: онъ въ продолженіе цѣлыхъ семи мѣсяцевъ оказывалъ сопротивленіе осаждавшимъ его полчищамъ Чингисъ-хана, и Марко Поло говоритъ объ этомъ городѣ, который онъ называетъ Тайканомъ, какъ о значительномъ населенномъ мѣстѣ и большомъ рынкѣ, гдѣ производилась дѣятельная торговля хлѣбомъ, фруктами и солью. Сосѣднія соленосныя горы, «сплошь изъ соли», лежатъ, повидимому, не на югъ отъ Талихана, какъ говоритъ знаменитый венеціанскій путешественникъ, онѣ находятся на юго-востокъ и на востокъ отъ этого города, именно близъ Акъ-Булака (Бѣлый источникъ), въ Бадахшанѣ [3]).

[1]) Alex. Burnes, „Travels into Bokhara".
[2]) *Yule, „The book of sir Marco Polo".*

[1]) Вудъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Пундитъ Мунфудь; Yule, „The book of sir Marco Polo".
[3]) Юль; Костенко.

Идя въ этомъ направленіи, путешественники поднимаются къ горному проходу Латтабандъ, обыкновенной дорогѣ карамановъ, отправляющихся изъ Кундуза къ Бадахшану и возвышенному Памиру. Съ этого перевала открывается великолѣпнѣйшій и обширнѣйшій видъ:

Бухарскіе таджики.

что особенно поражаетъ взоръ, съ западной стороны, такъ это величественный конусъ Кохъ-и-амбара, возвышающійся всего только на 800 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, но представляющій замѣчательную правильность формъ. По словамъ легенды, эта гора была перенесена изъ Индустана однимъ святымъ человѣкомъ, и утверждаютъ, въ доказательство справедливости этого разсказа, что будто всѣ индійскія растенія произрастаютъ на ея скатахъ. По крайней мѣрѣ пастбища ея славятся разнообразіемъ и сочностью своихъ травъ, и жители Кундуза, Талихана и Хазратъ-имама, городовъ, лежащихъ соотвѣтственно къ западу, къ востоку и къ сѣверу отъ Кохъ-и-амбара, посылаютъ туда свои стада. Левъ бродитъ въ равнинахъ, разстилающихся на сѣверъ отъ этихъ горъ [1]; но его не увидишь нигдѣ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи; новый Александръ Македонскій не могъ бы теперь забавляться львиной охотой

[1]) Burnes, Moor, Croft, Wood, Yule.

въ лѣсахъ Трансоксіаны, какъ называлась въ древности страна, лежащая за Оксусомъ.

Населеніе провинціи Кундузъ исчисляютъ различно; по приблизительнымъ статистикамъ, даваемымъ русскими офицерами [1]), оно простирается до 400.000 душъ, что составитъ, для пространства области, равнаго, какъ полагаютъ, 28.000 квадр. километровъ, болѣе 14 человѣкъ на квадратный километръ. Это, конечно, немного для края, столь богатаго плодородными и хорошо орошаемыми долинами, но это огромная пропорція въ сравненіи съ малонаселенностью русскихъ владѣній, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что русскіе патріоты смотрятъ на эту территорію, занимающую такое выгодное положеніе у воротъ Гинду-Куша, какъ на необходимое дополненіе уже принадлежащаго Россіи, въ большой части пустыннаго, Туркестана. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы безпрестанныя войны на афганской границѣ смѣнились прочнымъ, продолжительнымъ миромъ, населеніе Кундуза быстро удвоилось бы, ибо тамошнія женщины имѣютъ ввести въ каждый домъ замѣчательный духъ порядка и бережливости. Путешественники хвалятъ кундузокъ какъ отличныхъ хозяекъ, и даже женщины сосѣднихъ провинцій признаютъ за ними этотъ талантъ. А между тѣмъ мѣстные нравы не позволяютъ кундузскому узбеку оказывать своей женѣ столько привязанности, сколько онъ питаетъ къ своей собакѣ. Если предложить мужу продать свою супругу, то онъ нисколько не обидится; но торговать у него собаченку значило бы нанести ему кровное, самое непростительное оскорбленіе [2]).

Область Хульмъ или Хулумъ не такъ обширна, но не менѣе густо населена, чѣмъ Кундузъ, пропорціонально пространству, хотя она не столь обильна водой. Рѣка Кундузъ или Акъ-Серай, питаемая снѣгами Гунду-Куша и Кохъ-и-бабы («отца горъ»), довольно многоводна, по крайней мѣрѣ настолько многоводна, что течетъ до соединенія съ Аму-Дарьей, тогда какъ рѣка Хульмъ, берущая начало въ предгорьяхъ цѣпи Кара-Кохъ («Черныя горы»), не имѣетъ достаточной массы водъ, чтобы достигнуть главной рѣки бассейна; она теряется въ ирригаціонныхъ каналахъ при вступленіи ея въ равнину. Но географическое положеніе Хульмскаго края, составлявшаго средоточіе древней Бактріаны, чрезвычайно важно. Въ этой области оканчивается дорога въ Персію и Индію, идущая черезъ Баміанскій порогъ, здѣсь находится естественный центръ громаднаго амфитеатра горныхъ хребтовъ и плоскихъ возвышенностей, который тянется отъ персидскаго Мешеда до Бухары черезъ индійскій Кавказъ, Памиръ, Самаркандскія горы. Выше Хульмскаго края соединяются всѣ большія рѣк
торыя смѣшиваютъ свои воды въ Аму-
Акъ-Сарай, текущій изъ Кундуза, и Сург
спускающійся съ Алая и сѣвернаго П
слѣдовательно, къ этой области Азіи сх
естественные пути полукруга, имѣющаго
1.500 километровъ протяженія. Нѣкогда
«матерь городовъ» (Аму-аль-Будадъ), бы
стомъ пересѣченія всѣхъ торговыхъ тр
страны. Послѣ разрушенія этого больш
рода Чингисъ-ханомъ, въ 1220 году,
людения части бассейна Аму-Дарьи, цент
говли, впрочемъ, сильно уменьшившейс
женъ былъ перемѣститься, но удержался
ко, въ той же области. До половины те
столѣтія Хульмъ былъ самымъ важным
домъ древней Бактріаны: населенный
10.000 жителей, таджиковъ по большей
онъ производилъ большую торговлю
всякаго рода, бараньими, волчьими, л
собачьими и кошачьими. Обширные и тѣ
сады, простые и фруктовые, окружаютъ
поясомъ зелени; самое ложе рѣки, гдѣ в
четъ не постоянно, обращено мѣстами в
Хульмъ—городъ новый, которому въ
дали имя, столь обыкновенное въ Турк
Ташъ-Курганъ или «Каменная крѣпость
рый Хульмъ, въ разстояніи 8 киломе
отъ нынѣшняго, теперь не болѣе, как
мусора.

Балхъ, который въ древности польз
такой славой, какъ столица имперіи
священный городъ, мѣсто, гдѣ проповѣ
Зороастръ, средоточіе эллинской цивил
въ Средней Азіи послѣ Александра Ма
скаго и впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ
тровъ буддійской религіи, представляетъ
одну обширную руину; на пространствѣ
30 километровъ въ окружности вездѣ в
только груды кирпичей, черепки изразц
другаго мусора, среди которыхъ не возвыш
болѣе, какъ во времена Марко Поло, о
мраморныхъ храмовъ, которые китайскій
гримъ Гіуэнъ-Цангъ видѣлъ еще, въ сед
столѣтіи, во всей ихъ красѣ. Нѣсколько
скихъ становищъ и таджикскихъ дерев
расположились было тамъ и сямъ въ ра
нѣкогда столь многолюдной, но и тѣ бы
вершенно покинуты въ 1872 году, всл
свирѣпствовавшей между жителями той м
сти холерной эпидеміи [1]). «Когда Балхъ
дится изъ развалинъ, говорятъ туземц
будетъ признакомъ, что скоро настанетъ
свѣту» [2]) Политическій центръ афга
Туркестана находится съ 1858 года, въ П
и-пулѣ, километрахъ въ двадцати къ в
отъ древняго Балха; но городское насе
цифра котораго, по Гродекову, простир

[1]) „Военный Сборникъ", т. III.
[2]) *Вудъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Гродековъ, „Отъ Герата до Самарканда".
[2]) Alex. Burnes, цитированное сочиненіе.

3 году до 25.000 душъ, переселилось
) далѣе, вокругъ мусульманской святыни
-и-Шерифъ («Могила шерифа»), поль-
:я славой даже по ту сторону Гинду-
благодаря чудесамъ, которыя не пере-
творить изъ глубины своего склепа про-
ли. Мазаръ-и-Шерифъ, примѣтный изо
о четыремъ высокимъ голубымъ мина-
находится еще въ предѣлахъ области,
кой рѣкой Балхъ или Дегасъ, которая
тъ свои первыя воды съ горъ Кохъ-и-
Сефидъ-Кохъ. Въ низменной области
а не болѣе, какъ обведенный съ боковъ
ми, но еще быстрый каналъ, называе-
ндъ-и-Барбари или «Плотина варва-
который оканчивается, на сѣверъ отъ
послѣ теченія болѣе 300 километровъ,
къ Сіягирда. Тамъ тоже развалины по-
гъ огромное пространство; когда ѣдешь
говъ Аму-Дарьи, то приходится проѣз-
резъ кучи обломковъ на протяженіи 13
ровъ съ сѣвера на югъ [1]). Неизвѣстно,
и Сіягирдъ предмѣстьемъ Балха, или
нымъ городомъ.

шадѣ другія рѣки, текущія тоже въ аф-
территоріи, направляются также къ
Аму-Дарьи, не будучи, однако, въ со-
достигнуть ея; но, по крайней мѣрѣ,
ъ приносятъ ту пользу, что покрываютъ
оазисы, окружающіе города Акъ-ча,
ъ, Шибирханъ (Шибирганъ, Шибер-
Андхой, которые населены таджиками
ми иранцами, туркменами, но главнымъ
ъ узбеками. Шибирханъ, славящійся
рбузами, о которыхъ Марко Поло от-
я какъ о лучшихъ въ свѣтѣ, есть, гово-
амый богатый и самый цвѣтущій изъ
ородовъ, благодаря обилію воды, оро-
его фруктовые сады; когда путеше-
къ Ферье посѣтилъ Шибирханъ, въ
ду, населеніе его простиралось до 12.000
Сарипулъ имѣлъ, въ 1818 году, около
ителей, но запертый въ циркѣ, или
нѣ, среди горъ, гдѣ скопляются міазмы
хъ не освѣжается вѣтромъ, онъ при-
тъ къ очень нездоровымъ мѣстностямъ.
нѣ, гдѣ находятся Шибирханъ и Сари-
е существовало никакихъ деревьевъ,
уксаула и тамариска, и старожилы не
даже времени, когда лѣса были истреб-
ъ недавнее время были посажены нѣ-
деревья, привезенныя изъ Бухары
устыню.

Мазаръ-и-Шерифа самый многолюд-
юдъ афганскаго Туркестана—Андхой:
ери, онъ имѣлъ около 15.000 жителей
году; но большая часть городскаго на-
жила въ палаткахъ, среди развалинъ
города, осаждаемаго песками пустыни. Воды горнаго потока Меймене, или Маймене, протекающія черезъ андхойскіе сады, уже скудны и солоноваты въ этомъ мѣстѣ, такъ что вновь прибывшій человѣкъ не можетъ ихъ пить: «Соленая вода, жгучій песокъ, ядовитыя мухи и скорпіоны,—вотъ что найдешь въ Андхоѣ, какъ и въ аду», говоритъ одно стихотвореніе персидскаго поэта, цитируемое у Вамбери [1]). Андхойскія лошади, генеалогію которыхъ жители возводятъ до коня богатыря Рустема, персидскаго Геркулеса, славятся во всей Татаріи; ихъ посылаютъ даже въ Индію; точно также андхойскіе одногорбые верблюды, особенно та порода ихъ, которую называютъ неръ или наръ, отличаются необыкновенно густой шерстью, красотой формъ, крѣпостью членовъ; но обѣднѣвшее населеніе имѣетъ уже очень небольшое число этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ. Прежде андхойцы отправляли также въ Персію черный барашекъ, извѣстный въ Европѣ подъ именемъ «астраханской» мерлушки, но эта торговля окончательно прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ въ 1840 году афганцами.

Меймене, лежащій въ области горъ, орошается той же самой рѣчкой Нари, вода которой принимаетъ ниже солоноватый вкусъ и изсякаетъ въ андхойскихъ садахъ. Населенный преимущественно узбеками, которые пользуются во всемъ иранскомъ и татарскомъ мірѣ большой славой за свою храбрость, этотъ городъ умѣлъ долгое время сохранять свою независимость среди соперничествующихъ притязаній Персіи, Бухары, Афганистана; теперь онъ состоитъ подъ верховной властью кабульскаго эмира, какъ вассальное владѣніе, въ ожиданіи того времени, когда придутъ другіе хозяева съ сѣвера, чтобы сдѣлать изъ него одинъ изъ своихъ аванпостовъ на порогѣ Иранскаго плоскогорія. Стратегическая важность Меймене значительна, и нѣкоторые даже хотѣли видѣть въ немъ одинъ изъ центровъ тяжести всей западной Азіи: «Гератъ ключъ къ Индіи, говоритъ сэръ Генри Раулинсонъ, а Меймене—ключъ къ Герату!» Съ другой стороны, г. Гродековъ, русскій путешественникъ, который имѣетъ, по этому вопросу, то преимущество надъ всѣми современными географами, что онъ самъ прошелъ дорогу изъ Меймене въ Гератъ, утверждаетъ, что этотъ путь слишкомъ труденъ, чтобы имъ можно было воспользоваться для прохода армій. Какъ бы то ни было, Меймене, главная торговая станція между Гератомъ и Бухарой, господствуетъ надъ нѣсколькими горными ущельями, и обладаніе имъ имѣло бы большую цѣну въ борьбѣ державъ, оспаривающихъ другъ у друга господство надъ Азіей: въ рукахъ завоевателя всѣ укрѣпленныя, природой или

ековъ, *цитированное сочиненіе.*

[1]) „Странствованія дервиша въ Средней Азіи".

искусствомъ, мѣста составляютъ «ключи» одно къ другому. Недавно Меймене былъ самъ по себѣ важнымъ городомъ. Въ 1863 году, Вамбери опредѣлялъ число его жителей отъ пятнадцати до восемнадцати тысячъ душъ, а позднѣйшія исчисленія, русскаго происхожденія, но, вѣроятно, преувеличенныя, говорятъ о шестидесяти-тысячномъ населеніи, собранномъ въ его глиняной оградѣ; но въ 1874 году афганское войско, численностью около 10.000 человѣкъ, съ двадцатью пушками, явилось подъ стѣнами Меймене и приступило къ осадѣ города, взявъ уже передъ тѣмъ Сарипулъ и Шибирханъ. Осада продолжалась шесть мѣсяцевъ и окончилась избіеніемъ 18.000 человѣкъ на улицахъ и въ домахъ; съ той поры Меймене представляетъ не болѣе, какъ полуразрушенную деревню, и туркмены-грабители нерѣдко дѣлаютъ на нее свои разбойничьи набѣги. Что касается всего края, то статистики его народонаселенія значительно расходятся между собой: по Вамбери, число жителей бывшаго ханства простирается до 300.000, тогда какъ, по исчисленію русскихъ офицеровъ, оно не превышаетъ 100.000 душъ [1]). На ярмаркахъ въ Меймене производится значительная торговля лошадьми, сушеными плодами, коврами, которые ткутъ мѣстныя женщины, и евреи, индусы, парсы служатъ главными посредниками въ этой торговлѣ.

Въ настоящее время Андхойское ханство есть единственное, которое еще сохранило нѣкоторую независимость; всѣ другія ханства, лежащія между индійскимъ Кавказомъ и теченіемъ Аму-Дарьи, подвластны Афганистану. Географическія дѣленія страны остались тѣ же самыя; деревня Гурзиванъ и мелкія группы жилищъ, разсѣянныя по долинѣ Дарзабъ, въ горахъ, лежащихъ на югъ и на юго-западъ отъ Сарипуля, сохранили еще титулъ ханства, но утратили всякую самостоятельность. Узбеки этой страны не отправляютъ натурой воинской повинности, такъ какъ ихъ афганскіе повелители боятся, чтобы они не воспользовались оружіемъ для возстановленія своей независимости; но за эту льготу они должны платить тѣмъ больше налоговъ, и бремя рабства для нихъ очень тяжело. По словамъ г. Гродекова, они съ нетерпѣніемъ ждутъ прихода русскихъ; но сами ничего не дѣлаютъ для своего освобожденія и едва умѣютъ защищаться противъ туркменскихъ разбойниковъ. Какимъ образомъ эти храбрые турки, которые въ былое время дрались какъ львы въ бою съ врагомъ, сдѣлались такими смирными и покорными? Отвѣтъ не труденъ: столѣтнее угнетеніе превратило ихъ въ наслѣдственныхъ рабовъ [2]).

[1]) Behm und Wagner, „Die Bevölkerung der Erde", 1874 г.; Гродековъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Вамбери. „Allgemeine Zeitung", 31 авг. 1880 г.

Населеніе афганскаго Туркестана, по Г
кову и «Военному Сборнику» (томъ III):

Ваханъ—3.000 жит. Бадахшанъ—15
жит. Кундузъ—400.000 жит. Балхъ—6
жит. Андхой—60.000 жит. Шибирханъ,
ча, Сарипулъ и Меймене—270.000 жит
зиванъ и Дарзабъ—5.000 жит. Всего 9
жит.

2. Мервъ, независимые туркмены

Узкіе оазисы, окруженные песками,
все, что осталось теперь отъ «независим
таріи», которая еще недавно простирал
такое значительное пространство. Въ на
только одинъ знаменитый городъ нах
внѣ афганскихъ границъ или внѣ пре
территоріи, подвластной прямо или ко
русской державѣ; но этотъ городъ, хот
многолюдный, имѣетъ первостепенную и
ческую важность, благодаря своему гео
ческому положенію: это древній городъ
персіянъ, Мауръ узбековъ, оспарива
Балха титулъ «матери городовъ Азіи»,
когда гордо величавшій себя «царемъ
ной» (Шахъ-и-Джуханъ). Развалины др
эллинскаго города, Антіохіи-Маргіан
строеннаго Антіохомъ Сотеромъ [1]), до сих
еще видны въ сосѣдствѣ: туземцы назы
ихъ Мервъ-и-муканъ. Во времена ара
могущества, Мервъ, какъ Самаркандъ
хара, сдѣлался одной изъ главныхъ шко
сульманской науки и литературы, и знам
историкъ Якутъ изучалъ источники въ
гатыхъ книгохранилищахъ. Извѣстно,
жестоко поступили дикія монгольскія
Чингисъ-хана съ несчастнымъ городом
жители, въ числѣ семисотъ тысячъ, гов
были выведены за городъ, пересчитан
бараны, приведенные на бойню, и затѣмъ
дически, одинъ за другимъ, были перер
цѣлыя пирамиды труповъ возвышались
нинѣ. Мервъ, однако, оправился впослѣ
отъ этого ужасающаго погрома; въ 179
онъ опять былъ очень многолюднымъ мѣ
когда Мурадъ, эмиръ бухарскій, разр
плотину, задерживавшую воды Мурга
видѣ искусственнаго озера, опустошил
родъ и его сады, несмотря на отчаянн
противленіе жителей, въ которомъ жен
принимали участіе наравнѣ съ мужчин
обратилъ въ безлюдную пустыню большую
страны. Сорокъ тысячъ мервцевъ, выбра
преимущественно между ткачами шелк
матерій и другими ремесленниками, бы
сильно переселены въ Бухару, гдѣ по
ихъ и теперь еще населяютъ отдѣльный
талъ. Покоренный затѣмъ хивинцами,
принадлежитъ съ 1834 года туркменском

[1]) Страбонъ, „Географія", книга XI гл. 2.

ни текке, и его постоянное населеніе со-
итъ изъ двухъ или трехъ тысячъ узбековъ,
гда какъ сарыки, салоры, туркмены текке
ставляютъ подвижной элементъ, приходящій

въ Мервскомъ оазисѣ. Этотъ поясъ воздѣлан-
ныхъ земель, который Антіохъ, по свидѣтель-
ству Страбона, велѣлъ окружить стѣной въ
1.500 стадій или 275 километровъ протяженія,

Кала-Панджъ на Оксусѣ, фортъ у подошвы Памира.

уходящій, въ окрестностяхъ города: это
лавная опорная точка кочевыхъ обитателей
уркменіи, и послѣдніе, по свѣдѣніямъ, заслу-
живающимъ, какъ говоритъ г. Петрусевичъ,
сякаго довѣрія, занимаютъ 50.000 кибитокъ

простирается на 12 километровъ въ ширину
и слишкомъ на 125 километр. въ длину, съ
юга на сѣверъ. Плодородіе его славится на
всемъ Востокѣ; 2.000 туркменскихъ рабочихъ,
по одному на каждую группу изъ 24 семействъ,

занимаются каждый годъ содержаніемъ въ исправности оросительныхъ каналовъ, чтобы обезпечить успѣхъ жатвы. «Посѣй одно зерно, и у тебя родится самъ-сто» говоритъ пословица, относящаяся къ необычайной производительности мервскихъ полей [1]). Стебли сорго, употребляемые въ кормъ верблюдамъ, достигаютъ толщины обыкновеннаго бамбука; во время голода, посѣтившаго Персію въ 1871 году, цѣна пшеницы не повысилась въ Мервѣ, хотя этотъ продуктъ вывозился въ значительномъ количествѣ изъ края къ плоскогоріямъ [2]). Несмотря на сырость почвы, воздухъ тамъ почти всегда сухой и здоровый, но, при малѣйшемъ вѣтрѣ, атмосфера принимаетъ желтый цвѣтъ отъ носящихся въ ней тучъ песку, и тогда почти невозможно дышать. Далѣе на югъ простираются очень нездоровыя мѣстности: «Прежде, чѣмъ о томъ узнаетъ Аллахъ»,— говоритъ пословица,—«вода Маручака уже отправила человѣка на тотъ свѣтъ».

Въ Мервскомъ краѣ произошли большія перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ жители его, сдѣлавшіеся болѣе свободными, не имѣютъ болѣе причины опасаться власти династій Хивы и Бухары. Какой дурной славой пользовались нѣкогда мервцы во мнѣніи бухарцевъ и персіянъ, можно судить по слѣдующей старинной поговоркѣ, существовавшей въ странѣ: «Если встрѣтишь ехидну и мервца, то прежде всего старайся порѣшить мервца, а потомъ уже принимайся за змѣю» [3]). Опасаясь пускаться на берега Аму-Дарьи для разбойничьихъ набѣговъ, за которые могли бы наказать русскіе, вынужденные жить въ мирѣ съ персами, съ курдами горъ Даманъ-и-Кохъ и съ афганцами Гинду-Куша,—мервскіе люди, предвидя будущее, отказались по большей части отъ своихъ прежнихъ нравовъ воинственныхъ кочевниковъ: грабежъ и убійство уже не въ такой большой чести у нихъ, какъ бывало прежде, и даже находятся между мервцами смѣлые моралисты, которые не боятся говорить, что нѣтъ ничего славнаго убивать своего ближняго. Теперь уже понастроили домовъ въ Мервскомъ оазисѣ, прорыли ирригаціонные каналы, и поясъ культурныхъ земель увеличился; во время зимы, единственнаго сезона, когда растительная жизнь можетъ перенести тряску перевозки, караваны привозятъ фруктовыя деревья изъ Бухары для посадки въ оазисѣ. Въ краѣ ведется кое-какая торговля, и купцы изъ Мешеда и Бухары поселились среди становищъ кочевниковъ [4]).

Со времени завоеванія края русскими въ Мервскомъ уѣздѣ произошли огромныя перемѣны. Благодаря довольно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ и плодородію почвы, земледѣліе здѣсь съ каждымъ годомъ развивается, несмотря на недостаточность оросительныхъ средствъ. Въ Мервскомъ уѣздѣ сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу и ячмень (преимущественно яровые), затѣмъ-кунжутъ, рисъ, джугары (Sorghum cernuum), кукурузу, и пр. Пшеницы въ Мервскомъ уѣздѣ собираютъ до 1.200.000 пуд.; ячменя—750.000 пуд.; риса—48.000 пуд. Изъ кормовыхъ растеній разводятъ люцерну, а изъ промышленныхъ—хлопчатникъ, хотя культура его прививается довольно туго, вслѣдствіе недостатка оросительныхъ средствъ. Впрочемъ, въ 1895 г. чистаго волокна собрано до 325.000 пудовъ. Постепенно въ краѣ вводится также огородничество; но существенное значеніе имѣетъ бахчеводство; дыни и арбузы разводятся всюду и служатъ важнымъ пищевымъ средствомъ. Скотоводство, столь тѣсно связанное съ кочевымъ бытомъ туземнаго населенія, составляетъ здѣсь важную отрасль сельскаго хозяйства. Въ 1894 г. въ Мервскомъ уѣздѣ насчитывалось крупнаго рогатаго скота—25.894 головъ; овецъ и козъ—785.989; верблюдовъ—15.282; лошадей—16.469; ословъ—10.492. Большая часть скота круглый годъ держится на подножномъ кормѣ, хотя суровыя зимы очень неблагопріятно отзываются на скотоводствѣ. Наибольшее значеніе въ мѣстномъ хозяйствѣ имѣютъ овцы и верблюды. Въ 1894 г. шерсти собрано—89.831 п.; на 352.640 руб.; кожъ продано—43.482 шт. на 26.202 р.; овчинъ—26.140 шт. на 21.485 р. Шерсть не только вывозятъ, но употребляютъ и на мѣстѣ для кустарныхъ издѣлій, которыхъ въ 1894 г. вывезено на 65.000 р.

Торговое движеніе производится главнымъ образомъ по Закаспійской ж. д. и по колесному пути, проложенному изъ Мерва въ Тахта-базаръ; но масса товаровъ перевозится также караванами. Въ 1895 г. въ Мервской уѣздъ пришло 392 каравана, цѣнностью 508.000 р.; ушло же 291 кар., цѣнностью 363.500 р.

Населеніе края быстро разростается. По послѣдней переписи въ Мервскомъ уѣздѣ значится населенія 119.332, изъ нихъ 66.711 мужчинъ и 52.621 женщинъ.

Съ присоединеніемъ Мервскаго оазиса въ Россіи (4-го марта 1884 г.) возникъ городъ Мервъ, въ 770 в. отъ Узунъ-Ада и 574 в. отъ Самарканда, расположившись по обѣимъ сторонамъ нижняго теченія р. Мургаба, на высотѣ 823 ф. надъ уровнемъ Каспійскаго моря, среди ровной степи. Въ настоящее время Мервъ представляетъ собою вполнѣ благоустроенный городъ съ населеніемъ (по послѣдней переписи 1897 г.) въ 8.727 ч., изъ нихъ русскихъ 2.600, армянъ 1.485, персовъ 960, евреевъ 545, туземцевъ 2.070, остальное количество приходится на татаръ, грузинъ, поляковъ, малороссовъ и пр. По вѣроисповѣданію

[1]) Alex Burnes, цитированное сочиненіе.
[2]) Гродековъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Wolff. „Narrative of mission to Bokhara".
[4]) Alex. Burnes, „Travels into Bokhara".

преобладаютъ магометане, затѣмъ слѣдуютъ православные, и т. д. Вслѣдствіе центральнаго положенія между Хивою, Бухарою, Персіею и Афганистаномъ, этотъ молодой городъ можетъ похвалиться своими торговыми оборотами; изъ Мерва, главнымъ образомъ по желѣзной дорогѣ, вывозятъ хлѣбъ въ зернѣ, хлопокъ, кожу, орѣхи, шерсть и пр. Климатъ Мерва континентальный; средняя годовая температура 15,6 (Ц.); максимальная—41,2, минимальная—17.8°; осадковъ около 125 мм.

Между Мервомъ и Мешедомъ, туркмены текке и ихъ союзники салоры, такъ сказать, осаждаютъ персидскій укрѣпленный городъ Сарахсъ (Шаракъ), лежащій въ оазисѣ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ подъ именемъ Аріи, и который орошается и оплодотворяется водами Гери-Руда, или Теджена, гератской рѣки. Какъ Мервъ и Меймене, это одинъ изъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, переходъ котораго во владѣніе военной державы можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія для судьбы народовъ Ирана. Сарахсъ имѣетъ право на титулъ города, ибо мешедскіе евреи, ведущіе торговлю съ туркменами окрестныхъ мѣстностей, выстроили тамъ нѣсколько домовъ изъ битой глины; но до недавняго времени постоянные жители обитали исключительно въ киргахъ, деревянныхъ или тростниковыхъ шалашахъ, обтянутыхъ снаружи войлокомъ [1]). Равнины окружающаго оазиса не менѣе богаты и плодородны, чѣмъ окрестности Мерва. Эти два города оспариваютъ другъ у друга славу быть мѣстомъ рожденія перваго земледѣльца.

Къ западу отъ Сарахса, на пространствѣ болѣе 600 километровъ туркмены не имѣютъ городовъ въ собственномъ смыслѣ слова, а только становища на берегахъ рѣкъ, постоянныхъ или временныхъ, и источниковъ, вытекающихъ, изъ подошвы горъ; впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ становищъ, окруженныя оборонительными стѣнами, въ которыхъ каждая бойница имѣетъ свое ружье, состоятъ изъ тысячи кибитокъ и такъ же многолюдны, какъ настоящіе города. Насчитываютъ не менѣе двухъ тысячъ жилищъ въ Геокъ-тепе, который, слѣдовательно, по величинѣ и населенности, превосходитъ многіе значительные города. Недалеко отъ Геокъ-тепе возвышаются укрѣпленные холмы Денгли-тепе или Денгиль-тепе, которые туркмены храбро и съ успѣхомъ защищали противъ приступовъ русскихъ въ 1879 году, но которые, однако, были взяты русскими войсками во время второй ахалъ-текинской экспедиціи подъ начальствомъ генерала Скобелева. Отъ древнихъ парѳянскихъ городовъ не осталось ничего, или, по крайней мѣрѣ, то, что уцѣлѣло отъ нихъ, ожидаетъ еще путешественниковъ, которые бы описали эти остатки сѣдой старины. Полагаютъ, что городъ Нисса, гдѣ находились гробницы парѳянскихъ царей, занималъ выходъ одной долины, у подошвы горъ Даманъ-и-Кохъ [1]): быть можетъ, онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ Ніасъ, на востокъ отъ туркменской крѣпости Кызылъ-арватъ, или вѣрнѣе Кызылъ-робатъ, то-есть «Красный каравансарай». Англійскіе путешественники Бэкеръ и Гилле недавно проѣзжали черезъ эту страну.

3. Бухара.

Это среднеазіатское государство, номинально еще независимое, есть одно изъ тѣхъ ханствъ, которыя должны почтительно сообразовать свою политику съ волей и предписаніями, исходящими изъ Петербурга; не имѣя надобности держать гарнизоны въ крѣпостяхъ и платить жалованье администраторамъ, Россія, тѣмъ не менѣе, владѣетъ дорогами, которыя Бухара открываетъ ей къ порогамъ Гинду-Куша. Съ своей стороны, бухарское правительство, покровительствуемое своимъ могущественнымъ сюзереномъ, не имѣетъ болѣе причины бояться за свои границы со стороны туркменъ или афганцевъ, и даже цѣлыя провинціи были присоединяемы къ его владѣніямъ однимъ почеркомъ пера. Такъ, по волѣ Россіи, многія государства на верхнемъ теченіи Аму-Дарьи: Шигнанъ, Рошанъ, Дарвазъ, Каратегинъ, зависѣвшіе нѣкогда частію отъ Кундуза, а потомъ отъ Бадахшана, отнынѣ включены въ составъ бухарскаго ханства, и такимъ образомъ русскіе сдѣлались господами горныхъ проходовъ Памира. Въ предѣлахъ, которые ему были начертаны въ настоящее время, территорія этого ханства занимаетъ пространство, почти равное половинѣ Франціи и заключаетъ населеніе, какъ полагаютъ, превышающее два милліона душъ (именно—площадь Бухары 217.674 квадр. версты или 4.498 кв. мили, слѣдовательно на 1 кв. милю пространства среднимъ числомъ приходится по 550 жителей). Бухара почти всѣмъ своимъ протяженіемъ лежитъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, откуда и произошло ея древнее имя Трансоксіана или Мавераннаръ, смыслъ котораго тотъ же самый, то-есть «страна, лежащая за Оксусомъ». Названіе Согдіана относилось только къ долинѣ рѣки Согдъ, нынѣшняго Зарявшана, раздѣленной теперь между русскими и бухарцами.

Высшія области бухарскаго Памира, по которымъ протекаютъ рѣки: Панджа, Мургабъ и Сургабъ, спускающіяся съ ихъ снѣжныхъ долинъ, почти совершенно пустынны, или посѣ-

[1]) Napier, „Joulnal of the Geographical Society", tome XLVI. 1875.

[1]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", 1879.

щаются только лѣтомъ киргизскими пастухами. Въ центрѣ Памира нѣтъ болѣе селеній выше Ташъ-Кургана, и можно прослѣдить теченіе Мургаба (Акъ-Су или «Бѣлая Вода»), на протяженіи слишкомъ 200 километровъ, до пояса вѣчныхъ снѣговъ и до величественной скалы Акъ-Ташъ или «Бѣлый Камень», не встрѣчая ни одного постояннаго поселка. Только на днѣ западныхъ долинъ Памира живетъ осѣдлое населеніе, и деревни, изъ которыхъ иныя носятъ названіе городовъ, слѣдуютъ тамъ на нѣкоторомъ разстояніи одна за другой.

Ниже Ишкашимской излучины, въ Бадахшанѣ, Сархадъ или Панджа продолжаютъ течь въ сѣверномъ направленіи, до соединенія съ Мургабомъ и другими рѣками западнаго Памира, которыя всѣ вмѣстѣ образуютъ Аму-Дарью. Въ этой-то части бассейна Оксуса основались три государства: Шигнанъ, выше, Рошанъ и Дарвазъ, ниже по теченію рѣки. Со времени среднихъ вѣковъ ни одно изъ этихъ государствъ не было посѣщаемо европейскими путешественниками; однако, между Бадахшаномъ и долинами верхней Аму-Дарьи существуютъ частныя сообщенія; въ 1873 году капитанъ англійской службы Троттеръ могъ послать своего помощника изъ туземцевъ, Абдулъ-Субхана, обслѣдовать теченіе рѣки Панджи (южной вѣтви верхняго Аму), на пространствѣ 160 километровъ внизъ отъ большаго изгиба при Ишкашимѣ до Уамура, столицы Рошана. Съ другой стороны, индійскій изслѣдователь Субадаръ-Хайдаръ-шахъ, извѣстный обыкновенно подъ именемъ или титуломъ «Хавильдаръ», поднялся, въ 1874 году, по теченію Оксуса, отъ западнаго Бадахшана до границъ Рошана; теперь остается лишь незначительный пробѣлъ между путями, пройденными этими двумя путешественниками.

Шгананъ (Шугнанъ, Шугданъ) и Рошанъ, которые, вѣроятно, всѣмъ своимъ протяженіемъ, лежатъ въ поясѣ высоты, превышающемъ 2.000 метровъ, получили отъ обитателей равнины названіе Зучанъ или «Страны двухъ жизней», имѣющее тотъ смыслъ, что всякій, кто вступаетъ въ эту счастливую землю, кто дышетъ ея здоровымъ воздухомъ и пьетъ ея чистыя воды, можетъ быть увѣренъ, что проживетъ два вѣка [1]). Но очень небольшое число людей пользуются этимъ великолѣпнымъ климатомъ. По Вуду, общее число жителей Шигнана и Рошана, которые всѣ иранской расы, не превышало, въ 1838 году, тысячи трехсотъ семействъ, изъ которыхъ триста приходилось на первое и тысяча семействъ на второе изъ этихъ государствъ. По Форситу и Троттеру, населеніе значительно увеличилось съ того времени, такъ какъ оно состояло для обѣихъ областей, в 1873 году, изъ 4.700 семействъ, или приблизительно изъ 25.000 лицъ, что, конечно, еще очень мало для долины протяженіемъ около 200 верстъ, къ которой, кромѣ того, присоединяются, съ восточной стороны, многочисленныя боковыя долины. Торговля невольниками была, какъ и въ Ваханѣ, причиной обезлюдѣнія страны, и еще очень недавно, несмотря на отмѣну рабства, оффиціально провозглашенную въ Кабулѣ и во всѣхъ афганскихъ владѣніяхъ, въ составъ которыхъ входили недавно берега Панджа, люди продавались и покупались, какъ товаръ, въ землѣ «Двухъ жизней». Въ 1869 году, тамошній властитель торговалъ своими собственными подданными, чтобы поддержать равновѣсіе своихъ финансовъ; въ тѣхъ мѣстахъ цѣна мужчины или женщины колебалась между 300 и 450 фран. и представляла цѣнность 10 или 15 воловъ, отъ 5 до 8 яковъ или двухъ киргизскихъ ружей.

Во время путешествія Форсита и его спутниковъ эти два государства имѣли только одного эмира, резиденція котораго находилась въ Уамурѣ (Вамарѣ), столицѣ Рошана. Главный городъ Шигнана, Килабаръ-Панджа, лежащій на лѣвомъ берегу рѣки, состоитъ изъ 1.500 домовъ, такъ что выходитъ, что онъ одинъ заключаетъ около трети всего населенія обоихъ государствъ (?). Уамуръ и большая часть другихъ селеній страны построены на правомъ берегу, такимъ образомъ, что обращены лицомъ къ западу, болѣе освѣщенному и болѣе теплому, чѣмъ сторона, обращенная къ востоку.

Дарвазъ, который слѣдуетъ за Рошаномъ на берегахъ Аму-Дарьи, ниже впаденія Мургаба и Панджи, тоже населенъ таджиками, говорящими персидскимъ языкомъ и хорошо сохранившими преданія маздеизма, несмотря на то, что они теперь исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка. Главная рѣка начинаетъ въ Дарвазѣ поворачивать къ западу, и культурныя растенія умѣреннаго пояса, даже хлопчатникъ, показываются въ хорошо защищенныхъ лощинахъ. Главный городъ Дарваза—Нибъ-кумбъ, иначе Кила-кумбъ или Калехъ-и-Кумбъ, извѣстный также подъ именемъ «Тюрьмы Искандера», такъ какъ, по преданію, онъ основанъ знаменитымъ македонскимъ царемъ, который будто бы построилъ его съ цѣлью запереть въ стѣнахъ бунтовщиковъ. Пятитысячный бухарскій гарнизонъ занимаетъ важнѣйшія мѣста Дарваза, населеніе котораго оказало энергическое сопротивленіе завоевателямъ. Напротивъ, жители Кулаба и его провинціи, которую орошаетъ рѣка Кичисурханъ, легко покорились новымъ властителямъ.

Область Каратегинъ, которая отдѣлена отъ Ферганской долины лишь снѣговыми гребнями цѣпи Алай-тагъ, представляетъ собою прекрасную страну высокихъ горъ, ледниковъ, водопадовъ, простирающуюся на западъ отъ Алайскаго плоскогорья и орошаемую рѣкой Кызылъ-су или «Красная вода», которая ниже прини-

[1]) *Костенко, „Туркестанскій край".*

маетъ новое имя, Сургабъ, а еще далѣе называется Уакшъ (Вакшъ, Вахшъ). Такъ же, какъ въ другихъ государствахъ западнаго Памира, въ Каратегинѣ до сихъ поръ сохранилось древнее арійское населеніе: галчи, хотя обращенные оффиціально въ магометанскую вѣру, сохранили свои старые нравы, напоминающіе времена Зороастра, и продолжаютъ говорить персидскимъ языкомъ, среди киргизовъ тюркскаго языка. Эти горцы народъ очень промышленный: они умѣютъ ткать матеріи, ковать желѣзо, промывать золотоносные пески своихъ ручьевъ, добывать каменную соль изъ своихъ горъ, а лѣтомъ они ведутъ довольно большую торговлю съ Коканомъ, Бухарой и Кашгаромъ; но эти промыслы недостаточны для прокормленія жителей. Будучи всѣ земельными собственниками, они не хотятъ дробить своихъ земель до безконечности, и потому молодые люди края уходятъ массами искать заработковъ на сторонѣ, въ городахъ равнины; это «оверняты» Туркестана. Всѣ водоносы въ Ташкентѣ каратегинскіе уроженцы [1]); но Каратегинъ посылаетъ также школьныхъ учителей въ города Татаріи [2]). Покойный Федченко исчислялъ населеніе, очень густое для страны, имѣющей 2.000 метровъ средняго возвышенія, слишкомъ въ 100.000 человѣкъ, разсѣянныхъ въ 400 слишкомъ кишлакахъ, среди фруктовыхъ садовъ. «Потомокъ Александра Македонскаго», котораго жители Каратегина признаютъ своимъ шахомъ, имѣетъ резиденцію въ мѣстечкѣ Гармъ или Хармъ, группѣ изъ 340 домовъ, расположенной на правомъ берегу Сургаба. Въ сосѣдствѣ этой столицы вытекаютъ изъ земли теплые углекислые источники въ видѣ настоящаго ручья.

Область Гиссаръ, къ западу отъ Каратегина, посѣщенная въ 1874 году, въ южной ея части, путешественникомъ Субадаръ - Хайдаръ - шахомъ, затѣмъ изслѣдованная болѣе подробнымъ образомъ, въ 1875 году, русской экспедиціей Вишневскаго, Маева и Шварца, — является отнынѣ на картахъ совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ ее представляли прежніе географы. Астрономическія съемки, сдѣланныя Шварцемъ, такъ сказать, завоевывали для науки страну, гдѣ до того времени горныя цѣпи и рѣки чертились на удачу, по противорѣчащимъ одинъ другому разсказамъ. Теперь мы знаемъ, что р. Сургабъ или Уакшъ пересѣкаетъ своимъ теченіемъ восточную часть Гиссара, чтобы соединиться съ Аму-Дарьей ниже Газретъ-имама, въ Кундузѣ, и что къ западу отъ Уакша территорія разрѣзана на параллельные поясы широкими долинами Кафирнахана, Сурхана, Ширабадъ-Дарьи, открывающимися между высокихъ снѣговыхъ горъ. Ниже Гарма нѣтъ ни одного города, кромѣ Курганъ-тюбе, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки; но въ нѣкоторомъ разстояніи ниже по теченію находятся развалины Лакмана, который, повидимому, былъ весьма значительнымъ городомъ: въ немъ видны еще слѣды моста черезъ Уакшъ. Напротивъ сліянія этой рѣки съ Аму-Дарьей стоялъ другой городъ, Тахтакуватъ, о которомъ туземцы разсказываютъ разныя легенды. Наконецъ, близъ горнаго прохода Патта-Гиссаръ, на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Мазаръ-и-Шерифъ, сохранились обширныя развалины города Термезъ, которыя тянутся по берегу Аму-Дарьи на пространствѣ 26 километровъ въ длину, между рѣкой Сурханъ и руинами другаго города. Мія, тоже пустыннаго въ наши дни и примѣтнаго издалека по уцѣлѣвшему еще высокому минарету. Термезъ носилъ прежде таджикское имя Гулъ-Гула, что значитъ «Шумный»: происхожденіе этого названія объясняютъ такъ, что гулъ, стоявшій надъ его многолюдными базарами, слышенъ былъ въ Бактрахъ, на разстояніи 90 километровъ [1]). Въ развалинахъ этихъ городовъ открыли много драгоцѣнныхъ вещей изъ золота и серебра, преимущественно древнихъ греческихъ монетъ, покупаемыхъ почти исключительно мультанцами, которые увозятъ ихъ въ Индустанъ. Разработка золотыхъ пріисковъ на берегахъ Уакша ведется очень дѣятельно, и нѣкоторые плоскіе берега, въ сезонъ низкаго стоянія водъ, бываютъ сплошь усѣяны туземными золотоискателями, которые усердно промываютъ песокъ, чтобы собирать драгоцѣнныя блестки. Какъ во времена аргонавтовъ, они употребляютъ, для промывки, овечье руно, шерсть котораго задерживаетъ тяжелый золотой песокъ, пропуская воду, илъ и гравій. Подобно своему предку Язону, греки Бактріаны тоже съумѣли завоевать себѣ «золотое руно» [2]).

Всѣ города Гиссара: Файзабадъ, Кафирнаганъ, Душамбе, Гиссаръ, Каратагъ, Регаръ, Сари-чуй. Юрчи, Денау, Байсунъ, Ширабадъ или «Львиный городъ», стоятъ на берегахъ притоковъ или подпритоковъ Аму-Дарьи, и большая часть ихъ построены въ области, смежной съ вѣчными снѣгами и ледниками. Низменныя равнины, прилегающія къ Оксусу, такъ же нездоровы, какъ и равнины, простирающіяся по другую сторону рѣки въ Кундузѣ, и путешественники, даже туземцы, не могутъ пускаться въ тѣ мѣста, не подвергая опасности здоровье и даже жизнь. Чтобы избѣгнуть лихорадокъ и ревматизмовъ, причиняемыхъ рѣзкими перемѣнами температуры, тамошніе жители, какъ въ области горъ, такъ и въ равнинѣ, никогда не покидаютъ мѣховой одежды, даже въ самую жаркую пору лѣта. Гиссаръ, по прозванію «Ве-

[1]) Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", іюнь, 1878 г.
[2]) Аранджаренко, „*Русское Обозрѣніе*", 1878 г., № 9.

[1]) Юновъ, „Туркестанскія Вѣдомости", 29 апр. 1880 г.
[2]) Мейендорфъ, „Путешествіе въ Бухару"; Юновъ, „Туркестанскія Вѣдомости", 18 марта 1880 г.

селый» городъ, который далъ свое имя всей странѣ, выстроился, естественно, внѣ области лихорадокъ, въ 160 километрахъ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, въ верхней долинѣ рѣки Кафирнаганъ, у подножія снѣговыхъ горъ, за которыми скрывается озеро Искандера (Александра). Населеніе гиссарской столицы, исчисляемое приблизительно въ 10.000 душъ, занимается главнымъ образомъ фабрикаціей оружія, ножей и разныхъ другихъ металлическихъ издѣлій, за покупкой которыхъ пріѣзжаютъ киргизы, и которыя разносятся пилигримами даже въ Персію, въ Турцію и Аравію; нѣкоторые изъ выдѣлываемыхъ въ Гиссарѣ дамасскихъ клинковъ, съ рукоятками изъ рѣзнаго золота или серебра, отличаются замѣчательнымъ совершенствомъ работы, и произведенія этого рода, выходящія изъ европейскихъ мастерскихъ, не могутъ сравниться съ ними по тонкости закалки [1]). Кажется, что въ прежнее время Гиссаръ былъ гораздо болѣе значительнымъ городомъ. Эта область Татаріи принадлежитъ уже къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ древнее арійское населеніе было вытѣснено пришлымъ финно-татарскимъ элементомъ: чистокровные арійцы, галчи, сохранились только въ горныхъ кишлакахъ, да нѣкоторые города, какъ Файзабадъ, Кафирнаганъ, населены еще таджиками; но вообще въ странѣ, такъ же, какъ въ прибрежныхъ равнинахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, сарты и узбеки составляютъ самую многочисленную часть жителей, такъ что бухарцы провинцію Гиссаръ обыкновенно называютъ Узбекистаномъ [2]).

На западъ отъ Гиссарскихъ горъ широкія долины, открывающіяся въ направленіи къ Аму-Дарьѣ, орошаются рѣками, которыя соединившись, образуютъ рѣку Кашку. Въ этихъ долинахъ основались разныя мелкія государства, границы которыхъ постоянно измѣнялись, сообразно превратностямъ войнъ и перемѣнамъ въ политикѣ сосѣднихъ державъ, и часто они даже играли весьма важную историческую роль: не безъ причины Александръ Македонскій провелъ цѣлыхъ три года въ этой странѣ [3]). Шехръ-и-себсъ (Шахъ-и-сябзъ, Шарсабидъ), построенный на берегахъ ручья, бѣгущаго съ горы Хазрети-Султанъ, у южнаго выхода одного прохода горъ Самаркандъ-тау, есть одна изъ тѣхъ временныхъ столицъ, которыя играли значительную роль въ исторіи арало-каспійской покатости. Шехръ-и-себсъ состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ, Китаба, выше, и Шехра, ниже по теченію рѣчки, окруженныхъ нѣкогда одной общей стѣной—теперь уже сильно поврежденной временемъ—но отдѣленныхъ одинъ отъ другаго обширными садами, отъ которыхъ эти два города-близнеца и получили общее имя, Шехръ-и-себсъ, то-есть «городъ, утопающій въ зелени». Шехръ, съ его девятью десятками мечетей, куполы и минареты которыхъ высоко поднимаются надъ массой домовъ, есть бо́льшій изъ двухъ городовъ и насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ около двадцати тысячъ жителей; въ меньшемъ, Китабѣ, населеніе не превышаетъ пятнадцати тысячъ душъ. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, на мѣстѣ нынѣшняго Шехръ-и-себса находилась просто деревня, по имени Кешъ, гдѣ родился въ 1335 году, ребенокъ, который впослѣдствіи получилъ прозвище «Хромой», Тимуръ-ленъ или Тамерланъ, и сдѣлался страшнымъ бичемъ Божіимъ. Грозный властелинъ Азіи хотѣлъ было основать въ родномъ селѣ столицу своей громадной имперіи и построилъ тамъ множество большихъ зданій; но потомъ онъ долженъ былъ признать выгоды, которыя представлялъ Самаркандъ, какъ центральный городъ, и перенесъ туда свою резиденцію [1]). Отъ Тамерланова дворца, Акъ-серая или «Бѣлаго замка», считавшагося однимъ изъ «семи чудесъ свѣта», остались только башни и два огромныхъ столба изъ кирпича, которые поддерживали высокій стрѣльчатый сводъ входнаго портика; стѣны еще блестятъ своей обшивкой изъ фарфора, бѣлаго и голубаго, украшеннаго арабесками и испещреннаго надписями на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Преданіе указываетъ на одну изъ этихъ башенъ, какъ на ту самую, съ которой, будто-бы, бросились внизъ разомъ сорокъ придворныхъ, чтобы подхватить бумагу, которую вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ ихъ повелителя [2]).

Населеніе края, который былъ родиной знаменитаго азіатскаго завоевателя, состоитъ главнымъ образомъ изъ кенегезовъ, узбековъ-суннитовъ, славящихся во всемъ Туркестанѣ своей храбростью и стойкостью, столько же, сколько ихъ женщины славятся своей красотой; такъ что нужно было направить русскую военную экспедицію на Шехръ-и-себсъ для того, чтобы присоединить это маленькое государство къ владѣніямъ эмира бухарскаго. Никогда обитатели Шехръ-и-себса не терпѣли у себя невольничества. Рѣка Кашка, протекающая чрезъ городъ и орошающая его сады, которые, благодаря этому обильному орошенію, производятъ великолѣпные плоды,—защищала также жителей противъ нападеній внѣшняго врага; подвижныя плотины, устроенныя поперекъ потока, позволяли наводнить на далекое пространство всю мѣстность, окружающую городъ и его крѣпость [3]). Присоединеніе Шехръ-и-себса было

[1]) Вамбери, „Странствованіе дервиша въ Средней Азіи".

[2]) Мейеръ, „Извѣстія Русскаго Географ. Общества", 1876 г., № 12.

[3]) *Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.*

[1]) Записки Бабера, переведен. на франц. языкъ Павде-Куртелемъ.

[2]) Хорошкинъ, „Сборникъ статей, относящихся къ Туркестану".

[3]) Мейендорфъ, „Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару".

ля бухарскаго правительства чрезвычайно ажнымъ пріобрѣтеніемъ въ экономическомъ тношеніи, ибо долина Кашки производитъ въ зобиліи разнаго рода хлѣбъ, табакъ, хлопокъ, рая необходима для его потребленія; Гиссаръ, кромѣ того, важенъ, какъ рынокъ, гдѣ производится большая торговля скотомъ и земледѣльческими продуктами.

Скалы Акъ-Ташъ въ долинѣ того же имени.

пеньку, фрукты и овощи, а горы возвышенной области богаты залежами желѣзной руды; пласты самородной каменной соли, въ окрестностяхъ Гиссара, на юго-западъ отъ Шехръ-исебса, доставляютъ Саманканду всю соль, кото-

Одна изъ южныхъ вѣтвей Кашки беретъ начало въ области горъ, которая нѣкогда пользовалась большой славой, какъ заключающая въ себѣ одно изъ «чудесъ свѣта». Это чудо— узкая тѣснина отъ 12 до 20 метровъ шириною

и около 3 километровъ длиною, по которому проходитъ дорога, ведущая изъ Балха въ Самаркандъ черезъ Ширабадъ, городъ Шехръ-и-себсъ и цѣпь Самаркандъ-тау. Во время прохода буддистскаго миссіонера Гіуэнъ-Цанга, это ущелье было заперто воротами съ двумя створками, скрѣпленными желѣзной оправой, увѣшанной колокольчиками, которые звонили при малѣйшемъ движеніи воздуха [1]). Восемь столѣтій спустя, Клавихо, испанскій посолъ, отправленный ко двору Тамерлана, тоже проѣзжалъ черезъ «Желѣзныя ворота», но искусственнаго препятствія тогда уже не существовало; русскіе ученые, участвовавшіе въ гиссарской экспедиціи, переходили, въ свою очередь, черезъ порогъ знаменитыхъ воротъ, которыя теперь обыкновенно называютъ Бузголахана или «Козья хижина»; однако, ближайшій городъ до сихъ поръ сохранилъ многозначительное имя Дербента, подобно имени каспійскихъ «Воротъ» [2]).

Важный городъ Карши расположенъ среди обширной равнины, близъ сліянія двухъ главныхъ вѣтвей рѣки Кашки, которыя получаютъ всѣ воды, текущія съ горъ между городами Шехръ-и-себсъ и Дербентъ. Ограда Карши имѣетъ не менѣе 9 километровъ въ окружности, и населеніе, живущее внутри этихъ стѣнъ, простирается до 25.000 душъ. Этотъ городъ хвалится, хотя съ меньшимъ правомъ, чѣмъ Гиссаръ, хорошимъ качествомъ своихъ ножей и клинковъ, отправляемыхъ даже въ Персію и въ Аравію; изъ другихъ фабрикуемыхъ тамъ металлическихъ издѣлій замѣчательны изящные кувшины и мѣдныя блюда съ очень искусной рѣзьбой и украшенныя серебряными инкрустаціями [3]); но главный источникъ богатства даетъ ему окружающій оазисъ, гдѣ воздѣлываютъ преимущественно табакъ. Карши, подобно большинству европейскихъ городовъ, устроилъ у себя публичное гульбище или бульваръ, который тянется вдоль рѣки, окаймляя ея берегъ своими аллеями серебристыхъ тополей и красивыми цвѣтниками; на этомъ гульбищѣ собирается весь каршинскій бомондъ. Жители Карши славятся во всемъ ханствѣ, какъ люди, обладающіе хорошимъ вкусомъ, живымъ и бойкимъ умомъ и остроуміемъ.

Второй городъ ханства, какъ по числу жителей, такъ и по степени развитія торговой и промышленной дѣятельности, Карши важенъ какъ мѣсто соединенія дорогъ, идущихъ изъ Бухары, изъ Самарканда, изъ Гиссара, изъ Балха, изъ Меймене. Онъ находится всего только въ сотнѣ километровъ отъ Аму-Дарьи, но отдѣленъ отъ нея песками, въ которыхъ теряется орошающая его рѣка Качка до послѣдней капли. Переходъ черезъ главную рѣку страны, на дорогѣ изъ Андхоя и Меймене, охраняется укрѣпленнымъ городкомъ Килифъ, передъ которымъ Аму-Дарья, загороженная съ одной стороны высокими скалами, имѣетъ только 357 метровъ ширины; но зато въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются, говорятъ, большія глубины, въ 75 и 100 метровъ [1]). Ниже по теченію, крѣпостца Карикджи, на правомъ берегу, и крѣпость Керки, на лѣвомъ, защищаютъ другой переходъ. Вся средняя часть рѣки, отъ древней Бактріаны до Хивинскаго оазиса, была присоединена Россіей къ владѣніямъ Бухары, и это государство взяло на себя обязанность содержать паромы на рѣкѣ, держать въ порядкѣ и ремонтировать каравансараи на обоихъ берегахъ. Населеніе лѣваго берега состоитъ главнымъ образомъ изъ туркменовъ племени эрсари, которые платятъ дань бухарскому эмиру, дабы послѣдній защищалъ ихъ противъ другихъ кочевниковъ. Послѣ Керки, единственный укрѣпленный городъ, которымъ обладаетъ Бухара на западномъ берегу рѣки, есть Чарджуй, стоящій на прямой дорогѣ изъ бухарской столицы въ Мервъ, напротивъ того мѣста, гдѣ нѣкогда долженъ былъ оканчиваться Зарявшанъ. Чарджуй сдѣлался складочнымъ мѣстомъ торговли между Бухарой и Хивой.

Овладѣвъ Самаркандомъ и верхней и средней долиной Зарявшана, русскіе тѣмъ самымъ поставили въ полную отъ себя зависимость столицу Бухары и всѣ другіе города, находящіеся на нижнемъ теченіи этой рѣки. Одного сооруженія поперечной плотины, которая задерживала бы воды Зарявшана въ видѣ обширнаго резервуара испаренія, было бы достаточно, чтобы изсушить всѣ производительныя земли Бухаріи въ собственномъ смыслѣ и принудить жителей къ выселенію. Расширеніе площади земледѣлія въ Самаркандскомъ краѣ имѣетъ подобныя же слѣдствія, такъ какъ теперь требуется болѣе значительное количество воды для искусственнаго орошенія; съ тѣхъ поръ, какъ русскіе сдѣлались владѣльцами Самарканда, какъ численность населенія возрасла и поверхность садовъ увеличилась, Бухара терпитъ постоянно усиливающійся недостатокъ воды, и можно уже констатировать нѣкоторое перемѣщеніе жителей изъ нижнихъ въ выше лежащія части теченія рѣки. Такимъ образомъ, даже не принимая въ разсчетъ огромной несоразмѣрности военныхъ силъ, между славянской державой, которая овладѣла Самаркандомъ, и бухарскимъ ханствомъ, самое географическое положеніе двухъ странъ обезпечиваетъ верхнему краю рѣшительное преобладаніе надъ нижнимъ, по теченію ихъ жизненной артеріи.

Городъ Бухара, Шерифъ или «благород-

[1]) Stanislas Julien, „Pélerins bouddhistes".
[2]) Перхъ, „Русское Обозрѣніе". 1875 г.
[3]) *Ch. de Ujfalvy, „Tour du Monde"*, 1879 г., № 3.

[1]) Мейеръ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества", 1878 г., № 4.

ная»,—какъ ее величаютъ на монетахъ, чеканящихся именемъ эмира,—не принадлежитъ къ числу красивыхъ городовъ востока. Хотя мѣстное преданіе основателемъ ея называетъ «Двурогаго» Александра (Македонскаго), она не принадлежитъ также и къ числу древнихъ городовъ Согдіаны. Улицы въ ней узкія и кривыя; зданія ветхія, полуразвалившіяся и покрытыя густымъ слоемъ пыли; воды лѣниво движутся въ каналахъ и иногда даже совсѣмъ пересыхаютъ; на площадяхъ нѣтъ тѣнистыхъ деревьевъ, и улицы не кишатъ уже народомъ, какъ бывало въ тѣ времена, когда эмиръ бухарскій былъ могущественнѣйшимъ государемъ арало-каспійской покатости. Главная мечеть бросается въ глаза своимъ высокимъ минаретомъ, Манари-Калянъ въ 87 арш. вышиною, верхушка котораго, какъ увѣряютъ бухарцы, находится на уровнѣ почвы Самарканда; но на самомъ дѣлѣ, главный городъ Зарявшана лежитъ почти на 300 метровъ выше бухарской столицы (именно, высота мѣстоположенія Самарканда 655 метр., Бухары 360 метр.). Прежде сбрасывали приговоренныхъ къ смерти преступниковъ съ вершины этой священной башни, всходить на которую имѣли право только муллы и палачи, тащившіе своихъ жертвъ на казнь.

Впрочемъ, торговля все еще привлекаетъ на базары «благороднаго» города людей всѣхъ расъ и народностей востока. По меньшей мѣрѣ двѣ трети всего городскаго населенія, исчисляемаго въ 70.000 душъ, то-есть въ половину той цифры, до которой оно простиралось въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, состоитъ изъ таджиковъ; но узбеки, болѣе или менѣе смѣшанные съ иранскими элементами, тоже очень многочисленны; киргизы разбираютъ свои палатки или кибитки на площадяхъ, какъ будто-бы они находились среди пустыни; мервскіе туркмены своей гордой осанкой и смѣлой поступью составляютъ рѣзкій контрастъ съ иранскими вольноотпущенниками, раболѣпными и лукавыми; русскіе начинаютъ тоже появляться въ столицѣ ханства, въ сопровожденіи разныхъ авантюристовъ изъ другихъ странъ Европы; евреи и индусы или «мультанцы», прозванные такъ по имени города Мультана, который въ Татаріи считаютъ метрополіей Индустана, сидятъ на базарахъ, предлагая проходящимъ свои товары. Почти всѣ индусы, посѣщающіе Бухару,—ширкапурскіе уроженцы: они имѣютъ на своемъ красивомъ смугломъ челѣ красный знакъ, символъ священнаго пламени.

Въ восточномъ мірѣ Бухара пользуется громкой славой, какъ главный центръ мусульманской учености: «Вездѣ въ другихъ мѣстахъ на землѣ, свѣтъ нисходитъ свыше; но онъ поднимается изъ Бухары», засвидѣтельствовалъ самъ Магометъ, когда онъ былъ взятъ на небо: такъ разсказываютъ бухарскіе ишаны и муллы [1]). Какъ бы то ни было, Бухара есть безспорно одинъ изъ тѣхъ городовъ, имя которыхъ должно занять видное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли. Мусульманская образованность несомнѣнно достигла тамъ замѣчательной степени развитія въ различныя эпохи, съ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, затѣмъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда городъ снова оправился отъ страшнаго погрома, произведеннаго дикими полчищами Чингисъ-хана. Такъ же, какъ на другомъ концѣ мусульманскаго міра: въ Севильѣ, въ Гренадѣ, въ Кордовѣ, смѣшеніе цивилизаціи арійской и арабской имѣло самыя счастливыя послѣдствія для успѣхомъ человѣческаго знанія, и бухарскіе иранцы, обращенные въ исламизмъ и болѣе или менѣе подвергшіеся арабскому вліянію, сдѣлались знаменитыми поэтами, писателями, докторами, учеными Трансоксіаны. И теперь еще «Городъ Храмовъ»,—ибо таковъ, на монгольскомъ языкѣ, смыслъ слова Бухара,—есть въ то же время городъ школъ; триста шестьдесятъ мечетей высоко поднимаютъ надъ массой низкихъ домовъ свои куполы, башни и минареты; но городъ имѣетъ, кромѣ того, болѣе сотни медресе, изъ которыхъ одна, построенная съ большой роскошью на средства Екатерины II, была подарена ею эмиру, котораго императрица старалась завербовать къ себѣ въ союзники [2]). Дѣти читаютъ по складамъ Коранъ въ этихъ многочисленныхъ школахъ, которыя легко узнать издали по ихъ лакированнымъ кирпичамъ или изразцамъ, испещреннымъ надписями религіознаго содержанія, или по пріютившимся подъ ихъ крышами гнѣздами аистовъ, символу мира и гостепріимства. Но внутри разсадниковъ просвѣщенія царствуетъ мертвящая традиція: рутина преподаванія убила истинную науку, и въ школахъ теперь уже не обучаютъ ничему, кромѣ сухихъ, безжизненныхъ формулъ. Точно также и мусульманская вѣра, нѣкогда столь горячая въ Бухарѣ, теперь не болѣе, какъ ханжество и лицемѣріе; этотъ «Римъ ислама» есть одинъ изъ магометанскихъ городовъ, гдѣ подъ строгостью религіозныхъ правилъ и обязанностей, подъ личиной набожности, скрывается всего больше обмановъ и всяческихъ гадостей. Всѣ предписанія муллъ и ишановъ разныхъ монашескихъ орденовъ исполняются въ точности; бухарцы всегда носятъ на себѣ, завернутый въ чалму, свой смертный саванъ; они аккуратно читаютъ молитвы и совершаютъ требуемыя колѣнопреклоненія; они регулярно ходятъ на поклоненіе сосѣдней святынѣ, гробницѣ, гдѣ погребенъ Бага-эддинъ, національный святой Туркестана; но въ то же самое время—вѣроломство отравляетъ дружбу, доносъ служитъ

[1]) Alex. Burnes, „Travels into Bokhara".
[2]) Григорьевъ, „Русское Обозрѣніе" 1873 г.

главнымъ средствомъ правительственной системы, и порокъ во всѣхъ его видахъ спокойно живетъ у самымъ дверей мечетей [1]).

Промышленность бухарской столицы, хотя она очень уменьшилась противъ прежняго времени, все еще значительна. Базары содержатъ еще, кромѣ товаровъ, привезенныхъ изъ разныхъ европейскихъ странъ, много произведеній туземной почвы и промышленности. Такъ, въ Бухарѣ фабрикуютъ прекрасныя бумажныя полосатыя ткани, извѣстныя подъ именемъ а л а д ж и; гофрированный (съ тисненными узорами) кожаный товаръ, выдѣлываемый бухарскими кожевниками, отличается замѣчательной гибкостью, и туземные сапожники шьютъ изъ него очень красивую обувь. Производство шелковыхъ матерій тоже составляетъ національную промышленность, и въ Бухарѣ можно купить шелковые платки необычайной тонкости, ткань которыхъ, по выраженію одного путешественника, «похожа на паутину»; еще недавно съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Татаріи правовѣрные приходили на бухарскій рынокъ обновлять свой гардеробъ. Занятіе Самарканда русскими и важное торговое значеніе, которое получилъ Ташкентъ, не лишили Бухару ея движенія, какъ мѣста обмѣна, и даже, кажется, заставили обратить къ коммерческимъ спакуляціямъ инціативу, направленную прежде почти исключительно на войну и политику. Бухара—главный центръ товаровъ между рынками нижегородскимъ и пешаверскимъ. Индія и Афганистанъ посылаютъ Бухарѣ: красильныя вещества и москотильный товаръ, различные виды чая, глиняную посуду, разные инструменты и орудія, книги, но преимущественно ткани, извѣстныя подъ названіемъ к а б у л и (кабульскія), даже когда онѣ привозятся изъ Англіи и не проходятъ транзитомъ черезъ Кабулъ. Персія отправляетъ сюда тоже ткани, оружіе, книги; Мервъ поставляетъ бухарцамъ оружіе и дорогихъ лошадей; Гератъ продаетъ имъ фрукты, шерсть, кожи, тогда какъ Хива, которая тоже вывозитъ земледѣльческіе продукты, служитъ главнымъ посредникомъ Россіи по сбыту въ Бухару мануфактурныхъ издѣлій, вывозимыхъ изъ губерній волжскаго бассейна. Русскіе товары, естественно, встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ, сравнительно съ другими привозными, на бухарскихъ базарахъ; но продаются они не русскими негоціантами. Бухарскіе купцы сами ѣздятъ за товаромъ въ Нижній-Новгородъ, въ Москву, въ Оренбургъ, и сами отвозятъ его на главный рынокъ Зарявшана: въ ихъ рукахъ и въ рукахъ афганцевъ, мультанцевъ (индусовъ) и евреевъ сосредоточена вся эта важная отрасль внѣшнихъ торговыхъ сношеній ханства, обороты которой исчисляютъ въ 35 милліоновъ метал. рублей. Въ 1876 году въ Бухарѣ былъ всего только одинъ русскій купецъ; мало того—нѣкоторыя отрасли торговли, находившіяся прежде въ рукахъ русскихъ, были отняты у нихъ туземцами: зеленый чай, употребляемый бухарцами, представляетъ годовой грузъ 5.000 верблюдовъ, и весь этотъ товаръ получается изъ Афганистана; привозъ же черныхъ чаевъ изъ Россіи теперь совершенно прекратился [1]).

Такимъ образомъ, Бухарѣ пока не грозитъ опасность быть разоренной торговымъ соперничествомъ Самарканда или какого-либо другаго города, занятаго русскими; ей грозитъ, какъ сказано выше, опасность другаго рода, именно—постепенное обмелѣніе и высыханіе оросительныхъ каналовъ, которое имѣло бы роковымъ слѣдствіемъ вторженіе песковъ [2]). Дюны съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе проникаютъ въ предѣлы оазиса, засыпаютъ ирригаціонные каналы и постепенно превращаютъ край въ пустыню. Истребленіе лѣсовъ саксаула имѣло въ этой странѣ такія же слѣдствія, какими сопровождалось нѣкогда обезлѣсеніе въ области французскихъ ландовъ; барханы, прежде твердые, какъ скалы, сдѣлались подвижными, и вѣтеръ гонитъ ихъ на завоеваніе полей и селеній. Кромѣ того, арыки, отведенные изъ Сыръ-Дарьи, давнымъ давно заброшены, и теперь только кое-гдѣ остались отъ нихъ едва замѣтные слѣды. Большая часть песчаныхъ бугровъ въ Бухарѣ движутся по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, подъ вліяніемъ полярнаго вѣтра, который иногда дуетъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ безъ перерыва [3]); но дюны набѣгаютъ также и съ другихъ точекъ горизонта, и можно, пожалуй, вычислить напередъ, въ какой промежутокъ времени плодородная земля будетъ покрыта летучими песками. Еще очень недавно богатая территорія Вардандзи была занесена пескомъ, и жители ея принуждены были искать въ другомъ мѣстѣ какихъ-нибудь средствъ къ существованію. Другой округъ, Ромишанъ, лежащій къ западу отъ города Бухары, былъ засыпанъ пескомъ въ 1868 году, и говорятъ, что шестнадцать тысячъ семействъ должны были покинуть свои наполовину зарытые въ песчаныхъ сугробахъ дома, чтобы искать счастья на чужбинѣ, въ хивинскомъ ханствѣ; точно также считаютъ десятками тысячъ эмигрантовъ, направившихся къ Самарканду и Зарявшанскому округу. Самой столицѣ бухарскаго ханства грозитъ серьезная опасность: туземцы ожидаютъ этой катастрофы, какъ непреложнаго опредѣленія Аллаха, и дѣйствительно, если не будутъ своевременно

[1]) Вамбери, „Странствованія дервиша въ центральной Азіи"; Herbert Wood, „The Shores of Lake Aral".

[1]) Петровскій, „Вѣстникъ Европы", мартъ, 1873 г.; Schuyler, „Turkistan".

[2]) Соболевъ, „Военный Сборникъ", томъ IV; „Извѣстія Русскаго Геогр. Общества", томъ IX, № 8, 1870 г.

[3]) Хорошихинъ, „Сборникъ статей о Туркестанѣ".

...няты мѣры къ прикрѣпленію дюнъ, бѣдствіе ...нетъ неизбѣжнымъ. Такъ погибли города ...джу-оба, развалины котораго видны въ 40

„Желѣзныя ворота" на пути изъ Карши въ Дербентъ.

...ометрахъ на сѣверо-западъ отъ Бухары, и, ... 32 километрахъ къ западу, знаменитый ...йкундъ, нѣкогда болѣе важный, чѣмъ ны...шняя столица. Отъ этого многолюднаго города остались только груды мусора, да обломки водопровода [1]). Бухара, угрожаемая песками, страдаетъ также отъ дурнаго качества своихъ водъ, вообще это очень нездоровый городъ, и среди его населенія свирѣпствуютъ многочи-

[1]) Alex. Burnes, цитированное сочиненіе.

сленныя болѣзни. Нарывы и язвы всякаго рода очень обыкновенны, особенно у женщинъ, и говорятъ, что болѣе половины изъ тамошнихъ жительницъ покрыты шрамами и язвинами или сдѣлались немощными отъ болѣзней. Въ лѣтнее время большое число жителей—цѣлая четверть по словомъ Бёрнса, только десятая часть, по свидѣтельству другихъ путешественниковъ,—страдаютъ отъ болѣзни риштa, особаго паразита, подкожной глисты ритте или струнца медицинскаго (filaria medinensis), которая развивается въ тѣлѣ человѣка на ногахъ или рукахъ, и которую нужно осторожно наматывать, чтобы извлечь изъ тѣла, если не имѣешь мужества разрѣзать больную часть. Бухарскіе брадобреи очень искусно дѣлаютъ эти хирургическія операціи.

Кромѣ столицы, многіе другіе города Бухаріи основались въ долинѣ Зарявшана, особенно въ Міанкальскомъ округѣ, который простирается отъ Бухары вверхъ по теченію рѣки до границъ русскихъ владѣній: тамъ деревня слѣдуетъ за деревней, и весь край представляетъ одинъ сплошной садъ. Эта часть Туркестана всего лучше сохранила тотъ видъ, какой, по часто повторяемой мѣстной поговоркѣ, нѣкогда имѣла вся страна, отъ Ташкента до Хивы: «отъ города до города коту надо было только перескочить съ крыши на крышу» [1]). Самые значительные города Міанкальскаго округа—Зіяуэддинъ, Яны Курганъ и Керминехъ, населенные преимущественно узбеками, которые окружили ихъ превосходно воздѣланными садами и полями.

Ниже Бухары, Кара-Куль или городъ «Чернаго озера», есть главное мѣсто роздыха между столицей ханства и Чарджуемъ на Аму-Дарьѣ. Близъ этого мѣста оканчивается, во время разлива, «золотоносная» рѣка (Зарявшанъ): прудъ, носящій еще громкое имя Денгизъ или «море», принимаетъ въ себя излишекъ воды, которая испаряется на солнцѣ, не будучи въ состояніи перейти черезъ поясъ песковъ, отдѣляющій ее отъ Оксуса. Въ 1820 году, во время путешествія Мейендорфа въ Бухарію, Кара-Куль и его окрестности, вѣроятно, не терпѣли такого недостатка въ водѣ, какъ въ наши дни [если правда, что городъ имѣлъ тогда населеніе, простиравшееся до 3.000 душъ] [2]). Теперь такая значительная масса народа неизбѣжно погибла бы отъ жажды въ этой области песковъ, гдѣ прежде встрѣчались, въ видѣ непрерывной ирригаціонной сѣти, оросительные каналы, отведенные изъ трехъ рѣкъ: Аму-Дарьи, Зарявшана и Сыръ-Дарьи [3]).

Будучи вассальнымъ государствомъ Россіи, бухарское ханство сохраняетъ собственное управленіе, и наружныя формы правител остались для виду прежнія; но въ сущност измѣнилось, такъ какъ эмиръ или «глава вовѣрныхъ», хотя все еще господинъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ, дол однако, принимать въ разсчетъ волю сильнаго, чѣмъ онъ,—генералъ-губерн русскаго Туркестана. Даже на его терри въ предѣлахъ ханства, въ Кала-Ата, р построили, въ 1872 году, фортъ, по имени гіевскій, имѣющій назначеніе наблюда прямой дорогой изъ Ташкента въ Хиву. странцы христіане отнынѣ не имѣютъ причины опасаться заключенія безъ всяка вода въ тюрьму и истязанія пытками; е еще недавно терпѣвшіе всевозможныя сненія, теперь не даютъ себя въ обиду, бѣгая, въ случаѣ надобности, къ защит скихъ, между которыми они находятъ единовѣрцевъ; невольничьи рынки заперт по крайней мѣрѣ торговля человѣческим сомъ не производится такъ открыто, как изводилась прежде. Трактатъ 1873 года, рымъ была отмѣнена продажа невольни обезпечивалъ въ то же время русскимъ свободнаго судоходства по Аму-Дарьѣ и у ства на ея берегахъ складочныхъ мѣст товаровъ и набережныхъ, или пристане открылъ русской торговлѣ города и селен харіи, разрѣшилъ подданнымъ Бѣлаго ца ниматься всякими промыслами и ремесла тѣми же правами и преимуществами, к пользуются сами бухарцы, позволилъ им литься и пріобрѣтать недвижимую собс ность повсемѣстно въ предѣлахъ ха Сверхъ того, Россія выговорила себѣ прав жать при дворѣ бухарскаго эмира постоя дипломатическаго агента, на обязанность раго возложено наблюденіе за исполне условій заключеннаго договора, и, нако установлены еще особыя правила полицей характера, которыми воспрещается вс лицу, къ какой бы національности оно ни надлежало, переходить съ русской терри въ бухарскіе предѣлы безъ формальнаг рѣшенія императорскаго правительства. Т образомъ полицейская власть Россіи п каетъ далѣе, чѣмъ ея оружіе, во внутрен азіатскаго континента: черезъ посредств сальнаго государства оно можетъ дѣйст до самыхъ границъ Афганистана и Каш Что касается торговыхъ выгодъ, выгов ныхъ въ упомянутомъ трактатѣ, то русски почти не воспользовались ими.

Бухарская армія, сдѣлавшаяся въ суш безполезной, есть не болѣе, какъ иррегул полицейская стража, состоящая изъ вол ровъ сартовъ и бывшихъ невольниковъ сіянъ, проданныхъ туркменами на рын хары. Команда, которой обучалъ это вой дезертиръ казакъ Поповъ, сдѣлавшійся гл

[1]) Левшинъ, „Описаніе киргизъ-кайсаковъ".
[2]) „Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарію", Мейендорфа.
[3]) Ивановъ, Соболевъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общ.", *томъ IX, № 8, 1870 г.*

командующимъ бухарскихъ силъ, производится на русскомъ языкѣ, съ примѣсью словъ англійскихъ и турецкихъ, а мундиръ солдатъ представляетъ отдаленное подражаніе мундиру индійскихъ сипаевъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, вся бухарская армія состоитъ изъ 14.000 человѣкъ при 20 орудіяхъ, при чемъ большая часть приходится на долю пѣхоты, состоящей изъ 2 ротъ гвардіи эмира (джилау) и 13 линейныхъ баталіоновъ (сарбазъ) пятиротнаго состава, вооруженныхъ отчасти гладкими, отчасти нарѣзными курковыми ружьями съ ножами-штыками, а также старыми фитильными и кремневыми ружьями. Въ 1883 г. эмиру подарено, по распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора, 1.000 ружей Бердана. Конница состоитъ изъ 20 полковъ галабатырей и изъ 8 полковъ хасабардаровъ (стрѣлковъ), вооруженныхъ фальконетами, по одному на двоихъ. Артиллеристы составляютъ одну роту въ 300 челов.

4. Хива.

Подобно Бухарѣ, Хива тоже обратилась въ вассальное государство, подвластное Россіи; но географическое положеніе этого ханства ставитъ его въ гораздо болѣе непосредственную зависимость отъ сосѣдней могущественной державы. Правый берегъ Аму-Дарьи, воды которой отдѣляютъ русскія владѣнія отъ Хивинскаго ханства, уставленъ укрѣпленіями и военными постами, откуда русскіе солдаты могли бы въ одинъ день захватить весь оазисъ, занять его города, опустошить его сады и поля. Пространство и населеніе этого среднеазіатскаго государства опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

	Пространство. кв. килом.	Вѣроятное населеніе. жит.	Килом. населеніе. жит.
Оазисъ . . .	13.500	300.000 осѣдл.	22
Степи и пр.	44.300	400.000 кочев.	9
Всего . . .	57.800	700.000	12

Хотя Хивинская земля занимаетъ, оффиціально, территорію равную или даже нѣсколько превосходящую десятую долю площади Франціи, но наибольшая часть этого пространства состоитъ изъ безплодной песчаной пустыни, и Ховарезмъ въ собственномъ смыслѣ совпадаетъ съ поверхностью орошенія нижней Аму-Дарьи: тамъ, гдѣ оканчиваются ирригаціонные канавы, находятся и послѣднія постоянныя селенія ханства; все осѣдлое населеніе собрано, такъ сказать, подъ пушечнымъ выстрѣломъ русскихъ арміи. Однако, Россіи нужно было слишкомъ полтораста лѣтъ, чтобы достигнуть господства надъ этой страной, такъ хорошо защищенной съ южной, съ западной и съ сѣверо-западной сторонъ, почти непроходимыми пустынями. Уже въ прошломъ столѣтіи два раза, въ 1730 и въ 1740 годахъ, хивинскіе ханы признавали надъ собой верховную власть русскаго царя, но трактаты, опредѣлявшіе ихъ подданство, оставались мертвой буквой, и населеніе продолжало все такъ же враждебно относиться къ иностранцамъ [1]). Въ 1717 году кабардинскій князь Бековичъ-Черкасскій, посланный Петромъ Великимъ предложить почетную гвардію хану и такимъ образомъ подготовить русское господство, совершилъ первую экспедицію противъ Хивинскаго ханства, которая окончилась полной гибелью отряда [2]). Въ 1839 году былъ направленъ второй походъ противъ Хивы, тоже имѣвшій неудачный исходъ: во главѣ двадцатитысячнаго войска, сопровождаемаго обозомъ изъ 10.000 верблюдовъ, генералъ Перовскій (оренбургскій военный губернаторъ) пустился черезъ степь Оренбургскихъ киргизовъ. Но страшные морозы, снѣжные буруны, недостатокъ продовольствія для людей и корма для животныхъ, безпрестанныя нападенія непріятеля заставили его съ полдороги вернуться назадъ среди зимы. Рѣшительная кампанія состоялась только въ 1873 году: отдѣльные отряды войскъ, вышедшіе съ прибрежья Каспійскаго моря, изъ Оренбурга, съ Сыръ-Дарьи, изъ Ташкента, приближались мало-по-малу къ оазису и вторглись въ его предѣлы одновременно со всѣхъ сторонъ: Хива была взята почти безъ боя; единственныя серьезныя битвы были даны не противъ обитателей оазиса, а противъ ихъ тогдашнихъ союзниковъ, туркменъ каспійской области. И теперь еще отъ времени до времени приходится посылать маленькія экспедиціи противъ хищниковъ, чтобы воспрепятствовать имъ дѣлать набѣги, съ цѣлью грабежа, въ поселенія нижней Аму-Дарьи.

Между культированными областями Татаріи Хива, по богатству своей растительности и по яркому контрасту своей зелени съ окружающими безплодными пустынями, всего болѣе заслуживаетъ похвалъ, расточаемыхъ въ пѣсняхъ восточныхъ поэтовъ. Повсюду въ хивинскомъ оазисѣ вода течетъ въ изобиліи, окаймленная тополями, вязами карагачъ и другими деревьями; поля окружены аллеями изъ шелковичныхъ деревъ; выбѣленные известкой домики прячутся въ зелени и цвѣтахъ; соловей, неизвѣстный почти во всѣхъ другихъ оазисахъ

[1]) Поповъ, „Сношенія Россіи съ Хивой при Петрѣ Великомъ".

[2]) Въ собственноручной инструкціи, данной Бековичу-Черкасскому Петромъ Великимъ, это порученіе предложить русскую гвардію хивинскому, а затѣмъ и бухарскому хану мотивировано тѣмъ, что ханы тамъ „бѣдствуютъ отъ подданныхъ". Причиной печальнаго исхода многообѣщавшей экспедиціи къ Черкасскаго было вѣроломство хана, который, видя, что ему не одолѣть русскихъ въ открытомъ полѣ, притворно заключилъ миръ и просилъ Бековича слѣдовать за нимъ въ Хиву; не доходя до города, онъ просилъ русскаго военачальника раздѣлить свой отрядъ на нѣсколько частей, для того, чтобы его удобнѣе было размѣстить по квартирамъ; когда же это было исполнено, хивинскіе чиновники развели части отряда въ разныя стороны, хивинцы бросились на разъединенныхъ русскихъ и начали ихъ истреблять. Такъ погибъ весь отрядъ. Прим. перев.

Татаріи, поетъ здѣсь среди розъ. Земля, ежегодно обновляемая отложеніемъ рѣчнаго ила, отличается замѣчательнымъ плодородіемъ, и земледѣльческія произведенія, въ особенности луковичныя, разные фрукты, персики, яблоки, гранаты, получаются превосходнаго качества. Дыни и арбузы съ береговъ Аму-Дарьи пользуются такой славой, что ихъ знаютъ даже въ Пекинѣ, и въ прежнее время китайскій императоръ требовалъ извѣстное количество этихъ плодовъ въ видѣ дани отъ своихъ кашгарскихъ вассаловъ. Оттого населеніе Хивинскаго края собраніе невзрачныхъ глиняныхъ мазанокъ, между которыми извиваются узкія и кривыя улицы, грязныя или пыльныя, смотря по времени года. Городъ окруженъ невысокимъ землянымъ валомъ, вдоль котораго тянутся тамъ и сямъ лужи вонючей воды, замѣняющія ровъ. Во внутренности Хивы другая земляная стѣна высотой отъ 8 до 9 метровъ, ограничиваетъ цитадель, то-есть кварталъ, въ которомъ живутъ ханъ и главные чиновники; тамъ же находятся важнѣйшія мечети и школы, построенныя изъ кирпичей, а не изъ битой глины какъ

Хива.—Минаретъ.

весьма значительно, по численности, въ сравненіи съ населеніемъ другихъ странъ Туркестана; оно могло бы удвоиться и утроиться безъ того, чтобы земля отказалась его прокармливать. Желтая вода рѣки, разносимая арыками, изливается на почву въ чрезмѣрномъ изобиліи, и эта-то вода, порождая растительность, вызываетъ и человѣческія жизни.

Хива, столица этой земли, извѣстной въ древности подъ именемъ Харезма или Ховарезма, смыслъ котораго, говорятъ, есть синонимъ слова «Низменная страна» [1]), представляетъ обыкновенные дома; впрочемъ, ни одно изъ этихъ зданій, за исключеніемъ мечети, гдѣ помѣщается гробница мусульманскаго святаго Полвана или Пеливана, покровителя Хивы, не замѣчательно богатствомъ или красотой архитектуры. Западная часть города, усѣянная садами, самая пріятная: тамъ террасы хижинъ утопаютъ въ зелени, осѣненныя вязами и фруктовыми деревьями; по всѣмъ направленіямъ идутъ оросительные каналы и тѣнистыя аллеи, а вдали, за зубчатой стѣной цитадели, выступаетъ профиль куполовъ и башенъ, обрисовывающійся на голубомъ фонѣ неба. Кварталы города въ собственномъ смыслѣ заключаютъ

[1]) *Лерхъ, „Русское Обозрѣніе"*, 1873 г.

болѣе кладбищъ, чѣмъ садовъ; тамъ жилища мертвыхъ разсѣяны среди домовъ живущихъ [1]).

До русской экспедиціи 1873 года, Хива была однимъ изъ главныхъ невольничьихъ рынковъ Азіи: тамъ туркмены продавали партіи плѣнниковъ, захваченныхъ или купленныхъ на берегахъ Каспійскаго моря, на плоскогорьяхъ Персіи, Герата, Афганистана. Невольники, наиболѣе цѣнимые за ихъ рабочую силу, были русскіе: почти всѣ они принадлежали хану или другимъ знатнымъ особамъ Хивинскаго края, и многіе изъ нихъ достигали высшихъ должностей въ государствѣ. Персидскіе невольники составляли главную массу порабощеннаго населенія. Во время прибытія русскихъ войскъ въ 1873 г., они возмутились во многихъ мѣстахъ и разграбили жилища своихъ господъ. Послѣдніе прибѣгли къ защитѣ русскихъ генераловъ, и скоро для усмиренія были приняты строгія мѣры. Затѣмъ слѣдовало избіеніе массами плѣнниковъ, и, чтобы отнять у пережившихъ эту кровавую расправу всякую возможность къ побѣгу, хивинцы разрѣзывали имъ ступни ногъ или икры и потомъ засыпали раны рубленымъ конскимъ волосомъ. Тогда русскій генералъ-губернаторъ, котораго невольники встрѣтили, какъ своего освободителя, рѣшился, наконецъ, оправдать возлагавшіяся на него надежды; отмѣна рабства была провозглашена, и русская армія занялась возвращеніемъ на родину плѣнниковъ, которые изъявили желаніе вернуться въ свои семьи; большинство изъ 37.000 рабовъ, получившихъ свободу, отправились въ свое отечество, но во время слѣдованія между несчастными переселенцами была большая смертность, и, кромѣ того, немалое число ихъ было перебито туркменами, нападавшими на партіи на дорогахъ, пролегающихъ черезъ пустыню [1]).

Населеніе города Хивы, во время занятія его русскими, исчислялось приблизительно въ

Хива.—Наружный видъ мечети.

четыре или пять тысячъ душъ. Оно состояло главнымъ образомъ изъ узбековъ, происшедшихъ отъ смѣшенія съ иранской кровью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ обиліе ихъ бороды, столь скудно обрастающей у большинства туранцевъ; другіе жители—сарты и освобожденные изъ неволи персіяне, говорящіе мѣстнымъ тюркскимъ языкомъ. Физіономія большей части хивинцевъ непріятная, даже рѣзкая и грубая: оспа, глазныя болѣзни, накожныя сыпи, неумѣренное употребленіе опіума и хашиша оставили видимые слѣды почти на всѣхъ лицахъ. Дѣти, вообще говоря, имѣютъ красивыя, миловидныя лица, но прелесть чертъ, живость

[1]) Костенко, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", ноябрь 1874 г.: Mac. Gahan, „Campaigning on the Oxus".

[1]) Костенко, цитиров. сочин.; Хорошкинъ; Шмидтъ. „Русское Обозрѣніе", 1874 г., №9.

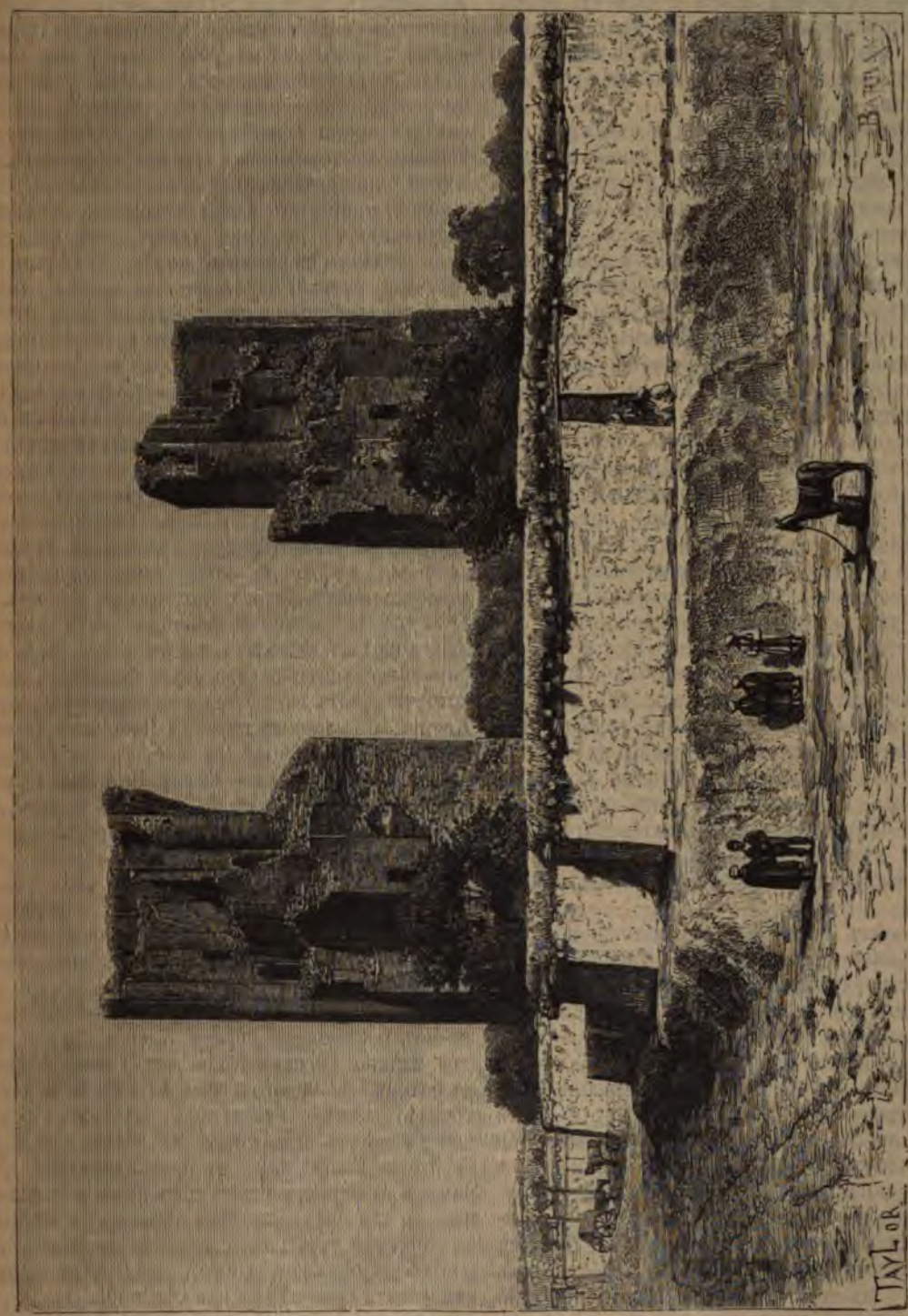
взгляда исчезаютъ у взрослыхъ, и дряхлость обыкновенно наступаетъ очень рано. Почти у всѣхъ хивинцевъ уши оттопыренныя или даже отвислыя: высокая персидская барашковая шапка, которую они носятъ постоянно, зимой и лѣтомъ, отгибаетъ имъ уши, по которымъ ихъ можно узнать съ перваго взгляда среди жителей другихъ ханствъ. Только одно духовенство имѣетъ обыкновеніе носить чалму.

Промышленность и торговля Хивы незначительны по развитію и размѣрамъ: главные предметы мѣстнаго производства—шелковыя матеріи плохаго качества, много уступающія бухарскимъ шелковымъ издѣліямъ, и бумажныя ткани, довольно прочныя; но почти всѣ ткани привозятся сюда изъ Россіи, такъ же, какъ и другія мануфактурныя произведенія; впрочемъ, на хивинскихъ базарахъ можно найти также, но въ маломъ количествѣ, англійскія хлопчатобумажныя издѣлія и зеленый чай, привозимый изъ Индіи черезъ Кабулъ и Бухару. Главные купцы, ведущіе торговлю съ Россіей, Персіей и Афганистаномъ, поселились не въ столицѣ ханства; они имѣютъ пребываніе въ Ургенджѣ, самомъ большомъ городѣ государства, лежащемъ въ 40 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Хивы, недалеко отъ лѣваго берега рѣки; по своему положенію, этотъ пунктъ, какъ ближайшій къ русскимъ населеніямъ сыръ-дарьинской области, всего удобнѣе можетъ служить складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній края и европейскихъ товаровъ; оттого именемъ ургенджы или ургенчи часто называютъ безразлично всѣхъ хивинскихъ торговцевъ; въ глиняныхъ стѣнахъ этого города скучено до 30.000 жителей. Недавно Ургенчъ называли обыкновенно Яны-Ургенчъ или «Новый» Ургенчъ въ отличіе отъ Куна-Ургенчъ, то-есть «Стараго» Ургенча, города, который былъ опустошенъ Тамерланомъ, и передъ которымъ свирѣпый азіатскій завоеватель воздвигъ высокую пирамиду изъ человѣческихъ череповъ. Расположенный на сѣверо-западъ отъ Хивы, при рукавѣ рѣки, который нѣкогда продолжался Узбоемъ въ направленіи къ Каспійскому морю, этотъ городъ пересталъ существовать въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда Аму-Дарья покинула окружающія ее поля, чтобы перейти далѣе къ востоку. Такимъ образомъ города въ этой странѣ возникаютъ или исчезаютъ, возвышаются или приходятъ въ упадокъ, смотря по измѣненію рѣчныхъ руслъ: образуйся въ пустынѣ новая вѣтвь Аму-Дарьи, и какая-нибудь кучка убогихъ глиняныхъ мазанокъ сдѣлается многолюднымъ мѣстечкомъ; высохни другой потокъ, и нынѣ цвѣтущій большой городъ скоро снизойдетъ на степень ничтожной деревушки. Такъ, знаменитому Кунграду, передъ которымъ проходилъ Талдыкъ, грозитъ участь Стараго Ургенча, съ *тѣхъ поръ, какъ этотъ рукавъ* Аму-Дарьи превратился въ медленно текущую рѣчку, водой которой теряются среди камышей. Городъ Ходжейли, стоящій при вершинѣ аму-дарьинской дельты въ собственномъ смыслѣ, напротивъ крѣпости Нукусъ, получилъ нѣкоторую важность по своей торговлѣ съ кочевниками окрестныхъ мѣстностей; говорятъ, онъ населенъ почти исключительно хаджами (ходжа или хаджи—такъ называется мусульманинъ, ходившій въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета), откуда и произошло данное ему имя.

Хивинскій ханъ, такъ же, какъ эмиръ бухарскій и константинопольскій султанъ, есть, въ принципѣ, неограниченный властитель земли и жизни своихъ подданныхъ; и теперь еще вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ жестоко онъ пользовался въ недавнія времена этой властью посредствомъ самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній и пытокъ, посредствомъ «клоповника», меча, веревки и кола. Однако, извѣстные предѣлы были положены его всемогуществу обычаемъ, и нѣкоторые изъ выбираемыхъ имъ высшихъ сановниковъ принадлежатъ всегда къ тому или другому привилегированному классу. Такъ, «начибъ» или духовный глава, званіе котораго соотвѣтствуетъ въ религіозной іерархіи званію константинопольскаго шейхъ-эль-ислама, долженъ быть избираемъ между сеидами, то-есть потомками пророка; аталики, или государственные совѣтники, которыхъ ханъ признаетъ нужнымъ призвать въ свой совѣтъ, всегда назначаются изъ узбековъ; метеръ, функціи котораго соотвѣтствуютъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, всегда выбирается изъ сартовъ, то-есть принадлежитъ къ коренному населенію страны. Въ настоящее время истинный господинъ ханства—русскій резидентъ, вооруженный трактатомъ, подписаннымъ въ 1873 году. По этому договору, государь Харезма объявляетъ себя «покорнымъ слугой императора Всероссійскаго»: онъ предоставляетъ русскимъ право свободно торговать въ его городахъ, безпрепятственно проѣзжать и провозить товары черезъ его территорію; онъ разрѣшаетъ ихъ судамъ свободное плаваніе по Аму-Дарьѣ, обязуется давать земли для устройства товарныхъ складовъ русскихъ торговцевъ, принимать на свою отвѣтственность исправное содержаніе искусственныхъ сооруженій, предпринятыхъ его побѣдителями на теченіи рѣки. Онъ признаетъ, что должники изъ его подданныхъ обязаны платить долги прежде всего тѣмъ изъ кредиторовъ, которые принадлежатъ къ русской національности, и самъ онъ обязуется уплатить русскому правительству, въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, сумму 2.200.000 рублей, разсроченную на двадцать лѣтъ, такъ что послѣдній годовой взносъ долженъ былъ быть произведенъ въ 1893 г. Вся его страна, города и деревни служатъ обезпеченіемъ исполненія долговаго обязатель-

ства, принятаго имъ въ отношеніи побѣдителя. Какая можетъ быть независимость государства, которое подписываетъ подобный договоръ? Въ сущности Хива есть не болѣе, какъ русская провинція, хотя еще безъ гарнизона.

даже тѣни личной власти прежнимъ государямъ страны или независимости ихъ народамъ, имѣетъ гораздо болѣе обширное протяженіе, чѣмъ область Туркестана, еще свободная или уже поставленная въ вассальныя отношенія къ



Бухара, развалины внутри города.

5. Русскій Туркестанъ.

Часть арало-каспійской покатости, которою Россія овладѣла непосредственно, не оставивъ русской державѣ; но эта часть пропорціонально менѣе населена. Занимая болѣе сѣверное положеніе, будучи выставленъ дѣйствію болѣе холодныхъ вѣтровъ, русскій Туркестанъ менѣе

богатъ плодородными землями, и именно тѣ мѣстности, куда направляется славянская колонизація, наиболѣе удалены отъ Россіи въ собственномъ смыслѣ: обширныя степи, простирающіяся на 1.500 верстъ въ ширину, отдѣляютъ эти новыя мѣста Россіи отъ метрополіи; укрѣпленія и почтовыя станціи, связывающія колоніи съ уральскими и волжскими городами, медленно превращаются въ города и деревни.

Между этими территоріями съ очень рѣдкимъ осѣдлымъ населеніемъ самая бѣдная постоянными жилищами—провинція, пространствомъ равная тремъ пятымъ Франціи (по Стрѣльбицкому, около 287.850 квадр. верстъ), которая простирается между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, отъ береговъ Урала до береговъ Атрека. Этотъ обширный край, оффиціально называемый «Закаспійскимъ отдѣломъ», подчиненъ въ административномъ отношеніи главному управленію Кавказа; до сихъ поръ его разсматривали просто какъ морское побережье, лежащее противъ бакинскаго порта, откуда всего удобнѣе могутъ быть перевозимы войска и провіантъ. Единственныя постоянныя поселенія, которыя имѣютъ тамъ русскіе,—крѣпости и укрѣпленные лагери, устроенные на пунктахъ морскаго берега, наиболѣе доступныхъ для судовъ и наивыгоднѣе расположенныхъ, какъ центры дѣйствія противъ кочевниковъ внутренней части страны. Нѣкоторые изъ построенныхъ фортовъ были покинуты, либо по причинѣ недостатка хорошей воды или нездоровости климата, либо по причинѣ совершенной ихъ безполезности: многіе посты на Мангышлакскомъ полуостровѣ, нѣкогда укрѣпленные, теперь представляютъ лишь кучи обломковъ; но близъ форта Александровскаго, подъ защитой мыса Тюкъ-Караганъ, возникло довольно оживленное рыбачье селеніе, Николаевскъ.

Изъ всѣхъ поселеній морскаго прибрежья самое важное—Красноводскъ, бывшій Кызылъ-су,—построенный при основаніи полуострова, загибающагося въ видѣ косы (Красноводская коса) на западѣ залива Балханскаго. Сосѣдство источниковъ, пастбищъ, даже годныхъ къ обработкѣ земель, глубокихъ водъ, позволяющихъ судамъ приставать къ самому берегу и почти никогда не замерзающихъ, обезпечиваютъ этой красноводской позиціи прочную важность, и если предпринятыя портовыя сооруженія будутъ доведены до конца, торговый городъ, возникающій въ этомъ мѣстѣ, можетъ сдѣлаться закаспійскимъ Баку. Въ 1877 году Красноводскъ возведенъ въ степень города, хотя населеніе его не достигало тогда даже 500 душъ [1]); болѣе пышный, чѣмъ многіе города русской Азіи, онъ имѣетъ каменные дома, клубъ, обществен садъ; одного только не достаетъ ему—эт вершенно прѣсной воды; въ ожиданіи ус ства водопровода, жители должны доб себѣ годную для питья и варки воду при щи машинъ, дистиллирующихъ морскую во Нефтяные ключи, бьющіе изъ земли въ ок ностяхъ Красноводска, у подошвы Малаго хана, не разработываются, по причинѣ наго сосѣдства туркменскихъ ордъ; но к слѣднее время выкопали болѣе двухъ т нефтяныхъ колодцевъ на островѣ Челекен торый охраняетъ южный входъ въ заливъ ханскій, напротивъ Красноводской косы; смѣшанная съ пескомъ, такая, какъ ее рали недавно туркмены, менѣе цѣнила торговлѣ, нежели бакинская; но съ тѣхъ какъ введена правильная эксплоатація никовъ, съ примѣненіемъ болѣе усовершен ванныхъ способовъ, оказалось, что тамо нефть отличается замѣчательной чистотой биліе этого минеральнаго продукта необы велико: одинъ только колодезь, выкопанн 1874 году, давалъ до 160 тоннъ нефти въ столько, сколько туркмены начерпывали п въ продолженіе цѣлаго года; можно ск что весь островъ Челекень лежитъ на гр номъ слоѣ нефти (по Загорскому, средне довое количество этого продукта въ періо 1874 по 1877 годъ составляло 3.840 то Красноводскъ вывозитъ, кромѣ того, сѣр бираемую южнѣе залива Кара-богазъ, и которую даютъ въ изобиліи прибрежныя Каспія; это главный портъ Хивинскаго о на Каспійскомъ морѣ [по Загорскому [2]]), вое торговое движеніе между Красноводс и Хивой въ періодъ съ 1874 по 1878 год каравана (5.164 навьюченныхъ верблюда замѣнилъ Коне-базаръ, прежній рынокъ жавшій южнѣе, на берегу бухты, называ Хивинской. Въ стратегическомъ отно Красноводскъ важенъ, какъ опорная точк русскихъ армій на дорогѣ отъ Каспійскаго къ Мервскому оазису.

Военный постъ Чикишлярскій, на том то-есть восточномъ берегу Каспія, невд отъ залива Гассанъ-Кале или Гассанъ-К въ который изливается рѣка Атрекъ, зани гораздо менѣе счастливое мѣстополож войска могутъ приставать въ этомъ мѣст берегу не иначе, какъ въ плоскодонныхъ кахъ, и въ окрестностяхъ нѣтъ никакихъ н никовъ для продовольствія отряда: тотчас за воротами укрѣпленія начинается во всѣ роны безплодная пустыня. А между тѣмъ м численныя развалины, разсѣянныя въ жающихъ пустынныхъ пространствахъ, дов ваютъ, что въ прежнія времена эта часть

[1]) По послѣдней переписи населеніе Красноводска *опредѣлено въ 6.359.*

[1]) Загорскій, „Русское Обозрѣніе", 1879 г., №
[2]) Тамъ же.

ны была покрыта городами и деревьями. Въ теченіе вѣковъ, возникавшіе на разныхъ пунктахъ прибрежья рынки слѣдовали одинъ за другимъ въ этомъ юго-западномъ углу Каспійскаго моря, гдѣ проходитъ большая историческая дорога, ведущая изъ Передней Азіи къ областямъ Небесныхъ горъ и къ Китаю. Абускунъ, на развалины котораго теперь указываетъ Гумишъ-тепе (Серебряный холмикъ), между заливомъ Гассанъ-Кале и устьемъ рѣки Гюргень, былъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, важнымъ торговымъ городомъ; говорятъ, онъ былъ разрушенъ наводненіемъ, вслѣдствіе разлива Каспійскаго моря, который произошелъ отъ внезапнаго наплыва водъ Аму-Дарьи, когда эта рѣка опять направила свое теченіе по старому руслу къ Балханскому заливу. Погибшему Абускуну наслѣдовалъ, какъ торговый центръ, городъ Нимъ-марданъ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Гюргеня; затѣмъ сборнымъ мѣстомъ купцовъ сдѣлался приморскій городъ Альгомъ, стоявшій при входѣ въ Астрабадскую бухту. Теперь Ашуръ-Аде, у оконечности длиннаго полуострова или косы, ограничивающей Астрабадскую бухту со стороны открытаго моря, былъ бы самымъ удобнымъ рейдомъ для всѣхъ судовъ въ этихъ водахъ Каспія, если бы эта низменная, на половину затопленная земля не отличалась такимъ крайне нездоровымъ климатомъ. На сѣверѣ отъ Чикишляра, Акъ-Тепе, «Бѣлый Бугоръ», и Геюкъ-Тепе, «Зеленый Бугоръ», господствуютъ часто надъ становищами іомудовъ.

Остатки многолюдныхъ городовъ, торговля которыхъ поддерживалась нѣкогда привозомъ товаровъ черезъ порты каспійскаго прибрежья, встрѣчаются также и во внутренности страны. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ плодородныхъ бассейновъ, орошаемыхъ рѣкой Гюргень, находился городъ того же имени (Джорданъ), древній Гирканіаполисъ, то-есть «Волчій городъ», прозвище котораго перешло на всю страну и даже на Каспій, который древніе очень часто называли «Гирканскимъ моремъ». Отъ Гирканіаполиса остались только безобразныя кучи обломковъ среди травы и камышей, да одинокая башня Гумбеттикаусъ, возвышающаяся на 50 метровъ надъ окружающими грудами кирпичей [1]). На разстояніи около 120 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Чикишляра виднѣются остатки Маздурана (извѣстнаго у русскихъ подъ именемъ Месторіана), покрывающіе значительное пространство. Персидское его названіе указываютъ на положеніе города между Ираномъ и Тураномъ; по легендѣ, очень распространенной въ Персіи, одинъ стрѣлокъ, одаренный сверхъестественной силой, пустилъ съ береговъ Гюргеня стрѣлу, которая должна была своимъ паденіемъ обозначить границу между двумя имперіями; стрѣла упала на то мѣсто, гдѣ впослѣдствіи выстроился Маздуранъ [1]), Судя по этимъ развалинамъ и по обломкамъ цитадели, это былъ одинъ изъ важныхъ городовъ Азіи; но что особенно даетъ высокое понятіе о могуществѣ древняго Маздурана,—это водопроводы, которые орошали поля и сады въ его окрестностяхъ, и равные которымъ, по крайней мѣрѣ по длинѣ, существовали только на полуостровѣ Ганго и въ римской имперіи. Одинъ изъ этихъ водопроводовъ, по сторонамъ котораго находились въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой крѣпостцы, шелъ черезъ земли, отдѣляющія Атрекъ отъ его притоковъ Сумбаръ, пересѣкалъ эту рѣку, затѣмъ, оросивъ Маздуранскую равнину, направлялся къ Каспійскому морю, куда и впадалъ послѣ теченія, общая длина котораго равнялась 159 километрамъ [2]). Вѣроятно, Атрекъ теперь уже не имѣетъ достаточно воды, чтобы можно было заставить его орошать такое обширное пространство земли.

Въ русскихъ владѣніяхъ Туркестана, къ востоку отъ Аму-Дарьи, область, наилучшимъ образомъ орошаемая, благодаря работамъ туземцевъ, это — долина «Золотоносной рѣки». По выходѣ изъ горъ, Зарявшанъ дѣлится на многочисленные ирригаціонные каналы въ окрестностяхъ города Пенджакента, затѣмъ, развѣтвляясь все болѣе и болѣе, такъ что отведенныя изъ него канавы расходятся по возможно наибольшей ширинѣ территоріи, онъ развертываетъ свою сѣть арыковъ на сѣверъ отъ Самарканда, потомъ поворачиваетъ свои развѣтвленія въ юго-западномъ направленіи, чтобы вступить въ предѣлы Бухарскаго ханства, ниже укрѣпленнаго города Катты-Курганъ, населеннаго частію арабами. Эти-то несущія плодородіе воды Согда, нынѣшняго Зарявшана или Зерявшана, составляли главное богатство древней Согдіаны и заранѣе предназначали ей роль одной изъ жизненныхъ странъ въ исторіи цивилизаціи; онѣ даютъ теперь пропитаніе почти 300.000 жителей, изъ которыхъ двѣ трети принадлежатъ къ узбекской расѣ. По мадзейской легендѣ, Согдъ есть второе «благословенное мѣсто, сотворенное словомъ Ормузда» [3]).

Самаркандъ, главный центръ этой издревле православной страны, построенъ если не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, во времена Александра Македонскаго, городъ Марканда, то по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ; носимое имъ имя очень мало измѣнилось, хотя его приписываютъ обыкновенно арабу Самару, который

[1]) Вамбери, „Странствованія лжедервиша въ Средней Азіи".

[1]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", march 1879.

[2]) Ломакинъ, „Journal de Saint-Pétersbourg", мартъ 1876.

[3]) Burnouf, „Commentaire sur le Yaçna".

овладѣлъ городомъ въ 634 году и ввелъ тамъ Магометову вѣру; въ эпоху китайскаго господства онъ былъ извѣстенъ подъ наименованіями Чинъ и Са-мо-кянь. Резиденція династіи Саманидовъ, между половиной девятаго и началомъ одиннадцатаго столѣтій, Самаркандъ сдѣлался «убѣжищемъ мира и науки», однимъ изъ городовъ Стараго Свѣта, которые наиболѣе содѣйствовали развитію человѣческихъ знаній. Это былъ также одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Азіи, по числу жителей, и когда его стѣны были разрушены полчищами Чингисъ-хана, въ 1219 году, армія, защищавшая городъ, насчитывала въ своихъ рядахъ не менѣе 110.000 человѣкъ [1]). Послѣ прохода страшнаго завоевателя, Самаркандъ имѣлъ только четверть своего прежняго населенія, то-есть около

Самаркандъ.—Входъ въ цитадель.

25.000 семействъ [2]), но мало-по-малу онъ оправился отъ погрома и сдѣлался средоточіемъ громадной имперіи Тамерлана, затѣмъ онъ снова былъ опустошенъ номадами: въ началѣ восемнадцатаго столѣтія въ немъ оставался всего только одинъ житель [3]). Развалины древняго Самарканда, уже утратившія всякую форму, разсѣяны среди полей и на высотахъ окрестностей; но самые замѣчательные памятники, пришедшіе въ ветхость или совершенно развалившіеся, которые составляютъ славу города, принадлежатъ къ эпохѣ Тамерлана и его преемниковъ. Когда подъѣзжаешь къ Самаркандѣ, уже издали видны, надъ линіей стѣнъ, большіе голубые куполы и нѣкоторые минареты его мечетей, дворцы и медрессе, обрисовывающіеся на горизонтѣ горъ, бѣлыхъ зимой, фіолетовыхъ или синеватыхъ лѣтомъ. На сѣверо-востокѣ возвышаются господствующія надъ городомъ и его садами горы Чупанъ-ата, гдѣ находятся живописныя развалины и могила одного святаго, покровителя пастуховъ. У подошвы этихъ высотъ раздѣляются главные ирригаціонные каналы, «Бѣлая вода» и «Черная вода», Акъ-Дарья и Кара-Дарья. Каждый годъ весной четыре тысячи рабочихъ трудятся надъ расчисткой рѣки Акъ-Дарья, русло которой, болѣе возвышенное, скорѣе засаривается иломъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ бывшая резиденція Тамерлана превратилась въ одинъ изъ областныхъ городовъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи, русскіе построили съ западной стороны цитадели новый кварталъ съ правильными улицами, расходящимися къ окружности въ видѣ вѣтвей вѣера; сады, широкія аллеи украшаютъ этотъ европейскій кварталъ; но нужно пройти лабиринтъ узкихъ извилистыхъ улицъ въ магометанской части города, чтобы составить понятіе, каковъ былъ Самаркандъ во времена его величія. Есть ли во всемъ свѣтѣ школы, которыя могли бы сравниться, по колоссальности и богатству архитектуры, съ самаркандскими медрессе? Впрочемъ, теперь это школы только по имени, и доходы, получаемые съ земель «вакуфа», употребляются исключительно на содержаніе муллъ и экономовъ или «мутевали». Планъ этихъ зданій отличается замѣчательной простотой. Всѣ они имѣютъ впереди стрѣльча-

[1]) Соболевъ, „Записки Русск. Географ. Общества, по отдѣлу Этногр.“, IV, 1874 г.

[2]) Lehmann, „Mittheilungen von Petermann“, 1865 г., № 6.

[3]) *О. Палладій*, „Труды членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ“, *томъ IV.*

тый портикъ, широкій и глубокій, какъ бы приглашающій проходящія толпы и высоко поднимающійся надъ массой окружающихъ низенькихъ домовъ, надъ которыми онъ простираетъ свою широкую тѣнь. Это преддверіе, окаймленное рядомъ арабесокъ, обрамленнымъ двумя столбами такой же высоты, какъ и портикъ, раздѣлено выступами, испещренными узорами изъ косоугольниковъ и кривыхъ линій на три равныхъ яруса, которые всѣ орнаментированы съ такимъ же изяществомъ и разнообразіемъ, какъ персидскіе ковры; линіи переплетаются и свиваются на разноцвѣтныхъ изразцахъ въ видѣ фигуръ изумительнаго разнообразія; на нѣсколько съуживающіяся кверху до конечной капители и украшенныя бѣлыми и голубыми ромбами не менѣе, чѣмъ главный корпусъ зданія. Это двѣ символическія колонны восточныхъ памятниковъ, которыя лучше всякой аллегорической статуи представляютъ глазамъ порабощеннаго народа законъ жрецовъ и силу земныхъ владыкъ.

Большинство дворцовъ эпохи Тимуридовъ находятся теперь уже въ состояніи развалинъ, но есть и такіе, въ которыхъ еще хорошо сохранилась та или другая часть зданія, фасадъ, башни или куполы. Главная площадь города, Ригистанъ, постоянно оживленная толпой гу-

Самаркандъ.—Гуръ-эмиръ, гробница Тамерлана.

которыхъ памятникахъ среди безконечной мозаики этихъ перевивокъ красуются тамъ и сямъ изображенія персидскаго льва, служащія указаніемъ на происхожденіе первыхъ зодчихъ зданія, и стихи изъ Корана, начертанные куфическими буквами. Въ темной глубинѣ стрѣльчатой паперти, окруженной своей блестящей рамкой, неясно виднѣются другіе узоры изъ фарфора, и отверстія или двери, ведущія во внутренность зданія. Надъ ковчегами мечетей или медрессе высоко поднимаются круглыя башни, изъ которыхъ многія уже безъ вѣнчавшаго ихъ прежде пузатаго купола, разрушеннаго всесокрушающей рукой времени; а съ каждой стороны фасада, отдѣленныя отъ строенія маленькими аркадами или свободными пространствами, *высятся круглыя колонны*, нѣ-

ляющихъ и многочисленными ходячими торговцами въ пестрыхъ одѣяніяхъ, обставлена съ трехъ сторонъ самыми красивыми изъ самаркандскихъ медрессе: это Ширъ-даръ или «боги львы». Тилла-кари или «Одѣтая въ золото» и медрессе Улугъ-бега, названная такъ въ честь государя, по повелѣнію котораго она была построена въ 1420 году; эта послѣдняя медрессе была та знаменитая школа математики и астрономіи, которая сдѣлала изъ Самарканда, въ пятнадцатомъ столѣтіи, одинъ изъ священныхъ городовъ науки. Самая великолѣпная мечеть Самарканда и всей центральной Азіи—Шахъ-Зиндехъ или «Живущій шахъ», названная такъ по имени одного защитника ислама, который теперь покоится подъ однимъ изъ камней зданія, но который когда-нибудь пробудится, гово-

рятъ правовѣрные, чтобы снова покорить міръ вѣрѣ пророка. Медрессе, тоже красивая, но уже сильно поврежденная временемъ, которая была основана Биби-ханымъ, одной изъ женъ Тамерлана, обращена теперь частію въ конюшню, частію въ рынокъ для торговли хлопкомъ; въ этомъ зданіи существуетъ еще мраморная каѳедра, подъ которой ползаютъ больные и немощные, въ чаяніи получить исцѣленіе, а въ одномъ изъ дворовъ сохранилась маленькая мечеть, сооруженная надъ усыпальницей, гдѣ покоится прахъ государыни, основательницы медрессе. Самъ Тамерланъ похороненъ въ склепѣ другой мечети, Гуръ-эмиръ, построенной на сосѣднемъ съ цитаделью холмѣ и еще увѣнчанной куполомъ рѣдкой красоты. На гробницѣ грознаго завоевателя лежитъ зеленоватый камень, какъ говорятъ изъ нефрита; со стороны, обращенной къ Меккѣ, древко боеваго знамени съ привязаннымъ къ нему конскимъ хвостомъ напоминаетъ могущество этого человѣка, который, быть можетъ, не имѣлъ равнаго себѣ какъ разрушитель, и на котораго устрашенные народы смотрѣли какъ на бога. Вокругъ него покоятся: его наставникъ, его внукъ Улугъ-бегъ и нѣкоторые другіе изъ его потомковъ; въ сосѣдствѣ находятся могилы его женъ, а на стѣнахъ красуются надписи, повѣствующія о его славѣ. Одна изъ этихъ надписей грозитъ еще: «Если бы я былъ живъ, міръ трепеталъ бы отъ ужаса!» [1]).

Въ цитадели, которая одна заключаетъ въ себѣ цѣлый кварталъ города и гдѣ теперь помѣщаются правительственныя учрежденія, гражданскія и военныя, тоже есть мечети, древнія могилы и бывшій дворецъ эмира, обращенный въ госпиталь. По серединѣ одного изъ дворовъ этого дворца лежитъ большой камень сѣроватаго мрамора, въ полтора метра высоты и въ три метра длины, который, по преданію, Тамерланъ велѣлъ привезти изъ Брусы, и который служилъ ему тропомъ; этотъ камень, называемый туземцами кокъ-ташъ, находился прежде въ другомъ дворцѣ, развалины котораго еще видны въ нѣсколькихъ километрахъ отъ нынѣшняго города [2]). Послѣ Тимура, его преемники приходили возсѣсть на этотъ каменный престолъ, чтобы вступить въ обладаніе имперіей, и палачъ передъ кокъ-ташемъ отсѣкалъ голову несчастнымъ претендентамъ.

Окруженные такимъ множествомъ мечетей и другихъ религіозныхъ памятниковъ мусульманскихъ святынь, жители Самарканда, между которыми болѣе половины таджиковъ, выказываютъ большее усердіе въ исполненіи правилъ и обрядностей своей вѣры, чѣмъ обитатели Ташкента и другихъ городовъ русскаго Туркестана. Самаркандъ считаетъ за честь заслужи-

вать прозвище «Головы ислама», даваемое ему старинной мусульманской поговоркой, которая называетъ Мекку «Сердцемъ ислама», онъ носитъ также наименованіе «Ликъ Земли» или «Вертоградъ Блаженныхъ», по причинѣ многочисленныхъ гробницъ святыхъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ. Религіозная ревность не мѣшаетъ населенію Самаркавда вести очень дѣятельную торговлю съ русскими завоевателями; однако главные коммерсанты — иностранцы: евреи, индусы, афганцы. Промышленности въ Самаркандѣ нѣтъ никакой, кромѣ земледѣлія и садоводства (по Соболеву, годовая цѣнность сельскохозяйственныхъ произведеній, собираемыхъ въ Самаркандскомъ оазисѣ, простирается до 8.330.000 рублей). Вся окружающая его равнина, которая до сихъ поръ еще носитъ древнее имя Согдъ [1]), представляетъ одинъ обширный садъ, и развалины древняго Самарканда или Мераканда покрылись растительностью. На западѣ, возвышенія почвы, поднимающіяся надъ орошаемой равниной, носятъ еще слѣды построекъ и изрыты подземными галлереями, гдѣ при раскопкахъ находили черепки глиняной посуды и монеты; тамъ, по словамъ туземцевъ, имѣлъ мѣстопребываніе легендарный герой Афразіабъ, котораго одни считаютъ основателемъ города, другіе, напротивъ, его разрушителемъ. Старая стѣна Самарканда тянется еще далѣе за этими остатками древности, въ 6 километрахъ отъ города.

Населеніе зарявшанскаго города значительно возросло: со времени занятія края русскими, оно упятерилось; въ 1834 году число его не превышало восьми или десяти тысячъ душъ [1]), въ настоящее же время по переписи 1897 г. въ Самаркандѣ значится жителей 58.531. Благодаря своему счастливому положенію въ сосѣдствѣ горъ и здоровыхъ долинъ, Самаркандъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается однимъ изъ главныхъ центровъ европейской цивилизаціи, какъ онъ былъ нѣкогда средоточіемъ магометанской культуры. Поднимаясь вверхъ по долинѣ «Золотоносной» рѣки черезъ укрѣпленный городъ Пенджакентъ, мы вступаемъ въ Когистанъ, эту чудную страну аллей съ ея живописными ущельями, серебристыми водопадами, снѣговыми альпами. Въ этой длинной аллеѣ горъ, откуда постепенно поднимаешься къ плоскимъ возвышенностямъ цѣпи Кара-тегинъ, можно видѣть, такъ сказать, резюме центральной Азіи, со всѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ пріятнаго и грандіознаго въ картинахъ природы. При входѣ въ долину раскинулись фруктовые сады, орошаемые струящимися водами. Выше, зеленѣющіе луга, засѣянныя поля, рощи и лѣски окаймляютъ теченіе рѣки, или какъ у Варза-

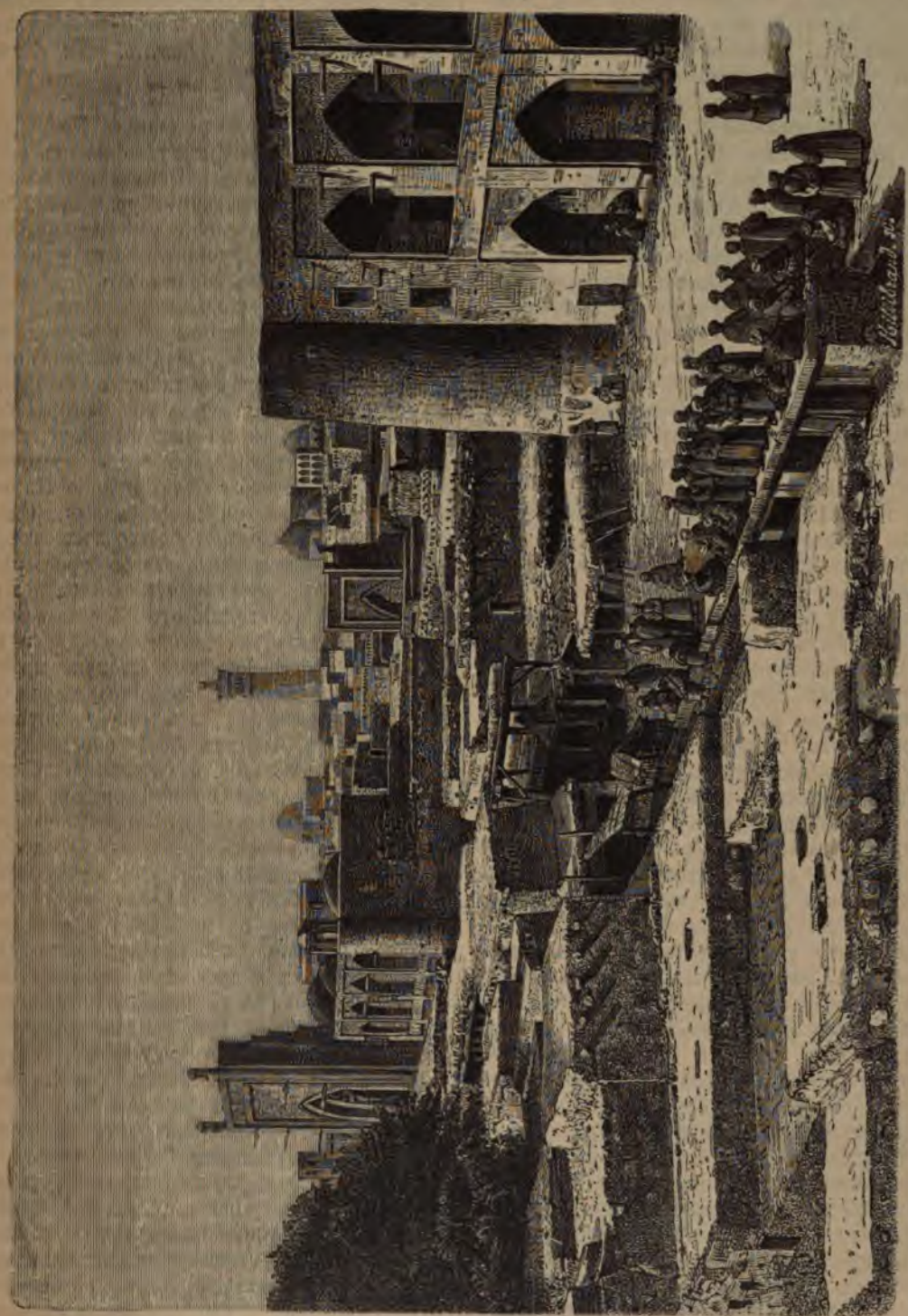
[1]) Schuyler, „Turkistan".

[2]) *Хорошкинъ*, „*Сборникъ* путешествій въ Средней *Азіи*".

[1]) Записки (султана) Бабера, во франц. переводѣ Павде-Куртеля; Соболевъ, „Записки Русск. Географ. Общества", т. IV, 1874 г.

[2]) Alex. Burnes, „Travels into Bokhara".

минора, покрываютъ высокія аллювіальныя террасы, оставленныя исчезнувшими озерами. Сквозь вѣтви деревьевъ виднѣются бѣлыя вершины горъ, стоячія воды разсѣяны въ гранитрявшана, Канъ-Тагъ, прорѣзана, въ видѣ жилъ, мощными залежами каменнаго угля, которыя давно уже горятъ; гора окутана атмосферой изъ дыма и удушливыхъ газовъ, а по ночамъ



Видъ города Хивы.

ныхъ бассейнахъ, и съ высоты цирковъ спускаются ледяныя рѣки. Когистанъ представляетъ также явленія, сходныя съ явленіями, наблюдаемыми на вулканахъ въ состояніи извержения. Одна изъ горъ верхней долины Зотраженіе подземнаго пожара окрашиваетъ небеса краснымъ заревомъ [1]). Золотоносные пески Зарявшана разработываются въ настоящее вре-

[1]) Федченко, „Geographical Magazine“, май 1874.

мя лишь очень небольшимъ числомъ жалкихъ золотоискателей. Золотая плотина, которую, по сказанію легенды, Александръ Македонскій построилъ поперегъ озера, носящаго его имя (Искандеръ-куль), оставила послѣ себя, какъ говорятъ, лишь кое-какіе, утратившіе всякую форму, обломки, и теперь даетъ потоку только рѣдкія блестки драгоцѣннаго металла [1]).

Самая населенная часть оазиса—та, которая составляетъ продолженіе Міанкаля или Бухарскаго «Междурѣчья»: въ этой области, отъ Катты-кургана до Пеншамбе (Пейшамбе), деревни соединяются въ одинъ непрерывный городъ, утопающій въ зелени фруктовыхъ деревьевъ, которыя издали придаютъ ему видъ лѣса; каждый садъ какъ-бы стережется важными аистами, которые отъ времени до времени постукиваютъ клювомъ; хивинцы въ насмѣшку говорятъ, что это постукиванье аистовъ замѣняетъ бухарцамъ и коканцамъ «пѣніе соловья». Одинъ изъ кишлаковъ этой плодоносной страны извѣстенъ подъ именемъ Урусъ, то-есть «русскій», въ память бѣглыхъ московскихъ людей, которые поселились въ этомъ мѣстѣ лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ. Несчастные переселенцы, заподозрѣнные въ томъ, что они продолжали поклоняться своему прежнему Богу, чѣмъ навлекли напасть на свое новое отечество, были всѣ перерѣзаны бухарцами.

Верстахъ въ сорока на юго-востокъ отъ Самарканда, городъ Ургутъ, храбро сопротивлявшійся русскимъ, группируетъ свои дома въ тѣни чинаръ, на берегу ручья чистой воды, вытекающаго изъ глубокой поперечной долины. На югѣ открывается ущелье, ведущее на перевалъ Самаркандскихъ горъ (Самаркандъ-тау), черезъ который спускаются къ садамъ Шехръ-и-себса, тогда какъ на сѣверо-востокѣ широкая брешь въ цѣпи Кара-тау даетъ проходъ дорогѣ изъ Самарканда въ Ташкентъ и маленькой рѣчкѣ Джизакъ. Этотъ проломъ носитъ названіе «Змѣинаго» ущелья (Жиланути), которое онъ получилъ, вѣроятно, или отъ извилистаго теченія рѣчки, или отъ пресмыкающихся, ползающихъ между его скалами. Этотъ важный горный проходъ, который прежде охранялся съ сѣверной стороны городомъ Джизакъ (Дизакъ), то-есть «Ключъ», есть одинъ изъ историческихъ путей Азіи, и при немъ происходило много кровопролитныхъ битвъ изъ-за обладанія Зарявшаномъ или Сыръ-Дарьей. На западъ отъ «Змѣинаго» ущелья высятся крутыя стѣны пирамидальнаго сланцеваго утеса, поднимающіяся на 120 метровъ и носящія названіе «Тамерлановыхъ воротъ»; двѣ персидскія надписи, вырѣзанныя на скалѣ, не упоминаютъ, впрочемъ, имени этого завоевателя. Одна изъ нихъ прославляетъ его внука Улугъ-бега, «побѣдителя царей и народовъ, тѣнь Аллаха на землѣ»; вторая, относящаяся къ 1571 году, говоритъ о побѣдѣ другой «тѣни Всемогущаго»,—«хана хановъ» Абдуллы, который, «благодаря счастливому сочетанію созвѣздій», нанесъ пораженіе арміи изъ 400.000 бойцовъ и «пролилъ потоки крови, которые въ продолженіе цѣлаго мѣсяца текли въ рѣку Джизакъ.—Да вѣдаетъ о томъ весь свѣтъ!» [1]).

Обиліе воды, которую долины Небесныхъ горъ изливаютъ въ Фергану, придаетъ этому бассейну огромную земледѣльческую важность, и въ этой области русскаго Туркестана, безъ всякаго сомнѣнія, населеніе, уже и теперь относительно плотное, сгруппируется въ наиболѣе густыхъ массахъ. Въ сердцѣ горъ берега Нарына находятся на слишкомъ большой высотѣ надъ уровнемъ моря, чтобы на нихъ могли возникнуть города: только маленькіе казачьи посты, посѣщаемые черными или дикокаменными киргизами, могли основаться въ этой нагорной долинѣ. Но тотчасъ же по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, при вступленіи въ сѣверо-восточную часть Ферганскаго бассейна, теченіе Нарына окаймляется городами и деревнями. Одинъ оазисъ, посреди котораго находится городъ Учъ-курганъ, идетъ вдоль лѣваго берега рѣки. На сѣверѣ, прекраснѣйшія равнины, лежатъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нарына и Сыра, у которыхъ, такъ же, какъ у Аму-Дарьи и у рѣкъ Европейской Россіи и Сибири, правый берегъ возвышенный, а лѣвый низменный. Долины, орошаемыя водами потоковъ, спускающихся съ горъ Чокталъ, болѣе плодородны и покрыты болѣе богатой растительностью, чѣмъ прибрежныя террасы, возвышающіяся на сѣверной сторонѣ главной рѣки; онѣ состоятъ преимущественно изъ фруктовыхъ садовъ и огородовъ, тогда какъ на лѣвомъ берегу оазисы засѣваются хлѣбными растеніями; между этими двумя поясами, по берегамъ Сыра тамъ и сямъ залегаютъ степи. Отсюда необходимый обмѣнъ земледѣльческихъ произведеній между долинами юга и равниной сѣвера: первыя отправляютъ овощи и плоды, которые у нихъ родятся въ изобиліи, вторая посылаетъ пшеницу, которую она производитъ въ количествѣ, превосходящемъ ея собственное потребленіе [2]).

Наманганъ есть главный центръ оазисовъ, удаленныхъ отъ рѣки. Это большой городъ, на базарѣ котораго, содержащемъ около тысячи лавокъ, идетъ очень бойкая торговля, и который имѣетъ бумагопрядильни для фабрикаціи тканей, употребляемыхъ туземцами; на наманганскомъ рынкѣ каждый годъ продается до 300.000 барановъ и овецъ, привозимыхъ изъ степей сѣвера; кромѣ того, отсюда отправляютъ на плотахъ внизъ по теченію Сыръ-Дарьи гру-

[1]) Schuyler, „Turkistan".

[1]) E. Schuyler, „Turkistan".

[2]) Kuhn, „Русское Обозрѣніе", 1876 г., № 1.

зы фруктовъ, кожъ, войлоковъ, въ Перовскъ и Казалинскъ. Вокругъ наманганской цитадели раскинулся русскій кварталъ новѣйшей постройки, замѣнившей часть магометанскаго города, которая была разрушена бомбами во время войны, отдавшей край во власть Россіи. Кромѣ произведеній своей промышленности и плодовъ своихъ садовъ, Наманганъ имѣетъ запасъ богатствъ, которыя ему обезпечиваютъ въ будущемъ нефтяные источники и каменноугольныя залежи страны. Городъ Кассанъ, на сѣверо-западъ отъ Намангана, обязанъ своимъ благосостояніемъ тѣнистымъ долинамъ сосѣднихъ горъ Чокталъ, плодороднымъ и превосходно обработаннымъ; онъ гордится своей древностью, считая себя старѣйшимъ между городами Ферганы; жители его, таджики,—самые красивые во всемъ Туркестанѣ [1]). Чустъ, также лежащій далеко отъ Сыръ-Дарьи, въ долинѣ, спускающейся съ горъ Чокталъ, тоже торговый городъ, гдѣ фабрикуютъ ножи, почти столь же высоко цѣнимые, какъ и гиссарскія издѣлія; съ высоты своего холма онъ господствуетъ надъ прекрасно воздѣланными полями, простирающимися во всѣ стороны до линіи горизонта, но онъ не утилизируетъ минеральныхъ богатствъ, заключающихся въ окружающихъ горахъ; правильно эксплоатируются только залежи каменной соли, отъ которыхъ городъ Чустъ и получилъ свое турецкое имя Тусъ. Городъ Акъ-сы, бывшій одно время столицей всего Коканскаго ханства, расположенъ на крутомъ яру праваго берега Сыра. Въ своихъ «Запискахъ» султанъ Баберъ хвалитъ дыни этого города какъ «лучшія въ свѣтѣ».

Долина Кара-Дарьи или «Черной рѣки», которая занимаетъ юго-восточный уголъ Ферганской области, и рѣка которой соединяется съ Нарыномъ, чтобы образовать Сыръ-Дарью, ниже Балыкчи, тоже орошаетъ своими водами сады многолюдныхъ городовъ. Узгентъ, стоящій при выходѣ ущелій Тянь-Шаня, пріобрѣлъ славу, благодаря находящейся въ сосѣдствѣ могилѣ, куда приходятъ пилигримы поклониться праху мусульманскаго святаго Хаджи-Юсуфа. Съ этой стороны пограничнымъ укрѣпленіемъ служитъ городъ Гульша, защищающій противъ китайцевъ горный проходъ Терекъ-Даванъ; человѣческія кости, бѣлѣющія по краямъ дороги, напоминаютъ бѣгство кашгарцевъ, прогнанныхъ китайскимъ завоеваніемъ: большая часть этихъ бѣглецовъ погибла среди снѣговъ [2]). По Куропаткину, годовое движеніе торговли между Ферганскимъ краемъ и Кашгаріей черезъ проходъ Терекъ-Даванъ выражается слѣдующими цифрами:

Вывозъ изъ Ферганы (тканей)—50.000 р.; привозъ въ Фергану (шелков. матерій, кожъ и пр.)—120.000 р.

Главный городъ бассейна, Андиджанъ, построенъ не на Кара-Дарьѣ, но онъ получаетъ воды этой рѣки посредствомъ отведенныхъ изъ нея ирригаціонныхъ каналовъ. Это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Ферганской области, благодаря его тѣнистымъ садамъ и богатому дичью парку, который находится посреди самаго города; этотъ пощаженный человѣкомъ уголокъ сельской природы, гдѣ угасаетъ гулъ окружающихъ улицъ, придаетъ туркестанскому городу отдаленное сходство съ нѣкоторыми городами Англіи [1]); на сѣверо-востокѣ, въ долинѣ Кугарана, находятся пользующіяся извѣстностью въ краѣ Джалабадъ-аюпскія минеральныя воды, теплыя и горячія, частію углекислыя, частію сѣрнистыя, куда пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ лечиться сарты. Поля и равнины «Месопотаміи» (междурѣчья), образуемой Кара-Дарьей и Нарыномъ, населены исключительно кипчакскими земледѣльцами, которые умѣютъ превосходно пользоваться этими землями, отличающимися необычайнымъ плодородіемъ [2]).

Городъ Ошъ на юго-востокъ отъ Андиджана, и на той же, рѣчкѣ Акъ-бура, притокѣ «Черной рѣки», занимаетъ, на обоихъ берегахъ потока, выходъ плодородной и здоровой долины, по которой путешественники поднимаются на Алай и Памиръ. Прекрасныя, поросшія лѣсомъ, горы окружаютъ амфитеатръ города, но самой громкой славой пользуется уединенная скала, съ четырьмя остроконечными главами, профиль которой обрисовывается на горизонтѣ съ западной стороны: это знаменитый Тахтъ-и-Сулейманъ или «Соломоновъ тронъ», о которомъ говорятъ восточныя легенды. Впрочемъ, разсказы объ этой горѣ не согласуются между собой. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ пилигримовъ приходятъ сюда поклониться только могилѣ визиря Сулеймана или Соломона, другіе становятся на колѣни передъ этой святыней, видя въ ней либо престолъ, либо гробницу великаго царя. Тутъ говорятъ одни, онъ, возсѣдая на вершинѣ горы, вызывалъ безплотныхъ духовъ, чтобы передать имъ свои велѣнія; на этомъ мѣстѣ, сказываютъ другіе, онъ былъ умерщвленъ; воронкообразныя углубленія, которыя видны тамъ и сямъ въ усѣянной мелкимъ камнемъ почвѣ горы, служили убѣжищами его черному собакамъ, и эти вѣрные псы, послѣ смерти своего господина, выпили его кровь и пожрали его тѣло [3]). Чтобы получить исцѣленіе отъ недуговъ, больные опускаютъ голову въ эти круглыя ямы. Съ площадки мазара или надгробнаго памятника, сто-

[1]) M-me de Ujfalvy, „Tour du Monde", 1869, vol. XXXVII, № 6; Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah, le Kouldja".

[2]) Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Société de Géographie", іюнь, 1878 г.

[1]) E. Schuyler, „Turkistan".

[2]) Ch. de Ujfalvy, цитирован. сочиненіе.

[3]) Schuyler, цитированное сочиненіе.

ящаго на вершинѣ четыреглавой горы, взорамъ наблюдателя открывается роскошнѣйшая панорама зеленѣющей равнины, которую на югѣ ограничиваютъ громады горъ Алайскаго хребта, изрѣзанныя брешами или проломами; на востокѣ, поперечная цѣпь Тянь-Шаня представляется въ видѣ лазурнаго облака; у себя подъ ногами вы видите рѣку Акъ-буру, извивающуюся серебристой лентой въ ущельѣ, которое открылось ей по всемогущему слову Соломона [1]). Тахтъ-и-Сулейманъ, котораго размѣры и изолированность были преувеличены прежними путешественниками, есть одинъ изъ пунктовъ центральной Азіи, о которыхъ всего чаще трактовалось въ сочиненіяхъ по сравнительной географіи; извѣстно, что до недавнихъ путешествій, предпринятыхъ въ область Памира съ цѣлью изслѣдованія страны, многіе писатели видѣли въ «Соломоновомъ тронѣ» знаменитую въ древности «Каменную Башню», которая служила главнымъ мѣстомъ роздыха греческимъ путешественникамъ, ѣздившимъ по такъ называемой «Шелковой» дорогѣ.

Къ западу отъ долины рѣки Якъ-буры находимъ нѣсколько важныхъ городовъ, разсѣянныхъ въ ферганскомъ бассейнѣ. Наукатъ, Араванъ, Ассаке, слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегу ручья, воды котораго теряются въ равнинѣ, на югъ отъ Андиджана; далѣе Шариханъ, городъ, пришедшій въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ садовники города Ассаке отняли у него своими арыками необходимую для орошенія воду,—находится теперь въ сосѣдствѣ безплодной пустыни, покрытой мелкимъ летучимъ пескомъ, изъ котораго образуются переносные бугры при малѣйшемъ вѣтрѣ. Маргиланъ, окруженный садами, которые тянутся на многія версты во всѣ стороны, поднимаетъ куполы и минареты своихъ мечетей въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Шахъ-и-Марданъ, спускающаяся съ высокихъ ледниковъ Алайскаго хребта, развѣтвляется на многочисленные оросительные каналы, прежде, чѣмъ потеряться въ пескахъ. Этотъ городъ былъ выбранъ русскими властями, какъ будущая столица Ферганскаго края, благодаря здоровому климату занимаемой имъ мѣстности. Однако, русскій городъ въ Маргиланѣ построился не рядомъ съ сартскимъ; онъ расположился верстахъ въ пятнадцати отъ этого послѣдняго, и отъ одного города къ другому новыя строенія выдвигаются въ видѣ длинныхъ улицъ. По мѣстному преданію, «Двурогій» Искандеръ, великій македонецъ, котораго мусульмане признаютъ также однимъ изъ святыхъ пророковъ ислама, кончилъ жизнь въ Маргиланѣ, и по этой причинѣ городъ до сихъ поръ остается священнымъ въ глазахъ населенія. Послѣ садоводства и огородничества, главный промыселъ маргиланскихъ сартовъ составляетъ производство тканей изъ верблюжьей шерсти, а также шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, въ особенности полосатыхъ тканей изъ очень легкаго шелка, въ родѣ модныхъ шелковыхъ матерій, какія выдѣлываются въ Дамаскѣ и даже во Франціи [1]). Шелководство производится тамъ довольно оригинальнымъ способомъ. Женщины завертываютъ яички шелковичнаго червя въ сырую тряпку и выводятъ гусеницъ своей собственной теплотой, нося тряпку въ продолженіе двѣнадцати дней подъ поясомъ; затѣмъ, когда черви начнутъ ползать, онѣ помѣщаютъ ихъ въ корзинки, которыя выставляютъ на солнце, наполнивъ ихъ листьями шелковичнаго дерева и прикрывъ мокрымъ бѣльемъ.

Маргиланъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые по справедливости могутъ гордиться красотой своихъ окрестностей, и, нѣтъ сомнѣнія, современемъ еще откроютъ много великолѣпныхъ пейзажей въ горахъ, господствующихъ надъ главнымъ городомъ Ферганской области. На юго-западѣ открывается прекрасная долина Исфайрана, грандіозный входъ которой охраняется мѣстечкомъ, носящимъ названіе Учъ-Курганъ, какъ и одноименный городъ на берегахъ Нарына. На югѣ, городокъ Вадиль, лежащій тоже при выходѣ долины, служитъ лѣтомъ мѣстомъ дачной жизни. Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Шахъ-и-Марданъ, при которой стоитъ Вадиль, путешественникъ поднимается съ уступа на уступъ къ городку того же названія (Шагъ-и-Марданъ), одному изъ наиболѣе чтимыхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами святыхъ мѣстъ Ферганской области, благодаря находящейся будто-бы тамъ гробницѣ Али; впрочемъ, на обладаніе этой святыней претендуютъ также разныя другія мѣста мусульманскихъ странъ. Названіе Шахъ-и-Марданъ, то-есть «Царь людей», которое носятъ мѣстечко и рѣка, произошло отъ священныхъ останковъ, покоящихся въ храмѣ Али. Здѣсь мы находимся уже въ области водопадовъ, голубыхъ горныхъ озеръ, моренъ; затѣмъ, еще выше, идутъ вѣчные снѣга, ледники и вершины, болѣе высокія, чѣмъ европейскій Монъ-Бланъ.

Изъ Вадиля въ Коканъ,—настоящее имя котораго, по Соболеву, Хукандъ,—дорога идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, вдоль основанія горъ, до города Риштанъ, затѣмъ остается только перейти равнины, гдѣ рѣка Сохъ дѣлится и изсякаетъ мало-по-малу въ безчисленныхъ ирригаціонныхъ каналахъ. Коканъ, недавно столица государства того же имени, присоединеннаго теперь къ русскимъ владѣніямъ подъ названіемъ Ферганской области, все еще можетъ считаться главнымъ городомъ края, какъ по численности населенія, такъ по торговлѣ и образованности своихъ жителей. Та-

[1]) Ch. de Ujfalvy, цитированное сочиненіе.

[1]) Ch. de Ujfalvy, цитированное сочиненіе.

ношніе таджики говорятъ персидскимъ языкомъ гораздо болѣе чистымъ, чѣмъ языкъ, употребляемый ихъ бухарскими соотечественниками, несмотря на то, что послѣдніе живутъ въ стра-

Варзаминоръ въ долинѣ Зарявшана.

нѣ, лежащей ближе къ Ирану. Коканъ, городъ почти новый, такъ какъ онъ существуетъ всего только около полутораста лѣтъ, имѣетъ улицы болѣе широкія и болѣе правильныя, чѣмъ въ другихъ городахъ *арало-каспійской покато-*

сти; онъ даже довольно чистый городъ, и обширные сады придаютъ нѣкоторымъ его кварталамъ сельскій видъ: болѣе сотни тысячъ жителей могли бы легко помѣститься въ его чер-

тѣ. Какъ промышленный городъ, Коканъ пріобрѣлъ нѣкоторую важность въ Туркестанѣ. Онъ имѣетъ писчебумажную фабрику, которая производитъ большую часть бумаги, употребляемой мусульманами страны, даже за преж-

лами Ферганскаго края; его фабриканты приготовляютъ ткани, мало уступающія достоинствомъ бухарскимъ издѣліямъ; его мѣдники тоже очень искусны въ выдѣлкѣ котловъ и другой мѣдной посуды, а мастера, работающіе на монетномъ дворѣ, умѣютъ отливать пушки, сверлить ружья, дѣлать инструменты, золотыя и серебряныя вещи, оправлять драгоцѣнные камни. Размѣнный денежный знакъ, наиболѣе употребительный въ Туркестанѣ, и даже по ту сторону Небесныхъ горъ [1]),—монета, извѣстная подъ именемъ «коканъ», средняя цѣнность которой составляетъ около 65 сантимовъ; какъ гласитъ выбитая на коканѣ надпись, эти монеты чеканятся въ «Очаровательномъ Коканѣ» (Хоканди Лятифъ). Жители города далеко не всѣ могутъ похвалиться красотой: изъ трехъ купцовъ, торгующихъ на базарѣ, одинъ навѣрно страдаетъ зобомъ. Эта сильно распространенная тамъ болѣзнь и была причиной того, что русскіе покинули Коканъ, какъ столицу, и перенесли центръ управленія краемъ въ другой городъ, такъ какъ въ первое же время оккупаціи около трехъ сотъ русскихъ солдатъ заболѣли зобомъ.

Коканскій базаръ, очень обильно снабженный товарами, есть безспорно самый богатый рынокъ во всемъ русскомъ Туркестанѣ, и на немъ можно найти не только всѣ произведенія современной промышленности страны и привозные товары изъ Россіи, Англіи, Персіи и Индіи, но также старинныя вещи и настоящія произведенія искусства. Замѣчательные памятники Кокана—нѣсколько мечетей и въ особенности дворецъ, построенный ханомъ Худояромъ, въ которомъ теперь помѣщаются русскія присутственныя мѣста. Если зданія бывшей столицы коканскихъ хановъ не отличаются такимъ чистымъ стилемъ, какъ зданія Самарканда, то они имѣютъ то преимущество, что гораздо лучше сохранились, такъ что на нихъ можно изучить во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ безчисленные орнаменты фасадовъ и башенъ, придающіе стѣнамъ блескъ узорчатыхъ тканей; начертанныя тамъ и сямъ арабскія надписи благородными контурами своихъ буквъ еще болѣе возвышаютъ красоту этой пестрой мозаики эмальированныхъ рисунковъ.

Различные города, разсѣянные въ окрестностяхъ Кокана: Сохъ на югѣ, Исфара на юго-западѣ, Махрамъ на западѣ, не имѣютъ сколько-нибудь важнаго значенія въ торговомъ отношеніи; когда Ферганская долина еще не была присоединена къ Россійской имперіи, Махрамъ былъ крѣпостью и мѣстомъ стоянки гарнизона, по причинѣ его положенія на яру лѣваго берега Сыръ-Дарьи, близъ границы Ходжентскаго края. Въ 1875 году происходила кровопролитная битва изъ-за обладанія этимъ стратегическимъ пунктомъ, и земляныя стѣны города, тамъ и сямъ разрушенныя и образующія широкія бреши, напоминаютъ о побѣдѣ, одержанной русскими.

Главные города Ферганской области, съ числомъ жителей, по послѣдней переписи 1897 г.:

Коканъ—82.054 жит.; Наманганъ — 75.592; Маргиланъ — 45.569; Андиджанъ — 46.680; Ошъ—36.474; Наукатъ — 15.582; Кассанъ—14.308; Чустъ или Тусъ—12.634; Узгентъ—9.372; Ассаке—4.890; Шариханъ—6.350; Балыкчи — 7.020; Исфари — 4.900; Вадиль — 3.198 жителей.

Ходжентъ, городъ на Сыръ-Дарьѣ, ближайшій къ Ферганской области и служащій рынкомъ для вывоза произведеній этой провинціи, состоитъ уже изъ двухъ городовъ: на югѣ кишлакскіе кварталы, населенные почти исключительно таджиками, раскинулись на обоихъ берегахъ рѣчки Ходжа-Багарганъ, спускающейся съ Алайскихъ горъ; на сѣверѣ, кварталъ русскихъ жителей, постепенно разростающійся, наполняетъ пространство, отдѣляющее старый городъ отъ лѣваго берега Сыра: въ Ходжентѣ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи, туземцы, при основаніи города, селились вдали отъ берега главной рѣки; это объясняется тѣмъ, что имъ нужно имѣть подъ рукой не большую судоходную рѣку, а ирригаціонные каналы для орошенія садовъ и полей, и понятно, что при отводѣ воды арыками легче справляться съ маленькой рѣченкой, чѣмъ съ быстрымъ потокомъ. Лѣтомъ въ Ходжентѣ нестерпимая, удушливая жара: пыль, приносимая вѣтромъ изъ степей, наполняетъ атмосферу, а бѣлыя скалы горы Моголъ-тау, возвышающейся къ сѣверу отъ города, на другой сторонѣ главной рѣки, отражаютъ на Ходжентъ знойные солнечные лучи. Часто рѣка Ходжа-Бакарганъ, гдѣ жители берутъ воду для питья и домашняго обихода, совершенно пересыхаетъ, и тогда женщины принуждены ходить за водой на Сыръ-Дарью, спускаясь и поднимаясь по высокому берегу рѣки. Дороги, расходящіяся въ видѣ радіусовъ, вокругъ города, обставлены по сторонамъ шелковичными деревьями; плантаціи хлопчатника и виноградника, среди которыхъ высятся тамъ и сямъ строжевыя башни, простираются до края пустыни. Ходжентъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Туркестана, построенный, говорятъ туземцы, дочерью Адама, имѣлъ недавно весьма важное стратегическое значеніе. Расположенный въ сосѣдствѣ бывшей границы и, такъ сказать, напротивъ Махрамской крѣпости, помѣщенный, сверхъ того, вблизи изгиба Сыръ-Дарьи, которая перестаетъ течь въ западномъ направленіи и поворачиваетъ на сѣверо-западъ къ Аральскому морю,—онъ находится въ точкѣ встрѣчи армій, и много битвъ происходило предъ его стѣнами и въ окрестностяхъ. Въ 1866 году русскіе

[1]) *Федченко, „Путешествіе въ Туркестанъ".*

одержали неподалеку отъ Ходжента, при Ирджарѣ, побѣду, отдавшую въ ихъ руки весь край. Укрѣпленный городъ Ура-тепе, на дорогѣ изъ Джизака и Самарканда, тоже часто упоминается въ исторіи войнъ. Тепе, какъ и Джизакъ, одинъ изъ «ключей», которые нѣкогда запирали Тамерлановы «Ворота», на сѣверо-востокѣ отъ Самарканда.

Яны-Чиназъ или Ново-Чиназъ, при сліяніи рѣкъ Чирчикъ и Сыръ-Дарьи, представляетъ лишь небольшую группу домовъ, изъ которой русскіе надѣялись сдѣлать цвѣтущій городъ, избравъ его исходной точкой судоходства по Сыру и учредивъ тамъ складочное мѣсто для

Ташкентъ.—Видъ улицы.

товаровъ, идущихъ въ Ташкентъ и вывозимыхъ оттуда; но въ виду препятствій, встрѣчаемыхъ судами на этой рѣкѣ въ продолженіе почти всего года, суда очень рѣдко посѣщаютъ пристани Яны-Чиназа, и до сихъ поръ не возникло ни одной транспортной компаніи для перевозки грузовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ: Новый Чиназъ остался по-прежнему простымъ мѣстомъ остановки для путешественниковъ, ѣдущихъ по дорогѣ изъ Ташкента въ Самаркандъ, и старый городъ Эски-Чиназъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ новаго, все еще самый многолюдный изъ двухъ. Нельзя того же сказать про «Старый Ташкентъ» или Эски-Ташкандъ (туземцы говорятъ Ташкандъ, русскіе же привыкли называть городъ Ташкентомъ), находящійся на сѣверо-востокѣ, на той же дорогѣ. Этотъ послѣдній городъ, уже около полустолѣтія, не болѣе какъ груда развалинъ, и жители его, гонимые разрушительнымъ дѣйствіемъ рѣки Чирчикъ, подтачивающей берега, переселились въ новый Ташкентъ.

Столица русскаго Туркестана сдѣлалась самымъ значительнымъ городомъ арало-каспійскихъ странъ и даже однимъ изъ первыхъ городовъ во всей Россійской имперіи. Въ громадныхъ азіатскихъ владѣніяхъ русской державы, по численности населенія, этотъ городъ не уступаетъ даже Тифлису, и возрастаніе его шло не менѣе быстрыми шагами. Раскинутый на такомъ же обширномъ пространствѣ, какъ Парижъ, на 13 километровъ въ длину и отъ 7 до 8 километровъ въ ширину, Ташкентъ (имя котораго буквально значитъ «Каменный замокъ») имѣетъ, впрочемъ, еще небольшое число жителей въ сравненіи съ протяженіемъ занимаемой имъ площади; дома почти всѣ низкіе, скрыты зеленью, такъ что издали городъ кажется сплошнымъ лѣсомъ; только крыши высокихъ зданій русской постройки да куполы нѣкоторыхъ мечетей поднимаются надъ тополями, ивами и другими деревьями, растущими по краямъ каналовъ.

Мѣстоположеніе Ташкента выбрано очень удачно. Правда, городъ построенъ не на берегу большой рѣки; но снѣга цѣпи Ала-тау и источники горъ Чокталь изливаютъ достаточно воды въ рѣчку Чирчикъ, для того, чтобы эта

послѣдняя могла питать городскіе каналы постояннымъ приливомъ. Ташкентъ расположенъ какъ разъ около середины пояса земель, орошаемыхъ, и, слѣдовательно, плодородныхъ и обитаемыхъ который простирается отъ равнинъ Самарканда до долинъ «Семирѣчья», а удобныя, легко проходимыя дороги позволяютъ ему сообщаться съ верхними долинами рѣкъ Сыра, Таласа и Чу. Послѣ побѣдоноснаго приступа, совершеннаго Черняевымъ во главѣ немногочисленнаго отряда, состоявшаго всего только изъ 1.950 человѣкъ послѣ этого завоеванія, которое стоило такъ мало человѣческихъ жизней и такъ мало денегъ,—завоеванія, которое удивило самихъ побѣдителей,—воображеніе воспламенилось. Авантюристы, искатели быстраго и легкаго обогащенія, устремились толпой въ новый городъ, сдѣлавшійся столицей русскаго Туркестана, въ 1865 году: петербургскіе и московскіе купцы видѣли въ завоеванномъ краѣ своего рода Калифорнію, и состоянія быстро наживались тамъ войной и торговлей. Современная русская литература посвятила не мало страницъ описаніемъ этихъ «ташкентцевъ», которые бросились на сартовъ и таджиковъ, какъ на добычу, и, обогатившись всяческими способами, вернулись въ Россію выставлять на-показъ свое богатство и хвастать своей щедростью. Но красные деньки спекуляціи прошли. Теперь большинство русскихъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Ташкентѣ, состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ; торговля находится въ рукахъ туземцевъ, сартовъ и евреевъ, къ которымъ примѣшиваются въ небольшомъ числѣ: бухарцы, афганцы и индусы изъ Ширкапура, страшные ростовщики. На улицахъ Ташкента сталкиваются пришельцы изъ всѣхъ странъ Центральной Азіи. Даже нагайскіе татары, выселившіеся изъ Кавказскаго края, довольно многочисленны въ столицѣ Туркестана, гдѣ имъ пришлось опять найти своихъ господъ, русскихъ, отъ которыхъ они думали уйти. Впрочемъ, какъ люди смышленые и понатершіеся, благодаря сношеніямъ, которыя они имѣли на Кавказѣ съ цивилизованными европейцами, эти татары умѣютъ отлично устраивать свои дѣла въ Азіи и служатъ посредниками между завоевателями и туземцами [1]). Что касается киргизовъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, которые населяютъ, въ числѣ слишкомъ 80.000 душъ, долину Ангрена и почти всю страну, простирающуюся отъ окрестностей Ташкента до окрестностей Пекента и Ходжента, то это все потомки бѣглецовъ изъ трехъ ордъ, пришедшихъ въ край въ давнія времена, за шестьсотъ лѣтъ назадъ. Хотя они сохранили вѣрную память о своей генеалогіи, имъ обыкновенно даютъ прозвище курамовъ, т. е. «сволочи», и мѣстные сарты смотрятъ на нихъ пренебреженіемъ, вѣроятно потому, что грубые сельскіе жители, честные и добрые, но ные, не обладаютъ, какъ горожане, умѣнь зашибать деньгу и изобрѣтать прибыльные мысли [1]); они населяютъ «семь городовъ» есть семь большихъ деревень (главныя этихъ деревень—Пангасъ и Ашъ), состоя изъ глинобитныхъ домовъ, изъ тростнико шалашей и даже изъ землянокъ, подобныхъ говищамъ дикихъ звѣрей. Въ окрестно Ташкента существуетъ нѣчто къ родѣ стыря или пріюта, населеннаго единст прокаженными, которые живутъ подаяніе

Хотя русскіе составляютъ весьма небол часть общей цифры населенія, однако р кварталъ Ташкента занимаетъ уже значи ное пространство и заключаетъ около части домовъ, но только шестнадцатую всего числа жителей. Постоянное насе азіатскаго квартала въ 1871 году состоял 78.126 душъ; по національностямъ оно ра дѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Сартовъ—75.176; русскихъ—1.289; т (узбековъ)—708; киргизовъ—375; евре 293; нѣмцевъ—110; индусовъ—93; а цевъ—25; китайцевъ—3; жителей, націо ность которыхъ осталась неопредѣлена—

Населеніе русскаго города, безъ войск 1875 году, состояло изъ 4.860 жителей [2]). рокія пыльныя улицы, обставленныя по с намъ рядами деревьевъ, бѣлые домики, отличающіеся отъ маленькихъ построек плоскими крышами сартскихъ кварта большія площади, съ клумбами цвѣтовъ, это придаетъ Ташкенту видъ городовъ постройки въ Соединенныхъ Штатахъ Австраліи [4]). Въ Туркестанѣ дерево состав рѣдкость, и каменщики не имѣютъ другихъ теріаловъ для построекъ, кромѣ кирпичей глины, высушенныхъ на солнцѣ, похожи adobes, употребляемые въ Мексикѣ, или на reaux», употребляемые въ Шампани. К дѣлаются изъ вѣтвей ивы и изъ тростника, крытыхъ сверху слоемъ глины и дерна, шенныхъ весной дикимъ макомъ и дру цвѣтами. Пока продолжается сухое время все идетъ хорошо, но во время сильныхъ дей, разбухшая земля иногда проламы хрупкую ивовую и камышевую настилку, проваливается разомъ; осенью нужно на дать съ величайшей заботливостью за ис ностью крыши, иначе рискуешь въ одну красную ночь проснуться подъ пролив дождемъ. Дома вообще имѣютъ только ни жилье или только одинъ этажъ; болѣе вы

[1]) Верещагинъ, „Tour du Monde“, 1873 г.;—Терентьевъ, *„Записки Русск. Географ. Общества“*, т. IV, 1874 г.

[1]) Хорошкинъ, „Сборникъ статей о Туркестанѣ“

[2]) Терентьевъ, „Вѣстникъ Европы“, окт. 1875

[3]) Въ настоящее время общая численность нас Ташкента опредѣляется въ 156.414 человѣкъ.

[4]) Schuyler, „Turkistan“.

зданія, палаты или мечети, подвергаются большой опасности въ этой странѣ, гдѣ землетрясенія часты, и въ городѣ можно встрѣтить много разрушенныхъ этимъ явленіемъ построекъ, поросшихъ деревцами и цвѣтами. Каналы извиваются, какъ естественные ручьи, въ тѣни ивъ и тополей, между развалинами, обрушивающимися стѣнами и новыми домами, зачастую почти не менѣе развалившимися, какъ и старые. Лѣтомъ, русскіе, владѣющіе садомъ въ предмѣстьяхъ, отправляются туда на дачу, и по обычаю узбековъ, обитаютъ въ палаткѣ среди зелени, наслаждаясь чистымъ воздухомъ, благоуханіемъ цвѣтовъ, журчаніемъ струящихся водъ и пѣніемъ птицъ. На югъ отъ Ташкента, на чиназской дорогѣ, городокъ Зенги-ата и окружающіе его сады служатъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для любителей загородныхъ прогулокъ.

Промышленность Ташкента, по развитію и размѣрамъ, не имѣетъ столько важности, какъ можно бы было ожидать отъ города съ 150-тысячнымъ населеніемъ; городъ выросъ быстрѣе, нежели его мануфактурные рессурсы. Въ Ташкентѣ, правда, существуетъ «тридцать двѣ» ремесленныя корпораціи, которыя полагается имѣть всякой восточной столицѣ, и каждая изъ этихъ корпорацій подраздѣляется, въ свою очередь, на тридцать двѣ спеціальности мастерства; но, за исключеніемъ фабрикаціи шелковыхъ тканей и дубленія кожъ, Ташкентъ не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ отраслей обработывающей промышленности. Въ послѣдніе годы тамъ стали выдѣлывать грубую фарфоровую посуду или «чини», названную такъ потому, что она представляетъ подражаніе китайскимъ произведеніямъ этого рода. Нѣкоторыя національныя промышленности, какъ напримѣръ, приготовленіе войлока и выдѣлка тканей изъ верблюжьей шерсти, остались монополіей туземцевъ, но большая часть другихъ мануфактурныхъ издѣлій, фабрикуемыхъ въ краѣ, не могутъ выдерживать конкурренціи произведеній, отправляемыхъ съ Нижегородской ярмарки и изъ Троицка. Ташкентъ получаетъ преимущественно изъ Россіи бумажныя ткани, за которыя онъ платитъ невыдѣланнымъ хлопкомъ и шелкомъ-сырцомъ; онъ покупаетъ также шелковыя матеріи, разныя издѣлія изъ металла, кожи, дерева, колоніальные товары. Совокупность его торговыхъ оборотовъ, по ввозу и вывозу, возрастала изъ году въ годъ: такъ, въ 1871 году общая цѣнность торговли этого города съ Россіей и съ сосѣдними ханствами составляла 15.104.815 р., а въ 1873 году она уже простиралась до 18.911.630 р. (торговое движеніе въ 1873 г.: 82.502 навьюченныхъ верблюдовъ; 4.296 навьюченныхъ лошадей: 3.648 телѣгъ; такъ что въ настоящее время цѣнность торговыхъ оборотовъ не можетъ быть ниже 25 милліоновъ металл. рублей). Русское правительство дѣлало большія усилія, чтобы учредить въ Ташкентѣ постоянный рынокъ, который бы соперничалъ, въ отношеніи средне-азіатскихъ владѣній, съ ярмарками Нижегородской или Ирбитской. Съ этой цѣлью въ 1870 году были построены магазины и помѣщенія для склада товаровъ на мѣстѣ, выбранномъ въ окрестностяхъ, верстахъ въ семи или восьми отъ городскаго базара: оставалось только заманить туда купцовъ. Но купцы ни за что не соглашались покинуть свои лавки въ старомъ городѣ, чтобы идти торговать на указанной имъ ярмарочной площади. Напрасно прибѣгали къ принудительнымъ мѣрамъ, закрывая торговлю на базарѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для ярмарки, напрасно налагали штрафы и насильно приводили торговцевъ въ новыя лавки,— торговый потокъ не захотѣлъ войти въ приготовленное ему администраціей русло, и ярмарочное поле, открытое въ 1870 году, было почти совершенно оставлено четыре года спустя.

Большинство европейцевъ, живущихъ въ туркестантской столицѣ, смотрятъ на Ташкентъ, какъ на мѣсто ссылки, которое всякій спѣшитъ тотчасъ же покинуть, какъ только приведшее его туда служебное честолюбіе или желаніе нажить состояніе удовлетворено. Кромѣ прекраснаго сада, окружающаго генералъ-губернаторскій дворецъ, и парка съ «тысячью абрикосовыхъ деревьевъ», русскіе не знаютъ, гдѣ провести время въ часы досуга. Взоры ихъ постоянно устремлены къ Европѣ: оттуда они получаютъ письма, газеты, журналы, —все, что составляетъ умственную и нравственную жизнь. Впрочемъ, Ташкентъ также имѣетъ русскій оффиціальный органъ печати, гдѣ можно встрѣтить полезныя свѣдѣнія о Туркестанѣ и сосѣднихъ странахъ. Библіотека общественнаго собранія, содержащая 10.000 томовъ, богата сочиненіями, относящимися къ Средней Азіи. Ташкентъ имѣетъ также обсерваторію, школу шелководства, учительскую семинарію, двѣ гимназіи, мужскую и женскую. Въ 1879 г. тамъ основался туркестанскій отдѣлъ русскаго географическаго общества. Кромѣ того, въ столицѣ Туркестана устроились было два другія ученыя общества; но одно изъ нихъ, учрежденное подъ оффиціальнымъ покровительствомъ, покончило свое существованіе отъ недостатка жизненной силы; другое, возникшее безъ разрѣшенія власти, получило приказаніе прекратить свою дѣятельность.

Чимкентъ, на сѣверъ отъ Ташкента, занимаетъ географическое положеніе, во многомъ сходное съ мѣстоположеніемъ столицы края. Этотъ городъ тоже удаленъ отъ Сыръ-Дарьи и перерѣзанъ каналами, проведенными изъ многоводной рѣки; онъ также окруженъ зеленью, и самое его имя, полу-персидское, полу-турецкое, означающее «Зеленый городъ», вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ поясу его са-

довъ. Положеніе его важно, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи, ибо онъ занимаетъ западный выходъ широкаго пролома, который отдѣляетъ горную цѣпь Кара-тау отъ хребта Александровскаго, и черезъ который бассейнъ озера Балхашъ находится въ непосредственномъ сообщеніи съ равнинами Сыръ-Дарьи. Цитадель, теперь разрушенная, господствуетъ надъ городомъ съ вершины крутой террасы. Кумысъ, приготовляемый киргизами въ окрестностяхъ Чимкента, слываетъ лучшимъ во всемъ Туркестанѣ, и жаждущіе пользоваться этимъ драгоцѣннымъ средствомъ, слабые здоровьемъ русскіе избрали «Зеленый городъ» своимъ мѣстопребываніемъ.

Слѣдуя на сѣверо-западъ, черезъ неровную степь, вдоль южнаго основанія горъ Кара-тау, изобилующихъ залежами каменнаго угля, свинцовой и желѣзной руды, почтовая дорога изъ Ташкента въ Оренбургъ проходитъ черезъ древній городъ Туркестана, который принялъ имя всей страны, но который назывался Ясы, когда Тамерланъ началъ, въ 1397 году, постройку знаменитой мечети. Это зданіе, посѣщаемое толпами мусульманскихъ богомольцевъ, построено въ честь Хазрета-Ясави, спеціальнаго патрона киргизовъ. Возвышаясь посреди крѣпости, колоссальная мечеть, главная святыня центральной Азіи, носитъ еще слѣды русской канонады, которая поколебала ее въ 1864 году, и стѣны ея, расшатанныя также землетрясеніями, дали во многихъ мѣстахъ трещины сверху до низу. Впрочемъ, этотъ памятникъ Хазретъ-султана, «седьмое чудо свѣта», не былъ никогда вполнѣ оконченъ строившимъ его персидскимъ зодчимъ; въ стѣнѣ еще видны дыры, куда упирались балки лѣсовъ, и которыя теперь служатъ пріютомъ аистамъ,—птицамъ уважаемымъ, чтимымъ правовѣрными. Но даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ эта громадная руина, почти совершенно потерявшая свою изразцовую обшивку и всякія наружныя украшенія, производитъ большой эффектъ, особенно когда увидишь издали, изъ степи, ея величественную четыре-угольную массу, господствующую надъ сѣрымъ городомъ и его полуразрушенными стѣнами. Паперть или портикъ, высотой болѣе 30 метровъ, ведетъ въ темную внутренность мечети, по срединѣ которой стоитъ надгробный памятникъ святаго, окруженный другими гробницами и «писанными камнями». Вообще эту область Татаріи можно назвать страной развалинъ: путешественникъ находитъ здѣсь остатки многочисленныхъ крѣпостей, нѣкогда защищавшихъ переходъ черезъ Сыръ и впослѣдствіи покинутыхъ, а также могильные курганы, разсѣянные тамъ и сямъ въ равнинѣ. Одна изъ этихъ грудъ обломковъ, на верху Сыра, къ югу отъ г. Туркестана, указываетъ мѣстоположеніе города *Отрара, гдѣ умеръ Тамерланъ*. Въ Суранѣ (Саврунъ) или Сауранѣ, другомъ разрушенномъ городѣ, на западъ отъ Туркестана, еще недавно стояли два высокіе минарета очень красивой постройки; одинъ изъ нихъ обрушился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другой тоже грозитъ скорымъ паденіемъ. При раскопкахъ кургановъ этой страны находили грубо сдѣланную глиняную посуду, мѣдныя монеты, кальцинированныя кости; но до сихъ поръ эти остатки старины еще не привели къ какимъ-нибудь важнымъ открытіямъ историческимъ или антропологическимъ.

На нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи бывшая коканская крѣпость Акъ-мечеть или «Бѣлая мечеть» обязана теперешнимъ своимъ именемъ «Перовскъ» бывшему оренбургскому генералъ-губернатору Перовскому, который овладѣлъ ею въ 1853 году, послѣ довольно продолжительной осады, выдержанной ея комендантомъ Якубъ-ханомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи кашгарскимъ эмиромъ. Генералъ Перовскій устроилъ на мѣстѣ взятаго укрѣпленія русскій фортъ, окруженный теперь новымъ городомъ, гдѣ хивинцы и сарты встрѣчаются съ киргизами. Расположенный во главѣ старой дельты Сыра, въ мѣстѣ бифуркаціи рѣки Яны-Дарья, которая течетъ на юго-западъ по направленію къ Аму-Дарьѣ, Перовскъ находится на прямой дорогѣ изъ Персіи и Хивы въ южную Сибирь, и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлается современемъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли между этими странами; но въ настоящее время онъ имѣетъ еще менѣе дѣятельности, нежели Казалинскъ, построенный ниже на главномъ рукавѣ Сыръ Дарьи. Этотъ городъ наслѣдовалъ въ 1855 году Раимскому укрѣпленію (переименованному впослѣдствіи въ Аральское), которое было построено при устьи Сыра, близъ Аральскаго моря, посреди болотъ, оказавшихся очень нездоровыми, такъ что невозможно было продолжать держать тамъ гарнизоны. Крѣпость, которую обыкновенно называютъ сокращеннымъ именемъ Казала, носила сначала наименованіе форта № 1-й; она дѣйствительно была первая по порядку въ цѣломъ рядѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя Россія имѣетъ теперь вплоть до подножія Алтая и въ самомъ сердцѣ Небесныхъ горъ. Казалинскъ, расположенный въ низменной мѣстности, которую Сыръ наводняетъ во время своихъ разливовъ, долженъ завоевывать мало-по-малу почву, на которой стоятъ его дома и вѣтряныя мельницы; тѣмъ не менѣе онъ процвѣтаетъ, благодаря пересѣкающимся тамъ торговымъ дорогамъ, изъ Оренбурга въ Ташкентъ и Бухару, изъ Герата и Хивы въ Троицкъ и Екатеринбургъ, и воздѣланныя земли окружаютъ его на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ.

Городъ низовьевъ Яксарта, въ одно и то же время базаръ и фортъ, не имѣетъ соперника на нижнемъ Оксусѣ. Тамъ находятся только

Ѣстечки, какъ Чимбай, и военные посты, какъ Петро-Александровскъ и Нукусъ, которые командуютъ берегами рѣки: въ лѣтнее время эти населенныя мѣста почти совершенно пу-

Общій видъ Ходжента.

стѣютъ, тогда какъ зимой стѣны ихъ заключаютъ въ себѣ тысячи кибитокъ и палатокъ кара-калпаковъ. Въ прежнія времена существовали многочисленные города въ области, теперь почти *пустынной, гдѣ воды* Яны-Дарьи образовали общую дельту Сыра и Аму. На разстояніи дневнаго перехода къ югу отъ Сыръ-Дарьи еще въ 1742 году, во время путешествія Гладышева, стоялъ городъ Яны-кендъ или «Новая крѣпость», и кара-калпаки разбивали тамъ свои юрты среди развалинъ; запустѣніе этого города туземцы объясняютъ тѣмъ, что будто-бы жители его были прогнаны змѣями [1]).

[1]) Левшинъ, „Описаніе киргизъ-кайсаковъ".

Нѣкоторыя селенія дельты состоятъ изъ тростниковыхъ хижинъ, поставленныхъ среди болота на плотахъ изъ камыша, мѣрно качающихся по волѣ волнъ.

Въ киргизскихъ степяхъ, простирающихся на сѣверъ отъ Аральскаго озера, города Тургай и Иргизъ—незначительныя мѣстечки, которымъ только ихъ административная роль придаетъ нѣкоторую важность. Однако, путешественники съ радостью отдыхаютъ тамъ отъ длиннаго и утомительнаго переѣзда черезъ степи по пескамъ, травянымъ пространствамъ и болотамъ.

У сѣвернаго основанія Небесныхъ горъ тянется поясъ воздѣланныхъ земель и городовъ, подобный поясу западнаго ската, но гораздо менѣе богатый и менѣе многолюдный: тамъ уже не существуетъ большихъ городовъ со времени кровавой рѣзни, превратившей въ пустыню почти всѣ обработанныя и населенныя мѣстности долины Или. Первый постъ, занятый русскими къ востоку отъ Кара-тау, хребта на рѣкѣ Таласъ, Ауліе-ата, еще не возвысился до степени города, хотя онъ ведетъ дѣятельную торговлю хлѣбомъ и скотомъ, благодаря живущимъ въ долинѣ кара-киргизамъ; нѣсколько бараковъ—вотъ и все, что̀ указываетъ, рядомъ съ базаромъ и становищемъ ауліеатскихъ туземцевъ, на городъ, для котораго мечтали о высокой судьбѣ, давая ему имя Александрограда. Сначала предполагали даже сдѣлать его главнымъ городомъ всѣхъ русскихъ владѣній въ Туркестанѣ: только въ 1867 году рѣшеніе было принято окончательно въ пользу Ташкента. Имя его Ауліе-ата или «Святой отецъ», происходитъ отъ одного чтимаго хана, могила котораго посѣщается, какъ святыня, киргизскими пилигримами. Верстахъ въ пятнадцати къ сѣверу, тоже на берегахъ Таласа, который теряется въ пескахъ пустыни, видны развалины древняго города, Тюмкента, вѣроятно, покинутаго жителями вслѣдствіе набѣговъ кочевниковъ, или, быть можетъ, по причинѣ высыханія страны. Другія развалины, болѣе замѣчательныя, находятся выше по теченію, верстахъ въ пятидесяти: это остатки какого-то огромнаго зданія, покрывающаго около 3 десятинъ своими плитами краснаго песчаника, длиной почти въ 3 аршина; киргизская легенда говоритъ, что эти камни были набросаны съ сосѣдней горы княземъ духовъ. Лерхъ полагаетъ, что они были изсѣчены для постройки буддійскаго монастыря [1]). Одинъ китайскій путешественникъ, Чанъ-Чунъ, посѣтившій этотъ край въ 1221 году, разсказываетъ о городѣ изъ «краснаго камня» и упоминаетъ въ то же время о большихъ могильныхъ курганахъ «расположенныхъ на подобіе звѣздъ созвѣздія Большой Медвѣдицы». Киргизы называютъ ихъ Джитте-тепе, что̀ значитъ «Семь холмовъ»; впрочемъ, всѣхъ горокъ тамъ не семь, а шестнадцать: одна изъ нихъ носитъ надпись на манчжурскомъ языкѣ, въ которой прославляется побѣда, одержанная китайцами надъ джунгарами въ 1758 году.

Область, продолжающаяся къ востоку отъ Ауліе-ата, по сѣверному скату хребта Александровскаго, есть та самая страна «Тысячи источниковъ», о которой говоритъ китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Цангъ, и гдѣ находилось нѣкогда царство Кара-Китай или «Черный Китай», въ которомъ многіе ученые видятъ одно изъ царствъ «священника Іоанна», розысканиемыхъ послѣдовательно въ Абиссиніи, на Кавказѣ, въ Центральной Азіи [1]). Черезъ эту область проходилъ историческій путь переселенія народовъ, движенія арміи и торговыхъ сношеній, между сѣвернымъ Китаемъ и западной Азіей; но на этой дорогѣ города, которые строилъ одинъ завоеватель, были разрушаемы другимъ, слѣдовавшимъ за нимъ, и потому теперь тамъ видны только развалины. Такъ, Токмакъ, бывшая столица Кипчакскаго царства, представляетъ нынѣ груды обломковъ, лежащія близъ лѣваго берега рѣки Чу, въ 27 километрахъ выше новаго Токмака, гдѣ основалась главная русская колонія этой долины. Недавно Токмакъ имѣлъ важное значеніе, благодаря своему положенію на дорогѣ, ведущей въ Вѣрный черезъ Кастетскій перевалъ; но въ послѣднее время этой дорогой, какъ слишкомъ трудной для ѣзды, перестали пользоваться, и колесные экипажи направляются теперь черезъ другой проходъ, болѣе возвышенный, или, вѣрнѣе сказать, черезъ проломъ горъ, на сѣверъ отъ станціи Пишпекъ.

Вѣрный, главный городъ Семирѣченской области, прежде носилъ названіе Алматы, данное ему по имени сосѣдней горы, которая поднимается къ югу отъ города въ видѣ высокой пирамидальной массы, и снѣга которой питаютъ Алматинку или «рѣку Яблонь»: это то же самое названіе, какъ Мансанаресъ у испанцевъ. Вѣрный еще не имѣлъ времени оправдать свое имя, такъ какъ онъ существуетъ, какъ русскій городъ, всего только съ 1867 года. Составленный изъ нѣсколькихъ въ началѣ отдѣльныхъ кварталовъ, которые сливаются мало-по-малу, Вѣрный рѣзко отличается отъ городовъ Туркестана: по внѣшнему виду это чисто сибирскій городъ, съ широкими улицами, низенькими деревянными или кирпичными домами, съ русскими вывѣсками на лавкахъ; тамъ начинается, наконецъ, истинно славянскій край. Тѣмъ не менѣе населеніе Вѣрнаго не исключительно русское: на улицахъ встрѣчаешь представителей почти всѣхъ расъ сѣверной и

[1]) *Lerch;—Schuyler, „Turkistan“.*

[1]) Oppert, „Presbyter Johannes in Sage und Geschichte“;—Yule, „The Book of sir Marc Polo, Cathay“.

центральной Азіи: сартовъ и таджиковъ, каракиргизовъ и киргизъ-кайсаковъ, даже афганцевъ, а между переселенцами изъ Европейской Россіи тамъ есть: мордвины, чуваши и черемисы [1]). Чернорабочіе по большей части калмыки, которыхъ легко узнать съ перваго взгляда по ихъ длинной висящей косѣ, а въ ихъ путешествіяхъ—по быку или коровѣ, которыхъ они употребляютъ для ѣзды. Торговля большей частію сосредоточена въ рукахъ китайцевъ, которымъ принадлежатъ также многія промышленныя заведенія города. Первые поселившіеся въ Вѣрномъ китайцы пріѣзжали туда покупать у мѣстныхъ звѣроловъ драгоцѣнное вещество, находящееся, въ началѣ лѣта, въ рогахъ оленя марала; но такъ какъ число этихъ животныхъ съ каждымъ годомъ уменьшается въ Тянь-Шанѣ, то этимъ негоціантамъ пришлось заняться болѣе правильной торговлей, и долгое время они были единственными посредниками по привозу чая въ Семирѣченскую область [2]). Вѣрный служитъ складочнымъ мѣстомъ для продажи металлическихъ издѣлій русской фабрикаціи, которыя употребляются всѣми жителями Средней Азіи до границъ Тибета. Благодаря духу предпріимчивости, которымъ отличаются вѣрненскіе купцы, благодаря также административнымъ привилегіямъ города и его значительному гарнизону, численность котораго въ 1879 году простиралась до 3.500 человѣкъ, Вѣрный сдѣлался мало-по-малу центромъ торговли страны. Къ сѣверу отъ областнаго города, укрѣпленіе и мѣстечко Илійскъ охраняютъ проходъ черезъ рѣку Или и дороги, ведущія изъ Вѣрнаго въ Кульджинскій край и въ Семирѣченскую область. На востокѣ, по теченію Или, фортъ Борохудзиръ, вокругъ котораго основалась колонія крестьянъ, переселившихся изъ Томской губерніи, имѣетъ казенный садъ акклиматизаціи растеній и охраняетъ границу Кульджинскаго края.

Въ области Семирѣчья самое многолюдное поселеніе—городъ Копалъ или Капалъ, лежащій у основанія сѣверныхъ скатовъ Джунгарскаго Ала-тау, на берегу соименной ему рѣки, которая теряется въ болотахъ, верстахъ въ ста къ югу отъ озера Балхашъ. На сѣверо-востокѣ отъ Копала, мѣстечко Арасанъ замѣчательно своими горячими сѣрнистыми ключами, гдѣ русскіе чиновники края находятъ гостиницу, паркъ и удовольствія дачной жизни, какъ на минеральныхъ водахъ Европы. На сѣверѣ, главный пунктъ мѣстностей по теченію рѣки Лепсы, Лепсинскъ—цвѣтущій городъ, тогда какъ по ту сторону цѣпи озеръ Сухаго, Сассыкъ-куль и Ала-куль, станица Уджарская,—откуда путешественники поднимаются на перевалы хребта Тарбагатай,—ведетъ значительную торговлю съ кочевниками, такъ же, какъ и городъ Сергіополь, носившій прежде татарское имя Ая-гузъ: этотъ послѣдній городъ занимаетъ, на рѣкѣ Ая-гузъ, восточномъ притокѣ озера Балхашъ, широкую брешь или долину между хребтами Тарбагатай и Денгизъ-тау. Наконецъ, въ сердцѣ Тянь-Шаня, центромъ русской цивилизаціи является городокъ Караколь, лежащій верстахъ въ пятнадцати отъ залива Кара-су, у восточной оконечности озера Иссыкъ-куль. Бывшее казачье поселеніе, Караколь получилъ нынѣ важное и постоянно возрастающее значеніе, какъ станція торговыхъ каравановъ, ходящихъ между двумя склонами Небесныхъ горъ.

До тѣхъ поръ, пока славянское населеніе края состояло лишь изъ отрядовъ линейныхъ казаковъ, обязанныхъ колонизовать страну военными поселеніями, строить избы и обрабатывать землю, въ родѣ того, какъ дѣлается солдатское ученье,—каждая русская деревня была мѣстомъ пьянства и разгула. Вмѣсто того, чтобы воздѣлывать свои сады, казаки опустошали чужія поля, срубали яблони для топки печей. Они не только не оказывали цивилизующаго вліянія на калмыковъ, но, напротивъ, сами, въ концѣ концовъ, становились похожими на туземцевъ, не по честности, но по дикости нравовъ [1]). Чтобы придать себѣ важный видъ, они говорили между собой по-татарски; какъ-будто ихъ славянское происхожденіе было признакомъ низшей расы [2]). Добровольное переселеніе русскихъ крестьянъ совершенно измѣнило характеръ колонизаціи, и земледѣліе съ той поры сдѣлало быстрые успѣхи: русскій сельскій міръ проникъ въ эти прекрасныя долины Семирѣчья, гдѣ русская цивилизація постепенно смѣняетъ монгольскую культуру; но пройдутъ еще многіе годы, прежде чѣмъ страна будетъ опять культивирована и заселена такъ же, какъ она была прежде. О прежней населенности ея свидѣтельствуютъ встрѣчающіеся повсюду остатки городовъ и буддійскихъ памятниковъ, слѣды каналовъ, могильныхъ кургановъ, изъ которыхъ многіе заключаютъ въ себѣ золотые сосуды, украшенные драгоцѣнными камнями. Русское населеніе Семирѣченскаго края въ 1872 году простиралось до 52.000 душъ, въ томъ числѣ было 28.000 солдатъ, 17.000 казаковъ-земледѣльцевъ и 7.000 другихъ жителей. По послѣдней переписи населеніе Семирѣченской области опредѣлено въ 990.107 ч.

Къ востоку отъ Вѣрнаго, рѣка Или протекаетъ по Кульджинскому краю, столь богато одаренному природой, что по исчисленіямъ, которыя, впрочемъ, не опирались на точныя статистическія данныя, народонаселеніе его,

[1]) Костенко, „Туркестанскій край".
[2]) „Русское Обозрѣніе", 1876 г., № 10.

[1]) Сѣверцовъ, „Тянь-Шань".
[2]) Schuyler, „Turkistan".

до страшныхъ событій 1869 года, доходило до двухъ съ половиной милліоновъ душъ, что составляло, въ среднемъ выводѣ, около 40 жителей на квадратный километръ; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ тогда былъ въ три или четыре раза гуще населенъ, чѣмъ въ наши дни. Послѣ кровавой сѣчи, прекрасная страна превратилась въ громадный некрополь [1]). Путешественникъ повсюду встрѣчаетъ оросительные каналы, занесенные иломъ, или превратившіеся въ болота, заброшенныя поля, опустошенные лѣса, города и деревни, лежащіе въ развалинахъ. Когда онъ поднимается вверхъ по долинѣ Или, за укрѣпленіемъ Борохудзиръ и за лѣсомъ низкорослыхъ вязовъ, насаженныхъ китайцами, взорамъ его послѣдовательно являются груды камней, указывающія, гдѣ недавно стояли города: Тургень, Джаркендъ, Аккендъ, Хоргосъ, Алимъ-ту. У нѣкоторыхъ изъ бывшихъ укрѣпленныхъ городовъ сохранились еще стѣны и башни, но сквозь бреши видны внутри стѣнъ только развалины, наполовину скрытыя высокими травами и корнями деревьевъ. Городъ, который манчжуры основали въ 1764 году и изъ котораго они сдѣлали столицу китайской провинціи, подъ разными именами, какъ-то: Или, Новая Кульджа, Манчжурская Кульджа, Гой-юанъ, представляетъ теперь въ высшей степени печальное зрѣлище [2]): стѣны крѣпости существуютъ еще; мѣстами высится еще зазубренная башня; уцѣлѣвшія кое-гдѣ двери, украшенныя рѣзьбой, стѣны домовъ, расписанныя фресками, составляютъ рѣзкій контрастъ съ нагроможденными подлѣ кучами обломковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостовая покрыта бѣлѣющими человѣческими костями. Послѣ прохода жестокихъ истребителей, таранчей, до восьмидесяти тысячъ труповъ было разсѣяно на улицахъ Или; два или три домика, обитаемыхъ дунганами,—таковы были, въ 1876 году, единственные признаки возрожденія разрушеннаго города. На востокѣ, другой многолюдный городъ, Баяндай, имѣвшій, какъ говорятъ, не менѣе 150.000 жителей, тоже былъ разрушенъ до основанія, такъ что отъ него осталось только нѣсколько обрывовъ городской стѣны; но на сѣверѣ городокъ Суйдунъ еще обитаемъ.

Нынѣшняя столица была главнымъ городомъ страны прежде Или: это Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нинъ-Юанъ и Курень. Такъ же, какъ Или, Старая Кульджа расположена на правомъ берегу рѣки; подобно всѣмъ городамъ китайской постройки, она имѣетъ форму правильнаго четыреугольника, окруженнаго высокой зубчатой стѣной, настолько широкой на верху, что по ней могутъ ѣздить запряженные экипажи. По серединѣ каждой изъ сторонъ четыреугольника открываются городскія ворота, защищенныя круглымъ бастіономъ съ остроконечной башней на верхушкѣ. Двѣ главныя улицы, оканчивающіяся у четырехъ воротъ, пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, образуя равные кварталы квадратной формы, которые въ свою очередь, подраздѣляются на другіе квадраты пересѣченіемъ улицъ и переулковъ. Хотя планъ города былъ, очевидно, начертанъ китайцами, Кульджа сохраняетъ, однако, внутренній характеръ туркестанскаго города, и только тамъ и сямъ попадаются зданія, архитектура которыхъ напоминаетъ русскія постройки: дома, построенные изъ битой глины, покрытые глиняными кровлями, походятъ на жилища узбековъ и сартовъ въ средне-азіатскихъ городахъ. Живущіе въ Старой Кульджѣ дунгане и китайцы производятъ довольно большую торговлю и даже основали кое-какія промышленныя заведенія, мельницы, фабрики разнаго печенья и пр.; но минеральныя богатства окружающихъ холмовъ, залежи мрамора, желѣзной руды и другихъ металловъ, мѣсторожденія сѣры, пласты каменнаго угля, разрабатываются еще въ незначительномъ размѣрѣ. Окрестные сады и поля, орошаемые частію водами, выходящими подземнымъ путемъ изъ глубинъ озера Сайрамъ-Норъ [1]), производятъ въ изобиліи все необходимое для продовольствія жителей; а съ 1878 года тамъ разрѣшена и культура опіума (цѣнность опіума, вывезеннаго изъ Кульджинской территоріи въ Китайскую имперію въ 1874 году: 332,350 рублей; площадь земель, засѣваемыхъ макомъ: 2.820 десятинъ) [2]). Населеніе Старой Кульджи, въ огромномъ большинствѣ, состоитъ изъ магометанъ: городъ имѣетъ только двѣ буддійскія пагоды, между многочисленными мечетями, изъ которыхъ двѣ самыя красивыя, китайской архитектуры, были построены на средства пекинскаго правительства. Маленькая домовая церковь китайцевъ-католиковъ, которая существовала тамъ до пришествія русскихъ, свидѣтельствуетъ о попыткахъ распространенія въ краѣ христіанства, сдѣланныхъ французскими и итальянскими миссіонерами; теперь въ Кульджѣ строятъ также православныя церкви съ разноцвѣтными куполами.

Такъ какъ русское правительство, послѣ подавленія возстанія дунганъ, въ іюлѣ 1870 г., заняло Илійскую долину только временно, въ виду безсилія китайцевъ въ дѣлѣ поддержанія порядка въ пограничныхъ областяхъ, и обѣщало возвратить Кульджу Китайской имперіи, когда пекинское правительство окажется въ состояніи управлять этой страной, то русскіе колонисты не получили разрѣшенія се-

[1]) Абрамовъ, „Записки Русск. Географ. Общества", т. I, 1867 г.; Уйфальви, Шуйлеръ и т. д.

[2]) „*Русское Обозрѣніе*", 1879, № 6.

[1]) Мушкетовъ, „Записки Минералогическаго Общества", 2-я серія, 11 томъ. 1877 г.

[2]) „Туркестанскія Вѣдомости", 29 іюля 1880 г.

ниться въ край: солдаты, купцы, пріѣзжіе,— вотъ единственные представители Европы въ долинѣ Или, среди всѣхъ этихъ восточныхъ людей: татаръ и калмыковъ, таранчей, дунганъ и китайцевъ. Извѣстно, что въ силу недавно заключеннаго трактата, Китай снова вступилъ во владѣніе частью территоріи, прилегающей къ правому берегу рѣки Или, при чемъ Россія удержала за собой, на правахъ полной собственности, южную часть края и проходъ Небесныхъ горъ, которыя позволяютъ ей господствовать въ военномъ отношеніи надъ бассейномъ Тарима и надъ всей Кашгаріей, точно такъ же, какъ и надъ бассейномъ Или. Каковъ бы ни былъ исходъ возможныхъ въ будущемъ, по поводу этой пограничной области, дипломатическихъ пререканій, или даже вооруженныхъ столкновеній,—во всякомъ случаѣ вѣроятно, что русскія избы скоро появятся подлѣ калмыцкихъ юртъ въ очаровательныхъ и богатыхъ долинахъ, орошаемыхъ притоками верхняго теченія Или. Въ настоящее время нѣтъ болѣе никакихъ городовъ, ни даже селеній на берегахъ рѣкъ въ этой области Небесныхъ горъ; но многочисленные остатки строеній показываютъ, какъ многолюдна была нѣкогда эта страна. На юго-западъ отъ Кульджи, въ долинѣ рѣки Текесъ, видны развалины древней столицы монгольскихъ хановъ, извѣстныя теперь у киргизъ подъ именемъ Акъ-курганъ или «Бѣлаго кургана». Зданія и памятники, принадлежащіе къ давнишнимъ цивилизаціямъ и эпохамъ, встрѣчаются еще въ разныхъ частяхъ края, свидѣтельствуя о борьбѣ, которая происходила здѣсь въ разныя времена и между разными народами изъ-за обладанія этой роскошной страной. Въ долинѣ рѣки Кашъ сохранились идолы и камни, носящіе тибетскія надписи. Близъ Хорюса, на востокъ отъ Кульджи, стоитъ мечеть, построенная въ томъ-же стилѣ, какъ мусульманскіе храмы Самарканда.

Населеніе главныхъ городовъ русскаго Туркестана, за исключеніемъ Ферганской области и Зарявшанскаго округа, по переписи 1897 г.

Сыръ-Дарьинская область: Ташкентъ (1874 г.)—86.250 жит.; Ташкентъ (1897 г.)—156.414; Ходжентъ (1897 г.)—50.913; Ура-тепе (съ предм.)—40.901; Джизакъ—16.041; Пангасъ—10.704; Туркестанъ—5.500; Чимкентъ—22.348; Пскентъ—6.413; Ашъ—5.000; Перовскъ—5.196; Ауліе-ата—12.006; Казалинскъ—7.600.

Аму-Дарьинская область: Чимбай (лѣтомъ)—7.000.

Семирѣчье: Вѣрный съ предмѣстьями—22.837 жит.; Лепсинскъ—3.295; Копалъ—2.735; Караколъ—4.416.

Кульджа: Старая Кульджа—10.000 жит.; Старая Кульджа (съ предм.) 15.000; Суйдунъ—4.000.

Наибольшая часть русскаго Туркестана состоитъ изъ пустынь и пастбищъ. Исчисляютъ, что площадь почвы, гдѣ въ настоящее время можетъ быть производима культура хлѣбныхъ растеній, составляетъ только пятидесятую часть всего пространства этой территоріи. По Костенко, земледѣльческая область русскаго Туркестана, по роду земель, представляетъ слѣдующія цифры, въ гектарахъ (гектаръ немного болѣе девяти десятыхъ десятины):

	Поля.	Пастбища.	Пустыни или необраб. земли.	Всего.
Семирѣчье	902.700 (2,2%)	19.800.000 (49,1%)	19.237.300 (49,7%)	40.640.000
Сыръ-Дарьин. обл. .	393 800 (0,8 „)	19 430.000 (41,9 „)	27.306.200 (57,3 „)	47.130.000
Фергана	600.000 (8 „)	3.300.000 (44,8 „)	3.410.000 (46,2 „)	7.370.000
Зарявшанск. окр. . .	210 800 (9 „)	1 430.000 (54,2 „)	999 200 (37,8 „)	2.640.000
Аму-Дарьин. обл. .	50.300 (0,5 „)	1.430.000 (15,1 „)	7.979.700 (84,4 „)	9.460.000

Но хотя эта область Средней Азіи въ настоящее время менѣе богата водой, чѣмъ была прежде, протекающія въ ней рѣки, которыя теперь теряются въ соляныхъ озерахъ или въ нездоровыхъ болотахъ, могли бы, безъ всякаго сомнѣнія, развѣтвляться, въ видѣ ирригаціонныхъ каналовъ, на обширныхъ пространствахъ, нынѣ безплодныхъ и пустынныхъ. Исчисляя поверхность долинъ и равнинъ, которую можно было бы нынѣ же утилизировать для земледѣлія или получить посредствомъ искусственнаго орошенія, равной шестой части арало-каспійской покатости,—площадь производительныхъ земель занимала бы пространство большее, чѣмъ вся Франція, и, слѣдовательно, тамъ могли бы жить въ довольствѣ около сорока милліоновъ человѣкъ. При томъ же большая часть работъ по устройству искусственной ирригаціи была бы только возстановленіемъ прежняго порядка вещей: берега Сыръ-Дарьи, сѣверная и западная части Бухары, почти все пространство, раздѣляющее двѣ главныя рѣки арало-каспійской покатости, были нѣкогда покрыты цвѣтущими полями и садами. Голодная степь носитъ это имя только съ того времени, когда засорились пескомъ арыки, которыми прежде была изборождена ея поверхность, и которые теперь пытаются замѣнить новыми каналами.

Земли, которыя орошаетъ туземный пахарь,—таджикъ, сартъ или киргизъ,—даютъ обильные урожаи. Земледѣльческія орудія тамъ самыя простыя, первобытныя, тѣмъ не менѣе вся почва вспахивается, переворачивается,

насыщается водой, а сборы плодовъ земныхъ щедро вознаграждали-бы трудъ земледѣльца, если бы лучшая часть его заработка не уходила на уплату податей и налоговъ. Хотя столь значительная часть земель Туркестана обречена на безплодіе по недостатку воды, но того, что остается, обыкновенно достаточно для содержанія населенія, и жители могутъ, сверхъ того, предаваться культурѣ промышленныхъ растеній для вывоза ихъ въ Россію. Каждый оазисъ, воздѣлываемый какъ садъ, питаетъ своими произведеніями одинъ или нѣсколько городовъ, и населеніе края прокармливается главнымъ образомъ не земледѣліемъ, а садоводствомъ и огородничествомъ. Въ равнинѣ площадь садовъ и огородовъ Бухары въ семь разъ превышаетъ площадь полей въ собственномъ смыслѣ; послѣднія встрѣчаются обширными пространствами только по скатамъ холмовъ и горъ. Культурныя земли неорошаемыя занимаютъ гораздо болѣе обширную площадь, чѣмъ земли, пользующіяся искусственнымъ орошеніемъ.

Кульджинскій китаецъ

Культура хлопчатника значительно увеличилась въ Туркестанѣ за послѣднія десятилѣтія; такъ, въ 1858 году изъ средней Азіи было вывезено въ Россію хлопка на сумму 677.000 рублей, а въ 1867 году отпускъ его простирался уже до 5.513.000 рублей. Производство хлопка исчисляется, для всей аралокаспійской покатости, въ 50.000 тоннъ (слишкомъ 3.000.000 пудовъ), изъ которыхъ двѣ трети приходятся на долю Бухарскаго ханства; хлопчатникъ можно воздѣлывать до самаго Казалинска, на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи; но волокно средне-азіатскаго хлопка гораздо грубѣе, чѣмъ волокно американскаго; къ тому же первый очень грязенъ, такъ что онъ не нашелъ бы покупателей на рынкахъ западной Европы. Производство шелка сдѣлало, быть можетъ, еще болѣе значительные успѣхи въ русскомъ Туркестанѣ (вывозъ шелка изъ Средней Азіи въ Европейскую Россію: въ 1858 г. на 69.000 рублей; въ 1867 году на 1.273.900 руб.). Общій сборъ шелка-сырца исчисляется для одной только Бухары въ милліонъ килограммовъ [1]); въ нѣкоторыхъ округахъ шелковица самое обыкновенное дер и употребляется для всякихъ насажденій, живыхъ изгородей, для обсадки полей или рогъ и т. п. Когда болѣзнь шелковичн червей начала производить опустошенія шелковичникахъ Франціи и Италіи, иност цы стали пріѣзжать толпой въ Бухару за купкой яичекъ шелковичнаго червя; но торговля, въ началѣ терпимая, потомъ с регламентированная, была, наконецъ, с шенно запрещена въ 1871 году. Что кас овечьей шерсти, то она груба, худо вы худо вычесана и можетъ идти только на дѣлку низшихъ сор суконъ. Но нѣкот сорта ковровъ чательны прочн ткани и въ особен красотой и ориги ностью узоровъ. К эти ткутъ турк подъ руководством кой - нибудь мат которая чертитъ нокъ на пескѣ, счи число нитокъ, у ваетъ цвѣта и отт Ткани изъ вербл шерсти, тоже прочныя, замѣнил русину для приго нія солдатскихъ и мѣшковъ вс рода.

Главное бога киргизовъ и дру обитателей арало пійской покатост ставляетъ домашній скотъ, общую цѣнност тораго опредѣляютъ приблизительно въ 99 ліоновъ рублей. По Костенко, количество въ русскомъ Туркестанѣ выражается слѣ щими цифрами:

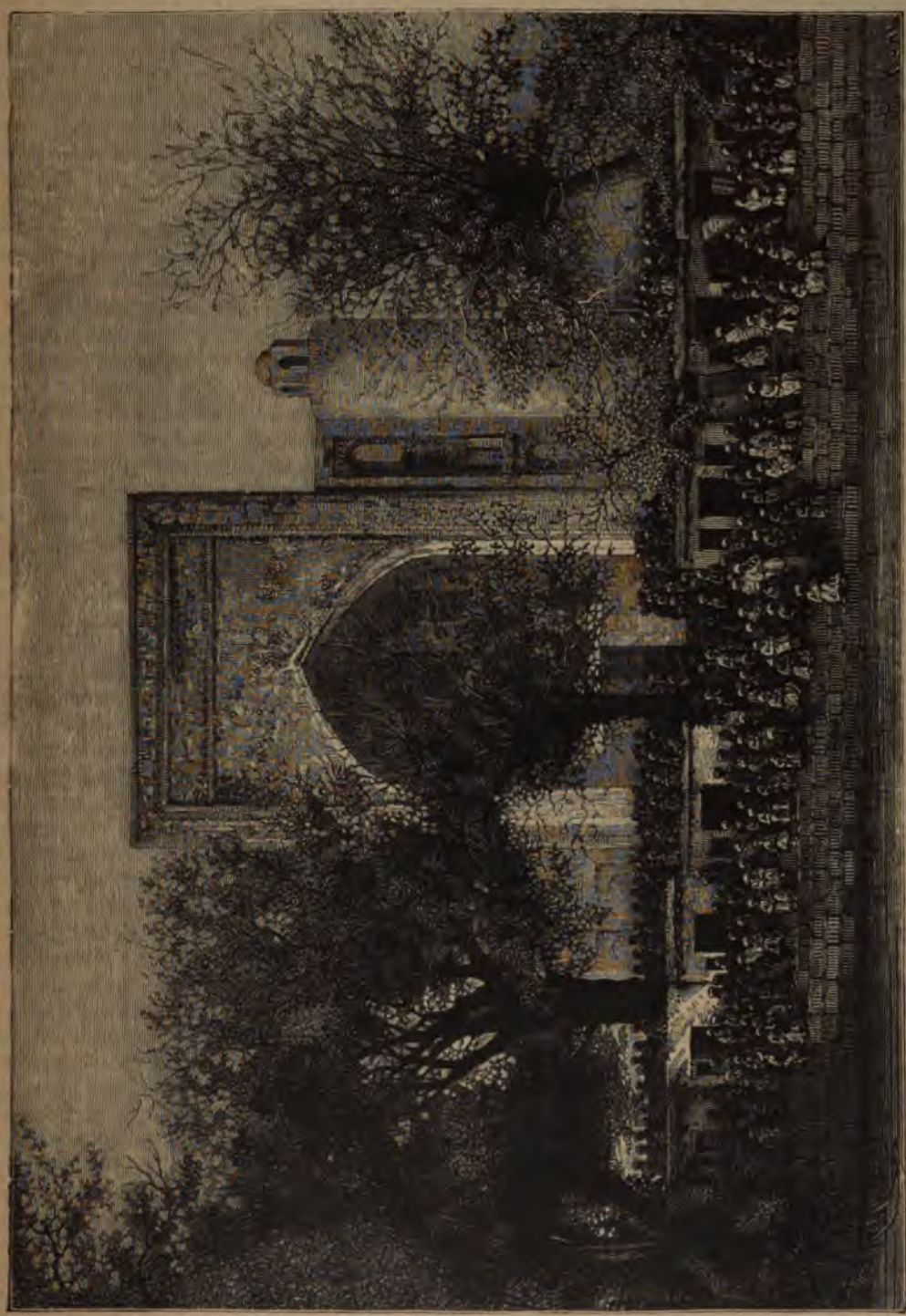
	Верблюдовъ.	Лошадей.	Быковъ и коровъ.	Бар
Семирѣчье .	97.412	892.007	523.200	6.29
Сыръ-Дарья.	242.130	395.563	293.550	3.18
Зарявшанъ .	1.248	51.991	84.463	28
Фергана. .	38.294	213.760	220.717	1.26
Аму-Дарья .	11.267	48.000	38.070	32
Всего .	390.351	1.601.311	1.160.000	11.35

Курдючные бараны даютъ большое количе сала для мѣстнаго потребленія, и киргизы ставляютъ русскимъ каждый годъ шерст сумму около 500.000 рублей; продажа са животныхъ на всей «линіи» между Троиц и Семипалатинскомъ, представляетъ цѣнн около 3.500.000 рублей. Доходъ, кот киргизы получаютъ ежегодно отъ своихъ шадей, превышаетъ 5 милліоновъ руб такъ,—напримѣръ, въ 1863 году этотъ до выражался слѣдующими цифрами:

[1]) *Петровскій, Костенко.*

Извозный промыселъ — 3.000.000 р.; кобылье молоко — 1.700.000 р.; конина — 170.000 р.; кожья—80.000 р.; выдѣланная кожа—68.700 р.

нако, количество скота въ степи уменьшается: холодъ, бураны, особенно гололедица убавили число домашнихъ животныхъ; теперь даже не каждая юрта имѣетъ верблюда. Ввозъ хлѣба



Бухара – Передъ мечетью.

Замѣчательно, что киргизъ даетъ Россіи больше товаровъ, чѣмъ сколько самъ спрашиваетъ отъ нея, такъ что «балансъ» торговли между ними склоняется въ его пользу [1]). Одъ въ степь тоже уменьшился въ послѣднее время, такъ какъ кочевники уже не настолько богаты, чтобы могли выкупать его въ достаточномъ количествѣ. Говорятъ, что во время зимы 1879—80 года число головъ скота, ко-

[1]) Терентьевъ, „Вѣстникъ Европы", ноябрь, 1875 г.

тораго было 860.000 въ Тургайской области, упало до 50.000. Бураны и болѣзни погубили въ эту жестокую зиму почти всѣхъ животныхъ.

Въ принципѣ, земли въ Туркестанѣ не могутъ быть присвоены въ полную и окончательную собственность. Право владѣнія землей существуетъ только въ продолженіе того времени, пока она находится въ состояніи культуры: всякая залежь, оставшаяся три года безъ обработки, считается перешедшей въ казенное владѣніе, и государство можетъ опять взять ее, чтобы отдать тому, кто пожелаетъ пользоваться ею съ обязательствомъ платить установленный земельный налогъ. Что касается непахатныхъ земель, то можно сказать, что онѣ принадлежатъ всѣмъ: каждый имѣетъ право пользоваться такими землями, каждый можетъ пасти на нихъ свой скотъ и рубить лѣсъ въ какомъ угодно количествѣ. Воздѣлываемая почва передается по наслѣдству отъ отца къ сыну, безъ вмѣшательства государства, исключая того случая, когда она была дана лишь въ пользованіе, какъ напримѣръ, земли вакуфа, доходы съ которыхъ принадлежатъ духовнымъ учрежденіямъ и учебнымъ заведеніямъ. Государство предоставляетъ владѣльцамъ земли право на извѣстное количество воды для орошенія полей, но при этомъ можетъ требовать, чтобы земледѣлецъ занимался тѣмъ или другимъ родомъ культуры, смотря по большему или меньшему обилію имѣющагося запаса воды.

Территорія русскаго Туркестана, которая заключаетъ въ своихъ предѣлахъ такъ много пустынныхъ мѣстностей, тогда какъ обитаемыя ея области по большей части удалены однѣ отъ другихъ, и городовъ въ нихъ очень мало,— представляетъ тѣмъ самымъ особенныя трудности для русскаго господства; не имѣя нигдѣ центра, народы этой обширной страны легко ускользаютъ отъ непосредственнаго вліянія управляющей ими власти, и еще недавно многіе изъ нихъ сохраняли свою независимость, благодаря кочевому образу жизни, и громадности пространства, которое ихъ непріятели должны были пройти, чтобы добраться до нихъ. Что касается осѣдлыхъ населеній, пріученныхъ къ повиновенію, то они живутъ именно въ мѣстностяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ центра имперіи, и если бы какое нибудь событіе предоставило ихъ самимъ себѣ, они, вѣроятно, тотчасъ же вступили бы въ новыя политическія группы, безъ сожалѣнія о томъ, что судьба отдѣлила ихъ отъ славянской державы. Присоединеніе этихъ странъ къ Россіи составляетъ фактъ чисто матеріальный; оно не имѣетъ основанія ни въ симпатіи жителей къ своимъ побѣдителямъ, ни въ сходствѣ происхожденія, *религіи, нравовъ или обычаевъ*. Во всѣхъ отношеніяхъ противоположность между двумя расами полная.

Вооруженная сила — вотъ, слѣдовательно, главная опора русскаго владычества въ этой татарской Азіи. Понятно, какъ важно и необходимо было бы, при этихъ условіяхъ, связать арало-каспійскую область съ Европейской Россіей удобными и быстрыми путями сообщенія. Безъ сомнѣнія, земледѣліе Зарявшанскаго округа, Ферганской долины, нѣкоторыхъ частей Сыръ-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей имѣетъ нѣкоторую важность для Россіи, и произведенія этихъ странъ: хлопокъ, шелкъ, фрукты, направляются къ рынкамъ восточной Европы, но эти произведенія, представляющія въ сложности годовую цѣнность никакъ не болѣе пятидесяти милліоновъ рублей, далеко не такъ значительны, чтобы перевозка ихъ могла оплачивать издержки сооруженія и содержанія желѣзной дороги. Для торговыхъ сношеній, даже много превосходящихъ по размѣру нынѣ существующее движеніе, вовсе нѣтъ надобности искать другихъ перевозочныхъ средствъ помимо верблюдовъ и другихъ путей— помимо естественныхъ дорогъ степи или пустыни. Новые пути будутъ имѣть главной цѣлью сблизить Татарію съ Европейской Россіей и обезпечить окончательно господство русскихъ въ Средней Азіи. Моря и рѣки тѣхъ странъ не представляютъ благопріятныхъ условій для устройства этихъ путей сообщенія. Аму-Дарья не изливается болѣе въ Каспійское море; Аральское озеро и впадающія въ него рѣки неудобны въ томъ отношеніи, что по ихъ водамъ могутъ плавать лишь суда небольшой грузовмѣстимости и то только въ продолженіе части года; издержки судоходства на много превышаютъ выгоды, военныя и торговыя, которыя можно изъ него извлечь. Поэтому пришли къ мысли о постройкѣ рельсоваго пути, который соединилъ бы Ташкентъ, Самаркандъ и Бухару съ желѣзнодорожной сѣтью Европы. Заранѣе даже дали этой предполагаемой линіи названіе «главной центрально-азіатской», и этимъ-путемъ направили, въ надеждахъ, торговое движеніе между полуостровомъ Ганга и западной Европой.

Но къ этому вопросу о будущей желѣзной дороги въ Индію примѣшиваются политическія соперничества. Русскіе, съ одной стороны, англичане, съ другой, имѣютъ національный интересъ видѣть и представлять вещи подъ различнымъ угломъ зрѣнія; начертанія будущаго пути избираютъ то сѣверное, то южное направленіе, смотря по національности инженеровъ, составляющихъ планы; проектамъ Лессепса и Барановскаго, благопріятнымъ Россіи, противопоставляются проекты Гохштеттера и Раулинсона, болѣе соотвѣтствующіе выгодамъ Австро-Венгріи и Великобританіи. Для сравненія, приводимъ здѣсь относительную длину проектированныхъ желѣзно-дорожныхъ линій

доходныхъ путей между Лондономъ и Каль-
й:
эрезъ Кале, Константинополь и Кандагаръ
120 кил.; черезъ Остенде, Варшаву, Баку
геранъ—9.800 кил.; черезъ Остенде, Вар-
у, Оренбургъ и Ташкентъ—10.800 кил.;
зъ Бриндизи, Александретту и Бассору—
75, кил.; черезъ Бриндизи, Суэзскій пере-
ъ и Бомбей—12.000 кил.; мимо мыса
ой Надежды—21.450.
днако, если взглянуть на дѣло съ точки
ія общаго интереса народовъ, не забо-
о политическомъ равновѣсіи государствъ,
щихъ между собой борьбу изъ-за господ-
надъ Азіей, то должно признать, что луч-
планъ желѣзной дороги между Европой и
ей тотъ, который, изъ самыхъ многолюд-
ь и торговыхъ областей западной Европы,
авляется къ бассейну Ганга по линіи, въ
и то же время кратчайшей и ближайшей
ентрамъ населенія и къ приморскимъ рын-
. Эта линія, очевидно, будетъ та, кото-
соединитъ, рано или поздно, желѣзную до-
изъ Кале и Остенде въ Константинополь
елѣзной дорогой изъ Курачи, Калькуты
адраса въ Кандагаръ: къ этой главной ли-
безъ сомнѣнія, примкнетъ вѣтвь изъ Кав-
аго края. На сѣверѣ Россія тоже будетъ
ь одинъ изъ главныхъ путей для всемір-
торговли, именно тотъ, который черезъ
ическую дорогу переселенія народовъ и
нія завоевателей, то-есть черезъ порогъ
гаріи, соединитъ бассейнъ Волги съ бас-
мъ Желтой рѣки. Желѣзныя дороги, ко-
я предполагаютъ провести въ Средней
и которыя, безъ всякаго сомнѣнія, бу-
построены, могутъ быть лишь соедини-
ыми линіями между двумя большими ма-
альными путями изъ Европы въ Индус
ь и изъ Европы въ Китай.
акова бы ни была польза предполагаемой
станской желѣзной дороги съ точки зрѣ-
торговыхъ сношеній, во всякомъ случаѣ
нѣнно то, что мѣстности, по которымъ
о будетъ пролагать этотъ путь, не пред-
тъ непреодолимыхъ трудностей. Главное
ятствіе находится въ самомъ Оренбургѣ,
ходномъ пунктѣ дороги: тамъ нужно бу-
построить черезъ рѣку Уралъ желѣзно-
жный мостъ длиною около 200 саженъ.
ести рельсовый путь черезъ «Черные
и» (Кара-Кумъ), вѣроятно, не будетъ такъ
о, какъ это могло показаться первымъ
шественникамъ, ибо песчаные бугры, ко-
е при томъ же легко было бы прикрѣпить
жденіями деревьевъ, отдѣлены одинъ отъ
ого узкими длинными долинами или овра-
, идущими отъ сѣверо-запада къ юго-во-
, слѣдовательно, въ томъ самомъ направ-
іи, въ какомъ должна идти будущая же-
лѣзная дорога [1]). По другому плану предполаемый рельсовый путь, пересѣкающій эмбенскія болота, проходитъ въ пониженіяхъ плоской возвышенности Усть-Уртъ и, направляясь черезъ равнины Хивы, идетъ вверхъ по теченію Аму-Дарьи, чтобы подняться черезъ Бактріану къ горнымъ проходамъ индійскаго Кавказа [2]). Есть еще другіе проекты, состоящіе въ томъ, чтобы обойти на сѣверѣ пустыню «Черныхъ Песковъ», что позволило бы построить, безъ особенно большихъ издержекъ, вѣтвь въ направленіи къ будущей сибирской желѣзно-дорожной сѣти черезъ Троицкъ и Екатеринбургъ. Предполагая стоимость линіи не болѣе ста тысячъ франковъ за километръ, издержки устройства дороги, только на пространствѣ отъ Оренбурга до Ташкента будутъ простираться почти до 200 милліоновъ франковъ. (около 50 милліоновъ мет. рублей). Только далѣе, на дорогѣ въ Индію, встрѣтились бы серьезныя препятствія, и ни одно предварительное изысканіе относительно условій мѣстности не позволяетъ еще указать на мѣсто Бактріаны, гдѣ всего удобнѣе было бы сдѣлать попытку продолженія рельсоваго пути черезъ Гинду-Кушъ [3]).

Какъ завоеванная страна, Туркестанъ управляется военнымъ порядкомъ. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, котораго туземцы называютъ Ярынъ-Падишахомъ или «полуцаремъ», дѣйствительно облеченъ почти царской властью надъ покоренными народами. Онъ въ одно и то же время главный начальникъ гражданскаго управленія края, главнокомандующій находящихся тамъ военныхъ силъ, полномочный представитель верховной власти для всѣхъ дипломатическихъ сношеній Туркестана съ сосѣдними странами. Содержаніе его, весьма значительное, не опредѣлено закономъ, но назначается непосредственно Высочайшей волей. Въ видахъ увеличенія его власти, къ Туркестану были присоединены, по управленію, провинціи, принадлежащія къ Сибири по своимъ торговымъ сношеніямъ, какъ Семирѣчье, или даже по своему географическому положенію, какъ части областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской. Территорія, въ которой каждое желаніе ташкентскаго генералъ-губернатора имѣетъ силу повелѣнія, не менѣе

[1]) Joseph Barrande, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris", 1879 г., № 4.

[2]) Барановскій, „Извѣстія Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 4.

[3]) Сооруженіе Закаспійской желѣзной дороги доказало, какъ, при извѣстной энергіи, преодолѣваются всевозможныя трудности. Эта замѣчательная дорога, имѣющая общей длины 1343,57 верстъ, соединяющая Узунъ-Ада, портъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, съ Самаркандомъ, построена, несмотря на всѣ инженерныя трудности, въ какія нибудь шесть лѣтъ (1880—1886 г.).

обширна, чѣмъ Европейская Россія, да и вассальныя государства, Хиву и Бухару, можно разсматривать тоже, какъ составную часть этой громадной провинціи.

Управленіе областей Туркестана организовано по образцу управленія русскихъ губерній, съ тѣми измѣненіями, какія обусловливаются преобладаніемъ военныхъ порядковъ. Губернаторы областей назначаются изъ военныхъ генераловъ, и при нихъ состоитъ областное правленіе, члены котораго опредѣляются генералъ-губернаторомъ. Во главѣ управленія округовъ или уѣздовъ, на которые дѣлится область, стоитъ начальникъ, отвѣтствующій за порядокъ и обязанный заботиться о поддержаніи его посредствомъ административныхъ уставовъ и при помощи военной силы. На обязанности его лежитъ также наблюденіе за правильнымъ и бездоимочнымъ поступленіемъ всякаго рода налоговъ: десятины, общинной подати, таможенныхъ пошлинъ, личныхъ или семейныхъ сборовъ (кибиточный сборъ). Однако, самоуправленіе туземныхъ инородческихъ племенъ не вполнѣ уничтожено, и народные обычаи уважаются, насколько они не окажутся противорѣчащими интересамъ русскаго государства. Киргизы, соединенные въ аулы изъ ста до двухъ сотъ семей, и въ болѣе значительныя общины, носящія русское названіе волости, сами избираютъ своихъ старшинъ и судей для мѣстныхъ дѣлъ; точно также городскіе жители: узбеки, сарты, таджики, назначаютъ изъ своей среды своихъ аксакаловъ или «бѣлыя бороды», либо всѣмъ городскимъ обществомъ, либо по частямъ города; но это избирательное право приводится въ дѣйствіе не иначе, какъ подъ контролемъ генералъ-губернатора или его представителей, и всѣ народные выборные могутъ быть устраняемы по усмотрѣнію начальства. Оттого выборы въ большей части городовъ обратились въ простую формальность, и можно сказать, что въ сущности всѣ власти: военная, административная, судебная, принадлежатъ русскому офицеру высшаго чина, находящемуся въ каждомъ городѣ Туркестана. Свобода вѣроисповѣданій полная, и именно отсутствіе всякихъ преслѣдованій за вѣру имѣло слѣдствіемъ ослабленіе въ значительной степени религіозной ревности у мусульманъ [1]). Что касается народнаго образованія, то оно еще очень мало цѣнится населеніемъ Туркестана. Общее число магометанскихъ дѣтей, обучающихся грамотѣ въ школахъ этого края, вѣроятно, не превышаетъ 5.000. По Костенко [2]), въ 1879 году число народныхъ школъ и учащихся въ нихъ, въ главныхъ городахъ было слѣдующее:

Ташкентъ—118 школъ, 2.360 воспит.; Самаркандъ—80 школъ, 1.600 воспит.; Ходжентъ—20 школъ, 400 воспит.; Ура-тепе—17 школъ, 280 воспит.; Джизакъ—7 школъ, 140 воспитанниковъ.

Средними учебными заведеніями служатъ такъ называемыя медрессе или духовныя училища, гдѣ, впрочемъ, преподаваніе ограничивается чтеніемъ Корана. Въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ правительствомъ уже введено обученіе русскому языку.

Главный расходъ составляетъ содержаніе военной силы, численность которой въ обыкновенное время не превышаетъ 30.000 человѣкъ, но можетъ возвыситься, какъ это было, напримѣръ, въ 1880 году, до 70.000 солдатъ, и которую нужно снабжать всѣмъ необходимымъ изъ Россіи, съ разстоянія отъ 3.000 до 4.000 верстъ, дабы она всегда была готова къ выступленію въ походъ и къ дѣйствію въ мѣстностяхъ трудно доступныхъ, въ горахъ и пустыняхъ. Оттого бюджетъ Туркестана постоянно представлялъ дефицитъ, въ размѣрѣ отъ двухъ до десяти милліоновъ рублей, смотря по годамъ: расходы почти въ четыре раза превышаютъ доходы, и три четверти этихъ расходовъ идутъ на содержаніе арміи. Тогда какъ послѣдніе простираются обыкновенно до восьми милліоновъ рублей въ годъ, доходы составляютъ не болѣе двухъ съ половиной милліоновъ рублей. Поземельный налогъ, при сборѣ котораго допускаются большія злоупотребленія, даетъ ежегодно около 1.275.000 рублей. Доходы одного только Коканскаго ханства, до завоеванія края русскими, простирались, по Куну, до 2.290.000 рублей въ годъ.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ областей и округовъ или уѣздовъ русскаго Туркестана, Закаспійскаго отдѣла, Уральской области, къ востоку отъ рѣки Урала, и сѣверныхъ округовъ Средней Азіи, составляющихъ часть арало-каспійской покатости:

Области.	Округа или уѣзды.	Постоянное населеніе.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Акмолинская .	Акмолинскій . .	184.297	9.800
	Атбасарскій . . .	85.189	2.662
	Кокчетавскій . .	155.253	4.736
	Омскій.	99.548	37.234
	Петропавловскій.	154.670	19.637
	Итого . . .	678.957	74.069
Закаспійская.	Асхабадскій . . .	92.275	23.559
	Красноводскій. .	53.858	6.359
	Мангышлакскій.	61.301	882
	Мервскій	119.332	8.727
	Тедженскій. . . .	45.427	2.904
	Итого . . .	372.193	42.431
Самаркандская	Самаркандскій .	341.348	58.531
	Джизакскій. . . .	219.884	16.041
	Катты-Курганскій	110.003	10.083
	Ходжентскій. . .	186.612	50.913
	Итого . . .	857.847	135.568

[1]) Schuyler, „Turkistan".
[2]) *Костенко, „Туркестанскій край".*

Области.	Округа или уѣзды.	Постоянное населеніе.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Семипалатинская	Семипалатинскій.	156.838	26.248
	Зайсанскій	95.893	7.560
	Каркалинскій	171.558	4.416
	Павлодарскій	157.215	7.616
	Усть-Каменогорскій	103.693	9.253
	Итого	685.197	55.093
Семирѣченская	Вѣрненскій	224.868	22.837
	Джаркендскій	123.178	16.656
	Лепсинскій	181.754	3.295
	Копальскій	136.276	2.735
	Пишпекскій	176.178	6.413
	Пржевальскій	147.853	7.633
	Итого	990.107	59.569
Сыръ-Дарьинская	Ташкентскій	447.724	156.414
	Ауліеатинскій	279.004	12.006
	Казалинскій	140.598	7.600
	Перовскій	133.784	5.196
	Чимкентскій	285.180	22.348
	Аму-Дарьинскій отдѣлъ	193.558	2.758
	Итого	1.479.848	206.322
Тургайская	Кустанайскій	154.571	14.228
	Актюбинскій	112.622	2.817
	Иргизскій	98.891	1.594
	Тургайскій	87.039	888
	Итого	453.123	19.527
Уральская	Уральскій	291.375	40.901
	Гурьевскій	87.376	9.200
	Калмыковскій	170.132	2.973
	Темирскій	95.118	640
	Итого	644.001	53.714
Ферганская	Маргеланскій	326.149	45.569
	Андижанскій	351.187	46.680
	Кокандскій	365.410	82.054
	Наманганскій	357.023	75.592
	Омскій	158.204	36.474
	Памиръ	2.438	—
	Итого	1.560.411	286 369
Всего по Средней Азіи		7.721.684	932.662 [1]

Глава IV

I. Сибирь.

Сибирь—«страна сѣвера». По мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, названіе это то же самое, что «Сѣверье», встарину примѣняемое къ различнымъ, странамъ Европейской Россіи, лежащимъ на сѣверъ. Городъ Сибиръ или Сибирь, наименованіе котораго сдѣлалось названіемъ общимъ для сѣверной Азіи, былъ называемъ такъ только русскими; собственные его жители называли его Искеромъ. Казаки, пришедшіе съ юга и изъ центра московскаго государства, естественно, должны были видѣть «Сѣверъ» по преимуществу въ этихъ холодныхъ областяхъ Обскаго бассейна, лежащихъ по ту сторону снѣговыхъ горъ, которыя образуютъ «поясъ міра», cingulus terrae, какъ назывался на древнихъ картахъ длинный раздѣльный хребетъ, носящій нынѣ названіе Урала, имѣющее тотъ же смыслъ.

Уже гораздо ранѣе завоеванія Кучумова царства русскими казаками, эта «Земля мрака» была извѣстна арабскимъ купцамъ и миссіонерамъ. Татары, господствовавшіе въ Сибири, исповѣдывали исламъ, и этотъ городъ былъ средоточіемъ обширной торговли шкурами пушныхъ звѣрей. Сами русскіе имѣли постоянныя торговыя сношенія съ жителями азіатскаго ската Уральскихъ горъ. Новгородцамъ были извѣстны страны, простирающіяся «за волоками», страны заволоцкія, и ихъ торговые люди спускались по теченію притоковъ Оби. Въ первые годы шестнадцатаго столѣтія московскіе цари, наслѣдовавъ могущество Великаго Новгорода, стали именоваться властителями «Обдорскія и Кондинскія земли», то-есть всей области Обскаго бассейна, заключающейся между сліяніемъ рѣкъ Канды и Иртыша и поселеніемъ Обдорскъ, находящимся подъ полярнымъ кругомъ: слѣдовательно, ихъ владѣнія, то-есть звѣроловныя земли, по которымъ разъѣзжали русскіе агенты богатыхъ промышленниковъ Строгоновыхъ, окаймляли великую сибирскую рѣку на пространствѣ около тысячи верстъ [2]). Но славянское могущество скоро должно было утвердиться за Ураломъ посредствомъ завоеванія, и такъ велико благоговѣніе, которое люди питаютъ къ силѣ, что на побѣдоносную экспедицію атамана казацкой разбойничьей шайки, цѣною которой онъ поставилъ свою собственную голову, смотрѣли какъ на событіе, приведшее къ открытію Сибири, хотя ему

[1]) Таблица исправлена и составлена по переписи 1897 года.

[2]) Egli, „Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie", 1880.

предшествовали многочисленныя мирныя путешествія. И теперь еще многіе видятъ въ завоевателѣ Ермакѣ нѣчто въ родѣ изслѣдователя странъ, лежащихъ по ту сторону Каменнаго пояса; на самомъ же дѣлѣ этотъ отважный казакъ только утвердился въ качествѣ господина тамъ, гдѣ купцы Строгоновы гораздо ранѣе появлялись въ качествѣ гостей. Карты рѣки Оби и Остяцкаго края, составленныя Себастіаномъ Мюнстеромъ и Герберштейномъ, вышли въ свѣтъ уже за цѣлое поколѣніе раньше того времени, когда казаки вступили въ городъ Сибирь. Самое названіе этого города находится на картѣ Мюнстера.

Въ 1579 году Ермакъ началъ свою вторую экспедицію, которая кончилась, два года спустя, завоеваніемъ столицы татарскаго царства. Хотя его отрядъ, вооруженный ружьями и даже легкими пушками, имѣлъ противъ себя непріятеля, дѣйствовавшаго только стрѣлами и не имѣвшаго понятія объ огнестрѣльномъ оружіи, однако, казакамъ приходилось много терпѣть отъ безпрестанныхъ нападеній татаръ, выдерживать даже правильныя сраженія, и когда побѣдители вступили въ Сибиръ или Искеръ, они насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 400 человѣкъ, такъ что въ живыхъ не осталось даже половины тѣхъ, которые перешли черезъ Уральскія горы. Но эта маленькая дружина представляла собою могущество московскихъ царей; Ермакъ могъ просить себѣ помилованія у Ивана Грознаго, ударивъ ему челомъ всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, и хотя вскорѣ послѣ того казаки, потерявъ своего предводителя, погибшаго въ волнахъ Иртыша, принуждены были уйти обратно за Уралъ бѣглецами, Россія не думала отказываться отъ своихъ новыхъ правъ. Передъ концомъ шестнадцатаго столѣтія совершилось окончательное завоеваніе обширнаго зауральскаго края. Города: Сибирь, Тобольскъ, Тюмень сдѣлались опорными пунктами власти, гораздо болѣе могущественной и грозной, чѣмъ власть татарскаго хана, ниспровергнутая Ермакомъ. Столица этого хана, Искеръ или Сибирь, стоявшая на крутомъ яру высокаго берега Иртыша, не существуетъ болѣе: рѣка, постепенно подмывающая берегъ, вѣроятно, разрушила городъ [1]); но въ 17 верстахъ ниже по теченію, тоже на правомъ берегу Иртыша [2]), возникала другая столица, Тобольскъ, откуда русское господство распространялось все далѣе и далѣе, и наконецъ, вся громадная территорія сѣверной Азіи прибавилась къ владѣніямъ московскаго царя. Искатели шкуръ пушнаго звѣря, еще болѣе, чѣмъ солдаты, были истинными завоевателями Сибири; въ дѣйствительности, какъ говоритъ Коль, занятіе этой обширнѣйшей страны было лишь «продолжительной звѣроловной экспедиціей, охотой на соболя и куницу». Тѣмъ не менѣе, однако, русскимъ пришлось выдержать не мало битвъ съ туземными инородцами до половины семнадцатаго столѣтія; буряты на берегахъ Ангары, коряки и другія инородческія племена долго сопротивлялись; но почти вездѣ завоеваніе было мирнымъ захватомъ, и туземцы, слишкомъ малочисленные и разсѣянные на громадномъ пространствѣ, должны были безъ сопротивленія платить налагаемый на нихъ ясакъ или дань шкурами пушныхъ звѣрей. Впрочемъ, казаки никогда не отступали отъ своего правила—строить остроги при сліяніяхъ рѣкъ, которыя служили имъ дорогами, на порогахъ волоковъ, между рѣчными бассейными, въ узкихъ проходахъ между горъ, и эти крѣпостцы, неодолимыя для дикарей, вооруженныхъ только стрѣлами, защищали ихъ экспедиціи отъ рѣки къ рѣкѣ и до береговъ Великаго океана. Во всемірной исторіи невозможно указать другой подобный примѣръ завоеванія столь обширной страны, совершеннаго окончательнымъ образомъ въ столь короткое время и такой ничтожной горстью людей, дѣйствовавшихъ по своему собственному почину, безъ вождей и начальниковъ, безъ приказовъ, исходящихъ отъ отдаленнаго правительства [1]).

Даже Китай допустилъ казаковъ поселиться на берегахъ Амура и въ продолженіе полустолѣтія терпѣлъ существованіе ихъ торговыхъ постовъ въ предѣлахъ его владѣній. Только въ 1689 году Нерчинскій трактатъ заставилъ русскихъ очистить весь бассейнъ Амура, и это была небольшая потеря, пока единственная польза края для завоевателей заключалась въ его богатствѣ пушными звѣрями; но въ теченіе настоящаго столѣтія обнаружились другія выгоды, вытекающія изъ обладанія Амуромъ. Россія поняла, какъ важно и полезно было бы для нея имѣть свободный рѣчной выходъ въ Тихій океанъ. Она не хотѣла болѣе довольствоваться въ Азіи ролью исключительно континентальной державы и вознамѣрилась сдѣлаться также морской державой, пріобрѣсти себѣ военные порты, которые позволили бы ей властвовать въ моряхъ, омывающихъ ея берега. Въ этихъ видахъ русскіе, мало заботясь о постановленіяхъ устарѣлаго Нерчинскаго трактата, заняли позиціи, соотвѣтствующія предположенной цѣли. Въ 1851 году, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, сдѣлалъ распоряженіе объ основаніи торговой факторіи Николаевска, близъ устья Амура, и факторій Маріинска и Алексан-

[1]) Отъ Искера или Сибира сохранились лишь бѣдные остатки, извѣстные подъ именемъ Кучумова городища: слѣды валовъ, кое-какіе признаки жилья, имы, кирпичи, поросшіе крапивой, засоренные колодцы, признаки бывшихъ кладбищъ; значительная полоса берега, на которомъ стоялъ городъ, уже обвалилась въ Иртышъ. Прим. перев.

[2]) *Эсли, цитированное сочиненіе.*

[1]) Erman, „Voyages en Sibérie."

дровска на двухъ оконечностяхъ волока, соединяющаго Амуръ съ заливомъ Кастри. Въ 1854 году онъ самъ спустился по теченію рѣки во главѣ маленькой арміи, и на энергическіе протесты китайскихъ амбаней отвѣчалъ тѣмъ, что показывалъ имъ свой пароходъ, свою флотилію изъ барокъ, свои плоты, вооруженные пушками. Во время Крымской войны Россія окончательно овладѣла лѣвымъ берегомъ Амура, учредивъ рядъ укрѣпленныхъ постовъ, и въ 1859 году Высочайшій указъ утвердилъ присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ занятой китайской территоріи. Наконецъ, въ 1860 году, въ то самое время, когда союзныя англо-французскія войска вступали побѣдоносно въ Пекинъ, русскіе безъ всякой войны, единственно посредствомъ искусной дипломатіи, добились уступки, на югѣ Амура и на востокѣ его притока Уссури,—сначала на правахъ общаго владѣнія, а вскорѣ затѣмъ въ полную собственность,—областей морскаго прибрежья, которыя простираются до границъ Кореи.

Такъ совершилось на сѣверѣ Азіи то отливное движеніе, которое увлекаетъ къ востоку европейскую державу. Въ тринадцатомъ столѣтіи монголы сдѣлались, если не полными господами, то по крайней мѣрѣ верховными повелителями или сюзеренами тогдашней Руси, а теперь славяне занимаютъ часть странъ, откуда монгольскія орды ринулись на завоеваніе западнаго міра; и въ случаѣ войны съ Китаемъ, русскимъ легко было бы найти себѣ союзниковъ между потомками ихъ бывшихъ завоевателей. По громадности владѣній, занимаемыхъ русскими арміями, «Бѣлый Царь» справедливо можетъ считаться преемникомъ монгольскихъ великихъ хановъ, именовавшихъ себя «царями царей». Въ одной только Азіи русскій императоръ владѣетъ территоріей гораздо болѣе обширной, чѣмъ Европа, такъ какъ уже одна Сибирь, не считая даже областей, которыя были отдѣлены отъ нея въ послѣднее время для расширенія предѣловъ русской Средней Азіи, превосходитъ пространствомъ весь европейскій континентъ. Правда, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ нѣтъ никакого сходства между Европой и Сибирью. Этотъ особый міръ, обнимающій весь сѣверъ Азіи, гдѣ есть еще много обширныхъ пустынныхъ пространствъ, доселѣ неизслѣдованныхъ, не имѣетъ, на всей своей громадной окружности, длиною почти въ 25.000 верстъ, внѣшней торговли, равняющейся оборотамъ одного изъ третьеклассныхъ приморскихъ портовъ западной Европы, каковы, напримѣръ, Дувръ или Булонь. Занимая тринадцатую часть всей континентальной поверхности земнаго шара, Сибирь далеко не заключаетъ въ своихъ предѣлахъ столько населенія, сколько его имѣетъ одинъ городъ Лондонъ; она даже менѣе населена, нежели каждая изъ двухъ *другихъ* частей Азіатской Россіи, Кавказскій край и Туркестанъ: въ ней насчитываютъ всего только по одному жителю на 3 квадратныхъ версты (пространство Сибири около 11.929.600 квадр. верстъ, вѣроятное населеніе въ 1880 году 3.900.000 душъ) [1]).

Понятно, что карты, представляющей точнымъ образомъ контуры и физическія очертанія Сибири, пока еще не существуетъ. Только въ самое недавнее время могло быть совершено вполнѣ, безъ перерывовъ, кругосвѣтное плаваніе вокругъ Стараго Свѣта, и только теперь, въ первый разъ, видѣли, съ Ледовитаго океана весь профиль береговъ Сибири. Во время охватившей западно-европейскіе народы страсти къ географическимъ изслѣдованіямъ, послѣ открытія Новаго Свѣта, мореплаватели тщетно пытались обойти на сѣверѣ Азіатскій континентъ, чтобы найти прямой морской путь между западной Европой, Китаемъ и Индіей. Корабли, посланные подъ начальствомъ Уиллугби, Ченслера и Борро, слѣдовали по тому пути, который былъ указанъ имъ Себастіаномъ Каботомъ, какъ вѣроятная дорога къ китайскимъ берегамъ; но извѣстно, что эти суда не добрались даже до морей, омывающихъ берега Сибири: Уиллугби замерзъ со всѣмъ экипажемъ у Мурманскаго (Норманскаго) берега, близъ острова Некуева; его товарищъ Ченслеръ долженъ былъ возвращаться домой сухимъ путемъ, и экспедиція его ограничилась тѣмъ, что онъ завязалъ торговыя сношенія между Англіей и Московіей; Борро, въ 1556 году, тщетно старался проложить себѣ дорогу чрезъ льды Карскаго моря. Надѣясь, что, быть можетъ, для того, чтобы попасть въ Китай, достаточно будетъ проникнуть въ Обскую губу и затѣмъ подняться по рѣкѣ Оби до воображаемаго озера Китайскаго, изображеннаго на картѣ Герберштейна, англичане возобновили свои попытки къ отысканію такъ называемаго «сѣверо-восточнаго прохода». Въ 1580 году два другіе британскіе корабля, подъ командой Артура Пета и Чарльза Джекмана, направились къ полярнымъ морямъ Россіи. Мореплаватели получили совѣты и наставленія отъ величайшихъ географовъ того времени: Гаклюйтъ уже рекомендовалъ имъ укрѣпить проливъ, черезъ который они должны были достигнуть Китая, и такимъ образомъ обезпечить Англіи будущій сборъ пошлины съ проходящихъ судовъ, болѣе прибыльный, чѣмъ сборъ пошлины въ Зундѣ для Даніи. Съ своей стороны, Жераръ Меркаторъ совѣтовалъ осторожность, говоря, что за Обью корабли неминуемо должны удариться о мысъ Табинъ, который онъ, основываясь на словахъ Плинія, начертилъ на своей картѣ, на сѣверѣ

[1]) По послѣдней переписи населеніе Сибири исчислено въ 5.727.090 ч.

Стараго Свѣта [1]). Но ни Петъ, ни Джекманъ не ушли дальше Карскаго моря. Голландцы, которые тоже подумали о томъ, какъ-бы укрѣпить Югорскій Шаръ, полагая, что это и есть «ворота въ Китай», были не болѣе счастливы, чѣмъ англичане, и ни одно изъ трехъ путешествій, въ которыхъ принималъ участіе знаменитый Баренцъ, не привело далѣе морей, окружающихъ Шпицбергенъ и Новую Землю. Въ 1608 году, голландецъ Гендрикъ Гудсонъ, состоявшій на англійской службѣ, совершилъ экспедицію въ полярныя моря, но тоже не успѣлъ проникнуть далѣе тѣхъ водъ, гдѣ остановились его предшественники. Это была послѣдняя попытка, сдѣланная мореплавателями западной Европы, изысканія которыхъ въ этомъ направленіи прекращаются затѣмъ болѣе чѣмъ на два столѣтія; но бѣломорскіе рыболовы и купцы очень хорошо знали дорогу въ Обскую и Енисейскую губы, какъ это доказываетъ одна грамота Бориса Годунова, данная въ 1600 году. Правда, что шестнадцать лѣтъ спустя плаваніе въ тѣ воды было воспрещено подъ угрозой смертной казни, изъ опасенія, чтобы русскіе кормчіе не показали чужеземцамъ дорогу къ берегамъ Сибири.

Запрещенное со стороны моря и признанное невозможнымъ мореплавателями и географами западной Европы, изслѣдованіе сибирскаго побережья должно было подготовляться въ самой Сибири, при помощи ладей, построенныхъ для рѣчнаго плаванія. Въ 1648 году, казакъ Дженевъ, выйдя изъ устья Колымы во главѣ флотиліи, состоявшей изъ семи маленькихъ суденышекъ, успѣлъ обойти вокругъ сѣверо-восточной оконечности Азіи, и задолго до рожденія Беринга, прошелъ черезъ проливъ, носящій имя этого мореплавателя. Стадухинъ тоже пускался въ плаваніе по этимъ восточнымъ морямъ Сибири, отыскивая острова, изобилующіе ископаемой мамонтовой костью, о которыхъ ему разсказывали туземцы. Въ 1735 году Прончищевъ и Лазиніусъ отправились на ладьяхъ изъ Якутска, съ цѣлью спуститься внизъ по теченію Лены, изслѣдовать ея дельту и затѣмъ пройти, насколько можно, вдоль береговъ моря на востокъ и на западъ отъ устьевъ рѣки. Прончищевъ дѣйствительно посѣтилъ часть морскихъ береговъ, простирающихся на востокъ отъ полуострова Таймуръ, и пробрался далеко въ Ледовитый океанъ; но ему не удалось обогнуть земли, которыя отдѣляютъ заливъ Ленскій отъ залива Енисейскаго: ладья, возвратившаяся въ Якутскъ, принесла его трупъ. Экспедиція Лаптева, начатая въ 1739 году, должна была, послѣ крушенія судна, продолжаться до самаго конца исключительно сухимъ путемъ; но она имѣла то важное значеніе, что привела къ изслѣдованію полуострова Таймурскаго и къ открытію сѣвернаго мыса Стараго Свѣта, мыса Табина по Плинію, Челюскина по нашимъ картамъ, названнаго такъ по имени неустрашимаго кормчаго, сопровождавшаго Прончищева и Лаптева. Что касается западнаго прибрежья, между лиманами Оби и Енисея и западными берегами полуострова Таймурскаго, то оно было передъ тѣмъ обслѣдовано Овцынымъ и Мининымъ съ 1737 по 1739 годъ.

Но въ ту эпоху уже началось мореплаваніе черезъ Тихій океанъ; корабли, которымъ льды закрывали входъ въ сѣверныя сибирскія моря, могли подниматься по Великому океану, между двухъ континентальныхъ массъ Стараго и Новаго Свѣта. Въ 1728 году, датчанинъ Берингъ, состоявшій на русской службѣ, проѣхалъ черезъ всю Сибирь сухимъ путемъ, и отплывъ на кораблѣ съ береговъ Тихаго океана, проникъ въ знаменитый проливъ, который теперь называется его именемъ; черезъ него географы западной Европы узнали впервые о существованіи этого морскаго прохода, который уже за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ былъ извѣстенъ сибирскимъ казакамъ. Но архивы якутской воеводской канцеляріи хранили тайну этого открытія, и Петръ Великій самъ не зналъ о немъ, когда давалъ Берингу порученіе идти изслѣдовать восточные берега Сибири. Впрочемъ, плавая вдоль азіатскихъ береговъ, датскій мореходецъ не примѣтилъ береговъ Новаго Свѣта и не зналъ въ точности, гдѣ находится проливъ, долгое время даже можно было сомнѣваться, дѣйствительно ли Берингъ проникалъ въ тѣ воды. Нужно было, чтобы изслѣдованіе Кука, въ 1778 году, доказало неоспоримымъ образомъ, что пункты морскаго берега, снятые на карту Берингомъ, на сѣверо-востокѣ Азіи, были именно тѣ, которые находятся на берегахъ пролива его имени [1]). Но и послѣ путешествія знаменитаго англійскаго мореплавателя оставалось еще ознакомиться съ морями, окружающими Сахалинъ, Іессо, Курильскіе острова. Лаперузъ первый далъ чертежъ острововъ и береговъ континента: онъ убѣдился въ островномъ характерѣ Сахалина и въ существованіи пролива, соединяющаго Японское море съ Охотскимъ. Съ этого времени всѣ контуры Сибири были извѣстны въ ихъ главныхъ чертахъ; впредь оставалось только указывать въ ихъ деталяхъ второстепенныя очертанія.

Научное изслѣдованіе внутренней Сибири началось только въ восемнадцатомъ столѣтіи, съ поѣздки Мессершмидта и слѣдовавшей за нею нѣсколько лѣтъ спустя, экспедиціи Гмелина, Миллера и Делиля-де-ла-Кроейра, которые во время путешествія, продолжавшагося де-

[1]) Hakluyt, „Principal Navigations....“; Oscar Peschel, *„Geschichte der Erdkunde“*.

[1]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

вять лѣтъ, съ 1733 по 1742 годъ, сдѣлали драгоцѣннѣйшія наблюденія по части физической географіи страны: еще и въ наши дни трудъ Гмелина составляетъ весьма полезный источникъ для знакомства съ Сибирью, хотя авторъ долженъ былъ воздержаться отъ сообщенія публикѣ результата своихъ точныхъ географическихъ наблюденій, ибо въ тѣ времена русское правительство ревниво оберегало отъ оглашенія документы, относящіеся къ рессурсамъ имперіи; часто канцелярская тайна хранилась въ этомъ отношеніи черезчуръ усердно, такъ какъ многочисленныя описанія пройденныхъ разными путешественниками путей, положенныя въ архивы, въ концѣ концовъ утерялись безслѣдно [1]). Палласъ, который путешествовалъ по Сибири съ 1770 по 1773 г., съ большей свободой, нежели его предшественникъ Гмелинъ, и котораго сопровождало нѣсколько студентовъ, связавшихъ свои спеціальные маршруты съ его главнымъ изслѣдованіемъ, изучилъ, особенно въ геологическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, страны, простирающіяся до Забайкальскаго края, и оставленныя имъ путевыя записки составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ между изданными въ свѣтъ трудами изслѣдователей Сибири. Послѣ Палласа рядъ научныхъ путешествій прерывается на долгое время: французская революція и большія европейскія войны, въ которыя была вовлечена Россія, отвлекли вниманіе къ Западу; научныя экспедиціи въ Сибирь возобновились лишь много лѣтъ спустя послѣ политическихъ событій 1812 и 1815 годовъ. Норвежецъ Ганстенъ, сопровождаемый Эрманомъ, отправился въ 1828 году въ свое памятное въ наукѣ путешествіе, которое имѣло капитальную важность для изученія земнаго магнетизма. Многочисленныя астрономическія опредѣленія Эрмана послужили также опорными точками для картъ Сибири, которыя съ этого времени чертились уже съ приблизительной точностью; сдѣланныя имъ измѣренія положенія различныхъ точекъ страны относительно морскаго уровня, подтвержденныя послѣдующими измѣреніями, показали, кромѣ того, что высоты Сибири были значительно преувеличиваемы до тѣхъ поръ: но Эрманъ опубликовалъ лишь часть своихъ обширныхъ изысканій, обнимавшихъ все поле человѣческихъ знаній. Александръ Гумбольдтъ, Эренбергъ, Густавъ Розе, посѣтившіе Сибирь въ то время, когда Ганстенъ и Эрманъ находились еще тамъ, пробыли не долго въ тѣхъ краяхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ быстрая и непродолжительная поѣздка—одна изъ важнѣйшихъ въ исторіи науки, такъ какъ Гумбольдтъ вывезъ изъ своего путешествія матеріалы, послужившіе ему источниками при составленіи сочиненія о центральной Азіи. Путешествія Миддендорфа въ сѣверную и восточную Сибирь тоже имѣли важное значеніе для знакомства съ этой страной и могутъ быть поставлены на-ряду съ изслѣдованіями Гмелина, Палласа и Эрмана. Вскорѣ послѣ того, въ 1854 году, Шварцъ, Шмидтъ, Гленъ, Усольцевъ, Брылкинъ и ихъ спутники совершили большую «сибирскую экспедицію», которая обслѣдовала громадную область, простирающуюся отъ Забайкалья до Лены и до сѣверныхъ притоковъ Амура. Такъ начался непрерывный рядъ новѣйшихъ путешествій, которыя продолжаются послѣдовательно и систематически во всѣхъ частяхъ Сибири; скоро не останется болѣе пробѣловъ среди изслѣдованныхъ территорій; пройденные изслѣдователями пути, которые пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ, образуютъ полную сѣть, и, распространяясь постепенно все далѣе и далѣе, покроютъ современемъ сосѣднія области, всю сѣверную часть Китайской имперіи.

Дѣло географическаго открытія въ собственномъ смыслѣ только-что окончено, благодаря кругосвѣтному плаванію, столь счастливо выполненному Норденшильдомъ. «Сѣверо-восточный проходъ», котораго тщетно искали Баренцъ, Уиллуби, Борро и многіе другіе мореплаватели, теперь найденъ, благодаря мореходной опытности и настойчивости знаменитаго финляндскаго шведа. Тотъ полуостровъ Таймурскій, изслѣдованіе котораго стоило столькихъ человѣческихъ жизней, и который въ продолженіе трехъ столѣтій былъ непроходимымъ рубежемъ между двумя морями, наконецъ, обойденъ, и это человѣку, изгнанному изъ предѣловъ ея территоріи, Россія обязана окончательнымъ вступленіемъ во владѣніе морями ея сибирской имперіи.

Большая часть Азіатской Россіи въ общей формѣ своего рельефа столь же правильна, какъ и Европейская Россія. На востокѣ, какъ и на западѣ отъ Уральскаго хребта, обширныя пологія равнины, волнообразныя возвышенія холмовъ не представляютъ никакого препятствія для передвиженія жителей; громадность пространствъ, суровость климата, дремучіе лѣса, обширныя тундры и болота—вотъ тѣ затрудненія, которыя нужно было преодолѣвать человѣку, чтобы пройти Сибирь. Что касается многочисленныхъ рѣкъ, перерѣзывающихъ страну, то онѣ не только не останавливали его движенія, но даже, напротивъ, помогали ему въ его путешествіяхъ: это естественныя дороги, которыми, то поднимаясь, то спускаясь по теченію, казаки успѣли пройти, до самыхъ береговъ Великаго океана, пустынныя, повидимому, безпредѣльныя пространства, отдѣлявшія ихъ отъ далекой метрополіи. По причинѣ незначительнаго возвышенія почвы, большія сибирскія рѣки текутъ въ бассейнахъ, не вездѣ

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise“.

рѣзко разграниченныхъ: во многихъ мѣстахъ раздѣльный порогъ между притоками главныхъ рѣкъ составляютъ болота, луговыя пространства съ неопредѣленнымъ скатомъ, и можно легко перебраться отъ одной рѣки къ другой черезъ волоки. Отыскивая дорогу по слѣдамъ человѣческимъ или звѣринымъ, какъ краснокожіе индѣйцы Сѣверной Америки, сибирскіе туземцы и казаки старались прежде всего открыть рѣку, теченіе которой должно было вести ихъ въ желаемомъ направленіи; при спускѣ, имъ оставалось только отдаться на волю потока; при подъемѣ, они гребли веслами до того мѣста, гдѣ вода не имѣетъ болѣе достаточной глубины, необходимой для плаванія ихъ лодки, сдѣланной изъ древесной коры или изъ досокъ, затѣмъ они взбирались на высокій берегъ и съ топоромъ въ рукахъ прокладывали себѣ дорогу къ другой рѣкѣ, текущей въ обратную сторону и, слѣдовательно, составляющей продолженіе ихъ пути. Свои утлыя ладьи они, смотря по обстоятельствамъ, либо перетаскивали черезъ пороги бассейновъ или волоки, либо бросали ихъ, чтобы построить себѣ новыя на томъ мѣстѣ, откуда должно было возобновиться ихъ путешествіе водой. Такимъ образомъ, дороги для переселенія, завоеванія, колонизаціи были напередъ ясно указаны русскими судоходными рѣками страны, и поселки, деревни, мѣстечки выстроились двойнымъ рядомъ вдоль возвышенныхъ рѣчныхъ береговъ [1]) повсюду, гдѣ обиліе хорошихъ земель благопріятствовало поселенію колонистовъ. Отъ Урала до Якутска, на протяженіи почти 10.000 верстъ, плынущіе по сибирскимъ водамъ должны перебраться только черезъ два волока: первый между бассейнами Оби и Енисея, второй—между Енисеемъ и Леной.

Главный путь судоходства, который былъ въ то же время путемъ сибирской исторіи, захватываетъ, по выходѣ изъ долинъ Уральскихъ горъ, теченіе Туры, затѣмъ теченія Тобола, Иртыша, Оби, Кети, Енисея, Верхней Тунгузки или Ангары, Лены и Алдана [2]). На сѣверѣ отъ этого большаго судоходнаго пути, завоевателямъ Сибири открывались другія рѣки, тоже соединенныя волоками; но между бассейномъ средняго теченія Лены и бассейномъ Амура, пороги на рѣкахъ, непроходимые лѣса, болота, скалы, недостатокъ рессурсовъ всякаго рода — ставили путешественникамъ такія неодолимыя препятствія, что многочисленныя экспедиціи казаковъ принуждены были воротиться съ дороги, послѣ мѣсяцевъ или даже годовъ безплодныхъ усилій. При томъ же о положеніи мѣстъ существовали странныя, самыя сбивчивыя представленія, и въ поискахъ за «источникомъ бѣлой воды» и за изобилующей золотой землей казаки нерѣдко направлялись въ противоположную сторону отъ края, котораго они хотѣли достигнуть; такъ, они долгое время искали Байкалъ не въ бассейнѣ Енисея, но на востокѣ отъ Лены, въ направленіи къ Тихому океану. Казачій атаманъ Поярковъ, первый изъ русскихъ, проникшій въ долину Амура, въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, поднялся вверхъ по теченію Алдана, затѣмъ, переваливъ черезъ Становой хребетъ, спустился на югъ по теченію рѣки Зеи; третья часть его партіи, состоявшей изъ ста тридцати человѣкъ, погибла голодной смертью во время пути, и пережившіе должны были питаться тѣлами своихъ товарищей и туземцевъ, убитыхъ въ бояхъ.

Путешествія водой, которыя облегчили русскимъ овладѣніе Сибирью, могутъ быть совершаемы только въ средней полосѣ, простирающейся съ запада на востокъ страны. На югѣ плоскогорья, массивы и цѣпи горъ раздѣляютъ рѣчные бассейны одинъ отъ другаго; на сѣверѣ рѣки, уже окончательно сформировавшіяся, получили ранѣе, въ верхней и средней части теченія, почти всѣ свои значительные притоки, впадающія воды уже не переплетаются тамъ своими истоками, и къ тому же эти мерзлыя пустыни, гдѣ разгуливаютъ леденящіе полярные вѣтры, слишкомъ негостепріимны, чтобы человѣкъ охотно пускался въ ихъ предѣлы. Впрочемъ, къ востоку отъ Енисея сибирская равнина мѣняетъ свой характеръ: она не стелется тамъ низменной степью, покрытой жирной землей или лужами стоячей воды, болотами и зыбкими лугами, но становится неровной, каменистой, пробитой тамъ и сямъ выступающими скалами, и поднимается мѣстами даже въ видѣ массивовъ крутыхъ, трудно доступныхъ холмовъ; бассейнъ Лены отдѣленъ отъ бассейна Енисея настоящимъ плоскогорьемъ изъ древнѣйшихъ каменныхъ породъ, которое заставляетъ путешественниковъ сворачивать къ югу для обхода его высотъ. Такимъ образомъ, административное дѣленіе Сибири на западную и восточную оправдывается физическимъ контрастомъ этихъ двухъ частей, контрастомъ, который замѣчается также въ особенностяхъ флоры, фауны и населенія.

На крайнемъ сѣверѣ Сибири тоже встрѣчаются кое-гдѣ группы высокихъ холмовъ, прерывающія однообразіе безконечныхъ равнинъ; Миддендорфъ даже далъ названіе «горъ» цѣпи Сыверма, которая тянется подъ полярнымъ кругомъ, къ западу отъ Енисея, и хребту Бырранга, который занимаетъ сѣверную часть континента, между Енисеемъ и Хатангой, и который выдвигаетъ далеко въ Ледовитый океанъ двойной полуостровъ Таймурскій; нѣкоторыя изъ горныхъ вершинъ на восточномъ берегу этого полуострова имѣютъ, говорятъ, не менѣе 900 метр. (около 3.000 фут.) вы-

[1]) Венюковъ, „Этнографическая карта Сибири".
[2]) Von Middendorff, „Sibirische Reise", томъ IV, 1-я часть.

соты [1]). Тѣмъ не менѣе Сибирь въ цѣломъ можетъ быть уподоблена правильной наклонной плоскости, покатой съ юго-востока къ сѣверо-западу. Небесныя горы и Джунгарскій Ала-тау, Тарбагатай и Алтай, Саянскія горы,—господствующія надъ бассейномъ Байкала, Витимское плоскогорье, параллельные хребты возвышенныхъ областей, извѣстные подъ общимъ названіемъ Яблоноваго (т. е. поросшаго яблонями) хребта, наконецъ, сѣверо-восточная оконечность цѣпи, которая направляется къ Берингову проливу, и которую обыкновенно называютъ Становымъ хребтомъ,—вся эта орографическая система составляетъ раздѣльную возвышенность между покатостями, воды которыхъ направляются, съ одной стороны, къ Ледовитому океану, съ другой—къ бассейнамъ безъ истеченія центральной Монголіи и къ Тихому океану.

Однако, эта водораздѣльная возвышенность дѣлится на массивы, на плоскогорья, на группы хребтовъ, ясно разграниченныхъ. На сѣверъ отъ Тянь-Шаня, какъ извѣстно, открываются ворота Джунгаріи, гдѣ нѣкогда извивался морской проливъ. Верхняя долина Иртыша, между хребтами Тарбагатаемъ и Алтаемъ, образуетъ широкія ворота, которыя открываются къ востоку отъ Киргизскаго края въ страну монголовъ. Между Алтаемъ и Саянскими горами есть другіе проходы, черезъ которые производится сообщеніе между двумя покатостями. Далѣе на востокъ, около истоковъ Енисея и его западныхъ притоковъ, возвышенныя земли, средняя высота которыхъ отъ 2.000 до 3.000 метровъ, составляютъ краевую цѣпь, ограничивающую плоскогорья Монголіи, и каждая рѣка представляетъ легкій путь изъ Сибири къ Китайской имперіи. И самое Забайкалье представляетъ гористое плато, ограниченное на юго-западѣ двумя массивами: Хамаръ-дабаномъ, который возвышается у оконечности Святаго моря, и Сохондо, который господствуетъ, на границахъ Монголіи, надъ однимъ изъ главныхъ хребтовъ Яблоновыхъ горъ. Почти не поднимаясь въ гору, можно достигнуть съ этого плоскогорья переваловъ, находящихся на высотѣ отъ 1.000 до 1.200 метровъ, и которые позволяютъ проникнуть изъ бассейна Селенги, то-есть съ покатости, обращенной къ Ледовитому океану, на покатость, спускающуюся къ Великому океану. На сѣверо-востокъ, гребни еще болѣе понижаются: за массивомъ Сохондо, повидимому, ни одна изъ вершинъ Яблоноваго или Станового хребта не достигаетъ такой же высоты, то-есть 2.815 метровъ [2]), и на большой части пространства, гдѣ линія водораздѣла изображается картографами въ формѣ высокаго горнаго хребта, на сѣверѣ отъ бассейновъ Амура и Уды, водораздѣльный порогъ состоитъ въ дѣйствительности изъ болотистыхъ земель, съ неопредѣленными скатами [1]). Но, начиная отъ береговъ Охотскаго моря, вся восточная область Сибири гориста или по крайней мѣрѣ очень неровна, холмиста, и рельефъ почвы представляетъ наибольшія возвышенія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ морскимъ берегомъ.

На югъ отъ раздѣльной возвышенности, выпуклость которой усажена параллельными выступами, образующими цѣпь горъ Станового хребта, область, по которой протекаютъ Амуръ и его притоки, есть въ цѣломъ не что иное, какъ продолженіе монгольскаго плоскогорья. Этотъ массивъ высокихъ земель направляется на сѣверъ къ оконечности азіатскаго континента, постепенно съуживаясь, и понижается со стороны Тихаго океана рядомъ уступовъ, на которыхъ вытянулись горныя цѣпи, почти параллельныя, Большой Хинганъ, Малый Хинганъ, Манчжурскія горы, и цѣпь, идущая вдоль морскаго прибрежья на сѣверѣ отъ полуострова Кореи. Извѣстно, что прибрежныя и морскія горныя цѣпи восточной Азіи отличаются правильнымъ расположеніемъ въ видѣ кривыхъ, обращенныхъ выпуклостью къ востоку или къ юго-востоку. Между этими кривыми, изъ которыхъ многія имѣютъ почти съ математической точностью равный радіусъ кривизны, онѣ сомкнуты конецъ съ концомъ, и форма ихъ напоминаетъ форму цѣпочки, подвѣшенной въ нѣсколькихъ точкахъ, черезъ извѣстные промежутки; другія развертываются параллельно, какъ концентрическія дуги; наконецъ важнѣйшія изъ нихъ примыкаютъ одною изъ своихъ оконечностей къ предъидущей кривой. Такъ, полуостровъ Камчатка и цѣпь Курильскихъ острововъ, наиболѣе геометрическая изъ всѣхъ по правильному очертанію ея кривой, соединяется съ холмами Чукотской земли. Впрочемъ, вулканическія силы имѣли большую долю участія въ образованіи этихъ горныхъ хребтовъ въ формѣ дугъ круга, которыя окаймляютъ на востокѣ сибирскую плоскую возвышенность и ограничиваютъ воды Охотскаго моря. Въ то время, какъ массивы южной Сибири и краевыя цѣпи монгольскаго плоскогорья состоятъ изъ древнихъ каменныхъ породъ, хребетъ Сихота-Алинь, равно какъ и различныя горы Манчжуріи, извергали нѣкогда лаву, а вулканы (сопки) полуострова Камчатки, до сихъ поръ находящіеся въ полной дѣятельности, выстроили, вдоль восточнаго берега, рядъ своихъ дымящихъ конусовъ, иногда красныхъ отъ расплавленныхъ веществъ, но всегда бѣлыхъ отъ покрывающаго ихъ снѣга и изливающихъ ледяныя рѣки въ нижнія ущелья. Камчатскія горы, впрочемъ, совершенно от-

[1]) Nordenskjöld, „Lettres à M. Daudrée".

[2]) G. Radde, „Mittheilungen von Petermann", 1861 г., № 12.

[1]) Миддендорфъ, Шварцъ, Кропоткинъ.

личныя, обособленныя отъ горныхъ массъ восточной Сибири и возвышающіяся въ области, почти островной,—самыя высокія въ Азіатской Россіи, послѣ колоссовъ Тянь-Шаня: одинъ изъ вулкановъ полуострова всего только на нѣсколько метровъ ниже савойскаго Монъ-Блана.

Рѣки, получающія начало въ постоянныхъ, никогда не растаивающихъ ледникахъ и фирнахъ системъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ и на склонахъ другихъ горныхъ цѣпей, гдѣ снѣгъ поочередно является и исчезаетъ, смотря по времени года, замѣчательны большой правильностью ихъ главнаго направленія. Вслѣдствіе наклоненія поверхности страны, воды текутъ преимущественно на сѣверъ и на сѣверо-западъ, во всей части Сибири, ограниченной съ юга дугой горныхъ цѣпей, отъ Тянь-Шаня до Становаго хребта. Не только три главныя рѣки: Обь, Енисей и Лена, но почти и всѣ другіе потоки той же покатости спускаются такимъ образомъ къ сѣверу, слѣдуя почти по линіи меридіана. Однако, Лена, главный потокъ восточной Сибири, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый контрастъ съ двумя большими рѣками западной половины края, съ Иртышомъ—Обью и Енисеемъ—Ангарой. Между тѣмъ, какъ эти два потока спускаются параллельно къ той же области Ледовитаго океана, Лена должна обойти на востокѣ, по длинной кривой, огромную горбину древнѣйшихъ горныхъ породъ центральной Сибири, прежде чѣмъ получить возможность течь безпрепятственно къ сѣверу, параллельно сосѣднимъ рѣкамъ,Оленеку и Янѣ.

Главныя сибирскія рѣки, какъ извѣстно, принадлежатъ къ величайшимъ въ свѣтѣ, не только по обширности ихъ бассейновъ, но также и по объему ихъ водной массы. Ни одна изъ европейскихъ рѣкъ, ни Дунай, ни Волга, не могутъ сравниться съ Обью, Енисеемъ или Леной по пространству области истеченія, ни по величинѣ годоваго стока. Правда, что паденіе воды изъ атмосферы, въ видѣ дождя или снѣга, относительно незначительно въ Сибири, исключая, развѣ, мѣстностей, подверженныхъ вліянію дождливыхъ муссоновъ. Среднимъ числомъ, количество атмосферныхъ осадковъ составляетъ не болѣе 20 сантиметровъ въ годъ по всей покатости Ледовитаго океана; но вся вода, падающая изъ атмосферы, вся вода, тающая на почвѣ сѣверной Сибири, должна необходимо находить дорогу къ притокамъ Ледовитаго моря, ибо на глубинѣ нѣсколькихъ дециметровъ земля уже мерзлая, вода не можетъ просачиваться въ подземные слои, чтобы затѣмъ снова выступать на поверхность въ видѣ источниковъ, и должна стекать прямо въ рѣки [1]),—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ почва имѣетъ скат; въ другихъ мѣстахъ она застаивается въ видѣ лужъ, болотъ, мелкихъ озеръ, образующихъ лабиринтъ земли и воды, который безпрестанно измѣняетъ профиль своихъ береговъ, смотря по обилію дождей и дѣятельности испаренія. Такимъ порядкомъ полуостровъ Таймырскій превратился въ обширную сѣть стоячихъ водъ.

Исчисляя только въ половину годоваго паденія дождей и снѣговъ количество воды, которое Обь, Енисей и Лена уносятъ въ Ледовитый океанъ, средній стокъ каждой изъ этихъ рѣкъ долженъ быть никакъ не менѣе 10.000 кубич. метровъ въ секунду, слѣдовательно, онъ въ четыре раза превосходитъ объемъ, изливаемый въ море Роной или Рейномъ; но этотъ стокъ распредѣленъ неравномѣрно въ теченіи года: зимой ледяныя плиты поверхности замедляютъ движеніе глубокихъ водъ, и эти послѣднія занимаютъ тогда меньшую часть рѣчнаго русла. Небольшіе потоки даже совершенно останавливаются, жидкая масса замерзаетъ до самаго дна ложа: такъ какъ ледяной слой, на рѣкахъ и озерахъ высокихъ широтъ, достигаетъ толщины отъ 1 метра до 2 метровъ 40 сантиметровъ [1]) (болѣе сажени), то ручьи и даже значительныя рѣчки превращаются въ твердыя массы тѣмъ легче, что ледъ, поднимающійся со дна, громоздится на поверхности и образуетъ запруды, на которыя опираются верхніе льды. Вода источниковъ или ручьевъ, еще не замерзшихъ, которая стремится уйти черезъ рѣчное русло, должна пробивать кристаллическій сводъ и разливаться по поверхности, гдѣ она тотчасъ же замерзаетъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ поверхностныхъ разливовъ или наледей, отвердѣвшая вода выростаетъ въ цѣлую гору, высотой въ нѣсколько метровъ. Многія большія рѣки, очень обильныя лѣтомъ, перестаютъ течь зимой, прерываемыя въ разныхъ мѣстахъ теченія льдами, залегающими на отмеляхъ; онѣ превращаются тогда въ рядъ скрытыхъ подъ ледяной корой водоемовъ, неимѣющихъ сообщенія между собой; прибрежные жители иногда принуждены ходить очень далеко отъ своихъ становищъ, чтобы найти воды подъ твердымъ слоемъ, покрывающимъ рѣку. Такимъ образомъ въ зимнее время большія рѣки лишаются дани всѣхъ мелкихъ и даже среднихъ притоковъ. Въ другихъ рѣкахъ вода вытекла вся цѣликомъ, и верхняя ледяная плита провалилась надъ порожнимъ русломъ; неосторожные путники рискуютъ упасть въ скрытыя пропасти, когда они пускаются по этимъ неподдерживаемымъ снизу ледянымъ сводамъ рѣчныхъ ложъ. За исключеніемъ рѣкъ, питаемыхъ большими озерами посредствомъ подземныхъ ключей, всѣ рѣки,

[1]) *Karl Weyprecht*, „Die Metamorphosen des Polareises".

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise".

берущія начало на сѣверѣ полярнаго круга, должны совершенно изсякать зимой, такъ какъ въ этихъ областяхъ, съ почвой всегда промерзлой и обледенѣлой, нѣтъ никакихъ источниковъ, которые бы ихъ питали [1]). Эти рѣки имѣютъ въ то время, пропорціонально ихъ нормальному стоку, лишь весьма незначительное количество воды, которое, впрочемъ, еще не было измѣрено ни однимъ путешественникомъ. Весной, во время таянія снѣговъ, рѣки, сбросивъ съ себя сковывающую ихъ твердую кору, снова наполняютъ все русло до краевъ, часто выступаютъ даже изъ береговъ и разливаются на далекое пространство: онѣ возрождаются и выходятъ на свѣтъ Божій, послѣ того, какъ воды ихъ въ продолженіе цѣлаго полугода текли въ потемкахъ. Какъ полупарализованныя существа, вдругъ возродившіяся къ жизни, сибирскія рѣки, съ наступленіемъ лѣтняго тепла, вновь пріобрѣтаютъ полную свободу движеній; онѣ опять становятся тѣмъ, чѣмъ рѣки менѣе холодныхъ поясовъ остаются во всякое время года—жизненными артеріями великаго земнаго тѣла.

Разсказываютъ, что во время зимы вода нижнихъ слоевъ, покрытая толстымъ слоемъ льда, «умираетъ» мало-по-малу: рыбы не могутъ болѣе жить въ глубинахъ рѣки, гдѣ воздухъ постепенно дѣлается негоднымъ для дыханія. Въ концѣ осени, когда вода начинаетъ портиться, онѣ уходятъ массами либо въ озера, либо въ глубокіе бассейны водоворотовъ, либо въ заливъ, образуемый устьемъ рѣки. Чтобы наловить рыбы въ значительномъ количествѣ, достаточно тогда разломать ледъ надъ тѣми мѣстами, гдѣ вода осталась «живой»: всѣ запертыя животныя устремляются къ выходу, чтобы подышать свѣжимъ внѣшнимъ воздухомъ, и ихъ можно брать просто руками. Тотчасъ же послѣ вскрытія рѣки, рыбы несмѣтными стаями поднимаются вверхъ по теченію и идутъ на поиски пищи, какъ въ естественные садки, въ низменныя мѣстности затопленныхъ прибрежныхъ луговъ или лѣсовъ: загороди, устраиваемыя между рѣкой и этими боковыми разливами, позволяютъ береговымъ жителямъ дѣлать обильные уловы. Иногда рыбаки могли бы собирать рыбу миріадами: когда, вслѣдствіе возврата холодовъ, вода по краямъ замерзаетъ до самаго дна, и когда она затѣмъ снова покрывается потокомъ разлива,—погруженныя на дно льдины вдругъ отрываются отъ рѣчнаго ложа и плаваютъ на поверхности, усѣянныя массой рыбъ, которыя плавали въ рѣкѣ. Такъ образуются обширныя ледяныя поля, покрытыя живымъ мясомъ, которое скоро предается гніенію и служитъ пищей морскимъ птицамъ.

Вскрытіе большихъ сибирскихъ рѣкъ представляетъ нѣкоторыя особенности, зависящія отъ оріентированія ихъ по направленію меридіана. Въ то время, какъ на границахъ Татаріи или у подножія Алтайскихъ горъ поверхность рѣкъ бываетъ замерзшей только три или пять мѣсяцевъ въ году, ледъ держится все долѣе и долѣе по мѣрѣ того, какъ рѣчной потокъ проходитъ подъ болѣе сѣверными широтами, и на крайнемъ сѣверѣ: отъ 72 до 75 градуса широты, устья большихъ рѣкъ остаются открытыми лишь въ продолженіе отъ шестидесяти до ста дней; только съ конца іюля до половины сентября мореходы и рыболовы, когда они посѣщаютъ Ледовитый океанъ, могутъ разсчитывать на свободный входъ въ рѣки Сибири. Миддендорфъ вычислилъ, что для каждаго градуса широты, между 56-й и 72-й параллелями, продолжительность замерзанія рѣкъ увеличивается среднимъ числомъ на девять дней съ небольшимъ; но замедленіе вскрытія не совершается правильнымъ образомъ отъ юга къ сѣверу: въ южной Сибири періодъ замерзанія не увеличивается даже на одну недѣлю на каждый градусъ широты, тогда какъ для того же пространства онъ возрастаетъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ для большихъ рѣкъ, въ сосѣдствѣ Ледовитаго океана [1]). Одною изъ главныхъ причинъ столь значительной разности во времени вскрытія слѣдуетъ считать отсутствіе источниковъ въ сѣверныхъ областяхъ Сибири, гдѣ въ руслѣ рѣкъ нѣтъ ни одной струйки ключевой воды, которая бы поднималась изъ глубины и способствовала болѣе скорому таянію верхнихъ льдовъ.

Рѣки сѣверной Сибири никогда бы не освобождались отъ своей ледяной коры, если бы вскрытіе ихъ не подготовлялось въ теченіе зимы движеніями, происходящими въ самой массѣ льда. Чѣмъ сильнѣе были зимніе холода, чѣмъ глубже проникалъ морозъ въ нижніе слои воды, тѣмъ болѣе кристаллическій пластъ, сжимающійся вслѣдствіе охлажденія, раскалывался и трескался во всѣхъ направленіяхъ; трескъ льдовъ, разрываемыхъ дѣйствіемъ мороза во время сильной стужи, особенно по ночамъ, походитъ иногда на шумъ сраженія: кажется, будто слышишь частый трескъ ружейной перестрѣлки, покрываемый время отъ времени грохотомъ артиллеріи. Въ то же время вода на глубинахъ, внезапно замерзающая, требуетъ, по причинѣ увеличенія объема, болѣе значительнаго пространства; она отталкиваетъ верхній слой льдовъ и сгибаетъ его въ видѣ свода. Весной, когда рѣка возобновила свое теченіе и дѣлаетъ уже усилія сбросить съ себя и унести ледяную кору, она начинаетъ тѣмъ, что затопляетъ оба свои берега, вслѣдствіе чего образуются двѣ боковыя рѣки, называемыя по мѣстному заберегами: въ это время, чтобы со-

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise".

[1]) „Sibirische Reise", томъ IV, часть первая.

вершить переправу черезъ рѣку, нужно переплыть на лодкѣ черезъ одинъ изъ боковыхъ потоковъ, затѣмъ перетащить лодку черезъ ледяной сводъ и опять начать плаваніе по другой заберегѣ, идущей вдоль противоположнаго берега. Принимая постепенно все болѣе выпуклую поверхность, растрескавшійся ледъ, наконецъ, дѣлится неравномѣрно на огромныя плиты, которыя приходятъ въ движеніе въ постоянно прибывающей водѣ. Льдины, отрывающіяся со дна рѣчнаго ложа, близъ береговъ, поднимаютъ съ собой тину, песокъ, камешки, даже большія каменныя глыбы и пускаются въ путь съ этой ношей. Вся масса, мутная или прозрачная, начинаетъ такимъ образомъ свое движеніе къ морю; но, спускаясь въ болѣе холодныя области, она встрѣчаетъ преграды въ видѣ сплошнаго, еще не тронувшагося льда, который сдерживаетъ напоръ ледохода; иногда бываетъ также, что полярные вѣтры, дующіе съ большой силой, замедляютъ движеніе разбитыхъ льдинъ и останавливаютъ ихъ у какого-нибудь поворота рѣки: образуя плотину, ледяныя глыбы громоздятся одна на другую поперекъ рѣки, задерживаютъ воды вверху и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ поднимаютъ ихъ уровень на аршинъ или на полтора аршина. Не находя болѣе выхода книзу, воды и льдины должны разливаться по сторонамъ; жидкая масса, покрытая кусками льда, устремляется на берега, переноситъ лежащія на нихъ гальки далѣе отъ берега, въ иныхъ мѣстахъ нагромождаетъ кучи или валы изъ обломковъ, а въ другихъ вырываетъ огромныя борозды на землѣ. Такимъ образомъ ледоходъ каждый годъ проводитъ новые берега для рѣчнаго русла.

Подобно рѣкамъ Европейской Россіи, и даже еще въ большей степени, рѣки Азіатской Россіи, протекая по части земной выпуклости, болѣе близкой къ полюсу, представляютъ замѣчательное явленіе постепеннаго перемѣщенія всей массы водъ въ сторону праваго берега. Вдоль этихъ могучихъ потоковъ, извивающихся по направленію отъ юга къ сѣверу, восточный возвышенный берегъ постоянно подтачивается волной, тогда какъ западный, низменный, покрытый аллювіальной почвой, пересѣкаемый тамъ и сямъ старыми, засоренными рѣчными руслами, все болѣе и болѣе покидается водами. Отсюда происходитъ тотъ рѣзкій контрастъ рельефа, который представляютъ два берега рѣки: лѣвый берегъ, надъ которымъ проходитъ теченіе, и который образовался постепеннымъ отложеніемъ наносовъ и осадковъ —вездѣ ровный и мало возвышающійся надъ уровнемъ разливовъ; напротивъ, правый,—о который постоянно ударяется масса водъ, и который составляетъ первоначальную почву, еще не передѣланную рѣкой,—поднимается въ видѣ холмовъ, *въ видѣ обрывистыхъ* утесовъ или крутояровъ. Это различіе между берегами составляетъ до такой степени общее и повсемѣстное явленіе, что туземцы, даже въ томъ случаѣ, когда они еще не видали какой-нибудь рѣки, съ увѣренностью называютъ правый ея берегъ «высокимъ», а лѣвый «низкимъ»; здѣсь замѣчается точно такая же противоположность между берегами, какая существуетъ между «лѣснымъ» или «нагорнымъ» и «луговымъ» или «степнымъ» берегомъ вдоль Волги и ея притоковъ. Такъ же, какъ въ Европейской Россіи, города въ Сибири строятся преимущественно на правомъ берегу, болѣе возвышенномъ и потому безопасномъ отъ наводненій; но эта выгода покупается дорогой цѣной: многіе города, хотя основанные въ относительно недавнее время, каковы Тобольскъ, Семипалатинскъ, Нарымъ, должны были частію перестроиться, вслѣдствіе обваловъ берега, подтачиваемаго рѣкой [1]).

Сѣверные морскіе берега Сибири, омываемые болѣе холодными водами, чѣмъ берега Норвегіи и Шотландіи, не изрѣзаны, однако, столь многочисленными фіордами. Изсѣченія сибирскаго побережья имѣютъ нѣкоторое сходство съ вырѣзками Скандинавіи только на пространствѣ между устьями рѣкъ Кары и Енисея. Карская губа, Обская губа, заливъ рѣки Таз, Енисейская губа и ихъ различныя изсѣченія, наконецъ, прибрежныя озера, которыя нѣкогда были морскими бухтами, а теперь отдѣлены отъ моря, придаютъ совокупности этой области норвежскій видъ: тамъ каждая земля—островъ или полуостровъ, каждая водная площадь—бухта или проливъ. Но къ востоку отъ Енисея образованіе морскаго прибрежья становится гораздо болѣе правильнымъ: фіорды встрѣчаются тамъ лишь на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, и большая часть ихъ врѣзываются далеко во внутренность материка. Причину этой рѣдкости фіордовъ на сибирскомъ прибрежьѣ нужно искать, безъ сомнѣнія, въ постепенной наклонности, въ отлогости континентальной почвы и скатовъ, которыми она продолжается подъ поверхностью моря. Настоящіе ледники не могли образоваться на этомъ прибрежьѣ и своимъ присутствіемъ сохранить его первоначальныя изсѣченія: рѣки, несущія землистыя частицы и обломки, моря, катящія въ своихъ волнахъ остатки безчисленныхъ организмовъ, регулировали изъ вѣка въ вѣкъ очертаніе сибирскихъ береговъ, придавая имъ форму, напоминающую въ общемъ контуры морскихъ береговъ умѣреннаго пояса.

При томъ морское ложе, постоянно выравниваемое пескомъ, иломъ, всякаго рода обломками, падающими съ поверхности, обыкновенно представляетъ гораздо болѣе ровную по-

[1]) Von Baer, „Kaspische Studien"; Bernhard von Cotta, etc.

верхность, чѣмъ сосѣднія континентальныя пространства. Но весь сѣверный берегъ Сибири есть старое морское дно, поднимающееся медленнымъ движеніемъ надъ уровнемъ Ледовитаго океана. Это явленіе постепеннаго возвышенія сибирскаго прибрежья очень хорошо извѣстно, и путешественники приводятъ многочисленныя свидѣтельства, доказывающія его существованіе. Эрманъ, Миддендорфъ, Врангель прослѣдили линіи береговъ, начертанныя далеко внутри земель, мѣстами даже въ разстояніи около 200 верстъ отъ моря и на высотѣ 330 и болѣе футъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ океана; они видѣли груды нанесенныхъ явленія этого рода, свидѣтельствующія о постепенномъ поднятіи сибирскаго берега [1]). Изъ сравненія всѣхъ наблюдавшихся фактовъ и свѣдѣній, полученныхъ отъ туземцевъ, повидимому, нужно заключить, что движеніе поднятія береговъ Сибири происходитъ довольно быстро; если китъ исчезъ изъ этихъ областей Ледовитаго океана, то это должно быть приписано, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, возвышенію морскаго дна и обмелѣнію водъ [2]). Эрманъ и нѣкоторые другіе путешественники высказали мысль, что деревья, обломки которыхъ видны на берегахъ Ледовитаго океана, это остатки лѣсовъ, росшихъ въ этомъ мѣстѣ

Берега Енисея —Плотина, воздвигнутая льдомъ.

волнами деревьевъ, извѣстныхъ у туземныхъ жителей подъ именемъ «Адамова» или «Ноева лѣса» (адамовщина, ноевщина) и находящихся теперь въ большомъ разстояніи отъ моря, видѣли многочисленныя бухты, которыя превратились въ замкнутыя озера, или даже совершенно обсохли, слои или мели замерзшихъ и вполнѣ сохранившихся морскихъ раковинъ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ нынѣ живущихъ видовъ Ледовитаго океана; они указываютъ также въ разныхъ мѣстахъ мысы, которые были островами въ эпоху посѣщенія страны предъидущими путешественниками. Еще недавно, во время зимовки барона Норденшильда и его спутниковъ въ сосѣдствѣ Берингова пролива, Бове констатировалъ многія въ ту эпоху, когда климатъ Сибири былъ теплѣе, чѣмъ въ наше время; но состояніе, въ какомъ находится такъ называемый Адамовъ лѣсъ, несомнѣнно доказываетъ, что это принесенныя водой деревья, облупленныя и поломанныя ударами льдинъ и посадками на мель. Этотъ сплавной лѣсъ состоитъ изъ хвойныхъ породъ и почти исключительно изъ лиственницъ, подобныхъ тѣмъ, которыя и въ наши дни во время разливовъ плывутъ во множествѣ внизъ по теченію большихъ сибирскихъ рѣкъ. Въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ эти наносы деревъ были достаточно велики, чтобы окаймить почти всѣ

[1]) „Bollettino della Società Geografica de Roma", 1879.
[2]) Howarth, „Journal of Geographical Society", XLIII, 1875.

берега Ледовитаго океана черной бахромой, которая позволяетъ во многихъ мѣстахъ различить линію берега между льдомъ моря и снѣгомъ твердой земли; такъ постепенно накопились тѣ «горы сплавнаго лѣса», которыя мы видимъ на берегахъ, нынѣ поднятыхъ, полуострова Таймуръ, Новой Сибири, Новой Земли, архипелага императора Франца Іосифа, Шпицбергена. Такимъ образомъ, остатки лѣсовъ южной Сибири уносятся рѣками и отлагаются отъ мыса до мыса, вдоль морскаго берега, на сѣверѣ полярнаго круга [1]).

Теченіе трехъ главныхъ и промежуточныхъ, менѣе значительныхъ, сибирскихъ рѣкъ, которыя изливаются въ Ледовитый океанъ, между Новой Землей и архипелагомъ Новой Сибири, несетъ въ совокупности такую огромную массу воды, что она оказываетъ чувствительное вліяніе на нормальный порядокъ морскихъ теченій. Вступая въ море, жидкая масса, которую изливаетъ Обь, Енисей, Лена и другія рѣки, естественно обладаетъ поступательнымъ движеніемъ въ восточномъ направленіи: вращеніе земнаго шара на оси, которое направляетъ рѣчное теченіе на правый берегъ его ложа, заставляетъ его уклоняться къ востоку, какъ только потокъ выйдетъ изъ залива или губы. Но это направленіе есть то самое, по которому слѣдуютъ воды, текущія изъ тропическихъ морей, воды, которыя, пройдя мимо скандинавскихъ береговъ и обогнувъ Новую Землю, движутся еще, хотя уже довольно медленно, вдоль береговъ сѣверной Сибири. Какая доля участія въ этомъ движеніи водъ принадлежитъ сибирскимъ рѣкамъ и какая Атлантическому океану? Безъ сомнѣнія, въ большей части это теченіе рѣчнаго происхожденія, такъ какъ въ сосѣдствѣ сибирскихъ береговъ море гораздо менѣе солено, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ: между фіордомъ Хатанга и устьями Лены содержаніе соли въ Ледовитомъ океанѣ выражается только одной сотой, слѣдовательно составляетъ лишь треть нормальной солености; море въ этихъ областяхъ имѣетъ столь малую глубину, что вода его на двѣ трети сибирскаго происхожденія. Слѣдовательно, допуская существованіе этого теченія, идущаго вдоль морскихъ береговъ полярной Сибири въ восточномъ направленіи, проф. Норденшильдъ былъ правъ, когда ввѣрилъ ему свой корабль, въ надеждѣ, что движеніе водъ откроетъ ему свободный путь на югъ отъ сплошныхъ ледяныхъ пространствъ, до Берингова пролива.

На покатости морей Берингова и Охотскаго скатъ материка слишкомъ коротокъ, чтобы тамъ могли образоваться значительныя рѣки. Хребетъ или горбъ земель, служащій въ то же время линіей раздѣла водъ, лежитъ очень близко къ берегу Тихаго океана, и иной притокъ Лены, берущій начало менѣе чѣмъ въ 100 верстахъ отъ Охотскаго моря, проходитъ около 3.000 верстъ, чтобы соединиться, черезъ посредство своей главной рѣки, съ Ледовитымъ океаномъ. Только одинъ потокъ прѣсной воды, на сѣверѣ отъ рѣки Амура, можетъ быть сравниваемъ, по длинѣ теченія, но не по обилію воды, съ большими рѣками западной Европы, въ родѣ Роны или Рейна: это Анадыръ, впадающій въ заливъ того же имени (Анадырская губа), между Беринговымъ проливомъ и полуостровомъ Камчаткой. На на югѣ Охотскаго моря прибрежныя возвышенности перерѣзаны проломомъ, черезъ который могла вылиться въ океанъ рѣка Амуръ, служившая веной истеченія для всѣхъ озерныхъ бассейновъ, которые нѣкогда покрывали плоскогорье Даурін и Монголіи.

Среднее теченіе этой рѣки, составляющей границу политическаго раздѣленія между двумя имперіями Россійской и Китайской, остается свободнымъ отъ льдовъ въ продолженіе шести или семи мѣсяцевъ въ году; между тѣмъ нижняя часть Амура, текущаго въ направленіи на сѣверо-востокъ и на сѣверъ, представляетъ то же самое явленіе, какъ и рѣки сѣверной Сибири: весеннее вскрытіе и ледоходъ замедляются по направленію сверху внизъ; льды, останавливаясь на порогахъ, въ видѣ временныхъ плотинъ или запрудъ, задерживаютъ воды разлива и заставляютъ ихъ искать себѣ выхода по сторонамъ въ сосѣднія равнины, при чемъ наводненіе размываетъ берега, вырываетъ съ корнемъ деревья въ лѣсахъ и покрываетъ почву грязью и каменьями. Въ это время отъ высокаго берега часто отрываются огромныя стѣны и вдругъ обваливаются въ рѣку, образуя временныя запруды и вздымая громадныя волны, которыя распространяются верстъ на 15 и на 20 отъ мѣста обвала.

Область плоскихъ возвышенностей, раздѣляющая бассейны Лены и Амура, кажется, лучше, чѣмъ всякая другая часть Сибири, сохранила тотъ видъ, какой должна была имѣть эта страна послѣ ледянаго періода. Тамъ каждая небольшая впадина земной поверхности наполнена болотомъ или озеромъ; ручьи, рѣчки и рѣки представляютъ непрерывное сцѣпленіе бассейновъ и водовмѣстилищъ всякой величины; морены, поросшія теперь сосновымъ лѣсомъ и кое-гдѣ обнаженныя размывомъ водъ, напоминаютъ пребываніе древнихъ ледниковъ; природа, во всей ея совокупности, носитъ на себѣ отпечатокъ недоконченности; переходъ отъ одного геологическаго періода къ другому еще не завершился [1]); рѣки еще не успѣли окончательно вырыть свои долины и урегулировать скатъ своихъ руслъ. Эти сибирскія нагорья, гдѣ преобладаютъ граниты и сланцы,

[1]) *Middendorf, „Sibirische Reise“*

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

ноходятъ на Финляндію и Скандинавію, которыя, какъ извѣстно, тоже принадлежатъ къ числу странъ, образованныхъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ.

носами. Однако, одно изъ этихъ большихъ озеръ, настоящее внутреннее море, еще сохранилось: это Байкалъ (или Святое море), занимающій двѣ впадины, которыя слѣдуетъ одна за дру-

Общій видъ Екатеринбурга.

Если плоскія возвышенности восточной Сибири еще усѣяны миріадами маленькихъ озеръ, то обширные бассейны уже исчезли въ этой странѣ, частію опорожненные проходящими черезъ нихъ рѣками, частію засоренные рѣчными наго въ глубинахъ плоскогорья, между тремя покатостями Енисея, Лены и Амура. Прежде этотъ огромный озерный резервуаръ находился на гораздо большей высотѣ, чѣмъ въ наши дни; онъ, такъ сказать, висѣлъ надъ упомяну-

тыми тремя рѣчными бассейнами, и направленіе его будущаго выходнаго истока зависѣло отъ первой трещины или пробоины въ его стѣнкахъ. Благодаря пролому, образованному Ангарой, Байкалъ принадлежитъ теперь къ бассейну Енисея. Но тѣмъ не менѣе, какъ по формѣ бассейна, въ которомъ онъ замкнутъ, такъ по своей большой глубинѣ и по происходящимъ въ немъ явленіямъ, онъ и понынѣ остается озеромъ, географически отличнымъ отъ рѣчнаго бассейна, въ составъ котораго онъ вошелъ какъ-бы случайно. Ориентированіе долины, заключающей этотъ обширный озерный резервуаръ, пересѣкаетъ почти подъ прямымъ угломъ направленіе низменности, чрезъ которую выливается излишекъ его водной массы, и ложе его спускается на нѣсколько сотъ саженъ ниже уровня океана: Ангара уноситъ только поверхностныя воды Святаго моря.

Столь обширная страна, какъ Сибирь, подверженная съ одной стороны вліяніямъ атлантическаго климата, съ другой,—дѣйствію Тихаго океана, и простирающаяся отъ юга къ сѣверу на пространствѣ 29 градусовъ географической широты, то-есть почти на цѣлой трети разстоянія, отдѣляющаго экваторъ отъ арктическаго полюса, должна, очевидно, имѣть, отъ одной оконечности до другой на этомъ огромномъ протяженіи, самые разнообразные климаты: холодная Сибирь также имѣетъ свои умѣренныя области, которымъ славянскіе колонисты сѣверныхъ мѣстностей съ гордостью даютъ пышное названіе «Италіи». Однако, въ сравненіи съ Европой, Сибирь можетъ быть разсматриваема въ своей совокупности, какъ страна крайнихъ температуръ,—жаровъ, относительно сильныхъ и особенно холодовъ, чрезвычайно суровыхъ. Слово «Сибирь» совершенно справедливо сдѣлалось синонимомъ страны леденящихъ вѣтровъ и трескучихъ морозовъ, такъ какъ именно въ восточной Сибири колеблется зимой полюсъ холода. Средняя годовая температура, въ области, заключающейся между рѣками Анабарой и Индигиркой, на 12 градусовъ ниже точки замерзанія. Полюсъ стужи, перемѣщающійся въ различныя точки, смотря по силѣ боковыхъ давленій, отъ Якутска до устьевъ Лены, составляетъ метеорологическій центръ, вокругъ котораго уравновѣшиваются воздушныя теченія. Въ этомъ пространствѣ приготовляются въ большей части элементы климата западной Европы. Вслѣдствіе общаго движенія атмосферы, которое направляется поочередно отъ сѣверо-востока къ юго-западу и отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, приморская Европа и Сибирь находятся между собой въ постоянномъ метеорологическомъ обмѣнѣ: одна посылаетъ влажность и теплую температуру, другая даетъ холода и ясную погоду.

Въ сѣверной Сибири зимой термометръ держится въ продолженіе цѣлыхъ недѣль ниже—30 градусовъ стоградусной скалы, а иногда опускается до—50 градусовъ. Въ 1871 году, 31 декабря, термометръ показывалъ въ Енисейскѣ температуру—58°,6 Цельсія, холодъ, впрочемъ, гораздо легче переносимый, нежели стоявшій за день передъ тѣмъ морозъ, который, хотя былъ на 13 градусовъ слабѣе, но зато сопровождался сильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ [1]). Невѣровъ констатировалъ температуру—62 градуса въ Якутскѣ, а Гмелинъ разсказываетъ, что ему случилось испытывать холода еще болѣе значительные [2]). Въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, средняя температура +15 градусовъ; каждый годъ, во время теплыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, термометръ въ Якутскѣ часто показываетъ болѣе 30 градусовъ въ тѣни; въ исключительныхъ случаяхъ ртуть подымается даже до 38 градусовъ, то-есть выше, чѣмъ въ городахъ умѣренной Европы; жители полюса холода выносятъ тогда жары, какихъ никогда не приходится испытывать людямъ, живущимъ на три и четыре тысячи верстъ ближе къ экватору. Подобно тому, какъ въ Лапландіи [3]), высохшая земля сибирскихъ тундръ такъ сильно нагрѣвается тогда солнцемъ, что ноги пѣшеходовъ едва могутъ выносить прикосновеніе къ ней; кажется, что ступаешь по раскаленной лавѣ. Общая разность годовыхъ наибольшихъ и наименьшихъ температуръ въ Якутскѣ обнимаетъ, слѣдовательно, сотню градусовъ въ исключительные годы; обыкновенно она составляетъ около 90 градусовъ,—пропорція все еще гораздо болѣе значительная, чѣмъ предѣлы колебанія температуры во всякомъ другомъ климатѣ на земномъ шарѣ: при переходѣ отъ зимы къ лѣту и отъ лѣта къ зимѣ суточное измѣненіе возрастающей или уменьшающей температуры составляетъ, въ среднемъ выводѣ, около половины градуса стоградуснаго термометра: во Франціи суточное повышеніе или пониженіе температуры не достигаетъ даже четверти градуса, и даже внѣ тропическаго пояса острова съ постояннымъ климатомъ, какъ напримѣръ, Фарерскіе, представляютъ между самой высокой и самой низкой температурой годовую разность, непревышающую 7 градусовъ: слѣдовательно, среднее суточное измѣненіе температуры составляетъ тамъ всего только одну двадцать пятую градуса. Такимъ образомъ, климатъ Якутска, или, лучше сказать, сѣвернаго бассейна Лены долженъ быть признанъ наиболѣе совершеннымъ на всемъ земномъ шарѣ типомъ континентальныхъ климатовъ, отличающихся крайностями тепла и холода.

---

[1]) Базилевскій, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1872 г., т. VIII.

[2]) Middendorff, „Sibirische Reise“.

[3]) Wahlenberg, „Flora lapponica“.

Приводимъ среднія температуры различныхъ мѣстъ Сибири, въ направленіи съ юга на сѣверъ, по Миддендорфу, Воейкову и другимъ:

	Широта.	Высота.	Средняя температура.	Самый холодный мѣсяцъ.	Самый теплый мѣсяцъ.	Разность.
Владивостокъ (Приморье)	43°,07′	15″	4°.1	—14°,4	20°,1	34°,5
Благовѣщенскъ (Амуръ)	50°,16′	119″	6°,0	—26°,7	22°,6	49°,3
Нерчинскій заводъ (Даурія)	51°,19′	687″	— 4°,3	—29°,5	17°,7	47°,2
Маріинскъ (Амуръ)	51°,41′	10″		—18°,3	17°,7	36°,0
Иркутскъ (Ангара)	52°,17′	460″	— 0°,1	—20°,8	18°,4	39°,2
Петропавловскъ (Камчатка)	53°,00′	15″	2°,8	— 7°,9	14°,5	22°,4
Николаевскъ (Амуръ)	53°,08′	30″		—18°,0	19°,7	37°,7
Барнаулъ (Алтай)	53°,20′	111″	— 0°,02	—20°,3	19°,5	39°,8
Каинскъ (Бараба)	55°,27′	139″	— 0°,7	—20°,0	20°,4	40°,4
Аянъ (Охотское море)	56°,27′	20″	— 3°,6	—20°,9	13°,4	34°,3
Томскъ (Обь)	56°,29′	62″	— 0°,9	—19°,2	18°,5	37°,7
Екатеринбургъ (Уралъ)	56°,50′	270″	0°,6	—16°,5	17°,5	34°,0
Тобольскъ (Иртышъ)	58°,12′	108″	0°,2	—19°,7	20°,0	39°,7
Охотскъ (прибрежье)	59°,21′	20″	— 5°.0	—23°,2	12°,6	35°,8
Якутскъ (Лена)	62°,02′	85″	—10°,9	—40°,8	17°,4	58°,2
Березовъ (Обь)	63°,56′	91″	— 4°,2	—23°,9	18°,8	42°,7
Туруханскъ (Енисей)	65°,55′	15″		—31°,0		
Нижне-Колымскъ (Колыма)	68°,32′	20″	—12°,5	—36°,4		
Таймуръ	70°,44′				10°,7	
Усть-Янскъ (Яна)	70°,55′	15″	—16°,2	—39°,3	11°,5	50°,8

Въ отношеніи климатическихъ условій кажется нормальнымъ тотъ фактъ, что область Сибири, гдѣ климатъ имѣетъ по преимуществу характеръ континентальный, не находится въ центрѣ страны, въ значительномъ разстояніи отъ морей. Всего естественнѣе было бы искать около истоковъ Енисея если не область самыхъ большихъ холодовъ, то область наибольшей разности между температурами. Однако, можно сказать, что, по крайней мѣрѣ по своей поверхности, сѣверныя и сѣверо-восточныя сибирскія моря представляютъ моря только повидимому и скорѣе должны быть причислены къ сушѣ. Покрытыя льдомъ въ продолженіе большей части года, они продолжаютъ собою на далекое пространство континентальную поверхность, соединяя ее на сѣверѣ съ архипелагомъ Новой Сибири и съ Землей Врангеля, тогда какъ со стороны востока она соединяется посредствомъ этихъ ледовитыхъ морей съ Сѣверной Америкой, съ полярными островами, съ Гренландіей. На юго-востокѣ параллельные кряжи Станового хребта, хотя мало возвышенные, образуютъ, однако, родъ экрана между открытыми морями сѣверной части Тихаго океана и плоскогорьями восточной Сибири. Понятно поэтому, что метеорологическое средоточіе континентальной области должно было перемѣститься къ сѣверо-востоку, далеко за геометрическій центръ страны. Въ отношеніи климата восточная Сибирь приближается къ Сѣверной Америкѣ, тогда какъ Сибирь западная, отъ Оби до Енисея, составляетъ еще часть Европы и находится въ области юго-западныхъ вѣтровъ [1]). Однако, полюсъ холода, который въ то же время есть центръ наибольшаго барометрическаго давленія во время зимы, былъ бы перенесенъ гораздо далѣе на юго-западъ, если бы восточная Сибирь не имѣла поверхности гораздо болѣе неровной, гористой, чѣмъ западная. Въ равнинахъ западной Сибири холодный воздухъ можетъ свободно распространяться въ ту и другую сторону; въ области же холмовъ и долинъ востока истеченіе его замедляется треніемъ неровностей почвы [1]).

Съ перваго взгляда можно бы было также подумать, что такъ какъ вліяніе географической широты уравновѣшивается вліяніемъ высоты положенія мѣста надъ уровнемъ моря, то средняя годовая температура южной Сибири должна быть столь же низка, какъ и средняя температура сѣверныхъ ея пространствъ. Вслѣдствіе явленія, аналогичнаго тому, что мы видимъ во Франціи,—гдѣ центральная плоская возвышенность, хотя лежащая южнѣе Фландріи, имѣетъ, однако, точно такія же зимы,—и въ Германіи,—гдѣ баварскія Альпы отличаются точно такимъ же климатомъ, какъ и берега Балтійскаго моря,—Алтай, Даурскія горы, казалось бы, должны имѣть столь же холодныя зимы, какъ и равнины вокругъ Якутска. Въ дѣйствительности, однако, этого нѣтъ. Натуралистъ Мюллеръ констатировалъ тотъ фактъ, что зимой температура сибирскихъ равнинъ, вообще говоря, ниже температуры высотъ и горъ: чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ холода становятся менѣе суровыми; температура возрастаетъ съ увеличеніемъ высоты мѣстъ до значительнаго возвышенія, которое, впро-

[1]) Middendorff, „Sibirische Reise“; Воейковъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1871 г., № 5.

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann“, 1878 г., № 7; Рыкачевъ; Hann и др.

чемъ, до сихъ поръ еще не опредѣлено съ точностью. Это фактъ, который замѣчаютъ иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, и въ странахъ западной Европы, когда посѣвы въ равнинѣ истребляются морозами, между тѣмъ, какъ культурныя растенія на косогорахъ и холмахъ безъ всякаго вреда для себя переносятъ зимній холодъ. Извѣстно также, что зимой 1879—1880 года вершины Пиренеевъ и Овернскихъ горъ долго были окружены болѣе теплой атмосферой, чѣмъ та, которая стояла надъ равнинами, разстилающимися у ихъ основанія [1]). Но это метеорологическое явленіе, рѣдкое въ Европѣ, почти постоянно наблюдается въ восточной Сибири. Такъ, напримѣръ, нормальная температура въ январѣ мѣсяцѣ, которая въ Иркутскѣ, на высотѣ 1.500 футовъ, составляетъ —25°,7, въ Вознесенскѣ, лежащемъ на 1.100 фут. выше, равна—25°, а на горѣ Алибера, которая поднимается на 7.300 фут., средняя высота термометра въ томъ же мѣсяцѣ только—16°,6. Эта неправильность въ порядкѣ измѣненія климатовъ должна быть приписана, безъ сомнѣнія, ясности неба, спокойствію, господствующему въ атмосферѣ. Теплый воздухъ собирается въ верхнихъ пространствахъ, тогда какъ болѣе холодные атмосферные слои, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и самые плотные, спускаются внизъ, въ силу своей большей тяжести, и скопляются надъ поверхностью земли. Въ Европѣ, гдѣ небо зимой почти всегда бываетъ покрыто облаками, ненормальное расположеніе слоевъ воздуха не можетъ долго продолжаться; но въ Сибири всѣ метеорологическія условія зимы соединяются, чтобы возвышать температуру верхнихъ воздушныхъ пространствъ въ ущербъ температурѣ нижнихъ, ближайшихъ къ земной поверхности слоевъ: сухость атмосферы, отсутствіе вѣтровъ, продолжительность ночей, во время которыхъ земная теплота уходитъ лучеиспусканіемъ въ верхнія области воздушнаго пространства [2]). При томъ же относительно теплыя воздушныя теченія могутъ дуть въ высшихъ пространствахъ атмосферы, надъ холоднымъ воздухомъ, облегающимъ равнины; замѣчено, что на горѣ Алибера господствующіе зимой вѣтры дуютъ обыкновенно съ запада, съ сѣверо-запада или съ юго-запада [3]). Таковы, вмѣстѣ съ сухостью климата, причины, препятствующія образованію ледниковъ на горахъ Дауріи, на хребтахъ Становомъ и Алданскомъ. Даже горы въ 2.000 и въ 3.000 футовъ, которыя возвышаются на сѣверныхъ морскихъ берегахъ Сибири, къ востоку отъ полуострова Таймуръ, представляютъ только кое-гдѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, фирновыя поля, и баронъ Норденшильдъ не рѣшается утверждать, что онъ видѣлъ тамъ настоящіе ледники. Эти высоты не достигаютъ даже границы никогда нетающихъ снѣговъ и лѣтомъ являются совершенно голыми или только испещрены бѣлыми полосами въ оврагахъ [4]).

Такимъ образомъ Сибирь, столь замѣчательная съ метеорологической точки зрѣнія, какъ страна, надъ которой совершаетъ свои колебанія полюсъ низкой температуры, не менѣе замѣчательна потоками холоднаго и густаго воздуха, который изливается, какъ водопадъ, въ ея равнины. Въ этой странѣ находится средоточіе наибольшаго барометрическаго давленія: въ январѣ ртуть въ барометрѣ поднимается тамъ обыкновенно до 774 миллиметровъ, то-есть на 20 или 25 миллиметр. выше, чѣмъ надъ западной Европой; холодный и сухой воздухъ, скопляющійся надъ этой областью Сибири, принужденъ, слѣдовательно, разливаться по сторонамъ, преимущественно на востокъ, къ Тихому океану, надъ которымъ залегаетъ масса воздуха гораздо менѣе значительная. Но лѣтомъ происходитъ обратное явленіе: барометрическое давленіе уменьшилось на 20 или 25 миллиметровъ въ восточной Сибири, и воздухъ окружающихъ областей, приносящій облака и дожди, долженъ притекать къ этимъ странамъ, чтобы пополнить пустоту, образовавшуюся вслѣдствіе атмосфернаго отлива [5]). Такимъ образомъ происходитъ періодическое чередованіе воздушныхъ волнъ вокругъ этой части земной выпуклости, которая является попеременно то притягательнымъ фокусомъ, то центромъ распространенія воздушныхъ массъ.

Путешественники, которымъ приводилось испытать сибирскую зиму во всей ея суровости, говорятъ о ней съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ. Безконечное безмолвіе, мертвая тишина царствуютъ въ пространствѣ. Вся природа кажется погруженной въ глубокій сонъ: мхи, травы спрятались въ снѣгу или уничтожены морозомъ; животныя забились въ свои логовища; рѣки перестали течь и вмѣстѣ съ своими берегами исчезли подъ ледянымъ или снѣжнымъ покровомъ; земля, ослѣпительной бѣлизны въ центрѣ пейзажа, окаймленная сѣрой полосой въ отдаленіи, не представляетъ ни одного предмета, на которомъ бы могъ остановиться взоръ.. Ни одной рѣзкой линіи, никакихъ яркихъ цвѣтовъ, ничего, что прерывало бы подавляющее однообразіе пространства. Единственный контрастъ съ угрюмымъ видомъ безпредѣльной снѣжной равнины составляетъ вѣчно ясная, безоблачная лазурь небеснаго свода, гдѣ шествуетъ солнце, поднимаясь едва на нѣсколько градусовъ надъ горизонтомъ.

[1]) De Nansouty; Alluard, etc.
[2]) „Zeitschrift für Meteorologie“, 1 января 1871 г.
[3]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.
[4]) Middendorff, „Sibirische Reise“; Nordenskjöld, „Lettres à M. Daubrée“.
[5]) Воейковъ, „Die atmospherische Circulation“, Ergänzungsheft, № 38, „Petermann's Mittheilungen“.

Дневное свѣтило восходитъ и закатывается, при трескучихъ морозахъ въ 36 или 40 градусовъ Цельсія, отчетливо очерченными контурами, безъ того красноватаго ореола, которымъ обыкновенно бываетъ окруженъ его дискъ на краю небосклона. Сила его лучей такъ велика, что снѣгъ таетъ на сторонѣ крышъ, обращенной къ свѣту, тогда какъ въ тѣни въ то же самое время температура бываетъ отъ 24 до 30 градусовъ ниже точки замерзанія [1]). Ночью, когда сѣверное сіяніе не разстилаетъ по небу своей разноцвѣтной драпировки и не вспыхиваетъ безчисленными ракетами, звѣзды и зодіакальный свѣтъ блестятъ необыкновенно ярко; можетъ быть, ни надъ какой другой частью земнаго шара не разстилается небо, столь бла-

Портъ Лаперуза въ заливѣ де-Кастри.

[1]) Hansteen, „Astronomische Nachrichten", VIII.

гопріятное для астрономическихъ наблюденій. Въ этой области полюса стужи, атмосфера отличается совершенной прозрачностью: нигдѣ не увидишь ни малѣйшаго облачка, развѣ только на берегу рѣкъ, гдѣ поднимается густой туманъ, состоящій изъ обледенѣвшихъ водяныхъ частицъ, или въ сосѣдствѣ стадъ, скрытыхъ въ клубахъ пара, образующагося отъ дыханія животныхъ; но воздухъ, содержащій тонкіе кристаллики тумана, не менѣе сухъ, какъ и прозрачная атмосфера. Человѣкъ осмѣливается выходить изъ своего жилья въ эти страшные холода; но животныя остаются безвыходно въ своихъ норахъ и берлогахъ; только воронъ отваживается покружить въ воздухѣ, слабымъ и медленнымъ полетомъ, оставляя за собою легкую полоску пара [1]). Впрочемъ, сибирскія зимы не такъ ужь страшны и трудно переносимы, какъ воображаютъ иностранцы, прежде чѣмъ сами испытаютъ ихъ: человѣку, даже вновь прибывшему въ край, если онъ имѣетъ достаточную и соотвѣтственную пищу, хорошо одѣтъ, закутанъ въ мѣха, нечего бояться даже самыхъ сильныхъ морозовъ; мало найдется климатовъ болѣе здоровыхъ, чѣмъ климатъ холодной Сибири, гдѣ воздухъ такъ прозраченъ, такъ спокоенъ, такъ совершенно сухъ и чистъ. Чахоточныхъ никогда не видывали въ Читѣ, въ томъ холодномъ Забайкальѣ, гдѣ ртуть въ термометрѣ замерзаетъ и остается въ твердомъ состояніи по цѣлымъ недѣлямъ [2]).

Эта суровая зима, во время которой отъ страшныхъ морозовъ трескается земля и береговые утесы рѣкъ разсѣкаются на правильныя колоннады, напоминающія столбы базальтовъ [3]), внезапно смѣняется восхитительной весной: перемѣна происходитъ такъ быстро, что природа вдругъ является совершенно обновленной; зелень распускающихся листьевъ на деревьяхъ, благоуханіе нарождающихся цвѣтовъ, опьяняющая теплота атмосферы, лучезарная ясность неба—все соединяется, чтобы сдѣлать изъ радостнаго чувства жизни настоящее наслажденіе: сибирякамъ, посѣщающимъ умѣренныя страны западной Европы, кажется, что внѣ ихъ родины о веснѣ и понятія не имѣютъ. За этими первыми днями пробужденія природы отъ продолжительнаго зимняго сна наступаетъ періодъ холодной, вѣтряной, измѣнчивой погоды, какъ слѣдствіе пертурбаціи, которую производитъ въ атмосферѣ внезапная оттепель и быстрое таяніе снѣга на громадномъ пространствѣ: наступаетъ возвратъ холодовъ, подобный возобновленію стужи, извѣстному въ приморской Европѣ подъ именемъ дней «ледныхъ святыхъ»; только этотъ возвратъ въ Сибири бываетъ позднѣе, именно около 20 мая; ночные морозы уничтожаютъ цвѣтъ на яблоняхъ: вотъ почему невозможно получить яблоки въ восточной Сибири, хотя общее количество лѣтней теплоты вполнѣ достаточно для вызрѣванія этихъ плодовъ [4]). Зимніе холода скоро даютъ себя чувствовать послѣ короткаго лѣта: часто ночные заморозки начинаются уже съ половины іюля; съ 10 августа листья на деревьяхъ, пожелтѣвшіе отъ холода, начинаютъ опадать; десять дней спустя, одна только лиственница сохранила еще кое-гдѣ пучки своихъ иголъ. Случается также, съ первыхъ чиселъ августа, что снѣгъ, насѣвшій густымъ слоемъ на густолистыя деревья, заставляетъ ихъ гнуться подъ его тяжестью и даже ломаетъ на нихъ вѣтви [5]).

Даже въ лѣтніе мѣсяцы зима продолжаетъ царствовать въ глубинахъ почвы; послѣ самыхъ сильныхъ жаровъ заступъ не можетъ копать грунтъ болѣе какъ на 3 аршина подъ поверхностью; ниже земля остается всегда замерзшей. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Гмелинъ сообщилъ ученому міру этотъ необыкновенный фактъ постояннаго замерзанія почвы до глубины 100 слишкомъ футовъ; но это явленіе казалось противорѣчащимъ теоріи правильнаго возростанія земной температуры въ глубинахъ, и ученые недоумѣвали, какимъ образомъ мерзлая почва Якутска можетъ покрываться растительностью, и какъ могутъ вызрѣвать на ней посѣвы хлѣба. Геологъ Леопольдъ фонъ Бухъ отвергалъ наблюденія Гмелина, какъ неимѣющія никакой цѣны; астрономъ Ганстенъ тоже объявилъ ихъ ошибочными, въ то самое время, когда путешественникъ Эрманъ, въ 1832 году, засвидѣтельствовалъ совершенную точность указаннаго Гмелиномъ факта. Наблюденія, произведенныя Миддендорфомъ, согласно опредѣленнымъ указаніямъ петербургской академіи наукъ, устранили всѣ сомнѣнія по этому вопросу. Въ Якутскѣ существуетъ буровая скважина почти въ 380 футовъ глубины, предпринятая для устройства артезіанскаго колодца; скважина эта еще не прошла слой земли, отвердѣвшей отъ мороза, и отъ дальнѣйшаго буренія принуждены были отказаться, не достигнувъ искомаго слоя воды, такъ какъ потеряли всякую надежду на успѣшное окончаніе предпріятія. На глубинѣ около 3 аршинъ, тамъ, гдѣ уже не ощущаются происходящія на поверхности земли колебанія тепла и холода, средняя температура, которая приблизительно представляетъ нормальный климатъ Якутска, оказалась равной—11,°25; на днѣ же буровой скважины средняя температура уже—3°,12. Слѣдовательно, здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ земнаго шара, существуетъ возрастаніе температуры по мѣрѣ нисхожденія вглубь земли подъ поверхностный слой почвы, и это возрастаніе совер-

[1]) Middendorff, „Sibirische Reise"; Wrangel, „Siberia and polar sea".
[2]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.
[3]) *Ermann, „Voyages en Sibérie"*.
[4]) Миддендорфъ; Ледебуръ; Фишъ.
[5]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

шается въ Сибири даже быстрѣе, чѣмъ въ рудниковыхъ шахтахъ и копяхъ Европы, такъ какъ оно составляетъ одинъ градусъ на каждыя $6^1/_2$ саженъ; вычисленіе указываетъ присутствіе сырой почвы на разстояніи около 24 саженъ ниже того мѣста, гдѣ остановился буровой снарядъ. Нельзя, однако, допустить безусловно,—прежде чѣмъ будутъ сдѣланы сравнительныя наблюденія во всей сѣверной области Сибири,—что почва тамъ совершенно мерзлая до глубины 530 или 560 футовъ. Возможно, что какія-нибудь исключительныя обстоятельства способствуютъ, въ однихъ мѣстахъ нагрѣванію, въ другихъ охлажденію грунта, и ученые допускаютъ, какъ весьма вѣроятное предположеніе, что сосѣдство ключей и текучихъ водъ должно вліять на повышеніе температуры почвы. Въ 7 верстахъ отъ Якутска одинъ колодезь, глубиною всего только въ 59 фут., достигаетъ слоя земли, столь же близкаго въ точкѣ таянія, какъ и якутскій колодецъ, выкопанный до глубины 380 футовъ; къ юго-западу, при сліяніи рѣкъ Алдана и Майи, какъ говорятъ, совершенно пробуравили слой мерзлой почвы на разстояніи одного аршина отъ поверхности и проникли до слоя рыхлаго песка [1]).

Въ этихъ областяхъ сѣверной Сибири земные слои, температура которыхъ постоянно ниже точки замерзанія, заключаютъ во многихъ мѣстахъ площади окристаллизованной воды. Такъ, напримѣръ, въ золотоносныхъ пескахъ Енисея нашли, между гравіемъ и торфомъ, слой льда, толщиною около 21 фута [2]). Пластинки кристаллическаго льда, разломанныя льдины, разсѣянныя ледяныя глыбы всякой формы и величины, болѣе или менѣе чистыя или смѣшанныя съ пескомъ или грязью, встрѣчаются вездѣ въ почвѣ, и когда гуляешь по берегу моря или большой рѣки, часто случается присутствовать при образованіи этихъ прозрачныхъ ледяныхъ жилъ. Морскія волны выбрасываютъ на берега льдины и затѣмъ покрываютъ ихъ пескомъ. Подобно тому и рѣки отлагаютъ на берегу одинъ надъ другимъ ряды льдинъ и песку; тамъ же, гдѣ почва потрескается, вода проникаетъ въ трещины и замерзаетъ въ видѣ пластинокъ. Точно также снѣга, скопляющіеся въ оврагахъ и покрываемые кучами осыпающейся со скатовъ земли, превращаются постепенно въ кристаллическія массы. Такъ образуются эти ископаемые льды, изъ которыхъ самые древніе отложились, безъ сомнѣнія, въ предшествующія геологическія эпохи [3]).

Въ зимніе мѣсяцы атмосфера бываетъ обыкновенно спокойна въ области холоднаго полюса; но нельзя того же сказать о странахъ, составляющихъ окраины этой области. Отъ Уральскаго хребта до Енисея и отъ Саянскихъ горъ до береговъ Ледовитаго океана южные вѣтры, и преимущественно юго-западные, преобладаютъ зимой, тогда какъ на югѣ этого пояса, въ Киргизской степи, такъ же, какъ въ степяхъ Астраханскихъ, господствующее вліяніе оказываютъ полярные вѣтры, спускающіеся съ высотъ атмосферы [1]). Слѣдовательно, общіе законы климата западной Сибири походятъ на общіе законы европейскаго климата: на востокѣ, какъ и на западѣ Уральскихъ горъ, воздушныя теченія, идущія одно изъ-подъ тропиковъ, другое отъ сѣвернаго полюса, встрѣчаются на половинѣ дороги. Къ востоку же отъ Енисея, и особенно въ бассейнѣ Лены, движеніе воздушныхъ токовъ совершенно иное. Тамъ зимніе вѣтры дуютъ, вообще говоря, съ сѣверо-запада, то-есть отъ Ледовитаго океана къ Тихому: отъ пояса высокаго барометрическаго давленія они направляются къ поясу низкаго давленія, указанному Крузенштерномъ въ 1805 году. На этомъ «отвратительномъ» Охотскомъ морѣ, какъ его называетъ знаменитый русскій мореплаватель, по цѣлымъ мѣсяцамъ свирѣпствуютъ такія страшныя бури, что часто сообщеніе между двумя берегами становится совершенно невозможнымъ. Въ Удскомъ, близъ Охотскаго побережья, эти яростные сибирскіе муссоны, слѣдующіе въ сѣверо-западномъ направленіи, дуютъ правильно въ продолженіе семи мѣсяцевъ, съ сентября до апрѣля, и воздушныя массы, подобныя водопадамъ, низвергаются, такъ сказать, съ высоты Становаго хребта въ разстилающійся внизу морской бассейнъ. Въ эту бурную пору люди и вьючныя животныя тщетно пытаются по цѣлымъ днямъ взобраться по скату горъ противъ свирѣпаго вѣтра, несущагося съ вершинъ: путники и лошади опрокидываются порывами вѣтра, вьюки срываются и скатываются въ пропасть [2]). Даже на нижнемъ теченіи Амура эти бурные вѣтры дуютъ съ большой силой, хотя гораздо меньшей, чѣмъ на берегахъ Охотскаго моря. Въ океанѣ они далеко отклоняютъ «Черную рѣку» японцевъ, морское теченіе Куро-сиво, и тѣмъ самымъ заставляютъ корабли измѣнять свой маршрутъ между двумя континентами. На плоскихъ возвышенностяхъ Монголіи этотъ ледяной сѣверо-западный вѣтеръ дуетъ также почти непрерывно въ продолженіе всей зимы, и всѣ путешественники, отправляющіеся изъ Китая въ Сибирь, говорятъ о немъ съ ужасомъ [3]). Проводники каравановъ, идущихъ противъ вѣтра, принуждены, подъ страхомъ отморозить себѣ лицо, носить войлочную маску, въ которой

[1]) Middendorf, „Sibirische Reise".

[2]) Кропоткинъ, „Expédition de l'Olekminsk et du Vitim".

[3]) Лопатинъ, „Нѣсколько замѣтокъ о ледяныхъ слояхъ восточной Сибири".

[1]) Веселовскій, „О климатѣ Россіи".

[2]) Рашевскій, „Записки Сибирскаго отдѣла Русск. Геогр. Общ.", III, 1867 г.; Middendorf, „Sibirische Reise".

[3]) Pumpelly, „Geological Researches in China"; Richthofen, „Chine".

сдѣланы только узенькіе прорѣзы для глазъ и для рта [1]).

На берегахъ Ледовитаго океана сѣверо-западный вѣтеръ отличается гораздо болѣе правильнымъ характеромъ: онъ дуетъ почти безъ перерыва, но ровнымъ дуновеніемъ и никогда не переходитъ въ бурю; такимъ, по крайней мѣрѣ, имѣли случай наблюдать его [2]) баронъ Норденшильдъ и его спутники во время своей зимовки на этихъ берегахъ въ 1878—1879 гг. Лѣтомъ, полярные вѣтры тоже привлекаются въ области сибирскаго побережья вслѣдствіе нагрѣванія поверхности тундръ: въ это время на морскомъ берегу образуется полоса правильныхъ бризъ. На восточной сторонѣ континента лѣтній муссонъ, притягиваемый къ области низкаго барометрическаго давленія и, слѣдовательно, разрѣженнаго воздуха, смѣнившей зимнюю волну высокаго давленія, дуетъ съ Тихаго океана къ внутренности земель: дуновеніе этихъ восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ нерѣдко бываетъ ощутительно даже въ сосѣдствѣ Байкальскаго озера, куда они приносятъ въ большомъ изобиліи дожди [3]). Эти лѣтніе муссоны, дующіе съ моря, чрезвычайно насыщены водяными парами; всѣ предметы покрываются плѣсенью подъ вліяніемъ постоянныхъ тумановъ. Въ періодъ господства этихъ вѣтровъ, берега Охотскаго моря всегда окутаны облаками, которыя безпрестанно разрѣшаются дождемъ и снова собираются массами: когда спускаешься съ Алданскихъ горъ, къ западу отъ которыхъ солнце ярко блеститъ на безоблачномъ небѣ, внизу постоянно видишь, въ эти лѣтніе мѣсяцы, обширное море движущагося водянаго пара. Въ моряхъ, окружающихъ Курильскіе острова, часто случается, что туманы и мелкіе дожди не позволяютъ разглядѣть берегъ въ продолженіе цѣлыхъ недѣль. Какой контрастъ между этими сырыми областями архипелаговъ и морскаго побережья и внутренними странами, столь бѣдными дождемъ! На различныхъ пунктахъ Охотскаго берега паденіе воды изъ атмосферы, почти цѣликомъ заключенное въ предѣлахъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, навѣрно превышаетъ 1 метръ въ годъ, тогда какъ въ Якутскѣ количество выпадающаго дождя и снѣга въ тотъ же періодъ времени представляетъ 25 сантиметровъ.

Годовое количество атмосферной влаги, выпадающей въ разныхъ мѣстахъ Сибири, выражается слѣдующими цифрами (по Веселовскому, Воейкову, Гану):

Аянъ (при Охотскомъ морѣ)—0,89 метр.; Якутскъ—0,25 метр.; Кяхта—0,20 метр.; Барнаулъ—0,32 метр.; Нерчинскій заводъ—0,40 метр.; Тобольскъ—0,46 метр.

Цѣлыя зимы проходятъ безъ снѣга и въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Сибири, именно въ равнинахъ Забайкалья. Посреди Удинскихъ степи, между Верхне-Удинскомъ, жители всю зиму ѣздятъ на колесахъ по замерзшему грунту, который звенитъ подъ ногами лошадей, словно асфальтовая мостовая [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Красноярскомъ округѣ, бури тоже сметаютъ съ равнинъ весь снѣгъ и наполняютъ имъ овраги окружающихъ горъ; зерно, брошенное на землю осенью, уносится вѣтромъ, незащищенное снѣжнымъ покровомъ, и лошади, запряженныя въ сани, то и дѣло принуждены останавливаться на голой почвѣ [2]).

Подъ вліяніемъ правильныхъ муссоновъ, падающій снѣгъ располагается параллельными дюнами, слѣдующими одна за другой на подобіе волнъ океана: въ безконечную зимнюю ночь прямолинейные ряды этихъ снѣжныхъ сугробовъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ застругъ, указываютъ чукчамъ направленіе, по которому они должны слѣдовать, съ такой же опредѣленностью, какъ это сдѣлалъ бы компасъ [3]). Но каждый годъ, въ эпоху перемѣны временъ года, сопровождающейся измѣненіемъ направленія муссоновъ въ прямо противоположное, сильныя бури ниспровергаютъ весь этотъ прекрасный порядокъ расположенія бѣлыхъ дюнъ: эти сибирскія вьюги, называемыя по мѣстному буранами, еще страшнѣе, чѣмъ мятели, бушующія въ придонскихъ степяхъ или на берегахъ Чернаго моря. Среди обширныхъ равнинъ бураны яростно кружатся вихремъ, какъ ураганъ тропическихъ странъ: вмѣстѣ съ снѣгомъ, они увлекаютъ всякаго рода обломки, крупный песокъ, куски льда, поломанныя вѣтви деревьевъ, часто даже людей, ослѣпляютъ ихъ и предаютъ ихъ смерти, когда они заблудились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего становища.

При громадномъ протяженіи своей территоріи и при разнообразіи своихъ климатовъ, Сибирь естественно дѣлится на обширныя области растительности, которыя болѣе рѣзко отличаются одна отъ другой, чѣмъ растительныя области Европы. Въ южной полосѣ Сибири степи имѣютъ характеристическую, совершенно опредѣленную флору, которая составляетъ продолженіе флоры, свойственной равнинамъ Аральскаго озера, Каспійскаго моря и Волги. На сѣверѣ полоса тундръ, совершенно лишенная лѣсной растительности, также представляетъ особую растительную область, ясно ограниченную, какъ пустыня, тогда какъ между

[1]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г. № 6.
[2]) Bove, „Bullettino della Società geografica Italiana“, Dec. 1879.
[3]) Воейковъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общества“, *1875 г., № 5.*

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Ermann, „Voyages en Sibérie“; Ровинскій, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г.
[3]) Bove, выше цитированное сочиненіе.

тими двумя поясами, степей и тундръ, евро-
ейская область лѣсовъ продолжается отъ за-
ада къ востоку, но подраздѣляясь на второ-
тепенныя области. Бассейны Оби и Енисея,

Ледяныя борозды на берегахъ Енисея.

ассейнъ Лены, бассейнъ Амура могутъ быть
азсматриваемы въ общихъ чертахъ какъ подъ-
бласти древесной флоры.

Сѣверная граница лѣсной растительности
роводится обыкновенно картографами на

слишкомъ большомъ разстояніи отъ Ледовитаго
океана. Въ Сибири эта граница, вездѣ обра-
зуемая лиственницей (larix daurica sibirica),
представляетъ очень неправильную линію:

вмѣсто того, чтобы направляться отъ запада
къ востоку по одному и тому же градусу ши-
роты, она изгибается къ сѣверу, воспроизводя
въ общихъ чертахъ и длинными кривыми кон-
туры морскаго берега, тогда какъ въ бассейнѣ

Оби граница лѣсовъ приблизительно совпадаетъ съ полярнымъ кругомъ; она пересѣкаетъ Енисей почти подъ 70 градусомъ широты, а на полуостровѣ Таймуръ, на берегахъ рѣки Хатанги, поднимается еще на 260 верстъ выше къ сѣверу. Далѣе, въ восточномъ направленіи, она спускается мало-по-малу къ линіи полярнаго круга, и весь конечный полуостровъ, выступающій въ Беринговъ проливъ, остается внѣ пояса лѣсной растительности [1]). При томъ скалы, болота, тысячи всякихъ особенностей рельефа почвы отклоняютъ границу во всѣхъ направленіяхъ, и во всѣхъ рѣчныхъ долинахъ она выдвигается на подобіе мыса къ морю, благодаря защитѣ, которую представляютъ деревьямъ возвышенные берега рѣкъ.

Уже гораздо ближе границы древесной растительности, по сю сторону сѣвернаго фронта лѣсовъ, деревья, которымъ приходится бороться противъ сильнаго холода, ростутъ очень туго и медленно. Къ сѣверу отъ 60 градуса широты уже не встрѣтишь въ дѣвственномъ лѣсу деревъ, имѣющихъ болѣе полутора аршинъ въ толщину; къ сѣверу отъ 61 градуса деревья среднимъ числомъ имѣютъ не болѣе 30 сантиметровъ; въ сосѣдствѣ же тундры древесные стволы обыкновенно не превышаютъ полфута въ діаметрѣ. Издали эти лѣса крайняго сибирскаго сѣвера, состоящіе единственно изъ тонкоствольныхъ деревъ, походятъ на новыя насажденія, и легко представить себѣ удивленіе путешественника, когда онъ, проникнувъ въ чащу лѣса, убѣждается, что эти растенія, съ вѣтвями, покрытыми мохомъ, точно бахромой, все старыя деревья, живущія уже двѣ или три сотни лѣтъ. Земля, постоянно мерзлая уже на незначительной глубинѣ, не позволяетъ корнямъ забираться далеко отъ поверхности, чтобы извлекать нужные для его питанія соки; съ другой стороны, въ продолженіе большей части года вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжныхъ массъ, которыя прекращаютъ сообщеніе дерева съ атмосферой. Въ продолженіе зимы дерево бываетъ совершенно замерзшимъ, и стволъ и корни, такъ что топоръ, самъ сдѣлавшійся ломкимъ отъ мороза, разбивается о древесный стволъ, какъ о глыбу желѣза или камня; растеніе пробуждается изъ своего долгаго зимняго сна только при первыхъ лучахъ весенняго солнца [2]). Медленность роста придаетъ этимъ деревьямъ необычайную твердость, но зато они менѣе гибки, болѣе хрупки, и, разъ поваленныя вѣтромъ или ударами топора, они могутъ быть замѣнены новыми особями лишь при помощи медленнаго усилія столѣтій. Послѣднія лиственницы, у которыхъ еще хватило силы подняться отъ земли въ видѣ тощихъ стволовъ, не успѣли даже выдѣлить изъ себя настоящихъ вѣтвей; онѣ усажены лишь сучьями, на которыхъ кое-гдѣ вырастаютъ почки. Въ этой постоянной борьбѣ между жизнью и смертью большинство деревьевъ, прозябающихъ вблизи тундры, имѣютъ такой видъ, какъ-будто изъ нихъ давно изсякли жизненные соки: стволы, покрытыя мохомъ, лишенныя вѣтвей, они кажутся умершими по крайней мѣрѣ полстолѣтія тому назадъ, а между тѣмъ каждый годъ, весной, появляются тамъ и сямъ маленькія почки, свидѣтельствующія объ остаткѣ движенія въ растеніи. Далѣе въ сѣверномъ направленіи, за этими лиственницами, которыя еще держатся въ прямомъ положеніи, другія деревья ползутъ по землѣ, наполовину скрытыя подъ мхомъ. Еще на разстояніи сотни верстъ къ сѣверу отъ пояса лѣсовъ, встрѣтишь эти лежачіе стволы, выросшіе не болѣе, какъ на аршинъ или полтора послѣ ста пятидесяти лѣтъ существованія; они кажутся скорѣе корнями, чѣмъ стеблями, и расползающіяся вѣтви ихъ можно принять за сухой валежникъ, оставленный въ тундрѣ; однако вѣточки, торчащія изъ-подъ мха на подобіе вороньихъ перьевъ, указываютъ на существованіе небольшаго количества жизненнаго сока въ этой лежачей растительной массѣ.

Мертвыя деревья валяются въ большомъ числѣ впереди опушки поля борьбы растительныхъ организмовъ съ суровымъ климатомъ. Во всей сѣверной Сибири, такъ же, какъ и на скатахъ горъ южной полосы, слѣды исчезнувшаго лѣснаго пояса переходятъ за нынѣшнюю границу древесной растительности: такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ явленіе, подобное тому, которое констатировано на швейцарскихъ и савойскихъ Альпахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвера Сибири отступленіе лѣса внутрь страны составляетъ не менѣе 20 или 25 верстъ; на такомъ разстояніи отъ опушки самыхъ маленькихъ, приземистыхъ теперешнихъ лѣсовъ встрѣчаются еще стволы и пни поваленныхъ деревъ. Миддендорфъ приписываетъ это понятное движеніе лѣсной растительности частымъ лѣтнимъ морозамъ, а не суровости зимняго холода, и въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія указываетъ на тотъ фактъ, что въ нижнихъ областяхъ Лены, гдѣ климатъ холоднѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, деревья какъ нельзя лучше выносятъ зимнюю стужу. Въ самомъ дѣлѣ, легко понять, что на крайномъ сѣверѣ, въ такомъ климатѣ, гдѣ деревья имѣютъ только два съ половиной или много-много три мѣсяца сроку, чтобы развить свои почки и одѣться листвой, нѣсколько губительныхъ ночныхъ морозовъ въ теплое время года могутъ окончательно остановить движеніе растительныхъ соковъ [1]). Во всякомъ случаѣ климатъ всей сѣверной Сибири несомнѣнно

[1]) Von Middendorf, „Sibirische Reise"; Grisebach, „La Végétation du globe", перев. Чихачева.

[2]) *Миддендорфъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Миддендорфъ, „Sibirische Reise".

долженъ былъ измѣниться въ послѣднія нѣсколько столѣтій, такъ какъ поясъ лѣсовъ отодвинулся по направленію къ экватору. Подобное же явленіе оскудѣнія древесной растительности на крайнемъ сѣверѣ обнаружилось и въ другихъ сѣверныхъ странахъ, въ Исландіи, въ Скандинавіи, на Уралѣ, въ британской Америкѣ [1]).

За предѣлами лѣсной области, вдоль береговъ Ледовитаго океана, и тамъ и сямъ во внутренности земель, образуя какъ-бы острова и архипелаги, простирается тундра, гдѣ единственную растительность составляютъ травы, мхи и лишаи. Эта тундра состоитъ не изъ однѣхъ только низменныхъ равнинъ: она заключаетъ также холмистыя мѣстности, и, взятая въ совокупности, она представляетъ преимущественно волнообразное пространство, гдѣ разности уровня между холмами и долинами достигаютъ 330 футовъ; отъ одного горизонта до другаго высоты тундры, съ промежуточными долинами, слѣдуютъ однѣ за другими, какъ большія волны.

Во многихъ отношеніяхъ тундра похожа на степь, хотя происхожденіе ихъ различно. Недостатокъ влажности производитъ степь, недостатокъ тепла порождаетъ тундру; но та и другая имѣютъ одинаковый видъ и оставляютъ въ умѣ одинаковое впечатлѣніе угрюмаго, подавляющаго однообразія; роды растеній, прозябающихъ близъ Ледовитаго океана, встрѣчаются также на берегу Аральскаго моря, на разстояніи тридцати градусовъ ближе къ экватору. Въ самомъ дѣлѣ флора сибирскихъ тундръ заключаетъ даже явнобрачныя растенія, составляющія еще, на одномъ только полуостровѣ Таймуръ, десять родовъ и двадцать одинъ видъ; но этихъ растеній не увидишь тамъ соединенными въ предѣлахъ одного и того же горизонта. Мхи преобладаютъ и на громадномъ протяженіи застилаютъ землю сплошнымъ ковромъ, такъ что кажется, что они одни и составляютъ всю растительность. Тундры, гдѣ господствуетъ мохъ многовласникъ (polytrichum), наполняютъ поле зрѣнія своей грязно-желтой окраской, тогда какъ тундры, гдѣ растетъ оленій мохъ (ягель), имѣютъ бѣлесоватый колоритъ. На этомъ тускломъ фонѣ, освѣщаемомъ лучами низко стоящаго солнца, ничто не останавливаетъ взора: это безконечность моря, но безъ движенія ударяющихся одна о другую волнъ; это царство безмолвія и смерти. Путешественникъ радъ, когда примѣтитъ среди утомительнаго однообразія бѣловатой или желтоватой равнины маленькій островокъ зелени, образуемый травой, которая покрыла почву вокругъ прежняго становища самоѣдовъ или берлоги полярной лисицы (песца) [2]). Мѣстами видны также небольшіе зыбкіе луга, но они встрѣчаются только по берегамъ текучихъ водъ; въ другихъ мѣстахъ слой мерзлой земли начинается такъ близко отъ поверхности, что трава уже не можетъ расти.

Между тундрами крайняго сѣвера и степями южной полосы лѣсной поясъ Сибири занимаетъ самое обширное протяженіе территоріи: отъ Урала до Камчатки можно бы было идти постоянно въ тѣни лѣсовъ, въ густой сплошной тайгѣ, прерываемой только текучими водами, изрѣдка небольшими естественными прогалинами, да полосами расчищенной подъ пашни земли. Названіе тайга, взятое въ общемъ смыслѣ, примѣняется ко всѣмъ пространствамъ, покрытымъ лѣсами, но его употребляютъ спеціально на востокѣ отъ Алтая для обозначенія гористыхъ мѣстностей, гдѣ путешественникъ можетъ пробираться лишь съ большимъ трудомъ черезъ переплетающіеся корни и вѣтви деревьевъ, по болотистой, топкой и трясущейся подъ ногами почвѣ, гдѣ мари, то-есть торфяники и болота, чередуются съ падями или узкими оврагами безъ малѣйшей полоски травы на днѣ, по берегу ручьевъ. Золотоискатели даютъ также названіе тайги спеціально лѣсистымъ горамъ, куда они ходятъ на поиски золотоносныхъ песковъ: такъ, они говорятъ объ Енисейской тайгѣ, о тайгахъ по Окѣ и по Витиму. Тайга почти вездѣ представляетъ безмолвный лѣсъ, безъ травяной растительности, безъ дерна и, слѣдовательно, безъ насѣкомыхъ и птицъ: въ сравненіи съ европейскими лѣсами, она имѣетъ печальный, угрюмый видъ, и путешественникъ испытываетъ нѣкоторый ужасъ, углубляясь въ чащу ея [1]); подъ тѣнью ея не увидишь ни одного живаго существа; только вѣтеръ оглашаетъ мрачную пустыню, когда онъ проносится надъ лѣсомъ и колышетъ вѣтви деревъ; часто также онъ валитъ стволы, плохо укрѣпленные корнями, которые стелются по камнямъ, покрытымъ мхомъ.

Въ сибирскихъ лѣсахъ преобладаютъ хвойныя деревья, но всѣ породы этихъ семействъ тѣ же самыя, какъ и европейскіе виды, за исключеніемъ пихты, которая, кажется, есть единственная форма, спеціально свойственная восточной Сибири [2]). Это дерево тонкое, очень высокое, съ гладкой корой: рѣдко встрѣтишь пихту, стволъ которой имѣлъ бы болѣе 5 или 6 вершковъ толщины, а между тѣмъ она достигаетъ 12 или 13 саженъ въ вышину, и стволъ ея поднимается высоко надъ верхушками другихъ, болѣе толстыхъ и болѣе старыхъ деревьевъ; въ сосѣдствѣ сѣверной опушки лѣснаго пояса пихта, почти голая, безъ вѣтвей, походитъ на столбъ, вкопанный въ землю. Среди большихъ лѣсовъ центральной Сибири она

[1]) Schrenk, „Reise nach dem Nord-Osten des Europäischen Russlands“; Ricardson, „Searching Expedition“.
[2]) Миддендорфъ, напиров. сочиненіе.

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Grisebach, „La végétation du globe“.

выдѣляется своей синевато-зеленой листвой: это «благородная сосна» по преимуществу, но дерево ея рѣдко утилизируется; слишкомъ хрупкое, чтобы служить матеріаломъ для построекъ, оно не даетъ даже хорошаго топлива. Изъ хвойныхъ породъ особенно замѣчателенъ такъ называемый «сибирскій кедръ» (pinus cembra), лучшее дерево Сибири и наиболѣе охотно употребляемое для постройки рѣчныхъ судовъ, а также для столярныхъ издѣлій; онъ не коробится, не гніетъ, кромѣ того случая, когда подвергается черезчуръ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры; древесина его не имѣетъ узловъ, не трескается и отличается необычной легкостью. Остяки строятъ изъ кедра свои барки и лодки; но стволъ этого драгоцѣннаго дерева, даже когда онъ имѣетъ сажень или полторы въ обхватѣ, даетъ имъ только двѣ плахи, такъ много топоръ откалываетъ щепокъ. Русскіе крестьяне нѣкоторыхъ округовъ, можетъ быть, обращаются со своими лѣсными богатствами еще менѣе бережливо. На берегахъ Енисея не рѣдкость увидѣть огромные кедры, срубленные единственно для того, чтобы собрать съ нихъ шишки, содержащія вкусные орѣхи, которые услаждаютъ и сокращаютъ досужее время сибирячекъ въ длинные зимніе вечера [1]).

Самое обыкновенное и распространенное дерево сибирской тайги—лиственница; это древесная порода, которая всего лучше выноситъ страшные зимніе морозы и лѣтніе ночные холода, и которая образуетъ опушку лѣса на окраинахъ тундры; различныя разновидности лиственницы занимаютъ также наиболѣе значительную по протяженію область, такъ какъ ихъ встрѣтишь еще на югѣ Сибири, въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Уссури. Но сибирскіе лѣса заключаютъ, кромѣ того, большую часть деревьевъ умѣреннаго пояса Европы, границы распространенія которыхъ пересѣкаются здѣсь различнымъ образомъ, смотря по свойству почвы, высотѣ мѣстности, положенію ея въ отношеніи дѣйствія солнца и вѣтровъ: обыкновенная или боровая сосна (pinus sylvestrus) особенно любитъ песчаныя земли; ползучая сосна, можжевельникъ, пихта прозябаютъ на высокихъ скатахъ горъ, въ сосѣдствѣ голыхъ скалъ; въ долинахъ и по откосамъ холмовъ растутъ: липа, кленъ, рябина, ольха, ивы, тополи, осины, черемуха,—эта сибирская вишня,—абрикосовое дерево, береза, дерево которой столь полезно тунгусамъ, приготовляющимъ изъ нея всю свою незатѣйливую домашнюю утварь. Веселая, кудрявая березка составляетъ какъ-бы символъ родины для русскихъ крестьянъ. Замѣчено, что это дерево часто замѣняетъ хвойныя породы въ лѣсахъ, гдѣ сосна была повалена бурей, срублена топоромъ или уничтожена огнемъ [1]). Съ юго-восточной стороны, около границъ Китая, береза такъ мало-по-малу распространяется, вытѣсняя туземные виды. Жители страны видятъ въ этомъ вѣрное предзнаменованіе близкаго наступленія господства «Бѣлаго Царя». Уже двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе многочисленныхъ пожаровъ, береза стала замѣнять въ лѣсахъ сосны и ели, между туземцами распространился слухъ, что появленіе «бѣлаго дерева» возвѣщаетъ скорое пришествіе русскихъ [2]).

Первобытные лѣса Сибири не заключаютъ въ себѣ исполиновъ растительнаго міра, какъ дѣвственные лѣса тропическихъ странъ, или лѣса Австраліи, Калифорніи, Орегона, или даже Ситхи, въ бывшихъ русско-американскихъ владѣніяхъ. Самый массивный стволъ, видѣнный Миддендорфомъ во время его путешествія по Сибири, былъ тополь около двухъ съ половиной аршинъ толщиною, который онъ встрѣтилъ между 52 и 53 градусами широты. Большія деревья сибирскаго лѣса, достигшія, повидимому, всего своего роста, имѣютъ среднимъ числомъ только отъ 30 до 40 сантиметровъ въ толщину и не болѣе полутора аршинъ въ окружности. Климатъ Сибири, въ самомъ дѣлѣ, есть одинъ изъ наименѣе благопріятныхъ для развитія древесной растительности. Этотъ климатъ, континентальный по преимуществу, поперемѣнно то слишкомъ холодный, то не въ мѣру жаркій, бѣдный атмосферной влажностью, очень скупо удѣляетъ жизненные соки деревьямъ, и, благодаря ему, кора на нихъ трескается, листья вянутъ, вѣтви и корни побиваются морозомъ: всѣ условія соединились для того, чтобы подвергать растенія страданіямъ во время ихъ жизни и чтобы ускорить ихъ вѣкъ. Кромѣ того, лѣсные пожары, или, по мѣстному, палы, составляютъ въ Сибири очень частое явленіе. Когда лѣсъ загорится, зажженный молніей, дровосѣками или звѣролонами, пожаръ распространяется на огромное пространство во всѣ стороны, и останавливается только тогда, когда встрѣтитъ на пути озера, болота и рѣки. Распространенный въ воздухѣ слабый запахъ гари отъ паловъ въ дальнихъ лѣсахъ составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ, о которой не безъ удовольствія вспоминаетъ сибирскій путешественникъ.

Сибирская флора чрезвычайно богата всякаго рода ягодами, которыя служатъ тамъ пищей животнымъ и людямъ. Изъ этихъ ягодъ, собираемыхъ въ огромныхъ количествахъ въ сосѣдствѣ городовъ, приготовляютъ варенья, наливки и другіе консервы, которые замѣняютъ

[1]) Эрманъ, Миддендорфъ, цитированныя сочиненія; Seebohm „Journal of Geograph. Society", vol. XLVIII. 1878 г.

[1]) Булычевъ, „Записки Уральскаго общества естественныхъ наукъ", томъ IV, 1878 г.

[2]) Ermann, „Voyages en Sibérie"; Gust. Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XXII; „Извѣстія Сибирскаго отдѣла географ. общества", за 1877 года.

отчасти фрукты въ продовольствіи сибиряковъ. Ядовитыя растенія рѣдко встрѣчаются въ лѣсной области Сибири, далѣе же, въ сѣверномъ направленіи, они, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ, или по крайней мѣрѣ утрачиваютъ свои вредныя свойства. Какая-нибудь бѣлая чемерица (veratrum), растеніе ядовитое на верховьяхъ Енисея, составляетъ одну изъ самыхъ любимыхъ овощей въ полярной области [1]). Что касается культурныхъ растеній, то человѣкъ можетъ выводить нѣкоторыя изъ нихъ даже въ мерзлой безплодной тундрѣ и во всѣхъ становищахъ на берегу Ледовитаго океана. Тамъ, гдѣ сѣверный олень находитъ себѣ пищу, от-

Лѣсъ на берегу рѣки Хатанги

[1]) Миддендорфъ, цитированное сочиненіе.

кашывая копытами ягель, самоѣдъ или русскій тоже умѣютъ открывать питательныя растенія, могущія спасти ихъ отъ голодной смерти. Почва этихъ холодныхъ пространствъ сама собой производитъ противоцинготныя растенія: ложечную траву, кислицу (щавель), и во всѣхъ прѣсноводныхъ озерахъ и прудахъ можно бы было въ обилiи собирать тѣ съѣдобные студенистые колобки, nostoc pruniforme, которые извѣстны подъ именемъ «водяныхъ сливъ». Какъ говоритъ покойный академикъ Бэръ, житель тропическихъ странъ собираетъ свою пищу на деревьяхъ; въ умѣренномъ поясѣ поселянинъ пожинаетъ ее на землѣ; въ сосѣдствѣ же полюсовъ ее нужно искать въ водѣ. Однако, культура эмансипировала человѣка: на крайнемъ сѣверѣ кое-какія овощи, южнѣе ячмень, затѣмъ нѣкоторые другіе зерновые хлѣба, еще далѣе къ югу пшеница и всѣ питательныя растенія умѣренной Европы, которыя, благодаря лѣтнимъ жаромъ и большому свѣту длинныхъ лѣтнихъ дней, развиваются здѣсь съ изумительной быстротой, позволяютъ жителямъ Сибири селиться на почвѣ, въ числѣ все болѣе увеличивающемся, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ полюса.

Естественная граница сибирской земной фауны совпадаетъ съ предѣломъ древесной растительности, въ сосѣдствѣ Ледовитаго океана; однако, мыши и другіе грызуны, на которыхъ лѣтомъ охотится бѣлый медвѣдь, находятъ еще себѣ пріютъ въ мхахъ и лишаяхъ тундры. Къ югу отъ этой границы простирается поясъ европейскихъ видовъ, который постепенно измѣняется послѣдовательными переходами, подвигаясь къ востоку: поясъ степей, поясъ даурскихъ горныхъ цѣпей занимаютъ южную область Сибири, тогда какъ на юго-востокѣ часть Амурскаго бассейна и русская Манчжурія принадлежитъ уже къ китайской области.

Извѣстно, что еще въ недавнюю геологическую эпоху въ Сибири жилъ большой носорогъ и мамонтъ,—слонъ, превосходившій величиной и силой современныхъ намъ слоновъ. Эти исполинскія млекопитающія бродили также по лѣсамъ и лугамъ Европы, и кости ихъ были находимы въ новѣйшее время тысячами въ гротахъ и рѣчныхъ аллювіяхъ Франціи и Германіи; какъ и въ Сибири, они были современниками человѣку въ западныхъ странахъ Стараго Свѣта, и даже находили, въ пещерахъ Перигора, фигуры мамонтовъ, вырѣзанныя на костяхъ предшественниками нынѣшнихъ европейцевъ; но въ европейской почвѣ отъ этихъ громадныхъ животныхъ остались лишь часть скелета, отдѣльныя кости, тогда какъ въ Сибири часто находили цѣльные костяки мамонтовъ и носороговъ, покрытые мясомъ и кожей. Въ 1771 году Палласъ присутствовалъ, на *берегахъ низоваго Вилюя*, къ западу отъ Якутска, при переноскѣ трупа носорога, отъ котораго куски мяса, отъ головы и ноги, хранятся теперь въ Петербургѣ, рядомъ съ другими останками того же рода, найденными въ 1877 году, на рѣчкѣ Бытантай, близъ рѣки Яны. Въ 1799 году огромная глыба льда, увлекаемая теченіемъ Лены, была выброшена на берегъ близъ устья этой рѣки, и тунгузскіе звѣроловы увидѣли форму мамонта мало-помалу выдѣлявшуюся изъ ледяной массы, которая каждое лѣто частію растаивала. Они уже унесли бивни, когда натуралистъ Адамсъ пріѣхалъ осмотрѣть трупъ, у котораго еще висѣли куски мяса, и даже глаза и мозгъ остались въ черепѣ: это то самое животное, скелетъ котораго находится теперь въ Петербургѣ, въ зоологическомъ музеѣ академіи наукъ. Въ 1839 году другое открытіе того же рода доставило московскому музею второй экземпляръ мамонта, менѣе хорошо сохранившійся. Въ 1866 году научная экспедиція, подъ управленіемъ академика Шмидта, отправилась на завоеваніе другой драгоцѣнной находки мамонта, сдѣланной на берегахъ Таза, недалеко отъ губы того же имени; однако, животное оказалось уже не цѣлымъ. Съ давнихъ поръ сибирскіе охотники «на слоновую кость» странствуютъ по прибрежнымъ мѣстностямъ Полярнаго океана и посѣщаютъ архипелагъ Новой Сибири въ поискахъ за мамонтами, и такъ велико было нѣкогда число этихъ толстокожихъ исполиновъ въ сѣверныхъ странахъ азіатскаго континента, что ежегодныя находки мамонтовой кости представляютъ, въ средней сложности, около тысячи пудовъ, получаемыхъ изъ останковъ двухъ сотъ недѣлимыхъ; въ 1840 году Миддендорфъ опредѣлялъ въ двадцать тысячъ число мамонтовъ, уже найденныхъ въ крутыхъ берегахъ рѣкъ.

Въ эпоху, когда жилъ этотъ большой слонъ, климатъ страны былъ ли теплѣе, чѣмъ въ настоящее время? Таковъ великій вопросъ, возбудившій оживленные споры между геологами. Мамонтъ, покрытый густой, длинной шерстью, могъ, конечно, выносить сильные зимніе холода; но въ пустынныхъ тундрахъ и на берегахъ Ледовитаго океана, гдѣ охотники собираютъ теперь его бивни, онъ, очевидно, не могъ бы находить листвы деревьевъ, необходимой для его пропитанія. Нужно ли изъ этого заключить, что полярный край былъ въ ту эпоху покрытъ лѣсами, или что мамонтъ не жилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ въ наши дни его кости, и что родиной его была умѣренная Сибирь, откуда впослѣдствіи теченіе рѣкъ перенесло трупы животнаго на крайній сѣверъ? [1]). Различныя преданія и легенды, относящіяся къ мамонту и допотопному носорогу

[1]) Акад. Ѳ. Ѳ. Брандтъ; акад. Бэръ; Миддендорфъ и др.

(rhinoceros tichorinus), распространены по всей Сибири и даже въ Китаѣ. По словамъ одной китайской исторіи, написанной въ царствованіе Хангъ-хи, мамонтъ («маментова»)— это большая крыса, величиной со слона, живущая и ходящая всегда подъ землей и тотчасъ умирающая, какъ только ей случится придти въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ воздухомъ [1]). Самоѣды говорятъ, что мамонтъ и теперь еще существуетъ, и что онъ постоянно бродитъ по краю береговъ, питаясь трупами, выкидываемыми волной [2]). Что касается носорога, то, по ихъ повѣрьямъ, это была исполинская птица, и рога, покупаемые искателями слоновой кости, были ея когти; легенды разсказываютъ о страшныхъ битвахъ, которыя предки самоѣдовъ давали нѣкогда этому пернатому чудовищу. Изслѣдуя подъ микроскопомъ остатки растительной пищи, собранные въ бороздкахъ коренныхъ зубовъ сибирскаго носорога, хранящагося въ иркутскомъ музеѣ, натуралисты признали въ нихъ волокна пихты, лиственницы, березы, ивы, очень близко похожія или совершенно подобныя волокнамъ деревьевъ той же породы, которыя и теперь еще растутъ въ сѣверныхъ широтахъ. Это открытіе подтверждаетъ давно уже высказанное учеными мнѣніе, что носорогъ и другія большія толстокожія, находимыя въ аллювіальныхъ земляхъ сибирскаго сѣвера, жили въ области средней Сибири, къ югу отъ крайней границы полярныхъ странъ, гдѣ нынѣ собираются ихъ кости.

Животныя, обитавшія одновременно съ мамонтомъ и носорогомъ на сибирской почвѣ, вѣроятно, продолжаютъ еще существовать тамъ до настоящей минуты, такъ какъ вмѣстѣ съ костями этихъ допотопныхъ толстокожихъ находятъ скелеты лошадей, быковъ и овецъ; но постепенная эволюція, совершившаяся въ Европѣ, имѣла также мѣсто и въ Сибири, и животные виды измѣнились тамъ подобнымъ же образомъ. Сибирская фауна богаче европейской по количеству видовъ: этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что человѣкъ еще не исполнилъ своего дѣла истребленія въ сѣверной Азіи. По контрасту, довольно удивительному на первый взглядъ, лѣса, въ сосѣдствѣ которыхъ поселился русскій колонистъ, богаче животными видами, чѣмъ мѣстности, еще нетронутыя земледѣльцемъ; это происходитъ, безъ сомнѣнія, оттого, что человѣческій трудъ ввелъ большее разнообразіе въ растительный міръ и во всю совокупность природы. Обширныя пространства тайги почти совершенно пустынны, не населены животными, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ послѣднія скучены въ огромномъ множествѣ. Само собой разумѣется, наиболѣе богатыя животными формами страны Сибири—бассейнъ Амура и русская Манчжурія, болѣе плодородныя, имѣющія болѣе влажный и менѣе холодный климатъ, чѣмъ другія части Азіатской Россіи. Вообще говоря, сибирскіе животные виды: медвѣди, олени, косули, зайцы, бѣлки, сурки, кроты, отличаются болѣе крупными размѣрами,—почти на цѣлую треть,—и вѣсятъ гораздо болѣе,—часто наполовину,—чѣмъ ихъ европейскіе родичи. Подобно тому явленію, которое представляютъ большія млекопитающія Стараго Свѣта въ сравненіи съ млекопитающими Новаго Свѣта, имѣющими, вообще говоря, меньшіе размѣры, виды, населяющіе обширный азіатскій континентъ, превосходятъ ростомъ и величиной животныхъ относительно, небольшаго европейскаго материка. Какова бы ни была главная причина этого контраста, во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что изобиліе пищи на морскомъ прибрежьѣ и на рѣчныхъ берегахъ Сибири играетъ немаловажную роль въ пріобрѣтеніи большей величины и силы соотвѣтственными видами сѣверной Азіи. Нужно также принять во вниманіе то обстоятельство, что европейскіе виды, преслѣдуемые человѣкомъ уже въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, живутъ въ постоянной тревогѣ, и что большинство недѣлимыхъ, убиваемыхъ преждевременно, не достигаютъ своего полнаго развитія. Дикіе звѣри нашей части свѣта, которымъ почти всѣмъ грозитъ неминуемое истребленіе, родятся и умираютъ, такъ сказать, въ полномъ бѣгствѣ [1]).

Что касается морскихъ животныхъ, то воды Ледовитаго океана, можетъ быть, не менѣе изобилуютъ ими, какъ и воды Тихаго океана. Профессоръ Норденшильдъ нашелъ, что полярныя моря Сибири очень богаты моллюсками, равно какъ и другими низшими организмами, и это обиліе животной жизни заставляетъ его думать, что рыбы тоже очень многочисленны въ Арктическомъ океанѣ. Рыболовство болѣе, чѣмъ мореплаваніе, будетъ играть важную роль въ грядущей промышленности сибиряковъ на моряхъ, омывающихъ ихъ сѣверные берега. Китообразныя, рыбы, мягкотѣлыя и другіе морскіе организмы выбрасываются волнами на берега моря, съ обѣихъ сторонъ Берингова полуострова, въ столь значительныхъ количествахъ, что медвѣди и другія всеядныя животныя прибрежья очень прихотливы въ выборѣ пищи. Однако, есть также берега въ Чукотской землѣ, гдѣ никто не помнитъ, чтобы волнами выбрасывались на берегъ трупы китовъ. Кости этихъ животныхъ, находимыя въ большемъ числѣ въ почвѣ старыхъ береговъ, поднятыхъ выше морскаго уровня, и которыя во многихъ мѣстахъ покрыты слоемъ песку и об-

[1]) Klaproth, „Mémoires relatifs à l'Asie".
[2]) Ermann, „*Voyages en Sibérie*".

[1]) Von Middendorf, „Sibirische Reise".

ломками недавняго образованія, принадлежатъ уже довольно отдаленной эпохѣ исторіи нашей планеты [1]).

Правда, что со времени прибытія русскихъ въ край, нѣкоторые животные виды Сибири тоже подвергаются опасности исчезнуть съ лица земли, какъ исчезла уже Стеллерова «морская корова» (rhytina Stelleri), которая милліонами населяла берега Берингова пролива, и порода которой была совершенно истреблена за двадцать семь лѣтъ безпощадной охоты, съ 1741 до 1768 года. Всего больше опасности въ будущемъ угрожаетъ пушнымъ звѣрямъ, преслѣдованіе которыхъ, какъ извѣстно, увлекло казаковъ съ Уральскихъ горъ къ берегамъ Охотскаго моря. Многіе изъ этихъ породъ съ дорого цѣнимой шкурой, которыя были истинной причиной присоединенія сѣверной Азіи къ громадной Россійской имперіи, стали теперь очень рѣдки, и кущы, промышляющіе пушнымъ товаромъ, не могутъ достать ихъ иначе, какъ употребляя туземныхъ звѣролововъ, которые подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ охоты, продолжающейся непрерывно по нѣскольку мѣсяцевъ въ лѣсныхъ трущобахъ, среди скалъ и снѣговъ. Сибирскіе мѣха отличаются между всѣми другими не только превосходствомъ въ отношеніи удерживанія теплоты тѣла, но также своей мягкостью и блескомъ шерсти: чѣмъ болѣе мѣсто происхожденія пушнаго звѣря имѣетъ характеръ альпійскій или континентальный по своему климату, тѣмъ красивѣе и цѣннѣе его шуба. Въ сосѣдствѣ моря у всѣхъ пушныхъ животныхъ шерсть уже менѣе лоснящая, точно такъ же, какъ въ западной Сибири, гдѣ господствуютъ юго-западные вѣтры. Шкуры соболя съ сѣвернаго Урала мало цѣнятся, тогда какъ шкурки соболей, живущихъ на верховьяхъ Лены, то-есть 15 градусами южнѣе, стоятъ чрезвычайно дорого. Если мы перевалимъ за Становой хребетъ и станемъ спускаться къ берегамъ Тихаго океана, то опять замѣтимъ, что очень многіе изъ животныхъ видовъ Сибири принимаютъ зимой бѣлую окраску, такъ что издали ихъ легко смѣшать съ окружающимъ снѣгомъ: бѣлый медвѣдь, песецъ или ледяная лисица, полярный заяцъ, горностай, кулонокъ, часто даже волкъ и сѣверный олень, а между птицами: золотой подорожникъ, сова, бѣлая куропатка, также принимаютъ колоритъ окружающей среды. Что касается видовъ, постоянно сохраняющихъ свой бурый или черный цвѣтъ, то это по большей части такія животныя, которыя не показываются при полномъ дневномъ свѣтѣ [2]). Масть бѣлокъ представляетъ различные оттѣнки, смотря по характеру лѣса: бѣлка, живущая въ сосновыхъ лѣсахъ, имѣетъ рыжеватую или красноватую шкурку; бѣлка, водящаяся въ тайгахъ, гдѣ растутъ кедры и ели, отличается сплошь сѣрымъ цвѣтомъ, который бываетъ тѣмъ темнѣе, чѣмъ гуще лѣсная чаща [3]).

И другія породы животныхъ, кромѣ пушныхъ звѣрей, тоже уменьшились въ числѣ со времени прихода въ край русскихъ звѣролововъ. Сѣверный олень, который прежде жилъ въ горныхъ цѣпяхъ южной Сибири, и область распространенія котораго, какъ замѣчаетъ Радде, заходитъ въ предѣлы области верблюда, теперь встрѣчается только въ домашнемъ состояніи у сойотовъ, на верхнемъ Енисеѣ; дикое же животное исчезло изъ всѣхъ южныхъ лѣсовъ, гонимое рудокопами, и въ настоящее время дикаго оленя можно найти только въ сѣверной Сибири, среди низкихъ лѣсовъ и тундръ. Каменный или дикій баранъ тоже пересталъ водиться въ горахъ и равнинахъ Сибири, хотя онъ тамъ былъ чрезвычайно распространенъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія; лѣтъ сорокъ тому назадъ оставалось едва нѣсколько видовъ, а теперь всѣ каменные бараны удалились на югъ въ Монголію. Большинство дикихъ животныхъ, составляющихъ предметъ охоты, безъ сомнѣнія, тоже было бы давно истреблено, если бы стада ихъ не пополнялись каждый годъ; антилопы и дикія лошади, гонимыя изъ степей Гоби холодомъ и недостаткомъ пищи, спускаются массами, въ началѣ зимы, къ равнинамъ Сибири. Тигры, волки и другіе плотоядные хищники тоже эмигрируютъ, преслѣдуя уходящую дичь: тогда наступаетъ сезонъ охоты. Избіеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока весна позволитъ преслѣдуемымъ звѣрямъ удалиться опять въ пустыни Монголіи. И животныя отлично знаютъ границы двухъ странъ. Замѣчено, что тѣ же самыя птицы безбоязненно подпускаютъ къ себѣ человѣка, когда онѣ находятся на монгольской территоріи, и быстро удаляются въ бѣгство при малѣйшемъ шорохѣ, когда пребываютъ на сибирской почвѣ. Особенно водяныя птицы умѣютъ различать политическія границы, ибо монголъ никогда не позволитъ себѣ стрѣлять по нимъ на водѣ, этой по преимуществу священной стихіи въ его глазахъ. «Если птичья кровь смѣшается съ чистой водой, она неминуемо принесетъ смерть всѣмъ стадамъ, которыя придутъ пить эту воду»,— таково общее повѣрье между этими кочевниками [4]).

До сихъ поръ преслѣдованія человѣка, какъ кажется, нисколько не уменьшили численности нѣкоторыхъ породъ общежительныхъ животныхъ, которыя населяютъ несмѣтными коло-

[1]) Nordenskjöld, „Lettres à M. Daubrée".
[2]) Миддендорфъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Radde; Поляковъ, „Записки Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 3.
[4]) Gustav Kade, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiche", Bd. XXIII.

и различныя области южной Сибири. ли по Иртышу и Енисею, степи Забайкалья угихъ мѣстностей южной Сибири изрыты ми, простирающимися въ видѣ подзем- ь городовъ вездѣ, гдѣ почва лишена дре- ой растительности, песчаная и въ то же я достаточно крѣпкой консистенціи, чтобы ереи грызуновъ не подвергались опасности аловъ при малѣйшей перемѣнѣ темпера- ; въ этихъ степяхъ земля населена цѣ- массами роющихъ животныхъ; все про- нство, отъ одного горизонта до другаго, ыто правильными горками, похожими на хшіе грязные вулканы, и подпочва при- ежитъ милліонамъ звѣрковъ, выкапываю- ъ свои подземные ходы въ видѣ безконеч- лабиринта; здѣсь сурокъ табарганъ или акъ (arctomys bobac), въ другомъ мѣстѣ ъ свистунъ или пищуха (lagomys agosto- , или какая-нибудь другая порода, веду- такой же образъ жизни, овладѣли подпоч- Съ наступленіемъ вечерней прохлады на омъ бугоркѣ, возвышающемся надъ под- ой норкой, появляется маленькій грызунъ, имается на заднихъ лапкахъ и боязливо тривается кругомъ; онъ быстро убѣгаетъ ое жилище при малѣйшемъ шорохѣ, при омъ дуновеніи вѣтерка, при проходѣ ка- -нибудь звѣрька, но тотчасъ же возвра- ся опять, чтобы внимательно разсмотрѣть гавшій его предметъ. Иной разъ ряды та-ановъ, стоящихъ у входа въ свои подзем- палаты, тянутся на необозримое про- нство, точно часовые безчисленной арміи. ніи этихъ сурковъ байбаковъ населяютъ е голыя верхушки нѣкоторыхъ горныхъ товъ Камчатки, Прибайкальскаго края, ма, выше области лѣсовъ. При этомъ ственно возникаетъ вопросъ: какимъ обра- этотъ звѣрекъ могъ пробраться чрезъ кій, почти непроходимый поясъ тайги, ляющій степи отъ верхнихъ хребтовъ ? Нужно допустить, что было время, когда ъ лѣсной поясъ еще не существовалъ. ѣшательство человѣка, впрочемъ, проявив- не только уменьшеніемъ численности или ебленія дикихъ животныхъ, оно ввело так- ногія новыя породы въ край и видоизмѣ- ихъ посредствомъ приученія и скрещи- . На сѣверѣ самоѣды, чукчи и камчадалы отъ сѣвернаго оленя и собаку; лошадь, ко- —постоянные товарищи человѣка во всей ленной области Сибири; якъ слѣдуетъ за гомъ верхняго Енисея, а въ сосѣдствѣ сте- киргизскихъ и монгольскихъ появляется людъ, представляющій въ мірѣ животномъ ую цивилизацію, отличную отъ европейской. ія разновидности домашнихъ животныхъ зовались вслѣдствіе смѣшенія породъ, и но сказать, что различные обитатели Си- , инородцы и русскіе, придали особенную физіономію, особенные нравы и повадки животнымъ, которыхъ они содержатъ. Собака самоѣда не походитъ на собаку казака, такъ же, какъ и собака казака рѣзко отличается отъ собаки манчжура.

Всѣ мѣстныя преданія и многіе остатки старины, найденные въ древнихъ могилахъ, свидѣтельствуютъ о народахъ, стоявшихъ на извѣстной степени цивилизаціи, которые нѣкогда населяли Сибирь: эти народы обозначаются общимъ названіемъ чуди, къ какой бы, впрочемъ, группѣ или національности они ни принадлежали, къ арійской, тюркской, финской или монгольской. На восточныхъ скатахъ Уральскаго хребта, въ долинахъ Алтайскихъ горъ, на берегахъ Енисея, и особенно въ Минусинскомъ округѣ, чудскіе курганы или могилы чрезвычайно многочисленны; въ горнозаводскихъ мѣстностяхъ покинутыя древнія копи извѣстны у туземныхъ жителей вообще подъ именемъ «чудскихъ рудниковъ»; на западныхъ отрогахъ Алтая каменные межевые столбы, вышиной въ ростъ человѣка, испещренные какими-то странными надписями, еще необъясненными, составляютъ для нынѣшнихъ обитателей страны «границы» древняго народа чуди, и даже можно видѣть до сихъ поръ на берегу одного священнаго озера на Алтаѣ, двухъ всадниковъ, грубо изсѣченныхъ изъ гранита, которые какъ-бы надзираютъ за водами: это чудскіе «боги». Различные старинные предметы, и въ особенности оружіе и воинскіе доспѣхи изъ мѣди, найденные подъ слоями торфа, въ древнихъ пріискахъ и золотопромывальныхъ рѣчныхъ наносахъ, доказываютъ, что ремесленники этихъ древнихъ народовъ обладали нѣкоторымъ вкусомъ и большимъ искусствомъ въ исполненіи своихъ работъ. Мало того—остатки каналовъ въ нѣсколько верстъ длиною, подземныя сооруженія шлюзовъ, мельничные жернова свидѣтельствуютъ о довольно высокой степени цивилизаціи. Чудь культивировала также фруктовыя деревья, которыя послѣ нея исчезли изъ края, по причинѣ ли суровости холодовъ, или вслѣдствіе небрежности жителей; наконецъ, превосходная порода свиней, далеко превосходящая качествами ту, которая была привезена изъ Россіи, до сихъ поръ носитъ въ краѣ названіе «чудской», такъ какъ народное преданіе считаетъ ее наслѣдіемъ, оставленнымъ прежними владѣтелями страны. Полагаютъ, что главное средоточіе туземной гражданственности находилось въ горныхъ цѣпяхъ, сосѣднихъ съ Енисеемъ, потому что въ старинныхъ могилахъ этой области археологи собрали древности, самыя богатыя и сдѣланныя съ наибольшимъ вкусомъ; курганы Алтая и береговъ Иртыша заключаютъ оружіе и домашнюю утварь болѣе грубой работы и менѣе оригинальнаго рисунка. Впрочемъ, замѣчается большое сходство между «чудь-

скими» древностями Алтая и многими «скиоскими» остатками старины, найденными на берегахъ Днѣпра и Чернаго моря. Весьма, вѣроятно, что цивилизованная чудь, которая, по общему мнѣнію, была финскаго происхожденія, была истреблена во время продолжительныхъ войнъ, предшествовавшихъ великому переселенію азіатскихъ варваровъ. Чудскіе народы долгое время были передовыми защитниками Запада отъ варварскаго нашествія; хотя неизвѣстные Риму, они, можетъ быть, охраняли его въ продолженіе многихъ вѣковъ. Монголы, замѣнившіе чудь, всѣ знаютъ, что они чужеземнаго происхожденія; когда у нихъ спросишь, гдѣ ихъ первоначальная родина, они показываютъ пальцемъ въ ту сторону горизонта, гдѣ юго-востокъ [1]).

Въ настоящее время чудь утратила свое имя, но, безъ-всякаго сомнѣнія, потомки ея и теперь живутъ смѣшанные съ туземными народцами, которые почти всѣ пребываютъ въ полу-варварскомъ состояніи и которые сами должны неминуемо слиться съ русскими, или исчезнуть передъ ними. Хотя различные діалекты сибирскихъ инородцевъ позволяютъ распредѣлить аборигентовъ страны на особыя племена и роды, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что смѣшенія между отдѣльными расами были весьма значительны: отъ Уральскаго хребта до горныхъ цѣпей корейской границы замѣчается постепенный переходъ между типами жителей; вездѣ отдѣльные индивидумы могутъ быть разсматриваемы, какъ представители монгольскихъ или тюркскихъ народцевъ, живущихъ на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Преимущественно у женщинъ можно наблюдать монгольскій типъ, характеризованный всего лучше; даже въ сѣверо-западной Сибири часто встрѣчаешь молодыхъ дѣвушекъ, имѣющихъ почти китайскій обликъ, который въ общихъ чертахъ напоминаетъ кошачью физіономію, съ ея косо лежащими глазами, съ выдающимися скулами, впалыми щеками и заостреннымъ подбородкомъ. Нравы и образъ жизни сибирскихъ кочевниковъ благопріятствуютъ этимъ смѣшеніямъ. Вынужденныя передвиженія цѣлыхъ родовъ приводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ другими племенами, отдѣляя ихъ отъ соплеменниковъ. Во время своихъ долгихъ странствованій, продолжающихся черезъ большую часть континента, туземные торговцы, якуты или бурята, покупаютъ себѣ женъ то въ одномъ племени, то въ другомъ; они даже имѣютъ часто особенную семью въ каждомъ изъ посѣщаемыхъ ими краевъ и соглашаются на временную продажу своихъ супругъ. Они уступаютъ также своихъ дѣтей иноплеменнымъ купцамъ, и часто бываетъ, что сироты семействъ, погибшихъ отъ голода, принимаются людьми чужаго племени или русскими, поселенцами и торговцами. Хотя славянскій типъ, особенно у малороссіянъ и раскольниковъ, совершенно сохранился въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ въ метрополіи, можно, однако, сказать, въ видѣ общаго правила, что племенныя смѣшенія все ближе и ближе соединяютъ всѣ народности, населяющія Сибирь: въ то время, какъ русскіе эмигранты «объякучиваются», тунгусы мало-по-малу «обрусѣваютъ»; смотря по относительной важности приходящихъ въ соприкосновеніе этнографическихъ элементовъ, физіономія, нравы и обычаи тѣхъ и другихъ видоизмѣняются такимъ образомъ, что пріобрѣтаютъ все большее и большее сходство съ окружающей средой. Такъ, финны и турки, живущіе въ Европѣ, приняли европейскій типъ, тогда какъ въ Азіи тѣ же самые турки и финны до сихъ поръ сохраняютъ азіатскій типъ [1]).

Отнынѣ численное превосходство такъ же, какъ и превосходство цивилизаціи, на всемъ пространствѣ территоріи, заключающейся между Уральскими горами и берегами Тихаго океана, принадлежитъ русскимъ, чистокровнымъ или происходящимъ отъ казаковъ, поженившихся на инородческихъ женщинахъ. Славяне въ Сибири составляютъ свыше трехъ милліоновъ человѣкъ, и съ присоединеніемъ къ этой странѣ уральскихъ округовъ, свыше четырехъ милліоновъ, между тѣмъ какъ инородцы, болѣе или менѣе разсѣянные, не имѣющіе между собой какой-либо національный связи, не могутъ быть исчисляемы болѣе, какъ въ семьсотъ съ небольшимъ тысячъ душъ, если не считать киргизовъ, степи которыхъ принадлежатъ къ такъ называемой «центральной Азіи». Нѣкоторые изъ сибирскихъ народцевъ, кочевья которыхъ обнимаютъ пространство, превосходящее величиной всю Францію, состоятъ единственно изъ бродячихъ семействъ, убѣгающихъ передъ иноплеменными поселенцами. Русскіе занимаютъ сплоченными массами восточную покатость Уральскихъ горъ, бассейны Тобола, Иртыша и верхней Оби; они имѣютъ также большой численный перевѣсъ въ области верхняго Енисея и Ангары, равно какъ въ Забайкальѣ, и овладѣли всѣми пригодными для культуры землями по берегамъ главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ: аванпосты русской колонизаціи врѣзываются узкими полосами въ инородческую территорію, вдоль Енисея, Лены, Амура, а съ 1865 года они подвигаются на завоеваніе Алтая, богатыя долины котораго были до того времени исключены изъ числа мѣстъ, дозволенныхъ къ свободному заселенію.

Предполагаемое народонаселеніе Сибири и азіатскаго склона Уральскихъ горъ, распредѣленное по національностямъ, выражалось въ 1880 году слѣдующими цифрами (по Венюкову, Миддендорфу, Риттиху и др.):

[1]) Albin Kohn, „Sibirien und das Amur-Gebiet".

[1]) A. Castren, „Reiseberichte und Briefe".

Финны: вогулы—4.500; самоѣды—25.000; остяки—25.000; сойоты—8.000.

Монголы: тунгусы — 50.000; буряты — 250.000; калмыки—20.000; китайцы и манчжуры—10.000; корейцы—3.000; ккагиры—1.600.

Тюрки: якуты — 200.000; долганы — 500; татары—80.000.

Разныхъ племенъ: чукчи—12.000; коряки—5.000; камчадалы — 3.000; гиляки — 5.000; айносы—3.000; цыгане—5.000.

Славяне—4.500.000.

II. Алтай.

«Золотыя горы» — ибо таковъ, вѣроятно, смыслъ названія Алтай, происходящаго отъ монгольскаго слова «Алтынъ», синонима китайскаго выраженія «Джинъ-Шанъ» — обнимаютъ совокупность цѣпей и группъ, которыя возвышаются на сѣверъ отъ воротъ Джунгаріи и составляютъ восточное продолженіе хребтовъ Тянь-Шаня и Памира. Гораздо менѣе обширная и менѣе высокая, чѣмъ могущественная система Небесныхъ горъ, система Алтая можетъ быть, однако, сравниваема съ европейскими Альпами, не по высотѣ ея вершинъ, ни по разнообразію ея формъ, обилію покрывающихъ ея снѣговъ или богатству ея растительности, но по протяженію ея хребтовъ и длинѣ ея долинъ. Правда, собственно такъ называемый Алтай обнимаетъ, на русской территоріи, только гористую область, ограниченную съ запада долиной Чернаго Иртыша, а на востокѣ Суокскимъ переваломъ; но этотъ, часто посѣщаемый караванами проходъ черезъ русско-китайскую границу составляетъ лишь чисто условную пограничную черту, ибо система Алтая продолжается на востокъ, чтобы образовать цѣпь Саянскихъ горъ, до пролома, сдѣланнаго долиной Енисея, и затѣмъ далѣе до горныхъ группъ Байкальскаго края. Со стороны Китая Алтай продолжается въ видѣ небольшихъ отроговъ и предгорій, которые почти всѣ еще не изслѣдованы, гораздо южнѣе истоковъ Енисея и проникаетъ на большое разстояніе вглубь пустынь монгольскихъ плоскихъ возвышенностей. Впрочемъ, названіе Алтай употребляется въ Сибири въ самомъ обширномъ смыслѣ, и часто его примѣняютъ не только къ холмамъ, но, кромѣ того, и къ равнинамъ основанія, ко всей области, которая въ административномъ отношеніи зависитъ отъ Барнаула, Бійска и Кузнецка.

Когда приближаешься къ Алтаю, направляясь отъ Уральскихъ горъ по большой дорогѣ южной Сибири, передъ собой видишь только неправильные холмы, болѣе голые, болѣе дикіе и печальные видомъ, чѣмъ степь. Лѣса, разсѣянные по равнинѣ, маленькія озера, отражающія въ гладкой поверхности своихъ водъ верхушки сосенъ, остались позади, и взоръ не встрѣчаетъ ничего, кромѣ обнаженныхъ, сѣроватыхъ пространствъ: на югѣ и на востокѣ горизонтъ ограниченъ профилемъ низкихъ горъ, безъ опредѣленнаго характера, скрывающихъ болѣе возвышенныя вершины китайской границы. Нѣкоторыя макушки, покрытыя зеленью, составляютъ пріятный контрастъ съ общей наготой горъ, но ансамбль пейзажа, въ западной области Алтая, почти вездѣ одинъ изъ самыхъ непривѣтливыхъ. Юго-западные вѣтры, которые приносятъ дождь въ Европу и даже на скаты Уральскаго хребта и на склоны Небесныхъ горъ, обращенные къ западу, становятся уже совершенно сухими, утратившими всю влажность, когда достигаютъ Алтая: они не только не даютъ дождей этимъ горамъ, возвышающимся поперекъ ихъ дороги, но даже быстро изсушаютъ листву тощихъ деревецъ, покрывающихъ скаты, и позволяютъ существовать только скудной травяной растительности степей [1]). Гораздо болѣе благодѣтельны сѣверо-восточные вѣтры, которые, хотя приносятъ на Алтай полярную стужу, но зато надѣляютъ его также дождями и одѣваютъ горы прекрасными пастбищами. Въ долинѣ Ургудей, на сѣверѣ Саянскаго хребта, не проходитъ дня безъ того, чтобы облака не собирались два или три раза на склонахъ и не покрывали ихъ снѣгомъ, или не наводняли дождями, смотря по времени года [2]).

Въ этихъ областяхъ съ сырымъ климатомъ струящіяся воды и лѣса придаютъ горамъ видъ совершенно отличный отъ того, какой имѣетъ западный Алтай, составляющій простое предгорье монгольской степи: повсюду, гдѣ форма скалъ, крутизны горъ, профили вершинъ принимаютъ уже болѣе или менѣе грандіозный характеръ, пейзажъ Алтая, украшаемый водами и зеленью, напоминаетъ ландшафтъ Альпъ центральной Европы. Узкая и глубокая долина верхней Чуи (или Чу), ведущая къ Суокскому перевалу, главной тропѣ торговыхъ каравановъ между Бійскомъ и Монголіей, есть нѣчто въ родѣ знаменитаго швейцарскаго оврага «Via mala», по контрасту деревьевъ съ мрачнымъ ущельемъ, на днѣ котораго реветъ вода потока [3]); но въ самомъ сердцѣ горной цѣпи верхній циркъ, гдѣ соединяются ручьи, образующіе вмѣстѣ рѣку Чую, представляетъ настоящую степь, гдѣ дожди выпадаютъ рѣдко, гдѣ небольшое количество снѣга, приносимое облаками зимой, тотчасъ же разметается вѣтромъ [4]). Впрочемъ, даже въ западномъ Алтаѣ

[1]) Веселовскій, „О климатѣ Россіи"; Тепляковъ, „Klima und Vegetation im Altaï"; Bernhard von Cotta, „Altaï".

[2]) Венюковъ, „Русско-азіатскія пограничныя страны".

[3]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія", 1879 г., № 6.

[4]) Радловъ, „Briefe aus dem Altaï", Erman's, „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland", vol. XXI.

Многія долины имѣютъ всю прелесть своей первобытной красы. Во многихъ группахъ Алтайской цѣпи альпійская область имѣетъ свою опредѣленную границу, точно очерченную хребтомъ, который служитъ раздѣльной возвышенностью между Россіей и Китаемъ. По обѣ стороны этого пограничнаго хребта разница во всемъ полная: на сѣверѣ скаты горъ покрыты хвойными лѣсами, тогда какъ на югѣ тянутся на необозримое пространство каменистыя пустыни. Воды бѣгутъ съ обѣихъ сторонъ въ противоположныхъ направленіяхъ, и населенія принадлежатъ къ различнымъ группамъ: со стороны Китая живутъ монголы, со стороны русской территоріи—теленгуты или калмыки [1]).

Система Алтайскихъ горъ состоитъ изъ большаго числа цѣпей, которыя могутъ быть разсматриваемы въ общихъ чертахъ, какъ расположенныя по направленію отъ запада-сѣверо-запада къ востоку-юго-востоку, параллельно Тарбагатаю, нѣкоторымъ второстепеннымъ цѣпямъ Небесныхъ горъ и многимъ другимъ горнымъ системамъ Азіи, между прочимъ, и Гималайскому хребту. Эти цѣпи, по-мѣстному «Бѣлки» (названіе, означающее то же самое, что и «Альпы», т. е. «бѣлыя»), соединены неправильными поперечными кряжами и нагорьями, совокупность которыхъ даетъ линіи водораздѣла между бассейномъ Оби и скатомъ возвышенности Гоби извилистое направленіе, идущее отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: въ толщѣ системы открываются очень большія продольныя долины, каковы, напримѣръ, долины Бухтармы. Алтай не составляетъ совершеннаго водораздѣльнаго хребта, доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что на западѣ одинъ изъ притоковъ Иртыша, Улюнгуръ, сообщающійся съ главной рѣкой посредствомъ теченія, частію подземнаго, беретъ начало на самомъ Гоби и затѣмъ обходитъ всѣ западныя горныя массы. Средняя высота всей, разсматриваемой въ совокупности, Алтайской системы, принимая въ разсчетъ также промежуточныя долины и южныя плоскогорья, на которыя опираются горы, исчисляется только въ 4.000 или 5.000 футовъ, но главные хребты имѣютъ отъ 6.000 до 8.856 фут. Центральный узелъ системы, съ гидрографической точки зрѣнія, горная масса, откуда вытекаютъ на сѣверъ многіе притоки Катуни, на западъ Бухтарма, на югъ Ойгуръ, монгольскій данникъ рѣки Икеэралъ, перерѣзанъ проломомъ, который имѣетъ не менѣе 9.250 фут. высоты, по Мирошниченко: это Уланъ-Дабасъ, или «Красный камень», получившій это названіе отъ входящихъ въ составъ его рыжеватыхъ слоевъ желѣзной руды. На сѣверо-западѣ отъ этого страшнаго горнаго прохода поднимается самая высокая вершина Алтая, гора Бѣлуха, двѣ остроконечныя макушки которой, почти равной величины, имѣютъ около 11.000 фут. высоты. Горная масса, надъ которой господствуетъ Бѣлуха, и гдѣ возвышаются также крутыя стѣны утесовъ, называемыя «Катунскими колоннами», совершенно ограничена отъ остальнаго Алтая съ юга, съ запада и съ сѣвера рѣкой Катунь или Катунья, которая можетъ быть разсматриваема, какъ истинная верхняя Обь, и къ которой направляются многочисленныя рѣки; одна изъ нихъ, носящая тюркское названіе Кокъ-су, течетъ отъ запада къ востоку въ узкой разсѣлинѣ плоскогорья Коргонъ, поднимающагося почти на 6.560 фут. надъ уровнемъ моря. Горная масса Бѣлухи или Катунскихъ бѣлокъ всего болѣе имѣетъ правъ на титулъ «Большаго Алтая», присвоиваемый обыкновенно области, еще мало извѣстной, монгольскаго Алтая. Именно та цѣпь, которую большинство географовъ называютъ «Большимъ Алтаемъ», обозначается у Венюкова подъ именемъ «Малаго Алтая» (эктагъ-Алтай): это краевая западная цѣпь плоскогорья Кобдо, крутые скаты котораго спускаются на юго-западѣ къ долинѣ Улюнгура и Чернаго Иртыша. Многія изъ вершинъ этой цѣпи поднимаются выше границы вѣчныхъ снѣговъ.

Къ востоку отъ различныхъ группъ русскаго Алтая, обозначаемыхъ обыкновенно по имени рѣкъ, текущихъ у ихъ основанія или по имени ближайшихъ поселеній, цѣпь Танну-ола продолжаетъ хребетъ въ Монголію, между горными потоками верхняго Енисея и водами, спускающимися къ озеру Убса-норъ, тогда какъ далѣе на сѣверѣ система Саянскихъ горъ развертываетъ амфитеатръ своихъ лѣсистыхъ вершинъ и оканчивается выше Енисея горной массой Шабинъ-дабагъ. Менѣе высокія, небольшія цѣпи группы Кузнецкихъ горъ (Ала-тау), образующія водораздѣлъ между бассейнами Оби и Енисея, поднимаются еще своими верхушками, тоже покрытыми лѣсомъ, до высоты 4.000 или 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Многочисленныя маленькія озера разсѣяны въ возвышенныхъ продольныхъ долинахъ, сосѣднихъ съ горнымъ узломъ, гдѣ соединяются Алтай и Саянъ; но самый обширный и самый живописный озерный бассейнъ Алтайскихъ горъ находится уже въ недалекомъ разстояніи отъ степей, хотя крутыя высоты окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, и хотя онъ имѣетъ совершенно альпійскій видъ: это озеро Телецкое, куда изливается р. Чулышманъ, и откуда выходитъ р. Бія, восточный притокъ Оби. По красотѣ своихъ береговъ, Телецкое озеро напоминаетъ швейцарскій Леманъ и, подобно послѣднему, состоитъ изъ двухъ озеръ, принадлежащихъ каждое къ отдѣльной системѣ изломовъ земной коры; но эти два озера не соединяются слегка изогнутыми кривыми, какъ бассейны Женев-

[1]) Key Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1813.

о озера. Пучины его, которыя покрыва- слоемъ льда только въ чрезвычайно хо- ые годы, немного менѣе глубоки, чѣмъ про- и Лемана. По Семенову [1]), Телецкое озеро тъ на высотѣ 1.580 фут.; водная площадь анна 250 квадр. верстамъ, а глубина до- аетъ 800 фут. (930 фут. по Гельмерсену). нъ-тау или «Золотая гора», снѣжная вер- ка которой господствуетъ надъ южной око- остью Телескаго озера, и которая про- ается вдоль западнаго его берега рядомъ овъ Кара-корумъ (это названіе означаетъ ные крутизны»), почитается у калмыковъ, священная гора: они называютъ ее «от- горъ и озера» и говорятъ, что она всег- аказывала смертью дерзновенныхъ, кото- покушались осквернить святыню восхож- мъ на вершину Алтына [2]).

Блуха, какъ показываетъ самое имя ея, по- а никогда нетающимъ снѣгомъ, и на ней ствуетъ даже ледникъ, длиною около двухъ оловиной верстъ; ледникъ этотъ, спускаю- я въ циркъ, окруженный Катунскими бѣл- , доставляетъ первыя воды рѣки Катунь, щей черезъ древнія морены, которыя сви- льствуютъ о значительномъ отступленіи въ [3]). Нѣсколько фирновыхъ массъ небол- ь размѣровъ спускаются съ сосѣднихъ горъ, даются сильно измельчавшіе остатки глетче- , которые нѣкогда покрывали всю эту цѣпь , хотя извѣстный геологъ Бернгардъ Котта, нываясь на нѣкоторыхъ, чисто отрицатель- ь признакахъ, считалъ себя въ правѣ оспа- ть существованіе ледяной эпохи на Алтаѣ. касается границы постоянныхъ снѣговъ на нахъ Золотыхъ горъ, то еще недавно по- ніе ея опредѣляли на средней высотѣ отъ 0 до 7.550 футовъ; но г. Мирошниченко атировалъ, что на двухъ скатахъ, и меж- рочимъ на южной сторонѣ, выставленной олько непосредственному дѣйствію солнеч- ъ лучей, но также вліянію отраженной оты полуденнаго нагорья, линія полнаго ія снѣговъ переходитъ за 8.530 футовъ; такимъ образомъ поднятая почти на 1.200 въ выше, граница вѣчнаго снѣга все-таки итъ ниже, чѣмъ соотвѣтственная линія на ахъ и Пиренеяхъ.

очти на всемъ своемъ протяженіи Алтай оитъ изъ горныхъ массъ и цѣпей, образую- ь плоскогорья съ длинными хребтами и авленными вершинами; ниже пояса по- нныхъ снѣговъ, высоты частію покрыты гистыми пространствами, напоминающими, ь гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ, рныя болота (hautes fanges) Арденновъ, и нныя глыбами гранита, отчего и происхо- данное имъ названіе «каменныхъ болотъ».

Глубокія долины, съ очень крутыми стѣнами, раздѣляютъ эти плоскія, какъ-бы усѣченныя верхушки [1]); долины эти, какъ кажется, по большей части были вырыты дѣйствіемъ раз- мыва въ слоистыхъ породахъ, залегающихъ между болѣе твердыми и лучше сопротивляю- щимися разрушенію гранитными массами, ко- торыя образуютъ главныя группы Алтайскихъ горъ [2]). Даже отроги Салаира и Кузнецкаго Ала-тау, которые выдвигаются въ видѣ мысовъ или предгорій въ сѣверныя степи, состоятъ отчасти изъ гранита; порфиры, серпентины прорѣзываютъ тамъ и сямъ кристаллическія породы и сланцы Алтая, но нигдѣ незамѣтно въ этихъ горахъ слѣдовъ какого бы то ни было вулканическаго дѣйствія. Алтай, очевидно, очень древняя система горъ: на немъ не най- дешь ни одного слоя осадочныхъ формацій діасовой, тріасовой, юрской или мѣловой, ни одного третичнаго пласта. Со времени образо- ванія палеозойскихъ (древнѣйшихъ) каменныхъ породъ, Алтай всегда возвышался своими вер- шинами надъ разстилавшимися внизу морями или степями: залежи земляного угля, открытыя въ Кузнецкихъ горахъ, на берегахъ рѣки Томи, и металлоносныя жилы, которыя дали Алтай- ской области столь важное экономическое зна- ченіе, ведутъ свое начало, безъ сомнѣнія, отъ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ геологической исторіи земли.

Растительное царство Алтая, въ сравненіи съ флорой окружающихъ степей, отличается необыкновеннымъ богатствомъ; однако она уступаетъ флорѣ центральной Европы по числу видовъ. Ледебуръ, собравшій на Алтаѣ около 1.600 явнобрачныхъ растеній [3]), исчисляетъ въ четыре седьмыхъ общаго количества туземныхъ видовъ Германіи число видовъ, состав- ляющихъ дикую флору Алтая, который лежитъ подъ той же самой широтой, какъ Богемскія горы, и такъ же, какъ онѣ, подверженъ попе- ремѣнному дѣйствію юго-западныхъ и сѣверо- восточныхъ вѣтровъ. Всѣ семейства растеній, исключая тѣхъ, которыя произрастаютъ по берегамъ соляныхъ озеръ, представлены на Алтаѣ меньшимъ числомъ видовъ, чѣмъ въ центральной Европѣ: клена тамъ совсѣмъ нѣтъ; липа встрѣчается лишь отдѣльными кучками, очень отдаленными одна отъ другой [4]), также и ольха—очень рѣдкое дерево въ этихъ сибир- скихъ лѣсахъ; но Алтай обладаетъ нѣкоторыми, свойственными исключительно сибирской флорѣ, древесными породами, какова татарская жи- молость (lonicera tatarica) и гороховникъ (caragana arborescens), котораго жесткія вѣтви и бѣлесоватая листва, подрѣзанная, какъ у акаціи, виднѣются на большей части пустын-

„Географ. Словарь Россійской Имперіи".
Радловъ; Гельмерсенъ; Семеновъ.
Gebler, „Uebersicht der Katunischen Gebirge".

[1]) Чихачевъ, „Путешествіе на Алтай."
[2]) Bernhard von Cotta, цитированное сочиненіе.
[3]) „Reise durch das Altai-Gebirge".
[4]) Завалишинъ, „Описаніе Западной Сибири".

ныхъ, безплодныхъ скатовъ, въ перемежку съ дикими розами и таволгами, растущими среди мелкаго кустарника [1]).

Флора степей, которая продолжается по передовымъ скатамъ горъ, и ограничиваетъ по окраинамъ гористой области собственно такъ называемую «алтайскую» флору, поднимается не выше, какъ на 1.000 футовъ. Она довольно бѣдна, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ почва насыщена солью, и общій колоритъ степнаго ландшафта сѣрый или желтоватый, переходящій тамъ и сямъ въ блѣдно-зеленый оттѣнокъ. Зеленѣющіе луга занимаютъ только хорошо орошаемыя лощины, и говорятъ, что для жителя голыхъ, однообразныхъ степей, съ ихъ тусклымъ колоритомъ, съ ихъ неподвижными контурами, эти густыя высокія травы, волнуемыя вѣтромъ, какъ поверхность водъ, въ первое время представляютъ не очень пріятное зрѣлище: движеніе злаковъ, которые безпрестанно наклоняются и снова выпрямляются, видоизмѣняя свою окраску, производитъ у непривычнаго степняка нѣчто въ родѣ «морской болѣзни». По берегамъ рѣкъ степная флора прерывается древесной растительностью: сосны и ели появляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но онѣ быстро исчезаютъ, благодаря частымъ лѣснымъ пожарамъ, которымъ подвергаетъ ихъ сосѣдство человѣка, и замѣняются березами и другими породами деревъ, отличающимися быстрымъ ростомъ. Между тополями и ивами, которые растутъ въ наибольшемъ числѣ по близости рѣкъ, спускающихся съ Алтайскихъ горъ, нѣкоторыя породы, какъ кажется, должны быть признаны уроженцами верхняго бассейна Оби.

Черная береза и кизильникъ или ирга поднимаются на верхнихъ склонахъ горъ до высоты 6.700 фут., тогда какъ лѣсной поясъ въ собственномъ смыслѣ находится на Алтаѣ въ предѣлахъ пояса, заключающагося между 4.260 и 6.500 футовъ высоты [2]); но во всей обитаемой области Алтайскихъ горъ этотъ поясъ былъ значительно съуженъ топоромъ дровосѣковъ; путешественники разсказываютъ, что имъ случалось тамъ проѣзжать обширныя пространства, въ нѣсколько сотъ квадратн. верстъ, не встрѣчая на пути ни одного высокоствольнаго дерева. Вдали отъ горнозаводскаго округа, въ долинахъ, не подверженныхъ изсушающему дуновенію юго-западныхъ вѣтровъ, можно еще увидѣть нетронутую тайгу, состоящую изъ сосенъ, а выше по скатамъ, изъ елей и пихтъ, болѣе роскошную, чѣмъ европейскіе лѣса, по причинѣ богатства и разнообразія растеній подлѣсья: эти древесныя породы, среднимъ числомъ, въ два раза превосходятъ величиной деревья лѣсовъ атлантическаго побережья, и цвѣты ихъ поражаютъ взоръ своимъ чуднымъ блескомъ, яркостью красокъ: акониты, шпорники (или кавалерійскія шпоры) кажутся путешественнику, пріѣхавшему съ запада, новыми видами; такъ пышно раскинулись ихъ цвѣтки, густаго синяго цвѣта, на большой высотѣ, надъ кустарникомъ. Альпійскія растенія, поясъ которыхъ простирается надъ поясомъ лѣсовъ до линіи постояннаго снѣга, также отличаются очень яркими цвѣтами и распространяютъ въ воздухѣ сильный запахъ. Эти растенія вначалѣ разсѣяны между деревьями, которыя постепенно мельчаютъ, становятся все ниже, приземистѣе, по мѣрѣ того, какъ поднимаются вверхъ по склонамъ; затѣмъ, по прекращеніи древесной растительности, они покрываютъ всѣ верхушки горъ, въ перемежку съ лишаями и мхами, которые еще выше и сами исчезаютъ подъ снѣжной пеленой. Въ одной калмыцкой пѣснѣ воспѣваются эти прекрасныя горныя пастбища «стараго дѣда Алтая, нарядившагося въ одѣяніе изъ лучшихъ травъ».

Животное царство Алтайскихъ горъ, такъ же, какъ и растительное, относительно очень богато: какъ поютъ калмыки, «бѣлый Алтай, съ четырьмя, съ шестью долинами, даетъ пріютъ шестидесяти птицамъ и безчисленному множеству оленей» [1]). Ледебуръ, который могъ изслѣдовать только одну часть алтайской области, и который, безъ сомнѣнія, оставилъ послѣ себя не мало матеріала для послѣдующихъ изслѣдователей, собралъ во время своего пребыванія на Золотыхъ горахъ, 21 видъ млекопитающихъ, 64 вида птицъ, 28 видовъ земноводныхъ; изъ класса же рыбъ всего только семь формъ. Уже на границѣ Китая алтайская фауна заключаетъ нѣсколькихъ животныхъ, принадлежащихъ къ фаунѣ центральной Азіи; но въ цѣломъ животныя тѣ же самыя, какихъ мы находимъ въ области Небесныхъ горъ и въ Сибири. Тигры, набитыя чучела которыхъ выставлены въ барнаульскомъ музеѣ, были, безъ сомнѣнія, гости, пришедшіе, ради охоты, на чужую территорію; нѣтъ, кажется, основанія полагать, что этотъ видъ былъ уроженцемъ страны. Нѣкоторыя животныя, нѣкогда довольно распространенныя въ краѣ, теперь исчезли, или по крайней мѣрѣ стали очень рѣдки; таковы, напримѣръ, рѣчные бобры, нынѣ несуществующіе на Алтаѣ, развѣ только, можетъ быть, еще на берегахъ Чернаго Иртыша. Лѣтъ сто тому назадъ, во времена Палласа, лоси водились здѣсь въ такомъ множествѣ, что ясакъ часто уплачивался шкурами этого животнаго, которыя цѣнились немногимъ дороже полтинника за шкуру [2]). Но если нѣкоторые виды исчезли, истребленные охотниками, то другія породы были введены земледѣльцами русскими

[1]) Теплоуховъ, цитированное сочиненіе.
[2]) *Ледебуръ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Радловъ: „Volksliteratur der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens".
[2]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien".

ли татарскими. Тогда какъ непредусмотри-
льные жители Небесныхъ горъ и другихъ
ластей центральной Азіи убиваютъ марали,
я того только, чтобы отпилить у него рога и
ловятъ этихъ животныхъ живыми и успѣваютъ
приручить ихъ. Такимъ образомъ отнынѣ ма-
рали можетъ быть прибавленъ къ тѣмъ сорока
съ чѣмъ-то домашнимъ животнымъ, которыя

Чиндугуй—Притокъ Иртыша въ Семипалатинской области.

звлечь изъ нихъ драгонѣнное студенистое
ещество, такъ дорого цѣнимое китайцами,
мные русскіе крестьяне Бухтарминской до-
ины, изъ опасенія уничтожить породу, если
ы продолжалась такая безпощадная охота,
перечислены у Жофруа-Сентъ-Илера. Въ
1879 году Потанинъ исчислялъ приблизительно
въ двѣсти головъ число прирученныхъ марали,
и теперь увеличеніе стадъ этого животнаго
происходитъ уже путемъ естественнаго при-

ращенія семействъ. Крестьяне разведеніе марали даже предпочитаютъ разведенію лошади. Это жвачное животное послушнѣе, меньше ѣстъ сѣна, лишь бы только ему прибавляли соли въ кормъ; при томъ рога самца, которые обыкновенно отпиливаются весной, приносятъ среднимъ числомъ около 70 или 75 рублей въ годъ, то-есть гораздо больше того, сколько представляетъ годовая цѣнность работы лошади; вдобавокъ, мясо и кожа марали также имѣютъ большую экономическую цѣну. Туземные обитатели Саянскихъ и Алтайскихъ горъ также держатъ въ своихъ стадахъ домашнихъ яковъ. Что касается барановъ съ жирными хвостами и бурдюками (ovis steatopyga), разводимыхъ милліонами въ Татаріи, на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ и даже въ Малой Азіи, то они тоже произошли, какъ полагаютъ, отъ восточно-алтайскихъ горныхъ овецъ или аргали (ovis argali), которыя могутъ достигать роста небольшихъ коровъ, и которыя вооружены или, лучше сказать, обременены несоразмѣрно тяжелыми рогами [1]).

По свидѣтельству Ледебура [2]), пчелы были введены на Алтаѣ русскими поселенцами въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ; однако, весьма вѣроятно, что эти насѣкомыя находились и ранѣе въ краѣ, именно въ окрестностяхъ Телецкаго озера, такъ какъ онѣ извѣстны тамъ подъ туземнымъ названіемъ, и ихъ встрѣчаютъ въ дикомъ состояніи. Какъ бы то ни было, пчеловодство сдѣлалось однимъ изъ главныхъ промысловъ алтайской страны, и крестьяне держатъ по тысячѣ и по двѣ тысячи ульевъ вокругъ своихъ жилищъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ ежегодный сборъ меда доходитъ слишкомъ до 3.000 пудовъ; вывозъ изъ долины рѣки Бухтармы ежегодно простирается до 12.220 пудовъ меду и до 20.160 пудовъ воску [3]). Этотъ медъ, чрезвычайно ароматичный, составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ лакомствъ на Алтаѣ, гдѣ его ѣдятъ, какъ и вездѣ въ Россіи, съ засахаренными фруктами и со свѣжими огурцами [4]). Алтайскій медвѣдь, какъ и его родичи въ другихъ странахъ, не менѣе человѣка любитъ полакомиться медкомъ, и опытные охотники всегда подкарауливаютъ его около пчельниковъ. Крестьяне, которые стараются только отогнать его отъ своихъ садовъ, умѣютъ придавать своимъ пугаламъ, одѣтымъ въ лохмотья, достаточно сходства съ человѣкомъ, чтобы обмануть довѣрчиваго простака Михайлу Иваныча, извѣстнаго на Алтаѣ болѣе подъ кличкой «Мартына».

[1]) Bernhard von Cotta, „Altai".
[2]) „Reise durch das Altaï-Gebirge".
[3]) Семеновъ; Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера".
[4]) *Розе; Финшъ и др.*

Доисторическое населеніе Алтая оставило намъ кое-какіе слѣды своей цивилизаціи. Рудныя мѣсторожденія этой страны уже со временъ глубокой древности были разрабатываемы однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ народовъ, которые обозначаются общимъ именемъ «чудь», до сихъ поръ видны тамъ и сямъ въ горахъ и на сосѣдней равнинѣ относящіяся къ той отдаленной эпохѣ многочисленныя могилы, окруженныя камнями и по большей части заросшія частымъ кустарникомъ смородины (ribes phylostybum), можетъ быть, насажденнаго рукой человѣка, такъ какъ это растеніе рѣдко встрѣчается вдали отъ могильныхъ кургановъ [1]). Когда русскіе снова открыли богатыя мѣсторожденія металловъ на Алтаѣ, они вездѣ нашли тамъ старинныя рудничныя раскопки, заключавшія разныя орудія изъ камня и мѣди. Палласъ разсказываетъ, что изъ одной обвалившейся подземной галлереи вытащили даже полуогрызанный скелетъ одного изъ этихъ до-историческихъ рудокоповъ, подлѣ котораго лежалъ еще кожанный мѣшокъ, наполненный богатой минеральной землей. Во многихъ мѣстахъ почва, изрытая во всѣхъ направленіяхъ древней чудью, провалилась, образовавъ огромныя воронкообразныя углубленія, отчасти наполненныя водой. Внѣ горнозаводской области, въ земледѣльческихъ округахъ, тоже находили, подъ верхнимъ слоемъ чернозема, скелеты людей и лошадей, вмѣстѣ съ различными предметами изъ золота, серебра, мѣди и желѣза, отличающимися довольно искусной и отчетливой работой [2]). Вѣроятно, впрочемъ, древніе рудокопы Алтая и Енисея, точно такъ же, какъ и ихъ уральскіе собраты, были, по крайней мѣрѣ, въ значительной части, предками исчезнувшихъ инородцевъ, которые обитали въ долинахъ Алтая въ эпоху прибытія русскихъ, и которые принадлежатъ къ уралоалтайскому корню. Подъ вліяніемъ той общей иллюзіи, которая заставляетъ ученыхъ обращать взоры къ высокимъ горамъ, чтобы искать тамъ колыбель народовъ, именами Урала и Алтая, какъ нѣкогда именемъ Кавказа, пользовались для обозначенія различныхъ народностей сѣверной Азіи: татарскихъ, финскихъ и даже монгольскихъ [3]).

Монголы, раздѣленные, на многія племена и поколѣнія, населяютъ всю южную покатость Алтая и сосѣднія нагорья, но они также перешли за границу этой области и живутъ среди русскихъ и татаръ въ сѣверныхъ долинахъ. Однако, главные представители монгольской расы на Сѣверномъ Алтаѣ это—калмыки, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 12.000 до 20.000 душъ. Эти туземцы, которые сами

[1]) Ледебуръ, цитиров. сочиненіе.
[2]) Палласъ; Ледебуръ; Рупрехтъ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Sant-Pétersbourg", tome IX, 1869 г.
[3]) A. Castrén, „Die Völker des Altai".

себя называютъ теленгитами или теленгутами, и изъ которыхъ многіе даже не знаютъ имени «калмыки», считаются, «самыми честными изъ обитателей Азіи». Жители долины рѣки Чулышманъ, телецы, по имени которыхъ и названо Телецкое озеро, составляютъ одну «братскую семью». Такъ называемая «цивилизація», конечно, сотретъ ихъ съ лица земли, какъ отдѣльную націю; но, тѣмъ не менѣе, они гораздо почтеннѣе и симпатичнѣе своихъ цивилизаторовъ своей простотой, своимъ прямодушіемъ, своей привѣтливостью и радушіемъ [1]). Еще не такъ давно эти мирные люди были въ одно и то же время подданными Китая и Россіи; для нихъ какъ-будто не существовало политической границы, и они должны были платить подати заразъ двумъ господамъ, пекинскому и петербургскому; только съ 1869 года калмыки сѣвернаго склона Алтайскихъ горъ перестали платить дань китайскимъ губернаторамъ провинціи Кобдо и Улясутая [2]). Еще въ концѣ прошлаго столѣтія теленгуты занимали гораздо болѣе значительную территорію, и граница ихъ кочевьевъ переходила даже за Иртышъ; въ настоящее же время они живутъ только на восточномъ Алтаѣ, въ долинахъ и на плоскогорьяхъ округовъ бійскаго и кузнецкаго. Хотя калмыки принадлежатъ къ монгольскому племени, они не говорятъ болѣе языкомъ своей расы; впрочемъ, ихъ тюркское нарѣчіе очень богато монгольскими выраженіями, тогда какъ они совсѣмъ не употребляютъ арабскихъ и персидскихъ словъ, какъ тюрки, подпавшіе вліянію ислама.

Чистые шаманисты, алтайскіе калмыки совершаютъ еще свободно свои религіозныя церемоніи, а въ торжественныхъ случаяхъ даже приносятъ жертвы, состоящія изъ живыхъ животныхъ. Ихъ идолы, или вѣрнѣе сказать, символическія изображенія состоятъ изъ чурбановъ или кусковъ древесной коры, представляющихъ людей, съ протянутыми руками, и нѣсколько напоминаютъ католическія фигуры ex-voto (приношенія по обѣту), которыми испещрены стѣны церквей въ Провансѣ, въ Италіи, въ Испаніи, гдѣ толпятся богомольцы. Эти образы, разныхъ цвѣтовъ, формъ и позъ, олицетворяютъ добрыхъ геніевъ и злыхъ духовъ, обитающимъ между небомъ и землей, въ горахъ, на днѣ рѣкъ и озеръ. Шкурки зайца, животнаго, на которое православные русскіе люди смотрятъ какъ на поганое, у калмыковъ, напротивъ, почитаются святыней и натягиваются на деревянные кресты, которые служатъ священными символами. Наконецъ, разноцвѣтныя ленты, повѣшенныя на вѣткахъ деревьевъ, или развѣвающіяся на воткнутыхъ въ землю жердяхъ, представляютъ собою души предковъ, и каждый калмыкъ зоветъ ленту по имени одного изъ своихъ дѣдовъ или прадѣдовъ: онъ понимаетъ рѣчь, которую нашептываетъ ему лента, колыхаемая вѣтромъ; онъ слушаетъ совѣты и наставленія своего предка и почтительно бесѣдуетъ съ нимъ, но онъ никогда не откроетъ чужому то, что ему сказалъ загробный голосъ. Когда онъ поетъ на ходьбѣ, то слова, которыя онъ повторяетъ тихимъ и жалобнымъ голосомъ, часто тѣ самыя, которыя онъ слышалъ отъ мертвыхъ.

Хотя калмыки послѣдователи шаманства, тѣмъ не менѣе тысячи ихъ причисляются оффиціально къ исповѣдующимъ Христову вѣру. Разсказываютъ, что будто палочные удары и побои, наносимые этими инородцами своимъ женамъ, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ тѣхъ обращеній въ христіанство, которыя, по оффиціальнымъ отчетамъ, совершаются между пограничными населеніями. Часто случается, что побитая жена убѣгаетъ къ миссіонеру и проситъ окрестить ее, надѣясь этимъ средствомъ избавиться отъ своего драчливаго мужа; но послѣдній вскорѣ самъ является туда же, въ свою очередь тоже принимаетъ св. крещеніе, дабы получить право вновь вступить во владѣніе своей супружницей: такимъ образомъ, двѣ души завоеваны «истинной вѣрѣ» [1]). Точно также, большая часть татаръ, живущихъ въ русскихъ долинахъ, окрещены и считаются оффиціально христіанами; но они также остались вѣрными шаманству. Большинство изъ нихъ даже забыли свои полученныя при крещеніи христіанскія имена и знаютъ другъ друга только подъ татарскими прозвищами, заимствованными почти исключительно изъ естественной исторіи, каковы: Собака, Волкъ, Воронъ, Ястребъ. Но образъ жизни, нравы и обычаи, положеніе туземцевъ различаются, смотря по мѣсту, гдѣ они находятся. Чтобы видѣть этихъ инородцевъ такими, каковы они есть въ дѣйствительности, надо посѣтить ихъ въ ихъ родимыхъ лѣсахъ, а не въ миссіи, въ Улалѣ, селеніи, лежащемъ въ верхней долинѣ рѣки Катунь, верстахъ въ ста выше города Бійска. Улала, центръ православной миссіи въ Алтайскомъ краѣ, обладаетъ любопытной коллекціей всѣхъ документовъ и сочиненій религіознаго содержанія, изданныхъ на алтайскомъ татарскомъ нарѣчіи, а также коллекціей народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ этой странѣ Радловымъ и Чивалковымъ. Радловъ встрѣтилъ только двухъ теленгутовъ, умѣющихъ писать не по-тюрски, но на калмыцкомъ языкѣ своихъ болѣе цивилизованныхъ предковъ [2]).

Вообще говоря, татары, изъ всѣхъ не славянскихъ народностей, представляютъ самую

[1]) Радловъ, „Reise durch den Altai"; Ney Elias, „Journal of the Geograph. Society of London", 1873 г.

[2]) Венюковъ, „Русско-азіатскія пограничныя страны".

[1]) Поляковъ, „Древняя и Новая Россія", 1879 г., № 6.

[2]) Семеновъ и Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Карла Риттера".

живую расу, которая всего лучше сохраняетъ свою самобытность противъ русскихъ и которая съ наибольшимъ успѣхомъ оказываетъ сопротивленіе тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ, какія приноситъ имъ гражданственность, смѣшанная изъ столь разнородныхъ элементовъ. Однако изъ многихъ татарскихъ племенъ осталось одно имя. Киргизы, живущіе въ верхней долинѣ Катуни, совершенно отдѣленные отъ своихъ соплеменниковъ казаковъ, населяющихъ степи на западъ отъ рѣки Иртыша, сдѣлались уже русскими по осѣдлому образу жизни и земледѣльческимъ нравамъ, но они говорятъ только турецкимъ языкомъ и монгольскимъ нарѣчіемъ своихъ сосѣдей калмыковъ [1]). Телеуты, обитающіе въ долинѣ рѣки Біи, тоже мало-по-малу становятся русскими по нравамъ и обычаямъ, такъ же, какъ куманды и различныя группы «черныхъ» татаръ, названныхъ такъ потому, что они живутъ въ темномъ лѣсѣ. Гельмерсенъ и Радловъ полагаютъ, что телеуты финскаго племени, хотя они говорятъ тюркскимъ діалектомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію теленгутовъ. Что касается гассаковъ, пограничныхъ инородцевъ, наводящихъ страхъ своимъ разбойничествомъ на монголовъ и калмыковъ, то они принадлежатъ къ различнымъ національностямъ, и названіе ихъ употребляется въ общемъ смыслѣ для обозначенія всѣхъ бродячихъ мусульманскихъ племенъ, пришедшихъ съ запада: смотря по надобности и удобствамъ грабежа, гассаки сказываются то русскими, то китайскими подданными [2]).

Болѣе девяти десятыхъ населенія Алтайскаго края состоитъ изъ русскихъ, потомковъ купцовъ, чиновниковъ, казаковъ, рудокоповъ, солдатъ, ссыльныхъ. До 1865 года колонизація Золотыхъ горъ была воспрещена русскимъ крестьянамъ, такъ какъ всѣ земли этой области составляютъ особый удѣлъ, принадлежащій Императорскому Кабинету и предназначенный для разработки рудниковъ. Однако, почва въ алтайскихъ долинахъ такъ плодородна и необходимость увеличенія запашекъ такъ настоятельна, что тысячи переселенцевъ отваживались водворяться на этихъ земляхъ, входъ на которыя имъ былъ запрещенъ. Крестьяне, пришедшіе изъ Россіи, преимущественно изъ губерній Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Уфимской, выстраивали себѣ избенки въ какой-нибудь очень скромной долинѣ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ Алтая, гдѣ часто многіе изъ нихъ оставались по цѣлымъ годамъ неизвѣстными начальству, продолжая уплачивать подати въ мѣстахъ своего рожденія; благодаря кое-какимъ тайнымъ контрибуціямъ и подаркамъ, полиція снисходительно игнорировала ихъ пребываніе въ Сибири; потомъ, когда прошло порядочно времени, когда они об
въ краѣ, самая продолжительность их
бываніе давала уже имъ достаточны
на владѣніе землей. Особенно раск
выказали большую ловкость въ овладѣ
повѣдными землями; въ настоящее вр
имѣютъ довольно большое число многол
селеній, окруженныхъ цвѣтущими ни
составляютъ около пятнадцатой част
населенія Алтая. Они начинаютъ об
но тѣмъ, что, никого не спрашивая,
на мѣстѣ, которое имъ всего больше по
когда чиновникъ объявляетъ имъ
удалиться, они упрашиваютъ его повр
до тѣхъ поръ, пока получится отвѣтъ
шеніе, посланное ими въ Петербургъ
сочайшее имя. Въ слѣдующемъ году ож
отвѣтъ оказывается все еще неполуч
а между тѣмъ домики выстроены, тр
шены, хлѣбъ сжатъ и свезенъ на гум
годаря своей изворотливости и настой
они въ концѣ концовъ успѣваютъ
легальнымъ порядкомъ права, прис
сначала самовольно, и мало-по-малу
щаются въ «старыхъ сибиряковъ» [1]).
стоящее время колонизація въ Алт
краѣ идетъ очень быстро; тысячи пер
цевъ основали новыя общины въ
округѣ и даже на земляхъ калмыко
обще дома раскольниковъ, поселивш
Алтаѣ, свидѣтельствуютъ о гораздо бо
матеріальномъ довольствѣ и болѣе ра
вкусѣ ихъ владѣльцевъ, чѣмъ крестьянс
въ Россіи: они больше походятъ на г
дома, чѣмъ на деревенскія избы въ мет
у большинства раскольниковъ вы уви
горницахъ чистенькую, красивую мебе
ковыя занавѣски на окнахъ, драпиро
же произведенія искусства. Нѣкотор
самыхъ зажиточныхъ и содержимыхъ
лучшемъ порядкѣ раскольничьихъ д
принадлежатъ потомкамъ бѣглыхъ, ко
народная молва называла скрывшимс
ступниками, но которые, по всей вѣроя
были, по крайней мѣрѣ большей частію, р
ники-безпоповцы, ибо ихъ потомки в
надлежатъ къ этой сектѣ старовѣров
пріемлющей священства. Они убѣгали
явленіи рудокоповъ и жили прежде нас
ми дикарями въ самыхъ отдаленных
хихъ долинахъ; многія изъ ихъ колон
проникли въ степи Монголіи, гдѣ, как
гаютъ, онѣ и понынѣ еще существу
маленькія славянскія республики из
были подъ именемъ «каменщиковъ».
лованные въ 1791 г., каменщики, п
шіеся въ долинѣ рѣки Бухтармы, гдѣ
вутъ въ наибольшемъ числѣ, должны б
кориться власти русскаго привительст

[1]) Чихачевъ; Радловъ.

[2]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1873.

[1]) Розе;—Ледебуръ;—Финшъ.

выстроили себѣ, по правильному плану, деревни, гдѣ и даютъ примѣръ честной, трезвой и трудолюбивой жизни, но еще въ 1862 году человѣкъ пятьдесятъ изъ этихъ каменщиковъ покинули край и отправились розыскивать таинственную «Бѣлую воду», которая, можетъ быть, есть нечто иное, какъ озеро Лобъ-Норъ, и на берегу которой будто-бы находится «колонія счастливыхъ русскихъ, незнающихъ надъ собой никакой власти, неплатящихъ податей и неопасающихся посѣщенія поповъ» [1]). Г. Пржевальскій во время своихъ путешествій тоже слышалъ разсказы о существованіи этой вольной общины.

Извѣстно, что въ прежнее время Алтайскій край имѣлъ важное значеніе для Россіи единственно своими богатыми рудниками, которые всѣ безъ исключенія были открыты на мѣстѣ старинныхъ копей, приписываемыхъ народу чудь [2]). Съ начала восемнадцатаго столѣтія русскіе принялись за промываніе песка изъ ручьевъ въ «Золотыхъ горахъ». Въ 1723 году Акинфій Демидовъ присоединилъ къ своимъ западнымъ, то-есть уральскимъ горнымъ промысламъ, металлоносную территорію Алтая, и два года спустя онъ основалъ первый въ странѣ плавильный заводъ. Въ 1836 году открыли въ Змѣиногорскѣ богатѣйшія мѣсторожденія сереброносной свинцовой руды, которыя доставили славу горнозаводской области Алтая и которыя были самые производительные рудники въ свѣтѣ въ теченіе второй половины восемнадцатаго столѣтія; въ періодъ съ 1745 по 1860 годъ на Алтайскихъ рудникахъ было добыто въ общей сложности: серебра около 136.400 пудовъ, цѣнностью на 62.500.000 метал. руб.; золота около 900 пудовъ, цѣнностью на 12.500.000 метал. рубл. Въ 1747 году громадная территорія сибирскихъ горъ между Иртышемъ и Енисеемъ, исчисляемая въ 387.000 квадр. верстъ, увеличила собою удѣльныя имѣнія, и доходы отъ всѣхъ Алтайскихъ рудниковъ стали поступать въ кассу Императорскаго кабинета. Нѣмецкіе рудокопы, приглашенные на Алтай русскимъ правительствомъ съ половины восемнадцатаго столѣтія, были учителями удѣльныхъ крестьянъ въ дѣлѣ обработки рудъ и устройства шахтъ. Эти переселенцы съ теченіемъ времени совершенно слились съ славянскимъ населеніемъ: только иногда встрѣтишь, между нынѣшними жителями, лица, напоминающія типъ рудокоповъ съ саксонскихъ Рудныхъ горъ; различныя нѣмецкія техническія выраженія до сихъ поръ сохранились въ языкѣ мѣстнаго горнозаводскаго населенія.

На китайскомъ склонѣ Золотыя горы не разработываются; не существуетъ также рудниковъ и въ восточной области Алтая: это, безъ сомнѣнія, происходитъ не только оттого, что эта часть горной цѣпи вообще менѣе извѣстна и менѣе населена, но также и оттого, что кристаллическія каменныя породы тамъ менѣе многочисленны. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть рудныхъ мѣсторожденій Алтая, на западѣ и на сѣверѣ этой системы, находятся въ палеозойскихъ формаціяхъ, залегающихъ въ сосѣдствѣ съ гранитами, порфирами, діоритами, серпентинами. Металлоносныя жилы Алтая дѣлятся главнымъ образомъ на двѣ категоріи рудниковъ,—серебряные и мѣдные; они содержатъ также золото, свинецъ, цинкъ, желѣзо, а въ одномъ изъ нихъ встрѣчается сверхъ того металлъ теллурій въ соединеніи съ серебромъ и свинцомъ. Въ настоящее время эксплоатація этихъ рудниковъ ограничивается добываніемъ серебра, золота, мѣди, никкеля и желѣза. Въ 1876 году добыча на Алтайскихъ рудникахъ представляла. по Скальковскому [1]), слѣдующія цифры:

Серебра—617 пуд.; золота—64 пуд.; мѣди—38.727 пуд.; никкеля—250 пуд.; чугуна и желѣза—42.250 пуд.

Общая цѣнность—2.000.000 рублей.

Издержки добыванія рудъ, недостигавшія и половины общихъ расходовъ по содержанію рудниковъ до 1861 года, то-есть до отмѣны крѣпостной зависимости, увеличиваются изъ года въ годъ съ тѣхъ поръ, какъ трудъ рабочихъ оплачивается, и во многихъ мѣстахъ пришлось покинуть рудники, чтобы избавиться отъ необходимости копать землю на слишкомъ большихъ глубинахъ. между тѣмъ, какъ относительная цѣнность металла постоянно понижалась, издержки производства возрастали вслѣдствіе того, что необходимо было предпринимать дорогостоющія работы по извлеченію руды на поверхность, по предупрежденію обваловъ внутри рудниковъ, по осушкѣ и провѣриванію шахтъ, работы, которыми не имѣли надобности заниматься первые рудокопы. Весьма вѣроятно, что важное экономическое значеніе Алтая, какъ области горныхъ промысловъ, будетъ постепенно уменьшаться, по крайней мѣрѣ до той поры, пока залежи угля, находящіяся въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Томи, близъ города Кузнецка, не сдѣлаются предметомъ серьезной эксплоатаціи, и пока не будетъ устроена желѣзная дорога, по которой бы это минеральное топливо могло быть удобно доставляемо на горные заводы. Отнынѣ земледѣліе и скотоводство составляютъ главные источники богатства для Алтайскаго края, свободная промышленность, не поддерживаемая вспомоществованіями правительства, не можетъ развиться, пока населеніе будетъ такъ разсѣяно и малолюдно, какимъ

[1]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6;—„Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера“.

[2]) Ledebour, „Reise durch das Altai-Gebirge“.

[1]) „Горный Журналъ“, за май 1878 г.

мы находимъ его въ настоящее время, и пока не будутъ созданы удобныя сообщенія изъ долины въ долину. Только въ 1804 году въ первый разъ воспользовались теченіемъ Иртыша для отправки металла въ Россію, но судно 32 тонны вмѣстимости, спускающееся въ одинъ день отъ порта рудниковъ, называемаго Верхней Пристанью, до города Усть-Каменогорска, не можетъ подняться обратно вверхъ по рѣкѣ, на этомъ пространствѣ около 130 верстъ, менѣе, какъ въ три дня, а иногда, и довольно часто, это плаваніе продолжается болѣе недѣли: такимъ образомъ, въ продолженіе періода судоходства одно судно сдѣлаетъ много-много что девять или десять оборотовъ. На сѣверной окраинѣ Алтая, между нижними долинами и степной областью, сообщенія сухимъ путемъ, разумѣется, очень удобны, но не безопасно пускаться въ дорогу съ той стороны горъ, гдѣ тропинки теряются среди дикихъ скалъ и снѣговъ и гдѣ кочующіе туземцы появляются, со своими стадами только во время лѣтняго сезона. Такъ называемая «дорога», ведущая изъ Бійска въ Кобдо черезъ долину рѣки Чу и Суокскій или «Холодный» перевалъ, есть самая важная изъ всѣхъ дорогъ, соединяющихъ Обскій бассейнъ съ Монголіей, а между тѣмъ послѣдній постоянный постъ русскихъ на этомъ историческомъ пути, Угодай, представляетъ жалкую деревушку, состоящую изъ какихъ-нибудь двадцати лачугъ, которая лежитъ въ 240 верстахъ отъ порога гребня. Только лѣтомъ русскіе занимаютъ небольшой лагерь въ верхней долинѣ Чу, у подножія перевала; но на зиму они покидаютъ эту стоянку, отдавая ее подъ присмотръ калмыковъ [1]).

Пространство и населеніе трехъ округовъ Алтайскаго края суть:

	Площадь кв. верстъ.	Населеніе (по переписи 1897 г.) жителей.	На 1 кв. вер. жит.
Барнаульскій	110.200	585.344	5,3
Бійскій	164.600	334.042	2,4
Кузнецкій	78.500	164.300	2,7
Вмѣстѣ	353.300	1.083.686	3.2

Хотя область Алтайскихъ горъ очень слабо населена, даже въ сосѣдствѣ рудниковъ и горныхъ заводовъ, однако русскіе города, мѣстечки и деревни относительно довольно многолюдны: населеніе, которое отличается своимъ духомъ общительности, соединилось въ небольшое число группъ. Столица всѣхъ русскихъ поселеній на Алтаѣ, Барнаулъ, городъ, построенный въ равнинѣ, куда часто спускаются горцы, есть одинъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ Сибири,—даже самый пріятный, какъ говорятъ нѣкоторые путешественники, и въ то же время одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ благосостояніемъ пользуется наибольшее число жителей и гдѣ матеріальная жизнь наименѣе дорога; въ отношеніи промышленныхъ рессурсовъ Барнаулъ уступаетъ только Иркутску во всей обширной странѣ на востокъ отъ Уральскихъ провинцій, а черезъ отправку драгоцѣннаго металла въ Петербургъ, онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ столицей Имперіи. Барнаулъ, одинъ изъ старинныхъ городовъ Сибири, былъ какъ показываетъ самое названіе его, простой киргизскій аулъ, когда Демидовъ основалъ тамъ свое горнозаводское селеніе, на лѣвомъ берегу Оби; съ 1771 года онъ сдѣлался главнымъ городомъ всего Алтайскаго горнаго округа и мѣстопребываніемъ горнаго правленія. Большой плавильный заводъ, принадлежащій Императорскому кабинету, построенъ на плотинѣ, удерживающей воды рѣки Барнаулки выше соединенія ея съ Обью; но работы на этомъ заводѣ часто прерываются съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельность рудокоповъ уменьшилась. Однако, въ Барнаулѣ существуютъ также вольныя промышленныя заведенія: кожевенные и сыромятные заводы, фабрика охотничьихъ пуль, заводъ, на которомъ обработывается сода, добываемая изъ сосѣдняго озера. Кромѣ того, въ этомъ городѣ имѣется метеорологическая и магнитная обсерваторія, а также публичный музей естественной исторіи и древностей, замѣчательный въ особенности своей богатой минералогической коллекціей и остатками рудокопной промышленности древняго народа чудь. Между горными заводами Барнаульскаго округа, первое мѣсто занимаетъ Суксунскій мѣдноплавильный заводъ, расположенный на сѣверо-западѣ, при небольшомъ притокѣ Оби. Значительныя лѣсныя богатства окрестной страны заставили избрать это мѣсто центромъ обработки мѣдныхъ рудъ, которыя привозятся сюда даже изъ отдаленныхъ рудниковъ, находящихся за нѣсколько сотъ верстъ. Въ настоящее время годовая добыча мѣди на Сузунскомъ заводѣ составляетъ около 33.000 пудовъ, цѣнностью въ 250.000 рублей.

Городъ Змѣиногорскъ (получившій это названіе отъ «Змѣиной Горы», на которой онъ стоитъ), который нѣкогда былъ соперникомъ Барнаула по количеству населенія и важности промысловъ, теперь пришелъ въ упадокъ; во времена наибольшаго своего процвѣтанія онъ имѣлъ до 20.000 жителей, втрое больше, чѣмъ въ наши дни. Построенный на высотѣ около 1.000 футовъ, на скатахъ голаго, лишеннаго растительности холма, надъ рѣчкой Корбалихой, воды которой утекаютъ въ рѣку Алей, западный притокъ Оби, Змѣиногорскъ, болѣе извѣстный въ краѣ подъ сокращеннымъ именемъ Змѣева, былъ долгое время горнозаводскимъ средоточіемъ Алтая. Около половины всего серебра, извлекаемаго изъ металлонос-

[1]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1873.

ныхъ жилъ Алтайскаго округа до половины девятнадцатаго столѣтія, получалось изъ змѣиногорскихъ подземныхъ галлерей, которыя такимъ образомъ доставили правительству драгоцѣннаго металла на сумму свыше пятидесяти милліоновъ метал. рублей [1]). Огромныя глубокія ямы, образовавшіяся вслѣдствіе обвала кровель рудниковъ, открываются тамъ и сямъ надъ старыми раскопками и выработками, воды наполняютъ шахты до половины высоты. Можно было бы, при помощи туннелей, удалить воду изъ подземныхъ галлерей и привести ихъ въ сообщеніе однѣ съ другими, принявшись за эксплоатацію новыхъ, еще не тронутыхъ жилъ [2]); но правительство отступило передъ громадностью потребныхъ для осуществленія этого предпріятія издержекъ, которыя, можетъ быть, не покрылись бы будущими доходами, и съ 1869 года галлереи Змѣиногорска окончательно покинуты; тѣмъ не менѣе, рудокопы продолжаютъ разработывать кучи вынутой земли, отброшенныя прежде, какъ слишкомъ бѣдныя металломъ, но еще достаточно богатыя, чтобы оплатить трудъ рабочаго. Теперь Змѣиногорскъ удерживаетъ еще за собой нѣкоторую важность въ горнозаводской промышленности края, только благодаря своему большому плавильному заводу, гдѣ обработываются руды, привозимыя изъ горныхъ станцій, лежащихъ далѣе на югѣ въ верхнихъ долинахъ Алтая. По всей вѣроятности, Змѣиногорскъ постепенно утратитъ свое значеніе между городами этой области, такъ какъ, за исключеніемъ его подземныхъ минеральныхъ богатствъ, онъ не имѣетъ никакихъ рессурсовъ, никакихъ спеціальныхъ выгодъ, которыя могли бы привлекать къ нему переселенцевъ или иногородныхъ купцовъ. Окружающіе холмы и долины, бѣдныя растительностью, представляютъ дикій и пустынный видъ; юго-западные вѣтры дуютъ страшными бурями на террасѣ, гдѣ раскиданы дома жителей; естественныя дороги, посредствомъ которыхъ производится сообщеніе между долиной Иртыша и долиной Оби, оставляютъ городъ въ сторонѣ. «Змѣиная гора» до сихъ поръ заслуживаетъ данное ей прозвище: въ нѣсколько часовъ охоты тамъ можно легко поймать гадюкъ, тригоноцефаловъ (halys) и другихъ ядовитыхъ змѣй [3]).

Въ настоящее время самое дѣятельное горнозаводское селеніе или мѣстечко — Зыряновскъ, лежащій въ самомъ сердцѣ Алтая, у подошвы «Орлиной горы», въ долинѣ нездоровой и безлѣсной, несмотря на имя протекающей на днѣ ея рѣчки Березовки, восточнаго подъпритока Иртыша, съ которымъ она соединяется черезъ рѣку Бухтарму; до сихъ поръ Зыряновскъ доставлялъ почти четвертую часть всего серебра, добываемаго на Алтайскихъ рудникахъ; въ періодъ съ 1796 по 1854 годъ на Зыряновскихъ рудникахъ въ сложности было получено:

Серебра — 25.051 пудовъ. цѣнностью — 21.860.090 руб.: свинца — 619.248 пудовъ; цѣнностью—2.162.000 рублей.

Кромѣ того, Зыряновскъ, вмѣстѣ съ деревней Бухтарминскомъ, есть самое важное мѣсто на Алтаѣ по размѣрамъ пчеловодства. Риддерскъ, названный такъ по имени горнаго инженера Риддера, который первый изслѣдовалъ здѣсь мѣсторожденія серебросодержащей свинцовой руды, находится на половинѣ дороги изъ Змѣиногорска въ Зыряновскъ, въ области истоковъ рѣкъ Ульбы и Убы.

Добыча на Риддерскомъ рудникѣ въ періодъ съ 1783 по 1854 годъ, по Гернгроссу и Семенову, была:

Серебра — 2.180 пудовъ, цѣнностью — 1.960.600 руб.: свинца—1.753.140 пуд., цѣнностью—6.131.200 рублей.

Добыча на рудникахъ всей группы, съ 1783 до 1818 года по Ледебуру:

Серебра — 3.920 пудовъ, цѣнностью — 3.484.600 руб.; свинца—1.926.660 пуд., цѣнностью—6.850.300 рублей.

Риддерскъ, даже не считая шахтъ, находящихся въ ближайшихъ его окрестностяхъ, есть самый важный изъ алтайскихъ рудниковъ по производству свинца. Недалеко отъ этого горнозаводскаго селенія возвышается Ивановская Бѣлка, гранитная вершина безъ малаго въ двѣ версты вышиной: изъ всѣхъ Алтайскихъ горъ на эту Бѣлку всего чаще предпринимаются восхожденія. Локтевскій заводъ, названный такъ потому, что онъ находится на главномъ изгибѣ или излучинѣ рѣки Алей, къ западу отъ Змѣиногорска, есть весьма значительное горное заведеніе, гдѣ прежде работали одновременно до 1.200 вольныхъ рудокоповъ и мастеровъ и болѣе 27.000 удѣльныхъ горнозаводскихъ крестьянъ, и которое владѣетъ огромной лѣсной дачей, занимающей площадь въ 625.000 десятинъ: около 1860 года локтевскіе рудники давали, среднимъ числомъ, до 300 пудовъ серебра и до 14.000 пудовъ свинца. На югѣ отъ Локтевскаго завода возвышаются горы, очень богатыя мѣдной рудой, которымъ мѣстные жители дали прозвище Золотарскихъ по одному могильному кургану, гдѣ были найдены различныя золотыя украшенія, любопытной работы, вѣсившія вмѣстѣ болѣе 60 фунтовъ.

Въ долинѣ рѣки Убы и въ разныхъ мѣстахъ по близости Иртыша существуютъ другіе рудники, также снабжающіе своими продуктами змѣиногорскій плавильный заводъ, наконецъ, на сѣверо-востокѣ отъ Барнаула, между Обью и Томью, находятся, вокругъ Салаира, многочисленныя мѣсторожденія серебряной руды, ежегодная добыча которой составляетъ по край-

[1]) Субботинъ, „Курсъ политической экономіи“.
[2]) Bernhard von Cotta, „Altai“.
[3]) Finsh, „Reise nach Ost-Sibirien“.

ности около 50.000 металл. рублей. Каменный уголь и желѣзная руда въ Кузнецкомъ округѣ, по рѣкѣ Томи, мало эксплоатируются и даютъ едва нѣсколько тысячъ тоннъ въ годъ; но, кромѣ своихъ металлоносныхъ жилъ, Алтай содержитъ цѣнныя горныя породы, и нѣкоторыя изъ этихъ породъ разработываются для правительства въ Колыванскомъ заводѣ (гранильная фабрика, приготовляющая издѣлія для двора), лежащемъ верстахъ въ 30 къ сѣверо-востоку отъ Змѣиногорска. Окрестности Колывани пріобрѣли извѣстность въ наукѣ, благодаря описаніямъ геологовъ. Можетъ быть, нигдѣ во всемъ свѣтѣ не увидишь гранитныхъ скалъ, разсыпавшихся въ болѣе причудливомъ безпорядкѣ [1]): взорамъ путешественника представляются пирамиды, колонны, обелиски, наклонные, нависшіе столбы, руины всевозможныхъ формъ и размѣровъ, въ одномъ мѣстѣ образующія ряды горизонтальныхъ и правильныхъ каменныхъ глыбъ, въ другомъ—поднимающіяся въ видѣ громадныхъ монолитовъ въ нѣсколько сотъ метровъ вышиною; деревья всякой породы, сосны съ темно-зеленой листвой и веселыя, кудрявыя березы растутъ среди разнообразныхъ скалъ, прикрѣпляютъ свои корни между камней, покрываютъ своей густой тѣнью даже высокіе утесы. Посреди этой живописной области гранитовъ въ развалинахъ разстилается глубокое и прозрачное озеро, около 8 верстъ въ окружности, въ зеркальной поверхности котораго отражаются фигуры деревьевъ и обрушивающихся скалъ. Крутые известковые бока долины Чараша, притока Оби, въ который изливаются воды рѣки Колывань, изрыты многочисленными пещерами, гдѣ находятся въ большомъ количествѣ кости исчезнувшихъ животныхъ, рядомъ съ костями видовъ еще существующихъ [2]). Колыванскія горныя породы иногда доставляютъ шлифовальнымъ мастерскимъ великолѣпныя каменныя глыбы, въ особенности яшмы, коричневыя и дымчатыя, мраморы, кварцы, порфиры, серпентины. Какъ въ большей части заводовъ, принадлежащихъ казнѣ, расходы по обдѣлкѣ этихъ цѣнныхъ камней далеко превосходятъ доходы: иная порфировая или яшмовая ваза, надъ которой цѣлые годы трудились десятковъ пять мастеровъ и которая стоила не менѣе 20.000 рублей, считая одно только жалованье рабочимъ, перевозилась сотнями людей на саняхъ особеннаго устройства, до рѣчныхъ путей, по которымъ ее можно было направить къ Петербургу, за пять тысячъ верстъ отъ мѣста ея происхожденія [3]).

Главнымъ рынкомъ для верхнихъ восточныхъ долинъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ служитъ городъ Бійскъ, построенный на высокомъ правомъ берегу Біи, недалеко отъ сліянія ея съ Катунью, главной рѣкой Оби; окрестные татары называютъ ее Яшъ-тура, то-есть «Новымъ городомъ». Слѣдовательно, Бійскъ занимаетъ очень выгодное положеніе, чтобы вести торговлю, съ одной стороны, съ Барнауломъ и степью, съ другой—съ долинами Алтая и, черезъ Суокскій перевалъ, съ Монголіей. Періодъ обогащенія для бійскихъ купцовъ былъ для жителей окружающей страны эпохой опустошенія и всеобщаго разоренія. Подъ предлогомъ взысканія какихъ-то долговъ съ туземцевъ, купцы приступили къ описи и захвату въ свое владѣніе всего ихъ скота; нѣкоторые спекулянты этого рода вдругъ оказались владѣльцами тысячи, а то и двухъ тысячъ лошадей, да нѣсколькихъ сотъ верблюдовъ и быковъ. Но, разумѣется, при такихъ порядкахъ край скоро былъ разоренъ въ конецъ, и, когда не осталось болѣе несчастныхъ, которыхъ можно было бы обирать, доходы кулаковъ стали быстро уменьшаться [1]). Каждый годъ бійскіе купцы съѣзжаются съ китайскими торговцами въ одномъ становищѣ, расположенномъ среди болотъ въ степи по рѣкѣ Чу, гдѣ китайцы продаютъ главнымъ образомъ шкуры пушныхъ звѣрей, рогатый скотъ и лошадей. Съ той поры, какъ Кашгарія утратила свою независимость, движеніе этой мѣновой торговли сильно уменьшилось; въ 1865 году обороты ея простирались на сумму около 200.000 рублей [2]).

Кузнецкъ или «Городъ кузнецовъ», лежащій въ верхнемъ бассейнѣ Томи, противъ впаденія въ нее рѣки Кондоры, мало-по-малу утратилъ свою важность. Названный такъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія русскими казаками, нашедшими тамъ туземныхъ кузнецовъ, Кузнецкъ сдѣлался важнымъ торговымъ центромъ въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго вѣка; въ ту эпоху въ немъ насчитывалось болѣе 3.000 жителей, но впослѣдствіи онъ пришелъ въ упадокъ, такъ что населеніе его убавилось наполовину, и только въ новѣйшее время, какъ административный центръ округа и мѣстопребываніе чиновниковъ, онъ опять пріобрѣлъ значеніе, равное тому, какое имѣлъ сто лѣтъ назадъ. Промышленность Кузнецка по-прежнему состоитъ въ производствѣ слесарныхъ и разныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Площадь кузнецкаго каменноугольнаго бассейна, которымъ пока еще не пользуются для промышленныхъ цѣлей, исчисляется приблизительно въ 4.500 квадр. верстъ.

Большіе охотники до путешествій, любители перемѣны и увеселеній, русскіе купцы и чиновники, живущіе въ городахъ равнины, у подножія Алтайскихъ горъ, не могли обойтись безъ того, чтобы не основать въ очаровательныхъ верхнихъ долинахъ станцій для лѣтняго

[1]) Ледебуръ; Реновацъ; Розе; Гельмерсенъ; Финшъ.
[2]) Семеновъ и Потанинъ, цитиров. сочиненіе.
[3]) *Finsh, „Reise nach West-Sibirien“.*

[1]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6.
[2]) Потанинъ, „Дополненіе къ землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера“.

отдыха и сельскихъ удовольствій. Самый важный изъ этихъ лѣтнихъ городовъ—Алтайская станица (у калмыковъ «Котонъ-карагай»), основанная въ 1871 году въ верхней долинѣ рѣки Бухтармы, на высотѣ 3.480 футовъ; несмотря на возвышенное положеніе мѣстности, тамъ еще воздѣлываютъ пшеницу, ленъ, коноплю; въ другихъ мѣстахъ, овесъ и ячмень даютъ урожаи до высоты слишкомъ 4.000 футовъ.

Главные города въ округахъ Алтайскаго края съ ихъ населеніемъ по переписи 1897 г.:

Барнаулъ – 29.529 жит.; Бійскъ—17.713; Змѣиногорскъ — 2.480; Сузунскій заводъ— 6.354; Локтевскій заводъ — 6.100; Зыряновскъ—4.613; Кузнецкъ—3.124; Салаиръ— 2.808; Риддерскъ—2.686 жителей.

III. Бассейнъ Оби.

Области: Акмолинская, Семипалатинская, губерніи: Томская, Тобольская, восточные уѣзды губерній Пермской и Оренбургской.

Громадная обская система, заключающая болѣе трехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, занимаетъ всю западную часть Сибири, половину Киргизской степи, и распространяется даже на югъ отъ Алтайскихъ горъ, въ предѣлы китайской территоріи. Но вся эта обширная страна, въ семь разъ превосходящая пространствомъ Францію, представляетъ еще, въ сѣверной своей части, сплошную мерзлую пустыню; населеніе сгруппировалось на азіатской покатости Уральскаго хребта, и въ центральномъ поясѣ бассейна. между южными степями и сѣверными тундрами, и относительная важность его такъ незначительна. что, будучи распредѣлено равномѣрно по всей области Оби, число жителей составитъ немногимъ болѣе одного человѣка на квадратную версту.

Пространство и населеніе обскаго бассейна:

	Пространство. Кв. верстъ.	Населеніе по переписи 97 г. Жителей.	На 1 кв. версту. Жителей.
Тобольская губер.	1.212.442	1.438.484	1,0
Томская „	749.911	1.929.092	2,0
Семипалатин. обл.	429.152	685.197	1,0
Азіатская часть губ. Пермской и Оренбургской.	133.950	1 350.000	1,0
Обская покатость въ областяхъ Тургайской и Акмолинской	603.677	321.830	0,5
Ачинскій округъ (Енисейск. губ.)	51.251	110.806	2,0
Бассейнъ Чернаго Иртыша въ Монголіи . . .	88.000(?)	100.000(?)	1,1
Всего . . .	3.268.383	5.835.609	1,0

Воды, спускающіяся къ Ледовитому океану черезъ теченіе Оби, только въ незначительной части вытекаютъ изъ возвышенныхъ снѣжныхъ долинъ. На востокѣ водораздѣльная линія между системами Оби и Енисея во многихъ мѣстахъ совершенно нечувствительна; тундра изливаетъ свои поверхностныя воды въ ту и другую сторону, такъ что невозможно примѣтить порогъ, разграничивающій двѣ водныя области; даже болота занимаютъ промежуточный поясъ, и, смотря по направленію вѣтровъ или мѣстному обилію дождей, способствуютъ питанію то одной, то другой изъ этихъ двухъ рѣкъ. На югѣ возвышенія почвы, даже настоящіе холмы, обозначаютъ, правда, хотя и не вездѣ правильно, раздѣльный порогъ между бассейномъ Оби и арало-каспійской покатостью; но этотъ водораздѣлъ во многихъ мѣстахъ прерывается, и тамъ тоже находятся болота, для которыхъ достаточно было самыхъ легкихъ колебаній земной поверхности, чтобы заставить ихъ изливать свои воды то къ сѣверу, то къ югу. Гидрографическая область Оби совершенно опредѣленно отграничена только съ западной стороны цѣпью Уральскихъ горъ и съ юго-восточной горными массами и плоскогорьями Алтая: въ этихъ-то сибирскихъ горахъ, прилегающихъ къ китайской границѣ, находится единственный ледникъ Обскаго бассейна, ледникъ Бѣлухи.

Главной вѣтвью рѣки, систему которой мы здѣсь разсматриваемъ, можно считать не Обь, спускающуюся съ русскаго Алтая, а Иртышъ, питаемый водами китайскаго Алтая. Да и самъ Иртышъ,—или вѣрнѣе «Эрчисъ», ибо таково его монгольское названіе,—вытекающій изъ снѣжныхъ долинъ западнаго ската Алтайскихъ горъ, въ дѣйствительности есть лишь притокъ другой рѣки, частію подземной, которая беретъ начало на самомъ плоскогорьи Кобдо и, обойдя выступъ горъ на югѣ, направляется на сѣверо-западъ, мало наклоннымъ теченіемъ, къ большому озеру Улюнгуръ, одному изъ самыхъ обширныхъ озеръ Азіи. Небольшая цѣпь высотъ поднимается между восточнымъ берегомъ озера Улюнгуръ и ручьемъ, носящимъ названіе Иртыша; но эти высоты постепенно понижаются къ сѣверу, затѣмъ исчезаютъ совершенно, и близъ одного глинистаго перешейка, гдѣ ручей уже находится отъ озера не далѣе, какъ на разстояніи трехъ верстъ, видно высохшее русло истока или выпускнаго канала, которое, по словамъ кочующихъ въ той мѣстности киргизовъ, наполняется водой каждую весну, во время разливовъ Улюнгура. Подъ этимъ поверхностнымъ ложемъ, безъ сомнѣнія, текутъ скрытыя воды, какъ это доказали сравнительныя наблюденія, сдѣланныя надъ количествомъ протекающей въ Иртышѣ воды выше и ниже порога, гдѣ проходитъ выпускной потокъ, образующійся въ

періодъ весенняго разлива. Верстахъ въ двадцати выше порога объемъ протекающей воды равняется 18 кубич. метрамъ въ секунду, такъ какъ ниже, и не принявъ въ себя никакого видимаго притока, рѣка катитъ втрое большее количество воды, именно 59 кубич. метровъ. Откуда могла взяться эта огромная водная масса, если не изъ подземнаго притока, который составляетъ продолженіе верхней рѣки Улюнгуръ, выливаясь изъ озера того же имени? На западъ отъ упомянутаго порога, гдѣ озеро очень глубоко, одинъ маленькій мысъ, омываемый водами бассейна, недавно провалился въ пропасть, и контуры берега, вслѣдствіе этого, значительно измѣнились [1]).

Передъ вступленіемъ на русскую территорію, и даже до принятія большаго притока Кальджиръ, который приноситъ ему излишекъ водъ альпійскаго озера Марка (Марка-куль, бассейна слишкомъ въ 350 квадр. верстъ, лежащаго на высотѣ около 4.480 футовъ), Иртышъ, или «Черный Иртышъ» (Кара-Иртышъ), который по-настоящему слѣдовало бы называть Улюнгуромъ, является уже значительной рѣкой, и воды его настолько глубоки, что небольшія суда могутъ тамъ плавать въ продолженіе половины года: средняя глубина его въ этомъ мѣстѣ около 10 футовъ, а ширина измѣняется отъ 50 до 80 саженъ; количество протекающей воды, измѣренное г. Мирошниченко лѣтомъ 1873 года, то-есть въ такое время, когда онъ бываетъ почти въ своемъ среднемъ (меженномъ) уровнѣ, оказалось равнымъ 374 кубич. метрамъ въ секунду: слѣдовательно, онъ катитъ въ этой части своего теченія втрое больше воды, чѣмъ Сена подъ мостами Парижа. По соединеніи съ р. Кальджиръ, Иртышъ вступаетъ въ предѣлы русскихъ владѣній, дѣлится на нѣсколько болотистыхъ рукавовъ и медленнымъ теченіемъ смѣшивается съ водами озера Зайсанъ или Дзайсангъ (Зайсанъ-норъ), водной площади еще болѣе обширной, чѣмъ Улюнгуръ; Зайсанъ долгое время считался сибирскими русскими лежащимъ гдѣ-то на краю свѣта. Тобольскій губернаторъ, отправившій въ 1717 году первую экспедицію для открытія и осмотра Зайсанъ-нора, велѣлъ отпереть тюрьмы, чтобы найти въ нихъ сотню отчаянныхъ удальцовъ, которые бы согласились пуститься въ это страшное море [2]).

Озеро Зайсанъ, представляющее бассейнъ треугольной формы, удлиненный въ томъ же направленіи, какъ горныя массы Алтая и какъ цѣпь Тарбагатай, т. е. отъ востока-юго-востока къ западо-сѣверо-западу, имѣетъ почти 100 верстъ въ длину, по крайней мѣрѣ въ періодъ разливовъ, ибо берега его почти вездѣ довольно низкіе, и малѣйшее измѣненіе уровня увеличиваетъ или уменьшаетъ поверхность озера въ значительныхъ размѣрахъ. По Шванебаху, среднее его протяженіе около 1.610 квадр. верстъ, слѣдовательно въ три раза превосходитъ поверхность Женевскаго озера, но онъ гораздо менѣе глубокъ; почти вездѣ въ Зайсанѣ лотъ достаетъ дно на глубинѣ отъ 3 до 4 саженъ, и даже въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ не находили болѣе 5 съ половиной саженъ. Оттого вода въ этомъ бассейнѣ, волнуемая вѣтромъ до самой тины, покрывающей ложе, всегда мутная и желтоватая. Зайсанъ не похожъ на альпійское озеро; это скорѣе обширный степной прудъ, хотя сквозь вѣтви растущихъ по берегамъ его тополей, ивъ и осинъ виднѣются на сѣверѣ снѣжныя вершины Алтая, на югѣ тоже бѣлыя верхушки горъ Сауру. Это озеро одно изъ самыхъ богатыхъ рыбой во всемъ свѣтѣ: каждый уловъ, получаемый тамъ киргизами или казаками, кажется баснословнымъ иностраннымъ путешественникамъ. Кромѣ видовъ, находимыхъ также въ озерныхъ водахъ Европы, спеціальная фауна Зайсана заключаетъ, между прочимъ, превосходный видъ лосося, извѣстный въ краѣ подъ именемъ нельмы, какъ и другія сибирскія породы изъ лососинаго семейства; карпы этого озера также гораздо лучше соотвѣтственныхъ европейскихъ видовъ: очевидно, они здѣсь живутъ въ своемъ настоящемъ отечествѣ, и европейскіе рыбоводы могли бы посредствомъ «скрещиваній» съ зайсанской породой достигнуть усовершенствованія своихъ озерныхъ видовъ [1]). Названіе Зайсанъ-норъ или «Благородное озеро» было, говорятъ, дано ему, вмѣсто прежняго наименованія Кизальпонъ [2]), благодарными калмыками въ память того, что необыкновенное обиліе рыбы въ озерѣ спасло ихъ отъ голода въ 1650 году. Судя по цифрѣ дохода, получаемаго казною съ мѣстныхъ казаковъ, которымъ предоставлено право лова, количество рыбы, добываемое изъ Зайсана, должно простираться ежегодно до 40.000 пудовъ. Водяная птица садится несмѣтными стаями среди камышей и на песчаныхъ меляхъ. Судоходства на Зайсанѣ не существуетъ; кромѣ какъ для цѣлей рыбной ловли и охоты, на берегахъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить человѣческія жилища. Торговыя сношенія между Семипалатинскомъ и Китаемъ производятся сухимъ путемъ; однако, пароходъ уже поднимался вверхъ по Иртышу въ 1864 году, плавалъ по Зайсану, проникалъ въ Черный Иртышъ и заходилъ даже на китайскую территорію до поста Актюбе, ниже сліянія этой рѣки съ Кальджиромъ; въ 1880 году занимались проектомъ установленія правильнаго судоходства между Тюменью, Зайсаномъ и Кара-Иртышемъ, на пространствѣ около 4.200 верстъ.

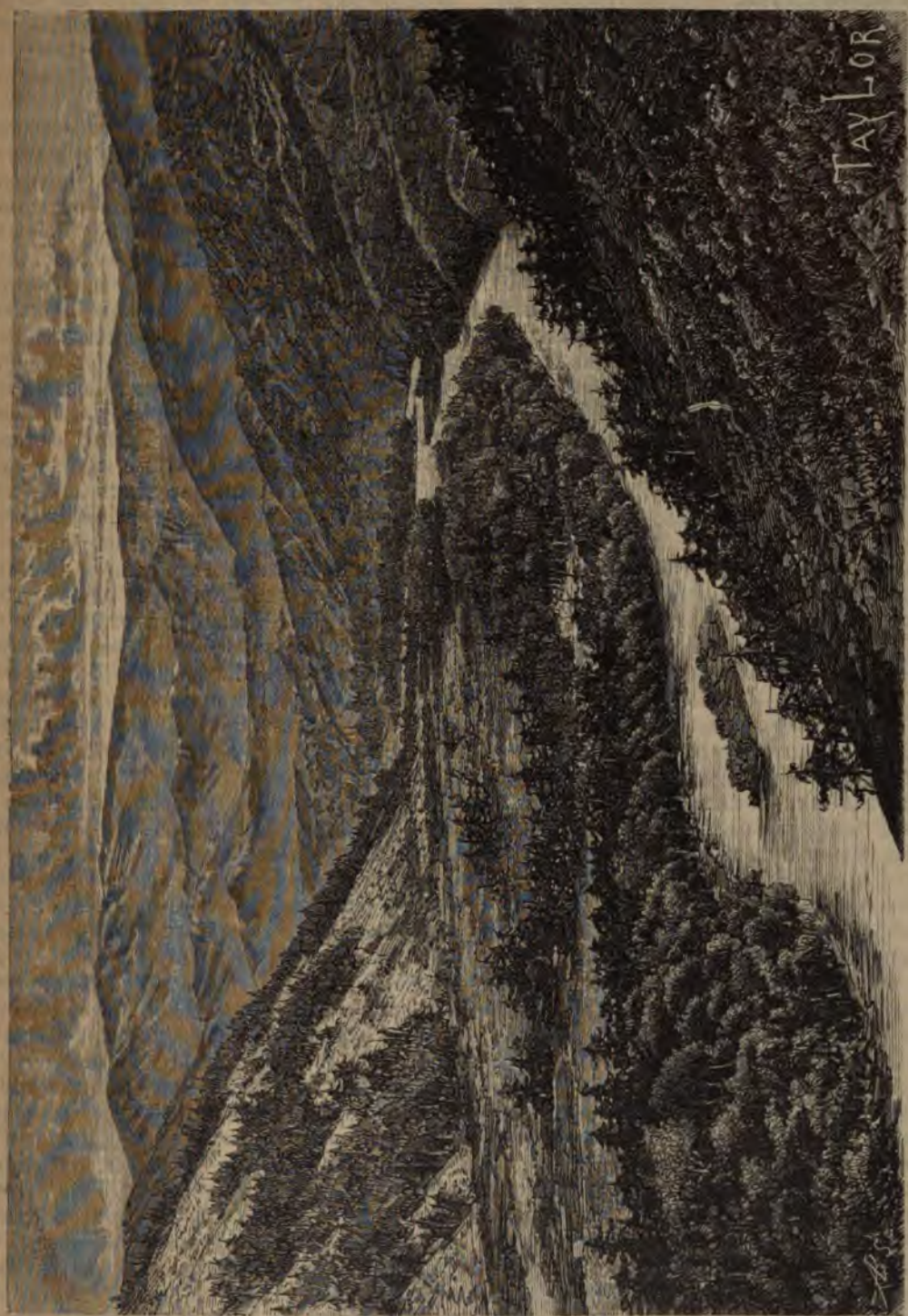
[1]) Мирошниченко, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1874 г., № 1.

[2]) *Великановъ; Карлъ Риттеръ и другіе.*

[1]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

[2]) Müller, „Histoire russe“; Carl Ritter, „Asien“.

На высотѣ 1.344 футовъ начинается теченіе «Бѣлаго» Иртыша, выходящаго изъ озера Зайсанъ, не черезъ западную оконечность бассейна, но черезъ одну изъ бухтъ его сѣвернаго берега. Спускаясь пологимъ скатомъ, Бѣлый Иртышъ принимаетъ въ свои мутныя воды прозрачную волну алтайскихъ рѣкъ: Курчума, Нарыма, Бухтармы, но ниже сліянія съ этимъ послѣднимъ притокомъ онъ становится болѣе быстрымъ и вскорѣ вступаетъ въ горное ущелье. Изъ всѣхъ рѣкъ, изливающихъ свои воды въ Обскій бассейнъ, одинъ только Иртышъ беретъ начало на югѣ Алтая и неровнаго водораздѣльнаго хребта, состоящаго изъ гранита и древнѣйшихъ каменныхъ породъ, который связываетъ эти горы съ системой Тянь-Шань. Иртышу нужно пройти черезъ этотъ естественный валъ, и проломъ, который онъ на-



Долина Бухтармы.

шелъ, открывается какъ-разъ черезъ возвышенную горную массу, которую, по смѣлости ея формъ и свойству ея каменныхъ породъ, можно разсматривать, какъ принадлежащую еще къ системѣ Алтая. Ущелье Иртыша одно изъ самыхъ живописныхъ по величественному виду и разнообразію скалъ; во многихъ мѣстахъ крутыя аспидныя горы, господствующія надъ рѣкой, поднимаются вертикально, иныя даже наклонены впередъ за отвѣсную линію, а съ вершины одной изъ нихъ громадная каменная глыба нависла надъ поверхностью потока; полосатыя сланцевыя стѣны увѣнчаны тамъ и сямъ массами изъ табличнаго гранита. Но это дикое ущелье не имѣетъ той красоты, которую даетъ контрастъ зелени съ каменными скалами: на берегахъ рѣки не видно ни лѣсовъ, ни засѣянныхъ полей; только немногочисленные островки представляютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ группы тополей или ивъ; рѣдкій кустарникъ покрываетъ зеленовато-сѣрымъ колоритомъ верхушки утесовъ. Правильность теченія прерывается тамъ и сямъ стремнинами, которыя, впрочемъ, неопасны, такъ что при спускѣ барки могутъ спокойно отдать себя на волю теченія. Боковыя террасы, футовъ на 20, на 30 болѣе возвышенныя, чѣмъ средній уровень нынѣшней рѣки, доказываютъ, что въ предшествовавшую геологическую эпоху Иртышъ протекалъ на болѣе значительной высотѣ, потому ли что онъ углубилъ свое русло съ того времени, или потому, что онъ катилъ тогда болѣе значительную массу воды.

Ущелье Иртыша широко открывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ построили городъ Усть-Каменогорскъ (названный такъ потому, что онъ лежитъ при устьѣ ущелья), и рѣка, вступивъ въ равнину, принимаетъ свое нормальное направленіе къ сѣверо-западу: высота этого пункта, обозначавшаго прежде южную границу обскаго бассейна, исчисляется въ 1.150 футовъ. Ниже Устькаменогорска Иртышъ широко разливается въ своемъ глинистомъ ложѣ и дѣлится на множество рукавовъ, окружающихъ острова, изъ которыхъ иные имѣютъ площадь въ нѣсколько десятковъ или даже больше сотни квадр. верстъ, и которые даютъ прибрежнымъ жителямъ обильные сборы сѣна. Во всемъ своемъ нижнемъ теченіи, отъ алтайскаго ущелья до сліянія съ Обью, Иртышъ соединяется съ тысячью рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; но на протяженіи своего перехода черезъ солончаковыя и мало орошаемыя степи онъ пересталъ получать сотни потоковъ, которые прежде притекали къ нему справа и слѣва, и которые нынѣ теряются въ болотахъ; тамъ и сямъ по берегамъ тянутся ряды подвижныхъ дюнъ и преграждаютъ путь водамъ, текущимъ изъ внутренности земли. Эти песчаные бугры прежде стояли неподвижно, благодаря сосновымъ лѣсамъ, *которыми они были сплошь* покрыты; но съ тѣхъ поръ, какъ деревья исчезли, повалены топоромъ лѣсорубовъ, горки пришли въ движеніе, и нѣкоторымъ селеніямъ, даже городу Семипалатинску, грозитъ опасность быть засыпанными пескомъ [1]). Здѣсь мы видимъ явленіе, подобное тому, которое имѣло мѣсто во французскихъ ландахъ въ средніе вѣка, послѣ истребленія лѣсовъ, которые росли на дюнахъ морскаго побережья.

Большая часть пространства, заключающагося между Обью на востокѣ, Иртышемъ на западѣ и Омью на сѣверѣ, извѣстна подъ именемъ Барабинской «степи», хотя она только въ рѣдкихъ мѣстахъ представляетъ видъ настоящей степи. Правда, это пространство совершенно ровное: выпуклости обширной равнины, которыя русскіе поселенцы величаютъ громкимъ именемъ «горъ», возвышаются всего только на нѣсколько аршинъ надъ уровнемъ окружающихъ земель, и о существованіи ихъ догадываешься не по ихъ рельефу, а по различію растительности; въ почвѣ нигдѣ не видно ни одного камешка, и туземные жители, знающіе о камняхъ лишь по наслышкѣ, имѣютъ объ нихъ очень смутное понятіе. Въ южныхъ своихъ областяхъ Барабинская степь, если не покрыта, то по крайней мѣрѣ усѣяна хвойными лѣсами; въ другихъ же мѣстахъ лѣсъ состоитъ преимущественно изъ березъ, такъ что эта часть Барабы можетъ быть названа, употребляя выраженіе Миддендорфа, «березовой степью». Деревья тамъ не скучены въ большіе лѣса, они разсѣяны группами и рощицами, какъ будто художникъ разставилъ ихъ въ живописномъ безпорядкѣ. Разнообразіе пейзажей въ этомъ естественномъ паркѣ безконечно велико, а между тѣмъ единственные элементы этого разнообразія—березки, да луговыя травы и цвѣтки. Весной видъ этихъ разбросанныхъ рѣдкихъ лѣсковъ быстро измѣняется отъ дѣйствія палов, которые зажигаютъ поселенцы для того, чтобы трава была нѣжнѣе и сочнѣе, и чтобы устранить страшный бичъ—саранчу. Когда день пожара назначенъ, поселяне окрестныхъ деревень оповѣщаются заранѣе, дабы они могли пустить встрѣчные огни и тѣмъ защитить свои нивы отъ широко разливающагося моря пламени. Многочисленныя группы березъ погибаютъ въ этихъ палахъ, и различныя растенія всходятъ на мѣстѣ истребленныхъ огнемъ; но даже въ ту пору, когда эти луговыя пространства являются во всей своей свѣжести, они не похожи на луга западной Европы, они богаты деревянистыми растеніями, неравномѣрнаго роста, и нигдѣ не образуютъ настоящей муравы. Во многихъ луговыхъ мѣстностяхъ Барабы кормовыя травы слишкомъ перемѣшаны съ другими растеніями, чтобы стоило тратить время и трудъ на косьбу ихъ; крапива

[1]) Von Middendorf, „Die Baraba".

достигаетъ тамъ такого высокаго роста, что человѣкъ не можетъ достать рукой верхнихъ листьевъ; даже всадникъ, сидящій на лошади, исчезаетъ среди этого моря зелени.

Барабинская степь принимаетъ видъ собственно такъ называемыхъ степей лишь въ солончаковыхъ земляхъ, гдѣ безплодная почва производитъ только кое-какія жесткія рыжеватыя растенія, и на болотистыхъ берегахъ нѣкоторыхъ рѣкъ, которыя разливаются широко черезъ края, какова, напримѣръ, рѣка Омь. Тамъ кое-какія древесныя породы: береза, рябина, бузина, пытаются поддерживать борьбу за существованіе противъ мховъ или камышей, которые лучше приспособляются къ сырости почвы; но эти деревья встрѣчаются густой чащей только на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, появляясь тамъ и сямъ въ видѣ острововъ древесной растительности, на почвѣ, совершенно горизонтальной и болѣе ровной, чѣмъ изборожденная волнами поверхность моря. Большая военная дорога Сибири, пересѣкающая Барабу, отъ Омска до Колывани, на протяженіи около 600 верстъ, проходитъ по нѣкоторымъ изъ этихъ болотистыхъ мѣстностей. Но земледѣліе дѣлаетъ мало-по-малу захваты въ степи. Цѣлыя партіи переселенцевъ изъ губерній Воронежской, Симбирской и Самарской направляются къ этой «березовой степи», которая справедливо славится своимъ плодородіемъ, хотя почва тамъ состоитъ только изъ тонкаго слоя чернозема, покрывающаго подпочву изъ разложившихся слюдяныхъ сланцевъ. На востокѣ области березовыхъ лѣсовъ, на берегахъ рѣки Карасукъ, Миддендорфъ нашелъ одну деревню, по имени Кочки, гдѣ общее благосостояніе развилось такъ быстро, что всѣ хлѣбопашцы—примѣръ почти единственный—объявили себя довольными своимъ положеніемъ. Но нельзя того же сказать о поселенцахъ, живущихъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Барабинской степи. Колоніи русскихъ крестьянъ, пытавшіяся было селиться въ этихъ мѣстностяхъ, были прогнаны оттуда мошкарой. Комары, мошки и другія насѣкомыя этого рода составляютъ истинный бичъ края, и жители стараются предохранить себя отъ этихъ мучителей при помощи капюшоновъ, снабженныхъ маской изъ конскаго волоса [1]). Въ этой части южной Сибири, такъ же, какъ и въ сѣверныхъ тундрахъ, принуждены зажигать большіе костры изъ коровьяго кала и навоза (дымокуры), для того, чтобы животныя могли пастись и немного охранить себя отъ мучительной мошкары, подъ защитой густаго дыма.

Съ половины настоящаго столѣтія Бараба въ значительной степени утратила свою сырость, и нѣкоторыя мѣстности этой равнины начинаютъ уже страдать отъ засухи; многочисленныя болота и озера исчезли [1]); однако, обширныя водныя площади и теперь еще занимаютъ лощины Барабинской степи, но это все мелководныя озера, гладкое ложе которыхъ продолжаетъ подъ поверхностью водъ нечувствительную покатость равнинъ. Самые высокіе берега не достигаютъ даже 20 футовъ высоты надъ озернымъ уровнемъ, да и то нужно проѣхать сотни верстъ, прежде чѣмъ встрѣтить одинъ изъ этихъ возвышенныхъ береговъ, образовавшихся путемъ размыва. Озеро Чаны, самое обширное водовмѣстилище въ Барабинской степи, простирающееся на пространствѣ 2.800 квадр. верстъ, не имѣетъ даже 25 футовъ глубины въ самыхъ впалыхъ мѣстахъ; во время путешествія по Сибири Палласа оно было очень богато рыбой, теперь же въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ рыбы. Озеро Сартламъ, гораздо менѣе обширное, чѣмъ Чаны, хотя туземцы и его также называютъ «моремъ», есть самый глубокій изъ озерныхъ бассейновъ Барабы, но и въ немъ лотъ достаетъ дно уже на глубинѣ 30 или 31 фута. Осматривая эти степныя сибирскія озера безъ глубокихъ впадинъ, безъ крутыхъ скалистыхъ береговъ, безъ плоскихъ песчаныхъ и гальковыхъ береговъ, безъ мореновыхъ плотинъ, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что они имѣютъ форму подобную формѣ озеръ Швеціи и Финляндіи съ ихъ длинными азарами: такъ, все озеро Чаны раздѣлено на второстепенные бассейны длинными параллельными полуостровами, изъ которыхъ многіе, въ свою очередь, подраздѣляются на конечныя вѣтви, похожія на клешни. Острова озера Чаны всѣ расположены по одному направленію, именно отъ сѣверо-востока къ юго-западу, и маленькія озера, окаймляющія берегъ, вытянулись въ томъ же направленіи. Въ различныхъ частяхъ обширнаго резервуара озерныя аллеи, раздѣляющія полуострова и сообщающіяся одна съ другой посредствомъ узкихъ проходовъ, образуютъ настоящій лабиринтъ каналовъ, гдѣ барки могли бы плавать по цѣлымъ днямъ, не находя выхода къ собственно такъ называемому озеру. Рѣки, изливающіяся въ Чаны, тоже текутъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу; окрестныя болота тянутся по линіи той же оси; мало возвышенные хребты страны, служащіе водораздѣльной линіей между рѣчными бассейнами, слѣдуютъ въ томъ же самомъ направленіи. Какая геологическая причина этого прямолинейнаго и параллельнаго образованія всѣхъ физическихъ чертъ Барабинской степи, находящейся далеко отъ области ледниковъ? Какой дѣятель могъ такъ избороздить почву и окаймить ее бахромой изъ правильныхъ полуострововъ? Слѣдуетъ ли видѣть

[1]) **Куропаткинъ**, рукописныя замѣтки.

[1]) Ядринцевъ, „Отчетъ Русскаго Географическаго Общества“, 1878 г.

вмѣстѣ съ Миддендорфомъ [1]), въ этомъ образованіи дѣйствіе большаго морскаго теченія, которое нѣкогда направлялось къ Аральскому морю? Или, можетъ быть, льды Алтая, даже льды Урала спустились до этихъ равнинъ, гдѣ соединились въ большія движущіяся площади, избороздившія почву параллельными глетчерными полосами, совершенно подобными тѣмъ, какія наблюдаютъ въ Финляндіи и въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской? Слой разсыпавшихся слюдяныхъ сланцевъ, покрывающій Барабинскую степь, образовалъ ли точно такую же глетчерную глину, какую мы находимъ на сѣверѣ Россіи [2])? Наконецъ, направленіе господствующихъ вѣтровъ, дующихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, параллельно изборожденіямъ Барабы, имѣло ли свою долю вліянія въ ориентированіи ручьевъ и рѣкъ, мелей и полуостровныхъ плотинъ изъ песку или глины, полосъ растеній сухопутныхъ и водяныхъ, словомъ—всѣхъ поверхностныхъ физическихъ чертъ страны?

Озеро Чаны, такъ же, какъ и большая часть другихъ озерныхъ бассейновъ Барабинской степи, не имѣетъ видимаго истеченія къ Иртышу. Обиліе дождей не вознаграждаетъ убыли воды, происходящей отъ испаренія, и вслѣдствіе того должны были образоваться, тамъ и сямъ, соляные резервуары. Бассейнъ Чаны, столь обширный, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій столь незначительную глубину и раздѣленный на такое множество второстепенныхъ резервуаровъ параллельными плотинами изъ острововъ и полуострововъ, наполненъ прѣсной водой въ южной своей части, куда изливаются рѣки Каргашъ и Чулымъ; въ центральной области вода его сдѣлалась уже солоноватой, и хотя люди и животныя пьютъ ее, она не можетъ быть употребляема для приготовленія чаю; около западной оконечности бассейна вода уже совершенно соленая. Однако, Чаны и другія барабинскія озера должны имѣть подземные истоки къ Иртышу, такъ какъ близъ станицы Желѣзинской, на правомъ берегу этой рѣки, изъ земли бьютъ обильные ключи, которые увеличиваютъ замѣтнымъ образомъ объемъ въ Иртышѣ [3]). Нагорный берегъ, у подножія котораго бьютъ струи этихъ естественныхъ фонтановъ, покрываетъ пропасти, куда часто проваливаются обширные куски земли, извергаемые далѣе въ видѣ песку и грязи.

Усиленный притокомъ Омью, Иртышъ описываетъ длинную кривую въ восточномъ направленіи, затѣмъ, повернувъ опять на сѣверо-западъ, идетъ на соединеніе съ водами двухъ могучихъ рѣкъ, Ишима и Тобола. Ишимъ, называемый киргизами Изель, есть самый значительный изъ этихъ притоковъ, по крайней мѣрѣ, по развитію его теченія, длину котораго опредѣляютъ въ 1.570 верстъ; многочисленныя опорожненныя озера, уменьшившіяся болота, которыя прежде изливали свои воды въ Ишимъ, свидѣтельствуютъ объ общемъ осушеніи страны. Тоболъ, много уступающій Иртышу по объему водной массы, могъ бы быть, однако, разсматриваемъ какъ главная рѣка всего Обскаго бассейна, ибо общее направленіе его долины совпадаетъ съ направленіемъ, по которому слѣдуютъ ниже теченіе Иртыша, затѣмъ теченіе Оби. На всемъ своемъ протяженіи, отъ истоковъ до сліянія съ Иртышемъ, Тоболъ течетъ вдоль восточнаго основанія покатостей, спускающихся отъ Уральскихъ горныхъ цѣпей, и къ нему именно присоединяются важнѣйшіе притоки этого водораздѣльнаго хребта между системами Оби и Волги. Одинъ изъ этихъ притоковъ, рѣка Тура, по которой слѣдовали первые завоеватели Сибири, остался, со временъ Ермака, главнымъ историческимъ путемъ между Европейской и Азіятской Россіей. Прежде Тоболъ соединялся съ Иртышемъ какъ-разъ противъ высокаго берега, на которомъ расположены зданія верхней части Тобольска, и этому городу грозила опасность обрушиться постепенно, улица за улицей, вмѣстѣ съ обвалами крутаго яра, подтачиваемаго теченіемъ и водоворотами двухъ большихъ рѣкъ. Оборонительныя свайныя и фашинныя сооруженія были уносимы напоромъ воды, и рано или поздно Тобольскъ раздѣлилъ бы участь древней Сибири, построенной также на правомъ, нагорномъ берегу Иртыша, если бы сліяніе Тобола и его опасные водовороты не были отведены въ другое мѣсто. Въ 1716 году сибирскій губернаторъ Гагаринъ велѣлъ вырыть каналъ, длиною болѣе 3 верстъ (для этой работы были употреблены плѣнные шведы), который перенесъ устье Тобола ниже города и успѣшно защитилъ отъ размыва тобольскаго нагорнаго берега.

Верхняя Обь, соединяющаяся съ Иртышомъ почти въ 500 верстахъ ниже Тобольска, можетъ быть названа дочерью Алтая: ея главная вѣтвь, Катунь, то-есть «Царица», — таково значеніе ея калмыцкаго имени,—беретъ начало изъ льдовъ, покрывающихъ высочайшую вершину Золотыхъ горъ; однако, рѣка получаетъ названіе Оби только при сліяніи Катуни съ другой вѣтвью, Біей, въ 610 верстахъ ниже ледника горы Бѣлухи: по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, это наименованіе происходитъ отъ русскаго слова «Обь» (т. е. обѣ рѣки)[1]); но это толкованіе представляется мало вѣроятнымъ, въ виду того факта, что русскіе славяне

[1]) „Die Baraba, Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg", tome XIV, № 9, 1870 г.

[2]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

[3]) Pallas, „Voyage en diverses parties de l'empire Russe".

[1]) Лехебуръ, „Reise durch das Altai-Gebirge".

знали Обь гораздо ранѣе того времени, когда они впервые посѣтили Алтай и два большіе потока, соединяющіеся у Бійска въ одну рѣку. Окончательно выйдя изъ области горъ, Обь спускается по скату, который имѣетъ не болѣе 330 футовъ возвышенія надъ уровнемъ моря, въ мѣстѣ сліянія ея съ Барнаулкой, передъ главнымъ городомъ Алтайскаго горнаго округа. Тамъ она течетъ уже по ровной степи, и многія рѣки, не находящія достаточной покатости и не имѣющія довольно значительнаго количества воды, чтобы вырыть себѣ ложе, останавливаются въ равнинѣ и разливаются въ видѣ озеръ и болотъ. Здѣсь мы наблюдаемъ явленіе, подобное тому, какое представляетъ на западѣ, на Иртышской покатости, Барабинская степь. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что въ предъидущую эпоху, когда климатъ страны былъ сырѣе, текучія воды, болѣе обильныя, могли пролагать себѣ болѣе правильный путь: иная рѣка, нѣкогда могучая, теперь оставила въ своей долинѣ только ряды маленькихъ озеръ. Многія изъ рѣкъ, направляющихся къ Оби, въ барнаульской области, являются нынѣ, такъ сказать, только намѣченными; но одного дождливаго года было бы достаточно, чтобы возстановить ихъ теченіе. Каждый годъ онѣ мѣняются въ длинѣ, и истокъ ихъ передвигается вверхъ или внизъ по теченію, смотря по степени сырости временъ года.

Сама Обь должна, по причинѣ своего незначительнаго паденія, принимать во многихъ мѣстахъ озерный характеръ: она извивается нѣсколькими рукавами, образуя многочисленные острова, разливаясь постоянными наводненіями. Средняя ширина ея измѣняется отъ 375 саженъ до 3 верстъ, а въ періодъ весеннихъ разливовъ рѣка имѣетъ не менѣе 40 верстъ въ ширину: около Колывани она превращается тогда въ настоящее море, такъ что нельзя видѣть одновременно обоихъ береговъ. Ниже впаденія рѣкъ Томи и Чулыма, она дѣлится на такое множество вѣтвей, что образуетъ измѣнчивый лабиринтъ потоковъ, занимающій всю равнину. Въ продолженіе пяти или шести зимнихъ мѣсяцевъ ледъ, покрывающій низкія воды этой части Оби, дѣлитъ рѣку на безчисленное множество бассейновъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго, въ которыхъ вода, неимѣющая теченія, портится до такой степени, что прибрежные жители не могутъ употреблять ее для питья: такъ образуются временно рѣчныя озера, безъ всякаго сообщенія одно съ другимъ, озера, подобныя степнымъ поверхностнымъ лужамъ, какія оставляютъ послѣ себя обѣднѣвшія рѣки.

Кеть, которая изливается въ Обь выше Нарыма, не принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ притоковъ этой рѣки: со всѣми своими излучинами, она имѣетъ не болѣе 1.020 верстъ протяженія, что, конечно, очень небольшая длина для сибирской рѣки: но она судоходна почти до самыхъ болотъ, откуда беретъ начало (длина судоходнаго теченія, по Сиденснеру и Вагнеру, около 960 верстъ), и представляетъ лучшій естественный путь сообщенія между системой Оби и системой Енисея. Во время перваго похода казаковъ въ Сибирь, пришельцы держали путь именно по теченію этой рѣки. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія русскіе даже построили двѣ крѣпостцы, одну при устьѣ, другую при исходномъ пунктѣ рѣчнаго судоходства, чтобы поставить свои склады шкурокъ пушныхъ звѣрей въ безопасность отъ нападеній туземцевъ. Между постомъ на верхней Кети и теченіемъ Енисея, ниже города Енисейска, остается волокъ менѣе, чѣмъ въ 100 верстъ [1]): это единственный пробѣлъ, который представляется въ обширной сѣти водяныхъ путей, заключающейся между уральскими рѣками и Байкаломъ, на протяженіи 50 градусовъ долготы, то-есть на протяженіи, почти равномъ седьмой части земной окружности. Но уже давно заняты мыслью объ уничтоженіи этого пробѣла посредствомъ устройства судоходнаго канала, и съ 1872 года снова приступили къ научному изслѣдованію всѣхъ рѣкъ территоріи, которая ограничена Обью и Енисеемъ въ наиболѣе сближающейся части ихъ теченія. Рѣка Чулымъ, по которой небольшіе пароходы поднимаются до города Ачинска, на сѣверо-западѣ отъ Красноярска, построеннаго на Енисеѣ, есть одинъ изъ путей, всего лучше изученныхъ; точно также рѣки Тымъ и Вахъ, по которымъ можно проѣхать соотвѣтственно на два притока Енисея, Сымъ и Елогуй, были тщательно изслѣдованы. При выборѣ мѣста для перехода изъ Обской системы въ Енисейскую предпочтеніе, какъ кажется, должно остаться за Кетью; однако, вмѣсто того, чтобы подниматься по этой рѣкѣ до селенія Маковскаго, лежащаго недалеко отъ ея истока, суда, по проекту 1875 года, будутъ вступать на сѣверо-востокѣ отъ этого пункта въ маленькій притокъ Язеву, чтобы пройти каналомъ болотистую мѣстность съ неопредѣленнымъ скатомъ и спуститься къ Енисею рѣкою Большая Касъ: въ этомъ мѣстѣ волокъ между двумя озерами, лежащими на одномъ уровнѣ, имѣетъ всего только около трехъ съ половиной верстъ длины [2]). Соединительный каналъ, глубиною въ аршинъ три четверти, при ширинѣ въ 7 саженъ, могъ бы давать доступъ баркамъ, поднимающимъ до двухъ тысячъ пудовъ груза; съ той и другой стороны покатость такъ незначительна, что не было бы надобности устраивать шлюзъ [3]). Съ каждой стороны видимыя озера,

---

[1]) Sedenstner, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1878 г.

[2]) Сиденснеръ и Вагнеръ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1874 г., № 2.

[3]) „Извѣстія Русскаго Географ. Общества“, 1873 г., № 3.

лежащія на водораздѣльной линіи между бассейнами Оби и Енисея, продолжаются подъ землей глубокими водами, одѣтыми сверху травянымъ ковромъ, похожимъ по виду на мокрую почву окрестныхъ мѣстностей, но поднимающимся и опускающимся, смотря по высотѣ водъ, которыя онъ прикрываетъ. Единственнымъ затрудненіемъ для плаванія судовъ, имѣющихъ болѣе 5 футовъ водоуглубленія, были бы такъ называемые ломы, то-есть поломанныя деревья, которыя образуютъ запруду при поворотахъ ложа, и которыя, впрочемъ, легко убрать, такъ какъ они вездѣ лежатъ на тинистомъ днѣ. Когда каналъ будетъ оконченъ, издержки по перевозкѣ товаровъ уменьшатся въ значительной пропорціи; купцы даже разсчитываютъ на уменьшеніе въ размѣрѣ пяти рублей съ ящика чая [1]). Въ 1825 году, когда вся чайная торговля между Кяхтой и Нижнимъ-Новгородомъ производилась по рѣкамъ и волокомъ, движеніе товаровъ, провозимыхъ черезъ село Маковское, исчислялось слишкомъ въ 10 милліоновъ рублей.

Ниже Нарыма, Обь, къ которой присоединяются многія рѣки, почти столь же значительныя, какъ и Кеть, каковы Тымъ и Вагъ, продолжаетъ развертывать свои переплетающіяся излучины, сначала въ сѣверо-западномъ, затѣмъ въ западномъ направленіи, до тѣхъ поръ, пока ея болѣе прозрачныя воды не смѣшаются съ темнобурыми водами Иртыша посредствомъ цѣлаго лабиринта каналовъ, гдѣ только опытные и искусные кормчіе могутъ безошибочно опредѣлять путь. По соединеніи, двѣ могучія рѣки, изъ которыхъ каждая можетъ быть сравнена съ Дунаемъ по объему жидкой массы, снова разлучаются, какъ будто одно русло слишкомъ тѣсно, чтобы вмѣстить это движущееся прѣсноводное море, и два потока, Большая Обь и Малая Обь, удаленные другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 30 или на 40 верстъ, но вездѣ связанные между собою излучинами безчисленныхъ притоковъ, текутъ извилистой линіей до самаго залива, куда изливаются ихъ воды, и который носитъ названіе Обской губы. Малая Обь, болѣе узкая и менѣе глубокая, составляетъ лѣвый рукавъ, и барки, которымъ нужно идти вверхъ по рѣкѣ, всегда выбираютъ этотъ меньшій рукавъ, потому что теченіе тамъ не такъ сильно. Большая Обь, которая и есть настоящая рѣка, благодаря постоянному притоку водъ къ правому берегу, служитъ обычнымъ путемъ для судовъ, спускающихся къ низовьямъ; но плаваніе по ней иногда бываетъ довольно опасно, именно когда сѣверный вѣтеръ вздымаетъ высокія волны, бѣгущія въ направленіи, противоположномъ теченію. При сліяніи Иртыша съ Обью мы уже перешли за черту пояса хлѣбопашества; но Обь остается до самаго устья въ предѣлахъ полосы лѣсовъ. Сосны, ели, лиственницы, березы, ивы сопровождаютъ рѣку въ нижнемъ ея теченіи; затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Ледовитому океану, эти деревья постепенно мельчаютъ, становятся приземистѣе, а въ сосѣдствѣ залива они являются уже только въ видѣ узенькихъ полосокъ зелени. Осенью темная зелень сосенъ и елокъ, болѣе нѣжный оттѣнокъ лиственницъ составляютъ рѣзкій контрастъ съ зеленой или оранжевой листвой березъ и багряно-красныхъ цвѣтомъ ясеней: менѣе блестящіе, менѣе разнообразные окраской, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки, обскіе лѣса отличаются болѣе яркимъ осеннимъ колоритомъ, чѣмъ лѣса приморской Европы.

Нигдѣ на берегахъ Большой и Малой Оби не увидишь настоящихъ скалъ; высокіе или нагорные берега состоятъ изъ глинъ и песковъ, которые иногда осыпаются на подобіе водопада, когда теченіе подточитъ ихъ основаніе и собственная тяжесть увлекаетъ ихъ въ рѣку. Но эти нагорные берега очень неодинаковы: берега западной стороны, у подножія которыхъ течетъ Малая Обь, не высоки, и откосы ихъ во многихъ мѣстахъ скрыты подъ густой растительностью камышей, осоки и другихъ водяныхъ растеній; полосы травы и древесныхъ вѣтвей обозначаютъ тамъ разности уровней разлива среди деревьевъ, ростущихъ на берегу и на островахъ; завязшіе въ илѣ или выброшенные волнами стволы деревъ лежатъ раскиданные на песчаныхъ меляхъ. Высокій восточный берегъ, у основанія котораго проходитъ широкое и быстрое теченіе Большой Оби, поднимается своими крутизнами и откосами до высоты 28 саженъ, и глубокіе овраги, открывающіеся на извѣстныхъ разстояніяхъ въ бокахъ яра, позволяютъ передовому кустарнику лѣса спускаться тамъ и сямъ до самой рѣки. Поваленныя деревья, прибитыя водою къ подножію крутаго берега, обозначаютъ уровень разлива, но на плоскомъ песчаномъ берегу видны также груды камней, гранитовъ, сіенитовъ, порфировъ, сланцевъ, конгломератовъ, приносимыхъ каждый годъ льдами, которые въ слѣдующемъ году опять подхватываютъ ихъ за нижнюю грань, когда они вросли въ берегъ, и переносятъ ихъ далѣе при новомъ ледоходѣ [1]).

Обь изливается въ свой обширный лиманъ или губу однимъ устьемъ около 3 верстъ шириною и отъ 4 до 13 саженъ глубиною. Часто разсматриваютъ всю часть этого залива, ориентированную въ направленіи отъ запада къ востоку, какъ продолженіе рѣки; но въ этой бухтѣ, гдѣ разстояніе отъ одного берега до другаго 50 верстъ, воды не имѣютъ уже никакого теченія. Другіе второстепенные заливы открываются при устьѣ каждой рѣки и при-

[1]) *Finsch, „Reise nach West-Sibirien".*

[1]) Finsch, цитированное сочиненіе.

единяются къ морскому пространству, которое тянется почти на 80 верстъ въ направленіи къ полюсу. Обширный Обскій заливъ, такъ же, какъ заливъ рѣки Тазъ (Тазовская губа), который соединяется съ нимъ на востокѣ, еще не изслѣдованы во многихъ частяхъ; однако, онъ былъ часто посѣщаемъ въ прежнія времена рыболовами изъ Холмогоръ и съ рѣки Печоры, и въ эти послѣдніе годы снова предпринимали плаванія по его водамъ; въ 1877 году Даль первый проникъ изъ Карскаго моря въ Обскую губу, по которой спустился въ самую рѣку, обойдя длинный полуостровъ Ялманъ, названный такъ по имени Іельмертса, повара одного голландскаго корабля [1]). Такимъ образомъ торговый путь изъ Сибири черезъ Ледовитое море былъ открытъ, и отнынѣ можно отправлять прямо въ порты западной Европы зерновый хлѣбъ, шерсть, сало, кожи и пушной товаръ изъ бассейновъ Оби и Иртыша.

Сама Обь, эта исполинская рѣка, по берегамъ которой живетъ столько различныхъ народовъ, обозначающихъ ее различными именами (у татаръ она называется Омаръ или Уморъ; у остяковъ—Асъ, Ягъ или Кольта; у самоѣдовъ—Ку-ау), и которую древніе географы считали прямымъ воднымъ путемъ въ восточный Китай, открыта для судоходства почти на всемъ протяженіи своего теченія. Включая Улунгуръ въ бассейнъ Оби и разсматривая его, какъ главную вѣтвь рѣки, находимъ, что длина этого громаднаго потока можетъ быть приблизительно исчислена почти въ 5.350 верстъ; именно:

Теченіе Улунгура—470 верстъ (?). Черный Иртышъ, отъ впаденія Улунгура въ о. Зайсанъ—560 верстъ (?). Иртышъ, отъ о. Зайсанъ до сліянія съ Обью—3.450 верстъ. Обь, отъ сліянія съ Иртышемъ до Большаго Носа, при входѣ въ губу—1.170 верстъ. Общая длина теченія Иртыша—Оби—5.340 верстъ.

Но судоходная сѣть Обской системы гораздо болѣе значительна: лѣтомъ всѣ большіе притоки и во все время, пока не спадутъ воды весенняго разлива, многіе изъ второстепенныхъ притоковъ даютъ доступъ баркамъ и плоскодоннымъ пароходамъ; такимъ образомъ совокупность судоходныхъ путей этого бассейна, безъ всякаго сомнѣнія, простирается до 15.000 верстъ, и теперь съ каждымъ годомъ увеличивается численность пароваго флота, разсѣкающаго своими колесами желтоватыя или темно-красныя воды этихъ рѣкъ; первый пароходъ, который былъ пущенъ въ бассейнъ Оби, въ 1844 году, прошелъ сначала по рѣкѣ Турѣ. Всѣхъ пароходовъ на рѣкахъ Обскаго бассейна въ 1877 году было 34, сила которыхъ въ сложности равнялась 2.655 паровымъ лошадямъ. Перевезено товаровъ въ 1878 году 46.700 тоннъ. Цѣнность торговли водянымъ путемъ въ двухъ губерніяхъ Тобольской и Томской въ 1866 году простиралась до 3.906.000 рубл. [1]). Различные проекты каналовъ были предлагаемы, чтобы соединить бассейнъ Оби съ рѣками Европейской Россіи, но проломы Уральскаго хребта слишкомъ высоки и климатъ сѣверной Сибири слишкомъ суровъ, чтобы можно было приступить къ осуществленію этихъ предпріятій. Финшъ во время своего путешествія въ западную Сибирь пришелъ къ убѣжденію, что нечего и думать о прорытіи морскаго канала между устьемъ Оби и Карской губой, который далъ бы возможность избѣгнуть опаснаго и труднаго плаванія вокругъ полуострова Ялмалъ; но, по мнѣнію Струве, можно бы было прокопать рѣчной судоходный путь длиною около 75 верстъ, между Кокпелой, соединяющейся съ Печорой черезъ Ленву, и Войкаромъ притокомъ Оби. Въ этой области Уральскихъ горъ одно пониженіе цѣпи заключаетъ два озера, изъ которыхъ одно имѣетъ стокъ къ Европѣ, другое къ Азіи. Еще гораздо легче было бы провести каналъ между теченіемъ Таза и теченіемъ Енисея, около 66 градуса широты, между деревней Тазовской и городомъ Туруханскомъ [2]).

Половина народонаселенія Сибири распредѣлена въ южной области Обскаго бассейна въ видѣ правильнаго пояса, который простирается именно по обѣ стороны первоначальнаго историческаго пути и его продолженія, нынѣшней большой сибирской дороги. Это населеніе состоитъ почти исключительно изъ славянскихъ элементовъ и образуетъ собою настоящую азіатскую Россію по языку, нравамъ и гражданственности. Въ этомъ поясѣ русскіе совершенно замѣнили, какъ господствующая раса, татаръ, отнынѣ разсѣянныхъ отдѣльными, несвязанными между собой группами въ степяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ городовъ и рѣчныхъ береговъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ татаръ, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ, встрѣчаются еще въ сосѣдствѣ Тобольска, на западѣ отъ Иртыша, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилось средоточіе ихъ царства. На берегахъ Иртыша можно также встрѣтить русскихъ крестьянъ, которымъ преданіе приписываетъ татарское происхожденіе, но которые, если и сохранили какое-нибудь сходство со своими предками, то развѣ только чертами лица [3]). Ачинскіе телеуты, тѣ, которые живутъ отдѣльными колѣнами (аймаками), разсѣянны-

[1]) Миддендорфъ, „Sibirische Reise“.

[1]) Въ настоящее время по Оби и ея притокамъ ходятъ до 120 пароходовъ съ 240 баржами: изъ нихъ около 20 занимаются перевозкою пассажировъ и цѣннаго груза, другіе буксируютъ баржи съ различными товарами. Грузовое движеніе превосходитъ 10.000.000 пуд., общею цѣнностью въ 20 милліоновъ руб.

[2]) „Mittheilungen von Petermann“, 1880 г. № 8.

[3]) Щаповъ. „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества“, томъ III.

ми между Кузнецкомъ и Красноярскомъ, тоже сдѣлались русскими, хотя они говорятъ еще чистымъ теленгутскимъ нарѣчіемъ [1]). На востокъ отъ Оби, между городами Томскомъ и Енисейскомъ, татары кизильцы (кизылъ) или «красные», названные такъ въ отличіе отъ бійскихъ «черныхъ» татаръ, занимаютъ долину рѣки Чулыма: ихъ особенное нарѣчіе, одно изъ самыхъ чистыхъ между тюркскими языками, въ послѣднее время приняло въ себя не малое количество русскихъ словъ и сверхъ того содержало много монгольскихъ реченій; но, подобно тюркскому діалекту теленгутовъ, или телеутовъ, оно отличается почти отъ всѣхъ языковъ тюркскаго корня совершеннымъ отсутствіемъ арабскихъ и персидскихъ выраженій: это объясняется тѣмъ, что, не бывъ никогда обращены въ исламъ, красные татары, прежде придерживавшіеся шаманства, а нынѣ православные христіане, никогда не были въ сношеніяхъ съ магометанскими народами юга [2]). Что касается татаръ казаковъ или кайсаковъ, обыкновенно обозначаемыхъ подъ именемъ киргизовъ, то они живутъ въ южной части Обскаго бассейна и около истоковъ Иртыша и составляютъ одно этнографическое цѣлое съ киргизами арало-каспійской покатости. Большое число бродячихъ племенъ имѣютъ пастбища и становища въ томъ и другомъ гидрографическомъ бассейнѣ. Впрочемъ, административныя дѣленія въ этой странѣ русской Азіи совпадаютъ съ этнологическими границами: территорія киргизовъ причисляется къ средне-азіатскому генералъ-губернаторству, даже тѣ части ея, которыя лежатъ за Иртышемъ. Число татаръ, живущихъ въ бассейнѣ Оби и въ уѣздахъ Пермской и Оренбургской губерній, опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Тобольской губерніи—37.150 душъ. Въ Томской губерніи, безъ Алтая—9.750 душъ. На Алтаѣ—14.975 душъ. Всего—61.875 душъ.

Башкиры азіатскаго Урала, какъ и башкиры другаго склона, включены въ составъ европейскихъ губерній, Пермской и Оренбургской.

Въ сѣверной части Обскаго бассейна туземцы, у которыхъ обладаніе землей было отнято русскими поселенцами, принадлежатъ не къ тюркской расѣ, а къ финскому племени: это вогулы, остяки, самоѣды. Вогулы,—уральцы по преимуществу, такъ какъ Уральскія горы стали ихъ родиной съ той поры, какъ русскіе постепенно оттѣснили ихъ по направленію къ востоку,—живутъ теперь главнымъ образомъ по восточной покатости Уральскаго хребта, на сѣверъ отъ Екатеринбурга; особенно много встрѣтишь ихъ въ долинѣ рѣки Конды, непосредственнаго притока Иртыша: тѣ изъ нихъ, которые попадаются тамъ и сямъ на западномъ склонѣ горъ, въ Европейской Россіи, не постоянные жители, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, а проходіе звѣроловы. Финны остяцкой группы, вогулы, еще недавно называвшіе себя, подобно остякамъ, манзами (т. е. «людьми»), сохранили изъ отличительныхъ признаковъ своей расы маленькіе косолежащіе глаза и привычку говорить между собой своимъ старымъ нарѣчіемъ, болѣе или менѣе испорченнымъ; но по одеждѣ, образу жизни и роду занятій, по нравамъ и обычаямъ, большинство ихъ сдѣлались такими же русскими, какъ крестьяне, переселившіеся съ другой стороны горъ [1]). Сами они, когда спросишь у нихъ, какого они рода и племени, утверждаютъ, что они русскіе, и съ теченіемъ времени кончится тѣмъ, что и другіе станутъ считать ихъ таковыми; тѣ изъ нихъ, которые занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ въ избахъ, сливаются постепенно съ массой окружающаго населенія. Поэтому довольно трудно опредѣлить съ точностью число вогуловъ: его показывали различно, отъ восемнадцати до тридцати тысячъ душъ; оффиціальная статистика насчитываетъ этихъ инородцевъ только четыре съ половиной тысячи душъ.

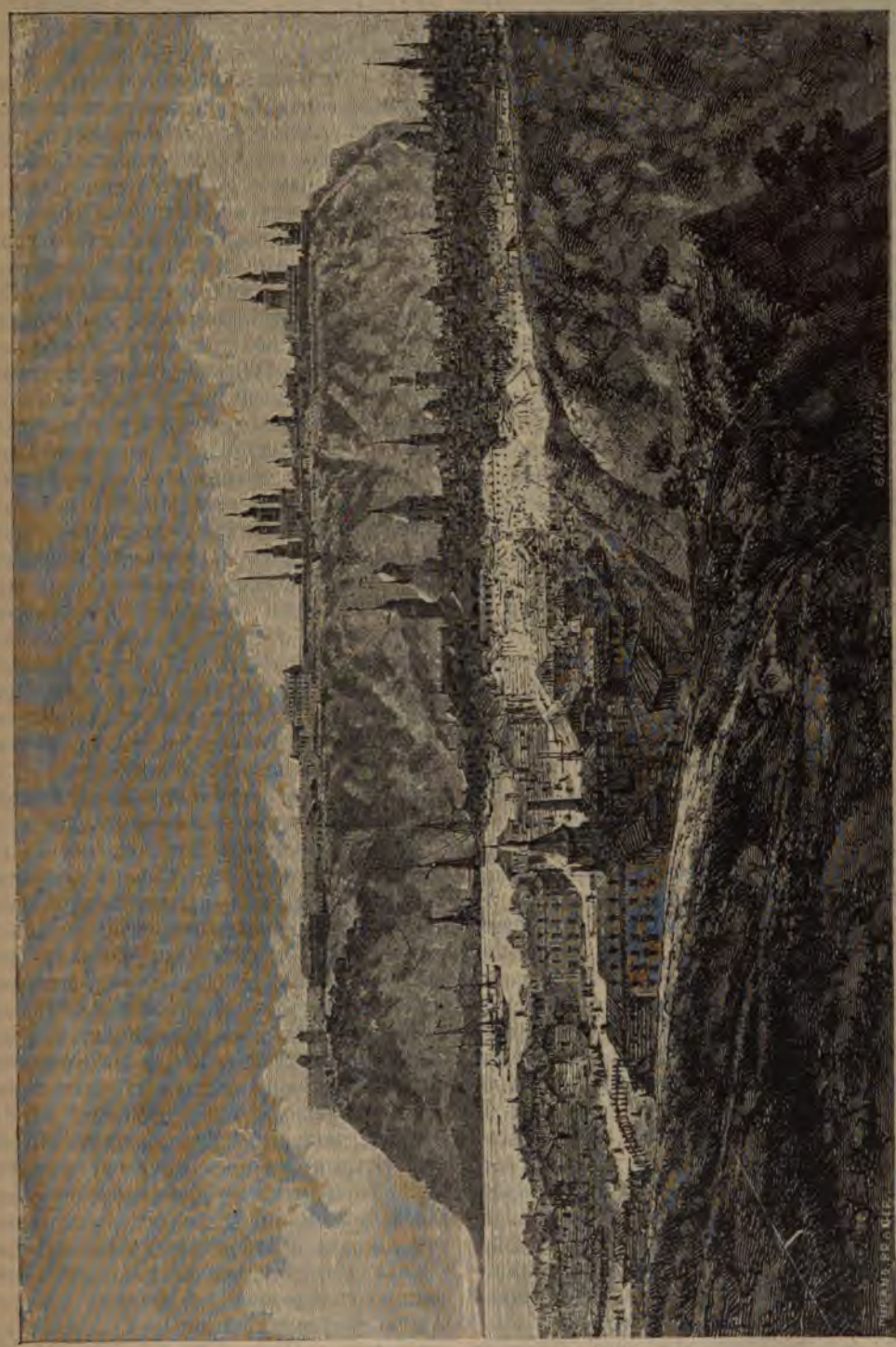
Вогульскіе звѣроловы всего лучше сохранили нравы и обычаи тѣхъ иноплеменныхъ народцевъ, съ которыми Ермакъ долженъ былъ вести войну прежде, чѣмъ добрался до Сибирскаго царства. Одѣтые въ мохнатыя малицы съ капюшонами, украшенными съ лѣвой и съ правой стороны ушами животныхъ, они походятъ издали на лѣсныхъ звѣрей; но выраженіе лица у нихъ робкое, даже пугливое. Они бреютъ бороду и усы, которые въ зимнюю стужу превращались бы отъ дыханія въ куски льда, и это открытое, безволосое лицо придаетъ еще болѣе добродушный видъ ихъ физіономіи. Говорятъ, не бывало примѣра, чтобы вогулы ослушались приказаній купцовъ, которые эксплоатируютъ этихъ простодушныхъ дикарей и своими вымогательствами обращаютъ ихъ въ настоящихъ рабовъ. Вогулы добровольно, безъ всякихъ напоминаній, приносятъ положенныя съ нихъ подати городскимъ властямъ, и впередъ обязываются дѣлать все, что имъ прикажутъ. Само собой разумѣется, что они дали, хотя и не безъ сопротивленія, обратить себя въ православную вѣру. Сдѣлавшись христіанами по приказу начальства съ 1722 года, они научились ходить на исповѣдь и къ причастію, вѣнчаться въ церкви, крестить своихъ дѣтей по обряду православной вѣры. Но это обращеніе было лишь кажущееся. Въ дѣйствительности же и теперь еще, то-есть по прошествіи болѣе полутораста лѣтъ со времени крещенія этихъ инородцевъ, каждая вогульская семья имѣетъ

[1]) Радловъ, „Reise durch den Altai".

[2]) Кастренъ, „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества", томъ VIII, 1865 г. Потанинъ, „Дополненіе *къ землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера*".

[1]) Сорокинъ, „Древняя и Новая Россія", 1878 г. № 3.

своихъ домашнихъ боговъ, своихъ пенатовъ, представляющихъ либо какое-нибудь четвероногое животное съ хвостомъ, покрытымъ чешуей, либо человѣка, обвѣшанного звѣриными шкурами и съ огромной шапкой на головѣ: эти грубыя изображенія бываютъ обыкновенно прикрѣплены къ корѣ сосны, елки или березы, и многія лѣсныя просѣки обязаны имъ прозвищемъ «Шайтанка» или «Шайтанская» (то-есть «Чортова»), которое дано имъ русскими [1]), тогда какъ съ своей стороны вогулы обозначаютъ черта именемъ «Господъ», происходящимъ, вѣроятно, отъ русскаго слова Господь. Эти инородцы поклоняются также большому національному идолу [2]),



Общій видъ Тобольска.

[1]) Pallas, „Voyages dans plusieurs provinces de la Russie".

[2]) Erman, „Voyages en Sibérie".

изъ нихъ приближаются къ формѣ монгольскихъ череповъ, другіе, напротивъ, напоминаютъ форму черепа лопарей [1]). Точно также остяцкія нарѣчія, которыя изъ всѣхъ финскихъ языковъ по корнямъ и даже по грамматическому строю наиболѣе походятъ на мадьярскій діалектъ [2]), имѣютъ очевидную связь съ одной стороны съ турецкимъ, съ другой съ монгольскимъ языками, и даже, на основаніи этого двойнаго лингвистическаго сродства, Кастренъ приписываетъ остякамъ алтайское происхожденіе, такъ какъ только на Золотыхъ горахъ они могли находиться въ соприкосновеніи съ турками и монголами. Остяцкій языкъ, такъ же, какъ и другіе финскіе діалекты, отличается большой звучностью и очень пріятенъ для уха; между его согласными есть одна шипящая, похожая на англійскій звукъ th; но онъ не имѣетъ буквы *ф*. Вологодскій, Эрманъ, Лербергъ, Альквистъ, Кастренъ изучили остяцкое нарѣчіе и составили его словари и переводы съ него.

Обыкновенно путешественники принимаютъ за типическихъ представителей извѣстной расы первыхъ индивидуумовъ, которыхъ имъ случалось изучать: этимъ объясняется значительная разница портретовъ, которые они намъ рисуютъ. До сихъ поръ сибирскіе туземцы не соглашались дать мѣрять себя, воображая, что эта операція была-бы первымъ шагомъ къ распространенію на нихъ воинской повинности [3]). Однако, остяки были посѣщаемы и наблюдаемы достаточно большимъ числомъ ученыхъ изслѣдователей, чтобы можно было опредѣлить ихъ типъ среди разнообразія индивидуумовъ, сдѣлавшихся по виду русскими, самоѣдами или монголами. Въ среднемъ выводѣ, они ростомъ немного пониже русскихъ, но, когда имѣютъ пищи въ достаточномъ количествѣ, не слабѣе ихъ тѣлосложеніемъ. Лицо у нихъ круглое, лобъ выпуклый, скулы выдающіяся, подбородокъ короткій и круглый, ротъ большой и толстогубый, глаза черные, сдѣлавшіеся отъ постояннаго прищуриванія слегка скошенными и свѣтящіеся какимъ-то особеннымъ блескомъ подъ пересѣкающимися рѣсницами: въ странѣ ослѣпительныхъ снѣговъ, докучливыхъ мошекъ, ѣдкаго дыма внутри юртъ, русскіе, какъ и туземцы, принуждены постоянно щурить глаза, оставляя между сдвинутыми вѣками лишь проходъ для узкаго луча свѣта. Носъ остяка, приплюснутый при основаніи, представляетъ, особенно у дѣтей, подобіе широкой пуговицы или большой бородавки по серединѣ лица. Волосы у нихъ черные, гладкіе и жесткіе; борода рѣдкая, какъ у большинства азіатцевъ. Типъ молодыхъ дѣвушекъ, такъ же, какъ у другихъ финскихъ инородцевъ, замѣтно болѣе приближается къ монгольской физіономіи, чѣмъ типъ мужчинъ и старыхъ женщинъ, у которыхъ щеки потеряли округлость и пухлость [4]).

Какъ замѣчаетъ г. Поляковъ, Обдорскій край, главное средоточіе остяцкихъ колѣнъ, въ точности, представляетъ, какъ съ точки зрѣнія антропологіи, и съ точки зрѣнія физической географіи, тѣ условія, въ которыхъ, по всей вѣроятности, находилась западная Европа въ эпоху сѣвернаго оленя. Остяки ѣдятъ, какъ это, безъ сомнѣнія, дѣлали и европейцы тѣхъ дальнихъ временъ исторіи человѣчества, плотоядныхъ животныхъ такъ же охотно, какъ и травоядныхъ; лисицы, песцы и другіе родственные имъ виды составляютъ любимую пищу остяковъ; они пожираютъ сырое мясо, какъ пожирали его древніе пещерные обитатели береговъ Везера, и всегда начинаютъ съ куска, который кажется имъ самымъ деликатнымъ, самымъ вкуснымъ, — съ внутренностей животнаго; зимой любятъ полакомиться стружками сырой и мороженой рыбы. Камень, но въ особенности рога и кости животныхъ, и теперь еще служатъ имъ матеріаломъ для приготовленія большей части орудій и домашней утвари, совершенно похожихъ на тѣ, которыя выдѣлывали для себя древніе обитатели европейскихъ пещеръ. Медвѣжій зубъ составляетъ для нихъ амулетъ, символъ даннаго слова, цѣлебное лекарство отъ болѣзней. Тагары или рогожи, которыя плетутъ остячки, не менѣе похожи на плетеныя изъ камыша, находимыя между остатками древнихъ озерныхъ селеній Швейцаріи, какъ и на плетенья, приготовляемыя современными намъ камчадалками; точно такъ же снаряды, употребляемые ими для тканья волоконъ дикой крапивы, совершенно одинаковы съ тѣми, которые и теперь еще можно видѣть въ сѣверной Россіи, и происхожденіе которыхъ, безъ сомнѣнія, относится къ предъидущимъ вѣкамъ человѣчества.

Порабощеніе и безконечные, неоплатные долги ловкимъ эксплоататорамъ-купцамъ привели къ тому, что остяки утратили свою національную связь и должны были покинуть города, въ которыхъ они жили до прихода русскихъ; но семейныя или родовыя группы, состоявшія изъ сотенъ, иногда даже изъ тысячъ душъ, сохранили прежній духъ солидарности; члены такой семейной федераціи или рода смотрятъ другъ на друга какъ на родныхъ, охотно помогаютъ другъ другу и живутъ между собою, какъ братья; хотя право собственности признается и хотя территоріи охоты опредѣленно разграничены, счастливый звѣроловъ всегда дѣлится продуктомъ своей охоты съ тѣми, которые вернулись съ промысла съ пустыми руками; при этомъ послѣднимъ даже нѣтъ

[1]) Virchow, „Berliner Gesellschaft für Anthropologie", 21 іюля 1877 г.—Finsch, „Reise nach West-Sibirien".

[2]) Klaproth, „Asia polyglotta";—Castrén, „Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre";—Ermann и другіе.

[3]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien".

[4]) Middendorff, „Sibirische Reise".

надобности ждать пока, имъ дадутъ: они имѣютъ право сами брать извѣстную долю добычи. Когда возникнетъ какой-нибудь споръ между двумя членами родоваго союза,—что вообще рѣдко случается, такъ какъ всѣ остяки въ высшей степени честны и миролюбивы,—они обращаются къ старѣйшинѣ, который рѣшаетъ дѣло въ послѣдней инстанціи и безъ всякихъ юридическихъ формальностей; въ окрестностахъ Обдорска, когда произойдетъ несогласіе между нѣсколькими семействами, нужно идти на судъ къ князю, наслѣднику того, который былъ утвержденъ въ княжескомъ достоинствѣ грамотой Екатерины II, въ 1768 году. Ни князь, ни старѣйшины не получаютъ отъ народа никакого содержанія; но такъ же, какъ и шаманы, они не отказываются отъ подарковъ, подносимыхъ имъ подданными.

Съ незапамятныхъ временъ каждый остяцкій родовой союзъ имѣетъ своихъ особенныхъ боговъ, покровителей племени, которыхъ хранятъ шаманы, представляющіе въ одно и то же время жрецовъ, прорицателей, знахарей и волшебниковъ. Священныя рощи состоятъ изъ боговъ, разставленныхъ цѣлыми сотнями, изъ столбовъ, грубо изваянныхъ въ видѣ фигуръ самой разнообразной формы, изъ которыхъ многія напоминаютъ идоловъ полинезійскихъ дикарей [1]). Кромѣ того, каждое семейство имѣетъ своихъ домашнихъ божковъ, всего чаще одѣтыхъ въ красное платье, съ придѣланной наверху головой изъ бѣлой жести, иногда даже вооруженныхъ кольчугой и мечемъ. Но надъ всѣми этими семейными и родовыми богами, въ «седьмомъ мірѣ», царитъ главный богъ, облеченный въ свѣтъ утренней зари и возвѣщающій свою волю голосомъ грома и бури: это Турмъ или Турумъ, имя котораго напоминаетъ названія бога Тора скандинавовъ, Таранна галловъ [2]). Никто не смѣетъ молиться этому высочайшему богу; онъ не внимаетъ даже молитвамъ шамана и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ только непреложными законами справедливости или велѣніями неумолимаго рока. Остякъ знаетъ, что онъ не долженъ совершать въ честь его жертвоприношеній; только его сынамъ, къ которымъ причисляется также русскій святой, Николай угодникъ, только низшимъ божествамъ остякъ приноситъ въ жертву оленей или барановъ, даже въ церквахъ [3]); только имъ онъ можетъ дѣлать подарки, состоящіе изъ пушнины, отростковъ оленьихъ роговъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей; въ жертву этимъ божествамъ онъ иногда приноситъ и самого себя. Однако, одинъ только шаманъ своимъ посредничествомъ можетъ склонить божество къ принятію этихъ даровъ, только онъ одинъ своимъ пѣніемъ и продолжительными ударами въ бубенъ можетъ достигнуть того, что богъ выслушаетъ просьбу: привязанная къ концу длинной палки лента, которую держатъ противъ рта идола, указываетъ своими колыханіями божественный отвѣтъ. Точно также одинъ только шаманъ можетъ совершать чудеса, которыя, впрочемъ, считаются таковыми не только туземцами, но даже и живущими въ краѣ русскими; въ мнѣніи послѣднихъ «черная вѣра», то-есть шаманство, не менѣе дѣйствительна, какъ и ихъ собственная, хотя она дѣйствуетъ въ силу дьявола. Въ глазахъ большинства коренныхъ сибиряковъ, такъ же, какъ и въ глазахъ инородцевъ монгольской, тюркской или манчжурской расы, шаманы представляются чѣмъ-то въ родѣ полубоговъ, управляющихъ таинственными силами природы; они заклинаютъ стихіи, исцѣляютъ недуги, знаютъ секреты будущаго, фамильярно разговариваютъ съ добрыми и злыми духами земли и неба. «Богатырю свойственна грубая сила, шаману присущи слова, которыя даютъ силу; богатырь владѣетъ лукомъ и стрѣлой, но только шаманъ можетъ сдѣлать, что стрѣла попадетъ или не попадетъ въ цѣль, что рана будетъ смертельна или несмертельна. Богатырю принадлежатъ шумъ и трубный гласъ, то, что видно и слышно, шаманъ же обладаетъ тѣмъ, чего нельзя ни видѣть, ни слышать,—безмолвной, сокровенной наукой, знаніемъ вещей и пониманіемъ причинъ» [1]). Врангель признается, что онъ никогда не могъ видѣть настоящаго шамана безъ нѣкотораго ужаса. Но это сверхчеловѣческое могущество не передается по наслѣдству. Шаманъ не выбираетъ своего сына себѣ въ ученики: если онъ примѣтитъ въ своемъ племени мальчика или молодаго парня худаго, блѣднаго, болѣзненнаго, подверженнаго припадкамъ бѣшенства или падучей болѣзни, ищущаго одиночества, часто убѣгающаго въ лѣсъ, бодрствующаго во время ночи,—это и есть преемникъ, на котораго падаетъ его выборъ. Сначала онъ старается урегулировать его болѣзненные припадки своими чародѣйскими средствами, потомъ заставляетъ его пройти школу послушничества, обучаетъ его искусству совершать чудеса. Кудесничество шамановъ есть настоящая наука въ томъ смыслѣ, что она научаетъ познавать извѣстныя физіологическія явленія, чтобы пользоваться ими для своихъ цѣлей [2]).

Иногда боги одной семьи или одного племени отправляются въ гости къ другимъ богамъ: въ этихъ случаяхъ устраиваются торжественныя церемоніи, остяки исполняютъ старинныя воинственныя пляски, теперь лишенныя смысла, представляютъ мимикой различныя сцены охоты, наигрываютъ на самодѣль-

[1]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien".
[2]) Ermann, „Voyages en Sibérie"; E. Desjardins, рукописныя замѣтки.
[3]) Поляковъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Elisée Reclus, „La littérature turkmène".
[2]) Радловъ; Миддендорфъ; Врангель; А. Лефевръ и пр.

ной домбрѣ, инструментѣ съ металлическими струнами, похожемъ на томбору, которой Эрманъ ошибочно приписываетъ мадьярское происхожденіе, такъ какъ венгерцы заимствовали ее у своихъ сосѣдей южныхъ славянъ [1]). Пляски оканчиваются пиршествомъ, въ которомъ всегда принимаютъ участіе и боги, ибо шаманъ угощаетъ ихъ (мажетъ имъ лица) кровью или рыбьимъ жиромъ. Но надо, чтобы богъ чувствовалъ это чествованіе, чтобы онъ отблагодарилъ за дѣлаемое ему приношеніе; съ нимъ договариваются насчетъ цѣны подарка, торгуются, и иногда удается убѣдить его быть болѣе умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, болѣе снисходительнымъ въ своемъ торгѣ. Есть также и злые боги [2]): таковъ богъ водъ, котораго иногда пробуютъ умилостивить, принося въ жертву оленя, то-есть утопляя его въ рѣкѣ. Понятія о святости, о волшебствѣ пріурочиваются ко всему, что въ природѣ отличается величіемъ, силой, уединеннымъ положеніемъ. Кедръ, который высится одиноко среди сосноваго лѣса, есть священное дерево; медвѣдь, на котораго тоже смотрятъ какъ на «сына Турума» и представителя справедливости на землѣ, — почитается священнымъ у остяковъ, какъ почитался онъ въ былое время у зырянъ и пермяковъ; когда охотникъ убиваетъ звѣря, онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ попросивъ у него прощенья за совершаемое имъ преступленіе, и въ продолженіе пяти дней, слѣдующихъ за убіеніемъ, онъ обязанъ исполнять передъ трупомъ разныя церемоніи, къ которымъ, у нѣкоторыхъ остяцкихъ колѣнъ, примѣшиваются, по странному контрасту, ругательства и даже побои [3]). Ни одна клятва не считается болѣе страшной, чѣмъ та, когда остякъ клянется «челюстью медвѣдя», ибо медвѣдь, живой ли, мертвый ли, все видитъ, все знаетъ. Подобно большей части финскихъ народцевъ, остяки благоговѣйно чтутъ память своихъ усопшихъ братьевъ и заботятся о томъ, чтобы у схороненнаго покойника было все, въ чемъ нуждаются живые: санки (парты), стрѣлы съ желѣзнымъ набалдашникомъ, острога, топоръ, ножъ, камень отъ очага или чувала, дрова и по крайней мѣрѣ подобіе пищи. Кромѣ того, родственники держатъ въ юртѣ куклу изъ полѣна, представляющую покойника; они одѣваютъ и раздѣваютъ ее, усаживаютъ за столъ, укладываютъ на ночь въ постель; но по прошествіи трехъ лѣтъ они считаютъ смерть окончательно наступившей, такъ какъ трупъ уже совершенно разложился, и кукла погребается рядомъ съ костями умершаго, въ могилѣ, которую украшаютъ оленьими рогами, вырѣзанными изъ дерева фигурками, бубенчиками, развѣвающимися лоскутками. Въ третьемъ мірѣ нѣтъ болѣе ни болѣзней, ни печалей, нѣтъ ни русскихъ чиновниковъ, ни податей и недоимокъ; но увы! остякамъ не суждено войти въ этотъ рай, они навѣки останутся во второмъ мірѣ, который находится по ту сторону океана за Обской губой [4]).

Жена у остяковъ покупается, какъ скотъ, и всегда считается существомъ нечистымъ, поганымъ; она не имѣетъ даже имени [5]). Такъ же, какъ у самоѣдовъ, одна часть юрты всегда остается запретной для нея, именно тотъ уголъ, гдѣ сложены съѣстные припасы; въ нѣкоторыхъ колѣнахъ доходитъ даже до того, что ея мужъ и ея собственныя дѣти имѣютъ привычку дѣлать окуриванья, чтобы очистить мѣсто, гдѣ она сидѣла [6]). Женщина никогда не наслѣдуетъ ни малѣйшей доли имущества, напротивъ, она сама составляетъ часть наслѣдства. Однако, общая мягкость нравовъ предохраняетъ ее отъ всякаго насилія, и въ отношеніи любви и согласія между супругами многія остяцкія семьи могли бы послужить образцомъ для семействъ ихъ сосѣдей, русскихъ поселенцевъ. Въ южныхъ областяхъ и вдоль всего теченія Оби, гдѣ вліяніе татаръ, прежнихъ властителей края, предшествовало вліянію русскихъ, обычай требуетъ, чтобы женщины завѣшивались покрываломъ, какъ магометанки, или отворачивались въ присутствіи мужчинъ, тогда какъ во внутреннихъ пустыняхъ онѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, какъ самоѣдки, и одѣваются подобнымъ же образомъ. Впрочемъ, всѣ остяки, которые ведутъ такой же образъ жизни, какъ самоѣды, содержа стада оленей (оленные остяки), сдѣлались и сами настоящими самоѣдами, по нравамъ и обычаямъ, по одеждѣ и даже по языку [7]). Нечувствительные переходы типа, нравовъ, религіозныхъ обрядовъ, отъ семьи къ семьѣ, смотря по народцамъ, съ которыми остяки приходятъ въ соприкосновеніе, и съ которыми они вступаютъ въ брачные союзы, совершались постепенно. Въ тобольскомъ округѣ, татары, извѣстные подъ именемъ заболотныхъ, и ачанскіе, исповѣдующіе исламъ, какъ кажется, тѣ же остяки, только отатарившіеся [8]).

Самоѣды, обитающіе на крайнемъ сѣверѣ Сибири, вокругъ устьевъ Оби и Таза и по берегамъ Енисея, принадлежатъ къ поколѣнію юраковъ, а, слѣдовательно, соплеменники самоѣдовъ, кочующихъ въ сѣверной Европѣ; это такіе же самые люди, низенькіе ростомъ, боязливые, уныло выглядывающіе, гостепріимные и смирные, но практикующіе еще религію крови и втыкающіе куски сыраго мяса въ зубы своимъ идоламъ. Восточные сибирскіе самоѣды, которые встрѣчаются тамъ и сямъ на югъ отъ Тай-

[1]) Paul de Kiraly, рукописныя замѣтки.
[2]) Поляковъ, цитированное сочиненіе.
[3]) *Ermann, „Voyages au Sibérie“.*
[4]) Костровъ, „Собраніе записокъ о Сибири“.
[5]) Ermann, „Путешествіе въ Сибирь“.
[6]) A Castrèn, „Die Völker des Altai“.
[7]) Поляковъ, цитированное сочиненіе.
[8]) „Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, Тобольскъ“.

мурскаго полуострова, до залива рѣки Хатанги, составляютъ другую группу, группу тагвинцевъ, которая у русскихъ часто обозначается подъ именемъ «дикой орды», не потому, чтобы эти инородцы были менѣе цивилизованы, чѣмъ другая самоядь, а потому, что они не крещены, какъ ихъ родичи, и остались болѣе независимыми. Они держатся въ сторонѣ отъ русскихъ купцовъ, священниковъ и чиновниковъ; но нигдѣ въ своемъ шествіи къ сѣверу, далеко отъ славянъ, тунгусовъ и якутовъ, эти самоѣды «дикой орды» не подвинулись до самаго моря. Они считаютъ всю область прибрежья принадлежащей по праву «народу» бѣлыхъ медвѣдей, и пресерьезно разсказываютъ, что неоднократно пытались было завоевать эту приморскую страну, но каждый разъ были прогоняемы медвѣдями, которые всегда выставляли по двѣнадцати бойцовъ въ шеренгу противъ восьмерыхъ самоѣдскихъ воиновъ [1]).

Нѣкоторыя другія племена разсѣяны гораздо далѣе на югѣ, и даже въ верхнемъ бассейнѣ Енисея, за предѣлами территоріи русской колонизаціи. Эти самоѣды, впрочемъ, очень малочисленные, которые живутъ по берегамъ рѣкъ Кана и Маны, на юго-востокѣ отъ Красноярска, извѣстны подъ именемъ камассовъ или камассинцевъ. Кастренъ видитъ въ нихъ самыхъ чистыхъ представителей расы, тѣхъ, которые остались на своей первоначальной родинѣ, въ сосѣдствѣ Алтайскихъ горъ; нѣкоторые изъ окружающихъ народцевъ, отатарившіеся или омонголившіеся, разсказываютъ, что ихъ предки говорили другимъ языкомъ, отличнымъ отъ ихъ нынѣшней рѣчи, и Кастренъ полагаетъ, что этотъ языкъ былъ самоѣдскій. Прогнанные тюркскими завоевателями изъ своихъ родимыхъ долинъ, самоѣды спустились на сѣверъ и сѣверо-западъ вдоль по теченію Енисея и Оби, оставляя по дорогѣ тамъ и сямъ свои поселенія, въ мѣстностяхъ, наиболѣе подверженныхъ вражескимъ нападеніямъ, но принужденные во многихъ мѣстахъ перемѣнить имя, нравы и нарѣчія, соотвѣтственно тѣмъ народностямъ, съ которыми они находились въ соприкосновеніи [2]). Прежде во времена татарскаго владычества, большинство изъ этихъ инородцевъ смѣшались съ тюркскими народностями. На правомъ берегу Оби и въ долинахъ восточныхъ ея притоковъ: Чулыма, Кети, Тыма живутъ около 4.000 самоѣдовъ, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ остякамъ, и которые, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ сдѣлаются русскими.

Славянское населеніе относительно очень плотно въ той части Пермской губерніи, которая находится на восточной покатости Уральскаго хребта, и которая образуетъ треугольное пространство, съ условными границами, орошаемое различными притоками Тобола и Иртыша. Эта область Азіи, соединенная еще съ Европейской Россіей въ административномъ отношеніи, была колонизована первая, и въ настоящее время заключаетъ слишкомъ милліонъ жителей, то-есть населена пропорціонально отъ двадцати до тридцати разъ плотнѣе, чѣмъ Сибирь. Она, конечно, воспользовалась выгодами, которыя даетъ ей близость европейскихъ городовъ, но своей относительной важностью, въ ряду другихъ провинцій имперіи, она обязана собственнымъ рессурсамъ, своимъ природнымъ богатствамъ. Средній Уралъ есть главная горнозаводская страна Россіи, и азіатскій склонъ еще богаче европейскаго ската, гдѣ добываютъ въ изобиліи драгоцѣнные металлы, желѣзную руду, каменный уголь, соль. Точно такъ же, какъ на европейской покатости, кристаллическія горныя породы, силурійскіе, девонскіе, тріасовые пласты верхнихъ хребтовъ и боковыхъ кряжей были частію разрушены атмосферными дѣятелями и разсѣяны у восточнаго основанія горъ, въ видѣ грудъ каменныхъ обломковъ большой мощности, гдѣ находятся драгоцѣнныя руды, скрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища, которыя и привлекли въ эту страну славянское населеніе. Фискальныя соображенія побудили русское правительство сгруппировать въ одну провинцію горнозаводскіе округи той и другой покатости Каменнаго пояса, тогда какъ естественная граница должна бы была слѣдовать либо по направленію водораздѣльной линіи, либо по низменности Иртыша, которая представляетъ впадину древняго пролива, соединявшаго Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ. Административныя границы, начертанныя между двумя континентами, проходятъ черезъ страну почти случайно, пересѣкая наискось рѣки бассейна и перерѣзывая безъ всякаго соображенія съ географическимъ закономъ область озеръ, болотъ, лѣсовъ, неопредѣленныхъ покатостей, которая простирается на востокъ отъ Уральскихъ горъ.

Только около начала восемнадцатаго столѣтія начали оцѣнивать важное значеніе подземныхъ рудныхъ залежей, и были основаны первые плавильные заводы на восточномъ склонѣ средняго Урала, построенные на мѣстѣ старыхъ копей жившаго здѣсь прежде народа чудь, который разрабатывалъ всѣ встрѣчающіяся въ странѣ руды, за исключеніемъ одного желѣза [1]). Возростающая важность уральскаго горнозаводскаго округа, значительные бюджетные доходы, которые получало изъ этого источника русское правительство, и въ особенности баснословныя богатства, которыя съумѣли пріобрѣсти нѣкоторые горнопромышленники, сдѣлавшіеся основателями княжескихъ домовъ въ

[1]) Von Middendorf, „Sibirische Reise".
[2]) „Die Völker des Altai".

[1]) Палласъ, Лепехинъ и др.

силу обладанія золотой жилой или залежью малахита, все болѣе и болѣе привлекали вниманіе къ этимъ горамъ, которыя теперь стали одной изъ классическихъ областей геологіи, и по которымъ путешествовали многочисленные ученые: до сотни тысячъ рабочихъ работали одновременно на рудникахъ и заводахъ Урала. Со времени открытія «золотыхъ полей» Калифорніи и Австраліи относительная важность Урала, какъ страны производства драгоцѣнныхъ металловъ, значительно уменьшилась; точно также мѣдныя руды екатеринбургскаго округа не могутъ оспаривать европейскіе рынки у продуктовъ мѣдныхъ рудниковъ Австраліи, Боливіи, Чили; но желѣзныя руды Урала, столь же высокаго качества, пользующіяся такимъ же предпочтеніемъ, какъ лучшія руды Швеціи, всегда будутъ имѣть для Россіи капитальную цѣнность, а по нѣкоторымъ дорогимъ каменнымъ породамъ, особенно по своимъ великолѣпнымъ малахитамъ, Уралъ и теперь еще занимаетъ первое мѣсто между рудными горами. Желѣзная дорога, соединяющая нынѣ два главные центра Пермской губерніи, Пермь, городъ административный, бѣдный и печальный, и Екатеринбургъ, городъ промышленный и горнозаводскій, городъ европейскаго вида, позволитъ болѣе дѣятельно эксплоатировать эти богатства, которыя до сихъ поръ утилизировались только для дворцовъ государей, да для нѣкоторыхъ привилегированныхъ музеевъ. Именно эти мѣсторожденія малахита находятся недалеко отъ желѣзной дороги и отъ станціи, которая носитъ имя «Азіи», чтобы напомнить ѣдущимъ изъ Европы путешественникамъ, что они вступаютъ въ другую часть свѣта. Въ Нижне-Тагильскѣ, обогатившемся отъ своихъ рудниковъ золотыхъ, платиновыхъ, желѣзныхъ, открыли на глубинѣ 42 саженъ чистую массу великолѣпнаго малахита, занимающую нѣсколько саженъ по всѣмъ тремъ измѣреніямъ и вѣсящую около 2.000 пудовъ [1]). Вообще Нижне-Тагильскій чугуноплавильный заводъ самый важный изъ горныхъ заводовъ Сибири (среднее годовое количество чугуна, выплавляемаго на этомъ заводѣ, простирается, по Субботину, до 2.450.000 пудовъ). Холмъ, называемый Высокой горой, который питаетъ рудой, съ 1720 года, плавильные заводы Тагильскіе и Невьянскіе, представляетъ громадную глыбу желѣза, разрабатываемую въ видѣ каменоломни и заключающую по меньшей мѣрѣ 367 милліардовъ пудовъ желѣзной руды, которая на двѣ трети состоитъ изъ чистаго металла; выемки, сдѣланныя до сихъ поръ въ бокахъ этой металлической горы рудокопами, наглядно показываютъ относительную маловажность приложеннаго до сихъ поръ человѣческаго труда въ сравненіи съ тѣми богатствами, которыя еще лежатъ непочатыми въ нѣдрахъ Урала.

Прежде главнымъ городомъ этого горнозаводскаго округа былъ Верхотурье, названный такъ по причинѣ его положенія въ долинѣ верхней Туры. Онъ былъ построенъ, съ 1598 г. на мѣстѣ древняго Неромъ-Кура, «чудскаго или вогульскаго городища», и, въ продолженіе болѣе, чѣмъ полутораста лѣтъ, служилъ средоточіемъ торговли для всей области горной промышленности; въ этомъ городѣ находится древнѣйшій монастырь русской Азіи [1]). Съ открытіемъ, въ 1763 году, новой дороги изъ Перми въ Екатеринбургъ, проходящей гораздо южнѣе, Верхотурье утратилъ всю свою важность, какъ торговый городъ; ту же участь испыталъ и сосѣдъ его Пелымъ, лежащій на рѣкѣ Тавдѣ. Этотъ послѣдній представляетъ теперь бѣдную деревушку, и путешественникъ отыскиваетъ въ немъ мѣсто, гдѣ стояли дома, въ которыхъ Минихъ, Бирономъ и многіе другіе изгнанники прошлаго столѣтія провели свои годы ссылки. Всѣ рудники и металлургическіе заводы верхней долины Туры составляютъ одинъ округъ, Гороблагодатскій. Гора этого имени, Благодать, есть огромная глыба магнитнаго желѣзняка, поднимающаяся на границѣ Европы съ Азіей до высоты 1.540 футовъ. По преданію, одинъ вогулъ открылъ русскимъ рудокопамъ существованіе этой замѣчательной горы, и чтобы наказать его за то, что онъ привлекъ въ страну толпу чужеземцевъ, его соотечественники сожгли его живаго: часовня, которая высится на одной изъ двухъ вершинъ горы Благодати, была сооружена, говорятъ, ради искупленія этого преступленія. Теперь ужъ не находятъ сильныхъ естественныхъ магнитовъ въ гороблагодатской рудѣ: лучшіе экземпляры получаются съ другой болѣе высокой горы (2.770 футовъ), называемой Кашканаръ, которая господствуетъ надъ городомъ Нижне-Турінскомъ [2]).

Долина рѣки Тагиль, которая соединяется съ Турой въ предѣлахъ Пермской губерніи, еще богаче горными заводами, чѣмъ верхній бассейнъ Туры; но промышленная дѣятельность направилась также въ верхнюю долину рѣки Нейвы, которая получаетъ начало въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ истоковъ Тагиля, въ той же самой группѣ горъ. Тамъ, въ верховьяхъ Нейвы, ниже одного прекраснаго альпійскаго озера, находится знаменитый Невьянскій или Нейвинскій заводъ, который считаютъ,—однако ошибочно,—самымъ старымъ изъ всѣхъ горныхъ заводовъ азіатскаго Урала; основаніе его относится къ 1699 году. Спустя три года Петръ I отдалъ его въ «вѣчное» владѣніе горному промышленнику Деми-

[1]) *Murchison, „Russia and the Ural mountains“.*

[1]) Ermann, „Voyages en Sibérie“.
[2]) Эрманъ, цитированное сочиненіе.

ову, прибавивъ къ заводу пространство земли, исчисляемое въ 1.275.775 десятинъ. Подобно Гизѣ, Невьянскъ тоже имѣетъ свою наклонную

Къ востоку отъ Невьянска и на той же рѣкѣ Нейвѣ находимъ другой городъ съ желѣзноплавильными и мѣдеплавильными заводами,

Остяки.

башню; но эта массивная постройка страны вогуловъ не представляетъ и тѣни того изящества стиля, какимъ отличается итальянское зданіе.

Алапаевскъ, гдѣ тоже собираются тысячи рабочихъ и рудокоповъ. Но для этихъ мануфактурныхъ горнозаводскихъ городовъ и для окружающихъ ихъ промышленныхъ селеній нуженъ

былъ экспедиціонный рынокъ, лежащій уже въ области равнины и легкодоступный какъ для барокъ, такъ и для телѣгъ. Такимъ рынкомъ сдѣлался городъ Ирбитъ. Расположенный при сліяніи рѣчки Ирбити съ Ницей, которая принимаетъ въ себя Нейву и далѣе соединяется съ Турой, этотъ городъ, какъ полагаютъ, татарскаго происхожденія, названіе котораго произошло, вѣроятно, отъ имени Ирбейскъ, даннаго ему туземцами, былъ, въ первыя времена русской колонизаціи, простой слободой, окруженной пустынными, необитаемыми пространствами: тамъ со всѣхъ сторонъ тянулись на большое разстояніе лѣса, хвойные на сѣверо-западѣ, лиственные и преимущественно березовые на югѣ и юго-востокѣ [1]). Колонизація началась только съ половины семнадцатаго столѣтія. Въ 1775 году Ирбитъ возведенъ былъ на степень города, въ награду за то, что онъ остался вѣрнымъ императрицѣ во время пугачевскаго бунта. Какъ городъ, Ирбитъ немного увеличился; но каждый годъ онъ пріобрѣтаетъ на извѣстное время первостепенную важность между сибирскими городами: въ продолженіе всего февраля мѣсяца онъ становится Нижнимъ Новгородомъ азіатской Россіи. Дома, пустые въ остальное время года, наполняются тогда иногородными гостями, пріѣзжающими изъ всѣхъ частей Имперіи: смотря по болѣе или менѣе благопріятному ходу торговли, на ирбитскую ярмарку съѣзжается отъ 12.000 до 20.000 посѣтителей. Несмотря на суровость температуры, несмотря на сильные морозы и леденящій вѣтеръ, который иногда поднимаетъ снѣжные вихри и бураны, сибирскій трактъ ни на минуту «не отдыхаетъ» во все продолженіе ярмарки. Дома, стоящіе по краямъ дороги, превращаются въ эту горячую пору въ гостиницы и постоялые дворы, гдѣ постоянно кипитъ пузатый самоваръ, чтобы приготовить чай пріѣзжающимъ, и лошади во всей упряжи, поставляемыя крестьянами ближайшихъ къ тракту селеній, стоятъ на-готовѣ въ ожиданіи повозокъ и обозовъ съ товаромъ. Съ начала текущаго столѣтія торговля ирбитской ярмарки, снабжающей товарами почти всю Сибирь, болѣе чѣмъ удесятерилась по своимъ оборотамъ. Въ 1809 году общая цѣнность привезеннаго на ярмарку товара превышала три съ половиной милліона рублей; въ 1829 году ее исчисляли почти въ 11 милліоновъ; въ 1849 г. она достигала уже 32 милліоновъ; а въ настоящее время эта цѣнность простирается слишкомъ до 50 милліоновъ рубл. въ хорошіе годы: такъ, въ 1879 году было привезено на ирбитскую ярмарку разныхъ товаровъ на сумму 50.373.000 рубл., изъ этого числа продано на сумму 48.890.150 рублей. Европейская Россія, черезъ посредство ирбитскаго годоваго торга, доставляетъ сибирякамъ всѣхъ мѣстностей, вплоть до береговъ Тихаго океана, всякаго рода ткани и матеріи, отечественнаго или иностраннаго производства, орудія и инструменты, металлическія издѣлія, сахаръ, пшеничную муку, виноградныя вина, даже крупичатые сухари, и въ обмѣнъ за эти мануфактурныя произведенія и колоніальные товары купцы ея запасаются здѣсь сибирскими продуктами, преимущественно пушнымъ товаромъ и кожами. Какъ только ярмарка кончилась и громадный базаръ опустѣлъ, на улицахъ Ирбита снова воцаряется тишина и безмолвіе; въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ этотъ торговый центръ территоріи, равной пространствомъ всей Европѣ, представляетъ не болѣе, какъ угрюмый и сонный провинціальный городишко, жители котораго обращаютъ взоры къ Екатеринбургу, Тюмени или Тобольску, какъ къ столицамъ, центрамъ человѣческой дѣятельности. Что касается желѣзныхъ рудниковъ, которые первоначально вызвали къ жизни городъ Ирбитъ, то они утратили свою важность. Главный заводъ этой мѣстности, называемый Ирбитскимъ, хотя онъ лежитъ въ шестидесяти слишкомъ верстахъ къ юго-западу отъ города, производитъ среднимъ числомъ до 735.000 пудовъ желѣза [1]).

По соединеніи съ ирбитской Ницей, рѣка Тура протекаетъ черезъ округъ Тобольской губерніи, административный пунктъ котораго городъ Туринскъ (древній Епанчинъ), и затѣмъ спускается на юго-востокъ къ Тюмени, одному изъ значительнѣйшихъ городовъ Сибири. Этотъ городъ славился уже до прибытія русскихъ въ край, и на картѣ Герберштейна, относящейся къ 1549 году, онъ представленъ обнесеннымъ каменной оградой; сибирскіе татары до сихъ поръ еще знаютъ его подъ именемъ Дженгисъ-тора или «города Чингисъ-хана», и приписываютъ основаніе его знаменитому азіатскому завоевателю [2]). Какъ мѣсто соединенія многочисленныхъ дорогъ, какъ западная конечность главнаго судоходнаго пути Сибири, какъ конечный пунктъ громадной березовой аллеи, которую Екатерина II велѣла насадить на всемъ пространствѣ отъ Нижняго Новгорода до горныхъ заводовъ Урала, и которую она пыталась защитить отъ топора русскихъ и башкирцевъ угрозами ссылки и смертной казни, Тюмень сдѣлался, несмотря на близкое сосѣдство Ирбита, однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Обскаго бассейна. Здѣсь тоже бываетъ каждый годъ значительная ярмарка, гдѣ производится торговля чаемъ и другими товарами, и обороты которой превышаютъ милліонъ рублей; но своимъ важнымъ значеніемъ городъ обязанъ главнымъ образомъ своей

[1]) Булычевъ, „Записки Уральскаго общества естествоиспытателей", *томъ IV, 1878 г.*

[1]) Семеновъ, „Географ. словарь Россійской Имперіи".
[2]) Ermann, „Путешествіе въ Сибирь".

мануфактурной промышленности, которая годъ отъ году все болѣе увеличивается. Тюмень имѣетъ претензію быть сибирскимъ «Манчестеромъ», и изъ его мастерскихъ выходятъ, между прочимъ, ковры, употребляемые почти по всей Азіатской Россіи. Въ 1871 году въ этомъ городѣ насчитывали уже болѣе сотни различныхъ фабрикъ и заводовъ, а въ наши дни между его промышленными заведеніями существуютъ такія значительныя, какъ мастерская для изготовленія паровыхъ машинъ, обширный кожевенный заводъ, выдѣлывающій кожанаго товара на сумму около милліона рублей въ годъ, и, въ окрестностяхъ города, строительная верфь для пароваго флота Обскаго бассейна; лѣса, растущіе по Турѣ, доставляютъ этой верфи дерево, считающееся лучшимъ въ Сибири. Городъ и окружающія его селенія выдѣлываютъ также въ большомъ количествѣ разную домашнюю утварь и посуду изъ липы и деревянные ящики разнаго рода; въ тюменскомъ округѣ каждый годъ приготовляется около 50.000 штукъ телѣгъ и саней. Тюмень есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный складочный пунктъ для пароходовъ, плавающихъ по Оби, хотя онъ бываетъ соединенъ съ сѣтью рѣчнаго судоходства только въ періодъ весенняго половодья; лѣтомъ пароходы обыкновенно не могутъ проникать въ рѣку Туру; они принуждены останавливаться на Тоболѣ, на половинѣ дороги изъ Тюмени въ Тобольскъ, у пристани села Артамонова.

Екатеринбургъ, лежащій у восточнаго основанія Уральскихъ горъ (порогъ которыхъ, впрочемъ, находится всего только на 656 футовъ выше мѣстоположенія этого города), не пользуется такими же временными выгодами, какъ Тюмень, для рѣчнаго судоходства; но онъ поставленъ въ столь же благопріятныя условія въ отношеніи сухопутныхъ сообщеній и до устройства сибирскаго рельсоваго пути составлялъ конечный пунктъ желѣзныхъ дорогъ изъ Европы въ Азію; онъ занимаетъ центральное положеніе между двумя горнозаводскими областями, между сѣвернымъ и южнымъ Ураломъ, и въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, верстахъ въ десяти къ сѣверо-востоку, находится Березовъ или Березовскій заводъ, который еще недавно имѣлъ столь важное экономическое значеніе, благодаря своимъ золотымъ и платиновымъ рудникамъ, открытымъ въ 1820 году; въ 1827 году общая цѣнность этихъ благородныхъ металловъ, добытыхъ изъ Березовскихъ рудниковъ, простиралась до 15 милліоновъ рублей [1]). Горные заводы Верхъ-Исетскіе, составляющіе предмѣстье города, на сѣверо-западѣ, и Нижне-Исетскіе, на юго-востокѣ, также представляютъ значительную важность по своему производству, въ особенности по отливкѣ чугуна. Екатеринбургъ, который величается тѣмъ, что онъ еще европейскій городъ, есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Россіи. Онъ расположенъ наклонно, по отлогой покатости, спускающейся къ берегу рѣки Исеть, которая въ этомъ мѣстѣ расширяется и образуетъ судоходное озеро, окруженное деревьями. Высокіе бѣлые каменные дома съ зелеными крышами изъ листоваго желѣза, похожаго на плиты малахита, поднимаются надъ живописными деревянными домиками, и надъ всей массой строеній господствуютъ колокольни и позолоченные куполы церквей; вдали на горизонтѣ виднѣются волнообразныя очертанія Уральскихъ горъ. Первый домикъ Екатеринбурга былъ построенъ въ 1722 году, и городъ сталъ быстро развиваться, благодаря сосѣдству богатыхъ рудниковъ. Промышленность этой азіатской столицы, резиденціи горнозаводскихъ властей, составляющихъ своего рода правительство (главное управленіе Уральскихъ горныхъ заводовъ), зависитъ, какъ и прежде, отъ богатствъ, заключающихся въ нѣдрахъ земли. Екатеринбургская гранильная фабрика пользуется большой извѣстностью. Здѣшніе шлифовальщики драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней отправляютъ въ Европейскую Россію порфировыя вазы, столы и другую мебель изъ малахита, изъ родонита, и тысячу различныхъ издѣлій изъ дымчатаго топаза, изъ яшмы, изъ горнаго хрусталя, превосходно вырѣзанныхъ и отполированныхъ, но не отличающихся разнообразіемъ рисунковъ. Существовавшій прежде въ Екатеринбургѣ монетный дворъ, гдѣ чеканилась мѣдная монета, иногда также золотая и платиновая, упраздненъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но взамѣнъ того промышленная дѣятельность города увеличилась нѣсколькими частными фабриками, въ томъ числѣ механическимъ заводомъ. Добыча разныхъ металловъ изъ уральскихъ рудниковъ, на обоихъ склонахъ горъ, представляетъ приблизительно слѣдующія цифры:

Золота 400 пудовъ. Платины 90 пуд. Желѣза 29.908.117 пуд. (3.745.100 пудовъ на казенныхъ заводахъ остальное количество на частныхъ). Мѣди 121.025 пуд. Никкеля 248½ пуд.

Въ Екатеринбургѣ существуетъ метеорологическая обсерваторія, и съ 1872 года этотъ городъ сдѣлался мѣстопребываніемъ ученаго общества, «уральскаго общества естествоиспытателей», которое издаетъ интересный сборникъ, содержащій статьи на русскомъ и даже на французскомъ языкѣ по геологіи, ботаникѣ, зоологіи и этнографіи уральскихъ странъ. Это общество устроило, съ 1876 года, въ разныхъ частяхъ Урала, около 70 метеорологическихъ станцій, сравнительныя таблицы которыхъ очень полезны для изученія мѣстнаго климата. Уже ближайшія окрестности Екатеринбурга представля-

[1]) Эрманъ, цитированное сочиненіе.

ютъ множество любопытныхъ предметовъ наблюденія въ подземныхъ галлереяхъ рудниковъ и на поверхности земли. Въ особенности замѣчательны, верстахъ въ четырехъ къ югу отъ озера Шарташъ, многочисленныя горки изъ слоистаго гранита, прозванныя, по причинѣ ихъ сходства съ палатками, «каменными шатрами» [1]). Одинъ изъ утесовъ, окаймляющихъ теченіе рѣки Пышмы, покрытъ какими-то надписями на неизвѣстномъ языкѣ, которыя отличаются отъ надписей, находимыхъ на Алтаѣ и Енисеѣ, гораздо большимъ изяществомъ буквъ [2]).

Къ востоку отъ Екатеринбурга встрѣчаемъ другіе города, Камышловъ на Пышмѣ, Далматовъ и Шадринскъ на Исети, которые зависятъ еще въ административномъ отношеніи отъ Перми. На югѣ также есть города, которые, хотя находятся въ Обскомъ бассейнѣ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ европейскимъ губерніямъ. Троицкъ, на рѣкѣ Уй, притокъ Тобола, самый важный изъ этихъ новыхъ городовъ, благодаря своему положенію, въ качествѣ промежуточной станціи, между Оренбургомъ и Омскомъ, при соединеніи двухъ плодородныхъ долинъ и на окраинахъ степи, которая простирается на югъ и на востокъ, къ арало-каспійскимъ странамъ и къ Небеснымъ горамъ. Окруженный разноплеменными населеніями: русскими, башкирами, мещеряками, киргизами, Троицкъ былъ прежде однимъ изъ главныхъ рынковъ западной Азіи; въ немъ образовались, нѣкогда, многіе изъ купеческихъ каравановъ, перевозящихъ европейскіе товары въ Ташкентъ, въ Хиву, въ Бухару, въ Челябинскъ или Челябу, городъ, лежащій на дорогѣ изъ Троицка въ Екатеринбургъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ дорога изъ Оренбурга въ Ташкентъ сдѣлалась главнымъ путемъ изъ Европы въ Туркестанъ, Троицкъ въ значительной степени утратилъ свое прежнее торговое значеніе; дѣятельность его сосредоточена теперь главнымъ образомъ на торговлѣ скотомъ. Ярмарка въ селѣ Крестовомъ считается самымъ важнымъ годовымъ торгомъ на азіатской сторонѣ Урала; въ 1893 году привозъ товаровъ на эту ярмарку по цѣнности простирался до 10.000.000 рублей.

Городъ Курганъ, который находится уже въ предѣлахъ административной территоріи русской Азіи, на лѣвомъ берегу Тобола, напоминаетъ своимъ имѣнемъ существованіе древней искусственной горки, но этотъ холмъ «Царской крѣпости», который имѣлъ 80 саженъ въ окружности и былъ обнесенъ каменной стѣной и обведенъ рвомъ, пересталъ существовать уже около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ: русскіе, раскопавъ курганъ, гдѣ ими было найдено множество драгоцѣнныхъ украшеній, сдѣланныхъ изъ золота и серебра, построили на немъ крѣпостцу, которую, однако, они принуждены были впослѣдствіи покинуть, по причинѣ постоянныхъ обваловъ берега, подтачиваемаго водами Тобола. Военная колонія, находившаяся у подножья бугра, переселилась верстъ на девять ниже по рѣкѣ и мало-по-малу разрослась въ торговый городъ, который мы видимъ нынѣ на мѣстѣ ея; въ окрестныхъ селеніяхъ главный промыселъ жителей—выдѣлка бочекъ для сала. Курганъ—самое значительное городское поселеніе выше Тобольска; однако Ялуторовскъ, лежащій также на лѣвомъ берегу Тобола, построенный въ 1641 году, на развалинахъ прежняго татарскаго городка, представляетъ довольно оживленный пунктъ, по крайней мѣрѣ во время происходящей въ немъ ежегодно конской ярмарки; это городъ съ черными домами, съ широкими улицами, окруженный вѣтряными мельницами, высящимися на срубахъ пирамидальной формы. Окружающая страна одна изъ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей Сибири, и большинство населенія живетъ въ довольствѣ, благодаря продажѣ скота, сала, кожъ, пшеницы и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Ялуторовскій округъ также одинъ изъ тѣхъ округовъ Сибири, куда правительство въ недавнее время посылало наибольшее число ссыльныхъ, осужденныхъ за кражу, и куда сельскія общества европейской Россіи отправляли своихъ лѣнивыхъ членовъ, отъ которыхъ они хотѣли отдѣлаться; цыганъ тамъ тоже больше, чѣмъ во всякой другой части страны. Преступленія довольно часты въ этой области, самой населенной во всей Сибири.

Ишимъ, притокъ Иртыша, какъ и Тоболъ, и сохраняющій направленіе, параллельное этой послѣдней рѣкѣ въ большей части своего теченія, также омываетъ нѣсколько важныхъ городовъ. Акмолинскъ (отъ татарскаго слова Акъ-молы, означающаго «Бѣлую могилу»), главный городъ области того же имени (Акмолинской), лежитъ недалеко отъ истоковъ Ишима, среди киргизской степи, и близкое сосѣдство кочующихъ киргизъ-кайсацкихъ племенъ сдѣлало его значительнымъ рынкомъ. Далѣе на западѣ, при сліяніи Ишима и рѣки его имени, Атбасаръ, бывшая казачья станица, основанная для наблюденія за кочевниками окрестной мѣстности, сдѣлался мало-по-малу городомъ мирныхъ землевладѣльцевъ и торговцевъ. Петропавловскъ, на правомъ берегу Ишима, лежитъ уже за предѣлами киргизской территоріи, и вся окружающая его мѣстность населена славянами болѣе или менѣе чистаго происхожденія; тѣмъ не менѣе онъ служитъ мѣстомъ мѣновой торговли съ номадами, которые приходятъ сюда толпами сбывать свои продукты, продавать свой скотъ, и въ свою очередь запа-

[1]) Роговъ, „Записки уральскаго общества естествоиспытателей", томъ I, 1873 г.

[2]) Спасскій, „De antiquis quibusdam sculpturis"; *Эрманъ и другіе.*

ются здѣсь всѣмъ необходимымъ; болѣе трехъ тысячъ этихъ сыновъ степи поселилось въ городѣ рядомъ съ русскими въ качествѣ осѣдлыхъ жителей. Петропавловскъ самый многолюдный городъ во всемъ бассейнѣ Ишима; сверхъ того онъ имѣетъ то преимущество надъ большей частью сибирскихъ городовъ, что представляетъ живописную картину, благодаря скаламъ, на которыхъ лежатъ развалины старинной крѣпости, на высотѣ 14 саженъ надъ уровнемъ рѣки. Ишимъ, который получилъ имя омывающей его рѣки, когда былъ возведенъ на степень города, не можетъ соперничать съ Петропавловскомъ ни по красотѣ мѣстоположенія, ни по числу жителей; но онъ производитъ болѣе обширную торговлю въ дни ежегодной ярмарки, продолжающейся съ 1 по 20 декабря: въ это время сюда собирается около десяти тысячъ иногородныхъ посѣтителей, и торговые обороты простираются до 5 милліоновъ рублей. Окружающая область, называемая Ишимской «степью»,—одна изъ богатѣйшихъ странъ Сибири: это волнообразная территорія, покрытая черноземной почвой, изрѣзанная оврагами и пересѣченная грядами холмовъ, слегка покатыхъ къ сѣверу, круто обрѣзанныхъ на южной сторонѣ, и постепенными переходами сливающаяся съ Киргизской степью. Въ ишимскомъ округѣ многочисленные бассейны бываютъ попеременно то мелководными озерами, изобилующими, однако, рыбой, то луговыми равнинами, гдѣ крестьяне косятъ траву. Въ 1841 году въ округѣ насчитывали болѣе трехъсотъ высохшихъ озеръ. Затѣмъ въ 1859 году они опять начали наполняться, и пять лѣтъ спустя вода вездѣ снова приняла свой нормальный уровень.

Будущіе города верхняго бассейна русскаго Иртыша, каковы Зайсанъ, близъ озера того же имени, Кокбектинскъ или Кокбекты, на боковомъ притокѣ этой рѣки, и Каркаралинскъ, въ небольшомъ замкнутомъ бассейнѣ, едва отдѣляющемся отъ Обской покатости, представляютъ пока еще только казачьи посты, вокругъ которыхъ сгруппировались русскіе поселенцы хлѣбопашцы, татарскіе торговцы и киргизы, мѣняющіе свою кочевую жизнь на осѣдлое существованіе. Первый городъ на Иртышѣ, заслуживающій этого названія,—Устькаменогорскъ, лежащій, какъ показываетъ его имя, при выходѣ изъ горнаго ущелья и недалеко отъ области рудниковъ. На сѣверо-востокѣ, въ маленькой долинѣ рѣчки Глубокой, около тысячи рабочихъ разработываютъ залежи мѣдной руды въ Бѣлоудовскомъ рудникѣ. Ниже Семипалатинскъ, возведенный нынѣ на степень областнаго города, расположенъ на возвышенномъ правомъ берегу Иртыша; впрочемъ, онъ долженъ былъ часто перемѣнять мѣсто по причинѣ обваловъ берега, подтачиваемаго водами рѣки, и нашествія дюнъ, и одна изъ подгородныхъ деревень, окруженная со всѣхъ сторонъ сыпучими песками, выстроилась на прежнемъ мѣстоположеніи города, подъ именемъ «Стараго Семипалатинска». Это наименованіе Семи Палатъ, данное русскому городу, обязано своимъ происхожденіемъ семи домишкамъ, которые нѣкогда находились въ окрестностяхъ и служили кампищами туземнымъ калмыкамъ; во время путешествія Гмелина по Сибири, одна изъ этихъ лачугъ заключала еще двухъ идоловъ, изображавшихъ медвѣдей, а въ другой видны были на стѣнахъ какія-то неясныя очертанія, похожія на человѣческія фигуры. Недалеко оттуда, въ Аблайкитской долинѣ, находятся развалины другаго языческаго храма, очевидно буддистскаго происхожденія. Семипалатинскъ, населенный преимущественно татарами, прежде поддерживалъ дѣятельныя торговыя сношенія съ китайскимъ городомъ Чучучакомъ, которыя, вслѣдствіе событій въ Кашгаріи, нынѣ почти совершенно прекратились; но взамѣнъ того онъ ведетъ теперь торговлю съ Ташкентомъ и Бухарой, и въ лавкахъ его мы найдемъ тѣ же самые товары, какіе продаются на базарахъ этихъ двухъ среднеазіатскихъ городовъ. Что касается движенія торговаго обмѣна съ Россіей, то оно иногда пріостанавливается лѣтомъ вслѣдствіе большаго спада водъ въ Иртышѣ: въ этомъ мѣстѣ, внизъ по теченію рѣки, показываются послѣдніе ряды камней или пороги на днѣ рѣчнаго ложа. Пески нѣкоторыхъ притоковъ Иртыша даютъ каждый годъ золотопромывальщикамъ небольшое количество золота.

Слѣдующій за Семипалатинскомъ ниже по Иртышу городокъ Павлодаръ есть не болѣе, какъ промежуточная станція и пристань на половинѣ дороги изъ Семипалатинска въ Омскъ, нынѣшнюю столицу Западной Сибири. Омскъ построенъ въ степи, на обоихъ берегахъ Оми, при сліяніи этой рѣки съ Иртышемъ; кромѣ того онъ находится на главномъ сибирскомъ трактѣ и въ поясѣ русской колонизаціи, раздѣляющемъ киргизовъ на югѣ и татаръ на сѣверѣ. Крѣпость его, которая существуетъ еще на правомъ берегу Оми, сдѣлалась резиденціей высшей военной и гражданской администраціи края (главное управленіе Западной Сибири), и мѣстная торговля извлекла выгоды изъ этого обстоятельства. Въ Омскѣ, который добивался чести сдѣлаться современемъ мѣстопребываніемъ сибирскаго университета, главное учебное заведеніе—военная гимназія, гдѣ учится около 350 воспитанниковъ; при этой школѣ имѣется музей естественной исторіи. Въ 1877 г. въ этомъ городѣ основался одинъ изъ отдѣловъ русскаго географическаго общества (западно-сибирскій), имѣющій задачей научныя изслѣдованія во всей Западной Сибири.

На востокъ отъ Омска, главная сибирская дорога слѣдуетъ вверхъ по долинѣ рѣки Оми, гдѣ находится, почти на половинѣ пути отъ

Иртыша до Оби, городъ Каинскъ, на берегу Оми, въ центрѣ Барабинской степи. Въ числѣ его жителей насчитывается нѣсколько сотъ евреевъ, сосланныхъ на поселеніе и водворенныхъ въ этой части Сибири за контрабанду. На берегахъ Иртыша, между Омскомъ и Тобольскомъ, на разстояніи около тысячи верстъ по извилинамъ рѣки, въ настоящее время существуетъ только одинъ городъ, Тара, лежащій на лѣвомъ берегу Иртыша, напротивъ впаденія рѣки его имени. Будучи гораздо болѣе древнимъ русскимъ поселеніемъ, чѣмъ Омскъ, такъ какъ основаніе ея относится къ концу шестнадцатаго столѣтія, Тара пользовалась прежде выгодами, которыми впослѣдствіи овладѣлъ Омскъ, какъ пограничный военный городъ, и отсюда въ прежнее время отправлялись всѣ военныя экспедиціи противъ киргизовъ. Между постоянными жителями города находятся еще магометане бухарцы, потомки купцовъ изъ Татаріи, которые поселились въ Тарѣ, когда она была главнымъ рынкомъ окружающей страны. При Петрѣ Великомъ здѣсь было перебито, по приказанію царя, около семи сотъ жителей раскольниковъ, отказавшихся принести присягу на вѣрноподданство. Съ той эпохи Тара, которая, впрочемъ, стоитъ въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта, принадлежитъ къ числу городовъ, наиболѣе медленно возраставшихъ.

Тобольскъ, бывшая столица всей Азіатской Россіи, а въ наши дни простой губернскій городъ, также пришелъ въ упадокъ; онъ теперь стоитъ уже только восьмымъ между городами Сибири по числу жителей, и при томъ многіе другіе города, какъ кажется, должны скоро опередить его въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ онъ занимаетъ географическое положеніе одно изъ самыхъ важныхъ и выгодныхъ, при соединеніи долинъ двухъ большихъ рѣкъ—Иртыша и Тобола, и слѣдовательно въ центрѣ судоходной сѣти Западной Сибири; но онъ находится сѣвернѣе 58 градуса сѣверн. широты, правда, ближе къ экватору, чѣмъ Петербургъ, но подъ изотермическими линіями, менѣе благопріятными, недалеко отъ границы произрастанія хлѣбовъ. Кромѣ того, Тобольскъ, городъ развѣнчанный, пересталъ быть одною изъ главныхъ станцій большаго торговаго пути Сибири, который прежде дѣлалъ крюкъ къ сѣверу, чтобы пройти передъ губернаторскимъ дворцомъ, и который теперь изъ Тюмени направляется прямо въ Омскъ черезъ Ялуторовскъ и Ишимъ; но онъ все еще служитъ сборнымъ мѣстомъ для партій арестантовъ, пригоняемыхъ изъ Россіи, и распредѣленіемъ ихъ по разнымъ частямъ Сибири завѣдуетъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Во время путешествія Фалька, въ 1772 г., Тобольскъ имѣлъ болѣе 15.000 жителей, немного менѣе, чѣмъ въ наши дни. Отъ татарской эпохи не сохранилось никакихъ остатковъ: Бицикъ-Тура или «Женскій городъ», существовавшій въ этомъ мѣстѣ во время нашествія Ермака (которому въ Тобольскѣ поставленъ памятникъ на высокомъ холмѣ—мраморный обелискъ на гранитномъ пьедесталѣ съ надписью «покорителю Сибири Ермаку»), былъ совершенно разрушенъ казаками. Не уцѣлѣло также ни одного зданія отъ первыхъ временъ заселенія края русскими, такъ какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи два большіе пожара опустошили городъ. Тѣмъ не менѣе Тобольскъ, съ его церквами, высоко поднимающими свои разрисованные куполы, съ его старинными кремлемъ, господствующимъ съ горы надъ нижними кварталами, расположенными на берегу широкаго Иртыша, все еще по красотѣ вида одинъ изъ самыхъ величественныхъ городовъ Сибири. Его рыбный рынокъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ, наиболѣе обильно снабжаемыхъ во всемъ свѣтѣ. Барки и досчаники привозятъ на тобольскій рынокъ ежегодно до 500.000 пудовъ разной рыбы, продажа которой производитъ въ городѣ торговые обороты на сумму, по меньшей мѣрѣ милліона рублей, но за которую, вѣроятно, было заплачено никакъ не болѣе 10.000 рублей остяцкимъ рыболовамъ [1]). Ниже Тобольска на Иртышѣ нѣтъ ни одного города; но большая деревня Самарова, построенная на холмѣ, который господствуетъ съ южной стороны надъ двумя аллювіальными равнинами Иртыша и Оби, соединяющимися ниже въ видѣ взаимно переплетающихся каналовъ или рукавовъ, замѣчательна, какъ бывшая столица остяцкаго царства. Туземцы покинули это поселеніе, чтобы отправиться на жительство въ отдаленныя становища; на ихъ мѣсто пришли и водворились русскіе ямщики, занимающіеся извознымъ промысломъ. Эти низменныя страны, гдѣ соединяются Иртышъ, Обь и ихъ притоки, составляютъ одну изъ наименѣе доступныхъ частей Сибири, именно по причинѣ ихъ малаго возвышенія. Огромныя пространства, обнимающія многія тысячи квадр. верстъ, представляютъ болота, неприступныя для звѣролова и даже для рыболова. Вообще можно сказать, что за исключеніемъ земель, прилегающихъ близко къ большимъ рѣкамъ и вслѣдствіе того пользующихся естественнымъ дренажемъ, все пространство, которое простирается на сѣверъ отъ 57 градуса широты, между Тоболомъ и Обью, представляетъ собою одно обширное болото. Огромные лѣса, совершенно непроходимые и напоминающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропическія чащи корнепусковъ, такъ какъ по нимъ можно пробираться неиначе, какъ въ лодкѣ,—занимаютъ все пространство, заключающееся между Обью и Уральскими горами: эти лѣса составляютъ совершенно особенный міръ съ своеобразнымъ характеромъ природы, міръ—

[1]) Поляковъ, „Письма о путешествіи въ долину Оби".

ибо суровый, угрюмый, безмолвный. Область, раздѣляющая Обь отъ Иртыша, и по которой протекаютъ двѣ рѣки Юганъ, перерѣзана по серединѣ незначительнымъ возвышеніемъ почвы, образующимъ тундру, длиною около 600 верстъ, которая у окрестныхъ татаръ извѣстна подъ именемъ Урмана. Этотъ хребетъ, поднимающійся надъ лѣсами и надъ равниной, сплошь состоитъ изъ растительныхъ остатковъ, и почва его трясется подъ ногами человѣка, хотя послѣдній не рискуетъ увязнуть въ ней; кое-гдѣ холмики, покрытые кривыми, приземистыми березками, ростущими на этой тундрѣ, превращаются въ островки во время дождей.

Къ сѣверу отъ Алтайскихъ горъ и Барнаульскихъ равнинъ нѣтъ ни одного большаго города на берегахъ Оби. Колывань, который еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ простой крѣпостцей или острогомъ, пріобрѣлъ нѣкоторую важность, какъ мѣсто рыбной ловли и какъ рынокъ земледѣльческихъ продуктовъ; но главнымъ торговымъ центромъ этой страны сдѣлался Томскъ, лежащій близъ праваго берега Томи, верстахъ въ ста отъ сліянія этой рѣки съ Иртышемъ. Изъ всѣхъ городскихъ поселеній Сибири Томскъ, можетъ быть, наиболѣе походитъ на городъ Европейской Россіи по архитектурѣ домовъ, роскоши магазиновъ, оживленію главныхъ улицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это городъ, жители котораго выказываютъ въ сильной степени коммерческую иниціативу и предпріимчивость; уже около двухъ столѣтій онъ находится въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Бухарой, и татарскіе торговцы имѣютъ въ немъ свой особенный кварталъ; томскіе казаки, самые предпріимчивые колонизаторы, были истинными завоевателями Сибири, и услуги, которыя они этимъ оказали распространенію русскаго могущества, были признаны и награждены въ семнадцатомъ столѣтіи титуломъ «боярскихъ дѣтей», пожалованнымъ имъ царемъ. Сотни рабочихъ заняты розысками золота въ южныхъ и юго-восточныхъ золотоносныхъ округахъ, которые хотя не такъ богаты металломъ, какъ золотые пріиски восточной Сибири, но гдѣ зато издержки по исканію розсыпей гораздо менѣе значительны. Томскъ современи открытія сибирскаго университета сталъ населеннѣйшимъ городомъ Сибири, онъ сдѣлался умственнымъ центромъ всей Азіатской Россіи, куда вслѣдъ за молодежью устремился и торговый людъ. Къ университетскому зданію прилегаетъ обширный паркъ, пожертвованный однимъ томскимъ гражданиномъ, и обращенный въ ботаническій садъ при университетѣ. Какъ всѣ города Азіатской Россіи, Томскъ, «сибирская Москва», занимаетъ огромное пространство, и предмѣстья его, гдѣ бараки чередуются съ грудами развалинъ, продолжаются на нѣсколько верстъ. Въ 1876 году пароходная пристань находилась на разстояніи почти 7 верстъ отъ центра города [1]).

Къ востоку отъ Томска два города, Маріинскъ и Ачинскъ, лежащіе въ бассейнѣ рѣки Чулымъ, по которой теперь поднимаются пароходы (съ 1866 года), имѣютъ нѣкоторую важность, какъ станціи на главной сибирской дорогѣ; но ниже, по теченію Оби, города, отстоящіе одинъ отъ другаго на сотни верстъ, представляютъ не что иное, какъ группы невзрачныхъ домишекъ. На всемъ пространствѣ отъ Томска до сліянія Иртыша съ Обью, то-есть на разстояніи болѣе 1.500 верстъ, мы встрѣчаемъ только два бѣдныхъ городка или вѣрнѣе мѣстечка—Нарымъ (по-остяцки значитъ «Болото»), Томской губерніи, ниже впаденія р. Кеть въ Обь, и Сургутъ, Тобольской, при устьѣ небольшаго притока того же названія, откуда вывозятся въ большомъ количествѣ кедровые орѣхи; чтобы достать шишки, содержащія эти орѣхи, туземцы карабкаются высоко на деревья, при помощи желѣзныхъ крючьевъ, привязанныхъ къ рукамъ, къ ногамъ и груди. Верстахъ въ 660 ниже, на рѣкѣ Сосвѣ, уральскомъ притокѣ Малой Оби, находится Березовъ, самое сѣверное поселеніе Обскаго бассейна, носящее еще названіе города. Березовъ прославился въ исторіи какъ мѣсто ссылки: тамъ кончили жизнь Меншиковъ, Остерманъ, Долгорукіе, и со временъ этихъ знаменитыхъ изгнанниковъ многіе осуждены были умирать медленной смертью на этой мерзлой землѣ, вдали отъ друзей и враговъ, оторванные отъ всѣхъ радостей жизни и отъ волнующихъ страстей! Березовъ лежитъ на рубежѣ обитаемаго міра: тамъ съ трудомъ можно разводить только кое-какіе огородныя овощи, и большинство животныхъ, повсюду сопровождающихъ человѣка, не могутъ слѣдовать за нимъ далѣе. Такъ, напримѣръ, воробей не переходитъ за Березовъ въ своихъ странствованіяхъ къ сѣверу, и съ наступленіемъ зимняго времени обыкновенно переселяется въ болѣе южныя мѣстности. Своимъ важнымъ значеніемъ этотъ городъ обязанъ торговлѣ шкурами пушныхъ звѣрей, которая, впрочемъ, теперь гораздо менѣе дѣятельна, чѣмъ была въ прежнее время; нынѣ главный предметъ ея составляютъ бѣлячьи шкурки. Сѣвернѣе Березова нѣтъ никакихъ поселеній, кромѣ рыболовныхъ станцій. Самое значительное изъ этихъ поселеній, Обдорскъ, близъ устья Оби, входный портъ этой могучей рѣки, состоитъ изъ шестидесяти домишекъ и одной часовни. Въ этой области снѣговъ и леденящихъ вѣтровъ, гдѣ средніе зимніе морозы колеблются между—25 и 35 градусами, климатъ слишкомъ холоденъ для того, чтобы можно было предпринять какія-либо попытки въ видахъ разработки рудныхъ мѣсторожденій золота, пла-

[1]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

тины, желѣза, существующихъ въ окрестныхъ холмахъ [1]). Земля тамъ оттаиваетъ въ лѣтніе мѣсяцы среднимъ числомъ только на 5, на 7 вершковъ. Обдорская ярмарка, гдѣ остяки и самоѣды продавали свои шкуры пушнаго звѣря, въ наши дни гораздо менѣе посѣщается противъ прежняго времени; туземные инородцы стали предпочитать ей другую ярмарку, происходящую въ городкѣ Туруханскѣ на Енисеѣ, гдѣ они менѣе рискуютъ уступить добычу всей своей годовой охоты за нѣсколько полуштофовъ дрянной водки [2]).

Селеніе Мангазея, которое было основано казаками звѣроловами на востокъ отъ Обдорска при рѣкѣ Тазъ, не существуетъ болѣе; его смѣнила другая деревушка, Тазовка.

Города и главныя селенія обскаго бассейна, безъ округовъ Алтайскаго края съ населеніемъ, показаннымъ по цифрамъ послѣдней переписи 1897 г.:

Пермская губернія: Нижне-Тагильскъ (зав.)—37.563 жит.; Екатеринбургъ—54.459 жит.; Невьянскъ—16.048 жит.; Шадринскъ—15.968 жит.; Алапаевскъ—6.486 жит.; Далматовъ—5.068 жит.; Ирбитъ—6.851 жит.; Верхотурье—10.827 жит.; Камышловъ—7.137 жит.;

Оренбургская губернія: Троицкъ — 23.205 жит.; Челябинскъ—18.454 жит.

Тобольская губернія: Тобольскъ—19.802 жит.; Тюмень—29.706 жит.; Тара—7.081 жит.; Курганъ—0.306 жит.; Ишимъ 6.976 жит.; Ялуторовскъ—3.335 жит.; Туринскъ—3.022 жит.; Березовъ—1.071 жит.; Сургутъ—1.110 жителей.

Томская губернія, безъ Алтая: Томскъ—63.861 жит.; Маріинскъ—8.742 жит.; Каинскъ—5.534 жит.; Колывань—3.628 жит.; Нарымъ—1.080 жит.

Енисейская губернія: Ачинскъ—6.577 жит.

IV. Бассейнъ Енисея и Байкалъ.

Съ гидрографической точки зрѣнія, воды, которыя Енисей несетъ въ Ледовитый океанъ, принадлежатъ такъ же, какъ воды Оби, къ двумъ различнымъ бассейнамъ. Улюнгуръ и Черный Иртышъ—рѣки Монголіи, которымъ проломъ въ окружающихъ горахъ позволилъ изливаться на сѣверную покатость азіатскаго континента. Подобно имъ, Селенга получаетъ начало въ горахъ, окаймляющихъ возвышенную пустыни Гоби или Шамо, и бѣжитъ, дѣлая крутые повороты, по впадинѣ или долинѣ холмистаго плоскогорья, откуда вытекаютъ на восточной и сѣверо-восточной сторонахъ потоки, спускающіеся къ Амуру и къ Ленѣ. Селенга впадаетъ въ большую поперечную долину, которую наполняютъ воды Байкала, и точно такъ же черезъ поперечную ложбину, перпендикулярную къ этому обширному озерному бассейну, выходитъ рѣка Ангара. Направленіе этого байкальскаго истока въ началѣ параллельно направленію Лены, и весьма возможно, что въ предшествующую эпоху Ангара соединялась съ этой исполинской рѣкой черезъ какой-нибудь боковой проломъ; но русло, еще не вполнѣ сформировавшееся, по которому Ангара бѣжитъ стремнинами, увлекаетъ ее теперь на сѣверъ; усиленная другими потоками, она принимаетъ названіе Верхней Тунгузки, какъ будто бы это въ самомъ дѣлѣ была другая рѣка, и, описывая большой изгибъ къ сѣверу и къ западу, течетъ по ровной покатости равномѣрнымъ паденіемъ къ Енисею. Что касается этой послѣдней рѣки, одной изъ главныхъ рѣкъ Сибири, то она беретъ начало въ цѣпи горъ, составляющихъ на востокѣ продолженіе Алтайской цѣпи; затѣмъ, по выходѣ изъ верхняго бассейна черезъ рядъ слѣдующихъ одно за другимъ горныхъ ущелій, перерѣзывающихъ параллельные кряжи Саянскаго хребта, она спускается правильно съ юга на сѣверъ къ Ледовитому океану, не встрѣчая на пути тѣхъ многочисленныхъ неровностей почвы и другихъ геологическихъ случайностей, которыя прерываютъ нормальное теченіе его главнаго восточнаго притока. Оттого эта могучая рѣка по справедливости сохраняетъ одно и то же имя, отъ своего вступленія на русскую территорію до впаденія въ Ледовитый океанъ: она можетъ быть уподоблена главному стволу дерева, къ которому присоединяется боковая вѣтвь, болѣе крѣпкая, болѣе длинная и болѣе богатая вѣтками и сучьями.

Вѣроятная длина Енисея—4.000 верстъ; вѣроятная длина Селенги—Ангары—Енисея—5.100 верстъ; вѣроятная площадь бассейна—2.595.000 кв. верстъ.

По исторіи населяющихъ ихъ народностей два бассейна западнаго Енисея и Прибайкальскаго края также разнятся между собою и потому должны быть изучаемы каждый отдѣльно.

1. Бассейнъ западнаго Енисея.

Енисей получаетъ свои первыя воды изъ китайской территоріи, заключающейся въ обширномъ амфитеатрѣ, который образуютъ на сѣверѣ различныя отрасли Саянскихъ горъ, на югѣ краевая цѣпь хребта Танну-ола, на востокѣ плоская возвышенность, усѣянная озерами,

[1]) Эрманъ, „Путешествіе въ Сибирь".

[2]) Тѣмъ не менѣе обороты Обдорской ярмарки, продолжающейся съ 15 декабря по 25 января, опредѣляютъ *въ 100 тысячъ рублей*

которой текутъ въ восточномъ направленіи верхніе притоки Селенги. Ни одна изъ рѣкъ, которыя зарождаются въ этомъ амфитеатрѣ горъ, не получила отъ туземцевъ имени Енисея; но, насколько можно судить по разсказамъ мѣстныхъ жителей и описаніямъ русскихъ путешественниковъ, пробиравшихся въ эту страну, среднее возвышеніе которой около 4.000 футовъ, главной рѣкой должна быть признана рѣка Бей-кемъ, которую питаютъ многочисленные ручьи, спускающіеся съ восточнаго Саяна, болѣе извѣстнаго подъ именемъ тайги (лѣса) Ергикъ-Таргакъ: Бей-кемъ есть та самая рѣка, которую нѣкоторые путешественники называютъ «Большимъ Енисеемъ». «Малый Енисей» или Хуа-кемъ беретъ начало южнѣе, на высотахъ, прилегающихъ къ обширной впадинѣ или котловинѣ Косоголь, и принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны воды, посылаемыя ему долинами горной цѣпи Танну-ола. Соединенныя въ одинъ потокъ, который принимаетъ наименованіе Улу-кемъ, рѣки Бей-кемъ и Хуа-кемъ образуютъ вмѣстѣ истинный Енисей, на встрѣчу которому, въ той же самой впадинѣ, бывшей нѣкогда дномъ озера, течетъ другая кемъ, рѣка Кемчикъ, получающая начало въ горномъ узлѣ, изъ котораго расходятся большіе хребты: Алтайскій, Танну-ола и Саянскій. Кажется, что съ окружающихъ горъ не спускается ни одного ледника къ бассейну верхняго Енисея; но тамъ и сямъ гребни расположенныхъ на его окраинахъ хребтовъ достигаютъ границы никогда нетающихъ снѣговъ, и большая часть вершинъ остаются бѣлыми въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году. Верхушки хребта Ергикъ-Таргакъ, наиболѣе извѣстной изъ горныхъ цѣпей этой области, поднимаются, по всей вѣроятности, до 9.850 футовъ, а перевалы, ведущіе черезъ этотъ хребетъ, съ русскаго склона на китайскій, имѣютъ не менѣе 7.300 футовъ высоты [1]).

Занимая покатость, наклоненную къ сѣверу, бассейнъ верхняго Енисея составляетъ въ дѣйствительности часть Сибири по своему климату, по виду природы, по растительности и животному царству, но не по жителямъ, которые принадлежатъ къ монгольскому племени и къ которымъ еще не примѣшались русскіе поселенцы. Сибирскіе кедры, лиственницы растутъ лѣсами по скатамъ горъ; выше тянутся чащи рододендроновъ и другихъ альпійскихъ растеній; внизу, на днѣ долинъ и лощинъ, тополи и ивы осѣняютъ воды рѣчекъ и озеръ. Охотники гоняются за краснымъ оленемъ въ лѣсахъ верхняго Енисея, и табарганы живутъ миріадами въ дерновыхъ бугоркахъ. Рыбы, свойственныя сибирскимъ рѣкамъ, населяютъ также воды этой страны, и съ нѣкотораго времени минусинскіе рыбаки стали ѣздить на промыселъ къ озерамъ, разсѣяннымъ по берегамъ верхняго Енисея, и на обратномъ пути спускаются по этой рѣкѣ на плотахъ, съ грузомъ наловленной рыбы. Однако, переходъ отъ одного климата къ другому наблюдается во многихъ мѣстахъ, въ особенности на востокѣ, тамъ, гдѣ водораздѣльная граница, довольно неопредѣленная, между Енисеемъ и Селенгой, усѣяна озерными бассейнами. Нѣкоторые изъ этихъ бассейновъ наполнены соленой водой, тогда какъ другіе содержатъ въ растворѣ магнезію и минеральныя вещества въ различныхъ пропорціяхъ.

По вступленіи въ предѣлы русскихъ владѣній, на разстояніи около версты ниже своего сліянія съ Кемчикомъ, Большой Кемъ или «Большая Рѣка»,—ибо таковъ, кажется, смыслъ тунгузскаго слова Іоансси [по Кривошапкину [1]), истинное названіе—«Еханесъ»], которое русскіе передѣлали въ Енисей,—проходитъ черезъ бомъ или очень узкую тѣснину, пробивая рядъ параллельныхъ цѣпей, расположенныхъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку на Саянскомъ плоскогорьѣ, вершины котораго, состоящія изъ протогина и изъ сланцевъ [2]), поднимаются, съ той и другой стороны, до высоты болѣе 8.100 футовъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ границы рѣка вступаетъ въ тѣсное ущелье, стѣны котораго отстоятъ одна отъ другой не болѣе, какъ на 15 саженъ: въ этомъ проломѣ, около полуверсты длиною, черезъ который нѣкогда вытекла вода озера, наполнявшаго весь верхній бассейнъ горъ, теченіе такъ быстро, что оно рѣдко замерзаетъ зимой; но непосредственно ниже этого ущелья, тамъ, гдѣ вода разливается по бассейну съ незначительнымъ паденіемъ, поверхность рѣки бываетъ покрыта толстой ледяной корой въ продолженіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ. Ниже другіе пороги и стремнины прерываютъ теченіе рѣки во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открываются проломы для прохода водъ черезъ параллельные кряжи, отдѣленные одинъ отъ другаго глубокими долинами, которыя прежде были наполнены озерами. Многіе изъ этихъ стремительныхъ потоковъ опасны для проходящихъ плотовъ и барокъ; однако, ни одинъ изъ нихъ не представляетъ непреодолимаго препятствія для судоходства. Такъ называемый «Большой порогъ», ниже впаденія рѣки Усъ, самый опасный; волны кружатъ и перевертываютъ задомъ напередъ плывущіе плоты, и неопытные и боязливые люди между гонщиками велятъ привязывать себя къ бревнамъ плота. По выходѣ рѣки изъ горъ, въ Саянскомъ, видъ мѣстности вдругъ измѣняется совершенно: дикія скалы исчезли, и на далекое пространство разстилается

[1]) Крыжинъ; Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Карла Риттера“, т. IV, 1887 г.

[1]) Кривошапкинъ, Енисейскій округъ“.
[2]) Шварцъ; Чихачевъ; Потанинъ.

зелень степей [1]). Между Красноярскомъ и Енисейскомъ тоже есть нѣсколько пороговъ, которые считаются болѣе опасными, потому что они находятся въ такой части рѣки, гдѣ чаще плаваютъ суда; эти стремнины покрываютъ весь Енисей кипящей пѣной, и безпорядочное столкновеніе ихъ волнъ производитъ такой оглушительный шумъ, что матросы на судахъ не могутъ слышать другъ друга. Длина главнаго порога около 10 верстъ, и барки или суда, спускающіяся внизъ по теченію, пробѣгаютъ это разстояніе менѣе, чѣмъ въ полчаса [2]). Но въ цѣломъ среднее и нижнее теченіе Енисея представляетъ тихую рѣку, благодари незначительности паденія воды: уклонъ его немногимъ болѣе уклона Оби. Въ Красноярскѣ, гдѣ онъ находится еще на разстояніи 2.000 верстъ отъ моря, высота его средняго уровня около 520 футовъ; въ Енисейскѣ, ниже пороговъ, эта высота уже уменьшилась до 220 футовъ [3]).

Енисей, подобно Оби, проходитъ въ своемъ теченіи нѣсколько областей, гдѣ почва уже настолько обсохла, что имъ по справедливости можетъ быть дано названіе степей; кочевые татары располагаютъ въ этихъ мѣстностяхъ свои становища такъ же свободно, какъ въ степяхъ Туркестана. Такъ, вдоль лѣваго берега Енисея, выше Минусинска, Абаканская степь тянется на пространствѣ около 50 верстъ; ручьи тамъ изсякаютъ прежде, чѣмъ достигнутъ рѣки, и соляныя озера занимаютъ старыя рѣчныя ложа. Точно также на западѣ отъ Минусинска, Качинская степь обнимаетъ большую часть равнины, ограниченной съ южной стороны рѣкой Абаканъ, и даже переходитъ съ лѣваго берега Енисея на правый возвышенный, гдѣ захватываетъ небольшую полосу береговой земли [4]). Но такія обсохшія области составляютъ исключеніе въ бассейнѣ Енисея. Многочисленные притоки, спускающіеся большею частію съ восточной покатости, усиливаютъ этотъ могучій потокъ и дѣлаютъ его одною изъ величественныхъ рѣкъ Азіи гораздо ранѣе, чѣмъ онъ соединится съ Верхней Тунгузкой. Средняя ширина его, въ этой части теченія, отъ полутора до двухъ верстъ; во время весенняго полноводья онъ разливается верстъ на шесть въ ширину, а глубина его, которая обыкновенно равна $5^1/_2$ саженямъ, превышаетъ тогда 8 саженъ; суда, плывущія внизъ по теченію, спускаются со скоростью отъ 10 до 15 верстъ въ часъ, смотря по высотѣ воды: изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что по количеству протекающей воды Енисей по меньшей мѣрѣ равенъ Дунаю. Верхняя Тунгузка болѣе, чѣмъ вдвое, увеличиваетъ объемъ этой жидкой массы. Подъ давленіемъ этого могучаго потока, Енисей, измѣняя направленіе, изгибается къ западу, и на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, два теченія, одно мутное и желтоватое, теченіе Енисея, другое темносиее, почти черное, теченіе Тунгузки, катятъ свои воды въ одномъ и томъ же руслѣ, соединяясь по бокамъ большими водоворотами, представляющими смѣшанные оттѣнки цвѣтовъ. Но конецъ обѣ рѣки сливаются такъ, что ихъ уже невозможно различать, содержаніе земнистыхъ частицъ уравнивается въ той и другой. Замѣчательно, что линія сліянія есть въ то же время граница между животными видами: у осетровъ и стерлядей Тунгузки спина черная, тогда какъ тѣ же рыбы, живущія въ верхнемъ и низовомъ Енисеѣ, имѣютъ сѣроватый цвѣтъ [1]). Отчего происходитъ этотъ контрастъ—отъ различія въ степени чистоты водъ, или отъ предъидущаго разобщенія двухъ бассейновъ?

Ниже соединенія съ Верхней Тунгузкой Енисей течетъ нормальнымъ образомъ, какъ почти всѣ сибирскія рѣки, между низменнымъ или «луговымъ» берегомъ, по лѣвую сторону, и высокимъ берегомъ по правую, обыкновенно называемымъ мѣстными жителями «каменнымъ берегомъ». Однако, ниже впаденія притока Симъ, оба берега становятся возвышенными: длинный рядъ утесовъ, на которыхъ всѣ выступы кажутся черными отъ безчисленнаго множества ласточкиныхъ гнѣздъ, перерѣзываетъ русло, останавливаетъ теченіе рѣки и заставляетъ ее разливаться, по направленію къ верховью, въ бассейнъ болѣе 15 верстъ шириною, заключающій болѣе пятидесяти острововъ, образуемыхъ ея переплетающимися рукавами. При узкихъ воротахъ этой естественной запруды гранитный порогъ продолжается черезъ всю рѣку, и когда вода стоитъ на низкомъ уровнѣ, нѣкоторые проходы представляютъ судамъ глубину не болѣе 2 аршинъ; это единственное препятствіе, которое можетъ внушать опасенія большимъ пароходамъ на всемъ нижнемъ теченіи Енисея. Во многихъ мѣстахъ рѣки лотъ достаетъ дно только на глубинѣ около 20 саженъ.

Послѣ Большой или Верхней Тунгузки, съ Енисеемъ соединяются еще въ области лѣсовъ двѣ другія Тунгузки: Подкаменная и Нижняя, а также многія другія рѣки, почти столь же многоводныя: Бахта, Елугуй, Курейка; Нижняя Тунгузка, развернутая длина которой исчисляется въ 2.530 верстъ, имѣетъ около версты въ ширину при впаденіи въ Енисей. Подъ широтами менѣе близкими къ полюсу этотъ могучій притокъ сдѣлался бы отличнымъ судоходнымъ путемъ для перехода изъ одного рѣч-

[1]) Кропоткинъ, „Записки Русск. Географ. Общества“, томъ V.

[2]) Кривошапкинъ; Сидельниковъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1878 г., № 3.

[3]) Семеновъ, „Географическій Словарь Россійской Имперіи“.

[4]) Семеновъ и Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера“, т. IV.

[1]) Кривошапкинъ, „Енисейскій округъ“.

наго бассейна въ другой; онъ получаетъ начало въ небольшомъ разстояніи отъ Лены, и сначала кажется, что теченіе его должно направиться къ этой рѣкѣ, такъ какъ нѣкоторое время онъ слѣдуетъ вдоль ея западнаго берега, на незначительномъ разстояніи, и близъ Киренска подходитъ къ ней на разстояніе менѣе 20 верстъ, отдѣленный линіей водораздѣла, которая находится на высотѣ 815 футовъ надъ уровнемъ Лены, на высотѣ 560 фут. надъ уровнемъ Нижней Тунгузки [1]). Но въ тотъ моментъ, когда послѣдняя, повидимому, готовится пробить себѣ путь черезъ этотъ невысокій водораздѣльный хребетъ, чтобы соединиться съ Леной, она вдругъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ и направляется къ Енисею,

Общій видъ Омска

[1]) Чекановскій; Миллеръ; Штубендорфъ; Больше.

описывая длинныя извилины и усиливаясь по дорогѣ принятіемъ въ себя Илимши и сотни другихъ рѣчекъ и ручьевъ. Одинъ изъ этихъ притоковъ, рѣка Таймура, протекаетъ черезъ область, очень богатую залежами каменнаго угля, изъ которыхъ одна объята подземнымъ пожаромъ. Въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Горѣлая», верстахъ въ ста выше сліянія Таймуры съ Тунгузкой, земля постоянно дымится, точно въ глубинахъ ея горитъ неугасающій вулканъ. Тогда какъ окружающая страна представляетъ безлѣсную равнину, деревья растутъ кругомъ по окраинамъ каменноугольнаго бассейна, благодаря теплой температурѣ, которую даетъ ихъ корнямъ нагрѣваемая извнутри почва [1]).

Въ нижней части своего теченія, тамъ, гдѣ исполинская рѣка протекаетъ черезъ мерзлый поясъ тундръ, Енисей не получаетъ болѣе притоковъ. Впрочемъ, въ этой области онъ уже походитъ скорѣе на морской заливъ; онъ пытается образовать дельту во внутренности континента. Когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, воды рѣчнаго теченія поддерживаются приливомъ съ моря верстъ на 500 отъ устья въ собственномъ смыслѣ. Берега рѣки удалены одинъ отъ другаго верстъ на 50, мѣстами даже на 60 слишкомъ; правда, что рѣчныя воды, начиная смѣшиваться съ водами океана, окружаютъ множество низменныхъ острововъ, образовавшихся по большей части изъ древесныхъ стволовъ, завязшихъ въ тинѣ дна, которые постепенно сгнили и смѣшались съ землистыми наносами. Въ этомъ обширномъ прѣсноводномъ фьордѣ, совершенно открытомъ дѣйствію вѣтровъ, которые безпрепятственно разгуливаютъ по гладкой, безлѣсной поверхности тундры, плаваніе очень опасно для обыкновенныхъ плоскодонныхъ судовъ, и русскіе рыболовы не любятъ пускаться далеко отъ береговъ. Но передъ тѣмъ, какъ соединиться съ моремъ, рѣка снова съуживается, и устье ея имѣетъ всего только отъ 19 до 20 верстъ въ ширину. Въ холодные годы это устье бываетъ открыто для судоходства только въ продолженіе около пятидесяти дней, съ 10 іюля до конца августа: морскіе льды, гонимые вѣтромъ, и рѣчныя льдины, увлекаемыя ледоходомъ, иногда сталкиваются и образуютъ громадныя запруды, движущіяся ледяныя горы, которыя разрушаютъ берега и срываютъ со дна песчаныя мели, чтобы перенести ихъ на другое мѣсто.

Воды Енисея менѣе богаты рыбой, нежели воды Оби, хотя и здѣсь нѣкоторыя области рѣки изобилуютъ животною жизнью, преимущественно въ устьѣ. Различныя рыбьи породы, очень цѣнимыя въ Европѣ, какъ: линь, налимъ, окунь, плаваютъ массами; но рядомъ съ осетрами, стерлядями, нельмами, сигами различныхъ формъ, эти рыбы считаются мал
ными, и ихъ ловятъ только какъ корм
собакъ [1]). Почти всѣ прибрежные жите
нимаются рыболовствомъ, тогда какъ х
пашество и скотоводство составляютъ
весьма незначительный источникъ проп
для русскаго населенія края, за исключе
развѣ минусинскихъ степей; оттого и су
ство на Енисеѣ до сихъ поръ ограничив
ловлей и перевозкой рыбы. Нельзя не уди
ся, что такая огромная и судоходная
оживляющая столь обширный бассейнъ
такъ мало утилизируется человѣкомъ. Об
орошаемая Енисеемъ и его притоками,
луетъ металлами, лѣсами, рыбой, дичью,
ная часть ея могла бы прокармливать пр
деніями почвы милліоны людей; между
на всей судоходной сѣти Енисея, общая
на которой никакъ не менѣе 7.500 верс
считая Байкала, существовало въ 1876 г.
ко 4 парохода, да два парусныхъ судна
нимающія болѣе 3.000 пудовъ груза. Бо
часть енисейскихъ судовъ состояла изъ
коутовъ, буксируемыхъ пароходами, и б
построенныхъ изъ отесанныхъ четыре
ныхъ бревенъ. Нагруженные зерновым
бомъ въ южной области рѣки, эти суда с
ются по теченію до низовыхъ пристане
выгружаются продукты, а самые плашко
барки разбираются, и дерево, изъ котора
сдѣланы, продается на дрова или на пост
Теперь, когда проф. Норденшильдъ оты
морскіе пути, ведущіе изъ западной Е
къ устью Енисея, когда онъ открылъ п
ходную якорную стоянку, находящуюся
сточномъ берегу, при входѣ въ заливъ,
званную имъ, въ честь своего друга, «Ди
вой гаванью» (Dicksonshavn), нужно надѣ
что торговля разовьется и на главной
центральной Сибири, на Енисеѣ, которы
размѣрамъ судоходства, еще такъ далек
сталъ отъ Оби, своей западной сосѣдки.
нѣкоторыя попытки торговыхъ экспеди
этотъ берегъ Сибири были сдѣланы нем
тами англійскими, скандинавскими и
скими.

Правда, что бассейнъ Енисея, болѣе
ленный отъ Европейской Россіи, чѣмъ бас
Оби, гораздо болѣе гористый въ своей
области, незаключающій плодородныхъ
земныхъ пространствъ и не простираю
на такое же значительное разстояніе к
не можетъ содержать въ себѣ столь же
наго населенія, какъ сосѣдній Обскій бас
именно самыя плодоносныя равнины,
синскія степи, заняты кочующими инород
которыхъ еще не замѣнило осѣдлое насе

[1]) Третьяковъ, „Туруханскій округъ".

[1]) Шмидтъ; Г. Тель, „Шведская экспедиція 18
да на Енисей".

Однако, вся часть бассейна, заключающаяся между сѣвернымъ скатомъ Саянскихъ горъ и сліяніемъ Енисея съ Ангарой, уже колонизована почти повсемѣстно группами русскихъ поселенцевъ, разсѣянныхъ вдоль рѣкъ и по краямъ главной сибирской дороги; древности, оставленныя въ краѣ, доказываютъ, что въ давнія времена жители были скучены тамъ значительными общинами. Въ 1733 году, во время проѣзда Гмелина по Сибири, старинныя золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, вынутыя изъ древнихъ могилъ, были такъ обыкновенны, что ихъ можно было найти въ каждомъ домѣ [1]). Въ Абаканской степи, на обоихъ берегахъ рѣки Абаканъ, такъ же, какъ на берегахъ самого Енисея, на всемъ пространствѣ верстъ на двѣсти внизъ отъ города Абакана, могилы сгруппированы сотнями и тысячами, особенно въ плодородныхъ мѣстностяхъ. Нѣкоторыя части этой степи походятъ на обширныя кладбища; могильные курганы возвышаются тамъ въ такомъ множествѣ, что издали кажется, будто видишь города, состоящіе изъ палатокъ, или стада какихъ-то гигантскихъ животныхъ. Между этими могилами есть также могилы недавняго происхожденія, да и въ наши дни иногда, во время большихъ религіозныхъ церемоній, выкапываютъ ямы и дѣлаютъ потомъ насыпи, не для того, чтобы положить туда тѣла умершихъ героевъ, но только для того, чтобы зарыть какія-нибудь древности, относящіяся къ героическимъ временамъ: панцыри и кольчуги, каменные топоры, мѣдныя орудія, серебряныя монеты. Большая часть могильныхъ холмовъ состоитъ изъ древнихъ кургановъ, имѣющихъ до 4 и 5 саженъ въ вышину и прикрывающихъ или останки начальниковъ племени, погребенныхъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и конями, или останки цѣлыхъ семействъ, или наконецъ, цѣлыя груды человѣческихъ костей, безъ сомнѣнія, принадлежащихъ покойникамъ, которые были свалены въ одну общую могилу послѣ какой-нибудь битвы: эти погребальныя горки извѣстны подъ именемъ «черныхъ» кургановъ. Но самыя замѣчательныя между древними могилами—это ограды изъ сложенныхъ камней, изъ которыхъ иные отесаны такимъ образомъ, что представляютъ нѣкоторое подобіе людей—мужчинъ, женщинъ или дѣтей; русскіе обыкновенно называютъ эти изваянные камни «каменными бабами»,—то же самое названіе, которое дается грубымъ фигурамъ, встрѣчающимся на могильныхъ курганахъ южной Россіи. Впрочемъ, большая часть этихъ грубыхъ изображеній уже исчезла. вѣроятно, растаскана. Насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ еще надгробнымъ изваяніямъ, они, повидимому, представляютъ монголовъ, и нѣкоторые изъ вырѣзанныхъ камней, какъ кажется, изображали верблюдовъ, ихъ путевыхъ товарищей [1]). Впрочемъ, народы, останки которыхъ погребены подъ этими курганами, стояли несомнѣнно на болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ европейцы соотвѣтственнаго бронзоваго вѣка, ибо между ихъ драгоцѣнностями нерѣдко находили настоящія произведенія искусства, украшенія изъ плющеннаго золота (бити), фарфоровые сосуды, бронзовыя вазы, украшенныя барельефами, изображающими фигуры животныхъ, отчетливо сдѣланныя и узнаваемыя съ перваго взгляда, какъ-то: фигуры каменнаго барана (аргали), краснаго оленя, орла, волка, и кромѣ того изображающія крылатыхъ чудовищъ, грифовъ или летучихъ драконовъ [2]). Металлическія зеркала, подобныя тѣмъ, какія употребляютъ въ наши дни буряты и монголы при своихъ буддистскихъ обрядахъ, также встрѣчаются часто въ этихъ древнихъ могилахъ; но издѣлія изъ желѣза до сихъ поръ были находимы только въ курганахъ недавняго происхожденія. Изображенія утки, — птицы, почитавшейся священною у древнихъ финновъ,— тоже очень обыкновенны на предметахъ, извлекаемыхъ изъ могильныхъ холмовъ. По общему преданію, люди, погребенные въ этихъ древнихъ могилахъ, были та самая «чудь», которая, замѣтивъ въ своихъ лѣсахъ появленіе березы, предвѣстницы господства бѣлаго человѣка, испугалась и заживо похоронила себя въ вырытыхъ сю самою ямахъ.

Туземное населеніе въ верхнемъ бассейнѣ Енисея, на китайской территоріи и въ предѣлахъ Сибири состоитъ изъ монголовъ, финновъ, тюрковъ, представляющихъ разнообразное смѣшеніе племенъ, которыя при томъ смѣшиваются одно съ другимъ почти всѣми путешественниками. Большая часть народовъ, живущихъ въ Обскомъ бассейнѣ, встрѣчаются также въ разныхъ частяхъ области Енисея. Такъ, татары подвинулись на востокъ до самыхъ воротъ Минусинска, Каинска и Красноярска; они располагаются въ этихъ степяхъ становищами (лѣтомъ въ обычныхъ кочевыхъ юртахъ, зимой—въ низенькихъ срубахъ, называемыхъ зимовьями) и ведутъ тамъ такой же образъ жизни, какъ древнія киргизскія населенія [3]). Остяки бродятъ, по обѣ стороны, въ лѣсахъ, которые тянутся на сѣверѣ отъ сліянія Ангары съ Енисеемъ; самоѣды разбиваютъ свои чумы въ тундрахъ, прилегающихъ къ Енисейскому заливу. Даже въ долинахъ верхнихъ притоковъ главной рѣки, на сѣверномъ скатѣ хребта Ергикъ-Таргакъ-Тайги, есть нѣсколько семействъ самоѣдовъ, какъ полагаютъ, потомковъ тѣхъ

[1]) Эрманъ, „Путешествія въ Сибирь“.

[1]) Костровъ, „Записки Сибирскаго отдѣла Географ. Общества“, томъ VII, 1864 г.

[2]) А. Кастренъ; Спасскій; Радловъ; Поповъ; Степановъ; Скороговоровъ; Дезоръ и другіе.

[3]) Семеновъ и Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера“.

инородцевъ, которые остались въ своей первоначальной родинѣ въ эпоху переселенія ихъ единоплеменниковъ въ сѣверныя области. Въ 1847 году, во время путешествія Кастрена, эти представители древней расы, извѣстные въ краѣ подъ именемъ моторовъ и называвшіе сами себя тубаларами, казалось, были очень близки къ исчезновенію. Натуральная оспа производила между ними страшныя опустошенія, и большая часть пережившихъ эпидемію переселилась на китайскую территорію [1]). Другіе слились съ окрестными татарами и сойотами. Старый самоѣдскій языкъ пересталъ существовать ранѣе исчезновенія самаго племени.

Сойоты, которыхъ нынѣ насчитываютъ приблизительно отъ семи до восьми тысячъ, принадлежатъ, какъ и моторы, къ финской расѣ и говорятъ діалектомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію самоѣдовъ [2]). Подраздѣленные на различныя колѣна, каждое съ своимъ особеннымъ именемъ, они живутъ въ двухъ или трехъ долинахъ русской территоріи, но племя ихъ гораздо многочисленнѣе въ китайской части страны, въ бассейнѣ рѣки Улу-Кемъ и въ бассейнѣ Селенги. Прежде эти инородцы были подвластны одновременно двумъ сосѣднимъ державамъ, Россіи и Китаю, и должны были приносить каждый годъ свой ясакъ или дань мѣхами русскимъ сборщикамъ и китайскимъ чиновникамъ, но потомъ они догадались отойти подальше отъ границы, чтобы избавиться отъ необходимости платить двойную подать, и такимъ образомъ обширныя пространства, нѣкогда населенныя, обратились въ пустыни. Сойоты, которые, какъ кажется, представляютъ помѣсь финской расы съ тюркской, имѣютъ по большей части довольно правильныя черты лица, тонкій и прямой носъ, небольшіе, проницательные глаза подъ едва замѣтно изогнутыми рѣсницами, широкій лобъ, острый подбородокъ; выраженіе лица у нихъ смѣлое и осмысленное. Они обнаруживаютъ большую ловкость и сноровку въ разныхъ искусствахъ и ремеслахъ, для которыхъ у нихъ имѣются лишь самые первобытные снаряды и орудія: такъ они умѣютъ добывать желѣзо изъ рудниковъ, выплавлять изъ него полосы чугуна, отливать пули, приготовлять порохъ, поправлять ружья. Они очень искусно плаваютъ по рѣкамъ и озерамъ, употребляя для этой цѣли плоты изъ бревенъ, связанныхъ конскимъ волосомъ. Но хлѣбопашествомъ они не занимаются: почти всѣ кочевники, они не имѣютъ другихъ богатствъ, кромѣ своихъ стадъ овецъ, коровъ, яковъ, табуновъ лошадей; ихъ верховые кони, отличающіеся стройностью и красотой формъ, очень цѣнятся минусинскими покупателями. Молоко и всѣ молочные продукты, сыръ, масло, кумысъ, составляютъ главную пищу сойотовъ, но они съ особеннымъ наслажденіемъ и слишкомъ часто пьютъ молоко въ формѣ а й р а к а, перебродившаго напитка, имѣющаго то свойство, что выпившій его въ приличной дозѣ скоро впадаетъ въ состояніе глубокаго опьяненія.

Другой туземный народъ, болѣе многочисленный, чѣмъ сойоты, извѣстенъ подъ именемъ уріанховъ. Эти инородцы, которые сами себя называютъ «донва», считаются принадлежащими къ тюркской расѣ: они имѣютъ тюркскій типъ лица, и большинство ихъ говоритъ татарскимъ нарѣчіемъ; хотя различія религіи, вообще говоря, совпадаютъ съ различіями расы, уріанхи по своимъ вѣрованіямъ должны быть причислены и къ тюркамъ, и къ буддистамъ [1]). Ихъ племена или колѣна смѣшиваются съ колѣнами сойотовъ, но главная масса ихъ обитаетъ восточнѣе, въ долинѣ рѣки Бей-Кемъ, по берегамъ озера Косоголъ и на верхнихъ притокахъ Селенги и Ангары. Нѣкоторыя группы уріанховъ живутъ звѣроловами въ лѣсахъ; но большая часть ихъ занимается скотоводствомъ, питаясь, подобно сойотамъ, молокомъ, при чемъ употребляютъ въ пищу даже молоко свиней [2]). Болѣе искусные хлѣбопашцы, чѣмъ сойоты, они сѣютъ преимущественно ячмень и просо, и на ихъ земляхъ можно встрѣтить оросительные каналы, очень остроумно проведенные по склонамъ горъ. Но феодальный порядокъ въ сильной степени способствовалъ обѣднѣнію народа. Въ то время, какъ д а й н а н ъ или князекъ, которому принадлежитъ верховная ленная власть въ странѣ, обладаетъ многочисленными стадами, въ то время какъ его богатые подданные имѣютъ по тысячѣ головъ скота, простой народъ терпитъ нужду во всемъ и живетъ въ рабствѣ. Каждый богатый уріанхъ, каждый «господинъ» окруженъ толпой слугъ, которые постоянно ухаживаютъ за нимъ, одѣваютъ и раздѣваютъ его, поднимаютъ его на рукахъ, чтобы посадить его на лошадь, даже кладутъ ему пищи въ ротъ. При такихъ условіяхъ быта уріанхская нація естественно раздѣлилась на двѣ враждебныя одна другой политическія партіи: бѣдняки, побуждаемые своими интересами, клонятъ больше въ сторону русскихъ, тогда какъ дворяне и ламы, принадлежащіе по большей части къ однимъ и тѣмъ же семействамъ и пользующіеся одинаковыми привилегіями, опираются на китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ страны. Русскіе путешественники вообще встрѣчаютъ очень недружелюбный пріемъ въ землѣ уріанховъ, и дайнанъ старается выпроводить ихъ какъ можно скорѣе изъ своихъ владѣній, хотя и не смѣетъ сдѣлать имъ ниче-

[1]) „Reiseberichte und Briefe“; Семеновъ и Потанинъ; цитированное сочиненіе.

[2]) *А. Кастренъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Поповъ, „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Русск. Географ. Общества“, май 1874 г.

[2]) Веселковъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, томъ VII.

го худаго. Монгольское вліяніе еще продолжаетъ преобладать во всей этой области: дархаты или «вольные», которые живутъ къ югу отъ уріанховъ, но принадлежатъ къ той же этнографической группѣ, до такой степени омонголились, что перестали даже говорить на своемъ природномъ тюркскомъ нарѣчіи. На западѣ и юго-западѣ, сойоны, другой тюркскій народъ, отличный отъ уріанховъ и дархатовъ, но болѣе или менѣе смѣшанный съ киргизами, также усвоили себѣ образъ жизни монголовъ и выучиваются ихъ языку. Шаманскія вѣрованія и обряды такъ называемыхъ «желтыхъ» сойоновъ, обитающихъ въ китайской Монголіи, далеко отъ границы, мало-по-малу складываются въ правильное ученіе и измѣняются въ правовѣрный ламайскій культъ. Среди этихъ кочевниковъ тамъ и сямъ воздвигнуты капища и монастыри. У дархатовъ, численность которыхъ опредѣляется въ семь тысячъ душъ, и которые представляютъ почти треть общаго числа восточныхъ уріанховъ, насчитываютъ не менѣе 1.400 монаховъ, составляющихъ, слѣдовательно, пятую часть населенія [1]). «Черные» сойоны, живущіе на территоріи болѣе близкой къ русской границѣ, лучше сохранили старые нравы и обычаи. Такъ же, какъ сойоты и калмыки, они употребляютъ для верховой ѣзды быка и даже предпочитаютъ его лошади, потому что онъ сильнѣе, выносливѣе, идетъ болѣе вѣрнымъ шагомъ и не такъ скоро устаетъ. Даже на охоту они ѣздятъ на быкахъ, и, какъ говорятъ, по быстротѣ бѣга могутъ поспорить съ конными наѣздниками [2]).

Территорія, населенная исключительно русскими колонистами, отдѣляетъ земли сойотовъ и уріанховъ отъ области, гдѣ живутъ енисейскіе татары: это, такъ сказать, клинъ, который все далѣе и далѣе врѣзывается въ середину дерева. Карагассы, на сѣверной покатости Саянскихъ горъ, такъ уменьшились въ числѣ, что теперь ихъ осталось только нѣсколько сотъ душъ: говорятъ даже (не подкрѣпляя, впрочемъ, этого увѣренія статистическими данными), что будто ихъ жены утратили способность дѣторожденія. По крайней мѣрѣ, этотъ вымирающій народъ оставитъ по себѣ добрую память: какъ поклонники солнца, карагассы хотятъ, чтобы его свѣтъ не озарялъ дурныхъ дѣлъ; они честны и гостепріимны, даютъ пріютъ бѣглымъ и дѣлятъ съ ними свою пищу. Другіе татары, нагайцы и качинцы, которые живутъ, въ числѣ отъ четырнадцати до пятнадцати тысячъ душъ [3]), въ бассейнѣ рѣки Абакана, западнаго притока Енисея, мало-по-малу принимаютъ черты русской народности. Большая часть тѣхъ изъ этихъ инородцевъ, которые кочуютъ въ степяхъ, простирающихся на западъ отъ Енисея, живутъ въ большомъ довольствѣ: между ними есть даже много такихъ, которые считаютъ свой скотъ не головами, а стадами, и встрѣчаются богачи, имѣющіе до 70 стадъ, изъ которыхъ каждое заключаетъ, среднимъ числомъ, около пятидесяти штукъ скота [4]). Почти всѣ енисейскіе татары крещены въ православную вѣру, но первоначальный языческій культъ продолжаетъ существовать подъ внѣшней оболочкой новой религіи, и злой богъ, то-есть дьяволъ, все еще призывается въ молитвахъ: еще не такъ давно нѣкоторые татары имѣли обыкновеніе въ извѣстный часъ обращаться лицомъ къ востоку и произносить краткую, но горячую молитву: «не убей меня» [5]).

На сѣверѣ отъ енисейскихъ русскихъ и татаръ, инородческія населенія, обитающія на покатости Ледовитаго океана, имѣютъ еще въ своемъ распоряженіи обширныя пространства земли. Тунгусы, господствующій народъ восточной Сибири, упоминаемый уже въ 1612 году голландцемъ Массой [6]), занимаютъ почти всю область, ограничиваемую съ западной стороны теченіемъ Енисея, именно бассейны трехъ рѣкъ, называемыхъ по имени этого народа Тунгузками (Верхняя, Подкаменная, Нижняя) и наибольшую часть бассейна Амура. Соплеменники манчжуровъ, которые завоевали Китай, тунгусы, вышедшіе, какъ и манчжуры, изъ приамурскихъ странъ, тоже овладѣли Сибирью вплоть до Енисея, если не порабощая другія народности, то по крайней мѣрѣ присвоивая себѣ пригодныя для охоты территоріи, на пространствѣ отъ береговъ Китайскаго моря до береговъ Ледовитаго океана. Самоѣды называютъ ихъ айями, то-есть «молодыми братьями», и это прозвище, повидимому, указываетъ, съ одной стороны, на недавнее прибытіе тунгусовъ въ край, съ другой на ихъ миролюбивыя отношенія къ старымъ владѣтелямъ земли [7]). Около середины его теченія тунгусы перешли за Енисей и подвинулись, на лѣвомъ берегу рѣки, въ этнологическую область остяковъ; но около центра ихъ территоріи, между Байкаломъ и Леной, они стѣснены съ сѣвера якутами, съ юга бурятами и русскими: въ этомъ мѣстѣ связь тунгусской расы прерывается. Почти всѣ кочевники, тунгусы пропорціонально очень немногочисленны, во всей Сибири ихъ, можетъ быть, наберется не болѣе пятидесяти или семидесяти тысячъ душъ (у разныхъ писателей цифра показана различно; въ 1820 году Штраленбергъ насчитывалъ ихъ около 75.000 душъ); но ихъ мужество, ихъ иниціатива и пред-

[1]) Шишмаревъ, „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества“, т. II, № 5.
[2]) Радловъ, „Ermann's Archiv“, томъ XXIII.
[3]) Венюковъ, „Русско-азіатская граница“.
[4]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія“, за 1877 г., № 8.
[5]) Гмелинъ, „Путешествія въ Сибирь“.
[6]) Von Baer, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg“, tome X, 1872.
[7]) A. Castren, „Nordische Reisen und Forschungen“.

пріимчивость, ихъ смышленость и находчивость даютъ имъ нравственное первенство надъ другими сибирскими инородцами. Впрочемъ и сами они принимаютъ, какъ большая часть націй, имена, указывающія на ихъ умственное превосходство: такъ, наименованія донки и бойе, изъ которыхъ первое примѣняется ко всей націи, тогда какъ второе отличаетъ лишь одно изъ ихъ племенъ или колѣнъ, означаютъ то же, что «люди», какъ бы желая выразить, что тунгусы—люди по преимуществу [1]). Русское названіе ихъ, какъ полагаютъ, татарскаго происхожденія, и буквальный смыслъ его—«озерные жители»; Палласъ, напротивъ, видитъ въ этомъ названіи бранную кличку на тюркскомъ языкѣ; по Клапроту, слово тунгу или тунгху должно быть понимаемо въ смыслѣ «восточныхъ варваровъ», названныхъ такъ китайцами [2]).

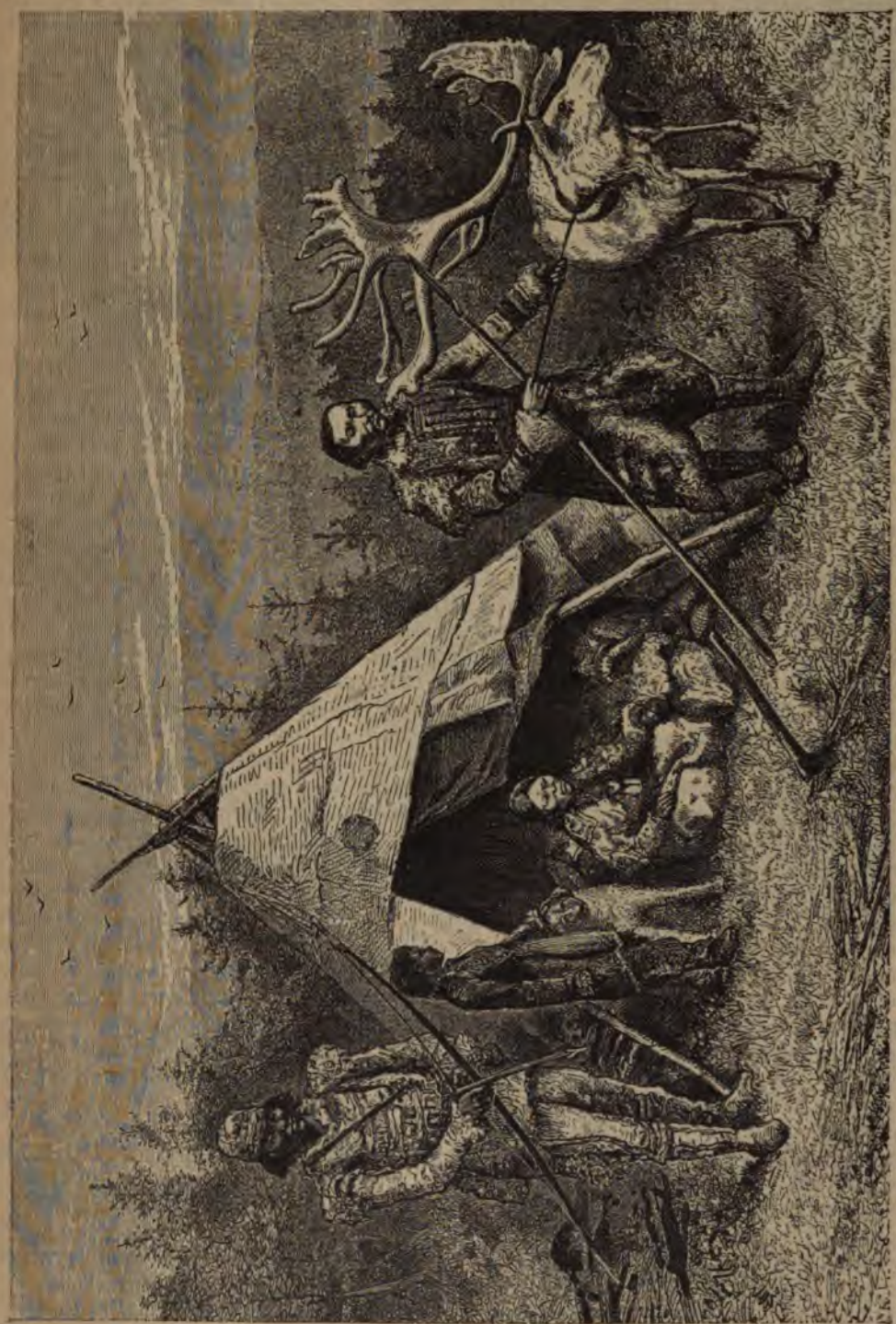
Смотря по роду занятій и образу жизни тунгусовъ, русскіе обыкновенно подраздѣляютъ ихъ на тунгусовъ «конныхъ» или «скотоводныхъ», «оленныхъ» или «собачьихъ», «степныхъ», «лѣсныхъ» или «береговыхъ». Нѣкоторое число осѣдлыхъ семействъ приняли также русскіе нравы и обычаи и почти ничѣмъ ужи не отличаются отъ коренныхъ русскихъ, кромѣ происхожденія. Тѣ изъ тунгусовъ, которые стали заниматься хлѣбопашествомъ, весьма немногочисленны, и пріучить себя къ этой новой жизни имъ очень трудно; но, благодаря своей природной смышлености и ловкости, они и тутъ успѣваютъ лучше, чѣмъ другіе сибирскіе инородцы [3]). Однако, за этимъ незначительнымъ исключеніемъ, почти вся нація состоитъ изъ звѣролововъ, живущихъ въ лѣсахъ: въ сравненіи со всѣми другими обитателями Сибири, тунгусы могутъ считаться идеаломъ бродячаго народа, и тысячи изъ нихъ даже не даютъ себѣ труда носить съ собой жерди, бересту, кожи и тому подобные предметы, необходимые для сооруженія чума или ураса: покинутый шалашъ въ лѣсу, пещера въ скалѣ, дупло въ старомъ деревѣ, выгрызенное временемъ, достаточны одинокому охотнику; маленькія санки вмѣщаютъ всѣ его пожитки, и съ такимъ легкимъ багажемъ онъ странствуетъ, отъ границъ Китая до береговъ Ледовитаго океана, на разстояніи тысячъ верстъ. И однако, несмотря на всю свою страсть къ кочевой жизни, тунгусъ умѣетъ безошибочно находить, черезъ горы, равнины и рѣки, обратный путь къ звѣроловной территоріи, которую онъ оставилъ за собою, и гдѣ разставлены его охотничьи снаряды—силки, капканы, западни и самострѣлы, уважаемые всѣми его родичами, какъ его неприкосновенная собственность. Малѣйшія примѣты, оставленныя звѣроловомъ въ дикомъ лѣсу, тотчасъ же узнаются людьми его племени. Порѣзка на стволѣ дерева, сломанная вѣтвь, указываютъ направленіе, котораго нужно держаться; хворостина, брошенная поперекъ тропинки, означаетъ, что не слѣдуетъ идти дальше въ эту сторону; стрѣлы, повѣшенныя на деревьяхъ въ разныхъ положеніяхъ, имѣютъ языкъ, хорошо понятный кочевникамъ: это ихъ письмена. Но и сама природа говоритъ съ ними тысячью знаковъ, которые они истолковываютъ съ изумительной проницательностью: по примѣтамъ, непонятнымъ европейцамъ, они угадываютъ присутствіе дичи, сосѣдство прогалины въ лѣсу или близость ручья, и направляются къ мѣсту, гдѣ навѣрно найдутъ ягодъ, чтобы утолить голодъ, или воду, чтобы утолить жажду. Очень суевѣрные, какъ всѣ охотники, они видятъ также во многихъ ничего незначащихъ явленіяхъ предвѣщаніе хорошей или худой охоты, и очень остерегаются, какъ-бы не совершить какого-нибудь «грѣха», который могъ бы навлечь имъ неудачу въ ловитвѣ или иное злоключеніе: такъ, они боятся перешагнуть черезъ очагъ или занести на ногахъ или одеждѣ свѣжаго снѣгу въ юрту; на всѣхъ трудныхъ переходахъ черезъ горы или болота они пробираются молча, съ чувствомъ религіознаго благоговѣнія, и не приминутъ предложить возліянія злымъ духамъ, хотя-бы принесеніе этой жертвы стоило имъ послѣдней капли драгоцѣнной водки [1]). Никогда женщина, какъ ни хорошо съ ней обращаются вообще, не можетъ рожать во внутренности жилья; почувствовавъ первыя родовыя боли, она немедленно убѣгаетъ въ лѣсъ, и тамъ одна, безъ помощи мужа, рискуя умереть въ снѣгу или подъ дождемъ, разрѣшается отъ бремени. Такъ требуетъ обычай. Новорожденный, когда его принесутъ изъ лѣсу, получаетъ имя чужаго человѣка, мужчины или женщины, который первый придетъ въ юрту, и который долженъ при этомъ перешагнуть черезъ горящую головню, какъ-бы для того, чтобы очистить только-что вступившаго въ жизнь младенца отъ грѣховъ его племени. Традиціонные обряды соблюдаются также и при похоронахъ. Тѣло умершаго не зарывается въ землю, а вѣшается на вѣтвяхъ деревьевъ, зашитое въ оленью кожу, при-чемъ голова трупа всегда обращена къ западу; рядомъ къ высокому столбу привязываютъ ружье, котелъ, лукъ со стрѣлами, чтобы и по смерти душа тунгуса тѣшилась любимымъ лѣснымъ промысломъ [2]).

Монголы по виду, съ ихъ широкой головой, круглымъ лицомъ, выдающимися скулами, узенькими, вкось лежащими глазами, тунгусы отличаются въ особенности четырехугольной формой ихъ лба. Между ними не встрѣтишь жирныхъ толстяковъ, какъ между ихъ сопленниками: бродячая жизнь, безпрестанное ски-

[1]) Carl Hiekisch, „Die Tungusen“.
[2]) A. Castren, „Völker des Altai“; Klaproth, „Tableaux historiques“; Rittich, „Ethnographie Russlands“.
[3]) Von Middendorff, „Sibirische Reise“.

[1]) Миддендорфъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Георги; Миддендорфъ, Кастренъ и др.

танье, крайняя воздержность и умѣренность въ пищѣ, не позволяютъ имъ толстѣть. Худощавые и гибкіе тѣломъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, они быстро скользятъ по снѣгу на своихъ



Тунгусы.

лыжахъ и стрѣлой мчатся по тонкому льду, на который не рискнулъ бы ступить тяжелый остякъ. Они отличаются замѣчательной ловкостью во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и когда имъ случается сойтись на какомъ-нибудь

праздникѣ или пиршествѣ, они любятъ побороться и побѣгать взапуски. Они охотно поютъ, всегда сопровождая оживленными жестами свои импровизаціи, обращенныя на тотъ предметъ, который попался на глаза, все равно, будетъ ли то лѣсъ или болото, трава или снѣгъ. До пляски они тоже страстные охотники, пляшутъ съ какимъ-то бѣшенымъ увлеченіемъ, и ихъ безпорядочный галопъ принимаетъ такой оживлен-

ный характеръ, что иногда даже зрители другой расы не выдерживаютъ и тоже пускаются въ плясъ; забавно видѣть, какъ неуклюжій остякъ съ медвѣжьей походкой грузно скачетъ въ кругѣ возлѣ ловкихъ тунгусовъ съ красивой и благородной поступью. Стройный тѣломъ тунгусъ изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ самый щеголеватый, самый изобрѣтательный въ украшеніи своей особы. Особенно у тѣхъ, которые кочуютъ въ бассейнѣ Тунгузки, костюмъ поражаетъ богатствомъ и вкусомъ и замѣчателенъ какъ красотой общаго рисунка, такъ и удивительнымъ совершенствомъ деталей отдѣлки, состоящей изъ вышивокъ и бахромокъ; одинъ только тунгусъ можетъ наряжаться въ подобную одежду, подъ которой всякій другой туземецъ имѣлъ бы шутовскій видъ [1]). Удивительное сходство въ рисункѣ матерій наводитъ на мысль, что, вѣроятно, когда-нибудь существовали продолжительныя сношенія между тунгусами и японцами [2]). Обычай ношенія кольчуги и щита, нѣкогда общераспространенный между сибирскими туземцами, не существуетъ болѣе у тунгусовъ; въ настоящее время обыкновенное оружіе тунгуса—пальва, длинная палка, на которую онъ опирается, чтобы управлять санками, и которая оканчивается острымъ клинкомъ. Что касается узоровъ, которыми многіе туземцы татуируютъ себѣ лицо, то они не могутъ сравниться въ отношеніи удачнаго расположенія линій съ подобными же узорами большинства полинезійцевъ: у тунгусскихъ женщинъ, которыя еще татуируются, главный мотивъ украшенія состоитъ изъ четырехъ параллельныхъ дугъ круга, нарисованныхъ на каждой щекѣ, отъ угла глаза до угла рта; съ внутренней и съ наружной стороны кривой проводятся поперечныя линіи, нѣсколько похожія на маленькихъ мотыльковъ со сложенными крыльями [3]).

Начиная съ Бранта, посѣтившаго Сибирь въ концѣ семнадцатаго столѣтія, всѣ путешественники наперерывъ другъ передъ другомъ восхваляютъ качества тунгусовъ. Живые, полные иниціативы и увлеченія, всегда веселые, даже въ самой глубокой нищетѣ, неунывающіе ни передъ какими бѣдами и невзгодами, уважающіе собственную личность и личность другихъ, щеголеватые манерами и поэтичные въ рѣчи, услужливые безъ раболѣпства, гордые безъ чванства, презирающіе ложь, страданіе и самую смерть,—тунгусы просто героическій народъ. Тунгусы не требуютъ отъ обидчика цѣны крови и не знаютъ обычая кровавой мести, свойственнаго большинству народцевъ, пребывающихъ еще въ состояніи варварства; но какъ люди, вступившіе въ вѣкъ рыцарства, они вызываютъ другъ друга на дуэль, и правила поединка опредѣлены строго соблюдаемымъ церемоніаломъ [1]). Обитая подъ тѣмъ же самымъ климатомъ, какъ коварные, мстительные якуты, толстые, неповоротливые бурята и молчаливые самоѣды, которые живутъ чисто внутренней жизнью, подобно деревьямъ ихъ родины, приземистымъ стволамъ, прячущимся въ лишаяхъ и мхахъ, тунгусы представляютъ замѣчательный примѣръ упорнаго сохраненія присущихъ расѣ качествъ въ самыхъ разнообразныхъ средахъ. Взятые въ массѣ, тунгусы не измѣнили своего исконнаго образа жизни и не усвоили себѣ новыхъ потребностей и привычекъ, сдѣлавшись сосѣдями русскихъ. Принявъ по виду христіанскую религію, они сохранили свою лѣсную, языческую вѣру, свои нравы и свою дикую свободу. «Наша вѣра велитъ намъ жить и умирать въ лѣсу», говорятъ они. Довольные малымъ, до крайности воздержанные, они привыкли терпѣть голодъ и жажду по цѣлымъ днямъ; никогда не жалуясь, даже не теряя своей обычной веселости, они переносятъ всѣ лишенія и невзгоды продолжительной зимы. Единственное домашнее животное, сѣверный олень, единственное дерево — береза, удовлетворяютъ всѣ ихъ немногосложныя потребности. Олень даетъ имъ мясо, шкуру, изъ которой приготовляютъ одежду, сухія жилы и кишки, которыя служатъ нитками, кости, изъ которыхъ вырѣзываютъ орудія; береза доставляетъ кору, бересту, которую употребляютъ на приготовленіе коробокъ, корзинъ, дѣтскихъ люлекъ и на обшивку юртъ или урасовъ [2]). Если тунгусы сопровождаютъ иногда, въ качествѣ ямщиковъ и проводниковъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней и недѣль экспедиціи русскихъ охотниковъ или землемѣровъ и обыкновенно принимаютъ участіе въ ихъ трапезѣ, то они слѣдуетъ въ этомъ случаѣ своему національному обычаю, по которому гостепріимство считается первой и главной обязанностью человѣка, и который позволяетъ всѣмъ раздѣлять пищу каждаго. Прежде между ними не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, хотя частная собственность, состоящая въ правѣ охоты въ извѣстномъ округѣ или мѣстности, существовала уже въ ясно опредѣленной формѣ [3]). Каждая семья имѣетъ свое стадо оленей и свою кредитную или вѣрнѣе долговую книжку, по которой забираются припасы у русскаго или якутскаго купца.

Несмотря на всю эластичность своего характера и силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ, тунгусы, сдавленные, такъ сказать, между русскими и якутами, подвергаются серьезной опасности, которая грозитъ ихъ искорененію, какъ самостоятельнаго народа. Дѣтей у нихъ родится

[1]) Миддендорфъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Raphael Pumpelly; Крапоткинъ.
[3]) Палласъ; Кастренъ; Ганстенъ; Радде; Миддендорфъ *и другіе.*

[1]) Hieckisch, цитированное сочиненіе.
[2]) Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", томъ XXIII.
[3]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

много, и они воспитываютъ ихъ съ большой заботливостью, но смертность весьма значительна въ ихъ семействахъ; разныя повальныя болѣзни, каковы: оспа, корь, скарлатина, часто истребляютъ немалую долю населенія лѣсовъ, а голодъ, этотъ главный врагъ тунгусскаго народа, иногда уноситъ въ могилу всѣхъ обитателей юрты: тунгусы, приготовленные къ этому роду смерти, говорятъ о ней съ удивительнымъ спокойствіемъ духа, какъ-будто это самый естественный конецъ. Во многихъ лѣсахъ, гдѣ прежде находились становища тунгусовъ, теперь увидишь только остатки хижинъ да кожаные гробы, висящіе между двумя деревьями, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ земли. Тунгусское колѣно, которое всегда долѣе оказывало сопротивленіе русскимъ, исчезло совершенно: отъ него осталось только имя, сохранившееся въ названіи селенія Тасеевскаго, построеннаго на рѣкѣ Усолкѣ, къ сѣверу отъ Канска.

Гіероглифы на береговой скалѣ Енисея.

Географическое положеніе, климатъ, относительно теплый, и плодородіе почвы обезпечиваютъ въ будущемъ значительную важность нѣкоторымъ областямъ Енисея; но въ настоящее время тамъ существуетъ лишь весьма небольшое число городовъ, да и эти города, за исключеніемъ двухъ или трехъ, представляютъ въ дѣйствительности простыя мѣстечки. Самый южный изъ нихъ, Минусинскъ, величающій себя столицей «Италіи»,—правда, Италіи сибирской,—и пріобрѣвшій нѣкоторую важность, какъ средоточіе довольно значительной торговли съ верхнимъ бассейномъ рѣкъ Кемъ или Кхемъ и съ Монголіей, возрастаетъ очень медленно. Въ 1863 году онъ имѣлъ уже около 4.000 жителей, а десять лѣтъ спустя населеніе его не увеличилось даже до 4.500 душъ [1]). Занимая прекрасное мѣстоположеніе на правомъ берегу Енисея, въ виду живописнаго амфитеатра горъ, Минусинскъ вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ тѣхъ городовъ Сибири, которые обладаютъ наиболѣе обильнымъ запасомъ минеральныхъ богатствъ въ окружающей территоріи. Съ 1835 года здѣсь были найдены золотыя розсыпи, и съ тѣхъ поръ производятся поиски блестковъ золота въ наносныхъ пескахъ долинъ, впадающихъ въ долину Енисея, преимущественно долинъ, которыя открываются на востокѣ въ сосѣдствѣ горъ Ергикъ-Таргакъ-Тайга. Въ періодъ съ 1845 по 1859 годъ на этихъ пріискахъ общее количество промытаго золота составляло около 680 пудовъ, на сумму 8.775.000 рублей; средняя же годовая добыча равнялась 48 пудамъ, цѣнностью на 600.000 рублей. Кромѣ того въ сосѣднихъ горахъ были открыты мѣсторожденія серебро-свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ, но эти руды не разработываются болѣе со времени отмѣны принудительнаго труда, такъ какъ вниманіе вольныхъ горнопромышленниковъ направлено главнымъ обра-

[1]) За то въ настоящее время, какъ видно изъ предъидущей таблицы, населеніе этого города удвоилось (9.984).

зомъ на поиски драгоцѣннаго металла. Залежи ископаемаго угля въ настоящее время не имѣютъ никакой цѣны по причинѣ обширнаго протяженія лѣсовъ, слабаго развитія промышленности и недостатка удобныхъ путей сообщенія. Соляныя озера въ окрестностяхъ Минусинска пока еще утилизируются только для мѣстнаго продовольствія. Желѣзную руду ищутъ и разработываютъ только сойоты, такъ какъ уральскіе горные заводы въ изобиліи доставляютъ желѣзо и чугунъ, нужные для потребленія енисейскихъ русскихъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области нѣтъ ни одной горы, гдѣ бы не встрѣчались старыя подземныя галлереи и копи каменнаго угля, куски наполовину проплавленнаго колчедана и груды шлаковъ [1]), — свидѣтельство дѣятельности древнихъ туземныхъ рудокоповъ. Къ сѣверо-востоку отъ Минусинска, въ долинѣ рѣки Убы, находится глыба самороднаго желѣза, вѣсомъ въ 40 слишкомъ пудовъ, которой Палласъ приписывалъ метеорическое происхожденіе.

Верстахъ въ 75 ниже Минусинска по теченію Енисея, селеніе Абаканское (или Абаканскъ), бывшее важной крѣпостью въ прошломъ столѣтіи, когда еще не существовало Минусинска, сохранило нѣкоторое движеніе какъ мѣсто переправы съ одного берега на другой [2]). Утесы лѣваго берега покрыты надписями, очень хорошо сохранившимися, которыя почти всѣ составлены на монгольскомъ языкѣ; впрочемъ, Палласъ видѣлъ тамъ двѣ надписи на татарскомъ нарѣчіи. Въ сосѣдствѣ съ этими береговыми утесами сотни могилъ, покрытыхъ камнями и расположенныхъ по двѣ рядомъ, занимаютъ значительное пространство: можетъ быть, надписи разсказываютъ о битвѣ, гдѣ погибли воины, похороненные въ этихъ могилкахъ. Ниже по рѣкѣ, близъ деревни Новоселово, одна скала на берегу Енисея тоже покрыта древними надписями, а въ долинѣ рѣки Сизимъ, часто посѣщаемой золотоискателями, крутой скалистый берегъ въ одномъ мѣстѣ испещренъ гіероглифическими рисунками, представляющими птицъ, дикихъ звѣрей и наѣздниковъ. Точно также, противъ впаденія рѣки Бирюсы, близъ Красноярска, видны человѣческія фигуры, разрисованныя красной краской на скалѣ, господствующей надъ теченіемъ Енисея.

Красноярскъ, главный городъ Енисейской губерніи, построенъ, какъ показываетъ его имя, происходящее отъ слова «Красный яръ», при основаніи красноватыхъ крутыхъ утесовъ, на глинистомъ полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Енисея и Качи. Занимая благопріятное положеніе при большой и всегда судоходной рѣкѣ, въ мѣстѣ пересѣченія ея главнымъ сибирскимъ трактомъ, и пользуясь, сверхъ того, выгодами административнаго центра, Красноярскъ, естественно, долженъ былъ быстро развиться, населеніе его болѣе чѣмъ удвоилось съ половины настоящаго столѣтія, такъ что теперь онъ самый значительный городъ между Томскомъ и Иркутскомъ; но зимой путешественники и обозы избѣгаютъ его по причинѣ недостатка снѣга на окружающей равнинѣ, выметаемой до-чиста вѣтрами. Красноярскъ служитъ средоточіемъ торговли для пріисковъ, разсѣянныхъ въ окрестныхъ долинахъ, но самъ онъ не эксплоатируетъ находящихся въ его сосѣдствѣ залежей минеральнаго угля, и одни только татары извлекаютъ небольшое количество желѣзной руды изъ горъ, состоящихъ изъ краснаго мергеля, которыя возвышаются по берегамъ Енисея. Въ окрестностяхъ города, на берегахъ рѣки Качи, изъ земли бьютъ минеральные ключи, желѣзистые и сѣрные.

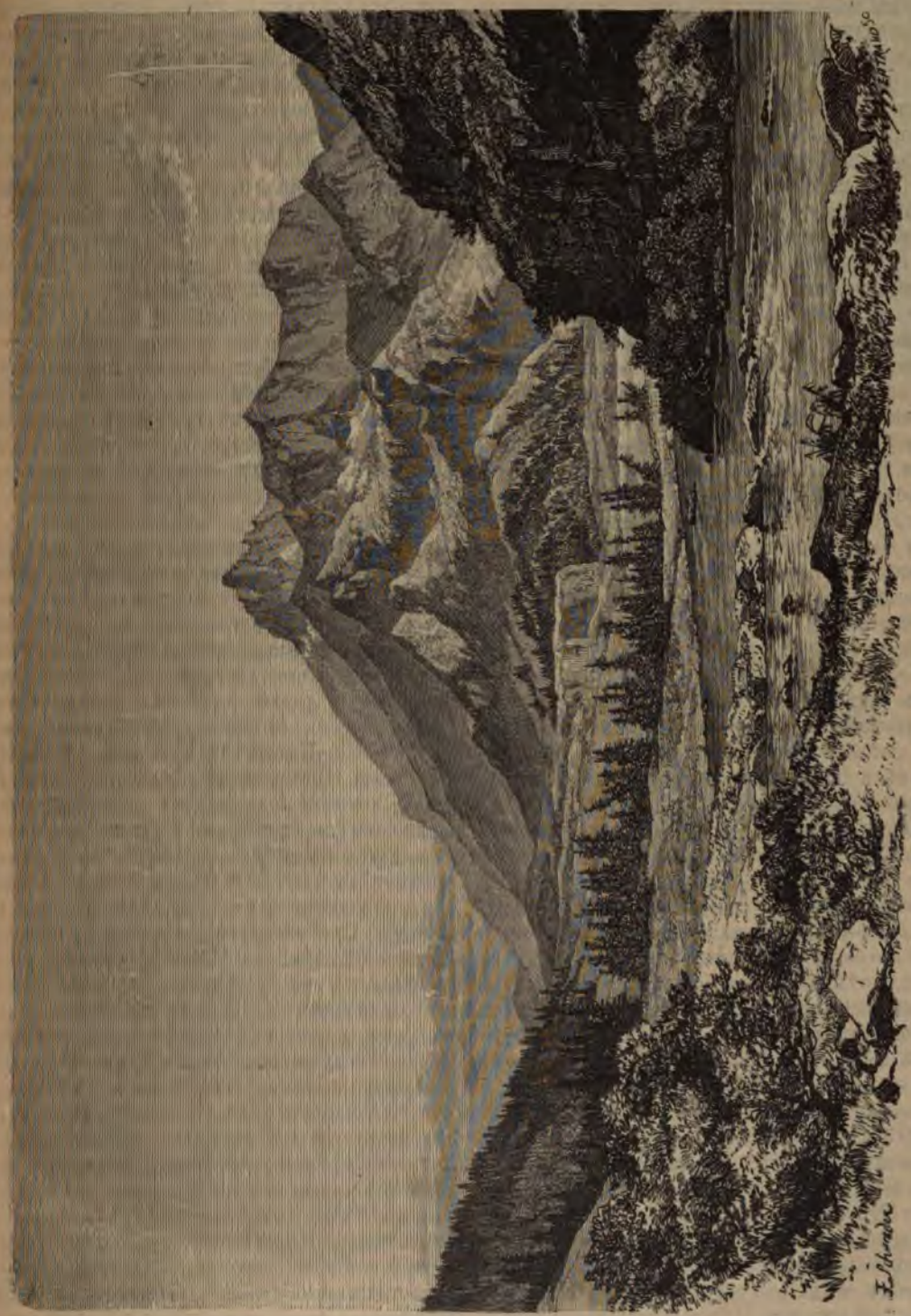
Енисейскъ, по значенію, только второй городъ на берегахъ Енисея, хотя онъ носитъ названіе этой рѣки. Повидимому, онъ занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе, на лѣвомъ берегу, ниже сліянія двухъ большихъ рѣкъ, Енисея и Верхней Тунгузки. Это, безъ сомнѣнія, важныя выгоды; но Енисейскъ находится почти внѣ пояса русскаго населенія, среди озеръ и болотъ, на низменномъ берегу, который часто заливается водами и покрывается льдами во время весенняго вскрытія рѣкъ. Много разъ, при сильныхъ разливахъ, городу грозила опасность быть снесеннымъ водой. Въ прошломъ столѣтій, когда перевозка товаровъ производилась исключительно воднымъ путемъ, енисейская ярмарка, на которой главный предметъ обмѣна составляли мѣха и желѣзныя издѣлія, была однимъ изъ важнѣйшихъ годовыхъ торговъ Сибири; постройка большой сибирской дороги, проходящей южнѣе, черезъ Красноярскъ, отвлекла торговое теченіе въ другую сторону. Окрестности Енисейска изобилуютъ мѣсторожденіями желѣза; всѣ окружающіе холмы, бассейны озеръ наполнены желѣзной рудой; повсюду бьютъ изъ земли желѣзистые источники, и каждое болото подернуто на поверхности радужной пленкой, образующейся отъ примѣси желѣза [1]). На сѣверо-востокѣ отъ города многочисленные золото-промышленники ищутъ золото въ пескахъ рѣчекъ, текущихъ въ Енисей, между Верхней и Подкаменной Тунгузками: въ этой мѣстности собираютъ болѣе двухъ третей золота, добываемаго въ Енисейской губерніи; но добыча его значительно уменьшилась въ эти послѣдніе годы. Въ 1875 году на пріи-

[1]) Палласъ, „Voyage dans l'empire de Russie"; Goebel, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome X, 1866.

[2]) Въ настоящее время Абаканскъ, въ торговомъ отношеніи, имѣетъ немаловажное значеніе для всего Минусинскаго округа; обороты его ярмарки опредѣлены въ 60,000 р.

[1]) Кривошапкинъ, „Енисейскій округъ".

кахъ этой губерніи было добыто около 450 пу-
овъ золота, на сумму 4.950.000 рублей; чи-
ло рабочихъ въ этомъ году было 16.450. По-
женіе пріисковыхъ рабочихъ, работающихъ



Группа горъ Мунку-Сардыкъ.

дый годъ болѣе тысячи стараются уйти съ пріи-
сковъ. Въ Каинскомъ округѣ, такъ же, какъ
въ Нижне-Удинскомъ, орошаемыхъ многочи-
сленными рѣками и рѣчками, протекающими

ъ водѣ, не пользующихся хорошей пищей, не-
накомыхъ ни съ какими правилами гигіены,
ъ высшей степени печальное; болѣе четверти
тихъ несчастныхъ заболѣваютъ на работахъ,
изъ шестнадцати тысячъ работниковъ каж-

въ гористой области, которая ограничена те-
ченіемъ Енисея и Ангары, эксплоатація золо-
тоносныхъ песковъ также составляетъ главную
горную промышленность. На сѣверъ отъ горо-
да Каинска утилизируютъ, для добыванія золота,

соляные источники, вода которыхъ содержитъ отъ 11 до 12 частей чистой соли.

Ниже Енисейска рѣка протекаетъ уже по пустыннымъ пространствамъ. Тамъ и сямъ на берегахъ показываются бѣдныя деревушки съ полуразвалившимися хижинами, да и тѣ встрѣчаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ лодка спускается внизъ по рѣкѣ. Однако, одна изъ этихъ деревень, Туруханскъ носитъ еще имя города, и живущіе въ немъ чиновники, въ сущности такіе же ссыльные, какъ и несчастные, осужденные на невольное пребываніе въ этомъ страшномъ мѣстѣ, управляютъ семействами кочевыхъ инородцевъ: тунгусовъ, остяковъ, самоѣдовъ и якутовъ, и многочисленными поселенцами, торговцами и рыболовами, которые называютъ себя русскими, но которые въ дѣйствительности имѣютъ смѣшанное происхожденіе и отъ времени до времени приносятъ еще жертвы древнимъ языческимъ богамъ, состоящія изъ соболей и бѣлокъ [1]). Туруханскъ, главный городъ округа, въ которомъ насчитывается 11.117 осѣдлыхъ жителей на пространствѣ втрое большемъ, чѣмъ Франція, имѣетъ всего 219 жителей. Домишки этого городка разсѣяны на островѣ, при сліяніи рѣки Туруханъ съ Енисеемъ, сообщающимся въ этомъ мѣстѣ съ обширными озерами: пристань, живые мосты на сваяхъ, складочные амбары ожидаютъ торговли, которая должна со временемъ открыться между Сибирью и западной Европой черезъ Енисейскій заливъ; ярмарка, на которой вымѣниваютъ у инородцевъ шкурки пушныхъ звѣрей, привлекаетъ въ Туруханскъ самоѣдовъ и остяковъ, кочующихъ въ сѣверной Сибири, между Обью и Леной. Что касается огромныхъ залежей графита, открытыхъ на востокѣ отъ Туруханска, между рѣками Курейкой и Нижней Тунгузкой, и изъ которыхъ одна, какъ полагаютъ, содержитъ по меньшей мѣрѣ 12.000.000 пудовъ камня, то до сихъ поръ эти богатства остаются непочатыми, такъ какъ разработка ихъ оказалась слишкомъ убыточной по причинѣ суровости климата и твердости мерзлой почвы. На лондонской всемірной выставкѣ 1851 года графитъ съ рѣки Курейки былъ признанъ лучшимъ въ свѣтѣ.

Города Енисейскаго бассейна, безъ Ангары, въ 1897 году:

Красноярскъ—23.538 жителей; Енисейскъ — 11.487; Минусинскъ — 9.984; Каинскъ — 7.200; Туруханскъ—219 жит.

Маленькая пристань Дудинко, на нижнемъ Енисеѣ, была посѣщена профессоромъ Норденшильдомъ; недалеко оттуда находится поселеніе сосланныхъ изъ Россіи скопцовъ, которые всѣ финляндскіе уроженцы.

[1]) Щаповъ, „Записки Русскаго Географ. Общества", *томъ III.*

2. Байкалъ и Ангара.

Подобно Иртышу и Енисею, Селенг
ная рѣка верхняго бассейна Ангары, пол
начало на южной сторонѣ горъ, ограни
щихъ съ юга равнины Сибири, и из
водъ этого бассейна находитъ себѣ п
сѣверу также черезъ проломъ въ горно
Но въ то время, какъ Енисей спускает
вильнымъ скатомъ отъ своего истока д
нигдѣ не разливаясь въ озерный резе
а Иртышъ наполняетъ только неглубок
дину озера Зайсанъ прежде, чѣмъ про
свое теченіе, Селенга теряется въ бе
котловинѣ Байкала, окруженной со вс
ронъ горными хребтами, и рѣка, вы
изъ этого озера, Ангара, есть лишь ост
который, можетъ быть, образовался отн
но въ недавнюю эпоху: онъ не имѣет
кой связи съ Селенгой въ смыслѣ ея н
ственнаго продолженія. Словно море,
явственно отдѣляетъ сибирскую покат
южной области, извѣстной подъ имен
байкалья.

Горныя цѣпи, возвышающіяся на за
ширнаго моря, называемаго также
моремъ, и которыя даютъ начало на
сторонѣ притокамъ Селенги, на сѣве
притокамъ Ангары, принадлежатъ къ
Саянскихъ горъ, которыя сами сост
продолженіе Алтая. Хребетъ Ергикъ-Т
Тайга, гребень котораго служитъ границ
ду Россіей и Китайской имперіей, соед
съ горами Прибайкалья цѣпью высоки
шинъ, которая поднимается до пояса
ныхъ снѣговъ, и которая тѣмъ не мен
валась неизвѣстной географамъ до не
времени. Въ 1832 году Карлъ Риттеръ
даже о существованіи этой цѣпи, и хо
ксандръ Гумбольдтъ упоминаетъ о н
китайскимъ именемъ Мондоргонъ-оола,
смѣшиваетъ ее съ другими группами
ей только треть ея дѣйствительной высо
вое восхожденіе на эти горы было сов
въ 1859 году натуралистомъ Радде. Цѣ
ку-Сардыкъ, имя которой означаетъ «С
ную гору», представляетъ высокую горн
су, покрытую на верхушкѣ вѣчнымъ
и льдомъ (отчего произошло названіе
какъ всѣ другія вершины страны показ
лѣтомъ свои голыя скалы, что можн
снить только существованіемъ теплаго
наго теченія, идущаго съ запада, въ в
областяхъ атмосферы [1]). Монголы ни
взбираются на Серебряную гору; они
вливаются на мѣстѣ поклоненія, наход
у основанія полуденнаго ледника, и, п
виски въ струѣ воды, льющейся изъ х

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

массы льда, кланяются нѣсколько разъ пе-
ъ невидимымъ горнымъ духомъ, бормочутъ
молитвы и брызгаютъ нѣсколькими капля-
водки на всѣ четыре стороны горизонта.
ледяная рѣка, единственная, которая спу-
ется съ хребта Мунку-Сардыкъ на монголь-
ой покатости, занимаетъ пространство почти
9 квадр. верстъ; но скатъ, обращенный на
веръ, изливаетъ къ Сибири двойной ледникъ,
раздо болѣе значительный, выдвинувшій свои
онечныя морены, смѣшанныя со льдомъ, на
азстояніи 4 верстъ отъ вершины и запрудив-
ій своей обрывистой массой воды истеченія
зера Ехой, пропасти, наполненной лазурной
одой и плавающими льдинами. Съ узкой пло-
щадки на вершинѣ хребта Мунку-Сардыкъ от-
крывается обширный видъ къ западу, къ сѣ-
веру, къ востоку, на цѣлый міръ горъ, скалъ,
лѣсовъ, тогда какъ на югѣ взоръ теряется въ
безконечномъ пространствѣ пустыни, сливаю-
щейся съ основаніемъ небеснаго свода: синяя
поверхность большаго озера Косіо (Косоголъ)
и зеленѣющіе лѣса лиственницы, покрывающіе
нижній поясъ горъ, составляютъ рѣзкій кон-
трастъ съ ярко-краснымъ цвѣтомъ голыхъ утес-
совъ и съ бѣлизной снѣговъ [1]). Посреди бассей-
на Косоголъ, который продолжается съ сѣвера
на югъ на протяженіи около 112 верстъ, и
площадь котораго исчисляютъ въ 2.900 квадр.
верстъ, виднѣются блистающія, какъ бѣловатое
облако, скалы острова, почитаемаго священ-
нымъ буддистами, которые прозвали его Далай-
куй, то-есть «пупомъ моря».

Пирамидальная масса Мунку-Сардыка состав-
ляетъ центръ разсѣянія водъ; на юго-западѣ,
различные ручьи, переходя послѣдовательно
изъ притока въ притокъ, достигаютъ, наконецъ,
Енисея. На сѣверо-западѣ рѣка Ока, первыя
воды которой собираются въ озерѣ Ехой, те-
четъ сначала вдоль основанія хребта Ергикъ-
Таргакъ, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ и
сѣверо-востокъ, и образуетъ вмѣстѣ съ Анга-
рой Верхнюю Тунгузку. На востокѣ двѣ рѣки
Иркутъ, Черный и Бѣлый, также получаютъ на-
чало въ сосѣдствѣ, на горѣ Нуку-Табанъ, по-
читаемой туземцами, которые приносятъ въ это
священное мѣсто различные дары божеству,
шкуры звѣрей, лоскутки матеріи, ружейные
кремни, старыя монеты. Наконецъ, на югѣ
озеро Косоголъ служитъ главнымъ резервуаромъ
водъ для верхней Селенги. Но обиліе рѣкъ, вы-
текающихъ изъ этого горнаго узла, не всегда
одинаково: оно измѣняется въ весьма значи-
тельной степени, такъ какъ годовое паденіе
снѣга и дождя представляетъ большія неравен-
ства въ этой области, смотря по положенію горъ
и направленію вѣтровъ. По счастливой случай-
ности, метеорологическія наблюденія могли
быть производимы правильно на одномъ изъ
самыхъ высокихъ мысовъ этой гористой обла-
сти, благодаря жиламъ графита, которыя были
открыты французомъ Алибером, около 1850 го-
да, выше пояса лѣсной растительности, и ко-
торыя вскорѣ сдѣлались предметомъ дѣятель-
ной разработки. Рудникъ Алибера, заложенный
въ сіенитовой скалѣ съ крупными кристаллами,
содержитъ милліоны килограммовъ превосход-
наго графита, уже хорошо извѣстнаго худож-
никамъ и пріобрѣтеннаго въ собственность об-
ширной карандашной фабрикой, находящейся
въ сосѣдствѣ Нюренберга. Однако, суровость
климата не позволила поддерживать эту при-
быльную эксплоатацію: построенныя для руд-
ника зданія, складочные сараи, дороги—все
было покинуто.

Горы, составляющія непосредственное про-
долженіе горнаго узла Мунку-Сардыкъ на во-
стокѣ, и которыя опускаются на берегу рѣки
Иркутъ, недалеко отъ западной оконечности
Байкала, принадлежатъ къ той-же самой оро-
графической системѣ. Это такъ называемые
Тункинскіе «Гольцы» (голыя, безлѣсныя скалы),
на сѣверѣ которыхъ тянутся другія возвыше-
нія почвы въ видѣ параллельныхъ грядъ, между
долинами рѣкъ Оки и Ангары. Цѣпь гольцовъ
представляетъ совершенный контрастъ съ Са-
янскими горами. Если смотрѣть изъ долины Ир-
кута, раздѣляющей эти двѣ горныя системы,
то на сѣверѣ увидимъ разорванные пики голь-
цовъ, нагроможденныя одна на другую остро-
конечныя пирамиды, тогда какъ на югѣ тя-
нутся Саянскія горы въ формѣ длинныхъ окру-
гленныхъ хребтовъ. А между тѣмъ обѣ цѣпи
состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же кристалличе-
скихъ и палеозойскихъ казенныхъ породъ, и
у основанія той и другой нѣкогда происходили
изліянія лавы. Изъ трещинъ, открывающихся
у подножія горной массы Мунку-Сардыкъ, вы-
шелъ базальтовый потокъ; по краямъ долины
Иркута, на значительной части ея протяженія,
залегаютъ слои лавы, и нѣкоторыя изъ горокъ
этой долины были признаны,—можетъ быть
ошибочно—за настоящіе конусы изверженія.
Равнымъ образомъ лавы выступили на поверх-
ность земли въ Тункинской долинѣ, недалеко
отъ Байкала, такъ же, какъ на берегахъ Се-
ленги, въ Забайкальѣ. Введенные въ заблужде-
ніе относительно свойства нѣкоторыхъ горныхъ
породъ, путешественники преувеличили важ-
ность вулканическихъ явленій въ этой области
Сибири; но во всякомъ случаѣ существованіе
огнедышащихъ отдушинъ на далекомъ разсто-
яніи отъ моря, вблизи прѣсноводныхъ бассей-
новъ Байкала и Косогола, составляетъ весьма
замѣчательный фактъ. Единственныя конусо-
образныя горки съ кратеромъ, которыя до сихъ
поръ были открыты въ этомъ краѣ, и о кото-
рыхъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія,—это двѣ
«Чашки», находящіяся близъ китайской гра-

[1]) Gustav Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", Band XXIII.

ницы, въ Саянскихъ горахъ, около истоковъ рѣки Джунъ-Булакъ, лѣваго притока Оки. Эти маленькія горки, высота которыхъ не достигаетъ 410 футовъ, хотя онѣ стоятъ на плоскогорьи, поднимающемся почти на двѣ версты надъ уровнемъ моря, кажутся незначительными буграми среди окружающихъ высокихъ горъ, но потокъ лавы, вылившійся изъ главнаго кратера, имѣетъ не менѣе 20 верстъ въ длину; на лавѣ лежатъ большія глыбы гранита, что̀ даетъ поводъ предполагать, что изліянія ея послѣдовали въ эпоху, предшествовавшую послѣ-ледяному̀ періоду [1]). Область Иркута, Ангары, Байкала, Мунку-Сардыка, представляетъ въ геологическомъ отношеніи ту особенность, что землетрясенія тамъ бываютъ всего чаще и проявляются съ наибольшей силой. Городъ Иркутскъ стоитъ на главномъ вибраціонномъ центрѣ Сибири, такъ же, какъ Ходжентъ помѣщается на главномъ туркестанскомъ центрѣ колебанія почвы. Многіе признаки указываютъ на то, что въ долинахъ Селенги и Ангары имѣли мѣсто большіе провалы земли.

На Тункинскихъ горахъ растутъ такіе же лѣса, какъ и на Саянскихъ, также и животныя, населяющія эти двѣ горныя системы, принадлежатъ къ однимъ и тѣмъ же видамъ [2]). Но другая, менѣе высокая цѣпь, которая ограничиваетъ съ южной стороны долину Иркута, уже отличается въ этомъ отношеніи отъ Саянскихъ горъ: сплошь покрытая лѣсами, она тянется въ видѣ длинныхъ хребтовъ и отличается нѣкоторыми особенностями своего геологическаго состава и своей фауны. Она начинаетъ собою систему Байкальскихъ горъ, которая опять поднимается у юго-западнаго угла обширнаго озера, гдѣ образуетъ горную массу Камаръ-Дабанъ (или Хамаръ-Дабанъ), самую высокую изъ всѣхъ цѣпей байкальскаго прибрежья. Эта группа достигаетъ высоты 7.000 футовъ и покрывается зимой огромнымъ количествомъ снѣга: полярные вѣтры, которые проносятся надъ Иркутскомъ, не оставляя въ немъ гонимыхъ ими хлопьевъ, приносятъ значительныя массы снѣга на Камаръ-Дабанъ [3]).

Различныя высоты горной цѣпи Мунку-Сардыкъ, по Радде: главная вершина—3.490 метр.; основаніе южнаго ледника—3.231 метр.; верхняя граница явнобрачныхъ растеній 3.205 метр.; верхняя граница лѣсовъ—2.225 метр.; рудникъ Алибера—2.241 метр.; Нуку-Дабанъ—2.161 метр.; Косоголъ—1.645 метр.

Среднимъ числомъ, горы и холмы, окаймляющіе воды Байкала на сѣверѣ и на югѣ, имѣютъ только отъ 3.000 до 4.000 футовъ высоты. По причинѣ контраста, который представляетъ ихъ рельефъ съ ровной поверхностью озернаго бассейна, они кажутся какъ-бы отдѣ
цѣпями, параллельными одна другой;
скорѣе слѣдуетъ разсматривать, какъ
плоской возвышенности съ волнообраз
верхностью, складки и возвышенія кото
нутся отъ юго-запада къ сѣверо-востоку,
бассейнами Лены и Аргуни. Байкалъ
наполняетъ своими водами двѣ борозд
плоскогорья: это двойное озеро; больш
тровъ Ольхонскій на западномъ берегу
площади, и мысъ или полуостровъ Сва
восточной ея окраинѣ, суть отрывки
цѣпи, которая нѣкогда раздѣляла оз ер
бассейна [1]), почти равной величины. Вп
огромная глубина Байкала, вертикальн
ны его береговыхъ утесовъ, продолж
такъ же отвѣсно подъ водой, свидѣтел
о значительныхъ провалахъ почвы,
имѣли мѣсто въ этой части земной пове
Большинство ученыхъ полагали пре
Байкалъ образовался путемъ наполнен
трещины вулканическаго происхожден
ологическое изслѣдованіе береговъ озе
зало, что изверженія лавы могли имѣ
самое незначительное вліяніе на проф
реговъ: вулканическія изверженія кон
ваны только въ равнинѣ, разстилающей
западной оконечности озернаго резерв
сѣверо-западѣ отъ цѣпи Камаръ-Дабан
всѣ высоты, окружающія озеро, сос
какъ и высоты южнаго плоскогорья
Яблоноваго хребта,—изъ крупнозер
гранитовъ, сіенитовъ, кристаллическ
цевъ и порфировъ, чередующихся там
съ древними известняками, песчаниками
мощными слоями конгломератовъ.

Байкалъ, названіе котораго произош
ятно, отъ якутскихъ словъ Бай-хай,
щихъ «Богатое» или «Счастливое
извѣстенъ у монголовъ подъ названіем
Норъ или «Священнаго моря»; сами
прибрежные жители, даютъ ему пр
ственно это наименованіе «Святаго
утверждая, что «никогда еще не было
чтобы на немъ погибла христіанская
развѣ только въ состояніи смертнаго
Всѣ мѣстные жители: монголы, уріан
ряты и русскіе приходятъ въ негодован
услышатъ, что Байкалъ называютъ озе
ихъ глазахъ—это прѣсноводное море
равное по достоинству морю солено
Тамошніе рыбаки разсказывали Гмел
«море» гнѣвается, когда его называ
ромъ, и говорили о немъ всегда въ
почтительныхъ выраженіяхъ. Такъ, в
странахъ міра, дикіе народы, пребыва
власти неукрощенныхъ силъ природ
выкли трепетать и благоговѣть перед
Многіе изъ опасныхъ подводныхъ ка

[1]) Кропоткинъ, „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества“, томы IX и X.

[2]) Густавъ Радде, цитированное сочиненіе.

[3]) *Эрманъ*, „Путешествіе въ Сибирь“.

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

итаются священными, и прибрежные жители часто ходили поклониться имъ и принести приличныя жертвы, когда вѣтеръ позволялъ пристать къ камню: близъ выхода Ангары изъ сера одна изъ этихъ скалъ слыветъ у туземцевъ престоломъ «Бѣлаго Бога». Полуостровъ ин мысъ священный по преимуществу, который выступаетъ далеко въ озеро, на восточномъ ерегу, оканчивается утесами «Шаманскаго» оса, которые поднимаются саженъ на 25 надъ оверхностью водъ, въ видѣ колоннъ или грубо извaянныхъ статуй. Въ глазахъ тунгусовъ эти утесы — боги, властители водъ, которыя омываютъ ихъ ноги, покровители птицъ, которыя несмѣтными стаями кружатся въ огромной полости ихъ рта.

	Площадь.	Наибол. глубина.	Средн. глубина.	Приблизительный объемъ воды.
	Кв. км.	Метр.	Метр.	Куб. кил.
Байкалъ . .	34.975	1.375	250	8.743
Ніанца (Укереве) . .	83.900	?	?	?
Танганійка	39.000	?	?	?
Верхнее .	81.000	313	220	17.820
Мичиганъ .	57.000	263	90	5.130
Гуронъ . .	52.000	213	75	3.900
Эріо	24.600	62	15	369
Онтаріо .	16.200	185	120 (?)	1.944
Женевское .	578	354	150	87

Средняя глубина Байкала превышаетъ 117 саженъ. У основанія крутыхъ береговыхъ утесовъ лотъ находитъ скалы дна лишь на глу-

Кратеръ «Чашка» близъ истоковъ сибирской Оки.

«Море» или «озеро», Байкалъ во всякомъ случаѣ есть самый обширный бассейнъ азіатскаго континента, и во многихъ русскихъ сочиненіяхъ по географіи ему еще даютъ первое мѣсто между всѣми озерами земнаго шара, какъ-бы игнорируя существованіе озеръ, образующихъ «прѣсноводное Средиземное море» Сѣверной Америки и какъ бы не зная объ открытіи большихъ африканскихъ озеръ Ніанца (Викторія) и Танганійка. Тѣмъ не менѣе, если Байкалъ уступаетъ по протяженію обширнымъ озернымъ пространствамъ Африки и Новаго Свѣта, то онъ превосходитъ большинство ихъ по массѣ воды, ибо глубина его громадна и самыя низкія его впадины лежатъ гораздо ниже уровня океана. Для сравненія приводимъ размѣры самыхъ большихъ прѣсноводныхъ озеръ Стараго и Новаго Свѣта:

бинахъ, превышающихъ 50 саженъ, а для обыкновенныхъ канатовъ, которыми располагаютъ рыболовы, озеро почти вездѣ представляетъ пучины неизмѣримой глубины. Въ 1859 году, когда были произведены первые правильные промѣры дна Байкала, отъ одного берега до другаго, для укладки телеграфнаго кабеля между иркутскимъ берегомъ и дельтой Селенги, Кононовъ, какъ ему показалось, нашелъ дно на глубинѣ почти 600 саженъ, а впослѣдствіи новое подводное изслѣдованіе этой области дало ему почти 700 саженъ (1.491 метр.), какъ наибольшую глубину въ южныхъ пространствахъ Байкала; но новѣйшее, гораздо болѣе подробное, изслѣдованіе дна, произведенное, въ продолженіе зимы 1876 года, учеными ссыльными поляками Дыбовскимъ и Годлевскимъ, которые располагались со своими

измѣрительными снарядами на льду озера, у края трещинъ или прорубей, позволило исправить эти первыя измѣренія. Наибольшая измѣренная глубина, которая, по всей вѣроятности, соотвѣтствуетъ самой глубокой впадинѣ ложа, оказалась равной 643 саженямъ (1.373 метрамъ); на пространствахъ въ нѣсколько верстъ длиною, дно представляетъ правильныя равнины; залегающія на разстояніи 513, 560 и 607 саженъ отъ поверхности водъ. Самый замѣчательный фактъ, обнаруженный промѣрами, — это существованіе подводнаго горнаго хребта высотою болѣе 1.000 метровъ, параллельнаго берегамъ Иркутска и Забайкалья, который тянется по серединѣ бассейна и дѣлитъ его на двѣ второстепенныя впадины [1]). Съ давнихъ поръ судовщики, плавающіе по Байкалу, говорили о существованіи въ озерѣ подводныхъ скалъ или мелей, на которыхъ они будто-бы даже бросали якорь въ дурную погоду; но этимъ разсказамъ не придавали вѣры. Упомянутые изслѣдователи гг. Дыбовскій и Годлевскій доказали, что это преданіе не лишено основанія; дѣйствительно, лотъ указываетъ слой воды толщиною не болѣе 28 саженъ надъ цѣпью подводныхъ горъ [2]). Въ сосѣдствѣ самыхъ глубокихъ мѣстъ озера поднимаются самыя высокія горы прибрежья; въ «Святомъ морѣ», какъ и въ океанѣ, почти вездѣ промѣры обнаруживали, что глубина водъ соотвѣтствуетъ крутизнѣ береговъ. Часть озера, лежащая къ сѣверу отъ острова Ольхонскаго и Святаго мыса, окружена менѣе обрывистыми берегами, и воды ея имѣютъ меньшую толщину. Въ «Маломъ морѣ», — такъ называютъ заливъ, образуемый островомъ Ольхонскимъ и противолежащимъ берегомъ, — глубина достигаетъ 30 саженъ. Благодаря громадному объему водной массы, правильно смѣшиваемой дѣйствіемъ тяжести, которая увлекаетъ ко дну болѣе плотную воду, температура Байкальскаго озера представляетъ лишь весьма незначительныя разности: на поверхности измѣненія ея не превышаютъ 10 градусовъ сто-градуснаго термометра; на глубинѣ 70 саженъ амплитуда колебаній температуры составляетъ всего только 2 съ половиной градуса; тогда какъ на днѣ температура воды постоянно держится на 3 съ половиной градусахъ [3]).

Байкалъ, какъ онъ ни обширенъ и какъ ни глубокъ, есть, однако, только остатокъ бассейна, гораздо болѣе значительнаго. Вездѣ на его окраинахъ, гдѣ скалы не высятся непосредственно надъ поверхностью водъ, и гдѣ покатость твердой земли довольно отлога, чтобы могли образоваться плоскіе берега, можно замѣтить лежащія одна надъ другой линіи старыхъ береговъ, которые покрыты совершенно т
же гальками, какъ и нынѣшніе берега,
дящіеся въ извѣстныхъ разстояніяхъ
всего теперешняго берега и въ долинах
токовъ, доказываютъ, что въ недавню
озеро поднималось по меньшей мѣрѣ н
жени выше уровня, который оно занима
наши дни. Въ предшествовавшую
ческую эпоху водная масса Святаго мор
еще больше и сообщалась съ древнимъ
долины Иркутска посредствомъ проли
имѣющаго ничего общаго съ проломомъ,
который нынѣ вытекаетъ Ангара. Час
рѣки, заключающаяся между Байкаломъ
ніемъ Иркута, была прежде незначите
ручьемъ, впадавшимъ въ Иркутъ: ва
песчаниковыхъ скалъ отдѣлялъ ея ист
впадины, занимаемой громаднымъ озер
въ то время, какъ на сѣверной сторон
скалъ шла неустанная работа размы
изборожденія скатовъ рытвинами, произ
снѣжными лавинами и дождевыми вод
южной непрерывно дѣйствовалъ натекъ
массы Байкала; наконецъ, наступилъ м
когда въ раздѣльной стѣнѣ образовал
боина, и воды озера устремились въ от
давъ такимъ образомъ начало одной из
гучихъ рѣкъ земнаго шара. Самое имя
какъ говорятъ, означаетъ по-тунгузски «
воды» и, можетъ быть, напоминаетъ вн
истеченіе водной массы черезъ проломъ
зовавшійся въ сѣверной закраинѣ Бай
Каналъ этого истока постепенно расш
и углубился подъ тяжестью водъ, к
черезъ него изливались, и озеро, избав
отъ излишка своей водной массы, мо
хранять свой уровень въ тѣсныхъ пред
разность между уровнемъ лѣтнихъ вод
нимающихся вслѣдствіе таянія снѣг
уровнемъ зимнихъ водъ, неполучающи
причинѣ мороза, дани отъ текущихъ в
ручьевъ, не превышаетъ, среднимъ ч
1 метра [2]); но въ нѣкоторые исключит
годы прибыль воды въ Байкалѣ достиг
чти 2 метровъ выше нормальнаго
Годовая разность между самымъ высо
самымъ низкимъ стояніемъ воды значит
въ альпійскихъ озерахъ, особенно въ
Маджіоре, гдѣ она можетъ достигать 7 м
при большихъ разливахъ. Правда, что
тахъ Альпъ годовое паденіе атмосферно
гораздо значительнѣе, пропорціонально
женію бассейна, чѣмъ на покатостяхъ
окружающихъ сибирское прѣсноводное
разливы притоковъ Байкала, каковы: С
Баргузинъ, верхняя Ангара и сотни д
рѣкъ и рѣчекъ, успѣваютъ значительно

[1]) Дыбовскій и Годлевскій, цитированный мемуаръ.
[2]) „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества", т. VIII, октябрь, 1877 г.
[3]) Struve, „Mittheilungen von Petermann", 1880 г., №8.

[1]) Мегницкій, „Verhandlungen der Minera
Gesellschaft in St. Petersburg" 1856 г.
[2]) Radde, „Beiträge zur Kenntniss der R
Reiches".

[illegible]ься прежде, чѣмъ воды вступятъ въ общій [illegible]ервуаръ, и такимъ образомъ Байкалъ полу-[illegible]тъ менѣе наносовъ всякаго рода, чѣмъ аль-[illegible]скія озера, хотя Селенга катитъ мутныя [illegible]ды. Вода въ Святомъ морѣ гораздо про-[illegible]рачнѣе, чѣмъ въ Лаго-Маджіоре или въ Же-[illegible]вскомъ озерѣ: на глубинѣ 5 саженъ можно [illegible]овершенно ясно различить все находящееся [illegible]а днѣ до малѣйшаго камешка; только на глу-[illegible]инахъ болѣе 7 саженъ перестаешь распозна-[illegible]вать большіе камни дна; даже послѣ сильныхъ дождей вода остается прозрачной въ сосѣдствѣ [illegible]плоскаго берега и впадающихъ въ озеро [illegible]ручьевъ.

Это незначительное содержаніе твердыхъ землистыхъ частицъ въ водѣ, текущей въ Байкалъ изъ окружающихъ гранитныхъ долинъ, объясняетъ отчетливость излома, правильность угловъ и граней, которую еще представляютъ контуры береговъ озера: края Святаго моря какъ-будто сохранили свою первоначальную архитектуру, и это придаетъ имъ еще болѣе величественный видъ; плавая у подножія высокихъ береговыхъ утесовъ, которые съ отдаленныхъ, неизвѣстныхъ намъ эпохъ, стоятъ несокрушимо, еще не уничтоженные всеразрушающимъ временемъ, невольно воображаешь себя перенесеннымъ за тысячи вѣковъ назадъ, въ первобытную природу. Однако, нельзя сказать, чтобы на берегахъ Байкала совершенно не было новѣйшихъ геологическихъ образованій; наносныя формаціи тоже встрѣчаются, особенно около сѣверной его оконечности, гдѣ бассейнъ имѣетъ меньшую глубину. Въ этомъ мѣстѣ верхняя Ангара и нѣкоторыя сосѣднія съ нею рѣки соединяются въ болотистую дельту, отдѣленную отъ свободной поверхности озера грядами дюнъ, которыя, впрочемъ, поднимаются отъ земли не болѣе, какъ на нѣсколько саженъ (отъ 1 до 5) и по большей части скрыты подъ кустарникомъ, состоящимъ изъ ползучихъ сосенъ и разныхъ другихъ деревянистыхъ растеній. Въ южномъ бассейнѣ дельта Селенги тоже прерываетъ выпуклой линіей своей аллювіальной равнины первоначальное очертаніе берега.

Наиболѣе грандіозный и живописный видъ имѣютъ береговые утесы вдоль западныхъ береговъ Байкала, преимущественно вдоль крутыхъ откосовъ острова Ольхонскаго, у выхода Ангары. Надъ самой поверхностью водъ поднимаются высокіе мысы въ формѣ неравныхъ башенъ, высотою до 650 и 1.000 футовъ, съ выступами, покрытыми тамъ и сямъ сосновымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Между этими мысами, осаждаемыми волнами и изрѣзанными гротами, куда съ шумомъ низвергается вода, нѣкоторые, болѣе рыхлые и мягкіе пласты скалъ частію обрушились, и черезъ эти бреши виденъ весь амфитеатръ прибрежныхъ горъ, поднимающихся надъ террасами на подобіе ступенекъ исполинской лѣстницы. Несмотря, однако, на всю ихъ грандіозность, эти байкальскіе пейзажи обыкновенно оставляютъ въ умѣ путешественника не веселое впечатлѣніе. На берегахъ нигдѣ не видно никакого жилья, ни одной нивы, вездѣ только дикая природа и пустыня. Когда ѣдешь вдоль береговъ озера, видъ горъ измѣняется очень мало, едва замѣтно: одинъ мысъ смѣняется другимъ подобнымъ же выступомъ суши; за окруженной скалами бухтой открывается другая такая же бухта, потомъ опять бухта и такъ далѣе; постоянно имѣя передъ глазами одинаковый пейсажъ, наконецъ, начинаешь спрашивать себя, не кружитъ ли возница на одномъ и томъ же мѣстѣ. Лѣса, покрывающіе скалы горъ и узкія полосы прибрежья, состоятъ исключительно изъ сибирскихъ породъ хвойныхъ деревъ, сосенъ, елокъ или лиственницъ; нигдѣ не видно ясени, вяза, дуба, которые, въ европейскихъ странахъ, сообщаютъ такую прелесть ландшафту обиліемъ своей листвы, разнообразіемъ оттѣнковъ зелени, величественнымъ видомъ высокихъ стволовъ. Подъ конецъ этотъ однообразный темнозеленый колоритъ сосноваго бора наводитъ на душу не меньшее уныніе, какъ и черноватыя крутизны скалъ, на которыхъ рододендроны, съ ихъ красными цвѣтками и коричневыми стеблями, кажутся издали какими-то пятнами ржавчины. Одно только дерево изъ ростущихъ на берегахъ Байкала напоминаетъ своимъ видомъ и обиліемъ вѣтвей густолистыя деревья Европы: это душистая осокорь или сибирскій тополь (populus balsamifera), простирающій надъ ручьями свои широкія вѣтви, похожія на вѣтки орѣшины. Между низкими растеніями самыя обыкновенныя на берегахъ Байкала — разные виды таволги (spiraeae): съ середины озера гребцы видятъ во многихъ мѣстахъ синеву воды, отдѣленную отъ черной линіи лѣсовъ бѣлой полосой, которую образуютъ милліоны спирей въ цвѣту [1]).

Байкалъ слишкомъ обширенъ, чтобы впадающіе въ него притоки могли образовать въ немъ замѣтное теченіе: воды на поверхности озера движутся отъ одного берега къ другому, смотря по направленію атмосферныхъ теченій. Общее движеніе водной массы отъ сѣверовостока къ юго-западу, движеніе, о которомъ говоритъ Гессъ [2]), продолжается лишь подъ вліяніемъ полярныхъ вѣтровъ: въ южной части озернаго бассейна этотъ вѣтеръ извѣстенъ подъ именемъ «баргузина», потому что тамъ онъ кажется выходящимъ изъ бухты, въ которую впадаетъ рѣка Баргузинъ, на югѣ отъ мыса Святаго. Противный вѣтеръ, тотъ, который дуетъ съ запада и юго-запада, прибрежные

[1]) Радде, цитированное сочиненіе.
[2]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“.

жители называютъ обыкновенно «култукомъ», по имени деревни, расположенной у западнаго угла озера. Подъ вліяніемъ этихъ чередующихся вѣтровъ, воды Байкала движутся то въ ту, то въ другую сторону и повышаютъ уровень озера. Но, кромѣ этихъ общихъ вѣтровъ, внезапныя бризы и бури, спускающіяся черезъ боковыя долины и ущелья, часто измѣняютъ движеніе волнъ, и нерѣдко поверхностныя борозды пересѣкаютъ въ видѣ полосъ пѣны могучее волненіе зыби.

Поверхность Байкала постоянно замерзаетъ зимой, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, и снова освобождается отъ льда только въ маѣ мѣсяцѣ. Ледяная кора на этомъ прѣсноводномъ морѣ не образуется изъ кристаллическихъ пластинокъ, поднимающихся со дна, какъ въ рѣкѣ Ангарѣ и въ большей части другихъ быстрыхъ потоковъ Сибири, но появляется сначала на краяхъ бассейна въ видѣ тонкой пленки, окаймляющей берегъ, и къ которой затѣмъ прилипаютъ льдины, приносимыя притоками. Замерзаніе постепенно распространяется отъ краевъ все далѣе къ серединѣ, пока, наконецъ, вся поверхность водъ покрывается ледяной скатертью; но внезапныя бури ломаютъ хрупкій кристаллическій слой и смѣшиваютъ его въ безпорядочную массу съ кусками льда, оторванными отъ береговъ. Даже когда ледъ на всемъ своемъ протяженіи пріобрѣтаетъ нормальную толщину, достигающую 1 метра или 1 метра 25 сантиметр., и когда лихія почтовыя тройки, мчащіяся со скоростью товарнаго поѣзда, переѣзжаютъ озеро безъ всякой опасности, даже и тогда ледяная площадь не перестаетъ колебаться подъ жидкой массой, которая ее поддерживаетъ. Проѣзжающіе явственно слышатъ глухой шумъ воды, перекатывающейся подъ твердымъ сводомъ и заставляющей его изгибаться въ видѣ длинныхъ волнъ. Иногда отъ внезапнаго удара ледъ приходитъ въ сотрясеніе, сопровождающееся металлическимъ звукомъ, похожимъ на жужжаніе шмеля [1]); иногда протяжный трескъ, какъ бы стонъ, возвѣщаетъ, что ледъ раскололся, и въ массѣ его появляются узенькія, почти незамѣтныя трещинки, продолжающіяся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; эти трещинки либо опять смыкаются вскорѣ, либо расширяются въ зіяющія щели съ краями неравной высоты [2]): лошади тогда съ разбѣгу перескакиваютъ черезъ трещину, при чемъ иногда бываютъ несчастные случаи, и кибитка проваливается въ мерзлую воду; но обыкновенно это невольное плаваніе оканчивается благополучно, и кибитку успѣваютъ вытащить на ледъ [3]). Вѣроятно, черезъ эти-то трещины льда воздухъ проникаетъ отъ времени до времени въ глубины озера, благодаря чему рыбы и тюлени могутъ жить зимой, несмотря на толстую кору, сковывающую поверхность водъ. Но эти временныя щели скоро опять замерзаютъ; подъ вліяніемъ морозовъ отъ 20 до 40 градусовъ, вода, находящаяся въ соприкосновеніи съ атмосферой, замерзаетъ почти мгновенно: на стѣнахъ скалъ, окаймляющихъ Святое море, часто можно видѣть полосы отвердѣвшей пѣны, остатокъ бурныхъ волнъ, схваченныхъ морозомъ на-лету и частію замерзшихъ [1]).

За зимними льдами слѣдуютъ весенніе и лѣтніе туманы. Какъ только холодная вода, освобожденная бурями отъ твердаго слоя, отдѣлявшаго ее отъ воздуха, получитъ возможность свободно распространять свои испаренія въ пространствѣ, озеро тотчасъ же начинаетъ дымиться, словно громадный котелъ. Каждое утро, весной, густой туманъ застилаетъ поверхность Байкала и скрываетъ берега отъ взоровъ гребцовъ: но послѣ полудня, когда поверхностная часть воды достаточно нагрѣлась, туманъ разсѣевается. По той же причинѣ атмосфера снова пріобрѣтаетъ чистоту и ясность въ концѣ лѣта и въ началѣ осени: въ эту пору года температура воды приближается къ температурѣ воздуха и наконецъ даже превосходитъ ее.

Фауна Байкала относительно бѣдна видами. Недостатокъ аллювіальныхъ земель на берегахъ озера, чрезвычайно крутой скатъ береговыхъ утесовъ къ пучинамъ въ нѣсколько сотъ аршинъ глубины, не позволили ракообразнымъ и другимъ прибрежнымъ животнымъ расплодиться въ большомъ числѣ, и, вслѣдствіе того, водяныя птицы довольно рѣдки: за исключеніемъ баклановъ-рыболововъ и различныхъ породъ чаекъ, которыя кружатся многочисленными стаями надъ нѣкоторыми подводными скалами, и изъ которыхъ одна была прежде извѣстна только въ Исландіи и въ западной Европѣ, не увидишь лѣтомъ никакой птицы на Байкалѣ; но весной и осенью лѣса, окружающіе Святое море, временно оживляются стаями странствующихъ птицъ, перелетающихъ изъ центральной Азіи въ Сибирь и обратно [2]). Воды озера изобилуютъ преимущественно видами осетроваго семейства и лососями или нельмами, въ особенности той породой, которая въ краѣ извѣстна подъ именемъ омуля. Но разсказы Палласа и предъидущихъ путешественниковъ о «миріадахъ» рыбъ, поднимающихся изъ озера въ текущія къ нему рѣки, уже не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: истребленіе яичекъ (икры) производится рыболовами въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что скоро придется принять серьезныя мѣры къ сохраненію существующихъ видовъ, и нѣкото-

[1]) Russel-Killough, „Seize mille lieux à travers l'Asie et l'Océanie".
[2]) Karl Ritter, „Asien".
[3]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Russel-Killough, цитированное сочиненіе.
[2]) Pallas, „Voyages dans l'Empire de Russie"; Радде, цитированное сочиненіе.

рые изъ нихъ сдѣлались уже рѣдки. Есть также породы, которыя исчезли въ самомъ Байкалѣ, неизвѣстно въ какую эпоху, но которыя еще встрѣчаются въ маленькомъ озерѣ, лежащемъ

Ангара.

недалеко отъ сѣверной оконечности Святаго моря, въ углубленіи плоской возвышенности: это Форелиха или «Форелевое озеро» (по-тунгузски Давачанда амутъ) [1]). Это водовмѣстилище, необыкновенно глубокое, очень богато форелью, которой до сихъ поръ еще не находили ни въ Байкалѣ, ни въ его притокахъ; его особенная фауна заключаетъ, кромѣ того, много другихъ рыбьихъ породъ. Что касается байкальскихъ тюленей, то они тоже водятся не во всѣхъ частяхъ Святаго моря. На западныхъ берегахъ они совсѣмъ не встрѣчаются: лѣтомъ ихъ увидишь преимущественно на восточныхъ

[1]) Ermann, „Voyages en Sibérie".

подводныхъ скалахъ острова Ольхонскаго, тогда какъ осенью они всего чаще посѣщаютъ южные берега, между устьями Баргузина и Селенги. Принадлежатъ ли они къ океанской фаунѣ или составляютъ особенный видъ? Во всякомъ случаѣ, ихъ невозможно отличить отъ тюленя, живущаго на Шпицбергенѣ (phoca foetida). Преслѣдуемые рыболовами, которые съ большимъ барышемъ продаютъ ихъ шкуры китайскимъ купцамъ, байкальскіе тюлени рѣдко показываются на поверхности озера; они не вылѣзаютъ на плоскіе берега, какъ тюлени полярнаго моря, и колыбелью новорожденнымъ служатъ плавающія льдины.

Понятно, что въ этомъ внутреннемъ морѣ, гдѣ рыбный промыселъ находится уже въ упадкѣ, и на берегахъ котораго не существуетъ ни одного города, ни одного важнаго промышленнаго мѣста, судоходство должно быть весьма незначительно. Правда, что первый пароходъ Сибири былъ пущенъ по водамъ Байкала, въ 1844 году, но для мѣстной службы, именно, для переправы между иркутскимъ берегомъ и дельтой Селенги. Въ этой части Святаго моря сосредоточивается все торговое движеніе въ собственномъ смыслѣ: тамъ проходятъ товары и пассажиры, направляющіеся изъ Сибири въ Китай и въ бассейнъ Амура. Прежде, когда еще не существовало пароходнаго сообщенія, часто случалось, что парусныя суда, гоняемыя вѣтромъ, блуждавшія въ туманѣ, проводили въ дорогѣ по двѣ недѣли, чтобы сдѣлать этотъ небольшой переѣздъ, менѣе чѣмъ въ 100 верстъ, черезъ Байкалъ [1]); правда, что управлять этими неуклюжими судами, похожими на большіе деревянные ящики, очень трудно, и байкальскіе «мореходы», буряты или русскіе мужики съ восточнаго берега, не отваживаются плыть иначе, какъ при попутномъ вѣтрѣ. Въ промежутокъ времени, отдѣляющій періодъ навигаціи отъ періода санной ѣзды, товарные обозы пользуются сухопутной дорогой, которая идетъ вокругъ западной оконечности озера, слѣдуя вдоль основанія горной цѣпи Камаръ-Дабанъ. Прежняя дорога поднималась зигзагами по скатамъ этихъ горъ, переваливала черезъ ихъ хребты и вершины по снѣгамъ и болотамъ и затѣмъ спускалась на югѣ по направленію къ Селенгѣ.

Байкалъ получаетъ воды съ территоріи, площадь которой исчисляютъ въ 281.600 квад. верстъ, и на которой бассейнъ Селенги, въ Монголіи и въ Забайкальѣ, занимаетъ по крайней мѣрѣ двѣ трети пространства. Полукругъ, образуемый окраиной этого бассейна, обширная равнина, покрытая коричневымъ и пористымъ порфиромъ, похожимъ на лаву, имѣетъ не менѣе 2.350 верстъ длины, а главный потокъ, тотъ, который выходитъ изъ озера Косоголъ, у подошвы хребта Мунку-Сардыкъ, и который, послѣ полученія разныхъ именъ, принимаетъ, наконецъ, названіе Селенги, развертываетъ свою длинную кривую на протяженіи около 1.030 верстъ. Эта рѣка судоходна для плоскодонныхъ судовъ на всемъ своемъ нижнемъ теченіи, внизъ отъ сліянія ея съ Орхономъ, и кяхтинскіе негоціанты пользуются ею для отправки грузовъ чая: такимъ образомъ отъ китайской границы до Ледовитаго океана, на пространствѣ около 4.500 верстъ, идетъ непрерывный судоходный путь, сначала изъ Селенги въ Байкалъ, затѣмъ изъ Ангары въ Енисей и, наконецъ, по Енисею до самаго моря. Селенга принимаетъ въ себя нѣсколько большихъ притоковъ, между прочимъ забайкальскую Уду, которой широкая долина, спускающаяся съ Становаго хребта, начинается въ небольшомъ разстояніи отъ Амура. Аллювіальная равнина, которую Селенга образовала своими наносами при впаденіи въ Байкалъ, окаймляетъ озеро на протяженіи около 30 верстъ, и рѣка дѣлится при устьяхъ на восемь или десять рукавовъ, величина и относительная важность которыхъ измѣняется, смотря по силѣ размыва и высотѣ разлива; недавно почва рѣчной дельты провалилась на значительномъ пространствѣ.

Селенга, Баргузинъ, съ берегами, населенными бурятами, и Верхняя Ангара, протекающая черезъ гористую страну тунгусовъ, а также другіе менѣе обильные притоки, въ соединеніи съ дождями, приносятъ въ Байкалъ значительный излишекъ водъ, который уходитъ изъ озера черезъ Ангару, одну изъ могучихъ рѣкъ Азіи, катящую, безъ сомнѣнія, болѣе 3.000 кубич. метровъ въ секунду. По выходѣ изъ широкаго залива, берега котораго осѣнены лиственницами, Ангара обтекаетъ своими пѣнящимися, словно кипящими волнами «Шаманскій камень», стремительно несется по покатости, наклоненной отъ 30 до 40 сантиметровъ на километръ, и вскорѣ поглощаетъ въ своемъ могучемъ потокѣ, не увеличиваясь замѣтнымъ образомъ, рѣки Иркутъ, Куду, Китой, Бѣлую. Быстрота теченія такъ велика, что темносинія, почти черныя воды Ангары еще продолжаютъ бѣжать передъ высокими берегами Иркутска въ то время, когда всѣ ея притоки уже покрылись толстымъ слоемъ льда. Зима давно уже наступила со своими постоянными десяти и двадцатиградусными холодами, а рѣка все еще остается свободной отъ ледянаго покрова; но воды ея постоянно дымятся: надъ рѣкой стелется густой туманъ; съ высоты крутаго яра едва можно различить кое-гдѣ быстрое клокотанье или бѣловатыя полосы, показывающія, что вода еще не перестала течь. Ангара начинаетъ замерзать только послѣ 30-ти градусныхъ морозовъ, продолжающихся нѣсколько дней сряду. Но тогда замерзаніе совершается очень быстро: со дна, охлажденнаго вслѣдствіе лу-

[1]) *Густавъ Радде, цитированное сочиненіе.*

пусканія теплоты, происходящаго сквозь рачную воду, поднимаются льдинки, кото- соединяются одна съ другой, слипаясь ми иглами, и двѣнадцать часовъ спустя ѣ появленія на поверхности рѣки первыхъ таллическихъ пластинокъ, проѣзжающіе тъ уже переправляться черезъ Ангару по [1]). Во время весенняго вскрытія, разло- ныя льдины, уносимыя быстрымъ теченіемъ, яются о ледяные мосты, которые еще дер- я на болѣе тихихъ водахъ ниже по рѣкѣ, копляясь у входа въ тѣснины, образуютъ да цѣлыя ледяныя горы, поднимающіяся нъ на 20 и болѣе надъ уровнемъ рѣчной : когда эта масса нагроможденнаго льда шивается, рѣка уноситъ ледяныя глыбы, панныя съ обломками камней, оторванными крутыхъ откосовъ береговыхъ скалъ [2]).

ежду этими тѣснинами Ангары самая зна- тая та, въ которой рѣка катится стремни- и даже образуетъ, между подводными ями или порогами, настоящіе водопады, не отваживаются проходить обыкновенныя . На пространствѣ около 70 верстъ, внизъ сліянія Оки и Ангары, изъ которыхъ по- няя получаетъ отъ этого мѣста новое на- іе—Верхней Тунгузки, слѣдуютъ одинъ за имъ девять пороговъ (по мѣстному пади или шиверовъ) между гранитными и сіе- выми скалами; ревъ волнъ, ударяющихся енистые островки, слышенъ за нѣсколько гъ, въ видѣ постоянныхъ раскатовъ грома. Названія, данныя порогамъ прибрежными лями, свидѣтельствуютъ объ ужасѣ, кото- они внушали. Но пароходы проходятъ эти ги безъ всякой опасности, и быстрое дви- е, шумъ сталкивающихся волнъ вызы- ъ въ пассажирахъ только мимолетное вол- ; ниже сліянія съ Илимомъ, Ангара про- этъ у основанія другихъ скалъ, серпенти- хъ и базальтовыхъ массъ, поднимающихся и на 600 футовъ надъ уровнемъ воды. Это ѣднія крутизны берега; однако, рѣка не въ къ пробить себѣ дорогу черезъ плоскую ышенность, поднимающуюся на сѣверѣ, и, рнувъ къ западу, идетъ на соединеніе съ еемъ; недалеко отъ сліянія ея съ этой рѣкой- рницей, она принимаетъ въ себя большой окъ Чуну, который приноситъ ей воды рнаго бассейна, орошаемаго золотонос- потоками, спускающимися съ Саянскихъ . Между притоками Ангары есть также яные» рѣчки, и даже на одномъ островѣ рѣки, верстахъ въ семидесяти ниже Ир- а, соляные источники бьютъ фонтаномъ скалъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ ной водой. Въ сосѣдствѣ многихъ изъ бе- ыхъ утесовъ Ангары залегаютъ пласты земляного угля, непочатые запасы минераль- наго богатства для будущаго.

Такъ же, какъ на Енисеѣ, русскіе состав- ляютъ господствующее населеніе въ долинѣ Селенги, на Байкалѣ и по берегамъ рѣки, ко- торая обязана однимъ изъ своихъ именъ туземной націи—тунгусовъ; но эти послѣдніе и буряты являются еще единственными обита- телями многихъ лѣсныхъ мѣстностей.

Два названные народа, тунгусы и буряты, составляютъ совершенную противоположность одинъ другаго. Въ то время, какъ тунгусъ смѣлъ и веселъ, скроменъ, почтителенъ и прямодуш- енъ, бурятъ обыкновенно боязливъ, угрюмъ, грубъ, ко всему равнодушенъ, плутоватъ и, главное, страшно лѣнивъ, лѣнивъ,—какъ табар- ганъ, и даже больше, чѣмъ табарганъ, потому- что зимой воруетъ у послѣдняго запасы коре- ньевъ, сложенные въ норкахъ [1]). Его широ- кое скулистое лицо рѣдко озаряется откры- тымъ взглядомъ; его маленькіе прищуренные глаза, оттѣненные узенькими приподнятыми рѣсницами, еле высматриваютъ изъ-подъ ши- рокаго плоскаго лба черезъ коротенькій при- плюснутый носъ, подъ которымъ оттопырены толстыя губы. Сильные, коренастые и широ- коплечіе, буряты по большей части не отли- чаются стройностью и гибкостью стана, тѣло у нихъ дородное, отяжелѣвшее отъ жира, похо- дка тяжелая, какъ у ихъ соплеменниковъ мон- головъ. Главный ихъ порокъ—пьянство, и такъ какъ хмѣльные напитки дѣйствуютъ на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на русскихъ, то чарка самой слабой сивухи, нѣсколько глотковъ ку- мыса достаточны, чтобы повергнуть бурята въ опьяненіе. Бурятъ, если только крайняя бѣд- ность не вынуждаетъ его обходиться безъ вся- каго убранства жилья и облекаться въ руби- ща, въ грубую кожаную одежду, доставшуюся ему по наслѣдству отъ родныхъ, любитъ по- хвастать роскошью: юрта его убрана внутри коврами, которые разостланы на полу или развѣшаны по стѣнамъ; самъ онъ щеголяетъ въ шелковомъ халатѣ (зимой въ длинной ба- раньей шубѣ, покрытой шелковой матеріей, съ опушкой изъ дорогихъ мѣховъ), стянутомъ поясомъ, къ которому привязаны кисетъ съ табакомъ, китайская трубочка—ганза, ножъ, огниво и чайная чашка; его жена и дочери носятъ вышитые наряды, испещренные метал- лическими украшеніями, и прядки ихъ косъ, закинутыя на грудь, увѣшаны перламутромъ, золотыми монетами, кусками малахита, и про- должаются серебряной бахромой [2]).

Буряты, которые сами себя называютъ гуннами, то-есть «людьми», принадлежатъ къ монгольской расѣ, какъ ихъ соплеменники кал- мыки, и въ сосѣдствѣ китайской границы ни-

---

Сиверсъ: Палласъ; Миддендорфъ; Ровинскій, „Древ- Новая Россія“ 1876 г. № 3.
Семеновъ, „Географ. Словарь Россійской Имперіи“.

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Эрманъ, „Путешествіе въ Сибирь“.

чѣмъ не отличаются отъ коренныхъ монголовъ. Эти инородцы говорятъ различными нарѣчіями монгольскаго языка, и очевидно, свою цивилизацію они получили, да и теперь еще получаютъ отчасти, съ юга, изъ китайскихъ предѣловъ [1]). Мужчины по-прежнему брѣютъ голову, оставляя на затылкѣ длинную косу, которая отъ маковки спускается на спину, какъ у китайцевъ, и украшаютъ свою шапку китайской шелковой кистью; самые ученые между ними имѣютъ книги духовнаго содержанія, переведенныя съ тибетскаго языка на монгольскій и на тунгузскій, и религіозныя вѣрованія и обряды ихъ ничѣмъ не отличаются отъ культа заграничныхъ буддистовъ. У нихъ тоже есть ламы, которые облекаются въ красные халаты или шубы, на головѣ носятъ желтыя шапки и подпоясываются разноцвѣтнымъ кушакомъ; они также имѣютъ религіозныя процессіи, празднества съ музыкой, многочисленныя церемоніи. Въ Забайкальѣ едва-ли найдется хоть одно бурятское семейство, въ которомъ бы не имѣлось по крайней мѣрѣ одного священника или ламы; обыкновенно каждый третій ребенокъ дѣлается духовнымъ лицомъ [2]). На берегахъ Байкала, и особенно въ сосѣдствѣ Иркутска, буряты болѣе или менѣе обрусѣли; тысячи изъ нихъ крестились въ христіанскую вѣру; кое-гдѣ происходило смѣшеніе племенъ, и въ то время, какъ буряты дѣлались русскими, русскіе, въ свою очередь, становились бурятами: во многихъ селеніяхъ трудно распознать истинное происхожденіе жителей, и всѣ они, казаки и буряты, говорятъ двумя языками; въ деревняхъ мужикъ хвастаетъ своимъ умѣньемъ говорить по-монгольски, подобно тому, какъ въ городѣ цивилизованный русскій щеголяетъ своимъ прекраснымъ французскимъ діалектомъ. Въ бассейнѣ Байкала самое чистое, безпримѣсное бурятское населеніе находится, какъ кажется, на островѣ Ольхонѣ, гдѣ туземцы рѣдко видятъ у себя путешественниковъ или купцовъ.

Тунгусъ—исключительно звѣроловъ; бурятъ, пришедшій изъ степей Монголіи,—по преимуществу скотоводъ, а на берегахъ озеръ онъ занимается также рыбной ловлей. Подобно калмыкамъ, онъ употребляетъ для верховой ѣзды быка, но предпочитаетъ, однако, лошадь, и животныя этой породы, которыми онъ владѣетъ, едва-ли не самыя замѣчательныя во всей Сибири не по красотѣ, но по неприхотливости и умѣренности въ пищѣ и силѣ выносливости, по-истинѣ изумительныхъ. Малорослыя бурятскія лошадки легко дѣлаютъ переѣзды въ пятьдесятъ и даже въ сотню верстъ, постоянно сохраняя свою обычную рысь и не требуя ни корму, ни питья; въ концѣ такой огромной станціи онѣ кажутся еще бодрыми, неутомленными. Зимой бурятъ имѣетъ обыкновеніе оставлять своего коня на ночь въ совершенно открытомъ дворѣ, чтобы пріучить его такимъ образомъ къ перенесенію 40 и 50-ти градусныхъ морозовъ, отъ которыхъ, конечно, погибли бы въ короткое время лошади всякой другой породы [1]). Зато буряты очень цѣнятъ этихъ товарищей, которые переносятъ ихъ съ такой быстротой черезъ степи или лѣса; обычай запрещаетъ имъ убивать или продавать лошадей, употреблявшихся для верховой ѣзды: они убиваютъ, для употребленія въ пищу только тѣхъ животныхъ, которыя никогда не носили на себѣ всадника. По религіозному преданію, верховой конь долженъ сопутствовать своему хозяину при переселеніи его на тотъ свѣтъ; но лукавые буряты стараются обойти это преданіе и надуть своего бога, привязывая возлѣ могилы, куда зарытъ покойникъ, какую-нибудь старую, никуда негодную клячу или молодаго жеребенка, да и то при помощи тоненькой, некрѣпкой веревки: испуганное животное скоро разрываетъ свои узы и присоединяется къ табуну. «Мы отдали его Богу, Богъ возвратилъ намъ его назадъ!»—таково обыкновенное извиненіе наслѣдниковъ умершаго. Въ нѣкоторыхъ округахъ буряты также научились отъ русскихъ косить сѣно, пахать землю и сѣять хлѣбъ, и даже, въ Иркутской губерніи, они сдѣлались болѣе искусными земледѣльцами, чѣмъ ихъ учителя: они лучше удобряютъ и орошаютъ свои пашни и луга и держатъ больше скота [2]). Вообще въ веденіи хозяйства и промышленности ихъ превосходятъ только поселенцы-старовѣры, извѣстные въ краѣ подъ именемъ «семейскихъ», самые трудолюбивые и смышленые изъ сибиряковъ.

Со стороны тунгусовъ территорія, занимаемая бурятами, опредѣленно ограничена: сѣверная оконечность Байкала принадлежитъ тунгусамъ, тогда какъ все большое озеро, отъ острова Ольхонскаго и мыса Святаго до залива Култукъ, составляетъ бурятское море. Буряты дѣлятся на племена или колѣна, носящія различныя названія, большею частію по имени мѣстности, гдѣ живутъ,—селенгинскіе, баргузинскіе, ольхонскіе и проч.; колѣна подраздѣляются на аймаки, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего князька или тайшу и старшинъ, и управляется согласно своимъ обычаямъ: нѣкоторые аймаки составляютъ между собою союзъ и сходятся на общія собранія, устраиваемыя гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ просѣкахъ или на берегу озеръ, для обсужденія общихъ дѣлъ. Администрація не вмѣшивается въ ихъ внутреннее управленіе и въ ихъ частные споры.

[1]) Струковъ, „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества", 1865 г., № 8; Albin Kohn und Richard Andree.

[2]) *Эрманъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Ровинскій, „Древняя и Новая Россія", 1875 г., № 2.

ромѣ того случая, когда возникнетъ какое-нибудь столкновеніе между тайшами. Правительство еще не требовало отъ нихъ рекрутъ, хотя у нихъ отбираютъ отъ времени до времени, для отдачи русскимъ поселенцамъ, кое-какія земли изъ огромной области, которая была уступлена этимъ инородцамъ при Екатеринѣ II на «вѣчныя» времена, но имъ все еще остается земли больше, чѣмъ сколько они могутъ обработывать. Что касается религіозныхъ вѣрованій, то на сѣверѣ буряты еще придерживаются шаманства, которое отъ сѣвера къ югу постепенно переходитъ въ ламайскую вѣру. Вліяніе русскаго православія тоже проявилось, особенно введеніемъ въ бурятскій пантеонъ св. Николая, сказаніе о житіи котораго совершенно сходно съ легендой монгольскаго святаго Цаганъ-Убугунъ или «Бѣлаго

Видъ Иркутска до пожара въ 1878 году.

Старца»; въ то время какъ буряты ходятъ въ русскій храмъ дѣлать приношенія Николѣ угоднику, русскіе, съ своей стороны, почитаютъ изображеніе ламайскаго Бѣлаго Старца [1]). Сѣверные буряты, хотя очень религіозные, держатъ, однако, очень ограниченное число шамановъ, потому что слишкомъ бѣдны и не могутъ давать приличнаго вознагражденія этимъ посредникамъ боговъ; но это не мѣшаетъ имъ самимъ совершать всѣ нужныя церемоніи передъ своими домашними божками (бурханами), сотканными изъ верблюжьей шерсти, такъ же, какъ передъ уединенными скалами и мысами, на берегу источниковъ, рѣкъ и озеръ, и располагать въ свою пользу добрыхъ и злыхъ геніевъ посредствомъ приношеній, состоящихъ изъ звѣриныхъ шкурокъ, лентъ и лоскутковъ матеріи, зеркальцевъ, конскихъ гривъ и хвостовъ. Въ окружающей ихъ природѣ всякій предметъ имъ кажется живымъ, все видитъ и слышитъ ихъ и относится къ нимъ дружелюбно или враждебно. Оттого бурятъ проходитъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ мимо всѣхъ этихъ страшныхъ боговъ, утесовъ, лѣсовъ или ручьевъ; по его вѣрованію, иногда достаточно одного слова, громкаго смѣха, бормотанья, чтобы разбудить уснувшую бурю [2]).

Буряты долгое время были извѣстны подъ именемъ «братскихъ» (въ ед. числѣ—«братской»), которое имъ дали поселившіеся на Байкалѣ русскіе колонисты, и происхожденіе котораго можно объяснить игрой словъ, безъ сомнѣнія, невольной. Укрѣпленіе, которое было построено, чтобы держать этихъ инородцевъ въ повиновеніи, при сліяніи Ангары съ Окой, и которое въ наши дни сдѣлалось маленькимъ мѣстечкомъ, до сихъ поръ носитъ названіе Братскаго острога, также и равнина, разстилающаяся между Байкаломъ и отрогами Яблоноваго хребта, сохранила имя Братской степи. Но эти инородцы, покоренные двѣсти лѣтъ тому назадъ сибирскими казаками, которые заставили ихъ платить ясакъ московскому царю, давно оставили всякую мысль о возмущеніи, и теперь они принадлежатъ къ числу самыхъ мирныхъ подданныхъ русскаго государства; они даже принуждены были подчиниться чрезвычайно строгимъ полицейскимъ правиламъ. Въ силу договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Китаемъ, въ 1727 и 1768 годахъ, относительно размежеванія границъ двухъ имперій были приняты величайшія предосторожности, чтобы воспрепятствовать переходу кочевниковъ съ одной территоріи на другую, и особенно строгій надзоръ былъ установленъ въ пограничныхъ земляхъ, населенныхъ бурятами и монголами, по причинѣ торговыхъ сношеній, которыя производились черезъ границу у Маймачина. Промежуточный нейтральный поясъ былъ отмѣренъ въ 10, 20 или 60 метровъ ширины, смотря по свойству мѣстности, и обозначенъ межевыми столбами, поставленными на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Каждый день эта демаркаціонная линія объѣзжалась и осматривалась, съ той и другой стороны, пограничной стражей, и когда открывали гдѣ-нибудь слѣды человѣческихъ ногъ, ихъ тщательно обкладывали камнями или кусками дерна, чтобы сохранить это «вещественное доказательство» преступленія до тѣхъ поръ, пока виновные не будутъ отысканы и наказаны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ граница пересѣкается ручьями, поставили съ каждой стороны высокія сваи, между которыми были протянуты, поперегъ воды, канаты, сплетенные изъ конскаго волоса: такимъ образомъ никто не могъ перейти запрещенный рубежъ и утверждать, что онъ его не замѣтилъ [3]). Эти правила неуклонно соблюдались до 1852 года, но съ того времени строгости прекратились: сваи подгнили, и волосяные канаты попадали въ воду, императорская печать, приложенная къ столбамъ, сломалась, и большая часть межевыхъ знаковъ исчезли. Теперь дважды въ годъ конные казаки ѣздятъ еще къ монгольскимъ пограничнымъ постамъ показывать свои паспорты, состоящіе изъ дощечекъ, которыя совершенно приходятся къ другимъ кускамъ дерева, отпиленнымъ монголами отъ той же доски. Двѣ половинки прикладываются одна къ другой, и когда все оказывается въ порядкѣ, казаки и монголы обмѣниваются привѣтствіями, осыпаютъ другъ друга благословеніями и дѣлаютъ приличныя возліянія, во славу своихъ государей [4]). Въ настоящее время всѣхъ бурятъ насчитывается около четверти милліона: именно: въ Иркутской губерніи 113.922 и въ Забайкальской области 135.460, въ обѣихъ вмѣстѣ 249.382 души [5]).

Городъ, охраняющій границу въ бассейнѣ Селенги, долгое время держалъ въ своихъ рукахъ монополію торговли съ Китаемъ. Въ 1728 году, послѣ заключенія дружественнаго трактата между двумя имперіями основались, на разстояніи какихъ-нибудь ста саженъ одна отъ другой, двѣ конторы негоціантовъ китайскихъ и русскихъ: на южной сторонѣ пограничной черты Май-мей-ченъ (Маймаченъ) или «Складъ» китайцевъ; на сѣверной русская Кяхта, защищенная укрѣпленнымъ постомъ казаковъ. Между этими двумя торговыми мѣстечками, которыя оба состоятъ изъ деревянныхъ построекъ, контрастъ полный, и, можетъ быть, во всемъ свѣтѣ не найдется другаго столь замѣчательнаго при-

[1]) Кропоткинъ, „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества“, томъ IX 1867 г.

[2]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

[3]) Klaproth, „Mémoires relatifs à l'Asie“.

[4]) G. Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XXIII.

[5]) Венюковъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1874 г., № 1.

мѣра противоположности во внѣшнемъ видѣ городскихъ поселеній. Кяхта походитъ на красивый кварталъ европейскаго города, и главная ея церковь, увѣнчанная блестящимъ позлащеннымъ куполомъ, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ храмовъ Сибири. Маймаченъ есть, такъ сказать, предмѣстье Пекина, гораздо болѣе красивое и лучше содержимое, чѣмъ другіе города Сѣвернаго Китая; ворота покрыты скульптурными украшеніями, на стѣнахъ наклеены полосы красной бумаги, во всѣхъ жилищахъ поютъ птицы, и загнутые кверху углы крышъ увѣшаны колокольчиками, которые постоянно звонятъ при малѣйшемъ вѣткѣ [1]). Между двумя слободами китайцы воздвигли высокую досчатую стѣну въ формѣ ширмъ, чтобы предохранить свои дома отъ пагубнаго вліянія русской атмосферы; прежде на этихъ ширмахъ была нарисована буква, означающая «Счастье». Такимъ образомъ всякое вредное вѣяніе, исходящее изъ Кяхты, равно какъ богохульство, произнесенное русскими, задерживались на пути китайскимъ экраномъ и отражались въ пустыню [2]). Въ этомъ пограничномъ рынкѣ между русскими или «о-ло-ло се» и китайцами или «пикандзи» выработался особенный коммерческій «языкъ», одинъ изъ самыхъ элементарныхъ: это жаргонъ, состоящій изъ смѣси русскихъ и китайскихъ словъ.

Процвѣтаніе Кяхты и Маймачена много измѣнялось, смотря по ходу политическихъ событій. Иногда торговля прерывалась на цѣлые годы; но огромные барыши, которые монополія позволяла извлекать изъ этой торговли, скоро возвращали кяхтинскимъ негоціантамъ ихъ богатство и роскошь. Китай, который продаетъ Россіи гораздо больше, чѣмъ сколько самъ покупаетъ у нея, вывозилъ сначала на русскіе рынки только золото, серебро, ревень и шелковыя ткани. Но мало-по-малу главнымъ предметомъ китайской отпускной торговли сдѣлался чай, и русскіе долго хвастались тѣмъ, что они получаютъ лучшій въ свѣтѣ чай, благодаря «кяхтинскому каравану», который употреблялъ полтора года, чтобы совершить путь изъ Китая до Нижегородской ярмарки. Нѣтъ сомнѣнія, чай перваго сбора, привозимый въ Кяхту, и который могутъ вкушать, по особенной милости, высокопоставленныя лица и гости купцовъ, даетъ отмѣнный, ароматическій напитокъ. Эти отборные чаи доставляются непосредственно съ чайныхъ плантацій, находящихся въ областяхъ, гдѣ растетъ лучшее чайное дерево, и принадлежащихъ самимъ русскимъ негоціантамъ. Но при перевозкѣ чай неоднократно подвергается фальсификаціи на главныхъ станціяхъ, по дорогѣ изъ Кяхты въ Россію, сначала въ Иркутскѣ, потомъ въ Томскѣ, далѣе въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Москвѣ [1]). Тяньцзинскій трактатъ 1858 года положилъ конецъ торговому первенству Кяхты; на Нижегородской ярмаркѣ 1880 года кяхтинскій чай представлялъ лишь десятую часть всего количества привезенныхъ чаевъ. Теперь Россія получаетъ морскимъ путемъ и изъ-за границы наибольшую часть товаровъ, которые прежде она покупала непосредственно у маймаченскихъ китайцевъ; кромѣ того ей открылись другія дороги къ Пекину и Янтсекіангу черезъ разные пункты ея китайской границы, въ особенности черезъ Кобдо, и русскіе купцы не имѣютъ болѣе надобности останавливаться передъ мистическими ширмами Маймачена; они могутъ проникать далѣе къ внутреннимъ рынкамъ Небесной имперіи. Обороты кяхтинской торговли значительно уменьшались въ послѣднее время, какъ показываютъ слѣдующія цифры.

Торговое движеніе Кяхты, по средней годовой цѣнности:

Съ 1824 по 1830 г.—13.680.450 руб. Съ 1849 по 1859 г.—13.313.410 руб. Съ 1830 по 1849 г.—13.039.510 руб.

Торговля Кяхты и всей Амурской области въ 1872 г.—10.840.000 руб. Тѣмъ не менѣе въ Кяхтѣ и теперь еще производится въ большихъ размѣрахъ розничная торговля, и маймаченская ярмарка «бѣлаго мѣсяца», то-есть февраля, привлекаетъ множество китайскихъ и монгольскихъ купцовъ. Вмѣстѣ съ сосѣднимъ городомъ Троицкосавскомъ, который лежитъ верстахъ въ двухъ къ сѣверу и служитъ мѣстопребываніемъ для большей части чиновниковъ, Кяхта есть самый многолюдный городъ Забайкальскаго края и самый богатый во всей Восточной Сибири; она имѣетъ свой портъ на Селенгѣ, Усть-Кяхту, названную такъ по имени ручья, впадающаго въ эту рѣку.

Два Селенгинска, «Старый» и «Новый», построенные въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, не имѣютъ той важности, какая, казалось бы, должна принадлежать центральнымъ городамъ столь значительнаго бассейна, какъ бассейнъ Селенги: это происходитъ оттого, что окружающія равнины не отличаются плодородіемъ, за исключеніемъ земель, окаймляющихъ рѣку Чикой и ея золотоносные берега; обширныя пространства этого края состоятъ изъ песчаныхъ и солончаковыхъ степей, и между озерами, наполняющими ихъ впадины, нѣкоторыя содержатъ соленую воду. На юго-западѣ отъ Селенгинска, недалеко отъ полуденнаго берега «Гусинаго озера», находится главный бурятскій храмъ, гдѣ живетъ хамбалама, подчиненный непосредственно ургинскому ламѣ, называющемуся кутухтой; при этомъ храмѣ есть монастырь, въ которомъ число монаховъ доходитъ до двухсотъ. Слоновые бивни, исполинскія раковины тридакны или «кропиль-

[1]) Russel - Killough, „Seize mille lieux à travers l'Océanie".

[2]) Klaproth, „Mémoires relatifs à l'Asie".

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

ницы», получаемыя съ Индійскаго океана, шкуры тигровъ и леопардовъ, свидѣтельствуютъ о частыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ нѣкогда между байкальскими ламами и индійскими буддистами черезъ посредство Тибета [1]).

Послѣ Кяхты главный городъ всей Забайкальской области, въ бассейнѣ Селенги,—Верхнеудинскъ, лежащій при сліяніи Уды и Селенги, по которой пароходы поднимаются до этого мѣста. Портомъ на Байкалѣ для этого города служитъ село Посольское, дома котораго группируются вокругъ богатаго монастыря, на западной сторонѣ устьевъ Селенги, изливающейся въ озеро многими рукавами. Ни одно изъ населенныхъ мѣстъ на берегахъ Святаго моря не возвысилось еще на степень города. Деревня Лиственничная, на берегу залива, откуда выходитъ Ангара, служитъ пристанью, гдѣ ѣдущіе изъ Иркутска садятся на суда, чтобы переправиться черезъ Байкалъ; Култукъ, на западной оконечности озера, рыболовная гавань; Душъ-Качанъ, у сѣвернаго конца бассейна, тоже пристань, гдѣ тунгусы должны уплачивать свой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей; деревня Турка, на восточномъ берегу моря, напротивъ острова Ольхонскаго, замѣчательна только своими минеральными водами, сѣрнистыми и желѣзистыми, которыми пользуются нѣсколько больныхъ, пріѣзжающихъ изъ Иркутска. Что касается Баргузина, лежащаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восточнаго берега, въ долинѣ, по которой протекаетъ рѣка того же имени, то онъ имѣетъ только административное значеніе, какъ уѣздный городъ. Тунка, въ долинѣ Иркута, большое село, дома котораго раскиданы среди полей и луговъ на обширномъ пространствѣ.

Столица Восточной Сибири, Иркутскъ, вѣроятно, самый многолюдный городъ Азіатской Россіи къ сѣверу отъ Ташкента, стоитъ не на берегу рѣки Иркута, какъ можно бы было подумать, судя по названію. Правда, въ 1652 г., девять лѣтъ спустя послѣ открытія Ангары казакомъ Ивановымъ, была основана, на лѣвомъ берегу этой рѣки, при впаденіи въ нее Иркута, контора для вымѣнки у туземцевъ шкурокъ пушнаго звѣря; но съ 1669 года эта торговая колонія перемѣстилась на другую сторону Ангары, къ устью ея притока, рѣчки Ушаковки, гдѣ мало-по-малу выстроился большой городъ, занимающій теперь пространство въ нѣсколько квадр. верстъ. Иркутскъ быстро развивался: въ 1735 году, во время путешествія Гмелина, онъ имѣлъ уже 6.500 жителей; но большинство, состоявшее изъ мужчинъ, чиновниковъ, солдатъ, торговыхъ людей, работниковъ, не могло основывать семействъ, и населеніе должно было безпрестанно пополняться новыми, пришлыми элементами (въ 1875 году въ Иркутскѣ насчитывалось 32.514 жителей, въ томъ числѣ чиновниковъ, военныхъ, священнослужителей, лицъ монашествующаго духовенства, ссыльныхъ, мужской прислуги было 12.880 человѣкъ; по послѣдней же переписи 1897 г. въ немъ значится 49.344 ж.); во всѣ времена смертность въ Иркутскѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ число рожденій, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Населеніе Иркутска въ 1838 г.—16.569 жит.; населеніе Иркутска въ 1857 г.—23.989 жит. Перевѣсъ смертности надъ рождаемостью съ 1830 по 1857 г.—1.425 жит. Иммиграція—8.845 жит.

Зимой населеніе города увеличивается тысячами золотоискателей, возвращающихся изъ окрестныхъ возвышенныхъ долинъ.

Восточно-сибирская столица, съ широкими и прямыми улицами, съ низкими домами, не имѣетъ любопытныхъ памятниковъ. Она, правда, гордится тѣмъ, что въ стѣнахъ ея находится древнѣйшее зданіе, какое существуетъ въ Сибири, но это зданіе есть не что иное, какъ остатки крѣпостцы или острога, на которомъ виденъ годъ постройки (1661-й). На иркутскихъ тріумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ 1858 году, послѣ заключенія айгунскаго трактата, красуется горделивая надпись, оправдавная завоеваніемъ: «Дорога къ Великому океану». Отдѣлъ русскаго географическаго общества, основанный въ Иркутскѣ въ 1869 году, издаетъ свои записки, заключающія важные матеріалы и изслѣдованія, но онъ лишился нѣкоторыхъ изъ своихъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ во время пожара, бывшаго въ 1878 году, который истребилъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительную часть города. Иркутскъ—промышленный центръ, и число его фабричныхъ заведеній, между которыми винокуренные и водочные заводы занимаютъ первое мѣсто, какъ и въ другихъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи, быстро возросло (въ 1877 году состояніе фабричной и заводской промышленности въ Иркутской губерніи выразилось слѣдующими цифрами: 169 фабрикъ и заводовъ; 34.080 рабочихъ; цѣнность произведеній, 355.386 рубл.; производство винокуренныхъ заводовъ 1.897.455 рубл.). Въ восьмидесятыхъ годахъ въ иркутскомъ округѣ основалась фарфоровая и фаянсовая фабрика, имѣющая въ своемъ распоряженіи глину превосходнаго качества, и произведенія этой фабрики находятъ сбытъ даже въ Забайкальскую область [1]). Различныя мелкія промышленности и ремесла, введеніемъ которыхъ край обязанъ ссыльнымъ полякамъ, много способствовали промышленному прогрессу Иркутска и вообще Восточной Сибири. Но что отличаетъ этотъ городъ между всѣми сибирскими городами—это то, что онъ сдѣлался цент-

[1]) Эрманъ, „Путешествіе въ Сибирь".

[1]) „Русское Обозрѣніе", 1879, № 3.

ромъ умственной жизни: тамъ много читаютъ, обсуждаютъ событія и идеи, интересуются всякою новинкою въ области науки и энергично слѣдуютъ за прогрессивнымъ движеніемъ. Въ Иркутскѣ выходитъ единственная независимая газета Сибири [1]).

Страна такъ рѣдко населена, что ниже Иркутска, на пространствѣ безъ малаго 1.500 верстъ, на Ангарѣ нѣтъ ни одного городскаго поселенія, хотя мѣстечко Балаганскъ и носитъ названіе города. Единственный городъ всего бассейна, Нижнеудинскъ, находится далеко отъ главной рѣки, при ея притокѣ Удѣ и на большомъ сибирскомъ трактѣ, по среди области золотыхъ пріисковъ и желѣзныхъ рудниковъ, для которыхъ онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ.

„Вега" въ бухтѣ Коньямъ въ Арктическомъ морѣ.

[1]) Преувеличеніе автора. Прим. ред.

Еще болѣе половины губерніи остается совершенно необитаемой, и различныя группы населенія: русскіе, буряты, тунгусы, татары, карагассы, разсѣяны тамъ на подобіе островковъ. Константировано, что зобъ составляетъ очень обыкновенную болѣзнь въ нѣкоторыхъ частяхъ Иркутской губерніи, особенно въ той ея части, которая орошается Леной. Въ сравненіи съ совокупностью народонаселенія, зобастые и кретины представляютъ, правда, не болѣе одной сотой части числа жителей, но въ нѣкоторыхъ округахъ ихъ насчитываютъ по одному на десятерыхъ человѣкъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ они составляютъ треть или даже половину общаго числа крестьянъ [1]). Всѣ эти несчастные русскаго происхожденія: ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ такъ называемымъ «инородческимъ» племенамъ. Причину этой неуязвимости бурятъ и тунгусовъ слѣдуетъ искать не въ какой-либо привилегіи или особенности расы; она должна быть приписана просто тому обстоятельству, что они при выборѣ мѣстъ для кочевки или поселенія всегда избѣгали такихъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствуетъ болѣзнь. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ Иркутска открывается великолѣпная долина, одна изъ самыхъ плодородныхъ въ краѣ и наиболѣе защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, гдѣ русскіе охотно стали селиться, удивляясь, что находятъ такой благодатный уголокъ совершенно пустыннымъ [2]). Всѣ деревни этой долины носятъ русскія названія и такимъ образомъ составляютъ, среди другихъ селеній, нѣчто въ родѣ глоттологическаго острова, но въ то же время и островъ патологическій: страдающіе зобомъ тамъ очень обыкновенны.

Города бассейновъ Селенги и Ангары съ населеніемъ, по переписи 1897 года:

Забайкальская область: Кяхта, Троицко-Савскъ и Усть-Кяхта, 32.476 жит.; Верхнеудинскъ — 5.881 жит.; Ново-Селенгинскъ— 1.093 жит.; **Иркутская губернія**: Иркутскъ— 49.344 жит.; Нижнеудинскъ—5.696 жит.

V. Бассейнъ Лены, берега Ледовитаго океана.

На востокъ отъ Енисея нѣсколько значительныхъ рѣкъ получаютъ начало на возвышенныхъ земляхъ, ограничивающихъ съ сѣверной стороны бассейнъ Нижней Тунгузки, и, спустившись въ равнину, протекаютъ по пустыннымъ пространствамъ тундры и изливаются въ широкіе заливы Ледовитаго океана. Эти рѣки и большія озера, черезъ которыя онѣ проходятъ, извѣстны еще только въ ихъ главныхъ чертахъ, хотя онѣ съ давнихъ поръ, уже болѣе двухъ съ половиной столѣтій, посѣщаются звѣроловами и русскими чиновниками, которыхъ остяки, самоѣды, тунгусы и якуты обязаны выплачивать ясакъ мѣхами. Малочисленные туземцы этой страны называются большею частію по именамъ этихъ рѣкъ, ледяная поверхность которыхъ служитъ имъ удобнымъ путемъ въ зимнее время. Имена Пясины (въ документахъ, хранящихся въ сибирскихъ архивахъ, встрѣчаются также равнозначащія съ этимъ именемъ названія Пясида и Пясинга; самоѣдское названіе Пясина, имѣющее тотъ же смыслъ, что и слово тундра, перешедшее въ русскій языкъ, примѣняется къ мерзлымъ равнинамъ крайняго сѣвера), Таймыры или Таймыра, Балахны, Анабары, Хатанги и ея притока Богъ-ниды часто упоминаются звѣроловами въ сибирской исторіи; но хотя многія изъ этихъ рѣкъ имѣютъ около 1.000 верстъ въ длину, онѣ не представляютъ никакого значенія въ экономическомъ отношеніи: перепись не насчитываетъ даже 500 туземцевъ въ громадныхъ территоріяхъ Пясины и Хатанги, принадлежащихъ къ Енисейской губерніи, и русскія «деревни», обозначаемыя на картахъ, суть нечто иное, какъ группы, состоящія изъ двухъ или трехъ зимнихъ жилищъ, такъ называемыхъ зимовьевъ, имѣющія, среднимъ числомъ, отъ 5 до 10 обитателей. Столица всей этой обширной области, село Хатангское, на рѣкѣ Хатангѣ, состояло, въ 1865 году, изъ маленькой деревянной церкви и пяти лачугъ, въ которыхъ жили девять человѣкъ. Если когда-нибудь судоходство получитъ нѣкоторую важность на сибирскомъ прибрежьи Ледовитаго океана, Хатанга, безъ сомнѣнія, увидитъ на своихъ берегахъ нѣсколько новыхъ поселеній, благодаря ея заливу почти въ 300 верстъ длиною, который представляетъ превосходное убѣжище для кораблей, а въ которомъ должны были искать пристанища первые изслѣдователи полярныхъ морей. Сравненіе прежнихъ изображеній морскаго прибрежья съ картой, составленной Бове, спутникомъ проф. Норденшильда, показываетъ, какъ мало еще извѣстна Таймурская Земля, несмотря на изслѣдованіе Миддендорфа и путешествія скупщиковъ шкуръ пушныхъ звѣрей; разногласіе между различными картами доходитъ иногда до нѣсколькихъ градусовъ.

Рѣка Оленекъ, которая по всей нижней части своего теченія, на протяженіи болѣе 5 градусовъ широты, сохраняетъ направленіе параллельное Ленѣ, есть, послѣ Оби, Енисея, Лены, Амура, одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Сибири. Со своими извилинами она имѣетъ безъ малаго 2.000 верстъ въ длину и соединяется съ моремъ посредствомъ устья, около 10 верстъ шириною и отъ 3 до $3^1/_4$ саженъ глубиною, представляющаго хорошую гавань, непосред-

[1]) Кашинъ, „Зобъ и кретинизмъ въ долинѣ Лены".
[2]) Ровинскій, „Древняя и Новая Россія", 1875 г. № 3.

но на западѣ отъ низменнаго аллювіаль-
полуострова, образовавшагося изъ нано-
Лены. Изслѣдованный почти на всемъ его
ін Чекановскимъ и Миллеромъ въ 1874 г.,
экъ оказывается не только рѣкой, протe-
ей по пустыннымъ тундрамъ и окаймлен-
гамъ и сямъ приземистыми деревцами:
беретъ начало среди большихъ лѣсовъ, и
его сплавляютъ до самаго моря много-
нные поваленные стволы деревьевъ, ко-
э выкидываются волнами на плоскіе бе-
материка и сосѣднихъ островковъ. Кромѣ
ъ, долина Оленека заключаетъ въ себѣ
е минеральныя богатства, между прочимъ
яные источники, а воды рѣки изобилуютъ
й. Становища рыбаковъ и звѣролововъ
встрѣчаются на Оленекѣ, чѣмъ на запад-
рѣкахъ, текущихъ на мерзломъ Таймыр-
ь полуостровѣ; на берегу рѣчнаго устья
ствуетъ даже настоящая деревня, Болка-
(селеніе Усть-Оленское): въ 1863 году
насчитывали до 62 метисовъ, происходя-
ь отъ якутскихъ женщинъ и русскихъ
ыныхъ и совершенно забывшихъ славянскій
ъ своихъ отцовъ. Напротивъ селенія Бол-
къ, на правомъ берегу Оленека, Анжу
калъ, въ 1822 году, слѣды становища,
члены экспедиціи Прончищева провели
1737 года, и могилы, гдѣ похоронено
пинство ихъ. Наблюденія, произведенныя
еромъ для опредѣленія силы земнаго маг-
зма, во время экспедиціи Чекановскаго
ленекъ, показали, что полюсъ магнитной
яженности находится приблизительно
у 64 и 65 градусами широты и около
градуса долготы, къ востоку отъ париж-
) меридіана, между рѣками Оленекъ и
ой.

ена, соперница Оби и Енисея по обилію
и самая многоводная рѣка Восточной
ри, принадлежитъ всѣмъ своимъ теченіемъ
гости Ледовитаго океана: истоки ея на-
тся не на южной сторонѣ краевыхъ гор-
ь цѣпей монгольской плоской возвышен-
и, какъ истоки Иртыша, Енисея, Селенги,
а не проходитъ, подобно этимъ рѣкамъ,
ъ глубокія ущелья, прежде чѣмъ всту-
въ равнины Сибири: долина, въ которой
гда, какъ кажется, протекала большая
, соединяетъ ея бассейнъ съ бассейномъ
ры, въ сосѣдствѣ Иркутска. Лена полу-
ь свои первыя воды съ возвышенностей
сительно незначительныхъ, такъ какъ
е высокіе хребты прибрежной цѣпи Бай-
, питающіе ея истоки, поднимаются всего
ко отъ 3.000 до 4.000 футовъ надъ уров-
моря; тѣмъ не менѣе берега верхней
и очень живописны. Рѣка, еще узкая, про-
тъ сначала между сланцеватыхъ скалъ,
мъ, у Качуги, она вырываетъ себѣ ложе
ластахъ краснаго песчаника, принадлежа-
щихъ, вѣроятно, къ пермской формаціи. Изборожденные рытвинами крутые откосы береговъ возвышаются на сотни футовъ, мѣстами даже саженъ на 50 надъ потокомъ, и оканчиваются на верху зубчатыми выступами, похожими на зубцы стѣны: стоя внизу, можно подумать, что эти разрѣзанныя скалы суть не что иное, какъ передовые отроги горъ; но когда взберешься на ихъ вершину, оказывается, что онѣ составляютъ закраину почти ровнаго плоскогорья. Между тѣмъ какъ утесы лѣваго берега почти всѣ лишены растительности, утесы праваго покрыты въ углубленіяхъ и на террасахъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Вода течетъ быстро между этими высокими скалистыми берегами, однако, рѣка вездѣ судоходна внизъ отъ деревни Качуги, находящейся въ разстояніи около 150 верстъ отъ истока. На сѣверѣ отъ области песчаниковъ начинается ущелье, извѣстное въ краѣ подъ названіемъ «Щекъ»; въ этомъ мѣстѣ известковые утесы, изрытые по бокамъ пещерами, господствуютъ съ высоты 14 саженъ надъ быстро убѣгающими водами Лены; глубина фарватера здѣсь не меньше 10 саженъ, но крутыя извилины рѣки, быстрота теченія и подводные камни у береговъ могутъ поставить судно въ опасное положеніе. Одну изъ скалъ этого ущелья живущіе въ томъ краю бурята почитаютъ за своего главнаго бога.

Ниже тѣснины «Щекъ», Лена соединяется съ Витимомъ, который удвоиваетъ объемъ потока и увеличиваетъ его ширину до 280 саженъ. Витимъ можетъ считаться главной рѣкой по развитію его теченія и, безъ сомнѣнія, также по массѣ его водъ, такъ какъ онъ течетъ въ области, болѣе подверженной дѣйствію дождливыхъ муссоновъ Тихаго океана; но теченіе его менѣе правильно и менѣе удобно для судоходства, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что для прибрежныхъ жителей Лена осталась главною вѣтвью. Витимъ получаетъ начало на востокѣ отъ Байкала, въ гористомъ плато, которое простирается отъ этого озера до Яблоноваго хребта, и котораго параллельные выступы продолжаются отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Рѣка и ея многочисленные притоки текутъ сначала въ бороздахъ этой плоской возвышенности, потомъ соединяются посредствомъ разсѣлинъ, открывающихся въ поперечномъ направленіи отъ одной борозды или впадины до другой. Даже въ той части бассейна, гдѣ Витимъ уже опредѣленно принялъ видъ рѣки, главная долина и долины притоковъ слѣдуютъ попеременно то въ нормальномъ направленіи плоскогорья, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, то въ направленіи боковыхъ разрѣзовъ, отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Быстрый и извилистый, съ крутыми поворотами, Витимъ становится судоходнымъ только ниже пороговъ, прерывающихъ его теченіе въ

разстояніи 550 верстъ кверху отъ сліянія его съ Леной. Впадины, по которымъ протекаетъ Витимъ, были нѣкогда заняты озерами, расположенными одно надъ другимъ уступами: большая часть этихъ озерныхъ бассейновъ были послѣдовательно замѣнены аллювіальными равнинами; однако нѣкоторые существуютъ до сихъ поръ: таково большое озеро Оронъ, соединяющееся съ Витимомъ посредствомъ короткаго истока. На западѣ отъ Витима путешественники проѣзжали по обширнымъ площадямъ лавы, потоки которой вылились по направленію къ Байкальскому озеру: одна изъ этихъ площадей застывшей лавы имѣетъ не менѣе 115 верстъ въ длину [1]).

Начиная отъ полуострова, образуемаго сліяніемъ Витима, Лена течетъ между низменными берегами; но ниже снова появляются высокіе скалистые берега, даже крутые утесы: песчаники и известняки поднимаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саженъ на 25 или еще выше и отражаютъ въ поверхности водъ деревья, растущія наклонно на ихъ краяхъ. Самые знаменитые пейзажи на берегахъ этой могучей сибирской рѣки—это такъ называемыя «Колоннады Лены», похожія на замки въ развалинахъ, стѣны и башни которыхъ высятся на пространствѣ нѣсколькихъ миль, вдоль праваго берега; известковые пласты, неравномѣрно расколотые сверху до низу береговыхъ утесовъ, представляютъ разнообразнѣйшіе виды: овраги и рытвины, вырытые дождями и снѣжными лавинами, обвалы; пещеры, деревья, сгруппированныя на выступахъ или пріютившіяся въ углубленіяхъ между скалъ, извилины рѣки и тысячи другихъ деталей берега разнообразятъ до безконечности постоянно мѣняющуюся картину ленскихъ колоннадъ.

Въ этой части своего теченія Лена уже усилилась принятіемъ въ себя водъ могучей Олекмы, быстрое теченіе которой ощутительно на разстояніи 30 верстъ отъ мѣста сліянія. Ниже къ Ленѣ присоединяются еще болѣе обильныя рѣки: съ правой стороны Алданъ, съ лѣвой Вилюй. Здѣсь прекращается среднее теченіе Лены. Она кончила обходное движеніе къ востоку вокругъ возвышенныхъ земель центральной Сибири и принимаетъ свое нормальное направленіе по океанской покатости: русло ея, усѣянное островами, имѣетъ не менѣе 7 или 8 верстъ средней ширины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разливается какъ настоящее море. При сліяніи ея съ Алданомъ, разстояніе отъ берега до берега около 20 верстъ. Разсматриваемая въ цѣломъ, долина Вилюя составляетъ восточное продолженіе долины Нижней Тунгузки и продолжается къ Тихому океану долиной Алдана. Слѣдовательно, теченіе Лены пересѣкается въ этомъ мѣстѣ поперечной впадиной, которая во всѣ времена имѣла значительную важность для переселеній туземцевъ и для ихъ торговыхъ сношеній, и которая приноситъ также нѣкоторую пользу русскимъ, такъ какъ долина Алдана представляетъ кратчайшій путь изъ бассейна Лены къ берегамъ Великаго океана. Въ климатѣ менѣе суровомъ столь благопріятное географическое положеніе вызвало бы къ жизни первоклассный городъ.

По принятіи въ себя Алдана и Вилюя, главная рѣка Восточной Сибири имѣетъ уже всю свою жидкую массу и болѣе не увеличивается: ея съуженный бассейнъ посылаетъ ей лишь незначительные притоки. Растущія по берегамъ ея деревья постепенно мельчаютъ, понижаются, и число растительныхъ видовъ уменьшается: устилающіе тундру ковры мховъ и лишаевъ подступаютъ къ самымъ берегамъ Лены, острова покрыты лишь маленькими приземистыми деревцами; впрочемъ, послѣдній изъ острововъ рѣки въ собственномъ смыслѣ, Титъ-Арн, называемый русскими «Лиственничнымъ», заключаетъ, кромѣ деревьевъ, отъ которыхъ получилъ свое имя, небольшой лѣсокъ, состоящій изъ елокъ, березъ и тополей. Ниже этой группы зелени начинается обширная дельта Лены, обнимающая пространство приблизительно въ 20.000 квадр. верстъ. Но эта огромная область, окруженная водой, не вся состоитъ изъ аллювіальныхъ земель. На сѣверо-западѣ, Хадангатъ, ограниченный, съ одной стороны, крайнимъ западнымъ лиманомъ дельты, съ другой однимъ изъ рукавовъ рѣки, представляетъ неровную землю, усѣянную холмами и озерами: это бывшій морской островъ или цѣлый архипелагъ, который наносами Лены, а также дѣйствовавшимъ одновременно медленнымъ поднятіемъ почвы, былъ постепенно приближенъ къ материку. Землистыя частицы, приносимыя теченіемъ рѣки, не находятъ себѣ свободнаго выхода къ морю въ сѣверо-западномъ направленіи: съ этой стороны скалистые крутые утесы сибирскаго прибрежья и возвышенныя земли Хадангата образуютъ естественную границу рѣчной дельты. Вслѣдствіе этого, главныя теченія Лены и приносимыя ими твердыя частицы должны были отклоняться къ востоку, и потому съ этой стороны контуры острововъ, излучины и бифуркаціи рѣчныхъ рукавовъ измѣняются всего чаще и всего замѣтнѣе. Въ морѣ передъ устьями Лены вода имѣетъ очень слабую соленость, и мореходы могутъ пробираться черезъ эту сосѣднюю съ дельтой мелководную область лишь съ величайшей осторожностью и не иначе, какъ съ лотомъ въ рукахъ, потому что глубина тутъ не превышаетъ 14—21 аршина [2]). Очертанія дельты должны видоизмѣняться изъ года въ годъ отъ дѣйствія рѣчныхъ наносовъ,

[1]) Лопатинъ, „Экспедиція на Витимъ"; Кропоткинъ, *рукописныя замѣтки.*

[2]) Falander, „Письма Норденшильда".

овучаго лѣса, бурь и въ особенности льдовъ, горые, въ періодъ вскрытія рѣки, подъ напоръ ледохода срываютъ цѣлые острова и уно-

чительны, чтобы ихъ можно было приписывать исключительно личнымъ ошибкамъ составителей картъ. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ, какъ

Чукчи, мужчина и женщина.

итъ ихъ далеко на другое мѣсто. Карты ленской дельты, начерченныя въ разныя времена, а основаніи съемки береговъ болѣе или менѣе ммарной, поверхностной, много разнятся одна гъ другой, и эти разногласія слишкомъ зна-

русскіе познакомились съ дельтой Лены, главнымъ судоходнымъ фарватеромъ остается всетотъ, который идетъ вокругъ восточнаго мыса континента, и который открывается на юго-востокѣ, подлѣ треугольнаго полуострова. Поэ-

давленіемъ береговаго морскаго теченія, которое направляется отъ запада къ востоку, составляя продолженіе теплаго теченія Атлантическаго океана, весь аллювіальный полуостровъ, образовавшійся изъ наносовъ Лены, отклонился къ востоку и отбрасываетъ воды рѣки на восточные берега. На сѣверной сторонѣ дельты, другое устье, впрочемъ, загражденное песчаными мелями, такъ называемый Туматскій рукавъ, тоже сохранилось возлѣ сигнальнаго столба, поставленнаго Лаптевымъ на берегу, въ 1739 г. У западной оконечности области дельты мореходы узнаютъ входъ не по грудамъ камней, сложенныхъ рукой человѣка, но по выступу твердой земли, по Ледяному мысу, названному такъ по причинѣ снѣга и льда, который держится круглый годъ у основанія скалъ, никогда не освѣщаемаго солнечными лучами.

Долина Лены, вверхъ отъ сліянія съ Витимомъ—1.370 вер. Долина Витима вверхъ отъ сліянія съ Леной—2.000 вер. Долина Витима вверхъ отъ сліянія Лены до Ледовитаго океана—5.300 верстъ. Площадь рѣчнаго бассейна—2.200.000 квадр. верстъ.

Извѣстно, что громадный бассейнъ Лены былъ въ первый разъ соединенъ съ Европой путемъ, пройденнымъ судномъ только спустя два съ половиной столѣтія послѣ занятія страны русскими. Въ 1878 году пароходъ «Лена», подъ командой норвежца Іогансена, проникъ въ эту рѣку и поднялся по ней до города Якутска. Такимъ образомъ дорога проложена, и надѣются, что суда будутъ ею иногда пользоваться, несмотря на значительныя препятствія, которыя могутъ противопоставить льды при обходѣ Таймырскаго полуострова и при самомъ входѣ въ устья Лены. Ледоходъ начинается въ рукавахъ дельты только въ концѣ іюня или даже въ первыхъ числахъ іюля, и, говорятъ, что иногда льдины, скопляющіяся сплошной массой при устьяхъ и гонимыя вѣтромъ съ моря во внутренность, вверхъ по теченію, совершенно преграждали входъ въ продолженіе всего лѣта. Вообще правильное судоходное сообщеніе между западной Европой и рѣкой якутовъ можетъ установиться только тогда, когда будутъ учреждены околополярныя обсерваторіи, предложенныя австрійскимъ мореплавателемъ Вейпрехтомъ, и когда въ европейскихъ портахъ будутъ своевременно получаться свѣдѣнія о ходѣ общихъ передвиженій ледяныхъ пространствъ въ Ледовитомъ океанѣ. Лена гораздо менѣе доступна для судовъ, нежели Обь или Енисей, и никогда не будетъ имѣть такой же важности для международной торговли, какъ эти двѣ рѣки, но тѣмъ не менѣе она представляетъ удобства для движенія внутренней торговли, и судоходство можетъ развѣтвляться въ ея бассейнѣ на пространствѣ около 10.000 верстъ.

Судоходное теченіе: Лены—4.340 верстъ; Витима—535; Олекмы—937; Алдана—1.410; Амги — 468; Маи (притока Алдана)—4[illegible]. Вилюя—1.128 верстъ.

Естественныя богатства ленскаго бассейна, все населеніе котораго не превышаетъ 300.000 душъ, также равняются природнымъ ресурсамъ Западной Сибири. Лена не менѣе изобильна рыбой, чѣмъ Обь, а лѣса ея даже обширнѣе обскихъ; по берегамъ ея тянутся плодородныя равнины и плоскія возвышенности съ превосходными пастбищами; золотоносные пески Витима и Олекмы безспорно богатѣйшія золотыя розсыпи во всей Азіи; мѣсторожденія свинцовой и серебряной руды, мѣди, желѣза встрѣчаются въ разныхъ частяхъ бассейна, хотя до сихъ поръ еще не было произведено систематическаго изслѣдованія этихъ минеральныхъ сокровищъ; озера, соляные источники, цѣлыя горы, состоящія изъ кристаллическихъ хлористыхъ соединеній, доставляютъ въ изобиліи поваренную соль; ключи сѣрнистой воды бьютъ изъ земли на берегу рѣки и теряются въ ея потокѣ; наконецъ, пласты каменнаго угля, принадлежащіе къ той же формаціи, какъ и залежи бассейна Нижней Тунгузки, выходятъ на самую поверхность земли, на берегахъ Вилюя, и тянутся, почти безъ перерыва, вдоль теченія Лены, на пространствѣ около 1.500 верстъ, внизъ отъ «Колоннадъ». Нѣкоторые изъ этихъ выступающихъ наружу слоевъ ископаемаго угля, охваченные лѣсными пожарами, горѣли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и дымъ, постоянно поднимавшійся изъ земли, породилъ мѣстныя преданія о существованіи вулкановъ въ сѣверной Сибири [1]).

Хараулахскіе холмы, почти горы, поднимающіе тамъ и сямъ свои бѣлыя, или по крайней мѣрѣ покрытыя полосами снѣга, верхушки до высоты 1.320 футовъ, отдѣляютъ нижнюю Лену отъ другой большой рѣки, Яны, которая течетъ прямо на сѣверъ, и воды которой тоже изливаются въ океанъ посредствомъ обширной дельты, развертывающей свои низменные берега отъ запада къ востоку на пространствѣ около 150 верстъ. Водораздѣльная линія высотъ, которая принимаетъ на большой части своего протяженія видъ настоящей цѣпи горъ, Верхоянскій хребетъ, соединяется съ южной оконечностью Хараулахскихъ горъ и, направляясь на востокъ къ плоскогорьямъ Становаго хребта, господствуетъ на сѣверѣ надъ нижней долиной Алдана. Чтобы проѣхать изъ Якутска въ Нижне-Колымскъ, городокъ на нижнемъ теченіи Колымы, нужно перевалить черезъ хребетъ въ 2.140 футовъ высоты, по обѣ стороны котораго поднимаются вершины высотою отъ 825 до 1.000 футовъ [2]). Горный проходъ, черезъ который пролегаетъ дорога въ городъ Верхоянскъ, на верхней Янѣ, имѣетъ не менѣе

[1]) Норденшельдъ, „Sibirische Reise".
[2]) Врангель, Анжу, „Sibiria and the Polar Sea".

1,500 футовъ возвышенія и идетъ по вырѣзкѣ хребта глубиною около 650 футовъ [1]). Индигирка и Колыма, получающія начало, какъ и Яна, на сѣверной покатости Верхоянскаго водораздѣльнаго хребта, представляютъ замѣчательное сходство съ этой рѣкой по длинѣ и направленію ихъ теченія, по обилію ихъ водъ, по стремнинамъ и порогамъ, которые онѣ образуютъ въ верхней части своего ложа, по островамъ ихъ дельтъ. Всѣ эти рѣки берутъ начало въ гористой области лѣсовъ и протекаютъ на сѣверѣ по гладкимъ равнинамъ тундры; хотя всѣ онѣ судоходны, но по нимъ плаваютъ пока только рыбачьи лодки якутовъ, юкагировъ и немногочисленныхъ русскихъ поселенцевъ. Самая обильная рыбой изъ этихъ трехъ рѣкъ—Колыма; двѣ рѣки Анюй, которыя присоединяются съ восточной стороны къ Колымѣ и образуютъ съ ней одну общую дельту, также очень богаты животной жизнью.

Нѣкоторые ближайшіе къ морскому берегу островки съ незапамятныхъ временъ извѣстны туземцамъ, которые, безъ сомнѣнія, и показали ихъ первымъ русскимъ изслѣдователямъ; таковы «Медвѣжьи острова», лежащіе въ морѣ на сѣверѣ отъ Колымскаго залива, и на которыхъ, съ прошлаго столѣтія находятся зимнія хижины (зимовья), построенныя рыболовами [2]). Одинъ изъ этихъ острововъ, такъ называемый «островъ Четырехъ Столбовъ», упоминается всѣми посѣтившими тѣ воды мореплавателями, вниманіе которыхъ приковываютъ четыре отдѣльно стоящія базальтовыя колонны, почти столь правильныя, какъ-будто онѣ были вытесаны и воздвигнуты рукой человѣка: матросы экспедиціи проф. Норденшильда приняли ихъ за маяки, поставленные русскимъ правительствомъ, чтобы указывать путь изслѣдователямъ Ледовитаго океана. Другой островъ Медвѣжьяго архипелага содержитъ такое множество мамонтовыхъ костей, что про южный его берегъ составилось понятіе, будто онъ весь состоитъ изъ бивней исполинскаго допотопнаго толстокожаго [3]). По всей вѣроятности, и другіе большіе острова сибирскаго Полярнаго моря, открытіе которыхъ относятъ обыкновенно къ прошлому столѣтію или даже къ болѣе близкой къ намъ эпохѣ, тоже были посѣщаемы туземцами гораздо ранѣе. Такъ, въ Ляховскомъ архипелагѣ, островъ, называемый «Ближнимъ» или «Первымъ», не могъ быть совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ юго-западная оконечность этого острова, мысъ Киселякъ, образуемый величественными базальтовыми колоннадами [4]), и высокая гора Кантагай, поднимающаяся на нѣсколько сотъ метровъ, находятся всего только на разстояніи 70 верстъ отъ мыса Святой Носъ, и слѣдовательно всегда, въ ясную погоду, показываются острому зрѣнію тунгусовъ и якутовъ. Дикіе олени переходятъ по льду съ материка на островъ, такъ же, какъ бѣлые мѣдвѣди и другія животныя, даже мелкіе грызуны [1]); значитъ, охотникамъ нужно было только идти по слѣдамъ дичи, чтобы открыть «Первый» островъ. Съ этого острова на «Второй» переходъ тоже былъ не труденъ; но «Третій», Котельный островъ, который находится уже среди моря, далеко отъ береговъ континента, равно какъ многіе островки, лежащіе на западѣ, вѣроятно, были осмотрѣны впервые долгое время спустя послѣ открытія южныхъ острововъ; однако, тамъ нашли русскую могилу въ 1811 году; Геденстремъ видѣлъ тамъ юкагирскія санки и каменный ножъ, доказательство древняго посѣщенія, ибо юкагиры уже съ давнихъ поръ употребляютъ желѣзные ножи, вымѣниваемые ими у русскихъ торговцевъ. Котельный островъ очень обширная земля, площадь которой, по опредѣленію Анжу, не менѣе 18.000 квадр. верстъ, и которой Геденстремъ приписывалъ пространство по крайней мѣрѣ втрое большее: полоса, состоящая изъ подводныхъ камней и обширныхъ мелей, обыкновенно соединяетъ ее съ лежащимъ восточнѣе большимъ островомъ, носящимъ названіе Ѳаддеевскаго; между этими двумя землями остается только узкій протокъ (около 80 саженъ шириною), черезъ который стремительно текутъ морскія воды то въ ту, то въ другую сторону, сообразно измѣненію направленія прилива. Во время бури песчаная плотина, соединяющая два острова, Котельный и Ѳаддеевскій, покрывается пѣнящимися волнами

Позже всѣхъ открытъ, или, вѣрнѣе сказать, отысканъ въ этихъ водахъ островъ, которому дали имя Новой Сибири, хотя, впрочемъ, названіе это часто примѣняется ко всей группѣ островныхъ земель, лежащихъ на сѣверѣ отъ азіатскаго континента, между устьями Лены и Индигирки. Купецъ Сыроватскій первый осмотрѣлъ его въ 1806 году, и вскорѣ послѣ того, въ 1809 и 1810 годахъ, Геденстремъ, Санниковъ, Кожевинъ тщательно изслѣдовали новую землю. Затѣмъ ее посѣтилъ Анжу, въ 1820—1823 годахъ, во время экспедиціи Врангеля, и съ тѣхъ поръ звѣроловы постоянно проводили тамъ зиму, поселяясь въ зимовьяхъ, построенныхъ Санниковымъ. Такъ же, какъ сосѣдніе острова, Новая Сибирь довольно богата животными видами, благодаря ледяному мосту, который соединяетъ ее каждый годъ съ материкомъ Азіи; фауна ея заключаетъ бѣлыхъ медвѣдей, сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ лисицъ

[1]) Neuman, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 11.

[2]) Кропоткинъ, „Экспедиція въ сѣверныя моря".

[3]) Neumann, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г. № 12.

[4]) Bove, „Bolletino della Società Geografica Italiana", 1879 г. № 12.

[1]) Wrangel „Siberia and the Polar Sea".

или песцовъ, россомахъ, мелкихъ грызуновъ и многочисленныя породы птицъ. Кромѣ того, охотники находятъ тамъ остатки исчезнувшихъ животныхъ, кости мамонтовъ и носороговъ, рога буйволовъ, лошадиныя копыта; Геденстремъ открылъ тамъ топоръ, сдѣланный изъ мамонтоваго бивня. Плоскіе берега усѣяны стволами лиственницъ и тополей, выброшенныхъ волнами; но главную достопримѣчательность острова составляетъ гряда холмовъ, которая тянется вдоль полуденнаго берега, на пространствѣ около 5 верстъ: эти холмы заключаютъ, въ слояхъ песчаника и гравія, значительныя скопленія обугленныхъ деревьевъ, которыя, по мнѣнію однихъ, принадлежатъ къ юрской эпохѣ, тогда какъ другія видятъ въ нихъ просто слои наноснаго, выброшеннаго волнами лѣса, принадлежащаго къ новѣйшей эпохѣ. Хотя эти холмы, или, какъ ихъ называютъ, «Лѣсныя горы» поднимаются всего только футовъ на сто, на двѣсти надъ уровнемъ моря, ихъ, однако, иногда можно, благодаря дѣйствію миража, разглядѣть съ сибирскаго берега съ разстоянія 260 верстъ [1]).

Во время своихъ многочисленныхъ путешествій, предпринятыхъ для изслѣдованія полярнаго моря на востокъ отъ Новой Сибири, извѣстный русскій мореплаватель Врангель постоянно стремился пробраться къ сѣверной землѣ, о которой ему разсказывали туземцы, и къ которой, какъ онъ самъ видѣлъ, направлялись стаи перелетныхъ птицъ; при томъ и на картѣ 1765 года, хранящейся въ московскомъ архивѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, показанъ островъ въ тѣхъ водахъ, гдѣ его искалъ Врангель. Однако, въ три послѣдовательныя поѣздки на саняхъ по сибирскимъ льдамъ, онъ каждый разъ былъ останавливаемъ полыньей, чистымъ отъ льда пространствомъ, какія находили другіе мореплаватели въ полярныхъ моряхъ, и русское названіе которыхъ перешло и въ Новый Свѣтъ, гдѣ дали имя Polynia «свободному морю», встрѣченному Гэйзомъ въ американскомъ Полярномъ океанѣ, на сѣверѣ отъ Смитова пролива. Ледъ на краяхъ полыньи былъ такъ тонокъ, что отказывался поддерживать сани, и путешественники не могли продолжать путь далѣе на Ледовитый океанъ; они явственно чувствовали, какъ подъ ними море поднимается длинными волнами. Такимъ образомъ Врангель достигъ лишь отрицательнаго результата во всѣхъ своихъ развѣдкахъ, и изъ самыхъ его изслѣдованій можно было вывести заключеніе, что искомая земля не существуетъ. Она, однако, существуетъ и нашлась въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Врангель напередъ очертилъ на картѣ ея предполагаемые контуры, основываясь на разсказахъ туземцевъ: большой островъ, поднимающійся изъ моря высокими берегами, который, въ память тщетно искавшаго его покойнаго мореплавателя, названъ, по его имени, «Землей Врангеля», лежитъ на сѣверѣ отъ Чукотской Земли, недалеко отъ входа въ Ледовитаго океана въ Беринговъ проливъ. Эта новая полярная земля, открытая въ первый разъ изъ 1849 году Келлетомъ и послѣ того опять видѣнная китоловомъ Лонгомъ въ 1867 году, пока еще обозначается на картахъ лишь неопредѣленными очертаніями, и неизвѣстно даже, на какое разстояніе она продолжается на сѣверъ, и составляетъ ли замѣченная Лонгомъ въ 1867 году земля часть ея: гора Лонгъ, поднимающаяся на самой полуденной оконечности острова, достигаетъ 2.475 футовъ высоты, и ея правильная конусообразная форма подала поводъ причислить ее къ потухшимъ вулканамъ. Льды помѣшали Норденшильду и Паландеру посѣтить эти острова. До сихъ поръ все морское пространство на сѣверъ отъ Новой Сибири и отъ Земли Врангеля, между архипелагомъ Франца-Іосифа на западѣ и полярными архипелагами Америки на востокѣ, остается неизслѣдованнымъ, и не извѣстно, продолжается ли Гренландія въ ту сторону какимъ-нибудь полуостровомъ, какъ это предполагаетъ Петерманнъ, или воды омываютъ тамъ только острова или архипелаги. Какъ бы то ни было, на сѣверныхъ берегахъ Сибири нигдѣ не найдено эрратическихъ камней: это обстоятельство доказываетъ, по мнѣнію барона Норденшильда, что въ ледовитыхъ моряхъ Сибири не существуетъ большихъ земель, или вѣрнѣе, что плывучіе льды не переносятъ каменныхъ обломковъ, какъ это допускало до сихъ поръ большинство геологовъ. На сѣверо-западѣ отъ Таймырскаго полуострова, норвежскій мореплаватель Іогансенъ открылъ, въ 1878 году, островъ, которому онъ далъ вполнѣ справедливое названіе Ensomheden или «Пустыни». Эта уединенная земля, затерянная среди ледяныхъ пространствъ океана, занимаетъ площадь въ 175 квадр. верстъ и оканчивается на западѣ высокими береговыми утесами, надъ которыми господствуетъ гора, имѣющая около 510 футовъ высоты; низменный и песчаный восточный берегъ усѣянъ древесными стволами, принесенными туда морскими теченіями. Можетъ быть, этотъ островъ былъ уже виденъ Лаптевымъ въ 1741 году [1]).

Буряты очень многочисленны въ южной части областей, лежащихъ по теченію Лены. Изъ всѣхъ сибирскихъ туземцевъ, эти инородцы всего лучше сохранили формы древней общины, къ великому удивленію русскихъ крестьянъ, у которыхъ вліяніе міра гораздо

[1]) *Hedenström, „Fragments sur la Sibérie"*, 1830 г.

[1]) Mohn, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г.

менѣе даетъ себя чувствовать въ частной жизни членовъ сельской общины. Бѣдный бурятъ считаетъ себя въ правѣ требовать пищи и пріюта у богатаго; когда убиваютъ животное, всѣ приходятъ взять себѣ за трапезой равную долю, и хозяинъ между ними тотъ, кто послѣдній прикладывается къ ясвамъ; даже желѣзныя украшенія, которыя молодыя дѣвушки заплетаютъ себѣ въ волоса, берутся безъ церемоніи и безъ всякаго вознагражденія у кузнеца общины, который продаетъ свои издѣлія только постороннимъ людямъ. Сборъ хлѣба на поляхъ производится въ пользу всѣхъ, и каждый береть, сколько ему надо, изъ общественнаго амбара. Каждыя пять или десять лѣтъ буряты одного округа соединяются, чтобы предпринять сообща охоту на лѣснаго звѣря: для этой цѣли они выбираютъ временныхъ начальниковъ или атамановъ, и, разбившись на партіи, человѣкъ по двадцати въ каждой, расходятся въ разныя стороны по лѣснымъ чащамъ; но добыча охоты дѣлится равномѣрно между всѣми членами абы [1]).

Господствующее населеніе въ бассейнѣ Лены составляютъ якуты. Территорія, на пространствѣ которой кочуютъ эти инородцы, и которая по крайней мѣрѣ въ два раза обширнѣе Франціи, обнимаетъ большую часть средняго бассейна Лены, берега этой рѣки въ ея сѣверномъ теченіи, въ низовьяхъ и прибрежье Арктическаго океана, между Хатангскимъ заливомъ и дельтой Лены. Якуты обитаютъ также, на востокѣ, по берегамъ Яны, Индигирки, Колымы и живутъ тамъ и сямъ группами на подобіе острововъ, среди другихъ народностей, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ страны, гдѣ они являются преобладающей расой. Такъ, въ западной Сибири, мы находимъ нѣсколько якутскихъ семействъ на Енисеѣ, ниже города Туруханска; на востокѣ они располагаются своими становищами на нижнемъ теченіи Индигирки; на юго-востокѣ ихъ встрѣтишь даже въ бассейнѣ Амура. Впрочемъ эти области сѣверной Сибири не составляютъ наслѣдственнаго владѣнія ихъ племени; они здѣсь тоже пришельцы: въ этомъ отношеніи преданіе ихъ отличается большой точностью. Они жили прежде въ странахъ, окружающихъ Байкальское озеро, но, вытѣсненные оттуда бурятами, принуждены были переселиться на сѣверъ и покориться тяжелымъ невзгодамъ жизни въ суровомъ полярномъ климатѣ: татарскія названія мѣстъ въ прибайкальской территоріи до сихъ поръ напоминаютъ о ихъ пребываніи въ томъ краѣ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія они очутились лицомъ къ лицу съ другими врагами, съ русскими авантюристами, сибирскими казаками, и ихъ отступательное движеніе продолжалось къ Ледовитому океану. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія ихъ увидѣли въ первый разъ на Таймырскомъ полуостровѣ, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи они появляются на берегахъ верхней Колымы. Во время этого перемѣщенія, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, якутамъ пришлось не только акклиматизироваться, приспособиться къ условіямъ новой физической среды, но еще измѣнить и самый образъ жизни: бывъ прежде пастушескимъ и наѣздническимъ народомъ, какъ ихъ соплеменники киргизы, они должны были на новыхъ мѣстахъ сдѣлаться также рыболовами, звѣроловами, оленеводами. Нѣкоторыя слова ихъ языка и традиціонные обычаи свидѣтельствуютъ о разницѣ, существующей между старыми и современными нравами этого многочисленнаго сибирскаго племени [1]).

Впрочемъ, нынѣшніе якуты далеко не сохранили свою расу въ первоначальной чистотѣ, напротивъ—съ той эпохи, когда ихъ предки покинули берега Святаго моря, кровь ихъ сильно смѣшалась съ кровью народовъ, которыхъ они встрѣчали въ своихъ переселеніяхъ. Всего болѣе и чаще происходило смѣшеніе съ кочевниками тунгусами, которые во многихъ мѣстностяхъ странствуютъ по той же звѣроловной территоріи, какъ и якуты, и съ которыми послѣдніе находятся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. При существованіи обычая, даже религіознаго закона, обязывающаго якутовъ выбирать себѣ женъ внѣ своей родни, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже внѣ своего рода или клана, такія смѣшенія съ иноплеменниками были неизбѣжны: благодаря этому обычаю вступленія въ бракъ съ людьми чужаго рода и племени, большое число якутскихъ семействъ превратились въ настоящихъ монголовъ; въ Алданскихъ горахъ на юго-востокѣ отъ Якутска, они сдѣлались истыми тунгусами по наружности и чертамъ лица. Въ другихъ мѣстахъ якуты обрусѣли; однако чаще можно наблюдать обратное явленіе. Русскіе, которые женятся на якутскихъ женщинахъ, мало-по-малу «объякучиваются». Во многихъ становищахъ встрѣчаешь звѣролововъ славянскаго происхожденія, но по чертамъ лица и нравамъ совершенныхъ якутовъ. Здѣсь татарская цивилизація беретъ верхъ надъ цивилизаціей русской.

По описанію Миддендорфа, якутъ чистой расы имѣетъ овальный обликъ, носъ прямой, скулы мало выдающіяся, вѣки чуть скошенныя, волосы черные: онъ гораздо больше походитъ на киргиза, чѣмъ на монгола. По росту онъ занимаетъ середину между русскимъ и тунгусомъ (средній ростъ русскихъ въ Якутскѣ 1,83, якутовъ 1,74, тунгусовъ 1,63 метра). Костюмъ его не отличается отъ одежды его сѣ-

[1]) Щаповъ, „Извѣстія Русск. Геогр. Общества“, 1874 г., примѣчанія

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise“.

верныхъ сосѣдей; единственное отличіе составляетъ высокій головной уборъ, похожій на колпакъ киргизовъ и хивинцевъ: эта мѣховая шапка, очевидно, скроена по образцу малахая, какой носили его предки, прежде, чѣмъ разлучились со своими соплеменниками, южными татарами. Якутскій языкъ, изученный Бетлингомъ, Арминіемъ Вамбери и другими учеными, свидѣтельствуетъ, такъ же, какъ типъ и костюмъ, о сходствѣ этой націи съ различными народами тюркскаго и татарскаго племени; безъ сомнѣнія, фризу изъ Ганновера и саксонцу изъ Трансильваніи труднѣе будетъ объясняться другъ съ другомъ, чѣмъ якуту понимать разговоръ османлиса изъ Анатоліи или изъ Константинополя [1]). Конечно татары и якуты съ трудомъ могли бы разговаривать между собой, но малѣйшее знакомство съ грамматикой сдѣлало бы бесѣду легкой. Якутскія названія мѣстъ нѣсколько разнятся отъ именъ, употребляемыхъ въ Туркестанѣ, но между тѣми и другими легко признать семейное сродство, и по многимъ выраженіемъ географическая номенклатура представляетъ сходство, отъ береговъ Босфора до устьевъ Лены. Якутскій языкъ чрезвычайно богатъ терминами, означающими различныя формы горъ, лѣсовъ, рѣкъ, ручьевъ и вообще всѣхъ физическихъ чертъ земной поверхности. Большое число выраженій синонимныхъ составляетъ даже одну изъ главныхъ трудностей, на которыя наталкивается русскій, когда онъ хочетъ выучиться по-якутски. Несмотря на то, многіе русскіе и тунгусы чаще и охотнѣе употребляютъ якутскій языкъ, чѣмъ свой природный, и даже въ городѣ Якутскѣ, главномъ центрѣ русскаго господства въ странѣ, языкъ туземцевъ былъ, лѣтъ двадцать назадъ, моднымъ діалектомъ, языкомъ свѣтской бесѣды въ гостиныхъ многихъ русскихъ чиновниковъ. Правда, что въ туземное нарѣчіе вошло много словъ славянскихъ, преимущественно такихъ, которыя относятся къ бюрократіи, къ приказному слогу и къ современнымъ техническимъ искусствамъ и ремесламъ; но заимствованія, сдѣланныя русскимъ языкомъ изъ якутскаго, были еще значительнѣе. Въ отношеніи языка, какъ и въ отношеніи расы, якуты одержали верхъ надъ славянами, и указываютъ даже семейства русскихъ священниковъ и дьячковъ, которыя отатарились по языку и обычаямъ, сохранивъ лишь свои славянскія имена да религіозныя вѣрованія.

Якутовъ по справедливости можно бы было назвать «сибирскими жидами». Они одарены въ высокой степени коммерческимъ геніемъ, но, къ несчастію, непредусмотрительность, легкомысленная безпечность тунгусовъ предали имъ въ жертву этихъ простодушныхъ дикарей: якуту напередъ принадлежатъ олени тунгуса и куницы, которыя попадутся въ его капканъ. Но не надъ одними только туземными обитателями Сибири якутъ изощряетъ свой духъ спекуляціи и торгашества, онъ также ловко и успѣшно надуваетъ и казака, и многія мѣстныя поговорки выставляютъ въ смѣшномъ видѣ глупыя притязанія русскаго, который хочетъ поспорить въ хитрости съ якутомъ: «какъ онъ ни хитеръ, говоритъ г. Уваровскій, а всегда кончается тѣмъ, что якутъ перехитритъ его». Полный увѣренности въ превосходство своего торговаго генія, якутъ не встрѣчаетъ достойныхъ себя противниковъ, по части меркантильнаго надувательства, кромѣ какъ въ китайскихъ даурцахъ забайкальскаго края. Эти послѣдніе не уступаютъ ему въ недовѣрчивости, въ изворотливости, въ знаніи людей, въ притворной наивности, въ умѣньи приводить въ движеніе тайныя пружины тщеславія; и сверхъ того, они превосходятъ его въ воздержности, въ любви къ порядку и бережливости. Въ самомъ дѣлѣ, якутъ не заботится о будущемъ, какъ только имѣетъ возможность наслаждаться настоящимъ; въ такія блаженныя минуты онъ только повторяетъ мѣстное присловіе: «хорошо ѣсть, хорошо разжирѣть—вотъ самое лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ» [1]). Пока ему необходимо трудиться, онъ дѣлаетъ это съ такой же стойкостью и неутомимостью, какъ еврей или китаецъ; онъ переноситъ всѣ невзгоды и терпитъ голодъ съ такой же безропотностью и покорностью судьбѣ, какъ тунгусъ; никакая опасность не пугаетъ его, никакое препятствіе не останавливаетъ его. Но когда настаетъ часъ отдыха, онъ предается лѣни не хуже любаго животнаго; если онъ мѣняетъ шашки на карты или пускается въ какую-нибудь другую азартную игру, то это для того, чтобы рискнуть своей работой цѣлаго года или даже цѣлой жизни. Разоренный несчастливымъ оборотомъ игры, онъ опять становится искуснымъ звѣроловомъ или плутоватымъ торговцемъ и снова начинаетъ свою бродячую жизнь, полную труда и лишеній.

Несмотря на свои недостатки, якутъ, между всѣми обитателями Сибири, наиболѣе благоденствуетъ, благодаря своему замѣчательному таланту ассимиляціи или приспособленія. Онъ умѣетъ прилаживаться къ окружающей средѣ, къ природѣ и людямъ. Въ продолженіе длинной ночи полярнаго круга онъ проводитъ время въ снѣ, какъ бѣлый медвѣдь, зарывшійся въ снѣгъ; но во все время, пока лѣтнее солнце описываетъ полный кругъ надъ горизонтомъ, онъ работаетъ безъ устали. Онъ такъ же удобно располагается въ самоѣдскомъ чумѣ, какъ и въ русской избѣ, построенной изъ положенныхъ горизонтально одно на другое бревенъ. Осѣдлый житель или кочевникъ, смотря по требо-

[1]) A. Vambéry, „Die primitive Cultur des Türko-tatarischen Volkes".

[1]) Эрманъ, „Путешествіе въ Сибирь".

занiямъ промысла, онъ всегда готовъ, какое бы дѣло ему ни представлялось. Съ самоѣдомъ или тунгусомъ онъ и самъ дѣлается самоѣдомъ или тунгусомъ, но сохраняя при этой метаморфозѣ свой природный геній, который позволяетъ ему быть первымъ между его новыми товарищами. Среди русскихъ онъ такъ же скоро становится русскимъ и усвоиваетъ съ изумительной легкостью бюрократическіе порядки и формальности. Въ борьбѣ за существованіе якуты до сихъ поръ не имѣли причины опасаться, что имъ придется исчезнуть передъ русскими; въ очень многихъ деревняхъ они болѣе, чѣмъ другіе поселяне, пользуются достаткомъ и довольствомъ, опрятно содержатъ свои дома, и русскіе парни добиваются руки ихъ молодыхъ дѣвушекъ [1]). Хотя тысячи яку-

Общій видъ Петропавловска.

[1]) Эрманъ, цитированное сочиненіе.

товъ обрусѣли, однако, число ихъ болѣе, чѣмъ удвоилось, можетъ быть учетверилось съ начала настоящаго столѣтія, если правда, что ихъ было тогда только около пятидесяти тысячъ душъ; всѣ новѣйшіе статистики единогласно опредѣляютъ цифру якутскаго народа слишкомъ въ двѣсти тысячъ душъ [1]). Внѣ городовъ эти инородцы сохранили независимое внутреннее управленіе; они имѣютъ еще собственныхъ князьковъ или тойоновъ, содержаніе которыхъ оплачивается посредствомъ добровольныхъ взносовъ.

Въ суровомъ климатѣ сѣверной Сибири якуты не во всѣхъ округахъ могутъ заниматься хлѣбопашествомъ, но какъ скотоводы они и тамъ успѣли сдѣлать то, чего русскіе еще и не пробовали: они съумѣли развести у себя рогатый скотъ и лошадей даже по ту сторону полярнаго круга (только коровы защищены у нихъ навѣсомъ и въ сильныя вьюги загоняются даже въ юрты, лошади же всегда на дворѣ и на морозѣ), и не затруднятся тѣмъ, что имъ иногда приходится ѣздить добывать сѣно для этого скота за сотни верстъ; они успѣли даже развести особую породу молочныхъ кобылъ, которыя даютъ столько же молока, какъ коровы, и которыхъ можно доить нѣсколько разъ въ день; маленькія лошади, которыхъ они продаютъ на золотые пріиски, высоко цѣнятся за ихъ силу, выносливость (вмѣсто овса, якутская лошадь ѣстъ кору ивы, лиственницу, старую траву, а между тѣмъ скачетъ 30 верстъ безъ отдыха). Якуты ѣдятъ мясо и предпочитаютъ конину; но они очень бережливы насчетъ жизни своихъ домашнихъ животныхъ и убиваютъ ихъ только въ большіе праздники. Какъ ремесленники, они почти не имѣютъ равныхъ себѣ и успѣваютъ во всѣхъ мастерствахъ и художествахъ. Ловкость, которую они обнаруживаютъ въ ручныхъ работахъ, позволяетъ имъ выдѣлывать, при помощи самыхъ примитивныхъ средствъ, орудія и драгоцѣнныя вещи изъ накладнаго золота и серебра, вырѣзывать изъ кости всякія подѣлки; они добываютъ руду изъ желѣзистой скалы, выплавляютъ желѣзо и приготовляютъ изъ него инструменты лучше тѣхъ, которые привозятъ русскіе купцы. Въ Якутскѣ всѣ рабочіе и мастеровые: печники, плотники, столяры, живописцы, даже скульпторы, изъ якутовъ [2]); якутскія женщины хорошія кухарки, швеи; всѣ няньки — якутки. Тамъ можно видѣть самовары, даже ружья якутской фабрикаціи; переимчивый туземный ремесленникъ умѣетъ всему подражать, но съ оригинальнымъ талантомъ: одно изъ любопытныхъ произведеній его промышленности—родъ корзинки, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ, промежутки которой замазаны глиной, и которую они обмакиваютъ въ холодную воду, чтобы покрыть ее прозрачнымъ слоемъ льда; такимъ образомъ въ продолженіе болѣе чѣмъ половины года корзинка имѣетъ видъ хрустальной вазы.

Большинство якутовъ, окрещенныхъ въ христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, для формы, носятъ имена чиновниковъ, русскихъ, поляковъ или нѣмцевъ, впрочемъ, до такой степени исковерканныя, что ихъ невозможно узнать. Обычай дѣтоубійства, именно умерщвленія дѣвочекъ, нѣкогда общераспространенный у якутскихъ племенъ, теперь совершенно вышелъ изъ употребленія; прежде младенцевъ женскаго пола, отъ которыхъ родители хотѣли избавиться, клали въ корзинки и относили въ лѣсъ, гдѣ вѣшали корзинку на сукъ дерева; еще недавно можно было встрѣтить старухъ якутовъ, которыя въ дѣтствѣ были подобраны въ лѣсу и воспитаны чужими людьми [1]). Старые обряды шаманскаго культа еще не совсѣмъ оставлены: якуты по-прежнему вѣрятъ въ чародѣйство, взываютъ къ добрымъ духамъ и заклинаютъ демоновъ. Безъ сомнѣнія, со временъ путешествія Гмелина, относящагося къ первой половинѣ прошлаго столѣтія, произошли весьма значительныя перемѣны въ нравахъ націи; но религія въ сущности осталась та же самая. И теперь, какъ прежде, при переходѣ черезъ горные хребты совершаются самыя торжественныя религіозныя церемоніи, и шаманъ впадаетъ въ самое сильное изступленіе, произнося свои заклинанья, обращенныя къ божествамъ водъ и воздушныхъ пространствъ, къ «маленькой прабабкѣ рѣчкѣ, существующей отъ вѣчности», и къ «бабушкѣ горѣ», къ «карликамъ», которыхъ ищешь по правую руку въ восьми долинахъ, и которые вдругъ появляются на лѣвой сторонѣ въ девяти горахъ». Затѣмъ онъ обращается къ злому духу съ такимъ воззваніемъ: «А ты, Шандай, старый, какъ камни, не замедляй нашего пути, не поражай нашихъ юношей, не моргай глазами, не устремляй на насъ твоего взора, и пусть безмолвствуетъ твой языкъ!» Послѣ того шаманъ разбрасываетъ по воздуху полныя ложки растопленнаго коровьяго масла, чтобы возблагодарить боговъ и умилостивить злыхъ духовъ, и привязываетъ конскіе хвосты или гривы къ стволамъ деревьевъ или къ столбамъ, поставленнымъ на скалахъ. Ко всѣмъ своимъ богамъ якуты прибавили русскихъ святыхъ, въ особенности Николая Угодника, и къ своимъ шайтанамъ—русскихъ чертей и злыхъ: такимъ образомъ пантеонъ ихъ значительно увеличился. Они говорятъ также о богѣ, всеобщемъ отцѣ, но онъ пребываетъ слишкомъ высоко и далеко отъ нихъ, чтобы поклоненіе ему могло сложиться въ опредѣленный культъ. Этотъ-то высочайшій богъ и сотворилъ землю, въ началѣ маленькую и ровную; но злой духъ

[1]) Венюковъ, „Этнографическая карта Азіатской Россіи".
[2]) *F. von Wrangel.* „*Siberia* and the Polar Sea".

[1]) Врангель, цитированное сочиненіе.

сталъ рыть почву, раскапывать ее, какъ собака, отчего и образовались долины и горы; такъ какъ земля постоянно увеличивалась, то долины съ теченіемъ времени сдѣлались ложами рѣкъ и морей, и материки выступили наружу среди водъ [1]).

Долганы, живущіе, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, въ лѣсахъ и тундрахъ сѣвера Сибири, между рѣками Пясиной и Хатангой, многими причисляются къ тунгусскому племени: однако, ихъ типъ и нарѣчіе свидѣтельствуютъ, что это тоже якуты, какъ и обитатели бассейна Лены [2]); но они разнообразно смѣшались съ тунгусами, самоѣдами и русскими, и, безъ сомнѣнія, дальность разстоянія была причиной того, что мало-по-малу совершенно прекратились ихъ сношенія съ другими якутами, отъ которыхъ, можетъ быть, ихъ отдѣлили нѣкогда эпидеміи, оспа и тифъ, истребившіе часть племени и заставившіе остальныхъ удалиться на крайній сѣверъ [3]). Что касается юкагировъ, юрты которыхъ сгруппированы маленькими деревушками въ ледяной тундрѣ, тамъ гдѣ ее прорѣзываютъ рѣки Яна, Индигирка, Колыма, то Гмелинъ присчисляетъ ихъ къ якутамъ; Биллингсъ и Миддендорфъ видятъ въ нихъ тунгусовъ, тогда какъ Шифнеръ полагаетъ, что они составляютъ особый народъ среди сибирскихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, юкагиры говорятъ особымъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ нарѣчій другихъ инородцевъ Сибири [4]); но несомнѣнно, что они представляютъ сильную помѣсь и смѣшиваются со всѣми своими сосѣдями, туземцами и русскими. Многочисленные прежде, по ихъ выраженію, «какъ звѣзды на ясномъ небѣ» [5]), они теперь уменьшаются въ числѣ и вымираютъ; скоро отъ нихъ останутся только курганы да развалины укрѣпленій или остроговъ, построенныхъ изъ бревенъ. По Венюкову, число ихъ въ настоящее время не превышаетъ 1.600 душъ; другіе писатели насчитываютъ ихъ еще менѣе, и только какой-нибудь десятокъ юкагировъ умѣютъ еще говорить своимъ природнымъ языкомъ [6]). Другой народецъ, нѣкогда тоже очень могущественный, чуванцы, состоялъ въ 1860 году всего только изъ 267 человѣкъ.

Малочисленное населеніе бассейна Лены и сѣверныхъ тундръ почти вездѣ разсѣяно деревнями и поселками очень удаленными другъ отъ друга, и за исключеніемъ Якутска, всѣ группы домовъ или лачугъ, носящія громкое имя городовъ, не были бы удостоены даже названія мѣстечекъ въ многолюдныхъ странахъ. Эти города занимаютъ значительное пространство, по причинѣ большой ширины улицъ, обширности площадей, дворовъ, садовъ и огородовъ; но исключая праздничныхъ и базарныхъ дней, они всегда безлюдны, безмолвны, пустынны и почти совершенно исчезаютъ, когда снѣгъ покрываетъ однообразной бѣлой пеленой землю, растенія и крыши домовъ: они сливаются тогда съ окружающимъ пространствомъ.

Верхоленскъ, находящійся, какъ показываетъ его имя, на верхней Ленѣ, есть одна изъ этихъ административныхъ деревень, получившихъ названіе городовъ; населенный нѣсколькими сотнями русскихъ, окруженный бурятскими и тунгусскими становищами, онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе только какъ первая торговая станція между Иркутскомъ и Якутскомъ, при началѣ судоходства по Ленѣ. Киренскъ, при сліяніи Киренги и Лены, также обязанъ кое-какимъ торговымъ движеніемъ своему положенію близъ волока, посредствомъ котораго бассейнъ Лены соединяется съ бассейномъ Нижней Тунгузки. Олекминскъ, въ округѣ котораго, въ мореновыхъ отложеніяхъ, находятся богатѣйшія въ Сибири золотоносныя розсыпи [1]), представляетъ еще менѣе значительное мѣстечко, чѣмъ два предъидущіе «города», хотя онъ построенъ при выходѣ длинной долины рѣки Олекмы, которая даетъ доступъ, кратчайшимъ путемъ, изъ Якутска къ сѣверной вѣтви Амура. Отъ этого поселенія, состоящаго изъ двадцати четырехъ домишекъ, до ближайшаго города, Якутска, разстояніе около 600 верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи рѣчной долины существуютъ лишь рыбачьи деревушки, да постоялые дворы для судовщиковъ.

Областной городъ Якутскъ, занимающій очень выгодное мѣстоположеніе, близъ лѣваго берега рѣки, на той части теченія Лены, которая наиболѣе приближается къ Тихому океану, и недалеко отъ сліянія главной рѣки съ Алданомъ и Вилюемъ, сдѣлался настоящимъ городомъ, если принять во вниманіе трудную борьбу, которую въ этихъ негостепріимныхъ странахъ человѣкъ долженъ выдерживать противъ чрезвычайно суроваго климата. Правда, два болѣе многолюдные города, Архангельскъ и Трондгьемъ, находятся въ еще меньшемъ разстояніи отъ полюса, но стужа въ этихъ населенныхъ мѣстахъ далеко не такъ жестока, и почва тамъ не остается круглый годъ замерзшей. Якутскъ— самый холодный городъ въ свѣтѣ, и средняя температура его климата та же самая, какъ на вершинѣ Монъ-Блана: несмотря на то, тамъ постоянно около пяти тысячъ человѣкъ, а во время ярмарки, на которой производится мѣновая торговля шкурами пушныхъ звѣрей и съѣстными припасами на сумму болѣе милліона

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise".
[2]) Кастренъ; Миддендорфъ.
[3]) Кривошапкинъ, „Енисейскій округъ".
[4]) Акад. Шифнеръ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg", tome III, IV.
[5]) Врангель, цитированное сочиненіе.
[6]) Венюковъ, „Этнографическая карта Азіатской Россіи"; К. Неймановъ, „Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества".

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

рублей, туда пріѣзжаютъ изъ другихъ мѣстъ тысячи звѣролововъ, купцовъ, судовщиковъ. Правда, что между обитателями Якутска есть много такихъ, которые живутъ тамъ противъ воли, это—солдаты, чиновники и ссыльные. Въ царствованіе императора Николая этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ ссылки для политическихъ преступниковъ; впослѣдствіи туда стали водворять на жительство преимущественно ссылаемыхъ по дѣламъ, касающимся религіи.

Вилюйскъ, жалкая деревушка, главный населенный пунктъ большой долины рѣки Вилюя и мѣсто ссылки государственныхъ преступниковъ; Верхо-Янскъ на Янѣ, Средне-Колымскъ, на Колымѣ, и Нижне-Колымскъ, основанный въ 1644 году на той же рѣкѣ, также причисляются оффиціально къ городамъ. Булунъ или Булани, пристань на нижней Ленѣ, еще не возведенъ на степень города, а Жиганскъ, мѣстечко на берегу Лены, на половинѣ дороги изъ Якутска въ Булунъ, былъ исключенъ изъ числа штатныхъ городовъ.

«Города» бассейновъ Лены и восточныхъ рѣкъ съ населеніемъ въ 1897 г.: Якутскъ—6.382 жит., Верхоленскъ—1.275, Киренскъ—820, Средне-Колымскъ—500, Олекминскъ—1.157, Вилюйскъ—627, Верхоянскъ—350, Нижне-Колымскъ—305.

VI. Беринговъ полуостровъ, бассейнъ Анадыра и Камчатки; чукчи, коряки и камчадалы.

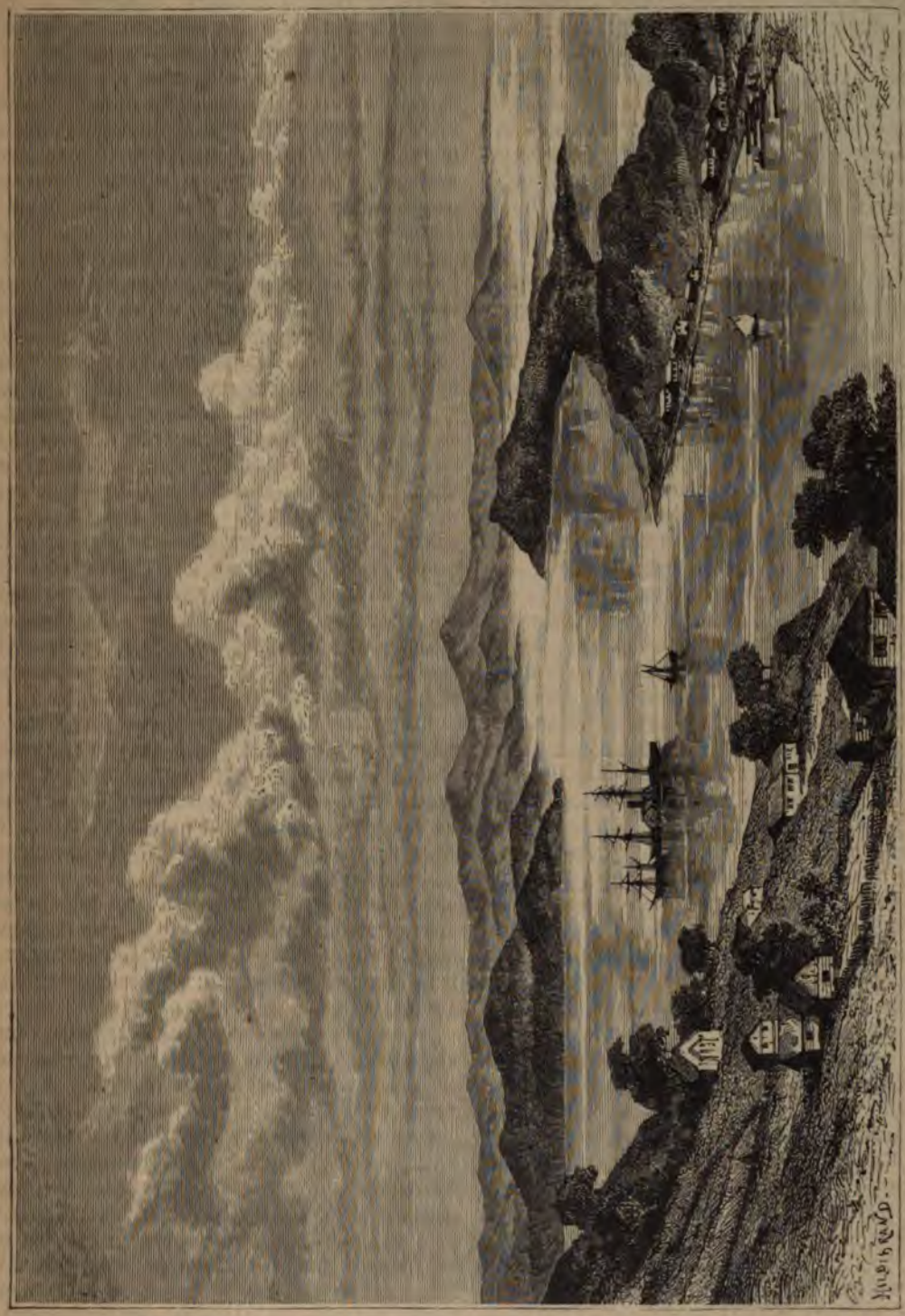
Сѣверо-восточный уголъ Сибири и полуостровъ Камчатка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣляются отъ континентальной массы Азіи; они обращены къ Америкѣ, и даже нѣкоторыя изъ ихъ бухтъ лучше извѣстны и чаще посѣщаются американскими мореходцами, чѣмъ русскими судами; различные пункты морскаго прибрежья въ сосѣдствѣ Берингова пролива носятъ англійскія названія, которыми они обязаны китоловамъ, приходящимъ изъ Новой Англіи и изъ Санъ-Франциско. Нѣкоторыя изъ инородческихъ племенъ, населяющихъ эту страну, по своей родственной связи, тоже, кажется, ближе стоятъ къ американскимъ аборигенамъ, нежели туземнымъ народцамъ Азіи. Словомъ, изъ всѣхъ частей Сибири ни одна не осталась болѣе чуждой славянскому міру, несмотря на давнее завоеваніе края русскими.

Цѣпь горъ, извѣстная подъ именемъ «Станового хребта», соединяется съ горными массами Чукотской земли и полуострова Камчатки лишь неправильными отрогами и неопредѣленными плоскогорьями. Гряда высотъ, болѣе другихъ представляющая видъ правильной цѣпи, *направляется отъ востока къ западу*, на югѣ отъ полярнаго круга, и служитъ раздѣлительной линіей между сѣверными притоками рѣки Анадыръ и Ледовитымъ океаномъ; самыя возвышенныя верхушки этой гряды достигаютъ, какъ говорятъ, 4.920 футовъ высоты [1]). Можно сказать вообще, что гористая плоская возвышенность, заключающаяся между двумя краевыми цѣпями Становаго и Верхоянскаго хребтовъ, оканчивается на западной сторонѣ Анадырскаго бассейна длинной стѣной, въ родѣ мола, имѣющей около 2.000 средней высоты и поднимающей свои высочайшія вершины почти на 3.000 футовъ [2]); это, такъ сказать, оконечность континентальнаго остова. Далѣе горныя массы имѣютъ уже островной характеръ. Фьорды, которыми изрѣзана восточная часть Берингова полуострова, представляютъ остатки проливовъ, отдѣлявшихъ когда-то острова отъ материка. Такъ, Беринговъ полуостровъ въ собственномъ смыслѣ дѣлится на два второстепенные полуострова, соединенные съ твердой землей узкой полосой или перешейкомъ, имѣющимъ не болѣе 100 верстъ ширины. При томъ вся эта полуостровная область отличается очень неровнымъ рельефомъ почвы. Сердце-Камень, послѣдній выступъ материка на морскомъ берегу, обращенномъ къ сѣверу, имѣетъ болѣе 1.000 футовъ высоты; Восточный мысъ, азіатскій палонъ Берингова пролива, поднимается верхушками своихъ утесовъ до высоты 2.320 футовъ; Чукотскій носъ, который выдвигается уже въ Тихій океанъ, напротивъ острова св. Лаврентія, возвышается на 2.720 футовъ надъ поверхностью моря; другіе мысы достигаютъ еще большей высоты [3]). На сѣверной оконечности бухты Этелькунемъ, открывающейся на сѣверной сторонѣ Анадырскаго залива, виднѣется даже огромная гора; эта гора, Макачинга, съ черными выступами, раздѣленными бѣлыми, наполненными снѣгомъ, оврагами, достигаетъ 8.800 футовъ высоты [4]): подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ это самая высокая вершина Стараго и Новаго Свѣта.

Горныя цѣпи, соединяющія полуостровъ Камчатку съ твердой землей, также составляютъ отдѣльную орографическую систему. Въ общемъ своемъ направленіи онѣ тянутся, повидимому, параллельно послѣднимъ отрогамъ Становаго хребта, то-есть отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Такъ, цѣпь высотъ, начинающаяся вдоль западнаго берега, съ самой широкой части полуострова, продолжается вдоль береговъ Берингова моря и оканчивается при входѣ въ Анадырскій заливъ; однако этотъ хребетъ долженъ быть разсматриваемъ преимущественно, какъ краевая цѣпь гористой плоской возвышен-

[1]) Karl Neumann, „Globus“, 1874 г.
[2]) Karl Neumann, цитированная статья.
[3]) Bove, „Bollettino della Società Geografica Italiana“, декабрь, 1879 г.
[4]) Bove, цитированная статья.

ности, которою продолжается на западѣ плоскогорье Верхне-анадырское, и которая представляетъ во многихъ мѣстахъ видъ настоящей степи: на этихъ пространствахъ пасутся лѣтомъ многочисленныя оленьи стада коряковъ [1]). Въ общемъ рельефѣ полуострова Камчатки западныя высоты, господствующія надъ Охотскимъ моремъ, болѣе возвышенны, чѣмъ правильныя цѣпи и горныя массы восточнаго берега, омываемаго Тихимъ океаномъ; но къ хребтамъ изъ гранита, порфира и палеозойскихъ



«Золотой рогъ» во Владивостокѣ.

сланцевъ, составляющихъ древній остовъ полуострова, впослѣдствіи прибавились вулканическія горныя породы, трахиты, базальты, лавы, шлаки новѣйшей формаціи, которые поднялись на высоту гораздо бо́льшую сравнительно съ

[1]) G. Kennan, „Tent-Life in Siberia".

возвышеніемъ другихъ горныхъ цѣпей. Эти конусообразныя горы недавняго образованія иззубрили мысами восточный берегъ Камчатки, изливая свои потоки лавы въ море; тогда какъ кривая береговая линія полуострова, обращенная къ западу, отличается замѣчательной правильностью, сторона, обращенная къ востоку, изрѣзана бухтами и бухточками самыхъ разнообразныхъ формъ. Одинъ изъ этихъ маленькихъ заливовъ, открывающійся недалеко отъ полуденной оконечности Камчатки, есть знаменитая губа Авачинская, одна изъ бухтъ, оспаривающихъ у Ріо-де-Жанейро и у Санъ-Франциско право на названіе «лучшаго порта въ свѣтѣ».

Вулканы полуострова Камчатки оканчиваютъ на сѣверѣ изогнутую цѣпь Курильскихъ острововъ, которая обращена своей выпуклой стороной къ открытому морю, какъ и другія цѣпи островныхъ группъ Тихаго океана, расположенныхъ въ видѣ дуги круга, каковы острова Филиппинскіе, Ліу-Кіу, Японскіе, Алеутскіе. Около половины восточнаго прибрежья Камчатки двѣ дуги круга смыкаются, и именно въ точкѣ соединенія двухъ трещинъ поднимаются самые высокіе и наиболѣе дѣятельные вулканы полуострова. Около сорока горъ Камчатки очевидно вулканическаго происхожденія: ихъ конусообразная форма, существованіе кратеровъ на ихъ вершинахъ или на склонахъ, потоки лавы, вылившіеся когда-то изъ ихъ трещинъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи; но въ настоящее время насчитываютъ не болѣе десятка или дюжины горъ, подземный очагъ которыхъ еще выбрасываетъ вулканическіе шлаки, пепелъ или пары. Колоссъ всѣхъ этихъ дымящихся горъ, Ключевская сопка, высится недалеко отъ моря, непосредственно на югѣ отъ большой долины, по которой протекаетъ рѣка Камчатка; онъ окруженъ нѣсколькими рядами террасъ и второстепенныхъ вершинъ, образующими какъ бы громадный пьедесталъ исполинской горы, основаніе которой имѣетъ не менѣе 310 верстъ въ окружности. Вершина сопки, растрескавшаяся по всѣмъ направленіямъ, постоянно дымится и выбрасываетъ пепелъ, даже по два и по три раза въ годъ; взрывы мелкихъ каменныхъ обломковъ иногда распространяли вулканическую пыль на разстояніе до 300 верстъ и покрывали снѣжныя равнины слоемъ въ нѣсколько сантиметровъ толщины, мѣшая такимъ образомъ камчадаламъ путешествовать на собакахъ, запряженныхъ въ сани. Одно изъ изверженій, о которомъ разсказываетъ Крашенинниковъ, продолжалось четыре года, съ 1727 до 1731; изверженіе 1727 года, гораздо болѣе сильное, сопровождалось изліяніемъ огромныхъ потоковъ лавы и таяніемъ ледниковъ, при чемъ окружающія долины были залиты водяными лавинами, образовавшимися изъ растопленнаго льда [1]). Въ 1854 году другая огненная рѣка спустилась съ вершины Ключевской сопки; но очевидцами и наблюдателями этихъ явленій, равныхъ или даже превосходящихъ, по энергіи дѣйствія, подобныя же явленія, имѣющія мѣсто на Везувіи и на Этнѣ, бываютъ только немногочисленные камчадалы да нѣсколько русскихъ чиновниковъ; новость объ изверженіяхъ камчатскихъ сопокъ теряется прежде, чѣмъ успѣетъ возбудить общественное вниманіе въ Америкѣ и Европѣ. Сильныя землетрясенія тоже часто колебали Камчатку и окружающія ее воды. Въ 1737 году одно изъ сотрясеній, какъ говорятъ, подняло морскія волны въ видѣ громаднаго вала, высотою въ 28 саженъ (?), который обрушился на берега, смылъ юрты камчадаловъ и обнаружилъ на днѣ морскомъ скалы, которыхъ туземцы прежде никогда не видали. Приводимъ высоты главныхъ вулкановъ Камчатки, выраженныя въ метрахъ.

Ключевская сопка, вулканъ дѣйствующій—15.040 футовъ; Коряковская сопка, вулканъ дѣйствующій—11.090 фут.; Ушкина сопка, вулканъ потухшій—10.998 фут.; Шевелючъ сопка, вулканъ дѣйствующій—9.898 фут.; Кроноцкая сопка, вулканъ потухшій — 10.600 фут.; Крестовская сопка, вулканъ потухшій—9.000 фут.; Жупановская сопка, вулканъ дѣйствующій—8.496 фут.; Авача, вулканъ дѣйствующій—8.360 фут.; Большая Толбача, вулканъ дѣйствующій — 7.800 фут.; Вилючинская сопка, вулканъ потухшій—7.000 футовъ.

Сѣверная часть полуострова Камчатки, лежащая внѣ очага, образуемаго соединеніемъ цѣпи Курильскихъ острововъ съ другой Алеутскихъ, какъ кажется, гораздо менѣе подвержена землетрясеніямъ, чѣмъ южная область; подземная дѣятельность проявляется тамъ лишь горячими ключами. Впрочемъ источники горячей воды бьютъ изъ земли также и на Беринговомъ полуостровѣ: они во многихъ мѣстахъ пробиваются на поверхность ручейками посреди перешейка, раздѣляющаго этотъ полуостровъ на двѣ половины.

Анадыръ—единственная рѣка сѣверо-восточной Сибири, которая можетъ быть сравниваема, въ отношеніи поверхности бассейна и длины теченія, съ рѣками той же важности, какъ рѣки западной Европы; но, протекая отчасти подъ полярнымъ кругомъ, она прорѣзываетъ лишь пустынныя пространства тундры; маленькое укрѣпленіе или острогъ Анадырскъ, построенный въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, какъ складочное мѣсто для шкуръ пушнаго звѣря, былъ покинутъ его русскимъ гарнизономъ, и чукчи предали его пламени; это укрѣпленіе замѣнено теперь четырьмя небольшими деревня-

[1]) Alexis Perrey, „Annales des sciences philosophiques et naturelles de Lyon", 1864, tome VIII.

бщее населеніе которыхъ не превышаетъ
ушъ и состоитъ изъ чуванцевъ, юкагировъ
ковъ, имѣющихъ одинаковые полудикіе
, хотя всѣ они говорятъ русскимъ язы-
[1]). Анадыръ, такъ [illegible], какъ большая
другихъ рѣкъ и рѣчекъ Чукотской земли
чатки, до такой степени изобилуетъ ры-
ъ періодъ восхожденія ея для метанія
, что вода рѣчная кажется живой и бук-
о кишитъ рыбами. Когда несмѣтныя стаи
ы плывутъ вверхъ по теченію, вода выше
вижущейся массы поднимается на подобіе
рыбы такъ густо скучены, что ихъ можно
рукой, даже собаки сами ходятъ ловить
и медвѣдь таскаетъ ее лапой прямо изъ
Случается, что вода становится на нѣко-
время совершенно негодной для питья
ичинѣ невыносимаго запаха и вкуса, ко-
сообщили ей милліоны мертвыхъ и раз-
щихся животныхъ организмовъ.

ка Камчатка, отъ которой полуостровъ по-
ъ свое названіе, не имѣетъ и половины
Анадыра; но, протекая гораздо южнѣе,
ъ равнины, отличающіяся большимъ при-
мъ плодородіемъ и сверхъ того еще удо-
ыя вулканическимъ пепломъ, она оро-
ь мѣстности, кое-гдѣ покрытыя воздѣлан-
полями, и на берегахъ ея мы находимъ
двадцати селеній, камчадальскихъ и рус-
. Это въ дѣйствительности главная рѣка
атки, хотя названіе «Большая Рѣка» было
русскими поселенцами другой рѣкѣ, изли-
ейся на западъ въ Охотское море, недалеко
олуденной оконечности полуострова.

ря, омывающія сѣверо-восточные полу-
ва Сибири, не глубоки Если оконечность
скаго материка, обращенная къ Америкѣ,
ана на отрывки фьордами, которые, такъ
ть, стремятся сдѣлаться перешейками, то,
нъ того, дно моря лежитъ настолько
о къ поверхности, что можетъ быть разма-
емо, какъ часть континентальной почвы.
ія морскія воды, простирающіяся вдоль
ежья сѣверной Сибири, отъ мысовъ Тай-
каго полуострова до Земли Врангеля, про-
ются до конечной точки Берингова полу-
ва, затѣмъ по ту сторону пролива, вдоль
овъ Сѣверной Америки. Туземнымъ жи-
ъ, чукчамъ, не безъизвѣстно, что Азія и
ика соединены между собой подводными
ы; они говорятъ даже, что эти два мате-
прежде соединялись перешейкомъ, и два
ова разсказывали путешественнику Нейк-
какъ этотъ перешеекъ провалился въ
во время страшной битвы, происходившей
однимъ богатыремъ и бѣлымъ медвѣ-
Наибольшая глубина воды, найденная до
поръ лотомъ, между двумя крайними, про-
ежащими полуостровами Стараго и Новаго
Свѣта, оказалась 27,2 саженъ; но средняя глу-
бина, данная промѣрами, сдѣланными во всѣхъ
азіатскихъ и американскихъ водахъ, заклю-
чающихся между Беринговымъ проливомъ,
островомъ св. Лаврентія и дельтой рѣки Юкона,
не достигаетъ даже 19 саженъ. Настоящій оке-
анъ, съ его пучинами, начинается, съ одной
стороны, лишь на сѣверѣ отъ Земли Врангеля,
съ другой—лишь въ открытомъ морѣ на ши-
ротѣ Камчатки, между этимъ полуостровомъ и
Алеутскими островами, гдѣ открывается впа-
дина, глубиною около версты. Но на югѣ отъ
гряды острововъ ложе Тихаго океана понижает-
ся и образуетъ, на широтѣ Японіи, самую глу-
бокую пропасть, какая до сихъ поръ была най-
дена подъ массой морскихъ водъ: въ этомъ мѣ-
стѣ свинцовая гиря лота опускается на 8 верстъ
(8.573 метра). Въ почти замкнутомъ бассейнѣ
Охотскаго моря наибольшая глубина 652 метр.[1]).

Узкія Беринговы ворота, ведущія изъ Ледо-
витаго океана въ Тихій, хотя они представляютъ
простую царапину земной коры, получили ка-
питальную важность въ исторіи географиче-
скихъ открытій. Однако первое путешествіе, со-
вершенное съ цѣлью изслѣдованія этой области
моря, путешествіе Дежнева, было долгое время
забыто; прошло восемьдесятъ лѣтъ прежде,
чѣмъ были предприняты, по совѣту Лейбница,
новыя путешествія въ этомъ направленіи и
прежде чѣмъ Берингъ объѣхалъ, отъ Анадыр-
скаго залива до Сердце-Камня, сибирскій полу-
островъ, носящій его имя. Въ 1741 году онъ
во второй разъ пустился по этимъ морямъ, что-
бы изслѣдовать американскіе берега; но это пла-
ваніе окончилось несчастливо: на обратномъ
пути корабль его, гонимый противными вѣтра-
ми, сѣлъ на мель у самаго большаго изъ остро-
вовъ, названныхъ въ честь его «Командор-
скимъ» архипелагомъ; могила отважнаго море-
плавателя, недавно совершенно разрушенная,
видна еще на «Беринговомъ островѣ», длин-
номъ выступѣ изъ высокихъ скалъ вулканиче-
скаго происхожденія, который, очевидно, состав-
ляетъ западный столбъ образуемаго Алеутски-
ми островами криваго моста, перекинутаго че-
резъ море отъ вулкановъ Аляски къ большой
дымящейся горѣ полуострова Камчатки, къ
Ключевской сопкѣ. Кукъ тоже объѣхалъ Берин-
гово море и осмотрѣлъ, лавируя, всю сѣверную
воронку пролива, но не доходилъ до Земли
Врангеля. Послѣ него другіе знаменитые море-
плаватели, какъ Литке, Коцебу, также посѣтили
Беринговъ проливъ и сосѣднія моря, не говоря
уже о постоянномъ плаваніи многочисленныхъ
китоловныхъ судовъ, которыхъ иногда въ одинъ
годъ видѣли до четырехъ сотъ въ тѣхъ водахъ.
Наконецъ, Макъ-Клюръ, пройдя черезъ Берин-
говъ проливъ, объѣхалъ, въ 1850 году, вокругъ

Kennan, „Tent-Life in Siberia.

[1]) Старицкій, „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества", VIII, 1872 г., № 5; „Извѣстія Русск. Геогр. Общества", IX, 1873 г., № 9.

Америки, а профессоръ Норденшильдъ, въ 1879 году обогнулъ мысъ Восточный, доказавъ такимъ образомъ, что «сѣверо-восточный проходъ», столь долго отыскиваемый мореплавателями, сталъ возможнымъ съ той поры, какъ судоходство начало пользоваться услугами пара.

Какъ срединный проломъ огромнаго полукруга земель, который развертывается на протяженіи почти 40.000 верстъ, отъ Мыса Доброй Надежды до мыса Горнъ, Беринговъ проливъ естественно является одною изъ тѣхъ океанскихъ областей, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе для системы воздушныхъ и морскихъ теченій. Вѣтры, которые на материкахъ Азіи и Америки ударяются о плоскія возвышенности и цѣпи холмовъ или горъ, находятъ свободный проходъ на проливѣ. Массы теплаго воздуха, залегающія надъ Тихимъ океаномъ, и массы холоднаго воздуха, приходящія отъ сѣвернаго полюса, движутся въ противоположномъ направленіи въ этомъ узкомъ проходѣ, стараясь вытѣснить одна другую. Въ морскихъ воротахъ образуются противоположныя теченія и вслѣдствіе различной плотности воздуха располагаются правильными слоями одно надъ другимъ, какъ маленькіе воздушные токи, какіе можно наблюдать, если пріотворить дверь изъ теплой комнаты въ холодныя сѣни. Во время зимовки, проведенной въ 1879 году близъ сѣвернаго входа въ Беринговъ проливъ, баронъ Норденшильдъ констатировалъ, что ледяной вѣтеръ, идущій съ сѣвера-запада и скользящій по поверхности водъ, постоянно дулъ съ Ледовитаго океана по направленію къ Тихому, пригоняя къ берегу ледяныя площади и груды разломаннаго льда, вздымающіяся въ видѣ холмовъ, тогда какъ вверху полосы облаковъ, безпрестанно движущіяся съ юга на сѣверъ, доказывали существованіе встрѣчнаго воздушнаго теченія. Подобно тому, два противоположныя океанскія теченія направляются на встрѣчу одно другому, но узкое и мелководное пространство, которое имъ отмѣриваютъ Беринговы ворота, не позволяетъ этимъ морскимъ рѣкамъ свободно развиваться. Масса тропическихъ водъ, направляющаяся изъ Южнаго моря къ сѣверной части Тихаго океана, течетъ изъ Японскихъ морей къ Берингову морю, черезъ многочисленные пробѣлы гряды Алеутскихъ острововъ; но ударяясь о подводные высокіе берега мелей, соединяющихъ Азію съ Америкой, она должна почти вся течь обратно къ югу, чтобы слѣдовать вдоль морскихъ береговъ Новаго Свѣта. Студеныя воды Полярнаго океана низвергаются въ сѣверное воронкообразное углубленіе Берингова пролива, но отъ дѣйствія вращательнаго движенія земнаго шара онѣ уклоняются вправо и слѣдуютъ главной своею массой параллельно азіатскому берегу, надъ бороздой наибольшихъ глубинъ, *которая проходитъ между* Беринговымъ полуостровомъ и островомъ св. Лаврентія. Съ другой стороны, небольшое количество теплой воды, которое японское теченіе Куро-Сиво или «Черный Потокъ» гонитъ къ Алеутскимъ островамъ, направляется на сѣверъ и утекаетъ черезъ Беринговъ проливъ. Г. Онацевичъ убѣдился въ существованіи теченія относительно теплой воды, направляющагося отъ Восточнаго мыса къ Сердце-Камню [1]). Такимъ образомъ въ проходѣ, соединяющемъ Тихій океанъ съ Ледовитымъ, установляется нѣчто въ родѣ водоворота, съ мая до сентября, въ продолженіе короткаго лѣтняго сезона, разламывающаго ледяной мостъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Въ это время можно видѣть, какъ большія ледяныя глыбы спускаются длинными вереницами вдоль азіатскаго берега, тогда какъ меньшія льдины несутся въ противоположномъ направленіи, отъ юга къ сѣверу, у береговъ Америки. Впрочемъ, ни одна изъ кристаллическихъ массъ, увлекаемыхъ теченіемъ въ ту или другую сторону, не заслуживаетъ названія «ледяной горы»; такъ какъ погруженная въ воду часть среднимъ числомъ представляетъ семерную толщину наружной, выступающей изъ-подъ воды, части, то всякая ледяная глыба, возвышающаяся надъ поверхностью моря болѣе, чѣмъ на 5 метровъ, садится на мель на какомъ-нибудь подводномъ берегу прежде, чѣмъ достигнетъ пролива. Въ бассейнахъ почти замкнутыхъ Охотскаго и Японскаго морей воды движутся подобнымъ же образомъ. Каждому теченію, идущему съюга, соотвѣтствуетъ встрѣчное теченіе, направляющееся въ противоположную сторону [2]).

Видъ растительности на обоихъ берегахъ Берингова пролива свидѣтельствуетъ о противоположности климатовъ. Въ то время, какъ американскій берегъ покрытъ лѣсами даже на довольно большомъ разстояніи къ сѣверу отъ мыса Принца Валлійскаго, азіатскій берегъ не имѣетъ другой растительности, кромѣ мховъ и лишаевъ да кое-какихъ маленькихъ приземистыхъ деревцовъ, пріютившихся въ лощинахъ. Издали это прибрежье кажется совершенно голымъ. Поясъ, лишенный древесныхъ породъ, обнимаетъ весь Беринговъ полуостровъ, берега Анадырскаго залива, и даже продолжается на югъ отъ послѣдняго вплоть до самаго основанія полуострова Камчатки. Но эта послѣдняя земля, хотя она почти вся лежитъ на сѣверѣ отъ изотермической линіи точки замерзанія, очень богата лѣсами и доставляетъ даже хорошій корабельный лѣсъ для флота. Камчатская флора заключаетъ большую часть сибирскихъ деревъ, лиственницу и различныя породы другихъ хвойныхъ, березу, рябину, тополь, иву; многочисленные ягодные кусты рас-

[1]) „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 4.

[2]) Schrenk, „Strömungsverhältnisse im Ochotskischen und Japanischen Meere".

тутъ въ подлѣсьѣ и составляютъ одинъ изъ источниковъ продовольствія для мѣстныхъ жителей. Послѣдніе выкапываютъ изъ земли коренья и клубни, которые служатъ имъ пищей или употребляются для приготовленія опьяняющихъ напитковъ; они ѣдятъ также молодую, еще зеленую кору березы, смѣшанную съ икрой [1]). Въ нѣкоторыхъ долинахъ, особенно въ долинахъ рѣки Камчатки, гдѣ почва необычайно плодородна, травы часто превышаютъ ростъ человѣка, и русскіе поселенцы косятъ сѣно до трехъ разъ въ годъ. Культура хлѣбныхъ растеній, предпринимавшаяся въ разныя времена, до сихъ поръ не удавалась; хотя климатъ довольно равномѣрный, благодаря сосѣдству моря, окружающаго страну со всѣхъ сторонъ, но туманы и изморозь, совпадающіе съ временемъ цвѣтенія злаковъ, почти всегда убивали растенія, даже въ долинахъ наилучше защищенныхъ отъ дѣйствія холодныхъ вѣтровъ; изъ зерновыхъ хлѣбовъ овесъ всего чаще достигаетъ полнаго вызрѣванія. Конопля сѣется и родится, но не въ такомъ количествѣ, чтобы пенька могла замѣнить, въ фабрикаціи камчадальскихъ рыболовныхъ снастей, дикую крапиву, растущую на равнинахъ и достигающую двухъ аршинъ въ вышину. Огородничество имѣло больше успѣха, чѣмъ земледѣліе въ собственномъ смыслѣ, и теперь туземцы воздѣлываютъ, въ тысячахъ огородовъ, капусту, картофель, свеклу, рѣпу, морковь и другія овощи, введенныя изъ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Однако, эти растительные продукты, въ соединеніи съ древесной корой, ягодами или корнями растеній, даютъ камчадаламъ лишь незначительную часть того, что необходимо для ихъ существованія и для прокормленія ихъ собакъ, безъ которыхъ имъ почти невозможно было бы выходить зимой изъ своихъ хижинъ. Въ четыре лѣтнихъ мѣсяца имъ нужно сдѣлать запасъ сушеной рыбы на восемь мѣсяцевъ, когда земля и воды покрыты снѣгомъ и льдомъ; нормальный кормъ одной камчадальской собаки въ продолженіе зимы состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ штукъ рыбы, а запасъ, потребный для содержанія шести собакъ, составляющихъ обыкновенную упряжку однѣхъ санокъ, можетъ превышать сотню тысячъ сельдей [2]). Кромѣ того, нужно прокормить семью, и если природа оказывается враждебной, если рыбная и звѣриная ловля не доставляютъ необходимыхъ запасовъ, голодная смерть является неизбѣжной; зима и голодовка—слова синонимическія для большинства туземныхъ обитателей Камчатки.

Животное царство сѣверо-восточной Сибири богаче фауны западныхъ арктическихъ областей: вѣроятно, причину этого слѣдуетъ искать въ формѣ континента, который, съуживаясь къ Берингову проливу, сближаетъ животныхъ, переселяющихся съ запада, съ животными, приходящими съ юга; кромѣ того, нѣкоторые американскіе виды, птицы, перелетающія черезъ проливъ, четвероногія, переходящія его зимой по льду, прибавились къ азіатской фаунѣ Чукотскаго полуострова [1]). Въ этой землѣ изъ млекопитающихъ альпійскій заяцъ встрѣчается всего чаще, даже въ сосѣдствѣ юртъ, и несмотря на стаи голодныхъ собакъ, рыскающихъ въ окрестностяхъ человѣческихъ жилищъ. Изъ другихъ четвероногихъ этой странѣ свойственны медвѣдь, сурокъ, ласка, выдра, а дикіе олени бродятъ, стадами въ нѣсколько тысячъ головъ [2]), въ гористыхъ мѣстностяхъ верхняго бассейна Анадыра. Змѣи, лягушки, жабы не водятся ни въ сѣверо-восточной Сибири, ни въ Камчаткѣ; но фауна этого полуострова заключаетъ одинъ видъ пресмыкающихся — ящерицъ, на которыхъ туземцы прежде смотрѣли какъ на зловѣщихъ звѣрей, какъ на соглядатаевъ злыхъ духовъ земли; примѣтивъ ящерицу, туземцы старались догнать ее и изрубить на куски, дабы она не могла донести, на кого былъ направленъ ея фатальный взоръ [3]).

Благодаря своимъ относительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, Камчатка, естественно, гораздо болѣе богата животными видами, чѣмъ Беринговъ полуостровъ и бассейнъ рѣки Анадыръ. Пеструшки или лемминги (myodes torquatus) и другіе виды мелкихъ грызуновъ водятся тамъ въ несмѣтномъ множествѣ, и нерѣдко можно видѣть, какъ они милліонами переплываютъ по прямой линіи черезъ рѣки, озера, даже черезъ морскіе заливы и проливы, преслѣдуемые и пожираемые стаями хищныхъ рыбъ; на берегахъ путешественники иногда должны были стоять по цѣлымъ часамъ, выжидая, пока передъ ними продефилируетъ громадная армія маленькихъ звѣрковъ. Эти великія переселенія продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ, и проходимыя животными пространства превышаютъ тысячу верстъ. Такъ, камчатскія пеструшки отправляются весной, потомъ, обойдя вокругъ Пенжинскаго залива, на сѣверной сторонѣ Охотскаго моря, онѣ достигаютъ своихъ лѣтнихъ становищъ на западномъ берегу около половины іюля, и обыкновенно возвращаются въ Камчатку не ранѣе октября мѣсяца. Впрочемъ, странствованія не предпринимаются регулярно каждый годъ, а на берегахъ Чукотской земли, по словамъ спутника Норденшильда, Бове, пеструшки—животныя осѣдлыя и живущія уединенно [4]). Камчадалы очень радуются,

[1]) Крашенинниковъ, „Описаніе земли Камчатки".
[2]) F. von Wrangell, „Siberia and the Polar Sea".

[1]) „Извѣстія Русск. Географ. Общества", 1853 г.
[2]) Врангель; Норденшильдъ, „Сѣверо-восточный проходъ".
[3]) Крашенинниковъ, цитированное сочиненіе.
[4]) Bove, — „Bollettino della Societa Geografica Italiana" декабрь, 1879 г.

когда видятъ, что пеструшки не приготовляются, въ обычную пору, покинуть свои зимнія становища; у нихъ это считается вѣрной примѣтой, что лѣто будетъ счастливое, урожайное, и что они будутъ имѣть въ изобиліи всѣ земныя блага. Пеструшки, очень промышленныя и экономныя, собираютъ свои запасы зеренъ и корней въ большіе подземные склады, которые онѣ, говорятъ, прикрываютъ, отправляясь въ дальнее странствованіе, ядовитыми травами, для того, чтобы воспрепятствовать другимъ породамъ грызуновъ расхищать ихъ запасы: таковъ разсказъ, передаваемый, со словъ туземцевъ, Крашенинниковымъ, который, впрочемъ, самъ не вполнѣ вѣритъ этому. Камчадалы, во время голодовки, тоже приходятъ черпать изъ этихъ запасовъ, но всегда кладутъ, на мѣсто взятаго, икру или рыбьи остатки, чтобы не довести пеструшекъ до отчаянія и сохранить при себѣ этихъ благодѣтельныхъ поставщиковъ.

Многіе животные виды уменьшились въ числѣ на полуостровѣ Камчаткѣ и въ Чукотской землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ явились русскіе промышленники-звѣроловы и систематически принялись за дѣло истребленія. Пушныя животныя, доставляющія драгоцѣнные мѣха: соболи, горностаи, россомахи, лисицы, теперь уже рѣдко встрѣчаются въ сѣверныхъ областяхъ, и многіе звѣроловные посты пришлось совершенно покинуть по причинѣ отсутствія дичи; но въ Камчаткѣ еще убиваютъ ежегодно отъ шести до девяти тысячъ соболей, шкурки которыхъ отправляются въ Россію американскими купцами, поселившимися въ Петропавловскѣ и на берегу Охотскаго моря. Лисицы различныхъ породъ и въ особенности песцы были въ прошломъ столѣтіи самымъ обыкновеннымъ дикимъ животнымъ на полуостровѣ; камчадалы отгоняли ихъ палками отъ своихъ юртъ и несмотря на то, когда давали кормъ собакамъ, лисицы всегда являлись принять участіе въ собачьей трапезѣ. Днемъ и ночью эти хитрые грабители пробирались въ хижины дикарей и овладѣвали всѣмъ съѣстнымъ, грызли обувь, разрывали шубы спящихъ камчадаловъ; съ изумительной изобрѣтательностью и ловкостью они умѣли доставать съѣстные припасы, положенные на столбахъ или повѣшанные на бревнахъ сруба избы [1]). Теперь это животное сдѣлалось рѣдкимъ въ Камчаткѣ, да и тѣ представители его, которые еще остались въ краѣ, кажется, не носятъ уже дорогой синевато-черной или чернобурой шубы своихъ предковъ, но бѣлый мѣхъ, не имѣющій большой цѣны [2]).

Но всего сильнѣе и замѣтнѣе было истребленіе животныхъ видовъ въ области моря: тамъ нѣкоторые виды, еще недавно существовавшіе въ большомъ числѣ, теперь совершенно исчезли. Около половины нынѣшняго столѣтія Берингово море изобиловало китами, которые играли тамъ въ огромномъ множествѣ, и американскія китобойныя суда, приходившія преимущественно изъ Нью-Бедфорда и другихъ портовъ Новой Англіи, направлялись сотнями къ этимъ водамъ Тихаго океана. Въ настоящее же время въ Беринговомъ морѣ подобно тому, какъ въ водахъ, окружающихъ Шпицбергенъ и другія области Атлантическаго океана, попадаются лишь случайно забудившіяся китообразныя животныя, и китоловы должны идти искать свою добычу гораздо далѣе на сѣверъ, въ заливы Ледовитаго океана. Говорятъ, на западѣ отъ Сердце-Камня теперь уже не встрѣтишь ни одного кита [1]). Предсказываютъ, что уже недалеко то время, когда отважные мореходы, почти исключительно американцы, принимающіе участіе въ опасномъ китоловномъ промыслѣ, не захотятъ болѣе подвергаться риску въ виду незначительной и невѣрной прибыли. Главная опасность, которой подвергаются китоловныя суда, предпринимающія экспедицію въ широты полярнаго пояса, заключается въ возможности быть запертыми льдами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ четырнадцать судовъ американскаго китобойнаго флота были окружены и раздавлены плавающими ледяными горами.

Морскія выдры, мѣхъ которыхъ, извѣстный подъ именемъ камчатскаго бобра, чрезвычайно дорого цѣнится, не попадаются болѣе на плоскихъ берегахъ Берингова острова, гдѣ Стеллеръ и его спутники убили 800 штукъ этихъ животныхъ въ продолженіе восьмимѣсячнаго пребыванія. Морской левъ или сивучъ (otaria Stelleri), животное китовой породы, страшное видомъ, но пугливое, котораго прежде можно было видѣть на всѣхъ подводныхъ и береговыхъ камняхъ твердой земли и острововъ, и который во время тумановъ, столь частыхъ въ тѣхъ областяхъ моря, издали извѣщалъ мореплавателей своими криками о близости земли, теперь рѣдко встрѣчается тамъ и сямъ на какомъ-нибудь уединенномъ утесѣ прибрежья. Наконецъ, большая Стеллерова морская корова (rhytina Stelleri), млекопитающее изъ семейства травоядныхъ китовъ, которая имѣла много сходства съ манатомъ или ламантиномъ Карибскаго моря, и которую нѣкоторые натуралисты называли этимъ именемъ [2]), была совершенно истреблена. Первое извѣстіе объ этой породѣ китообразныхъ было сообщено ученому міру Стеллеромъ въ 1741 г., а въ 1768 году она, какъ говорятъ, уже окончательно исчезла [3]); однако, свѣдѣнія, собранныя барономъ Норденшильдомъ у туземцевъ,

[1]) Steller; Von Middendorff, „Sibirische Reise".
[2]) *G. Kennan, цитированное сочиненіе.*

[1]) Опацевичъ, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 4.
[2]) Крашенинниковъ, „Описаніе земли Камчатки".
[3]) Бэръ; Брандтъ; Миддендорфъ.

позволяютъ ему утверждать, что отдѣльныя особи морской коровы были еще встрѣчаемы и убиваемы до 1779 или 1780 года [1]). Какъ бы то ни было, можно сказать положительно, какъ рѣдкость для музеевъ, кое-какія кости его въ обломкахъ на плоскихъ берегахъ моря. Впрочемъ, морская корова заранѣе была обречена на истребленіе самымъ образомъ своей

Аянскій портъ въ Охотскомъ морѣ.

что животное болѣе не существуетъ, и теперь съ большимъ трудомъ удается еще находить, жизни. Это огромное животное, имѣвшее въ длину не менѣе 8 или 9 метровъ (слишкомъ 4 сажени) и вѣсившее болѣе 180 пудовъ, не убѣгало при приближеніи охотниковъ; когда звѣроловы заставали его врасплохъ щиплющаго

[1]) Lettres de l'expédition á la découverte du passage Nord-Est".

водоросли на берегу, оно спокойно продолжало ѣсть, медленно поматывая головой, какъ корова, жующая жвачку, но не тревожа длинноногихъ журавлей, пріютившихся на его шеѣ, которые избавляли его отъ паразитовъ. Самецъ въ минуту опасности не покидалъ своихъ и давалъ себя убить подлѣ нихъ; случалось видѣть нераненыхъ самцовъ, остававшихся по цѣлымъ днямъ у трупа убитой самки. Морскихъ коровъ били острогой въ родѣ якоря, и тридцать человѣкъ, стоявшихъ на берегу, тащили пронзенное гарпуномъ животное изъ воды, затѣмъ убивали его дубинами, когда оно ослабѣвало отъ потери крови. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія на морскихъ пастбищахъ Берингова острова водилось такое множество Стеллеровыхъ коровъ, что мяса ихъ съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе всѣхъ обитателей Камчатки, а кожей ихъ, «похожей на кору стараго дуба», легко можно бы было обтянуть всѣ байдары (лодки, сложенныя изъ тонкихъ жердей и обшитыя тюленьими кожами), которыя плавали по водамъ Берингова моря [1]). Но область, обитаемая этимъ животнымъ, не простиралась за архипелагъ Командорскихъ острововъ, гдѣ дно моря покрыто лѣсами водослей, достигающихъ въ вышину отъ 28 до 42 аршинъ: этимъ и объясняется истребленіе цѣлой породы морской коровы вътакой короткій промежутокъ времени, менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе.

Другому виду морскихъ млекопитающихъ этой страны, морскому коту (otaria ursina), тоже грозила опасность исчезнуть съ лица земли, и мягкій, теплый мѣхъ его, извѣстный подъ именемъ котиковаго, приносилъ уже звѣроловамъ ничтожную годовую прибыль, когда американская компанія, уже овладѣвшая островами Прибылова, на берегу Новаго Свѣта, пріобрѣла отъ русскаго правительства исключительное право охоты на этого звѣря, на островахъ Беринговомъ и Мѣдномъ, съ обязательствомъ уплачивать въ казну по два рубля за каждаго убитаго кота: для правильнаго веденія котиковаго промысла была построена, въ сѣверо-западной части Берингова острова, необитаемаго въ ту эпоху, когда туда пристaлъ знаменитый мореплаватель, деревня, населенная 300 алеутами, привезенными съ острова Ачи. Воспитываемые стадами, почти какъ домашнія животныя, а не убиваемые случайно, какъ дѣлалось прежде, морскіе коты удивительно расплодились въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ: между тѣмъ, какъ прежде на всѣхъ Алеутскихъ островахъ и на Командорскомъ архипелагѣ охота на этого звѣря доставляла бывшей русской компаніи всего только около 3.200 котиковыхъ шкуръ ежегодно [2]), въ настоящее время на одномъ только Беринговомъ островѣ убивается отъ 12.000 до 13.000 головъ [3]). Но теперь при боѣ всегда соблюдаются извѣстныя правила: самокъ, котятъ, старыхъ котовъ и самцовъ, у которыхъ шкура попорчена ранами, не трогаютъ, и охотники послѣдователь выбираютъ для боя различныя части громаднаго стада, заключающаго около полмиллиона головъ. У этихъ животныхъ замѣчательно развитъ инстинктъ собственности. Каждый глава семейства выбираетъ на скалахъ мѣсто становища, по мѣстному лежбища, гдѣ и поселяется на житье со своими самками и дѣтенышами, составляющими цѣлое стадо въ сто и до ста двадцати головъ. Если чужое животное осмѣлится переступить за границы этого семейнаго лежбища, самецъ съ яростью накидывается на дерзкаго нахала, завязывается страшная битва, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются зрители, затѣмъ, увлеченные пыломъ борьбы, сами принимаютъ участіе въ дракѣ, какъ отмстители обиженныхъ. Такимъ образомъ иногда сраженіе распространяется все далѣе и далѣе и охватываетъ пространство въ нѣсколько сотъ саженъ. Вспыльчивый и нѣжный, морской котъ зорко наблюдаетъ съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста за своимъ многочисленнымъ семействомъ: когда самка уронитъ своего котенка, самецъ набрасывается на нее, толкаетъ ее на камни и безпощадно бьетъ и кусаетъ ее, потомъ, когда гнѣвъ пройдетъ, оба супруга проливаютъ обильныя слезы. Но при малѣйшей тревогѣ, всѣ коты, старые и молодые, стремглавъ бросаются къ морю, при чемъ маленькіе падаютъ, смятые и раздавленные массой бѣгущихъ, и груды труповъ остаются, разсѣянныя тамъ и сямъ на морскомъ берегу [2]).

Рыболовы, звѣроловы или скотоводы, всѣ обитатели Берингова полуострова, Камчатки и острововъ азіатскаго прибрежья, безусловно зависятъ отъ климата и окружающей природы въ отношеніи своего образа жизни и рода занятій; почти вездѣ самое мѣсто жительства мѣняется съ перемѣной зимы на лѣто и лѣта на зиму. Одежда, пища, жилье и мѣстопребываніе—все разнится, смотря по времени года.

Чукчи или чаукту, то-есть «люди» (по Гуперу [3]), настоящее ихъ имя—туски, то-есть «братья» или «союзники»), которые составляютъ самый многочисленный туземный народъ сѣверо-восточной Сибири, бродятъ, со своими стадами сѣвернаго оленя, по всему Берингову полуострову, въ бассейнѣ рѣки Анадыра и по ту сторону послѣднихъ отраслей Становаго хребта, въ тундрахъ, по которымъ протекаютъ Колыма и Индигирка: указомъ 1869 года опредѣлены границы областей, присвоенныхъ чукчамъ, на югѣ отъ земли, занимаемой юкагира-

[1]) Стеллеръ; Крашенинниковъ.
[2]) Семеновъ, „Географическій словарь Россійской Имперіи".
[3]) Карлъ Нейманъ; Норденшильдъ.
[3]) Стеллеръ; Крашенинниковъ; Норденшильдъ.
[3]) Hooper, „Ten months among the tenst of the Tuski".

ми. Совокупность чукотской территоріи обнимаетъ площадь приблизительно въ 704.000 квадр. верстъ; но на этомъ громадномъ пространствѣ, равномъ по величинѣ Франціи и Апеннинскому полуострову, взятымъ вмѣстѣ, насчитываютъ всего только 12.000 жителей [1]), Спутникъ проф. Норденшильда, Бове, полагаетъ даже, что численность этой націи не превышаетъ 3.000 или 5.000 душъ [2]); но онъ не имѣлъ возможности дѣлать дальнія экскурсіи во внутренность края и ознакомился лишь съ туземцами, живущими на морскомъ берегу. По мнѣнію его, первоначальную родину этого племени слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Амура, тогда какъ Нейманъ полагаетъ, что чукчи пришли изъ сѣверныхъ странъ Новаго Свѣта.

Типъ чукчей чисто монгольскій, съ круглой головой, съ широкимъ и плоскимъ лицомъ, съ выдающимися скулами; носъ у многихъ такъ глубоко вдавленъ между оттопыренными щеками, что можно бы было приложить линейку къ лицу, не дотронувшись до переносья; губы толстыя, а волосы, черные и гладкіе, ниспадая на лобъ, и безъ того низкій, еще болѣе съуживаютъ его. Шея у чукчей толстая, мышцы замѣчательно сильныя, мускульныя связки тонкія и деликатныя; большинство ихъ малорослы, однако, встрѣчаются также индивидуумы высокаго стана. Между азіатскими чукчами и сѣверо-американскими эскимосами существуетъ большое этнографическое сходство. Благодаря тѣмъ и другимъ, переходъ типовъ между аборигенами Новаго Свѣта и коренными жителями Стараго совершенно нечувствителенъ: отъ краснокожаго американца до якута и бурята, смѣшенія племенъ создали всѣ промежуточныя степени, всѣ градаціи, и послѣдовательными переходами установилось сродство расъ, каково бы, впрочемъ, ни было первоначальное различіе, и хотя языки различныхъ народцевъ разнятся между собой. Можно встрѣтить чукчей, имѣющихъ совершенное сходство съ американскими сіуксами, исключая одежды: это замѣчательные представители дикаго индѣйца Америки [3]). Очевидное сходство типа между чукчами и эскимосами, одинаковость ихъ обычаевъ и образа жизни, употребленіе ими орудій и снарядовъ, сдѣланныхъ изъ тѣхъ же матеріаловъ и съ тѣмъ же рисункомъ, подобныхъ древнимъ орудіямъ, находимымъ въ различныхъ доисторическихъ гротахъ, европейскихъ и американскихъ, и относящимся къ каменному вѣку, привели нѣкоторыхъ антропологовъ къ заключенію, что эти двѣ націи крайняго сѣвера континентовъ суть представители предшествовавшаго человѣчества или племени, постепенно оттѣсненнаго къ сѣверу и вынужденнаго давленіемъ народовъ-завоевателей искать себѣ убѣжища на берегахъ Ледовитаго океана. По мнѣнію этихъ антропологовъ, предковъ чукчей и эскимосовъ нужно искать не въ тундрахъ, на которыхъ они нынѣ обитаютъ, но гораздо южнѣе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ находятъ ископаемые остатки промышленности и искусства, подобные произведеніямъ этихъ народцевъ.

Какъ бы то ни было, нынѣшніе чукчи не похожи на народъ, находящійся въ состояніи упадка, вымирающій,—они, напротивъ, занимаютъ очень видное мѣсто между другими инородцами сибирскаго поморья. Славяне слишкомъ рѣдко вступаютъ въ сношенія съ этимъ инородцемъ, чтобы господство ихъ давало себя сильно чувствовать, и многіе изъ чукчей, которые едва умѣютъ сказать нѣсколько словъ по-русски, въ родѣ «здравствуй» да «прощай», не знаютъ даже о существованіи Бѣлаго Царя, о которомъ говорятъ съ такимъ благоговѣніемъ и трепетомъ монголы, живущіе на китайской границѣ; благодаря своимъ сношеніямъ съ американскими китоловами, они лучше знакомы съ Соединенными Штатами, нежели съ Россіей, и въ своей рѣчи они употребляютъ много англійскихъ словъ. Они платятъ русскимъ ясакъ шкурами лисицы или другаго пушнаго звѣря, и знаютъ, что, переходя изъ рукъ въ руки, эта дань въ концѣ концовъ будетъ положена къ ногамъ важной особы, которая царствуетъ въ Иркутскѣ; но они не подозрѣваютъ даже, что этотъ владыка самъ есть не болѣе, какъ слуга другаго болѣе могущественнаго властелина [1]). Впрочемъ, если какой-нибудь образъ, завезенный китоловомъ изъ Америки, случайно попадаетъ въ руки чукча, послѣдній съ радостью повѣситъ его въ своей юртѣ, сдѣланной изъ выброшенныхъ моремъ бревенъ или китовыхъ реберъ, обтянутыхъ оленьими шкурами (внутри юрты дѣлается вторая низенькая палатка изъ двойныхъ шкуръ, въ которой въ холодное время устраиваютъ чувалъ), и потомъ будетъ набожно креститься предъ этимъ изображеніемъ, сдѣлавшимся для него священнымъ [2]).

Чукотская нація естественно дѣлится на двѣ группы колѣнъ: на внутреннихъ или оленныхъ и береговыхъ или рыболововъ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой не только образомъ жизни, но также нарѣчіями [3]). Тундровые чукчи, питающіеся мясомъ и молокомъ сѣверныхъ оленей, живутъ, вообще говоря, въ большемъ довольствѣ, чѣмъ рыболовы, хотя и у нихъ тоже существуетъ большое неравенство состояній. По свидѣтельству Бове, у оленныхъ чукчей и теперь еще можно встрѣтить стада въ 20.000 и 30.000 головъ, принадлежащія

[1]) Венюковъ, „Этнографическая карта Россійской Имперіи".
[2]) Bowe, „Bollettino della Societa Geografica Italiana", дек. 1879 г.
[3]) G. Kennan „Tent-life in Siberia".

[1]) Nordenskjold, „Expédition au passage du Nord-Est".
[2]) George Kennan, „Tent-life in Siberia".
[3]) Karl Neumann, „Globus", 1874.

одному хозяину; Крашенинниковъ же разсказываетъ о коряцкихъ старшинахъ, владѣвшихъ стадами до сотни тысячъ головъ [1]). Оленные чукчи—постоянные путешественники, и, странствуя отъ береговъ Колымы до береговъ Анадыра, съ тундры на тундру, они проѣзжаютъ на оленяхъ, запряженныхъ въ санки, сотни и тысячи верстъ: эти бродячія привычки развиваютъ у нихъ, между прочимъ, замѣчательный талантъ, которымъ обладаютъ также и американскіе эскимосы,—умѣнье чертить на пескѣ или на землѣ карты съ изумительной точностью; многіе путешественники разсказываютъ съ удивленіемъ объ этихъ чертежахъ, которые часто позволяли имъ съ увѣренностью направлять свой путь черезъ пустыню. Оленеводы умѣютъ пріобрѣсти любовь своихъ животныхъ: Паландеръ разсказываетъ, какъ чукча при выходѣ изъ юрты, послѣ ночнаго сна, находитъ передъ жилищемъ все свое стадо оленей, выстроенное въ правильномъ порядкѣ, подъ предводительствомъ стараго самца съ большими вѣтвистыми рогами, и какъ каждый олень поочередно проходитъ передъ своимъ хозяиномъ и трется мордой объ его руки.

Оленный чукча обыкновенно презираетъ чукчу-рыболова, болѣе осѣдлаго, но менѣе храбраго, менѣе сильнаго и менѣе заботящагося о своей особѣ [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе богатаго, вынужденнаго просить у него оленьихъ шкуръ для постройки своей юрты и для приготовленія себѣ одежды; впрочемъ, можетъ быть, эти двѣ главныя группы чукчей, оленные и береговые, не принадлежатъ къ одной и той же расѣ, ибо типъ лица и языкъ у нихъ различные. Рыболовъ болѣе подверженъ опасности голодовокъ во время продолжительной зимы и долженъ больше заботиться о собираніи запасовъ на все время прекращенія его промысла. Онъ сушитъ рыбу, собираетъ молодые побѣги приземистой ивы и многихъ другихъ видовъ растеній, которые, будучи заквашены, потомъ заморожены, даютъ ему зимній салатъ или щи. Кромѣ того онъ также выкапываетъ изъ земли разныя коренья и клубни, а старухи вынимаютъ изъ внутренностей убитыхъ или павшихъ оленей зеленыя вещества (остатки ягеля), еще не переварившіяся въ желудкѣ, чтобы консервировать ихъ какъ овощи: для чукчей, какъ и для эскимосовъ, это одно изъ самыхъ любимыхъ блюдъ [3]). Но основу пищи составляютъ: рыба, мясо тюленье и моржовое, и запахъ этой снѣди, въ соединеніи съ дымомъ и смрадомъ отъ животнаго жира, употребляемаго для освѣщенія и отопленія жилищъ, дѣлаетъ пребываніе въ нихъ почти невыносимымъ для непривычнаго человѣка.

[1]) „Описаніе земли Камчатки".
[2]) Гуперъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Норденшильдъ, „Открытіе Сѣверо-Восточнаго прохода"; *Гуперъ, цитированное сочиненіе.*

Встарину чукчи были народомъ воинственнымъ, покорявшимъ другія племена; они храбро защищались, во главѣ другихъ народцевъ, противъ русскихъ, и когда согласились вступить съ ними въ торговыя сношенія, то предлагали свои товары на остріѣ своихъ копій: русскіе торговцы, зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, поняли, что лучше не обижаться такимъ оригинальнымъ способомъ мѣны [1]). Еще недавно одно племя, онкилоны, обитавшіе на берегахъ Сѣвернаго мыса, было прогнано чукчами: проф. Норденшильдъ и его спутники, во время памятной экспедиціи корабля «Вега», видѣли селеніе, покинутое этимъ побѣжденнымъ племенемъ, остатки котораго, удалившіеся на югъ отъ Берингова пролива, къ устьямъ Анадыра, извѣстны у большинства русскихъ писателей подъ именемъ анкаловъ и памолло; они отличаются своимъ «агглютинативнымъ» (полисинтетическимъ) языкомъ отъ окрестныхъ чукотскихъ колѣнъ, которыя, по свидѣтельству Бове, говорятъ нарѣчіемъ монгольскаго происхожденія [2]). Чукчи носили прежде латы изъ китовой кожи или кольчугу изъ дерева и моржовой кости, похожую на воинскіе доспѣхи японцевъ [3]); употребленіе этой брони прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ исчезли воинственные нравы. Въ настоящее время чукчи самые мирные люди въ свѣтѣ, всегда живущіе во взаимномъ согласіи и дружбѣ, преданные другъ другу, всегда добродушные и веселые, не смотря ни на какія бѣды и невзгоды, выказывающіе необыкновенную кротость и ласковость во всѣхъ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Они не убиваютъ болѣе своихъ стариковъ, какъ того требовала прежде сыновняя любовь, ради избавленія этихъ несчастныхъ отъ непосильной борьбы съ холодомъ и голодомъ, которая часто составляетъ ихъ удѣлъ; по разсказамъ, передаваемымъ г. Онагацевичемъ, большинство стариковъ сами себя убиваютъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ печальной обязанности наносить имъ смертельный ударъ [4]). Въ 1848 году Гуперъ видѣлъ еще одного сына, который незадолго передъ тѣмъ умертвилъ свою мать по ея просьбѣ, и котораго всѣ родичи очень хвалили за его послушаніе [5]).

Сдѣлавшись христіанами и «цивилизованными» людьми, благодаря частымъ сношеніямъ съ американскими китоловами, чукчи оставили нѣкоторые изъ своихъ старыхъ обычаевъ, но и теперь они все еще сжигаютъ трупы покойниковъ или выставляютъ ихъ на деревянныхъ

[1]) G. Kenann, „Tent-life in Siberia".
[2]) Bove, „Bollettino della Società Geografica Italiana", дек. 1879 г.
[3]) Биллингсъ и Зауеръ, „Expedition to the northern paris of Russia".
[4]) „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 4.
[5]) Karl Neumann, „Globus", 1874, „Hooper, Ten months among the tents of the Tuski".

помостахъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ [1]), они по-прежнему приносятъ животныхъ въ жертву духамъ горъ, рѣкъ, минеральныхъ источ-

точнымъ количествомъ оленей, чтобы сдѣлать это дорогостоющее пріобрѣтеніе. Благодаря труду своихъ женъ, которыя воздвигаютъ па-

Гольды.

никовъ, по-прежнему покупаютъ себѣ двухъ или нѣсколько женъ, когда обладаютъ доста-

латки, приготовляютъ пищу, шьютъ и украшаютъ одежду, прилаживаютъ санки, запрягаютъ оленей, чукчи не знаютъ другихъ заботъ, кромѣ занятія рыболовствомъ, охотой и торго-

[1]) Нооpег, цитированное сочиненіе.

влей: женщины по виду какъ-будто рабыни, но въ дѣйствительности это онѣ командуютъ, а мужчины повинуются. Что касается дѣтей, то они всегда пользуются самымъ внимательнымъ и нѣжнымъ уходомъ. Отецъ и мать поочередно носятъ ихъ на плечѣ и очень заботятся, чтобы имъ не приходилось терпѣть отъ голода или холода: эти маленькія существа такъ плотно закутаны въ оленьи шкуры, что походятъ на шаръ съ продѣтымъ сквозь него брускомъ, такъ какъ ихъ вытянутыя руки не могутъ болѣе складываться въ мѣшкѣ изъ мѣховъ, въ которые они завернуты [1]).

Изъ всѣхъ инородческихъ племенъ тунгусы, повидимому, имѣютъ наибольшее вліяніе на чукчей. Костюмъ тѣхъ и другихъ очень похожъ по покрою и украшеніямъ; многія чукотскія женщины татуируются по-тунгусски, двумя полосами темносиняго цвѣта, проведенными отъ глазъ къ подбородку и служащими какъ-бы стеблями для цѣлаго развѣтвленія маленькихъ узоровъ, которое направляется къ носу и ко рту; у другихъ женщинъ рисунокъ на лицѣ расположенъ въ обратномъ порядкѣ, именно главныя линіи слѣдуютъ отъ виска къ подбородку по передней округлости щеки, тогда какъ второстепенныя черты, кружки и овалы, идутъ къ мочкѣ уха [2]). Съ тѣхъ поръ, какъ чукчи окрещены, нѣкоторые мужчины рисуютъ себѣ на щекѣ черный латинскій крестъ, замѣнившій зубъ морскаго коня, который ихъ предки продѣвали въ дыру на щекѣ, и который въ то время считался самымъ почетнымъ украшеніемъ воиновъ; чукчи, отличившіеся на охотѣ или въ какой-нибудь битвѣ, тоже татуируютъ себѣ на груди грубое изображеніе своего подвига [3]). Раскопки, произведенныя профессоромъ Норденшильдомъ и его спутниками въ кухонныхъ отбросахъ чукчей, привели къ открытію украшеній, домашней утвари и снарядовъ, сдѣланныхъ изъ камня, изъ кости или изъ зубовъ рыбъ или мамонтовъ. Большая часть этихъ предметовъ представляетъ поразительное сходство съ подобными же издѣліями, употребляемыми гренландцами, сходство до того полное, что его невозможно приписать одному только дѣйствію одинаковыхъ условій окружающей природы, которая доставляетъ обоимъ народамъ одни и тѣ же источники пропитанія и заставляетъ ихъ вести точно такой же образъ жизни; въ этомъ совпаденіи нужно видѣть также слѣдствіе торговыхъ сношеній, которыя ведутся послѣдовательно отъ одного племени къ другому, черезъ посредство эскимосовъ, на всемъ пространствѣ крайняго сѣвера, отъ полуострова Беринга до полуострова Лабрадора. Не странно ли слышать на Босфорѣ, въ гренландскихъ фьордахъ и въ Антильскомъ морѣ одно и то же турецкое слово, примѣненное къ маленькимъ лодкамъ туземцевъ, впрочемъ весьма различнымъ по внѣшнему виду [1])? Съ одной стороны, якутъ, чукча, эскимосъ передали гренландцу слово, которое они употребляютъ для обозначенія своего челна, называемаго ими «каякомъ»; съ другой, путешествуя въ противоположномъ направленіи по шарообразной поверхности земли, испанецъ далъ названіе «каюко» пирогѣ американскаго индѣйца, столь отличной, впрочемъ, отъ граціознаго «канка», плавающаго по водамъ Константинополя.

Посредники торговаго обмѣна между Америкой и Сибирью, чукчи, повидимому, были прежде очень могущественны на берегахъ Берингова пролива; они играли первенствующую роль между купцами, эскимосами или представителями другихъ народностей, собиравшимися въ мѣстахъ мѣновой торговли, преимущественно на одномъ изъ острововъ группы Діомида или Гвоздева, посреди пролива [2]). Но преобладающее значеніе въ торговлѣ тѣхъ странъ принадлежитъ нынѣ американцамъ: американскіе торговцы привезли чукчамъ желѣзныя орудія, чтобы замѣнить ими туземныя издѣлія изъ камня или изъ кости; они же приводятъ этихъ инородцевъ въ соприкосновеніе съ промышленнымъ міромъ: на берегахъ Берингова пролива можно уже встрѣтить механическіе приборы американскаго происхожденія, усовершенствованные рыболовные снаряды, револьверы, ружья, заряжающіяся съ казенной части. Тѣ же американцы привозятъ фатальную водку, и за рюмку дряннаго подкрашеннаго напитка, которой достаточно, чтобы повергнуть ихъ въ опьяненіе, чукчи охотно отдаютъ чужестраннымъ коммерсантамъ всю добычу своей охоты или рыбной ловли. Въ трезвомъ состояніи они, напротивъ, очень тонкіе и хитрые коммерсанты, едва-ли уступающіе въ ловкости своимъ сосѣдямъ якутамъ.

Кажется, что этнографическая область чукчей распространяется за Беринговъ проливъ, на американскую территорію, тогда какъ, съ другой стороны, группы эскимосовъ живутъ на азіатскомъ континентѣ, если вѣрно, что племя анкали или намолло принадлежитъ къ этой этнологической группѣ, какъ это допускаетъ общепринятое мнѣніе. Коряки, живущіе на югѣ бассейна Анадыра, при основаніи полуострова Камчатки, въ долинѣ рѣки Пенжины и на сѣверо-западныхъ берегахъ Охотскаго моря, повидимому, суть родичи чукчей и говорятъ нарѣчіемъ, очень близко подходящимъ къ чукотскому языку. Эти инородцы, которыхъ насчитываютъ болѣе 5.000 душъ, дѣлятся, какъ и чукчи, на осѣдлыя семейства, занимающіяся главнымъ образомъ рыболовствомъ, и на ко-

[1]) Von Middendorff, „Sibirsche Reise".
[2]) Nordensjold, „Lettres a M. Daubrée".
[3]) *Беве, цитированный мемуаръ.*

[1]) Гмелинъ, „Путешествіе въ Сибирь".
[2]) Hooper, „The tents of the Tuski".

чующихъ оленеводовъ и звѣроловововъ. Южную границу ихъ территоріи въ Камчаткѣ составляетъ деревня Тигильская, близъ рѣки Сѣдонки, куда они приходятъ разъ въ годъ для обмѣна своихъ произведеній камчадаламъ и русскимъ торговцамъ. Вообще эта деревня есть главный торговый пунктъ западнаго берега полуострова [1]).

Путешественники, которымъ приводилось имѣть сношенія съ осѣдлыми коряками, обитающими по большей части на берегахъ сѣверныхъ бухтъ Охотскаго моря, даютъ далеко нелестные отзывы о нравственныхъ качествахъ этихъ инородцевъ. Потомки разоренныхъ кочевниковъ, лишившихся своихъ стадъ сѣвернаго оленя, эти коряки не имѣютъ теперь другихъ источниковъ прошитанія, кромѣ рыбной ловли и мѣновой торговли съ иностранными моряками и съ русскими коммерсантами. Первые пріучили ихъ къ пьянству и разгульной жизни, вторые научили обману и воровству [2]); они совершенно погрязли въ нищетѣ и порокахъ, такъ что въ Сибири не знаютъ болѣе развращенныхъ инородцевъ, чѣмъ осѣдлые коряки. Напротивъ, коряки кочевые, еще владѣющіе большими стадами оленей, привыкшіе къ вольной и независимой жизни и сохранившіе полное сознаніе своего равенства, не уступаютъ тунгусамъ по смышленности, прямодушію, природному достоинству, благородству осанки и обращенія. Они не признаютъ ни правительства, ни законовъ, навязанныхъ извнѣ; всякій человѣкъ, владѣющій хотя-бы только десяткомъ оленей, самъ себѣ господинъ и законъ. Отдѣльныя семьи вообще соединяются группами по шести или семи, въ маленькія республики, но онѣ вступаютъ между собой въ союзъ по доброй волѣ, и каждый имѣетъ въ этой федераціи равный голосъ. Съ тайономъ, какъ вообще называютъ самаго богатаго члена общины, другіе члены обыкновенно совѣтуются на счетъ выбора мѣста для становища, или на счетъ времени перекочевки; но онъ не имѣетъ никакой фактической власти. Не признавая надъ собой никакихъ властей и не повинуясь никому, оленные коряки, однако, самые услужливые, самые гостепріимные изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, а въ семейной жизни это лучшіе мужья и отцы: во время двухъ съ половиной лѣтъ пребыванія среди этихъ кочевниковъ, Кеннанъ ни разу не видалъ, чтобы корякъ ударилъ женщину или ребенка. Съ такой же любовью и лаской они воспитываютъ своихъ домашнихъ животныхъ, и изъ привязанности къ своему стаду они отказываются продавать живыхъ оленей, какъ бы ни была высока цѣна, предлагаемая чужимъ покупателемъ; но они безъ малѣйшаго колебанія соглашаются продать мясо животнаго, когда настала пора убить его. Впрочемъ, только въ случаѣ крайней необходимости коряки рѣшаются убить скотину изъ стада: оттого-то они, пропорціонально ихъ численности, самые крупные владѣльцы оленьихъ стадъ, какіе существуютъ въ Сибири.

Обычаи коряковъ естественно приближаются къ обычаямъ чукчей и камчадаловъ, между которыми они живутъ, и съ которыми они имѣютъ частыя торговыя сношенія. Они тоже питаютъ большое довѣріе къ своимъ шаманамъ, ловкимъ кудесникамъ и скоморохамъ, которые подъ открытымъ небомъ продѣлываютъ самые удивительные фокусы и кунштюки. Коряки приносятъ жертвы только злымъ духамъ, такъ какъ имъ кажется безполезнымъ заискивать благосклонность добрыхъ божествъ, и головы убиваемыхъ животныхъ обыкновенно кладутся на большіе камни, обращенные въ сторону восхода солнца. Подобно камчадаламъ, они обязаны, въ силу обычая, завоевывать себѣ женъ посредствомъ отрабатыванія въ продолженіе одного года или даже двухъ-трехъ лѣтъ въ домѣ будущаго тестя, и до самаго дня свадьбы, которая имѣетъ подобіе похищенія невѣсты, молодая дѣвушка бдительно охраняется старухами, которыя пускаютъ входъ веревки, плети и палки, чтобы удалить отъ нея претендента [1]). Наконецъ, у коряковъ сохранился еще въ полной силѣ исконный обычай умерщвлять стариковъ и больныхъ, чтобы избавить ихъ отъ страданій продолжительной агоніи. Этотъ обычай, рѣдко исполняемый у чукчей, до сихъ поръ остается общераспространеннымъ у ихъ южныхъ сосѣдей. Всѣ коряки считаютъ этотъ родъ смерти естественнымъ концомъ своего существованія, и когда имъ кажется, что пришла пора умереть, они сами говорятъ, какимъ способомъ должно быть дано имъ послѣднее свидѣтельство привязанности: одни просятъ, чтобы ихъ побили камнями, другіе избираютъ смерть посредствомъ удара топоромъ или ножемъ. Всѣ молодые коряки учатся искусству наносить роковой ударъ, не причиняя страданій жертвѣ [2]). Тотчасъ же послѣ смерти, трупъ сжигается, дабы душа могла уйти въ воздухъ. Въ эпоху, къ которой относится путешествіе Крашенинникова, дѣтоубійство также было общераспространеннымъ обычаямъ: изъ двухъ близнецовъ одинъ всегда приносится въ жертву.

До сихъ поръ существуетъ еще нѣкоторое число коряковъ, которые съумѣли сохранить вполнѣ свою независимость, и которые не платятъ ясака русскимъ чиновникамъ. Но нѣтъ также между инородческими племенами Сибири

[1]) George Kennan, „The Tent life in Siberia".
[2]) Кеннанъ; Нейманъ; Норденшельдъ.

[1]) Крашенинниковъ; Ед. де-Лессепсъ; Грего; Кеннанъ.
[2]) Крашенинниковъ, „Описаніе Камчатской земли"; G. Kennan, „The tent-life in Siberia; Семеновъ, „Географ. Словарь Россійской Имперіи".

народа, который бы боролся съ большимъ мужествомъ противъ русскихъ ради сохраненія своей свободы. Въ различныхъ войнахъ, которыя корякамъ пришлось выдержать противъ казаковъ, они всегда являлись болѣе страшными противниками, чѣмъ другіе инородцы, потому что они по-истинѣ бились на жизнь и смерть. Когда они видѣли себя окруженными непріятелемъ слишкомъ многочисленнымъ и слишкомъ хорошо вооруженнымъ, чтобы можно было надѣяться одолѣть его, они клялись «погубить солнце»; убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ рабства или пытокъ, сжигали все свое имущество, затѣмъ бросались въ самую середину сѣчи: ни одинъ изъ нихъ не искалъ спасенія въ бѣгствѣ, всѣ падали на мѣстѣ битвы одинъ подлѣ другаго, окруженные трупами [1]).

Камчадалы или ительмены, называемые коряками «кончало», вѣроятно, обязаны своимъ русскимъ наименованіемъ рѣкѣ Камчаткѣ, по имени которой былъ названъ и весь полуостровъ. Явно отличаясь отъ чукчей и коряковъ, они принадлежатъ къ другой этнографической группѣ, хотя климатъ заставилъ эти различныя племена вести одинаковый образъ жизни. Камчадалы вообще ростомъ пониже коряковъ, на которыхъ они, впрочемъ, походятъ круглымъ и широкимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими, глубоко сидящими глазами, приплюснутымъ носомъ, черными гладкими волосами, смуглымъ цвѣтомъ кожи. Языкъ ихъ, очень богатый гортанными звуками, отличается отъ коряцкаго нарѣчія словосочиненіемъ и состоитъ изъ неизмѣнныхъ корней, смыслъ которыхъ измѣняется посредствомъ присоединенія приставокъ [2]). Но этотъ характеристическій діалектъ быстро теряется, какъ исчезаетъ и сама раса. Въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова, и преимущественно въ долинѣ рѣки Камчатки, населеніе почти совершенно обрусѣло, и старый языкъ вышелъ изъ употребленія. Сдѣлавшись по вѣрѣ «православными» и часто смѣшиваясь посредствомъ брачныхъ союзовъ съ русскими поселенцами, камчадалы сливаются тамъ и сямъ со своими прежними властителями; оригинальный типъ ихъ уже изгладился. Южные камчадалы или курильцы, живущіе въ полуденной части полуострова, на берегахъ «Большой Рѣки» и на полуденной оконечности, на мысѣ Лопатка (плечевая кость), названномъ такъ по причинѣ его формы,—еще не совсѣмъ забыли свой языкъ. Сѣверные или пенжинскіе камчадалы изъ всѣхъ коренныхъ обитателей края наименѣе подверглись обрусѣнію, и нарѣчіе ихъ приняло въ себя лишь незначительное число русскихъ словъ.

Въ настоящее время число жителей полуострова, которые еще имѣютъ право называться камчадалами, по приблизительному исчисленію, не превышаетъ трехъ тысячъ душъ. Это въ большей части люди въ высшей степени смирные, очень честные, исключая тѣхъ, которые живутъ осѣдло въ деревняхъ, гдѣ русскіе, постоянно обманывая простодушныхъ дикарей, научили и ихъ хитрить и обманывать; ихъ домъ, лѣтній и зимній, всегда гостепріимно открытъ чужеземцу; они никогда не устаютъ оказывать всяческія услуги и быстро забываютъ нанесенныя имъ обиды; несмотря на крайнюю бѣдность и другія невзгоды жизни, они всегда сохраняютъ удивительно ровное настроеніе духа. Не знавъ надъ собой никакихъ господъ до прибытія русскихъ въ край, они должны были такъ много терпѣть отъ первыхъ завоевателей, отъ притѣсненій чиновниковъ и обмановъ купцовъ, что дважды открыто бунтовали, въ 1731 и 1740 годахъ; но съ той эпохи они оставили всякую мысль о возстаніи, и теперь малѣйшій представитель власти принимается ими съ глубокимъ почетомъ, чуть не съ благоговѣніемъ. Консерваторы въ высшей степени, крѣпко привязанные къ старинѣ, они никогда не покидаютъ тропы, проторенной ихъ отцами, и прокладываютъ новую дорожку только въ такомъ случаѣ, если старая отъ выбоинъ сдѣлалась совершенно непроходимой. Въ нихъ нѣтъ ни капли героическаго темперамента коряковъ, и ихъ жалобныя, тоскливыя пѣсни, которыя первоначально, какъ кажется, были простымъ подражаніемъ крикамъ морскихъ птицъ [1]), не прославляютъ какихъ-либо битвъ или военныхъ подвиговъ; любовь, работа, странствованія въ саняхъ на собакахъ, охота и рыбная ловля — вотъ единственныя темы ихъ народной поэзіи. Въ своихъ подражательныхъ пляскахъ они очень искусно воспроизводятъ тѣлодвиженія разныхъ животныхъ: такъ, они прыгаютъ, какъ олень, бѣгаютъ, какъ лисица, даже кидаются въ воду и плаваютъ какъ тюлень. Что касается обрядовъ прежней, языческой религіи, то они почти совсѣмъ вышли изъ употребленія; теперь услышишь развѣ только, да и то очень рѣдко, разсказъ о собакѣ, принесенной камчадалами въ жертву злымъ геніямъ, которые удаляютъ рыбу или дичь; многія церемоніи, которыя прежде были совершаемы какъ религіозный актъ, превратились мало-по-малу въ драматическое представленіе. Суевѣрія ихъ ничѣмъ не отличаются отъ суевѣрій другихъ сибиряковъ всякаго рода и племени — славянскаго, финскаго или манчжурскаго: такъ, напримѣръ, подобно всѣмъ сибирскимъ звѣроловамъ, они, когда преслѣдуютъ какого-нибудь звѣря, больше всего заботятся о томъ, чтобы не произнести

[1]) Ed. de Lesseps, „Du Kamtchatka à Paris".
[2]) G. Kennan, цитированное сочиненіе.

[1]) Эрманъ, „Путешествіе въ Сибирь".

ого имени, изъ опасенія неудачи или несчастія.

Для ѣзды камчадалы употребляютъ собакъ, безъ которыхъ ихъ жизнь въ продолженіе длинной, девятимѣсячной зимы должна бы была совершенно измѣниться. Лѣтомъ, когда ѣзды не требуется, эти животныя, которыя величиной, шерстью и физіономіей больше похожи на волка и даже воютъ по-волчьи, ходятъ по волѣ, отыскивая себѣ пищу въ лѣсахъ, и на берегу рѣкъ, гдѣ сами ловятъ рыбу; но какъ только выпадаетъ первый снѣгъ, они, какъ вѣрные слуги, возвращаются въ балаганъ хозяина. Нѣтъ животныхъ болѣе крѣпкихъ и бодрыхъ, болѣе выносливыхъ и легче переносящихъ усталость и голодъ, какъ ѣздовыя собаки камчадала: онѣ иной разъ везутъ свою нарту двое сутокъ подрядъ, не кормясь, не получая никакой пищи, кромѣ развѣ кусковъ кожи, оторванныхъ ими самими отъ сбруи. Упряжка изъ одиннадцати собакъ пробѣгаетъ обыкновенно отъ шестидесяти до семидесяти пяти верстъ въ день, везя одного человѣка и до 10 или 11 пудовъ клади; но нерѣдко бывало, что собаки пробѣгали въ день пространство въ два или три раза болѣе значительное [1]). Въ продолженіе длинной зимы, когда рѣки скованы льдомъ, когда море неприступно по причинѣ непроглядныхъ тумановъ и бурь, ѣзда на собакахъ составляетъ единственное средство сообщенія и поддержанія общественной жизни между деревушками камчадаловъ; безъ этихъ животныхъ каждая группа семействъ оставалась бы совершенно изолированной, почти запертой въ своихъ подземныхъ жилищахъ.

Въ громадной территоріи, простирающейся отъ камчатскаго мыса Лопатки до Чукотскаго полуострова, не существуетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго центра населенія; едва нѣсколько становищъ кочующихъ инородцевъ заслуживаютъ названіе деревень. Однако, городъ Петропавловскъ недавно имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ военный портъ и крѣпость, хотя и въ то время число его жителей не превышало населенія какого-нибудь малолюднаго европейскаго мѣстечка: расположенная на восточномъ берегу великолѣпной Авачинской губы, эта столица Камчатки совершенно защищена отъ вѣтровъ, и суда, проходящія въ ея гавань, могутъ бросать якорь у самаго берега. Подъ болѣе умѣренными широтами, въ сосѣдствѣ съ густо населенными странами, этотъ городъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ въ свѣтѣ; но съ тѣхъ поръ какъ китоловный промыселъ въ окружающихъ моряхъ утратилъ свою важность, а торговля шкурами пушнаго звѣря была монополизирована нѣсколькими негоціантами, Петропавловскъ пришелъ въ упадокъ и обезлюдѣлъ: въ настоящее время онъ имѣетъ не болѣе 500 жителей, тогда какъ прежде населеніе его простиралось до тысячи душъ; изъ этого порта американская компанія шкурки морскихъ котовъ, убиваемыхъ на Командорскихъ островахъ, отправляетъ въ Санъ-Франциско, гдѣ онѣ подвергаются спеціальной выдѣлкѣ. Столица Камчатки съ гордостью показываетъ свои монументы, воздвигнутые въ честь Беринга и Лаперуза, двухъ знаменитыхъ мореплавателей, имена которыхъ остались—одно за проливомъ, отдѣляющимъ Азію отъ Америки, другое—за проходомъ, посредствомъ котораго Охотское море сообщается съ Японскимъ. Старыя укрѣпленія Петропавловска, теперь покрытыя дерномъ и цвѣтами, напоминаютъ пораженіе англо-французовъ, которые во время крымской войны предприняли атаку этой камчадальской деревни, стоящей на концѣ Стараго Свѣта.

[1]) Neumann, „Globus“, 1875 г., № 4.

VII. Становой хребетъ, бассейнъ Амура, русская Манчжурія.

Изъ всѣхъ естественныхъ областей Сибири бассейнъ Амура и сосѣднее морское прибрежье суть страны, которыя обѣщаютъ достигнуть со временемъ наиболѣе важнаго политическаго значенія. Омываемыя водами Японскаго моря, выдвинутыя на югѣ между Монголіей и Кореей, и граничащія съ Китаемъ, какъ разъ въ сосѣдствѣ той «великой стѣны», которую Срединная имперія воздвигла нѣкогда, чтобы оградить себя отъ сѣверныхъ варваровъ, долины Амура, долины его южныхъ притоковъ и берега русской Манчжуріи являются представителями, передъ лицомъ народовъ крайняго азіатскаго Востока, военнаго могущества стомилліонной державы. При томъ тамъ находится единственная часть морскаго прибрежья, посредствомъ которой громадное Россійское государство соприкасается съ моремъ, открывающимся свободно, почти въ продолженіе всего года, на океанскія пространства. Корабли, выходящіе изъ портовъ Манчжурій, не должны проходить черезъ чужой проливъ въ родѣ Босфора или Зунда, и не обязаны лавировать въ теченіе восьми мѣсяцевъ среди ледяныхъ горъ и полей, какъ суда, отплывающія изъ Архангельска. Хотя лежащія подъ одинаковой широтой съ берегами Прованса и Каталоніи, внутреннія бухты Посьета и Петра Великаго бываютъ, правда, заперты льдами въ серединѣ зимы; но ихъ эскадры, которыя могутъ зимовать южнѣе, въ портахъ какой-либо дружественной державы, представляютъ, тѣмъ не менѣе, грозную морскую силу. Если чего недостаетъ русской Манчжуріи, прежде чѣмъ она будетъ имѣть возможность завое-

вать первенствующее политическое значеніе, на которое Россія претендуетъ для нея, то это—населенія цивилизованнаго, обогащеннаго земледѣліемъ, торговлей и промышленностью. Страны Нижняго Амура и Приморской области не заселились такъ быстро, какъ надѣялись русскіе патріоты; пути сообщенія еще не устроены въ этой огромной территоріи; разстояніе еще не побѣждено. Связь, соединяющая Владивостокъ съ Кронштадтомъ, существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности; цѣпь русскихъ городовъ и деревень, которая впослѣдствіи соединитъ эти два крайніе порта имперіи, прерывается еще широкими пробѣлами во всей своей восточной части, пробѣлами, которымъ, кажется, не суждено скоро пополниться, потому что горы, голыя скалы, озера, болота занимаютъ почти весь бассейнъ низоваго Амура, и на этомъ обширномъ пространствѣ многія мѣстности, еще неизслѣдованныя, ожидаютъ путешественниковъ, которые опишутъ ихъ поверхность и откроютъ богатства, сокрытыя въ ихъ нѣдрахъ. Можно сказать, что въ Азіи русскій царь владѣетъ еще только кадромъ своей имперіи.

Высоты, холмы, горы и плоскогорья, ограничивающіе съ сѣвера бассейнъ Амура, составляютъ, въ своей совокупности, одну изъ тѣхъ малоизвѣстныхъ областей, которыя изображаютъ на картахъ безъ достаточной точности, соединяя промежуточными хребтами отдѣльныя горныя группы и возвышенности, уже изслѣдованныя болѣе или менѣе подробно. Въ дѣйствительности эта извилистая цѣпь, проводимая на картѣ отъ плоскихъ возвышенностей Забайкалья до Чукотскаго полуострова, на протяженіи около 4.000 верстъ, есть не болѣе, какъ водораздѣльная линія: поэтому Миддендорфъ предлагаетъ называть ее Становымъ Водораздѣломъ, чтобы замѣнить присвоенное ей нынѣ неточное наименованіе Становаго хребта. Извѣстно, какъ много разнятся водораздѣльныя высоты или грани отъ горныхъ цѣпей, которыя онѣ во многихъ странахъ пересѣкаютъ подъ прямымъ угломъ; обвалъ земли, перемѣщеніе одного камня, засореніе болота мохомъ или камышемъ могутъ измѣнить линію раздѣла между двумя покатостями, тогда какъ большія колебанія почвы, сгибы, разрывы или поднятія, начертываютъ направленіе горныхъ хребтовъ на цѣлые вѣка жизни планеты. Эти горы, правда, измѣняются подъ непрерывнымъ вліяніемъ метеоровъ и всѣхъ геологическихъ дѣятелей, но ось ихъ отъ этого не перемѣняетъ своего направленія; она обнаруживается подземными каменными породами, тамъ, гдѣ сама горная цѣпь исчезла и продолжается подъ рѣками или ручьями, перерѣзывающими ее съ той или другой стороны; положеніе ея можно угадать даже подъ морскими проливами или заливами. По *нерчинскому трактату*, *условная* граница между Китайской имперіей и русской Сибирью была опредѣлена такимъ образомъ, что она должна проходить по гребню Становаго хребта; но не всегда была не болѣе какъ фиктивная раздѣльная черта. Естественныя границы образуются не гипсометрическими линіями, но поясами различныхъ произведеній природы. На полуденныхъ склонахъ Становаго хребта, такъ же, какъ въ бассейнѣ Лены, скаты и низа горъ покрыты хвойными деревьями, мхами и лишаями; это, слѣдовательно, естественная область сѣверныхъ оленей. Оттого-то, несмотря на дипломатическіе трактаты, «оленные» тунгусы спускались гораздо южнѣе Становаго хребта, по крайней мѣрѣ на 4 градуса къ югу отъ фиктивной границы, до мѣстъ сосѣднихъ съ Амуромъ. Но долины Зеи, Буреи и другихъ притоковъ этой большой рѣки представляютъ обширные луга, которые гораздо болѣе пригодны для коневодства, чѣмъ для оленеводства. Соотвѣтственно различію физическихъ условій, измѣняются нравы и цивилизація. На этихъ лугахъ живутъ «конные» тунгусы, населеніе осѣдлое, которое съ неудовольствіемъ принимало посѣщенія кочевыхъ тунгусовъ, и которое исправно платило подать, требуемую китайцами. Послѣдніе, впрочемъ, не имѣли желанія воздвигать межевые знаки своей границы въ лѣсахъ верхняго пояса Становаго хребта; они ставили ихъ при сліяніи рѣкъ, около естественныхъ границъ луговой области, между коннымъ тунгусами съ одной стороны и оленными съ другой [1]).

Изысканія Миддендорфа, Шварца, Усольцева, Крапоткина и другихъ изслѣдователей доказали несомнѣннымъ образомъ, что Становой хребетъ не имѣетъ той извилистой формы, какую придали ему въ своихъ описаніяхъ первые путешественники, которые поднимались по теченію рѣкъ и затѣмъ спускались по другую сторону пороговъ или другихъ рѣчныхъ долинъ. Совокупность высотъ, образующихъ «позвоночный хребетъ» восточной Сибири, состоитъ скорѣе изъ широкой выпуклины или горба, на которомъ возвышаются кряжи, въ иныхъ мѣстахъ параллельные, въ другихъ слегка сходящіеся. Вся плоская возвышенность Монголіи, отъ озера Косоголъ до хребта Большаго Хинганскаго, образуетъ общій стволъ, на которомъ возвышаются хребты, изъ которыхъ искусственное соединеніе на картахъ сдѣлало цѣпи горъ болѣе или менѣе извилистой формы. Совокупность этихъ возвышенныхъ земель направляется къ сѣверо-востоку, постепенно съуживаясь и уменьшаясь. Рѣки, получающія начало на этомъ плато, между различными хребтами, расположенными на его поверхности, сначала слѣдуютъ общему направленію плоской возвышенности, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, затѣмъ уходятъ

[1]) Middendorf, „Sibirische Reise".

черезъ какой-нибудь проломъ въ горныхъ кряжахъ и либо направляются въ бокъ, къ Ленѣ или къ Амуру, либо спускаются непосредственно къ Ледовитому океану или къ Охотскому морю. Цѣпи горъ, слѣдующія одна за другой на востокъ отъ Становаго хребта, на перерѣзъ долины Амура, затѣмъ, еще восточнѣе, вдоль морскаго прибрежья, принадлежатъ къ той же самой орографической системѣ и слѣдуютъ въ томъ же направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Гористая область, простирающаяся на югѣ отъ Байкала, ограничена, близъ китайской границы, самой высокой цѣпью Становаго хребта, извѣстной у жителей Дауріи подъ именемъ «Яблоноваго» хребта, которое, вѣроятно, произошло отъ растущихъ тамъ рощицами дикихъ яблонь: это продолженіе монгольскаго хребта Кентей. Въ дѣйствительности, эта цѣпь есть не что иное, какъ закраина плоскогорья и представляется въ видѣ горъ только съ восточной своей стороны, надъ рѣками Ингодой и Шилкой. На западѣ дорога, идущая отъ Святаго моря къ Читѣ, поднимается до самой вершины Яблоноваго хребта по отлогой покатости, которая могла бы служить для устройства желѣзной дороги, и которая оканчивается на востокѣ озерами и болотами [1]). Верхняя часть краевой цѣпи состоитъ изъ гранитныхъ и палеозойскихъ горныхъ породъ, одѣтыхъ хвойными деревьями и усѣянныхъ на вершинѣ глыбами гранита, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ. Дождь, падающій въ изобиліи на вершины, тотчасъ же исчезаетъ между этими гранитными глыбами и течетъ подъ камнями и подъ корнями деревьевъ до основанія горъ, гдѣ подземные ручьи показываются на поверхности, разливаясь въ видѣ обширныхъ болотъ, которыя очень затрудняютъ путешественникамъ доступъ къ скатамъ хребтовъ. Впрочемъ, верхушки Яблоновыхъ горъ тянутся однообразно, нигдѣ не представляя живописныхъ пейзажей, какіе свойственны известковымъ горамъ; на склонахъ растительность тоже имѣетъ однообразный характеръ: только березы болѣе свѣтлыми оттѣнками своей листвы мѣстами прерываютъ темную зелень сосноваго бора [2]).

Горная масса Сохондо или Чохондо, которая возвышается на югѣ и внѣ Яблоновой цѣпи, близъ монгольской границы, заключаетъ самую высокую вершину всей системы Становаго хребта. Эта двуглавая вершина высится своей отвѣсной гранитной стѣной надъ террасой, усѣянной двумя огромными глыбами и содержащей два озера, гдѣ скопляются воды, образующіяся отъ таянія снѣга; можно подумать, что въ этомъ мѣстѣ обрушилась цѣлая плоскость горы. Лѣтомъ на верхнихъ скатахъ цѣпи Сохондо видѣются кое-гдѣ полосы снѣга, но высшая ея вершина, хотя она поднимается почти на двѣ съ половиной версты, не достигаетъ границы никогда не тающихъ снѣговъ; вообще ни одна изъ вершинъ Становаго хребта, не исключая даже вершинъ сѣверной оконечности этой системы, не бываетъ покрыта снѣгомъ въ продолженіе всего лѣта. Однако, группа Сохондо получаетъ зимой очень большое количество снѣга: она почти всегда бываетъ окружена облаками, такъ что рѣдко можно видѣть ея верхушку сквозь разорванныя массы паровъ. Живущіе въ сосѣдствѣ тунгусы и бурята смотрятъ на эту гору со страхомъ и трепетомъ, какъ на грозное божество, безъ сомнѣнія, потому, что она почти всегда является имъ угрюмой, угрожающей, ниспосылающей на землю бури и грозы. Даже звѣроловы рѣдко отваживаются взбираться по ея скатамъ.

Хребетъ, начинающійся въ горной массѣ Сохондо, такъ же, какъ Яблоновыя горы, продолжается на сѣверо-востокъ къ Витимскому плоскогорью, тогда какъ на востокѣ другія цѣпи тянутся въ томъ же направленіи, къ сліянію рѣкъ Шилки и Аргунь. Одна изъ этихъ цѣпей, Адонъ-чолонъ, круто возвышающаяся надъ подернутой паромъ равниной, такъ что кажется, какъ-будто она поднимается изъ моря, ограничена у своего полуденнаго основанія областью, которую можно разсматривать, какъ отрывокъ монгольской степи Гоби или Шамо на русской территоріи: это плоская возвышенность, которую русскіе поселенцы называютъ обыкновенно «даурскими степями», но не потому, чтобы мѣстность тамъ походила на низменныя равнины приднѣпровья или арало-каспійской покатости: она обязана этимъ названіемъ единственно своимъ голымъ, лишеннымъ растительности, скатамъ и солености своихъ водъ; искусственная земляная насыпь, отъ которой еще видны, тамъ и сямъ, кое-какіе остатки, перерѣзывала нѣкогда эти степи на всемъ ихъ протяженіи отъ Становаго хребта до цѣпи Хинганъ: подобно большой китайской стѣнѣ, этотъ валъ защищалъ осѣдлыя населенія противъ набѣговъ кочевниковъ [1]); сооруженіе его приписываютъ Чингисъ-хану. Эта «степная» область, средняя высота которой отъ 2.140 до 2.952 футовъ, отдѣлена отъ рѣки Ононъ, главной вѣтви Шилки, обширными сосновыми лѣсами, которые задерживаютъ влажные вѣтры; на самой степи воздухъ отличается большой сухостью, и влажность недостаточна, чтобы вездѣ поддерживать растительность піоновъ, аконитовъ и лилій, которые придаютъ столько прелести нерчинскимъ степямъ. Во многихъ мѣстахъ нужно пройти пространства верстъ въ десять, пятнадцать и даже болѣе, прежде чѣмъ найдешь источникъ, гдѣ можно утолить жажду.

[1]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XXIII.

[1]) Шишмаревъ; Кропоткинъ; Позовъ; Васильевъ.

Единственныя водныя площади, которыя встрѣчаешь въ углубленіяхъ плато,—это озера, наполненныя соленой водой; тамъ и сямъ почва покрыта бѣлымъ налетомъ соли и магнезіи, словно снѣгомъ, недавно выпавшимъ. Одинъ изъ бассейновъ этой страны, Тарей, обыкновенно изображается на картахъ какъ двойное озеро, раздѣленное узкой полосой земли. Но самый большой изъ этихъ резервуаровъ, поверхность котораго обнимаетъ почти тысячу квадр. верстъ, часто пересыхаетъ совершенно. Такимъ видѣлъ его Палласъ въ 1772 году; во время посѣщенія края путешественникомъ Радде, въ 1856 году, онъ тоже былъ высохшимъ уже пять лѣтъ подрядъ. Старый соединительный каналъ между двумя озерами, многочисленные острова, вокругъ которыхъ еще видны знаки, оставленные волнами, свидѣтельствовали объ изобиліи воды, которая нѣкогда находилась въ бассейнѣ; въ настоящее время малое озеро или Дзунъ-Тарей, вода котораго насыщена солью, берега же покрыты красноватыми растеніями, очень уменьшилось въ размѣрахъ, а большое озеро или Барунъ-Тарей состоитъ лишь изъ лужъ стоячей гнилой воды, изъ пластовъ соли и громадныхъ пространствъ, поросшихъ камышемъ, откуда и произошло монгольское названіе русскаго поста Хулюсутай или Улясутай, означающее «городъ камышей». Мы видимъ здѣсь густыя чащи растеній, сильно разростающіяся на слояхъ земли, которые прикрываютъ древніе льды [1]).

Почва даурскихъ степей во многихъ мѣстахъ сплошь усѣяна мелкими голышами, камешками изъ бѣлаго кварца, яшмы, агата, происходящими отъ вывѣтриванія и распаденія сосѣднихъ горныхъ породъ, песокъ которыхъ улетѣлъ въ видѣ пыли, тогда какъ глина была унесена потоками. Тѣмъ не менѣе скудная травяная растительность разстилается по степи, и стаи птицъ, принадлежащихъ, правда, къ небольшому числу видовъ, перелетаютъ по странѣ. Это единственная область Дауріи, гдѣ встрѣчается антилопа gutturosa; тигры тоже иногда заходятъ туда, а на лугахъ бродятъ многочисленные табуны джигетаевъ или дикихъ лошадей. Казаки еще не научились укрощать и приручать этихъ прекрасныхъ животныхъ, какъ это умѣютъ дѣлать китайцы, живущіе по Желтой рѣкѣ; но мѣстные охотники съ жаромъ преслѣдуютъ джигетая ради его мяса, которое они употребляютъ въ пищу, а также ради шкуры, продаваемой ими монголамъ, у которыхъ существуетъ повѣрье, что волоса дикой лошади, особенно длинные волоса хвоста, сжигаемые на горячихъ угольяхъ и вдыхаемые домашними животными, обладаютъ свойствомъ исцѣлять ихъ отъ всякихъ болѣзней. Постоянныя странствованія дикихъ животныхъ происходятъ съ юга на сѣверъ, чѣмъ охотники и объясняютъ тотъ фактъ, что дичь каждый годъ является подъ ихъ пули. Замѣчено, что у всѣхъ водныхъ птицъ, совершившихъ длинный перелетъ черезъ пустыню Гоби, желудокъ бываетъ наполненъ гравіемъ изъ бѣлаго кварца, проглоченнымъ во время путешествія: онѣ снова принимаются за настоящую пищу только отдохнувъ при концѣ своего пути [1]). Съ другой стороны Амура происходятъ подобныя же переселенія животныхъ, вызываемыя также климатическими перемѣнами. Косули очень хорошо знаютъ, будетъ ли предстоящая зима суровая и особенно выпадетъ ли большое количество снѣгу. Предчувствуя холодную и снѣжную зиму, они переселяются массой на правый берегъ Амура; въ 1867 году, когда лѣса по рѣкѣ Буреѣ вдругъ покрылись обильнымъ снѣгомъ, косули эмигрировали въ Манчжурію: въ то время Амуръ несъ уже большія льдины, на которыя и садились отдыхать отощавшія отъ усталости животныя, и жители прибрежныхъ станицъ убивали ихъ палками на этихъ пловучихъ островахъ. Мѣхъ косуль даетъ превосходныя шубы (даха), которыя въ большой модѣ въ Сибири, и которыхъ густая шерсть, всегда оставляемая снаружи, на лицевой сторонѣ, отлично защищаетъ отъ холода и особенно отъ вѣтра [2]).

Горныя цѣпи Дауріи, ограничивающія область пустыни, не имѣютъ растительности на своихъ скатахъ, обращенныхъ на полдень. Это явленіе подобно тому, которое мы наблюдаемъ на Алтаѣ, на Тянь-Шанѣ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа; влажность, необходимая для древесной растительности, лучше держится на тѣневой, чѣмъ на солнечной сторонѣ; сверхъ того палы (пожары), пускаемые весной пастухами, производятъ гораздо болѣе опустошительное дѣйствіе на полуденныхъ отлогостяхъ: такъ какъ съ этой стороны распространеніе огня не задерживается снѣгомъ, то сухая трава и низкій кустарникъ выгораютъ до самой вершины горъ. Но на сѣверѣ Дауріи и пролома, черезъ который выходитъ рѣка Шилка, кряжи Становаго хребта одинаково покрыты лѣсной растительностью на обоихъ склонахъ: тамъ влажность достаточно велика, чтобы поддерживать съ той и съ другой стороны лѣса почти непроникаемые, по причинѣ топей и болотъ, остатковъ бывшихъ озеръ, которыя нѣкогда залегали вдоль основанія горъ. Только надъ поясомъ лѣсовъ высятся сѣроватые гранитные куполы, перерѣзанные тамъ и сямъ глубокими брешами; это тѣ гребни безъ зелени, видъ которыхъ заставилъ казаковъ дать горамъ Становаго хребта и всей восточной Сибири названіе «Гольцовъ», то-есть «голыхъ скалъ».

[1]) Радде, цитированное сочиненіе.

[1]) Радде, цитированное сочиненіе.

[2]) Крашенинникъ, рукописныя замѣтки.

, сѣверѣ отъ Амура главныя группы Ста-
о хребта поднимаются между бассейномъ
и и бассейномъ р. Алдана; тамъ различ-
вершины достигаютъ двухъ верстъ высо-
ступая, однако, въ этомъ отношеніи цѣпи
ядо; ручьи и рѣки въ изобиліи текутъ съ
горныхъ массъ къ Амуру, Ленѣ и дру-
главнымъ рѣкамъ, непосредственнымъ
камъ Тихаго океана. По ту сторону боло-
хъ плоскогорій, отдѣляющихъ бассейнъ
на отъ бассейна Уды, горная цѣпь, гораз-
лѣе крутая на склонѣ, обращенномъ къ
скому морю, чѣмъ на противоположномъ
, принимаетъ наименованіе Алданскаго
(жугджурскаго хребта; самыя высокія ея
ины не превышаютъ тысячи метровъ
0 футовъ). Эта часть Становаго хребта,
одна изъ наименѣе возвышенныхъ, есть
изъ самыхъ богатыхъ по разнообразію
гическихъ формацій; граниты, гнейсы,
ры покрыты тамъ древними сланцами, а
которыхъ мѣстахъ даже юрскими пласта-
на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Алданскій хребетъ
нижается къ новѣйшимъ образованіямъ
оянскихъ горъ, простираются слои камен-
ольной формаціи, а въ сосѣдствѣ Охотскаго
, напротивъ вулканическаго полуострова
атки, видны вулканическія породы, ба-
ы и трахиты. Мѣсторожденія желѣза,
а, серебра и золота, найденныя въ этихъ
ъ, столь значительны, что въ другомъ,
благопріятномъ климатѣ, сдѣлались бы
метомъ дѣятельной и обширной разработки.
западу отъ Охотска и къ сѣверу отъ про-
въ горахъ, черезъ который проходитъ
а изъ Якутска къ морю, высится гора
танъ, которой тунгусы дали это названіе,
ъ быть, въ память какого-нибудь русскаго
ана, или, можетъ быть, какъ главной вер-
всей этой гористой области; она едва
одитъ за поясъ лѣсовъ лиственницы, что-
ступить въ область лишаевъ и оленьяго
Ледниковъ тамъ нигдѣ не видно, и даже
ины никогда не бываютъ покрыты снѣ-
но по замѣчательному контрасту, который
тельствуетъ о противоположности клима-
между Европой и Сибирью въ отношеніи
фернаго давленія, количества выпадаю-
дождя и снѣга, направленія вѣтровъ,—
оры Становаго хребта, не имѣющія глет-
ъ, господствуютъ, однако, надъ долинами,
шенно наполненными постояннымъ, ни-
не тающимъ льдомъ. Снѣгъ, уносимый
мъ съ сосѣднихъ вершинъ, скопляется у
жія Капитана; тамъ, въ этихъ впадинахъ,
рѣдко заглядываетъ солнце, онъ посте-
превращается въ ледъ и съ теченіемъ
ни занимаетъ обширные бассейны; даже
ники и ручьи, текущіе въ окружающихъ
ахъ, замерзаютъ, разливаясь по огромной
аллизованной площади. Эти лощины съ
ледянымъ дномъ служатъ естественнымъ сборнымъ мѣстомъ для сѣверныхъ оленей, которые укрываются туда отъ назойливой мошкары [1]).

На востокѣ отъ Становаго хребта, другая горная цѣпь, которая начинается на манчжурской территоріи, и которую китайцы, монголы, гольды и русскіе знаютъ подъ разными наименованіями, тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ и оканчивается на югѣ Охотскаго моря выступами, изрѣзанными глубокими бухтами и архипелагомъ Шантарскихъ острововъ: эта цѣпь Даусъ-Алинь есть та самая, которую Мидендорфъ назвалъ въ своемъ описаніи Бурейскими горами, по имени значительнаго притока Амура, рѣки Буреи, текущей на западъ, параллельно хребту; русскіе обыкновенно даютъ ей наименованіе «Малаго Хингана». Лѣса, растущіе на покатостяхъ этихъ горъ, принадлежатъ къ другой области растительности, нежели лѣса остальной Сибири; дубъ, неизвѣстный въ долинахъ Лены и Енисея, составляетъ во многихъ мѣстностяхъ Бурейскихъ горъ, господствующую древесную породу. и вообще въ этой странѣ деревья съ опадающей листвой преобладаютъ надъ хвойными породами, постоянно сохраняющими листья; вообще, что касается флоры, то мы находимся уже въ настоящей Манчжуріи. Въ лѣсныхъ чащахъ рыскаетъ тигръ, царь звѣрей, какъ называютъ его мѣстные жители: здѣсь начинается область его обитанія.

Все пространство, ограниченное на западѣ теченіемъ Уссури и нижняго Амура, занято до самаго моря холмами и горными цѣпями, которые обыкновенно обозначаются подъ общимъ именемъ «Манчжурскихъ горъ»; въ дѣйствительности эта плоская возвышенность, разрѣзанная на безчисленное множество вѣтвей и снова поднимающаяся на востокѣ въ видѣ выступовъ, которые тянутся вдоль береговъ Японскаго моря, представляя со стороны этого моря свои самые крутые скаты. Такъ же, какъ Алданскій хребетъ, на который онъ походитъ своей высотой, видомъ своихъ верхнихъ макушекъ, лишенныхъ растительности и господствующихъ надъ лѣсистыми склонами, и, наконецъ, своимъ направленіемъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, хребетъ Манчжурскихъ горъ или Сухоте-Алинь (Сихота-Алинь, то-есть «Цѣпь Господня») представляетъ лишь небольшое число проходовъ; болота и лѣса западной покатости дѣлаютъ очень затруднительнымъ сообщеніе изъ долины Уссури къ морскому прибрежью [2]): только на югѣ, широкій порогъ, гдѣ скопляются дождевыя воды, поддерживаетъ сообщеніе между большимъ озеромъ Ханкай и береговой рѣкой Суйфунъ, впадающей въ Японское море, на сѣверѣ залива Петра Великаго.

[1]) Эрманъ, „Путешествіе по Сибири".

[2]) Гельмерсенъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества", IV, 1868.

Многіе утверждали, что хребетъ Сихота-Алинь отчасти вулканическаго происхожденія, и что потоки базальта, вылившіеся изъ кратеровъ этой цѣпи, выдвинулись въ Татарскій проливъ крутыми скалистыми мысами, возвышающимися саженъ на 50 и на 100 надъ поверхностью водъ [1]); но кажется, что горы въ сосѣдствѣ залива де-Кастри, которыя принимали за вулканы, въ дѣйствительности суть обыкновенныя высоты, состоящія изъ пластовъ песчаника.

Различныя высоты Становаго хребта, Бурейскихъ и Манчжурскихъ горъ:

Сохондо (по Радде) — 8.300 фут.; Становой хребетъ, между Алданомъ и Зеей—6.888 фут.; средняя высота Алданскаго хребта—2.952 фут.; гора Капитанъ—4.260 фут.; перевалъ на Капитанѣ—4.200 фут.; Лагаръ-аулъ (Бурейскія горы)—3.450 фут.; средняя высота Сихота-Алиня — 2.952 фут.; Голая гора, главная вершина — 5.660 фут.

Изъ четырехъ большихъ рѣкъ Сибири Амуръ есть наименѣе значительная по протяженію своего бассейна, но она обѣщаетъ сдѣлаться современемъ самой важной рѣкой для судоходства, хотя въ наши дни она далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи рѣкамъ Обскаго бассейна, на которыхъ всѣ прибрежные города имѣютъ частыя сношенія другъ съ другомъ посредствомъ пароходовъ. Въ то время, какъ Обь, Енисей, Лена текутъ съ юга на сѣверъ, наперерѣзъ движенію населеній, и впадаютъ въ Ледовитый океанъ, Амуръ развертываетъ свои излучины въ восточномъ направленіи, по линіи историческихъ путей, и изливаетъ свои воды въ море, гдѣ суда могутъ плавать въ продолженіе большей части года. Мало есть рѣкъ, которымъ бы нужно было пройти столько гористыхъ возвышенностей, чтобы спускаться съ уступа на уступъ: получая начало на Даурскомъ плоскогорьѣ, Амуръ долженъ пробить себѣ дорогу черезъ восточную краевую цѣпь этой возвышенности, чтобы вступить въ равнины своего средняго теченія, возвышающіяся на 2.000 футовъ надъ уровнемъ океана. Затѣмъ онъ пробирается въ разсѣлину хребта Малый Хинганъ, по выходѣ изъ которой течетъ по низменнымъ равнинамъ, отдѣленнымъ отъ моря хребтомъ Сихота-Алинь. Подойдя къ этой приморской цѣпи, рѣка слѣдуетъ вдоль ея основанія въ сѣверо-восточномъ направленіи; наконецъ, пробивъ этотъ послѣдній валъ, вступаетъ въ океанъ; но и тутъ она встрѣчаетъ передъ собою островъ Сахалинъ, и ея фарватеръ долженъ обходить его двумя рукавами, изъ которыхъ одинъ проходитъ на сѣверѣ острова, а другой проникаетъ на югъ въ Татарскій проливъ [2]). Амуръ, столь же обильный водою, какъ три другія главныя рѣки сѣверной Сибири, всегда имѣлъ, какъ историческій путь, первостепенную важность: встарину онъ служилъ дорогой монголамъ, манчжурамъ, всѣмъ приходившимъ въ движеніе народамъ восточной Азіи, а теперь онъ сдѣлался продолженіемъ южнаго сибирскаго тракта, по которому слѣдовали, въ противоположномъ направленіи, русскіе завоеватели и колонисты. Нижнее теченіе Амура дополняетъ естественный путь, который начинается, на разстояніи почти 10.000 верстъ, устьемъ Невы. Вмѣстѣ съ тѣмъ приамурскія страны представляютъ для человѣка ту важную выгоду, что онѣ находятся въ болѣе умѣренномъ климатѣ, сравнительно съ климатомъ остальной Сибири; даже нѣкоторые изъ притоковъ его южнаго бассейна, въ предѣлахъ Китайской имперіи, получаютъ начало подъ 40-мъ градусомъ широты, слѣдовательно, ближе къ экватору, чѣмъ къ полюсу.

Такъ какъ болѣе половины Амурскаго бассейна находится еще на недостаточно изслѣдованныхъ территоріяхъ Монголіи и Манчжуріи, то невозможно вычислить съ точностью поверхность земель, которыя изливаютъ въ эту рѣку излишекъ своихъ водъ; приблизительнымъ образомъ ее опредѣляютъ въ 1.750.000 или въ 1.800.000 квадр. верстъ, что составитъ пространство, въ четыре раза превосходящее площадь Франціи. Если разсматривать рѣку Керуленъ или Курулунъ, какъ составную часть Амурскаго бассейна, хотя она не принадлежитъ къ нему постояннымъ образомъ, то общее протяженіе рѣки Амура и ея притока, самаго отдаленнаго по мѣсту происхожденія, составляетъ около 4.685 верстъ. Рѣка Керуленъ получаетъ начало на полуденной покатости горъ Кентей, монгольскаго продолженія Яблоноваго хребта, и течетъ на сѣверъ, вдоль основанія одной изъ террасъ плоскогорья Гоби или Шамо, затѣмъ изливается въ озеро Далай. Это «Святое море»—ибо таково значеніе монгольскаго слова «Далай» — принимаетъ въ себя также рѣку Урсунь, истокъ озера Буиръ-норъ; но эти притоки, приходящіе изъ пустыни, приносятъ ему незначительное количество воды, которое почти все и уходитъ, путемъ испаренія, изъ озернаго резервуара. Изъ озера вытекаетъ лишь узкій и лѣнивый потокъ мутной воды, Далай-голъ, который соединяется съ быстрой рѣчкой Хайларъ, составляющей живой истокъ рѣки Аргунь. Во время весеннихъ разливовъ этого потока, который спускается съ возвышенныхъ долинъ хребта Большой Хинганъ, часть его водъ течетъ обратно въ Далай-голъ и черезъ этотъ каналъ вступаетъ въ озеро Далай-норъ, откуда рыба выходитъ тогда многочисленными стаями и проникаетъ черезъ Аргунь на русскую территорію. Такимъ образомъ, хотя «Святое море» находится въ предѣлахъ Монголіи, русскіе рыболовы косвенно поль

[1]) Большевъ, „Географическое Обозрѣніе", май 1878 г.
[2]) *Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.*

уются его рыбными богатствами, которыхъ монголы еще не надумались утилизировать [1]).

Рѣчка Хайларъ, по соединеніи съ рѣчкой Далай-голъ, принимаетъ названіе «Аргунь» и

Благовѣщенскъ на Амурѣ.

направляется на сѣверо-востокъ, параллельно различнымъ цѣпямъ Становаго хребта, обра-

зуя политическую границу между Китаемъ и Сибирью. Что касается Шилки, рѣки, которой воды, соединенныя съ водами Аргуни, образуютъ остроконечный мысъ, называемый «Стрѣлкой», принимая съ этого мѣста имя «Амуръ», то бассейнъ ея почти весь находится на русской территоріи; только рѣка Ононъ, которая вмѣстѣ съ Ингодой, составляетъ главный притокъ Шилки, получаетъ начало въ предѣлахъ

[1]) Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XXIII.

Монголіи и вступаетъ въ русскую Даурію не прежде, какъ обойдя издали, съ южной стороны, горную массу Сохондо. Которая изъ этихъ двухъ рѣкъ, Аргунь или Шилка, должна быть разсматриваема, какъ главная вѣтвь Амура? Аргунь превосходитъ Шилку въ отношеніи длины бассейна, но Шилка, протекающая по болѣе сырой области, катитъ, вѣроятно, большее количество воды, и эта вода содержитъ въ себѣ менѣе землистыхъ частицъ. Въ историческомъ отношеніи прозрачная Шилка тоже является болѣе важной рѣкой, такъ какъ воды ея носили ладьи казаковъ, которые столько разъ пытались утвердиться на берегахъ Амура или поддерживать тамъ свои поселенія, уже основанныя, прежде чѣмъ Муравьевъ-Амурскій не овладѣлъ окончательно всѣмъ теченіемъ главной рѣки, въ 1853 году. Между тѣмъ какъ на югѣ, для монголовъ, проводящихъ все время на конѣ, излюбленной дорогой служитъ звонкая почва степей, русскіе предпочитали спускаться или подниматься по теченію рѣкъ, и Шилка, суходная во всей своей нижней части, представляла имъ прямой путь, чтобы направляться на востокъ, по другую сторону Хинганскихъ горъ. Тунгусы, кочующіе по Шилкѣ, тоже обозначаютъ этимъ именемъ все нижнее теченіе рѣки, внизъ отъ сліянія ея съ Аргунью. Происхожденіе имени Амура неизвѣстно въ точности: одни производятъ его отъ гиляцкихъ словъ «Я-муръ», означающихъ «Большую Рѣку» [1]); по мнѣнію другихъ, оно есть не что иное, какъ измѣненное названіе «Маму», употребляемое прибрежными туземцами, обитающими по нижнему теченію рѣки; третьи, наконецъ, полагаютъ, что это слово произошло оттого, что первые русскіе, укрѣпившіеся въ верховьяхъ Амура, въ городкѣ Албазинѣ, на берегахъ ручья Эмури, стали впослѣдствіи придавать долинѣ этого маленькаго потока, столь храбро оспариваемой ими, легендарную важность, такъ что прозвище Эмуръ или Амуръ сдѣлалось наименованіемъ всей страны и протекающей черезъ нее главной рѣки. Какъ бы то ни было, каждый изъ народовъ, которые встрѣчаются въ долинѣ Амура, даетъ этой рѣкѣ различное наименованіе. Гольды называютъ ее Манго, якуты—Кара-Туранъ или «Черной Рѣкой»; манчжуры—Сахалинъ-ула или «Рѣкой черной воды»; китайцы—Гелонгъ-Кіангъ или «Рѣкой Чернаго дракона», безъ сомнѣнія, по причинѣ темнаго цвѣта ея водъ.

У мыса Стрѣлки, въ мѣстѣ сліянія Шилки съ Аргунью, Амуръ имѣетъ уже отъ 8 до 10 аршинъ глубины, а ширина его безъ малаго полверсты. Стѣсненный между выступами горъ Большаго Хингана и боковыми отрогами Становаго хребта, онъ направляется на востокъ черезъ рядъ ущелій, по выходѣ изъ которыхъ спускается на юго-востокъ, слѣдуя вдоль подошвы высотъ вулканической цѣпи Илькури-Алинь. Ниже, по обѣ стороны его теченія, и особенно на лѣвой сторонѣ, между притоками Зеей и Буреей, разстилаются обширныя равнины, которыя Миддендорфъ сравниваетъ съ «преріями» Новаго Свѣта; хотя поверхность ихъ тамъ и сямъ перерѣзана оврагами и рытвинами, но эти равнины не покрыты злаками, какъ американскія травяныя степи, а поросли на обширныхъ пространствахъ чащами мелкаго дуба, орѣшника и другихъ кустарниковъ; подобно преріямъ, онѣ даютъ обильныя жатвы земледѣльцу, который расчищаетъ ихъ подъ пашни.

Такъ же, какъ другія большія рѣки Сибири, Амуръ представляетъ нормальный потокъ, то-есть правый его берегъ, вообще говоря, выше лѣваго. По принятіи въ себя съ лѣвой стороны притоковъ Зеи и Буреи, Амуръ ударяется о цѣпь горъ, извѣстную подъ именемъ «Малаго Хингана» и долженъ пройти черезъ нее ущельемъ въ 160 верстъ длины, болѣе величественнымъ, чѣмъ рейнскія тѣснины между Бингеномъ и Кобленцомъ, но, конечно, неимѣющимъ той красы, которую придаютъ пейзажамъ на Рейнѣ города, пріютившіеся на узкомъ берегу, зеленѣющія нивы на косогорахъ и замки, лежащіе въ развалинахъ или заново отстроенные—на вершинахъ скалъ. Никакой дороги еще не проложено вдоль рѣки въ этомъ проломѣ горъ; существуетъ только тропинка, да и та исчезаетъ подъ водой во время разливовъ; всадники, желающіе попасть съ одной стороны хребта Малый Хинганъ на другую, должны удалиться отъ берега Амура и пробираться съ большимъ трудомъ черезъ лѣса, чтобы объѣхать выступы горъ или мысы въ нѣсколько сотъ метровъ высоты, омывающіе скалы своего основанія въ глубокой водѣ рѣчнаго потока. По выходѣ изъ этого ущелья, которое тянется по направленію съ сѣвера на югъ, Амуръ изгибается къ востоку, затѣмъ къ сѣверо-востоку, слѣдуя такимъ образомъ толчку, который сообщаетъ ему могучій Сунгари или Куэнъ-Тонгъ, считаемый китайцами главной рѣкой. Какъ Обь—Иртышъ, Енисей—Ангара, Амуръ или Аргунь—Шилка, Сунгари тоже образуется изъ двухъ рѣкъ почти равныхъ по обилію, Верхняго Сунгари и Ноньи [1]).

Сунгари дѣйствительно можетъ быть разсматриваемъ, какъ главная вѣтвь рѣчнаго ствола, не по развитію или длинѣ его теченія, ни, вѣроятно, по количеству воды, но по ориентированію его долины, развертывающейся параллельно хребту Хинганъ, горамъ Манчжуріи и самой оси всей сѣверо-восточной Азіи. При сліяніи съ Амуромъ мутныя воды Сунгари, то зеленоватаго, то молочнаго цвѣ-

[1]) *Carl Ritter „Asien“.*

[1]) Carl Ritter, „Asien“.

та,—откуда и произошло манчжурское названіе «Молочной рѣки», данное Сунгари,—занимаютъ около двухъ третей общаго ложа. Выше впаденія Сунгари, Амуръ и его притоки имѣютъ очень измѣнчивую высоту воды, и уровень ихъ быстро понижается въ лѣтніе мѣсяцы. Этотъ фактъ доказываетъ, что различныя группы горъ, окружающія верхній бассейнъ Амура, не настолько высоки, чтобы вершины ихъ могли быть покрыты большими пространствами постоянныхъ снѣговъ; таяніе фирновыхъ полей недостаточно, какъ на Альпахъ, для поддерживанія уровня водъ въ періодъ мелководья; оттого судоходство среди пороговъ сопряжено съ большими опасностями. Горныя цѣпи, окружающія бассейнъ Сунгари, еще недостаточно извѣстны, чтобы можно было вычислить, въ стокѣ рѣки, количество воды, доставляемое таяніемъ ихъ снѣговъ; тѣмъ не менѣе вѣроятно, что хребетъ Шанъ-Алинь или «Бѣлыя горы», составляющія восточную границу этого бассейна, достигаютъ, какъ показываетъ самое ихъ названіе, пояса постоянныхъ снѣговъ, слѣдовательно отъ трехъ до четырехъ тысячъ метровъ высоты, и такимъ образомъ способствуютъ увеличенію рѣчныхъ разливовъ. Но главная причина выступленія изъ береговъ Сунгари и другихъ рѣкъ восточной Сибири—это обиліе дождей, приносимыхъ лѣтними муссонами, которые дуютъ съ сѣверо-востока по направленію къ нагорьямъ Монголіи. Ниже сліянія съ Сунгари Амуръ принимаетъ тогда видъ моря въ движеніи; острова покрываются водой; всѣ вѣтви рѣки, развѣтвляющіяся на протяженіи 10, даже 20 верстъ, сливаются въ одинъ безбрежный потокъ; деревни уносятся вмѣстѣ съ крутоярыми берегами, на которыхъ онѣ были построены, и вырванныя съ корнемъ деревья, цѣлые лѣса плывутъ длинными вереницами, увлекаемые теченіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ низовье Амура колонизовано русскими, часто приходилось перемѣнять мѣстоположеніе прибрежныхъ станицъ, чтобы перенести ихъ на террасы, болѣе возвышенныя или менѣе разрываемыя водой при основаніи.

Сунгари, находящійся всѣмъ своимъ теченіемъ въ предѣлахъ Китайскаго царства, принадлежитъ исторически и соціально къ совершенно другому міру, чѣмъ Амуръ. Въ то время, какъ эта послѣдняя рѣка, сдѣлавшая русской по праву завоеванія, извивалась недавно внѣ области цивилизованныхъ народовъ и носила на своихъ водахъ лишь барки полудикихъ тунгусовъ и гольдовъ. Сунгари, напротивъ, орошаетъ бассейнъ, гдѣ города многочисленны, гдѣ воздѣланныя равнины занимаютъ значительныя пространства, и гдѣ пути сообщенія пересѣкаютъ страну въ разныхъ направленіяхъ. Бассейнъ Амура въ собственномъ смыслѣ представляетъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, безплодную, мало изслѣдованную пустыню, тогда какъ на китайскомъ Сунгари сотни тысячъ жителей скучены въ деревняхъ, выше города Сянь-Синъ-Ченъ. Приамурскій край и страна по теченію Сунгари, хотя и составляетъ часть одного и того же гидрографическаго бассейна, имѣютъ, однако, противоположные центры притяженія. На Амурѣ движеніе людей и товаровъ совершается по направленію отъ запада къ востоку, изъ Иркутска въ Хабаровку и на берега Тихаго океана; населеніе сунгарійскаго края устремляетъ взоры на югъ, къ Мукдену, Желтому морю и Пекину. Сообщенія между китайскимъ Сунгари и русскими владѣніями рѣдки, и русскимъ путешественникамъ Максимовичу, Усольцеву, Крапоткину, Хилковскому не безъ труда удалось проникнуть черезъ эту рѣку въ предѣлы Небесной имперіи.

Но рѣка Уссури, составляющая, послѣ Сунгари, главный притокъ низоваго Амура, принадлежитъ отнынѣ къ русскому міру. Выбранная, въ 1860 году, границей между двумя имперіями, эта рѣка течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ въ бороздѣ или продольной впадинѣ, раздѣляющей два параллельные хребта Шанъ-Алинь и Сухоте-Алинь, и долина ея сдѣлалась стратегическимъ и торговымъ путемъ, который ведетъ съ береговъ Амура къ южнымъ портамъ русской Манчжуріи. Уссури принимаетъ это названіе только въ средней части своего бассейна, ниже впаденія всѣхъ верхнихъ притоковъ, изъ которыхъ одинъ, рѣка Сунгача, выходитъ изъ «средиземнаго» моря, ибо таковъ смыслъ китайскаго слова Ханькай или Ханъ-хай, изъ котораго русскіе сдѣлали наименованіе Ханка или Хинка. Это обширное озеро, измѣнчивая поверхность котораго обнимаетъ, среднимъ числомъ, около 3.000 квадр. верстъ, можетъ быть разсматриваемо, несмотря на его громкое китайское прозвище, просто какъ постоянное наводненіе, ибо глубина его, какъ кажется, ни въ одномъ мѣстѣ не превышаетъ 14 аршинъ: можно идти по озеру на разстояніе цѣлой версты, не находя болѣе 30 сантиметровъ воды [1]). Но въ эпоху лѣтнихъ муссоновъ, приносящихъ столь значительное количество дождевой воды въ область нижняго Амура, Ханка выступаетъ изъ береговъ и разливается на далекое пространство въ низменной равнинѣ, которую оно нѣкогда занимало, образуя тогда настоящее «внутреннее море». Въ обыкновенное время Ханка дѣлится на два резервуара, «Большое озеро» и «Малое озеро», отдѣленныя одинъ отъ другаго песчаной косой замѣчательно правильнаго очертанія, которое закругляется къ сѣверу, такъ что составляетъ точное продолженіе кривой береговъ, восточныхъ и западныхъ: этотъ

[1]) Будищевъ, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, янв. 1868.

береговой кордонъ, развертывающій свою дугу круга съ геометрической отчетливостью, походитъ на тысячи другихъ песчаныхъ косъ подобной же формы, слѣдующихъ одна за другой по берегамъ океана; но мало извѣстно примѣровъ этого рода образованій на берегу относительно необширныхъ озерныхъ бассейновъ. Это объясняется тѣмъ, что внутреннія водныя площади, по большей части, защищены отъ вѣтровъ, и что послѣдніе не приходятъ на нихъ регулярно изъ одной и той же стороны горизонта. Озеро Ханка, напротивъ, совершенно выставлено дѣйствію полуденныхъ вѣтровъ, которые дуютъ въ продолженіе большей части года, низвергаясь въ проломъ, открывающійся на западѣ горной цѣпи Сухоте-Алинь; такимъ образомъ на поверхности бассейна образуется правильная зыбь, которая направляется съ юга на сѣверъ и очерчиваетъ съ замѣчательной отчетливостью кругообразный контуръ плоскихъ береговъ. «Средиземное море» Уссурійскаго края очень богато рыбой, а въ первыя времена занятія края русскими и сама рѣка Уссури отличалась необычайнымъ обиліемъ рыбъ всякой породы, въ особенности стерлядей, карповъ и лососей. Переходя въ бродъ потоки, посредствомъ которыхъ рѣка сообщается съ озерами своихъ береговъ, въ періодъ ежегоднаго поднятія лососей вверхъ по теченію, для метанія икры, путешественники просто руками ловили рыбу десятками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыба кишѣла въ такомъ множествѣ, что слышенъ былъ глухой шумъ отъ ея плавниковъ. По соединеніи съ Уссури, Амуръ течетъ отнынѣ цѣликомъ на русской территоріи. Въ него, правда, еще впадаютъ справа и слѣва важныя рѣки, но онъ уже достигъ своей полной ширины, и новые притоки его, повидимому, ничего не прибавляютъ къ его водной массѣ. Дробясь на многочисленные рукава вокругъ травянистыхъ острововъ, онъ извивается въ своей широкой долинѣ, описывая излучины и ударяясь черезъ извѣстные промежутки объ основаніе холмовъ своего праваго берега; озера и обширныя болота сопровождаютъ его теченіе, преимущественно на лѣвомъ берегу, и служатъ ему водоотводными резервуарами во время наводненій: измѣнчивые каналы, въ которыхъ теченіе часто мѣняетъ свое направленіе въ прямо противоположное, сообразно колебаніямъ рѣчнаго уровня, соединяютъ Амуръ съ этими скопленіями стоячихъ водъ. Одно изъ этихъ озеръ, Кизи занимаетъ на восточной сторонѣ рѣки большую часть поперечной впадины, направляющейся къ заливу де-Кастри. Въ этомъ мѣстѣ долина нижняго Амура напоминаетъ своей формой долину низовьевъ Дуная, который направляется къ Кюстенджійскому перешейку, какъ будто для того, чтобы прямо броситься къ Черное море, и который, однако, долженъ вдругъ повернуть подъ прямымъ угломъ, чтобы обойти съ западной и сѣверной стороны полуостровъ Добруджу. Точно также и Амуръ, хотя наполняетъ на половину перешеекъ Кизи боковымъ потокамъ, направляется, однако, главнымъ своимъ теченіемъ къ сѣверу, гдѣ и находитъ, наконецъ, проломъ въ приморскихъ высотахъ, позволяющій ему вступить въ Тихій океанъ. Простой водоотводный резервуаръ Амура, озеро Кизи имѣетъ всего только около трехъ четвертей аршина глубины, въ зимніе мѣсяцы, въ періодъ мелководья рѣки, тогда какъ лѣтомъ, во время разливовъ, уровень его поднимается до 10 футовъ. Невысокій и некрутой хребетъ, около 15 верстъ шириною, отдѣляетъ озеро отъ берега Тихаго океана, но туземцы могутъ пользоваться для своихъ лодокъ маленькой рѣчкой Тобой, спускающейся съ этого хребта, и отъ одной покатости до другой, волокъ, который имъ нужно пройти, не имѣетъ даже двухъ верстъ въ длину. Съ 1857 года инженеръ Романовъ производилъ изслѣдованіе этого волока, въ видахъ устройства желѣзной дороги, длиною около 50 верстъ, которая избавила бы путешественниковъ отъ необходимости дѣлать крюкъ почти въ 500 верстъ по опасному для плаванія устью Амура: но осуществленіе подобнаго проекта не принесло бы почти никакой пользы, пока русскія колоніи того края будутъ имѣть столь маловажное значеніе, какое онѣ имѣютъ въ наши дни. Въ 1878 году не существовало даже хорошей колесной дороги черезъ перешеекъ Кизи.

Отброшенный къ сѣверу, Амуръ, сообщается еще, на правой и на лѣвой сторонѣ, съ нѣсколькими озерами, которыя напоминаютъ то время, когда эта рѣка искала себѣ выхода къ морю. Въ этой части своего теченія Амуръ является еще, такъ сказать, недоконченнымъ, не вполнѣ сформировавшимся: воды его образуютъ цѣлый лабиринтъ живыхъ рукавовъ, лѣнивыхъ потоковъ и озеръ, въ которомъ еще рѣзвятся кашалоты, заходящіе изъ открытаго моря. Большая рѣка Амгунь, спускающаяся съ Бурейскихъ горъ, соединяется съ Амуромъ и образуетъ нѣчто въ родѣ внутренней дельты, гдѣ движеніе водъ перемѣщается сообразно разливамъ, безпрестанно измѣняя форму острововъ и песчаныхъ мелей. Напротивъ этой дельты Амгуни, близъ гилякской деревни Тыръ, высятся, на одной скалѣ праваго берега, три колонны, изъ мрамора, порфира и гранита, покрытыя монгольскими надписями: это пограничные знаки Срединной имперіи, воздвигнутые династіей Іоанъ, въ эту эпоху, когда ей былъ подвластенъ Китай, въ концѣ тринадцатаго и въ четырнадцатомъ столѣтіяхъ. На картѣ Ремезова, появившейся въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ этомъ мѣстѣ показанъ городъ, какъ предѣлъ завоеваній царя Александра Македонскаго, который «спряталъ тамъ свое оружіе и,оставилъ колоколъ»: таково

преданіе, распространенное между казаками [1]). Впрочемъ выборъ скалы Тыръ, какъ границы имперіи, какъ нельзя болѣе удаченъ, потому что тотчасъ же ниже этого утеса Амуръ изгибается къ сѣверо-востоку, затѣмъ къ востоку, и наконецъ находитъ проломъ, черезъ который можетъ изливаться въ океанъ или, вѣрнѣе сказать, въ мелководный, усѣянный песчаными мелями лиманъ, образуемый Татарскимъ проливомъ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ континента до острова Сахалина море занято подводными мелями, между коими извиваются судоходные фарватеры, излучины которыхъ перемѣщаются во время каждой бури, и по которымъ лоцманы должны каждый разъ слѣдовать съ лотомъ въ рукѣ. Эти затрудненія при входѣ, а также продолжительное замерзаніе и скопленіе льда, запирающее устье Амура въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году, составляютъ большія препятствія для торговли и отчасти уничтожаютъ выгоды, которыя представляетъ эта рѣка и ея притоки развитіемъ своихъ судоходныхъ путей, исчисляемыхъ въ 10.000 верстъ. Въ озерномъ лабиринтѣ нижняго теченія Амура, еще весьма недостаточно извѣстномъ, плаваніе сопряжено съ большой опасностью въ бурную погоду: во время одной бури болѣе сорока русскихъ барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, потерпѣли крушеніе на серединѣ рѣки, вслѣдствіе того, что въ подводной ихъ части, между кормой и носомъ, образовались пробоины, въ которыя и хлынула вода; три четверти продовольствія, предназначеннаго для Николаевска и постовъ Уссурійскаго края, были поглощены волнами [2]).

На сѣверѣ отъ Амурскаго лимана нѣсколько рѣкъ, получающихъ начало въ холмистой области, которую ограничиваютъ съ сѣверо-запада Становой хребетъ, съ юго-востока—продолженіе Бурейскихъ горъ, изливаютъ свои воды въ фьорды Охотскаго моря. Многочисленные острова гористаго Шантарскаго архипелага разсѣяны въ открытомъ морѣ, впереди всѣхъ этихъ заливовъ; во всякомъ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ, въ сосѣдствѣ населенныхъ морскихъ береговъ, эти острова имѣли бы большую важность, торговую и стратегическую, какъ защита внутреннихъ бухтъ и ихъ безчисленныхъ бухточекъ; но среди холодныхъ тумановъ, господствующихъ въ Охотскомъ морѣ, всѣ эти великолѣпныя гавани, такъ хорошо защищенныя отъ вѣтровъ, приносятъ пользу только немногочисленнымъ рыболовамъ. Поэтому русскіе естественно должны были обращать взоры на югъ отъ Амура, къ болѣе удобнымъ для судоходства берегамъ, чтобы найти тамъ порты, которые могли бы вступить въ торговыя сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ. Такова побудительная причина дипломатической дѣятельности, выказанной русскимъ правительствомъ, чтобы добиться сначала, въ 1858 году, совмѣстно съ Китаемъ владѣнія всей областью морскаго прибрежья, заключающейся между Амуромъ и Кореей, затѣмъ, въ 1860 году, чтобы пріобрѣсти ее въ исключительную собственность Россіи и наконецъ фактически овладѣть незамерзающими портами (1898 г. пріобрѣтеніе Порта Артура и Тліенвана [1]):

Уже весь скалистый берегъ, расположенный напротивъ острова Сахалина, представляетъ нѣсколько хорошихъ гаваней, которыя могли бы имѣть нѣкоторую пользу въ торговомъ отношеніи, если бы окружающія мѣстности были колонизованы, и если бы открылись удобныя средства сообщенія черезъ горы и лѣса прибрежной полосы. Такъ, бухта де-Кастри, которую первый посѣтилъ Лаперузъ, въ 1787 году, и которой онъ далъ носимое ею нынѣ имя, можетъ служить пристанищемъ для цѣлыхъ флотовъ судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ; нѣтъ сомнѣнія, что ея положеніе въ сосѣдствѣ Амура доставитъ ей рано или поздно дѣйствительную важность, и что ея нынѣшній рейдъ и ея бухточки, защищенныя песчаными мелями и островками, покроются со временемъ многочисленными барками. На югѣ бухта Старкъ, Императорскій портъ, заливъ Пластунъ, заливы св. Владиміра и св. Ольги слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль морскаго берега, и, несмотря на туманы и бури, царствующіе на этомъ опасномъ Японскомъ морѣ, купцы китайскіе и русскіе узнали туда дорогу и посылаютъ свои суда, главнымъ образомъ для покупки тамъ «морской капусты», водорослей, отправляемыхъ въ Китай и Японію, гдѣ они служатъ пищей для бѣднаго люда и употребляются для приготовленія клея [2]).

Берега заливовъ св. Владиміра и св. Ольги многіе путешественники сравнивали съ берегами Финляндіи, по причинѣ многочисленныхъ изсѣченій побережья, подводныхъ гранитныхъ скалъ, которыми оно окаймлено, и очевидныхъ слѣдовъ медленнаго поднятія материка, которое тамъ наблюдали: линіи старыхъ береговъ видны на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря. Но даже независимо отъ того, находится или не находится она въ поясѣ постепеннаго поднятія почвы, часть прибрежья, поворачивающая отъ мыса Островнаго прямо на западъ и продолжающаяся до самаго основанія полуострова Кореи, вполнѣ представляетъ видъ одного изъ береговъ Финляндіи или Скандинавіи, изсѣченныхъ и разрѣзанныхъ на безконечное множество заливовъ, бухтъ и бухточекъ, съ безчисленными архипелагами острововъ, островковъ и подводныхъ скалъ или шхеръ. Часть этихъ изсѣченій, занимающая отъ востока къ западу около 200 верстъ протяженія, образуетъ большой заливъ, которому англичане дали имя

[1]) Von Middendorff, „Sibirische Reise“.

[2]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Примѣч. перевод.

[2]) Большевъ, „Экспедиція 1874 года“, „Географическое Обозрѣніе“, іюнь, 1879 г.

Викторіи, тогда какъ русскіе посвятили его памяти Петра Великаго; но этотъ заливъ самъ по себѣ представляетъ цѣлое море, гдѣ завоеватели могли затрудниться развѣ только въ выборѣ, чтобы найти удобный военный и коммерческій портъ. На востокѣ расположена полукругомъ бухта Америка, въ которую впадаетъ судоходная рѣка Сучанъ, и которая врѣзывается справа и слѣва въ материкъ, чтобы образовать два порта — Врангель и Находку. Въ центрѣ находятся два залива Уссурійскій и Амурскій, между которыми выдвинулся полуостровъ Муравьева, гдѣ на берегу бухты Золотой Рогъ, построенъ Владивостокъ, лучшій русскій портъ въ Японскомъ морѣ; наконецъ, на западѣ находимъ извилистыя бухты залива Посьетъ, еще лучше защищенныя, чѣмъ Тулонская бухта, скалистыми полуостровами, узкими полосами земли и песчаными косами, изогнутыми на подобіе «клешней рака». Этимъ-то военнымъ постомъ, съ пушками, всегда обращенными дуломъ къ югу, и оканчивается со стороны Китая и Японіи, громадная Россійская имперія[1]).

Даже въ самой южной части русской Манчжуріи зимній климатъ очень суровъ. Хотя заливъ Петра Великаго круглый годъ не замерзаетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, но въ маленькихъ бухтахъ прибрежья, начиная съ декабря мѣсяца, разстилается сплошная ледяная кора; въ портѣ Владивостокъ суда остаются запертыми льдомъ въ продолженіе ста слишкомъ дней въ году. Въ этомъ мѣстѣ годовая температура почти на десять съ половиной градусовъ ниже, чѣмъ подъ той же широтой въ западной Европѣ; для сравненія приводимъ среднія температуры Владивостока и Марселя: Владивостокъ (43°07′ с. ш.)—4°,1. Марсель (43°17′50″ с. ш.)—14°36.

Озеро Ханка тоже бываетъ покрыто цѣлыхъ пять мѣсяцевъ слоемъ льда, который достигаетъ полутора аршинъ толщины [2]). Въ бассейнѣ Амура зимой термометръ нерѣдко показываетъ—40 градусовъ, а въ Нерчинскомъ заводѣ даже случалось наблюдать 45 градусные морозы. Зато лѣтніе жары тамъ почти такъ же сильны, какъ въ жаркомъ поясѣ, даже на берегу моря, въ портѣ св. Ольги, температура поднимается до 36 и болѣе градусовъ. Эта часть Сибири, хотя она лежитъ на берегахъ Тихаго океана, находится, однако, въ области континентальнаго климата, что̀ зависитъ отъ направленія теченій атмосферныхъ и морскихъ. Теплыя воды, распространяющіяся въ Великомъ океанѣ вдоль восточныхъ береговъ Японіи, направляются на сѣверо-востокъ, оставляя въ сторонѣ Сахалинъ и Курильскіе острова, затѣмъ текутъ обратно на югъ, слѣдуя вдоль береговъ Ванкувера, Орегона и Калифорніи. Такимъ образомъ азіатское побережье находится внѣ сферы теплотворнаго вліянія южныхъ морскихъ теченій, и льды, образующіеся зимой въ Охотскомъ морѣ, и на подводныхъ меляхъ Татарскаго пролива, охлаждаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ атмосферу прибрежныхъ мѣстностей. Сверхъ того, зимой на эту страну постоянно дуютъ холодные вѣтры, лѣтомъ, напротивъ, теплые, вслѣдствіе чего нормальная температура увеличивается въ томъ и другомъ направленіи: въ сезонъ холодовъ она дѣлается болѣе низкой, въ сезонъ жаровъ болѣе высокой, чѣмъ бы слѣдовало. Климатическая противоположность между внутренней областью, около верховьевъ Амура, и областью морскаго прибрежья амурскаго и манчжурскаго происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что нагорья центральной Азіи и воды Тихаго океана оказываютъ отклоняющее вліяніе на ходъ вѣтровъ. Въ то время, какъ на верхнемъ Амурѣ полярный сѣверо-восточный воздушный токъ, или зимній вѣтеръ и юго-западный противо-пассатъ, или лѣтній вѣтеръ всегда сохраняютъ свое нормальное направленіе, атмосферныя теченія, господствующія на восточныхъ берегахъ Сибири приходятъ съ сѣверо-запада и съ юго-востока. Извѣстно, какія огромныя количества дождевой воды приносятъ эти юго-восточные муссоны въ бассейнъ Амура и на берега аянскій и охотскій; въ періодъ ихъ прохожденія цѣлое море облаковъ, сквозь которыя рѣдко когда проглянетъ свѣтлый клочекъ неба, постоянно виситъ сводомъ надъ волнующейся поверхностью моря. Но если климатъ восточной Сибири отличается своими крайностями тепла и холода, сухости и сырости воздуха, то онъ по крайней мѣрѣ имѣетъ за собой преимущество большой правильности въ ходѣ его годовыхъ измѣненій. Онъ не представляетъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ температуры, какіе свойственны климату западной Сибири. Сухіе холода зимы, сырыя жары лѣта держатся тамъ правильно, безъ внезапныхъ и быстрыхъ перемѣнъ. Въ наименѣе сыромъ мѣсяцѣ, въ февралѣ, выпаденіе атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ дождя или снѣга, представляетъ въ Нерчинскомъ заводѣ только пятьдесятъ восьмую часть дождевой воды, выпадающей въ мѣсяцѣ проливныхъ дождей [1]). Во Владивостокѣ разность между зимними снѣгами и лѣтними дождями еще болѣе значительна; первые представляютъ количество почти въ 840 разъ меньшее, нежели вторые. Въ 1858 году г. Венюкову пришлось выдержать на берегахъ Уссури дождь въ продолженіе 45 дней подъ рядъ. Отъ чрезмѣрно обильныхъ дождей гніютъ посѣвы казаковъ Уссурійскаго края и южнаго Амура, которые еще не научились подражать китайцамъ, умѣющимъ

[1]) Такъ было до нынѣшняго 1898 г., когда Россія пріобрѣла у Китая еще два важнѣйшихъ порта: Портъ Артуръ и Таліенванъ.

[2]) Пржевальскій, „Вѣстникъ Европы", 1873 г., т. III.

[1]) Боейковъ, „Die Atmosphärische Circulation", Ergänzungsheft zu den Mittheil von Petermann", № 38.

приспособлять различные роды культуръ къ перемѣнамъ временъ года [1]).

Особенностямъ климата, свойственнаго восточной Сибири, естественно соотвѣтствуютъ и отличительныя черты растительнаго и животнаго царствъ. Лѣса, черезъ которые путешественнику приходится проходить въ бассейнѣ Амура, не состоятъ, какъ тайга на покатости Ледовитаго океана, сплошь изъ однѣхъ и тѣхъ же породъ хвойныхъ деревъ. Формы древесной растительности въ Амурскомъ краѣ очень разнообразны, но распредѣленіе ихъ довольно однообразно [2]). Къ соснамъ, елямъ, кедрамъ, лиственницамъ тамъ примѣшиваются лиственныя деревья, не только русская береза, но на вѣсъ золота; дикія плодовыя деревья орѣховое, персиковое, грушевое растутъ въ лѣсахъ, и сдѣланныя вокругъ деревень попытки насажденія фруктовыхъ садовъ доказываютъ, что Уссурійскій край можетъ сдѣлаться современемъ одною изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ странъ по производству садовыхъ плодовъ [1]). Въ цѣломъ растительное царство Амурскаго края приближается къ флорѣ Китая и даже къ флорѣ Индо-Китая; вмѣстѣ съ тѣмъ по многимъ изъ свойственныхъ ему видовъ оно можетъ быть разсматриваемо, какъ переходная флора между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ.

Главную достопримѣчательность флоры восточной Сибири составляютъ чащи травяни-

Травяная растительность на островахъ Амура.

также дубъ, вязъ, грабина, ясень, кленъ, липа, осина, и между этими деревьями есть такія, которыя поднимаются саженъ на 14 въ вышину и стволъ которыхъ имѣетъ болѣе полутора аршинъ въ толщину. Въ южной части мѣстностей по теченію Уссури и на скатахъ хребта Сихоте-Алинь лиственные лѣса преобладаютъ надъ хвойными. Ліаны дикаго винограда обвиваются вокругъ стволовъ сосенъ въ лѣсахъ Амурскаго края, и ягоды ихъ вызрѣваютъ, хотя до сихъ поръ еще не удалось развести съ пользой домашній виноградъ. На верхней Уссури китайцы имѣютъ плантаціи джиншеня или стосила (panax ginseng), драгоцѣннаго растенія, корень котораго, якобы обладающій свойствомъ «исцѣлять отъ всякихъ болѣзней», покупается стыхъ растеній, густо разростающихся на аллювіальныхъ земляхъ, на берегахъ и островахъ Амура и его большихъ притоковъ. Зонтичныя растенія, чернобыльники, тростники, хлѣбные злаки различныхъ видовъ перемѣшиваются тамъ до высоты 10 футовъ своими стеблями, листьями, цвѣтками и плодами, которые при томъ еще и ліаны связываютъ другъ съ другомъ своей безконечно переплетающейся сѣтью. Между этими роскошными лугами есть такіе, по которымъ можно пробираться не иначе, какъ съ топоромъ въ рукѣ, и обыкновенно люди, которые отваживаются пускаться черезъ эти травяныя дебри, должны слѣдовать по тропинкамъ, протореннымъ дикими звѣрями. Кабаны, красные олени, косули прячутся въ этихъ

[1]) Кропоткинъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Маакъ, „Уссурійскій край"; Максимовичъ, „Primit. Flor. Amurens".

[1]) Th. von Busse, „Mittheilungen von Petermann", 1871 г., № 3.

высокихъ травахъ еще лучше, чѣмъ въ лѣсу [1]). Тигръ, не менѣе великолѣпной породы, чѣмъ его королевскій родичъ, обитатель бенгальскихъ джунглей [2]), живетъ, такъ же, какъ и пантера, въ чащахъ Уссурійскаго края и встрѣчается тамъ вмѣстѣ съ медвѣдемъ и соболемъ. Такимъ образомъ южные типы животныхъ смѣшиваются съ сѣверными формами въ этой богатой фаунѣ, принадлежащей въ одно и то же время къ фаунѣ Сибири и къ фаунѣ Китая.

По племенному составу обитателей его береговъ, Амуръ еще можетъ считаться тунгузской рѣкой. За исключеніемъ цивилизованныхъ китайцевъ и русскихъ, все прибрежное населеніе, на пространствѣ отъ «Стрѣлки» до впаденія Уссури, состоитъ изъ тунгусовъ; только гиляки, живущіе въ низовьяхъ Амура и въ области морскаго прибрежья, принадлежатъ къ другой расѣ, родственной курильцамъ и камчадаламъ.

Тунгусы Амурскаго края дѣлятся на различныя колѣна, изъ которыхъ иныя мало имѣютъ сношеній или даже живутъ въ явной враждѣ между собой. Одно изъ этихъ поколѣній, ламуты, имя которыхъ означаетъ то же, что «поморяне» [3]), кочуютъ со своими оленями на западномъ берегу Охотскаго моря; обманы и надувательства торговцевъ, русскихъ или якутскихъ, не успѣли еще испортить ихъ характеръ, и путешественники все еще не нахвалятся ихъ безукоризненной честностью [4]). Орочи или орочоны, которыхъ въ 1875 году насчитывали уже только около 260 душъ, живутъ отдѣльными семьями на берегахъ Шилки и верхняго Амура; эти инородцы ничѣмъ не отличаются отъ своихъ восточныхъ сосѣдей, манегровъ, кромѣ, развѣ, сохранившагося у нихъ донынѣ традиціоннаго обычая употреблять оленей для верховой ѣзды. Орочоны и манегры, хотя большая часть ихъ окрещена въ православную вѣру, тѣмъ не менѣе сохранили своихъ шамановъ и своихъ домашнихъ идоловъ, а также зубы и когти животныхъ, употребляемые ими вмѣсто амулетовъ. До сихъ поръ китайцы имѣли на нихъ больше вліянія, чѣмъ русскіе; костюмъ этихъ тунгусовъ, ихъ украшенія, очевидно, скопированы съ образцовъ, занесенныхъ съ юга, да и черты лица также свидѣтельствуютъ о смѣшеніяхъ между тунгузскими женщинами и китайскими колонистами. Процессъ ассимиляціи, который мало-по-малу преобразовываетъ тунгусовъ, замѣтенъ въ особенности на правомъ или китайскомъ берегу Амура, въ сосѣдствѣ города Айгуна, который составляетъ центръ цивилизаціи для всей страны. Даурцы, потомки кочевниковъ того же имени, жившихъ западнѣе, въ нынѣшней Дауріи, сдѣлались осѣдлыми и занимаются земледѣліемъ; большинство ихъ имѣютъ домики, построенные на китайскій ладъ, сады, гдѣ они воздѣлываютъ овощи и фруктовыя деревья, и отлично обработанныя поля, а ихъ религіозныя церемоніи по большей части заимствованы изъ буддійской вѣры. Они смотрятъ, какъ на низшія существа на тунгусовъ бираръ, то-есть «прибрежныхъ жителей», коневодовъ и скотоводовъ, которые еще кочуютъ на сѣверной сторонѣ Амура, противъ даурскихъ колоній.

Гольды, другое тунгузское племя, которыхъ встрѣчаютъ преимущественно на правомъ берегу Амура и на берегахъ Сунгари и Уссури, населяютъ также нѣсколько деревень на лѣвомъ или русскомъ берегу, между мысомъ, образуемымъ впаденіемъ Уссури, и устьемъ Горина, лѣваго притока Амура. Народъ робкій и боязливый, они рѣдко входятъ въ сношеніе съ китайцами, манчжурами или русскими; однако, и они приняли кое-какіе обычаи у своихъ цивилизованныхъ сосѣдей, такъ, напримѣръ, подобно китайцамъ, они заплетаютъ волосы въ косу, которая спускается по курмѣ (курткѣ) на спину. Гольды питаются почти исключительно рыбой, которую доставляютъ имъ въ изобиліи текучія воды; отличные пловцы, они проводятъ столько же времени на поверхности воды, какъ и на твердой землѣ: когда на рѣкѣ сильное волненіе, они плаваютъ на большихъ лодкахъ съ обрубленнымъ, четыреугольнымъ носомъ, тогда какъ въ тихую погоду они быстро скользятъ по гладкой поверхности водъ на своихъ легкихъ челнахъ изъ березовой коры. Хлѣбопашествомъ они не занимаются, даже не разводятъ огородныхъ овощей; только вымѣниваютъ иногда у манчжуръ рисъ и медъ на собольи шкуры. Гольды очень любятъ животныхъ, и хижины или юрты ихъ всегда окружены множествомъ собакъ и свиней, которыя кормятся, какъ и хозяева, рыбой, свѣжей или вяленой (юколой). Тутъ же на дворѣ, въ низенькихъ хлѣвушкахъ, заперты медвѣди, волки, лисицы; гольды держатъ также въ клѣткахъ дикихъ гусей, утокъ и орловъ; различныя религіозныя суевѣрія, относящіяся къ этимъ пернатымъ хищникамъ, были даже причиной того, что манчжуры прозвали это тунгузское колѣно «орлятами» [1]). Въ полуостровной области, заключающейся между Сунгари, Амуромъ и Уссури, тигръ дѣлаетъ частые визиты въ селенія гольдовъ, которые не всегда осмѣливаются вступать въ бой съ этимъ, какъ они его величаютъ, «господиномъ», представителемъ одного царственнаго колѣна, надъ которымъ господствуетъ Горный Духъ, извѣстный у китайцевъ Манчжуріи подъ именемъ Шань-Шеня. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что зимой 1857

[1]) Radde, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XXIII.
[2]) Пржевальскій, „Вѣстникъ Европы", 1870 г., т. III.
[3]) Castrèn; Klaproth; Kiekisch, „Die Tungusen".
[4]) *Karl Neumann*, „Globus", 1875 г., № 4.

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1878 г., № 12.

года одинъ тигръ приходилъ каждую ночь брать свой раціонъ, состоявшій изъ двухъ собакъ, которыхъ гольды привязывали для него за оградой селенія. Несчастные, когда у нихъ истощился запасъ собакъ, не имѣя больше ни-

Къ сѣверу отъ гольдовъ, другія тунгузскія колѣна, мангуны, самагиры, игатконы, нигидалы и другихъ наименованій, живутъ на берегахъ нижняго Амура и его притока Амгунь. Мангуны походятъ на гольдовъ по языку, религіи, нра-

Мысъ Жонкіеръ на Сахалинѣ.

чего предложить страшному посѣтителю, собирались уже приносить ему въ жертву своихъ собственныхъ дѣтей, когда казаки, случайно проходившіе черезъ деревню, избавили ее, на-

ковецъ, отъ докучливаго гостя.

вамъ и обычаямъ, по привычкѣ держать въ клѣткѣ орловъ и другихъ животныхъ; но они болѣе цивилизованы, благодаря манчжурскому вліянію, которое теперь смѣняется вліяніемъ русскихъ; домики, которые они воздвигаютъ на

могилахъ своихъ умершихъ родныхъ, украшены любопытными изваяніями, исполненными съ большимъ вкусомъ. Что касается нигидаловъ, живущихъ особнякомъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Амгунь, то они, повидимому, составляютъ остатокъ народа, стоявшаго на болѣе высокой ступени цивилизаціи, чѣмъ на какой стоятъ нынѣшніе ихъ потомки. Люди этого колѣна, можетъ быть, самые честные, самые правдивые представители благородной расы тунгусовъ; чтобы избѣгнуть по возможности всякихъ сношеній съ купцами якутскими, русскими, манчжурскими, они должны были удалиться въ трудно доступныя мѣстности. Обладая большимъ числомъ драгоцѣнныхъ вещей и дорогихъ матерій, вышитыхъ въ китайскомъ вкусѣ, что свидѣтельствуетъ о вліяніи, которое нѣкогда имѣла на нихъ мода цивилизованныхъ народовъ юга, они ни за что не соглашаются продать эти драгоцѣнности, которыя у нихъ берутся для украшенія невѣстъ и покойниковъ [1]). Каменный вѣкъ прекратился въ этихъ странахъ, даже гораздо южнѣе, на морскомъ побережьи Манчжуріи, только въ относительно недавнюю эпоху: онъ продолжался тамъ до начала христіанской эры. Племена, населявшія Уссурійскій край, посылали корейцамъ сотни тысячъ стрѣлъ своего издѣлія, высоко цѣнившихся вслѣдствіе превосходнаго качества камня, который доставляли ихъ каменоломни, для фабрикаціи оружія [2]).

Прибрежье океана, между устьемъ Амура и заливомъ Петра Великаго, тоже населено инородцами тунгузскаго племени, орочонами и гольдами, которыхъ китайцы называютъ Ю-пи-таце, то-есть «Людьми, одѣтыми въ рыбьи кожи», а русскіе сократили это прозвище и стали называть ихъ тазами. Тѣ изъ прибрежныхъ инородцевъ, которые еще сохранили старыя моды, дѣйствительно носятъ одежду, сдѣланную изъ кожи лососины и очень красиво вышитую разными узорами; но въ горахъ и на западной отлогости хребта Сихоте-Алинь, ю-пи-та-це теперь уже не заслуживаютъ болѣе этого національнаго наименованія и одѣваются, какъ другіе тунгусы, въ костюмъ, приготовляемый изъ кожъ животныхъ и изъ матерій русскихъ и китайскихъ. Тазы вообще честны и прямодушны, очень гостепріимны, какъ большая часть тунгусовъ, но они не съумѣли сохранить своей свободы; они по большей части попали въ зависимость къ манзамъ, китайскимъ переселенцамъ, которые сдѣлались господами страны съ экономической точки зрѣнія, и которые еще недавно имѣли свое собственное правительство, очень грозное и наводившее страхъ, потому что начальники приказывали обрѣзывать уши провинившимся или даже живьемъ зарывали ихъ въ землю. Это они научили тазовъ хорошимъ способамъ земледѣлія, но они же пользуются и плодомъ ихъ труда, какъ занимодавцы и купцы; тѣ же манзы—обладатели рудниковъ и копей, хозяева рыболовныхъ судовъ, и это для нихъ промывается песокъ ручьевъ на золотыхъ пріискахъ, для нихъ собирается «морская капуста» и трепангъ. При вступленіи въ бракъ, тазы обязаны, въ силу установившагося обычая, просить особеннаго разрѣшенія у китайскаго купца, и послѣдній продаетъ за дорогую цѣну оффиціальную желтую бумагу. Купецъ предсѣдательствуетъ также и на похоронахъ, и украшаетъ, конечно, за приличное вознагражденіе, жилище таза обоями, изображающими бога Будду [1]. Живя въ полномъ угнетеніи, тазы быстро уменьшаются въ числѣ. Въ 1874 году ихъ насчитывали всего только 250 душъ; можетъ быть черезъ одно или два поколѣнія они совершенно исчезнутъ, какъ отдѣльная раса, тѣмъ болѣе, что манзы почти всѣ берутъ себѣ женъ между туземками [2]). Общее число жителей тунгузскихъ колѣнъ всѣхъ наименованій въ юго-западной Сибири исчисляютъ различно—отъ десяти до тринадцати тысячъ душъ [3]).

Путешественники и чиновники правительства насчитывали, въ 1873 году, отъ 3.000 до 7.000 китайцевъ, и даже больше, на русскомъ побережьѣ Тихаго океана; но это населеніе возрастаетъ довольно быстро, и, нѣтъ сомнѣнія, оно увеличивалось бы десятками или сотнями тысячъ, если бы переселеніе могло совершаться съ полной свободой. Въ шестнадцатомъ столѣтіи китайцы занимали всю страну, сгруппированные въ значительныя колоніи, и построили тамъ города и крѣпости; но съ 1605 по 1607 г. манчжуры произвели на нихъ пять послѣдовательныхъ нападеній и разгромили край: они выжгли города и деревни, перерѣзали большую часть жителей, другихъ увели въ неволю; остались только бѣглецы, успѣвшіе скрыться въ непроходимыхъ дебряхъ и болотахъ, да китайскіе переселенцы, привлеченные культурой драгоцѣннаго джиньшеня и поисками за золотымъ пескомъ: потомки этихъ эмигрантовъ и живутъ нынѣ въ странѣ подъ именемъ манзовъ или мандзовъ, то-есть «вольныхъ людей»; однако г. Палладіусъ видитъ въ этомъ названіи презрительную кличку, даваемую китайцами изгнаннымъ изъ отечества; сами манзы называютъ себя пао-туи-ци, что значитъ «ходоки» или «бѣгуны» [4]). Въ 1861 году, послѣ уступки побережья русскимъ, китайское правительство разрѣшило своимъ подданнымъ переселяться колонистами въ эту страну со своими женами. Самые богатые вернулись въ метрополію, остались только бѣдняки, къ которымъ впослѣдствіи

[1]) Von Middendorf, „Sibirische Reise".
[2]) *Палладіусъ, „Изв. Русск. Геогр. Общ."*, 1871 г., № 6.
[1]) Большевъ, „Географическое Обозрѣніе", іюнь 1879 г.
[2]) Большевъ, цитированный мемуаръ.
[3]) Пржевальскій, „Вѣстникъ Европы", 1870 г., т. III
[4]) Палладіусъ, „Изв. Русск. Геогр. Общ", VII, 1873 г.

присоединились бродяги и разбойники изъ Манчжуріи: таковы главные элементы китайскаго населенія въ Приморской области. Корейскіе эмигранты тоже нерѣдко укрывались на русскую территорію, не взирая на изданіе строгаго закона, грозившаго имъ смертной казнью. Въ 1868 году насчитывали уже болѣе 1.400 этихъ бѣглецовъ изъ Кореи, все трудолюбивыхъ земледѣльцевъ [1]); но когда въ слѣдующемъ году наводненія заставили удалиться съ полуострова массы несчастныхъ, которые приходили просить убѣжища въ русскихъ владѣніяхъ, то корейская эмиграція была временно воспрещена; даже высылали обратно за границу бѣглецовъ, которые и были обезглавлены по возвращеніи въ отечество; другіе были отправлены въ порты Татарскаго моря и на берега Амура [2]). Въ 1873 г. число корейцевъ, поселившихся въ Приморской области, было около 3.500, изъ которыхъ болѣе половины дали себя окрестить въ православную вѣру.

До прибытія русскихъ въ край, обитателями нижняго Амура были гиляки или кпле, единоплеменники тѣхъ, которые живутъ на островѣ Сахалинѣ, и родичи тѣхъ таинственныхъ айносовъ, происхожденіе которыхъ составляетъ предметъ оживленныхъ споровъ между этнологами. Гиляки не имѣютъ той открытой и ясной физіономіи, какая свойственна большинству тунгусовъ, и ихъ маленькіе глазки свѣтятся мрачнымъ блескомъ; лицо у нихъ плоское, носъ приплюснутый, губы толстыя, скулы выдающіяся, волосы черные, борода довольно густая. Болѣе удаленные отъ манчжуровъ, чѣмъ амурскіе тунгусы, они остались и гораздо болѣе дикими, хотя и между ними есть также кузнецы, механики, даже искусные скульпторы. Путешественники, которымъ случалось имѣть сношенія съ ними, не хвалятъ ихъ характера: они описываютъ ихъ лживыми, злопамятными, мстительными, нечистыми на руку. По крайней мѣрѣ гиляки отличаются большой любовью къ свободѣ: они не признаютъ надъ собой никакихъ властей и повинуются только обычаю. Преданіе опредѣляетъ у нихъ всѣ правила, относящіяся къ празднествамъ, всѣ обряды, исполняемые при отправленіи на охоту или рыбную ловлю, всѣ церемоніи, совершаемыя на свадьбахъ и похоронахъ. Невѣсты, покупаемыя отцомъ еще маленькими дѣвочками четырехъ или пяти лѣтъ, воспитываются вмѣстѣ со своимъ будущимъ мужемъ до совершеннолѣтія. У нѣкоторыхъ колѣнъ тѣла покойниковъ сожигаютъ; въ другихъ мѣстахъ гробы вѣшаютъ на деревьяхъ, или ставятъ на особо устроенномъ помостѣ въ сосѣдствѣ хижинъ. Душа гиляка, по ихъ вѣрованію, переходитъ въ тѣло его любимой собаки; оттого это животное, когда его откормятъ порядкомъ, приносится въ жертву на могилѣ его хозяина [1]).

Огонь составляетъ у гиляковъ предметъ не менѣе глубокаго почитанія, чѣмъ у памирскихъ таджиковъ. Они ни за что на свѣтѣ не согласятся перенести горящую головню изъ одной юрты въ другую: она не должна выходить изъ домашняго очага, который сдѣлался священнымъ, благодаря ей. Медвѣдь или Котръ, представитель Кура, властителя небесъ, есть одно изъ главныхъ божествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой богъ, котораго гиляки иногда бываютъ вынуждены употреблять въ пищу, какъ и остяки. Они изловляютъ Мишку зимой, въ самой его берлогѣ. Удостовѣрившись, что медвѣдь лежитъ въ своемъ убѣжищѣ, они дѣлаютъ въ берлогѣ отверстіе и овладѣваютъ животнымъ, при помощи ременнаго аркана, затѣмъ тащатъ его къ себѣ въ деревню, испуская крики, чтобы оглушить бѣднаго звѣря, еще полусоннаго, но все-таки страшнаго. Пойманный медвѣдь держится плѣнникомъ, кормится и откармливается рыбой, затѣмъ въ день праздника, справляемаго въ честь его, звѣря убиваютъ, послѣ битвы, въ которой всѣ туземцы соединенными силами нападаютъ на него безъ оружія. Подобно гольдамъ, гиляки держатъ орловъ въ клѣткѣ и даютъ имъ тотъ же кормъ, какъ и медвѣдямъ; но они никогда не охотятся на волка, которому приписываютъ пагубное вліяніе [2]).

Гольды и гиляки, орочоны и манегры, нѣтъ сомнѣнія, должны исчезнуть передъ русскими. Хотя колонизація въ собственномъ смыслѣ подвигается очень медленно, и даже изъ основанныхъ поселеній очень многія, по причинѣ неудачнаго выбора мѣста въ сосѣдствѣ болотъ или лѣсныхъ чащъ, слишкомъ трудныхъ для расчистки подъ пашни, пришлось покинуть впослѣдствіи, однако военные посты, рыболовныя станціи, склады съѣстныхъ припасовъ даютъ славянскому населенію твердыя точки опоры. Порты морскаго побережья и мѣстности, гдѣ введена культура почвы, составляютъ своего рода, «Новыя Россіи», изъ которыхъ каждая постепенно, шагъ за шагомъ, присоединяетъ къ себѣ всю окружающую территорію. Амурскія травяныя степи около Благовѣщенска и южныя области, орошаемыя рѣкой Уссури, принадлежатъ къ числу странъ, гдѣ русское населеніе возрастаетъ и благоденствуетъ, тогда какъ казаки, поселенные на нижнемъ теченіи Уссури, колоніями, удаленными одна отъ другой на разстояніе отъ 25 до 32 верстъ, пришли въ крайне бѣдственное положеніе и терпятъ недостатокъ въ скотѣ и въ хлѣбѣ [3]): въ 1867 году каждая «душа» въ этихъ колоніяхъ едва имѣла возможность обработывать кусокъ земли величи-

[1]) Пржевальскій, „Изв. Русск. Геогр. Общ.“, V, 1869 г.
[2]) Степановъ, „Древняя и Новая Россія“, мартъ 1880 г.

[1]) Sachot, „La Sibérie orientale et l'Amérique russe“.
[2]) „Древняя и Новая Россія“, 1878 г., № 12.
[3]) Пржевальскій, „Изв. Русск. Геогр. Общ.“, т. VI, 1870 г.

ной менѣе трети десятины [1]). Нѣсколько финляндскихъ семействъ, которымъ правительство предоставило земли на верхнемъ Уссури, принуждены были покинуть ихъ и удалиться во Владивостокъ. Чехи тоже предлагали колонизовать долину Уссури и манчжурское побережье, но съ условіемъ, чтобы имъ предоставлено было право пользоваться свободными муниципальными учрежденіями; правительство отвергло эти предложенія колонизаціи, такъ какъ сопровождавшее ихъ условіе было признано опаснымъ. Можно сказать вообще, что сдѣланныя до сихъ поръ попытки колонизаціи въ бассейнѣ Амура не имѣли успѣха. Чтобы занять во что бы то ни стало «линію» отъ Забайкалья до Владивостока въ два года, были основаны станицы черезъ правильные промежутки, но всѣ выбранныя мѣста оказались непригодными для земледѣлія. Вообще колоніи тѣмъ лучше прививаются и преуспѣваютъ, чѣмъ менѣе онѣ подвергаются стѣснительному вмѣшательству и надзору со стороны властей [2]). Большое число русскихъ поселеній, основанныхъ въ бассейнѣ Амура, были названы по имени путешественниковъ, прославившихся своими изслѣдованіями въ Сибири.

Русскіе города, разсѣянные въ странѣ тунгусовъ и гиляковъ, на прибрежьяхъ Охотскаго моря, Татарскаго пролива и Японскаго моря, еще рѣдки и слабо населены: едва два или три изъ нихъ могли бы быть признаны поселеніями, превосходящими, по числу жителей, простыя деревни, если бы ихъ перенести въ многолюдныя мѣстности Европейской Россіи; однако, они обязаны нѣкоторою историческою важностью своему географическому положенію, дѣлающему ихъ передовыми постами русскаго могущества на берегу Тихаго океана, въ виду Новаго Свѣта.

Городъ Охотскъ, который, подобно Венеціи, далъ свое имя цѣлому морю, никогда не имѣлъ болѣе нѣсколькихъ сотенъ жителей; но его плохой портъ, расположенный на лиманѣ, при сліяніи рѣкъ Охоты и Кухтуи, представлялъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторую дѣятельность. До 1807 года, эпохи, въ которую впервые былъ посланъ корабль прямо изъ Россіи въ Охотскъ, мимо мыса Доброй Надежды, вся провизія и всѣ предметы необходимые для русскаго тихоокеанскаго флота, должны были быть отправляемы изъ Якутска сухимъ путемъ: правительство и бывшая россійско-американская торговая компанія употребляли каждый годъ по тринадцати тысячъ лошадей для перевозки этой клади черезъ Алданскія горы [3]). Въ 1844 году американская компанія для рыбной ловли и торговли мѣхами пушного звѣря перевела свои конторы и верфи изъ Охотска въ портъ Аянъ, занимающій болѣе благопріятное положеніе на томъ берегу моря, но тремя градусами ближе къ экватору, въ климатѣ менѣе суровомъ, хотя не менѣе сыромъ и обильномъ бурями. Другой городъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, стоитъ недалеко отъ юго-западнаго угла Охотскаго моря, на рѣкѣ Удѣ: это Удской-Острогъ одинъ изъ древнѣйшихъ укрѣпленныхъ постовъ, построенныхъ казаками. Гижига или Гижигинскъ, Пенжина или Пенжинскъ, группы домишекъ, пріютившіяся на сѣверной оконечности Охотскаго моря, каждый при одномъ изъ заливовъ, которыми оканчивается это море, также носятъ имя «городовъ».

Русскіе городки въ бассейнѣ Амура, хотя основанные долгое время спустя послѣ Охотска, превзошли, однако, по важности древній городъ, державшій въ своихъ рукахъ монополію русской торговли на Тихомъ океанѣ. Чита, столица Забайкалья, построенный въ равнинѣ, открытой всѣмъ вѣтрамъ, имѣетъ административную важность, которую даютъ ему его рангъ областнаго города и его мѣстоположеніе, какъ центральнаго этапа между Байкаломъ и Амуромъ; но рѣка его, Ингода, которая вступаетъ ниже Читы въ горное ущелье, становится судоходной только во время весенняго разлива, и въ этотъ-то непродолжительный промежутокъ времени по ней отправляются партіи барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, солью, солониной и мануфактурными товарами, предназначенными для всѣхъ колоній Амурскаго края включительно до Николаевска; суда эти строятся въ громадныхъ лѣсахъ, которые тянутся выше Читы. Нерчинскъ стоитъ не на рѣчномъ пути: перенесенный съ 1812 года, по причинѣ наводненій, опустошавшихъ его на прежнемъ мѣстѣ, онъ теперь построенъ на лѣвомъ берегу Нерчи, въ 4 верстахъ отъ Шилки, по которой могутъ плавать лишь мелкія суда, хотя она образуется изъ двухъ значительныхъ рѣкъ—Онона и Ингоды; начальный пунктъ настоящаго судоходства находится верстахъ въ 150 ниже, въ Стрѣтенскомъ, цвѣтущемъ селѣ, гдѣ существуютъ склады и механическія мастерскія; въ этой пристани зимуетъ большая часть русскихъ судовъ, плавающихъ на Амурѣ. Однако, Нерчинскъ — торговый городъ, гдѣ встрѣчаются для мѣновыхъ сдѣлокъ русскіе и тунгусы, и который сдѣлался рынкомъ всей области. Многочисленные рудники Нерчинскаго округа, гдѣ добываютъ содержащую серебросвинцовую руду, ртуть, мѣдь, желѣзо, олово, даже цинкъ; далѣе золотые пріиски, залежи ископаемаго угля, мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней, наконецъ, минеральные источники — таковы богатства, которыя обезпечиваютъ окружающей странѣ особенную важность. Въ историческомъ отношеніи имя Нерчинска напоминаетъ трактатъ, который былъ заключенъ тамъ въ

[1]) Краснокинъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Венюковъ, „Русская Старина“, №№ 1 и 2.
[3]) Шемелинъ; Ф. Миддендорфъ.

1869 году между Россіей и Китаемъ, и къ выгодѣ этой послѣдней державы; онъ напоминаетъ также пребываніе декабристовъ и многихъ другихъ политическихъ ссыльныхъ, осужденныхъ на работы въ рудникахъ. Главная карательная колонія страны находится въ Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, расположенныхъ на берегу Шилки, верстахъ въ ста съ небольшимъ ниже села Стрѣтенскаго; тамъ содержится болѣе 2.000 преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и между ними есть нѣкоторые число политическихъ ссыльныхъ [1]). Эти золотопромывальные заводы, такъ же, какъ и всѣ золотопромывальни въ бассейнахъ Аргуни и Шилки, часто обозначаются подъ именемъ Нерчинскихъ пріисковъ. Въ 1878 году въ бассейнѣ Амура было добыто около 172 пудовъ золота, на сумму 5.075.000 руб.; на работы было употреблено 39.250 человѣкъ, изъ которыхъ 1.935 убѣжали. Наименованіе Нерчинскъ часто примѣняется также, въ сочиненіяхъ по метеорологіи, къ Нерчинскому сереброплавильному заводу, находящемуся въ 277 верстахъ къ востоку отъ города, на небольшомъ притокѣ Аргуни. На этомъ заводѣ сдѣланы были важныя метеорологическія наблюденія, послужившія ученымъ главной опорной точкой для изученія климата восточной Сибири: вокругъ металлургическихъ заведеній выстроился хорошенькій городокъ.

Со времени первыхъ русскихъ вторженій въ край, берега Амура имѣютъ уже города, лежащіе въ развалинахъ; таковъ древній Албазинъ, крѣпость, которая была основана въ 1651 году казачьимъ атаманомъ Хабаровымъ, и которую китайскія войска принуждены были осаждать и брать три раза прежде, чѣмъ русскіе отказались, наконецъ, отъ этой позиціи по Нерчинскому трактату; въ новѣйшее время большая станица выстроилась тремя рядами домовъ у подножія разрушенной крѣпостцы, которая обросла деревьями и кустарникомъ и превратилась въ зеленѣющую горку. Нынѣшняя столица отвоеванной у китайцевъ территоріи на среднемъ Амурѣ есть городъ Благовѣщенскъ, основанный на полуостровной террасѣ, образуемой соединеніемъ Амура и Зеи, въ 28 верстахъ отъ мѣста сліянія. Новый русскій городъ, съ его широкими улицами, обставленными низкими домами съ красными крышами, которые всѣ построены по одному плану солдатами, съ его голыми, безлѣсными окрестностями, представляетъ печальный видъ въ сравненіи съ многолюднымъ китайскимъ городомъ Айгуномъ, стоящимъ на другомъ берегу Амура, въ 35 верстахъ ниже Благовѣщенска; тѣмъ не менѣе послѣдній ведетъ довольно дѣятельную торговлю съ Манчжуріей; съ 1869 года обороты этой торговли простирались, среднимъ числомъ, до 500.000 руб. въ годъ. Даже на русской территоріи живутъ болѣе десяти тысячъ китайскихъ подданныхъ, платящихъ подати чиновникамъ праваго берега. Окрестная страна Благовѣщенска это—будущая обильная житница Амурской области. Большинство колонистовъ, принадлежащихъ къ раскольничьей сектѣ духоборцевъ, состоитъ изъ добровольныхъ переселенцевъ, выбравшихъ мѣста для своихъ деревень на рѣкахъ Зеѣ и Завитой, безъ вмѣшательства военнаго начальства края. При переселеніи ихъ изъ Россіи первыми пришли, весной, молодые люди, снабженные запасами провизіи и въ сопровожденіи лошадей, которыхъ они вымѣняли у манчжуръ на рабочихъ быковъ. Когда прибыли семейства, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, избы были уже выстроены, и упряжки въ шесть, семь, или восемь паръ воловъ расчистили чащи мелкаго дубняка. Теперь деревни переселенцевъ достигли цвѣтущаго состоянія и своимъ хорошимъ видомъ составляютъ рѣзкую противоположность съ печальными становищами, устроенными по приказу, среди мелкаго кустарника, скалъ или болотъ [1]). Одна изъ самыхъ богатыхъ станицъ—Михайло-Семеновская, расположенная при выходѣ изъ ущелья р. Буреи.

Нынѣшнюю столицу всей области нижняго Амура и морскаго прибрежья составляетъ Хабаровскъ, названный такъ въ честь неустрашимаго казачьяго атамана Ерофея Хабарова, который первый спускался внизъ по теченію Амура почти до самаго устья. Хабаровскъ, построенный на скатѣ холмовъ, даже крутыхъ утесовъ, господствующихъ надъ правымъ берегомъ Амура, при впаденіи въ него Уссури, состоялъ недавно изъ небольшаго числа казармъ и военныхъ складовъ; но его счастливое географическое положеніе въ точкѣ раздѣленія трехъ большихъ судоходныхъ путей, образуемыхъ среднимъ и нижнимъ Амуромъ и его притокомъ Уссури, въ мѣстности, имѣющей климатъ одинъ изъ наименѣе суровыхъ въ Сибири, повидимому, приготовляетъ новому городу широкую будущность и торговое процвѣтаніе, хотя окрестности его покрыты болотами и лѣсами, которые очень трудно превратить въ культурныя земли; и теперь уже тамъ, среднимъ числомъ, продается каждый годъ около 20.000 собольихъ шкурокъ.

Что касается русскихъ колоній на низовьяхъ Амура, то онѣ оказались наименѣе удавшимися изъ всѣхъ поселеній Сибири; нѣкоторыя изъ основанныхъ тамъ колоній пришлось даже совсѣмъ покинуть, такъ какъ крайне неблагопріятныя условія мѣстности, дождливый климатъ и неблагодарная почва, болотистая въ низинахъ, каменистая на покатостяхъ вы-

[1]) H. Lansdell, „Proceedings of the Geographical Society", октябрь, 1880 г.

[1]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

сотъ, покрытыхъ большими деревьями, окончательно обманули надежды русскихъ земледѣльцевъ. Софійскъ и Маріинскъ имѣютъ нѣкоторую важность, благодаря своему положенію на Амурѣ, при входѣ въ долину, ведущую къ заливу де-Кастру. Николаевскъ, бывшій «Чербахъ» гиляковъ, есть портъ устья Амура и, какъ таковой, проявляетъ нѣкоторую дѣятельность въ лѣтніе мѣсяцы. Тамъ существуютъ даже конторы американскихъ негоціантовъ; но почти все мѣстное населеніе города состоитъ изъ солдатъ и чиновниковъ; даже вольные жители смотрятъ на себя какъ на ссыльныхъ, и большинство ихъ имѣютъ лишь временное пребываніе въ Николаевскѣ; женщины составляютъ незначительное меньшинство въ этомъ лагерѣ, состоящемъ изъ деревянныхъ домиковъ. Затруднительность прохода черезъ баръ и неудобства внѣшняго рейда, ледъ, сковывающій воды въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ, совершенное прекращеніе сношеній съ остальнымъ міромъ въ продолженіе двухъ промежуточныхъ періодовъ, осени и весны, между навигаціей и саннымъ путемъ—все это мѣшаетъ Николаевску пользоваться выгодами, принадлежащими ему, какъ входному порту одной изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ. Сверхъ того, мало найдется мѣстъ, болѣе непріятныхъ по климату и болѣе печальныхъ для обитанія, чѣмъ Николаевскъ: жители его проводятъ цѣлые мѣсяцы, не видя солнца: съ неба постоянно мороситъ мелкій дождикъ, сопровождаемый туманомъ; зимой снѣжныя вьюги или пурги прекращаютъ всякое сообщеніе, такъ что иной разъ невозможно пробраться изъ одного дома въ другой. Эти причины привели къ упадку Николаевска и къ замѣнѣ его Хабаровскомъ. Движеніе судоходства въ Николаевскомъ портѣ въ 1876 году было:

Прибыло: 16 морскихъ судовъ, съ грузомъ на—500.000 руб.; амурскихъ судовъ 9, съ грузомъ на—400.000 руб.

Порты манчжурскаго прибрежья извлекли для себя пользу изъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставленъ Николаевскъ, и эмигранты съ низовьевъ Амура поселились въ Императорскомъ портѣ, во Владимірѣ, въ портѣ св. Ольги, въ портахъ залива Петра Великаго, особенно во Владивостокѣ, куда были переведены военныя заведенія изъ Николаевска. Самое имя Владивостокъ, означающее «Властитель Востока» и напоминающее Владикавказъ, «Властитель Кавказа», построенный на другой оконечности Азіи, свидѣтельствуетъ о важномъ политическомъ назначеніи, о которомъ основатели этой пристани, въ 1860 году, мечтали для нея. Проливъ, соединяющій Амурскій заливъ съ заливомъ Уссурійскимъ, былъ названъ «Восточнымъ Босфоромъ»; гавань, въ которую ведутъ проходы пролива, врѣзывающагося полукругомъ въ полуостровъ Муравьева Амурскаго, получилъ наименованіе «Золотаго Рога»; изъ этого видно, что Владивостоку предназначалась роль втораго Константинополя. Осуществятся или нѣтъ эти честолюбивые планы, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Владивостокъ уже поднялся на степень главнаго города всей русской Азіи, къ востоку отъ Иркутска, и, по всей вѣроятности, сохранитъ за собой это значеніе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока русскіе не займутъ другихъ портовъ подъ болѣе южной широтой. Равнымъ образомъ предполагаютъ сдѣлать этотъ городъ зимней станціей для иностранныхъ негоціантовъ, пріѣзжающихъ изъ Шангая и Нинпо. Въ 1880 году, опасенія войны съ Китаемъ, по поводу кульджинскаго вопроса, были причиной того, что Владивостокъ сдѣлался самой оживленной станціей крайняго Востока, и въ первый разъ, благодаря вооруженіямъ этого военнаго порта, Россія оказалась болѣе сильной, чѣмъ Великобританія, въ моряхъ Китая и Японіи. Но Владивостокъ имѣетъ важность гораздо болѣе къ военномъ, нежели въ торговомъ отношеніи, и расходы по возведенію всѣхъ большихъ работъ, предпринятыхъ на берегахъ «Золотаго Рога», плотинъ, верфей, арсеналовъ, были оплачены не частной предпріимчивостью, а средствами государственнаго бюджета. Половина населенія города состоитъ изъ солдатъ, чиновниковъ, освобожденныхъ каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ, а другую половину составляютъ: манзы, китайцы, корейцы, которыхъ джонки, деревянные домики, сараи и вся домашняя обстановка придаютъ городу своеобразную физіономію, совершенно отличную отъ типа славянскихъ городовъ; добровольно поселившійся русскій элементъ представленъ только нѣсколькими ремесленниками, и женщины встрѣчаются здѣсь въ очень небольшомъ числѣ; вообще Владивостокъ имѣетъ еще видъ военнаго лагеря, гдѣ правильныя привычки семейной жизни составляютъ исключеніе. Отпускная торговля, состоящая изъ оленьихъ роговъ, трепанга, съѣдобныхъ грибовъ и дубленыхъ кожъ, незначительна и находится всецѣло въ рукахъ китайцевъ. Внѣшняя торговля Владивостока въ 1879 году выразилась слѣдующими цифрами:

Привозъ: —2.184.950 рублей; вывозъ: —104.520 руб.; движеніе торговаго судоходства; въ 1872 г.:—2.787 тоннъ; въ 1873 г.:—12.724 тоннъ.

Нѣкоторые изъ портовъ манчжурскаго прибрежья, въ особенности порты бухты Америка, на востокѣ, и бухтъ залива Посьетъ, на западѣ, легко могли-бы пріобрѣсти болѣе значительную торговую дѣятельность. Такъ, напримѣръ, вывозъ морской капусты изъ бухты Посьета въ три послѣдовательные года представлялъ, по Гельмерсену, слѣдующія, быстро увеличивающіяся цифры:

Въ 1864 г.—4.000 р.; въ 1865 г.—135.000 р.; въ 1866 г. 400.000 р.

Владивостокъ еще не соединенъ хорошими путями сообщенія съ странами внутренней части континента. Лѣтомъ все движеніе, направляющееся изъ этого города въ долину Уссури, производится по Амурскому заливу и по рѣкѣ Суйфунъ, судоходной для маленькихъ пароходовъ на протяженіи около 50 верстъ. Но зимой «Восточный Босфоръ» бываетъ запертъ льдами, хотя воды залива остаются открытыми со стороны моря, и Владивостокъ временно дѣлается узникомъ. «Владѣтель Востока» ласкаетъ себя надеждой сдѣлаться современемъ конечной станціей желѣзной дороги, опоясывающей весь Старый Свѣтъ, какъ онъ давно уже сдѣлался крайней точкой «датскаго» телеграфа, центральный пунктъ котораго находится въ Копенгагенѣ, и который протянулъ свои проволоки на половинѣ поверхности земнаго шара.

«Города» бассейна Амура и восточнаго прибрежья Сибири съ населеніемъ въ 1897 г.:

Бассейнъ Амура: Нерчинскъ—6.419 жит.; Нерчинскій заводъ — 5.908; Чита — 11.106; Благовѣщенскъ — 20.183; Николаевскъ — 10.806; Хабаровскъ—14.933 жит.

Приморская область: Охотскъ—197 жит.; Аянъ — 200; Гижигинскъ — 435; Владивостокъ—28.896 жит.

VIII. Сахалинъ.

Этотъ большой островъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ на земномъ шарѣ, такъ какъ онъ занимаетъ пространство почти въ 56.000 квадр. верстъ, принадлежитъ къ дѣйствительно знакомому европейцамъ міру лишь съ недавняго времени, не болѣе ста лѣтъ. Голландскій мореплаватель Мартинъ Герриц де-Фрисъ проходилъ, въ 1643 году, вдоль восточныхъ береговъ этого острова и бросалъ якорь въ заливѣ Терпѣнія, но онъ полагалъ, что плыветъ около береговъ японской земли Іессо. Даже на картѣ капитана Кука, изданной въ Лондонѣ, въ 1784 году, Сахалинъ представленъ въ видѣ простаго островка, лежащаго близъ Амурскаго залива; изъ всѣхъ прежнихъ географовъ одинъ только Бюашъ съумѣлъ придать сѣверной части Сахалина контуры, довольно сходные съ истиннымъ ея очертаніемъ, но и онъ все еще причислялъ гораздо болѣе половины острова къ Іессо [1]). Самое имя Сахалина свидѣтельствуетъ о полномъ невѣдѣніи, въ которомъ находились тогда относительно этой земли, которую географы, такъ сказать, заставляли путешествовать на картахъ. Вѣроятно, что манчжурское названіе «Сахаланъ-андахада», то-есть «Скала въ Амурскомъ лиманѣ»,—названіе, отъ котораго произошло имя Сахалина,—примѣнялось къ какому-нибудь островку рѣчнаго устья, а не къ большой островной массѣ, которая тянется противъ манчжурскаго побережья на пространствѣ почти 900 верстъ отъ сѣвера къ югу. Японцы и айносы Курильскихъ острововъ называютъ этотъ островъ Крафто (Карафту, Карафуто): это имя и слѣдовало бы сохранить за нимъ; японскій мореплаватель Маміа-Ринцо обозначаетъ его просто какъ сѣверный Іессо, «Кита-Іезо» [1]). Другія наименованія, какъ-то: Таракай, Чока, Сизамъ, повидимому, относятся только къ отдѣльнымъ частямъ острова или къ его жителямъ [2]).

Уже въ 1787 году Лаперузъ, проходя черезъ проливъ, носящій нынѣ его имя и отдѣляющій Сахалинъ отъ Іессо, проникъ въ Татарскій заливъ и осмотрѣлъ, до бухты де-Кастри, всѣ берега острова и континента: островной характеръ Сахалина казался неподлежащимъ сомнѣнію; однако разсказы, слышанные французскимъ мореплавателемъ отъ туземцевъ относительно волока, черезъ который они перетаскивали свои сани, примѣнялись, по мнѣнію нѣкоторыхъ тогдашнихъ географовъ, къ перешейку, соединяющему Сахалинъ съ материкомъ, ибо въ то время еще не знали о существованіи порога Кизи между Амуромъ и заливомъ де-Кастри; впрочемъ, этотъ разсказъ относился, можетъ быть, къ ледяному перешейку, который каждую зиму соединяетъ Сахалинъ съ твердой землей. Въ 1797 году англичанинъ Броутонъ, въ 1805 году русскій нѣмецъ Крузенштернъ, изъ которыхъ первый посѣтилъ западные берега, а второй объѣхалъ на кораблѣ вокругъ сѣверной части острова, тоже полагали, что Сахалинъ соединяется песчаной мелью съ берегами Стараго Свѣта. До половины настоящаго столѣтія на большей части европейскихъ картъ Сахалинъ изображался въ видѣ полуострова, хотя японскій кормчій Маміа-Ринцо уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ путешествія Крузенштерна поднимался вверхъ по Татарскому проливу и проникалъ этимъ путемъ въ лиманъ Амура [3]). Наконецъ гидрографическія работы Невельскаго, произведенныя въ періодъ съ 1849 по 1852 годъ, обнаружили точную форму береговъ Сахалина и пролива Маміа-Ринцо: суда, имѣющія до 5 метровъ водоуглубленія, могутъ безопасно лавировать въ этомъ проливѣ между песчаными мелями. Правда, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году воды этого прохода бываютъ сплошь покрыты толстымъ слоемъ льда, соединяющимъ оба берега; плавающія льдины встрѣчаются тамъ до іюня мѣсяца.

Съ 1875 года весь островъ принадлежитъ

[1]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde".

[1]) „Geographical Magazine" 1877 г.

[2]) Шмидтъ; Семеновъ, „Географ. Словарь Россійской Имперіи".

[3]) Von Siebold, „Nippon".

Россіи до Лаперузова пролива, такъ какъ южныя части Сахалина были уступлены въ этомъ году Японіей въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Но изслѣдованіе острова началось уже ранѣе: Бошнякъ, Орловъ, Рудановскій, Шренкъ, Шмидтъ, Гленъ, Брылкинъ, Шебунинъ, Лопатинъ, Добротворскій объѣхали Сахалинъ въ разныхъ направленіяхъ или посѣтили его берега съ цѣлью изучить его рельефъ, климатъ жителей, рудныя мѣсторожденія и гавани. Уже русскія имена мѣстъ оспариваютъ поверхность острова у туземныхъ прозвищъ, употребляемыхъ айносами и гиляками, и многія изъ французскихъ наименованій, данныхъ Лаперузомъ мысамъ, островкамъ, бухтамъ, прибрежнымъ горамъ, были искажены или постепенно приходятъ въ забвеніе.

По устройству поверхности Сахалинъ походитъ на континентальную Манчжурію. Если-бы почва вдругъ осѣла на нѣсколько сотъ метровъ, горная цѣпь Сихота-Алинь тоже сдѣлалась бы островной землей, хребетъ которой тянулся бы на пространствѣ нѣсколькихъ градусовъ широты; съ другой стороны, если бы дно моря внезапно подвялось, Сахалинъ образовалъ бы длинную закраину азіатскаго континента. Холмы и горы острова, принадлежащіе, повидимому, къ болѣе близкой къ намъ геологической эпохѣ, чѣмъ возвышенности сосѣдняго материка, расположены въ видѣ длинныхъ меридіональныхъ цѣпей. Западная цѣпь, самая высокая изъ сахалинскихъ горъ, которая окаймляетъ все прибрежье, отъ сѣвера къ югу, поднимается тамъ и сямъ въ видѣ настоящихъ пиковъ, высотою отъ 3.280 до 5.000 футовъ; но въ другихъ частяхъ хребта есть мѣста, гдѣ верхушки не превышаютъ 600 фут., и черезъ которыя переходятъ съ одного склона на другой безъ малѣйшаго затрудненія. На востокъ отъ этой главной гряды горъ, состоящей изъ мѣловыхъ и третичныхъ формацій, тянутся параллельно другія цѣпи или отрывки цѣпей, среднее возвышеніе которыхъ исчисляется всего только въ 660 футовъ, и вершины которыхъ по большей части имѣютъ округленную форму: только немногія изъ этихъ высотъ заслуживаютъ названія горъ. Одна только Тіара, которая господствуетъ надъ восточной цѣпью, оканчивающейся длиннымъ полуостровомъ, ограничивающимъ съ восточной стороны заливъ Терпѣнія, представляетъ довольно величественную вершину, которая по высотѣ можетъ быть сравниваема съ вершинами западной цѣпи. Горы Сахалина нигдѣ не достигаютъ пояса постоянныхъ снѣговъ; но многія изъ нихъ переходятъ за верхній предѣлъ растительности, и ихъ голыя сѣроватыя скалы сливаются съ дождевыми облаками.

Различныя высоты горъ, по Шмидту и Глену: средняя высота западной цѣпи (Шмидтъ) — 2.970 футовъ; пикъ Ла-Мартиньеръ (Ктеусъ-палъ), въ центрѣ цѣпи (Гленъ)—4.950; Бериземъ, на югѣ острова (Гленъ)—3.960; Архипалъ, перевалъ на востокѣ отъ Дуэ (Гленъ)—690; перевалъ между Кусунаемъ и Мак[illegible] (Гленъ) — 740; Тіара, пикъ восточной цѣпи (Гленъ) - 1.980.

Горныя цѣпи, расположенныя по линіи меридіана съ сѣвера на югъ, ограничиваютъ равнины или долины, открывающіяся въ томъ же направленіи, по которымъ текутъ рѣки, либо съ сѣвера на югъ, либо съ юга на сѣверъ. Такъ, самая большая рѣка Сахалина Поронай (Баронай), или Плій, изливается въ заливъ Терпѣнія, пробѣжавъ извилистой линіей широкую равнину, разстилающуюся у основанія западной цѣпи, и въ той же самой бороздѣ поверхности острова, на сѣверѣ отъ низкаго порога, берутъ начало истоки рѣки Тымъ, которая спускается на сѣверъ къ Охотскому морю. Въ этихъ же промежуточныхъ углубленіяхъ рельефа разсѣяны озера, и правильныя кривыя заливовъ и бухтъ, ограниченныя справа и слѣва полуостровами и мысами, образуемыми выступами меридіональныхъ цѣпей, тоже открываются въ эти низменныя земли. Подобно тому, какъ на берегахъ озера Ханка, непрерывное дѣйствіе зыби, гонимой южными вѣтрами, проявляется также и на берегахъ Сахалина. Такъ, плоскій песчаный берегъ, развертывающійся въ видѣ правильнаго полукруга вокругъ залива Терпѣнія, отдѣлилъ отъ моря нѣсколько озеръ и болотъ, которыя напоминаютъ прежнія очертанія берега и въ которыя изливаются воды рѣки Поронай. Образованіе береговаго кордона было, вѣроятно, облегчено медленнымъ поднятіемъ берега, ибо находили кучи морскихъ обломковъ на земляхъ, лежащихъ нынѣ на 7—10 футовъ выше поверхности моря [1]).

Какъ сибирскій островъ, Сахалинъ находится въ области климата восточной Сибири: вокругъ восточныхъ его мысовъ скопленія обломковъ льда держатся до іюля мѣсяца, и въ продолженіе всего апрѣля можно еще ѣздить на саняхъ вдоль морскаго берега въ заливѣ Терпѣнія. Въ январѣ мѣсяцѣ часто случается, на берегахъ этого залива, что ртуть въ термометрѣ стоитъ на 34 градусахъ Цельзія ниже точки замерзанія, тогда какъ на западномъ берегу, хорошо защищенномъ меридіональной цѣпью горъ, температура на 12 градусовъ теплѣе. Но даже и на этомъ берегу, несмотря на то, что онъ пользуется относительно гораздо болѣе благопріятными условіями, климатъ очень суровъ; хотя южная оконечность Сахалина находится подъ 46-мъ градусомъ широты, въ такомъ же разстояніи отъ полюса, какъ ломбардскіе города, пріютившіеся у подножія Альпъ, температура тамъ почти столь же низкая, какъ въ Архангельскѣ и въ Гапарандѣ. Постъ Кусунай,

[1]) Венюковъ, „Границы Россіи".

лежащій подъ 48 градусомъ широты, на берегу Татарскаго залива, находится, по словамъ г. Добротворскаго, подъ изотермой 2°,23, то-есть средняя температура тамъ ниже даже, стигаютъ только 25 градусовъ по Цельзію. Даже берега залива Анива, столь красиво расположенные въ формѣ полумѣсяца, такъ что они получаютъ всю силу полуденныхъ лучей солнца,

Долина Дуэ на Сахалинѣ.

чѣмъ въ норвежскомъ городѣ Тромсе, лежащемъ почти на 22 градуса ближе къ сѣверому полюсу. Средняя температура іюля, самаго теплаго мѣсяца въ году, не превышаетъ въ Кусунаѣ 16 или 17 градусовъ, а самые сильные жары доимѣютъ очень суровый климатъ, по причинѣ сѣверныхъ вѣтровъ, которые проходятъ черезъ широкія пониженія или долины, открывающіяся между цѣпями горъ. Непріятности климата Сахалина еще увеличиваются чрезвычайной

ною, Сахалинъ не имѣетъ ни одной гавани, гдѣ суда могли бы найти безопасное пристанище.

Населеніе Сахалина:

Гиляки, по Шмидту—2.000 душъ; айносы—2.500; орочи, по Венюкову—400; японцы, по Шмидту—400; русскіе—5.000 душъ.

Населеніе по переписи 1897 г.:

Александровскій округъ—11.152 души; Тымовскій—8.461; Корсаковскій—8.553 души; Итого—28.166 душъ.

XI. Матеріальное состояніе и управленіе Сибири.

Извѣстно, что русскіе составляютъ уже, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ, самый значительный элементъ сибирскаго населенія. Тѣ, которые называютъ себя русскими и которыхъ дѣйствительно можно признать таковыми, или потому, что ихъ происхожденіе даетъ имъ право считать себя славянами, или потому, что смѣшенія съ русской кровью, языкъ, нравы и обычаи сдѣлали ихъ единоплеменниками завоевателей края, представляютъ около семи восьмыхъ сибиряковъ, и эта пропорція быстро увеличивается къ ихъ выгодѣ, не только вслѣдствіе собственнаго ихъ размноженія, но также вслѣдствіе численнаго уменьшенія или «обрусѣнія» инородцевъ. Въ настоящее время господствующее населеніе Сибири, гдѣ великорусскій элементъ является совершенно преобладающимъ, почти совсѣмъ утратило отличія и особенности, характеризующія малороссовъ и великороссовъ, литовцевъ, эстовъ, нѣмцевъ балтійскихъ провинцій; оно можетъ быть разсматриваемо, какъ гораздо болѣе однородное, чѣмъ населеніе русской имперіи въ Европѣ. Славяне всякаго происхожденія,—за исключеніемъ поляковъ,—нѣмцы и финны, говорящіе русскимъ языкомъ, одинаково русскіе передъ лицомъ якутовъ и тунгусовъ.

Первоначальное происхожденіе большинства сибиряковъ хорошо извѣстно. Первые русскіе, вступившіе въ торговыя сношенія съ сибирскими народами, были звѣроловы или промышленные люди, приходившіе изъ новгородскихъ колоній сѣверной Россіи; затѣмъ слѣдовали казаки, сопровождавшіе Ермака при завоеваніи имъ Сибири; но только небольшое число тѣхъ и другихъ привели съ собой своихъ женъ: большая часть брачныхъ союзовъ совершалась съ туземными дѣвушками. Почти всѣ тѣ, которые прибыли въ край впослѣдствіи, до половины девятнадцатаго столѣтія, были невольные колонисты, либо какъ солдаты или чиновники, либо какъ ссыльные; эти послѣдніе составляли, можетъ быть, самый многочисленный элементъ *пришлаго населенія; но* смертность между ними была гораздо сильнѣе, чѣмъ между другими жителями страны, и большинство ихъ умирало, не успѣвъ основать семьи. Если даже взять среднее число ссыльныхъ, показываемое оффиціальными документами, именно, отъ восьми до девяти тысячъ въ годъ [1]), то выходитъ, что въ теченіе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ болѣе милліона человѣкъ было отправлено противъ воли въ Сибирь, не считая лицъ, высылаемыхъ на жительство. По оффиціальнымъ даннымъ, въ періодъ съ 1823 по 1858 г. сосланныхъ было: мужчинъ 238.489, женщинъ 42.844; кромѣ того, 23.285 женщинъ и дѣтей, слѣдовавшихъ добровольно за главой семейства, всего 304.618 человѣкъ; слѣдовательно, средняя годовая цифра составляла 8.700. Первые добровольные поселенцы,—если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, пришедшихъ въ прежнее время,—были крестьяне, устремившіеся изъ Россіи на нижній Амуръ тотчасъ послѣ присоединенія сѣверной Манчжуріи къ Россійской Имперіи. При существованіи крѣпостнаго права, понятно, не могло быть никакого добровольнаго переселенія. Помѣщики и вообще владѣльцы крѣпостныхъ берегли своихъ крестьянъ для обработки земель и посылали въ Сибирь, по крайней мѣрѣ, въ округи, не имѣющіе рудниковъ или пріисковъ, только тѣхъ несчастныхъ, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться; правда, что эти изгнанники, переставъ быть рабами, скоро достигали на поселеніи бо́льшаго матеріальнаго довольства, чѣмъ какимъ пользовались у себя на родинѣ. Страны сѣверной Азіи населились русскими колонистами, подобно тому, какъ населились губерніи Вятская, Пермская, Оренбургская; но къ каторжнымъ, къ преступникамъ всякаго рода, къ лицамъ ссылаемымъ, по приговору общества, за порочное поведеніе, были прибавлены раскольники и мятежники. Утомительность продолжительнаго пути, эпидеміи, цынга, трудность приспособленія къ новому климату, тяжелая подневольная жизнь, строгости вынужденнаго мѣстопребыванія, постоянный полицейскій надзоръ, тоска по родинѣ—всѣ эти причины объясняютъ большую смертность среди ссыльныхъ, а незначительная пропорція женщинъ между ними допускаетъ лишь медленное возстановленіе семействъ. Русское населеніе Сибири болѣе чѣмъ утроилось за послѣднія сто лѣтъ, но въ сравненіи съ нѣкоторыми колоніями, Азіатская Россія заселилась въ очень слабой степени въ продолженіе почти трехъ столѣтій, протекшихъ со времени присоединенія Сибирскаго царства; бывали даже, если вѣрны показанія оффиціальныхъ переписей, временныя убыли въ цифрѣ народонаселенія нѣкоторыхъ областей: такъ, въ то время, какъ населеніе Томской губерніи возрастаетъ каждый годъ, вслѣдствіе избытка ро-

[1]) Максимовъ, „Сибирь и каторга".

жденій, слишкомъ на 20.000 душъ, Иркутская губернія имѣла въ 1873 году жителей на двѣнадцать тысячъ менѣе, чѣмъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1861 году насчитывали 370.455, а въ 1873 г. только 358.700 жителей), такъ что среднимъ числомъ населеніе этой губерніи уменьшалось на тысячу душъ въ годъ [1]). Въ большей части городовъ населеніе уменьшалось бы, если бы равновѣсіе не возстановлялось постояннымъ приливомъ новыхъ эмигрантовъ; но въ деревняхъ число жителей увеличивается. Въ цѣломъ, не подлежитъ сомнѣнію, что размноженіе славянской расы съ излишкомъ вознаградило по числу людей убыль, которую туземныя племена, за исключеніемъ якутовъ, испытали во многихъ областяхъ сибирской территоріи.

Народонаселеніе Сибири въ разныя эпохи, безъ азіатскаго склона Урала:

1796 г.—1.193.145 жит.; 1816 г.—1.540.424; 1869 г. — 3.327.627; въ 1870 — 73 гг. — 3.440.362; въ 1880 г. (вѣроятн. цифра)— 3.900.000; 1880 г. (съ азіатск. Уралом.)— 5.200.000 жит.

Пропорція мужчинъ естественно болѣе значительна, чѣмъ пропорція женщинъ, такъ какъ Сибирь есть въ одно и то же время страна изгнанія и добровольнаго переселенія; однако, разность между полами здѣсь гораздо меньше, нежели въ Австраліи и въ земляхъ дальняго запада (Far West) Сѣверной Америки: въ восточной Сибири считаютъ среднимъ числомъ 10 мужчинъ на 9 женщинъ [2]).

Имя Сибири сдѣлалось синонимомъ «страны ссылки». Каждый успѣхъ, каждый шагъ впередъ русскаго господства въ Азіи былъ отмѣченъ линіей тюремъ: при каждомъ новомъ присоединеніи территоріи партіи ссыльныхъ, медленно тянувшіяся черезъ степи и лѣса, шли свидѣтельствовать въ отдаленныхъ окраинахъ имперіи о могуществѣ Россіи. Едва только основывался гдѣ-нибудь на громадномъ пространствѣ сибирской территоріи острогъ, монастырь, крѣпостца, какъ тотчасъ же открывались и кельи для ссыльныхъ; колоніи Пелымъ, Березовъ, Селенгинскъ, Албазинъ уже при самомъ рожденіи были предназначены служить мѣстомъ заключенія: какъ только донесеніе объ открытіи новой земли достигало Петербурга, тотчасъ же направляли въ это новое владѣніе партію каторжниковъ. Такимъ образомъ, исторія страны сливается со скорбной исторіей ссылки.

Первый указъ объ изгнаніи постигъ набатный колоколъ города Углича, виновный въ томъ, что онъ созвалъ народъ во время убіенія царевича Дмитрія клевретами Бориса Годунова, въ 1591 году. Онъ былъ осужденъ на «урваніе языка и уха», подобно обыкновеннымъ уголовнымъ преступникамъ и сосланъ въ Пелымъ [1]), куда за нимъ вскорѣ послѣдовали граждане его города, затѣмъ всѣ лица, казавшіяся подозрительными Борису. Въ первое столѣтіе русской колонизаціи Сибирь не получала другихъ ссыльныхъ, кромѣ государственныхъ преступниковъ, но въ концѣ семнадцатаго вѣка малороссы изъ побѣжденной Украйны должны были направиться по той же дорогѣ, какъ и ссыльные изъ Великороссіи: эти малороссійскіе изгнанники, посылавшіеся небольшими партіями, всего лучше сохранили нравы родной стороны. Затѣмъ ссыльные раскольники увеличили собой число сибиряковъ; но сколько изъ нихъ погибло въ дорогѣ отъ утомленія, отъ голода, отъ всякаго рода пытокъ! Сколь многіе должны были повторять то, что говоритъ раскольничій попъ Аввакумъ въ своихъ запискахъ: «Плоты трудно тащить противъ теченія; начальники и конвойные неумолимы, палки ихъ больно бьютъ, кнуты ихъ рѣжутъ кожу, а пища наша—падаль, которую и волкъ не станетъ ѣсть»! «И эти мученія долго продлятся?» спрашивала жена попа, падая въ изнеможеніи.—«До самой смерти», кротко отвѣчалъ Аввакумъ. —«Да будетъ воля Божія», говорила она съ новымъ мужествомъ. Въ этихъ сибирскихъ раскольникахъ легко узнать людей, первое испытаніе которыхъ, при вступленіи въ общину, состояло въ томъ, что они давали себѣ класть горячіе уголья въ уши.

Стрѣльцы, тоже раскольники, были сосланы Петромъ Великимъ, который велѣлъ отправить ихъ въ качествѣ гарнизона въ самыя отдаленныя крѣпостцы или остроги имперіи до Охотска и Камчатки: и теперь еще можно встрѣтить прямыхъ потомковъ этихъ стрѣльцовъ въ поселеніяхъ на берегахъ Лены. Послѣ царствованія Петра придворныя интриги привели въ Сибирь другихъ невольныхъ колонистовъ, вельможъ и временщиковъ, Меншиковыхъ, Долгорукихъ, Бироновъ, Миниховъ, Толстыхъ, Бутурлиныхъ. «До свиданія на томъ свѣтѣ», могли они сказать своимъ друзьямъ, отправляясь въ Сибирь, какъ и всѣ ссыльные, ибо большинство ихъ были забыты; другіе безслѣдно пропали въ сибирскихъ пустыняхъ, и когда поворотъ фортуны снова доставлялъ власть ихъ друзьямъ, тщетно искали несчастныхъ изгнанниковъ въ лѣсахъ и тундрахъ Сибири; одинъ изъ нихъ, Соймоновъ, съ трудомъ отысканный, былъ назначенъ сибирскимъ губернаторомъ. Съ 1658 года началась ссылка поляковъ въ Сибирь, но ссылки ихъ массами относятся къ царствованію Екатерины II, когда этой участи подверглись барскіе конфедераты, затѣмъ товарищи Косціушко. Далѣе, около девяти сотъ поляковъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона I, тоже были по-

[1]) „Russische Revue", 1876 г., № 10.
[2]) „Russische Revue", 1876 г., № 10.

[1]) Колоколъ этотъ до сихъ поръ находится въ Тобольскѣ. Прим. перев.

сланы въ Сибирь. Особенно многочисленны были партіи политическихъ преступниковъ, отправленныя послѣ революціи 1830 года и различныхъ возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ Польшѣ съ той эпохи. Ссыльные поляки много способствовали прогрессу страны; они улучшили управленіе рудниками, создали многія мѣстныя промышленности, научили садоводству и развили образованіе въ семействахъ. Поляковъ, сосланныхъ прямо въ Сибирь въ 1863 году, насчитываютъ 18.023 [1]).

Ссыльные, имя которыхъ возбуждаетъ наиболѣе симпатій между русскими,—«декабристы», прибывшіе въ Сибирь въ 1826 году. Вначалѣ имъ дѣйствительно приходилось много терпѣть, но мало-по-малу судьба ихъ улучшилась, благодаря преданности ихъ женъ, пожелавшихъ раздѣлить изгнаніе мужей, благодаря также нравственному превосходству декабристовъ надъ ихъ тюремщиками и выказанному ими духу солидарности: они были соединены между собой въ братскую общину, заботившуюся о томъ, чтобы никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды, и чтобы всѣ одинаково могли пользоваться книгами, журналами и другими, возможными въ ихъ положеніи, выгодами цивилизованной жизни. Вліяніе ихъ до сихъ поръ еще замѣтно въ городахъ восточной Сибири. Впослѣдствіи и другіе политическіе ссыльные присоединились къ сибирскому населенію; но имъ уже не оказываютъ такого снисхожденія и не даютъ такихъ льготъ, какими пользовались декабристы: они идутъ пѣшкомъ, какъ и арестанты, осужденные за обыкновенныя преступленія, и работаютъ, наравнѣ съ послѣдними, въ тюрьмахъ, рудникахъ или казенныхъ заводахъ, не имѣя права читать, соединяться въ товарищества, ни выбирать себѣ родъ занятій по своему вкусу.

Въ прежнее время партіи ссыльныхъ осужденныхъ за обыкновенныя преступленія или по политическимъ дѣламъ, должны были пройти пѣшкомъ, привязанные рукой къ длинной желѣзной палкѣ, пространство почти въ 6.000 верстъ, отдѣляющее тюрьмы Европейской Россіи отъ Забайкалья. Это путешествіе продолжалось цѣлыхъ два года. И теперь еще ссыльные совершаютъ пѣшкомъ переходъ отъ Томска до Читы: когда партія на пути вступаетъ въ деревню, арестанты затягиваютъ, съ дозволенія начальника конвоя, жалобную пѣсню или, вѣрнѣе, протяжное завываніе, взывающее къ милосердію жителей, и крестьяне несутъ подаяніе «несчастнымъ», ибо таково обыкновенное названіе, которое даютъ имъ всѣ сибиряки, отказываясь видѣть въ нихъ преступниковъ. Каторжные, то-есть осужденные за тяжкія уголовныя преступленія, вездѣ находятъ хорошій пріемъ, и по водвореніи ихъ на поселеніе, возстановленіе ихъ честнаго имени облегчается имъ нѣкотораго рода уваженіемъ, которое питаютъ къ нимъ, какъ къ людямъ съ характеромъ, но ссыльно-поселенецъ, то-есть водворенный въ Сибири за воровство или другое менѣе важное преступленіе, довольно часто возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе въ мѣстномъ населеніи. Побѣги во время слѣдованія партіи легко осуществимы, но между ссыльными искони установилось не бѣгать съ дороги, дабы ихъ товарищамъ не пришлось терпѣть изъ-за нихъ. Далеко время пути арестанты соединяются въ артели и выбираютъ изъ своей среды старосту [1]).

Сибиряки, ряды которыхъ пополняются элементами, вербуемыми въ одно и то же время между худшими и между лучшими изъ русскихъ, естественно составляютъ во многихъ отношеніяхъ рѣзкій контрастъ съ жителями метрополіи. Съ одной стороны, наслѣдственность, съ другой, вліяніе новой среды должны были дѣйствовать на нихъ въ такой степени, что они образовали собою особенную группу въ большой семьѣ народовъ Россійской имперіи. Ихъ природный умъ, который, впрочемъ, рѣдко бываетъ развитъ образованіемъ, можетъ быть, еще болѣе смѣтливъ, чѣмъ у жителей Европейской Россіи. Счастье осыпать заѣзжаго человѣка вопросами играетъ не послѣднюю роль въ удовольствіи, которое испытываетъ сибирякъ, когда ему случится чествовать гостя въ своей избѣ, обыкновенно просторной и опрятно содержимой, гдѣ полъ лучше выскобленъ и вымытъ, чѣмъ столъ въ жилищѣ иного горемычнаго мужика Европейской Россіи. Никогда не испытавъ на себѣ крѣпостной зависимости (за исключеніемъ тѣхъ, которые были приписаны къ казеннымъ рудникамъ и заводамъ), располагая бо́льшимъ пространствомъ земли, чѣмъ русскій крестьянинъ, и не столь часто приходя въ соприкосновеніе съ чиновниками всякаго рода, сибиряки обладаютъ болѣе сильнымъ чувствомъ равенства: у нихъ нѣтъ ничего раболѣпнаго ни въ голосѣ, ни въ манерахъ, но, съ другой стороны, они не отличаются и природной кротостью нрава, наивнымъ добродушіемъ славянъ Европейской Россіи. Вообще говоря, они не походятъ на россіянъ ни нравами и обычаями, ни качествами характера и дѣятельности. Главный ихъ недостатокъ — равнодушіе, индифферентизмъ: очень практичные и разсчетливые, они никогда не увлекаются ни религіознымъ рвеніемъ, ни политическими идеями; между ними не встрѣтишь ни поэтовъ, ни музыкантовъ. Они любознательны, но не хотятъ дать себѣ труда учиться; они любятъ удобства жизни, но не умѣютъ добыть себѣ ихъ посредствомъ труда; они называютъ себя равными другъ другу, но имъ не приходитъ мысли сдѣлаться свободными. Од-

[1]) Совершенно невѣрно: въ каторгу 972 чел. и на поселеніе 1.427. Прим. ред.

[1]) Все это относится къ прежнему времени; нынѣ, какъ извѣстно, ссыльные перевозятся морскимъ путемъ на островъ Сахалинъ. Прим. ред.

нако, примѣры великаго самоотверженія, которыми такъ богата исторія сибирскихъ ссыльныхъ, не пропадали даромъ, и, подобно золотымъ жиламъ въ гнилой горной породѣ, достойные удивленія характеры проявляются тамъ и сямъ среди общей посредственности. Если Сибири суждено когда-нибудь пріобрѣсти значительную важность въ цивилизованномъ мірѣ, какъ можно надѣяться въ виду природныхъ богатствъ большой части ея территоріи, то она не приминетъ оказать свое дѣйствіе въ смыслѣ развитія мѣстной автономіи и свободы.

Точно такъ же, какъ въ Европейской Россіи, масса сибирскаго народонаселенія сгруппирована въ сельскія общества. Вся земля Сибири, за исключеніемъ нѣсколькихъ земельныхъ владѣній, уступленныхъ въ особенныхъ условіяхъ, остается до сихъ поръ достояніемъ государства, и обществамъ принадлежитъ только право пользованія ею: такъ, напримѣръ, въ Енисейской губерніи существуетъ всего только одинъ землевладѣлецъ, права котораго восходятъ ко временамъ царствованія Екатерины II. Но частная земельная собственность уже создается сама собой косвеннымъ образомъ, именно путемъ долгосрочныхъ арендъ, заключаемыхъ на восемьдесятъ лѣтъ, подобно тому, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Въ Сибири, какъ и въ Россіи, совокупность міра отвѣтствуетъ круговой порукой, за исправный взносъ въ казну податей и распредѣляетъ земли соотвѣтственно числу «душъ», то-есть способныхъ къ работѣ лицъ мужскаго пола, которыя, въ свою очередь, должны уплачивать обществу долю податей и сборовъ, падающую на данную семью. Среднимъ числомъ, сибирскій міръ или сельское общество состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, имѣющихъ каждая свою долю земли, соотвѣтствующую приблизительно числу ея жителей, такъ что каждая «душа» располагаетъ участкомъ около пяти десятинъ,—пространство, которое, при хорошей обработкѣ, было бы вполнѣ достаточно для содержанія нѣсколькихъ семействъ. Но практикуемая нынѣ система земледѣлія есть не что иное, какъ хищничество: сибирскій крестьянинъ не употребляетъ удобренія и придерживается переложнаго способа хозяйства; онъ утилизируетъ только треть своихъ земель, и, собравъ три или четыре жатвы съ даннаго участка, переходитъ къ другой части своего поля. При такомъ порядкѣ, пахатная земля можетъ быть распредѣляема вновь только по прошествіи длиннаго періода лѣтъ, въ эпохи ревизій или народныхъ переписей, тогда какъ луга, регулярно производящіе получаемый съ нихъ продуктъ, сѣно, подвергаются передѣлу каждый годъ. Лѣсъ остается въ общемъ пользованіи; однако, всякій крестьянинъ можетъ поселиться въ лѣсу, вырубить себѣ тамъ просѣку и расчистить землю подъ пашню, но онъ не дѣлается собственникомъ занятаго имъ участка, и управленіе государственныхъ имуществъ можетъ во всякое время отобрать у него эту землю, выдавъ ему вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ рублей за десятину.

Сельское общество обязано принимать въ свою среду всѣхъ ссыльно-поселенцевъ или каторжныхъ, перешедшихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ по истеченіи срока каторги. Они получаютъ мѣсто для постройки дома, полдесятины земли для разведенія огорода и пропорціональную долю полей и луговъ; но есть много несчастныхъ, которые остаются внѣ всякаго сословія и не пользуются ни землей, ни правами. Это измѣнчивое населеніе состоитъ изъ бродягъ, число которыхъ, разумѣется, неизвѣстно чиновникамъ, производящимъ перепись, но которые, по приблизительному исчисленію, составляютъ около четверти осужденныхъ на каторжныя работы; съ 1848 по 1849 годъ изъ однихъ только нерчинскихъ тюремъ бѣжало 3.104 человѣка. Бродяги убѣгаютъ отъ тяжелой работы въ рудникахъ или отъ тоски тюремнаго заключенія, подвергая себя образу жизни, который показался бы ужаснымъ для всякаго другаго человѣка, кромѣ арестанта. Да и это счастье пожить на волѣ, гдѣ самъ себѣ господинъ, продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ, ибо во время жестокой зимы бѣглымъ въ большинствѣ случаевъ не остается инаго исхода, кромѣ какъ явиться къ властямъ и дать себя запереть, подъ вымышленнымъ именемъ, въ какомъ-нибудь острогѣ, отдаленномъ отъ того, гдѣ они содержались до бѣга. Чтобы воспрепятствовать побѣгамъ, русскія власти Забайкальской области и другихъ странъ Сибири въ прежнее время приказывали вырывать ноздри всѣмъ осужденнымъ, на каторгу; затѣмъ съ 1864 года имъ клали клейма на лбу и на щекахъ, то-есть буквы, выжженныя на тѣлѣ; теперь ограничиваются тѣмъ, что ставятъ внѣ закона всѣхъ бѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ, и такимъ образомъ дали тунгусамъ и бурятамъ право безнаказанно стрѣлять по несчастнымъ. Благодаря этому, нравы туземцевъ ожесточились, и человѣческая жизнь теперь цѣнится очень дешево въ тѣхъ краяхъ: свистъ пули скоро теряется въ безмолвіи тайги [1]). Въ Забайкалѣ существуетъ повсемѣстное повѣрье, что бурятъ въ этомъ случаѣ думаетъ про себя такъ: «худенькій бѣглый, лучше доброй козы, потому что на козѣ одна шкура, на чалдонѣ (бродягѣ) три: рубаха, кафтанишко и кое-какой полушубокъ» [2]). Тѣмъ не менѣе нѣтъ недостатка въ бѣглыхъ даже въ этихъ странахъ; они скоро научаются избѣгать опасныхъ мѣстъ, угадываютъ направленіе, по которому нужно слѣдовать въ дѣвственномъ лѣсу, и узнаютъ знаки, оставленные тунгусами и другими, прежде ихъ приходившими бродя-

[1]) Von Middendorf, „Sibirische Reise".
[2]) Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

гами. Отъ одной оконечности Сибири до другой всѣ бродяги покрыли страну примѣтами таинственными или даже невидимыми для другихъ, но совершенно ясными для нихъ всѣхъ. Притомъ же имъ покровительствуютъ крестьяне, которымъ выгодно употреблять ихъ на работу въ своихъ хуторахъ, не давая имъ другаго жалованья, кромѣ пропитанія. Въ отдѣльно стоящихъ домахъ бродяги всегда находятъ хлѣбъ, молоко, соль, какую-нибудь старую одежонку, оставленные крестьянами для своихъ несчастныхъ братьевъ. Есть множество деревень, гдѣ бродяги могутъ жить безъ опаски, даже заниматься хлѣбопашествомъ и основывать собственную семью, будучи вполнѣ увѣрены, что никто изъ жителей не выдастъ ихъ начальству; кое-гдѣ они даже построили цѣлыя деревни. Иногда случалось, что сами власти въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, когда нельзя было найти въ достаточномъ числѣ обыкновенныхъ рабочихъ, дѣлали призывъ къ «бродягамъ», съ молчаливымъ обязательствомъ не спрашивать у нихъ вида на жительство, и сотни бѣглыхъ изъ окрестныхъ лѣсовъ тотчасъ же являлись для исполненія требуемой работы. Замѣчено, что, по оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число стариковъ, достигшихъ столѣтняго возраста, гораздо значительнѣе въ Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи, гдѣ, однако, средняя смертность менѣе велика; именно оказывается, что одинъ столѣтній старикъ приходится въ Сибири на 103, а въ Россіи на 2.702 жителей [1]). Но многіе изъ этихъ якобы столѣтнихъ сибирскихъ стариковъ не бродяги ли, принятые сельскими обществами въ свою среду на мѣсто умершихъ крестьянъ? «Непомнящій родства» бѣглый, какой-нибудь «Иванъ Безъимянный» или «Михайло Ничегонезнайкинъ»; получилъ бумаги, которыя дѣлаютъ его въ глазахъ всѣхъ представителемъ извѣстной семьи. Что за бѣда, если эти документы прибавятъ лишніе два или три десятка лѣтъ къ его возрасту.

Бродяги, убѣжавшіе изъ своей тюрьмы или съ мѣста водворенія, не единственный бродячій элементъ среди сибирскаго населенія. Въ этой безпредѣльно обширной странѣ самая громадность пространства располагаетъ человѣка къ бродячей жизни. Такъ, секта «странниковъ» имѣетъ много представителей въ Сибири, гдѣ они безпрестанно бродятъ по лѣсамъ и горамъ, въ поискахъ за той чудодѣйственной «Бѣлой водой», которая очищаетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ и въ то же время доставляетъ имъ безконечныя сокровища [2]). Въ большей части городовъ и деревень они находятъ друзей, которые, принадлежа втайнѣ къ той сектѣ, ведутъ осѣдлую жизнь и по наружности соблюдаютъ обряды православной вѣры: единственная ихъ миссія состоитъ въ томъ, чтобы давать пріютъ своимъ странствующимъ братьямъ и укрывать ихъ отъ глазъ полиціи. Когда странника откроютъ и засадятъ въ острогъ, онъ благодаритъ Господа за посланное ему испытаніе, долженствующее очистить и укрѣпить его вѣру. Тѣмъ не менѣе, расколъ находитъ, вообще говоря, менѣе благопріятную почву въ Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи; индифферентизмъ сибиряка въ дѣлѣ религіи, въ концѣ концовъ, оказываетъ свое дѣйствіе на самихъ раскольниковъ. За исключеніемъ старовѣровъ, живущихъ въ долинахъ Алтая, и колоній на Амурѣ, основанныхъ духоборцами, огромное большинство славянскаго населенія края состоитъ изъ православныхъ; во всей Сибири существуетъ только пять протестантскихъ церквей, и по даннымъ оффиціальныхъ переписей, насчитывается только 6.990 протестантовъ на всемъ пространствѣ отъ Тобольска до Владивостока [1]). Миссіонерское учрежденіе, основанное въ Иркутскѣ, занимается обращеніемъ сибирскихъ инородцевъ въ православную вѣру.

Земледѣльческая производительность Сибири, находящаяся еще въ первобытномъ состояніи, едва достаточна для прокормленія жителей страны, хотя въ южной полосѣ ея много превосходныхъ земель, которыя могли бы давать въ изобиліи всѣ продукты умѣренной Европы. Въ одномъ описаніи Россіи, переведенномъ Клапротомъ [2]), китайскій авторъ говоритъ съ удивленіемъ о томъ, что русскіе, хотя они умѣютъ сѣять хлѣбъ, «незнакомы съ искусствомъ выпаливать сорныя травы, выростающія на нивахъ». Это замѣчаніе китайскаго писателя сохранило всю свою справедливость до сего дня, и сибиряки все еще повторяютъ поговорку, слышанную отъ нихъ Гмелинымъ: «Все, что даетъ трудъ, дурно, потому что исходитъ не отъ Бога». Нѣкоторые русскіе раскольники и переселенцы китайскіе и корейскіе въ Приморской области подаютъ, правда, примѣръ выдержаннаго труда сибирскимъ земледѣльцамъ, но они не находятъ подражателей; почти вездѣ поля и огороды имѣютъ видъ запустѣнія. Но луга, разумѣется, очень хороши, богаты сочной травой и прокармливаютъ большое количество скота. Лошади, впрочемъ, не пользующіяся заботливымъ уходомъ, живущія табунами почти дикими, тоже очень многочисленны въ Сибири; тамъ насчитываютъ почти по лошади на каждаго жителя. «Сибирская язва», которая производитъ большія опустошенія между стадами, зародилась первоначально, какъ говорятъ, въ Барабинской степи.

Звѣроловство, которое нѣкогда играло капитальную историческую роль, такъ какъ оно при-

[1]) „Русскій Временникъ", II, 1872 г.
[2]) Albin Kohn und Richard Andrée, „Sibirien und das *Amur-Gebiet*.

[1]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien".
[2]) Mémoires rélatifs à l'Asie.

вело къ открытію и колонизаціи Сибири, до сихъ поръ остается однимъ изъ главныхъ промысловъ Азіатской Россіи, и, какъ было двѣсти лѣтъ назадъ, такъ и теперь все тѣ же якуты и тунгусы доставляютъ своимъ побѣдителямъ дань шкурами пушнаго звѣря или ясакъ, подающій поводъ къ столькимъ жестокостямъ и безчестнымъ спекуляціямъ; однако, и нынѣ еще есть цѣлыя деревни промышленниковъ, занимающихся охотой на пушнаго звѣря: эти охотники самые благородные изъ сибиряковъ, самые прямодушные и самые храбрые [1]). Около пятидесяти видовъ животныхъ преслѣдуются ради ихъ болѣе или менѣе дорогаго мѣха, и количество особей, убиваемыхъ въ теченіе промысловаго сезона, нужно считать милліонами. Ежегодный вывозъ изъ Сибири мѣховъ всякаго рода, не включая сюда шкуръ морскихъ животныхъ, представляетъ валовую цѣнность отъ 4 до 5 милліоновъ рублей. Соболій мѣхъ служитъ регуляторомъ цѣнъ для всѣхъ родовъ сибирскаго пушнаго товара; онъ стоитъ среднимъ числомъ, отъ 8 до 10 рублей за шкуру, но лучшіе мѣха, съ густой черной остью, черной подпушкой и бѣлымъ кончикомъ, достигаютъ, въ самой Сибири, цѣны 60 рублей; а такъ какъ соболь маленькій звѣрекъ, меньше европейской куницы, и брюшки не употребляются на выдѣлку дорогихъ мѣховъ, то требуется до 80 шкурокъ для одной шубы, вслѣдствіе чего цѣна такой шубы доходитъ до 5.000 рублей. Мѣхъ чернобурой лисицы цѣнится еще дороже, чѣмъ соболій, такъ что за одну шкуру высшаго качества платятъ 300 руб. и больше. Шкурки бѣлокъ однѣ доставляютъ около третьей части дохода, получаемаго Сибирью отъ продажи мѣховъ; случалось, что до десяти милліоновъ, даже до двѣнадцати и пятнадцати милліоновъ этихъ грызуновъ были убиваемы въ одинъ годъ во время ихъ переселеній несмѣтными стаями, когда выгонитъ ихъ лѣсной пожаръ, или неурожай кедровыхъ орѣховъ. Китай получаетъ черезъ Кяхту значительную часть этихъ мѣховъ, но Европа получаетъ ихъ гораздо больше: на ирбитской ярмаркѣ пріѣзжіе купцы, русскіе, польскіе, нѣмецкіе, оспариваютъ другъ у друга драгоцѣнныя шкуры пушнаго звѣря, цѣна котораго увеличивается вдесятеро, при переходѣ изъ страны лова въ страну потребленія. Въ 1876 году на ирбитскую ярмарку были привезены слѣдующія количества пушнаго товара [2]):

Бѣлки (сплошь сѣрой)—5.000.000 шкуръ; горностая—215.000 шкуръ; зайца—300.000 шкуръ; лисицы разныхъ породъ—82.000 шкуръ; куницы разныхъ породъ—750.000 шкуръ; соболя—12.000 шкуръ; другой пушнины—200.000 шкуръ.

Извѣстно, что многіе виды пушнаго звѣря, особенно изъ самыхъ дорогихъ и потому наиболѣе ревностно преслѣдуемыхъ, значительно уменьшились въ числѣ съ тѣхъ поръ, какъ сибирскіе тайги и урманы вошли въ кругъ притяженія европейскихъ рынковъ. Однако, ни одинъ изъ сухопутныхъ видовъ, за которыми гоняются сибирскіе охотники, еще не исчезъ совершенно. Лѣса представляютъ имъ болѣе безопасныя убѣжища, чѣмъ какія могутъ дать берега океана морскимъ животнымъ.

Рыболовство имѣетъ первостепенную экономическую важность для сибиряковъ, такъ какъ оно доставляетъ главную пищу цѣлымъ населеніямъ, не только между инородцами, но также между жителями русскаго происхожденія. Но большой рыболовный промыселъ значительно уменьшился, по крайней мѣрѣ на Байкалѣ. Русскіе не гоняются болѣе за китами въ полярныхъ моряхъ, а что касается ловли другихъ морскихъ звѣрей китовой породы, то русскихъ промышленниковъ смѣнили американскіе рыболовы въ сѣверномъ Тихомъ океанѣ и норвежскіе въ Карскомъ морѣ. Совокупность сибирскихъ рыболовныхъ промысловъ, имѣющихъ цѣлью не мѣстное потребленіе,—которое громадно,—но вывозъ продуктовъ въ другія мѣста, представляетъ ежегодно весьма незначительную цѣнность. Въ этомъ отношеніи, громадная Сибирь съ ея тысячами верстъ протяженія морскихъ береговъ, съ ея большими озерами, ея исполинскими рѣками и безчисленными ихъ притоками, менѣе важна, нежели одни только бассейны Кубани, Терека и Куры, на обоихъ склонахъ Кавказа.

Горная промышленность тоже значительно уменьшилась, по размѣрамъ добыванія, съ половины настоящаго столѣтія, но, тѣмъ не менѣе, богатства рудныхъ мѣсторожденій Сибири обезпечиваетъ этой странѣ высокое мѣсто между государствами, производящими драгоцѣнные металлы. Среднимъ числомъ, Россійская имперія доставляетъ торговлѣ восьмую часть золота, собираемаго каждый годъ во всемъ свѣтѣ, и три четверти этого количества, то-есть около одиннадцатой части всемірной добычи, приходится на долю Сибири. Въ первой четверти текущаго столѣтія были произведены первыя промывки золота въ ручьяхъ и рѣчкахъ сибирскаго Урала, и уже ранѣе алтайскіе рудники обогащали казну Императорскаго кабинета, которому они принадлежатъ; но періодъ процвѣтанія начался около 1825 года и продолжался до половины нынѣшняго столѣтія. Съ этой эпохи число рудниковъ и золотопромывальныхъ заводовъ возросло, правда, но выгоды, даваемыя этими предпріятіями, стали гораздо меньше противъ прежняго времени. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что люди, заправляющіе этими предпріятіями, почти всѣ безъ исключенія не обладаютъ необходимымъ образованіемъ, они не знаютъ даже свойства

[1]) Радде;—Крапоткинъ.
[2]) Субботинъ, „Курсъ политической экономіи“.

горныхъ породъ, доставляющихъ золотоносные пески. Съ другой стороны, пески въ большей части рѣчекъ, несущихъ золото, дѣйствительно оскудѣли съ тѣхъ поръ, какъ тысячи золотоискателей бросились на поиски драгоцѣннаго металла. Среднее содерженіе золотоносныхъ песковъ въ Енисейской губерніи постепенно понизилось съ 3 тысячныхъ чистаго золота до пятой и даже десятой доли этого количества [1]). Сверхъ того, владѣльцы рудниковъ и пріисковъ лишились монополіи, которая такъ обогащала ихъ въ прежнія времена; они не располагаютъ болѣе тысячами подневольныхъ работниковъ, которыхъ имъ давала казна. Трудъ сдѣлался свободнымъ, и между тѣмъ, какъ цѣнность золота постепенно уменьшалась на рынкѣ, соразмѣрно измѣненію цѣнъ на жизненные припасы и произведенія обработывающей промышленности, плата рабочимъ возрастала. Однако, эти послѣдніе по-прежнему остаются въ самомъ бѣдственномъ положеніи: работая въ холодной, полурастаявшей водѣ ручьевъ, постоянно подверженные рѣзкимъ перемѣнамъ и непогодамъ чрезвычайно суроваго климата, мучимые комарами и мошками, принужденные проводить ночь въ грязныхъ, вонючихъ сараяхъ, они, вдобавокъ ко всему этому, получаютъ недостаточную и недоброкачественную пищу, запиваемую отравленной водкой, которыя, т. е. пищу и водку, они должны покупать въ лавочкахъ хозяевъ пріисковъ, платя въ три или четыре раза дороже противъ дѣйствительной цѣны товара. Въ концѣ пріисковаго сезона, когда морозъ снова превратитъ песокъ въ камень, большинство рабочихъ оказываются такими же бѣдными, какими они были, отправляясь на пріиски, да и тѣ, которымъ удалось сберечь кое-какіе деньжонки, тотчасъ же пропиваютъ ихъ въ кабакахъ, ближайшихъ къ пріиску деревень, каковы, напримѣръ «Парижъ» и «Лондонъ» въ Олекминскомъ округѣ. Среднимъ числомъ, насчитываютъ тысячу золотопромывальныхъ заведеній, или пріисковъ, добывающихъ около двухъ пудовъ золота въ годъ, можетъ быть, около двухъ съ половиною пудовъ, если принять въ разсчетъ количество металла, которое удается скрыть отъ чиновниковъ фиска, чтобы не платить установленной пошлины. Съ 1726 года, эпохи, когда началась эксплоатація золотыхъ рудниковъ въ Сибири, количество собраннаго золота не должно быть, по цѣнности, менѣе 750 милліоновъ металл. рублей (добыча золота во всей Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіятской, въ періодъ съ 1820 по 1876 годъ: 76.337 пудовъ; цѣнность 1.105.000.000 металл. рублей). Послѣ Урала и Алтая, самыми производительными золотоносными мѣстностями должны считаться области въ бассейнахъ верхняго Енисея и Ангары, а также въ бассейнахъ Витима и Олекмы. Въ 1877 году въ восточной Сибири насчитывали золотоискателей 51.272 челов. Въ настоящее время ежегодная добыча золота въ Сибири исчисляется, по цѣнности, въ 7 съ половиной милліоновъ металл. рублей.

Добываніе серебра въ Сибири пропорціонально гораздо менѣе значительно; тѣмъ не менѣе, однако, Забайкальскіе серебряные рудники, самые важные и разрабатываемые уже съ начала восемнадцатаго столѣтія, доставили смѣшанную съ свинцомъ массу серебра, вѣсомъ около 200.000 пудовъ, представляющую цѣнность болѣе 125 милліоновъ металл. руб.; средняя годовая цѣнность простирается до 1.250.000 металл. руб. Мѣдь тоже составляетъ предметъ довольно значительной разработки на Уралѣ и на Алтаѣ, но главной металлической промышленностью края должно считаться добываніе желѣза. Первый желѣзоплавильный заводъ, основанный на сибирской покатости Уральскаго хребта, существуетъ уже около двухъ съ половиной столѣтій; въ настоящее время занимается около ста тысячъ рабочихъ въ различныхъ металлургическихъ заведеніяхъ Екатеринбургскаго горнаго округа, и желѣзо, которое они утилизируютъ, принадлежитъ къ лучшимъ извѣстнымъ до сихъ поръ сортамъ этого металла. Ежегодное производство утроилось на Уралѣ съ начала нынѣшняго столѣтія; но нужно замѣтить, что въ тотъ же періодъ времени возрастаніе этой отрасли промышленности было гораздо значительнѣе въ большей части цивилизованныхъ государствъ. Ежегодная добыча желѣза на Уралѣ европейскомъ и азіатскомъ:

Съ 1797 по 1867 г. 169.000 тоннъ. Съ 1867 по 1877 г. 492.000 тоннъ.

Графитъ тоже разрабатывается на Уралѣ, и недавно разрабатывался на горѣ Алибера, близъ Иркутска. Сибирь извлекаетъ изъ своихъ соляныхъ озеръ, соляныхъ источниковъ и копей все количество поваренной соли, необходимое для мѣстнаго потребленія. Что касается угля, то она имѣетъ его въ значительныхъ количествахъ, въ Кузнецкомъ округѣ, въ бассейнѣ Лены, въ бассейнѣ Амура, на островѣ Сахалинъ; но до сихъ поръ эти минеральныя богатства остаются почти безъ всякаго употребленія. Да и какую пользу могли бы принести эти обильные запасы ископаемаго топлива въ странѣ безъ промышленности, почти безъ жителей?

Мануфактурныя заведенія, въ родѣ фабрикъ, какія мы видимъ въ Европѣ, могутъ, само собой разумѣется, возникать лишь въ южной полосѣ Сибири, гдѣ поселилось русское населеніе; но и тамъ они еще рѣдки, и совокупность ихъ производства представляетъ только незначительную часть различныхъ предметовъ фабричной промышленности, въ которыхъ Сибирь

[1]) *Субботинъ, „Курсъ промышленной экономіи".*

нуждается каждый годъ. Предпріимчивые люди искаше счастья въ разработкѣ золотоносныхъ разсыпей предпочитаютъ занятію серьезной промышленностью, и, благодаря этому, золотые пріиски поглощаютъ почти всѣ мелкіе капиталы сибиряковъ. Желѣзныя издѣлія привозятся съ Урала, фаянсовая посуда, разнаго рода матеріи, кожаный товаръ получаются изъ Европейской Россіи; предметы роскоши, настоящіе или поддѣльные, также приходятъ съ запада: жители восточной Сибири покупаютъ всѣ продукты этого рода до самыхъ малоцѣнныхъ, даже свѣчи, чашки, гвозди, писчую бумагу, на рынкахъ, лежащихъ къ западу отъ Иртыша и Тобола. Большая часть сибирскихъ фабрикъ и заводовъ, основанныхъ въ прежнее время, располагали трудомъ каторжниковъ, и, не имѣя надобности платить жалованье рабочимъ, могли, благодаря этому обстоятельству, выдерживать, въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ производства, конкурренцію съ россійскими или иностранными фабриками, но въ наши дни ручной трудъ оплачивается въ Сибири столь же дорого, какъ и въ другихъ частяхъ Россійской Имперіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ бассейнахъ Енисея и Амура, заработная плата даже выше, чѣмъ въ Россіи. Мануфактурная промышленность Сибири въ собственномъ смыслѣ имѣетъ дѣйствительную важность только по одной отрасли—по части винокуреннаго производства: въ Азіи, какъ и въ Европѣ, зерновой хлѣбъ и картофель массами превращаются въ водку и продаются въ безчисленныхъ кабакахъ; однако пьянство можетъ быть, менѣе распространено въ Сибири, нежели въ Европейской Россіи. Считая эти винокуренные и водочные заводы вмѣстѣ съ мануфактурами, оказывается, что общее число промышленныхъ заведеній, на всемъ пространствѣ отъ Оби до Амура, превышаетъ тысячу. По исчисленію г. Субботина, въ 1876 году фабрикъ и заводовъ во всей Сибири было 1.100; рабочихъ на нихъ 4.000; годовое производство около 8.000.000 рублей слѣдовательно, на каждаго жителя приходится по 1 р. 80 копѣекъ.

Впрочемъ, страна, очень бѣдная городами, то-есть притягательными центрами для всякаго рода дѣятельности, удовольствій для умственной жизни и школьнаго образованія, понятно, не можетъ имѣть промышленности, кромѣ самой первобытной, такъ сказать, зачаточной. Громадная Сибирь, превосходящая по протяженію весь европейскій континентъ, содержитъ, вмѣстѣ съ горнозаводской областью восточнаго Урала, всего только семнадцать городовъ, имѣющихъ свыше 5.000 жителей; слѣдовательно, тамъ приходится по одному городу на пространство, равное Франціи и Апеннинскому полуострову, взятымъ вмѣстѣ. Да и эти немногіе города *походятъ скорѣе* на деревни, а большая часть ихъ жилищъ состоятъ изъ простыхъ деревянныхъ строеній. Каменные дома еще очень малочисленны въ Сибири: въ 1875 году болѣе половины городовъ, именно 18 изъ 31, не имѣли ни одного зданія, построеннаго не изъ дерева, да и въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали каменныя или кирпичныя постройки, ихъ насчитывали не болѣе, какъ десятками [1]). Въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Сибири опасеніе землетрясеній способствуетъ, повидимому, въ нѣкоторой степени, поддержанію обычая строить дома изъ дерева; но главную причину этого способа постройки слѣдуетъ искать, безъ сомнѣнія, въ первобытномъ состояніи сибирской цивилизаціи вообще [2]). Замѣчательно, впрочемъ, что сибирскіе города населяются очень медленно; почти все приращеніе народонаселенія приходится на долю деревень. Число городскихъ жителей увеличивается гораздо менѣе отъ перевѣса рожденій надъ смертными случаями, чѣмъ отъ прибытія новыхъ поселенцевъ изъ Россіи. Нѣкоторыя важныя ярмарки до сихъ поръ еще происходятъ въ чистомъ полѣ, и иная лѣсная просѣка на берегахъ Амура или Лены, становится, въ извѣстное время года, сборнымъ мѣстомъ, куда сходятся для мѣны тысячи якутовъ, тунгусовъ, русскихъ; знаменитая ирбитская ярмарка первоначально тоже собиралась на открытомъ полѣ въ лѣсу. Сибирскіе купцы почти всѣ изъ уроженцевъ россійскихъ губерній, либо изъ владимірскихъ офеней, вязниковцевъ, которые, переходя съ рынка на рынокъ, добрались, наконецъ, до страны якутовъ и бурятъ, либо изъ приказчиковъ, уроженцевъ сѣверной Россіи, которые еще дѣтьми были отданы внаймы или, лучше сказать, проданы своей семьей. Одинъ только городъ Чердынь, Пермской губерніи, поставлялъ этой торговлѣ каждый годъ отъ двадцати до сорока мальчиковъ, которыхъ извозчики отвозятъ, за условленную плату, на ирбитскую ярмарку, и которые поступаютъ, въ качествѣ учениковъ безъ жалованья, къ какому-нибудь патрону, хозяину заведенія или купцу [3]).

Торговля Сибири съ Европейской Россіей, естественно, должна быть значительна, такъ какъ большая часть мануфактурныхъ произведеній и всѣ предметы роскоши привозятся въ Сибирь изъ-за Урала; но торговыя сношенія съ Китаемъ, страной сопредѣльной съ сибирской территоріей на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, все еще представляютъ очень небольшую относительную важность и даже уменьшились въ послѣднее время пропорціонально общей торговлѣ имперіи. Въ торговомъ обмѣнѣ между двумя государствами Китай играетъ первую роль, такъ какъ онъ является

[1]) Ровинскій „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., № 2.
[2]) Потанинъ, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6.
[3]) Потанинъ, цитированная статья.

страной отпуска; но потребленіе чая, который китайцы отправляютъ черезъ сибирскія таможни, возростаетъ довольно медленно; притомъ же морской путь черезъ Суэзскій каналъ противодѣйствуетъ дорогамъ черезъ Сибирь, и конкурренція его все болѣе и болѣе усиливается съ каждымъ годомъ. Что касается произведеній мануфактуръ россійскихъ и сибирскихъ, то они лучше расходятся между киргизами и монголами, чѣмъ между обладающими болѣе утонченнымъ вкусомъ и болѣе требовательными китайцами, которые, при томъ же, получаютъ черезъ свои приморскіе порты всѣ нужные имъ европейскіе товары. Русская Приморская область доставляетъ, правда, «морскую капусту», трепангъ и рыбу сосѣднимъ территоріямъ Китая; но пока населеніе русской Манчжуріи будетъ состоять всего лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ жителей, эта торговля, понятно, не можетъ имѣть сколько-нибудь важнаго экономическаго значенія.

Торговля Россіи съ Китаемъ, по Субботину:

	Отпускъ. Рубли.	Привозъ. Рубли.	Общая сумма. Рубли.	Отношеніе ко всей внѣшней торговлѣ Россіи.
Среднія цифры за 1827 — 1831 гг.	12.000.000	200.000	1.400.000	1 %
„ „ „ 1842 — 1846 „	6.500.000	6.500.000	13.000.000	8 „
„ „ „ 1864 — 1868 „	5.800.000	4.500.000	10.300.000	2,5 „
За 1876 годъ.	2.500.000	14.100.000	16.600.000	2 „

Слабое развитіе торговыхъ сношеній между Сибирью и странами крайняго азіатскаго Востока обнаруживается, между прочимъ, малочисленностью телеграфическихъ депешъ, передаваемыхъ изъ Россіи въ Китай и Японію; общее число ихъ немногихъ превышаетъ тысячу штукъ, именно:

Движеніе депешъ между Россіею и Китаемъ въ 1878 году—595; движеніе депешъ между Россіею и Японіей въ 1878 году—515; всего—1.110.

Депеши, передаваемыя транзитомъ между Западной Европой и Китаемъ и Японіей, черезъ Владивостокъ, гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ телеграммы изъ Россіи (въ 1878 году транзитомъ черезъ Владивостокъ было передано по телеграфу 246.332 слова, что̀ составитъ около 20.000 депешъ).

Пути сообщенія, которыми Сибирь обогатится мало-по-малу, будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать, какъ увеличенію народонаселенія края, такъ и развитію его торговыхъ сношеній. Уже существующая нынѣ большая дорога изъ Перми въ Кяхту, или «сибирскій трактъ», какъ ее обыкновенно называютъ, болѣе сдѣлала для цивилизаціи Сибири, чѣмъ даже водяные пути, представляемые большими судоходными рѣками. Жители сгруппировались преимущественно вдоль этой дороги и до нѣкотораго разстоянія съ каждой стороны ея; партіи телѣгъ или саней съ кладью тянутся по ней длинными вереницами въ эпоху ярмарокъ, проходя, среднимъ числомъ, отъ 70 до 100 верстъ въ день, несмотря на то, что лѣтомъ мѣстами приходится съ большимъ трудомъ пробираться черезъ топи и болота. Лошади, принадлежащія къ особой породѣ, ѣдятъ на ходу изъ яслей, привязанныхъ къ предшествующему возу и часто на половину наполненныхъ снѣгомъ, который смѣшивается съ овсомъ; во главѣ обоза идетъ телѣга старшины или главнаго возчика, *украшенная маленькой часовенькой*, походной церковью, заключающей св. икону. Извозъ, то-есть перевозка кладей, вызвалъ къ жизни, вдоль сибирскаго тракта, богатыя, цвѣтущія деревни, состоящія обыкновенно изъ одной улицы, которая тянется на версту и на двѣ и обставлена красивыми, двухъ-этажными домами, украшенными балкономъ и составляющими рѣзкій контрастъ съ тѣми бѣдными, невзрачными лачугами, въ какихъ живутъ крестьяне центральной Россіи. Нѣкоторыя изъ мѣстъ остановки, слѣдующихъ одно за другимъ по краямъ этого пути, черезъ извѣстные, отдаленные промежутки, поднялись на степень городовъ, и тѣ изъ нихъ, которые находятся на берегу значительной рѣки, и, слѣдовательно на перекресткѣ дорогъ, получили, понятно, особенно важное значеніе. Перемѣны въ направленіи тракта каждый разъ сопровождались упадкомъ оставшихся въ сторонѣ отъ дороги городовъ, быстрымъ возростаніемъ пріобрѣвшихъ выгодное положеніе мѣстъ, появленіемъ новыхъ поселеній въ лѣсу или въ степи. Желѣзныя дороги, къ которымъ присоединятся побочныя вѣтви, будутъ, безъ сомнѣнія, имѣть подобныя же слѣдствія, а недалеко то время, когда открытіе этихъ усовершенствованныхъ путей сообщенія оживитъ этотъ пока еще малонаселенный край. Рельсовый путь проложенъ уже черезъ Уральскія горы, и двѣ станціи, слѣдующія одна за другой по обѣ стороны порога, носятъ названія «Европы» и «Азіи»; но этотъ путь еще не связанъ съ европейской желѣзнодорожной сѣтью. Вѣтвь, долженствующая соединить желѣзныя дороги Европы и центральной Азіи съ трансазіатской линіей отъ Екатеринбурга до Пекина, пройдетъ, какъ кажется, черезъ Оренбургъ. Разстояніе отъ Урала до столицы Китая исчисляется генераломъ Богдановичемъ въ 5.800 километровъ, изъ которыхъ немного болѣе 1.100 километровъ находятся на китайской территоріи [1]).

[1]) „Congrès international des Sciences géographiques de Paris“, août 1875.

Первый участокъ этой магистральной линіи, между Екатеринбургомъ и Тюменью, уже начатъ: расходы на сооруженіе его исчислены въ 25 милліоновъ рублей, для разстоянія около 350 верстъ; устройство же всего пути на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана потребуетъ не менѣе 500 милліоновъ метал. рублей. Когда Сибирь, такъ долго остававшаяся внѣ пути націй, сдѣлается обязательнымъ мѣстомъ проѣзда для большей части путешественниковъ между Европой и крайнимъ Востокомъ, это событіе, безъ всякаго сомнѣнія, повлечетъ за собой настоящій переворотъ въ исторіи народовъ [1]). Китай только съ одной стороны легко доступенъ для постройки международныхъ желѣзныхъ дорогъ, именно со стороны сибирской территоріи. На югѣ, на западѣ Срединной Имперіи высокія плоскогорья, горныя цѣпи поднимаются до пояса постоянныхъ снѣговъ, тогда какъ на сѣверной границѣ, открывающіеся въ хребтахъ проломы и пороги, съ правильными, болѣе или менѣе отлогими скатами, дѣлаютъ возможнымъ во многихъ мѣстахъ переходъ изъ бассейновъ Иртыша и Амура въ бассейнъ Желтой рѣки. Дорога, по которой происходили въ древности воинственныя переселенія гунновъ и монголовъ, легко можетъ снова открыться, но на этотъ разъ она будетъ служить средствомъ для движенія локомотивовъ и вагоновъ. Какія націи, какія расы извлекутъ наибольшія выгоды изъ этого пути, долженствующаго соединить двѣ противоположныя покатости Стараго Свѣта? Это одна изъ самыхъ серьезныхъ проблемъ будущаго.

Сибирскій народъ не приготовляется сильнымъ общественнымъ образованіемъ къ предстоящимъ ему высокимъ судьбамъ въ цивилизованномъ мірѣ. Сибирь стоитъ еще гораздо ниже Европы въ отношеніи пропорціональнаго числа школъ и учащихся. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ едва насчитаешь десятокъ дѣтей, посѣщающихъ школу. Въ 1870 году во всей восточной Сибири существовало только 283 учебныхъ заведеній съ 8.610 воспитанниками, для населенія, простиравшагося до полутора милліона человѣкъ. Въ 1876 году общественное образованіе въ Сибири, безъ азіатскаго склона Урала, представляло слѣдующія цифры:

Народныхъ школъ—600, съ 16.200 учащ. (14.000 мальчиковъ и 2.200 дѣвоч.); высшихъ школъ—96, съ 3.800 воспитанниками.

Извѣстно, что во многихъ округахъ русскія колоніи, затерянныя среди якутскаго населенія, забыли свой родной языкъ и даже славянскіе нравы до такой степени, что тамъ мужчины покупаютъ себѣ женъ, уплачивая калымъ, какъ туземцы. Тѣмъ не менѣе многіе сибиряки, очень замѣчательные своими познаніями и трудами, уже выдвинулись изъ толпы, и между современными учеными и литераторами Россіи найдется не мало сибирскихъ уроженцевъ, даже такихъ, въ жилахъ которыхъ есть примѣсь бурятской или якутской крови. Но молодые люди Азіатской Россіи, желающіе пріобрѣсти серьезное научное образованіе, принуждены еще отправляться въ Европу. Сибирскій университетъ, такъ давно ожидаемый и заранѣе обезпеченный въ своемъ существованіи значительнымъ капиталомъ, пожертвованнымъ еще полстолѣтія тому назадъ, теперь только приступаетъ къ сооруженію своего зданія и едва выводитъ первые ряды камня надъ уровнемъ почвы: основаніе его было рѣшено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта только въ 1878 году [1]). Въ этомъ же году во всей Сибири для населенія въ 4 милліона человѣкъ, живущихъ на пространствѣ, болѣе обширномъ, чѣмъ Европа, существовало только два журнала, одинъ еженедѣльный, другой ежемѣсячный, если не считать оффиціальныхъ листковъ, Губернскихъ или Областныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ въ каждомъ губернскомъ или областномъ городѣ.

Въ административномъ отношеніи Сибирь раздѣлена на два генералъ-губернаторства: Западную Сибирь, главное управленіе которой находится въ Омскѣ, и Восточную Сибирь, гдѣ главный городъ Иркутскъ; эти части подраздѣляются на губерніи и области, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на округи и уѣзды. Амурская область, управленіе которой имѣетъ болѣе военный характеръ, чѣмъ управленіе другихъ частей этой громадной территоріи, раздѣлена на казачьи «полки» и «батальоны». Въ цѣломъ, можно сказать, что администрація Сибири организована по образцу управленія Европейской Россіи. Учрежденія муниципальныя, судебныя, религіозныя—все установлено по тому же плану, и различія, происходящія отъ громадности пространствъ и мѣстныхъ обычаевъ и особенностей, мало-по-малу сглаживаются. Въ прежнее время настоящими господами этого обширнаго края, внѣ городовъ, были купцы: пользуясь монополіей торговли мѣхами пушного звѣря, они располагали жизнью цѣлыхъ населеній. И теперь еще купцы имѣютъ большую силу; однако, въ наши дни власть генераловъ и высшихъ гражданскихъ чиновниковъ правительства беретъ перевѣсъ надъ значеніемъ купечества. На практикѣ эти представители верховной власти имѣютъ всѣ права, и ихъ воля или ихъ капризъ всегда исполняются.

[1]) Все это относится къ давно прошедшему. Въ настоящее время открытъ уже прямой желѣзнодорожный путь изъ Сибири въ Европу, вслѣдствіе чего измѣнился весь внѣшній и внутренній строй сибирской жизни. *Прим. перев.*

[1]) Въ настоящее время, какъ извѣстно университетъ уже открытъ и дѣло народнаго образованія въ Сибири значительно развилось.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 25 августа 1898 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза». Бол. Подъяч., 39.

Предисловіе къ VII тому.

При изданіи настоящаго тома географіи Э. Реклю, посвященнаго описанію странъ сосѣдняго намъ азіатскаго Востока, товарищество «Общественная Польза», найдя невозможнымъ ограничиться однимъ только переводомъ во многихъ отношеніяхъ устарѣвшаго оригинала, поручило мнѣ просмотръ и дополненіе своего новаго изданія по многочисленнымъ позднѣйшимъ источникамъ.

Со времени появленія русскаго перевода VII тома географіи Э. Реклю прошло уже довольно много времени, въ продолженіе котораго десятки путешественниковъ, простыхъ туристовъ и ученыхъ изслѣдователей исчертили своими маршрутами внутренность сосѣдняго намъ Китая, и безъ преувеличенія можно сказать «открыли» его для любознательности человѣчества и науки. Азія, вообще, а Китай, Корея и центральная часть материка въ особенности, благодаря любви къ наукѣ и неустанной энергіи путешественниковъ, является для географа нынѣ въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, благодаря послѣднимъ политическимъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, событіямъ, въ исходѣ которыхъ заинтересована и Россія, этотъ, невѣдомый до сихъ поръ, азіатскій міръ, начинаетъ сильно привлекать вниманіе общества, которое, въ желаніи ознакомиться съ нимъ, жадно набрасывается на имѣемую литературу. Интересъ къ Востоку вызываетъ у насъ развитіе литературы по востоковѣдѣнію, въ которой мы такъ далеко отстали отъ своихъ западно-европейскихъ сосѣдей; наконецъ интересъ этотъ въ обществѣ понемногу ростетъ, а вмѣстѣ съ его ростомъ увеличивается и спросъ на вполнѣ вѣрныя, современныя данныя статистическаго или географическаго характера по Китаю, Кореѣ и Японіи.

Вышеупомянутыя причины вынудили редакцію при изданіи настоящаго седьмаго тома обратить вниманіе на то, чтобы даваемая ею книга о Китаѣ была бы по возможности современна. Строго говоря, весь томъ, посвященный Китаю, Японіи и Кореѣ слѣдовало бы написать вновь, до такой степени устарѣли свѣдѣнія, даваемыя Реклю, по отношенію къ этимъ странамъ. Кажется, нѣтъ надобности указывать читателю на то, почему это не сдѣлано—такъ какъ причины ясны и безъ поясненія.

Но желая, чтобы географія Реклю была прежде всего твореніемъ Реклю, а ни кого-либо другаго, редакція, тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ можно было безъ ущерба оригиналу, произвела необходимыя измѣненія, какъ въ самомъ планѣ описанія, такъ

и въ текстѣ его, для чего пользовалась лучшими авторитетными источниками [illegible] оффиціальнаго изданія. (Труды эти по большей части перечислены въ примѣчаніяхъ).

Не ограничиваясь измѣненіемъ текста, редакція внесла въ него массу дополненій (отмѣтивъ лишь весьма немногія болѣе крупныя изъ нихъ звѣздочкою *). Эти дополненія въ большинствѣ даютъ тѣ свѣдѣнія, которыя были опубликованы уже позже изданія французскаго оригинала.

Въ заключеніе редакція беретъ на себя смѣлость указать тѣ лучшія карты, съ которыми можно читать этотъ томъ:

По отношенію всего Китая, на русскомъ языкѣ, несмотря на свою устарѣлость, лучшею остается все-таки карта къ труду Матусовскаго; болѣе современной картой всего Китая является изданная у Ильина англійская карта доктора Бретшнейдера. По отношенію къ различнымъ частямъ Китая изъ русскихъ картъ можно рекомендовать классически превосходную (хотя и дорогую) Карту сѣверо-восточнаго Китая, Вебера (издана также у Ильина), карту Маньчжуріи—изданія Министерства Финансовъ, карту Монголіи—Рафаилова и, наконецъ, карту пограничной полосы Азіатской Россіи 40 верстнаго масштаба изданія Главнаго штаба. Изъ нѣмецкихъ—лучшій трудъ карты Рихтгофена (атласъ). Картъ Кореи вполнѣ удовлетворительныхъ почти нѣтъ; лучшая издана у Петермана еще въ 1883 году. Составленіемъ такой карты занято въ настоящее время Министерство Финансовъ, готовящее къ печати «Описаніе Кореи» по образцу изданнаго «Описанія Маньчжуріи».

20 Октября 1898 г. Л. Бородовскій.

ВОСТОЧНАЯ АЗІЯ.

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ, КОРЕЯ, ЯПОНІЯ.

Глава I

Общій обзоръ.

Естественныя дѣленія Азіатскаго континента отмѣчены крупными географическими чертами. Мы видѣли, что громадная русская территорія обнимаетъ въ этой части свѣта, арало-каспійскія впадины и сѣверную покатость горныхъ системъ, которыя продолжаются отъ Алтая и Небесныхъ горъ до береговыхъ цѣпей Маньчжуріи. На югѣ и на западѣ два полуострова Остъ-Индіи, Иранское плоскогорье, Передняя Азія не менѣе опредѣленно ограничены оплотами снѣжныхъ горъ, морскими заливами и морями. Точно также, на востокѣ, Китай составляетъ вмѣстѣ съ Кореей и сосѣдними архипелагами, какъ бы особый міръ, окруженный амфитеатромъ плоскихъ возвышенностей и горъ, охватывающихъ около 10.000 верстъ протяженія. Отъ Маньчжуріи до Индо-Китая, горныя цѣпи Шань-янь-алинь, Хинганъ, Кэнтэй, Танну-ола и Эктагъ-алтай, Тянь-шань, Цунъ-лини, Гималаи, наконецъ, дикія горы, черезъ которыя протекаютъ большія рѣки полуострова, лежащаго по ту сторону Ганга, всѣ эти высокія возвышенности континентальнаго рельефа слѣдуютъ одна за другой, въ видѣ полукруга, вокругъ той четверти азіатскаго материка, которую нынѣ занимаетъ Китайская имперія. Японія приняла названіе «Страны восходящаго солнца»: но относительно всей совокупности Стараго Свѣта Китай тоже представляетъ восточную страну; общая его покатость, обозначаемая теченіемъ рѣкъ, обращена къ Тихому океану. *Китай, Корея и* Японія по справедливости получили отъ западныхъ народовъ наименованіе «Дальняго Востока», которое распространяется также на Индо-Китай, на Филиппинскіе острова и на Зондскій архипелагъ.

Въ сравненіи съ Западной Азіей и особенно съ Европой, которыя могутъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, разсматриваемы какъ группа полуострововъ, принадлежащихъ къ Азіи, восточныя страны этого громаднаго континента имѣютъ нѣкоторыя преимущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большія невыгоды, какъ территоріи цивилизаціи. Самый поразительный контрастъ между Западомъ и Востокомъ представляетъ форма морскихъ береговъ. Со стороны Малой Азіи и Европы окраины твердой земли изрѣзаны на многочисленные полуострова, развѣтвляющіеся въ видѣ второстепенныхъ расчлененій въ водахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана; кромѣ того, большіе острова и архипелаги продолжаютъ собою полуострова или разсѣяны впереди морскихъ береговъ, такъ что Карлъ Риттеръ и другіе географы справедливо сравнивали Европу съ организованнымъ тѣломъ, снабженнымъ членами: европейскій континентъ кажется, такъ сказать, живымъ, движущимся и волнующимся внѣ тяжелой массы Стараго Свѣта. Китай далеко не можетъ похвалиться такимъ же удивительнымъ разнообразіемъ контуровъ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ русской Маньчжуріи до береговъ Кохинхины одинъ только полуостровъ значитель-

наго протяженія, Корея, отдѣляется отъ континента, и лишь одинъ большой заливъ, заслуживающій названія моря, Хуанъ-хай, проникаетъ во внутренность земель. Правда, два обширные острова, Формоза и Хай-нань, и великолѣпный Японскій архипелагъ оживляютъ воды Тихаго океана противъ Китайскаго прибрежья; но что значатъ эти полуострова и острова азіатскаго Востока въ сравненіи съ Цикладами и Спорадами, съ Греціей и Италіею, съ Британскими островами, съ Скандинавіей и всей Европой, которая и сама въ своей совокупности представляетъ огромный полуостровъ, гдѣ повсюду проникаетъ животворное вѣяніе моря, приносящее съ собой обильные дожди и теплую атмосферу?

Высокая степень цивилизаціи, на которую поднялся китайскій народъ, не можетъ быть, слѣдовательно, объяснена богатствомъ его территоріи, внѣшними расчлененіями; но рѣки восполняютъ отчасти недостатокъ морей. Если совокупность Китая въ собственномъ смыслѣ имѣетъ окружность изсѣченную, то большія и судоходныя водяныя артеріи, которыя орошаютъ эту страну и дѣлятъ ее своими развѣтвленіями и искусственными каналами на внутренніе острова и полуострова, даютъ ей нѣкоторыя изъ тѣхъ выгодъ, какими пользуется Европа въ отношеніи легкости сообщеній: Янъцзы-цзянъ, Хуанъ-хэ или Желтая рѣка замѣняютъ тамъ моря Эгейское и Тирренское въ отношеніи перевозки товаровъ и людей, и, подобно этимъ морямъ, способствовали сближенію и общей цивилизаціи населеній. Въ прежнее время на сторонѣ Китая было еще другое преимущество — онъ обладалъ самой обширной культурной территоріей, какая существовала въ одной межѣ, въ умѣренномъ климатѣ; Сѣверная Америка и Европа, которыя нынѣ имѣютъ столь же большую площадь воздѣлываемыхъ земель, были еще въ недавнюю эпоху покрыты лѣсами, которые нужно было съ трудомъ вырубать и расчищать подъ пашни. Въ Китаѣ находится то громадное пространство «желтой земли» или желтозема, которое можетъ считаться по преимуществу областью пригодной для земледѣлія, и гдѣ естественнымъ образомъ должны были развиваться мирныя привычки порождаемыя земледѣльческимъ трудомъ. Къ этой области прилегаютъ другія культурныя территоріи, имѣющія другую почву, другой климатъ, особенныя, имъ свойственныя, формы растительныя и животныя, и такимъ образомъ, распространяясь постепенно все далѣе и далѣе, цивилизованная жизнь овладѣла обширнымъ пространствомъ, которое простирается отъ пустынь Монголіи до береговъ Тонкинскаго залива. При существованіи обмѣна между различными провинціями, могло ввестись большое разнообразіе въ способахъ обработки земли и *родѣ культурныхъ растеній*; всѣ частныя усовершенствованія приносили пользу всей странѣ, переходя послѣдовательно отъ одного мѣстнаго центра къ другому, цивилизація легко росла и развивалась не только у самихъ китайцевъ, но и въ сосѣднихъ странахъ. Сравнивая восточную Азію съ Западнымъ міромъ, мы видимъ, какъ много Китай въ собственномъ смыслѣ отличается отъ Европы географическимъ единствомъ; отъ желтыхъ земель сѣвера до равнинъ черезъ которыя протекаетъ могучій Янъ-цзы-цзянъ на границахъ Индо-Китая, населенія имѣютъ общій центръ тяжести, и слѣдовательно ихъ образованность должна была развиться ранѣе всего въ этомъ «срединномъ цвѣткѣ», откуда она была перенесена впослѣдствіи въ Японію и на островъ Формозу. Нѣсколько болѣе самобытны, болѣе индивидуально сформировались, напротивъ того, различныя страны западнаго міра, отъ Малой Азіи до Англіи и Ирландіи; Греція, которую отдѣляютъ отъ остальной Европы горныя цѣпи еще и донынѣ не вполнѣ извѣстныя; Италія, столь опредѣленно ограниченная оплотомъ Альпъ; Иберійскій полуостровъ, еще болѣе замкнутый на сѣверѣ барьеромъ Пиренейскихъ горъ; Франція съ двойной покатостью къ Атлантическому океану и къ Средиземному морю; Великобританія, окруженная теплыми морскими волнами и окутанная туманами,—не представляютъ ли всѣ эти страны географическія индивидуальности, каждая съ своею особенною цивилизаціею, выработанною прежде, чѣмъ могла образоваться высшая культура, созданная общими трудами всѣхъ европейскихъ націй? Не будучи непреодолимыми, естественныя преграды болѣе велики между различными странами Европы, нежели между территоріями восточнаго Китая, и нѣтъ сомнѣнія, что, въ значительной мѣрѣ, эти самыя преграды, препятствуя установленію политической централизаціи, но позволяя, однако, взаимныя отношенія между различными государствами, способствовали поддержанію самодѣятельности западныхъ народовъ и сдѣлали ихъ цивилизаторами другихъ расъ.

Но если сообщенія между сѣверными и южными областями Китая были легки, и если населенія этой огромной земли могли безъ большаго труда направлять свои паруса къ о. Формозѣ и къ Японіи черезъ узкія передовыя моря Тихаго океана, то со стороны запада міръ восточной Азіи представляется почти совершенно замкнутымъ. Правда, что во времена глубокой, доисторической древности предки китайцевъ, индусовъ, халдеевъ, арабовъ, по всей вѣроятности, жили другъ съ другомъ и находились въ частыхъ сношеніяхъ между собою, такъ какъ эти различные народы унаслѣдовали одни и тѣ же астрономическія понятія, при чемъ полное сходство наблюденій и взглядовъ обнаруживается даже въ мелкихъ подробностяхъ [1]); но

[1]) Jaubil;—Biot;—Weber;—Lassen;—Whitney и др.

ти, зависѣвшія отъ сосѣдства, связи, объясняю-
щія общность цивилизаціи, очевидно, могли
имѣть мѣсто лишь въ эпоху большаго распро-
страненія водной поверхности, болѣе обильнаго

даленнуюэпоху бассейнъ рѣки Тарима, который
теперь покрытъ безплодными песками и оазисы
котораго заключаютъ малочисленное населеніе,
принадлежалъ еще къ арійскому міру, и граж-

Рѣка Янъ-Цзы-Цзянъ. Ущелье Ми-Танъ.

скопленія водъ въ Старомъ Свѣтѣ, когда мѣст-
ности центральной Азіи, нынѣ обсохшія и пу-
стынныя, позволяли населеніямъ противопо-
ложныхъ покатостей больше сближаться, чѣмъ
это возможно въ настоящее время. Въ ту от-

данственность его обитателей имѣла близкую
связь съ образованностью Индіи [1]). Съ той

[1]) Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan“,— F. von Richthofen, „China“.

поры, какъ народы, сгруппированные на двухъ противоположныхъ скатахъ Памира, принуждены были спуститься далѣе въ равнины, оставляя за собой болѣе широкіе поясы пустынь и степей, по которымъ кочуютъ только пастушескія племена со своими стадами, центры цивилизаціи удалились одинъ отъ другаго: жизненный центръ Китая постепенно приблизился къ Тихому океану, тогда какъ подобное же движеніе совершалось въ противоположномъ направленіи, къ западу Вавилонскаго царства, къ Малой Азіи и Греціи. Разъединеніе произошло съ обѣихъ сторонъ, и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ никакія торговыя сношенія, никакіе обмѣны идей не имѣли мѣста между восточнымъ скатомъ континента и покатостью, обращенной къ Средиземному морю. Только по отдаленнымъ, смутнымъ слухамъ населенія двухъ оконечностей Стараго Свѣта узнавали, что какіе-то другіе народы живутъ за рѣками и озерами, за плоскогорьями и горными хребтами, за лѣсами и пустынями, и воображеніе превращало людей этихъ дальнихъ невѣдомыхъ краевъ въ странныхъ или страшныхъ чудовищъ. Двѣ цивилизаціи одновременно развивались на двухъ сторонахъ континента, не зная одна другой, не имѣя взаимнаго вліянія, слѣдуя эволюціямъ параллельнымъ и однако столь отличнымъ одна отъ другой, какъ будто бы онѣ возникли на двухъ разныхъ планетахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда южный Китай имѣлъ даже болѣе частыя и близкія сношенія съ островами, разсѣянными на южной оконечности Азіи, чѣмъ съ западными странами, съ которыми онъ соединенъ континентальной массой: нѣкоторыя расовыя черты доказываютъ, что на югѣ Азіатскаго материка смѣшеніе между китайцами и племенами, населяющими океанскія земли, происходило постоянно.

Однако естественный валъ изъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, окружающій китайскій міръ, не представляетъ сплошной стѣны,—во многихъ мѣстахъ онъ прерывался широкими брешами; нѣкоторыя изъ этихъ пониженій открываются къ южнымъ странамъ, другія въ сѣверномъ направленіи. Кромѣ того, и самыя цѣпи покрытыхъ снѣгомъ горъ не недоступны. Алтай, Тянь-шань, Цунъ-линъ, Куэнь-лунь, Нань-линъ,—всѣ эти горы перерѣзаны тропинками, по которымъ смѣло пускаются торговцы, не пугаясь усталости и холода. Склоны этихъ возвышенностей и даже плоскогорья, до высоты 3.000 и даже 4,500 метровъ, также имѣютъ свое населеніе, и, отправляясь съ одного ската на другой, можно повсюду встрѣтить либо людей, либо слѣды ихъ пребыванія. Но населенія этихъ горъ своими варварскими нравами и своимъ политическимъ состояніемъ прибавляютъ новое препятствіе къ тому, которое неровности и крутизны почвы противопоставили международнымъ *сношеніямъ*. До тѣхъ поръ, пока западные европейцы не вступили, при посредствѣ мореплаванія въ прямыя сношенія съ прибрежными жителями восточныхъ морей, окончательно установивъ такимъ образомъ единство Стараго Свѣта, до тѣхъ поръ только въ рѣдкія эпохи, во время великихъ потрясеній азіатскаго человѣчества, внезапно приходившаго въ движеніе, или только въ тѣхъ случаяхъ, когда могущество китайскаго государства достигало полной силы своего распространенія, могли завязываться непосредственныя сношенія между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейнами Аму-дарьи, черезъ земли варварскихъ народцевъ, живущихъ на промежуточныхъ плоскогорьяхъ такъ, отъ сильнаго накопленія электричества искра можетъ перескочить отъ металла къ металлу, несмотря на раздѣляющій ихъ толстый слой воздуха. Но какъ рѣдки были эти проблески свѣта, озарявшіе отдаленныя одна отъ другой страны и позволявшіе народамъ видѣть на минуту другъ друга! Они имѣли весьма слабое вліяніе на жизнь китайской націи, которая въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій развивалась самобытно, черпая исключительно въ своемъ собственномъ запасѣ опыта и знанія, оставаясь совершенно изолированной отъ остальнаго человѣчества.

Первая большая внутренняя революція Китая, вибраціонный центръ которой находился внѣ его границъ, имѣла мѣсто въ эпоху введенія индусскихъ религій. Какъ ни трудно истолковать древнее вѣроученіе Лао-цзы, невозможно однако сомнѣваться, что оно заключаетъ въ себѣ заимствованія, сдѣланныя изъ религіи Индостана. Нѣкоторыя изъ его предписаній тождественны по формѣ съ правилами, изложенными въ священныхъ книгахъ индусовъ, и всѣ они проникнуты тѣмъ же чувствомъ гуманности и всеобщаго благодушія. При томъ Лао-цзы никогда не указываетъ прославившихся дѣятелей китайской исторіи, какъ на образцы добродѣтелей или какъ на примѣры достойные подражанія: совокупность его ученій не связана съ прошлымъ его отечества никакими традиціонными узами [1]). По единогласному преданію, Лао-цзы предпринималъ путешествія въ страны, лежащія на западъ отъ Китая, и легенда говоритъ, что онъ былъ взятъ живой на небо съ горъ земли Хотанъ.

Барьеръ, который горы, плоскогорья и варварскіе народы воздвигли между Китаемъ и Индостаномъ, былъ такъ трудно переходимъ, что сообщенія между этими двумя странами производились обходнымъ путемъ, черезъ бассейнъ Оксуса. Буддійская религія распространялась не прямымъ путемъ: она проникла въ Срединную имперію не черезъ южныя, а черезъ западныя границы. Въ періоды могущества и мирнаго господства Китай заключалъ

[1]) Stanislas Julien, Pauthier,—etc.

въ своихъ предѣлахъ также бассейнъ Тарима и свободно велъ торговыя сношенія съ бассейномъ Оксуса черезъ Памирскіе горные проходы. Торговые люди слѣдовали тогда тѣмъ знаменитымъ «путемъ шелка», который извѣстенъ былъ также греческимъ купцамъ, и этимъ-то путемъ или другими дорогами, пролегавшими черезъ плоскую возвышенность, ввозились въ имперію нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ товаровъ полуденной Азіи, и передавались въ то же время разсказы, легенды о чудесной странѣ Ганга. Съ этой же стороны входили въ китайскіе предѣлы пилигримы, приносившіе съ собой обрядности культа Будды. Послѣ трехъ столѣтій религіозной пропаганды, новая вѣра окончательно установилась въ отечествѣ Конфуція и получила, въ 65 году нашего лѣтосчисленія, оффиціальное признаніе. Буддизмъ пришелся по вкусу китайскому народу пышностью его церемоній, богатыми украшеніями его храмовъ, поэзіей символическаго цвѣтка лотоса, распускающагося на поверхности водъ; онъ полюбился еще и потому, что открывалъ китайскому міру перспективу къ тѣмъ прекраснымъ странамъ юга, которыя до того времени были скрыты отъ него хребтами снѣжныхъ горъ и промежуточными нагорьями. Но въ сущности культъ Будды или фо мало внесъ перемѣны въ жизнь китайцевъ. Церемоніалъ былъ видоизмѣненъ, но основа осталась та же самая: каковы бы ни были священныя изображенія, религія, сохранившаяся въ силѣ, по-прежнему состоитъ изъ обрядовъ въ честь предковъ; это все то же заклинаніе злыхъ духовъ и превыше всего— строгое соблюденіе формулъ, переходящихъ по преданію изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, у «Дѣтей Хань».

Сношенія, установившіяся между Китаемъ и Индостаномъ въ теченіе періода обращенія китайцевъ въ буддизмъ, никогда впослѣдствіи совершенно не прерывались, и съ этой эпохи Китай и для европейцевъ пересталъ уже быть страной, лежащей за предѣлами извѣстнаго міра. Сообщенія между Индіей и южнымъ Китаемъ производились моремъ, преимущественно черезъ Южно-китайское море. Уже за два столѣтія до начала христіанской эры одинъ китайскій императоръ посылалъ цѣлый флотъ на южные острова съ порученіемъ привезти оттуда «Цвѣтокъ безсмертія». Впослѣдствіи другіе корабли, отправляемые за менѣе важной добычей, ходили на островъ Цейлонъ на поиски за святынями, священными книгами, статуями Будды, и привозили также богатыя матеріи, драгоцѣнности, самоцвѣтные камни, которые они вымѣнивали на свои произведенія — шелковыя ткани, фарфоровыя издѣлія, эмальированныя вазы [1]). Этимъ же путемъ слѣдовали чужестранныя посольства, между прочимъ, посольство, о которомъ китайскія лѣтописи говорятъ, что оно прибыло изъ Да-цина, то-есть изъ Рима, отправленное Императоромъ Антуномъ, Авреліемъ Антониномъ, въ 166 году христіанскаго лѣтосчисленія [1]).

Въ седьмомъ столѣтіи,—когда Китайская имперія, послѣ ряда катастрофъ и внутреннихъ смутъ, снова достигла высокой степени могущества и экспансивной силы и блестѣла во всей своей славѣ,—какъ разъ въ ту эпоху, когда Европа, погруженная во мракъ варварства, находилась въ періодѣ наибольшаго униженія и упадка [2]), были предпринимаемы многочисленныя путешествія съ цѣлью изслѣдованія малоизвѣстныхъ странъ: въ то время инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Китаю. Китайскій пилигримъ Сюань-цзанъ, съ которымъ, по длинѣ пройденнаго пути въ центральной Азіи, изъ послѣдующихъ путешественниковъ сравнялись только итальянецъ Марко Поло и Пржевальскій, былъ настоящій изслѣдователь новыхъ странъ, въ современномъ значеніи этого слова, и его разсказы, включенные въ лѣтописи династіи Танъ, имѣли для географіи центральной Азіи и Индіи въ средніе вѣка весьма большую цѣну, вполнѣ признанную даже и европейскими учеными [3]). Эти послѣдніе, благодаря китайскимъ документамъ, могли отыскать почти несомнѣннымъ образомъ весь пройденный имъ путь, даже въ тѣхъ «Ледяныхъ горахъ», гдѣ, по его словамъ, путешественники подвергаются нападеніямъ «драконовъ», мистическихъ животныхъ, въ которыхъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть снѣжные бураны. Такъ же, какъ и другіе буддистскіе пилигримы того времени, Сюань-цзанъ обошелъ вокругъ плоскихъ возвышенностей Тибета, гдѣ только-что передъ тѣмъ была введена буддійская религія, и проникъ въ Индію черезъ равнины Оксуса и Афганистана. Но двадцать лѣтъ спустя послѣ его возвращенія на родину, въ 667 и 668 годахъ китайскія арміи уже прошли черезъ Тибетъ и Непалъ, и спустились прямо въ Индію, гдѣ онѣ овладѣли слишкомъ шестью стами городами. Въ эту эпоху Китайская имперія обнимала вмѣстѣ съ подвластными, вассальными землями, не только всю низменность восточной Азіи, но также всѣ внѣшніе скаты горъ и плоскорій, которыя ее окружаютъ до Каспійскаго моря. Въ этомъ же періодѣ Китайской имперіи несторіанскіе миссіонеры ввели христіанство въ имперіи.

Успѣхи ислама на западѣ Азіи, на берегахъ Средиземнаго моря, необходимо должны были изолировать Китай и сдѣлать на долгое время невозможнымъ всякое сообщеніе съ Европой;

[1]) Pauthier; — Emerson Tennent; — Bretschneider, и др.

[1]) De Guignes; — Reinaud, — Klaproth; — Rémusat; — Bretschneider, и др.

[2]) Wells Williams, „Middle Kingdom".

[3]) Stanislas Julien, „Historie de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages — Vivien de Saint-Martin; — Cunningham; — Richthofen.

но въ сѣверныхъ областяхъ, среди степей Монголіи, воинственныя племена приготовлялись къ завоеванію, и благодаря своему побѣдоносному шествію на западъ до самыхъ береговъ Днѣпра, они открыли путешественникамъ дороги черезъ весь Старый Свѣтъ. Чтобы защитить государство отъ вторженія этихъ народцевъ, кочевавшихъ въ сосѣдствѣ сѣверныхъ окраинъ страны, китайскіе императоры воздвигли, впослѣдствіи перестроили и увеличили другими параллельными валами тотъ исполинскій оплотъ, извѣстный подъ именемъ «Великой стѣны», который продолжается между степнымъ пространствомъ и областью культурныхъ земель на протяженіи тысячъ верстъ. Удерживаемые не столько этимъ барьеромъ, воздвигнутымъ между двумя различными природами и двумя враждебными обществами, сколько различіемъ природныхъ условій, дикіе номады устремились на западъ, гдѣ передъ ними открывался широкій просторъ, и постепенно одинъ за другимъ привели въ движеніе всѣ кочевые народы. Въ четвертомъ и въ пятомъ столѣтіяхъ нашей эры это движеніе погнало къ западу орды завоевателей, которымъ дали имя гунновъ; въ двѣнадцатомъ вѣкѣ подобное же движеніе увлекло монголовъ подъ предводительствомъ новаго Аттилы. Владѣя горными потоками Чжунгаріи, черезъ которые такъ легко пробраться съ восточной покатости Азіи на западную, Чингисъ-ханъ могъ бы ринуться прежде всего къ западнымъ странамъ; но онъ не хотѣлъ оставлять препятствія позади себя, и только послѣ перехода черезъ Великую стѣну и взятія Пекина, двинулъ свои несмѣтныя полчища на покореніе западныхъ царствъ и народовъ. Въ это время Монгольская имперія, величайшее государство, какое когда-либо существовало, простиралась отъ береговъ Тихаго океана до степей Россіи.

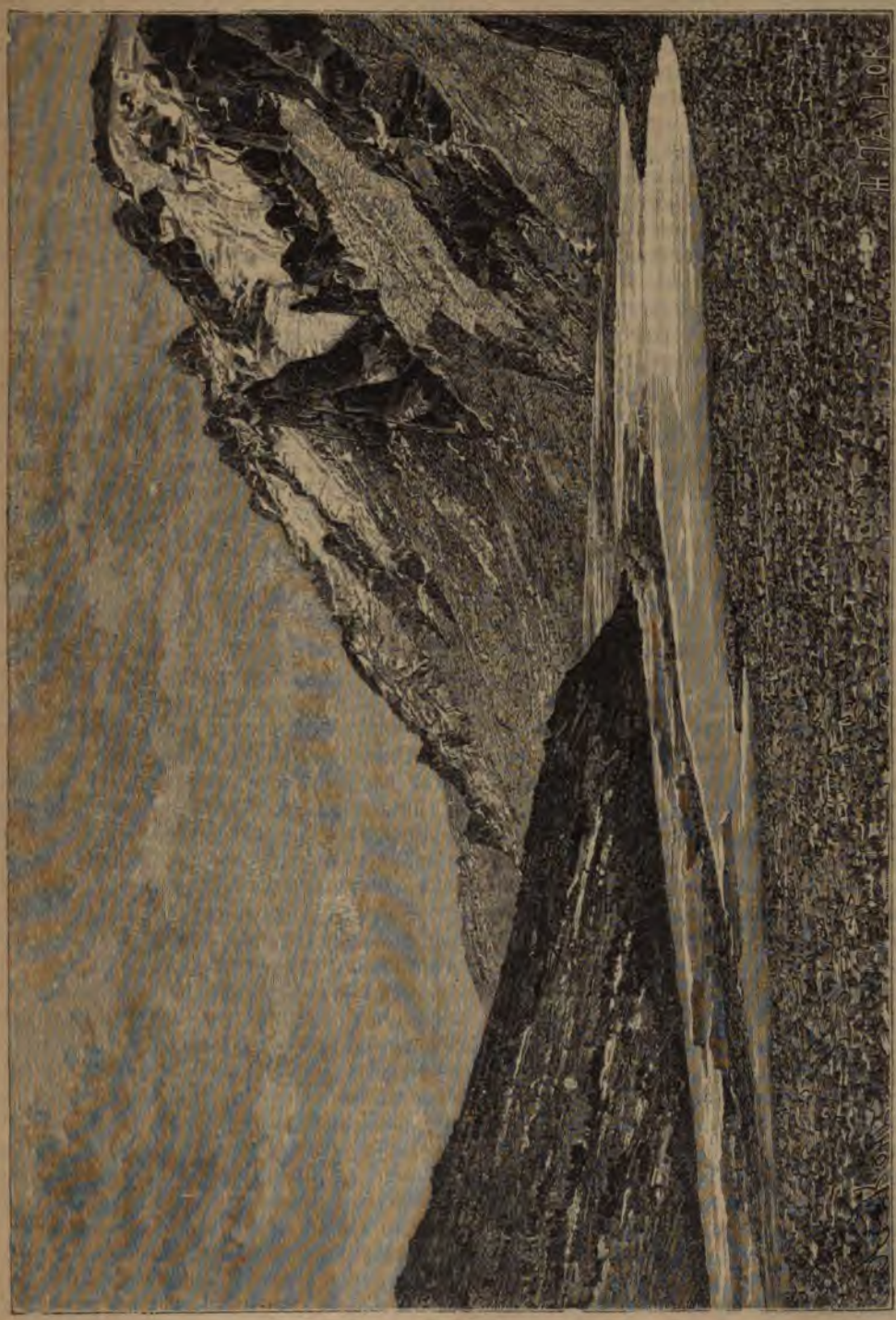
Европейцы узнали о существованіи китайскаго міра благодаря этимъ новымъ пришельцамъ съ востока, съ которыми они вступили въ сношенія, не только путемъ вооруженныхъ столкновеній, но также посредствомъ посольствъ, договоровъ и союзовъ противъ общаго врага, то-есть ислама; они даже долгое время называли имперію восточной Азіи татарскимъ именемъ «Катай», до сихъ поръ еще употребляемымъ русскими въ формѣ «Китай». Послы папы и короля французскаго отправлялись въ дальній путь, чтобы посѣтить великаго хана въ его Каракорумской резиденціи, въ Монголіи, и Плано Карпини, Рубруквисъ [1]) и другіе разсказывали, по возвращеніи, о чудесахъ, видѣнныхъ ими въ этихъ отдаленныхъ странахъ. По слѣдамъ посланниковъ, изъ Европы пустились ремесленники и торговые люди искать счастья при дворѣ монгольскихъ хановъ, и одинъ изъ этихъ купцовъ, Марко Поло, по справедливости, можетъ считаться первымъ открывшимъ Китай европейскому міру. Съ того времени эта страна окончательно вступаетъ въ кругъ извѣстнаго свѣта и начинаетъ составлять часть обширной семьи человѣчества.

Марко Поло достигъ и проѣхалъ Китай западнымъ путемъ, слѣдуя въ началѣ по протореннымъ дорогамъ, идущимъ отъ береговъ Средиземнаго моря. Колумбъ, болѣе смѣлый, хотѣлъ пристать къ берегамъ «Катая», подойти къ золотымъ рудникамъ Зипанго, плывя по сферической поверхности земнаго шара, въ направленіи, противоположномъ тому пути, по которому слѣдовалъ знаменитый венеціанскій путешественникъ. Остановленный въ своемъ отважномъ плаваніи берегами Новаго Свѣта, онъ не достигъ ни Японіи, ни Китая, хотя долгое время онъ былъ увѣренъ и хотѣлъ другихъ увѣрить въ успѣхѣ своего путешествія къ восточной Азіи. Но другіе продолжали начатое великимъ мореплавателемъ предпріятіе кругосвѣтнаго путешествія: дель-Кано, спутникъ Магелана, вернулся къ своей точкѣ отправленія, въ Португалію, оставивъ позади себя слѣдъ своего корабля на окружности земнаго шара. Всѣ моря были завоеваны европейцами, и, отъ мыса Горна до мыса Доброй надежды, мореплаватели могли назначать себѣ свиданіе въ портахъ Китая. Не взирая на сопротивленіе, противополагаемое пекинскимъ правительствомъ вступленію чужеземцевъ въ предѣлы государства, Китайская имперія фактически сдѣлалась доступна имъ, и не прошло еще двухъ съ половиной столѣтій послѣ окончательнаго завоеванія всемірнаго океана большимъ судоходствомъ, какъ Китай и Японія, которые, впрочемъ, не переставали быть правильно посѣщаемы европейскими купцами, принуждены были широко открыть свои коммерческіе порты и даже уступить на своихъ берегахъ земли, гдѣ европейскія націи водружаютъ свои флаги и строятъ города западной архитектуры и укрѣпленные пункты. Такимъ образомъ можно сказать, что завоеваніе восточноазіатскаго міра европейской цивилизаціей уже началось давно.

Могущество европейцевъ на территоріи Китая впервые проявилось временнымъ занятіемъ столицы богдохана и разграбленіемъ императорскихъ дворцовъ; оно обнаружилось еще гораздо болѣе той поддержкой, которую англо-французскіе союзники оказали китайскому правительству противъ внутренняго возмущенія. Между тѣмъ, какъ европейскія войска разрушали укрѣпленія провинціи Чжи-ли, заняли Тянь-цзинь, заставили китайскаго императора спасаться бѣгствомъ изъ Пекина, другіе европейцы оттѣснили мятежниковъ тайпинговъ отъ воротъ Шанхая и заперли имъ всякій выходъ къ морю; въ то же самое время русскіе держали

[1]) D'Avezac, „Recueil de voyages et de mémoires par la Société de Géographie".

гарнизонъ въ Ургѣ, чтобы сдерживать дунганъ. Можетъ быть, только благодаря поддержкѣ западныхъ державъ, и была спасена династія Цинovъ. Единство имперіи было сохранено, но



Долина Каракашъ.

только потому, что европейцы находили въ томъ свою выгоду: имъ стоило только остаться безучастными зрителями, и Китай распался бы на двѣ, быть можетъ, на три или четыре части. Въ настоящее время территоріальная цѣлость обширной азіатской имперіи, повидимому, не подвергается никакой опасности со стороны собственнаго населенія страны, но нельзя того же сказать про государства западной Европы, которыя, увидѣвъ безсиліе Китая, стараются уже не о цѣлости его, а объ урывкахъ его территорій въ свою пользу. Россія сопредѣльна съ китайской территоріей на протяженіи около 7.500 верстъ, и болѣе половины этой пограничной

линіи проходитъ черезъ страны, бывшія прежде подвластными «Сыну Неба». Все, что Россія присоединила въ Илійскомъ краѣ или Кульджѣ временно къ своимъ владѣніямъ, принадлежало, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Китаю, и хотя она согласилась возвратить эту землю, но все-таки удержала часть ея за собой. Забайкалье тоже было прежде китайской территоріей, равно какъ вся долина Амура до пастбищъ, гдѣ сѣверные тунгусы пасутъ свои стада оленей. Въ настоящее время вся территорія по лѣвому берегу Амура, превосходящая пространствомъ Францію, составляетъ нераздѣльную часть Сибири. Наконецъ, морской берегъ Маньчжуріи до полуострова Кореи тоже сдѣлался русскимъ владѣніемъ, и его южные порты, откуда паровые флоты могутъ въ два дня достигнуть береговъ Японіи, получили наименованіе «Залива Петра Великаго», данное какъ бы для того, чтобы напомнить Европѣ, что со стороны Востока русская имперія такъ же помышляетъ объ увеличеніи своего могущества, какъ и со стороны Запада. Наконецъ въ послѣднее время необходимость выхода въ незамерзающій портъ линіи Великой Сибирской дороги вынудила Россію арендовать часть китайской территоріи и для сохраненія своихъ интересовъ даже укрѣплять и оборонять ее. Россія такъ умѣло распоряжается своими рессурсами, что они даютъ ей большую наступательную силу. Ея военное могущество, даже на разстояніи семи съ половиной тысячъ верстъ отъ столицы, превосходитъ военное могущество Китая и Японіи въ ихъ собственныхъ моряхъ и на ихъ собственной территоріи. Несмотря на приготовленія къ оборонѣ, на эстокады и форты, вооруженные стальными пушками, Пекинъ теперь такъ же легко можетъ быть взятъ русскими, какъ онъ недавно былъ взятъ англичанами и французами и какъ погибъ сильно укрѣпленный портъ Артуръ при столкновеніи съ японцами. Вообще положеніе Пекина невыгодно въ томъ отношеніи, что подвергаетъ его непріятельскому нападенію: до тѣхъ поръ, пока эта столица должна была опасаться только набѣговъ со стороны монголовъ или возстаній китайскаго населенія, она занимала превосходную стратегическую позицію въ сосѣдствѣ укрѣпленныхъ горъ, которыя защищаютъ ее на сѣверо-западѣ, близъ Главнаго или Императорскаго канала, по которому доставлялись всѣ нужные предметы продовольствія, и недалеко отъ маньчжурскихъ племенъ, которыя, по первому сигналу, быстро приходили на помощь своимъ нуждающимся соотечественникамъ. Но въ настоящее время другіе враги, кромѣ монголовъ и тайпиновъ, угрожаютъ безопасности Срединной имперіи, и войска, посланныя какимъ бы то ни было правительствомъ, высадились бы, разумѣется, въ очень близкомъ разстояніи отъ Пекина. Какъ бы ни была значительна новая организація военныхъ силъ Китая, какъ бы ни старались дисциплинировать на европейскій манеръ «храброе и непобѣдимое» воинство богдыхана, пекинское правительство не можетъ надѣяться, что будетъ въ состояніи успѣшно бороться съ внѣшнимъ врагомъ, пока оно не заведетъ у себя желѣзныхъ путей сообщенія, которыя могли бы быть предоставлены къ услугамъ войны; а главное пока оно не измѣнитъ весь административный строй страны и бытъ своихъ согражданъ.

Каковы бы ни были политическія и военныя судьбы Китая и Японіи въ ихъ сношеніяхъ съ европейскими державами, одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно—это то, что націи Востока и Запада отнынѣ стали солидарны между собою. Благодаря обмѣну земледѣльческихъ продуктовъ и товаровъ, благодаря путешествіямъ европейцевъ въ Монгольскую Азію, китайцевъ и японцевъ въ Европу и Америку, благодаря, наконецъ постояннымъ переселеніямъ, цивилизаціи безпрестанно соприкасаются и взаимно проникаются: чего не сдѣлала пушка, то начинаетъ дѣлать, при томъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ, свобода международнаго торговаго и соціальнаго обмѣна; политическія границы, различіе языковъ, религій, традицій, законовъ, нравовъ не мѣшаютъ взаимному сближенію разноплеменныхъ народовъ, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Если съ одной стороны европейскіе кварталы выстраиваются въ городахъ Китая и Японіи, то съ другой—китайскія деревни появляются въ Сѣверной Америкѣ, въ Перу, въ Австраліи, и китайскія торговыя конторы открываются въ Нью-Іоркѣ, въ Лондонѣ и многихъ городахъ Россіи. Этимъ внѣшнимъ перемѣнамъ соотвѣтствуютъ глубокія, умственныя измѣненія: идеи обмѣниваются такъ же точно, какъ и товары; восточные и западные люди доходятъ до взаимнаго пониманія и, слѣдовательно, узнаютъ, что у нихъ есть общаго. Свѣтъ сталъ слишкомъ тѣсенъ для того, чтобы цивилизаціи могли развиваться изолированно, въ отдѣльныхъ географическихъ бассейнахъ, не смѣшиваясь въ одну высшую цивилизацію. Народы Европы и восточной Азіи жили прежде какъ отдѣльные, разобщенные міры; теперь Соединенные Штаты Сѣверной Америки населились эмигрантами, которые сдѣлали изъ нихъ вторую Европу, и между этими-то двумя Европами, старой и новой, заключена китайская нація: съ обѣихъ сторонъ, съ востока и съ запада, къ ней приходятъ одни и тѣ же примѣры, однѣ и тѣ же идеи: непрерывное теченіе движется отъ народа къ народу на всей поверхности планеты, черезъ континенты и моря.

Историческій періодъ, въ который недавно вступило человѣчество окончательнымъ пріобщеніемъ восточной Азіи къ европейскому міру,

какъ говорится, чреватъ событіями. Подобно тому какъ поверхность воды, отъ дѣйствія силы тяжести, стремится придти къ одному уровню, такъ и условія обнаруживаютъ наклонность сравниваться на рынкахъ труда. Разсматриваемый просто какъ обладатель своихъ рукъ, человѣкъ и самъ есть товаръ, ни болѣе, ни менѣе, какъ произведенія его труда. Промышленности всѣхъ странъ, увлекаемыя все болѣе и болѣе въ борьбу жизненной конкурренціи, стараются производить какъ можно дешевле, покупая по возможно низкой цѣнѣ сырой матеріалъ и «руки», которыя его перерабатываютъ. Но гдѣ такія огромныя фабричныя заведенія, какъ, напримѣръ, мануфактуры Новой Англіи, нашли бы работниковъ въ одно и то же время болѣе искусныхъ и болѣе трезвыхъ, слѣдовательно менѣе дорогостоющихъ, чѣмъ выходцы съ крайняго Востока? Гдѣ большія земледѣльческія фермы, каковы фермы штатовъ Миннесоты и Висконсина, эти настоящія фабрики для производства пшеницы или мяса, сыскали бы партіи рабочихъ болѣе послушныхъ, болѣе старательныхъ, менѣе требовательныхъ, чѣмъ куліи съ береговъ Си-цзяна или Янъ-цзы-цзяна. Рабочее населеніе Китая и Японіи приводитъ въ удивленіе иностранцевъ своей дѣятельностью, ловкостью, быстрой понятливостью, любовью къ порядку и бережливости; на фабрикахъ и въ арсеналахъ портовъ можно поручать китайскимъ рабочимъ самыя деликатныя работы, и они всегда съ честью выполняютъ задачу. Что касается крестьянъ Срединной имперіи, то, по единогласному свидѣтельству людей, видѣвшихъ ихъ за дѣломъ, они болѣе смышлены, болѣе образованы, менѣе рутинеры, чѣмъ поселяне европейскихъ странъ, гдѣ царствуетъ тяжелый режимъ крупной земельной собственности, и если въ сосѣдствѣ факторій морского прибрежья китайскіе садовники и огородники не измѣнили своихъ культуръ, то это потому, что чужеземецъ не могъ бы научить ихъ лучшимъ, чѣмъ тѣ, которыя они употребляютъ.

Впрочемъ, борьба между трудомъ бѣлыхъ и трудомъ желтолицыхъ, это экономическое столкновеніе, которое грозитъ вызвать ожесточенную схватку между двумя половинами міра—уже началась на нѣкоторыхъ пунктахъ земнаго шара, въ новыхъ странахъ, гдѣ встрѣчаются эмигранты изъ Европы и Азіи. Въ Калифорніи, въ австралійскихъ колоніяхъ Новаго Южнаго Валлиса, Квинсленда и Викторіи, бѣлые работники должны оспаривать большую часть своихъ ремеслъ у китайскихъ рабочихъ, и улицы, лавки, фермы, рудники часто бывали обагряемы человѣческою кровью, часто были свидѣтелями убійствъ, причина которыхъ заключалась не столько въ племенной ненависти, сколько въ соперничествѣ изъ-за заработной платы. Преслѣдуемая уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, эта экономическая война стоила болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ правильное сраженіе; она даже становится все болѣе и болѣе ожесточенной, по мѣрѣ увеличенія опасности, которой подвергаются бѣлые рабочіе. До сихъ поръ эти послѣдніе имѣли перевѣсъ въ Калифорніи и въ австралійскихъ колоніяхъ. По большей части господствуя въ законодательныхъ собраніяхъ, они могли одерживать верхъ надъ промышленниками, фермерами, фабрикантами, предпринимателями, которымъ, разумѣется, выгодно платить возможно меньшее жалованье рабочимъ, и заставляли эти собранія вотировать законы, всячески затрудняющіе эмиграцію китайскихъ куліевъ и ставящіе послѣднихъ въ положеніе особаго класса, угнетеннаго и безправнаго. Но эта борьба, какъ и всякая война, имѣетъ свои альтернативы. Побѣжденные на одномъ пунктѣ, китайскіе рабочіе могутъ побѣдить на другомъ, благодаря поддержкѣ капиталистовъ и совѣщательныхъ собраній, а вступленіе желтолицыхъ рабочихъ на фабрики и фермы на мѣсто бѣлыхъ работниковъ, понятно, значило бы для этихъ послѣднихъ нищету и голодную смерть. Впрочемъ, даже нѣтъ необходимости, чтобы китайскіе эмигранты нашли мѣсто въ мануфактурныхъ заведеніяхъ Европы и Америки, для того, чтобы ихъ соперничество понизило вознагражденіе бѣлыхъ рабочихъ: достаточно, чтобы промышленности, подобныя существующимъ въ европейскомъ мірѣ, какъ, напримѣръ, производство шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей, основались на всемъ крайнемъ Востокѣ, и чтобы китайскія или японскія мануфактурныя произведенія продавались въ Европѣ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, нежели издѣлія мѣстнаго производства. Конкуренція можетъ захватывать все большія и большія пространства, можетъ распространиться послѣдовательно отъ страны къ странѣ, черезъ моря и океаны, да и теперь не обнаруживается ли она уже въ отношеніи нѣкоторыхъ продуктовъ, къ невыгодѣ Европы? Съ экономической точки зрѣнія, окончательное сближеніе между двумя группами націй составляетъ, слѣдовательно, фактъ капитальной важности. Безъ сомнѣнія, равновѣсіе установится рано или поздно, и человѣчество съумѣетъ приспособиться къ новымъ судьбамъ, которыя ему обезпечиваетъ овладѣніе сообща всей планетой; но въ продолженіе переходнаго періода столкновенія, нужно предвидѣть всякія бѣдствія и потрясенія. Дѣло идетъ о борьбѣ, въ которой непосредственно участвуетъ около милліарда людей. По числу борцовъ, цивилизованный міръ Европы и Америки и міръ восточной Азіи почти равны между собой: съ той и другой стороны сотни милліоновъ индивидуумовъ стоятъ лицомъ къ лицу, движи-

мые противоположными интересами и очень далекіе еще отъ пониманія высшихъ выгодъ общей солидарности народовъ.

Это происходитъ оттого, что взаимная оппозиція Востока и Запада имѣетъ свой raison d'être не въ одномъ только антагонизмѣ непосредственныхъ, матеріальныхъ интересовъ, она зависитъ также отъ контраста понятій и нравовъ: между тѣми изъ китайцевъ и изъ европейцевъ, у которыхъ развито чувство уваженія къ своей личности, идеалъ не одинаковъ; тѣ и другіе имѣютъ особенное понятіе о долгѣ, если не прямо противоположное, то во всякомъ случаѣ различное. Этотъ нравственный контрастъ проявляется въ болѣе или менѣе сознательной формѣ и между самими націями. Ихъ союзъ, когда онъ сдѣлается болѣе тѣснымъ черезъ посредство племенныхъ смѣшеній, нейтрализируетъ отчасти эту противуположность; цивилизаціи будутъ оказывать одна на другую вліяніе не только своими внѣшними сторонами, но также и тенденціями и идеями, составляющими ихъ истинный двигатель. Часто говорили, что западные народы устремляютъ взоръ впередъ, въ будущее, тогда какъ китайцы смотрятъ назадъ, въ прошлое. Это утвержденіе слишкомъ общее, ибо во всѣхъ странахъ свѣта общество раздѣляется на двѣ группы, изъ которыхъ одна безпрестанно обновляется, трудясь надъ улучшеніемъ своей участи, тогда какъ другая, изъ боязни будущаго, ищетъ убѣжища въ традиціи. Многочисленныя гражданскія войны Китая, и въ особенности возстаніе тайпинговъ или «великихъ миротворцевъ», доказываютъ, что подъ оффиціальнымъ міромъ, вѣрнымъ блюстителемъ обычаевъ и правилъ старины, ищущимъ свой золотой вѣкъ въ прошлыхъ вѣкахъ, движется пылкое общество, которое не боится пускаться въ полную приключеній область неизвѣстнаго. Если китайское правительство успѣвало въ теченіе многихъ вѣковъ удерживаться въ традиціонныхъ формахъ, если катастрофы и перевороты, произведенные нашествіями и внутренними возмущеніями, не сдѣлали большой перемѣны во внѣшнемъ строѣ общества, то тѣмъ не менѣе вѣрно, что для низшихъ массъ восточныхъ народовъ теперь дѣло идетъ объ усвоеніи европейской цивилизаціи, не только формъ и практическихъ способовъ промышленности, но въ особенности новаго пониманія человѣческой культуры: онѣ стремятся перемѣстить свой идеалъ. Отъ этого зависитъ самое ихъ существованіе.

Но не перемѣстится ли въ то же время и идеалъ цивилизованныхъ народовъ бѣлой расы? Извѣстно, что когда два элемента сближаются, оба они подвергаются измѣненію. Если двѣ рѣки соединяютъ свои теченія, то та изъ нихъ, которая катитъ чистую воду, дѣлается мутной отъ *примѣси грязи, приносимой* другой рѣкой, и двѣ жидкія массы текутъ вмѣстѣ, никогда уже не пріобрѣтая вновь своего первоначальнаго цвѣта. Соприкосновеніе двухъ цивилизацій будетъ ли имѣть послѣдствіе, что одни народы подвинутся, а другіе понизятся на лѣстницѣ культуры? Должно ли это соприкосновеніе вызвать прогрессъ на Востокѣ и регрессъ на Западѣ? Не суждено ли грядущимъ поколѣніямъ переживать періодъ, подобный эпохѣ среднихъ вѣковъ, когда цивилизація римскаго міра погрузилась въ мракъ невѣжества, тогда какъ варвары рождались при новомъ свѣтѣ? Пророки грядущихъ бѣдъ уже испускаютъ вопли тревоги. Послѣ многолѣтнихъ странствованій по разнымъ провинціямъ Китая, странствованій, во время которыхъ вездѣ приходилось проѣзжать черезъ несчастные человѣческіе муравейники, замыкавшіеся вокругъ нихъ словно волны океана, европейскіе путешественники, какъ Ритгофенъ, Арманъ Давидъ, г. Васильевъ, вернулись устрашенные этими несмѣтными массами людей, кишащими въ громадной имперіи. Они съ ужасомъ задаютъ вопросъ: что сдѣлаютъ эти огромныя толпы народа, когда завоеватели дисциплинируютъ ихъ и употребятъ въ дѣло противъ европейскаго міра? Не могутъ ли эти толпы возобновить подъ другой формой монгольскія нашествія и погромы, когда, снабженныя такимъ же оружіемъ, какъ и европейскія націи, и болѣе ихъ соединенныя въ одно цѣлое, онѣ очутятся подъ предводительствомъ втораго Чингисъ-Хана? Опасаясь, чтобы въ міровой «борьбѣ за существованіе» китайцы не сдѣлались легко нашими господами, нѣкоторые писатели дошли до того, что серьезно требуютъ, чтобы европейскія державы вернулись назадъ и отреклись отъ совершеннаго дѣла, чтобы опять заперли открытые нынѣ порты и постарались снова заключить китайцевъ въ ихъ прежнее изолированное положеніе и въ ихъ невѣжество. Другіе публицисты радуются, что опіумъ усыпляетъ китайскую націю и мѣшаетъ ей познать свою силу. «Не будь опіума, говоритъ проф. Васильевъ, Китай овладѣлъ бы рано или поздно всѣмъ свѣтомъ; онъ задушилъ бы Европу и Америку въ своихъ чудовищныхъ объятіяхъ».

Какъ бы то ни было, теперь ужъ слишкомъ поздно было бы пытаться снова разобщить Востокъ и Западъ. За исключеніемъ части Тибета, Кореи и нѣкоторыхъ, лежащихъ внутри горныхъ областей, восточная Азія составляетъ отнынѣ часть открытаго міра. Каковы будутъ для всего человѣчества результаты этого присоединенія къ общему движенію исторіи? Это, безъ сомнѣнія, вопросъ первостепенной важности, и съ этой точки зрѣнія нельзя не признать чрезвычайно важнымъ изученіе азіатскаго Востока и этихъ «желтолицыхъ» народовъ, которымъ суждено играть столь значительную роль въ развитіи будущей цивилизаціи.

Глава II

Китайская имперія.

I. Тибетъ.

Внѣ такъ называемаго «Срединнаго царства», Китайская имперія заключаетъ обширныя территоріи, занимающія въ совокупности болѣе значительное пространство, чѣмъ Китай въ собственномъ смыслѣ: сюда принадлежатъ Тибетъ, бассейнъ рѣки Тарима, бассейнъ озера Куку-норъ, возвышенныя долины, наклоненныя къ озеру Балкашъ, Чжунгарія, Монголія, Маньчжурія, островъ Хай-нань. Она присвоивала къ себѣ, какъ вассальныя, платящія дань, земли: полуостровъ Корею и даже, на полуденномъ скатѣ Гималайскихъ горъ, Непалъ и Бутанъ, двѣ страны, принадлежащія къ Индостану, по крайней мѣрѣ съ географической точки зрѣнія, но нынѣ эти земли отчасти самостоятельны, отчасти принадлежатъ другимъ сосѣдямъ. Впрочемъ, каждая изъ земель, признающихъ надъ собой верховную власть китайскаго императора, рѣзко отличается отъ другихъ рельефомъ и природой почвы, учрежденіями и нравами своихъ жителей. Изъ всѣхъ этихъ странъ Тибетъ всего лучше успѣвалъ, въ послѣднія времена, охранять себя отъ внѣшнихъ вліяній: то, чѣмъ былъ прежде Китай, Тибетъ остается еще и до сихъ поръ, государствомъ совершенно замкнутымъ, почти неприступнымъ: въ этомъ отношеніи можно сказать, что онъ является единственнымъ представителемъ традиціи, уже утраченной почти всѣми другими царствами восточной Азіи.

Наименованіе Тибетъ примѣняется не только къ юго-западной части Китайской имперіи, но также къ большей половинѣ Кашмира, населенной жителями тибетскаго происхожденія. Эти области «Малаго Тибета» и «Абрикосоваго Тибета», получившаго такое названіе отъ фруктовыхъ садовъ, окружающихъ селенія [1]), состоятъ изъ глубокихъ долинъ, открывающихся на подобіе рвовъ между снѣжными горами Гималая и Каракорума; расположенныя на покатости, обращенной къ Индостану, эти страны были постепенно включены въ историческій кругъ индусскаго полуострова, тогда какъ Тибетъ въ собственномъ смыслѣ, Тибетъ восточный, то-есть провинціи Уй, Цзанъ и Камъ [2]), пошелъ совершенно другой дорогой и испыталъ другія судьбы: это тотъ, который извѣстенъ подъ именемъ «Большаго Тибета»: но смѣшеніе номенклатуръ такъ велико, что другой «Большой Тибетъ», иначе называемый страна Ладакъ, составляетъ часть Кашмирскаго царства [3]). Впрочемъ, это имя Тибетъ, которое европейцы употребляютъ для обозначенія двухъ странъ весьма различныхъ по характеру природы и политическимъ учрежденіямъ, неизвѣстно самимъ жителямъ, и ученые обыкновенно стараются объяснить его этимологіями иностраннаго происхожденія [4]), производя его отъ монгольскаго слова Туботъ. Германъ Шлагинтвейтъ видитъ въ этомъ наименованіи странное составное слово тибетскаго языка, означающее «силу» или имперію по преимуществу [5]); такое же объясненіе даютъ миссіонеры семнадцатаго столѣтія, обозначая эту страну итальянскимъ терминомъ potente, то-есть «Могущественный». Какъ бы то ни было, туземцы нынѣ называютъ свое плоскогорье однимъ только именемъ, Бодъ-Юлъ, что̀ значитъ «земля народа Бодъ», и которое, вѣроятно, есть синонимъ Бутана, индусскаго наименованія, употребляемаго европейцами для обозначенія одного только государства на южной покатости Гималайскихъ горъ [6]). Китайцы обозначаютъ Тибетъ подъ названіями Сицзанъ, то-есть «западный Цзанъ», по имени его главной провинціи, или Уй-цзанъ—слово, которое примѣняется къ двумъ провинціямъ Уй и Цзанъ, составляющимъ вмѣстѣ Тибетъ по преимуществу; народъ же, населяющій эту страну, они называютъ Ту-фань, то-есть «фанами аборигентами» въ противоположность сифанямъ или «западнымъ фанамъ», жителямъ Сы-чуани. Что касается монголовъ, которымъ, впрочемъ, подражали и русскіе прошлаго столѣтія, то они часто называли Тибетъ «землей тангутовъ», по имени племенъ, населяющихъ

[1]) Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo".

[1]) А. Гумбольдтъ, „Центральная Азія".

[2]) Humboldt, „Asie Centrale", t. I., p. 14;—C. Ritter, „Asien",—Naïn-Singh, Trotter „Journal of the Geographical Society", 1877.

[3]) Klaproth, „Description du Tibet"; — C. Ritter, „Asien";—Hodgson, „Essays on the languages, literature and religion of Nepaland Tibet".

[4]) „Reisen in Indien und Hochasien", vol. III.

[5]) Klaproth, „Notes à la Breve noticia del regno del Thibet", del Fra Orazia della Penna.

сѣверную часть страны [1]); но обыкновенно они обозначали Тибетъ именемъ «земли Барунъ-Тола» или «Западная страна», въ противоположность Дзегунъ-Толѣ или «землѣ Лѣвой стороны», называемой нынѣ Чжунгаріей [2]).

Тибетъ образуетъ почти ровно половину обширнаго полукруга горъ, который развертывается, съ радіусомъ въ 800 километровъ, на западѣ густо населеннаго Китая, отъ первыхъ монгольскихъ предгорій Тянь-шаня до проломовъ восточнаго Гималая, черезъ которые рѣки Цзанбо, Салуэнъ, Меконгъ уходятъ къ Индійскому океану. Высокая краевая цѣпь Куэнь-луня дѣлитъ этотъ полукругъ на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: на сѣверѣ открывается замкнутый бассейнъ Тарима и многихъ другихъ рѣкъ, теряющихся въ пескахъ; на югѣ поднимается высокое Тибетское плоскогорье. Такимъ образомъ здѣсь рядомъ съ одной изъ самыхъ глубокихъ впадинъ внутренности континентовъ возвышается самая массивная выпуклость земной поверхности.

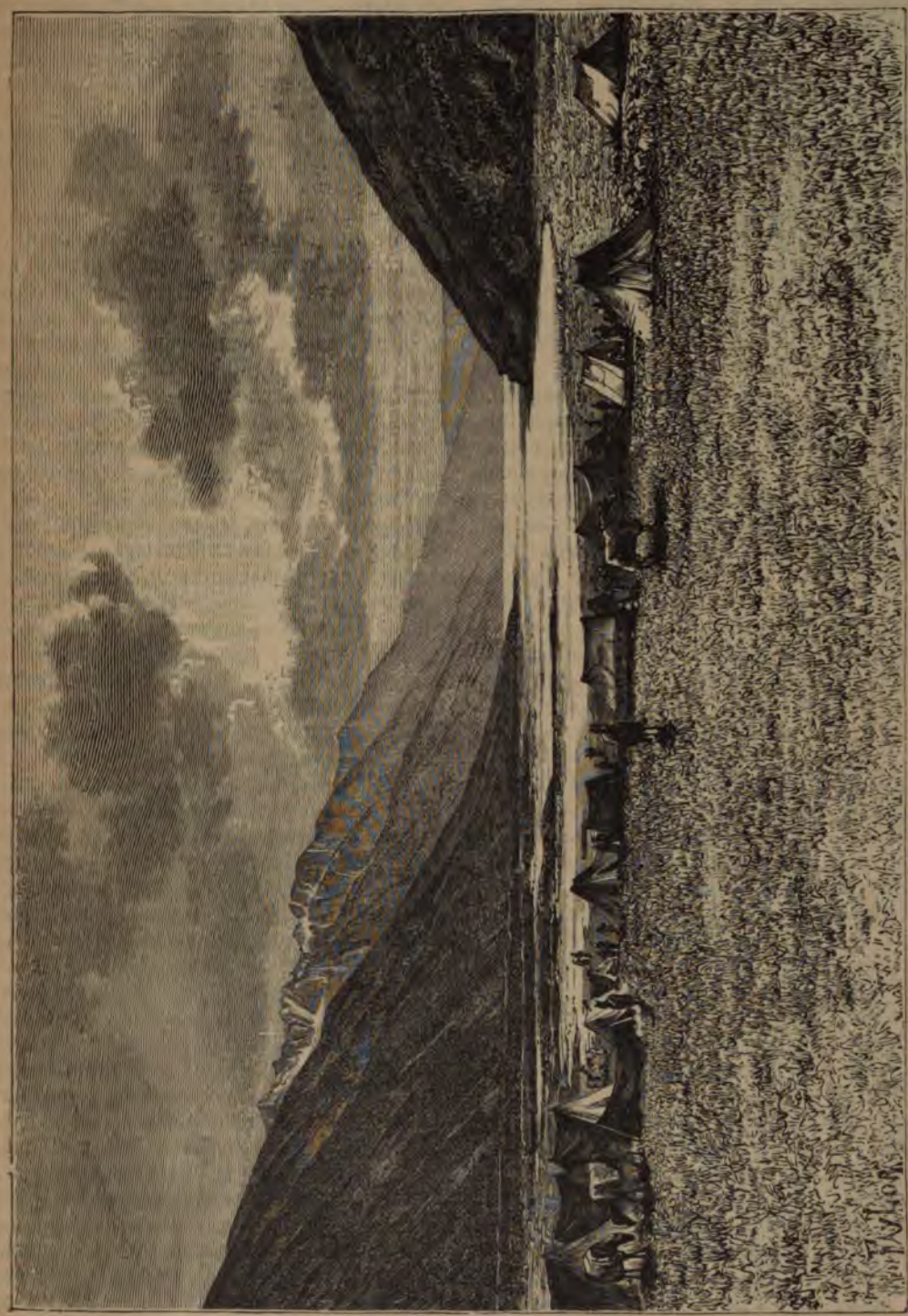
Въ своей совокупности Тибетъ, если не обращать вниманія на неправильности контуровъ, зависящія отъ политическихъ границъ, есть одна изъ наилучше ограниченныхъ естественныхъ областей Стараго Свѣта. Опираясь на сѣверо-западѣ на разрѣзанныя горныя массы, изборожденныя долинами Ладака и Кашмира, Тибетъ постепенно расширяется на юго-востокѣ и востокѣ между главными хребтами азіатскаго континента, Куэнь-лунемъ и Гималаемъ. Такъ же, какъ Памиръ, двѣ большія горныя цѣпи, господствующія на сѣверѣ и на югѣ надъ треугольной массой Тибета, почитаются народами, живущими у ихъ основанія, какъ «крыши міра», какъ «ступеньки на небо», какъ «мѣстопребываніе боговъ». Онѣ рисуются воображенію въ видѣ границы другой земли, которая увѣнчана ярко-блистающей на солнцѣ діадемой снѣговъ и кажется издали какой-то волшебной страной, но которую немногіе путешественники, предпринимавшіе восхожденіе на эти громады горъ, описываютъ какъ страну суроваго холода, снѣжныхъ бурановъ и голода. Поддерживаемое какъ исполинская терраса на высотѣ четырехъ и пяти тысячъ метровъ надъ поверхностью окружающихъ равнинъ, Тибетское плоскогорье занято на большей половинѣ своего протяженія замкнутыми бассейнами, гдѣ разстилаются нѣсколько водныхъ площадей—озеръ и болотъ, вѣроятно, остатки внутреннихъ морей, излишекъ водъ которыхъ вылился черезъ проломы краевыхъ горныхъ цѣпей. Только на разстояніи 1.200 километровъ отъ горныхъ массъ, господствующихъ надъ ними на западѣ, возвышенныя земли Тибета ограничены съ восточной стороны изрубленной закраиной, направляющейся отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. На западѣ отъ этихъ горъ Тибетская плоская возвышенность наклоняется къ востоку и къ юго-востоку, распадаясь на многочисленныя цѣпи, отдѣленныя одна отъ другой рѣчными долинами. А между тѣмъ съ этой стороны плоскогорье еще менѣе доступно, нежели на остальной части его окружности: дикія горныя ущелья, обширные непроходимые лѣса, недостатокъ населенія и, слѣдовательно, съѣстныхъ припасовъ и всякихъ рессурсовъ, останавливаютъ путешественниковъ на этихъ восточныхъ границахъ Тибета; въ послѣднее время ко всѣмъ этимъ препятствіямъ прибавилось еще недоброжелательство китайскихъ властей, всячески затрудняющихъ проходъ иностранцамъ. Если, въ теченіе настоящаго столѣтія, тибетскому правительству удавалось лучше, чѣмъ всѣмъ другимъ азіатскимъ государствамъ, поддерживать политическую уединенность, замкнутость своего народа, то оно обязано этимъ главнымъ образомъ рельефу и природѣ почвы. Тибетъ высится словно неприступная твердыня въ центрѣ Азіи: защитники его могли гораздо легче воспретить входъ въ ихъ крѣпость, чѣмъ защитники Индіи, Китая и Японіи.

Большая часть Тибета до сихъ поръ остается неизслѣдованной, или по крайней мѣрѣ, пути, пройденные католическими миссіонерами, которые посѣщали эту страну, когда входъ въ нее еще не былъ запрещенъ, не могутъ быть начертаны съ полной достовѣрностью. Извѣстно, что въ первой половинѣ четырнадцатаго столѣтія, одинъ монахъ изъ Фріауля, Одорико ди-Порденоне, отправился изъ Китая въ Тибетъ и жилъ нѣкоторое время въ главномъ его городѣ Лассѣ. Три вѣка спустя, въ 1625 и 1626 годахъ, португальскій миссіонеръ Андрада два раза проникалъ въ Тибетъ, гдѣ буддійскіе бонзы оказывали ему радушный пріемъ. Въ 1661 году другіе іезуитскіе патеры, Грюберъ и д'Орвиль, совершили путешествіе изъ Китая въ Индостанъ, проѣхавъ черезъ Лассу. Въ слѣдующемъ столѣтіи тосканецъ Дезидери и португалецъ Маноэль Фрейре, а также и другіе европейскіе путешественники посѣтили столицу Тибета, куда они ѣздили изъ Индіи. Но уже ранѣе капуцины основали въ Лассѣ католическую миссію подъ управленіемъ настоятеля Ораціо делла-Пенна, который провелъ въ этомъ краѣ не менѣе двадцати-двухъ лѣтъ. Въ ту эпоху тибетское правительство позволяло иностранцамъ безпрепятственно проникать въ его владѣнія черезъ горные проходы Гималая, столь ревниво оберегаемые въ наши дни. Одинъ свѣтскій изслѣдователь также прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Лассѣ и отправился оттуда въ Китай, черезъ озеро Куку-норъ, послѣ чего

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ"; — Yule, Marco Polo.

[2]) Klaproth, „Asia Polyglotta"; — Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien"; — Yule и др.

опять вернулся въ Индостанъ, тѣмъ же путемъ, черезъ Лассу. Этотъ путешественникъ былъ голландецъ ванъ-деръ-Путте, котораго знали за человѣка образованнаго и необыкновенно наблюдательнаго; къ сожалѣнію, онъ самъ уничтожилъ свои путевыя записки и карты, опасаясь, чтобы его бумаги, неприведенныя въ порядокъ и невѣрно понятыя, не сдѣлались источникомъ распространенія ошибокъ. Отъ него остались только кое-какія замѣтки и одна рукописная карта, сохраняемыя, какъ драгоцѣнность, въ миддельбургскомъ музеѣ, въ Зеландіи [1]).



Берегъ озера Пангконгъ.
Мѣсто стоянки англійской экспедиціи 1871 года.

Пройденные изслѣдователями пути, точно обозначенные на картѣ съ помощью астроно-

[1]) Cl. Markham, „Tibet, Travels of Bogle and Manning".

мическихъ наблюденій или на основаніи съемокъ посредствомъ компаса и хронометра, еще очень немногочисленны. Англійскіе путешественники и остъ-индскіе чиновники, командируемые правительствомъ полуострова, посѣтили только юго-западную часть страны и верхній бассейнъ р. Цзанбо, на сѣверѣ Непала и Сикима. Юго-восточный Тибетъ былъ объѣханъ французскими миссіонерами; но всѣ сдѣланныя, въ послѣднее время, попытки пробраться въ Тибетъ съ сѣверо-восточной и съ сѣверной стороны имѣли неудачный исходъ. Братья Шлагинтвейты, которые, въ подражаніе титуламъ Дибича «Забалканскаго» и Муравьева «Амурскаго», прибавили къ своей фамиліи странный эпитетъ «Закуэньлуньскаго», чтобы увѣковѣчить память о совершенномъ ими переходѣ черезъ тибетскія горы, видѣли только западную оконечность страны. Русскій путешественникъ, полковникъ Пржевальскій, долженъ былъ дважды вернуться назадъ, не успѣвъ проникнуть во внутренность края; точно также и венгерецъ графъ Бела Сеченьи принужденъ былъ возвратиться, не достигнувъ цѣли. Для всѣхъ областей, которыя еще не были посѣщены англійскими и остъ-индскими геодезистами, нынѣшнія карты Тибета суть не что иное, какъ перепечатки карты, составленной знаменитымъ д'Анвилемъ на основаніи съемокъ, произведенныхъ, по приказанію императора Канъ-си, двумя тибетскими ламами, воспитанниками іезуитскихъ астрономовъ. Однако, и теперь уже пріобрѣтены твердыя опорныя точки для будущихъ изслѣдованій, благодаря геодезическимъ работамъ, предпринятымъ въ послѣднее время на Гималайскихъ горахъ. Въ 1877 году инженеръ Райель даже получилъ позволеніе проникнуть въ верхнюю долину Сетледжа для визированія пиковъ съ ихъ сѣвернаго основанія, и всѣ видимыя вершины этой долины вошли въ его сѣть треугольниковъ [1]). Въ 1889—90 годахъ сѣверную часть Тибетскаго нагорья изслѣдовала экспедиція Пѣвцова. Въ 1895 году страну изслѣдовали Роборовскій и герцогъ Орлеанскій; первый съ сѣвера успѣлъ пробраться до южной границы Куку-нора, второй съ юга до Ассама, а позднѣе англичанинъ Ландоръ достигъ почти самыхъ стѣнъ Лассы. Въ приблизительныхъ границахъ, показанныхъ на нынѣшнихъ картахъ, которыя, постоянно измѣняются во всѣхъ ихъ чертахъ позднѣйшими изслѣдованіями, поверхность Тибета, со включеніемъ бассейна озера Куку - норъ, исчисляется пока, впредь до болѣе точныхъ измѣреній, въ 643.734 квадр. мили [2]), такъ что, слѣдовательно, она въ три слишкомъ раза превосходитъ пространство Франціи; но если прибавимъ къ этому нѣсколько сопредѣльныхъ независимыхъ территорій, часто причисляемыхъ къ тибетскому государству, и всѣ округи, населенные людьми племени бодъ, въ Кашмирѣ и въ китайской Сы-чуани, то оказывается, что общая поверхность страны превосходитъ два милліона квадр. километровъ. По Матусовскому площадь Тибета и области Куку-нора равна 34.819.57 геогр. квадр. миль, а безъ Куку-норскаго края составляетъ около 21.763,03 кв. геогр. мили [1]).

Не считая гористой области западнаго Тибета, которая составляетъ часть владѣній кашмирскаго магараджи, Тибетъ или Бодъ-юлъ дѣлится естественнымъ образомъ на три области: сѣверныя озерныя нагорья, южныя возвышенныя долины, гдѣ рѣки Сетледжъ и Цзанбо текутъ въ противоположныхъ направленіяхъ, слѣдуя та и другая вдоль сѣверной покатости Гималайскихъ горъ, и юго-восточный Тибетъ, разрѣзанный текучими водами на расходящіеся бассейны.

Сѣверная область, самая обширная, но, въ то же время, и наименѣе населенная, состоитъ изъ совокупности замкнутыхъ бассейновъ, которая на югѣ ограничена восточнымъ продолженіемъ цѣпи Кара-корумъ, а на сѣверѣ опирается о могучій Куэнь-лунь. Эта краевая цѣпь плоскогорья, раздѣльный барьеръ между Тибетомъ и бассейномъ Тарима, должна быть, съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Гималаи, разсматриваема какъ составная часть срединнаго хребта Азіи. Это—цѣпь, которая, на востокѣ отъ Памира, продолжаетъ собою горный узелъ Гинду-кушъ, соединяющійся, въ свою очередь, съ орографической «перегородкой» Передней Азіи. Она составляетъ восточную половину раздѣльнаго хребта континента, хребта, который тянется неправильной линіей отъ запада къ востоку, то слѣдуя вдоль плоскогорій въ формѣ краевыхъ цѣпей, то изгибаясь въ видѣ параллельныхъ или слегка сходящихся кряжей, или, наконецъ, поднимаясь въ видѣ отдѣльныхъ горныхъ массъ и группъ. Вѣроятно, что въ своей совокупности Куэнь-лунь и горныя цѣпи, которыми онъ продолжается на востокъ во внутренность Китая, не представляютъ болѣе правильности, какъ центральная ось Азіи, чѣмъ цѣпи западной «перегородки». Впрочемъ, орографія Тибета и Китая еще слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было съ достовѣрностію рѣшить этотъ вопросъ. Разсматривая Куэнь-лунь и его восточное продолженіе какъ одинъ и тотъ же хребетъ, общая его длина, отъ его основаній или корней, въ Памирѣ, до его конечныхъ вѣтвей, между рѣками Хуанъ-хэ и

[1]) „Abstract of the Reports of the Surveys in India for 1877—78".

[2]) Chronicle and Directory 1897 г. стр. 92. Свѣдѣнія о площади Тибета весьма разнорѣчивы: такъ Almanach de Gotha 1898 г. опредѣляетъ площадь въ 1.200.000 кв. километровъ; Ежегодникъ Statesmans year book 1895 г. въ 651.500 кв. миль.

[1]) Матусовскій, стр. 342.

-цзы-цзяномъ, можетъ быть исчисляема близительно въ 4.000 километровъ. Нужно, ако, сказать, что многочисленные проломы, змѣны направленія, пересѣченія разсѣлинъ ступовъ, всякаго рода измѣненія рельефа ивають эту орографическую систему на шое число цѣпей. Горная масса, носящая Куэнь-луня, была извѣстна въ китайской ности, еще въ историческія времена, и есть па величественныхъ горъ, поднимающаяся леко отъ истоковъ Желтой рѣки; но невѣ но, чтобы эта группа могла быть разсма аема какъ центральный узелъ орографиче системы, къ которой географы впослѣд и примѣнили ея названіе. По мѣрѣ того, ь географическое знаніе распространялось остока все далѣе и далѣе на западъ, имя нь - лунь (Кулькунъ, Куркунъ), передви сь въ томъ же направленіи. Оно при вается теперь цѣпи, которую древніе ин кіе переселенцы Кашгаріи называли Ан ., отъ санскритскаго Анаватапта, то-есть освященная», гора холода или тѣни [1]): это нимъ татарскаго наименованія Карангуй- или «сумрачная гора» [2]).

уэнь-лунь, вѣроятно, не имѣетъ вершины, рая бы подымалась до высоты высочай- ъ пиковъ Гималая или даже Каракорума: людения, которыя были сдѣланы доселѣ на ихъ оконечностяхъ этой цѣпи, свѣдѣнія, анныя путешественниками относительно ей Куэнь-луня, еще неизслѣдованныхъ ими, нецъ указанія, даваемыя китайскими кар и документами, позволяютъ вывести за ченіе, что самыя высокія горы земнаго шара но искать не на сѣверѣ Тибета: Джонсонъ, евальскій, Монтгомери, Рихтгофенъ не ду тъ, чтобы хоть одна гора тибетскаго Куэнь- достигала высоты 7.000 метровъ; но за цѣлами Тибета, между Кашмиромъ и стра- Яркендъ, нѣкоторыя вершины поднимаются ѣе, чѣмъ на 7.300 метр. [3]). Около истоковъ Черченъ-Дарья высится горная масса То- -дабанъ, гдѣ собственно такъ называемый нь-лунь выдѣляетъ изъ себя отроги и тер , постепенно понижающіеся къ низменно- которую наполняло древнее Средиземное центральной Азіи [4]). Сѣверная цѣпь но ь названіе Алтынъ-тагъ или «Золотыхъ ь»; предгорья ея выдвигаются почти до са озера Лобъ-норъ. Къ югу отъ этого хреб имѣющаго около 4.000 метр. высоты, тя ся параллельно двѣ другія цѣпи и большой нь-лунь, который продолжаетъ слѣдовать му нормальному направленію отъ запада востоку до Гурбу-найджи, въ сосѣдствѣ оковъ Янъ-цзы-цзяна. Монголы, населяю- щіе цайдамскія равнины, говорятъ, что эта цѣпь горъ представляетъ непрерывный хребетъ, и что вершины ея поднимаются въ разныхъ мѣстахъ за линію постоянныхъ снѣговъ [1]). Уступая Гималаю по возвышенію главныхъ вершинъ, Куэнь-лунь превосходитъ ее по средней высотѣ своей массы и по высотѣ проломовъ, которыми изрубренъ его гребень. При томъ онъ, повидимому, гораздо древнѣе; такъ какъ происхожденіе его относится, вѣроятно, къ болѣе отдаленной геологической эпохѣ, когда Гималайскія горы еще не существовали, то весьма естественно, что выступы его гребня съ теченіемъ времени постепенно стерлись, осыпались, и обломки ихъ были снесены водами и вѣтрами на низины и окружающія плоскогорья. Пройдя всѣ горные хребты, отдѣляющіе Индію отъ бассейна Тарима, путешественникъ Столичка убѣдился, что древнѣйшими каменными породами этой области несомнѣнно должны быть признаны тѣ, изъ которыхъ образована масса Куэнь-луня: онѣ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ сіенитоваго гнейса, и самые новые его осадочные слои принадлежатъ къ тріасу, тогда какъ формаціи Гималая и Каракорума обнимаютъ весь рядъ горныхъ породъ между палеозойскими пластами и эоценовыми образованіями [2]); вообще геологи полагаютъ, что Куэнь-лунь есть первоначальная складка или выпуклость плоской возвышенности, и что южныя горныя массы образовались послѣдовательно послѣ него [3]).

Сравнительныя наблюденія, сдѣланныя на двухъ цѣпяхъ, сѣверной и южной, такъ же, какъ противоположность явленій климата, доказываютъ, что въ цѣломъ Куэнь-лунь не представляетъ того разнообразія видовъ, того величія формъ, какими отличаются Гималайскія горы. Менѣе изрубренный пирамидальными вершинами, менѣе изсѣченный проломами или вырѣзками гребня, онъ высится надъ узкими оазисами его основанія и надъ песками пустыни Гоби, какъ длинный валъ, тамъ и сямъ испещренный полосами снѣга. Несмотря на свою большую среднюю высоту, Куэнь-лунь не можетъ сравниться съ Гималаями по обилію снѣговъ и льдовъ; впрочемъ, по свидѣтельству китайскихъ документовъ и позднѣйшихъ путешественниковъ, тамъ есть настоящіе ледники въ восточной части цѣпи; глетчеры существуютъ также непосредственно на востокѣ отъ верхней долины р. Кара-кашъ. Кромѣ того, скопленія неподвижнаго льда наполняютъ впадины плоскогорья, и горячіе источники способствуютъ образованію ледяныхъ площадей, которыя во многихъ мѣстахъ разстилаются на обширныхъ пространствахъ [4]). Сѣверные вѣ-

) Humboldt, „Asie Centrale".
) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan".
) Henderson, „From Lahore to Yarkand".
) Пржевальскій, „Путешествіе къ озеру Лобъ-Норъ".

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ".
[2]) Stoliczka, „Records of the Geological Survey of India".
[3]) F. von Richthofen, „China".
[4]) Henderson, „From Lahore to Yarkand".

тры, встрѣчая склоны Куэнь - луня, послѣ перехода черезъ равнины сѣверной Азіи являются уже сухими и приносятъ лишь весьма незначительное количество сгущенныхъ паровъ; что касается воздушныхъ теченій, приходящихъ со стороны Индійскаго океана, то почти всѣ приносимые ими атмосферные осадки они оставляютъ, въ видѣ дождя или снѣга, на Гималаѣ и на другихъ горныхъ цѣпяхъ Бутана и южнаго Тибета. Такимъ образомъ остается мало влажности въ воздухѣ, который проносится надъ верхушками Куэнь-луня; ручьи, получающіе начало въ верхнихъ циркахъ этихъ горъ, образуютъ по большей части незначительные потоки, и съ той и съ другой стороны теряются въ пескахъ или болотахъ.

Западная оконечность цѣпи на сѣверѣ отъ Кашмира гораздо богаче струящимися водами, чѣмъ собственно такъ называемый Куэнь-лунь. Въ этой области, группа горныхъ хребтовъ и плоскогорье, на которомъ они расположены, гораздо менѣе широка, нежели въ Тибетѣ, и снѣга и льды достаточно обильны, чтобы образовать на сѣверномъ скатѣ Кара-корума значительныя рѣки, которыя выходятъ черезъ ущелья Куэнь-луня и затѣмъ извиваются въ равнинахъ Хотана и Кашгара. Такъ, Яркендъ-дарья, уже сдѣлавшись могучей рѣкой, прорѣзываетъ толщу юго-восточнаго Памира какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны бы были встрѣтиться продолженные хребты Гинду-куша и Куэнь-луня. Далѣе на востокъ эта послѣдняя цѣпь открывается въ видѣ ущелья глубиною около 3.000 метровъ, чтобы дать проходъ рѣкѣ Кара-кашъ, главному притоку Хотанъ-дарьи. Эта послѣдняя рѣка и сама беретъ начало на югѣ отъ главной оси Куэнь-луня, и должна пролагать себѣ дорогу черезъ ущелье цѣпи, пройдя передъ тѣмъ длинный извилистый путь въ продольной долинѣ; но къ востоку отъ этого потока, на сѣверѣ плоскихъ возвышенностей Тибета, Черченъ-дарья есть единственная рѣка, достаточно многоводная, чтобы соединиться съ другими потоками и образовать большую рѣку, текущую на нѣкоторомъ разстояніи въ равнинахъ. Какъ ни малы теперь эти рѣки, онѣ, однако, совершили въ теченіе вѣковъ громадныя работы размыванія, вырывъ или расчистивъ ворота, черезъ которыя нынѣ путники спускаются съ Тибетскихъ плато къ Таримской низменности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ краевой цѣпи спускъ идетъ такъ отлого и постепенно, вдоль этихъ рѣкъ, что крутизна ската не превышаетъ крутизны обыкновенныхъ дорогъ въ гористыхъ странахъ: по словамъ туземцевъ, жителей Хотана, даже можно было бы сдѣлать въ колесномъ экипажѣ переѣздъ черезъ Куэнь-лунь, — до такой степени эта высокая цѣпь представляетъ пологія покатости и округленные контуры [1]). Одинъ изъ остъ-индскихъ дезистовъ, посланныхъ Монтгомери, мог труда подняться изъ Хотана на западное скогорье Тибета, слѣдуя вверхъ по долинѣ Керія до порога возвышенностей, лежа въ большомъ разстояніи позади цѣпи, на сотѣ 4.875 метровъ. Другіе проходы позво взойти на плоскогорье съ восточной сто такъ какъ чжунгары неоднократно дѣла бѣги на Тибетъ, переходя черезъ степи стыни, простирающіяся на югъ отъ озера норъ. Монгольскіе пилигримы, когда о вляются въ Лассу, тоже избираютъ этотъ

Сѣверное плоскогорье Тибета, необит или посѣщаемое только кочующими пасту въ наибольшей части его протяженія пре вляетъ область наименѣе извѣстную изъ вышенностей Срединнаго царства, и скал хребты, встрѣчающіеся въ этихъ почти стынныхъ пространствахъ, озера и болот полняющія ихъ впадины и низменности, чаются на картахъ единственно на осно старинныхъ китайскихъ документовъ. чемъ и сами тибетцы знаютъ только во части этой страны холода и бурановъ. Н верномъ плоскогорьѣ кочуютъ только но тюркскіе и монгольскіе, со своими стадам бирая мѣста для становищъ на сангах защищенныхъ отъ вѣтровъ пастбищахъ, жихъ на памиры водораздѣльнаго хребта, выпающагося между бассейномъ Аму-да бассейномъ Тарима [2]). Тюркскія племена, стныя обыкновенно подъ именемъ «Горъ «Хоръ», живутъ на западѣ и въ южныхъ стяхъ плоскогорья, между окраиной горъ, подствующихъ надъ долинами верхнихъ токовъ Инда и притоками верхняго Цз Монгольскіе кочевники, которые наимен почти всѣ озера и горы сѣверо-восточнаго бета, носятъ названіе «Сокъ»: они приде ваются обрядовъ шаманизма; однако, о наименованіе жителей этого плоскогорья, требляемое тибетцами,—Хашъ-ленъ или гометане», откуда произошло, быть можетъ Хачи, даваемое этой странѣ; но именамъ д главныхъ группъ племенъ, которыя там селились, ее называютъ также «землей Х сокъ» [3]).

Изъ многочисленныхъ озеръ, разсѣян на плоскогорьѣ Хачи, озера Намуръ, Их муръ и Багха-намуръ, въ западной обл самыя значительныя, если судить по ихъ браженіямъ, которыя даютъ намъ кита карты: совокупность водъ и земель, част топляемыхъ, заключающихся въ этомъ об номъ озерномъ бассейнѣ, продолжается п

[1]) Johnsons, „Journal of the Geographical Soci
[2]) Пундитъ Наинъ-сингъ;—Trotter „Journal Geographical Society", XLVII.
[3]) Cl. Markham, „Mission of G. Bogle to Tibet".

правленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку на пространствѣ 200 слишкомъ километровъ. Каковы бы ни были очертанія и размѣры этихъ водныхъ площадей, рисуемыхъ на картахъ почти что на угадъ на основаніи сомнительныхъ источниковъ, теперь извѣстно, что цѣпь озерныхъ бассейновъ занимаетъ по линіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку большую часть плоской возвышенности Хачи, параллельно пониженію плато, въ которомъ течетъ рѣка Цзанбо. Въ 1874 году пундитъ Найнъ-сингъ посѣтилъ большое число этихъ озеръ, изъ которыхъ многіе, очевидно, не что иное, какъ остатки гораздо болѣе значительныхъ бассейновъ: нѣкоторыя уменьшились до того, что представляютъ теперь не болѣе, какъ грязныя ямы,

Рѣка Ланцангъ-Кіангъ. Хогское ущелье.

покрытыя кристалической плитой, которую ломаютъ рабочіе, чтобы собирать соль. Иныя изъ этихъ озеръ соляныя, другія только солоноваты, тогда какъ большинство тѣхъ, которыя имѣютъ свободное истеченіе, содержатъ совершенно чистую воду. Средняя высота этой области озеръ отъ 4.500 до 4.800 метр.; скаты ея почти вездѣ очень пологи, и, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Памира и Куэнъ-луня, тамъ можно бы было совершенно свободно путешествовать въ колесномъ экипажѣ и даже провести артилерійскіе обозы.

Одно изъ самыхъ значительныхъ, по величинѣ, озеръ этой области то, которое носитъ названіе Дангра-юмъ или «Мать Дангра». Суженное по срединѣ до того, что образуетъ два почти отдѣльные бассейна, это озеро имѣетъ не менѣе 300 километр. въ окружности, и, несмотря на то, благочестивые буддисты изъ окрестной страны и даже изъ Лассы часто предпринимаютъ обходъ вокругъ озера въ религіозной процессіи, который продолжается не менѣе восьми и до двѣнадцати дней, смотря по времени года. Большая гора, которая высится къ югу отъ озера, получила прозвище Тарготъ-Янъ или «Отецъ Тарготъ», и туземцы почитаютъ ее и «Мать Дангру» какъ прародителей Земли: группы горъ, которыя виднѣются въ окрестностяхъ, признаются буддистами за дочерей Таргота и Дангры. «Кора» или полное пилигримство вокругъ этихъ священныхъ мѣстъ, горы и озера, требуетъ около мѣсяца времени и считается однимъ изъ самыхъ душеспасительныхъ актовъ подвижничества, искупающимъ обыкновенные грѣхи. Двѣ такія коры искупаютъ человѣкоубійство, и даже отцеубійца не считается болѣе виновнымъ, когда онъ совершилъ три раза обхожденіе вокругъ «Отца» и «Матери» [1]).

Къ востоку отъ Дангра-юмъ озера слѣдуютъ одно за другимъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ плоскогорья, и большинство ихъ выпускаютъ излишекъ своихъ водъ въ сѣверномъ направленіи, гдѣ находится, говорятъ, самый большой озерный бассейнъ южной области плоскогорья Чоргутъ-чо, который и самъ есть притокъ одной изъ большихъ рѣкъ, спускающихся къ Индійскому океану. Менѣе обширное, нежели Чоргутъ, озеро Тенгри норъ, лежащее на юго-восточномъ углу плоскогорья Хачи, находится уже въ поясѣ Тибета, изслѣдованномъ современными путешественниками, благодаря сосѣдству Лассы, отъ которой оно удалено не болѣе, какъ на сотню километровъ. Расположенное по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, озеро Тенгри-норъ имѣетъ 80 километр. въ длину, при ширинѣ отъ 25 до 40 километровъ: пундитъ, посѣтившій его въ 1872 году, употребилъ четырнадцать дней, чтобы пройти вдоль его сѣверныхъ береговъ. Эта водная площадь, неизвѣстной глубины, и которой отражается небо почти всегда ясное, есть «Небесное озеро» по преимуществу, какъ показываютъ его имена, Тенгри-норъ по-турецки и Намъ-чо по-тибетски. Каждый годъ тысячи пилигримовъ, которыхъ не пугаютъ ни трудности пути, ни опасность подвергнуться нападенію разбойниковъ, стекаются сюда изъ разныхъ мѣстъ, чтобы посѣтить монастырь Доркіа и другія обители, пріютившіяся на высокихъ мысахъ, откуда открывается обширный видъ на лазурную поверхность водъ и на бѣлѣющіе снѣжные пики, окружающіе озеро съ южной и юго-восточной сторонъ. Въ этой священной области благочестивымъ посѣтителямъ все кажется чудеснымъ: тутъ разсѣлина въ скалѣ образовалась оттого, что камень былъ расколотъ богомъ; тамъ пирамида изъ глины, воздвигнутая человѣческими руками, вдругъ растреснулась, чтобы выпустить и дать вознестись на небо душѣ одного ламы, умершаго въ экстазѣ молитвы; даже ископаемыя, камни почитаются священными предметами: богомольцы уносятъ ихъ, какъ реликвіи одной изъ «трехъ сотъ шестидесяти горъ», которымъ поклоняются какъ богамъ, составляющимъ кортежъ главнаго божества, Нинджинъ-тангъ-ла, сплошь покрытаго снѣжной пеленой [1]).

Недавно полагали, что испареніе въ озерѣ Тенгри-норъ вполнѣ достаточно, чтобы уравновѣшивать прибыль воды, доставляемую его притоками; но это мнѣніе оказалось ошибочнымъ. Путешественникъ, объѣхавшій вокругъ этого бассейна зимой 1872 года, не замѣтилъ истока, покрытаго въ это время года, какъ и самое озеро, ледяной плитой; ручей, вытекающій изъ Тенгри-нора на сѣверо-западномъ углу озера, соединяется съ рѣкой, выходящей изъ другаго озернаго бассейна, называемаго Чоргутъ-чо. Въ сосѣдствѣ Тенгри-нора бьютъ изъ земли горячіе ключи, а далѣе на сѣверѣ, въ углубленіи плоской возвышенности, залегаетъ Буль-чо, простирающееся на пространствѣ около шестидесяти квадр. километровъ; нѣкоторые изъ пилигримовъ, соединяющіе благочестіе съ коммерческимъ духомъ, закупаютъ на берегахъ Буль-чо цѣлые грузы буры, которую они продаютъ потомъ въ нижнемъ Тибетѣ и даже отправляютъ за Гималайскія горы. Съ этого же озера прежде получалась частію бура, носившая въ торговлѣ названіе «венеціанской», потому что она очищалась на фабрикахъ Венеціи.

Эти химическія эффлоресценціи свидѣтельствуютъ о рѣдкости дождей и снѣговъ на плоскогорьѣ Хачи. А между тѣмъ непосредствен-

[1]) Пундитъ Найкъ-сингъ; Троттеръ, цитированныя мемуары.

[1]) Cl. Markham, „Journal of Geographical Magazine". 1877.

на востокѣ отъ него находится та замѣчательная область Азіи, гдѣ со всѣхъ сторонъ тъ ручьи и рѣчки, образующія своимъ соединіемъ могучія рѣки. Этотъ контрастъ происходитъ оттого, что край плоскогорья ограниченъ горами, которыя получаютъ атмосферную влагу только на южныхъ скатахъ, обращенныхъ къ морскимъ вѣтрамъ, дующимъ съ юга или юго-востока. Эти горы состоятъ изъ нѣсколькихъ группъ, и на нихъ расположены истоки главнаго бассейна Индійскаго океана, и Янъ-цзы-кіанга. Хотя проломы, образовавшіеся путемъ размыванія, дѣлятъ ихъ на нѣсколько отдѣльныхъ частей, какъ выпуклины порога, но этотъ послѣдній тѣмъ не менѣе почти на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ высоту достаточную для того, чтобы произвести большую разницу въ климатѣ между двумя противоположными покатостями. Неизвѣстно только, принадлежатъ ли горы этого порога къ единственной краевой цѣпи, перерѣзанной на извѣстныхъ разстояніяхъ высокими долинами рѣкъ, или, напротивъ, онѣ составляютъ часть различныхъ хребтовъ, господствующихъ надъ восточной оконечностью плоскогорья. Рихтгофенъ принимаетъ первую изъ этихъ гипотезъ, допуская существованіе какой поперечной орографической системы, соединяющей горы южнаго Тибета съ горами Нянь-луня: онъ даже далъ этой предполагаемой цѣпи названіе Танъ-ла (слово ла обыкновенно означаетъ «перевалъ, горный проходъ»; въ восточномъ Тибетѣ этотъ терминъ не только примѣняется къ горамъ и даже къ цѣлымъ цѣпямъ), по имени одной группы вершинъ, возвышающихся на юго-восточномъ углу плоскогорья, къ югу отъ озера Тенгри-норъ. Такимъ образомъ, основываясь на томъ, что болѣе или менѣе извѣстно о верхнемъ теченіи рѣкъ, можно, повидимому, заключить, что промежуточныя горы ориентированы такъ, что образуютъ параллельные хребты, расположенные всѣ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и раздѣленные другъ отъ друга широкими и глубокими пониженіями гребня. Дороги, по которымъ слѣдуютъ караваны изъ Тибета въ Монголію, проходятъ послѣдовательно черезъ эти три параллельные хребты.

Хребетъ Танъ-ла, черезъ который миссіонеры Гюкъ и Габе съ такимъ трудомъ перебрались во время своего путешествія изъ области Нагчу-норъ въ Лассу [1]), есть самая южная изъ этихъ параллельныхъ цѣпей и соединяется своей западной оконечностью съ той группой Танъ-ла, въ которой Рихтгофенъ усматриваетъ одну точку краевой цѣпи плоскогорья; оба названія, кажется, одно и то же слово, различно выговариваемое туземцами разныхъ странъ. Гюкъ говоритъ о хребтѣ Танъ-ла, какъ о горѣ, которая, можетъ быть, представляетъ «самую возвышенную точку земнаго шара»; но полковникъ Пржевальскій, во время своего третьяго путешествія въ западныя области Китайской имперіи, тоже совершилъ восхожденіе по внушающимъ такой страхъ скатамъ хребта Танъ-ла и могъ опредѣлить высоту его, которая оказалась 5.120 метр., такъ что, слѣдовательно, эти горы на 1.000 метровъ ниже другихъ, часто посѣщаемыхъ, переваловъ. На верхнемъ плато растутъ еще пучки короткой и деревянистой травы, которую щиплютъ верблюды. Господствуя надъ цѣлымъ міромъ горъ, которыя ему служатъ ступенями, хребетъ Танъ-ла отличается мягкими очертаніями, правильными формами и составляетъ рѣзкій контрастъ съ остроконечными и зубчатыми вершинами горныхъ массъ, которыя высятся на горизонтѣ. У основанія этой цѣпи, съ южной стороны, бьютъ изъ земли многочисленные горячіе источники, клокочущіе въ своихъ каменныхъ водоемахъ и соединяющіеся въ широкій ручей, который течетъ въ руслѣ, выложенномъ желтыми, какъ золото, голышами. Густые пары постоянно поднимаются клубами надъ этими источниками и сгущаются въ бѣловатыя облака, уносимыя вѣтромъ. Въ нѣкоторыхъ резервуарахъ спертый паръ по временамъ вырывается высокой струей, увлекая со собой огромный столбъ воды, подобный жидкимъ колоннамъ исландскихъ гейзеровъ и фонтановъ Національнаго Парка въ Соединенныхъ Штатахъ.

Южный Тибетъ, та область плоскогорья, гдѣ выстроились города, гдѣ нація постепенно сформировалась, и гдѣ она развила свою культуру, представляетъ сравнительно защищенную горами низменность, которая продолжается на югѣ отъ плоскогорья Хачи. Въ обыкновенномъ языкѣ къ одной только этой части загималайскихъ возвышенностей примѣняется наименованіе Тибета. Хотя воды текутъ тамъ въ противоположномъ направленіи, съ одной стороны къ индо-персидскимъ морямъ, съ другой—къ Бенгальскому заливу, тѣмъ не менѣе эта продольная долина самая обширная и, въ то же время, самая величественная въ свѣтѣ, благодаря громадамъ горъ, между которыми она заключена. Но эта длинная низменность или впадина, которая тянется въ видѣ дуги круга, параллельно Гималайскому хребту, не есть правильная равнина, или простой ровъ, ограничивающій съ южной и юго-западной стороны плоскогорье Хачи; это, напротивъ, цѣлая горная страна, гдѣ цѣпи и гряды вершинъ ориентированы по большей части въ томъ же направленіи, какъ и Гималайскія горы.

Цѣпь, господствующая съ сѣверной стороны надъ низменностію, собственно, такъ называемаго Тибета, и которая образуетъ, въ то же время, южную окраину нагорья Хачи, мо-

[1]) „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine".

жетъ быть разсматриваема какъ продолженіе Кара-корума. Къ востоку отъ Кашмира и Ладака этотъ хребетъ поворачиваетъ на юго-западъ, параллельно Гималаю, и выдѣляетъ изъ себя влѣво нѣсколько отроговъ, которые, въ концѣ концовъ, сливаются съ плоскогорьемъ, тогда какъ главная цѣпь, изрытая оврагами, прорѣзываемая притоками рѣки Цзанбо и притоками нѣкоторыхъ замкнутыхъ бассейновъ и, наконецъ, на востокѣ, данниками большихъ восточныхъ рѣкъ, продолжается до соединенія съ хребтомъ Нинъ-чэнъ-танъ-ла, который она встрѣчаетъ на югѣ отъ озера Тенгри-норъ. Позади этой цѣпи поднимаются многія высокія массы горъ, между прочимъ, цѣпь Таргокъ-япъ, которая господствуетъ надъ озеромъ Данграюмъ, и которую изслѣдователь этой страны, пундитъ Пайнъ-сингъ, считаетъ самой возвышенной группой во всей области плоскогорій на сѣверѣ отъ Гималайскихъ горъ. Далѣе на востокъ, горная масса Гіахарма также омываетъ свое основаніе въ водахъ большаго озера, называемаго Ніярингъ-чо, и отдѣлена отъ южной краевой цѣпи долиной рѣки Думфу, одного изъ притоковъ Ньяринга. Вершины, достигающія высоты отъ 6.500 до 7.000 метровъ, вѣнчаютъ горную цѣпь, вдоль которой слѣдуетъ теченіе рѣки Цзанбо, и которая здѣсь еще не имѣетъ окончательно установившагося и общепринятаго названія. Какое имя выбрать между различными, употребляемыми нынѣ названіями? Слѣдуетъ ли оставить за этой тибетской цѣпью, какъ это дѣлаютъ братья Шлагинтвейтъ, турецкое наименованіе «Кара-корумъ», принадлежащее болѣе спеціально хребту, отдѣляющему Кашмиръ отъ возвышенной долины рѣки Яркендъ-дарья? Или не лучше ли было бы, какъ предлагаетъ Годсонъ, называть ее Нинъ-чэнъ-танъ-ла, сходно съ именемъ величественнаго пика, господствующаго надъ озеромъ Тенгри-норъ? Но эта одноименность не введетъ ли безполезной путаницы въ географическую номенклатуру Тибета? Точно также не слѣдуетъ ли устранить тибетское имя Гангри или «Снѣжная гора», которое уже употребляютъ для разныхъ вершинъ западнаго Тибета? Клапротъ предложилъ наименованіе Гангъ-дисъ-ри, принятое Маркгамомъ, тогда какъ Петерманъ и другіе географы, цѣпи и хребты, лежащіе на югъ отъ плоской возвышенности, называютъ просто «Цзанскими горами», по имени тибетской провинціи Цзанъ, которую эти горы защищаютъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Другая цѣпь горъ и вершинъ, которую можно было назвать «Загималайскимъ хребтомъ», тянется между Цзанъ или Гангъ-дисъ-ри и блистающими пиками Гималая, и съ обѣихъ сторонъ ея спускаются ледники [1]). Такимъ образомъ низменность южнаго Тибета раздѣлена въ продольномъ направленіи, отъ запада къ востоку, на два второстепенныя понижения, параллельныя одно другому. Средняя цѣпь, составляющая продолженіе одного изъ хребтов Ладакскаго «Малаго Тибета», поднимается своими высокими лангурами или покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ пиками, на югѣ отъ долины Сетледжа, затѣмъ на югѣ отъ долины Цзанбо. Уступая по высотѣ Гималайскимъ горамъ, эта цѣпь имѣетъ болѣе важное значеніе какъ водораздѣльная возвышенность, и текучія воды прорѣзываютъ ее менѣе многочисленными поперечными долинами: на протяженіи около 800 километровъ Загималайскія горы совершенно ограничиваютъ бассейнъ Цзанбо какъ водораздѣльный хребетъ, тогда какъ высокая южная цѣпь, прерываемая глубокими проломами, пропускаетъ къ равнинамъ Ганга многія рѣки, получившія начало въ бассейнахъ, открывающихся на сѣверѣ отъ его гребня. Тѣмъ не менѣе всѣ воды этихъ возвышенныхъ странъ находятъ дорогу къ морю, и большія впадины промежуточныхъ плоскогорій наполнены озерами безъ истеченія, каковы, напримѣръ, Чомто-донгъ и Пальгу-чо. По сообщенію одного индусскаго пундита, вода въ озерѣ Чомто-донгъ совершенно чистая и прѣсная [1]), изъ чего нужно заключить, что истокъ существовалъ еще въ недавнюю эпоху. Всѣ эти горы переходимы, даже черезъ тѣ вырѣзки гребня или перевалы, которые на 500 или на 1.000 метровъ превосходятъ высоту Монъ-Блана.

Различныя высоты озернаго плоскогорья, цѣпи Гангъ-дисъ-ри и Загималайскаго хребта суть:

Озерное нагорье. Токъ-ялунгъ, самое высокое въ свѣтѣ обитаемое мѣсто—4.980 (?) метр.; Таргокъ-япъ, высочайшій пикъ цѣпи Таргокъ-лехъ—7.500 (?) метр.; озеро Данграюмъ—4.600 (?) метр.; пикъ Гьяхарма—6.430 метр.; Тенгри-норъ (Небесное озеро)—4.693 метр.

Цѣпь Гангъ-дисъ-ри на сѣверъ отъ долины Цзанбо. Маріамъ-ла (перевалъ Маріамъ)—4.725 метр.; Хоморангъ-ла—5.721 метр.; Кайласъ или Тиссъ—6.700 метр.; Нинъ-чэнъ-танъ-ла—(7.192?) (7.280?)—7.625 (?) метр.; перевалъ, на западъ отъ этой горы—5.760 метр.; Бакнакскій перевалъ, на сѣверъ отъ Лассы—5.440 метр.

Загималайскій хребетъ. Снѣжный пикъ или «лангуръ», на юго-западъ отъ Джангламе—7.520 метр.; Тунглунгъ-ла—5.630 метр.; Лагулунгъ-ла—4.941 метр.; Хамба-ла, на юго-западъ отъ Лассы—5.240 метр.; озеро Пальти—4.125 метр.; Хоро-ла, на западъ отъ озера Пальти—5.100 метр.

Область Тибета, въ которой берутъ начало рѣки Сетледжъ и Цзанбо, есть одна изъ священныхъ земель браминовъ и буддистовъ; это

[1]) *Manning*, „Mission to Tibet"; — Markham „Tibet".

[1]) Montgomerie, „Mittheilungen von Petermann", 1875.

лагословѣніе народовъ вытекаетъ, безъ сомнѣ-
ія, изъ сознанія важности страны съ геогра-
ической точки зрѣнія. Поперечный порогъ.
ъ, соединяющій Гималаи съ Гангъ-дисъ-ри, и че-
езъ эту цѣпь со всѣмъ Тибетскимъ нагорьемъ,

Тибета, самая обширная на земномъ шарѣ, свя-
зана съ высочайшей въ свѣтѣ цѣпью, съ Гима-
лайскими горами. На сѣверо-западъ отъ этого
раздѣльнаго порога высится гора, называемая
тибетцами Тиссъ, а индусами Кайласъ, пира-

Ovis Ammon. Ibex Sibirica. Ovis Nahura. Овца Маркуа.

важенъ не только какъ мѣсто необходимаго пе-
рехода между двумя большими долинами, про-
должающимися далеко черезъ разныя страны,
онъ важенъ также, какъ корень или узелъ, по-
средствомъ котораго плоская возвышенность

мидальная масса которой стоитъ уединенно,
отдѣльно отъ другихъ горъ цѣпи Гангъ-дисъ-
ри. Когда индусъ замѣтитъ издали обрисовы-
вающійся на горизонтѣ высокій гребень этой
священной горы, форма котораго похожа на

пагоду въ развалинахъ [1]), онъ семь разъ падаетъ ницъ и семь разъ воздѣваетъ руки къ небу: въ его глазахъ это жилище Магадео или Великаго Бога, первый и самый величественный изъ всѣхъ Олимповъ, на вершинѣ которыхъ народы, на каждой изъ послѣдовательныхъ станцій при ихъ движеніи на западъ, видѣли сіяніе ослѣпительнаго свѣта ихъ божествъ; эта гора Меру древнихъ индусовъ, пестикъ символическаго цвѣтка лотоса, изображающаго собою міръ [2]). Тибетскіе ламы не уступаютъ индусскимъ іоги въ выраженіи благоговѣнія къ священной горѣ, и самые смѣлые изъ нихъ предпринимаютъ пилигримство вокругъ Кайласа, совершаемое черезъ снѣга, скалы и груды обвалившихся камней, и продолжающееся по нѣскольку дней [3]), у подножія этой горы съ четырьмя фасадами, изъ которыхъ «одинъ золотой, другой серебряный, третій рубиновый, четвертый изъ лазуревaго камня», былъ построенъ первый буддійскій монастырь Тибетскаго плоскогорья, за два столѣтія до начала христіанской эры [4]). Индусскія легенды, впрочемъ, сильно расходящіяся въ подробностяхъ, согласны въ томъ, что всѣ онѣ ищутъ по близости Кайласа или даже въ его бокахъ таинственные гроты, изъ которыхъ вызываются на свѣтъ четыре божественныя животныя, слонъ, левъ, корова и лошадь,—по словамъ другихъ павлинъ,—символы четырехъ большихъ рѣкъ, Сетледжа, Инда, Ганга и Цзанбо. Эти могучіе потоки, спускающіеся къ четыремъ разнымъ точкамъ горизонта, дѣйствительно берутъ начало если не на склонахъ одной и той же горы, то по крайней мѣрѣ на пространствѣ, которое, вѣроятно, имѣетъ, отъ юга на сѣверъ, не болѣе сотни километровъ протяженія. Алакнанда, Карнали и разныя другія рѣки, изъ соединенія которыхъ образуется Гангъ, рѣка божественная для браминовъ, вытекаютъ изъ земли на индусской покатости Гималайскихъ горъ, а Индъ получаетъ свои первыя воды изъ сѣверныхъ снѣговъ цѣпи Гангъ-дисъ-ри. Но между этими двумя крайними точками, отдѣленными одна отъ другой двумя хребтами горъ, открывается та глубокая впадина или низменность, гдѣ образуются и текутъ въ противоположномъ направленіи двѣ другія большія рѣки: Сетледжъ и Цзанбо.

Порогъ долины съ двойной покатостью, служащій водораздѣломъ между двумя бассейнами и соединяющій въ поперечномъ направленіи Гималайскія горы и цѣпь Гангъ-дисъ-ри, имѣетъ незначительное относительное возвышеніе при основаніи горныхъ вершинъ, которыя поднимаются на 2.000 метровъ выше, чѣмъ гора Кайласъ, и даже на 3.000 метровъ, чѣмъ гималайскій пикъ Гурла или Мандгата, повышенія почвы сливаются съ сосѣдними высотами, такъ что не безъ труда можно различить водораздѣльный хребетъ. Впадины этой долины наполнены озерами и прудами, залегающими почти на такой же или немного меньшей высотѣ, какъ и порогъ, и спускъ отъ одной изъ этихъ водныхъ площадей къ другой идетъ по отлогимъ скатамъ. Весьма вѣроятно, что въ предшествующую геологическую эпоху вся низменность, которая тянется въ видѣ полумѣсяца вдоль сѣвернаго склона Гималая, была наполнена водами, и что нынѣшнія озера, разсѣянныя въ бассейнѣ, суть не что иное, какъ остатки большаго альпійскаго озера прежнихъ временъ. По замѣчательному параллелизму, эта длинная нѣкогда озерная долина развертывается въ томъ же направленіи, какъ цѣпь озеръ полуденнаго плоскогорья Хачи, отъ Данграюмъ до Тенгри-норъ. Въ этой низменности тоже получаютъ начало двѣ большія рѣки, текущія въ противоположномъ направленіи: съ одной стороны Индъ, съ другой таинственный потокъ, изъ котораго, вѣроятно, образуется рѣка Салуэнъ.

Наименѣе покатая половина южной впадины Тибета та, въ которую изливаются воды Сетледжа. Первую ея террасу, въ сосѣдствѣ съ порогомъ, занимаетъ озеро, тсо или чо Конгкіо, водная площадь безъ истеченія, сдѣлавшаяся соленой, какъ почти всѣ замкнутыя озера. Въ окрестностяхъ разсѣяно нѣсколько другихъ прудовъ, наполненныхъ соленой водой, но два главные бассейна этой долины, Мансароваръ и Ракасъ-таль, прѣсноводныя озера, соединенныя постояннымъ ручьемъ, приносящимъ Сетледжу божественную струю, ибо Мансароваръ, Манаса-саровара индусскихъ легендъ, есть «озеро, образовавшееся изъ дыханія Брамы [1]) (по Мурофту, названіе Манаса-саровара означаетъ просто «Священное озеро»; тибетцы называютъ его «чо Мапангъ»). Лебеди, почитаемые какъ блаженныя существа, плаваютъ тысячами на голубыхъ водахъ этого священнаго озера. Тамъ и сямъ на окрестныхъ пригоркахъ виднѣются домики пилигримовъ, ибо, несмотря на опасности путешествія и климата, благочестивые пустынники не боятся проводить по нѣскольку мѣсяцевъ въ этихъ страшныхъ необитаемыхъ мѣстахъ: тѣ изъ нихъ, которые умираютъ въ дорогѣ, утѣшаютъ себя мыслію, что ихъ пепелъ будетъ брошенъ въ эту воду, «самую святую на землѣ», и это составляетъ для нихъ высшую награду за подвижничество. Прежде говорили, что Гангъ вытекаетъ изъ

[1]) Ryall, „Surveys in India for 1877—78".
[2]) Moorcroft, „Asiatic Researches", XII; — Carl Ritter, „Asien".
[3]) Наіпъ-сингъ; — Trotter, „Journal of the Geographical Society", vol. XLVII, 1877.
[4]) Lassen, „Indische Alterthumskunde"; — Emil Schlagintweit, „*Buddhism in Tibet*".

[1]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

ра Мансароваръ, и это преданіе было санкнировано на нѣкоторое время разсказами
итовъ [1]) и картой д'Анвиля. Муркрофтъ
вый доказалъ, что истоки Ганга находятся
внѣшнемъ склонѣ Гималайскихъ горъ. Еще
на этихъ высотахъ сходились враждебныя
пи и вступали въ кровопролитный бой: такъ,
декабрѣ 1841 года китайцы разбили здѣсь
голову кашмирскихъ догровъ и преслѣдова-
ихъ вплоть до Леха, въ индійскомъ Тибетѣ.
По выходѣ изъ озера Ракасъ-таль, называе-
о тибетцами Ланагу-ланка, Сетледжъ, Са-
ду или Сатадру, иногда пересыхаетъ въ
цѣ лѣта: постоянное теченіе эта рѣка имѣетъ
ько ниже въ долинѣ, гдѣ она начинаетъ
кладывать себѣ дорогу черезъ обломки
лъ. Эта долина, лежащая на высотѣ 4.500
ровъ, есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ
тѣ своими теплыми источниками, изъ кото-
къ одни сѣрнистые, другіе инкрустирующіе:
омные пласты скалъ были отложены въ те-
іе вѣковъ этими минеральными водами; въ
которыхъ мѣстахъ только и видишь что эти
вертинскіе туфы, образованные дымящими-
источниками. Какъ во многихъ другихъ
астяхъ Тибета, который, однако, нигдѣ не
ржитъ вулканическихъ породъ, здѣсь тоже
етаютъ изъ земли струи паровъ, сѣрни-
я фумароллы [2]).

Общая покатость верхняго бассейна Сетлед-
сохраняетъ почти одинаковый уклонъ на
й тибетской территоріи. Близъ того мѣста,
рѣка прорывается черезъ тѣснины Гима-
скихъ горъ къ равнинамъ Индостана, уро-
ь террасъ, окаймляющихъ ее справа и слѣва,
жится на 4.500 метрахъ, какъ на Мансаро-
скомъ порогѣ, въ 300 километрахъ выше
о пункта, и мѣстность тутъ такъ же пу-
нна, такъ же лишена всякой растительности,
исключеніемъ только защищенныхъ отъ вѣ-
лощинъ. Сетледжъ вырылъ себѣ въ этихъ
расахъ озернаго происхожденія ущелья въ
и даже въ 500 метровъ глубиною, которыя,
ако, не достигаютъ до живой скалы дна [3]).
кдый впадающій въ эту рѣку горный потокъ
женъ, какъ и самъ Сетледжъ, открыть себѣ
ходъ черезъ каменныя глыбы и пласты
ны, и такимъ образомъ вся территорія пред-
ляется изрѣзанной на огромные овраги.
этихъ-то оврагахъ, либо по берегамъ ручь-
, либо даже на каменистыхъ откосахъ, рѣд-
обитатели страны устроили свои жилища,
менныя или постоянныя. Такъ, Даба, глав-
городъ тибетской долины Сетледжа, за-
аетъ стѣны пропасти около 100 метровъ
биной, открывающейся въ пластахъ камней
ины, которые господствуютъ надъ теченіемъ
одного изъ притоковъ Сетледжа. Въ этомъ мѣ-
стѣ воды и снѣга изрѣзали стѣны ущелья въ
фантастическія формы башенъ, бастіоновъ, пи-
рамидъ, обелисковъ. Въ самыхъ твердыхъ ча-
стяхъ этихъ стѣнъ открываются гроты, вырытые
рукой человѣка: это жилища и склады обита-
телей Дабы. Нѣсколько каменныхъ двухъ-этаж-
ныхъ домовъ прерываютъ тамъ и сямъ своими
бѣлыми фасадами красноватые крутые откосы,
а въ верхней части города расположенъ квар-
талъ ламъ, образующій нѣчто въ родѣ цитадели,
надъ которой господствуютъ неприступныя стѣ-
ны горы; единственныя ворота, открытыя въ
нижнемъ кварталѣ, даютъ доступъ жителямъ.
Зимой городъ Даба совершенно пустѣетъ;
оврагъ наполняется снѣгомъ, и кучки домовъ
исчезаютъ подъ снѣжными хлопьями, кружи-
мыми вѣтромъ; съ наступленіемъ весны нужно
очищать входъ въ пещеры отъ остатковъ ла-
винъ, гдѣ снѣгъ перемѣшанъ съ грязью и ка-
меньями [1]). Изрытые теперь глубокими овра-
гами обломки, которые засыпали обширное озе-
ро, принадлежатъ къ третичной и потретичной
эпохамъ, и заключаютъ въ себѣ много ископае-
мыхъ, равно какъ и костяки большихъ позво-
ночныхъ животныхъ. Слѣдовательно, цѣлая
фауна успѣла развиться и исчезнуть въ теченіе
вѣковъ, употребленныхъ камнями и землистыми
осадками на засореніе внутренняго моря, оста-
токъ котораго опорожнился черезъ проломъ въ
Гималайскомъ хребтѣ, по которому текутъ
стремнины Сетледжа.

Многія изъ рѣкъ, берущихъ начало на сѣ-
верной сторонѣ цѣпи Гангъ-дисъ-ри, счита-
лись прежде туземными жителями главнымъ
истокомъ Синда или Инда, и ко всѣмъ этимъ
рѣкамъ примѣняли миѳическое названіе Сенгс-
хабадъ, «рѣка, вышедшая изъ пасти льва».
Ихъ называли также Сингичу или «Львиный
потокъ», — имя, которое мы находимъ въ
древнемъ санскритскомъ наименованіи Синга,
слегка измѣненномъ въ наши дни. Изслѣдова-
нія, произведенныя въ новѣйшее время англо-
индійскими геодезистами, доказали, что между
этими рѣками истиннымъ Индомъ нужно счи-
тать ту, которая получаетъ начало — далѣе
на востокъ, недалеко отъ сѣверной покатости
горы Маріамъ-ла: изъ всѣхъ потоковъ, кото-
рые соединяются въ общемъ руслѣ Инда выше
того мѣста, гдѣ онъ вступаетъ въ предѣлы Кашмирскаго царства, это самый длинный и са-
мый многоводный. Гартунгъ или рѣка Гар-
токъ соединяется съ Индомъ еще на тибетской
территоріи и увеличиваетъ его объемъ почти
въ два раза.

Явленія постепеннаго высыханія, которыя,
со временъ озернаго періода, слѣдовавшаго за
ледяной эпохой, низвели прѣсноводныя озера

[1]) Du Halde, „Description de la Chine".
[2]) Moorcroft, „Asiatic Researches";—Carl Ritter, „Die
unde von Asien".
[3]) Hermann von Schlagintweit, цитиров. сочиненіе.

[1]) Moorcroft, „Asiatic Researches";—Bennet, „Journal
of Geographical Society".

Монтгомери, отъ 681 до 993 куб. метровъ). Но плоскіе берега, покрываемые водами весенняго разлива въ продолженіе мѣсяцевъ мая, іюня и іюля, тянутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ отъ ложа, занимаемаго въ періодъ мелководья, и тогда масса катимой рѣкою воды, безъ сомнѣнія, достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ кубич. метровъ, можетъ быть, 20.000 метровъ въ секунду, если даже во время разлива уровень воды повышается только на 5 метровъ, какъ разсказываютъ туземцы. Цзанбо, который принимаетъ въ себя еще, ниже Четана, въ восточномъ Тибетѣ, большое число многоводныхъ рѣкъ, и который долженъ проходить въ этой части своего теченія черезъ одну изъ самыхъ сырыхъ странъ земнаго шара, приноситъ, слѣдовательно, огромную жидкую массу въ Индійскій океанъ. Путешественникъ Франсисъ Гарнье высказалъ предположеніе, что юго-восточная часть Тибета, черезъ которую проходитъ Цзанбо, занята известковыми горами, изрытыми пещерами въ родѣ тѣхъ, какія онъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ Китая и Индо-Китая, и что эта рѣка, текущая отчасти въ глубинахъ земли, дѣлится между нѣсколькими бассейнами [1]); однако, то немногое, что мы знаемъ до сихъ поръ о геологіи восточнаго Тибета, противорѣчитъ этой гипотезѣ: известняки показываются только на окраинахъ Юнь-наня, остальная же часть страны состоитъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, прикрытыхъ ледниковыми глинами [2]).

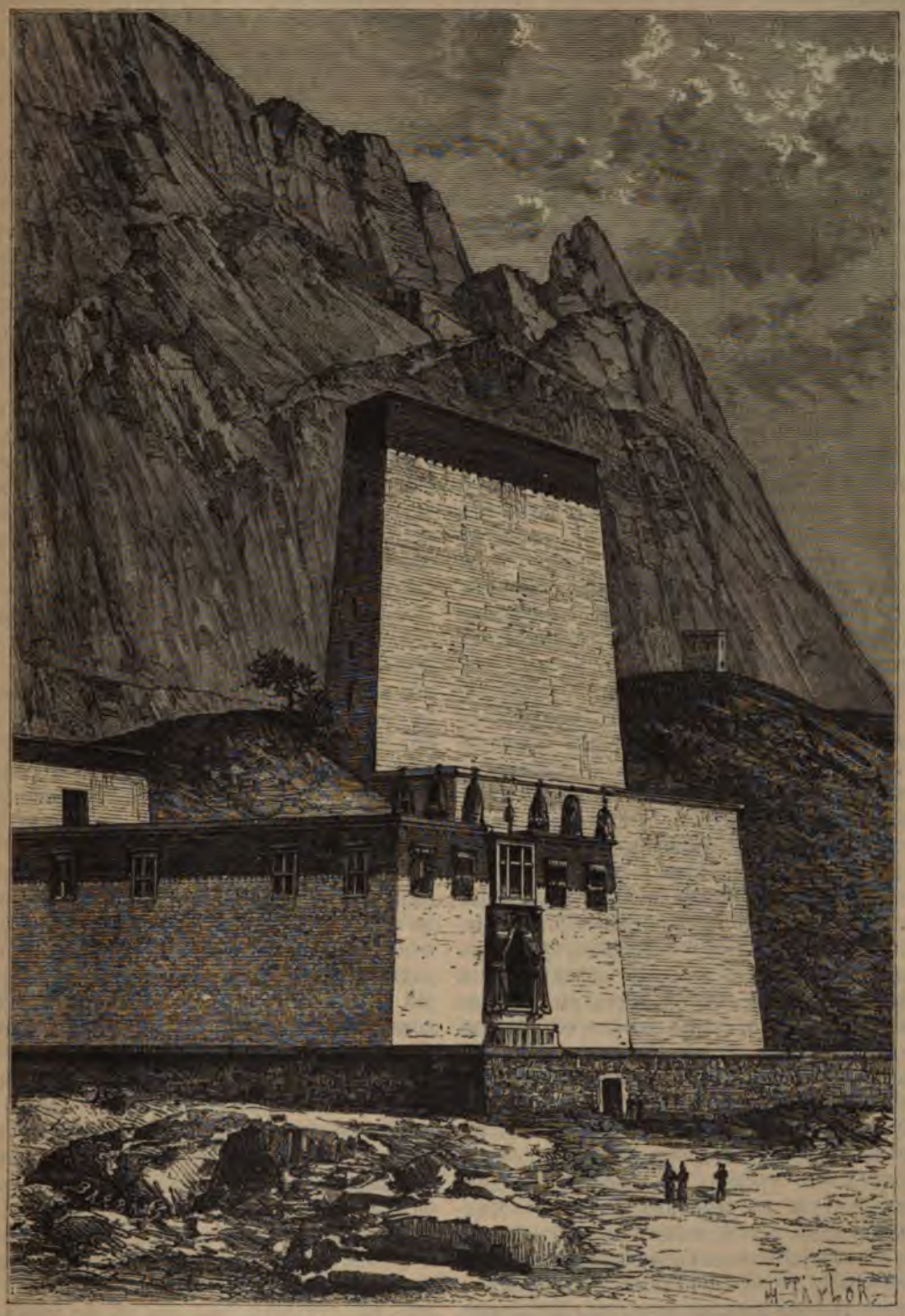
Какъ бы то ни было, ни одинъ изслѣдователь, даже ни одинъ туземецъ, по крайней мѣрѣ между тѣми, которыхъ разспрашивали путешественники, не прослѣдилъ нижняго теченія Цзанбо далѣе того пункта, котораго достигъ упомянутый посланный инженера Гармена, потому географы принуждены довольствоваться гипотезами по этому вопросу, безспорно капитальной важности. Что становится со «Святой водой» послѣ того, какъ она выходитъ изъ своей тибетской долины? Въ 1721 году миссіонеръ Регисъ, который велѣлъ составить карту страны, по приказанію китайскаго Канъ-си, говоритъ, что, «достовѣрно ничего неизвѣстно относительно мѣста, куда изливается эта рѣка»; онъ узналъ только, что она течетъ въ Бенгальскій заливъ, «около Арракана или близъ впаденія Ганга въ Моголъ» [3]). Д'Анвиль, пользуясь картой тибетскихъ ламъ и документами, доставленными ему миссіонерами, начертилъ теченіе Цзанбо такимъ образомъ, что оно должно продолжаться, въ королевствѣ Ава, рѣкой Ирравадди. Реннель, напротивъ, отождествляетъ Цзанбо съ Брамапутрой, и его гипотеза въ настоящее время подтвердилась. Нѣкоторые географы, напримѣръ, Генри Юль, спрашиваютъ, не можетъ ли этотъ вопросъ считаться уже окончательно разрѣшеннымъ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія Юль приводитъ слѣдующій фактъ, который ему кажется рѣшающимъ. Въ 1854 году два католическіе миссіонера, пытавшіеся пробраться изъ верхняго Ассама въ Тибетъ, были убиты туземцами одного изъ колѣнъ племени миншми. Одинъ епископъ, проживавшій въ то время въ тибетскомъ княжествѣ, присоединенномъ къ Китаю, писалъ, что тибетцы разсказывали ему объ этой драмѣ, какъ о происшествіи, имѣвшемъ мѣсто на берегахъ Гаши или Канпу, «притока Ирравадди», который течетъ на сѣверѣ отъ Цзанбо. Но извѣстно достовѣрно, что миссіонеры были умерщвлены на берегахъ Лохита или восточной Брамапутры, такъ какъ туда былъ отправленъ англійскій отрядъ, чтобы отомстить за нихъ и захватить убійцъ. Изъ этого Юль выводитъ такое заключеніе, что Лохитъ есть несомнѣнно продолженіе Гакпо, и что эта рѣка, описывая извилину на востокѣ отъ Цзанбо, заключаетъ, такъ сказать, эту послѣднюю рѣку въ своей большей кривой; слѣдовательно, Цзанбо не можетъ направляться къ Ирравадди, и гипотеза д'Анвиля и Клапрота должна считаться окончательно опровергнутой [1]). Спрашивается, однако, можетъ ли смутный слухъ, переданный неизвѣстными лицами относительно сомнительнаго названія рѣки, дать подобную географическую достовѣрность?

Сторонники гипотезы Реннеля долго спорили о томъ, какую рѣку, въ провинціи Ассамъ, слѣдуетъ считать главной и несущей въ Брамапутру воды тибетской рѣки Цзанбо? Будетъ ли это Дихонгъ, Дибонгъ, Субансири или какой-либо другой притокъ? Большинство географовъ, по крайней мѣрѣ между англичанами, за исключеніемъ Фергюссона [2]) и Гордона [3]), высказались въ пользу Дихонга, послѣ того, какъ Уилькоксъ и Борльтонъ, поднявшись по нижнему теченію этой рѣки, въ 1825 и 1826 годахъ, доказали, что она есть несомнѣнно главная вѣтвь Брамапутры. Однако, въ то время, когда они высказали, какъ доказанную гипотезу, свое предположеніе, что Брамапутра есть индійское продолженіе тибетской «Святой воды», неизслѣдованный пробѣлъ между этими двумя рѣками составлялъ не менѣе 500 километровъ по прямой линіи, и горы, которыя высятся въ промежуточномъ пространствѣ, были еще совершенно неизвѣстны. При томъ, свѣдѣнія, собранныя Уилькоксомъ, относительно рѣки, по которой онъ поднимался, были совершенно недостаточны, чтобы оправдать его мнѣніе о тождествѣ двухъ названныхъ рѣкъ: онъ долженъ бы

[1]) Письмо къ Генри Юлю, „Geographical Magazine", мартъ 1874 г.
[2]) Desgodins, „Mission du Tibet".
[3]) *Du Halde, „Description de l'empire de la Chine".*
[1]) Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand", by Gill.
[2]) „On recent changes in the delta of the Ganges".
[3]) „Report on the Irraivaddy River".

былъ доказать прежде всего, что Дихонгъ ка-
титъ количество воды, превосходящее объемъ
кидкой массы Цзанбо, ибо подъ небомъ столь

онъ доѣхалъ во время своего путешествія, Ди-
хонгъ имѣетъ 100 ярдовъ (91 метръ) въ ши-
ну, и что теченіе его тихое; но глубина, кото-



Монастырь въ Шигацѣ.

дождливымъ, какъ небо Ассама, ручьи и рѣки
увеличиваются, можно сказать, замѣтнымъ для
глаза образомъ. Между тѣмъ онъ ограничивает-
ся сообщеніемъ, что въ томъ мѣстѣ, до котораго

рую онъ предполагаетъ «огромной», осталась
ему неизвѣстной, такъ какъ путешественникъ
даже не далъ себѣ труда измѣрить ее при по-
мощи камня и веревки.

гораздо большимъ радіусомъ, чѣмъ Цзанбо, подобныя же кривыя, и самый Янъ-цзы-цзянъ, развертываясь параллельно Меконгу, сопровождаетъ его къ югу на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ километровъ, до пролома въ горахъ, черезъ который онъ круто поворачиваетъ на востокъ, и, слѣдуя въ этомъ направленіи, проникаетъ въ такъ называемый собственно Китай. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара не увидишь столь замѣчательнаго примѣра независимыхъ рѣкъ, текущихъ въ параллельныхъ долинахъ на такомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой и затѣмъ расходящихся въ разныя стороны и впадающихъ въ разныя моря. Между устьями Иравадди и Янъцзы-цзяна, которыя получаютъ воды съ однѣхъ и тѣхъ же горъ, и которыя долго текутъ вмѣстѣ, по одному и тому же пути, протяженіе морскихъ береговъ составляетъ по малой мѣрѣ 9.000 километровъ. А между тѣмъ рѣки, устья которыхъ удаляются на такія огромныя разстоянія, протекаютъ часть Тибета въ смежныхъ долинахъ и такъ близко одна отъ другой, что съ перваго взгляда ихъ можно принять за параллельные рукава одной и той же рѣки. Юль сравниваетъ расположеніе этихъ далеко расходящихся рѣкъ съ той формой, какую древніе греки придавали громовымъ стрѣламъ Зевса [1]).

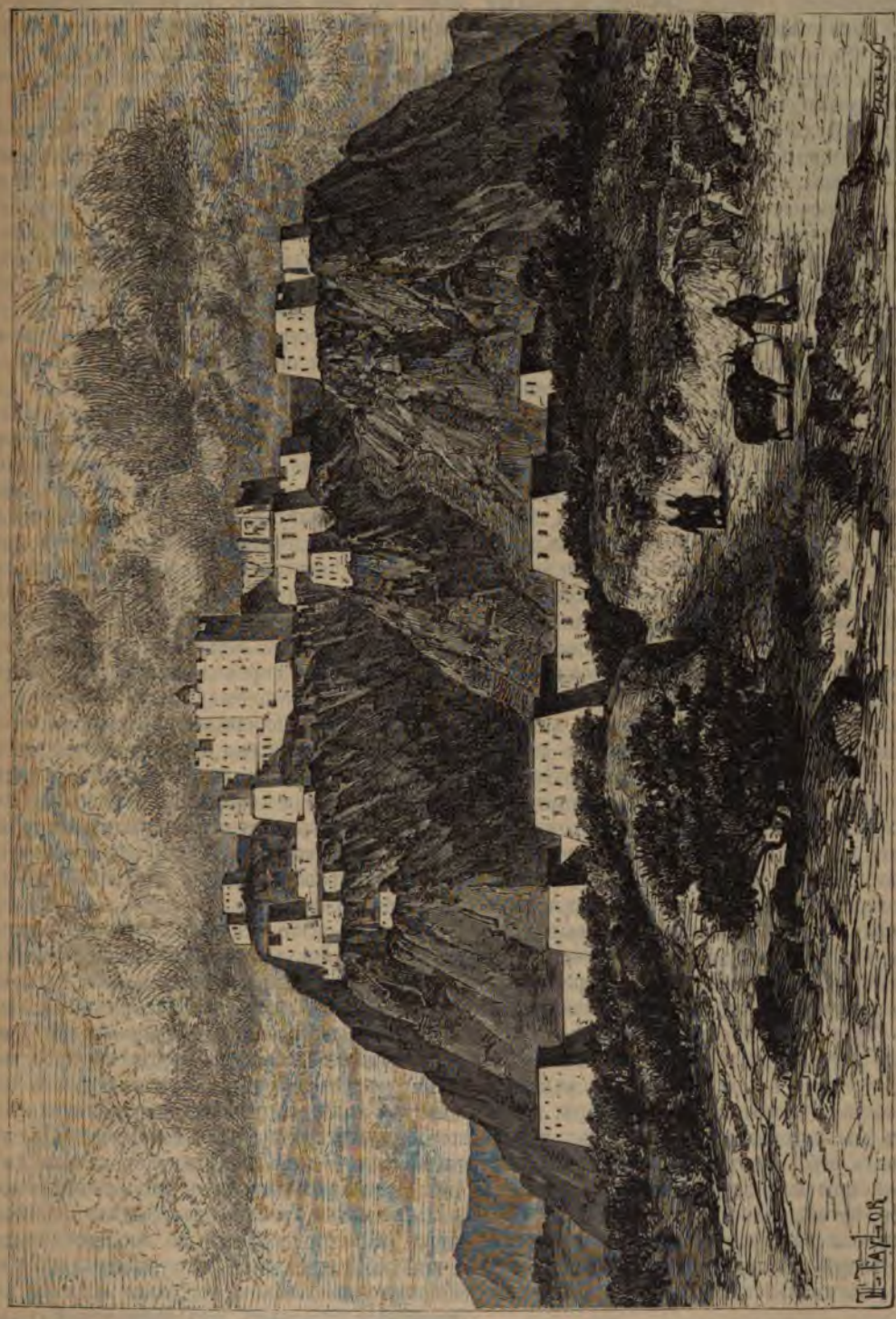
Потокъ, выходящій изъ озера Чаргутъ и принимающій въ себя въ то же время воды истеченія бассейна Тенгри-норъ и большей части озеръ юго-восточнаго угла нагорья Хачи, образуетъ значительную рѣку, которую Гюкъ и пундитъ Найнъ-сингъ описываютъ подъ именемъ Напъ-чу или Накъ-чу. Но по выходѣ съ плоскогорья, эта рѣка часто мѣняетъ названіе, смотря по странѣ, черезъ которую протекаетъ, и по языкамъ народцевъ, обитающихъ на ея берегахъ. Вообще, какъ это замѣтилъ уже Франсисъ Гарнье, во всѣхъ частяхъ Китая и особенно въ этой части Тибета имена рѣкъ представляютъ мѣстныя названія: нигдѣ одно и то же наименованіе не продолжается для одной и той же рѣки на пространствѣ болѣе 100 километровъ. Такъ и Напъ-чу принимаетъ послѣдовательно названія Хара-усу, Омъ-чу, Аньцзе, Ну-цзянъ, Лу-цзянъ. Это обильное разнообразіе именъ такъ же, какъ и трудности изслѣдованія на мѣстѣ, были причиной того, что географы, такъ сказать, заставляли эту рѣку путешествовать на картахъ черезъ долготы и широты. Въ то время, какъ братья Шлагинтвейты, гипотеза которыхъ принята и Петерманомъ, полагаютъ, что Напъ-чу есть не что иное, какъ Дибонгъ, та рѣка Ассама, которая соединяется съ Дихонгомъ въ небольшомъ разстояніи выше впаденія послѣдняго въ Брамапутру, Дегоненъ, проѣхавшій по средней долинѣ «рѣки народа луце» или Лу-цзянъ на пространствѣ около 400 километровъ, убѣдился, что она течетъ на востокъ отъ Брамапутры и отождествляетъ ее съ Салуэномъ [1]). Онъ не сомнѣвается также, что Лань-цань-цзянъ, то-есть «Рѣка Большаго Дракона» то же самое, что Меконгъ или Камбоджа, и это мнѣніе было подтверждено изслѣдованіями французской экспедиціи, ѣздившей на Меконгъ, хотя Шлагинтвейты, Кипертъ, Петерманъ, какъ кажется, питающіе нѣкоторое пристрастіе къ Брамапутрѣ, произвели и Лань-цань-цзянъ въ данники этой послѣдней рѣки: они принимали его за Лохитъ или Красную Брамапутру, бассейнъ которой, теперь достаточно извѣстный, находится почти весь на южной покатости высотъ, составляющихъ продолженіе Гималайскаго хребта. Выше мы сказали, что англійскій географъ Юль, считаетъ Лохитъ продолженіемъ Гакпо, небольшой тибетской рѣки, которая течетъ на сѣверѣ отъ Цзанбо и параллельно его долинѣ.

Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ, спускающихся съ плоскихъ возвышенностей Тибета, и которыя должны пробираться по глубокимъ разсѣлинамъ между скалъ, чтобы выйти изъ области горъ и достигнуть низменныхъ равнинъ, Лань-цань-цзянъ проходитъ, быть можетъ, черезъ самыя дикія тѣснины и ущелья. У Іеркаля, гдѣ потокъ находится на высотѣ 2.250 метровъ надъ уровнемъ моря, стѣны утесовъ поднимаются на нѣсколько сотъ метровъ надъ поверхностью рѣки и во многихъ мѣстахъ стоятъ почти перпендикулярно. Къ югу отъ Атенце бока утесовъ такъ круты, что не вездѣ можно было проложить тропинку во внутренности ущелій, а потому приходится тамъ и сямъ взбираться до высоты 450 и даже 600 метровъ надъ уровнемъ рѣки, которая съ этихъ террасъ представляется въ видѣ простаго ручья: камень, брошенный въ пропасть, перескакиваетъ съ уступа на уступъ, пока достигнетъ воды, бѣгущей по дну. Одна тѣснина, которую Куперъ назвалъ «дефиле Гогга», по имени одного изъ своихъ друзей, представляетъ настоящую трещину, ширина которой менѣе 20 метровъ, и которая кажется даже совершенно смыкающейся тамъ, гдѣ выступы стѣнъ и нависшія скалы останавливаютъ взоръ. Въ самой узкой части этого ущелья принуждены были устроить между вертикальными стѣнами родъ пола или помоста, поддерживаемаго на сваяхъ, косвенно вбитыхъ въ камень: эта перекладина, кое-какъ сколоченная изъ гнилаго, источеннаго червями лѣса и очень дурно содержимая, позволяетъ видѣть сквозь щели между досками потокъ, который, кружась и пѣнясь, бѣловатыми водоворотами несется по дну черной трещины. Когда караванъ долженъ проходить по узкому помосту, впередъ шлютъ гонцовъ на другой конецъ ущелья, чтобы оста-

[1]) „*Introduction to the River of Golden Sand*“, by Gill.

[1]) „Misson du Tibet“.

навливать путешественниковъ, ѣдущихъ или идущихъ въ противоположномъ направленіи. Во многихъ мѣстахъ теченія этихъ рѣкъ, тамъ, гдѣ ущелья представляютъ съ той и другой стороны легко доступныя террасы, устроили летучіе мосты, напоминающіе нѣсколько tabaritas колумбійцевъ, или «корду», которая въ былое время служила средствомъ перехода черезъ тѣснину рѣки Эро, близъ Сенъ-Гильемъ-ле-Дезеръ, въ Лангедокѣ [1]), и другіе мостики того же рода, употребляемые пастухами и контрабандистами для переправы съ одного берега на другой, въ тѣснинахъ Дуэро [2]). Простой канатъ, сплетенный изъ волоконъ бамбука, протянутъ съ одной стороны ущелья на другую,



Лассa. Монастырь Потала XVII вѣка

[1]) Renaud de Vilback, „Voyages dans les départements du Languedoc".

[2]) Onésim Reclus, рукописныя замѣтки.

съ довольно большимъ уклономъ для того, чтобы предметъ, скользящій по веревкѣ, при помощи подвижнаго кольца, тоже бамбуковаго, увлекался собственной тяжестью до площадки противоположнаго берега: крѣпкія ременныя привязи принимаютъ путника или животное, которымъ нужно переправиться черезъ рѣку, и въ одно мгновеніе ока пространство пройдено. Чтобы вернуться, надо подняться на верхнюю площадку, откуда идетъ другая веревка, протянутая наклонно въ противоположномъ направленіи,—и снова совершенъ переходъ черезъ бездну [1]). Впрочемъ, планъ этихъ головокружительныхъ качелей болѣе или менѣе разнится въ разныхъ мѣстностяхъ страны.

Весьма вѣроятно, что большое число этихъ глубокихъ вырѣзокъ рельефа были вырыты водами въ грудахъ обломковъ горныхъ породъ, подобныхъ тѣмъ желтымъ землямъ, которыя занимаютъ столь значительное пространство въ бассейнахъ центральной Азіи и Желтой рѣки (Хуанъ-хэ). Рихтгофенъ полагаетъ даже, что все плоскогорье Хачи нѣкогда продолжалось на востокъ, и что выступы горъ, раздѣляющіе нынѣшнія долины рѣкъ Лу-цзяна, Ланьцань-цзяна, Цзинь-ша-цзяна составляютъ лишь незначительные остатки этой сплошной возвышенности. Но каковы бы ни были явленія размыва, мы находимъ много признаковъ, которые свидѣтельствуютъ о большой перемѣнѣ, происшедшей въ климатѣ страны. Слои красноватой жирной глины, подобные глетчернымъ глинамъ Европы, груды большихъ камней, оставленныя въ долинахъ, и особенно параллельныя горки, въ формѣ запрудъ, черезъ которыя горные потоки должны были открывать себѣ выходъ, заставляютъ думать, что ледники спускались прежде гораздо ниже въ бассейнахъ рѣкъ восточнаго Тибета [2]).

Хотя ледники удалились изъ долинъ и нижнихъ цирковъ къ вершинамъ горъ, нынѣшній климатъ Тибета достаточно характеризуется названіемъ «Царства снѣговъ», которое обыкновенно даютъ этой странѣ всѣ ея сосѣди; по словамъ Турнера, жители Бутана называютъ ее просто Пуэкоашимъ или «Сѣвернымъ снѣгомъ» [3]). Обитатели окружающихъ равнинъ, видя всегда бѣловатые гребни горъ, когда смотрятъ въ направленіи Тибета, не могутъ представить себѣ этотъ край иначе, какъ постоянно покрытымъ глубокими снѣгами. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайная сухость воздуха, простирающагося надъ плоскими возвышенностями, на сѣверѣ отъ двойнаго хребта Гималайскихъ и Загималайскихъ горъ, уравновѣшиваетъ слѣдствія высокаго положенія надъ уровнемъ моря. Случается, что въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не выпадетъ ни одной снѣжинки, а когда и осядетъ немного атмосферной влаги въ этой формѣ, то вѣтеръ тотчасъ же уноситъ ее въ овраги, или, если снѣгъ выпадетъ лѣтомъ, солнце тотчасъ же растопитъ его своими жгучими лучами. На юго-восточномъ углу Тибета поясъ постоянныхъ снѣговъ начинается на высотѣ отъ 5.670 до 5.730 метровъ, то-есть на высотѣ, лежащей на 900 метровъ выше вершины Монъ-Блана [1]); даже на высотѣ 5.975 метровъ на Кайласкомъ перевалѣ, Форсайтъ нашелъ голую скалу. На южныхъ склонахъ Гималая, снѣга, густо приносимые вѣтромъ, спускаются гораздо ниже, нежели на сѣверной или тибетской покатости, и проходы этихъ горъ запираются ранѣе, чѣмъ болѣе высокіе перевалы, перерѣзывающіе на сѣверѣ различные хребты Тибетскаго плоскогорья; даже въ серединѣ зимы можно отправиться изъ Кашмира въ Яркендъ, благодаря незначительной глубинѣ снѣговъ. Сухость воздуха такъ велика въ нѣкоторыхъ областяхъ Тибета, что нужно обвертывать парусиной или какой-нибудь матеріей двери и деревянныя колонны въ домахъ, иначе онѣ потрескаются; чтобы предохранить кожу отъ трещинъ, многіе путешественники имѣютъ привычку натирать себѣ лицо какой-то черноватой мазью. Животныя, погибающія на дорогѣ во время перехода черезъ плоскогорья, высыхаютъ мало-по-малу: нѣкоторые изъ самыхъ трудныхъ переваловъ обставлены по сторонамъ этими муміями яковъ, лошадей, овецъ. Когда одно изъ вьючныхъ животныхъ падетъ въ дорогѣ, люди каравана имѣютъ привычку вырѣзывать изъ мяса лучшіе куски и нацѣплять ихъ на шипы колючихъ кустовъ для того, чтобы будущіе караваны нашли готовую провизію вдоль своего пути [2]).

Но если снѣга относительно мало обильны на этихъ горныхъ странахъ, среднее возвышеніе которыхъ, однако, значительно превосходитъ среднюю высоту европейскихъ Альпъ, климатъ тамъ, тѣмъ не менѣе, очень суровъ. Гюкъ, Пржевальскій, Дрю и другіе путешественники разсказываютъ о страшныхъ холодахъ, которые имъ приходилось переносить, и къ которымъ присоединяются еще страданія, причиняемыя недостаткомъ кислорода для дыханія. При переходѣ черезъ возвышенные перевалы и высокіе гребни горъ, разрѣженность воздуха дѣлаетъ подъемъ и вообще движеніе очень трудными, такъ что всякое усиліе становится тяжелымъ, и не только люди, но даже животныя страдаютъ такъ называемой «горной болѣзнью»; часто верблюды падаютъ словно

[1]) Huc, „Voyage en Tartarie"; Cooper „Travels of a pioneer of commerce".

[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie", vag. 1869 г.

[3]) Turner, „Embassi to the Court of the Teshoo-*Lama*".

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Asien und Hochasien".

[2]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society" 1867.

пораженные громомъ, «отравленные, какъ говорятъ китайскіе писатели, смертоносными парами, поднимающимися съ земли». Въ 1870 г. [1]) одинъ караванъ, отправившійся изъ Лассы въ февралѣ мѣсяцѣ, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, потерялъ тысячу своихъ верблюдовъ, погибшихъ во время страшныхъ бурановъ, и достигъ цѣли своего путешествія, оставивъ по дорогѣ пятьдесятъ человѣкъ своихъ товарищей. Зимой всѣ ручьи и рѣки, всѣ озера замерзаютъ, не только на плоскогорьяхъ, но даже и въ долинахъ, берущихъ начало на этихъ возвышенностяхъ: нужно спуститься до высоты 2.400 или даже 2.100 метровъ надъ уровнемъ моря, чтобы попасть на берегъ рѣкъ, свободно катящихъ свои воды. Даже въ іюлѣ и августѣ караваны часто, при переходѣ черезъ перевалы, находятъ воды замерзшими, и, чтобы напиться и напоить животныхъ, принуждены растапливать снѣгъ. Когда порывъ вѣтра охладитъ атмосферу, потоки рѣкъ, площади озеръ быстро превращаются въ ледъ. Яки, у которыхъ космы длинной шерсти обвертываются, словно чехлами, бѣлыми сосульками изъ кристаллизованной воды, идутъ медленно, широко разставляя ноги, отягченные безобразной массой висящихъ льдинъ. Гюкъ разсказываетъ, что, переходя по льду черезъ р. Муру-усу, въ верхней части ея теченія, онъ замѣтилъ издали штукъ пятьдесятъ какихъ-то безформенныхъ, черноватыхъ предметовъ, выстроенныхъ въ шеренгу поперегъ рѣки. Подойдя ближе, онъ узналъ въ этихъ предметахъ дикихъ быковъ, которые, очевидно, хотѣли переправиться черезъ потокъ, но были охвачены внезапно образовавшимся льдомъ: положеніе тѣлъ въ плывущей позѣ было явственно видно подъ прозрачной, какъ хрусталь, ледяной корой; ихъ красивыя головы, увѣнчанныя большими рогами, остались надъ поверхностью замершей воды; но орлы и вороны выклевали имъ глаза [2]).

Лучеиспусканіе теплоты въ воздушныя пространства подъ яснымъ, совершенно безоблачнымъ небомъ, способствуетъ, въ сильной степени, охлажденію области плоскогорій, и для путешественниковъ леденящая стужа этихъ возвышенностей тѣмъ болѣе страшна, что топлива тамъ почти совсѣмъ не достанешь: съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ поисковъ удается собрать тамъ и сямъ кое-какого хвороста; за исключеніемъ нѣкоторыхъ, занимающихъ благопріятное мѣстоположеніе, становищъ, вездѣ нужно запасаться въ дорогу каломъ яка, kieya, какъ его называютъ тибетцы. По счастью, ночи почти всегда тихи: это объясняется тѣмъ, что температура тогда вездѣ равномѣрна, и потому нѣтъ никакихъ притягательныхъ фокусовъ, которые бы вызывали движеніе атмосферныхъ токовъ; но въ теченіе дня, когда плоскогорья освѣщены солнцемъ, между тѣмъ какъ долины и низменности остаются въ тѣни и въ холодѣ, страшные вѣтры выметаютъ поверхность почвы, поднимая вихри пыли: всѣ путешественники съ ужасомъ говорятъ объ этихъ вьюгахъ. Въ нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстностяхъ земледѣльцы имѣютъ обыкновеніе затоплять водой свои поля при наступленіи зимы, чтобы предохранить растительную землю отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтра; кромѣ того, этотъ способъ увеличиваетъ производительность почвы [1]).

Разсматриваемое въ совокупности, плоскогорье Тибета, рѣзко ограниченное высокими горными массами и краевыми цѣпями, отличается сухостью воздуха, суровостью климата, крайностями тепла и холода; дожди и снѣга приносятся туда съ Индійскаго океана въ незначительномъ количествѣ, сила южныхъ муссоновъ истощается, въ видѣ вихрей и проливныхъ дождей, въ долинахъ Гималая, и только верхній встрѣчный пассатъ обнаруживается въ высотахъ пространства клубами снѣга, вылетающими съ вершинъ Кинчинджунги и другихъ исполиновъ Гималая [2]). Однако область восточнаго Тибета, къ которой подходитъ въ видѣ полукруга обширный Бенгальскій заливъ, принадлежитъ уже отчасти къ климату Индіи: вѣтры проникаютъ въ эти страны черезъ проломы горъ, которыя съ этой стороны гораздо ниже, чѣмъ на западной окраинѣ, и приносятъ обильные дожди, особенно въ періодъ «ирръ»: то-есть дождя, обнимающаго три мѣсяца: августъ, сентябрь и октябрь [3]); всѣ рѣки, получающія начало въ этой части Тибета, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, питаются этими ливнями еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ таянія снѣговъ. Особенно обильны и часты дожди въ апрѣлѣ и маѣ; они начинаются ранѣе на этихъ возвышенностяхъ Тибета, нежели въ низменныхъ равнинахъ Индостана, по причинѣ болѣе быстраго охлажденія атмосферныхъ теченій въ этихъ высокихъ областяхъ и происходящаго оттого сгущенія водяныхъ паровъ [4]).

Высота тибетскихъ плоскогорій, на западъ отъ провинціи Камъ, слишкомъ значительна, для того чтобы древесная растительность могла имѣть гдѣ-либо представителей, кромѣ какъ въ лощинахъ, оврагахъ и ущельяхъ, да и въ этихъ впадинахъ, хорошо защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, ивы, тополи и кое-какія плодовыя деревья суть единственныя древесныя породы, которыя можно встрѣтить; въ другихъ

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".
[2]) „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine".

[1]) Samuel Turner, цитирован. сочиненіе;—Ganzenmüller „Tibet".
[2]) Blanford, „Reports on the Meteorology of India", 1875 and 1876.
[3]) Campbell;—von Klöden, „Oesterreichische Monatschrift für den Orient", 1881.
[4]) R. Gordon, „Report on the Irrawaddy River".

мѣстахъ увидишь только низенькія или даже стелющіяся по землѣ деревца, едва достигающія въ высоту роста человѣка; впрочемъ, ламамъ садовникамъ удалось вырастить прекрасные тополи вокругъ монастыря Мангнангъ, въ провинціи Нари, на высотѣ 4.104 метровъ [1]). На большей части открытыхъ вѣтрамъ плоскогорій, поднимающихся выше 4.000 метр., вся растительность состоитъ изъ злаковъ, тонкихъ и жесткихъ, какъ шило, которые въ концѣ концовъ прокалываютъ роговую оболочку копыта верблюдовъ и разрѣзываютъ имъ ноги до крови [2]). Однако, одно деревянистое растеніе, дерево по своимъ корнямъ и по своему лежащему стеблю, называемое по-тибетски ябагере, стелется еще по землѣ на высотѣ 4.500 метровъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его увидишь даже тамъ, гдѣ и трава ужъ даже не можетъ расти, по причинѣ крайней сухости воздуха или солонцоватости почвы; Годвинъ Аустенъ нашелъ это деревцо растущимъ въ изобиліи на плоскогорьѣ Чонъ-чегму на высотѣ 5.500 метр. надъ уровнемъ океана [3]). Въ сѣверной части Тибета растутъ по скатамъ горъ ползущіе по землѣ кустарники облепихи, тибетской осоки, курильскаго чая и др. [4]). Пундитъ Найнъ-сингъ видѣлъ засѣянныя ячменемъ поля, на высотѣ болѣе 4.640 метровъ, то-есть почти на высотѣ вершины Монтъ-Роза; весь бассейнъ Омбо въ которомъ находится озеро Дангра-юмъ, имѣетъ видъ обширной чащи зелени [5]); тамъ и сямъ другіе «санги» одѣты сплошнымъ ковромъ мягкой, нѣжной муравы, такой же «бархатной, какъ луга Англіи»! Въ самыхъ холодныхъ областяхъ, гдѣ еще живутъ тибетцы, зерновые хлѣба рѣдко вызрѣваютъ, и туземцы этихъ мѣстностей не имѣютъ другихъ источниковъ продовольствія, кромѣ молока и мяса, доставляемыхъ ихъ стадами. Что касается долинъ юго-восточной покатости Тибета, занимающихъ уже гораздо менѣе возвышенное положеніе, нежели плоскогорья, и получающихъ въ изобиліи дождевыя воды, то онѣ покрыты огромными лѣсами: эта часть Тибета одна изъ самыхъ лѣсистыхъ странъ земнаго шара. Между большими деревьями этихъ лѣсовъ особенно замѣчателенъ падубъ иглистый, рѣзко отличающійся отъ своихъ европейскихъ родичей удивительнымъ развитіемъ, которое онъ пріобрѣтаетъ: онъ не достигаетъ такой высоты, какъ сосна, но не уступаетъ послѣдней въ отношеніи толщины ствола и много превосходитъ ее богатствомъ и обиліемъ листвы [6]).

Если тибетскимъ возвышенностямъ не достаетъ лѣснаго убора, какимъ щеголяетъ южный склонъ Гималайскаго хребта, то онѣ далеко превосходятъ эти южные скаты богатствомъ и разнообразіемъ своей фауны: пашенныя лѣсовъ, эти плоскогорья изобилуютъ животными, дикими и домашними [1]). Тибетъ, который зоологи считаютъ особенною областію [2]), обладаетъ спеціальной фауной, одною изъ самыхъ богатыхъ, къ которой, между прочимъ, принадлежатъ джигетаи, осли, яки (монгольскій быкъ), разныя породы овецъ, нѣсколько видовъ антилопъ, газели, косули. Найнъ-сингъ насчитывалъ до двухъ тысячъ антилопъ, бродившихъ ссадами и напоминавшихъ издали полки солдатъ своими остроконечными рогами, блестѣвшими на солнцѣ, какъ штыки; эти животныя, которыхъ путешественники съ удивленіемъ встрѣчаютъ иногда въ мѣстностяхъ, совершенно лишенныхъ растительности, очень хорошо знаютъ всѣ пастбища нагорья и посѣщаютъ ихъ послѣдовательно, одно за другимъ, проходя каждый годъ тысячи верстъ. Братья Шлагинтвейты видѣли яковъ на высотѣ 5.940 метровъ, а тарбаганъ или сурокъ-байбакъ (arctomys bobac) роетъ свои норы въ глинистой землѣ еще на высотѣ 5.480 метровъ. Лисицы, шакалы, дикія собаки, бѣлые волки [3]) съ пушистой шерстью, какая, впрочемъ, свойственна всѣмъ четвероногимъ животнымъ Тибета, гоняются за дичью, а въ сосѣдствѣ озера Тенгри-норъ бѣлые медвѣди, похожіе на медвѣдей полярныхъ странъ, иногда дѣлаютъ большія опустошенія въ стадахъ [4]). Въ восточномъ Тибетѣ фауна еще гораздо богаче, чѣмъ на плоскогорьяхъ: яки пасутся тамъ стадами и нерѣдко становится добычей рысей и пантеръ; мускусныя лани живутъ въ лѣсахъ верхнихъ склоновъ выше 2.600 метровъ [5]); обезьяны, бѣлки, свиньи мелкой породы населяютъ лѣса низменныхъ областей, а медвѣди опустошаютъ плантаціи маиса [6]). Въ сравненіи съ фауной млекопитающихъ, птицы здѣсь рѣдки, но зато высота, до которой онѣ поднимаются, по истинѣ изумительна, такъ какъ кукушку можно встрѣтить еще на высотѣ 3.300 метр., жаворонка на высотѣ 4.500 метр., а другіе виды даже до высоты 5.500 метр. [7]). Въ собственномъ Тибетѣ, внѣ мѣстъ перелета, путешественникъ нигдѣ не услышитъ пѣвчихъ птицъ; онъ увидитъ только, парящими высоко надъ его головой хищниковъ, орловъ, ястребовъ, питающихся падалью,

[1]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".
[2]) Гюкъ; Пржевальскій.
[3]) „Journal of the Geographical Society", 1867.
[4]) Пржевальскій, „Третіе путешествіе", стр. 184.
[5]) Найнъ-сингъ; Trotter, „Journal of the Geographical Society", 1877.
[6]) *Гюкъ, цитированное сочиненіе.*

[1]) Samuel; Turner; Hermann v. Schlagintweit; Пржевальскій.
[2]) A. Milne-Edwards, „Bulletin de la Société d'Acclimatation", 2-e Serie, tome IX.
[3]) Пржевальскій;—Годгсонъ.
[4]) Найнъ-сингъ, Пржевальскій.
[5]) Fr. Markham, „Sporting Adventures in Ladak, Tibet und Kashmir".
[6]) „Annales de la propagation de la foi", juillet 1842.
[7]) Hume, „From Lahore to Yarkand".

вороновъ, замѣчательныхъ, какъ и полярные вороны, металлическимъ звукомъ своего голоса [1]). Въ лѣсахъ восточнаго Тибета летаютъ фазаны. Немногочисленныя ящерицы и змѣи показываются еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Тибета до высоты 4.630 метровъ, и даже, на высотѣ еще болѣе значительной, въ озерахъ нагорья водятся рыбы. Тогда какъ на Альпахъ крайній предѣлъ обитанія рыбъ находится на высотѣ 2.130 метр. [2]), Германъ Шлагинтвейтъ видѣлъ въ озерѣ Могналари, на высотѣ 4.240 метровъ, нѣкоторыя породы лососей, которыя каждый годъ, подобно морскимъ лососямъ, поднимаются въ верхнее прѣсноводное озеро для метанія икры. По словамъ пундита Найнъ-синга, рыбы массами плещутся въ озерѣ Кіарингъ, въ горныхъ потокахъ, впадающихъ въ этотъ бассейнъ, и въ водахъ озера Тенгриноръ, на высотѣ 4.570 метровъ; еще выше, на высотѣ 4.647 метр. надъ уровнемъ моря [3]), форели прыгаютъ на поверхности озера Мансароваръ, когда вѣтеръ приноситъ туда тучи комаровъ. Въ озерахъ, сдѣлавшихся солеными, прѣсноводныя рыбы приспособились къ своей новой средѣ.

Тибетцы приручили многихъ изъ животныхъ свойственныхъ ихъ странѣ. Между этими прирученными животными одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ якъ, отъ скрещиванія котораго съ индійской коровой зебу получилась особая порода, называемая дзо, разновидности которой всѣ различаются мастью шерсти, тогда какъ дикій якъ всегда остается чернымъ; въ четвертомъ поколѣніи эти животныя возвращаются къ первоначальному виду [4]). Якъ, хотя всегда немного упрямый, служитъ тибетцамъ вьючнымъ животнымъ и сопровождаетъ ихъ въ путешествіяхъ по плоскогорью; однако при переходахъ черезъ самые возвышенные хребты, употребляются для переноски тяжестей, бараны, такъ какъ яки менѣе выносятъ холодъ и усталость; каждая овца несетъ среднимъ числомъ отъ 20 до 30 фунтовъ клади, не получая другой пищи, кромѣ травы, какая попадется по краямъ дороги [5]). Во время путешествія пундита Найнъ-синга вьючные бараны сопровождали его на пространствѣ болѣе 1.600 километровъ. Лошади и джигетаи сдѣлались для тибетцевъ превосходными верховыми животными, замѣчательными по ихъ необычайной выносливости и неразборчивости относительно корма. Но самое драгоцѣнное изъ домашнихъ животныхъ Тибета — коза, пашмъ, короткій пухъ которой, скрытый подъ наружной шерстью, имѣетъ столь высокую цѣну для выдѣлки знаменитыхъ кашмирскихъ шалей. Собаки, большія и страшныя, не употребляются для охоты, а только для охраны домовъ и стадъ, особенно стадъ вьючныхъ барановъ: въ Индіи онѣ вырождаются, но нѣсколько собакъ этой породы, привезенныхъ въ Англію, совершенно акклиматизировались [1]).

Главная масса тибетскаго населенія, если оставить въ сторонѣ хоровъ и соковъ, то-есть тюрковъ и монголовъ плоскогорья Хачи [2]), и различные независимые народцы провинціи Камъ,—принадлежатъ къ одной и той же группѣ расы, называемой монгольской. Это люди маленькаго роста, но широкоплечіе и широкогрудые, рѣзко отличающіеся отъ индусовъ толщиной своихъ рукъ и ногъ, но имѣющіе, какъ и они, красивыя и тонкія кисти и ступни. У большинства тибетцевъ скулы выдающіяся, переносье глубоко взрѣзывается между двумя черными глазами, немного прищуренными, ротъ большой съ тонкими губами, лобъ широкій, обрамленный темными волосами. Какъ и въ Европѣ, въ Тибетѣ можно встрѣтить всѣ оттѣнки кожи, отъ самой нѣжной съ бѣлизной у богатыхъ до желтаго и мѣдно-краснаго цвѣта, у пастуховъ, подвергающихся всѣмъ непогодамъ и перемѣнамъ температуры; но она очень рано покрывается морщинами: уже у молодыхъ людей лицо изборождено складками [3]). Во многихъ нагорныхъ долинахъ кретины многочисленны. Проказа и водобоязнь довольно обыкновенныя болѣзни на плоскогорьѣ.

Тибетцы безспорно одинъ изъ наилучше одаренныхъ народовъ земнаго шара: почти всѣ путешественники, которымъ удавалось проникнуть въ ихъ страну, въ одинъ голосъ хвалятъ ихъ кроткій нравъ, ихъ гуманность, прямодушіе, искренность ихъ словъ и поступковъ, ихъ чувство собственнаго достоинства безъ чванства у знатныхъ и богатыхъ, безъ натяжки у простолюдиновъ. Сильные физически, мужественные, веселые отъ природы, страстные охотники до музыки, пляски и пѣнія, тибетцы были бы образцовымъ народомъ, если бы ко всему этому обладали еще духомъ иниціативы и независимости. Но они очень легко подчиняются чужой волѣ и позволяютъ обращать себя въ стадо. Что скажутъ ламы, то для нихъ законъ. Даже воля китайскихъ резидентовъ, несмотря на то, что они совершенные чужеземцы, свято исполняется, и такимъ-то образомъ нація, столь радушная и гостепріимная, дошла до того, что въ угоду своимъ иностраннымъ повелителямъ должна стеречь собственныя границы, чтобы не пропускать европейскихъ пу-

[1]) Manning;—Cl. Markham.

[2]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und in Hochasien“, III.

[3]) Moorcroft, „Asiatic Researches“; — Carl Ritter, „Asien“, vol. III.

[4]) Desgodins, „Mission du Tibet“.

[5]) Найнъ-сингъ;—Trotter; „Journal of the Geographical Society“, London, 1877.

[1]) Forsyth, „From Lahore to Yarkand“.

[2]) Csoma de Körös,—Klaproth,—Hodhson.

[3]) Ryall, „Abstract of the Surveys in India for 1877—78“.

тешественниковъ. Населенія, болѣе или менѣе смѣшанныя, восточнаго Тибета, на границахъ съ Китаемъ и въ мѣстахъ прохода китайскихъ войскъ, которыя ихъ грабятъ, и мандариновъ, которые ихъ притѣсняютъ, какъ кажется, не отличаются такими же хорошими нравственными качествами, какъ другіе тибетцы: путешественники описываютъ этихъ пограничныхъ жителей плутоватыми и трусливыми [1]). Между тибетскими населеніями плоскогорья нужно тщательно различать камповъ и камбовъ. Кампы возвышенной долины Инда представляютъ большое сходство съ ладакскими тибетцами: это люди всегда веселые, радостные, переносящіе съ изумительной безропотностью и покорностью духа то, что другимъ показалось бы несказаннымъ несчастіемъ; рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ другихъ тибетцевъ, они мало религіозны, и не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ этихъ дѣтей поступалъ въ монастырь [2]). Что касается камбовъ, то это переселенцы изъ провинціи Камъ, лежащей къ востоку отъ Лассы. Они странствуютъ въ качествѣ нищихъ монаховъ, отъ становища къ становищу и доходятъ до самаго Кашмира. Тамъ и сямъ нѣкоторыя группы ихъ оставили бродячую жизнь и принялись за земледѣліе.

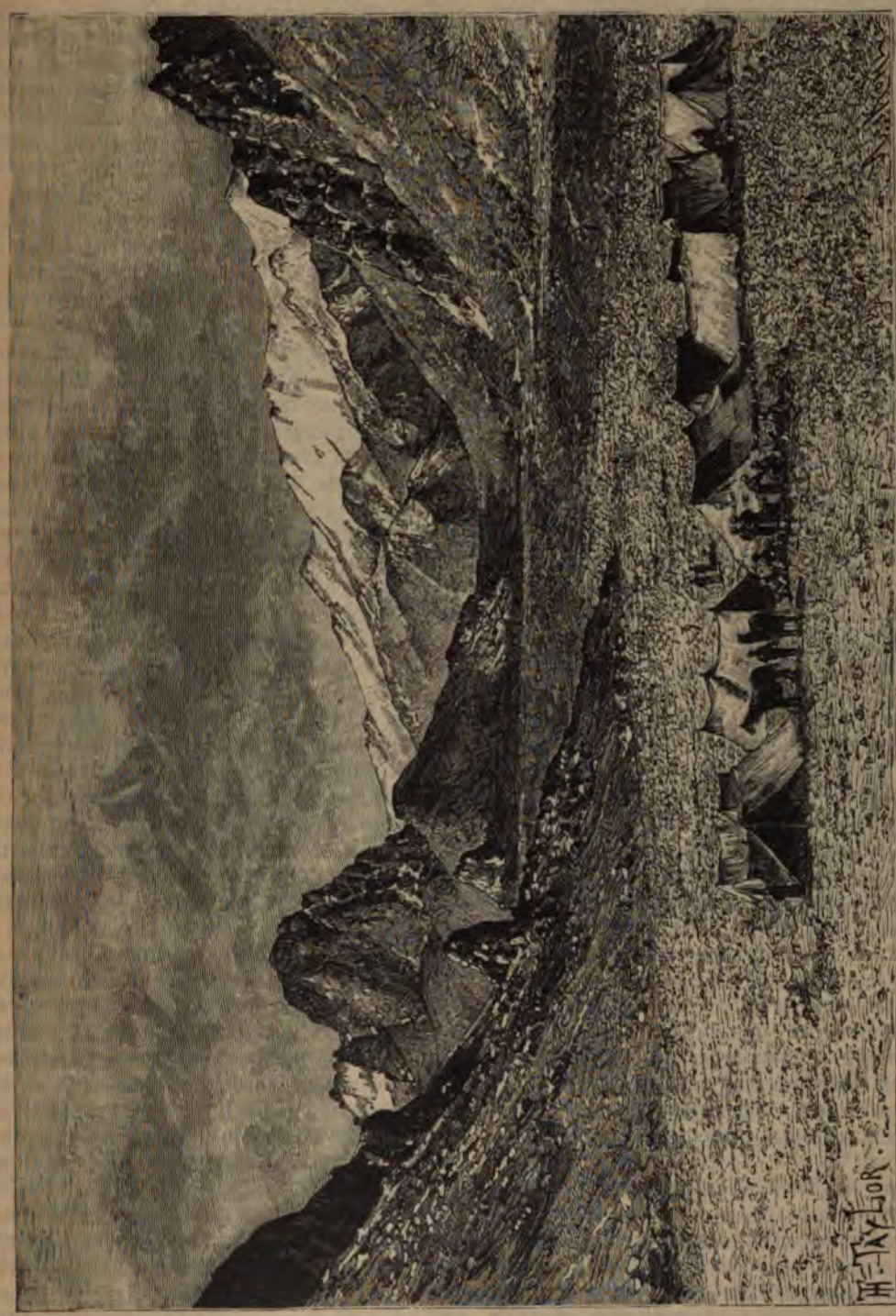
Жители Бодъ-юла—народъ цивилизованный съ давняго времени. Правда, каменный вѣкъ сохранился еще до сихъ поръ для нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній; такъ, напримѣръ, высшіе жрецы употребляютъ при постриженіи ламъ, такъ называемый «громовой камень» [3]). Этотъ періодъ въ исторіи развитія человѣчества еще не исчезъ также на возвышенныхъ плоскогорьяхъ Тибета, гдѣ пастухи многочисленныхъ становищъ варятъ себѣ пищу въ котлахъ, выдолбленныхъ изъ камня [4]); но послѣднее объясняется крайней изолированностью, недостаткомъ сношеній съ остальнымъ міромъ; имъ не безъизвѣстно о существованіи мѣди и желѣза, и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ возможность добыть себѣ металлическія орудія, охотно дѣлаютъ это. По своей промышленности и своимъ знаніямъ тибетскій народъ принадлежитъ къ группѣ азіатскихъ населеній, наиболѣе подвинувшихся къ культурѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ масса тибетской націи является даже болѣе цивилизованной, чѣмъ жители многихъ европейскихъ странъ, ибо въ нѣкоторыхъ частяхъ Бодъ-юла грамотность распространена между всѣми слоями населенія, и книги продаются тамъ по такой дешевой цѣнѣ, что ихъ найдешь въ самыхъ бѣдныхъ лачугахъ [5]); впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій пріобрѣтаются и хранятся просто ради приписываемыхъ имъ чудодѣйственныхъ свойствъ [1]). По свободному развитію своего языка, который изъ европейскихъ лингвистовъ изучали въ особенности Чома-де-Керешъ, Фуко, Шифнеръ, Іешке, тибетцы перешли уже тотъ періодъ, въ которомъ находятся еще китайцы. Моносиллабическій характеръ ихъ идіомовъ, весьма отличныхъ отъ всѣхъ другихъ азіатскихъ языковъ, почти утратился: между тѣмъ, какъ оффиціальный языкъ, точно опредѣленный жрецами уже двѣнадцать столѣтій тому назадъ, былъ удержанъ для письменности, разговорная рѣчь, увлекаемая теченіемъ жизни, мало-по-малу преобразовалась въ полисиллабическій (многосложный) идіомъ, и обычай разнообразить интонаціи для односложныхъ словъ, имѣющихъ различное значеніе, начинаетъ исчезать. Отдѣльныя старинныя слова, смыслъ которыхъ потерялся, были присоединены къ корнямъ, чтобы образовать падежи именъ существительныхъ, наклоненія и времена глаголовъ, а членъ употребляется для различенія однозвучныхъ словъ [2]). Различныя письмена бодскаго или тибетскаго языка произошли отъ буквъ алфавита деванагари, употреблявшихся въ санскритскихъ книгахъ, занесенныхъ въ Тибетъ первыми буддійскими миссіонерами. Мало найдется языковъ, въ которыхъ бы нынѣшнее произношеніе больше, чѣмъ въ тибетскомъ, разнилось отъ правописанія, установившагося много вѣковъ тому назадъ и доселѣ строго соблюдаемаго: многія буквы пишутся, но не выговариваются, или выговариваются совершенно иначе, нежели какъ показываютъ ихъ знаки.

Тибетскія нарѣчія многочисленны и сильно разнятся одно отъ другаго. Хотя населенія бодскаго или тибетскаго корня переходятъ далеко за нынѣшнія границы Тибета, распространяясь на западъ до Кашмира, на югъ до Бутана, на востокъ до провинціи Сы-чуань, однако многіе изъ дикихъ или полуцивилизованныхъ народцевъ, живущихъ осѣдло или кочующихъ въ восточныхъ областяхъ или на сѣверныхъ возвышенностяхъ Тибета, принадлежатъ къ различнымъ расамъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ. На югѣ мишми, аборы и другія народности связаны по происхожденію съ обитателями Ассама. Другія племена юго-восточной области Тибета, арруты, ба-и или шіоны, телуты, ремепуты говорятъ нарѣчіемъ меламъ, тибетскимъ діалектомъ съ примѣсью множества иностранныхъ словъ [3]). Амдоаны, живущіе на сѣверо-востокѣ въ сосѣдствѣ Гань-су, почти всѣ знаютъ два языка, свой родной и тибетскій. Этотъ народъ, у котораго сильно развита любовь къ стран-

[1]) Desgodins, цитированное сочиненіе.
[2]) Drew, „the Northern of India".
[3]) Bogle, „Mission to Tibet".
[4]) Найнъ-сингъ;—Троттеръ, „Journal of Geographical Society", 1877.
[5]) Hodgson, Essays on the languages, literature and *religion of Nepal and Tibet.*

[1]) Desgodins.
[2]) Jäschke, Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, XXIV.
[3]) Desgodins, „Mission du Thibet".

ствованіямъ и переселеніямъ, отличается быстрой понятливостью, сметливостью и способностью ко всякимъ работамъ: почти всѣ чтецы и ламы высшихъ школъ, все равно какъ и высшіе чиновники Тибета, принадлежатъ къ ихъ вѣстныя по большей части подъ именами лоло или коло, маньцзы, лиссу, си-фань, названіями, лишенными всякаго точнаго значенія, принадлежатъ къ особеннымъ группамъ, и одни изъ нихъ говорятъ діалектомъ очевидно тибетскимъ,



Долина Каракашъ.

племени [1]). На западѣ провинціи Камъ, по обѣ стороны сы-чуанской границы, населенія, пребывающія еще въ полудикомъ состояніи и изъ-

другія же употребляютъ нарѣчія различнаго происхожденія [1]). Большая часть наименованій,

[1]) Brian *Hodgson*, цитированное сочиненіе.

[1]) Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand", by Gill.

которыми китайцы и тибетцы обозначаютъ различныя племена этой страны, могутъ быть принимаемы лишь временно, до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ настоящихъ именъ; въ этихъ китайскихъ и тибетскихъ названіяхъ нужно видѣть просто насмѣшливыя прозвища или даже ругательныя клички, съ негодованіемъ отвергаемыя самими населеніями, къ которымъ они примѣняются [1]). Китайское вліяніе становится все болѣе и болѣе чувствительнымъ въ сосѣдствѣ Сы-чуани и въ большихъ городахъ Тибета. Такъ какъ китайскимъ женщинамъ совершенно воспрещенъ въѣздъ въ страну, то всѣ пришельцы изъ Срединнаго царства, живущіе или странствующіе на тибетскихъ плоскогорьяхъ, мандарины, солдаты или торговцы, временно берутъ себѣ въ жены туземокъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства населеніе пограничныхъ округовъ состоитъ въ значительной части изъ метисовъ, которые, сообразно средѣ, причисляются постепенно либо къ тибетцамъ, либо къ китайцамъ.

Выходцы изъ Срединной имперіи не единственные чужеземцы, живущіе въ тибетскихъ городахъ. Непальцы и бутанцы, пришедшіе изъза Гималайскихъ горъ, очень многочисленны въ Лассѣ, гдѣ они занимаются обработкой металловъ, тонкой ювелирной работой, литейнымъ и котельнымъ мастерствомъ. Они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ и отличаются нѣкоторыми оссбенностями религіозныхъ обрядовъ; однако, въ большихъ мѣстныхъ церемоніяхъ они присоединяются къ другимъ буддистамъ. Затѣмъ въ Лассѣ живетъ не мало мусульманъ, по большей части потомковъ переселенцевъ изъ Кашмира: это—качи, красивые мужчины, благородно носящіе высокую чалму и длинную бороду и говорящіе всегда съ важнымъ видомъ. Строгіе исполнители Магометова закона, никогда не входящіе въ другія религіозныя зданія, кромѣ своей мечети, они живутъ особнякомъ, какъ отдѣльный народъ, и не вступаютъ въ брачные союзы внѣ своей колоніи. Эти мусульманскіе жители тибетской столицы занимаются коммерціей; они имѣютъ большіе магазины матерій и спекулируютъ драгоцѣнными металлами. Одно время у нихъ въ Лассѣ былъ свой собственный губернаторъ, которому они подсудны, и который признавался министрами Далай-ламы [2]).

Извѣстно, что Тибетъ есть центръ той религіи, которая съ успѣхомъ оспариваетъ у христіанства первенство въ отношеніи числа послѣдователей. Тибетцы самые ревностные изъ буддистовъ, хотя ихъ культъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ прежнихъ вѣрованій и обрядностей, а также подъ вліяніемъ климата, образа жизни, сношеній съ окружающими народцами, только по внѣшнимъ признакамъ походитъ на древнюю религію Шакія-Муни, четвертаго изъ воплотившихся Буддъ. Только въ пятомъ вѣкѣ нашей эры, послѣ первыхъ попытокъ, сдѣланныхъ за три столѣтія передъ тѣмъ, индусскіе миссіонеры начали съ успѣхомъ дѣло обращенія тибетскаго народа, обрядность котораго, подобная обрядности китайскаго одаосизма, состояла тогда въ поклоненіи и принесеніи жертвъ озерамъ, горамъ и деревьямъ, представляющимъ силы природы; но прошло цѣлыхъ двѣсти лѣтъ прежде, чѣмъ новый культъ замѣнилъ общимъ образомъ въ странѣ прежнюю религію Бонъ или Пенъ-бо—первый храмъ былъ построенъ только въ 698 году. Сто лѣтъ спустя, религіозныя зданія, монастыри и кумирни существовали уже во всѣхъ частяхъ страны, и религія Будды озаряла Тибетъ, какъ «свѣтъ солнца». Это былъ золотой вѣкъ теократическаго могущества, ибо, по выраженію монгольскаго историка Санангъ-Сецена, «безграничное уваженіе, которое питали къ жрецамъ, давало народу благоденствіе подобное состоянію блаженныхъ духовъ». Однако, культы, предшествовавшіе буддизму, какъ кажется, не были совершенно побѣждены, такъ какъ по свидѣтельству того же писателя, «любовь къ добрымъ мыслямъ и похвальнымъ поступкамъ была впослѣдствіи забыта, какъ сновидѣніе». Вѣроученіе было возстановлено во всей своей силѣ только въ концѣ десятаго столѣтія, но вскорѣ послѣ того оно распалось на секты. Четыреста лѣтъ спустя тибетскій буддизмъ подвергся религіозному обновленію. Монахъ Цзонхава предпринялъ пересмотръ всего ученія, составилъ новыя правила, измѣнилъ обряды и церемоніи: его послѣдователи извѣстны подъ именемъ «желтыхъ шапокъ», и культъ ихъ сдѣлался господствующимъ въ Тибетѣ, тогда какъ прежняя секта «красныхъ шапокъ» сохранила свою силу въ Непалѣ и Бутанѣ; но для обѣихъ этихъ сектъ такъ же, какъ и для семи другихъ, которыя нынѣ существуютъ въ Тибетѣ [1]), красный цвѣтъ остался однимъ изъ священныхъ цвѣтовъ для храмовъ и монастырей: по правиламъ, религіозныя зданія, кумирни, вообще сооружаемыя въ формѣ пирамиды, должны имѣть сѣверный фасъ окрашенный въ зеленый цвѣтъ, восточный въ красный, южный въ желтый, а западный остается бѣлымъ.

Реформаторъ Цзонхава былъ почитаемъ его послѣдователями, какъ воплощеніе божества, какъ живой Будда, принявшій видъ человѣческаго естества. Онъ не умираетъ, но переходитъ изъ тѣла въ тѣло подъ чертами хубильгана или «новорожденнаго Будды», и такимъ-то образомъ онъ вѣчно продолжается подъ видомъ Банчань-ламы, имѣющаго резиденцію въ

[1]) Francis Garnier, „Tour du Monde", 1873;—Венюковъ, „Составъ населенія Китая".

[2]) Huc, „Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la *Chine*".

[1]) Emil Schlagintweit, „Buddism in Tibet.

святомъ монастырѣ Чжасилюмбу, близъ Шигатцзэ. Другой воплощенный Будда занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ въ почитаніи тибетцевъ и превосходитъ его въ политическомъ могуществѣ, благодаря своему пребыванію въ столицѣ Тибета и своимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ китайскими министрами: это Далай-лама или «верховный жрецъ океана», о возведеніи котораго на престолъ Будды разсказываютъ различно; говорятъ, что будто бы въ шестнадцатомъ или семнадцатомъ столѣтіи, вслѣдствіе нашествія монголовъ, признанія верховной ленной власти со стороны китайскаго императора или монгольскаго великаго хана, духовный князь города Лассы занялъ мѣсто между безсмертными божествами, возрождающимися сами собой, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Третьимъ воплощеннымъ Буддой, въ іерархіи ламаистовъ, считается лама города Урги въ Монголіи; но кромѣ того существуетъ еще нѣсколько другихъ, и даже настоятельница одного монастыря, находящагося на южномъ берегу озера Палти, въ Тибетѣ, почитается какъ божественное воплощеніе Будды [1]).

Между тибетскими буддистами нѣкоторые рѣдкіе мистики, отъ природы склонные къ самосозерцанію, къ возвышеннымъ умозрѣніямъ, какъ индусы, остаются вѣрными ученію, проповѣданному первыми миссіонерами буддизма, и поставляютъ себѣ высшей цѣлью жизни и подвижничества либо избавленія себя отъ всякой будущей метемпсихозы [переселенія души] [2]), либо идеальное усовершенствованіе посредствомъ уничтоженія всего, что въ нихъ есть еще матеріальнаго, и посредствомъ возрожденія на лонѣ вѣчно неизмѣннаго божества. Учители буддизма даже напередъ дѣлятъ совокупность вѣрующихъ на три группы—на интеллигенцію, людей средняго ума и образованія, и чернь, при чемъ послѣдняя не имѣетъ иной обязанности, кромѣ какъ только сообразоваться съ точно формулированными заповѣдями и предписаніями: для массы духовенства и народа религія есть не что иное, какъ чародѣйство, и культъ приноситъ пользу только какъ средство для устраненія злыхъ духовъ [1]).

Жизнь большинства тибетцевъ проходитъ въ вызываніяхъ и заклинаніяхъ духовъ въ формѣ молитвъ. Шесть магическихъ словъ, «омъ мани падме хумъ»,—которыя большинство комментаторовъ переводятъ словами: «о! драгоцѣнность въ лотосѣ, да будетъ такъ!», но которыя другіе объявляютъ непереводимыми,—составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, формулу молитвы, всего чаще повторяемую. Эти священныя слова, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную силу, представляютъ первые членораздѣльные звуки, которымъ научается монгольскій или тибетскій ребенокъ: они составляютъ единственную молитву, которую онъ будетъ произносить, но онъ будетъ говорить и повторять ее безпрестанно. Онъ не знаетъ ни происхожденія ея, ни точнаго смысла, но что за бѣда! въ ней, тѣмъ не менѣе, заключается

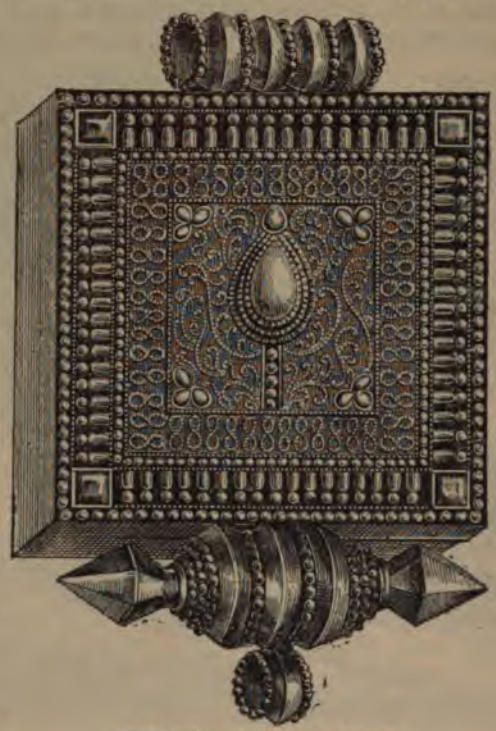
Молитва, выгравированная на скалѣ.

[1]) Giorgi, „Alphabetum tibetanum"; — Manning; — Bogle;—Markham, „Tibet".

[2]) Emil Schlagintweit, цитированное сочиненіе.

[1]) Csoma de Körös;—Васильевъ, „Буддизмъ";—Эмиль Шлагинтвейтъ, „Buddism in Tibet".

самая суть религіи, средство спасенія по преимуществу [1]): какую огромную цѣну придаютъ вѣрующіе этой молитвѣ, можно судить по тому факту, что въ обмѣнъ на 150 милліоновъ экземпляровъ драгоцѣннаго воззванія, отпечатанныхъ въ Петербургѣ, ученый Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ получилъ отъ бурятскихъ ламъ въ Сибири одинъ экземпляръ ихъ неоцѣнной святой книги [2]). Священная надпись встрѣчается повсюду: на стѣнахъ домовъ и храмовъ, на краю дорогъ, возлѣ колоссальныхъ идоловъ, грубо изсѣченныхъ въ живой скалѣ; мане или валы, воздвигнутые подлѣ тропинокъ, сложены изъ камней, изъ которыхъ каждый украшенъ таинственной фразой. Составлялись даже товарищества или религіозныя братства единственно съ цѣлью ходить и вырѣзывать священную надпись на стѣнахъ горъ огромными буквами: нужно, чтобы даже путникъ, быстро проѣзжающій на конѣ, и тотъ могъ бы прочесть слово спасенія [3]). Каждый носитъ на одеждѣ, на рукахъ или на шеѣ священные амулеты изъ золота, серебра или другаго металла, содержащіе, вмѣстѣ съ словами всемогущей молитвы, маленькихъ идоловъ или кусочки мощей, зубы, волосы или ногти святыхъ ламъ [4]). Корло или хортэнъ, молельныя мельницы, употребляемыя, впрочемъ, и въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ культъ Будды, исключая Японіи [5]), нигдѣ такъ не распространены, какъ въ Тибетѣ: примѣняютъ даже силы природы, вѣтеръ и воду, для приведенія въ вращательное движеніе этихъ цилиндровъ, каждый оборотъ которыхъ показываетъ всевидящему небу мистическія слова, управляющія судьбами людей. Подобно киргизамъ, бурятамъ, тунгусамъ и другимъ туземцамъ центральной и сѣверной Азіи, тибетцы имѣютъ обыкновеніе водружать на перевалахъ черезъ горы шесты съ развѣвающимся флагомъ, и на этомъ флагѣ написана все та же молитва изъ молитвъ, которую вѣтеръ развертываетъ, и которую повторяетъ, такъ сказать, каждое движеніе, каждая волна воздуха: одинъ изъ подобныхъ шестовъ съ флагомъ можно видѣть на вершинѣ горы Гуншакаръ, на высотѣ болѣе 6.000 метровъ. Буддистскіе пилигримы приносятъ также аммониты на высшую точку горныхъ пороговъ и рядомъ съ этими ископаемыми раковинами кладутъ, въ видахъ удаленія злыхъ геніевъ, приношенія, состоящія изъ костяковъ и череповъ аргали, большаго дикаго барана [ovis ammon] [1]).



Тибетскій амулетъ.

Большая часть позолоченныхъ кумировъ, поставленныхъ жрецами въ храмахъ и изображающихъ Будду (Духъ), Дарму (Матерія) и Сангу (Соединеніе двухъ началъ, духовнаго и вещественнаго), есть не что иное какъ простыя подражанія, копируемыя уже въ теченіе 10-ти столѣтій идоламъ, которыхъ мы видимъ въ Индостанѣ, и не представляютъ въ своихъ чертахъ ни малѣйшаго сходства съ тибетскимъ типомъ; а такъ какъ каждая черта, каждая спеціальная складка одежды, имѣетъ символическое значеніе, то въ нихъ невозможно ничего измѣнить [2]). Изображенія съ тибетскимъ типомъ представляютъ лишь божества низшаго порядка, и встрѣчаются чаще всего въ статуэткахъ изъ окрашеннаго коровьяго масла, которыя съ такимъ искусствомъ выдѣлываютъ ламы. Но если главные идолы носятъ на себѣ явно индусскій отпечатокъ, то можно бы было подумать, что совокупность религіозныхъ обрядовъ принадлежитъ римско-католической церкви. Уже давно христіанскіе миссіонеры замѣтили поразительное сходство между обрядами буддизма и церемоніями католицизма, и большинство изъ нихъ усматривали въ этомъ почти тождествѣ внѣшняго культа ухищреніе демона, старающагося подражать Богу христіанъ [3]). Другіе пытались доказать, что буддистскіе жрецы, послѣ того какъ они оставили свой древній церемоніалъ,

[1]) Köppen, „Ueber Lama-Hierarchie und Kirche“;—Jules Remy, „Pélerinage d'un curieux au monastère de Pemmiantsi“ etc.

[2]) Эмиль Шлагинтвейтъ, цитированное сочиненіе.

[3]) Bogle, „Mission to Tibet“;—Huc, цитированное сочиненіе.

[4]) Hooker, „Himalayan Journals“.

[5]) *Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.*

[1]) Hermann von Schlagintweit, цитированное сочиненіе.

[2]) Hodgson, „Essay on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“.

[3]) Huc, „Souvenirs d'un voyage en Tartarie, en Chine et au Thibet“.

просто взяли цѣликомъ ритуалъ христіанъ, съ которыми они находились въ соприкосновеніи въ Индостанѣ. Теперь мы знаемъ, какую большую долю эти двѣ религіи, относительно новыя, взяли въ наслѣдіи древнихъ культовъ Азіи, и

Типы и костюмы китайскихъ туркестанцевъ.

какъ, изъ вѣка въ вѣкъ, однѣ и тѣ же церемоніи продолжались въ честь новыхъ божествъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, что вслѣдствіе параллельной эволюціи въ столь разнородныхъ средахъ, каковы европейскій западъ и центръ Азіи, внѣшнія формы буддизма и католицизма сохранили свое сходство, не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ подробностяхъ и мелочахъ. Буддійскіе жрецы постригаются на священнослуженіе, какъ и священники католической церкви; они также носятъ длинныя платья, покрытыя золотыми вышивками; они соблюдаютъ посты, практикуютъ духовное уединеніе, налагаютъ на себя эпитиміи и умерщвленія плоти, исповѣдуютъ вѣрующихъ, молятъ о заступни-

чествѣ святыхъ и совершаютъ дальнія паломничества на поклоненіе мощамъ и святынямъ. Какъ у католическихъ латеровъ, безбрачіе сдѣлалось правиломъ для ламъ послѣ того, какъ въ началѣ оно было только похвальнымъ дѣломъ, и рядомъ съ храмами основались общины, мужскія и женскія, члены которыхъ ставятъ себѣ исключительной задачей жизни трудиться надъ спасеніемъ своей души. Даже во внутреннемъ расположеніи священныхъ зданій и въ отправленіи богослуженія замѣчается полное сходство: подобно католическимъ церквамъ, тибетскіе храмы или кумирни имѣютъ алтарь, паникадила, колокола, раки или ковчежцы съ мощами, сосуды съ очистительной и съ святой водой. Ламы совершаютъ богослуженіе съ митрой на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ, облаченные въ ризы, похожія на епископскій стихарь или подризникъ и мантію; они кланяются алтарю, преклоняютъ колѣни передъ мощами и святыми, запѣваютъ церковныя пѣснопѣнія, читаютъ на языкѣ чуждомъ предстоящей толпѣ, совершаютъ службы за упокой души умершихъ, шествуютъ во главѣ религіозныхъ процессій, произносятъ благословенія и заклинанія злаго духа; вокругъ нихъ клирошане махаютъ кадилами, повѣшенными на пяти цѣпочкахъ, а вѣрующіе перебираютъ свои четки и молитвенныя бусы [1]).

Въ другихъ отношеніяхъ буддійское духовенство Тибета, ряды котораго пополняются преимущественно старшими сыновьями каждой семьи [2]), походитъ если не на нынѣшнее католическое духовенство, то по крайней мѣрѣ на средневѣковый клиръ. Отъ него одного исходитъ вся наука, все знаніе; книгопечатни находятся въ его монастыряхъ; кромѣ священныхъ книгъ, Канджуръ и Танджуръ, отпечатанныхъ въ первый разъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ трехъ стахъ тридцати семи томахъ, оно старается издавать только сочиненія согласныя съ вѣрой, словари, энциклопедіи или книги, содержащія свѣдѣнія изъ различныхъ наукъ, а также книги, научающія искусству пріобрѣтать силу чародѣйства [3]). Тѣ же ламы, то-есть «непревосходимые», отправляютъ правосудіе; они же, посредствомъ десятинной подати и торговли, овладѣли всѣмъ богатствомъ страны: хотя буддизмъ въ началѣ былъ религіей, основанной на равенствѣ людей, и хотя онъ привлекалъ къ себѣ бѣдный народъ упраздненіемъ кастъ, впослѣдствіи онъ самъ возстановилъ касты путемъ господства жрецовъ. Ламы командуютъ и всѣ имъ повинуются: единство вѣры полное вокругъ каждаго монастыря. Обращеніе въ христіанство высшаго духовенства Тибета было бы въ то же время обращеніемъ всей націи и милліоновъ буддистовъ за предѣлами этой страны. Добраться до Лассы, для католическихъ миссіонеровъ, значило бы «атаковать идола на его тронѣ», а «восторжествовать надъ буддизмомъ это все равно, что захватить въ свои руки скипетръ Нагорной Азіи». Все было бы заранѣе приготовлено для того, чтобы замѣнить религію Востока религіей Запада. Чтобы сформировать туземное духовенство, католическая церковь имѣла бы подъ рукой легіоны ламъ, издавна пріученныхъ къ канонамъ безбрачія и іерархіи; чтобы помѣстить свои монашескіе ордена, она нашла бы многочисленные монастыри буддизма, уже посвященные воздержанію, молитвѣ и ученію; чтобы развернуть пышность своего культа, она получила бы готовые храмы, гдѣ уже съ давнихъ поръ совершаютъ импонирующія религіозныя церемоніи [1]). Ни въ одной странѣ міра католичество не покорило себѣ такъ быстро и прочно туземное населеніе, какъ въ возвышенныхъ областяхъ Южной Америки, занимаемыхъ народомъ квичуа. Но, какъ справедливо замѣтилъ Маркгамъ, экуадорскія и перуанскія Анды можно назвать Тибетомъ Новаго Свѣта, по сходству промышленности, пищи, нравовъ и обычаевъ. Квичуасы и боды проходятъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ черезъ хребты и перевалы горъ и передъ грудами священныхъ камней, читая про себя молитвы съ одинаковою набожностью [2]).

Въ теченіе настоящаго столѣтія многочисленныя попытки, сдѣланныя миссіонерами съ цѣлью утвердиться въ Тибетѣ, всѣ имѣли неудачный исходъ. Гюкъ и Габе могли пробыть въ Лассѣ только два мѣсяца, въ 1846 году, а позднѣе другіе миссіонеры даже поплатились жизнью за попытку проникнуть въ Тибетъ. На юго-востокѣ нѣкоторые патеры были счастливѣе. Въ 1854 году они успѣли основать маленькую земледѣльческую колонію среди лѣсовъ Бонга, недалеко отъ лѣваго берега большой рѣки, которая ниже принимаетъ названіе Салуэнъ. Пользуясь содѣйствіемъ китайскихъ эмигрантовъ и имѣя въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ невольниковъ, которые трудились надъ расчисткой лѣса подъ пашни и надъ возведеніемъ построекъ [3]) миссіонеры основали важное селеніе; жилище ламъ было превращено въ священническій домъ, языческая пагода преобразовалась въ христіанскій храмъ, и обращенные ламы исполняли обязанности церковнослужителей. Но это благополучіе продолжалось не долго. Послѣ различныхъ невзгодъ и притѣсненій, бонгскіе миссіонеры принуждены были покинуть тибетскую почву, и дома ихъ были преданы пламени. Послѣ того миссіи опять были

[1]) Huc, цитированное сочиненіе;—Max Müller, „Essai sur l'histoire des religions".

[2]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

[3]) *Eugène Burnouf*, „*Le lotus de la Bonne foi*".

[1]) „Annales de la propagation de la foi", novembre, 1853.

[2]) „Tibet, Narratives of the Missions of Boble and Manning".

[3]) „Annales de la propagation de la foi", juillet, 1865.

учреждены въ Сы-чуани подлѣ самаго Тибета, но миссіонеры уже съ большею осторожностью осмѣливаются переступать запретную границу [1]).

Почти всѣ жрецы Тибета, по крайней мѣрѣ въ центральной области, принадлежатъ къ сектѣ «желтыхъ шапокъ»; но остается еще нѣкоторое число «красныхъ шапокъ», вообще презираемыхъ другими, потому что они не дали обѣта безбрачія. Древняя религія пенъ-бо, предшествовавшая буддизму въ Тибетѣ, не совсѣмъ исчезла; слѣды ея еще встрѣчаются въ юго-восточной области страны и къ западу отъ рѣки Салуэна. Это религія признаетъ существованіе двухъ главныхъ боговъ, одного мужескаго и другаго женскаго пола, отъ которыхъ произошли всѣ другіе боги, геніи и люди [2]); Горцы области Амдо и окрестностей озера Дангра-юмъ тоже, можетъ быть, послѣдователи старой вѣры пенъ-бо; по крайней мѣрѣ они не совершаютъ тѣхъ же самыхъ церемоній, какъ другіе тибетскіе буддисты. Формула, которую они повторяютъ и пишутъ на своихъ молитвенныхъ машинкахъ, другая, не «омъ мани падме хумъ»; они вертятъ свои кружалки, считаютъ зерна четокъ и ходятъ во время религіозныхъ процессій въ направленіи противоположномъ тому, которое принято ортодоксальной обрядностью [3]). Наконецъ, нѣкоторыя полудикія племена на границахъ Юн-нани, Ассама и Бирмы въ религіозномъ отношеніи еще не возвысились надъ грубымъ фетишизмомъ: таковъ народецъ лу, который далъ свое имя рѣкѣ Лу-цзянъ или Салуэнъ [4]). Они почитаютъ въ особенности деревья и скалы, въ которыхъ обитаютъ злотворные духи, и обращаются къ содѣйствію колдуновъ (мумо или мурми), которые заклинаютъ и отгоняютъ злыхъ геніевъ, ударяя въ бубенъ, окуривая благовонными составами и помахивая саблями [5]).

Молоко и масло составляютъ, вмѣстѣ съ ячменной мукой, главныя питательныя вещества тибетцевъ нагорья; но вопреки первой заповѣди Будды, запрещающей убивать животныхъ и религіозной пословицѣ, гласящей, что «ѣсть плоть скотины, все равно, что ѣсть плоть своего брата», большинство тибетцевъ даже ламы, не боятся прибавлять мясо домашнихъ животныхъ къ своей скромной трапезѣ [6]): для успокоенія совѣсти они довольствуются тѣмъ, что презираютъ наслѣдственную касту мясниковъ и заставляютъ ихъ жить въ кварталахъ, удаленныхъ отъ центра города. Пастухи и звѣроловы не стѣсняются никакими предписаніями религіи въ выборѣ своей пищи. Тибетскій баранъ, по отзыву путешественниковъ, «лучшій въ свѣтѣ» [1]), доставляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ яствъ, и въ зимнее время дѣлаютъ запасы цѣлыхъ тушъ этого животнаго, сохраняемыхъ въ замороженномъ состояніи. Охотники преслѣдуютъ дикихъ звѣрей и убиваютъ ихъ ударами стрѣлъ, дротиковъ или при помощи ружей съ фителемъ. Они разставляютъ также силки, главнымъ образомъ для ловли мускусныхъ ланей, пупочный мѣшокъ которыхъ даетъ ихъ торговлѣ дорого цѣнимое пахучее вещество. Единственное животное, щадимое въ восточномъ Тибетѣ, — это красный олень, почитаемый «конемъ Будды» [2]). На возвышенныхъ плоскогорьяхъ, господствующихъ съ сѣверной стороны надъ долиной рѣки Цзанбо, жидкая кровь составляетъ часть питанія туземцевъ. Пундитъ Найнъ-сингъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ пастухи бросались на землю лизать кровь, вытекавшую изъ раны зарѣзаннаго животнаго. Этотъ вкусъ къ крови прививается къ дѣтямъ съ періода отнятія ихъ отъ груди; не имѣя возможности приготовлять имъ кашицу, по причинѣ недостатка зерновыхъ хлѣбовъ на высокихъ плоскогорьяхъ, матери даютъ имъ смѣсь изъ сыра, масла и крови [3]). Пржевальскій разсказываетъ, что лошадей въ тѣхъ мѣстностяхъ тоже кормятъ мясомъ и кислымъ молокомъ.

Жители Тибета, такіе же буддисты, какъ цейлонцы, монголы и китайцы, рѣзко отличаются отъ всѣхъ единовѣрныхъ народовъ національными нравами, которые не измѣнились подъ вліяніемъ культа. Такъ, напримѣръ, у южныхъ тибетцевъ, такъ же, какъ у ихъ сосѣдей и соплеменниковъ, бутанцевъ, до сихъ поръ еще существуетъ обычай многомужія, въ основѣ котораго лежитъ желаніе избавиться отъ необходимости дѣлежа наслѣдства и оставаться подъ однимъ и тѣмъ же кровомъ [4]). Старшій сынъ является отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ братьевъ къ роднымъ невѣсты, и когда совершена церемонія приложенія куска масла ко лбу обоихъ соединяемыхъ, бракъ считается дѣйствительнымъ для всей семьи; присутствующіе берутся въ свидѣтели союза, только что заключеннаго между молодой дѣвушкой и всѣми братьями—ея мужьями. Жрецы, которые не могутъ быть тамъ, гдѣ есть женщины, не присутствуютъ при этомъ обрядѣ, имѣющемъ чисто гражданскій характеръ. Дѣти, родившіяся отъ такихъ коллективныхъ союзовъ, называютъ отцомъ старшаго изъ братьевъ и смотрятъ на другихъ супруговъ какъ на

[1]) Desgodins, „Mission du Thibet".
[2]) Desgodins, цитированное сочиненіе.
[3]) Найнъ-сингъ;—Trotter, „Journal of the Geographical Society", 1877.
[4]) Durant, „Annalles de la propagation de la foi". 1865.
[5]) Desgodins, тотъ же сборникъ, за 1864.
[6]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

[1]) Turner, „Visit to the Teshoo-lama".
[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie", août 1879.
[3]) Найнъ-сингъ; Trotter, „Journal of the Geographical Society", 1877.
[4]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

своихъ дядей, исключая того случая, когда спрошенная мать сама рѣшитъ, кто настоящій отецъ того или другаго ребенка [1]). Впрочемъ, какъ говорятъ путешественники, не бывало примѣра супружескихъ ссоръ или несогласій между членами поліандрическихъ (многомужнихъ) семействъ; мужчины наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угодить своей женѣ и добыть ей кораллы, амбру и другія цѣнныя вещи, которыми она украшаетъ свою одежду и шевелюру. Тибетская женщина, очень уважаемая всѣми,—заботливая хозяйка и держитъ жилище въ чистотѣ и порядкѣ. Она помогаетъ также мужчинамъ въ работахъ внѣ дома, либо по воздѣлыванію земли, либо по уходу за стадами; но трудъ ея, такъ же, какъ и трудъ братьевъ, принадлежитъ всей семьѣ въ совокупности. Рядомъ съ этими поліандрическими хозяйствами, богатые и знатные, подражая изъ тщеславія китайскимъ или мусульманскимъ нравамъ, содержатъ по нѣскольку женъ, которыя живутъ подъ одной кровлей или въ отдѣльныхъ домахъ; но какъ множество, такъ и многомужіе имѣютъ то слѣдствіе, что препятствуютъ возрастанію числа жителей. Совершеніе браковъ не подчинено никакимъ правиламъ въ этихъ странахъ, гдѣ безбрачіе составляетъ предметъ столь строгихъ предписаній для такой значительной части народонаселенія. Даже женщины, принадлежащія къ поліандрической группѣ, имѣютъ еще право, признаваемое обычаемъ, выбрать себѣ другаго мужа внѣ своей семьи [2]).

Подобно тому, какъ въ Китаѣ, вѣжливость въ большомъ почетѣ у тибетцевъ. Когда двое знакомыхъ встрѣчаются, они привѣтствуютъ другъ друга по нѣскольку разъ, показывая языкъ и почесывая себѣ правое ухо, или даже обмѣниваясь шелковыми шарфами, бѣлыми или розовыми, украшенными вышивками, изображающими цвѣты и таинственную формулу молитвы; письма или другія посылки тоже сопровождаются этими шарфами, въ знакъ пожеланія благополучія адресату. Въ Лассѣ и въ другихъ городахъ дамы высшаго общества украшаютъ себѣ голову изящной короной изъ жемчуга, бирюзы, настоящихъ или поддѣльныхъ, изъ раковинъ или серебра; но по разсказу миссіонера Гюка, опровергаемому, впрочемъ, англійскими изслѣдователями Тибета, онѣ безобразятъ себя, намазывая лицо чѣмъ-то въ родѣ чернаго лака, и сила привычки будто бы такъ велика, что ни одна женщина, заботящаяся о соблюденіи приличій, не позволитъ себѣ выйти изъ дому, не выпачкавъ такимъ образомъ своего лица; вѣроятно, однако, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ просто о гигіенической предосторожности, такъ какъ жирная черная мазь имѣетъ свойство предохранять кожу отъ растрескиванія, причиняемаго чрезвычайной сухостью холоднаго воздуха въ нагорномъ Тибетѣ [3]).

Въ этой странѣ всѣ церемоніи напередъ опредѣлены и подчинены извѣстнымъ правиламъ; покрой и цвѣтъ одежды предписаны строго соблюдаемымъ обычаемъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Въ теченіе траурнаго года мужчины воздерживаются отъ ношенія шелковой одежды, а женщины не надѣваютъ на себя драгоцѣнныхъ украшеній. Когда человѣкъ умираетъ, родные или близкіе первымъ дѣломъ обстригаютъ ему волосы на макушкѣ, для того, чтобы облегчить переселеніе души [4]). Семейство хранитъ у себя трупъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, даже недѣль, если оно богато, затѣмъ жрецы рѣшаютъ, долженъ ли покойникъ быть зарытъ въ землю, сожженъ, пущенъ по теченію водъ, или же лучше ли выставить его на скалѣ и отдать на съѣденіе собакамъ, птицамъ и хищнымъ звѣрямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣютъ обыкновеніе разбивать кости и разрѣзывать тѣло на куски, для того, чтобы ускорить явленіе возвращенія къ первоначальнымъ элементамъ, затѣмъ, когда хищныя животныя сдѣлали свое дѣло, подбираютъ остатки трупа и бросаютъ ихъ въ какую-нибудь текучую воду. Часто также суставы пальцевъ сохраняются, чтобы быть нанизанными въ видѣ четокъ, а кости ногъ и рукъ служатъ трубами, употребляемыми для призыва ламъ на молитву. По свидѣтельству братьевъ Шлагинтвейтъ, обычай выставленія мертвыхъ тѣлъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ почти совершенно исчезъ въ западномъ Тибетѣ, но въ другихъ частяхъ страны онъ еще сохранился въ полной силѣ и примѣняется ко всѣмъ покойникамъ, исключая ламъ, которые, въ Тибетѣ, почти всегда зарываются въ землю въ сидячемъ положеніи [5]). Въ Цзянькѣ, въ провинціи Камъ, мѣсто похоронъ получило прозвище «Долины рѣзни». Въ то время, какъ ламы читаютъ погребальныя молитвы, нарочно приглашенный мясникъ распластываетъ трупъ на куски, чтобы облегчить работу ястребовъ и коршуновъ. Привыкшіе къ похоронымъ церемоніямъ, крылатые хищники смѣло спускаются въ середину толпы; самый сильный изъ нихъ пользуется привилегіей выклевать глаза у мертвеца, затѣмъ другіе усердно принимаются открывать внутренности и насыщаться мясомъ. Когда трупъ представляетъ лишь безформенную массу, лама разламываетъ скелетъ на мелкіе куски, рубитъ топоромъ всю массу на плоскомъ камнѣ, гдѣ эти остатки быстро пожираются

[1]) Orazio della Penna, „Breve notozia del regno del Tibet"; Bogle, „Mission to Tibet".

[2]) *Drew, „The Northern barrier of* India".

[3]) D. Hooker, „Himalayan Journals".

[4]) Orazio della Penna, „Breve notizia del regno del Tibet".

[5]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

птицами: хлопанье крыльевъ и щелканье клювовъ аккомпанируютъ монотонному голосу жреца [1]). А между тѣмъ мало найдется странъ, гдѣ бы питали болѣе уваженія къ усопшимъ, чѣмъ въ Тибетѣ. Въ память ихъ устраиваются большія празднества, и на похоронные пиры приглашаютъ всѣхъ прохожихъ. Ночью дома иллюминуются, на горахъ зажигаютъ огни: снопы пламени пылаютъ на разныхъ высотахъ, въ то время какъ храмы, блистающіе яркимъ свѣтомъ, оглашаются звуками цимбалъ и пѣніемъ похоронныхъ гимновъ [2]).

По словамъ итальянскаго миссіонера Ораціо делла-Пенна, оффиціальная перепись тибетскаго народонаселенія, произведенная «королевскими министрами», насчитывала въ прошломъ столѣтіи около 33 милліоновъ жителей, изъ которыхъ было 690.000 носящихъ оружіе [3]). Передавая эти статистическія данныя, первоначальное происхожденіе которыхъ неизвѣстно, Клапротъ, съ своей стороны, высказываетъ предположеніе, что число 5 милліоновъ, для населенія Тибета, будетъ, вѣроятно, близко подходящее къ истинѣ. Бемъ и Вагнеръ, такъ же, какъ офицеры русскаго генеральнаго штаба, останавливаются на цифрѣ 6 милліоновъ, не будучи, однако, въ состояніи дать другихъ доводовъ въ подкрѣпленіе этого исчисленія, кромѣ того соображенія, что эта цифра составляетъ почти среднее число между крайними цифрами: 3 съ половиной милліона и 11 милліоновъ, предложенными въ послѣднее время различными географами [4]). Слѣдовательно, населеніе страны, если основываться на этихъ данныхъ, простирается среднимъ числомъ до 4 человѣка на каждый квадр. километръ; но мы знаемъ, что оно распредѣлено весьма неравномѣрно. Плоскогорье Хачи представляетъ почти безлюдную пустыню; точно также югозападная провинція Нари (Нгари, Гнари Хорсумъ) заключаетъ лишь небольшія группы жителей. Провинція Камъ, занимающая восточную область Тибета, населена очень неравномѣрно, по причинѣ своихъ обширныхъ лѣсовъ, высокихъ горъ, неприступныхъ ущелій; наиболѣе плотную населенность находимъ въ двухъ южныхъ провинціяхъ, Цзанъ и Уй (У, Ю или или Уэй), на берегахъ средняго теченія рѣки Цзанбо и въ долинахъ ея притоковъ.

Извѣстно, что Даба и большинство «городовъ» и селеній нагорной долины Сетледжа покидаются жителями въ продолженіе части года. Пулингъ, самое возвышенное населенное мѣсто этой части Тибета, обитаемое постояннымъ образомъ, находится на высотѣ 4.750 метровъ. Тсапранъ, главный городъ округа, какъ и Даба, и лежащій къ сѣверо-западу отъ этого города, очень высоко надъ водами Сетледжа, на высотѣ 4.750 метровъ, тоже покидается жителями на зиму, да и лѣтнихъ домовъ въ немъ всего только штукъ пятнадцать. Крѣпость Такла-харъ, другой главный окружной городъ, находится уже на южномъ склонѣ Гималайскаго хребта, на правомъ берегу Мапъ-чу или «Большой Рѣки», главной вѣтви рѣки, извѣстной у непальцевъ подъ именемъ Карнали. Эта крѣпостца состоитъ изъ пещеръ и галлерей, вырытыхъ въ скалѣ, на высотѣ 250 метровъ; она заключаетъ бо́льшіе запасы провіанта, и говорятъ, что зерновой хлѣбъ, сложенный въ ея казематахъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, до сихъ поръ превосходно сохранился, благодаря сухости воздуха [1]). Къ западу отъ крѣпости Такла-харъ находится Ситлингъ-гонпа, самый большой монастырь въ провинціи Гундесъ или Нари, славящійся во всемъ Тибетѣ и въ Непалѣ своими огромными богатствами.

Верхній бассейнъ Инда, за исключеніемъ самой низкой части долины, по которой протекаетъ эта рѣка до вступленія въ предѣлы Индостана, почти совершенно необитаемъ, какъ и бассейнъ Сетледжа. Между тѣмъ въ этой странѣ находится временная столица юго-западной провинціи Тибета, городъ Гардокъ на берегу рѣки Гартунга. Это мѣсто, названіе котораго означаетъ «Высокій рынокъ», замѣчательно своими ярмарками, и ярмарочное поле его едва-ли не самое возвышенное въ свѣтѣ. Въ августѣ и въ сентябрѣ тутъ воздвигается, рядомъ съ постоянными домами изъ глины или изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, цѣлый городъ палатокъ, изъ которыхъ каждая своей формой обнаруживаетъ происхожденіе торговцевъ, которые ихъ занимаютъ. Жилища тибетцевъ, обтянутыя яковыми шкурами, еще покрытыми черной шерстью, составляютъ разительный контрастъ съ бѣлыми павильонами индусовъ, тогда какъ юрты кашгарцевъ и другихъ тюрковъ отличаются яркостью цвѣтовъ, украшающихъ войлокъ шатра [2]). Но зимой городъ «Нагорнаго рынка» совершенно пустѣетъ и покидается на жертву вѣтрамъ и снѣжнымъ буранамъ; купцы разъѣзжаются по домамъ; а немногочисленные постоянные жители провинціи спускаются въ Гаргунцу, деревню болѣе защищенную, лежащую на Гартунгѣ, выше сліянія этой рѣки съ Индомъ. Рудохъ, близъ озера Могналари, представляетъ кучку невзрачныхъ лачугъ, сгруппированныхъ вокругъ крѣпостцы и монастыря.

---

[1]) Durand, „Annales de la propagation de foi", 1865.

[2]) Sam Torner, „Embassy to thecourt of the Teshoolama".

[3]) „Breve notizia del regno del Tibet".

[4]) Ту же цифру въ 6 милліоновъ даютъ и современныя свѣдѣнія см. „ *Statesmans jear book*", 1895 г. стр. 420.

[1]) Ryall, „Abstract of a Report on the Surveys of India".

[2]) Германъ фонъ Шлагинтвейтъ, цитированное сочиненіе.

А между тѣмъ «жажда золота» населила нѣкоторыя части плоскогорья, господствующаго съ восточной стороны надъ долиной верхняго Инда, лежащія гораздо выше тѣхъ мѣстъ, гдѣ пріютились домишки Гардока и Гартунга. Эта область, гдѣ сгруппировались золотоискатели, носитъ со временъ глубокой древности имя Сартоль или «Страны золота», изъ чего можно заключить, что тамъ уже въ отдаленную эпоху собирали драгоцѣнный металлъ: ученые видятъ въ этой мѣстности чудную страну, гдѣ копались въ землѣ тѣ муравьи-золотоискатели, о которыхъ говорятъ Геродотъ [1]) и средневѣковыя легенды, и которыя охранялись страшными грифонами. Эксплоатація этихъ золотоносныхъ песковъ одно время была оставлена по причинѣ суровости климата, но, около половины настоящаго столѣтія, снова принялись за поиски драгоцѣннаго металла, для тибетскаго правительства. Золотые пріиски Токъ-джалунгъ,—вѣроятно, самая высокая колонія на земномъ шарѣ, обитаемая постоянно, какъ лѣтомъ, такъ и зимой. По словамъ англо-индійскихъ пундитовъ, она находится на высотѣ 4.980 метровъ, то-есть почти на 200 метровъ выше, чѣмъ высшая верхушка Монъ-Блана, въ области, гдѣ воздухъ почти въ два раза менѣе плотенъ, нежели на уровнѣ океана. Въ зимнюю пору сюда собирается самое большое число рудокоповъ, и тогда въ этой странѣ непрерывныхъ морозовъ и снѣговъ насчитываютъ до шести сотъ палатокъ, спрятавшихся на днѣ большихъ ямъ и углубленій почвы, чтобы укрыться отъ вѣтра, и видимыхъ только по ихъ конусообразнымъ верхушкамъ, обтянутымъ черными яковыми шкурами. Въ лѣтніе мѣсяцы этотъ муравейникъ шатровъ уменьшается на половину, потому что вода въ сосѣднихъ источникахъ принимаетъ тогда совершенно соленый вкусъ: ее можно пить только послѣ того, какъ она очистится, превратившись въ ледъ; въ этой области плоскогорья достаточно покопать почву, чтобы найти вездѣ соль и буру. Другіе золотые пріиски Тибетскаго нагорья гораздо менѣе богаты металломъ, нежели Токъ-джалунгскіе: по словамъ пундита Найнъ-синга, единственный пріискъ, имѣющій нынѣ нѣкоторую экономическую важность,—это Токъ-дауракпа, находящійся гораздо восточнѣе на плоской возвышенности. Все количество золота, добываемаго на пріискахъ западнаго Тибета, достигаетъ цѣнности 200.000 франковъ въ годъ и отправляется въ Индостанъ черезъ Гардокскій рынокъ.

Самые возвышенные обитаемые пункты верхней долины рѣки Цзанбо состоятъ только изъ почтовыхъ станцій и монастырей: холодъ въ этихъ мѣстностяхъ слишкомъ суровъ, чтобы тамъ можно было основать деревни съ постояннымъ населеніемъ. Однако, значительныя селенія, даже настоящія мѣстечки появляются и слѣдуютъ одно за другимъ въ этой долинѣ на высотѣ, слишкомъ въ два раза превосходящей высоту Симплона и Сенъ-Готарда. Тадумъ, главный городъ округа Доктолъ, находится на высотѣ 4.323 метра надъ уровнемъ моря. Джанглачи, торговое селеніе, гдѣ сходятся двѣ дороги, ведущія изъ Непала, одна черезъ Кіронгъ, другая черезъ Ниламъ, лежитъ на высотѣ 4.226 метровъ; Дингри или Тингри, въ высокой долинѣ, которая открывается у самаго основанія горы Гаурисанкаръ, – пограничный городъ, командующій этими проходами черезъ Гималайскую цѣпь, и крѣпость его занята китайскимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ пяти сотъ человѣкъ. Шигатзэ или Дигарчи, главный городъ провинціи Цзанъ, занимаетъ уже положеніе относительно низкое для этой горной страны; онъ расположенъ на высотѣ 3.621 метра, въ боковой долинѣ, по которой протекаетъ рѣка Пенангъ-чу. Выше Шигатзэ, на террасѣ, окруженной крутизнами, поднимаются въ видѣ амфитеатра, дома и храмы Чжасилюмбу или «Превознесенной Славы». Стѣны святаго города, резиденціи воплощеннаго Будды, Баньчань-ламы или Банчань-римдуца, то-есть «Перла разума» [1]), имѣютъ около 2 километровъ въ окружности и заключаютъ болѣе трехъ сотъ зданій, группирующихся вокругъ дворца и религіозныхъ памятниковъ; отъ трехъ до четырехъ тысячъ жрецовъ обитаютъ въ монастырѣ Чжасилюмбу, на позлащенныя колокольни и красныя стѣны котораго съ благоговѣніемъ взираетъ народъ, живущій въ нижнемъ городѣ и толпящійся на его рынкахъ.

Большая часть другихъ городовъ этой области тоже состоятъ изъ группъ скромныхъ низенькихъ домиковъ, надъ которыми возвышаются величественныязд анія, представляющія въ одно и то же время дворцы, крѣпости, храмы и монастыри. Таковъ, на сѣверѣ, по другую сторону долины рѣки Цзанбо, городъ Намлингъ или «Небесный Садъ»; таковъ же городъ Шакръ-джонгъ, на юго-западѣ отъ Шигатзэ и Чжасилюмбу, у основанія одного изъ предгорій Гималайскаго хребта, близъ границы Сиккима. Гянцзэ, на юго-востокѣ, въ той же долинѣ, гдѣ и Шигатзэ,—важный городъ, какъ средоточіе торговли съ Бутаномъ и какъ промышленный пунктъ: изъ произведеній его промышленности особенно славятся суконныя матеріи, очень теплыя, мягкія на ощупь и необыкновенно гибкія; онъ занятъ, какъ и Дингри, сильнымъ китайскимъ гарнизономъ. Въ Шигатзэ оканчивается колесная до-

[1]) Книга III, 102.

[2]) Schiern, „Ueber den Ursprung der Sage der goldgrabenden Ameisen".

[1]) Paske, „Buddhism in Little Tibet"; —Element Markham, „Tibet".

рога, построенная остъ-индскимъ правительствомъ, и которая выходитъ изъ Дарджилинга, въ Сиккимѣ. Населеніе Гянцзэ достигаетъ до 12.000 человѣкъ.

цами формы Hlassa, Hl'assa, L'hassa не передаютъ мѣстнаго произношенія) есть въ одно и то же время главный городъ провинціи Уй, столица Тибета и духовная метрополія всѣхъ

Улица въ городѣ Яркендѣ.

Хласса или Ласса (Іешке, миссіонеръ съ тибетской границы, авторъ чрезвычайно цѣнныхъ мемуаровъ о нарѣчіяхъ страны Бодъюлъ, говоритъ, что употребляемыя европей-

буддистовъ Китайской имперіи: названіе ея означаетъ «Божественная земля»; монголы называютъ ее Моркэ-джотъ или «Вѣчное Святилище». Число жрецовъ, которыхъ насчиты-

ваютъ до двадцати тысячъ въ Лассѣ и въ окрестностяхъ [1]), можетъ быть, превышаетъ тамъ число гражданскаго населенія: толпы пилигримовъ, приходящихъ со всѣхъ концовъ Тибета и даже изъ-за границы, стекаются каждый годъ въ храмы этого «буддійскаго Рима». На двухъ широкихъ, обстановленныхъ деревьями, аллеяхъ, которыя ведутъ изъ города во дворецъ далай-ламы, всегда увидишь множество вѣрующихъ, набожно перебирающихъ между пальцами свои длинныя четки, тогда какъ высшіе духовные сановники двора, облаченные въ великолѣпныя одежды и возсѣдающіе на коняхъ въ богатой сбруѣ, гордо проѣзжаютъ среди почтительно разступающейся толпы. Дворецъ Табранъ-марбу [2]), въ которомъ имѣетъ пребываніе государь, представляетъ собраніе укрѣпленій, храмовъ и монастырей, надъ которымъ высоко поднимается куполъ, сплошь покрытый пластинками изъ чистаго золота и окруженный перистилемъ, колонны котораго тоже позолочены: нынѣшнее зданіе, перестроенное стараніями Канъ-си и наполненное сокровищами, которыя приносятся сюда вѣрующими изъ всѣхъ частей Тибета, изъ Монголіи, изъ Китая, замѣнило дворецъ, разрушенный чжунгарами въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. «Гора Будды» (Буддала) составляетъ, съ седьмаго столѣтія христіанской эры, самое священное и наиболѣе почитаемое мѣсто во всей восточной Азіи [по Іешке, слово Потала санскритскаго происхожденія, и это наименованіе, означающее «Пристанище», объясняется миѳомъ, занесеннымъ индусскими пилигримами] [3]). Когда день склоняется къ закату, позволяя еще ясно различать на синевѣ неба профиль священной горы, въ нижнемъ городѣ прекращается всякая дѣятельность, всякая работа: жители Лассы собираются кучками на терасахъ, на улицахъ и площадяхъ и падаютъ ницъ, распѣвая свои вечернія молитвы. Глухой гулъ поднимается надъ всѣмъ городомъ и возносится къ дворцу далай-ламы [4]).

Городъ раскинулся на южной сторонѣ священной горы по правому берегу рѣки Ки-чу, одного изъ главныхъ притоковъ Цзанбо. Хотя онъ находится на высотѣ 3.566 метровъ, то-есть на 150 метровъ выше, чѣмъ самый возвышенный пикъ Пиренеевъ, но, благодаря своей болѣе южной широтѣ и своему защищенному положенію, онъ пользуется тѣмъ преимуществомъ, что могъ окружить себя зеленью: сады, наполненные большими деревьями, образуютъ вокругъ города поясъ листвы и цвѣтовъ. Улицы въ Лассѣ широкія и прямыя, дома изъ дикаго камня, кирпича и глины и по большей части выбѣлены известкой. Въ одномъ изъ кварталовъ города всѣ дома выстроены изъ роговъ, коровьихъ и бараньихъ, расположенныхъ рядами, различающимися цвѣтомъ и формой: эти переплетающіеся рога, промежутки которыхъ залѣплены известковымъ цементомъ, очень удобны для окраски и допускаютъ чрезвычайное разнообразіе рисунковъ, которые придаютъ жилищамъ самый фантастическій видъ [1]).

Мѣстечки и деревни въ окрестностяхъ Лассы имѣютъ, какъ и сама столица, болѣе важности по своимъ монастырямъ или гонпа, чѣмъ по своимъ мастерскимъ и рынкамъ. Во время праздниковъ новаго года, когда со всѣхъ концовъ Тибета монахи стекаются въ священный городъ, пѣшкомъ, на лошадяхъ, верхомъ на ослахъ или на якахъ, нагруженные молитвенниками и кухонной утварью, улицы, площади, аллеи, дворцы, все покрывается палатками; куда ни посмотришь, вездѣ видишь только монаховъ; кажется, что свѣтское населеніе совершенно исчезло. Министры и чиновники не имѣютъ тогда никакой власти: жрецы дѣлаются полными хозяевами и господами города. Это заполоненіе Лассы продолжается шесть дней. Послѣ посѣщенія монастыря Табранъ-марбу, гдѣ они запасаются священными книгами, покупаемыми въ мастерскихъ казенной типографіи, ламы расходятся по своимъ кумирнямъ и городъ снова принимаетъ свой обычный видъ [2]).

Большинство монастырей или гонпа,—простыя скопленія домиковъ, съ узкими извилистыми улицами, сходящимися къ центральному зданію, заключающему кумирни и книгохранилище. Но между тридцатью монастырями, разсѣянными въ окрестностяхъ Лассы, есть и такіе, которые, благодаря пожертвованіямъ многихъ поколѣній пилигримовъ, дотого разбогатѣли, что превратились въ настоящіе дворцы. Въ 6 километрахъ къ западу отъ города монастырь Дебанъ, какъ говорятъ, населенъ семью или восемью тысячами жрецовъ. Далѣе, монастырь Пребунъ или «Десяти тысячъ плодовъ» служитъ пристанищемъ для монгольскихъ жрецовъ, которые приходятъ созерцать славу далай-ламы и слушать изъ его устъ, разъ въ годъ, толкованіе священныхъ книгъ. На сѣверѣ отъ Лассы, монастырь Сера, гдѣ живетъ около 5.500 монаховъ, не менѣе славится въ Тибетѣ. Что касается монастыря Галданъ, прославленнаго пребываніемъ Цзонхавы, реформатора тибетскаго буддизма, то онъ находится въ пятидесяти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Лассы и расположенъ на холмѣ, господствующемъ надъ долиной рѣки Ки-чу; болѣе трехъ тысячъ

[1]) Campbell, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“;—„Oesterreich. Monatsschrift für den Orient“.
[2]) См. Матусовскій, стр. 331.
[3]) „Zeitschrift der morgenländischen Gesellshaft“, XXVI.
[4]) Huc, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le *Tibet et la Chine*“.

[1]) Huc;—Campbell, цитированное сочиненіе и мемуары.
[2]) Huc, цитированное сочиненіе.

ъ обитаютъ въ этой обители. Всѣ эти зда-
богаты позолоченными идолами, драгоцѣн-
ми металлами и камнями. Монастырь Самойе,
ваніе котораго туземцы приписываютъ са-
у Шакіа-Муни, — самый знаменитый изъ
къ обителей Тибета; въ то же время это
ъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ рос-
ныхъ [1]). Монастырскія зданія обнесены
окой каменной стѣной, имѣющей около 2
половиной километровъ въ окружности; внут-
ность храма, стѣны котораго испещрены
скритскими надписями, начертанными ог-
ными вычурными буквами, заключаетъ мно-
тво идоловъ изъ чистаго золота, одѣтыхъ
дорогія ткани, унизанныя драгоцѣнными
нями; здѣсь же хранится казна тибетскаго
вительства. По народному повѣрью, настоя-
этого монастыря простираетъ свою власть
е за предѣлы гроба и можетъ награждать и
азывать души умершихъ [2]).

Монастырь Самойе находится въ 2 киломе-
хъ къ сѣверу отъ Цзанбо, въ километрахъ
ока къ западу отъ важнаго города Четанъ,
строеннаго на южномъ берегу этой рѣки: это
одный пунктъ торговыхъ каравановъ, на-
вляющихся къ Бутану и Ассаму. Складоч-
мъ мѣстомъ и пограничнымъ рынкомъ въ
мъ направленіи служитъ городъ Чона-чжунъ,
а тибетцы привозятъ на продажу соль, буру
ерсть, и гдѣ они, въ обмѣнъ на свои про-
ты, покупаютъ грубыя матеріи, рисъ, фрук-
пряности и красильныя вещества. Англо-
йскій изслѣдователь Найнъ-сингъ полага-
, что Чона-чжунъ самый важный торговый
ктъ во всемъ Тибетѣ: караваны проходятъ
сь даже въ большемъ числѣ, чѣмъ черезъ
ъ, главный рынокъ индусскаго Тибета; прав-
что въ этомъ послѣднемъ городѣ торгуютъ
ѣе цѣнными товарами.

Въ восточныхъ областяхъ Тибета, гдѣ насе-
ie очень рѣдкое и разбросано въ узкихъ гор-
ъ долинахъ и ущельяхъ, города немного-
лены. Главный изъ нихъ, который въ то же
мя есть административная столица провин-
Камъ,—городъ Чапмдо, Цяпмдо или Чамдо-
, имя котораго, означающее «Два пути»,
зываетъ на положеніе его въ мѣстѣ соеди-
ія двухъ дорогъ или двухъ рѣкъ: въ самомъ
ѣ, онъ находится при сліяніи двухъ пото-
ъ, способствующихъ образованію рѣки Лань-
ь-цзянъ, то-есть Меконга. Это довольно об-
ный городъ, имѣющій также свой большой
астырь, населенный слишкомъ тысячью мо-
овъ. Далѣе на югѣ, въ долинѣ, по которой
текаетъ притокъ рѣки Цзинь-ша-цзянъ, то-
«Рѣки съ золотымъ пескомъ», находится
гой довольно важный городъ, Меркамъ, къ

югу отъ котораго, на берегахъ Лань-цяньцзяна, эксплоатируются очень обильные соляные источники.

Важнѣйшіе города Тибета, съ приблизительнымъ числомъ ихъ населенія:

Ласса — 24.000 жит., Шигатзэ и Чжасилумбу — 13.000, Четанъ — 13.000, Гянцзэ — 12.000, Чона-чжунъ — 6.000, Киронгъ — 4.000, Шикаръ-джонгъ — 3.000, Чамдо-ула — 2.000, Ниламъ — 1.500, Дингри — 1.500.

Не имѣя земледѣлія, не обладая другими экономическими рессурсами, кромѣ своихъ стадъ скота и кое-какихъ не особенно важныхъ промысловъ, Тибетъ не могъ бы имѣть, если бы даже онъ не былъ окруженъ барьеромъ таможенъ коммерческихъ и политическихъ, очень частыхъ и дѣятельныхъ сношеній съ другими государствами. Главная промышленность этой страны—пряденіе шерсти и тканье суконныхъ матерій. Большая часть получаемой въ краѣ сырой шерсти, по обилію которой съ Тибетомъ не можетъ сравниться ни одна страна въ мірѣ, употребляется самими жителями и идетъ на выдѣлку суконъ всякаго рода, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ. Красный чру или пулу, предназначенный для высшихъ духовныхъ особъ,—тонкая и прочная ткань, которая продается по очень высокой цѣнѣ на рынкахъ Монголіи и Китая. Большинство тибетцевъ, мужчинъ и женщинъ, искусные вязальщики и ткутъ сами всѣ необходимыя имъ части одежды. Послѣ промышленностей, относящихся къ домашнимъ нуждамъ, тибетцы занимаются преимущественно такими ремеслами, которыя имѣютъ цѣлью украшеніе храмовъ и монастырей. Ихъ лѣпщики необыкновенно искусны въ приготовленіи статуэтокъ, искусственныхъ цвѣтовъ и разныхъ орнаментовъ изъ коровьяго масла, которые ставятся передъ идолами; многочисленные мастера заняты фабрикаціей курительныхъ свѣчекъ, зажигаемыхъ въ честь боговъ и геніевъ [1]).

Несмотря на простоту ихъ жилищъ и умѣренность ихъ образа жизни, тибетцы все-таки вынуждены покупать у иностранцевъ нѣкоторые мануфактурные товары; но что дѣлаетъ ихъ безусловно зависимыми отъ странъ равнины, съ точки зрѣнія торговли, такъ это чай. Они не могли бы обойтись безъ этого продукта, и недавно монополія чайной торговли принадлежала Китаю; такимъ образомъ, они волей неволей должны обращаться къ этому могущественному сосѣду и заключать съ нимъ трактаты. Чай былъ для китайцевъ главнымъ средствомъ завоеванія Тибета [2]), болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ оружіе; выраженіе «пригласить ламъ на чай» сдѣлалось пословицей, напоминающей подкупъ тибетскихъ государей ки-

---

) Найнъ-сингъ; — Trotter, „Journal of the Geographical ty“, 1877.
) Отчеты пундитовъ, „Mittheilungen von Petermann“, 1868.

[1]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

тайскими мандаринами [1]). Оттого пекинское правительство съ величайшею заботливостью наблюдаетъ за торговыми трактатами Тибета, чтобы воспрепятствовать доставкѣ ассамскаго чая, который, впрочемъ, гораздо менѣе цѣнится, чѣмъ листья низшаго сорта, привозимые изъ Китая, и продается несравненно дешевле; тѣмъ не менѣе, смѣлые авантюристы изъ независимаго королевства Поми не отказались отъ своихъ правъ свободной торговли съ Индіей, и каждый годъ привозятъ контрабандой изъ Ассама все возрастающія количества запрещеннаго товара [2]). Годовой привозъ китайскаго чая въ Тибетъ исчисляется въ 3 милліона килограммовъ,—въ 4 милліона, по оцѣнкѣ англичанина Бибера,—и представляетъ въ самой странѣ, по цѣнамъ розничной торговли, цѣнность отъ 7 до 9 милліоновъ франковъ [3]).

Торговый обмѣнъ Тибета съ Индостаномъ въ настоящее время имѣетъ весьма ограниченные размѣры. Жители плоскогорья Бодъ-юлъ покупаютъ у англійской Индіи очень небольшое число мануфактурныхъ товаровъ и продуктовъ, или по крайней мѣрѣ то, что они ввозятъ, переходитъ къ нимъ черезъ посредство Непала и Кашмира. Но сами они отправляютъ непосредственно индійскимъ англичанамъ товаровъ на сумму, въ десять разъ превосходящую цѣнность ввозимыхъ ими предметовъ: ихъ драгоцѣнныя шерстяныя ткани находятъ дорогу черезъ перевалы Гималайскихъ горъ и порты Индостана къ Лидсу и другимъ мануфактурнымъ городамъ Британскихъ острововъ. Торговля Тибета съ англійской Индіей въ коммерческомъ 1878—79 году представляла слѣдующія цифры [4]):

Привозъ въ Тибетъ—365.000 франковъ. Вывозъ изъ Тибета—3.750.000 франковъ. Вмѣстѣ—4.115.000 франковъ.

Благодаря этому огромному перевѣсу отпуска надъ привозомъ, блестящія англійскія рупіи постоянно накопляются въ казнѣ тибетскихъ монастырей; эти монеты «нищенствующаго ламы», какъ ихъ называютъ тибетцы, мало-по-малу замѣняютъ въ торговлѣ страны плитки кирпичнаго чая и старинныя серебряныя монеты съ восемью цвѣточками, нѣчто въ родѣ fiorini, которыя раздѣляли на отрывки одного или нѣсколькихъ цвѣтковъ. Мелкіе разсчеты производятся обыкновенно иголками [5]), тогда какъ для большихъ операцій употребляютъ, какъ въ Китаѣ, слитки серебра.

Тибетцы, можно сказать, прирожденные коммерсанты: у нихъ всѣ торгуютъ, часто безъ всякаго раздѣленія труда и всякими товарами, какіе попадаются подъ руку. Каждый домъ—лавка, каждая кумирня—складочный магазинъ. Во всѣхъ монастыряхъ существуетъ такъ называемый гарпенъ или торговый старшина, имѣющій у себя подъ началомъ цѣлую іерархію помощниковъ и стада вьючныхъ животныхъ для перевозки товаровъ. Караваны торговцевъ странствуютъ по всѣмъ дорогамъ Тибета, гоня передъ собой навьюченныхъ яковъ и барановъ. Изъ торговыхъ трактовъ всего болѣе посѣщается караванами дорога, ведущая изъ Лассы въ Китай черезъ Да-цзянъ-лу и черезъ провинцію Сы-чуань. Другой путь изъ Катая направляется на сѣверо-востокъ отъ Лассы черезъ Монголію; кромѣ того, есть еще дороги, спускающіяся на югъ къ Ассаму и Бутану; на юго-западъ къ Непалу, на востокъ къ городамъ Гардоку и Леху. Караванъ, слѣдующій по этой послѣдней дорогѣ, вѣроятно, самой важной для товаровъ, отправляемыхъ въ Европу, рѣдко совершалъ свое хожденіе только въ три года разъ, но въ настоящее время, по словамъ Маркгама, путешествіе имѣетъ мѣсто каждый годъ. Забравъ шелковыхъ тканей, шалей, шафрана и другихъ товаровъ, партія торговцевъ выступаетъ изъ Леха въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; въ Лассу же она прибываетъ только въ январѣ слѣдующаго года, такъ какъ по дорогѣ въ главныхъ мѣстахъ привала въ Гардокѣ, на озерѣ Манасароваръ, въ Тадумѣ, въ Шигатзэ, пользуется остановкой и открываетъ ярмарки, продолжающіяся по нѣскольку недѣль. Первую половину года караванъ проводитъ въ Лассѣ, гдѣ онъ запасается китайскимъ чаемъ, шерстью, куэнь-луньской бирюзой, и возвращается въ Лехъ только послѣ полуторагодоваго отсутствія. Округи, черезъ которые онъ проходитъ, обязаны поставлять ему безвозмездно по 300 яковъ для перевозки товаровъ, а также съѣстные припасы для путешественниковъ [1]). На всей южной границѣ проходы Гималайскихъ горъ открываются караванамъ только тогда, когда они объявлены «переходимыми» дзонгпономъ или начальникомъ ближайшаго тибетскаго мѣстечка. Въ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда война или революція вспыхиваетъ въ сосѣдствѣ горъ, или когда заразительныя болѣзни господствуютъ въ Индостанѣ, требуется даже разрѣшеніе высшаго тибетскаго правительства, которое само указываетъ негоціантамъ благопріятный моментъ для перехода. Почти вся прибыль отъ заграничной торговли поступаетъ въ пользу монастырей; путемъ ростовщичества народныя сбереженія поглощаются, словно бездонной пропастью, этими обителями, превращаясь тамъ въ роскошныя матеріи, въ драгоцѣнные камни, въ украшенія всякаго рода.

[1]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Китаѣ", т. I.

[2]) Chauveau, „Annales de la propagation de la foi", 1871 г.

[3]) Desgodins, „Mission du Tibet"; — Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand", bygil.

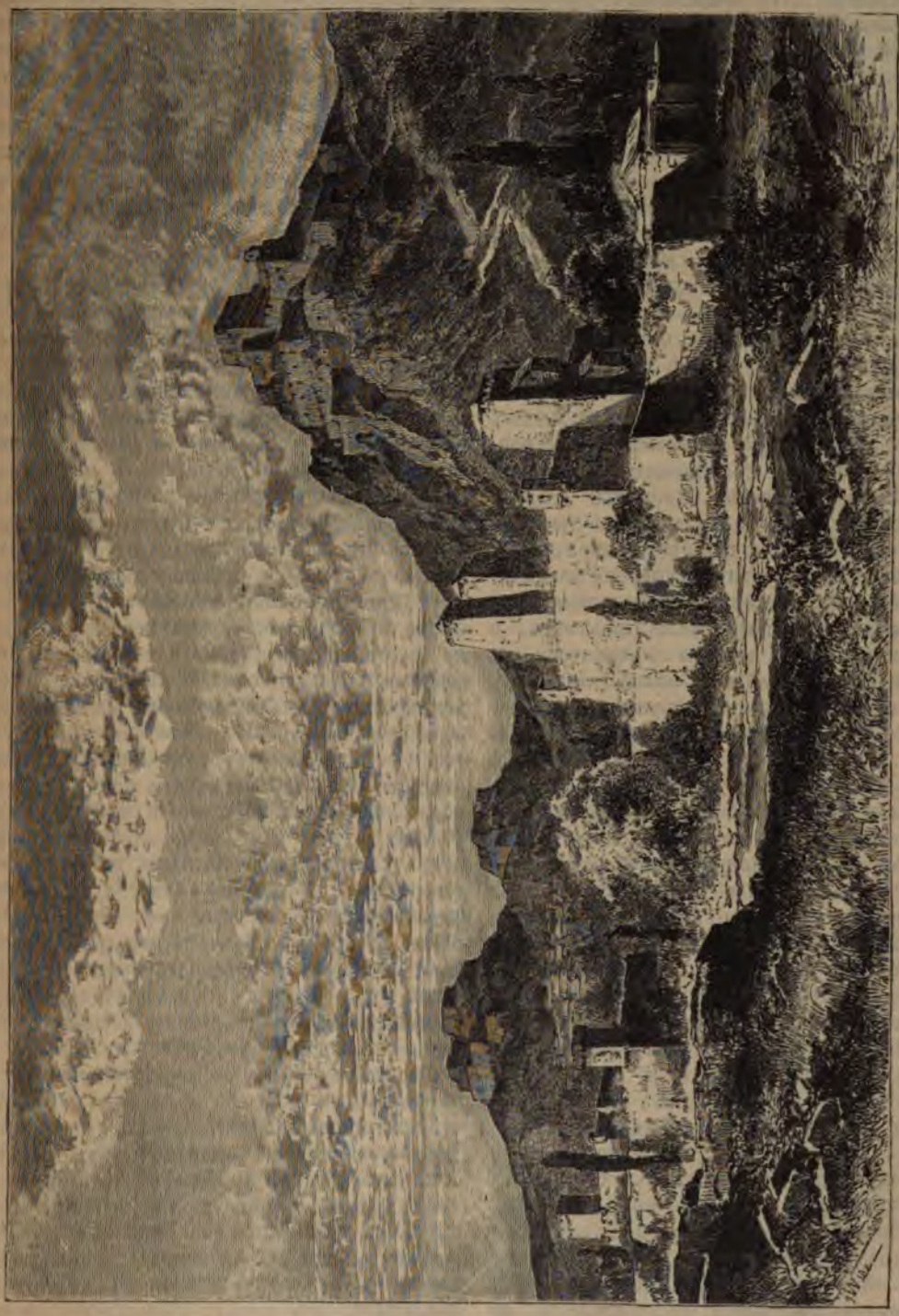
[4]) „Bulletin Consulaire officiel", 3 janv. 1881

[5]) Gill, „River of the Golden Sand"; — Cameron, „Exploration", *9 déc. 1670.*

[1]) Trotter, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLVII, 1877.

Тибетскій народъ очень бѣденъ, но онъ содержитъ въ полномъ изобиліи и богатствѣ цѣлую армію монаховъ.

По внѣшнему виду правительство Тибета имѣетъ чисто теократическій характеръ. Верховный жрецъ, далай-лама, называемый также Чіальба-рембоче, «Перлъ Величества» или «Государь Сокровище», держитъ въ своихъ рукахъ всѣ власти: онъ въ одно и то же время царь и богъ; властитель жизни и достоянія своихъ подданныхъ, онъ не знаетъ другой границы своему самодержавію, кромѣ своего личнаго благоусмотрѣнія; однако, онъ соглашается руководствоваться въ своихъ обыкновенныхъ рѣшеніяхъ старинными обычаями. Впрочемъ, самое его величіе не позволяетъ ему непосредственно угнетать свой народъ; такъ какъ онъ долженъ заниматься лишь высшими духовными дѣлами государства, то для управленія въ собственномъ смыслѣ слова его замѣняетъ вице-король,



Укрѣпленная деревня близъ Лань-чжоу въ провинціи Гань-су.

утверждаемый китайскимъ императоромъ въ верховномъ совѣтѣ, состоящемъ изъ трехъ главныхъ жрецовъ [1]): этотъ верховный правитель, называемый номаханъ (нумшенъ?) или гіальбо (гіальчунъ?) считается, какъ и всѣ другіе тибетцы, не болѣе, какъ смиреннымъ слугой великаго ламы. Номаханъ управляетъ административной частью страны либо самъ лично, либо черезъ посредство четырехъ министровъ, называемыхъ кастаками или калунями; другіе чиновники, выбираемые почти исключительно изъ сословія ламъ, назначаются министрами. Но рядомъ съ туземнымъ правительствомъ въ Тибетѣ имѣютъ пребываніе два китайца, которые наблюдаютъ за высшими должностными лицами и передаютъ имъ, въ особо важныхъ обстоятельствахъ, желанія императора. Принципъ далай-ламы Канъ-си, которому слѣдовали и его преемники, таковъ, что въ дѣлахъ Тибета, все, что относится къ общей политикѣ и къ войнѣ, должно быть обсуждаемо пекинскимъ правительствомъ, но попеченіе о спеціальныхъ интересахъ территоріи и мѣстномъ благоустройствѣ и благочиніи принадлежитъ властямъ Лассы. Всѣ гражданскіе чиновники должны быть природные тибетцы. Смотря по превратностямъ политики, придворнымъ интригамъ и настроенію народа, вліяніе сюзерена увеличивается или уменьшается; но обыкновенно оно обнаруживается рѣшительнымъ образомъ, и враждующія партіи должны обращаться къ представителямъ китайскаго императора, какъ къ верховному посреднику и вершителю. Самые важные кризисы въ правительствѣ Тибета наступаютъ въ тѣ эпохи, когда далай-лама соизволитъ измѣнить свою человѣческую оболочку, чтобы облечься въ оболочку младенца. Хутухты, то-есть самые высшіе духовные сановники, собираются на конклавъ и проводятъ цѣлую недѣлю въ постѣ и молитвѣ; затѣмъ жребій назначаетъ будущаго папу буддизма; но въ дѣйствительности эта мнимая случайность всегда согласуется съ указаніями китайскаго посольства; въ 1792 году послы богдыхана отъ имени послѣдняго презентовали конклаву великолѣпную золотую урну, въ которой производится баллотировка новаго повелителя Тибета, и со времени присылки этого подарка никогда представитель фамиліи враждебной имперіи не былъ назначаемъ избирателями [2]). Впрочемъ, вновь выбранный далай-лама можетъ облечься въ свой высокій санъ только по полученіи инвеституры или формальной грамоты, подписанной китайскимъ императоромъ. Буддійскій папа, король и министры всѣ получаютъ изъ Пекина годовой окладъ жалованья; отъ китайскаго же правительства они получаютъ печать, которую употребляютъ въ оффиціальныхъ актахъ, и тибетскіе мандарины носятъ на шапкѣ шарикъ, отличительный знакъ высшихъ чиновъ, жалуемыхъ имперіей [1]). Посредствомъ остроумной комбинаціи все устроено къ удовольствію и выгодѣ далай-ламскаго двора. Послѣдній обязанъ, правда, отправлять въ Пекинъ черезъ каждые три года или пять лѣтъ торжественныя посольства съ подарками, составляющими нѣчто въ родѣ дани, но эти дары доставляются народомъ; въ обмѣнъ, онъ получаетъ отъ «Сына Неба» великолѣпные подарки, которые, разумѣется, оставляетъ у себя. Казна великаго ламы увеличивается каждый годъ суммой около 250.000 франковъ, которой онъ не въ правѣ трогать иначе, какъ въ случаѣ войны [2]).

Никакой законъ не опредѣляетъ слѣдуемое съ каждаго доли налоговъ: этотъ вопросъ рѣшаютъ обычай да благоусмотрѣніе мандариновъ. Вся территорія принадлежитъ далай-ламѣ; жители только временные владѣльцы, пребываніе которыхъ лишь терпимо настоящимъ собственникомъ. Точно также дома и утварь, словомъ всякое имущество, движимое и недвижимое, считается собственностью всеобщаго хозяина и господина; подданные должны быть признательны ему, если онъ соизволитъ брать только часть ихъ достоянія для налоговъ и повинностей; при требованіи начальствомъ на какую бы то ни было работу или повинность никто не имѣетъ права уклоняться отъ исполненія приказа. Одно изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ наказаній, налагаемыхъ мандаринами на обывателей, — это полное лишеніе имущества: осужденные на экспропріацію должны покинуть свои земли и дома и жить въ палаткѣ, ходя побираться, по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ годъ въ мѣстности, которыя имъ напередъ указаны. Эти чонглонги, нищіе по приговору суда, дотого многочисленны, что они составляютъ цѣлый классъ въ государствѣ [3]). Въ своей процедурѣ мелкіе мандрины примѣняютъ пытку и могутъ приговаривать подсудимыхъ къ штрафу, къ тюремному заключенію, къ наказанію розгами; высшіе начальники, смотря по ихъ рангу, получили отъ обычая или отъ повелителя право ссылать виновныхъ, отрѣзывать имъ руки или ноги, выкалывать глаза, даже предавать ихъ смерти; однако, ламы, строгіе блюстители заповѣдей Будды, никогда не позволятъ себѣ приговаривать своихъ подданныхъ къ «убіенію»; они ограничиваются тѣмъ, что оставляютъ ихъ умирать съ голоду [4]). Въ Лассѣ право «чинить судъ и расправу» продается съ публичнаго торга въ дебангскомъ монастырѣ, при началѣ каждаго новаго года. Тотъ изъ ламъ, который достаточно богатъ,

[1]) Campbell, „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient", 1881.

[2]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Пекинѣ", *т. I.*

[2]) Desgodins, „Mission du Tibet".

[2]) Campbell, цитированный мемуаръ.

[3]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

[4]) Bogle, „Mission to Tibet".

чтобы купить эту должность, провозглашается судьей, и самъ, вооруженный серебряной палкой, идетъ возвѣстить о своемъ новомъ санѣ жителямъ Лассы. Это служитъ сигналомъ всѣмъ зажиточнымъ ремесленникамъ къ немедленному поголовному бѣгству, такъ какъ въ теченіе двадцати трехъ дней судья налагаетъ штрафы по своему усмотрѣнію и присвоиваетъ себѣ вырученныя деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ территорія Ладакъ составляетъ часть Кашмирскаго королевства и какъ китайское правительство отдѣлило отъ Тибета многіе округи, чтобы присоединить ихъ къ провинціямъ Сы-чуань и Юнь-нани, Си-цзанъ или Тибетъ въ собственномъ смыслѣ слова обнимаетъ только четыре области: Нари, Цзанъ, Уй и Камъ, представляющія въ совокупности только половину территоріи. Нѣкоторыя княжества, лежащія среди покоренной страны, совершенно независимы отъ Лассы и управляются сами собой, или зависятъ непосредственно отъ китайскаго императора: такъ, напримѣръ, «королевство» Поми населено народомъ, который при всей своей преданности далай-ламѣ, ни за что не поступился бы своей свободой торговли и, въ случаѣ надобности, вполнѣ съумѣлъ бы защитить ее [1]). Такимъ образомъ страна оказывается раздѣленной на большое число переплетающихся своими границами округовъ, имѣющихъ различныя юрисдикціи и администраціи и занимаемыхъ враждебными другъ другу населеніями, между которыми пекинское правительство старательно поддерживаетъ соперничество. Даже въ собственно тибетскихъ провинціяхъ китайское правительство вмѣшивается разными манерами. Въ особенности оно старалось прочно утвердить свою власть въ провинціи Нари; въ этой области наиболѣе удаленной отъ императорской резиденціи, особенно важно дать почувствовать силу власти, дабы не пробудился старый духъ независимости, или изъ опасенія, чтобы сосѣднее королевство, Ладакъ, не вздумало опять забрать этотъ край, который принадлежалъ ему въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія [2]). Часть поземельнаго налога принадлежитъ императору Китая, и кромѣ того китайскіе посланники имѣютъ право на барщинныя работы для нихъ самихъ и для всей ихъ свиты въ Тибетѣ. Наконецъ, никакая монета не можетъ быть чеканена въ странѣ безъ разрѣшенія пекинскаго двора. Оффиціально Тибетъ составляетъ для китайскаго правительства не болѣе, какъ владѣніе, подвѣдомственное Сы-чуани, и приказы, которые получаетъ Ласса изъ Пекина, доходятъ до нея черезъ посредство главнаго начальства этой провинціи.

Все годное къ военной службѣ мужское населеніе Тибета обязано по закону нести воинскую повинность и составляетъ нѣчто въ родѣ національной гвардіи или милиціи, предназначенной для охраны отечества; но единственное постоянное войско состоитъ изъ чужеземцевъ, маньчжуровъ, монголовъ, относительно которыхъ китайское правительство говоритъ, что оно употребляетъ ихъ предпочтительно передъ туземцами будто бы потому, что ихъ легче прокормить, такъ какъ они соглашаются употреблять въ пищу конину и мясо джигетая; истинная же причина, само собой разумѣется, та, что эти воины, какъ иностранцы, не задумались бы перебить тибетцевъ по приказанію своихъ начальниковъ [1]). Небольшое число этихъ солдатъ оказывается достаточнымъ, такъ какъ большинство гарнизоновъ состоитъ всего только изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; по словамъ Кемпбеля, общая численность постояннаго войска не превышаетъ четырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ половина находится въ Лассѣ и четверть въ Шигатзэ. Другіе солдаты занимаютъ Дингри, Гянцзэ и различные пограничные посты и города, лежащіе на большихъ дорогахъ, ибо китайское правительство отлично поняло, что для того, чтобы господствовать надъ страной, ему необходимо прежде всего имѣть возможность узнавать новости о всемъ тамъ происходящемъ ранѣе, чѣмъ о нихъ узнаетъ масса народа въ самомъ Тибетѣ, и передавать свои распоряженія во-время, чтобы предупредить всякія попытки возмущенія. Служба государственной почты исполняется съ замѣчательной регулярностью и быстротой. Курьеры проѣзжаютъ въ тридцать дней, иногда даже въ двадцать два дня и еще менѣе, пространство въ тысячу триста километровъ, отдѣляющее Лассу отъ Гардока, тогда какъ обыкновенный путешественникъ употребляетъ два мѣсяца, чтобы проѣхать то же разстояніе. Курьеры скачутъ день и ночь, останавливаясь только затѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей да наскоро перекусить чего-нибудь. Въ видахъ предупрежденія всякихъ случайностей, два всадника, изъ которыхъ каждый ведетъ за узду по два смѣнныхъ коня, всю дорогу сопровождаютъ курьеровъ, такъ что путешествіе можетъ совершаться постоянно въ галопъ, за исключеніемъ самыхъ крутыхъ подъемовъ въ горахъ. При отъѣздѣ мандаринъ опечатываетъ одежду посланца, съ той цѣлью, чтобы ему не пришла фантазія раздѣться, чтобы отдохнуть въ дорогѣ; получатель депешъ одинъ имѣетъ право распечатать гонца. Оттого, когда несчастные курьеры прибываютъ на мѣсто назначенія, они похожи скорѣе на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей. Тарсуны или почтовыя палатки, поставленныя на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, на всѣхъ станціяхъ замѣняютъ собою селенія въ пустынныхъ мѣстностяхъ.

[1]) Chauveau, „Annales de la propagation de la foi", 1871.
[2]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

Глава III

Китайскій Туркестанъ.

Бассейнъ Тарима.

Центральная низменность Азіи, обнимающая обширный, нынѣ почти совершенно высохшій бассейнъ древняго Средиземнаго моря, которое отдѣляло Небесныя горы отъ цѣпи Куэнь-лунь, есть одна изъ тѣхъ областей земнаго шара, которыя обозначаютъ самыми разнообразными именами. Окрестныя населенія, такъ сказать, господствующія надъ этой равниной съ высоты своихъ горъ, знаютъ ее каждое подъ особеннымъ названіемъ, тюркскимъ, монгольскимъ или тибетскимъ. Сообразно превратностямъ завоеваній и переселеній, очень частыхъ въ этой странѣ, черезъ которую народы искали себѣ выхода, то или другое наименованіе брало перевѣсъ въ самомъ краѣ и въ окружающихъ его территоріяхъ. Недавно жители обыкновенно употребляли для своего отечества названіе Альты-шаръ или «Шесть городовъ», замѣненное впослѣдствіи названіемъ Джиты-шаръ, т. е., «Семь городовъ» или «Семиградье», которое, впрочемъ, примѣняется только къ населенной области, простирающейся въ видѣ обширнаго полукруга у подножія горныхъ цѣпей. Китайское названіе Тянь-шань-нань-лу или «южная дорога Тянь-шаня», выбранное какъ противоположность названію Тянь-шань-бэй-лу или «Сѣверная дорога», пролегающая на сѣверѣ, по другую сторону Небесныхъ горъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что представляетъ точное географическое наименованіе. Слово Кашгарія, которымъ эта страна еще недавно обозначалась въ Европѣ, потеряло смыслъ съ той поры, какъ независимое государство, основанное Якубомъ, бедаулетомъ кашгарскимъ, перестало существовать; подобно тому, географы должны были оставить названіе «королевство Хотанъ», когда этотъ городъ утратилъ степень столицы. Что касается наименованія «Малая Бухарія», бывшаго въ употребленіи еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, то оно объясняется прежнимъ религіознымъ господствомъ Бухары; но теперь уже было бы неумѣстно употреблять его, такъ какъ Бухара лежитъ по другую сторону горъ и плоскогорій, и такъ какъ сверхъ того этотъ городъ пришелъ въ упадокъ и уступилъ Ташкенту роль метрополіи западныхъ склоновъ Памира и Тянь-шаня. Но названія «Восточный Туркестанъ» и «Китайскій Туркестанъ» все еще примѣняются къ бассейну Тарима, такъ какъ населеніе этой страны по языку принадлежитъ къ тюркскому племени, и китайское правительство снова покорило его своей власти.

Хотя Китайскій Туркестанъ былъ еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія страной, почти совершенно пришедшей въ забвеніе, однако, онъ во всѣ времена имѣлъ большую важность, какъ мѣсто прохода, ибо на дорогахъ изъ Китая въ бассейны Яксарта и Оксуса и даже на дорогахъ, ведущихъ къ Персіи и къ Индіи, необходимыми станціями являются города, лежащіе у восточнаго основанія плоскогорій Памира. Греческіе и китайскіе купцы встрѣчались на такъ называемомъ «пути шелка»; буддистскіе миссіонеры, арабскіе торговцы, знаменитый венеціанецъ Марко Поло, потомъ другіе европейскіе путешественники эпохи среднихъ вѣковъ всѣ должны были останавливаться въ оазисахъ Китайскаго Туркестана, прежде чѣмъ продолжать свой трудный путь, либо на востокъ, въ область песчаныхъ степей, либо на западъ, къ пустыннымъ плоскимъ возвышенностямъ. Но разсказы прежнихъ путешественниковъ были совершенно забыты, такъ что низменность, гдѣ протекаютъ воды Тарима и его притоковъ, считалась въ началѣ настоящаго столѣтія составляющей часть того громаднаго «Татарскаго плоскогорья», которое, какъ полагали, занимаетъ всю внутренность азіатскаго континента. Только послѣ того, какъ синологи открыли Европѣ китайскіе документы, относящіеся къ странѣ Тянь-шань-нань-лу, европейцы познакомились въ общихъ чертахъ съ истинной формой этой обширной впадины, простирающейся на востокъ отъ Памира.

Одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтовъ, Адольфъ, былъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія первымъ европейцемъ, проникшимъ въ бассейнъ Тарима по дорогѣ, ведущей изъ Индіи. Въ 1857 году онъ перешелъ черезъ горный хребетъ Кара-корумъ, и, спустившись въ равнину восточнаго Туркестана, подвинулся до самаго Кашгара; но тамъ онъ былъ умерщвленъ по приказанію государя, Вали-хана, и всѣ его путевыя замѣтки и коллекціи были потеряны для науки. Восемь лѣтъ спустя Джонсонъ посѣтилъ Хотанъ и окружающія пустыни, открывъ своимъ путешествіемъ рядъ англійскихъ экспедицій, вызванныхъ торговыми интересами и

политическимъ соперничествомъ Великобританіи и Россіи. Въ 1868 году одинъ чайный плантаторъ, Шау, по предложенію англійскаго правительства, предпринялъ изслѣдованіе торговыхъ дорогъ равнины, въ то время, какъ другой англичанинъ, Гевардъ, получилъ отъ лондонскаго географическаго общества порученіе осмотрѣть, главнымъ образомъ, область плоскихъ возвышенностей. Подобно Адольфу Шлагинтвейту, Гевардъ поплатился жизнью за свое предпріятіе; но Шау, болѣе счастливый, успѣлъ собрать многочисленныя свѣдѣнія о торговлѣ этого края и доставить ихъ въ Индію, послѣ чего вскорѣ ему пришлось готовиться къ новому путешествію, такъ какъ онъ былъ выбранъ въ проводники новой экспедиціи, или, вѣрнѣе сказать, оффиціальнаго посольства, отправленнаго къ бедаулету Якубу, государю

Типы и костюмы дунганъ и таранчей.

Кашгаріи. Посланникъ Форсайтъ, сопровождаемый медикомъ Гендерсономъ, на этотъ разъ дошелъ только до Ярканда; но три года спустя онъ возвратился въ сопровожденіи большаго числа изслѣдователей, Гордона, Биддульфа, Троттера, Чапмена, Белью, Столички, и благодаря раздѣленію труда между этими членами экспедиціи, плодоносная область долины была пройдена съ юга на сѣверъ, отъ Куэнь-луня до Тянь-шаня, тогда какъ на западѣ путешественники совершили восхожденіе на Памиры до верхнихъ долинъ Оксуса. Съ своей стороны и русскіе не оставались въ бездѣйствіи. Уже Валихановъ, въ 1858 году, и Остенъ-Сакенъ, въ 1867 году, переходили черезъ цѣпь Небесныхъ горъ и спускались въ равнины Кашгаріи. Въ 1876 году полковникъ Куропаткинъ выбралъ другую дорогу: черезъ Терекъ-даванъ онъ проникъ въ восточный Туркестанъ и прошелъ до озера Карашаръ вдоль цѣпи Тянь-шаня, у основанія ея южныхъ предгорій. Благодаря ему и г. Регелю, который продолжалъ далѣе на востокъ путь, пройденный полковникомъ Куропаткинымъ, «императорская дорога», по которой всегда слѣдовали китайцы въ своихъ военныхъ и торговыхъ экспедиціяхъ къ Тянь-шань-нань-лу, стала болѣе извѣстной. Затѣмъ пути, пройденные Мушкетовымъ и другими изслѣдователями, связали эту дорогу съ дорогами Кульджинской территоріи, на противоположной покатости горъ; полковникъ Пржевальскій, пустившись въ самую пустыню, обслѣдовалъ всю восточную часть бассейна Тарима, между хребтами Тянь-шань и Алтынъ-тагъ. Но области, простирающіяся у основанія цѣпи Куэнь-лунь и пройденныя Марко-Поло и Бенедиктомъ де-Гоэсъ, еще долго были закрыты для современныхъ путешественниковъ, тѣми непреодолимыми препятствіями, какія представляютъ безконечные сыпучіе пески и опасность погибнуть голодной смертью по невозможности добыть какіе бы то ни было жизненные припасы въ безлюдной пустынѣ, пока самоотверженные путешественники въ родѣ, Пѣвцова, Богдановича, Грумъ-Гржимайло и Свенъ-Хедина не проникли и въ эти мѣста.

Въ предѣлахъ, намѣченныхъ различными изслѣдователями англійскими и русскими, поверхность китайскаго Туркестана исчисляется приблизительно почти въ 23.980,94 квадратныхъ миль, и на этомъ огромномъ пространствѣ, по словамъ полковника Куропаткина, нельзя считать болѣе милліона жителей; Форсайтъ же исчисляетъ совокупность населенія только въ 580.000 человѣкъ [1]). Слѣдовательно, эта страна, въ два раза болѣе обширная, чѣмъ Франція, заключаетъ въ своемъ полукругѣ, охватывающемъ 2.500 километровъ, не болѣе постоянныхъ жителей, чѣмъ одинъ изъ второстепенныхъ городовъ Европы, каковы Неаполь, Ливерпуль или Гласго. Эта малонаселенность объясняется тѣмъ, что въ центральной Азіи вода рѣдка, и тамъ, гдѣ изсякаютъ источники, начинается голая, безплодная пустыня. Кругомъ громадной песчаной степи стоятъ громады горъ, поднимающихся своими вершинами до пояса вѣчныхъ снѣговъ, но ручьи, вытекающіе изъ этихъ возвышенностей, не всѣ достигаютъ выхода долинъ. Однако, ручьи амфитеатра горныхъ массъ соединяются въ достаточно большомъ числѣ, чтобы образовать настоящій рѣчной бассейнъ. По сходимости своихъ долинъ и по обширному развѣтвленію своихъ притоковъ, Таримъ какъ будто пытается сдѣлаться вторымъ Индомъ. По обѣ стороны плоскихъ возвышенностей, высшій хребетъ которыхъ составляетъ Кара-корумъ, замѣчается нѣкотораго рода симметрія между двумя противоположными склонами; но какую огромную разницу произвели климатическія условія въ характерѣ и природѣ двухъ странъ.

На востокѣ отъ Хотана ни одинъ изъ горныхъ потоковъ, которые спускаются съ бѣдныхъ снѣгомъ скатовъ Куэнь-луня и Алтынъ-тага, не достигаетъ центральнаго резервуара бассейна, за исключеніемъ Черченъ-дарьи, самой многоводной рѣки изъ этихъ потоковъ, которая соединяется съ Таримомъ до впаденія его въ озеро Лобъ-норъ. Рѣчки, орошающія оазисы Хотана и образующія рѣку Хотанъ-дарью, одну изъ главныхъ вѣтвей Тарима, тѣ самыя, которыя въ старину пользовались такой громкой славой во всей Азіи, какъ «нефритовыя» рѣки. Китайскіе лѣтописцы, говоря о Хотанскомъ краѣ, всѣ повторяютъ, что главная рѣка этой страны образуется изъ трехъ потоковъ, изъ которыхъ каждый катитъ нефритовые камешки особеннаго цвѣта; на востокѣ течетъ «рѣка зеленаго нефрита», на западѣ «рѣка чернаго нефрита», а посрединѣ между той и другой бѣжитъ «рѣка бѣлаго нефрита». По крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ рѣкъ сохранили свои старинныя имена подъ тюркской формой Урунгъ-кашъ (Бѣлый нефритъ) и Кара-кашъ (Черный нефритъ). Эта послѣдняя самая многоводная и по объему значительно превосходитъ остальныя [1]). Она получаетъ начало у границъ Кашмира, гораздо южнѣе цѣпи Куэнь-лунь, на высокихъ плоскогорьяхъ, надъ которыми господствуютъ пики и продолговатыя вершины небольшой относительной высоты, уже принадлежащіе къ хребту Кара-корумъ. Изъ этой области истоковъ, лежащей на высотѣ болѣе 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря, рѣка Кара-кашъ спускается цѣлымъ рядомъ поперечныхъ долинъ и ущелій, перерѣзывая подъ крутыми углами отроги,

[1]) Матусовскій опредѣляетъ населеніе въ 1.500.000 *душъ*.

[1]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan".

препятствующіе ея проходу, затѣмъ она продолжаетъ свой путь на пространствѣ болѣе 100 километровъ вдоль южнаго склона хребта Карангутага, до пролома Шахадула-ходжа, черезъ который она уходитъ на сѣверо-востокъ, въ Хотанскую равнину.

На востокъ отъ верхней долины Кара-каша, равнина, по которой слѣдуютъ путешественники, отправляясь изъ бассейна Инда въ бассейнъ Тарима, въ большей части своего протяженія покрыта солью и другими продуктами выѣтриванія. Озеро, наполнявшее нѣкогда эту низменность, опорожнилось или высохло мало-по-малу, и рѣки, которыя послѣ того текли по обнажившемуся озерному дну, были замѣнены подвижными песками. Тамъ и сямъ на поверхности равнины сіяютъ глубокія разсѣлины, наполненныя сѣрнокислой магнезіей въ видѣ кристалловъ столь же тонкихъ и бѣлыхъ, какъ нѣжныя снѣжинки, поднимаемыя вѣтромъ. Лужи соленой грязи, скрытыя подъ ледяными плитами, занимаютъ самыя глубокія впадины, и до высоты 5.400 метровъ встрѣчаются горячіе источники, обведенные кольцомъ изъ отлагающихся известковыхъ осадковъ, затѣмъ вторымъ кругомъ изъ замерзшей воды. На пространствахъ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ почва изрыта маленькими воронкообразными углубленіями около двухъ метровъ въ діаметрѣ и одного метра глубины, которыя почти всѣ отличаются замѣчательной правильностью. Нѣкоторыя изъ этихъ воронокъ имѣютъ свойство послѣ дождей выбрасывать массы грязи, и вода въ нихъ иногда сильно бурлитъ и брызжетъ. Д-ръ Гендерсонъ не думаетъ, чтобы эти отверстія были настоящіе грязные вулканы; по его мнѣнію, это просто провалы глинистой подпочвы, заставляющіе подниматься на поверхность, послѣ проливныхъ дождей или во время таянія снѣговъ, воды, скопляющіяся подъ землей. Ниже по теченію, берега рѣки Кара-кашъ изрыты во многихъ мѣстахъ другими воронкообразными ямами того же рода; но эти послѣднія воронки окаймлены въ верхней части соляной корой. Эти отверстія находятся въ сообщеніи съ водами Кара-каша, уровень которыхъ ночью понижается по причинѣ мороза, а днемъ повышается, вслѣдствіе таянія снѣга и льда. Такимъ образомъ воронкообразныя углубленія попеременно наполняются и опоражниваются въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и соленая вода Кара-каша испаряется, оставляя бѣловатый слой соли, какъ слѣдъ своего происхожденія [1]).

На западѣ отъ нижняго Кара-каша слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько ручьевъ, которые теряются въ пескахъ или въ болотахъ Яшилькуль, отдѣленныхъ отъ водъ Кара-каша поясомъ песчаныхъ бугровъ или дюнъ. Эти ручьи слишкомъ слабы для того, чтобы расчистить эти препятствія и проложить себѣ дорогу: это объясняется тѣмъ, что они получаютъ начало не на покрытомъ снѣгами Кара-корумѣ, а на сѣверномъ склонѣ горъ, которыя хотя и составляютъ продолженіе Куэнь-луня, но уже понизились на столько, что ихъ по виду можно считать не болѣе, какъ наружными предгорьями плоской возвышенности; онѣ почти сплошь одѣты глиной до высоты 3.300 метровъ, только верхніе гребни возвышаются надъ всѣми этими землистыми массами, вѣроятно, ледниковаго происхожденія. Когда караванъ яковъ движется по тропинкамъ этихъ горъ, онъ поднимаетъ густые столбы пыли, сквозь которую путешественники не могутъ различать другъ друга; внизу, пески, волнуемые вѣтромъ, покрываютъ передовые холмы. Главная дорога изъ Индіи въ китайскій Туркестанъ переходитъ черезъ эту небольшую цѣпь глинистыхъ горъ переваломъ Саньчжу (5.060 метровъ), чтобы избѣгнуть большаго колѣна или дуги, которую описываетъ Кара-кашъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, при выходѣ изъ горъ. Это горное ущелье трудно доступно, и туземцы сочли нужнымъ приписать образованіе его могучей рукѣ богатыря Рустана [1]).

Въ юго-западномъ углу китайскаго Туркестана зарождается другая рѣка, самая длинная и, вѣроятно, самая обильная во всемъ бассейнѣ Тарима: это Яркендъ-дарья, которую часто называютъ также, особенно въ верхней части бассейна, Зарявшаномъ или «Золотоносной»: подобно рѣкѣ Самарканда, она дѣйствительно катитъ золотыя блестки вмѣстѣ съ пескомъ, а приносимый ея водами илъ, еще болѣе драгоцѣнный, чѣмъ золото, оплодотворяетъ, во время разливовъ, поля и равнины Яркенда: болѣе четверти населенія восточнаго Туркестана живетъ плодами и зерновыми хлѣбами, которые родятся въ изобиліи, благодаря этой плодотворной водѣ. Рѣка Яркендъ-дарья, такъ же, какъ и Кара-кашъ, беретъ свое начало внѣ предѣловъ Китайской имперіи, и одинъ изъ ея истоковъ извѣстный подъ названіемъ Раскемъ-дарьи бьетъ изъ земли на склонѣ того хребта Кара-корумъ (5.550 метровъ), который далъ свое имя всей цѣпи: въ этомъ мѣстѣ, какъ при истокѣ рѣки Кара-кашъ, кряжъ въ нѣсколько метровъ ширины раздѣляетъ два бассейна Тарима и Инда, между которыми вставлено огромное плоскогорье Тибета. Слѣдуя въ началѣ нормальному направленію всей орографической системы этой области Азіи, Раскемъ-дарья течетъ на сѣверо-западъ, параллельно Кара-коруму и болѣе низкимъ цѣпямъ, сопровождающимъ этотъ хребетъ, и усиливается мно-

[1]) Henderson,—Hume,—Forsyth, „From Lahore to Yarkand".

[1]) Johnson, „Bulletin of the Geographical Society o London", 1867.

гочисленными притоками, которые посылаютъ ей ледники южнаго ската ея долины. Дапсангъ, величественная гора, которая, между высочайшими горами земнаго шара, уступаетъ въ высотѣ одному только Гауризанкару, есть одна изъ вершинъ, снѣга и льды которыхъ питаютъ главную рѣку Яркенда. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Яркендъ-дарья находитъ, какъ Кара-кашъ, проломъ въ передовыхъ горахъ, который даетъ ей выходъ къ равнинѣ, она имѣетъ видъ значительнаго потока; но по выходѣ изъ горъ, ея воды, отводимыя въ искусственные оросительные каналы и теряющіяся путемъ испаренія, быстро уменьшаются въ объемѣ. Однако, во время большихъ разливовъ главный рукавъ, проходящій у города Яркенда, имѣетъ отъ 60 до 140 метровъ ширины, и такъ глубокъ, что нигдѣ нельзя перейти его въ бродъ. Замѣчательно, что кривая, описываемая Яркендъ-дарьей въ общемъ направленіи ея теченія походитъ на дугу, образуемую Кара-кашемъ. Та и другая изъ этихъ рѣкъ слѣдуютъ сначала по одной изъ ложбинъ, открывающихся на сѣверо-западѣ между горными цѣпями параллельными главной рѣкѣ; затѣмъ, поворачивая на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, онѣ текутъ къ низменной области древняго внутренняго моря пустыни Гоби или Шамо.

Притоки Тарима, спускающіеся съ хребта Памиръ, не имѣютъ въ области снѣговъ достаточно большой длины, чтобы сдѣлаться значительными рѣками. Горныя массы, изъ которыхъ они вытекаютъ, высятся непосредственно на западной сторонѣ равнины, какъ настоящая граница свѣта: одинъ китайскій документъ приписываетъ этимъ хребтамъ, окаймляющимъ Памиръ, высоту въ тысячу ли, то-есть въ 500 верстъ [1]), выраженіе, которое, очевидно, не имѣетъ другаго смысла кромѣ того, что горы Цзунъ-линъ должны быть причислены къ неприступнымъ вершинамъ, поднимающимся «до небесъ». Дѣйствительно эти «Луковичныя горы», какъ ихъ называютъ большинство комментаторовъ, или «Голубыя горы»,—по переводу Абеля Ремюза, являются передовыми выступами одной изъ высочайшихъ горныхъ массъ Азіи. Склонъ Памира съ восточной стороны гораздо круче противоположной покатости, по которой текутъ различныя рѣки, образующія верхній Оксусъ или Аму-дарью; едва успѣвъ образоваться изъ фирновыхъ полей, покрывающихъ вершины, горные потоки вступаютъ уже въ равнину, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ земледѣльцы, чтобы раздѣлить ихъ воды на цѣлую сѣть ирригаціонныхъ каналовъ. Одинъ только потокъ, спускающійся съ Памира, соединяется съ Яркендъ-дарьей: это Кашгаръ-дарья, которая получаетъ начало въ «Красной долинѣ», открывающейся между Алайской и Заалайской цѣпями, у подножія Кизылъ-арта или «Краснаго хребта»; главная ея вѣтвь есть одна изъ двухъ рѣкъ, называемыхъ Кизылъ-су (Красныя Воды), которыя текутъ въ противоположномъ направленіи, одна къ Аральскому морю, другая къ озеру Лобъ-норъ [1]). Нерѣдко всѣ горы восточнаго Памира обозначаются именемъ Кизылъ-артъ; путешественникъ Шау часто слышалъ, какъ ихъ называли «Красными горами».

Хотанъ-дарья и Яркендъ-дарья, усиленная Кашгаръ-дарьей, соединяются съ рѣкой Акъ-су-дарья, которая сама незадолго передъ тѣмъ принимаетъ въ себя Таушканъ-дарью, другую рѣку, спускающуюся съ Небесныхъ горъ, и изъ соединенія этихъ потоковъ образуется Таримъ (Таримъ-голъ), Эхардесъ древнихъ греческихъ географовъ, рѣка, по которой необходимо должна слѣдовать дорога изъ Китая. Однако, туземцы рѣдко употребляютъ это названіе «Таримъ»: для нихъ эта рѣка, говоритъ полковникъ Пржевальскій, все та же Яркендъ-дарья. Протекая вдоль южнаго основанія передовыхъ горъ Тянь-шаня, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и раздѣляясь тамъ и сямъ на многочисленныя вѣтви, Таримъ, который можно сравнить съ Дунаемъ по длинѣ теченія, не увеличивается въ объемѣ, не расширяется, какъ великая европейская рѣка, по мѣрѣ приближенія къ своему устью; напротивъ онъ постепенно уменьшается, съуживается, несмотря на то, что получаетъ черезъ извѣстные промежутки другія дарьи, которыя ему посылаютъ сѣверныя горныя цѣпи. На востокѣ отъ Кокъ-су и другой рѣки, которыя теряются, первая въ Баба-куль или «Бабьемъ озерѣ», вторая въ Сары-камышъ или «Желтыхъ камышахъ», рѣка Хайдыкъ-голъ, выходящая изъ поросшихъ травой цирковъ горъ Юлдузъ или «Звѣзды», катитъ достаточно воды, чтобы достигнуть до Тарима; но, пройдя нѣсколько узкихъ поперечныхъ долинъ или ущелій, она останавливается по дорогѣ въ обширномъ, глубокомъ [2]) и обилующемъ рыбой озерномъ бассейнѣ, извѣстномъ подъ разными именами: Богла-норъ, Бостанъ-норъ, Багаразкуль, Карашаръ-куль или просто Денгизъ, то-есть «море». По выходѣ изъ этого озера, истокъ, принимающій названіе Кончедарья, перерѣзываетъ прилегающую къ озерному бассейну горную цѣпь Курукъ-тагъ черезъ очень узкую поперечную долину, которая прежде была защищена сильными укрѣпленіями, и которую и теперь охраняютъ глиняныя крѣпостцы. Эта тѣснина, около 10 километровъ длиною, представляетъ одни изъ многочисленныхъ «Желѣзныхъ воротъ» центральной Азіи, и въ сосѣдствѣ съ этой сильной и укрѣпленной стратегической позиціей нѣкогда

[1]) *Abel Rémusat*, „*Histoire de la ville Khotan*".

[1]) Федченко, „Путешествіе въ Туркестанъ".
[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора".

находился городъ Гсійнъ, мѣстопребываніе губернатора двухъ Туркестановъ [1]).

Послѣ принятія въ себя притока Кончедарьи, теченіе Тарима становится все медленнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ самой глубокой части пониженія Тянь-шаньнань-лу или «Южной тянь-шаньской дороги». При деревнѣ Абдалы, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія его въ озеро Лобъ-норъ, средняя скорость теченія рѣки не превышаетъ 80 сантиметровъ въ секунду; въ тотъ же промежутокъ времени объемъ протекающей воды можетъ быть исчисляемъ приблизительно въ 75 или 80 кубическихъ метровъ [2]). У деревни Абдалы Таримъ только что вышелъ изъ камышей озера Кара-буранъ или «Черный буранъ», принадлежащаго къ системѣ Лобъ-норъ; но едва возобновивъ свое независимое теченіе, онъ опять дѣлится на нѣсколько каналовъ естественныхъ и искусственныхъ, затѣмъ теряется среди лѣса камышей, еще болѣе высокихъ, чѣмъ камыши Кара-бурана: рыбаки, проникающіе въ эти чащи, видятъ у себя надъ головой качающіеся огромные стебли тростника, достигающіе высоты слишкомъ 6 метровъ надъ поверхностью воды. Это второе озеро, гдѣ судоходный фарватеръ Тарима мало-помалу исчезаетъ, носитъ у туземцевъ названіе Чекъ-куль (Большое озеро) или Кара-курчинъ; вмѣстѣ съ озеромъ Кара-буранъ, оно образуетъ обширный резервуаръ испаренія, совокупность котораго означается именемъ Лобъ-норъ. Восточный бассейнъ разстилается на пространствѣ, вѣроятно превышающемъ 2.000 квадратныхъ километровъ: поверхность его въ четыре раза болѣе поверхности Женевскаго озера, взятаго за единицу для сравненія; но зато какая огромная разница въ отношеніи объема воды! Озеро Лобъ есть не болѣе, какъ болото въ наибольшей части своего протяженія, и только на югѣ, вдоль самаго высокаго берега, средняя глубина его достигаетъ 2 метровъ; самыя глубокія мѣста едва достигаютъ 4 метровъ. Даже по срединѣ озера тянется выступившая изъ-подъ воды полоса земли, гдѣ пріютились нѣсколько рыбачьихъ селеній, спрятавшихся среди камышей. Благодаря этой естественной защитѣ, домикамъ, построеннымъ на Большомъ озерѣ (Кара-курчинъ), не страшны бурные восточные и сѣверо-восточные вѣтры, бушующіе на равнинахъ, особенно весной. Напротивъ, воды озера Кара-буранъ, болѣе открытыя, приходятъ въ сильное волненіе отъ этихъ бурь и заливаютъ свои низкіе берега верстъ на двадцать отъ обыкновенной береговой линіи: отсюда и произошло многозначущее названіе «Черный буранъ».

Очевидно, озеро Лобъ-норъ есть не что иное, какъ небольшой остатокъ древняго внутренняго моря, о которомъ упоминаютъ легенды и историческіе документы, и слѣды котораго ясно видны во всей низменности, гдѣ протекаетъ рѣка Таримъ, и далѣе на востокѣ, вплоть до подошвы плоскихъ возвышенностей Монголіи. Со времени изслѣдованія Рихтгофена, то, что было Си-хай или «Западное море», и то, что есть въ наши дни Хань-хай или «Высохшее море» китайцевъ, можетъ быть довольно точно опредѣлено въ его истинныхъ очертаніяхъ. Теперь мы знаемъ, что до начала исторической эпохи древнее море, ориентированное параллельно горнымъ системамъ Куэнь-луня и Тянь-шаня, то-есть по направленію отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку, простиралось на пространствѣ болѣе 2 милліоновъ квадратныхъ километровъ, и что въ самой низкой своей части, то-есть тамъ, гдѣ находится нынѣшній Лобъ-норъ, лежащій на высотѣ 671 метра надъ уровнемъ океана, имѣло по меньшей мѣрѣ 900 метровъ глубины. Еще въ первыя времена, когда смутно начинается исторія для народовъ центральной Азіи, въ этой огромной впадинѣ продолжали существовать настоящія внутреннія моря. Тянь-шань-нань-лу и Тянь-шань-бэй-лу, по обѣ стороны восточнаго выступа Небесныхъ горъ, имѣли тотъ и другой свой обширный озерный бассейнъ, отъ котораго въ наши дни сохранились лишь незначительные остатки въ видѣ небольшихъ озеръ, разсѣянныхъ по равнинамъ [1]). Единогласное преданіе жителей китайскаго Туркестана и восточнаго Китая говоритъ о постепенномъ оскудѣніи озеръ этого бассейна, и вѣроятно, чтобы объяснить это исчезновеніе водъ, вообразили существованіе подземнаго канала, который будто бы уноситъ излишекъ жидкой массы Лобъ-нора, чтобы заставить его опять выступить на поверхность земли истоками Желтой рѣки, въ мѣстности, лежащей на 3.000 метровъ выше [2]). Въ высшей степени замѣчателенъ тотъ фактъ, что постепенное сосредоточиваніе воды въ усыхающемъ резервуарѣ Лобъ-нора не сдѣлало его совершенно соленымъ озеромъ, какъ это случилось съ большей частью озеръ, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи бывшаго морскаго бассейна. Въ настоящее время вода Лобъ-нора свѣжая и прѣсная [3]), безъ сомнѣнія, потому что она перемѣстилась въ низменную равнину, направляясь изъ мѣстностей, уже покрывшихся солью, въ ложбины съ чистой еще почвой: въ озерѣ еще видны стволы тамариска, росшіе на твердой землѣ. По разсказамъ туземцевъ, Таримъ постепенно уменьшался въ объемѣ около половины нынѣшняго столѣтія,

[1]) „Geographical Magazine", septembre 1878.
[2]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[1]) F. von Richthofen, „China".
[2]) De Guignes, „Histoire des Huns"; — Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan"; — Imbault Huart, „Recueil des documents sur l'Asie centrale"; — F. von Richthofen, „China".
[3]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

и соотвѣтственно тому понижался и уровень озера; потому, около 1870 года, новая прибыль водъ имѣла слѣдствіемъ разлитіе озера и затопленіе части береговъ, внѣ солончаковаго дна; тѣмъ не менѣе, однако, почти все прибрежье свидѣтельствуетъ своими вывѣтриваніями и своимъ безплодіемъ о существованіи соли въ грунтѣ и лишь только на югѣ полоса тамарисковъ окаймляетъ прежній берегъ. Лобъ-норъ, такъ же, какъ и Таримъ, изобилуетъ рыбой двухъ видовъ, которую прибрежные жители ловятъ при помощи искусственныхъ каналовъ и ямъ: рыба заходитъ туда во время разливовъ и не находитъ выхода послѣ спада водъ. Устраивать эти рыболовные бассейны тѣмъ легче, что ложе Тарима быстро повышается надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Какъ всѣ рѣки, Таримъ приноситъ землистыя частицы, которыя, отлагаясь, возвышаютъ берега во время разливовъ, но этотъ фактъ является маловажнымъ въ сравненіи съ дѣйствіемъ другой причины постепеннаго повышенія береговъ: пыль, песокъ дюнъ, приносимые вѣтромъ изъ пустыни, задерживаются чащами камышей и скопляются тамъ довольно значительными массами, чтобы образовать новыя дюны. Берега, дно ложа, камыши, все поднимается мало-помалу надъ уровнемъ боковыхъ низменностей, лишенныхъ покрывавшаго ихъ песку [1]), и этимъ-то именно и объясняются перемѣщенія русла Тарима, какъ и самаго Лобъ-нора, который есть не что иное какъ продолженіе рѣки. Древнія китайскія карты [2]) помѣщаютъ Лобъ-норъ гораздо сѣвернѣе теперешняго его положенія: весьма возможно, что онъ перемѣщается изъ бассейна въ бассейнъ.

Между Лобъ-норомъ и озерами сѣверной части Тянь-шань-нань-лу замѣчается нѣкотораго рода симметрія въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ соотвѣтственныя форму и положеніе. Ориентированныя въ томъ же направленіи, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, озера Баба-куль, Сары-камышъ, Карашаръ (Баграшъ-куль), затѣмъ другое озеро, открытое г. Регелемъ, также тянутся вдоль подошвы цѣпи горъ, до входа въ узкій корридоръ или оврагъ, черезъ который путешественники проникаютъ изъ Монголіи въ китайскій Туркестанъ. Таримъ соединяетъ одну съ другой эти двѣ озерныя области. Такимъ образомъ установляется отъ Тянь-шаня до Алтынъ-тага линія водъ, текущихъ поперегъ пустыни: уже монахъ Рубруквисъ указываетъ на этотъ географическій фактъ въ описаніи своего путешествія по тѣмъ странамъ.

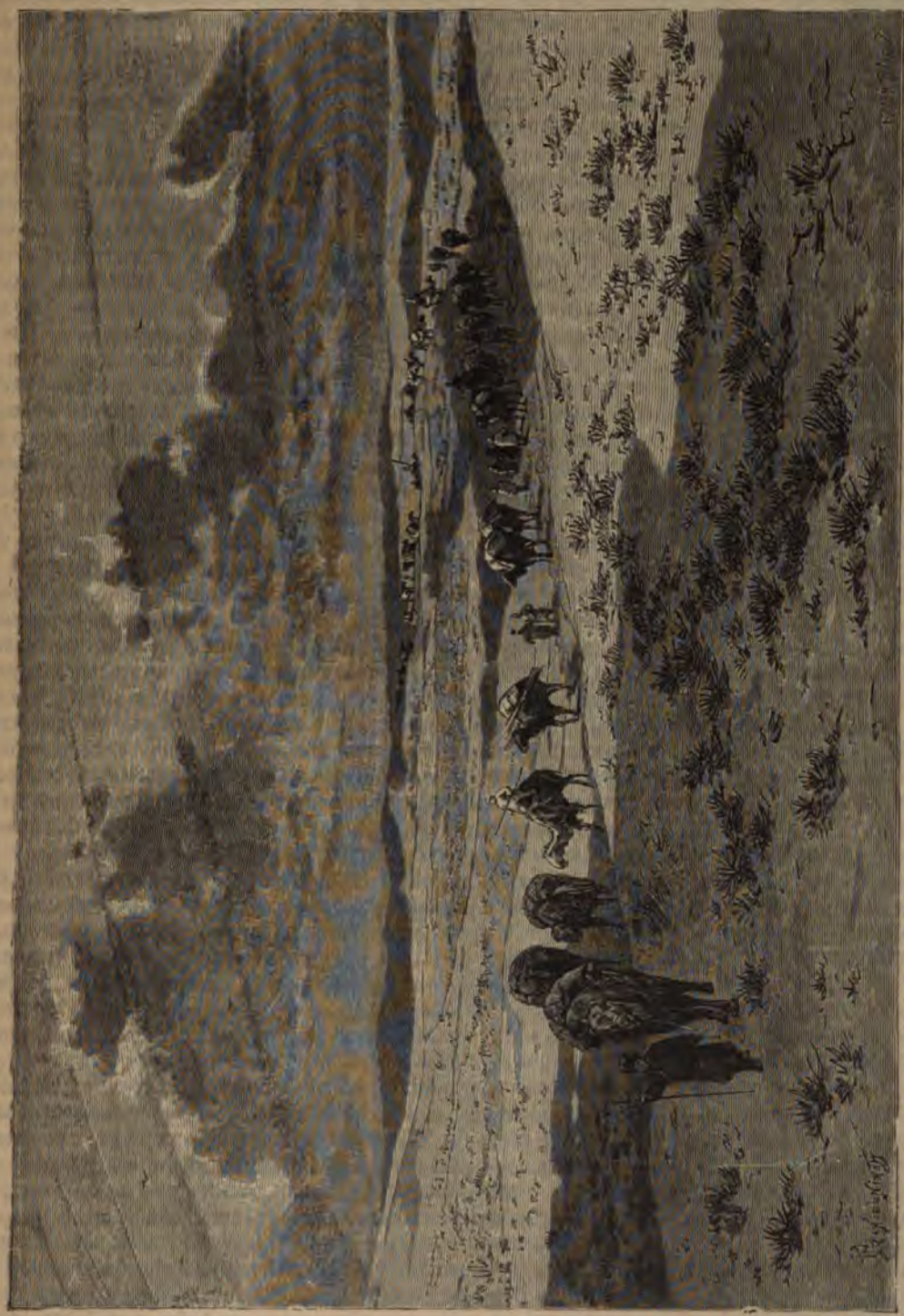
Пропорція пустынныхъ и невоздѣланныхъ пространствъ земли въ китайскомъ Туркестанѣ не можетъ еще быть опредѣлена даже приблизительнымъ образомъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, она много превосходитъ количество полей, подвергнутыхъ земледѣльческой обработкѣ и усѣянныхъ человѣческими жилищами. Почти вездѣ зеленѣющія пространства составляютъ лишь узкую полосу, въ нѣсколько сотъ, самое большее въ нѣсколько тысячъ метровъ, вдоль ручьевъ и рѣчекъ; далѣе, за этой полосой, начинается безлюдная пустыня, еще неизслѣдованная почти на всемъ ея протяженіи. Это уже Гоби, хотя она неизвѣстна подъ этимъ именемъ въ Западномъ Туркестанѣ, и хотя нижняя долина Тарима дѣйствительно отдѣляетъ ее отъ пустынь Монголіи. На сѣверъ отъ Хотана и на востокъ отъ Хотанъ-дарьи области песковъ даютъ тюркское названіе пустыни Такла-маканъ. Дюны, которыя движутся на подобіе волнъ моря, выставлены въ этомъ мѣстѣ всей яростью сѣверныхъ вѣтровъ, которые наметаютъ бугры песку до высоты 60 и 100 метровъ, даже до 130 метровъ [1]); ни одна изъ подвижныхъ горокъ европейскаго прибрежья не достигаетъ высоты песчаныхъ холмовъ, которые путешественники встрѣчаютъ въ пустыняхъ Такла-маканъ. На западѣ рѣки Хотанъ-дарьи дюны не имѣютъ этого вида высокихъ холмовъ: это по большей части просто подвижные бугры, высотою отъ 3 до 6 метровъ, перекатывающіеся по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, имѣютъ до 30 и болѣе метровъ высоты и тянутся въ формѣ правильнаго полумѣсяца: съ каждой стороны рога, болѣе подвижные, выступаютъ впередъ за черту туловища дюны [2]). Сосѣдство пустыни возвѣщается въ оазисахъ и даже у подножія переднихъ горъ Куэнь-луня и Памира чрезвычайно мелкими частицами пыли, которыя носятся въ воздухѣ, закрывая синеву неба. Солнце бываетъ явственно видимо только нѣсколько часовъ спустя послѣ восхода, а иной разъ, когда дуетъ восточный вѣтеръ, дневное свѣтило остается цѣлый день скрытымъ въ густой мглѣ; во внутренности домовъ приходится тогда прибѣгать къ искусственному свѣту среди бѣлаго дня. Въ продолженіе своего полуторамѣсячнаго пребыванія въ землѣ Яркендъ, англійскій путешественникъ д-ръ Гендерсонъ ни одного раза не могъ видѣть большія горы сквозь туманъ тонкой пыли, носившейся въ пространствѣ; часто даже ему невозможно было разглядѣть сосѣднихъ холмовъ и составить себѣ приблизительное понятіе объ общемъ рельефѣ страны [3]). Сколько губителенъ песокъ, когда онъ несется бурнымъ вѣтромъ на воздѣланныя поля, столько же плодотворна пыль, когда она падаетъ въ состояніи едва осязаемаго порошка.

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.
[2]) *D'Anville, —Klaproth,—Richthofen.*

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XXXIX, 1869.
[2]) Bellew;—Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLVII, 1877.
[3]) То же подтверждаютъ Грумъ-Гржимайло и др. новѣйшіе путешественники.

Это самое лучшее удобреніе для плодородныхъ равнинъ Хотана и восточнаго Туркестана, оно замѣняетъ тамъ всякіе искусственные туки. Туземные жители приписываютъ, вѣроятно, совершенно справедливо, свои обильные урожаи этому благодѣтельному песку пустыни [1]).

Не всѣ пустыни китайскаго Туркестана покрыты дюнами: песчаныя горки занимаютъ въ особенности южную и юго-западную часть, куда ихъ оттѣснили сѣверные вѣтры [1]). Между пустынями встрѣчаются настоящія степи, подобныя степямъ Аральскаго бассейна, желтыя и красноватыя земли, слѣдующія одна за другой въ видѣ длинныхъ волнообразныхъ возвышеній



Видъ въ степи Гоби.

[1]) Forsyth; — Johnson; — Richthofen.

[1]) Куропаткинъ, „Кашгарія".

и пониженій, какъ волны моря, образующіяся отъ дѣйствія правильнаго вѣтра. Бѣлыя скалы, стертыя песками, кажутся издали какими-то развалинами зданій; блестящіе на солнцѣ пласты соли занимаютъ высохшее дно бывшихъ озеръ. У подошвы горъ Куэнь-луня на обширныхъ пустынныхъ пространствахъ почва сплошь состоитъ изъ одного только булыжника. За двѣнадцать или тринадцать столѣтій до нашего времени, въ ту эпоху, когда черезъ эти страны пролегали торговые пути, нынѣ оставленные, жители ближайшихъ къ дорогѣ деревень учили купцовъ каравановъ искусству дѣлать обувь изъ дерева для лошадей и обертывать ноги верблюдовъ въ бычачью кожу, для того, чтобы животнымъ легче было идти по скользкимъ камнямъ [1]). Древнія китайскія лѣтописи съ ужасомъ говорятъ объ этихъ «каменныхъ поляхъ» и «песчаныхъ рѣкахъ». Въ пустынѣ, которая простирается на востокъ отъ Лобъ-нора, по словамъ лѣтописцевъ, летаютъ злые геніи и крылатые драконы сидятъ тамъ въ своихъ логовищахъ. Кости погибшихъ людей и животныхъ служатъ единственными указателями дороги, по которой долженъ слѣдовать караванъ. Пески обладаютъ голосомъ, чтобы потѣшаться надъ злополучнымъ путникомъ, или чтобы напугать его: то они «поютъ», то грохочутъ какъ громъ, то испускаютъ пронзительный свистъ, но испуганный путникъ тщетно оборачивается во всѣ стороны, чтобы узнать, откуда исходятъ эти странные звуки [2]). Безъ сомнѣнія, можно думать, что эти разсказы имѣютъ свое происхожденіе въ разстроенномъ воображеніи путешественниковъ, мучимыхъ жаромъ и лихорадкой; но очень можетъ быть также, что дюны Китайскаго Туркестана издаютъ ту «музыку» песковъ, о которой говорятъ изслѣдователи Синая, горныхъ странъ Афганистана, Аравіи, Перу и многіе натуралисты, производившіе наблюденія на песчаныхъ берегахъ моря [3]); путешественникъ Ленцъ, отправляясь въ Томбукту, тоже слышалъ подобный голосъ сильно нагрѣтыхъ солнцемъ песковъ.

Извѣстно достовѣрно, что во времена могущества Хотанскаго царства пески еще не занимали того обширнаго пространства, которое они покрываютъ въ наши дни. Однако, даже и въ ту эпоху пустыня очень близко подступала къ культурнымъ пространствамъ. Лѣтописи повѣствуютъ, что однажды большая рѣка, текущая къ сѣверо-западу, на западѣ отъ города Хотана, совершенно высохла, и что одинъ важный сановникъ государства, Курцій своего племени, долженъ былъ принести себя въ жертву дракону рѣки, для того, чтобы доставить народу счастіе снова увидѣть текущей ту животворную волну, которая орошала его поля и давала ему обильный урожай плодовъ земныхъ. Но, на сѣверо-востокѣ отъ Хотана, обитатели одного города, называвшагося Хо-лао-ло-цзи, не удостоились такой же милости отъ боговъ: они отвергли небеснаго посланника и за то были осуждены погибнуть подъ песчанымъ дождемъ. Весь городъ былъ погребенъ подъ сугробами песку, и теперь Хо-лао-ло-цзя есть не болѣе, какъ куча пыли, вздымаемой и кружимой вѣтромъ. Всѣ попытки раскопокъ, сдѣланныя подъ этой дюной, съ цѣлью достать драгоцѣнные предметы, были безуспѣшны: каждый разъ, разсказываютъ туземцы, яростный вѣтеръ, поднимая цѣлыя облака пыли, скрывалъ дорогу для того, чтобы рабочіе заблудились. Въ другомъ мѣстѣ, по преданію, передаваемому Джонсономъ, триста шестьдесятъ городовъ были засыпаны въ одинъ день песками пустыни Такламаканъ. Пастухи знаютъ, говорятъ, мѣстоположеніе этихъ поглощенныхъ землей городовъ, но никому не показываютъ его, изъ опасенія, чтобы не пришлось дѣлиться съ другими золотыми монетами и драгоцѣнными вещами, собираемыми подъ развалинами. Джонсону удалось посѣтить только одинъ разрушенный городъ, лежащій въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Хотаномъ, и гдѣ отъ времени до времени находятъ плитки кирпичнаго чая, составляющаго предметъ довольно значительной торговли; кромѣ того, тамъ часто находятъ монеты греческія и византійскія, а также золотыя украшенія, похожія на тѣ, какія носятъ еще въ наши дни женщины въ Индостанѣ [1]). Между развалинами другаго города, лежащаго близъ Кэріи, отыскали изображенія Будды и глиняную статуэтку, представляющую обезьяну Ганумана. Нужно замѣтить, что китайскій Туркестанъ есть одна изъ тѣхъ странъ земнаго шара, гдѣ развалины сохраняются чрезвычайно долго. Благодаря почти совершенному отсутствію дождей, сухости воздуха, рѣдкости снѣга, который выпадаетъ тамъ не болѣе одного или двухъ разъ во всю зиму, городскія стѣны, построенныя изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, являются теперь еще въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ того, какъ ихъ разрушили [2]). Пески тоже отлично сохраняютъ зданія, которыя они засыпали, и когда дюна, перемѣщаясь, открываетъ какое-нибудь старинное строеніе, это строеніе оказывается совершенно такимъ же, какимъ оно было погребено подъ массой сыпучихъ песковъ, такъ что прежніе его обитатели, если бы они были живы, безъ труда могли бы снова поселиться въ немъ.

[1]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan".
[2]) H. Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[3]) Abel Rémusat, цитированное сочиненіе;—Гіуэнь-Цзанъ;—Марко Поло;—Карлъ Риттеръ, „Die Erdkunde von Asien".

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical Society of London"; 1869—Forsyth, тотъ же сборникъ за 1877 г.
[2]) Forsyth,—Bellew.—„Kashmir and Kashgar";—„Journal of the Geographical Society", 1877.

Понятно, что, при такомъ сухомъ климатѣ, растительность въ Китайскомъ Туркестанѣ представлена весьма небольшимъ числомъ видовъ. Нигдѣ безконечная, однообразная равнина не представляетъ цвѣтущихъ луговъ или степей: камыши, высокія травы по берегамъ рѣчекъ, кое-какіе кустарники, какъ джида (elaeagnus), родъ дикой маслины, тамарискъ или гребенщикъ, наконецъ, тополь, самые высокіе экземпляры котораго достигаютъ отъ 8 до 11 метровъ вышины—вотъ главные представители дикой флоры въ бассейнѣ Тарима. Тополи растутъ по преимуществу въ сосѣдствѣ текущихъ водъ: глядя на эти деревья, можно вообразить себя перенесеннымъ на плоскогорья Утахскаго «Великаго бассейна», въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ тоже увидишь, въ сырыхъ лощинахъ, небольшія группы тополей или cottwood [1]). Кашгарскій тополь (populus diversifolia), извѣстный въ краѣ подъ именемъ тугрукъ или тугракъ,—странное на видъ дерево, искривленное, малорослое, почти всегда пустое въ серединѣ, дуплистое и представляющее, какъ показываетъ его латинское названіе, величайшее разнообразіе въ формѣ и размѣрахъ своихъ листьевъ. Подъ этими рѣдко разсѣянными деревьями почва голая, сѣрая отъ слоя пыли или бѣлая отъ налета соли; даже растительные соки пріобрѣтаютъ соленый вкусъ, и иногда трещины на деревьяхъ бываютъ окружены кристалликами соли [2]). Когда дерево падаетъ отъ дряхлости или поваленное бурей, оно не гніетъ; стволъ его лежитъ на землѣ невредимымъ до тѣхъ поръ, пока его не засыплетъ песокъ, а опавшіе и засохшіе листья смѣшиваются съ соленой пылью. Въ пустынѣ тамариски и другіе рѣдкіе кустарники ростутъ по большей части на маленькихъ горкахъ, постепенно образовавшихся, благодаря сѣти переплетающихся корней, которые задерживаютъ песокъ, тогда какъ вѣтеръ уноситъ его съ окружающихъ пространствъ; на остаткахъ умершаго дерева выростаютъ новые побѣги, и мало-по-малу горка обращается въ кучу корней, которые туземцы рубятъ для отопленія своихъ домовъ [3]).

Благодаря искусственному орошенію, садовники и земледѣльцы Китайскаго Туркестана развели вокругъ своихъ жилищъ цѣлую флору культурныхъ видовъ, относительно гораздо болѣе богатую, чѣмъ флора дикихъ растеній. Селенія окружены тѣнистыми группами орѣшника; въ каждомъ саду странъ Хотана и Яркенда встрѣтишь ряды тутовыхъ деревьевъ. Яблони, груши, персиковыя, абрикосовыя, масличныя деревья, виноградъ переплетаются своими вѣтвями въ фруктовыхъ садахъ и даютъ превосходные плоды. На деревьяхъ повисли тыквы, разнообразныя по формѣ и величинѣ и пригодныя для всякаго употребленія, какое захочетъ дать имъ садовникъ; дыни тѣсно скучены на землѣ, рядомъ съ коноплей, хлопчатникомъ или зерновыми хлѣбами, рисомъ, маисомъ, просомъ, ячменемъ или пшеницей. Города и деревни совершенно исчезаютъ, утопаютъ въ сплошной зелени: улицы убраны трельяжемъ, на которомъ обвиваются виноградныя вѣтки и ліаны, ниспадая на прохожихъ кистями листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ; террасы низкихъ домовъ украшены цвѣтущими душистыми растеніями, а цвѣтники блистаютъ пышными розами. Даже тополи, растущіе въ этихъ оазисахъ, рѣзко отличаются отъ тополей естественныхъ лѣсовъ: нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ исполинскаго роста, и стволы ихъ имѣютъ до 3 метровъ въ окружности [1]). Путешественнику, который только что вырвался изъ страшной, безжизненной и удушливо знойной пустыни кажется, что передъ нимъ вдругъ открылся земной рай, когда онъ вступаетъ въ тѣнистыя аллеи благоухающихъ садовъ.

На берегахъ Тарима и его притоковъ дикій животный міръ такъ же бѣденъ видами, какъ и растительное царство. За исключеніемъ кабановъ и зайцевъ, другія четвероногія рѣдки въ этой области; однако, тигръ, пантера, рысь, волкъ, лисица, рѣчная выдра встрѣчаются въ чащихъ, окаймляющихъ рѣки, тогда какъ олень и антилопа живутъ на болѣе открытыхъ мѣстахъ. Ни одинъ изъ попадающихся здѣсь видовъ млекопитающихъ не принадлежитъ исключительно этой области центральной Азіи; всѣ встрѣчаются въ долинахъ Небесныхъ горъ. Птицы тоже сравнительно рѣдки; Пржевальскій насчитывалъ ихъ только 48 видовъ, изъ которыхъ лишь два вида свойственныхъ странѣ. Дважды въ годъ болота Лобъ-нора даютъ убѣжище «милліонамъ» птицъ, совершающимъ свои обычные перелеты. Зимой фауна озера очень бѣдна; но, начиная съ февраля мѣсяца, усталыя птицы цѣлыми тучами садятся отдыхать на льду и между камышами. Осенью тѣ же самыя стаи, заключающія около тридцати различныхъ видовъ, снова прилетаютъ: на пути изъ Индіи въ Сибирь и обратно Лобъ-норъ служитъ промежуточной станціей для крылатыхъ путешественниковъ. Если бы перелетныя птицы не встрѣчали по дорогѣ этого оазиса зелени между пустынными равнинами и горами, онѣ, можетъ быть, не могли бы предпринимать такого длиннаго странствованія въ нѣсколько тысячъ верстъ [2]); впрочемъ, и теперь это путешествіе, кажется, сильно утомляетъ ихъ, судя по тому, что во все

[1]) F. von Richthofen, „China“.

[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“.

[3]) Куропаткинъ, „Кашгарія“;—Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[1]) Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

[1]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“.

время своего пребыванія на берегахъ Лобъ-нора онѣ остаются безъ голоса: мрачное безмолвіе царствуетъ среди этихъ несмѣтныхъ полчищъ пернатаго люда, столь шумнаго въ другихъ случаяхъ. Замѣчательно, что всѣ стаи перелетныхъ птицъ прилетаютъ съ западаюго-запада, а не прямо съ юга: очевидно, онѣ не отваживаются перелетать черезъ плоскогорья Тибета и дѣлаютъ большой крюкъ въ западномъ направленіи, чтобы перевалить за Гималай и Кара-корумъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ имѣетъ наименьшую ширину, и затѣмъ слѣдовать отъ Хотана къ Лобъ-нору вдоль сѣверной подошвы Куэнь-луня. На обратномъ пути изъ Сибири и изъ долинъ Алтайскихъ горъ онѣ придерживаются той же дороги.

Въ сосѣдствѣ Лобъ-нора Пржевальскій встрѣтилъ дикаго верблюда, то животное, существованіе котораго казалось сомнительнымъ большинству натуралистовъ, хотя китайскія лѣтописи постоянно упоминали о немъ, и хотя туземные жители Китайскаго Туркестана и Монголіи разсказывали о немъ всѣмъ путешественникамъ [1]). Въ настоящее время дикіе верблюды встрѣчаются преимущественно на востокѣ отъ Лобъ-нора, въ песчаныхъ пустыняхъ Кумъ-тагъ; ихъ можно увидѣть также, но рѣдко, въ сосѣдствѣ нижняго Тарима и Черченъ-дарьи; наконецъ, они населяютъ высоты Алтынъ-тага, въ сообществѣ дикихъ яковъ иословъ. Очень многочисленные лѣтъ двадцать тому назадъ, они сдѣлались гораздо рѣже съ тѣхъ поръ, какъ охотники съ Лобъ-нора стали преслѣдовать ихъ даже въ предѣлахъ пустыни. Впрочемъ это животное замѣчательно умное и осторожное: подъ вѣтромъ оно чуетъ человѣка на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и когда видитъ, что за нимъ гонятся охотники, когда слышитъ ружейные выстрѣлы, оно убѣгаетъ по прямой линіи въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Нѣкоторыя анатомическія особенности отличаютъ дикаго верблюда отъ домашняго животнаго той же породы; кромѣ того, эти двѣ разновидности различаются оттѣнкомъ шерсти и размѣрами: всѣ дикіе верблюды малорослы въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ гигантскихъ животныхъ, которыхъ видишь въ караванахъ. Какъ нужно классифицировать верблюдовъ, открытыхъ полковникомъ Пржевальскимъ? Принадлежатъ ли они къ породѣ, оставшейся въ дикомъ состояніи, или не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ потомковъ убѣжавшихъ отъ человѣка животныхъ, вернувшихся къ своей прежней вольной жизни, какъ это было, нѣкогда, напримѣръ, съ лошадьми въ Камаргѣ и съ быками на Фалклендскихъ островахъ! Пржевальскій считаетъ ихъ истинными представителями первобытной расы [2]). Именно въ бассейнѣ Лобъ-нора жители не держатъ домашнихъ верблюдовъ. Эти животныя встрѣчаются только, да и то не въ большомъ числѣ, въ другихъ частяхъ китайскаго Туркестана, въ цѣпи оазисовъ, которая тянется отъ Хотана до Хами черезъ Яркендъ и Кашгаръ.

Почти всѣ перевозки кладей производятся съ помощью лошадей крупной породы, вывезенныхъ изъ Ферганскаго края; что касается маленькихъ лошадокъ, сильныхъ, неразборчивыхъ на кормъ, выносливыхъ и послушныхъ, которыя служатъ верховыми животными, то онѣ происходятъ по большей части изъ южныхъ долинъ Небесныхъ горъ, особенно изъ округа Акъ-су. Яки не могли бы жить въ равнинѣ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, по причинѣ слишкомъ сильной жары: ихъ приводятъ въ города Китайскаго Туркестана только какъ бойный скотъ. Что касается овецъ и козъ, которыхъ пасутъ киргизскіе пастухи на склонахъ Памира и Тяньшаня, то онѣ принадлежатъ къ тѣмъ же породамъ, какъ тибетскія овцы и козы и также даютъ замѣчательно тонкую нѣжную шерсть: по словамъ англійскаго путешественника Шау, «лучшая въ свѣтѣ шерсть» получается не изъ Тибета, а изъ Турфана.

Населенія Китайскаго Туркестана, очевидно, принадлежитъ къ смѣшанной расѣ. Древнія географическія названія и факты, передаваемые въ китайскихъ лѣтописяхъ о Хотанскомъ царствѣ, со времени обращенія его въ буддійскую вѣру, позволяютъ думать, что, по крайней мѣрѣ, часть жителей этого края происходитъ отъ народовъ «арійскаго» языка, какъ афганцы и персіяне на противоположной покатости горнаго узла Гинду-кушъ. Легендарные герои страны, тѣ, которыхъ туземцы считаютъ основателями ихъ національной славы и выразителями ихъ народнаго генія, суть именно герои «арійскіе», Рустанъ и Афрасіябъ. Скалы, ущелья, пропасти, всѣ чудеса природы приписываются какому-нибудь славному подвигу этихъ миѳическихъ богатырей: это Карлы Великіе и Роланды центральной Азіи, и даже, въ легендахъ Китайскаго Туркестана, имя ихъ повторяется чаще, чѣмъ имя Александра Македонскаго [1]),—«Хазретъ Сикандеръ или святой Александръ»,—о которомъ разсказывается, что будто бы онъ завоевалъ Китай «съ цѣлью распространить тамъ магометанскую вѣру» [2]). Въ настоящее время единственныя племена Китайскаго Туркестана, которыя неоспоримо остались родственными персидскимъ населеніямъ, галчи, единоплеменники тѣхъ, которые обитаютъ въ нагорныхъ долинахъ, впадающихъ въ долину Аму-дарьи. Подобно другимъ галчамъ, живущимъ въ русскомъ и бухарскомъ

[1]) Karl Ritter, „Die Erdkunde von Asien".
[2]) *„Отъ Кульджи до Лобъ-нора".*
[1]) Forsyth, „Kashmir and Kashgar".
[2]) Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar".

Туркестанѣ, это красивые люди, съ благороднымъ лицомъ и стройнымъ станомъ, простые и прямодушные, свято хранящіе свои преданія и въ особенности почитаніе огня и солнца. Несмотря на то, что они разсѣяны небольшими группами среди киргизовъ, они, галчи, еще не перестали употреблять свою родную рѣчь: до сихъ поръ еще говорятъ персидскимъ языкомъ въ верхней долинѣ Саракола, одного изъ притоковъ Яркендъ-дарьи [1]), на разстояніи слишкомъ 1.200 километровъ отъ границы Ирана; но малочисленный арійскій народъ этой возвышенной долины недавно чуть было не исчезъ съ лица земли по милости Якубъ-бека, который насильно заставлялъ его переселяться въ Кашгарскую равнину [2]). Даже между «тюрками» равнины, особенно у подножія горъ Санджу, около юго-западнаго угла русскаго Туркестана, встрѣчается много лицъ, напоминающихъ типъ, который принято обозначать названіемъ арійскаго. Путешественники, посѣтившіе Яркендъ, наблюдая на улицахъ многочисленныхъ прохожихъ, пришли къ тому заключенію, что жители этого края ничѣмъ не отличаются отъ англичанъ, ни въ отношеніи правильности чертъ лица, ни въ отношеніи румяной бѣлизны кожи [3]). Шау находитъ, что яркендцы походятъ скорѣе на американцевъ по угловатымъ формамъ лица. У мужчинъ большія окладистыя бороды, тогда какъ у людей чистыхъ тюркскихъ расъ подбородокъ всегда скудно обростаетъ волосами.

Подобно тому, какъ въ широкомъ заливѣ вращаются и сталкиваются морскія теченія, народы различныхъ расъ и племенъ, приведенные одни торговлей, другіе войной, или какъ бѣглецы, или какъ завоеватели, перемѣшались до безконечности въ этой обширной равнинѣ, которую окружаютъ въ видѣ исполинскаго полукруга три высочайшихъ въ свѣтѣ плоскогорья. Персіяне, арабы и тибетцы, киргизы и калмыки, монголы и тюрки всѣхъ племенъ, индусы и китайцы, всѣ представлены посредствомъ своихъ помѣсей у сартовъ или таджиковъ восточнаго Туркестана. Даже въ моменты большихъ побоищъ, когда жители цѣлыхъ городовъ истребляются поголовно, какъ это было, напримѣръ, въ 1863 году, во время изгнанія китайцевъ, и въ 1877 и 1878 годахъ, при обратномъ завоеваніи края «храбрымъ и непобѣдимымъ воинствомъ» Сына Неба, непріязненныя чувства между угнетателями и угнетенными только, повидимому, совпадаютъ съ племенной ненавистью. Какъ ни сильно было, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отвращеніе кашгарцевъ къ имени и ко всему китайскому, тѣмъ не менѣе и тогда можно было замѣтить на улицахъ множество индивидуумовъ, которые чертами лица и формой бороды совершенно походили на желтолицыхъ «сыновъ Срединнаго Царства» [1]). Единственные ясно обозначенные контрасты, замѣчаемые въ населеніи Китайскаго Туркестана,—это тѣ, которые производитъ не раса, а климатъ, образъ жизни, родъ занятій. Земледѣльцы равнины, каково бы ни было ихъ племенное происхожденіе, и пастухи горныхъ пастбищъ, киргизы, кара-киргизы (черные киргизы) или калмыки,—таковы два главные, истинно различные класса общества въ этой странѣ. Изъ среды этихъ киргизовъ выходятъ главнымъ образомъ такъ называемые дуланы, разбойники, живущіе въ пещерахъ и въ развалинахъ бывшихъ крѣпостей, въ окрестностяхъ оазисовъ [2]).

Въ области культурныхъ земель обитатели обозначаютъ сами себя и другъ друга не какимъ-либо этнографическимъ, племеннымъ или народнымъ наименованіемъ, а именемъ города, откуда кто родомъ: они называютъ себя хотанцами, яркендцами, кашгарцами, турфанцами, таримцами, смотря по мѣсту жительства; тѣмъ не менѣе, у нихъ есть нѣкотораго рода коллективный патріотизмъ, происходящій отъ одинаковости нравовъ, домашняго быта и политическихъ условій; если они позволили китайцамъ вернуться въ край, говоритъ Регель, то причину этого слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ иноземномъ происхожденіи Якубъ-бека, который окружалъ себя западными сартами, и котораго «сердце всегда было въ Маргеланѣ». По направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, отъ подошвы хребта Кара-корумъ до подножія восточнаго Тянь-шаня, замѣчается постепенный переходъ въ наружности жителей: съ одной стороны преобладаютъ арійскія черты лица; съ другой, монгольскія физіономіи сравнительно болѣе многочисленны. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти смѣшенія расъ и племенъ произвели націю, замѣчательную красотой типа. Большинство прибрежныхъ жителей Тарима и его притоковъ имѣютъ грубую, невзрачную физіономію. Зобъ сильно распространенъ какъ въ области равнины, такъ и на окружающихъ плоскогорьяхъ: изъ трехъ жителей Яркенда одинъ навѣрно зобатый [3]). Въ этой странѣ постоянныхъ вѣтровъ, ослѣпительнаго свѣта и ѣдкой пыли глазныя болѣзни тоже очень многочисленны.

Языкъ населенія края мало чѣмъ отличается отъ тюркскаго нарѣчія, которымъ говорятъ въ Ташкентѣ, и переселенцы изъ русскаго Туркестана бѣгло владѣютъ имъ послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія; единственныя различія между тѣмъ и другимъ происходятъ отъ употребленія яркендцами искаженныхъ китайскихъ словъ, и нѣкоторыхъ татарскихъ вы-

[1]) Gordon, „The Roof of the World“.
[2]) Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar“.
[3]) Henderson, „From Lahore to Yerkand“.

[1]) Гендерсонъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Шау, цитированное сочиненіе.
[3]) Марко Поло;—Гендерсонъ, цитированное сочиненіе.

раженій, которыя, по какой-то странной лингвистической игрѣ случая, свидѣтельствующей о прежнихъ торговыхъ сношеніяхъ, передались изъ Оренбурга въ бассейнъ Тарима, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ промежуточныхъ областяхъ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи [1]). Во всемъ китайскомъ Туркестанѣ теперь употребляется одинъ и тотъ же діалектъ: процессъ объединенія, дѣйствующій въ отношеніи расъ, проявляется также и въ отношеніи языка. Впрочемъ, языкъ этой страны не пріобрѣлъ еще литературнаго значенія: онъ не имѣетъ ни стихотворцевъ, ни прозаиковъ, и книги составляютъ чрезвычайную рѣдкость во всемъ краѣ.

Большая часть чужеземцевъ, поселяющихся въ городахъ области Тянь - шань - нань - лу, приходятъ изъ Ферганской долины и извѣстны обыкновенно подъ именемъ андиджанцевъ: это общее названіе объясняется тѣмъ, что пути всѣхъ переселенцевъ изъ Кокана сходятся въ древней столицѣ Андиджанъ. Индусы встрѣчаются только на базарахъ главнѣйшихъ городовъ, но выходцы изъ Кашмира довольно многочисленны, а колоніи тибетцевъ изъ Балтистана занимаются въ окрестностяхъ Яркенда воздѣлываніемъ табаку и дынь. Недавно евреи были почти неизвѣстны въ краѣ, такъ какъ Якубъ-бекъ, «охранитель вѣры», какъ эмиръ бухарскій, воспретилъ имъ входъ въ свое царство; но съ тѣхъ поръ, какъ китайцы снова овладѣли этой территоріей, многочисленныя еврейскія семейства изъ русскаго Туркестана переселились на восточный склонъ Памира [2]). Ревностные мусульмане, жители Китайскаго Туркестана принимаютъ не особенно дружелюбно иностранцевъ, исповѣдающихъ другую религію. Въ правленіе Якуба законъ для иностранцевъ, особенно для китайцевъ, былъ таковъ: «или обращеніе въ исламъ или смерть»; одни только калмыки, религія которыхъ, впрочемъ, не имѣетъ ничего опредѣленнаго и многими своими чертами сливается со всѣми суевѣріями сосѣднихъ народовъ, могли сохранить своихъ фетишей. Обитатели Кашгаріи обнаруживаютъ глубокое отвращеніе къ христіанамъ католикамъ или православнымъ, которые помѣщаютъ образа или статуи въ своихъ церквахъ, тогда какъ на протестантовъ, такихъ же иконоборцевъ, какъ и они сами, они смотрятъ какъ на магометанъ низшаго порядка, пренебрегающихъ, правда, исполненіемъ обрядовъ, но тѣмъ не менѣе принадлежащихъ къ великой семьѣ ислама [3]). Усердіе яркендцевъ въ дѣлѣ вѣры такъ велико, что они совершаютъ свои религіозныя церемоніи среди пустыни такъ же неукоснительно, какъ и въ городахъ. Вдоль часто посѣщаемыхъ дорогъ, маленькія четыреугольныя площадки, огороженныя рядами камней, служатъ священными мѣстами, почитаемыми наравнѣ съ мечетями, и передъ этими камнями становятся на колѣни всѣ проходящіе, употребляя для совершенія обязательныхъ омовеній песокъ вмѣсто воды. Несмотря на то, нравы этихъ людей, столь строгихъ блюстителей обрядовъ, сильно развращены, и тысячи изъ нихъ приходятъ въ чисто скотское состояніе отъ употребленія опіума или гашиша, смѣси экстракта конопли и табаку, которая производитъ страшное опьяненіе. Случаи кражи и воровства, — кромѣ надувательства, которое позволяютъ себѣ купцы въ своихъ операціяхъ, — очень рѣдки въ этомъ краѣ. Когда торговцы, идущіе караваномъ, потеряютъ одно изъ своихъ вьючныхъ животныхъ, они спокойно оставляютъ кладь возлѣ дороги, не опасаясь чтобы какой-нибудь прохожій завладѣлъ ихъ вещами, и по возвращеніи опять забираютъ товаръ. Во время Якубъ-бека процедура въ отношеніи воровъ была очень простая и короткая: въ первый разъ имъ давали простое предостереженіе; въ случаѣ повторенія преступленія, ихъ подвергали палочнымъ ударамъ; третья кража наказывалась потерей пальцевъ на обѣихъ рукахъ; за четвертую виновный платился головой.

Китайскій Туркестанъ—страна бѣдная, хотя Шау находитъ, что она стоитъ гораздо выше Индіи по степени благосостоянія жителей. Дома сдѣланы изъ глины и даже не побѣлены снаружи известкой; пыль, проникающая повсюду, покрываетъ слоями грубую мебель. Только въ большихъ городахъ можно увидѣть кое-какіе остатки зданій, украшенныхъ лакированными изразцами и арабесками, напоминающія памятники Самарканда и Бухары. Промышленность, какъ кажется, сдѣлала шагъ назадъ, судя по надписямъ на китайскихъ памятникахъ и по раскопкамъ, которыя выводятъ на свѣтъ Божій изъ нѣдръ домовъ, погребенныхъ подъ песками, много издѣлій изящныхъ или драгоцѣнныхъ, какихъ не встрѣтишь болѣе въ нынѣ обитаемыхъ жилищахъ [4]). Произведенія мѣстной промышленности не представляютъ по большей части ничего замѣчательнаго: здѣсь выдѣлываютъ главнымъ образомъ ткани шелковыя, хлопчатобумажныя, шерстяные ковры, обувь, конскую сбрую; хотя страна обладаетъ рудными мѣсторожденіями въ изобиліи, она должна ввозить изъ-за границы большую часть издѣлій изъ мѣди и желѣза, равно какъ всѣ матеріи хорошаго качества. Въ настоящее время наибольшее количество товаровъ и различныхъ продуктовъ, получаемыхъ жителями Китайскаго Туркестана, доставляетъ Россія, черезъ посредство Ферганской области; товары, привозимые изъ Индостана, представляютъ го-

[1]) Куропаткинъ, цитированное сочиненіе.
[2]) „Revue de Geographie", nov. 1878.
[3]) *Henderson*, „*From Lahore to Yarkand*".
[4]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London", 1877.

здо меньшую цѣнность. Причина этой раз-
ицы должна быть приписана, главнымъ обра-
мъ, рельефу почвы и этнографическимъ усло-
имъ. Въ то время, какъ на сѣверѣ караван-
амъ, идущимъ изъ Россіи, нужно, на всемъ
черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, подни-
мающихся слишкомъ на 5.000 метровъ надъ
уровнемъ моря. Кромѣ того, обитатели обоихъ
Туркестановъ, русскаго и китайскаго, андид-
жанцы и кашгарцы, говорятъ однимъ и тѣмъ же

Видъ китайской стѣны.

пути отъ Кашгара до Андиджана, сдѣлать
олько одинъ перевалъ черезъ горы, дорога
тъ Яркендъ-дарьи къ равнинамъ Инда про-
легаетъ черезъ широкія плоскогорья на про-
странствѣ *болѣе 400 километровъ* и проходитъ
языкомъ, исповѣдуютъ одну и ту же вѣру,
имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи; они со-
племенники и смотрятъ съ отвращеніемъ на
своихъ южныхъ сосѣдей, на нечистаго индуса
или на грубаго тибетца. Долгое время торговля

Индіи съ восточнымъ Туркестаномъ оставалась почти запрещенной благодаря значительнымъ пошлинамъ, которыя взималъ кашмирскій магараджа съ каждаго вьючнаго животнаго. Настоятельныя требованія англійскаго правительства заставили, наконецъ, измѣнить тарифъ, и отнынѣ кашмирской таможней установлена однообразная вывозная пошлина, въ размѣрѣ 5 процентовъ со стоимости товара.

Между Карашарскимъ озеромъ и истоками рѣки Кашгаръ-дарьи Куропаткинъ насчитываетъ тринадцать горныхъ проходовъ, которыми пользуются торговые караваны при движеніи черезъ Тянь-шань и его западное продолженіе, цѣпь Алай. Всѣ эти горныя дороги,—безъ сомнѣнія, не единственныя, извѣстныя туземцамъ,—доступны въ лѣтнее время верховымъ и вьючнымъ животнымъ, и даже, повидимому, легко было бы преобразовать въ колесную дорогу, по крайней мѣрѣ, одну изъ этихъ тропинокъ, именно ту, которая изъ Кашгара ведетъ къ русскому укрѣпленію Нарынъ черезъ перевалъ Тургъ (3.500 метровъ) и хребетъ Теректы (3.840 метровъ) [1]). Однако, караваны пользуются только одною изъ этихъ дорогъ въ продолженіе всего года: это знаменитый Терекъ-даванъ или «Тополевый хребетъ» (высота 3.140 метровъ), тотъ самый перевалъ, которымъ проходили, съ первыхъ временъ исторіи, большинство среднеазіатскихъ завоевателей. Иногда, въ срединѣ зимы, снѣгъ на этомъ перевалѣ бываетъ такъ глубокъ, что караваны не отваживаются пускаться въ путь безъ проводника. Въ этихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ помощи сартларовъ, одного изъ кара-киргизскихъ племенъ, которое живетъ въ сосѣдствѣ перевала и занимается перевозкой кладей съ одного склона на другой; эти туземцы обзавелись тибетскими яками, которыхъ они нарочно гоняютъ по хребту, чтобы протоптать снѣгъ и такимъ образомъ приготовить тропинку для лошадей каравана [2]). Когда желѣзная дорога проникнетъ изъ русскихъ владѣній въ бассейнъ Тарима, она пройдетъ, вѣроятно, изъ Ферганской долины въ Кашгарскія равнины черезъ порогъ Терекъ-давана, Суока или какого-нибудь сосѣдняго пролома, ибо здѣсь именно двѣ низменности центральной Азіи всего болѣе сближаются и естественные пути всего удобнѣе продолжаются съ той и съ другой стороны горъ, образуя большую дорогу, идущую поперегъ континента, съ береговъ Волги до береговъ Желтой рѣки. Но пока, въ этомъ Таримскомъ краѣ, не можетъ быть еще и рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ: теперь даже тотъ кругообразный путь, который слѣдуетъ вдоль подошвъ горныхъ цѣпей, отъ Хотана до Хами, и огибаетъ пески, переходя изъ оазиса въ оазисъ, только въ сосѣдствѣ городовъ имѣетъ видъ настоящей большой дороги. Яркенда, тамъ, гдѣ путь всего лучше жится, эта дорога—шириною около 10 м вытоптанная прохожими до глубины одного метра ниже уровня окружающей телѣги, запряженныя тройкой лошадей быстро проѣзжаютъ по ней. Въ друг стахъ это не болѣе, какъ неопредѣ слѣдъ, покрытый пескомъ.

Кольцо оазисовъ, окружающее всю ность Тарима, начинается у подошвы цѣпей центральнаго Куэнь-луня, городо тораго, можетъ быть до Пржевальскаго дѣлъ ни одинъ европеецъ со временъ Поло и Бенедикта де-Гоэсъ: это городъ Ч (Чарчанъ, Чарчандъ, Чачанъ), самое по котораго долгое время опредѣлялось ли близительно, по числу дневныхъ перехо дѣляющихъ его отъ Хотана, отъ Корлы. которыхъ городовъ Тибета [1]). Слишком доступный, чтобы могъ быть покоренъ цами или китайцами, этотъ населенный расположенъ на рѣкѣ того же имени, с щейся къ озеру Лобъ-норъ, на высот 1.800 метровъ, судя по тому, что въ ок стяхъ воздѣлываютъ пшеницу и кукур не рисъ и хлопчатникъ, какъ въ Яркен краѣ. Это маленькій городокъ, состоящ 600 домовъ, какъ говорили туземцы Дж или даже всего только изъ 30, по разс слышаннымъ полковникомъ Пржевальс

Къ западу отъ Черчена, другіе город Кэрія, Чира и многочисленныя селен дуютъ одно за другимъ у подошвы Куэн повсюду, гдѣ бѣгущіе съ горъ ручьи пр достаточно воды для орошенія садовъ. на берегу одной значительной рѣки, осн главный городъ округа и нѣкогда столи дѣльнаго царства, Ильчи, называемый Хотанъ, какъ и вся страна. Городъ одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего ча вторяется у арабскихъ и персидскихъ п лей, благодаря водящимся въ окрестны рахъ ланямъ, доставляющимъ тотъ дра ный мускусъ, который восточные поэт любятъ восхвалять, въ своихъ цвѣт сравненіяхъ, за его душистый запахъ красный черный цвѣтъ [2]). Въ Китаѣ эт родъ пріобрѣлъ не менѣе громкую слав именемъ Ю-тянь (небесный нефритъ), п чинѣ собираемаго въ его рѣкахъ камня нефрита, который въ старину считали об щимъ особенными волшебными свойс Одно изъ китайскихъ названій этого ка «Глубокая истина», титулъ, который, оче относится къ сокровеннымъ качествам

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical 1867;—Yule, „The Book of ser Marco Polo"; „Journal of the Geographical Society", 1877.

[2]) Abel Remusat, „Histoire de la ville de Kh

[1]) Каульбарсъ,—Рейталь;—Остенъ-Сакенъ.

[2]) *Куропаткинъ, цитированное сочиненіе.*

писываемымъ нефриту. Священная книга обрядовъ и церемоній сравниваетъ мудреца съ камнемъ *ю:* «Умѣренный, ровный блескъ *ю*—это человѣколюбіе; его совершенная твердость—это знаніе или благоразуміе; его углы, которыхъ ничто не въ состояніи притупить, представляютъ справедливость; повѣшенный, онъ изображаетъ учтивость; при ударѣ, онъ издаетъ чистый звукъ, который продолжается съ невыразимой гармоніей, и который выражаетъ радость; блескъ его, когда онъ безъ недостатковъ и безъ пятенъ,—это правота, прямодушіе; точное соотношеніе его граней,—это вѣрность; вещество его то же самое, какъ и вещество радуги». Этотъ чудесный камень есть одинъ изъ тѣхъ, которые древними причислялись къ яшмамъ; Марко Поло, говоря о камнѣ *ю*, даетъ его разновидностямъ названія яшмы и халцедона. Вѣроятно, что прекрасные топоры изъ нефрита, находимые въ могилахъ каменнаго вѣка не только въ Азіи, но также во всѣхъ странахъ Европы, высоко цѣнились не единственно за острое лезвіе, мелкозернистое строеніе, блескъ полировки; въ нихъ, безъ сомнѣнія, искали вмѣстѣ съ тѣмъ таинственныхъ свойствъ, которыя древніе греки воспѣвали впослѣдствіи въ своемъ бронзовомъ оружіи, а средневѣковые паладины въ своихъ стальныхъ мечахъ. Изслѣдователи еще не открыли въ Европѣ горъ, которыя бы содержали въ себѣ нефриты, подобные издѣліямъ изъ этого камня, находимымъ въ древнихъ могилахъ и въ остаткахъ озерныхъ городовъ, и потому археологи, естественно, должны обращать взоры къ горнымъ массивамъ центральной Азіи, чтобы искать тамъ мѣсто происхожденія нефритовыхъ топоровъ, которые употребляли наши до-историческіе предки. Китайскіе документы дѣйствительно указываютъ различныя горы Тянь-шаня, Цзунъ-лина, Куэнь-луня, какъ доставляющія камень *ю;* эта горная порода находится также въ верхней Бирмѣ, но Куэнь-лунь заключаетъ самыя значительныя массы ея, и выходящіе изъ этой цѣпи потоки катятъ въ своихъ водахъ самые крупные и наиболѣе многочисленные куски нефрита [1]). Что касается самой драгоцѣнной разновидности, бѣлаго нефрита, то онъ существуетъ только въ странѣ Хотанъ, и отсюда-то, по всей вѣроятности, онъ распространялся отъ племени къ племени, отъ народа къ народу, и находилъ дорогу къ оконечностямъ континента [2]). Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Хотанъ былъ истиннымъ центромъ для весьма важнаго предмета торговли. Въ эпоху процвѣтанія Хотанскаго царства сборъ нефрита, который производился послѣ каждаго большаго разлива рѣкъ и ручьевъ, былъ открываемъ лично самимъ ханомъ, какъ религіозная церемонія: самыя лучшія гальки собирались на его глазахъ для государственной казны. Кромѣ того, китайцы непосредственно ломаютъ нефритъ въ горахъ Хотана. Близъ Балакши, тамъ, гдѣ рѣка Кара-кашъ приготовляется вступить въ горное ущелье, скала носитъ слѣды обширной нефритовой ломки, которую китайцы разработывали до той эпохи, когда край подпалъ подъ власть Якубъ-бека: куски нефрита разсѣяны повсюду въ окрестностяхъ этой каменоломни [1]).

Названіе Хотанъ, которое производятъ отъ слова Кустана, означаетъ по-санскритски «Сосокъ Земли» и дано, можетъ быть, по причинѣ богатства этой страны всякаго рода земными плодами: дѣйствительно, одна старинная легенда говоритъ о молокѣ, бьющемъ ключемъ изъ земли для того, чтобы кормить божественнаго младенца. Въ началѣ нашего лѣтосчисленія Хотанъ былъ значительнымъ городомъ и столицей могущественнаго царства: по словамъ китайскихъ лѣтописей, въ царствованіе династіи Хань, онъ имѣлъ около 85.000 жителей и гарнизонъ изъ 30.000 солдатъ. Все населеніе приняло ученіе Будды, которое, по сказанію лѣтописей, «сдѣлало его счастливымъ»; но страна быстро подпала подъ власть жрецовъ, образовавшихъ опредѣленную іерархію, какъ въ нынѣшнемъ Тибетѣ. Въ главномъ монастырѣ, построенномъ въ разстояніи 25 верстъ отъ города, община состояла изъ трехъ тысячъ монашествующихъ; въ другихъ частяхъ равнины существовало тринадцать большихъ ламайскихъ обителей, населенныхъ несмѣтнымъ множествомъ монаховъ, а маленькимъ монастырямъ и кумирнямъ, какъ говорятъ, не было счету. Во время религіозныхъ процессій, которыя совершались изъ столицы въ окрестныя кумирни, царь шелъ босыми ногами впереди изображенія Будды и представлялся верховному жрецу съ непокрытой головой и держа въ рукѣ благовонія и цвѣты. Впрочемъ, всѣ обитатели края были чрезвычайно почтительны въ отношеніи другъ друга: при встрѣчѣ знакомые становились одинъ передъ другимъ на колѣни, и это колѣнопреклоненіе было обыкновенной формой привѣтствія; тотъ, кто получалъ письмо, прежде чѣмъ открыть его, клалъ посланіе себѣ на голову въ знакъ покорности въ отношеніи своего корреспондента.

Завоеваніе страны китайцами [2]), затѣмъ монгольскія нашествія были причиной того, что Хотанъ пришелъ въ упадокъ и утратилъ свою торговую важность; но онъ не обратился въ безлюдную пустыню, подобно многимъ другимъ городамъ этого края, или, если былъ вынужденъ перейти на другое мѣсто, то единственно,

[1]) Stoliczka;—F. von Richthofen, „Verhandlungen der Gesellschaft zur Erdkunde". 1874, №№ 6 и 7.

[2]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien";—Fischer, „Allgemeine Zeitung", 2 Februar 1881.

[1]) Cayley, „Macmillan's Magazine", oct. 1871;—Forsyth, „From Leh to Yarkand".

[2]) Григорьевъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера".

чтобы избавиться отъ грозившей ему опасности быть засыпаннымъ песками. Въ 1863 году населеніе его первое подняло знамя бунта противъ китайцевъ, и въ городѣ имѣли мѣсто кровавыя побоища; однако, когда Джонсонъ посѣтилъ Хотанъ, два года спустя, онъ показался ему «большимъ мануфактурнымъ городомъ». Здѣсь выдѣлываютъ мѣдную посуду, шелковыя матеріи, войлоки, шелковые и шерстяные ковры, грубыя бумажныя ткани, даже писчую бумагу, приготовляемую изъ волоконъ тутоваго дерева. Окружающая страна, которую Джонсонъ описываетъ какъ «стоящую гораздо выше Индіи», производитъ преимущественно шелкъ и хлопокъ, а горы, поднимающіяся въ южной ея части, заключаютъ въ себѣ рудныя мѣсторожденія большинства металловъ, отъ золота до желѣза и сурьмы, а также пласты каменнаго угля и залежи соли, сѣры и селитры; но эксплоатируются только золотоносныя жилы. Населеніе города въ 1885 году согласно указанію Громбчевскаго достигло до 20.000 душъ. Джонсонъ говоритъ, что въ окрестностяхъ города Кэрія, на золотыхъ рудникахъ заняты около 3.000 рабочихъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ Пржевальскимъ, годовая добыча простирается до 860 килограммовъ чистаго металла, приблизительная цѣнность котораго около 2.750.000 франковъ. Благодаря этимъ минеральнымъ богатствамъ и въ особенности изобилію превосходныхъ фруктовъ, которые производятъ сады, область Хотанъ относительно очень населена. По близости, на берегахъ двухъ нефритовыхъ рѣкъ Урунгъ-кашъ и Кара-кашъ находимъ города того же имени; въ одной изъ южныхъ долинъ мѣстечко Такъ тоже пріобрѣло настолько важное значеніе, что можетъ быть причислено къ городамъ.

Въ юго-западномъ углу бассейна Тарима, оазисъ Санджу (Саньчжу), лежащій при рѣчкѣ, которая теряется въ пескахъ, состоитъ изъ многихъ деревень, безпорядочно раскинутыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, вдоль арыковъ или ирригаціонныхъ каналовъ; Санджу болѣе населенъ, чѣмъ многіе города, такъ какъ, по словамъ Джонсона, онъ имѣетъ около 7.000 домовъ. Киліанъ, на западѣ, Піальма, на сѣверо-востокѣ, Гума, на сѣверѣ, Каргалыкъ, Поламъ на сѣверо-западѣ, также многолюдные оазисы или, лучше сказать, группы селеній, которымъ иногда даютъ титулъ городовъ. Эта мѣстность самая богатая часть бассейна Тарима, и здѣсь-то естественно долженъ былъ выстроиться самый значительный городъ страны, какимъ является знаменитый Яркендъ, имѣющій, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, болѣе, чѣмъ стотысячное населеніе; Громбчевскій, Форсайтъ насчитываетъ только 60.000 жителей, изъ которыхъ будто-бы около восьми съ половиной тысячъ иностраннаго происхожденія (именно: *переселенцевъ изъ* Ферганской области—3.000, изъ Бадакшана—2.000, изъ Балтистана—2.000, изъ Кашмира—1.000, переселенцевъ-дунганъ—500 человѣкъ). Базаръ, гдѣ встрѣтишь всѣ этотъ разноплеменный и разноязычный людъ, расположенъ въ центрѣ города, который, благодаря кривымъ, извилистымъ улицамъ и канавамъ стоячей, гнилой воды, представляетъ обширный лабиринтъ. Широкая стѣна, обставленная по угламъ башнями съ китайской крышей и увѣнчанная высокимъ эшафодажемъ висѣлицы, опоясываетъ городъ и дополняется на западѣ крѣпостью Янги-шаръ или «Новый городъ», которую построили китайцы, чтобы держать въ повиновеніи безпокойныхъ яркендцевъ. Почти въ каждомъ городѣ Китайскаго Туркестана есть подобный Янги-шаръ, состоящій преимущественно изъ казармъ и административныхъ зданій.

Дорога, соединяющая Яркендъ съ второй столицей края, Кашгаромъ, приближается къ подошвѣ большихъ горъ и проходитъ черезъ городъ Янги-гисаръ или «Новый замокъ», въ окрестностяхъ котораго находятся нѣсколько небольшихъ металлургическихъ заводовъ, посѣщенныхъ англійскимъ путешественникомъ Шау. Пройдя послѣдовательно черезъ нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, которые теряются въ пескахъ, пропитанныхъ солью, дорога приводитъ къ «Новому городу», или Янги-гисару, который сторожитъ Кашгаръ, какъ другая цитадель того же имени, наблюдающая за Яркендомъ [1]). Кашгаръ, расположенный въ 8 километрахъ западнѣе своего Янги-шара, окруженъ толстой земляной стѣной; въ сосѣдствѣ можно видѣть кое-какіе остатки древняго города, разрушеннаго, какъ говорятъ, Тамерланомъ. Кашгаръ не имѣетъ того преимущества, какимъ пользуется Яркендъ,—не находится въ центрѣ земледѣльческой области, отличающейся большимъ плодородіемъ; но за то онъ занимаетъ болѣе выгодное положеніе съ торговой точки зрѣнія, такъ какъ онъ командуетъ путемъ, который ведетъ въ Ферганскую долину черезъ порогъ Терекъ-даванъ; кромѣ того, въ немъ сходятся нѣсколько другихъ дорогъ, пересѣкающихъ Небесныя Горы. Такимъ образомъ онъ является въ одно и то же время важнымъ складочнымъ мѣстомъ и первостепеннымъ стратегическимъ пунктомъ, и путешественникъ не удивляется, видя на окружающихъ холмахъ укрѣпленія, воздвигнутыя прежними властителями края: это городъ военный, родина героя Рустана, какъ гласитъ легенда. Нѣкоторыя изъ большихъ подгородныхъ селеній, особенно Ташбалыкъ, Файзабадъ и Артушъ (послѣдній славится своимъ мавзолеемъ, на поклоненіе которому приходятъ массы пилигримовъ), занимаются выдѣлкой грубыхъ холстовъ, которыхъ ежегодно вывозятъ на сумму

[1]) Въ Янги-гисарѣ Громбчевскій насчитываетъ до 10.000 жителей.

отъ 2 до 3 милліоновъ франковъ. На сѣверѣ отъ Аргуша, горныя ущелья, ведущія къ русскому Туркестану, были укрѣплены во времена Якубъ-

Маньчжурскій министръ и начальникъ знамени.

бена, сильной цитаделью, называемой Ташъ-курганъ или «Каменный пригорокъ», какъ множество другихъ крѣпостей центральной Азіи. Городъ Кашгаръ служитъ резиденціей дао-тая, который управляетъ округами Кашгарскимъ, Яркендскимъ, Хотанскимъ и Янги-гисарскимъ. Здѣсь открыто съ 1882 года русское консульство. Населеніе города, по словамъ Громбчевскаго, достигаетъ 24.000 душъ.

Къ востоку отъ Кашгара, городъ Маралъ-баши—тоже важная крѣпость, такъ какъ онъ

занимаетъ довольно выгодное положеніе, недалеко отъ сліянія двухъ рѣкъ, Кашгаръ-дарьи и Яркендъ-дарьи, и въ мѣстѣ соединенія дорогъ, направляющихся къ главнымъ городамъ бассейна; несмотря на то, число жителей въ немъ очень не велико, и торговли нѣтъ почти никакой. Учь-турфанъ, на сѣверо-западѣ, тоже носитъ титулъ города, хотя въ другомъ мѣстѣ его бы считали бѣдной деревней; по словамъ г. Сунаргулова, въ Учь-турфанѣ не болѣе сотни домовъ, но крѣпость его заключаетъ въ себѣ гарнизонъ изъ 2.000 солдатъ, имѣющей назначеніе наблюдать за дорогой, по которой караваны и путешественники проникаютъ въ долину Иссыкъ-куля черезъ Бадальскій перевалъ (4.500 метровъ). Этотъ горный проходъ часто бываетъ въ серединѣ лѣта засыпанъ сугробами «желтаго снѣга», цвѣтъ котораго происходитъ, очевидно, отъ присутствія микроскопическихъ организмовъ.

Самый важный городъ въ Тянь-шань-нань-лу (Южная дорога Тянь-шаня), у южнаго основанія Небесныхъ горъ,—Акъ-су (Бѣлая вода), крѣпость, расположенная у подошвы высокаго берега, вдоль котораго прежде протекала рѣка Акъ-су, русло которой нынѣ отодвинулось на 16 километровъ къ западу. За Акъ-су, всѣ другіе города Китайскаго Туркестана, Бай, Сайрамъ, Куча, Шахьяръ, Бугуръ, Курля (Курла, Курліа), Карашаръ, лежатъ вдали отъ Тарима, который течетъ въ 100 слишкомъ километрахъ къ югу отъ передовыхъ горъ Тянь-шаня, въ открытой пустынѣ. Они выстроились, само-собой разумѣется, при выходѣ долинъ, гдѣ прозрачныя воды потоковъ легко могутъ быть проводимы въ сады посредствомъ ирригаціонныхъ канавокъ (арыковъ). Впрочемъ, всѣ эти города въ дѣйствительности не болѣе, какъ мѣстечки, не представляющія важнаго значенія ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи: единственные промыслы ихъ жителей—это отправка шерсти, разведеніе и вывозъ жирныхъ куръ и продажа «пантовъ» или роговъ марала, высоко цѣнимыхъ въ Китаѣ за ихъ драгоцѣнное студенистое вещество [1]).

На нижнемъ Таримѣ и въ бассейнѣ озера Лобъ-норъ теперь нѣтъ ни одного города, но развалины древнихъ городовъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ: полковникъ Пржевальскій посѣтилъ три обширныхъ груды обломковъ и мусора въ сосѣдствѣ Чархалыка, деревни, населенной нынѣ бѣдными изгнанниками. Остатки города Кокъ-норъ затерялись среди камышей одной рѣки, въ трехъ дняхъ перехода къ юго-западу отъ Лобъ-нора: издалека видны его стѣны, возвышающіяся надъ лѣсомъ тростника. Пастухи ходятъ туда на поклоненіе кумирнѣ, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ божественное изображеніе, въ натуральную величину и окрашенное въ желтый цвѣтъ, вѣроятно, древняя статуя Будды. По разсказамъ туземцевъ, какъ самый идолъ, такъ и стѣны храма украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, слитками золота и серебра; но никто не осмѣливается тронуть эти драгоцѣнности, изъ опасенія быть тотчасъ же пораженнымъ невидимой рукой [1]). Нынѣшнее населеніе этой мѣстности, таримцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ семействъ, живетъ въ жалкихъ лачужкахъ, сплетенныхъ изъ камыша; лодка да рыболовные снаряды составляютъ все его богатство. Умершихъ кладутъ въ челнокъ, который покрываютъ другимъ челнокомъ въ опрокинутомъ положеніи, такъ что образуется нѣчто въ родѣ гроба, и даютъ имъ на дорогу, чтобы они могли и на томъ свѣтѣ заниматься своимъ излюбленнымъ промысломъ, рыбной ловлей, половину невода, другую половину котораго родные хранятъ на память о покойникѣ. Впрочемъ, озеро доставляетъ въ изобиліи продовольствіе жителямъ, и когда полковникъ Пржевальскій посѣтилъ ихъ, они упорно отказывались принять деньги, которыя онъ имъ предлагалъ.

Давно уже ходилъ слухъ, что будто русскіе раскольники удалились въ большомъ числѣ на берега Тарима, и утверждали даже, что все населеніе края состоитъ изъ этихъ переселенцевъ [2]). Полковникъ Пржевальскій во время своего путешествія убѣдился, что эта легенда лишена основанія, такъ какъ таримцы, хотя у нихъ совершенно «арійскій» типъ лица, походятъ на другихъ сартовъ, обитающихъ въ бассейнѣ Тарима; но извѣстно достовѣрно, что русскіе сектанты дѣйствительно приходили цѣлой колоніей въ эту печальную страну, въ надеждѣ найти тамъ чудодѣйственную «Бѣлую воду», долженствующую смыть грѣхи съ тѣхъ, кто погружается въ нее, и сверхъ того обезпечить имъ всѣ блага жизни. Первыми пришли молодые люди, чтобы выстроить жилища и приготовить поля для колоніи. Въ слѣдующемъ году прибыла главная масса переселенцевъ, съ дѣтьми, стариками и женщинами; но они скоро отчаялись найти на берегахъ Лобъ-нора искомый рай и ушли обратно на сѣверъ, въ Урумчи. Съ той поры не слыхать было болѣе объ этихъ мистическихъ пилигримахъ [3]).

Китайскій Туркестанъ, составляетъ часть провинціи Гань-су-синь-цзянь, которая по управленію дѣлится на округа и приставства, слѣдующіе одинъ за другимъ, начиная отъ юго-запада, въ такомъ порядкѣ: Хотанъ, Яркендъ, Янги-гисаръ, Кашгаръ, Учъ-турфанъ, Акъ-су, Аньси, Кэрія, Урумчи, Куча, Маралъ-баши,

[1]) *Полковникъ Куропаткинъ*, цитированное сочиненіе.

[1]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLVII, 1877.

[2]) Григорьевъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера".

[3]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора".

Куръ-кара-усу, Карашаръ. Кромѣ того, Хами и Баркюль суть главные города второстепенныхъ административныхъ подраздѣленій. Два областныхъ воинскихъ начальника, дао-тая, имѣютъ пребываніе въ Акъ-су и Кашгарѣ, изъ которыхъ послѣдній служитъ въ то же время резиденціей главнаго начальника края или генералъ-губернатора. Семь городовъ, между всѣми городами страны, считаются какъ имѣющіе особенное достоинство, независимо отъ числа ихъ жителей или отъ ихъ административной роли. Хотанъ, Яркендъ, Янги-гисаръ, Кашгаръ, Учь-турфанъ, Куча и Карашаръ составляютъ этотъ гептаполь или Семиградье.

Города и главныя селенія Китайскаго Туркестана, имѣющіе болѣе 6.000 жителей, суть:

Яркендъ—60.000 жит. (Форсайтъ и Громбчевскій). Кашгаръ—24.000 (онъ же). Хотанъ —20.000 (онъ же). Санджу — 35.000 (Джонсонъ). Акъ-су—20.000 (Куропаткинъ). Кэрія—15.000 (Пржевальскій). Янги-гисаръ—10.000; (Форсайтъ). Каргалыкъ — 10.000 (онъ же). Курля—6.000 жит. (Регель).

Лучшее описаніе Кашгаріи принадлежитъ Пѣвцову и Богдановичу, см. его Труды Тибетской экспедиціи, кромѣ того сочиненія Куропаткина и Петровскаго.

Глава IV

Монголія.

I. Область озера Куку-норъ.

Гористая страна, пространствомъ около 300.000 квадратныхъ километровъ, которая простирается на сѣверо-востокъ отъ Тибета, и которую часто причисляютъ къ этой провинціи, составляетъ въ дѣйствительности область совершенно отличную отъ Бодъ-юла. Въ политическомъ отношеніи она зависитъ болѣе отъ китайскаго императора, чѣмъ отъ далай-ламы, а по своей торговлѣ она имѣетъ гораздо болѣе связей съ китайской провинціей Гань-су, нежели съ главной тибетской долиной, орошаемой рѣкою Цзанбо. Тройной валъ горныхъ хребтовъ отдѣляетъ на югѣ бассейны Кукунора и Цайдама отъ населенныхъ мѣстностей Тибета, и естественная покатость страны наклонена къ Гоби или Шамо и къ территоріямъ, по которымъ кочуютъ монголы. Однако, эта страна высокихъ плоскогорій, замкнутыхъ бассейновъ, трудно доступныхъ горъ не можетъ быть разсматриваема какъ принадлежащая къ той же естественной области, къ которой принадлежатъ безлюдныя пустыни Гоби или обитаемыя равнины Гань-су: она должна быть изучаема отдѣльно, настолько по крайней мѣрѣ, насколько это позволяетъ скудость относящихся къ ней географическихъ свѣдѣній.

На востокѣ отъ Лобъ-нора горныя цѣпи Алтынъ-тага и Чаменъ-тага прерываются широкой брешью, посредствомъ которой Цайдамская низменность соединяется съ равнинами Лобъ-нора и нижняго Тарима: далѣе на востокъ другіе хребты, принадлежащіе также къ системѣ Куэнь-луня, образуютъ передовые выступы Тибетскаго плоскогорья. Эти ряды горъ представляютъ параллельныя цѣпи, между которыми берутъ начало рѣки восточнаго Тибета: во-первыхъ, Муръ-усу, которая ниже называется Цзинь-ша-цзянъ и Янъ-цзы-цзянъ, затѣмъ Лань-цянъ-цзянъ, принимающій въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи имя Меконга, и наконецъ, таинственный Напъ-чу, тотъ потокъ, который служитъ границей Тибета въ собственномъ смыслѣ, и который ниже называется Лу-цзяномъ и Салуэномъ. Эти горныя цѣпи такъ же, какъ промежуточныя долины, тянутся, внѣ плоской возвышенности, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и въ этомъ же направленіи вырылась обширная низменность долины Чайдама или Цайдама, которая продолжается съ одной стороны долиной нижняго Тарима, съ другой—озерной областью, въ которой находятся истоки Хуанъхэ. Легко понять, почему старинныя китайскія географіи единогласно повторяютъ, что истоки Желтой рѣки образуются изъ водъ, заключенныхъ въ Лобъ-норѣ: объясненіе этихъ словъ находимъ въ томъ фактѣ, что въ этой части центральной Азіи непрерывный рядъ равнинъ и возвышенныхъ долинъ открывается черезъ горныя цѣпи и плоскогорья. Первые путешественники не могли принимать въ разсчетъ наклоненія покатостей между озеромъ Лобъ и

рѣкой Хуанъ-хэ; они обращали вниманіе только на общую форму рельефа, однако, на китайскихъ картахъ, оріентированныхъ въ направленіи обратномъ направленію нашихъ картъ, изображается валъ изъ горъ между равнинами, центральную низменность которыхъ занимаетъ Лобъ-норъ, и «Звѣздными озерами», въ которыхъ зарождается Хуанъ-хэ.

Но за этой поперечной низменностью, идущей отъ Тарима до Желтой рѣки, на сѣверѣ возвышаются группы и цѣпи горъ, соединяющіяся съ Тибетскимъ плоскогорьемъ, посредствомъ чрезвычайно неровной, холмистой страны, черезъ которую воды китайской рѣки проложили себѣ дорогу по страшнымъ ущельямъ. Различные притоки Хуанъ-хэ перерѣзываютъ эту систему горъ, которую можно назвать системою Куку-нора, по имени озера, занимающаго центральную ея область. На сѣверѣ цѣпь Нань-шаня, оріентированная почти по направленію отъ запада къ востоку, ограничиваетъ съ внѣшней стороны, выше равнинъ монгольскаго Гань-су, всю страну Куку-нора и, кажется, составляетъ продолженіе, на востокъ отъ пролома, образуемаго рѣкой Цайдамъ, цѣпи Алтынъ-тагъ; около истоковъ рѣки Асциндъ, нѣкоторыя изъ этихъ горныхъ вершинъ поднимаются за линію постоянныхъ снѣговъ, высоту которой опредѣляютъ въ 4.200 метровъ. Самыя высокія вершины этой горной массы достигаютъ 5.400 метровъ, но двѣ западныя отрасли, которыя полковникъ Пржевальскій назвалъ—одну хребтомъ Гумбольдта, другую—хребтомъ Риттера, имѣютъ, по его измѣреніямъ, только 3.300 метровъ высоты [1]). На югѣ отъ цѣпи Нань-шань, надъ которой господствуетъ вершина Канкиръ—одна изъ священныхъ горъ тангутовъ—возвышается другой хребетъ, Четри-шань, который ограниченъ съ сѣверной стороны долиной Да-тунъ-голъ, тогда какъ на югѣ открывается бассейнъ Куку-нора. Наконецъ, за этимъ внутреннимъ моремъ, другія горныя цѣпи, совокупность которыхъ полковникъ Пржевальскій называетъ южнымъ Куку-норомъ, развѣтвляются на многочисленныя отрасли, которыя всѣ изобилуютъ рудными мѣсторожденіями: прежде въ этихъ горахъ собирали много золота, но со времени возстанія дунганъ золотые пріиски на ручьяхъ заброшены.

На противоположныхъ склонахъ этихъ различныхъ цѣпей замѣчается тотъ же самый контрастъ, какъ и въ Кульджинскомъ краѣ между двумя скатами хребтовъ Тянь-шаня и въ Сибири между долинами сѣверной покатости Алтайскихъ горъ и долинами, наклоненными къ югу. Такъ, Нань-шань поросъ густымъ лѣсомъ на сторонѣ, смотрящей на сѣверъ, тогда какъ бока, обращенные къ югу, покрыты болѣе скудной древесной растительностью. Двѣ горныя цѣпи, между которыми заключенъ бассейнъ Куку-нора, представляютъ на своихъ противоположныхъ отлогостяхъ такой же контрастъ климата, пейзажа, растительности: на сѣверѣ—плодородный черноземъ, текучія воды, живописные лѣски; на югѣ—глинистые скаты и каменистые овраги. Тѣмъ не менѣе флора этой области чрезвычайно разнообразна въ сравненіи съ флорой степей сѣвера и плоскихъ возвышенностей юга: до высоты 3.000 метровъ тянутся лѣса хвойныхъ породъ, ивъ и деревьевъ, неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ, какова, напримѣръ, береза съ красной корой; особенные виды рододендроновъ и жимолости встрѣчаются въ подлѣсьѣ и на альпійскихъ лугахъ. Горы Куку-нора замѣчательны, кромѣ того, какъ главная область произрастанія лекарственнаго ревеня, который покупаютъ по очень высокимъ цѣнамъ китайскіе негоціанты изъ Си-нина. Фауна этихъ горъ тоже отличается удивительнымъ богатствомъ: полковникъ Пржевальскій нашелъ въ этой странѣ около сорока трехъ видовъ еще неизвѣстныхъ животныхъ [1]).

Озеро Куку-норъ, отъ котораго провинція получила свое названіе, извѣстно у тибетцевъ подъ именемъ чо Гумбумъ, а у китайцевъ подъ именемъ Цинъ-хай, что значитъ «Голубое озеро». И дѣйствительно, эта водная площадь прекраснаго лазурнаго цвѣта, «мягкаго, какъ шелкъ», составляетъ яркій контрастъ съ нѣжной бѣлизной снѣговъ, отражающихся въ его голубой поверхности. Бассейнъ его имѣетъ форму эллипса, удлиненнаго по направленію отъ востока къ западу; по разсказамъ туземцевъ, общее протяженіе береговъ должно быть около 350 до 400 километровъ, ибо пѣшеходъ можетъ совершить путешествіе вокругъ озера въ двѣ недѣли, а всадникъ объѣдетъ его въ семь дней. Голубое озеро покрываетъ, вѣроятно, пространство отъ пяти до шести тысячъ квадратныхъ километровъ; прежде площадь его была гораздо обширнѣе, на что указываютъ старые берега, которые видны во многихъ мѣстахъ на большомъ разстояніи отъ нынѣшнихъ. Многочисленные притоки, между которыми самый значительный—Буханъ-голъ, въ западной области бассейна, питаютъ озеро, но приносимое ими количество воды недостаточно, чтобы пополнять убыль, происходящую отъ испаренія, такъ какъ этотъ обширный резервуаръ не имѣетъ истеченія, и воды его сдѣлались солеными. Въ юго-восточной части озера лежитъ довольно большой островъ, около десяти километровъ въ окружности: по словамъ легенды, этотъ островъ прикрываетъ пропасть, откуда вытекали воды Куку-нора; чудовищная

[1]) *Публичная бесѣда М. Н. Пржевальскаго въ Петербургѣ, 11 марта 1881 года.*

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ".

птица бросила его съ высоты небесъ, чтобы запереть бездну, волны которой грозили потопить весь міръ. Буддійскій монастырь, обитаемый десяткомъ ламъ, пріютился на этомъ уединенномъ островѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ всякаго сообщенія съ твердой землей въ продолженіе большей части года, такъ какъ лѣтомъ никакое судно не отважится пуститься по бурнымъ водамъ озера; только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, съ половины ноября до конца марта, монахи по льду могутъ выходить изъ своей тюрьмы, и этимъ временемъ они пользуются, чтобы ходить за сборомъ подаянія на другую сторону покрытой льдомъ поверхности и возобновлять свои запасы масла и муки. Воды озера Куку-нора очень богаты рыбой, и фауна его, по разсказамъ прибрежныхъ жителей, состоитъ изъ многихъ видовъ; однако, полковнику Пржевальскому во все время его пребыванія на озерѣ ни разу не удалось видѣть, чтобы кто-нибудь поймалъ, ни самому поймать какія-либо другія породы рыбъ, кромѣ одного только вида, мясо котораго очень вкусно, но икра ядовита. Озеро лежитъ на высотѣ 3.200 метровъ, еще гораздо ниже верхняго предѣла растительности; повсюду, гдѣ чистая вода течетъ въ степи, она окаймлена кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, растущимъ густыми чащами.

Многія другія озера, менѣе значительныя, чѣмъ Куку-норъ, разсѣяны въ пониженіяхъ плато, на западѣ отъ верхняго Хуанъ-хэ; но самое обширное изъ всѣхъ внутреннихъ морей страны перестало существовать. Чайдамская или Цайдамская равнина была нѣкогда дномъ этого обширнаго озера, которое наполняло треугольное пространство, ограниченное на сѣверѣ горами Нань-шань, на востокѣ цѣпями Куку-нора, на югѣ хребтомъ Бурханъ-Будда. Эту равнину прорѣзываетъ, въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, большая рѣка, Баянъ-голъ (Богатая рѣка) или Чайдамъ, Цайдамъ; теченіе которой имѣетъ, можетъ быть, отъ четырехъ до пяти сотъ километровъ длины, и которая представляетъ не менѣе 430 метровъ ширины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нее переправлялся Пржевальскій. Но, по мѣрѣ приближенія къ пустынѣ, этотъ могучій потокъ постепенно съуживается, уменьшается въ объемѣ и, наконецъ, теряется въ болотахъ озера Дабсунъ-норъ. Во всей своей восточной части Цайдамская равнина покрыта соляными болотами, которыя въ иныхъ мѣстахъ образуютъ простые бѣлые налеты, похожіе на снѣгъ, въ другихъ кристаллическія плиты соли; на сѣверо-западѣ, напротивъ, она представляетъ только твердую глину или голую, каменистую почву. Камыши въ болотистой области, кое-гдѣ торчащіе пучки травы въ обсохшей части составляютъ почти единственную растительность Цайдамской равнины; впрочемъ, тамъ встрѣчаются, кромѣ того, чащи растенія nitraria Schoberi (селитряница), которое достигаетъ болѣе 2 метровъ въ вышину, и ягоды котораго, въ одно и то же время сладкія и соленыя, составляютъ одно изъ самыхъ лакомыхъ яствъ въ краѣ, одинаково любимое людьми и животными; жители собираютъ эти ягоды осенью и примѣшиваютъ ихъ къ ячменной мукѣ. Фауна Цайдама такъ же мало разнообразна, какъ и флора; бѣдность ея происходитъ, можетъ быть, отъ чрезмѣрнаго множества комаровъ и мошекъ, которые тучами кружатся надъ болотами и заставляютъ пастуховъ, овецъ и дикихъ звѣрей искать спасенія въ окружающихъ горахъ. Одинъ видъ антилопы, волкъ, лисица, заяцъ—вотъ животныя, которыя всего чаще встрѣчаются при переходѣ черезъ эту равнину; кромѣ того, по разсказамъ монголовъ, въ западныхъ пустыняхъ бродитъ дикій верблюдъ. Человѣкъ посѣщаетъ эти страны только въ качествѣ охотника или кочеваго скотовода; однако, онъ могъ бы заниматься и обработкой почвы, благодаря оплодотворяющей водѣ, которую рѣка Баянъ-голъ катитъ въ изобиліи, и относительной теплотѣ климата, которая объясняется тѣмъ, что Цайдамъ не имѣетъ даже 3.000 метровъ высоты на своей верхней оконечности и постепенно понижается къ своему западному выходу, гдѣ высота мѣстоположенія не достигаетъ, можетъ быть, и 1.000 метровъ. Когда Пржевальскій и Роборовскій проходили черезъ эту равнину, нѣкоторые монголы сѣяли тамъ пшеницу и ячмень: такъ какъ возстаніе дунганъ лишило ихъ обыкновенныхъ источниковъ продовольствія, то они по неволѣ должны были сдѣлаться хлѣбопашцами. Въ центрѣ равнины, недалеко отъ сліянія Баянъ-гола съ другой рѣкой, находятся развалины древняго города, свидѣтельствующія о большихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ исторіи страны. Очевидно, было время, когда осѣдлыя населенія жили въ этомъ краѣ, гдѣ теперь увидишь только юрты пастуховъ, кочующихъ со своими стадами.

Возвышенная степь Одонь-тала, на сѣверѣ которой находится водораздѣльный порогъ между истоками Баянъ-гола и истоками Хуанъ-хэ, есть область священная для монголовъ и китайцевъ, гдѣ разсѣяны озера Чжаринъ-норъ и Оринъ-норъ, изливающія свои лишнія воды въ Желтую рѣку. Ни одинъ европейскій путешественникъ, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время, не бывалъ въ этой странѣ Синъ-су-хай или «Звѣзднаго моря»: Пржевальскій оставилъ ее въ сторонѣ, къ востоку отъ избраннаго имъ пути, во время своего перваго путешествія и не могъ добраться до нея съ другой стороны, во время второй своей экспедиціи [1]). А между тѣмъ пастбища «Звѣзднаго моря» посѣщаются

[1]) Экспедиція Пржевальскаго прошла здѣсь въ 1884 году, а въ 1893 г. нѣсколько сѣвернѣе прошла экспедиція Роборовскаго. Примѣч. ред.

каждый годъ въ августѣ мѣсяцѣ монголами, которые приходятъ сюда поклониться своему богу близъ священныхъ источниковъ. Семь животныхъ бѣлой масти безъ пятна, одинъ якъ, одна лошадь и пять барановъ, посвящаются жрецами божеству; привязавъ имъ вокругъ шеи по красной лентѣ, ихъ отпускаютъ на волю въ горы, нагруженныхъ грѣхами всего племени [1]).

Къ западу отъ степи Одонь-тала начинается крутая, утесистая цѣпь Бурханъ-будда, которая образуетъ съ этой стороны угловой валъ Тибетскаго нагорья. Это безплодный хребетъ, почти вездѣ одинаковой высоты и съ правильными скатами, простой валъ изъ глины, конгломератовъ и порфира, ограничивающій область возвышенныхъ равнинъ. Узкое пониженіе, похожее скорѣе на корридоръ или оврагъ, чѣмъ на долину, отдѣляетъ эту каменистую стѣну отъ другаго хребта, также голаго и тоже состоящаго изъ сѣрыхъ, желтыхъ или красноватыхъ скалъ, но поднимающагося нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ выше предѣла постоянныхъ снѣговъ: эта послѣдняя цѣпь горъ носитъ названіе Шуга. Далѣе, по направленію къ Тибету, простирается пустынное плоскогорье, усѣянное холмами и невысокими хребтами, разорванное тамъ и сямъ трещинами, покрытое въ иныхъ мѣстахъ булыжникомъ, въ другихъ—пескомъ или бѣлой, соленой пылью. Для путешественниковъ эта возвышенная волнистая равнина, абсолютная высота которой колеблется между 4.300 и 4.500 метровъ, представляется страной ужаса и смерти, и они испытываютъ невыразимую радость, когда, пройдя краевую цѣпь Баянъ-хара, опять спустятся, по обрывистымъ крутизнамъ, въ пастбища, окружающія рѣку Муръ-усу, то-есть верхній Янъ-цзы-цзянъ. Оффиціальной границей провинціи Куку-норъ считается хребетъ Шуга; но ее часто отодвигаютъ до цѣпи Баянъ-хара, или до долины Голубой рѣки, даже до Хара-усу. Само собой разумѣется, что въ подобномъ громадномъ необитаемомъ пространствѣ могутъ быть только совершенно фиктивныя границы.

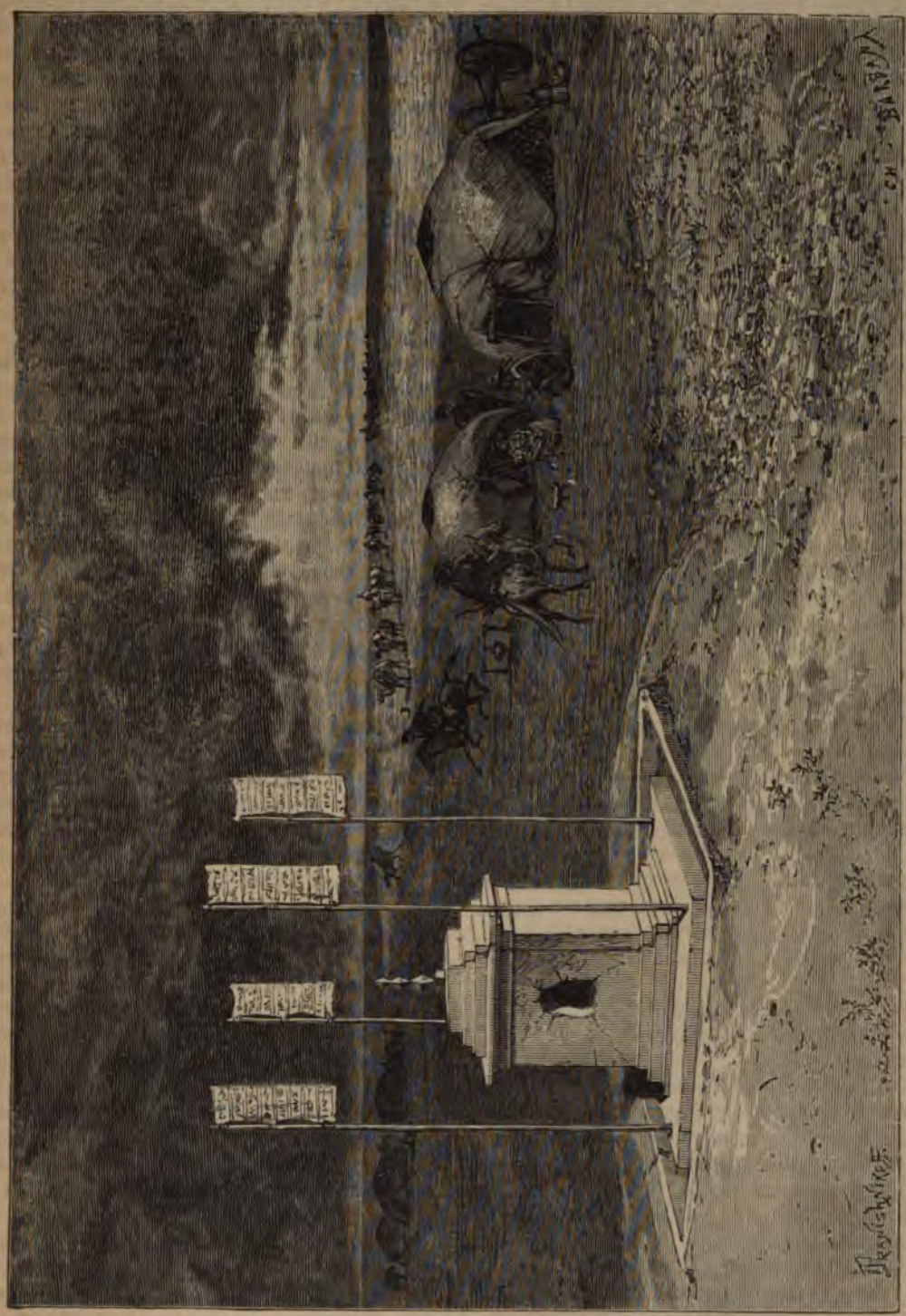
Народонаселеніе Куку-норскаго края можно считать приблизительно въ 150.000 человѣкъ; въ области, простирающейся на западѣ отъ озера, общее число жителей, по всей вѣроятности, не превышаетъ двадцати тысячъ душъ. Стойбища встрѣчаются на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одно отъ другаго только въ равнинахъ, залегающихъ на сѣверѣ и востокѣ отъ Голубаго озера и въ долинѣ рѣки Да-тунъ-голъ. Близъ китайской границы, около города Донкыра или Дань-гэръ-тина, населеніе довольно плотно, и тѣ округи этой области, которые не были опустошены дунганами, представляютъ превосходно обработанныя земли. Китайскіе колонисты уже проникли въ эти долины, коренное населеніе которыхъ состоитъ изъ тангутовъ и дальдовъ, племени земледѣльцевъ, которые не походятъ на китайцевъ, хотя они приняли ихъ религію, нравы и даже одежду. Языкъ ихъ, говоритъ г. Пржевальскій, составляетъ смѣсь китайскаго, монгольскаго и какихъ-то неизвѣстныхъ словъ.

Наиболѣе осѣдлыя племена состоятъ изъ монголовъ, жалкихъ представителей своей расы. Угнетаемые тангутами и необладающіе достаточной энергіей, чтобы оказывать сопротивленіе, они повинуются безропотно, утративъ почти всякое воспоминаніе о томъ, что ихъ предки были господами страны. «Вырвите у нихъ передніе зубы и поставьте моихъ подданныхъ на четвереньки, они будутъ походить на коровъ», говорилъ одинъ куку-норскій князь Пржевальскому. Что касается тангутскихъ завоевателей края, большинство которыхъ принадлежитъ къ роду хара-тангутовъ или «черныхъ тангутовъ», то это по большей части люди гордые и смѣлые, съ полнымъ сознаніемъ своей силы. Родственные тибетской народности по расѣ и языку, эти тангуты, извѣстные китайцамъ, какъ и тибетцы въ собственномъ смыслѣ слова, подъ общимъ именемъ сифаней, рѣзко отличаются отъ монголовъ чертами лица и нравами. Они имѣютъ черные и широко открытые глаза, овальное лицо безъ чрезмѣрно выдающихся скулъ, черную, довольно густую бороду, прямой или орлиный носъ. Пржевальскій находитъ у нихъ удивительное сходство съ цыганами южной Россіи. Монголъ смиренъ, тангутъ задоренъ и сварливъ. Монголъ любитъ безплодную пустыню, безграничное пространство; тангутъ предпочитаетъ долины, сырыя пастбища горъ. У монгола верховымъ и вьючнымъ животнымъ служитъ верблюдъ, тогда какъ тангутъ кочуетъ въ сопровожденіи яка или даже употребляетъ его для верховой ѣзды, продѣвая ему сквозь перегородку ноздрей большое деревянное кольцо. Монголъ гостепріименъ и радушно принимаетъ чужеземца; тангутъ выпроваживаетъ его изъ своей юрты или заставляетъ его дорого заплатить за свой пріемъ. Хара-тангуты жадны и страстные барышники; всякая, самая малоцѣнная вещь подаетъ у нихъ поводъ къ нескончаемымъ торгамъ. Они охотно предаются воровству и грабежу: соединившись въ шайки человѣкъ по десяти, они въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ведутъ веселую разбойничью жизнь, нападая на караваны купцовъ или на стойбища монголовъ; но возвращаясь въ свои родимыя мѣста, нагруженные награбленной добычей, эти рыцари большой дороги никогда не забываютъ сходить къ святымъ мѣстамъ, чтобы помолиться объ отпущеніи грѣховъ, о

[1]) *Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.*

прощеніи имъ совершенныхъ насилій или пролитой крови: они отправляются на священные берега Голубаго озера, покупаютъ у рыбаковъ или силой отнимаютъ у нихъ наловленную рыбу и бросаютъ ее обратно въ воду [1]). Такимъ образомъ сумма ихъ добрыхъ дѣлъ легко получаетъ перевѣсъ надъ числомъ ихъ злодѣяній.

Какъ подобаетъ народу грабителей, молодые тангуты имѣютъ еще обыкновеніе похищать дѣвушекъ, которыхъ они выбираютъ себѣ въ подруги жизни; но этотъ увозъ теперь чисто фиктивный, и похититель долженъ заплатить родителямъ невѣсты выкупъ аналогичный калыму туркменъ и киргизовъ. Многомужіе не въ обычаѣ у тангутовъ, какъ у южныхъ тибетцовъ, но многоженство дозволяется, и всѣ бо-



Могила ламы въ монгольской степи.

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

гатые владѣльцы стадъ скота охотно промѣниваютъ яковъ и овецъ на новыхъ супругъ. Впрочемъ, съ женщинами не обращаются какъ съ рабынями: онѣ занимаются домашнимъ хозяйствомъ и уходомъ за скотомъ; онѣ ходятъ вездѣ совершенно свободно и посвящаютъ большую часть своего времени заботамъ объ убранствѣ своей шевелюры, которую они заплетаютъ въ косы и украшаютъ ихъ бусами, лентами, жемчугомъ, металлическими бляхами. Но онѣ не умѣютъ придавать красивый видъ своимъ жилищамъ. Большинство тангутовъ живетъ въ черныхъ, обтянутыхъ яковыми шкурами, палаткахъ, съ отверстіемъ на верхушкѣ, черезъ которое уходитъ дымъ и часто падаетъ дождь во внутренность жилища; обитатели юрты спятъ вокругъ очага, на кучахъ травы и хвороста, или даже прямо на голой землѣ, загрязненной всякими нечистотами и кухонными помоями.

Ревностные буддисты, подобно монголамъ и тибетцамъ, монгольскіе и тангутскіе жители области Куку-норъ съ величайшей пунктуальностью соблюдаютъ всѣ правила и церемоніи, предписываемыя ихъ религіей: они часто совершаютъ торжественныя процессіи вокругъ кумирень и священныхъ мѣстъ, и каждый годъ множество богомольцевъ изъ этого края присоединяются къ караванамъ, идущимъ въ Лассу. Одинъ воплощенный Будда тоже имѣетъ резиденцію въ одномъ изъ монастырей Куку-нора, при чемъ китайское правительство не нашло нужнымъ вмѣшиваться въ избраніе этого высшаго жреца [1]); но слава тангутскаго ламы затмевается славой тибетскаго далай-ламы, и куку-норскіе монастыри и кумирни считаются какъ бы вассалами, подвѣдомственными священному храму-дворцу Поталу. Большое число жрецовъ живутъ въ юртахъ, и даже монахи религіозныхъ общинъ часто странствуютъ отъ племени къ племени. Когда они умираютъ, ихъ хоронятъ со всѣми почестями, приличествующими ихъ духовному званію, тогда какъ тѣла мірянъ, согласно тибетскому обычаю, бросаются просто на голую землю и оставляются на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ [2]).

Обитатели степей Куку-нора и Цайдама не имѣютъ другихъ промысловъ и источниковъ существованія, кромѣ скотоводства, но за то стада у нихъ очень многочисленны: иной зажиточный тангутъ обладаетъ сотнями яковъ и тысячами барановъ. Цѣна товаровъ исчисляется головами скота. Точно также живыми животными и ихъ останками, шкурами и т. д., они оплачиваютъ всѣ предметы, въ которыхъ нуждаются, и которые имъ доставляютъ китайцы изъ пограничныхъ городовъ Си-нинъ-фу и Донкыра. Благодаря этой торговлѣ мукой, табакомъ, матеріями, чаемъ, ревенемъ, китайскому правительству удалось установить мало-по-малу, если не непосредственную власть, то по крайней мѣрѣ право верховнаго господства надъ гордыми тангутами страны. Караваны монгольскихъ пилигримовъ, которые отправляются отъ границъ Сибири къ нагорьямъ Тибета, и для которыхъ Куку-норъ служитъ промежуточнымъ мѣстомъ роздыха, также способствовали установленію связей между землей хара-тангутовъ и китайскимъ міромъ. Осень—самое благопріятное время года для путешествія, потому что лѣтніе дожди уже прекратились, а бури начинаются только зимой: оттого каждый годъ, начиная съ конца лѣта, монгольскіе караваны сходятся въ сборномъ пунктѣ, въ Куку-норѣ, гдѣ животныя подкрѣпляютъ свои силы для предстоящаго труднаго странствованія черезъ горы и пропасти, на протяженіи отъ 1.600 до 1.700 километровъ. Изъ Куку-нора и Донкыра, ближайшаго китайскаго города, караваны отправляются всегда въ началѣ сентября и черезъ два мѣсяца достигаютъ Лассы, гдѣ проводятъ три мѣсяца и въ февралѣ выступаютъ въ обратный путь, въ сопровожденіи тибетскихъ купцовъ. Во время возстанія дунганъ, долго опустошавшихъ Монголію и провинцію Гань-су, всѣ эти пилигримства, религіозныя и торговыя, были прерваны, и даже далай-лама долженъ былъ отказаться отъ отправки оффиціальнаго посольства, которое каждый третій годъ возитъ его подарки китайскому императору.

Благодаря караванамъ, тангуты Цайдама и Куку-нора находятся, въ мирныя времена, въ частыхъ сношеніяхъ съ представителями двухъ сюзереновъ, духовнаго и свѣтскаго, — далай-ламы и богдыхана. Кумирня Чейбсенъ или Чебсенъ, лежащая въ 75 километрахъ къ сѣверу отъ китайскаго города Си-нинъ-фу, на скалѣ, которая господствуетъ надъ Бугукъ-ломъ, небольшимъ притокомъ Желтой рѣки, можетъ быть разсматриваема какъ главный городъ страны. По словамъ полковника Пржевальскаго, вся эта провинція въ административномъ отношеніи раздѣлена на 29 хошуновъ или «знаменъ, значковъ», изъ которыхъ пять образуютъ Цайдамскій край, девятнадцать область Куку-нора и сѣверныхъ долинъ, а остальные пять лежатъ на югъ отъ Хуанъ-хэ. Тангуты, когда имъ понадобится вызвать вмѣшательство китайскихъ властей, обращаются со своими ходатайствами къ оффиціальнымъ чиновникамъ, имѣющимъ пребываніе въ городѣ Си-нинъ-фу.

Замѣтимъ здѣсь, что очень трудно передавать китайскія географическія названія, не только потому, что китайское произношеніе разнится отъ нашего, но также потому, что, соотвѣтственно языку своей націи, путешественники и географы каждой страны имѣютъ различную орѳографію. Такъ какъ европеецъ,

[1]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Китаѣ".

[2]) *Пржевальскій, цитированное сочиненіе.*

естественно, склоненъ писать китайскія названія такъ, чтобы воспроизвести въ своемъ языкѣ звуки такими, какъ онъ ихъ слышалъ, то всегда нужно принимать въ соображеніе національность авторовъ, которые говорятъ о Китаѣ, и сообразно тому удерживать или видоизмѣнять приводимыя имъ слова. До тѣхъ поръ, пока для географическихъ именъ вообще не будутъ употреблять однообразную систему транскрипціи, воспроизводящую всѣ звуки соотвѣтственными знаками, приходится изображать эти имена буквами того языка, на которомъ ихъ произноситъ читатель.

* Трудность, испытываемая всѣми иностранцами вообще, при передачѣ китайскихъ названій въ правильной формѣ, принудила выдающихся синологовъ и знатоковъ Китая прибѣгнуть къ условному обозначенію китайскихъ слоговъ сочетаніемъ извѣстныхъ буквъ своего алфавита. Эти обозначенія у французовъ, англичанъ или нѣмцевъ дѣлались у каждаго по-своему, и послѣднее обстоятельство нужно всегда имѣть въ виду при употребленіи иностранныхъ источниковъ и географическихъ картъ Китая, изданныхъ въ Западной Европѣ и въ особенности при переводѣ этихъ уже переиначенныхъ на европейскій манеръ китайскихъ именъ на русскій языкъ.

Существованіе въ Китаѣ множества мѣстныхъ нарѣчій еще болѣе усложняетъ это дѣло и заставляетъ еще съ большею настоятельностью остановиться на выборѣ одного какого-нибудь изъ нихъ. Западно-европейскіе знатоки Китая въ большинствѣ приняли, такъ называемое, пекинское или мандаринское нарѣчіе, хотя нѣкоторые изъ европейскихъ синологовъ употребляютъ и южное мандаринское. Русскіе синологи исключительно держатся нарѣчія сѣвернаго, имѣя для такого выбора весьма вѣскіе доводы.

Огромное развитіе въ Западной Европѣ синологической литературы заставляетъ русскихъ авторовъ весьма часто обращаться къ этимъ источникамъ, но, не будучи ознакомлены съ основами сочетаніями звуковъ при передачѣ китайскихъ словъ, русскіе авторы переводятъ эти слова дозвучно буква за буквой, полагая, что чѣмъ неблагозвучнѣе получится китайское названіе тѣмъ оно ближе къ истинѣ [1]). Такой примѣръ мы видѣли еще недавно въ названіи бухты Цзяо-чжоу, переиначенной въ Кіао-чжао, видимъ его даже и въ оффиціальныхъ названіяхъ новыхъ нашихъ пріобрѣтеній Талянванѣ, Квантунгскомъ полуостровѣ, Кирунгъ (вмѣсто Гирінь) и др. названіяхъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя намъ подносятъ газетныя телеграммы «Новаго Времени» или другихъ агентствъ. Подобное коверканіе китайскихъ названій можно было бы извинить лишь въ томъ случаѣ, когда въ русской синологической литературѣ не оказалось бы вовсе руководствъ для правильной передачи ихъ съ иностраннаго на русскій. Между тѣмъ еще въ 40-хъ годахъ, отцемъ Іокинфомъ Бичуринымъ были изданы таблицы, показывающія орѳографію китайскихъ звуковъ на языкахъ французскомъ и англійскомъ параллельно съ русскимъ. Таблицы эти были повторены въ классическомъ трудѣ Матусовскаго, но и до сихъ поръ мы видимъ во всѣхъ переводныхъ сочиненіяхъ о Китаѣ, какъ и на картахъ этой страны, массу до такой степени искаженныхъ географическихъ именъ, что даже человѣку, хорошо знакомому съ Китаемъ, бываетъ не только трудно, но часто и совсѣмъ невозможно догадаться, о какой именно мѣстности идетъ рѣчь. Первое изданіе настоящаго тома Географіи Реклю въ отношеніи передачи географическихъ названій грѣшило не менѣе другихъ, но во время его выхода въ свѣтъ Китай интересовалъ насъ весьма мало, сама страна еще не вошла въ кругъ международныхъ отношеній и географическія свѣдѣнія или справки о ней требовались въ русскомъ обществѣ очень рѣдко. Совершенно иное мы видимъ теперь, и потому было бы непростительно относится съ прежнимъ пренебреженіемъ и къ точной передачѣ китайскихъ названій, и не уважать выработанныхъ русскими учеными правилъ, тѣмъ болѣе, что со времени Матусовскаго въ русской синологической литературѣ появились и такіе классическіе труды, какъ Вебера «Карта сѣверо-восточнаго Китая съ алфавитнымъ спискомъ китайскихъ названій». Игнорировать подобные труды было бы болѣе нежели непростительно, и потому вездѣ, гдѣ только можно, въ настоящемъ изданіи тома Реклю, всѣ китайскія названія будутъ переданы согласно указаніямъ нашихъ авторитетныхъ синологовъ*.

II. Монгольская Гань-су.

Поясъ пустынь, который тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ песковъ Такламаканъ, близъ Яркенда, до возвышенныхъ плато, окаймленныхъ съ восточной стороны цѣпью Большой Хинганъ, не представляетъ, какъ это часто воображаютъ, области совершенно однообразной по виду и характеру мѣстности, наклоненію почвы, климату и степени безплодія. Онъ составляетъ особую естественную область только по контрасту его равнинъ съ высокими горами, окружающими его съ четырехъ сторонъ, съ юга, запада, сѣвера и востока и съ великолѣпно обработанными полями, прилегающими съ юго-востока. Но въ этой безконечной полосѣ континента, за-

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ даже у серьезныхъ знатоковъ Китая, какъ напр. Путята и многіе другіе.

нимающей цѣлую половину діаметра Азіи, слѣдуютъ одно за другимъ множество разнообразнѣйшихъ мѣстоположеній, и нѣкоторые писатели совершенно ошибочно смѣшиваютъ многія части этого громаднаго пространства съ пустыней Гоби или Шамо. Такъ, страна шириною около 500 километровъ, отдѣляющая Нань-шань отъ горъ Хами, не есть пустыня въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Правда, что она соединяется съ одной стороны съ пустынями нижняго Тарима, съ другой—съ страшными нагорьями восточнаго Гоби; но если однѣ изъ ея равнинъ, параллельныя впадины обширной котловины, которую нѣкогда наполняли воды монгольскаго средиземнаго моря, образуютъ маленькія промежуточныя «гоби», безъ воды и безъ растительности, гдѣ песокъ, поднимаемый вѣтромъ, кружится вихремъ, то нѣкоторыя рѣки, спускающіяся съ Нань-шаня и съ сосѣднихъ горныхъ цѣпей, катятъ достаточно воды, чтобы продолжать свое теченіе на сѣверъ, между зеленѣющими берегами, вплоть до самаго основанія предгорій Небесныхъ горъ. Пустыни, по которымъ протекаютъ эти рѣки, не похожи на тѣ мертвыя, лишенныя всякой растительности, пространства, какія представляютъ Такла-маканъ на Таримѣ или «Красные пески» и «Черные пески» въ русскомъ Туркестанѣ. Здѣсь почти вездѣ находятъ воду на незначительной глубинѣ; источники бьютъ изъ земли въ лощинахъ, и въ сосѣдствѣ этихъ ключей травы тянутся на далекое разстояніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительность покрываетъ почву на необозримое пространство, и стада дикихъ животныхъ находятъ обильный кормъ. Повсюду грунтъ земли твердый, удобный для проѣзда верхомъ на лошади или въ тѣлегѣ, постоялые дворы, деревни, даже настоящіе города съ базаромъ и фабричными заведеніями могли основаться тамъ и сямъ на берегу текущихъ водъ и окружить себя садами и воздѣланными полями [1]).

Причины этого перевыва большой центральной пустыни, относительно, плодородными землями нужно, безъ сомнѣнія, искать въ самыхъ контурахъ и въ рельефѣ Азіи. На югѣ отъ этой области континентальная масса представляетъ вырѣзку, образуемую Бенгальскимъ заливомъ, полукругъ котораго имѣетъ не менѣе 1.500 километровъ въ радіусѣ. Благодаря этой обширной водной площади, которая взрѣзывается между двухъ полуострововъ по обѣ стороны Ганга, пространство, отдѣляющее провинцію Гань-су отъ Индійскаго океана, сокращается почти на половину и воздухъ, насыщенный морскими парами, можетъ быть переносимъ вѣтромъ даже за Куку-норъ и оставлять тамъ нѣкоторую часть своей влаж
При томъ вѣтры, проходящіе черезъ го
сточнаго Тибета, отъ устьевъ Брамапут
пустынь Монголіи, не встрѣчаютъ на это
ти препятствій подобныхъ тѣмъ, какія
ставляетъ на западѣ громадное нагорь
тральнаго Тибета съ его однообразным
нинами, лежащими на высотѣ 4.500 и 5.0
тровъ, и его исполинскими краевыми ц
поднимающимися на 7.000 метровъ над
немъ моря. Горные хребты провинціи
менѣе высоки, нежели западныя цѣпи;
того, они представляютъ многочисленны
ломы и, въ большой части своего прот
они расположены параллельно напра
меридіана, такъ что южные вѣтры могут
скаться въ долины и затѣмъ поднимат
горныхъ цѣпей Куку-нора. Юго-западны
соны, которые приносятъ въ бассейнъ
путры такое огромное количество атм
ныхъ осадковъ еще далеко не могутъ б
званы сухими, когда они проходятъ чере
Баянъ-хара: съ апрѣля до конца осен
приносятъ снѣгъ и дождь: погода снова д
ся ясной и сухой только съ наступлені
мы. Пржевальскій говоритъ, что во вре
пребыванія въ этомъ краѣ снѣгъ падал
дый день въ продолженіе всего апрѣля
ца. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаг
облака изливаютъ еще по ту сторону
Нань-шань нѣкоторое количество влаги и
мѣ снѣга и дождя, и что ручьи, даже наст
рѣки могутъ образоваться въ горахъ
далеко въ равнину; однако, ни одинъ изъ
потоковъ не можетъ добраться до како
будь большой рѣки, текущей къ морю: в
теряются въ озерахъ или соляныхъ бол
среди густыхъ камышей. Рѣка Хай-цзы,
щая на западъ по направленію къ Лобъ
останавливается и испаряется въ котлови
ра-норъ или «Чернаго озера»; Хай-хэ (Э
голъ), болѣе значительная рѣка, принима
себя воды Снѣговыхъ горъ, затѣмъ на с
отъ Великой стѣны, соединяется съ друг
кой, почти равной ей по величинѣ, Тао-
называемымъ въ старинныхъ документах
лотой рѣкой»; далѣе она постепенно мелѣ
съуживается, развѣтвляется на прибре
болота, и наконецъ теряется, на гран
пустыни, въ озерахъ Согакъ-норъ и Собо

Благодаря вліянію муссоновъ, способс
щихъ образованію текучихъ водъ между
половинами пустыни Гоби, китайцы легк
ли поддерживать, отъ Нань-шаня до Небес
горъ, свою линію сообщенія съ западными
стями имперіи. Естественная дорога по
рой всегда слѣдовали караваны и войска,
та, которая, покинувъ Лань-чжоу-фу, при
шомъ западномъ колѣнѣ Желтой рѣки и
дитъ черезъ горы, позади которыхъ спря
бассейнъ Куку-нора, затѣмъ спускает

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877; Д-ръ Пясецкій, „*Путешествіе въ Китай*“.

авнины сѣвера, перерѣзываетъ Великую стѣ-
у въ ущельѣ у Цзя-юй-гуань и направляется
а сѣверо-западъ къ оазису Хами. Въ этомъ
ѣстѣ историческій путь раздвояется по обѣ

рый уже принадлежитъ къ Европѣ. Понятно, какъ важно для Китая обладать этой областью, относительно плодородной, завоеванной имъ около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, которая

Видъ въ верховьяхъ Янъ-цзы-цзяна.

тороны восточнаго хребта Тянь-шаня: въ то
ремя, какъ одна изъ дорогъ проникаетъ въ
ассейнъ Тарима, другая вступаетъ въ Чжунга-
ію, чтобы опять спуститься по западной от-
огости горъ въ предѣлы русскаго міра, кото-

разсѣкаетъ надвое поясъ пустынь и черезъ которую пролегаетъ поперечная дорога отъ береговъ Хуанъ-хэ до Небесныхъ горъ [1]).

[1]) Carl Ritter, „Asien“.

До 1884 года весь этотъ край, хотя лежащій внѣ Великой стѣны и отдѣленный отъ долины Желтой рѣки высокими горными массами, былъ соединенъ съ провинціей Гань-су; а начиная съ прошлаго столѣтія округи Хами и Пичжанъ, на южномъ скатѣ Тянь-шаня, были присоединены къ этой провинціи какъ нераздѣльная часть внутренней имперіи. Вскорѣ послѣ окончательнаго усмиренія магометанскаго возстанія, охватившаго весь Западный Китай, Пекинское правительство нашло необходимымъ упрочить свое вліяніе въ этой части государства и для этой цѣли все пространство, лежащее къ западу отъ великой стѣны по обѣ стороны Тянь-шаня, въ 1884 году выдѣлило въ особую провинцію, которая получила названіе Новой линіи и главнымъ городомъ которой назначенъ Урумчи. Въ составъ этой провинціи кромѣ монгольской части Гань-су вошли земли Восточнаго Туркестана, а также частью и округа Или и Тарбагатай, хотя послѣдніе имѣютъ значительную долю самоуправленія и начальники ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаютъ распоряженія изъ Урумчи. Къ области этой-то Новой линіи или по-китайски Гань-су-синь-цзянь-шэнъ въ административномъ отношеніи и относится весь описанный на стр. 111—150 Китайскій Туркестанъ.

На сѣверо-западѣ отъ раздѣльнаго хребта, черезъ который ведетъ перевалъ Усу (Усу-линъ) высотою около 3,000 метровъ [1]), полоса обитаемыхъ земель, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 50 километровъ ширины, связываетъ, на подобіе перешейка, съ юго-восточнымъ или собственно китайскимъ Гань-су этотъ сѣверо-западный Гань-су, который по національности кочующихъ тамъ номадовъ можно назвать «монгольскимъ Гань-су». Съ одной стороны горы, съ другой пустыня образуетъ это дефиле, черезъ которое производится сообщеніе между двумя Гань-су; развалины древняго глинянаго вала [2]), извѣстнаго подъ именемъ «Великой стѣны», какъ и прочія укрѣпленія восточнаго Китая, ограничиваютъ поясъ культурныхъ земель на сѣверѣ отъ длиннаго дефиле и отъ первыхъ городовъ, лежащихъ при входѣ въ монгольскій Гань-су: далѣе имперія не имѣетъ болѣе никакихъ слѣдовъ искусственныхъ преградъ противъ набѣговъ своихъ старинныхъ враговъ кочевниковъ. Пространство внѣшняго Гань-су можно считать въ 400.000 квадратныхъ километровъ, но, по всей вѣроятности, эта обширная территорія не заключаетъ даже милліона жителей, такъ какъ населеніе сгруппировалось значительными колоніями только въ южныхъ городахъ, да въ оазисахъ, разсѣянныхъ у основанія Небесныхъ горъ.

Само собой разумѣется, что населеніе должно быть очень смѣшаннаго происхожде
этой области, представляющей столь в
стратегическое значеніе и такъ часто о
ваемой другъ у друга враждебными ар
Племена тюркской расы, уйгуры и усун
голы различныхъ знаменъ или хошувов
гуты тибетскаго племени, наконецъ, ци
ванные китайцы, пришедшіе съ Восто
рѣдко вступали въ бой изъ-за обладан
ходомъ, который отдѣляетъ пустыню Г
Снѣговыхъ горъ. Лихіе воины номады
справляли свое дѣло: въ своихъ набѣга
разрушали все, что попадалось на пути,
удалялись обратно въ степи равнины
долины горъ. Китайцы дѣйствовали бол
ленно, но за то болѣе настойчиво и
успѣшно: они основывали, на извѣстном
стояніи одинъ отъ другаго, укрѣпленные
роняемые гарнизономъ города, вокруг
рыхъ скоро возникали поселенія зем
цевъ; страна заселялась мало-по-малу,
прокладывались черезъ пустыни. Новое
деніе варваровъ-кочевниковъ могло выж
сѣвы, разрушить крѣпости, разграбить
стошить города; но какъ только китай
вращались въ опустошенный край, имъ
точно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы
создать стратегическую сѣть дорогъ и
плепныхъ мѣстъ. Такъ, война, свирѣпст
шая въ продолженіе десяти слишкомъ лѣт
ду возставшими магометанами и импе
скими войсками, опустошила города сѣ
го Гань-су; большая часть страны была
щена въ груду развалинъ, но теперь опя
страиваются и оправляются мало-по-ма
разгрома, или въ сосѣдствѣ руинъ поя
новые города, благодаря переселенію
скихъ земледѣльцевъ.

Что касается монголовъ, кочующи
этой области пастбищъ, то они принад
по большей части къ многочисленной
элеутовъ, родственной калмыкамъ. Изв
что за пятнадцать вѣковъ до нашего вр
эта страна была населена преимущест
усунами, въ которыхъ ученые хотѣли
народъ германской расы [1]), и которые отъ
восточныхъ народовъ съ приплюснутым
сомъ и выдающимися скулами отличались
боко сидящими глазами и прямымъ н
Эти люди съ «лошадиными образинами»
ихъ называютъ китайцы, были постепен
тѣснены монгольскими народцами на з
въ Небесныя горы и въ бассейны Тарима
ѣзжая по этой странѣ, Пржевальскій встр
множество крестьянъ, которые показали
чрезвычайно похожими по типу на муж
центральной Россіи.

Наибольшіе города: Ша-чжоу или «Г
песковъ», который дѣйствительно осаж

[1]) Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай".

[2]) Риттеръ; — Гюкъ; — Пржевальскій; — Пясецкій; — *Крейтнеръ*.

[1]) Humboldt, „Asie centrale".

нами западной пустыни. За полторы тысячи лѣтъ до нашей эпохи, во времена цвѣтущаго состоянія Хотанскаго царства, ни одинъ городъ страны Ганьсу не имѣлъ болѣе важнаго значенія, чѣмъ Ша-чжоу, какъ сборный пунктъ для каравановъ, которымъ предстоялъ трудный путь черезъ каменистыя и песчаныя равнины, простирающіяся на западъ къ бассейну Тарима.

На дорогѣ въ Хами стоитъ деревня Юйминь-сянь, съ высокими башнями среди большихъ деревьевъ, вполнѣ пощаженная дунганами. Ань-си, городъ, служащій аванпостомъ на дорогѣ, которая направляется на сѣверъ, къ Небеснымъ горамъ, тоже окруженъ кое-какой зеленью, но онъ былъ почти совершенно разрушенъ во время междуусобной войны, такъ что теперь на каждомъ шагу видишь груды кирпичей, остатки капищъ, обломки идоловъ. Сады, худо содержимые, не останавливаютъ болѣе вторженія песковъ, и дюны уже осаждаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городскіе валы: если не явятся колонисты въ значительномъ числѣ и не потрудятся надъ дѣломъ возстановленія разрушеннаго, то городу грозитъ опасность исчезнуть съ лица земли. На сѣверъ, въ направленіи къ Небеснымъ горамъ, разстилается пустыня въ собственномъ смыслѣ, необозримое пространство, «сливающееся на горизонтѣ съ фіолетовой полосой неба»; но нельзя сказать, чтобы эта пустынная область была совершенно недоступна, и чтобы путешественникамъ опасно было пускаться въ нее, хотя, правда, они не встрѣчаютъ тамъ, до оазиса Хами, никакихъ обитаемыхъ мѣстъ, кромѣ стойбищъ по берегамъ ручьевъ и источниковъ, да развалинъ разрушенныхъ городовъ. На востокъ, за Чукуръ-гоби, также есть нѣсколько постоянныхъ селеній и остатки городовъ. Одинъ изъ этихъ исчезнувшихъ городовъ есть, можетъ быть, «городъ Эцзина», о которомъ говоритъ Марко Поло, и имя котораго сохранилось въ названіи рѣки Эцзина.

Хами (Хамулъ), городъ, описываемый знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ подъ именемъ Камуль, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые могутъ быть названы необходимыми. Онъ занимаетъ географическое положеніе, такъ сказать, указанное природой для основанія города: опустошенный или разрушенный, онъ долженъ былъ возрождаться на томъ же самомъ мѣстѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Оазисъ Хами представляетъ сборный пунктъ, мѣсто роздыха, гдѣ должны останавливаться караваны и арміи, какъ при входѣ въ пустыню, такъ и при выходѣ изъ нея, чтобы подкрѣпить свои силы или возобновить свои запасы продовольствія. Ни одинъ завоеватель, откуда бы онъ ни пришелъ, съ востока или запада, не могъ надѣяться продолжать далѣе свое побѣдоносное шествіе, если онъ сначала не утвердился прочно въ краю Хами и не обезпечилъ за собой пользованіе вспомогательными средствами, находящимися въ этой мѣстности. Какъ стратегическая позиція, Хами имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ что во всей центральной Азіи нельзя указать пункта, который превосходилъ бы его въ этомъ отношеніи. Неподалеку оттуда Небесныя горы, соединяя свои выступы въ послѣдній хребетъ, понижаютъ свои восточныя предгорья среди песчаныхъ и каменистыхъ пространствъ пустыни Гоби. Поясы растительности, идущіе съ той и другой стороны вдоль подошвы горныхъ цѣпей, составляютъ естественные, напередъ начертанные пути: съ одной стороны пролегаетъ «Южная дорога», Нань-лу, съ другой—«Сѣверная дорога», Бэй-лу, и точка встрѣчи этихъ двухъ историческихъ путей находится именно въ равнинахъ, среди которыхъ стоитъ Хами. Оттого имя этого города не переставало гремѣть въ исторіи Востока; но Хами, повидимому, никогда не былъ значительнымъ городомъ: окружающая его культурная территорія не достаточно обширна, чтобы могла возникнуть большая столица въ этой области. Во время возмущенія магометанъ Хами сильно пострадалъ, и его рисовыя плантаціи, виноградники и поля, гдѣ собираютъ превосходныя дыни, были часто опустошаемы [1]).

Къ западу отъ оазиса Хами, два города Пи-чжанъ (Пичанъ) и Турфанъ, нынѣ пришедшіе въ упадокъ, занимаютъ два сосѣдніе оазиса, отличающіеся большимъ плодородіемъ и производящіе превосходный хлопокъ, кунжутъ, пшеницу и всякаго рода фрукты, въ особенности чудный виноградъ, лозы котораго кладутся на бокъ для того, чтобы онѣ не пострадали отъ холодныхъ полярныхъ вѣтровъ [2]). На сѣверѣ высятся крутизны, принадлежащія къ горамъ Тянь-шаня, которыя здѣсь представляютъ уже довольно величественный видъ. Эта область была часто проходима китайскими путешественниками, которые разсказывали о ней разныя чудеса, но изъ современныхъ намъ натуралистовъ ее посѣтилъ одинъ только Регель. Между тѣмъ въ центральной Азіи мало найдется мѣстностей, которыя бы заслуживали больше, чѣмъ эта страна, научнаго изслѣдованія, судя по встрѣчающимся тамъ естественнымъ достопримѣчательностямъ, о которыхъ говорятъ китайскія лѣтописи. Такъ, напримѣръ, между двумя названными городами возвышается уединенная конусообразная

[1]) Важное значеніе, которое Реклю придаетъ Хами, весьма основательно опровергаетъ Грумм-Гржимайло, посѣтившій его въ сравнительно недавнее время. См. описаніе путешествія въ Запад. Китай, т. I, стр. 443—469. Примѣч. ред.

[2]) Регель, „Russische Revue“, 1880, № 3:—„Petermann's Mittheilungen“ IV, 1880.

гора, или Хо-янь-шань (гора съ огненнымъ жерломъ), которая, какъ говорятъ, въ давнія времена, лѣтъ тысячу назадъ, извергала лаву, пепелъ, клубы дыма, и на которую туземцы ходили собирать нашатырь [1]). Между другими горами страны древнія китайскія географіи особенно часто упоминаютъ одинъ пикъ, Линь, стоящій на западѣ отъ Турфана, поднимающійся ступенями или террасами, которыя будто бы всѣ состоятъ изъ агатовыхъ галекъ. На этой священной горѣ, имѣющей «20 ли въ окружности», не увидишь ни одного дерева, ни одного растенія: голая скала обязана своимъ блескомъ этимъ блестящимъ агатамъ, «костямъ ста тысячъ логановъ, которые заслужили безсмертіе своими добродѣтелями» [2]). Турфанъ (т. е. «Столица») есть послѣдній городъ, отвоеванный китайцами, въ 1877 году, у дунганъ или возмутившихся магометанъ. Основаніе его восходитъ не далѣе какъ за 150 лѣтъ до нашей эпохи. «Старый Турфанъ», разрушенный около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, находился верстахъ въ 50 западнѣе нынѣшняго; отъ него уцѣлѣли каменныя стѣны въ 15 метровъ высотою, служившія нѣкогда жилищами, и черезъ которыя проходятъ два или три яруса галлерей со сводами, сохранившихъ еще кое-какіе слѣды своего внутренняго устройства и напоминающихъ римскія постройки. Стоящія въ окрестностяхъ башни представляютъ тотъ же стиль архитектуры. Г. Регель приписываетъ сооруженіе ихъ уйгурамъ, въ которыхъ онъ видитъ предковъ нынѣшнихъ дунганъ. Среди развалилъ попадаются тамъ и сямъ китайскіе фарфоры, буддійскія статуэтки; кромѣ того, великолѣпный минаретъ и другія строенія, представляющія тотъ же стиль, который характеризуетъ памятники Самарканда, сохранились еще между руинами Стараго Турфана, а въ сосѣдствѣ находится знаменитая Мазарская мечеть, «даже болѣе священная, чѣмъ Мекка»; одному изъ придѣловъ этого храма мѣстная легенда приписываетъ несторіанское происхожденіе. Нѣкоторыя изъ крѣпостей, основанныхъ Якубъ-бекомъ до китайскаго завоеванія, превратились въ деревни и города. Самый многолюдный изъ нихъ—Токсунъ, лежащій на западъ отъ Турфана; подгородныя земли, прилегающія къ большому соляному озеру, замѣчательны тѣмъ, что производятъ лучшій въ странѣ хлопокъ.

Города сѣвернаго ската Небесныхъ горъ, до долины Урумчи, причисляются, какъ и города южнаго склона, къ Новой линіи. Городъ Баркюль, названный такъ по имени озера (куль), лежащаго нѣсколько сѣвернѣе, въ пони-

женіи плоскогорья, дополняетъ Хами въ тегическомъ отношеніи: онъ составляетъ вую военную станцію и первый рынокъ рогѣ, которая изъ Хами ведетъ къ чу скимъ равнинамъ; подобно тому, какъ дороги сходятся въ оазисѣ Хами, сѣ соединяются въ Баркюлѣ, извѣстномъ тайцевъ подъ именемъ Чжэнь-си-тинъ какъ означаетъ китайское его названіе, большой городъ», надъ которымъ госп ютъ двѣ крѣпости, окруженные фрук и простыми садами. Одинъ изъ трехъ ловъ [1]), посредствомъ которыхъ произв сообщеніе между двумя названными го (Баркюль и Хами), Кошеты-даванъ гаетъ еще на абсолютной высотѣ 2.7 тровъ, то-есть на высотѣ отъ 1.500 до метровъ надъ уровнемъ оазисовъ, леж при основаніи хребта [2]); но эта высот чтожна въ сравненіи съ высотой прох которые открываются на западѣ, и п ственники не могли бы обойти на в крайній передовой выступъ Небесных иначе, какъ забираясь въ самую глубь п ныхъ областей.

Подобно тому, какъ, около оконе цѣпи, Баркюль соотвѣтствуетъ Хами, так но Гученъ соотвѣтствуетъ Ни-чжану фану; но въ этомъ мѣстѣ система Тянь уже раздѣлилась на два параллельные х и выступы горъ слишкомъ высоки и со ность массива слишкомъ значительна, возможны были удобныя сообщенія межд тивоположными скатами. Далѣе на западъ Тянь-шаня сближаются; плоскогорье, на ромъ онѣ стоятъ, съуживается, и равнин добно обширному морскому заливу, вд муся въ крутой берегъ, врѣзываются дал внутренность горной системы, между мающимися съ обѣихъ сторонъ склонам торые издали кажутся черными отъ покр щаго ихъ густаго лѣса. Въ этомъ-то театрѣ горъ находится знаменитый Урумчи или Урумци (Умруци, Умрищ китайски Ди-хуа-чжоу или «Красный хр Хунъ-мяо, основанный уже въ царств династіи Хань: это былъ нѣкогда Бишб монголовъ и тюрковъ [3]). Въ разныя эпох имѣлъ большую важность и, благодаря с счастливому положенію, скоро опра послѣ каждаго разоренія. Какъ главный тюрковъ-уйгуровъ, онъ служилъ мѣстопре ніемъ ханамъ, которые владѣли на сѣвер югѣ отъ Небесныхъ горъ обширнымъ вомъ, носившимъ, какъ и ихъ столица, ніе Бишбалыкъ или «Пятиградья»: это,

[1]) Klaproth; — Stanislas Julien; — Humboldt, „Asie centrale"; — Carl Ritter, „Asien", t. I. — Грумъ-Гржимайло совершенно это отвергаетъ.

[2]) Amyôt, „Mémoires, concernant l'histoire de Chine", *t. XIV;—Carl Ritter*, „Asien", t. I.

[1]) „Извѣстія Русск. Географ Общества", кн. 1

[2]) Полковникъ Сосновскій, — Рафаиловъ, „Карт ро-западной Монголіи".

[3]) Г. Грумъ-Гржимайло совершенно отрицаетъ нее мнѣніе.

можетъ, была резиденція одного изъ царей, которыхъ европейскіе лѣтописцы двѣнадцатаго вѣка называли «попомъ Иваномъ». Въ прошломъ столѣтіи Урумчи былъ очень многолюднымъ городомъ и занималъ первое мѣсто между китайскими поселеніями монгольскаго Гань-су. Говорятъ, что онъ имѣлъ тогда около 200.000 жителей; но во время послѣдней междоусобной войны дунгане перебили почти все населеніе, потомъ и сами были перебиты въ свою очередь. Урумчи состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей или кварталовъ: стараго города, населеннаго торговымъ людомъ, на правомъ берегу рѣчки, и новаго или маньчжурскаго города, на лѣвомъ берегу. Несмотря на постигшій его разгромъ, этотъ городъ въ настоящее время ведетъ довольно большую торговлю съ Россіей черезъ Сѣверную дорогу Небесныхъ горъ и черезъ городъ Чугучакъ, и, кромѣ того, имѣетъ непосредственныя торговыя сношенія съ Туркестаномъ и восточнымъ Китаемъ; высота самаго низкаго порога между Урумчи и Турфаномъ, по измѣренію г. Регеля, не превышаетъ 1.200 метровъ [1]). У входа въ этотъ горный проходъ стоятъ два грубо изсѣченные идола, высоко чтимые туземцами. Такъ же, какъ Турфанъ, Урумчи имѣетъ въ окрестностяхъ горячіе сѣрнистые источники; кромѣ того, въ сосѣдствѣ этого города, какъ говорятъ, существуетъ или вулканическая отдушина, или горящая жила каменнаго угля, мѣстность съ подземнымъ огнемъ, извѣстная въ краѣ подъ именемъ «воспламененной равнины». Птицы избѣгаютъ летать надъ этимъ пространствомъ, бѣлымъ отъ эффлоресценціи лѣтомъ, сѣроватымъ зимой, среди снѣжныхъ равнинъ. Далѣе, въ западномъ направленіи, находится пропасть, близко къ которой не рѣшаются подходить ни животныя, ни люди, и которая носитъ названіе «Пепельной ямы» [2]); Регель, во время своего путешествія въ тѣ края, не имѣлъ возможности посѣтить эти достопримѣчательности природы. На сѣверо-востокѣ отъ города, главная группа цѣпи Богдо-ола, возвышающаяся около 4.000 метровъ, состоитъ, какъ говорятъ, изъ конусовъ съ кратерами, и дѣйствительно она похожа на массивъ вулкановъ. Д-ръ Пясецкій видѣлъ ее издали, но не могъ свернуть въ сторону отъ своего пути, чтобы изслѣдовать эту группу. На одной изъ высотъ, господствующихъ надъ Урумчи, жители города каждый годъ дѣлаютъ жертвоприношенія святой горѣ [3]). Болѣе подробное современное описаніе этой горной страны извѣстно изъ путешествія братьевъ Грумъ-Гржимайло.

[1]) „Mittheilungen von Petermann", VI, 1880;—„Изв. Рус. Географ. Общества", 10 марта 1881 г.

[2]) Клапротъ,—Риттеръ,—Гумбольдтъ.

[3]) „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества", октябрь 1872 г.

III. Чжунгарія и китайскій Или.

Чжунгарія, какъ извѣстно, составляетъ широко раскрытыя ворота между китайскимъ міромъ и міромъ западнымъ. Бывшій заливъ «Высохшаго моря», загибающійся на сѣверѣ отъ монгольскаго Гань-су, вдается далеко, въ западномъ направленіи, между южными предгорьями Алтая и цѣпями Небесныхъ горъ, затѣмъ развѣтвляется на два рукава, гдѣ текли воды въ геологическія времена, и которые сдѣлались двумя главными историческими путями для переселеній народовъ и торговыхъ сношеній. Восточный корридоръ, составляющій общій входъ этихъ двухъ путей, занятъ въ большой части его протяженія разсѣянными болотами, и это пониженіе, которое еще сохраняетъ немного видъ древняго моря, продолжается двумя долинами: сѣверной, которая направляется на сѣверо-западъ и въ которой извивается рѣка Улюнгуръ, продолжающаяся за озеромъ того же имени, Чернымъ Иртышемъ: и южной, которая идетъ на западъ вдоль основанія горныхъ цѣпей Катунь и Иренъ-хабирганъ, принадлежащихъ къ системѣ Небесныхъ горъ. Сѣверная борозда, гдѣ собираются первыя воды величайшей сибирской рѣки, Иртыша-Оби, представляетъ почти на всемъ своемъ протяженіи очень удобную дорогу, пролегающую по затвердѣлому глиняному грунту степей; самый возвышенный пунктъ, видѣнный тамъ полковникомъ Сосновскимъ, имѣетъ всего только 765 метровъ высоты. Южная же представляетъ гораздо болѣе глубокую рытвину. Дно ея занимаютъ болота, неопредѣленныя, блуждающія рѣчки и двѣ главныя впадины, гдѣ собираются воды, озера Аяръ-норъ и Эби-норъ, продолжаются на русской территоріи, озеромъ Алакуль и другими озерами, прежде соединявшимися съ Балхашемъ. И тамъ также переходъ между двумя скатами, по дорогѣ изъ Лепсинска въ Урумчи, можетъ быть совершаемъ безъ труда; средняя высота положенія обѣихъ равнинъ отъ 200 до 250 метровъ, и порогъ или перевалъ, черезъ который отправляются изъ одной равнины въ другую, между чжунгарской цѣпью Ала-тау и хребтомъ Барлыкъ, представляетъ широкую брешь, страшную только по причинѣ завывающихъ тамъ сильныхъ вѣтровъ. Пространство, отдѣляющее долину Иртыша отъ южной долины, то-есть отъ Тянь-шань-бэй-лу, отчасти занято хребтомъ Джаиръ, цѣпью Барлыкъ и восточными предгорьями Тарбагатая и Сауру, возвышающимися надъ степями, какъ полуострова надъ поверхностью океана: впрочемъ это пространство представляетъ еще третій проходъ, менѣе открытый, нежели перевалы, ведущіе съ сѣвера на югъ, но чаще по-

сѣщаемый караванами: это тотъ проходъ, въ которомъ находится городъ Чугучакъ.

Названіе Тянь-шань-бэй-лу, то-есть «Сѣверная дорога Небесныхъ горъ», данное въ противоположность имени Тянь-шань-нань-лу, означающему «Южную дорогу Тянь-шаня» или дорогу, идущую на Таримъ, доказываетъ, что китайцы вполнѣ съумѣли оцѣнить важность этого историческаго пути, составляющаго продолженіе того пути, который, по выходѣ изъ Нефритовыхъ воротъ, пересѣкаетъ наискось монгольскій Гань-су до городовъ Хами, Баркюля и Урумчи. Такъ называемая «императорская» дорога, обставленная черезъ извѣстные промежутки крѣпостями и военными поселеніями, перерѣзываетъ страну по направленію отъ востока къ западу и поднимается на треугольное плато, ограниченное съ сѣверной стороны сіеррой чжунгарскаго Ала-тау, съ южной горами Боро-хоро: оттуда остается только спуститься на югъ черезъ перевалъ Талки (1.909 метровъ) или черезъ какой-нибудь другой сосѣдній проходъ, чтобы вступить въ богатую Илійскую или Кульджинскую долину, которая находится уже на западной покатости Азіи и соединяется со всѣми дорогами аралокаспійской низменности. Такимъ образомъ отъ береговъ Чернаго Иртыша до береговъ Или, на пространствѣ шириною около 500 километровъ, полукругъ плоскогорій и горъ, окружающій Китайскую имперію, прерывается въ разныхъ мѣстахъ долинами и порогами, легко доступными: этими-то естественными дорогами былъ, такъ сказать, напередъ начертанъ путь нашествій для гунновъ, уйгуровъ, монголовъ и черезъ эту же область проходили китайцы, чтобы овладѣть единственными округами, которыми они еще обладаютъ на западной покатости Азіи: это, съ одной стороны, верхняя долина Иртыша, съ другой долина Или.

Что касается русскихъ, то они съ первыхъ временъ покоренія Сибири знали, что дорога въ Китай идетъ между Алтаемъ и Небесными горами, такъ какъ они искали въ пониженіи рельефа озеро Китай, имя котораго сдѣлалось для нихъ названіемъ всей Срединной имперіи. Тѣмъ не менѣе это не тотъ путь, которымъ они слѣдовали, чтобы вступить въ торговыя и дружественныя связи со своими южными сосѣдями. Такъ какъ столица имперіи, Пекинъ, лежитъ очень далеко отъ центра Китая, то русскіе должны были сами выбрать, для сношеній съ этимъ государствомъ, дальнюю дорогу, ту, которая проходитъ черезъ холодныя нагорья восточной Монголіи, на высотахъ болѣе 1.200 метровъ, между Кяхтой и Пекиномъ. Но теперь русскіе купцы хорошо понимаютъ, насколько было бы удобнѣе, для ихъ торговаго обмѣна, отправляться прямо изъ западной Сибири въ «Цвѣтущее царство» черезъ Чжунгарію и сѣ*верный Гань-су. Отъ поста* Зайсанъ до Ханькоу, который можно считать истиннымъ центромъ Китая, путешественники не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; на протяженіи 4.350 километровъ только 270 километровъ не могутъ быть проѣзжаемы на колесахъ; но и тамъ есть хорошія тропинки, вполнѣ удобныя для прохода вьючныхъ животныхъ. На этой дорогѣ приходится идти черезъ пустыни Гоби только въ продолженіе восьми дневныхъ переходовъ: вездѣ въ другихъ мѣстахъ находишь отъ этапа до этапа осѣдлыя населенія [1]). Отъ Тяньцзина до Хань-коу черезъ Кяхту разстояніе 7.435 километровъ, то-есть на 3.000 километровъ больше, чѣмъ черезъ долину Чернаго Иртыша и оазисъ Хами, и мы знаемъ изъ разсказовъ путешественниковъ, съ какими трудностями и лишеніями сопровождается переходъ черезъ плоскія возвышенности восточной Монголіи: продолжительность путешествія, исчисляемая всего только въ 140 дней по прямому ближайшему пути черезъ долину Чернаго Иртыша, составляетъ не менѣе 202 дней по отдаленной дорогѣ, которою обыкновенно слѣдуютъ караваны, направляющіеся къ Пекину. Что касается дороги, которою тоже пользуются купцы и которая поднимается вверхъ по долинамъ русскаго Алтая къ пограничнымъ переваламъ и затѣмъ спускается на югъ къ Кобдо и Улясутаю, чтобы обогнуть съ южной стороны основаніе горъ Хангай, то это изъ всѣхъ дорогъ самая трудная и пролегающая по мѣстностямъ наименѣе плодороднымъ и наименѣе населеннымъ, безъ сомнѣнія, и это не тотъ путь, который будетъ выбранъ главнымъ потокомъ международнаго торговаго обмѣна. Вотъ почему Россія придаетъ такъ много важности обладанію подступами къ этой дорогѣ, и при заключеніи трактата объ уступкѣ китайскому правительству Кульджи, занятой ею во время волненій въ пограничныхъ провинціяхъ Китая, выговорила себѣ право пользоваться этимъ путемъ для торговыхъ экспедицій русскихъ подданныхъ; съ другой стороны, Кульджинская территорія врѣзывается клиномъ между сѣверной Чжунгаріей и долиной Тарима, и если бы китайцы не обладали долиной Или, то они не могли бы отправляться прямымъ путемъ изъ чжунгарскихъ степей къ оазисамъ Кашгара и Яркенда и должны бы были дѣлать большой обходъ, на востокъ отъ Тянь-шаня.

Внѣшній Китай, заключающійся между Небесными горами и Алтаемъ, дѣлится естественнымъ образомъ на двѣ области, рѣзко отличающіяся между собой и очень неравныя пространствомъ и цифрой народонаселенія, которыя отдѣлены одна отъ другой хребтомъ Боро-хоро: эти два округа суть Тарбагатай и провинція Или. Вотъ сравнительная величина той и другой:

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Journal of the Geographical Society of London", 1877.

	Вѣроятн. пространство.	Вѣроятн. населеніе.
Округъ Тарбагатай . .	1.163 кв. мили.	64.000 жит.
Округъ Или	1.265 „ „	140.000 „

Такъ же, какъ наибольшая часть монгольскихъ равнинъ, степи Чжунгаріи представляютъ однообразныя пространства, состоящія изъ желтыхъ или красноватыхъ глинъ и не имѣющія другой растительности, кромѣ тощаго мелкаго кустарника; только по берегамъ текущихъ водъ тополи и осина колышатъ свою скудную листву надъ камышами. Общее однообразіе страны прерывается живописными или очаровательными мѣстоположеніями только въ сосѣдствѣ высокихъ горъ. Хотя китайскій Алтай имѣетъ вообще очень суровый видъ и хотя крутизны его, обращенныя къ югу, состоятъ по большей части изъ голыхъ и мрачныхъ утесовъ, однако въ нѣкоторыхъ долинахъ южнаго склона существуютъ лѣса, луга, цвѣтущіе скаты, и бѣлыя полосы снѣга образуютъ тамъ и сямъ яркій контрастъ съ рыжеватымъ или сѣрымъ цвѣтомъ скалъ и зеленью лощинъ. На югѣ Чжунгаріи, краевыя горныя цѣпи, Катунь, Боро-хоро, Талки, благодаря тому, что отлогости ихъ обращены на сѣверъ, гораздо богаче лѣсами, чѣмъ Алтай: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ склоны горъ сплошь покрыты вѣковыми соснами. Самая живописная мѣстность Чжунгаріи—юго-западный уголъ страны, гдѣ находится низменность или котловина, наполненная водами Сайрамъ-нора. Это озеро не самое значительное въ Чжунгаріи; Эби-норъ, Аяръ-норъ и Улюнгуръ превосходятъ его протяженіемъ, но оно, какъ говорятъ, очень глубоко: оттого монголы дали ему названіе «Большая вода»; китайцы же поэтически называютъ его «озеромъ Большаго спокойствія». Оно открывается какъ огромный кратеръ между лѣсистыми горами, и уровень его лежитъ всего только на какую-нибудь сотню метровъ ниже порога Талки, черезъ который императорская дорога спускается въ Илійскую долину. Полагаютъ, что излишекъ водъ Сайрамъ-нора уходитъ подземнымъ путемъ подъ переваломъ Талки и образуетъ обильные источники, которые орошаютъ равнины Кульджи [1]). Если это предположеніе вѣрно, мы имѣемъ передъ собой явленіе аналогичное тому, которое представляетъ на другой оконечности Чжунгаріи, большое озеро Улюнгуръ или Кизыль-башъ — то-есть «озеро красноголовыхъ лососей»,—гдѣ подземный истокъ, открытый г. Мирошниченко, уноситъ излишнія воды въ рѣку Кара-Иртышъ [2]).

Извѣстно, что Кульджинская территорія, находившаяся нѣкоторое время во владѣніи Россіи, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ центральной Азіи. Она обнимаетъ всю восточную часть Небесныхъ горъ съ ея большими горными цѣпями, высотою отъ 5.000 до 6.000 и даже до 7.200 метровъ, съ ея долинами, въ которыя изливаются ледяныя рѣки, съ ея обширными плоскогорьями, одѣтыми мягкой муравой, съ ея лѣсами сосенъ и яблонь, съ ея равнинами, гдѣ текучія воды и искусственные оросительные каналы (арыки) даютъ возможность почвѣ производить богатѣйшіе урожаи. Долина Текеса, который нѣкогда былъ озеромъ, долины Кунгеса и Каша довольно рѣдко населены, по причинѣ большой высоты ихъ положенія: почти все населеніе сгруппировалось въ равнинахъ, которыя орошаетъ рѣка Или въ своемъ среднемъ теченіи, прежде чѣмъ вступаетъ въ предѣлы русскихъ владѣній и поворачиваетъ къ сѣверо-западу, чтобы излить свои воды въ озеро Балхашъ.

Чжунгары, то-есть «колѣна лѣвой стороны», перестали существовать, какъ нація, и имя ихъ сохранилось только въ названіи страны, которая нѣкогда была средоточіемъ ихъ могущества. Принадлежа къ монгольской расѣ и къ группѣ элеутовъ или «четырехъ-цвѣтныхъ», они успѣли, послѣдніе между поколѣніями ихъ племени, организовать государство независимое отъ Китая. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда уже всѣ другіе монголы были покорены и раздѣлены, чжунгары основали царство, которое въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалось одною изъ самыхъ обширныхъ имперій Азіи. Государь ихъ, какъ говорятъ, командовалъ цѣлымъ милліономъ воиновъ; отъ горъ Хами до озера Балхашъ вся страна была покорена его власти, и Кашгаръ, Яркендъ, даже города западнаго Туркестана платили ему дань; онъ хотѣлъ также распространить свое владычество на Тибетъ, и его арміи, послѣ трехъ послѣдовательныхъ нападеній, успѣли въ 1717 году овладѣть Лассой и священной крѣпостью Потала, резиденціей далай-ламы; только двумъ ламамъ, посланнымъ китайскимъ императоромъ Канъ-си съ порученіемъ составить карту Тибета, съ большимъ трудомъ удалось избѣгнуть участи своихъ собратій, которыхъ побѣдители увезли въ Чжунгарію связанныхъ на верблюдахъ. Внутренніе раздоры и междоусобныя войны не позволили этому монгольскому царству удержаться противъ Китая. Двѣ императорскія арміи были уничтожены чжунгарами; но, въ 1757 году, третья армія достигла успѣха въ дѣлѣ обратнаго завоеванія покоренныхъ чжунгарами земель: вся занятая ими территорія была забрана богдыханомъ Цянь-луномъ, и враждебные монголы, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ въ Сибирь или за Небесныя горы, въ западный Туркестанъ, были безпощадно перебиты: около милліона человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, погибли въ этомъ общемъ погромѣ и поголовномъ истребленіи.

[1]) Мушкетовъ, „Записки минералогическаго Общества“, 1877 г.

[2]) *См. томъ VI Всемірной географіи.*

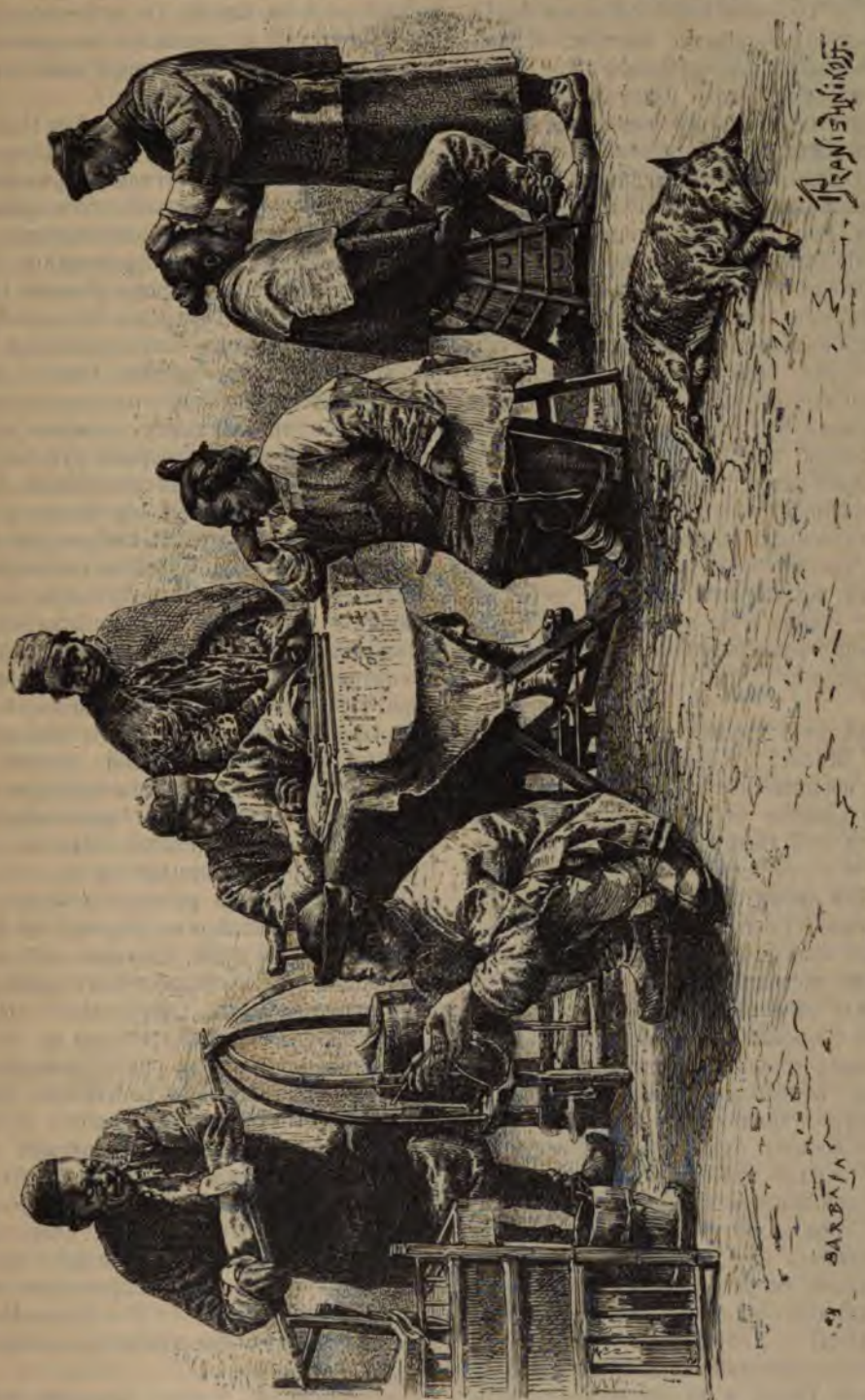
націи. Самое имя послѣдней исчезло, и теперь слѣды чжунгарскихъ семействъ остались только между колѣнами калмыковъ-горцевъ, которые дали имъ у себя убѣжище, и съ которыми бѣглецы быстро смѣшались, благодаря общности языка и религіи. Разрушенные города были замѣнены военными постами и поселеніями преступниковъ, присылаемыхъ изъ всѣхъ частей Китая и Монголіи [1]); кромѣ того, и добровольные переселенцы въ большомъ числѣ стали водворяться въ опустошенныхъ областяхъ. Въ 1771 году калмыки, отрасли тургутовъ, кочевавшіе на приволжскихъ степяхъ луговой стороны, ушли въ привольныя чжунгарскія степи, которыя еще прославлялись народнымъ преданіемъ. Изъ трехъ сотъ тысячъ калмыковъ, ушедшихъ тогда съ западныхъ береговъ Каспійскаго моря, многія тысячи погибли во время труднаго бѣгства, продолжавшагося восемь мѣсяцевъ черезъ рѣку Уралъ, Эмбенскія болота, пустыни Туркестана; но, по разсказамъ китайскихъ писателей, главная масса этого несмѣтнаго полчища переселенцевъ успѣла добраться до степей, разстилающихся у основанія Небесныхъ горъ, Тарбагатая, Алтая, и множество другихъ монголовъ, которыхъ побѣды китайцевъ передъ тѣмъ вытѣснили за предѣлы Срединной имперіи, увлеклись заразительнымъ примѣромъ и присоединились къ возвратному движенію ихъ соплеменниковъ въ общее отечество предковъ. Такимъ образомъ полмилліона пришельцевъ вновь заселили пространство, простирающееся отъ озера Балхашъ до пустынь Гоби, и китайскій императоръ Цянь-лунъ могъ похвалиться тѣмъ, что сдѣлался повелителемъ всей монгольской націи.

Но различіе расъ и религій и, еще въ гораздо болѣе сильной степени, ненависть, порожденная китайскимъ угнетеніемъ, неминуемо должны были привести, въ концѣ концовъ, къ новымъ кровавымъ столкновеніямъ. Столѣтіе спустя послѣ разрушенія чжунгарскаго царства, земледѣльческое населеніе бассейна рѣки Или поднялось противъ китайскихъ мандариновъ и манчжурскихъ солдатъ. Дунгане, то-есть осѣдлые магометане страны, которые считаютъ себя потомками воиновъ Тамерлана, оставшихся въ краѣ послѣ прохода грознаго завоевателя, и таранчи, — названіе, подъ которымъ обыкновенно понимаютъ всѣхъ колонистовъ, переселившихся сюда изъ притаримскихъ мѣстностей,—одни завязали борьбу. Киргизъ-кайсаки сѣверныхъ степей, кара-киргизы (черные киргизы) или буруты долинъ Тянь-шаня не имѣли надобности принимать участіе въ этомъ столкновеніи, благодаря преимуществамъ своего положенія, которыя давалъ имъ кочевой образъ жизни; но между земледѣльцами равнины и ихъ господами, сидѣвшими въ городахъ, война, сначала веденная съ той и другой стороны съ большой нерѣшительностью, принимала съ каждымъ годомъ все болѣе ожесточенный характеръ и кончилась въ 1865 году всеобщимъ избіеніемъ китайцевъ, маньчжуръ и другихъ военныхъ поселенцевъ, пришедшихъ съ Востока: только молодыя женщины были пощажены, но и то затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ невольницами. Прибытіе русскихъ, которымъ Кульджинскій край былъ временно переданъ китайскими военачальниками, положило конецъ этой рѣзнѣ; но говорятъ, что тогда въ странѣ не оставалось даже десятой части прежняго народонаселенія: изъ двухъ милліоновъ жителей, которые имѣлъ Кульджинскій округъ до возстанія, осталось не болѣе 139.000 человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ дунганъ и таранчей. Только немногимъ китайцамъ и маньчжурамъ такъ же, какъ небольшому числу солоновъ, потомковъ военныхъ поселенцевъ, удалось избѣгнуть насильственной смерти въ Кульджѣ и въ ея окрестностяхъ. Теперь магометанскимъ инсургентамъ нужно, въ свою очередь, опасаться мщенія китайцевъ: оттого, по Петербургскому трактату 1881 года, возвращающему Кульджинскій край Китаю, Россія нашла необходимымъ отвести особую территорію, могущую служить убѣжищемъ для дунганъ и таранчей, которые не пожелаютъ остаться подъ властью китайскаго правительства. Такъ велики естественныя выгоды, которыми пользуется бассейнъ Или въ отношеніи климата, плодородія земли, природныхъ богатствъ, что, несмотря на страшныя побоища 1865 года, эта страна все еще гораздо богаче жителями, нежели сѣверная Чжунгарія.

Въ сѣверной Чжунгаріи, то-есть въ бассейнѣ Улюнгура и на берегахъ Чернаго Иртыша, нѣтъ городовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Однако, два поста получили нѣкоторую важность, какъ этапныя мѣста и исходные пункты каравановъ: это Булунъ-тохой, укрѣпленный городокъ, которымъ владѣютъ китайцы, на южномъ берегу озера Улюнгуръ, и Тульта или Тульту, на одномъ притокѣ Чернаго Иртыша, при входѣ въ проломъ между горъ, черезъ который ведетъ дорога, поднимающаяся на плоскогорье Кобдо; русскіе купцы сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ для торговаго обмѣна съ Монголіей. Самый дѣятельный рынокъ Тарбагатая—городъ Чугучакъ, стоящій у южнаго основанія хребта Тарбагатай, въ бассейнѣ рѣки Эмиль, впадающей въ озеро Ала-куль. Расположенный на сибирской покатости, всего только въ 20 верстахъ отъ пограничнаго поста Бахты, этотъ городъ предоставляетъ русскимъ негоціантамъ большія выгоды для склада ихъ товаровъ: въ этомъ мѣстѣ они такъ же хорошо защищены отъ вымогательствъ мандариновъ, какъ если бы они были на русской территоріи.

[1]) *Mailla*, „*Mémoires concernant l'histoire des Chinois*“;—*Клапротъ*;—*Тимковскій*;—*Карлъ Риттеръ*.

Кромѣ того Чугучакъ находится на дорогѣ, по которой уже около двухъ столѣтій слѣдуютъ караваны яркендцевъ и кашгарцевъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ городами Сибири. Эти купцы, извѣстные обыкновенно подъ именемъ



Уличная жизнь въ Цзю-цзян ъ су

бухарцевъ, какъ приходящіе изъ «Малой Бухаріи», выбрали, чтобы пробраться изъ бассейна Тарима въ бассейнъ Оби, окольную дорогу, которая проходитъ черезъ центральный Тянь-шань, *огибаетъ озеро* Балхашъ и, переваливъ черезъ хребетъ Тарбагатай, спускается въ долину Иртыша: слѣдуя этимъ путемъ, они избѣгали большихъ западныхъ пустынь, равно какъ нападеній разбойничьихъ киргизскихъ племенъ, и вездѣ находили пастбище для своихъ вьючныхъ животныхъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія русское правительство хотѣло остановить эту торговлю, чтобы обезпечить монополію другимъ путямъ, и отказывало въ проходѣ всѣмъ путешественникамъ, которые изби-

рали дорогу на Тарбагатай; даже смертная казнь была постановляема противъ тѣхъ, кто оказывался виновнымъ въ привозѣ ревеня запрещеннымъ путемъ [1]). Но укоренившіяся привычки, въ концѣ концовъ, пересилили всѣ эти запрещенія, и Чугучакъ опять сдѣлался болѣе, чѣмъ когда-либо, сборнымъ мѣстомъ каравановъ; въ 1854 году онъ отправилъ въ Россію одного чаю на сумму около 1.600.000 руб.; населеніе его въ то время простиралось до 30.000 постоянныхъ жителей. Разоренный возстаніемъ дунганъ, Чугучакъ снова заселяется мало-помалу добровольными колонистами и ссыльно-поселенцами. Городъ, представляющій обширное скопленіе глиняныхъ домиковъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, изъ которыхъ каждый населенъ отдѣльно эмигрантами различныхъ національностей, китайцами, маньчжурами, монголами, киргизами, таранчами. Отлично орошаемые фруктовые сады окружаютъ со всѣхъ сторонъ Чугучакъ, а въ сосѣдствѣ его разработываются залежи каменнаго угля [2]). Перевалъ Хабарассу, посредствомъ котораго Чугучакъ сообщается съ Семипалатинскомъ, доступенъ колеснымъ экипажамъ и на самомъ порогѣ, на высотѣ 2.874 метровъ, построенъ каравансарай. Къ югу отъ Чугучака, переходъ черезъ рѣку Эмиль и ея прибрежныя болота, близъ русской границы, обороняется укрѣпленіемъ Сарлытамъ.

На западъ отъ Урумчи всѣ города южной Чжунгаріи, Манасъ, Куръ-кара-усу, Шихо и другіе, суть военные посты, населенные ссыльными, какъ большая часть другихъ поселеній, находящихся внѣ Великой стѣны, и въ административномъ отношеніи причислены къ Новой линіи. Все время, пока продолжалась русская оккупація Кульджинской территоріи, эти укрѣпленные пункты имѣли значительные гарнизоны; даже настоящія арміи были сосредоточены между озерами Эби-норъ и Сайрамъ-норъ, чтобы сторожить переходы, черезъ которые Чжунгарія сообщается съ Илійской долиной; теперь колонизація въ собственномъ смыслѣ быстро усиливается въ этомъ краѣ, особенно къ востоку отъ Манаса, окрестности котораго есть одни изъ самыхъ плодородныхъ областей Новой линіи, лежащихъ на сѣверъ отъ Небесныхъ горъ; золотые пріиски, мѣсторожденія ископаемаго угля, соляныя озера и особенно нефтяное озеро, о которомъ говоритъ г. Регель, какъ о бассейнѣ, находящемся по близости города Шихо, обѣщаютъ этимъ колонистамъ будущія промышленныя богатства. На югѣ, перевалъ Талки и многіе другіе проломы горной цѣпи позволяютъ китайцамъ спускаться безъ труда въ равнины Кульджи; тѣмъ не менѣе очевидно, что этотъ край географически принадлежитъ къ другой естественной области, а не къ Монголіи: онъ составляетъ часть аральско-каспійскаго бассейна, къ которому онъ широко открывается на западѣ. Съ этой стороны никакое препятствіе не помѣшало бы русскимъ войскамъ снова вступить на территорію дорога, на которую уже знакома имъ.

Извѣстно, что въ бассейнѣ рѣки Или (въ VI томѣ настоящей географіи Илійская провинція была описана, какъ русская территорія, такъ какъ трактатъ объ уступкѣ этого края Китаю въ то время еще не былъ окончательно заключенъ), послѣ недавнихъ опустошеній, уцѣлѣлъ одинъ только важный городъ, Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нинъюань-чэнъ и Курень. Это старинный городъ, заключающій около десятка тысячъ жителей въ своей четыреугольной оградѣ, но окруженный обширными предмѣстьями, которыя поясъ тополей скрываетъ отъ взоровъ путешественниковъ. Хотя построенная китайцами, Кульджа сохраняетъ внутри видъ города русскаго Туркестана и только какихъ-нибудь два или три зданія напоминаютъ своей архитектурой присутствіе восточныхъ завоевателей; дома, построенные изъ битой земли, покрытые глиняными кровлями, походятъ на жилища узбековъ и сартовъ въ городахъ бассейна Аральскаго моря. При томъ, огромное большинство городского населенія состоитъ изъ магометанъ, и главныя религіозныя зданія—мечети; кромѣ того въ городѣ существуетъ маленькая община китайцевъ-католиковъ, основанная послѣ разрушенія чжунгарскаго царства. Старая Кульджа—промышленный городъ; онъ имѣетъ мельницы, фабрики разнаго печенья, бумажную фабрику, обширные хорошо воздѣланные сады и богатыя поля, которыя, при русскомъ управленіи краемъ, были отчасти утилизируемы для культуры мака. Оффиціально выдѣлка и вывозъ опіума были запрещены до 1878 года; но уже за четыре года ранѣе площадь земель, засѣянныхъ запретнымъ растеніемъ, превосходила 3.000 гектаровъ, и цѣнность опіума, вывозимаго изъ Кульджи въ Китайскую имперію, достигала милліона франковъ [1]). Отъ мѣста сліянія рѣкъ Или и Каша, на пространствѣ сотни верстъ внизъ по теченію, вездѣ увидишь, въ весеннюю пору, красные цвѣты мака, ярко блистающіе рядомъ съ сѣроватыми стѣнами глиняныхъ домиковъ [2]). Въ Кульджѣ живетъ русскій консулъ, и населеніе города еще въ 1888 году=7.000 человѣкъ.

Къ западу отъ Старой Кульджи слѣды недавней опустошительной войны являются во всемъ ихъ ужасѣ. Маленькій городокъ Суйдунъ,

[1]) Шренкъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, von Baer und Helmersen", vol. VII; — Потанинъ, *„Записки Русскаго Географическаго Общества"*, I. 1867 г.

[2]) *Finsche, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876".*

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости", 29 іюля 1880 г.

[2]) Delmar Morgan, „Proceedings of the Geographical Society of London", march 1881.

населенный дунганами-земледѣльцами, существуетъ еще; но, недалеко оттуда, городъ Баяндай, имѣвшій, какъ говорятъ, 150.000 жителей, теперь представляетъ только развалины, полуразрушенныя стѣны, окруженныя молодыми вязами. Отъ города, который манчжуры основали въ 1764 году, чтобы сдѣлать его столицей края, и который былъ извѣстенъ подъ разными именами: Новой Кульджи, Маньчжурской Кульджи, Или или Хой-юань-чэна, осталась только крѣпость, окруженная грудами мусора и костей. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе разрушенные города, Чинча-хоцзи, Лаоцагунъ, Такіанцзы и еще нѣсколько другихъ; засоренные обломками, оросительные каналы превращаются въ болота. Однако, тамъ и сямъ, между развалинами, выстраиваются уже новые домики. Невозможно, чтобы страна, занимающая такое счастливое географическое положеніе, лежащая въ умѣренномъ поясѣ и защищенная отъ полярныхъ вѣтровъ, страна, столь богатая проточными водами и естественными произведеніями, не пріобрѣла снова значительной важности по своей населенности, своей промышленности и торговлѣ. Провинція Или извѣстна какъ мѣсторожденіе золота, серебра, мѣди, желѣза, свинца, графита; въ ней найдены пласты каменнаго угля, уже эксплоатируемые, и другія, гораздо болѣе обширныя, залежи этого минеральнаго топлива, еще ожидающія разработки; горячіе минеральные источники въ изобиліи бьютъ изъ земли въ ея долинахъ, и ни въ одной области центральной Азіи не увидишь болѣе грандіозныхъ мѣстоположеній, чѣмъ на берегахъ рѣки Кашъ и въ бассейнѣ рѣки Текесъ, у подошвы ледниковъ и горъ, надъ которыми величественно поднимается подъ облака исполинскій Ханъ-тенгри или «царь-небесъ».

Города округовъ Или и Тарбагатая, суть:

Старая Кульджа, въ 1888 г.—7.000 жит.; Суйдунъ—4.000 жит.; Чугучакъ, въ 1888 г.—4.500 жит.; Тульту—1.700 (?).

IV. Сѣверная Монголія и Гоби.

Эта обширная область, по которой кочуютъ монголы, одна почти равняется протяженіемъ Китаю въ собственномъ смыслѣ. Если прибавить къ ней Чжунгарію, равнины Монгольскаго Гань-су и бассейнъ Тарима съ пустыней Такламаканъ, то оказывается, что она занимаетъ половину имперіи. Между этими двумя частями громадной территоріи, принадлежащей «Сыну Неба», контрастъ полный: мало найдется странъ на земномъ шарѣ, между которыми существовали бы болѣе рѣзкія различія въ отношеніи климата, свойства почвы, образа жизни обитателей. Собственно Китай есть одна изъ странъ міра, наилучше обработанныхъ, самыхъ промышленныхъ и самыхъ богатыхъ, одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ населенія скучены въ наибольшемъ числѣ. Напротивъ, Монголія сѣверная, такъ называемая «внѣшняя», есть одно изъ наименѣе населенныхъ пространствъ нашей планеты, и даже отдѣлена отъ Китая на обширныхъ протяженіяхъ, землями совершенно пустынными.

	Пространство кв. геогр. миль.	Населеніе.	На 1 кв. милю.
Монголія внѣшняя или сѣв. (Халха). Монголія внутренняя или южная (Кобдо, Ала-шань и Ордосъ). . . .	50.234,89	3.000.000	59 чел

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, и особенно на юго-востокѣ, колонизація связала этотъ край съ Китаемъ и сдѣлала изъ него «внутреннюю Монголію», несравненно гуще населенную, чѣмъ Монголія въ собственномъ смыслѣ, называемая китайцами Цао-ди или «Травяной землей». Такимъ способомъ образовался промежуточный поясъ, который не принадлежитъ болѣе къ Монголіи съ этнографической точки зрѣнія, но который, геологически и физически, составляетъ еще часть ея, такъ какъ онъ обнимаетъ скалистыя покатости, образующія цоколь плоскогорья. Естественная граница степи ясно обозначена окраиной изъ гранитныхъ скалъ, по которымъ лавы разлились громадной площадью, представляющей слегка волнообразную поверхность; но эта окраина была въ разныхъ мѣстахъ прорыта водами; даже лавы были размыты горными потоками, временными или постоянными, которые спускаются къ рѣкамъ, несущимъ свои воды въ Тихій океанъ. Такимъ образомъ плоская возвышенность была изрѣзана по краямъ наружными выемками или долинами, въ которыя легко проникли китайскіе земледѣльцы. Настоящая внутренняя Монголія начинается только въ той области нагорья, гдѣ снѣговыя и дождевыя воды, не находя болѣе истока черезъ окраину, должны застаиваться въ видѣ лужъ или продолжать путь въ видѣ ручьевъ, скоро испаряющихся [1]).

Если китайское правительство воздвигло непрерывный валъ между Монголіей и Срединной имперіей, то оно въ этомъ случаѣ только построило видимую границу между двумя естественными областями, которыя уже были раздѣлены самой природой. Различнымъ условіямъ климата и почвы соотвѣтствуютъ различія и между населеніями: географическій контрастъ дополняется контрастомъ этнологическимъ. Это составляетъ капитальный фактъ въ исторіи китайскаго міра, и мы знаемъ, что онъ имѣлъ также значительное вліяніе на судьбы самой Европы. Слѣдствія происходившей въ этой ча-

[1]) F. v. Richthofen, „Letter on the provinces of China, Shansi,... with notes on Mongolia“.

сти Азіи борьбы отразились черезъ весь континентъ Стараго Свѣта до оконечности запада мирными переселеніями и вооруженными нашествіями народовъ.

Какъ бы ни была велика важность неровностей въ устройствѣ поверхности, можно сказать, что Монголія и Гоби, какъ естественныя области, менѣе отдѣлены отъ Китая рельефомъ почвы, нежели климатическими условіями. На сѣверѣ, какъ и на югѣ отъ Великой стѣны, мы видимъ равнины и долины, плоскогорья и горныя цѣпи, проточныя воды и озера; даже одна большая рѣка, Хуанъ-хэ (Гоанъ-го) принадлежитъ въ одно и то же время и Монголіи и Китаю: въ среднемъ своемъ теченіи она направляется къ сѣверу, описывая большую дугу, и отдѣляетъ территорію ордосовъ отъ остальной Монголіи. Тѣмъ не менѣе можно представлять себѣ въ общихъ чертахъ Монголію и Гоби, какъ обширную плоскую возвышенность, слегка изрытую въ средней ея части и поднимающуюся постепенно отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: средняя абсолютная высота этого плоскогорья, составляющая около 800 метровъ на западной окраинѣ, превышаетъ 1.200 метровъ въ восточной части. Цѣпи и массивы горъ ограничиваютъ Монголію на большомъ протяженіи ея окружности: на сѣверо-западѣ Алтайскія и Саянскія горы, на сѣверѣ группа Мунку-сардыкъ, Байкальскія горы, хребетъ Кэнтэй; на востокѣ краевой хребетъ Хингана; на юго-востокѣ гряды горъ, которыя господствуютъ надъ Пекинской равниной, затѣмъ горы, которыя перерѣзываетъ Желтая рѣка; наконецъ на югѣ горные хребты, которые соединяются съ вершинами Нань-шаня и, черезъ эту цѣпь, съ системой Куэнь-луня. Только на западѣ Монголія сравнительно открыта къ чжунгарскимъ проходамъ и къ замкнутому бассейну Тарима.

Алтай открываетъ свои очаровательнѣйшія долины и свои живописнѣйшія ущелья не со стороны Монголіи. На южной покатости склоны имѣютъ меньшую относительную высоту по причинѣ значительнаго возвышенія равнинъ, разстилающихся у ихъ основанія; граница постоянныхъ снѣговъ лежитъ выше, и кромѣ какъ на западѣ, въ странѣ Кобдо, немногія изъ горныхъ вершинъ достигаютъ высоты, которая около 2.600 метровъ по Мирошниченко, 2.730 метровъ по Сосновскому; вѣтры приносятъ сюда только сухой воздухъ изъ степей и пустыни. Въ этой центральной области Азіи самыя влажныя атмосферныя теченія это тѣ, которыя приходятъ съ ближайшаго моря, то-есть съ Ледовитаго океана: только сѣверо-восточные вѣтры приносятъ съ собой дожди и даютъ зелень, но эти вѣтры доходятъ только до сѣверной покатости Алтая, южные же скаты его остаются безъ растительности. Во многихъ мѣстахъ контрастъ полный съ той и другой стороны хребта: на сѣверѣ густые лѣса; на югѣ кое-гдѣ мелкій кустарникъ.

Два главные хребта, которые отдѣляются отъ системы Алтая на монгольскую территорію, Эктагъ-алтай и Танну-ула. Эктагъ-алтай, который иногда называютъ «Большимъ алтаемъ», есть горная цѣпь, простирающаяся по направленію отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно теченію Чернаго Иртыша и Улюгура. Нѣкоторыя изъ его вершинъ поднимаются за предѣлъ вѣчнаго снѣга,—откуда и произошло это названіе Эктагъ, то же самое, какъ имя Акъ-тагъ или «Бѣлыя горы» на другихъ тюркскихъ діалектахъ;—но между вершинами открываются довольно глубокіе проходы, черезъ которые караваны русскихъ купцовъ съ береговъ Иртыша безъ труда переходятъ черезъ эту цѣпь горъ, чтобы выдти на плоскогорье Кобдо [1]. Прежде русскіе изслѣдователи представляли Алтайскую цѣпь, какъ оканчивающуюся въ пустынѣ, на сѣверѣ отъ истоковъ Иртыша; но путешествія г. Потанина доказали, что это не такъ: хребетъ Эктагъ-алтай продолжается на юго-востокъ, далеко за меридіанъ Кобдо, затѣмъ, поворачивая въ восточномъ направленіи, подъ именемъ Алтай-нуру, раздѣляется на нѣсколько хребтовъ и ограничиваетъ съ южной стороны область плоскогорій. Нѣкоторыя вершины поднимаются до высоты 3.000 метровъ въ этой цѣпи, самое существованіе которой еще недавно было неизвѣстно европейскимъ географамъ; перевалъ Уланъ-даба, черезъ который пролегаетъ дорога изъ Кобдо въ Баркуль, имѣетъ не менѣе 2.820 метровъ абсолютной высоты [2]. На Востокъ отъ Эктагъ-алтая другія горныя цѣпи, на-половину врѣзывающіяся въ толщу плоскогорья, тянутся параллельно Эктагу и Танну-ула, то-есть по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, но образуя многочисленные неправильные массивы, перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ оврагами, размытыми водой. Въ этой именно области находится, по свидѣтельству путешественниковъ, самый высокій хребетъ системы Алтая: Ней Эліасъ перешелъ его, по дорогѣ изъ Кобдо въ Бійскъ, на перевалѣ Баянъ-ингиръ, абсолютная высота котораго 2.713 метровъ. Одна снѣговая вершина, которая высится на сѣверѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ этого прохода, показалась ему достигающей 3.600 метровъ, слѣдовательно, она на 250 метровъ выше горы Бѣлухи, этого исполина русскаго Алтая [3]. По словамъ г. Пѣвцова, высочайшая вершина этой области, можетъ быть та, самая, о которой говоритъ Ней Эліасъ,—носитъ названіе Алтынъ-цицикъ [4].

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Извѣстія Имп. Русскаго Географич. Общества“, за 1876 г.

[2]) „Mittheilungen von Petermann“, май, 1881 г.

[3]) „Journal of the Geographical Society of London“, 1873 г.

[4]) „Туркестанскія Вѣдомости“, 8 апрѣля 1880 г.

Восточная цѣпь плоскогорья Кобдо, Танну-ула, продолжается на большое разстояніе къ востоку отъ Алтая, до истоковъ различныхъ

но во многихъ мѣстахъ хребетъ имѣетъ весьма незначительную высоту надъ долинами и плоскогорьями обоихъ его склоновъ. Особенно съ

Буддистскій монастырь близъ Фу-чжоу-фу.

рѣчекъ, которыя своимъ соединеніемъ образуютъ рѣку Селенгу. По свидѣтельству г. Пѣвцова, верхушки цѣпи Танну-ула также переходятъ за нижній предѣлъ постоянныхъ снѣговъ;

западной стороны эти горы кажутся незначительнымъ хребтомъ по причинѣ общаго возвышенія страны, которую гряды высотъ дѣлятъ на отдѣльные бассейны. На югѣ, плоскогорье,

въ отношеніи котораго Танну-ула составляетъ краевую цѣпь, имѣетъ среднюю ширину болѣе 200 километровъ и оканчивается на южной окраинѣ другой цѣпью, называемой Хангай, вдоль южнаго основанія которой проходили гг. Пѣвцовъ, Шишмаревъ, Ней Эліасъ. Снѣговыя вершины высотою до 3.000 метровъ поднимаются на этомъ хребтѣ надъ лѣсистыми скатами, гдѣ бьютъ изъ земли обильные источники. Между цѣпями Хангай и Алтай-нуру залегаютъ степи, имѣющія отъ 1.500 до 1.800 метровъ средней абсолютной высоты и перерѣзанныя тамъ и сямъ оврагами.

Всѣ лощины и низины плоскогорья, заключающагося въ обширномъ четыреугольникѣ монгольскаго Алтая, заняты озерными бассейнами. Одинъ изъ этихъ резервуаровъ безъ истеченія, недалеко отъ горнаго узла, гдѣ хребетъ Танну-ула отдѣляется отъ Алтайскихъ горъ, представляетъ обширную впадину, наполненную соленными водами Убса-нора, одного изъ величайшихъ озеръ Китайской имперіи: это бассейнъ пространствомъ по меньшей мѣрѣ въ 3.000 квадратныхъ километровъ, гдѣ собираются воды съ обширнаго амфитеатра горъ. Другія озера плоскогорья, тоже соляныя по причинѣ недостатка истоковъ, менѣе обширны, нежели Убса-норъ; но главныя между ними принадлежатъ въ гидрографической системѣ болѣе значительныхъ размѣровъ. Одна рѣка, получающая начало на южныхъ скатахъ цѣпи Танну-ула, съ другой стороны хребта, откуда изливаются первые ручьи, образующіе Селенгу, течетъ въ началѣ на юго-западъ, какъ-бы для того, чтобы направиться въ пустыню, затѣмъ она огибаетъ на сѣверо-западѣ гористое плоскогорье Улясутай и, соединившись съ горными потоками, спускающимися съ этого плато, теряется, наконецъ, подъ именемъ Дзапхынъ, въ соляныхъ озерахъ на югѣ отъ горъ, ограничивающихъ бассейнъ Убса-нора. Озеро Кобдо или Кара-усу, т. е. «Черная вода», которое получаетъ воды съ хребта Эктагъ-алтай черезъ рѣку Кобдо и черезъ Буянту, принадлежитъ къ тому же бассейну посредствомъ истока, который соединяется съ рѣкой Дзапхынъ. На высотѣ болѣе 1.000 метровъ, можетъ быть, на высотѣ 1.100 метровъ, находится Киргизъ-норъ (Киргизское озеро), самая низкая впадина плоскогорья Кобдо: озеро Кара-усу лежитъ на высотѣ 1.256 метровъ. На этой высотѣ, по берегамъ текучихъ водъ, еще ростутъ тополи и осины; но въ другихъ мѣстахъ деревья рѣдки: растительность этихъ гористыхъ областей походитъ на растительность степей, и соляныя вывѣтриванія бѣлѣютъ въ лощинахъ и оврагахъ. Однако, на нѣкоторыхъ, хорошо орошаемыхъ, мѣстахъ склоновъ почва покрыта прекраснымъ дерномъ.

Къ востоку отъ цѣпи Танну-ула монгольская территорія выдвигается далеко на покатость Ледовитаго океана. Верхніе бассейны Енисея и Селенги, хотя изливающіе свои воды въ сибирскія рѣки, принадлежатъ, однако, къ Монголіи. Кочующіе скотоводы «Земли травъ», естественно, старались распространить свое владѣніе насколько возможно было далѣе во всей области пастбищъ. На югѣ ихъ естественная граница—пустыня; на сѣверѣ—лѣса; весь промежуточный поясъ, въ какую бы сторону ни направлялось теченіе рѣкъ, представляетъ травяную степь, по которой они кочуютъ со своими стадами. Впрочемъ, этотъ предѣлъ пастбищъ и лѣсовъ, составляющій естественный рубежъ Монголіи, почти вездѣ совпадаетъ съ горными хребтами. Въ бассейнѣ Енисея Монголію отдѣляютъ отъ русской территоріи Саянскія горы, а самое названіе «тайга», то-есть «лѣсъ», которое даютъ ихъ главному хребту, Эргикъ-таргакъ, свидѣтельствуютъ о контрастѣ, который представляютъ его лѣсистые склоны съ луговыми пространствами монгольскаго ската. Однако и эти послѣднія не совсѣмъ лишены древесной растительности; сибирскіе кедры и лиственницы растутъ тамъ и сямъ группами на отлогостяхъ горъ, тогда какъ берега ручьевъ окаймлены ивами и тополями. Нѣкоторый переходъ замѣчается въ этой области между монгольской природой и сибирской; но извѣстно, что различныя долины «кемъ» или рѣкъ, образующихъ Енисей, всѣ сходятся къ узкимъ воротамъ Саянскаго хребта, черезъ которыя эта рѣка проникаетъ въ область горъ, гдѣ извивается въ поперечныхъ долинахъ, переходя изъ ущелья въ ущелье, до тѣхъ поръ, пока теченіе ея не вступитъ въ открытыя равнины Сибири. Этотъ рядъ узкихъ проходовъ и обозначаетъ истинную границу.

Енисейская Монголія, въ цѣломъ наклонная, заключаетъ лишь небольшіе озерные бассейны; но на востокѣ верхній бассейнъ Селенги имѣетъ гораздо меньшій уклонъ, и потому воды тамъ скопляются въ видѣ озеръ. Самое обширное изъ нихъ — Косоголъ, священное озеро, отражающее въ своихъ лазурныхъ водахъ пирамидальную вершину Мунку-сардыка съ ея лиственничными лѣсами, красноватыми крутизнами и ледяной діадемой. Косоголъ не замкнутый бассейнъ, какъ озера плоскогорья Кобдо; вода въ немъ прѣсная и вытекаетъ потокомъ Эгинъ-голъ, который далѣе сливается, въ руслѣ Селенги, съ водами, спускающимися съ горъ сотней ручьевъ и рѣчекъ; этотъ бассейнъ обнимаетъ всю территорію, которая простирается, въ видѣ полукруга, отъ южной оконечности цѣпи Танну-ула до массива Кэнтэй, конечной группы хребта, которому русскіе дали названіе «Яблоноваго». Еще далѣе на востокъ, сѣверо-восточная Монголія можетъ быть разсматриваема какъ принадлежащая къ бассейну Амура: рѣка Кэрулэнъ, параллельная Онону, впадаетъ во внутреннее море или озеро Далай-

ъ, соединенное съ Хайларомъ; а эта рѣка
ь, если не истокъ, то одинъ изъ важнѣй-
хъ притоковъ Аргуни, главной вѣтви Амура;
время высокихъ весеннихъ разливовъ тече-
Хайлара гонитъ воды обратно въ Далай-
ъ, и тогда низменные берега послѣдняго
опляются на далекое пространство.

На югъ отъ этой области Монголіи, пока-
ть которой наклонена къ русской террито-
простирается пустынный поясъ Гоби, пе-
ѣкаемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ караван-
ми дорогами, но нигдѣ не обитаемый по-
инымъ образомъ. Гоби или «Песчаная пу-
ня», у китайцевъ извѣстная подъ именемъ
мо, составляетъ восточную оконечность
са сухихъ земель, который тянется наискось
езъ весь Старый Свѣтъ, отъ горъ Хинганъ
африканской рѣки Сенегалъ. Какъ пустыня
ла-маканъ въ провинціи Хотанъ, какъ
ки Кизыль-кумъ и Акъ-кумъ въ Туркеста-
какъ пустыни Персіи, Сиріи, Аравіи, на-
ецъ, какъ громадная Сахара, Гоби нахо-
ся на пути сухихъ вѣтровъ; и обратные
душные потоки приносятъ ему весьма не-
чительное количество дождевой воды. Го-
ое паденіе дождя на сѣверѣ и на югѣ отъ
и: въ Ургѣ (47° 55' с. ш.) 239 миллиме-
въ, въ Си-вань-цзы (40° 50' с. ш.) 461 мил-
етръ. Зимой господствующее атмосферное
еніе—сѣверо-западное, но этотъ вѣтеръ,
орый, послѣ того какъ онъ пронесся уже
ъ ледяной поверхностью полярнаго океана,
ходитъ еще надъ сибирскими тундрами и
инами, на пространствѣ около 3.000 верстъ,
даряется о скаты Саянскихъ горъ, не мо-
ъ приносить никакой влажности на мон-
ьскія плоскогорья: это вѣтеръ леденящій и
ушающій, отъ котораго трескается кожа у
ешественниковъ, такъ что они принуждены
ищать себѣ лицо войлочными масками [1]).
томъ вѣтеръ перемѣняется, воздушное те-
ie принимаетъ противоположное направле-
юго-восточный муссонъ беретъ тогда пе-
ѣсъ; но почти всѣ дождевыя облака, кото-
онъ приноситъ съ Тихаго океана, сгу-
отся въ водяныя капли и падаютъ на землю
склонахъ горъ и параллельныхъ террасахъ,
ѣляющихъ собственный Китай отъ пустын-
ъ плоскогорій. Однако, лѣтомъ иногда на-
щіе ливни разражаются и надъ восточ-
ъ Гоби и въ глинистыхъ областяхъ на-
ья; они образуютъ тамъ и сямъ лужи и вре-
ныя озера, которыя скоро испаряются,
авляя послѣ себя только слой соленой пыли.
другихъ мѣстахъ почва изрыта эфемерны-
дождевыми потоками, и въ этихъ-то про-
нахъ монголы копаютъ колодцы, въ на-
дѣ найти тамъ немного воды, просочив-
ся въ землю, когда на плато почва утра-

тила всякій слѣдъ влажности. Но ни одна по-
стоянная рѣка не могла образоваться къ югу
отъ Толы и Кэрулэна до Хуанъ-хэ, между
хребтомъ Хинганъ и монгольскимъ Гань-су,
на пространствѣ, которое можно исчислять
слишкомъ въ 1.200.000 квадратныхъ кило-
метровъ, то-есть болѣе, чѣмъ въ два раза пре-
восходящемъ поверхность Франціи. Быстрота
испаренія на плоскогорьяхъ Гоби объясняется
силой и сухостью зимнихъ вѣтровъ и высокой
температурой лѣта: по своимъ холодамъ Гоби
принадлежитъ къ Сибири, а по своимъ жарамъ
она походитъ на Индію, и эти крайности тем-
ературы, рѣзкіе переходы отъ зноя къ морозу,
происходятъ иногда въ продолженіе нѣскол-
кихъ часовъ; промежутка въ половину сутокъ
достаточно для того, чтобы термометръ поднялся
или понизился на 40 градусовъ Цельсія. Такъ,
Пржевальскій наблюдалъ, 16-го марта, въ го-
рахъ юго-восточной части Монголіи, темпера-
туру + 20°,5 (въ тѣни), за которой слѣдовалъ
ночью морозъ, доходившій до 18 градусовъ ни-
же точки замерзанія. Вотъ числа, приводимыя
этимъ путешественникомъ [1]) для наибольшей
и наименьшей температуры трехъ весеннихъ
мѣсяцевъ:

		Высшая температура.	Низшая температура.	Разность.
Годъ 1872.	Мартъ	22°	—20°,5	42°,5
„ „	Апрѣль.....	21°	—16°	37°
„ „	Май..	40°	— 2°	42°

Еще гораздо большую разность представля-
ютъ крайности тепла и холода за цѣлый годъ,
какъ показываютъ слѣдующіе результаты на-
блюденій:

Мѣсто наблюденія.	Средняя годовая.	За іюль.	За январь.	Высшая жара.	Высшій холодъ.	Разность.
Урга	—2,9	+17,6	—27,8	34	—48,2	82,2
Си-вань-цзы.	+2,8	+19,5	—16,7	32,8	—31,1	63,9
Улясутай...	—0,2	+19,2	—24,2	33,1	—47,3	80,4

Чрезвычайно суровые холода монгольскихъ
зимъ, тѣмъ болѣе жестокіе для путешествен-
никовъ, что они сопровождаются страшнымъ
сѣверо-западнымъ вѣтромъ, объясняютъ ошиб-
ку прежнихъ географовъ, которые приписы-
вали плоскогорью Гоби абсолютную высоту, по
крайней мѣрѣ, вдвое большую дѣйствительной
его высоты. Эти земли не поднимаются, какъ
полагали прежде, на 2.500 метровъ надъ уров-
немъ океана; Фуссъ и Бунге, въ 1832 году,
и впослѣдствіи Фритше, Пржевальскій, Ней
Эліасъ нашли для Гоби среднюю высоту, не
превышающую 1.200 метровъ; но поверхность
почвы на этой огромной возвышенности не

) Рафаэль Помпелли; — Потанинъ; — Россель-Риллугъ.

[1]) „Монголія и страна тангутовъ", ч. 2.

вездѣ ровная, ни даже правильно покатая: она представляетъ обширныя волнообразныя повышенія и пониженія; въ то время, какъ самыя высокія верхушки широкихъ хребтовъ достигаютъ 1.400 или 1.500 метровъ, самыя глубокія впадины, тѣ, гдѣ еще въ недавнюю геологическую эпоху скоплялись соляныя воды, не превышаютъ 900 или даже 800 метровъ въ отношеніи морскаго уровня. Пригорки и скалы показываются тамъ и сямъ, среди желтоватаго пространства, гдѣ извиваются бѣловатыя излучины караванной дороги; но эти незначительныя неровности почвы нисколько не измѣняютъ однообразія пейзажа; онѣ только отнимаютъ у него тотъ характеръ грандіозности, который имѣютъ всѣ гладкія равнины, сливающія вдали свой необозримый кругъ съ синеватой дымкой горизонта. Странствуя по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ черезъ пустынныя пространства Гоби, вездѣ встрѣчаешь тѣ же картины, голую землю, мелкій кустарникъ, овраги и гряды горокъ, слѣдующія одна за другой, какъ волны на безбрежной поверхности моря.

Гоби или Шамо не вполнѣ заслуживаетъ данное ему имя: это не «песчаная пустыня» въ строгомъ смыслѣ слова; только тамъ и сямъ, въ самыхъ глубокихъ впадинахъ, тянутся песчаныя полосы ша-хэ или «песчаныя рѣки», какъ назвалъ ихъ буддійскій монахъ Фагіанъ (Fahian), жившій въ концѣ четвертаго столѣтія [1]). Кое-гдѣ, въ этихъ низменныхъ мѣстностяхъ прогуливаются песчаные бугры; но въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются также горки этого рода, прежде подвижныя, которыя были постепенно прикрѣплены растительностью травъ и кустарника: таковы безчисленныя дюны, слѣдующія одна за другой непрерывнымъ рядомъ близъ восточной закраины Гоби, въ сосѣдствѣ города Долонъ-норъ, и изъ которыхъ иныя обросли даже большими деревьями, дубами, липами, березами. Почва Гоби въ собственномъ смыслѣ состоитъ почти вездѣ изъ красноватаго гравія, усѣяннаго кварцевыми камешками, агатами, сердоликами, халцедонами [2]). Солончаки показываются въ лощинахъ, мѣстами попадаются также селитряные налеты, называемые монголами гунжиръ и хорошо извѣстные верблюдамъ, которые останавливаются въ такихъ мѣстахъ и съ жадностью лижутъ кристаллы селитры [3]). Трава рѣдка въ степи, и почти вездѣ видна голая, желтая, сѣрая или красноватая почва между пучками растеній. На глинистомъ грунтѣ ростетъ lasiagrostis splendens или, какъ его называютъ монголы, дирису, тотъ самый злакъ, съ твердыми, какъ желѣзная проволока, стеблями, который также является главнымъ представителемъ растительности въ глинистыхъ степяхъ русскаго Туркестана. Деревья и большихъ кустарниковъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ, хорошо защищенныхъ, лощинахъ. Отъ Калгана до Урги, т. е. отъ одной оконечности пустыни до другой, на пространствѣ болѣе 700 километровъ, Потанинъ видѣлъ только кривыя, чахлыя деревца; Россель-Киллугъ насчиталъ ихъ всего пять. Въ другихъ мѣстахъ ростутъ также маленькія кучи жалкихъ вязовъ, на которые монголы-кочевники приходятъ посмотрѣть вблизи, какъ на диво, прежде даже, чѣмъ водрузятъ свои палатки, но до которыхъ они не дотрогиваются изъ опасенія осквернить ихъ своимъ прикосновеніемъ [1]). Вѣтеръ еще болѣе, чѣмъ природное безплодіе почвы, препятствуетъ произрастанію другихъ видовъ, кромѣ низкой и гибкой травы: онъ вырываетъ съ корнемъ изсушенныя растенія и катаетъ ихъ по степи, какъ хлопья пѣны по поверхности моря. Въ этихъ странахъ, какъ на плоскогорьяхъ Тибета, кочевники не имѣютъ другаго топлива, кромѣ кала животныхъ. Когда обитатели стойбища увидятъ пришедшаго къ нимъ какого-нибудь знакомаго или даже чужаго человѣка, они, первымъ дѣломъ, посылаютъ къ нему женщину съ вязанкой кала (аргалъ), чтобы онъ могъ развести вечерній огонь: такъ требуютъ правила гостепріимства [2]).

Фауна Гоби такъ же бѣдна, какъ и его флора. Подобно тому, какъ въ Сибири, здѣсь встрѣтишь во многихъ мѣстахъ степи норки пищухи (lagomys) или маленькаго зайца, животнаго величиной съ крысу, всегда любопытнаго, всегда пугливаго, который выбѣгаетъ къ отверстію своей подземной галлереи, чтобы посмотрѣть на проходящихъ путниковъ и быстро прячется въ норку при ихъ приближеніи: жизнь этого звѣрка, угрожаемая волками, лисицами и хищными птицами, проходитъ въ постоянной тревогѣ. Самое крупное млекопитающее пустыни Гоби—дзэрэнъ или антилопа gutturosa, которая, можетъ быть, не имѣетъ себѣ равныхъ по быстротѣ бѣга; даже смертельно раненый и съ одной переломленной ногой, дзэрэнъ можетъ превзойти въ скорости лучшую лошадь; приблизиться къ нему можно не иначе, какъ хитростью; пуля охотника только тогда поразитъ животное, если попадетъ въ сердце, въ голову или спинной хребетъ. Стада антилопъ по большей части состоятъ изъ тридцати до сорока головъ; но иногда попадаются банды въ нѣсколько сотъ и даже до тысячи недѣлимыхъ. Изъ другихъ видовъ антилопы слѣдуетъ упомянуть антилопу—хара-сульта, которая иногда ходитъ вмѣстѣ съ дзэрэнами, а также горнаго барана или аргали, встрѣчающагося среди горныхъ хребтовъ. Весьма мно-

[1]) Humboldt, „Asie centrale".

[2]) Kapt. Pompelly, „China, Mongolia and Japan";—Пржевальскій;—Russel Killough.

[3]) *Пржевальскій*, „*Монголія и страна тангутовъ*".

[1]) Іакинфъ Бичуринъ;—Рихтгофенъ.

[2]) Тимковскій; — Мачи; — Пржевальскій; — Россель-Киллугъ.

го въ странѣ волковъ, лисицъ и другихъ болѣе мелкихъ животныхъ. Вообще говоря, для всей Монголіи Пржевальскій указываетъ 67 различныхъ млекопитающихся. Между птицами Гоби

степями порхаютъ особые монгольскіе большіе жаворонки, такъ же звонко распѣвающіе, какъ и ихъ европейскіе родичи, кромѣ того, очень искусно подражающіе голосу дру-

Погребальныя урны близъ Амоя.

самыя обыкновенныя — коршуны, которые слѣдуютъ за караванами въ надеждѣ чѣмъ-нибудь поживиться, и вороны, которые не боятся садиться даже на горбы верблюдовъ и проклевываютъ ихъ до крови. Надъ травянистыми

гихъ птицъ и даже умѣющіе варьировать свои пѣсни. На берегахъ лужъ и озеръ гнѣздятся въ несмѣтномъ множествѣ, среди густыхъ камышей, утки, но онѣ не могутъ проводить тамъ суровую зиму и осенью улетаютъ въ болѣе

теплые края, къ южному Китаю; съ наступленіемъ весны можно наблюдать, какъ эти нетерпѣливыя птицы поднимаются большими стаями, чтобы попытать перелетъ черезъ нагорье: отброшенныя холоднымъ вѣтромъ, онѣ спускаются назадъ въ нижнія равнины, гдѣ къ нимъ постепенно присоединяются новые эмигранты съ юга, прибывающіе все въ большемъ и большемъ числѣ; затѣмъ, когда окончательно установится теплая погода, весь этотъ чающій движенія пернатый людъ разомъ поднимается, застилая, словно тучей, небо, и направляетъ путь къ родимымъ водамъ. Орнитологическую фауну Монголіи Пржевальскій опредѣляетъ въ составѣ 291 вида, изъ коихъ постоянно живущихъ птицъ только 63, гнѣздящихся—142 и пролетныхъ — 86. Среди первыхъ самыя характерныя: воронъ, сойка, мохноногій сычъ, ушастый жаворонокъ, бальдурукъ и монгольскій жаворонокъ.

На востокѣ плоскогорье Гоби ограничено высотами, которыя еще и до сихъ поръ не были вполнѣ изслѣдованы на обоихъ ихъ скатахъ, но о которыхъ извѣстно, что онѣ образуютъ длинную краевую цѣпь надъ равнинами Маньчжуріи и надъ нижней террасой степей, которую называютъ Восточнымъ Гоби или Малымъ Гоби. Эта цѣпь есть Хинганъ (Большой Хинганскій хребетъ), который продолжается на сѣверъ отъ Аргуни и который заставляетъ эту рѣку, затѣмъ Амуръ, уклониться далеко отъ первоначальнаго направленія, къ грядамъ высотъ, параллельныхъ Становому хребту. По словамъ г. Фритше, ни одна изъ горъ этой цѣпи не превышаетъ 2.500 метровъ и не достигаетъ границы постоянныхъ снѣговъ. Въ прошломъ столѣтіи миссіонеры Жербильонъ и Фербистъ упоминали, въ описаніи своего путешествія, о массивѣ горъ, носящемъ названіе Печа, который будто бы имѣетъ 4.500 метровъ абсолютной высоты и составляетъ на югѣ конечную грань Хингана; но гг. Фритше и Пржевальскій, а впослѣдствіи Путята убѣдились, что краевая цѣпь именно въ этомъ мѣстѣ, хотя и состоитъ изъ выпуклинъ или отроговъ довольно значительнаго возвышенія, но самая высокая точка страны поднимается всего только немного болѣе, чѣмъ на 1.600 метровъ надъ уровнемъ моря и не болѣе, какъ на четыреста или пятьсотъ метровъ надъ поверхностью степей Гоби. Въ цѣломъ цѣпь, окаймляющая это плоскогорье, представляетъ на западѣ только округленныя вершины и отлогости безъ лѣсной растительности; но съ другой стороны, по крайней мѣрѣ, въ юго-восточной области плато, между отрогами открываются зеленѣющія долины. Съ высотъ краеваго хребта нагорья или съ окраины нагорья, оканчивающейся обрывисто, какъ край крыши, ясно виденъ контрастъ двухъ природъ: на сѣверѣ и на западѣ—длинныя волнообразныя повышенія и пониженія однообразной и голой степи; на югѣ и на востокѣ—понижающіяся уступами террасы, съ ихъ склонами и лѣсами, съ перерѣзывающими ихъ долинами и ущельями, и въ отдаленіи равнины, среди которыхъ извиваются рѣчки, показывающіяся тамъ и сямъ серебристой лентой между деревьями [1]).

Гнейсовые хребты, покрытые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вулканическими породами (лавами), ограничиваютъ плоскогорье Гоби на сѣверѣ отъ Пекина, продолжаются на юго-западъ подъ разными именами, китайскими и монгольскими, и сопровождаютъ Желтую рѣку въ самой сѣверной части ея теченія. Эта совокупность горныхъ кряжей, обозначаемая общимъ наименованіемъ Инъ-шань оканчивается въ солончаковыхъ пустыняхъ Ала-шаня, на сѣверо-западѣ отъ большаго колѣна Желтой рѣки: гранитныя, гнейсовыя и порфировыя скалы поднимаютъ тамъ свои гребни до высоты отъ 2.000 до 2.700 метровъ, и на многихъ изъ нихъ обнаружено существованіе шлифованныхъ и исцарапанныхъ поверхностей, которыя свидѣтельствуютъ о прохожденіи древнихъ ледниковъ [2]). Эти горы отличаются отъ большинства горныхъ массъ Монголіи обиліемъ водъ и богатствомъ растительности. Желтое море, которое врѣзывается далеко внутрь материка Чжилійскимъ (Печилійскимъ) заливомъ, посылаетъ Инъ-шаню достаточное количество дождей, чтобы одѣть его богатымъ растительнымъ покровомъ, состоящимъ изъ травъ, кустарниковъ и большихъ деревьевъ. Луга, разстилающіеся ярко-зеленымъ ковромъ, какъ луга Альпъ, украшаются весной разноцвѣтной вышивкой цвѣтовъ; орѣшникъ, шиповникъ, дикое персиковое дерево, барбарисъ, крыжевникъ и другіе кустарники и деревца растутъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ выше тянется поясъ лѣсовъ, заключающій болѣе крупныя древесныя породы, осину, березу бѣлую и черную, кленъ, вязъ, ольху, рябину, дикую сливу. Въ цѣломъ флора Инъ-шаня имѣетъ много сходства съ флорой Сибири, отъ которой эта цѣпь отдѣлена древнимъ средиземнымъ моремъ Гоби; но сокъ растеній на этихъ горахъ не такъ обиленъ и лѣса тамъ менѣе высоки, менѣе густы и вѣтвисты, особенно на южной покатости. При томъ же китайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обезлѣсили горные склоны: во многихъ долинахъ теперь увидишь только поваленные и изсохшіе стволы деревъ.

Антилопа бродитъ большими стадами на пастбищахъ Инъ-шаня, преимущественно въ сосѣдствѣ буддійскихъ монастырей, ибо монгольскіе ламы такъ же, какъ и тибетскіе, запрещаютъ

[1]) Тимковскій;—Рихтгофенъ;—Россель-Кнлугъ;—Путята;—Бородовскій.

[2]) Полковникъ Пржевальскій. „Монголія и страна тангутовъ“.

проливать кровь этихъ животныхъ. Одинъ видъ барана аргали тоже часто встрѣчается въ этихъ горахъ вмѣстѣ съ антилопами, а иногда пристаетъ даже къ стадамъ домашняго скота: вѣроятно, его легко было бы приручить, но монголы и китайцы видятъ еще въ этомъ животномъ только дичь охоты. Барсы и тигры, по словамъ туземцевъ, тоже принадлежатъ къ числу дикихъ звѣрей, живущихъ въ нѣкоторыхъ долинахъ Инъ-шаня. Но нужно замѣтить, что эта гористая область, составляющая рубежъ между Китаемъ и Монголіей, есть по преимуществу страна легендъ и баснословныхъ разсказовъ, и потому путешественники должны въ этомъ краю болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, довѣрять только своимъ личнымъ наблюденіямъ. На одной изъ горъ, разсказываютъ монголы, стоитъ окаменѣлый слонъ; другая вершина служила тропомъ Чингисъ-хану, и обширные гроты на бокахъ ея заключаютъ груды серебра, на которое геніи, охраняющіе входъ, позволяютъ смотрѣть сквозь форточку волшебной двери; но завоевать этотъ кладъ можетъ только какой-нибудь герой.

Весьма скудныя свѣдѣнія о природѣ юго-восточныхъ отроговъ Инъ-шаня пополнились трудами Путяты и Бородовскаго, которые освѣтили своими съемками всю дотолѣ неизвѣстную площадь юго-восточнаго окончанія Хингана въ мѣстѣ его соединенія съ Инъшанемъ, а послѣдній изъ путешественниковъ былъ единственнымъ послѣ Ланге европейцемъ, посѣтившимъ внутренность знаменитаго лѣса для императорской охоты—Вэй-чана.

Этотъ послѣдній, несмотря на свое южное положеніе, носитъ въ своей флорѣ совершенно сибирско-даурскій характеръ, и вообще вся мѣстность вдоль поднятія хребта Б. Хинганъ, даже на самомъ югѣ, является по своей флорѣ продолженіемъ даурской природы [1]).

На югѣ отъ Инъ-шаня и сѣверной дуги Хуанъ-хэ находится еще одинъ отрывокъ Монголіи: это плоскогорье Ордо или Ордосъ, которое по виду и характеру природы такъ же, какъ по составу населенія, принадлежитъ къ той же естественной области, какъ и Гоби, хотя оно отдѣлено и отъ этой пустыни широкой долиной Желтой рѣки съ ея плодородными землями и ея городами, населенными китайцами: это то же самое, какъ въ Сибири поясъ Минусинскихъ степей дополняется тамъ и сямъ равнинами, залегающими на правомъ берегу Енисея, или какъ во Франціи ланды Гаскони продолжаются въ провинціи Сентонжъ, на сѣверѣ отъ лимана Жиронды, нѣсколькими степными пространствами, поросшими дикимъ терномъ и верескомъ. Плато Ордосъ, средняя высота котораго превышаетъ 1.000 метровъ, образуетъ четыреугольникъ слишкомъ въ 100.000 квадратныхъ километровъ, ограниченный съ трехъ сторонъ теченіемъ Желтой рѣки, а съ четвертой, южной, горными хребтами, южная покатость которыхъ принадлежитъ къ Китаю въ собственномъ смыслѣ. Рѣдкіе обитатели страны называютъ ее «сѣрой степью», въ отличіе отъ «зеленыхъ луговыхъ пространствъ», занимающихъ дно долинъ. Грунтъ земли, гораздо болѣе сухой, чѣмъ почва сѣверныхъ плоскогорій, въ собственно такъ называемой Монголіи, почти вездѣ песчаный или глинистый, пропитанный солью и совершенно непригодный для земледѣлія. Непосредственно на югѣ отъ долины Хуанъ-хэ высокій глинистый утесъ или яръ, поднимающійся метровъ на 15, мѣстами до 30, который, безъ сомнѣнія, прежде былъ берегомъ этой рѣки, обозначаетъ начало пустыни: мы вступаемъ въ пески Кузупчи или «Ожерелья», получившіе такое названіе отъ дюнъ, которыя дѣйствительно издали кажутся слѣдующими одна за другой, какъ рядъ бусъ. Эти песчаныя горки по большей части имѣютъ незначительное возвышеніе, отъ 12 до 15 метровъ; только нѣкоторыя изъ нихъ поднимаются метровъ на тридцать надъ песчаными равнинами. Всѣ онѣ однообразно желтоватаго цвѣта: вообще, исключая нѣсколькихъ, рѣдко встрѣчающихся оазисовъ, взоръ повсюду видитъ только этотъ песокъ, разстилающійся на необозримое пространство подъ блѣдно-голубымъ сводомъ неба; ни одно растеніе, ни одно животное не покажется въ неоглядной пустынѣ, кромѣ ящерицъ сѣрыхъ или желтыхъ, какъ песокъ, такъ что ихъ съ трудомъ отличишь отъ песчаной почвы, вездѣ исчерченной ихъ легкими слѣдами. Около середины плоской возвышенности находится обширное болото Дабосунъ-норъ, громадный резервуаръ самосадочной соли, смѣшанной съ селитрянымъ налетомъ, резервуаръ, окруженный со всѣхъ сторонъ горками, которыя похожи на вздутія грунта; во многихъ мѣстахъ почва обманчива, и тотъ, кто пускается по соляной корѣ, рискуетъ провалиться и увязнуть въ скрытой подъ нею топи [1]). Подобно тому, какъ въ песчаныхъ равнинахъ Кашгаріи, путники разсказываютъ о какихъ-то странныхъ голосахъ, слышанныхъ ими въ этихъ ужасающихъ пустыняхъ; у туземцевъ существуетъ повѣрье, что это крики китайцевъ, убитыхъ воинами Чингисъ-хана въ происходившемъ тутъ сраженіи, и которые умоляютъ или проклинаютъ прохожихъ. Иногда вѣтеръ, какъ гласитъ мѣстная легенда, сдуваетъ песокъ, покрывающій зарытые въ землю серебряные сосуды; но проходящіе мимо путники не трогаютъ этого клада изъ

[1]) Путята, „Хинганская экспедиція“; — Бородовскій, „Матеріалы къ описанію Хинганской экспедиціи“.

[1]) Huc, „Voyage en Chine, dans la Tartarie et au Tibet“.

опасенія, какъ бы не поплатиться жизнью за такое святотатство. По другимъ разсказамъ, эти дюны остатки песчанаго вала, воздвигнутаго съ цѣлью отвести теченіе Желтой рѣки, по приказанію того же Темучина, которому народное воображеніе приписываетъ все, что есть замѣчательнаго въ странѣ [1]). Преданіе гласитъ, что здѣсь же, въ территоріи ордосовъ, знаменитый азіатскій завоеватель кончилъ жизнь; смертные останки его, говорятъ, были положены въ два гроба, одинъ серебряный, другой деревянный, поставленные подъ шелковымъ шатромъ, а члены его семейства были погребены въ 10 верстахъ вокругъ его гробницы, какъ бы для того, чтобы воздавать ему должный почетъ на почтительномъ разстояніи: каждый вечеръ приносятся еще баранъ и лошадь въ жертву душѣ «верховнаго хана» (чингисъ-хана) Темучина.

Остатки прежнихъ городовъ до сихъ поръ встрѣчаются въ территоріи ордосовъ. Въ 30 километрахъ къ югу отъ Желтой рѣки, видны, среди песковъ, развалины города, валы котораго имѣли болѣе 8 километровъ длины въ каждой сторонѣ и около 15 метровъ толщины; теперь онъ большею частію покрытъ песками, и колодцы его тоже засыпаны пескомъ. Въ настоящее время большая часть страны, за исключеніемъ долины рѣки, представляетъ безлюдную пустыню: дунганскіе инсургенты разрушили даже стойбища монгольскихъ кочевниковъ, ордосовъ, а покинутый разбѣжавшимися жителями домашній скотъ одичалъ: быки и коровы утратили тотъ глупый, тупой видъ, который имъ придало продолжительное рабство, и снова пріобрѣли нравы и повадки вольной жизни. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ или трехъ лѣтъ совершилось полное преобразованіе; при приближеніи человѣка эти животныя убѣгали со всѣхъ ногъ, и догнать ихъ охотникамъ стоило почти столько же труда, какъ настичь быстроногую антилопу [2]). Верблюды, лошади тоже живутъ нынѣ дикими табунами въ степи; но овцы были пожраны волками. Во время путешествія Пржевальскаго, въ 1871 году, единственными посѣтителями ордосскаго края были купцы, приходившіе туда за грузами лакрицы (солодковый корень), одного изъ характеристическихъ растеній этой области Монголіи.

Близъ праваго берега Хуанъ-хэ, въ той части его теченія, гдѣ рѣка катитъ свои воды съ юга на сѣверъ, цѣпь холмовъ поднимается надъ окружающими песками и, постепенно увеличиваясь въ южномъ направленіи, образуетъ, наконецъ, настоящія горы: цѣпь эта носитъ названіе Арбусъ-ула, и, какъ гласитъ легенда, высшая вершина ея служила наковальней кузнецу Чингисъ-хана. По другую сторону Желтой рѣки, которая проходитъ въ этомъ мѣстѣ черезъ узкую поперечную долину, Арбусъ-ула продолжается другимъ, болѣе высокимъ рядомъ горъ, называемымъ Ала-шанъ, который тянется на юго-западъ, господствуя надъ прилегающими равнинами своими крутыми склонами. Хребетъ Ала-шань представляетъ узкій валъ, однообразной высоты и нигдѣ недостигающій предѣла постоянныхъ снѣговъ: двѣ самыя высокія вершины его, Дзумбуръ и Бугуту, поднимаются соотвѣтственно на 3.000 и 3.300 метровъ надъ уровнемъ океана. На сѣверѣ и на югѣ, Ала-шань, никогда островной массивъ среди монгольскаго внутренняго моря, оканчивается песками и посылаетъ имъ лишь незначительные ручейки, какъ бы для того только, чтобы окружить свое основаніе узкой полосой оазисовъ и пастбищъ. Флора его очень бѣдна, по причинѣ недостатка воды; однако, верхніе скаты опоясаны лѣсами сосенъ, елей, ивъ и осинъ, и мускусный олень, горный козелъ и особенно красный олень живутъ тамъ многочисленными стадами. Съ вершинъ Ала-шаня открывается видъ на необозримое пространство,—съ одной стороны на долину Хуанъ-хэ, съ ея городами, воздѣланными полями, блестящими водами, съ другой на безпредѣльную пустыню [1]).

За Желтой рѣкой ордосскіе пески продолжаются на западъ пустынной областью, еще болѣе печальной, болѣе лишенной растительности. Этотъ южный заливъ «Высохшаго моря» есть одна изъ самыхъ страшныхъ для путешественниковъ частей Гоби, по причинѣ отсутствія воды и пастбищъ, а также по причинѣ песчаныхъ вихрей, поднимающихся тамъ во время бурь. Начинаясь отъ прохода, быть можетъ, бывшаго пролива, открывающагося между южными предгорьями Инъ-шаня и сѣверною оконечностью Ала-шаня, эта Заордосская пустыня тянется безъ перерыва до рѣки Асъ-зиндъ и до степей Монгольскаго Гань-су. На этомъ обширномъ пространствѣ, имѣющемъ болѣе 500 километровъ въ ширину, не увидишь ничего, кромѣ песковъ, полосъ гравія, въ сосѣдствѣ горъ, да глинистыхъ солончаковъ, гдѣ растутъ низкій кустарникъ ломкаго саксаула, какъ въ русскомъ Туркестанѣ, и колючіе стебли сулхира (agriophyllum gobicum), приносящіе мелкія зерна, изъ которыхъ монголы приготовляютъ родъ муки; эти растенія по большей части возвышаются на песчаныхъ бугоркахъ, которые вѣтеръ намелъ вокругъ корней и, такъ

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“:—„*Монголія и страна тангутовъ*“.

[1]) Несмотря на безотрадный видъ пустынь Ордоса и трудность посѣщенія ея, черезъ нее кромѣ Пржевальскаго проходилъ въ 1884 году Потанинъ, маршрутъ котораго лежалъ почти вдоль Великой стѣны черезъ кумирня Джунгаръ джо къ Боро-болгысуну. Въ 1893 году пустыня по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ отъ Дайчинъ-чжу до Боро-болгысу же прошла экспедиція Обручева.

сказать, произвелъ ихъ изъ почвы. Самая глубокая впадина Заордосской пустыни, лежащая на высотѣ 940 метровъ надъ уровнемъ моря, занята солянымъ озеромъ Джаратай-дабасунъ, которое окружено со всѣхъ сторонъ, на разстояніи до 50 верстъ отъ береговъ, пластами соли, толщиною отъ одного до двухъ метровъ. Эта кристаллическая плита въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до такой степени прозрачна, что походитъ на водяную площадь; даже лебеди иногда обманываются и спускаются стаями на эту мнимую воду, откуда тотчасъ же и улетаютъ, испуская сердитые крики [1]).

Точная граница между монгольской территоріей и собственно Китаемъ была обозначена прежде такъ называемой «Великой стѣной», которая, сверхъ того, продолжается съ восточной стороны до залива Ляо-дунъ. (Бо-хай или Чжилійскій), на сѣверной оконечности Желтаго моря. «Вань - ли - чань - чэнъ или «стѣна въ десять тысячъ ли», — какъ обыкновенно ее называютъ китайцы, — не имѣетъ, правда, такого громаднаго протяженія въ 5.000 километровъ, которое равнялось бы восьмой части окружности земнаго шара, но все-таки общая длина ея превышаетъ 3.300 километровъ (3.100 верстъ), если считать всѣ извилины исполинскаго вала и двойныя и тройныя стѣны, построенныя въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на сѣверѣ провинцій Чжи-ли и Шань-си. Принимая среднюю высоту стѣны только въ 8 метровъ, при ширинѣ равной 6 метрамъ, находимъ, что эта удивительная работа представляетъ каменный валъ объемомъ около 160 милліоновъ кубическихъ метровъ. Понятно, что Великая китайская стѣна все еще указывается, на-ряду съ Большимъ или Императорскимъ каналомъ, какъ одно изъ значительнѣйшихъ произведеній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ труду человѣка; но, забывая, что націи еще не перестали строить крѣпости и оборонительныя стѣны, многіе писатели сравниваютъ также это «чудо свѣта» съ египетскими пирамидами и видятъ въ немъ не болѣе какъ тщеславное сооруженіе, лишенное всякой практической пользы. Такая оцѣнка ошибочна. Безъ сомнѣнія, когда императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди, за двѣ тысячи сто лѣтъ до нашего времени, послалъ милліоны работниковъ на монгольскую границу для возведенія каменнаго вала длиною въ десять тысячъ ли, цѣлыя сотни тысячъ людей погибли отъ тяжелаго труда; но работа ихъ, конечно, имѣла большую важность для защиты отечества, и въ теченіе многихъ столѣтій, предки монголовъ должны были останавливать свои воинственныя экспедиціи у подножія стѣны, которая ограничиваетъ ихъ территорію. Часовые на башняхъ, воздвигнутыхъ на стѣнѣ въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, издалека замѣчали приближеніе непріятельскихъ наѣздниковъ, и всѣ естественные проходы были охраняемы вооруженными лагерями или пикетами. При каждыхъ воротахъ стоялъ особый гарнизонъ, и въ сосѣдствѣ каждаго прохода скоро выстраивался городъ, который служилъ рынкомъ для сопредѣльнаго населенія и самымъ своимъ положеніемъ напередъ опредѣлялъ путь, по которому кочевники должны были слѣдовать въ своихъ степяхъ. Подъ защитой своего исполинскаго вала, китайцы могли дать большую связь своему національному единству и сосредоточить свои силы, чтобы вступить съ этого времени въ постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ черезъ Небесныя горы и Памиръ [1]). Когда стѣна «въ десять тысячъ ли», окончательно форсированная полчищами Чингисъ-хана, потеряла всякую стратегическую цѣну, она уже сослужила службу китайскому народу, защищая передъ тѣмъ имперію въ продолженіе четырнадцати столѣтій отъ набѣговъ сѣверныхъ номадовъ.

Въ томъ видѣ, какъ она существуетъ нынѣ, Великая стѣна принадлежитъ различнымъ эпохамъ. Въ климатѣ Монголіи, который можно назвать климатомъ крайностей, гдѣ за сильными жарами вдругъ, безъ постепеннаго перехода, слѣдуютъ морозы, достаточно небольшаго числа лѣтъ, чтобы разрушить большую часть обыкновенныхъ построекъ. Сомнительно даже, чтобы какая-либо существующая нынѣ часть Великой стѣны могла быть отнесена къ эпохѣ перваго ея строителя Цинь-ши-хуанъ-ди, хотя, по словамъ лѣтописей, этотъ богдыханъ издалъ указъ, угрожающій смертной казнью всякому рабочему, который бы оставилъ въ каменной работѣ щель настолько широкую, чтобы въ нее могъ войти кончикъ гвоздя [2]). Почти вся восточная часть стѣны, отъ Ордосскаго полуострова до Желтаго моря, была построена въ пятомъ столѣтіи послѣ Р. Х., а въ царствованіе династіи Миновъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ, двойной валъ, защищающій на сѣверо-западѣ Пекинскую равнину, былъ два раза перестраиваемъ: вообще ни одна изъ частей громадной ограды, имѣющихъ архитектурную цѣну по правильности кладки кирпичей и красотѣ гранитной обшивки, не восходитъ далѣе четырнадцатаго вѣка нашей эры [3]). Смотря по перемѣнамъ династій и царствованій, по капризамъ правителей и превратностямъ пограничныхъ войнъ, планъ и направленіе вала много разъ измѣнялись, нѣкоторыя части ограды были заброшены, другія, напротивъ, поддерживались и перестроивались. Этимъ и объясняется большое различіе соору-

[1]) *Пржевальскій, цитированное сочиненіе.*

[1]) F. von Richthofen, „China“;—Ritter, „Asien“.

[2]) Panthier, „La Chine“.

[3]) Іакинфъ Бичуринъ;—Bretschneider, „Die Pekinger Ebene“.

женій на безконечномъ протяженіи Великой стѣны.

Въ то время, какъ на сѣверѣ отъ Пекина стѣна еще совершенно сохранилась, во многихъ западныхъ мѣстностяхъ, на границахъ Гоби, она уже представляетъ простой глиняный валъ, и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не видно болѣе никакихъ слѣдовъ ея на значительныхъ пространствахъ: ворота, стоящія одиноко среди пустыни, единственные остатки бывшей оборонительной стѣны. Однако, даже на весьма большомъ разстояніи отъ столицы строители возводили свои линіи укрѣпленій по склонамъ и на самые гребни горъ, до высоты 2.000 мет., и не останавливались даже передъ пропастями: стѣна переходитъ или огибаетъ всѣ препятствія, не оставляя врагу даже узенькой козьей тропинки [1]). Извѣстно, что на сѣверъ отъ Монголіи, въ Забайкальской области и Маньчжуріи существуютъ остатки другихъ стѣнъ, приписываемыхъ легендой Чингисъ-хану, а также напоминающихъ о вѣковой борьбѣ между осѣдлыми земледѣльческими населеніями и ихъ сосѣдями, кочевыми племенами.

Монголы, противъ которыхъ китайцы должны были нѣкогда возводить такія громадныя оборонительныя сооруженія, представляютъ народъ безъ національной связи. Какой-нибудь смѣлый завоеватель могъ соединить ихъ въ одну армію; но, вернувшись въ свои родимыя степи, они снова распадались на племена или колѣна, и именно благодаря отсутствію единства и внутреннимъ раздорамъ этихъ разрозненныхъ группъ монгольскаго народа, китайцамъ удалось восторжествовать надъ халхасцами, элеутами, чжунгарами, тогда какъ Россія покорила своей власти калмыковъ и бурятъ. Впрочемъ, это названіе «монголы» примѣнялось, въ продолженіе двухъ столѣтій ихъ политическаго господства, къ народамъ самыхъ разнообразныхъ расъ, то-есть ко всѣмъ тѣмъ народамъ, которые принимали участіе въ побѣдахъ и завоеваніяхъ Чингисъ-хана и его преемниковъ, проникавшихъ, съ одной стороны, въ Китайскую имперію, съ другой до самаго сердца Европы. Даже послѣ того, какъ фамилія Чингисъ-хана угасла, основаніе обширной имперіи Тамерлана, средоточіе которой было въ Самаркандѣ, и которая представляетъ собою, такъ сказать, отливъ западнаго міра Азіи къ странамъ, откуда вышли восточные завоеватели, тоже было приписываемо монголамъ; впослѣдствіи называли именемъ «Великаго Могола» (т. е. монгола) Бабера и его преемниковъ на делійскомъ тронѣ (въ Индіи), хотя они болѣе не имѣли монголовъ въ своихъ арміяхъ; тщеславіе, желаніе похвастать отдаленной генеалогіей было ихъ единственнымъ правомъ на громкій титулъ, который они себѣ присвоили. Что касается чжунгарскаго царства, которое основалось въ концѣ семнадцатаго столѣтія, то оно было несомнѣнно монгольскаго происхожденія, но это царство не переходило за предѣлы области равнинъ и возвышенностей центральной Азіи.

Въ средніе вѣка монголовъ смѣшивали съ татарами или тартарами, какъ ихъ называли европейцы: это племя, обитавшее въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ долинахъ Инъ-шаня, было слабымъ малочисленнымъ народцемъ, который, въ хаосѣ пришедшихъ въ столкновеніе народовъ, кончилъ тѣмъ, что передалъ свое имя монголамъ, маньчжурамъ, туркамъ, всѣмъ кочевымъ и воинственнымъ племенамъ Азіи и восточной Европы. Никогда Чингисъ-ханъ, ни его сподвижники не считали за честь носить названіе татаръ, которое принадлежало лишь простому колѣну одной изъ семи монгольскихъ націй: почетное прозвище, которое они приняли, было «синіе монголы», «потому что синева есть священный цвѣтъ Неба» и потому что сами они были властители земли. Такую обширную извѣстность татары пріобрѣли потому, что они составляли вообще авангардъ монгольскихъ завоевателей, и что названіе ихъ давало поводъ къ игрѣ словъ съ миѳологическимъ Тартаромъ или преисподней. «Утѣшимся, говорилъ св. Людовикъ: если они придутъ сюда, мы ихъ спровадимъ назадъ въ Тартаръ, откуда они вышли, или они сдѣлаютъ то, что всѣ мы вернемся на Небо»! [2]). Въ настоящее время это названіе «татары» не дается болѣе монголамъ развѣ только въ самомъ общемъ смыслѣ, такъ же, какъ ихъ сосѣдямъ маньчжурамъ: какъ спеціальное наименованіе, это слово примѣняется теперь только къ населеніямъ тюркскаго корня, въ Сибири, въ Небесныхъ горахъ и Памирѣ, въ Туркестанѣ, на Кавказѣ и въ Европейской Россіи.

До періода ихъ завоеваній монгольскія племена обитали только въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ той обширной территоріи, которая теперь извѣстна подъ общимъ именемъ Монголіи; всѣ рѣки и ручьи, всѣ озера этой страны составляютъ предметъ поклоненія, какъ божества, и съ каждой горой связана какая-нибудь легенда, каждая гора носитъ титулъ хана [3]). На сѣверо-восточной оконечности этой области распространенія древнихъ монголовъ живутъ теперь маньчжурскіе колоны и различныя монгольскія и тунгузскія племена болѣе или менѣе смѣшанныя и доставляющія многочисленный контингентъ рекрутъ военнымъ поселеніямъ, которыя китайцы основали въ западныхъ провинціяхъ имперіи. Халхасцы,

[1]) Abel Rémusat; – Klaproth; — Ritter.

[2]) Bastian, „Reisen in China".

[3]) *Пржевальскій*, „*Монголія и страна тангутовъ*".

азванные такъ по имени одного изъ ихъ прежнихъ князьковъ и мѣстности, гдѣ они обита-

ры, кочующіе въ числѣ восьми колѣнъ на юго-востокѣ сплошной возвышенности, въ степяхъ,

Башня въ окрестностяхъ Пекина.

отъ, населяютъ преимущественно сѣверныя степи, въ сосѣдствѣ бурятъ, ихъ соплеменниковъ, сдѣлавшихся подданными Россіи; чаха-

ближайшихъ къ Китаю, замѣчательны тѣмъ, что имъ было спеціально поручено императорскимъ правительствомъ охраненіе границы

отъ набѣговъ сѣверныхъ монголовъ. Ордосцы, почти совершенно истребленные, обитали на рѣчномъ полуостровѣ, который получилъ отъ нихъ свое названіе, а далѣе на западѣ разсѣяны стойбища элеутовъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ съ народностями тюркскаго корня, и къ которымъ принадлежатъ также калмыцкія орды Алтая и Тянь-шаня. Наконецъ, въ верхнемъ бассейнѣ Енисея живутъ инородцы тюркскаго происхожденія, но въ сильной степени омонголившіеся, племена уріанхай или донва и дархатъ. Вообще говоря, монгольскія населенія дѣлятся на восточныхъ монголовъ или халха, западныхъ монголовъ или элеутовъ и сибирскихъ монголовъ или бурятъ, но единственное дѣйствительное дѣленіе—это дѣленіе на хошуны или «знамена»; смотря по превратностямъ войнъ и союзовъ племена различныхъ хошуновъ соединяются въ болѣе или менѣе могущественныя конфедераціи.

Національный типъ, кажется, сохранился въ наибольшей чистотѣ у халхасцевъ, которые при томъ же присвоиваютъ себѣ нѣкоторое превосходство надъ другими монголами, какъ и имѣющіе среди себя семейства тайшей, производящія свой родъ отъ Чингисъ-хана. Но, хотя этнологи обыкновенно употребляютъ названіе «монгольская раса», какъ родовой терминъ для всѣхъ народовъ восточной Азіи, оказывается, что именно халхаскій или восточно-монгольскій типъ принадлежитъ къ тѣмъ типамъ, которые, на крайнемъ Востокѣ, всего менѣе походятъ на «монголовъ», описываемыхъ этнологами. Халхасецъ имѣетъ не желтый, а смуглый цвѣтъ лица. Глаза его не прищурены такъ, чтобы казались косолежащими, какъ глаза остяка или китайца; вѣки глазъ у него открытыя, какъ у европейца. Однако, онъ имѣетъ широкое и плоское лицо, выдающіяся скулы, черные волосы, скудно обросшую бороду,—признаки, которые признаются вообще какъ отличительныя черты монгольской расы; впрочемъ, нужно замѣтить, что въ Монголіи довольно распространенъ обычай выщипывать волосы изъ бороды, и потому было бы ошибочно приписывать природѣ то, что есть просто слѣдствіе моды. Европейцы сначала познакомились съ восточными народами черезъ монголовъ и, очень естественно, они замѣчали между этими чужеземными завоевателями въ особенности тѣхъ индивидуумовъ, которые своей наружностью и физіономіей представляли наиболѣе рѣзкій контрастъ съ условнымъ типомъ красоты, принятымъ на западѣ: чѣмъ болѣе лицо казалось имъ страннымъ, необыкновеннымъ, тѣмъ болѣе оно было азіатскимъ и монгольскимъ въ ихъ глазахъ. Такъ точно въ Китаѣ, не отличая національности, всѣхъ европейцевъ величаютъ общимъ именемъ «рыжеволосыхъ варваровъ».

Монголы вообще средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; привычные ко всякимъ непогодамъ и крайностямъ тепла и холода, они безъ труда переносятъ тягости, отъ которыхъ умерла бы большая часть европейцевъ. Они могутъ оставаться, не жалуясь, пятнадцать часовъ подрядъ на лошади или верблюдѣ; но они заохали бы, если бы имъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ сотню шаговъ внѣ своей юрты: это потому, что они вообще не привыкли ходить, а главное потому, что имъ стыдно показаться пѣшкомъ; монголу нужно, чтобы онъ всегда могъ съ высоты обозрѣвать свои владѣнія, безграничную степь. Даже въ Монголіи, гдѣ однако лошадь столь полезна и высоко цѣнима, не всѣ жители такъ счастливы, чтобы обладать собственнымъ верховымъ животнымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лошадь составляетъ предметъ роскоши, который можно увидѣть только подлѣ палатки знатныхъ и богатыхъ [1]); но въ болѣе счастливыхъ областяхъ Монголіи, гдѣ всякій кочевникъ имѣетъ своего коня, наѣздникъ всегда стрѣлой несется по равнинѣ, и даже, когда ему нужно проѣхать нѣсколько саженъ, которыя отдѣляютъ, на мѣстѣ стоянки, его кибитку отъ кибитки его сосѣда, онъ и тутъ заставляетъ свою лошадь скакать въ галопъ. Презирая всякія тѣлесныя упражненія, которыя дѣлаются не на конѣ, монголъ не охотникъ до пляски [2]), но за то онъ едва-ли имѣетъ равныхъ себѣ въ наѣздничествѣ, въ искусствѣ укрощать и выѣзживать строптивыхъ жеребцовъ, пускать ихъ въ бѣгъ и исполнять на всемъ скаку самыя опасныя штуки. Если конскія скачки или джигитовки монголовъ не имѣютъ столько зрителей, какъ скачки въ европейскихъ городахъ, то въ нихъ принимаетъ участіе гораздо большее число дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ молодого наѣздника, нѣтъ мужчины въ силѣ возраста, который бы не считалъ за честь фигурировать между состязающимися. Въ 1792 году, во время празднества по случаю возрожденія одного монгольскаго Будды, 3.732 лошади оспаривали другъ у друга призы на джигитовкахъ [3]).

Нельзя не удивляться, что эти смѣлые укротители лошадей и лихіе наѣздники, эти потомки грозныхъ завоевателей Азіи, упали такъ низко въ политическомъ отношеніи и не оказываютъ теперь, такъ сказать, никакого вліянія, не играютъ никакой роли въ Старомъ свѣтѣ. Взятые въ массѣ, они даже сдѣлались трусами, и недавно мы видѣли, какъ они тысячами убѣгали въ безпорядкѣ передъ недисциплинированными бандами дунганъ, вся отвага которыхъ происходила отъ страха, выказан-

---

[1]) Лосевъ;—Ломоносовъ, „Экспедиція братьевъ Бутвыхъ въ 1871 г.“

[2]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.

[3]) Reuilly, „Description du Tibet“.

наго ихъ непріятелемъ. Нація побѣжденная, разрозненная, разсѣянная, она чувствуетъ свою слабость. Какая неизмѣримая разница между униженнымъ раболѣпствомъ нынѣшнихъ монголовъ передъ русскими путешественниками, проѣзжающими черезъ «Землю травъ», и гордымъ высокомѣріемъ какого нибудь Куюкъ-хана, отвѣчавшаго легату папы римскаго, монаху Плано Карпини: «я судія Божій. Я имѣю право предать васъ смерти за то, что вы оказываете мнѣ сопротивленіе. А доказательство, что я имѣю такое право, это то, что я имѣю силу привести его въ дѣйствіе. Былъ ли бы я, человѣкъ, достаточно могучъ, чтобы дѣлать такія вещи, если бы самъ Богъ не далъ мнѣ своей десницы?» [1]). Всѣ указы и повелѣнія монгольскихъ хановъ издавались именемъ и въ силу «могущества неколебимаго неба» [2]). Такимъ образомъ задолго до Карлейля и другихъ новѣйшихъ теоретиковъ эти азіатскіе императоры нашли формулу власти.

Впрочемъ, энергія, съ которой монголы выступили на сцену всемірной исторіи, происходила не только отъ ихъ храбрости, дисциплины и неудержимой жажды завоеваній, но также отъ ихъ природнаго духа справедливости и тѣхъ успѣховъ, которыхъ они достигли въ цивилизаціи.

Монголы вовсе не были такими варварами, какими ихъ обыкновенно воображаютъ, основываясь на разсказахъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Съ покоренными націями, послѣ сраженія, рѣшившаго ихъ участь, монгольскіе завоеватели обращались съ гораздо большей снисходительностью, чѣмъ какую выказывали тогда завоеватели мусульманскіе или христіанскіе въ отношеніи побѣжденныхъ ими народовъ. «Имперія была завоевана на конѣ», говорилъ одинъ совѣтникъ Чингисъ-хана, «но нельзя и управлять ею на конѣ». Монгольскіе государи съ замѣчательной справедливостью разбирали и рѣшали споры между своими подданными всѣхъ расъ и языковъ, и между лицами, которымъ они жаловали земли, освобожденныя отъ налоговъ, мы видимъ имена, принадлежащія всѣмъ національностямъ имперіи. Въ то же время монголы отличались чрезвычайной вѣротерпимостью, которая возбуждала удивленіе и скандализировала католическихъ миссіонеровъ. Мусульмане, христіане были между полководцами и приближенными хановъ: Иваны, Николаи, Георгіи, Марки встрѣчаются въ спискѣ высшихъ сановниковъ имперіи [3]).

Истощенные своими воинственными усиліями, униженные нравственно насиліями и жестокостями войны, монголы опять впали въ варварство. Безъ сомнѣнія, большинство нынѣшнихъ монголовъ отличаются еще здравымъ умомъ, прямодушіемъ, духомъ справедливости, гостепріимствомъ въ отношеніи чужеземца, радушіемъ и привѣтливостью въ отношеніи себѣ равныхъ, которыхъ онъ называетъ въ разговорѣ не иначе, какъ «товарищами», но при этомъ они страшно лѣнивы, крайне грязны и не чистоплотны, чрезвычайно обжорливы. Они допустили рабство вкрасться въ ихъ соціальный бытъ, и теперь многочисленныя семьи, происходящія отъ бывшихъ военно-плѣнныхъ, обречены на жалкую долю невольниковъ, стерегущихъ стада начальниковъ колѣнъ или тайшей [1]), и господа присвоили себѣ надъ ними право жизни и смерти, хотя, впрочемъ, они не считаютъ ихъ низшими, презрѣнными существами и не перестаютъ, въ обыкновенныхъ сношеніяхъ, обращаться съ ними кротко и доброжелательно. Правда, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову дѣлить пастбища: они принадлежатъ всѣмъ и каждому, какъ воздухъ, какъ вода, и всякое поле, какъ только жатва собрана, снова поступаетъ въ собственность всей общины; но тѣмъ изъ монголовъ, которые не имѣютъ собственныхъ стадъ, какую пользу могутъ принести эти права на временное владѣніе полемъ и на кочеванье по травянымъ степямъ? Тайши или князьки и ламы, владѣльцы скота, только благодаря этому факту и являются собственники земли. Одинъ только ургинскій главный жрецъ или хутухта обладаетъ территоріей, населенной 150.000 жителей, почти его невольниковъ [2]).

Очень рѣдки монголы, которые, по примѣру китайцевъ, занимаются земледѣліемъ. Почти всѣ они ведутъ пастушескій образъ жизни и не знаютъ другихъ занятій или промысловъ, кромѣ ухода за своими стадами, которыя состоятъ главнымъ образомъ изъ верблюдовъ, барановъ съ жирнымъ хвостомъ (курдюкомъ), лошадей и рогатаго скота. При встрѣчѣ знакомые монголы первымъ дѣломъ начинаютъ разспрашивать другъ друга насчетъ скота: въ ихъ глазахъ стадо важнѣе семьи и родни. Они не понимаютъ даже, какъ могутъ быть люди до такой степени обездоленные, «оставленные небомъ», чтобы не имѣть домашнихъ животныхъ, и съ недовѣріемъ посматриваютъ на русскихъ путешественниковъ, когда тѣ говорятъ, что у нихъ нѣтъ ни верблюдовъ, ни барановъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей Монголіи и жизни монголовъ полагаютъ, что на каж-

[1]) „Recueil de voyages et de Mémoires publiés par la Société de Géographie de Paris", tome IV.
[2]) Bastian, „Reisen in China".
[3]) Howorth, „History of the Mongols";—Léon Cahun, etc.

[1]) Іоакинфъ Бичуринъ.
[2]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".

дое монгольское семейство приходится около 50 барановъ, 10 верблюдовъ, 25 лошадей и 15 штукъ рогатаго скота. Профессоръ Позднѣевъ изъ оффиціальнаго источника сообщаетъ, что на однихъ казенныхъ земляхъ въ 1892 г. послось лошадей 68.213 головъ, верблюдовъ же 6.722. Въ то время, какъ женщины и дѣти, которымъ главнымъ образомъ ввѣрено попеченіе о скотѣ, исполняютъ свою задачу,—и исполняютъ всегда съ умѣньемъ и терпѣньемъ,—мужчины имѣли бы полный досугъ за иматься другими работами; даже выдѣлка предметовъ хозяйства и домашняго обихода, с делъ, конской сбруи, оружія, вышитой одежды, войлоковъ (кошмы) для кибитокъ, веревокъ изъ верблюжьей шерсти, почти всецѣло предоставлена женщинамъ; всѣ же другіе предметы потребленія, продукты и товары, въ которыхъ нуждаются монголы, они принуждены покупать или вымѣнивать у китайцевъ и у русскихъ. Въ особенности чай имъ необходимъ: они никогда не пьютъ холодной воды, которой они даже приписываютъ вредное вліяніе на здоровье; настой кирпичнаго чая съ молокомъ и солью составляетъ ихъ обычный и любимый напитокъ, вмѣстѣ съ кумысомъ, кобыльимъ молокомъ, и слишкомъ часто съ гибельной водкой русской и китайской фабрикаціи. Что касается ихъ твердой пищи, то она почти исключительно животная: они только примѣшиваютъ нѣчто въ родѣ тѣста изъ муки къ баранинѣ, конинѣ или верблюжьему мясу. Большинство изъ нихъ чувствуетъ непритворное отвращеніе къ мясу птицъ и рыбъ.

Языкъ монголовъ, имѣющій родственную связь съ языками урало-алтайскихъ народовъ и похожій на тюркскіе идіомы большимъ числомъ общихъ корней, дѣлится на діалекты или нарѣчія, довольно опредѣленно отличающіяся одно отъ другаго: монголы халхасскіе или халхи, буряты, элеуты не всѣ могутъ понимать другъ друга. При томъ къ этимъ нарѣчіямъ съ теченіемъ времени примѣшались чужія слова различнаго происхожденія; выраженія маньчжурскія, китайскія, тибетскія и турецкія испортили чистый монгольскій языкъ въ сосѣдствѣ границъ. Уже съ давнихъ поръ, около двадцати одного столѣтія, монгольскій языкъ имѣетъ свою письменность, ибо въ эту эпоху онъ уже заимствовалъ идеографическія письмена китайцевъ; но собственнаго оригинальнаго алфавита онъ не имѣлъ до начала десятаго столѣтія. Эти буквы были замѣнены въ двѣнадцатомъ вѣкѣ другимъ письмомъ, употреблявшимся для перевода классическихъ произведеній китайской литературы; къ сожалѣнію, всѣ эти книги потеряны, и мы едва знаемъ даже, какими знаками онѣ были написаны [1]). Въ періодъ завоеваній, когда монголы вдругъ пришли въ соприкосновеніе съ народами западной Азіи, имъ понадобилась письменность болѣе извѣстная, чѣмъ ихъ собственная, чтобы вступить въ сношенія съ своими сосѣдями: тогда они заимствовали алфавитъ турковъ - уйгуровъ. Однако, впослѣдствіи мало-по-малу одержали верхъ и вошли во всеобщее употребленіе національныя письмена, изобрѣтенныя въ 1269 г. однимъ ламой, который въ награду за это получилъ титулъ «Царя вѣры». Эти-то буквы и служили письменными знаками для всей нынѣшней монгольской литературы, состоящей изъ сборниковъ законовъ и повелѣній, словарей, календарей и въ особенности изъ книгъ духовнаго содержанія. Для письма монголы употребляютъ кисть, которую водятъ по деревяннымъ табличкамъ, выкрашеннымъ въ черный цвѣтъ и посыпаннымъ пескомъ или золой [1]).

Богослужебныя книги написаны на тибетскомъ языкѣ, который сдѣлался священнымъ языкомъ для монголовъ со времени обращенія ихъ въ буддизмъ, точно такъ же, какъ санскритъ долго былъ церковнымъ языкомъ для тибетцевъ, въ соотвѣтственную эпоху ихъ исторіи. Вслѣдствіе этого, монгольскіе жрецы, которые хотятъ знать въ своей религіи не одинъ только внѣшній церемоніалъ, принуждены изучать тибетскій языкъ, извѣстный въ Монголіи подъ именемъ «тангутскаго»; но тѣ, которыхъ богословскія познанія ограничиваются простымъ чтеніемъ священныхъ книгъ, имѣютъ къ этимъ твореніямъ тѣмъ большее уваженіе, что не понимаютъ ихъ смысла. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ калмыцкихъ ламъ платили до 50.000 франковъ за священныя книги Канджуръ и Танджуръ [2]); а сибирскіе буряты давали семь тысячъ быковъ за одинъ экземпляръ перваго изъ этихъ твореній [3]). Тибетъ—Святая земля монголовъ. Тибетскій далай - лама по степени божества почитается стоящимъ выше монгольскаго таранатъ-ламы (джетсонъ-тампа, штонъ-тампа); однако, этотъ послѣдній тоже Бурханъ, то-есть живой или воплощенный Будда, который, по вѣрованію ламаистовъ, подъ различными видами преемственно смѣняетъ самъ себя или возрождается, начиная съ половины шестнадцатаго столѣтія, а можетъ быть даже съ болѣе отдаленной эпохи. При каждой послѣдовательной кончинѣ онъ отправляется совершать свое переселеніе души въ Тибетъ; поэтому туда снаряжается торжественное посольство, которое и находитъ его въ видѣ младенца. Прежде монгольскій первосвященникъ имѣлъ резиденцію въ сосѣдствѣ китайской границы, въ Куку-

[1]) Іакинфъ Бичуринъ, „Достопримѣчательности Монголіи".

[1]) Roussel-Killough, „Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océanie".

[2]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

[3]) Köppen, „Die Religion des Buddha".

хото; но онъ былъ умерщвленъ, вслѣдствіе столкновенія изъ-за первенства съ императоромъ Канъ-си, и, по повелѣнію свыше, долженъ былъ возродиться въ городѣ Ургѣ, въ сѣверной Монголіи [1]). Съ этой эпохи имена избираемыхъ «Буддъ» предварительно утвержденія должны быть посылаемы въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Пекинѣ [2]).

Главныя монгольскія божества, тѣ же самыя, какъ и божества тибетцевъ, имѣютъ индусское происхожденіе, но есть между ними также и боги національнаго происхожденія, и эти послѣдніе—не наименѣе чтимые, хотя и менѣе высокопоставленные въ монгольскомъ пантеонѣ. Таковъ, напримѣръ, богъ Ямандага или «Козлиное лицо», котораго дѣйствительно изображаютъ съ головой козла или быка, увѣнчаннымъ короной изъ человѣческихъ череповъ, изрыгающимъ пламя и держащимъ въ своихъ двадцати рукахъ оторванные человѣческіе члены и орудія убійства: самъ онъ выкрашенъ темносиней краской, тогда какъ супруга его свѣтлоголубаго цвѣта. Другіе мстительные боги или демоны это домашніе идолы, даже простыя куклы изъ дерева или кусковъ матеріи, въ родѣ самоѣдскихъ божковъ [3]). Монголы отличаются большой ревностью въ дѣлѣ религіи; нѣтъ такихъ тяжелыхъ, утомительныхъ испытаній, которымъ бы они добровольно не подвергали себя, нѣтъ такихъ эпитимій, которыхъ бы они не налагали на себя, чтобы вымолить себѣ прощеніе грѣховъ: усердіе ихъ доходитъ до того, что они предпринимаютъ обходъ вокругъ монастырей или кумиренъ, падая ницъ на каждомъ шагу, такъ что измѣряютъ ограду своими тѣлами, распростертыми въ пыли или въ грязи. Наибольшая доля ихъ достоянія и доходовъ заранѣе принадлежитъ ламамъ. Храмы, монастыри, воздвигнутые въ разныхъ мѣстахъ монгольской территоріи, служатъ наглядымъ доказательствомъ щедрости вѣрующихъ. Когда ламы отправляются за сборомъ подаяній во имя «Стараго Будды», они всегда и вездѣ находятъ хорошій пріемъ: ихъ освященная чаша быстро наполняется слитками золота и серебра, и скоро они возвращаются обратно, въ сопровожденіи цѣлаго каравана вьючныхъ животныхъ, несущихъ дары, пожертвованные вѣрующими на построеніе храма. Жрецы—истинные господа и хозяева страны, и единственные люди, которые, не имѣя надобности трудиться, всегда обезпечены въ пользованіи всѣми благами и удобствами жизни: все, что отъ нихъ требуется,—это повиноваться звукамъ рожка изъ морской раковины, призывающаго ихъ въ опредѣленные часы въ храмъ. Оттого-то число монголовъ, которые избѣгаютъ горькой доли бѣдняка, или которые освобождаются изъ рабскаго состоянія, вступая въ монастыри, много превышаетъ пропорцію лицъ духовнаго званія во всякой другой странѣ земнаго шара, не исключая даже и Тибета. Говорятъ, что цѣлая треть населенія страны состоитъ изъ ламъ или «бѣлыхъ людей», то-есть бритыхъ; нѣтъ семейства, которое не имѣло бы по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ членовъ въ какой-нибудь кумирнѣ; во многихъ округахъ большинство родителей предназначаютъ всѣхъ своихъ дѣтей мужескаго пола къ постриженію и облаченію въ желтыя и красныя одежды ламъ и оставляютъ при себѣ только одного сына, поступающаго въ толпу «черныхъ людей» или волосатыхъ, которые продолжаютъ родъ и пасутъ стада. Ни въ одной странѣ міра наружныя формы и обряды религіи не соблюдаются болѣе строго: даже пограничный китаецъ, продавая обманнымъ вѣсомъ какой-нибудь фальсифицированный товаръ, не преминетъ завернуть въ бумагу, украшенную священной молитвой тибетцевъ и монголовъ, «Омъ мани падмэ хумъ», и содержатель гостиницы, подавая останавливавшемуся у него путешественнику свой баснословно преувеличенный счетъ, пишетъ его подъ той же формулой буддійской молитвы [1]). Китайское правительство, которое мало заботится о своемъ духовенствѣ, оказываетъ покровительство монгольскому ламаизму, обезпечивая приличные доходы большинству монастырей: политика маньчжурской династіи постоянно стремилась и стремится къ тому, чтобы увеличивать число ламъ съ цѣлью уменьшать настолько же естественное приращеніе населенія и замѣнять мирными монастырями прежнія военныя ставки его наслѣдственныхъ непріятелей [2]). Тѣмъ не менѣе, національная ненависть продолжаетъ существовать по причинѣ различія нравовъ и противоположности интересовъ: почти всѣ сбереженія монгольскихъ племенъ исчезаютъ въ сундукахъ китайскихъ купцовъ и ростовщиковъ; они только проходятъ черезъ руки ламъ.

Какъ ни многочисленно населеніе монастырей Монголіи, въ которыхъ насчитываютъ до десяти тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ всѣмъ ступенямъ жреческой іерархіи, они, однако, заключаютъ въ себѣ далеко не весь религіозный персоналъ страны. Большое число ламъ живутъ постоянно въ своихъ собственныхъ семействахъ; другіе скитаются по разнымъ мѣстамъ; наконецъ, и кудесники, независимые отъ оффиціальной религіи, тоже сохранили свой престижъ у большей части племенъ: къ нимъ именно, къ этимъ шаманамъ, обращаются суевѣрные монголы, чтобы отвратить отъ стадъ дурной глазъ и всякую бѣду,

---

[1]) Шифнеръ;—Васильевъ;—Гюкъ.

[2]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Пекинѣ о Китаѣ", т. I.

[3]) Pallas, „Sammlung historisches Nachrichter über die mongolischen Völkerschaften".

[1]) Bushell, „Journal of the Geographical Society of London". 1874.

[2]) Бокъ;—Рихтгофенъ.

чтобы установить хорошую погоду, чтобы «сдѣлать дождь», направить облака и вѣтеръ въ ту или другую сторону, указать дорогу, по которой нужно слѣдовать въ путешествіи, вылечить больныхъ, напустить болѣзнь на людей здоровыхъ, или даже «перемѣнить мѣсто души въ человѣческомъ тѣлѣ». Какъ доказываетъ самое имя шамановъ, которое первоначально примѣнялось, въ индусской формѣ срамана или въ китайской транскрипціи ша-менъ, къ «саманеянамъ» или буддійскимъ жрецамъ и монахамъ [1]), мы видимъ здѣсь всевозможные переходы между древнимъ культомъ силъ природы и религіей Будды, введенной послѣ смерти Чингисъ-хана. Даже до сихъ поръ совершаются жертвоприношенія животныхъ, въ противность предписаніямъ буддизма [2]). Какъ и въ Тибетѣ, нѣкоторыя монгольскія женщины, въ особенности вдовы, тоже посвящаютъ себя созерцательной жизни; но онѣ не довольно многочисленны, чтобы образовать монашескія общины въ собственномъ смыслѣ. Съ конца прошлаго столѣтія изгнанники и китайскіе поселенцы пропагандировали христіанство между нѣкоторыми монгольскими племенами и хоть сѣть католическихъ миссій протянулась вдоль южной окраины Монголіи отъ Ляо-дуна до самаго Тибета, тѣмъ не менѣе едва-ли распространеніе христіанства можно считать успѣшнымъ.

Различныя иноземныя вліянія, маньчжурское, китайское, тибетское, турецкое, которымъ подвергались монголы, оставили по себѣ слѣды въ ихъ нравахъ [3]). Такъ маньчжуры заставили монголовъ, какъ и китайцевъ, обрѣзывать себѣ волоса, за исключеніемъ «хвоста», то-есть длинной косы, спускающейся съ макушки на спину; они же, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, ввели и сдѣлали преобладающимъ обычай моногаміи, тогда какъ до того времени монголы могли, какъ ихъ магометанскіе сосѣди, имѣть по нѣскольку женъ. Подобно тому, какъ въ Китаѣ, въ Монголіи родители напередъ устраиваютъ браки своихъ дѣтей, удостовѣрившись предварительно черезъ астрологовъ въ счастливомъ сочетаніи небесныхъ свѣтилъ. Покупная цѣна или калымъ платится и здѣсь, какъ у киргизовъ, и монгольскій женихъ, подобно туркмену разыгрываетъ комедію похищенія невѣсты. Что касается незаконныхъ женъ, которыхъ обычай позволяетъ содержать монголамъ, то онѣ просто покупаются, какъ въ Китаѣ, и дѣти ихъ не пользуются тѣми же правами, какъ дѣти законныхъ супругъ. Въ отношеніи погребенія умершихъ одерживаетъ верхъ китайскій обычай, когда дѣло идетъ о князьяхъ и княгиняхъ: ихъ кладутъ въ гробы, передъ которыми семейство покойника совершаетъ жертвоприношенія въ предписанныя времена. Тѣла высшихъ жрецовъ сжигаются, и пепелъ ихъ прикрывается башенками или грудами камней, тогда какъ трупы бѣдныхъ ламъ и простыхъ мірянъ бросаются на землѣ и оставляются на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, согласно тибетскому обычаю. Собаки приходятъ обнюхивать старыхъ и больныхъ нищихъ, лежащихъ на лохмотьяхъ и кускахъ войлока у дверей кибитокъ и сами собой выстраиваются въ ряды на похоронныхъ процессіяхъ, которыя слѣдуютъ за тѣлами умершихъ при уносѣ ихъ за стойбища [1]). Вороны, которымъ всѣ эти человѣческіе остатки доставляютъ обильную пищу, рѣдко покидаютъ плоскогорья Монголіи; границей имъ служитъ Великая стѣна. Китайцы даютъ этимъ птицамъ мѣткое названіе «гребовъ монголовъ» [2]).

Несмотря на природное отвращеніе монголовъ къ китайцамъ, нѣтъ сомнѣнія, что цивилизація Срединной имперіи въ концѣ концовъ одержитъ верхъ» въ «Травяной землѣ», ибо переселенцы съ юга проникаютъ все далѣе и далѣе на сѣверную территорію, и ихъ численное превосходство не перестаетъ возрастать. Такъ, императорская область Джэголъ или Жэхэ, которая простирается, къ сѣверо-востоку отъ Пекина, на пространствѣ около 50.000 квадратныхъ километровъ, въ бассейнѣ, постепенно наклоняющемся отъ монгольскаго нагорья къ Чжилійскому заливу, была совершенно колонизована китайскими хлѣбопашцами, и несмотря на ожесточенныя столкновенія, прежніе обладатели земли были оттѣснены къ сѣверу. Джэголъ получилъ китайское названіе Чэнъ-дэ-фу; равнымъ образомъ и всѣ сосѣднія мѣста утратили свое монгольское наименованіе, чтобы принять китайскія имена, данныя переселенцами съ юга. Въ 1792 году этихъ послѣднихъ было уже въ краѣ 477.000 человѣкъ; въ 1827 году число ихъ почти удвоилось, именно достигало 884.000 человѣкъ; въ наши дни, по разсказамъ путешественниковъ, оно гораздо значительнѣе. Правда, что территорія Джэголъ составляла часть монгольской территоріи только въ административномъ отношеніи, и находится въ дѣйствительности на приморской покатости плоскогорья; но и на самыхъ монгольскихъ возвышенностяхъ китайцы уже начали дѣло колонизаціи и земледѣльческаго завоеванія этой страны. Область же Чэнъ-дэ-фу нынѣ причисляется къ провинціи Чжи-ли.

Часть «Травяной земли», которую обыкновенно называютъ «внутренней Монголіей», въ отличіе отъ «внѣшней Монголіи», простирающейся на сѣверъ отъ пустынь Гоби, сдѣлалась уже, какъ мы видѣли, болѣе, чѣмъ на половину китайской. Въ прежнія времена Великая стѣна была истинной границей. Этногра-

[1]) Палласъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Абель Ремюза.
[3]) *Іоакинфъ Бичуринъ*, цитированное сочиненіе.

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.
[2]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire chinois".

ическій рубежъ довольно точно совпадалъ съ
олитической раздѣльной линіей и въ то же
ремя съ геологической гранью, образуемой
ристаллическими горными породами. Но ки-

вой и всѣ мѣстности, благопріятныя для тор-
говли. Совокупность территоріи, извѣстной подъ
именемъ Коу-вэй, что̀ значитъ «За воротами»,
составляетъ отнынѣ китайскую землю, и какъ

Главная пекинская улица.

гайскія населенія, стѣсненныя внутри стѣны,
за которой они были заперты, давно уже пере-
шагнули черезъ этотъ исполинскій валъ, что-
бы занять. на южной покатости Монгольскаго
плоскогорья, всѣ долины съ плодородной поч-

таковая, она не безъ основанія была присоеди-
нена недавно къ собственно Китаю, чтобы со-
ставить часть провинцій Шань-си и Чжи-ли.
Колонизація этой территоріи, лежащей «За
воротами», началась постройкой нѣсколькихъ

укрѣпленныхъ мѣстъ, куда императоръ Канъси велѣлъ водворять на жительство уголовныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ. Къ этому принудительному заселенію края мало-по-малу присоединилась добровольная колонизація, которая постоянно усиливалась, особенно съ половины девятнадцатаго столѣтія. Одна изъ главныхъ причинъ, привлекающихъ переселенцевъ на монгольскую территорію,—терпимость, которою тамъ пользуются воздѣлыватели мака; уплачивая извѣстную сумму — налогъ или штрафъ — около 80 франковъ съ гектара, китайскіе крестьяне безъ опаски сѣютъ запретное зерно и такимъ образомъ могутъ добывать себѣ опіумъ по дешевой цѣнѣ. Правда, каждый годъ мандарины являются объявлять всенародно, при звукахъ тамъ-тама, указъ, воспрещающій культуру мака, но этотъ объѣздъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы облегчить взиманіе налога [1]). Теперь населеніе кишитъ, какъ муравейникъ, въ этихъ странахъ; даже въ Собственномъ Китаѣ мало найдется мѣстностей, гдѣ бы города были болѣе оживлены, торговля болѣе дѣятельна, дороги болѣе кишѣли путешественниками. Когда спускаешься съ плоскогорья Монголіи, контрастъ поразительный: угрюмая, мертвая пустыня вдругъ смѣняется цвѣтущими нивами, красивыми городами, шумными толпами народа.

Въ этой борьбѣ расъ, двѣ національности, повидимому, не обнаруживаютъ склонности слиться въ одинъ народъ. Въ то время, какъ въ Маньчжуріи китайцы быстро ассимилируютъ себѣ туземцевъ, навязывая имъ свой языкъ и свои нравы, они съ трудомъ и очень медленно успѣваютъ передѣлывать монголовъ на свой ладъ. Тамъ, гдѣ китайскіе переселенцы основываютъ свои деревни на землѣ, право владѣнія которою остается еще за туземцемъ, этотъ послѣдній поспѣшно снимаетъ свою юрту и переноситъ ее на непочатую землю, чтобы оставаться, со своими лошадьми и овцами, внѣ области наступающей цивилизаціи [2]). При томъ же хлѣбопашество ему запрещено, такъ какъ въ качествѣ императорскаго воина онъ долженъ быть готовъ идти въ походъ по первому сигналу, долженъ жить единственно своимъ солдатскимъ жалованьемъ и доходомъ отъ своихъ стадъ. Многочисленныя монгольскія племена скорѣе соглашаются позволить оттѣснять себя постепенно къ пустынѣ, чѣмъ принять образъ жизни завоевателей ихъ страны, и брачные союзы, которые портятъ чистоту монгольской крови, считаются у нихъ позоромъ. Однако, медленное, но вѣковое воздѣйствіе китайцевъ, поселившихся на территоріи «За воротами», успѣло, въ концѣ концовъ, преобразить ближайшіе къ нимъ монгольскіе народы, измѣнить ихъ черты и нравы; «эрлицы», какъ называютъ метисовъ, происшедшихъ отъ китайскихъ колонистовъ и монгольскихъ женщинъ [1]), очень многочисленны въ нѣкоторыхъ племенахъ. Въ особенности чахары; то-есть «жители пограничнаго края», сдѣлались почти совершенными китайцами; они охотно подражаютъ обычаямъ сыновъ Небесной имперіи и предпочитаютъ жизнь большихъ городовъ дикой свободѣ своихъ соотечественниковъ [2]). Только въ сѣверной Монголіи старинная непріязнь къ китайцамъ сохраняется во всей своей силѣ: если бы Россія захотѣла, она легко могла бы воспользоваться противъ Срединной имперіи ненавистью сѣверныхъ монголовъ. Завоеваніе «Травяной земли» было бы для ея арміи не болѣе, какъ военной прогулкой.

Чтобы обезпечить за собой владѣніе Монголіей, китайское правительство не имѣло до сихъ поръ другихъ средствъ, кромѣ какъ умышленно раздѣлять расу на враждующія между собой племена и льстить тщеславію начальниковъ отдѣльныхъ племенъ дозволяя имъ вступать, посредствомъ брачныхъ союзовъ, въ родство съ императорской фамиліей. Преобразовавъ монгольскую знать въ чиновничью, маньчжуры переименовали бывшихъ родовыхъ правителей въ князей, раздѣливъ ихъ на 6 степеней и присвоивъ имъ извѣстные званія и оклады; они сохранили свою власть въ мѣстныхъ маловажныхъ вопросахъ, но обязаны входить съ представленіями въ китайское министерство по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ, а въ остальномъ они зависятъ въ дѣйствительности отъ Ургинскаго главнаго жреца и почитаютъ за великую честь именоваться учениками «святаго изъ Большаго куреня». Они съѣзжаются каждый годъ на общее собраніе подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, котораго они имѣютъ право сами выбирать, но выборъ котораго требуетъ еще утвержденія со стороны центральнаго правительства; принятыя на этомъ собраніи рѣшенія получаютъ силу закона только по представленіи ихъ китайскому губернатору или амбаню и по одобреніи ихъ формальнымъ порядкомъ. Императоръ, въ одно и то же время сюзеренъ и верховный судья, можетъ смѣстить начальника племени, который ему не нравится, но обычай требуетъ, чтобы преемникъ былъ выбранъ въ семействѣ низложеннаго князя. Всякая независимость въ сущности есть не что иное, какъ пустое слово, такъ какъ начальники племенъ состоятъ на жалованьи у правительства, и ихъ годовой окладъ, измѣняющійся отъ 750 до 20.000 франковъ, смотря по классамъ, повышается и понижается вмѣстѣ съ рангомъ, по

[1]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1873; — Armand David, etc.

[2]) *Неѣ Эліасъ; — Рихтгофенъ.*

[1]) A. Bastian, „Peking".

[2]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

волѣ богдыхана. Вообще Монголія не только ничего не прибавляетъ къ доходамъ императорской казны, но даже стоитъ ей каждый годъ значительныхъ суммъ; ибо подать, уплачиваемая кочевниками натурой, верблюдами и лошадьми, остается въ рукахъ князей и ламъ. Правда, въ опредѣленныя эпохи вассалы отправляются торжественными посольствами въ Пекинъ поднести свои приношенія «Сыну Неба»; но послѣдній щедро отплачиваетъ за эти приношенія подарками, состоящими изъ шелковыхъ тканей, дорогихъ одеждъ и разныхъ драгоцѣнностей. Въ отношеніи Китая монголы не считаются обязанными платить какую-либо прямую дань, но отъ нихъ требуется, чтобы они несли военную службу; всѣ мужчины, въ возрастѣ отъ восемнадцати до шестидесяти лѣтъ, входятъ въ составъ императорской конницы; однако, князья въ большинствѣ случаевъ нерадиво относятся къ своей обязанности, не дѣлаютъ смотровъ и не повѣряютъ наличнаго состава войска. Какъ показала исторія недавней китайско-японской войны, монгольская армія имѣетъ скорѣе фиктивное, чѣмъ дѣйствительное существованіе; въ лучшемъ случаѣ можно бы было собрать развѣ только десятую ея часть [1]).

Монгольскія войска изъ западной части страны и Тибета явились въ послѣднюю войну въ Пекинъ, почти уже по окончаніи войны, хотя были вызваны при самомъ ея началѣ, при томъ вооруженіе ихъ болѣе нежели примитивное.

Сѣверная Монголія или Халха, занимающая большую часть Монголіи, въ административномъ и военномъ управленіи подраздѣляется на четыре корпуса, нѣкогда аймаки отдѣльныхъ хановъ: сѣверный или Ханъ-ула, восточный или Кэрулэнъ-барсъ-хотонъ, центральный или Цэцэрликскій и западный или Цзакъ-голскій [2]). Преданія запрещаютъ различнымъ племенамъ переходить границы этихъ ханствъ въ своихъ перекочевкахъ въ разныя времена года. Въ южной и восточной Монголіи страна раздѣлена такимъ же образомъ между многими колѣнами, какъ-то: суніутами, гешиктами, баринцами, найманами, хорчинами, учумпинами, уніотами, джаротами, туметами, аханарами, дурбанами и восемью хошунами чахаровъ. Административныя дѣленія края совпадаютъ съ военными. Каждый отрядъ въ 150 солдатъ называется эскадрономъ; шесть эскадроновъ образуютъ полкъ; неопредѣленное число полковъ,—разное, смотря по провинціямъ,—составляютъ хошунъ или «знамя»: это дѣленіе всего лучше соотвѣтствуетъ естественной группировкѣ племени. Нѣкоторое число хошуновъ соединяется въ аймакъ; аймаки разнятся величиной и важностью: Халха или сѣверная Монголія—4 аймака 86 хошуновъ; южная Монголія—22 аймака 42 хошуна; область чахаровъ—1 аймакъ 8 хошуновъ; Ала-шань—1 аймакъ 1 хошунъ; область ордосовъ—1 аймакъ 7 хошуновъ.

Многолюдные города Монголіи, естественно, группируются въ юго-западной ея области, т. е. въ территоріи, называемой «За воротами», гдѣ живутъ китайцы; однако, и въ сѣверной части «Травяной земли» есть нѣсколько городовъ, имѣющихъ важное значеніе, какъ мѣста пересѣченія дорогъ и торговые центры. Такъ, городъ Кобдо, лежащій на высотѣ слишкомъ 1.200 метровъ, въ долинѣ рѣки Баянъ-ту, на одномъ плато монгольскаго Алтая, недалеко отъ западнаго берега большаго озера Кара-усу, служитъ складочнымъ пунктомъ для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ съ Алтайскихъ горныхъ заводовъ и изъ долины верхняго Иртыша: это былъ также рынокъ горнозаводскихъ областей, которыя находятся на югѣ, на дорогѣ въ Баркуль; тамъ, небольшіе холмы, возвышающіеся среди пустыни, заключаютъ мѣсторожденія золота, которыя правильно разработывались для китайскаго правительства, до возстанія дунганъ. По чистотѣ Кобдо представляетъ рѣдкое исключеніе между китайскими городами. По обѣ стороны главной его улицы струятся оросительныя канавы, выведенныя изъ рѣки Баянъ-ту, а вдоль ихъ тянутся аллеи изъ тѣнистыхъ тополей. Къ востоку отъ Кобдо, на томъ же гористомъ плато китайскаго Алтая, но на большомъ разстояніи, находится другой торговый пунктъ, Улясутай. Оба эти города расположены одинаковымъ образомъ: тотъ и другой состоятъ изъ внутренняго города, окруженнаго каменной стѣной, въ которомъ имѣютъ пребываніе мѣстныя власти и сосредоточены солдаты гарнизона, и открытаго, неогороженнаго квартала, такъ называемаго маймачэна (мѣстечко для купли и продажи), гдѣ живутъ китайскіе купцы; вокругъ садовъ тамъ и сямъ разсѣяны юрты монголовъ. Въ 1870 году эти два города сильно пострадали отъ возстанія дунганъ: Кобдо, имѣвшій въ то время 6.000 жителей, былъ совершенно разграбленъ; въ Улясутаѣ инсургенты сожгли предмѣстья: другой городъ, Хахаръ-чэвъ, въ 200 километрахъ къ югу отъ Кобдо, былъ окончательно разрушенъ и пересталъ существовать. Несмотря, однако, на этотъ разгромъ, торговля теперь снова достигла весьма значительнаго развитія въ этой области Монголіи: изъ одного только Кобдо китайскіе негоціанты отправляютъ каждый годъ въ провинцію Ганьсу стада барановъ, заключающія болѣе 200.000 головъ. Что касается населенія городовъ, то оно не можетъ быстро возрастать: монголы приходятъ въ городъ лишь въ качествѣ временныхъ посѣтителей, а китайцы, не имѣя

[1]) Бичуринъ; — Тимковскій; — Пржевальскій.
[2]) Матусовскій; — Позднѣевъ.

права приводить съ собой своихъ женъ, не могутъ основывать постоянныхъ поселеній [1]).

Истинная столица всей сѣверной Монголіи есть городъ Урга, по-монгольски Богдо-курень или Да-курень, т. е. «Большое поле» или «Священная ограда». Онъ построенъ на сибирской покатости Монголіи, въ бассейнѣ рѣки Толы, воды которой соединяются черезъ Орховъ съ Селенгой и теряются въ Байкальскомъ озерѣ. На сѣверѣ тянется цѣпь холмовъ съ пологими скатами, кое-гдѣ поросшими ельникомъ, тогда какъ прямо противъ города поднимаются крупные склоны настоящей горы, въ 600 метровъ высотою, горы, которой дали названіе Ханъ-ула или «Царская гора», и въ честь генія которой ежегодно дѣлаются торжественныя жертвоприношенія [2]). Урга занимаетъ значительное пространство. Собственно курень или окруженный стѣнами городъ, гдѣ находится одинъ изъ трехъ дворцовъ хутухты, «живаго Будды» Монголіи, раскинулся въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ рѣки Толы: это лабиринтъ дворовъ и переулковъ, гдѣ ламы,—въ числѣ 10.000 человѣкъ, а можетъ быть и больше,—разставили свои палатки и выстроили свои глиняныя мазанки, надъ которыми высоко поднимаются позолоченные куполы храмовъ: въ этой же оградѣ помѣщается высшее училище, нѣчто въ родѣ университета, состоящее изъ трехъ факультетовъ—медицинскаго, богословскаго и астрологическаго. Торговый посадъ или маймачэнъ расположенъ на востокъ отъ куреня: здѣсь имѣютъ пребываніе китайскіе купцы, въ числѣ около 4.000 человѣкъ, и располагаются станомъ русскіе чайные караваны съ своими бурятскими вожаками верблюдовъ: въ этой части города говорятъ коммерческимъ жаргономъ, представляющимъ смѣсь монгольскаго языка съ различными нарѣчіями Китая и Сибири [3]). Наконецъ въ послѣднее время выстроился новый кварталъ, кварталъ русскаго консульства, гдѣ складываются чаи и другіе товары (транзитъ чаевъ въ Ургѣ въ 1896 г.: 345.347 ящиковъ [4]). Въ этомъ-то консульствѣ, учрежденномъ въ 1861 году, была снаряжена большая часть русскихъ, научныхъ и торговыхъ экспедицій, совершенныхъ черезъ Монголію. Часть окружающей городъ равнины была преобразована китайскими огородниками въ великолѣпный садъ. Черезъ каждые три года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Ургѣ происходитъ большая ярмарка для всей Монголіи; въ это время собирается до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, которые располагаются въ палаткахъ на равнинѣ.

Между городами Монголіи Ургa замѣчательна тѣмъ, что къ ней сходится наибольшее число торговыхъ путей. Будучи главнымъ этапнымъ пунктомъ на большой дорогѣ чайной торговли, между Кяхтой, на сѣверѣ, и Калганомъ, у воротъ Великой стѣны, Урга соединена въ то же время съ Кобдо и Улясутаемъ, съ городами провинціи Ганьсу, съ городами Маньчжуріи, почтовыми дорогами, на которыхъ устроена правильная гоньба, но которыя обыкновенно періодически перемѣщаются съ перемѣной временъ года, для того, чтобы почтовыя лошади находили свѣжій кормъ въ продолженіе всего года. На этихъ торговыхъ трактахъ расположены, въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго, стойбища изъ пятнадцати до двадцати юртъ, подъ надзоромъ станціоннаго смотрителя, получающаго жалованье отъ китайскаго правительства и обязаннаго доставлять безвозмездно лошадей проѣзжающимъ и давать имъ помѣщеніе на ночь. Въ силу трактатовъ, заключенныхъ въ 1859 и въ 1860 годахъ между Россіей и Китаемъ, русское правительство получило право устроить и содержать на свой счетъ почтовую службу между Кяхтой и Тянь-цзинемъ по ургинской дорогѣ. Въ каждомъ изъ городовъ, лежащихъ на этомъ трактѣ, въ Ургѣ, въ Калганѣ, въ Пекинѣ, въ Тянь-цзинѣ, имѣетъ пребываніе русскій чиновникъ, которому поручено заботиться о безостановочной отправкѣ товаровъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, и о перевозкѣ проѣзжающихъ, черезъ каждые десять дней; среднимъ числомъ, продолжительность переѣзда между конечными пунктами пути составляетъ около двухъ недѣль.

Древняя столица громадной имперіи монголовъ, Кара-корумъ находился въ томъ же рѣчномъ бассейнѣ, какъ и современный намъ городъ племени. Часто удивлялись, что главная резиденція монгольскихъ государей могла продержаться въ теченіе двухъ третей столѣтія среди этихъ утомительно однообразныхъ равнинъ верхняго бассейна Селенги, и что она не была на первыхъ же порахъ переведена въ какую-нибудь болѣе живописную мѣстность, на берега большой рѣки, или въ плодоносную равнину; но это объясняется тѣмъ, что монгольскимъ завоевателямъ всего нужнѣе и удобнѣе была ихъ родимая степь, откуда они быстро могли дѣлать свои внезапные набѣги, съ одной стороны къ равнинамъ Китая, съ другой къ равнинамъ западной Азіи. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, когда дѣло завоеванія было кончено и когда громадная имперія распалась на два царства, восточное и западное, сохраненіе Кара-корума, какъ столицы, не имѣло болѣе смысла, и его смѣнили другіе города, каковы Пекинъ и Самаркандъ. Го-

[1]) „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества", 1874 годъ, № 1.

[2]) Принцъ;—Радловъ;—Матусовскій;—Неѣ Эліасъ;—Семеновъ и Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера";—„Journal of the Geographical Society", 1873.

[3]) О. Іакинфъ Бичуринъ, „Достопримѣчательности Монголіи";—Russel-Killough, „Seize mille lieues etc.";—Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie".

[4]) *„Вѣстникъ Финансовъ"*, 1897 г.

инъ или Хоринъ (Кара-курень или «Черное оле», «Черный городъ») упоминается китай-кими лѣтописями уже въ восьмомъ столѣтіи шего лѣтосчисленія; быть можетъ, Чингисъ-анъ устроилъ тутъ одинъ изъ своихъ глав-

Южныя ворота Великой стѣны.

ыхъ становъ, но это поселеніе сдѣлалось сто-ицей имперіи только въ 1234 году: въ этомъ оду Октай-ханъ велѣлъ огородить его стѣной. Европейскіе путешественники Лонжюмель, Ру-рукъ, видѣли тамъ монгольскаго хана во всей его славѣ, въ то время, когда при его дворѣ толкались авантюристы всѣхъ націй и религій, буддисты, мусульмане и христіане: какой-то мастеръ изъ Парижа, по имени Гильомъ, украшалъ его сады и устраивалъ въ нихъ изящ-ные фонтаны, откуда вино, молоко, кумысъ, сикеръ (родъ пива у древнихъ) лились струей въ серебряные бассейны [1]). Впрочемъ Кара-

[1]) Guillaume de Rubruk, édition d'Avezac., „Recueil

корумъ никогда не былъ большимъ городомъ. Валъ монгольскаго или внутренняго города имѣлъ всего только 5 ли, или около 2-хъ съ половиной километровъ въ окружности по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, 3 мили по словамъ Марко Поло, и наибольшая часть огороженнаго пространства состояла изъ дворцовъ и храмовъ, окруженныхъ обширными передними дворами и площадками. Внѣ ограды находились два другіе города, маймачэнъ китайцевъ и базаръ мусульманъ; но эти торговые кварталы, какъ кажется, были не очень обширны и важны: «городъ этотъ будетъ похуже мѣстечка Сенъ-Дени (во Франціи)», говорилъ Рубрукъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «Черный курень», послѣ того какъ его покинули ханы, скоро исчезъ изъ числа городовъ. Долгое время даже никто не зналъ, кромѣ кочевниковъ племени халха, гдѣ находится мѣсто, на которомъ стояла древняя столица. Д'Анвиль помѣщалъ развалины Кара-корума на самой границѣ Гоби, близъ солянаго озера Курганъ-уленъ; Ремюза искалъ ихъ гораздо сѣвернѣе, около истоковъ рѣки Орхонъ, приблизительно въ 400 километрахъ къ юго-западу отъ Урги: и дѣйствительно, Падеринъ нашелъ ихъ недалеко оттуда, въ одной равнинѣ, по которой протекаетъ Орхонъ, километрахъ въ десяти къ юго-востоку. Тамъ видны остатки зубчатой стѣны, имѣвшей около пятисотъ шаговъ длины въ каждой сторонѣ, и внутри которой сохранились еще кое-какіе обломки стѣнъ построекъ [1]). Вопросъ о нахожденіи остатковъ Кара-курума вызвалъ, какъ извѣстно, снаряженіе особой экспедиціи академика Радлова въ 1891 году. См. Труды Орхонской экспедиціи.

Къ востоку отъ Урги область, по которой протекаютъ рѣки Кэрулэнъ и Хайларъ, и восточная часть которой причисляется въ административномъ отношеніи къ Маньчжуріи, не имѣетъ многолюдныхъ городовъ, а только мѣстечки, представляющія нѣкоторую важность, какъ главные города аймаковъ и сборные пункты для мѣновыхъ торговцевъ: между этими рынками наиболѣе посѣщаемые—Кэрулэнъ, Ганчжуръ и Хайларъ два изъ нихъ, носящіе имена рѣкъ, при которыхъ они стоятъ. Буддистскіе монастыри, существующіе въ этихъ мѣстечкахъ, извлекаютъ пользу изъ этого торговаго движенія.

Главный потокъ торговой дѣятельности, естественно, долженъ былъ направиться на югъ Монголіи, въ области, теперь присоединенныя въ административномъ отношеніи къ провинціямъ Шань-си и Чжи-ли, гдѣ китайцы, «пожиратели татаръ», поселившіеся многочисленными колоніями, основали свои промышленные города. Одинъ изъ этихъ рынковъ южной Монголіи есть городъ Сарачи, построенный на рѣкѣ, которая впадаетъ въ Хуанъ-хэ близъ ея большой сѣверо-восточной дуги. Къ востоку оттуда лежитъ другой городъ, Гуй-хуа-чэнъ, занимающій одну изъ нижнихъ террасъ плоскогорья, въ небольшомъ бассейнѣ, воды котораго спускаются на юго-западъ къ Хуанъ-хэ, впадая въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, обходя территорію племени ордосовъ, принимаетъ южное направленіе. Этотъ городъ, называемый монголами Куку-хото или «Голубымъ городомъ», имѣетъ важное значеніе, какъ рынокъ, гдѣ оканчивается торговая дорога, идущая изъ Улясутая, изъ Кобдо и изъ Чжунгаріи [2]). Какъ всѣ монгольскіе города, Куку-хото состоитъ изъ двухъ частей: изъ города военнаго и религіознаго и изъ города торговаго, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго площадями и садами. «Голубой городъ» былъ, до конца прошлаго столѣтія, резиденціей главнаго монгольскаго ламы, который нынѣ царитъ въ ургинскомъ дворцѣ; но и теперь еще въ Куку-хото живетъ хубильганъ, и этотъ городъ все еще служитъ мѣстопребываніемъ главныхъ буддійскихъ университетовъ Монголіи; по словамъ Гюка, не менѣе 20.000 студентовъ и ламъ наполняютъ школы и монастыри священнаго града. Какъ торговый центръ, Куку-хото особенно важенъ по торговлѣ скотомъ и его продуктами; главныя отрасли мѣстной промышленности—разработка ломокъ мрамора и копей каменнаго угля [3]), дубленіе кожъ и тканье верблюжей шерсти; почти всѣ толстые канаты изъ этой шерсти, отправляемые въ Тянь-цзинь для лондонскаго и нью-іорскаго рынковъ, получаются изъ Куку-хото: вычислено, что они представляютъ собой ежегодно стрижку около 200.000 верблюдовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Голубой городъ» есть, на монгольской территоріи, главное складочное мѣсто для товаровъ, отправляемыхъ въ Тянь-цзинь черезъ китайскій городъ Калганъ или «Ворота», на внѣшней Великой стѣнѣ. Равнымъ образомъ производится торговля кирпичнымъ чаемъ между Хань-коу и Сибирью, черезъ долину Хань-цзяна, провинцію Шань-си и городъ Куку-хото [4]).

Значительныя развалины до сихъ поръ еще видны на востокъ отъ этого города, близъ края террасы, откуда можно окинуть взоромъ долины внутренней Монголіи. Это остатки двухъ городовъ—Хара-хото или «Чернаго города» и Цаганъ-хото или «Бѣлаго города», изъ которыхъ первый очень древній, а второй былъ построенъ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, чтобы служить столицей Монгольской имперіи [5]);

de voyages et de Mémoires publiés par la Société de Géographie", tome IV.

[2]) *Robert Michell*, „Geographical Magazine", іюнь 1874 г.

[1]) Key Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1873.

[2]) Armand David; — Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 15 mars 1871.

[3]) „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient", 1881.

[4]) Fr. von Richthofen, „Letters on Chili, Shansi", etc.; — Clement Allen, „Commercial Reports on China", 1879.

это городъ Цаганъ-норъ, черезъ который проѣзжалъ Марко Поло [1]). Въ томъ же округѣ, въ 50 километрахъ къ востоку отъ развалинъ Цаганъ-хото, находится китайская деревня Сиванъ-цзы главный пунктъ католическихъ миссій въ Монголіи. Въ 1873 году число монголовъ-католиковъ, причисленныхъ къ этой епархіи, опредѣляли въ 12.000 человѣкъ [2]).

Не менѣе Куку-хото важенъ городъ Долонъ-норъ, лежащій на высотѣ слишкомъ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, въ юго-восточномъ углу плоскогорья, тамъ, гдѣ невысокіе хребты указываютъ начало горной цѣпи Большой Хинганъ; этотъ городъ командуетъ также нѣкоторыми изъ самыхъ узкихъ проходовъ, спускающихся съ «Земли травъ» къ берегамъ Желтаго моря. Монгольское названіе его Долонъ-норъ, означающее «Семь озеръ», произошло отъ лужъ, которыя теперь засыпаны песками пустыни; китайцы же называютъ его Лама-мяо или «Могилой ламы», въ память капища, которое тутъ велѣлъ соорудить императоръ Канъ-си. Долонъ-норъ не обнесенъ каменной стѣной; но, какъ всѣ другіе города монгольскаго плоскогорья, онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей—города монастырей и храмовъ, и города лавокъ. Дѣятельный торговый пунктъ, населенный преимущественно выходцами изъ провинціи Шань-си, которые приходятъ сюда обогащаться на счетъ простодушныхъ монгольскихъ пастуховъ, Долонъ-норъ есть въ то же время мануфактурный городъ; здѣсь выдѣлываютъ съ большимъ искусствомъ статуи и всякаго рода украшенія изъ желѣза и изъ позолоченной мѣди, для монастырей и кумиренъ Монголіи; величественный идолъ Будды, имѣющій болѣе 10 метровъ въ вышину, который теперь красуется въ главномъ храмѣ г. Урги, былъ перенесенъ туда изъ Долонъ-нора черезъ пустыню Гоби [3]). Долонъ-норъ важенъ какъ конскій рынокъ, гдѣ ремонтеры китайской кавалеріи ежегодно скупаютъ много лошадей [4]).

Шань-ду или «Верхній дворъ», который наслѣдовалъ «Бѣлому городу» и Кара-коруму, какъ резиденція хановъ, и гдѣ Хубилай-ханъ построилъ мраморный и бамбуковый дворцы, описанные у Марко Поло. находится среди пустынной мѣстности, километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Долонъ-нора. Прозвище, которое ему обыкновенно даютъ монголы, «Городъ ста восьми храмовъ», произошло отъ религіозныхъ зданій, которыя нѣкогда господствовали своими куполами надъ массой домовъ, столь же многочисленныя, какъ томы священной книги Гань-чжуръ и какъ зерна молитвенныхъ четокъ. Но эти строенія лежатъ теперь въ развалинахъ, и двойная ограда, окружающая эти груды мусора, поросла травой и кустарникомъ. Небольшой монастырь, построенный за чертой древняго города, и нѣсколько монгольскихъ юртъ, разбитыхъ на берегу рѣчки, суть единственныя жилища, которыя въ наши дни замѣняютъ «городъ съ сотней храмовъ». Пространство, обведенное земляным, обросшимъ травой, валомъ и обнимающее площадь по меньшей мѣрѣ въ двѣнадцать квадратныхъ километровъ, есть, вѣроятно, тотъ чудесный паркъ, о которомъ говоритъ Марко Поло; но, понятно, мы не увидимъ тамъ болѣе ни фонтановъ и искусственныхъ рѣчекъ, ни луговъ и лѣсовъ, описываемыхъ знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ [1]).

Гораздо обширнѣе былъ Джегольскій паркъ (Вэй-чанъ), въ юго-восточной области внутренней Монголіи: эта лѣсная область, населенная дикими звѣрями, обнимала, на пространствѣ многихъ десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ, долины и холмы, которые простираются отъ монгольскаго плоскогорья до палисада Маньчжуріи: здѣсь-то паслись табуны десяти тысячъ бѣлыхъ, безъ малѣйшаго пятнышка, лошадей, представленныхъ въ видѣ дани императору Канъ-си; члены императорской фамиліи и нѣкоторыя привилегированныя лица только одни имѣли право пить вмѣстѣ съ нимъ молоко отъ кобылицъ этого отборнаго стада. Городъ Джеголъ, Шэ-хэръ или Чэнъ-дэ-фу — называемый также въ нѣкоторыхъ китайскихъ документахъ Жэ-хэ, т. е. «Теплая рѣка», по причинѣ горячаго ключа, бьющаго изъ земли въ паркѣ, — есть столица этой страны, которую китайцы и осѣдлые монголы быстро завоевываютъ для земледѣлія; онъ прославился лѣтнимъ императорскимъ дворцомъ, богато украшеннымъ произведеніями искусства и въ особенности инкрустированными деревянными издѣліями; это зданіе, построенное въ 1703 году, по образцу Пекинскаго дворца, служило убѣжищемъ императорской фамиліи, когда союзныя англо-французскія войска овладѣли столицей Китая, послѣ сраженія при Па-ли-цяо. Главный храмъ этой резиденціи представляетъ, по своему архитектурному стилю, подражаніе капищу, которое высится на священной горѣ Потала [2]), въ Лассѣ, тогда какъ другой храмъ, напоминаетъ тибетскую кумирню, господствующую надъ городомъ Шигатзэ. Другой значительный городъ этой области, Ба-гоу или Пинъ-цюань-чжоу, лежащій въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Жэ-хэ, состоитъ изъ одной улицы, растянувшейся верстъ на восемь въ длину и окаймленной съ обѣихъ сторонъ фруктовыми садами и огородами: здѣсь находится центръ шелководственной

[1]) О. Іакинѳъ Бичуринъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“,—Yule, „The life of ser Marco Polo.
[3]) Гюкъ,—Пржевальскій,—Бушель.
[4]) Бородовскій, „Хинганская экспедиція“.

[1]) Bushell, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874; — Путята.
[2]) Edkins, „North China branch. of Asiatic Journal“ 1866.

промышленности во внутренней Монголіи [1]). Дзынъ-цынъ, лежащій гораздо сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Шара-мурэнь,—тоже торговый городъ, посѣщаемый мѣховыми торговцами, которые пріѣзжаютъ сюда въ большомъ числѣ закупать шкуры тигровъ и другихъ пушныхъ животныхъ: здѣсь мы находимся уже на границахъ сѣверныхъ областей еще слабо населенныхъ. Однако, и въ этой странѣ можно встрѣтить многолюдные монастыри. Такъ, одна кумирня, Гыгенъ-сумэ или «Храмъ живаго Будды», находящаяся въ этой сѣверной области внутренней Монголіи, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ, какъ говорятъ, не менѣе 5.000 жрецовъ.

Города Монголіи, съ вѣроятной цифрой ихъ населенія, суть:

Сѣверная Монголія: Кобдо—3.000 жит., въ 1868 г.; по Ней-Эліасу. Улясутай—3.000 жит., въ 1868 г.; по Ней-Эліасу. Урга—30.000 жит., въ 1870 г.; по Пржевальскому. Кэруленъ—1,500 жит., въ 1871 г.; по Лосеву.

Южная Монголія, причисленная къ провинціи Шань-си. Куку-хото—30.000 жит., въ 1870 г.; по Гюку.

Внутренняя Монголія, причисленная къ провинціи Чжи-ли. Чанъ-дэ-фу—40.000 жит.; Долонъ-норъ(Лама-міао)—10.000,въ1891г.;по Бородовскому. Пинъ-цюань-чжоу—20.000; по Путятѣ.

V. Китайская Маньчжурія [2]).

На сѣверѣ, сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ Китайская Маньчжурія имѣетъ точныя границы, которыя опредѣлило русское правительство, именно теченіе р. Аргуни, Амура и притока послѣдняго, Уссури; на юго-востокѣ горныя цѣпи, пространства и воды рѣкъ Тумынь-улы и Ялу-цзяна отдѣляютъ маньчжурскую территорію отъ Кореи; на югѣ воды Желтаго моря омываютъ берега полуострова Ляодунъ; но на западѣ Маньчжурія не отдѣляется, со стороны Монголіи, никакимъ естественнымъ рубежемъ. Въ то время, какъ сѣверо-восточная часть «Земли травъ», на западѣ отъ хребта Большой Хинганъ, причисляется къ Маньчжуріи, лѣсистыя области и всѣ мѣстности верхняго бассейна рѣки Шара-мурэнь вошли въ составъ Монголіи. Когда-то «изгороди изъ пняка» обозначали раздѣльную линію между этой частью монгольской территоріи и южной Маньчжуріей; но эти живыя изгороди давно уже не существуютъ. Туземцы, правда, показываютъ тамъ и сямъ нѣсколько рядовъ деревьевъ, о которыхъ они говорятъ, что это—остатки насажденій, сдѣланныхъ въ эпоху богдыхана Канъ-си [1]); но въ настоящее время невозможно распознать ни малѣйшаго плана въ группировкѣ лѣсковъ, которые видны по обѣ стороны древней границы, въ двухъ маньчжурскихъ провинціяхъ, Мукденской и Гириньской. Весьма вѣроятно, что эти барьеры изъ живыхъ деревьевъ и частокола, которые нѣкогда китайцы, японцы, корейцы устраивали взапуски другъ передъ другомъ, не имѣли никакой стратегической цѣли, ибо, въ случаѣ нападенія, ихъ все равно, невозможно было бы защищать: они были нѣчто въ родѣ волшебнаго круга, начертаннаго вокругъ страны и поставленной подъ покровительство добрыхъ геніевъ. Въ былыя времена взаимные набѣги различныхъ племенъ, маньчжурскихъ и монгольскихъ, съ обѣихъ сторонъ естественной границы, образуемой Большимъ Хинганскимъ хребтомъ, опредѣлили условную границу, существующую въ наши дни между Монголіей и Маньчжуріей; но эти давленія кочевыхъ племенъ другъ на друга уже утратили всякую важность: въ настоящее время и тѣ, и другіе, маньчжуры и монголы, одинаково должны отступать передъ китайцами, которые не перестаютъ подвигаться впередъ съ юга на сѣверъ, и которые составляютъ уже наибольшую часть населенія страны. Сомнительно даже, чтобы одна двѣнадцатая доля общаго числа жителей Маньчжуріи принадлежала къ той расѣ, отъ которой этотъ край получилъ свое названіе. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, пространство Маньчжуріи 600.000 квадратныхъ верстъ, населеніе 12.000.000 душъ, слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по 20 жителей на квадратную версту [2]).

Маньчжурская территорія естественнымъ образомъ дѣлится на двѣ противоположныя покатости: сѣверную, которая постепенно спускается къ Амуру и, черезъ эту рѣку, къ Охотскому морю; и южную, съ которой воды текутъ къ заливамъ Ляо-дунъ и Корейскому. Невысокій порогъ раздѣляетъ эти два ската и соединяется на западной сторонѣ съ монгольскимъ плоскогорьемъ посредствомъ полого спускающихся степей восточнаго Гоби, которыя во многихъ мѣстахъ представляютъ точно такой же видъ, какъ и «Земля травъ»: ихъ обширныя пустыни усѣяны впадинами и оврагами, въ которыхъ ручьи, бѣгущіе со ската Большаго Хингана, образуютъ лужи безъ стока. Но съ той и съ другой стороны этого порога замѣчается большая разница между сѣверной Маньчжуріей, которая составляетъ часть сибирскаго міра, и южной Маньчжуріей, которая по своему климату, земледѣльческой культурѣ и характеру населенія принадлежитъ къ Китаю.

[1]) Williamson, „Journeys in North China, Manchuria, and Eastern Mongolia"; — Бородовскій; — Путята.

[2]) Отдѣлъ этотъ почти совершенно передѣланъ, значительно дополненъ въ видахъ того живаго интереса, который получила Маньчжурія въ русскомъ обществѣ за *послѣднее время*. Прим. ред.

[1]) Эти разсказы относятся лишь къ восточной части ивовой изгороди, что же касается западной ея части, то, по свидѣтельству Джемса, происхожденіе ея восходитъ къ временамъ Минской династіи. Прим. ред.

[2]) Д. Позднѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи".

Съ восточной стороны хребетъ Большой Хинганъ, который ясно виденъ съ береговъ рѣки Нонъ или Нонни (притока Сунгари), кажется болѣе величественнымъ, нежели съ западной, гдѣ подошва его врѣзывается въ толщу монгольскаго нагорья; вулканы, открывшіеся нѣкогда на протяженіи этой горной цѣпи, выставляютъ свои конусообразныя верхушки у оконечности глубокихъ ущелій, которыя вырыли себѣ притоки рѣки Нонни, осѣненные большими деревьями. Но древніе конусы изверженія высятся также въ равнинахъ, по которымъ протекаетъ рѣка Нонни, и которыя нѣкогда были покрыты водами озеръ, нынѣ опорожнившихся. Въ долинѣ рѣчки У-да-линь, притока Нэмэра, который изливается въ Нонни между городами Мэргэнемъ и Цицикаромъ, поднимается группа холмовъ, вулканическаго происхожденія, называемая маньчжурами Уюнь-холдонги или «Девять бугровъ». Въ 1720 году

Скалы желтозема на рѣкѣ Хуанъ-хэ.

сильныя землетрясенія колебали почву окружающей страны и сопровождались, въ началѣ 1721 года, сильнымъ изверженіемъ, которое продолжалось болѣе года, и за которымъ слѣдовалъ второй взрывъ, болѣе слабый. Явленія этого изверженія были обстоятельно описаны пятью императорскими посланцами, которые въ разныя времена посѣщали горѣвшую подземнымъ огнемъ мѣстность, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно природы событія; разсказы, относящіеся къ появленію Монте-Нуово, на сѣверномъ берегу Неаполитанскаго залива, далеко не отличаются такой точностью, какъ наблюденія китайскихъ изслѣдователей изверженія на холмахъ Уюньхолдонги. На трещинѣ почвы, откуда выходили пары и лава, поднялись два конуса изъ вулканическихъ обломковъ, и самый высокій изъ этихъ конусовъ возвышается на 800 саж. надъ уровнемъ равнины, тогда какъ кратеръ его имѣетъ около версты въ окружности: четыре потока лавы вылились изъ этого вулкана, каждый на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ жерла, и одинъ изъ нихъ, остановивъ теченіе рѣки У-да-линь, превратилъ ее въ обширное озеро; послѣ того другой потокъ лавы врѣзался въ водную площадь и образовалъ среди нея длинную плотину или дамбу, которая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ была постоянно окутана клубами паровъ [1]) Архимандритъ Палладій, поднимаясь вверхъ по долинѣ рѣки Нонни, проходилъ въ сосѣдствѣ этихъ Девяти холмовъ, но онъ не могъ свернуть въ сторону отъ своей дороги, чтобы осмотрѣть ихъ вблизи; проводники его называли ихъ китайскимъ именемъ Лу-юань-шань, что значитъ «Сѣрныя горы»; дѣйствительно, эти горки заключаютъ въ себѣ богатыя мѣсторожденія сѣры, разработка которыхъ запрещена китайскимъ правительствомъ. Многіе другіе холмы этой долины тоже, очевидно, вулканическаго происхожденія; но о. Палладій не могъ узнать, были ли на нихъ наблюдаемы явленія вулканической дѣятельности. Въ этомъ отношеніи, «Девять пригорковъ» единственныя въ своемъ родѣ возвышенія въ Маньчжуріи. Существованіе вулканическихъ отдушинъ, производящихъ изверженія, на разстояніи около 1.000 верстъ отъ береговъ океана, составляетъ, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ области геологіи: мы имѣемъ тутъ очевидное доказательство того, что соленыя воды замкнутыхъ озеръ, какихъ есть нѣсколько въ Маньчжуріи, у основанія монгольскихъ степей, могутъ замѣнять воды моря въ химической работѣ, которая совершается въ нѣдрахъ земли и производитъ изверженія лавы.

На сѣверъ отъ бассейна, въ которомъ рѣка Нонни собираетъ свои первыя воды, гористая область соединяетъ монгольскій хребетъ Большой Хинганъ съ хребтомъ, который русскіе обыкновенно называютъ Малымъ Хинганомъ, тогда какъ у маньчжуровъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Даусэ-алинь. Горная страна, связывающая эти двѣ цѣпи, изображается подъ различными именами монгольскими, маньчжурскими, китайскими. О. Палладій, который проходилъ по ней, слышалъ, что ее всегда называли Хинь-ань-алинь: это, повидимому, то же самое наименованіе, какъ Хинганъ; на скатѣ, обращенномъ къ Амуру, ее обыкновенно называютъ Ильхури-алинь. Часто посѣщаемая дорога проходитъ черезъ эти горы между городами Мэргэнемъ и Айгуномъ. На самой возвышенной точкѣ прохода, среди поляны, окруженной большими лѣсами, стоитъ китайскій храмъ, принимающій путниковъ всѣхъ національностей имперіи, которые приходятъ преклонить колѣна передъ своими идолами; стражи этого святилища, изгнанники изъ «Цвѣтущаго царства», обязаны пещись о благополучіи прохожихъ и показывать имъ дорогу на тропинкахъ, иногда опасныхъ, или даже неприступныхъ въ весеннюю или лѣтнюю распутицу, во время таянія снѣговъ и проливныхъ дождей [1]). Высота этихъ горъ не была точно измѣрена русскими путешественниками [2]). По ихъ описаніямъ невѣроятно, чтобы какая-либо изъ вершинъ достигала высоты 1.500 метровъ. Хребетъ Даусэ-алинь, который тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку въ обширномъ полукругѣ, образуемомъ теченіемъ рѣкъ Нонни и Сунгари, и который продолжается, на сѣверѣ отъ прорыва Амура, сибирскими горами, прилегающими къ рѣкѣ Буреѣ, имѣетъ, въ этой сѣверной части цѣпи, всего только 1.050 метровъ высоты, въ кульминаціонной точкѣ Лагоръ-аулъ.

Главный хребетъ южной Маньчжуріи — Шань-янь-алинь, обыкновенно называемый китайцами Чанъ-бо-шань или «Длинная бѣлая гора», получившая такое наименованіе отъ блеска ея известковыхъ скалъ, такъ же, какъ и отъ вѣнчающей будто бы ея гребень діадемы льдовъ; самыя высокія ея вершины, около истоковъ Сунгари, поднимаются до 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря и не переходятъ за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ [3]). Въ своей совокупности эта горная цѣпь развивается довольно правильно по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ сліянія Амура и Уссури до мыса Лао-тѣ-шань, которымъ она оканчивается среди водъ Желтаго моря. На этомъ огромномъ протяженіи, около 1.500 километровъ, главный хребетъ неоднократно

[1]) Проф. Васильевъ, „Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества“, за 1855 г.;—Семеновъ, „Дополненіе къ *землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера*“, т. I.

[1]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, 1871.

[2]) Высота кумирни Лао-тѣ-мяо на перевалѣ М. Хинганъ по Усольцову опредѣляется въ 1.158 фут. Прим. ред.

[3]) Джемсъ;—Позднѣевъ.

мѣняетъ названіе и развѣтвляется многочисленными отрогами между рѣчными долинами; но онъ сохраняетъ свое нормальное направленіе, параллельное направленію другихъ большихъ цѣпей страны, на западѣ Монгольскаго Хингана, на востокѣ хребта Сихотэ-алинь, идущаго вдоль русскаго прибрежья. Бай-тоу-шань—высшая точка Чанъ-бо-шаня, какъ говорятъ, частію вулканическаго происхожденія, и въ центральной ея части находится озеро, наполняющее древній кратеръ, стѣнки котораго имѣютъ до 500 футовъ высоты [1]). Маньчжурскіе поэты, и между ними знаменитый императоръ Цянь-лунъ, воспѣваютъ горы Чанъ-бо-шань, какъ священную родину ихъ предковъ и въ то же время какъ страну прекраснѣйшую въ мірѣ по ея лугамъ и лѣсамъ, по ея источникамъ и рѣкамъ, по чистому воздуху, которымъ тамъ дышешь, и яркому свѣту, который тамъ разливаетъ небо.

Другія, менѣе важныя, горныя цѣпи, которыя поднимаются надъ равнинами, между Шань-янь-алинемъ и Хинганомъ, оріентированы въ томъ же направленіи, какъ почти всѣ возвышенія и пониженія почвы въ этой части восточной Азіи. Одинъ изъ наиболѣе правильныхъ между этими хребтами тотъ, который господствуетъ на западѣ надъ долиной рѣки Ляо-хэ, и который тянется вдоль западнаго берега залива Ляо-дунъ до мыса, у подножія котораго оканчивается Великая стѣна, омывая въ волнахъ моря свой послѣдній бастіонъ. Эта береговая цѣпь, извѣстная подъ разными именами, принимаетъ, около своей сѣверной оконечности, названіе Гуанъ-нинъ-шань, отъ города, лежащаго въ одной изъ долинъ ея подошвы; нѣсколько потухшихъ вулкановъ возвышаются въ сосѣдствѣ этихъ горъ. Горы Гуанъ-нинъ, такъ же, какъ хребетъ Чанъ-бо-шань, были во всѣ времена предметомъ почитанія, какъ хранители Маньчжуріи, ибо, по древнему вѣрованію, горы даютъ болѣе устойчивости странѣ давленіемъ, производимымъ ими на почву, и доставляютъ самимъ жителямъ, посредствомъ таинственнаго вліянія, власть и силу удерживать за собой обладаніе краемъ; уже во времена династіи Чжоу гора И-ву-люй, одна изъ вершинъ этой цѣпи, считалась однимъ изъ девяти стражей и патроновъ имперіи [2]). Точно также императоры послѣдующихъ династій помѣщали горы Гуанъ-нинъ въ число покровителей китайскихъ провинцій и иногда не упускали случая дѣлать имъ жертвоприношенія, чтобы пріобрѣсти ихъ благосклонность. И теперь еще показываютъ, на самой высокой вершинѣ этой цѣпи пустынь, гдѣ одинъ изъ богдыхановъ, наиболѣе прославляемыхъ историками Китая, Янь-ху-анъ (Jenhouang), провелъ большую часть своей жизни, окруженный книгами и рукописями.

Двѣ главныя рѣки Маньчжуріи, хотя весьма неравныя по объему воды, походятъ одна на другую симметріей своихъ долинъ. Эти рѣки текутъ въ противоположномъ направленіи, описывая каждая полуокружность замѣчательной правильности: верхняя Нонни, главная вѣтвь Сунгари, соотвѣтствуетъ Шара-мурэни, который есть не что иное, какъ верхній Ляо-хэ, а нижняя Сунгари воспроизводитъ такую же кривую, описываемую приморскимъ Ляо-хэ. Между этими двумя рѣками, низкая терраса восточнаго Гоби, покрытая желтоземомъ, усѣянная лужами стоячей воды, постепенно размывается на своихъ окраинахъ, гдѣ воды вырываютъ расходящіяся долины [1]).

Извѣстно, что Сунгари или «Молочный цвѣтокъ»,—получившая такое названіе отъ бѣлаго цвѣта ея водъ,—считается маньчжурами и китайцами главной рѣкой общаго бассейна, который она образуетъ вмѣстѣ съ Амуромъ. И дѣйствительно, по направленію своей долины, идущей параллельно хребтамъ Хингану и Чанъ-бо-шаню и самой оси всей сѣверо-восточной Азіи, Сунгари несомнѣнно должна быть признана первенствующимъ потокомъ бассейна, но она уступаетъ Амуру какъ по длинѣ теченія, такъ и по обилію жидкой массы; только лѣтомъ она превосходитъ своего соперника, благодаря обильнымъ осадкамъ отъ лѣтнихъ муссоновъ на Бѣлыхъ горахъ. Кромѣ того, твердыя землистыя частицы, которыя она приноситъ въ изобиліи, и отъ которыхъ прозрачная до того вода Амура тоже дѣлается мутной, ниже сліянія, придаютъ ей кажущееся превосходство: бѣловатый цвѣтъ ея волнъ сообщается долго всему соединенному потоку. Во многихъ мѣстахъ Сунгари имѣетъ болѣе 2 километровъ ширины между своими тинистыми берегами, гдѣ міріадами гнѣздятся ласточки; въ періодъ разливовъ эта рѣка принимаетъ видъ моря въ движеніи, усѣяннаго безчисленными островами, гдѣ находятъ убѣжище несмѣтныя стаи дикихъ гусей, лебедей и утокъ; барки заблуждаются въ лабиринтѣ каналовъ, отыскивая настоящій берегъ. Какъ историческій путь черезъ континентъ, Амуръ пріобрѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ Сунгари, такъ какъ онъ носитъ на своихъ водахъ суда русскихъ къ Тихому океану и связываетъ Восточную Сибирь съ остальной частью Россійской имперіи; но Амуръ еще и до нынѣ протекаетъ по настоящимъ пустынямъ, въ сравненіи съ плодородными и населенными мѣстностями, орошаемыми Сунгари, по крайней мѣрѣ, въ средней части ея теченія. Торговое движеніе также несравненно значительнѣе на маньчжурской рѣкѣ, гдѣ передъ наиболѣе многолюдными городами

[1]) О. Палладій;—Delman Morgan, „Proceedings of the Geographical Society". 1872.

[2]) Edouard Biot, „Le Tchéou-li".

[1]) Fr. von Richthofen, „China".

барки должны съ большимъ трудомъ пробираться сквозь цѣлыя флотиліи стоящихъ на якорѣ судовъ. Для барокъ, сидящихъ на водѣ не глубже 3-хъ футовъ, Сунгари судоходна на протяженіи, по меньшей мѣрѣ 1.500 километровъ, отъ города Гириня до устья; Нонни, главный притокъ бассейна, тоже носитъ барки такого же водоуглубленія до Цицикара и даже выше этого города; наконецъ, рѣка Хурха или Муданьцзянъ, впадающая въ Сунгари у города Саньсина, доступна только мелкимъ судамъ. Однако, судоходство, которое производится по всѣмъ этимъ рѣкамъ, можетъ имѣть лишь мѣстную важность: большой крюкъ, который дѣлаетъ Сунгари въ западномъ направленіи, между городами Гиринемъ и Сань-синомъ, до такой степени замедляетъ перевозку товаровъ, что почти всѣ грузы отправляются прямо по сухопутнымъ сообщеніямъ [1]). Первый пароходъ, который поднимался вверхъ по Сунгари, былъ тотъ, на которомъ совершили свою поѣздку въ предѣлы Китайской имперіи русскіе изслѣдователи Усольцевъ и Кропоткинъ, въ 1864 году. Съ этого года до 1894 русскіе пароходы не появлялись на Сунгари, но въ настоящее время они уже перевозятъ грузы Китайской восточной дороги.

Шара-мурэнь или «Желтая рѣка», получающая начало на плоскогорьяхъ Монголіи и текущая вдоль южной окраины пустынной террасы, на которую опирается восточное основаніе хребта Хинганъ, становится судоходной, въ періодъ разлива, только ниже того мѣста, гдѣ она вступаетъ, подъ именемъ Ляо-хэ, въ провинцію Шэнъ-цзинъ, уже чисто китайскую. Въ нижней части своего теченія она достаточно глубока, чтобы принимать суда, имѣющія около 3 метровъ водоизмѣщенія, а приходящіе съ моря купеческіе корабли, вспомоществуемые морскимъ приливомъ, который можетъ подниматься до 3 съ половиною метровъ, проходятъ баръ Ляо-хэ и поднимаются вверхъ по рѣкѣ до порта Инъ-коу или Инъ-цзы. Приносимыя рѣкою твердыя землистыя частицы постепенно образовали, при впаденіи ея въ море, равнину въ ущербъ поверхности Ляо-дунскаго залива; даже въ историческія времена аллювіальныя земли захватили значительное пространство на мелкихъ водахъ залива; по мѣстному преданію, городъ Ню-чжуанъ стоялъ прежде у самаго устья; изъ вѣка въ вѣкъ онъ долженъ былъ устраивать себѣ передовые порты, по мѣрѣ того какъ устье выдвигалось все далѣе въ море и какъ самъ онъ оставался внутри материка, среди болотъ, постепенно преобразовываемыхъ въ культурныя пространства. Рѣчные наносы, которымъ, быть можетъ, помогаетъ также общее поднятіе страны, усѣяли дно Ляо-дунскаго залива мелями и островками, сильно затрудняющими плаваніе судовъ [1]). Долина рѣки Ляо-хэ во всѣ времена имѣла очень важное значеніе, какъ историческій путь: этой дорогой маньчжуры спускались къ прибрежью Желтаго моря, чтобы вторгаться въ предѣлы Китая, а китайскія арміи поднимались на сѣверъ къ бассейну Сунгари, къ границамъ Кореи; оттого-то императоры во всѣ времена учреждали бдительный надзоръ за безопасностью этой долины, и тамъ видны до сихъ поръ, въ сосѣдствѣ города Мукденя, остатки валовъ и укрѣпленій, имѣвшихъ истинную стратегическую важность [2]). Въ настоящее время долина Ляо хэ получила исключительную цѣну въ политическомъ отношеніи, такъ какъ она представляетъ Маньчжуріи единственный существующій для нея выходъ къ морю. По странной непредусмотрительности, или, быть можетъ, потому, что оно тогда не считало себя достаточно сильнымъ, чтобы воспротивиться волѣ Россіи, китайское правительство лишилось всѣхъ портовъ на прибрежьѣ Тихаго океана, къ сѣверу отъ Кореи, такъ что теперь торговыя сношенія бассейна Сунгари съ другими странами, кромѣ Сибири, должны производиться исключительно черезъ нижнюю долину рѣки Ляо-хэ, или заимствоваться чужой русской территоріей; именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверная Маньчжурія находила бы свои лучшіе выходы къ Японскому морю, то-есть на берегу заливовъ Петра Великаго, русскіе и основали свои морскія станціи для наблюденія за Китаемъ.

Маньчжурія представляетъ большое разнообразіе вида и характера мѣстности: въ ней есть и пустыни, и луга, и полевыя области, и густые, вѣтвистые лѣса. Пространство около 100.000 квадратныхъ километровъ, которое простирается на востокѣ Большаго Хингана, отъ рѣки Шара-мурэнь до подошвы передовыхъ горъ цѣпи Даусэ-алинь, какъ извѣстно, причисляется къ Монголіи, и иногда ему даютъ названіе Восточнаго Гоби; хребетъ Шань-яньалинь, который поднимается высокой стѣной на юго-востокѣ, задерживаетъ на проходѣ дождливые муссоны Тихаго океана и заставляетъ ихъ отдать почти всю приносимую ими влажность, такъ что они продолжаютъ свой путь по другую сторону горъ уже значительно лишенные паровъ: понятно, что подъ этимъ насушеннымъ воздушнымъ теченіемъ, съ которымъ чередуются сѣверо-западные вѣтры, еще болѣе сухіе, почва не можетъ быть плодородной, и воды, которыя изливаются на нее, должны застаиваться въ видѣ соляныхъ лужъ. Но между этой областью безплодныхъ степей или

[1]) *Williamson, цитированное сочиненіе.*

[1]) Michie, „Journal of the Geographical Society of London", 1863.

[2]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества", томъ IV, 1871 г.;—Richthofen, „Letter on the provinces of Tchekiang and Kyankwei".

пустынь и тѣми пространствами, гдѣ муссоны свободно орошаютъ землю своими ливнями, и гдѣ, слѣдовательно, растительность достигаетъ могучаго пышнаго развитія, мы наблюдаемъ здѣсь всевозможныя переходныя степени климата и почвы. Въ бассейнѣ Сунгари разстилаются обширныя травныя степи подобныя тѣмъ, что и на берегахъ Амура; травы, покрывающія эта луга, поднимаются выше роста человѣческаго, до 3 метровъ вышины, и своими верхушками мѣшаются съ листвой кустарниковъ и деревьевъ: человѣкъ долженъ съ топоромъ въ рукѣ прочищать себѣ дорогу сквозь эти лѣса травъ и кустовъ, если счастливый случай не наведетъ его на тропинки, протоптанныя дикими звѣрями. На большой части горъ сѣверной Маньчжуріи скаты покрыты зеленью до самой вершины; лѣса наполняютъ промежуточныя долины, и дубы, вязы, ивы достигаютъ такой высоты, что путникъ идетъ по цѣлымъ часамъ подъ ихъ тѣнью не видя ни одного солнечнаго луча, который бы пробивался сквозь густой шатеръ ихъ листьевъ. Съ высоты нѣкоторыхъ вершинъ взорамъ наблюдателя представляется цѣлое море зелени, простирающееся далеко, отъ долины до долины и отъ горы до горы, сливаясь на крайнемъ горизонтѣ съ синевой неба: богатство растительности въ нѣкоторыхъ частяхъ бассейна Сунгари такъ велико, что его можно сравнить съ пышной растительностью острововъ Малайскаго архипелага. Въ южной Маньчжуріи, гдѣ земледѣліе завладѣло уже почти всѣми плодородными землями, лѣсная растительность менѣе густа, нежели въ бассейнѣ Сунгари; большая часть горъ полуострова или мыса, который выдвигается въ море между заливами Корейскимъ и Ляо-дунскимъ, оканчиваются голыми хребтами или пирамидальными вершинами [1]), кое-гдѣ даже встрѣчаются дюны, прогуливающіяся по берегу бухтъ.

Старая маньчжурка.

По своей флорѣ и фаунѣ китайская Маньчжурія такъ же, какъ и Маньчжурія русская, принадлежитъ къ переходной области между Восточной Сибирью и собственнымъ Китаемъ. Вѣрнѣе она составляетъ обширную растительную подъобласть, которую можно назвать Китайско-Маньчжурской [1]). Соотвѣтственные виды деревьевъ, кустарниковъ и низкихъ растеній придаютъ физіономіи этихъ странъ черты, напоминающія Европу; плодовыя деревья, хлѣбные злаки, огородныя овощи и другія культурныя растенія, которыя путешественникъ видитъ вокругъ жилищъ, еще болѣе увеличиваютъ это кажущееся сходство маньчжурской природы съ европейской. Но дикія животныя еще очень многочисленны въ Маньчжуріи, большая часть которой все еще находится въ первобытномъ, естественномъ состояніи: барсы все также прячутся въ лѣсныхъ чащахъ, и королевскій тигръ, этотъ «господинъ», какъ его называютъ туземцы, не переставъ рыскать по странѣ и нападать на ея обитателей, иногда даже на улицахъ ихъ поселеній: судя по большому количеству тигровыхъ шкуръ, которое продается каждый годъ въ городахъ, — шкуръ, изъ которыхъ иныя имѣютъ около 3 метровъ (4 аршинъ) въ длину, отъ головы до основанія хвоста [2]),— порода этихъ страшныхъ кошекъ еще далеко не перевелась въ краѣ. Волки этихъ странъ тоже очень опасные звѣри, и говорятъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Маньчжуріи они часто нападаютъ даже на людей; разсказываютъ, что бывали случаи, когда они пробѣгали вскачь черезъ стада барановъ, не дѣлая имъ никакого вреда, и бросались прямо на пастуха [3]). Между другими видами дикихъ животныхъ, кабаны, медвѣди, лисицы, дикія кошки, каменныя куницы тоже очень обыкновенны въ нѣкоторыхъ округахъ: въ сѣверныхъ лѣсахъ звѣроловы преслѣдуютъ ланей, красныхъ оленей, бѣлокъ и находятъ еще соболей, мѣхъ которыхъ идетъ на украшеніе шапокъ маньчжуровъ; въ западныхъ степяхъ бродятъ стада антилопъ. Еще и въ наши дни, несмотря на мирное вторженіе китайскихъ колонистовъ и распространеніе земледѣлія, сѣверная Маньчжурія есть по преимуществу страна охоты, звѣрованья, и, какъ въ старыя времена, когда безпрестанно нужно было опасаться нападенія хищныхъ звѣрей,

[1]) Williamson, *цитированное сочиненіе.*

[1]) „Описаніе Маньчжуріи", изд. М—ва Финансовъ, т. I, стр. 174.

[2]) Вильямсонъ;—Гюкъ;—о. Палладій;—Пржевальскій;—Шредеръ etc.

[3]) Huc, „Voyage dans la Tartarie".

охота доселѣ считается у маньчжуровъ своего рода религіознымъ актомъ: кто не умѣетъ охотиться, тотъ нечестивецъ [1]). Птицы, которыя по большей части принадлежатъ къ видамъ аналогичнымъ съ видами западной Европы, очень многочисленны, въ особенности пѣвчія птицы представлены большими стаями. Согласно изданному Министерствомъ Финансовъ «Описанію Маньчжуріи», орнитологическая фауна насчитываетъ въ своемъ составѣ 268 видовъ птицъ, изъ которыхъ 46 видовъ голенастыхъ, 35 хищныя, 40 плавающихъ, 8 куриныхъ, 11 лазающихъ и 124 воробьиныхъ. Въ сосѣдствѣ жилищъ всегда увидишь безчисленное множество воронovъ, которыхъ маньчжуры почитаютъ какъ представителей ихъ предковъ, и которымъ они, вслѣдствіе этого, приносятъ ежедневныя жертвы, быстро поглощаемыя шумной толпой прожорливой птицы [2]). Текучія воды Маньчжуріи тоже очень богаты животной жизнью, и цѣлыя населенія существуютъ единственно рыбой. Изъ описанныхъ извѣстныхъ въ Маньчжуріи рыбъ повсемѣстно встрѣчаются китайскій окунь, налимъ, сомы различной породы, сазанъ, чебакъ, лещъ, бѣлорыбица, сиги, щуки, осетръ, калуга, а въ бассейнахъ рѣки Амура и лососевыя породы: кэта, горбуша и таймень. Въ Сунгари, ниже города Сань-сина, лососи водятся въ такомъ обиліи и попадаются такихъ большихъ размѣровъ, что рыболовы могутъ приготовлять себѣ изъ ихъ кожи лѣтній костюмъ, впрочемъ нисколько не уродливый, который ихъ жены украшаютъ разноцвѣтными вышивками.

*Изъ проходныхъ рыбъ другой породы, кромѣ лососевыхъ, слѣдуетъ упомянуть калугу (Huso orientalis) и амурскаго осетра (Sturio Schrenckii). Первая рыба достигаетъ до 50 пудовъ вѣсу [3]), имѣетъ вкусное, но нѣсколько грубоватое мясо, второй же, достигая вѣсомъ до 10 пудовъ, имѣетъ такое же вкусное мясо, какъ и осетры Европейской Россіи и Сибири.

Изъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчаются: черепаха (Tryonyx Maackii), обыкновенныя ящерицы и лягушки, а изъ змѣй, колоссальная по размѣромъ, японская порода Trigonocephalus Blomhoffii. Насѣкомыми Маньчжурія весьма богата, и составъ видовъ ихъ еще разъ доказываетъ фактъ смѣшенія сибирской и болѣе южной природы. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть лишь, что страна отличается безпримѣрнымъ обиліемъ двукрылыхъ, какъ-то: оводовъ, слѣпней, мухъ, комаровъ, мошекъ и т. д., составляющихъ въ лѣтнее время сущій бичъ на людей и животныхъ, такъ какъ отъ этого «гнуса», какъ называютъ ихъ мѣстные обыватели, почти нѣтъ средствъ для защиты [1]).*

Нынѣшніе маньчжуры признаютъ своими предками ньючжэней или чжучжэней и причисляются къ тунгузской народности. Одно только изъ ихъ племенъ или колѣнъ, кочевавшее въ одной долинѣ «Длинной бѣлой горы» носило имя, которое теперь принадлежитъ всей націи. Побѣдитель всѣхъ своихъ сосѣдей, Тайцзу, начальникъ народца, называвшагося маньчжурами, провозгласилъ равенство всѣхъ своихъ подданныхъ подъ общимъ именемъ своего племени, и этому ловкому политическому шагу, соединившему разрозненныя поколѣнія въ одинъ народъ, онъ и былъ обязанъ своими побѣдами и надъ Китаемъ и завоеваніемъ этой громадной имперіи, въ 1636 году [2]). Но это завоеваніе должно было имѣть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ преобразованіе самихъ маньчжуровъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ тунгузскихъ племенъ, бродящихъ по берегамъ большихъ рѣкъ, каковы солоны, даурцы, гольды, манегиры, орочоны, маньчжуры собственно въ настоящее время составляютъ незначительную часть населенія страны. Впрочемъ и самая страна теперь есть не что иное, какъ китайская провинція, по порядку девятнадцатая область имперіи. Даже въ верхней долинѣ рѣки Нонни маньчжуры, измѣненные мало-по-малу китайскимъ вліяніемъ, положили конецъ своей бродячей жизни и изъ кочевыхъ дикарей сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами. Они живутъ теперь въ фанзахъ, какъ и переселенцы съ юга, имѣютъ культурныя земли, которыя обыкновенно снимаютъ на аренду у китайцевъ, и говорятъ по-китайски съ чужеземцами. Изъ всѣхъ маньчжурскихъ племенъ солоны или салоны всего лучше сохранили свои старинные нравы и обычаи. Они не поклоняются Буддѣ и не имѣютъ другихъ жрецовъ, кромѣ шамановъ, совершающихъ свои заклинанія и колдованія вокругъ священныхъ пригорковъ. Тѣла умершихъ солоны сжигаютъ и пепелъ собираютъ въ кожаные мѣшки, которые привязываютъ къ вѣтвямъ деревьевъ, гдѣ они и остаются висѣть, качаемые вѣтромъ [3]). Дауры, которые теперь слывутъ самыми храбрыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми жестокими изъ маньчжуръ, суть, напротивъ, ревностные ламаисты, и каждая семья имѣетъ своего жреца.

*Орочоны, отрасль маньчжуръ, обитающіе по Номини, Гану, Ялу и притокамъ Нонни живутъ отдѣльными семействами или немноголюдными таборами въ самыхъ дикихъ мѣстахъ. Занимаясь оленеводствомъ, рыбными и звѣриными промыслами, они представляютъ бѣдное,

[1]) Carl Hiekisch, „Die Tungusen".
[2]) Ю. Палладій, „Записки Географическаго Общества" 1871 г.
[3]) „Описаніе Маньчжуріи".

[1]) Д. Позднѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Plath, „Geschichte der Mandschurei"; — Кастренъ; — П. Риттеръ и др.
[3]) Voirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1878.

неразвитое племя. Гольды, живущіе по нижнему теченію рѣкъ Сунгари и Уссури, по преимуществу рыболовы, и къ нимъ-то и было примѣнимо китайское названіе «ю-пи-тацзы», т. е. люди въ рыбьей шкурѣ. Общее число ихъ не достигаетъ и 25 тысячъ человѣкъ. Какъ духовныя качества, такъ и умственныя способности гольдовъ значительно выше, чѣмъ у другихъ второстепенныхъ маньчжурскихъ племенъ. На это обстоятельство китайское правительство обратило свое вниманіе и даровало гольдамъ нѣкоторыя права, сравнивъ ихъ съ маньчжурами, заведя въ гольдскихъ деревняхъ школы, и старается сдѣлать изъ нихъ осѣдлый народъ [1]).*

Вслѣдствіе смѣшенія расъ, которое произвело населеніе болѣе рослое и болѣе сильное, чѣмъ населеніе центральнаго Китая, нынѣ существуетъ большое сходство чертъ между завоевателями и тѣми, которыхъ еще причисляютъ къ туземцамъ, такъ что, для разрѣшенія сомнѣнія, нужно спрашивать у самихъ жителей края, кого имѣешь передъ собою—китайцевъ или маньчжуръ. Даже по формѣ ногъ нельзя узнать, къ какой національности принадлежатъ женщины, такъ какъ очень многія изъ китаянокъ, живущихъ въ Маньчжуріи, не подвергаютъ болѣе свои ноги пыткѣ искусственнаго уменьшенія. Между всѣми обитателями сѣверной полосы имперіи маньчжуры отличаются своей вѣжливостью, привѣтливостью и обходительностью съ иностранцами [2]). Хотя потомки тѣхъ маньчжуръ, которые покорили Китай, они, однако, имѣютъ настолько такта, что никогда не хвастаются своимъ происхожденіемъ передъ «сынами Неба»; въ этомъ отношеніи они ни мало не похожи на своихъ соплеменниковъ, наглыхъ китайскихъ мандариновъ, испорченныхъ практикой власти. Солоны, даурцы и другія сѣверныя маньчжурскія племена, веселые, живые, проворные, храбрые, какъ сибирскіе тунгусы, походятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на японцевъ по быстротѣ и легкости, съ которою они усвоиваютъ себѣ чужія идеи и понятія и приспособляются къ перемѣнамъ среды. Въ настоящее время контрасты, производимые различіемъ религіи, имѣютъ въ Маньчжуріи гораздо болѣе важности, нежели противоположности, зависящія отъ различія расы. Магометане, составляющіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ треть населенія, живутъ по большей части въ городахъ, при томъ въ отдѣльныхъ кварталахъ и образуютъ настоящіе кланы или общины, члены которыхъ, хотя и принадлежатъ къ китайской расѣ, не смѣшиваются, однако, со своими соотечественниками другихъ религій. Въ отношеніи исполненія воинской повинности маньчжуры раздѣлены на восемь знаменъ или хошуновъ, откуда и произошло ихъ прозвище Паци или «восемь знаменъ»; но эти воины, которые еще въ 1873 году не имѣли другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлы, употребляются больше для охоты, чѣмъ для стратегическихъ экспедицій. Они обязаны вносить ежегодно подать натурой или ясакъ, состоящій изъ 2.400 оленей и нѣкотораго числа соболей.

Составляя поголовно военное сословіе, какъ у насъ казаки, они со своимъ потомствомъ несутъ помимо военной службы еще и нѣкоторыя повинности: такъ, содержатъ казенныхъ лошадей для гоньбы почтъ и перевозки чиновниковъ, служатъ матросами на правительственныхъ баркахъ по Сунгари и такъ далѣе. За это они пользуются среди остальнаго населенія особыми привилегіями, владѣютъ землями, получали нѣкогда пожизненное жалованье и въ случаѣ неурожая хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. До восьмидесятыхъ годовъ всѣ эти права маньчжуръ строго исполнялись, но съ этого времени, когда въ страну начали направлять колонистовъ изъ собственнаго Китая, привилегіи маньчжуръ все сокращались и сокращались, и нынѣ они сравнены съ китайцами [1]). Впрочемъ, китайскіе элементы примѣшались къ маньчжурской расѣ даже въ арміи, такъ какъ множество переселенцевъ въ Шань-дуна были завербованы въ войска въ эпоху завоеванія Китая: этихъ военныхъ колонистовъ называютъ обыкновенно Ци-жэнь или «люди знамени» [2]).

Существованію маньчжурской расы, какъ особенной народности, и сохраненію ея языка, повидимому, грозитъ серьезная опасность, даже въ близкомъ будущемъ. Маньчжурскія дѣти, посѣщающія школу, почти всѣ ходятъ въ китайскія учебныя заведенія, гдѣ они изучаютъ четверокнижіе Конфуція и «книгу церемоній»; даже въ маньчжурскомъ краѣ большая часть названій мѣстъ извѣстна больше въ ихъ китайской формѣ. Маньчжурскій языкъ, вѣроятно, уже исчезъ бы, какъ письменный идіомъ, если бы онъ не былъ изучаемъ спеціально, по причинѣ маньчжурскаго происхожденія императорской фамиліи: это одинъ изъ классическихъ языковъ «Срединнаго царства», который обязаны изучать всѣ кандидаты на высшіе посты государственной службы, и знаніе котораго почти необходимо для ученыхъ, занимающихся китайской исторіей и литературой. Съ тѣхъ поръ, какъ маньчжурская династія царствуетъ надъ Китаемъ, то-есть съ 1636 года, всѣ важнѣйшія произведенія китайской словесности были переведены на языкъ завоевателей, и эти переводы позволяютъ разрѣшать трудности, встрѣчаемыя при толкованіи оригинала. Маньчжурскій діалектъ довольно звученъ и очень легокъ для изученія, благодаря правильности

[1]) „Описаніе Маньчжуріи". Изд. М—ва Финансовъ.
[2]) О. Палладій; —Вильямсонъ;—Гюкъ.

[1]) „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1874.

его грамматическихъ формъ и его синтаксиса; какъ всѣ нарѣчія тунгузскаго происхожденія, онъ состоитъ изъ односложныхъ или двусложныхъ корней, смыслъ которыхъ видоизмѣняется при помощи суффиксовъ. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, ньючжэни, предки нынѣшнихъ маньчжуръ, давшіе Китаю династію Циновъ, заимствовали свой алфавитъ у китайцевъ; буквы же, которыя они употребляютъ съ конца шестнадцатаго вѣка, монгольскаго происхожденія и, слѣдовательно, произведены отъ арамейскаго письма, занесеннаго въ центральную Азію несторіанами [1]). Императоръ Канъ-си велѣлъ составить маньчжурскій словарь, изъ котораго были тщательно исключены всѣ слова китайскаго происхожденія. Первый маньчжурскій словарь, который былъ изданъ въ свѣтъ европейцемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, принадлежитъ Аміоту; съ тѣхъ поръ появились и другіе лексиконы на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Въ Маньчжуріи, какъ и въ другихъ внѣшнихъ владѣніяхъ или окраинахъ имперіи, китайская колонизація началась исправительными заведеніями для ссыльныхъ и военными поселеніями. Первыя колоніи этого рода были основаны непосредственно за Великой стѣной; въ настоящее же время онѣ уже далеко отодвинулись отъ нея, и большая часть изгнанниковъ, осужденныхъ за уголовныя или политическія преступленія, ссылаются въ глубь сѣверныхъ лѣсовъ и травяныхъ степей, въ сосѣдствѣ русской границы. Цицикаръ долгое время служилъ главнымъ мѣстомъ ссылки для высокопоставленныхъ особъ и для тѣхъ лицъ, которыя считались опасными, какъ члены тайныхъ сообществъ. Во время проѣзда архимандрита Палладія черезъ этотъ городъ, въ 1870 году, тамъ насчитывали до 3.000 ссыльныхъ, которые всѣ могли заниматься какой угодно работой и выбирать себѣ тотъ или другой кварталъ для жительства, подъ условіемъ являться на перекличку въ полицейское управленіе одинъ или два раза въ мѣсяцъ. Большое число магометанъ также водворены на жительство въ сѣверной Маньчжуріи; они живутъ особнякомъ отъ своихъ единовѣрцевъ, добровольно поселившихся въ краѣ, и имѣютъ особенныя мечети и школы [2]). Всѣ эти новые элементы оказываютъ большое вліяніе на измѣненіе мѣстнаго населенія и способствуютъ тому, что оно дѣлается все болѣе и болѣе похожимъ на населеніе внутренняго Китая. Но, прежде, чѣмъ слиться мирно съ другими жителями Маньчжуріи, эти поселенцы, добровольные и ссыльные, неоднократно бунтовали и во многихъ случаяхъ соединялись въ страшныя банды. Такъ, хунхузы или «рыжебородые», какъ называютъ тамошнихъ разбойниковъ, сдѣлались врагами всѣхъ мирныхъ колонистовъ окрестной мѣстности, русскихъ и китайцевъ; благодаря усовершенствованному оружію, которое они съумѣли добывать себѣ путемъ контрабанды, имъ удавалось даже составлять весьма большія правильно организованныя шайки и построить себѣ укрѣпленія, на которыхъ развѣвалось ихъ красное знамя съ надписью: «Отмстимъ за себя!» Часто даже русскія власти принуждены были посылать противъ нихъ значительные отряды войска [1]).

Китайскіе жители области Ляо-дунъ извѣстны вообще подъ именемъ манзовъ, какова бы ни была ихъ первоначальная родина. Они пришли сюда преимущественно изъ трехъ провинцій Шань-дунъ, Шань-си и Чжили; но въ сѣверо-западной Маньчжуріи есть также много такихъ, которые происходятъ отъ урожденцевъ Юнь-нани, сосланныхъ въ семнадцатомъ столѣтіи императоромъ Канъ-си. Переселенцы изъ провинціи Шань-дунъ самые многочисленные: они составляютъ осѣдлый и земледѣльческій классъ населенія; ихъ нарѣчіемъ говорятъ во всей Маньчжуріи, и ихъ нравы и обычаи преобладаютъ. Что касается переселенцевъ изъ провинціи Шань-си, то это по большей части странствующіе торговцы, ходебщики, лавочники, закладчики, банкиры. Они отличаются замѣчательною способностью къ изученію языковъ, и въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ иностранцами всегда употребляютъ діалектъ своихъ собесѣдниковъ; единственное нарѣчіе, которымъ они гнушаются пользоваться,—это маньчжурское, которое имъ въ самомъ дѣлѣ безполезно, такъ какъ бывшіе властители края выучились говорить по-китайски. Эти выходцы изъ Шань-си такъ ловко ведутъ свои дѣла, что въ концѣ концовъ присвоиваютъ себѣ всѣ богатства края. Въ ихъ домахъ, построенныхъ по маньчжурскому обычаю, съ плоскими крышами, идолы, которые занимаютъ самое почетное мѣсто, и передъ которыми они всего чаще преклоняютъ колѣни,—это тѣ, которые представляютъ боговъ богатства, Ла-о-ѣ и Цай-цинъ, и нужно сказать, что падкіе къ наживѣ китайцы не безъ успѣха молятся этимъ божествамъ: въ короткое время, посредствомъ труда или посредствомъ ростовщичества, они захватываютъ все въ свои цѣпкія руки. Однако, они еще не считаютъ себя окончательно водворившимися въ Маньчжуріи: умирая, они обыкновенно просятъ, чтобы ихъ тѣла были перенесены въ отечество.

*Современная колонизація страны имѣетъ большое значеніе для сосѣдней Россіи, и потому

[1]) Захаровъ, „Маньчжурско-русскій словарь"; —Schott, „Kitai und Karakitai".

[2]) О. Палладій, цитирован. мемуаръ.

[1]) Aulagne et Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1876; —Буссе, „Голосъ", 1880 г.; —„Globus", августъ 1880 г. Газеты „Владивостокъ" и „Приамурскія Вѣдомости" за всѣ годы.

не мѣшаетъ остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе. Плодородныя пространства долины рѣки Ляо-хэ еще въ древности

Ущелье въ желтоземныхъ горахъ.

привлекали къ себѣ обитателей сосѣднихъ частей густо населенныхъ сѣверныхъ провинцій Китая. Являвшіеся сюда, культурные въ значительной степени, китайцы вели постоянную борьбу съ дикими аборигенами страны, которые хотя и были физически сильнѣе пришельцевъ, но нравственно подпадали подъ ихъ вліяніе постоянно, какъ только дѣло, съ поля битвы или непріязненныхъ дѣйствій, переходило къ мирнымъ отношеніямъ. Маньчжурія обязана китайцамъ основаніемъ первыхъ го-

родовъ, введеніемъ культуры земли и началомъ торговли.

Когда изъ незначительнаго народа маньчжуры, покоривъ Китай, сдѣлались владыками его, первой заботою вновь воцарившейся династіи было сохраненіе родной земли для своихъ сородичей, что̀ могло быть достигнуто лишь при условіи недопущенія туда китайцевъ. Запретъ допуска китайцевъ могъ распространяться лишь на сѣверную, еще не тронутую, часть страны, такъ какъ въ южной части ея уже былъ большой процентъ китайскаго населенія. И дѣйствительно, въ первые годы правленія маньчжурскихъ богдохановъ въ Хэй-лун-цзянскую и Гириньскую провинціи лишь ссылали китайскихъ преступниковъ, которые, по отбытіи срока наказанія, дѣлались колонистами. Съ теченіемъ времени изъ южной части долины Ляо-хэ все болѣе и болѣе густѣющее населеніе перешло постепенно на югъ Гириньской провинціи и въ прилегающія съ запада монгольскія земли. Притокъ китайскихъ эмигрантовъ въ Маньчжурію увеличился особенно въ періодъ китайско-европейскихъ и тайпинскихъ войнъ. Не имѣя возможности по закону покупать для себя землю, китайскіе колонисты арендовали ее у знаменнаго маньчжура и производили распашки все шире и шире.

Но не одни только земледѣльцы шли въ Маньчжурію, сюда шла и та масса безкровныхъ скитальцевъ, которыхъ такъ много во внутреннемъ Китаѣ.

Помимо обилія свободной плодородной земли, ихъ привлекалъ также слухъ объ обиліи золота, пантовъ, жэнь-шэня и тому под. Пользуясь замѣшательствомъ и бездѣйствіемъ своего правительства и подкупностью маньчжурскихъ чиновниковъ, населеніе Маньчжурія все возростало и возростало, и когда пекинскія власти обратили на положеніе этого дѣла свое вниманіе, было уже слишкомъ поздно, и они ничего лучшаго не могли сдѣлать, какъ закрѣпить землю за колонистами и ввести въ страну преобразованія по части управленія ею. Были выработаны точныя правила на право владѣнія землею и взносъ за это пошлинъ, а также обращено серьезное вниманіе на систему колонизаціи земель. Напуганные подвинувшимся значеніемъ Россіи на Дальнемъ востокѣ, китайцы прежде всего начали заселять пограничные раіоны и для этой цѣли даже вызывали китайцевъ изъ пограничныхъ русскихъ предѣловъ.

Если частные пріемы и способы колонизаціи бывали и неудачны, то общій результатъ этого дѣла достигъ намѣченной цѣли. Миссіонеръ Россъ, посѣтившей мѣстность, лежащую въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ верхняго Сунгари, сообщаетъ, что гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ о присутствіи человѣка свидѣтельствовали лишь охотничьи тропы, во время его проѣзда насчитывалось до $^1/_2$ милліона хлѣбопашцевъ. Такіе же результаты достигнуты въ раіонѣ, городовъ Ажэ-хэ, Баянъ-су-су, Шуанъ-чэнъ-тинъ и др.

Колонизація продолжается и понынѣ, и въ близкомъ будущемъ уже рисуется картина полнаго окитаенія страны* [1]).

Умѣренный климатъ и плодородіе культурныхъ земель обезпечиваютъ южной Маньчжуріи большое разнообразіе земледѣльческихъ произведеній. Китайцы разводятъ свиней и воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, кукурузу, просо и другіе хлѣба; изъ бобовыхъ растеній они сѣютъ преимущественно «желтый горохъ» (soye hispida), изъ котораго приготовляютъ съѣдобное масло, и выжимки котораго отправляются, въ формѣ лепешекъ, въ Китай, гдѣ ихъ употребляютъ для удобренія полей. Несмотря на суровость зимъ и благодаря жаркому лѣту, колонисты занимаются также культурой одного вида индиговаго растенія, хлопчатника и винограда, но виноградныя лозы здѣсь увидишь только лѣтомъ; на зимніе мѣсяцы, съ конца октября до начала апрѣля, растенія кладутся въ борозды и прикрываются землей и соломой. Крестьяне насаждаютъ тутовыя деревья и дубы, чтобы воспитывать на нихъ разныя породы шелковичнаго червя, которыя не только доставляютъ имъ драгоцѣнныя волокна, но сверхъ того считаются самымъ лакомымъ кушаньемъ [2]). Такъ же, какъ земледѣльцы Монголіи, китайскіе колонисты маньчжурскихъ равнинъ предали забвенію всѣ указы, относящіеся къ фабрикаціи опіума, и вездѣ поля, засѣянныя макомъ, чередуются съ другими культурами. *Воздѣлываніе мака и приготовленіе изъ него опіума, какъ и куреніе послѣдняго распространены въ Маньчжуріи повсюду отъ границъ Чжи-ли до Амура, и отъ Монголіи до берега Японскаго моря и границъ Кореи. Въ Маньчжуріи опіумъ даже принимаетъ значеніе ходячей монеты. Главнымъ центромъ его производства можно признать мѣстность около поселка Цзя-бань-чжань и весь Хуланскій округъ. Какъ велико въ настоящее время количество добываемаго въ странѣ опіума, можно судить по тому обстоятельству, что одна только таможня въ Баянъ-су-су взыскала въ 1894 году пошлину за вывозъ на югъ болѣе чѣмъ 20 тысячъ руб. золотомъ. «Можно»,—говоритъ Матюнинъ,—«безъ большой натяжки считать, что въ одномъ лишь раіонѣ Баянъ-су-су опіума добывается не менѣе, чѣмъ на 400 тысячъ рублей» [3]).* Наконецъ, маньчжурскій табакъ, особенно табакъ изъ окрестностей города Гиринь славится по всей имперіи своимъ превосходнымъ качествомъ. Извѣстно, что мань-

[1]) „Описаніе Маньчжуріи". Над. М—ва Финансовъ.
[2]) De la Brunière, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1844.
[3]) „Описаніе Маньчжуріи".

чжуры, научившись отъ японцевъ употребленію табака, передали его, въ свою очередь, китайцамъ, въ эпоху завоеванія ими Срединнаго царства; но сами они и понынѣ остались величайшими курильщиками въ имперіи. Нѣкоторые китайскіе колонисты въ долинѣ Уссури разводятъ также жэнь-шэнь или стосилъ (panax ginseng), который маньчжуры называютъ орота или «первымъ изъ растеній» [1]): по мнѣнію туземцевъ и китайцевъ, ни одинъ корень не обладаетъ такой чудодѣйственной силой, какъ корень жэнь-шэня, исцѣляющій всѣ недуги, возстановляющій силы и способствующій продолженію жизни; оттого это цѣлебное вещество покупается на вѣсъ золота баловнями фортуны. Прежде монополія сбора жэнь-шэня была предоставлена маньчжурамъ, и главнымъ образомъ съ цѣлью воспрепятствовать манзамъ проникать въ лѣса, наиболѣе изобиловавшіе этимъ растеніемъ, и были устроены палисады или живыя изгороди изъ ивъ. Въ настоящее время, напротивъ, одни только манзы и добываютъ драгоцѣнный корень, либо какъ воздѣлыватели его, либо какъ искатели дикаго жэнь-шэня, который цѣнится гораздо выше культивированнаго.

Единственныя мѣстныя промышленности сколько-нибудь важныя — приготовленіе растительнаго масла и фабрикація водки изъ сорго [2]). Маньчжуры, мужчины и женщины, часто напиваются этимъ виномъ, по ихъ собственному выраженію «до забвенія добра и зла». Золотые пріиски даютъ занятіе многимъ тысячамъ рабочихъ: по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, болѣе 30.000 человѣкъ работали, въ половинѣ текущаго столѣтія, на золотопромывальняхъ въ Ванъ-лунъ-гоу, на верховьяхъ Суйфуна. Послѣднія свѣдѣнія указываютъ между прочимъ на существованіе въ странѣ золотоискательныхъ республикъ, организація коихъ весьма интересна [3]). Мѣсторожденія каменнаго угля и желѣза, находящіяся въ южныхъ мѣстностяхъ края, обѣщаютъ пріобрѣсти также экономическую важность, гораздо болѣе значительную, чѣмъ золото. Ляо-дунъ уже теперь считается несравненно богаче многихъ внутреннихъ провинцій Китая, и превосходное положеніе его и то обстоятельство что онъ благодаря Россіи сдѣлался участникомъ великаго желѣзнодорожнаго пути, обезпечиваетъ ему въ близкомъ будущемъ развитіе торговли, легкую эксплоатацію естественныхъ богатствъ, хотя бы и съ помощью иностранныхъ капиталовъ.

*Торговля Маньчжуріи съ Россіею и другими странами еще только начинаетъ развиваться и въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи, завися отъ массы всевозможныхъ побочныхъ причинъ. Отсутствіе безопасности при пересылкахъ и перевозкахъ товаровъ въ краѣ, многочисленные поборы, не нормированные закономъ, произволъ мѣстныхъ властей, а также отсутствіе хорошихъ способовъ сообщенія и путей являются существенными тормозами развитія торговли и промышленности страны. Вывозная и ввозная торговля страны обложена таможенною пошлиною, по весьма сложному тарифу, и ведется главнымъ образомъ на югъ черезъ портъ Ню-чжуанъ, открытый для европейцевъ. Дѣятельность этого порта сильно развивается и за 12 лѣтъ съ 1881 года, коммерческіе обороты его увеличились здѣсь болѣе чѣмъ вдвое, давъ въ 1892 г. итогъ въ 22.483.000 руб., а въ послѣдующіе годы это увеличеніе было еще болѣе, достигнувъ въ 1895 году оборота въ 97.534 тысячи руб. Кромѣ этого порта значительный торговый обмѣнъ производится въ Цзинь-чжоу-фу, Фучжоу, Дагу-шань и Би-цзы-во. Вся сухопутная торговля Маньчжуріи съ собственнымъ Китаемъ проходитъ черезъ Шаньхай-гуань.

Торговля Маньчжуріи съ Кореей ведется на сушѣ черезъ города Фынъ-хуанъ и Хунь-чунь, а морская черезъ Ню-чжуанъ, въ который въ 1894 году было ввезено на 38 тысячъ рублей корейскихъ товаровъ.

Торговля съ Россіею оставляетъ желать весьма многаго и еще весьма незначительна, въ силу малонаселенности Приамурскаго пограничнаго округа и отсутствія русскихъ предпринимателей внутри страны.

Вся торговля сосредоточена главнымъ образомъ на границахъ и имѣетъ исключительно мѣстный интересъ. Обороты ея по недостатку данныхъ указать трудно. Такъ ввозная и вывозная торговля Южно-Уссурійскаго края не достигаетъ въ общемъ оборота и въ милліонъ рублей. Предметами торговли Маньчжуріи вообще служатъ скотъ, хлѣбъ въ зернѣ, бобы, опіумъ, ввозъ же главнымъ образомъ состоитъ изъ мануфактурныхъ издѣлій [1]).*

На правомъ берегу Хэй-лунъ-цзяна или «Рѣки чернаго дракона»,—какъ называютъ китайцы Амуръ, можетъ быть, по причинѣ темнаго цвѣта его водъ,—Маньчжурія имѣетъ только одинъ городъ, Айгунь (Айхунъ), едва-ли и до нынѣ не самый многолюдный во всей Амурской долинѣ. Онъ растянулся по берегу рѣки на пространствѣ 9 километровъ, включая сюда его предмѣстья и сады; кромѣ того подгородныя селенія, окруженныя тѣнистыми рощами и кладбищами, слюдуютъ одно за другимъ по берегу Амура и деревни Сахалянь, лежащей противъ русскаго города Благовѣщенска вер-

[1]) Jartoux, „Lettres édifiantes et curieuses", tome XVIII, 1781.

[2]) Alagne et Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1876.

[3]) „Приамурскія Вѣдомости", 1898 г.

[1]) „Описаніе Маньчжуріи".

стахъ въ сорока выше Айгуня. Китайскій городъ есть не только главный административный и торговый пунктъ всего амурскаго округа Маньчжуріи, но онъ считается также мѣстомъ военнаго управленія края и de facto вѣдаетъ всѣми даурцами, маньчжурами, китайцами сибирскаго берега, которые тщательно избѣгаютъ своихъ русскихъ властителей [1]) и даже продолжаютъ по-прежнему платить ясакъ и подати айгунскому амбаню. Впрочемъ съ военной точки зрѣнія, этотъ городъ всегда представлялъ аванъ-постъ, слишкомъ удаленный отъ центра имперіи, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ нападенія, оказать серьезное сопротивленіе русскимъ. Простой частоколъ и остатки аллеи, обсаженной деревьями, составляютъ нынѣ единственную ограду города. Городъ памятенъ тѣмъ, что 16 мая 1858 года въ немъ былъ заключенъ Айгунскій трактатъ, по которому Амурскій край перешелъ во владѣніе Россіи.

Мэргэнь имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ городъ, черезъ посредство котораго Айгунь связанъ съ остальной имперіей [2]). Онъ лежитъ въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Нонни, въ мѣстности обезлѣсенной, но очень плодородной. Въ 1870 году, во время путешествія архимандрита Палладія, потокъ китайскаго переселенія еще не направился къ этой части сѣверной Маньчжуріи, и городъ, считавшійся нездоровымъ по причинѣ большой смертности, слѣдовавшей за работами по расчисткѣ земель подъ пашни, имѣлъ весьма незначительное число жителей въ своей оградѣ, состоящей изъ простаго частокола. Въ ту пору китайская колонизація не переходила еще за Цицикаръ или Букуй, главный городъ сѣверо-западной провинціи Маньчжуріи и центръ военнаго управленія всѣми бутханами или маньчжурами, еще соединенными въ отдѣльныя племена или поколѣнія. Каждый годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, эти туземцы приходятъ въ Цицикаръ платить ясакъ, состоящій изъ 5.500 собольихъ шкурокъ, и прибытіе ихъ даетъ поводъ къ большой ярмаркѣ, на которую китайскіе купцы съѣзжаются въ большомъ числѣ, чтобы нагрузить свои барки произведеніями края. Это прозвище «бутханы» было дано имъ отъ укрѣпленнаго города Бутха, лежащаго между Мэргэнемъ и Цицикаромъ. Въ эту крѣпость собираются для воинскихъ упражненій туземные ратники, раздѣленные на три корпуса: маньчжуръ, солоновъ и даурцевъ или тагури. *Въ настоящее время Мэргэнь находится въ сильномъ захуданіи; городскія стѣны и укрѣпленія разваливаются, домовъ не болѣе 400, лавокъ всего лишь семь, а населеніе едва достигаетъ 2.000 человѣкъ. Большинство населенія города перешло въ Цицикаръ, который является однимъ изъ самыхъ оживленныхъ и торговыхъ пунктовъ сѣверной Маньчжуріи. Населеніе послѣдняго достигаетъ до 70.000 человѣкъ, среди которыхъ много магометанъ. Выглядывая оживленнымъ, бойкимъ и зажиточнымъ городомъ, Цицикаръ имѣетъ до 400 лавокъ, въ числѣ которыхъ 50 производятъ крупную торговлю. Представляя главный административный центръ Хэй-лунъ-цзянской провинціи, Цицикаръ является мѣстопребываніемъ цзянь-цзюня или генералъ-губернатора этой провинціи и соединенъ китайскимъ правительственнымъ телеграфомъ съ Пекиномъ и Сахалянью на Амурѣ*.

Долина верхней Сунгари, болѣе близкая собственно къ Китаю и лежащая подъ болѣе южной широтой, нежели Хэй-лунъ-цзянская провинція, населена гораздо плотнѣе, и населеніе ея разрослось въ нѣсколько большихъ городовъ. Гиринь, главный городъ сѣверо-восточной провинціи Маньчжуріи, занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе, въ центрѣ амфитеатра высокихъ лѣсистыхъ холмовъ и на лѣвомъ берегу рѣки Сунгари, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ до 300 метровъ въ ширину, но тамъ и сямъ съужена дамбами и деревянными строеніями, стоящими на цѣломъ лѣсѣ свай. Гиринь получилъ отъ китайцевъ названіе Чуань-чанъ, то есть «Барочная верфь», по той причинѣ, что тамъ строится много джонокъ и барокъ для плаванія по Сунгари; городъ, улицы котораго вездѣ вымощены ветхой деревянной мостовой, загроможденъ строевымъ лѣсомъ, а самая рѣка покрыта плотами. Золотые рудники, разрабатываемые въ сосѣдствѣ города, часто подаютъ поводъ къ насиліямъ и смертоубійствамъ, за которыя китайскія власти наказываютъ виновныхъ съ безпощадной жестокостью. Когда архимандритъ Палладій посѣтилъ Гиринь, онъ долженъ былъ проходить по аллеѣ, уставленной столбами, но верхушкахъ которыхъ торчали отрубленныя человѣческія головы, и которые были забрызганы кусками запекшейся крови. *Численность населенія города опредѣляется Джемсомъ въ 100 тысячъ человѣкъ обоего пола, среди нихъ весьма много исповѣдающихъ исламъ. Расположенный въ центрѣ страны, городъ является самымъ промышленнымъ центромъ сѣверной Маньчжуріи. Въ 1882 году въ немъ насчитывалось болѣе сотни крупныхъ торговыхъ домовъ, до 800 лавокъ, 400 постоялыхъ дворовъ, 20 сереброплавилень. Торговлю города составляютъ главнымъ образомъ сырые земледѣльческіе и лѣсные продукты и прежде всего табакъ, мѣха и лѣсъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ города расположено много гончарныхъ заводовъ, поставляющихъ свои издѣлія въ Амурскую область и на верховья Нонни.

Расположенный по сосѣдству съ русской границею, городъ пріобрѣлъ значеніе важнаго

[1]) О. Палладій, цитированная статья.

[2]) Онъ имѣетъ значеніе и какъ пунктъ, черезъ который пролегаетъ единственный до сихъ поръ извѣстный путь, связывающій сѣверо-восточную Монголію съ Амурской областью. Прим. ред.

стратегическаго центра страны и съиздавна сосредоточивалъ въ себѣ боевыя силы, административныя управленія войскъ и военные пороховые заводы. Здѣсь еще въ началѣ 80-хъ годовъ былъ выстроенъ пороховой заводъ и арсеналъ, на которомъ изготовлялись артилерійскія орудія и ружейные патроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же былъ произведенъ первый для Китая опытъ чеканки серебряной правительственной монеты. Опытъ этотъ не оправдалъ ожиданій, что же касается дѣятельности арсенала, то послѣдній, направляемый иностранными техниками, содержится въ большомъ порядкѣ. Важное значеніе Гириня вынудило соединеніе его телеграфомъ съ Пекиномъ и нашей границею въ Хунь-чунѣ. Еще и до сихъ поръ китайское правительство мечтаетъ о соединеніи этого города съ Мукденемъ и Шаньхай-гуанемъ собственной желѣзнодорожной линіей. Изысканія для направленія послѣдней были окончены еще къ 1892 году, но недостатокъ средствъ, японская война и вызванныя ею осложненія не дали возможности осуществить это намѣреніе, и желѣзнодорожный путь, начатый отъ Тянь-цзиня, едва оконченъ около Чжунь-хоу-со, въ раіонѣ Великой стѣны*.

Въ болотистой равнинѣ, гдѣ соединяются два обширныя теченія Нонни и верхней Сунгари или Гиринь-ула, нѣтъ ни одного города, расположеннаго близъ рѣки: мѣстность слишкомъ низменна и нездорова, и воды слишкомъ часто мѣняютъ свое русло, чтобы осѣдлое населеніе могло основать городъ въ этомъ мѣстѣ; близъ сліянія двухъ рѣкъ встрѣчаются только деревни. Городъ Бодунэ, который наслѣдовалъ другому, болѣе древнему городу, лежавшему ближе къ мѣсту сліянія Нонни и Сунгари, важенъ какъ торговый пунктъ, гдѣ соединяются дороги двухъ долинъ; онъ находится въ 30 слишкомъ километрахъ къ югу отъ соединенія рѣкъ и расположенъ на высокомъ яру, господствующемъ надъ правымъ берегомъ верхней Сунгари: китайцы обыкновенно называютъ его Синь-чэнъ или «Новый городъ». *Населеніе города въ 1895 году, по мнѣнію посѣтившаго его Зиновьева, было не менѣе 20.000 человѣкъ; въ немъ насчитывалось свыше 300 купеческихъ фирмъ, изъ которыхъ 9 имѣли оборотъ до милліона ланъ въ годъ. Сверхъ того, въ городѣ числилось 400 лавокъ, 15 войлочныхъ, 4 бумажныхъ, 10 скорняжныхъ фабрикъ и 8 ссудныхъ кассъ. Неблагопріятныя для земледѣлія условія вызвали развитіе винокуренной и фабричной дѣятельности, а экономически тяготѣющая къ Бодунэ, лежащая къ западу богатая скотомъ монгольская степь сдѣлала его центромъ торговли скотомъ и шерсти*.

Бодунэ ведетъ довольно большую торговлю, особенно съ городомъ Куань-чэнъ-цзы, который лежитъ южнѣе, на большой китайской дорогѣ, и который означаютъ также подъ именемъ Чань-чунь или «Высокая столица». Послѣдній, въ самомъ дѣлѣ, главный рынокъ для всѣхъ монгольскихъ племенъ, кочующихъ на западъ отъ него въ степяхъ восточнаго Гоби; населеніе его достигаетъ до 70 тысячъ человѣкъ. Но главный торговый трактъ въ этой странѣ— это дорога, которая ведетъ прямо на сѣверъ къ Сунгари. На этомъ пути, усѣянномъ постоялыми дворами, по которому безпрестанно тянутся обозы съ товарами, встрѣчаемъ одинъ за другимъ города: Гуй-шу, Лалинь, Ажэ-хэ и др. Послѣдній, по составу населенія почти совершенно маньчжурскій; населеніе его, согласно Матюнину, до 35 тысячъ человѣкъ; своимъ названіемъ онъ обязанъ рѣкѣ Ажэ, притоку Сунгари. Къ западу оттуда лежитъ Шуанъ-чэнъ-тинъ, другой городъ, населенный маньчжурами. Недалеко отъ впаденія Ажэ, съ лѣвой стороны вливается въ Сунгари рѣка Хулань, и на высокомъ берегу, господствующемъ надъ этимъ тройнымъ сліяніемъ, расположился городъ Хулань-чэнъ, имѣющій до 70 тысячъ жителей.

Изъ китайскихъ городовъ въ бассейнѣ Сунгари наидалѣе выдвинутъ къ сѣверу Сань-синъ, лежащій при выходѣ изъ горъ, на правомъ берегу Сунгари, между двумя впадающими въ нее рѣками Хурха или Мудань-цзянъ и Кунъ-хэ, противъ устья третьяго притока. Этотъ городъ построенъ на мѣстѣ древняго Илань-хала маньчжуровъ, города «Трехъ семействъ», отъ котораго сохранились еще кое-гдѣ развалины стѣнъ. Въ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ это великолѣпное торговое положеніе, при сліяніи четырехъ долинъ и рѣкъ, доставило бы городу первостепенную важность; но Сань-синъ выставленъ всей ярости сѣверныхъ вѣтровъ, а лѣтніе муссоны приносятъ ему огромныя количества дождя, которыя превращаютъ берега Сунгари въ болота, затопляютъ стойбища и заставлятъ прибрежныхъ жителей удаляться въ долины горъ. Вслѣдствіе этого, Сань-синъ, какъ былъ, такъ и остался простымъ рынкомъ для покупки шкуръ пушнаго звѣря, которыя привозятся сюда «Длинноволосыми», «Коротковолосыми» и другими народцами маньчжурскихъ звѣролововъ [1]). Населеніе города въ 1895 году достигало до 20 тысячъ человѣкъ. Населеніе занимается главнымъ образомъ посредническою торговлею между долиною Амура и хлѣбородными округами Бодунэ и Хулань. Ниже по рѣкѣ осѣдлое китайское населеніе еще очень рѣдко, по причинѣ трудности найти удобныя мѣста для поселенія на этихъ топкихъ болотистыхъ берегахъ нижней Сунгари; и наиболѣе важными изъ населенныхъ пунктовъ являются: Баянъ-тунь—укрѣпленный лагерь въ 15 верстахъ отъ Сань-сина и въ то же время таможня, у которой останавливаются суда, отправляю-

[1]) Franclet, „Annales de la propagation de la Foi", 1869.

углемъ, серебряной рудой, а окрестныя мѣстности заселяются переселенцами съ полуострова Шань дунъ, привлекаемыми черезъ проливъ слухами о благосостояніи, которымъ справедливо славится эта область Маньчжуріи. Морской берегъ около оконечности полуострова изрѣзанъ глубокими бухтами, и одинъ изъ этихъ заливовъ образуетъ даже родъ очень длиннаго, далеко вдающагося въ твердую землю, фіорда, которому англійскіе изслѣдователи прибрежья дали имя Портъ-Адамса; находящіяся здѣсь залежи каменнаго угля могутъ въ близкомъ будущемъ доставить нѣкоторую важность всему этому округу. Городъ Цзинь-чжоу-тинъ имѣетъ два порта, одинъ на западномъ, другой на восточномъ берегу полуострова, съуженнаго въ этомъ мѣстѣ въ простой перешеекъ, который соединяетъ материкъ съ полуостровомъ Гуанъ-дуномъ.

*Полуостровъ этотъ вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему ближними островами и водами составляетъ въ настоящее время арендное владѣніе Россіи, уступленное Китаемъ въ апрѣлѣ 1898 года.

Нѣтъ надобности указывать на важное значеніе этого послѣдняго пріобрѣтенія, достаточно только вспомнить, что въ теченіе всей первой половины текущаго года вниманіе всѣхъ интересующихся политическимъ положеніемъ на Дальнемъ востокѣ было приковано къ Да-лянь-ваню и Портъ-Артуру, пунктамъ, лежащимъ на этомъ полуостровѣ.

Портъ-Артуръ, портъ Ли—такъ зовутъ его англичане—или по-китайски Люй-шунь-коу расположенъ на самой юго-западной оконечности Гуанъ-дунскаго полуострова. Рядъ высотъ, совершенно лишенныхъ растительности, окружаетъ кольцомъ довольно обширный Люй-шунь-коускій заливъ, имѣющій до 2 верстъ въ длину и до $1^1/_2$ въ ширину и раздѣляющійся узкимъ косообразнымъ перешейкомъ на двѣ довольно неравномѣрныя бухты, западную и восточную. Первая имѣетъ значеніе лишь для мелко сидящихъ судовъ и, обширная во время прилива, съ отливами дѣлается почти втрое уже, вторая—искуственно углубленный до 28 футовъ портъ, предназначенный для стоянки большихъ судовъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Портъ-Артуръ былъ маленькой рыбачьей деревушкой, но уже въ 1886 году китайское правительство рѣшило устроить здѣсь базу для своей сѣверной эскадры и воздвигнуть первоклассную крѣпость. Пригласивъ для работъ европейскихъ инженеровъ, не щадя средствъ для достиженія цѣли, правительству богдохана удалось обратить эту пристань въ лучшій изъ военныхъ портовъ Китая. До послѣдней японско-китайской войны портовыя учрежденія Артура и его укрѣпленія производили на спеціалистовъ весьма выгодное впечатлѣніе. Различныя богато обставленныя мастерскія давали возможность выполнять не только ремонтировку, но и постройку новыхъ судовъ. Два сухихъ дока, эллингъ для миноносокъ, обширная верфь, арсеналъ вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. Поясъ сухопутныхъ укрѣпленій изъ 12 фортовъ защищалъ подступы къ порту. Самыя укрѣпленія, снабженныя лучшими артиллерійскими орудіями и многочисленнымъ гарнизономъ, представляли серьезную преграду на случай войны. Все, на что только способна была фортификаціонная техника и техника военнаго искусства, было примѣнено къ оборонѣ этого пункта, и несмотря на то онъ достался японцамъ безъ особыхъ усилій только въ силу плохаго состоянія китайскихъ войскъ. Японцы, взявъ Артуръ, разрушили его укрѣпленія, и Россіи досталась груда развалинъ.

Да-лянь-вань представляетъ заливъ, лежащій на сѣверо-восточномъ концѣ Гуанъ-дунскаго полуострова и состоящій изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ бухтъ, среди которыхъ лучшія Victoria, Iunk и Hand—особенно первая.

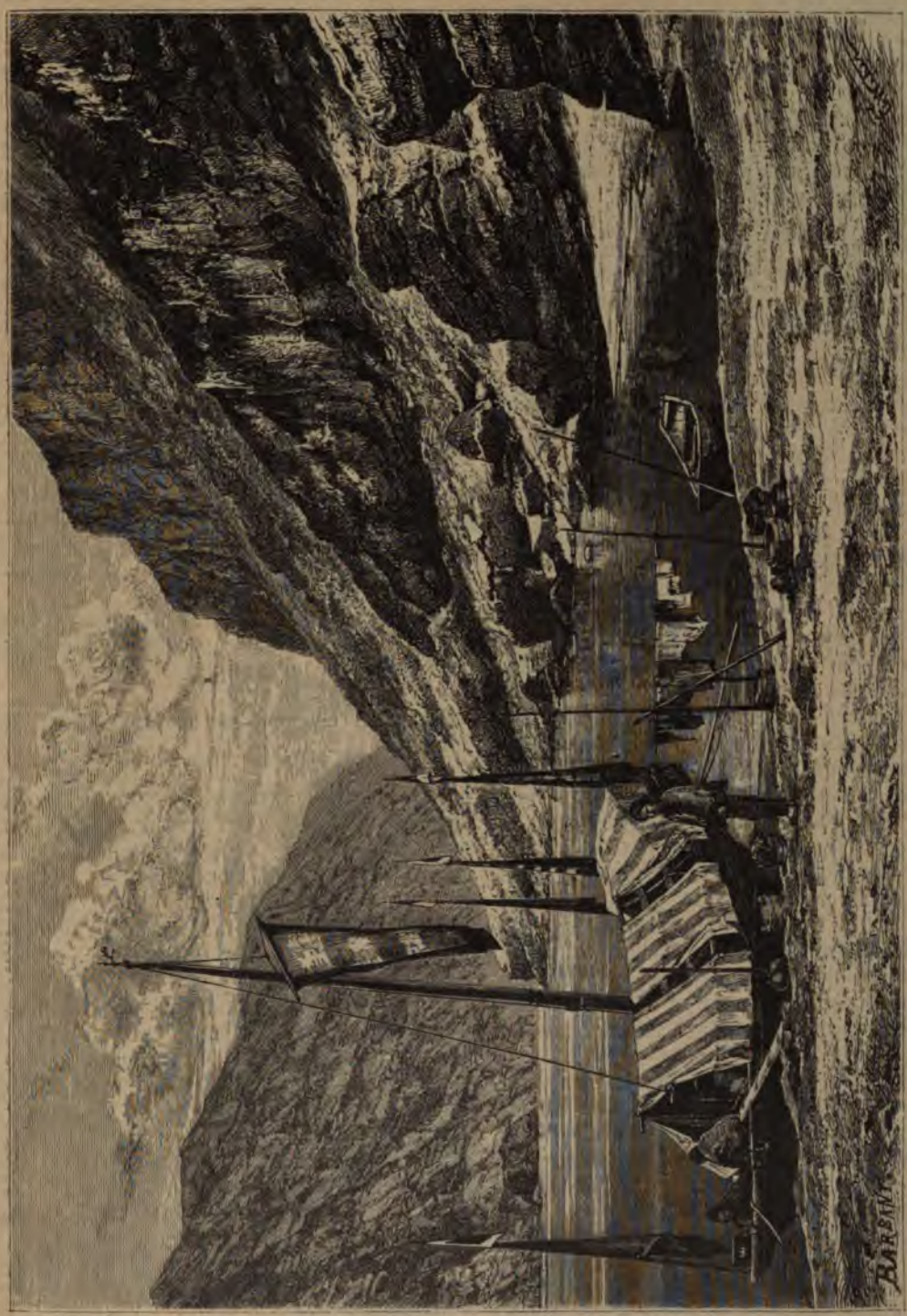
Что касается самаго Гуанъ-дунскаго полуострова, то природа его имѣетъ довольно жалкій видъ. Внутренность страны заполнена горами безъ всякаго признака древесной или кустарниковой растительности. Отсутствіе воды и каменистая почва представляютъ сильные тормозы для развитія земледѣлія, которое ограничивается посѣвами проса, гооляна и огородничествомъ. Населеніе весьма бѣдно, и общее число его едва достигаетъ 200 тысячъ человѣкъ на всей уступленной Россіи арендной и нейтральной полосахъ [1]).*

Берегъ, обращенный къ Желтому морю, имѣетъ нѣсколько портовъ, посѣщаемыхъ джонками, какъ-то: Би-цзы-во, Да-чжуанъ-хэ и, наиболѣе важный изъ нихъ, Да-янь-хэ, лежащій при устьѣ рѣки того же имени, недалеко отъ корейской границы. Суда, неглубоко сидящія въ водѣ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ на 20 километровъ и бросаютъ якорь передъ торговымъ городомъ Да-гу-шань, обширные склады котораго расположены у подножія крутой горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ и увѣнчанной на вершинѣ двумя храмами. Да-гу-шань приморскій городъ, черезъ который вывозятся мѣстныя произведенія изъ Сю-янь-чжоу, стариннаго маньчжурскаго города, славящагося своими ломками мрамора. Равнымъ образомъ черезъ Да-гу-шань сообщается съ моремъ и городъ Фынъ-хуанъ-чэнъ, стражъ китайской границы со стороны Кореи. Три раза въ годъ купцы китайскіе и корейскіе встрѣчаются въ этомъ городѣ для обмѣна своими товарами, и здѣсь же мандарины двухъ странъ обмѣнивались подарками, посланными ихъ государями, и осы-

[1]) В. Котвичъ и Л. Бородовскій, „Ляо-дунъ и его порты Портъ-Артуръ и Да-лянь вань", 1898 г.

пали другъ друга самыми изысканными любезностями. Такъ называемыя «Ворота Кореи», находящіяся въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ города, совсѣмъ не похожи на тріумфальный порталъ, достойный входа въ великое царство: это просто обыкновенныя ворота при сторожевой мазанкѣ, которыя обходятся большинствомъ пѣшеходовъ и телѣгъ [1]).

На западѣ отъ рѣки Ляо-хэ, такъ называемая «Ивовая изгородь», искуственная граница Маньчжуріи, оставляетъ китайскому населенію только узкую полосу земли между горными цѣпями и равниной. Городъ Синь-минь-тинъ, лежащій на дорогѣ изъ Мукдэня въ Пекинъ, замѣчателенъ какъ очень дѣятельный рынокъ. На отрогѣ холмовъ, вокругъ котораго обходитъ на востокъ рѣка Шара-мурэнь, прежде, чѣмъ



Верховья Янъ-цзы-цзяна.

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

принять имя Ляо-хэ, носимое ею въ нижнемъ теченіи, городъ Факу-мынь или «Живая изгородь изъ ивъ», охраняетъ одни изъ «воротъ» Монголіи, такъ называемый «большой проходъ», черезъ который производятся непосредственныя сношенія цивилизованнаго міра съ аймаками кочевыхъ народцевъ, хорцинъ и корло, обитающихъ въ восточномъ Гоби: эти факумыньскія ворота, еще менѣе импонирующія, чѣмъ корейскія, состоятъ только изъ нѣсколькихъ кольевъ, между которыми на ночь протягивается желѣзная цѣпь. Гуанъ-нинъ-сянь, расположенный у основанія горъ, которымъ онъ сообщилъ свое имя, замѣчателенъ только какъ старинный городъ, прославленный въ лѣтописяхъ маньчжурской династіи; тамъ до сихъ поръ можно видѣть гробницы богдыхановъ изъ фамиліи Ляо, которые царствовали надъ Китаемъ въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ. Цзинь-чжоу-фу, въ 18 верстахъ отъ сѣверо-западнаго угла Ляо-дунскаго залива, имѣетъ болѣе важное значеніе, ибо близъ этого города находится сборное мѣсто для всѣхъ произведеній Маньчжуріи, которыя отсюда отправляются вдоль морскаго берега до воротъ Великой стѣны въ Шань-хай-гуань. Окруженный дюнами, Цзинь-чжоу-фу, открывается взорамъ путешественника только въ тотъ моментъ, когда онъ переходитъ черезъ порогъ, образуемый песчаными буграми; но тѣмъ не менѣе это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ имперіи, и по сторонамъ его улицъ тянутся ряды богатыхъ магазиновъ, передъ которыми постоянно толпится масса народу; небольшой сосѣдній портъ посѣщается большимъ числомъ джонокъ и другихъ мелкихъ судовъ. Нинъ-юань-чжоу, лежащій въ 70 километрахъ южнѣе, недалеко отъ берега залива,— тоже торговый городъ. Самый южный городъ этой области—тотъ, который охраняетъ южный входъ Маньчжуріи, на оконечности Великой стѣны, у основанія высотъ, которыя китайцы называютъ «Горой печали» или «Горой радости», смотря по направленію ихъ путешествія, при отъѣздѣ или при возвращеніи въ отечество [1]). Этотъ пограничный городъ, Шань-хай-гуань или «Ворота между горами и моремъ», состоитъ въ дѣйствительности изъ трехъ различныхъ городскихъ поселеній, отдѣленныхъ одно отъ другаго стѣнами и воротами: внутренній городъ, самый многолюдный, сосредоточиваетъ въ себѣ торговую дѣятельность; восточный городъ, мѣстопребываніе властей и войска, меньше предыдущаго и имѣетъ менѣе оживленный видъ; наконецъ, западный городъ, носящій особое названіе, Нинъгай, населенъ преимущественно китайскими переселенцами. Ограда, наполовину развалившаяся, опоясываетъ всѣ три города и соединяется съ двумя кирпичными валами, уставленными по бокамъ башнями, которыя поднимаются на горы, съ террасы на террасу, до высоты 1.200 метровъ; самый крайній или южный изъ этихъ валовъ есть по преимуществу Великая стѣна, построенная въ эпоху династіи Минъ; но нѣкоторые обломки стѣны и земляныя насыпи приписываются предшествующимъ сооруженіямъ. Со стороны моря стѣна продолжается на пространствѣ около 4 верстъ параллельно берегу залива, затѣмъ прерывается, чтобы дать мѣсто цитадели, и оканчивается выдвинутой въ заливъ дамбой, о которую разбиваются морскія волны. Маленькій храмъ, построенный у пролома въ стѣнѣ, напоминаетъ легенду, получившую громкую извѣстность во всемъ Китаѣ и свидѣтельствующую о тѣхъ страшныхъ страданіяхъ, которыя должны были переносить несчастные, трудившіеся надъ сооруженіемъ исполинскаго оплота. Одна женщина, найдя трупъ своего мужа между тѣлами работниковъ, умершихъ отъ непосильнаго труда, съ отчаянія разбила себѣ голову объ стѣну, которая въ тотъ же моментъ обрушилась на нее, чтобы похоронить несчастную подъ развалинами рядомъ съ ея супругомъ. «Эта женщина,—гласитъ надпись на храмѣ,—всегда будетъ чтиться въ памяти людей, а императоръ Цзинь достоинъ вѣчнаго проклятія».

Города Маньчжуріи, съ приблизительной цифрой ихъ населенія, сообщаемой новѣйшими путешественниками и донесеніями европейскихъ консуловъ, суть:

Провинція Мукденьская или Шэнъ-цзинъ. Мукденъ (по Джемсу) — 250.000 жит.; Ляо-янь-чжоу (по Путятѣ) — 70.000; Инъ-коу (Инъцзы) таможенныя свѣдѣнія—60.000; Ню-чжуанъ (Джемсъ)—50.000; Тянь-чжуанъ-тай (Вильямсонъ) — 25.000; Синь-минь-тинъ (Вильямсонъ) — 30.000; Тѣ-линъ (Путята) — 60.000; Кай-юань-сянь (Вильямсонъ) — 35.000; Хай-лунъ-чэнъ—10.000; Чань-ту-фу (Гармонъ)—125.000; Хуай-дэ-сянь (Фульфордъ)—20.000; Да-гу-шань (The China Sea Directory)—30.000—40.000; Тунъ-хуа-сянь (Фульфордъ)—20.000.

Провинція Гиринь. Гиринь (Джемсъ)—100.000 жит.; Куань-чэнъ-цзы (Фульфордъ) — 70.000; Нунь-ань-сянь (консульскій отчетъ)—20.000; У-чанъ-тинъ (Берновъ)—1.000; Санъ-ха-тунь (Берновъ)—5.000; Нингута (Джемсъ)—20.000; Хунь-чунь (Матюнинъ)—5.000; Омосо (Берновъ)—5.000; Сань-ча-коу (Берновъ)—3.000; Бодунэ (Зиновьевъ)—20.000; Шуанъ-чэнъ-тинъ—35.000; Ажэ-хэ (Путята)—15.000; Ла-линь-чэнъ (Путята)—20.000; Бинь-чжоу—25.000; Сань-синъ (Зиновьевъ)—20.000.

Провинція Хей-лунъ-цзянъ или Цицикарская. Цицикаръ (Евтюгинъ)—30.000 жит.; Мэргэнь—2.000; Айгунь—10.000; Ху-лань-чэнъ—70.000; Баянъ-су-су (Матюнинъ)—30.000; Бэй-туань-линь-цзы (Фульфордъ) — 25.000; Хайларъ (Стрѣльбицкій)—1.000—2.000; Бутха (?)

[1]) О. Палладій, цитированная статья.

Глава V

Китай.

Общій взглядъ.

Названіе «Китай» или «Chine», «China», которое европейцы даютъ континентальной имперіи крайняго Востока, совершенно неизвѣстно самимъ обитателямъ страны; и династія Цинь, отъ которой, вѣроятно, было заимствовано индійское названіе «Чина» (откуда произошли западно-европейскія China, Chine), уже болѣе четырнадцати съ половиной столѣтій какъ перестала царствовать надъ равнинами рѣкъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Китайцы не знаютъ также и эпитета «Небесная», приписываемаго ихъ имперіи: слова «Тянь-ся» или «Подъ небомъ», «поднебесный», которыя употребляли ихъ стихотворцы, примѣняются къ «подлунному» міру вообще, такъ же, какъ и къ Китаю въ частности. Въ обыкновенномъ языкѣ китайцы называютъ свое отечество Чжунъ-хуа, что̀ значитъ «Срединное царство» или «Центральная имперія», наименованіе, происходящее, быть можетъ, отъ преобладанія, которое пріобрѣли мало-по-малу центральныя равнины надъ окружающими государствами [1]); но въ немъ можно также видѣть выраженіе той идеи, общей всѣмъ народамъ земнаго шара, что именно ихъ отечество составляетъ истинную середину, центръ обитаемыхъ земель. Китайцы не ограничиваются, какъ націи запада, четырьмя главными странами свѣта или точками горизонта: они прибавляютъ къ нимъ пятую точку, средину, и этимъ средоточіемъ считается, конечно, Китай. Со времени завоеванія края маньчжурами Центральное царство получило названіе по имени царствующаго дома—«Дайцинъ», «Великая и чистая имперія». Китайскій народъ означаетъ свою родину именемъ «Сыхай» или «Четыре моря», синонимъ вселенной; онъ употребляетъ также, между многими другими названіями, выраженіе Ши-па-шэнъ или «Восемнадцать провинцій», Нэй-ди, «Внутренняя земля». Особенно любимый терминъ—это Хуа-го — «Цвѣтущее царство» или «Земля цвѣтовъ»,—поэтическій синонимъ «Страны земледѣлія и вѣжливости». Что касается самихъ китайцевъ, то это «Дѣти Хань» или «Люди Хань» или иначе «Люди Цинь», по имени двухъ прославляемыхъ исторіей династій; они называютъ себя также Ли-минь (Limin),—загадочное слово, переводимое обыкновенно выраженіемъ «черноволосая раса», и кромѣ того, принимаютъ еще многія другія прозвища. Недостатокъ точнаго національнаго термина, употребляемаго всѣми и постоянно, для означенія Китая и его народовъ, происходитъ оттого, что каждое изъ именъ, сдѣлавшихся общеупотребительными, въ различныя эпохи, сохранило свое первоначальное значеніе и такимъ образомъ можетъ быть замѣняемо синонимами; ни одно изъ нихъ еще не преобразовалось отъ употребленія въ чисто географическое названіе. То же самое нужно сказать объ именахъ горъ, рѣкъ, провинцій, населенныхъ мѣстъ: всѣ эти имена не болѣе, какъ эпитеты, описательные, историческіе, военные, административные или поэтическіе, мѣняющіеся съ каждымъ новымъ режимомъ, съ каждой новой династіей, и замѣщаемые, въ случаѣ надобности, другими эпитетами, которые не отличаются болѣе точнымъ примѣненіемъ. Ни одна рѣка, ни одна горная цѣпь не сохраняетъ того же самаго наименованія на всемъ своемъ протяженіи; ни одинъ городъ не удерживаетъ своего первоначальнаго имени отъ династіи до династіи; нужно прослѣдить всѣ эти перемѣны названій мѣстъ чрезъ длинный рядъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, словаряхъ и въ пятнадцати тысячахъ другихъ географическихъ сочиненій Китая,—громадная работа, которая объясняетъ намъ трудовую, посвященную кропотливымъ изслѣдованіямъ жизнь такихъ ученыхъ, какъ Абель Ремюза и Станиславъ Жюльенъ [1]).

Естественныя границы «Срединнаго царства» или Китая въ собственномъ смыслѣ очерчены довольно точно. На западѣ возвышенности, составляющія продолженіе Тибетскаго плоскогорья и раздѣленныя рѣками на расходящіяся горныя цѣпи, образуютъ видимый рубежъ между китайцами и сифанями, лолотами и другими полудикими народцами; на сѣверѣ Великая стѣна «въ десять тысячъ ли» обозначаетъ, на бо̀льшей части своего протяженія, раздѣльную линію между пустыней или степью и культурными территоріями; на востокѣ и на юго-востокѣ, Тихій океанъ омываетъ морской берегъ, который закругляется въ видѣ полукруга, общая длина котораго простирается до 3.500 километровъ. На югѣ, цѣпи горъ, террасы

[1]) Panthier, „Chine, Univers pittoresque".

[1]) Скачковъ, „Annales des voyages", сент. 1860 г.

плоскогорій и въ особенности болота, трудно доступныя рѣчныя ущелья отдѣляютъ Китай отъ полуострова по ту сторону Ганга или Индо-Китая; однако, эта граница во многихъ мѣстахъ чисто условная, и по обѣ стороны ея природа, жители и цивилизаціи представляютъ большое сходство, и съ этой стороны географическій переходъ между Китаемъ и другими странами совершается съ наибольшею постепенностью. Въ своей совокупности, Срединное царство, безъ внѣшнихъ его владѣній, занимаетъ на востокѣ Азіи пространство почти кругообразной формы, при чемъ одна половина окружности начертана на твердой землѣ, а другая совпадаетъ съ линіей береговъ океана. Описанная такимъ образомъ фигура Китая въ собственномъ смыслѣ представляетъ около половины имперіи и составляетъ одиннадцатую часть поверхности Азіатскаго континента. Сравниваемый съ Франціей, собственно Китай, обнимаетъ площадь въ восемь разъ болѣе обширную, на которой обитаетъ населеніе, какъ полагаютъ, въ полтора раза болѣе плотное, пропорціонально, чѣмъ населеніе Французской республики. Въ самомъ дѣлѣ, большинство ученыхъ, изучавшихъ и критически разбиравшихъ результаты китайскихъ народныхъ переписей, пришли къ тому выводу, что число жителей Центральнаго царства можно считать около 400 милліоновъ.

По оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ 1882 года Собственный Китай [1]):

Пространство.	Населеніе.	На кв. милю.
1.327.308 кв. миль.	386.853.029 душъ.	289 душъ.

*Эти данныя однако весьма проблематичны, и потому здѣсь не безполезно будетъ произвести общій обзоръ движенія народонаселенія Китая, дабы уже потомъ не возвращаться болѣе къ этому вопросу [2]).

По свидѣтельству китайскихъ историковъ, въ IX вѣкѣ до Р. Х. была произведена первая перепись, коею цифра Срединной имперіи опредѣлена въ 22 милліона. При Ханьской династіи въ періодъ времени между 155 и 2 годами до Р. Х., было произведено 10 переписей, исключительно въ интересахъ фиска, дабы узнать число плательщиковъ податей. Средняя цифра этихъ переписей оказалась равною 63.500.000 человѣкъ, въ томъ числѣ заключаются и женщины въ возрастѣ между 15 и 30 годами.

При Сунской династіи былъ введенъ новый усовершенствованный способъ народосчисленія, и люди старше 60 лѣтъ не вносились въ перепись. По народосчисленію 606 г. населеніе оказалось равнымъ 46 милліонамъ слишкомъ, при чемъ въ эту цифру включены были чиновники, слуги, рабы и нищіе. Перепись 772 г. показала 53 милл. душъ; такимъ образомъ народонаселеніе въ 116 лѣтъ возросло лишь на 7 милл. Наступившая послѣ паденія дома Тановъ частая смѣна династій, междоусобія и борьбы съ напиравшими съ сѣвера монголами мало благопріятствовали увеличенію народонаселенія, которое начало оправляться лишь при Сунской династіи, когда по переписи 1102 г. оно возросло до 100 слишкомъ милл. жителей. Завоеваніе Китая монголами и воцареніе Юаньской династіи опять уронило цифру населенія. Въ 1290 г. по переписи, произведенной по указу богдыхана Хубилая, оказалась 59 милл. лицъ, платящихъ подати, «не считая бѣжавшихъ въ горы и на озера и перешедшихъ на сторону бунтовщиковъ». Китайскій историкъ Матуанлинъ приводитъ цифры 16 переписей, произведенныхъ при Минской династіи между 1381 и 1580 гг.: средняя цифра этихъ переписей равна 57 милл., а максимальная 66 милл. съ половиною.

При нынѣшней Маньчжурской династіи, заслуживающее нѣкотораго довѣрія, народосчисленіе было совершено въ 1711 году ради цѣлей финансовыхъ и военныхъ, при чемъ въ перепись включены были всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ. Вскорѣ богдыханъ Цяньлунъ возобновилъ переписи. При сравненіи переписи 1711 г. (28.605.716) съ переписью 1753 г. (103.050.060) видно, что населеніе если не все, то плательщики податей, увеличивалось въ теченіе 42 лѣтъ въ небывалой пропорціи, на 6% ежегодно.

Съ 1753 г. по 1792 г., т. е. въ теченіе 39 лѣтъ, государство подъ твердымъ управленіемъ Цяньлуна, пользовалось непрерывнымъ миромъ, что отразилось на численности населенія, возросшаго до 207.467.200 чел., т. е. приблизительно по 2½% ежегодно. По переписи 1812 г. населеніе возросло до 262.467.183 души при ежегодномъ приростѣ въ 1%. Продолжайся приростъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія въ той же пропорціи—Срединная имперія, въ настоящее время насчитывала бы колоссальное населеніе въ 660 милл. Если этого не случилось и если по опредѣленію наиболѣе компетентныхъ лицъ, населеніе Китая не превышаетъ нынѣ 400 милл., то лишь вслѣдствіе особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, на время совершенно парализовавшихъ размноженіе. Населеннѣйшія и богатѣйшія провинціи имперіи подверглись полному или частичному разоренію и опустошенію, благодаря цѣлому ряду политическихъ смутъ и возстаній, обрушившихся на Китай въ нынѣшнемъ столѣтіи. Особенный вредъ причинило странѣ возстаніе тайпиновъ, «длинноволосыхъ», охватившее нѣсколько провинцій и длившееся много лѣтъ (съ 1854 г. по 1864 г.). Такъ провинція Цзянъ-су въ 40-лѣтній періодъ съ 1842 г. по 1882 г. потеряла 19 милл. жителей, т. е. половину своего населенія. Почти столько же утратили провинціи Чжэ-цзянъ и

[1]) По свѣдѣніямъ „The Statesmans year book", 1897 г.

[2]) Матеріаломъ для этой вставки послужило извѣстное сочиненіе Коростовцева „Китайцы и ихъ цивилизація".

Чжи-ли. Въ провинціи Ань-хой населеніе уменьшилось на 20 милл. Около 1855 г. началось возстаніе магометанъ въ Юнь-нани, завершившееся сверженіемъ китайской власти и основаніемъ въ 1867 г. халифата. Жертвы этого возстанія, вслѣдствіе сильнаго религіознаго антагонизма между китайцами и магометанами, были весьма многочисленны.

Къ бѣдствіямъ войны присоединилась въ 1782 г. сильная эпидемія, произведшая не малое опустошеніе въ населеніи. Въ 1860 годахъ вспыхнуло возстаніе дунганъ въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су. Это возмущеніе длилось 16 лѣтъ и превратило цвѣтущую и населенную страну въ пустыню. Обезлюденіе, начатое междоусобными войнами, довершено было тремя годами (съ 1876 г. по 1878 г.), жестокаго голода, свирѣпствовавшаго въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая—Шань-си, Шэнь-си, Чжи-ли, Хэ-нани и отчасти въ Шань-дунѣ. Въ Шань-си, напримѣръ, въ теченіе трехъ лѣтъ отъ голода погибло 5 милл. человѣкъ.

Нашъ генеральный консулъ въ Пекинѣ П. С. Поповъ, занимавшійся демографіею и статистикою Китая, пытался вывести цифры населенія провинцій, неупомянутыхъ въ новѣйшихъ китайскихъ отчетахъ, пользуясь оффиціальными данными прежнихъ годовъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены цифры 19-ти провинцій, заимствованныя изъ доклада 1886 г., отчасти же изъ статистической таблицы г. Попова, который при выводѣ своихъ цифръ принималъ во вниманіе разныя обстоятельства, вліявшія на приростъ или на убыль населенія:

Провинціи.	Населеніе въ 1836 г.	Населеніе въ 1887 г.	Приростъ.	Населеніе, выведенное на основаніи старыхъ списковъ.
1) Шань-дунъ	36.631.308	36.644.255	12.947	—
2) Шань-си	10.847.147	10.658.401	188.746 (убыль)	—
3) Хэ-нань	22.117.439	22.117.829	390	—
4) Цзянъ-су	21.346.899	21.408.930	62.031	—
5) Цзянъ-си	24.554.085	24.559.327	5.242	—
6) Чжэ-цзянъ	11.691.255	11.703.038	11.783	—
7) Ху-бэй	33.682.193	33.763.437	81.242	—
8) Ху-нань	21.005.952	21.005.368	416	—
9) Шэнь-си	8.395.954	8.403.818	7.864	—
10) Сы-чуань	72.126.148	73.148.566	1.053.418 (почти 1½% прироста)	—
11) Гуанъ-дунъ	29.751.178	29.762.725	11.547	—
12) Гуй-чжоу	4.803.958	4.806.572	2.947	—
13) Фу-цзянь	24.344.810	—	—	—
14) Гань-су-синь-цзянь		1.238.583 [1])	—	—
15) Чжи-ли	—	—	—	17.937.000
16) Гань-су	—	—	—	5.411.188
17) Юньнань	—	—	—	11.721.576
18) Гуанъ-си	—	—	—	5.121.327
19) Ань-хой	—	—	—	20.596.988

При сравненіи цифръ населенія 1886 и 1887 гг. поражаетъ ничтожный приростъ населенія почти во всѣхъ провинціяхъ; этотъ приростъ значительно ниже 1%, въ провинціи же Шань-си оказалось почти 2% убыли. Единственнымъ исключеніемъ является провинція Сы-чуань, въ которой приростъ достигъ почти 1½%. Благословенный климатъ, необыкновенное плодородіе почвы и отсутствіе политическихъ потрясеній—таковы причины, благопріятствовавшія размноженію населенія этого китайскаго эдема. Кромѣ того, цифра населенія Сы-чуани значительно повысилась благодаря приливу, во время Тайпинскаго возстанія, бѣглецовъ изъ другихъ провинцій, находившихся въ менѣе счастливыхъ условіяхъ. Сложивъ цифры населенія, выведенными на основаніи прежнихъ списковъ, получимъ общую сумму народонаселенія для 19-ти провинцій въ 360.039.928 чел. или круглымъ числомъ въ 360.040.000 человѣкъ. Какъ ни гипотетична эта цифра, но, за неимѣніемъ болѣе достовѣрной, ею приходится довольствоваться при опредѣленіи населенія всей имперіи. Матусовскій полагаетъ, что населеніе собственно Китая= =381.688.672 челов. Чтобы покончить вообще съ населеніемъ Китая, остается разсмотрѣть остальныя его части, гдѣ найдемъ, что по переписи 1842 г. населеніе Маньчжуріи, т. е. провинцій Шэнъ-цзинъ, Гиринь и Хэй-лунъ-цзянъ, равнялось 1.665.542 душамъ. Но въ 1887 г. въ одной Шэнъ-цзинской провинціи населеніе въ 4.457.261 человѣкъ. Принявъ цифру жителей двухъ другихъ провинцій (населенныхъ значительно слабѣе), въ 5 милл., мы получимъ для всей Маньчжуріи 9 милл. человѣкъ, что, вѣроятно, скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности[1]).

Матусовскій населеніе сѣверной и южной Монголіи опредѣляетъ въ 3 милліона. Тибета,

[1]) Эта цифра выведена на основаніи доклада генералъ-губернатора этой провинціи, представленнаго въ 1887 г. Въ докладѣ говорится, что число семействъ провинціи равно 266.959.

[1]) См. „Маньчжурія".

Куку-нора въ 3 милл. 650 тыс., Или и Тарбагатая въ 200 слишкомъ тысячъ. Сложивъ цифру населенія Маньчжуріи съ числами населенія названныхъ территорій, получимъ общую цифру народонаселенія застѣннаго Китая 15 милл. 850 тыс. или круглымъ числомъ 16 милл. Для полученія народонаселенія всей имперіи это число слѣдуетъ прибавить къ выведенной нами выше цифрѣ населенія 19-ти провинцій, тогда мы будемъ имѣть.

Населеніе: 19-ти провинцій — 360.040 000 чел.; Маньчжуріи и остальныхъ территорій— 16.000.000 чел.; всего—376.040.000 чел.

Итогъ этотъ можно считать цифрою народонаселенія Китая въ 1887 г., существенную часть его составили цифры переписи 1887 г. Нѣтъ причинъ допускать, въ особенности въ виду отсутствія крупныхъ бѣдствій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, чтобы нормальный годовой приростъ населенія былъ многимъ меньше $^1/_2\,^0/_0$. Принявъ такой $^0/_0$ ежегоднаго прироста, мы получимъ, что населеніе всей имперіи увеличилось съ 1887 г. по 1896 г. (т. е. за 9 лѣтъ) на 18 милл. чел. Прибавивъ этотъ приростъ къ выведенной нами цифрѣ населенія всей имперіи въ 1887 г. получимъ—376.040.000; 9-ти-лѣтній приростъ — 18.000.000; всего — 394.040.000, минусъ предполагаемое населеніе о-ва Формозы, уступленнаго Японіи—3.000.000, получимъ—391.040.000 т. е. предполагаемую цифру населенія въ 1896 г.* [1]).

Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени китайцы составили себѣ понятіе о формѣ и рельефѣ своего отечества, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ чертахъ. Шу-цзинъ или «книга лѣтописей» разсказываетъ, что императоръ Юй, за двадцать два вѣка до начала общепринятаго лѣтосчисленія западныхъ народовъ, приказалъ составить статистическое описаніе Китая и вырѣзать карты девяти провинцій на девяти бронзовыхъ вазахъ: поставленные на храненіе въ одинъ храмъ, эти предметы считались народомъ какъ долженствующіе обезпечивать корону тому, кто сдѣлается ихъ обладателемъ; въ половинѣ третьяго столѣтія старой эры, одинъ богдоханъ велѣлъ ихъ бросить въ рѣку, дабы ими не могли воспользоваться его побѣдители. Рядъ работъ, перечисляемыхъ въ книгѣ Юй-гунъ, которыя были произведены подъ руководствомъ императора Юй въ видахъ устроенія государства, также составляетъ настоящую топографію, вѣроятно, древнѣйшую въ свѣтѣ: горы и мысы, рѣки и озера, качества грунта, произведенія почвы, все указано въ этомъ описаніи девяти провинцій имперіи. Цѣлые легіоны комментаторовъ, китайскихъ и европейскихъ, изучали эту географію Китая и провѣряли упоминаемыя въ ней имена мѣстъ. Отыскивая повсюду мистическій порядокъ и симметрію съ цѣлью найти священныя числа «девяти горъ», «девяти рѣкъ», «девяти рѣчныхъ вѣтвей», «девяти болотъ» и «девяти естественныхъ валовъ или стѣнъ», соотвѣтствующихъ девяти описываемымъ провинціямъ, неизвѣстный авторъ Юй-гуна не могъ, конечно, составить себѣ яснаго понятія о рельефѣ страны во всей его точности; но тѣмъ не менѣе вѣрно, что географія Китая, отъ моря до сыпучихъ песковъ пустыни Гоби, была подробно извѣстна въ ту эпоху. Даже, кажется, она была тогда лучше извѣстна, нежели въ послѣдующіе вѣка, ибо большая часть комментаріевъ, вмѣсто того, чтобы разъяснить, только затемнили текстъ Юй-гуна, представляя какъ чудо малѣйшій географическій фактъ, разсказанный въ этой книгѣ [1]), и пытаясь противопоставить, между предметами китайской природы, «пятерные ряды» мистическимъ «рядамъ девяти», указываемымъ авторомъ Юй-гуна. Только въ наши дни, благодаря критикѣ европейскихъ синологовъ, этотъ древнѣйшій памятникъ китайскаго отечествовѣдѣнія понятъ наконецъ въ его истинномъ смыслѣ.

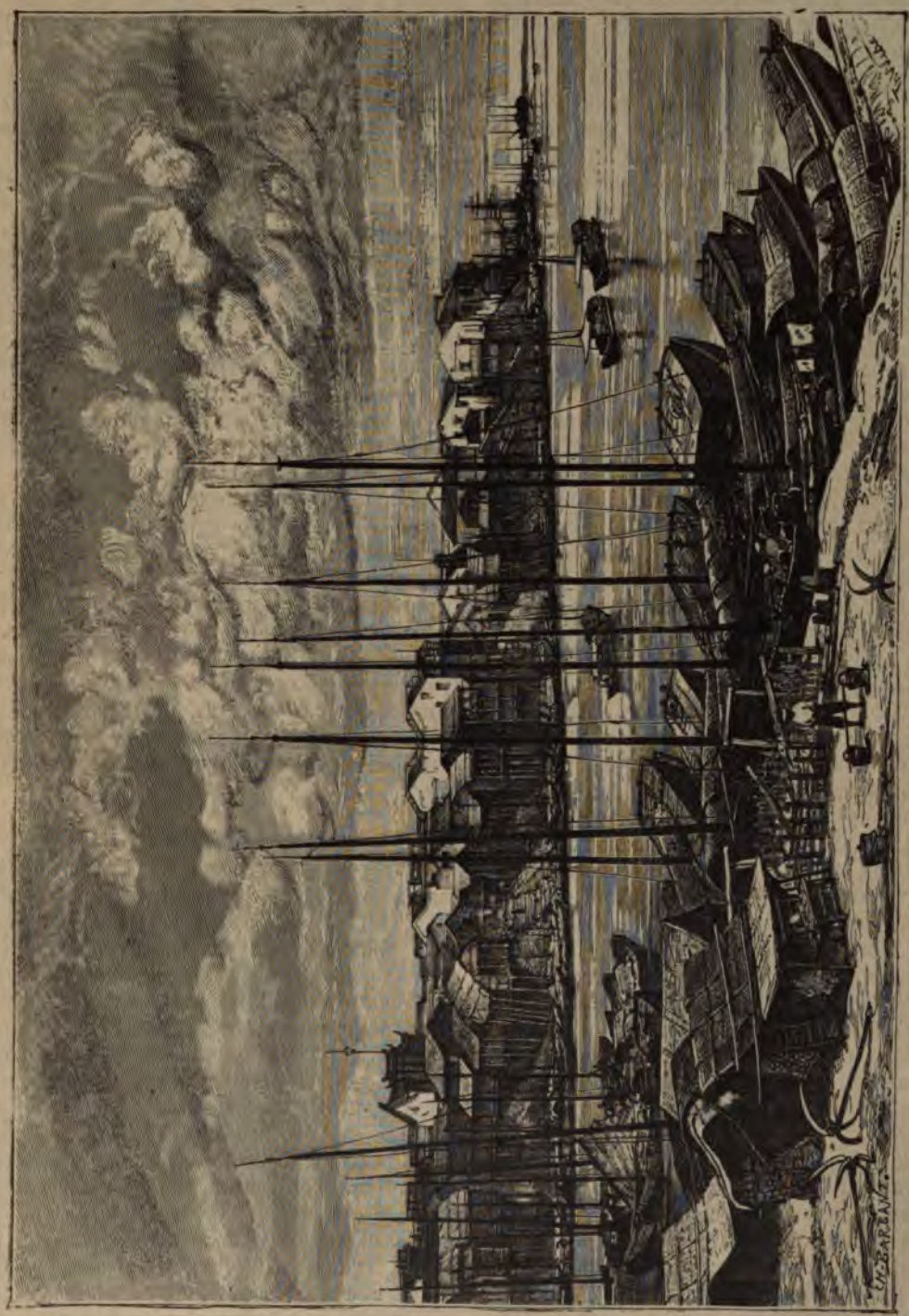
Въ царствованіе династіи Хань, во второмъ столѣтіи христіанской эры, въ Китаѣ существовало настоящее топографическое бюро, чжи-фанъ-ши, которому поручено было измѣрять страну и составлять карты [2]). Съ того времени географическія изслѣдованія никогда не были въ пренебреженіи; но во всѣхъ китайскихъ сочиненіяхъ, относящихся къ географіи Центральнаго царства, замѣчается полнѣйшій недостатокъ чувства пропорціональности, аналогичный тому, которымъ страдаютъ произведенія китайской живописи. Отдѣльно стоящій пикъ, цѣпь горъ и цѣлая орографическая система имѣютъ въ ихъ описаніяхъ совершенно одинаковую важность и обозначаются однимъ и тѣмъ же именемъ; ручеекъ, большая рѣка, озеро, море, показаны на картахъ одинаково толстыми штрихами, одинаково сильными ударами кисти или чертами рѣзьбы; берега не начерчены въ видѣ непрерывной линіи: все смѣшивается въ картинѣ, рѣки и дороги, города и горы. Указаннымъ мѣрамъ недостаетъ точности, и онѣ имѣютъ лишь общую цѣну, и притомъ и единица длины, ли, измѣняется, смотря по времени и мѣсту. Обыкновенно европейцы приравниваютъ ее одной трети мили или одной десятой лье; но извѣстно, что эти мѣры разстоянія и сами не отличаются точностью. Въ градусѣ экватора считаютъ то 185 ли, то 192, 200 или 250, что̀ соотвѣтствуетъ для каждаго ли 600, 578, 556 или 445 метрамъ длины. Та-

[1]) При дальнѣйшемъ обзорѣ Китая по его частямъ будутъ приводиться цифры для показанія пространства и населенія, заимствованныя у Матусовскаго, какъ сравнительно еще и до настоящаго времени достаточно близкія къ истиннымъ. Примѣч. ред.

[1]) F. von Richthofen, „China".

[2]) Ed. Biot, „Le Tchéou-li ou Rites des Tchéou".

кимъ образомъ средняя величина ли оказывается почти равной половинѣ километра; но разности вычисленія настолько значительны, что невозможно отмѣтить съ точностью относительное разстояніе мѣстъ, перечисляемыхъ въ китайскихъ документахъ. Для приблизительнаго исчисленія разстоянія однако принято считать ли равнымъ $^1/_2$ версты.



Хань-коу при сліяніи Хань-цзянъ съ Янъ-цзы-цзяномъ.

Первые европейскіе путешественники, которые проникли въ Срединную имперію и разсказали про ея чудеса западному міру, могли, естественно, сдѣлать только предварительную работу открытія дотолѣ невѣдомой страны, и даже пройденные этими изслѣдователями пути обозначены на картѣ во многихъ мѣстахъ неопредѣленнымъ образомъ. При томъ же очень немногіе изъ первыхъ европейскихъ посѣтителей Китая оставили по себѣ память въ исторіи. Послѣ Марко Поло, знаменитаго венеціанца, который странствовалъ по Китаю въ продолже-

ніе семнадцати лѣтъ, и другіе европейскіе купцы или миссіонеры, Пеголотти, Монтекорвино, Одорико де Перденоне, Мариньолли, видѣли большіе города Срединной имперіи. Въ своемъ описаніи великолѣпія города Цзинъ-ши —нынѣшній Ханъ-чжоу-фу, Одорико ди Перденоне ссылается на свидѣтельство многочисленныхъ венеціанцевъ, которые, тоже посѣтивъ дивный китайскій градъ, могли подтвердить его слова. Но дѣло изслѣдованія въ собственномъ смыслѣ и провѣрка или исправленіе туземныхъ картъ начались только съ прибытіемъ въ страну европейскихъ миссіонеровъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи тріентинецъ Мартино Мартини составилъ свое сочиненіе, въ которомъ онъ воспроизвелъ китайскія карты, измѣненныя имъ согласно собственнымъ путевымъ наблюденіямъ и сопровождаемыя критическими документами. Сдѣлавшись, въ концѣ того же столѣтія, оффиціальными астрономами и математиками имперіи, французскіе миссіонеры, которые въ то же время поддерживали сношенія съ географами Западной Европы, могли заниматься съ успѣхомъ изслѣдованіемъ Китая, могли тщательно снимать на планъ пройденныя ими мѣстности, опредѣлить постоянныя точки на своихъ картахъ посредствомъ наблюденія небесныхъ свѣтилъ. Въ 1688 и 1689 годахъ миссіонеръ Жербильонъ получилъ даже отъ пекинскаго правительства порученіе принять участіе въ трудахъ по проведенію новой границы между Россіей и Китайской имперіей, и до послѣднихъ русскихъ экспедицій его записки оставались капитальнымъ сочиненіемъ для нѣкоторыхъ областей сѣвернаго Китая. Наконецъ, въ 1708 году Буве, Режи и Жарту приступили, по повелѣнію императора Канъ-си, къ построенію генеральной карты Китая, которая и теперь еще, для нѣкоторой части внутренности имперіи, составляетъ основу, на которую современные путешественники должны наносить свои поправки. Въ десять лѣтъ эта общая передѣлка китайскихъ картъ была окончена, извѣстный французскій географъ д'Анвиль могъ воспользоваться ими для составленія атласа, съ котораго почти всѣ другія, изданныя послѣ того, карты Китая представляютъ только болѣе или менѣе вѣрныя перепечатки.

Труды научнаго изслѣдованія, предпринятые нынѣ въ различныхъ частяхъ имперіи, позволяютъ надѣяться на появленіе въ близкомъ будущемъ генеральной карты Китая, болѣе точной въ отношеніи положенія городовъ и теченія рѣкъ и въ особенности болѣе вѣрной въ отношеніи изображенія рельефа страны. Элементы для построенія этой новой карты умножаются съ каждымъ годомъ. Гидрографы англійскіе, французскіе, американскіе, нѣмецкіе, русскіе тщательно сняли на карту почти всѣ морскіе берега имперіи, входы въ порты, подступы къ островамъ, архипелаги, песчаныя мели. Блекистонъ и другіе моряки начертили теченіе Янъ-цзы-цзяна со всѣми его излучинами и такимъ образомъ приготовили для послѣдующихъ картографическихъ работъ линію базиса, проходящую черезъ всю имперію. Гг. Фритше, Сосновскій, Пржевальскій, Пѣвцовъ, Грумъ-Гржимайло, Путята и другіе русскіе путешественники, наконецъ Рихтгофенъ, который началъ издавать атласъ Китая въ сорока четырехъ листахъ, связали пройденные ими пути Срединной имперіи съ дорогами Сибири и Европы цѣлымъ рядомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, и сѣть этихъ маршрутовъ новѣйшихъ изслѣдователей образуетъ уже, во всемъ Срединномъ царствѣ, большіе треугольники, вершины которыхъ сходятся на пекинской обсерваторіи и на европейскихъ станціяхъ въ портахъ морскаго прибрежья. Китайцы также принимаютъ участіе въ этомъ географическомъ трудѣ, и нѣкоторыя изъ напечатанныхъ въ послѣднее время туземныхъ картъ доказываютъ, что, въ графическомъ изображеніи формъ рельефа, фантазія и мистическій духъ уступили мѣсто у нихъ тщательному наблюденію чертъ природы. Обладая обширной синологической литературой, западные европейцы почти не имѣютъ, кромѣ вышеупомянутаго классическаго атласа Рихтгофена, хорошихъ картъ Китая. Все, что въ послѣднее время извѣстно въ этомъ отношеніи лучшаго, принадлежитъ русскимъ картографамъ Матусовскому, Веберу, Бретшнейдеру и другимъ авторамъ, болѣе подробный списокъ которыхъ уже помѣщенъ въ предисловіи къ книгѣ.

Въ своихъ естественныхъ границахъ, собственно такъ называемый Китай представляетъ довольно большое географическое единство. Можно сказать вообще, что его горныя цѣпи понижаются и развѣтвляются отъ запада къ востоку, открывая повсюду удобныя дороги населеніямъ, поднимающимся отъ береговъ моря къ внутреннимъ областямъ страны. Проломы въ цѣпи горъ, невысокіе или, по крайней мѣрѣ легко доступные горные проходы и перевалы дѣлаютъ возможнымъ сообщеніе между населенными мѣстностями противоположныхъ скатовъ, и нигдѣ отдѣльные мірки, образуемые плоскогорьями, не имѣютъ достаточно важнаго значенія, чтобы прерывать связь окружающихъ населеній. Двѣ главныя рѣки Китая, Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ, расположены такимъ образомъ, что онѣ чрезвычайно облегчаютъ поддержаніе національнаго единства прибрежныхъ жителей. Обѣ эти рѣки имѣютъ общее направленіе, параллельное экватору, такъ что переселенія могутъ совершаться послѣдовательно изъ одной мѣстности въ другую сосѣднюю, вдоль по теченію рѣкъ, при чемъ

колонистамъ не приходится страдать отъ рѣзкой перемѣны климата, Хотя Желтая и Голубая рѣки текутъ на очень большихъ разстояніяхъ одна отъ другой въ своей средней части, и хотя многочисленныя цѣпи горъ, составляющія восточное продолженіе системы Куэнь-лунь, поднимаются между этими могучими потоками, однако, между средними ихъ теченіями открываются проходы, сдѣлавшіеся очень оживленными путями сообщенія, которые ведутъ изъ сѣверной долины въ южную. Въ области верховьевъ, поперечная долина, въ которой течетъ Минъ-цзянъ, впадающій въ Янъ-цзы-цзянъ, представляетъ первую дорогу, очень трудную, но которою, однако, пользуются уже съ незапамятныхъ временъ; другой путь, пролегающій по долинѣ Цзя-линъ, менѣе затруднителенъ, и потому имъ чаще пользуются, чѣмъ предъидущимъ; на востокѣ, рѣка Хань-цзянъ тоже протекаетъ въ широкой бороздѣ, открывающейся наискось отъ одной главной рѣки до другой въ важнѣйшихъ частяхъ ихъ теченія; наконецъ, въ области низовьевъ, аллювіальныя равнины двухъ главныхъ потоковъ Китая сливаются, и иногда случалось даже, что [illegible]туждающія воды Хуанъ-хэ изливались въ лиманъ, сообщающійся посредствомъ побочныхъ вѣтвей съ водами рѣки Хуай-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Можно сказать, что два главные рѣчные бассейна имперіи, обнимающіе вмѣстѣ, на всемъ ихъ протяженіи въ Тибетѣ, Куку-норѣ, Монголіи и Китаѣ, поверхность въ 340.000 квадратныхъ километровъ, принадлежатъ къ одной и той же гидрографической системѣ. Половина этого пространства, которая находится къ югу отъ монгольскихъ степей и къ востоку отъ тибетскихъ плоскогорій, сдѣлалась, естественно, земледѣльческой областью одной и той же націи.

Южная часть Китая, простирающаяся на югъ отъ этихъ двухъ рѣкъ-близнецовъ, которыя окружаютъ своимъ теченіемъ истинный «Цвѣтокъ середины», менѣе прочно соединена съ остальной имперіей. Въ этой области горы болѣе высоки, чѣмъ въ центрѣ страны, и раздѣляются на большее число цѣпей, расположенныхъ параллельно, по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; главная рѣка края, Сицзянъ (Сикіангъ), не можетъ быть сравниваема по своему развитію съ двумя первенствующими рѣками Китая, и ея боковыя долины не открываютъ населеніямъ столь же широкихъ путей къ внутренности бассейна, какъ долины притоковъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Эта часть имперіи, составляющая особую территорію, отличную отъ остальнаго Китая, и которая, съ другой стороны, соединяется съ областями Индо-Китая верхними долинами Красной рѣки и Меконга, должна была, вслѣдствіе этого, рѣзко отличиться отъ области двухъ главныхъ рѣкъ Срединнаго царства, какъ климатомъ и естественными произведеніями, такъ и характеромъ населенія. Дѣйствительно, южные китайцы много разнятся отъ сѣверныхъ по языку и нравамъ; въ теченіе многовѣковой исторической жизни націи они часто входили въ составъ другихъ политическихъ агломерацій.

Въ Старомъ свѣтѣ Китай соотвѣтствуетъ западной Европѣ своимъ климатомъ, своими естественными произведеніями и историческимъ развитіемъ. Правда, что Китай, отъ Чжилійскаго залива до острова Хай-нань, въ своей совокупности, гораздо ближе къ экватору, чѣмъ западная Европа, такъ какъ самая сѣверная часть Срединной имперіи, въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. приморская оконечность Великой стѣны, находится подъ 40 градусами широты, какъ гора Аѳонъ, Минорка и Коимбра, и къ югу отъ Кантонскаго лимана все китайское прибрежье лежитъ въ тропическомъ поясѣ; но кривизна изотермическихъ линій, изгибающихся тамъ къ югу, такъ сказать, приподнимаетъ китайскую территорію въ сѣверномъ направленіи и сообщаетъ ей климатъ относительно холодный. Такъ, средняя годовая температура южной Англіи и сѣверной Франціи, равная 10 градусамъ по Цельзію, есть та же самая, какъ температура Пекина и долины рѣки Байхэ; Шанхай соотвѣтствуетъ, по средней своего климата, Марсели и Генуѣ, а изотерма 20 градусовъ Цельзія, проходящая по морскимъ берегамъ южнаго Китая, касается также португальской Алгавріи и Андалузіи. Правда, среднія величины температуры указываютъ только ось годовыхъ колебаній климата, и нужно, кромѣ того, принимать въ соображеніе, главнымъ образомъ, крайности тепла и холода. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Китай есть въ одно и то же время страна болѣе сѣверная и болѣе южная, чѣмъ умѣренная Европа. Лѣтомъ жары тамъ сильнѣе, а зимой холода суровѣе. Въ Старомъ Свѣтѣ, какъ и въ Новомъ, восточные берега континента имѣютъ болѣе неравномѣрный климатъ или климатъ крайностей, чѣмъ берега западные: это различіе происходитъ главнымъ образомъ отъ расположенія океанскихъ пространствъ и отъ вращенія земнаго шара въ направленіи отъ запада къ востоку. Въ Европѣ атмосферныя теченія, борющіяся изъ-за преобладанія, суть правильные вѣтры, идущіе отъ полюса, которые вращательнымъ движеніемъ земли измѣняются въ сѣверо-восточные и противо-пассаты, превращающіеся, вслѣдствіе земнаго вращенія, въ юго-западные вѣтры. На восточныхъ же берегахъ Азіи, центръ притяженія, образуемый громаднымъ бассейномъ Тихаго океана, отклоняетъ воздушные токи отъ ихъ нормальнаго направленія. Полярные вѣтры, проходящіе надъ Сибирью, уклоняются къ югу и къ юго-востоку, чтобы замѣщать теплую атмосферу, которая изъ тропиче-

скихъ морей переливается къ полюсу. Лѣтомъ, напротивъ, накаленныя солнцемъ «желтыя земли» по рѣкѣ Хуанъ-хэ, голыя степи, глинистыя и песчаныя пространства Монголіи привлекаютъ къ себѣ морскіе вѣтры, и воздушные слои, простирающіеся надъ Великимъ океаномъ, образуютъ юго-восточные муссоны, направляющіеся къ внутренности Китая. Это уклоненіе атмосферныхъ токовъ проявляется съ наибольшей силой на сѣверъ отъ Голубой рѣки; что касается болѣе южныхъ странъ, то притягательный центръ, представляемый пустыней Гоби, который при томъ же заслоненъ цѣпями горъ, слѣдующихъ одна за другой параллельно морскому берегу, находится слишкомъ далеко для того, чтобы вліяніе его могло отклонять пассатные вѣтры отъ ихъ нормальнаго хода, совершающагося по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и оттого послѣдніе неуклонно продолжаютъ дуть изъ Бенгальскаго залива къ плоскогорьямъ Юнь-нани и изъ Кохинхины къ острову Формозѣ. Но въ этихъ областяхъ моря воздухъ, побуждаемый двумя различными силами, пребываетъ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, и здѣсь-то, подъ вліяніемъ двойнаго усилія, происходятъ въ эпохи перемѣны направленія муссоновъ, такъ называемые по-китайски тайфуны или «большіе вѣтры», тѣ «тифоны», которыхъ такъ боятся мореплаватели и которыми такъ страшенъ Формозскій проливъ.

Благодаря правильнымъ юго-западнымъ вѣтрамъ и муссонамъ, которые направляются съ моря къ внутренности континента, земли, расположенныя на пути этихъ атмосферныхъ теченій, получаютъ среднее количество влаги, болѣе значительное, чѣмъ страны западной Европы, и главныя рѣки, послѣ того какъ часть ихъ водъ израсходовалась на орошеніе обширныхъ земледѣльческихъ пространствъ и наполненіе большихъ озеръ, образовавшихся по обѣ стороны ихъ теченія, уносятъ еще въ море излишекъ, который доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кубическихъ метровъ въ секунду: среднее годовое паденіе дождя на приморскую область Китая можно считать равнымъ 1 метру, именно:

Среднее паденіе дождевой воды и снѣга въ сантиметрахъ:

Пекинъ—652; Си-ка-вэй—1.134; Хань-коу—1.380; Амой—1.138; Кантонъ—1.795; Шанхай—1.067 [1]).

Почти вся атмосферная влага падаетъ въ видѣ дождя, ибо холодные зимніе вѣтры приходятъ изъ континентальныхъ пространствъ, а влажные вѣтры,—по большей части теплыя воздушныя теченія, дующія съ юга. Когда однажды сильный вихрь принесъ нѣсколько хлопьевъ снѣга въ Кантонъ, то удивленные жители подумали, что это, должно быть, нѣчто въ родѣ летучаго хлопка, и нѣкоторые стали собирать снѣгъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, онъ пригодится какъ противолихорадочное средство. Обыкновенная правильность чередованія временъ года и перемѣнъ погоды есть одна изъ причинъ, которыя наиболѣе способствовали успѣхамъ земледѣлія въ Китаѣ. Тогда какъ въ Европѣ неправильныя годовыя варіаціи атмосферныхъ явленій отнимаютъ увѣренность у земледѣльца и много измѣняютъ, отъ одного года до другаго, величину и цѣнность его жатвы, уклоненія климата отъ средней нормы въ Китаѣ гораздо менѣе значительны, и тамошній крестьянинъ съ меньшимъ безпокойствомъ за будущее бросаетъ свое зерно въ борозду пашни. Тѣмъ не менѣе, однако, и тамъ большія катастрофы, каковы наводненія и иногда также совершенное бездожіе, могутъ лишить населеніе ожидаемаго урожая, и тогда голодъ становится неизбѣжнымъ [1]).

Пользуясь умѣреннымъ климатомъ, который въ южныхъ областяхъ приближается къ тропическому, Китай обладаетъ очень богатой флорой, гдѣ растительныя формы индійской области смѣшиваются съ растеніями европейскаго вида. Въ промежуточныхъ округахъ юга одно и то же поле можетъ производить сахарный тростникъ и картофель; дубъ и бамбукъ растутъ рядомъ въ одной и той же рощѣ [2]). По направленію отъ юга къ сѣверу замѣчается постепенный переходъ отъ индійской флоры къ маньчжурской. Переселеніе тропическихъ растеній облегчается наклонностью многочисленныхъ китайскихъ долинъ къ малайскому полуострову: переходъ отъ одного климата къ другому не задерживается или не затрудняется никакой естественной преградой, въ видѣ горныхъ цѣпей, пустынь, степей или морей, какъ на югѣ Европы, въ западной Азіи и въ сѣверной Америкѣ. Очень многія растенія, принадлежащія къ индійской флорѣ, можно видѣть еще въ Кантонѣ и въ Гонконгѣ, другія поднимаются еще далѣе къ сѣверу, и только въ сосѣдствѣ города Амой, подъ 24 градусомъ широты, тропическія растенія находятъ свою сѣверную границу распространенія. Изъ южныхъ видовъ наидалѣе распространяются къ сѣверу тѣ, которые наиболѣе нуждаются въ большомъ количествѣ воды для своего произрастанія, и которые, слѣдовательно, требуютъ если не тропическихъ жаровъ, то, по крайней мѣрѣ, дождей, столь же обильныхъ, какъ дожди тропическаго пояса [3]). Одно изъ этихъ растеній—бамбукъ, полезнѣйшій матеріалъ въ домашнемъ хозяйствѣ китайцевъ, которые строятъ изъ него жи-

[1]) Ивановскій, „Китай".

[1]) Grisebach, „la Végétation du Globe", trad. par Tchihatchev.

[2]) Fortune; — Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen".

[3]) Гризебахъ, цитированное сочиненіе.

лища, выдѣлываютъ мебель, веревки, паруса, приготовляютъ бумагу и даже употребляютъ его въ пищу: молодые побѣги бамбука составляютъ одно изъ лакомыхъ блюдъ китайской кухни.

ревьевъ: и въ этомъ отношеніи Китай тоже напоминаетъ тропическія области, хотя онъ, можно сказать, не имѣетъ настоящихъ лѣсовъ. Въ окрестностяхъ Гонконга, гдѣ древесная ра-

Видъ въ горахъ провинціи Сы-чуань.

Главное отличіе китайской флоры отъ европейской состоитъ въ томъ, что первая заключаетъ большое число деревянистыхъ видовъ, ліанъ (вьющихся растеній), кустарниковъ и дестительность была оттѣснена распространеніемъ земледѣлія въ нѣкоторыя узкія долины и на верхніе скаты холмовъ, деревянистыя породы представляютъ собою цѣлую треть мѣ-

стныхъ видовъ, тогда какъ на одномъ изъ острововъ Средиземнаго моря, на Искіи, который, по своему географическому положенію можетъ быть сравниваемъ съ Гонконгомъ, деревянистыя растенія составляютъ лишь двѣнадцатую часть флоры [1]). Даже около Пекина и во всемъ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ, однако, климатъ уже почти сибирскій въ продолженіе извѣстной части года, и тамъ древесныя формы исчисляются въ одну пятую общаго числа растительныхъ видовъ. Между этими деревянистыми растеніями деревья и кустарники съ вѣчно зеленой листвой очень многочисленны: въ особенности смолистыя породы представлены тамъ самыми разнообразными типами, и флора Китая превосходитъ въ этомъ отношеніи даже лѣсную область сѣверной полосы Америки; лавровыя деревья также принадлежатъ къ нормальной физіономіи китайскаго пейзажа. Точно также древесныя формы области Средиземнаго моря всѣ имѣютъ соотвѣтственные виды въ китайской области, и большая часть деревьевъ съ опадающими листьями, каковы липа, ясень, сикомора, кленъ, встрѣчаются также въ Китаѣ и принадлежатъ къ тѣмъ же родамъ, какъ и европейскіе виды. Наконецъ, въ ряду кустарниковъ олеандръ и миртъ тоже напоминаютъ флору странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю; кромѣ того, китайская флора имѣетъ то преимущество надъ туземной флорой Европы, что она заключаетъ въ себѣ большое число видовъ, замѣчательныхъ пышностью своихъ цвѣтковъ или красотой своихъ листьевъ. Въ архипелагѣ Чжу-санъ путешественникъ Фортюнъ [2]) объѣхалъ одинъ лѣсистый островъ, гдѣ подлѣсокъ состоялъ изъ огромныхъ камелій, достигавшихъ въ вышину отъ 6 до 9 метровъ. Извѣстно, что эти великолѣпные цвѣтки первоначально привезены въ Европу изъ «Цвѣтущаго царства», такъ же, какъ жасминъ, азалея, глициния. Китай же далъ намъ шелкъ, самое драгоцѣнное изъ нашихъ волоконъ растительнаго происхожденія [3]).

Новыхъ числовыхъ данныхъ о количествѣ видовъ растеній китайской флоры къ сожалѣнію еще не указано. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1885 году и сообщеннымъ Максимовичемъ, число видовъ пекинской флоры достигало 995, но конечно эта цифра далеко ниже дѣйствительнаго числа видовъ южнаго и средняго Китая. Въ одной только флорѣ Гонконга Бентамъ насчитываетъ до 1.000 видовъ. Изъ остальныхъ провинцій собрано и перечислено несравненно больше, но пока еще нѣтъ возможности указать хотя бы приблизительную цифру для всего Китая [4]).

[1]) Bentham;—Grisebach.
[2]) Two visits to the tea-countries.
[3]) Eugène Simon, „Récit d'un voyage en Chine".
[4]) Максимовичъ, „Bull. du congr. internat. de Botanique", 1884 г.

Что касается животнаго царства, то тоже хотя неутомимые зоологи изъѣздили Китай во всѣхъ направленіяхъ, но фауна далеко еще не извѣстна во всей своей цѣлости, и каждый новый изслѣдователь открываетъ тамъ новые, прежде невѣдомые виды. Вѣроятно, что многіе другіе виды перестали существовать уже въ теченіе историческаго періода: постепенные захваты земледѣлія въ концѣ концовъ лишили ихъ всякаго убѣжища. Такъ, древнія описанія Китая говорятъ о носорогѣ, слонѣ, тапирѣ, какъ о животныхъ, водящихся въ имперіи: неизвѣстно, въ какую именно эпоху эти толстокожіе исчезли [1]). Китайская фауна, такая, какою она могла сохраниться въ гористыхъ областяхъ и въ лѣсахъ западныхъ плоскогорій, очень богата, гораздо богаче европейской; но во внутреннихъ провинціяхъ Китая мы находимъ уже весьма мало дикихъ видовъ. Подобно тому, какъ въ отношеніи флоры, въ животномъ царствѣ замѣчается постепенный переходъ отъ индійскихъ видовъ къ маньчжурскимъ формамъ. Обезьяны, которыхъ можно разсматривать какъ представителей тропическаго міра въ умѣренной полосѣ Китая, живутъ въ небольшомъ числѣ въ лѣсныхъ чащахъ и въ пещерахъ горъ чуть не до самыхъ окрестностей Пекина. По словамъ путешественниковъ Суинго и Армана Давида, по крайней мѣрѣ девять видовъ четырерукихъ встрѣчаются на китайской и тибетской территоріи. Около десятка видовъ кошачьяго рода, въ томъ числѣ тигръ, барсъ и другіе плотоядные звѣри, которыхъ, казалось бы, можно встрѣтить только въ тропическихъ лѣсахъ, рыскаютъ также, но въ небольшомъ числѣ, въ наименѣе населенныхъ мѣстностяхъ собственно такъ называемаго Китая. Разсматриваемая въ цѣломъ, китайская фауна много разнится отъ фауны западной Европы: такъ, на двѣсти видовъ млекопитающихъ насчитываютъ всего только какой-нибудь десятокъ такихъ, которые могутъ быть названы въ одно и то же время европейскими и китайскими; да и то существуютъ нѣкоторыя небольшія различія между этими животными Востока и Запада, признаваемыя нѣкоторыми натуралистами за специфическіе признаки. Европейскія птицы сравнительно представлены большимъ числомъ видовъ въ китайской фаунѣ, такъ какъ общихъ видовъ оказалось около одной пятой, именно 146 на 764,—почти все хищныя и водяныя птицы; около шестидесяти видовъ принадлежатъ также къ фаунѣ Новаго Свѣта. Между черепахами, ящерицами, змѣями, саламандрами ни одинъ изъ многочисленныхъ представителей этого класса, которыми обладаетъ Китай, не существуетъ въ Европѣ. Точно также, за исключеніемъ угря, всѣ рыбы китайскихъ рѣкъ и озеръ

[1]) Armand David, „Journal de mon troisieme voyage d'exploration dans l'Empire Chinois".

отличаются отъ рыбьихъ породъ Запада; онѣ имѣютъ больше общаго сходства съ видами Сѣверной Америки. Причину этого явленія нужно искать въ сходности рѣчныхъ водъ Стараго и Новаго Свѣта къ обширному бассейну Тихаго океана, гдѣ сообщенія были гораздо легче, чѣмъ сообщенія отъ одной къ другой оконечности континентальной массы.

Китайскій народъ, который своими культурами и домашними животными съумѣлъ болѣе, чѣмъ всякая другая нація, видоизмѣнить флору и фауну своего отечества, образуетъ въ семьѣ человѣчества одну изъ наиболѣе характеристическихъ и своеобразныхъ группъ. Въ прежнее время его считали представителемъ такъ называемой «монгольской» расы, хотя онъ представляетъ большой контрастъ съ кочевыми племенами этого имени; но это выраженіе, съ которымъ прежде связывали опредѣленное, точное понятіе, обозначаетъ нынѣ только сосѣдство между народами восточной Азіи. Китайское населеніе, очевидно, очень смѣшаннаго происхожденія, и самые разнообразные типы встрѣчаются въ громадномъ протяженіи Срединной имперіи, отъ Кантона до Мукденя и отъ Шань-дуна до Сы-чуани; но именно монгольскій типъ наименѣе часто представленъ между «Дѣтьми Ханя». Если мы попытаемся опредѣлить въ несмѣтныхъ толпахъ населенія Центральной имперіи, каковы средніе китайцы, разсматриваемые какъ типъ предполагаемой расы, то мы увидимъ передъ собою индивидуумовъ средняго роста, съ довольно стройными формами тѣла и гибкими членами, склонныхъ иногда къ дородству, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ. Они имѣютъ круглое лицо, высокія челюстныя кости; выпуклость скулъ, кажется, развилась насчетъ собственно носовыхъ костей, которыя широки и плоски, такъ что отодвинули книзу внутренній уголъ вѣкъ: отсюда эти косолежащіе маленькіе глаза, которые составляютъ одну изъ характеристическихъ примѣтъ китайцевъ [1]). Волоса у нихъ такъ же, какъ глаза, всегда черные, но грубые и жесткіе; борода рѣдкая, и сквозь волосы ея проглядываетъ кожа подбородка, бѣлая, желтая или смуглая, смотря по климату. Общая форма черепа продолговатая, тогда какъ у монголовъ голова обыкновенно бываетъ гораздо болѣе круглая [2]). Большинство китаянокъ маленькія и тонкія; даже тѣ изъ нихъ, которыя занимаются самыми трудными работами, сохраняютъ деликатность своихъ формъ. Отличаясь въ этомъ отношеніи отъ европейскихъ женщинъ, обремененныхъ тяжелымъ трудомъ, онѣ не утрачиваютъ ни гибкости тѣла, ни граціи манеръ; только цвѣтъ лица дѣлается у нихъ смуглый отъ солнца и открытаго воздуха.

Уже въ древнихъ книгахъ и въ рѣчахъ Конфуція находимъ указанія на контрасты, которые представляютъ физическія черты и нравственныя свойства между различными населеніями Срединнаго царства. По характеристикѣ, даваемой этими старинными памятниками китайской письменности, жители сѣверныхъ провинцій славятся своей храбростью и неустрашимостью; людямъ южныхъ областей даны въ удѣлъ мудрость и благоразуміе; обитатели востока отличаются доброжелательствомъ и человѣколюбіемъ; обитатели запада—хорошими правилами, искренностью и вѣрностью. Каковы бы ни были всѣ ихъ добродѣтели, несомнѣнно то, что китайцы разныхъ провинцій явственно отличаются другъ отъ друга. Національной связью этого огромнаго государственнаго тѣла служитъ общая цивилизація, а не раса, ибо первоначальные элементы народа или аборигены разнообразно смѣшивались съ тибетцами, тюрками, монголами, маньчжурами, бирманами, малайцами и многочисленными народцами, еще полудикими, сифанями и мяоцзы, которые даже не имѣютъ этнографическаго наименованія. Уже десятки столѣтій земледѣльцы всякаго происхожденія, живущіе въ обширной естественной области двухъ главныхъ рѣкъ страны, Желтой и Голубой, имѣютъ одинаковыя историческія судьбы, говорятъ нарѣчіями одного и того же языка и составляютъ одну сплоченную націю. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, многія различія сгладились между первобытными расами; но противоположность существуетъ еще до сихъ поръ съ замѣчательной силой въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ, особенно въ Фу-цзянѣ и въ Гуанъ-дунѣ; жители этихъ областей составляютъ, такъ сказать, двѣ перемѣшавшіяся націи.

Гдѣ получила начало эта первая цивилизація, которая, слагаясь изъ многочисленныхъ элементовъ, въ концѣ концовъ, образовала великую китайскую націю? Въ старину эта послѣдняя давала себѣ прозвище «Ста семей» и указывала на сѣверо-западъ, по ту сторону Желтой рѣки, какъ на область, откуда группы колонистовъ спустились къ рѣчнымъ долинамъ, чтобы прогнать или поработить себѣ обитавшее тамъ менѣе цивилизованное населеніе. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что эта обширная область «желтой земли» или желтозема, лежащая главной своей частью на сѣверѣ отъ Хуанъхэ, имѣла капитальное вліяніе въ исторіи цивилизаціи народовъ Китая: нигдѣ, во всемъ свѣтѣ, не существуетъ въ одной межѣ такого огромнаго протяженія легко воздѣлываемыхъ земель; на пространствѣ, въ полтора раза превосходящемъ поверхность Франціи, почва вездѣ легкая, рыхлая, пригодная къ культурѣ пищевыхъ растеній; только вершины нѣкоторыхъ

[1]) Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1863, tome IV.

[2]) Hovelacque et Vinson, „Etudes de linguistique et d'éthnographie".

горныхъ цѣпей поднимаются надъ этой желтоземной степью, которую плугъ могъ бы сплошь преобразовать въ хлѣбныя поля. Такимъ образомъ милліоны и милліоны земледѣльцевъ легко находили себѣ средства пропитанія въ области Хуанъ-ту, гдѣ они къ тому же были защищены отъ набѣговъ окрестныхъ кочевыхъ народцевъ безчисленными промоинами, оврагами и ущельями, превратившими всю страну въ лабиринтъ, недоступный чужеземцамъ. Эта область желтозема представляла, слѣдовательно, очень благопріятныя естественныя условія для мирно развивающагося общества. По мѣрѣ того, какъ высыхали озера центральной Азіи, и песчаная пустыня вторгалась все далѣе въ область культурныхъ земель, населенія, вытѣсняемыя изъ западныхъ странъ, гдѣ они находились въ соприкосновеніи съ предками турокъ, индусовъ, персіянъ, постепенно спускались къ области Хуанъ-ту, принося съ собою въ новыя мѣста поселенія свои знанія и промыслы. Каждая рѣчная долина становилась путемъ для цивилизаціи народа земледѣльцевъ; мало-по-малу, переходя послѣдовательно отъ одной мѣстности къ другой, культура, языкъ, нравы, искусства распространились съ сѣвера на югъ во всей странѣ, извѣстной нынѣ подъ именемъ Китая. Если, между главными точками горизонта, китайцы даютъ первенство югу, если ихъ почетныя колесницы обращены на полдень, и если они ищутъ свой магнитный меридіанъ, обратясь лицомъ къ южному полюсу своихъ компасовъ, то причина этого, можетъ быть, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что движеніе переселенія и ходъ китайской цивилизаціи совершались, главнымъ образомъ, въ этомъ направленіи. То же самое мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ непрерывное распространеніе колонизаціи на западъ отъ Аллеганскихъ горъ придало, въ глазахъ народа, горизонту заката солнца нѣчто въ родѣ мистическаго превосходства: «звѣзда господства указываетъ намъ путь на западъ!» повторяютъ уже съ давнихъ поръ сѣверные американцы.

Подобно европейскимъ народамъ, населенія Китая имѣли свой каменный періодъ, и археологическія коллекціи крайняго Востока заключаютъ въ себѣ орудія и предметы всякаго рода, аналогичные каменнымъ издѣліямъ палеолитоваго и неолитоваго періодовъ Запада. Сладенъ привезъ изъ Юнь-нани нѣсколько нефритовыхъ топоровъ. Какъ и въ Европѣ, это древнее оружіе считали «громовыми стрѣлами», стрѣлами, пущенными на землю богомъ грома и молніи. Китайцы раздѣлили предшествующіе вѣка нынѣшней цивилизаціи на три эпохи, соотвѣтствующія періодамъ, принимаемымъ нашими археологами: «Фу-си (древнѣйшіе обитатели страны), говорятъ они, дѣлали себѣ оружіе изъ дерева; чжань-минъ приготовляли его изъ камня, и наконецъ, ши-юй — изъ металла»; но когда желѣзное оружіе вошло уже въ употребленіе, каменнымъ стрѣламъ продолжали еще приписывать символическое значеніе, и въ рукахъ государя онѣ считались однимъ изъ знаковъ царскаго достоинства [1]). До двѣнадцатаго столѣтія древней эры императоры Китая получали въ дань головки каменныхъ стрѣлъ, и еще долгое время послѣ этой эпохи дикія племена, живущія на западныхъ окраинахъ имперіи, употребляли оружіе этого рода. Китайцы до сихъ поръ еще имѣютъ въ своихъ письменахъ особенный знакъ, означающій «камень для приготовленія кончиковъ стрѣлъ» [2]).

Китайская нація прошла рядъ ступеней прогресса, соотвѣтствующихъ фазамъ развитія цивилизованныхъ націй другихъ частей свѣта; только эти первыя эволюціи были окончены ранѣе въ «Цвѣтущемъ царствѣ»; обитатели западной Европы находились еще въ состояніи полнаго варварства, когда китайцы, за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, писали уже свою исторію. Несмотря на бѣдность слога и мысли, несмотря на безпрестанныя повторенія, собраніе китайскихъ лѣтописей есть безспорно самый полный и наиболѣе достовѣрный памятникъ бытописанія, какимъ только обладаетъ человѣчество: въ отношеніи древности хроникъ и достовѣрности сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ ни одинъ народъ не обладаетъ сокровищемъ равноцѣннымъ тому, которое исторіографы завѣщали китайской націи. Политическія перемѣны и явленія природы одинаково занесены въ лѣтописи. Точная исторія можетъ пользоваться съ тѣмъ большимъ довѣріемъ этими правильно веденными и обстоятельными анналами, что астрономическія наблюденія, сдѣланныя въ различныя времена и разсказанныя въ этихъ документахъ, позволяютъ провѣрять показанныя въ нихъ даты событій [3]).

Но, хотя достигшіе, уже столько столѣтій тому назадъ, высокой степени гражданственности, китайцы отличаются между всѣми цивилизованными народами еще первобытной формой своего языка: въ этомъ отношеніи они остались въ періодѣ развитія, который у арійцевъ и семитовъ принадлежитъ къ доисторической эпохѣ. Каждое изъ ихъ нарѣчій состоитъ изъ небольшаго числа словъ, все односложныхъ, выражающихъ лишь общую идею и принимающихъ опредѣленный смыслъ только въ данной фразѣ: разставляя эти немногія основныя слова въ извѣстномъ порядкѣ одни за другими, рѣчь дѣлаетъ изъ нихъ, смотря по надобности, имена существительныя, прилагательныя, глаголы или частицы; вся грамматика, такимъ образомъ, сводится къ синтаксису. Замѣчательно, что изъ всѣхъ китайскихъ нарѣчій, самый аристокра-

[1]) Шу-цзинъ, „Книга Конфуція".
[2]) Emile Cartailhac, „l'Age de la pierre en Asie".
[3]) Amiot, „Mémoire sur les Chinois"; — Pauthier, „Chine".

тическій діалектъ, называемый «мандаринскимъ» гуань-хуа, которымъ говорятъ въ Пекинѣ, наиболѣе бѣденъ словами: онъ представляетъ, по Ваде, только 420 различныхъ односложныхъ словъ; 532 по Вильямсу. Нарѣчія шанхайское и нинбоское приближаются къ мандаринскому языку и заключаютъ не больше словъ; но сватоусскій діалектъ, которымъ говорятъ въ юго-восточной части провинціи Гуанъ-дунъ, состоитъ изъ 674 односложныхъ словъ, по Годдарду, а кантонское нарѣчіе имѣетъ даже 707. Словарь Маклая и Балдуина насчитываетъ въ Фу-чжоу 928 односложныхъ словъ, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя очень рѣдко употребляются. Самый богатый діалектъ китайскаго языка—Чжанъ-чжоуфусскій, близъ города Амоя; по Медгорсту и Дугласу, его 846 словъ образуютъ болѣе 2.500, благодаря разнообразію интонацій.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность идіома словами различнаго произношенія заставляетъ китайцевъ, такъ же, какъ всѣ другіе народы, говорящіе моносиллабическимъ языкомъ, измѣнять смыслъ слова при помощи интонаціи, съ которой они его выговариваютъ. Шэнъ (shing), то-есть модуляція голоса въ среднемъ, мажорномъ или минорномъ тонѣ, опредѣляетъ точное значеніе односложнаго слова въ разговорѣ. Впрочемъ, китайское произношеніе всегда имѣетъ для европейцевъ нѣчто неясное, неопредѣленное, и при томъ оно значительно разнится въ различныхъ провинціяхъ и даже въ городахъ, лежащихъ близко одинъ отъ другаго. Такъ, знакъ, который переводится на нашъ языкъ словомъ дитя, и который встрѣчается въ очень многихъ географическихъ именахъ, произносится какъ тс въ сѣверномъ Китаѣ; въ Кантонѣ его выговариваютъ какъ ц или дз; въ Макао онъ измѣняется въ чи. Понятіе два выражается однимъ знакомъ; но не ходя даже въ Корею, въ Японію, въ Кохинхину, гдѣ произношеніе опять особенное, отличное отъ китайскаго, мы услышимъ въ самомъ Китаѣ для этого слова различнѣйшіе звуки, какъ-то: эль, ольръ, уль, уръ, р, люръ, нге, нги, же, жи, э, и. Точно также большая часть одинаково выговариваемыхъ или однозвучныхъ словъ подвергаются подобнымъ же измѣненіямъ звуковъ. Особенно въ фуцзяньскомъ нарѣчіи звуки такъ часто и многоразлично смѣшиваются, что приводятъ въ отчаяніе иностранца, который тщетно старается уловить различіе между л, ли, и б, между х и п, между іенъ и іанъ, анъ и инъ.

Это разнообразіе произношеній, въ соединеніи съ скуднымъ запасомъ словъ, даетъ тѣмъ болѣе значительную цѣну шэну или модуляціи голоса. Китайцы придаютъ гораздо больше важности тональности, чѣмъ азбучному произношенію звуковъ [1]). Такъ, напримѣръ, знакъ, означающій воду, можетъ быть выговоренъ сюи, шюи, ш'юи, ш'уи, или даже чвуи, и всякій поймете его, лишь бы только говорящій съумѣлъ произнести его съ свойственнымъ ему повышеніемъ тона; то же самое слово сюи, произнесенное съ пониженіемъ тона, не будетъ никѣмъ понято. Гамма китайскихъ словъ состоитъ не единственно изъ тональности восходящей и тональности нисходящей: Моррисонъ и Абель Ремюза [1]) насчитываютъ четыре тона; де-Гинь признаетъ ихъ пять; Медгорстъ находитъ ихъ семь, а если мы возьмемъ всю совокупность нарѣчій, то нужно допустить существованіе восьми тоновъ, полной октавы, такъ какъ каждый изъ шэновъ, указываемыхъ извѣстнымъ синологомъ Ремюза, имѣетъ два варіанта: принимая въ разсчетъ всѣ тонкіе оттѣнки языка, можно бы было насчитать двѣнадцать и даже бо́льшее число интонацій, употребляемыхъ въ разговорѣ жителей провинціи Фу-цзянь. Каждое слово имѣетъ собственную модуляцію; къ разговору надобно примѣнять гамму, подобно тому какъ дѣлаетъ музыкантъ, когда поетъ слоги. Г. Леонъ де-Росни видитъ въ китайскомъ говорѣ указаніе на общее происхожденіе языка и пѣнія. Молитва, которая напоминаетъ въ Центральномъ царствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, архаическія формы языка. всегда имѣетъ форму стихотворенія или небольшаго пѣснопѣнія. Точно также дѣти учатъ свои уроки громко и на-распѣвъ [2]).

Благодаря своимъ разнообразнымъ интонаціямъ, обитатели «Великой и чистой имперіи» могутъ получать тысячи различныхъ значеній съ тѣми нѣсколькими сотнями словъ, которыми они обладаютъ, но языкъ, тѣмъ не менѣе, оказывается недостаточнымъ для выраженія всей совокупности идей, и китайская цивилизація должна была призвать на помощь письмена. Словарь, составленный по повелѣнію богдыхана Канъ-си, содержитъ 44.449 различныхъ знаковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ группу отдѣльныхъ значеній: такъ, напримѣръ, болѣе 150 знаковъ, изображающихъ каждый особенный рядъ понятій, читаются одинаково, какъ и. Философскія сочиненія, произведенія серьезной литературы могутъ быть понимаемы только читателями, и когда разговоръ поднимается надъ уровнемъ обыкновенныхъ банальностей, собесѣдники должны прибѣгать къ помощи туши и кисти, чтобы рисовать знаки, соотвѣтствующіе ихъ мыслямъ. Отчего происходитъ эта крайняя бѣдность фонетическаго аппарата китайцевъ, въ сравненіи съ огромной массой понятій, которыя приходится выражать въ цивилизованномъ языкѣ? Она должна быть приписана, безъ со-

[1]) Wells Williams, „Middle Kingdom; Dictionary".

[1]) „Grammaire chinoise".

[2]) Roze, „Annales de la propagation de la Foi", XI, 1849.

мнѣнія, поспѣшной культурѣ націи, языкъ которой былъ слишкомъ рано заключенъ въ тѣсныя рамки неизмѣнныхъ правилъ писаками правительства и пуристами академій. Народъ смирныхъ и послушныхъ, легко подчиняющихся, землепашцевъ, китайцы не съумѣли сломать преграды, противопоставленныя оффиціальнымъ говоромъ свободнымъ преобразованіямъ живой рѣчи. По языку они такъ и остались въ періодѣ дѣтства, и нѣтъ надобности говорить, какъ много должна была пострадать самая мысль отъ этой остановки развитія, вызванной чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ установленному и облеченному въ неподвижныя формы языку!

Буддійскіе миссіонеры, которые обращали китайцевъ въ свою вѣру, неоднократно пытались ввести въ странѣ то или другое изъ фонетическихъ письменъ Индостана, произведенныхъ отъ санскритскаго алфавита. Но ни одна изъ этихъ многочисленныхъ попытокъ не имѣла серьезнаго результата. Точно также христіанскіе миссіонеры употребляли латинскую азбуку для изображеній на бумагѣ молитвъ, псалмовъ и священныхъ стиховъ или пѣснопѣній, которые обращенными выучиваются наизусть, и смыслъ которыхъ былъ объясненъ имъ напередъ. Но если только не обременить ихъ точками, черточками, тире, знаками ударенія, всякаго рода значками и прибавками, при которыхъ они сдѣлаются еще болѣе неудобопонятными, чѣмъ нынѣшнія письмена, буквы фонетическихъ алфавитовъ, очень полезныя для обыденной рѣчи, не могутъ быть употребляемы для языка истинно литературнаго. Къ этому нужно прибавить, что китайцы слышатъ звуки иначе, чѣмъ европейцы, но и эти послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ ухо, очень трудно воспринимающее китайскія интонаціи, и потому воспроизводятъ ихъ, конечно, далеко не всегда вѣрно. Если китайцы центральной и восточной части имперіи, которые смягчаютъ всѣ звуки и не имѣютъ въ своей азбукѣ, какъ ихъ сѣверные соотечественники и какъ жители провинціи Юнь-нань, гортаннаго звука р, принуждены произносить фолянси или фолянсай вмѣсто французъ, и билигянь, милогянь или миликянь вмѣсто американецъ, то и поселившіеся въ краѣ иностранцы платятъ имъ той же монетой въ отношеніи произношенія туземныхъ словъ.

Впрочемъ, самыя эти такъ исковерканныя имена фолянси и биликянь, вошедшія отнынѣ въ китайскій языкъ, служатъ доказательствомъ, что преобразованіе совершается постепенно, и что идіомъ безпрестанно обогащается многосложными словами, неологизмами ненавистными пуристамъ, но которые, тѣмъ не менѣе, пріобрѣли право употребленія, и которые оказываютъ вліяніе на образъ мышленія китайцевъ, приближая его къ образу мышленія западныхъ народовъ. Уже образуются новыя составныя слова, не только для существительныхъ, но также для глаголовъ, посредствомъ соединенія двухъ односложныхъ словъ, смыслъ которыхъ такимъ образомъ дѣлается болѣе опредѣленнымъ, болѣе точнымъ; такъ, напримѣръ, составное слово «ближній-дальній» принимаетъ значеніе «отдаленности», а существительное «родители» составляется изъ словъ, означающихъ «отца-мать» [1]). Точно также новые термины, которые нарождаются сотнями во всѣхъ городахъ, открытыхъ европейской торговлѣ, чтобы обозначать предметы или выражать идеи иностраннаго привоза, получаютъ мало-по-малу права гражданства: таковы, напримѣръ, многосложныя слова «паръ—воздухъ—карета», имѣющее неизмѣнный смыслъ локомотива, «паръ—воздухъ—судно», «воздухъ—плаваніе—паръ», «пренія—кротость—правительство», означающія соотвѣтственно «пароходъ», «воздушный шаръ», «республику» [2]). Непріязненно встрѣчаемыя поклонниками добраго стараго времени, эти составныя слова употребляются въ устной рѣчи и даже въ популярныхъ изданіяхъ: они составляютъ часть такъ называемаго соуэна, обыкновеннаго, общеупотребительнаго стиля, который преобразовываетъ благородный односложный языкъ Конфуція, и который болѣе, чѣмъ другіе діалекты, пригоденъ для народной поэзіи, для сказокъ и комедій. Измѣненія, совершившіяся въ нашихъ арійскихъ языкахъ уже въ доисторическую эпоху, происходятъ теперь на нашихъ глазахъ въ китайскомъ языкѣ, и это явленіе, въ которомъ многіе мрачные пессимисты и почитатели старины, между китайцами, должны видѣть признакъ непоправимаго упадка, не свидѣтельствуетъ ли, напротивъ, о постоянномъ обновленіи?

Жители различныхъ провинцій давно бы уже перестали понимать другъ друга, если бы они не обладали, какъ посредниками, общими знаками письменнаго языка, которые люди ученые, книжники, читаютъ на своихъ собственныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, не только въ Китаѣ, но также въ Кореѣ, въ Японіи, въ Тонкинѣ, въ Кохинхинѣ, въ Сіамѣ. Этотъ діалектъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ южныя нарѣчія, прибѣгаетъ къ гаммѣ интонацій; оттого онъ отличается необыкновенной монотонностью. Три другіе главные діалекты суть нарѣчія провинціи Гуанъ-дунъ, Фу-цзянь и Чжэ-цзянъ; въ этихъ частяхъ имперіи одни только книжники могутъ, благодаря своей наукѣ, достигнуть пониманія разговорной рѣчи сѣверныхъ жителей. Нанкинскій языкъ, который сами китайцы сѣверныхъ областей называютъ шэнъ-инь или

[1]) Hovelacque, „Linguistique".

[2]) Edkins, „Shanghai Grammar";—Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки;—J. Tryer, „Nature", 19 марта 1881 г.

«правильнымъ произношеніемъ», есть нарѣчіе «мандаринскаго» діалекта, которое приближается къ чжэ-цзянскимъ нарѣчіямъ, представляющимъ, по мнѣнію Эдкинса, наилучше сохранившіеся остатки древне китайскаго языка. Эти-то различные діалекты, болѣе, чѣмъ племенныя особенности или даже, чѣмъ контрасты, происходящіе отъ климата, отличаютъ другъ отъ друга населенія отдѣльныхъ провинцій Китая.

Въ отношеніи религій, какъ и въ отношеніи нарѣчій, не существуетъ ясно обозначенныхъ различій между обитателями сѣверныхъ и обитателями южныхъ областей имперіи: въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ практикуются различные культы, которые много-

Китайскіе рудокопы.

образно перемѣшиваются одинъ съ другимъ, такъ что нѣтъ возможности провести между ними точную демаркаціонную линію; одни и тѣ же лица могутъ быть одновременно буддистами и даосами, и послѣдователями Конфуція. Въ силу своего сана, императоръ принадлежитъ ко всѣмъ тремъ религіямъ и пунктуально исполняетъ ихъ обряды. Въ сущности между этими различными культами больше сходства, чѣмъ можно бы было предполагать при видѣ религіозныхъ церемоній и особенно при чтеніи книгъ, излагающихъ вѣроученіе. Юй-цзяо, религія образованныхъ китайцевъ, которую обыкновенно обозначаютъ именемъ Конфуціева ученія, произошла изъ древняго національнаго культа; съ своей стороны даосизмъ или дао-цзяо, совершенно забывшій высокую доктрину своего основателя, представляетъ возвратъ къ древнимъ суевѣріямъ, и почти вездѣ преобразовался въ чародѣйство, въ колдовство; наконецъ, что касается третьей религіи, буддизма или фу-цзяо, то хотя она иностраннаго происхожденія, но это не помѣшало ей совершенно проникнуться національными идеями и принять туземные обряды.

При началѣ исторіи, слишкомъ за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, религія китайцевъ состояла въ обожаніи предметовъ видимой природы: всѣ явленія окружающей жизни казались людямъ дѣйствіями геніевъ, добрыхъ или злыхъ, милость которыхъ нужно было обезпечить себѣ молитвами и жертвоприношеніями. Деревья, скалы, ручьи и рѣки, все имѣло своего сокровеннаго духа; горы, цѣлая страна, океанъ, наконецъ, вся земля тоже были одушевлены какимъ-нибудь спеціальнымъ божествомъ, и надъ этой природой, населенной таинственными существами, поднимаются, въ видѣ громаднаго купола, небесныя пространства, не менѣе наполненныя геніями, благодѣтельными или грозными. Человѣкъ, произведеніе всѣхъ побуждающихъ его естественныхъ силъ, тоже считался богомъ, но однимъ изъ самыхъ слабыхъ и наиболѣе угрожаемыхъ; только вызываніями и заклинаніями духовъ ему удавалось сохранять свою жизнь среди такого множества другихъ существъ, соединившихся противъ него. Мало-по-малу установилась нѣкоторая іерархія въ многочисленномъ сонмѣ геніевъ: Тянь или «Небо», которое окружаетъ землю, обнимаетъ всю совокупность природы, освѣщаетъ и согрѣваетъ ее своими живительными лучами, сдѣлалось Шань-ди, то-есть «Верховнымъ владыкой» или «Вседержителемъ», дѣятельнымъ началомъ всего творенія, тогда какъ Ти или «Земля» имѣла назначеніе воспринимать и вырабатывать сѣмена и зародыши. Уже три столѣтія европейскіе синологи спорятъ между собой объ истинномъ значеніи, которое слѣдуетъ придавать этому имени «Верховный владыка», приписываемому Небу, и разсуждаютъ о томъ, можно ли переводить его словомъ «Богъ» (Deus), терминомъ, который, впрочемъ, имѣетъ еще менѣе отвлеченное значеніе, такъ какъ первоначальный смыслъ его тотъ же, что и слова «День» (dies) [1]). Христіанскіе миссіонеры, увлеченные рвеніемъ къ своей вѣрѣ, хотѣли признать въ Шань-ди личнаго бога семитовъ; истолковывая темные, непонятные тексты, выраженія которыхъ объясняются преимущественно воображеніемъ, они отыскали въ священныхъ книгахъ китайцевъ всѣ догматы своихъ вѣроисповѣданій, католическаго или протестантскаго. Абель Ремюза думалъ даже, что ему удалось открыть имя Іеговы въ Дао-де-цзинъ или «Книгѣ истиннаго пути и добродѣтели»; три слога, И, Ги. Вэй, взятые каждый въ отдѣльномъ членѣ фразы, представляютъ, по его мнѣнію, священное имя Бога израильтянъ и свидѣтельствуютъ о существованіи сношеній между Китаемъ и Западнымъ міромъ въ отдаленную эпоху, за двадцать пять столѣтій до того времени, когда доступъ на китайскую территорію былъ открытъ пушками европейцевъ. Однако, большинство новѣйшихъ критиковъ отказываются видѣть эту родственную связь между религіями Востока и Запада: до введенія буддизма, эволюція религіозныхъ идей въ Китаѣ была, повидимому, совершенно самобытная; первоначальное происхожденіе ихъ нужно искать въ культѣ духовъ.

Воображая себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ геніями, китаецъ долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы обезпечить себѣ ихъ милость и покровительство, какъ онъ старался бы пріобрѣсти благосклонность людей болѣе сильныхъ и властныхъ, чѣмъ онъ; для своихъ молитвъ онъ не нуждался ни въ жрецахъ, ни въ правильномъ богослуженіи. Обыкновенно самъ глава патріархальной семьи приносилъ въ даръ внушавшимъ страхъ существамъ явства и благовонія отъ имени всѣхъ членовъ своей семьи; точно также глава общины или клана, рода, совершалъ жертвоприношеніе и заклинанія въ качествѣ ходатая за тѣхъ, которые группировались вокругъ него. Но во всѣхъ этихъ обрядахъ нѣтъ мѣстъ для жреческой касты, и даже жрецы формально исключаются изъ религіозныхъ празднествъ, гдѣ показывается самъ императоръ. Такъ какъ никакого откровенія не было сдѣлано народу богами или ихъ посланниками, то нѣтъ надобности имѣть какихъ-либо истолкователей божественнаго слова. Между людьми естественнымъ образомъ установилась іерархія, соотвѣтствующая іерархіи самихъ духовъ. Богдыханъ имѣлъ привилегію представлять свои приношенія Небу, Землѣ, девяти или пяти большимъ горамъ (различно въ разныя эпохи) и главнымъ рѣкамъ Китая. Феодальные князьки

[1]) Prémare; — Pauthier; — Legge, — Medhurst, — d'Escayrac de Lauture, — Max Müller, „The Sacred of the East".

могли приносить жертвы только второстепеннымъ божествамъ и мѣстнымъ геніямъ; наконецъ, простые граждане должны были еще болѣе съузить область своихъ молитвъ и жертвоприношеній, они ограничивались обожаніемъ деревьевъ, источниковъ и скалъ. Такъ какъ культъ сдѣлался одною изъ аттрибуцій государственной власти, то малѣйшія его подробности были регламентированы такъ называемыми «сборниками церемоній». Между языкомъ и религіей китайцевъ замѣчается поразительный параллелизмъ; тотъ и другая достигли крайней степени утонченности, но онѣ представляютъ еще одну изъ первыхъ стадій развитія человѣчества: языкъ сохранилъ моносиллабическую форму, а религія можетъ быть названа самымъ ученымъ изъ фетишизмовъ.

Жертвы умилостивленія встрѣчаются въ китайской религіи, но происхожденіе этой обрядности приписываютъ въ гораздо большей мѣрѣ сопредѣльнымъ населеніямъ, нежели самимъ китайцамъ: эти монгольскія племена, съ которыми прибрежные жители находились въ сношеніяхъ, на сѣверныхъ и западныхъ окраинахъ имперіи, какъ полагаютъ, научили «дѣтей Хань» охранять себя отъ пагубнаго вліянія злыхъ духовъ не простыми приношеніями, но кровавыми жертвами. Бывали случаи, что сотни придворныхъ добровольно предавали себя смерти или велѣли зарывать себя живыми въ землю, чтобы сопровождать своего повелителя на тотъ свѣтъ; когда умеръ императоръ Ши-хуанъ-ди, приблизительно за два столѣтія до начала христіанской эры, многія изъ его женъ и тѣлохранителей послѣдовали за нимъ въ могилу, и десять тысячъ рабочихъ были погребены живыми вокругъ его могильнаго кургана. Нѣкоторые остатки этихъ варварскихъ обычаевъ сохранились еще въ отдаленныхъ захолустьяхъ, и нерѣдко случалось, что родители, чтобы избавиться отъ колдовства или порчи, бросали новорожденныхъ дѣтей въ воды рѣки. Одинъ мандаринъ, желая положить конецъ этимъ гнуснымъ злодѣйствамъ, велѣлъ схватить всѣхъ несчастныхъ, виновныхъ въ такихъ дѣтоубійствахъ, и утопилъ ихъ въ Янъ-цзы-цзянѣ, поручивъ имъ отнести его письма и благія пожеланія генію водъ [1]). Въ настоящее время не существуетъ другихъ слѣдовъ кровавыхъ жертвоприношеній, кромѣ обычая сжигать изображенія людей и животныхъ, при погребеніи умершихъ.

Исчезновеніе кровавыхъ обрядовъ въ китайской религіи приписывается обыкновенно Конфуцію и его ученикамъ; однако, религіозныя жертвоприношенія не дѣлались болѣе въ образованномъ Китаѣ уже задолго до Конфуція, и долгое время послѣ него, въ наши средніе вѣка, церемоніи этого рода еще практиковались въ исключительныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе Конфуцій, по важности его исторической роли, заслуживаетъ того, чтобы его считали истиннымъ основателемъ этой національной религіи китайцевъ, облеченной въ такія опредѣленныя правила, изложенныя въ книгѣ церемоній. Конфуцій старается въ особенности возстановить и заставить уважать обычаи, которые были въ почетѣ у древнихъ китайцевъ относительно культа мертвыхъ. Вообще сохраненіе, почитаніе и вѣрное соблюденіе завѣщанныхъ предками обычаевъ составляло въ его глазахъ всю суть религіи: продолжать прошлое, какимъ его описывало преданіе, — это было, по его ученію, главное средство навсегда обезпечить благополучіе имперіи, съ той, однако, оговоркой, чтобы это постоянное прославленіе «золотаго вѣка» не примѣнялось къ воображаемому состоянію, долженствующему осуществиться когда-либо въ будущемъ. Сверхъестественное, которое беретъ такъ много мѣста въ другихъ религіяхъ, едва проглядываетъ въ культѣ Конфуція: «какъ могу я, говорилъ онъ, утверждать, что знаю что-либо о Небѣ, когда намъ такъ трудно составить себѣ ясное понятіе даже о томъ, что происходитъ на Землѣ»? «Ты еще не научился жить, говорилъ онъ одному изъ своихъ учениковъ, а уже думаешь о томъ, что случится съ тобой послѣ смерти?» Въ чемъ должны состоять обязанности человѣка въ отношеніи своихъ родственниковъ по восходящей линіи, въ отношеніи своего ближняго, въ отношеніи верховнаго государства?—таковы вопросы, которые онъ пытался разрѣшить; религія въ собственномъ смыслѣ слова находила въ его ученіи мѣсто только какъ часть общей системы правленія. Человѣкъ мѣры и порядка, какимъ онъ былъ, Конфуцій сдѣлался образцомъ для своей націи: всегда и во всемъ умѣренные отъ природы и въ силу привычки, липшенные религіознаго жара, старающіеся постоянно держаться въ золотой серединѣ, китайцы узнали самихъ себя въ шаньтунскомъ мудрецѣ, и мало-по-малу этотъ мудрецъ занялъ первое мѣсто въ памяти своего народа. Точность историческихъ документовъ, оставленныхъ его учениками и послѣдователями, и самый образъ его жизни не позволили, чтобы существованіе его было окружаемо миѳами и чудесами. Изъ него не сдѣлали бога; но нравственный авторитетъ его возрасталъ изъ вѣка въ вѣкъ. Четыреста лѣтъ спустя послѣ его смерти онъ получилъ еще только титулъ гуна или «князя»; черезъ восемь столѣтій послѣ того, въ правленіе династіи Танъ, онъ былъ наименованъ «первымъ святымъ», затѣмъ статуя его была облачена въ царское одѣяніе и увѣнчана діадемой. Въ царствованіе Миновъ, послѣдней китайской династіи, Конфуцій былъ объявленъ «самымъ святымъ, самымъ мудрымъ и самымъ добродѣтельнымъ изъ наставниковъ

[1]) „Lettres édifiantes".

людей». Послѣ кончины мудреца, колонія его учениковъ поселилась вокругъ его могилы и объявила себя вассаломъ его семейства; другіе послѣдователи, не имѣя возможности предпринять дальнее странствованіе для поклоненія этому святому мѣсту, стали воздвигать въ своихъ городахъ символическія гробницы; тысяча шестьсотъ храмовъ были сооружены въ честь его, и, наконецъ, Конфуцій былъ торжественно признанъ «учителемъ націи». Никогда человѣкъ между тѣми, которые не возвысились на степень боговъ, не былъ предметомъ такого благоговѣйнаго уваженія; когда императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди, завидуя славѣ прежнихъ богдыхановъ, приказалъ уничтожить старинныя книги и особенно знаменитый Шу-цзинъ или «Книгу лѣтописей», компилированную Конфуціемъ, то четыреста шестьдесятъ ученыхъ послѣдовали на костеръ за высокочтимыми твореніями учителя и погибли въ пламени.

Однако, культъ, облеченный въ столь опредѣленныя и подробныя правила, какъ культъ оффиціальныхъ церемоній, не могъ обнимать всей совокупности народныхъ суевѣрій, не могъ заклинать всѣхъ духовъ, которые кружатся вокругъ людей, ставя въ опасность ихъ благоденствіе и самое существованіе. Образовался значительный осадокъ обрядовъ не-регламентированныхъ [1]: это такъ называемый «фынъ-шуй», который, не будучи правильнымъ культомъ, тѣмъ не менѣе играетъ важную роль въ жизни народа. «Фынъ-шуй» буквально значитъ вѣтеръ и вода, и туземцы, играя словами, говорятъ, что этотъ культъ «невидимъ какъ вѣтеръ и неуловимъ какъ вода»; но его можно, однако, опредѣлить какъ совокупность церемоній, посредствомъ которыхъ человѣкъ располагаетъ въ свою пользу духовъ воздушныхъ и водяныхъ, то-есть всю природу, отъ свѣтилъ, движущихся въ небесныхъ пространствахъ, до блуждающихъ душъ умершихъ [2]. Два начала управляютъ міромъ, утверждаютъ китайскіе вѣроучители. Янъ, или мужское начало, соотвѣтствуетъ солнцу и господствуетъ надъ годомъ въ періодъ жаровъ; это принципъ счастливыхъ предзнаменованій, принципъ, дѣйствіемъ котораго растутъ и развиваются растенія, животныя и люди. Инь, или женское начало, есть то начало, представителемъ котораго на небесахъ является луна, и которое царствуетъ на землѣ въ сезонъ холодовъ: это принципъ дурныхъ предзнаменованій, онъ возвѣщаетъ смерть. Однако, ничто не могло бы существовать безъ этого смѣшенія начала смерти съ началомъ жизни; отъ соединенія этихъ двухъ началъ все зарождается и растетъ, и тотъ, кто постигъ бы ихъ вполнѣ, сдѣлался бы безсмертнымъ. Въ домѣ каждаго китайца вы увидите изображеніе тигра, несущаго дайцзи или картину (магическое зеркало), которая представляетъ оба начала янъ и инь, соединяющіяся и взаимно проникающіяся въ волшебномъ кругѣ, окруженныя чертами разной величины, которыя изображаютъ главныя точки горизонта и всю природу. Эти таинственныя черты суть тѣ знаменитыя діаграммы, которыя подали поводъ написать И-цзинъ или «Книгу преобразованій», которую приписываютъ Фу-си, и смыслъ которой тщетно пыталось разгадать такое множество ученыхъ, китайскихъ и европейскихъ. Пекинская библіотека заключаетъ въ себѣ цѣлыя тысячи комментаріевъ этого сочиненія.

Въ теченіе своего земнаго существованія правовѣрные послѣдователи культа фынъ-шуй должны руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ правилами заклинанія, впрочемъ, подобными, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, если не въ подробностяхъ, заклинаніямъ и заговорамъ, которые и теперь еще можно наблюдать во всѣхъ другихъ странахъ земнаго шара [1]. Тѣни или духи предковъ также находятся въ числѣ невидимыхъ существъ, которыя наполняютъ землю и воздушныя пространства вокругъ жилища китайца, и которыя могутъ вліять, въ хорошую или дурную сторону, на судьбу живущихъ. Такъ же, какъ другіе народы, «дѣти Хань» признаютъ въ человѣкѣ существованіе трехъ различныхъ душъ: души разумной, которая находится въ головѣ; души страстной, которая имѣетъ пребываніе въ груди; и души матеріальной, которая пребываетъ въ нижней части живота. Изъ этихъ трехъ душъ двѣ первыя могутъ быть удержаны послѣ смерти, одна въ поминательныхъ табличкахъ, другая въ могилѣ, но третья улетаетъ въ пространство, стараясь вселиться въ другое тѣло, и ея вліяніе можетъ сдѣлаться гибельнымъ, если родные будутъ небрежно исполнять свой долгъ почтенія къ памяти покойнаго: особенно слѣдуетъ бояться душъ дѣтей, потому что они были еще несовершенны въ моментъ смерти, и ихъ еще не успѣли умилостивить правильнымъ культомъ [2]. Курительныя свѣчки, горящія при входѣ въ дома и лавки, для того именно и зажигаются, чтобы не пропускать въ двери эти пагубныя тѣни умершихъ и вообще злотворныхъ духовъ всякаго рода.

Въ особенности при выборѣ мѣста погребенія должно строго сообразоваться съ предписаніями культа фынъ-шуй, ибо если душа покойнаго, несмотря на исполненіе родными долга въ отношеніи его, подвергается несчастливымъ вліяніямъ, то она, конечно, постарается отмстить за себя, и гнѣвъ ея обнаружится бѣдствіями безъ числа, которыя постигнутъ неблагоразумное семейство. Духи, добрые и злые, которые

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Eitel, „Congrès des orientalistes à Lyon", 1878.

[1]) Dennys, „Folklore in China".
[2]) Delaplace, „Annales de la propagation de la Foi", juillet, 1852.

«приходятъ въ облакахъ и уходятъ въ туманѣ», безпрестанно странствуютъ, прикасаясь къ самой поверхности земли, и потому важнѣйшее искусство всѣхъ тѣхъ, кто занимается какими-либо работами, передѣлывающими такъ или иначе эту поверхность, должно состоять въ томъ, чтобы умѣть воздвигать надгробные памятники, строить капища, проводить дороги и каналы, починять каменоломни, рыть колодцы, такимъ образомъ, чтобы затруднять полетъ злотворныхъ духовъ и облегчать путь доброжелательнымъ геніямъ. Но, разумѣется, знаніе всѣхъ способовъ и пріемовъ, которые нужно употреблять для надлежащаго управленія этимъ безконечнымъ міромъ духовъ, пріобрѣсти очень трудно, и когда случится какое-нибудь несчастіе, общее бѣдствіе, народъ не приминетъ приписать его нерадѣнію или невѣжеству наставниковъ культа фынъ-шуй. По всему Китаю встрѣчаешь заброшенные рудники и каменоломни, которые мѣстныя власти велѣли засыпать по той причинѣ, что населеніе обвиняло ихъ, будто они повредили урожаямъ, оставивъ безпрепятственный доступъ дурнымъ вліяніямъ. Часто возникаютъ даже тяжбы между сосѣдями, обвиняющими другъ-друга въ произведеніи какихъ-либо перемѣнъ на принадлежащихъ имъ земляхъ или мѣстахъ, перемѣнъ, которыя будто-бы заставили добраго духа уклониться въ сторону отъ прежняго пути. Необходимо, слѣдовательно, всегда имѣть при себѣ хорошаго истолкователя таинственныхъ примѣтъ и указаній природы, который умѣлъ бы опредѣлять благопріятныя условія вѣтровъ и водъ и могъ бы превращать въ выгоды пагубныя вліянія. Иногда достаточно посадить дерево или построить на возвышеніи башню съ боковыми кровлями и съ колокольчиками для того, чтобы вся окрестная страна была поставлена подъ счастливое сочетаніе стихійныхъ силъ. Сѣверъ, откуда приходятъ полярные вѣтры, есть въ то же время и сторона злыхъ геніевъ, тогда какъ добрые духи приносятся дуновеніемъ юга [1]). Вообще извилистыя кривыя, описываемыя теченіемъ рѣкъ, мягко округленные контуры холмовъ благопріятствуютъ благосостоянію страны, тогда какъ крутые повороты потоковъ, отвѣсныя скалы подвергаютъ опасности окрестное населеніе. Нужно вездѣ избѣгать прямой линіи, которая есть излюбленный путь злыхъ духовъ; все должно двигаться по легкимъ извилинамъ, какъ вѣтры и воды. Вотъ почему крыши на китайскихъ домахъ всегда приподняты къ краямъ; при такомъ криволинейномъ устройствѣ кровли дурныя вліянія отвращаются отъ дома сосѣда и теряются въ пространствѣ [1]). Впрочемъ, нерѣдко случается, что предписанія культа фынъ-шуй согласуются съ требованіями гигіены: такъ, напримѣръ, гонконгскіе китайцы очень одобряли англійскихъ медиковъ, распорядившихся засадить деревьями пространство между казармами и нездоровыми пустырями, и признали, что это насажденіе сдѣлано сообразно правиламъ вѣтровъ и водъ. Съ извѣстной точки зрѣнія фынъ-шуй составляетъ начальныя основанія естественной науки въ Китаѣ: по словамъ учителей этого культа, онъ обнимаетъ изученіе общаго порядка вещей, ихъ численныхъ соотношеній, ихъ внутреннейжизни и внѣшней формы. Когда европейскій инженеръ является грубо вскрывать внутренности земли своими прямолинейными траншеями или строить кривые мосты на потокахъ, прорывать наискось горы, прокладывать неуклонные стальные рельсы черезъ аллеи гробницъ, народъ приходитъ въ неописанный ужасъ при видѣ такого кощунства. Сильная оппозиція, которую встрѣтили со стороны китайцевъ иностранцы, предпринявшіе сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Срединномъ царствѣ, происходитъ не только отъ опасеній правительства, чтобы европейцы не водворились мало-по-малу въ качествѣ господъ внутри страны, но она объясняется также традиціоннымъ уваженіемъ туземцевъ къ землѣ, которая ихъ носитъ; они еще не привыкли къ пріемамъ иностраннаго инженера.

Дай-цзи или волшебное зеркало.

Китайская религія, которая признаетъ Лао-цзы своимъ основателемъ, и которая въ первыя времена совершенно отличалась отъ національной религіи, представляемой Конфуціемъ, кончила тѣмъ, что вернулась къ древнимъ суевѣріямъ и стала согласоваться, или даже сливаться съ ученіями и обрядами культа фынъ-шуй. Въ противоположность Конфуцію, Лао-цзы не обращалъ взоровъ къ прошлому китайской націи, чтобы открыть тамъ образецъ для поведенія въ будущемъ. Онъ искалъ только чистую истину, не стараясь найти прецеденты въ

[1]) Вильямсонъ;—Муль;—Эйтель и др.

[1]) Эйтель, цитированный мемуаръ.

исторіи императоровъ. Не заботясь о духахъ, злыхъ или добрыхъ, ни о тѣняхъ предковъ, онъ пытался узнать первоначальную причину вещей, и языкъ этого мудреца, по крайней мѣрѣ насколько удалось разгадать его подъ темнымъ текстомъ книги Дао-дэ-цзинъ, напоминаетъ языкъ западныхъ философовъ. Для Лао-цзы «матерія и видимый міръ суть не что иное, какъ проявленія высочайшаго, вѣчнаго, непостижимаго начала», которое онъ называетъ Дао, то-есть «путемъ спасенія»; человѣкъ, который умѣетъ господствовать надъ страстями, можетъ избѣгнуть послѣдовательныхъ метампсихозъ (переселеній души) и съ первой же своей жизни войти въ блаженное безсмертіе посредствомъ созерцанія. Таково было ученіе великаго китайскаго мистика и его ближайшихъ преемниковъ; но скоро даоистскіе монахи стали претендовать на открытіе безсмертія на этой землѣ, и приготовленіемъ разныхъ элексировъ и жизненныхъ эссенцій они съумѣли снискать милость императоровъ. Мало-по-малу религія Дао смѣшалась съ чародѣйствомъ, и отъ ученія Лао-цзы осталось только одно имя. Даосскіе жрецы, большинство которыхъ обрекаютъ себя на безбрачіе, какъ буддійскіе ламы,—это суть некромантики Китая, люди, которые заставляютъ вертѣться столы, и которые заклинаютъ или вызываютъ духовъ. Безъ опредѣленнаго догмата, который бы соединялъ ихъ въ особенное религіозное общество, одни изъ нихъ настоящіе шаманы, въ родѣ тунгузскихъ, другіе скорѣе астрологи или гадальщики. Вообще ученые китайцы показываютъ видъ, что относятся съ презрѣніемъ къ даоизму; однако, нѣкоторые обряды этого культа вмѣняются въ обязанность мандаринамъ, и даже нѣкоторыя даоистскія церемоніи примѣшиваются къ національному культу въ присутствіи императора. Главный жрецъ даосовъ или «небесный учитель», какъ его величаютъ, получаетъ содержаніе отъ правительства въ обмѣнъ за амулетки, разныя священныя вещицы и архипастырскія посланія на красной или зеленой бумагѣ, которыя онъ велитъ раздавать по всему Китаю.

Буддійская религія, менѣе уклонившаяся отъ своего древняго вѣроученія, чѣмъ культъ Дао, съумѣла лучше сохраниться, и огромное большинство «дѣтей Хань» причисляетъ себя къ послѣдователямъ Фо. Несмотря на свое иноземное происхожденіе, буддизмъ сдѣлался, по крайней мѣрѣ по наружности, религіей китайской націи, но въ такой формѣ, которая чрезвычайно приближаетъ его къ первоначальному культу геніевъ и тѣней усопшихъ. Впрочемъ, религія Будды введена въ Срединномъ царствѣ въ относительно недавнюю эпоху. Первыя обращенія имѣли мѣсто за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до нашего времени, и три вѣка спустя одинъ императоръ далъ новому культу свое оффиціальное одобреніе; но этотъ культъ не безъ борьбы противъ послѣдователей Конфуція и даосовъ могъ утвердиться въ Китаѣ. Только въ шестомъ столѣтіи онъ распространился на югѣ отъ Янъ-цзы-цзяна [1]): въ эту эпоху буддійскіе жрецы воздвигли около тринадцати тысячъ храмовъ въ разныхъ частяхъ имперіи; но тогда уже происходило соединеніе между національнымъ культомъ и буддійской религіей. Индійскіе миссіонеры съумѣли дать мѣсто въ своихъ ученіяхъ народнымъ вѣрованіямъ націи, которую они хотѣли обратить. Геніи вѣтровъ и водъ, тѣни великихъ людей, всѣ обитатели китайскаго пантеона легко могли быть введены въ толпу «пуссовъ» (боддисатва) и другихъ, болѣе или менѣе неполныхъ, воплощеній Будды; чтобы открыть доступъ всѣмъ новыя степени святости и блаженства были прибавлены къ степенямъ уже существовавшимъ; домашніе боги остались, подъ другими именами, рядомъ съ божествами, которыхъ чтило общество; наконецъ, и число церемоній увеличилось безъ того, чтобы народъ имѣлъ надобность допытываться о ихъ различномъ происхожденіи. Умамъ, развитымъ образованіемъ, буддизмъ предлагалъ тонкости своей метафизики, тогда какъ слабымъ и несчастнымъ онъ давалъ участіе въ пышной обрядности культа и обѣщалъ имъ конецъ ихъ страданій въ будущей загробной жизни. Изъ всѣхъ буддійскихъ твореній самое распространенное въ Китаѣ, находимое на всѣхъ алтаряхъ Будды, не метафизическая книга, какъ священныя книги, употребляемыя въ храмахъ Тибета и Монголіи: это «Бѣлый ненуфаръ», сборникъ словъ любви, утѣшенія и обѣщаній [2]). Изъ всѣхъ сектъ буддизма самая популярная та, которая имѣетъ предметомъ почитанія Гуань-инь (у японцевъ Каннонъ), единственную женщину, бывшую въ числѣ учениковъ Будды. Сдѣлавшись «богиней Милосердія», она приняла подъ свое особенное покровительство и защиту матерей, потерявшихъ дѣтей, мореплавателей, которымъ угрожаютъ бури; часто ее представляютъ съ младенцемъ на рукахъ.

Періодъ успѣха и процвѣтанія для буддійской религіи въ Китаѣ заключался между шестымъ и одиннадцатымъ столѣтіями: въ эту эпоху монахи, увлекаемые жаромъ пропаганды, странствовали по всей Китайской имперіи и по сосѣднимъ странамъ, и къ тому же времени относятся важныя описанія путешествій, изъ которыхъ иныя и до сихъ поръ еще ожидаютъ

---

[1]) Pauthier;—проф. Васильевъ.

[2]) Проф. Васильевъ, „Исторія китайской литературы", во „Всеобщей исторіи литературы", издаваемой подъ редакціей В. Корша.

переводчиковъ [1]); тогда же были написаны китайскіе переводы почти тысячи пяти-сотъ санскритскихъ сочиненій, большая часть которыхъ не существуетъ болѣе въ оригиналѣ, и которыя заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы по исторіи буддизма. Въ теченіе этого періода перваго религіознаго пыла страна покрылась тѣми «та» или пагодами, безъ которыхъ европейцы не могутъ представить себѣ ни одного китайскаго пейзажа. Правда, что хотя первоначальный архитектурный стиль и самое названіе «священныхъ домовъ» были заимствованы у Индостана, но эти зданія были приспособлены къ вкусамъ китайцевъ: ихъ башни, въ пять, семь, девять, одиннадцать или тринадцать этажей, въ каждомъ ярусѣ украшены кровлями, крытыми голубой или бѣлой черепицей, которыя приподнимаются въ видѣ роговъ по угламъ храма и увѣшанымногочисленными колокольчиками, серебристый звонъ которыхъ считается выраженіемъ почтенія, воздаваемаго воздушными пространствами славѣ Будды [2]). Почти всѣ буддійскіе монастыри Китая расположены одинаковымъ образомъ. Главный фасадъ всегда обращенъ на югъ, исключая того случая, когда кумирня построена въ горахъ или на берегу водъ, гдѣ оріентированіе храма указано уже линіями мѣстоположенія. За переднимъ дворомъ или папертью возвышается главный корпусъ зданія, отдѣленный отъ другихъ корпусовъ дворами меньшихъ размѣровъ; на скатахъ холмовъ всѣ эти строенія расположены одно надъ другимъ террасами; вокругъ монастыря, большія деревья осѣняютъ своими вѣтвями прудъ, на поверхности котораго плаваютъ широкіе листья нелюмбія (лотоса). Религіозныя церемоніи состоятъ въ приношеніяхъ, въ пѣніи гимновъ, въ земныхъ поклонахъ и въ медленныхъ процессіяхъ вокругъ кумирни, во время которыхъ вѣрующіе постоянно повторяютъ слоги «О ми то фо»,—китайская фонетическая транскрипція слова Амитаба, одного изъ индусскихъ именъ Будды.

Буддійскій жрецъ.

Многочисленность буддійскихъ монастырей свидѣтельствуетъ о преобладающемъ вліяніи, которымъ прежде пользовалась въ имперіи религія Фо; но, такъ же, какъ красивыя пагоды, большинство обителей обширныхъ размѣровъ основаны очень давно, за тысячу или, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашихъ дней. Въ настоящее время почти всѣ эти зданія имѣютъ полуразрушенный видъ, и пучки кустовъ свободно растутъ въ трещинахъ стѣнъ и на крышахъ: упадокъ буддійской религіи очевиденъ; во многихъ областяхъ Китая она теперь не болѣе, какъ обрядность, предоставленная исключительно монахамъ. Часто императоры и высшіе сановники государства издавали указы и публиковали циркуляры, имѣвшіе цѣлью отвратить народъ отъ суевѣрій, не предусмотрѣнныхъ сборникомъ церемоній, и предостеречь его отъ всѣхъ жрецовъ, «обманщиковъ трутней, которые приходятъ расхищать улей пчелы». Въ самомъ дѣлѣ, народъ все болѣе и болѣе отвращается отъ бонзъ, но, что бы ни говорили, онъ тѣмъ не менѣе попрежнему остался вѣрующимъ и соблюдающимъ религіозные правила и обряды: невѣріе, которымъ рисуются люди книжные, получившіе образованіе, вводитъ поверхностнаго наблюдателя въ заблужденіе относительно истинныхъ чувствъ страны; заботливость и благоговѣніе, выказываемыя китайцами въ отношеніи ихъ домашнихъ идоловъ, ихъ колѣнопреклоненія, ихъ хожденія къ святымъ мѣстамъ, все это свидѣтельствуетъ о живучести и твердости ихъ вѣры. Не довольствуясь одной религіей, они исповѣдываютъ разомъ всѣ три національныя религіи. Съ Конфуціемъ они чтутъ память предковъ; слѣдуя даоизму, они научаются заклинать духовъ; черезъ посредство ученія Будды они имѣютъ общеніе со святыми. Эти три культа совершенно согласуются между собой и взаимно дополняются: первый обращается къ нравственной сторонѣ человѣка, второй взываетъ къ чувству самосохраненія; третій, наконецъ, возноситъ вѣрующаго въ высшій міръ воображенія и мысли [1]). Какъ говорятъ сами китайцы, «три религіи соста-

[1]) Проф. Васильевъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Edkins, „Religion in China“;—Milne, „Vie réelle en Chine“;—„Chinese Repository“, vol. XIX.

[1]) Edkins, „Religion in China.

ляютъ въ сущности одну» [1]). Оттого при погребеніи умершихъ часто бываетъ такъ, что жрецы различныхъ культовъ священнодѣйствуютъ въ одно и то же время [2]).

Между религіями, проникшими въ Срединное царство, есть, однако, и такія, которымъ не посчастливилось въ новомъ отечествѣ. Какъ на одну изъ этихъ, не имѣвшихъ успѣха въ Китаѣ, религій можно указать на культъ ветхозавѣтнаго Іеговы или Моисеевъ законъ, который, впрочемъ, насчитываетъ нынѣ весьма ограниченное число послѣдователей. Евреи, которыхъ часто называютъ «синими магометанами», потому что ихъ раввины носятъ шапку и башмаки синяго цвѣта, въ самомъ дѣлѣ почитаются многими китайцами за одну изъ сектъ ислама; туземцы даютъ имъ также прозвища лѣ-цзы-цзинь или «разрѣзыватели жилъ» и дао-цзинь-кэ-ду или «извлекатели нервовъ», по причинѣ употребляемаго ими особеннаго способа убиванія и приготовленія животныхъ, долженствующихъ служить имъ пищей. Въ прежнее время евреи были гораздо многочисленнѣе, и многіе изъ нихъ возвышались на видные посты въ государственной службѣ, но въ наши дни число ихъ уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые почти всѣ живутъ въ Кай-фынъ-фу, главномъ городѣ провинціи Хэ-нань. Еврейскія колоніи, находившіяся встарину въ Нанкинѣ, въ Пекинѣ, въ Нинъ-бо, давно уже перестали существовать: обращенія въ магометанство и въ національныя религіи Китая уменьшали изъ вѣка въ вѣкъ немногочисленную семитическую общину. Остающіеся нынѣ послѣдователи Моисеева закона говорятъ только китайскимъ языкомъ, и послѣдніе ихъ раввины, называемые аронистами или аонистами, читаютъ уже съ большимъ трудомъ по-еврейски, выговаривая слова на китайскій ладъ: такъ, напримѣръ, имя Израиль превратилось у нихъ въ «Іе-се-ло-ни». По единогласному свидѣтельству кайфынскихъ евреевъ, они принадлежатъ къ колѣну Ассира и пришли въ Китай въ царствованіе династіи Хань, то-есть въ періодъ, который простирается отъ 206 года до Р. Х. по 264 годъ христіанской эры; миссіонеры, которые открыли еврейскую колонію въ Китаѣ, пришли къ тому заключенію, что она состоитъ изъ потомковъ бѣглецовъ, переселившихся въ страну послѣ разрушенія Іерусалима [3]); сами они даютъ своей первоначальной родинѣ имя Тянь-чжу (Дянь-чжоу), то самое, которымъ китайцы обозначаютъ островъ Цейлонъ. Такимъ образомъ выходитъ, что они сохранились въ теченіе восемнадцати столѣтій среди китайскаго міра, столь отличнаго отъ ихъ родной земли; но когда европейскимъ евреямъ удалось въ новѣйшее время вступить въ сношенія съ этими единовѣрцами, послѣдніе уже почти совершенно утратили свою племенную связь: синагога лежала въ развалинахъ, ни одинъ изъ вѣрующихъ не умѣлъ болѣе читать Пятикнижіе, такъ что предложены были общиной и правительствомъ награды тѣмъ, кто успѣетъ разобрать эти непонятныя письмена. При этомъ всѣмъ евреямъ сдѣлано было приглашеніе подождать, прежде чѣмъ окончательно мѣнять религію, чтобы невозможность читать священныя книги была вполнѣ удостовѣрена: но они уже считали Мекку и Медину своими святыми городами [1]).

Магометане имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе въ Китайской имперіи. Г. Скачковъ насчитывалъ ихъ около двадцати милліоновъ, число, которое кажется другимъ историкамъ Китая гораздо ниже дѣйствительнаго [2]). Въ провинціи Гань-су послѣдователи ислама, какъ говорятъ, составляютъ большинство жителей, и во многихъ округахъ другихъ провинцій сѣверной полосы, собственно такъ называемаго Китая, они представляютъ треть населенія; къ этому нужно еще прибавить, чтобы получить полное понятіе объ ихъ вліяніи, дунганъ и всѣхъ другихъ мусульманъ Чжунгаріи, Кульджи и восточнаго Туркестана. Обыкновенно смѣшиваютъ всѣхъ китайскихъ магометанъ подъ общимъ именемъ хой-хой, которое прежде примѣнялось къ уйгурамъ; сами же они называютъ себя не иначе, какъ «цзяомынь» или «религіозными людьми», въ отличіе отъ другихъ китайцевъ, которыхъ они считаютъ нечестивыми. Что касается наименованія «дунгане», имѣющаго монгольское происхожденіе, то извѣстно, что смыслъ его обыкновенно переводятъ словомъ «отставшіе или исключенные (воины)»; впрочемъ, оно употребляется только для обозначенія мусульманъ сѣвернаго или сѣверо-западнаго Китая [3]). Магометане провинціи Юнь-нань, очень многочисленные и неимѣющіе прямыхъ сношеній со своими сѣверными единовѣрцами, обозначаются иностранцами подъ названіемъ «пантеевъ»,—слово бирманскаго происхожденія, истинный смыслъ котораго неизвѣстенъ [4]). Можно сказать съ увѣренностью, что мусульмане Китая не составляютъ однородной этнографической группы. Потомки уйгуровъ, тангутовъ и татаръ, они смѣшиваются на западѣ и на сѣверѣ имперіи съ китайскими прозелитами, тогда какъ въ провинціи Юнь-нань элементы тюркскій и монгольскій отсутствуютъ между послѣдователями ислама или

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".
[2]) Huc, „L'Empire Chinois".
[3]) „Lettres édifiantes et curieuses", tome XXIV;—Finn, „The Orphan colony of Iews".

[1]) Liebermann, „Eighth annual report of the Anglo-Iewish Association", 1878—1879.
[2]) „Извѣстія Русск. Географ. Общества", томъ II, № 3, іюнь 1866 г.
[3]) Shaw, „Visit to High Tartary";—Гейнсъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества".
[4]) Gill, „The River of Golden Sand";—H. Yule, etc.

могутъ быть представлены развѣ только потомками солдатъ, сопровождавшими Хубилай-хана. Съ первыхъ же годовъ вступленія на императорскій престолъ маньчжурской династіи магометанъ заставляютъ, какъ и другихъ китайцевъ, носить косу, и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи правительство имѣло варварство принуждать матерей мусульманокъ сообразоваться съ

Богиня Гуань-инь.

китайской модой, уродуя ноги своимъ дочерямъ. Несмотря на сходство чертъ лица и одинаковость костюма, можно обыкновенно съ перваго взгляда отличить магометанъ отъ другихъ китайцевъ, благодаря ихъ гордой осанкѣ, смѣлому, открытому взгляду, а въ западныхъ провинціяхъ также по оружію, которое они имѣютъ обыкновеніе всегда носить при себѣ. Не употребляя никакихъ хмѣльныхъ напитковъ, не куря ни табаку, ни опіума, они пользуются вообще лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ ихъ сосѣди, принадлежащіе къ другимъ религіямъ, а одушевляющій ихъ духъ солидарности обезпечиваетъ имъ матеріальное благосостояніе, далеко превосходящее достатки большей части китайцевъ. Такъ, по рѣшенію муллъ, богатые мусульманскіе купцы, въ провинціяхъ Гань-су и Шань-си, обязаны платить прогрессивный налогъ, который доходитъ иногда до двухъ пятыхъ дохода, и сборъ котораго употребляется въ пользу общины [1]).

По единогласному преданію китайскихъ мусульманъ, первое появленіе ислама въ сѣверныхъ провинціяхъ Срединнаго царства относится къ седьмому столѣтію, ко временамъ им-

[1]) Проф. Васильевъ; — Delmar Morgan, „Phoenix“, march 1872.

ператора Тай-цзунъ; одинъ родственникъ Магомета, Ибнъ-Гамса, поселился тогда съ тремя тысячами другихъ эмигрантовъ, своихъ единовѣрцевъ, въ Шанганѣ, сдѣлавшемся нынѣ городомъ Си-ань-фу. Очень хорошо принятые въ имперіи, магометане могли воздвигать въ мирѣ свои мечети, и ихъ духовныя лица, имамъ, хабибъ, муэдзинъ, были облечены правительствомъ нѣкоторою гражданской властью надъ своими единовѣрцами. Около того же времени другіе мусульмане проникли также въ Юнь-нань, вѣроятно, морскимъ путемъ: съ 758 года китайскія лѣтописи говорятъ объ арабскихъ пиратахъ, которые разграбили предмѣстья Кантона и расхитили императорскія житницы. Во всѣ времена сношенія между юнь-наньскими магометанами и остальнымъ мусульманскимъ міромъ поддерживались либо черезъ Кантонъ, либо черезъ Бамо и нижнюю Бирманію. Во всѣхъ мусульманскихъ общинахъ провинціи Юнь-нань, гдѣ уровень образованія выше, нежели въ сѣверныхъ областяхъ, находятся туземцы, способные истолковывать и комментировать по-китайски Коранъ и молитвы, читаемыя на арабскомъ языкѣ въ мечетяхъ. Ма-тесинъ (Ma-tehsing), одинъ изъ главныхъ предводителей возмутившихся магометанъ, посѣтилъ Мекку, Стамбулъ, Александрію и изучалъ тамъ науки Запада [1]).

Въ настоящее время хой-хои сѣвернаго Китая поддерживаютъ сношенія съ магометанами западнаго міра черезъ Чжунгарію. Уйгуры и тангуты провинціи Гань-су, бывшіе прежде ламаитами или несторіанами, обратились въ исламизмъ, когда эта вѣра сдѣлалась религіей всѣхъ ихъ сѣверныхъ и западныхъ соотечественниковъ въ государствѣ Джагатая. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось переселенцами изъ восточнаго Туркестана и монголами-мусульманами, оставленными въ Чжунгаріи Тамерланомъ, и мало-по-малу они пріобрѣли преобладающее вліяніе въ этой части имперіи. Тамъ находятся два города Саларъ и Цзинь-цзи-бао, куда приходятъ молодые люди поучаться въ познаніи священныхъ книгъ и въ практикѣ религіозныхъ церемоній: эти города представляютъ Мекку и Медину въ Китайской имперіи [2]). Въ нѣкоторыхъ городахъ провинціи Гань-су насчитываютъ цѣлыя сотни мечетей, и вся торговля, въ концѣ-концовъ, перешла въ руки мусульманъ. Между прочимъ, они пріобрѣли монополію закупки скота, вслѣдствіе чего продовольствіе Пекина и другихъ городовъ морскаго прибрежья къ сѣверу отъ Янъ-цзы-цзяна поставлено въ зависимость отъ этихъ мусульманскихъ скототорговцевъ.

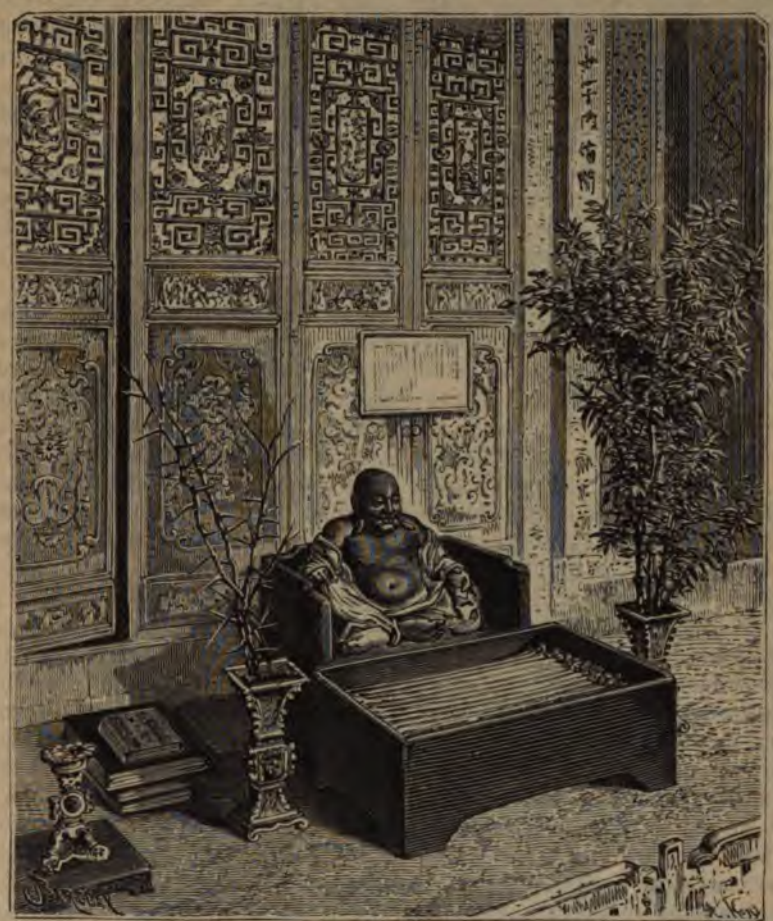
Въ сравненіи съ ихъ единовѣрцами другихъ странъ, китайскіе хой-хои не отличаются фанатизмомъ, столь обыкновеннымъ на Западѣ между поклонниками Аллаха. Очень многіе изъ нихъ подвергаются экзаменамъ, сообразно предписаніямъ Конфуція, и исполняютъ обряды государственной религіи; сдѣлавшись мандаринами, они не отказываютъ приносить публичныя жертвы въ честь геніевъ, покровителей страны. Однако, духъ религіознаго прозелитизма еще далеко не исчезъ: хой-хои стараются держаться особнякомъ отъ языческаго населенія, и муллы ихъ энергически противодѣйствуютъ заключенію браковъ мусульманскихъ дѣвушекъ съ маньчжурами или китайцами, тогда какъ они охотно дозволяютъ и даже поощряютъ покупку китайскихъ женщинъ магометанами. Будучи всѣ суннитами, хой-хои дѣлятся на двѣ секты, шафіевъ и аземовъ; но предъ лицомъ язычниковъ они проявляютъ полное единеніе и солидарность: во время послѣдняго возстанія всякіе религіозные споры и разногласія были забыты, всѣ послѣдователи обѣихъ сектъ, и богатые, и бѣдные, одинаково несли свои пожертвованія къ имамамъ той и другой обрядности. Точно также, въ Юнь-нани, пантеи дѣйствовали въ союзѣ со многими племенами мяо-цзы, живущими въ горахъ: ненависть къ маньчжурамъ соединила во-едино магометанамъ и язычниковъ.

Первое возстаніе было въ Юнь-нани; оно было вызвано соперничествомъ матеріальныхъ интересовъ, обнаружившимся въ одномъ горно-заводскомъ округѣ, гдѣ китайцы и магометане работали отдѣльными группами. То тамъ, то сямъ происходили вооруженныя схватки, въ которыхъ побѣда обыкновенно оставалась за послѣдними, и, чтобы положить конецъ этимъ смутамъ, мандарины замыслили планъ всеобщаго истребленія магометанъ. Одинъ майскій день 1856 года былъ назначенъ для поголовнаго избіенія, но мѣры приведенія этого плана въ исполненіе были худо комбинированы, и мусульмане держались на-сторожѣ. Тамъ, гдѣ они жили въ очень маломъ числѣ, большая часть ихъ была перерѣзана; но въ другихъ мѣстахъ они сопротивлялись съ успѣхомъ, и даже имъ удалось овладѣть богатымъ городомъ Дали-фу, первоклассной крѣпостью, откуда они поспѣшили установить постоянныя торговыя сношенія съ Бирмою, чтобы доставить себѣ этимъ путемъ оружіе и боевые припасы. Въ 1860 году, послѣ четырехлѣтней борьбы, они заняли даже Юнь-нань-фу, главный городъ провинціи того же имени; но затѣмъ вожди возстанія, сдѣлавшись важными особами, подкупленные китайскимъ правительствомъ, обратили оружіе противъ своихъ единовѣрцевъ. Междоусобная война продолжалась еще тринадцать лѣтъ послѣ того, и окончилась избіеніемъ тридцати тысячъ мусульманъ на улицахъ города Да-ли-фу; едва нѣсколькимъ сотнямъ пан-

[1]) Emil Rocher, „La Province chinoise de Yunnan".
[2]) F. von Richthofen, „Lettre à la Chambre de commerce de Changhai".

теевъ удалось спастись и найти себѣ убѣжище въ Бирмѣ [1]).

Въ сѣверномъ Китаѣ возстаніе вспыхнуло только въ 1860 году и началось избіеніемъ китайцевъ въ Хуа-чжоу, лежащемъ къ востоку отъ Си-ань-фу, главнаго города провинціи; но этотъ послѣдній городъ, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ, устоялъ противъ нападеній хой-хоевъ. Вездѣ, куда являлись инсургенты, китайцы и монголы, охваченные паническимъ страхомъ, убѣгали въ горы или въ пустыню, спастись бѣгствомъ, были перебиты; захваченныхъ въ плѣнъ сжигали на кострахъ; даже стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей безжалостно умерщвляли: общее число погибшихъ во время этой страшной рѣзни нужно считать милліонами. Въ нѣкоторыхъ округахъ путешественникъ не безъ удивленія встрѣчаетъ тамъ и сямъ уцѣлѣвшее жилище, пощаженное дунганскимъ разгромомъ [1]); если бы нѣкоторые большіе города не были защищены своими крѣпкими стѣнами, неодолимыми безъ помощи пушекъ, сѣверныя



Домашній алтарь.

или даже позволяли рѣзать себя, какъ барановъ. Въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су дѣло истребленія и разрушенія велось магометанами съ безпощадной яростью: бывали случаи, что главы семействъ сами убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы всецѣло посвятить себя священной войнѣ [2]). Въ бассейнѣ рѣки Вэй не осталось ни одной деревни, все было стерто съ лица земли; даже подземныя жилища, устроенныя въ пещерахъ, были обращены въ развалины посредствомъ взрыванія скалъ. За исключеніемъ христіанъ, всѣ сельскіе жители, не успѣвшіе и западныя провинціи Срединнаго царства были бы совершенно очищены отъ ихъ китайскихъ жителей. Край казался окончательно потерянымъ для имперіи, но недостатокъ общаго плана и согласованія дѣйствій у инсургентовъ имѣлъ для нихъ роковыя послѣдствія. Послѣ пятнадцати лѣтъ кровавой борьбы, побѣда досталась тѣмъ, которые располагали наиболѣе дисциплинированными боевыми силами. Китайскіе генералы отвоевали у дунганъ сначала провинцію Шэнь-си, затѣмъ провинцію Гань-су и, взявъ обратно военные посты въ

[1]) Emil Rocher, цитированное сочиненіе.

[2]) Гейнсъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества", іюнь 1866 г.

[1]) Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай въ 1874 и 1875 годахъ".

ператора Тай-цзунъ; одинъ родственникъ Магомета, Ибнъ-Гамса, поселился тогда съ тремя тысячами другихъ эмигрантовъ, своихъ единовѣрцевъ, въ Шанганѣ, сдѣлавшемся нынѣ городомъ Си-ань-фу. Очень хорошо принятые въ имперіи, магометане могли воздвигать въ мирѣ свои мечети, и ихъ духовныя лица, имамъ, хабибъ, муэдзинъ, были облечены правительствомъ нѣкоторою гражданской властью надъ своими единовѣрцами. Около того же времени другіе мусульмане проникли также въ Юнь-нань, вѣроятно, морскимъ путемъ: съ 758 года китайскія лѣтописи говорятъ объ арабскихъ пиратахъ, которые разграбили предмѣстья Кантона и расхитили императорскія житницы. Во всѣ времена сношенія между юнь-наньскими магометанами и остальнымъ мусульманскимъ міромъ поддерживались либо черезъ Кантонъ, либо черезъ Бамо и нижнюю Бирманію. Во всѣхъ мусульманскихъ общинахъ провинціи Юнь-нань, гдѣ уровень образованія выше, нежели въ сѣверныхъ областяхъ, находятся туземцы, способные истолковывать и комментировать по-китайски Коранъ и молитвы, читаемыя на арабскомъ языкѣ въ мечетяхъ. Ма-тесинъ (Ma-tehsing), одинъ изъ главныхъ предводителей возмутившихся магометанъ, посѣтилъ Мекку, Стамбулъ, Александрію и изучалъ тамъ науки Запада [1]).

Въ настоящее время хой-хои сѣвернаго Китая поддерживаютъ сношенія съ магометанами западнаго міра черезъ Чжунгарію. Уйгуры и тангуты провинціи Гань-су, бывшіе прежде ламаитами или несторіанами, обратились въ исламизмъ, когда эта вѣра сдѣлалась религіей всѣхъ ихъ сѣверныхъ и западныхъ соотечественниковъ въ государствѣ Джагатая. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось переселенцами изъ восточнаго Туркестана и монголами-мусульманами, оставленными въ Чжунгаріи Тамерланомъ, и мало-по-малу они пріобрѣли преобладающее вліяніе въ этой части имперіи. Тамъ находятся два города Саларъ и Цзинь-цзи-бао, куда приходятъ молодые люди поучаться въ познаніи священныхъ книгъ и въ практикѣ религіозныхъ церемоній: эти города представляютъ Мекку и Медину въ Китайской имперіи [2]). Въ нѣкоторыхъ городахъ провинціи Гань-су насчитываютъ цѣлыя сотни мечетей, и вся торговля, въ концѣ-концовъ, перешла въ руки мусульманъ. Между прочимъ, они пріобрѣли монополію закупки скота, вслѣдствіе чего продовольствіе Пекина и другихъ городовъ морскаго прибрежья къ сѣверу отъ Янъ-цзы-цзяна поставлено въ зависимость отъ этихъ мусульманскихъ скототорговцевъ.

Въ сравненіи съ ихъ единовѣрцами другихъ странъ, китайскіе хой-хои не отличаются фанатизмомъ, столь обыкновеннымъ на Западѣ между поклонниками Аллаха. Очень многіе изъ нихъ подвергаются экзаменамъ, сообразно предписаніямъ Конфуція, и исполняютъ обряды государственной религіи; сдѣлавшись мандаринами, они не отказываютъ приносить публичныя жертвы въ честь геніевъ, покровителей страны. Однако, духъ религіознаго прозелитизма еще далеко не исчезъ: хой-хои стараются держаться особнякомъ отъ языческаго населенія, и муллы ихъ энергически противодѣйствуютъ заключенію браковъ мусульманскихъ дѣвушекъ съ маньчжурами или китайцами, тогда какъ они охотно дозволяютъ и даже поощряютъ покупку китайскихъ женщинъ магометанами. Будучи всѣ суннитами, хой-хои дѣлятся на двѣ секты, шафіевъ и аземовъ; но предъ лицомъ язычниковъ они проявляютъ полное единеніе и солидарность: во время послѣдняго возстанія всякіе религіозные споры и разногласія были забыты, всѣ послѣдователи обѣихъ сектъ, и богатые, и бѣдные, одинаково несли свои пожертвованія къ имамамъ той и другой обрядности. Точно также, въ Юнь-нани, пантеи дѣйствовали въ союзѣ со многими племенами мяо-цзы, живущими въ горахъ: ненависть къ маньчжурамъ соединила во-едино магометанамъ и язычниковъ.

Первое возстаніе было въ Юнь-нани; оно было вызвано соперничествомъ матеріальныхъ интересовъ, обнаружившимся въ одномъ горно-заводскомъ округѣ, гдѣ китайцы и магометане работали отдѣльными группами. То тамъ, то самъ происходили вооруженныя схватки, въ которыхъ побѣда обыкновенно оставалась за послѣдними, и, чтобы положить конецъ этимъ смутамъ, мандарины замыслили планъ всеобщаго истребленія магометанъ. Одинъ майскій день 1856 года былъ назначенъ для поголовнаго избіенія, но мѣры приведенія этого плана въ исполненіе были худо комбинированы, и мусульмане держались на-сторожѣ. Тамъ, гдѣ они жили въ очень маломъ числѣ, большая часть ихъ была перерѣзана; но въ другихъ мѣстахъ они сопротивлялись съ успѣхомъ, и даже имъ удалось овладѣть богатымъ городомъ Дали-фу, первоклассной крѣпостью, откуда они поспѣшили установить постоянныя торговыя сношенія съ Бирмою, чтобы доставить себѣ этимъ путемъ оружіе и боевые припасы. Въ 1860 году, послѣ четырехлѣтней борьбы, они заняли даже Юнь-нань-фу, главный городъ провинціи того же имени; но затѣмъ вожди возстанія, сдѣлавшись важными особами, подкупленные китайскимъ правительствомъ, обратили оружіе противъ своихъ единовѣрцевъ. Междоусобная война продолжалась еще тринадцать лѣтъ послѣ того, и окончилась избіеніемъ тридцати тысячъ мусульманъ на улицахъ города Да-ли-фу; едва нѣсколькимъ сотнямъ пан-

[1]) Emil Rocher, „La Province chinoise de Yunnan“.
[2]) F. von Richthofen, „Lettre à la Chambre de commerce de Changhai“.

теевъ удалось спастись и найти себѣ убѣжище въ Бирмѣ [1]).

Въ сѣверномъ Китаѣ возстаніе вспыхнуло только въ 1860 году и началось избіеніемъ китайцевъ въ Хуа-чжоу, лежащемъ къ востоку отъ Си-ань-фу, главнаго города провинціи; но этотъ послѣдній городъ, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ, устоялъ противъ нападеній хой-хоевъ. Вездѣ, куда являлись инсургенты, китайцы и монголы, охваченные паническимъ страхомъ, убѣгали въ горы или въ пустыню, спастись бѣгствомъ, были перебиты; захваченныхъ въ плѣнъ сжигали на кострахъ; даже стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей безжалостно умерщвляли: общее число погибшихъ во время этой страшной рѣзни нужно считать милліонами. Въ нѣкоторыхъ округахъ путешественникъ не безъ удивленія встрѣчаетъ тамъ и сямъ уцѣлѣвшее жилище, пощаженное дунганскимъ разгромомъ [1]); если бы нѣкоторые большіе города не были защищены своими крѣпкими стѣнами, неодолимыми безъ помощи пушекъ, сѣверныя

Домашній алтарь.

или даже позволяли рѣзать себя, какъ барановъ. Въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су дѣло истребленія и разрушенія велось магометанами съ безпощадной яростью: бывали случаи, что главы семействъ сами убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы всецѣло посвятить себя священной войнѣ [2]). Въ бассейнѣ рѣки Вэй не осталось ни одной деревни, все было стерто съ лица земли; даже подземныя жилища, устроенныя въ пещерахъ, были обращены въ развалины посредствомъ взрыванія скалъ. За исключеніемъ христіанъ, всѣ сельскіе жители, не успѣвшіе и западныя провинціи Срединнаго царства были бы совершенно очищены отъ ихъ китайскихъ жителей. Край казался окончательно потерянным для имперіи, но недостатокъ общаго плана и согласованія дѣйствій у инсургентовъ имѣлъ для нихъ роковыя послѣдствія. Послѣ пятнадцати лѣтъ кровавой борьбы, побѣда досталась тѣмъ, которые располагали наиболѣе дисциплинированными боевыми силами. Китайскіе генералы отвоевали у дунганъ сначала провинцію Шэнь-си, затѣмъ провинцію Гань-су и, взявъ обратно военные посты въ

[1]) Emil Rocher, цитированное сочиненіе.

[2]) Гейнсъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, іюнь 1866 г.

[1]) Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай въ 1874 и 1875 годахъ“.

Небесныхъ горахъ, легко могли разсѣять послѣднія шайки мятежниковъ въ пустыняхъ Чжунгаріи. Такимъ образомъ продолжительное возстаніе магометанъ окончилось одинаковымъ образомъ на обѣихъ оконечностяхъ Китая: перевѣсъ остался на сторонѣ императорскихъ армій. Но, хотя и побѣжденные, поклонники Аллаха все еще составляютъ великую силу въ Центральной имперіи, и нѣкоторые писатели предсказываютъ—немного рано, если принять въ соображеніе недостатокъ религіознаго рвенія у китайцевъ,—что магометане сдѣлаются современемъ, благодаря своему духу солидарности и своей крѣпкой общинной организаціи, властителями народовъ на крайнемъ Востокѣ [1]).

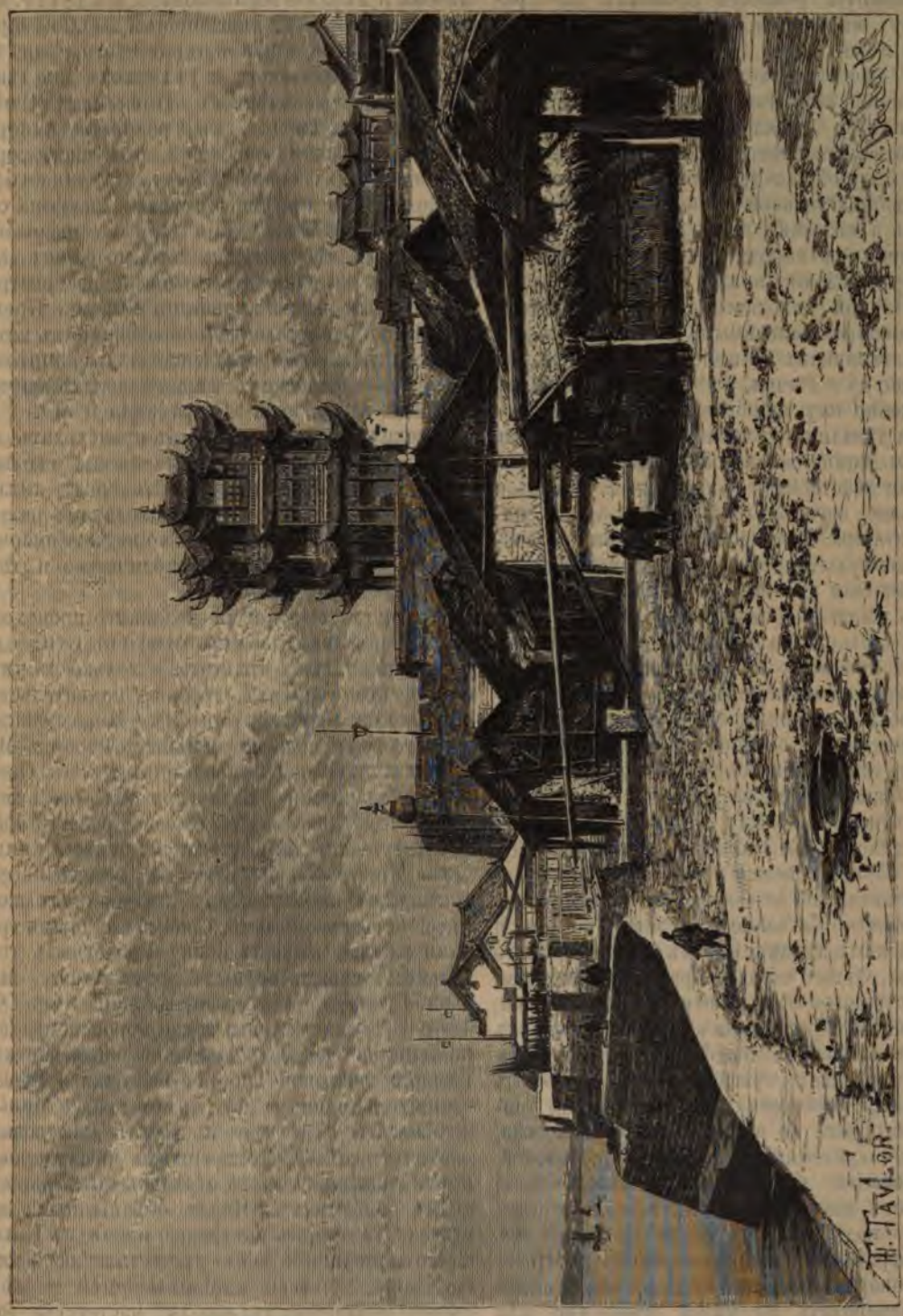
Христіане, поселившіеся въ одно время съ мусульманами на китайской территоріи, гораздо менѣе многочислены, и по сравненію съ послѣдними, вліяніе ихъ можетъ считаться ничтожнымъ. *Хотя исторія не сохранила положительныхъ данныхъ о первоначальномъ проникновеніи христіанства въ Китай, но можно съ большой вѣроятностью утверждать, что первыми христіанскими проповѣдниками въ этой странѣ были несторіанцы. Прибытіе несторіанцевъ въ Китай относятъ къ началу VI вѣка. Такъ извѣстно, что монахи, привезшіе въ 551 году шелковые коконы изъ Китая въ Константинополь, были несторіанцы. Единственнымъ памятникомъ дѣятельности несторіанскихъ христіанъ въ Срединной имперіи служитъ извѣстная мраморная плита, найденная въ 1625 г. въ городѣ Си-ань-фу въ Шэнь-си*. Камень этотъ, часто посѣщаемый католическими миссіонерами, вѣроятно, былъ разбитъ во время возстанія тайпиновъ, такъ какъ Вильямсонъ видѣлъ его еще въ 1867 году, но Рихтгофенъ не нашелъ уже его во время своей поѣздки въ провинцію Шэнь-си, въ 1872 году. Тѣмъ не менѣе не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ подлинности этой надписи, которую синологи часто воспроизводили, по причинѣ важности текста и изящества знаковъ или буквъ; прекрасная копія этого историческаго памятника выставлена въ парижской національной библіотекѣ. На плитѣ этой выгравировано восхваленіе христіанства, озаглавленное: «Апологія распространенія православной религіи въ Китаѣ, съ предисловіемъ: сочиненіе Цинь-цина, монаха Сирійской церкви» [2]). По сказанію этого камня, въ 635 году одинъ миссіонеръ изъ Сиріи, по имени Олопеннъ, проникъ въ Китай съ святыми образами и священными книгами, и три года спустя онъ получилъ позволеніе построить церковь въ Си-ань-фу. *Надпись эта, вызвавшая въ свое время многочисленные комментаріи синологовъ, ясно показываетъ, что христіанская религія уже въ VII вѣкѣ пользовалась въ Китаѣ нѣкоторымъ значеніемъ, и что несторіанцы занимали не послѣднее мѣсто среди другихъ китайскихъ религіозныхъ сектъ. Впрочемъ, положительныхъ свѣдѣній объ несторіанцахъ и о судьбѣ христіанскихъ общихъ не сохранилось. Путешественникъ Марко-Поло подверждаетъ предположеніе о раннемъ существованіи христіанства въ Китаѣ*.

Въ настоящее время между христіанами Китая не существуетъ болѣе представителей несторіанской секты. Уйгуры, татары и разные другіе сѣверные инородцы, исповѣдавшіе западную религію, перешли въ магометанство, вѣроятно, въ эпоху Тамерлана, и это именно потомки несторіанъ, подъ именемъ дунганъ, недавно наводили страхъ на китайцевъ и подвергали опасности цѣлость имперіи. *Начало католической пропаганды въ Китаѣ относится къ концу VIII вѣка. Первая попытка организовать правильное миссіонерство сдѣлана была папою Николаемъ IV, приславшимъ монаха Монтекорвино въ 1291 году. Несмотря на оппозицію несторіанцевъ, боявшихся потерять свое вліяніе, Монтекорвино удалось заручиться покровительствомъ богдохана Хубилая, который разрѣшилъ ему построить церковь и заняться проповѣдью. Въ 1307 году Монтекорвино былъ назначенъ архіепископомъ китайской церкви, и въ помощь ему изъ Рима были присланы семь епископовъ. Исторія гласитъ, что дѣятельность первыхъ католическихъ миссіонеровъ была плодотворна и что во время Монтекорвино число обращенныхъ въ Пекинѣ достигало 30 тысячъ. Преемникомъ Монтекорвино былъ архіепископъ Николай. О дѣятельности католиковъ въ XIV и XV вѣкахъ сохранилось мало подробностей, извѣстно лишь, что миссіонеры дѣйствовали весьма успѣшно не только во внутреннемъ Китаѣ, но и на окраинахъ среди монгольскихъ кочевниковъ*. Наконецъ, итальянскій іезуитъ Руджіеро, переодѣтый китайцемъ, пробрался въ 1581 году въ городъ Кантонъ, а въ слѣдующемъ году его примѣру послѣдовалъ знаменитый Риччи, свѣтскій человѣкъ и тонкій дипломатъ, который, благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ, съумѣлъ понравиться вельможамъ, и который кончилъ тѣмъ, что жилъ при дворѣ, какъ пенсіонеръ императора. *Въ 1582 г. іезуитскимъ миссіонерамъ Михаилу Руджіери и Матвѣю Риччи удалось получить отъ губернатора Гуандунской провинціи разрѣшеніе пріобрѣсти землю для устройства церкви и миссіи. Дабы не навлечь на себя подозрѣнія мандариновъ, эти

[1]) Проф. Васильевъ, „Исторія китайской литературы, во Всеобщей исторіи литературы"

[2]) The Middle Kingdom, v. II, p. 275. Отдѣлъ о введеніи и распространеніи христіанства въ Китаѣ изложенъ у Реклю слишкомъ кратко. Въ настоящемъ изданіи этотъ отдѣлъ значительно увеличенъ и пополненъ. Матеріаломъ для этого послужило извѣстное сочиненіе Коростовцева, „Китайцы и ихъ цивилизація", кромѣ того книга Путяты и мн. др. источники. Примѣч. ред.

проповѣдники дѣйствовали съ большою осторожностью и постепенностью. Когда дѣла основанной имъ христіанской общины стали процвѣтать, Риччи постарался заручиться покровѣдіяхъ, они касались и научныхъ предметовъ, преимущественно физики и астрономіи. Въ Нанкинѣ Риччи завязалъ сношеніе съ однимъ съ вліятельныхъ евнуховъ богдоханскаго гарема



У-чанъ Фу, башня «Желтаго журавля».

вительствомъ мѣстныхъ сановниковъ, и, при ихъ содѣйствіи, перенесъ свою дѣятельность въ Нанкинъ. Нужно замѣтить, что пропаганда Риччи и его сотрудниковъ не имѣла исключительно религіознаго характера; въ своихъ пропо- и черезъ его посредство добился приглашенія въ Пекинъ, гдѣ вскорѣ нашелъ вліятельныхъ покровителей при дворѣ. Богдоханъ Ванли назначилъ ему вспомоществованіе и позволилъ его помощникамъ и единовѣрцамъ поселиться

въ столицѣ; Риччи успѣшно повелъ пропаганду, работая не только среди простаго народа, но также среди образованныхъ конфуціанцевъ, изъ коихъ многіе сдѣлались его послѣдователями. Особенную ревность проявилъ къ христіанству мандаринъ Сю, получившій имя Павла, и его дочь Кандида. Не довольствуясь пассивнымъ исповѣданіемъ новой вѣры, семейство Павла приняло участіе въ пропагандѣ и занялось дѣлами благочестія и благотворительности. Кандида за совершенныя ею добрыя дѣла была удостоена титула «добродѣтельной женщины». Впослѣдствіи она и ея отецъ были канонизированы и причислены къ народному пантеону. Миссіонерское учрежденіе Сикавей (деревня рода Сю) близъ Шанхая находится на землѣ, когда-то пожертвованной названнымъ Сю своимъ духовнымъ наставникамъ*. Миссіонеры-іезуиты, продолжавшіе дѣло Риччи, умѣли, по большей части, подобно ему, пріобрѣсти благоволеніе государя и дѣлали многочисленныхъ прозелитовъ между высшими сановниками имперіи; впрочемъ, они дѣйствовали съ большимъ тактомъ и остерегались осуждать безусловно обряды, которые китайцы считали священными, особенно обряды культа предковъ; они допускали даже приношенія цвѣтовъ и фруктовъ и жертвы въ честь тѣней усопшихъ, видя въ этихъ церемоніяхъ только свидѣтельства сыновняго почтенія. Доминканскіе миссіонеры, прибывшіе въ Китай около конца семнадцатаго столѣтія, стали, напротивъ, порицать, эти религіозные акты, какъ обряды идолопоклонства, и, подобно тому, какъ это случилось въ Южной Америкѣ, два духовные ордена вступили по этому поводу въ открытую вражду между собой. Булла папы Климента XI, изданная въ 1715 году, осудила образъ дѣйствія іезуитовъ, и съ этого времени китайскіе неофиты должны не только исповѣдывать католическую вѣру, но еще и отрекаться отъ традиціонныхъ обычаевъ своего отечества. Оттого случаи обращенія туземцевъ въ христіанство стали относительно рѣдки; большинство обращенныхъ принадлежитъ къ низшимъ классамъ общества, которыхъ бѣдность освобождаетъ отъ обязанности совершать похоронныя церемоніи; кромѣ того, дѣти, принятыя патерами во время войны или голода, или даже купленныя у бѣдныхъ родителей, воспитываются въ правилахъ католической вѣры; вотъ какимъ образомъ вербуется «крещеный» людъ въ Срединной имперіи. «Съ сотней франковъ, данной нашимъ крестителямъ, говоритъ епископъ Перрошо, мы можемъ переродить по малой мѣрѣ три или четыре сотни дѣтей, изъ которыхъ двѣ трети почти тотчасъ же возносятся на небо» [1]).

„По даннымъ «Annales de la Foi», пропаганда христіанства послѣ 1820 г. шла довольно успѣшно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цифра обращенныхъ и духовенства. Въ 1820 г. въ Китаѣ было 6 епископовъ, 80 туземныхъ священниковъ и 215.000 обращенныхъ. Въ 1841 г. насчитываютъ уже 12 епископовъ и 400.000 обращенныхъ. Въ Сы-чуани, кромѣ того, было 54 школы для мальчиковъ и 114 школъ для дѣвочекъ. Согласно свѣдѣніямъ «Hongkong Catholik Register» въ 1881 г. въ Срединной имперіи было 40 слишкомъ епископій, 664 миссіонера, 559 туземныхъ священниковъ, 34 монастыря съ коллегіями при нихъ и свыше милліона обращенныхъ. За послѣднія 15 лѣтъ цифры эти измѣнились, вѣроятно, немного, но раіонъ дѣятельности католическихъ миссій распространился почти на всѣ провинціи имперіи. Кромѣ китайцевъ, получающихъ образованіе въ католическихъ миссіонерскихъ школахъ, значительное число китайскихъ юношей воспитывается въ Римѣ, въ коллегіи «Propaganda fidei».

Увеличеніе числа христіанъ происходитъ не столько отъ обращенія язычниковъ, сколько отъ естественнаго прироста въ средѣ китайцевъ-христіанъ. Китайцамъ-католикамъ разрѣшенъ бракъ съ язычницами, но подъ условіемъ, что жены ихъ примутъ католичество и дѣти ихъ будутъ окрещены* [1]).

Протестантскія миссіи, недавняго происхожденія, появились въ Китаѣ только въ 1842 году, послѣ нанкинскаго трактата, и только въ пяти приморскихъ портахъ, которые правительство открыло европейской торговлѣ. „Первымъ протестантскимъ миссіонеромъ былъ Робертъ Мориссонъ, служившій переводчикомъ въ Остъ-Индской компаніи. Благодаря поддержкѣ компаніи этому миссіонеру удалось перевести и напечатать евангеліе и другія священныя книги. Хотя Мориссонъ былъ скорѣе ученый теоретикъ, чѣмъ пропагандистъ, значеніе его какъ миссіонера несомнѣнно. Своими научными трудами онъ подготовилъ почву и облегчилъ дѣятельность своихъ первыхъ преемниковъ—Мильна, Гуцлафа, Медхерста, Паркера и др.* Съ 1860 года миссіонеры этого вѣроисповѣданія постепенно распространились во всѣхъ частяхъ имперіи, исключая Тибета и восточнаго Туркестана; они проникли даже въ Монголію и Маньчжурію. „Въ 1877 году въ Китаѣ дѣйствовало около пятисотъ протестантскихъ миссіонеровъ, принадлежащихъ къ 25 отдѣльнымъ миссіонерскимъ обществамъ. Число обращенныхъ достигало 14.000, въ настоящее время въ Китаѣ имѣется не менѣе 1.500 протестантскихъ миссіонеровъ разныхъ національностей и около 50.000 обращенныхъ; школы, мастерскія, гос-

[1]) „Annales de la propagation de la Foi", mai 1851.

[1]) Въ 1898 году въ Китаѣ состоитъ 3.930 католическихъ церквей, при которыхъ состояло 759 европейскихъ миссіонерствъ и 409 туземныхъ священниковъ, 49 семинарій, 2.913 школъ. Въ одной Маньчжуріи насчитывается 21.830 ч. католиковъ. Примѣч. ред.

питали, пріюты, церкви и часовни насчитываются сотнями. Самыми крупными протестантскими миссіями считаются «The China Inland Mission»,«The London Mission» и «The Methodist Episcopal Mission»*. Въ округѣ Нинъ-бо буддійскія секты, воздерживающіяся отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ, доставляютъ протестантамъ наибольшій контингентъ ихъ прозелитовъ [1]). Торговля опіумомъ, навязанная Великобританіей Китаю, есть одна изъ главныхъ причинъ относительной безуспѣшности пропаганды протестантскихъ миссіонеровъ въ Срединной имперіи; обитатели этого царства задаютъ себѣ вопросъ, можетъ ли та же самая нація, которая отравляетъ ихъ своими зельями, улучшить ихъ нравственно своими вѣроученіями [2]). При томъ христіанскія духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій должны терпѣть невыгоды, происходящія отъ сосѣдства другихъ европейцевъ, и стараются держать своихъ обращенныхъ какъ можно дальше отъ иностранныхъ общинъ другихъ обрядностей. Католическіе миссіонеры обучаютъ своихъ вѣрующихъ только церковной латыни, дабы они не соблазнялись читать нечестивыя книги, а протестантскіе миссіонеры остерегаются учить обращенныхъ англійскому языку изъ опасенія, чтобы они, выучившись, не сбѣжали съ цѣлью отправиться зарабатывать себѣ средства къ жизни въ качествѣ толмачей въ портахъ, открытыхъ торговлѣ европейскихъ націй [3]). Какъ выразился императорскій указъ, обнародованный въ оффиціальной «Пекинской газетѣ»: «два сорта чужеземцевъ претендуютъ на роль преобразователей Китая. Въ то время, какъ одни внушаютъ намъ любить ближняго какъ самихъ себя, другіе учатъ насъ убивать того же ближняго съ большихъ разстояній, безъ опасности для насъ самихъ, и заставляютъ насъ покупать ихъ ружья, преисполненныя смертоносныхъ усовершенствованій».

*Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ Китаѣ протестантскіе миссіонеры въ дѣлѣ евангелизаціи язычниковъ стали придерживаться отличной отъ католиковъ системы. Эти особенности протестантской системы сохранились и въ настоящее время. Протестанты, заботясь болѣе о нравственномъ и культурномъ преуспѣяніи своихъ духовныхъ чадъ, чѣмъ о спасеніи ихъ душъ, направляютъ свои усилія на распространеніе общеполезныхъ знаній и профессій, ремеслъ и искусствъ путемъ печати и обученія. и занимаются устройствомъ школъ и госпиталей. Для обсужденія дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ и для возбужденія новыхъ вопросовъ, протестанты всѣхъ толковъ и національностей организуютъ съѣзды и совѣщанія, публикуютъ отчеты, журналы и газеты. Способы и пріемы протестантскихъ миссіонеровъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ полный контрастъ съ пріемами и манерою католиковъ. Послѣдніе дѣйствуютъ по старой, испытанной методѣ. Католическіе миссіонеры рѣдко проникаютъ въ народную среду, будь то для проповѣди, леченія или для раздачи душеспасительныхъ книгъ, и вообще не входятъ въ непосредственное общеніе съ массою, предоставляя евангелизацію туземнымъ катехизаторамъ. Они, кромѣ того, рѣдко тратятъ свои усилія и труды на посторонніхъ язычниковъ, предпочитая дѣйствовать въ интересахъ лишь своей паствы. Католики стараются не только привязать новообращенныхъ, но сдѣлать ихъ зависимыми, для чего исключили изъ своей образовательной программы новые языки и практическія знанія, между тѣмъ, какъ протестанты дѣлятся своими знаніями со всѣми желающими, хотя бы то были язычники. Благодаря знанію европейскаго языка, китаецъ, побывавшій въ протестантской школѣ, имѣетъ возможность выбрать самостоятельную профессію и вообще утилизировать пріобрѣтенныя свѣдѣнія. Вообще воспитаннику протестантовъ легко найти хорошо оплаченную должность компрадора (торговый приказчикъ), счетчика, бухгалтера или переводчика въ китайской или европейской торговой фирмѣ.

Представители двухъ религій, дѣйствующихъ въ Китаѣ, различаются не только по методамъ пропаганды, но и по внѣшнему виду, Католики носятъ китайскій нарядъ и косу, протестанты же одѣваются въ обыкновенное платье. По мнѣнію протестантскихъ миссіонеровъ, сохраненіе европейскаго платья лучше отвѣчаетъ цѣлямъ пропаганды и вообще удобнѣе. Съ нѣкоторыми изъ ихъ доводовъ нельзя не согласиться. Миссіонеру, одѣтому въ европейскій костюмъ, легче привлечь вниманіе толпы, то-есть собрать большее число слушателей, другими словами, наружность его, является чѣмъ-то въ родѣ рекламы, привлекающей всеобщее любопытство. Католическій патеръ, не произносящій уличныхъ проповѣдей и не раздающій религіозныхъ брошюръ, не нуждается въ привлеченіи вниманія толпы. Противники китайскаго наряда находятъ, что иностранецъ, облекающійся въ курму и отпускающій косу, какъ бы утрачиваетъ свою самоличность, ибо старается поддѣлаться къ вкусамъ людей, которыхъ пришелъ просвѣщать и которыхъ считаетъ ниже по развитію и образованію. Чтобы носить китайское платье и не казаться мѣшковатымъ, нужна долговременная практика, не говоря о томъ, что коса идетъ лишь нѣкоторымъ типамъ,— китаецъ же съ бѣлокурою косою, то-есть иностранецъ, привлекаетъ больше вниманія, чѣмъ протестантскій миссіонеръ въ солнечномъ шлемѣ и сюртукѣ.*

[1]) Christlieb, „Missions évangéliques“.
[2]) Medhurst, „The Foreigner in far Cathay“.
[3]) A. Williamson, „Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia“.

Трудно произнести общее сужденіе о нравахъ и народномъ характерѣ китайцевъ и опредѣлить истинное мѣсто «дѣтей Ханъ» между цивилизованными націями. Большинство путешественниковъ привыкли рисовать ихъ въ смѣшномъ каррикатурномъ видѣ. Почти принято за правило, что о людяхъ Небесной имперіи,—какъ ихъ называютъ, по незнанію,—нельзя говорить, безъ того, чтобы не представлять ихъ съ смѣшныхъ сторонъ, или даже безъ того, чтобы не преувеличить ихъ странностей. Такъ велика сила этого предразсудка, что большинство западныхъ людей не могутъ вообразить себѣ обитателя береговъ Голубой рѣки иначе, какъ въ формѣ уморительнаго «китайца ширмъ», съ размѣренными движеніями и съ вѣчной улыбкой на устахъ. Что касается миссіонеровъ, то опасности, которымъ они иногда подвергаются, и повседневныя сношенія, которыя они имѣютъ съ народомъ, конечно, обязываютъ ихъ относиться къ нему болѣе серьезно; но, являясь въ качествѣ обратителей на путь истинной вѣры, они повсюду видятъ грѣхъ и вообще описываютъ китайцевъ, еще «пребывающихъ въ язычествѣ», какъ существа униженныя и погрязшія въ порокахъ. Другіе,—и такихъ всего больше,—привыкаютъ мало-по-малу къ своей новой средѣ и въ концѣ концовъ натурализуются китайцами; по выраженію Гарнье, «Срединное царство пріобрѣтаетъ въ нихъ новыхъ гражданъ». Нѣкоторые миссіонеры, сохраняя свою западную цивилизацію, проникаются любовью къ націи, среди которой они живутъ, и склонны признавать за нею нѣкотораго рода нравственное превосходство. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, восторженныя описанія Срединной имперіи, присылаемыя въ Европу миссіонерами-іезуитами, доставили китайцамъ репутацію мудрости и добродѣтели, которая вовсе не оправдывается ихъ исторіей. На основаніи этихъ панегириковъ европейскіе писатели любили выбирать свои примѣры въ этомъ новомъ для нихъ мірѣ восточной Азіи и находили удовольствіе сравнивать китайцевъ, взятыхъ за образецъ, съ такъ-называемыми цивилизованными народами Запада.

Весьма естественно, что сравнивая себя съ «западными варварами», китайцы приписываютъ себѣ превосходство, если не въ отношеніи индустріи, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи истинной гражданственности. И дѣйствительно, если судить по внѣшнимъ признакамъ народа, по его наружности, то, пожалуй, можно согласиться уступить ему это первое мѣсто, на которое онъ предъявляетъ притязанія. Нигдѣ вѣжливость обхожденія, привѣтливость и сердечность не распространены болѣе во всѣхъ классахъ общества, чѣмъ въ Китаѣ; нигдѣ толпа не откликается скорѣе на призывъ, обращенный къ человѣческому достоинству. Китайцы отъ природы сдержанны, внимательны, доброжелательны; они чувствуютъ себя солидарными между собою. «Люди четырехъ морей всѣ братья» [1]), говорятъ они обыкновенно, и ровесники по лѣтамъ любятъ называть другъ друга этимъ именемъ. Европейскіе путешественники могли проѣхать изъ конца въ конецъ самыя многолюдныя провинціи имперіи, Хубэй, Сы-чуань, не имѣвъ никогда повода пожаловаться на какую-либо грубость или даже оскорбительный жестъ со стороны туземцевъ; правда, что въ другихъ провинціяхъ, каковы: Юнь-нань, Хэ - нань, Гуань - си, любопытство толпы очень часто доходитъ до назойливости; но въ такихъ случаяхъ, чтобы заставить уважать себя, достаточно отдаться подъ покровительство какого-нибудь старика [2]). Среди массъ народа, которыя толпятся на улицахъ большихъ китайскихъ городовъ, никогда не встрѣтишь пьяныхъ; нужно посѣтить европейскія «концессіи» (такъ называются земли или мѣста, уступленныя подъ колоніи), въ портахъ, открытыхъ иностранной торговлѣ, чтобы присутствовать при сценахъ буйства, да и тамъ вина падаетъ не на туземцевъ. Но гдѣ особенно китайскій характеръ выказывается съ выгодной стороны, такъ это въ школахъ. Никогда, можно сказать, воспитанники не позволяютъ себѣ нарушить порядокъ почти религіозный, царствующій въ классахъ, или небрежно приготовить заданный имъ урокъ. Они показываютъ себя на школьной скамьѣ такими, какими они будутъ во всю жизнь, послушными, трудолюбивыми, неутомимыми; серьезные не по лѣтамъ, они, тѣмъ не менѣе, веселые и рѣзвые. Китайскія дѣти не заливаются такимъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, какъ монгольскій ребенокъ, но за то они не дадутъ увлечь себя чувству гнѣва, какъ онъ: они уже имѣютъ полное сознаніе своего достоинства людей цивилизованныхъ [3]).

Слабое развитіе индивидуальной иниціативы—вотъ черта, по которой китаецъ, кажется, дѣйствительно стоитъ ниже европейца. Безъ сомнѣнія, очутившись лицомъ къ лицу съ трудностями жизни, онъ сумѣетъ, не хуже любаго француза или англичанина, придумать средства, какъ завоевать себѣ благосостояніе; но въ своей борьбѣ за существованіе онъ будетъ сообразоваться больше съ рутинными привычками; онъ разсчитываетъ, чтобы восторжествовать надъ судьбой, не столько на смѣлость, сколько на пассивное сопротивленіе. Обыкновенно китайцы не имѣютъ высшаго честолюбія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ народныя поговорки и правила обыденной морали и житейской мудрости. Приключенія, рѣзкія перемѣны жизни имъ не нравятся. Ни одинъ народъ не имѣетъ

[1]) Dennys, „Folklore in China".
[2]) Simon, „Récits d'un voyage en Chine".
[3]) Davis;—Milne;—Doolittle;—Williamson;—Simon;—Коростовцевъ.

такъ мало воинственныхъ пѣсенъ и не прославляетъ съ такимъ постоянствомъ искусства мира, особенно трудъ земледѣльца, спокойно ходящаго за плугомъ по бороздамъ пашни. «Когда мы отправились въ путь-дорогу,—растенія уже пускали ростки;—когда же мы вернулись домой,—они были увядшими и засохшими. Путь дологъ, пища скудна! — Сколько незаслуженныхъ несчастій,—съ той поры, какъ я долженъ былъ поступить въ ряды войска,—покинувъ плугъ и родныя поля!» Таковы слова, которыя печально напѣваетъ китайскій поселянинъ, вмѣсто пылкихъ строфъ, которыя повторяютъ хоромъ жители Запада. Вообще это моралью, облеченной въ стихотворную форму, стихъ превращается у нихъ въ присловье, въ нравоученіе, и иную поэму можно разсматривать скорѣе, какъ трактатъ объ этикѣ. Китайскому поэту недостаетъ личнаго идеала: онъ какъ будто говоритъ всегда отъ имени семьи или народа.

Извѣстно, впрочемъ, что въ китайскомъ обществѣ семья гораздо крѣпче сплочена, нежели въ западныхъ странахъ. Вся нація, которая встарину носила названіе «Ста семей», считается какъ бы составляющею одно многочисленное семейство, гдѣ общественныя обязанности въ дѣйствительности суть не что иное,

Типъ и костюмъ.—Ученый китаецъ.

въ высшей степени любопытное явленіе, когда мы встрѣчаемъ національную поэзію, прославляющую главнымъ образомъ миръ и тишину, умѣренность, правильный трудъ, мирныя привязанности. Эта поэзія не лишена ни благородства, ни глубины, и нѣкоторыя произведенія ея выражаютъ чувство или мысль самымъ поразительнымъ образомъ; но рѣдко бываетъ, чтобы личное вдохновеніе высказалось въ ней вполнѣ, всецѣло: тысячи требованій относительно формы, условныя сравненія, уснащеніе рѣчи ходячими правилами морали, старательная скромность языка такъ хорошо замаскировываютъ идею, что нужно все искусство комментаторовъ, чтобы отыскать ее. По естественной эволюціи своего ума, китайскіе писатели дошли даже до того, что стали смѣшивать поэзію съ какъ обязанности сына въ отношеніи отца. Вся китайская нравственность вытекаетъ изъ сыновняго почтенія, и правительство Срединной имперіи есть въ сущности только расширеніе отеческой власти; оно представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ палеонтологическій остатокъ древняго патріархальнаго понятія общества. Какъ установляетъ священная книга Сяо-цзинъ, завѣщательное твореніе Конфуція, сыновнее почтеніе составляетъ основаніе общества. Предписываемыя учителемъ «пять непреложныхъ правилъ» опредѣляютъ отношенія отца и дѣтей, царя и подданныхъ, мужа и жены, стариковъ и молодыхъ людей, друга къ другу, между которыми тоже существуетъ взаимная подчиненность. Все проистекаетъ изъ естественной власти отца и повиновенія сына, утвержден-

ныхъ и освященныхъ преданіями и законами. Таково главное начало, которое въ теченіе тысячелѣтій удерживало въ связи разнородные элементы китайскаго общества, и которое создало изъ него прочное іерархическое цѣлое. Но по этой же причинѣ соціальныя преобразованія сдѣлались тамъ болѣе трудно осуществимыми и при проведеніи ихъ сопровождались болѣе ожесточенной, болѣе кровавой борьбой. Китаецъ менѣе, чѣмъ европеецъ, понимаетъ мораль свободы, той, которая даетъ каждому отдѣльному человѣку его собственную, независимую цѣну, въ окружающемъ его обществѣ. Одна только семья признается обладающей политическими правами въ государствѣ; въ былыя времена, когда правители совѣтовались съ народомъ, голоса считались по семьямъ, и теперь еще, когда дѣло идетъ о муниципальныхъ вопросахъ, одинъ только глава семейства идетъ подавать голосъ. Всякій другой способъ подачи голосовъ показался бы преступленіемъ, ибо отецъ, императоръ своего семейства, почитается выразителемъ мыслей и чувствъ всѣхъ своихъ домочадцевъ; онъ можетъ гордиться ихъ добродѣтелями, требовать себѣ награды за ихъ заслуги, но онъ же несетъ отвѣтственность за ихъ пороки и долженъ быть наказанъ за ихъ провинности. Великія дѣла сына облагораживаютъ отца и весь родъ, всѣхъ предковъ; и наоборотъ, преступленія потомковъ унижаютъ предъидущія поколѣнія. Эти патріархальные нравы, предоставляющіе родителямъ неограниченную власть и обязывающіе дѣтей къ безусловному послушанію и безпредѣльной преданности, имѣютъ такую силу въ Китаѣ, что порождаютъ тамъ обычаи, неизвѣстные ни въ какой другой странѣ міра. Простой ударъ, нанесенный сыномъ отцу или матери, приравнивается къ отцеубійству и наказывается смертію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ царствуетъ большая бѣдность, часто бывали случаи, что молодые люди добровольно вызывались подвергнуться смертной казни, въ качествѣ замѣстителей богатыхъ осужденныхъ. Они зарабатывали такимъ образомъ нѣсколько тысячъ франковъ, которые позволяли имъ обогатить свою семью. Такъ какъ законъ требуетъ только одного, искупленія содѣяннаго преступленія, то блюстителямъ его мало дѣла до имени жертвы; лишь бы только ушала голова съ плечъ, правосудіе удовлетворено. Добрые сыновья, умирающіе такимъ образомъ отъ руки палача, благословляемые своими родителями, разстаются съ жизнью, исполненные неизреченнаго счастья отъ сознанія, что имъ удалось исполнить сыновній долгъ въ высшей степени его проявленія.

Въ похоронныхъ церемоніяхъ при погребеніи родителей, и преимущественно отца, обычай требуетъ отъ дѣтей публичнаго доказательства ихъ горести. Старшій сынъ, главный наслѣдникъ и глава семейства или, за неимѣніемъ его, его первенецъ или его пріемный сынъ, долженъ удержать, прикрѣпить одну изъ душъ усопшаго въ памятной табличкѣ, перечисляющей его добродѣтели, долженъ курить ладономъ передъ его тѣнью, облегчить ему дорогу, снабдивъ его въ изобиліи деньгами изъ бумаги и подобіями золотыхъ или серебряныхъ слитковъ, равно какъ одеждой, лошадьми, служителями, джонками, тоже изъ бумаги, изображеніемъ всего, чего только можетъ пожелать покойный на томъ свѣтѣ. Трауръ продолжается три года, двадцать семь мѣсяцевъ для оффиціальныхъ лицъ. и бываютъ случаи, что во все время этого длиннаго срока, обнимающаго значительную часть жизни, сыновья хранятъ у себя дома трупъ своего отца, присѣдая днемъ на скамейкѣ, а ночью ложась спать на камышевой циновкѣ подлѣ гроба. Въ продолженіе траурнаго періода китайцы должны воздерживаться отъ употребленія мяса и вина; вмѣстѣ съ тѣмъ обычай запрещаетъ имъ показываться въ какомъ бы то ни было общественномъ собраніи: оффиціальная жизнь, такъ сказать, пріостанавливается для нихъ. Если покойный не запасся заблаговременно гробомъ, который украшаетъ большую часть китайскихъ домовъ, то старшій сынъ долженъ купить гробъ такой богатый, какъ только позволяютъ его достатки, и указываютъ, какъ достойные всяческой похвалы и подражанія, примѣры добродѣтельныхъ молодыхъ людей, которые продавали себя въ рабство, чтобы только купить красивый гробъ своему родителю. Обычай требуетъ также, чтобы смертные останки усопшихъ переносились въ родной край, въ мѣста происхожденія; но такъ какъ затруднительно было бы предпринимать эти экспедиціи, иногда очень дальнія, по одиночкѣ, то почти всегда выжидаютъ, пока наберется достаточное число гробовъ, чтобы составить большіе караваны. Вотъ почему, кромѣ кладбищъ и аллей постоянныхъ гробницъ, въ Китаѣ увидишь во многихъ мѣстахъ, преимущественно на высотахъ, временные некрополи, селенія мертвыхъ, заключающія только похоронныя урны или гробы, которые всѣ изящно украшены эмблематическими рисунками, представляющими цвѣты, птицъ, музыкальные инструменты [1]). Извѣстно, что китайцы, умирающіе на чужбинѣ, тоже завѣщаютъ перевезти ихъ кости въ отечество, и что для перевозки мертвыхъ тѣлъ зафрахтовываются особыя суда на средства обществъ взаимнаго вспомоществованія, къ которымъ принадлежали покойники. Спеціальный храмъ принимаетъ поминальныя таблички предковъ и таблички несчастныхъ умершихъ, не имѣвшихъ дѣтей, которыя могли бы воздать имъ послѣднія почести. Каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, посѣтители, одѣтые всѣ

[1]) Milne;—Doolittle;—Faivre;—„Lettres édifiantes";—d'Escayrac de Lauture, etc.

въ бѣломъ,—цвѣтъ большаго траура,—приносятъ на могилки и въ поминальные храмы цвѣты, плоды и другія приношенія, на которыя тотчасъ же слетаются птицы, гнѣздящіяся на окружающихъ деревьяхъ. Въ этихъ священныхъ мѣстахъ, гдѣ иногда встрѣчаются тысячи людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, нѣтъ различія ранговъ и званій: одинъ только возрастъ опредѣляетъ первенство. Простые крестьяне, поденщики по большей части хорошо знаютъ исторію своего семейства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, за цѣлыя столѣтія назадъ, и могутъ не только сказать имена прапрадѣдовъ, но и перечислить всѣ дѣла, дающія имъ право на память ихъ потомства; обращая взоры въ прошлое, къ длинному ряду своихъ предковъ, они, такъ сказать, чувствуютъ себя

Китайскія дѣти.

безсмертными [1]). Оттого-то несчастные, исключенные изъ семьи, тѣмъ самымъ поставлены почти внѣ общества. Главная причина презрѣнія, которое китайцы питаютъ къ духовенству, происходитъ оттого, что эти послѣдніе отреклись отъ узъ родства или были проданы въ раннемъ дѣтствѣ въ монастыри; презрѣніе это доходитъ до того, что они едва считаются за людей.

Въ Китаѣ не въ обычаѣ дѣлать длинныя погребальныя церемоніи для дѣтей, неженатыхъ взрослыхъ, незаконныхъ женъ или рабынь. Часто даже бѣдные родители пускаютъ трупы своихъ дѣтей по теченію рѣки, бросаютъ ихъ въ общія усыпальницы или костняки, или, наконецъ, просто выставляютъ передъ дверьми своихъ лачугъ, гдѣ ихъ подбираютъ могильщики. При видѣ этихъ покинутыхъ маленькихъ мертвыхъ тѣлъ многіе иностранные путешественники пришли къ ошибочному заключенію и стали приписывать китайской націи якобы общераспространенный обычай дѣтоубійства, особенно убійства дѣвочекъ. Никогда общественное мнѣніе не разрѣшало этого преступленія, никогда правительство не одобряло и не поощряло его, какъ это часто утверждали. Въ полупатріархальномъ мірѣ Китая многочисленныя дѣти считаются, вмѣстѣ съ матеріальнымъ довольствомъ и долговѣчностью, такими вещами, которыя обезпечиваютъ отцу семейства «три блаженства» [1]); нельзя, однако, отрицать того факта, что выставленіе дѣтей передъ пріютами часто практикуется у бѣдныхъ китайцевъ нѣкоторыхъ провинцій; умерщвленіе дѣвочекъ—довольно обыкновенное явленіе въ провинціи Фу-цзянь, преимущественно во многихъ изъ чрезмѣрно населенныхъ округовъ въ окрестностяхъ города Амоя; тамъ родители сами берутъ новорожденнаго младенца, чтобы умертвить его, погружая въ лоханъ съ холодной водой. Крайняя бѣдность—единственная причина этихъ убійствъ, на которыя мандарины смотрятъ сквозь пальцы или ограничиваются тѣмъ, что клеймятъ ихъ позоромъ въ прокламаціяхъ, которыхъ никто не читаетъ. Невозможность припасти приданое дочерямъ обрекаетъ ихъ на горькое существованіе, полное лишеній или безчестья, и родители даютъ имъ смерть, какъ единственное средство избавить ихъ отъ несчастій жизни, если они не успѣли продать ихъ въ качествѣ рабынь или будущихъ женъ какого-нибудь мальчика изъ околицы: въ этихъ случаяхъ продажная цѣна повышается,

[1]) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine".

[1]) Milne, „La vie réelle en Chine", trad. Tasset.

среднимъ числомъ, на десятокъ франковъ на каждый годъ возраста [1]). Мы знаемъ также, что миссіонеры, католическіе и протестантскіе, принимаютъ довольно большое число китайскихъ дѣтей въ видахъ увеличенія численности и важности своихъ конгрегацій или духовныхъ общинъ; но первая причина, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ существовать, и нищета все еще беретъ свои жертвы. Въ деревняхъ амойскаго округа случаи дѣтоубійства, какъ говорятъ, имѣютъ мѣсто въ половинѣ семействъ. Иностранцевъ, посѣщающихъ тотъ край, поражаетъ численное превосходство мужчинъ надъ женщинами, и туземцы не скрываютъ причины, которой должна быть приписана эта разница.

Если дѣтоубійство, строго порицаемое китайскими моралистами [2]), терпимо въ нѣкоторыхъ округахъ, то безусловное право отца продавать своихъ дѣтей въ рабство уже вполнѣ признается закономъ. Очень рѣдко, однако, случается, чтобы родители продавали своихъ сыновей; но весьма большое число дѣвушекъ обречены на рабство. Богатыя семейства владѣютъ иногда нѣсколькими десятками купленныхъ рабынь, и большинство китайскихъ хозяйствъ, живущихъ въ нѣкоторомъ довольствѣ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одну служанку, принадлежащую имъ на правахъ собственности. Контракты о продажѣ заключаются торжественнымъ образомъ и обыкновенно на улицѣ, «предъ лицомъ Неба». Впрочемъ, эта крѣпостная зависимость для женщинъ бываетъ лишь временная, такъ какъ владѣлецъ обязанъ найти своей рабынѣ мужа, и тогда она переходитъ подъ другіе законы. Рабы мужескаго пола также могутъ требовать, до тридцатилѣтняго возраста, чтобы господинъ женилъ ихъ, и сдѣлавшись главами семейства, они передаютъ крѣпостное состояніе только части своего потомства: дочери отпускаются на волю, тогда какъ для дѣтей мужескаго пола рабство продолжается до четвертаго поколѣнія. Тѣмъ не менѣе съ рабами почти всегда обращаются такъ же, какъ съ другой вольнонаемной прислугой, и иностранцы не дѣлаютъ никакого различія между ними и свободными людьми. Рабы имѣютъ право учиться въ школахъ, держать экзамены, поступать на государственную или общественную службу, и владѣлецъ долженъ тогда позволить имъ откупить на волю самихъ себя и все свое семейство. Что касается замужнихъ женщинъ, то мужья могутъ продавать ихъ только какъ женъ, но не какъ рабынь [3]).

Одинъ вещественный признакъ такъ же, какъ законы и обычай, свидѣтельствуетъ о подчиненномъ положеніи, въ которомъ держатся женщины въ Китаѣ: этотъ признакъ—уродованіе ногъ, которому должны подвергаться многіе милліоны дѣвушекъ, даже между тѣми, которыя предназначены къ трудовой жизни. Локгартъ указываетъ на 925 годъ какъ на эпоху, къ которой относится начало этого обычая [1]); но, вѣроятно, послѣдній распространялся очень медленно, такъ какъ Марко Поло и другіе средневѣковые путешественники не упоминаютъ о немъ; теперь онъ сдѣлался до такой степени господствующимъ, что въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая, исключая Пекина, почти всѣ женщины подвергаются уродованію, даже тѣ, которыя копаютъ землю заступомъ и носятъ тяжести. Напротивъ въ южномъ Китаѣ, въ Сычуанѣ и въ Маньчжуріи крестьянки совершенно освобождены отъ этого обычая, да и въ городахъ можно считать между женщинами около двухъ третей такихъ, которыя не уродуютъ себѣ ногъ; но кажется, что странная мода изъ году въ годъ увеличиваетъ число своихъ жертвъ [2]). Однѣ только маньчжурскія дамы обязаны достоинству своей расы привилегіей, позволяющей имъ не сообразоваться съ нравами побѣжденной націи; однако, и онѣ подражаютъ ей, нося обувь, которая заставляетъ ихъ ходить на кончикѣ ноги, и которая бываетъ причиной многочисленныхъ несчастныхъ случаевъ и важныхъ болѣзней. Уродованіе женской ноги сдѣлалось для современныхъ намъ китайцевъ отличительнымъ признакомъ принадлежности къ «хорошему обществу», и ни одна молодая дѣвушка не можетъ надѣяться вступить въ эту высшую касту, если она не подвергалась пыткѣ, требуемой судьями женской красоты, чтобы превратить свою ногу въ «золотую лилію»; даже тѣ изъ родителей, которые охуждаютъ этотъ варварскій обычай, тѣмъ не менѣе подвергаютъ пыткѣ своихъ дочерей, дабы не обрекать ихъ почти неизбѣжно на безбрачіе. Обыкновенно на пятомъ, или шестомъ году дѣвочкамъ туго стягиваютъ повязками ступни ногъ, чтобы согнуть большіе пальцы, изогнуть въ видѣ дуги подъемъ ногй, задержать развитіе мускуловъ: нужно, чтобы башмакъ, расположенный такимъ образомъ, что этотъ обрубокъ ноги казался въ немъ еще меньше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, достигалъ только семи съ половиной сантиметровъ въ длину; самая голень участвуетъ въ атрофіи, искусственно вызываемой съ ранняго дѣтства, и образуетъ, вмѣстѣ съ ступней, прямую спицу безъ икры [3]); впрочемъ употребляютъ весьма различные способы въ разныхъ частяхъ имперіи [4]). Окончательно искалѣченная женщина «хорошаго общества» не въ состояніи болѣе поднимать тяжести, не можетъ даже заниматься какой бы то ни было трудовой рабо-

[1]) Doolittle, „Social life of the Chinese".
[2]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois".
[3]) Doolittle, цитированное сочиненіе.

[1]) „The Chinese and Japanese Repository", vol. I, march 1864.
[2]) Doolittle, цитированное сочиненіе.
[3]) Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1863, tome VI.
[4]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".

той; правильная походка стала для нея невозможной; она принуждена подвигаться впередъ быстрыми и не твердыми шажками, шатаясь и помогая себѣ руками, какъ балансернымъ шестомъ: это поступь, которую поэты сравниваютъ съ колебаніями ивы, качаемой зефиромъ [1]). Понятно, какъ много эта искалѣченность увеличиваетъ зависимость женщины въ домашнемъ быту; впрочемъ изуродованныя деревенскія женщины работаютъ безъ замѣтной усталости на-ряду со своими мужьями [2]).

Въ самое послѣднее время среди китайскихъ женщинъ, подъ вліяніемъ миссіонерокъ, начинаютъ раздаваться протесты противъ этого варварскаго обычая. Въ странѣ образовалось нѣсколько обществъ, принявшихъ на себя задачу бороться съ нимъ. Особенно большое участіе въ этомъ проявляютъ протестантскія миссіонерки, пытавшіяся привлечь на свою сторону даже императрицу [3]).

Отдаленныя преданія напоминаютъ о существованіи безбрачнаго и безсемейнаго состоянія въ древнемъ Китаѣ: «До временъ Фуси говорятъ старинныя книги, люди знали свою мать, но не вѣдали, кто былъ ихъ отецъ». Со времени же основанія китайской семьи, законы и обычай съ точностью установляютъ безусловную подчиненность женщины, какъ дочери и какъ жены. Обязанная въ дѣвичествѣ обожать своихъ родителей, она должна, по вступленіи въ бракъ, обожать своего мужа. «Если я выйду замужъ за птицу, гласитъ народная пословица, я должна летать за ней; если выйду замужъ за собаку, должна слѣдовать за ней всюду, куда она побѣжитъ; если выйду за брошенный комокъ земли, я должна сидѣть подлѣ него и оберегать его» [4]). Всѣ свадебные обряды, всѣ символическіе акты помолвки и брака напоминаютъ женщинѣ, что покорность должна быть для нея первой и главной добродѣтелью. Каково бы ни было поведеніе мужа въ отношеніи ея, ей надлежитъ безропотно покоряться судьбѣ и молча повиноваться; она не можетъ прибѣгать ни къ защитѣ своихъ родителей, ни къ защитѣ судей или другихъ представителей власти, чтобы добиться справедливости; самое большое, что она можетъ сдѣлать,—это отправиться въ храмъ, чтобы повѣсить тамъ, головой внизъ, фигурку изъ бумаги, представляющую ея мужа, и помолиться «богинѣ Милосердія», прося ее перемѣнить сердце супруга, которое не на своемъ мѣстѣ [1]). Знаменитѣйшая изъ китайскихъ писательницъ, Бань-хой-бань, жившая въ первомъ столѣтіи христіанской эры, начертала обязанности женщинъ въ классическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Семь статей». Она разсказываетъ намъ, что въ старину существовалъ обычай подносить отцу, при рожденіи дочери, кирпичи и черепицы, «кирпичи потому, что ихъ топчутъ ногами, а черепицы потому, что онѣ подвергаются всѣмъ бурямъ и непогодамъ». Жена должна быть ничѣмъ инымъ, какъ чистой тѣнью и простымъ отголоскомъ [2]). Когда мужъ выбираетъ себѣ, обыкновенно между своими рабынями, одну или нѣсколько добавочныхъ женъ, законная супруга обязана принять ихъ благосклонно и жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Одинъ только мужъ вооруженъ правомъ разрыва брачнаго союза: не обращаясь къ суду, безъ всякаго бракоразводнаго процесса, онъ можетъ просто отослать отъ себя свою жену, даже въ томъ случаѣ, когда единственная вещь, въ которой онъ можетъ упрекнуть ее, есть ея болѣзненное состояніе или ея болтливость; но когда жена перестанетъ ему нравиться, онъ почти всегда предпочитаетъ избавиться отъ нея посредствомъ продажи, и въ этомъ случаѣ ему достаточно заключить съ покупателемъ домашній договоръ въ надлежащей формѣ, такъ какъ обществу нѣтъ дѣла вмѣшиваться въ эти частныя сдѣлки. Наконецъ, самоубійство вдовы, на могилѣ мужа еще не совсѣмъ исчезло изъ китайскихъ нравовъ; но нѣтъ примѣра, чтобы она избирала смерть на кострѣ, какъ это дѣлаютъ индусскія вдовы; китайскія жены соединяются съ своимъ супругомъ въ загробной жизни при посредствѣ опіума или какого-нибудь другаго яда, при посредствѣ голода, самоутопленія, но чаще всего при помощи веревки. Онѣ заранѣе объявляютъ о своемъ рѣшеніи, и тогда со всѣхъ сторонъ приходятъ родственни-

Маньчжурка.

[1]) Milne, „La vie réelle en Chine".
[2]) Huc, „Empire Chinois".
[3]) „The China Herald" 1897 г.
[4]) „Un Héritier dans la vieillesse", trad. par. John Davis.

[1]) Mad. Gray, „Chinese Costums".
[2]) Amyot, „Mémoires concernant les Chinois".

ки, знакомые и любопытные, чтобы ободрять ихъ и восхвалять задуманный ими подвигъ [1]); даже когда онѣ не поддерживаются общественнымъ одобреніемъ, и тогда многія изъ нихъ добровольно обрекаютъ себя на смерть, или чтобы послѣдовать за мужемъ въ могилу, или чтобы остаться достойными его. Во время экспедиціи 1860 года, когда союзныя англо-французскія войска проникли въ Чжилійскую провинцію, тысячи женщинъ налагали на себя руки изъ боязни попасть во власть чужеземцевъ; онѣ ложились въ гробъ, чтобы ждать тамъ смерти, и дѣйствительно умирали [2]). Такимъ образомъ, женщина смотритъ на себя какъ на безличное существо, имѣющее существованіе лишь въ лицѣ супруга, и если она, тѣмъ не менѣе, пользуется нѣкоторой свободой, если мужъ рѣдко злоупотребляетъ своими правами неограниченнаго господина, то она обязана этимъ только общей кротости нравовъ. Въ честь дѣвъ и добродѣтельныхъ вдовъ китайцы, изъ своего рода національной любезности, воздвигаютъ наибольшее число тріумфальныхъ арокъ за воротами городовъ; взамѣнъ свободы, имъ жалуютъ монументы.

Въ образованномъ обществѣ Китая бракъ такъ же, какъ всѣ другіе акты жизни, обставленъ безчисленными церемоніями, символическій смыслъ которыхъ вообще остается непонятнымъ, но которыя тѣмъ не менѣе считаются необходимыми. «Само небо установило различіе церемоній», говоритъ Конфуцій, «и церемоніи составляютъ для насъ непреложные законы». Нужно замѣтить, однако, что «ли» или «церемоніалъ» китайцевъ обнимаетъ также нравы и все, что отличаетъ цивилизованнаго человѣка отъ варвара. Китаецъ, уважающій преданіе, имѣетъ передъ собой ясно и подробно начертанныя правила, какъ вести себя, что́ говорить и дѣлать въ каждомъ религіозномъ или гражданскомъ празднествѣ, въ каждомъ изъ своихъ визитовъ или пріемовъ: онъ твердо знаетъ число поклоновъ или колѣнопреклоненій, которое требуется въ данномъ случаѣ; онъ заранѣе измѣряетъ длину своихъ шаговъ, уголъ наклоненія своей головы, морганье глазъ, интонацію голоса, сладость улыбки. Конфуцій, который служитъ образцомъ для всей націи, не имѣлъ бо́льшаго развлеченія въ своей самой нѣжной юности, какъ привѣтствовать своихъ маленькихъ товарищей по всѣмъ правиламъ церемоніала, установленнаго для пріема самыхъ важныхъ особъ, приглашать ихъ садиться, почтительно уступая имъ первое мѣсто, падать ницъ вмѣстѣ съ ними и подражать обрядамъ, которые совершаются при жертвоприношеніяхъ въ честь предковъ [3]). Китаецъ имѣетъ право на титулъ «мудраго» лишь въ томъ случаѣ, если съ своими познаніями онъ соединяетъ точное знаніе всего церемоніала религіознаго и гражданскаго. «Всѣ добродѣтели имѣютъ свой источникъ въ этикетѣ», гласитъ изреченіе, приписываемое Конфуцію.

Какъ бы то ни было, несоблюденіе этикета составляетъ ту силу, которая даетъ необходимый толчекъ человѣческимъ обществамъ. Многочисленные перевороты, потрясавшіе китайское государство, доказываютъ, что подъ этимъ міромъ ученыхъ формалистовъ, полагающихъ свою радость въ повтореніи правилъ нравственности и въ рисованіи ихъ на стѣнахъ своихъ аппартаментовъ, волнуется толпа, которая занимается насущными потребностями, настоятельными интересами жизни, а не однимъ только исполненіемъ символическихъ церемоній. Борьба за существованіе, необходимость ежедневнаго труда не позволяютъ человѣку изъ народа искать, какъ этого требуетъ оффиціальная мораль, санкціи всѣхъ своихъ поступковъ въ поведеніи трехъ императоровъ Яо, Шунь и Юй. Какъ говоритъ одна китайская пословица: «сынъ походитъ больше на свой вѣкъ, чѣмъ на отца и мать», а этотъ вѣкъ вноситъ постоянныя перемѣны, если не въ классическія правила морали, то, по крайней мѣрѣ, въ дѣйствительную жизнь націи. О Китаѣ говорили, что будто его «преждевременная зрѣлость истощила его силы», но это неправда; нѣтъ расы, которая бы опять поднималась болѣе сильной и болѣе молодой изъ несчастій, которыя, казалось, должны были окончательно подавить ее. Однако отличительныя черты національнаго характера проявляются также и въ тѣхъ глубоко идущихъ преобразованіяхъ, которыя совершаются въ Китаѣ. Въ Европѣ преобладающее дѣйствіе исходитъ отъ индивидуумовъ, временно соединенныхъ между собой; въ Срединномъ царствѣ вліяніе «хуй», обществъ, сохраняющихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, относительно, гораздо болѣе важно. Тогда какъ на Западѣ ассоціаціи, какъ онѣ ни многочисленны, обнимаютъ только незначительную часть населенія, на крайнемъ Востокѣ онѣ вовлекли почти всѣхъ людей въ свой кругъ дѣятельности. Въ китайскихъ городахъ не найдется, можетъ быть, ни одного жителя, богатаго или бѣднаго, именитаго гражданина или простаго работника, который бы не принадлежалъ къ какой-нибудь общественной группѣ, учрежденной публично, или дѣйствующей въ тайнѣ. Даже нищіе, «дѣти цвѣтовъ», какъ ихъ называютъ, и тѣ соединены въ ассоціаціи или артели, имѣющія свои уставы, свой спеціальный кодексъ, свои праздники и банкеты.

Гражданскія войны, опустошавшія нерѣдко всю центральную область «Цвѣтущаго царства», показали, какъ велико въ Китаѣ вліяніе тайныхъ обществъ; онѣ показали также, что произошли глубокія перемѣны у «дѣтей Хань», и

[1]) Doolittle, „Social life of the Chinese".
[2]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".
[3]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois".

что послѣднія не составляютъ, какъ это привыкли повторять въ Европѣ, неподвижной націи, окаменѣвшей въ обожаніи прошлаго; обки состоитъ въ томъ, чтобы обновлять людей». Тайпинги или тайпины представляли собою новую эволюцію въ національномъ развитіи, и

Пагода въ Шанхаѣ.

щераспространенное у насъ заблужденіе, смѣшивающее китайца и мандарина, было наглядно опровергнуто событіями, да при томъ и самъ Конфуцій сказалъ, что «Законъ великой науесли они не были поддержаны до конца общественнымъ мнѣніемъ, то это, вѣроятно, потому, что они слишкомъ смѣло пустились въ новый путь религіозный и политическій; слишкомъ мало

заботясь о древней національной династіи Миновъ, они не искали въ предшествующей исторіи Китая опорной точки противъ маньчжурскихъ завоевателей [2]). Тайпинскій мятежъ, какъ извѣстно, вспыхнулъ въ 1848 году, въ эпоху великаго революціоннаго потрясенія западно-европейскихъ націй; въ началѣ это была простая ссора изъ-за разногласія по вопросамъ культа, возбужденная какимъ-то школьнымъ учителемъ, но вскорѣ затѣмъ волненіе приняло характеръ общей междусобной войны, въ которой религіозныя страсти, интересы и взаимная ненависть различныхъ классовъ общества, всѣ противоположные элементы націи вступили въ безпощадную борьбу. Изъ своего мѣста происхожденія, въ провинціи Гуанъ-си на Кантонской рѣкѣ, война постепенно распространилась въ разныя южныя области имперіи, гдѣ стоятъ лицомъ къ лицу хакки и пунти, затѣмъ она охватила земли по теченію Голубой рѣки, проникнувъ туда черезъ большія торговыя дороги, и разлилась на сѣверъ до самыхъ воротъ Тянь-цзиня. Съ 1851 года было основано государство «Великаго мира» (Тай-пинъ), а въ 1853 году Нанкинъ снова сдѣлался столицей имперіи, подъ именемъ Тянь-цзина или «Небесной резиденціи». Владѣя плодороднѣйшими странами «Срединнаго цвѣтка», всѣмъ нижнимъ теченіемъ Янъ-цзы-цзяна, даже городомъ Нинъ-бо и другими приморскими портами, раздѣливъ своими владѣніями на два удаленные одинъ отъ другаго пояса области, оставшіяся еще вѣрными маньчжурскому императору, тайпинское возстаніе имѣло всѣ шансы, если не восторжествовать, то, по крайней мѣрѣ, дать всей совокупности имперіи политическое положеніе, совершенно отличное отъ того, какое она имѣетъ въ наши дни, какъ вдругъ европейцы пришли помогать маньчжурской династіи, одновременно отрядами добровольцевъ и регулярными англо-французскими войсками. Хотя тайпинги, чаще называемые «длинноволосыми», примѣшивали къ своему культу христіанскія обрядности и писали свои прокламаціи и указы языкомъ, заимствованнымъ у христіанскихъ миссіонеровъ, хотя они помѣстили Библію въ число своихъ священныхъ книгъ и даже предлагали мѣсто въ своемъ правительствѣ христіанамъ иностранцамъ [2]); западные европейцы, имѣющіе пребываніе въ Китаѣ, отдали, однако, предпочтеніе интересамъ своей торговли передъ интересами своей религіи, и благодаря ихъ помощи, маньчжурскій богдыханъ могъ обратно завоевать отнятыя у него владѣнія. Въ 1862 году союзники помѣшали тайпингамъ занять Шанхай и быстро вытѣснили ихъ со всѣхъ важныхъ стратегическихъ позицій; китайскимъ солдатамъ оставалось только жечь города и убивать жителей, а потомъ гоняться за голодными инсургентами, которые сдѣлались разбойниками на большой дорогѣ, чтобы добывать себѣ пропитаніе, и, безъ всякой политической цѣли, грабили тамъ и сямъ деревни и мызы [1]).

Единство имперіи было возстановлено, но реставрація стараго порядка вещей есть лишь кажущаяся. Различныя общества, скрывающіяся въ глубинахъ націи, каковы сообщество «Ненуфара», лига «Чистаго чаю», союзъ «Трехъ драгоцѣнностей—неба, земли и человѣка» и множество другихъ ассоціацій съ новыми именами, изъ которыхъ одна была основана миссіонеромъ Гуцлафомъ [1]), и которыя поставили себѣ задачей политическое и соціальное обновленіе Китая, не переставали существовать и работать втихомолку. Нынѣшнее равновѣсіе Срединной имперіи представляется весьма неустойчивымъ. Древній аппаратъ законовъ, формулъ, оффиціальныхъ правилъ и обычаевъ все болѣе и болѣе приходитъ въ противорѣчіе съ новыми требованіями возродившагося общества, и страна вступаетъ въ болѣе и болѣе частыя сношенія съ иностранцами, идеи которыхъ, хотя и отвергаемыя съ негодованіемъ, оказываютъ глубокое вліяніе и ускоряютъ паденіе старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ учрежденій.

Маленькія колоніи европейцевъ, основанныя на морскомъ прибрежьѣ и по берегамъ Голубой рѣки, кажутся маловажными, и дѣйствительно, если ихъ сравнивать съ несмѣтными массами «дѣтей Хань», онѣ представляютъ ничтожную горсть людей; но тѣмъ не менѣе съ появленіемъ ихъ въ имперіи начинается новый періодъ національной жизни китайцевъ. Отнынѣ Востокъ и Западъ соединены великими движеніями исторіи; въ географическомъ отношеніи Китай тоже все болѣе и болѣе приходитъ въ связь съ міромъ, уже хорошо извѣстнымъ, Европы и южной Азіи. Европейскіе путешественники объѣздили Центральное царство во всѣхъ направленіяхъ; каждый годъ новые пути, пройденные туристами, прибавляются къ предъидущимъ, и кольца этой сѣти путей все болѣе и болѣе съуживаются. Теперь остается только приступить систематически къ подробному изслѣдованію страны.

---

[1]) Edkins, „Religion in China".

[2]) Левъ Мечниковъ, журн. «Дѣло», августъ 1878 г.

[1]) Какъ лучшія изъ весьма немногихъ существующихъ на русскомъ языкѣ описаній Тайпинскаго возстанія можно указать на статью М. Венюкова „Возстаніе тайпинговъ", изд. 1874 года, и болѣе краткое описаніе Д. Позднѣева „Тайпинское возстаніе въ Китаѣ", помѣщенное въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв" за 1898 г. Прим. ред.

[2]) Callery et Ivan, „l'Insurrection en Chine;"—Edkins, „Religion in China".

Бассейнъ рѣки Бай-хэ, провинція Чжи-ли.

Та часть Собственнаго Китая, гдѣ находится столица имперіи, образуетъ самую сѣверную изъ восемнадцати провинцій; она даже далеко лежитъ отъ истиннаго центра государства, то-есть пространства, заключеннаго между теченіями двухъ главныхъ рѣкъ страны, Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Въ эпохи продолжительнаго внутренняго мира естественно было основать средоточіе имперіи въ какомъ-либо центральномъ городѣ, каковъ, напримѣръ, Нанкинъ; но въ періоды иностранной войны сила сопротивленія, представляемая правительствомъ, его чиновниками и его арміями, должна была переноситься къ мѣсту наиболѣе угрожаемому внѣшнимъ врагомъ. Но мы знаемъ, что монголы и маньчжуры спускались къ Китаю черезъ мѣстности, орошаемыя рѣкой Бай-хэ, на берегахъ которой и происходили рѣшительныя битвы. Одержавъ побѣду, завоеватели охотно оставались въ этой области, сопредѣльной съ ихъ родиной, откуда имъ легко было получать подкрѣпленія, и куда они могли спастись въ случаѣ пораженія. Таковы причины, которыя, съ половины десятаго столѣтія нашей эры, исключая нѣсколькихъ перерывовъ, заставляли избирать Пекинъ для мѣстопребыванія императоровъ. При томъ же, этотъ городъ лежитъ уже въ той же естественной области, въ которой и болѣе южные города; находясь въ странѣ равнинъ, къ юго-востоку отъ краевыхъ цѣпей, ограничивающихъ Монгольское плоскогорье, онъ не отдѣленъ отъ мѣстностей, орошаемыхъ Желтой рѣкой, никакимъ порогомъ изъ горъ или холмовъ; отъ Чжи-ли до провинцій Хэ-нань, Гань-су, Ань-хой, перемѣны климата, культуръ, населенія совершаются нечувствительными переходами. По многочисленности своихъ обитателей, провинція Чжи-ли, или «непосредственное сѣверное владѣніе, управляющая провинція», есть равнымъ образомъ, земля совершенно китайская; послѣдняя оффиціальная перепись, предшествовавшая вторженію тайпинговъ, перемѣнѣ теченія Желтой рѣки и большому голоду, насчитывала около тридцати семи милліоновъ жителей въ этой области; это отъ трехъ до четырехъ разъ больше того, сколько ихъ находится во Франціи на площади равнаго протяженія. Со включеніемъ территорій, присоединенныхъ отъ внутренней Монголіи, пространство Чжи-ли, по Матусовскому, въ 1879 г. опредѣлялось въ 5.438,28 квадратныхъ миль, населеніе, въ 1882 году, 17.937.000 душъ, такъ что среднимъ числомъ приходится 3.298 жителей на одну квадратную милю.

Омываемая на востокѣ моремъ, Чжилійская провинція довольно хорошо ограничена съ сѣверной и западной сторонъ крупными склонами горъ, составляющихъ отроги или предгорья массы монгольскихъ плоскихъ возвышенностей. Въ своей совокупности эти возвышенія почвы оріентированы по направленію отъ юго-запада къ сѣверу-востоку, параллельно хребту полуострова Ляо-дунъ и Шаньдунскимъ горнымъ цѣпямъ; вытекающія изъ нихъ рѣки слѣдуютъ сначала по возвышеннымъ долинамъ, затѣмъ, находя боковую разсѣлину или брешь, круто поворачиваютъ и черезъ этотъ проходъ вступаютъ въ равнину. Едва одна вершина достигаетъ высоты, превышающей 2.000 метровъ, въ частяхъ этихъ цѣпей, заключающихся между поперными долинами рѣкъ Бай-хэ и Янъ-хэ, которыя орошаютъ Пекинскую равнину; но къ югу отъ Янъ-хэ хребты опять поднимаются въ видѣ вершинъ до 2.500 и 2.400 метровъ высоты; а одна изъ цѣпей Сяо-у-тай-шань или «малая пятиглавая гора» достигаетъ даже, по Брейтшнейдеру, своими снѣговыми остроконечными верхушками высоты 3.600 метровъ надъ уровнемъ океана [1]).

Морской берегъ, который тянется на пространствѣ около 500 километровъ отъ устья маньчжурской рѣки, Ляо-хэ, до пекинской рѣки Бай-хэ, слѣдовалъ нѣкогда въ направленіи параллельномъ расположенію гористыхъ возвышеній страны, но рѣчные наносы постепенно измѣнили это первоначальное очертаніе. Такъ, рѣка Луань-хэ, которая принимаетъ въ себя всѣ ручьи и рѣчки, текущіе съ юго-востока изъ Монголіи черезъ Хара-хотонъ и Жэхолъ (Жэ-хэ), образовала въ открытомъ морѣ обширный полукругъ новыхъ аллювіальныхъ земель. При видѣ плоскихъ береговъ, которыми оканчивается на западѣ Чжилійскій заливъ, тоже не трудно признать, что наносы рѣкъ Бай-хэ и Сань-хэ или Бэй-танъ-хэ значительно выдвинули впередъ линію морскаго прибрежья въ это мелководное море и соединили съ берегомъ бывшіе острова, горки изъ лавы, поднятыя надъ поверхностью моря въ доисторическія времена [2]). Вся низменная равнина Чжилійской провинціи была нѣкогда морскимъ дномъ, которое прѣсноводные потоки, принося измельченные обломки съ прибрежныхъ горъ, постепенно, но еще не вполнѣ, засорили и превратили въ твердую землю. Озера и болота все еще занимаютъ часть страны, и тамъ и сямъ проточныя воды блуждаютъ по равнинѣ, не находя достаточнаго ската, чтобы изливаться въ заливъ. Часто случается нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, что равнины Тянь-цзиня и всего центральнаго Чжи-ли принимаютъ видъ сплошнаго озера; наводненіе иногда покрывало пространство около 15.000 квадратныхъ киломе-

[1]) По Веберу 9.500 ф.

[2]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, томъ IV, 1871 г.

тровъ слоемъ воды толщиною отъ полметра до полтора метра; одни только города и деревни, построенные на холмахъ и на возвышенныхъ земляхъ, выступаютъ, на подобіе острововъ, среди безпредѣльной поверхности потопа [1]). Во время разливовъ вода, которую приносятъ, выше Тянь-цзиня, всѣ рѣки, встрѣчающіяся въ этомъ мѣстѣ (верхній Бай-хэ, Янъ-хэ, Ху-то-хэ, Вэй-хэ), не находитъ достаточно быстраго стока черезъ нижнее теченіе Бай-хэ и разливается далеко по окружающимъ равнинамъ. Посѣвы на поляхъ уничтожаются, и жителямъ края предстоитъ неминуемый голодъ; судоходство сильно затрудняется; высокіе рѣчные берега, подмытые водами, обваливаются, русла мѣняютъ мѣсто, каналы превращаются въ блуждающіе потоки. Такъ, рѣка Вэй-хэ, составлявшая прежде сѣверную часть Большаго или Императорскаго канала, между Тянь-цзинемъ и Янъцзы-цзяномъ, недавно перестала быть судоходной. Почти всѣ селенія края, какъ это уже замѣтилъ одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, Эллисъ, носятъ названія, свидѣтельствующія о постоянномъ перемѣщеніи рѣкъ на равнинѣ.

Несчастные крестьяне этой части Чжилійской провинціи объясняютъ наводненія гнѣвомъ черно-зеленаго дракона, котораго нужно умилостивлять жертвоприношеніями, тогда какъ европейцы приписывали ихъ осѣданію почвы. Но эта гипотеза не опирается ни на какія точныя наблюденія, и большинство фактовъ оправдываютъ скорѣе противоположное предположеніе, именно существованіе мѣстнаго поднятія суши, которымъ китайскіе ученые и объясняютъ столь быстрые захваты, дѣлаемые берегами на водахъ Чжилійскаго залива [2]). Каковы бы ни были колебанія уровня почвы въ этой части Китая, непосредственныя причины періодическихъ наводненій въ нижней Чжи-ли совершенно очевидны. Здѣсь, какъ во многихъ странахъ Европы и Новаго Свѣта, склоны горъ, гдѣ ручьи и рѣки берутъ свое начало, были обезлѣсены; дожди, очень обильные лѣтомъ, не будучи болѣе задерживаемы корнями деревьевъ, быстро скатываются по почвѣ, увлекая верхній, растительный слой земли, и всѣ текущія ручьями воды, смѣшанныя съ иломъ, устремляются къ Тянь-цзиньской низменности, откуда онѣ не могутъ стечь такъ же скоро, какъ пришли. Кромѣ того, истребленіе лѣсовъ имѣло слѣдствіемъ увеличеніе силы вѣтровъ, называемыхъ хуа-фынъ, или «пыльными вихрями», которыхъ такъ боятся жители равнины по причинѣ вреда, который они наносятъ полямъ, и болѣзней, которыми часто сопровождается ихъ дуновеніе [3]).

Чтобы предупредить на будущее время общее ухудшеніе почвы и климата, необходимо было бы снова развести лѣса на скатахъ горъ и устроить запруды у воротъ рѣчныхъ тѣснинъ, для того, чтобы можно было утилизировать для правильнаго орошенія культурныхъ земель воды, которыя нынѣ только опустошаютъ почву; равнымъ образомъ было бы очень полезно перемѣстить сліяніе различныхъ рѣкъ, которыя теперь соединяются въ одной и той же впадинѣ. Гэппи [4]) даетъ слѣдующія цифры для области рѣки Бэй-хэ: Площадь рѣчнаго бассейна—142.400 кв. километр. Средній стокъ рѣки въ секунду—219 куб. метровъ. Объемъ годовыхъ наносовъ въ Чжилійскій заливъ 2.265.000 куб. метровъ.

Бѣдствія, причиняемыя наводненіями, заставили выселиться часть жителей нижняго Чжи-ли; эта область есть родина колонистовъ, которые сотнями тысячъ населяютъ въ наши дни внутреннюю Монголію и Маньчжурію. Нѣкоторые города страны тоже представляютъ уменьшеніе цифры населенія, въ томъ числѣ и Пекинъ, главный городъ имперіи.

Извѣстно, что имя Пекинъ, обыкновенно произносимое по южному Пэй-кинъ, а по сѣверному Бэй-цзинъ въ мандаринскомъ діалектѣ, буквально значитъ «Сѣверная столица» и дано въ противоположность городу Нань-цзинъ или Нанкинъ, названіе котораго означаетъ «Южную столицу». Пекинъ былъ названъ такъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія однимъ императоромъ изъ династіи Миновъ, но это имя, употребляемое всѣми европейцами, извѣстно въ самомъ Китаѣ только образованнымъ людямъ: простой народъ не знаетъ другого наименованія, кромѣ Цзинъ-чэнъ, то-есть «столичный городъ»; оффиціальный терминъ, имѣющій тотъ же смыслъ,—Цзинъ-ду, наконецъ, на китайскихъ картахъ городъ означается именемъ Шунь-тянь-фу. Впрочемъ, мало найдется городовъ, которые бы такъ часто мѣняли имя, какъ столица Срединнаго царства. Когда Пекинъ въ первый разъ появляется въ имперіи, онъ назывался Цзи, впослѣдствіи онъ сдѣлался главнымъ городомъ княжества, подъ именемъ Янь, то-есть «ласточка», и писатели и теперь любятъ называть его этимъ именемъ. Между различными его наименованіями Европа познакомилась въ средніе вѣка съ тюркскимъ названіемъ Ханъ-балыкъ (Камбалюкъ) или «ханскій городъ», которое ему дали сѣверные завоеватели, и которое Марко Поло описалъ своимъ соотечественникамъ. Часто опустошаемый, Пекинъ долженъ былъ мѣнять мѣстоположеніе такъ же часто, какъ и самое имя, и въ окрестностяхъ столицы, особенно на сѣверной сто-

[1]) Guy de Contenson, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", juillet 1864.

[2]) Wylie; - Howorth, „Journal of the Geographical Society of London", 1873;—Richthofen.

[3]) Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London", 1867.

[4]) „Nature", 23 sept. 1880.

ронѣ, до сихъ поръ видны во многихъ мѣстахъ остатки прежнихъ стѣнъ и башенъ [1]).

Пекинъ расположенъ, въ видѣ обширнаго прямоугольника, среди равнины, поднимающейся всего только на 37 метровъ надъ уровнемъ моря, въ небольшомъ разстояніи къ юго-востоку отъ высокихъ холмовъ, составляющихъ послѣдніе отроги горъ, которыя ограничиваютъ на югѣ плоскую возвышенность Монголіи. Два ручья перерѣзываютъ Пекинъ, но ни одна рѣка не проходитъ въ настоящее время возлѣ стѣнъ или черезъ самый городъ. Бай-хэ или Пэй-хо, водный путь, служащій для торговли и продовольствія столицы, извивается въ двадцати слишкомъ километрахъ къ востоку отъ городскихъ валовъ. На западѣ, Янъ-хэ, самая мно-

Китайцы провинціи Фу-цзянь.

[1]) Bretschneider, „Recherches archéologiques et historiques sur Pékin", trad. par V. Collin de Plancy.

говодная изъ этихъ двухъ рѣкъ, хотя менѣе предъидущей утилизируемая для судоходства, тоже проходитъ километрахъ въ пятнадцати отъ города. А между тѣмъ было время, когда она протекала недалеко отъ стѣнъ Пекина. Огромныя плотины возведены вдоль ея лѣваго берега для того, чтобы не позволять потоку направляться на Пекинскую равнину; при выходѣ изъ области холмовъ, на высокомъ берегу поставлено желѣзное изображеніе коровы, которой поручено, говоритъ мѣстная легенда, испускать громкое мычаніе, когда вода въ рѣкѣ начинаетъ подниматься тревожнымъ образомъ [1]). Императоры два раза приказывали прорывать отводный каналъ изъ Янъ-хэ выше уединеннаго холма Ши-цзинъ (Ши-цзинъ-шань), для того, чтобы наполнить водой пекинскіе каналы и поддерживать одинаковый уровень въ судоходныхъ каналахъ столицы; но оба раза принуждены были запереть это русло, черезъ которое выступившія изъ береговъ воды рѣки устремлялись на городъ: и теперь еще видны остатки исполинскихъ шлюзовъ, устроенныхъ нѣкогда при началѣ канала. Янъ-хэ очень часто перемѣнялъ ложе ниже холмовъ, и повсюду въ равнинѣ встрѣчаются мраморные мосты черезъ прежнія русла и рукава, нынѣ покинутые водами и наполняющіеся только въ сезонъ дождей.

Площадь, занимаемая Пекиномъ, по исчисленію Вебера, равна 6.341 гектару, что составитъ около четырехъ пятыхъ Парижа, въ чертѣ ограды, образуемой его укрѣпленіями [2]).

Далеко не все это пространство застроено и заселено. Императорскій городъ или кварталъ и княжескія резиденціи заняты на большей части ихъ протяженія садами, кіосками, пустынными дворцами. Китайскій кварталъ наполненъ домами только на протяженіи около 1.600 метровъ въ ширину, отъ востока къ западу, а въ остальной части пространства, обнесеннаго стѣнами, разстилаются обширныя пустыни въ перемежку съ лужами, бывшими кладбищами и полями; здѣсь же находятся парки храмовъ Неба и Земледѣлія; наконецъ, значительная часть почвы занята древними зданіями, лежащими въ развалинахъ. Въ виду этого, кажется невѣроятнымъ, чтобы столица имѣла столь же многочисленное населеніе, какъ другіе большіе города Китая: она даже уступаетъ въ этомъ отношеніи одному городу своей собственной провинціи, Тянь-цзиню, рынку нижней Бай-хэ. Бретшнейдеръ не думаетъ, чтобы Пекинъ имѣлъ даже полмиліона жителей: далеко не равняясь съ Лондономъ по многолюдству, онъ представляетъ только около восьмой части англійской метрополіи. До сихъ поръ китайское правительство отказывалось опубликовать статистику городскаго населенія, для которой оно, однако, обладаетъ всѣми необходимыми элементами. Оно ведетъ точный счетъ смертности, такъ какъ всѣ умершіе хоронятся внѣ столицы, и списокъ погребальныхъ поѣздовъ составляется у каждыхъ городскихъ воротъ, подъ которыми они должны проходить.

«Сѣверная столица» состоитъ изъ двухъ рядомъ лежащихъ городовъ, которые отдѣлены одинъ отъ другаго высокой внутренней стѣной. Къ сѣверу отъ этой стѣны расположенъ, въ видѣ правильнаго квадрата, «татарскій» или «маньчжурскій» городъ, называемый также «внутреннимъ» или Нэй-чэнъ; южный городъ, болѣе широкій отъ востока къ западу, но гораздо меньше предъидущаго по направленію отъ сѣвера къ югу, носитъ названіе «китайскаго, или внѣшняго» города или Вай-чэнъ; прежде это было простое предмѣстье, которое въ шестнадцатомъ столѣтіи опоясали валомъ. Городская стѣна, еще довольно хорошо сохранившаяся и имѣющая внушительные размѣры, представляетъ огромную земляную насыпь, одѣтую кирпичемъ и оканчивающуюся на высотѣ пятнадцати метровъ выложенной плитами платформой, такой же ширины, на которой свободно могутъ разъѣзжаться повозки; черезъ каждые двѣсти метровъ четыреугольныя башни, такой же высоты, какъ и стѣна, образуютъ выступы, вышиною около двадцати метровъ; кромѣ того, на всѣхъ четырехъ углахъ ограды высятся четырехъ-этажные бастіоны, прорѣзанные бойницами, и надъ сводами каждыхъ воротъ возведены высокія постройки съ тройной кровлей, покрытой лакированными черепицами. Широкій ровъ, тамъ и сямъ усѣянный лужами или служащій канавой для сточныхъ водъ, отдѣляетъ стѣну отъ полей и внѣшнихъ садовъ такъ же, какъ отъ грязныхъ предмѣстій съ ихъ невзрачными домиками, обвѣшанными разнымъ тряпьемъ.

Китайскій городъ, если не самая многолюдная, то самая дѣятельная, по торговлѣ и промышленности, часть столицы; онъ походитъ скорѣе на большое ярмарочное становище, чѣмъ на городъ въ собственномъ смыслѣ слова. Площади его, неправильной формы, загромождены телѣгами и палатками; неровныя шоссе улицъ, гдѣ грохочутъ тряскія повозки, окаймлены по обѣ стороны впалыми дорогами, служащими вмѣсто тротуаровъ и превращающимися въ топкое болото послѣ дождей, въ груды пыли во время сухой погоды; народъ толпится передъ качающимися балаганами, украшенными флагами и значками, и слѣдующими одинъ за другимъ въ безпорядкѣ вдоль улицъ; бараки магазиновъ скрываютъ домики, гдѣ живутъ купцы, только тамъ и сямъ виднѣются деревья садовъ, расположенныхъ во внутренности островковъ. Нѣсколько водосточныхъ канавъ перерѣзываютъ этотъ кварталъ,

[1]) Bretschneider, „Die Pekinger Ebene".

[2]) Матусовскій опредѣляетъ площадь въ 53 кв. версты. Примѣч. ред.

и вонючія воды ихъ употребляются на поливку улицъ. На одномъ изъ самыхъ людныхъ перекрестковъ, подлѣ «Моста слезъ», палачъ помѣщается передъ роковой скамьей, на которой его помощникамъ часто приходится растягивать жертвы; бамбуковыя клѣтки принимаютъ головы казненныхъ, и запекшаяся кровь обагряетъ землю.

Что касается «татарскаго» города, то онъ правильнѣе распланированъ, но по виду не должны быть оскверняемы никакой похоронной процессіей, по нимъ не можетъ быть проносимъ ни одинъ гробъ изъ китайскаго квартала. Прежде маньчжурамъ строго запрещено было имѣть постоянное мѣстожительство во внѣшнемъ городѣ или пускать къ себѣ въ домъ квартиранта, принадлежащаго къ покоренной расѣ; но уже давно эти запреты перестали исполняться: племена смѣшались, и хотя маньчжуры, болѣе или менѣе чистокровнаго происхожденія,

Пекинъ.—Храмъ Неба.

красивѣе китайскаго квартала, исключая мѣстъ вокругъ иностранныхъ посольствъ и вдоль тріумфальныхъ аллей или проспектовъ, гдѣ черезъ каналы построены мраморные мосты, украшенные фигурами символическихъ животныхъ. Еще недавно, потомки маньчжурскихъ завоевателей, считающіе себя принадлежащими къ высшей расѣ, обязаны были подавать хорошій примѣръ другимъ жителямъ Пекина. Такъ, въ татарскомъ городѣ не увидишь ни питейнаго дома, ни дома терпимости; улицы его не все еще составляютъ большинство населенія въ городѣ, носящемъ ихъ имя, но китайцы, въ собственномъ смыслѣ слова, водворились тамъ во множествѣ, и почти вся торговли находится въ ихъ рукахъ. Хой-хои или магометане, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ двухъ сопредѣльныхъ городахъ, занимаются преимущественно ремеслами; къ ихъ общинѣ принадлежатъ почти всѣ мастера металлическихъ издѣлій. Христіане изъ туземцевъ забрали въ свои руки монополію часоваго производства,

которому ихъ научили миссіонеры въ прошломъ столѣтіи.

Центръ татарскаго города образуетъ третій городъ—Хуанъ-чэнъ, тоже обведенный оградой, четверо воротъ которой открываются къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта. Въ немъ расположенъ Цзы-цзинь-чэнъ, священное мѣсто сѣверной столицы, заключающее въ своихъ стѣнахъ единственное зданіе Китая, обитое снаружи желтымъ фарфоромъ—императорскій дворецъ, который самъ по себѣ составляетъ отдѣльный, четвертый городъ, недоступный подданнымъ богдыхана. Наибольшая часть этого квартала занята искусственнымъ озеромъ, рощами, садами съ тѣнистыми аллеями. Кромѣ того, тамъ есть два холма, изъ которыхъ самый высокій, господствующій надъ всѣмъ городомъ, называется Цзинъ-шань (столичная гора), но болѣе употребительное ея названіе—Мэй-шань или «Угольная гора»; по словамъ народной легенды, эта горка, образованная рукой человѣка, покоится на грудахъ угля, которыя были тутъ сложены на случай продолжительной осады. Съ высоты сѣверо-западныхъ холмовъ, откуда можно обозрѣвать разстилающуюся внизу Пекинскую равнину, столица кажется громаднымъ четыреугольнымъ садомъ, въ центрѣ котораго возвышается Угольная гора, съ ея аллеями и кіосками; низенькіе дома двухъ соединенныхъ городовъ представляются въ видѣ полосъ и пятенъ среди обширнаго пространства зелени.

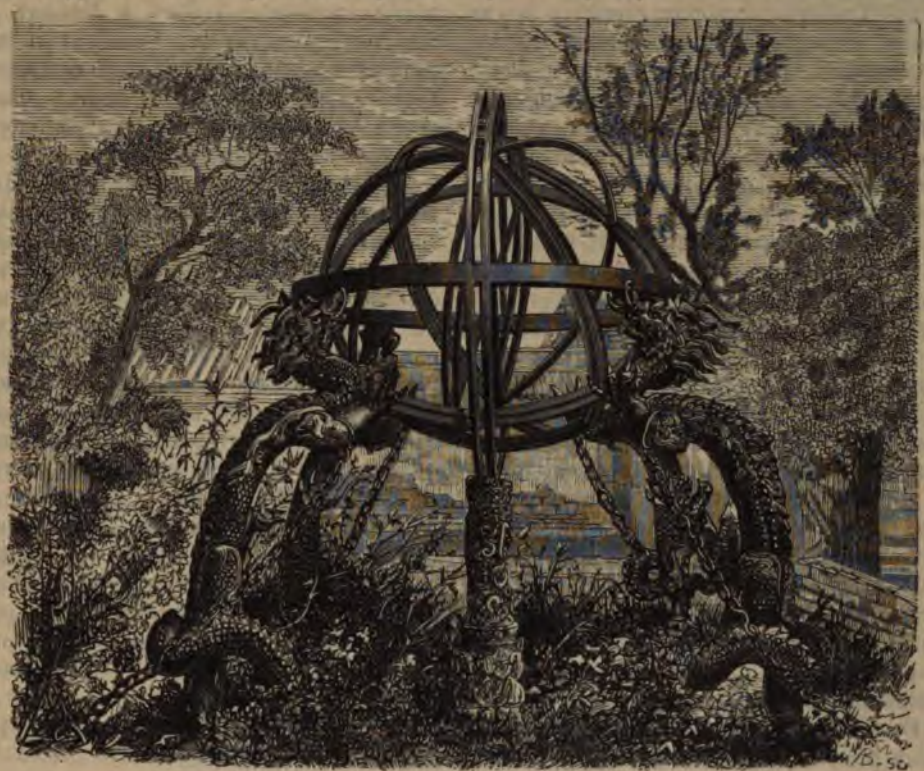
Два пекинскіе храма по протяженію почти соперничаютъ съ императорскимъ дворцомъ: это храмъ Неба и храмъ Земледѣлія, расположенные въ южной части китайскаго города и оба окруженные нѣсколькими рядами вѣковыхъ деревьевъ; внѣшнія ограды этихъ двухъ парковъ имѣютъ каждая по нѣсколько километровъ въ окружности. Храмъ Неба, съ двумя поднимающимися одна надъ другой крышами, стоитъ на террасѣ, на которую ведутъ мраморныя ступени, онъ построенъ въ формѣ широкой ротонды, украшенной лакированнымъ фаянсомъ и деревянной рѣзьбой, цвѣта которыхъ, голубой, ярко-красный, золотисто-желтый, составляютъ рѣзкій контрастъ съ зеленью фона. Храмъ Земледѣлія размѣрами меньше, но за то выше предъидущаго и оканчивается на верху тремя слѣдующими одна за другой крышами; корпусъ его окруженъ цѣлымъ лѣсомъ рѣзныхъ пилястровъ, украшающихъ балконы и лѣстницы. Въ сосѣдствѣ этого храма находится поле, куда императоръ и принцы торжественно приходили каждый годъ, въ эпоху начала весеннихъ полевыхъ работъ, пахать почву плугомъ, сдѣланнымъ изъ золота и слоновой кости, призывая благословеніе Неба и Земли на воздѣлываемыя нивы и предстоящій урожай; но со времени побѣдоноснаго вступленія европейцевъ въ столицу богдыхановъ эта церемонія вышла изъ употребленія [1]). Другія святилища, гдѣ совершаются торжественные обряды національной религіи, храмъ Земли, храмы Солнца и Луны, находятся внѣ татарскаго города, въ близкомъ разстояніи отъ его стѣнъ. Тоже близъ вала, но внутри города, въ сосѣдствѣ храма ученыхъ, стоитъ старая обсерваторія миссіонеровъ іезуитовъ, съ ея любопытными астрономическими инструментами, изъ бронзы, китайской конструкціи, которыхъ орнаменты, представляющіе символическихъ драконовъ, превосходно сохранились, благодаря сухому климату Пекина; эти инструменты составляютъ лучшую изъ извѣстныхъ намъ коллекцій китайскихъ бронзъ. Русская обсерваторія, построенная у сѣверо-восточнаго угла городской ограды, заключаетъ въ себѣ сокровища другаго рода, китайскую библіотеку, которая уже въ теченіе болѣе полустолѣтія постоянно увеличивается и обогащается новыми пріобрѣтеніями. Наконецъ лазаристская миссія обладала прекраснымъ музеемъ естественной исторіи, основаннымъ миссіонеромъ Арманомъ Давидомъ, но зданіе, гдѣ онъ помѣщался, нынѣ перешло къ китайцамъ вмѣстѣ со всѣми коллекціями музея. Книго-хранилище императорской академіи, нѣкогда довольно обширное и богатое, было большей частію разрознено, и теперь мы тщетно стали бы искать въ немъ нѣкоторыхъ сочиненій, экземпляры которыхъ имѣются даже у европейцевъ [2]). Въ царствованіе династіи Миновъ правительство содержало въ Пекинѣ спеціальныя школы, гдѣ обучали языкамъ сіамскому, бирманскому, персидскому, турецкому, тибетскому и двумъ нарѣчіямъ дикихъ народцевъ, живущихъ на юго-западной окраинѣ Китая. Со времени войны изъ-за опіума, министры богдыхана поняли, что есть на свѣтѣ другіе языки, знакомство съ которыми можетъ принести больше пользы, нежели знакомство съ діалектами Индо-Китая и центральной Азіи, и теперь молодые мандарины изучаютъ въ правительственной школѣ Тунъ-вэнь-гуань, учрежденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, языки: англійскій, французскій, нѣмецкій, русскій и маньчжурскій; курсы монгольскаго и турецкаго языковъ мало посѣщаются.

Какъ торговый центръ, Пекинъ въ наши дни не имѣетъ, можетъ быть, такого важнаго значенія, какое имѣлъ во время Марко Поло, когда, по словамъ знаменитаго венеціанца, «не было дня въ году, чтобы, по одному только привозу шелка, не вступало въ городъ тысячи возовъ, нагруженныхъ матеріаломъ, изъ котораго выдѣлываются многія златотканныя и шелковыя матеріи». Тѣмъ не менѣе и теперь движеніе повозокъ и товарныхъ обозовъ, кара-

[1]) L. de Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".

[2]) W. Martin, „The Chinese, their Education, Philosophy and Letters".

вановъ лошадей и муловъ, пѣшеходовъ громадно на дорогѣ, связывающей Пекинъ съ его пристанью Тунъ-чжоу на рѣкѣ Бай-хэ. Кромѣ того, столица соединена съ той же пристанью судоходнымъ каналомъ, длиною около двадцати пяти километровъ, по которому поднимаются барки, нагруженныя виномъ, опіумомъ и другими продуктами; но это судоходство очень затруднительно, такъ какъ каналъ имѣетъ не менѣе пяти ступеней или уступовъ, при каждомъ изъ которыхъ нужно перегружать товары: одинъ изъ этихъ пороговъ находится у такъ-называемаго четырехверстнаго моста, Па-лицяо («мостъ въ восемь ли»), прославленнаго побѣдой, которую союзныя правильно организованныя англо-французскія войска одержали тутъ надъ китайской арміей въ 1860 году. Обыкновенно, пристань Тунъ-чжоу бываетъ сплошь наполнена барками, по которымъ можно, переходя съ борта на бортъ, переправиться съ одного на другой берегъ рѣки, и отъ этого подвижнаго моста вплоть до самаго Тянь-цзиня суда часто образуютъ непрерывную вереницу. Но съ начала декабря до начала марта, въ продолженіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ, навигація прекращается, по причинѣ замерзанія рѣки, и въ это время торговое сообщеніе Пекина съ Тянь-цзинемъ должно производиться по сухопутнымъ дорогамъ. Дороги эти очень плохи. Столица имѣетъ лишь небольшое число мощеныхъ дорогъ, расходящихся, въ видѣ радіусовъ, вокругъ ея стѣнъ. Единственное шоссе, которое было устроено въ новѣйшее время, направляется къ лѣтнему дворцу; другое, проведенное въ юго-западномъ направленіи, оканчивается у знаменитаго моста Лю-гоу-цяо, перекинутаго черезъ рѣку Янъ-хэ, но это не тотъ мостъ, который видѣлъ Марко Поло, и о которомъ онъ говоритъ какъ о великолѣпномъ сооруженіи съ двадцатью четырьмя аркадами: этотъ мостъ обрушился въ восемнадцатомъ столѣтіи, и нынѣшній памятникъ, колоссальная «китайская работа», украшенная двумя слонами и двумя стами восемьюдесятью львами изъ мрамора, былъ воздвигнутъ при императорѣ Канъ-си. Почти всѣ другія



Пекинъ.— Небесная сфера въ старой обсерваторіи.

дорожныя сооруженія въ окрестностяхъ Пекина обязаны своимъ происхожденіемъ династіи Миновъ.

*Въ настоящее время Пекинъ уже соединенъ желѣзною дорогой съ Тянь-цзинемъ, принадлежащей правительству. Дорога эта, начатая постройкой въ концѣ 80-хъ годовъ, окончена до Пекинской станціи Ма-цзя-поу только въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года. Начинаясь отъ мѣстечка Дунъ-гу при устьи р. Бай-хэ, она черезъ Тянь-цзинь доходитъ до столицы, предварительно отдѣливъ отъ себя вѣтвь къ каменноугольнымъ копямъ Кай-пинъ и далѣе черезъ Шань-

*) Prospero Intorectta, „Missone Cinese"; — Bretschneider, „Die Pekinger Ebene".

хай-гуань на сѣверъ въ Маньчжурію. Вѣтка эта въ настоящее время почти готова до Цзинь-чжоу-фу, и китайское правительство питаетъ надежды соединить ее въ Ню-чжуанѣ съ линіей Китайской Восточной дороги, идущей отъ Портъ-Артура къ Хайлару. Такъ какъ Пекино-Тянь-цзинская желѣзная дорога не доходитъ до столицы нѣсколько верстъ, то для удобства сообщенія отъ Пекина до Ма-цзя-поу проведена въ зиму 1897 года линія электрическаго трамвая. Въ самое послѣднее время явилось предположеніе построить желѣзнодорожную вѣтвь отъ Пекина прямо на Шань-хай-гуань, и объ этомъ уже идутъ переговоры. Кромѣ этихъ линій Пекинъ является конечной станціей желѣзной дороги на Хань-коу, которая строится и уже доведена до Бао-динъ-фу. Отъ города Чжэнъ-дина, лежащаго на той же линіи, пойдетъ желѣзная дорога на городъ Тай-юань-фу, главный городъ провинціи Шань-си. Вмѣстѣ съ этимъ отъ Пекино-Ханькоуской дороги между столицею и Бао-динъ-фу будетъ отдѣлятся вѣтвь желѣзной дороги на городъ Цзинань-фу въ Шань-дунѣ, отсюда до И-чжоу и на берегъ моря къ Цзяо-чжоу. При выполненіи всѣхъ этихъ проектовъ, а часть ихъ уже исполнена, столица Срединнаго царства будетъ соединена со своими южными провинціями и съ Маньчжуріей, а черезъ послѣднюю и съ Россіей, отъ которой она всегда можетъ получить безкорыстную и вѣрную помощь.*

Главную промышленность окрестностей столицы и подгородныхъ селеній составляетъ огородничество и садоводство. На юго-западѣ отъ города, восемнадцать деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Фэнъ-хай, населены огородниками, которые снабжаютъ Пекинъ овощами, плодами и цвѣтами; картофель и сладкія пататы введены здѣсь съ начала текущаго столѣтія; виноградники даютъ великолѣпный виноградъ. Въ оранжереяхъ, запираемыхъ не стеклянными рамами, а обоями изъ корейской бумаги, приготовляемой изъ растенія Broussonetia papyrifera, садовники содержатъ съ полнымъ успѣхомъ растенія южной полосы Китая; они умѣютъ также съ изумительнымъ искусствомъ производить растительныя рѣдкости и курьезы. Другая промышленность въ окрестностяхъ Пекина, промышленность, которая, вѣроятно, получитъ въ близкомъ будущемъ наибольшую важность, — это эксплоатація мѣсторожденій антрацита: общая мощность открытыхъ тамъ угленосныхъ пластовъ исчисляется Рихтгофеномъ слишкомъ въ двѣ тысячи метровъ. Наиболѣе дѣятельно разрабатываемыя каменноугольныя копи находятся въ долинѣ рѣки Цинъ-шуй или «Чистой воды», вытекающей изъ овраговъ горъ Бо-хуа-шань, на западѣ отъ столицы. Уголь съ этихъ копей доставляется въ Пекинъ самымъ первобытнымъ способомъ, именно, на мулахъ, караваны которыхъ, съ ихъ погонщиками принуждены пробираться по труднымъ горнымъ тропинкамъ, пролегающимъ черезъ ущелья, и по крутизнамъ скатовъ; впрочемъ, нѣкоторыя залежи минеральнаго топлива находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ столицы; католическіе миссіонеры владѣютъ однимъ мѣсторожденіемъ угля, близъ праваго берега р. Янъ-хэ. Когда англичане сдѣлали китайскому правительству предложеніе построить рельсовый путь изъ Пекина къ самымъ производительнымъ копямъ, именно Чайтанскимъ, то получили обычный отвѣтъ: «перевозка на мулахъ была достаточна до сихъ поръ, будетъ достаточна и впредь!» Со временъ путешествія Марко Поло не надумались даже устроить хорошую грунтовую дорогу, и Пекинъ находитъ еще болѣе выгоднымъ пріобрѣтать нѣкоторое количество англійскаго угля и даже ввозить дрова изъ Калифорніи черезъ шанхайскій портъ [1]); а между тѣмъ минеральное топливо изъ его собственныхъ копей довольно хорошаго качества [2]). На юго-западѣ отъ Пекина существуютъ также большія мраморныя каменоломни и рудники магнитнаго желѣзняка.

Между парками въ окрестностяхъ Пекина самый обширный тотъ, который носитъ названіе Нань-хай-цзы или «лѣсъ южныхъ морей»; онъ расположенъ, на югъ отъ города, отъ котораго онъ отдѣленъ равниной, частію болотистой, пространство почти въ три раза болѣе значительное, чѣмъ вся площадь Пекина, именно отъ 190 до 200 квадр. километровъ; его внѣшняя стѣна, которая соединяется съ валами новѣйшей постройки, защищающими подступы къ столицѣ [3]), имѣетъ 65 километровъ въ окружности; деревни, поля, военныя поселенія разсѣяны на полянахъ среди обширнаго лѣса. Европейцамъ не дозволяется проникать въ этотъ паркъ, и тѣ, которымъ удалось побывать тамъ, пробирались переодѣтые китайцами. Между стадами оленей, населяющими этотъ огромный садъ, натуралистъ Арманъ Давидъ открылъ одинъ замѣчательный видъ, неизвѣстнаго происхожденія (elaphurus davidianus), нѣсколько представителей котораго находятся теперь въ Европѣ. Въ сосѣднихъ горахъ нашли также одну очень интересную обезьяну, macacus tcheliensis, животное этого рода, которое обитаетъ на азіатскомъ континентѣ въ наибольшемъ разстояніи отъ экватора [4]).

Самый знаменитый изъ пекинскихъ парковъ не этотъ обширный «лѣсъ южныхъ морей», а Юань-минь-юань или «великолѣпный садъ», болѣе извѣстный у европейцевъ подъ именемъ

---

[1]) Gill, „The River of the Golden Sand".

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chwan"; — Bretschneider, „Die Pekinger Ebene".

[3]) Williamson, „Journeys in North China", etc.

[4]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage d'exploration dans l'Empire Chinois".

«парка Лѣтняго дворца». Извѣстно, что эта резиденція была разграблена европейскими солдатами, которые передъ тѣмъ разсѣяли китайскую армію при Па-ли-цяо. Тѣ изъ нихъ, которые проникли первыми во дворецъ, могли подумать, что очутились въ музеѣ: разнообразные предметы, драгоцѣнные по матеріалу или позолотѣ, сдѣланные изъ нефрита, изъ золота, изъ серебра, изъ китайскаго лака, были разставлены на этажеркахъ, какъ публичныя коллекціи на западѣ. Большое число этихъ достопримѣчательностей, поломанныя, розданныя кому попало, переплавленныя въ слитки, были безвозвратно потеряны, тогда какъ многіе отборные предметы послужили къ устройству новыхъ музеевъ въ Европѣ. Что касается слитковъ золота и серебра, то они были раздѣлены между солдатами союзнаго войска, пропорціонально чину; но кажется, что главное сокровище было спрятано [1]). Съ того времени, какъ дворецъ и окружающія его зданія были преданы разграбленію и пламени, большая часть этихъ строеній остаются до сего дня въ состояніи развалинъ; только одинъ изъ дворцевъ былъ вновь отстроенъ для императрицы-матери. Нѣкоторыя постройки избѣгли катастрофы. Прелестные павильоны въ итальянскомъ стилѣ, построенные въ половинѣ прошлаго столѣтія по плану и подъ руководствомъ католическихъ миссіонеровъ, видны и теперь еще въ восточномъ паркѣ. Драгоцѣннѣйшіе памятники китайской архитектуры, воздвигнутые императоромъ Цянь-луномъ въ паркѣ Вань-шу-шань, кіоски, многоэтажныя пагоды, храмы, мосты, тріумфальныя арки тоже совершенно сохранились, и вычурныя изваянія изъ бѣлаго мрамора по-прежнему блестятъ сквозь темнозеленую листву вѣковыхъ сосенъ. Образцовымъ произведеніемъ въ этомъ обширномъ архитектурномъ музеѣ можно считать храмъ въ 8 метровъ высоты, около 19 метровъ въ окружности, весь изъ бронзы. Но самое прекрасное, что заключаетъ въ себѣ область дворца,—это уединенный лѣсъ, покрывающій скаты Сянь-шаня, горы въ 300 метровъ высоты, откуда можно обозрѣвать разстилающуюся подъ ногами живописную панораму: обширное озеро, окруженное садами, храмы и пагоды, выложенные эмальированнымъ фарфоромъ, мосты, отражающіеся въ поверхности водъ, и вдали на горизонтѣ громадный четыреугольникъ стѣнъ Пекина, на половину скрытый за дымомъ.

У сѣвернаго основанія массива холмовъ, къ которому прислонены лѣтніе дворцы, бьютъ изъ земли сѣрнистые ключи, съ давнихъ поръ посѣщаемые китайцами, а теперь утилизируемые также и европейскими больными. Эти минеральныя воды находятся на дорогѣ къ знаменитому святилищу на горѣ Мяо-фынъ-шань, куда богатые пилигримы, не будучи въ состояніи взбираться по крутымъ тропинкамъ, велятъ нести себя въ паланкинахъ.—Близъ вершины горы, на одномъ изъ склоновъ которой пріютился монастырь, монахи показываютъ стѣну, съ высоты которой, по ихъ словамъ, бросаются молодые люди, изъ сыновней любви, въ надеждѣ, что ихъ смерть обезпечитъ долгую жизнь ихъ родителямъ. Большая часть буддійскихъ монастырей, разсѣянныхъ въ Пекинской равнинѣ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ монастыри въ наиболѣе католическихъ провинціяхъ Италіи или Испаніи, пришли въ запустѣніе и обратились въ развалины; ихъ бронзовыя или глиняныя статуи выставлены безъ всякаго прикрытія разрушительному дѣйствію дождя и солнца. Дикая растительность начинаетъ овладѣвать этими обрушивающимися зданіями, но священныя деревья, сосны, индѣйскіе каштаны, софоры все еще растутъ въ преддверіяхъ и во дворахъ храмовъ, опутывая изваянія своими вѣтвями и цвѣтками. Лѣтомъ большое число европейцевъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ Пекинѣ, покидаютъ пыльный городъ и переселяются на дачу въ какой-нибудь старый монастырь, въ одну изъ прохладныхъ долинъ въ окрестностяхъ столицы. Самая обширная и самая знаменитая кумирня въ сосѣдствѣ Пекина—Хуанъ-сы или «Желтый монастырь», на сѣверѣ отъ города; одинъ «живой будда» утвердилъ тамъ свою резиденцію. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ столицы, на дорогѣ, ведущей къ Лѣтнему дворцу, стоитъ храмъ «Большаго колокола», гдѣ въ самомъ дѣлѣ повѣшенъ на изображеніи дракона одинъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ колоколовъ, колоссальный бронзовый конусъ около 8 метровъ (болѣе 11 аршинъ) вышиною, вѣсящій 54.000 килограммъ (около 3.300 пудовъ), и на поверхности котораго изображена, въ 35.000 буквахъ, чрезвычайно искусно и отчетливо вырѣзанныхъ, вся книга буддійскаго богослуженія [1]). Другой буддійскій монастырь, одинъ изъ важнѣйшихъ во всемъ Китаѣ, расположенъ на холмѣ, къ западу отъ столицы и отъ рѣки Хунь-хэ [2]): это Цзѣдай-сы (Tsietaisze), господствующій надъ панорамой не менѣе великолѣпной, чѣмъ видъ, открывающійся съ холмовъ противоположнаго берега, тоже усѣяннаго кіосками и монастырями; Цзѣдай-сы былъ любимымъ убѣжищемъ императора Цянь-луна, и стихотворенія, которыя онъ здѣсь написалъ, выгравированы въ садахъ на мраморныхъ плитахъ. Въ Китаѣ не много найдется мѣстностей болѣе живописныхъ, чѣмъ эта очаровательная холмистая страна, окруженная амфитеатромъ горъ Да-ханъ-линъ, гребень которыхъ, усаженный башнями и бастіонами Великой стѣны, развертывается на сѣверѣ и на западѣ Пекинской равнины. Рѣки, ручьи и не-

[1]) Pallu, „Rélation de l'Expédition de Chine en 1860".

[1]) I. de Rochechouart, цитированное сочиненіе; — Achille Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie".

[2]) Такъ называется нижнее теченіе р. Янъ-хэ.

высокіе хребты и перевалы раздѣляютъ эту область холмовъ на нѣсколько отдѣльныхъ массивовъ, изъ которыхъ самые замѣчательные: Та-эръ-динъ-шань (Tarhinchan), непосредственно на западѣ отъ Лѣтняго дворца; Цинъ-шуй-цзянь, съ причудливо изрѣзанными стѣнами; Бо-хуа-шань или «Гора ста цвѣтковъ», которая возвышается слишкомъ на 2.250 метровъ, къ югу отъ долины рѣки Цзинъ-шуй, въ области, усѣянной маленькими деревнями, гдѣ живутъ китайцы-католики.

Окрестности столицы усѣяны мраморными надгробными памятниками, которые, по большей части, суть фамильныя гробницы, осѣненныя группами сосенъ и можжевельника: почти всѣ эти памятники имѣютъ форму исполинскихъ черепахъ, несущихъ на верхнемъ черепѣ табличку, покрытую надписями. Кладбища княжескихъ родовъ украшены при входѣ колоссальными изображеніями львовъ, сдѣланными изъ бронзы или изъ мрамора; тамъ и сямъ погребальныя аллеи охраняются этими гигантскими статуями животныхъ. Европейцы посѣщаютъ преимущественно, на западѣ отъ города, кладбище, называемое «португальскимъ», и кладбище «французское», гдѣ покоится прахъ Риччи, Вербиста, Уміота, Гобиля, Жербильона и другихъ знаменитыхъ миссіонеровъ, которые такъ много способствовали своими трудами и изслѣдованіями ознакомленію Европы съ географіей Китая и съ нравами его жителей. Въ теченіе тридцати лѣтъ, пока продолжалось изгнаніе католическихъ священниковъ, до взятія Пекина союзными англо-французскими войсками, русское посольство приняло на себя заботу о содержаніи этихъ двухъ кладбищъ, равно какъ богатой библіотеки іезуитовъ, возвращенный теперь французскимъ миссіонерамъ.

«Гробницы Минской династіи» или Ши-саньлинъ, то-есть «Тринадцать могилъ», находятся километрахъ въ сорока отъ Пекина, въ уединенномъ циркѣ горъ Тянь-шу, куда проникаешь черезъ ущелье, оканчивающееся великолѣпнымъ мраморнымъ порталомъ. Самая замѣчательная изъ этихъ могилъ, могила императора Юнъ-ло, окруженная, какъ и всѣ другія, соснами и дубами, находится на оконечности большой аллеи, обставленной по бокамъ мраморными статуями, представляющими двѣнадцать мужей, государственныхъ сановниковъ, жрецовъ или воиновъ, и двѣнадцать паръ животныхъ, слоновъ, верблюдовъ, львовъ, лошадей, баснословныхъ единороговъ, и миѳическаго «ци-лина»; одни колѣнопреклоненные, другіе въ стоячемъ положеніи. Всѣ эти животныя высѣчены изъ одной цѣльной глыбы камня; нѣкоторыя изъ нихъ превышаютъ четыре метра въ вышину; но, разсѣянныя на слишкомъ обширномъ протяженіи, безъ соблюденія правилъ перспективы, безъ всякаго старанія произвести какой-нибудь ансамбль, эти громадныя изваянія кажутся странными фигурами, гротесками [1]). Подлѣ гробницы стоитъ храмъ жертвоприношеній, опирающійся на шестидесяти столбахъ изъ лавра нанму (а не изъ тековаго дерева, какъ вообще утверждали до сихъ поръ), изъ которыхъ каждый имѣетъ 13 метровъ въ вышину и 3 метра въ окружности. Тѣло богдыхана было погребено въ глубинѣ длинной галлереи, подъ высокой естественной пирамидой горы [2]).

Другіе императорскіе некрополи разсѣяны въ Чжилійской равнинѣ. Гробницы династіи Цзинь, безобразныя развалины, относящіяся къ двѣнадцатому и тринадцатому столѣтіямъ, видны близъ города Фанъ-шань, на юго-западъ отъ Пекина. Что касается надгробныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ на могилахъ Канъ-си, Цянь-луна и четырехъ другихъ императоровъ изъ династіи Циновъ, то до сихъ поръ ни одинъ европеецъ не былъ допущенъ ихъ видѣть: они скрыты въ большомъ паркѣ, расположенномъ къ юго-западу отъ Пекина, близъ города И-чжоу [3]). Это такъ-называемыя Си-линъ или «Западныя гробницы». Дунъ-линъ или «Восточныя гробницы» находятся въ 130 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Пекина. Временныя строенія, возводимыя въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хранятъ тѣла усопшихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ ожиданіи, пока будетъ сооруженъ окончательный памятникъ. Для перевозки самыхъ тяжелыхъ глыбъ мрамора, предназначаемыхъ для ваянія колоссальныхъ фигуръ, устраиваютъ временныя дороги и употребляютъ длинныя ломовыя дроги, запрягаемыя шестью стами муловъ [4]).

Тянь-цзинь или «Небесный бродъ», на рѣкѣ Бай-хэ, служитъ пристанью для всей Чжилійской провинціи и въ то же время для Монголіи и отчасти даже для русскаго Прибайкальскаго края. Этотъ городъ пользуется рѣдкими выгодами для торговли. Онъ лежитъ въ чрезвычайно плодородной области, среди безконечной равнины, покрытой хлопковыми плантаціями и просовыми полями, при большой судоходной рѣкѣ и въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ естественныхъ путей, образуемыхъ второстепенными рѣками страны; къ сожалѣнію, грунтъ земли низменный, мѣстами болотистый и подверженный наводненіямъ. Благодаря развитію своей торговли съ иностранными рынками, Тянь-цзинь сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая; онъ даже много превзошелъ, по численности населенія, столицу имперіи. Съ половины текущаго столѣтія число его жителей увеличи-

---

[1]) Francis Garnier, „De Paris au Tibet", „Temps", 22 nov. 1873.

[2]) Bretschneider, цитированное сочиненіе.

[3]) Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London", 1867.

[4]) Lockhart, „Chinese and Japanese Repository", 3 june 1864.

лось почти въ пять разъ; по консульскимъ отчетамъ, оно простирается теперь безъ малаго до милліона [1]). Въ Тянь-цзинь ввозятъ главнымъ образомъ въ большомъ количествѣ рисъ, рые продукты: хлопокъ, шерсть овечью и верблюжью, кожи и мѣха, а также плетеную солому; въ этомъ же городѣ правительство учредило, для всей сѣверной части Китая, главный складъ

Мѣстечко Шуй-коу на верхнемъ Минѣ. Провинція Фу-цзянь.

красный товаръ, опіумъ, разныя металлическія издѣлія изъ Европы; отпускаютъ въ обмѣнъ сы- соли (продажа которой составляетъ монополію казны) и хлѣбные магазины, служащіе для продовольствія Пекина. Огромныя груды соли, рису, пшеницы, прикрытыя циновками, тянутся по берегу рѣки.

[1]) Согласно „Chronicle and Directory", изд. 1897 г. китайское населеніе Тянь-цзиня опредѣлялось въ 950.000 человѣкъ; ту же цифру даютъ и другіе источники. П р. р.

Торговые обороты Тянь-цзиня выражаются по годамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1896 году.	Въ 1897 году.
Привозъ изъ-за границы.....	29.490.949 ланъ.	30.212.260 ланъ.
Привозъ изъ китайскихъ портовъ.....	13.263.578 „	13.846.713 „
Вывезено изъ Тянь-цзиня ...	8.561.840 „	11.000.044 „
Общая сумма оборота на	51.316.367 ланъ.	55.059.017 ланъ.

Какъ увеличиваются обороты Тянь-цзинскаго порта, видно уже изъ того, что общая сумма оборота въ 1893 году равнялась—38.570.147 ланъ; въ 1894 году—44.277.054 лана; въ 1895 году—50.175.806 ланъ, а черезъ два года она уже достигла 55 милліоновъ слишкомъ.

Движеніе судоходства въ Тянь-цзинскомъ порту, не считая джонокъ, выразилось (показаны лишь прибывшія суда):

	Въ 1893 г.		Въ 1894 г.	
	Число судовъ.	Вмѣстим. тоннъ.	Число судовъ.	Вмѣстим. тоннъ.
Пароходовъ ..	596	492.345	645	541.276
Парусныхъ ...	42	20.073	34	15.437
Итого ..	638	512.418	679	556.713*

Послѣ трактата 1858 года, эпохи, когда Тянь-цзинь былъ открытъ европейской торговлѣ, наибольшая часть крупнаго судоходства по Бай-хэ, обыкновенно называемой въ этомъ мѣстѣ Хай-хэ, то-есть «Морской рѣкой», принадлежала англійскимъ негоціантамъ, но въ нѣсколько лѣтъ китайцы успѣли завоевать себѣ первое мѣсто въ этомъ отношеніи; они прибавили къ своимъ флотиліямъ джонокъ большія суда европейской конструкціи и теперь уже давно имѣютъ многочисленные пароходы, которые ежедневно совершаютъ правильные рейсы по рѣкѣ, внизъ и вверхъ отъ города. По флагамъ суда, участвовавшія въ заграничной торговлѣ Тянь-цзиня, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1833 г.: флагъ англійскій—262.362 тонны; флагъ американскій—1.197 тоннъ; флагъ китайскій—209.563 тонны.

Въ 1894 г.: флагъ англійскій—318.879 тоннъ; флагъ американскій—1.426 тоннъ; флагъ китайскій—153.366 тоннъ.

Въ вывозной торговлѣ первое мѣсто по цѣнности и количеству привоза принадлежитъ Англіи, которая одна въ 1893 году экспортировала въ Китай товаровъ на 1.118.573 лана. Еще на большую сумму ввозится товара изъ Гонконга. Товаръ этотъ англійскаго происхожденія, и цѣнность его опредѣлялась въ 1893 г. въ 1.914.602 лана, а въ 1894 г. почти вдвое болѣе, именно въ 2.679.706 ланъ. Торговля Тянь-цзиня съ Южно-Уссурійскимъ краемъ почти не развивается, и въ 1893 г. отъ насъ было привезено товару на 34.668 ланъ, каковая цѣнность осталась и на 1894 г. (34.829 ланъ).

Въ нѣсколькихъ километрахъ, внизъ отъ центра Тянь-цзиня, раскинулись строенія европейскаго квартала, называемаго Чжу-цзы-линь или «Бамбуковая роща», который не представляетъ уже въ своей наружности ничего китайскаго: теперь это маленькій городокъ, чисто западный по распланировкѣ улицъ, архитектурѣ домовъ, расположенію магазиновъ. Почти всѣ европейцы, которыхъ дѣла призываютъ въ Тянь-цзинь, живутъ въ этомъ преобразованномъ пригородѣ. Да и самъ китайскій городъ мало-по-малу измѣняетъ свой видъ, и теперь тамъ можно встрѣтить большія постройки на европейскій манеръ, между прочимъ, новый госпиталь; интересенъ соборъ, построенный католическими миссіонерами, долгое время лежавшій въ развалинахъ: онъ былъ преданъ пламени во время страшной рѣзни 1870 года, когда сестры милосердія, священники и всѣ французы, за исключеніемъ одного, а также нѣсколько другихъ иностранцевъ были умерщвлены китайской чернью. Соборъ возстановленъ только въ 1897 году по настоянію французскаго представителя Жерара. Улицы въ Тянь-цзинѣ гораздо шире, чѣмъ въ Шанхаѣ и Кантонѣ, гдѣ переноска тяжестей производится на спинѣ поденщиковъ, тогда какъ въ сѣверныхъ городахъ для этой цѣли употребляютъ ломовыя телѣги, запряженныя мулами или волами. Тянь-цзинь, портъ, гдѣ европейцы получили въ первый разъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря трактату 1860 года, право свободнаго изслѣдованія страны, есть, можетъ быть, между всѣми городами Срединнаго царства, тотъ городъ, гдѣ признаки промышленнаго обновленія наиболѣе замѣтны. Тамъ впервые была основана бумагопрядильная мануфактура, спичечная фабрика и другія учрежденія; километрахъ въ ста къ сѣверо-востоку отъ города построена первая желѣзная дорога, чтобы соединить Кайпинскія каменноугольныя копи, гдѣ находится уже цѣлая колонія англичанъ, съ торговымъ городомъ Лу-тай, лежащемъ на рѣкѣ Бэй-танъ, при началѣ морскаго судоходства [1]); тысячи рабочихъ занимаются теперь расширеніемъ и углубленіемъ русла въ сѣверной части «Рѣки транспортовъ» (Большаго канала), которая, впрочемъ, имѣетъ теперь важность только для мелкой торговли, такъ какъ главное торговое движеніе направилось отнынѣ морскимъ путемъ. Въ настоящее время производятся также работы по урегулированію нижняго теченія рѣки, по которому могутъ подниматься суда, имѣющія отъ 3 до 4 метровъ водоизмѣщенія, но которое отдѣлено отъ водъ залива баромъ, представляющимъ только 1 метръ глубины въ періоды отлива и отъ 3 до 4 съ половиной метровъ въ періоды прилива [2]). Однако, важнѣйшія работы, произ-

[1]) „China Express", 8 апр. 1881 г.

[2]) Вопросъ объ улучшеніи русла р. Бай-хэ въ настоя-

веденныя въ это послѣднее время, предприняты были въ видахъ усиленія средствъ военной обороны. Такъ, въ самомъ Тянь-цзинѣ, въ восточномъ предмѣстьѣ, устроенъ обширный арсеналъ, занимающій пространство въ 250 гектаровъ, гдѣ фабрикуютъ преимущественно ружья, метательные снаряды и лафеты. Въ Синь-чэнѣ, между Тянь-цзинемъ и устьемъ Бай-хэ, правительство велѣло воздвигнуть сильныя укрѣпленія; при входѣ въ рѣку со стороны моря форты Та-ку («Большое устье»), которыми такъ быстро овладѣли союзныя англо-французскія войска въ 1858 и 1860 годахъ, были послѣ того перестроены, вооружены пушками самаго большаго калибра и дополнены обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и доками для починки китайскихъ канонерокъ. Городъ Бэй-танъ, при устьѣ рѣки Сань-хэ, впадающей въ Чжилійскій заливъ, непосредственно на сѣверѣ отъ Бай-хэ, тоже имѣетъ рядъ сильно укрѣпленныхъ фортовъ.

Нѣсколько городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на сѣверъ отъ Пекина, по дорогѣ, которая ведетъ въ Жэ-хэ черезъ ворота Великой стѣны, называемыя Гу-бэй-коу («Старыя сѣверныя ворота»); но административный городъ Юнъ-пинъ-фу, стоящій на дорогѣ въ Маньчжурію, не принадлежитъ къ значительнымъ центрамъ населенія. На западъ отъ воротъ Гу-бэй-коу равнина, орошаемая рѣкой Бай-хэ, доступна, со стороны Монголіи, только черезъ перевалъ Гуань-гоу (Ворота заставы). Гуаньгоускій проходъ, называемый обыкновенно Нань-коу (Южныя ворота), по имени деревни, которая находится внизу всхода на гору, имѣлъ во всѣ времена капитальную стратегическую важность, и черезъ него именно почти всѣ завоеватели спускались въ равнину; съ высоты этого прохода Чингисъ-ханъ видѣлъ у своихъ ногъ столицу побѣжденной династіи. Оттого дорога, пролегающая черезъ Гуань-гоу, есть одна изъ наиболѣе обильно снабженныхъ оборонительными укрѣпленіями: двѣ большія крѣпости построены одна надъ другой на южномъ скатѣ хребта и соединены между собой стѣнами и башнями, которыя большинство путешественниковъ описываетъ какъ часть Великой стѣны; но въ дѣйствительности это только передовой веркъ вала, который тянется по гребню горной цѣпи, и который дорога Гуань-гоу перерѣзываетъ подъ прямымъ угломъ на перевалѣ, называемомъ Ба-да-линъ. Сигнальныя башни, построенныя во времена Минской династіи, и теперь уже частію разрушенныя, высятся въ равномъ разстояніи одна отъ другой на дорогѣ, ведущей въ Пекинъ. Что касается мощеной дороги, которая поднималась по отлогости Гуань-гоу до горнаго прохода, то она существовала лишь отрывками; дождевые и снѣговые ручьи разрушили наибольшую часть ея, и путники принуждены были долгое время взбираться по тропинкамъ, проложеннымъ неправильно по скатамъ горъ. Въ 1890 году дорога эта вновь капитально разработана. Самый замѣчательный памятникъ, который еще сохранился на старой дорогѣ,— это тріумфальныя ворота, воздвигнутыя при входѣ въ южную крѣпость и украшенныя надписью на шести языкахъ: санскритскомъ, китайскомъ, уйгурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и древне-маньчжурскомъ; надпись на китайскихъ воротахъ есть единственная, которую мы знаемъ на этомъ послѣднемъ языкѣ [1]). Въ настоящее время стратегическая дорога, проходящая черезъ Гуань-гоу, обязана своимъ важнымъ значеніемъ главнымъ образомъ торговлѣ, ибо это тотъ путь, которымъ слѣдуютъ почтовые курьеры и русскіе караваны изъ Кяхты. Караваны, везущіе кирпичный чай въ Сибирь, забираютъ свой грузъ прямо въ городѣ Тунъ-чжоу, на рѣкѣ Бай-хэ, не заходя въ Пекинъ, который остается у нихъ въ сторонѣ, на западѣ.

Въ возвышенныхъ долинахъ притоковъ рѣки Янъ-хэ многіе важные города служатъ посредниками Пекину и низменной равнинѣ провинціи Чжи-ли для ихъ торговли съ Монголіей и съ русскими владѣніями. Самый многолюдный и самый торговый изъ этихъ городовъ, какъ извѣстно, Калганъ или Чжанъ-цзякоу, лежащій у однихъ изъ воротъ Великой стѣны, какъ показываетъ монгольское имя его, и состоящій собственно изъ двухъ городовъ: военнаго и торговаго. Военный городъ, окруженный фортами и казармами, опирается на самую стѣну, которая въ этомъ мѣстѣ идетъ по боку довольно высокихъ горъ, поднимающихся на сѣверѣ, тогда какъ торговый городъ находится въ 5 километрахъ къ югу, уже на китайской территоріи. Дома европейцевъ, протестантскихъ миссіонеровъ и русскихъ коммерсантовъ, сгруппированы въ деревнѣ, внѣ китайскаго города, съ его грязными и вонючими улицами. Сюаньхуа-фу, расположенный при входѣ въ поперечную долину, черезъ которую пролегаетъ дорога изъ Пекина въ Калганъ, тоже торговый городъ, куда пріѣзжаетъ много купцовъ, китайцевъ и монголовъ. Онъ былъ столицей имперіи при монгольской династіи, и съ этой эпохи сохранилъ еще внушительныя крѣпостныя стѣ-

---

щее время находится въ новомъ фазисѣ, такъ какъ послѣдніе годы пароходы, даже спеціально приспособленные для Бай-хэ, не могли проходить выше деревни Танку и всѣ грузы направлялись по желѣзной дорогѣ, что сильно увеличивало ихъ стоимость, не говоря уже про то, что дорога совершенно не предназначена для перевоза грузовъ. По предложенію иностранцевъ Пекинское правительство рѣшило нынѣ же предпринять рядъ работъ для исправленія русла и для того, чтобы выручить необходимую сумму денегъ, обложило входящія въ рѣку суда пошлиною.

Примѣч. ред.

[1]) Smithoe, „Proceeding of the Geographical Soci of London“, 1870.

ны, тріумфальныя арки, обширные парки. Подобно сосѣднему городу Да-тунъ-фу, лежащему гораздо западнѣе и болѣе выдвинутому въ середину горъ, Сюань-хуа-фу занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе для развитія мануфактурной промышленности, такъ какъ окружающія долины производятъ въ изобиліи съѣстные припасы, а залегающіе въ сосѣдствѣ мощные пласты каменнаго угля могли бы доставлять все топливо, потребное для переработки сырыхъ продуктовъ, привозимыхъ монголами, шерсти, кожъ, верблюжьяго волоса [1]; онъ ведетъ обширную торговлю табакомъ и войлоками. Городъ Цзи-минъ (Kiming), на дорогѣ отъ прохода Гуань-гоу въ Сюань-хуа-фу, имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ главная почтовая станція для всего сѣвернаго Китая. Виноградники въ окрестностяхъ этого города производятъ бѣлое вино, одно изъ наиболѣе высоко цѣнимыхъ, которое можно найти только на столахъ самыхъ богатыхъ мандариновъ [2]).

Особенно многочисленные города въ южной части провинціи, орошаемой различными притоками рѣкъ Хунь-хэ и Бай-хэ. Самый большой изъ этихъ городовъ Бао-динъ-фу, сообщающійся съ столицей черезъ Чжо-чжоу и выбранный, на мѣсто Пекина, главнымъ административнымъ центромъ провинціи и оффиціальной резиденціей вице-короля или намѣстника, который, впрочемъ, чаще имѣетъ пребываніе въ Тянь-цзинѣ. Бао-динъ-фу—городъ правильно построенный, лучше содержимый, чѣмъ сама столица имперіи, и очень торговый. Окрестныя поля, гдѣ преобладаетъ культура проса, какъ и во всей провинціи Чжи-ли, превосходно обработаны; недалеко отъ Бао-дина, въ Хуаньту-сянь стоятъ, окруженные исполинскими кипарисами, очень древніе холмы, воздвигнутые въ честь миѳическаго Яо и его матери. Чжэнъ-динъ-фу, на юго-западѣ, «огромный городъ съ большими и прекрасными стѣнами», лежащій близъ гористой границы провинціи Шань-си, тоже промышленный городъ, но пришедшій въ упадокъ; здѣшніе ремесленники занимаются преимущественно фабрикаціей изъ желѣза, добываемаго въ Шань-си, изображеній Будды, которыя расходятся по всему сѣверу Китая [3]). Бронзовые идолы Чжэндинскихъ храмовъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ въ имперіи; одинъ изъ нихъ имѣетъ 24 метра (слишкомъ 11 саженъ) вышины. Далѣе, на югѣ, лежитъ городъ Да-минъ-фу, одинъ изъ главныхъ рынковъ странъ, прилегающихъ къ Желтой рѣкѣ.

Важнѣйшіе города провинціи Чжи-ли, цифра населенія которыхъ (приблизительная) указана новѣйшими путешественниками, суть:

Тянь-цзинь—950.000 жителей по Chronicl and Directory 1897 г.; Пекинъ—600.000 по Бретшнейдеру [1]), Чжанъ-цзя коу (Калганъ)—80.000 по Пѣвцову; Бао-динъ-фу—150.000 по Вильямсону; Тунъ-чжоу — 100.000 по Бредшнейдеру; Сюань-хуа-фу — 90.000 по Гранту; Чжао-чжоу — 25.000 по Вильямсону; Бейтанъ—20.000 по Матусовскому; Чжэнъ-динъ-фу—10.000 жит. по Арману Давиду.

Полуостровъ Шань-дунъ.

Шань-дунъ составляетъ географическую область, совершенно отличную отъ остальнаго Китая. Эта страна «Восточныхъ горъ»,—ибо таковъ буквальный смыслъ словъ Шань-дунъ,—состоитъ изъ двухъ островныхъ массивовъ горъ и холмовъ, изъ которыхъ одинъ далеко выдвинутъ въ воды, между Чжилійскимъ заливомъ и собственно такъ называемымъ Желтымъ моремъ, и которые на западѣ совершенно ограничены обширными аллювіальными равнинами, отложенными рѣкой въ бывшемъ морѣ. Съ этой стороны Хуанъ-хэ перемѣщала свое теченіе въ продолженіе ряда вѣковъ, отлагая приносимыя его водами землистыя частицы, то на сѣверѣ, то на югѣ Шаньдунскаго полуострова. По своей общей формѣ этотъ полуостровъ походитъ на полуостровѣ Ляо-дунъ, который выдвинули передъ собой горы Маньчжуріи, но онъ больше размѣрами. Берега его, обслѣдованные въ первый разъ европейскими кораблями въ 1793 году, во время посольства въ Китай англичанина Макартнея, изрѣзаны безчисленными бухтами, закругляющими свои правильныя кривыя отъ одного до другаго выступа твердой земли. Почти всѣ его мысы оканчиваются крутыми, обрывистыми откосами, а между тѣмъ воды, омывающія подошвы этихъ мысовъ, не имѣютъ значительной глубины; подводные камни, высунувшіяся изъ воды скалы, островки, продолжаютъ нѣкоторые мысы на большое разстояніе въ море; существуетъ даже родъ перешейка, частію выступившаго изъ-подъ воды, который соединяетъ сѣверный берегъ Шаньдуна съ оконечнымъ мысомъ полуострова Маньчжуріи посредствомъ острововъ Мяо-дао и мелей. Наибольшая глубина, въ этихъ водахъ, образующихъ входъ въ Чжилійскій заливъ, достигаетъ 71 метра, средняя же глубина всей впадины не превышаетъ 25 метровъ; эта малая толщина жидкаго слоя, покрывающаго дно морское, объясняется постояннымъ отложеніемъ твердыхъ частицъ, приносимыхъ Желтой рѣкой. Тѣмъ не менѣе китайскія барки не-

---

[1]) F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“, etc.

[2]) Grant, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

[3]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870.

[1]) „Chronicl and Dir.“ 1897 г. указываетъ до 1.300.000, изъ коихъ 900.000 въ Маньчжурскомъ и 400.000 въ Китайскомъ городѣ.

большаго водоизмѣщенія могутъ проникать въ бо́льшую часть бухточекъ морскаго прибрежья; еще легче могли недавно мелкія суда огибать полуостровъ Шань-дунъ на западѣ черезъ Юнь-

Видъ близъ Гонконга.

хэ или Большой каналъ. Такимъ образомъ весь этотъ край былъ островомъ съ точки зрѣнія судоходства, тогда какъ для сухопутной торговли онъ оставался частью материка. Удобство торговыхъ сообщеній дополнило выгоды географическаго положенія, которыя обезпечиваютъ Шань-дуну его превосходный климатъ, плодородіе его равнинъ, богатство его рудныхъ мѣсторожденій. И населенность достигла тамъ необычайной густоты; вдоль большихъ дорогъ и рѣкъ, города и деревни слѣдуютъ одни за другими черезъ короткіе промежутки, и съ высоты многихъ холмовъ все пространство, обнимаемое кругомъ небосклона, представляется

какъ одинъ громадный городъ, перерѣзанный тамъ и сямъ садами. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ выходитъ, что эта область Китая населена, пропорціально пространству, гуще, чѣмъ даже Бельгія. Поверхность Шань-дуна, согласно Матусовскому, 2.619,36 квадратныхъ геогр. миль; населеніе въ 1887 году: 36.644.255 душъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ, на каждую квадратную милю приходится по 13.994 жителя [1]). Во многихъ отношеніяхъ населеніе Шань-дуна разнится отъ населенія низменныхъ равнинъ Желтой и Голубой рѣкъ; люди тамъ отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и кажутся болѣе энергичными; они вообще имѣютъ болѣе смуглый цвѣтъ кожи и болѣе выразительныя черты лица. Во многихъ мѣстахъ полуострова, и особенно въ окрестностяхъ города Чжи-фу (Чифу), туземцы показываютъ древнія могилы, оставленныя, по преданію, расой, предшествовавшей прибытію въ край китайцевъ [2]).

Горы, образующія остовъ полуострова, могутъ быть разсматриваемы, въ ихъ совокупности, какъ остатки плоскогорья, разрѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ маленькими рѣчками. На сѣверѣ рядъ высотъ тянется въ очень близкомъ разстояніи отъ морскаго прибрежья, и мореплаватели, огибающіе полуостровъ, видятъ ихъ слѣдующими одна за другой отъ востока къ западу, почти всѣ одинаковой формы и одинаковой величины; это правильные конусы, съ пологими скатами, такъ что Макартней и его спутники, сравнивая эти горы съ остроконечными шляпами, какія носятъ китайскіе офицеры, отмѣтили ихъ, въ своихъ корабельныхъ журналахъ, подъ названіемъ «мандаринскихъ шапокъ»: ни одна изъ нихъ не достигаетъ высоты 1.000 метровъ. Южная часть полуострова, вообще говоря, ниже сѣверной; но одинъ уединенный пикъ, Лао-шань, господствующій на западѣ надъ живописной бухтой, усѣянной островками, подымается на 1.070 метровъ высоты: это высшая точка полуострова въ собственномъ смыслѣ. По ту сторону другой бухты, называемой Вэй-шань, которая открывается въ морскомъ берегѣ какъ обширный кратеръ, гора Да-мо-шань (680 метровъ) составляетъ конечный предѣлъ системы горныхъ цѣпей, которая тянется на западъ и постепенно сливается съ поверхностью почвы на берегу Желтой рѣки, выдѣливъ изъ себя передъ тѣмъ вправо и влѣво нѣсколько боковыхъ отраслей. Вотъ высота этихъ цѣпей:

Гуань-ю-шань, на востокѣ полуострова — 880 метровъ; Лу-шань, на юго-западъ отъ Дэнъ-чжоу—765 метр. Да-цзы-шань, на югѣ отъ Лай-чжоу-фу—740 метр.

Между этими массивами южной и западной части Шань-дуна и горными цѣпями, идущими вдоль сѣвернаго берега, открывается глубокая низменность, широкая площадь равнинъ, соединяющая Чжилійскій заливъ съ бухтой Цзяочжоу, около основанія полуострова; средину этой впадины наполняетъ озеро Бо-май-ху, то есть «Озеро бѣлой лошади», которое можетъ быть разсматриваемо, какъ остатокъ нѣкогда существовавшаго пролива: судоходный каналъ, теперь засоренный и представленный на картѣ іезуитовъ въ видѣ рѣки, соединялъ два моря [1]).

Самыя высокія вершины западныхъ горъ подымаются почти непосредственно надъ равнинами Желтой рѣки, на югѣ отъ Цзи-нань-фу, главнаго города провинціи. Да-шань или Тай-шань, то-есть «Большая гора»,—таково имя, прославленное во всемъ Китаѣ, главной вершины (1.545 метровъ или 5.600 ф.). По китайской миѳологіи, Тай-шань самая святая изъ пяти священныхъ горъ имперіи. «Она равна небу, благодѣтельному властителю; отъ нея зависятъ рожденіе и смерть, счастіе и несчастіе, слава и безчестіе людей». Уже болѣе 41 столѣтія тому назадъ, по свидѣтельству «Книги лѣтописей» (Шу-цзинъ), императоръ Шунь ходилъ на вершину этой горы совершать жертвоприношенія небу, холмамъ и рѣкамъ. Самъ Конфуцій, родившійся въ сосѣдствѣ этого священнаго пика, пытался взойти на него, но не могъ достигнуть вершины; древній храмъ указываетъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Со времени его восхожденія подъемъ на святую гору былъ облегченъ устройствомъ превосходной мощеной дороги, длиною около 19 километровъ, и широкихъ лѣстницъ, осѣненныхъ, до высоты 600 метровъ, кипарисами, кедрами и тисами, а выше соснами съ горизонтальной верхушкой. Носильщики паланкиновъ ожидаютъ пилигримовъ на каждой площадкѣ лѣстницы. Храмы, кіоски, жертвенники возвышаются на каждомъ выступѣ горы; отъ вершины до подошвы дорога окаймлена алтарями и скамьями для отдохновенія вѣрующихъ; расположенный внизу, сплошь наполненный религіозными зданіями, городъ Тай-ань-фу, считается владѣніемъ, принадлежащимъ священной горѣ. Цѣлыя населенія калѣкъ и нищихъ живутъ милостыней, раздаваемой богомольцами; всѣ эти несчастные, одѣтые въ отвратительныя рубища, копошатся у входа въ гроты, посреди грудъ камней, и составляютъ печальный контрастъ съ богатствомъ храмовъ и красотой окружающей природы [2]).

Почти всѣ горы полуострова Шань-дунъ совершенно обезлѣсены; лѣса должны были уступить мѣсто пашнямъ на нижнихъ скатахъ, да

[1]) Извѣстный ежегодникъ „Almanach de Gotha“ за 1898 г. указываетъ только 25.000.000 душъ населенія.

[2]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“

[1]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Williamson, цитированное сочиненіе;—Markham.

и деревья, покрывавшія высоты, не были пощажены алчнымъ земледѣльцемъ. Въ странѣ, гдѣ жители такъ тѣсно скучены, гдѣ поселенія такъ близки одно отъ другаго, природа почти совершенно утратила свою самородную флору: теперь растенія, введенныя человѣкомъ, придаютъ мѣстности ея особенную физіономію. Дикія животныя, безпощадно преслѣдуемыя охотниками, почти совсѣмъ исчезли, а господствующая въ краѣ система мелкаго земледѣлія не позволяетъ держать много домашняго скота. Но въ этомъ Срединномъ царствѣ, пользующемся столь благопріятными условіями для развитія земледѣльческой производительности, мало найдется провинцій, которыя равнялись бы Шань-дуну по относительной пропорціи хорошихъ земель, пригодныхъ для такого большаго разнообразія культуръ. Что касается минеральныхъ богатствъ, то Юнь-нань единственная область Китая, которая имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ Шань-дунъ: въ этомъ послѣднемъ краѣ существуютъ очень обширные пласты каменнаго угля; кромѣ того, тамъ находятъ золото и всѣ благородные металлы, желѣзная руда встрѣчается въ изобиліи, а горныя породы заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные камни; тамъ собираютъ даже мелкіе алмазы [1]). Климатъ на полуостровѣ, какъ и во всей сѣверной полосѣ Китая,—климатъ крайностей, жаркій лѣтомъ, очень холодный зимой; иногда даже море замерзаетъ вдоль сѣверныхъ береговъ, и тогда можно ѣздить по льду на мулахъ до острововъ, разсѣянныхъ по окружности Шань-дуна [2]). Но по крайней мѣрѣ здѣшній климатъ представляетъ ту выгоду, что переходы отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу совершаются постепенно и правильно, благодаря умѣряющему вліянію морскихъ водъ, омывающихъ берега, и препятствію, которое противопоставляютъ возвышенности Маньчжуріи и Кореи—быстрому вторженію полярныхъ вѣтровъ. Но тифоны или тайфуны не оканчиваютъ свою кривую въ Желтомъ морѣ; они почти также часто проникаютъ и въ Чжилійскій заливъ.

Между сотнями городовъ, скученныхъ на относительно небольшомъ пространствѣ полуострова Шань-дунъ, самые многолюдные, естественно, тѣ, которые находятся на аллювіальной равнинѣ въ западной части провинціи, тѣ, которые орошаются Желтой рѣкой и ея притоками, и черезъ которые проходитъ судоходный путь Большаго канала (Юнь-хэ или «перевозочной рѣки»). Но эти же города наиболѣе подвержены опасностямъ какъ со стороны природы, такъ и со стороны человѣка. Многіе изъ нихъ не разъ были совершенно разрушены наводненіями, и окружающія ихъ поля превращались временно въ болота, другіе города были предаваемы разграбленію инсургентами тайпингами или разбойниками, и разсѣянное населеніе принуждено было искать убѣжища въ защищенныхъ стѣнами городахъ или въ менѣе доступныхъ мѣстностяхъ горъ. Но послѣ каждой такой катастрофы пострадавшіе города быстро оправляются и вновь заселяются; въ короткое время разрушенные дома изъ глины или кирпича опять отстраиваются, бараки устанавливаются на прежнихъ мѣстахъ, и торговая дѣятельность снова закипаетъ. Такъ, Дунъ-чанъ-фу, ядро котораго составляетъ маловажный городъ, обнесенный стѣнами, получилъ видное мѣсто по своимъ громаднымъ форштатамъ, между самыми дѣятельными городскими поселеніями Срединной имперіи: лабиринтъ его улицъ и каналовъ напоминаетъ Шанхай или Тянь-цзинь. Этотъ городъ Шань-дуна, расположенный при Большомъ или Императорскомъ каналѣ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Китая, одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще появляется на страницахъ лѣтописей; отсюда вышла династія Чжоу, основанная баснословнымъ героемъ Ваномъ, «съ лицомъ дракона и съ плечами тигра». На сѣверѣ отъ Дунъ-чана, города Линь-цинъ и Чжэнъ-цзя-коу, которые тоже были опустошены во время послѣдняго возстанія, теперь снова поднялись на степень многолюдныхъ и торговыхъ центровъ. Особенно важенъ послѣдній изъ нихъ, Чжэнъ-цзя-коу, какъ первоклассный рынокъ для торговаго обмѣна между провинціей Чжи-ли и центральными областями имперіи; онъ ведетъ торговлю даже съ Монголіей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ караваны верблюдовъ, которые встрѣчаешь на его улицахъ [1]).

Цзи-нань (Шинанли въ книгѣ Марко Поло), нынѣшній главный городъ провинціи, тоже лежитъ въ наносной области, къ западу отъ горныхъ цѣпей; окружающія его поля, чрезвычайно плодородныя и усѣянныя отдѣльно стоящими конусообразными горами, бывшими вулканами [2]), полого спускаются къ Желтой рѣкѣ, которая течетъ въ 7 километрахъ на сѣверъ отъ города, въ прежнемъ руслѣ рѣки Да-цинъ-хэ. Равный по пространству Парижу, такъ какъ ограда его имѣетъ 42 километра въ окружности, Цзи-нань есть одинъ изъ городовъ Китая, наилучше содержимыхъ и наиболѣе правильно построенныхъ; въ то же время это одинъ изъ городовъ, которые заключаютъ въ своихъ стѣнахъ наибольшее число жителей, исповѣдующихъ иностранныя религіи: число магометанъ простирается тамъ до 10.000 по Вильямсону, до 20.000 по Маркгаму; кромѣ того, въ городѣ и окрестностяхъ насчиты-

[1]) Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“, октябрь 1880.

[2]) Pallu, „Relation de l'Expédition de Chine en 1860“.

[1]) A. Williamson, цитированное сочиненіе.

[2]) Xey Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

какъ одинъ громадный городъ, перерѣзанный тамъ и сямъ садами. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ выходитъ, что эта область Китая населена, пропорціально пространству, гуще, чѣмъ даже Бельгія. Поверхность Шань-дуна, согласно Матусовскому, 2.619,36 квадратныхъ геогр. миль; населеніе въ 1887 году: 36.644.255 душъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ, на каждую квадратную милю приходится по 13.994 жителя [1]). Во многихъ отношеніяхъ населеніе Шань-дуна разнится отъ населенія низменныхъ равнинъ Желтой и Голубой рѣкъ; люди тамъ отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и кажутся болѣе энергичными; они вообще имѣютъ болѣе смуглый цвѣтъ кожи и болѣе выразительныя черты лица. Во многихъ мѣстахъ полуострова, и особенно въ окрестностяхъ города Чжи-фу (Чифу), туземцы показываютъ древнія могилы, оставленныя, по преданію, расой, предшествовавшей прибытію въ край китайцевъ [2]).

Горы, образующія остовъ полуострова, могутъ быть разсматриваемы, въ ихъ совокупности, какъ остатки плоскогорья, разрѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ маленькими рѣчками. На сѣверѣ рядъ высотъ тянется въ очень близкомъ разстояніи отъ морскаго прибрежья, и мореплаватели, огибающіе полуостровъ, видятъ ихъ слѣдующими одна за другой отъ востока къ западу, почти всѣ одинаковой формы и одинаковой величины; это правильные конусы, съ пологими скатами, такъ что Макартней и его спутники, сравнивая эти горы съ остроконечными шляпами, какія носятъ китайскіе офицеры, отмѣтили ихъ, въ своихъ корабельныхъ журналахъ, подъ названіемъ «мандаринскихъ шапокъ»: ни одна изъ нихъ не достигаетъ высоты 1.000 метровъ. Южная часть полуострова, вообще говоря, ниже сѣверной; но одинъ уединенный пикъ, Лао-шань, господствующій на западѣ надъ живописной бухтой, усѣянной островками, подымается на 1.070 метровъ высоты: это высшая точка полуострова въ собственномъ смыслѣ. По ту сторону другой бухты, называемой Вэй-шань, которая открывается въ морскомъ берегѣ какъ обширный кратеръ, гора Да-мо-шань (680 метровъ) составляетъ конечный предѣлъ системы горныхъ цѣпей, которая тянется на западъ и постепенно сливается съ поверхностью почвы на берегу Желтой рѣки, выдѣливъ изъ себя передъ тѣмъ вправо и влѣво нѣсколько боковыхъ отраслей. Вотъ высота этихъ цѣпей:

Гуань-ю-шань, на востокѣ полуострова — 880 метровъ; Лу-шань, на юго-западъ отъ Дэнъ-чжоу—765 метр. Да-цзы-шань, на югѣ отъ Лай-чжоу-фу—740 метр.

Между этими массивами южной и западной части Шань-дуна и горными цѣпями, идущими вдоль сѣвернаго берега, открывается глубокая низменность, широкая площадь равнинъ, соединяющая Чжилійскій заливъ съ бухтой Цзяо-чжоу, около основанія полуострова; средину этой впадины наполняетъ озеро Бо-май-ху, то есть «Озеро бѣлой лошади», которое можетъ быть разсматриваемо, какъ остатокъ нѣкогда существовавшаго пролива: судоходный каналъ, теперь засоренный и представленный на картѣ іезуитовъ въ видѣ рѣки, соединялъ два моря [1]).

Самыя высокія вершины западныхъ горъ подымаются почти непосредственно надъ равнинами Желтой рѣки, на югѣ отъ Цзи-нань-фу, главнаго города провинціи. Да-шань или Тай-шань, то-есть «Большая гора»,—таково имя, прославленное во всемъ Китаѣ, главной вершины (1.545 метровъ или 5.600 ф.). По китайской миѳологіи, Тай-шань самая святая изъ пяти священныхъ горъ имперіи. «Она равна небу, благодѣтельному властителю; отъ нея зависятъ рожденіе и смерть, счастіе и несчастіе, слава и безчестіе людей». Уже болѣе 41 столѣтія тому назадъ, по свидѣтельству «Книги лѣтописей» (Шу-цзинъ), императоръ Шунь ходилъ на вершину этой горы совершать жертвоприношенія небу, холмамъ и рѣкамъ. Самъ Конфуцій, родившійся въ сосѣдствѣ этого священнаго пика, пытался взойти на него, но не могъ достигнуть вершины; древній храмъ указываетъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Со времени его восхожденія подъемъ на святую гору былъ облегченъ устройствомъ превосходной мощеной дороги, длиною около 19 километровъ, и широкихъ лѣстницъ, осѣненныхъ, до высоты 600 метровъ, кипарисами, кедрами и тисами, а выше соснами съ горизонтальной верхушкой. Носильщики паланкиновъ ожидаютъ пилигримовъ на каждой площадкѣ лѣстницы. Храмы, кіоски, жертвенники возвышаются на каждомъ выступѣ горы; отъ вершины до подошвы дорога окаймлена алтарями и скамьями для отдохновенія вѣрующихъ; расположенный внизу, сплошь наполненный религіозными зданіями, городъ Тай-ань-фу, считается владѣніемъ, принадлежащимъ священной горѣ. Цѣлыя населенія калѣкъ и нищихъ живутъ милостыней, раздаваемой богомольцами; всѣ эти несчастные, одѣтые въ отвратительныя рубища, копошатся у входа въ гроты, посреди грудъ камней, и составляютъ печальный контрастъ съ богатствомъ храмовъ и красотой окружающей природы [2]).

Почти всѣ горы полуострова Шань-дунъ совершенно обезлѣсены; лѣса должны были уступить мѣсто пашнямъ на нижнихъ скатахъ, да

[1]) Извѣстный ежегодникъ „Almanach de Gotha“ за 1898 г. указываетъ только 25.000.000 душъ населенія.

[2]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“

[1]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Williamson, цитированное сочиненіе;—Markham.

и деревья, покрывавшія высоты, не были пощажены алчнымъ земледѣльцемъ. Въ странѣ, гдѣ жители такъ тѣсно скучены, гдѣ поселенія такъ близки одно отъ другаго, природа почти совершенно утратила свою самородную флору: теперь растенія, введенныя человѣкомъ, придаютъ мѣстности ея особенную физіономію. Дикія животныя, безпощадно преслѣдуемыя охотниками, почти совсѣмъ исчезли, а господствующая въ краѣ система мелкаго земледѣлія не позволяетъ держать много домашняго скота. Но въ этомъ Срединномъ царствѣ, пользующемся столь благопріятными условіями для развитія земледѣльческой производительности, мало найдется провинцій, которыя равнялись бы Шань-дуну по относительной пропорціи хорошихъ земель, пригодныхъ для такого большаго разнообразія культуръ. Что касается минеральныхъ богатствъ, то Юнь-нань единственная область Китая, которая имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ Шань-дунъ: въ этомъ послѣднемъ краѣ существуютъ очень обширные пласты каменнаго угля; кромѣ того, тамъ находятъ золото и всѣ благородные металлы, желѣзная руда встрѣчается въ изобиліи, а горныя породы заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные камни; тамъ собираютъ даже мелкіе алмазы [1]). Климатъ на полуостровѣ, какъ и во всей сѣверной полосѣ Китая,—климатъ крайностей, жаркій лѣтомъ, очень холодный зимой; иногда даже море замерзаетъ вдоль сѣверныхъ береговъ, и тогда можно ѣздить по льду на мулахъ до острововъ, разсѣянныхъ по окружности Шань-дуна [2]). Но по крайней мѣрѣ здѣшній климатъ представляетъ ту выгоду, что переходы отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу совершаются постепенно и правильно, благодаря умѣряющему вліянію морскихъ водъ, омывающихъ берега, и препятствію, которое противопоставляютъ возвышенности Маньчжуріи и Кореи—быстрому вторженію полярныхъ вѣтровъ. Но тифоны или тайфуны не оканчиваютъ свою кривую въ Желтомъ морѣ; они почти также часто проникаютъ и въ Чжилійскій заливъ.

Между сотнями городовъ, скученныхъ на относительно небольшомъ пространствѣ полуострова Шань-дунъ, самые многолюдные, естественно, тѣ, которые находятся на аллювіальной равнинѣ въ западной части провинціи, тѣ, которые орошаются Желтой рѣкой и ея притоками, и черезъ которые проходитъ судоходный путь Большаго канала (Юнь-хэ или «перевозочной рѣки»). Но эти же города наиболѣе подвержены опасностямъ какъ со стороны природы, такъ и со стороны человѣка. Многіе изъ нихъ не разъ были совершенно разрушены наводненіями, и окружающія ихъ поля превращались временно въ болота, другіе города были предаваемы разграбленію инсургентами тайпингами или разбойниками, и разсѣянное населеніе принуждено было искать убѣжища въ защищенныхъ стѣнами городахъ или въ менѣе доступныхъ мѣстностяхъ горъ. Но послѣ каждой такой катастрофы пострадавшіе города быстро оправляются и вновь заселяются; въ короткое время разрушенные дома изъ глины или кирпича опять отстраиваются, бараки устанавливаются на прежнихъ мѣстахъ, и торговая дѣятельность снова закипаетъ. Такъ, Дунъ-чанъ-фу, ядро котораго составляетъ маловажный городъ, обнесенный стѣнами, получилъ видное мѣсто по своимъ громаднымъ форштатамъ, между самыми дѣятельными городскими поселеніями Срединной имперіи: лабиринтъ его улицъ и каналовъ напоминаетъ Шанхай или Тянь-цзинь. Этотъ городъ Шань-дуна, расположенный при Большомъ или Императорскомъ каналѣ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Китая, одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще появляется на страницахъ лѣтописей; отсюда вышла династія Чжоу, основанная баснословнымъ героемъ Ваномъ, «съ лицомъ дракона и съ плечами тигра». На сѣверѣ отъ Дунъ-чана, города Линь-цинъ и Чжэнъ-цзя-коу, которые тоже были опустошены во время послѣдняго возстанія, теперь снова поднялись на степень многолюдныхъ и торговыхъ центровъ. Особенно важенъ послѣдній изъ нихъ, Чжэнъ-цзя-коу, какъ первоклассный рынокъ для торговаго обмѣна между провинціей Чжи-ли и центральными областями имперіи; онъ ведетъ торговлю даже съ Монголіей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ караваны верблюдовъ, которые встрѣчаешь на его улицахъ [1]).

Цзи-нань (Шинанли въ книгѣ Марко Поло), нынѣшній главный городъ провинціи, тоже лежитъ въ наносной области, къ западу отъ горныхъ цѣпей; окружающія его поля, чрезвычайно плодородныя и усѣянныя отдѣльно стоящими конусообразными горами, бывшими вулканами [2]), полого спускаются къ Желтой рѣкѣ, которая течетъ въ 7 километрахъ на сѣверъ отъ города, въ прежнемъ руслѣ рѣки Да-цинъ-хэ. Равный по пространству Парижу, такъ какъ ограда его имѣетъ 12 километра въ окружности, Цзи-нань есть одинъ изъ городовъ Китая, наилучше содержимыхъ и наиболѣе правильно построенныхъ; въ то же время это одинъ изъ городовъ, которые заключаютъ въ своихъ стѣнахъ наибольшее число жителей, исповѣдующихъ иностранныя религіи: число магометанъ простирается тамъ до 10.000 по Вильямсону, до 20.000 по Маркгаму; кромѣ того, въ городѣ и окрестностяхъ насчиты-

[1]) Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“, октябрь 1880.
[2]) Pallu, „Relation de l'Expédition de Chine en 1860“.

[1]) A. Williamson, цитированное сочиненіе.
[2]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

ваютъ до 12.000 христіанъ католиковъ. Одна изъ главныхъ промышленностей Цзи-наня фабрикація шелковыхъ тканей, особенно одной матеріи, для которой употребляютъ коконы дикаго шелковичнаго червя, питающагося листьями дуба. Поддѣльные драгоцѣнные камни, приготовляемые въ Цзи-нанѣ, также составляютъ предметъ значительной торговли въ Китаѣ. Въ 5 километрахъ къ востоку отъ главнаго города Шань-дуна находится холмъ, состоящій изъ желѣзной руды, частію изъ магнитнаго желѣзняка. Ло-коу служитъ пристанью Цзинаню на Желтой рѣкѣ.

Тай-ань-фу, городъ храмовъ, въ которомъ оканчивается исполинская лѣстница священной горы Тай-шань, тоже лежитъ въ бассейнѣ Желтой рѣки, на притокѣ рѣки Вынь-хэ, протекающей черезъ горнозаводскую область, изобилующую мѣсторожденіями желѣза и каменнаго угля; онъ даетъ пріютъ многочисленнымъ пилигримамъ, приходящимъ со всѣхъ концовъ Китая на поклоненіе святой горѣ. Въ 1869 году, во время посѣщенія города Маркгамомъ, тамъ было до 70.000 иногородныхъ посѣтителей [1]). Главный храмъ, посвященный горѣ, занимаетъ наибольшую часть сѣверной половины города; онъ стоитъ среди обширнаго парка (около 10 гектаровъ), деревья котораго были посажены разными императорами, начиная съ десятаго столѣтія. Стѣны святилища покрыты очень любопытной панорамической живописью, представляющей императорскую процессію древнихъ временъ, съ бѣлыми слонами и верблюдами [2]). Далѣе на югѣ, уже въ равнинѣ, недалеко отъ болотистыхъ пространствъ, черезъ которыя проходитъ Большой каналъ, находится главный городъ всего юго-западнаго Шань-дуна, Янь-чжоу-фу, нѣкогда столица одной изъ девяти провинцій, на которыя императоръ Юй раздѣлилъ государство, слишкомъ 4.000 лѣтъ тому назадъ; надпись, помѣщенная на западныхъ воротахъ города, напоминаетъ его былую славу. Вообще, здѣсь мы находимся въ одной изъ классическихъ областей Китая, и имена городовъ, горъ, рѣкъ этого края встрѣчаются на каждой страницѣ древнѣйшихъ лѣтописей страны. Такъ, километрахъ въ двадцати на востокъ отъ Янь-чжоу-фу, показывается знаменитый городъ Цюй-фоу, родина Конфуція, и населенный почти единственно его потомствомъ; четыре пятыхъ общаго числа жителей, то-есть, по меньшей мѣрѣ, 20.000 лицъ, носятъ имя великаго китайскаго моралиста [3]). Это по большей части люди сильные и хорошо сложенные; но, кажется, ни одинъ членъ этой семьи, столь многочисленной и столь уважаемой, не отличился исключительнымъ образомъ въ теченіе восьмидесяти поколѣній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ той эпохи, когда ихъ общій родоначальникъ далъ нравственные законы имперіи. Главный храмъ, воздвигнутый въ память Конфуція, есть одно изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ религіозныхъ зданій Китая и заключаетъ длинный рядъ надписей, принадлежащихъ по времени всѣмъ династіямъ, царствовавшимъ въ послѣднія двѣ тысячи лѣтъ; вазы, орнаменты изъ бронзы, изваянія, рѣзьба изъ дерева украшаютъ галлереи и стѣны храма и образуютъ полный музей китайскаго искусства; въ окружающемъ паркѣ растутъ очень древнія деревья, глубоко чтимыя вѣрующими. При входѣ во дворецъ показываютъ старый кипарисъ съ узловатымъ стволомъ, посаженный, по преданію, самимъ Конфуціемъ, а въ частныхъ аппартаментахъ князя или главы рода можно видѣть драгоцѣнные предметы, принадлежавшіе великому нравоучителю, урны, треножники, манускрипты; владѣніе этой особы, составляющее непосредственный ленъ имперіи, обнимаетъ пространство не менѣе 66.000 гектаровъ. Когда инсургенты тайпинги проникли въ городъ Цюй-фоу, они оказали полное уваженіе храму, дворцу и ихъ сокровищамъ; узнавъ, что мѣстный мандаринъ принадлежитъ къ фамиліи философа, они воздержались даже отъ убійства его, сдѣлавъ въ этомъ случаѣ отступленіе отъ своего постояннаго правила. Недалеко отъ храма возвышается могильная земляная насыпь, отъ которой, вѣроятно, городъ и получилъ свое названіе Цюй-фоу или «округленный курганъ», и подъ которой покоится прахъ Конфуція; вокругъ этого кургана и на обширномъ протяженіи страны простирается фамильный некрополь. Другія могилы императоровъ и вельможъ, изъ которыхъ иные жили еще до Конфуція, также видны въ окрестностяхъ города. Наконецъ, на юго-зэпадъ оттуда, близъ маленькаго города Цю-сянь, другое кладбище, деревья котораго, дубы и кипарисы, образовали священный лѣсъ, принимаетъ уже болѣе двадцати двухъ столѣтій тѣла всѣхъ потомковъ Мэнъ-цзы, самаго знаменитаго изъ учениковъ Конфуція. Такимъ образомъ въ Китаѣ физіологи могутъ изучать то, чего они тщетно ищутъ въ Европѣ, именно семейства непрерывно продолжающіяся уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ; впрочемъ, нужно замѣтить, что при каждомъ бракѣ эти роды смѣшиваются съ чужой кровью, такъ какъ брачные союзы между лицами одного и того же фамильнаго имени безусловно воспрещены въ Срединномъ царствѣ. Въ 1865 году, когда Вильямсонъ посѣтилъ городъ Цю-сянь, глава семейства, потомокъ Мэнъ-цзы по мужской линіи, принадлежалъ къ семидесятому поколѣнію.

Прежній главный городъ полуострова Шань-дунъ, называемый Цинъ-чжоу-фу, расположенъ на сѣверной покатости горъ, въ долинѣ, воды

[1]) „Mittheilungen von Petermann", XI, 1869.
[2]) Willamson;—Markham.
[3]) Markham, „Proceedings of the Geographical Society of London", 1870.

которой бѣгутъ прямо въ Чжилійскій заливъ, параллельно теченію Желтой рѣки. Это тоже большой городъ, хотя онъ кажется пришедшимъ въ упадокъ и утратившимъ блескъ, которымъ онъ славился въ древности; татарскій городъ, нынѣ почти совсѣмъ покинутый, напоминаетъ первыя времена маньчжурскаго завоеванія. Это одинъ изъ главныхъ центровъ ислама въ восточномъ Китаѣ: тамъ насчитывается нѣсколько тысячъ магометанъ, и изученіе арабскаго языка еще не оставлено. Окружающая область очень густо населена, и промышленность тамъ достигла замѣчательнаго развитія и процвѣтанія. Въ Бо-шанѣ, на юго-западѣ, холмы изрыты въ разныхъ направленіяхъ галлереями для эксплоатаціи каменнаго угля, а скалы песчаника размельчены въ порошокъ для фабрикаціи стекла, которое отправляется съ здѣшнихъ заводовъ во всѣ части Китая; одно предмѣстье Бо-шаня составляетъ одинъ большой заводъ.

Городъ Шань-дуна, Вэй, не имѣетъ титула главнаго города провинціи: это просто сянь или «третьеклассное мѣсто»; но онъ занимаетъ очень выгодное положеніе посреди равнины, раздѣляющей два горные массива провинціи, и находится въ удобномъ сообщеніи съ двумя берегами полуострова, сѣвернымъ и южнымъ. Вэй-сянь есть главный складочный пунктъ для шелковыхъ тканей, табаку, каменнаго угля, желѣза, селитры, производимыхъ страною, и отсюда всѣ эти продукты и товары посылаются въ плохой портъ Цзя-инъ или въ другія гавани морскаго прибрежья. Давно уже былъ составленъ планъ желѣзной дороги, которая поставила бы Вэй-сянь въ сообщеніе съ моремъ, но китайское правительство не преминуло противопоставить свою обычную силу инерціи этому проекту европейцевъ [1]). Въ настоящее время Вэй-сянь сдѣлался уже центромъ сѣти проѣзжихъ дорогъ, которыя соединяютъ его съ портами южнаго берега, съ большимъ рынкомъ Чжоу-цунь, съ богатымъ Пинъ-ду, окруженнымъ золотыми пріисками, и съ прибрежными городами Чжилійскаго залива, изъ которыхъ назовемъ Лай-чжоу-фу, славящійся своими ломками стеатита (камень жировикъ или мыловка), гдѣ изсѣченъ въ горѣ цѣлый лабиринтъ галлерей.

Въ самой сѣверной части полуострова одинъ городъ, лежащій во внутренности страны, играетъ ту же роль, что и Вэй-сянь, какъ складочное мѣсто и рынокъ для отправки привозимыхъ товаровъ: это Хуанъ-сянь. Оттуда одна дорога направляется на западъ къ порту Лунъкоу, который ведетъ довольно значительную торговлю съ Маньчжуріей; другая ведетъ на сѣверъ къ большому городу Дэнъ-чжоу-фу, открытому, въ силу трактатовъ, европейской торговлѣ. Прежде воды пролива были въ этомъ мѣстѣ глубоки и джонки могли свободно проникать въ самый городъ для выгрузки своихъ товаровъ; теперь же даже простыя барки не могутъ уже входить [1]), а крупныя суда должны становиться на якорь въ большомъ разстояніи отъ берега, въ открытомъ морѣ. Въ виду этого неудобства, иностранные негоціанты перевели свои конторы въ болѣе обширный и болѣе глубокій портъ Янь-тай или «Дымъ», получившій такое названіе отъ огня, который въ прежнія времена служилъ сигналомъ жителямъ прибрежья, предупреждавшимъ ихъ о приближеніи японскихъ пиратовъ. Однако, городъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Чжи-фу (Чифу), по мысу, который защищаетъ рейдъ на сѣверо-западѣ, и надъ которымъ господствуетъ конусообразная гора, высотою въ 300 метровъ; при основаніи этого мыса должны были устроить портъ, дабы защищать суда отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Чифу, бывшій въ половинѣ настоящаго столѣтія простой деревней, теперь представляетъ одинъ изъ главныхъ городовъ провинціи Шань-дунъ и одинъ изъ тѣхъ портовъ Китая, гдѣ европейцы водворились наиболѣе удобнымъ образомъ. Лѣтомъ Чифу составляетъ своего рода Трувиль для иностранныхъ колоній Китайской имперіи (торговые обороты порта Чифу въ 1897 году, по цѣнности, простирались до 22.051.976 ланъ; движеніе судоходства въ 1895 году: 1.809 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 1.669.845 тон.) [2]). Другіе приморскіе города, лежащіе на восточной оконечности полуострова: занятый въ маѣ 1898 года англичанами Вэй-хай-вэй, съ превосходной гаванью, Юнъ-чэнъ, Ши-дао, имѣютъ важность только для мѣстной торговли между Шань-дуномъ и Кореей.

Въ сравненіи съ сѣверной покатостью береговъ Шань-дуна, южный скатъ, обращенный къ открытому морю, бѣденъ большими городами и оживленными судоходствомъ рейдами. Одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ этой области — Лай-янъ, обнесенный каменными стѣнами, которыя возвышаются на берегу рѣки, изливающейся въ портъ Динъ-цзы. Городъ Цзи-мо, на юго-западѣ, тоже важенъ какъ рынокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, откуда вывозятся преимущественно свиньи, разнаго рода хлѣбъ, плоды; километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ этого города возвышается холмъ, усѣянный храмами и изрытый во всѣхъ направленіяхъ галлереями, гдѣ собираютъ драгоцѣнные камни, которые жрецы продаютъ въ свою пользу во время ярмарокъ, устраиваемыхъ по случаю стеченія пилигримовъ. Цзи-мо, Гао-ми, Цзяо-чжоу и другіе города страны отправляютъ свои произведенія черезъ порты большаго внутренняго рейда, которому до сихъ поръ еще даютъ

[1]) Alabaster, „Mettheilungen von Petermann", XI, 1869.

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

[2]) Оффиціальные отчеты императорскихъ морскихъ таможенъ за 1897 годъ.

названіе бухты Цзяо-чжоу, хотя этотъ городъ отодвинулся уже далеко отъ берега внутрь полуострова, вслѣдствіе образованія наносныхъ земель. Какъ извѣстно, Цзяочжоуская бухта въ настоящее время составляетъ арендную собственность Германіи, занявшей ее въ зиму 1897 года*.

Въ южной области Шань-дуна, воды которой теряются на югѣ среди болотъ, замѣнившихъ старое устье Желтой рѣки, самый многолюдный городъ — И-чжоу, гдѣ существуетъ значительная община магометанъ. Послѣдніе отроги «Восточныхъ горъ» (Шань-дунъ), которые исчезаютъ близъ города И-чжоу, и одинъ изъ которыхъ есть священная гора, почти столь же высоко чтимая, какъ и Тай-шань, заключаютъ въ себѣ пласты ископаемаго угля, правильно разрабатываемые.

Города провинціи Шань-дунъ, населеніе которыхъ указано, приблизительно, новѣйшими путешественниками или консульскими отчетами, суть:

Вэй-сянь, по Алабастеру—250.000 жителей; Дэнъ-чжоу-фу (консулы)—230.000 жит.; Цзинань, по Фовелю—200.000 жит.; Чжэнъ-цзякоу (Вильямсонъ) — 200.000 жит.; Чжи-фу—35.000 жит. (въ 1896 г.); Цинь-чжоу, по Маркгаму — 70.000 жит.; Янь-чжоу-фу, по Маркгаму—60.000 жит.; Цзяо-чжоу, по Маркгаму—60.000 жит.; Лай-янъ, по Вильямсону—50.000 жит.; Тай-ань-фу, по Маркгаму—45.000 жит.; Бо-шань, по Маркгаму—35.000 жит.; Цуй-фоу, по Маркгаму—25.000 жит.; Цзи-мо, по Маркгаму—18.000 жит.; Ши-дао, по Вильямсону—10.000 жит.; Гао-ми, по Вильямсону—10.000 жит.; Цю-сянь, по Маркгаму—10.000 жителей.

Бассейнъ Желтой рѣки.

Провинціи Гань-су, Шэнь-си, Шань-си, Хэ-нань.

Бассейнъ Хуанъ-хэ или Гоанъ-го, то-есть «Желтой рѣки», обнимаетъ, въ Тибетѣ и въ «Срединномъ цвѣткѣ» или собственно Китаѣ, пространство, исчисляемое въ 1.500.000 квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, въ три раза превосходящее поверхность Франціи; однако, она составляетъ лишь второстепенный бассейнъ Китайской имперіи; иногда даже, въ теченіе вѣковъ, она была не болѣе, какъ подчиненный бассейнъ или бассейнъ притока, такъ какъ воды ея переставали течь въ океанъ и частію отклонялись къ Янъ-цзы-цзяну. Хотя весьма значительно уступающій этой великой рѣкѣ по площади бассейна, по длинѣ теченія и по объему жидкой массы, Хуанъ-хэ, тѣмъ не менѣе, довольно могучъ, чтобы образовать обширную гидрографическую систему вмѣстѣ съ Голубой рѣкой, отъ которой онъ рѣзко отличается на всемъ своемъ протяженіи, отъ истока до устья, ходомъ своихъ водъ, культурою своихъ береговъ, образомъ жизни и нравами прибрежныхъ населеній. Чтобы выразить этотъ контрастъ, китайцы сдѣлали изъ этихъ двухъ рѣкъ представителей двухъ началъ, которыя, по ихъ вѣрованію, раздѣляютъ между собой міръ мужскаго начала или *ян* и женскаго начала или *инь*, изъ которыхъ первое почитается также принципомъ Неба, а второе принципомъ Земли: Хуанъ-хэ рѣка женскаго пола; посвященная Землѣ, она обозначается желтымъ цвѣтомъ, цвѣтомъ, который обитатели «Желтыхъ земель», естественно, приняли за цвѣтъ земной по преимуществу. Правда, что волны Хуанъ-хэ всегда имѣютъ желтоватую окраску, но и воды Янъ-цзы-цзяна едва-ли менѣе мутны, чѣмъ воды другой рѣки.

Извѣстно, что Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ зарождаются на одной и той же плоской возвышенности и перерѣзываютъ однѣ и тѣ же аллювіальныя равнины въ своихъ низовьяхъ, но въ среднемъ теченіи орошаютъ мѣстности очень отдаленныя и весьма различныя однѣ отъ другихъ. По выходѣ изъ возвышенныхъ пастбищъ, усѣянныхъ таинственными «Озерами звѣздъ», которыхъ до настоящей минуты тщетно искали новѣйшіе европейскіе путешественники, Хуанъ-хэ вырывается изъ области горъ черезъ грозныя ущелья, не описывая, однако, той черезъ чуръ огромной дуги, какая изображается на большой части старинныхъ картъ[1]). Сдѣлавшись уже значительной рѣкой, онъ принимаетъ въ себя горные потоки и рѣки, берущіе начало въ высотахъ, окружающихъ озеро Куку-норъ, и вскорѣ послѣ того достигаетъ границъ пустыни, возвѣщаемой Великой стѣной. Слѣдуя далѣе въ косвенномъ направленіи на сѣверъ, онъ течетъ нѣкоторое время вдоль подошвы плоскогорій Монголіи и перерѣзываетъ хребетъ Ала-шань, выходитъ даже за предѣлы территоріи собственнаго Китая, чтобы обойти Ордосскій край, и проникаетъ въ область пустыни. Песчаныя дюны подступаютъ къ самому берегу потока черезъ брешь, открывающуюся между цѣпями Ала-шань и Инъ-шань, и соляныя озера наполняютъ впадины долины въ непосредственномъ сосѣдствѣ рѣки. Вѣроятно, что въ прежнее время Желтая рѣка разливалась въ видѣ обширнаго озера въ пространствѣ, раздѣляющемъ двѣ названныя горныя цѣпи; въ этомъ мѣстѣ своего теченія Хуанъ-хэ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, которые мѣняютъ мѣсто, смотря по разливамъ[2]). Во время путешествія Пржеваль-

[1]) М. Н. Пржевальскій, „Бесѣды въ Географическомъ Обществѣ", въ 1881 г.

[2]) Raphael Pumpelly, „Geological Researches in China; Smithsonian Contributions to Knowledge", 1866.

скаго, въ 1871 году, главнымъ потокомъ былъ южный рукавъ, средняя ширина котораго около 400 метровъ; но рукавъ этотъ былъ, очевидно, недавняго образованія, и нѣсколько

Озеро Да-лги.

боковыхъ потоковъ извивались по равнинѣ, доходя до основанія горъ Инъ-шань [1]). Эти-то перемѣщенія теченія, вѣроятно, и подали по-

Ниже этой полуозерной области, свидѣтельствующей о существованіи нѣкогда въ этомъ мѣстѣ естественной запруды, рѣка, которая

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".

[1]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи".

снова приняла восточное направленіе, ударяется о гнейсовыя горы, образующія на юго-востокѣ внѣшніе уступы плоской возвышенности Монголіи. Геологъ Помпелли полагаетъ, что ему удалось отыскать слѣды стараго ложа, по которому прежде протекала Желтая рѣка, слѣдуя вдоль подошвы монгольскаго нагорья; многочисленныя озера, слѣдующія одно за другимъ въ видѣ ожерельевъ и сообщающіяся между собой посредствомъ узкихъ проходовъ, указываютъ, по его мнѣнію, мѣсто прохожденія стараго потока, который нѣкогда изливался въ Желтое море черезъ рѣку Бай-хэ. Засыпанная обвалами или запруженная изліяніями лавы, Хуанъ-хэ должена была измѣнить направленіе, и теперь она поворачиваетъ прямо на югъ, пересѣкая двѣ параллельныя цѣпи горъ, такъ что эта часть теченія дополняетъ собою огромную дугу протяженіемъ болѣе 2.000 километровъ, которую она описываетъ вокругъ Ордосскаго края и провинціи Шэнь-си. Можетъ быть, къ образованію этого новаго русла Желтой рѣки и относится слѣдующая китайская легенда: «Въ это время Цзинъ-гунъ боролся съ Чжуанъ-чжоу изъ-за господства надъ міромъ. Въ ярости онъ ударилъ своимъ рогомъ въ гору Бу-чи-ао (Puchiao), поддерживающую столбы неба, и цѣпи земли порвались. Небеса обрушились на сѣверо-западѣ, и земля широко растреснулась на юго-востокѣ» [1]). По свидѣтельству католическихъ миссіонеровъ прошлаго столѣтія, одинъ видъ рыбъ встрѣчается только близъ Бао-дэ-чжоу, въ той части Хуанъ-хэ, которая отдѣляетъ провинцію Шэнь-си отъ провинціи Шань-си; такимъ образомъ фауна напоминаетъ о существовавшемъ нѣкогда разобщеніи двухъ половинъ нынѣшней рѣки.

Крутой поворотъ къ востоку, при сліяніи съ рѣкой Вэй-хэ, ограничиваетъ точнымъ образомъ среднее теченіе главной рѣки, ниже большаго прорыва. Можно сказать въ извѣстномъ смыслѣ, что Хуанъ-хэ, несмотря на обиліе его водъ, есть притокъ Вэй-хэ, ибо эта послѣдняя рѣка, такъ же, какъ, напримѣръ, Сена, соединяющаяся съ Роной, сохраняетъ свое первоначальное направленіе, и ея долина, колыбель китайской цивилизаціи, есть одна изъ правильныхъ, которыя открываются параллельно хребтамъ центральнаго Китая [2]). При томъ же Вэй-хэ, самый большой изъ притоковъ Желтой рѣки, важнѣе послѣдней для судоходства: тысячи плоскодонныхъ барокъ поднимаются вверхъ по теченію его до половины дороги отъ того колѣна при Лань-чжоу-фу, откуда начинается поворотъ Хуанъ-хэ къ Монголіи.

Обѣ названныя рѣки одинаково насыщены землистыми частицами, которыя онѣ увлекаютъ, размывая и подтачивая рыхлыя земли своихъ высокихъ береговъ и обрывистые береговые утесы, состоящіе изъ «желтозема». Неизвѣстно еще съ точностью, какъ велика средняя пропорція мути въ водѣ Хуанъ-хэ, такъ какъ надъ этимъ до сихъ поръ сдѣлано было весьма немного наблюденій. Въ 1792 году, англичанинъ Стонтонъ въ первый разъ попытался измѣрить стокъ рѣки или количество протекающей въ секунду воды: онъ вычислилъ, что доля землистыхъ частицъ, уносимая потокомъ желтоватой воды, составляетъ двѣ сотыхъ объема жидкой массы. Предполагая, что не было ошибки въ наблюденіи, эта пропорція твердыхъ веществъ представляется совершенно исключительной по своей громадности; среднимъ числомъ, наносы должны быть въ три или четыре раза меньше, какъ это мы видимъ въ рѣкахъ, содержащихъ сравнительно наибольшее количество землистыхъ осадковъ, каковы, напримѣръ, Гангъ и Бай-хэ [1]); тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что между «рѣками работницами» Хуанъ-хэ есть одна изъ тѣхъ, которыя съ наибольшей силой и въ наибольшихъ размѣрахъ разрушаютъ свои высокіе берега, перенося обломки, послѣдовательно отъ этапа къ этапу, на берега нижняго теченія или на плоскіе берега области устьевъ. Проѣзжая вдоль края Хуанъ-хэ, которая въ этомъ мѣстѣ подтачиваетъ основаніе своего берега, Вильямсонъ сравнивалъ дѣйствіе каждой послѣдовательной волны потока съ размахомъ косы, гуляющей въ густой травѣ луга; при каждомъ ударѣ рѣки полоса берега исчезала въ желтоватой водѣ [2]).

Но размываніе береговъ составляетъ для прибрежныхъ жителей еще самую малую изъ угрожающихъ имъ опасностей. Съ извѣстной точки зрѣнія они должны еще больше бояться наноса плодотворнаго ила, обновляющаго почву ихъ полей, ибо эти отлагаемыя рѣкой земли постоянно увеличиваютъ высоту береговъ: мало по малу естественныя плотины воздвигаются-по-краямъ рѣки на всемъ ея теченіи; соразмѣрно тому повышается дно ложа, и когда наступаютъ разливы, когда одинъ изъ береговъ размытъ, прорванъ потокомъ, или когда вода поднимается выше естественной насыпи, тогда образуется новый рукавъ и опустошаетъ прилегающую мѣстность. Такимъ образомъ, подобно Нилу, По, Миссисипи, Желтая рѣка во время большихъ разливовъ течетъ на уровнѣ болѣе высокомъ, нежели уровень сосѣднихъ равнинъ, и подъ вліяніемъ страха, у котораго всегда глаза велики, мѣстное населеніе не преминуло вообразить себѣ эту разность уровней гораздо болѣе значительной, чѣмъ какова она есть въ дѣйстви-

[1]) Klaproth;—Ritter;—Pumpelly.
[2]) Карлъ Риттеръ, „Азія“, т. IV.

[1]) Guppy, „Nature“, 23 sept. 1880.
[2]) Williamson, „Journeys in North China, Manchuria and Mongolia“.

тельности. Въ Италіи часто повторяли, да и теперь еще повторяютъ, что «воды По текутъ выше крышъ Феррары»; точно также китайскіе писатели, цитируемые Карломъ Риттеромъ, утверждаютъ, что во время половодья поверхность потока въ руслѣ Желтой рѣки превышаетъ на 11 чановъ, или на 33 метра, плоскость прибрежныхъ равнинъ! Это, конечно, большое преувеличеніе, но нельзя отрицать того, что въ періоды разливовъ происходитъ угрожающая разность уровней воды и суши, и жители страны принуждены тогда употреблять всѣ усилія, чтобы защитить свои дома, свои посѣвы и даже свою жизнь противъ выступленія изъ береговъ грозной стихіи.

Подобно прибрежнымъ обитателямъ По, Луары, Миссисипи, населеніе, сгруппированное по теченію Хуанъ-хэ, прибѣгло къ системѣ искусственныхъ плотинъ, чтобы сдерживать потокъ въ берегахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся магистральныя насыпи изъ глины, подпираемыя земляными отводами или контръ-плотинами, которыя, въ свою очередь, опираются на второстепенныя плотины. Выше города Кай-фынъ-фу, двѣ главныя плотины лѣваго берега, имѣющія не менѣе 22 метровъ высоты, тянутся параллельно рѣкѣ, на разстояніи 3.200 и 2.400 метровъ отъ естественнаго высокаго берега, и пространство, предоставленное водамъ разлива, между этими валами и рѣкой, разрѣзано на длинные прямоугольники поперечными плотинами [1]). Наиболѣе угрожаемыя прибрежныя мѣстности раздѣлены такимъ образомъ на многочисленныя перегородки, гдѣ задерживаются воды наводненія, и гдѣ земледѣльцы сѣютъ свое зерно и собираютъ свои жатвы въ промежутокъ между двумя послѣдовательными разливами. Прежде чѣмъ излиться въ открытую равнину, поднимающаяся вода должна прорваться черезъ нѣсколько валовъ: если хотя одинъ изъ нихъ, послѣдній, выдержитъ напоръ потока, то страна спасена отъ бѣдствія. Но вся эта сѣть боковыхъ плотинъ, надъ исправнымъ содержаніемъ и починкой которыхъ постоянно трудится масса рабочихъ, имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постепенное возвышеніе береговъ, какъ результатъ быстраго отложенія наносовъ въ упомянутыхъ перегородкахъ между насыпями. Соразмѣрно тому увеличивается разность высоты между рѣчнымъ уровнемъ и уровнемъ низменныхъ равнинъ; чѣмъ выше поднимаютъ плотины, тѣмъ болѣе угрожающей становится рѣка; опасность даже возрастаетъ пропорціонально усиліямъ, которыя дѣлаетъ населеніе, чтобы отвратить ее. Однако, когда Хуанъ-хэ, такъ сказать, «вноситъ» надъ прибрежными мѣстностями, можно прибѣгать къ прорытію каналовъ, которые уносятъ излишекъ водъ къ той или другой изъ болотистыхъ или озерныхъ впадинъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Янъ-цзы-цзяна, въ области Цзянъ-су: такъ, въ 1780 году императоръ Цянь-лунъ приказалъ выкопать въ пятнадцать мѣсяцевъ каналъ длиною около 100 километровъ, который отбросилъ половину Желтой рѣки въ озеро Хунъ-цзэ-ху [1]). Открытые во-время, эти водоотводные каналы могутъ предупредить образованіе прорывовъ; но перемѣны временъ года и колебанія рѣчнаго уровня не всегда могутъ быть предвидѣны, плотины не всегда и не вездѣ въ исправномъ состояніи, особенно въ эпохи междоусобій и гражданскихъ войнъ или вслѣдствіе нерадѣнія и постояннаго хищенія чиновниковъ, и потому нерѣдко случается, что рѣка то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ открываетъ себѣ брешь черезъ сдерживающія ее плотины, чтобы продолжать свою геологическую работу, преобразованіе равнины. Благодаря этимъ перемѣщеніямъ рѣчнаго ложа, почва наводняемыхъ мѣстностей повышается, посѣвы цѣлыхъ странъ потопляются разомъ, и милліоны людей дѣлаются жертвой голода. Въ то же время города и деревни смываются волной потока, ибо китайцы не догадались, какъ это дѣлали древніе египтяне и дѣлаютъ современные калифорнцы, строить свои группы жилищъ на искусственныхъ площадкахъ, поднимающихся выше уровня наводненія. Хуанъ-хэ до настоящей минуты осталась все той же Ни-хэ или «неисправимой рѣкой», какъ ее называютъ древніе китайскіе писатели [2]). Можетъ быть тоже намекая на его страшные разливы, и монголы дали этому «Бичу дѣтей Хань» прозвище Кара-мурэнь или «Черная рѣка», упоминаемое въ книгѣ Марко Поло. Прибрежныя населенія находятся во власти перваго начальника непріятельскаго войска или инсургентскихъ бандъ, который можетъ разрушить оборонительныя плотины. Въ 1209 году вторженіе водъ Хуанъ-хэ въ лагерь Чингисъ-хана было причиной одного изъ рѣдкихъ пораженій, которыя пришлось испытать этому завоевателю [3]). Въ 1642 году одинъ мандаринъ потопилъ 200.000 жителей въ городѣ Кай-фынъ-фу, а въ позднѣйшую эпоху императоръ Канъ-си предалъ смерти такимъ же способомъ полмилліона своихъ подданныхъ [4]).

Равнина, въ которой перемѣщаются послѣдовательно воды Желтой рѣки, обнимаетъ

[1]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann". IV, 1870.

[1]) Amiot, „Mémoires concernant l'histoire de Chinois", t. IX;—Carl Ritter, „Asien", t. IV.

[2]) Porter Smith, „Geographical Magazine", april 1873.

[3]) Дж. Плано Карпини, глава V;—D'Avezac, „Voyages et Mémoires publiés par la Société de Géographie de Paris", tome IV, 2-e partie.

[4]) Barrow, „Travels in China"; — Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи".

громадное пространство, простирающееся отъ устьевъ Бай-хэ до устьевъ Янъ-цзы-цзяна: такимъ образомъ рѣка, словно маятникъ, качается вправо и влѣво на протяженіи около 900 километровъ отъ сѣвера къ югу. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара мы не встрѣчаемъ примѣра столь значительныхъ перемѣнъ въ современной исторіи рѣкъ; чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ передвиженіяхъ теченія, опустошающихъ обширную область, равную по пространству Великобританіи, нужно вообразить, напримѣръ, Рейнъ переставшимъ течь къ Голландіи, ниже Кельна, и направляющимся черезъ равнины Сѣверной Германіи до нынѣшняго устья Вислы. Это происходитъ оттого, что Хуанъ-хэ, пройдя извилистой линіей свою аллювіальную равнину, засоренное наносами дно бывшаго моря, ударяется именно о западную оконечность горныхъ цѣпей полуострова Шань-дуна; потокъ его уклоняется либо вправо, либо влѣво отъ исполинскаго естественнаго мола, а искусственное повышеніе уровня рѣчныхъ водъ системой береговыхъ плотинъ еще болѣе увеличиваетъ силу, съ которою потокъ устремляется въ ту или другую сторону, чтобы преодолѣть препятствіе, являющееся въ видѣ порога, который раздѣляетъ въ этомъ мѣстѣ двѣ покатости равнины. Со временъ глубокой древности, съ миѳической эпохи императора Юй, жившаго, по словамъ лѣтописей, безъ малаго четыре тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ, частныя или полныя, перемѣны направленія теченія составляютъ одно изъ обыкновенныхъ явленій, отмѣчаемыхъ историками Желтой рѣки: нѣкоторые миссіонеры даже хотѣли видѣть «потопъ» въ одномъ изъ этихъ большихъ наводненій, на которыя, по ихъ выраженію, «жители равнины жаловались вздыхая». Въ періодъ послѣднихъ двадцати пяти столѣтій, начиная съ 600 года старой эры, нижній Хуанъ-хэ совершенно перемѣстился девять разъ [1]), вырывая себѣ одно или нѣсколькихъ новыхъ руслъ въ аллювіальной равнинѣ, и каждое изъ этихъ событій имѣло слѣдствіемъ частное запустѣніе и уменьшеніе населенности страны.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія теченіе Желтой рѣки направлялось на юго-востокъ, ниже города Кай-фынъ-фу, и изливалось въ море почти около середины разстоянія, отдѣляющаго полуостровъ Шань-дунъ отъ лимана Янъ-цзы-цзяна; кромѣ того, небольшой отдѣлявшійся потокъ или рукавъ катилъ воды, переходя изъ озера въ озеро, къ этой послѣдней рѣкѣ. Но въ 1852 году, въ эпоху, когда начались опустошенія тайпинговъ, прибрежные жители Хуанъ-хэ, переставъ поддерживать береговыя насыпи, тѣмъ самымъ позволили рѣкѣ открыть себѣ черезъ плотины ея лѣваго берега, близъ деревни Лунъ-мынь-коу, брешь, шириною въ полтора километра. Однако, старое ложе не совсѣмъ обсохло, и въ продолженіе двухъ лѣтъ новая рѣка, блуждая среди сѣверныхъ равнинъ, искала себѣ дорогу къ Чжилійскому заливу; только въ 1854 году перемѣна сдѣлалась окончательной. Съ этого времени Желтая рѣка текла на сѣверо-востокъ, безъ рѣчного русла во многихъ мѣстахъ, и сохраняя видъ постояннаго наводненія отъ 15 до 25 километровъ въ ширину, заимствуя въ другихъ мѣстахъ какой-нибудь каналъ, естественный или искусственный, который она старалась расширить и углубить соотвѣтственно своимъ размѣрамъ. Такъ въ нижней части своего теченія, она присвоила себѣ ложе Да-цинъ-хэ, до того времени независимой рѣки. На берегахъ покинутаго ложа, которое долго оставалось наполненнымъ лужами, сыпучими песками, низкимъ кустарникомъ, возвышались оборонительныя плотины, подобныя валамъ, и почти вездѣ превосходно сохранившіяся. Но если береговыя плотины продолжали стоять невредимыми, то большая часть прибрежныхъ селеній были обращены въ груды развалинъ, города опустѣли, поля превратились въ залежи и поросли дикой травой. Перемѣна теченія Хуанъ-хэ была двойнымъ бѣдствіемъ для края: съ одной стороны, воды затопили плодородныя земли, съ другой—онѣ покинули мѣстности, которыя не могутъ ничего производить безъ орошенія, и которыя обязаны были всѣмъ своимъ богатствомъ и населенностью плодотворнымъ ирригаціоннымъ каналамъ, проведеннымъ изъ рѣки. Непосредственное зло, которое надѣлало наводненіе въ мѣстностяхъ, пробѣгаемыхъ нынѣ Хуанъ-хэ, представляется маловажнымъ въ сравненіи съ вредомъ, который онъ причинилъ косвенно, удалившись съ песчаныхъ пространствъ, все плодородіе которыхъ происходило отъ присутствія его водъ. Оттого-то жители южной страны неоднократно ходатайствовали о томъ, чтобы перевели рѣку обратно въ ея старое канализованное русло, лежащее на 7 или на 8 метровъ выше ея новаго теченія [2]); но мало-по-малу населенія свыкаются съ совершившейся перемѣной, и въ то время, какъ покинутое ложе покрывается воздѣланными полями, умножающимися изъ года въ годъ, и мѣстами на немъ даже основались деревни [1]), нынѣшняя Хуанъ-хэ уже обведена боковыми плотинами на протяженіи болѣе 160 километровъ, и ея русло сдѣлалось болѣе правильнымъ, хотя ши-

[1]) Сочиненіе Чинху-вея, издан. въ 1705 г.;—E. Biot, „Journal Asiatique", 1834;—Raphael Pumpelly, „Geological Researches in China"; —Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1871;—D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".

[1]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", febr. 1870.

[2]) A. Williamson, цитированное сочиненіе; — Карта стараго русла Хуанъ-хэ, составленная Лифанбао.

рина его весьма различна, измѣняясь отъ 3 километровъ до 200 метровъ [1]). А сколько человѣческимъ жизней погубило это перемѣщеніе рѣчнаго теченія произведенными имъ опустошеніями и голодомъ, который былъ ихъ неминуемымъ слѣдствіемъ! Всѣ путешественники, которымъ случилось видѣть разрушенныя деревни, покинутые города, поля и нивы, покрытыя тиной или засыпанныя подвижнымъ пескомъ, исчисляютъ въ нѣсколько милліоновъ число жертвъ [2]). Въ 1870 году новое бѣдствіе угрожало странѣ: открылась трещина въ плотинѣ праваго берега, выше Кай-фынъ-фу; но успѣли во-время запереть ее. Этотъ разъ выступившія изъ береговъ воды приняли направленіе къ Голубой рѣкѣ черезъ рѣки Го-лоу-хэ и Ша-хэ и черезъ озеро Хунъ-цзэ-ху, на западъ отъ стараго ложа. *Въ сентябрѣ 1887 года случился другой прорывъ около города Чжэнъ-чжоу, и воды рѣки разлились по равнинамъ провинціи Хэ-нань и Ань-хой, затопивъ цѣлыя сотни деревень и городовъ. Послѣ этого китайское правительство энергически принялось за урегулированіе Хуанъ-хэ и, несмотря на доморощенныя средства китайской гидротехники, ей удалось исправить старыя и возвести новыя плотины, такъ что въ январѣ 1889 г. рѣка снова потекла въ сѣверо-восточномъ направленіи по старому руслу. По разсказамъ нѣкоторыхъ голландскихъ спеціалистовъ, изслѣдовавшихъ въ то время, по предложенію Лихунъ-чжана, рѣку, плотина, выстроенная китайцами на мѣстѣ прорыва, имѣла въ длину 2.200 метровъ, при наибольшей ширинѣ въ 400 и наименьшей въ 130 фут.; вышина же ея доходила до 17, въ иныхъ мѣстахъ до 33 фут. надъ уровнемъ рѣки. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что постройка плотины главнымъ образомъ затруднялась весьма быстрымъ теченіемъ въ самомъ прорывѣ и глубиною воды въ 100 фут. Голландцы по этому поводу совершенно справедливо замѣчаютъ, что увѣнчанныя такимъ успѣхомъ работы возбудили ихъ удивленіе въ высшей степени [3]).* Кажется, впрочемъ, что посредствомъ боковыхъ просачиваній и маленькихъ трещинъ, образующихся то на правой, то на лѣвой сторонѣ, Хуанъ-хэ не перестаетъ быть данникомъ рѣкъ Янъ-цзы-цзяна, Хуай-хэ и Бай-хэ. Путешественниковъ поражаетъ сильное уменьшеніе объема водъ, которое представляетъ Желтая рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи у Ци-хэ, близъ Цзи-нань-фу; ее едва можно сравнивать съ могучей массой воды, которая течетъ выше Кай-фынъ-фу, при выходѣ потока изъ области холмовъ; мостъ, построенный на бывшей рѣкѣ Да-цинъ-хэ, еще высовываетъ изъ воды остатки своихъ восьми быковъ на трехъ четвертяхъ ширины Хуанъ-хэ: большая часть рѣчнаго объема потерялась по дорогѣ въ озерахъ, въ болотахъ, въ подземныхъ ручьяхъ [4]).

По изслѣдованіямъ N. Elias'a, Желтая рѣка раздѣлялась выше Императорскаго канала на протяженіи болѣе ста верстъ на два рукава, Южный изъ нихъ впослѣдствіи отгородили на обоихъ концахъ его плотинами, и въ настоящее время, говорятъ, онъ совсѣмъ высохъ. Относительно устья слѣдуетъ еще замѣтить, что въ половинѣ 1889 года образовалось новое, начинающееся приблизительно въ 5 верстахъ выше Тѣ-мынь-гуаня и направляющееся на востокъ къ морю [2]).

Въ сосѣдствѣ Чжилійскаго залива, рѣка блуждаетъ между болотистыми пространствами, которыя, очевидно, суть не что иное, какъ недавно выступившее изъ-подъ воды морское дно. Городъ Пу-тай, который двѣ тысячи сто лѣтъ назадъ тому, какъ говорятъ, лежалъ въ 500 метрахъ отъ моря, теперь находится на разстояніи 70 километровъ отъ морскаго берега [3]). Окружающія земли еще насыщены солью, и жители города Тѣ-мынь-гуаня посредствомъ простаго промыванія получаютъ соль сноснаго качества. Послѣдняя группа жилищъ на Желтой рѣкѣ возвышается на раковистомъ пригоркѣ, который нѣкогда былъ островкомъ и даетъ убѣжище рѣзальщикамъ камыша и буддійскимъ монахамъ недавно сооруженной кумирни. Купеческія джонки должны останавливаться въ морѣ передъ баромъ, не потому, чтобы онъ былъ не переходимъ, такъ какъ даже при низкой водѣ отлива глубина не менѣе 2 метровъ, но потому, что рѣка слишкомъ узка и суда не могутъ въ ней свободно маневрировать. Маленькіи барки перевозятъ товары съ морскихъ джонокъ въ укрѣпленный портъ Тѣ-мынь-гуань, лежащій въ 40 километрахъ выше рѣчнаго устья. Это почти все судоходство, которое производится на Хуанъ-хэ, рѣкѣ неуправимой. Ею пользуются только для установленія паромовъ, которые отъ одного берега до другаго употребляютъ во многихъ мѣстахъ цѣлые часы опасной переправы, и которые отталкиваются при помощи багра или длиннаго шеста, упирающагося въ дно, лежащее на разстояніи отъ 1 до 2 метровъ отъ поверхности; большія глубины находятъ только у подошвы крутыхъ, обвалившихся вслѣдствіе размыванія, береговъ. Во всемъ бассейнѣ нижняго Хуанъ-хэ, и особенно въ провинціи Хэ-нань, ручная одноколесная телѣжка составляетъ главное средство перевозки тяжестей, и въ нѣко-

[1]) Morrison, „Proceedings of the Geographical Society of London", febr. 1879.
[2]) Ney Elias; — Lockhard; — Sherard Osborne; — Macgowan.
[3]) Ney Elias, цитированный мемуаръ.
[1]) Ney Elias; — A. Williamson, цитированныя сочиненія.
[2]) См. Веберъ, „Алф. указатель географ. именъ къ картѣ сѣв.-вост. Китая", первое примѣчаніе, на стр. 7.
[3]) Raphael Pumpelly, цитированный мемуаръ.

торыхъ округахъ, откуда отправляютъ каменный уголь и соль, катальщики тачекъ имѣютъ монополію пользованія дорогой въ продолженіе цѣлаго дня: только ночью могутъ проѣзжать повозки и другіе экипажи [1]). Когда дуетъ попутный вѣтеръ, всѣ эти тачки, распустившія паруса и слѣдующія одна за другой нескончаемой вереницей, представляютъ въ высшей степени курьезное зрѣлище. Верхній Хуанъ-хэ, въ провинціи Гань-су, былъ бы судоходенъ для барокъ, но китайцы этого края, въ противоположность своимъ соотечественникамъ, жителямъ береговъ Голубой рѣки предпочитаютъ носить на себѣ свои продукты, вмѣсто того, чтобы перевозить ихъ водой [2]).

Императорскій каналъ, о которомъ такъ часто говорятъ европейскіе писатели, особенно писатели прошлаго столѣтія, есть одно изъ чудесъ человѣческой индустріи, впрочемъ, менѣе необычайное или грандіозное, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Этотъ судоходный путь не есть, какъ наши европейскіе каналы, напримѣръ, Южный каналъ (canal du Midi) во Франціи или Готскій каналъ въ Швеціи, траншея, разрѣзывающая горы отъ одного до другаго склона, поднимающаяся послѣдовательными ступенями съ одной стороны и снова спускающаяся такими же уступами на другомъ скатѣ, это просто рядъ покинутыхъ рѣчныхъ ложъ, озеръ, болотъ, соединенныхъ другъ съ другомъ незначительными прокопами. Оттого этотъ каналъ почти вездѣ сохранилъ видъ рѣки съ извилистымъ русломъ и неравной ширины. Какъ разсказываетъ Марко Поло, императору Хубилаю, жившему въ тринадцатомъ столѣтіи, нужно было только соединить рѣку съ рѣкой и болото съ болотомъ, чтобы устроить судоходный путь, Юнь-хэ или «Рѣку транспортовъ». Впрочемъ, задолго до этой эпохи, ладейщики перевозили товары изъ бассейна Янъ-цзы-цзяна въ бассейнъ Бай-хэ, но они должны были выгружать свои барки во многихъ мѣстахъ и съ большимъ трудомъ продолжать перевозку пѣшкомъ черезъ волоки. Смотря по перемѣнамъ наводненій и спада водъ, путь приходилось то и дѣло перемѣщать: никогда маршрутъ, по которому нужно было слѣдовать между Голубой рѣкой и сѣверными провинціями Китая, не былъ въ точности тотъ же самый. Но хотя положеніе и направленіе Большаго канала было напередъ указано озерами, болотами и потоками или рукавами, выдѣляющимися изъ рѣкъ, и хотя имъ пользовались въ большей или меньшей мѣрѣ во всѣ времена, тѣмъ не менѣе трудъ, потраченный на устройство и содержаніе этого судоходнаго пути, былъ по истинѣ громаденъ: нужно считать милліонами работниковъ, которые слѣдовали одни за другими на берегахъ Юнь-хэ, трудясь надъ сооруженіемъ береговыхъ плотинъ, чисткой дна при помощи земечерпальныхъ снарядовъ, регулированіемъ теченія посредствомъ шлюзовъ, перемѣщеніемъ потока у подходовъ къ озерамъ, открытымъ всей ярости вѣтровъ [1]). Весьма вѣроятно, что настоящій каналъ, вырытый правильно и окончательнымъ образомъ, какъ европейскіе каналы, потребовалъ бы гораздо меньше затратъ и усилій. Питательныя воды доставляются въ изобиліи самимъ Хуанъ-хэ, различными притоками и рѣками полуострова Шань-дунъ, особенно рѣкой Вынь-хэ или Да-вынь-хэ, которая дѣлится на два потока или рукава на водораздѣльномъ порогѣ: часть ея водъ спускается на сѣверъ къ нынѣшнему теченію Хуанъ-хэ и къ Чжилійскому заливу; другая часть, наиболѣе обильная по Вильямсону, изливается на югъ въ направленіи къ Янъ-цзы-цзяну: храмъ, воздвигнутый въ честь «Царя драконовъ водораздѣла», господствуетъ надъ берегомъ въ этомъ чтимомъ, какъ святыня, мѣстѣ [2]). Извѣстно, что въ послѣднія времена «Рѣка транспортовъ» много утратила свою важность, и теперь даже барка не можетъ пройти ее на всемъ протяженіи; тутъ наносы наполнили траншею, тамъ плотины обрушились, и вода разлилась широко въ видѣ болотъ; мѣстами каналъ представляетъ просто рядъ лужъ. Благодаря пару, снабженіе Пекина и сѣвернаго Китая жизненными припасами производится отнынѣ моремъ, и каналізованный водный путь, проходящій внутри земель, не имѣетъ уже той цѣны, какъ прежде, для общей торговли страны. Но онъ все еще очень полезенъ для мѣстнаго движенія торговаго обмѣна, и послѣ лѣтнихъ дождей, когда уровень рѣкъ поднимается, джонки съ рисомъ цѣлыми караванами, въ нѣсколько сотъ вымпеловъ каждый, отправляются по каналу на сѣверъ.

Количество протекающей въ Хуанъ-хэ воды, которое такъ важно было бы знать, до сихъ поръ еще не было измѣрено, ибо исчисленіе Стонтона, въ 1792 году, сдѣланное во время переправы черезъ Большой каналъ, примѣнялось къ части рѣки, гдѣ потеря жидкости путемъ просачиванія уже весьма значительна, и не представляло никакихъ данныхъ для сравненія рѣчныхъ стоковъ въ разныя эпохи года. Это исчисленіе даетъ для стока Хуанъ-хэ въ цѣломъ только 3.284 кубическихъ метра въ секунду: это почти такой же объемъ воды, какой найденъ для Нила, и треть объема, протекающаго въ Дунаѣ; но весьма вѣроятно, что

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.
[2]) Huc, „Empire Chinois".

[1]) Сѣверная часть канала построена въ 1289 году, южная же между Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяномъ существовала еще за 5 вѣковъ до Рождества Христова.
[2]) Staunton, „Embassy"; — Ney Elias, цитированный мемуаръ; — Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи".

средняя величина теченія въ Желтой рѣкѣ гораздо значительнѣе. *По отзыву голландскихъ техниковъ, вода, добытая ими 14 (26) апрѣля 1889 г. у самаго берега рѣки около города Сышуй-сяня, въ глубинѣ 1,75 метровъ подъ поверхностью и 0,5 метровъ надъ дномъ рѣки, содержала въ себѣ 3.708 граммъ ила на одинъ кубическій метръ; въ водѣ, взятой 9 (21) мая того же года противъ города Ци-хэ-сяня въ срединѣ рѣки и съ поверхности ея, оказалось даже 5.629 граммъ ила на одинъ кубическій метръ. Въ нижнемъ Дунаѣ имѣется всего лишь отъ 354 до 2.151 граммъ ила въ кубическомъ метрѣ воды, смотря по времени года [1])*. Какъ бы то ни было, масса воды, содержащей большое количество твердыхъ землистыхъ частицъ, достаточна для того, чтобы способствовать каждый годъ замѣтнымъ образомъ уменьшенію водной площади Чжилійскаго залива и Желтаго моря. Въ продолженіе тридцати лѣтъ своего новаго теченія въ сѣверномъ направленіи Хуанъ-хэ отложеніемъ своихъ осадковъ заставилъ линію береговъ чувствительно выдвинуться впередъ и захватить полосу залива. Точно также старое мѣсто впаденія въ Хуанъ-хай или Желтое море обозначено выступомъ прибрежья, и тинистыя мели далеко выдвигаются въ море. По вычисленіямъ, болѣе или менѣе приблизительнымъ, Стонтона и Барро, наносы Желтой рѣки достаточны, чтобы образовать въ продолженіе двадцати пяти дней островъ пространствомъ въ одинъ квадратный километръ и средней толщиной въ 36 метровъ. Согласно исчисленію тѣхъ же авторовъ, все Желтое море должно исчезнуть отъ этихъ наносовъ въ 24.000 лѣтъ, какъ уже исчезли внутреннія моря на западѣ отъ полуострова Шань-дунъ; но Желтое море немного болѣе глубоко, чѣмъ принимаютъ названные англійскіе писатели: по новѣйшимъ морскимъ картамъ, средняя глубина составляетъ около 40 метровъ [2]). Плаваніе очень опасно на этомъ мелководномъ морѣ, усѣянномъ мелями, гдѣ судно поднимаетъ волны тины своимъ килемъ или движеніемъ своего винта, и гдѣ господствуютъ частые туманы: мореплаватели часто не могутъ найти дорогу иначе, какъ при помощи постоянныхъ промѣровъ морскаго дна. Нужно замѣтить, что названіе «Желтое море» китайцы строго ограничиваютъ морскими водами, мутимыми рѣчными наносами; области, гдѣ вода опять принимаетъ чистый цвѣтъ, извѣстны у нихъ подъ именемъ «Чернаго моря».

Обширныя равнины, отдѣляющія низовья Хуанъ-хэ отъ Янъ-цзы-цзяна, орошаются медленно текущими водами, Хуай-хэ, которую едва-ли даже можно разсматривать какъ независимую рѣку, несмотря на большую длину ея теченія и обиліе въ ней жидкой массы; въ продолженіе ряда вѣковъ рѣка эта не переставала блуждать въ ту и другую сторону по равнинамъ, отыскивая себѣ окончательное ложе. Часто она бывала простымъ притокомъ Хуанъхэ, въ другіе разы она впадала въ Янъ-цзы-цзянъ или дѣлилась между этими двумя рѣками; въ настоящее время она несетъ свои осадки въ озеро Хунъ-цзэ-ху и въ другіе озерные бассейны, остатки древняго залива, который продолжался на сѣверѣ, изолируя горы полуострова Шань-дунъ, и который рѣчные наносы, можетъ быть, частью также медленное поднятіе почвы, отдѣлили отъ открытаго моря. Вытекающая изъ озера Хунъ-цзэ-ху рѣка, которой оставили названіе Хуай-хэ, есть не что иное, какъ старое русло Хуанъ-хэ.

Горы и плоскогорья, которыя дали матеріалъ для наносовъ Желтой рѣки, и которыхъ обломки соединили островные массивы Шаньдуна съ твердой землею, еще достаточно высоки для того, чтобы продукты поверхностнаго обнаженія ихъ каменныхъ породъ могли наполнить современемъ Желтое море и преобразовать въ полуостровъ Японскій архипелагъ. Могучія цѣпи, примыкающія на западѣ къ тибетскимъ нагорьямъ и большимъ массивамъ, составляютъ водораздѣльную возвышенность между бассейнами Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяномъ, а далѣе на сѣверъ слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе, менѣе высокіе хребты, внѣшнія ступени террасъ Монголіи.

Главная цѣпь, которая можетъ быть разсматриваема, какъ восточное продолженіе Куэнь-луня, отдѣлена отъ горныхъ кряжей Кукунора глубокимъ ущельемъ, на днѣ котораго струится ручей, выростающій впослѣдствіи въ могучую Хуанъ-хэ. Извѣстный подъ различными именами, смотря по рѣкамъ, которыя изъ него вытекаютъ, по населеніямъ, которыя живутъ въ его долинахъ, по городамъ, которые выстроились у его подошвы, этотъ горный хребетъ вообще обозначается, на югѣ отъ города Лань-чжоу-фу, наименованіемъ Сицзинъ-шань. Прерываемый брешью, черезъ которую проходитъ Тао-хэ, одинъ изъ верхнихъ притоковъ Желтой рѣки, онъ опять поднимается на востокѣ, продолжая на югѣ отъ глубокой долины рѣки Вэй-хэ свой гребень, увѣнчанный снѣговыми пиками. Въ этой части своего протяженія онъ получилъ названіе Цинъ-линъ или «Голубыхъ горъ». На сѣверъ отъ города Хань-чжунъ-фу, въ высокой долинѣ рѣки Хань можно переходить эту цѣпь перевалами, удобными для ѣзды на мулахъ въ продолженіе всего года; тотъ изъ этихъ проходовъ, который выбралъ натуралистъ Арманъ Давидъ, во время своего путешествія зимой 1873 года, открывается на высотѣ 1.900 метровъ и огибаетъ на западѣ знаменитую гору Да-ба-шань. Путники, проѣзжающіе по рав-

[1]) Веберъ, „Алфавитный указатель къ картѣ Китая".
[2]) Gupry, „Nature", 23 sept. 1880.

первымъ занявшимъ ихъ осѣдлымъ жителямъ какъ почва по преимуществу, и цвѣтъ ихъ сдѣлался символомъ Земли, взятой въ совокупности. Извѣстно, что, по гипотезѣ Рихтгофена, Хуанъ-ту или желтоземъ, означаемый имъ подъ нѣмецкимъ названіемъ лесъ (Löss), какъ аналогичныя формаціи береговъ Дуная и Рейна, есть не что иное, какъ скопленіе пыли, нанесенной въ теченіе вѣковъ сѣверными вѣтрами; изъ года въ годъ, въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій, слои глины все болѣе и болѣе наростали, но не настолько быстро, чтобы заглушать растительность или препятствовать развитію животной жизни; обломки растеній, листья, корни и т. п., далѣе сухопутныя раковины, остатки животныхъ, словомъ всякія органическія вещества склеивались съ новой землей въ сплоченную массу, тогда какъ на поверхности безпрестанно вновь образовывался растительный коверъ, орошаемый во всѣхъ направленіяхъ ирригаціонными канавами, которыя вырываютъ китайскіе земледѣльцы. Во всякомъ случаѣ можно утверждать съ увѣренностью, что желтоземъ не глетчернаго происхожденія, такъ какъ вмѣсто того, чтобы быть просто скученнымъ сплошной массой, какъ мореновыя глины, онъ съ верху до низу пробуравленъ вертикальными и развѣтвляющимися во всѣ стороны дырами: это, очевидно, пустые промежутки, оставленные корнями растеній, которые были постепенно занесены пылью. Хуанъ-ту не отложенъ слоями, подобными осадкамъ, приносимымъ рѣками или ручьями; онъ не содержитъ также морскихъ ископаемыхъ, которыя бы свидѣтельствовали о затопленіи страны водами океана. Во многихъ мѣстахъ замѣтно, что скопленія «желтозема» были смыты и унесены текучими водами въ замкнутые бассейны озеръ, гдѣ они образуютъ пласты, совершенно отличные отъ первоначальныхъ слоевъ какъ по виду, такъ и по содержащимися въ нихъ ископаемымъ органическимъ остаткамъ.

На плоскогорьяхъ, окруженныхъ гористыми закраинами или краевыми цѣпями, задерживающими истеченіе водъ, «желтая земля» простирается однообразнымъ слоемъ неизвѣстной толщины, но вездѣ, гдѣ какая-нибудь брешь въ горной оградѣ позволяла совершаться работѣ размыванія, огромные овраги съ перпендикулярными стѣнами открываются въ глинистой массѣ. Вода, быстро уходящая въ безчисленныя пустоты, оставленныя корнями растеній, разрыхляетъ мало-по-малу землю и дѣлитъ ее на вертикальныя плоскости или стѣны. Изъ нихъ наиболѣе подверженныя разрушительному дѣйствію стихіи обрушиваются всей массой, и этимъ то способомъ образуются обрывистые утесы, разрѣзанные по всѣмъ направленіямъ, смотря по неровностямъ поверхности; въ результатѣ получается цѣлый лабиринтъ проходовъ или узкихъ коридоровъ, открывающихся въ глубинахъ почвы между перпендикулярными стѣнами. Сѣверныя плоскогорья все болѣе и болѣе размываются водами; образовавшіяся уже промоины и овраги съ каждымъ годомъ продолжаютъ все далѣе свою первоначальную трещину и все болѣе расширяются при выходѣ ихъ въ равнину; отъ прежняго горизонтальнаго слоя во многихъ мѣстахъ остались только простыя террасы, вершины выступовъ горъ и бастіоновъ. Иногда процессъ размыванія происходитъ въ самыхъ глубинахъ земли, вслѣдствіе постепеннаго просачиванія воды; образуются подземныя галлереи путемъ проваловъ почвы, и вдругъ верхніе слои земли обрушиваются, оставляя по себѣ отверстія, похожія на колодцы. Въ другихъ мѣстахъ грани земли обваливаются съ каждой стороны плоскогорья, такъ что оставляютъ только стѣны, висящія между двухъ пропастей; эти стѣны, въ свою очередь, тоже уступаютъ тамъ и сямъ разрушительному дѣйствію воды и воздуха, и скоро отъ нихъ остаются только отдѣльные отрывки, похожіе по виду на феодальныя крѣпости западной Европы. Можетъ быть, процессъ размыванія нигдѣ не произвелъ болѣе странныхъ, болѣе причудливыхъ пейзажей, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ «желтая земля» приняла форму памятниковъ, нагроможденныхъ одинъ на другой, какъ башни Вавилонскаго столпотворенія. При первомъ взглядѣ можно подумать, что всѣ эти глиняныя террасы представляютъ собою плоскости напластованія, подобныя тѣмъ, какія образуютъ воды въ отлагаемыхъ ими горныхъ породахъ; но, въ этихъ мѣстахъ, желтая земля сохранила свое обыкновенное строеніе, и раздѣльныя плоскости обозначены либо известковыми сростками, либо сухопутными раковинами или тонкими слоями обломковъ, которые покрывали пыльную равнину въ различныя эпохи. Общая толщина желтозема, обнаруживаемая обнаженіемъ краевъ вслѣдствіе размыванія, достигаетъ по меньшей мѣрѣ 600 метровъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая; изъ этого видно, какими громадными запасами глины располагаетъ Желтая рѣка, чтобы образовывать изъ нихъ новыя земли, которыя она отлагаетъ въ низменныхъ равнинахъ и въ морѣ!

Во многихъ округахъ области желтыхъ земель всѣ обитатели страны живутъ во внутренности почвы. Глинистая масса, достаточно крѣпкая, чтобы не обрушиться на головы находящихъ въ ней пріютъ, изрыта внутри безчисленными галлереями; даже публичныя зданія и трактиры подземныхъ деревень вырыты въ желтоземѣ. Почти вездѣ отверстія, сдѣланныя въ желтоватой стѣнѣ, указываютъ на существованіе колоній людей и домашнихъ животныхъ въ пещерахъ глиняныхъ горъ. Богатые троглодиты заботливо украшаютъ фасады своихъ пещерныхъ жилищъ; колоннады, вы-

ступающія крыши, балконы, кіоски, слѣдуютъ другъ за другомъ по ступенямъ естественной лѣстницы. Тамъ и сямъ огромная глыба глины, совершенно уединенная, высится словно башня между глубокими промоинами; на вершинѣ этихъ призмъ туземцы выстроили укрѣпленные храмы, въ которые они и укрываются во время междоусобной войны, взбираясь по лѣстницамъ, изсѣченнымъ во внутренности массива. Копая землю для своихъ проходовъ и жилищъ, пещерные обыватели часто находятъ кости мамонтовъ или другихъ большихъ животныхъ; они твердо увѣрены, что эти кости принадлежали земному дракону, и немедленно превращаютъ ихъ въ порошокъ, употребляемый какъ лѣкарство для всѣхъ болѣзней [1]).

«Желтоземъ» — самая плодородная почва, какою только обладаютъ китайскіе земледѣльцы; онъ даже гораздо плодороднѣе аллювіальныхъ (наносныхъ) земель, такъ какъ эти послѣднія въ концѣ концовъ все-таки истощаются, и тогда нужно обновлять ихъ производительную силу искусственнымъ удобреніемъ, между тѣмъ какъ Хуанъ-ту производитъ жатвы непрерывно каждый годъ, и уже съ незапамятныхъ временъ безъ того, чтобы необходимо было прибѣгать къ помощи навоза. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ города Си-ань-фу террасы, плодородіе которыхъ лѣтописи прославляли уже четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, сохранили свою прозводительную силу до сего дня, и лишь бы только выпадали дожди въ достаточномъ количествѣ, урожаи тамъ всегда великолѣпны. Это объясняется тѣмъ, что «желтоземъ» содержитъ всѣ питательные элементы растеній; благодаря своему пористому строенію, онъ пропускаетъ влагу до большой глубины въ почвѣ и позволяетъ ей обратно подниматься къ поверхности дѣйствіемъ капилярности, насыщенною химическими веществами въ растворѣ; растительные организмы постоянно получаютъ свое нормальное питаніе. Желтая земля служитъ даже удобреніемъ полямъ, которыя ея не имѣютъ; для этой цѣли отъ глиняныхъ стѣнъ отбиваютъ толстыя грани, обломки которыхъ переносятся на сосѣднія пашни. Но обыкновенно граница хуанъ-ту есть въ то же время и граница земледѣльческой территоріи, и, съ другой стороны, хлѣбопашецъ утилизируетъ повсюду этотъ грунтъ, даже на значительныхъ абсолютныхъ высотахъ. Тогда какъ подъ теплымъ климатомъ полуденнаго Китая рѣдко гдѣ увидишь запаханныя пространства выше 600 метровъ надъ уровнемъ моря; поля, засѣянныя хлѣбными растеніями, поднимаются съ террасы на террасу до высоты 2.000 метровъ подъ суровымъ небомъ верхняго Шань-си, и даже тамъ и сямъ, въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ, куски «желтозема» воздѣлываются на высотѣ 2.400 метровъ. Нѣкоторыя области хуанъ-ту представляютъ въ своемъ наружномъ видѣ любопытный контрастъ, смотря по мѣсту наблюденія, на которое становится зритель. Если смотрѣть снизу, то не замѣчаешь ничего, кромѣ желтоватыхъ стѣнъ; но когда станешь подниматься со ступени на ступеню до верхняго этажа, то будешь имѣть передъ глазами только уступы, покрытые зеленью. Именно съ той цѣлью, чтобы не терять ни одного клочка драгоцѣнныхъ земель поверхности, благоразумный китайскій крестьянинъ и рѣшился вырыть себѣ жилище во внутренности глинистой массы; обыкновенно онъ живетъ со своей семьей подъ своими собственными нивами; ему стоитъ только подняться на нѣсколько ступенекъ, чтобы очутиться на открытомъ воздухѣ, среди своихъ полей [1]).

Китайцы выказали удивительное искусство, чтобы восторжествовать надъ препятствіями, которыя вертикальныя стѣны «желтой земли» противопоставляли сообщеніямъ: чтобы пройти изъ одного бассейна въ другой, имъ нужно утилизировать узкія трещины въ глинистой массѣ, прокапывать глубокія траншеи, даже совершенно переносить дорогу на другое мѣсто, когда образовались новые овраги. Нѣкоторые изъ наиболѣе посѣщаемыхъ путей не слѣдуютъ по крутымъ поворотамъ корридоровъ и не поднимаются на промежуточныя плато; они идутъ по выкопаннымъ траншеямъ, глубина которыхъ измѣняется отъ 10 до 30 метровъ; совокупность этихъ прокоповъ представляетъ гигантскій трудъ, по меньшей мѣрѣ столь же значительный, какъ громадная работа, употребленная на сооруженіе Великой стѣны или прорытіе Императорскаго канала. Заключенные, словно въ ящикѣ, между вертикальными стѣнами, надъ которыми пыльное небо кажется узкой желтоватой полосой, эти дороги продолжаются на сотни километровъ какъ глубокіе рвы во внутренности почвы; имѣя въ ширину самое большее 2 или 3 метра, онѣ даютъ проходъ только одной повозкѣ заразъ, и два экипажа нигдѣ не могли бы разъѣхаться; поэтому извозчики, пускающіеся по этимъ корридорамъ, все время испускаютъ протяжные крики, съ цѣлью предупредить путниковъ, ѣдущихъ или идущихъ въ противоположномъ направленіи, чтобы они сторонились въ боковыхъ закоулкахъ, предназначенныхъ для разъѣзда [2]). Въ сухое время колеса экипажей тонутъ въ пыли «какъ въ водѣ»; послѣ дождей они глубоко вязнутъ въ грязи; дорога превращается въ сплошную топь, грозящую погло-

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".

[1]) F. von Richthofen, „China"; различные мемуары.

[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine";—„Bulletin de la Société de Géographie de Paris", oct. 1878.

тить пѣшеходовъ и лошадей: убитый грунтъ дорогъ, утративъ свою естественную скважность, не пропускаетъ болѣе воду въ глубины, и оттого колеи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются наполненными жидкой грязью. Несмотря на всѣ затрудненія, представляемыя этими дорогами, ихъ невозможно избѣгнуть, когда нужно углубиться вправо или влѣво на лабиринтъ овраговъ. Отсюда происходитъ стратегическая важность дорогъ въ этомъ краѣ; достаточно въ нѣкоторыхъ округахъ охранять какое-нибудь дефиле, чтобы сдѣлать сообщенія отъ одного склона до другаго совершенно невозможными для всякой непріятельской силы. Но когда шайки мятежниковъ или разбойниковъ поселятся въ лабиринтѣ овраговъ, которыхъ они знаютъ выходы, то чрезвычайно трудно съ ними справиться. Въ исторіи Китая очень многіе факты могутъ быть объяснены только особеннымъ образованіемъ «желтой земли».

Эти горы, нижніе скаты которыхъ покрыты глинистыми массами желтозема, принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ по запасамъ ископаемаго угля. Жирный уголь и антрацитъ находятъ во всѣхъ провинціяхъ, по которымъ протекаютъ притоки Желтой рѣки: въ Чжи-ли, Шань-дунѣ, Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, Хэ-нань, и нѣкоторыя изъ мѣсторожденій залегаютъ вблизи береговъ рѣкъ, такъ что добытый уголь очень удобно можетъ быть отправляемъ къ приморскимъ портамъ по Хуанъ-хэ или по развѣтвленію Большаго канала. Бассейны антрацита въ провинціи Хэ-нань, по Рихтгофену, занимаютъ площадь пространствомъ болѣе 53.000 квадратныхъ километровъ. Одинъ изъ самыхъ производительныхъ земледѣльческихъ странъ, бассейнъ Желтой рѣки обѣщаетъ сдѣлаться со временемъ одною изъ самыхъ дѣятельныхъ промышленныхъ областей, благодаря своимъ огромнымъ скопленіямъ минеральнаго топлива, въ сравненіи съ которыми каменноугольныя копи Великобританіи являются маловажными бассейнами.

Изъ всѣхъ частей Срединнаго царства провинціи по Желтой рѣкѣ наименѣе извѣстны въ отношеніи степени населенности, и для нихъ всего рискованнѣе было бы хотѣть указать хотя бы только приблизительную цифру населенія, такъ какъ эти страны, гдѣ получило начало магометанское возстаніе, были болѣе другихъ опустошены гражданской войной, и вдобавокъ тамъ къ злодѣяніямъ людей присоединились еще естественныя бѣдствія, наводненія и засухи, моровшія голодомъ несчастныхъ, которые были пощажены междоусобной рѣзней. Извѣстно, однако, что труды колонизаціи снова завоевали большую часть опустошенной области; всѣ путешественники говорятъ, что города и деревни опять отстраиваются и заселяются; даже, благодаря введенію культуры картофеля, возвышенныя долины, гдѣ прежде никогда не было человѣческихъ поселеній, теперь покрываются многочисленными колоніями. Если возрастаніе населенія будетъ продолжаться въ той же пропорціи, то всѣ пробѣлы пополнятся въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и болѣе восьмидесяти милліоновъ людей опять будутъ жить въ бассейнѣ Желтой рѣки такъ же скученно, какъ они жили въ половинѣ настоящаго столѣтія до гражданскихъ войнъ и прорыва плотинъ при городѣ Кай-фынъ-фу.

Населеніе китайскаго Гань-су, Хэ-нани Шэнь-си и Шань-си по переписи 1882 года распредѣляется такъ:

Провинціи.	Пространство въ кв. геогр. миляхъ по Матусовскому	Населеніе.	На одну кв. милю.
Гань-су	5.910,38	5.000.000	846
Хэ-нань	3.206,84	22.115.827	6.898
Шэнь-си ..	3.540,47	8.432.193	2.381
Шань-си ...	3.846,14	12.211.453	3.174
Итого въ 4 пров.	16.503,83 кв. г. м.	47.759.473 д.	3.326 д.

Города, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ по направленію отъ юга къ западу, въ дефиле, соединявшемъ нѣкогда двѣ области Гань-су, суть окруженные стѣнами города Лянъ-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу, основанные въ эпоху первой колонизаціи края, за двадцать столѣтій до нашихъ дней; эти два послѣдніе города—главные административные пункты округовъ Гань и Су, изъ соединенія именъ которыхъ образовалось названіе провинціи. Гань-чжоу между всѣми городами страны есть одинъ изъ тѣхъ, которые всего скорѣе оправились отъ разоренія, постигшаго ихъ во время междоусобной войны, и его новые дома весело глядятъ среди зеленѣющихъ полей. Лянъ-чжоу, еще многолюдный и торговый городъ, и мало найдется въ Китаѣ городовъ, которые содержались бы въ большей чистотѣ и порядкѣ; впрочемъ, только та часть города, которая заключается въ послѣдней оградѣ, представляетъ этотъ видъ дѣятельности и благосостоянія. Другая половина Лянъ-чжоу, находящаяся между первой и второй стѣной, есть не болѣе, какъ груда развалинъ. Осматривая окрестности съ высоты городскихъ валовъ, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ множество маленькихъ крѣпостей, которыя высятся повсюду, на берегу ручьевъ, въ долинахъ, на вершинахъ холмовъ. Эти недавно возведенныя укрѣпленія суть не что иное, какъ жилища крестьянъ, вернувшихся въ край со времени прекращенія возстанія дунганъ; деревенскіе жители принимаютъ мѣры предосторожности противъ новыхъ нападеній этого рода, въ надеждѣ, что, запершись въ своихъ укрѣпленныхъ убѣжищахъ, они будутъ въ безопасности и могутъ спокойно смотрѣть на мимо несущійся потокъ завоевате-

лей или инсургентовъ [1]). Су-чжоу, построенный на рѣкѣ Да-гоу-хэ, притокѣ Тао-лай, былъ прежде сторожевымъ городомъ имперіи; но въ 1872 году, послѣ обратнаго взятія этого города китайцами, въ немъ не оставалось ни одного цѣлаго дома: голыя стѣны высились среди необозримаго поля развалинъ, представлявшихъ тѣмъ болѣе печальное зрѣлище, что ни одно дерево, ни одинъ кустикъ не успѣли еще вырости на грудахъ мусора.

Городъ имѣетъ важное торговое значеніе, такъ какъ расположенъ на главномъ торговомъ пути. Съ 1881 года городъ считается открытымъ для русской торговли, а въ 90-хъ годахъ черезъ него былъ проведенъ изъ Пекина до границы телеграфъ.

Непосредственно къ западу отъ города Сучжоу, на другой сторонѣ рѣки Тао-лай открывается, въ узкомъ дефиле, знаменитый проходъ Цзя-юй-гуань или «Нефритовыя ворота», названный такъ потому, что онъ даетъ доступъ къ дорогѣ въ Хотанъ, ту страну, куда китайскіе купцы ходили собирать этотъ драгоцѣнный камень; но названіе «ворота» не значитъ, какъ это обыкновенно думаютъ, что тутъ граница пустыни, ибо по обѣ стороны дороги видны еще кусты и пучки травы; въ текучихъ водахъ тоже нѣтъ недостатка, и по берегамъ этихъ ручьевъ растутъ тополи и плакучія ивы. Два столѣтія спустя послѣ Марко Поло, перваго европейскаго путешественника, который доходилъ до пустыни черезъ Лобъ-норъ и Черченъ, португальскій миссіонеръ Бенедиктъ де-Гоэсъ также проникъ въ Гань-су по дорогѣ, ведущей изъ Хотана, но онъ не заходилъ далѣе Су-чжоу, онъ умеръ въ этомъ городѣ въ 1607 году, и даже его путевыя замѣтки не могли быть спасены его спутникомъ, армяниномъ Исаакомъ, который продолжалъ путь до Пекина.

Самый высокій городъ по положенію на берегахъ Хуанъ-хэ,—Гоми (Gomi), былъ посѣщенъ полковникомъ Пржевальскимъ; онъ находится на высотѣ 2.400 метровъ надъ уровнемъ моря, на крайнемъ предѣлѣ хлѣбопашества, которое успѣваютъ поддерживать тангутскіе земледѣльцы на перекоръ суровому климату. Далѣе виднѣются только лѣса, гдѣ гнѣздятся голубые фазаны. Городъ Си-нинъ фу, лежащій на востокѣ отъ Куку-нора на лѣвомъ берегу рѣки Си-нинъ-хэ, соединяющійся съ Желтой рѣкой черезъ притокъ послѣдней, Да-тунъ-хэ, есть метрополія верхняго Гань-су и мѣстопребываніе властей, которымъ ввѣрено управленіе тангутами и монголами, живущими по берегамъ Голубаго озера; но городское населеніе почти сплошь состоитъ изъ китайцевъ [2]). Счастливое географическое положеніе Си-нина, у сѣверо-восточнаго угла тибетскихъ плоскогорій и при историческомъ пути изъ центральнаго Китая въ китайскій Туркестанъ и въ Чжунгарію, придаетъ ему первостепенную важность какъ стратегической позиціи и какъ складочному мѣсту товаровъ: это «огромный» городъ, но стѣны его заключаютъ много развалинъ, а торговля большею частію перемѣстилась въ городъ Данъ-гэръ (Донкыръ, по Пржевальскому [1]); Тонкеръ, по Крейтнеру), лежащій километрахъ въ сорока къ западу, на самой границѣ области Куку-норъ. Въ Донкыръ спускаются восточные тибетцы, си-фани или манзы, для покупки себѣ съѣстныхъ припасовъ и другаго товара и для продажи ревеня, кожъ, шерсти, животныхъ, разныхъ рудъ; здѣсь же снаряжаются караваны, предпринимающіе опасный переходъ черезъ высокія плоскогорья. Всѣ расы западнаго Китая имѣютъ своихъ представителей въ населеніи этого торговаго города; но торговыя сдѣлки не всегда происходятъ тамъ мирнымъ образомъ: купцы носятъ при себѣ оружіе, и малѣйшій споръ угрожаетъ превратиться въ кровопролитную баталію. Сининскій край—священная область для тибетскихъ и монгольскихъ буддистовъ: здѣсь родился реформаторъ ламаизма Цзонхава, и нѣкоторые изъ монастырей этой страны пользуются репутаціей особенной святости. Кумирня Гумбумъ расположена на югѣ отъ города Си-нина, на лѣсистой террасѣ, недалеко отъ глубокой долины, на днѣ которой течетъ Желтая рѣка; четыре тысячи ламъ жили въ этомъ монастырѣ до прохода магометанскихъ инсургентовъ, затѣмъ варваровъ си-фаней, которые опустошили его дважды, въ 1872 и 1874 годахъ; теперь тамъ не болѣе двухъ тысячъ монаховъ. Гунбумское высшее училище, нѣчто въ родѣ университета, состоитъ изъ четырехъ школъ, посвященныхъ изученію таинствъ, церемоній, молитвъ, и искусству исцѣлять «четыреста сорокъ болѣзней» человѣка. Однимъ изъ главныхъ лѣкарствъ служитъ листъ одного священнаго дерева (особый видъ бузины), которое растетъ предъ порталомъ главнаго храма, и листья котораго, по словамъ вѣрующихъ, представляютъ фигуру Будды и различные знаки тибетскаго священнаго алфавита. Миссіонеръ Гюкъ говоритъ, что онъ видѣлъ это чудо, а путешественникъ, венгерецъ графъ Сеченьи, послѣ безплодныхъ поисковъ во время посѣщенія главнаго капища, успѣлъ открыть на другой день одинъ листъ, на которомъ были кѣмъ-то начертаны контуры безобразнаго Будды [2]). Во время большихъ праздниковъ несчетныя толпы пилигримовъ, тибетцевъ, монголовъ и китайцевъ собираются въ храмъ, чтобы созерцать искусно и красиво сдѣланныя ста-

[1]) Д-ръ Пясецкій, цитированное сочиненіе.
[2]) Графъ Бела Сеченьи;—G. Kreitner, „Im fernen Osten“.

[1]) Huc, „Voyage dans le Thibet“.
[2]) Kreitner „Im fernen Osten“.

туи и разныя украшенія, всѣ изъ коровьяго масла, которыя изображаютъ четвероногихъ, птицъ и цвѣтки, и которыя вдругъ уничтожаютъ, послѣ блистательной ночной иллюминаціи.

Къ сѣверу отъ Си-нинъ-фу и менѣе важнаго города Чжань-ба-сянь, лежащаго также при рѣкѣ Си-нинъ-хэ, слѣдуетъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ на историческомъ пути страны Гань-су, между горными цѣпями и Великой стѣной; почти всѣ эти города были разрушены дунганами, и еще недавно они представляли только груды мусора [1]). Обнесенный каменными стѣнами городъ Лань-чжоу-фу, исходный пунктъ этой дороги, которая связываетъ съ Срединнымъ царствомъ его внѣшнія владѣнія на Западѣ, могъ, благодаря своей крѣпкой оградѣ, удержаться цѣлымъ и невредимымъ и дать убѣжище безчисленнымъ бѣглецамъ, спасавшимся отъ мятежниковъ. Оффиціальная столица провинціи Гань-су (хотя вице-король или генералъ-губернаторъ черезъ каждые три года переноситъ отсюда свою резиденцію, тоже на три года, въ городъ Су-чжоу, близъ Нефритовыхъ воротъ), Лань-чжоу-фу лежитъ въ точкѣ соединенія всѣхъ дорогъ верхняго теченія Хуанъ-хэ, на правомъ берегу рѣки, которая ниже города изгибается въ сѣверномъ направленіи, чтобы описать свою большую дугу вокругъ Ордосскаго полуострова. Сосѣдняя равнина широка и плодородна, но на югѣ длинный выступъ горъ, которымъ оканчивается одинъ отрогъ цѣпи Ма-ха-шань, подходитъ къ самымъ воротамъ Лань-чжоу, и на вершинѣ его виднѣются нѣсколько четыреугольныхъ башенъ. На сѣверѣ по другую сторону рѣки, поднимаются скалистыя горы, высотою отъ 600 до 900 метровъ, опирающіяся на округленные контръ-форсы, усѣянные храмами и кіосками, ярко блистающими среди зелени. Въ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ зданій, и его сорокъ тысячъ домовъ почти всѣ—невзрачные, деревянные домишки; но улицы, вымощенныя мраморными и гранитными плитами, содержатся очень опрятно: немногіе китайскіе города имѣютъ болѣе пріятный видъ. Несмотря на свое отдаленное положеніе отъ морскаго прибрежья и отъ коммерческихъ портовъ, открытыхъ европейцамъ, Лань-чжоу-фу одинъ изъ городовъ Срединнаго царства, гдѣ всего болѣе было сдѣлано попытокъ подражать промышленнымъ искусствамъ Европы. Правда, что война съ ея потребностями входитъ въ весьма значительной мѣрѣ въ эти нововведенія. Главная мануфактура столицы Гань-су—пушечно-литейный заводъ; но другая большая фабрика устроена на европейскій ладъ и, управляемая европейцами, занимается выдѣлкой суконъ для арміи и другихъ грубыхъ тканей изъ овечьей и верблюжьей шерсти. Лань-чжоу уже обзавелся паровыми машинами, употребляющими каменный уголь изъ сосѣднихъ копей, и вокругъ всего города расходятся въ разныя стороны широкія дороги новѣйшаго сооруженія, осѣненныя по бокамъ ивами и вязами; черезъ рѣку устроенъ плашкоутный мостъ [1]). Послѣ бѣдствій гражданской войны, поняли, какъ важно, съ стратегической точки зрѣнія, создать удобные пути сообщенія. Въ сотнѣ километровъ на юго-западъ отъ Лань-чжоу-фу, въ одной изъ боковыхъ долинъ Желтой рѣки, находится городъ Саларъ и Хэ-чжоу, который, какъ извѣстно, былъ главной твердыней дунганскихъ инсургентовъ въ послѣдней междоусобную войну. Вѣроятно, отъ этого города магометане и получили названіе Са-ла, подъ которымъ они извѣстны въ краѣ [2]).

Населеніе постепенно уменьшается внизъ отъ Лань-чжоу-фу, на обоихъ берегахъ Желтой рѣки, которая, переходя изъ ущелья въ ущелье, извивается въ сѣверномъ направленіи. Торговый городъ Чжунъ-вэй, построенный на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ, у восточнаго основанія хребта Ала-шань, опирается на Великую стѣну, при однихъ изъ ея воротъ, открывающихся въ песчаную пустыню [3]), и дюны близко подступаютъ къ городскому валу. Ниже по рѣкѣ встрѣчаемъ городокъ Цзинъ-цзи-пу, который былъ однимъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ магометанъ, и который ихъ предки занимали въ продолженіе слишкомъ тысячи лѣтъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны китайскаго правительства, которое никогда не пыталось вытѣснить ихъ оттуда [4]). Нинъ-ся-фу, главный городъ этой части провинціи Гань-су, построенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Великая стѣна, слѣдовавшая до сихъ поръ вдоль лѣваго берега рѣки, переходитъ на правый берегъ, чтобы ограничить на югѣ Ордосскую территорію. Какъ складочный торговый пунктъ между Китаемъ и Монголіей, Нинъ-ся-фу игралъ нѣкогда важную роль; онъ даже былъ столицей отдѣльнаго царства въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ. Разрушенный Чингисъ-ханомъ, онъ снова отстроился, и его пагоды, его высокія кирпичныя стѣны, окруженныя болотами, придаютъ ему очень внушительный видъ; но внутри города улицы узкія, кривыя и дома частью опустѣлые [5]). Даже и въ настоящее время въ немъ сосредочены склады для товаровъ, обмѣниваемыхъ на монгольское сырье.

Ниже Нинъ-ся-фу, въ той части рѣчнаго теченія, которая проходитъ черезъ монгольскую

[1]) Докторъ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай".

[1]) Szechenyi und Kreitner, „Im fernen Osten"; — Rousset, „A travers la Chine".

[2]) Easton, „Weekly Times", 16 april 1880.

[3]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

[4]) F. von Richthofen, „The Rebellion in Shensi and Kansu".

[5]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

территорію, прибрежные города населены почти исключительно китайцами. Бауту (Бичухай), самый значительный изъ этихъ городовъ, расположенъ въ 7 километрахъ отъ лѣваго берега, въ плодоносной равнинѣ, среди круга деревень, тоже китайскихъ, населенныхъ земледѣльцами. Городъ обведенъ четыреугольной оградой, каждая сторона которой имѣетъ около трехъ верстъ въ длину; онъ ведетъ очень дѣятельную торговлю съ населеніемъ плоскихъ возвышенностей; кромѣ того, въ немъ есть металлургическіе заводы [1]). Въ 50 километрахъ къ востоку, другой городъ, недавней постройки, раскинулся близъ сѣвернаго берега: это Цаганъ-курень или «Бѣлая ограда». Построенный китайцами во времена заселенія внутренней Монголіи, онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ имперіи по чистотѣ и ширинѣ улицъ, по правильности домовъ; нѣкоторыя изъ его площадей обсажены тѣнистыми деревьями [2]). Цаганъ-курень, лежащій при сѣверо-восточномъ колѣнѣ, которое образуетъ Хуанъ-хэ вокругъ Ордосскаго полуострова, есть одинъ изъ городовъ, всего чаще избираемыхъ караванами для переправы черезъ Желтую рѣку. На югѣ отъ Великой стѣны, въ той части теченія, гдѣ рѣка, снова вступившая въ предѣлы Китая въ собственномъ смыслѣ, раздѣляетъ двѣ провинціи Шэнь-си и Шань-си,—то-есть провинціи «Западной границы» и «Гористаго запада»,—главное мѣсто перехода находится въ тѣснинѣ, надъ которой господствуетъ съ высоты скалы укрѣпленный городъ Бао-дэ-чжоу: въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣетъ всего только 400 метровъ ширины [3]).

Города, возникшіе на югѣ Ордосскаго полуострова, вдоль историческаго пути, которымъ во всѣ времена производилось сообщеніе между двумя колѣнами Желтой рѣки, естественно, получили гораздо болѣе важное значеніе, нежели сѣверные города, лежащіе на границахъ пустыни. Главные этапы этой южной дороги, въ долинѣ рѣки Цзинъ-хэ, суть города Пинъ-лянъ-фу, Цзинъ-чжоу, Бинь-чжоу, изъ которыхъ послѣдній окруженъ деревьями и особенно грушами, которыя даютъ самые крупные плоды во всемъ Китаѣ. Эти города устояли противъ возмутившихся магометанъ, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, но всѣ окрестныя села и деревни были опустошены инсургентами, и послѣ окончательной побѣды императорскаго войска, китайцы заставили плѣнныхъ хой-хоевъ вновь отстроить разрушенныя поселенія, починить поврежденныя дороги и привести въ прежній видъ опустошенныя поля и нивы; старые оборонительные валы, тщательно поправленные, и новыя укрѣпленія защищаютъ теперь города, дефиле и перевалы дороги. Одинъ гротъ въ окрестностяхъ города Бинь-чжоу заключаетъ въ себѣ статую Будды, изсѣченную въ самой скалѣ: это самый большой и самый знаменитый идолъ во всемъ центральномъ Китаѣ; передъ этимъ громаднымъ изваяніемъ, имѣющимъ 17 метровъ въ вышину, двѣ статуи его учениковъ, на половину менѣе высокія, указываютъ на святаго повергающимся къ ногамъ его вѣрующимъ. На югѣ, въ долинѣ рѣки Вэй-хэ, главный городъ—Гунъ-чанъ-фу, затерянный, такъ сказать, въ обширной оградѣ, часть которой занята кладбищемъ. Ниже, на той же рѣкѣ встрѣчаемъ административный городъ Фу-цянъ-сянь, близъ котораго, на холмѣ, стоитъ другой идолъ Будды, благословляющій простертой правой рукой окрестную мѣстность. Къ югу оттуда, на берегахъ одного притока рѣки Вэй-хэ, расположенъ большой городъ Цинь-чжоу, съ многочисленными пагодами и храмами, куполы которыхъ высоко поднимаются надъ густой листвой каштановъ и орѣховыхъ деревьевъ: это группа пяти соединенныхъ городскихъ поселеній, имѣющихъ общаго городскаго голову, но изъ которыхъ каждое окружено особенной оградой высокихъ стѣнъ. Цинь-чжоу производитъ обширную торговлю чаемъ, табакомъ, индиго, а ремесленное населеніе занимается тканьемъ и вышиваньемъ шелковыхъ матерій, такъ же, какъ приготовленіемъ металлическихъ издѣлій. Часто посѣщаемая тропинка поднимается отъ Цинь-чжоу къ перевалу, лежащему на высотѣ 1.392 метровъ, порогу хребта, раздѣляющаго бассейны Хуанъ-хэ и Янъ цзы-цзяна, и которому карты даютъ названіе Бэй-линь, неизвѣстное въ странѣ [4]).

Си-ань-фу, главный городъ провинціи Шэнь-си, бывшій нѣкогда столицей Срединнаго царства, въ эпоху династій Чжоу, Цинь и Хань, извѣстный съ 906 по 1280 годъ, подъ именемъ Си-цзина или Западной столицы,—и теперь еще одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ имперіи; по числу жителей, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, превосходитъ Пекинъ и, вѣроятно, уступаетъ одному только Кантону. Онъ расположенъ среди равнины, гдѣ соединяются Вэй-хэ, Цзинъ-хэ и нѣкоторыя другія, менѣе важныя, рѣки. Крѣпкая зубчатая ограда города образуетъ правильный квадратъ, ориентированный по главнымъ точкамъ горизонта, и середина каждой стороны, имѣющей болѣе 11 километровъ въ длину, перерѣзана монументальными воротами, увѣнчанными многоэтажными павильонами. Уже тысячи лѣтъ Си-ань-фу первоклассный торговый городъ, благодаря своему центральному положенію и плодородію окружающихъ желтоземныхъ пространствъ. Его богатые магазины наполнены драгоцѣнными товарами; но ни одного достопримѣчательнаго зданія древнихъ временъ не сохранилось, въ «маньчжурскомъ» кварталѣ показываютъ толь-

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".
[2]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Gerbillon;—du Halde;—Karl Ritter.
[4]) Bela Szechenyi;—Kreitner, „Im fernen Osten".

ко мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ династіи Танъ, которая царствовала съ седьмаго до начала десятаго столѣтія. Однако въ Си-ань-фу все-таки существуетъ очень богатый археологическій музей, такъ называемый «лѣсъ табличекъ», коллекція надписей и рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не менѣе двухъ тысячъ лѣтъ, и которые позволяютъ возстановить исторію нѣсколькихъ послѣдовательныхъ династій. Си-ань-фу благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ не былъ разрушенъ магометанскими инсургентами, какъ Нанкинъ и многіе другіе города центральнаго Китая. Въ продолженіе гражданской войны пятьдесятъ тысячъ сианьфусскихъ мусульманъ были изолированы въ городѣ, откуда имъ запрещено было отлучаться подъ страхомъ смерти и властямъ стоило большаго труда удерживать народъ отъ избіенія ихъ. Послѣдователи ислама обладаютъ здѣсь своими восемью мечетями, но они должны были перемѣнить на нихъ надписи и помѣстить туда таблички императора и Конфуція [1]).

Ниже Си-ань-фу, на рѣкѣ Вэй-хэ, находился до междоусобной войны важный городъ Хуачжоу, гдѣ началось, въ 1860 году, то страшное возстаніе, которое разорило такія обширныя страны, и которое стоило жизни столькимъ милліонамъ людей. Этотъ городъ не существуетъ болѣе; онъ былъ стертъ съ лица земли; отъ него остался только одинъ священный памятникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ имперіи, храмъ, воздвигнутый въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Въ настоящее время самый многолюдный городъ этой области — сильно укрѣпленный Тунъ-гуань-тинъ или «Восточныя ворота». Это центральная крѣпость всего бассейна Жёлтой рѣки и наилучше защищенный стратегическій пунктъ Китая: подступы къ нему охраняются башнями и валами, вооруженными пушками. Расположенный при восточномъ входѣ провинціи Шэнь-си, у самаго угла рѣчной долины, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хуанъ-хэ, переставъ течь съ сѣвера на востокъ, принимаетъ въ себя въ то же время три многоводныя рѣки,—Тунъ-гуань сдѣлался естественнымъ мѣстомъ соединенія нѣсколькихъ главныхъ дорогъ. Въ этомъ краю, гдѣ «желтая земля» занимаетъ столь большое протяженіе страны, все торговое и военное движеніе, понятно, должно производиться по проложеннымъ дорогамъ, а не по окольнымъ путямъ: отсюда и происходитъ исключительная стратегическая важность города «Восточныхъ воротъ» [2]). Гора Хуа-шань, господствующая надъ Тунъ-гуанемъ съ юго-западной стороны, почти такъ же священна, въ глазахъ китайцевъ, какъ гора Тай-шань на полуостровѣ Шань-дунъ, и тоже усѣяна многочисленными монастырями; но восхожденіе на нее труднѣе: на вершинѣ этой горной массы «съ слоновымъ хребтомъ» возсѣдаетъ на тронѣ, окруженный феями и небесными духами, Бэй-ди, «Бѣлый Императоръ», покровитель западныхъ провинцій Срединнаго царства.

Сѣверный Шэнь-си, сопредѣльный съ Ордосскимъ краемъ, есть одна изъ наименѣе извѣстныхъ странъ Китая; за исключеніемъ миссіонеровъ, изъ европейскихъ путешественниковъ до сихъ поръ въ этой области былъ въ 1893 году. Обручевъ. Извѣстно, что тамъ находятся торговые города: таковы: Фу-чжоу, въ долинѣ рѣки Ло-хэ; Янь-ань-фу, лежащій сѣвернѣе, въ мѣстности, изобилующей каменнымъ углемъ и нефтяными источниками; Юй-линь-фу, построенный у однихъ изъ воротъ Великой стѣны, въ сосѣдствѣ монгольскихъ степей.

Легче доступный, верхній Шань-си лучше извѣстенъ, чѣмъ сѣверный Шэнь-си. Даже европейскіе коммерсанты и горные инженеры прошли его въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью изученія его естественныхъ богатствъ и экономическихъ рессурсовъ; здѣсь уже сильно замѣтно вліяніе Тянь-цзинскаго порта. Въ этой области находится главный городъ провинціи Шань-си, Тай-юань-фу; онъ защищенъ съ сѣверо-западной стороны цѣпью холмовъ, одною изъ террасъ, которыя образуютъ поднимающіяся уступами плоскогорья Шань-си, и окружающія его равнины орошаются водами Фынь-хэ, которая спускается на юго-западъ къ Желтой рѣкѣ. Тай-юань-фу менѣе обширенъ, нежели большая часть другихъ главныхъ городовъ провинцій: прямоугольникъ его внѣшней ограды имѣетъ всего только 14 верстъ въ периметрѣ и мѣстами заключаетъ въ себѣ необитаемыя пространства; подобно Пекину, онъ имѣетъ свой татарскій кварталъ, отдѣленный отъ китайскаго города высокой внутренней стѣной; вообще части города расположены здѣсь такимъ же образомъ, какъ и части императорской резиденціи; въ губернаторскомъ паркѣ устроены пруды, пагоды, даже «Угольная гора», все въ подраженіе «Желтому городу». Прежде Тай-юань-фу славился на весь Китай фабрикаціей оружія, но въ послѣднее время эта промышленность значительно упала, хотя правительство все еще имѣетъ тамъ арсеналъ и пушечно-литейный заводъ. Окрестности города очень хорошо обработаны, и нѣкоторыя изъ подгородныхъ селеній представляютъ настоящіе сады; здѣшніе земледѣльцы получаютъ лучшій въ Китаѣ виноградъ и умѣютъ приготовлять изъ него хорошее вино, по способу, которому ихъ научили католическіе миссіонеры [1]).

Движеніе транзитной торговли не проходитъ

[1]) F. von Richthofen, „Rebellion in Kansu and Spensi"; — Léon Rousset, „A travers la Chine".

[2]) Rousset, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", oct. 1878.

[1]) Martinus Martini, „Novus Atlas Sinensis".

черезъ эту часть провинціи Шань-си. Между Чжи-ли и Монголіей торговый трактъ поднимается по долинѣ рѣки Ху-то-хэ, огибаетъ западную оконечность горъ У-тай-шань и пересѣкаетъ Великую стѣну на перевалѣ Янъ-минъ-гуань [1]), гдѣ иногда проходитъ до 2.000 вьючныхъ животныхъ въ одинъ день. Прямая дорога поднимается на востокъ къ дѣятельному торговому городу Пинъ-динъ-чжоу, отъ Тай-юань-фу, окруженному металлургическими заводами и каменноугольными копями, и проходитъ послѣдовательно четыре перевала или четверо «небесныхъ воротъ», послѣ чего спускается при Чжэнъ-динѣ въ Чжилійскую равнину. Въ бассейнѣ Тай-юань-фу, торговые города, Сюй-гоу, Ци-сянь, лежатъ на югѣ и на юго-западѣ отъ главнаго города. Городъ Пинъ-яо-сянь важенъ какъ рынокъ, откуда производится отправка мѣстныхъ произведеній въ провинцію Хэ-нань; Тай-гу-сянь и Чжанъ-лань-чжэнь—очень богатые города, гдѣ имѣютъ пребываніе многіе изъ богатыхъ банкировъ имперіи, находящіеся въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Санъ-Франциско, Лондономъ, Марселью; бронзы и вазы, находимые антикваріями въ этихъ городахъ Шань-си, принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ китайскаго искусства. Почва плоскихъ возвышенностей не можетъ давать урожаевъ, достаточныхъ для прокормленія населенія, вслѣдствіе чего естественные рессурсы края должны восполняться промышленностью и заработками періодической эмиграціи или отхожаго промысла. Каждый городъ, каждая деревня имѣетъ свою спеціальную промышленность—производство тканей, желѣзныхъ издѣлій или писчей бумаги; кромѣ того, очень дѣятельно занимаются эксплоатаціей каменноугольныхъ копей для мѣстнаго употребленія. Хотя очень жадные къ деньгамъ во время своихъ хожденій на заработки въ чужія мѣста, жители провинціи Шань-си вообще отличаются вѣжливостью, предупредительностью, гостепріимствомъ, тогда какъ обитатели провинціи Шэньси пріобрѣли себѣ у путешественниковъ совершенно противоположную репутацію.

До возстанія тайпинговъ, нѣсколько значительныхъ городовъ существовало въ бассейнѣ, который простирается къ югу отъ бассейна Тай-юань-фу, и по которому протекаетъ та же рѣка Фынь-хэ, пройдя глубокой поперечной долиной цѣпь Хэ-шань или «Рѣчныхъ горъ». Въ 1872 году всѣ эти города представляли собою груды развалинъ, занятые гарнизонами; теперь они опять отстраиваются мало-по-малу, благодаря значительной торговлѣ, направляющейся изъ провинціи Хэ-нань къ сѣверному Шань-си. Перевалъ Хань-синь-линъ, узкій проходъ, открывающійся въ массѣ «желтой земли», иногда бываетъ такъ же оживленъ, какъ бойкая улица большаго города: ослы, мулы, верблюды, навьюченные зерновымъ хлѣбомъ, мукой, табакомъ, солью, чаемъ, писчей бумагой, хлопчатобумажными тканями, тянутся одни за другими длиннымъ караваномъ, общая кладь котораго представляетъ грузъ нѣсколькихъ товарныхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ.

Пинъ-янъ-фу расположенъ при рѣкѣ Фынь-хэ, въ песчаной равнинѣ, менѣе плодородной, нежели Тайюаньскій бассейнъ: ранѣе это былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ провинціи Шань-си, но тайпинги страшно опустошили его; въ одномъ изъ его предмѣстій, хотя обнесенномъ стѣнами, какъ городъ, не осталось ни одного дома, который не былъ бы разрушенъ инсургентами. А между тѣмъ едвали во всемъ Китаѣ найдется городъ лучше укрѣпленный, чѣмъ Пинъ-янъ: онъ окруженъ тройной оградой и прикрытыми путями, позволяющими гарнизону ударить съ тылу на непріятеля, въ случаѣ, если бы ему удалось прорваться черезъ первыя ворота. Вѣроятно, что въ моментъ нападенія тайпинговъ жители города, охваченные паническимъ страхомъ, не думали защищаться; или, можетъ быть, они разсчитывали на чудодѣйственную силу своихъ стѣнъ, контуры которыхъ подражаютъ очертаніямъ черепахи. Пинъ-янъ-фу — одинъ изъ священныхъ городовъ имперіи и одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ; менѣе чѣмъ въ 3 километрахъ къ югу отъ города, находится мѣсто, гдѣ стояла столица Срединнаго царства во время богдыхана Яо, слишкомъ за четыре тысячи двѣсти лѣтъ до нашей эпохи. Неподалеку возвышается храмъ, еще недавно пышный, посвященный памяти трехъ святыхъ императоровъ Яо, Шуна и Юй. По сказанію легенды, первый изъ нихъ похороненъ въ нѣдрахъ горъ, которыя возвышаются на восточной сторонѣ Пинъянской равнины: въ боку горы открывается гротъ, откуда выходятъ мефитическія испаренія, и на днѣ этой недоступной пещеры, въ водахъ подземнаго озера, находится будто бы гробъ знаменитаго императора, вылитый изъ чистаго золота и серебра и повѣшенный на стѣнахъ скалы посредствомъ желѣзныхъ цѣпей [1]).

Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ городовъ Шань-си,— Пу-чжоу-фу, Цзѣ-чжоу-фу, Ань-и-сянь, Юань-чэнъ, — выстроились около юго-восточнаго угла провинціи, въ части, ограничиваемой поворотомъ Желтой рѣки. Эта область замѣчательна какъ мѣсто добыванія соли, которою снабжается весь Шань-си, а также и наибольшая часть провинцій Шэнь-си, Хэ-нани и Гань-су. Главный солончакъ, извѣстный вообще подъ именемъ Лутсвунъ (Loutswoun), простирается на сѣверномъ берегу обширнаго озера, около 30 километровъ длиною, надъ которымъ съ южной стороны господствуютъ

[1]) У Вебера, Пинь-синь-гуань.

[1]) Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia".

высокія крутизны горъ Фынъ-дяо-шань (Foungtiao chan). Этотъ солончакъ есть, вѣроятно, богатѣйшее въ свѣтѣ мѣсторожденіе, доставляющее наибольшее количество соли и разрабатываемое правильнымъ образомъ въ теченіе наиболѣе длиннаго ряда столѣтій; уже въ эпоху императора Яо, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, здѣсь извлекали соль въ изобиліи, и безъ всякаго сомнѣнія, съ этихъ древнѣйшихъ временъ ничего не было измѣнено въ первобытномъ способѣ эксплоатаціи. Вода маленькаго озера, занимающаго дно болотистой котловины, почти прѣсная, и потому ее не утилизируютъ для добыванія соли; работы производятся только въ самомъ болотѣ. Тамъ грунтъ земли состоитъ изъ твердой глины, наполненной кристаллами гипса; чтобы извлечь соль, выкапываютъ большія ямы, въ формѣ воронокъ, на днѣ которыхъ скопляется соленая вода; эту воду потомъ черпаютъ ведрами и разливаютъ по ровнымъ площадямъ, гдѣ она испаряется, оставляя послѣ себя соляной слой. Вся соленосная котловина Лутсвунъ принадлежитъ императору, который велѣлъ обнести ее высокой каменной стѣной для взиманія акциза, и которую онъ сдаетъ въ аренду обществамъ откупщиковъ; такихъ компаній насчитываютъ около ста пятидесяти, и каждая изъ нихъ арендуетъ на солончакѣ участокъ въ 180 метровъ длиною. Количество соли, которое извлекаютъ эти арендаторы, различно, смотря по степени насыщенія грунта; но на кругъ можно считать, что ежегодная добыча со всего бассейна простирается до огромной цифры 154.000 тоннъ [1]). Юань-чэнъ или «Селеніе источниковъ» есть главный центръ вывоза соли; изъ зданій его замѣчателенъ большой храмъ, одинъ изъ красивѣйшихъ во всемъ Китаѣ, высоко поднимающій свои куполы надъ крышами домовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, тщательныя развѣдки обнаружатъ современемъ, въ глубинахъ почвы, мощные пласты самородной или каменной соли, ибо соляные ключи бьютъ изъ земли во многихъ другихъ мѣстахъ южнаго Шэнь-си и Хэнани. На противуположной покатости горъ Фынъ-дяо-шань, въ самой равнинѣ Хуанъ-хэ, солончаки простираются по берегу рѣки. Желтоземъ крутыхъ береговъ пропитанъ солью. Прибрежные жители промываютъ эту землю и насыщенный солью растворъ заставляютъ испаряться въ перегородкахъ солончаковъ, которые устраиваются и располагаются совершенно такимъ же образомъ, какъ подобныя камеры на морскомъ берегу: концентрація и кристализація соли доканчиваются съ помощью огня [2]).

Внизъ отъ Тунъ-гуань-тина, города и деревни слѣдуютъ одни за другими непрерывной цѣпью на обоихъ берегахъ Хуанъ-хэ; люди скучены массами въ этой плодоносной долинѣ и въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ притоками Желтой рѣки; это та часть Китая, которая спеціально носитъ названіе «Цвѣтка середины».

Хэ-нань-фу или «Югъ рѣки», имя котораго есть въ то же время имя всей провинціи, хотя онъ и не главный ея городъ, занимаетъ, какъ и упомянутый выше Си-ань-фу, одну изъ частей Китая, гдѣ была нѣкогда столица Срединнаго царства; недалеко отъ этого мѣста, на рѣкѣ Хо (Но), находился городъ Ло-янъ, императорская резиденція, въ третьемъ и седьмомъ столѣтіяхъ христіанскаго время счисленія, въ царствованіе династій Вэй и Танъ; легенды помѣщаютъ сюда также мѣстопребываніе миѳическаго Фу-си. Хэ-нань-фу построенъ близъ сѣвернаго берега рѣки Ло-хэ, текущей параллельно Желтой рѣкѣ; гряда холмовъ, средняя высота которой около 150 метровъ, раздѣляетъ двѣ долины. Центральное положеніе города дало китайцамъ поводъ назвать его «пупомъ міра». Мало найдется городовъ, которые были бы поставлены въ болѣе благопріятныя условія, какъ пункты соединенія большихъ проѣзжихъ дорогъ; къ дорогѣ поднимающейся вверхъ по долинѣ Желтой рѣки, примыкаютъ въ этомъ мѣстѣ другіе колесные пути, направляющіеся на сѣверо-востокъ къ Тянь-цзиню, на юго-востокъ къ рѣкамъ Хуай-хэ и нижнему Янъцзы-цзяну, на югъ къ долинѣ рѣки Хань, черезъ Наньчжоусскій перевалъ. Когда желѣзные пути сообщенія будутъ проложены черезъ Китай, Хэ-нань, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлается главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Срединнаго царства, предназначаемыхъ для западныхъ странъ [1]). Въ самомъ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры, но на окрестныхъ холмахъ можно видѣть храмы, принадлежащіе къ древнѣйшимъ въ Китаѣ и къ самымъ любопытнымъ по находящимся въ нихъ своеобразнымъ произведеніямъ китайскаго искусства. Гора Сунъ-шань, на югѣ отъ Хэ-нань-фу, почитается священной, и нѣкоторые изъ украшающихъ ее религіозныхъ памятниковъ изсѣчены въ живой скалѣ.

Кай-фынъ-фу, главный городъ провинціи Хэ-нань, вообще извѣстный у туземцевъ подъ стариннымъ его именемъ Пинъ-лянъ, занималъ бы не менѣе благопріятное мѣстоположеніе, чѣмъ Хэ-нань-фу, если бы ему не угрожали постоянно наводненія отъ разливовъ Хуанъ-хэ и его притока Пинъ-хэ, и если бы Желтая рѣка, прорывая сдерживающія ее плотины, не опустошала иногда прибрежныхъ равнинъ.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi“ etc.;—Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.

[1]) F. von Richthofen, „Report on the provinces of Honan and Shansi“.

Работы по содержанію въ порядкѣ береговыхъ плотинъ постоянно занимаютъ тысячи работниковъ; несмотря на то, стѣны города часто бывали окружены цѣлымъ моремъ выступившей изъ береговъ рѣчной воды. Въ 1541 году Кай-фынъ былъ даже почти весь разрушенъ своими собственными защитниками; сдѣлавъ пробоины въ дамбахъ, съ цѣлью потопить войско инсургентовъ, они не съумѣли отвратить грозный потокъ отъ своихъ оплотовъ и погибли почти всѣ, тогда какъ большинство осаждавшихъ имѣли время спастись бѣгствомъ. Кай-фынъ-фу, который тоже былъ, съ 1280 по 1405 годъ столицей имперіи подъ именемъ Дунъ-цзина, или «восточной резиденціи», не сохранилъ ни одного памятника своего прошлаго величія: теперь это просто торговый городъ, который можно сравнить съ постояннымъ

Плѣнные бутанцы въ Японіи.

ярмарочнымъ полемъ. Почти всѣ живущіе въ городѣ—евреи, составляющіе единственную въ Китаѣ іудейскую общину, занимаются, какъ и ихъ соплеменники на Западѣ, ремесломъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, торговцевъ старыми вещами, мѣнялъ и ростовщиковъ [1]). Мѣстечко Чжу-сянь-чжэнь, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Кай-фына, есть одинъ изъ главныхъ рынковъ Китая; въ прежнее время его причисляли къ четыремъ важнѣйшимъ торговымъ центрамъ Срединной имперіи.

На сѣверѣ отъ Желтой рѣки, городъ Хуай-цинъ-фу, расположенный среди обширнаго сада, который орошается прозрачными ручьями, вытекающими съ горы Тай-ё-шань, тоже производитъ большую торговлю, но по степени торговой важности его превосходитъ сосѣднее мѣстечко, лежащее въ 18 километрахъ къ сѣверо-востоку, Цинъ-хуа-чжэнь. Этотъ «рынокъ», складочный пунктъ каменнаго угля изъ копей, очень дѣятельно разрабатываемыхъ въ холмахъ, находящихся на западѣ, ведетъ также отпускную торговлю издѣліями изъ желѣза и стали, фабрикуемыми въ Хуай-цинѣ; въ этой мѣстности китайская фармакопея достаетъ тигуанъ, одинъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ ею корней. Дорога изъ Цинъ-хуа въ Тянь-цзинь проходитъ черезъ большой городъ Вэй-хой-фу и достигаетъ начальнаго пункта судоходства по рѣкѣ Вэй-хэ, пристани Танку-чжэнь (Tanko outchen), гдѣ производится преимущественно обмѣнъ каменнаго угля изъ Шань-си на уголь изъ чжилійскихъ копей, и которая служитъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ между Тянь-цзинемъ и прибрежными мѣстностями Желтой рѣки. Къ западу отъ рѣки Вэй-хэ, на небольшомъ притокѣ, находимъ городъ Чжанъ-дэ-фу, выгодно отличающійся отъ всѣхъ своихъ сосѣдей образцовымъ содержаніемъ своихъ улицъ и храмовъ, хорошимъ вкусомъ своихъ жителей и цвѣтущимъ состояніемъ своей промышленности. Дороги въ окрестностяхъ этого города, говоритъ путешественникъ Оксенгамъ, такъ же хорошо содержатся, какъ лучшія шоссе въ Англіи [2]).

Торговые города очень многочислены также и на югѣ отъ Хуанъ-хэ, въ обширныхъ равнинахъ, гдѣ извиваются рѣки Хуай-хэ и ея притоки. Важнѣйшій рынокъ этой области—Чжоу-цзя-коу, построенный при сліяніи трехъ рѣкъ, образующихъ Ша-хэ, къ западу отъ провинціальнаго города Чэнь-чжоу-фу. Мѣстности, на югѣ отъ Кай-фынъ-фу не менѣе богаты, чѣмъ равнины западной Хэ-нани, но онѣ гораздо болѣе пострадали отъ опустошительнаго прохода инсургентовъ тайпиновъ. Отъ Нанкина до Цзи-наня, пространство, нѣкогда покрытое водами моря, а теперь усѣянное озерами, по которому проходитъ Большой или Императорскій каналъ, было открыто имъ безъ всякой защиты, и они разорили всѣ находившіеся тамъ города.

Важнѣйшіе города бассейна Желтой рѣки, цифра населенія которыхъ указывается, приблизительно, новѣйшими путешественниками суть:

Гань-су: Лань-чжоу-фу, по Крейтнеру—500.000 жит.; Цзинъ-чжоу—160.000 жит.; Сининъ-фу—60.000 жит.; Пинъ-лянъ-фу—60.000 жит.; Гунъ-чанъ-фу — 50.000 жит.; Чунъ-синь—10.000 жит.

Шэнь-си: Си-ань-фу, по Рихтгофену—1.000.000 жит.; Хань-чжунъ-фу—70.000 жит.

Шань-си: Тай-юань-фу, по Вильямсону—250.000 жит.; Пинъ-яо-сянь—60.000 жит.; Цесянь—30.000 жит.; Сюй-гоу — 22.000 жит.; Пинъ-динъ-чжоу — 20.000 жит.; Пинъ-янъ-фу—15.000 жит.

Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна.

Провинціи: Сы-чуань, Гуй-чжоу, Ху-бэй, Ху-нань, Ань-хой, Цзянъ-су, Цзянъ-си, Чжэ-цзянъ.

Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна обнимаетъ болѣе трехъ восьмыхъ территоріи Китая въ собственномъ смыслѣ, и сгруппированное въ немъ населеніе исчислялось болѣе чѣмъ въ 200 милліоновъ душъ до страшной гражданской войны, которая опустошила эти провинціи. Хотя китайское государство основалось не въ этой области, проходимой теченіемъ Голубой рѣки, но оно нашло тамъ свои главные источники народнаго богатства и могло развить свое могущество въ такой степени, что сдѣлалось первенствующей державой восточной Азіи.

Народонаселеніе бассейна Янъ-цзы-цзяна въ 1882 году:

	Пространство по Магуевскому квад. миль.	Общее населеніе жителей.	На квадр. миль жителей.
Сы-чуань.....	10.278,76	67.712.897	6.588
Гуй-чжоу.....	3.158,10	7.669.181	2.428
Ху-бэй.....	3.356,19	33.365.005	9.941
Ху-нань.....	3.917,09	21.002.604	5.362
Ань-хой.....	2.579,41	20.596.988	7.986
Цзянъ-су	1.797,28	20.905 171	11.633
Цзянъ-си	3.308,29	24.534 118	7.416
Чжэ-цзянъ.....	1.764,10	11.588.692	6 569
Всего.....	30.160,2	207.374.652	6.511

Изъ всѣхъ главныхъ китайскихъ рѣкъ Янъ-цзы-цзянъ самая значительная, такъ что жители Срединнаго царства обыкновенно означаютъ ее просто подъ именемъ Да-цзянъ или «Большой рѣки». Воды ея такія же желтыя отъ примѣси землистыхъ частицъ, какъ воды Хуанъ-хэ; но въ то время, какъ эта послѣдняя рѣка сравнивается съ «Землей», съ «женскимъ

[1]) L. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine".
[2]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann", IV, 1870.

началомъ», символическій цвѣтъ котораго желтый, Янъ-цзы-цзянъ, по толкованію нѣкоторыхъ комментаторовъ, есть «Сынъ мужскаго начала», то-есть «Неба»; слѣдовательно, названіе «Голубая рѣка», которое ему даютъ миссіонеры прошлаго столѣтія, и которое до сихъ поръ еще очень употребительно въ Европѣ, оказывается не лишеннымъ основанія, такъ какъ небо имѣетъ голубой цвѣтъ [1]). Но хотя одинъ изъ знаковъ, обыкновенно употребляемыхъ для означенія Янъ-цзы-цзяна, есть тотъ, который относится къ мужскому началу, употребляютъ также и другіе знаки, изъ которыхъ каждый измѣняетъ смыслъ этого имени. Можетъ быть, оно должно быть переводимо «Сынъ океана»; можетъ быть, оно напоминаетъ сильные разливы рѣки, или, наконецъ, не есть ли оно чисто географическій терминъ, происшедшій отъ названія прежней провинціи Янъ, извѣстной въ наши дни подъ именемъ Цзянъсу? Какъ бы то ни было, нельзя удивляться грандіознымъ эпитетамъ, которые придаются туземцами главной рѣки центральнаго Китая, ибо она несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ могучихъ потоковъ земнаго шара. Правда, что въ самой Азіи лишь три большія сибирскія рѣки, Обь съ Иртышемъ, Енисей съ Ангарой и Леной, превосходятъ ее по длинѣ теченія и по пространству бассейна (развернутая долина Янъ-цзы-цзяна равна 4.500 верстамъ; приблизительная поверхность его бассейна, по Блекистону, 1.877.560 квадратныхъ километровъ); но по объему жидкой массы она кажется гораздо значительнѣе этихъ рѣкъ холодныхъ странъ. Голубая рѣка оказывается пятымъ потокомъ земнаго шара въ отношеніи средняго количества протекающей воды: въ Старомъ Свѣтѣ ее превосходитъ только Нилъ и Обь, въ Новомъ Свѣтѣ только Амазонка и соединенныя рѣки Миссисипи-Миссури. Ниже сліянія съ притокомъ Хань, Янъ-цзы-цзянъ катитъ, среднимъ числомъ, 18.320 кубическихъ метровъ въ секунду (наибольшій мѣсячный стокъ, именно въ августѣ, доходитъ до 35.840 кубическихъ метровъ въ секунду); но въ этомъ мѣстѣ поверхность истеченія представляетъ только одиннадцать тринадцатыхъ всего рѣчнаго бассейна: предполагая, что пропорція дождей и истеченія сохраняется та же самая во всей нижней части теченія, находимъ, что средній объемъ протекающей въ рѣкѣ воды равенъ 21.650 кубическимъ метрамъ въ секунду, то-есть въ десять разъ больше, чѣмъ стокъ Роны.

Сравнивая двѣ главныя рѣки Срединнаго царства, китайцы не забываютъ противополагать южный потокъ къ сѣверному, рѣку благодѣтельную по преимуществу потоку опустошительному, который, по справедливости, получилъ прозвище «Бича дѣтей Хань». Янъ-цзы-цзянъ никогда не причинялъ бѣдствій, подобныхъ тѣмъ, какими сопровождаются перемѣны теченія Хуанъ-хэ, и ни одна рѣка не приноситъ больше пользы въ отношеніи судоходства. Если Голубая рѣка не носитъ еще на своихъ водахъ столь же большаго числа пароходовъ, какъ Миссисипи, ни даже, какъ Волга, то она покрыта безчисленными флотиліями парусныхъ и гребныхъ судовъ, джонокъ и барокъ, и нужно считать сотнями тысячъ число судовщиковъ и лодочниковъ, живущихъ на ея поверхности. Марко Поло нисколько не преувеличивалъ, говоря, что на водахъ Цзяна въ его время плавало больше судовъ, несущихъ больше богатствъ и товаровъ, чѣмъ сколько ихъ нашлось бы на соединенныхъ рѣкахъ и моряхъ всего тогдашняго христіанскаго міра. Пожаръ, происшедшій отъ громоваго удара на пристани города Учанъ-фу, въ 1850 году, истребилъ семьсотъ большихъ джоновъ и тысячи барокъ; слишкомъ пятьдесятъ тысячъ матросовъ (?) нашли смерть въ волнахъ или въ пламени; только одинъ негоціантъ города заказалъ десять тысячъ гробовъ на свой счетъ [1]). Поразивъ одинъ только портъ, который, правда, тянется на пространствѣ 15 километровъ, эта страшная катастрофа погубила больше судовщиковъ, чѣмъ сколько ихъ есть во всей Франціи. Война тайпинговъ, которая свирѣпствовала преимущественно на берегахъ Янъ-цзы-цзяна и его главныхъ притоковъ, обезлюдила на нѣкоторое время воды могучей рѣки. Со времени возстановленія мира мѣстная торговля мало-по-малу вошла въ свою прежнюю колею, и теперь опять показываются мирныя джонки и барки, скользящія по водамъ длинными вереницами; но отъ времени до времени волны, поднимаемыя быстро несущимися пароходами, сильно качаютъ эти флотиліи, какъ бы для того, чтобы увѣдомить ихъ о перемѣнѣ, совершающейся въ перевозочномъ промыслѣ. Голубая рѣка, которой монголы дали громкое имя Далай, то-есть «Море», въ самомъ дѣлѣ исполняла въ исторіи Китая ту же роль, какъ океанъ, замѣняя собою для судоходства морскіе заливы далеко вдающихся во внутренность земель. Путешествія, перевозка продуктовъ и товаровъ и въ то же время сближеніе различныхъ цивилизацій производились по этимъ внутреннимъ водамъ легче и удобнѣе, чѣмъ по внѣшнему морю. Въ настоящее время по тому же Янъ-цзы-цзяну европейское вліяніе проникаетъ всего далѣе вглубь центральнаго Китая; два берега этой рѣки, составляя, такъ сказать, прибавку къ морскому прибрежью, продолжаютъ его въ дѣйствительности на цѣлыя 4.000 километровъ. Общая длина судоходныхъ водъ

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Novella, Rizzolati, „Annales de la propagation de la Foi", janvier 1851.

въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна равняется половинѣ земной окружности.

Извѣстно, что верхніе притоки Янъ-цзы-цзяна берутъ начало внѣ предѣловъ собственнаго Китая, на плоскогорьяхъ Тибета. Истоки Голубой рѣки, такъ же, какъ и истоки Желтой рѣки, еще не были обслѣдованы вполнѣ европейскими путешественниками, но можно указать довольно точнымъ образомъ мѣсто ихъ происхожденія. Три ручья, одинаково называемые монголами Уланъ-мурэнь, или «Красными рѣками» и различаемые спеціально прозвищами Намейту, Токтонай, Кетси, зарождаются въ сѣверо-восточной области страны Хачи, на югѣ отъ неизслѣдованныхъ еще горныхъ цѣпей системы Куэнь-луня, которую продолжаетъ на западѣ хребетъ Баянъ-хара. Эти три потока, соединяясь, образуютъ Муръ-усу или «Извилистую воду» монголовъ, Дичу или Бричу тибетцевъ, то-есть «Коровью рѣку» [1]); это и есть та самая рѣка, которая принимаетъ имя Янъ-цзы-цзяна на китайской территоріи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пржевальскій переправлялся черезъ нее, на абсолютной высотѣ 4.007 метровъ, ширина русла была 225 метровъ и теченіе очень быстрое; видъ береговъ доказываетъ, что во время лѣтнихъ разливовъ пространство, покрываемое водами, имѣетъ не менѣе 1.600 метровъ отъ края до края. На высотѣ 4 километровъ надъ уровнемъ океана и на разстояніи слишкомъ 5.000 километровъ отъ своего устья, Муръ-усу катитъ уже большій объемъ воды, чѣмъ многія знаменитыя рѣки западной Европы. Въ этой части своего теченія двѣ важнѣйшія рѣки Китая, Хуанъ-хэ, Янъ-цзы-цзянъ всего болѣе сближаются: ихъ бассейны отдѣлены одинъ отъ другаго только хребтомъ Баянъ-хара, и снѣга одной и той же горной степи питаютъ оба потока.

Муръ-усу слѣдуетъ въ началѣ тому же направленію, какъ и другія рѣки восточнаго Тибета: оставаясь параллельнымъ Лу-цзяну и Лань-цань-цзяну, онъ течетъ на югъ, какъ бы намѣреваясь излить свои воды въ Сіамскій заливъ; на пространствѣ слишкомъ 1.000 километровъ развитія онъ спускается такимъ образомъ къ Индійскому океану; но въ то время, какъ сосѣдніе потоки нашли бреши для прохода черезъ Юньнаньское плоскогорье, онъ ударяется объ эти возвышенности, не будучи въ состояніи найти себѣ выходъ и изгибаясь къ востоку обширными излучинами, переходитъ на другую континентальную покатость и снова приближается къ Хуанъ-хэ, чтобы идти, какъ и эта рѣка, излить свои воды въ Китайское море. Въ этой части своего теченія онъ получилъ отъ китайцевъ имена Цзинь-ша-цзянъ или «Рѣка золотаго песку» и Бэй-шуй-цзянъ или «Рѣка бѣлой воды». Другой потокъ тоже носитъ названіе «Рѣка съ золотыми песками», это Я-лунъ-цзянъ или На-чу, который зарождается на скатахъ хребта Баянъ-хара и течетъ параллельно Муръ-усу и другимъ тибетскимъ рѣкамъ провинціи Камъ. При сліяніи этихъ двухъ потоковъ, Я-лунъ-цзянъ, почти столь же широкій и болѣе быстрый, чѣмъ главная рѣка, проходитъ въ поперечной долинѣ между высокими скалами съ перпендикулярными стѣнами: никакая тропинка не проникаетъ въ это дикое ущелье [1]).

Ниже впаденія Я-лунъ-цзяна, Цзинь-ша-цзянъ принимаетъ въ себя еще другую рѣку, которая вытекаетъ, если не съ самаго хребта Баянъ-хара, то, по крайней мѣрѣ, съ его восточнаго продолженія, горъ Минъ-шань, и которая спускается съ сѣвера на югъ, въ томъ же направленіи, какъ и параллельныя рѣки провинціи Камъ. Этотъ притокъ на большей части картъ носитъ названіе Минъ-цзянъ. Съ гидрографической точки зрѣнія не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Минъ-цзянъ составляетъ притокъ Цзинь-ша-цзяна, ибо онъ гораздо меньше его какъ по объему жидкой массы, такъ и по длинѣ теченія, и долина, гдѣ онъ протекаетъ, есть не что иное, по своему направленію, какъ боковая борозда большаго средняго пониженія, въ которомъ текутъ воды Янъ-цзы-цзяна. Однако, большинство китайскихъ писателей разсматривали Минъ, какъ главную вѣтвь рѣки; причину тому нужно искать, безъ сомнѣнія, въ общности цивилизаціи, существовавшей между жителями долины Мина и населеніями низоваго Янъ-цзы; большая рѣка, приходящая изъ возвышенныхъ нагорныхъ странъ, населенныхъ дикими, внушавшими страхъ, народцами, казалась цивилизованнымъ китайцамъ происходящей какъ бы изъ особеннаго міра; по ихъ понятіямъ, Цзянъ, «Рѣка» по преимуществу, должна была на всемъ своемъ протяженіи течь въ области цивилизаціи. Въ Юй-гунѣ, древнѣйшемъ географическомъ документѣ Китая, Минъ-цзянъ уже означенъ какъ протокъ, образующій верхнее теченіе Великой рѣки [2]). Марко Поло, который жилъ нѣкоторое время въ долинѣ Мина, тоже даетъ этой рѣкѣ названіе «Цзянъ». На старинныхъ картахъ, все верхнее теченіе Цзинь-ша-цзянъ совсѣмъ не показано, а Хуанъ-хэ, рѣка, долина которой была колонизована раньше другихъ мѣстностей, представлена какъ потокъ, имѣющій гораздо болѣе значительную важность. Со временъ знаменитаго венеціанскаго путешественника, Минъ перемѣнилъ свое ложе въ равнинѣ, гдѣ находится Чэнъ-ду-фу, главный городъ провинціи Сы-чуань: онъ тогда протекалъ посреди города, очень глубокій и широкою около полумили, тогда какъ въ наши дни

[1]) Klaproth, „Description du Thibet".

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

[2]) F. von Richthofen, „China"; — Yule, „Introduction to the River of Golden Sand", by Gille.

онъ уже не проходитъ болѣе черезъ Чэнъ-ду-фу и дѣлится на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ ближайшій къ городской оградѣ не имѣетъ даже 100 метровъ въ ширину: ирригаціонные каналы, вырытые въ окружающей равнинѣ, въ одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей Цвѣтущаго царства, способствовали измѣненію направленія проточныхъ водъ [1]).

Въ періодъ разливовъ Минь судоходенъ до самаго Чэнъ-ду-фу, но въ обыкновенное время суда не могутъ подниматься выше города Синь-цзинь-сянь, гдѣ соединяются въ одинъ протокъ всѣ искусственные каналы бассейна главнаго города провинціи: здѣсь начинается, на разстояніи 3.260 километровъ отъ моря, та непрерывная линія судоходства, которая пересѣкаетъ отъ запада къ востоку весь Китай въ собственномъ смыслѣ. Десятую часть этой судоходной линіи образуетъ теченіе Минь-цзяна, тогда какъ выше мѣста сліянія рѣка Цзиньша-цзянъ, какъ говорятъ, судоходна безъ перерыва только на протяженіи какой-нибудь сотни километровъ для обыкновенныхъ барокъ; вѣроятно, однако, что водопады, о которыхъ разсказываютъ судовщики изъ Пинъ-шаня, просто пороги, легко переходимые, и что истинная причина пустынности водъ Цзиньша-цзяна и отсутствія на нихъ судоходства есть страхъ, который внушаютъ китайскимъ торговцамъ дикіе мяо-цзы, обитатели этой страны [2]). Впрочемъ, и «Великую рѣку» ниже сліянія ея съ Миномъ нельзя назвать совершенно тихимъ потокомъ; она тоже образуетъ нѣсколько пороговъ, гдѣ плаваніе сопряжено съ опасностью. По измѣреніямъ Блекистона, общее паденіе Янъ-цзы-цзяна, ниже Пинъ-шаня, на пространствѣ 2.939 километровъ, составляетъ около 455 метровъ, что̀ дастъ въ среднемъ выводѣ отъ 15 до 16 сантиметровъ на километръ,—покатость гораздо менѣе крутая, чѣмъ покатость Роны, ниже Ліона, но неравномѣрно распредѣленная. Ниже сліянія съ Миномъ главная рѣка, текущая на сѣверо-востокъ, слѣдуетъ въ томъ же направленіи, какъ скалистые хребты, идущіе вдоль ея береговъ; но эти каменистыя цѣпи, состоящія изъ сѣрыхъ известняковъ, представляютъ мѣстами, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, бреши, въ которыя и устремляется потокъ, дѣлая крутые повороты или излучины. На вершинѣ этихъ выступовъ горъ высятся крѣпостцы, укрѣпленные лагери, куда обыкновенно укрывается населеніе окрестныхъ мѣстностей во время гражданскихъ войнъ, тогда какъ у основанія ихъ открываются каменоломни и копи, гдѣ разрабатываютъ залегающія параллельными пластами мѣсторожденія каменнаго угля и углекислой извести, кое-гдѣ даже добываютъ желѣзную руду. На берегахъ золотоискатели собираютъ также кое-какія крупинки драгоцѣннаго металла, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что, при всей умѣренности ихъ потребностей, съ трудомъ могутъ поддерживать этимъ промысломъ свое жалкое существованіе.

Во всей этой области бассейна, которой Блекистонъ далъ названіе Crass Ranges или «Поперечныхъ цѣпей горъ», видны прежніе берега на довольно большой высотѣ надъ нынѣшнимъ уровнемъ разливовъ Янъ-цзы-цзяна. Очевидно, что рѣка нѣкогда текла на высотѣ гораздо болѣе значительной: порогъ катарактовъ, прерывающихъ теченіе рѣки между провинціями Сы-чуань и Ху-бэй, долженъ былъ занимать въ ту эпоху болѣе возвышенное положеніе, чѣмъ онъ занимаетъ теперь. Здѣсь именно, въ этой области прорыва, самые живописные и самые разнообразные ландшафты слѣдуютъ одинъ за другимъ на обоихъ берегахъ Да-цзяна или «Великой рѣки». Неподалеку отъ верхняго входа въ рѣчныя тѣснины, скала, имѣющая форму четыреугольной призмы въ 60 метровъ вышины, состоящая на цоколѣ такой же высоты, господствуетъ надъ маленькой деревней, группирующей свои домики подъ тѣнью нѣсколькихъ деревьевъ. Словно громадное зданіе, песчаниковая скала составлена изъ горизонтальныхъ слоевъ. На той изъ ея граней, которая обращена къ рѣкѣ, пріютилась девятиэтажная пагода, верхній павильонъ которой даетъ доступъ на площадку каменной глыбы: это кумирня, построенная, какъ говорятъ, буддійскими миссіонерами въ четвертомъ столѣтіи послѣ Р. Х., носитъ названіе Ши-бу-чжай (Chipoutchai) или «Домъ драгоцѣннаго камня». Далѣе рѣка вступаетъ въ глубокое ущелье, вертикальныя стѣны котораго поднимаются на 200 метровъ высоты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега рѣки отстоятъ одинъ отъ другаго всего только на 140 метровъ, и въ тѣснину проникаешь точно въ разсѣлину горъ. Такъ какъ большая часть этихъ дефиле оріентирована по направленію отъ запада къ востоку, то солнце никогда не освѣщаетъ ихъ глубины: стѣны тѣснинъ всегда остаются въ полумракѣ, и во всѣхъ углубленіяхъ откосовъ прозябаютъ папоротники и другія растенія, которыя любятъ тѣнь и сырость; сосны показываются только на высотахъ, и поля культурныхъ растеній виднѣются тамъ и сямъ, вездѣ, гдѣ скаты представляютъ полосы земли достаточно широкія, чтобы на нихъ можно было посѣять нѣсколько горстей зеренъ. Вдоль берега есть скрытые подводные камни, но вода глубока, и даже во время мелководья можно бросать лотъ во многихъ мѣстахъ этихъ тѣснинъ, не находя дна на 30 метрахъ; въ періодъ разливовъ, то-есть въ августѣ мѣсяцѣ, когда теченіе уноситъ къ морю растаявшіе снѣга съ горъ Куэнь-

[1]) Yule;—Gill;—Richthofen, „Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) Blakiston, „Five months on the Yangtze".

луня и Баянъ-хара, уровень поднимается на 20 и 21 метръ въ узкихъ дефиле; чтобы сдѣлать жилища недосягаемыми для наводненія, они должны быть помѣщаемы высоко на выступахъ скалъ. Управляемыя искусными кормчими, ладьи и даже джонки могутъ спускаться и подниматься по рѣкѣ, не опасаясь набѣжать на камень, но при подъемѣ онѣ должны бороться противъ сильнаго теченія, скорость котораго на нѣкоторыхъ порогахъ доходитъ до 18 и 19 километровъ въ часъ. Тяга судовъ бичевой—трудъ въ высшей степени тяжелый. Въ сосѣдствѣ всѣхъ опасныхъ мѣстъ выстроились деревни, населенныя судовщиками, которыя служатъ подкрѣпленіемъ. Иной разъ цѣлая сотня этихъ бурлаковъ впрягаются въ бамбуковую веревку, чтобы тащить одну барку, и тамъ, гдѣ тропинка прерывается, они принуждены карабкаться по крутымъ утесамъ обрывистаго берега, налегая въ то же время своей тяжестью на канатъ; партіи бурлаковъ обыкновенно предшествуетъ шутъ, прыгающій, кривляющійся, бросающійся передъ ними на колѣни, чтобы ободрять ихъ въ трудной работѣ [1]).

Отъ Куй-чжоу-фу до И-чана рядъ главныхъ «тановъ» или пороговъ тянется на пространствѣ 189 километровъ и оканчивается грандіозными ущельями, каковы тѣснины Лонъ-гань и Мидань. Холмы вдругъ понижаются съ той и другой стороны, рѣка раздвигаетъ свои берега на 800 метровъ въ ширину, и въ водахъ ея, какъ въ морѣ, видишь дельфиновъ, играющихъ возлѣ судовъ; здѣсь, на разстояніи 1.760 километровъ отъ океана, начинается морской Цзянъ, къ которому китайцы примѣняютъ поговорку: «безпредѣльно море, бездонна рѣка Цзянъ». По крайней мѣрѣ она «бездонна» для обыкновенныхъ джонокъ, такъ какъ даже на самыхъ высокихъ порогахъ, во время мелководья, она представляетъ, исключая одного только мѣста, 6 метровъ воды въ фарватерѣ и почти вездѣ глубина ея гораздо больше; но разливы поднимаютъ рѣчной уровень въ этой части теченія до меньшей высоты, нежели въ тѣснинахъ, и разность между горизонтомъ высокой и низкой воды становится все менѣе и менѣе значительной, по мѣрѣ того, какъ рѣка приближается къ морю. Въ то же время опасность наводненія увеличивается для прибрежныхъ мѣстностей пропорціонально пониженію береговъ, и потому вдоль русла Янъ-цзы-цзяна съ той и другой стороны, возведены оборонительныя плотины, подобныя береговымъ дамбамъ Желтой рѣки. Съ каждой стороны рѣки начинаютъ показываться болота, въ которыя изливается выступающая изъ береговъ вода во время разливовъ, и которыя такимъ образомъ ослабляютъ размѣры наводненія; даже большія озера разстилаются тамъ и сям сосѣднихъ равнинахъ и принимаютъ въ притоки, которые затѣмъ изливаютъ об въ Янъ-цзы-цзянъ посредствомъ измѣнчи каналовъ. Самое большое изъ этихъ о между областью тѣснинъ и мѣстомъ впа притока Хань, носитъ названіе Дунъ-тин Это обширное озеро, поверхность кот по малой мѣрѣ около 5.000 квадратныхъ метровъ, служитъ резервуаромъ исте огромному бассейну, слишкомъ въ 200.000 ратныхъ километровъ, обнимающему всю провинцію Ху-нань; оно мѣняетъ очертанія и протяженіе по временамъ смотря по степени обилія впадающихъ въ рѣкъ, изъ которыхъ значительнѣйшія Юань-цзянъ, Цзы-цзянъ, Сянь-цзянъ, и с по высотѣ воды въ Янъ-цзы-цзянѣ, кот иногда отбрасываетъ теченіе озернаго н Дунъ-тинъ-ху и заставляетъ его течь об въ озеро. Во время наводненій приберех жители покидаютъ свои селенія, чтобы н временнаго убѣжища, одни на окрестныхъ махъ, другіе въ баркахъ и на плотахъ. К рѣки своего названія, озеро выпускаетъ себя нѣсколько другихъ, менѣе значительн потоковъ, которые изливаются въ Янъ-цзянъ, проходя черезъ низменныя равнины сто затопляемыя разливомъ водъ. Отъ з озера Дунъ-тинъ-ху получили свое наз двѣ прибрежныя провинціи Янъ-цзы-цз Ху-бэй, «Сѣверъ озера», и Ху-нань—« озера».

Главный притокъ низоваго Янъ-цзы-цз какъ по обилію водъ, такъ и по разв торговой дѣятельности и по важности ист ческой роли, есть Хань-цзянъ: это естест ный путь, которымъ слѣдуютъ люди и то между двумя главными рѣками Китая. сейнъ Хань-цзяна есть въ то же время изъ тѣхъ областей Срединнаго царства, гд единены всѣ выгодныя условія для благосо янія и численнаго возрастанія населеній: ровый и умѣренный климатъ, плодород земли, обильныя и чистыя воды, чрезвыч разнообразная растительность, залежи мра гипса и строительнаго камня въ сосѣдних рахъ, очень богатые запасы минераль топлива [1]). Хань-цзянъ удобенъ для судо ства почти на всемъ своемъ протяженіи, роходы могли бы лѣтомъ подниматься вв по рѣкѣ на пространствѣ болѣе 1.000 лометровъ отъ устья; даже выше го Хань-чжунъ-фу, тамъ, гдѣ Хань-цзянъ представляетъ простой ручей, прибреж жители имѣютъ ладьи, которыя и нагруж своими сельскими произведеніями, выж благопріятнаго времени, то-есть періода ра ва, чтобы пуститься въ плаваніе; но сре

[1]) Blakiston, цитированное сочиненіе

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième v dans l'empire Chinois".

теченіе рѣки прерывается порогами, на которыхъ суда часто терпятъ крушеніе. Въ нижней части Хань-цзяна рѣчное русло лежитъ выше прибрежныхъ мѣстностей, и съ высоты боковыхъ плотинъ можно видѣть у себя подъ ногами домики крестьянъ, пріютившіеся подъ тѣнью ивъ и ракитъ. Однако, нѣкоторыя селенія построены на широкихъ террасахъ, которыя опираются на плотины, такъ что образуютъ искусственные острова, возвышающіеся, во время разлива, надъ поверхностью выступившей изъ береговъ воды [1]). Часто вся равнина, простирающаяся отъ озера Дунъ-тинъ до мѣста сліянія Хань-цзяна съ Янъ-цзы-цзяномъ, превращается въ сплошное внутреннее море, по которому разгуливаютъ многочисленныя джонки. Въ нижней части своего теченія Хань-цзянъ гораздо уже, чѣмъ въ средней долинѣ; во время мелководья, то-есть въ зимніе мѣсяцы, разстояніе отъ берега до берега, передъ набережными Хань-коу, всего только 60 метровъ, тогда какъ выше этого города ложе его имѣетъ не менѣе 800 метровъ ширины, а мѣстами берега раздвигаются до двухъ съ половиною километровъ [2]).

Озеро По-янъ-ху походитъ на Дунъ-тинъ-ху по своему положенію на югѣ отъ большой излучины Янъ-цзы-цзяна, по своимъ обширнымъ размѣрамъ, по своему гидрологическому порядку и, наконецъ, по своей важности для судоходства. Оно тоже принимаетъ въ себя многоводную рѣку, Гань-цзянъ, аллювіальная дельта которой, затопляема во время разливовъ, выдвигается далеко въ площадь водъ; направляясь обратно въ озеро, теченіе Янъ-цзы-цзяна повышаетъ его уровень слишкомъ на 9 метровъ [3]). Многочисленные острова разсѣяны по поверхности По-яна, и нѣкоторыя части бассейна, площадь котораго не менѣе 4.500 квадратныхъ километровъ, представляютъ сплошной лѣсъ камышей; но сѣверная часть озера вездѣ глубока, и на берегахъ ея высятся обрывистые утесы, крутые холмы; улицы городовъ раскинули поднимающимися одинъ за другимъ ярусами свои дома, башни и пагоды по лѣсистымъ скатамъ горъ, на островкахъ и полуостровахъ берега; плавучіе городки изъ барокъ и плотовъ, стоящихъ на якорѣ въ сосѣдствѣ пристаней, джонки съ распущенными парусами, несущіяся по обширной площади водъ, дѣлаютъ эту часть По-яна одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей центральнаго Китая. При выходѣ истока высится каменистая масса, носящая названіе «Большаго утеса сироты»; въ самомъ Янъ-цзы-цзянѣ противъ впаденія, другая скала, извѣстна подъ именемъ «Малаго утеса сироты», менѣе широкая, но болѣе высокая, чѣмъ скала По-яна, стоитъ словно стражъ, охраняющій входъ въ рѣку; стаи баклановъ или морскихъ воронъ тучами кружатся около ея стѣнъ. Морскія рыбы и дельфины заходятъ въ По-янъ, и моряки, плывущіе черезъ это внутреннее море, могутъ подумать, что судно ихъ находится въ какомъ-нибудь заливѣ океана. Иногда оно страшно бушуетъ, волнуемое бурями [4]); оттого обыкновенныя барки скользятъ вдоль береговъ по неглубокимъ фарватерамъ, не осмѣливаясь пускаться въ открытое озеро. Почти всѣ легкіе товары ввѣряются кательщикамъ двуколесныхъ телѣжекъ, которые огибаютъ на западѣ воды бассейна [5]).

Ниже озера По-янъ-ху, Великая рѣка направляется на сѣверо-востокъ, протекая черезъ одну изъ прелестнѣйшихъ областей Китая. Могучій потокъ скользитъ въ своемъ широкомъ руслѣ движеніемъ всегда равномѣрнымъ и правильнымъ; зеленѣющіе острова прерываютъ тамъ и сямъ однообразіе сѣрой массы водъ; по берегамъ виднѣются домики, окруженные группами деревьевъ, бамбуковыми рощами; какая-нибудь пагода, стоящая одиноко на выступѣ береговыхъ холмовъ, возвѣщаетъ сосѣдство города; невысокіе косогоры, испещренные полосами зелени, господствуютъ надъ воздѣланными полями обоихъ береговъ и, обходя вокругъ отдаленной излучины, теряются въ синеватой дымкѣ горизонта. Аллювіальная равнина начинается, на обоихъ берегахъ, только ниже Нанкина, тамъ, гдѣ рѣка, принимая восточное направленіе, постепенно расширяется въ лиманъ; морской приливъ проникаетъ во всю эту часть рѣчнаго теченія на пространствѣ 360 километровъ отъ океана. Глубина фарватера превышаетъ 100 метровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и при промѣрахъ свинцовая гиря лота прогуливается на большихъ разстояніяхъ, не находя дна менѣе, какъ на 40 метрахъ; но ложе рѣки мало-по-малу повышается, по мѣрѣ приближенія къ морю, и илистый баръ отдѣляетъ рѣчной лиманъ отъ морскихъ водъ. При устьѣ разстояніе отъ одной оконечности береговъ или стрѣлки до другой около сотни километровъ; но это обширное пространство занято въ большой части островами и песчаными мелями; самые глубокіе проходы на барѣ имѣютъ среднимъ числомъ 4 метра глубины, и, благодаря морскому приливу, который повышаетъ горизонтъ воды отъ 3 до 4 съ половиною метровъ, смотря по измѣненіямъ рѣчнаго уровня, корабли, сидящіе въ водѣ на 5 метровъ и даже болѣе, легко проникаютъ въ рѣку. Главная опасность при входѣ въ рѣку Янъ-цзы-цзянъ происходитъ

[1]) Leon Rousset, „A travers la Chine".
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the province of Hupen".
[3]) Swinhoe, „Journal of the Geographical Society of London", XL, 1870.

[4]) Du Halde; — Ellis; — Staunton; — Barrow; — Carl Ritter; — Blakiston.
[5]) Swinhoe, цитированный мемуаръ.

отъ густыхъ тумановъ, которые иногда скопляются надъ мелями, скрывая буйки и вѣхи. Такъ же, какъ во всемъ Желтомъ морѣ и въ другихъ мелководныхъ морскихъ пространствахъ, эти туманы являются вслѣдствіе быстрыхъ перемѣнъ температуры [1]).

«Голубая рѣка» несетъ въ своихъ водахъ меньше землистыхъ частицъ, нежели Желтая рѣка. По наблюденіямъ Гешпи, пропорція осадка, содержащагося въ водѣ низоваго Янъцзы-цзяна, составляетъ 2.188-ю часть по вѣсу и 4.157-ю часть по объему всего протекающаго количества жидкостей массы: осадки, приносимые въ устье, представляютъ твердую массу около 6 кубическихъ метровъ въ секунду; слѣдовательно, каждый годъ отложенія ила увеличиваются на 180 милліоновъ кубическихъ метровъ,—количество достаточное для того, чтобы покрыть пространство въ 100 квадратныхъ километровъ слоемъ грязи въ 2 метра толщиной. Вслѣдствіе этого, положеніе проходовъ на барѣ измѣняется изъ году въ годъ; появляются новыя мели, и острова разростаются въ протяженіи. Говорятъ, что длинный островъ Чунъминъ, то-есть «коса рѣки», который протянулся въ лиманѣ по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, непосредственно на сѣверѣ отъ Вусунскаго рейда, едва касался поверхности воды въ эпоху господства монголовъ: размываемый теченіемъ въ верхней своей части, онъ увеличивается постепенно на нижней оконечности, передвигаясь такимъ образомъ отъ запада къ востоку и удаляясь отъ южнаго берега. Первые жители, посланные на новую, достаточно окрѣпшую землю, были изгнанники съ континента; но островъ, не переставшій расти и укрѣпляться, былъ вскорѣ послѣ того посѣщенъ добровольными колонистами, которые совершенно измѣнили его видъ своими каналами, оборонительными плотинами, деревнями и воздѣланными полями; впослѣдствіи на этомъ океанскомъ прибрежьѣ водворились также японскіе морскіе разбойники, и ихъ потомки, превратившіеся въ мирныхъ хлѣбопашцевъ, смѣшались съ переселенцами континентальнаго происхожденія. Въ настоящее время Чунъминъ, гдѣ на пространствѣ около тысячи квадратныхъ километровъ скучено до двухъ милліоновъ жителей, есть одна изъ многолюднѣйшихъ и плодороднѣйшихъ областей Китая. Чунминскіе колонисты, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, жили совершенно независимо, не зная никакихъ мандариновъ, вымогающихъ подати и утѣсняющихъ народъ своими регламентами; оттого населеніе острова, пользовавшееся выгодами самоуправленія, было гораздо счастливѣе и болѣе образовано, чѣмъ населеніе твердой земли. «Вотъ куда нужно идти, говорилъ Линдсей, чтобы познакомиться съ природной честностью и добродушіемъ китайцевъ» [1]). Островитяне Чунъ-мина заселяютъ послѣдовательно всѣ новыя земли, образующіяся въ лиманѣ Янъ-цзы-цзяна: такъ, они колонизовали большой островъ Си-тэй-ша, состоящій изъ сотни различныхъ острововъ и островковъ, который илистыми отмелями соединяется съ сѣверной оконечностью материка при входѣ въ рѣку; точно также они распространяютъ мало-по-малу свои поселенія на полуостровѣ Хай-мынь, лежащемъ къ сѣверу отъ Голубой рѣки, и покрываютъ его прекрасно воздѣланными полями. Въ этой области провинціи Цзянъ-су они находятся въ соприкосновеніи съ первобытными жителями, почти дикими аборигенами, отъ которыхъ они совершенно отличаются кротостью нрава и умомъ [2]).

Въ нижнемъ теченіи Янъ-цзы-цзяна также произошли большія перемѣны, хотя далеко уступающія по важности перемѣнамъ, имѣвшимъ мѣсто въ низовьяхъ Желтой рѣки. Кромѣ своего нынѣшняго устья онъ имѣлъ нѣкогда два другихъ, которыя открывались южнѣе. Главное изъ этихъ засорившихся руслъ, которое и теперь еще можно узнать на наибольшей части его протяженія, отдѣлялось отъ сѣвернаго рукава въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ наши дни городъ У-ху, выше Нанкина, и слѣдовало извилистой линіей къ юго-востоку, неся свои воды въ Ханчжоусскій лиманъ или заливъ. Покинутыя Янъ-цзы-цзяномъ озера на полуостровѣ Шань-хай сохранили излучистую форму прежней рѣки, и высокіе берега при поворотахъ представляютъ такой точно видъ, какъ будто бы теченіе продолжало еще омывать ихъ основаніе. Такъ, озеро Тай-ху, самый большой озерный бассейнъ этой области, по которому снуютъ во всѣхъ направленіяхъ двумачтовыя палубныя барки, напоминаетъ свой прежній рѣчной характеръ очертаніемъ своего западнаго берега, слѣдующаго параллельно правому берегу Янъцзы-цзяна. Точно также Ханчжоусскій заливъ все еще имѣетъ видъ рѣчнаго устья, но процессъ отложенія землистыхъ наносовъ уже прекратился; во многихъ мѣстахъ происходитъ обратное явленіе: волны постепенно смываютъ мели, подтачиваютъ прежніе берега, и каменистые острова Чжу-сана, которые протянулись впереди лимана на подобіе поперечной плотины, перестали служить опорной точкой для образованія аллювіальнаго полуострова. Вся страна, которая была дельтой Янъ-цзы-цзяна, между двумя лиманами, представляетъ низменное пространство, подобное по виду Нидерландамъ, перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ каналами, обведенными охранительными плотинами; поля окопаны судоходными рвами,

[1]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“;—„Instructions nautiques sur les cotes de la Chine“.

[1]) „Report of Proceedings“;—Carl Ritter, „Asien“.

[2]) Bourdilleau, „Annales de la propagation de la Foi“. 1871 г.

и всѣ перевозки продуктовъ и товаровъ производятся ладьями. На сѣверъ отъ Янъ-цзы-цзяна, аллювіальная равнина, которая продолжается въ сѣверномъ направленіи до стараго русла Хуанъ-хэ, имѣетъ такой же видъ, и естественные потоки, искусственные каналы тоже переплетаются тамъ въ цѣлый лабиринтъ водъ. Каналъ по преимуществу или Юнь-хэ, «рѣка транспортовъ», бывшій притокъ Янъ-цзы-цзяна, пересѣкаетъ эту область съ юга на сѣверъ и соединяется съ теченіемъ Желтой рѣки; рѣка Хуанъ-хэ, питаемая ручьями, спускающимися съ крайнихъ развѣтвленій системы Куэнь-лунь, дѣлится въ равнинѣ на многочисленные потоки, которые соединяются съ прежними руслами Хуанъ-хэ, озера и болота наполняютъ всѣ низменныя мѣстности, а вдоль морскаго берега эта неопредѣленная земля окаймлена бахрамой песчаныхъ мелей и острововъ. О видѣ, который должна имѣть эта страна, можно судить по картѣ ея, составленной католическими миссіонерами прошлаго столѣтія и впослѣдствіи исправленной китайскимъ географомъ Лифэнъ-бао.

Отъ внѣшнихъ террасъ Тибета до неопредѣленныхъ береговъ Желтаго моря неровности рельефа дѣлятъ бассейнъ Голубой рѣки на нѣсколько естественныхъ областей, различающихся одна отъ другой климатомъ, произведеніями и нравами жителей. Первая ясно обособленная область — это область высокихъ горныхъ хребтовъ западной Сы-чуани, гдѣ «Золотоносная рѣка» течетъ по дну узкихъ поперечныхъ долинъ въ странѣ тибетцевъ и лолотовъ. «Поперечныя цѣпи» (Cross Ranges) и ущелья на пространствѣ отъ Куй-чжоу до И-чана отдѣляютъ восточную Сы-чуань отъ равнинъ провинціи Ху-бэй; наконецъ, холмы провинціи Ань-хой указываютъ конецъ возвышенностей и начало низменностей, недавно завоеванныхъ у океана.

Горы восточной границы Тибета, очевидно, суть остатки плоскогорья, которое разрушительнымъ дѣйствіемъ снѣговъ, льдовъ и водъ было постепенно разрѣзано на параллельные хребты, имѣющіе общее направленіе отъ сѣвера къ югу; даже ложа рѣкъ, хотя глубоко врѣзывающіяся въ толщу нагорья, находятся въ этой области на высотахъ отъ 3.000 до 3.500 метровъ надъ уровнемъ моря. Большая торговая дорога, ведущая изъ Лассы въ западный Китай черезъ Батанъ и Да-цзинь-лу, держится почти вездѣ между этими двумя городами на средней высотѣ 3.600 метровъ [1]), и даже три перевала, на этой дорогѣ, открываются на абсолютной высотѣ около 5.000 метровъ. Эти горные проходы очень пугаютъ путешественниковъ, не столько по причинѣ крутизны скатовъ и суровости холода или свирѣпости вѣтра, сколько по причинѣ разрѣженности воздуха. Китайцы, не знающіе истинной причины тошноты или даже обмороковъ, которымъ они подвергаются при проходѣ черезъ высокіе хребты, приписываютъ эти случаи ядовитымъ испареніямъ почвы. На хребтѣ Танъ-ла тибетцы тоже приписываютъ парамъ земли зловредное дѣйствіе [1]).

Хребты, отдѣляющіе Цзинь-ша-цзянъ отъ Я-лунъ-цзяна и этотъ послѣдній отъ Мина, представляютъ еще, далеко на югѣ отъ плоскихъ возвышенностей Куку-нора и Баянъ-хара, вершины, поднимающіяся за нижній предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, который, по вычисленію Джилля, проходитъ, въ этихъ областяхъ тибетской границы, на абсолютной высотѣ отъ 4.200 до 4.500 метровъ. Такъ, Нэнда или «Священная гора», поднимающаяся на востокѣ отъ нагорной долины Цзинь-ша-цзяна, подъ широтой Батана, имѣетъ не менѣе 6.250 метровъ высоты, и со всѣхъ сторонъ ея изливаются въ окружающіе цирки или котловины потоки, вытекающіе изъ снѣговъ и ледниковъ: путешественники, проходящіе у южной подошвы этой горы, огибаютъ въ продолженіе цѣлаго дня труднаго пути ея снѣговыя предгорья ослѣпительной бѣлизны. На востокѣ отъ Нэнды поднимаются другія горы почти столь же высокія и, вѣроятно, составляющія часть того же самаго массива: это Сурунскіе пики, рядъ которыхъ тянется по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, ограничивая половину горизонта своей серебристой линіей зубчатаго гребня. На востокѣ отъ Я-лунъ-цзяна другая цѣпь, параллельная Сурунскому хребту и покрытая вѣчными снѣгами на всѣхъ своихъ верхушкахъ, поддерживаетъ отдѣльно стоящую вершину, поднимающуюся на 1.500 метровъ выше своихъ сосѣдей: туземцы дали ей прозвище Жара или «Царица горъ», и между всѣми горами, которыя имѣлъ случай видѣть Джилль во время своего путешествія черезъ Альпы Сы-чуани, ни одна, по его мнѣнію, не заслуживаетъ болѣе этой такого названія. На сѣверѣ горныя цѣпи, надъ которыми господствуетъ Жара, примыкаютъ къ гористой области, составляющей продолженіе хребта Баянъ-хара, и тамъ тоже многочисленныя вершины превосходятъ по высотѣ Монъ-бланъ; Арманъ Давидъ полагаетъ даже, что тамъ найдутся соперники вершинамъ Гималая [2]). Одна изъ этихъ горъ—О-ми-шань, на которой тамъ и сямъ воздвигнуты буддійскіе храмы, и на которую совершилъ восхожденіе миссіонеръ Рилей, въ 1879 году; другая гора носитъ названіе Сюэ-лунъ-шань или «Драконъ снѣговъ»; сосѣдняя гора называется «Бѣлое облако», а напротивъ ея, по другую сторону главнаго

[1]) Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Гюкъ;—Пржевальскій;—Джилль.

[2]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 1-er juin 1871.

горнаго потока, образующаго рѣку Минь, высится пирамидальная масса съ семью остроконечными вершинами, извѣстная подъ именемъ «Семи гвоздей»; Джилль приписываетъ ей высоту отъ 5.400 до 6.000 метровъ. Далѣе на сѣверѣ гора, называемая Ши-бань-фанъ или «Домъ изъ каменной плиты», какъ говорятъ, имѣетъ почти такую же высоту; даже простой боковой перевалъ, черезъ который поднимаются отъ одного притока Миня къ другому притоку той же рѣки, лежитъ на высотѣ болѣе 4.000 метровъ [1]).

Горы западной Сы-чуани и китайскаго Тибета получаютъ довольно обильное количество атмосферной влаги въ формѣ снѣга и дождя. Не будучи отдѣлены отъ Бенгальскаго залива болѣе высокими цѣпями, онѣ выставлены непосредственно удару сырыхъ вѣтровъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ, особенно въ Литанѣ и въ Мупинѣ, дожди, какъ говорятъ, падаютъ каждый день, послѣ полудня, во все продолженіе лѣтняго сезона [2]). Оттого растительность отличается тамъ необычайной силой и пышностью во всѣхъ лощинахъ, гдѣ скопляются воды. Большинство нагорныхъ долинъ, даже многія изъ тѣхъ, которыя еще усѣяны селеніями, находятся выше пояса древесной растительности, но скаты бываютъ покрыты, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, роскошными травами, которыя исчезаютъ подъ снѣгомъ въ продолженіе длинной зимы. Ниже идутъ лѣса, представляющіе изумительное разнообразіе деревьевъ, изъ которыхъ иныя достигаютъ размѣровъ, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ; господствующая порода этихъ лѣсовъ—тисъ, высокій, какъ самыя горделивыя сосны и ели европейской флоры, величественный, какъ растущіе съ нимъ въ сосѣдствѣ могучіе дубы; рододендроны выростаютъ здѣсь въ настоящія деревья; еще на высотѣ 2.500 метровъ видишь великолѣпныя азалеи, въ 5 и 6 метровъ вышиной, не менѣе обильно усѣянныя цвѣтами, чѣмъ прекраснѣйшіе экземпляры этого растенія, выставляемые европейскими садоводами. На почти вертикальныхъ крутизнахъ папоротники, кустарники, даже деревья укореняются въ углубленіяхъ камня, прикрывая скалы занавѣсами изъ листьевъ и цвѣтовъ: едва выйдя изъ какого-нибудь ущелья горы, путешественникъ тщетно ищетъ разсѣлину, по которой онъ сейчасъ проходилъ, онъ примѣчаетъ только сплетеніе вѣтвей и цвѣтущихъ ліанъ, сквозь которыя нельзя разглядѣть даже выступы утеса. Каждая деревня, въ долинахъ притоковъ рѣки Минь, затерянa въ чащѣ фруктовыхъ деревьевъ, абрикосовыхъ, персиковыхъ, орѣховыхъ; на высотѣ 1.500 метровъ видны уже пучки бамбука. Въ Батанской равнинѣ, то-есть почти на высотѣ 2.600 метровъ надъ уровнемъ моря, растутъ виноградная лоза и тутовое дерево, и тамъ легко было бы заняться шелководствомъ, если бы жители края, тибетцы, не смотрѣли на умерщвленіе шелкопряда какъ на смертный грѣхъ [1]).

Дикія животныя въ этой странѣ тѣ же самыя, что и въ Тибетѣ, но они уже исчезли изъ всей почти области, колонизированной китайцами, такъ что натуралистъ Арманъ Давидъ долженъ былъ поселиться на большой высотѣ надъ Сычуаньской равниной, въ мѣстности, возвышающейся слишкомъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ океана, именно въ Мупинѣ, чтобы изучать богатую фауну этой естественной области. Такъ же, какъ на плоскогорьяхъ Бодъ юла (Тибета), на Альпахъ Сы-чуани водятся большія жвачныя животныя, различные виды антилопъ, каменные бараны, мускусная лань, красные олени, ревностно преслѣдуемые охотниками, которые продаютъ довольно дорого ихъ еще не вполнѣ окрѣпшіе рога. Дикій якъ одиноко бродитъ вокругъ пастбищъ, гдѣ пасутся тысячами домашніе яки; одинъ быкъ особенной породы, котораго нашли также въ восточныхъ Гималаяхъ, называемый туземцами такинъ (Budorcas taxicolor), рыскаетъ въ лѣсахъ нагорной Сы-чуани. Бѣлый медвѣдь, свойственный странѣ Хачи, водится равнымъ образомъ въ округѣ Мупинъ и, вѣроятно, на всѣхъ промежуточныхъ плоскогорьяхъ. Но удивительнѣе всего, что въ этихъ холодныхъ нагорныхъ пространствахъ, почти сплошь покрытыхъ снѣгомъ въ концѣ марта мѣсяца, встрѣчаются многія зябкія животныя тропическихъ странъ. Одинъ видъ летучей бѣлки перепархиваетъ съ дерева на дерево, и двѣ породы обезьянъ живутъ въ лѣсахъ Мупина; правда, что онѣ защищены отъ холода очень густой шерстью. Одна изъ обезьянъ, извѣстная у китайцевъ подъ именемъ цзинь-цзянь-хоу, и называемая натуралистами rhinopithecus Roxellanae, величиной почти такая же, какъ четырерукія Малайскаго архипелага; морда у нея короткая, бирюзово-зеленаго цвѣта, а носъ сильно вздернутый; устройство ея головы, повидимому, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ умѣ [2]). Но чѣмъ особенно отличается фауна Мупина, такъ это великолѣпіемъ и разнообразіемъ своего пернатаго царства. Необыкновенно красивые фазаны, лофофоры, различныя породы куриныхъ, поражающія блескомъ своего наряда, живутъ въ этихъ горахъ рядомъ съ многочисленными птицами, имѣющими болѣе скромное опереніе и похожими на европейскіе виды. Пѣвчія птицы, соловьи и малиновки, тоже имѣютъ своихъ представителей въ Сы-чуани. Въ одной только коллекціи, собранной Арманомъ Давидомъ, признано тридцать слишкомъ новыхъ видовъ, и

[1]) Gill, цитированное сочиненіе.
[2]) Gill, цитированное сочиненіе; — Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 15 juin 1871.

[1]) Gill, цитированное сочиненіе.
[2]) A. Milne-Edwards;—Armand David.

безъ сомнѣнія со временемъ будутъ открыты еще многія другія породы. Лѣтомъ зеленые попугаи, прилетающіе, вѣроятно, изъ южнаго Юнь-наня, поднимаются на сѣверъ въ долинахъ

которую огибаетъ на югѣ дуга, описываемая «Золотоносной рѣкой», принадлежитъ этнографически къ Тибету, хотя этотъ край отдаленъ отъ него въ политическомъ отношеніи.

Ирригаціонная помпа въ Южномъ Китаѣ

рѣкъ Цзинь-ша-цзяна и Я-лунъ-цзяна. На высотѣ 3.000 метровъ надъ уровнемъ моря, можно подумать, что находишься среди лѣсовъ Индо-Китая.

Наибольшая часть области горныхъ цѣпей,

Цивилизованные жители страны такіе же тибетцы (бодъ), какъ и обитатели Лассы, имѣющіе тѣ же нравы и обычаи и тѣ же соціальныя учрежденія. Въ тибетской Сы-чуанѣ, какъ и въ провинціи Камъ, переправляешься черезъ

рѣки либо по висячимъ мостамъ, либо при помощи подвижныхъ плотовъ или паромовъ, скользящихъ на канатѣ отъ одного берега до другаго. Въ китайскомъ Тибетѣ пастухи тоже живутъ въ переносныхъ черныхъ палаткахъ, обвѣшанныхъ яковыми шкурами; равнымъ образомъ и постоянныя жилища состоятъ изъ грубыхъ каменныхъ мазанокъ, съ узенькими отверстіями вмѣсто оконъ и дверей, и съ плоскими крышами; построенныя почти всѣ особнякомъ на выступахъ горъ, эти невзрачныя лачуги издали походятъ на развалины крѣпкихъ замковъ. Контрастъ поразительный между деревнями тибетцевъ и деревнями китайцевъ. Эти послѣднія любятъ жить скученно, большими селеніями, даже когда имъ нужно для этого удалиться отъ своихъ пашенъ и покосовъ, тогда какъ тибетцы предпочитаютъ селиться отдѣльными дворами. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ одновременно обѣими расами, мѣстечки и посады всегда китайскіе, а захолустья, маленькіе поселки непремѣнно тибетскіе. Однако буддійскіе монастыри, гдѣ сотни, даже тысячи людей живутъ вмѣстѣ, составляя одну общину, населены исключительно тибетцами, къ которымъ присоединились нѣсколько китайскихъ метисовъ, покинутыхъ своими родителями, да отставныхъ солдатъ, вернувшихся на родину. Эти ламы—настоящіе господа страны. Пропорціонально болѣе многочисленные, чѣмъ жрецы самаго Бодъ-юла, монахи тибетской Сы-чуани владѣютъ половиной земли, самыми большими стадами яковъ и овецъ, толпами невольниковъ, которыхъ они заставляютъ служить себѣ въ качествѣ пастуховъ и въ качествѣ хлѣбопашцевъ; посредствомъ ростовщичества они являются истинными владѣльцами полей, обрабатываемыхъ мірянами [1]). Вступительный искусъ не труденъ: всякій можетъ вступить въ общину, и всегда находится много желающихъ принять постриженіе, либо во исполненіе даннаго обѣта, либо съ цѣлью найти безопасное убѣжище отъ угрожающей мести, либо, наконецъ, просто для того, чтобы не платить податей и чтобы пользоваться привилегіями всякаго рода, присвоенными членамъ религіознаго братства. Но если ламы, стоящіе выше законовъ, избавлены отъ обязанности участвовать какимъ бы то ни было образомъ въ покрытіи расходовъ государства, то масса народа испытываетъ, вслѣдствіе этого, тѣмъ большее угнетеніе, несетъ тѣмъ болѣе тяжелое бремя повинностей, и налоги, разложенные на постепенно уменьшающееся число семействъ, сдѣлались невыносимыми. Въ послѣднія сто лѣтъ податное населеніе края уменьшилось на половину, главнымъ образомъ вслѣдствіе эмиграціи въ Юнь-нань: путешественникъ повсюду встрѣчаетъ развалины домовъ и деревень; нѣкоторые округи даже совершенно опустѣли, и воздѣланныя равнины снова превращаются въ лѣса или пастбища [1]).

Тибетцы еще полудикіе, которые живутъ отдѣльными племенами въ сѣверныхъ областяхъ Альпъ Сы-чуани, вообще означаются подъ именемъ си-фаней или «западныхъ фаней». Одѣтые въ шкуры или въ балахоны изъ грубой шерсти, съ густыми длинными волосами, ниспадающими въ безпорядкѣ по плечамъ, си-фани наводятъ ужасъ на цивилизованныхъ китайцевъ равнины, но на самомъ дѣлѣ они не такъ страшны, какъ кажутся, и чужеземецъ, просящій у нихъ гостепріимства, всегда находитъ хорошій пріемъ. Ламаизмъ утвердился и между ними, однако въ меньшей степени, нежели у другихъ тибетцевъ, и священныя книги, употребляемыя ихъ жрецами, написаны тангутскими знаками. Си-фани, живущіе на верховьяхъ Желтой рѣки, такъ же, какъ многіе другіе дикари внутренняго Китая, да и сами китайцы воображаютъ, что европейцы могутъ проникать взоромъ почву и воду до огромной глубины, и что они перелетаютъ черезъ горы: если же въ равнинѣ онѣ ходятъ, то только потому, что имъ затруднительно было бы переносить, во время полета, вьючныхъ животныхъ, въ которыхъ они нуждаются. Синиńскій амбань пресерьезно спрашивалъ у переводчика Пржевальскаго, правда ли, что его господинъ можетъ видѣть блескъ драгоцѣнныхъ камней до глубины почти 40 саженъ въ землѣ.

На сѣверѣ си-фани примыкаютъ къ амдонамъ [2]), тогда какъ на югѣ и на юго-западѣ они соприкасаются съ другими племенами, тоже тибетскаго происхожденія, извѣстными подъ общимъ названіемъ манзовъ, то-есть «неукротимой сволочи». Оттого-то нѣкоторыя племена, знающія смыслъ этого слова, отвергаютъ его какъ обидное прозвище и просятъ, чтобы ихъ называли именемъ и-жэнь, означающимъ просто «другіе люди» или «инородцы». Одно изъ племенъ, именно племя суму или «бѣлыхъ манзовъ», обитающее на берегахъ Лоу-хуа-хэ, западнаго притока рѣки Минь, состоитъ, по словамъ Джилля, изъ трехъ съ половиной милліоновъ человѣкъ, живущихъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Какъ ни мало вѣроятной кажется точность этого исчисленія, тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, что манзы представляютъ значительный элементъ въ народонаселеніи западнаго Китая. Политически обособленные отъ другихъ племенъ, манзы Сы-чуани соединены въ восемнадцать отдѣльныхъ общинъ, въ которыхъ власть старшинъ неограниченна. Послѣдніе взимаютъ налогъ съ обрабатываемыхъ земель, равно какъ со стадъ, и,

[1]) Desgodins; — Gill, цитированное сочиненіе.

[1]) Hodgson, — Yule „Introductory Essay to the River of the Golden Sand", by Gill.

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго, „Русскій Инвалидъ", 1880.

кромѣ того, каждая семья должна платить ему личнымъ трудомъ одного изъ своихъ членовъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ каждаго года. По своему усмотрѣнію, они раздаютъ земли и отнимаютъ ихъ, чтобы отдать другимъ. Въ самомъ могущественномъ изъ этихъ восемнадцати королевствъ, въ королевствѣ бѣлыхъ манзовъ, тронъ всегда занятъ царицей, въ память блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ одной прародительницей царствующей фамиліи. Хотя манзовъ обыкновенно называютъ «дикарями», но это совершенно несправедливо, такъ какъ они усердно занимаются хлѣбопашествомъ, умѣютъ ткать холстъ и грубое сукно, строятъ себѣ дома и башни въ тибетскомъ стилѣ, имѣютъ даже книги на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ и держатъ школы для своихъ дѣтей. На западѣ преобладаетъ тибетское вліяніе, и ламы тамъ пользуются не меньшей властью, чѣмъ у си-фаней; на востокѣ, напротивъ, беретъ перевѣсъ китайское вліяніе, и многіе изъ манзовъ обрѣзываютъ свою густую шевелюру, оставляя только косу на китайскій ладъ и облачаясь въ костюмъ жителей равнины, чтобы походить на «дѣтей Ханя» [1]).

Но эти инородцы не могутъ оказывать достаточнаго сопротивленія постоянному напору китайскихъ колонистовъ, которые, такъ сказать, осаждаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не перестаютъ дѣлать захваты въ предѣлахъ ихъ области. Въ то время, какъ разные искатели приключеній и бѣглые изъ низменной страны пробираются далеко въ горы, принося съ собой новые нравы и понятія, армія китайскихъ земледѣльцевъ подвигается сплоченной массой съ фронта, пользуясь всякими предлогами, чтобы объявить войну «дикарямъ» и чтобы завладѣть ихъ землями. Оттѣсняемые съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе въ глубь горъ, манзы испытываютъ участь всѣхъ побѣжденныхъ и обыкновенно ихъ же обвиняютъ въ совершеніи тѣхъ жестокостей, которымъ они подвергаются. Расположившись лагеремъ въ инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ они не успѣли еще даже измѣнить архитектуру построекъ, китайскіе грабители увѣрены, что они сдѣлали этотъ насильный захватъ чужой земли единственно въ видахъ своей личной обороны.

На югѣ отъ манзовъ, въ большой дугѣ, которую описываетъ рѣка Цзинь-ша-цзянъ, между Сы-чуанью и Юнь-нанью, живутъ другія инородческія населенія, тоже угрожаемыя колонизаціоннымъ потокомъ: это ло-ло, имя которыхъ не имѣетъ никакого смысла въ китайскомъ языкѣ, если только этотъ удвоенный слогъ не означаетъ, какъ греческое названіе «варваръ», бормотуновъ, «людей не умѣющихъ выражаться на цивилизованномъ языкѣ» [1]). Впрочемъ, китайцы смѣшиваютъ подъ этимъ наименованіемъ ло-ло большое число племенъ Сы-чуани и Юнь-нани, совершенно отличныхъ отъ населеній тибетскаго корня, каковы си-фани и манзы; Эдкинсъ видитъ въ этихъ инородцахъ отрасли бирманской семьи; ихъ письмена, по его словамъ, напоминаютъ письмена талапоиновъ, жителей Пегу и Авы [2]). Торель дѣлитъ лолотовъ на «бѣлыхъ» родственныхъ лаотійцамъ, и «черныхъ», которыхъ, по его мнѣнію, должно признать коренными жителями края. Они вообще выше ростомъ и худощавѣе собственно китайцевъ, черты лица у нихъ выразительнѣе и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ на европейскій вкусъ; но въ нѣкоторыхъ долинахъ зобатые и кретины не пропорціонально многочисленны. Въ городѣ Нинъ-юань-фу лолоты совершенно окитаились по нравамъ и, выдержавъ установленный экзаменъ, поступили на государственную службу [3]); но въ окружающихъ горахъ дикія племена сохранили свою первобытную независимость, и китайцы старательно избѣгаютъ встрѣчи съ этими инородцами, обходя ихъ край либо на сѣверѣ, либо на югѣ. Въ продолженіе многовѣковой борьбы колонисты не успѣли оттѣснить этихъ варваровъ, и только очень немногіе князьки согласились принимать отъ богдыхана утвержденіе въ своемъ достоинствѣ; военные посты, учрежденные на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго вдоль ихъ границы, не мѣшаютъ лолотамъ дѣлать частые набѣги съ горъ въ равнину, чтобы захватить силой предметы, въ которыхъ они нуждаются, и возобновить свои запасы соли. Тогда какъ въ сѣверной полосѣ Сы-чуани образовалась порода метисовъ отъ смѣшенія китайцевъ съ ихъ сосѣдями, сифанями и манзами, въ южной части провинціи неизвѣстны случаи скрещиванія между дикарями лолотами и ихъ цивилизованными сосѣдями [4]).

Поясъ Сы-чуани, занятый исключительно китайскимъ населеніемъ, ограниченъ склонами горъ, господствующихъ на западѣ надъ долиной рѣки Минь. Къ востоку отъ этой естественной границы, первобытныя расы, аборигены, совершенно исчезли изъ края, называемаго «Четырерѣчьемъ», который весь принадлежалъ имъ двадцать два столѣтія тому назадъ, когда появились первые переселенцы изъ китайцевъ. Но между этими пришельцами и старожилами нерѣдко происходили кровавыя столкновенія, и во времена Хубилай-хана большая часть колонистовъ была истреблена. Въ эпоху маньчжурскаго завоеванія страна снова опустѣла, и впослѣдствіи новые эмиграціонные потоки

[1]) Gill, цитированное сочиненіе; — Cameron, „Exploration“. 9 décembre 1880.

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Gaston de Bézaure, „le Fleuve Bleu“.

[3]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

[4]) Nicholl, „Proceedings of the Geographical Society of London“, nov. 1880.

рѣки либо по висячимъ мостамъ, либо при помощи подвижныхъ плотовъ или паромовъ, скользящихъ на канатѣ отъ одного берега до другаго. Въ китайскомъ Тибетѣ пастухи тоже живутъ въ переносныхъ черныхъ палаткахъ, обвѣшанныхъ яковыми шкурами; равнымъ образомъ и постоянныя жилища состоятъ изъ грубыхъ каменныхъ мазанокъ, съ узенькими отверстіями вмѣсто оконъ и дверей, и съ плоскими крышами; построенныя почти всѣ особнякомъ на выступахъ горъ, эти невзрачныя лачуги издали походятъ на развалины крѣпкихъ замковъ. Контрастъ поразительный между деревнями тибетцевъ и деревнями китайцевъ. Эти послѣднія любятъ жить скученно, большими селеніями, даже когда имъ нужно для этого удалиться отъ своихъ пашенъ и покосовъ, тогда какъ тибетцы предпочитаютъ селиться отдѣльными дворами. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ одновременно обѣими расами, мѣстечки и посады всегда китайскіе, а захолустья, маленькіе поселки непремѣнно тибетскіе. Однако буддійскіе монастыри, гдѣ сотни, даже тысячи людей живутъ вмѣстѣ, составляя одну общину, населены исключительно тибетцами, къ которымъ присоединились нѣсколько китайскихъ метисовъ, покинутыхъ своими родителями, да отставныхъ солдатъ, вернувшихся на родину. Эти ламы—настоящіе господа страны. Пропорціонально болѣе многочисленные, чѣмъ жрецы самаго Бодъ-юла, монахи тибетской Сы-чуани владѣютъ половиной земли, самыми большими стадами яковъ и овецъ, толпами невольниковъ, которыхъ они заставляютъ служить себѣ въ качествѣ пастуховъ и въ качествѣ хлѣбопашцевъ; посредствомъ ростовщичества они являются истинными владѣльцами полей, обрабатываемыхъ мірянами [1]). Вступительный искусъ не труденъ: всякій можетъ вступить въ общину, и всегда находится много желающихъ принять постриженіе, либо во исполненіе даннаго обѣта, либо съ цѣлью найти безопасное убѣжище отъ угрожающей мести, либо, наконецъ, просто для того, чтобы не платить податей и чтобы пользоваться привилегіями всякаго рода, присвоенными членамъ религіознаго братства. Но если ламы, стоящіе выше законовъ, избавлены отъ обязанности участвовать какимъ бы то ни было образомъ въ покрытіи расходовъ государства, то масса народа испытываетъ, вслѣдствіе этого, тѣмъ большее угнетеніе, несетъ тѣмъ болѣе тяжелое бремя повинностей, и налоги, разложенные на постепенно уменьшающееся число семействъ, сдѣлались невыносимыми. Въ послѣднія сто лѣтъ податное населеніе края уменьшилось на половину, главнымъ образомъ вслѣдствіе эмиграціи въ Юнь-нань: путешественникъ повсюду встрѣчаетъ развалины домовъ и деревень; нѣкоторые округи даже совершенно опустѣли, и воздѣланныя равнины снова превращаются въ лѣса или пастбища [1]).

Тибетцы еще полудикіе, которые живутъ отдѣльными племенами въ сѣверныхъ областяхъ Альпъ Сы-чуани, вообще означаются подъ именемъ си-фаней или «западныхъ фаней». Одѣтые въ шкуры или въ балахоны изъ грубой шерсти, съ густыми длинными волосами, ниспадающими въ безпорядкѣ по плечамъ, си-фани наводятъ ужасъ на цивилизованныхъ китайцевъ равнины, но на самомъ дѣлѣ они не такъ страшны, какъ кажутся, и чужеземецъ, просящій у нихъ гостепріимства, всегда находитъ хорошій пріемъ. Ламаизмъ утвердился и между ними, однако въ меньшей степени, нежели у другихъ тибетцевъ, и священныя книги, употребляемыя ихъ жрецами, написаны тангутскими знаками. Си-фани, живущіе на верховьяхъ Желтой рѣки, такъ же, какъ многіе другіе дикари внутренняго Китая, да и сами китайцы воображаютъ, что европейцы могутъ проникать взоромъ почву и воду до огромной глубины, и что они перелетаютъ черезъ горы: если же въ равнинѣ онѣ ходятъ, то только потому, что имъ затруднительно было бы переносить, во время полета, вьючныхъ животныхъ, въ которыхъ они нуждаются. Синиискій амбань пресерьезно спрашивалъ у переводчика Пржевальскаго, правда ли, что его господинъ можетъ видѣть блескъ драгоцѣнныхъ камней до глубины почти 40 саженъ въ землѣ.

На сѣверѣ си-фани примыкаютъ къ амдонамъ [2]), тогда какъ на югѣ и на юго-западѣ они соприкасаются съ другими племенами, тоже тибетскаго происхожденія, извѣстными подъ общимъ названіемъ манзовъ, то-есть «неукротимой сволочи». Оттого-то нѣкоторыя племена, знающія смыслъ этого слова, отвергаютъ его какъ обидное прозвище и просятъ, чтобы ихъ называли именемъ и-жэнь, означающимъ просто «другіе люди» или «инородцы». Одно изъ племенъ, именно племя суму или «бѣлыхъ манзовъ», обитающее на берегахъ Лоу-хуа-хэ, западнаго притока рѣки Минь, состоитъ, по словамъ Джилля, изъ трехъ съ половиной милліоновъ человѣкъ, живущихъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Какъ ни мало вѣроятной кажется точность этого исчисленія, тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, что манзы представляютъ значительный элементъ въ народонаселеніи западнаго Китая. Политически обособленные отъ другихъ племенъ, манзы Сы-чуани соединены въ восемнадцать отдѣльныхъ общинъ, въ которыхъ власть старшинъ неограниченна. Послѣдніе взимаютъ налогъ съ обрабатываемыхъ земель, равно какъ со стадъ, и,

[1]) Desgodins; — Gill, цитированное сочиненіе.

[1]) Hodgson, — Yule „Introductory Essay to the River of the Golden Sand", by Gill.

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго, „Русскій Инвалидъ", 1880.

кромѣ того, каждая семья должна платить ему личнымъ трудомъ одного изъ своихъ членовъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ каждаго года. По своему усмотрѣнію, они раздаютъ земли и отнимаютъ ихъ, чтобы отдать другимъ. Въ самомъ могущественномъ изъ этихъ восемнадцати королевствъ, въ королевствѣ бѣлыхъ манзовъ, тронъ всегда занятъ царицей, въ память блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ одной прародительницей царствующей фамиліи. Хотя манзовъ обыкновенно называютъ «дикарями», но это совершенно несправедливо, такъ какъ они усердно занимаются хлѣбопашествомъ, умѣютъ ткать холстъ и грубое сукно, строятъ себѣ дома и башни въ тибетскомъ стилѣ, имѣютъ даже книги на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ и держатъ школы для своихъ дѣтей. На западѣ преобладаетъ тибетское вліяніе, и ламы тамъ пользуются не меньшей властью, чѣмъ у си-фаней; на востокѣ, напротивъ, беретъ перевѣсъ китайское вліяніе, и многіе изъ манзовъ обрѣзываютъ свою густую шевелюру, оставляя только косу на китайскій ладъ и облачаясь въ костюмъ жителей равнины, чтобы походить на «дѣтей Ханя» [1]).

Но эти инородцы не могутъ оказывать достаточнаго сопротивленія постоянному напору китайскихъ колонистовъ, которые, такъ сказать, осаждаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не перестаютъ дѣлать захваты въ предѣлахъ ихъ области. Въ то время, какъ разные искатели приключеній и бѣглые изъ низменной страны пробираются далеко въ горы, принося съ собой новые нравы и понятія, армія китайскихъ земледѣльцевъ подвигается сплоченной массой съ фронта, пользуясь всякими предлогами, чтобы объявить войну «дикарямъ» и чтобы завладѣть ихъ землями. Оттѣсняемые съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе въ глубь горъ, манзы испытываютъ участь всѣхъ побѣжденныхъ и обыкновенно ихъ же обвиняютъ въ совершеніи тѣхъ жестокостей, которымъ они подвергаются. Расположившись лагеремъ въ инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ они не успѣли еще даже измѣнить архитектуру построекъ, китайскіе грабители увѣрены, что они сдѣлали этотъ насильный захватъ чужой земли единственно въ видахъ своей личной обороны.

На югѣ отъ манзовъ, въ большой дугѣ, которую описываетъ рѣка Цзинь-ша-цзянъ, между Сы-чуанью и Юнь-нанью, живутъ другія инородческія населенія, тоже угрожаемыя колонизаціоннымъ потокомъ: это ло-ло, имя которыхъ не имѣетъ никакого смысла въ китайскомъ языкѣ, если только этотъ удвоенный слогъ не означаетъ, какъ греческое названіе «варваръ», бормотуновъ, «людей не умѣющихъ выражаться на цивилизованномъ языкѣ» [1]). Впрочемъ, китайцы смѣшиваютъ подъ этимъ наименованіемъ ло-ло большое число племенъ Сы-чуани и Юнь-нани, совершенно отличныхъ отъ населеній тибетскаго корня, каковы си-фани и манзы; Эдкинсъ видитъ въ этихъ инородцахъ отрасли бирманской семьи; ихъ письмена, по его словамъ, напоминаютъ письмена талапоиновъ, жителей Пегу и Авы [2]). Торель дѣлитъ лолотовъ на «бѣлыхъ» родственныхъ лаотійцамъ, и «черныхъ», которыхъ, по его мнѣнію, должно признать коренными жителями края. Они вообще выше ростомъ и худощавѣе собственно китайцевъ, черты лица у нихъ выразительнѣе и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ на европейскій вкусъ; но въ нѣкоторыхъ долинахъ зобатые и кретины не пропорціонально многочисленны. Въ городѣ Нинъ-юань-фу лолоты совершенно окитаились по нравамъ и, выдержавъ установленный экзаменъ, поступили на государственную службу [3]); но въ окружающихъ горахъ дикія племена сохранили свою первобытную независимость, и китайцы старательно избѣгаютъ встрѣчи съ этими инородцами, обходя ихъ край либо на сѣверѣ, либо на югѣ. Въ продолженіе многовѣковой борьбы колонисты не успѣли оттѣснить этихъ варваровъ, и только очень немногіе князьки согласились принимать отъ богдыхана утвержденіе въ своемъ достоинствѣ; военные посты, учрежденные на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго вдоль ихъ границы, не мѣшаютъ лолотамъ дѣлать частые набѣги съ горъ въ равнину, чтобы захватить силой предметы, въ которыхъ они нуждаются, и возобновить свои запасы соли. Тогда какъ въ сѣверной полосѣ Сы-чуани образовалась порода метисовъ отъ смѣшенія китайцевъ съ ихъ сосѣдями, сифанями и манзами, въ южной части провинціи неизвѣстны случаи скрещиванія между дикарями лолотами и ихъ цивилизованными сосѣдями [4]).

Поясъ Сы-чуани, занятый исключительно китайскимъ населеніемъ, ограниченъ склонами горъ, господствующихъ на западѣ надъ долиной рѣки Минь. Къ востоку отъ этой естественной границы, первобытныя расы, аборигены, совершенно исчезли изъ края, называемаго «Четырерѣчьемъ», который весь принадлежалъ имъ двадцать два столѣтія тому назадъ, когда появились первые переселенцы изъ китайцевъ. Но между этими пришельцами и старожилами нерѣдко происходили кровавыя столкновенія, и во времена Хубилай-хана большая часть колонистовъ была истреблена. Въ эпоху маньчжурскаго завоеванія страна снова опустѣла, и впослѣдствіи новые эмиграціонные потоки

[1]) Gill, цитированное сочиненіе; — Cameron, „Exploration“. 9 décembre 1880.

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[2]) Gaston de Bézaure, „le Fleuve Bleu“.
[3]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.
[4]) Nicholl, „Proceedings of the Geographical Society of London“, nov. 1880.

направились сюда изъ различныхъ провинцій и преимущественно изъ Шэнь-си и изъ Ху-бэй. Слѣдовательно, жители Четырерѣчнаго края имѣютъ очень смѣшанное происхожденіе, но изъ этого смѣшенія образовалось населеніе, отличающееся нѣкоторыми особенными признаками. Сычуаньцы, можетъ быть, изъ всѣхъ китайцевъ самые привлекательные, самые доброжелательные, самые вѣжливые и привѣтливые въ обхожденіи, и въ то же время самые прямодушные и наиболѣе одаренные здравымъ смысломъ. Очень трудолюбивые, они, однако, не чувствуютъ ни малѣйшей склонности къ торговлѣ: въ ихъ странѣ негоціанты обыкновенно пришельцы изъ провинціи Шэнь-си и Цзянъ-си, а банкиры, закладчики, ростовщики—всѣ уроженцы провинціи Шань-си. Жители Сы-чуани даютъ также менѣе значительный контингентъ книжниковъ и военныхъ начальниковъ, нежели жители другихъ провинцій имперіи: ихъ практическій умъ отвращаетъ ихъ отъ изученія оффиціальной премудрости, гдѣ капля истиннаго знанія смѣшана съ массой безсмысленныхъ формулъ. Посвящая свой трудъ земледѣлію, ремесламъ и промышленности, сычуанцы доставили своему краю первое мѣсто между провинціями Китая и имѣютъ полное право говорить объ этомъ съ гордостью. Такъ какъ они принимали лишь слабое участіе въ войнѣ тайпинговъ, то это дало имъ возможность развить въ изумительныхъ размѣрахъ свои промышленные рессурсы. Они очень дѣятельно разрабатываютъ свои рудники, соляные и нефтяные источники, залежи каменнаго угля и мѣсторожденія желѣза; почва равнинъ превосходно орошается ирригаціонными каналами; ни въ какой странѣ не увидишь такого обилія и разнообразія огородныхъ овощей. По степени развитія шелководства Сы-чуань не имѣетъ соперниковъ даже въ Китаѣ, и употребленіе шелковыхъ тканей такъ распространено въ краѣ, что въ праздничные дни болѣе половины жителей наряжаются въ эти драгоцѣнныя матеріи [1]). Не только равнины и косогоры обращены въ культурныя земли, но также и крутизны горъ; даже тамъ, гдѣ горные склоны имѣютъ крутость до 60 градусовъ и кажутся недоступными, почва изсѣчена въ видѣ лѣстницы, и площадка каждой ступени засѣяна хлѣбными растеніями или усажена рядомъ деревьевъ [2]). Благодаря «иностранному корню», то-есть картофелю, который введенъ въ Сычуанѣ христіанскими миссіонерами, вѣроятно въ прошломъ столѣтіи [3]), культура могла подняться до высоты 2.500 и даже 3.000 метровъ надъ уровнемъ моря, и уже непрерывные поясы воздѣланныхъ полей продолжаются черезъ горы до сосѣднихъ провинцій; излишекъ населенія «Четырехъ рѣкъ» переливается черезъ возвышенныя границы, и Сы-чуань возвращаетъ теперь окружающимъ провинціямъ столько же колонистовъ, столько онъ нѣкогда самъ получилъ отъ нихъ.

Сычуаньскіе крестьяне разводятъ многія породы деревъ и кустарниковъ, которыхъ соки или жирныя маслянистыя вещества употребляются въ промышленности: таково, напримѣръ, сальное дерево (Stillingia Sebifera), содержащее въ своихъ безчисленныхъ ягодахъ родъ сала, изъ котораго дѣлаютъ свѣчи; таковъ, далѣе, маслозерновикъ (Elaeo cosca), плодъ котораго даетъ масло, выгодно замѣняющее лакъ [1]); мыльное дерево есть особенный видъ акаціи, похожій на ясень (Acacia rugata), и очень богатый щелочью плодъ этого дерева, къ которому прибавляютъ, для запаха, немного камфоры, употребляется какъ мыло въ большей части китайскихъ семействъ [2]). Одна изъ самыхъ любопытныхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности провинціи—это производство растительнаго воска или бэй-ла, который можетъ быть приготовляемъ не иначе, какъ при раздѣленіи труда между жителями двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго округовъ. Насѣкомое (coccus pela), вырабатывающее воскъ, родится и развивается на листьяхъ дерева ligustrum lucidum, въ округѣ Цянь-чжанъ, близъ города Нинъ-юань-фу. Въ концѣ апрѣля земледѣльцы осторожно собираютъ яички этого насѣкомаго и отправляются съ ними въ окрестности города Цзя-динъ-фу, за четырнадцать дней пути, на другую сторону цѣпи горъ. Дорога очень трудная, и при томъ идти по ней нужно ночью для того, чтобы яички не попортились отъ дневнаго тепла; издали безконечныя вереницы мелькающихъ огоньковъ, движущіяся по извилистымъ тропинкамъ горъ, представляютъ очень эффектное зрѣлище. Какъ единственное исключеніе во всемъ Срединномъ царствѣ, ворота Цзядинъ-фу остаются постоянно отпертыми въ продолженіе всего сезона сбора яичекъ. По перенесеніи послѣднихъ въ окрестности этого города, начинается деликатная операція: нужно снять яички съ вѣтки, на которой ихъ несли, и помѣстить ихъ на листья дерева совсѣмъ другой породы, китайскаго ясеня (Fraxinus sinensis), гдѣ насѣкомыя вылупляются и выдѣляютъ изъ себя бѣлый воскъ, такъ высоко цѣнимый китайцами. Безъ сомнѣнія, нужно приписать болѣзни это свойство червецовъ производить много воску именно на растеніяхъ, которыя не даютъ имъ естественной пищи [3]). По словамъ ки-

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.

[3]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".

[1]) Armand David, цитированное сочиненіе;—Gaston de Bézaure, „Le Fleuve Bleu".

[2]) Gill, „River of the Golden Sand".

[3]) „Lettres édifiantes", tome XXIII; – F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi" etc.;—Gill, „The River of Golden Sand";—„Comptes rendus de l'Academie des Sciences", t. X, 1840.

тайскихъ писателей, насѣкомое, производящее воскъ, успѣшно развивается на трехъ или четырехъ различныхъ породахъ деревъ [1]). Общая цѣнность собираемаго въ Сы-чуани растительнаго воска исчисляется Рихтгофеномъ въ 14 милліоновъ франковъ. Владѣніе восконосными деревьями очень раздроблено; обыкновенно они принадлежатъ другимъ крестьянамъ, не тѣмъ, которые владѣютъ землей, простирающейся подъ тѣнью этихъ деревьевъ.

Къ востоку отъ Минь-цзяна и его притоковъ, то-есть отъ «Четырехъ рѣкъ» именно: Минь-цзяна, Да-ду-хэ, Хэй-шуя (Черныя воды) и Бэй-шуя (Бѣлыя воды)—слѣдуютъ одинъ за другимъ всѣ оріентированные по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку хребты, состоящіе изъ краснаго песчаника и каменноугольныхъ формацій, обломки которыхъ, размельченные и разсѣянные по почвѣ, подали Рихтгофену поводъ дать странѣ названіе «Краснаго бассейна». Эти хребты примыкаютъ къ горному порогу, отдѣляющему притоки Минь-цзяна отъ долины Хань-цзяна, и высота котораго, на югѣ отъ Хань-чжунъ-фу и другаго «Краснаго бассейна», окружающаго этотъ городъ, исчисляется Арманомъ Давидомъ въ 3.000 метровъ. Раздѣльная горная цѣпь между двумя долинами, извѣстная подъ именемъ Цзя-лунъ-шань, понижается постепенно къ востоку и незамѣтно сливается съ равниной въ области озеръ, гдѣ смѣшиваются, во время разливовъ, воды Хань-цзяна и Янъ-цзы-цзяна. На югъ отъ Великой рѣки, провинція Гуй-чжоу представляетъ въ совокупности своего рельефа форму симметричную съ очертаніемъ Сы-чуани. Съ западной стороны она тоже ограничена гористой областью или, вѣрнѣе сказать, разрѣзаннымъ плоскогорьемъ, на которомъ высятся снѣговыя вершины Лынъ-шаня или «холодныхъ горъ». На югѣ, краевыя цѣпи отдѣляютъ область отъ Юньнаньскаго нагорья, и хребетъ, которому европейцы дали названіе Нань-линъ (Нань-шань) или «Южныхъ горъ», образуетъ раздѣльную границу между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейномъ Си-цзяна. Во внутренности провинціи Гуй-чжоу параллельныя цѣпи, оріентированныя такъ же, какъ и хребты Краснаго бассейна въ Сы-чуанѣ, вообще говоря, немного менѣе высоки, и воды У-цзяна и другихъ рѣкъ, имѣя меньшее паденіе, застаиваются тамъ и сямъ въ видѣ болотъ, которыя дѣлаютъ этотъ край очень нездоровымъ. Болотныя лихорадки и непрекращающіяся междоусобія— вотъ причины, задерживающія Гуй-чжоу на послѣднемъ мѣстѣ между провинціями Китая по населенности и степени развитія торговли и промышленности. Въ южной части этой провинціи война, или, вѣрнѣе сказать, охота на человѣка, ведется постоянно, съ перемѣннымъ счастіемъ, между китайцами и коренными жителями края.

Инородцы мяо-цзы, то-есть, по объясненію Моррисона и Локкарта, «люди, выросшіе изъ земли», обитали прежде въ областяхъ равнины, преимущественно по берегамъ озеръ Дунъ-тинъ и По-янъ [2]). Постепенно оттѣсненные китайскими колонистами въ область горъ, эти нань-маны или «южные варвары»,— какъ ихъ называли встарину, — поселились большею частью въ массивѣ Нань-линъ (Южныя горы) и въ окружающихъ долинахъ; раздѣленные промежуточными равнинами, они по необходимости должны были распасться на множество племенъ или колѣнъ, различія которыхъ постепенно увеличивались изъ вѣка въ вѣкъ, и подъ которыми теперь трудно признать родство происхожденія. Шу-цзинъ (Книга лѣтописей) Конфуція дѣлитъ мяо на три главныя группы—бѣлыхъ, голубыхъ и красныхъ. Въ горахъ южнаго Гуй-чжоу до сихъ поръ еще существуютъ народцы подъ тѣмъ же именемъ [3]), но эти эпитеты, мотивируемые нынѣ цвѣтомъ одежды, вѣроятно, не примѣняются болѣе къ тѣмъ же самымъ племенамъ, о которыхъ говорилъ Конфуцій. Поколѣнія чжунъ-мяо, цзи-лао, цзи-дао, ду-мань, живущія въ провинціи Гуй-чжоу, поколѣніе тунъ, обитающее въ провинціи Гаунъ-си, «восемьдесятъ два» племени, описываемыя въ одной книгѣ, переведенной Бриджменомъ, тоже принадлежатъ къ мяо-цзы, которые въ настоящее время до того уменьшились въ числѣ, что представляетъ лишь разрозненные отрывки [3]); нѣкоторымъ народцамъ китайцы даютъ названіе «Шести сотъ семействъ», можетъ быть, затѣмъ, чтобы обрисовать состояніе разсѣянія, въ которомъ они теперь находятся. Различныя покоренныя племена инородцевъ постепенно смѣшиваются съ расой завоевателей, съ китайцами: бывали случаи, что мяоты выдерживали экзамены высшихъ учебныхъ заведеній и возвышались на степень мандариновъ. Другіе инородцы, хотя китайскаго происхожденія по отцамъ, живутъ особнякомъ вдали отъ цивилизованныхъ [4]). Мяо-цзы племени сэнъ, оставшіеся независимыми отъ китайскихъ чиновниковъ и буддійскихъ монаховъ, принуждены были удалиться въ трудно доступныя горныя мѣстности. Большинство этихъ инородцевъ построили свои укрѣпленныя селенія на вершинахъ горъ, откуда они могутъ сторожить страну, но, за исключеніемъ одного изъ двухъ племенъ, живущихъ разбоемъ,

[1]) Bretschneider, „Note on some botanical questions connected with the export trade of China".

[1]) Lockhart, „Transactions of the Ethnological Society of London", vol. I; 1861; — „Chinese Repository", 3 octob. 1863.

[2]) Emile Rocher, „La province Chinoise du Yunnan".

[3]) Edkins, „The Miautsi"; — Bridgman; — Schertzer, „Novara Expedition".

[4]) Mac Carthy, „Proceedings of the Georaphical Society of London", aug. 1879

они ограничиваются самообороной. Они воздѣлываютъ кукурузу, гречиху, а также немного рису, въ рѣдкихъ благопріятныхъ мѣстахъ; кромѣ того, они занимаются скотоводствомъ и слывутъ искусными охотниками; но они не спускаются въ равнину для продажи шкуръ убитыхъ ими животныхъ, оленьихъ роговъ и мускусныхъ мѣшковъ кабарги, а ждутъ посѣщенія странствующихъ торговцевъ, приходящихъ въ ихъ деревни обмѣнивать свой товаръ на мѣстные продукты [1]). Очень гордые, очень чувствительные къ несправедливости, они не могутъ выносить угнетенія мандариновъ и живутъ въ состояніи постояннаго возмущенія противъ китайскихъ властей. Но они не пользуются такой выгодной позиціей, какъ сычуаньскіе манзы, опирающіеся на обширныя необитаемыя плоскогорья; ихъ горы окружены со всѣхъ сторонъ китайскими колонистами, и кольцо этого обложенія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе съуживается; цѣлыя поколѣнія инородцевъ были истреблены. Во время смутнаго періода войны тайпинговъ, магометанскихъ возстаній въ Юнь-нанѣ, китайскіе генералы ринулись со своими войсками на территорію мяотовъ и разрушили ихъ поселенія; большое число начальниковъ племенъ, захваченные въ плѣнъ и отведенные въ Пекинъ, были подвергнуты жестокимъ пыткамъ и затѣмъ обезглавлены на площадяхъ столицы.

Гонимые со свѣта китайцами, мяо-цзы, само собой разумѣется, обвиняются своими преслѣдователями во всевозможныхъ злодѣяніяхъ; не только на нихъ смотрятъ, какъ на дикарей, но имъ почти отказываютъ даже въ названіи людей: такъ, напримѣръ, про инородцевъ племени яо, живущихъ въ округѣ Ли-бо, къ югу отъ хребта Нань-линъ, ихъ сосѣди еще и до сихъ поръ разсказываютъ, что будто у нихъ есть короткіе хвосты, какъ у обезьянъ. Правда, что мяотскія племена утратили свою цивилизацію и частію даже снова впали въ варварство съ того времени, какъ на нихъ стали дѣлать облавы, словно на дикихъ звѣрей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ пещерахъ или въ шалашахъ изъ хвороста и вѣтвей, и должны отказаться отъ всякаго земледѣлія; есть даже такіе, которые обитаютъ въ трещинахъ обрывистыхъ стѣнъ горы, и которые могутъ попадать въ свое логовище только съ помощью лѣстницы изъ бамбука, прикрѣпленной къ отвѣсной скалѣ до высоты 150 метровъ [2]). Однако китайскія лѣтописи и даже разсказы новѣйшихъ путешественниковъ изображаютъ намъ ихъ народомъ, знающимъ искусство письма, имѣющимъ сочиненія на родномъ языкѣ, написанныя на деревянныхъ табличкахъ или на пальмовыхъ листьяхъ. Въ то же время эти инородцы пользуются славой искусныхъ ткачей; ихъ женщины умѣютъ выдѣлывать прекрасныя ткани изъ шелка, изъ льна, изъ шерсти и изъ хлопчатой бумаги, покупаемыя на расхватъ кантонскими негоціантами. Хорошіе музыканты, они играютъ на духовомъ инструментѣ въ родѣ флейты, болѣе пріятномъ, чѣмъ гудокъ китайцевъ, и пляшутъ мѣрно подъ звуки бубна и гитары, представляя съ большою выразительностью сцены печальныя или радостныя [1]); нѣкоторые изъ танцевъ имѣютъ также религіозный характеръ. Главный порокъ этихъ горцевъ, пьянство, способствуетъ усиленію презрѣнія, съ которымъ смотрятъ на нихъ цивилизованные обитатели равнинъ [2]).

Нужно опасаться, что сохранившіеся еще остатки этой древней націи, пожалуй, исчезнутъ съ лица земли прежде даже, чѣмъ этнографы успѣютъ опредѣлить ихъ мѣсто между расами Азіи. Принадлежатъ ли они къ тому же корню, что и тибетцы, какъ это предполагаетъ большинство китайскихъ писателей, включая мяотовъ въ группу Па-фань или «Восемь племенъ фань», одну изъ отраслей которой составляютъ тибетскіе си-фани или западные фани [3])? Или, подобно другимъ народностямъ южнаго Юнь-наня, каковы племена пай и папэ, мяоты имѣютъ родственную связь съ сіамскимъ корнемъ, какъ даетъ поводъ думать ихъ словарь? Ростомъ мяоты, вообще говоря, меньше китайцевъ, но черты лица ихъ выразительнѣе, и глаза у нихъ открытые, какъ у европейца. Мужчины и женщины, носящіе почти одинаковую прическу, собираютъ свою длинную шевелюру на затылокъ и закручиваютъ ее въ формѣ шиньона; женщины нѣкоторыхъ колѣнъ кладутъ себѣ на голову дощечку и поверхъ ея завязываютъ волоса, такъ что этотъ головной уборъ защищаетъ ихъ отъ солнца и дождя; большинство мужчинъ обматываютъ себѣ вокругъ головы чалму изъ матеріи яркихъ цвѣтовъ, а женщины носятъ серьги въ ушахъ. Тѣ и другія одѣваются въ блузы, холщевыя и шерстяныя, а ноги обуваютъ въ сандаліи или лапти, сплетенныя изъ соломы. Правительства у нихъ нѣтъ никакого, но въ случаѣ споровъ они охотно выбираютъ себѣ третейскихъ судей между стариками, и въ концѣ концовъ прибѣгаютъ къ силѣ, если дѣло не уладится полюбовно: наслѣдственная ненависть продолжается у нихъ до девятаго колѣна, и, говорятъ, овладѣвъ врагомъ, они убиваютъ его и ѣдятъ его мясо. Они исповѣдуютъ буддійскую вѣру, но примѣшиваютъ къ ея обрядамъ культъ демоновъ и предковъ. У нѣкоторыхъ племенъ есть обыкновеніе кости похороненныхъ вынимать изъ гроба черезъ каждые два или три года и тщательно обмывать ихъ; отъ чистоты этихъ костей,

[1]) Lockhart, цитированный мемуаръ;—„Année géographique“. I.
[2]) Edkins, „The Miautsi“.

[1]) Du Halde;—Carl Ritter;—Lockhart.
[2]) Broomton, „Times“, 5 sept. 1881.
[3]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

думаютъ мяоты, зависитъ общественное здравіе. Другіе кланы не оплакиваютъ покойниковъ въ моментъ разлуки; они ждутъ весны, и когда увидятъ обновленіе природы и прилетъ птицъ, принимаются горевать и вопить, приговаривая, что ихъ родственники покинули ихъ на вѣки [1]). Говорятъ, что будто въ одномъ изъ мяотскихъ племенъ существуетъ курьезный обычай, напоминающій поочередное сидѣнье на яйцахъ самки и самца у нѣкоторыхъ птицъ: послѣ рожденія ребенка, какъ только мать чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы покинуть свою родильную постель, отецъ занимаетъ ея мѣсто и принимаетъ поздравленія родныхъ и знакомыхъ [2]).

Горы провинцій Ху-нань, Цзянъ-си, Чжэцзянъ были изслѣдованы сравнительно только на небольшомъ числѣ пунктовъ, а на большей части европейскихъ картъ Китая ограничивались, слѣдуя примѣру, данному миссіонерами іезуитами, проведеніемъ червеобразныхъ цѣпей между главными рѣками; что касается китайскихъ картъ, то онѣ показываютъ вездѣ горы, разсѣянныя на удачу. Новѣйшіе путешественники Помпелли и Рихтгофенъ первые признали порядокъ, существующій въ этомъ кажущемся хаосѣ, и указали общее направленіе горныхъ цѣпей. Въ своей совокупности, вся эта юго-восточная область Китая, на протяженіи по меньшей мѣрѣ 800.000 квадратныхъ километровъ, покрыта высотами, которыя нигдѣ не соединяются въ обширное сплошное плоскогорье, и надъ которыми не господствуетъ никакая центральная цѣпь исключительнаго возвышенія; во всемъ свѣтѣ нѣтъ другой страны, гдѣ бы на столь значительномъ пространствѣ находился подобный лабиринтъ горъ и холмовъ, такъ мало разнообразныхъ по формѣ и высотѣ; почти вездѣ тянутся прямолинейно короткія гряды невысокихъ пригорковъ, между которыми открываются узкія долины, соединяющіяся одна съ другой острыми углами; равнины рѣдки въ этомъ огромномъ лабиринтѣ. Среднее возвышеніе большинства высотъ отъ 500 до 800 метровъ надъ уровнемъ рѣкъ; въ главныхъ цѣпяхъ ни одна вершина не достигаетъ 2.000 метровъ, кромѣ, можетъ быть, горъ, лежащихъ въ провинціи Фу-цзянь.

Всѣ эти низкія цѣпи, которыя на первый взглядъ кажутся нескончаемымъ скопленіемъ холмовъ и пригорковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, оріентированы съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ и «поперечныя цѣпи» верхняго Янъ-цзы-цзяна; въ этомъ направленіи происходитъ истеченіе водъ на южной покатости бассейна; въ наибольшей части своего теченія притоки Голубой рѣки извиваются къ сѣверо-востоку, и съ береговъ ихъ видны гребни вершинъ, обрисовывающіеся на горизонтѣ въ томъ же направленіи. Самъ Янъ-цзы, отъ устья Цина до Желтаго моря, образуетъ три слѣдующія одна за другой излучины, изъ которыхъ каждая въ своей западной части направляется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, параллельно общей оси страны. Когда отправляешься съ береговъ Голубой рѣки на берега Кантонской рѣки по торговой дорогѣ провинціи Цзянъ-си, видишь направо и налѣво слѣдующіе одни за другими ряды горъ или холмовъ, однообразно оріентированные, какъ теченіе Янъ-цзы-цзяна между озеромъ По-янъ и Нанкиномъ. Наконецъ, въ томъ же направленіи продолжается изрѣзанный бухтами морской берегъ провинцій Гуанъ-дуна и Фу-цзяни. Главная ось, которой Рихтгофенъ далъ названіе Нань-шань или «Южныхъ горъ»,—названіе, уже примѣняемое китайцами ко многимъ другимъ горнымъ цѣпямъ,—начинается около истоковъ Сянъ-цзяна, главнаго притока озера Дунъ-тинъ; за ущельями, черезъ которыя проходитъ рѣка Ганьцзянъ, эта ось снова поднимается, чтобы образовать массивъ У-гунъ-шань, а далѣе, на сѣверо-востокѣ, она составляетъ водораздѣльную линію между морской покатостью рѣкъ провинціи Фу-цзянь и бассейномъ Янъ-цзы. Холмы Нинъ-бо принадлежатъ къ этой же осевой цѣпи, которая продолжается въ морѣ архипелагомъ Чжу-санъ. По мнѣнію Рихтгофена, существуетъ даже подводное продолженіе горъ Нань-шань между Желтымъ моремъ въ собственномъ смыслѣ и Китайскимъ моремъ или Дунъ-хай, и этотъ хребетъ снова появляется на поверхность земли въ Японскомъ архипелагѣ, гдѣ онъ примыкаетъ къ вулканическимъ массивамъ центральнаго острова [1]). Съ обѣихъ сторонъ широкаго морскаго пролива наружный видъ и строеніе горъ одинаковы; и тутъ и тамъ онѣ состоятъ изъ песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ, принадлежащихъ, вѣроятно, къ силурійскимъ вѣкамъ; сквозь эти породы выступаютъ выпуклины изъ гранита и порфира. На морскихъ берегахъ выступъ или мысъ холмовъ Нинъ-бо и архипелагъ Чжу-санъ, замыкающій на половину большую бухту Ханъ-чжоу, образуютъ, по гипотезѣ Рихтгофена, шарньеръ колебанія между площадью поднятія и площадью пониженія. Вѣроятно, что на сѣверъ отъ Нинъ-бо, до залива Ляо-дунъ, морской берегъ поднимается, хотя и чрезвычайно медленно, тогда какъ на югѣ онъ опускается; море надвигается на прибрежье, поднимая, однако, соразмѣрно своимъ захватамъ, песчаныя и илистыя мели, заграждающія входъ въ гавани.

Водораздѣльная возвышенность между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейномъ Си-цзяна проходитъ въ провинціи Цзянъ-си, гораздо юж-

[1]) Edkins, „The Miautsi"; — „Chinese Repository", 1863, № 4.

[2]) Lockhart, цитированный мемуаръ.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Nganhwei".

нѣе горныхъ цѣпей, образующихъ главную ось системы Нань-шаня. Этому раздѣльному хребту дали названія Нань-линъ, Мэй-линъ, Тай-линъ (Tayuling), по именамъ различныхъ линовъ или проходовъ, которые перерѣзываютъ гребень и черезъ которые поддерживается сообщеніе между противоположными склонами. Изъ всѣхъ горъ Китая хребетъ Мэй-линъ самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый, ибо черезъ него проходитъ главная дорога, соединяющая Кантонскій портъ съ центральными областями имперіи; по китайскому выраженію, Мэй-линъ—это «корридоръ» между сѣверомъ и югомъ Срединнаго царства. Всѣ товары, привозимые на судахъ и складываемые съ той и другой стороны волока, переносятся черезъ гору на спинахъ людей; говорятъ, что около пятидесяти тысячъ человѣкъ зарабатываютъ себѣ средства къ жизни въ качествѣ носильщиковъ на этой трудной дорогѣ: у входа въ обширные сараи изъ бамбука, подъ которыми отдыхаютъ путники, часто толпится такое же множество народу, какъ на улицахъ главныхъ городовъ. По крутымъ скатамъ горы, надъ которыми господствуютъ стѣны изъ черноватаго песчаника, извиваются и пересѣкаются многочисленныя тропинки, сходящіяся на высшей точкѣ перевала въ глубокой траншеѣ, изсѣченной въ камнѣ, и надъ которой возведена тріумфальная арка: говорятъ, что эта дорога была построена, по повелѣнію императора Чжанъ-гулина, въ началѣ восьмаго столѣтія, въ ту эпоху, когда торговля съ Зондскими островами и съ Индіей, производившаяся черезъ посредство арабскихъ купцовъ, приняла обширные размѣры; но вѣроятнѣе, что въ то время только ремонтировали или улучшили уже существовавшій путь, ибо невозможно допустить, чтобы этотъ проходъ, имѣющій столь важное значеніе какъ для военныхъ экспедицій, такъ и для торговли, не былъ утилизируемъ съ той самой эпохи, когда населенія бассейна Да-цзяна вступили въ постоянныя сношенія съ населеніями бассейна Си-цзяна [1]). Абсолютную высоту хребта Мэй-линъ Риттеръ опредѣлялъ въ 2.400 метровъ, основываясь на указаніяхъ, которыя доставили первые путешественники относительно паденія сосѣднихъ рѣкъ, наклонности и длины дороги и мѣстной флоры, но новѣйшія изслѣдованія доказали, что эта цифра слишкомъ велика: замѣчено, что вершины, поднимающіяся въ окружающихъ массивахъ, бываютъ покрыты полосами снѣга только въ зимнее время, и потому едва-ли онъ достигаетъ и трети указанной высоты [2]). Съ высоты перевала, въ сѣверномъ направленіи видны только скалы и горы, господствующія надъ лабиринтомъ ущелій и пропастей, тогда какъ на югѣ разстилаются, подъ зеленѣющими скатами хребта, великолѣпныя равнины, усѣянныя городами и деревнями, подобно тому, какъ съ высоты французскихъ Альпъ взорамъ открываются цвѣтущія равнины Піемонта [1]). Путешественника не мало удивляетъ здѣсь тотъ фактъ, что съ обѣихъ сторонъ водораздѣльной линіи судовщики могутъ проводить свои нагруженныя барки въ самое сердце горъ. Большинство рѣкъ прерывается стремнинами и порогами, на которыхъ слой воды недостаточно глубокъ для прохода судовъ; но гребцы не дорого цѣнятъ свой трудъ, и какъ только представляется препятствіе, они выходятъ на берегъ, разгружаютъ ладью и перетаскиваютъ или переносятъ ее до благопріятнаго мѣста, затѣмъ снова нагружаютъ и продолжаютъ плаваніе; въ этихъ мѣстностяхъ нѣтъ ни одного потока, который, въ періоды разлива, не служилъ бы для перевозки товаровъ почти до самыхъ его истоковъ. Помимо рѣкъ и рѣчекъ, въ краѣ не существуетъ другихъ путей сообщенія, кромѣ узкихъ тропинокъ, тамъ и сямъ вымощенныхъ плитами; все транспортированіе товаровъ совершается на спинѣ носильщиковъ; вьючныхъ и ломовыхъ животныхъ употребляютъ только въ сосѣдствѣ большихъ городовъ.

Раздѣльная линія между населеніями сѣвера и юга разсматриваемой области, съ точки зрѣнія нарѣчія и нравовъ, не совпадаетъ съ водораздѣльной цѣпью между гидрографическими покатостями; она проходитъ гораздо сѣвернѣе, слѣдуя вдоль нормальной оси горъ Нань-шань, которая всецѣло находится въ бассейнѣ Янъцзы. Такъ, путешественникъ, поднимающійся вверхъ по теченію рѣки Гань-цзянъ, черезъ провинцію Цзянъ-си переходитъ изъ области мандаринскаго діалекта въ область южныхъ нарѣчій, какъ только онъ вступилъ въ дефиле выше Цзи-ань-фу. Слѣдовательно, осевая линія, несмотря на ея малое возвышеніе, оказала значительное вліяніе на распредѣленіе жителей въ этой части Китая. Кромѣ того, раздѣленіе края на безчисленныя долины имѣло слѣдствіемъ распаденіе населенія на множество отдѣльныхъ клановъ, живущихъ особнякомъ одинъ отъ другаго и удовлетворяющихъ всѣ свои потребности собственными средствами. Въ безконечномъ лабиринтѣ цѣпи Нань-шань жители долинъ, если эти долины не лежатъ на большихъ транзитныхъ путяхъ, не знаютъ о внѣшнемъ мірѣ, за исключеніемъ жрецовъ и нищихъ, которыхъ бродячая жизнь заводитъ во всѣ страны Китая; туземцы воображаютъ, что за предѣлами ихъ долинъ вся остальная земля населена дикими людьми и хищными звѣрями [2]).

Растительность провинцій Ху-нань и Цзянъ-

[1]) F. von Richthofen, „China".

[2]) Бретшнейдеръ опредѣляетъ высоту Мэйлинскаго прохода въ 1.000 футовъ.

[1]) Barrow, „Travels in China".

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Nganhwei".

и предста вляетъ, естественно, болѣе тропи-
ескій хар актеръ, чѣмъ флора областей, лежа-
щихъ по в ерхнему теченію Голубой рѣки. На-
ружный в идъ деревьевъ указываетъ на сосѣд_

представителей хвойныхъ, величественная зо-
лотистая сосна (abies Kaempferi), отличается
своей большой вышиной отъ другихъ вѣчно
зеленыхъ деревьевъ; ниже по скатамъ горъ

Фабрикація бумаги.

ство жаркаго пояса. Даже тѣ древесныя породы,
которыя походятъ на породы сѣвернаго Китая
и Монголіи, ива, бѣлый букъ, дубъ, каштанъ,
принадлежатъ къ особеннымъ видамъ. На верх-
нихъ склонахъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ

одно изъ самыхъ обыкновенныхъ деревъ—
сосна небольшихъ размѣровъ, усаженная чрез-
вычайно мелкими тоненькими хвоями. У по-
дошвы холмовъ крестьяне разводятъ камфар-
ный лавръ вокругъ своихъ деревень, рядомъ

съ маслозерновикомъ (elaeocosca) и лаконоснымъ деревомъ (rhus vernicifera). Большая часть страны совершенно обезлѣсена, и во многихъ городахъ топятъ только соломой, сухой травой и хворостомъ, срѣзываемымъ вровень съ землей на окрестныхъ холмахъ [1]). Хотя по малой мѣрѣ двѣ трети области горъ Нань-шань состоятъ изъ необработанныхъ земель, дѣвственные лѣса давнымъ-давно исчезли; туземцы разсуждаютъ такъ, что лѣса—собственность императора, и на этомъ основаніи присваиваютъ себѣ всѣ деревья, которыя имъ нужны для постройки домовъ или барокъ; остались только разбросанныя тамъ и сямъ рощицы или группы деревьевъ. Но кустарники, кусты и злаки одѣваютъ еще холмы роскошной растительностью; особенно на островахъ архипелага Чжу-санъ весенніе и лѣтніе цвѣты превращаютъ страну въ чудный край, въ прелестный цвѣтникъ: розы, піоны, дафніи, азалеи, камеліи, глицины покрываютъ чащи кустарника и живыя изгороди своими пышными цвѣтами, въ видѣ букетовъ, скатертей или гирляндъ; ни въ какой другой области умѣреннаго климата, исключая развѣ Японіи, не увидишь такого разнообразія растеній, болѣе замѣчательныхъ красотой листьевъ, блескомъ и нѣжнымъ ароматомъ цвѣтовъ. Что касается дикой фауны большихъ млекопитающихъ, то она исчезла вмѣстѣ съ лѣсами, которые служили ей убѣжищемъ; только дикіе кабаны размножились съ тѣхъ поръ, какъ тайпинги и императорскіе солдаты опустошили страну. Въ густыхъ камышахъ нѣкоторыхъ островковъ Голубой рѣки водится одинъ видъ дикой козы, hydropotes, которая удивительно походитъ на кабаргу, но которая отдѣлена отъ нея обширными территоріями и не встрѣчается ни въ какой другой странѣ Китая [2]). Единственныя домашнія млекопитающія, разводимыя въ странѣ, суть быки, буйволы и свиньи. Цапли уважаются, почти почитаются, какъ священныя животныя, населеніемъ деревень, и часто можно видѣть цѣлыя республики этихъ птицъ, особенно въ рощахъ, окружающихъ пагоды [3]).

По земледѣльческой производительности область горъ Нань-шань одна изъ самыхъ счастливыхъ странъ. Провинціи по нижнему теченію Янъ-цзы-цзяна доставляютъ торговлѣ Китая большую часть ея отпускныхъ товаровъ; извѣстно, что важнѣйшія чайныя плантаціи находятся въ восточной области бассейна. Страна, простирающаяся отъ береговъ Чжана до аллювіальныхъ равнинъ устья Голубой рѣки, на пространствѣ около 600 километровъ, составляетъ, вмѣстѣ съ южной покатостью провинціи Фу-цзянь, область чая по преимуществу. Чайное дерево разводятъ вообще на скатѣ холмовъ, обращенномъ на югъ, не сплошными плантаціями, а маленькими разсѣянными рощами или рядами, насаженными вдоль полей; пользуются также земляными насыпями, раздѣляющими рисовыя поля, чтобы сѣять на нихъ драгоцѣнный кустарникъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чайныя плантаціи покрываютъ большія площади, промежутки между рядами деревьевъ утилизируютъ для культуры овощей. Чаи области Голубой рѣки принадлежатъ преимущественно къ тѣмъ разновидностямъ, которыя употребляются для приготовленія зеленаго чая. По производству шелка такъ же, какъ и по производству чая, область Нань-шаня и область нижняго Янъ-цзы-цзяна чрезвычайно богаты. Въ совокупности земледѣльческой промышленности Китая эта страна занимаетъ первое или одно изъ первыхъ мѣстъ, не только по размѣрамъ культуры чайнаго и тутоваго деревъ, но также по количеству получаемаго риса и другихъ родовъ хлѣба, по производству сахара, табаку, пеньки, маслянистыхъ растеній и плодовъ всякаго рода. Сладкій картофель (бататы) здѣсь воздѣлываютъ съ успѣхомъ даже на склонахъ горъ. Изъ продуктовъ, необходимыхъ для мѣстнаго потребленія, только одинъ хлопокъ получается въ Нань-шанѣ въ слишкомъ незначительномъ количествѣ; но провинціи Чжэ-цзянъ, Ань-хой, Ху-бэй съ избыткомъ удовлетворяютъ собственными произведеніями свои нужды, какъ въ отношеніи сырыхъ матеріаловъ, такъ и въ отношеніи тканей [1]).

Крайнее развитіе промышленности у жителей описываемой страны обнаруживается, между прочимъ, тѣми союзниками, которыхъ они съумѣли пріобрѣсти себѣ въ животномъ царствѣ. Подобно тому, какъ это дѣлали англичане въ средніе вѣка, китайцы приручили и выдрессировали баклана, утилизируя въ свою пользу его рыболовные таланты. Птицы, которымъ изъ предосторожности надѣвается желѣзный ошейникъ, непозволяющій проглатывать добычу, пріучены регулярно нырять съ барки на дно воды, откуда онѣ выплываютъ на поверхность съ рыбой въ клювѣ, послѣ чего отдыхаютъ минутку на бортѣ ладьи, прежде чѣмъ снова нырнуть въ воду. Вечеромъ, когда работа кончена, бакланы усаживаются въ порядкѣ поровну на обѣихъ сторонахъ барки, такъ, чтобы сохранялось равновѣсіе [2]). Въ другихъ мѣстахъ рыбакамъ удалось приручить рѣчныхъ выдръ, которыя, по знаку хозяина, бросаются въ воду и вскорѣ возвращаются на барку съ рыбой [3]). Искусственное разведеніе рыбы, изобрѣтенное въ Европѣ только въ новѣйшее время, извѣстно и практикуется въ Срединномъ царствѣ уже

[1]) Huc, „Empire Chinois"; — Armand David; — Blanchard, etc.

[2]) Swinhoe; — Armand David.

[3]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".

[1]) F. von Richthofen, цитированный мемуаръ.

[2]) Armand David; — Huc; — Fortune, etc.

[3]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 18 juin 1871.

многія столѣтія, и даже многіе изъ употребляемыхъ китайцами способовъ остаются еще необъяснимыми для западныхъ людей. Продавцы свѣже наметанной икры странствуютъ по провинціи Цзянъ-си, катая передъ собой двуколесную телѣжку съ бочкой, содержащей драгоцѣнное вещество въ формѣ слизистой жидкости; достаточно бросить немного этой жидкости въ прудъ: нѣсколько дней спустя молодыя рыбки развиваются изъ яичекъ, и рыбоводамъ остается только откармливать ихъ, принося въ прудъ рубленую траву.

Подобныя отрасли промышленности, понятно, могли возникнуть только въ странѣ очень густо населенной, и, дѣйствительно, около половины настоящаго столѣтія провинціи Цзянъ-су, Ань-хой, Чжэ-цзянъ представляли собою ту область земнаго шара, гдѣ было скучено наибольшее число людей на тѣсномъ пространствѣ; по народной переписи 1842 года, населеніе Чжэ-цзяна простиралось до 26 милліоновъ душъ, что составляетъ болѣе 280 человѣкъ на одинъ квадратный километръ; но по окончаніи кровопролитной междоусобной войны, за которой слѣдовали эпидеміи и голодовки, Рихтгофенъ опредѣлялъ приблизительно всего только въ 5 съ половиной милліоновъ число оставшихся въ этой провинціи жителей; однако и эта цифра, пропорціонально пространству, превышаетъ еще населенность Франціи. Впрочемъ, край вновь заселяется съ изумительной быстротой, и въ настоящее время населеніе достигло цифры въ 11.705 т. душъ. Колонисты, поселяющіеся въ покинутыхъ мѣстностяхъ Чжэ-цзяна, приходятъ по большей части изъ провинціи Ху-бэй, но между ними есть также много уроженцевъ провинцій Хэ-нани, Хунани, даже Гуй-чжоу и Сы-чуани. Всѣ эти переселенцы, говорящіе различными поднарѣчіями мандаринскаго діалекта, вначалѣ съ большимъ трудомъ понимаютъ другъ друга; часто выходятъ курьезныя недоразумѣнія между собесѣдниками уроженцами разныхъ провинцій; но мало-по-малу установляется взаимное пониманіе, и вырабатывается общій языкъ, болѣе приближающійся къ мандаринскому говору, чѣмъ прежнее мѣстное нарѣчіе. Такимъ-то образомъ, вслѣдствіе каждаго изъ большихъ политическихъ потрясеній, населенія различныхъ частей государства перемѣшиваются между собой, способствуя установленію и укрѣпленію того замѣчательнаго національнаго единства, которое представляютъ жители Срединной имперіи. Впрочемъ, колонисты могутъ селиться на покинутыхъ земляхъ безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей, кромѣ уплаты номинальнаго выкупа ближайшему представителю прежнихъ исчезнувшихъ семействъ, владѣвшихъ даннымъ участкомъ; два года спустя послѣ того, какъ переселенецъ снова провелъ плугомъ борозды въ заброшенной пашнѣ, земля считается принадлежащей ему на правахъ полной и безспорной собственности [1]).

Съ того времени, какъ возстанія и войны опустошили бассейнъ Голубой рѣки, число большихъ городовъ убавилось, и цифра населенія въ большинствѣ ихъ сильно уменьшилась; однако, и теперь еще между ними есть не мало такихъ, которые должны быть причислены къ самымъ многолюднымъ городамъ земнаго шара. Само собою разумѣется, что эти огромныя скопленія людей могутъ находиться только въ плодородныхъ и торговыхъ областяхъ бассейна, ниже верхняго Цзинь-ша-цзяна.

Батанъ, нѣкогда важный городъ Сы-чуани, извѣстной обыкновенно подъ именемъ восточнаго Тибета, въ настоящее время представляетъ незначительное мѣстечко. Совершенно разрушенный въ 1871 году землетрясеніями, слѣдовавшими одно за другимъ въ продолженіе нѣсколькихъ-недѣль, этотъ городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ новыхъ домовъ, построенныхъ среди плодоносной равнины, которую орошаетъ одинъ восточный притокъ Цзинь-ша-цзяна, и гдѣ бьютъ изъ земли обильные горячіе ключи; около половины городскаго населенія состоитъ изъ ламъ, живущихъ въ великолѣпномъ монастырѣ съ позолоченной крышей, на которой сидятъ тысячи священныхъ каплуновъ, приносимыхъ богомольцами. «Городъ роздыха»,—ибо таковъ буквальный смыслъ слова Бэтанъ, по объясненію Дегодена, — имѣетъ важность только какъ этапный пунктъ, на большой дорогѣ, ведущей изъ центральнаго Китая въ Лассу; тибетцы, зависящіе отъ начальства изъ ихъ собственной націи, но поставленные подъ наблюденіе китайскаго гарнизона, продаютъ пріѣзжающимъ съ востока китайскимъ купцамъ мускусъ, буру, шкурки пушныхъ звѣрей, золотой порошокъ, въ обмѣнъ на кирпичный чай и мануфактурныя издѣлія; въ окрестныхъ горахъ бродятъ совершенно независимыя племена, извѣстныя подъ именемъ зендовъ [2]). Литанъ, другой торговый пунктъ на дорогѣ изъ Тибета въ Чэнъ-ду-фу, есть одинъ изъ самыхъ жалкихъ городишекъ въ свѣтѣ: расположенный въ котловинѣ высокихъ плоскогорій, въ бассейнѣ рѣки Ли-чу, спускающейся на югъ къ Цзинь-ша-цзяну, онъ находится почти на верхнемъ предѣлѣ растительности, на высотѣ 4.088 метровъ надъ уровнемъ океана; ни одного деревца, ни одного поля, засѣяннаго хлѣбомъ, никакой растительности, кромѣ грядокъ малорослой капусты да рѣпы, не увидишь въ этой печальной мѣстности, бывшей колыбелью Тибетской монархіи [3]), а между тѣмъ ламы, въ

[1]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.
[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".
[3]) Huc;—Yule, „The Book of ser Marco Polo".

числѣ около 3.500 человѣкъ, живутъ тутъ припѣваючи въ богатомъ монастырѣ, съ крышей, обитой золотыми листами [1]). Городъ Да-цзянь-лу (Дарчанъ-до), лежащій ниже Литана на 1.500 метровъ, въ прелестной долинѣ, орошаемой притокомъ рѣки Минь, занимаетъ болѣе счастливое, въ торговомъ отношеніи, мѣстоположеніе. Здѣсь находится таможня, на границѣ тибетской монархіи. Китайскій гарнизонъ занимаетъ казармы, а многочисленные купцы изъ провинціи Шань-си, буддисты или магометане, населяютъ лучшую часть города. Китайскія женщины не могутъ переходить за предѣлы этого города, чтобы проникать въ восточный Тибетъ; но въ самомъ городѣ онѣ живутъ въ большомъ числѣ, и тибетское населеніе представлено тамъ только метисами, которые, впрочемъ, отличаются болѣе красивыми чертами лица, на вкусъ европейцевъ, чѣмъ «дѣти Срединнаго царства». Нѣтъ мѣстности въ Китайской имперіи, гдѣ бы у женщинъ въ такой сильной степени была развита страсть къ драгоцѣннымъ украшеніямъ; онѣ обвѣшиваютъ себя бляхами изъ чеканнаго серебра, которыя перемѣшиваются съ ихъ ожерельями изъ драгоцѣнныхъ камней и стеклянныхъ бусъ; верхушка шевелюры прикрыта двумя большими серебряными кружками, и косы, спускающіяся изъ-подъ этой діадемы, поддерживаются повязкой, украшенной бляхами изъ того же металла [2]). Да-цзянь-лу есть мѣстопребываніе тибетскихъ католическихъ миссій.

Рѣка Да-ду-хэ проходитъ ниже Да-цзянь-лу въ страшномъ ущельѣ, между отвѣсныхъ стѣнъ, поднимающихся метровъ на 200 въ вышину, и омываетъ стѣны Лоу-динъ-чжао, перваго города, лежащаго совершенно внѣ области тибетцевъ и манзовъ, затѣмъ соединяется съ другими потоками, которые образуютъ рѣку Тунъ-хэ, главный притокъ Минь-цзяна и даже превосходящій его по объему жидкой массы. Во всякое время года суда могутъ подниматься вверхъ по Миню до Цзя-динъ-фу, города, господствующаго надъ мѣстомъ сліянія двухъ большихъ рѣкъ и еще одного, менѣе значительнаго, притока. Цзя-динъ-фу, одинъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ Сы-чуани, замѣчателенъ, между прочимъ, какъ рынокъ, откуда отправляется во всѣ мѣста Китая тотъ драгоцѣнный бѣлый воскъ или бэй-ла, который производятъ червецы, приносимые изъ окрестностей города Нинъ-юань-фу, стоящаго на 300 километровъ къ юго-западу. Окруженный соляными источниками, Цзя-динъ-фу получаетъ также шелкъ и сырецъ изъ города Я-чжоу-фу, лежащаго на сѣверо-западѣ, на дорогѣ изъ Тибета въ Чэнъ-ду-фу. Въ Я-чжоу-фу приготовляется почти весь кирпичный чай, потребляемый въ Тибетѣ; въ сосѣднихъ съ городомъ селеніяхъ воздѣлывается особая порода чайнаго дерева, листъ которой, гораздо болѣе грубый, чѣмъ листъ на плантаціяхъ восточныхъ провинцій, употребляется для приготовленія этого сорта чая [1]). Я-чжоу-фу—важнѣйшій укрѣпленный пунктъ и главный военный арсеналъ на границѣ. Въ 1860 году всѣ города этой страны укрѣплялись въ виду возможности нападеній тайпинговъ, но инсургенты не переходили за Цзя-динъ-фу, жители котораго защищались безъ помощи китайскихъ войскъ.

Столица провинціи Сы-чуань, Чэнъ-ду-фу, все еще «богатый и благородный городъ», какимъ онъ былъ во времена Марко Поло, хотя съ той эпохи онъ былъ много разъ опустошаемъ и даже разрушаемъ; Хубилай-ханъ истребилъ почти все его населеніе, болѣе милліона человѣкъ, по свидѣтельству лѣтописей. Нынѣшній городъ относительно недавняго происхожденія: императорскій дворецъ, какъ кажется, древнѣйшее зданіе города, восходитъ, по времени постройки, не далѣе конца четырнадцатаго столѣтія; городскія стѣны и почти всѣ дома были построены около конца прошлаго столѣтія, послѣ пожара, истребившаго большую часть Чэнъ-ду-фу; теперешняя ограда, довольно неправильная, но солидная и хорошо содержимая, имѣетъ около 12 верстъ въ окружности, и, сверхъ того, обширныя предмѣстья продолжаются далеко вдоль дорогъ: мало найдется городовъ, которые бы занимали болѣе значительное пространство. Какъ всѣ другіе главные города провинцій, Чэнъ-ду-фу состоитъ изъ двухъ городовъ или кварталовъ, татарскаго и китайскаго, изъ которыхъ послѣдній гораздо богаче и многолюднѣе перваго. Столицу Сы-чуани можно по справедливости назвать «китайскимъ Парижемъ»: это самый красивый и самый изящный городъ во всей Срединной имперіи. Улицы въ немъ широкія, прямыя, правильныя, хорошо вымощенныя и обведенныя по бокамъ водосточными канавами. Деревянные фасады домовъ украшены вычурной рѣзьбой, и черезъ отворенныя ворота видна перспектива дворовъ, съ ихъ разноцвѣтными обоями и цвѣтущими садами, которыми оканчиваются дворы. Арки изъ краснаго песчаника, воздвигнутыя въ разныхъ мѣстахъ города и въ предмѣстьяхъ, покрыты прелестными изваяніями въ рельефѣ, представляющими фантастическихъ животныхъ или сцены изъ мѣстной жизни. Жители города, по большей части опрятно и даже богато одѣтые, пользуются, кромѣ того, репутаціей самыхъ вѣжливыхъ и наиболѣе интересующихся литературой и наукой между китайцами; блестящіе магазины лучшихъ улицъ наполнены дорогими товарами, въ числѣ которыхъ находится много предметовъ европейскаго производства, и по-

[1]) Huc; — Cooper; — Gill.

[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie", août 1879.

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".

сѣтители постоянно толпятся въ книжныхъ лавкахъ [1]). Равнина, въ которой Чэнъ-ду-фу занимаетъ центръ, и которая дѣлаетъ столицу Сы-чуани однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая, представляетъ громадный садъ, одинъ изъ наилучше воздѣланныхъ во всемъ свѣтѣ, садъ, гдѣ вода «Четырехъ рѣкъ», Миня и его притоковъ, дѣлится на каналы чистой воды, развѣтвляющіеся на безчисленныя канавки между рядами фруктовыхъ деревьевъ, рисовыми полями, грядками овощей. Кромѣ главнаго города, на этой равнинѣ разсѣяно восемнадцать второклассныхъ и третьеклассныхъ городскихъ поселеній, имѣющихъ рангъ чжоу и сянь, нѣсколько другихъ городовъ, неогороженныхъ стѣнами, мѣстечекъ и посадовъ, имѣющихъ болѣе жителей, чѣмъ сколько ихъ насчитываютъ въ своей чертѣ многіе торговые города: вѣроятно, что въ этомъ бассейнѣ, площадь котораго не превышаетъ 6.000 квадратныхъ километровъ, сгруппировано населеніе, простирающееся до 4 милліоновъ душъ [2]). Громадное земледѣльческое производство этой равнины сдѣлало изъ Чэнъ-ду-фу большой складочный пунктъ разныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, но, кромѣ того, въ этомъ городѣ сильно развита промышленная дѣятельность, и ткачи различныхъ матерій, красильщики, вышивальщики насчитываются тамъ тысячами и тысячами. Верстахъ въ 75 къ западу, у подошвы горъ, ограничивающихъ равнину, лежитъ городъ Цюнъ-чжоу, славящійся своими писчебумажными фабриками [3]): отсюда получается лучшая въ Китаѣ бумага; но населеніе этого города, состоящее изъ переселенцевъ изъ Фуцзяна, пользуется дурной славой въ краѣ за свой буйный нравъ; въ окрестностяхъ города добываются желѣзо и соль, въ окружающихъ горахъ ростетъ чай. Чэнъ-ду-фу имѣетъ также транзитъ, который ему даетъ торговля долины Голубой рѣки съ Тибетомъ съ одной стороны, и съ другой — съ сѣверною Сы-чуанью и съ провинціей Ганъ-су, черезъ Гуанъ-юань-сянь или «Городъ у воротъ», лежащій при входѣ въ ущелья, черезъ которыя протекаетъ верхній Минь. Въ верхней долинѣ, городъ Сунъ-панъ-тинъ, расположенный близъ границы между двумя провинціями, замѣчателенъ какъ самый оживленный рынокъ въ той мѣстности, и населеніе его, состоящее въ большой части изъ магометанъ, по выраженію Джиля, «громадно», несмотря на высокое положеніе мѣста надъ уровнемъ моря (2.986 метровъ) [4]).

На сѣверо-востокѣ другая большая дорога ведетъ изъ Чэнъ-ду-фу въ верхней долинѣ Хань-цзяна, въ провинцію Шэнь-си, проходя послѣдовательно черезъ нѣсколько цѣпей холмовъ и горъ. Эта дорога, по сказанію лѣтописей имперіи, проведенная двадцать три столѣтія тому назадъ, для того, чтобы связать два царства Цзинь и Шу, то-есть сѣверный Китай и Сы-чуань, которые еще въ то время не были соединены въ одно государство, извѣстна подъ именемъ «Дорога золотаго быка» (Цзань-дао); по словамъ легенды, властитель страны Шу, съ цѣлью отправиться въ горы на поиски чудесныхъ быковъ, пища которыхъ будто бы превращалась въ чистое золото, велѣлъ, по совѣту другаго государя, устроить эту дорогу, открытіе которой должно было имѣть слѣдствіемъ гибель его царства [1]). Путь отъ Чэнъ-ду-фу въ бассейнъ Желтой рѣки только шесть столѣтій спустя былъ дополненъ дорогой изъ Хань-чжунъ-фу въ Си-ань-фу, проложенной черезъ перевалъ Цзунъ-линъ однимъ сычуанскимъ императоромъ, по имени Люй-би (Liupi), изъ котораго легенда сдѣлала нѣчто въ родѣ китайскаго Геркулеса.

Области китайскаго Цзинь-ша-цзяна не могутъ сравниться по важности городовъ съ бассейномъ Минь-цзяна. Однако, въ этой части Сы-чуани существуетъ значительный городъ, котораго не посѣтилъ еще ни одинъ европеецъ въ новѣйшія времена, но который, вѣроятно, видѣлъ Марко Поло: это Нинъ-юань, главный городъ прекрасной долины Ань-нинъ-хэ, рѣка которой, текущая на югъ, соединяется съ Я-луномъ, въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста сліянія этой рѣки съ Цзинь-ша-цзяномъ. По мнѣнію Рихтгофена [2]), Нинъ-юань то же самое, что Каинду, упоминаемый венеціанскимъ путешественникомъ. Китайцы говорятъ объ этомъ городѣ и объ окружающей его мѣстности какъ о земномъ раѣ — чудный контрастъ этой богатой равнины съ окружающими ее дикими горами есть одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не забываются.

Пинъ-шань-сянь, какъ извѣстно, есть тотъ городъ, передъ которымъ долженъ былъ остановиться путешественникъ Блекистонъ при плаваніи вверхъ по теченію Голубой рѣки. Сюй-чжоу-фу, расположенный при сліяніи Минь-цзяна и Золотоносной рѣки,—значительный городъ, складочный пунктъ для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ Юнь-нани во внутреннія провинціи Китая; лавки его наполнены рѣдкими и дорогими товарами, и между его ремесленниками есть много скульпторовъ и гранильщиковъ драгоцѣнныхъ камней [3]); кромѣ того, этотъ городъ славится своими цыновками, очень гибкими и чрезвычайно прочными. При-

[1]) Huc;—Richthofen;—Gill;—Cooper;—Baber;— Armand David.

[2]) F. von Richthofen, „Letter of the provinces of Chili, Shansi“ etc.

[3]) Cooper, цитированное сочиненіе.

[4]) Gill, цитированное сочиненіе.

[1]) Wylie, „Proceedings of the Geographical Society“, vol. XIV; - Richthofen, цитированное сочиненіе.

[2]) „Verhandlungen der Ges. für Erdkunde zu Berlin“, 1874; - Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

[3]) Gaston de Bézaure, „Le Fleuve Bleu“.

*

режныя залежи каменнаго угля, находящіяся выше и ниже Сюй-чжоу, доставляютъ лучшее по качеству минеральное топливо изъ всего бассейна Янъ-цзы-цзяна. Ниже, городъ Лучжоу, построенный тоже на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, при впаденіи притока Чжунъ-цзяна, ведетъ отпускную торговлю другими минеральными продуктами, преимущественно солью, добываемой изъ знаменитыхъ соляныхъ источниковъ Цзы-лю-чэнъ («Колодцы текучей воды»), въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-западу. Этотъ «Соляной городъ» примѣтенъ издалека по высокимъ деревяннымъ помостамъ, воздвигнутымъ на берегу рѣки, по скатамъ и даже на вершинѣ холмовъ: издали это такой же точно видъ, какой представляютъ высокія трубы фабрикъ въ мануфактурныхъ городахъ Европы. Эта любопытная область, съ которой мы знакомы уже изъ разсказовъ прежнихъ миссіонеровъ іезуитовъ, и которую посѣтилъ Джилль, обнимаетъ площадь болѣе 10 километровъ въ ширину, и на всемъ этомъ пространствѣ почва изрыта глубокими ямами, пробуренными на сотни метровъ внутрь земли. Джилль видѣлъ, какъ бурили колодезь, доведенный уже до глубины 660 метровъ черезъ слои песчаника и глины: буреніе подвигалось почти на 60 сантиметровъ въ день, но, должно быть, буровой снарядъ часто ломался, судя по тому, что работа была начата уже за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Другія буровыя скважины достигаютъ глубины 850 метровъ [1]). Такимъ образомъ китайскіе рудокопы, при помощи самыхъ простыхъ пріемовъ и орудій, успѣваютъ соперничать съ горными инженерами Запада: длинная желѣзная полоса, заостренная на концѣ, бамбуковый канатъ для поднятія ея, крюкъ для обратнаго спусканія ея въ колодезь, легкое закручиваніе, сообщаемое веревкѣ, когда она поднимается,—вотъ и весь снарядъ; буровыя скважины, шириной отъ 6 до 12 сантиметровъ, выложены внутри бамбукомъ, и при помощи другихъ бамбуковыхъ палокъ, съ просверленнымъ въ нихъ клапаномъ, поднимаютъ на верхъ соленую воду, чтобы отбрасывать ее въ испарительные бассейны. Большинство колодцевъ достигаютъ солянаго слоя между 200 и 300 метрами, и если продолжать буреніе въ болѣе глубокихъ пластахъ, то буровой снарядъ наполняется уже не соленой водой, а горнымъ масломъ. Изъ земли съ силой вырываются воспламеняющіеся газы: отсюда и названіе «огненные колодцы», даваемое буровымъ скважинамъ. Бамбуковыя трубы, обмазанныя глиной, вставлены въ отверстіе, откуда выходятъ горючіе газы, и развѣтвляются подъ бассейнами, наполненными соленой водой, гдѣ зажигаютъ газъ, чтобы ускорить выпариваніе и кристаллизованіе соли. Въ [illegible] ду, когда въ краѣ расхаживали шайки [illegible] никовъ, одинъ изъ колодцевъ воспламе[illegible] и горѣлъ долго, освѣщая всю окрестную с[illegible] какъ маякъ [1]). По Джиллю, округъ Цзы-л[illegible] изрытъ по меньшей мѣрѣ 1.200 соляны[illegible] лодцами; общая добыча соли должна [illegible] раться ежегодно отъ 80.000 до 120.000 то[illegible] Большинство солеварницъ принадлежитъ [illegible] тымъ корпораціямъ, но масса жителей к[illegible] свое существованіе въ крайней бѣдности [illegible] найдется городскихъ поселеній, котор[illegible] имѣли болѣе жалкій невзрачный видъ. [illegible] этотъ большой городъ, населеніе ко[illegible] своимъ тяжелымъ трудомъ обогащает[illegible] кировъ Чунъ-цина. Въ концѣ 70 годовъ [illegible] торые владѣльцы соляныхъ заводовъ, сое[illegible] шись съ компаніей европейскихъ негоціа[illegible] хотѣли было ввести англійскіе насосы дл[illegible] чтобы облегчить трудъ и уменьшить за[illegible] ную плату, но рабочіе тотчасъ же ус[illegible] стачку, и нововводители были изгнан[illegible] края. Населеніе этого округа, единств[illegible] промыселъ котораго, помимо земледѣл[illegible] ставляетъ разработка соляныхъ и нефт[illegible] источниковъ, простирается до нѣскол[illegible] сотъ тысячъ душъ.

Чунъ-цинъ — главный рынокъ вос[illegible] Сы-чуани. Живописно построенный на л[illegible] берегу Янъ-цзы-цзяна, при впаденіи в[illegible] судоходной рѣки Цзя-линъ-цзяна, прито[illegible] торой орошаютъ обширное пространство з[illegible] начиная отъ границъ страны Куку-норъ, [illegible] городъ сдѣлался складочнымъ пунктом[illegible] всѣхъ произведеній Сы-чуани и мѣстом[illegible] сылки по краю товаровъ, привозимыхъ [illegible] восточныхъ провинцій. Важный тор[illegible] центръ, преимущественно для шелковых[illegible] ней, табаку, растительныхъ маслъ, му[illegible] Чунъ-цинъ представляетъ болѣе кипучу[illegible] мерческую дѣятельность, чѣмъ даже гл[illegible] городъ «Четырехрѣченскаго» края; это [illegible] хай западнаго Китая; подобно европей[illegible] торговымъ городамъ, главный рынокъ С[illegible] ани имѣетъ биржу, гдѣ обсуждаютъ цѣн[illegible] воровъ и заключаются сдѣлки между н[illegible] антами; здѣсь существуютъ также заводы[illegible] очищается серебро, и которые каждый [illegible] пропускаютъ черезъ свои плавильники [illegible] сотни тысячъ франковъ въ серебряныхъ [illegible] кахъ [3]). Но Чунъ-цинъ стоитъ гораздо [illegible] Чэнъ-ду-фу въ отношеніи чистоты улицъ, [illegible] соты зданій; какъ дѣятельный торговый го[illegible] онъ отличается только оживленнымъ ви[illegible] своихъ улицъ и переулковъ и скопле[illegible] огромнаго множества джонокъ и барокъ, [illegible] ящихъ на якорѣ передъ его набережными.

[1]) Imbert, „Annales de la propagation de la Foi", 1828, 1830.

[1]) „The River of Golden Sand".

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the Provin[illegible] Chili, Shansi, Shensi" etc.

[3]) Fr. Garnier, „Temps", 13 mars 1874.

состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ городовъ, которые оба имѣютъ рангъ главнаго административнаго пункта,—изъ собственно Чунъ-цина, расположеннаго въ западномъ углу, и Ли-мина, выстроившагося въ восточномъ углу сліянія, окруженнаго каменною стѣною до 7½ верстъ длиною; кромѣ того, обширное предмѣстье раскинулось напротивъ, на правомъ берегу Голубой рѣки. Большинство негоціантовъ, поселившихся въ Чунъ-цинѣ, состоитъ изъ уроженцевъ провинцій Шань-си, Шэнь-си, Цзянъ-си; въ 1878 году здѣсь учреждено англійское торговое агентство, а въ 1891 году на основаніи Чифуйской конвенціи портъ былъ открытъ для иностранной торговли, при чемъ иностранные товары до 1897 года могли лишь быть перевозимы подъ китайскимъ флагомъ. Въ 1897 году и это условіе было устранено. Въ настоящее время въ Чунъ-цинѣ проживаетъ 65—70 человѣкъ иностранцевъ, а торговые обороты Чунцинскаго порта довольно значительны: такъ, въ 1892 году иностранныхъ товаровъ было доставлено на туземныхъ джонкахъ на сумму 8 милліоновъ рублей, однихъ китайскихъ товаровъ привезено на 500 тысячъ. Вывозъ мѣстныхъ предметовъ достигъ цѣнности въ 4 слишкомъ милліона рублей. Такимъ образомъ общая цифра оборота равняется 12½ м. руб. Въ 1895 году общая цѣнность оборотовъ простиралась до 13.253.772 ланъ [1]), при чемъ стоимость иностранныхъ произведеній равнялось 5.618.213 ланамъ [2]). Въ началѣ семнадцатаго столѣтія населеніе города исчислялось въ 36.000 душъ; въ 1861 году Блекистонъ приписывалъ ему 200.000 жителей, а въ 1892 году — 250 т. душъ; по разсчету новѣйшихъ изслѣдователей, три соединенные города заключаютъ въ своей чертѣ не менѣе 700.000 человѣкъ: такимъ образомъ два центра населенія въ Сы-чуани превосходятъ по многолюдству самую столицу имперіи. На сѣверъ отъ Чунъ-цина, другой городъ, Хэ-чжоу, тоже ведетъ дѣятельную торговлю, благодаря своему счастливому положенію при сліяніи трехъ рѣкъ, изъ которыхъ образуется Ба-хэ. Сосѣднія горы содержатъ залежи жирной земли, которую употребляютъ въ пищу во время недостатка хлѣба; ее сушатъ въ формѣ маленькихъ хлѣбцевъ, затѣмъ пекутъ на горячихъ угольяхъ и развозятъ по всѣмъ окрестнымъ рынкамъ [3]).

Ниже Чунъ-цина по теченію Янъ-цзы-цзяна, первый городъ, лежащій при впаденіи большаго притока, Фу-чжоу, очень оживленный рынокъ, командуетъ входомъ рѣки Цинъ-цзянъ-хэ и, слѣдовательно, всей судоходной сѣтью провинціи Гуй-чжоу: главный торговый трактъ между Сы-чуанью и Цзянъ-си захватываетъ теченіе этой рѣки. Большинство барокъ останавливается у подножія пороговъ, отъ которыхъ получили свое названіе самая рѣка и городъ Гунъ-дань [1]); только нѣкоторыя, плоскодонныя суда поднимаются до Гуй-яна, главнаго административнаго пункта провинціи Гуй-чжоу. Этотъ городъ находится около истоковъ рѣки Цинъ-цзянъ-хэ и сообщается, черезъ невысокіе пороги, съ одной стороны съ бассейномъ Си-цзяна, съ другой—съ бассейномъ рѣки Юана, впадающей въ озеро Дунъ-тинъ. Изъ этого видно, что сообщенія въ этой части Китая, относительно не затруднительны, но въ окрестностяхъ находятся нѣкоторые изъ массивовъ, принадлежащіе къ числу наименѣе изслѣдованныхъ горъ имперіи; нѣкоторыя племена мяотовъ, частію обращенныя миссіонерами въ римско-католическую вѣру, могли до сихъ поръ удержаться тамъ. Въ одномъ ущельѣ этихъ горныхъ цѣпей, близъ Анъ-шуа, ручей падаетъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ метровъ [2]). Область верхняго Гуй-чжоу принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ ртуть находится въ наибольшемъ изобиліи; во многихъ мѣстахъ плугъ выбрасываетъ изъ подъ почвы куски киновари. Революція 1848 года, имѣвшая очень кровавый характеръ въ провинціи Гуй-чжоу, положила конецъ разработкѣ рудниковъ; въ 1872 году они еще были залиты водой [3]).

Очень красивый городъ Гуй-чжоу-фу лежитъ не въ провинціи того же имени, названной такъ, говорятъ, по растущей тамъ во множествѣ дикой ліанѣ, можетъ быть, той самой, которая даетъ китайскую корицу; онъ находится въ Сы-чуани, на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, и командуетъ входомъ въ ущелья, выходъ изъ которыхъ въ провинцію Ху-бэй охраняетъ И-чанъ. Этотъ послѣдній городъ окруженъ полями, засѣянными макомъ и производящими лучшій и наиболѣе цѣнный во всемъ Китаѣ сортъ опіума; въ 1878 году тамъ поселилась европейская колонія, состоящая изъ негоціантовъ и служащихъ, и съ этого времени движеніе торговыхъ оборотовъ города стало быстро возрастать; главные предметы его отпуска составляютъ каменный уголь, москотильный товаръ и лекарственныя снадобья всякаго рода. Торговля И-чана представлялась, по общей цѣнности, въ 1897 году на сумму 1.794.380 ланъ [4]). И-чанъ, лежащій на Голубой рѣкѣ въ разстояніи 1.760 километровъ выше Шанхая, теперь регулярно посѣщается пароходами, которые находятъ до этого мѣста обыкновенно по меньшей мѣрѣ 6 метровъ глубины; однако, въ ме-

[1]) Ланъ таможенный около 1,40 коп.
[2]) „Trade reports“, 1895, стр. 51.
[3]) Bertrand, „Annales de la propagation de la Foi“, juillet 1844.
[4]) Fr. Garnier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, janvier 1874.
[3]) Lions, „Annales de la propagation de la Foi“, 1876.
[3]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi“ etc.
[4]) „Returns of trade“, 1897 г.

женное время одинъ изъ пороговъ лежитъ менѣе, чѣмъ на 2 метра отъ поверхности воды [1]). Большинство барокъ, приходящихъ изъ Сычуани, выгружаютъ свою кладь либо въ И-чанѣ, либо ниже по рѣкѣ въ Ша-ши, гдѣ другія барки, построенныя спеціально въ виду плаванія по мелкимъ водамъ и требующія меньшаго числа судовщиковъ, принимаютъ грузы, чтобы перевозить ихъ въ Хань-коу. До введенія пароходства городъ Ша-ши, расположенный по берегу Голубой рѣки, на протяженіи 7 километровъ, производилъ болѣе дѣятельную торговлю, чѣмъ И-чанъ; впрочемъ, онъ имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что можетъ поддерживать прямое сообщеніе, посредствомъ Тайпинскаго канала, всегда судоходнаго, съ озеромъ Дунъ-тинъ. Близъ Ша-ши, на лѣвомъ берегу Янъ-цзы-цзяна, стоитъ укрѣпленный городъ Цзинъ-чжоу, упоминаемый уже Конфуціемъ; занятый маньчжурскимъ гарнизономъ, этотъ городъ имѣетъ важность только по своей административной и военной роли.

Большіе города Ху-нани расположены не на берегу Голубой рѣки; они находятся внутри провинціи, на торговыхъ путяхъ, связывающихъ бассейнъ Янъ-цзы-цзяна съ бассейномъ Си-цзяна. Рѣка Юань, изливающая свои воды въ юго-западную бухту озера Дунъ-тинъ,—есть одинъ изъ главныхъ путей судоходства; она даже соединяется посредствомъ канала съ однимъ изъ притоковъ Кантонской рѣки: судамъ нужно только пройти черезъ ворота шлюза, у города Гуй-линъ (Koeiling), чтобы перейти съ одной покатости водораздѣльнаго хребта на другую. Однако, этотъ водный путь слишкомъ труденъ при подъемѣ, чтобы имъ можно было часто пользоваться, и большинство судовъ нижняго Юань-цзяна не переходитъ, при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, за городъ Чэнь-чжоу-фу, главный рынокъ западной Ху-нани [2]). Ниже, городъ Чанъ-дэ-фу, построенный на Юань-цзянѣ, въ 60 километрахъ ниже первыхъ пороговъ, доступенъ во всякое время года для барокъ даже большаго водоизмѣщенія: этотъ «пышный» городъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для части провинціи Гуй-чжоу и для земли мяотовъ. Опустошительное возстаніе тайпинговъ едва коснулось Чанъ-дэ-фу, чѣмъ и объясняется поразительная роскошь его публичныхъ сооруженій, мостовъ, набережныхъ и дорогъ [3]).

Гораздо важнѣе рынокъ восточной Ху-нани, Сянъ-тань, если не главный въ административномъ отношеніи, то важнѣйшій по торговлѣ городъ провинціи и одна изъ метрополій Китая. Сянъ-тань построенъ, какъ показываетъ самое его имя (тань—значитъ порогъ), при одномъ изъ пороговъ рѣки Сянъ-хэ, черезъ который, впрочемъ, могутъ подниматься барки: джонки, несущія грузъ вѣсомъ отъ 25 до 30 тоннъ, тысячами стоятъ на якорѣ передъ набережными города. Собственно городъ, обнесенный каменными стѣнами, тянется по лѣвому берегу рѣки на пространствѣ около 5 километровъ; но и тутъ средоточіе торговли: торговая дѣятельность перенеслась въ обширныя предмѣстья, которыя расходятся во всѣхъ направленіяхъ вдоль высокаго берега и вдоль дорогъ. Этотъ городъ занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе почти въ серединѣ восточной Ху-нани, самой богатой части провинціи, и, благодаря своей судоходной рѣкѣ, является необходимымъ мѣстомъ остановки и склада для путешественниковъ и товаровъ на дорогахъ между центральными и южными провинціями государства, пролегающихъ черезъ три горные прохода Гуй-линъ, Чжэ-линъ и Мэй-линъ. Сянъ-тань лежитъ въ центрѣ обширнаго треугольника, образуемаго тремя важными городами Чунъ-цинъ, Хань-коу и Кантономъ. Коммерческая рутина сдѣлала также изъ этого города главный складъ аптекарскихъ и москотельныхъ товаровъ всякаго рода для цѣлаго Китая. Этотъ товаръ составляетъ предметъ весьма значительной торговли въ странѣ, гдѣ всякія лекарственныя снадобья и зелья, корни, пилюли и охладительные отвары въ большей чести, чѣмъ у всякаго другаго народа: на окрестныхъ дорогахъ часто встрѣчаешь караваны, состоящіе единственно изъ куліевъ и вьючныхъ животныхъ, несущихъ ящики съ лекарственными припасами. Такъ же, какъ въ другихъ городахъ имперіи, почти всѣ богатые купцы и банкиры переселенцы изъ провинціи Шань-си, эти «евреи» Срединнаго царства. Вездѣ на скатахъ холмовъ, въ окрестностяхъ города, увидишь ихъ хорошенькія дачи, обсаженныя тѣнистыми деревьями и окруженныя пахатными землями, которыя обыкновенно сдаются въ аренду. Переворотъ, совершившійся въ китайской торговлѣ со времени открытія приморскихъ портовъ иностраннымъ негоціантамъ и появленія неизданныхъ дотолѣ пароходовъ на Голубой рѣкѣ, неминуемо долженъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе относительной важности Сянъ-таня, оставленнаго въ сторонѣ отъ главныхъ путей торговаго движенія. Но возможно, что городъ получитъ въ будущемъ значительную промышленную роль, благодаря каменноугольнымъ мѣсторожденіямъ Ху-нани, которыя по протяженію можно сравнить съ обширными залежами Пенсильваніи. Смолистые угли сосѣдней съ Сянъ-таномъ области мало цѣнятся по причинѣ ихъ плохаго качества, но антрациты изъ Лэй-нина, въ бассейнѣ рѣки Лэй, одного изъ верхнихъ притоковъ Сяна, принадлежатъ къ лучшимъ сортамъ, какіе извѣстны до сихъ поръ; они, впрочемъ, разрабатываются очень дѣятельно, и тысячи судовъ употребляются для перевозки лэйянскаго угля въ Сянъ-тань и на Янъ-цзы-

[1]) Spencer, „Consular Report", 1881.
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the province of Hunan".
[3]) Fr. Garnier, Temps", 4 mars 1874.

цзянъ. Даже Хань-коу и Нанкинъ получаютъ этотъ уголь для рѣчныхъ пароходовъ: Рихтгофенъ полагаетъ, что нужно считать по меньшей мѣрѣ въ 150.000 тоннъ количество антрацита, извлекаемое ежегодно изъ мѣсторожденій бассейна Лэй-хэ [1]).

Главный городъ провинціи—Чанъ-ша-фу, лежащій при рѣкѣ Сянъ, на половинѣ дороги отъ Сянъ-таня къ озеру Дунъ-тинъ, много уступаетъ Сянъ-таню, какъ по развитію торговой дѣятельности, такъ и по своимъ размѣрамъ, хотя ограда, обведенная вокругъ собственно такъ называемаго города, имѣетъ болѣе значительное протяженіе. Противъ города, на скатахъ холма, расположены зданія высшаго училища или лицея Іо-ло, одного изъ знаменитѣйшихъ учебныхъ заведеній Китая, гдѣ болѣе тысячи молодыхъ людей, отъ двадцати двухъ до двадцатипятилѣтняго возраста учатся каждый отдѣльно и совершенно самостоятельно, обращаясь за разъясненіемъ къ своему профессору только въ тѣхъ случаяхъ, когда наталкивается на какое-нибудь затрудненіе въ изучаемомъ предметѣ. Существованіе въ Ху-нани могущественной земельной аристократіи, обогащающейся въ добавокъ торговлей, объясняетъ исключительную пропорцію мандариновъ уроженцевъ этой страны, которыхъ встрѣтишь во всѣхъ частяхъ имперіи.

Ниже города Чанъ-ша-фу, одинъ небольшой гранитный хребетъ, перерѣзываемый рѣкой Сянъ, замѣчателенъ тѣмъ, что далъ странѣ нѣкоторую промышленную важность; камень утилизируется для выдѣлки плитъ и ступокъ, которыя вывозятъ отсюда даже въ отдаленныя мѣста, а глины, образовавшіяся изъ разложенія гранита, употребляются въ многочисленныхъ гончарныхъ заведеніяхъ Тунъ-гуаня, гдѣ фабрикуютъ, между прочимъ, лакированныя черепицы всевозможныхъ цвѣтовъ, расписанныя оригинальными рисунками, которыя идутъ на обшивку кровель храмовъ и частныхъ домовъ въ Ху-нани и въ сосѣднихъ провинціяхъ. Ниже встрѣчаемъ городъ Сянъ-инь, который можетъ быть разсматриваемъ какъ верхній портъ озера Дунъ-тинъ, тогда какъ Іо-чжоу построенъ при выходѣ изъ этого озера, на крутоярѣ праваго берега Голубой рѣки. Этотъ городъ получилъ нѣкоторую важность какъ пристань и складочное мѣсто товаровъ; однако, онъ не такъ значителенъ, какъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе его счастливое мѣстоположеніе въ точкѣ встрѣчи двухъ торговыхъ путей, каковы Янъ-цзы-цзянъ и Сянъ-цзянъ; это объясняется тѣмъ, что ханькоусскій рынокъ привлекаетъ къ себѣ все движеніе торговаго обмѣна.

Въ началѣ 1898 года японцы, послѣ того какъ англичане заняли Вэй-хай-вэй, потребовали отъ Пекинскаго правительства, чтобы въ число портовъ, открываемыхъ для японской торговли, былъ включенъ и городъ Іо-чжоу; на это требованіе китайское правительство медлитъ окончательнымъ отвѣтомъ, заявивъ, что Іо-чжоу будетъ открытъ своевременно вмѣстѣ съ другими трактатными портами, объ открытіи которыхъ такъ хлопочутъ европейцы и преимущественно англичане.

Вѣроятно, что три города: У-чанъ-фу, расположенный на правомъ берегу Янъ-цзы, Ханькоу, помѣщающійся напротивъ и къ востоку отъ впаденія притока Хань, и Хань-янъ-фу, построенный на верхнемъ полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, были до половины настоящаго столѣтія самыми многолюдными городскими поселеніями, какія существовали на земномъ шарѣ. Лондонъ, у котораго теперь во всемъ свѣтѣ нѣтъ соперника по числу жителей, имѣлъ только половину своего нынѣшняго населенія въ то время, когда эти три китайскіе города еще не были разорены тайпингами. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которые, впрочемъ, могли судить о важности и населенности этихъ городовъ только по продолжительности времени, употребленнаго на проѣздъ или проходъ черезъ нихъ, тогда жило около восьми милліоновъ человѣкъ въ этомъ громадномъ муравейникѣ [1]). Какъ бы то ни было, У-чанъ, Хань-коу и Хань-янъ не имѣли вмѣстѣ даже одного милліона жителей, послѣ нашествія инсургентовъ, когда Блекистонъ поднимался по Голубой рѣкѣ, въ 1861 г. Въ настоящее время они снова возрастаютъ по количеству населенія и по развитію торговой дѣятельности. Городъ праваго берега, столица провинціи Ху-бэй, есть единственный изъ трехъ городовъ, который окруженъ валами и стѣнами; онъ занимаетъ пространство около 34 квадратныхъ километровъ, не считая предмѣстій; Ханькоу далеко протянулся своими кварталами и улицами по берегамъ двухъ рѣкъ, и соединяется съ Хань-яномъ множествомъ джонокъ, образующихъ собою подвижный мостъ отъ одного берега до другаго; даже Янъ-цзы-цзянъ, хотя онъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ болѣе километра въ ширину, покрытъ судами, между которыми фигурируютъ въ довольно большомъ числѣ пароходы преимущественно англійскіе и китайскіе. Какъ торговый городъ, Хань-коу занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе, такъ какъ онъ находится около середины удобнаго для судоходства теченія Янъ-цзы, при впаденіи въ него Хань-цзяна, торговаго пути, который ведетъ къ берегамъ Желтой рѣки и въ провинцію Шэнь-си; можно даже сказать, что Хань-коу, имя котораго значитъ буквально «Устье Ханя», командуетъ географически теченіемъ рѣки Сянъ и всѣмъ бас-

[1]) „Letter on the province of Hunan"; — Morrison, „Proceedings of the Geograph. Society of London", 1881.

[1]) Huc, „L'Empire Chinois".

сейномъ озера Дунъ-тинъ: въ этомъ городѣ пересѣкаются главныя дороги судоходства, идущія съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ имперіи. Слѣдовательно, Хань-коу представляетъ собою центръ торговли Китая, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ получилъ такое важное значеніе между всемірными рынками. Единственное неудобство мѣстоположенія этого города то, что онъ подверженъ наводненіямъ вслѣдствіе разлива Янъ-цзы-цзяна; когда береговыя плотины уступятъ напору водъ, улицы затопляются, и жители убѣгаютъ на окрестные холмы и на пригорки искусственнаго происхожденія, разсѣянные словно острова середи моря [1]). Даже когда рѣки стоятъ на низкомъ уровнѣ, вы видите у себя подъ ногами, съ высоты «Холма пагоды», почти столько же воды, сколько твердой земли; большія рѣки, извивающіяся по равнинѣ, потоки, оставленные тамъ и сямъ измѣнчивымъ теченіемъ разлива, озера, разсѣянныя въ лощинахъ, придаютъ окрестной мѣстности видъ страны, едва выступающей изъ водъ потопа. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по теченію Голубой рѣки, которая дѣлаетъ большой крюкъ къ югу, суда, направляющіяся на западъ къ городу Ша-ши, плывутъ прямо по непрерывной цѣпи озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ каналами, обведенными по берегамъ плотинами: такимъ образомъ переходъ сокращается болѣе, чѣмъ на двѣ трети [2]).

Ни одинъ изъ городовъ внутренняго Китая не имѣетъ такой многочисленной иностранной колоніи, какая находится къ Хань-коу. Красивый кварталъ европейскихъ двухъ-этажныхъ домовъ, отдѣленный отъ рѣки широкою набережною, засаженными деревьями, господствуетъ своей правильной массой надъ китайскими строеніями и составляетъ яркій контрастъ съ бараками на сваяхъ города Хань-янъ-фу. Произведены были громадныя работы, чтобы поднять почву европейской концессіи выше уровня наводненій, и чтобы построить каменный откосъ набережной, вышиной въ 15 метровъ, которой англичане дали названіе bund,— слово персидское, ввезенное изъ ихъ остъ-индской имперіи. Хань-коу—главный рынокъ Китая по торговлѣ чаемъ. Можно сказать, что иностранная колонія зависитъ отъ коммерческихъ колебаній этого товара; прибытіе первыхъ чайныхъ листьевъ приводитъ всѣхъ ея обитателей въ лихорадочное движеніе; народъ толпится на фабрикахъ и въ конторахъ, пароходы спѣшатъ ошвартоваться вдоль дамбы; днемъ и ночью улицы и площади европейскаго квартала переполнены дѣловымъ людомъ. Эта кипучая дѣятельность продолжается три мѣсяца, и именно въ самую жаркую, самую томительную пору года. Возбужденіе достигаетъ высшаго предѣла въ концѣ мая, когда корабли, отправляющіеся въ Европу, приводятъ къ концу свою нагрузку, ибо состязаніе въ скорости между судами доставляетъ побѣдителю не только тщеславіе торжества, но, сверхъ того, фрахтовую плату двойную противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Въ 1881 году изъ Хань-коу было вывезено чаевъ 2.920.000 пудовъ, на сумму 18.578.000 руб. [1]). Но какъ только отправка ящиковъ съ чаемъ окончена, въ конторахъ воцаряется полное затишье, и въ европейскомъ кварталѣ остается только небольшое число служащихъ и приказчиковъ; одни лишь китайскіе торговцы, которыхъ иностранные негоціанты, впрочемъ, являются только коммиссіонерами, продолжаютъ отправлять табакъ, кожи и другія произведенія края; они вывозятъ даже туземный опіумъ, который мѣшаютъ съ индійскимъ опіумомъ, чтобы продавать его потребителямъ Срединнаго царства.

Дѣятельность русскихъ фирмъ въ Хань-коу ограничивается главнымъ образомъ на закупкѣ и отправленіи чаевъ въ Россію, при чемъ отправляются чаи и высшаго и низшаго качества, послѣдніе перерабатываются въ Ханькоу на спеціальныхъ фабрикахъ и въ видѣ кирпичнаго и плиточнаго чая поступаютъ на рынки Азіатской и Европейской Россіи, а также Монголіи и Средней Азіи. За послѣднее время чайное дѣло въ Хань-коу стало нѣсколько падать, и количество вывозимаго чая уже въ 1886 году, хотя и было нѣсколько большимъ, равняясь 3.293.000 пудамъ, но цѣнность его была почти та же— 18.817.000 руб., говоря другими словами, увеличился вывозъ низшихъ сортовъ чая и уменьшился вывозъ высшихъ сортовъ, покупателями которыхъ главнымъ образомъ были ранѣе англійскіе купцы. Послѣдніе, по словамъ Д. Покотилова, признавая, что китайскіе чаи отличаются несравненно большимъ ароматомъ, тѣмъ не менѣе предпочитаютъ индійскіе и цейлонскіе, какъ изготовляемые съ большею практичностію и дающіе болѣе крѣпкій настой. Въ настоящее время чайное дѣло Ханькоускаго рынка перешло главнымъ образомъ въ руки русскихъ коммерсантовъ, дѣятельность которыхъ описывается Д. Покотиловымъ слѣдующимъ образомъ:

«Вліяніе свое наши фирмы пріобрѣтали и закрѣпляли понемногу, при чемъ аккуратнымъ и точнымъ исполненіемъ получаемыхъ ими изъ Москвы заказовъ наши Ханькоускіе коммиссіонные торговые домы постепенно отъучали московскихъ заказчиковъ отъ обращенія за товаромъ въ Лондонъ, бывшій до послѣдняго времени главнымъ центромъ по чайной торговлѣ. Они показали на опытѣ, насколько выгоднѣе и цѣлесообразнѣе для русскихъ чай-

[1]) Armand David;—Cooper;—Mac. Carthy.
[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.

[1]) Покотиловъ, „Китайскіе порты“. Изд. Мин. Финанс.

ныхъ торговцевъ обращаться съ заказами на товаръ прямо въ Хань-коу, вслѣдствіе чего являлось возможнымъ избѣгать множества накладныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ закупкою чаевъ на Лондонскомъ рынкѣ. Съ особенною рельефностью обрисовалось преобладающее значеніе нашихъ купцовъ въ Хань-коу, начиная съ 1888 г. Въ этомъ году учредилъ свою контору извѣстный торговый домъ «Братья К. и С. Поповы». Оживленная дѣятельность этой фирмы, производившей самостоятельныя закупки чаевъ за свой собственный рискъ, придала особенный вѣсъ и значеніе операціямъ русскихъ коммерсантовъ. Отличительною чертою дѣятельности нашихъ фирмъ въ отношеніи закупокъ байховыхъ чаевъ является отсутствіе въ ней спекулятивнаго характера, чего далеко нельзя сказать объ операціяхъ другихъ иностранныхъ торговыхъ домовъ.—Русскіе обыкновенно озабочиваются заблаговременно покупкою чая, для чего посылаютъ въ горы на плантанціи и на чайныя фабрики своихъ агентовъ, которые закупаютъ чайные урожаи, такъ сказать, еще на кустахъ. Заручившись такимъ извѣстнымъ количествомъ товара, русскія фирмы этимъ самымъ уже избавляются до нѣкоторой степени отъ спекулятивной горячки, которая обнаруживается въ Хань-коу, почти ежегодно при открытіи чайнаго рынка. Самый ходъ торговли во время сезона безконечно разнообразится и стоитъ въ зависимости отъ многихъ причинъ: отъ урожая, размѣровъ дѣятельности такъ называемыхъ чайныхъ брокеровъ, преимущественно Кантонскихъ купцовъ, перепродающихъ въ Хань-коу иностранцамъ скупленные ими у мѣстныхъ производителей чаи, и проч. При наличности такихъ условій естественно, что выдержанность и осторожность, являющіяся отличительными качествами нашихъ фирмъ въ Хань-коу, могутъ служить наиболѣе вѣрнымъ залогомъ успѣшности ихъ операцій.

Съ 1888 года начинается увеличеніе вывоза байховыхъ чаевъ въ Россію и пропорціональное сокращеніе его на Лондонъ. Такое паденіе значенія лондонскаго рынка признается впрочемъ и самими англійскими купцами, которые, начиная съ 1889 года, откровенно высказываютъ, что чайный рынокъ въ Хань-коу контролируется русскимъ спросомъ и они, англичане, утратили на немъ свою первенствующую роль.

Русскія фирмы отправляли байковые чаи въ Россію или Кяхту черезъ Тянь-цзинь, или же черезъ Одессу и Лондонъ. Довольно значительныя партіи байховыхъ чаевъ направлялись также въ Николаевскъ на Амурѣ, во Владивостокъ и наконецъ въ Аянъ черезъ Іокогаму.

Общіе же итоги вывоза русскими изъ Ханькоу байховыхъ чаевъ колебались за десятилѣтіе съ 1881 года по 1890 годъ между 27.500 тыс. рус. фунтовъ на сумму 5.500 тыс. р. м. (вывозъ 1886 г.) и 13.500 тыс. рус. фунтовъ на сумму 3.500 тыс. р. м. (вывозъ 1881 г.).

Весьма почтенную отрасль коммерческой и промышленной дѣятельности русскихъ фирмъ въ Хань-коу составляетъ выдѣлка и вывозъ въ Россію кирпичнаго чая. За отчетныя 12 лѣтъ кирпичнаго чая вывозилось русскими ежегодно на сумму 1.200 тыс. до 1.600 тыс. руб. мет.

Кирпичный чай изготовляется русскими изъ чайныхъ высѣвокъ, называемыхъ по-китайски «хуа-сянъ». Высѣвки эти предварительно распариваются, а затѣмъ складываются въ деревянныя формы, похожія на тѣ, которыя употребляются для выдѣлки обыкновенныхъ кирпичей. Формы эти кладутъ подъ сильный паровой прессъ и прессуютъ до тѣхъ поръ, пока не получится кирпичъ желаемой плотности. Пріемъ этотъ, кажущійся на первый взглядъ довольно простымъ, требуетъ, однако, отъ фабриканта значительнаго умѣнья и опытности, такъ какъ при малѣйшемъ недосмотрѣ или недостаточно хорошемъ качествѣ матеріала, издѣліе получается весьма низкаго достоинства. По качеству матеріала, идущаго на изготовленіе кирпичнаго чая, товаръ этотъ дѣлится на три категоріи: черный, обыкновенный и зеленый.

За первую половину отчетнаго періода замѣчается особенное увеличеніе выдѣлки и вывоза чернаго чая. Причиною этого увеличенія слѣдуетъ считать уменьшеніе за это время выдѣлки его на югѣ, въ Фу-чжоу. Дѣло въ томъ, что сибирскіе купцы, выписывавшіе кирпичные чаи отъ русскихъ фабрикантовъ въ Китаѣ, требовали отъ нихъ, чтобы таковые приготовлялись исключительно изъ фучжоускихъ чайныхъ высѣвокъ. Такъ какъ фабрикантамъ не представлялось никакой возможности удовлетворить такому требованію заказчиковъ, то они стали изготовлять чаи весьма низкаго качества, которые и были забракованы заказчиками, послѣ чего послѣдніе почти совсѣмъ прекратили свои сношенія съ Фу-чжоу и стали обращаться со своими заказами въ Хань-коу. Такое увеличеніе спроса побудило купцовъ построить фабрики для выдѣлки кирпичнаго чая въ г. Цзю-цзянѣ (Кью-кіангѣ), лежащемъ отъ Хань-коу на 225 верстъ ниже по Янъ-цзы-цзяну. Пунктъ этотъ былъ выбранъ нашими фабрикантами на томъ основаніи, что онъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ округами, откуда доставляется наибольшее количество лучшаго хуа-сяна.

Главнымъ мѣстомъ выдѣлки кирпичныхъ чаевъ китайской фабрикаціи является мѣстечко Янъ-лоу-дунъ на Янъ-цзы-цзянѣ выше Ханькоу. Само собою разумѣется, что, не обладая паровыми машинами, которыми уже давно пользуются на своихъ фабрикахъ русскія фирмы, китайскіе фабриканты кирпичнаго чая мо-

гутъ поддерживать конкурренцію съ русскими лишь благодаря тому, что употребляютъ матеріалъ для своихъ издѣлій самаго низкаго достоинства со всевозможными, нерѣдко вредными для здоровья примѣсями. Вслѣдствіе этого имъ удается выдѣлывать товаръ гораздо низшій по цѣнѣ, который находитъ себѣ покупателей преимущественно среди невзыскательныхъ монголовъ, нашихъ кочевниковъ бурятъ, а также идетъ на золотые пріиски, гдѣ и навязывается насильно хозяевами ихъ злополучнымъ рабочимъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что всѣ эти обстоятельства, вызывающія временное сокращеніе въ вывозѣ кирпичнаго чая изъ Хань-коу, не отличаются серьезнымъ характеромъ. Этому дѣлу безспорно предстоитъ значительное развитіе и хорошее будущее, такъ какъ увеличеніе вывоза кирпичнаго чая въ Азіятскую Россію стоитъ въ прямой зависимости отъ увеличенія населенія Сибири, а также отъ распространенія самаго района употребленія этого чая. Въ настоящее время кирпичный чай пьютъ чуть ли не во всей Сибири до самыхъ Уральскихъ горъ, и значеніе его, какъ теплаго и питательнаго напитка, все больше и больше оцѣнивается въ этой обширной нашей окраинѣ» [1])*.

Что касается непосредственной торговли Хань-коу съ иностранными государствами морскимъ путемъ, то о важности ея можно судить по тому факту, что количество грузовъ «морской» торговли представлено въ этомъ городѣ внутренняго Китая, отстоящемъ на 900 верстъ отъ океана, въ 1895 году движеніемъ слишкомъ 2.346 судовъ. Французскій флагъ не развѣвается ни на одномъ изъ этихъ судовъ. Вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда числовыя данныя [2]):

Движеніе судоходства на ханькоуской пристани въ 1895 году: 2.346 судовъ, вмѣстимостью 1.513.147 тоннъ.

Доля участія англійскаго флага:—1.005 судовъ, вмѣстим.—959.043 тоннъ. Доля участія китайскаго флага:—1.317 судовъ, вмѣстим.—508.276 тоннъ. Доля участія русскаго флага:—14 судовъ, вмѣстим.—36.896 тон. Доля участія норвежскаго флага: — 10 судовъ, вмѣстим.—8.932 тоннъ.

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1897 г.—49.720.630 ланъ.

Большинство судовъ, которыя стоятъ, выстроившись въ нѣсколько рядовъ, передъ набережными Хань-коу, приходятъ изъ внутреннихъ портовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на берегахъ рѣки Хань. Одна изъ древнихъ столицъ имперіи, городъ Хань-чжунъ-фу, находящійся въ центрѣ «Краснаго бассейна», въ плодородной области Шэнсійскаго края, которую съ сѣверной стороны ограничиваетъ горная цѣпь Цзунъ-линъ, и которая производитъ въ изобиліи пшеницу, хлопокъ, табакъ, шелкъ, посылаетъ къ ханькоуской пристани нѣкоторыя изъ этихъ барокъ въ сезонъ высокихъ водъ; иногда Хань бываетъ судоходенъ даже до сталелитейныхъ заводовъ Синь-бу-вань, находящихся на разстояніи 1.895 километровъ отъ Хань-коу, недалеко отъ истоковъ рѣки; но начальнымъ пунктомъ судоходства по Ханю считается городъ Чжи-чжи-дянь, имѣющій около 12 километровъ въ окружности, въ которомъ стоитъ сильный гарнизонъ, строго наблюдающій за безпокойнымъ населеніемъ, и гдѣ находятся обширные склады товаровъ, принадлежащіе фуцзяньскимъ и кантонскимъ негоціантамъ [1]). Городъ Лао-хэ-коу, или «Устье Лао-хэ»,—также очень оживленная пристань, гдѣ грузятъ главнымъ образомъ кипы хлопка, отправляемыя въ Хань-коу. Въ 90 километрахъ ниже по рѣкѣ расположены два города-близнеца: Сянъ-янъ-фу, окруженный стѣнами городъ на правомъ берегу, и Фань-чэнъ, торговый складочный пунктъ на лѣвомъ берегу: эта группа городовъ обязана своей важностью счастливому мѣстоположенію вблизи сліянія Ханя и двухъ его притоковъ Танъ-хэ и Бай-хэ, водныхъ путей, ведущихъ въ богатыя равнины Хэ-нани и на берега Желтой рѣки. На полдорогѣ изъ Фань-чэна въ Хань-коу, портовое мѣстечко Ша - янъ тоже ведетъ очень дѣятельную торговлю; Рихтгофенъ видѣлъ болѣе 500 большихъ барокъ, скопившихся на его пристани. Большая часть значительныхъ городовъ этой долины выстроились вдали отъ рѣки, чтобы не подвергаться опасности ея страшныхъ наводненій.

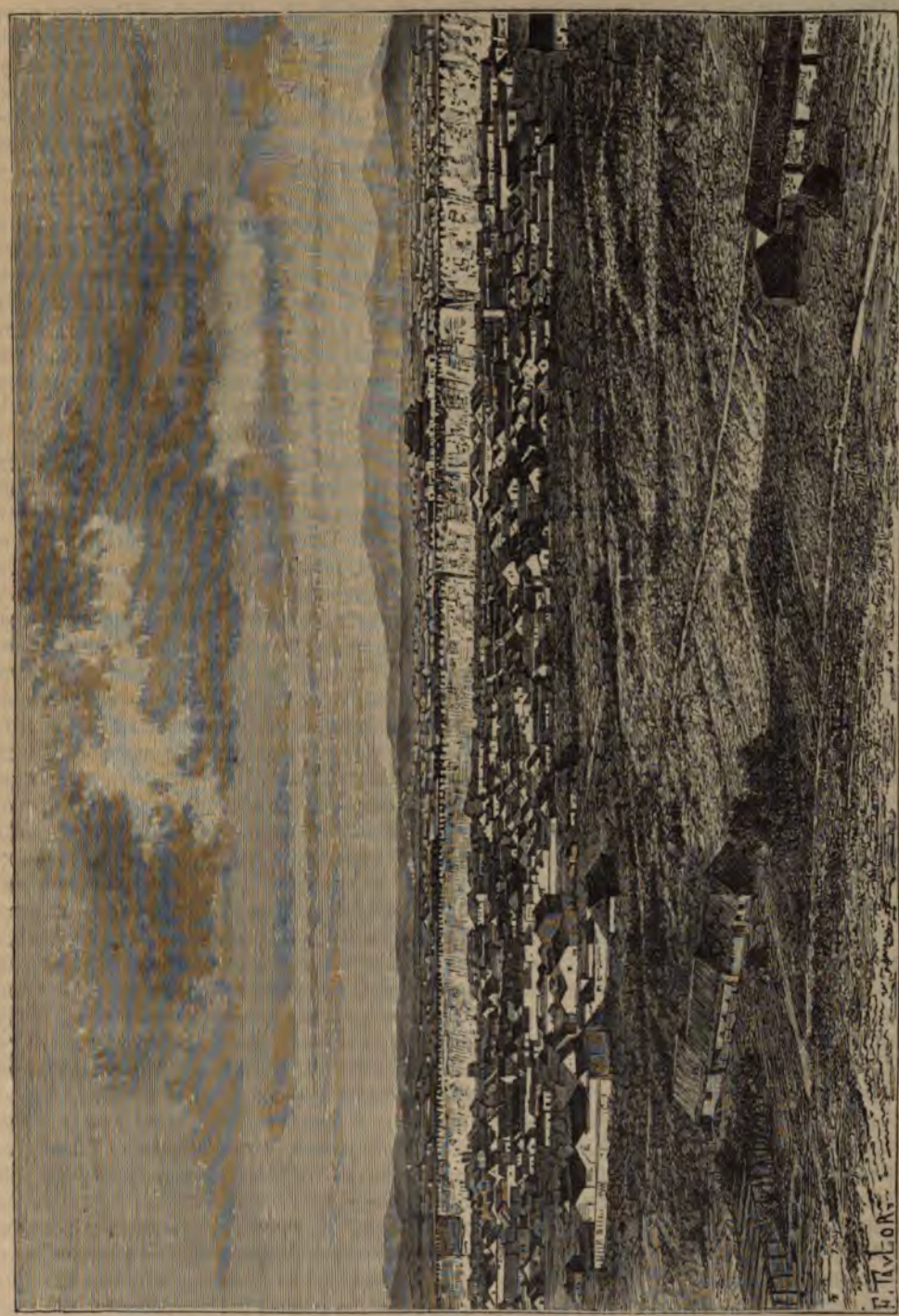
Ниже Хань-коу, Цзю-цзянъ или «Городъ девяти рѣкъ», расположенный на узкомъ скалистомъ полуостровѣ, который отдѣляетъ озеро По-янъ отъ Голубой рѣки, имѣетъ важное торговое значеніе, какъ мѣсто провоза произведеній провинціи Цзянъ-си, преимущественно табаку и чернаго чая, изъ которыхъ послѣдній иностранные негоціанты не долюбливаютъ только за то, что онъ слишкомъ дорого цѣнится въ самомъ Китаѣ, такъ что они не могутъ получать барышей въ Европѣ на цѣнѣ этого товара. Въ этомъ городѣ также существуетъ европейскій кварталъ, съ выстроенной, какъ и въ иностранной колоніи въ Хань-коу, огромной набережной [1]). По мнѣнію большинства иностранныхъ моряковъ и коммерсантовъ, городъ Хукоу, стоящій при самомъ устьѣ нижняго По-яна, на правомъ берегу озернаго истока, предста-

[1]) Изд. Мин. Финансовъ. Покотиловъ, „Китайскіе порты“, стр. 46, 47, 49, 50. Одно изъ самыхъ цѣнныхъ сочиненій по экономическимъ вопросамъ, относящимся до открытыхъ портовъ Китая, въ которыхъ могутъ встрѣтиться русскіе интересы.

[2]) „Returns of trade“, 1897.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi“, etc.

влялъ бы болѣе удобствъ, чѣмъ Цзю-цзянъ, какъ мѣсто для международнаго торговаго обмѣна. Общая цѣнность оборотовъ по внѣшней торговлѣ Цзю-цзяна простиралась въ 1897 г.



Общій видъ города Нанкина.

до 14.865.563 лана. Движеніе судоходства на его пристани въ 1895 году представляло въ сложности грузовъ—2.332.568 тоннъ, изъ которыхъ 1.716.636 тонны были подъ англійскимъ, 619.834 тонны подъ китайскимъ флагомъ[1]). Главный городъ провинціи Цзянъ-си или «Запада рѣки», Нань-чанъ-фу, для котораго Цзю-цзянъ служитъ передовымъ портомъ на Янъ-цзы-цзянѣ, а Ду-чанъ пристанью на По-янѣ, построенъ при началѣ или вершинѣ дельты рѣки Цза-цзянъ или Гань, въ одной изъ плодороднѣйшихъ равнинъ; по своему мѣстоположенію, онъ

[1]) „Returns of trade", 1897.

представляетъ почти такія же выгоды для торговыхъ сношеній, какъ и городъ Сянъ-янъ-фу, находясь въ точкѣ соединенія дорогъ обширной страны; но его сообщенія съ Кантономъ болѣе затруднительны, по причинѣ крутизны и дикости горъ. Подобно другимъ городамъ Китая, Нань-чанъ-фу не заключаетъ въ своихъ стѣнахъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ развѣ пагодъ да тріумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ честь вдовъ, прославившихся своими добродѣтелями; но онъ отличается правильностью и чистотой своихъ улицъ: въ этомъ отношеніи онъ походитъ на главный городъ Сы-чуани. Въ торговомъ отношеніи Нань-чанъ важенъ какъ главное складочное мѣсто фарфоровыхъ издѣлій, фабрикуемыхъ на востокѣ отъ озера По-янъ, въ долинѣ рѣки Гань-цзяна, особенно вокругъ Цзинъ-дэ-чжэня. Въ прошломъ столѣтіи болѣе 500 фарфоровыхъ фабрикъ были сгруппированы въ окрестностяхъ этого города, надъ которымъ постоянно носится густое облако дыма, черное днемъ, освѣщенное снопами пламени ночью. Цѣлый милліонъ людей копошился тогда въ этомъ фабричномъ округѣ [1]), но несомнѣнно, что населеніе уменьшилось въ числѣ съ той эпохи. Фарфоръ изъ Цзинъ-дэ-чжэня все еще считается лучшимъ въ Китаѣ и составляетъ предметъ весьма обширной торговли, которая сосредоточена главнымъ образомъ вокругъ города Жао-чжоу-фу, близъ восточнаго берега озера По-янъ; пристань этого города всегда запружена барками и джонками, приходящими за драгоцѣннымъ грузомъ. Однако, этотъ фарфоръ, который столько столѣтій пользовался первенствомъ между глиняными издѣліями всего свѣта, теперь много уступаетъ европейскимъ фарфорамъ, какъ по составу массы, такъ и по формѣ и рисунку; заводчики Цзинъ-дэ-чжэня тщетно пытались вступить въ конкуренцію съ иноземными фабрикантами [2]). На востокѣ и юго-востокѣ, въ сосѣдствѣ границъ провинціи Фуцзянь, открываются нѣсколько долинъ, которыя производятъ отборные чаи, называемые обыкновенно по имени города Ху-коу. На сѣверо-востокъ возвышаются горы, гдѣ впервые было открыто искусство утилизировать листья этого драгоцѣннаго деревца.

Ниже Цзю-цзяна и Ху-коу по теченію Янъ-цзы встрѣчаемъ Ань-цинъ-фу, главный городъ провинціи Ань-хой или «Мирныхъ городовъ» и одинъ изъ лучшихъ прибрежныхъ городовъ «Великой рѣки». Ниже на правомъ берегу той же рѣки, слѣдуютъ одинъ за другимъ два города, Да-тунъ и У-ху, занявшіе видное мѣсто между городами, съ которыми европейскіе негоціанты непосредственно ведутъ торговыя дѣла. Оба эти города имѣютъ довольно важное значеніе, благодаря сосѣдству округовъ, обогащаемыхъ культурой чая, конопли и риса; кромѣ того, Да-тунъ служитъ складочнымъ мѣстомъ соли, которую отсюда отправляютъ въ разные пункты области нижняго Янъ-цзы-цзяна. У-ху въ то же время и промышленный центръ; его красные снурки пользуются извѣстностью во всей имперіи, и уже два столѣтія онъ славится въ Китаѣ своими ножами и другими стальными издѣліями, которыя, впрочемъ, по качеству много уступаютъ фабрикатамъ этого рода, привозимымъ изъ Европы (въ 1897 году обороты иностранной торговли этого города простирались до 8.888.361 ланъ); въ одной изъ окрестныхъ долинъ выдѣлываютъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ китайской бумаги, употребляемой для письма и для рисованья: кора сальнаго дерева, лубъ шелковичнаго дерева и пшеничная солома—вотъ сырые матеріалы, изъ которыхъ приготовляется эта бумага [1]).

Нанкинъ («Южная столица»), главный городъ провинціи Цзянъ-су или «Рукавовъ рѣки», и мѣстопребываніе вице-короля,—двухъ провинцій Цзянъ-су и Ань-хой,—былъ нѣкогда метрополіей всего Китая; онъ еще и до сихъ поръ не открылъ свободнаго доступа въ свои стѣны иностраннымъ негоціантамъ. Этотъ городъ долгое время былъ самымъ многолюднымъ въ свѣтѣ, и даже когда императорская резиденція была переведена въ Пекинъ, прежняя столица на берегахъ Голубой рѣки соперничала съ новой метрополіей по числу жителей и превосходила ее по развитію промышленной и торговой дѣятельности. Въ 1853 году Нанкинъ опять поднялся на степень столичнаго города, какъ резиденція главы государства, «царя небеснаго» или государя тайпинговъ; но новому царству не суждено было долго существовать, и метрополія его, послѣ убійственной осады, продолжавшейся не менѣе двухъ лѣтъ, была взята въ 1864 году императорскими войсками; оставшіеся въ живыхъ защитники крѣпости были переколоты, а городъ обращенъ въ груду развалинъ. Послѣ прохода истребителей, нѣсколько тысячъ голодныхъ нищихъ, бродившихъ между кучами мусора, ночевавшихъ въ канавахъ и рвахъ подъ шалашами изъ хвороста, составляли все населеніе «Южной столицы» Китая. Однако немногихъ лѣтъ мира достаточно было, чтобы снова помѣстить Нанкинъ между большими городами Срединной имперіи, хотя пространство, обнимаемое огромной оградой стѣнъ и валовъ около 30 километровъ въ окружности, заключаетъ еще много полей и пустырей, покрытыхъ мусоромъ, гдѣ городскіе жители охотятся на дупелей, фазановъ и даже на крупную дичь [2]); бѣглецы вер-

[1]) Du Halde, „Description de la Chine"; — Carl Ritter, „Asien".

[2]) Scott, „Commercial Report", 1879; — I. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine".

[1]) Oxenham, „Athenaeum", 5 febr. 1881.

[2]) I. de Rochechouart; — Gaston de Bézaure.

нулись со своими семьями на старое пепелище, и переселенцы изъ сосѣднихъ провинцій стали толпами стекаться въ разоренный городъ. Правительство учредило въ окрестностяхъ столицы Цзянъ-су одинъ изъ своихъ арсеналовъ, а частная промышленность основала многочисленныя мануфактуры для фабрикаціи хлопчато-бумажныхъ тканей, которыя подъ именемъ «нанки» служили въ былое время образцами европейскимъ ткачамъ; лучшіе китайскіе атласы тоже выходятъ съ фабрикъ этого города. Нанкинъ или Цзянъ-нинъ-фу, какъ онъ называется оффиціально, снова пріобрѣлъ свою прежнюю роль какъ метрополія изящнаго языка и словесности, и каждый годъ до 12.000 молодыхъ людей являются сюда держать экзамены. Въ Нанкинѣ опять основано нѣсколько большихъ библіотекъ, и открыты новыя книгопечатни съ китайскими и европейскими приборами. Между эмигрантами реставрированнаго города очень много магометанъ: ихъ насчитываютъ уже около пятидесяти тысячъ. За исключеніемъ своей городской ограды, усаженной по бокамъ башнями, Нанкинъ лишился всѣхъ зданій, составлявшихъ его красу и гордость: башня, называемая «фарфоровой», или вѣрнѣе «пагода изъ остеклованныхъ драгоцѣнныхъ камней», нѣкогда пользовавшаяся такой громкой славой, была разбита въ куски, во время тайпинской войны, и зеленыя черепицы ея крышъ, кирпичи изъ разноцвѣтнаго фарфора ея стѣнъ сдѣлались уже рѣдкостью въ кучахъ мусора, гдѣ производятъ раскопки англійскіе туристы, желающіе унести съ собой какіе-нибудь обломки знаменитой башни, въ видѣ «сувенировъ»; остатки этого памятника послужили матеріаломъ при постройкѣ мастерскихъ оружейнаго завода [1]). «Южная резиденція», какъ и «Сѣверная столица», имѣетъ въ окрестностяхъ древнее кладбище династіи Миновъ. Разрушенныя зданія этого некрополя, надъ которымъ господствуетъ «Гора золотыхъ воротъ», указываютъ мѣстоположеніе царскихъ могилъ, а колоссальныя изображенія людей, слоновъ, верблюдовъ, лошадей и собакъ все еще составляютъ кортежъ погребенныхъ властителей. Въ окрестной мѣстности встрѣчаются тамъ и сямъ вулканическія горки.

Торговая дѣятельность провинціи Цзянъ-су сосредоточена главнымъ образомъ въ городѣ Чжэнь-цзянѣ, лежащемъ къ востоку отъ Нанкина, также на правомъ берегу Янъ-цзы-цзяна, но противъ южнаго входа Императорскаго канала; кромѣ того, каналы естественные и искусственные даютъ ему возможность поддерживать прямое сообщеніе съ Шанхаемъ. Чжэнь-цзянъ-фу находится въ точкѣ пересѣченія торговыхъ путей первостепенной важности, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ могъ снова подняться послѣ двухъ разгромовъ, которые постигли его въ текущемъ столѣтіи. Въ 1842 году англійская армія одержала подъ стѣнами этого города побѣду, которая позволила ей предписать Китаю условія мира, формулированныя въ нанкинскомъ трактатѣ; но англичане нашли въ Чжэнь-цзянѣ только мертвыхъ: маньчжурскіе защитники города перерѣзали своихъ женъ и дѣтей, а затѣмъ сами себя лишили жизни, чтобы не подпасть подъ ненавистное владычество «рыжеволосыхъ варваровъ». Въ 1853 г. городъ былъ взятъ тайпингами, а четыре года спустя населеніе было перебито императорскими солдатами; какъ и въ Нанкинѣ, отъ города остались только стѣны да кое-гдѣ кучки несчастныхъ жителей, укрывавшихся между грудами развалинъ. Несмотря на эти катастрофы, торговля снова достигла такого развитія, что городъ сдѣлался важнымъ портомъ Китая по размѣрамъ ввоза иностранныхъ товаровъ (въ 1897 году цѣнность торговыхъ оборотовъ Чжэнь-цзяна съ заграничными рынками простиралась до 24.145.341 лана). На другой сторонѣ рѣки прежде находился значительный городъ Гуа-чжоу, гдѣ правительство держало свой главный складъ соли на берегахъ Янъ-цзы-цзяна. Иногда на рейдѣ заразъ скоплялось до тысячи восьми сотъ джонокъ, приходившихъ за грузомъ; но размывы рѣки и обвалы берега уничтожили городъ, отъ котораго теперь осталось только нѣсколько домовъ [1]). Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу, на берегахъ Большаго канала, городъ Янъ-чжоу-фу играетъ въ торговомъ отношеніи такую же роль, какъ Чжэнь-цзянъ, но онъ не открытъ для европейцевъ: это древняя столица царства Янъ, отъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологистовъ, получила свое названіе и Голубая рѣка или Янъ-цзы; это тоже «великій и благородный градъ», Янжу, какъ его называетъ Марко Поло, управлявшій имъ три года.

Шанхайскій портъ, ближайшій отъ входа въ «Великую рѣку», теперь занимаетъ первое мѣсто между торговыми городами имперіи, да и во всей Азіи его превосходитъ по важности развѣ одинъ только Бомбей. А между тѣмъ, когда англичане выбрали эту позицію, въ 1842 году, для основанія своихъ конторъ, казалось крайне сомнительнымъ, чтобы имъ удалось когда-нибудь сдѣлать городъ при рѣкѣ Хуанъ-пу соперникомъ Кантона или Амоя. Правда, что Шанхай, гавань значительнаго города Су-чжоу и всего богатаго окружающаго его края, имѣлъ уже и въ то время немаловажныя торговыя сношенія, и вдобавокъ пользовался очень выгоднымъ географическимъ положеніемъ, командующимъ надъ входомъ съ моря въ большую судоходную рѣку, которая протекаетъ черезъ всю Китайскую имперію отъ запада къ востоку; но нужно было

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine".

[1]) „Le Kiangnan en", 1869.

бороться противъ трудностей, представляемыхъ почвой и климатомъ, нужно было укрѣплять и поднимать грунтъ земли, перерѣзать его каналами, осушить лужи и болота, очистить воздухъ отъ зловредныхъ міазмовъ; кромѣ того, пришлось расчищать и обставлять бакенами судоходный фарватеръ, чтобы поддерживать свободный доступъ судамъ. Осушка почвы была приведена къ желанному концу, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно сдѣлать въ такой сырой мѣстности; но самая важная, съ коммерческой точки зрѣнія, часть задачи еще далеко не окончена: опасный баръ и теперь еще отдѣляетъ лиманъ Янъ-цзы-цзяна отъ Хуанъ-пу или «рѣки съ желтыми водами», на которой расположенъ Шанхай. Въ послѣдніе годы это препятствіе увеличилось; каждый годъ немалое число мелкихъ судовъ вязнутъ въ тинѣ мелей, суда же большаго водоизмѣщенія избѣгаютъ подниматься вверхъ по рѣкѣ до самаго города. Если китайское правительство не позволитъ иностраннымъ негоціантамъ предпринять всѣ необходимыя работы для расчистки прохода на барѣ, то можно опасаться, что рано или поздно Шанхай очутится затерянным внутри земель, на берегу болотистой бухточки. Это будетъ только еще одна маленькая геологическая перемѣна на почвѣ, которую оспариваютъ другъ у друга наносы Голубой рѣки и волны моря. По китайскимъ преданіямъ, Шанхай былъ построенъ на берегу океана, отъ котораго онъ находится въ наши дни на разстояніи 20 верстъ. «Желтый вѣтеръ», то-есть атмосферное теченіе съ сѣвера и съ сѣверо-запада, несущее пыль пустыни, часто дуетъ въ Шанхаѣ [1]).

Торговля мѣстными произведеніями обогатила первыхъ европейскихъ негоціантовъ, поселившихся въ Шанхаѣ, но процвѣтанію ихъ колоніи много способствовали также національныя бѣдствія китайцевъ, смуты и междоусобія. Война тайпинговъ заставила бѣглецовъ массами искать убѣжища на земляхъ, уступленныхъ иностранцамъ. Когда городъ Су-чжоу былъ разрушенъ, въ 1860 году, Шанхай наслѣдовалъ ему какъ главный городъ страны; дома тамъ стали выростать изъ земли словно дѣйствіемъ волшебства; но послѣ того, какъ метежники были вытѣснены изъ Шанхая и его округа, затѣмъ истреблены, послѣдовалъ отливъ населенія къ внутреннимъ областямъ, и число китайскихъ жителей съ полмилліона понизилось до 65.000 [2]). Однако, массивныя каменныя палаты европейскихъ «концессій» тянулись длинными рядами по берегу рѣки, на сѣверѣ отъ обнесеннаго стѣнами города китайцевъ, и привычка къ торговой дѣятельности укоренилась въ населеніи; вскорѣ Шанхай сдѣлался центральнымъ портомъ, откуда товары, привозимые изъ Европы, отправляются на другіе рынки имперіи. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Шанхая въ 1897 году представляла слѣдующія цифры:

Привозъ — 42.666.586 ланъ. Вывозъ — 59.166.376 ланъ. Вмѣстѣ—101.832.962 ланъ[1]).

Европейская «концессія», жители которой пользуются полнымъ самоуправленіемъ, есть «образцовая колонія, желтоводская республика», какъ ее называютъ по имени рѣки Хуанъпу; территорія, уступленная американцамъ, на сѣверъ отъ рѣки Су-чжоу, присоединилась съ 1863 года къ британскому муниципалитету, и уже вся западная часть городскаго округа, вокругъ поля скачекъ, покрыта строеніями европейскаго вида. Болѣе ста тысячъ китайцевъ живутъ въ британской «концессіи». Тамъ же поселилось и большинство французскихъ резидентовъ, которые избѣгаютъ сосѣдства шумныхъ кварталовъ стараго города, или которые не желаютъ подчиняться произвольной власти своего консула, облеченнаго почти диктаторскими правами [2]). На югъ отъ китайскаго города продолжается предмѣстье Тонкату, тогда какъ на востокѣ, на противоположномъ берегу рѣки, раскинулся пригородъ Пунтунъ, называемый часто «маленькой Европой», оттого, что тамъ живетъ много китайцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Равнины, окружающія Пунтунъ, защищены противъ наводненій моря и разливовъ текучихъ водъ цѣлой системой плотинъ, какъ почва Нидерландовъ. Со стороны океана прибрежье обведено пятью концентрическими плотинами.

Если въ чайной торговлѣ Шанхай не играетъ, какъ Хань-коу, роли рынка, гдѣ спекуляція покупаетъ на расхватъ первосборные чаи ежегоднаго урожая, то за то въ немъ постоянно, круглый годъ, происходятъ сдѣлки по куплѣ и продажѣ этого товара, наибольшія доли котораго идутъ въ Англію и въ Соединенные Штаты, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Вывозъ чаевъ изъ Шанхая въ 1892 году:

	Въ Англію.	Въ Соедин. Штаты.	Въ Индію.
	Пуды.	Пуды.	Пуды.
Чернаго чаю .	390.000	182.000	—
Зеленаго чаю.	174.000	322.000	123.000
Всего по стран.	564.000	544.000	123.000
Общій итогъ . .		1.231.000	

Торговля шелкомъ, которая производится главнымъ образомъ съ Англіей и съ Франціей, еще болѣе значительна: въ 1892 году изъ Шанхая были вывезены за границу слѣдующія количества:

Въ Англію — 48.000 пуд.; во Францію—

[1]) Milne, „Vie réelle en Chine".
[2]) De Hübner, „Promenade autour du Monde".

[1]) „Returns of trade", 1897.
[2]) Rouvset. „A travers la Chine"; —Bousguet, „Revue des Deux Mondes", juillet 1878.

147.000 пуд.; въ Америку — 29.000 пуд.; въ Индостанъ—7.000 пуд.; въ Турцію—2.500 пуд.

Но главную роль въ заграничной торговлѣ этого рынка играетъ привозъ опіума, который доставляетъ большую часть грузовъ шанхайскому судоходству и покрываетъ рѣку Хуанъпу цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Движеніе судоходства въ шанхайскомъ портѣ въ 1895 году выразилось слѣдующими цифрами:

	Паруси. судовъ.	Паров. судовъ.	Вмѣст. общ. Тонны.
Англійскихъ . . .	103	3·573	4.675.824
Китайскихъ . . .	642	873	1.113.302
Германскихъ . .	12	894	8.433.726
Американскихъ. .	59	4	58.169
Норвежскихъ. . .	14	278	200 530
Русскихъ	—	24	17.528
Японскихъ	—	72	95.119
Французскихъ . .	—	111	226.729
Остальныхъ націй.	119	—	—
Всего же	6.807	5.964	17.403.652

Сюда же, въ склады на берегахъ рѣки Хуанъпу или Вусунъ, суда выгружаютъ трупы китайцевъ, умершихъ за границей. Нѣсколько обществъ рѣчнаго пароходства, поддерживающихъ правильное сообщеніе по Янъ-цзы, имѣютъ свое пребываніе въ Шанхаѣ, и сорокъ морскихъ каботажныхъ пакетботовъ принадлежатъ торговымъ компаніямъ этого порта; между китайскими городами одинъ только Шанхай имѣетъ въ своемъ пригородѣ Пунтунъ, на правомъ берегу рѣки Хуанъ-пу, верфи, гдѣ коммерческія суда строятся туземными рабочими подъ руководствомъ европейскихъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 1879 году китайскіе промышленники основали также бумагопрядильню, кожевенный заводъ и другія фабричныя заведенія, устроенныя по образцу большихъ мануфактуръ Запада; каменноугольныя копи, которыми они обладаютъ на берегахъ Янъ-цзы-цзяна, достаточны, чтобы снабжать топливомъ всѣ рѣчные пароходы, и продуктъ ихъ все болѣе и болѣе замѣняетъ, въ шанхайскихъ складахъ, уголь иностраннаго привоза. Прекрасныя аллеи идутъ вокругъ поля скачекъ, на западной сторонѣ Шанхая и продолжаются до «Кипуна», называемаго англичанами Bubbling well (кипящій колодезь), а китайцами Хай-янъ (глазъ моря), ключа, изъ котораго выдѣляется сѣрнисто-водородный газъ. Далѣе широкія, усыпанныя мелкимъ камнемъ, дороги расходятся въ разныя стороны, километровъ на десять отъ городской черты, къ загороднымъ домамъ негоціантовъ, китайскихъ и иностранныхъ; но правительство еще не дало разрѣшенія продолжать эти шоссированныя дороги до городовъ, лежащихъ внутри страны. Гораздо болѣе важная неудача постигла европейцевъ, по поводу желѣзнодорожной линіи, длиною около 15 километровъ, которую одна англійская компанія построила между Шанхаемъ и его передовымъ портомъ Вусуномъ, на Голубой рѣкѣ. Этотъ рельсовый путь, нѣкогда единственный въ Китаѣ, просуществовалъ всего только шестнадцать мѣсяцевъ, хотя онъ приносилъ величайшую пользу мѣстной торговлѣ, и хотя вагоны его поѣздовъ всегда были биткомъ набиты пассажирами. Правительство приказало разрушить «заморскую дорогу», и рельсы были перевезены на островъ Формозу и сложены тамъ на плоскомъ берегу, гдѣ волны моря скоро занесли ихъ пескомъ; укрѣпленія, обшитыя желѣзной броней и вооруженныя пушками осадной артиллеріи, замѣнили желѣзно-дорожную станцію и складочные амбары вусунскаго порта. Многіе предлоги были выставлены, чтобы оправдать разрушеніе этой желѣзной дороги; но дѣйствительная причина, разумѣется, все то же опасеніе мандариновъ, чтобы иностранные резиденты, уже полные господа въ чертѣ своихъ муниципалитетовъ или городскихъ общинъ, и пріобрѣвшіе огромное вліяніе даже въ китайскихъ дѣлахъ посредствомъ учрежденія смѣшаннаго суда, не захватили мало-по-малу въ свои руки всю власть и не сдѣлались повелителями страны въ большей мѣрѣ, чѣмъ само правительство. Въ настоящее время императорская администрація, вынужденная силой вещей, должна была, въ концѣ концовъ, принять проекты иноземныхъ инженеровъ; уже планы желѣзныхъ дорогъ изъ Шанхая въ Нанкинъ, окончательно составлены и ждутъ только начала работъ. Телеграфная линія связываетъ Пекинъ съ Шанхаемъ, и послѣдній съ Японіей, посредствомъ подводныхъ кабелей. Въ Шанхаѣ существуетъ ученое общество подъ названіемъ «сѣверокитайскаго отдѣла азіатскаго общества» (North China branch of the Asiatic Society), основанное въ 1858 году.

Въ обширномъ садѣ, которымъ окруженъ Шанхай, и который перерѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ осушительными каналами, повсюду разсѣяны многолюдныя мѣстечки и города. Одно изъ этихъ мѣстечекъ Сикавэй, которое можно разсматривать еще какъ пригородъ Шанхая, отъ котораго оно удалено всего только на 8 километровъ къ юго-западу, замѣчательно своей высокой пагодой, многоэтажной башней Лонъ-ха, которая видна съ далекаго разстоянія; здѣсь же находится іезуитская коллегія, основанная въ семнадцатомъ столѣтіи, при которой теперь учреждена метеорологическая обсерваторія, снабженная лучшими инструментами, благодаря денежнымъ пособіямъ Соединенныхъ Штатовъ; молодые люди, выходящіе изъ этой коллегіи, могутъ держать экзамены на мандаринское званіе наравнѣ со студентами туземныхъ учебныхъ заведеній. Наньсянъ, Цзя-динъ-сянь, Тай-цанъ-чжоу, Сунъцзянъ, Цзя-динъ, Ху-чжоу принадлежатъ къ значительнымъ городамъ полуострова, почти на половину покрытаго озерами, который отдѣляетъ лиманъ Голубой рѣки отъ лимана

Цянь-тана или Ханчжоуской бухты. Городъ Ху-чжоу, прославившійся своими крепами и фулярами, долгое время былъ центромъ фабрикаціи шелковыхъ тканей; въ сосѣдствѣ его находится Ань-цзи, главный рынокъ по торговлѣ коконами шелковичнаго червя [1]). Большое мѣстечко Азэ (Asé), лежащее километрахъ въ тридцати отъ города Цзя-динъ, замѣчательно какъ мѣсто, гдѣ приготовляется прекрасный свѣтло-зеленый цвѣтъ, называемый ло-гао, который французскіе красильщики тщетно пытались воспроизвести [2]). Острова Голубой рѣки не менѣе многолюдны, чѣмъ твердая земля: особенно островъ Чунъ-минъ усѣянъ городами и мѣстечками, которые всѣ защищены отъ бурь открытаго моря густыми насажденіями бамбука.

Въ богатой равнинѣ южнаго Цзянъ-су первое мѣсто, по числу жителей и развитію промышленности, все еще принадлежитъ знаменитому городу Су-чжоу-фу, «великому и благородному» Сужу, который Марко Поло описываетъ съ восхищеніемъ. Конечно, этотъ городъ въ наши дни не имѣетъ уже «шестидесяти миль въ окружности», какъ во время знаменитаго венеціанскаго путешественника; на каналахъ его теперь не насчитаешь «шести тысячъ каменныхъ мостовъ, настолько высокихъ, что подъ ними могутъ свободно проходить галеры», и жители, которые нынѣ толпятся на улицахъ и на баркахъ Су-чжоу-фу, не довольно многочисленны, чтобы могли «завоевать весь свѣтъ»; но, тѣмъ не менѣе, китайская Венеція, вновь отстроенная послѣ опустошительнаго прихода тайпинговъ, опять пріобрѣла нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, и населеніе ея отличается интеллигентностью и хорошимъ вкусомъ. «Все, что носитъ на себѣ печать красоты, исходитъ изъ Су-чжоу: картины, изваянія, тамтамы, шелковыя матеріи и женщины [3]). Чтобы быть счастливымъ, нужно родиться въ Су-чжоу и жить въ Ханъ-чжоу-фу», гласитъ другая пословица. Но еще многое нужно для того, чтобы поправить потери, причиненныя междоусобной войной. Су-чжоу не соперничаетъ болѣе съ Пекиномъ по изяществу своихъ изданій; точно также и превосходство по части шелковыхъ тканей, окончательно ускользнуло изъ его рукъ [4]). «Большое озеро» или Тай-ху, простирающееся обширной водной площадью на западъ отъ Су-чжоу, и черезъ которое прежде проходилъ рукавъ Голубой рѣки, представляетъ настоящее внутреннее море, на которомъ живутъ цѣлыя населенія рыбаковъ, ходящихъ на промыселъ далеко отъ береговъ.

Ханъ-чжоу-фу, лежащій близъ восточной оконечности большой бухты того же имени, выхода судоходной рѣки Цянь-танъ-цзянъ, также находится при устьѣ стараго теченія Янъ-цзы-цзяна, южнаго продолженія Императорскаго канала. Счастливый климатъ, необычайно плодородная почва заранѣе обезпечили этому городу первостепенную важность. И дѣйствительно, Ханъ-чжоу-фу былъ столицей южной имперіи, которая долго оказывала сопротивленіе монгольскимъ завоевателямъ, и съ этой эпохи онъ сохранялъ, въ теченіе многихъ столѣтій, имя Кинъ-сы, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка путешественникамъ арабскимъ и европейскимъ. Марко Поло говоритъ о Кинъ-сы (Quinsay) въ восторженныхъ выраженіяхъ, какихъ не внушалъ ему никакой другой городъ Срединнаго царства; во время его странствованій черезъ восточную Азію ничто не приводило его въ такое удивленіе, какъ этотъ «благороднѣйшій городъ, безъ преувеличенія самый великолѣпный и лучшій, какой только существуетъ въ свѣтѣ». Однѣ изъ подробности, которыя онъ сообщаетъ объ этой южной столицѣ, таковы, что, читая ихъ, можно безъ труда объяснить себѣ тѣ насмѣшки, которыми были встрѣчены въ Европѣ разсказы венеціанскаго путешественника. По словамъ его, Ханъ-чжоу имѣлъ въ то время сто миль въ окружности, милліонъ шестьсотъ тысячъ домовъ, три тысячи публичныхъ бань, двѣнадцать тысячъ каменныхъ мостовъ, настолько высокихъ, что подъ ними могли свободно проходить цѣлые флоты, и охраняемыхъ каждый постомъ изъ десяти солдатъ; двѣнадцать ремесленныхъ корпорацій имѣли каждая двѣнадцать тысячъ домовъ для своихъ мастерскихъ и заведеній. Другіе средневѣковые путешественники говорятъ о Кинъ-сы въ подобныхъ же выраженіяхъ. Ордорико ди Порденоне тоже называетъ его «величайшимъ городомъ на свѣтѣ»; арабскій писатель Ибнъ-Батута разсказываетъ, что нужно идти три полныхъ дня съ утра до вечера, чтобы пройти весь городъ изъ конца въ конецъ. Даже въ семнадцатомъ столѣтіи, когда Ханъ-чжоу давно уже утратилъ свой рангъ столичнаго города, Мартино Мартини давалъ ему еще сто итальянскихъ миль въ окружности, даже больше, считая предмѣстья, которыя продолжаются на огромныя разстоянія; по словамъ этого путешественника, можно было идти въ городѣ по прямой линіи на пространствѣ 50 ли, не видя по сторонамъ ничего, кромѣ ряда домовъ, тѣсно жавшихся одинъ къ другому.

Въ наши дни городъ, все еще очень обширный, такъ какъ ограда его имѣетъ 21 версту въ окружности, несомнѣнно покрываетъ гораздо меньшую площадь, чѣмъ какую онъ занималъ въ тѣ времена; на юго-западѣ, остатки стѣнъ и строеній указываютъ мѣсто, гдѣ находился обширный императорскій дворецъ, и со

---

[1]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes", 1878.
[2]) Hélot, „Annales de la propagation de la Foi", 1857.
[3]) Fortune, „Travels in China"; — Yule, „The book of ser Marco Polo"; — Léon Rousset, „A travers la Chine".
[4]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes".

всѣхъ сторонъ видны развалины древнихъ храмовъ. Большое озеро, которое средневѣковые авторы описываютъ какъ заключенное внутри города, теперь лежитъ внѣ ограды; но постройки всякаго рода, возвышающіяся на островахъ и берегахъ, пагоды, кіоски, гробницы, башни, загородные дома дѣлаютъ его еще составной частью городскаго населенія. Си-ху или «Западное озеро» тоже утратило свою первоначальную форму. Прежде эта водная площадь имѣла почти кругообразное очертаніе, кромѣ западной стороны, гдѣ волны, гонимыя вѣтромъ, дующимъ съ моря, образовали поперекъ озера слегка изогнутую косу, которую люди передѣлали въ дамбу, получившую названіе «шоссе съ шестью мостами»; каждый мысъ, каждый островокъ окаймленъ искусственными плотами. Эти причудливыя зданія, отражающіяся въ водахъ бассейна вмѣстѣ съ окружающими рощами и лѣсками, принадлежатъ къ лучшей эпохѣ китайской архитектуры, и изяществоихъ формъ, блескъ ихъ цвѣтовъ, и безконечное разнообразіе, которое они придаютъ ландшафту, сдѣлали берега Си-ху однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Срединной имперіи. Живописный видъ озера, такъ же, какъ веселая жизнь города, добродушіе и привѣтливость обитателей, доставили Ханъ-чжоу лестное прозвище «земнаго рая» китайцевъ. «Небо въ вышинѣ, Су-чжоу и Ханъ-чжоу на землѣ», говоритъ часто цитируемое присловье. Сами иностранцы, хотя нѣкоторыя символическія украшенія кажутся имъ слишкомъ причудливыми или противными требованіямъ вкуса, всѣ, въ одинъ голосъ, говорятъ о «Западномъ озерѣ» и его островахъ, какъ о мѣстѣ чудесъ, гдѣ искусство въ соединеніи съ природой создали восхитительную картину. Какъ и Чэнъ-ду-фу, Ханъ-чжоу получилъ отъ европейцевъ названіе «восточнаго Парижа». И дѣйствительно, это одинъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ Китая, городъ, гдѣ даже мандарины, наиболѣе заботящіеся о поддержаніи своего достоинства, имѣютъ право веселиться какъ простые смертные. Главная мѣстная промышленность — производство шелковыхъ тканей; около шестидесяти тысячъ человѣкъ занимаются здѣсь тканьемъ этихъ матерій, и въ сосѣднихъ городахъ, Ху-чжоу, Цзя-синъ и въ окружающихъ мѣстечкахъ и селахъ сотня тысячъ другихъ работниковъ посвящаютъ свой трудъ тому же промыслу [1]). Но тайпинги и въ этой мѣстности надѣлали много вреда, разорили множество городовъ и селеній, заставили пріостановить или перенести въ другія мѣста многія отрасли промышленности; это ихъ нашествію приписываютъ развалины новѣйшаго происхожденія, которыя видны въ окрестностяхъ Ханъ-чжоу, и самый городъ, который въ половинѣ настоящаго столѣтія, говорятъ, имѣлъ болѣе 2 милліоновъ жителей, считая съ предмѣстьями, не имѣетъ теперь и половины своего прежняго населенія, а по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, не наберется даже и четверти. Магометане здѣсь болѣе многочисленны, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ морскаго прибрежья.

На южной сторонѣ того же залива находится другой важный городъ, Шао-синъ, торговый и промышленный центръ плодороднѣйшей равнины, вѣроятно, одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ живетъ наиболѣе скученное населеніе. Во всѣхъ аллювіальныхъ областяхъ Китая были совершены громадныя работы, чтобы укрѣпить и осушить болотистую почву, но нигдѣ не встрѣтишь гидравлическихъ сооруженій подобныхъ по размѣру тѣмъ, которыя возведены вдоль южнаго берега Ханчжоуской бухты: здѣсь люди построили самый длинный путеводъ или мостъ на аркахъ, какой существуетъ на земномъ шарѣ; даже можно сказать, что со времени развитія новѣйшей индустріи, западные народы не соорудили ни одного шоссе, которое могло бы сравниться съ насыпной дорогой, которую китайцы провинціи Чжэ-цзянъ устроили уже слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Шаосинскій «мостъ» имѣетъ не менѣе 135 верстъ въ длину и состоитъ почти изъ 40.000 прямоугольныхъ пролетовъ, по которымъ идетъ путь, защищенный парапетомъ, нынѣ пришедшимъ уже въ ветхость. Между городами Нипъ-бо и Юй-яо, горы Да-инъ прорѣзаны на высотѣ 500 метровъ громадными каменоломнями, вѣроятно, самыми большими во всемъ Китаѣ: отсюда-то брали каменныя глыбы для сооруженія исполинскаго путевода; камни изъ этихъ каменоломень, изсѣченные въ формѣ колоннъ и статуй, отправляются даже въ Сіамское королевство [1]). На восточной своей оконечности мостъ примыкаетъ къ крѣпости, построенной изъ великолѣпнаго краснаго песчаника, которая защищаетъ городъ Чжэнь-хай, стоящій при устьѣ Юнъ-цзяна или рѣки Нинъ-бо [2]).

Вѣроятно, что сооруженіе этого путевода восходитъ къ той эпохѣ, когда вся страна представляла одно обширное соляное болото. Въ наши дни, когда эта мѣстность уже достаточно осушена, віадукъ является безполезнымъ, но онъ былъ такъ прочно построенъ, что имъ всегда пользовались и пользуются какъ дорогой и какъ бечевникомъ для сосѣдняго канала. Плотина, проведенная вдоль морскаго берега, которая дала возможность обратить болотистое пространство въ плодороднѣйшую территорію, также представляетъ колоссальное сооруженіе, строители котораго неизвѣстны: лѣтописи упоминаютъ только о реставраторахъ этой ги-

[1]) Fortune; Dennis, „Trade Report", 1869;—Yule, „The Book of ser Marco Polo".

[1]) Gobbold, „Pictures of Chinese".

[2]) Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London" 1868;—Fauvel, etc.

гантской дамбы. Она состоитъ изъ каменныхъ плитъ, расположенныхъ пологимъ откосомъ со стороны моря и скрѣплевныхъ одна съ другой желѣзными скобами и камнями въ формѣ клиньевъ. Защищенные плотиной польдеры этой китайской Голландіи, которая простирается отъ Ханчжоускаго лимана до рѣки Юнъцзяна, перерѣзаны черезъ промежутки въ 400 метровъ пресноводными каналами, которые дѣлятъ всю страну на островки равной величины, и служатъ въ одно и то же время для цѣлей орошенія полей и для перевозки продуктовъ [1]). Шао-синъ-фу главный городъ этой нездоровой области, осаждаемой волнами океана, нынѣ пришелъ въ упадокъ, но за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени онъ былъ столицей отдѣльнаго государства, обнимавшаго всю юго-восточную территорію, между Кантономъ и провинціей Цзянъ-су; за городскими стѣнами показываютъ древнюю могилу, въ которой, по преданію, похороненъ императоръ Юй. Хотя утративши свое прежнее торговое значеніе, Шао-синъ до сихъ поръ остался однимъ изъ городовъ, отличающихся изяществомъ нравовъ: большое число мандариновъ—уроженцы этого города. Ароматическій ликеръ, извѣстный подъ именемъ «шаосинскаго вина», хотя онъ приготовляется изъ одной разновидности риса, представляетъ отмѣнный напитокъ, который путешественники сравниваютъ съ сотерномъ [2]).

Одинъ обнесенный стѣнами городъ на сѣверномъ берегу залива Чжэ-цзянъ до сихъ поръ еще носитъ названіе Гань-пу, но полагаютъ, что древній городъ этого имени, Ганфу, Гампу или Кануп, о которомъ Марко Поло говоритъ какъ о приморскомъ портѣ города Кинъсы и всей окружающей страны [3]), былъ покрытъ водами бухты; въ этомъ мѣстѣ море затопило значительную полосу береговъ, но оно не глубоко. Ни въ какой другой бухтѣ китайскаго прибрежья такъ называемая бора или маскаретъ (быстро набѣгающая приливная волна при распространеніи прилива въ лиманахъ или заливообразныхъ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ), извѣстная у англійскихъ моряковъ подъ именемъ eagre или bore, не поднимается вверхъ по заливу съ большой силой и стремительностью и не причиняла большихъ опустошеній на берегахъ. Издали этотъ валъ представляется въ видѣ бѣлаго каната, протянутаго поперекъ бухты; но онъ приближается съ быстротой 10 метровъ въ секунду; движущаяся водяная стѣна, такъ сказать, ростетъ на глазахъ, и шумъ, происходящій отъ столкновенія водъ прилива и теченія, походитъ на громъ. Два, три вала, имѣющіе вмѣстѣ отъ 9 до 10 метровъ высоты, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ видѣ быстро поднимающагося исполинскаго водопада шириной отъ 6 до 8 километровъ. Суда, неуспѣвшія укрыться въ безопасное мѣсто, ждутъ удара этого водопада, повернувшись носомъ впередъ, и, какъ лососи, поднимаются прыжками на самый гребень приливной волны. Нѣсколько минутъ достаточно, чтобы перемѣнить направленіе теченія и заставить воды разливаться по сторонамъ, затопляя берега на значительномъ пространствѣ. Понятно, что береговыя плотины требуютъ постоянныхъ починокъ и поправокъ, чтобы быть въ состояніи выдерживать эти ежедневные удары прилива; въ царствованіе императора Цянь-луна, съ 1736 по 1796 годъ, гидравлическія работы въ Ханчжоуской бухтѣ стоили болѣе 50 милліоновъ франковъ. Этимъ-то стремительно набѣгающимъ валомъ прилива бухта, какъ полагаютъ, и обязана своимъ названіемъ Чжэ-цзянъ, означающимъ «Извилистую» или «Волнующуюся рѣку»,—можетъ быть, также «Рѣку-разрушительницу»,—которое сдѣлалось именемъ всей провинціи. Прибрежные жители Ханчжоускаго лимана съ незапамятныхъ временъ придумали плотики, подобные «аконамъ» или толконожкамъ, «pousse-pied», какіе употребляютъ во Франціи на топкихъ тинистихъ берегахъ Эгильонской бухты; рыбакъ, которому нужно переправиться черезъ топи, чтобы посмотрѣть свои сѣти, становится колѣномъ на пукъ соломы, положенный на плотикъ или ниму, и ухватившись руками за поперечный брусъ, гребетъ въ грязи другой свободной ногой [1]). Для перевозки путешественниковъ употребляютъ простую бадью, буксируемую двумя плотами. Всѣ поля морскаго прибрежья и острова защищены плотинами, которыя придаютъ берегамъ геометрически правильное очертаніе, и пресныя воды задерживаются шлюзами, которые препятствуютъ также входу водъ моря во время высокихъ приливовъ [2]). Большинство городовъ морскаго прибрежья пересѣкаются такимъ множествомъ каналовъ, что ихъ часто называютъ «китайскими Венеціями».

Бассейнъ Цянь-танъ-цзяна, называемаго также «Зеленой рѣкой», который охраняется при его восточномъ выходѣ двумя городами Ханъчжоу и Шао-синъ, былъ въ половинѣ текущаго столѣтія одною изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ Китая, и можетъ быть, это прекраснѣйшая изъ его областей по прелести пейзажей, яркости зелени и блеску цвѣтовъ. Ни въ одной части имперіи опустошеніе, причиненное междоусобной войной, не было болѣе полное; проѣзжая по странѣ, Рихтгофенъ старался собрать свѣдѣнія объ уменьшеніи населенности городовъ этого края, и по его разсчету выходитъ, что прежняго числа жителей только три-

[1]) Гарднеръ, цитированный мемуаръ.
[2]) Мильнъ;—Гювъ.
[3]) Reinaud, „Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine".

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des Sciences naturelles de Cherbourg", tome XXII, 1879.
[2]) Milne;– Macgowan;—Fauvel, etc.

дцатая часть успѣла спастись отъ рѣзни и голода [1]). Но край опять быстро заселяется и снова вывозитъ въ большомъ количествѣ чаи, очень цѣнимые китайскими гастрономами. Лань-чи или Лань-чжи, хотя по своему рангу только третьеклассное городское поселеніе

Маркизъ Цзэнъ, бывшій посланникъ въ Парижѣ и Лондонѣ

шелковыя ткани, превосходные фрукты изъ Цюй-чжоу, а также окорока изъ Цзинь-хуа, (сянь), есть торговый центръ этого бассейна, обнимающаго пространство около 40.000 квадратныхъ километровъ; въ сосѣдствѣ этого хорошенькаго города, «съ почти британской фи-

[1]) „Letter on the provinces of Chekiang and Nganwhei".

зіономіей», послѣднее войско, навербованное для защиты династіи Миновъ, было разбито маньчжурами [1]).

Двадцать девять второклассныхъ и третьеклассныхъ городскихъ поселеній (чжоу и сянь), находящіяся въ бассейнѣ Цянь-тана, всѣ доступны для барокъ въ сезонъ разливовъ; но большія суда не могутъ подниматься по рѣкѣ Цянь-танъ до города Ханъ-чжоу и останавливаются въ Чжа-пу. Большая часть большихъ джонокъ, украшенныхъ двумя большими глазами, намалеванными по бокамъ носа, и выкрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ, такъ же, какъ это было во времена средневѣковаго путешественника Одорико ди-Порденоне, обыкновенно останавливаются у входа въ бухту. Главная морская гавань страны открывается у восточной оконечности полуострова, на рѣкѣ Юнъцзянъ, которая впадаетъ въ рейдъ, образуемый большимъ островомъ Чжу-санъ. Тамъ находится естественная граница Желтаго моря и южныхъ лимановъ, которыми оно оканчивается: устья Голубой рѣки и Ханчжоуской бухты. Полуостровъ, на которомъ находится Нинъ-до, городъ «Мирныхъ волнъ», при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ и въ точкѣ встрѣчи каналовъ, соединяющихся со всѣми городами провинцій Чжэ-цзянъ и Цзянъ-си, сдѣлалъ этотъ городъ стражемъ богатыхъ равнинъ, которыя простираются на западъ до Великой рѣки; всѣ выгоды мѣстоположенія соединены здѣсь — хорошая якорная стоянка, обиліе продовольствія, удобства защиты; ни одна позиція не представляетъ большой важности съ стратегической точки зрѣнія. И дѣйствительно, округъ Нинъ-бо прославился въ военныхъ лѣтописяхъ Китая. Въ 1130 году татары были разбиты на голову въ 8 километрахъ отъ города китайскими крестьянами; въ 1554 году японскіе пираты, о которыхъ, впрочемъ, не упоминаютъ лѣтописи Ниппона [2]), утвердились тамъ прочно, но они были остановлены далѣе на западѣ, на берегахъ одного притока Юна, рѣки Юй-яо, и близъ города того же имени. Наконецъ, въ 1841 году, во время «войны изъ-за опіума», англичане овладѣли Нинъ-бо, и этотъ городъ, вмѣстѣ съ рейдомъ его передоваго порта Чжэньхай и островами Чжу-санъ, сдѣлался ихъ главной опорной точкой для операцій, которыя они предприняли противъ Нанкина. Впрочемъ, чужеземцы съ запада были извѣстны въ Нинъбо уже болѣе трехъ столѣтій тому назадъ. Въ 1522 году туда явились португальцы, чтобы завязать торговыя сношенія съ Китаемъ, и до сихъ поръ еще можно видѣть, близъ городскихъ воротъ, зданіе, гдѣ они пользовались гостепріимствомъ: это такъ называемый домъ «Общества добрыхъ иностранцевъ» [1]). Что касается ихъ города, построеннаго ниже по рѣкѣ Юнъ, близъ Чжэнь-хая, то онъ былъ совершенно разрушенъ въ 1542 году китайцами окрестныхъ мѣстностей: 800 португальцевъ были перебиты и 25 судовъ потоплены.

Въ настоящее время только небольшое число европейцевъ, преимущественно миссіонеровъ, имѣютъ постоянное пребываніе въ Нинъ-бо, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ провинціи Чжэ-цзянъ, какъ по красотѣ мѣстоположенія, такъ и по прекрасному климату и плодородію почвы: синеватыя горы, которыя виднѣются на юго-западѣ, принадлежатъ къ самымъ лѣсистымъ возвышенностямъ Китая, и одно изъ ихъ ущелій, называемое «Снѣговой долиной», славится на всемъ Востокѣ своими стѣнами изъ бѣлыхъ скалъ, своими великолѣпными лѣсами и своимъ живописнымъ водопадомъ; у подножія этихъ высотъ разстилаются равнины, классическія въ исторіи китайскаго земледѣлія, поля, гдѣ, по преданію, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, императоръ Шунъ держалъ ручку плуга, запряженнаго слономъ, въ этой же мѣстности показываютъ его колодезь и его каменное ложе. Нинъ-бо есть въ то же время центръ умственной жизни, и одна изъ его частныхъ библіотекъ, принадлежащая сообща одной фамиліи, каждый членъ который имѣетъ собственный ключъ, содержитъ болѣе 50.000 томовъ [2]). Мѣстная промышленность очень дѣятельна, и мебель, инкрустированная или лакированная, ковры, циновки изъ крапивы, фабрикуемые въ Нинъ-бо, вывозятся даже въ Японію; но непосредственная торговля съ заграничными рынками, обороты которой прежде достигали 25 милліоновъ въ годъ, теперь совершенно незначительна (въ 1897 году общая цѣнность внѣшней торговли этого города составляла всего только 16.042.136 ланъ); все движеніе международнаго обмѣна перемѣстилось въ Шанхай. Нинъ-бо—главный рынокъ Китая по торговлѣ рыбой и «морскими плодами»; оттого окружающая равнина покрыта складами льда, безъ котораго невозможно было бы сохранять рыбу; благодаря толстымъ соломеннымъ циновкамъ, проходятъ цѣлые годы прежде, чѣмъ ледъ совершенно растаетъ.

Въ окружающей странѣ разсѣяны многолюдные города каковы: Юй-яо, Цзы-ци, и большія мѣстечки. Динъ-хай-тинъ, расположенный на южномъ берегу самаго большаго изъ острововъ Чжусана, есть главный городъ всего этого архипелага, гдѣ насчитываютъ не менѣе милліона жителей. Это очень промышленный городъ, производящій дѣятельную торговлю своими произведеніями: канатами, циновками, опахалами, плащами, фабрикуемыми изъ волоконъ и ли-

[1]) Milne, „Vie réelle en Chine".
[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) William Milne, „La vie réelle en Chine".
[2]) Macgowan, „Zeitschrift für allgemeine Erdkunde", 1860.

стьевъ особаго вида пальмы; отсюда же кантонскіе кондитеры получаютъ плоды дерева citrus olivaeformis, извѣстные въ Европѣ подъ именемъ chinoises (вареные въ сахарѣ зеленые померанцы). Гавань Динъ-хая глубока и совершенно защищена отъ вѣтровъ, но входъ въ нее затруднителенъ, почему джонки рыболововъ посѣщаютъ преимущественно портъ Чжэнъ-гинь-мынь, находящійся на юго-восточной оконечности главнаго острова.

На востокѣ, на одномъ изъ малыхъ острововъ той же группы, буддійскіе пилигримы посѣщаютъ знаменитые монастыри (Шу-ту), посвященные Гуань-инь, богинѣ милосердія, покровительницѣ мореходовъ. Самое названіе Шу-ту произошло, говорятъ, отъ имени Потала, священнаго храма-дворца Далай-ламы въ Лассѣ; первая кумирня, сооруженная на островѣ въ началѣ девятаго столѣтія, была построена надъ пещерой, куда морская вода низвергается съ ревомъ, и откуда она вылетаетъ мелкими брызгами, словно бѣлый дымъ. Сто монастырей острова, въ которыхъ живетъ около двухъ тысячъ жрецовъ, служатъ лѣтомъ отелями иностраннымъ посѣтителямъ, которые пріѣзжаютъ сюда брать морскія ванны. Растенія и животныя этого острова свято чтутся туземцами; кромѣ того, проливы, извивающіеся между островами, необычайно богаты рыбой, и фауна ихъ заключаетъ многія сотни различныхъ породъ: во всѣхъ моряхъ Китая не найдется ни одного мѣста, гдѣ бы натуралисты могли дѣлать такія плодовитыя, обильныя результатами, изслѣдованія, какъ въ водахъ острова Пу - ту. Главный промыселъ островнаго населенія — рыбная ловля. Потомки разбойниковъ, жители архипелага Чжу-санъ до сихъ поръ сохранили въ сильной степени духъ независимости; еще недавно, въ 1878 году, они прогнали китайскихъ солдатъ и наотрѣзъ отказались платить соляной налогъ.

Города бассейна Голубой рѣки, цифра населенія которыхъ указывается новѣйшими путешественниками:

Провинція Сы-чуань: Чэнъ - ду - фу (Рихтгофенъ) — 800 т.; Сюй-чжоу-фу (миссіонеры) — 300 т.; Чунъ-цинъ-фу [1])—250 т.; Батанъ (по Джиллю)—3 т.

Провинція Шэнь-си: Хань-чжунъ-фу (Сосновскій)—70 т.

Провинція Ху-бэй: У-чанъ-фу, Хань-коу и Хань-янъ—болѣе 1 милліона; И-чанъ [1])—34 т.; Юнь-янъ-фу—4 т.

Провинція Ху-нань: Чанъ - ша - фу (Мориссонъ)—300 т.; Сянъ-тань (Рихгофенъ)—1 мил.

Провинція Ань-хой: Ань - цинъ - фу — 40 т.; У-ху [2]) въ 1891—77 т.

Провинція Цзянъ-су: Шанхай [2])—400 т.; Су-чжоу — 500 т.; Чжэнь-цзянъ-фу [1]) — 140 т.; Нанкинъ [1])—130 т.

Провинція Цзянъ-си: Цзю-цзянъ-фу [1])—53 т.; Ху-коу—50 т.

Провинція Чжэ - цзянъ: Ханъ - чжоу - фу—800 т.; Ху-чжоу-фу—100 т.; Нинъ-бо-фу [1])—255 т.; Шао - синъ - фу — 500 т.; Динъ-хай-тинъ—35 т.

Восточная покатость Нань-шаня южная Чжэ-цзянъ и Фу-цзянь.

Эта часть Китая имѣетъ очень опредѣленныя естественныя границы. Главный хребетъ системы китайскихъ горъ ясно опредѣляетъ провинцію Фу-цзянь отъ покатости, воды которой изливаются въ Янъ-цзы-цзянъ и въ Цянь-танъ. Расположеніе горныхъ цѣпей Нань-шаня, которыя всѣ оріентированы съ юго-запада на сѣверо-востокъ, напередъ указывало направленіе историческаго пути переселеній и торговыхъ сношеній между дельтой Голубой рѣки и Кантонской рѣкой: эта дорога движенія народовъ естественно должна была пройти во внутренности земель, на западъ отъ провинціи Фу-цзянь и отъ водораздѣльной возвышенности. На своемъ протяженіи отъ Ханъ-чжоу-фу до Кантона она поднимается по судоходному теченію Цянь-танъ-цзяна до прохода, откуда путешественникъ проникаетъ въ провинцію Цзянъ-си, чтобы направиться на югъ по Мэйлинской дорогѣ [2]). На востокъ отъ этого торговаго пути, нѣкогда очень оживленнаго, и которому суждено пріобрѣсти гораздо болѣе важное значеніе современемъ, когда желѣзныя дороги пройдутъ внутрь страны, малая ширина юго-восточной покатости не позволила текущимъ по ней водамъ соединиться въ одинъ рѣчной бассейнъ; рѣки, которыя, переходя послѣдовательно изъ одной поперечной долины въ другую, достигаютъ, наконецъ, моря, принадлежатъ къ нѣсколькимъ независимымъ гидрографическимъ системамъ, изъ коихъ нѣкоторыя отдѣлены отъ другихъ высокими порогами, дѣлающими сообщенія затруднительными. Такимъ образомъ, южный Чжэ-цзянъ естественно дѣлится на два округа, изъ которыхъ одинъ орошается рѣкой, Тай-чжоу, а другой рѣкой Вэнь-чжоу; подобно тому, и въ провинціи Фу-цзянь край распадается на отдѣльныя естественныя области, соотвѣтствующія бассейнамъ Минь-цзяна и рѣкъ, впадающихъ въ лиманы Амойскій и Сватоускій. Такъ какъ хребты горъ или холмовъ, возвышающіеся въ этой странѣ, оріентированы параллельно морскому берегу и оси горной системы Нань-шань, то притоки главныхъ рѣкъ

[1]) „Statesman's year book" 1895 г.
[2]) „Chronicle and directory". 1897.

[1]) „Chronicle and directory", 1897.
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Nganhwei.

протекаютъ въ промежуточныхъ долинахъ по тому же направленію, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, такъ что и тамъ естественные пути не слѣдуютъ вдоль гористаго и изрѣзаннаго бухтами морскаго прибрежья, а направляются по бороздамъ возвышенныхъ долинъ между параллельными грядами горъ; жители Фу-цзяни вступили во взаимныя сношенія черезъ море или черезъ горную страну. Но, хотя различныя естественныя области отдѣлены одна отъ другой возвышенными землями, не воздѣланными культурой, и хотя весь этотъ край остался въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ трактовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлался одною изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ Китая, благодаря плодородію своихъ долинъ и своему великолѣпному климату. При томъ же это обособленное положеніе принесло ему ту пользу, что бѣдствія войнъ сравнительно мало коснулись его, и, благодаря этому обстоятельству, уже тысячи лѣтъ земледѣліе и промышленность развиваются тамъ мирно, безъ насильственныхъ перерывовъ. По народной переписи 1842 года, въ провинціи Фу-цзянь, пространство которой исчисляютъ 2.737.75 квадратныхъ миль, оказалось 25.790.556 жителей, что̀ составляетъ 9.416 жителей на одну квадратную милю [1]).

Морское прибрежье провинціи Фу-цзянь, изрѣзанное безчисленнымъ множествомъ каменистыхъ мысовъ, стрѣлокъ и полуострововъ, окаймленное міріадами островковъ и торчащихъ изъ воды скалъ, представляетъ вообще печальный видъ, несмотря на безконечное разнообразіе его контуровъ. Большинство береговыхъ холмовъ, состоящихъ изъ гранитныхъ обломковъ и усѣянныхъ каменными глыбами всякой величины, совершенно лишено зелени или представляетъ только кучки жалкихъ сосенъ, низведенныхъ неблагопріятными условіями до размѣровъ простаго кустарника; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль берега тянутся ряды бѣлыхъ дюнъ, надъ которыми вѣтеръ вздымаетъ и кружитъ цѣлыя тучи песку. Растенія принадлежатъ къ тропической флорѣ, но они слишкомъ малочисленны, чтобы могли сообщить особенный характеръ мѣстности; только черезъ извѣстные промежутки, при поворотѣ мысовъ, взорамъ открываются, словно оазисы, устья долинъ съ ихъ городами или деревнями, окруженными банановыми рощами и воздѣланными полями [2]). Страна принимаетъ прекрасный видъ только вдали отъ береговъ и вѣтровъ моря, тамъ, гдѣ дикая растительность зеленѣетъ вокругъ храмовъ и на склонахъ высотъ, слишкомъ крутыхъ для того, чтобы ихъ можно было искусственно изсѣчь въ формѣ террасъ и обратить въ полосы культурной земли. Берега рѣки Минь, ниже города Фучжоу, представляютъ непрерывный рядъ очаровательныхъ пейзажей, гдѣ являются въ яркомъ контрастѣ двѣ флоры—внизу флора тропиковъ, вверху, по скатамъ горъ, флора умѣреннаго пояса.

Относительная изолированность, въ которой жило населеніе Фу-цзяни, была причиной того, что жители сохранили еще и до нынѣ свою особенную физіономію. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ обитателей имперіи. Они имѣютъ по меньшей мѣрѣ пять особенныхъ идіомовъ, настолько отличныхъ отъ оффиціальнаго языка, что простолюдины изъ разныхъ мѣстностей не понимаютъ другъ друга. Самымъ характеристическимъ областнымъ нарѣчіемъ Фу-цзяни кажется, нужно признать амойское, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть одно изъ наилучше извѣстныхъ китайскихъ нарѣчій, благодаря трудамъ Медгорста, Дугласа и другихъ синологовъ.

Этотъ діалектъ не только имѣетъ надъ мандаринскимъ говоромъ то преимущество, что онъ располагаетъ большимъ числомъ словъ при помощи разнообразія своихъ интонацій, но, сверхъ того, онъ освободился отъ первобытной формы, замѣняя односложныя слова литературнаго языка многочисленными двусложными составными и варьируя флексію словъ посредствомъ носоваго или сокращеннаго окончанія. Нарѣчія Фу-цзяни, предѣлы которыхъ не совпадаютъ съ административными границами провинціи и область которыхъ, напротивъ, захватываетъ весь сѣверъ и востокъ провинціи Гуанъ-дунъ, даютъ нѣкоторую національную связь тѣмъ, которые говорятъ ими въ другихъ провинціяхъ уроженцы Фу-цзяни, которые вообще любятъ путешествовать, обыкновенно водятъ знакомство только со своими земляками. Они перенесли съ собой свои діалекты во всѣ китайскія колоніи на Филиппинскихъ островахъ, въ Малезіи, въ Индо-Китаѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Китайскій языкъ, который услышишь по улицамъ Банкока, Лимы, Сакраменто, есть именно нарѣчіе, употребляемое въ Амоѣ и Сватоу.

Въ Фу-цзяни такъ же, какъ и въ провинціи Гуанъ-дунъ и въ архипелагѣ Чжу-санъ, существуютъ еще презираемыя населенія, въ которыхъ ученые видятъ обездоленныхъ первобытныхъ жителей края. Эти туземцы держатся въ сторонѣ, особнякомъ, нынѣшними господами страны, и во многихъ округахъ, особенно въ Фу-чжоу, они не могутъ имѣть земельной собственности; имъ даже не позволено селиться на твердой землѣ: вмѣсто всякаго земледѣлія, они должны ограничиться культурой кое-какихъ цвѣтовъ или овощей, растущихъ въ корзинѣ впереди барки, служащей имъ домомъ. Принужденные жить на водѣ, они переѣзжаютъ изъ порта въ портъ или стоятъ на якорѣ въ малень-

[1]) Матусовскій.

[2]) Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 15 mai 1871.

кихъ бухточкахъ, подвергаясь всѣмъ бурямъ и непогодамъ; по счастью, они хорошо приспособились къ новой средѣ и сдѣлались почти амфибіями, научаясь плавать съ самаго ранняго дѣтства; даже грудные младенцы снабжены выдолбленной тыквой или досечкой, для того, чтобы могли держаться на водѣ въ случаѣ паденія съ барки. У нихъ есть даже свои подвижные храмы, и даосскіе жрецы, осужденные, какъ и ихъ паства, проводить жизнь на жидкой стихіи, вѣнчаютъ своихъ прихожанъ и совершаютъ церемоніи въ честь «Девяти царей» [1]); ни буддійская религія, ни обрядности Конфуціевой вѣры не проникли въ эти плавучія поселенія. Туземная каста обречена на невѣжество, такъ какъ дѣтямъ ея не дозволяется представляться на публичные экзамены; цѣлыя три поколѣнія должны пройти прежде, чѣмъ потомки этихъ лодочниковъ, терпимые въ горахъ или деревняхъ какъ цирюльники или носильщики паланкиновъ, могутъ быть окончательно приняты въ общество полноправныхъ обывателей какъ равные [2]). Большое число компрадоровъ или посредниковъ между европейскими негоціантами и китайцами принадлежитъ къ презираемому классу; но какъ бы ни было велико нажитое ими богатство, имъ запрещено пріобрѣтать недвижимую собственность на твердой землѣ [3]); обычай оказался въ этомъ случаѣ сильнѣе указовъ императора Юнъ-чжэна, изданныхъ въ 1730 году. Эти паріи награждаются разными презрительными прозвищами, но для нихъ нѣтъ особаго этнографическаго имени, которое отличало бы ихъ отъ другихъ жителей Фу-цзяни, наименованіе «танкіа», которое имъ всего чаще даютъ, есть не что иное какъ оскорбительная кличка. Въ горахъ, возвышающихся на западъ отъ города Фу-чжоу, аборигены носятъ еще имя «минь», которое есть въ то же время названіе главной рѣки этой покатости, и которое примѣняется также къ бывшему королевству, сдѣлавшемуся теперь провинціей Фу-цзянь.

Тогда какъ на низменныхъ берегахъ, продолжающихся къ сѣверу отъ Ханчжоуской бухты, безопасныя пристанища для судовъ рѣдки, на югъ отъ города Нинъ-бо слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные каботажные порты. Изрѣзанный заливами морской берегъ представляетъ мореходамъ надежныя гавани, даже настоящіе фьорды. какова, напримѣръ, длинная бухта Нимврода, гдѣ они могутъ укрываться во время страшныхъ штормовъ, бушующихъ въ морѣ около острова Формозы. У оконечности каждой бухты видны барки, стоящія передъ домиками рыболововъ, и въ каждомъ проливѣ джонки, осторожно пробирающіяся между подводными камнями. На этомъ берегу, гдѣ самый дѣятельный портъ—Ши-пу-тинъ, почти вся торговля сосредоточена въ рукахъ китайскихъ мореходовъ. Тамъ, между прочимъ, ловятся устрицы, очень цѣнимыя въ Китаѣ: устрицы изъ Тайчжоуской бухты имѣютъ не менѣе полметра въ длину [1]).

Изъ приморскихъ городовъ южнаго Чжэцзяна замѣчателенъ портъ Вэнь-чжоу-фу, открытый правительствомъ для непосредственнаго торговаго обмѣна съ иностранцами. Вэньчжоу, расположенный при оконечности лимана, куда изливается судоходная рѣка, и перерѣзанный во всѣхъ направленіяхъ каналами, естественными или искусственными, до сихъ поръ еще большой городъ, но онъ утратилъ свою важность; развалины дворцовъ, украшенныхъ изваяніями, городскихъ воротъ, тріумфальныхъ арокъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ его величіи и нынѣшнемъ упадкѣ; тѣмъ не менѣе, онъ и теперь еще одинъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ имперіи. Какъ говорятъ его уроженцы, «фынъ-шуй» не благопріятствуетъ болѣе мѣстному благосостоянію; но въ дѣйствительности причину разоренія надо искать въ самихъ жителяхъ. Вѣроятно, во всемъ Срединномъ царствѣ не сыщешь города, гдѣ бы привычка курить опіумъ была болѣе распространена; три пятыхъ жителей Вэнь-чжоу отчаянные, неисправимые курильщики, съ впалыми щеками, съ тупымъ, обезжизненнымъ взглядомъ, съ разслабленными членами. Въ городѣ множество монастырей, и большинство монашествующихъ ведутъ распущенную жизнь: чтобы положить конецъ скандаламъ, губернаторъ велѣлъ однажды схватить монашенокъ въ ихъ обителяхъ, и продавалъ ихъ съ публичнаго торга на вѣсъ; среднимъ числомъ, покупная цѣна была 75 франковъ за штуку [2]). Въ предмѣстьяхъ поселены двѣ колоніи осужденныхъ преступниковъ, приведенныхъ изъ провинціи Шань-дунъ. Такъ какъ портъ Вэньчжоу находится въ краѣ, производящемъ много чая, то естественно было бы прямо отсюда вывозить этотъ товаръ за границу; однако, онъ отправляется сначала на каботажныхъ джонкахъ въ Фу-чжоу-фу. Всѣ операціи по внѣшней торговлѣ находятся въ рукахъ китайцевъ. Въ 1879 году ни одинъ англійскій купеческій корабль не заходилъ въ этотъ портъ, хотя почти всѣ привозные товары британскаго происхожденія; единственныя иностранныя суда, бросавшія якорь въ водахъ города, принадлежали нѣмцамъ и датчанамъ (движеніе судоходства въ Вэньчжоускомъ портѣ въ 1895 году: 38.642

[1]) H. Gray, „China"; — L. Katscher, „Bilder aus dem Chinesischen Leben".

[2]) Rousset, „A travers la Chine".

[3]) De Moges, „Souvenirs d'une ambassade en Chine et au Japon".

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des Sciences naturelles de Cherbourg", tome XXII, 1879.

[2]) W. Everard, „Rapport consulaire", 1879.

тоннъ); обороты внѣшней торговли: въ 1897 году равнялись 1.225.204 ланъ [1]).

Между многочисленными заливами, слѣдующими одинъ за другимъ на югъ отъ Вэнь-чжоу, особенно замѣчателенъ тотъ, который даетъ доступъ къ городу Фу-нинъ-фу. Это настоящее внутреннее море, усѣянное многочисленными островками и совершенно защищенное отъ бурь и волненій открытаго моря. Онъ не имѣетъ другаго входа, кромѣ узкаго и глубокаго коридора, который легко было бы обставить грозными укрѣпленіями. Такимъ образомъ Фу-нинскій рейдъ какъ бы предназначенъ самой природой для устройства большой военной и морской станціи. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несравненно большія выгоды, чѣмъ входъ въ Минь или рѣку города Фу-чжоу, слишкомъ мелкую для большихъ военныхъ кораблей [2]). На югѣ отъ это рейда, портъ Лянь-цзянь тоже посѣщается большимъ числомъ судовъ.

Фу-чжоу или Фу-чжоу-фу, главный городъ провинціи Фу-цзянь и важнѣйшій портъ юго-восточнаго прибрежья, между Шанхаемъ и Кантономъ, есть, между большими городами имперіи, одинъ изъ тѣхъ, окрестности которыхъ представляютъ прелестнѣйшія мѣстоположенія: отсюда, можетъ быть, и самое его названіе, которому обыкновенно придаютъ смыслъ «Счастливаго уголка»; у туземцевъ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хокъ-чу; кромѣ того, его называютъ еще Юнъ-чэнъ, что значитъ «Замокъ, окруженный банановыми рощами». Городъ построенъ не на берегу моря, но въ 51 верстѣ отъ устья Минь-цзяна, близъ сліянія этой многоводной рѣки съ другимъ потокомъ, текущимъ съ юго-запада, параллельно горнымъ цѣпямъ морскаго берега. По переходѣ черезъ баръ, порогъ котораго, въ часы отлива, имѣетъ 4 метра глубины, суда плывутъ по узкому проходу шириною около 360 метровъ, между двухъ гранитныхъ стѣнъ: тутъ расположены укрѣпленія Цзянь-пай, первое препятствіе, которое долженъ бы былъ преодолѣть непріятельскій флотъ. Далѣе, другой узкій проливъ, Миньанскій, тоже укрѣпленный, открывается выше песковъ, покрываемыхъ водой въ періоды прилива, и образуетъ второй входъ въ рѣку, доступный для джонокъ. За Миньанскимъ проходомъ, рѣка Минь, снова расширяясь и развѣтвляясь вокругъ островковъ и мелей, принимаетъ форму озера. Уединенная скала, съ пагодой на вершинѣ, высоко поднимается надъ широкимъ потокомъ, и недалеко оттуда одинъ мысъ сѣвернаго берега выдвинулся въ рѣку въ видѣ полуострова, на которомъ находится военный арсеналъ и кораблестроительныя верфи; суда, имѣющія болѣе 5 метровъ водоизмѣщенія, останавливаются въ этомъ мѣстѣ. Въ 1840 году китайцы набросали огромныхъ камней у одного изъ поворотовъ рѣки между городомъ и мѣстной якорной стоянкой, чтобы воспрепятствовать англійскимъ кораблямъ подняться до Фу-чжоу. Эта запруда почти исчезла, но накопившаяся выше ея тина не была совершенно расчищена теченіемъ, и потому плаваніе до сихъ поръ затруднительно даже для судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ. Арсеналъ, построенный въ 1869 году, подъ руководствомъ двухъ французовъ, Жикеля и Эгбеля, есть важнѣйшее въ имперіи военно-морское заведеніе; уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его открытія было спущено изъ его верфей 15 военныхъ судовъ. При арсеналѣ учреждены мореходное училище и большіе заводы и мастерскія.

Обнесенная стѣнами часть города Фу-чжоу-фу, гдѣ живутъ мандарины, обыватели и десять тысячъ потомковъ манчжуровъ, расположена на сѣверѣ отъ рѣки Минь, въ 3 километрахъ отъ берега, но промежуточное пространство между рѣкой и собственно городомъ занимаетъ обширное предмѣстье, гдѣ сосредоточена торговая и промышленная дѣятельность: тутъ группируются различныя корпораціи промышленниковъ и торговцевъ, каждая въ своей улицѣ. Напротивъ, на южномъ берегу рѣки, раскинулось другое многолюдное предмѣстье, Нань-тай. Небольшой островъ Чжунъ-чжоу, лежащій посреди рѣки, также покрытъ домами, и, наконецъ, сама рѣка исчезаетъ подъ плавучимъ городомъ Сампанъ, раздѣленнымъ на кварталы правильными улицами, по которымъ снуютъ взадъ и впередъ торговыя суда и лодки. Черезъ оба рукава Минь-цзяна, окружающіе островъ Чжунъ-чжоу, устроены гранитные мосты, которые еще въ 1860 году были живописно обставлены по бокамъ деревянными домиками. Большой мостъ, называемый «Мостомъ десяти тысячъ лѣтъ», время постройки котораго относятъ къ одиннадцатому столѣтію, имѣетъ не менѣе 400 метровъ въ длину и покоится на сорока быкахъ, которые не всѣ поставлены въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Огромныя песчаниковыя плиты, изъ которыхъ пять имѣютъ болѣе 15 метровъ длины, поддерживаютъ настилку моста. Многіе изъ этихъ камней обвалились, и эти обломки, оставшіеся въ руслѣ рѣки, образуютъ пороги, черезъ которые не могутъ проходить джонки; только барки, не глубоко сидящія въ водѣ, поднимаются вверхъ по теченію выше «Десяти-тысячелѣтняго моста». Чтобы положить упавшія плиты на прежнее мѣсто, или замѣнить ихъ новыми, строители пользуются высокимъ морскимъ приливомъ, который поднимаетъ уровень рѣки почти вровень съ настилкой моста: каменная глыба, положенная поперегъ барки, перевозится въ пролетъ между быками какъ разъ къ тому

[1]) „Returns of trade", 1897.
[2]) L. Rousset, „A travers la Chine".

мѣсту, куда ее нужно вставить, затѣмъ постепенно понижаютъ барки при помощи добавочныхъ тяжестей, особенно песку, и плита сама собой укладывается въ ту часть моста, которую она должна занимать [1]): это способъ подобный тому, который употребляли древніе египтяне для перевозки своихъ большихъ монолитовъ [2]). Въ 1876 году, «Десяти-тысячелѣтній мостъ», хотя совершенно потопленный водами выступившаго изъ береговъ Минь-цзяна, устоялъ противъ напора теченія [3]).

Европейскій кварталъ находится въ предмѣстьѣ Нань-тай, и большинство его жилыхъ домовъ разсѣяны между китайскими гробницами, по скатамъ холма, откуда виденъ весь городъ какъ на ладони. Отпускная торговля ограничивается вывозомъ чая; въ продолженіе многихъ лѣтъ Фу-чжоу-фу былъ самымъ дѣятельнымъ портомъ по вывозу этого товара. Почти весь посылаемый отсюда чай идетъ въ Англію и Австралію, однако, русскіе негоціанты, поселившіеся въ Фу-чжоу, начали фабриковать кирпичные чаи для отправки въ Тянь-цзинь. Отпускъ чая изъ Фу-чжоу въ 1895 году былъ:

Въ Великобританію—8.962.453 пикулей; въ Австралію—8.371.727 пикулей; въ Россію—59,683 пикулей. Всего, съ другими странами—261.446 пикулей [4]).

Китайскія каботажныя суда приходятъ въ Фу-чжоу за грузами строеваго лѣса, бамбука, мебели. писчей бумаги, риса, разнаго рода фруктовъ и привозятъ въ обмѣнъ европейскіе товары, покупаемые въ портахъ гонконгскомъ, кантонскомъ, шанхайскомъ. Въ 1897 году движеніе торговли въ Фу-чжоу выразилось слѣдующими цифрами:

Торговля съ иностранными рынками: Привозъ—6.715.228 ланъ; вывозъ—6.841.266 л. Вмѣстѣ—13.556.494 ланъ.

Движеніе судоходства въ 1895 г.: Англійскихъ судовъ—389 вмѣстим.—503.797 тоннъ; другихъ судовъ—185 вмѣстим.—107.946 тон. Всего судовъ—574 вмѣстим.—611.739 тоннъ.

«Городъ Трехъ холмовъ»—какъ часто называютъ Фу-чжоу по причинѣ трехъ возвышенностей. находящихся въ его оградѣ,—окруженъ высотами. Одна изъ этихъ высотъ, пользующаяся громкой извѣстностью во всей имперіи, имѣетъ видъ настоящей горы, и ея пирамидальная гранитная вершина поднимается на 880 метровъ надъ уровнемъ Минь-цзяна, между Фу-чжоу и арсеналомъ: это Гу-шань или «Гора барабана». Буддійскій монастырь, называемый кумирней «Журчащаго фонтана», занимаетъ одинъ изъ верхнихъ цирковъ этой горы, и съ высоты окружающихъ его великолѣпныхъ аллей можно любоваться развертывающейся внизу чудной панорамой острововъ, рѣки и обширнаго города. Въ сезонъ жаровъ этотъ монастырь служитъ мѣстомъ дачной жизни для богатыхъ негоціантовъ. Какъ и въ Европѣ, деревни, куда городскіе жители переселяются лѣтомъ на дачу, выстроились и здѣсь вокругъ минеральныхъ источниковъ, которые тамъ и сямъ бьютъ изъ земли въ долинѣ; одинъ изъ этихъ горячихъ ключей находится у самыхъ воротъ Фу-чжоу-фу. Въ 10 километрахъ выше города черезъ рѣку устроенъ мостъ, подобный «Десятитысячелѣтнему»: это «Мостъ красныхъ» или «Облачныхъ горъ», получившій такое названіе отъ вершинъ, возвышающихся надъ долиной. Барки на верховьяхъ рѣки не могутъ переходить за мѣстечко Шуй-коу, лежащее ниже большаго города Янъ-пинъ-фу, построеннаго въ точкѣ соединенія главныхъ долинъ бассейна. Ботаникъ Фортюнъ поднимался вверхъ по теченію Минь-цзяна, имѣя въ виду посѣтить округи, гдѣ собираются лучшіе черные чаи провинціи Фу-цзянь; но различныя препятствія заставили его вернуться съ дороги, чтобы обойти горную цѣпь черезъ провинцію Чжэ-цзянъ и спуститься черезъ перевалъ горъ «Чернаго чая» опять въ долину Мина. Эти горы, съ зубчатымъ профилемъ, поднимаются отъ 2.000 до 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря; Арманъ Давидъ исчисляетъ въ 3.000 метровъ высоту самыхъ возвышенныхъ вершинъ восточной цѣпи Фу-цзяни. Главный рынокъ чаевъ въ этой области верхняго Минь-цзяна—городъ Чунъ-ань, лежащій недалеко отъ уединенной группы Ву-и-шань, одной изъ наиболѣе почитаемыхъ горныхъ цѣпей южнаго Китая. Этотъ массивъ состоитъ изъ шиферовъ и песчаниковъ, соединенныхъ въ видѣ конгломерата, перерѣзаннаго жилами кварца и гранита, и возвышается на 300 метровъ надъ уровнемъ равнины. Крутыя стѣны, фантастическія формы этихъ скалъ, «рѣка съ девятью излучинами», бѣгущая на днѣ узкихъ поперечныхъ долинъ, сдѣлали Ву-и-шань одною изъ любопытнѣйшихъ мѣстностей Фу-цзяни; эта группа горъ есть въ то же время одинъ изъ богатѣйшихъ округовъ края, благодаря превосходному качеству ея чаевъ, которые воздѣлываются буддійскими монахами «999 кумирень», разсѣянныхъ на холмахъ [1]).

Прежде Фу-чжоу-фу титулъ главнаго города Фу-цзяни носилъ другой, болѣе южный городъ, Цюань-чжоу-фу, который и теперь еще служитъ мѣстопребываніемъ военнаго губернатора провинціи. Большинство комментаторовъ Марко Поло и средневѣковыхъ арабскихъ географовъ согласны въ томъ, что въ этомъ городѣ, простонародное имя котораго Цетунъ [2]), слѣдуетъ ви-

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.
[2]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.
[3]) Мистрисъ Т. Фр. Гвисъ, „Among the Sons of Han“.
[4]) Пикуль=3,7 пуда.

[1]) Fortune, „Tea-districts of China and India“.
[2]) Klaproth, „Recherches sur les ports de Gampou et de Zaitoun“.

тоннъ); обороты внѣшней торговли: въ 1897 году равнялись 1.225.204 ланъ [1]).

Между многочисленными заливами, слѣдующими одинъ за другимъ на югъ отъ Вэнь-чжоу, особенно замѣчателенъ тотъ, который даетъ доступъ къ городу Фу-нинъ-фу. Это настоящее внутреннее море, усѣянное многочисленными островками и совершенно защищенное отъ бурь и волненій открытаго моря. Онъ не имѣетъ другаго входа, кромѣ узкаго и глубокаго коридора, который легко было бы обставить грозными укрѣпленіями. Такимъ образомъ Фунинскій рейдъ какъ бы предназначенъ самой природой для устройства большой военной и морской станціи. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несравненно большія выгоды, чѣмъ входъ въ Минь или рѣку города Фу-чжоу, слишкомъ мелкую для большихъ военныхъ кораблей [2]). На югѣ отъ это рейда, портъ Лянь-цзянь тоже посѣщается большимъ числомъ судовъ.

Фу-чжоу или Фу-чжоу-фу, главный городъ провинціи Фу-цзянь и важнѣйшій портъ юго-восточнаго прибрежья, между Шанхаемъ и Кантономъ, есть, между большими городами имперіи, одинъ изъ тѣхъ, окрестности которыхъ представляютъ прелестнѣйшія мѣстоположенія: отсюда, можетъ быть, и самое его названіе, которому обыкновенно придаютъ смыслъ «Счастливаго уголка»; у туземцевъ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хокъ-чу; кромѣ того, его называютъ еще Юнъ-чэнъ, что значитъ «Замокъ, окруженный банановыми рощами». Городъ построенъ не на берегу моря, но въ 51 верстѣ отъ устья Минь-цзяна, близъ сліянія этой многоводной рѣки съ другимъ потокомъ, текущимъ съ юго-запада, параллельно горнымъ цѣпямъ морскаго берега. По переходѣ черезъ баръ, порогъ котораго, въ часы отлива, имѣетъ 4 метра глубины, суда плывутъ по узкому проходу шириною около 360 метровъ, между двухъ гранитныхъ стѣнъ: тутъ расположены укрѣпленія Цзянь-пай, первое препятствіе, которое долженъ бы былъ преодолѣть непріятельскій флотъ. Далѣе, другой узкій проливъ, Миньанскій, тоже укрѣпленный, открывается выше песковъ, покрываемыхъ водой въ періоды прилива, и образуетъ второй входъ въ рѣку, доступный для джонокъ. За Миньанскимъ проходомъ, рѣка Минь, снова расширяясь и развѣтвляясь вокругъ островковъ и мелей, принимаетъ форму озера. Уединенная скала, съ пагодой на вершинѣ, высоко поднимается надъ широкимъ потокомъ, и недалеко оттуда одинъ мысъ сѣвернаго берега выдвинулся въ рѣку въ видѣ полуострова, на которомъ находится военный арсеналъ и кораблестроительныя верфи; суда, имѣющія болѣе 5 метровъ водоизмѣщенія, останавливаются въ этомъ мѣстѣ. Въ 1840 году китайцы набросали огромныхъ камней у одного изъ поворотовъ рѣки между городомъ и мѣстной якорной стоянкой, чтобы воспрепятствовать англійскимъ военнымъ кораблямъ подняться до Фу-чжоу. Эта запруда почти исчезла, но накопившаяся выше ея тина не была совершенно расчищена теченіемъ, и потому плаваніе до сихъ поръ затруднительно даже для судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ. Арсеналъ, построенный въ 1869 году, подъ руководствомъ двухъ французовъ, Жикеля и Эгбеля, есть важнѣйшее въ имперіи военно-морское заведеніе; уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его открытія было спущено изъ его верфей 15 военныхъ судовъ. При арсеналѣ учреждены мореходное училище и большіе заводы и мастерскія.

Обнесенная стѣнами часть города Фу-чжоу-фу, гдѣ живутъ мандарины, обыватели и десять тысячъ потомковъ манчжуровъ, расположена на сѣверѣ отъ рѣки Минь, въ 3 километрахъ отъ берега, но промежуточное пространство между рѣкой и собственно городомъ занимаетъ обширное предмѣстье, гдѣ сосредоточена торговая и промышленная дѣятельность: тутъ группируются различныя корпораціи промышленниковъ и торговцевъ, каждая въ своей улицѣ. Напротивъ, на южномъ берегу рѣки, раскинулось другое многолюдное предмѣстье, Нань-тай. Небольшой островъ Чжунъ-чжоу, лежащій посреди рѣки, также покрытъ домами, и, наконецъ, сама рѣка исчезаетъ подъ плавучимъ городомъ Сампанъ, раздѣленнымъ на кварталы правильными улицами, по которымъ снуютъ взадъ и впередъ торговыя суда и лодки. Черезъ оба рукава Минь-цзяна, окружающіе островъ Чжунъ-чжоу, устроены гранитные мосты, которые еще въ 1860 году были живописно обставлены по бокамъ деревянными домиками. Большой мостъ, называемый «Мостомъ десяти тысячъ лѣтъ», время постройки котораго относятъ къ одиннадцатому столѣтію, имѣетъ не менѣе 400 метровъ въ длину и покоится на сорока быкахъ, которые не всѣ поставлены въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Огромныя песчаниковыя плиты, изъ которыхъ они имѣютъ болѣе 15 метровъ длины, поддерживаютъ настилку моста. Многіе изъ этихъ камней обвалились, и эти обломки, оставшіеся въ руслѣ рѣки, образуютъ пороги, черезъ которые не могутъ проходить джонки; только барки, не глубоко сидящія въ водѣ, поднимаются вверхъ по теченію выше «Десяти-тысячелѣтняго моста». Чтобы положить упавшія плиты на прежнее мѣсто, или замѣнить ихъ новыми, строители пользуются высокимъ морскимъ приливомъ, который поднимаетъ уровень рѣки почти вровень съ настилкой моста: каменная глыба, положенная поперегъ барки, перевозится въ пролетъ между быками какъ разъ къ тому

[1]) „Returns of trade", 1897.
[2]) L. Rousset, „A travers la Chine".

мѣсту, куда ее нужно вставить, затѣмъ постепенно понижаютъ барки при помощи добавочныхъ тяжестей, особенно песку, и плита сама собой укладывается въ ту часть моста, которую она должна занимать [1]): это способъ подобный тому, который употребляли древніе египтяне для перевозки своихъ большихъ монолитовъ [2]). Въ 1876 году, «Десяти-тысячелѣтній мостъ», хотя совершенно потопленный водами выступившаго изъ береговъ Минь-цзяна, устоялъ противъ напора теченія [3]).

Европейскій кварталъ находится въ предмѣстьѣ Нань-тай, и большинство его жилыхъ домовъ разсѣяны между китайскими гробницами, по скатамъ холма, откуда виденъ весь городъ какъ на ладони. Отпускная торговля ограничивается вывозомъ чая; въ продолженіе многихъ лѣтъ Фу-чжоу-фу былъ самымъ дѣятельнымъ портомъ по вывозу этого товара. Почти весь посылаемый отсюда чай идетъ въ Англію и Австралію, однако, русскіе негоціанты, поселившіеся въ Фу-чжоу, начали фабриковать кирпичные чаи для отправки въ Тянь-цзинь. Отпускъ чая изъ Фу-чжоу въ 1895 году былъ:

Въ Великобританію—8.962.453 пикулей; въ Австралію—8.371.727 пикулей; въ Россію—59,683 пикулей. Всего, съ другими странами—261.446 пикулей [4]).

Китайскія каботажныя суда приходятъ въ Фу-чжоу за грузами строеваго лѣса, бамбука, мебели, писчей бумаги, риса, разнаго рода фруктовъ и привозятъ въ обмѣнъ европейскіе товары, покупаемые въ портахъ гонконгскомъ, кантонскомъ, шанхайскомъ. Въ 1897 году движеніе торговли въ Фу-чжоу выразилось слѣдующими цифрами:

Торговля съ иностранными рынками: Привозъ—6.715.228 ланъ; вывозъ—6.841.266 л. Вмѣстѣ—13.556.494 ланъ.

Движеніе судоходства въ 1895 г.: Англійскихъ судовъ—389 вмѣстим.—503.797 тоннъ; другихъ судовъ—185 вмѣстим.—107.946 тон. Всего судовъ—574 вмѣстим.—611.739 тоннъ.

«Городъ Трехъ холмовъ»—какъ часто называютъ Фу-чжоу по причинѣ трехъ возвышенностей, находящихся въ его оградѣ,—окруженъ высотами. Одна изъ этихъ высотъ, пользующаяся громкой извѣстностью во всей имперіи, имѣетъ видъ настоящей горы, и ея пирамидальная гранитная вершина поднимается на 880 метровъ надъ уровнемъ Минь-цзяна, между Фу-чжоу и арсеналомъ: это Гу-шань или «Гора барабана». Буддійскій монастырь, называемый кумирней «Журчащаго фонтана», занимаетъ одинъ изъ верхнихъ цирковъ этой горы, и съ высоты окружающихъ его великолѣпныхъ аллей можно любоваться развертывающейся внизу чудной панорамой острововъ, рѣки и обширнаго города. Въ сезонъ жаровъ этотъ монастырь служитъ мѣстомъ дачной жизни для богатыхъ негоціантовъ. Какъ и въ Европѣ, деревни, куда городскіе жители переселяются лѣтомъ на дачу, выстроились и здѣсь вокругъ минеральныхъ источниковъ, которые тамъ и сямъ бьютъ изъ земли въ долинѣ; одинъ изъ этихъ горячихъ ключей находится у самыхъ воротъ Фу-чжоу-фу. Въ 10 километрахъ выше города черезъ рѣку устроенъ мостъ, подобный «Десятитысячелѣтнему»: это «Мостъ красныхъ» или «Облачныхъ горъ», получившій такое названіе отъ вершинъ, возвышающихся надъ долиной. Барки на верховьяхъ рѣки не могутъ переходить за мѣстечко Шуй-коу, лежащее ниже большаго города Янъ-пинъ-фу, построеннаго въ точкѣ соединенія главныхъ долинъ бассейна. Ботаникъ Фортюнъ поднимался вверхъ по теченію Минь-цзяна, имѣя въ виду посѣтить округи, гдѣ собираются лучшіе черные чаи провинціи Фу-цзянь; но различныя препятствія заставили его вернуться съ дороги, чтобы обойти горную цѣпь черезъ провинцію Чжэ-цзянъ и спуститься черезъ перевалъ горъ «Чернаго чая» опять въ долину Мина. Эти горы, съ зубчатымъ профилемъ, поднимаются отъ 2.000 до 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря; Арманъ Давидъ исчисляетъ въ 3.000 метровъ высоту самыхъ возвышенныхъ вершинъ восточной цѣпи Фу-цзяни. Главный рынокъ чаевъ въ этой области верхняго Минь-цзяна—городъ Чунъ-ань, лежащій недалеко отъ уединенной группы Ву-и-шань, одной изъ наиболѣе почитаемыхъ горныхъ цѣпей южнаго Китая. Этотъ массивъ состоитъ изъ шиферовъ и песчаниковъ, соединенныхъ въ видѣ конгломерата, перерѣзаннаго жилами кварца и гранита, и возвышается на 300 метровъ надъ уровнемъ равнины. Крутыя стѣны, фантастическія формы этихъ скалъ, «рѣка съ девятью излучинами», бѣгущая на днѣ узкихъ поперечныхъ долинъ, сдѣлали Ву-и-шань одною изъ любопытнѣйшихъ мѣстностей Фу-цзяни; эта группа горъ есть въ то же время одинъ изъ богатѣйшихъ округовъ края, благодаря превосходному качеству ея чаевъ, которые воздѣлываются буддійскими монахами «999 кумирень», разсѣянныхъ на холмахъ [1]).

Прежде Фу-чжоу-фу титулъ главнаго города Фу-цзяни носилъ другой, болѣе южный городъ, Цюань-чжоу-фу, который и теперь еще служитъ мѣстопребываніемъ военнаго губернатора провинціи. Большинство комментаторовъ Марко Поло и средневѣковыхъ арабскихъ географовъ согласны въ томъ, что въ этомъ городѣ, простонародное имя котораго Цетунъ [2]), слѣдуетъ ви-

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine".
[2]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.
[3]) Миссисъ Т. Фр. Гюнсъ, „Among the Sons of Han".
[4]) Пикуль=3,7 пуда.

[1]) Fortune, „Tea-districts of China and India".
[2]) Klaproth, „Recherches sur les ports de Gampou et de Zaitoun".

дѣть Зайтонъ (Сайтонъ, Зайтунъ), который былъ, по словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Батуты, «величайшимъ портомъ въ свѣтѣ». Арабы пріѣзжали туда массами для торговыхъ дѣлъ, служа посредниками между Китаемъ и Западомъ; даже армяне и генуэзцы поселялись тамъ въ качествѣ торговцевъ; одинъ итальянскій епископъ прожилъ тамъ съ 1318 по 1322 годъ, и Мариньоли видѣлъ «три прекрасныя церкви» въ этомъ городѣ «неимовѣрно огромнаго протяженія»; гавань заключала въ себѣ такое множество судовъ, что мѣстное купечество, по случаю войны съ Японіей, похвалялось, что оно можетъ перекинуть сплошной мостъ изъ судовъ между его портомъ и «архипелагомъ «Восходящаго солнца». Зайтунъ или «Городъ масленичныхъ деревьевъ», какъ называли его арабы, видоизмѣняя китайское имя, доставлялъ западнымъ купцамъ сахаръ, бархатъ и шелкъ; Ибнъ-Батута даже говоритъ опредѣленно, что атласъ или по-арабски зайтуньяхъ (отсюда же, вѣроятно, французское и англійское satin) получилъ свое названіе отъ города, изъ котораго его вывозили, и Юль готовъ принять эту этимологію [1]). Но рейдъ Цюань-чжоу мало-по-малу засорился пескомъ, обмелѣлъ, и кипучая торговая дѣятельность перемѣстилась далѣе на югъ въ обширную Амойскую бухту, въ городъ Амой, который, кажется, тоже былъ извѣстенъ подъ именемъ Зайтуна, какъ торговый пригородъ Цюань-чжоу, въ округѣ котораго онъ находится. Маленькая гавань Ань-хай служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ между старымъ портомъ Зайтунъ и тѣмъ, который замѣняетъ его въ наши дни.

Амой, южный портъ провинціи Фу-цзянь, открытый теперь западнымъ купеческимъ кораблямъ, есть одинъ изъ лучшихъ портовъ земнаго шара, если не «первый» по движенію торговаго обмѣна, какимъ былъ нѣкогда его предмѣстникъ Зайтунъ. Построенный на островѣ, который, повидимому, прежде составлялъ, вмѣстѣ съ окружающими его островами, часть материка, Амой представляетъ передъ своими набережными превосходную яркую стоянку для самыхъ большихъ судовъ. Когда португальцы явились впервые на берегахъ Китая, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Амой былъ уже главнымъ портомъ провинціи Фу-цзянь, и они пристали въ его гавани. До 1730 года европейскіе корабли безпрепятственно бросали якорь въ этомъ рейдѣ, но съ этого времени китайцы перестали пускать ихъ, и портъ былъ вновь открытъ иностранной торговлѣ только англійскими пушками, въ 1842 году. Колонія «рыжеволосыхъ дьяволовъ», заключавшая въ 1880 году около 300 лицъ, поселилась на небольшомъ островѣ Ся-мынь, въ 600 метрахъ отъ Амоя, и вокругъ европейскихъ домовъ уже выстроился цѣлый китайскій городъ, лучше содержимый, чѣмъ городъ противоположнаго берега. Натуралистъ Суинго основалъ тамъ въ 1857 году ученое общество, которое заявило себя очень полезными изслѣдованіями по естественной исторіи. Одинъ изъ сосѣднихъ съ Ся-мынь острововъ оканчивается мысомъ, прорѣзаннымъ естественной галлереей, которая эффектно обрамляетъ своими черными скалами ярко освѣщенную картину рейда, усѣяннаго безчисленными судами.

Внѣшняя торговля амойскаго порта, по важности почти равная торговлѣ города Фу-чжоу, состоитъ главнымъ образомъ въ привозѣ опіума и въ вывозѣ сахару (въ 1895 году этого товара было отправлено за границу 12.470.723 пикуля) [1])и чая. Цѣнность торговаго обмѣна Амойскаго рынка съ иностранными выразилась въ 1897 году слѣдующими цифрами: привозъ 10.532.385 ланъ, вывозъ 2.441.231 ланъ, сумма оборотовъ 12.973.616 ланъ. Въ Амоѣ, кромѣ того, садятся на корабли эмигранты, переселяющіеся въ чужія страны, и между этимъ городомъ и Сингапуромъ происходитъ постоянное движеніе путешественниковъ (въ 1879 изъ Амоя отправилось 20.512 эмигрантовъ, изъ этого числа 14.455 въ Сингапуръ и 3.393 въ Манилу); въ то же время этотъ портъ служитъ торговой и военной пристанью для судоходства между островомъ Формозой и континентомъ. Амой, одинъ изъ городовъ Китая, отличающійся духомъ иниціативы и предпріимчивости, обзавелся доками, гдѣ починяются не только джонки и мелкія морскія суда, но даже большіе пароходы, поднимающіе до 2.000 тоннъ груза. Движеніе судоходства въ амойскомъ портѣ по внѣшней торговлѣ въ 1879 году: 1.540 судовъ, вмѣстимостью 892.000 тоннъ, въ томъ числѣ судовъ подъ англійскимъ флагомъ 1.060, вмѣстимостью 720.000 тоннъ. Главный островъ состоитъ частію изъ безплоднаго гранита, но плодородныя равнины твердой земли, вокругъ многолюдныхъ городовъ Чжанъ-чжоу-фу и Тунъ-ань, представляютъ одинъ обширный, прекрасно воздѣланный садъ.

Города юго-восточнаго берега, населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками, суть:

Чжэ-цзянь: Вэнь-чжоу-фу—83.000 жит. (по Hongkong directory).

Фу-цзянь: Фу-чжоу-фу—1.000.000; Чжанъ-чжоу-фу — 500.000; Лянь-цзянъ — 250.000; Чунъ-ань — 100.000; Янь-пинъ-фу—200.000; (Фортюнъ) Амой—300.000.

[1]) *Yule, „The Book of ser Marco Polo“.*

[1]) Пикуль=3,7 пуда.

Бассейнъ Си-цзяна.

Провинціи Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ.

Эта часть Китая, половина которой находится уже въ предѣлахъ тропическаго пояса, есть одна изъ тѣхъ, которыя по своимъ климатическимъ условіямъ, по произведеніямъ почвы и самой исторіи жителей, наиболѣе ясно отличаются отъ остальной имперіи. Въ историческія времена бассейнъ Си-цзяна нерѣдко принадлежалъ другимъ властителямъ, не тѣмъ, которые господствовали на сѣверѣ страны, и около половины настоящаго столѣтія въ этой же области зародилось и развилось грозное возстаніе тайпиновъ. Пропорціонально численности своего населенія, составляющаго двадцатую часть всей цифры жителей Серединнаго царства. провинція Гуанъ-дунъ оказываетъ немаловажное вліяніе на общую политику Китая. и главный ея городъ, который, при отсутствіи достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, основанныхъ на правильной переписи народонаселенія, считаютъ самымъ многолюднымъ городомъ имперіи, разсматривается во многихъ отношеніяхъ какъ центръ, составляющій противовѣсъ Пекину. Въ то время, какъ «Сѣверная столица» сторожитъ области монгольскихъ плоскогорій, гдѣ подготовлялись всѣ нашествія дикихъ завоевателей, «Восточный городъ», уже почти принадлежащій къ Индостану по своему климату, поддерживалъ сношенія китайскаго міра съ островами и полуостровами, омываемыми Индійскимъ океаномъ. Пространство и населеніе двухъ провинцій бассейна Си-цзяна суть:

Гуанъ-си 3819.98 □ геогр. миль,—5.151.327 душъ; на □ милю 1.348 чел. Гуанъ-дунъ 4.153,26 □ геогр. миль, 29.706.249 душъ; на □ милю 7.152 чел.

На сѣверной сторонѣ долины Си-цзяна, различныя цѣпы горъ, означаемыя китайцами тысячью мѣстныхъ названій. и совокупность которыхъ соединена въ описаніи Рихтгофена подъ общимъ именемъ Нань-шань (Южныя горы), представляются, какъ и возвышенности бассейна Голубой рѣки, въ формѣ параллельныхъ хребтовъ, ріентированныхъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и раздѣленныхъ широкими брешами. Одинъ изъ этихъ хребтовъ, Бинъ-и-шань, какъ говорятъ. поднимается своими вершинами до пояса постоянныхъ снѣговъ[1]). Полагаютъ. что эти сѣверныя гряды горъ по своему среднему возвышенію значительно превосходятъ горныя цѣпи южнаго Гуанъ-дуна. Эти послѣднія, начинающіяся въ Тонкинѣ параллельно берегу залива, направляются также на сѣверо-востокъ, сопровождаемыя на сѣверной сторонѣ теченіемъ рѣки Юй-цзянъ. Образовавъ высокій массивъ, Ло-янъ, восхожденіе на вершину котораго, по словамъ Мартини, требуетъ не менѣе двухъ дней безостановочнаго пути[1]), горы пересѣкаютъ «Западную рѣку». Узкія поперечныя долины, слѣдующія одна за другой въ этомъ мѣстѣ, составляютъ естественную границу двухъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дуна; ниже, параллельныя цѣпи еще разъ сближаются и съуживаютъ ложе Си-цзяна. Другіе горные хребты, расположенные по большей части въ томъ же направленіи, какъ Нань-шань и вся система китайскихъ горъ, занимаютъ восточную область Гаунъ-дуна и продолжаются въ провинціи Фу-цзянь; одинъ изъ нихъ начинается у самыхъ воротъ Кантона и образуетъ живописную группу Бэй-юнь или «Гору, окутанную бѣлыми облаками», скаты которой усѣяны безчисленными могилами. Далѣе слѣдуютъ горы Ло-фоу-шань, достигающія высоты отъ 1.200 до 1.500 метровъ, и покрытыя лѣсами, подъ тѣнью которыхъ буддійскіе монахи понастроили свои обители. Еще далѣе тянутся другія цѣпи, пока еще неизмѣренныя, которыя примыкаютъ къ параллельнымъ массивамъ Фу-цзяни. По донесеніямъ миссіонеровъ, нѣкоторыя изъ этихъ горъ, особенно тѣ, которыя отдѣляютъ бассейнъ Хань-цзяна отъ бассейна Дунъ-цзяна, настолько высоки, что зимою покрываются снѣгомъ[2]).

На югъ отъ провинціи Фу-цзянь обильная рѣка Хань-цзянъ принимаетъ въ себя воды западнаго Гуанъ-дуна; получая начало на границахъ провинціи Цзянъ-си и спускаясь по прямой линіи съ сѣвера на югъ, эта рѣка пользуется брешами для прохода черезъ горныя цѣпи, но главный ея притокъ, Мэй-цзянъ или «рѣка сливъ», слѣдуетъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку по одному изъ длинныхъ промежуточныхъ пониженій или долинъ, раздѣляющихъ хребты, представляя такимъ образомъ поперечную дорогу изъ Фу-цзяни въ бассейнъ Си-цзяна.

Рѣка, которой дали названіе Си-цзянъ,—т. е. «Западной рѣки», представляетъ могучій многоводный потокъ, благодаря лѣтнему муссону, приносящему очень обильные дожди на южную покатость Нань-шаня; количество выпадающей въ продолженіе года дождевой воды въ провинціи Гуанъ-дунъ составляетъ слой толщиною болѣе 2 метровъ. «Западная рѣка», называемая иногда также Бэй-цзянъ или «рѣкой Бэй», по общему имени края, обнимающаго двѣ южныя провинціи, получаетъ свои первыя воды изъ Юньнани и съ высотъ Гуй-чжоу, въ странѣ мяотовъ. Главная ея вѣтвь, Хунъ-шуй, течетъ

[1]) „Mittheilungen von Petermann", 1861.

[1]) „Novus Atlas Sinensis".

[2]) Hirth, „Mittheilungen von Petermann", 1873.

подъ разными именами прежде, чѣмъ получить отъ кантонцевъ названіе, которымъ она означается въ нижнемъ ея теченіи; недостатокъ точной номенклатуры былъ причиной того, что каждый путешественникъ за главную вѣтвь Си-цзяна принималъ именно ту, которую онъ посѣтилъ. Такъ миссіонеры Гюкъ и Габе, которые сѣли на судно на сѣверѣ Кантонской провинціи, на рѣкѣ, вытекающей у подошвы хребта Мэй-линъ, полагаютъ, что плыли по главной рѣкѣ; точно также Моссъ, поднимавшійся по рѣкѣ Юй-цзяну, притоку «Западной рѣки», который беретъ начало въ Тонкинѣ, говоритъ о своемъ путешествіи какъ о поѣздкѣ по Си-цзяну. Ниже сліянія этихъ двухъ потоковъ другая большая рѣка, Гуй-цзянъ, присоединяется къ общему теченію, и «Западная рѣка», отселѣ имѣющая видъ могучаго потока, вступаетъ черезъ рядъ тѣснинъ въ провинцію Гуанъ-дунъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаныя мели прерываютъ теченіе Си-цзяна и въ періодъ низкаго стоянія воды оставляютъ судамъ фарватеръ не болѣе 2 метровъ глубиной; но лѣтомъ, во время дождей, приносимыхъ муссономъ, уровень воды поднимается до 8 и 10 метровъ; кромѣ того, морской приливъ дважды въ сутки поддерживаетъ и повышаетъ горизонтъ водъ: вліяніе прилива ощутительно даже на провинціи Гуанъ-си, на разстояніи 300 километровъ отъ моря. Въ глубокихъ частяхъ фарватера лотъ достаетъ дно на глубинахъ, превышающихъ 50 метровъ [1]).

По выходѣ изъ послѣдняго ущелья, гдѣ рѣка имѣетъ всего только 200 метровъ въ ширину между крутыми стѣнами, которыя отъ выступа къ выступу поднимаются до высоты почти 900 метровъ, Си-цзянъ соединяется съ Бэй-цзяномъ или «Сѣверной рѣкой». Съ этого мѣста и начинается область дельты. Отъ истоковъ до бифуркаціи нижнихъ вѣтвей длина теченія Си-цзяна по меньшей мѣрѣ 1.500 километровъ, но судоходная сѣть по главной рѣкѣ и ея притокамъ гораздо значительнѣе, благодаря изобрѣтательности и предпріимчивости ладейщиковъ, которые пользуются малѣйшимъ потокомъ или рукавомъ, чтобы проводить маленькія суда, перетаскивая ихъ силой рукъ черезъ пороги или волоки. Си-цзянъ есть единственный торговый путь между Кантономъ и тремя провинціями Гуанъ-си, Гуй-чжоу, Юнь-нань, и по этой же рѣкѣ производятся частью торговыя сношенія съ странами Индо-Китая, орошаемыми Красной рѣкой и Меконгомъ. Бэй-цзянъ еще важнѣе главной рѣки, какъ путь торговаго обмѣна. Онъ составляетъ часть большой дороги судоходства, которая соединяетъ Кантонъ съ бассейномъ Янъ-цзы-цзяна, и на которой нѣтъ нигдѣ перерывовъ, кромѣ пересѣкающаго ее «Хребта сливъ» или Мэй-линъ. Это тотъ путь, которымъ слѣдовало большинство европейскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ южныя провинціи Китая: въ 1693 году миссіонеръ Буве плылъ по Бэй-цзяну, а въ 1722 году Гобиль составилъ карту этой рѣки, на основаніи своихъ астрономическихъ наблюденій. Въ 1793 году по этому пути прошло посольство Макартнея, а въ 1816 году лордъ Амгерстъ. Изъ всѣхъ историческихъ путей Китайской имперіи Бэйцзянская дорога безспорно самая важная, такъ какъ безъ нея вся южная область донынѣ оставалась бы отдѣленной отъ остальной части Срединнаго царства. Съ той поры какъ пароходы стали совершать правильные рейсы вдоль морскаго прибрежья, перевозя пассажировъ и товары, судоходство на Бэй-цзянѣ сильно уменьшилось, но торговыя сношенія этимъ путемъ между двумя покатостями южныхъ горъ все еще имѣютъ значительную цѣну.

Ниже сліянія «Западной» и «Сѣверной» рѣкъ (Си-цзяна и Бэй-цзяна), потокъ раздвояется: можно сказать, что эти двѣ рѣки пересѣкаются подъ угломъ; въ то время, какъ главный потокъ спускается на югъ, чтобы излиться въ море на западѣ отъ острова дельты, другой рукавъ направляется на востокъ и соединяется съ сѣтью безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, извивающихся въ аллювіальныхъ земляхъ окрестностей Кантона. На востокѣ другая большая рѣка тоже развѣтвляется на множество рукавовъ, примыкающихъ къ рѣчному лабиринту низовьевъ Си-цзяна; это Дунъ-цзянъ или «Восточная рѣка», истоки которой зарождаются на сѣверо-востокѣ, на границахъ провинціи Цзянъси и Фу-цзяни. Это тоже оживленный водяной путь, очень важный для перевозки сахара, риса и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Что касается рѣкъ дельты, судоходныхъ по всей ихъ обширной сѣти, благодаря морскому приливу, который дважды въ сутки повышаетъ ихъ уровень, то онѣ образуютъ одну изъ областей земнаго шара, наиболѣе богатыхъ естественными каналами: на пространствѣ слишкомъ 8.000 квадратныхъ километровъ почва изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ судоходными путями, которые служатъ для перевозки людей и товаровъ и дѣлаютъ постройку дорогъ почти безполезной. Понятно, что населеніе страны сдѣлалось, такъ сказать, земноводнымъ, живущимъ такъ же хорошо на водѣ, какъ и на твердой землѣ. Не только мелкая торговля производится посредствомъ рѣкъ, отъ пристани до пристани, но даже огромные торги или ярмарки устраивались въ разныя эпохи въ области дельты, и нерѣдко случалось, что появлялись временно цѣлые города изъ судовъ въ мѣстностяхъ обыкновенно пустынныхъ [1]).

1) Экспедиція Макъ-Клеверти и д'Абовиля въ 1859 г., „Mittheilungen von Petermann", 1861.

[1]) H. Gray, „China"; — L. Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben".

Различные промыслы, не говоря уже о рыболовствѣ, практикуются семьями, кочующими по водамъ; даже земледѣльцы живутъ на баркахъ, стоящихъ на якорѣ возлѣ ихъ полей. Очень естественно поэтому, что эта область сдѣлалась по преимуществу торговымъ центромъ имперіи, и что въ смутныя эпохи морское разбойничество основывало свои притоны въ непроходимомъ лабиринтѣ каналовъ нижняго Си-цзяна: вооруженныя барки грабителей могли тамъ удобно подстерегать проходящія купеческія джонки, скрываясь за каждой песчаной косой или стрѣлкой, за каждой чащей камышей. Европейскимъ военнымъ кораблямъ

Бѣглые каторжники.

стоило не мало труда очистить эту мѣстность отъ наводнявшихъ ее пиратовъ.

Городъ Кантонъ выстроился почти въ равномъ разстояніи отъ двухъ вершинъ дельты, образуемыхъ на западѣ Си-цзяномъ и Бэй-цзяномъ, на востокѣ развѣтвленіями Дунъ-цзяна; изъ этого пункта джонки могутъ отправляться кратчайшимъ путемъ въ оба лимана. Восточный лиманъ, самый глубокій изъ нихъ, получилъ болѣе спеціальное названіе «Кантонской» или «Жемчужной рѣки» (Чжу-цзянъ); это послѣднее наименованіе производятъ отъ имени одного форта, Хай-чу, что значитъ «Жемчужина моря»: на картахъ этотъ флотъ означаютъ словомъ Dutch Folly, то-есть «голландская глупость». Большія суда не могутъ подниматься по Кантонской рѣкѣ до самаго города. Джонки крупнаго размѣра и обыкновенные пароходы должны останавливаться въ 15 километрахъ ниже Кантона, на якорной стоянкѣ (Вампоа); большіе военные корабли, даже поддерживаемые приливомъ, который превышаетъ два метра въ этихъ водахъ, останавливаются еще гораздо ниже, потому что баръ, гдѣ вода имѣетъ только 4 метра глубины, въ часы отлива заграждаетъ входъ въ рѣку [1]). Граница «Жемчужной рѣки» и лимана ясно обозначена каменистыми крутизнами, которыя съ той и другой стороны съуживаютъ рѣчное устье, и передовые выступы или мысы которыхъ, защищенные фортами, были сравниваемы китайцами съ пастью тигра; отсюда и произошло названіе Ху-мынь, которое европейскіе мореплаватели перевели словами: Bocca Tigris. Въ формѣ и глубинѣ мелей, такъ же, какъ и въ очертаніи береговъ, происходятъ постоянныя измѣненія. Въ цѣломъ, твердая земля постепенно подвигается все далѣе въ море; тамъ, гдѣ новые берега отлагаются впереди стараго прибрежья, прибрежные жители немедленно обводятъ ихъ земляными насыпями и сѣютъ тростникъ въ тинистой почвѣ. Эти растенія, сильно разростающіяся, доставляютъ волокно, употребляемое на выдѣлку циновокъ, укрѣпляютъ почву, повышаютъ грунтъ и присоединяютъ вновь завоеванную у моря береговую полосу къ области прѣсной воды, которая мало по-малу извлекаетъ содержащуюся въ ней соль; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ новая земля становится годной для культуры, и тогда является мандаринъ, чтобы измѣрить поля и внести ихъ въ кадастровую книгу.

Среди аллювіальныхъ земель возвышаются тамъ и сямъ цѣпи холмовъ, всѣ ориентированныя по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, какъ и горы китайской системы, и служащія опорной точкой для землистыхъ осадковъ, отлагаемыхъ рѣчнымъ теченіемъ или приносимыхъ волной морскаго прилива. Демаркаціонную линію между открытымъ моремъ и рѣчными лиманами образуютъ нѣсколько параллельныхъ грядъ этихъ каменистыхъ острововъ, наполовину поглощенныхъ моремъ. Сѣверная гряда состоитъ изъ большихъ острововъ, изъ которыхъ иные содержатъ высокія горы: такъ, при входѣ въ Кантонскій лиманъ высятся, словно стражи, охраняющіе проходъ, два пика, одинъ на островѣ, извѣстномъ подъ его португальскимъ именемъ Монтанга, другой на островѣ Лань-дао. Острова Ладронскіе или разбойничьи составляютъ такъ же, какъ Гонконгъ, часть промежуточной цѣпи, а послѣдній рядъ островковъ, со стороны открытаго моря, образуетъ длинный архипелагъ Кай-пынъ и Лэ-ма (Lema).

Въ бассейнѣ Си-цзяна встрѣчаются два климатическихъ пояса. По своему климату Кантонъ только одну половину года находится въ тропической области; смотря по перемѣнѣ направленія муссоновъ, онъ, такъ сказать, путешествуетъ съ сѣвера на югъ. Годовая температура въ этомъ пунктѣ китайскаго прибрежья гораздо менѣе равномѣрна, нежели въ Калькуттѣ, въ Гонолулу, въ Гаваннѣ и въ другихъ городахъ, лежащихъ подъ тою же широтой, какъ показываютъ слѣдующіе выводы изъ наблюденій:

Температуры различныхъ городовъ подъ сѣвернымъ тропикомъ:

	Средняя годовая.	Августъ.	Февраль.	Разность
Кантонъ ..	21°,6 Ц.	27°,8 Ц.	14° Ц.	13°,8 Ц.
Макао	22°,5 „	28°,2 „	13°,5 „	14°,7 „
Калькутта.	26°,7 „	28°,4 „	23° „	5°,4 „
Гонолулу .	24° „	25°,9 „	21°,7 „	4°,2 „
Гавана ..	25° „	27°,4 „	22°,9 „	4°,5 „

Съ мая по сентябрь, когда дуетъ юго-западный муссонъ, приносящій дожди, жары такъ же сильны въ южномъ Китаѣ, какъ и въ остъ-индскихъ городахъ, находящихся въ такомъ же разстояніи отъ экватора; но, начиная съ октября мѣсяца, когда господствуютъ полярные сѣверо-восточные вѣтры, движущіеся параллельно морскому берегу и горнымъ цѣпямъ въ промежуточныхъ бороздахъ земной поверхности, температура быстро понижается. Хотя эти вѣтры на большой части своего пути проходятъ надъ океаническими пространствами, тѣмъ не менѣе они могутъ, нагрѣваясь подъ болѣе южными широтами, насыщаться большимъ количествомъ водяныхъ паровъ, не осаждая ихъ въ видѣ дождя; они кажутся очень сухими, какъ вѣтры, дующіе надъ Монголіей. Въ январѣ мѣсяцѣ дождь идетъ рѣдко, ночи всегда ясныя, и иногда бываетъ легкій морозецъ, отъ котораго блекнутъ листья на деревьяхъ; случается даже, что въ холодную ночь на кантонскихъ водахъ образуются пленки льда, которыя исчезаютъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Однако, періодическое чередованіе

[1]) Sampson; Hirth, „Mittheilungen von Petermann", 1873.

влажныхъ лѣтнихъ и сухихъ зимнихъ вѣтровъ не всегда происходитъ съ совершенной правильностью; и атмосферныя теченія претерпѣваютъ разнообразныя отклоненія отъ нормальнаго пути подъ вліяніемъ рельефа и формы морскаго прибрежья; такъ, юго-западный муссонъ становится въ Кантонѣ юго-восточнымъ вѣтромъ. Вокругъ высокой горы острова Ланьдао почти каждый день скопляются грозовыя тучи въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Какъ только солнце спрячется за горизонтъ, густыя облака окутываютъ вершину пика, вихрь поднимается въ воздухѣ и молнія разсѣкаетъ черный сводъ неба [1]).

Контрастъ, проявляющійся между различными временами года въ движеніи вѣтровъ и во всемъ климатѣ, обнаруживается также и въ растительности. Зимой поля лежатъ голыя, горы теряютъ свой нарядъ изъ пышной листвы; природа имѣетъ тотъ же видъ, какъ и въ странахъ, лежащихъ внѣ тропическаго пояса. Но картина быстро мѣняется съ переходомъ направленія муссона въ противоположное и съ наступленіемъ дождей. Тогда южная флора возрождается во всемъ своемъ блескѣ: подумаешь, что находиться гдѣ-нибудь въ Индостанѣ. Рядомъ съ китайской сосной высится стройная пальма, камеліи пышно растутъ на скатахъ горъ подлѣ могучихъ дубовъ и каштановъ. Лимонныя и апельсинныя деревья разныхъ породъ, гуявы, бананы, манговое дерево, личжи или нефеліи (nephellum litchi) перемѣшаны съ фруктовыми деревьями умѣреннаго пояса. Большое число деревьевъ. кустарниковъ, низкихъ растеній, которые въ Европѣ держатъ въ теплыхъ оранжереяхъ, пышно растутъ на открытомъ воздухѣ подъ небомъ Кантона, украшая землю своими роскошными цвѣтами, наполняя воздухъ своимъ благоуханіемъ. Островъ Гонконгъ, хотя очень маленькій въ сравненіи съ пространствомъ бассейна, пробѣгаемаго Сицзяномъ, представляетъ, однако, настолько обширную площадь, что посѣтившіе его англійскіе натуралисты видятъ въ немъ какъ бы резюме этой южной флоры. Но пространства, оставшіяся тамъ необработанными, слишкомъ съужены, чтобы животныя крупныхъ размѣровъ могли быть многочисленны; изъ млекопитающихъ попадаются только бѣлки и лисицы. Птицы, насѣкомыя, бабочки, принадлежатъ на добрую долю къ фаунѣ Индостана: можно подумать, что находишься на берегу Индійскаго океана [2]). Во внутреннихъ мѣстностяхъ края фауна представлена нѣкоторыми изъ большихъ видовъ остъ-индской Азіи: такъ, въ лѣсахъ провинціи Гуанъ-си встрѣчается носорогъ [3]); иногда тигры переправлялись вплавь черезъ проливы, отдѣляющіе континентъ отъ сосѣднихъ острововъ [4]).

Вѣроятно, что въ составъ населенія южнаго Китая вошли, между прочимъ, южные элементы, представленные преимущественно малайцами; однако, слѣдовъ ихъ не видно ни въ нравахъ, ни въ языкѣ жителей Гуанъ-дуна. Ихъ нарѣчіе, чисто китайское, даже болѣе приближается къ древнимъ формамъ, чѣмъ нынѣшній мандаринскій діалектъ, и всѣ названія мѣстъ принадлежатъ къ тому же корню, какъ и имена мѣстъ въ сѣверномъ и центральномъ Китаѣ: число оригинальныхъ словъ, которые не соотвѣтствуютъ особенному знаку литературнаго языка, гораздо ограниченнѣе, чѣмъ предполагали прежніе синологи [2]). Но внутри страны существуютъ еще первобытныя населенія (аборигены), которыя не слились въ одну расу съ китайцами и на которыхъ послѣдніе смотрятъ какъ на варваровъ. Такъ, на сѣверо-западѣ провинціи Гуанъ-дунъ, около истоковъ Лянъчжоу, западнаго притока рѣки Бэй-цзяна [3]), живутъ мяоты; другіе инородцы того же племени обитаютъ въ провинціи Гуанъ-си, гдѣ они соединились въ автономныя общины на земляхъ, отведенныхъ имъ по повелѣнію императора Юнъ-чжэна, въ 1730 году [4]). Въ семнадцатомъ столѣтіи другія мяотскія колѣна или роды, говорятъ, населяли также горы, гдѣ зарождаются верхніе притоки Хань-цзяна, но въ наши дни вся эта страна отъ границъ Фу-цзяни занята китайскими поселенцами. Инородцы «яо» или «ію»—группа племенъ, какъ говорятъ, бирманскаго происхожденія,—бродятъ въ гористой странѣ на юго-западѣ провинціи, недалеко отъ аннамской границы. Число «яо» различныхъ нарѣчій не превышаетъ 30.000 человѣкъ; при такой малочисленности они не могутъ, конечно, и помышлять о томъ, чтобы защищаться противъ китайцевъ силой; только хитростью они успѣвали до сихъ поръ сохранять свою независимость. Яо представляютъ примѣръ, довольно рѣдкій на крайнемъ Востокѣ, народа, сохранившаго, подобно черкесамъ, корсиканцамъ, обычай вендетты (родовой мести), преслѣдуемый изъ рода въ родъ въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній. Но, какъ въ Корсикѣ и въ Албаніи, женщины и здѣсь остаются внѣ наслѣдственной борьбы: въ то время, какъ мужчины ищутъ другъ друга и встрѣтившись вступаютъ въ бой между собой, женщины могутъ безъ всякаго опасенія заниматься сельскими работами.

Хотя принадлежащіе, если не къ одной и той же первоначальной расѣ, то по крайней мѣрѣ къ одной націи, прочно соединенной об-

[1]) Meyen, „Climatische Verhältnisse des südlichen China's".
[2]) Fortune;—Swinhoe;—Armand David.
[3]) „Mittheilungen von Petermann", 1861.
[1]) Swinhoe, „Treaty ports of China and Japan".
[2]) Douglas;—R. Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[3]) Hirth „Mitteilungen von Petermann", 1873.
[4]) H. Gray, „China";—L. Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben".

щимъ языкомъ и историческимъ развитіемъ, жители Кантона и окружающихъ мѣстностей дѣлятся на три группы: гокло, пунти и хакка.

Гокло (Hoklo) населяютъ преимущественно область морскаго прибрежья и лиманы рѣкъ. Имя ихъ, какъ оно изображается въ китайскомъ письмѣ, означаетъ «Старшіе по наукѣ», что, повидимому, указываетъ на цивилизацію, предшествовавшую культурѣ другихъ жителей; но именно между гокло всего менѣе встрѣчается людей, посвятившихъ себя ученой или литературной профессіи. Впрочемъ, они извѣстны также подъ именемъ фуло (старшіе по благосостоянію); но эти слова фу и гокъ, «благосостояніе» и «наука» входятъ въ наименованіе провинціи Гокіенъ или Фу-цзяни. Поэтому можно предположить, что истинный смыслъ названія гокло есть просто «жители Фу-цзяни». Нарѣчіе гокло мало разнится отъ амойскаго діалекта [1]). По китайскому преданію, переселеніе этихъ народовъ въ провинцію Гуанъ-дунъ имѣло мѣсто въ четырнадцатомъ столѣтіи. Лодочники, которые занимаютъ лиманы десятками тысячъ человѣкъ, представляютъ болѣе близкую связь съ гокло, чѣмъ съ другими элементами юга, и имъ тоже приписываютъ фу-цзянское происхожденіе. Различіе образа жизни сдѣлало изъ нихъ особенную касту, не менѣе презираемую, чѣмъ рѣчные паріи города Фучжоу и награждаемую такими же оскорбительными прозвищами. Въ Кантонѣ, какъ и Фучжао, люди, принадлежащіе къ этой кастѣ, не допускаются на твердую землю; изъ поколѣнія въ поколѣніе они живутъ на баркахъ, кочуя вдоль береговъ и группируясь въ плавучія деревни. Въ Кантонской рѣкѣ мѣста якорной стоянки становятся наслѣдственной собственностью, и когда барка отъ ветхости разваливается, обитатели ея строятъ новую на томъ же самомъ мѣстѣ [2]).

Пунти (Pounti) или «корни земли»—самые многочисленные жители южныхъ провинцій, съ гордостью называютъ себя кореннымъ, первобытнымъ населеніемъ края. Происшедшіе, вѣроятно, изъ смѣшенія сѣверныхъ переселенцевъ съ мѣстными аборигенами, пунти считаютъ себя естественными господами страны, и даже въ Юнь-нанѣ отказываются принять имя китайцевъ: они хотятъ, чтобы ихъ признавали за особую расу [3]). Представляя собою аристократію южнаго Китая, пунти относятся съ презрѣніемъ къ плебейской толпѣ людей хакка и гокло и даже къ жителямъ сѣвера имперіи, которыхъ они превосходятъ изяществомъ и утонченностью нравовъ. Ихъ нарѣчіе, прекрасный кантонскій діалектъ, прозвали пэ-хоа, то-есть «бѣлымъ языкомъ»; большое число литературныхъ произведеній было написано на этомъ нарѣчіи. Пунти составляютъ численное большинство въ Кантонѣ и его окрестностяхъ, но имъ угрожаютъ пролетаріи хакка, потомки колонистовъ, поселившихся первоначально въ сѣверо-восточной части провинціи Гуанъ-дунъ. Нарѣчіе хакка, совершенно отличное отъ нарѣчія пунти и фуцзяньскаго, гораздо болѣе приближается къ діалекту гуань-хоа, чѣмъ къ областнымъ нарѣчіямъ южнаго Китая: это нарѣчіе, кажется, составляетъ вѣтвь такъ называемаго «истиннаго языка», то-есть нанкинскаго говора, но оно приняло въ себя довольно значительное число выраженій и оборотовъ діалекта пунти. Хакка, то-есть «семейства въ гостяхъ», являются, въ южныхъ провинціяхъ, самыми чистыми представителями китайцевъ въ собственномъ смыслѣ слова. Почти всѣ они земледѣльцы, и характеристическую черту ихъ составляетъ замѣчательная выносливость и неутомимость въ трудѣ. Между ними и между жителями провинціи Фу-цзяни и встрѣчаются преимущественно работники, которымъ европейцы дали индусское названіе куліевъ. Эти китайскіе выходцы, которые толпами переселяются на островъ Формозу, на Яву, въ Сайгонъ, Банкокъ, на Сандвичевы острова, въ Перу, въ Калифорнію, все тѣ же хакка; это ихъ нарѣчіемъ говорятъ въ китайскихъ поселеніяхъ на островѣ Борнео и въ Сингапурѣ. Продолжая это движеніе мирнаго завоеванія посредствомъ труда, которое привело ихъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ изъ долины Янъцзы-цзяна въ долину «Западной рѣки», они устремились теперь въ другія страны Стараго и Новаго Свѣта. Какъ ни презираютъ ихъ высокомѣрные пунти, нельзя не признать, что это ихъ иниціативѣ главнымъ образомъ обязана китайская нація тѣмъ, что ею сдѣлано въ общемъ трудѣ человѣчества.

На сѣверо-востокѣ отъ Кантона, въ той части провинціи Гуанъ-дунъ, которая, по языку и нравамъ жителей, составляетъ этнографическое продолженіе Фу-цзяни, главный торговый городъ есть Шань-тоу, который иностранцы называютъ Сватоу. Около 1840 года это была простая рыбачья деревня, но ея счастливое положеніе, на судоходной рѣкѣ и при выходѣ послѣдней изъ плодородной аллювіальной равнины, привлекало торговлю. Уже задолго до того времени, когда трактаты разрѣшили англичанамъ селиться въ странѣ, коммерсанты этой націи овладѣли островомъ, лежащимъ въ устьѣ Ханя и названнымъ ими «Двойнымъ островомъ» (Double Island), и сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ опіума и товаровъ всякаго рода: пираты и контрабандисты составляли вокругъ нихъ, особенно на островѣ Намоа или Нангао и на сосѣднихъ берегахъ, нѣчто въ родѣ не-

[1]) Wells Williams, „Syllabic Dictionnary"; — Smith, „Vocabulary of Chinese proper names"; — Yule, „The Book of ser Marco Polo"; — Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[2]) M-rs Gray, „Fourteen months in Canton".
[3]) Emile Kocher „La province chinoise du Yunnan".

зависимой республики, куда не осмѣливались показываться мандарины [1]). Но европейцы «Двойнаго острова» не ограничивались операціями контрабандной торговли, они еще воровали людей, чтобы продавать ихъ въ Новомъ свѣтѣ въ качествѣ нанятыхъ работниковъ. Оттого они были очень недружелюбно приняты въ Сватоу, когда доступъ въ этотъ портъ былъ открытъ имъ въ 1858 году, и съ большимъ трудомъ нашли мѣсто для своихъ домовъ и товарныхъ складовъ. Благодаря этой ненависти мѣстнаго населенія къ чужеземнымъ негоціантамъ, китайскимъ купцамъ легко было завладѣть внѣшней торговлей порта Сватоу. Почти всѣ конторы этого приморскаго города принадлежатъ кантонцамъ или эмигрантамъ изъ Сингапура; послѣдніе съумѣли даже образовать нѣчто въ родѣ «ганзы», которая подъ именемъ «Сватоуской гильдіи», предписываетъ условія европейскимъ коммерсантамъ въ другихъ портахъ китайскаго прибрежья. Главный предметъ ввоза составляютъ бобовыя выжимки, покупаемыя въ Маньчжуріи и употребляемыя для удобренія полей сахарнаго тростника, которыя покрываютъ всю дельту рѣки Хань-цзяна, отъ Сватоу до главнаго областнаго города, Чаочжоу-фу; этотъ городъ Срединнаго царства производитъ также лучшую камфору. Сватоу вывозитъ главнымъ образомъ сахаръ, земляные орѣхи и произведенія своей промышленности, лаковый товаръ и опахала. Въ часы прилива, гавань, отстоящая на 8 километровъ отъ моря, даетъ доступъ даже большимъ судамъ, сидящимъ на 6 метровъ въ водѣ; деревня, населенная лоцманами, осталась при входѣ въ рѣку, тамъ, гдѣ находилось становище европейскихъ контрабандистовъ, на Двойномъ островѣ. Сватоу одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ морскаго прибрежья, но ураганы иногда причиняютъ ему много вреда, и чтобы лучше выносить силу вѣтра, всѣ его дома, построенные изъ битой глины, покрыты плоскими кровлями. Движеніе судоходства въ портѣ Сватоу въ 1895 г.: 1.828 судовъ, вмѣстимостью 1.812.382 тоннъ; общая цѣнность внѣшней торговли въ 1897 году 28.398.001 ланъ.

Городъ Сватоу.—Прическа китаянки.

Такъ какъ въ области Си-цзяна единственные пути сообщенія—рѣки и волоки, то всѣ города возникли на берегахъ текучихъ водъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сліянія рѣкъ, пороги, задержки судоходства дѣлали необходимымъ учрежденіе складовъ для товаровъ. Такъ, Гуй-линь-фу, главный городъ провинціи Гуанъ-си, выстроился при выходѣ изъ бреши горъ, на берегу шлюзованнаго канала, который соединяетъ Голубую рѣку съ Западной посредствомъ ихъ притоковъ Сянъ-цзяна и Гуй-цзяна; но эта послѣдняя рѣка до такой степени загромождена порогами, что судоходство по ней почти невозможно кромѣ какъ въ періоды разлива, и потому городъ того же имени, несмотря на его адмистративный рангъ, не имѣетъ важнаго значенія въ торговомъ отношеніи. Главнымъ рынкомъ этой провинціи является городъ У-чжоу-фу, построенный ниже сліянія Гуй-цзяна и Си-цзяна, на сѣверномъ берегу Западной рѣки. Всѣ произведенія провинцій Юнь-нань и Гуанъ-си, мѣдныя руды, строевой лѣсъ, издѣлія изъ чернаго дерева, рисъ и родъ кассіи, отъ которой получили свое имя рѣка и городъ Гуй-линь, направляются въ У-чжоу и обмѣниваются тамъ на соль и мануфактурные товары, привозимые изъ Кантона. Въ 1859 году англо-французская экспедиція, подъ начальствомъ Макъ-Клеверти и д'Абовиля, поднималась по Си-цзяну до города У-чжоу-фу.

Городъ Чжао-цинъ-фу, на лѣвомъ берегу Си-цзяна, выше послѣдняго ущелья, которое проходитъ рѣка до вступленія въ область дельты, былъ долгое время резиденціей генералъ-губернатора двухъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ; но администрація края должна была перемѣститься, чтобы имѣть возможность наблюдать за иностранцами, посѣщающими Кантонъ. Чжао-цинъ-фу прежде былъ самымъ изящнымъ городомъ южнаго Китая: но послѣ тайпинскаго разгрома онъ пришелъ въ упадокъ и не можетъ уже сравняться съ могущественнымъ городомъ, стоящимъ на берегу Жемчужной рѣки; однако, онъ все еще ведетъ большую торговлю чаемъ, фарфоровыми издѣліями, мраморными плитами, высѣкаемыми въ сосѣднихъ горахъ; въ холмахъ, господствующихъ надъ городомъ, открываются тамъ и сямъ гроты, преобразованные въ храмы. Населеніе

[1]) Fortune, „Wanderings in China".
[2]) „Returns of trade", 1897 г.

густо скучено на обоихъ берегахъ рѣки; деревни слѣдуютъ одна за другой по обѣимъ сторонамъ въ видѣ непрерывнаго города, вездѣ, гдѣ долина раздвигается на столько, что оставляетъ по берегамъ достаточно мѣста для постройки домовъ. Движеніе торговли и толпа жителей сосредоточиваются въ особенности около сліянія Си-цзяна и Бэй-цзяна, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ вершину дельты; здѣсь находится городъ Сань-шуй. Фо-шань на юго-западъ отъ главнаго города провинціи, считается простымъ мѣстечкомъ или селомъ, потому что онъ не обнесенъ поясомъ стѣнъ; въ немъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ двухъ сотъ башенъ, воздвигнутыхъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и предназначенныхъ служить убѣжищемъ жителямъ во время войнъ и революцій. Эта громадная деревня, растянутая на 20 километровъ въ длину, причисляется къ «четыремъ главнымъ рынкамъ» Срединной имперіи; она составляетъ самое многолюдное поселеніе дельты, соединяющей Саньшуйскій рукавъ или «Рукавъ трехъ водъ» съ Жемчужной рѣкой. Кажется, что судоходный Фошаньскій рукавъ обмелѣлъ сравнительно съ прежнимъ временемъ; отсюда, можетъ быть, и происходитъ упадокъ этого огромнаго села, которое, по словамъ Буве и другихъ миссіонеровъ, имѣло милліонъ жителей въ семнадцатомъ столѣтіи, тогда какъ въ наши дни цифра его населенія, говорятъ, не превышаетъ пятисотъ тысячъ. Если Фо-шань пересталъ быть равнымъ Кантону, то, по крайней мѣрѣ, его можно разсматривать какъ пригородъ послѣдняго по обрабатывающей промышленности, такъ какъ въ этомъ мѣстечкѣ сосредоточены разные фабрики и заводы, производящіе шелковыя ткани, мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія, циновки, писчую бумагу, парусину, предметы всякаго рода. На востокѣ отъ Кантона, Ши-лунъ, построенный при вершинѣ дельты, образуемой Западной рѣкой, тоже можетъ быть разсматриваемъ какъ торговый пригородъ Кантона; это складочный пунктъ для сахара и другихъ произведеній востока, предназначенныхъ къ отправкѣ въ главный городъ провинціи. Что касается Бэй-цзяна, то онъ тоже орошаетъ густо населенную страну, и нѣкоторые изъ прибрежныхъ городовъ, каковы Нань-сюнъ-чжоу, у подошвы хребта Мэй-линъ, и Шао-чжоу-фу — представляютъ оживленныя пристани, посѣщаемыя большимъ числомъ джонокъ и барокъ. Притокъ, который Сѣверная рѣка (Бэй-цзянъ) принимаетъ въ себя у города Шао-чжоу, беретъ начало на хребтѣ Чжэ-линъ, образующемъ перевалъ въ 400 метровъ высоты, на дорогѣ изъ Гуанъ-дуна въ Ху-нань. Гористая область, по которой протекаетъ верхній Бэй-цзянъ, очень богата залежами каменнаго угля. Одинъ изъ пригорковъ, господствующихъ надъ этой рѣкой, при вступленіи ея въ равнину, изрытъ обширными пещерами, изъ которыхъ сдѣлали храмъ Будды [1]).

Китайскія лѣтописи упоминаютъ о Кантонѣ уже за двѣ тысячи триста лѣтъ до нашего времени: въ ту эпоху онъ носилъ имя Нань-вучэнъ или «воинственный городъ юга», и, дѣйствительно, онъ заслуживалъ этого названія по своимъ частымъ возмущеніямъ. Въ 250 году христіанскаго лѣтосчисленія онъ успѣлъ прогнать сѣверныхъ китайцевъ и остался совершенно независимымъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Въ началѣ десятаго столѣтія Кантонъ сдѣлался столицей отдѣльнаго государства, связаннаго съ имперіей лишь уплатой ежегодной дани; но шестьдесятъ лѣтъ спустя онъ былъ снова завоеванъ основателемъ династіи Сунъ. Въ 1648 году онъ возсталъ противъ маньчжуровъ, во имя династіи Минъ, и сопротивлялся болѣе года: слишкомъ 700.000 кантонцевъ погибли во время осады, и городъ, отданный на разграбленіе солдатамъ, былъ обращенъ въ груду развалинъ.

Кантонъ или Гуанъ-чжоу-фу, Шэнъ-цзинъ или Янъ-цзинъ на мѣстномъ простонародномъ нарѣчіи, есть одинъ изъ самыхъ большихъ китайскихъ городовъ Срединнаго царства, хотя онъ находится на южныхъ окраинахъ, обращенный лицомъ, такъ сказать, къ малайскимъ островамъ и индійскимъ полуостровамъ. Сравниваемый съ другими большими городами имперіи, которые, вѣроятно, всѣ уступаютъ ему по числу жителей, онъ превосходитъ ихъ также оригинальностью вида и своей вѣрностью характеристическому типу китайской столицы. Мы не увидимъ въ немъ, какъ въ Пекинѣ, широкихъ пыльныхъ улицъ, этихъ домовъ въ формѣ палатки кочевника, напоминающихъ о сосѣдствѣ монгольскихъ степей; онъ не поражаетъ взора, какъ Шанхай или Хань-коу, этими новыми кварталами, гдѣ все европейское – дома, дамбы, суда и люди; ему не приходилось заново отстраиваться, какъ Ханъ-чжоу-фу и многимъ другимъ городамъ имперіи, разрушеннымъ «долговолосыми мятежниками». Онъ является и теперь такимъ же, какимъ былъ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, когда европейцы увидѣли его въ первый разъ. Этотъ городъ, «единственный въ свѣтѣ», показывается иностранцу прежде всего своимъ пловучимъ кварталомъ, гдѣ стоятъ на якорѣ безчисленныя суда всякаго рода, расположенныя въ видѣ островковъ, какъ дома на твердой землѣ, и раздѣленныя водяными улицами, по которымъ безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ барки и лодки; рѣка, имѣющая въ этомъ мѣстѣ болѣе километра ширины, исчезаетъ подъ этимъ флотомъ судовъ, гдѣ суетится толпа торговцевъ, промышленниковъ трактирщиковъ и разнаго гуляющаго люда, и гдѣ царствуетъ не менѣе кипучая

[1]) Barrow, „Travels in China“.

жизнь, чѣмъ въ городѣ на твердой землѣ. Собственно такъ называемый городъ, построенный на сѣверномъ берегу Жемчужной рѣки, окруженъ стѣной, и, по китайскому обычаю, раздѣленъ внутри другимъ валомъ на два отдѣльные города. Населеніе густо скучено на этомъ пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ; улицы узкія и кривыя; лакированныя и вызолоченныя доски вывѣсокъ, висящихъ передъ каждымъ магазиномъ, еще болѣе съуживаютъ и безъ того тѣсную дорогу; во многихъ проходахъ протянуты надъ домами циновки съ одной стороны улицы на другую, и въ скромномъ полумракѣ, между богатыми магазинами съ открытыми настежь дверями, безшумно движется пестрая толпа пѣшеходовъ, разступаясь тамъ и сямъ, чтобы пропустить встрѣчные паланкины. За стѣнами города, вдоль рѣки, продолжаются вправо и влѣво обширныя предмѣстья; напротивъ, на южномъ берегу Чжуцзяна, расположился городъ Хэ-нань, на островѣ того же имени, тогда какъ на юго-западѣ, на другомъ островѣ, разстилается Фати или Хуа-ди, «Поле цвѣтовъ», населенное садовниками, которые занимаются главнымъ образомъ культурой малорослыхъ деревьевъ и разведеніемъ златоцвѣта. Пагоды и несгораемыя башни, въ которыхъ хранятся вещи, отдаваемыя, въ видѣ залога, закладчикамъ, господствуютъ надъ скопленіями низенькихъ домовъ. Столица провинціи—Гуанъ-дунъ—одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ Китая: тамъ насчитываютъ не менѣе 8.000 слѣпыхъ и 5.000 прокаженныхъ; мало найдется городовъ, гдѣ бы типъ жителей представлялся на первый взглядъ болѣе противорѣчащимъ понятію о красотѣ, которое составилось у западныхъ народовъ; большинство лицъ кажутся европейцамъ отвратительными [1]). Англійскіе резиденты, составляющіе самую многочисленную и самую богатую часть населенія европейской колоніи Кантона, сдѣлали изъ своего квартала, построеннаго на островѣ Шань-мынь [2]), великолѣпный городъ, гораздо болѣе здоровый, чѣмъ городъ китайцевъ, и снабженный публичными садами, бульварами, тѣнистыми аллеями, полемъ для скачекъ. Мѣстоположеніе этого квартала выбрано какъ нельзя болѣе удачно: какъ разъ напротивъ «концессіи» происходитъ соединеніе двухъ самыхъ глубокихъ фарватеровъ Жемчужной рѣки.

По промышленному производству Кантонъ занимаетъ первое мѣсто между городами Срединной имперіи: его мастера прядутъ и ткутъ шелкъ, красятъ и апретируютъ матеріи, фабрикуютъ писчую бумагу, стекло, лакированныя издѣлія, вытачиваютъ разныя вещи изъ слоновой кости и дерева, дѣлаютъ превосходную рѣзную и полированную мебель, плавятъ металлы, обжигаютъ фарфоровую посуду, рафинируютъ сахаръ, работаютъ тысячу предметовъ, которые извѣстны подъ именемъ «кантонскаго товара» (articles de Canton), и которые вывозятся отсюда во внутреннія провинціи Китая; туземныя мастерицы достигли высокой степени совершенства въ искусствѣ вышиванья: какъ въ отношеніи расположенія и подбора цвѣтовъ, такъ и въ отношеніи изящества рисунковъ и отчетливости отдѣлки. онѣ не имѣютъ соперницъ во всемъ свѣтѣ [1]). Кантонъ главный складочный пунктъ шелковыхъ тканей въ южномъ Китаѣ, какъ Ханъ-чжоу главный рынокъ этого товара въ центральной части имперіи. Почти вся кантонская торговля находится въ рукахъ туземныхъ негоціантовъ: европейцы, живущіе на островѣ Шань-мынѣ, сдѣлались простыми коммиссіонерами. Въ 1815 году, до посольства лорда Амгерста, англійская торговля была только терпима; въ то время не существовало съ Китаемъ ни капитуляцій, какъ въ Турціи, ни торговыхъ трактатовъ, какъ между различными европейскими государствами. Но когда явилась возможность производить торговлю съ полной свободой, Кантонъ, пользуясь монополіей обмѣна съ иностранцами, пріобрѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Открытіе Шанхая и другихъ китайскихъ портовъ европейскимъ купеческимъ кораблямъ низвело Кантонъ на вторую степень между торговыми центрами имперіи, но теперь торговое движеніе этого города снова увеличивается мало-по-малу.

Обороты заграничной торговли Кантона въ 1897 году были: привозъ 27.034.720 ланъ; вывозъ 22.899.671 ланъ. Вмѣстѣ 49.934.391 ланъ.

На долю Англіи въ торговлѣ порта приходится до 65%.

Въ Кантонѣ выработался, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній между англичанами и китайцами, странный жаргонъ, называемый «англійскимъ дѣловымъ языкомъ» или business english (pidgeon english), многія выраженія котораго вошли въ обыденную рѣчь самихъ англичанъ. Особенный классъ посредниковъ, которые не англичане и не китайцы, кишитъ вокругъ факторій; эти люди по большей части пользуются незавидной репутаціей, и они-то, безъ сомнѣнія подали поводъ къ тому крайне невыгодному мнѣнію, которое сложилось о «кантонцахъ» у жителей внутреннихъ областей. Одна народная поговорка выражаетъ въ одно и то же время, какъ тяжела жизнь въ горахъ запада, и какъ она развратна въ большомъ городѣ юга: «Старикъ, не ходи въ Сы-чуань; молодой человѣкъ, не ходи въ Кантонъ» [2]).

Хуанъ-пу (Вампоа), передовой портъ Кантона на Жемчужной рѣкѣ, тоже большой го-

[1]) Wernich, „Geographisch-medicinisch Studien".

[2]) По другимъ источникамъ Ша-мянь.

[1]) Iulien de Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".

[2]) Guillemin, „Annales de la propagation de la Foi", nov. 1850.

родъ, протянувшійся на пространствѣ 4 километровъ, по берегу острововъ, окружающихъ рейдъ. Хотя онъ находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ европейскими строеніями, онъ сохранилъ всю свою оригинальность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всю свою китайскую неопрятность: это скопленіе бамбуковыхъ домиковъ, похожихъ на клѣтки: только пагода, пользующаяся большой славой, возвышается надъ этимъ человѣческимъ муравейникомъ. Кораблестроительныя верфи, доки для починки судовъ, обширные амбары для склада товаровъ—все это дѣлаетъ Вампоа одною изъ пристаней, наилучше приспособленныхъ для европейскихъ кораблей, и, дѣйствительно, движеніе судоходства въ этомъ портѣ весьма значительно; такъ, въ 1895 году, оно выразилось слѣдующими цифрами (не считая джонокъ):

Судовъ англійскихъ 3.192, вмѣстимостью 3.035.340 тоннъ; судовъ другихъ націй 1.056, вмѣстимостью 597.294 тоннъ. Всего 4.248 судовъ, вмѣстимостью 3.632.634 тонны.

Но большая часть торговли Вампоа производится тайно, въ сосѣднихъ рукавахъ, среди густыхъ камышей: сюда приходятъ по ночамъ контрабандисты за кипами опіума, которыя складываютъ тутъ купцы Великобританіи. На берегу виднѣются, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, старинныя башни, построенныя неизвѣстно въ какую эпоху противъ непріятелей, самое имя которыхъ теперь забыто.

Англійскіе коммерсанты, которымъ открытые для нихъ китайскіе рынки показались недостаточными, овладѣли однимъ островомъ морскаго прибрежья, лежащимъ за чертой китайскихъ укрѣпленій. Гонконгъ,—или Хонъ-конъ, кантонское названіе Сянъ-цзянъ, островъ «Душистыхъ водъ»,—принадлежитъ англичанамъ съ 1841 года, и, благодаря имъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ Востока. Этотъ островъ, состоящій изъ различныхъ каменныхъ породъ, гранитовъ, сланцевъ, базальтовъ, и занимающій пространство около 83 квадратныхъ километровъ, составляетъ отдѣльный мірокъ, имѣющій свои горы и долины, свои лѣса, рѣки и ручьи, свои берега, изрѣзанные скалистыми бухточками, свои гавани и маленькіе архипелаги островковъ и выступающихъ изъ моря скалъ; у западнаго входа проливъ, отдѣляющій Гонконгъ отъ материка, имѣетъ 2.500 метровъ въ ширину. Когда островъ перешелъ подъ власть англичанъ, тамъ было всего только 2.000 жителей, рыбаковъ и земледѣльцевъ; теперь большой великолѣпный городъ, Викторія (китайцы называютъ его Гуань-дай-лоу, что значитъ «дорога поясовъ юбки») [1]), раскинулся на сѣверномъ берегу острова, на краю рейда, образуемаго проливомъ; многолюдныя деревни выстроились у входа всѣхъ долинъ; загородные дома, виллы и пышныя зданія занимаютъ всѣ мысы, утопая въ густой зелени сосенъ, смоковницъ, банановъ, бамбуковъ. Прекрасная дорога поднимается извилистой линіей до высшей вершины острова, откуда, съ высоты 539 метровъ надъ уровнемъ моря, видны, какъ на ладони, набережныя Викторіи и блестящая поверхность рейда, съ его многочисленными кораблями, военными и купеческими, пересѣкающимися своими струями. По чистотѣ своихъ улицъ, по солидности построекъ, по богатству своихъ дворцовъ, этотъ англійскій городъ, въ которомъ теперь возводятъ укрѣпленія, походитъ на города метрополіи, но онъ, сверхъ того, отличается красотой и живописностью, которую придаютъ ему веранды, убранныя тропическими цвѣтами, сады, наполненные деревьями и кустарниками, и ярко освѣщенное небо юга. Въ первое время англійской колонизаціи, Викторія, гдѣ постоянно разрывали почву для возведенія построекъ, пріобрѣла репутацію очень нездороваго города; теперь же онъ сдѣлался для англійскихъ резидентовъ крайняго Востока мѣстомъ, куда ѣздятъ для поправленія здоровья, хотя воздухъ обновляется здѣсь не такъ скоро, какъ на берегу острова, обращенномъ къ морской бризѣ. Къ несчастью, Гонконгъ находится на пути урагановъ; тифонъ 1874 года повалилъ тамъ болѣе тысячи домовъ, потопилъ 33 большихъ судна и сотни джонокъ; многія тысячи людей погибли во время этой страшной катастрофы.

Городъ Викторія представляетъ изъ себя по внѣшности совершенно европейскій крупный центръ. Многоэтажные каменные дома поднимаются ярусами одинъ надъ другимъ по скату высочайшей горы, на самой вершинѣ которой устроены окруженныя садами дачи. Улицы и дороги содержатся въ образцовомъ порядкѣ, обсажены деревьями и вымощены. Центръ города занимаетъ ботаническій садъ, расположенный въ видѣ террасокъ, скатовъ или аллей, съ многочисленными фонтанами, оранжереями и клѣтками для звѣрей и птицъ. Въ этомъ саду помѣщается бронзовая статуя одного изъ правителей острова сэра Кэнди, поставленная въ 1887 году. Красивыя зданія городской ратуши, театра, судебной палаты и казеннаго госпиталя украшаютъ городъ. Въ ратушѣ помѣщаются: клубъ, библіотека и музей полезныхъ производствъ и природы. Большую красоту городу придаетъ присутствіе такихъ монументальныхъ зданій какъ церкви. Послѣднихъ нѣсколько, но самыя красивыя это Англиканскій соборъ св. Іоанна, построенный еще въ 1842 году и въ 1869 году передѣланный, Римско-католическій соборъ, вблизи ботаническаго сада, китайская церковь св. Стефана и новая церковь св. Іосифа, основанная на мѣстѣ

[1]) E. P. Smith, „Vocabulary of Chinese Proper Names“;—Mayers;—Dennys;—King, „Treaty Ports of China“.

разрушенной тайфуномъ церкви въ 1874 году. Здѣсь находится также еврейская синагога и мусульманская мечеть, институтъ для воспитанія сиротъ и Англиканская коллегія св. Павла, гдѣ живетъ гонконгскій епископъ. Зданіе Гонконгъ-Шанхайскаго банка весьма громадно, но несмотря на свою массивность красиво и могло бы служить украшеніемъ любой столицы.

Общее населеніе колоніи, по переписи 1891 года, составляло 221.441 жителей, въ томъ числѣ англійскаго и американскаго гражданскаго населенія 4.195 ч., англійскаго войска 1.544 ч., флота 1.356. Въ общемъ 8.545 европейцевъ и американцевъ. Населеніе собственно города Викторіи равно 144.300 жит. Входъ въ портъ сильно укрѣпленъ фортами и орудіями новѣйшихъ конструкцій, и въ городѣ квартируетъ постоянный гарнизонъ.

Мануфактурная промышленность Гонконга возростаетъ весьма быстро. Въ колоніи извѣстны три громадныхъ сахароваренныхъ завода, заводы рома, водокъ, льда, шелковыя фабрики и канатные заводы. Въ порту находится нѣсколько доковъ и строительная, правительству принадлежащая, верфь. Въ 1891 году торговые обороты Гонконга достигли до 40 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и въ него вошло 18.288 судовъ, съ грузомъ 6.052.866 тоннъ. Предметами торговли главнымъ образомъ являются: опіумъ, хлопокъ, сахаръ, соль, мука, шерстяныя издѣлія, зелень и др. [1]) *).

Аванпостъ торговли Англіи и Индіи въ китайскомъ мірѣ, Гонконгъ есть вмѣстѣ съ Шанхаемъ тотъ городъ крайняго Востока, гдѣ ученые могли собирать самый богатый запасъ матеріаловъ для изученія Срединнаго царства, и гдѣ издано объ этой странѣ наибольшее число драгоцѣнныхъ сочиненій. Въ то же время это одно изъ тѣхъ мѣстъ земнаго шара, гдѣ можно наблюдать наибольшее разнообразіе типовъ. Персы, наиболѣе уважаемые изъ чужеземцевъ, почти какъ дома на этомъ островѣ китайскаго прибрежья, гдѣ ихъ всегда принимали какъ братьевъ, благодаря ихъ традиціонной честности. Новые господа, англичане, привели съ собой индусовъ всякаго языка и племени, малайцевъ, бирманцевъ, португальскихъ метисовъ, полинезійцевъ. Между китайцами, которые составляютъ главную массу населенія, есть уроженцы всѣхъ провинцій имперіи. Вся торговля между Англіей и Кантономъ производится черезъ посредничество Гонконга, и изъ этого же города отправляется большая часть европейскихъ товаровъ, предназначенныхъ въ Шанхай, въ Хань-коу, въ Тянь-цзинь. Движеніе судоходства въ рейдѣ представляетъ въ сложности количество грузовъ, превышающее 6 милліона тоннъ, и годовой оборотъ внѣшней торговли исчисляется въ 300 милліоновъ франковъ. Однако, гонконгскія факторіи теперь уже не такъ богаты, какъ въ первыя времена свободы торговыхъ сношеній съ Китаемъ: большіе склады товаровъ, основанные китайскими негоціантами, существуютъ нынѣ и въ городахъ, лежащихъ на сосѣднемъ берегу континента, особенно въ Коу-лунѣ, по другую сторону рейда, гдѣ также построили обширныя верфи, и британскіе дворцы Викторіи переходятъ одинъ за другимъ въ руки туземцевъ. Гонконгъ сохранилъ за собою только монополію складовъ золота и серебра, благодаря тому, что банковыя учрежденія боятся, что капиталъ ихъ подвергался бы слишкомъ большому риску, если бы они поставили его подъ чье-нибудь покровительство, кромѣ Англіи. На юго-западной оконечности острова небольшой городъ Абердинъ, называемый также «Малымъ Гонконгомъ» (Little Hongkong), имѣетъ многочисленныя верфи и доки для починки судовъ; недавно на островѣ основаны большіе сахаро-рафинадные заводы [1]).

До настоящаго года англійскія владѣнія въ Гонконгѣ состояли изъ самаго острова Гонконга съ городомъ Викторіей, небольшой части полуострова Кой-лунъ къ сѣверу отъ Гонконга и маленькаго островка Стоннъ-Куттеръ. Теперь, въ 1898 году, ради лучшей защиты своей колоніи, Англія выговорила у Китая аренду на территорію у полуострова Кой-лунъ съ заливами Мирсъ и Динъ. Кромѣ того къ Англіи отошелъ островъ Лянь-дао и нѣсколько другихъ острововъ. Въ общемъ гонконгскія владѣнія Англіи увеличились на 200 кв. миль.

Португальская колонія Макао или Cidade do Santo Nome de Dios de Macao (по-китайски Ао-мынь), расположенная къ западу отъ Гонконга, на другой сторонѣ лимана, въ который изливается Жемчужная рѣка, оффиціально не отдѣлена отъ Китая. Пекинское правительство никогда не признавало безусловнаго господства Португаліи надъ этимъ полуостровомъ и до сихъ поръ получаетъ, въ качествѣ верховнаго владѣтеля земли, аренду, опредѣленную императоромъ Канъ-си въ 500 таэлей, то-есть около 3.700 франковъ, черезъ посредство мандарина-резидента. Однако, давность владѣнія, начало котораго восходитъ къ 1557 году, и энергическія мѣры, принятыя губернаторомъ Амаралемъ въ 1849 году, сдѣлали изъ Макао истинно португальскую землю, и часть города, которую занимаютъ европейцы, имѣетъ совершенно видъ города Эстрамадуры, съ его большими правильными домами, окрашенными въ красный или желтый цвѣтъ, украшенными тяжелыми балюстрадами, и его обширными монастырями, обращенными въ казармы. Населеніе, называемое португальскимъ, къ которому

[1]) Заимствовано изъ „The Chronicle and Directory for China, Corea, Japon“ etc. 1897 года.

[1]) „Wetenschappelyke Bladen“, авг. 1881.

нужно прибавить и гарнизонъ изъ 1.400 человѣкъ, состоитъ почти исключительно изъ метисовъ; да и это населеніе далеко не составляетъ большинства жителей; главный кварталъ тотъ, гдѣ живутъ китайцы: въ этой части города улицы всегда наполнены многолюдной толпой, и тамъ же сосредоточена почти вся дѣятельность колоніи. Населеніе Макао въ 1896 году: 4.059 европейцевъ, 74.568 китайцевъ[1]). Даже португальскій кварталъ, Praya-Grande, частію захваченъ «дѣтьми Ханя»: хотя имъ запрещено строить дома въ этой части города, но они покупаютъ дома бывшихъ лузитанскихъ владѣльцевъ и замѣняютъ изображеніе мадонны жертвенникомъ въ честь предковъ[2]).

Городъ Макао, по своему мѣстоположенію, представляетъ большія удобства для торговли. Онъ занимаетъ, на югѣ отъ главнаго острова дельты, южный берегъ холмистаго полуострова, пространствомъ около 31 квадратнаго километра, соединеннаго съ твердой землей песчаной косой, называемой «Стеблемъ ненюфара», которая прежде была перерѣзана рядомъ укрѣпленій; на сѣверѣ, на китайской территоріи, виднѣются стѣны города Цзянь-шань или «Зеленой горы», которому португальцы дали названіе Казабранка. Рейдъ, защищенный отъ вѣтровъ открытаго моря гористыми островами, даетъ доступъ большихъ судамъ и джонкамъ, приходящимъ изъ внутреннихъ мѣстностей либо по Жемчужной рѣкѣ, либо по западному лиману Си-цзяна. Въ продолженіе почти трехъ столѣтій Макао пользовался монополіей торговли Европы съ Китайской имперіей, но открытіе другихъ портовъ международному торговому обмѣну лишило португальскій городъ его исключительныхъ выгодъ, и его купцы, не имѣя болѣе надобности заниматься операціями по отправкѣ товаровъ, принялись за торговлю человѣческимъ мясомъ; barracões Макао сдѣлались складами куліевъ, захватываемыхъ въ плѣнъ или покупаемыхъ на островахъ и на сосѣднемъ берегу, затѣмъ посылаемыхъ, подъ именемъ добровольно нанявшихся работниковъ, въ Перу и на Антильскіе острова. Протесты пекинскаго правительства положили конецъ, въ 1873 году, этому постыдному торгу людьми, и отнынѣ наймы эмигрантовъ представляютъ нѣкоторыя гарантіи добровольнаго согласія; кромѣ того, большая часть контрактовъ о наймѣ подписываются въ Вампоа, на китайской территоріи. Нынѣшней своей извѣстностью между городами крайняго Востока Макао обязанъ преимущественно своимъ игорнымъ домамъ (доходъ отъ игръ и лотереи составлялъ въ 1880 году 2.028.000 франковъ). Мѣстная торговля, которая почти вся находилась въ рукахъ китайскихъ негоціантовъ, имѣетъ нѣкоторую важность по вывозу риса, чаевъ (въ 1878 году изъ порта Макао было отправлено около 4.050.000 килограммовъ чая, цѣнность котораго опредѣляютъ въ 6.300.000 франковъ), шелковыхъ тканей, сахару, индиго (общая цѣнность торговыхъ оборотовъ этого порта простиралась въ 1878 году до 124.340.000 франковъ); но почти вся эта торговля производится джонками, и число приходящихъ въ португальскій портъ европейскихъ судовъ весьма незначительно; большая часть этихъ судовъ привозятъ грузы соли изъ Кохинхины[1]). Муниципальный совѣтъ или сенатъ (Leal senado) выбирается посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Макао прославился также въ исторіи португальской литературы. Камоэнсъ провелъ въ этомъ городѣ восемнадцать мѣсяцевъ, въ 1550 и въ 1560 годахъ, и, говорятъ, написалъ здѣсь часть своей «Луизіады». Владѣлецъ одного сада, называемаго «Паркомъ бѣлой горлицы», показываетъ расколовшуюся скалу, образующую родъ грота, который преданіе освѣтило какъ мѣсто, куда удалялся знаменитый поэтъ: эта самая пещера, какъ увѣряютъ, была «убѣжищемъ сообразнымъ съ его думами», гдѣ Камоэнсъ, скрываясь «въ нѣдрахъ скалы, въ одно и то же время живой и мертвый, погребенный и живущій», могъ «стенать безъ мѣры и безъ стѣсненія» (141-й сонетъ поэмы). На городскомъ кладбищѣ обращаетъ на себя вниманіе могила Моррисона, одного изъ ученыхъ, труды которыхъ принесли наибольшую пользу изученію китайскаго языка и географіи Срединнаго царства. Францискъ де-Ксавье, знаменитый миссіонеръ-іезуитъ, который ввелъ католицизмъ въ Японіи и который былъ канонизованъ какъ «покровитель Индіи», умеръ, въ 1552 году, на одномъ изъ острововъ сосѣдняго прибрежья, Чжанъ-чжуанѣ, называемомъ англійскими моряками Сентъ-Джономъ. Гонконгскіе англичане пріобрѣли множество виллъ въ окрестностяхъ Макао, чтобы пользоваться тамъ морской бризой, правильно дующей на берега.

Къ западу отъ Макао слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные порты на китайскомъ прибрежьѣ, по обѣ стороны полуострова, выдвинутаго по направленію къ острову Хай-нань; но только одна гавань этой области открыта европейской торговлѣ—это городъ Пакъ-хой (Пэй-хой) или «Бѣлое море», расположенный на краю лагуны, на южномъ берегу лимана Лянь-чжоу, въ которой поднимается приливъ изъ Тонкинскаго залива. Первыя европейскія суда появились на Пакхойскомъ рейдѣ только въ 1879 году, и движеніе торговаго обмѣна съ иностранными рынками, понятно, не могло еще подняться до уровня оборотовъ другихъ портовъ (цѣнность внѣшней торговли этого порта составляла въ 1897 году 4.209.945 лянъ)[2]); глав-

[1]) Chronicle and Directory 1897.
[2]) De Hübner, „Promenade autour du Monde".

[1]) Mortimer Murray, „Commercial Reports", янв. 1879 г.
[2]) „Returns of trade", 1897.

ный предметъ мѣстной торговли—соленая рыба. Но можно навѣрно предсказать, что Пакъхой современемъ получитъ важное торговое значеніе, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ начинается

Общій видъ Кхангъ-хоа.

прямая дорога черезъ Лянь-чжоу-фу и Юй-линь-чжоу къ плодороднымъ округамъ Юй-цзяна, произведенія которыхъ въ настоящее время отправляются къ морю длиннымъ и труднымъ окольнымъ путемъ по Кантонской рѣкѣ. Особенно важное значеніе долженъ будетъ пріобрѣсти Пакъ-хой, когда онъ сдѣлается конечною морскою пристанью желѣзнодорожнаго пути, проектированнаго французами отъ Пакъхоя на Лянь-чжоу-фу и далѣе черезъ Нань-нинъ-фу на соединеніе съ Тонкинской дорогой отъ Лансона. Право на эту дорогу французы выговорили себѣ дипломатическимъ путемъ въ 1897 году*. Одна пагода въ окрестностяхъ Пакъ-хоя

пользуется огромной славой во всемъ Китаѣ, благодаря чинару, растущему подъ сводомъ, въ центрѣ памятника: величественное дерево высунуло черезъ окна зданія свои густыя вѣтви, гдѣ гнѣздятся тысячи птицъ, оглашающихъ святилище своимъ пѣніемъ [1]). Подступы къ Пакхойскому порту опасны по причинѣ песчаныхъ мелей, и потому суда должны бросать якорь въ открытомъ морѣ, на разстояніи болѣе километра отъ моря, защищаемыя при низкомъ стояніи воды Алонской мелью, но подвергающіяся всей силѣ зыби въ часы прилива, который достигаетъ здѣсь среднимъ числомъ 4 метровъ высоты. Сѣверныя бури иногда производятъ сильное волненіе въ рейдѣ, но центръ тифоновъ всегда проходитъ на югъ отъ мыса Гуань-дао. За этимъ мысомъ, заливъ, отдѣляющій Пакхойскій полуостровъ отъ полуострова Лэй-чжоу, загроможденъ во многихъ мѣстахъ свайными перемычками или заколами рыбаковъ, не только у подходовъ къ берегамъ, но также и въ глубокой водѣ: нѣкоторые ряды свай вбиты въ дно на глубинѣ 20 метровъ [2]).

Города провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ, населеніе которыхъ опредѣлено посредствомъ переписи или указано приблизительно новѣйшими путешественниками суть:

Гуанъ-си: У-чжоу-фу—200.000 жит.

Гуанъ-дунъ: Кантонъ—800.000 жит.; Фошань (консулы)—500.000 жит.; Чжао-цинъ-фу—200.000 жит.; Сватоу (консулы)—30.000 жит.; Пакъ-хой (консулы)—25.000 жит.; Лянь-чжоу-фу—12.000 жит.

Иностранныя колоніи: Викторія (Гонконгъ), 1891 г.—221.441 жит.; Абердинъ (Малый Гонконгъ)—6.000 жит.; Макао, въ 1896 году—78.627 жит.

Къ югу отъ города Пакъ-хой возвышается, среди залива, островъ Гуй-чжоу [3]), изрубренный кратеръ, поднимающій свои черноватыя стѣны надъ голубыми волнами моря. Циркъ обвалившихся стѣнъ, имѣющихъ не менѣе двухъ съ половиной километровъ между двумя крайними мысами, развертывается въ видѣ полукруга, почти правильнаго, обращеннаго къ южному вѣтру. На сѣверѣ, скатъ откоса, покрытый прекрасно воздѣланными полями и усѣянный многочисленными деревьями, полого наклоняется къ морю, испещренный тамъ и сямъ оврагами, которые дождевыя воды вырыли въ вулканическомъ пескѣ, изолируя большія каменныя глыбы, извергнутыя нѣкогда кратеромъ. Въ половинѣ настоящаго столѣтія единственными обитателями этого острова были морскіе разбойники; теперь же онъ занятъ мирнымъ населеніемъ, состоящимъ почти изъ 3.000 душъ. Большинство населенія составляютъ переселенцы съ полуострова Лэй-чжоу и хакка-христіане, пришедшіе изъ Кантона, которые занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ, въ особенности ловлей кальмаровъ; около тысячи двухъ сотъ барокъ употребляются для ловли этихъ головоногихъ моллюсковъ.

[1]) E. Planchut, „Revue des Deux Mondes“, 1-er mars 1878.

[2]) Valois, „Annalen der Hydrographie“, 1877, X.

[3]) На картѣ Брейтшнейдера островъ этотъ называется Вай-чжоу (пр. ред.).

Юнь-нань.

Эта провинція, самая богатая по рудными мѣсторожденіямъ и одна изъ самыхъ важныхъ по разнообразію произведеній растительнаго царства, наименѣе прочно связана съ Срединой имперіей. Правда, что часть Юнь-нани принадлежитъ къ бассейну Голубой рѣки, но это—именно область наиболѣе гористая, наименѣе населенная, самая трудная для путешествія. Западная половина Юнь-нани орошается двумя большими рѣками Индо-Китая, Лу-цзяномъ и Меконгомъ, тогда какъ южная покатость наклоняется къ Аннаму, изливая свои воды въ Тонкинскій заливъ черезъ Сонъ-кой или Красную рѣку. Въ 70-хъ годахъ, большая часть страны сдѣлалась на время независимой, и сообщенія были почти совершенно прерваны между жителями Юнь-нани, оставшимися вѣрными богдыхану, и другими провинціями государства: только длиннымъ обходомъ къ верховьямъ Янъ-цзы-цзяна и черезъ Сы-чуань могли поддерживаться сношенія, а въ случаѣ крайней опасности мандарины принуждены были искать помощи внѣ границъ имперіи, пользуясь дорогой, представляемой Красной рѣкою. Этотъ естественный путь получилъ въ то время капитальную важность, и путешественникъ-изслѣдователь Дюпюи могъ прослѣдовать по теченію Сонъ-коя и, такъ сказать, завоевать его для науки и торговли. Когда возстаніе магометанъ было подавлено, дороги, соединяющія Юнь-нань съ остальнымъ Китаемъ, снова открылись для торговыхъ сношеній. Разсѣянные земледѣльцы возвратились въ свои деревни, и новые переселенцы изъ Сы-чуани, Гуй-чжоу, Гуанъ-си пополнили собою пробѣлы, произведенные междоусобной рѣзней; дома и храмы вновь отстраиваются [1]). Юнь-нань опять сдѣлалась нераздѣльной частью имперіи, но, тѣмъ не менѣе, по причинѣ трудности дорогъ и большой продолжительности путешествій, она остается еще и нынѣ какъ бы внѣшнимъ владѣніемъ Китая. Въ сравненіи съ другими провинціями, Юнь-нань представляетъ относительно пустынный, мало населенный край; по переписи 1882 года, она была наименѣе населенной областью пропорціонально ея пространству, а съ той поры безпрестанныя войны еще уменьшили, можетъ быть, на половину число ея жителей. Что касается поверхности этой

[1]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London“, сент. 1881 г.

провинціи, то она можетъ быть исчисляема лишь на основаніи очень неопредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ политическая граница, на западъ со стороны Тибета, на юго-западъ со стороны Бирмы, на югѣ со стороны земли лолотовъ и Аннама, проведена безъ всякой точности, и многочисленныя независимыя племена занимаютъ окраины провинціи. Приблизительное пространство Юнь-нани опредѣляютъ въ 690.760 квадратныхъ миль; населеніе же ея въ 1882 году простиралось до 11.721.576 душъ, такъ что, слѣдовательно, на 1 милю приходилось среднимъ числомъ по 84 жителя.

Въ цѣломъ Юнь-нань можетъ быть разсматриваема какъ плоскость, наклоненная по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. На границахъ Тибета и западной Сы-чуани горы, еще неизслѣдованныя, поднимаются до пояса постоянныхъ снѣговъ. Въ центральной части Юнь-нань представляетъ плоскогорье слишкомъ въ 3.000 метровъ средней высоты, надъ которымъ господствуютъ хребты изъ краснаго песчаника, одинаковой высоты. Большія озера разсѣяны въ углубленіяхъ этого плато, перерѣзаннаго на окраинахъ рѣками, которыя вырыли себѣ глубокія ущелья въ менѣе твердыхъ поверхностныхъ горныхъ породахъ. На югѣ почва, размытая водами, представляетъ уже, на берегахъ Красной рѣки и въ бассейнѣ Иравадди, широкія равнины, возвышающіяся всего только на 150 или 200 метровъ надъ уровнемъ моря. Между высокими мѣстностями сѣверной части края, гдѣ высятся снѣговыя горы, и низменными землями юга, лежащими уже въ предѣлахъ жаркаго пояса, замѣчаются всѣ послѣдовательные переходы средней температуры. Въ городѣ Юнь-нань-фу, на промежуточномъ плато, снѣгъ лежитъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ [1]).

Страна, по преимуществу горнозаводская, Юнь-нань вывозила уже обработанные металлы прежде, чѣмъ китайцы проникли въ край: аборигены повсюду имѣли рудники и фабрики. Самый обыкновенный металлъ въ этой области—желѣзо, и почти вездѣ разрабатываются очень богатыя мѣсторожденія этой руды, продукты которыхъ употребляютъ на выдѣлку всякаго рода предметовъ изъ чугуна и стали. Эта провинція изобилуетъ также мѣдной рудой, и если китайское правительство дѣлало такія большія усилія для обратнаго завоеванія Юнь-нани у овладѣвшихъ ею магометанъ, то оно руководилось главнымъ образомъ желаніемъ вернуть себѣ этотъ источникъ богатствъ [2]). Десятина и другіе налоги металломъ, платимые юньнаньскими рудокопами для фабрикаціи монетъ и для промышленныхъ надобностей, простирались, передъ возстаніемъ, до 6.000 тоннъ мѣди въ годъ. Мѣдная руда представляется здѣсь въ различныхъ формахъ и даже въ видѣ самородковъ; рабочіе, не будучи въ состояніи перенести огромныя глыбы чистой мѣди, принуждены бросать ихъ въ горной породѣ, ограничиваясь обрѣзываніемъ выдающихся частей самородка. Золотые пріиски разсѣяны во множествѣ по берегамъ Цзинь-ша-цзяна и другихъ потоковъ, которые, подобно ему, заслуживали бы названія «Золотоносной рѣки». Самыя богатыя рудныя мѣсторожденія—это залежи сереброноснаго свинцоваго блеска, но именно, по причинѣ ихъ богатства, часто прерывали ихъ разработку; дѣло въ томъ, что рудокопы должны дѣлить добываемое серебро на три части—одну для богдыхана, другую для мандариновъ, третью для себя, но и эта послѣдняя доля нерѣдко ускользаетъ изъ ихъ рукъ въ пользу солдатъ, таможенныхъ стражниковъ или разбойниковъ. Кромѣ того, Юнь-нань обладаетъ рудами свинца, цинка, киновари, а въ бассейнѣ Красной рѣки есть мѣсторожденіе оловянной руды; пласты ископаемаго угля занимаютъ обширныя протяженія и даютъ превосходное топливо. Тогда какъ остальной Китай, за исключеніемъ провинціи Шань-дунъ, чрезвычайно бѣденъ металлами и не заключаетъ другихъ подземныхъ богатствъ, кромѣ желѣзныхъ рудниковъ да неисчерпаемыхъ залежей каменнаго угля и антрацита, Юнь-нань обѣщаетъ сдѣлаться современемъ минеральной сокровищницей имперіи и ея главнымъ металлургическимъ заводомъ. Равнымъ образомъ она очень богата драгоцѣнными камнями, рубинами, топазами, сапфирами, изумрудами; въ горахъ ея встрѣчаются драгоцѣнныя разновидности нефрита, такъ же, какъ одинъ видъ мрамора, жилы котораго представляютъ самыя разнообразныя и причудливыя фигуры. Китайцы, большіе любители всякихъ странностей, придаютъ большую цѣну этимъ курьезамъ природы. Обширные лѣса покрываютъ еще часть гористой области, и оттуда получается строевой лѣсъ, между прочимъ, лавръ нанму, который употребляютъ на постройку храмовъ и дворцовъ, по причинѣ большой крѣпости этого дерева и сильнаго запаха, который оно издаетъ [3]). Со времени прекращенія магометанскаго возстанія Юнь-нань сдѣлалась, несмотря на мнимые запреты правительства, главной провинціей по культурѣ опіума [4]); по меньшей мѣрѣ треть полей засѣвается макомъ. На пастбищахъ горъ пасутся большія стада барановъ, шерсть которыхъ употребляютъ на выдѣлку тканей, но мясо которыхъ туземцы никогда не ѣдятъ [5]).

Въ Азіи мало найдется странъ, гдѣ бы

[1]) F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) Emile Rocher, „La province chinoise du Yunnan".

[3]) Dupuis;—Romanet du Caillaud, „Ducos de la Haille", etc.

[4]) Colborne Baber, „Geogrpahical Magazine", jule 1878.

[5]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London", сент. 1881.

устройство удобныхъ путей сообщенія могло произвести столь важныя перемѣны, какъ въ Юнь-нани. Эта провинція не только нуждается въ хорошихъ грунтовыхъ дорогахъ и рельсовыхъ путяхъ для вывоза своихъ рудъ и земледѣльческихъ продуктовъ въ Китай и за границу, но, кромѣ того, она должна служить транзитнымъ трактомъ между Индостаномъ и бассейномъ Явъ-цзы-цзяна. Это и составляетъ причину, почему на Юнь-нань одновременно жадными глазами смотрятъ: со стороны Бирмы англичане, а со стороны Тонкина французы; и тѣ и другіе одинаково мечтаютъ присоединить эту провинцію если не къ числу своихъ земель, то по крайней мѣрѣ въ сферу своего преобладающаго вліянія*. Большія рѣки, которыя расходятся въ разныя стороны вокругъ восточнаго Тибета и Юнь-нани: Брамапутра, Иравадди, Лу-цзянъ, Меконгъ, Сонъ-кой, напередъ указываютъ, въ общихъ чертахъ, направленіе всѣхъ дорогъ, естественный центръ которыхъ долженъ находиться на плато въ Юнь-нань-фу. Черезъ эту второстепенную террасу верхнее плоскогорье Тибета можетъ быть обойдено на востокѣ, и центральная Азія, такъ сказать, приблизится къ устьямъ Ганга. Между двумя большими азіатскими рынками: Калькуттой и Хань-коу, прямая линія, проходящая черезъ города Юнь-нани, позволитъ современемъ избѣгать плаванія вокругъ Индо-Китая и южнаго Китая: разстояніе, выгадываемое путешественниками, составитъ около 6.000 километровъ. Неудивительно поэтому, что въ послѣднее время были сдѣланы попытки въ видахъ установленія правильныхъ сношеній между Индіей и «Срединнымъ цвѣткомъ» черезъ Юнь-нань, а французы и англичане соперничаютъ другъ передъ другомъ въ хлопотахъ о полученіи разрѣшенія на постройку желѣзныхъ дорогъ. На основаніи одной статьи тяньцзиньскаго трактата, иностранцы имѣютъ право проникать черезъ всѣ пункты сухопутной границы или морскаго прибрежья во внутренность Китая, и уже очень многіе путешественники - изслѣдователи воспользовались этой статьей договора, идя по слѣдамъ прежнихъ миссіонеровъ, которые пробирались переодѣтые китайцами и жили тамъ и сямъ въ селеніяхъ обращенныхъ въ христіанство туземцевъ, на тибетскихъ границахъ. Съ 1867 года, памятная экспедиція, самая важная изъ всѣхъ, которыя когда-либо были предпринимаемы въ эти страны, открыла южныя границы Юнь-нани: французы Дударъ-де-Лагре, Гарнье, Делапортъ, Жуберъ, Торель проникли въ Юнь-нань-фу; со временъ Марко Поло это было первое посѣщеніе европейцевъ, которое принялъ древній городъ, упоминаемый знаменитымъ венеціанцемъ подъ именемъ «Яши». Въ 1868 году одинъ «піонеръ торговли», какъ онъ себя называетъ, англичанинъ Куперъ, отправившись съ береговъ Голубой рѣки, тщетно пытался проникнуть въ Ассамъ черезъ города Батанъ и Да-ли-фу; въ слѣдующемъ году онъ хотѣлъ было добраться до плоскогорья съ другой стороны, поднимаясь по рѣкамъ Брамапутрѣ и Логиту, но и эта попытка не удалась ему. Соотечественникъ Купера, Сладенъ, избравшій другой путь, именно по рѣкѣ Иравадди и ея притоку Цзянъ-дао-ха, тоже долженъ былъ вернуться съ дороги, не успѣвъ пройти далѣе Момеина или Тэнъ-дао-тяна, главнаго города Юнь-нани къ западу отъ рѣки Лу-цзянъ. Въ 1874 году, послѣ окончательной побѣды китайскихъ армій надъ возставшими магометанами, молодой англичанинъ Маргари, отправившись черезъ Китай, открылъ, наконецъ, прямую дорогу изъ Хань-коу въ Бамо на Иравадди. Но ему не суждено было самому воспользоваться этой дорогой для новой экспедиціи: нѣсколько недѣль спустя онъ былъ коварнически умерщвленъ въ Юнь-нани, въ пятидесяти километрахъ отъ бирманской границы. Вѣсть о его смерти взволновала Англію и подала поводъ къ продолжительной дипломатической перепискѣ, заключеніе которой должно было доставить большія выгоды англійской торговлѣ. Въ силу конвенціи, заключенной въ 1876 году въ городѣ Чифу, британское правительство получило право посылать торговыхъ резидентовъ въ Да-ли-фу или во всякій другой городъ Юнь-нани и отправить научную экспедицію въ Тибетъ, либо черезъ Сы-чуань, либо черезъ Куку-норъ и Гань-су. Различные путешественники ходили по слѣдамъ Маргари. Гросвеноръ и Бэберъ, Макъ-Картни, Камеронъ, Джилль, Стевенсонъ, Сольтау, принцъ Генрихъ Орланскій, Сечени. Делавей изслѣдовали Юнь-нань по разнымъ направленіямъ и проложили пути будущимъ сношеніямъ между народами.

Въ ожиданіи того времени, когда Юнь-нань будетъ имѣть свободное сообщеніе съ Индіей посредствомъ большой магистральной дороги между Бамо и Хань-коу, она можетъ располагать для своей непосредственной торговли съ заграничными рынками судоходной рѣкой, изслѣдованной въ первый разъ французомъ Дюпюи. Въ 1870 году этотъ путешественникъ достигъ береговъ Юань-цзяна или Красной рѣки и убѣдился, что она судоходна въ южной части Юнь-нани. Въ 1872 году ему дѣйствительно удалось подняться по этой рѣкѣ, называемой въ Тонкинѣ Сонъ-кой, и проникнуть въ Китай до пристани Мань-хао, находящейся въ близкомъ сосѣдствѣ съ богатѣйшими мѣсторожденіями металловъ и драгоцѣнныхъ камней. По трактату, заключенному между Франціей и Анамомъ въ 1874 году, Красная рѣка была объявлена открытой для европейской торговли; но эта конвенція осталась мертвой буквой, и, со времени побѣдоносной экспедиціи 1873 года, ни одно иностранное судно не плавало по водамъ Сонъ-коя въ китайской его части. Тѣмъ

не менѣе, китайскіе купцы хорошо понимаютъ выгоды этого торговаго пути, который позволилъ бы имъ избѣгать, для своихъ морскихъ экспедицій, обхода въ тысячу километровъ по Кантонской рѣкѣ.

Населеніе Юнь-нани состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, еще далеко не слившихся въ одну націю, хотя китайское господство утвердилось въ первый разъ въ краѣ уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ гористыхъ областяхъ обитаютъ еще разныя непокоренныя племена: мяоцзы, манцзы, луцэ, лису, лоло; но многія изъ этихъ именъ суть генерическія названія, примѣняемыя, какъ и слово «и-жэнь» или «другіе люди», то-есть инородцы, къ народцамъ различнаго происхожденія и языка. Мяоцзы принадлежатъ къ тѣмъ же племенамъ какъ и племена провинціи Гуй-чжоу; точно также манцзы и лоло походятъ на одноименныхъ народцевъ Сычуани. Обыкновенно лолотовъ дѣлятъ на два класса, на «Черныхъ» и «Бѣлыхъ», скорѣе по причинѣ противоположности ихъ нравовъ, чѣмъ вслѣдствіе различія цвѣта кожи, который дѣйствительно у черныхъ лолотовъ смуглѣе, чѣмъ у бѣлыхъ. Первые, называемые также «сырыми» лолотами, живутъ по большей части въ высокихъ долинахъ горныхъ цѣпей сѣвера, и рѣдко спускаются въ равнину, почти только затѣмъ, чтобы продать свои произведенія; они населяютъ ту же самую страну, какъ и жители «Зандардана», о которыхъ разсказываетъ Марко Поло, и которые, по словамъ его, имѣли привычку покрывать себѣ зубы тонкой золотой пластинкой; но въ настоящее время нигдѣ въ Юнь-нани не встрѣчали слѣдовъ этого древняго обычая [1]). Бѣлые лолоты, означаемые также прозвищемъ «Спѣлыхъ» или «Печеныхъ» [2]), разсѣяны группами по всей провинціи Юнь-нани и признаютъ надъ собой власть китайскаго правительства: очень многіе изъ нихъ бреютъ себѣ голову на китайскій манеръ и носятъ косу,—этотъ символъ цивилизаціи въ Срединномъ царствѣ,—но они отличаются отъ китайцевъ крѣпостью своихъ мускуловъ и своей энергіей въ трудѣ. Если бы не носъ, немного сплюснутый, да не рѣдкая борода, они напоминали бы европейскій типъ по правильности чертъ лица, по гибкости тѣла, по стройности и равновѣсію пропорцій [1]); у многихъ волоса темнорусые и цвѣтъ кожи бѣлый. Женщины, кокетливыя и отличающіяся живымъ, веселымъ нравомъ, тоже физически гораздо сильнѣе китаянокъ; онѣ еще не переняли у послѣднихъ моду искусственно сдавливать себѣ ноги и работаютъ на поляхъ рядомъ съ мужчинами, всегда веселыя и готовыя отдохнуть отъ труда пляской и пѣніемъ; въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ поразительный контрастъ съ робкой и серьезной китаянкой, которая сочла бы себя скомпрометтированной, если бы чужой мужчина заговорилъ съ ней. Лолотскія женщины считаются самыми красивыми въ краѣ, и часто китайцы выбираютъ себѣ законныхъ супругъ между этими туземками. У всѣхъ племенъ лоло новобрачная, въ силу обычая, покидаетъ супружеское жилище на другой день послѣ свадьбы, и возвращается въ него только тогда, когда почувствуетъ первые симптомы материнства; если она не забеременѣла, то этимъ самымъ брачный союзъ разрывается. При взглядѣ на женщину всегда можно узнать по ея головному убору, дѣвица ли она, бездѣтная ли супруга, или уже мать. Незамужняя, она носитъ на головѣ голубую шапочку, вышитую яркими цвѣтами и оканчивающуюся пятью острыми углами или рогами, увѣшанными серебряными гремушками. Выйдя замужъ, она покидаетъ рогатый колпакъ и замѣняетъ его соломенной шляпой, тоже украшенной металлическими пуговицами; сдѣлавшись матерью, она указываетъ свое достоинство красной лентой, повязанной вокругъ шевелюры; другая лента возвѣщаетъ о рожденіи втораго ребенка, который, согласно обычаю, всегда получаетъ, будь то сынъ или дочь, титулъ старшаго [2]).

Китаецъ изъ Юнь-нани.

Лу-цзянъ, какъ извѣстно, обязанъ своимъ именемъ народцу лу или анонъ, который живетъ на его берегахъ, въ области западной Юнь-нани, граничащей на сѣверѣ съ территоріей, населенной лолотами. Племена лису разсѣяны равнымъ образомъ въ долинѣ этой тибетской и бирманской рѣки и въ долинѣ Ланьцанъ-цзяна или Меконга, который въ этой ча-

1) Yule, „The Book of ser Marco Polo".
2) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", octobre 1877.

1) Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
2) Emilie Rocher, „La province chinoise du Yunnan".

сти своего теченія пересѣкаетъ Юнь-нань. На правомъ берегу, напротивъ города Вэй-си, горы заняты почти исключительно лисутами. Тѣ изъ этихъ инородцевъ, которые живутъ поближе къ китайскимъ городамъ и къ мосотамъ, своимъ болѣе цивилизованнымъ единоплеменникамъ, платятъ регулярно дань; но обитающіе въ дальнихъ, уединенныхъ горахъ, остались независимыми, и у нихъ издавна укоренился обычай черезъ каждыя двадцать или тридцать лѣтъ дѣлать военный и разбойничій набѣгъ на своихъ образованныхъ сосѣдей, населяющихъ равнины. Подобно нѣкоторымъ племенамъ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, они всегда заранѣе увѣдомляютъ своихъ враговъ о задуманной экспедиціи въ ихъ землю, посылая имъ символическій прутъ съ многочисленными нарѣзками, украшенный перьями и другими предметами, грозный смыслъ которыхъ объясняетъ посланецъ. Въ назначенный день они являются въ указанное мѣсто, и такъ великъ страхъ китайскихъ поселенцевъ, что они почти всегда бываютъ побѣждены этими дикарями, вооруженными луками и стрѣлами, обмокнутыми въ сокъ аконита (прикрыта). Лисуты овладѣваютъ женщинами и дѣтьми, чтобы обратить ихъ въ невольниковъ и продать въ Бирманію; они забираютъ также шелковыя вещи и драгоцѣнности, затѣмъ предаютъ пламени дома своихъ непріятелей. А между тѣмъ мандарины упорно отрицаютъ самое существованіе этихъ опасныхъ сосѣдей и запрещаютъ даже произносить ихъ имя; дѣло въ томъ, что они давно уже сообщили правительству о совершенномъ истребленіи этихъ племенъ, и потому имъ трудно было бы противорѣчить самимъ себѣ въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ [1]). Въ мирное время лисуты очень гостепріимны и всегда отличаются отъ сосѣднихъ населеній царствующимъ между ними согласіемъ и духомъ солидарности. Земля принадлежитъ всѣмъ, и каждая семья располагается на жительство въ любомъ мѣстѣ, гдѣ можно сѣять хлѣбъ, въ лѣсныхъ прогалинахъ, природныхъ или расчищенныхъ топоромъ и огнемъ. Они ведутъ торговлю съ окрестными племенами, и такимъ-то образомъ, переходя послѣдовательно отъ одного племени къ другому, къ нимъ попадаютъ каури (yppraca moneta), эти прелестныя раковинки съ Малдивскихъ острововъ, которыми сплошь унизаны головные уборы ихъ женщинъ; кусочки самороднаго золота, которые они собираютъ въ пескахъ Лу-цзяна, служатъ имъ ходячей монетой. Они не поклоняются Буддѣ, и тибетскимъ жрецамъ не удалось проникнуть къ нимъ, но они сохранили еще обрядности шаманства, которое прежде преобладало на всемъ крайнемъ Востокѣ: ихъ колдуны или шаманы бросаютъ роковыя косточки, чтобы привлечь добрыхъ геніевъ, и бьютъ въ бубенъ, чтобы устрашить злыхъ духовъ источниковъ, скалъ и лѣсовъ.

Инородцы шанъ, «бѣлые варвары» (какъ ихъ называютъ китайцы), такъ же, какъ ихъ сосѣди какьенъ (K kyen), болѣе многочисленны въ Бирманіи, нежели на территоріи Срединнаго царства: племена ихъ живутъ только въ юго-западной части Юнь-нани, къ западу отъ рѣки Салуэнъ или Лу-цзяна; они, впрочемъ, подчиняются власти мандариновъ, которые назначаютъ имъ сельскихъ старшинъ, съ приказаніемъ собирать подать. Какьены (качинъ) или синпо (чинпо, Singpo), какъ они сами себя называютъ, представляютъ одну изъ самыхъ энергичныхъ группъ населенія страны и смотрятъ на шановъ какъ на низшую расу, годную развѣ только для того, чтобы поставлять имъ погонщиковъ муловъ и носильщиковъ тяжестей [1]). Малорослые, но коренастые и сильные, какьены проводятъ время въ ѣдѣ и питьѣ да въ заботахъ о томъ, чтобы придать своей особѣ возможно болѣе щеголеватый видъ; они татуируютъ себѣ руки и ноги, убираютъ свою одежду раковинами и всякаго рода украшеніями. Вся работа, даже обработка полей и переноска тяжестей, лежитъ на женщинахъ. Мужъ выбираетъ себѣ жену не за красоту ея, а за физическую силу, и тотъ отецъ почитается самымъ счастливымъ, который имѣетъ наиболѣе дочерей, то-есть невольницъ, обремененныхъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Окруженные буддистами какьены сохранили свой древній анимистическій культъ, и молитвы ихъ обращаются къ натамъ или геніямъ покровителямъ. Согласно обычаю, существующему еще, впрочемъ, даже въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы они кладутъ покойнику въ ротъ серебряную монету для того, чтобы онъ могъ заплатить за перевозъ при переправѣ черезъ великую рѣку, текущую между этимъ и тѣмъ міромъ [2]).

Бэй или бай, аборигены, живущіе въ южной и юго-западной частяхъ Юнь-нани, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Салуэна, дѣлятся, смотря по обитаемой ими области, на «горныхъ» и «рѣчныхъ»; есть преданіе, что они прежде обитали на берегахъ Голубой рѣки, откуда ихъ постепенно вытѣснили китайскіе переселенцы. Хотя сосѣди лолотовъ и соплеменники шановъ, они, однако, рѣдко мѣшаются съ ними и живутъ большею частью отдѣльными селеніями, гдѣ дома покрыты не кровлями на китайскій ладъ, а террасами, подобными тѣмъ, какія мы видимъ на жилищахъ тибетцевъ и мяотовъ. Цвѣтъ кожи у бэйевъ гораздо бѣлѣе, чѣмъ у китайцевъ, и, какъ лолоты, они отличаются отъ пришельцевъ съ сѣвера свое

[1]) Dubernard, Desgodins, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris", juillet 1875.

[1]) Ney Eilas, „Proceedings of the Geographical Societ of London", апр. 1876 г.

[2]) Kreitner, „Mittheilungen von Petermann", 1881, № 7

физической силой. Всѣ они прокалываютъ мочку ушей и продѣваютъ въ отверстіе либо серебряный цилиндрикъ, либо бамбуковую трубочку, украшеніе, которое женщины замѣняютъ сигарами или пучками соломы; женщины почти всѣ курятъ табакъ, тогда какъ мужчины пристрастились къ опіуму [1]). Женщины племени бэй дѣятельны, безъ той рѣзкости движеній, какая замѣчается у большинства женщинъ лоло; онѣ очень искусныя мастерицы по части тканья и даже по выдѣлкѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей. По языку и вѣроятно, по расѣ, инородцы бэй, такъ же, какъ и хамти, приближаются къ лолотамъ Индо-Китая, тогда какъ лолоты говорятъ разными нарѣчіями, болѣе или менѣе смѣшанными изъ бирманскаго, китайскаго, тибетскаго, и, вѣроятно, примыкаютъ къ этому послѣднему идіому. Одно племя, родственное народцу бэй и называемое папе, есть остатокъ націи, нѣкогда могущественной, о которой китайскія лѣтописи разсказываютъ, что Сынъ Неба принудилъ ее посылать ему въ видѣ дани золотыя и серебряныя вещи, рога носорога и бивни слона [2]); изъ этого нужно заключить, что фауна большихъ млекопитающихъ измѣнилась въ краѣ въ относительно короткій періодъ времени, обнимающій небольшое число столѣтій. Ни бэй, ни папе не имѣютъ идоловъ; но когда имъ случится быть у цивилизованныхъ, они охотно ходятъ въ храмы, дѣлаютъ жертвоприношенія и курятъ благовонными смолами, какъ и другіе вѣрующіе; тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ писать, употребляютъ только китайскіе знаки. Впрочемъ, цивилизація Срединнаго царства мало-по-малу одерживаетъ верхъ, и первоначальные племенные типы постепенно исчезаютъ, вслѣдствіе смѣшенія расъ. Изъ этихъ скрещиваній возникло множество различныхъ народцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ, совершенно забывшіе свой родной языкъ и говорящіе только по-китайски, напоминаютъ еще свое туземное происхожденіе отличающими ихъ крѣпостью мускуловъ, духомъ независимости и простыми, деревенскими нравами и обычаями: «мы не китайцы», говорятъ они съ гордостью; «мы юньнаньцы». Во многихъ случаяхъ во время смутъ и междоусобій, они становились на сторону мятежниковъ, магометанъ или туземцевъ, чтобы избавиться отъ мандариновъ. Они отличаются также отъ «дѣтей Хань» своимъ веселымъ характеромъ и своей страстью къ музыкѣ: почти всѣ погонщики муловъ или ямщики носятъ при себѣ мандолины на перевязи, и какъ только лошади или мулы тронутся въ путь, они начинаютъ аккомпанировать звону бубенчиковъ пронзительными звуками своей музыки [1]). Можно подумать, что находишься въ Испаніи; подобно кастильскимъ погонщикамъ муловъ, погонщики, которыхъ мы встрѣчаемъ на плоскогорьяхъ Юнь-нани, одѣты въ короткую куртку съ серебряными пуговицами; разница только въ томъ, что у послѣднихъ, вмѣсто шляпы, обмотанъ широкій тюрбанъ.

Возстаніе, которое вспыхнуло въ 1855 году, и результатомъ котораго было основаніе, въ западной Юнь-нани независимаго государства, просуществовавшаго нѣсколько лѣтъ, началось простой ссорой между рудокопами-буддистами и мусульманами, разрабатывавшими жилы серебряной руды въ Ши-янѣ, около истоковъ Красной рѣки. Ни въ одной провинціи Китая магометанская религія не получила такого распространенія, какъ въ Юнь-нани. Потомки немногочисленныхъ арабскихъ эмигрантовъ, пришедшихъ въ край вскорѣ послѣ начала магометанскаго лѣтосчисленія (геджры), и бухарскихъ солдатъ, которыхъ привелъ Хубилай-ханъ во время одной военной экспедиціи, относящейся къ половинѣ тринадцатаго столѣтія, юньнаньскіе мусульмане, или, какъ ихъ называютъ, хой-хои не отличаются физически отъ другихъ китайцевъ этой провинціи, съ которыми они смѣшались вслѣдствіе постоянныхъ скрещиваній; но различіе пищи, различіе культовъ и еще гораздо болѣе борьба матеріальныхъ интересовъ между разными группами рудокоповъ породили взаимную ненависть и повели къ кровавымъ столкновеніямъ. Однако, между инсургентами, которыхъ за границей обыкновенно называли бирманскимъ именемъ «пантеи», встрѣчались самые разнообразные элементы: рядомъ съ магометанами бунтовали китайцы, буддисты и даоисты, такъ же, какъ лолоты, паи, мяоты всѣхъ племенъ; съ другой стороны, были и мусульмане, оставшіеся вѣрными правительству, и даже именно одинъ изъ предводителей хой-хоевъ, которому повстанцы были обязаны своимъ торжествомъ, впослѣдствіи перешелъ на сторону китайцевъ и доставилъ имъ окончательную побѣду надъ возстаніемъ. Нѣкоторое число побѣжденныхъ пантеевъ поселилось въ горахъ на границѣ Сіама и Бирманіи между шанами и какьенами; но образовавшіеся вслѣдствіе ихъ ухода пробѣлы пополнились переселенцами съ сѣвера, пришедшими по большей части изъ Сы-чуани. Междоусобная война—не единственное бѣдствіе, посѣтившее въ это послѣднее время Юнь-нань; часто въ краѣ свирѣпствуютъ эпидеміи и особенно обыкновенна проказа. Утверждали, что эта болѣзнь была прежде неизвѣстна въ Юньнани, и что появленіе ея будто бы совпадаетъ съ прибытіемъ европейцевъ; но, можетъ быть, происхожденіе этого слуха слѣдуетъ искать въ

[1]) Kreitner, цитированная статья.
[2]) Amiot „Mémoires concernant les Chinois", vol. XIV.

[1]) E. Rocher. „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", mars 1878.

непріязненномъ чувствѣ, которое мандарины питаютъ къ иностранцамъ. Чума тоже нерѣдко производила большія опустошенія въ странѣ, постигая одновременно людей и животныхъ. Выяснено, что эта эпидемія здѣсь всегда начинается съ крысъ [1]).

Танъ-юэ-тинъ или Момеинъ—единственный сколько-нибудь значительный городъ, которымъ Китай владѣетъ въ бассейнѣ Иравадди; онъ расположенъ среди обширной равнины, покрытой рисовыми полями и окруженной высокими крутыми горами, вслѣдствіе чего англійскіе путешественники называютъ его юго-западными воротами Срединной имперіи, и это названіе неизмѣнно повторяется во всѣхъ проектахъ строителей желѣзныхъ дорогъ. Момеинъ, послѣдній магометанскій городъ Юнь-нани, оказавшій сопротивленіе императорскимъ войскамъ въ 1873 году. На востокѣ, глубокая долина Лу-цзяна, близъ которой находятся горячіе сѣрнистые ключи Пю-бяо (Pupiao) не имѣетъ важныхъ городовъ на своихъ берегахъ; но городъ Ювъ-анъ-фу, стоящій на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, въ равнинѣ, покрытой рисовыми плантаціями, какъ и Момеинъ, производитъ очень дѣятельную торговлю, и, благодаря этому обстоятельству, онъ быстро оправляется отъ бѣдствій гражданской войны; между эмигрантами находятся нанкинскіе бѣглецы, которые переселились сюда въ такомъ большомъ числѣ, что ихъ нарѣчіе сдѣлалось господствующимъ діалектомъ городскаго населенія: отъ этого и произошло данное городу названіе «Малый Нанкинъ» [2]). Комментаторы Марко Поло отождествляютъ Юнъ-чанъ-фу съ городомъ Вошанъ (Вончанъ, Вончіанъ), который былъ посѣщенъ знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ, и гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1272 или въ 1277 году, двѣнадцать тысячъ татаръ великаго хана монголовъ, Кублая, разбили шестьдесятъ тысячъ солдатъ царя Бирмы, сопровождаемыхъ 2.000 слоновъ. Вѣроятно, что въ ту эпоху существовали лучшія дороги, чѣмъ въ наши дни, между Бирманіей и Юнь-нанью, такъ какъ слоны не могли бы пройти по тѣмъ опаснымъ тропамъ, поднимающимся по крутизнамъ или пролегающимъ надъ ущельями, гдѣ должны теперь пробираться путники, пѣшкомъ или сидя на смѣлыхъ лошадкахъ, гибкихъ и поворотливыхъ, какъ верблюды. Однако, на дорогѣ изъ Бамо въ Да-ли-фу устроены висячіе желѣзные мосты черезъ двѣ рѣки: Лу-цзянъ и Лань-цанъ-цзянъ; это, вѣроятно, послѣднія сооруженія этого рода, существующія еще на этихъ двухъ могучихъ потокахъ [3]).

Въ бассейнѣ одного притока верхняго Лань-цанъ-цзяна, бѣгущаго по дну страшныхъ ущелій, находится городъ А-тунь-цзы, который можно назвать стражемъ границы Юнь-нани со стороны Тибета. Въ этой области полудикихъ туземныхъ племенъ большинство цивилизованныхъ жителей состоитъ изъ китайцевъ, но почти всѣ они лучше говорятъ тибетскимъ, чѣмъ своимъ природнымъ языкомъ, благодаря тому, что торговыя сношенія безпрестанно приводятъ на рынокъ этого города большое число тибетцевъ. Да и въ другихъ отношеніяхъ можно подумать, что находишься въ Бодъ-юлѣ (Тибетѣ). Подобно тибетскимъ городамъ, А-тунь-цзы лежитъ въ области холодовъ, среди равнины, возвышающейся на 3.360 метровъ надъ уровнемъ моря; его дома съ плоскими крышами построены совершенно такъ же, какъ жилища тибетцевъ, и надъ городомъ господствуютъ монастыри, ламы которыхъ повинуются верховному жрецу, пребывающему въ Лассѣ. Атунценскіе купцы продаютъ тибетцамъ чай, сахаръ, табакъ, въ обмѣнъ на мускусные мѣшечки, кожи и выдѣланный пергаментъ и «земляныя гусеницы», на головѣ которыхъ растутъ грибы, и за которыхъ китайцы платятъ большія деньги по причинѣ приписываемыхъ имъ цѣлебныхъ свойствъ [1]). Гора Докеръ-ла, поднимающая свою снѣговую голову на юго-западъ отъ города А-тунь-цзы по другую сторону ущелій Лань-цанъ-цзяна, есть одна изъ почитаемыхъ вершинъ Тибета, и пилигримы ходятъ толпой на поклоненіе этой святынѣ [2]). На сѣверѣ, на берегахъ той же рѣки, бьютъ изъ земли горячіе соляные ключи, называемые Іеркало. Населеніе этой части тибетской монархіи очень обижено природой; по меньшей мѣрѣ треть жителей страдаетъ зобомъ [3]).

Городъ Вэй-си, лежащій южнѣе, на восточномъ притокѣ Лань-цанъ-цзяна, населенной главнымъ образомъ лисутами и метисами, служитъ мѣстопребываніемъ гарнизона; онъ сильно пострадалъ во время минувшей гражданской войны. Точно также городъ Да-ли фу, занимающій гораздо болѣе счастливое положеніе, на западномъ берегу обширнаго озера Да-ли, еще не оправился отъ разгрома, которому онъ подвергся во время разрушенія царства пантеевъ: большая часть его улицъ были еще загромождены грудами развалинъ и мусора, когда англійскій путешественникъ Джилль посѣтилъ его въ 1877 г.; позже его посѣтили Hosie въ 1888 г. и Bonin въ 1895 г. Всѣ окрестныя деревни

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce"; — Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
[2]) Mac Carthy, „Proceedings of the Geographical Society of London", августъ 1879 г.
[3]) Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Emile Rocher, „La province chinoise de Yunnan"; — Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London", авг. 1881 г.
[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", окт. 1878 г.
[3]) Gill, „The River of Golden Sand".

тоже были опустошены, а въ полѣ не осталось ни одного цѣлаго дерева; во многихъ мѣстахъ пашни исчезли подъ терніями и колючими ка-

Корейскіе мандарины.

тусами. Постигшими его несчастіями Да-ли-фу обязанъ своей крѣпкой военной позиціи. На сѣверѣ и на югѣ равнина, гдѣ онъ построенъ, оканчивается узкимъ дефиле между горами и озеромъ, и эти два прохода, Чжунь-гуань на сѣверѣ и Ся-гуань на югѣ, перерѣзаны укрѣпленіями, которыя обратили все западное прибрежье озера Да-ли въ одну обширную крѣпость. Во времена Марко Поло этотъ городъ былъ, подъ именемъ Караяна, «столицей семи королевствъ» и однимъ изъ главныхъ городовъ

южнаго Китая; для окружающихъ племенъ это «святой городъ» [1]). Въ 70 годахъ городъ опять былъ возведенъ на степень столицы: здѣсь основалъ свою резиденцію предводитель возставшихъ магометанъ, Тувенсіа, который въ прокламаціяхъ на арабскомъ языкѣ, распространяемыхъ въ сосѣднихъ государствахъ, именовалъ себя султаномъ Солиманомъ [2]). Когда императорскія войска, одолѣвъ инсургентовъ, вступили въ городъ, болѣе половины жителей Да-ли-фу, число которыхъ доходило до 50.000 душъ, были перерѣзаны солдатами, такъ что китайскій генералъ могъ послать въ Юнь-нань-фу, въ видѣ трофеевъ своей побѣды, двадцать четыре большія корзины, наполненныя человѣческими ушами [3]). Предмѣстья были преданы пламени, и городъ на половину разрушенъ; даже въ окрестныхъ мѣстностяхъ населеніе, занимающее нынѣ опустошенныя войной деревни, не превышаетъ трети прежняго числа жителей. Но Да-ли-фу имѣетъ всѣ условія для того, чтобы быстро оправиться отъ разоренія; не говоря уже о важности его, какъ административнаго пункта, поднятію и процвѣтанію этого города могутъ способствовать природное плодородіе окружающей равнины и минеральныя богатства сосѣднихъ горъ: ломки мрамора, соляныя копи, пріиски драгоцѣнныхъ камней; въ то же время онъ является естественнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для торговли между городами Бамо и Нинъ-юань, то-есть между Бирманіей и Сы-чуанью. Вдобавокъ ко всему этому, Да-ли-фу пользуется превосходнымъ климатомъ, однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ; находясь на высотѣ 2.030 метровъ надъ уровнемъ океана, но уже въ сосѣдствѣ тропическаго пояса, онъ не знаетъ зимы, хотя возвышающіяся на западѣ горы, которыя поднимаются болѣе чѣмъ на 3.000 метровъ надъ поверхностью озера, бываютъ покрыты снѣгомъ въ продолженіе двухъ третей или даже трехъ четвертей года. Озеро, болѣе извѣстное подъ именемъ Эръ-хай, имѣетъ, по Роше и Джиллю, около 30 миль въ длину и тянется съ сѣвера на югъ, шириной около 7 миль. Въ самыхъ низкихъ мѣстахъ озернаго бассейна глубина превышаетъ 100 метровъ, но она очень неравномѣрна. Дожди, очень обильные на восточномъ склонѣ горъ, окружающихъ Эръ-хай, иногда поднимаютъ уровень озера на 5 метровъ выше горизонта низкой воды и превращаютъ въ могучую рѣку ручей, уносящій излишекъ водъ резервуара въ Меконгъ; въ своемъ выходномъ ущельѣ, при укрѣпленіи Ся-гуань, истокъ озера проходитъ подъ естественной аркадой, образуемой скалами, подлѣ которой принуждены были прорыть туннель для прохода дороги [4]). Озеро Эръ-хай изобилуетъ рыбой, такъ же, какъ и впадающіе въ него рѣки и ручьи. Мѣстные рыбаки, еще болѣе искусные въ этомъ отношеніи, чѣмъ ихъ собраты по ремеслу на Голубой рѣкѣ, съумѣли пріучить мѣстныхъ птицъ помогать себѣ въ ловлѣ рыбы. Они отправляются на промыселъ раннимъ утромъ, съ шумомъ и крикомъ, чтобы разбудить птицъ-рыболововъ, спящихъ въ лѣсной чащѣ по берегу озера, и пускаютъ свои барки по теченію, бросая позади кормы шарики изъ риса. Рыбы поднимаются со дна, чтобы хватать пищу; съ своей стороны, птицы пускаются на охоту, и пойманную рыбу приносятъ на барку. Въ награду за ихъ услуги, человѣкъ удѣляетъ имъ небольшую долю добычи [1]).

Города, слѣдующіе одинъ за другимъ на югѣ отъ Да-ли-фу, въ бассейнѣ Меконга, Шунь-нинъ-фу, Юнь-чжоу, Сэ-мао, тоже были опустошены императорскими войсками послѣ обратнаго завоеванія края у магометанъ, но ни одинъ изъ нихъ не защищался съ такимъ мужествомъ, какъ Мынъ-хао-сянь, городъ, построенный въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ озера Да-ли, близъ истоковъ Красной рѣки. Населеніе этого города, подкрѣпленное бѣглецами изъ Да-ли-фу, долго сопротивлялось съ энергіей отчаянія, но, наконецъ, поняло, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, рѣшилось ничего не оставить побѣдителю. Всѣ цѣнныя вещи были поспѣшно собраны въ кучку домовъ, которую затѣмъ предали пламени; женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ былъ розданъ ядъ. Когда способные носить оружіе мужчины остались одни, они подожгли городъ со всѣхъ четырехъ концовъ и бросились на осаждающихъ, чтобы открыть себѣ проходъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣли пробиться сквозь ряды непріятеля, но большинство пало подъ ударами мечей или погибло въ пламени [2]).

Въ верхнемъ бассейнѣ Цзинь-ша-цзяна, расположенномъ параллельно бассейну Лань-цанъ-цзяна или Меконга, группы населенія не менѣе рѣдки, чѣмъ въ бассейнѣ сосѣдней рѣки, и тамъ нѣтъ даже никакой проѣзжей дороги, которая бы пролегала по долинѣ во всю ея длину [3]). Городъ Ли-цзянъ-фу, на сѣверѣ отъ Да-ли, до 1895 года, когда черезъ него прошелъ Bonin, не былъ посѣщенъ ни однимъ европейскимъ путешественникомъ, но англичанинъ Джиллъ проходилъ неподалеку оттуда, нѣсколько западнѣе, и слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что этотъ городъ разоренъ лихоимствомъ мандариновъ. Другіе города были совершенно опустошены магометанами или китайскими солдатами. Теперь въ области Юнь-нани, принадлежащей къ покатости Голубой рѣки, остались

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".
[2]) Gill, цитированное сочиненіе.
[3]) Emile Rocher, цитированное сочиненіе.
[4]) Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London", августъ, 1881.

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration dans l'Indo-Chine".
[2]) Emile Rocher, цитированное сочиненіе.
[3]) Gill, цитированное сочиненіе.

только три значительныхъ города, изъ которыхъ одинъ главный городъ всей провинціи. Юнь-нань-фу стоитъ въ равнинѣ, близъ сѣверной оконечности большаго озера, самаго обширнаго въ верхней Юнь - нани, которое носитъ названіе «Тяньскаго моря», по имени царства, занимавшаго нѣкогда наибольшую часть плоскогорья; излишнія воды этого бассейна, лежащаго немного ниже озера Да-ли (на высотѣ 1.950 метровъ), уходятъ на западной оконечности, черезъ долину, которая вскорѣ поворачиваетъ на сѣверъ и направляется къ Янъ-цзы-цзяну. Прибрежныя селенія «Тяньскаго моря» производятъ въ изобиліи хлѣба, ленъ, табакъ, разнаго рода фрукты; тамъ и сямъ, по склонамъ холмовъ, пасутся стада барановъ, козъ, коровъ и буйволовъ. Культура мака уничтожила одну весьма важную отрасль сельскаго хозяйства — пчеловодство; мѣстные жители разсказываютъ, что пчелы, привлекаемыя цвѣтками мака, какъ китайцы, испытывающіе неодолимое влеченіе къ опіуму, всѣ погибли послѣ втораго сезона, отравленныя ядовитымъ сокомъ растенія [1]).

Ограда Юнь-нань-фу, имѣющая правильную форму четыреугольника, какъ во всѣхъ почти китайскихъ городахъ, ограничиваетъ пространство около 6 квадратныхъ километровъ, но далеко не все это пространство застроено домами, да и внѣшнія предмѣстья сильно уменьшились въ размѣрахъ послѣ войны. Городъ Юнь-нань, очень древняго происхожденія, и въ которомъ комментаторы Марко Поло видятъ «Яши», упоминаемый венеціанскимъ путешественникомъ, былъ до возстанія магометанъ гораздо значительнѣе, но торговля его снова стала увеличиваться со времени возстановленія мира. Центръ одной изъ главныхъ горнозаводскихъ областей Юнь-нани, онъ служитъ рынкомъ, регулирующимъ цѣны мѣди для всего Китая, и имѣетъ большіе металлургическіе заводы: его монетный дворъ, основанный болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, выпускалъ въ обращеніе, до войны, около ста милліоновъ сапековъ (мелкая мѣдная монета) въ годъ,—масса металла, которая, однако, представляетъ цѣнность не болѣе 100.000 франковъ. На сѣверо-востокѣ, на вершинѣ небольшой горы, виднѣется капище, сдѣланное все изъ чистой мѣди, даже кровля его покрыта мѣдными листами; этотъ храмъ былъ пощаженъ во время междоусобной войны, благодаря тому обстоятельству, что онъ напоминаетъ память національнаго короля Усанкуэя (Ousanskouei), который не побоялся сопротивляться императору Канъ-си. Кромѣ обработки металловъ, въ Юнь-нань-фу есть и другія отрасли промышленности: здѣсь выдѣлываютъ ковры, одѣяла, кошмы, а также одну особенную матерію, которая, какъ полагаетъ Франциск Гарнье, ткется, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ нитей особой породы паука, свойственной южной Юньнани; эта ткань, пользующаяся большой славой въ Китаѣ, отличается замѣчательной прочностью; цвѣтъ ея матово-черный. Юнь-нань-фу находится не болѣе, какъ въ сотнѣ километровъ къ югу отъ Янъ-цзы-цзяна, но, въ этой части своего теченія, великая рѣка, загроможденная порогами и текущая водопадами, не удобна для судоходства, и потому большая торговая дорога подходитъ къ ней гораздо ниже, въ 400 километрахъ отъ ближайшаго къ городу мѣста рѣки. Эта дорога, которая проходитъ черезъ многолюдные и торговые города: Дунъ-чуань-фу, славящійся своими монетными дворами, и Чжао-тунъ-фу, извивается по изрытымъ оврагами плоскогорьямъ, но прежде чѣмъ вступить въ провинцію Сы-чуань, она захватываетъ рѣку Да-гуань-хэ, называемую также Хуанъ-цзянъ или «Желтой рѣкой», которая впадаетъ въ Янъ-цзы между Пинъ-шанемъ и Су-чжоу. Пристань, откуда отправляются суда, получившая отъ ближнихъ порогов названіе Лао - ва - тань, представляетъ очень оживленный городокъ, лежащій въ странѣ, изобилующей мѣсторожденіями серебросной свинцовой руды. Къ сѣверу отъ этого города, на границѣ между Юнь-нанью и Сычуанью, пріютились, на вершинѣ холма Лонъ-цзи (Long-ky), церковь, духовная семинарія, школа, цѣлая группа строеній, изъ которой католическіе миссіонеры сдѣлали настоящую крѣпость, чтобы обезопасить себя отъ набѣговъ дикихъ манзовъ [1]).

Массивъ Холодныхъ горъ или Линъ-шань, которыя поднимаются на общей границѣ трехъ смежныхъ провинцій: Юнь-нани, Сы-чуани и Гуй-чжоу, по справедливости можетъ быть названъ счастливой областью страны: въ продолженіе семнадцати лѣтъ гражданской войны обитатели этого края, буддисты и магометане китайцы и инородцы (и-жэнь), не переставали жить въ полномъ согласіи между собою, и работы въ рудникахъ и копяхъ не прекращались ни на одинъ день. Одинъ изъ главныхъ продуктовъ мѣстной промышленности составляетъ свинцовая соль, употребляемая для живописи на фарфорѣ, и которую отсюда отправляютъ на спинѣ муловъ къ Янъ-цзы-цзяну, откуда она перевозится на баркахъ на фабрики Цзинъ-дэ-чжэня, въ провинціи Цзянъ-си [2]). Восточная часть Юнь-нани принадлежитъ къ бассейну Кантонской рѣки; на этой покатости есть нѣсколько важныхъ городовъ, каковы Цюй-цзинъ-фу и Кай хуа-фу; кромѣ того, верхнія долины

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

[1]) De Carné, „Revue des Deux Mondes", 1-e juin 1780;—Fr. Garnier, цитированное сочиненіе.

[2]) F. Garnier; — E. Rocher, цитированныя сочиненія;— Fenouil, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1862.

рѣки Хунъ-шуй и ея притоковъ окружаютъ передовые выступы центральнаго плоскогорья провинціи. Въ пониженіяхъ этой плоской возвышенности тянется рядъ озеръ, на югъ отъ «Тяньскаго моря». Эти озерные бассейны, Чжэнъ-цзянъ, Цзянъ-чуань, Дунъ-хай (Восточное море), Ши-бинъ, наполнены прѣсной водой, хотя они не имѣютъ истеченія, если только излишекъ водъ не уносится подземными ручьями, ибо эта область изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ пещерами и галлереями, въ которыхъ исчезаютъ текущія на поверхности рѣчки [1]). Два озера, Чжэнъ-цзянъ и Цзянъ-чуанъ, соединены искусственнымъ каналомъ, длиною около 1.700 метровъ, прорытымъ черезъ холмъ, состоящій изъ кварцоваго песчаника [2]). Земледѣльцы завоевываютъ каждый годъ новыя земли на озерахъ, выбрасывая тину со дна на прибрежныя пространства бассейна, и въ то время, какъ поля, засѣянныя макомъ и табакомъ, окаймляютъ края озера, неравные прямоугольники рисовыхъ плантацій далеко выдвигаются на поверхность водъ, имѣя видъ пловучихъ острововъ. Каждое изъ этихъ внутреннихъ морей дало свое имя главному городу прибрежныхъ мѣстностей. Серебряные, мѣдные и желѣзные рудники, металлургическіе заводы, въ особенности сталелитейные заводы въ Лао-лю-гуань, доставили этому округу нѣкоторую промышленную и торговую важность. На сѣверо-востокъ отъ Восточнаго моря (Дунъ-хай) находится городъ Нинъ-чжоу, населенный горшечниками.

Города южнаго склона, орошаемаго Красной рѣкой и ея притоками, тоже служатъ складочными пунктами для продуктовъ горной промышленности. Городъ Юань-цзянъ, на западномъ берегу рѣки, важенъ, кромѣ того, какъ большой рынокъ для земледѣльческихъ произведеній; онъ окруженъ великолѣпными культурными землями, принадлежащими уже къ тропической флорѣ, ибо абсолютная высота равнины всего только 520 метровъ; въ этой странѣ южныя растенія перемѣшаны съ растеніями умѣреннаго пояса, и крестьяне привозятъ на рынки южные фрукты, манго, гуявы, цедры, апельсины, такъ же, какъ персики, груши, яблоки, орѣхи и каштаны. На юго-западѣ, особенно въ окрестностяхъ города Пуэръ-фу (Пу-эръ, Пу-эль), собираютъ на склонахъ Гуань-шаня или «Голой горы», особенный видъ чая, высоко цѣнимый въ Юнь-нани и во всемъ Китаѣ, несмотря на его мускусный запахъ, но слишкомъ дорогой для того, чтобы его можно было вывозить за границу [3]); въ окрестностяхъ разрабатываютъ также богатыя салины. Къ востоку отъ Красной рѣки важнѣйшій городъ—Линь-ань-фу, крѣпкая ограда котораго окружена зеленью, и надъ которымъ господствуютъ со всѣхъ сторонъ мраморные холмы, составляющіе своими безплодными верхушками рѣзкій контрастъ съ смѣющимися полями и лугами долины. Самый дѣятельный рынокъ провинціи, конечно, Мань-хао, пристань на Красной рѣкѣ, гдѣ начинается правильное судоходство: это складочное мѣсто чаевъ, хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ тканей для всей южной части Юнь-нани. Многіе кантонскіе негоціанты, предвидя важную роль, которую можетъ современемъ играть эта область въ общей торговлѣ, поселились въ городѣ Мань-хао и забрали въ свои руки почти всю тамошнюю торговлю. Во время посѣщенія края французской экспедиціей, снаряженной для изслѣдованія Индо-Китая, одинъ кантонскій глава фирмы даже основалъ себѣ нѣчто въ родѣ независимаго княжества, на границѣ Китая и Тонкина; таможня, которую онъ учредилъ на рѣкѣ, приносила ему, по свидѣтельству Франциска Гарнье, полтора милліона въ годъ. По словамъ консула Кергарадека, эта таможня находилась потомъ въ рукахъ одного воинственнаго племени независимыхъ китайцевъ, принявшихъ имя «Черныхъ флаговъ».

Населенія главнѣйшихъ городовъ Юнь нани, указываемое новѣйшими путешественниками, суть:

Юнь - нань - фу, въ 1868 г., по Гарнье—50.000 жит.; Да-ли-фу, въ 1878 г., по Джиллю—23.000 жит.

Хай-нань.

Этотъ большой островъ, причисляемый въ административномъ отношеніи къ провинціи Гуанъ-дунъ, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ тому же періоду исторіи земнаго шара, какъ и сосѣдній континентъ. Полуостровъ, отдѣляющійся отъ твердой земли какъ разъ противъ Хай-наня съ сѣверной стороны, пытается, такъ сказать, образовать островъ,, подобный тому, котораго горные массивы возвышаются по другую сторону пролива. Проходъ раздѣляющій эти двѣ земли и соединяющіе Китайское море съ Тонкинскимъ заливомъ, представляетъ узкій и неглубокій «рукавъ», небольшую поверхностную промоину. Отъ берега до берега проливъ или «каналъ джонокъ» имѣетъ всего только отъ 25 до 50 верстъ ширины, и самая большая глубина его, у западнаго входа, не превышаетъ 24 метровъ; около середины прохода лотъ находитъ только 11 метровъ глубины въ часы отлива [4]). Берегъ Хай-наня на сѣверо-востокѣ далеко продолжается подводными

[1]) F. Garnier, „Exploration en Indo-Chine".

[2]) Emile Rocher, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", mars 1878.

[3]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London", сент 1881 года.

[4]) Walois, „Annalen der Hydrographie", 1877, X.

камнями, которые значительно увеличили бы его поверхность, если бы небольшое поднятіе почвы заставило выступить изъ-подъ воды прибрежную полосу моря. Черезъ проливъ движется, между островомъ и твердой землей, морское теченіе, средняя скорость котораго измѣняется отъ 4 до 7 километровъ въ часъ: оно усиливается съ приливомъ, направляющимся въ ту же сторону, и ослабѣваетъ съ отливомъ, идущимъ ему навстрѣчу.

Общей своей формой и направленіемъ главнаго горнаго хребта, островъ, который лежитъ «на югѣ моря»—таково буквальное значеніе слова Хай-нань—также указываетъ на общность происхожденія съ сосѣдней континентальной массой. Его большая ось идетъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, слѣдовательно, параллельно грядамъ системы китайскихъ горъ, и самыя высокія его вершины расположены въ томъ же направленіи. Центральный массивъ извѣстенъ подъ именемъ У-чжи-шань или «горы о пяти пальцахъ»: это Пентодактиль, какъ Тайгетъ въ Пелопоннесѣ; китайскія стихотворенія сравниваютъ островъ съ рукой, пальцы которой «днемъ играютъ съ облаками, а ночью собираютъ звѣзды среди млечнаго пути». Поэты говорятъ также о снѣгахъ, будто бы вѣнчающихъ верхи этихъ горъ; однако, въ этомъ тропическомъ климатѣ снѣгъ могъ бы держаться въ продолженіе цѣлаго года только на вершинахъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ 5.000 метровъ высоты; но подобный массивъ, поднимающійся на разстояніи менѣе 80 километровъ отъ берега, въ водахъ, гдѣ безпрестанно проходятъ корабли и пароходы, былъ бы, конечно, наиболѣе примѣтнымъ пунктомъ, главнымъ маякомъ для мореплавателей и представлялъ бы одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ для путешественниковъ. Вѣроятно, что эти горы покрываются снѣгомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, что все еще предполагаетъ высоту не меньшую 1.800 метровъ [1]). Съ этихъ высотъ спускаются горные потоки, расходящіеся въ разныя стороны къ окружности острова, которая образуетъ неправильный овалъ длиною около 800 километровъ.

Хай-нань есть одна изъ наименѣе извѣстныхъ китайскихъ земель; за исключеніемъ мѣстъ, ближайшихъ къ подходамъ пролива, видъ береговъ острова снятъ мореплавателями лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а начертаніе рѣкъ нанесено на карты единственно по указаніямъ туземцевъ и на основаніи старыхъ китайскихъ документовъ. Особенно важно было бы обслѣдовать рѣки западной области, чтобы узнать, дѣйствительно ли Нань-сянь-цзянъ, вытекающій изъ «Пятипалой» горы, дѣлится на двѣ судоходныя рѣки, Бэй-мынь-цзянъ и Гянь-цзянъ, или Да-цзянъ, образующія вмѣстѣ каналъ въ 300 километровъ длины и превращающія въ островъ обширную территорію равнинъ и холмовъ; говорятъ даже, будто отъ Нань-сянь-цзяна отдѣляется и третій рукавъ, впадающій прямо въ Тонкинское море. Эта трифуркація рѣки на судоходные рукава, на гористомъ островѣ, была бы единственнымъ извѣстнымъ до сихъ поръ явленіемъ этого рода на поверхности земнаго шара, и потому едва-ли можно признать ее за несомнѣнный фактъ на основаніи одного только свидѣтельства китайскихъ писателей. Англичанинъ Пьюрфой даетъ точныя свѣдѣнія о нижней части теченія Да-цзяна (Ли-ми), идущей на югъ отъ Цюнъ-чжоу-фу, главнаго города острова; въ этомъ мѣстѣ рѣка, по его словамъ, имѣетъ отъ 3 до 4 метровъ средней глубины и судоходна только для судовъ небольшаго водоизмѣщенія; но выше Динъ-аня барки уже не пользуются этой «Великой рѣкой», и все торговое движеніе производится по большой почтовой дорогѣ; если бы дѣйствительно существовалъ каналъ, то лодочники, такіе мастера проводить свои лодки даже по самымъ маленькимъ ручейкамъ, конечно, не преминули бы воспользоваться искусственнымъ воднымъ путемъ перевозки товаровъ [1]).

Островъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ и разнообразіемъ естественныхъ богатствъ: горы его заключаютъ мѣсторожденія золота, серебра, мѣди, желѣза и другихъ металловъ: въ долинахъ и равнинахъ, преимущественно на восточной покатости, бьютъ изъ земли горячіе минеральные ключи; на склонахъ горъ растутъ обширные лѣса, доставляющіе строевой лѣсъ, столь рѣдкій въ остальномъ Китаѣ. Въ этихъ возвышенныхъ областяхъ водятся еще дикія животныя: тамъ встрѣчаютъ, между прочимъ, носороговъ, тигровъ, обезьянъ особой породы, похожей на орангъ-утанга, оленей и козуль. Внизу, по скатамъ холмовъ и въ равнинахъ, тянутся лѣса кокосовыхъ деревьевъ, арекъ и пальмъ, приносящихъ орѣхи бетеля; живыя изгороди изъ ананасовъ раздѣляютъ поля и плантаціи, гдѣ воздѣлываютъ сахарный тростникъ, дынеплодникъ (папайя), райскую смоковницу (бананъ), манговое дерево, личи, индиго, хлопчатникъ, клещевину, табакъ, рисъ, сладкій картофель, кунжутъ, фисташки, фруктовыя деревья тропическаго пояса и многія растенія, цѣнимыя за душистый запахъ ихъ цвѣтовъ или за ихъ лекарственныя свойства. Какъ Сы-чуань и Юнь-нань, Хай-нань имѣетъ также насѣкомое coccus pela, производящее бѣлый воскъ. Окружающія моря очень богаты рыбой; кромѣ того, тамъ ловятъ жемчужныхъ раковинъ, а также черепахъ, щиты которыхъ высоко цѣнятся въ тор-

[1]) Наибольшая высота горъ Хай-нань, отмѣченная на картѣ Брейтшнейдера=5 870 футовъ.

[1]) Hirth, „Mittheilungen von Petermann," 1873, VII.

говлѣ [1]). Благодаря своему положенію на пути дождливыхъ юго-западныхъ муссоновъ, островъ получаетъ обильное орошеніе; горные хребты, будучи оріентированы въ томъ же направленіи, какъ и атмосферныя теченія, не образуютъ барьера между климатами сѣвера и юга; за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ контрастовъ между берегами противоположныхъ покатостей, тѣ и другіе имѣютъ одинаково высокую температуру, умѣряемую морскими бризами, и два времени года, сезонъ дождливаго юго-западнаго муссона и сезонъ сухаго сѣверо-восточнаго муссона, смѣняются тамъ въ правильномъ порядкѣ. Обильныя росы освѣжаютъ растенія въ періодъ засухъ, и поля всегда сохраняютъ свою яркую зелень. По свѣжести растительности ландшафты морскаго прибрежья, особенно на сѣверѣ и на западѣ, походятъ на пейзажи западной Европы, но характеръ флоры показываетъ, что мы находимся уже подъ небомъ Индіи. Хай-нань выставленъ дѣйствію циклоновъ, хотя въ меньшей степени, нежели Формоза; рѣдко случается, чтобы корабли разбивались на его берегахъ.

Китайскіе писатели говорятъ о населеніи Хай-наня, сравниваютъ этотъ островъ съ кругомъ, окруженнымъ двумя концентрическими кольцами. Въ серединѣ живутъ аборигены, по окраинамъ китайцы, а въ промежуточномъ поясѣ цивилизованные туземцы. Различныя племена, которыя удалились въ долины внутренней части острова, извѣстны подъ именемъ ли или лой и говорятъ языкомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію народа мяоцзы, живущаго на континентѣ. Дикіе ли, неимѣющіе еще постоянныхъ сношеній съ цивилизованными жителями побережья, носятъ у китайцевъ названіе сонъ-ли (шань-ли, чуанъ-ли), то-есть «варварскихъ ли»; между ними есть еще такіе, которые ходятъ почти голые и не имѣютъ другихъ жилищъ, кромѣ пещеръ или узенькихъ шалашей съ соломенной крышей; они дѣлятся на множество отдѣльныхъ колѣнъ, постоянно враждующихъ между собою и отличающихся одно отъ другого одеждой, вооруженіемъ и нравами. Такъ, наутоны носятъ волосы закрученные на лобъ; мяоты втыкаютъ себѣ по серединѣ шевелюры палочки бамбука на подобіе роговъ; бамъ-мяоты употребляютъ еще самострѣлъ [2]). Инородцы ли, селенія которыхъ посѣщаются торговцами, получили наименованіе шу-ли, то-есть «зрѣлыхъ ли», въ смыслѣ «прирученныхъ». Группы бѣглыхъ мяотовъ, пришедшихъ въ разныя времена изъ провинцій Гуанъ-си и западнаго Гуанъ-дуна, причисляются къ «зрѣлымъ» туземцамъ, на которыхъ они дѣйствительно походятъ нравами, такъ же какъ и языкомъ. Что касается китайскихъ завоевателей, то они теперь составляютъ господствующую расу на Хай-нанѣ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда они овладѣли этимъ островомъ, около 23.000 семействъ китайскихъ колонистовъ поселились въ разныхъ мѣстахъ прибрежья; въ 1835 году китайское населеніе Хай-наня не превышало 1.350.000 душъ; въ настоящее время цифру его опредѣляютъ приблизительно въ два съ половиной милліона (вѣроятное пространство и населеніе Хай-наня: 3.558 квадратныхъ миль и 2.300.000 душъ, такъ что на 1 квадратную милю приходится по 4.121 жителей). Населеніе острова было бы, вѣроятно, гораздо значительнѣе, если бы морскіе разбойники, еще недавно очень многочисленные въ этихъ водахъ, не дѣлали частыхъ набѣговъ на островъ и даже не поселялись тамъ на постоянное жительство, благодаря тому обстоятельству, что ни одна мѣстность Китая не представляетъ имъ болѣе благопріятныхъ условій для того, чтобы нападать неожиданно на проходящія суда и укрываться отъ преслѣдованія. Но колонисты, почти всѣ уроженцы провинцій Гуанъ-дуна и Фу-цзяни, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ мѣстныя нарѣчія, никогда не встрѣчали никакого сопротивленія, никакихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны боязливыхъ туземцевъ и безъ труда оттѣснили ихъ во внутренность острова; зачумленная атмосфера прудовъ и болотъ прибрежной области была главной причиной временныхъ пріостановокъ эмиграціоннаго движенія съ материка на островъ. Большое число гаваней, открывающихся на окружности острова, и правильное чередованіе муссоновъ, которые то гонятъ джонки къ открытому морю, то приводятъ ихъ къ пристани, представляютъ большія удобства мѣстной торговлѣ, и тысячи хайнаньцевъ плаваютъ по южнымъ морямъ къ Тонкину, Кохинхинѣ, Филиппинскимъ островамъ, Явѣ, Сингапуру или Сіаму; во всѣхъ частяхъ острова можно встрѣтить разбогатѣвшихъ эмигрантовъ, возвратившихся на родину провести остатокъ дней. Такъ же, какъ на сосѣднемъ континентѣ, китайское населеніе острова дѣлится на пунти и хакка, и борьба между этими наслѣдственными непріятелями весьма обыкновенна и въ настоящее время.

Цюнъ-чжоу-фу, главный въ административномъ отношеніи и въ то же время самый значительный городъ острова, находится, естественно, въ части Хай-наня, ближайшей къ материку, въ той, гдѣ высаживаются китайскіе переселенцы и коммерсанты, и гдѣ должны складываться произведенія острова, прежде чѣмъ быть отправленными въ Гонконгъ и въ Кантонъ. Окрестности Цюнъ-чжоу отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ и усѣяны деревнями, выглядывающими изъ густой зелени бамбуковъ. Городъ, окруженный стѣной въ 12 метровъ вы-

[1]) Guillemin, „Annales de la propagation de la Foi", janvier 1852.

[2]) Swinhoe, „Journal of the China branch of the Asiatic Society", 1871, 1872;—„Mittheilungen der geographischen Gesellschaft zu Wien", 1876.

соты, построенъ на разстояніи около десяти километровъ отъ моря, но онъ имѣетъ въ бухтѣ, открывающейся на южной сторонѣ пролива, приморскій портъ Хой-хоу, «Устье моря», которому иностранные негоціанты даютъ обыкновенно то же названіе Цюнъ-чжоу, какъ и столицѣ острова; почти все пространство, раздѣляющее эти два города, занято кладбищами. Уже тяньцзиньскій трактъ, въ 1858 году, предоставилъ европейцамъ право непосредственно производить торговлю съ Цюнъ-чжоу, но только въ 1876 году они успѣли восторжествовать надъ мѣстными сопротивленіями, и суда ихъ появились въ первый разъ передъ портомъ Хой-хоу. Торговое движеніе этого порта въ 1879 году было представлено 496 судами, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 212.724 тоннамъ; въ 1897 году цѣнность внѣшней торговли выразилась слѣдующими цифрами: привозъ—1.473.998 ланъ, вывозъ—1.826.241 ланъ, вмѣстѣ 3.300.239 ланъ. Въ заграничной торговлѣ Цюнъ-чжоу первенство по числу приходящихъ судовъ принадлежитъ германскому коммерческому флоту; однако, барыши по операціямъ этого обмѣна реализуются китайскими посредниками, коммерсантами Макао, Гонконга и Кантона. Главные предметы отпуска—сахаръ, кунжутъ, ткани изъ волоконъ крапивы Boehmeria nivea, кожи, выдѣлываемыя на кожевенныхъ заводахъ города Хой-хоу, и живыя животныя, свиньи, куры и голуби, для продовольствія Макао и Гонконга Такъ какъ гавань въ Хой-хоу недостаточно глубока, то суда принуждены бросать якорь въ открытомъ морѣ, не доходя болѣе 4 километровъ до города, подлѣ песчаной мели, которая защищаетъ ихъ отъ ударовъ волнъ. Тѣмъ не менѣе положеніе этого порта при Хайнаньскомъ проливѣ дѣлаетъ его необходимой пристанью для судовъ, отправляющихся изъ Китайскаго моря въ Тонкинскій заливъ, и исходнымъ пунктомъ для пассажировъ, ѣдущихъ на твердую землю; этимъ и объясняется безпрестанное движеніе судовъ между Хой-хоу и городомъ Хай-ань-со, стоящимъ на сѣверо-западѣ, на южномъ берегу полуострова Лэй-чжоу.

Кромѣ главнаго города, многіе другіе важные города разсѣяны въ разныхъ частяхъ острова. Динъ-ань, на рѣкѣ Да-цзянъ, къ югозападу отъ Цюнъ-чжоу, замѣчателенъ какъ самый большой рынокъ земледѣльческихъ продуктовъ во внутренней части Хай-наня; Линьгао и Дань-чжоу, на сѣверо-западномъ берегу, окружены плантаціями сахарнаго тростника; Яй-чжоу, на южной сторонѣ, ведетъ торговлю съ Филиппинскими островами, Зондскимъ архипелагомъ и Индо-Китаемъ; Вань-чжоу и Лэхой—главные города на восточномъ берегу, обращенномъ къ океану.

Города Хай-наня, приблизительное населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками и консулами, суть:

Цюнъ-чжоу, въ 1896 году—41.000 жителей; Лэ-хой, въ 1805 году (Пьюрфой)—80.000 жителей; Динь-ань, въ 1805 году (Пьюрфой)—60.000 жителей; Хой-хоу—10.000 жителей.

Экономическое и соціальное состояніе Китая.

Извѣстно изъ предъидущаго, что населеніе Китая, численность котораго уменьшилась въ періодъ войнъ и внутреннихъ революцій, начавшихся со второй половины текущаго столѣтія, теперь снова вступило въ періодъ сильнаго возрастанія. Въ Срединномъ царствѣ почти не бываетъ примѣра, чтобы гражданинъ оставался безбрачнымъ; тамъ мужчины женятся въ молодыхъ лѣтахъ, всѣ дѣвушки находятъ себѣ мужей, и среднее число дѣтей на семейство значительно выше, чѣмъ во всѣхъ странахъ Запада. «Есть три грѣха противъ сыновняго почтенія, говоритъ Менъ-цзы, и самый большой изъ нихъ—это не имѣть потомковъ». Безбрачіе если и не запрещено закономъ, но далеко не пользуется популярностью; мандарины могутъ употребить власть, чтобы насильно заставить вступить въ бракъ мужчинъ, достигшихъ тридцатилѣтняго, и дѣвицъ, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста. Періодъ удвоенія цифры народонаселенія не превышалъ бы двадцати лѣтъ, если бы гражданскія войны, избіенія людей массами и голода не уменьшали излишковъ каждаго поколѣнія. Миръ, опять возстановленный въ восемнадцати провинціяхъ Срединной имперіи, конечно, прибавилъ новые десятки милліоновъ жителей къ существующему уже населенію; но элементы, изъ которыхъ оно теперь состоитъ, уже не совсѣмъ тѣ же самые; переселенія внутри государства измѣнили прежнее равновѣсіе. Тогда какъ нѣкоторыя области, въ особенности провинціи по нижнему теченію Желтой и Голубой рѣкъ, Юнь-нань и Гань-су, частію опустѣли, обезлюдѣли, другія провинціи какъ-то: Сычуань, Фу-цзянь, Шань-си, не переставали возрастать по числу жителей, и эти-то страны, по окончаніи войнъ, выдѣляли колонистовъ, чтобы вновь воздѣлывать заброшенныя поля и отстраивать разоренные города и села опустошенныхъ территорій. Но сычуаньцы и фуцзяньцы именно самые трудолюбивые и предпріимчивые изъ китайцевъ для работъ земледѣлія и промышленности, а шаньсійцы обладаютъ спеціальными способностями для торговли. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сказать, что кровь китайскаго народа обновилась вслѣдствіе этого перемѣщенія жителей изъ однѣхъ провинцій въ другія. Нравы тоже

измѣняются, ибо переселенцы, естественно, освобождаются отъ законовъ, которые на нихъ налагалъ духъ родства или связи корпораціи въ родной странѣ; они вступаютъ въ новыя соціальныя группы, тѣмъ болѣе отличныя отъ ихъ прежнихъ ассоціацій, чѣмъ болѣе удаленъ край, въ которомъ они поселились, отъ мѣста ихъ рожденія.

О степени плотности населенія въ разныхъ частяхъ Срединнаго царства можно судить только гадательно и на основаніи данныхъ прежнихъ народныхъ переписей, дѣйствительное достоинство которыхъ еще не достаточно опредѣлено; но при настоящихъ свѣдѣніяхъ еще невозможно было бы пытаться узнать относительную пропорцію жителей въ городахъ и деревняхъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Китай не можетъ сравниться съ государствами Западной Европы, ни съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки и съ Австраліей по относительно численной важности городского населенія. Правда, что Срединная имперія имѣетъ очень большіе и многолюдные города, каковы Кантонъ, У-чанъ и Хань-коу, Чанъ-чжоу, Фу-чжоу, Ханъ-чжоу, Синъ-ань-фу, Чанъ-ду-фу, Тянь-цзинь, Пекинъ и т. д., но эти города должны быть причислены къ второстепеннымъ въ сравненіи съ Лондономъ и даже съ Парижемъ; относительно громадной территоріи, которая ихъ окружаетъ, они оказывали гораздо меньшую притягательную силу. Тогда какъ въ странахъ съ преобладающей мануфактурной промышленностью города имѣютъ перевѣсъ надъ деревнями по общему числу жителей, Китай, еще страна по преимуществу земледѣльческая, заключаетъ въ стѣнахъ своихъ городовъ часть жителей очень незначительную въ сравненіи съ массой сельскаго населенія. Политическая и экономическая централизація въ Срединной имперіи далеко не такъ сильна, какъ въ большей части европейскихъ государствъ, и недостатокъ быстрыхъ путей сообщенія не позволяетъ китайскимъ рынкамъ привлекать къ себѣ торговое движеніе, подобное, по размѣрамъ, торговому движенію многолюдныхъ городовъ Европы. Кромѣ того, нужно еще принять во вниманіе то обстоятельство, что китайцы гораздо болѣе, чѣмъ европейцы, зависятъ отъ туземнаго производства пищевыхъ продуктовъ, и потому уменьшеніе населенія деревень въ пользу городовъ имѣло бы слѣдствіемъ постоянный голодъ.

Разсматриваемый въ общихъ чертахъ и не принимая въ соображеніе контрастовъ, которые представляютъ различныя части имперіи въ формѣ и постройкѣ своихъ городовъ, китайскій городъ,—за типъ котораго можетъ быть взятъ древній Си-ань-фу, такъ успѣшно сопротивлявшійся магометанамъ во время послѣдняго возстанія,—не принадлежитъ къ тому же періоду эволюціи, какъ европейскіе города. Своей четыреугольной оградой изъ высокихъ зубчатыхъ стѣнъ онъ свидѣтельствуетъ еще о частыхъ междоусобныхъ войнахъ, а внутренній или дворцовый городъ, обнесенный второй каменной оградой, напоминаетъ о завоеваніи страны маньчжурами. При малѣйшей тревогѣ, запираютъ всѣ четверо или восемь городскихъ воротъ, и всѣ башни занимаются отрядами солдатъ; точно также татарскій кварталъ снабженъ всѣми средствами обороны и можетъ въ одно мгновеніе уединиться отъ города и приготовиться къ обратному завоеванію китайскаго квартала. Пространство, ограниченное второй оградой, заключаетъ въ себѣ ямынь, то-есть мѣстопребываніе администраціи, съ ея канцеляріями и судами: это самая тихая часть города, та, вокругъ которой разстилаются сады и парки. Гораздо значительнѣе движеніе на улицахъ китайскаго города; но всего охотнѣе торговый и промышленный людъ селится за городскими стѣнами, въ предмѣстьяхъ, куда можно входить во всякій часъ ночи, не заботясь о караулахъ, и гдѣ полицейскія и военныя правила мало стѣснительны и легко могутъ быть обходимы. Эти внѣшнія предмѣстья, продолжающіяся на цѣлыя версты по краямъ дорогъ и каналовъ, дѣлаются мало-по-малу настоящими городами: здѣсь мы видимъ явленіе аналогичное тому, которое происходило въ Европѣ, когда городскія населенія, спускаясь съ акрополей или кремлей, постепенно распространились по отлогостямъ, затѣмъ у основанія холмовъ, въ открытыхъ равнинахъ. Такимъ образомъ городская жизнь перемѣщается постепенно: отъ своей первоначальной военной формы, грубо ограниченной стѣнами и укрѣпленіями, китайскіе города переходятъ къ формѣ болѣе привольной, контуры которой сообразуются уже съ рельефомъ почвы и съ теченіемъ рѣкъ. Въ періодъ гражданскихъ войнъ и возстаній, которыя недавно пронеслись опустошительнымъ потокомъ по странѣ, большинство этихъ предмѣстій совершенно исчезли съ лица земли, но по окончаніи смутнаго времени населеніе опять устремилось въ непосредственныя окрестности городовъ и принялось вновь отстраивать разрушенныя жилища, и теперь многія предмѣстья сдѣлались уже болѣе важными центрами населенія, чѣмъ городъ, подлѣ котораго они построены. При томъ, китайскіе дома, простые срубы изъ легкаго хвороста и изъ бамбука, съ украшеніями изъ бумаги, легко могутъ быть возобновляемы. Монументальныхъ построекъ, въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ въ городахъ Европы, весьма немного встрѣтишь въ китайскихъ городахъ. Оттого и землетрясенія гораздо менѣе опасны въ Срединномъ царствѣ, нежели въ странахъ, гдѣ преобладаетъ архитектура западныхъ народовъ; но зато пожары, которые часто вспыхиваютъ среди всѣхъ этихъ легкихъ деревянныхъ строе-

ній, особенно здѣсь свирѣпствуютъ. По этой причинѣ лѣтомъ обыкновенно запираютъ южныя городскія ворота, дабы «не пропускать бога огня»; остатокъ древней солнечной религіи, смѣшанный съ другими суевѣріями, поддерживаетъ опасеніе, чтобы пожаръ не проникъ въ городскую ограду черезъ отверстіе, обращенное на югъ [1]).

Только дома богатыхъ людей, вообще говоря, отличаются большею опрятностью, и украшены разнообразными цвѣтами, которые превращаютъ помѣщенія въ настоящія оранжереи; но города по большей части имѣютъ невыразимо грязный видъ и составляютъ поразительный контрастъ съ полями, содержимыми въ образцовомъ порядкѣ. На улицахъ, загроможденныхъ разной дрянью и окаймленныхъ по сторонамъ водосточными канавами, всегда царствуетъ невыносимая вонь, и мѣръ къ удаленію сора и нечистотъ не принимается почти никакихъ; городское управленіе предоставляетъ времени и животнымъ уничтожать остатки, которые земледѣльцы не могутъ употреблять непосредственно на удобреніе своихъ полей. Оттого-то эпидеміи въ Китаѣ, особенно оспа, относительно гораздо болѣе часты и болѣе смертоносны, чѣмъ въ Европѣ, и эндимическія болѣзни, происходящія главнымъ образомъ отъ неопрятности, свирѣпствуютъ между китайцами; проказа, элефантіазисъ (бугорчатая, слоновая проказа)—страшные бичи, похищающіе много жертвъ въ области морскаго прибрежья, особенно на югѣ имперіи. Вѣроятно девять десятыхъ китайскаго населенія одержимы болѣзнями кожи [2]), происхожденіе которыхъ приписывается вреднымъ испареніямъ рисовыхъ плантацій, очень опаснымъ въ жаркую лѣтнюю пору; всего болѣе должны страдать отъ этого болотнаго пропитаннаго сыростью воздуха женщины, которымъ приходится топтаться по колѣна въ мокрой землѣ, чтобы очищать поле отъ сорныхъ травъ. Однако большинство гигіенистовъ согласно признаютъ у китайцевъ необыкновенную силу сопротивленія губительнымъ вліяніямъ климата; лучше, чѣмъ всякій другой народъ, они умѣютъ примѣняться къ крайнимъ перемѣнамъ температуры, влажности и высоты мѣста надъ уровнемъ моря [3]). Чрезвычайно замѣчателенъ въ китайской демографіи тотъ фактъ, что, распространяясь отъ одной до другой оконечности имперіи и скрещиваясь до безконечности, китайцы никогда не соединяются между лицами, принадлежащими къ семействамъ, носящимъ одинаковое фамильное имя. Брачные союзы между мужчинами и женщинами одной и той же фамиліи, хотя бы и не родственными между собою, безусловно воспрещены; такимъ образомъ вся нація оказывается раздѣленной на 150 различныхъ группъ, члены которыхъ могутъ соединяться между собой узами родства только косвенно, чрезъ женское потомство.

Уже много тысячъ лѣтъ китайцы обработываютъ свою плодородную землю, и никогда не случалось, кромѣ какъ во времена внутреннихъ смутъ и войнъ, чтобы земледѣльческая производительность страны уменьшалась; теперь болѣе значительная, чѣмъ въ предшествующія эпохи, она не только достаточна для прокормленія сотенъ милліоновъ людей, скученныхъ на пространствѣ Срединнаго царства, но еще даетъ излишекъ, составляющій предметъ довольно важной заграничной торговли. Китайскій земледѣлецъ не анализировалъ химически своихъ земель, сѣмянъ и удобреній, какъ европейскій агрономъ, онъ не обладаетъ усовершенствованными сельско-хозяйственными орудіями англійскихъ фермъ, но вѣковой опытъ предковъ научилъ его распознавать качества почвъ и потребности растеній; онъ знаетъ, что различныя культуры должны слѣдовать одна за другой въ извѣстномъ порядкѣ на одной и той же почвѣ; онъ благоразумно размѣриваетъ количество примѣшиваемыхъ къ землѣ удобреній или туковъ, мергеля, извести или фосфорно-кислыхъ солей, степной травы, сгнившей травы, золы, толченыхъ костей, маслянистыхъ остатковъ или выжимокъ, животныхъ или человѣческихъ удобреній, а несовершенство орудій восполняетъ ловкостью ручной работы; онъ разбиваетъ, размельчаетъ и уравниваетъ землю руками и даже ногами, пальцы которыхъ, благодаря этому упражненію, сдѣлались у него гораздо болѣе подвижными, чѣмъ наши [1]); онъ старательно вырываетъ всякую негодную траву; такимъ образомъ вся производительная сила почвы сберегается для будущаго урожая. Искусственная ирригація полей производится тысячью различныхъ способовъ, при помощи насосовъ всякаго рода, посредствомъ особенныхъ гидравлическихъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе людьми, животными или вѣтромъ; но чаще всего китаецъ поитъ свои растенія непосредственнымъ орошеніемъ, ручной поливкой, и такимъ образомъ его культура походитъ болѣе на садоводство или огородничество, нежели на экстенсивное полеводство европейцевъ, и употребляемые китайцемъ пріемы приближаются къ тѣмъ, которые употребляются западными садовниками и огородниками. Результатомъ подобной земледѣльческой культуры является то обстоятельство, что въ плодородныхъ равнинахъ, особенно на бо-

[1]) W. Gill, „The River of Golden Sand".
[2]) Wernich, „Geographische-medicinische Studien".
[3]) Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine", par Fr. Garnier.

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".

гатыхъ земляхъ окрестностей Шанхая, двадцать человѣкъ живутъ въ довольствѣ продуктами, получаемыми съ одного гектара. Прежде, чѣмъ Китай вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ иностранными государствами, онъ производилъ все, что было необходимо для его потребленія; онъ самъ удовлетворялъ всѣ свои потребности, и между сѣверными, центральными и южными провинціями существовало совершенное равновѣсіе, достигаемое путемъ внутренней торговли. Тогда казалось почти преступнымъ предполагать, что отечество можетъ нуждаться въ привозѣ какихъ-либо продуктовъ или товаровъ изъ-за границы, и гордость патріотизма примѣшивалась къ вліянію традиціи, чтобы поощрять правительство къ сопротивленію противъ европейскихъ армій, которыя хотѣли принудить его открыть свои порты торговлѣ внѣшняго міра. Впрочемъ, еще и до сихъ поръ Срединное царство содержитъ еще весьма обширныя пространства невоздѣланныхъ земель. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ началу настоящаго столѣтія, совокупность обрабатываемой территоріи въ собственномъ Китаѣ обнимала около 46 милліоновъ десятинъ, безъ лѣсовъ, пастбищъ и выгоновъ, безъ земель, принадлежащихъ императору, пагодамъ и общинамъ, и Шань-дунъ былъ единственной провинціей, гдѣ болѣе половины площади было покрыто пашнями [1]). Почти всѣ гористыя области еще лежатъ нетронутыми, и нѣкоторые путешественники были совершенно неправы, когда, увидавъ лѣсенки зелени, разводимыя на скатахъ горъ, господствующихъ надъ долиной фуцзянской рѣки Минь, или горъ нѣкоторыхъ мѣстностей Юнь-нани, Чжэ-цзяна и Ху-бэй, заключили изъ этого, что вся почва Китая взрыта заступомъ или плугомъ [2]).

Между европейскими учеными, въ особенности Либихъ указывалъ на счастливый контрастъ, который представляетъ китайское земледѣліе въ сравненіи съ земледѣліемъ многихъ другихъ странъ, гдѣ почва истощена. Было время, когда Палестина, столь безплодная въ наши дни, «текла млекомъ и медомъ». Центральная Италія тоже обѣднѣла въ отношеніи производительности почвы; въ эпоху основанія Рима окрестная мѣстность, Кампанья, была плодоносна и густо населена; но уже десять столѣтій спустя холмы стояли голые, лишенные растительности, низины покрылись лужами и болотами, словомъ, пустыня царствовала вокругъ стѣнъ вѣчнаго города. И сколько другихъ плодородныхъ земель были обращены въ безплодныя пустыни истощающей культурой, неумѣющей возвращать почвѣ элементовъ, отнятыхъ у нея посѣвами! Даже въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Бразиліи многія поля, дававшія еще недавно обильные урожаи, теперь не покоряются плугу. Да и самыя передовыя, наиболѣе цивилизованныя страны, Англія, Франція, Германія, развѣ не принуждены ввозить изъ-за границы каждый годъ значительную часть своего продовольствія, развѣ онѣ не должны покупать, въ формѣ гуано или другихъ удобрительныхъ веществъ элементы, которые возвратятъ истощенной почвѣ ея производительную силу? Пахатныя поля Китая, за исключеніемъ «желтыхъ лессовыхъ земель», не требующихъ удобренія, обязаны сохраненіемъ своего плодородія въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ единственно той благоговѣйной заботливости, съ которой хлѣбопашецъ возвращаетъ имъ въ другой формѣ все, что взялъ у нихъ; непрерывный «круговоротъ» снова приноситъ въ землю химическіе элементы, содержащіеся въ получаемыхъ съ нея урожаяхъ [1]).

Культура риса составляетъ важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства Срединой имперіи, ту отрасль, которая даетъ средства для прокормленія всѣхъ жителей средней и южной полосы государства: площадь рисовыхъ полей исчисляютъ по меньшей мѣрѣ въ одну восьмую всего пространства воздѣлываемыхъ земель [2]). Впрочемъ, китайцы обладаютъ различными разновидностями этого хлѣбнаго злака и знаютъ разные способы его культуры; у нихъ есть даже одинъ видъ горнаго риса, который они сѣютъ на крутизнахъ, расположенныхъ террасами, и которому достаточно воды, падающей въ видѣ атмосферныхъ осадковъ. На сѣверѣ отъ Хуанъ-хэ самые обыкновенные сорта хлѣбныхъ растеній—пшеница, просо, сорго; кромѣ того, каждая семья земледѣльцевъ, въ бассейнѣ Желтой рѣки, какъ и въ другихъ частяхъ имперіи, старательно содержитъ, подлѣ домика, огородъ, гдѣ можно встрѣтить, смотря по климатамъ, всѣ европейскіе овощи и другіе, неизвѣстные у насъ; нигдѣ рынки не снабжаются въ такомъ изобиліи плодами и овощами, ибо, при равенствѣ средней температуры, Китай производитъ большее количество растеній, чѣмъ Европа подъ соотвѣтственными изотермическими линіями; благодаря суммѣ лѣтней теплоты, хлопчатникъ, сахарный сорго, фисташки, сладкій картофель, лотосъ растутъ и приносятъ плодъ въ умѣренныхъ областяхъ крайняго Востока, тогда какъ попытки ввести эти растенія въ Европу въ большинствѣ не имѣли ус-

[1]) Захаровъ, „Arbeiten der russischen Gesandschaft zu Peking".

[2]) R. Fortune, „Wanderings in China";—Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie";—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japanesen".

[2]) Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie";—Plaht, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japanesen".

пѣха [1]). Но для того, чтобы подвергнуть такимъ образомъ почву обработкѣ, доведенной до степени садоводства, нужно было пожертвовать лѣсами. Въ «Цвѣткѣ середины», тамъ, гдѣ населеніе скучено массами, дикое дерево занимаетъ слишкомъ много мѣста, и потому его замѣнили культурнымъ растеніемъ; для фабрикаціи гробовъ китайцы уже принуждены ввозить лѣсъ изъ-за границы. Прамурья, Приморской области даже изъ Сѣверной Америки. Высохшая трава, солома, корни, разные растительные остатки и обломки составляютъ единственное топливо; да и это топливо расходуется крайне экономно; нѣсколькихъ пучковъ прутиковъ достаточно для приготовленія пищи [2]). Во время зимнихъ холодовъ не топятъ печей для нагрѣванія дома; прибавляютъ только къ обычной одеждѣ мѣховые штаны, да шубу или два, три балахона. Крупная растительность представлена въ сельскихъ мѣстностяхъ восточнаго Китая, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Голубой рѣки, только бамбуковыми рощами, фруктовыми садами, рядами деревьевъ вдоль полей, и тамъ и сямъ группами зелени вокругъ пагодъ и особенно вокругъ могилъ. Такимъ-то образомъ города и деревни окружаются обширными пространствами земель, отнятыхъ у земледѣльческой промышленности. Окрестности населенныхъ мѣстъ, поля и равнины покрылись бы надгробными памятниками, если бы по древнему обычаю, имѣющему силу закона, плугъ не былъ безпощадно проводимъ по всѣмъ кладбищамъ при воцареніи каждой новой династіи; только маньчжурскіе государи, желая пріобрѣсти популярность, позволили щадить могилы и осѣняющія ихъ деревья; такимъ-то образомъ самородная растительность и дикая фауна могли сохраниться въ рощицахъ священныхъ деревьевъ.

Луговъ въ Китаѣ тоже очень мало, какъ и лѣсовъ. Земля слишкомъ цѣнна, чтобы ее можно было утилизировать косвеннымъ образомъ для продовольствія человѣка посредствомъ разведенія бойнаго скота, ибо то же самое пространство почвы, которое прокармливаетъ милліонъ быковъ, дало бы количество хлѣбовъ и овощей, достаточное для прокормленія двѣнадцати милліоновъ людей. Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени народъ «Ста семействъ» съумѣлъ сдѣлать себѣ помощниковъ изъ быка и лошади и присоединить ихъ работу къ своему собственному труду. По преданію, миѳическій императоръ Фу-си, жившій, говорятъ, болѣе, чѣмъ пятьдесятъ три столѣтія тому назадъ, первый приручилъ «шесть животныхъ», сдѣлавшихся домашними по преимуществу,—лошадь, быка, свинью, собаку, барана и курицу. Кажется, однако, что лошадь и собака долгое время были представлены лишь небольшимъ числомъ недѣлимыхъ, и при томъ первая изъ нихъ быстро вырождается въ южныхъ провинціяхъ. По своимъ отношеніямъ къ животному міру, китайцы существенно отличаются отъ монголовъ, кочующихъ звѣролововъ и пастуховъ овецъ: у нихъ нѣтъ стадъ, которыя нужно бы было стеречь, имъ не приходится бродить по обширнымъ пространствамъ, и, слѣдовательно, ни собака, ни лошадь для нихъ не необходимы, а чтобы воздѣлывать землю, они нуждаются только въ собственныхъ рукахъ. Большія домашнія животныя, быки, буйволы, лошади употребляются только для перевозки тяжестей и ѣзды; они всегда пользуются самымъ тщательнымъ уходомъ: чтобы предохранить отъ холода, ихъ окутываютъ попонами, а на худыхъ дорогахъ имъ надѣваютъ на ноги обувь изъ соломы. Предписанія буддизма и природная привязанность крестьянина къ своему помощнику въ работѣ не позволяютъ ему ѣсть мясо домашнихъ животныхъ иначе, какъ съ отвращеніемъ [3]); даже уголовный кодексъ опредѣляетъ строгое наказаніе противъ тѣхъ, кто убиваетъ одно изъ своихъ животныхъ, безъ особеннаго разрѣшенія [4]). Но оставляя въ сторонѣ секты вегетаріанцевъ (употребляющихъ исключительно растительную пищу), довольно многочисленныя въ странѣ, и которыя воздерживаются также отъ употребленія вина и «растительныхъ мясъ», каковы лукъ и чеснокъ [5]), китайцы прибавляютъ немного мяса къ своей пищѣ: они ѣдятъ въ особенности мясо свиней, которыя разведены у нихъ въ большомъ числѣ разновидностей, и содержаніе которыхъ обходится имъ очень дешево; на прудахъ и рѣкахъ встрѣчаешь домашнихъ утокъ огромными стадами въ три или четыре тысячи штукъ, за которыми присматриваютъ либо малые ребята, сидящіе на лодкахъ, либо даже пѣтухи, которые наблюдаютъ за стадомъ съ берега и своими криками да шумными помахиваньями крыльевъ не позволяютъ ему разбродиться [6]). Утка составляетъ предметъ значительной торговли; убитую птицу высушиваютъ между двумя досечками, какъ цвѣтокъ въ гербаріи, и въ этомъ видѣ посылаютъ ее до самыхъ отдаленныхъ провинцій; такимъ же точно способомъ приготовляютъ, въ южныхъ провинціяхъ и особенно въ Ху-нани [7]), собакъ особой породы, и даже крысъ и мышей; кузнечики, саранча, шелковичные черви, змѣи [8]) входятъ въ число продуктовъ, составляющихъ пищу бѣдняка, а плавники акулъ, морскія ку-

1) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".
2) Eugène Simon;—Fortune;—Hedde;—Syrski;—Plath.
1) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine".
2) John Francis Davis, „The Chinese".
3) J. Doolittle, „Social Life of the Chinese".
4) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".
5) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".
6) Purefoy;—Carl Ritter, „Asien"; —A. Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie".

бышки (трепанги) и ласточкины гнѣзда подаются къ столу богача-гастронома.

Китайцы чрезвычайно искусны и изобрѣтательны въ дѣлѣ возможно бо̀льшаго умноженія количества животной пищи, которое природа предоставила въ ихъ распоряженіе. Они знаютъ средства увеличивать плодовитость домашней птицы, и вслѣдствіе того, производство яицъ въ Китаѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ; они умѣютъ помѣшать куричѣ сѣсть на яйца, заставляя ее принимать ванны [1]), и задолго ранѣе западныхъ народовъ употребляли способы искусственнаго вывода цыплятъ, чтобы устранить случайности неудачнаго высиживанія ихъ самой насѣдкой. Они защищаютъ голубей противъ хищныхъ птицъ, прилаживая имъ между крыльями свистки изъ бамбуковой коры, тонкой какъ бумага; разсказываютъ даже, что они обладаютъ искусствомъ дрессировать пернатыхъ такъ, чтобы они отмѣчали часы пѣніемъ, повторяющимся столько разъ, сколько ударовъ сдѣлаетъ колоколъ [2]). Рыбаки тоже проявляютъ изумительное искусство по части ловли рыбы, которую ловятъ на днѣ воды, безъ сѣтей и безъ снарядовъ, и достигли высокой степени совершенства въ разведеніи прѣсноводныхъ и морскихъ видовъ [3]). На берегахъ провинціи Фу-цзянь они собираютъ маленькія раковинки и, въ буквальномъ смыслѣ, «сѣютъ» ихъ въ прибрежныхъ тѣнистыхъ лагунахъ, гдѣ эти моллюски быстро растутъ и дѣлаются болѣе вкусными. Одинъ видъ алозы или бѣшеной рыбы, называемой самли, разводится почти исключительно искусственными способами; ее отправляютъ далеко во всѣхъ состояніяхъ роста, въ большихъ сосудахъ изъ грубаго фаянса. Есть рыбы, которыя мечутъ икру до двухъ разъ въ мѣсяцъ, и которыхъ разводятъ не только въ живорыбныхъ садкахъ, но еще на рисовыхъ поляхъ, и даже, если эти поля слишкомъ скоро обсыхаютъ, въ лужахъ, образовавшихся отъ сильныхъ дождей [4]).

Въ совокупности отечественнаго производства культура чайнаго деревца играетъ очень важную роль, такъ какъ она доставляетъ самый значительный матеріалъ для внѣшней торговли. Количество чая, потребляемое внутри страны, должно немного превосходить то, которое употребляется въ остальномъ мірѣ, но вычислить это количество пока еще невозможно даже приблизительно. Впрочемъ, употребленіе настоящаго чая, хотя практикуемое уже двѣнадцать или пятнадцать столѣтій, не сдѣлалось еще общераспространеннымъ въ Китаѣ. Въ сѣверныхъ провинціяхъ только богатые люди позволяютъ себѣ роскошь пить чай изъ области Голубой рѣки, бѣдный же людъ и даже люди средняго достатка довольствуются раз суррогатами, куда чай входитъ лишь въ не чительной долѣ; кромѣ того, они пьютъ д отвары или настои, или даже просто гор воду. Въ провинціяхъ, производящихъ ар тическій листъ, недостаточные жители принуждены замѣнять чай листьями, кот они собираютъ въ рощахъ, преимуществ листья ивы [1]). Собранные весной, эти л раскладываются на солнцѣ, на ровныхъ пло кахъ, гдѣ они подвергаются легкому броже послѣ чего ихъ обрабатываютъ точно так какъ чай, и они принимаютъ вкусъ чай листьевъ; одни только знатоки могутъ отли этотъ суррогатъ отъ настоящаго чая. Въ н торыхъ округахъ эта промышленность п чила нѣкоторую коммерческую важность в ствіе фальсификаціи, которую позволяютъ ханькоускіе, шанхайскіе и амойскіе негоціа дѣлая обманныя подмѣси въ чаяхъ, предна ченныхъ для европейскаго потребленія.

Между семьюдесятью различными отрас или производствами собственно земледѣлія торыя перечисляютъ путешественники-н дователи, культура сахарнаго тростни хлопчатника, тутоваго, восковаго, сал и лаковаго деревьевъ, культура конопли, пивы бомеріи, и, еще въ гораздо бол мѣрѣ, культура бамбука имѣютъ первосте ную экономическую важность. Апельсинн померанцевыя деревья, которыя Китай д далъ остальному міру, такъ же, какъ персик дерево и шелковицу,—самыя производител изъ фруктовыхъ деревьевъ въ южныхъ о стяхъ Срединнаго царства. Опіумъ, несмотр то, что культура его оффиціально воспре воздѣлывается почти во всѣхъ провинц имперіи, преимущественно въ Ху-бэй, Сы ани, Юнь нани, Чжи-ли, Маньчжуріи, д снадобье, которое, хотя цѣнится ниже ш скаго опіума, но вытѣсняетъ послѣдній и ставляетъ собою значительную часть эк дѣльческаго производства. Область Янъ-цзяна, куда хлопчатникъ первоначально в везенъ былъ съ Зондскихъ острововъ и Туркестана, сдѣлалась было, во время сѣв американской международной войны, о изъ странъ-производительницъ драгоцѣн волокна, и поля провинціи Чжэ-цзянъ по лись хлопчатобумажными плантаціями, ущербъ другимъ культурнымъ растеніямъ торыя, впрочемъ, съ тѣхъ поръ опять завое почву.

Плодоперемѣнное хозяйство съ его сѣво ротами урегулировано такимъ образомъ, ч удовлетворять потребностямъ громаднаго н донаселенія, и невозможно было бы, не под гая страну серьезной опасности, предпр мать существенное измѣненіе этого поряд

[1]) „Lettres édifiantes“;—Plath;—Simon;—Huc, etc.
[2]) Milne, „La vie réelle en Chine“.
[3]) Fortune, „China“.
[4]) Richthofen;—Fortune.

[1]) Fortune;—Richthofen.

ненія и всего способа культуры, освященнаго
болѣе чѣмъ двадцати-вѣковымъ опытомъ [1]).
Какъ, въ самомъ дѣлѣ, трогать это удивитель-
но стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части такъ
няются, на всемъ пространствѣ огромнаго Сре-
диннаго царства, отъ передовыхъ плоскогорій
Тибета до береговъ Тихаго океана? Какъ пре-
образовать въ особенности эту обширную систе-

Гора Фузи-Яма въ Японіи.

хорошо согласуются одна съ другой, такъ гар-
монически переплетаются и взаимно допол-
му искусственнаго орошенія, сѣть которой обни-
маетъ горы, холмы и равнины, распространяя
оплодотворяющую воду на всѣ уровни располо-
женныхъ ярусами полей? Единственная значи-
тельная перемѣна, которая можетъ сдѣлаться

[1]) Eugène Simon, „Bulletin de la Société de Géogra-
phie de Paris“, dec. 1871.

и дѣйствительно дѣлается, къ выгодѣ китайскаго земледѣлія,—это увеличеніе удобной къ обработкѣ территоріи: такъ, въ теченіе нынѣшняго столѣтія культура была постепенно распространяема по отлогостямъ горъ и по залежамъ и новинамъ, благодаря введенію картофеля и кукурузы [1]). Точно также крестьяне во всѣ времена дѣлали захваты земли на болотахъ и на озерахъ посредствомъ разведенія аллоказіи и дотоса, которыхъ корни и сѣмена употребляются въ пищу, какъ лакомые плоды, а листья примѣшиваются къ курительному табаку, чтобы смягчить его крѣпость [2]).

Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется земледѣліе въ народѣ «Ста семействъ». Между общественными классами сословіе земледѣльцевъ возводится на первое мѣсто, потому что оно даетъ хлѣбъ всѣмъ, и безъ него никто не могъ бы возвыситься до пониманія правилъ морали и обрядности религіи. Самъ императоръ считается первымъ хлѣбопашцемъ «Великой и Чистой имперіи», и извѣстно, что еще недавно исполнялось древнее правило, въ силу котораго глава государства долженъ былъ, въ концѣ марта мѣсяца, провести плугомъ три борозды, одѣтый по-крестьянски. Принцы крови, высшіе сановники имперіи, старики, созванные на эту церемонію, затѣмъ настоящіе пахари продолжали работу, начатую богдоханомъ, и зерно, собранное съ императорской полосы, представлялось въ слѣдующемъ году въ даръ богу Неба, какъ приношеніе всего народа [3]). Но если императоръ священнодѣйствуетъ отъ имени всѣхъ земледѣльцевъ Срединнаго царства, то онъ, однако, есть лишь виртуальный собственникъ земли, дѣйствительнымъ владѣльцемъ обрабатываемаго поля является крестьянинъ, который пользуется имъ и передаетъ его своимъ наслѣдникамъ на правахъ полной собственности.

Несмотря на приписываемую китайской націи неподвижность, нѣтъ народа, у котораго бы система землевладѣнія подвергалась болѣе частымъ и болѣе радикальнымъ перемѣнамъ; земледѣліе играетъ слишкомъ важную роль, чтобы перевороты не были направлены спеціально на форму владѣнія полями. Въ первыя времена китайской исторіи земля составляла общую собственность «Ста семей»; всѣ мужчины отъ двадцати до шестидесятилѣтняго возраста, которые могли содѣйствовать своей физической силой содержанію и защитѣ отечества, имѣли тѣмъ самымъ право на долю удобной для паханія почвы. Однако, частная земельная собственность возникла и утвердилась мало-по-малу въ пользу императора и вельможъ, и, начиная съ двѣнадцатаго лѣтія старой эры, земля дѣлилась на уд… лены, какъ должна была раздѣляться впо… ствіи почва Западной Европы. Каждый собный къ труду человѣкъ, хотя завед… отъ какого-нибудь леннаго владѣтеля, с… нялъ свое право на обработку части ле… даже нѣкоторыя угодья помѣстья, лѣса, па… выгоны, пустоши или невоздѣланныя … оставались нераздѣльными для каждой гр… изъ восьми семействъ. Китайская сел… община была организована почти так… какъ въ наши дни организованъ міръ въ … корусскихъ губерніяхъ. При раздѣлахъ … принимали въ разсчетъ мѣстоположеніе … чество полей: кто получалъ лучшій учас… наивыгоднѣе расположенный или ближ… къ городамъ, тотъ долженъ былъ довол… ваться меньшимъ пространствомъ. Торг… и промышленникъ тоже получали част… размѣровъ, относительно, небольшихъ, того, чтобы они во всякое время имѣли … можность вернуться къ земледѣльче… труду, въ случаѣ неуспѣха въ избранно… профессіи. При этомъ никто не имѣлъ … продать, отдать въ наемъ или заложить … долю земли: такова система, которой дал… званіе «общиннаго землевладѣнія». … торые остатки ея встрѣчаются еще и т… не только въ самомъ Китаѣ, но такж… странахъ китайской цивилизаціи, между … чимъ въ Кореѣ [1]).

Китайскій «міръ» держался въ продол… болѣе, чѣмъ двадцати поколѣній, при то… ствѣ феодальнаго порядка; но около поло… четвертаго столѣтія до Рождества Хр… новая перемѣна, которую давно уже пр… вщали различныя явленія, совершилась и … чила силу закона. Такъ какъ распред… населенія сдѣлалось съ теченіемъ вр… очень неравномѣрнымъ, то различныя гр… изъ восьми семействъ оказывались весьм… справедливо надѣленными землей; въ то в… какъ одни не могли болѣе существова… своихъ маленькихъ имѣніяхъ, другіе, н… тивъ, владѣли обширными землями, окр… ными, сверхъ того, пустопорожними, не… щими опредѣленныхъ границъ, прос… ствами, которыя они тоже могли утилизир… Такъ какъ старое соціальное равновѣс… представляло болѣе устойчивости, то «и… ченность нравовъ» измѣнила его; было … лено каждому земледѣльцу селиться на гр… щей, незанятой землѣ вездѣ, гдѣ ему … бится, и проводить тамъ межи своего влад… не заботясь объ общинныхъ границахъ. … скій міръ окончательно распался въ одно в… съ исчезновеніемъ феодальнаго порядка, и … дый изъ крестьянъ прежней общины сдѣ…

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois", — Williamson, „Journeys in North China, Machuria and Eastern Mongolia".

[2]) Hunc, „L'Empire Chinois".

[3]) Plath, „Geschichte des östlichen Asiens".

[1]) Захаровъ, „Труды Императорской русской ми… Пекинѣ".

венникомъ, съ правомъ продажи и пере-
своего имѣнія въ видѣ дара или по на-
тву; на мѣсто коллективнаго землевла-
установилась частная собственность.
бразованіе, которое нѣкоторые эконо-
ы предсказываютъ Россіи въ близкомъ
цемъ, совершалось, слѣдовательно, уже
комъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ
инной имперіи. Но послѣдствія этого
женія общинной группы не заставили
долго ждать: всѣ тѣ, кого обогащали
овля, промышленность, милость государя
какія-нибудь другія благопріятныя об-
ельства, дѣлались пріобрѣтателями земли,
щербъ хлѣбопашцамъ, возникла крупная
ьная собственность, и мало-по-малу обез-
енные крестьяне, не имѣя болѣе даже
о кусочка земли, гдѣ бы можно было
нуть иголку», кончили тѣмъ, что сдѣла-
по большей части невольниками или
остными богатыхъ землевладѣльцевъ; са-
счастливые изъ нихъ были тѣ, которые
олжали воздѣлывать, въ качествѣ аренда-
въ, поля своихъ предковъ. Начались
ые бунты и возстанія, нищета сдѣлалась
мъ явленіемъ, само государство обѣд-
, и поступленіе податей и налоговъ до-
лось съ большимъ трудомъ. Непрерывная
ба завязалась между сторонниками новаго
дка вещей и приверженцами общиннаго
евладѣнія. Въ теченіе слишкомъ тысячи
политическая исторія имперіи сливается
сторіей землевладѣнія; смотря по альтер-
вамъ мѣстныхъ революцій и превратно-
ъ династій, которыя то хотѣли нравиться
ду, то опираться на знать. права земле-
ца и привилегіи помѣщичьей собственности
ередко брали верхъ, и часто устраива-
соглашенія и сдѣлки между находивши-
въ борьбѣ партіями. Такъ, въ девятомъ
христіанской эры министръ Ванъ-манъ,
дѣвшій престоломъ, провозгласилъ, что
гого времени земля будетъ императорскою
гвенностью: «ни одинъ подданный не мо-
удерживать за собой болѣе одного цина
коло 5 съ половиной десятинъ, и не мо-
имѣть болѣе, чѣмъ весемь невольни-
мужскаго пола. Продажа земли вос-
щается, дабы каждый могъ сохранить
что ему даетъ хлѣбъ. Всѣ излишки зе-
ной собственности, которые окажутся во
ѣніи отдѣльныхъ лицъ, возвращаются казнѣ
ѣютъ быть розданы общинамъ соразмѣрно
нуждамъ. Всякій сомнѣвающійся въ му-
ги этихъ мѣръ будетъ изгнанъ изъ предѣ-
государства; всякій противящійся имъ
гъ казненъ смертію». Новый законъ дѣй-
гельно приведенъ былъ въ исполненіе, но
олько лѣтъ спустя вельможи опять завла-
своими помѣстьями. Еще разъ попытка
гановленія стараго общиннаго землевла-
дѣнія потерпѣла неудачу. «Сами Юй и Шунь,
говорилъ одинъ современный философъ, не
успѣли бы возстановить этотъ порядокъ зе-
мельной собственности. Все на свѣтѣ мѣ-
няется, рѣки перемѣщаютъ свое теченіе, и что
уничтожено временемъ, то исчезаетъ на-
всегда».

Послѣ различныхъ перипетій, которыя по-
влекли за собой внутреннія революціи и пере-
мѣны династіи, китайскіе соціалисты, оставивъ
идею общиннаго землевладѣнія въ томъ видѣ,
какъ оно существовало встарину, попытались
ввести новую систему. Никогда въ исторіи
человѣчества подобный переворотъ не былъ
предпринимаемъ правителями для преобразо-
ванія всего общества. Вангачже, сдѣлавшійся,
въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія, другомъ
и совѣтникомъ императора Чжань-цзуна, смѣло
принялся за разрушеніе стараго соціальнаго
строя; въ 1069 году, по его иниціативѣ, изданъ
былъ указъ, отмѣнявшій всякую личную соб-
ственость; государство становилось единствен-
нымъ владѣльцемъ и принимало на себя заботу о
равномѣрномъ распредѣленіи продуктовъ почвы
между работниками; богатство и бѣдность оди-
наково упразднялись, такъ какъ трудъ и про-
питаніе обезпечивались всѣмъ и каждому, и
такъ какъ никто не могъ овладѣвать ни ма-
лѣйшимъ клочкомъ земли; всѣ промыслы были
поставлены подъ управленіе государства, и
капиталисты должны были, въ пятилѣтній
срокъ, передать свои капиталы правительству.
Несмотря на противодѣйствіе мандариновъ
и прежнихъ ленныхъ владѣльцевъ или помѣ-
щиковъ, Вангачже удалось мирно поддерживать
этотъ государственный коммунизмъ въ продол-
женіе пятнадцати лѣтъ; но достаточно было
перемѣны царствованія, чтобы ниспровергнуть
новый порядокъ, который не соотвѣтствовалъ
ни желаніямъ народа, ни желаніямъ знати, и
который къ тому же создалъ цѣлый классъ
инквизиторовъ, сдѣлавшихся истинными вла-
дѣльцами земли.

Подъ владычествомъ монголовъ, земельная
собственность сразу перешла въ другія руки,
чтобы образовать новую феодальную систему,
опиравшуюся на право завоеванія. Сановники
имперіи завладѣли большими ленами, обнима-
вшими тысячи и сотни тысячъ десятинъ; по-
слѣдній солдатъ получилъ на свою долю от-
дѣльное имѣніе. Въ то же время монголы,
желая расширить пастбища для своихъ лоша-
дей, преслѣдовали странный идеалъ—замѣ-
нить пашни лугами или травяными степями и
оттѣснить китайцевъ къ югу. Послѣдовало
формальное запрещеніе производить какія бы
то ни было запашки въ Пекинской равнинѣ,
и только въ концѣ царствованія династіи Юань
хлѣбопашцы добились разрѣшенія дѣлать кое-
какіе посѣвы осенью [1]). Извѣстно, что усилія

[1]) Захаровъ, цитированн. мемуаръ.

монгольскихъ государей въ этомъ направленіи не имѣли успѣха; вмѣсто того, чтобы оттѣснить китайцевъ за Желтую рѣку, они, напротивъ, принуждены были удалиться со своими ордами, стадами и табунами на сѣверъ отъ Великой стѣны. Толпа земледѣльцевъ водворяется на ихъ земляхъ, населеніями все болѣе и болѣе плотными, тогда какъ промышленники и купцы лишаютъ ихъ всѣхъ сбереженій, гордясь присвоеннымъ имъ, совершенно справедливымъ, прозвищемъ «татароѣдовъ».

Вообще же по праву владѣнія китайскія земли дѣлятся: на земли частныя или минъ-тянь, земли школьныя—ся-тянь и войсковыя или тунъ-пянъ. Послѣднія расположены въ застѣнномъ Китаѣ и особенно въ Маньчжуріи и Гань-су-синь-цзянь.

Всѣ этого рода земли оплачиваются особымъ налогомъ въ пользу государства, но кромѣ ихъ есть еще земельная собственность, принадлежащая монастырямъ, доходы съ нея идутъ исключительно на дѣла благотворительности* [1]).

Въ настоящее время въ Китаѣ преобладаетъ система мелкой земельной собственности; но часто случается, что земля остается подъ управленіемъ старшихъ братьевъ, въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ членовъ семьи или даже цѣлой деревни; слѣды прежняго общиннаго землевладѣнія встрѣчаются еще во всѣхъ частяхъ имперіи. Такъ какъ большіе капиталы направляются преимущественно къ промышленности и торговлѣ, то земля въ нѣкоторыхъ провинціяхъ остается почти всецѣло въ рукахъ тѣхъ, кто ее обработываетъ; однако, существуетъ еще много обширныхъ имѣній, почва которыхъ эксплоатируется либо арендаторами, либо исполовниками, которые дѣлятъ лѣтній урожай съ землевладѣльцемъ и сохраняютъ за собой всю зимнюю жатву; они доставляютъ скотъ, удобреніе и земледѣльческія орудія, тогда какъ помѣщикъ платитъ поземельный налогъ, который, впрочемъ, относительно очень не великъ. Въ плодородныхъ провинціяхъ морскаго прибережья, гдѣ почва наиболѣе раздѣлена, собственность въ 6 гектаровъ считается уже большимъ имѣніемъ, а средняя величина земельныхъ эксплоатацій, вѣроятно, не превышаетъ одного гектара [2]). Глава семейства можетъ продать или заложить свое имѣніе, но не иначе, какъ предлагая его сначала членамъ своего семейства и своимъ близкимъ родственникамъ по порядку ихъ родства [3]); по духовному завѣщанію или при передачѣ въ даръ своимъ семейнымъ онъ долженъ раздѣлить его на части почти равныя между всѣми своими сыновьями. Законъ обязываетъ его держать свои нивы или плантаціи въ хорошемъ состояніи; запущенная земля, оставававшаяся три года сряду въ видѣ залога, конфискуется и уступается новому владѣльцу, всякому, кто пожелаетъ занять ее. Даже глава общины несетъ отвѣтственность за хорошее или дурное содержаніе полей; если земли худо обработываются, то уголовный кодексъ можетъ приговорить его къ наказанію отъ двадцати до ста ударовъ бамбукомъ по пятамъ; по китайскимъ понятіямъ, не заботиться о томъ, чтобы почва давала, или что она можетъ дать, значитъ совершить преступленіе противъ націи. Право поселенія на невоздѣланной землѣ принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія; достаточно, чтобы переселенецъ заявилъ о своемъ прибытіи мѣстнымъ властямъ, съ просьбой объ освобожденіи его отъ платежа податей, и эта льгота дается ему на извѣстный періодъ времени. Наконецъ правительство и само основываетъ поселенія, военныя или ссыльныя, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ и дорогъ, особенно въ провинціи Гань-су, въ Чжунгаріи и въ Маньчжуріи. Коронныя или удѣльныя земли, площадь которыхъ сравнительно не велика, всѣ находятся внѣ Китая въ собственномъ смыслѣ, именно въ Монголіи, близъ Великой стѣны и въ Маньчжуріи, странѣ, откуда происходитъ нынѣ царствующая династія. Плантаціи, окружающія храмы, поля, доходы съ которыхъ употребляются на содержаніе школъ, земли, пожертвованныя или завѣщанныя въ пользу больницъ, пріютовъ и другихъ богоугодныхъ или общественныхъ заведеній, наконецъ, часть болотъ, а также намывныхъ земель, морскихъ и рѣчныхъ, управляются общиной. Казенныя земли въ 1831 году были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Удѣлы императорской фамиліи — 302.850 гектар.; земли восьми хошуновъ (знаменъ)— 860.800 гектар.; земли храмовъ, школъ и пріютовъ—130.980 гектар.; болота и морскія намывныя земли — 626.750 гектар.; всего — 1.921.380 гектар.

Мануфактурная промышленность Срединнаго царства по древности превосходитъ на много столѣтій ту же промышленность Запада, и даже нѣкоторые изъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ въ Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, были уже давно извѣстны китайцамъ. Марко Поло и первые европейскіе изслѣдователи крайняго Востока говорятъ съ удивленіемъ о тканяхъ, металлическихъ издѣліяхъ и другихъ произведеніяхъ промышленности «маэзовъ»; но первые достовѣрные документы, относящіеся къ мануфактурамъ Китая, достигли Европу только въ концѣ семнадцатаго столѣтія, благодаря посольству восточной компаніи голландскихъ провинцій. Миссіонеры познакомили Европу со многими изъ употребляемыхъ китайцами способовъ фабрикаціи, а въ

[1]) Коростовецъ, „Китайцы и ихъ цивилизація", 336 стр.
[2]) Syrski, „Landwirthschaft von China".
[3]) Gray; —Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben".

текущемъ столѣтіи Станиславъ Жюльенъ и другіе синологи дополнили этотъ трудъ переводомъ многочисленныхъ китайскихъ сочиненій. Быстрая понятливость и смышленость, ловкость рукъ, свойственныя китайскому рабочему, не составляютъ только привилегій расы, онѣ происходятъ также отъ того, что крупная промышленность, съ ея раздѣленіемъ труда до крайней степени, еще не овладѣла мануфактурнымъ населеніемъ. Каждый предметъ искусства есть произведеніе одного художника, который самъ начертываетъ, формуетъ и разрисовываетъ его; то же самое нужно сказать о мебели и матеріяхъ, которыя всегда являются продуктомъ индивидуальнаго труда. Во многихъ провинціяхъ крестьяне въ то же время и ремесленники; они сами ткутъ, прядутъ хлопокъ и выдѣлываютъ холстъ [1]). Особенно по части корзиночнаго производства они достигли замѣчательнаго совершенства; плетенье ихъ корзинъ до такой степени плотно, что онѣ служатъ для переноски всякаго рода жидкостей, замѣняя деревянныя ведра и металлическіе сосуды.

За исключеніемъ, однако, небольшаго числа издѣлій, жители Цвѣтущаго царства не могутъ болѣе похвалиться своимъ превосходствомъ надъ «западными варварами», и потому они подражаютъ тому, что доходитъ къ нимъ изъ Европы. Инструменты и орудія, разнаго рода украшенія, часы карманные и стѣнные, тысячи предметовъ туалета и домашняго обихода, которые фабрикуютъ кантонскіе и фучжоускіе мастера, и которые расходятся по всей Срединной имперіи, были по большей части скопированы съ образчиковъ, привезенныхъ изъ западныхъ государствъ; также и по части большихъ работъ, эти наставники, пришедшіе изъ Европы или изъ Новаго Свѣта, научили дѣтей Хань искусству строить локомобили, машины прядильныхъ фабрикъ, пароходы и управлять ими. Что касается старинныхъ промышленностей, то имъ трудно было-бы преобразоваться, такъ какъ способы ихъ доведены уже до послѣдней степени простоты и отчетливости. Нѣкоторыя изъ нихъ не измѣнились въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ; онѣ могутъ исчезнуть, замѣненныя другими, но измѣниться не могутъ [2]). Между промышленностями или ремеслами, которыя погибли, безъ сомнѣнія потому, что способы фабрикаціи были извѣстны лишь небольшому числу мастеровъ, есть такія, которыхъ ни китайцы, ни европейцы не могли опять найти. Лучшіе нынѣшніе мастера не въ состояніи выдѣлывать бронзы съ чернью, финифтяныя работы и фарфоровыя вазы, которыя могли бы сравниться съ издѣліями этого рода, хранящимися въ музеяхъ [1]). По части красильнаго искусства, для котораго употребляются преимущественно растительные соки, китайцы до сихъ поръ еще могутъ быть учителями европейцевъ и обладаютъ различными цвѣтами, секретъ которыхъ неизвѣстенъ за границей.

Мы знаемъ, какъ богатъ Китай металлами, солью и каменнымъ углемъ. Солепромышленники очень искусны въ эксплоатаціи соляныхъ источниковъ и не уступаютъ европейскимъ рабочимъ въ искусствѣ концентрировать маточный разсолъ и кристаллизовать соль, либо при помощи солнечной теплоты, либо искусственными средствами или дѣйствіемъ газовъ, выдѣляющихся изъ «огненныхъ колодцевъ», какъ это дѣлается въ Сы-чуани. Что касается рудокоповъ, то они употребляютъ еще самые первобытные способы для разработки залежей каменнаго угля; трубы и лѣстницы изъ бамбука замѣняютъ у нихъ сложныя машины европейскихъ горныхъ инженеровъ; несмотря на недостатокъ желѣзныхъ дорогъ для перевозки минеральнаго топлива на большія разстоянія, ежегодная добыча этого продукта простирается до нѣсколькихъ милліоновъ тоннъ; Китай занимаетъ уже шестое мѣсто между производящими ископаемый уголь государствами, въ ожиданіи того времени, когда, съ одной стороны, обѣднѣніе англійскихъ копей и, съ другой стороны, правильное устройство его подземныхъ галлерей обезпечатъ ему первое мѣсто. Каменноугольный бассейнъ Сы-чуани простирается на пространствѣ по меньшей мѣрѣ 250.000 квадратныхъ километровъ; бассейнъ Ху-нани тоже занимаетъ весьма значительную площадь; но самый важный изъ всѣхъ, если не по протяженію или содержанію угля, то, по крайней мѣрѣ, по чрезвычайной легкости доступа,—это бассейнъ южнаго Шань-си, гдѣ правильные пласты, начинаясь на уровнѣ окружающихъ равнинъ, продолжаются далеко во внутренности горныхъ породъ [2]). Не встрѣтилось бы никакихъ затрудненій построить желѣзныя дороги, проникающія съ равнины въ копи и развѣтвляющіяся въ подземныхъ галлереяхъ въ обширную сѣть. Нигдѣ мѣсторожденія минеральнаго топлива не представляютъ столь благопріятныхъ условій для удобной и не дорого стоющей эксплоатаціи. При теперешнихъ размѣрахъ потребленія, южный Шань-си легко могъ бы снабжать антрацитомъ весь свѣтъ въ теченіе тысячъ лѣтъ [3]).

Добыча земляного угля въ Китаѣ въ 1878 г. была:

Шань-си — 1.000.000 тоннъ антрацита

---

[1]) De Courcy, „L'Empir du Milieu".

[2]) Paul Champion, „Industries anciennes et modernes de l'Empire Chinois".

[1]) De Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".

[2]) F. von Richthofen, „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient".

[3]) F. von Richthofen, „Geographical Review", nov. 1873.

и—700.000 тоннъ угля; Ху-нань— 600.000 тоннъ антрацита и угля; Шань-дунъ — 200.000 тоннъ антрацита и угля; Чжи-ли — 150.000 тоннъ антрацита и угля; другія провинціи—350.000 тоннъ антрацита и угля. Всего—3.000.000 тоннъ антрацита и угля.

Въ нѣкоторыхъ округахъ китайской территоріи, въ провинціи Чжи-ли, въ Маньчжуріи, работы по эксплоатаціи каменноугольныхъ копей производятся теперь по европейскимъ способамъ, что дало возможность удесятерить годовое производство. Китайцы стали также извлекать желѣзную руду и обработывать ее по методѣ иностранныхъ металлургистовъ, которая, впрочемъ, мало отличается отъ той, которая практиковалась въ Срединномъ царствѣ еще съ незапамятныхъ временъ. Туземная сталь всегда предпочитается въ краѣ англійской. Китайцы достигли высокой степени совершенства въ приготовленіи сплавовъ мѣди, свинца, олова, мышьяка, золота и серебра, и умѣютъ разнообразить ихъ, смотря по употребленію, для котораго предназначается тотъ или другой фабричный предметъ. Качество, цвѣтъ, полировка ихъ бронзъ безподобны, а ихъ гонги, «мужскіе» и «женскіе», отличаются замѣчательной силой вибраціи. Посредствомъ ковки мастера сообщаютъ металлу всякую желаемую звонкость. Эта операція одна изъ тѣхъ, гдѣ рабочій выказываетъ удивительную ловкость: дѣйствуя тяжелыми молотами, четверо или пятеро кузнецовъ ударяютъ по узкому кружку, всегда соразмѣряя кадансъ и силу ударовъ, никогда не путаясь и не мѣшая другъ другу въ этомъ деликатномъ трудѣ; самая ихъ работа есть уже настоящая музыка [1]).

Китайскія лакированныя издѣлія, такъ же, какъ и японскія, принадлежатъ къ числу тѣхъ произведеній промышленности, относительно которыхъ народы крайняго Востока сохранили за собой монополію, благодаря обладанію сырымъ матеріаломъ; но липкая жидкость, которую они извлекаютъ изъ дерева rhus vernicifera, и которая служитъ имъ для приготовленія этихъ издѣлій,—очень опасное вещество, такъ что рабочіе должны обращаться съ нимъ чрезвычайно осторожно и не могутъ безъ вреда для себя дотрогиваться до него; даже испаренія его страшно ядовиты; что касается обыкновенныхъ лакированныхъ вещей, то ихъ фабрикуютъ съ помощью масла, добываемаго изъ сѣмянъ одного молочайнаго растенія, dryandra cordata [2]). Такъ же, какъ лакированныя издѣлія, китайская тушь стоитъ гораздо выше подобныхъ европейскихъ продуктовъ, хотя способъ выдѣлки ея вполнѣ извѣстенъ, на основаніи китайскихъ документовъ и опыта иностранныхъ фабрикантовъ; превосходство палочекъ туши, приготовляемыхъ въ Сы-чуани и въ Чжэ-цзянѣ, должно быть приписано постоянной внимательности и ловкости рабочихъ. Ремесленники Срединнаго царства отличаются также изумительнымъ искусствомъ въ рѣзьбѣ на деревѣ, слоновой кости и твердыхъ камняхъ. Китайцы, которымъ принадлежитъ честь изобрѣтенія писчей бумаги, приготовляютъ многіе виды ея, неизвѣстные въ Европѣ; однако, сами они всегда отдаютъ предпочтеніе корейской и японской бумагѣ. Уже съ 153 года, общепринятаго лѣтосчисленія, нѣкто Цай-лунъ научилъ своихъ соотечественниковъ искусству замѣнять употребляемыя до того времени бамбуковыя таблички писчей бумагой, тѣсто которой онъ приготовлялъ изъ древесной коры, волоконъ конопли, старой парусины, негодныхъ рыболовныхъ сѣтей. Впослѣдствіи для фабрикаціи бумаги стали употреблять также молодые побѣги бамбука, ротангъ (индійскій тростникъ), морскія водоросли, траву шпажника, волокна бруссонеціи (broussonetia papyrifera), коконы шелковичнаго червя и т. под.

Извѣстно, что китайцы опередили европейцевъ въ открытіи искусства книгопечатанія: уже въ концѣ шестаго столѣтія объ этомъ искусствѣ говорится какъ объ извѣстномъ съ давнихъ поръ; если бы западные народы могли читать и изучать персидскихъ историковъ, они познакомились бы съ книгопечатаніемъ полутора вѣками ранѣе, ибо способъ, употребляемый китайцами, довольно ясно изложенъ въ одномъ сочиненіи Рашидъ-Эддина, оконченномъ около 1310 года [1]). И не только дѣти Хань знали уже печатаніе съ помощью деревянныхъ досточекъ, но они практиковали также гравированіе на камнѣ и на мѣди, а около половины одиннадцатаго столѣтія одинъ кузнецъ изобрѣлъ подвижныя буквы изъ обожженной формовой земли или терракотты. Однако, большое число знаковъ, которые необходимы для письменнаго языка, мѣшаетъ до сихъ поръ большинству печатниковъ пользоваться подвижными литерами, кромѣ какъ для популярныхъ изданій и журналовъ, для которыхъ достаточно небольшое число знаковъ; продолжаютъ употреблять досточки изъ грушеваго дерева, на которыхъ вырѣзаны письменные знаки, и мѣдныя пластинки, выгравированныя въ рельефѣ. Существуютъ, однако, великолѣпныя изданія, напечатанныя съ помощью подвижныхъ буквъ: таковъ сборникъ изъ 6.000 древнихъ сочиненій, изданный императоромъ Канъ-си, который велѣлъ приготовить для этого изданія 250.000 подвижныхъ мѣдныхъ литеръ; таковы же изданія, выходящія изъ императорской типографіи и печатаемыя необыкновенно изящнымъ шрифтомъ, который получилъ на-

[1]) Paul Champion, цитированное сочиненіе.

[2]) John Fr. Davis, „The Chinese"; — Wells Williams, „The Middle Kingdom".

[1]) Klaprotch, „Mémoire sur la Boussole".

званіе «собранныхъ жемчужинъ» [1]). Наконецъ, во всѣхъ городахъ, открытыхъ европейской торговлѣ, заведены типографіи, гдѣ употребляютъ подвижныя литеры, и откуда выходятъ пересмотрѣнныя книги, гораздо болѣе безошибочныя, чѣмъ обыкновенныя изданія. Матеріальныя усовершенствованія промышленности соотвѣтствуютъ прогрессу, который происходитъ въ совокупности знаній.

Китайскіе рабочіе, въ среднемъ выводѣ, получаютъ гораздо меньшую плату, нежели рабочіе Европы и Новаго свѣта: размѣръ заработной платы, въ Пекинѣ, въ Шанхаѣ, въ Кантонѣ, въ Хань-коу, измѣняется отъ 50 сантимовъ до 1 франка въ день на человѣка. Правда, что съѣстные припасы въ Срединной имперіи пропорціонально дешевле, чѣмъ въ западныхъ странахъ; но за исключеніемъ маннятіи тяжестей, они не уступятъ англійскимъ рабочимъ. Въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Китая почти всѣ товары, которые можно отправлять водой, переносятся на спинѣ человѣка, и любо смотрѣть, какъ куліи взбираются по скатамъ горъ, нагруженные тяжелой кладью, которую многіе европейскіе носильщики отказались бы поднять даже въ равнинѣ. Во всѣхъ китайскихъ городахъ вы увидите на улицахъ носильщиковъ паланкиновъ, быстро бѣгущихъ и ловко проталкивающихся сквозь толпу, повидимому, вовсе не думая о грузной ношѣ, которая тяготѣетъ на ихъ плечахъ; они только испускаютъ отъ времени до времени глухіе гортанные крики, какъ европейскіе мѣсильщики тѣста въ булочныхъ или кабильскіе толкачи кофе; ихъ шаги и усилія соразмѣряются по этому отрывистому оханью [1]).

Волокъ въ провинціи Чжэ-цзянъ.

стеровыхъ по шелковой промышленности, получающихъ сравнительно съ другими болѣе высокое вознагражденіе, немногіе изъ рабочаго люда имѣютъ достаточное питаніе; во многихъ округахъ вся пища ихъ состоитъ изъ варенаго риса, капусты, свареной на водѣ, съ прибавкой небольшаго количества сала и иногда рыбы. Средняя стоимость ихъ дневнаго пропитанія измѣняется отъ 40 до 50 сантимовъ; разница громадная между ихъ скудной пищей и обильнымъ питаніемъ европейскихъ матросовъ, которыхъ они встрѣчаютъ на верфяхъ Тянь-цзина и Фу-чжоу-фу. А между тѣмъ эти работники, съ виду тщедушные и слабосильные, съ блѣднымъ лицомъ, обладаютъ большой мускулистой силой, и когда дѣло идетъ о подВъ Срединномъ царствѣ, гдѣ ассоціаціи такъ крѣпко организованы, рабочіе, такъ же, какъ и другіе классы общества, съумѣли сгруппироваться въ ремесленные союзы или корпораціи: чтобы удержать уровень заработной платы или жалованья, они устраиваютъ стачку или даже основываютъ производительныя товарищества; благодаря присущему имъ духу солидарности, благодаря ихъ удивительной добровольной дисциплинѣ, которая доходитъ до спокойнаго принятія самоубійства посредствомъ голода, они почти всегда, въ концѣ концовъ, одерживаютъ верхъ. Сила ихъ такъ прочно установлена, что во многихъ мѣстахъ хозяева даже не вступаютъ въ борьбу. Рабочіе сами назначаютъ умѣренную таксу заработной платы при началѣ каждаго промышленнаго сезона, и каково бы

[1]) Bourgeois, „Mémoires concernants les Chinois", tome XI.

[1]) Huc;—Champion;—Milne;—Doolittle.

ни было это жалованье, оно аккуратно уплачивается. Они легко могли бы овладѣть всѣмъ промышленнымъ механизмомъ, если бы ремесленныя корпораціи не образовали изъ себя замкнутыхъ обществъ, соперничающихъ между собою. Организованныя какъ мастерства, различныя ремесленныя ассоціаціи или артели, принимаютъ учениковъ только для того, чтобы заставить ихъ пройти чрезъ настоящее рабство, продолжающееся два или три года; онѣ составляютъ своего рода аристократію, подъ которой копошится толпа безправныхъ личностей, принужденныхъ ухищряться всякими способами, чтобы жить внѣ рамокъ правильнаго общества. Въ обыкновенное время самые счастливые между этими непринадлежащими ни къ какому сословію людьми—нищіе по профессіи. Подобно купечеству и ремесленному классу, они сгруппированы въ признанныя закономъ общества, имѣющія свои уставы, свои праздники и пиршества.

Торговля страны столь богатой, какъ Китай, продуктами всякаго рода, районы производства которыхъ разнообразно переплетаются и скрещиваются, представляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительную часть всемірнаго торговаго обмѣна, но исчислить ея невозможно, даже приблизительнымъ образомъ, исключая, развѣ, торговли солью и нѣкоторыми другими произведеніями, надъ которыми тяготѣетъ монополія правительства. Близъ большихъ городовъ, рѣки, каналы усѣяны судами, слѣдующими одно за другимъ нескончаемыми караванами; волоки, дороги, убитыя глинистой землей, по которымъ упряжки воловъ перетаскиваютъ ладьи и барки изъ одного канала въ другой, часто походятъ на ярмарочное поле; по бойкимъ, часто посѣщаемымъ дорогамъ черезъ горы, между противоположными покатостями, каждый день проходятъ тысячи людей. Общее число судовщиковъ и носильщиковъ, которые служатъ посредниками во внутренней торговлѣ, по всей вѣроятности, простирается до нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ.

Китай, удовлетворяя самъ почти вполнѣ свои потребности, благодаря разнообразію своихъ произведеній, могъ долгое время ограничивать свою внѣшнюю торговлю нагрузкой нѣсколькихъ кораблей. Это не значитъ, чтобы китайская нація по принципу отказывалась отъ торговыхъ сношеній съ иностранцами; совсѣмъ напротивъ—арабы, малайцы, жители Индо-Китая всегда свободно производили торговлю въ южныхъ портахъ имперіи, и когда португальцы въ первый разъ появились, въ 1516 году, при входѣ въ Кантонскую рѣку, они были приняты какъ нельзя лучше. Нѣтъ сомнѣнія, что территорія Срединной имперіи была бы имъ открыта такъ же, какъ она была открыта въ средніе вѣка всѣмъ путешественниками индійскимъ, арабскимъ, европейскимъ, которые пріѣзжали по одиночкѣ, но португальцы, затѣмъ послѣ нихъ испанцы, голландцы, англичане являлись почти какъ завоеватели, съ угрозой на устахъ, съ рукой на пальникѣ пушекъ. Со времени третьяго посѣщенія португальцевъ, въ 1518 году, возникли столкновенія, и вскорѣ послѣ того не проходило и одного года безъ того, чтобы «чужеземные варвары» не совершали какихъ-нибудь кровавыхъ подвиговъ, оправдывавшихъ это прозвище, которое имъ дали китайцы. Кромѣ того, они воевали между собой; жители Срединнаго царства, видя во всѣхъ этихъ посѣтителяхъ людей одной и той же націи, недоумѣвали, почему эти соотечественники враждуютъ и отнимаютъ другъ у друга корабли и товары; они смотрѣли на нихъ, какъ на кровожадную расу, какъ на людей безъ вѣры, которыхъ всѣ дѣти Хань должны тщательно избѣгать. Порты открылись для иноземцевъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ пускали не иначе, какъ подвергая стѣснительнымъ ограниченіямъ и унизительнымъ формальностямъ. Чтобы предохранить себя отъ соприкосновенія съ европейцами, Китай сдѣлался недоступнымъ. «Варвары тѣ же скоты, и ими невозможно управлять на основаніи тѣхъ же принциповъ, какъ и гражданами», такъ выражался одинъ оффиціальный документъ, переведенный Премаромъ. «Пытаться управлять ими посредствомъ великихъ правилъ разума значило бы хотѣть привести къ безпорядку. Управлять варварами посредствомъ произвола—вотъ истинная метода и лучшій способъ управлять ими [1]).

Торговля опіумомъ прибавила новыя жалобы къ тѣмъ, которыя пекинское правительство уже имѣло противъ европейцевъ. Употребленіе этого снадобья распространилось въ Китаѣ только около конца прошлаго столѣтія, эпохи, когда оно привозилось изъ-за границы еще подъ видомъ простаго медикамента. Въ 1800 году императоръ издалъ прокламацію, въ которой запрещаетъ своему народу обмѣнивать свои деньги на «мерзкую дрянь»; но зло было уже сдѣлано, и ядъ распространялся съ неудержимой силой; Остъ-индская компанія уже имѣла сообщниками милліоны курильщиковъ и въ томъ числѣ большую часть мандариновъ, которымъ оффиціально было поручено положить конецъ этой вредной торговлѣ. Контрабандный привозъ опіума усиливался изъ-года-въ-годъ, къ великому ущербу императорской казны, такъ какъ отпускъ чаевъ и шелковъ далеко не уравновѣшивалъ, по цѣнности, привоза опіума, то деньги Срединнаго царства пропадали безвозвратно, по китайскому выраженію, «въ ненасытныхъ глубинахъ заморскихъ странъ». Наконецъ, правительство прибѣгло къ силѣ; въ 1839 году всѣ иностранцы, поселившіеся въ

[1]) Wells Williams, „The Middle Kingdom".

Кантонѣ, въ числѣ 275 человѣкъ, были заключены въ тюрьму, и британскій коммиссаръ, чтобы купить свободу себѣ и своимъ соотечественникамъ, принужденъ былъ отдать вице-королю Лину, для уничтоженія, болѣе двадцати тысячъ ящиковъ опіума, принадлежавшихъ англійскимъ подданнымъ и представлявшихъ цѣнность по малой мѣрѣ 50 милліоновъ франковъ. Это и было сигналомъ «къ войнѣ изъ-за опіума». Въ 1841 году англичане овладѣли архипелагомъ Чжу-санъ, затѣмъ фортами Кантонской рѣки. Въ слѣдующемъ году города Нинъ-бо и Чжэнь-цзянъ были взяты, входъ въ Голубую рѣку былъ форсированъ, и Англія продиктовала Китаю условія мира передъ стѣнами Нанкина. Мирный трактатъ отмѣнялъ монополію двѣнадцати гонговъ, посредниковъ, къ которымъ иностранные коммерсанты должны были обращаться до того времени, и отдалъ Великобританіи, кромѣ большой суммы военнаго вознагражденія, островъ Гонконгъ въ полную собственность; правительство богдыхана обязывалось открыть пять портовъ торговлѣ западныхъ государствъ, именно: Кантонъ, Амой, Фу-чжоу, Нинъ-бо и Шанхай, но при этомъ было оставлено въ силѣ прежнее запрещеніе, по которому никакое британское судно не могло подниматься вдоль морскаго берега на сѣверъ выше лимана Янъ-цзы-цзяна.

Однако, тяжелыя условія этого договора не были соблюдаемы китайцами; кончилось тѣмъ, что пребываніе въ Кантонскомъ портѣ было воспрещено иностранцамъ, и нѣкоторыя монополіи были возстановлены; съ своей стороны, англичане, французы, американцы требовали новыхъ уступокъ. Вспыхнула вторая война, въ 1857 году, между Китаемъ и двумя западными державами, Англіей и Франціей. Кантонъ былъ снова взятъ, а европейскіе военные корабли вошли въ Пекинскую рѣку; но миръ, поспѣшно заключенный и подписанный въ Тянь-цзинѣ въ 1858 году, не могъ быть прочнымъ, и уже въ слѣдующемъ году союзникамъ пришлось снова пытаться форсировать входъ въ рѣку Байхэ, на этотъ разъ безъ успѣха; только, когда они проникли въ третій разъ въ рѣку китайской столицы, въ 1860 году, превосходство западнаго оружія окончательно восторжествовало. Англо-французскія войска взяли приступомъ форты Да-гу, разбили въ чистомъ полѣ китайскую армію, которою командовалъ татаринъ Санколинсинъ, и расположились лагеремъ передъ Пекиномъ. Мало того, союзники оказали императорскому правительству постыдную для него услугу, взявъ на себя обязанность защищать его противъ его собственныхъ мятежныхъ подданныхъ и отвоевать для него прибрежные города Голубой рѣки, занятые тайпингами. Въ силу трактата 1860 года, европейской торговлѣ были открыты новые порты; а въ 1878 году,—на этотъ разъ дѣло устроилось путемъ переговоровъ и не было надобности прибѣгать къ посредству пушекъ,—пекинскій дворъ долженъ былъ, во искупленіе измѣннического убійства англійскаго путешественника Маргари, предоставить европейскимъ негоціантамъ право выбрать себѣ, кромѣ прежде указанныхъ, и другіе рынки на морскихъ прибрежьяхъ. Въ настоящее время двадцать четыре порта морскихъ или рѣчныхъ, съ ихъ пригородами, открыты внѣшней торговлѣ, иностранцамъ уступлены земли для постройки товарныхъ складовъ и жилищъ, срокомъ на «на девяносто девять лѣтъ», и, сверхъ того, два острова, Макао и Гонконгъ, принадлежатъ: одинъ Португаліи, съ нѣкоторыми ограниченіями, другой—Англіи, въ самыхъ водахъ Китая. Англія же получила въ аренду Вэйхай-вэй и окрестности Коу-луня. Бухта Цзяочжоу вмѣстѣ съ окружающей ее мѣстностью находится въ арендѣ Германіи, а въ пользованіе Россіи Китай предоставилъ южную часть Ляо-дуна. На сухопутной границѣ, на югѣ и юго-западѣ, недостатокъ удобныхъ путей сообщенія и гражданскія войны Юнь-нани препятствовали до сихъ поръ учрежденію международнаго рынка, тогда какъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Россія имѣетъ свои консульства и складочные пункты въ городахъ Чугучакѣ, въ Кобдо, въ Улясутаѣ, въ Ургѣ, Турфанѣ, Кашгарѣ, Кульджѣ, и свободно располагаетъ почтовой дорогой изъ Кяхты въ Тянь-цзинь черезъ Калганъ и Тунъ-чжоу. Она пріобрѣла право держать своихъ агентовъ на обѣихъ оконечностяхъ дороги, пролегающей черезъ пустыни монгольскаго Гань-су, въ Турфанѣ и въ Су-чжоу, близъ «Нефритовыхъ воротъ», и въ Ха-ми; она снова открываетъ, къ своей выгодѣ, старый трансконтинентальный путь между Востокомъ и Западомъ. Сосѣдка Китайской имперіи на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, Россія имѣла надъ европейскими державами то огромное преимущество, что могла дѣйствовать непрерывнымъ образомъ въ видахъ усиленія своего вліянія; благодаря промежуточнымъ населеніямъ, составляющимъ этнологическій переходъ отъ одной націи къ другой, она гораздо лучше поняла характеръ китайцевъ и съумѣла получить лаской и хитростью то, что западные народы старались завоевать силой оружія. Россія не имѣла надобности вступить въ войну, чтобы заставить уступить ей лѣвый берегъ Амура и все морское прибрежье Маньчжуріи до границы полуострова Кореи, и чтобы добиться права ввозить свои товары, платя двѣ трети таможенныхъ пошлинъ, требуемыхъ съ другихъ націй [1]).

Порты, открытые иностранной торговлѣ, расположены, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, по всему морскому прибрежью,

[1]) Martens, „Russische Revue“, 1880 г., № 12.

отъ Пакъ-хоя, въ Тонкинскомъ заливѣ, до Инъцзы, при устьѣ рѣки Ляо-хэ; островъ Хай-нань тоже имѣетъ свои европейскія колоніи; слѣдовательно, на всемъ пространствѣ отъ границъ Индо-Китая до границъ Кореи произведенія страны могутъ быть отправляемы непосредственно изъ всѣхъ мѣстностей Китая къ главнымъ рынкамъ Европы. Между этими портовыми городами Кантонъ, самый близкій изъ китайскихъ портовъ отъ Малайскаго архипелага, Индостана и Европы и, кромѣ того, обладающій давней коммерческой традиціей, естественно долженъ былъ сохранить за собой значительную часть торговаго обмѣна съ европейскимъ міромъ; Тянь-цзинь, на сѣверѣ имперіи, тоже получилъ какъ портъ столицы исключительную важность; но два главные рынка занимаютъ болѣе центральное положеніе: Шанхай, стоящій при лиманѣ Янъ-цзы, служитъ воротами, посредствомъ которыхъ громадный бассейнъ этой рѣки сообщается съ остальнымъ міромъ; Хань-коу составляетъ центръ этого бассейна. По свидѣтельству наиболѣе авторитетныхъ негоціантовъ, Чунъ-цинъ предназначенъ сдѣлаться въ близкомъ будущемъ одним изъ самыхъ дѣятельныхъ городовъ для всемірной торговли: онъ уже теперь служитъ центромъ торговаго обмѣна для богатой провинціи Сы-чуань и части провинціи Юнь-нань, и ему недостаетъ только удобныхъ сообщеній съ Индіей и съ Индо-Китаемъ.

Общая сумма торговаго обмѣна Китая с иностранными государствами удесятерилась со времени открытія портовъ внѣшней торговли; по оффиціальной статистикѣ, эта сумма превышаетъ милліардъ, но отчеты таможеннаго вѣдомства не принимаютъ въ разсчетъ торговыхъ операцій, производимыхъ черезъ посредство китайскихъ джонокъ; многіе писатели исчисляютъ въ три милліарда совокупность продажъ и покупокъ, происходящихъ въ портахъ Срединной имперіи; но и при этой цифрѣ на каждаго жителя, среднимъ числомъ, приходилось бы только отъ 7 до 8 франковъ,—сумма, почти ничтожная въ сравненіи съ количествомъ торговаго обмѣна, который дѣлаютъ другія государства съ иностранными націями.

Внѣшняя торговля Китая по оффиціальнымъ даннымъ такова:

	Въ 1889 г.	Въ 1891 г.	Въ 1893 г.	Въ 1897 г.	
Привозъ	110.884.355	134.003.863	151.362.819	202.828.625	въ ланахъ.
Вывозъ	96.947.832	100.947.849	116.632.311	163.501.358	
Итого . .	207.832.187	274.951.712	267.995.130	366.329.983	

Изъ этого видно, что заграничная торговля представляетъ, въ среднемъ выводѣ, довольно значительное возрастаніе съ каждымъ годомъ, кромѣ 1893 года, когда она показываетъ уменьшеніе, причину котораго нужно отнести къ войнѣ. Движеніе судоходства увеличилось въ той же пропорціи, какъ и движеніе торговли, но парусныя суда европейцевъ были почти совершенно замѣнены пароходами. Въ настоящее время правильные рейсы пакетботовъ совершаются изъ порта въ портъ вдоль морскаго прибрежья, а также въ Голубой рѣкѣ, отъ пристани до пристани, до И-чана, ниже пороговъ.

Недавно еще почти вся эта торговля производилась подъ иностраннымъ флагомъ. Наибольшая часть торговаго движенія болѣе половины все еще приходится на долю англичанъ. Американцы прежде занимали второе мѣсто послѣ англичанъ; но, менѣе богатые купеческими судами, чѣмъ ихъ соперники, они теперь почти удалились съ арены коммерческой борьбы. Движеніе нѣмецкаго судоходства, довольно значительное въ то время, когда перевозка товаровъ производилась главнымъ образомъ парусными судами, уменьшилось съ той поры, какъ Гамбургъ долженъ выдерживать конкурренцію совершающихъ правильные и быстрые рейсы пакетботовъ Англіи и Франціи.

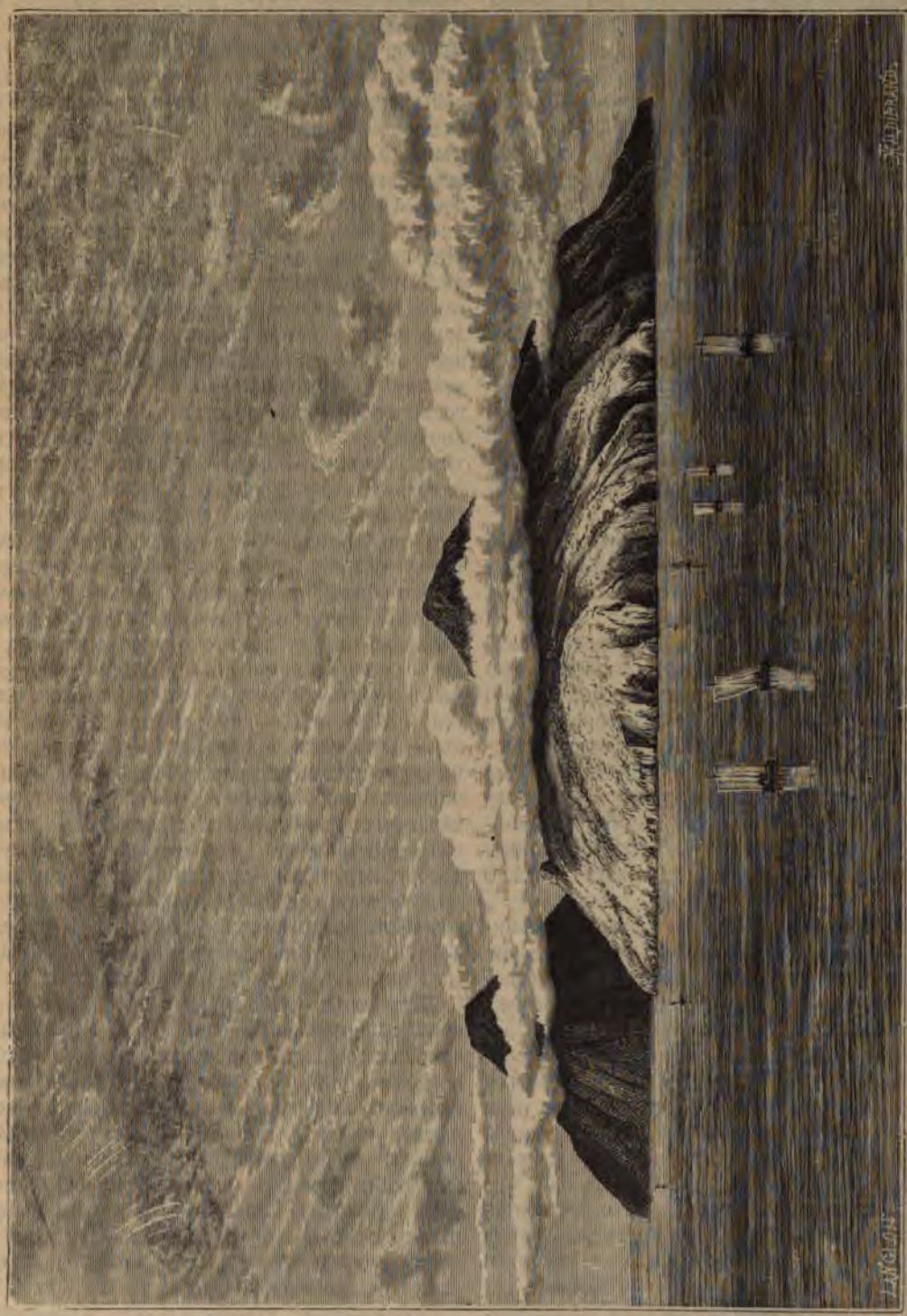
По цѣнности торговли съ странами на долю послѣднихъ приходилось въ 1897 году:

Гонконгъ — 150.528.109 ланъ; Англія — 52.960.816 ланъ; Индія—21.114.114 ланъ; Австралія—4.713.905 ланъ; Сингапуръ и др. англійскихъ колоній—617.429 ланъ; Японія—39.191.022 ланъ; Россія (Прим. обл.)—3.220.886 ланъ; Россія (Одесса) — 7.160.995 ланъ; Россія (Кяхта, Сибирь) — 94.710.097 ланъ; Корея – 1.394.574 ланъ.

Весьма важное значеніе въ торговлѣ съ Китаемъ принадлежитъ Германіи и въ послѣднее время и Японіи. Что касается китайскихъ негоціантовъ — покровительствуемыхъ Цай-шэномъ, богомъ торговли, котораго изображенія они всѣ имѣютъ,—то они принимаютъ все болѣе и болѣе значительное участіе въ перевозкѣ товаровъ. Забравъ въ свои руки розничную торговлю, производимую при помощи неглубоко сидящихъ въ водѣ джонокъ, которыя свободно проникаютъ во всѣ бухточки морскаго прибрежья, они овладѣваютъ также мало-по-малу оптовой торговлей и пускаются въ смѣлыя спекуляціи: болѣе воздержные и умѣренные въ образѣ жизни, чѣмъ европейцы, болѣе скромные въ своихъ желаніяхъ наживы, болѣе смѣтливые въ обсужденіи дѣлъ, хотя гораздо строже соблюдающіе данное слово, лучше услуживаемые посредниками, своими земляками, болѣе солидарные въ отношеніи другъ друга, знающіе всѣ мѣста производства и имѣющіе уже корреспон-

[1]) F. von Richthofen;—Colborne Baber.

дентовъ своего племени въ большей части иностранныхъ государствъ, изощрившіеся отъ отца къ сыну во всѣхъ тонкостяхъ ажіотажа и спекуляціи, привыкшіе со временъ своихъ игръ дѣтства говорить языкомъ купцовъ, посвященные во всѣ тайны банковыхъ операцій, съ векселями, переводами, траттами и т. д., китайскіе коммерсанты быстро поняли секреты европейскихъ конторъ, и уже во многихъ изъ открытыхъ иностранцамъ портовъ всѣ отправки товаровъ производятся подъ китайскимъ флагомъ. Все, что потеряла торговля американцевъ, было выиграно, и даже съ излишкомъ, дѣтьми Хань.



Островъ Парамуширъ.

Форма китайскихъ джонокъ, тяжелыхъ и медленныхъ на ходу, мало-по-малу измѣняется, приближаясь къ типу европейскихъ судовъ. Не только купеческія, но даже рыболовныя суда

снабжаются килемъ и законапачиваются паклей и дегтемъ; нѣкоторыя оснащиваются англійскими парусами, и почти всѣ замѣнили бамбуковыя циновки парусиной, которую вымачиваютъ въ отварѣ изъ коры корнепуска, чтобы предохранить ее отъ гніенія и сырости [1]). Рыболовы смѣло пускаются далеко въ море, несмотря на опасность быть застигнутыми тифономъ; мало того—мореходы «Великой и Чистой имперіи», припоминая, что предки ихъ были знакомы съ компасомъ уже по меньшей мѣрѣ 2.000 лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно, четырнадцатью вѣками ранѣе европейцевъ, не боятся предпринимать плаванія далеко за предѣлы китайскихъ морей, къ портамъ Филиппинскихъ острововъ и Зондскаго архипелага, въ Сингапуръ, во Владивостокъ, въ Индійскій океанъ, въ Австралію, на Сандвичевы острова, въ Санъ-Франциско, даже въ Англію; компанія заграничнаго судоходства, управляемая исключительно китайцами, покупаетъ пароходы для совершенія правильныхъ рейсовъ между Шанхаемъ, Гонолулу, Санъ-Франциско, Гаванной.

Движеніе судоходства, не считая джонокъ, въ китайскихъ портахъ, открытыхъ иностранной торговлѣ, въ 1897 году [2]) было:

Пароходовъ—34.566 судовъ, вмѣстимостью 32.519.729 тоннъ; парусныхъ 9.934 судовъ, вмѣстимостью 1.232.633 тонны; итого 44.500 судовъ, вмѣстимостью 33.752.362 тонны.

По національностямъ суда распредѣлялись: англійскихъ судовъ 21.140, вмѣстимостью 21.891.043 тоннъ; китайскихъ судовъ 12.706, вмѣстимостью 7.543.529 тоннъ; германскихъ 1.858, вмѣстимостью 1.658.094 тоннъ; японскихъ 653, вмѣстимостью 660 707 тоннъ; русскихъ 70, вмѣстимостью 145.660 тоннъ; датскихъ 276, вмѣстимостью 142.932 тоннъ; французскихъ 465, вмѣстимостью 423.122 тоннъ, американскихъ 333, вмѣстимостью 269.780 тоннъ.

Сотни, можетъ быть, тысячи джонокъ, записанныя въ регистрахъ какъ состоящія на службѣ у иностранныхъ коммерсантовъ, въ дѣйствительности—китайскія суда. Чтобы избѣгнуть платежа пошлинъ, которыя таможенныя досмотрщики требуютъ съ туземныхъ судовъ передъ каждымъ портомъ, и чтобы пользоваться правомъ заплатить судовой сборъ только одинъ разъ, въ мѣстѣ назначенія, а главное, чтобы избавиться отъ вымогательствъ со стороны мандариновъ, капитаны джонокъ часто достаютъ себѣ бумаги, удостовѣряющія, что они состоятъ на службѣ у европейскихъ негоціантовъ. Точно также, когда правительство дѣлаетъ реквизицію джонокъ для перевозки риса, необходимаго для продовольствія столицы, достаточно купить свидѣтельство о наймѣ въ конторахъ иностранныхъ купцовъ, чтобы освободиться отъ этой повинности. Какой-нибудь европейскій негоціантъ безъ дѣлъ, который не нагружаетъ ни одного судна своими собственными товарами, по бумагамъ значится нанимателемъ, зафрахтовывающимъ сотню судовъ, и заставляетъ дорого платить себѣ за угожденіе, состоящее въ подписи фиктивнаго фрахтоваго контракта [3]).

Шелкъ и чай—главные продукты капитальной важности, которые Китай доставляетъ западнымъ націямъ и Новому свѣту; каждый годъ цѣнность этихъ двухъ экспортныхъ товаровъ превышаетъ нѣсколько сотенъ милліоновъ франковъ. Отпускъ шелка изъ китайскихъ портовъ въ 1893 году былъ на сумму 38.114.225 лановъ; отпускъ чая въ томъ же году на сумму 30.558.723 лана [4]). До 1844 года средній ежегодный вывозъ шелка не превышалъ 1.000 килограммъ; въ настоящее же время онъ въ пять или шесть разъ значительнѣе [5]). Главный предметъ ввоза составляетъ рисъ, и каждый годъ тысячи джонокъ ходятъ за грузами этого продукта въ порты Сіама, французской Кохинхины, Аннама; но эта торговля, въ которой иностранцы не принимаютъ никакого участія, ускользаетъ отъ внесенія въ оффиціальные отчеты таможеннаго вѣдомства, и цѣнность ея оборотовъ остается неизвѣстной. Въ движеніи торговаго обмѣна съ «рыжеволосыми варварами» китайскіе купцы получаютъ главнымъ образомъ не какой-нибудь предметъ необходимости, въ родѣ риса, а напротивъ, ядовитое вещество: мы говоримъ объ опіумѣ, которымъ, какъ извѣстно, англичане, — представляемые по этой отрасли торговли преимущественно бомбейскими негоціантами изъ евреевъ и персовъ,—оплачиваютъ наибольшую часть своихъ покупокъ, дѣлаемыхъ на рынкахъ Срединной имперіи.

Цѣнность опіума, ввезеннаго въ Китай въ 1893 г. 31.69[illegible].399 лановъ; цѣнность хлопчатобумажныхъ тканей въ 1893 г. — 45.137.970 л.; цѣнность шерстяныхъ тканей въ 1893 г.— 4.587.006 л.; цѣнность металлическихъ издѣлій въ 1893 г.—7.198.422 л.

Жители Сы-чуани курятъ опіумъ уже многіе вѣка [6]); но еще въ половинѣ прошлаго столѣтія китайцы морскаго прибережья были совершенно незнакомы съ употребленіемъ этого наркотическаго средства. Привезенное впервые изъ Ассама двумя англичанами, Вилеромъ и Ватсономъ, гибельное снадобье скоро доставило важный источникъ доходовъ бывшей британской остъ-индской компаніи, а англійское правительство Индостана, наслѣдовавшее этому обществу, болѣе чѣмъ удесятерило продажу опі-

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des sciences naturelles de Cherbourg". 1879.

[2]) „Returns of trade", 1897 г.

[3]) Francis Garnier, „Revue scientifique" 9 octobre 1875;— Консульскіе отчеты, „Trade Reports" и пр.

[4]) „Statismans year book 1894".

[5]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes en 1876".

[6]) „Watters; — H. Colborne Baber, „Rapports consulaires".

ума (ввозъ опіума въ Китай въ 1792 г. составлялъ только 303.000 килограм., а въ 1879 г. онъ уже простирался до 5.540.500 килограмовъ). Оно выдаетъ фермерамъ, занимающимся культурой мака въ Бенгаліи, денежныя ссуды, подъ условіемъ, чтобы ящикъ опіума былъ уступаемъ казнѣ за опредѣленную цѣну, затѣмъ перепродаетъ его съ публичнаго торга, выручая при этомъ барыша, среднимъ числомъ, около 2.250 франк. на ящикъ; что касается опіума «мальва», привозимаго съ плоскогорій этого имени, находящагося въ медіатизированныхъ государствахъ Декана, то остъ-индское правительство облагаетъ его при провозѣ его черезъ границу пошлиной въ размѣрѣ 1.500 франк. съ ящика. Такимъ образомъ, опіумъ, вывозимый изъ Индостана въ Китай, всецѣло продается отъ имени индійской императрицы и въ пользу ея казны; отъ 150 до 200 милліоновъ, смотря по годамъ, поступаетъ ежегодно по этой статьѣ въ остъ-индскій бюджетъ. Не безъ основанія, поэтому, обвиняютъ британское правительство въ томъ, что оно спекулируетъ на пороки китайцевъ, чтобы уничтожать и отравлять ихъ; патріоты Срединнаго царства не упускаютъ случая указывать на тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ злоупотребленіе опіумомъ низвело до состоянія скелетовъ, живыхъ мертвецовъ, или которыхъ оно обратило въ состояніе идіотовъ, чтобы сказать англичанамъ, которые являются въ ихъ страну въ качествѣ цивилизаторовъ: «вотъ ваше дѣло!» Однако можно задать себѣ вопросъ, существуетъ ли на свѣтѣ нація, представляемая либо отдѣльными негоціантами, либо ея правительствомъ, которая могла бы по справедливости считать себя неповинной въ поступкахъ того же рода; можно положительно сказать, что нѣтъ государства, которое бы посредствомъ водки, табаку, азартной игры или какого-нибудь другаго яда матеріальнаго или нравственнаго не спекулировало на пороки туземцевъ или иноземцевъ. Пекинское правительство и само извлекаетъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ съ опіума, привозимаго изъ Индіи и изъ Персіи, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ доходовъ своего бюджета, и почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи купцы и мандарины дѣлятъ между собой крупные барыши, получаемые съ урожаевъ воздѣлываемаго китайцами запрещеннаго растенія.

Что же касается дѣйствія опіума на организмъ, то нѣтъ вопроса болѣе спорнаго; нѣтъ также вопроса, который бы затемнялся, смотря по выгодамъ дѣла, которое требуется защищать. Какъ ни гибельно это наркотическое снадобье, оно далеко не производитъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія ему обыкновенно приписываются. Большинство образованныхъ китайцевъ употребляютъ опіумъ въ умѣренномъ количествѣ, и незамѣтно, чтобы отъ этого ослабѣвали ихъ умственныя способности, или чтобы они преждевременно старились [1]). Безъ сомнѣнія, ненасытные курильщики, которые проводятъ весь день въ бреду грезъ,—люди безусловно потерянные для труда и кончаютъ, какъ и предающіеся неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, полнымъ разслабленіемъ, влекущимъ за собою конвульсивные припадки и общій параличъ; но такіе субъекты, относительно немногочисленные, не встрѣчаются между крестьянами и рабочими, которые составляютъ истинную націю. Курильщики опіума въ огромномъ количествѣ довольствуются нѣсколькими безвредными затяжками въ промежуткахъ между работой: замѣчательно, что именно въ той провинціи, гдѣ куреніе опіума распространено всего болѣе и вошло въ привычку уже съ незапамятныхъ временъ, въ Сы-чуани, населеніе отличается умомъ и дѣятельностью. Допуская даже, что количество туземнаго наркотическаго средства, которое, впрочемъ, дѣйствуетъ гораздо менѣе сильно, нежели индійское снадобье, равняется количеству привознаго иностраннаго опіума, на долю каждаго жителя все-таки пришлось бы никакъ не болѣе двадцати граммъ въ годъ [2]). Употребленіе табаку или, какъ его называютъ китайцы, «курительнаго листа», гораздо болѣе распространенное въ приморскихъ и сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ его ввели маньчжуры, оказываетъ, быть можетъ, не менѣе гибельное дѣйствіе на совокупность расы. Іезуиты научили мандариновъ искусству нюхать табакъ изящнымъ манеромъ; три цвѣтка лиліи (старинный французскій гербъ) до сихъ поръ еще составляютъ въ Пекинѣ единственную вывѣску на лавочкахъ, гдѣ продается нюхательный табакъ [3]). Что касается европейскаго порока пьянства, то онъ почти неизвѣстенъ въ Китаѣ: можно путешествовать цѣлые годы по Срединному царству, не встрѣчая ни одного человѣка, который бы напился до потери разсудка.

Благодаря пару, сообщенія приморскихъ мѣстностей Китая съ остальнымъ міромъ сдѣлались гораздо болѣе легкими и частыми; но дороги и каналы внутри страны находятся теперь, вѣроятно, въ худшемъ состояніи, чѣмъ они были во времена династіи Миновъ, за три или четыре столѣтія до нашихъ дней; за исключеніемъ провинція Шань-дунъ, Гань-су, Сы-чуань, нѣкоторыхъ частей Хэ-нани и Чжи-ли, мѣст-

---

[1]) Morache, „Dictionnaire Encyclopèdie des science médicales".

[2]) Подобное разсужденіе Эл. Реклю не выдерживаетъ строгой критики со стороны лицъ, хорошо ознакомленныхъ съ Китаемъ. Признано большинствомъ, что опіумъ является огромнымъ зломъ для народа, вліяющимъ весьма сильно на физическую и моральную сторону его жизни, разлагающимъ общественный строй государства. Въ пристрастіи къ нему усматриваютъ причину деморализаціи китайскаго чиновничества, поголовное взяточничество послѣдняго и т. под. отрицательные акты въ жизни Китая. (Пр. ред.).

[3]) Huc, „l'Empire Chinois".

…щихъ въ сосѣдствѣ съ открытыми …кой торговлѣ портами, старыя дороги …ли въ разрушеніе, тамъ и сямъ перерѣзаны …валами, промоинами и оврагами; мосты развалились; во многихъ мѣстахъ остались только тропинки, извивающіяся рядомъ съ совершенно испортившейся мощеной дорогой. Въ рисовыхъ поляхъ, которыя покрываютъ столь значительную часть страны, большинство дорогъ состоитъ изъ рядовъ плитъ, шириной въ пол-метра, самое большее метра, поднимающихся немного выше уровня общаго наводненія, которому подвергаются эти плантаціи; достаточно, чтобы носильщики паланкиновъ могли найти мѣсто, необходимое, чтобы поставить ноги [1]). Тѣ изъ 21, такъ называемыхъ, императорскихъ дорогъ, которыя еще сохранились въ хорошемъ состояніи, свидѣтельствуютъ о высокой степени цивилизаціи, которой достигли китайцы въ средніе вѣка, и дѣлаютъ понятнымъ удивленіе Марко Поло и другихъ европейскихъ путешественниковъ той эпохи. Эти дороги перерѣзываютъ встрѣчающіеся выступы горъ траншеями, даже подземными галлереями, и поднимаются въ видѣ насыпей на низменныхъ земляхъ: очень широкія въ равнинахъ (отъ 20 до 25 метровъ) и вымощенныя гранитными плитами, онѣ, по большей части, окаймлены по обѣимъ сторонамъ рядами деревьевъ, какъ европейскія avenues. Вдоль шоссе разставлены, черезъ каждые 5 километровъ, сигнальныя башни, гостиницы и постоялые дворы, водопои для лошадей и муловъ, станціи, посты солдатъ для охраны путешественниковъ, мѣста для рынковъ тоже слѣдуютъ одни за другими черезъ опредѣленные промежутки. Все предусмотрѣно на этихъ образцовыхъ дорогахъ, съ которыми составляютъ такой рѣзкій контрастъ множество жалкихъ первобытныхъ тропинокъ, впрочемъ, тоже всегда переполненныхъ прохожимъ и проѣзжимъ людомъ. Только служба почты не организована правильнымъ образомъ для публики. Письма отправляются стараніями частныхъ обществъ негоціантовъ, и рѣдко случается, чтобы они не доходили по назначенію, какова бы ни была длина пути, отъ одной до другой оконечности имперіи. Внѣ городовъ, какъ Шанхай, единственная почта, устроенная по европейскому образцу, — это почта русскихъ курьеровъ, посылаемыхъ изъ Пекина въ Кяхту черезъ Калганъ и совершающихъ переѣздъ въ 15 дней; отправка ея совершается три раза въ мѣсяцъ [2]).

Извѣстно, что еще и до сихъ поръ императорская администрація неохотно разрѣшаетъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Еще недавно за исключеніемъ нѣсколькихъ маленькихъ линій рельсовъ, у подъѣздовъ къ каменноугольнымъ копямъ и на верфяхъ портовыхъ городовъ, въ Китаѣ не существовало желѣзныхъ путей. А между тѣмъ опытъ имѣющихся желѣзнодорожныхъ линій показалъ, что желѣзныя дороги, съ перваго же года ихъ открытія, были бы столь же дѣятельно утилизируемы, какъ и пути этого рода въ западной Европѣ, доказательствомъ чего на первыхъ порахъ служила маленькая линія отъ Да-гу въ Тянь-цзинь; пассажиры массами толпились въ вокзалъ этого рельсоваго пути, какъ они толпятся на амбаркадерахъ пароходныхъ компаній въ городахъ морскаго прибрежья и на пристаняхъ Голубой рѣки. Планы главныхъ желѣзнодорожныхъ линій уже давно составлены инженерами различныхъ націй, и, безъ всякаго сомнѣнія, немедленно нашлись бы въ какомъ бы угодно количествѣ и капиталы для сооруженія этихъ дорогъ, будущихъ развѣтвленій Великой сибирской линіи, которая свяжетъ сѣть желѣзныхъ путей Европы черезъ Сибирь и Маньчжурію. Возраженія, которыя дѣлаютъ мандарины противъ введенія рельсовыхъ дорогъ, тѣ же самыя, которыя были приводимы въ свое время противъ употребленія пароходовъ; они выставляютъ себя защитниками интересовъ милліоновъ носильщиковъ и судовщиковъ, занимающихся нынѣ перевозкой и переноской путешественниковъ и товаровъ, и утверждаютъ, что хотятъ избавить ихъ отъ нищеты, въ которую неминуемо повергла бы ихъ постройка быстрыхъ путей сообщенія. Кромѣ того, мандарины ссылаются на «фынъ-шуй», какъ это они дѣлали и прежде, чтобы воспротивиться сооруженію высокихъ зданій на земляхъ, отведенныхъ подъ колоніи иностранныхъ негоціантовъ; однако, это возраженіе не составило бы непреодолимаго препятствія, такъ какъ легко бы было перенести гробницы на другое мѣсто, съ совершеніемъ надлежащихъ церемоній, и богдыханъ, «повелитель духовъ», могъ бы указать послѣднимъ дорогу, по которой они должны слѣдовать, и успокоить своихъ подданныхъ, поставивъ ихъ въ извѣстность о приказахъ, отданныхъ имъ по вѣдомству геніевъ воздушныхъ пространствъ. Истинная причина противодѣйствія правительства та, что постройка желѣзныхъ дорогъ, по его мнѣнію, имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ значительное усиленіе вліянія иностранцевъ и отдаетъ въ ихъ руки, даже внутри страны, весь перевозочный промыселъ. Подобное опасеніе, конечно, не лишено основанія, и не трудно понять, почему Китай считалъ нужнымъ подождать, пока государство будетъ приведено въ достаточное оборонительное состояніе, прежде чѣмъ свободно открыть свои провинціи предпріятіямъ европейскихъ инженеровъ. «Китай для китайцевъ!»—такой общій крикъ во всей Срединной имперіи; даже большая часть же-

[1]) Vigneron, „Deux ans au Sen-tchouan".

[2]) Во время печатанія настоящаго изданія телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что съ сентября настоящаго года во всемъ Китаѣ начала дѣйствовать правительственная почта, организація которой ввѣрена покамѣстъ въ руки управленія морскими таможнями. Прим. ред.

лѣзныхъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей переданы для эксплоатаціи въ частныя руки подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы промышленники не употребляли на работы европейцевъ. Къ этой боязни чужеземцевъ у генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ провинцій присоединяется еще своя спеціальная причина нерасположенія къ такому новшеству, какъ рельсовые пути. Затруднительность сообщеній съ столицей дѣлаетъ генералъ-губернаторовъ въ дѣйствительности почти независимыми въ отношеніи всего мѣстнаго управленія; желѣзныя же дороги имѣли бы то неизбѣжное слѣдствіе, что контроль сдѣлался бы болѣе легкимъ и дѣйствительнымъ; свѣдѣнія объ ихъ хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ имѣли бы болѣе шансовъ достигнуть цѣли: отсюда и происходитъ ихъ ненависть къ злосчастной выдумкѣ «западныхъ варваровъ».

Однако, подобное сопротивленіе въ этомъ дѣлѣ не можетъ продолжаться еще долгое время: интересы всякаго рода, которые требуютъ устройства сѣти желѣзныхъ путей на Дальнемъ востокѣ, становятся все болѣе настоятельными съ каждымъ годомъ. Китай понялъ наконецъ, что и самая оборона страны можетъ сдѣлаться невозможной, если императорское правительство, оставляя своимъ внѣшнимъ врагамъ удобство быстро привозить свои войска къ его границамъ морскимъ путемъ, будетъ располагать, для сосредоточенія своихъ военныхъ силъ, только скверными проселочными дорогами и тропинками внутренняго Китая. Этотъ вопросъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ сдѣлался самымъ острымъ въ Китаѣ; пользу ихъ уже сознаютъ передовые китайскіе умы, и не далеко то время, когда правительство будетъ вынуждено само заняться постройкой желѣзно-дорожныхъ линій, съ тою же настойчивостью, съ какою оно проводило телеграфныя линіи, ранѣе имъ отвергаемыя.

Не только портовые города, гдѣ имѣютъ пребываніе иностранцы, соединены съ Европой двойной телеграфной линіей, изъ которыхъ одна идетъ черезъ Сингапуръ, огибая континентъ на югѣ, а другая черезъ Владивостокъ, пересѣкая

Воздушный телеграфъ.

его на сѣверѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство устроило линію проволокъ между многими городами страны. Что касается старыхъ «воздушныхъ» телеграфовъ или дунъ-тай, то они теперь уже заброшены: это были просто пирамидальные очаги, помѣщенные на широкихъ каменныхъ цоколяхъ и содержавшіе кучи коровьяго кала или хвороста, которые, въ случаѣ надобности, разжигались, чтобы подать вѣсть сторожамъ соотвѣтственныхъ башенъ. Съ подобными телеграфами комбинаціи сигналовъ были, конечно, не многочисленны; онѣ приносили только ту пользу, что посредствомъ ихъ можно было предостеречь правительство, давая ему знать о существованіи волненій въ отдаленныхъ провинціяхъ [1]).

[1]) „Lettres édifiantes“;—Vigneron;—Gaston de Bézaure, etc.

Пропорціонально ихъ дѣйствительному вліянію на Китай и рѣшительному участію, которое они принимаютъ въ его преобразованіяхъ, иностранцы различныхъ національностей очень слабо представлены въ Цвѣтущемъ царствѣ: въ 1894 году число ихъ торговыхъ домовъ было 552, и по національностямъ эти дома распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [1]):

Англійскихъ домовъ—350; американскихъ домовъ — 31; германскихъ — 85; французскихъ—32; русскихъ—4; остальныхъ—50.

Прибавляя къ этому путешественниковъ, миссіонеровъ и дипломатическій корпусъ, но не считая моряковъ, которые обыкновенно останавливаются на короткое время въ портовыхъ городахъ, найдемъ, что общее число проживающихъ въ Китаѣ чужеземцевъ ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ 10.000 челов.

И дѣйствительно, согласно «Chronicle and Directory 1897 г.», число иностранцевъ въ Китаѣ въ 1894 году было 9.350 человѣкъ. Въ томъ числѣ по націямъ:

Англичанъ — 3.989 ч.; американцевъ — 1.294 ч.; французовъ – 807 ч.; германцевъ— 356 ч.; португальцевъ — 780 ч.; шведовъ — 356 ч.; итальянцевъ — 206 ч.; испанцевъ — 380 ч.; японцевъ—253 ч. и русскихъ—42*.

Въ сравненіи съ безчисленными массами желтолицыхъ сыновъ «Срединной націи», эти пришельцы съ Запада представляютъ собою ничтожную горсть людей; но присутствіе ихъ тѣмъ не менѣе указываетъ на важный переворотъ въ исторіи Азіи и всего міра. Торговля, промышленность, нравы и понятія – все измѣнено въ гораздо большой степени, чѣмъ это сознаютъ сами китайцы. Въ портахъ морскаго прибрежья эти выходцы изъ дальнихъ, европейскихъ странъ создали даже особый языкъ, такъ называемый pidgeon—englisH или «англійскій торговый» (pidgeon—это англійское слово business, произносимое на китайскій ладъ), который уже имѣетъ кое-какія притязанія сдѣлаться литературнымъ діалектомъ, и который употребляется даже между китайцами различныхъ нарѣчій: онъ даетъ имъ много терминовъ для новыхъ понятій. Въ замѣнъ того, множество словъ обыденнаго языка вошли въ этотъ жаргонъ, но большинство выраженій до того преобразилось, что ни китайцы, ни иностранцы не узнаютъ ихъ въ новой формѣ. Основа этого смѣшаннаго англо-китайскаго говора скорѣе португальская, чѣмъ британская, и первоначальное происхожденіе его нужно искать въ Индіи, въ колоніи Гоа: такъ, напримѣръ, имя joss, даваемое на морскомъ прибрежьѣ статуямъ Будды, боговъ и святыхъ, происходитъ отъ португальскаго слова Dios (Богъ) [2]). Во французскихъ «концессіяхъ» также говорятъ коммерческимъ жаргономъ португальской основой, въ которомъ встречается нѣсколько французскихъ словъ, более или менѣе узнаваемыхъ.

По числу переселенцевъ, эмиграція китайцевъ представляетъ явленіе гораздо болѣе значительное, чѣмъ водвореніе чужеземцевъ въ Китаѣ, хотя она далеко ниже, по цифрѣ и движеній, которыя происходятъ изъ Срединнаго царства къ сѣвернымъ областямъ. Такъ китайцы и ихъ потомки, которые живутъ теперь внѣ Великой стѣны, въ Монголіи, Маньчжуріи, во внѣшнемъ Гань-су, составляютъ не менѣе пятнадцати милліонновъ человѣкъ, тогда какъ китайцевъ, или дѣтей китайцевъ, обитающихъ въ иностранныхъ государствахъ, вѣроятно, не наберется болѣе трехъ милліоновъ. Слѣдовательно, въ движеніи современныхъ народныхъ «исходовъ» китайцы по численности выселяющихся, слѣдуютъ лишь за ирландцами, англичанами, нѣмцами, испанцами, португальцами. Часто преувеличивали дѣйствительную роль ихъ эмиграціи: предчувствіе страшныхъ столкновеній между расами заставило видѣть слишкомъ преждевременно нашествіе желтолицей націи на остальной міръ.

Число китайцевъ, выселившихся за предѣлы Срединной имперіи, слѣдующее:

Сибирь (лѣвый берегъ Амура), въ 1869 г. — 10.580.

Японія и ея владѣнія, въ 1879 г.—3.02[illegible]

Соединенные Штаты: Калифорнія, въ [illegible] г.—75.125; Орегонъ въ 1881 г.—9.500; [illegible]гіе штаты, въ 1881 г.—21.100. Итого—105.[illegible]

Викторія или Британская Колумбія, въ 1881 г.—11.850.

Другія части Британской Америки—1.0[illegible]

Романская Америка: Перу—70.000; Бр[illegible]лія—10.000; Куба и Пуэрто-Рико, въ 1880 г. 110.000; другія государства—5.000. Итого 195.000.

Гвіаны, въ 1881 году—13.500.

Малые Антильскіе острова—3.000.

Сандвичевы острова, 15 февраля 1881 г. 14.500.

Другіе острова Тихаго океана—20.000.

Австралія: Квинследъ, въ 1880 г.—14.[illegible] Викторія, въ 1880 г.—13.000; Новый Валлисъ и остальная Австралія—11.500; Тасманія 750; Новая Зеландія—4.445. Итого—44.[illegible]

Филиппинскіе острова: Люсонъ — 180.[illegible] другіе острова—70.000. Итого—250.000.

Голландскіе острова: Ява, въ концѣ 1[illegible] г. — 206.051; Борнео и другіе остр[illegible] 1878 г.—119.534. Итого—325.585.

Сингапуръ — 110.000; Пуло - Пинангъ 1879 г. – 40.000; Аннамъ, въ 1875 г. 105.000; Французская Кохинхина, въ 1[illegible] г.—47.200; Камбоджа, въ 1875 г.—100.[illegible] Сіамъ—1.500.000; Бирманія—20.000; по[illegible] островъ Малакка—20.000; Британская

[1]) „Chronicle and Directory“, 1897.
[2]) „The Chinese and Japanese Repository“, vol. I.

дія — 10.000; острова Индійскаго океана — 5.000; Южная Африка—3.000, другія страны земнаго шара—1.000.

По поводу опасеній, внушаемыхъ китайской эмиграціей, нужно замѣтить, во-первыхъ, что въ прежнее время значительная часть эмиграціоннаго движенія не имѣла ничего добровольнаго и была въ сущности своего рода торгомъ невольниками, болѣе или менѣе замаскированнымъ. Сотни несчастныхъ, навербованныхъ подъ различными предлогами на улицахъ многолюдныхъ торговыхъ городовъ, или просто украденныхъ на морскомъ берегу, были приводимы глухой ночной порой на корабли и запирались тамъ въ пространствѣ между палубами, для того, чтобы быть впослѣдствіи отданными, подъ видомъ «добровольно нанявшихся работниковъ», плантаторамъ Антильскихъ острововъ, Гвіанъ или Перу! Большіе барыши, реализуемые на этихъ грузахъ человѣческаго мяса, возбуждали до такой степени жадность работорговцевъ, что они старались забирать за-разъ какъ можно больше куліевъ и перевозили ихъ биткомъ набитыми въ тѣсныхъ трюмахъ, безъ воздуха, безъ свѣта, давая имъ недостаточную пищу. Сколько разъ эти бѣдные ссыльные, страдая отъ голода, отъ тифа, отъ дурнаго обращенія, пытались взбунтоваться противъ своихъ похитителей! Страшныя драмы совершались на этихъ переселенческихъ корабляхъ. Случалось, что партія эмигрантовъ была изрублена черезъ десятаго ударами топора; иной разъ ее удушали всю поголовно въ наглухо запертомъ трюмѣ; бывало и такъ, что экипажъ, пересѣвъ на шлюпки, потоплялъ корабль со всѣми находившимися на немъ узниками! И теперь еще большіе эмигрантскіе корабли устроены такимъ образомъ, чтобы можно было постоянно держать весь грузъ куліевъ подъ угрозой обдаванія струями горячаго пара и обливанія кипящей водой [1]). На кораблѣ «Dolores Ugarte» несчастные не хотѣли погибнуть, не отомстивъ своимъ мучителямъ: они подожгли судно, и всѣ находившіеся на немъ, капитанъ, матросы и плѣнники, сгорѣли въ пламени пожара! Эти ужасающіе случаи, хорошо извѣстные въ Китаѣ, были причиной того, что торговля яко-бы «нанятыми» куліями становилась все болѣе и болѣе затруднительной, и даже эмиграція вольныхъ переселенцевъ, которая теперь сдѣлалась уже правиломъ, была пріостановлена на долгое время. Средняя смертность на переселенческихъ корабляхъ всегда превышала десятую часть перевозимаго населенія, а многіе корабли высаживали на мѣстѣ назначенія только треть живаго груза, взятаго въ мѣстѣ отправленія. Въ 1857 году 63 переселенческихъ корабля, которые брали «добровольныхъ» эмигрантовъ для доставки въ Гаванну, увезли 23.928 куліевъ, изъ которыхъ 3.342, то-есть около седьмой части умерли въ дорогѣ [1]).

Но чѣмъ особенно отличается китайская эмиграція отъ переселенія европейскихъ колонистовъ, такъ это тѣмъ, что ряды его состоятъ почти исключительно изъ мужчинъ. Во время заселенія калифорнскихъ золотыхъ пріисковъ (placers) и австралійскихъ «золотыхъ полей», толпы европейцевъ и американцевъ, бросившихся на поиски драгоцѣннаго металла, были почти всѣ молодые люди или мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ; но то были, въ исторіи европейской эмиграціи, исключительные факты. Пропорція бѣлыхъ женщинъ, которыя отправляются въ колоніи, либо по одиночкѣ, либо вмѣстѣ съ семейной группой, почти всегда значительна, и въ періодъ одного или двухъ поколѣній, численное равновѣсіе между полами возстановляется. Совершенно иное явленіе представляетъ намъ китайская эмиграція. Тамъ выселяются только мужчины, и долгое время почти вовсе не видѣли китайскихъ женщинъ ни въ Новомъ Свѣтѣ, ни въ Австраліи, ни въ Приморской области, кромѣ тѣхъ, за которыхъ за проѣздъ и содержаніе въ пути платили антрепренеры эмиграціи: ни одна изъ нихъ не предприняла, по собственному желанію, этого путешествія за море; процентъ лицъ женскаго пола довольно значителенъ въ ежегодной эмиграціи только для Сингапура и Пинана, которые, по характеру ихъ населенія, могутъ считаться какъ бы китайскими землями и которые при томъ находятся сравнительно не далеко отъ Срединной имперіи. Число эмигрантовъ, выѣхавшихъ изъ Гонконга съ 1 января по 30 апрѣля 1881 г. было:

Мужчинъ — 19.550; женщинъ — 4.850, (4.449 въ Сингапуръ); мальчиковъ—269; дѣвочекъ—56 (40 въ Сингапуръ); всего—24.735.

Изъ Чифу ежегодно выселяется въ Приморскую область масса китайскаго люда и въ одинъ Владивостокъ, по свѣдѣніямъ газеты «Владивостокъ», прибыло въ весну 1897 года до 30 т. душъ. Въ лѣто 1898 года наплывъ китайцевъ-эмигрантовъ и рабочихъ достигъ до 58 т. человѣкъ (?) [2]). Изъ Чифу въ 1895 году выѣхало 28.529 человѣкъ, а изъ Амоя 74.012 душъ [3]).

Отливъ мужскаго населенія въ чужіе края имѣлъ, между прочимъ, то слѣдствіе, что случаи дѣтоубійства дѣвочекъ стали гораздо чаще повторяться во многихъ деревняхъ морскаго прибрежья; многіе родители не видятъ никакой будущности для своихъ дочерей, кромѣ какъ въ замужествѣ, и разсуждаютъ такъ, что лучше

[1]) Wernich, „Geographisch medicinische Studien".

[1]) Crawfurd, „Rapport consulaire".
[2]) „Владивостокъ и Дальній востокъ", 1898 г.
[3]) „Returns of trade" 1895 г.

покончить съ ними сразу, чѣмъ подвергать ихъ несчастью оставаться весь вѣкъ въ дѣвицахъ [1]). Китайская женщина, не пользующаяся ни личной свободой, ни имущественными правами, не можетъ выходить изъ семейнаго дома иначе, какъ по волѣ отца или мужа, и даже внутри государства ей рѣдко позволяется дѣлать дальнія поѣздки. За исключеніемъ мандариновъ, перемѣщаемыхъ изъ одного города въ другой по дѣламъ службы, китайцы рѣдко возятъ съ собой семейство; почти всѣ торговые люди странствуютъ по Срединному царству безъ сопровожденія своихъ женъ и обзаводятся случайными семьями въ отдаленныхъ провинціяхъ, куда они наѣзжаютъ періодически, или гдѣ имъ приходится жить продолжительное время. Даже закономъ запрещено вывозить женщину изъ административныхъ границъ края. Такъ какъ замужняя женщина почти всегда раздѣляетъ судьбу главы семейства, то правительство хочетъ помѣшать тому, чтобы китаянки вступали въ бракъ съ иноземцами и, такимъ образомъ, способствовали размноженію враждебныхъ расъ; напротивъ, эмигранты изъ Цвѣтущаго царства, принужденные брать себѣ женъ между туземками, основываютъ на чужбинѣ семьи, которыя, разумѣется, связаны узами родства съ дѣтьми Хань. По отношенію къ эмиграціи за предѣлами имперіи этотъ законъ, конечно, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ онъ былъ изданъ лишь для странъ подвластныхъ Сыну Неба, а между тѣмъ онъ и тамъ соблюдался силою привычки. Впрочемъ, всякое выселеніе, даже выселеніе мужчинъ, было долго не дозволяемо; всякое соприкосновеніе подданныхъ богдыхана съ заморскими варварами было воспрещено какъ пагубное для «пяти добродѣтелей» и для сыновняго почтенія: эмигранты должны были уходить потихоньку, безъ вѣдома или несмотря на несогласіе мѣстныхъ властей. Но выселеніе за границу приняло столь значительные размѣры, особенно между хакками, въ провинціяхъ Фуцзянь и Гуанъ-дунъ, и практиковавшійся еще недавно насильственный увозъ куліевъ, захватываемыхъ въ селеніяхъ морскаго прибрежья, лишилъ правительство такого большаго числа подданныхъ, что необходимо было, наконецъ, серьезно подумать объ урегулированіи эмиграціоннаго движенія, по соглашенію съ иностранными державами, и постараться сохранить за собой верховныя права надъ выселившимися на чужбину китайцами. Невозможно, чтобы съ теченіемъ времени, благодаря все болѣе и болѣе увеличивающейся легкости путешествій, эмиграціонный потокъ не увлекъ также и женщинъ въ чужіе края, гдѣ мужчины ихъ расы уже представлены сотнями тысячъ индивидуумовъ. Мало-по-малу ближайшія къ Китаю страны колонизаціи перестаютъ считаться иностранной землей: эмигранты могутъ основывать тамъ семью и оставлять свои кости, будучи увѣрены, что прахъ ихъ будетъ почтенъ погребальными обрядами, какъ былъ почтенъ, на родинѣ, прахъ ихъ предковъ. Но, въ глазахъ сыновъ Ханя, было бы тяжкимъ преступленіемъ оставить тѣло соотечественника въ отдаленной землѣ, гдѣ дѣти не могли бы воздать ему послѣднихъ почестей. Поэтому китайцы, живущіе въ Калифорніи, въ Перу или въ австралійскихъ колоніяхъ, у насъ на Амурѣ организуютъ изъ себя общества взаимопомощи на предметъ отсылки тѣхъ умершихъ въ метрополію.

Хотя семейства совершенно китайскія не могутъ основываться на чужбинѣ, кромѣ какъ въ исключительныхъ случаяхъ, выходцы изъ Срединнаго царства составляютъ, тѣмъ не менѣе, въ странахъ, гдѣ они поселяются, одинъ изъ важныхъ элементовъ населенія, благодаря своему неутомимому трудолюбію. Отличаясь крайней воздержностью и умѣренностью потребностей, обладая способностью приспособляться ко всякимъ средамъ, занимаясь самыми разнообразными ремеслами, настойчивые въ осуществленіи своихъ предпріятій, искусные въ эксплоатированіи человѣческихъ страстей и слабостей, крѣпко связанные между собой въ общества гласныя и тайныя, умѣющіе втереться всюду съ изумительной пронырливостью, эти выходцы успѣваютъ тамъ, гдѣ пропали бы колонисты другихъ расъ, и основываютъ благоденствующія общины. Въ борьбѣ за существованіе они имѣютъ на своей сторонѣ то преимущество, что легко выучиваются говорить, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, коверкая слова, на языкахъ различныхъ странъ, которыя они посѣщаютъ, тогда какъ иностранцы очень рѣдко даютъ себѣ трудъ изучать китайскій языкъ. Семья, которую основываетъ сынъ Ханя въ своемъ новомъ отечествѣ, всегда дѣлается китайской, къ какой бы національности ни принадлежала мать, къ сіамской, тагальской или яванской. Какъ представители высшей цивилизаціи, отличающіеся, вообще говоря, лучшими манерами, чѣмъ туземцы, китайцы почти всегда, если только не въ Японіи, считаются хорошей партіей, и ихъ сватовство встрѣчаетъ благопріятный пріемъ. Китайская кровь вездѣ слываетъ «крѣпкой кровью»; дѣти, родившіяся отъ брака китайца съ иностранкой и даже отъ брака китаянки съ иностранцемъ, почти всегда имѣютъ китайскій типъ: смѣшеніе крови дѣлается въ пользу болѣе сильной расы [1]). Такимъ то-образомъ выходцы изъ Срединнаго царства основываютъ прочныя общины на чужбинѣ, какъ бы малень-

[1]) Wells Williams, „The Middle Kingdom“

[1]) Ratzel, „Die Chinesische Auswanderung“;—Bastian и др.

кіе «Китаи», несокрушимые, кромѣ какъ посредствомъ поголовнаго избіенія. Области, гдѣ они всего прочнѣе водворились,—это рѣчные бассейны, которые спускаются изъ Юнь-нани и Сы-чуани въ Индо-Китай; съ этой стороны, какъ и на другой оконечности имперіи, въ Маньчжуріи и внутренней Монголіи, они завоевываютъ страну постепенно, шагъ за шагомъ, посредствомъ земледѣлія, торговли, распространенія гражданственности между туземными племенами. Спускаясь по теченію рѣкъ, колонисты, пришедшіе по сушѣ, неизбѣжно должны сойтись въ Сіамскомъ королевствѣ со своими соотечественниками, прибывшими морскимъ путемъ.

Въ чужихъ краяхъ, гдѣ китайскіе эмигранты не вступаютъ въ конкурренцію съ господствующей расой, они скоро дѣлаются необходимыми людьми. Такъ, напримѣръ, англійская колонія Сингапуръ обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, главнымъ образомъ, китайцамъ; безъ нихъ все промышленное и торговое движеніе этой колоніи тотчасъ же остановилось бы. Но есть другія страны, гдѣ они находятъ соперниковъ въ работѣ и конкурентовъ, которые ихъ проклинаютъ. Такъ, въ то время, когда англійская колонія западной Австраліи, очень мало населенная и неимѣющая другихъ богатствъ и рессурсовъ, кромѣ луговъ и пастбищъ, нуждается въ китайскихъ колонистахъ для того, чтобы наблюдать за стадами скота, содержать въ порядкѣ сады, ввести и развить въ краѣ кое-какую промышленность и ремесленность, процвѣтающіе штаты Квинслендъ, Новый Южный Валлисъ, Викторія, въ восточной Австраліи, стараются, напротивъ, избавиться отъ желтолицыхъ пришельцевъ, слишкомъ трудолюбивыхъ, слишкомъ воздержанныхъ и умѣренныхъ въ своихъ потребностяхъ, слишкомъ бережливыхъ, а главное—слишкомъ легко удовлетворяющихся скудной заработной платой, на взглядъ бѣлокожихъ рабочихъ. Китайцевъ упрекаютъ въ томъ, что они мало-помалу монополизируютъ нѣкоторые промыслы или ремесла, какъ женскія, каковы, напримѣръ, мытье половъ и стирка бѣлья, такъ и самыя тяжелыя мужскія работы, эксплоатацію рудниковъ и копей; какъ ни малы ихъ заработки, они, однако, въ концѣ концовъ, всегда успѣваютъ разбогатѣть, тогда какъ ихъ конкурренты кавказской расы бѣднѣютъ; при этомъ они не оставляютъ въ краѣ никакого слѣда своего пребыванія, и ихъ маленькія сбереженія регулярно отсылаются на родину черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Подушная подать, налагаемая, вопреки трактатовъ, стѣснительныя мѣры всякаго рода, и, во многихъ случаяхъ, даже прямыя гоненія и кровавые погромы повели къ тому, что уменьшили во многихъ австралійскихъ калифорнійскихъ графствахъ число китайскихъ колонистовъ, или даже совершенно отвратили эмиграціонный потокъ. Пекинское правительство согласилось подписать съ Соединенными Штатами трактатъ, ограничивающій право поселенія его подданныхъ на американской почвѣ; точно также власти Филиппинскихъ острововъ и голландскихъ колоній въ Зондскомъ архипелагѣ противопоставляютъ препятствія всякаго рода прибытію китайцевъ, не позволяя имъ селиться иначе, какъ только въ указанныхъ мѣстахъ, воспрещая имъ различныя профессіи, облагая ихъ особенными податями и поборами, подвергая ихъ всевозможнымъ полицейскимъ придиркамъ и формальностямъ; но движеніе, уносящее излишекъ китайскаго народонаселенія къ прибрежнымъ странамъ Тихаго океана, сдѣлалось уже неудержимымъ; въ лучшемъ разѣ можно только замедлить его на время или перемѣстить его ходъ. Даже Аравійскій полуостровъ начинаетъ получать китайскихъ переселенцевъ: магометане Срединнаго царства каждый годъ принимаютъ участіе въ паломничествѣ въ Мекку, и нѣкоторые изъ нихъ остаются въ странѣ [1]). Что бы ни дѣлали, взаимныя сношенія разноплеменныхъ народовъ все болѣе и болѣе учащаются, и на тысячѣ точекъ земнаго шара заразъ встаетъ этотъ вопросъ первостепенной важности, вопросъ о примиреніи между бѣлыми и желтыми представителями человѣческаго рода, рѣзко различающимися между собой идеаломъ, характеромъ, традиціями и нравами.

Пребываніе такого множества сыновъ Хань въ чужихъ краяхъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, не менѣе важности для обновленія Китая, чѣмъ присутствіе иностранцевъ въ самой странѣ. Терпѣливые и внимательные наблюдатели, китайцы хорошо сохраняютъ въ памяти всѣ уроки, которые даетъ имъ трудная жизненная борьба, и умѣютъ дѣйствовать сообразно этимъ урокамъ, видоизмѣняя свои поступки и усвоивая себѣ чужеземныя искусства, не съ юношескими увлеченіемъ японца, но съ рѣшимостью и непобѣдимой настойчивостью. Гордые длиннымъ прошлымъ своей многовѣковой цивилизаціи, ясно сознающіе, въ чемъ именно та или другая изъ ихъ промышленностей, тотъ или другой изъ ихъ обычаевъ можетъ превосходить иностранныя практики, китайцы вовсе не обнаруживаютъ наклонности бросаться зря, безъ всякаго разбора, въ подражаніе англійскимъ модамъ: они не наряжаются въ странные европейскіе костюмы, какъ японцы, чтобы походить на «рыжеволосыхъ варваровъ», но они отлично видятъ, какія выгоды могутъ извлечь изъ полезныхъ западныхъ изобрѣтеній, и далеки отъ того, чтобы отвергать эти изобрѣтенія единственно по причинѣ ихъ происхожденія. За исключеніемъ мандариновъ, ко-

[1]) Wilfrid Blount, „Fortnightly Review", августъ 1881 г.

торые заинтересованы въ сохраненіи своихъ привилегій и употребляютъ всѣ усилія и средства, чтобы удержать существующій порядокъ вещей, масса націи очень хорошо понимаетъ, какъ много она можетъ выиграть отъ изученія наукъ и искусствъ, которые приносятъ ей западные люди. Больные толпами являются въ госпитали и лечебницы, основанные европейцами въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ, Амоѣ, Фу-чжоу, Нинъ-бо; своеобразная китайская фармакопея, гдѣ магическія средства играли столь важную роль, приближается мало-по-малу къ лекарствовѣдѣнію западныхъ народовъ; употребленіе вакцины (коровьей оспы) замѣнило опасный способъ натуральнаго оспопрививанія черезъ ноздри, и тамъ и сямъ изъ безчисленной массы туземныхъ лекарей-эмпириковъ выступаютъ серьезные врачи практики, изучившіе анатомію, физіологію, гигіену. Въ торговыхъ городахъ морскаго прибрежья открылись европейскія школы, и воспитанники ихъ не оказались неспособными къ изученію какого-либо изъ предметовъ, преподаваемыхъ иностранными наставниками; они учатся даже музыкѣ «варваровъ», къ которой прежде ихъ считали совершенно нечувствительными, и, благодаря чрезвычайной тонкости ихъ слуха, они дѣлаются если не тонкими цѣнителями европейской музыки, то искусными музыкантами [1]). Несмотря на особенныя трудности, которыя представляютъ сочиненія, переводимыя на языкъ столь отличный отъ языка, на которомъ они задуманы и написаны, сокровище книгъ научнаго содержанія и другихъ, переложенныхъ китайцами на свою рѣчь, простирается уже до нѣсколькихъ тысячъ названій. Имъ отказываютъ вообще въ способности пониманія чиселъ, а между тѣмъ именно математическія сочиненія всего болѣе требуются китайской публикой: геометрія Евклида или книга «Элементы количества», китайскій переводъ которой былъ начатъ миссіонеромъ Риччи въ 1608 году, сдѣлалась классическимъ твореніемъ и выдержала множество послѣдовательныхъ изданій [2]). Періодическія изданія, основанныя иностранцами въ открытыхъ внѣшней торговлѣ городахъ, имѣютъ большое число туземныхъ читателей, даже когда они не трактуютъ о дѣлахъ Китая: такъ издаваемая въ Шанхаѣ ежедневная газета Шунь-бао, которая занимается исключительно заморскими націями, поставивъ себѣ задачей описывать ихъ жизнь, нравы, обычаи, этикетъ, имѣла еще въ 1877 году не менѣе 8.000 подписчиковъ все туземцевъ [3]). Кромѣ этой газеты весьма большимъ распространеніемъ пользуется Синьвэнь-бао. Провинціи по нижнему теченію Голубой рѣки, то-есть тѣ, которыя находятся въ наиболѣе частыхъ сношеніяхъ съ иностранцами, были и есть самыя богатыя писателями, несмотря на постигшія этотъ край бѣдствія междоусобной войны, и уже нѣкоторые изъ этихъ писателей осмѣливаются критиковать слова древнихъ авторовъ, благоговѣйно передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ одномъ Шанхаѣ выпускается пять ежедневныхъ газетъ, изъ нихъ одна чисто юмористическая. Предметами насмѣшекъ служатъ конечно рыжеволосые варвары. Одну изъ распространенныхъ шанхайскихъ газетъ издаетъ «Китайское общество прогресса».

Само правительство должно было уступить давленію общественнаго мнѣнія и въ 1868 г. учредило, при Цзяннанскомъ арсеналѣ, переводное бюро, для изданія главнѣйшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, относящихся къ наукамъ. Съ 1868 по 1879 годъ въ этомъ арсеналѣ было переведено 142 сочиненія, заключавшія 378 томовъ, и изъ нихъ продано публикѣ 83.454 экземпляра; кромѣ того, издано 27 картъ, разошедшихся въ количествѣ 84.774 оттисковъ [1]). Далѣе правительство основало въ Пекинѣ, подъ именемъ Тунъ-вэнь-гуань, административную коллегію или лицей, гдѣ обучаютъ языкамъ: англійскому, французскому, русскому, нѣмецкому, и гдѣ курсы физики, химіи, медицины, физіологіи, астрономіи, а также чтенія по сравнительному законодательству поручены иностраннымъ профессорамъ, въ помощь которымъ даны репетиторы изъ туземцевъ; большинство лекцій читается на англійскомъ языкѣ, но постоянныя упражненія поддерживаютъ до конца курса ученія практику другихъ европейскихъ языковъ. Административный персоналъ имперіи набирается частію въ этой школѣ, которую въ 1876 г. посѣщали около сотни воспитанниковъ. Кромѣ того, правительство, слѣдуя примѣру Франціи, учредившей свои высшія училища въ Рихѣ и Аоинахъ, основало въ городѣ Гартфордѣ, въ штатѣ Коннентикутъ, великолѣпное учебное заведеніе, гдѣ около сотни молодыхъ китайцевъ, воспитываемыхъ на его счетъ, должны были проводить около пятнадцати лѣтъ, изучая науки и промышленныя искусства. Но въ 1881 году оно упразднило это заведеніе, вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва, даннаго словеснымъ коммиссаромъ, который съ ужасомъ констатировалъ тотъ фактъ, что молодые китайцы сильно американизировались въ нравахъ и понятіяхъ; отнынѣ образованіе этихъ питомцевъ имперіи должно доканчиваться въ Европѣ.

Наконецъ въ іюнѣ 1898 года указомъ богдохана повелѣно немедленно открыть въ Пекинѣ университетъ для преподаванія различ-

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage d'exploration dans l'Empire Chinois"; — R. Werner, „Die preussische Expedition in China, Japan und Siam".

[2]) Leckhert, „The medical Missionary in China".

[3]) H. Giles, „Chinese Sketches".

[1]) Fryers, „Nature", 19 марта 1881 г.

ныхъ наукъ практическаго характера, не исключая и военныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано для подготовленія контингента университетскихъ слушателей открыть въ главнѣйшихъ городахъ особыя подготовительныя училища. Преподаваніе наукъ во вновь открытомъ высшемъ учебномъ заведеніи будетъ поручено иностраннымъ профессорамъ, изъ которыхъ половина англичанъ и по два человѣка французовъ, нѣмцевъ, русскихъ и японцевъ*.

По-китайски слово цзяо примѣняется одинаково къ образованію и къ религіи: ученіе разсматривается какъ своего рода религіозный культъ [1]). Уже тысячи лѣтъ господствуетъ принципъ, признаваемый всѣми обитателями Срединнаго царства, что родители должны стараться дать образованіе своимъ дѣтямъ мужескаго пола. Всѣ города и всѣ деревни должны имѣть школы, наставники которыхъ получаютъ содержаніе отъ общины или отъ околотка и выбираются свободно совѣтомъ отцовъ семействъ. Люди состоятельные держатъ одного или нѣсколькихъ воспитателей въ своихъ семействахъ; другіе, кто побѣднѣе, посылаютъ своихъ сыновей въ дневныя школы, внося крайне умѣренную плату за ученье; въ большихъ городахъ существуютъ вечерніе классы, посѣщаемые мальчиками, которые должны заниматься въ продолженіе дня, чтобы зарабатывать себѣ средства къ жизни или содержать своихъ родителей. Дѣти, отъ природы любознательныя, терпѣливыя, прилежныя, привыкшія къ порядку, съ истинной страстью учатся читать тѣ нѣсколько сотенъ словъ, которыя необходимы имъ въ житейскомъ обиходѣ; у нихъ нѣтъ времени, чтобы достигнуть основательнаго знанія словарей, и сокровищница преданій остается для нихъ закрытой; однако малѣйшій письменный знакъ, который они разбираютъ, необходимо пробуждаетъ соотвѣтственное понятіе въ ихъ умѣ; это не простой звукъ, лишенный смысла, какъ слогъ, складываемый по буквамъ европейскимъ ребенкомъ; машинальное чтеніе, въ родѣ того, которое такъ часто практикуется въ школахъ западныхъ странъ, было бы совершенно невозможно въ Китаѣ: тамъ нужно подумать слово прежде, чѣмъ произнести его. Оттого-то простой народъ питаетъ такое глубокое уваженіе къ знанію грамоты: простолюдины разсматриваютъ съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ надписи и мудрыя изреченія хорошихъ писателей, которыя украшаютъ аппартаменты, дома, публичныя зданія, и которыя, такъ сказать, превращаютъ весь Китай въ обширную библіотеку. Они почитаютъ даже бумагу, какъ будто нарисованныя на ней слова составляютъ самую науку, и простираютъ это благоговѣніе къ письменамъ такъ далеко, что организуютъ изъ себя общества, которыя ставятъ себѣ задачей—препятствовать профанаціи разбросанныхъ рукописей и разрозненныхъ книгъ, сжигая ихъ съ уваженіемъ.

Такъ называемые «ученые» или грамотеи и правительство, которое они представляютъ, также были предметомъ ихъ суевѣрнаго поученія: люди, на долю которыхъ выпало счастіе проникнуть въ тайны письма, казались имъ почти полубогами. Но событія послѣдняго времени не могутъ не уменьшить въ сильной степени традиціоннаго благоговѣнія толпы къ грамотеямъ. Она поняла, что ихъ наука пуста и безплодна, и что иностранцы, не изучая «пяти классиковъ», успѣли сдѣлать изобрѣтенія гораздо болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ тотъ или другой комментарій на слова Конфуція. Въ этомъ сознаніи заключается цѣлая нравственная революція, которая не преминетъ проявиться и политическими послѣдствіями. «Престижъ» или обаяніе власти ослабѣваетъ, и мандарины тщетно стараются поддержать его. Извѣстно, къ какимъ страстнымъ спорамъ и дипломатическимъ столкновеніямъ подалъ поводъ вопросъ о тройномъ поверженіи ницъ, которое прежде чужеземные министры обязаны были совершать передъ особой богдыхана [1]), когда Китай, не соглашаясь еще признавать иностранныя державы какъ равныхъ себѣ, не аккредитовалъ самъ постоянныхъ посланниковъ на Западѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Наконецъ, послы европейскихъ правительствъ своими угрозами порвать всякія сношенія съ Пекинскимъ дворомъ или даже вернуться врагами достигли

Г. Янгъ, состоящій при китайскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

[1]) Edkins, „Religions in China".

[1]) Pauthier, „Histoire des relations politiques de la Chine avec les puissances européennes".

того, что ихъ освободили отъ этой унизительной церемоніи; но мандарины были совершенно правы, смотря какъ на одно изъ важнѣйшихъ событій на этотъ фактъ, такой пустячный повидимому, который однако долженъ былъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ умаленіе императорскаго величества въ глазахъ его подданныхъ. Оттого они старались просто отрицать самый фактъ; изданныя ихъ иждивеніемъ брошюры разсказывали читателямъ, что чужестранные посланники были точно поражены громомъ при лицезрѣніи священной особы Сына Неба, и что богдыханъ, въ своемъ неисчерпаемомъ милосердіи, соблаговолилъ возродить ихъ къ жизни. Однако отмѣна обряда паденія къ стопамъ императора, по отношенію къ дипломатическимъ представителямъ, является лишь второстепеннымъ случаемъ, въ сравненіи съ тѣмъ униженіемъ, которое должны терпѣть китайскіе ученые по милости западныхъ людей. Простые крестьяне, носильщики тяжестей, которые не употребили лучшую часть своего существованія на изученіе знаковъ письма, видятъ и понимаютъ, какъ сильно уменьшается разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ грамотнаго класса: центръ тяжести перемѣщается въ Срединной имперіи въ пользу народа и въ ущербъ власти, и политическіе перевороты являются какъ роковое слѣдствіе эволюціи, совершающейся въ умахъ.

Особенно поразило всѣхъ сторонниковъ дореформеннаго почитанія классиковъ въ Китаѣ опубликованіе въ маѣ мѣсяцѣ 1898 года указа богдыхана, въ которомъ рекомендовалось при экзаменахъ обращать вниманіе не на витіеватость и красоту стиля, а на истинную суть дѣла, и предлагалось задавать темы на вопросы практически-важные, а не на объясненія классическихъ текстовъ или изреченій*.

Говорятъ еще о неподвижности Срединнаго царства, какъ это дѣлаютъ многіе, совершенно несправедливо: нигдѣ не было болѣе революцій, нигдѣ не перепробовано болѣе правительственныхъ системъ, какъ въ этомъ царствѣ [1]). Китай тоже измѣняется и сообразуется съ правиломъ одного изъ своихъ древнихъ мудрецовъ, цитируемаго Конфуціемъ: «Если хочешь усовершенствоваться, ты долженъ обновляться каждый день!» Но легко понять, почему преобразованія совершаются теперь медленнѣе въ Китаѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Жители Срединной имперіи проникнуты сознаніемъ, что они были долгое время цивилизованной націей по преимуществу, и даже они могли думать въ теченіе многихъ вѣковъ, что кромѣ нихъ на землѣ нѣтъ другаго образованнаго народа; они были окружены только варварами, дикарями или населеніями, которыхъ они же научили всему, что тѣ знали. Они считали себя единственнымъ народомъ, лѣтописи которо восходятъ далеко въ глубь вѣковъ, единственной націей, которая пользуется привилегіей долговѣчности. И вотъ, вдругъ они узнаютъ, что за морями, пустынями и плоскими возвышенностями, опоясывающими ихъ обширное государство, существуютъ другіе народы, которые, не будучи имъ равными по древности исторіи, превосходятъ ихъ въ знаніи и въ промышленности! Міръ раздвигается и заселяется вокругъ нихъ: эти внѣшнія пространства, которымъ они давали также незначительное протяженіе на своихъ старинныхъ картахъ, показываются такими, какими они суть въ дѣйствительности, въ десять разъ болѣе обширными и въ два раза болѣе населенными, чѣмъ Китай. превосходство, сознаніе котораго такъ пріятно ласкало самолюбіе, ускользаетъ отъ нихъ окончательно. Конечно, не безъ чувства горечи надменный народъ долженъ былъ признать относительное умаленіе своей роли въ мірѣ, и не легко ему унизиться до того, чтобы ходить въ школу иностранныхъ націй. Онъ дѣлаетъ это однако, но не теряя чувства собственнаго достоинства; онъ изучаетъ науки и индустрію Европы не какъ ученикъ, но скорѣе какъ соперникъ, который хочетъ усвоить себѣ ресурсы противника, чтобы съ помощью ихъ вести съ нимъ борьбу.

Давно была пора, чтобы какой-нибудь внѣшній толчекъ заставилъ Китай вступить на путь самообновленія. Наука въ Китаѣ превратилась въ простое искусство хорошо владѣть кистью, чтобы воспроизводить красивыми знаками классическія формулы. Гордые сознаніемъ, что обладаютъ посредствомъ своихъ идеографическихъ письменъ языкомъ по-истинѣ всемірнымъ, китайскіе ученые, которые въ то же время и полновластные господа націи, дошли до того, что стали смотрѣть на чтеніе и письмо, т. е. простыя средства къ пріобрѣтенію знаній, какъ на самую науку. Учиться читать—такова была главная и единственная задача, которой они посвящали свою жизнь. Они были наверху славы и почета, когда, въ концѣ длиннаго курса ученья, имъ удавалось постигнуть всѣ тайны ихъ письменнаго языка. Жизнь человѣческая слишкомъ коротка для этого столь продолжительнаго усвоенія искусства читать древнихъ авторовъ, и изучившему ихъ не остается времени для самостоятельнаго изученія окружающаго міра и пріобрѣтенія какихъ-либо реальныхъ знаній; невѣжды относительно явленій настоящаго, не умѣющіе проникать умственнымъ взоромъ сквозь завѣсу будущаго, эти «ученые» занимаются только прошедшимъ; они сводятъ все къ традиціи, къ прежде бывшимъ примѣрамъ, которые они находятъ у классиковъ; тамъ же ищутъ они и правила управленія государствомъ. Умѣть писать и понимать оффиціальныя бумаги, умѣть отыскивать въ сокро-

[1]) Henri Cordier. „Annales du musée Guim, et Revue de l'Histoire des Religions", mai, juin 1880.

вищницѣ древней мудрости формулы обрядностей и церемоній, которымъ должно слѣдовать во всѣхъ важныхъ актахъ жизни общественной и политической,—не есть ли это въ самомъ дѣлѣ то, что отличаетъ главнымъ образомъ мандарина отъ простыхъ смертныхъ, не есть ли это причина его престижа, единственный предлогъ, на который онъ можетъ ссылаться, чтобы требовать повиновенія?

Правительство и администрація.

Въ теоріи, Китайское государство есть большое семейство: императоръ почитается «отцомъ и матерью» своихъ подданныхъ, и привязанность, которую послѣдніе обязаны питать къ нему, вытекаетъ изъ двойной сыновней любви и почитанія. Если онъ приказываетъ, всѣ безпрекословно повинуются; если ему угодно взять имущество или жизнь подданнаго,—приговоренный долженъ съ признательностью отдать то или другую. Властелинъ Срединнаго царства можетъ даже давать приказанія почвѣ, водамъ и атмосферѣ: духи земли и воздуха исполняютъ его велѣнія. Онъ «Сынъ Неба», повелитель «Четырехъ морей» и «Десяти тысячъ народовъ». Ему одному присвоена привилегія приносить жертвы Небу и Землѣ, какъ верховному жрецу и какъ главѣ великой китайской семьи. Онъ говоритъ о самомъ себѣ со смиреніемъ, называя себя «несовершеннымъ человѣкомъ»; онъ даже отличается отъ вельможъ своего двора болѣе простой одеждой; но нѣтъ знаковъ обожанія, которые бы не оказывались ему. Присутствующій или отсутствующій, онъ получаетъ отъ своихъ подданныхъ доказательства божескаго почитанія, и самые высокіе сановники имперіи падаютъ ницъ передъ его пустымъ тономъ или передъ его ширмой изъ желтаго шёлка, которую украшаютъ фигура дракона съ пятью когтями, символъ счастья, и фигура черепахи—эмблема могущества. Въ провинціи мандарины воскуриваютъ ѳиміамъ при полученіи императорскаго указа и бьютъ челомъ объ полъ, обратившись лицомъ къ Пекину. Имя его до такой степени священно, что письменные знаки, употребляемые для означенія его, не могутъ уже служить для изображенія другихъ словъ, и должны быть видоизмѣняемы посредствомъ прибавленія черты [1]). «Всякъ да повинуется со страхомъ и трепетомъ!»—такова обычная формула, которою оканчиваются всѣ его прокламаціи.

Почитаніе, оказываемое китайцами своему «отцу и матери», не есть простая политическая фикція. Всѣ учрежденія государства организованы такимъ образомъ, чтобы установить точную параллель между обязанностями сына и обязанностями подданнаго; съ самаго ранняго дѣтства китаецъ научается вѣрить, что отеческая власть принадлежитъ главѣ большой семьи, какъ и главѣ малаго семейства, часть котораго онъ составляетъ; даже въ училищахъ, гробъ, на которомъ написано слово «блаженство», напоминаетъ дѣтямъ, что первый ихъ долгъ будетъ состоять въ успокоеніи душъ ихъ родителей. «Быть безпорядочнымъ въ поведеніи—значило бы погрѣшать противъ сыновняго долга, точно также было бы нарушеніемъ того же долга—не быть вѣрнымъ государю, не быть рачительнымъ и осмотрительнымъ, когда исполняешь какую-либо должность въ государственной службѣ, не быть искреннимъ въ своихъ отношеніяхъ съ друзьями, не быть храбрымъ подъ ружьемъ». Отецъ всегда почитается въ семействѣ какъ представитель богдохана, и домашнее возмущеніе наказывается совершенно такъ же, какъ преступленіе оскорбленія величества. Лѣтописи наполнены разсказами, свидѣтельствующими о той заботливости, которую выказываетъ правительство въ видахъ поддержанія этого фундаментальнаго принципа имперіи; дѣти, виновныя въ жестокомъ обращеніи со своими родителями, караются смертію, и домъ ихъ предается разрушенію; должностныя лица округа, въ которомъ произошло такое вопіющее дѣло, отставляются отъ службы, и даже передъ студентами того села закрываются двери экзаменаціонныхъ залъ; мѣсто, гдѣ совершено преступленіе, навсегда остается проклятымъ; и населеніе его переводится въ другую мѣстность: городъ Лоу-чжоу, на верхнемъ Янъ-цзы-цзянѣ, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые должны были вновь выстроиться далеко отъ прежняго своего мѣстоположенія, гдѣ земля и воздухъ были осквернены отцеубійствомъ [1]). По закону, впрочемъ очень рѣдко исполняемому, «въ большихъ городахъ, старики, перешедшіе за седьмой десятокъ лѣтъ», должны быть почитаемы всѣми какъ дѣды и состоять на попеченіи у своихъ общихъ дѣтей; содержаніе, которое имъ доставляютъ, и почести, которыя имъ оказываютъ, должны увеличиваться съ ихъ годами. Во что бы то ни стало имперія должна оставаться «семейнымъ союзомъ»: такъ выражаются указы государя; изъ шестнадцати публичныхъ чтеній, дѣлаемыхъ періодически народу, чтобы напомнить ему о его обязанностяхъ, первое относится къ сыновей любви [2]). Даже оффиціальныя названія, которыми означаютъ города, дворцы, площади и улицы, составляютъ, такъ сказать, цѣлый курсъ морали, внушенный домашними добродѣтелями. Между двѣнадцатью храмами, которые по закону должны быть сооружены въ каждомъ городѣ, всегда есть одинъ, посвящен-

[1]) Lockhart, „The Medical Missionary in China“;—I Fryers, „Nature“, 19 марта 1881 г.

[1]) De Carné, „Revue des Deux Mondes“, juin 1870.
[2]) I. F. Davis, „China“.

ный предкамъ; какъ бы ни были невзрачны и грязны кварталы города, какъ бы ни мало были почетны мѣстные промыслы, тѣмъ не менѣе красующіяся на улицахъ надписи напоминаютъ всѣ обязанности, лежащія на членахъ великой семьи, уваженіе къ старикамъ, взаимное доброжелательство между равными и заботливость о дѣтяхъ. Нѣтъ лавченки, нѣтъ харчевни, вывѣска которой не прославляла бы справедливость, добродѣтель или гармонію Земли и Неба.

Естественныя родственныя отношенія сына къ отцу сливаются въ понятіи народа «Ста семействъ» съ отношеніями повиновенія къ императору. Такова главная причина, которая поддерживала Китайское государство, несмотря на внутреннія революціи, иностранныя нашествія и перемѣны династій. Кажется, что и революціонерамъ никогда не приходила мысль трогать это основное начало правленія Цвѣтущей имперіи; даже самые ярые соціалисты всегда признавали священный характеръ отеческой и материнской власти императора. Только въ послѣднее время,—и конечно подъ вліяніемъ занесенныхъ извнѣ идей,—китайскіе вольнодумцы, быть можетъ несознающіе всей важности своихъ мятежныхъ поступковъ, позволили себѣ въ первый разъ насмѣхаться надъ своимъ верховнымъ повелителемъ и писать на стѣнахъ, по адресу его священной особы, оскорбительныя слова, которыя прохожіе читаютъ съ изумленіемъ и ужасомъ [1]). По древней теоріи, государь, вступающій на престолъ именемъ Неба, почитался во всякомъ случаѣ достойнымъ обожанія, каковы бы ни были его добродѣтели или его пороки. «Какъ бы ни была изношена шапка,—гласитъ «Шу-цзинъ» Конфуція,—ее все же надѣваютъ на голову, и какъ бы ни была чиста обувь, ее только надѣваютъ на ноги. Цзе (Кіе) и Шоу были гнусные злодѣи, но они были императоры; Чжэнъ-танъ и У-ванъ были великія и святыя личности, но были подданные».

Неограниченная и самодержавная въ принципѣ, въ силу своего божественнаго происхожденія, власть государей «Великой и чистой имперіи» не такова, однако, на практикѣ. Во всѣхъ провинціяхъ существуютъ извѣстныя правила обычнаго права, которыя имѣютъ за собой авторитетъ вѣковъ и которыхъ правительство если и не смѣетъ, то не рискуетъ трогать. Кромѣ того, общественное мнѣніе, при всей его покорности, тѣмъ не менѣе прозорливо, и въ глазахъ его «императоръ и подданный, которые нарушаютъ законъ, одинаково виновны и тотъ, и другой».—«Пріобрѣти любовь народа — и пріобрѣтешь царство; потеряй любовь народа—и потеряешь царство», говоритъ народная пословица. Для государя ясно начертанъ законъ; это «Девять правилъ», установленныхъ Конфуціемъ, которыя рекомендуютъ императорамъ нравственное самоусовершенствованіе, уваженіе къ мудрецамъ, къ родителямъ, къ чиновникамъ, къ судьямъ, отеческая любовь къ подданнымъ, исканіе ученыхъ и художниковъ, радушіе къ иностранцамъ и доброжелательность къ союзникамъ. Руководимый цензорами, которые должны напоминать ему эти заповѣди, связанный со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу непреложными правилами этикета, предписаній котораго наполняютъ не менѣе двухсотъ томовъ, сопровождаемый двадцатью двумя историографами, которые записываютъ каждый день, для потомства все, что ему благоугодно было сказать, сдѣлать или приказать, императоръ почти неизбѣжно долженъ утратить всякую оригинальность, всякую личную иниціативу, чтобы сдѣлаться простымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльнаго человѣка или цѣлой партіи. Онъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за свои собственные поступки, но правительственная фикція, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за счастье и несчастье его народа. Въ этомъ отношеніи теорія императорской власти оказывается болѣе логичной въ Срединномъ царствѣ, чѣмъ въ другихъ монархическихъ государствахъ. Короли обыкновенно любятъ приписывать себѣ благоденствіе ихъ націи; они ожидаютъ, чтобы возносилась къ нхъ тронъ благодарность народа за всѣ благопріятныя событія; но рѣдко бываетъ, чтобы они приписывали себѣ также и бѣдствія, постигающія страну: они и ихъ царедворцы видятъ въ этихъ бѣдахъ только незаслуженныя несчастія. Мораль китайскихъ богдохановъ болѣе послѣдовательна: «Терпитъ ли народъ холодъ, говаривалъ императоръ Яо,—это я тому причина; терпитъ ли онъ голодъ, это опять-таки моя вина; впадетъ ли онъ въ какое-нибудь злополучіе,—и въ этомъ надо винить меня». Точно также императоръ Юй приписывалъ себѣ бѣдствія народа: «Въ царствованія Яо и Шуня, говорилъ онъ, всѣ подданные считали долгомъ слѣдовать примѣру ихъ добродѣтелей. Должно быть, я далеко не похожъ на этихъ моихъ предшественниковъ, потому что въ мое правленіе мы видимъ такъ много преступниковъ». «Я одинъ виноватъ», разсуждалъ богдоханъ Чжэнъ-танъ, говоря о напастяхъ, постигшихъ имперію: «меня одного слѣдуетъ предать закланію». Отвѣтственность растетъ вмѣстѣ съ властью; основываясь на этомъ, Мэнъ-цзы доходитъ до того, что считаетъ позволительнымъ даже смерть въ томъ случаѣ, когда государь «попираетъ ногами справедливость».—«Нѣтъ никакой разницы, говоритъ онъ, между убіеніемъ человѣка мечемъ или несправедливымъ управленіемъ» [1]).

Такъ какъ правленіе государствомъ устроено

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine".

[1]) Pauthier, „China".

по образцу семейнаго союза, то мать государя, равно какъ царствующая императрица, имѣетъ право на величайшія почести со стороны всѣхъ сановниковъ имперіи. Подобно тому, какъ еще недавно императоръ освящалъ каждый годъ пахатную землю, проводя кругомъ три борозды по полю, такъ и царствующая императрица предсѣдательствовала на церемоніяхъ, относящихся къ культурѣ тутоваго дерева и разведенію шелковичныхъ червей; какъ и ея супругъ, она имѣетъ золотыя печати и нефритовый камень—знаки верховной власти; поэзія посвятила ей фона (fong), баснословное животное, въ которомъ европейцы видѣли нѣчто подобное фениксу. Самъ богдоханъ долженъ оказывать

Лѣтній дворецъ.—Бронзовые львы, эмблемы императорскаго могущества.

почтеніе императрицѣ и дѣлать ей черезъ каждые пять дней оффиціальный визитъ, преклоняя передъ нею колѣно. Три другія законныя жены обязаны оказывать ей полное повиновеніе, такъ же, какъ и всѣ обитательницы гарема, число которыхъ ограничено, по правиламъ Книги церемоній, ста тридцатью. Особый министръ завѣдуетъ императорскимъ домомъ и руководитъ воспитаніемъ принцевъ, которые по большей части не имѣютъ никакого сана, кромѣ должностей въ маньчжурскихъ войскахъ; между ними государь и выбираетъ себѣ наслѣдника, почти всегда одного изъ дѣтей императрицы. Въ случаѣ кончины императора, вся общественная жизнь должна быть пріостановлена на своемъ обычномъ ходѣ: вельможи облекаются въ бѣлыя, траурныя одежды на цѣлый годъ, люди низшихъ классовъ—на сто дней, и въ теченіе этого времени не дозволяются ни свадьбы, ни празднества; ношеніе яркихъ матерій также запрещено; каждый долженъ отпускать себѣ волосы; цирюльники, профессія которыхъ находится въ періодѣ траура подъ запрещеніемъ, дѣлаются временно пенсіонерами государства.

«Потерянный въ своемъ величіи», Сынъ Неба, называемый также «Одинокимъ человѣкомъ»; можетъ быть потому, что никто не имѣетъ права быть его братомъ, облекаетъ своей властью Най-гэ—великій секретаріатъ и государственный совѣтъ, состоящій на-половину изъ маньчжуръ и китайцевъ, который составляетъ законы, обнародываетъ декреты и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ. Въ силу принципа, который дѣлаетъ изъ образованія и успѣха на публичныхъ экзаменахъ источникъ почестей, два президента этого совѣта, т. е. дѣйствительные канцлеры имперіи, суть вмѣстѣ съ тѣмъ директоры академіи Хань-линь; это они предлагаютъ законы въ засѣданіяхъ великаго державнаго совѣта, опредѣляютъ форму изложенія императорскихъ указовъ, представляютъ оффиціальныя бумаги богдыхану для того, чтобы онъ помѣтилъ ихъ своей алой кисточкой, дѣлаютъ распоряженіе о распубликованіи законоположеній и распоряженій правительства въ Цзинь-бао, оффиціальномъ журналѣ, суще-

ствующемъ уже болѣе 800 лѣтъ и извѣстномъ иностранцамъ подъ именемъ «Пекинской газеты». Прежде представленія въ совѣтъ най-гэ, различныя дѣла передаются для спеціальнаго изслѣдованія той или другой группѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, каковы: трибуналъ цензоровъ, высшая судебная палата, палата докладчиковъ совѣта най-гэ. Дѣятельность правительственной администраціи распредѣлена между различными управленіями вродѣ нашихъ европейскихъ министерствъ. Они называются по-китайски приказами (бу) и число ихъ доходитъ до семи.

I. Палата церемоній (Ли-бу) замѣняетъ наше министерство императорскаго двора и выполняетъ тѣ же функціи, которыя выполняетъ и послѣднее. Оно завѣдуетъ церемоніями, обрядами, аудіенціями, жертвоприношеніями богдохана, дежурствомъ монгольскихъ князей при дворѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругъ его компетенціи входитъ наблюденіе за развитіемъ въ странѣ правильнаго музыкальнаго образованія и надзоръ за образованіемъ вообще. Наблюдая за школами, назначая экзамены, регулируя кандидатовъ, оно, такъ сказать, исполняетъ и обязанности министерства народнаго просвѣщенія.

II. Палата работъ или гунъ-бу завѣдываетъ общественными работами по проведенію каналовъ, дорогъ, сооруженію и ремонту мостовъ, кумирень, и въ то же время регулируетъ вѣсы, мѣры и исполняетъ роль интендантства.

III. Палата финансовъ (ху-бу) имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи акцизъ, подати, налогъ на соль и вообще государственные налоги. Въ его вѣдѣніи находятся казначейство, хлѣбные магазины, монетные дворы и т. под.

IV. Военный приказъ или бинъ-бу вѣдаетъ различными отраслями сухопутнаго и морскаго дѣла, войсками и флотомъ, въ его же компетенціи находятся и часть почтовыхъ учрежденій, арсеналы и желѣзныя дороги.

V. Гражданскими чинами вѣдаетъ особая палата ли-бу.

VI. Приказъ уголовный или законовъ, — синь-бу назначенъ слѣдить за исполненіемъ правосудія, онъ завѣдуетъ законами, суммами отъ штрафовъ и выкуповъ и т. под.

Кромѣ перечисленныхъ министерствъ существуетъ еще одинъ такъ называемый инородческій приказъ ли-фань-юань, который завѣдываетъ колоніями, т. е. китайскими владѣніями, находящимися внѣ восемнадцати провинцій*. Что касается министерства иностранныхъ дѣлъ, учрежденнаго въ 1861 году и сдѣлавшагося самымъ важнымъ изъ министерствъ, съ тѣхъ поръ какъ китайско-европейская торговля расширилась и какъ иностранцы стали селиться въ городахъ морскаго прибрежья, то оно замѣняется цзунь-ли-ямынемъ. Цзунь ли-ямынь состоитъ изъ лицъ, состоящихъ членами другихъ министерствъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ богдохана. Учрежденіе это носитъ совѣщательный характеръ и до настоящаго (1898) года призвано было служить посредствующей инстанціей между верховною властью и высшими правительственными учрежденіями и иностранными государствами, но нынѣ на него же было возложено приведеніе въ дѣйствительность всѣхъ реформъ, которыя проектировались императоромъ[1].

Императоръ можетъ, если ему заблагоразсудится, обойти всѣ формальности обсужденія дѣлъ: въ этомъ случаѣ онъ обращается къ своему тайному совѣту, который ведетъ свои совѣщанія въ секретѣ. Правда, что его дѣйствія могутъ быть контролируемы трибуналомъ цензоровъ или «главныхъ доносчиковъ», которые имѣютъ право дѣлать предостереженія государю, прося при этомъ, какъ милости, быть обезглавленными или четвертованными, если бы ихъ слова оказались несправедливыми, или если бы они ихъ разгласили. Дѣйствительно, въ исторіи указываютъ примѣры порицаній, почтительнѣйше произнесенныхъ противъ особы богдыхана въ теченіе вѣковъ; лѣтописи разсказываютъ, что бывали даже случаи, когда совѣтники представляли императору обвинительную записку, позаботясь предварительно поставить для себя гробы у дверей дворца, такъ какъ хорошо знали, что имъ навряд-ли посчастливится выйти оттуда живыми; но обыкновенно дѣятельность этого трибунала главныхъ доносчиковъ ограничивается тѣмъ, что онъ наблюдаетъ черезъ своихъ безчисленныхъ шпіоновъ за публичнымъ и частнымъ поведеніемъ мандариновъ и подданныхъ; такъ какъ функціи этого учрежденія состоятъ «въ улучшеніи» нравовъ, то оно облечено правомъ всеобщаго шпіонства, и его страшные агенты безпрестанно снуютъ во всѣхъ частяхъ государства. Легко понять, каковы должны быть послѣдствія такого рода «внѣдренія и улучшенія нравственности»; обыкновенно «доходныя мѣста» облегчаютъ примиренія между чиновниками и цензорами, мандарины продолжаютъ притѣснять и обирать народъ, къ собственной выгодѣ и къ выгодѣ своихъ надзирателей [1]).

Какъ выше сказано, въ Китаѣ не существуетъ спеціальнаго министерства народнаго просвѣщенія, потому что правительство, во всей его совокупности, считается учрежденіемъ, не имѣющимъ иной цѣли и задачи, кромѣ воспитанія народа. Китайскіе воспитанники, которые пріобрѣли первыя основанія чтенія и письма и которые умѣютъ уже читать пятикнижіе и другихъ классиковъ, могутъ видѣть открывающуюся передъ ними карьеру почестей и ласкать себя надеждой, что слава ихъ отразится и на ихъ родныхъ. Одно изъ фундамен-

[1]) „Lettres édifiantes", tome I.

тальныхъ правилъ имперіи то, что мѣста принадлежатъ заслугѣ, гарантируемой экзаменами и дипломами, выдаваемыми по конкурсу. «Здѣсь учатся управлять страной», гласитъ одна надпись, выгравированная на дверяхъ академическаго зданія въ Пекинѣ. Для пріобрѣтенія каждаго новаго чина или повышенія по службѣ, нужно подвергаться послѣдовательнымъ испытаніямъ, такъ что вся администрація можетъ быть разсматриваема какъ большая іерархическая школа. Правда, что правительство, когда въ казнѣ у него пусто, отступаетъ отъ правила и само совершаетъ преступленіе, предусмотрѣнное его собственнымъ уголовнымъ кодексомъ и называемое «продажей права за подарки»: многіе мандарины обязаны занимаемымъ ими мѣстомъ не своей учености или природнымъ талантамъ, а просто деньгамъ; однако управляемые никогда не забываютъ происхожденія такихъ чиновниковъ и не отказываютъ себѣ въ удовольствіи кольнуть ихъ этимъ при удобномъ случаѣ. Что касается военныхъ мандариновъ, маньчжуръ по происхожденію, то очень многіе изъ нихъ обязаны своей національности тѣмъ, что достигли командованія, не пройдя черезъ рядъ послѣдовательныхъ экзаменовъ; но въ противоположность тому, что мы видимъ въ большей части другихъ государствъ, они считаются по рангу ниже гражданскихъ чиновниковъ. На годовыхъ празднествахъ, гдѣ собираются всѣ мандарины, «ученые», то-есть гражданскіе чиновники, садятся на восточной сторонѣ, какъ самой почетной, а военные помѣщаются на западной; въ храмахъ Конфуція послѣдніе не принимаютъ участія въ церемоніяхъ, посредствомъ которыхъ Земля приходитъ въ сообщеніе съ Небомъ. Потомки завоевателей, маньчжуры признаютъ превосходство мирныхъ китайцевъ, потомковъ покоренныхъ, такъ же, какъ и превосходство мирныхъ искусствъ надъ искусствами войны: «Имперіи, которая подъ Небомъ, – высшій миръ!»—таковъ девизъ, который повторяется вездѣ, въ храмахъ, на стѣнахъ, во внутренности домовъ.

Во всѣхъ большихъ городахъ одно изъ главныхъ общественныхъ зданій то, гдѣ находятся мѣста для производства публичныхъ экзаменовъ; оно состоитъ изъ множества залъ и дворовъ, окруженныхъ каморками для кандидатовъ, которыхъ вводятъ туда снабженныхъ только чистой бумагой и письменнымъ приборомъ, то-есть тушью и кисточками; приставленные къ дверямъ часовые не допускаютъ никакого сообщенія между экзаменующимися. Иногда на испытаніе разомъ представляется до десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней все это населеніе остается взаперти, занятое писаніемъ темъ по вопросамъ нравственнымъ и политическимъ, комментированіемъ текстовъ, выбранныхъ въ священныхъ книгахъ, сочиненіемъ сентенцій въ прозѣ и въ стихахъ. Иногда случается, что кандидаты умираютъ отъ истощенія силъ въ своей кельѣ; въ этомъ случаѣ проламываютъ наружную стѣну, чтобы вытащить черезъ отверстіе трупы такъ, чтобы не замѣтили другіе экзаменующіеся. За исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ презираемымъ кастамъ, полицейскихъ агентовъ, комедіантовъ, брадобреевъ, носильщиковъ паланкиновъ, лодочниковъ, нищихъ, потомковъ бунтовщиковъ, обреченныхъ на вѣчный позоръ, всѣ допускаются на конкурсъ, и даже экзаменаторы охотно закрываютъ глаза на происхожденіе и первоначальное состояніе кандидатовъ, лишь бы только они имѣли опредѣленное мѣсто жительства [1]). Относительно возраста тоже не существуетъ никакихъ ограниченій: «феноменальныя дѣти» и старики равно могутъ представляться на конкурсъ; но экзамены очень строги, и только десятая часть кандидатовъ — или даже и того менѣе—успѣваетъ получить титулъ сю-цзая или «украшеннаго таланта», соотвѣтствующій французской степени баккалавра. Уже поднявшіеся надъ толпой обыкновенныхъ смертныхъ, эти избранные счастливцы имѣютъ право облачаться въ длинное платье, обувать полусапожки и прикрывать голову шапкой особенной формы; не получивъ еще никакой оффиціальной должности, они уже дѣлаются почти независимыми отъ коммунальныхъ властей и образуютъ особый классъ въ государствѣ. Очень многочисленные, они доставляютъ наибольшій контингентъ для увеличенія толпы разночинцевъ, ибо люди недостаточные не въ состояніи покрывать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ расходы на свое содержаніе и образованіе, чтобы приготовиться къ дальнѣйшимъ экзаменамъ: между ними-то встрѣчаются преимущественно мелкіе чиновники, чтецы, декламирующіе въ трактирахъ и харчевняхъ драматическіе разсказы изъ отечественной исторіи, торговцы сентенціями, сочиняющіе разныя мудрыя изреченія на полосахъ разрисованной бумаги, вѣчные кандидаты, которые за условленное вознагражденіе являются на экзамены вмѣсто и подъ именемъ богатыхъ недорослей и добываютъ для нихъ титулъ «ученыхъ». Бѣдные баккалавры могутъ также сдѣлаться школьными учителями или лекарями, и это именно въ ихъ классѣ найдешь всего болѣе людей интеллигентныхъ, съ умомъ открытымъ и любознательнымъ, которые развиваются съ оригинальностью и всего болѣе содѣйствуютъ непрестанному процессу національнаго обновленія.

Каждый годъ канцлеръ, назначаемый изъ своей среды академіей Хань-линь или «Перьевъ краснаго феникса», наводитъ справки о баккалаврахъ предыдущаго года и распредѣляетъ ихъ въ разряды по порядку заслуги, при

[1]) „China Review“, іюль и августъ 1880 г.

чемъ ему даже предоставлена власть лишать недостойныхъ ученой степени; но экзамены на высшую степень, на степень цюй-жэнь или «человѣка представленнаго», производятся только разъ въ три года, въ главномъ городѣ каждой провинціи, въ собой испытательной коммисіи подъ предсѣдательствомъ двухъ членовъ «академіи краснаго феникса». Экзаменующіеся снова запираются въ отдѣльныя каморки и занимаются составленіемъ своихъ тезисовъ, философскихъ, историческихъ и политическихъ; очень немногочисленные,—около 1.300 человѣкъ на весь Китай,—тѣ изъ кандитатовъ, которые удостоены степени цюй-жэнь, получаютъ поздравленіе отъ судей и должностныхъ лицъ, и въ честь ихъ устраиваются большія общественныя празднества. Наконецъ, по прошествіи еще трехъ лѣтъ, они могутъ представиться въ Пекинъ, чтобы защищать тамъ диссертацію, которая доставляетъ имъ титулъ цзинь-ши или «поступающаго на службу», право носить особенную одежду, первое мѣсто въ церемоніяхъ, почести, напередъ опредѣленныя обрядами, и одну изъ высшихъ должностей въ имперіи. Для вступленія въ число ханлинцевъ требуются новые экзамены, и кандидаты подвергаются испытанію въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи самого богдохана или по крайней мѣрѣ высшихъ сановниковъ двора, между которыми они домогаются занять мѣсто.

Такимъ-то образомъ, восходя отъ степени къ степени, устроивается правительственная іерархія. Корпорація ученыхъ поддерживается правильно уже около тридцати двухъ вѣковъ; но до восьмаго столѣтія христіанской эры должностныя лица были еще назначаемы народомъ. Не довѣряя народному выбору и желая устранить его капризы, одинъ изъ богдохановъ Танской династіи хотѣлъ, чтобы впредь должности государственной службы были присвоиваемы одной только заслугѣ: таково происхожденіе этого правительства «ученыхъ», баккалавровъ и кандидатовъ, которое восхвалялось европейскими писателями, какъ идеальная форма правленія народами. Однако дѣйствительность не соотвѣтствуетъ блестящей картинѣ, которую нарисовали намъ поклонники этого режима. Если бы даже было правда, что власть всегда строго распредѣляется на основаніи результатовъ конкурснаго экзамена, и что деньги не играютъ никакой роли въ раздачѣ мѣстъ, то и въ такомъ случаѣ можно бы было спросить себя, какимъ образомъ счастливая память и доскональное знаніе классиковъ могутъ быть у мандарина гарантіей политическаго смысла, здраваго взгляда и прозорливости въ дѣлахъ правленія? Нужно опасаться, напротивъ, что, оставаясь въ своемъ курсѣ ученья замкнутымъ въ далекомъ прошломъ, отодвинутымъ слишкомъ за двадцать вѣковъ назадъ, живя мыслью въ эпохѣ Конфуція, будущій государственный дѣятель тѣмъ самымъ осуждаетъ себя на остановку развитія и дѣлается неспособнымъ къ пониманію дѣлъ настоящаго времени. «Красивая кисть», или, говоря нашимъ языкомъ, красивый почеркъ—вотъ первое изъ условій, требуемыхъ отъ кандидата; но какъ бы хорошо ни владѣло должностное лицо кистью, какъ бы красиво ни вырисовывало письменные знаки, оно отъ этого не менѣе поддается искушеніямъ произвола и продажности, которымъ его подвергаетъ его должность. И дѣйствительно, единогласное свидѣтельство путешественниковъ такъ же, какъ комедіи, памфлеты и народныя пѣсни говорятъ намъ, что ученый китаецъ нисколько не уступаетъ неучу-маньчжуру въ искусствѣ притѣснять находящихся подъ его управленіемъ и торговать правосудіемъ. Вообще народъ менѣе боится мандариновъ, которые купили себѣ мѣсто, нежели чиновниковъ, попавшихъ на должность путемъ конкурса: болѣе богатые, первые менѣе алчны; они не такъ твердо знаютъ прекрасныя правила морали, но зато обладаютъ болѣе открытымъ умомъ и быстрѣе разбираютъ ввѣряемыя имъ дѣла [1]).

Всѣ чиновники, гражданскіе и военные, означаемые часто собирательнымъ именемъ Бэй-гуань, или «Ста должностей», носятъ генерическое названіе гуанъ-фу, переводимое на европейскіе языки наименованіемъ мандаринъ, которое первоначально стали употреблять португальцы, выговаривая по-своему индусскій титулъ туземныхъ судей въ Гоа [2]). Іерархическая лѣстница чиновниковъ дѣлится на девять порядковъ или классовъ, различающихся цвѣтомъ и веществомъ шарика (изъ золота, серебра, камня или коралла), величиной съ голубиное яйцо, который привинчивается на форменной шляпѣ, соломенной, шелковой или поярковой, конусообразной или съ отвороченными полями. Титулы, которые они получаютъ и которые переводятся на европейскіе языки соотвѣтственными почетными званіями, не могутъ быть передаваемы ихъ дѣтямъ; сдѣлавшись благородными, они сообщаютъ благородное званіе только своимъ родственникамъ по восходящей линіи, дабы всегда было такъ, чтобы они въ качествѣ нижепоставленныхъ воздавали похоронныя почести своимъ родителямъ. Даже запрещено закономъ гражданскому мандарину брать съ собой своего отца на жительство въ губернію, куда онъ назначенъ на службу, потому что если бы случилось, что его мнѣніе противоположно мнѣнію его отца, то онъ очутился бы между двумя обязанностями равно повелительными, — повиновеніемъ придержащей власти и сыновнимъ почтеніемъ. Сыновья чиновниковъ возвращаются въ первобытное состояніе, въ массу народа; чтобы подняться по

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".
[2]) Yule, „The Book of ser Marco Polo".

лѣстницѣ правительственной іерархіи, они сами должны, въ свою очередь, пройти черезъ рядъ экзаменовъ. Наслѣдственные титулы принадлежатъ только потомкамъ Конфуція и императоровъ; но эти послѣдніе тоже не могутъ претендовать на общественныя должности, если они не выдержали установленныхъ экзаменовъ. Единственныя привилегіи родственниковъ богдохана состоятъ въ полученіи умѣреннаго пенсіона, въ правѣ носить красный или желтый поясъ, украшать свою шляпу павлиньимъ перомъ и держать для выѣздовъ восемь или двѣнадцать носильщиковъ паланкиновъ; но они не играютъ никакой роли въ государствѣ, и къ нимъ приставлены особые мандарины, которымъ поручено строго держать ихъ въ повиновеніи, даже подвергать ихъ тѣлесному наказанію, если они не ведутъ себя сообразно установленнымъ правиламъ. Имѣя лишь заимствованное достоинство, они не имѣютъ никакого права на уваженіе гражданъ; они скоро теряются во всеуравнивающей демократіи націи. Семейства, которыя всего болѣе приближаются къ аристократіи въ европейскомъ смыслѣ слова, и которыя можно разсматривать какъ составляющія настоящее дворянство,— это тѣ, которыя уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, доставляли имперіи «ученыхъ». Чиновники изъ этихъ фамилій, возвысившіеся какъ собственными заслугами, такъ и заслугами своихъ предковъ, пріобрѣли себѣ родъ святости, которая ставитъ ихъ выше законовъ. Въ прежнее время дай-фу, т. е. высшіе сановники, не могли быть судимы никѣмъ другимъ, кромѣ ихъ самыхъ; никто не могъ наложить руку на ихъ священную особу; когда они были изобличены въ какомъ-нибудь преступленіи, забота о примѣненіи слѣдующаго по закону наказанія предоставлялась имъ самимъ. Совершившій преступленіе дай-фу самъ являлся передъ судьями и просилъ у нихъ позволенія предать себя смерти, затѣмъ онъ облачался въ бѣлую траурную одежду и отправлялся къ дверямъ зданія суда, неся саблю, которую онъ передъ тѣмъ омылъ въ чистой водѣ бассейна жертвоприношеній. Стоя на колѣняхъ передъ своими судьями, онъ ждалъ, чтобы ему дали просимое разрѣшеніе. «Дѣлайте, что надлежитъ», произносилъ судья, и виновный дай-фу распарывалъ себѣ животъ, бросаясь на свою саблю [1]).

Подобно императору, котораго блескъ они отражаютъ, мандарины считаются «отцами и матерями» ввѣреннаго ихъ управленію населенія; въ старину ихъ называли «облаками», потому что они «изливаютъ благодѣтельный дождь на жаждущія влаги поля». Всѣ разнородныя функціи мѣстнаго управленія сосредоточены въ ихъ рукахъ: они собираютъ подати и налоги, строятъ дороги и мосты, организуютъ милицію; они царьки въ своемъ округѣ; но имъ постоянно угрожаетъ кара отрѣшенія отъ должности, и только эта боязнь не позволяетъ имъ превратиться въ настоящихъ государей. Подобно тому, какъ отецъ несетъ отвѣтственность за дурные поступки своихъ дѣтей, такъ точно и мандаринъ считается виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ подчиненныхъ ему подданныхъ: случаются ли во ввѣренной ему провинціи смертоубійства, смуты, возмущенія, вину этого доносчики могутъ свалить на него. Оттого, хотя обязанный по закону ежегодно исповѣдываться въ своихъ ошибкахъ и упущеніяхъ по службѣ, въ спеціальной докладной запискѣ, представляемой императору, онъ, въ большинствѣ случаевъ, умышленно скрываетъ безпорядки, происшедшіе въ его округѣ; но истина, въ концѣ концовъ, все-таки обнаруживается, и если бы законъ былъ примѣняемъ со всей строгостью, онъ долженъ былъ бы поплатиться собственной кровью за свое дурное управленіе. Въ наши дни обыкновенное наказаніе, которому подвергаютъ провинившихся мандариновъ,—ссылка въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, въ сѣверную Маньчжурію, въ тибетскій Сы-чуань, въ Гуй-чжоу, въ Юньнань, въ Чжунгарію и на островъ Хай-нань. Въ послѣднее время представители иностранныхъ державъ, сами того не желая, нанесли сильный ударъ могуществу мандариновъ и много способствовали усиленію политической централизаціи въ имперіи, отказываясь вступить въ сношенія съ губернаторами и генералъ-губернаторами и всегда обращаясь по своимъ дѣламъ непосредственно къ пекинскому двору.

Будучи въ одно и то же время военачальниками, администраторами и судьями, мандарины особенно страшны въ этомъ послѣднемъ качествѣ, не взирая на всѣ мѣры и законодательныя строгости, направленныя противъ продажности органовъ правосудія; деньги тяжущихся восполняютъ недостаточный окладъ жалованья, исчисленный въ первыя времена по величинѣ заработка, который они могли бы получить какъ хлѣбопашцы. Древніе царскіе указы провозглашаютъ, что «всякое неправедное рѣшеніе дѣла влечетъ за собою смерть судьи»; но въ дѣйствительности нѣтъ прибѣжища противъ судьи-лихоимца: некуда жаловаться на него. «Нужно, чтобы люди боялись судовъ, говаривалъ императоръ Канъ-си. Я хочу, чтобы съ тѣми, кто прибѣгаетъ къ судьямъ, поступали безъ жалости, дабы всякій страшился предстать передъ судъ. Пусть добрые граждане полюбовно улаживаютъ свои споры, какъ братья, представляя свое дѣло на третейскій судъ стариковъ и старшины общины; что касается спорщиковъ и сутягъ, упрямцевъ и людей неисправимыхъ, то пусть ихъ разоряютъ судьи,— вотъ правосудіе, котораго они заслуживаютъ».

[1]) Amiot, „Mémoires concernants les Chinois".

Во многихъ мѣстахъ споры и тяжбы разрѣшаются еще главами семействъ, которые судятъ на основаніи обычая. Законъ возмездія все еще въ чести у сыновъ Хань. Частная месть совершается также посредствомъ самоубійства. Должникъ, преслѣдуемый заимодавцемъ, арендаторъ, ограбленный землевладѣльцемъ, работникъ, обиженный хозяиномъ, жена, притѣсняемая свекровью, прибѣгаютъ къ лишенію себя жизни, какъ къ средству добиться того, чтобы имъ было оказано правосудіе; все общество принимаетъ тогда горячее участіе въ ихъ дѣлѣ и мститъ за ихъ смерть виновникамъ нанесенныхъ имъ обидъ. Сбѣгаются сосѣди, всовываютъ метлу въ руку повѣсившагося, и эта роковая рука мертвеца, которою они двигаютъ направо и налѣво, вооруженная своимъ символическимъ орудіемъ, выметаетъ изъ преступнаго дома богатство, благополучіе и самую семью [1]).

Уголовный кодексъ китайцевъ отличается ясностью, точностью, логической послѣдовательностью, но въ то же время и крайней суровостью каръ; при томъ онъ заранѣе дозволяетъ произволъ или капризъ судей, установляя наказанія не только противъ тѣхъ, кто нарушаетъ законы, но даже и противъ тѣхъ, кто не признаетъ ихъ «духа». Въ большинствѣ случаевъ приговоры постановляются послѣ простаго допроса, производимаго публично; адвокатовъ не существуетъ, и если мандаринъ позволяетъ роднымъ или друзьямъ защищать дѣло подсудимаго, то это чистое снисхожденіе съ его стороны; онъ можетъ даже, если ему заблагоразсудится, пригласить постороннее лицо для замѣщенія его на судейскомъ сѣдалищѣ, и часто случается, что судья, изъ утонченной любезности, уполномочиваетъ своихъ гостей освободить обвиняемыхъ отъ наказаній, къ которымъ онъ ихъ приговорилъ [2]). Судьи, пропорціонально гораздо менѣе многочисленные, чѣмъ въ Европѣ, постановляютъ свои рѣшенія послѣ болѣе краткаго разбирательства. Еще вооруженные правомъ подвергать обвиняемыхъ пыткѣ, они пользуются этимъ правомъ съ той же строгостью, какъ пользовались имъ европейскіе судьи въ недавнюю эпоху. Биченіе, вырываніе ногтей, раздавливаніе лодыжекъ или пальцевъ, вѣшаніе за подмышки и сотня другихъ замысловатыхъ мученій примѣняются къ жертвамъ судебныхъ слѣдователей, чтобы заставить ихъ произнести роковое слово сознанія или извѣта. Наказанія, налагаемыя на осужденныхъ, очень жестоки, и три вида смертной казни, обезглавленіе, повѣшеніе и удавленіе, кажутся недостаточными китайскимъ судьямъ; уголовный кодексъ предусматриваетъ еще наказаніе «медленной смертью»; въ прежнее время, мученіе приговореннаго къ смерти, продолжавшееся по цѣлымъ днямъ, начиналось сдираніемъ кожи на лбу, которую палачъ заворачивалъ на глаза казнимому, чтобы избѣгнуть его взгляда [1]); но теперь ограничиваются тѣмъ, что дѣлаютъ порѣзы на лицѣ и рукахъ осужденнаго, прежде чѣмъ отрубить ему голову [2]). По счастію, нервная система у китайцевъ гораздо менѣе чувствительна, нежели у европейцевъ; доктора гонконгскихъ и шанхайскихъ госпиталей всѣ говорятъ съ удивленіемъ о безчувствіи ихъ больныхъ во время самыхъ тяжелыхъ операцій [3]).

За менѣе важныя преступленія или проступки самыя обыкновенныя наказанія—палочные удары (индійскимъ тростникомъ или ротангомъ) и надѣваніе деревяннаго ошейника. Это страшное ожерелье вѣситъ, среднимъ числомъ, (около 2 пудовъ), и несчастный, который его носитъ, долженъ опираться имъ о землю, тщетно стараясь сообщить своему тѣлу такое положеніе, которое позволило бы ему найти забвеніе во снѣ: выставленный всѣмъ непогодамъ и перемѣнамъ температуры, солнечному зною во время дня, холоду и росѣ во время ночи, онъ падаетъ подъ невыносимымъ бременемъ, умоляя прохожихъ сжалиться надъ нимъ и избавить его отъ жизни. Тюрьмы—это отвратительные вертепы, гдѣ скучены, какъ сельди въ боченкѣ, несчастные арестанты, отданные на полный произволъ тюремщиковъ, которые иногда выбираются между уголовными преступниками; тѣ изъ арестантовъ, которые не получаютъ продовольствія отъ своихъ родственниковъ или отъ обществъ благотворительности, рискуютъ умереть съ голоду [4]). Рѣдко случается, чтобы женщинъ наказывали по всей строгости законовъ; это зависитъ оттого, что за преступленія или проступки, совершенные ими, считаются отвѣтственными ихъ мужья или сыновья; ихъ никогда не подвергаютъ наказанію деревяннымъ ошейникомъ, и обыкновенно ограничиваются стеганьемъ ихъ по щекамъ или по губамъ кожаными ремнями. Хотя родственники и домашняя прислуга поощряются общественнымъ мнѣніемъ и даже закономъ къ сокрытію преступленія или проступка, совершеннаго однимъ изъ домочадцевъ, однако, они часто привлекаются въ такихъ случаяхъ къ отвѣтственности, и все семейство, въ цѣломъ его составѣ, дѣлается солидарнымъ относительно дѣйствій своихъ членовъ. Принципъ замѣстительства вполнѣ допускается въ китайской

[1]) Herbert Giles, „Chinese Sketches“;—Huc, „l'Empire Chinois“.

[2]) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine“.

[1]) „Letters édifiantes“;—I. Gauthier, „Les peuples étrangers“.

[2]) Herbert Giles, „Chinese Sketches“.

[3]) Lockhart;—Wernich. То же самое подтверждается спеціалистами докторами, которые были свидѣтелями перевязокъ китайцевъ на перевязочныхъ пунктахъ послѣдней Японо-китайской войны (См. статью Медвѣдева въ медицин. прибавлен. къ „Морскому Сборнику“).

[4]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine“.

юриспруденціи, не только когда сынъ представляется вмѣсто своего отца, но даже когда совершенно посторонній, чужой человѣкъ предтаетъ себя удовлетвореннымъ, а до имени жертвы ему нѣтъ никакого дѣла. Даже для пытокъ, даже для смертной казни, находятъ под-

Портикъ храма въ Никко.

лагаетъ принять на себя наказаніе, присужденное преступнику, который оплачиваетъ эту услугу; лишь бы только приговоръ былъ исполненъ, вина искуплена, правосудіе счиставныхъ лицъ, которыя отдаютъ свою жизнь въ обмѣнъ на кое-какое увеличеніе благосостоянія для своихъ семействъ. Во время вторженія союзныхъ англо-французскихъ войскъ въ

провинцію Чжи-ли, когда китайскихъ убійцъ присуждали къ смертной казни, постоянно являлись наемники съ просьбой позволить имъ умереть вмѣсто преступниковъ, и жаловались на несправедливость отказа въ ихъ ходатайствѣ. Когда дѣло идетъ просто о примѣненіи наказанія индійскимъ тростникомъ, то обыкновенно является цѣлая толпа охотниковъ замѣстителей. По выраженію одного писателя, въ Китаѣ «есть безчисленное множество людей, живущихъ единственно палочными ударами» [1]).

Судьи не имѣютъ права произносить смертный приговоръ безъ разрѣшенія верховнаго совѣта, «за исключеніемъ того случая, когда обычный правовой порядокъ края нарушенъ возстаніемъ или иноземнымъ нашествіемъ», но наказанія, которыя они опредѣляютъ, вполнѣ достаточны, чтобы свести со свѣта тѣхъ, отъ кого они желаютъ отдѣлаться. Всѣ смертные приговоры представляются на разсмотрѣніе императора и откладываются до осени, эпохи окончательнаго рѣшенія; имена тѣхъ, кого онъ хочетъ помиловать, богдоханъ обводитъ кругомъ «алой кисти»; иногда онъ облекаетъ другое лицо этимъ присвоеннымъ верховной власти правомъ помилованія. Въ эпохи политическихъ революцій губернаторы провинцій вооружены неограниченной властью, правомъ жизни и смерти и водятъ за собой цѣлые отряды палачей, неустанно занятыхъ своимъ кровавымъ дѣломъ; во время атаки Кантона англичанами, въ 1855 году, генералъ-губернаторъ хвастался, что онъ въ теченіе семи мѣсяцевъ предалъ смерти 70.000 своихъ подданныхъ; случалось, что въ одинъ день казнили до 800 человѣкъ [2]). Теперь въ китайскихъ трибуналахъ, которые имѣютъ пребываніе въ европейскихъ «концессіяхъ», въ Шанхаѣ и другихъ портахъ, открытыхъ международной торговлѣ, засѣдаютъ также, въ качествѣ членовъ иностранные резиденты; отсюда и названіе «смѣшанныхъ судовъ», которымъ ихъ обыкновенно означаютъ. Пытка совсѣмъ не употребляется этими судами, или по крайней мѣрѣ никогда не была примѣняема въ присутствіи европейскихъ судей, и приговоренные къ наказанію деревяннымъ ошейникомъ, простой связкой досокъ, вѣсящей отъ 2 до 4 килограммовъ, носятъ это ожерелье только въ продолженіе шести или семи часовъ каждый день и въ мѣстѣ, защищенномъ отъ непогодъ и солнечнаго зноя; обыкновенно имъ позволяютъ проводить ночь въ своемъ жилищѣ [3]). Въ колоніи Гонконгъ представители англійской магистратуры отмѣнили для китайцевъ всѣ тѣлесныя наказанія, вычеркнутыя изъ ихъ собственнаго кодекса въ метрополіи. Что касается иностранцевъ, то они подсудны только своимъ консуламъ, въ силу привилегіи «внѣземельности», но китайское правительство жалуется, что, пользуясь этимъ преимуществомъ, они позволяютъ себѣ игнорировать и безнаказанно нарушать законы страны. Оно даже велѣло постепенно смягчать наказанія, налагаемыя на его собственныхъ подданныхъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы открыть себѣ возможность снова пріобрѣсти право суда надъ иностранцами; это даетъ основаніе надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ и китайскіе суды перестанутъ примѣнять пытку.

Хотя власть мандариновъ въ теоріи считается неограниченной, такъ какъ они представляютъ собою особу императора, они, однако, далеко не могутъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Они слишкомъ малочисленны и не располагаютъ достаточно солидно-организованными военными силами, чтобы бравировать недовольствомъ гражданъ, особенно въ провинціяхъ Фу-цзянь, Гуй-чжоу, гдѣ населеніе отличается очень независимымъ духомъ. Правда, въ большей части провинціи, жители, привыкшіе къ покорности, «счастливые тѣмъ, что могутъ упиваться росой богдоханскаго благоволенія», повинуются охотно до тѣхъ поръ, пока притѣсненіе не кажется имъ невыносимымъ; но когда терпѣніе ихъ подвергается черезчуръ тяжелому испытанію, они бунтуются, и бунтуются съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, что всякое сопротивленіе со стороны мандарина становится невозможнымъ; когда прокламаціи вывѣшены на улицахъ «по приказанію всего города», ему ничего болѣе не остается, какъ покориться общей волѣ. Собираются публичныя сходки, принимаютъ резолюцію объ изгнаніи мандарина и посылаютъ къ нему депутацію изъ именитыхъ гражданъ, съ порученіемъ передать ему въ вѣжливой формѣ приглашеніе удалиться изъ города; паланкинъ, сопровождаемый блестящимъ эскортомъ, ожидаетъ изгоняемую персону, которая отклоняется и не имѣетъ другого средства нѣсколько примирить съ собою общество и возвратить къ себѣ уваженіе, какъ добровольно подчиняясь этому требованію. Когда населеніе удовлетворено поведеніемъ удаляющагося мандарина, оно подноситъ ему поздравительные адресы и проситъ его подарить свои сапоги, чтобы повѣсить ихъ, въ память о немъ, на городскихъ воротахъ [1]). Въ дѣйствительности, китайцы пользуются такими традиціонными вольностями, какихъ недостаетъ большинству націй западной Европы. Они могутъ свободно путешествовать во всѣхъ частяхъ имперіи, нигдѣ не встрѣчая жандарма, который бы потребовалъ у нихъ письменный видъ; они могутъ заниматься какой угодно профессіей, безъ

[1]) Louis Lecomte, „Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Chine".

[2]) Neumann, „Ostasiatische Geschichte.

[3]) Clement Allen, „Report on the mixed court at Changhai".

[1]) John Davis, „la Chine";—Huc, „L'Empire Chinois".

всякихъ патентовъ, дозволеній или разрѣшеній какихъ бы то ни было властей; право публикаціи и вывѣшиванія всякаго рода объявленій повсюду уважается, и народныя собранія происходятъ публично, безъ того, чтобы необходимо было извѣщать объ этомъ полицію; даже въ такомъ безпокойномъ городѣ, какъ Кантонъ, правительство никогда не покушалось запереть двери Минъ-лунъ-тана или зданія «Свободнаго обсужденія», хотя оно не отказываетъ себѣ въ удовольствіи посылать туда своихъ ораторовъ, которые принимаютъ участіе въ преніяхъ и стараются дать имъ оборотъ, благопріятный интересамъ мандариновъ.

Фундаментальный принципъ Китайскаго государства, что все общество должно покоиться на семейномъ союзѣ, поддерживалъ изъ вѣка въ вѣкъ древнее общинное самоуправленіе. Въ каждой деревнѣ всѣ главы семействъ принимаютъ участіе въ избраніи своего представителя, выбираемаго почти всегда между землевладѣльцами: онъ исполняетъ въ одно и то же время обязанности мера или старшины, наблюдая за исполненіемъ законовъ, обязанности сельскаго нотаріуса, записывая въ книгу контракты по продажѣ или мѣнѣ имущества; обязанности сборщика податей, принимая деньги, поступающія въ уплату налоговъ; обязанности мироваго судьи, улаживая споры, возникающіе между отдѣльными семьями; обязанности надзирателя надъ полями и смотрителя надъ дорогами, указывая тѣхъ, кто запускаетъ свои земли, оставляя ихъ безъ обработки, или практикуя худые способы хозяйства: даже обязанности деревенскаго церемоніймейстера, указывая подходящія мѣста для могилъ; должность его безвозмездна, но ему помогаютъ въ отправленіи его функцій другія должностныя лица, сельскіе сторожа, межевщики или писаря, которыхъ также назначаютъ главы семействъ, составляющихъ общину. Въ городахъ семейныя группы организуются подобнымъ же образомъ: всѣ составляютъ муниципальный совѣтъ, который выбираетъ изъ своей среды голову или бао-чжэна, утверждаемаго въ должности мѣстнымъ мандариномъ, и назначаетъ всѣхъ другихъ муниципальныхъ чиновниковъ, на которыхъ возлагается обязанность наблюдать за общинными интересами и общественнымъ порядкомъ, регулировать расходы и налоги, вотируемые совѣтомъ, даже принимать военныя мѣры, въ случаѣ надобности, и организовать вольные отряды для защиты. Для общихъ дѣлъ, касающихся различныхъ околодковъ, околодочные бао-чжэни назначаютъ изъ своей среды окружныхъ представителей: такимъ образомъ на всѣхъ ступеняхъ правительственной іерархіи избранники власти находятъ передъ собой въ китайскихъ городахъ уполномоченныхъ семействъ и группъ семействъ [1]).

[1]) Anatole Robin, „Les institutions de la Chine“, „Exploration“, 1879.

Что касается татарскихъ городовъ, замкнутыхъ въ своихъ каменныхъ стѣнахъ, то они зависятъ только отъ правительства [1]).

Но если древнія гражданскія учрежденія Китая могли сохраниться въ народѣ, то нельзя сказать того же о военной организаціи: подъ страхомъ иноземнаго нашествія и завоеванія провинцій, Срединное царство вынуждено теперь передѣлывать свои арміи, которыя прежде были ему достаточны какъ противъ внѣшнихъ враговъ, такъ и противъ собственныхъ мятежниковъ. Общественное мнѣніе не очень благопріятно относится къ увеличенію армій, ибо въ Китаѣ еще повторяютъ изреченіе Конфуція: «На каждаго человѣка, который не работаетъ, есть другой, который терпитъ недостатокъ въ хлѣбѣ». Военные вообще не пользуются большимъ уваженіемъ: «Изъ честнаго человѣка не дѣлаютъ солдата, хорошаго желѣза не употребляютъ на выдѣлку гвоздей», говоритъ народная пословица.

Кромѣ войскъ, организованныхъ на западный образецъ, различные вооруженные отряды суть не что иное, какъ простыя банды. Армія «восьми знаменъ», которая нѣкогда была главной силой династіи, сохранила свою древнюю организацію; она состоитъ почти исключительно изъ женатыхъ маньчжуръ и монголовъ, владѣющихъ каждый своимъ полемъ или садомъ; это скорѣе военные поселенцы, нежели солдаты въ полномъ смыслѣ слова. Несмотря на ихъ большую численность (общій составъ «восьми знаменъ» исчисляютъ въ 230.000 человѣкъ), они, по всей вѣроятности, были бы очень слабымъ рессурсомъ для защиты отечества противъ иностраннаго вторженія: быть можетъ, они скорѣе опасны, чѣмъ полезны для безопасности имперіи; самымъ своимъ пребываніемъ въ «татарскихъ городахъ», которые стоятъ, обнесенные крѣпостными стѣнами, среди китайскихъ городовъ, они постоянно напоминаютъ побѣжденной націи о постигшемъ ее пораженіи и такимъ образомъ поддерживаютъ въ народѣ чувство сопротивленія и вражды противъ маньжурской власти [2]). Единственный татарскій корпусъ, могущій претендовать на названіе правильной арміи въ настоящемъ смыслѣ слова, это—Сяоцзинъ, занимающій столицу богдыхана и ея окрестности; наличный составъ этого корпуса заключаетъ 36.000 человѣкъ, кромѣ того 26.000 воспитанниковъ; но очень трудно собрать точныя свѣдѣнія объ этихъ войскахъ, которыя маневрируютъ и парадируютъ внутри императорскихъ парковъ, куда входъ строго воспрещенъ всякому иностранцу. Высшій военный рангъ, называемый цзянь-цзюнь,—можетъ быть занятъ только маньчжуромъ; генералъ китайскаго происхожденія не можетъ подняться по

[1]) Morache Chine, „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales“.

[2]) Meadows, „The Chinese and their Rebellions“.

лѣстницѣ военной іерархіи выше чина тидай.

Лу-пнъ или армія «зеленаго знамени», раздѣленная на восемнадцать корпусовъ, которые соотвѣтствуетъ восемнадцати провинціямъ имперіи, имѣетъ, по національности, исключительно китайскій характеръ и состоялъ до Японо-китайской войны изъ 475.177 человѣкъ [1]), если вѣрить болѣе или менѣе правдивымъ донесеніемъ офицеровъ. Эти ратники употребляются преимущественно для полицейской службы, для перевозки и переноски хлѣбныхъ запасовъ, для содержанія въ исправности береговыхъ насыпей, плотинъ и шлюзовъ на рѣкахъ и каналахъ, для починки дорогъ; они служатъ только въ предѣлахъ своей провинціи, и губернатору стоитъ большаго труда получить въ исключительныхъ обстоятельствахъ разрѣшеніе употреблять ихъ внѣ той территоріи, которую они обязаны защищать. Генералъ, командующій этимъ войскомъ, фу-тай или губернаторъ, всегда гражданскій чиновникъ въ силу господствующаго въ Китаѣ общаго принципа, что оружіе должно уступать первенство тогѣ. Кромѣ того, полки милиціи набираются въ различныхъ областяхъ на средства самихъ общинъ и ничего не стоятъ государственной казнѣ. Въ военное время, когда дѣйствіе законовъ пріостанавливается осаднымъ положеніемъ, правительство можетъ вербовать на службу всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; но опытъ доказалъ, что подобныя войска безъ предшествующихъ организаціи и подготовки къ военному дѣлу служатъ только, въ случаѣ встрѣчи съ правильной арміей, къ увеличенію безпорядочной массы бѣгущихъ.

Морскія силы Китая сравнительно еще менѣе значительны, чѣмъ сухопутныя; прекрасный флотъ весь уничтоженъ японцами, а новаго Китай еще не успѣлъ пріобрѣсти. Большинство матросовъ, уроженцы южныхъ провинцій, Гуанъ-дуна и Фу-цзяни, — искусные моряки; во многихъ обстоятельствахъ они доказали, что на нихъ нельзя было бы смотрѣть какъ на враговъ, не стоющихъ вниманія, въ случаѣ столкновенія съ европейскими державами. Въ новѣйшее время были построены укрѣпленія при входѣ въ лиманы и рѣки Кантона, Фу-чжоу и Пекина, и для вооруженія этихъ фортовъ, а также другихъ крѣпостей; сталелитейный заводъ Крупа уже неоднократно доставлялъ орудія; сверхъ того, въ собственныхъ арсеналахъ работаютъ надъ изготовленіемъ огромнаго количества военныхъ принадлежностей и снарядовъ, по европейскимъ образцамъ, ибо хотя порохъ — китайское изобрѣтеніе, но императоры Срединнаго царства еще недавно не имѣли другой артиллеріи, кромѣ деревянныхъ, обитыхъ желѣзными обручами, трубъ да пушекъ, отлитыхъ по указаніямъ миссіонеровъ-іезуитовъ. Бо́льшая половина доходовъ имперіи, исчисляемыхъ въ 74.900.000 ланъ, употребляется на военныя издержки равнымъ образомъ, для той же цѣли, именно на сооруженіе фортовъ и пріобрѣтеніе броненосныхъ кораблей, Китай употребляетъ деньги внѣшнихъ займовъ, заключенныхъ въ разныя времена съ 1874 года, черезъ посредство банкировъ Шанхай и Гонконга.

Бюджетъ Китайской имперіи представлялъ въ 1894 году, по Statesman's year-book, слѣдующія цифры въ ланахъ:

Поземельный налогъ (серебр.)—20.000.000; сборъ рисомъ на—2.800.000: соляные сборы—9.600.000; таможни морскія—23.500.000; таможни внутреннія — 6.000.000; ли-цзинь—11.000.000; патенты — 2.000.000; итого—74.900.000.

Изъ этого видно, что важнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ составляютъ сборы, доставляемые казнѣ таможнями, и правительство умѣло понять, что для предупрежденія возможности расхищенія этой статьи доходовъ всего лучше обратиться къ услугамъ иностранныхъ администраторовъ, привыкшихъ къ веденію большихъ финансовыхъ операцій. Подобно тому, какъ завѣдываніе морскими сигналами, бакенами и маяками (въ 1880 году въ числѣ служащихъ при маякахъ было 58 европейцевъ и 278 китайцевъ), управленіе таможнями находится въ рукахъ европейцевъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ Запада, въ числѣ почти пропорціональномъ оборотамъ ихъ торговли; но эта таможенная администрація, оффиціальнымъ языкомъ которой служитъ языкъ англійскій, и которая зависитъ отъ главнаго управленія иностранныхъ дѣлъ, не завѣдуетъ торговымъ обмѣномъ, который производится при помощи джонокъ китайской конструкціи, и кругъ ея вѣдомства не распространяется за предѣлы пояса, открытаго международной торговлѣ; по выходѣ изъ портовъ морскаго прибрежья или берега Голубой рѣки, начинаются внутреннія таможни ли-цзиня или «тысячной доли», пошлины которыхъ удваиваютъ, утраиваютъ или даже удесятеряютъ цѣнность провозимыхъ товаровъ, смотря по степени алчности мандариновъ. На основаніи одной статьи трактатовъ, сборъ въ размѣрѣ 2 съ половиной процентовъ, прибавляемый къ ввозной пошлинѣ въ количествѣ 5 процентовъ, долженъ бы былъ освобождать товары отъ всякаго дополнительнаго налога, но въ дѣйствительности приходится платить провозную пошлину у воротъ городовъ, на дорогахъ, на каналахъ и на мостахъ; сборщикъ мыта или дорожной и заставной пошлины требуетъ особую подать на починку пагодъ, особую подать на успѣхъ моленій, совершаемыхъ о ниспосланіи дождя или хорошей погоды, осо-

[1]) Путята, „Китай".

бую подать на содержаніе ратниковъ милиціи или на бракосочетаніе принцессы. Эти-то препятствія, затрудняющія внутреннюю торговлю, и мѣшаютъ движенію торговаго обмѣна съ иностранцами принять свою нормальную дѣятельность, и потому въ послѣднее время европейцы усиленно хлопочутъ объ уничтоженіи ли-цзиня. Китайцы охотно покупаютъ иностранные товары, не только для своего личнаго употребленія, но также для публичныхъ празднествъ: они любятъ наружную пышность, знамена, богатые обои, фейерверки и не жалѣютъ денегъ для торжественныхъ дней; но отъ городовъ морскаго прибрежья до городовъ внутренняго Китая цѣнность предметовъ иностраннаго привоза, благодаря таможеннымъ поборамъ, болѣе чѣмъ удесятеряется.

Недостатокъ удобныхъ знаковъ денежнаго обращенія также составляетъ одну изъ главныхъ причинъ рѣдкости прямыхъ торговыхъ сношеній между приморскими портами и внутренними городами. Старинная монетная система, заключавшая золотыя, серебряныя и бронзовыя деньги, перестала существовать, вслѣдствіе всевозможныхъ фальсификацій, которыя позволяла себѣ казна, и теперь правительство не чеканитъ другой монеты, кромѣ чеховъ, дѣлаемыхъ изъ сплава мѣди и олова. Это просто кружки съ дырочкой, которые нанизываются на шнурокъ, и составляютъ монетную единицу, называемую дяо; но десятки, сотни и тысячи этихъ денежныхъ знаковъ суть простыя названія безъ опредѣленной цѣнности, и мѣняются по цѣнѣ отъ одного округа до другаго: въ иномъ городѣ считаютъ только 99, 98 или даже 96 чоховъ въ дяо; къ востоку отъ Тянь-цзиня одинъ дяо представляетъ собою цѣнность 333 чеховъ вмѣсто 100. Другая денежная единица, унція серебра, называемая таэль или ланъ, средняя цѣнность котораго около 1.500 чеховъ, есть фиктивная монета, мѣняющаяся въ цѣнѣ отъ одного рынка до другаго, что даетъ возможность мѣнялмъ и банкирамъ получать въ свою пользу барышъ на всѣхъ сдѣлкахъ, барышъ тѣмъ болѣе значительный, что узаконенный размѣръ процентовъ составляетъ 30 на 100 въ годъ и 3 на сто въ мѣсяцъ. Въ прежнее время, когда еще не было внѣшней торговли, которая ввела въ страну много иностранныхъ монетъ и тѣмъ понизила относительную цѣнность туземныхъ денегъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ давали до 3.000 чеховъ за одну унцію серебра. Вѣдомство приморскихъ таможенъ ведетъ свои счеты въ такъ называемыхъ хай-гуанъ-таэль, оффиціальная цѣнность которыхъ около 6 франковъ, или 1.070 к.; но оно получаетъ платежи пошлинъ только въ слиткахъ серебра, цѣнность которыхъ означается клеймомъ. Самая обыкновенная ходячая монета въ Китаѣ—это мехиканскій долларъ, который негоціанты велятъ спеціально чеканить для торговли съ Срединнымъ царствомъ [1]). Золото нигдѣ не употребляется какъ мѣновая монета, но бумажныя деньги, называвшіяся прежде «крылатымъ золотомъ» или «летучей монетой», вошли во всеобщее употребленіе въ Срединной имперіи уже около тысячи лѣтъ. Изъ серебряныхъ слитковъ всегда отдаютъ предпочтеніе, по причинѣ чистоты металла и отсутствія въ немъ всякой лигатуры, чунченскимъ (Tchoung-tcheng) «башмакамъ», получившимъ это названіе отъ формы, которую имъ придали плавильщики [2]).

Китай въ собственномъ смыслѣ обнимаетъ восемнадцать провинцій,—девятнадцать, если прибавить къ нимъ Щэнъ-цзинъ или южную Маньчжурію, — сгруппированныхъ въ восемь вице-королевствъ или генералъ-губернаторствъ. Каждая изъ этихъ провинцій дѣлится на области или фу, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на округа или чжоу, раздѣленные на уѣзды или сянь; эти слова обыкновенно прибавляются къ именамъ городовъ, которые были выбраны, какъ главныя мѣста соотвѣтственныхъ административныхъ дѣленій. Кромѣ того существуетъ нѣкоторое число округовъ или чжоу, называемыхъ чжи-ли-чжоу, которые зависятъ непосредственно отъ центральной администраціи провинціи, нарушая такимъ образомъ правильную іерархію городовъ. Военныя губернаторства или тинъ многочисленны въ краяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ; имъ даютъ названіе чжи-ли-тинъ, когда они имѣютъ непосредственныя сношенія съ центральной администраціей. Городъ Пекинъ находится подъ особымъ военнымъ управленіемъ, кругъ вѣдомства котораго распространяется на нѣсколько километровъ въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Высшее командованіе принадлежитъ генералъ-губернатору или цзунъ-ду въ вице-королевствахъ, губернатору или фу-тай въ провинціяхъ, окружнымъ и областнымъ начальникамъ, чжи-чжоу, въ округахъ или группахъ округовъ. Спеціальные коммисары носятъ названіе чжи-сянь.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ девятнадцати провинцій Китая, съ подраздѣленіемъ ихъ на области, округи и уѣзды:

---

[1]) Въ настоящее время въ Китаѣ весьма обыкновенны въ обращеніи китайскіе доллары, вычеканенные на Кантонскомъ монетномъ дворѣ, но доллары эти имѣютъ свободный доступъ лишь въ приморскихъ портахъ Китая. Попытки ввести доллары, чеканенные въ Гириннѣ, не увѣнчались успѣхомъ.

[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".

Перечень провинцій Китая съ показаніемъ административнаго дѣленія страны и главнѣйшихъ пунктовъ.

Собственный (внутренній) Китай.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ-губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція.	Пространство въ кв. миляхъ по Мату	Населеніе. совокому.	Плотность населенія на кв. миль.	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Чжи-ли....	Чжилійское.	Генералъ-губернаторомъ (цзунъ-ду).	5.438,28	17.937.000	3.298ч.	*Пекинъ*; Бао-дингъ фу; Чэнъдэ-фу; Юнъ-пинъ-фу; Линьюй; Хэ-цзянь-фу; Тянь-цзинъ-фу; Чжэнъ-динъ-фу; Шунъдэ-фу; Гуанъ-пинъ-фу; Даминъ-фу; Сюань-хуа-фу; Долонъ-норъ-тинъ; Чжанъ-цзякоу; и др. всего 148 городовъ.
Шань-дунъ.	Составляютъ самостоятельныя губернаторства.	Губернаторомъ (фуюань).	2.619,38	36.247.835	13.840	*Цзи-нанъ-фу;* Тай-ань-фу; Янь-чжоу-фу; И-чжоу-фу; Цао-чжоу-фу; Дунъ-чанъ-фу; Цинъ-чжоу-фу; Дэнъ-чжоу-фу; Лай-чжоу-фу; Вэй-сянь и др. всего 107 город.
Шань-си .		Тоже.	3.846,14	12.211 453	3.174	*Тай-юанъ-фу;* Пинъ-янъ-фу; Пу-чжоу-фу; Цзэ-чжоу-фу; Да-тунъ-фу; Пинъ-динъчжоу; Синь-чжоу; У-тай; Бао-дэ-чжоу; Цзэ-чжоу; Кукухото и др. всего 109 городовъ.
Хэ-нань...		Тоже.	3.206,84	22.115.827	6.898	*Кай-фынъ-фу;* Гуй-дэ-фу; Хуай-цинъ-фу; Хэ-нань-фу; Ло-янъ-сянь; Нанъ-янъ-фу; Жу-чжоу; Лу-шань-сянь и др. всего 107 городовъ.
Цзянъ су..	Генералъ-губернаторство Лянъ-цзянское или	Губернаторомъ.	1 797,28	20.905.171	11.633	*Цзянъ-нинъ-фу;* Су-чжоу-фу; Сунъ-цзянъ-фу; Шанъ хай; Чжэнь-цзянъ-фу; Хуай-ань-фу и др. всего 59 гор.
Ань-хой...	Цзянь-наньское	Тоже.	2.579,41	20.596.988	7.986	*Ань-цинъ-фу;* Хой-чжоу-фу; Нинъ-го фу; Тай-пинъ-фу; У-ху-сянь; Лу-чжоу-фу; Сычжоу; Фынъ-янъ-фу и др. всего 58 городовъ.
Цзянъ-си..	(Лянъ-цзянъ-цзунъ-ду).	Тоже.	3.308,29	24.534.118	7.416	*Нань-чанъ-фу;* Жао-чжоу-фу; Гуань-синь-фу; Ганьканъ-фу; Цзю-цзянъ-фу; Фучжоу-фу; Цзи-ань-фу; Ганьчжоу-фу; Нань-ань-фу; всего городовъ 78.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ-губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція.	Пространство въ кв. миляхъ по Мату	Населеніе. совскому.	Плотность населенія кв. миля	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Фу-цзянь..	Генералъ-губернаторство Минь-чжэское.	Губернаторомъ.	2.739,78	25.790 556	9 416	*Фу-чжоу фу;* Цюань-чжоу-фу; Амой; Цзянь-нинъ-фу; Янь-пинъ-фу; Тинъ-чжоу-фу; Шао-у-фу; Чжанъ-чжоу-фу; Фу-нинъ-фу и др.
Чжэ-цзянъ.	(Минь - чжэ - цзунъ-ду).	Тоже.	1.764,10	11.588.692	6.569	*Ханъ-чжоу фу;* Хай-нинъ-чжоу; Цзя синъ-фу; Ху-чжоу-фу; Ань-цзи-сянь; Нинъ-бо-фу; Шао-синъ-фу; Тай-чжоу-фу; Цзинь-хуа фу; Янь-чжоу-фу; Вэнь-чжоу-фу; Чу-чжоу-фу; Динъ - хай - тинъ и др. всего 75 городовъ.
Ху-бэй	Генералъ-губернаторство Хугуанское или Лянъ-хуйское.	Губернаторомъ.	3.356,19	33 365 005	9.941	*У-чанъ-фу;* Ханъ-коу; Ханьянъ-фу; Ань-лу-фу; Сянъ-янъ-фу; Юнь-янъ-фу; Дэ ань-фу; Хуанъ-чжоу-фу; Цзинъ-чжоу-фу; И-чанъ-фу; Ши-нань-фу; Цзинъ-мынь-чжоу и др. всего 68 городовъ.
Ху-нань...	(Лянъ - ху - цзунъ-ду).	Тоже.	3.917,09	21.002.604	5.362	*Чанъ-ша-фу;* Сянъ - тань - сянь; Іо-чжоу-фу; Хэнъ-чжоу-фу; Чанъ-дэ фу; Чэнь-чжоу-фу; Юнъ - чжоу - фу; Юнъ-шунь-фу; Лп-чжоу; Цзинъ-чжоу-фу и др. всего 73 города.
Шэнь си ..	Генералъ - губернаторство Шэньганьское	Губернаторомъ.	3.540,47	8.432.193	2.381	*Си-ань-фу;* Тунъ-чжоу-фу; Тунъ гуань - тинъ; Ханьчжунъ - фу; Синъ - ань - фу; Сюнъ-янъ-сянь; Янь-ань-фу; Юй-линь-фу; Бинь-чжоу и др. всего 90 городовъ.
Гань-су...	(Шэнь - гань - цзунъ-ду).	Тоже	5.910,38	5.000.000	846	*Ланъ-чжоу-фу;* Пинь-лянъ-фу; Гунъ - чанъ-фу; Цинъ-янъ-фу; Нинъ - ся - фу; Синин - фу; Лянъ чжоу - фу; Гань - чжоу - фу; Су - чжоу; Цзинъ-чжоу и др. всего 60 городовъ.
Сы-чуань..	Генералъ - губернаторство.	Генералъ - губернаторомъ.	10.278,76	67.712.897	9.588	*Чэнъ-ду-фу;* Нинъ-юань-фу; Бао-нинъ-фу; Шунь-цинъ-фу; Сюй-чжоу-фу; Чунъ-цинъ-фу; Фоу-чжоу; Куй-чжоу-фу; Уштань сянь; Лунъ - ань - фу; Тунъ-чуань-фу; Цзя - динъ-фу; Я-чжоу фу; Мэй - чжоу; Чжунъ-чжоу; Лу-чжоу; Цюнъ-чжоу и др. всего 140 городовъ.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція	Пространство въ кв миляхъ. по Мату	Населеніе. совскому.	Плотность населенія на кв.миле.	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Гуанъ-дунъ.	Генералъ - губернаторство Лянъ-гуанское.	Губернатором.	4.153,26	29.706.249	7.152	*Гуанъ-чжоу-фу* (Кантонъ: Фо-шань-тинъ; Макао (Аомынь) Шао-чжоу-фу; Хой-чжоу-фу; Чао-чжоу-фу; Чжао-цинъ-фу; Лянь-чжоу фу; Лэй-чжоу-фу; Цюнъ-чжоу-фу; Хой-хоу; Линь чжоу; Цзя-инъ-чжоу и др всего 95 городовъ.
Гуанъ-си.	(Лянъ - гуанъ-цзунъ-ду).	Тоже.	3.819,08	5.153.327	1.348	*Гуй-линь-фу*; Лю-чжоу-фу; Цинъ-юань-фу; Сы - энь - фу; Пинъ - лэ - фу; У - чжоу - фу; Сюнь-чжоу-фу; Нань - нинъ-фу; Тай-пинъ-фу; Юй-линь-чжоу; Си-лунъ-чжоу и др. всего 69 городовъ.
Юнь-нань.	Генералъ - губернаторство Юньгуйское.	Губернатором.	6 907,60	11.721.576	1.697	*Юнь-нань-фу*; Да - ли - фу; Линь-ань-фу; Чу - сюнъ - фу; Гуанъ нанъ-фу; Шунь-нинъ-фу; Пу-эръ-фу; Ли-цзянъ-фу; Дунъ-чуанъ-фу; Чжао тунъ-фу; Юнъ-чанъ-фу; Тэнъ-юэ-тинъ; У-динъ-чжоу и др. всего 84 города.
Гуй-чжоу.	(Юнь - гуй-цзунъ-ду).	Тоже.	3.158,10	7.669.181	2.428	*Гуй-янь - фу*; Сы-чжоу-фу; Сы-нань-фу; Чжэнь-юань фу; Тунъ-жэнь-фу; Ли-пинъ-фу; Да-динъ-фу и др. всего 64 города.
		Всего ..	72.341,28 кв. геогр. миль.	381.688.672	5.276	Городовъ, въ которыхъ находятся административныя власти, свыше 1.552.

Внѣшній Китай.

Названіе страны, провинціи, округа, ханства.	Кѣмъ управляется страна.	Пространство.	Населеніе.	Плотность.	Важнѣйшіе пункты.
Маньчжурія см. подробности на стр. 272	Шенъ-цзинъ, Гиринь, Хей-лунъ-цзянъ.	Военными генералъ-губернаторами (цзянь-цзюнями) подчиненными Мукденьскому цзянь-цзюню.	2,633,24 4.937,05 9 533 98	4.243.267 3 700 000 1 060.000	1011 749 111	По провинціямъ указаны на стр. 272.
Сѣверная Монголія (Халха) Южная Монголія, Ордосъ, Ала-шань и Кобдо.		Управляются своими князьями подъ контролемъ китайскихъ военныхъ губернаторовъ Чахары подчинены дутуну, живущему въ Калганѣ.	50.234,59	3.0 0.000	59	Урга; Улясутай; Кобдо и др.
Тарбагатай		Губернаторомъ.	1.163.26	64.000	55	Дарбульджинъ; Чугучакъ.
Или		Военнымъ губернаторомъ.	1 265,90	140.000	110	Суй-динъ-чэнъ (Суйдунъ); Кульджа.
Новая линія или Ганьсу-синь-цзянь		Генералъ-губернаторомъ и его двумя помощниками въ В. Туркестанѣ.	23 980,94	1.500 000	62	Урумчи; Барколь; Хами; Турфанъ; Аньси; Кашгаръ; Яркендъ; Хотанъ; Кэрія; Акъсу; Карашаръ и др.
Тибетъ		Управляется далай-ламой подъ контролемъ двухъ китайскихъ резидентовъ.	21.763,03	25.000.000	114	Ласса; Чеганъ; Шигатзэ; Гардокь; Чамдоула; Чжамдо.
Куку-норъ		Управляется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Монголія, подъ наблюденіемъ амбаня изъ г. Си-нинъ-фу.	13.056,54	150.000	11	Дань-гэръ-тинъ (Донкыръ).
	Всего		128.568,53	16.357.267	127	

Глава VI

[illegible]

[illegible] Китая. Корея. Ея [illegible] Маньчжурией. [illegible] Маньчжурии. [illegible] Маньчжурии. [illegible] Маньчжурии

раньше, чѣмъ установилось территоріальное единство Кореи, ибо Матуанлинъ, писатель тринадцатаго вѣка, приводилъ его, какъ принадлежащее одному изъ государствъ полуострова 1). Такимъ образомъ этотъ край означается поэтическимъ выраженіемъ, указывающимъ на его положеніе между Китаемъ и Японіей. Въ то время, какъ эта послѣдняя имперія является для жителей континента «Страной восходящаго солнца», Корея представляетъ «блестящую» землю, освѣщаемую утреннимъ лучами дневнаго свѣтила.

Озеро Хаконе.

Корея, хотя и расположена между двумя часто посѣщаемыми морями, есть, однако, еще и до сихъ поръ одна изъ наименѣе изслѣдован-

1) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine“ par Matouanlin.

ныхъ странъ земнаго шара. Даже берега ея, которые такъ необходимо было бы изучить самымъ тщательнымъ образомъ для безопасности мореплавателей, еще неизвѣстны съ точностью, и морскія карты даютъ имъ очертанія въ большой части гипотетическія. До семнадцатаго столѣтія европейскіе географы полагали, что Корея островъ, и такъ именно она представлена на картѣ Меркатора, Ортелія, Сансона; ея полуостровная форма было впервые открыта картой, составленной на основаніи корейскихъ и китайскихъ источниковъ, которую прислали миссіонеры изъ Пекина, и которая была воспроизведена д'Анвилемъ. Первыя точныя наблюденія, сдѣланныя европейскими мореплавателями, относятся къ концу восемнадцатаго столѣтія: только въ 1787 году Лаперузъ могъ опредѣлить положеніе большаго острова Квельпарта, называемаго китайцами Тангло, а японцами Тамуро, и сдѣлать гидрографическое описаніе Корейскаго пролива, между двумя морями Китайскимъ и Японскимъ. Десять лѣтъ спустя, другой мореплаватель, Броутонъ, обогнулъ полуостровъ на югѣ черезъ проливъ, который носитъ его имя, между Кореей и двойнымъ островомъ Цу-сима, и обслѣдовалъ нѣкоторые пункты восточнаго берега. Впослѣдствіи Крузенштернъ, проходя на сѣверѣ отъ острова Кіусіу, черезъ проливъ, названный его именемъ, прибавилъ нѣкоторыя подробности къ чертежу морскихъ береговъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія Максвель и Василій Галь возобновили дѣло гидрографическаго изслѣдованія, и съ этой эпохи многіе военные корабли, англійскіе, французскіе, американскіе, русскіе, произвели детальную съемку различныхъ частей морскаго прибрежья. Въ 1869 г. итальянскій фрегатъ «Vitorio Pisani» также обслѣдовалъ разные пункты корейскаго берега. Наконецъ, двѣ военныя экспедиціи, одна французская, другая американская, имѣли по крайней мѣрѣ тотъ практическій результатъ, что доставили съемку береговъ лимана и рѣчнаго устья, которые ведутъ къ столицѣ королевства. Въ настоящее время наиболѣе усердно занимаются изученіемъ береговъ Кореи японскіе моряки. Они уже въ большой части измѣрили и опредѣлили глубину тысячи каналовъ архипелага, островки и опасныя подводныя скалы котораго усѣяли море, и который на старинныхъ китайскихъ, японскихъ и европейскихъ картахъ и въ описаніяхъ изображался, да и теперь изображается принадлежащимъ къ твердой землѣ острова.

Показанія, относящіяся къ величинѣ поверхности Кореи, весьма разнорѣчивы. По исчисленію «Petermans Geogr. Mittheilung», 1883 г., площадь полуострова съ островами равна 3.962,6 географическихъ миль или 218.142 квадр. километрамъ. По послѣднему изданію «Almanach de Gotha», она исчисляется 218.650 кв. километровъ, тогда какъ извѣстное справочное изданіе «Statesman's year book» 1895 года опредѣляетъ площадь въ 3.765,4 географическихъ квадр. миль. Подобная рѣзкая разница объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Кореѣ весьма трудно опредѣлить правильное положеніе береговой линіи и до сего времени нѣтъ ни одной карты, которая бы совершенно точно опредѣляла границу моря и суши. Это особенно относится къ югу полуострова, еще болѣе къ его западному побережью и многочисленнымъ островамъ. Громадность приливовъ и отливовъ въ связи съ отлогостью морскаго дна является причиной неизслѣдованности береговъ.

Нельзя сказать, что внутренность полуострова совершенно неизвѣстна, такъ какъ уже съ морскаго берега можно разглядѣть ея горы, различить ея долины и равнины, при томъ же карта Кореи, составленная д'Анвилемъ и воспроизведенная почти всѣми другими географами, основана на довольно точныхъ документахъ корейскаго происхожденія. Конечно, и направленіе горныхъ цѣпей, ходъ теченія рѣкъ, мѣсто городовъ показаны безъ строгой точности, но и до настоящей минуты еще ни одинъ изслѣдователь, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не провѣрялъ и не исправлялъ предшествующихъ работъ по описанію этой страны. Въ 1653 году голландскій писатель Гамель, потерпѣвъ крушеніе у береговъ острова Квельпарта, съ тридцатью пятью спутниками, былъ отведенъ плѣннымъ до самой столицы, и въ продолженіе 13-лѣтняго невольнаго пребыванія въ краѣ могъ изучить нравы и обычаи корейцевъ, но, какъ простой плѣнникъ, онъ не имѣлъ возможности ознакомиться съ страной съ географической точки зрѣнія, и при томъ пройденный имъ путь идетъ вдоль западнаго берега, не проникая во внутренность земель. Христіанскіе миссіонеры, которые съ 1835 года одна за другими посѣщали Корею для проповѣдыванія ея жителямъ слова Божія, исходили почти всю западную покатость полуострова, пробираясь туда—одни сухимъ путемъ съ границъ Маньчжуріи, другіе моремъ съ береговъ Шандуна; но жизнь скрывающихся бѣглецовъ, которую они принуждены были вести, не позволяла имъ дѣлать много точныхъ наблюденій надъ краемъ. Большинство ихъ могли путешествовать только въ ночное время, или должны были нарочно выбирать самыя трудныя, наименѣе посѣщаемыя дороги, должны были вязнуть въ болотахъ, продираться сквозь лѣсныя чащи, питаясь травами и кореньями. Однако, именно этимъ отважнымъ миссіонерамъ, изъ которыхъ многіе поплатились жизнью за свое рвеніе къ распространенію Христовой вѣры, наука обязана наиболѣе полнымъ собраніемъ свѣдѣній по географіи страны «Утренней ясности» [1]).

[1]) Dallet, „Histoire de l'Eglise de Corée".

Еще болѣе точныя и полныя свѣдѣнія о странѣ стали проникать въ европейскую литературу послѣ того, какъ страна согласилась открыть для иностранной торговли нѣкоторые изъ своихъ портовъ и заключила договоры съ иностранными государствами. Послѣднія обстоятельства доставили доступъ въ страну многимъ европейцамъ, которые уже по своему служебному положенію нерѣдко бывали обязаны изучать страну. И дѣйствительно, самыя цѣнныя свѣдѣнія о Кореѣ за послѣднее время принадлежатъ оффиціальнымъ консуламъ и чиновникамъ англійскаго правительства, Карлесу, Грифису, Готше, Бишопъ и др.

Простой прибавокъ или выступъ китайской покатости азіатскаго континента и въ то же время земля, близкая къ Японіи, Корея, естественно, не могла не сдѣлаться предметомъ спора между двумя державами, къ которымъ она прилегаетъ. Служа постоянно яблокомъ раздора между этими государствами, она-то и явилась главной причиной Японско-Китайской войны. До соединенія корейскихъ княжествъ въ одно королевство, полуостровъ заключалъ нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, границы которыхъ часто мѣнялись. Это были: на сѣверѣ, Гаогуйли (Гаоли) или Корея въ собственномъ смыслѣ; въ центрѣ Чаосянь и «семьдесятъ восемь» королевствъ китайскаго основанія, которымъ вообще давали китайско-японское названіе Санъ-канъ (Санъ-хань) или «Три Хань» [1]); на югѣ, княжество, извѣстное у китайцевъ подъ именемъ Синло, а у японцевъ подъ именемъ Сираги, далѣе государство Петси или Гіаксай, называемое Кударой восточными островитянами; кромѣ того, маленькое государство Кара, Зинна или Мимана образовалось на юго-востокѣ полуострова, вокругъ залива Фузанъ. Сѣверныя территоріи, лежащія въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, необходимо должны были тяготѣть къ Цвѣтущему царству, императоры котораго неоднократно вмѣшивались во внутреннія дѣла полуострова. Съ своей стороны, южные корейцы, извѣстные въ исторіи подъ японскимъ прозвищемъ Кмасо или «Стада медвѣдей», долгое время находились подъ владычествомъ Японіи; иногда они дѣлали частые набѣги на острова Кіусіу и Хондо и даже поселялись тамъ на жительство. Первое завоеваніе Кореи было совершено въ третьемъ столѣтіи арміями правительницы Японіи Зингу. Около конца шестаго вѣка знаменитый японскій диктаторъ, котораго обыкновенно означаютъ прозвищемъ Тайко-сама, и который, начавъ свое поприще разбойничаньемъ на большой дорогѣ, кончилъ тѣмъ, что подчинилъ своей власти все феодальное дворянство Японіи, возъимѣлъ смѣлую мысль завоевать Срединное царство. Будучи почитателемъ Португальскаго королевства, которое, несмотря на крохотные размѣры своей территоріи, успѣло присоединить къ своимъ владѣніямъ обширную Индійскую имперію, онъ рѣшился не оставаться позади маленькаго короля Запада по грандіозности завоевательныхъ предпріятій. Такъ какъ попытка его вовлечь въ свой союзъ противъ Китая государя Кореи не увѣнчалась успѣхомъ, то онъ долженъ былъ начать осуществленіе своего плана завоеваніемъ полуострова, которому онъ и объявилъ войну, подъ предлогомъ старинныхъ правъ Японіи на страну «Медвѣдей» (Кмасо); онъ опустошилъ провинціи этого государства, принудилъ короля признать себя его данникомъ, и, не смотря на то, что былъ разбитъ пришедшими на помощь китайцами; уходя въ Японію, оставилъ постоянный гарнизонъ въ Фузанъ-по на корейской территоріи. Слѣдовавшая затѣмъ новая экспедиція также была побѣдоносна и хотя она была прервана смертью самого Тайко-самы, но островъ Цу-сима остался окончательно въ рукахъ японцевъ, и съ этой эпохи до половины настоящаго столѣтія, Корея, какъ вассалка Ниппона, не переставала посылать регулярно каждый годъ, черезъ посредство князя Цу-симы, изъявленіе своего леннаго подданства и свои дары. По свидѣтельству христіанскихъ миссіонеровъ, которое, впрочемъ, можетъ быть есть не болѣе, какъ воспроизведеніе какой-нибудь древней легенды, но которое не подтверждается японскими лѣтописями [1]), первоначально часть ежегодной дани, платимой корейцами Японіи, составляли тридцать человѣческихъ кожъ [2]); впослѣдствіи онѣ были замѣнены посылками серебра, рису, холста и лекарственныхъ растеній.

Что касается отношеній страны «Утренняго блеска» къ Китаю, то они были самыя дружественныя, благодаря поддержкѣ, которую династія Миновъ оказывала царствующей династіи Кореи въ ея побѣдоносной борьбѣ противъ другихъ государствъ полуострова и въ ея сопротивленіи противъ Японіи. Поклонники китайской цивилизаціи, корейскіе короли считали для себя за честь получать инвеституру отъ «Сына Неба». Но въ эпоху завоеванія Срединнаго царства маньчжурами, Корея осталась вѣрна дѣлу Миновъ, и новые властители имперіи должны были предпринять походъ, чтобы силой заставить государя полуострова признать ихъ верховную власть. Въ 1637 году они опустошили сѣверныя провинціи Кореи и предписали условія мира, которыми побѣжденное колевство обязывалось платить каждый годъ пекинскому двору дань, состоящую изъ 100 унцій золота, 1.000 унцій серебра, а также изъ опредѣленнаго количества произведеній естествен-

[1]) Matouanlin, d'Hervey de Saint Denys, цитированное сочиненіе; Pfizmaier, „Nachrichten von alten Bewohnern des heutigen Corea".

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Imbert, „Annales de la propagation de la Foi"; мартъ 1841 г.

ныхъ, промышленныхъ и художественныхъ, мѣховъ и лекарственныхъ корней, тканей всякаго рода, циновокъ, вышитыхъ и разрисованныхъ; посольство, привозящее эту ежегодную дань, получало въ обмѣнъ императорскій календарь. Корейскій король даже прямо называлъ себя «подданнымъ» богдохана; но, несмотря на это названіе, китайское правительство далеко не пользовалось реальнымъ правомъ верховной власти надъ корейской территоріей [1]). По закону, ни одинъ выходецъ Срединнаго царства не могъ поселиться въ предѣлахъ Чао-сяна; даже посланникъ пекинскаго двора, при въѣздѣ въ столицу Кореи, должны были оставлять свою свиту за городомъ, и во время пребыванія ихъ въ сеульскомъ дворцѣ они походили скорѣе на почетныхъ плѣнниковъ, чѣмъ на представителей государя, верховнаго повелителя страны [2]). Такимъ образомъ, несмотря на свою двойную вассальную зависимость въ продолженіе періода, обнимавшаго болѣе двухъ столѣтій, Корея, такъ сказать, равно побуждаемая двумя сосѣдними имперіями, какъ двумя силами, дѣйствующими въ противоположномъ направленіи, оставалась совершенно самостоятельной, автономной страной; но стараясь держаться въ сторонѣ, такъ, чтобы другіе забыли о ея существованіи, она не имѣла до послѣдняго времени никакой политической важности, не играла никакой роли въ исторіи Азіи; можно было сказать, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ обширный и богатый полуостровъ, земля представляетъ пустое пространство.

Третья имперія, сдѣлавшаяся сосѣдкой Кореи, тоже вмѣшивается, въ свою очередь, и даетъ чувствовать свое могущество. Уже не разъ были поводы предполагать, что Петербургское правительство сдѣлаетъ распоряженіе о занятіи какого-нибудь порта на полуостровѣ «Утренняго блеска». Нѣтъ сомнѣнія, что какъ съ торговой, такъ и съ стратегической точки зрѣнія Россіи было бы чрезвычайно выгодно владѣть на южномъ берегу Кореи, этой Италіи азіатскаго Востока, какой-нибудь хорошо защищенной отъ вѣтровъ гаванью, доступной судамъ въ теченіе всей зимы, въ то время, какъ рейдъ Владивостока бываетъ запертъ льдами. Обладаніе такимъ портомъ на корейскомъ побережьѣ, который наблюдалъ бы одновременно за двумя морями, Китайскимъ и Японскимъ, и командовалъ бы проливами, весьма важно и желательно для Россіи; однако, преслѣдуя цѣли общаго миролюбія, Россія не только не пытается этого достигнуть, но напротивъ употребляетъ со своей стороны всѣ усилія, чтобы только сохранить независимость и цѣлость корейскаго владѣнія. Англійскіе моряки тоже часто предлагали своему правительству овладѣть островомъ Квельпартъ, чтобы имѣть точку опоры, откуда можно бы было господствовать надъ проливами морей Желтаго и Японскаго, и вѣроятно это было бы исполнено, если бы въ водахъ, окружающихъ островъ, была удобная гавань [1]). Въ настоящее время изъ трехъ окружающихъ государствъ почти въ пріобрѣтеніи вліянія на судьбы корейскаго народа принадлежитъ Японіи, которая добилась уступки себѣ торговыхъ пристаней на морскомъ прибережьѣ и служитъ главнымъ посредникомъ между полуостровитянами и внѣшнимъ міромъ.

Китайскія и японскія книги даютъ лишь несвязную и смутную картину королевства Чао-сянь, а корейское правительство старается поддерживать мракъ неизвѣстности и совершенное молчаніе относительно его собственной страны. Существующія краткія изложенія отечественной исторіи суть не что иное, какъ собранія анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ, которые ученый постыдился бы цитировать [2]). Да и эти анекдотическія сочиненія касаются лишь древней исторіи Кореи, ибо строго воспрещено публиковать или хотя бы только составлять какія бы то ни было записки, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ и упоминающія имена государей царствующей династіи. Тѣмъ не менѣе, у большой части дворянскихъ фамилій существуетъ обычай отмѣчать важнѣйшіе современные факты въ секретныхъ записныхъ книгахъ, но при этомъ остерегаются высказывать хотя бы малѣйшее сужденіе о дѣйствіяхъ министровъ или даже мелкихъ правительственныхъ агентовъ, такъ какъ всякому хорошо извѣстно, что за одно неосторожное слово можно поплатиться жизнью. Географическіе документы еще болѣе рѣдки, чѣмъ историческія сочиненія и матеріалы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ безобразный эскизъ, который былъ доставленъ посланникамъ китайскаго императора Канъ-си, просившаго своего вассала прислать ему карту территоріи: очевидно, у корейцевъ во всѣ времена было обыкновеніе держать иностранцевъ въ полномъ невѣдѣніи относительно ихъ отечества. А между тѣмъ мало найдется странъ, знакомство съ которыми представляло бы болѣе интереса, горы которыхъ имѣли бы болѣе величественный видъ, долины были бы болѣе живописны, а произведенія болѣе разнообразны.

По описанію Далле, главная горная цѣпь Кореи отдѣляется отъ Чанъ-бо-шаня въ массивѣ Пай-ку-сань или «Горѣ съ бѣлой главой»,

[1]) „Путешествіе Коэйлина“, въ перев. Шерцера, „Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie centrale et dans l'Extrême Orient“.

[2]) На самомъ дѣлѣ этотъ законъ едва-ли былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Кореѣ всегда было довольно много китайцевъ. Прим. ред.

[1]) Въ 80-хъ годахъ англичане заняли островъ Бомынь-до или Гамильтонъ, на югѣ полуострова.

[2]) Dallet, „Histoire de l'Eglise de Corée“.

и образуетъ раздѣльную линію между водами, текущими на сѣверо-востокъ въ рѣку Туменъ-ула, и водами, спускающимися на юго-западъ къ рѣкѣ Ялу-цзянъ. Многія вершины, возвышающіяся надъ хребтомъ, означаются, съ различными варіантами, именемъ Пай-ку-сань, такъ что вся цѣпь, отъ границъ Маньчжуріи до Броутонова залива, могла бы носить это наименованіе, смыслъ котораго—«Бѣлая гора» [1]). Слѣдовательно, въ этой области Кореи горы достигаютъ весьма значительной высоты; здѣсь, вѣроятно, находятся самыя высокія вершины полуострова, но большинство ихъ еще не было посѣщено путешественниками, и потому измѣренія высоты имѣютъ нѣкоторую достовѣрность только для горъ морскаго прибрежья, видимыхъ съ открытаго моря. Гора Гіенъ-фунъ, (Сань-фынъ) пирамидальная масса которой виднѣется въ небольшомъ разстояніи отъ берега, на сѣверѣ отъ Броутонова залива, имѣетъ болѣе 2.470 метровъ высоты; кромѣ того, многія другія вершины достигаютъ 2.000 метровъ.

Единогласное свидѣтельство первыхъ христіанскихъ миссіонеровъ и позднѣйшихъ путешественниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ гористомъ характерѣ внутренней части Кореи. Во всѣхъ областяхъ полуострова, куда ни посмотришь, вездѣ увидишь только горы, либо голыя, лишенныя растительности, либо покрытыя густыми, непроходимыми лѣсами, ограничивающія небосклонъ своими вершинами, обрисовывающимися въ формѣ куполовъ, башенъ, конусовъ или шпицевъ; вездѣ долины узки и сообщаются посредствомъ дикихъ ущелій, равнины, да и то небольшихъ размѣровъ, встрѣчаются только въ сосѣдствѣ морскихъ береговъ и преимущественно на западномъ побережьѣ полуострова. Въ цѣломъ, рельефъ полуострова образуетъ наклонную плоскость, вершина которой находится довольно близко отъ восточнаго берега: съ этой стороны паденіе быстрое, поверхность круто понижается къ Японскому морю, и воды, омывающія крутизны прибрежья, глубоки; берегъ, правильный, едва зазубренный, развертывается въ видѣ длинной выпуклой кривой, отъ Броутонова залива до южной оконечности Кореи. Покатость, обращенная къ Желтому морю, имѣетъ гораздо болѣе пологій скатъ, чѣмъ восточная, она постепенно понижается къ неглубокому морю, и неопредѣленная линія морскихъ береговъ окаймлена бахрамой изъ полуострововъ и островковъ, очертанія которыхъ измѣняются при малѣйшемъ колебаніи уровня водъ. Насколько можно судить по имѣющимся детальнымъ свѣдѣніямъ, лабиринтъ корейскихъ горъ происходитъ отъ пересѣченія меридіональной цѣпи, идущей вдоль восточнаго прибрежья, и поперечныхъ хребтовъ, принадлежащихъ къ китайской системѣ возвышенностей; самая форма изсѣченій западнаго берега, повидимому, указываетъ на то, что выступы или возвышенія земной поверхности слѣдуютъ въ Кореѣ тому же самому направленію, какъ и на сосѣднемъ континентѣ. Длинная гористая коса далеко выдается въ Желтое море, какъ-бы для того, чтобы идти на соединеніе съ полуостровомъ Шань-дунъ, ограничивая Чжилійскій заливъ: точно также юго-западная оконечность выдвинулась въ Желтое море, предшествуемая цѣлымъ архипелагомъ островковъ, и образуетъ выступъ, соотвѣтствующій полуострову Шанъ-бо и островамъ Чжу-санъ, на китайскомъ берегу. По крайней мѣрѣ два изъ корейскихъ хребтовъ несомнѣнно имѣютъ то же направленіе, какъ горныя цѣпи и террасы сосѣдняго материка, и тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно цѣпямъ и террасамъ Маньчжуріи, Монголіи, Чжи - ли, Шань - си: одинъ изъ этихъ хребтовъ, составляющій по ту сторону Желтаго моря продолженіе горъ полуострова Шань-дунъ, тянется вдоль восточнаго берега до залива Посьета; другой начинается у крайняго мыса южной Кореи и сливается съ восточными горами около выпуклости морскаго прибрежья, надъ которою господствуетъ вершина Цянъ-сань, называемая русскими моряками «Горой Попова». Островки, принадлежащіе къ этому послѣднему хребту, очень высоки: многіе изъ нихъ—холмы или, вѣрнѣе, горы съ обрывистыми скатами, поднимающіяся на 500, даже на 600 и 640 метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ Квельпортъ, изъ котораго корейское правительство сдѣлало мѣсто ссылки, также образуетъ маленькую горную цѣпь, оріентированную по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и примѣтную издалека по бѣлѣющимъ скаламъ горы Аула или Ханка-сань, называемой англійскими моряками горой Ауклендъ, которая поднимается на 2.029 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣкоторые изъ острововъ морскаго прибрежья, очевидно, вулканическаго происхожденія: такъ, островъ Уллынъ-бо, который носитъ также японское имя Мацу-симы и европейское наименованіе Дажелетъ, имѣетъ форму конуса, вершина котораго поднимается слишкомъ на 1.200 метровъ надъ поверхностью воды, тогда какъ откосы его погружаются въ море глубиною болѣе 700 метровъ. По словамъ корейской легенды, растенія, животныя и люди этого затерянnаго среди моря острова всѣ отличаются исполинскими размѣрами. Въ эти-же области моря Матуанлинъ помѣщалъ «Царство женщинъ» и «Царство двулицыхъ людей» [1]). Сеульское правительство не позволяло своимъ подданнымъ ѣздить на этотъ островъ; однако,

[1]) Д. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

смѣлые колонисты не убоялись поселиться въ запретной землѣ и приняться за воздѣлываніе ея долинъ, рискуя встрѣтить тамъ страшныхъ гигантовъ [1]). Лѣса этого острова доставили японцамъ большую часть дерева, которое послужило имъ матеріаломъ для постройки домовъ Гензана, на корейскомъ прибрежьѣ.

Въ отношеніи горныхъ богатствъ Корейскаго полуострова мнѣнія различныхъ спеціалистовъ весьма расходятся, тѣмъ не менѣе большинство мнѣній сводятся къ тому, что въ странѣ находятся довольно большія богатства, которыя при правильной эксплоатаціи ихъ могли бы приносить большіе доходы этому обѣднѣвшему государству.

Золото въ странѣ встрѣчается весьма часто и преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей сѣверной Кореи, Лубенцовъ, на основаніи многихъ пріисковъ, видѣнныхъ имъ въ департаментахъ Хамъ-хынъ, Пхіёнъ-янъ и Ы-чжу утверждаетъ, что долины нѣкоторыхъ ручьевъ и рѣчекъ представляютъ настоящее золотое дно. Изъ своихъ наблюденій путешественникъ вывелъ заключеніе, что золотоносные пески являются не спорадически, а представляютъ сплошныя отложенія. Имъ встрѣчено въ двухъ сѣверныхъ провинціяхъ страны 35 разработываемыхъ пріисковъ.

Менѣе богата золотомъ средняя и южная Корея, но и здѣсь встрѣчаются уже давно эксплоатированныя розсыпи, привлекающія вниманіе японцевъ, которые, подъ залогъ одного изъ рудниковъ въ Ри-ціенѣ, даже предложили основать въ Чемульпо банкъ и монетный дворъ. Богатыя золотыя розсыпи обнаружены, по словамъ Бишопъ, въ 50 миляхъ отъ Фузана. До послѣдняго времени однако Корейское правительство стѣсняетъ разработку золота для иностранныхъ компаній.

Единственное исключеніе было сдѣлано для русскаго золотопромышленника Нищинскаго, который получилъ право добывать золото во всей сѣверной Кореѣ, но условія этой концессіи не достаточно выгодны для предпринимателя, почему къ разработкѣ еще до сихъ поръ не приступлено. Болѣе выгодныя условія успѣла выхлопотать себѣ американская компанія инженера Морса, которой Корейское правительство отвело площадь въ 25 квад. миль къ сѣверу отъ Пхіёнъ-яна и разработку которыхъ видѣла Бишопъ. Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о запасахъ золота въ странѣ, достаточно упомянуть, что съ 1886 по 1896 годъ изъ открытыхъ для иностранцевъ портовъ было вывезено металла на 11.815.431 дол., т. е. въ среднемъ около 1.074.110 дол. въ годъ. Принимая во вниманіе, что здѣсь показанъ лишь прошедшій черезъ таможню металлъ, а большинство вывозится контрабандой, приходится придти къ заключенію, что вывозка его достигаетъ до 4.000.000 долларовъ. Лубенцовъ полагаетъ, что количество добываемаго золота для одного только Гензана должно быть не менѣе $5^1/_2$ милліон. дол.

Серебромъ богаты горы въ окрестностяхъ Сеула и сѣверная часть страны, гдѣ оно добывается около Анъ-чжю, Кай-чхэнъ, Чжанъчжинъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ виду малой цѣнности и сравнительной трудности разработки, серебро не такъ привлекаетъ промышленниковъ. Оно употребляется лишь внутри страны на подѣлки, если же и вывозится, то только на сѣверной границѣ для Китая.

Желѣзныя руды встрѣчаются во многихъ мѣстахъ страны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ залежи ихъ расположены вблизи самаго моря, такъ это встрѣчается въ провинціи Кіонъ-гы-до или около Киль-чжу. Корейцы довольно искусны въ обработкѣ чугуна, и всѣ желѣзныя вещи для домашняго обихода приготовляются въ странѣ кустарнымъ способомъ въ небольшихъ печахъ съ поддувалами.

Мѣдь добывается во многихъ мѣстностяхъ сѣверной Кореи около Киль-чжу, гдѣ даже былъ устроенъ особый монетный дворъ для отливки мѣдныхъ кэшей, служившихъ до послѣдняго времени единственной корейской монетой.

Обращаясь къ такому роду минеральныхъ богатствъ, какъ каменный уголь, слѣдуетъ оговориться, что присутствіе каменнаго угля обнаружено въ Кореѣ во многихъ мѣстахъ, но въ большинствѣ случаевъ это мелкій спекающійся и бурый уголь, который разработывается самими корейцами вездѣ, гдѣ онъ появляется на поверхности земли. Болѣе хорошій уголь въ настоящее время извѣстенъ въ окрестностяхъ Фузана и главнымъ образомъ около Пхіёнъ-яна, гдѣ онъ разрабатывался въ 1885 году для правительства.

Кромѣ вышеперечисленныхъ главнѣйшихъ минеральныхъ породъ страны въ ней встрѣчаются: каменная соль, ртуть, олово, свинецъ и сѣра. Есть указанія и на то, что на полуостровѣ была находима нефть.

Большинство этихъ богатствъ если и эксплоатируется, то самымъ первобытнымъ способомъ, и задачею японцевъ въ періодъ временнаго правленія ихъ страною являлось желаніе оживить этого рода промышленность. Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались забрать въ свои руки всѣ лучшія рудники и мѣсторожденія горныхъ богатствъ страны. Вмѣстѣ съ японцами въ страну явились авантюристы другихъ національностей и подъ защитой своихъ консульскихъ флаговъ назойливо требовали концессій, отказать въ которыхъ король не имѣлъ ни силъ, ни мужества. Только въ началѣ 1898 года онъ вновь заявилъ, что впредь въ Кореѣ не будетъ выдаваемо никакихъ концессій иностранцамъ.

[1]) Ernest Oppert, „The Forbidden Land".

Флора Корейскаго полуострова по своему составу имѣетъ большое сходство на сѣверѣ съ флорой Маньчжуріи, на югѣ отчасти приближается къ флорѣ Японскихъ острововъ, а отчасти, особенно на островахъ у юго-западнаго прибрежья, имѣетъ много общаго и съ растительностью сѣверо-восточнаго Шань-дуна. «Лежа какъ разъ противъ Японіи», пишетъ извѣстный ботаникъ академикъ Максимовичъ, «пользуясь благорастворенным климатомъ послѣдней, Корея должна имѣть много общаго и въ флорѣ». Тѣ немногія данныя, которыя извѣстны, подтверждаютъ слова этого знатока восточно-азіатскихъ растеній и въ особенности по отношенію къ южной части страны.

Кратковременность вегетаціоннаго періода конечно является главною причиною существующаго различія флоръ японской и корейской. Такъ, въ Кореѣ уже не встрѣчаются японскія низкорослыя пальмы и многочисленныя въ Японіи породы вѣчнозеленыхъ деревьевъ, а бамбукъ, рѣдкій на полуостровѣ, не заходитъ сѣвернѣе 35°45′ с. ш. Сѣверныя породы деревьевъ изъ Маньчжуріи проникаютъ на югъ значительно болѣе и особенно далеко заходятъ вдоль восточнаго прибрежья.

Въ настоящее время лѣса близъ большихъ населенныхъ пунктовъ почти истреблены и въ средней и южной части полуострова сохранились лишь какъ украшенія храмовъ и гробницъ или же благодаря своей недоступности. Въ сѣверной Кореѣ лѣса также довольно рѣдки на побережьѣ, внутри же всѣ горные хребты и ихъ отроги густо заросли лѣсомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ какъ по виду, такъ и по составу настоящую маньчжурскую тайгу. Этотъ характеръ Маньчжурской флоры сохраняется вполнѣ даже около Гензана, но уже около Сеула въ составъ лѣсовъ входятъ растенія, свойственныя болѣе теплому поясу. Здѣсь уже произрастаетъ каштанъ, хлопчатникъ, бумажное дерево, Rhus vernicefera и Rhus succedanea. Попадаются китайскіе дубы, а еще южнѣе около Фузана ростутъ на открытомъ воздухѣ гранаты, камеліи, каки и даже померанцы.

Одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ по Кореѣ, г-жа Bichop такими словами рисуетъ картину растительности въ средней части теченія рѣки Хань. «Въ противоположность оголеннымъ скатамъ холмовъ между Чемульпо и Сеуломъ, недоступные склоны высотъ, расположенныхъ вдоль дороги, покрыты отдѣльными деревьями и во многихъ мѣстахъ даже цѣлыми лѣсами хвойныхъ и лиственныхъ породъ, среди которыхъ чаще всего попадаются живописныя группы зонтикообразныхъ сосенъ (Pinus sinensis и Abies microsperma). Нѣсколько породъ кленовъ и дубовъ, можжевельникъ, орѣшникъ, ясень, даурская береза и рябина перемѣшиваются съ болѣе южными породами, представителями которыхъ здѣсь являются Sophora japonica, Platanus, Evonymus alatus, Thuja orientalis и многіе другія. Красивые развѣсистые кусты разрѣзнолиственныхъ Acanthopanax recinifolia, тутовая шелковица, грецкій орѣхъ и довольно рѣдкая Zelkowia указываютъ на близкое родство корейской и японской флоръ. Геліотропъ, гвоздика и алыя азаліи были въ полномъ цвѣту и украшали склоны холмовъ; бѣлые и сѣрно-желтые цвѣты ломоносовъ, вьющаяся зелень Actinidia смѣняются прелестнымъ Ampelopsis Weitchii, который покрываетъ утесы своею изящною свѣжею зеленью; вьющіяся красныя и бѣлыя розы охватываютъ стволы даже высокихъ деревьевъ, взбираются на вершины ихъ и спускаются надъ тропинкой красивыми фестонами душистыхъ цвѣтовъ» [1]).

Полезныхъ растеній въ корейской флорѣ Готше насчитываетъ болѣе 60 видовъ. Изъ злаковъ рисъ, много видовъ проса, ячмень, пшеница, гречиха. Особенно важны рисъ и просо, составляющіе главную пищу населенія. Слѣдуетъ упомянуть также и о бобахъ, кукурузѣ, а на сѣверѣ и о картофелѣ. Арбузы, тыквы, огурцы, рѣдька и рѣдиска служатъ пищею простолюдина.

Ткани выдѣлываются изъ хлопчатника и крапивы и окрашиваются въ краски, добываемыя также изъ мѣстныхъ растеній. Красная добывается изъ Carthamus tinctorius, синяя изъ Polygonum tinctorium и фіолетовая изъ Lithospermum erythrorhizon. Изъ сѣмянъ клещевицы, крапивы, сесама и горчицы выдѣлываются масла, а изъ дерева Broussonetia papyrifera—прекрасная бумага [2]).

Почти весь строевой лѣсъ, употребляемый въ Чжи-ли и Шань-дунѣ, вывозится изъ сѣверной Кореи. Лѣсныя богатства страны обратили вниманіе нѣкоторыхъ коммерсантовъ, и послѣдніе неоднократно обращались къ корейскому правительству съ просьбой разрѣшить разработку и вывозку лѣса. Въ концѣ 1896 г. одну такую концессію получилъ владивостокскій купецъ Бринеръ, которому разрѣшена разработка лѣсовъ по долинамъ р.р. Ялу-цзянъ и Тумень-улы и на островѣ Дажелетѣ*.

Дикая фауна полуострова заключаетъ, между прочимъ, медвѣдей, лисицъ, кабановъ, тигровъ и барсовъ: звѣриныя шкуры принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ корейской торговли. Въ нѣкоторыхъ округахъ тигры нападаютъ на туземцевъ даже въ ихъ селеніяхъ; они бродятъ вокругъ домовъ и иногда вскакиваютъ на соломенныя крыши, разносятъ ихъ и такимъ образомъ пробираются къ добычѣ. Сезонъ охоты на этого хищника начинается зимой; когда снѣгъ на половину подмерзнетъ, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы сдерживать че-

[1]) Bichop. „Korea & Her Neighbourg“ 1848 г. Лондонъ.
[2]) Готше.

ловѣка, но проваливается подъ тяжелыми лапами тигра; въ то время, когда звѣрь тщетно старается высвободиться изъ вязкаго снѣга, охотникъ быстро бросается на него, чтобы пронзить его копьемъ или кинжаломъ. Корейскія лошади, привозимыя преимущественно съ острова Квельпартъ, очень малорослы, какъ шотландскія пони, но быки, которыхъ здѣсь употребляютъ для ѣзды, сильныя животныя. Свиньи и собаки очень многочисленны, но послѣднихъ не утилизируютъ ни для охоты, ни для обереганія домовъ или стадъ: до крайности боязливыя, корейскія собаки служатъ только къ тому, чтобы снабжать рынки бойнымъ мясомъ. Тогда какъ въ Китаѣ собачье мясо только въ исключительныхъ случаяхъ входитъ въ число предметовъ общественнаго питанія, въ Кореѣ оно для всѣхъ жителей составляетъ одно изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ [1]). Моря, омывающія берега полуострова, чрезвычайно богаты животной жизнью, и въ этихъ водахъ ловятъ, между прочимъ, одну породу ската, кожа котораго, подъ именемъ galuchat (шагренъ изъ рыбьей кожи), употребляется на выдѣлку ноженъ [2]). Кромѣ всевозможной мелкой рыбы, которою такъ богаты воды восточно-азіатскаго побережья, около Кореи ловится масса лососей, трески, селедки и камбалы; не менѣе богаты воды, обмывающія Корею, и китами, дельфинами и ракообразными. Изъ послѣднихъ крабы особенно изобильны и въ сушономъ видѣ являются даже предметомъ вывоза. Занятіе рыболовствомъ весьма доходно и очень распространено не только у мѣстныхъ жителей, но и у японцевъ, которые арендуютъ мѣста около Квельпарта и Фузана. Въ 1896 г. въ корейскихъ водахъ ловило рыбу 859 японцевъ судохозяевъ* [3]).

Хотя и омываемая водами моря, Корея, однако, имѣетъ такой же континентальный климатъ, какъ Китай и Маньчжурія, причину чего слѣдуетъ искать въ незначительной глубинѣ Желтаго моря и Чжилійскаго залива; такъ какъ эти внутреннія воды быстро нагрѣваются или охлаждаются, смотря по времени года, то онѣ, понятно, могутъ оказывать лишь весьма слабое вліяніе въ смыслѣ регулированія годоваго климата. Какъ и въ континентальной Азіи, кривая изотермъ, соотвѣтствующихъ изотермамъ Европы, проходитъ въ Кореѣ нѣсколькими градусами южнѣе тѣхъ широтъ, которыя она пересѣкаетъ на берегахъ Атлантическаго океана: чтобы отыскать среднюю годовую температуру Франціи, нужно спуститься на южную оконечность полуострова, на такое же разстояніе отъ экватора, въ какомъ находятся Гибралтаръ и Мавританія. Не только климатъ Кореи, въ среднемъ выводѣ, холоднѣе климата Европы, но, главное, онъ гораздо болѣе неравномѣренъ, отличаясь крайностями тепла и холода, потому что холодные сѣверо-западные вѣтры господствуютъ здѣсь зимой, тогда какъ юго-восточные муссоны дуютъ лѣтомъ. Даже въ южныхъ провинціяхъ термометръ опускается зимой на много градусовъ ниже точки замерзанія, а въ центральной Кореѣ бываютъ двадцати-пяти градусные морозы.

Юго-восточный муссонъ, поступая въ область Корейскаго полуострова, приноситъ съ собою много влаги, и вліяніе его сказывается въ томъ, что облачность и количество осадковъ въ Кореѣ за періодъ лѣта несравненно болѣе, чѣмъ въ другія времена года. Вообще же въ Кореѣ количество осадковъ велико неомѣрно, сравнительно съ другими странами на такой же широтѣ. Чѣмъ южнѣе мѣсто на полуостровѣ, тѣмъ ранѣе начинается въ немъ сезонъ дождей или тумановъ. Такъ въ Фузанѣ дожди начинаются много ранѣе сѣвера Кореи и южной Маньчжуріи. По свѣдѣніямъ 1887—1889 годовъ, среднее количество осадковъ для Гензана, Фузана и Чемульпо опредѣлялось въ такомъ числѣ часовъ:

Гензанъ—туманъ 186, снѣгъ 302, дождь 814, въ томъ числѣ на іюнь и іюль 330; Фузанъ—туманъ 216, снѣгъ 107, дождь 1.552, въ томъ числѣ на іюль 156; Чемульпо—туманъ 585, снѣгъ 0, дождь 422, въ томъ числѣ на августъ 115*.

Такое огромное количество атмосферныхъ осадковъ дѣлаетъ, что каждая долина горъ имѣетъ свою рѣчку, каждая равнина морскаго прибережья орошается большой рѣкой; но полуостровъ, раздѣленный на двѣ покатости незначительной ширины, недостаточно великъ, чтобы эти потоки могли сдѣлаться судоходными: узкіе, быстрые, загроможденные во многихъ мѣстахъ камнями, они доступны судамъ только въ лиманахъ при ихъ устьяхъ. Значительнѣйшія рѣки текутъ въ самой широкой части территоріи, то-есть при основаніи полуострова; это Ялуцзянъ (Амнокъ-канъ, по-корейски) и Тюменьула (Туманъ-ганъ), которыя служатъ границами Кореи; морскія барки поднимаются по Ялуцзяну на 50 километровъ отъ устья; выше эта рѣка еще судоходна для мелкихъ рѣчныхъ судовъ на пространствѣ около 200 верстъ до Мээръ-шаня [1]). Морской проливъ поднимается съ большой силой въ потоки западнаго берега: въ Хань или «Сеульской рѣкѣ» онъ, говорятъ, повышаетъ рѣчной уровень болѣе чѣмъ на 10 метровъ [2]), и теченіе почти моментально мѣняетъ направленіе въ противоположное при переходѣ отъ прилива къ отливу. Точно также въ Фузанѣ, на юго-востокѣ полуострова, раз-

[1]) Dallet, цитированное сочиненіе.
[2]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers la Chine".
[3]) „Korean repository 1818 года".

[1]) Поздѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Экспедиція кораблей „Tardif" и „Deroulède", въ 1866 г.

ность уровней, производимая приливомъ и отливомъ, достигаетъ десятка метровъ [1]).

Народная перепись 1794 года, результаты которой были сообщены миссіонеромъ Давелюи, насчитывала въ Корейскомъ королевствѣ 1.837.325 домовъ и 7.342.361 жит.,—3.396.880 мужчинъ и 2.743.481 женщинъ. Болѣе близкія къ нашему времени оффиціальныя статистики народонаселенія даютъ нѣсколько меньшую цифру жителей; такъ по переписи 1897 года въ Кореѣ оказалось 5.198.028 душъ при 133.230 домѣ [2]); но, по единогласному свидѣтельству корейцевъ, это исчисленіе далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ подданные корейскаго короля имѣютъ выгоду скрываться отъ переписи, чтобы избѣгнуть податей и барщинныхъ повинностей. Далле полагалъ, что въ его время число жителей полуострова превышало десять милліоновъ, а Оппертъ опредѣлялъ его въ пятнадцать или шестнадцать милліоновъ душъ, распредѣленныхъ, впрочемъ, весьма неравномѣрно, ибо гористыя области сѣвера Кореи почти пустынны и безлюдны, тогда какъ населеніе живетъ скученно въ плодородныхъ областяхъ юга; повсюду, гдѣ почва, хорошо обработанная, производитъ рисъ въ изобиліи. Мало провинцій, гдѣ бы не встрѣчались новыя, недавно основанныя селенія, мало мѣстечекъ, гдѣ бы новые дома не прибавлялись къ старымъ постройкамъ, земледѣліе постоянно распространяется все далѣе, захватывая пустующія земли и лѣса, и дикіе звѣри отступаютъ передъ надвигающимися хлѣбопашцами. Даже на сѣверномъ участкѣ восточнаго берега, холодномъ, каменистомъ и безплодномъ, населеніе очень густое; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, деревни соприкасаются одна съ другой, такъ, что образуютъ одинъ сплошной городъ; повсюду, въ сосѣдствѣ морскаго берега, видно большое движеніе судовъ рыболовныхъ и перевозочныхъ [3]). Но если рождаемость въ Кореѣ весьма значительна, то и смертность тоже очень сильна, и въ земледѣльческихъ округахъ, гдѣ питаніе недостаточно, господствуютъ различныя болѣзни, между прочимъ, суито,—то-есть «вода и почва»,—симптомы которой, какъ ихъ описываютъ миссіонеры, походятъ на симптомы миланской проказы. Оспа производитъ въ Кореѣ еще болѣе страшныя опустошенія, чѣмъ въ Китайской имперіи: говорятъ, что болѣе половины дѣтей дѣлаются жертвой этого бича; наконецъ, обычай произведенія искусственныхъ выкидышей, почти общераспространенный въ странѣ, еще болѣе уменьшаетъ естественный приростъ народонаселенія [4]). Въ цѣломъ, климатъ Кореи считается здоровымъ: число достигающихъ столѣтняго возраста довольно значительно, какъ это явствуетъ изъ оффиціальныхъ вѣдомостей о пенсіяхъ, выдаваемыхъ престарѣлымъ людямъ изъ фондовъ государства [1]).

Корейцы ростомъ вообще немного повыше китайцевъ и японцевъ. Сильные, способные къ продолжительному труду, они могли бы считаться превосходными работниками въ портахъ, открытыхъ японской торговлѣ, и въ земледѣльческихъ колоніяхъ русской Маньчжуріи, если бы не ихъ все уничтожающая лѣнь. Что касается господствующаго типа, въ отношеніи формы черепа и лица, то невозможно составить о немъ точное понятіе, читая противорѣчащія одно другому описанія, которыя намъ даютъ путешественники и миссіонеры. Не подлежитъ сомнѣнію, что корейцы представляютъ большое разнообразіе типовъ отъ типа, который обыкновенно означаютъ подъ именемъ монгольскаго, до типовъ европейцевъ и малайцевъ. Одна изъ крайнихъ формъ, типъ континентально-азіатскій, характеризуется широкой головой, выдающимися скулами, косолежащими глазами, маленькимъ носомъ, какъ бы теряющимся въ двойной округлости щекъ, толстыми губами, рѣдкой бородой, мѣднымъ цвѣтомъ кожи. Другая крайность, типъ «островной», самыми чистыми представителями котораго можно признать туземцевъ нѣкоторыхъ острововъ Люцю [2]), отличается удлиненнымъ оваломъ лица, выпуклымъ носомъ, выступающими впередъ рядами зубовъ, которые всегда видны сквозь полуоткрытыя уста, довольно густой бородой, тонкой кожей, матовый цвѣтъ которой приближается къ почти зеленоватому оттѣнку малайцевъ. У большаго числа корейцевъ замѣчаешь свѣтлорусые волосы и голубые глаза; ни въ какой другой странѣ Крайняго востока, исключая развѣ первобытныхъ племенъ Нань-шаня, въ южномъ Китаѣ, не встрѣтишь туземныхъ семействъ, которыя представляли бы тѣ же характеристическія черты. Во многихъ округахъ Кореи можно бы было вообразить себя окруженнымъ европейцами, если бы костюмы и языкъ не напоминали, что находишься на берегахъ Тихаго океана [3]). Ни въ одной части полуострова женщины не уродуютъ себѣ ногъ на китайскій манеръ. Во времена Матуанлина одно изъ племенъ народа Хань имѣло привычку сдавливать голову дѣтямъ въ помощью камня, тогда какъ прибрежныя населенія, находящіяся въ сношеніяхъ съ японцами, заимствовали у послѣднихъ моду татуированья.

Каково происхожденіе этихъ различныхъ расъ, которыя болѣе или менѣе слились одна съ другой, чтобы образовать нынѣшній корейскій народъ? Клапротъ считаетъ ихъ родствен-

[1]) Гамай, „Exploration“, 31 марта 1881 г.

[2]) „Korean repository“, Vol. V, № 1 1898 г., стр. 29.

[3]) Путешествіе корабля „Паллада“ въ 1854 г. и многіе другіе источники.

[4]) „Annales de la propagation de la Foi“, juillet 1848 г.

[1]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, апрѣль 1866 г.

[2]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[3]) Ernest Oppert, „The Forbidden Land“.

ными тунгузскимъ племенамъ восточной Сибири [1]): но извѣстно, что китайскій элементъ также очень сильно представленъ въ странѣ, такъ какъ «Три Ханя» (Санъ-хань), которые дали свое имя большой части полуострова, происходили отъ китайцевъ, переселившихся изъ провинцій Чжи-ли и Шань-дунъ, въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ христіанской эры, къ концу царствованія династіи Цинь [2]). Сами туземцы не имѣютъ никакихъ преданій на этотъ счетъ; одни говорятъ, что ихъ предки произошли отъ черной коровы, которая паслась на берегахъ Японскаго моря; но аристократическіе роды претендуютъ на болѣе благородное происхожденіе: гаогуйли, имя которыхъ, видоизмѣненное китайцами и японцами, сдѣлалось теперь названіемъ всего полуострова, утверждаютъ, что прародителемъ ихъ было солнце [3]). Различныя корейскія нарѣчія мало разнятся между собой, изъ чего можно заключить, что этническіе элементы корейской націи давно уже слились въ одну расу.

Идіомъ страны Чяосянь существенно разнится отъ китайскаго, такъ же, какъ и отъ японскаго: это языкъ полисиллабическій и аглютинативный; звука *л* въ немъ нѣтъ, какъ и въ японскомъ; но тогда какъ этотъ послѣдній отличается простой и ясной артикуляціей своихъ шести гласныхъ, корейскій языкъ имѣетъ ихъ не менѣе четырнадцати, которыя почти всѣ двугласныя. Шипящіе звуки и придыханія, которыхъ не существуетъ въ японскомъ языкѣ, встрѣчаются въ большой части корейскихъ словъ; Пуцилло, въ своемъ словарѣ, принужденъ былъ прибѣгать къ неупотребляемымъ сочетаніямъ русскихъ буквъ, чтобы передать приблизительно произношеніе корейскихъ согласныхъ, которое при томъ же всегда глухое и протяжное; кромѣ того, каждая фраза оканчивается гортаннымъ звукомъ, который никто не можетъ воспроизвести, не упражняясь долгое время въ выговорѣ этого языка. Грамматическое строеніе корейскаго языка приближаетъ его къ идіомамъ уральскимъ и тунгузскимъ [4]); онъ представляетъ также одну черту сходства съ баскимъ нарѣчіемъ, именно ту, что въ немъ мѣняются глагольныя окончанія, сообразно полу и состояніямъ собесѣдниковъ [5]). Корейская письменность, которая имѣетъ за собой, какъ говорятъ, болѣе двадцати столѣтій существованія, заключаетъ въ одно и то же время особыя изображенія для каждой буквы и для каждаго слога, всего немного болѣе 200 знаковъ, болѣе простыхъ, но зато и гораздо менѣе красивыхъ, чѣмъ китайскія литеры; образованные люди гнушаются употреблять эти вульгарныя письмена. До недавняго времени это было почти все, что европейцы знали о корейскомъ языкѣ; существовали лишь маленькіе словари, очень неполные, такъ какъ грамматики и лексиконы, составленные миссіонерами, были сожжены во время преслѣдованій, которымъ подвергались проповѣдники Христовой вѣры. Однако, одинъ изъ священниковъ, избѣгнувшихъ избіенія, успѣлъ собрать матеріалы, необходимые для составленія окончательнаго труда по этому предмету, труда, который позволилъ дать корейскому языку спеціальное мѣсто, которое ему принадлежитъ между языками восточной Азіи [1]). Грамматика языка, составленная по-французски, издана въ Іокогамѣ.

Введеніе множества иностранныхъ словъ, китайскихъ въ сѣверное корейское нарѣчіе, японскихъ въ южное нарѣчіе, породило особые жаргоны, употребляемые въ торговыхъ городахъ. Арго, представляющій смѣсь корейскаго съ японскимъ и которымъ говорятъ въ южныхъ портахъ страны, довольно распространенъ повсюду кромѣ сѣвера. Что касается китайской письменности, то это языкъ цивилизаціи, языкъ, который обязательно знать всякому образованному человѣку; подобно тому, какъ въ средневѣковой Европѣ латынь, языкъ ученыхъ, упорно держался рядомъ съ мѣстнымъ идіомомъ, такъ и въ Кореѣ китайская письменность сохраняется рядомъ съ собственной рѣчью и письменностью страны; но корейцы выговариваютъ китайскія слова такимъ образомъ, что «сынъ Ханя» не можетъ понимать ихъ безъ переводчика. Всѣ мѣста, всѣ лица, всѣ вещи имѣютъ два различныя названія: одно китайское, болѣе или менѣе измѣненное туземнымъ произношеніемъ, другое чисто корейское. Эти два элемента разнообразно перемѣшиваются въ живой рѣчи различныхъ классовъ общества и въ то время какъ китайскій языкъ господствуетъ въ оффиціальномъ говорѣ, національный сохранился преимущественно въ практикѣ древнихъ суевѣрій; большинство народа употребляетъ ту или другую устную рѣчь, смотря по степени своихъ знаній и рангу своихъ собесѣдниковъ. По словамъ миссіонера Давелюи, во многихъ мѣстахъ разговорный языкъ состоитъ всецѣло изъ китайскихъ словъ, имѣющихъ лишь корейскія окончанія.

Вообще китайское вліяніе играло преобладающую роль въ корейской цивилизаціи. Въ эпоху, когда полуостровъ былъ посредникомъ Китая и Японіи, корейцы взяли себѣ за образецъ нравы и учрежденія Срединнаго царства. Государственное управленіе, обычаи и пріемы

---

[1]) „Asia Polyglotta".

[2]) Matouanlin, d'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[3]) Du Halde, „Description de la Chine et de la Grande Tartarie".

[4]) Dallet, цитированное сочиненіе.

[5]) Pacifique Ly, „Annales de la propagation de la Foi", 1836 г.

[1]) „Dictionnaire coréen-français par les missionnaires de la Corée".

оффиціальнаго міра были рабски скопированы съ порядковъ Срединной имперіи, въ отношеніи которой, Корея еще и до настоящаго времени является въ гораздо большей степени вассалкой и данницей съ интеллектуальной, чѣмъ была съ политической точки зрѣнія, но народъ сохранилъ свои старинные обычаи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ поразительные контрасты съ «дѣтьми Ханя». Тогда какъ въ «Великой и чистой имперіи» вся нація, за исключеніемъ нѣсколькихъ безсословныхъ людей, разсматривается какъ образующая одну большую семью, каждый членъ которой можетъ подняться до самыхъ высокихъ должностей въ государствѣ, различные общественные классы корейской націи составляютъ настоящія касты. Кромѣ короля и его родственниковъ, благородные, ведущіе свой родъ отъ древнихъ началь-

Мысъ Горнеръ при входѣ въ бухту Каготима.

никовъ племенъ, пользуются привилегіями богатства и власти, но не въ равныхъ степеняхъ, смотря по группѣ, къ которой они принадлежатъ: гражданское дворянство наиболѣе образованное, то-есть вполнѣ свѣдущее въ секретахъ китайскихъ наукъ и словесности, имѣетъ монополію высшихъ должностей государственной службы; военное дворянство занимаетъ лишь вторую степень, но и оно по достоинству стоитъ выше всѣхъ новопожалованныхъ дворянъ, принадлежащихъ къ фамиліямъ «безъ корней». Дворяне пользуются значительными привилегіями, и простолюдины-всадники, при встрѣчѣ съ ними на улицѣ, должны останавливаться и сходить съ коней; простой смертный едва осмѣливается взглянуть на благороднаго, а тѣмъ болѣе не дерзнетъ обратиться къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ; дворяне освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ, какъ равно и отъ исполненія воинской повинности, и жилище ихъ, считающееся неприкосновеннымъ, можетъ служить безопаснымъ убѣжищемъ для всякаго, кому они оказываютъ покровительство.

Нужно сказать, что вообще корейское дворянство, весьма вліятельное и чрезвычайно гордое, крайне ревниво охраняетъ свои привилегіи, такъ что всякое поползновеніе не уважать его права преслѣдуется дворянами съ неимовѣрной жестокостью.

Въ настоящее время число дворянъ достигло въ Кореѣ громаднаго числа. Это обстоятельство составляетъ главное зло для края; отсюда происходятъ всѣ злоупотребленія, на которыя издавна жалуется народъ, но, конечно, безуспѣшно, ибо аристократія такъ сильна и такъ твердо охраняетъ свои кастовыя привилегіи, что не только народъ, но даже самъ король не въ силахъ бороться съ ея могуществомъ. Аристократія въ Кореѣ безспорно всесильна; свое политическое вліяніе она пріобрѣла постепенно, весьма ловко пользуясь для своихъ цѣлей частыми и продолжительными регентствами, равно какъ ничтожествомъ цѣлаго ряда государей. Изъ-за пріобрѣтенія этого вліянія на государственныя дѣла, между нѣкоторыми аристократическими семействами часто возникала ожесточенная борьба. Однако, слѣдуетъ сказать, что какъ велика ни бываетъ ненависть между дворянскими партіями, онѣ, въ случаѣ угрожающей имъ общей опасности, на время забываютъ всѣ свои внутренніе раздоры, чтобы общими силами защитить свои дворянскія права. Эта солидарность дворянства и составляетъ его главную силу.

Въ Кореѣ дворянинъ распоряжается хозяиномъ и является повелителемъ. Для него законъ не писанъ. Дворянинъ, который занимаетъ высокую должность и кромѣ того имѣетъ за себя нѣсколько вліятельныхъ ему сановниковъ, даже смѣло противорѣчитъ самому королю. Власти, которыя осмѣлились бы наказать дворянина, имѣющаго протекцію, неминуемо лишаются своихъ должностей. Поэтому въ Кореѣ царствуетъ полный произволъ. Бываетъ, напримѣръ, что если знатному дворянину необходимы деньги, слуги его отправляются за поисками таковыхъ у кого-либо изъ купцовъ или поселянъ, и горе тому, кто откажетъ въ требуемой суммѣ: слуги сейчасъ хватаютъ несчастнаго и тащатъ его въ домъ своего барина, гдѣ его истязаютъ до тѣхъ поръ, пока вся сумма не будетъ выплачена сполна. Другіе же дворяне, не прибѣгая къ столь суровымъ мѣрамъ, не лучше, однако, поступаютъ: они обыкновенно берутъ деньги въ займы, или покупаютъ землю или домъ у крестьянина, но затѣмъ ни денегъ, ни купленнаго недвижимаго имущества не возвращаютъ. Искать же противъ этихъ хищниковъ въ судѣ никто не отваживается, зная напередъ, что споръ непремѣнно рѣшится въ пользу дворянина. Неудивительно поэтому, что дворяне пользуются общей ненавистью; это пугало, которымъ матери стращаютъ своихъ дѣтей. Народъ конечно терпѣливо переноситъ всѣ эти несправедливости, тщательно скрывая до поры до времени свою злобу, которая при первомъ удобномъ случаѣ можетъ разразиться со страшной силой на голову вѣковыхъ притѣснителей Кореи* [1]).

Къ дворянству весьма близокъ классъ людей, образовавшихся въ теченіе болѣе столѣтія, благодаря безнравственности корейской аристократіи, изъ незаконныхъ дѣтей дворянъ. Классъ этотъ въ послѣднее время поразительно увеличился и сталъ пріобрѣтать большое вліяніе на внутреннія дѣла страны. Среди него встрѣчаются секретари, переводчики, толмачи и другіе второстепенные чиновники, которые составляютъ переходъ между вельможами и классомъ мѣщанъ, который заключаетъ въ себѣ торговцевъ, промышленниковъ и большую часть ремесленниковъ. Другое сословіе, совершенно обособленное,—это земледѣльцевъ, пастуховъ, звѣролововъ и рыболововъ, которые составляютъ массу народа. Затѣмъ слѣдуютъ «презираемыя» сословія, подраздѣляющіяся, въ свою очередь, на нѣсколько группъ, которыя держатся особнякомъ одна отъ другой. Мясники, кожевники, кузнецы, бонзы тоже принадлежатъ къ числу этихъ парій; но между ними же всего чаще встрѣчаются тѣ искусные и ловкіе люди, готовые на всякое дѣло, услуги которыхъ становятся необходимыми людямъ привилегированныхъ кастъ. Наконецъ, низшій слой общества составляютъ крѣпостные, изъ которыхъ одни принадлежатъ коронѣ, другіе частнымъ лицамъ, дворянамъ или мѣщанамъ. Они имѣютъ право выкупаться на волю и могутъ жениться на свободныхъ женщинахъ,

[1]) Поджіо, „Очерки Кореи".

чтобы дать возможность своимъ дѣтямъ вступить въ классъ вольноотпущенниковъ.. Впрочемъ, съ ними, вообще говоря, обращаются кротко, доброжелательно, и они смѣшиваются съ землепашцами. Всѣ касты, всѣ корпораціи отличаются въ своей средѣ сильно развитымъ духомъ солидарности, и, благодаря этому, всегда умѣютъ завоевать себѣ уваженіе другихъ общественныхъ группъ. Особенно носильщики своей разумной внутренней организаціей достигли того, что составляютъ какъ бы государство въ государствѣ: они имѣютъ свои уставы, собственные кодексы, и никогда не бывало примѣра, чтобы кто-нибудь изъ ихъ среды просилъ правосудія у мандариновъ; они сами возстановляютъ свои нарушенныя права; когда они имѣютъ поводъ жаловаться на какую-нибудь несправедливость или обиду, они покидаютъ край, вслѣдствіе чего вся торговля пріостанавливается, и чтобы побудить ихъ вернуться, принуждены бываютъ подчиниться ихъ требованіямъ [1]).

Оффиціальная религія—конфуціонизмъ, который былъ введенъ въ странѣ около конца 14-го столѣтія христіанской эры [2]): кромѣ того, исповѣдуется буддизмъ—древняя оффиціальная религія страны [3]); а равно не исчезъ еще древній анимистическій культъ. Въ Кореѣ встрѣчаются также кое-какіе слѣды культа огня, который указываетъ на связь жителей полуострова съ различными дикими народцами сѣверо-востока Сибири: во всѣхъ домахъ сохраняютъ горячіе уголья подъ пепломъ; если бы жаръ потухъ, то это считалось бы примѣтой, что вмѣстѣ съ нимъ должно угаснуть и счастье дома. При перемѣнахъ временъ года и въ другіе важные періоды года нужно возобновлять огонь священной жаровни, зажигая дѣвственное пламя, получаемое посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой [4]). Что касается оффиціальныхъ церемоній буддизма, то онѣ почти въ совершенномъ пренебреженіи, и презрѣніе, выказываемое къ бонзамъ, распространяется также на религію, представителями которой они служатъ: къ нимъ обращаются только затѣмъ, чтобы заставить ихъ поворожить. Во многихъ городахъ и деревняхъ храмовъ совсѣмъ не существуетъ, да и въ жилищахъ нѣтъ домашнихъ жертвенниковъ; даже въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ городахъ всѣ святилища имѣютъ видъ жалкихъ мазанокъ.

Храмы въ честь Конфуція воздвигнуты повсемѣстно, въ столицѣ и во всѣхъ главныхъ и уѣздныхъ городахъ. Это небольшія зданія весьма незатѣйливой архитектуры; всѣ они обнесены стѣнами. Всякій, проѣзжающій верхомъ мимо храма, обязанъ сойти съ лошади и пройтись пѣшкомъ, о чемъ его всегда предупреждаетъ выставленная у храма досточка съ надписью «слѣзай» (съ коня). Этимъ кумирнямъ иногда принадлежатъ весьма значительныя угодья, но даже, если доходы оказались бы недостаточными для покрытія всѣхъ издержекъ по кумирнѣ, то мѣстныя власти обязаны доставить необходимыя для сего средства, и горе тому начальнику, который откажется исполнить подобное требованіе послѣдователей ученія Конфуція. Въ честь Конфуція жертвоприношенія совершаются весною и осенью, а также въ каждое новолуніе и полнолуніе. Въ столицѣ король лично совершаетъ жертвоприношенія, которыя состоятъ въ закланіи исключительно овецъ. Овцы эти покупаются въ Китаѣ; а разводить ихъ въ странѣ строго воспрещается. Обязанность совершать жертвоприношенія въ областныхъ городахъ возлагается на представителей мѣстной власти или на ученыхъ, выбирающихъ изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыя должны въ продолженіе опредѣленнаго времени исполнить обязанность жреца. Въ этихъ кумирняхъ, какъ и въ буддійскихъ, книжники часто собираются для занятій и ученыхъ диспутовъ [1]). Статуи боговъ и святыхъ суть не что иное, какъ безобразные куски дерева, поставленные по краямъ дорогъ: сначала можно подумать, что это просто межевые знаки, и, только подойдя ближе, замѣчаешь грубыя вырѣзки, придающія чурбану нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. Какъ произведенія искусства, идолы полинезійскихъ дикарей стоятъ гораздо выше этихъ корейскихъ изображеній, которымъ, впрочемъ, прохожіе оказываютъ такъ мало уваженія, что недоумѣваешь, зачѣмъ это поселяне давали себѣ трудъ воздвигать ихъ; когда какой-нибудь изъ этихъ божковъ сгніетъ или повалится отъ вѣтра, дѣти катаютъ его по землѣ, поощряемыя смѣхомъ присутствующей взрослой публики.

Христіанство тоже имѣетъ послѣдователей въ Кореѣ. Во время завоеванія полуострова японскимъ диктаторомъ Тайкосамой первый корпусъ его арміи былъ подъ командой католическаго князя, прибавившаго къ своему національному прозвищу Коноси Юкинага португальское имя донъ Аустинъ [2]). Съ этой эпохи довольно большое число туземцевъ приняли чужеземную религію и стали исполнять ея обрядности; китайскіе миссіонеры поддерживали вѣру новообращенныхъ, затѣмъ, въ теченіе настоящаго столѣтія, французскіе священники, пріѣхавшіе тайно, основали новыя христіанскія общины; во время наибольшаго процвѣтанія

[1]) Dallet, цитированное сочиненіе.
[2]) Поджіо, стр. 260
[3]) H. Cardier, „Annales du musée Guimet“, май, іюнь, 1880
[4]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Поджіо, стр. 261.
[2]) Поджіо совершенно отвергаетъ это, указывая, что до XVIII столѣтія христіанство вовсе не было извѣстно въ странѣ и проникло въ нее только въ 1784 году изъ Китая (см. Поджіо, стр. 287).

ихъ церквей они исчисляли общую цифру христіанъ безъ малаго въ сто тысячъ человѣкъ, и нѣкоторые изъ ихъ духовныхъ чадъ, принадлежащіе къ королевской фамиліи, были довольно могущественны, чтобы защищать ихъ отъ преслѣдованія. Однако, миссіонеры съ опасностью жизни проповѣдывали ученіе Христа; въ 1839 году трое изъ нихъ были преданы смерти; въ 1866 году правительство велѣло умертвить девятерыхъ миссіонеровъ, и только съ большимъ трудомъ вѣрующіе успѣли дать возможность скрыться другимъ ихъ пастырямъ. Христіане, несогласившіеся отречься отъ принятой ими вѣры, были осуждены на смертную казнь, и цѣлыя деревни потеряли почти все свое способное къ труду населеніе: болѣе десяти тысячъ человѣкъ были истреблены во время этого гоненія. Тщетно французская экспедиція ходила требовать удовлетворенія за убійство миссіонеровъ; проникнувъ въ рѣку столицы и разрушивъ городъ Канъ-хуа, она вернулась въ Чжифусскій рейдъ, не получивъ ничего отъ корейскаго короля. Исповѣданіе иностранной религіи всегда уподоблялось, на полуостровѣ, преступленію государственной измѣны, и потому въ слѣдующемъ же 1868 году погибло до 2.000 христіанъ, а въ 1870 году около 8.000 человѣкъ. До 1882 года въ странѣ функціонировали только католики, но съ этого года на Корею обратили вниманіе и протестанты, миссіи которыхъ нынѣ весьма многочисленны.

Въ Кореѣ такъ же, какъ и въ Китаѣ, дозволено многоженство, и богатые пользуются этимъ правомъ, оставляя всегда завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ въ рукахъ первой супруги; но рѣдко случается, чтобы простолюдинъ имѣлъ больше одной жены. Свадьба не сопровождается длинными символическими церемоніями, какъ у китайцевъ: какъ только покупная цѣна или калымъ уплаченъ женихомъ, послѣдній уводитъ къ себѣ свою собственность, съ которой онъ съ этого момента можетъ дѣлать все, что угодно. Корейская женщина не имѣетъ имени, ни даже легальнаго существованія; какъ существо безотвѣтное, она не можетъ быть ни судима, ни наказываема закономъ, развѣ только во время возмущенія. Впрочемъ, рѣдко бываетъ, чтобы мужья худо обращались со своими женами, но корейскія женщины пользуются меньшей свободой нежели, китаянки; за исключеніемъ крестьянокъ, которыя работаютъ на пашняхъ, и торговокъ, которыя ходятъ отъ дверей къ дверямъ, предлагая свои товары, кореянки ведутъ затворническую жизнь въ отдѣльной части дома, неприкосновенной даже для полиціи; онѣ никогда не выходятъ изъ дому во время дня: для нихъ было бы позоромъ показываться на улицахъ города до заката солнца. Однако, дабы ихъ здоровье не страдало отъ затворничества, онѣ могутъ прогуливаться вечеромъ, послѣ того, какъ окончаніе дневныхъ работъ позволило мужчинамъ вернуться въ свои жилища. Въ девять часовъ пополудни лѣтомъ, и въ болѣе раннюю пору зимой, особый сигналъ возвѣщаетъ о наступленіи момента, когда улицы предоставляются въ распоряженіе прекраснаго пола: мужчины спѣшатъ добраться до своихъ домовъ, тѣ изъ нихъ, которымъ случится замѣшкаться, обязаны, когда встрѣтятъ дамъ, переходить на другую сторону улицы, закрывая себѣ лицо опахаломъ: поступить иначе значило бы обнаружить совершенное незнаніе правилъ приличія [1]). Оттого большая часть путешественниковъ, которые приставали къ берегамъ Кореи, не имѣли случая видѣть тамошнихъ женщинъ съ открытымъ лицомъ; говорятъ, что онѣ вообще отличаются красивыми чертами и миловидной физіономіей. Далле приводитъ въ своей книгѣ примѣры кореянокъ, лишившихъ себя жизни самоубійствомъ изъ-за того только, что чужеземцы дотронулись до нихъ пальца [2]).

Церемоніи похоронъ обыкновенно бываютъ не болѣе торжественны, чѣмъ свадебные обряды; у простонародья все ограничивается тѣмъ, что тѣло покойника кладутъ въ гробъ или даже просто завертываютъ въ саванъ, и зарываютъ въ землю безъ всякой торжественности, но люди богатые и знатные, которые хотятъ сообразоваться съ китайскимъ церемоніаломъ, придерживаются еще, при погребеніи умершихъ, древняго ритуала, которому уже перестали слѣдовать въ самомъ Китаѣ, по причинѣ его крайней строгости. Трауръ по родителямъ продолжается цѣлыхъ три года, и во все это время сынъ долженъ считать себя умершимъ для внѣшняго міра, долженъ отказаться отъ своихъ должностей и вообще отъ своихъ обыкновенныхъ занятій; этикетъ не позволяетъ ему даже отвѣчать на слова, съ которыми къ нему обратится кто-нибудь; одѣтый весь въ бѣломъ, онъ прячетъ лицо подъ большой шляпой и носитъ вѣеръ или длинный вуаль; католики-миссіонеры часто пользовались этимъ таинственнымъ траурнымъ костюмомъ, чтобы путешествовать подъ защитой отъ нескромныхъ вопросовъ чиновниковъ и заниматься безъ опаски запретнымъ «уловленіемъ душъ». Три раза въ день, въ опредѣленные часы, сыновья, носящіе трауръ, должны предаваться плачу и оглашать воздухъ рыданіями Рѣдко случается, чтобы вдовы благороднаго званія вступали во вторичный бракъ; вдова, которая опять вышла бы замужъ до истеченія трехлѣтняго срока, подвергалась бы такимъ же наказаніямъ, какъ чиновники, изобличенные въ лихоимствѣ, и ея дѣти, признаваемыя незаконорожденными, бы-

[1]) Ernest Oppert, цитированное сочиненіе. Этотъ обычай совершенно вывелся. См. вышедшую въ Лондонѣ книгу Ландора.

[2]) Pourthié; — Dallet; — Féron; — Daveluy; — Pichon.

ли бы навсегда исключены отъ конкурсныхъ экзаменовъ, дающихъ право на административныя и гражданскія должности.

Такимъ образомъ китайскіе обряды и церемоніи, такъ сказать, привиты на основѣ національныхъ нравовъ, но характеръ народа отъ этого не измѣнился. Корейцы не имѣютъ хитрости китайцевъ и превосходятъ ихъ въ храбрости; гостепріимство ихъ не знаетъ границъ; честные, простодушные, доброжелательные, они скоры на дружбу и довѣріе, но очень живо чувствуютъ всякую обиду. Серьезные и сдержанные въ присутствіи чужихъ, они охотно сбрасываютъ съ себя обычный важный видъ въ обществѣ друзей; они не боятся даже плясать и предаваться забавамъ, которыя китаецъ считаетъ дѣломъ позволительнымъ только дикарямъ. Корейскіе чиновники, правда, стараются подражать мандаринамъ Срединнаго царства, въ отношеніи благородства и изящества манеръ, но не всегда успѣваютъ въ этомъ, и дикарь невѣжественный въ правилахъ и тонкостяхъ обхожденія, часто весьма скоро выступаетъ наружу, какъ только кончатся оффиціальныя церемоніи. Сценическія представленія, столь цѣнимыя въ Китаѣ и Японіи, извѣстны корейцамъ мало, вѣроятно, по причинѣ относительной бѣдности ихъ литературы; но они большіе цѣнители хореографіи; музыка играетъ въ жизни народа важную роль, и корейцы съ восхищеніемъ слушаютъ аккорды скрипки [1]). Они находятъ удовольствіе слушать европейскія аріи, которыя китайцы, непонимающіе гармоніи, такъ медленно научаются оцѣнивать, и даже при своихъ военныхъ отрядахъ содержатъ примитивный оркестръ [2]).

Почти запертая до послѣдняго времени для иностранной торговли страна производитъ только тѣ продукты, которые необходимы для ея собственнаго потребленія. Корейцы, питающіеся, какъ и китайцы, рисомъ, воздѣлываютъ преимущественно это растеніе, и большое количество воды, которое катятъ многочисленные ручьи и рѣки, даетъ имъ всѣ удобства для образованія искусственныхъ наводненій, необходимыхъ для этого рода культуры. Разводятъ также особую породу суходольнаго риса, легко растущаго даже по горамъ. Они сѣютъ также другіе хлѣба: пшеницу, просо, кукурузу, равно какъ овощи всякаго рода, а въ садахъ, окружающихъ селенія, встрѣтишь большую часть фруктовыхъ деревьевъ умѣренныхъ климатовъ Европы и Азіи; самый распространенный фруктъ—это плодъ курмы (diospyros)—«камъ» по-корейски, «каки» по-японски;—но слишкомъ дождливый климатъ страны отнимаетъ почти весь вкусъ у этихъ плодовъ и весь ароматъ у цвѣтовъ [3]). Между промышленными растеніями хлопчатникъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ: лѣтъ пятьсотъ тому назадъ этотъ драгоцѣнный кустъ еще не былъ извѣстенъ въ Кореѣ, и пекинское правительство, желая сохранить за Китаемъ монополію хлопчатобумажной культуры и промышленности, запрещало вывозъ за границу сѣмянъ хлопчатника, подъ угрозой самыхъ тяжкихъ наказаній; но одинъ членъ посольства, отправляемаго съ порученіемъ засвидѣтельствовать, отъ имени государя, почтеніе «Сыну Неба», успѣлъ похитить три зерна и спрятать ихъ въ бамбуковую трубку своей рисовальной кисти [4]). Съ своей стороны, корейскіе короли строго воспретили вывозъ жэнь-шэня; но хотя корейскій корень, получаемый посредствомъ культуры, гораздо менѣе цѣнится, нежели растеніе лѣсовъ Маньчжуріи, тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался предметомъ важной контрабандной торговли. Чайное дерево растетъ въ дикомъ состояніи въ южныхъ частяхъ полуострова, но оно почти не воздѣлывается, такъ какъ употребленіе чая, этого китайскаго напитка по преимуществу, распространено въ Кореѣ только въ высшихъ классахъ [5]). Виноградный кустъ, котораго много разновидностей, даетъ превосходные плоды, но корейцы не умѣютъ приготовлять изъ нихъ вина. Картофель въ Кореѣ садятъ одни только христіане, и то тайкомъ, чтобы приносить его въ даръ своимъ пастырямъ [6]). Прежде запашки дѣлались только въ равнинахъ: гонимые за вѣру христіане первые принуждены были приняться за расчистку земли подъ пашни на верхнихъ склонахъ горъ, куда они скрывались отъ преслѣдованія; они открыли такимъ образомъ новые способы культуры и стали утилизировать растенія, пренебрегаемыя въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящее время главную отрасль земледѣлія на возвышенныхъ мѣстахъ составляетъ табакъ; кромѣ того, тамъ сѣютъ просо и коноплю.

Земледѣльческая обработка земли не знаетъ какихъ-либо машинъ и производится первобытнымъ способомъ, посредствомъ деревянныхъ сохъ, мотыгъ, бамбуковыхъ грабель. Водяныхъ или вѣтряныхъ мельницъ не знаютъ совершенно, замѣняя силу воды и воздуха силою муловъ или рукъ, толча зерна въ ступахъ или растирая на жерновахъ, ко-

[1]) Ernest Oppert, цитированное сочиненіе.
[2]) Поджіо, „Очерки Кореи".
[3]) Dallet, цитированное сочиненіе,—Левъ Мечниковъ, „Японская имперія".
[4]) Daveluy, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1848.
[5]) Хотя у многихъ путешественниковъ встрѣчаются указанія на то, что чайное дерево растетъ даже въ сѣверной части страны, но едва-ли это вѣроятно, т. к. ни одинъ изъ тѣхъ же авторовъ не опредѣляетъ его точно, а профессоръ Красновъ, изслѣдуя мѣсторожденіе чайнаго дерева, нигдѣ даже намекомъ не упоминаетъ о Кореѣ. См. Красновъ, „Чайные округи". Пр. ред.
[6]) Feron, „Annales de la propagation de la Foi" juillet 1859;—Dallet, цитированное сочиненіе.

торые вращаются муломъ, лошадьми или людьми. Корейцы въ южной части страны снимаютъ по двѣ жатвы въ годъ*.

Въ первые вѣка христіанскаго лѣтосчисленія корейцы были учителями японцевъ въ большей части промышленностей, но въ наши дни они стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже своихъ бывшихъ учениковъ. Они сохранили за собой превосходство только по фабрикаціи нѣкоторыхъ родовъ оружія да по выдѣлкѣ писчей бумаги изъ мякоти бруссонеціи (braussonetia papyrifera). Туземцы умѣютъ ткать и красить холсты и бумажныя матеріи, но не выдѣлываютъ шерстяныхъ произведеній и должны обходиться безъ этихъ тканей, которыя были бы имъ очень полезны во время холодовъ; они довольствуются тѣмъ, что удвоиваютъ или утраиваютъ число своихъ одеждъ. Шелковыя матеріи, въ которыя наряжаются чиновники и благородные, привозятся изъ Китая, но величественныя шляпы съ конической тульей и приподнятыми полями, почти въ метръ шириной, которыя офицеры носятъ съ такой гордостью, всѣ мѣстной фабрикаціи. Главное средоточіе этой промышленности находится на островѣ Квельпартѣ; островитяне употребляютъ для этой работы или конскій волосъ или чаще бамбуковыя волокна, окрашенныя въ желтый цвѣтъ, или еще чаще, покрытыя чернымъ лакомъ, и украшаютъ верхушку нѣкоторыхъ наиболѣе изящныхъ шляпъ прелестными серебряными фигурами, изображающихъ журавлей или другихъ птицъ [1]). Дома корейцевъ, даже тѣ, которые носятъ громкое названіе дворцовъ, представляютъ вообще простыя мазанки изъ глины, поднятыя на столбахъ и крытыя рисовой соломой. Въ городахъ самыя красивыя зданія походятъ на китайскія постройки по характеру архитектуры и внутреннему убранству; окна вездѣ безъ стеколъ, составляющихъ предметъ роскоши, который еще не проникъ въ Корею; полъ устланъ циновками, и такъ же, какъ въ Японіи, посѣтители, входящіе въ горницы, снимаютъ обувь у дверей [2]). Нищета всеобщая, благодаря тому, что трудъ считается позорнымъ дѣломъ; для людей высшихъ классовъ, ростовщичество, казнокрадство и хищенія всякаго рода составляютъ единственныя средства существованія.

Начиная съ половины текущаго столѣтія и до 1884 года непосредственная торговля Кореи съ ея сосѣдями, китайцами, японцами, русскими, была крайне затруднительна, и почти весь торговый обмѣнъ съ иностранцами производится путемъ контрабанды. Морскія экспедиціи, сдѣланныя безъ всякаго серьезнаго результата въ рѣку Хань-янъ французами въ 1866 г. и американцами въ 1871 г., поселили въ сеульскомъ дворѣ убѣжденіе, что, отнынѣ непобѣдимый, онъ можетъ вызвать на бой хоть весь свѣтъ и порвать всякія сношенія съ чужеземцами. Въ 1867 году ярмарки, происходившія ежегодно въ Піёнъ-мынь, то-есть у «Воротъ Кореи» близъ Фынъ-хуанъ-чэна, были запрещены; точно также продолжавшіеся по нѣсколько дней рынки, которые собирались въ городѣ Кяньгуанъ, на корейской рѣкѣ Тюмень-ула, недалеко отъ Хунь-чуна, въ русской Маньчжуріи, были упразднены, и правительство упорно отказывалось дозволить точное опредѣленіе границъ съ Россійской имперіей, не желая признавать существованіе этого стѣснительнаго сосѣда. Корейскій король, боясь даже поссориться со своимъ сюзереномъ «Сыномъ Неба», велѣлъ схватить китайскія джонки, которыя пришли, по издавна заведенному обычаю, ловить рыбу въ водахъ королевства; многія изъ этихъ судовъ были сожжены, а экипажи ихъ преданы смерти [1]). Въ 1875 году японскій посланникъ не былъ допущенъ къ государю изъ-за того, что онъ нарушилъ традиціонный этикетъ, осмѣлившись явиться въ европейскомъ костюмѣ, и сеульское правительство дошло до того, что погрозило императору Японіи наложить на него наказаніе, подобное тому, которому оно подвергло французовъ и американцевъ [2]). Война уже готова была вспыхнуть между двумя сосѣдними государствами, но на этотъ разъ удалось путемъ переговоровъ предотвратить грозящую бѣду, и японцы, сильные примѣромъ, который имъ подали европейцы, форсируя входъ въ порты, необходимые для ихъ торговли, успѣли, въ 1876 году, заставить признать за ними право пребыванія въ ихъ старинной факторіи Фузанъ, на югѣ полуострова. Деревушка, находившаяся въ этомъ мѣстѣ, на берегу бухты, постепенно превратилась въ маленькій городокъ, имѣвшій уже въ 1878 г. около 3.000 жителей, перерѣзанный правильными улицами, украшенный общественными зданіями, между прочимъ храмомъ, воздвигнутымъ въ честь древнихъ японскихъ завоевателей.

Корейцы, живущіе въ Фузанѣ и на сосѣднемъ берегу, научились употреблять суда менѣе опасныя для плаванія, нежели шаланды, на которыхъ еще и донынѣ пускаются въ море другіе мореходы корейскихъ береговъ. Большинство этихъ допотопныхъ барокъ представляютъ просто большіе ящики, кое-какъ сколоченные изъ досокъ и даже не законопаченные, съ парусами и снастями изъ плетеной соломы; вода входитъ въ такомъ обильномъ количествѣ черезъ щели между досками, что нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ пустыми тыквами, безпрестанно заняты отливкой изъ трюма. На восточномъ берегу барки дѣлаются даже просто изъ

[1]) Ernest Opper, цитирован. сочиненіе.
[2]) Коэйлинъ;—Шерцеръ, цитирован. сочиненіе.

[1]) Ch. Dallet, цитирован. сочиненіе.
[2]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

выдолбленныхъ стволовъ деревьевъ; онѣ походятъ болѣе на корыта или колоды, изъ которыхъ поятъ скотъ, чѣмъ на лодки [1]). Понятно, что при такихъ условіяхъ судоходство можетъ производиться только отъ порта къ порту, вдоль береговъ; при малѣйшемъ признакѣ опасности эти утлыя ладьи поспѣшно удаляются въ ближайшую гавань [2]).

Трактатъ 1876 года, открывшій японской торговлѣ территорію полуострова, составляетъ важное событіе въ исторіи Кореи, ибо съ момента заключенія этой конвенціи прекратилась политическая и торговая отчужденность страны. Подобно тому, какъ Японія передъ тѣмъ должна была, волей или неволей, войти въ «концертъ государствъ», такъ и Корея принуждена была, въ свою очередь, вступить въ сношенія съ Японіею, а черезъ Японію и съ остальнымъ міромъ. Едва прошло четыре года со времени открытія Фузанскаго порта, какъ японская дипломатія добилась уже открытія другаго пункта, города Гензана, лежащаго верстахъ въ десяти къ югу отъ порта Лазарева, который часто посѣщали русскіе корабли, и на который нерѣдко указывали, какъ на пунктъ, долженствующій быть присоединеннымъ къ Россійской имперіи. Гензанскій рынокъ составляетъ весьма важный пунктъ, такъ какъ онъ находится на сѣверо-восточномъ берегу и потому доставляетъ внѣшней торговлѣ нѣсколько иныя произведенія края, а не тѣ, что вывозятся изъ Фузана, а именно шкуры тучныхъ звѣрей, табакъ, золотой песокъ и морскую капусту. Одна торговая компанія тотчасъ же выстроила тамъ дома и пристань, а вскорѣ было учреждено и пароходное сообщеніе между Нагасаки и Владивостокомъ. Съ точки зрѣнія морскаго удобства этотъ портъ болѣе глубокъ и лучше защищенъ отъ вѣтровъ, чѣмъ Фузанъ. Ободренная своими успѣхами, Японія съумѣла вытребовать, чтобы для ея торговли былъ еще открытъ одинъ пунктъ на западномъ побережьѣ страны. Такимъ портомъ явилось мѣстечко Чемульпо, лежащее на сѣверо-западномъ берегу полуострова, при устьѣ Хань-яна, въ близкомъ сосѣдствѣ со столицею. Портъ этотъ, фактически открытый съ 1-го января 1883 года, благодаря выгодному положенію началъ быстро развиваться и въ настоящее время является первымъ по количеству торговаго оборота страны.

Всѣ попытки иностранныхъ державъ выхлопотать для своихъ подданныхъ доступъ въ страну разбивались объ упорство корейскаго правительства, и потому волею или неволею всѣ сношенія иностранцевъ съ полуостровомъ происходили черезъ посредничество японцевъ, но съ начала 80 годовъ Корея по совѣту Китая вступаетъ въ сношеніе и начинаетъ заключать договоры. Такъ въ 1883 году былъ заключенъ договоръ съ Соединенными Штатами, Англіей и Германіей, въ 1885 году съ Россіей. Послѣдній договоръ въ 1886 году былъ дополненъ объявленіемъ правилъ для сухопутной торговли*.

Чаосянь переживаетъ теперь критическій періодъ своей исторіи, и все указываетъ на то, что исконная изолированность этой земли Крайняго востока должна прекратиться къ близкомъ будущемъ. Въ предвидѣніи этой неизбѣжной перемѣны, были отправлены изъ Сеула спеціальные посланники съ порученіемъ объѣхать Японію и изучить ея учрежденія и роды промышленности.

Король Чаосяня есть самодержавный и неограниченный повелитель своихъ подданныхъ, и послѣдніе обязаны ему оказывать почти божеское почитаніе: произнести имя, которое государь получилъ отъ своего предшественника, значило бы совершить преступленіе оскорбленія величества; преступленіемъ же было бы дотронуться до его священной особы, и даже послѣ его смерти, придворные должны принять всевозможныя предосторожности, чтобы при погребеніи не было непосредственнаго прикосновенія между ихъ руками и тѣломъ почившаго короля. Честь удостоиться прикосновенія царской руки неоцѣненна; счастливцы, которые были пожалованы этой великой монаршей милостью, украшаютъ шелковой лентой часть своей одежды, освященную перстомъ повелителя. Одного знака королевской руки довольно, чтобы впавшій въ немилость министръ лишилъ себя жизни отравой [1]). Хотя, въ подражаніе китайскому императору, король имѣетъ при себѣ оффиціальнаго цензора, но этотъ сановникъ не только никогда не дерзаетъ высказать какія-либо порицанія противъ особы государя, но, напротивъ, вся его обязанность состоитъ лишь въ томъ, чтобы сочинять похвалы; въ столицѣ содержится цѣлая школа рисованія для приготовленія живописцевъ, которые должны воспроизводить черты священнаго лица. Тѣмъ не менѣе, эта самодержавная власть, безъ границъ, поставленныхъ законами, есть не болѣе какъ простая фикція для дворянства: какъ нѣкогда японскіе дайміосы, корейскіе дворяне командуютъ въ дѣйствительности, и изъ опасенія увидѣть ихъ всѣхъ соединившимися противъ королевской власти, государь не осмѣливается трогать привилегій ни одного изъ нихъ.

Оффиціально, организація государственнаго управленія представляетъ вѣрную копію съ правительственнаго механизма Срединнаго царства, и Сеулъ всегда и во всемъ подражалъ Пекину. Ранѣе каждый годъ въ день рожденія китайскаго богдохана, а также въ день новаго года и въ дни солнцестояній, властитель Кореи,

[1]) Путешествіе фрегата „Паллада“, въ 1854 г.

[2]) Ferréol;—Pourthié, „Annales de la propagation de la Foi“, май 1847 г., іюль 1859 г.

[1]) Daveluy;—Pourthié, „Annales da la propagation de la Foi“, іюль 1848 г.; мартъ 1860 г.

*

окруженный своими дѣтьми и высшими сановниками государства, публично повергался ницъ, имѣя лицо, обращенное по направленію къ резиденціи «Сына Неба». Когда онъ отправлялъ посла ко двору Небесной имперіи, онъ дѣлалъ четыре колѣнопреклоненія и воскуривалъ благовонія; его грамота съ изъявленіями вассальной преданности неслась въ почетномъ паланкинѣ, драпированномъ желтыми занавѣсками, и онъ самолично сопровождалъ ее за ворота столицы. При возвращеніи посольства, онъ исполнялъ подобныя же церемоніи, и когда къ его двору являлся посланникъ изъ Пекина, онъ принимался въ положеніи равнаго по сану. Всѣ эти церемоніи, совершавшіяся прежде весьма точно и строго, хотя съ объявленіемъ независимости Кореи и уничтожились сами собою, но тѣмъ не менѣе еще и теперь, по примѣру «Сына Неба», корейскій король каждый годъ проводитъ плугомъ борозды по заповѣдному полю, урожай съ котораго предназначается для установленныхъ жертвоприношеній; точно также королева, которая въ былое время принимала этотъ титулъ только по полученіи оффиціальнаго разрѣшенія изъ Пекина [1]), священнодѣйствуетъ, въ качествѣ верховной жрицы, при жертвоприношеніяхъ, предлагаемыхъ генію шелководства; и хотя шелковая промышленность занимаетъ очень низкую степень между промыслами ея королевства, государыня разводитъ шелковичныхъ червей у себя во дворцѣ, чтобы привлечь милости неба на ея подражательницъ. При корейскомъ дворѣ, какъ и при пекинскомъ, совершаются публичныя жертвоприношенія въ честь предковъ и Конфуція, и для этихъ великихъ церемоній въ Сеулѣ содержатъ стада барановъ и козъ,—животныхъ, почитаемыхъ священными, разведеніе которыхъ запрещено частнымъ лицамъ [2]). Когда король умираетъ, общественная жизнь должна быть прервана на двадцать семь мѣсяцевъ; въ продолженіе этого времени, жертвоприношенія, свадьбы, похороны воспрещены, и теченіе правосудія пріостанавливается, всякая жизнь человѣка или животнаго должна быть уважаема. Потомки корейскаго короля, какъ и потомки «Сына Неба», съ каждымъ поколѣніемъ спускаются все ниже по степени дворянства; между ними есть даже такіе, которые принадлежатъ къ кастѣ рабовъ.

*Послѣ государя, главную роль въ королевствѣ играетъ предсѣдатель верховнаго совѣта, состоящаго изъ трехъ членовъ. Предсѣдатель является первымъ сановникомъ королевства и принимаетъ на себя управленіе дѣлами, въ случаѣ болѣзни и неспособности короля [1]). По регламентамъ, всѣ чиновники должны бы были принадлежать къ классу «ученыхъ» и, какъ въ сосѣдней имперіи, могли бы быть повышаемы изъ степени въ степень не иначе, какъ пройдя черезъ рядъ трехъ послѣдовательныхъ экзаменовъ; но на практикѣ предписанія закона, относящіяся къ конкурснымъ испытаніямъ, давно уже сдѣлались мертвой буквой, и даже внѣшнія формы болѣе не соблюдаются. Должности, чины и почести продаются тому, кто больше дастъ, и цензоры, обязанные доносить о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ по должности, обыкновенно продаютъ свое молчаніе.

Китайскіе законы временъ династіи Минъ имѣли весьма значительное вліяніе на развитіе корейскаго законодательства. Дѣйствующій нынѣ въ Кореѣ кодексъ былъ пересмотрѣнъ и опубликованъ въ 1785 г. Кодексъ этотъ отмѣнилъ многія варварскія наказанія, но тѣмъ не менѣе отличительную черту корейскихъ законовъ, даже въ наше время, составляетъ неимовѣрная ихъ суровость. Въ древнее время корейскіе законы были весьма жестоки; такъ, чиновника въ наказаніе за недобросовѣстное управленіе, вызывающее открытое неудовольствіе въ народѣ, бросали въ котелъ съ кипяченымъ масломъ; жену, убившую своего мужа, закапывали въ землю до плечъ у большой дороги, и каждому прохожему предоставлялось право нанести ей какую угодно рану мечемъ, или другимъ острымъ орудіемъ; вору насильно наливали въ горло уксусъ и затѣмъ палками били до тѣхъ поръ, пока онъ не лопнетъ; раба, убившаго своего господина, пытали до смерти и т. д. Всѣ эти и многія другія варварскія наказанія современемъ постепенно отмѣнялись. Такъ, король Ши-цзунъ (1419—1450) запретилъ бить по спинѣ палками, отрѣзать носъ и ноги, а король Сяо-цзунъ (1650—1659) отмѣнилъ смертную казнь посредствомъ ударовъ по головѣ молоткомъ. Наконецъ, король Инъ-цзунъ (1725—1776) отмѣнилъ клейменіе воровъ и т. д. Во времена, не столь отдаленныя, смертная казнь вообще примѣнялась только въ исключительныхъ случаяхъ. Политическихъ и уголовныхъ преступниковъ вообще ссылали на островъ Квельпартъ и на другіе отдаленные острова. Но съ 1794 по 1868 г.г. ссылка постепенно замѣнялась смертною казнію, которая особенно широко примѣнялась къ послѣдователямъ христіанской религіи [2]).

Какъ въ Китаѣ, почести, оказываемыя старости, составляютъ общественное учрежденіе: въ извѣстное время достигшіе семидесятилѣтняго возраста приглашаются на банкетъ, устраиваемый для нихъ королемъ, между тѣмъ какъ

[1]) „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1859.

[2]) Ferréol, „Annales de la propagation de la Foi", ноябрь 1847 г.

[1]) Покотиловъ, „Корея и Китайско-Японское столкновеніе".

[2]) Поджіо, „Очерки Кореи", стр. 77 и 88.

королева принимаетъ въ своихъ частныхъ аппартаментахъ делегацію вѣрныхъ вдовъ и добродѣтельныхъ дѣвицъ. Запасные хлѣбные магазины должны быть заводимы во всѣхъ селеніяхъ для того, чтобы можно было удовлетворять нужды бѣдныхъ въ неурожайные годы. По обрядамъ религіи, чиновники обязаны также заботиться о содержащихся въ тюрьмахъ, пещись объ ихъ благосостояніи и даже приносить имъ кушанья, взятыя съ королевскаго стола; но на дѣлѣ эти прекрасныя предписанія такъ же мало исполняются, какъ и принципы классическихъ сочиненій, и отъ нихъ нисколько не легче народу, который не менѣе угнетенъ, подавленъ налогами, предоставленъ въ жертву нищеты и голода. Говорятъ, что голодовка 1877—78 годовъ стоила жизни милліону корейцевъ, что составляетъ почти восьмую долю населенія страны; даже часть дворцовой гвардіи будто-бы погибла отъ истощенія силъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія.

Армія, состоящая въ принципѣ изъ всѣхъ здоровыхъ и способныхъ къ труду мужчинъ, то-есть болѣе, чѣмъ изъ милліона солдатъ, заключаетъ въ дѣйствительности лишь малочисленныя группы ратниковъ. До открытія Фузанскаго порта японской торговлѣ, корейская армія не имѣла другаго вооруженія, кромѣ копій, сабель и ружей съ фитилемъ, смастеренныхъ по образцу стариннаго японскаго оружія, которое само было скопировано съ оружія португальцевъ шестнадцатаго столѣтія; теперь корейское правительство выписываетъ ружья изъ Японіи и фабрикуетъ ихъ само по этимъ образцамъ [1]). *Японскіе и европейскіе инструкторы неоднократно приглашались корейскимъ правительствомъ для обученія своихъ войскъ, но особенной пользы отъ этого для страны не замѣчалось за исключеніемъ того случая, когда корейцы пригласили русскихъ инструкторовъ, которые умѣло повели это дѣло [2]). Предполагая завести свой военный флотъ, корейцы пріобрѣли у японцевъ одинъ маленькій довольно плохой пароходъ, нынѣ вмѣсто своего первоначальнаго военнаго назначенія совершающій почтовые рейсы вдоль береговъ*. Въ важныхъ обстоятельствахъ правительство призываетъ на службу изъ горныхъ мѣстностей охотниковъ на тигровъ и организуетъ изъ нихъ ополченіе: эти-то войска и сражались съ французскимъ дессантнымъ отрядомъ въ 1866 году. *Еще недавно обмундированіе солдатъ состояло изъ темносиняго холста, поверхъ котораго надѣвалась туника такого же цвѣта, или красная, обшитая широкой черной бумажной тесьмой. На груди и спинѣ куртки вышиты круги изъ бѣлаго холста, въ которомъ вырѣзанъ знакъ, показывающій ту часть войска, къ которому принадлежитъ солдатъ. Вмѣсто обыкновенной корейской шляпы солдаты носятъ большія войлочныя шляпы съ широкими полями и острой тульей, напоминающія мексиканскія самбреро. Шляпы эти съ боку украшаются лисьимъ хвостомъ, павлиньимъ перомъ, или же пучкомъ конскаго волоса, выкрашеннаго въ красный цвѣтъ. Платье военныхъ начальниковъ первыхъ трехъ степеней бываетъ синее съ краснымъ поясомъ, а прочихъ сфицеровъ темносинее съ синимъ же поясомъ. Свои шляпы офицеры украшаютъ тигровыми усами или перьями разныхъ птицъ. Вооруженіе солдатъ самое первобытное. Кавалерія вооружена длинными копьями, насаженными на бамбуковое дерево, саблями и луками, а пѣхота обоюдо-острыми мечами, простыми мечами, копьями, кистенями и луками. Каждый солдатъ носитъ при себѣ колчанъ, содержащій обыкновенно до 15 стрѣлъ. Фитильными и кремневыми ружьями снабжена лишь незначительная часть отборнаго войска. Для боя солдаты надѣваютъ латы и головные уборы, сдѣланные изъ плотно стеганной и въ 40 разъ сложенной бумажной матеріи. Когда американцы во время экспедиціи въ Корею въ 1871 г. взяли одинъ изъ фортовъ у входа въ рѣку Ханъ, то между прочими вещами ими найдены были своеобразныя каски и кирасы. Прочность ихъ оказалась удивительной, ибо онѣ не поддавались ни сабельнымъ, ни штыковымъ ударамъ; только коническая пуля пробила ихъ насквозь [1]). Въ настоящее время часть Сеульской гвардіи имѣетъ форму, близко подходящую къ японской, вооруженіе же ея состоитъ изъ европейскихъ ружей различныхъ системъ. Войска, въ которыхъ состояли въ теченіе 1896—97 г.г. русскіе инструкторы, вооружены ружьями Бердана № 2*.

*Въ 1882 году старинная партія въ Кореѣ, руководимая популярнымъ въ странѣ отцомъ короля, регентомъ Тай-вэнъ-гуномъ, недовольная усиленіемъ иностраннаго вліянія въ Кореѣ, упраздненіемъ или вѣрнѣе нарушеніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ странѣ, успѣла взбунтовать сеульскую чернь, которая напала на японское посольство, убила и ранила нѣкоторыхъ изъ членовъ японской дипломатической миссіи и вынудила оставшихся бѣжать въ Чемульпо, подъ защиту англійскаго военнаго судна.

Не удовольствовавшись этимъ, бунтовщики проникли во дворецъ короля, свергли послѣдняго съ престола и, посадивъ на его мѣсто Тай-вэнъ-гуна, начали преслѣдовать сторонниковъ иностранныхъ порядковъ. Событіе это не могло остаться безслѣднымъ въ Японіи и вызвало со стороны послѣдней требованія объ удовлетвореніи. Корейцы вынуждены были обратиться

[1]) Акино, „Exploration“, 1880 г.

[2]) См. статью „Русскіе инструкторы въ Кореѣ“, въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ 1898 года.

[1]) Поджіо, стр. 61—62.

довольно долгое время, проводилъ въ жизнь народа мѣропріятія совершенно безцѣльныя, вовсе не соотвѣтствующія ни состоянію культуры, ни традиціямъ народа, ни духу его. Не взирая на отсутствіе въ корейскомъ народѣ признаковъ малѣйшей симпатіи къ японцамъ и ихъ государственнымъ порядкамъ, онъ старался наряду съ полезными реформами осуществить такія, которыя становились не только безцѣльными, но при томъ и противными для населенія, возбуждая ропотъ послѣдняго. Нѣтъ надобности говорить, что, проводя въ жизнь страны нововведенія, онъ, какъ истинный патріотъ своего отечества, старался прежде всего въ пользу охраненія интересовъ многочисленныхъ своихъ соотечественниковъ, понаѣхавшихъ съ острововъ для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны и ея обитателей. Если уже либеральные оффиціальные представители японскаго правительства дѣйствовали въ такомъ духѣ, то легко себѣ представить, что выдѣлывала ихъ меньшая братія, купцы, ремесленники, рабочіе и различные авантюристы. Послѣдніе своимъ заносчивымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ простому народу, а нерѣдко и рѣзкостью и грубостью обращенія съ ними способствовали ухудшенію отношеній и распространенію непріязни не только къ самымъ японцамъ, но и ихъ нововведеніямъ безъ различія, полезны ли они или нѣтъ. Особенное негодованіе и раздраженіе народа возбудило запрещеніе носить національный костюмъ и обязательное остриганіе волосъ. На почвѣ такихъ недовольствъ начали обнаруживаться многочисленныя интриги, вооруженныя столкновенія, дворцовые заговоры, и въ концѣ концовъ все это перешло въ нескрываемую, дружную по сложности и духу, антияпонскую агитацію. Во главѣ этой агитаціи стояла королева, которая пріобрѣла сильное вліяніе на своего мужа и заставила его отмѣнить многія реформы, насильно введенныя японцами. Борьба Японіи и національной партіи окончилась весьма трагически для самой королевы и многихъ изъ ея родственниковъ по фамиліи Минъ. Такъ, въ октябрѣ 1895 года японскіе сошли совмѣстно съ приверженцами бывшаго регента Тай-вэнъ-гуна напали на королевскій дворецъ и умертвили королеву вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ ея сторонниковъ. Желая скрыть убійство, японцы подожгли дворецъ, но имъ не удалось скрыть слѣдовъ преступленія и своего участія въ немъ. Вѣроломное убійство корейской королевы возбудило общее негодованіе и заставило японское правительство назначить оффиціальное разслѣдованіе. Хотя японское правительство, при производствѣ того слѣдствія, старалось всѣми мѣрами устранить свое участіе въ этомъ дѣлѣ, въ результатѣ же обвинило во всемъ бывшаго регента Тай-вэнъ-гуна; тѣмъ не менѣе, оно не было въ состояніи убѣдить въ своей непричастности народъ и представителей иностранныхъ державъ въ Сеулѣ. Послѣдніе, собравшись на особомъ для этой цѣли митингѣ, разсмотрѣвъ всѣ детали дѣла, вынесли заключеніе, что не только заговоръ противъ фамиліи Минъ и королевы, но и самое злодѣяніе были совершены японцами, при томъ съ вѣдома японскаго представителя, виконта Міура, только-что передъ тѣмъ отозваннаго изъ Кореи. Эта резолюція иностранныхъ дипломатовъ, переданная въ ихъ кабинеты, возстановила противъ образа дѣйствій японцевъ чуть не всѣ націи европейскаго материка и заставила ихъ обратить на образъ дѣйствія передовой націи азіатскаго востока должное вниманіе. Будучи дискредитированы въ глазахъ Европы, которой они такъ упорно старались подражать, японцы вынуждены были на время прекратить видимое активное вмѣшательство въ жизнь страны и начали дѣйствовать болѣе скрытно. Правда, возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ была предотвращена нотою Россіи, давшей понять, что она не допуститъ нарушенія независимости противъ короля и нарушенія законнаго порядка, но тѣмъ не менѣе, уже въ началѣ февраля 1896 года, королю сдѣлалось извѣстно, что противъ него, его же собственные министры, правда, японизированные, составили заговоръ. Результатомъ этого открытія было бѣгство короля въ помѣщеніе русской дипломатической миссіи подъ охрану русскаго флага, для поддержанія достоинства котораго прибыли въ Чемульпо десанты съ русскихъ военныхъ судовъ. Тогда же король заявилъ собравшимся преставителямъ иностранныхъ державъ причину его бѣгства въ русскую миссію и издалъ указъ объ арестѣ всѣхъ членовъ своего кабинета, дѣйствовавшихъ по японскимъ указаніямъ. Этотъ указъ возбудилъ въ Сеулѣ волненіе черни, которое выразилось въ убійствѣ нѣкоторыхъ корейцевъ, японскихъ партизановъ, и только заявленіе короля, что онъ находится въ безопасности, остановило дальнѣйшія волненія. Проживая въ русской миссіи въ полнѣйшей безопасности, охраняемый нашими матросами, король убѣдился, что только надежныя, хорошо организованныя и преданныя войска могутъ гарантировать его относительную безопасность и просилъ бывшихъ при десантѣ офицеровъ обучить нѣсколькихъ корейцевъ, а впослѣдствіи обратился къ Русскому правительству съ просьбою прислать въ Корею военныхъ инструкторовъ и совѣтника по финансовымъ вопросамъ. Результаты этой просьбы и обратное отозваніе русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника еще такъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, что и повторять ихъ здѣсь едва-ли не излишне, тѣмъ болѣе, что инструкторскій вопросъ въ Кореѣ еще далеко не исчерпанъ, и послѣдствія этого отозванія уже дали себя знать, почти тотчасъ

же какъ были удалены русскіе совѣтники и король остался одинокимъ со своими министрами. Не успѣли еще русскіе выѣхать изъ страны, какъ въ сѣверной части ея уже началось возстаніе, охватившее вскорѣ и всю страну. Поводы къ этому возстанію, а равно и подпольныя пружины возбужденія его еще не выяснены съ достаточной точностью и еще ждутъ своего описателя, но ни для кого не составляетъ секрета, что при настоящихъ условіяхъ существованіе независимой Корейской имперіи едвали возможно безъ вмѣшательства другихъ державъ. Не мѣшаетъ упомянуть, что въ концѣ прошлаго (1897) года корейскій правитель увѣдомилъ иностранныхъ представителей, что онъ измѣнилъ свой корейскій титулъ на императорскій, и такимъ образомъ изъ королевства полуостровъ сдѣлался имперіей. Признаніе Россіею этого титула является лучшимъ доказательствомъ стремленія ея, чтобы несчастная страна была независимой и имѣла собственное управленіе* [1]).

Мѣстопребываніе центральной администраціи, которое есть въ то же время и королевская резиденція, Хань-янъ, болѣе извѣстно подъ именемъ Сеула, которое по-корейски значитъ просто «Столица». Это большой городъ, постройки котораго, разбросанныя въ безпорядкѣ, окружены стѣной, имѣющей около 15 верстъ въ окружности; народная перепись 1793 года, результаты которой приведены въ книгѣ Давелюи, насчитывала въ немъ 190.000 жителей, новѣйшія свѣдѣнія опредѣляютъ цифру его населенія въ 219.815 [2]) душъ. Сеулъ занимаетъ очень красивое мѣстоположеніе у южной подошвы хребта Гоа-шань и на западѣ отъ горной цѣпи Гуанъ-линъ, защищающей его отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ; съ южной стороны городъ огибаетъ излучина рѣки Хань-янъ, черезъ которую построенъ каменный мостъ; къ сѣверо-западу рѣка мало-по-малу расширяется и, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, образуетъ лиманъ, называемый Погай, посредствомъ котораго и сливается съ водами Чжилійскаго залива. Сеульская рѣка сообщается съ открытымъ моремъ двумя проходами, изъ которыхъ одинъ находится на югѣ, а другой на сѣверѣ отъ большаго острова Канъ-хоа; но эти каналы мелководны и даютъ доступъ въ рѣку только въ часъ прилива, и всѣ суда должны останавливаться въ 5 верстахъ ниже Сеула. Столица Кореи не имѣетъ сколько-нибудь замѣчательныхъ зданій, кромѣ обширнаго королевскаго дворца и высшаго училища, гдѣ получаютъ образованіе около 500 студентовъ.

Нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, Канъ-хоа, имѣетъ по Опперту, отъ пятнадцати до двадцати тысячъ жителей, защищаютъ подходы къ Сеулу. Въ сосѣдствѣ столицы находится королевскій пригородъ Соу, который можно назвать корейскимъ Версалемъ и Сенъ-Дени: здѣсь погребены государи Кореи, въ «золотыхъ гробахъ», какъ гласитъ народная молва. Въ 1868 году нѣкоторые американскіе и нѣмецкіе искатели приключеній, пріѣхавшіе секретно въ страну, покушались было сдѣлать нечаянное нападеніе на этотъ некрополь; но, открытые во-время, они были отражены поселянами; это дерзкое предпріятіе и вызванная имъ схватка имѣли то слѣдствіе, что правительство Соединенныхъ Штатовъ сочло долгомъ показать свой флагъ въ Сеульской рѣкѣ и разрушить кое-гдѣ стѣны пушечными выстрѣлами [1]).

Прежняя столица, Сондо (Касіонъ), которая была разрушена японцами въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, нынѣ опять пріобрѣла очень важное значеніе, какъ торговый центръ: она находится въ болѣе близкомъ разстояніи отъ моря, чѣмъ Сеулъ, и потому легче доступна пріѣзжимъ купцамъ. Пхіонъ-янъ—одинъ изъ главныхъ городовъ сѣверо-западной провинціи. Этотъ городъ до сихъ поръ еще ведетъ довольно большую торговлю такъ же, какъ Ы-чжу, построенный близъ устья рѣки Ялуцзяна. Въ южной части страны замѣчателенъ, какъ главный рынокъ края, городъ Тай-гу (Дайкіо), въ которомъ каждый годъ бываютъ двѣ большія ярмарки, гдѣ обмѣниваются продукты и товары, привозимые японцами изъ Фузана.

Гораздо большее значеніе для жизни страны имѣютъ открытые порты Кореи. Портъ Чемульпо расположенъ при устьѣ одного изъ многочисленныхъ рукавовъ Сеульской рѣки и открытъ для иностранной торговли въ 1882 году. Представляя до того времени жалкое корейское селеніе, жители котораго занимались рыболовствомъ, Чемульпо въ настоящее время разросся въ порядочный городъ съ иностраннымъ населеніемъ въ 4.675 человѣкъ. Въ немъ имѣютъ пребываніе агенты Великобританіи, Японіи, Китая, а въ послѣднее время и Россіи (вице-консулъ).

Хозяйственное управленіе иностраннаго квартала находится въ рукахъ муниципальнаго совѣта смѣшаннаго состава (корейскій чиновникъ и 3 европейца изъ числа домовладѣльцевъ). Торговые обороты Чемульпо по Покотилову за послѣдніе годы достигли 4 милліоновъ рублей, при чемъ ввозъ по цѣнности болѣе вывоза въ три раза. Предметами вывоза являются сельскіе продукты: бобы, жмыхи, рисъ и кожи, ввозятся же главнымъ образомъ мануфак-

[1]) Этотъ очеркъ политической жизни страны составленъ главнымъ образомъ по книгѣ Коростовцева и газетнымъ статьямъ. Прим. ред.

[2]) „Korean Repository 1898", Vol. V. № 1.

[1]) „United States diplomatic correspondance", 1870.

турныя издѣлія и при томъ почти всѣ японскаго приготовленія. Въ настоящее время Чемульпо соединяется желѣзной дорогой съ Сеуломъ, которая строится американской компаніей Морса.

Слѣдующій по значенію портъ Кореи, Фузанъ, лежащій на юго-востокѣ полуострова къ востоку отъ устья р. Накъ-тонъ-ганъ, былъ японскимъ поселеніемъ еще съ начала XVII вѣка и съ того времени является главнымъ складочнымъ мѣстомъ японско-корейской торговли. Японцы имѣютъ здѣсь какъ бы свой родной городъ, который по благоустройству рѣзко разнится отъ таковаго же корейскаго, расположеннаго не вдалекѣ отъ берега. Къ 1895 году иностранное населеніе Фузана было въ 4.985 человѣкъ, изъ которыхъ 4 953 было японцевъ, семь китайцевъ, и 25 европейцевъ и американцевъ. При такомъ перевѣсѣ японскаго элемента понятно, что вся торговля порта находится въ японскихъ рукахъ. Торговый оборотъ достигаетъ до 3 милліоновъ рублей въ годъ, а предметы ввоза и вывоза тѣ же, что̀ и во Чемульпо. Занимая выгодное положеніе вблизи острова Цу-симы, портъ Фузанъ является для сосѣдней Японіи весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Въ настоящее время въ немъ, если вѣрить газетамъ, проживаетъ постоянный японскій гарнизонъ, и японцы хлопочутъ о проведеніи черезъ полуостровъ отъ Фузана къ Сеулу желѣзнодорожной линіи, разрѣшеніе на каковую они получили еще въ 1894 году. Портъ соединенъ подводнымъ телеграфомъ съ съ Цу-симой и Японіей и пароходнымъ сообщеніемъ съ Владивостокомъ, Нагасаки и Чжифу.

Третій изъ открытыхъ въ странѣ для иностранной торговли портовъ, самый сѣверный изъ всѣхъ, это Гензанъ, лежащій въ южной части бухты Лазарева. Бухта эта, занимающая пространство въ 80 кв. верстъ, хорошо защищена отъ вѣтровъ и представляетъ прекрасную стоянку для морскихъ судовъ. Есть убѣжденіе (хотя оно требуетъ тщательной повѣрки), что портъ Лазаревъ остается открытымъ круглый годъ, и потому на него неоднократно указывали какъ на удобный выходъ Сибирской желѣзной дороги Самый городъ Гензанъ вытянулся вдоль бухты и состоитъ изъ 2 тысячъ домовъ, въ которыхъ проживаетъ до 10 тысячъ корейцевъ.

Иностранцы рѣдко селятся въ этомъ пунктѣ, и вся торговля порта сосредоточена въ рукахъ предпріимчивыхъ японцевъ, которые, начавъ торговлю въ немъ съ 80 года, образовали особый городъ, имѣютъ своего консула, содержатъ гарнизонъ и вообще стараются изъ этого мѣста сдѣлать такую же японскую колонію, какъ и въ Фузанѣ. Торговые обороты порта въ послѣднее время начинаютъ увеличиваться и въ 1895 году достигли 2.816.306 рублей; главные предметы вывоза: золотой песокъ, бобы, сушеная рыба и звѣриныя шкуры.

Въ октябрѣ 1897 года Корейское правительство, уступая усиленнымъ стараніямъ иностранцевъ, а главнымъ образомъ японцамъ, объявило открытыми для иностранной торговли еще два порта Мокпо и Цзинъ-намъ-по.

Первый изъ названныхъ портовъ, лежащій на юго-западной оконечности полуострова у устья рѣки Ібнь-сань-ганъ, уже давно указывался какъ пунктъ, желательный для японской торговли, второй же, расположенный на правомъ берегу устья Та-донъ-гана, является портомъ всей сѣверо-западной части страны и портомъ такого важнаго города сѣверной части страны, какъ Пхіёнъ-янъ. Значеніе этихъ портовъ еще не успѣло выясниться, какъ корейцы уже намѣрены открыть еще три порта: Кильчжу на восточномъ побережьѣ, сѣвернѣе Гензана, Масаньпо на югѣ полуострова, близъ Фузана, и Кумьсань на западномъ берегу между Чемульпо и Мокпо. Въ настоящее время всѣ открытые порты соединены пароходнымъ сообщеніемъ японской линіи компаніи Нипонъ-Юзенъ-Кайша и русской линіи пароходства Шевелева.

Торговля Кореи какъ внутренняя, такъ и внѣшняя оставляетъ желать весьма многаго. Обороты внѣшней торговли за 1893 годъ исчислялись приблизительно: ввозъ въ 3.143 тыс. руб.; вывозъ 2.118 т. руб., и такимъ образомъ весь оборотъ достигалъ цѣнности 5.261 т. руб.

Большая часть этой суммы приходится на Японію, а именно 3.174 т. руб., при чемъ цѣнность ввоза и вывоза почти одинаковы. Обороты торговли съ Китаемъ въ томъ же году исчислялись въ 2 051 т., при чемъ цѣнность ввезенныхъ изъ Китая товаровъ превысила вывозъ въ него изъ Кореи въ три раза (= 1.544 т. руб.). Морская торговля съ Южно уссурійскимъ краемъ совсѣмъ незначительна: она едва достигаетъ 40 тысячъ, а въ 1893 году равнялась только 36 т., изъ которыхъ на долю русскихъ товаровъ пришлось 20 тысячъ.

Главными предметами внѣшней морской торговли Кореи являются ввозимыя хлопчатобумажныя ткани, шерстяныя и механическія издѣлья и керосинъ. Среди предметовъ вывоза обращаютъ вниманіе: золото, бобы, рисъ, кожи и рыба.

Общее число судовъ какъ парусныхъ, такъ и паровыхъ, въ 1893 году посѣтившихъ корейскіе порта достигло 1.322 съ водоизмѣщеніемъ въ 388 т. тоннъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ суда японскія, среди которыхъ насчитываютъ 383 парохода и 573 парусника съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 304 т. тоннъ.

Сухопутная внѣшняя торговля Кореи съ Россіей еще незначительна, хотя все-таки обороты ея превышаютъ обороты морской торговли съ нами. Торгъ происходитъ главнымъ образомъ черезъ пограничную Красносельскую

заставу, на берегу р. Тумень-ула, при чемъ главнымъ предметомъ торговли со стороны Кореи является рогатый скотъ, а отъ насъ идутъ мануфактурные и металлическіе товары*.

По оффиціальной географіи Чаосяня, частію переведенной Шарлемъ Далле, въ королевствѣ насчитываютъ 106 настоящихъ, то-есть обнесенныхъ стѣнами, городовъ.

*Когда японцы явились полными хозяевами несчастнаго королевства, то они для удобства управленія, а отчасти и для того, чтобы получить возможность имѣть большее число своихъ сторонниковъ во всѣхъ частяхъ страны, раздѣлили Корею на 23 провинціи, взамѣнъ существовавшаго до того времени дѣленія на 8 провинцій. Губернаторами новыхъ провинцій были посажены японскіе приверженцы. Когда затѣмъ японское вліяніе въ странѣ упало и престижъ ихъ исчезъ, корейское правительство рѣшило ввести древнее раздѣленіе страны на 8 провинцій, но, въ виду обширности нѣкоторыхъ изъ нихъ, раздѣлить послѣднія каждую пополамъ. Такимъ образомъ въ настоящее время страна дѣлится на 13 провинцій, каждая провинція дѣлится на округи, а послѣдніе на уѣзды.

Слѣдующая таблица дастъ списокъ всѣхъ провинцій или дорогъ Кореи съ ихъ главными городами и количествомъ населенія по свѣдѣніямъ 1897 г. *[1]).

Населеніе Кореи и ея административные пункты.

Названіе провинціи	Число уѣзд.	мужчинъ.	женщинъ.	всего	домовъ.	Главные города.
Хань-янъ (Сеулъ) [1])	—	115.447	104.768	219.815	45.350	Столица государства.
Кіонъ-гый-до (столичная).....	28	352.863	291.367	644.230	167.230	Су-уонь
Чюнъ-чіонъ-д сѣверная	17	147.330	132.372	279.702	72 313	Чюнъ-чжю.
„ южная.....	37	215.058	171 869	386·927	114.793	Конъ-чжю.
Чжіолла-до сѣверная.....	36	189.780	150.342	340.122	97.815	Чжіонъ-чжю.
„ южная..	33	199.791	166.249	366.090	104.918	Коанъ-чжю.
Кіонъ-санъ-до сѣверная..... .	41	306.854	242.959	549.813	149.952	Тä-гу.
„ южная	30	261.499	199.533	461.032	126.972	Чжинь-чжю.
Хä-анъ-ха-до.....	24	184.456	151.059	335.515	93.550	Хä-чжю.
Пхіонъ-янъ-до сѣверная	23	198.331	168.918	367.241	96.406	Іонъ-біонь.
„ южная.....	21	198.487	158.205	357.192	86.888	Пхіонъ-янъ.
Канъ-уонь-до	26	142.205	111.897	254.100	75.853	Чунь-чіонь.
Хамъ-гіонъ-до сѣверная.....	14	208.068	177.384	385.452	59.674	Кіонъ-сіонъ.
„ южная	20	148.900	101.897	250 797	41 187	Хамъ-хынъ.
Итого	340	2 869.767	2.328.481	5.1⁹8.028	1 332.501	

Глава VII

Японія.

Японія, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ острововъ и островковъ, имѣетъ лишь весьма незначительное протяженіе въ сравненіи съ громадной Китайской имперіей, къ которой она, повидимому, принадлежитъ географически, какъ одна изъ составныхъ частей азіатскаго материка. Но это маленькое государство, которое не занимаетъ даже тысячи-трехъ-сотой доли поверхности земнаго шара, есть, тѣмъ не менѣе, одна изъ самыхъ любопытныхъ странъ въ мірѣ, по своей природѣ, по своимъ обитателямъ, по своей исторіи, и по тому политическому значенію, которое оно успѣло пріобрѣсти въ короткое время въ средѣ другихъ державъ на Дальнемъ востокѣ, а также и въ особенности по событіямъ, совершающимся тамъ въ наше время. Изъ всѣхъ націй, живущихъ внѣ Европы, Новаго свѣта и Австраліи, японцы—единственные люди, которые приняли по своей доброй волѣ цивилизацію Запада и которые стараются примѣнять у себя всѣ ея завоеванія матеріальныя и нравственныя. Они не имѣли, какъ многіе другіе народы, несчастія потерять свою независимость, и сила не навязывала имъ нравовъ побѣдоносной націи; господство какой-либо чуждой религіи тоже не группировало ихъ, какъ стадо, подъ власть законовъ ихъ обратителей. Свободные политически и религіозно, они вступаютъ въ качествѣ добровольныхъ

[1]) „Korean Repository", 1848 vol. I № 1.

[1]) Столица Хань-янъ (Сеулъ) составляетъ особый округъ, выдѣленный по управленію, отъ остальной провинціи, главный же начальникъ провинціи живетъ въ городѣ Со-уонь къ югу отъ Сеула.

треннемъ морѣ, но они не считаютъ Іессо, а тѣмъ болѣе Формозу, которые еще недавно были для нихъ чужими странами. Замѣтимъ здѣсь, что звукъ японскихъ словъ можетъ быть переданъ почти точно алфавитомъ европейскихъ языковъ. Метода транскрипціи, предложенная Гепборномъ и Сатоу, вошла почти во всеобщее употребленіе. Однако, въ виду того, что звукъ *y* исчезаетъ почти совершенно въ живой рѣчи, намъ казалось приличнѣе отбрасывать его въ концѣ словъ. Мы сохраняемъ букву *c* для соотвѣтственнаго, слегка придыхательнаго, звука, употребляемаго въ южной части имперіи, который англійскіе авторы передаютъ звукомъ *sh* (*ш*); такъ, мы пишемъ Куро-сиво, по методѣ гг. Леонаде Рони и Турретини, а не Куро-шиво. Самый большой островъ, называемый самими японцами Хондо, Гондо или Гонтси (Главная земля), Тсіудо (Центральная земли), Найтси (Внутренняя земля, или «Материкъ»), чаще означается въ Европѣ именемъ Ниппонъ, которое принадлежитъ всей группѣ острововъ: это наименованіе, буквальный смыслъ котораго «Страна восходящаго солнца». Японія получила по причинѣ ея положенія на востокѣ отъ Китайской имперіи и всего Стараго свѣта. По общепринятому у моряковъ обычаю, названіе «Крайній востокъ» примѣняется къ Японіи и къ китайскому прибрежью, тогда какъ, по другую сторону Тихаго океана, Калифорнія обыкновенно означается именемъ «Крайняго запада». Слѣдовательно, условная раздѣльная линія между двумя половинами свѣта, опредѣляемая 180-мъ градусомъ долготы къ востоку и къ западу, либо отъ острова Ферро, либо отъ Парижа или Гринвича, проходитъ по срединѣ Великаго океана. Хотя дни въ Іедо начинаются девятью часами ранѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и только черезъ шесть или семь часовъ послѣ наступленія дня въ Санъ-Франциско, числа мѣсяца тѣ же самые въ Японіи и въ западной Европѣ: переплывая Тихій океанъ изъ Стараго свѣта въ Новый, путешественникъ считаетъ одинъ и тотъ же день два раза; дѣлая переходъ въ обратномъ направленіи, онъ перескакиваетъ черезъ одинъ день календаря или насчитываетъ лишній день.

У японцевъ существуетъ много поэтическихъ названій ихъ архипелага: это «Мирный берегъ», «Земля храбрости» или «Земля чести и вѣжливости»; это «Отвердѣвшая капля воды» или «Страна между небомъ и землей». Японскіе ученые и поэты даютъ иногда своему отечеству имя Фузанъ-куэ, передѣланное по-японски въ Фузанъ-кокъ и намекающее на ту таинственную страну, лежащую на востокѣ міра, которую описываютъ древніе китайскіе авторы, какъ изобилующую чудесами всякаго рода. Знали или нѣтъ восточные народы о существованіи Новаго свѣта за полторы или двѣ тысячи лѣтъ ранѣе европейцевъ [1]), это имя Фузанъ примѣнялось въ особенности къ баснословной странѣ, гдѣ растутъ деревья, высота которыхъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ локтей, и которыя приносятъ плоды только одинъ разъ въ девять тысячъ лѣтъ. Живя на востокѣ отъ Китая, на краю океана, который казался имъ безпредѣльнымъ, японцы могли думать, въ эпоху, когда прекратились всякія сношенія ихъ имперіи съ китайцами, что эта земля Фузанъ, упоминаемая въ древнихъ лѣтописяхъ, была именно ихъ страна. При томъ же, такъ какъ слово фузанъ (фузо) означало названіе сказочной шелковицы, древесина которой имѣетъ будто-бы свойство постоянно твердѣть и, наконецъ, дѣлается неразрушаемой, то они любили сравнивать это дерево съ своимъ отечествомъ, торжествующимъ надъ всѣми опасностями, побѣдоносно поборящимъ всѣхъ своихъ враговъ [2]).

Марко Поло принесъ въ Европу, вмѣсто всякихъ свѣдѣній объ островахъ «Восходящаго солнца», только имя Зипангу, или Зипангъ, передѣланное въ Зипанъ малайцами, въ Японію (Japon, Japan) европейцами. Однако, и онъ говоритъ тоже о чудесныхъ богатствахъ этой страны, объ ея дворцахъ, крыши которыхъ обиты листами изъ чистаго золота, а полы вымощены слитками того же металла. Извѣстно, что Христоферъ Колумбъ полагалъ, что онъ нашелъ эту счастливую землю, когда пристalъ къ берегамъ острова Кубы; но только спустя полвѣка послѣ него, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ кругосвѣтнаго путешествія Магеллана, въ 1543 году, португальскіе мореплаватели, Мендезъ Пинто, Діего Замаото и Борральо, пристали, гонимые бурей, къ острову Танега, на югѣ архипелага Кіусіу. Они были приняты островитянами самымъ радушнымъ образомъ; вскорѣ установились торговыя сношенія межлу Малаккой и Японіей, даже устраивались браки между иностранцами и богатыми туземными дѣвушками. Но слѣдомъ за мореплавателями явились миссіонеры, и не прошло столѣтія, какъ уже вспыхнули религіозныя войны: христіане были изгнаны или перебиты, и только голландскимъ негоціантамъ, подъ условіемъ, если они согласятся плевать на распятіе и топтать его ногами, было дозволено вести торговлю съ Японіей въ своей конторѣ или, вѣрнѣе сказать, въ своемъ гетто, на островѣ Де-сима (Де-цима), въ Нагасаки. Хотя удаленные, какъ-бы сосланные, на этотъ маленькій

[1]) De Guignes, „Recherches sur les navigations des Chinois du côté de l'Amerique"; - Leland, „Discovery of America"; — Neumann, „Zeitschrift für allgemeine Erdkunde", 1864; — Matouanlin, trad. par d'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[2]) Pfoundes, „Fu-so mimi Bukuro", Budget of Japanese notes; — Л. Мечниковъ, „Японская имперія".

островокъ, лежащій у юго-западной оконечности Японскаго архипелага, голландцы успѣли ознакомиться съ естественной исторіей страны и съ нравами народа, который принялъ ихъ съ такимъ недовѣрчивымъ гостепріимствомъ, и великія сочиненія Кемпфера и Зибольда останутся въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ документовъ, которые мы имѣемъ относительно Ниппона.

Сами японцы, хотя ихъ правительство приняло всѣ мѣры, чтобы предохранить ихъ отъ вліянія голландцевъ, терпимыхъ въ факторіи Де-цима, нашли средство научиться кое-чему отъ иностранцевъ, и географическіе труды, которые они издали въ свѣтъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, носятъ на себѣ очевидные слѣды европейскаго обученія. Въ 1778 году начаты были операціи по генеральному кадастру Японіи, который былъ оконченъ только въ 1807 году, и на основаніи данныхъ этого кадастра, японскій ученый Ино составилъ карту въ масштабѣ одной пятисотъ-тысячной, въ которой онъ со всевозможной тщательностью согласовалъ туземныя работы съ начертаніемъ береговъ, заимствованнымъ изъ голландскихъ картъ. Нѣкоторые японскіе ученые занимались также изслѣдованіемъ странъ, лежащихъ внѣ Японіи въ собственномъ смыслѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Могами-Токудай уже объѣхалъ и описалъ Курильскіе острова, а два брата Симодани посѣтили острова, находящіеся въ сосѣдствѣ Японскаго архипелага съ юго-западной стороны [1]). Наконецъ, Мамія-Ринзо предпринялъ плаваніе къ берегамъ Маньчжуріи и, проѣхавъ между Сибирью и Сахалиномъ, проливъ, носящій у японцевъ съ того времени его имя, разрѣшилъ проблему, которую подняли, не рѣшивъ ее вполнѣ, экспедиціи европейскихъ изслѣдователей Лаперуза, Броутона, Крузенштерна. «Японцы побѣдили меня!» воскликнулъ этотъ послѣдній мореплаватель [2]). Въ 1811 году, когда другой русскій мореплаватель, Головнинъ, былъ задержанъ въ плѣну японскимъ правительствомъ, Мамія-Ринзо и другіе японскіе ученые, которые умѣли опредѣлять широты по высотѣ солнца и долготы по часовымъ разностямъ, хотѣли научиться отъ него способу вычислять непосредственно долготу изъ наблюденій неподвижныхъ звѣздъ и разстояній солнца и луны.

Со времени революціи, которая открыла европейцамъ порты Японіи, иностранцы и туземцы дѣятельно и совмѣстно трудятся надъ изслѣдованіемъ страны. На морскомъ прибрежьѣ, японскіе морскіе офицеры, вмѣстѣ съ моряками Соединенныхъ Штатовъ и различныхъ европейскихъ державъ, принимаютъ участіе въ съемкѣ спеціальныхъ картъ для подступовъ къ гаванямъ. Геологи и горные инженеры изучаютъ рельефъ острововъ и свойство горныхъ породъ, и уже теперь генеральныя карты Ниппона даютъ изображеніе страны съ точностью, превосходящей точность картъ многихъ европейскихъ странъ, каковы, напримѣръ, Албанія, Македонія, нѣкоторыя части Пиренейскаго полуострова. Для японской номенклатуры картографы встрѣчаютъ одно спеціальное затрудненіе, зависящее отъ того, что китайскіе знаки, употребляемые для означенія городовъ или другихъ мѣстъ, могутъ быть читаемы на разные манеры, по методѣ идеографической или по методѣ фонетической. Чтобы утверждать съ увѣренностью, какъ эти знаки должны быть произносимы, нужно знать напередъ мѣсто, которое они означаютъ: отсюда происходятъ весьма частыя ошибки на японскихъ картахъ, даже туземнаго происхожденія, и избѣгнуть ихъ можно не иначе, какъ переписывая каждый знакъ фонетическими литерами. Но это—временныя затрудненія, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ скоро устранены, благодаря изумительному рвенію географіи Рѣдко бываетъ, чтобы туземный путешественникъ, купецъ или рабочій предпринялъ поѣздку по дѣламъ или для собственнаго удовольствія, не запасшись картой провинціи, по которой онъ долженъ ѣхать; принимая во вниманіе разницу условій, можно сказать, что сборники маршрутовъ и дорожники и «путеводители по знаменитымъ мѣстоположеніямъ» гораздо болѣе распространены въ Японіи, чѣмъ въ странахъ Запада. Лучшею картою страны, европейскаго происхожденія, слѣдуетъ признать изданный въ 85—87 году Atlas von Japan, Hassenstein'a.

Цѣпь горъ, частью погруженная въ воды океана, которая образуетъ Курильскіе острова, развертываетъ съ изумительной правильностью свою гряду въ видѣ дуги, длиною около 650 километровъ. Отдѣленный отъ мыса Лопатки, оконечности Камчатки, небольшимъ проливомъ, ширина котораго всего только около 13 километровъ, а глубина не болѣе 18 метровъ, рядъ «Тысячи острововъ»,—ибо таковъ смыслъ названія Цзи-сима, которое ему дали японцы,—начинается вулканическимъ массивомъ острова Сумшу, за которымъ слѣдуетъ на югѣ удлиненный и гористый островъ Парамуширъ (по-японски Параму-спри): этой именно землей оканчивается географически полуостровъ Камчатка, ибо два пролива, называемые одинъ «проливомъ Большихъ Курильскихъ», другой «проливомъ Малыхъ Курильскихъ острововъ», представляютъ, такъ сказать, простые рвы, наполненные водой. Но на югѣ отъ Парамушира встрѣчается уже довольно широкій морской проливъ, посредствомъ котораго Тихій океанъ сообщается съ Охотскимъ моремъ: острова,

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Von Siebold, „Geographical und Ethnographical Elucidations to the discoveries of Maerten Gerrits Vries". Проливъ этотъ для европейской географіи открытъ былъ адмираломъ Невельскимъ, и значеніе этого открытія имѣло важныя послѣдствія для дѣйствій Россіи на Амурѣ.

слѣдующіе одинъ за другимъ въ юго-западномъ направленіи, Оннекотанъ, Гарамукотанъ, Сіаскотанъ. Матуа, Растуа, Симусиръ, и другіе менѣе значительные, суть не что иное, какъ выступающіе изъ-подъ воды гребни горъ, подошва которыхъ находится въ глубинахъ океана. Рядъ острововъ, довольно обширныхъ, чтобы, такъ сказать, пытаться образовать сплошную цѣпь, прерываемую только узкими каналами, снова начинается островомъ Урупъ, «Компанейской землей» (Companys land), которую голландскій мореплаватель Герритсъ Фрисъ посѣтилъ уже въ 1643 году, и которою онъ овладѣлъ отъ имени ость-индской компаніи [1]); затѣмъ слѣдуетъ Іетурупъ или Іеторофу, самый значительный изъ «Тысячи острововъ», такъ какъ онъ одинъ занимаетъ почти половину общаго пространства этого архипелага [поверхность 32-хъ Курильскихъ острововъ исчисляются въ 14.800 квадратныхъ верстъ [2]); изъ этого числа на долю острова Іетурупъ приходится 6.000 квадратныхъ верстъ]; какъ маленькій континентъ, онъ имѣетъ свои отдѣльные массивы, свои горныя цѣпи, свои полуострова. Островъ Кунаширъ,—по-японски Кунасиро,—изъ Курильскихъ острововъ самый близкій къ Іессо, тоже представляетъ обширную землю; онъ далеко вдается въ бухту, образуемую двумя восточными рогами острова Іессо, и даже соединяется съ этимъ островомъ порогомъ изъ подводныхъ скалъ, на встрѣчу которымъ островъ Іессо выдѣляетъ изъ себя песчаную косу, распростертую въ формѣ султана. Іетурупъ, Кунаширъ и сосѣдняя земля Сикотанъ, получившая это названіе отъ особой породы бамбука съ крапчатымъ стеблемъ, который еще растетъ подъ этими высокими широтами, принадлежали политически Японіи даже ранѣе того времени, когда трактатомъ, заключеннымъ съ Россіей, ей была уступлена вся эта гряда Курильскихъ острововъ, и въ этой-то южной островной группѣ, на южной оконечности острова Кунашира, находится деревушка или «станція» Томари, главный административный пунктъ этого, почти необитаемаго, архипелага. Изслѣдованное только въ нѣкоторыхъ своихъ областяхъ, для цѣлей мореходства и рыболовнаго промысла, Курильское море есть еще одна изъ тѣхъ частей океана, географія которыхъ наименѣе извѣстна. Мы знаемъ, что вулканическая трещина Камчатки соединяется съ дымящимися конусами Іессо цѣпью вулкановъ Курильскихъ острововъ, но намъ неизвѣстно число горъ, которыя еще горятъ; въ настоящее время даже невозможно и узнать его, такъ какъ номенклатура этихъ острововъ не установлена опредѣленнымъ образомъ, и то или другое описаніе мореплавателей, хотя относящееся къ двумъ разнымъ островамъ, даетъ одинаковое имя тому и другому. Мильнъ насчитываетъ 52 вулкана на Курильскихъ островахъ. По статистикѣ, составленной Алексисомъ Перреемъ съ той тщательностью, какою отличаются всѣ труды этого ученаго, изъ числа этихъ огнедышащихъ горъ, по крайней мѣрѣ, тринадцать извергали лаву или пепелъ въ продолженіе короткаго періода, протекшаго со времени открытія архипелага [1]). Самый высокій изъ этихъ вулкановъ, Аланъ или Арандо, который почти всегда покрытъ снѣгомъ, и высоту котораго опредѣляютъ различно, отъ 3.300 до 4.480 (?) метровъ [2]), высится на сѣверо-западъ отъ острова Парамушира, немного въ сторонѣ отъ цѣпи Курильскихъ острововъ. Можетъ быть по воспоминанію о какомъ-нибудь вулканическомъ катаклизмѣ, камчадалы разсказываютъ, что этотъ вулканъ поднимался нѣкогда на югѣ отъ ихъ полуострова, и что, вслѣдствіе спора съ другими огнедышащими горами, онъ ринулся въ море, но оставилъ на поверхности свое «сердце», то-есть скалистый островокъ, въ глубокомъ озерѣ, которое открылось на мѣстѣ исчезнувшей горы [3]). Острова Парамуширъ, Гарамукотанъ, Сіаскотанъ, Икарма, Цирипкотанъ, Райкокъ, Матуа, Цирпой, Кунаширъ имѣютъ каждый по одному дѣйствующему вулкану; на островѣ Іетурупѣ, вѣроятно, двѣ огнедышащія горы; островъ Оннекотанъ заключаетъ три эруптивные конуса, и не можетъ быть сомнѣнія, что между горными вершинами обширной островной кривой существуютъ еще другіе кратеры, извергавшіе пепелъ и лаву [4]). Землетрясенія тоже очень часты въ этомъ архипелагѣ и нерѣдко были причиной крушенія русскихъ кораблей; въ 1849 году отъ сотрясенія почвы изсякли всѣ источники на островѣ Симусирѣ, и немногочисленные его обитатели принуждены были поселиться въ другихъ мѣстахъ [5]). Замѣчателенъ тотъ фактъ, что Курильскіе острова расположены такимъ образомъ вдоль обрывистаго подводнаго берега Тихаго океана: непосредственно на востокѣ отъ этой цѣпи вулканическихъ горъ, лотъ нашелъ глубины въ 2.000, въ 2.500, въ 3.000, даже въ 4.000 и въ 6.000 метровъ; тогда какъ съ западной стороны котловина Охотскаго моря нигдѣ не представляетъ впадинъ, достигающихъ даже 800 метровъ углубленія. Кромѣ могучаго Аланда, нѣкоторыя горныя вершины Курильскихъ острововъ были измѣрены моряками: одна изъ нихъ, на островѣ Кунаширѣ, поднимается на 7.400 футовъ надъ уровнемъ моря; пикъ Матуа, дости-

[1]) Von Siebold, цитированная статья.

[2]) По японскимъ даннымъ 1.053,46 кв. рн.

[1]) „Annales des sciences physiques et naturelles de Lyon", tome VIII, 1864

[2]) Landgrebe, „Naturgeschichte der Vulkane"; 7.100 ф. по атласу Hassenstein'a.

[3]) Steller; -Крашенинниковъ, „Исторія Камчатки".

[4]) „Géographie japonaise";—Landgrebe;—Л. Мечниковъ, „Японская имперія".

[5]) „Mittheilungen von Petermann", 1858.

гаетъ высоты 4.500 ф., а пикъ Фуссона на Парамуширѣ 6.900 ф.

Если островъ Іессо (Іезо) или Хакоидо можетъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ образуемый встрѣчей двухъ пересѣкающихся горныхъ осей, то это геологическое явленіе обнаруживается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и въ деталяхъ рельефъ острова представляетъ многочисленныя неправильности. Хребетъ, составляющій на югѣ продолженіе острова Сахалина, и хребетъ, которымъ продолжается въ юго-западномъ направленіи гряда Курильскихъ острововъ, сливаются въ четыреугольной массѣ острова Іессо, гдѣ они образуютъ неровные массивы и отроги раздѣльная линія, которыхъ, изрытая съ той и другой стороны руслами рѣкъ, извивается длинными изгибами. Самая правильная между этими горными цѣпями та, которая тянется параллельно крайнему южному изъ Курильскихъ острововъ и которая оканчивается мысомъ Сиретоко на его длинномъ полуостровѣ, представляющемъ форму желѣзнаго копья; гора, поднимающаяся на этомъ полуостровѣ, недалеко отъ конечнаго мыса, имѣетъ не менѣе 1.646 метровъ высоты; далѣе на югѣ, сольфатара Итазибе или Чертова гора поднимается на тысячу метровъ выше; но гребень мало-по-малу понижается къ внутренности острова. Высочайшія горныя вершины этого острова принадлежатъ къ хребту, который начинается на берегу Лаперузова пролива, мысомъ Сойя, и который тянется параллельно восточному берегу Іессо, въ юго-восточномъ направленіи. Кульминирующія высоты острова Іессо, гора Токатситаке и другія вершины, достигающія 2.500 метровъ, поднимаются въ разстояніи всего какихъ-нибудь 60 верстъ отъ берега Охотскаго моря: оттуда-то расходятся въ разныя стороны, къ сѣверо-западу, къ юго-западу и къ югу, бецы или самыя значительныя рѣки, Тесихо, Нака-гава, Изикари, Токатси. Главная цѣпь, выдѣляющаяся изъ этого центральнаго узла въ юго-западномъ направленіи, между пиками Изикари и Токатси, и которая развѣтвляется потомъ на нѣсколько хребтовъ, образовала массивъ Ювари, главная вершина котораго не менѣе высока, чѣмъ вершина Токатси; къ этому второму узлу, лежащему недалеко отъ центра острова, примыкаетъ небольшая горная цѣпь, оканчивающаяся на югѣ остроконечной стрѣлкой мыса Іеримосака.

Очевидно, островъ Іессо долженъ быть причисленъ къ землямъ, выступившимъ изъ водъ моря въ очень отдаленную эпоху, ибо вмѣсто того, чтобы быть усѣяннымъ озерами, какъ земли, менѣе давняго происхожденія, напримѣръ, Скандинавія, Финляндія, Нью-фаундлендъ, онъ былъ, такъ сказать, изваянъ, на всемъ своемъ протяженіи, работой рѣкъ, и озерные бассейны, образованные пересѣченіемъ горныхъ цѣпей, почти всѣ были опорожнены размывомъ ихъ стѣнокъ или засорены рѣчными наносами. Незначительныя озера расположены или только по краямъ моря, гдѣ они образовались подъ защитой прибрежныхъ высотъ или дюнъ, или въ сосѣдствѣ вулканическихъ горъ, изверженія которыхъ разнообразно измѣнили первоначальный рельефъ почвы. Озерныя области Іезо обнимаютъ восточную часть острова и гористыя земли, которыя расположены, въ видѣ обширнаго амфитеатра, вокругъ Залива вулкановъ, на юго-западѣ острова и въ сѣверо-восточной его части. Изъ морскихъ заливовъ, которые нѣкогда вдавались далеко внутрь земель, иные, какъ, напримѣръ, заливъ, по которому теперь извивается нижнее теченіе Изикари, превратились въ аллювіальныя равнины, тогда какъ другіе, особенно вдоль сѣвернаго берега, были отдѣлены отъ моря прибрежными рядами дюнъ, которые еще болѣе увеличиваютъ геометрическую правильность обширной островной трапеціи. Впрочемъ, и поднятіе береговъ должно было способствовать въ значительной степени измѣненіямъ вида морскаго прибрежья, ибо во многихъ мѣстахъ окружности Іессо и южныхъ Курильскихъ острововъ замѣчено существованіе старыхъ морскихъ береговъ на различныхъ высотахъ, даже до высоты 30 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ моря [1]).

Эти поднятія морскаго берега были, можетъ быть, слѣдствіемъ вулканическихъ вибрацій почвы, такъ какъ Японскій архипелагъ есть одна изъ тѣхъ областей земнаго шара, которыя всего чаще испытываютъ сотрясенія подъ дѣйствіемъ паровъ, заключенныхъ въ твердыхъ слояхъ поверхности, и нѣкоторыя изъ высочайшихъ горъ Іессо несомнѣнно принадлежатъ къ огнедышащимъ. Близъ сѣверо-западнаго угла острова, эруптивный конусъ Рисири или пикъ Делангль поднимается на 1.784 метра. Цѣпь, лежащая на продолженіи оси Сахалина, тоже, говорятъ, имѣетъ одинъ дѣйствующій кратеръ между вершинами своего гребня; но эта часть гористой области состоитъ, главнымъ образомъ, изъ гранита и сланцевъ; вулканическія горныя породы, трахиты, базальты, новѣйшія лавы встрѣчаются на продолженіи цѣпи Курильскихъ острововъ, и въ этомъ же направленіи, отъ сѣверо-востока къ юго-западу, расположены и огнедышащія горы. Въ восточной области, на югѣ отъ полуострова, гдѣ находится вулканъ Итасибе, два пика Аканъ, О-аканъ или «Аканъ мужескій» и Ме-аканъ или «Аканъ женскій», высятся остроконечными конусами подлѣ большаго озера, которому они, быть можетъ, способствовали образоваться, задерживая его воды запрудой изъ вулканиче-

[1]) I. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan“.—Benj. S. Lyman, „General report on the Geology of Iesso“.

скихъ шлаковъ. Точно также двѣ огнедышащія горы, Турумай и Юсу-таке, на сѣверной сторонѣ Залива вулкановъ, отражаютъ свои столбы дыма въ водахъ озерныхъ бассейновъ, а далѣе во внутренности острова, на сѣверо-западѣ, поднимается вулканъ Сиргибецъ-таке, который соперничаетъ съ Рисири по геометрической правильности своего конуса извержения; но онъ постоянно пребывалъ въ бездѣйствіи со времени поселенія въ краѣ цивилизованныхъ колонистовъ [1]). Японскія географіи упоминаютъ также вулканъ Сири-яма, въ сѣверныхъ горахъ острова, и вулканъ Иванай (Иваноборі), на западномъ берегу, близъ порта, который носитъ его имя. Образуя полуостровной массивъ между болотами, озерами и моремъ, огнедышащая гора Утсіура или Комага-таке [по правиламъ благозвучія японскаго языка, произношеніе нѣкоторыхъ словъ зависитъ отъ выговора словъ предшествующихъ; такъ, правописаніе мѣняется для словъ таке, даке (пикъ), санъ, занъ и зенъ (горный хребетъ), кава или гава (рѣка)], господствуетъ, какъ маякъ надъ входомъ въ заливъ, носящій названіе «Бухты вулкановъ», которое онъ получилъ отъ дымящихся горъ своей окружности, тогда какъ на оконечности острова Іессо, вулканъ Іезанъ (Эсанъ), на вершинѣ котораго открывается зазубренный кратеръ, указываетъ мореплавателямъ подходы города Хокодате. На сѣверо-востокѣ отъ этого города, Усиояма или «Гора быка», поднимающая къ небу свою остроконечную раздвоившуюся верхушку, «какъ рога тура» [2]), тоже вулканъ, но онъ отдыхаетъ съ незапамятныхъ временъ, и растительность покрываетъ всѣ его застывшіе потоки лавы и его склоны, состоящіе изъ слоя шлаковъ. Наконецъ на сѣверѣ отъ западнаго входа въ проливъ Мацмай или Цсугару выступаютъ надъ поверхностью водъ двѣ пирамиды изъ лавы, теперь покрытыя темнымъ сосновымъ лѣсомъ, «Большой» островъ и «Малый» островъ, О-сима и Ко-сима. Приводимъ высоту главныхъ горъ острова Іессо:

Сольфатора Итасибе (Чортова гора) — 2.593 метр.; Токатси-таке — 2.500 метр., (8.000 фут.); Изикари - таке — 7.700 футъ; Сашуро-таке—1.982 метр.; Сирибецъ-таке—1.830 метр.; Іебосидаке—1.818 метр.; Утсіура (Комага-таке) — 1.291 метр. (3.860 футъ); Эсанъ—1.277 метр. (2.000 футъ); Тарумай—920 метр. (2.600 футъ); О-аканъ—606 метр.

Самыя недавнія изверженія, имѣвшія мѣсто на островѣ Іессо, были изверженія вулкана Комага, въ 1852 и 1856 годахъ, и вулкана Тарумай, въ 1867 и 1874 годахъ. Говорятъ, что Комага былъ гораздо выше до взрыва 1852 г.; тогда весь верхній конусъ горы былъ разрушенъ, и обломки, измельченные въ пепелъ, переносились вѣтромъ даже на Курильскіе острова, изъ которыхъ ближайшій находится на разстояніи 430 километровъ къ сѣверо-востоку [1]). Вулканъ Эсанъ не производитъ болѣе изверженій въ большомъ видѣ уже съ незапамятныхъ временъ, но онъ еще и до сихъ поръ изливаетъ потоки сѣрнистой грязи и выбрасываетъ большіе камни изъ лопающихся пузырей въ глубинѣ кратера [2]). Почва вездѣ дрожитъ, и пары поднимаются изъ всѣхъ трещинъ. Разноцвѣтныя стѣнки громадной воронки, постоянно разъѣдаемыя водянымъ паромъ, смѣшаннымъ съ сѣрной кислотой, разлагаются и обваливаются; видъ жерла мѣняется изо дня въ день: рабочіе набрасываются на эти вулканическія развалины, чтобы извлекать изъ нихъ сѣру, которая содержится тамъ въ пропорціи отъ четверти до половины [3]).

Большая часть горныхъ цѣпей большаго острова Хондо, Гондо или Ниппонъ, подвимается въ видѣ параллельныхъ грядъ различной длины, которыя тянутся прямолинейно въ направленіи отъ сѣверо-сѣверо-востока къ юго-юго-западу, и соединяются тамъ и самъ въ массивы посредствомъ боковыхъ развѣтвленій, поперечныхъ отроговъ и прямолинейныхъ рядовъ вулканическихъ изверженій: самыя высокія вершины Японіи, почти всѣ тѣ, которыя поднимаются болѣе, чѣмъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, — вулканическія горы, лавы которыхъ разлились въ разныя эпохи по гранитамъ и сланцамъ, составляющимъ остовъ архипелага; пепелъ, выбрасываемый кратерами и разносимый вѣтромъ во всѣ части острова, способствовалъ, вмѣстѣ съ аллювіальными отложеніями, образованію почвы равнинъ, переработанной впослѣдствіи теченіями рѣкъ. Въ цѣломъ почти вся страна не ровна, холмиста и представляетъ непрерывный рядъ возвышеній и долинъ: общая площадь равнинъ составляетъ всего только восьмую часть пространства Японіи. Впрочемъ, большинство горныхъ вершинъ имѣетъ округленные контуры и легко доступные скаты. Японскія горы не представляютъ тѣхъ страшныхъ кручъ, обрывистыхъ склоновъ, какіе ожидаешь увидѣть въ альпійскихъ странахъ; почти совершенное отсутствіе известняковъ и песчаниковъ, которые раскалываются на вертикальныя глыбы, частое повтореніе обильныхъ дождей, естественное богатство растительности дали японскимъ ландшафтамъ красивую волнистую линію горизонта, лощины съ пологими покатостями, долины широко раскрытыя, гдѣ рѣки извиваются удлиненными контурами. Тамъ и самъ высокія вершины горъ покрыты полосами по-

[1]) Benj. S. Lyman, „General Report on the Geology of Jesso".

[2]) Georges Bousquet, „Le Japon de nos jours".

[1]) R. Pumpelly, „Across America and Asia".

[2]) Лубенцовъ, „Путеводитель по Японіи", 277.

[3]) Pumpelly, „Geological Researches in China, Mongolia and Japan".

стоянныхъ снѣговъ; по свидѣтельству геолога Мильна, фирны кристаллизуются во многихъ мѣстахъ, такъ, что образуютъ ледники въ миніатюрѣ [1]).

На сѣверо-востокѣ большаго острова, первая цѣпь невысокихъ сланцевъ горъ, отдѣленная отъ остальной части Гондо глубокой долиной Китаками - гава, тянется параллельно высокому хребту, который составляетъ главный остовъ этой земли. Эта цѣпь, такъ сказать, внѣшняя, оканчивается на сѣверѣ залива Сендай; посреди водъ моря разсѣяны «восемьсотъ восемь» острововъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мацзу-сима; эти туфовыя скалы, разбросанныя въ неглубокой водѣ, покрыты кустарникомъ и соснами (по-японски мацзъ), отъ которыхъ архипелагъ и получилъ свое названіе. Японцы смотрятъ на этотъ водяной садъ, какъ на одно изъ «трехъ чудесъ» своей страны; вода вырыла въ основаніяхъ острововъ пещеры и естественныя аркады; люди выкопали гроты на стѣнахъ самыхъ крутыхъ острововъ, и вершина одного изъ нихъ была изсѣчена въ формѣ Будды [2]).

На югѣ отъ бухты и равнины Сендай, горная цѣпь опять начинается, слѣдуя своему первоначальному направленію и оставаясь совершенно изолированной отъ горъ внутренней части острова широкими долинами. Прежде она была ограничена съ южной стороны тоже заливомъ, но эта вырѣзка прибрежья съ теченіемъ времени обмелѣла и засорилась отъ наносовъ рѣки Тоне-гава; послѣдняя развѣтвляется на безчисленное множество каналовъ, затѣмъ окружаетъ своими блуждающими водами гористую землю, лежащую къ востоку отъ бухты, на берегу которой стоитъ Токіо или Іеддо; наносы этой рѣки, подвигаясь разомъ съ двухъ сторонъ, уничтожили бывшій морской проливъ и соединили островъ съ сосѣдней большой землей болотистыми равнинами, постепенно окрѣпшими. Такимъ образомъ три отрывка «внѣшней» восточной цѣпи, такъ сказать, приросли къ «континенту» Японіи. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ горныхъ хребтовъ страны отсутствіемъ вулкановъ. Ни одинъ кратеръ не открывается среди этихъ сланцевыхъ горъ; но именно вдоль этого берега были констатированы самые очевидные слѣды поднятія почвы. На сѣверной сторонѣ бухты Сендай открывается маленькій портъ Кесенъ-нума, который еще въ половинѣ настоящаго столѣтія посѣщался многочисленными судами и который затѣмъ принуждены были покинуть, по причинѣ постепеннаго обмелѣнія фарватера; а между тѣмъ въ этомъ мѣстѣ нѣтъ никакой рѣки, которая наносила бы землистыя частицы, и теченіе не могло образовать бара; кромѣ того, дорога, недавно построенная вокругъ сосѣдняго мыса, проходитъ подлѣ высокаго известковаго берега, просверленнаго во всѣхъ направленіяхъ моллюсками, раковины которыхъ совершенно сохранились; геологи опредѣляютъ по меньшей мѣрѣ въ полтора метра общее повышеніе морскаго берега, которое произошло при портѣ Кесенъ-нума въ теченіе современнаго періода. Осушеніе равнины Іеддо и древняго морскаго пролива, гдѣ теперь протекаетъ нижняя Тонегава, произошло не столько вслѣдствіе отложенія наносовъ этой рѣки, сколько отъ постепеннаго поднятія почвы, обусловленнаго вулканическими причинами [1]).

Съ западной стороны, другая побочная цѣпь протянула свои горы параллельно оси острова Гондо; но эта цѣпь, погруженная въ море въ небольшой части своего протяженія, состоитъ лишь изъ отдѣльныхъ массивовъ. Первый изъ нихъ образуетъ полуостровъ на сѣверной оконечности острова; далѣе на югѣ возвышается второй массивъ, Иваки-яма. Ога-сима или «Оленій островъ» есть, какъ показываетъ самое имя его, островная земля, надъ которой господствуетъ Салоуказе-яма или «Гора холоднаго вѣтра», возвышающаяся на 769 метровъ; но этотъ островъ соединяется съ большой землей длинной песчаной стрѣлкой или косой. Такимъ образомъ отъ открытаго моря отдѣленъ лиманъ, судоходный для джонокъ: это «Большое озеро» (Огоката) Хациро или «Море цитры» (Котоно-уми), которое сообщается съ свободными водами посредствомъ рѣки Фунагава или «Рѣки судовъ», доступной гребнымъ судамъ, имѣющимъ до 5 метровъ водоизмѣщенія. Къ югу отъ Оленьяго острова слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе острова Тоби-сима и Аво-сима, затѣмъ большой островъ Садо, образуемый двумя выступами, соединяющимися при основаніи. Полуостровъ Ното, изгибающійся въ видѣ крючка удочки вокругъ бухты Тояма, тоже принадлежитъ къ этой боковой цѣпи. и можетъ быть, къ ней же слѣдовало бы причислить группу острововъ Оки, лежащихъ въ 300 километрахъ къ юго-западу. Эта гряда островныхъ горныхъ вершинъ составлена не единственно изъ древнѣйшихъ каменныхъ породъ, какъ восточная береговая цѣпь, и многія изъ ея горъ, между прочимъ, горы острова Ога-сима, нѣкогда извергали лаву.

Что касается средней цѣпи острова, то она начинается величественнымъ вулканомъ Осорезанъ, который поднимается на 976 метровъ надъ уровнемъ моря, непосредственно противъ острова Іессо, между проливомъ Цзугару или Сангарскимъ и бухтой Аомори: часто этой уединенной горѣ даютъ спеціально имя Якеяма или «Горящая гора», которое впрочемъ, примѣняется ко всѣмъ вообще эруптивнымъ конусамъ [2]).

[1]) J. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan".
[2]) Benj. P. Lyman, „Iesso Geological Surveys", febr. 1875; — Saint John; — Rein etc.

[1]) Neumann, „Mittheilungen von Petermann", 1879, IV.
[2]) Serrurier, рукописныя замѣтки.

По другую сторону бухты хребетъ тотчасъ же опять поднимается и затѣмъ продолжается уже безъ перерывовъ до самаго центра острова. Средняя абсолютная высота его пиковъ, которые по большей части суть потухшіе вулканы, около 1.500 метровъ, а высота проходовъ, перерѣзывающихъ гребень, измѣняется отъ 600 до 1.000 метровъ; но направо и налѣво поднимаются вулканическіе конусы, имѣющіе болѣе величественный видъ, чѣмъ вершины правильной цѣпи, благодаря ихъ изолированности и большой высотѣ. Такъ, въ направленіи поперечномъ къ главной оси, отъ запада къ востоку слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные вулканы между городами Акита и Моріока; южнѣе, не далеко отъ западнаго берега, гора Чокой-санъ поднимаетъ на 2.400 метровъ свой верхній конусъ, покрытый снѣгомъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году. Другой вулканъ, Бандай-санъ, возвышающійся на 1.850 метровъ (6.000 ф.), отражаетъ свои лѣсистые склоны въ водахъ озера Инаваширо, и съ его верхняго конуса можно обозрѣвать развертывающійся въ видѣ обширнаго амфитеатра, прерываемаго только на западной сторонѣ, цѣлый кругъ горъ, обступившихъ глубокій бассейнъ Айдзу-таиры или равнины Айдзу. Застывшій потокъ лавы и груды вулканическаго пепла образовали плотину, задерживающую воды озера Инаваширо [1]), и стоитъ только расчистить часть этого естественнаго вала, чтобы осушить большую часть озерной равнины и завоевать земледѣлію превосходныя земли.

Послѣднее изверженіе вулкана Бандай-санъ было въ 1888 году 15 іюня. Во время его погибло 461 человѣкъ, уничтожено четыре и полуразрушено семь деревень. Окружающіе лѣса были истреблены, а теченіе рѣки Нагасегавы было преграждено обломками и образовало озеро Хибаро, длиною въ 12, шириною отъ $1^1/_2$ до 3 верстъ* [2]).

Въ этой части своего протяженія средняя горная цѣпь, гребень которой составляетъ водораздѣльную возвышенность между двумя океанами, изгибается къ востоку, чтобы примкнуть къ другой параллельной цѣпи, которая образуетъ въ свою очередь водораздѣльный хребетъ между различными притоками рѣкъ Тоне-гава и Тенрю, на востокѣ и притоками Цикума или Синано-гава, самой многоводной рѣки не только западной покатости, но и всей Японіи. На югѣ отъ соединительнаго хребта, средняя цѣпь продолжается простыми отрогами, которые постепенно сливаются съ равниной на сѣверѣ отъ Іеддо. Но именно этотъ хребетъ служитъ опорной точкой массиву изъ вулканическихъ вершинъ, пользующихся громкой славой во всемъ царствѣ Восходящаго солнца, благодаря лѣсамъ, покрывающимъ ихъ склоны, и прозрачнымъ водамъ, которыя текутъ въ изобиліи съ этихъ горъ. Эта группа, почти всегда покрытая снѣгомъ, носитъ имя Никкозанъ, то-есть «Двѣ дикія горы», которое бонзы, посредствомъ перемѣны одного знака, передѣлали въ болѣе поэтическое названіе «Гора солнечнаго сіянія». Одна изъ самыхъ высокихъ остроконечныхъ вершинъ этого массива, Нантай-санъ (2.540 метровъ), принадлежитъ къ числу святыхъ горъ Японіи; и въ прежнее время никто не могъ предпринимать восхожденія на этотъ пикъ, кромѣ какъ одинъ разъ въ году, въ освященную недѣлю лѣта, и не иначе, какъ выдержавъ предварительно строгій постъ въ какомъ-либо храмѣ одной изъ нижнихъ долинъ. Тихое озеро Чугенжи, берега котораго осѣнены большими деревьями, напоняетъ глубокій циркъ у основанія вулкана, и вытекающій изъ этого бассейна ручей спускается каскадами по скаламъ изъ лавы: недалеко оттуда стоятъ пышные надгробные памятники двухъ сіоруновъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, поднимающіе свои колонны между высокоствольными соснами и криптомеріями. Обширный лѣсъ, въ 70 километровъ длиною, соединяетъ это священное мѣсто съ берегами нижней Тоне-гавы; вѣроятно во всемъ свѣтѣ не найдется аллей, которыя могли бы сравниться съ великолѣпными авеню этой области храмовъ: «Пусть не говоритъ о красотѣ и великолѣпіи тотъ, кто не видалъ Никко», гласитъ одна японская пословица. Благодаря сосѣдству Токіо, эти священныя рощи собираютъ въ лѣтнюю пору подъ свою прохладную тѣнь безпрестанно обновляющуюся толпу публики, къ которой примѣшиваются, съ 1870 года, многочисленные иностранцы. Съ мая до октября Никко походитъ на наиболѣе посѣщаемыя мѣстности Швейцаріи по массамъ посѣтителей, которые приходятъ любоваться его горами, лѣсами, чистыми водами; зимой эти живописныя долины, занесенныя снѣгомъ, опять дѣлаются пустынными. Сѣрнистые источники Юліота бьютъ изъ земли на сѣверной сторонѣ озера, въ самой дикой области горъ.

Раздѣльная горная цѣпь, господствующая съ восточной стороны надъ долиной рѣки Синано, тоже увѣнчана нѣсколькими вершинами вулканическаго происхожденія, преимущественно на югѣ, гдѣ высятся двѣ пирамидальныя горы, Сиране-яма и Адзма-яма, изъ которыхъ первая имѣла послѣднее изверженіе въ 1871 году. Недавно образовавшійся конусъ возвышается по серединѣ кратера, имѣющаго болѣе 1.600 метровъ въ ширину; горячія воды, бившія ключемъ изъ сосѣднихъ трещинъ, утекали черезъ сосѣдній сосновый лѣсъ, опаленныя деревья котораго до сихъ поръ еще носятъ на

[1]) Benj S. Lyman, „Geological Survey of Japan, Report of progress for 1878 and 1879".

[2]) Лубенцовъ, стр. 105.

себѣ слѣды этого наводненія [1]). Несмотря на то, эта область Японіи, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ ея областей, которыя прикрываютъ самые пламенные вулканическіе очаги. Газовые источники и «огненные колодцы» западной покатости этихъ горныхъ цѣпей, щіеся газы, подобные газамъ, выдѣляющимся изъ земли въ китайской провинціи Сы-чуань представляютъ продуктъ дистилляціи органическихъ веществъ, содержащихся въ каменистыхъ наслоеніяхъ осадочныхъ формацій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, эти горячіе газы утили-

Типы аиновъ или айносовъ.

въ провинціи Этсиго, вѣроятно, не суть истеченія подземнаго горячаго очага, какъ это часто утверждали; но, какъ пласты каменнаго угля и ключи горнаго масла, которые встрѣчаются въ той же долинѣ, эти воспламеняю-

зируются непосредственно для кухни монастырей, для отопленія бань и для различныхъ надобностей промышленности; но эксплоатація обращена здѣсь преимущественно на добываніе каменнаго масла или нефти, которая, впрочемъ, течетъ не въ изобиліи; одинъ изъ колод-

[1]) Ernest Satow, рукописныя замѣтки.

цевъ, откуда извлекаютъ минеральное масло, былъ выкопанъ до глубины 222 метровъ [1]..

Какъ на сѣверѣ острова рядъ вулкановъ пересѣкаетъ въ поперечномъ направленіи среднюю цѣпь горъ, такъ точно, въ этой центральной области Гондо, линія огнедышащихъ горъ, рѣзко ограничивающая на югѣ цѣпь, вдоль основанія которой течетъ рѣка Синана-гева, тянется перпендикулярно самой оси Японіи, въ направленіи отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку; два самые знаменитые вулкана архипелага, Асама-яма и Фузи-санъ, составляютъ часть этого поперечнаго ряда огнедышащихъ горъ. По высотѣ, Асама-яма уступаетъ другимъ горнымъ вершинамъ имперіи Восходящаго солнца, такъ какъ онъ поднимается только на 2.525 метровъ (8.280 ф.) надъ уровнемъ моря; но изъ всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ страны ни одинъ не оставилъ болѣе свидѣтельствъ своего могущества и не внушаетъ большаго страха людямъ, живущимъ въ его тѣни; въ Японіи до сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаютъ о страшномъ извержении 1783 года, во время котораго огромный потокъ лавы вылился въ долину рѣки Вагацма и вся окружающая страна покрылась слоемъ пемзы; сорокъ восемь деревень были засыпаны дождемъ вулканическихъ шлаковъ, и тысячи людей погибли во время этой катастрофы. Съ той эпохи, отъ времени до времени, былъ выбрасываемъ пепелъ изъ громадной воронки кратера; хотя островъ имѣетъ въ этой области наибольшую ширину, однако съ обоихъ морей можно ясно различить высокій столбъ сѣрнистаго дыма, поднимающійся изъ жерла вулкана. Почти всѣ склоны горы Асама до сихъ поръ еще имѣютъ сѣрый цвѣтъ отъ покрывающей ихъ пемзы, выброшенной послѣднимъ извержениемъ, и на обширномъ пространствѣ вокругъ конуса вездѣ видны только лавы. Рядомъ съ главнымъ кратеромъ, который имѣетъ не менѣе километра въ ширину, открывается другое жерло, стѣны котораго пробиты трещинами, гдѣ ласточки гнѣздятся тысячами. По близости этой вершины нѣтъ ни одного святилища, оттого пилигримы приходятъ лишь въ небольшомъ числѣ на эту страшную гору [2]). Къ югу отъ Асама-яма слѣдуетъ рядъ другихъ вулкановъ, продолжающійся до Кинпо-санъ, центральнаго массива, отъ котораго расходятся въ разныя стороны многочисленныя развѣтвленія гранитныхъ горъ, и откуда получаются самые крупные и самые чистые куски горнаго хрусталя, шлифуемые японцами въ видѣ шаровъ и въ видѣ зеркалъ.

Вулканъ Фузи-яма — гора священная по преимуществу, патронъ страны, и иногда, въ поэтическомъ стилѣ, имя его пишутъ такимъ образомъ, чтобы придать ему смыслъ «Несравненной горы». Письменные знаки, обыкновенно употребляемые для изображенія названія этой горы, буквально значатъ «Благоденствующій офицеръ»; но уже задолго до введенія идеографическихъ письменъ она была извѣстна подъ именемъ Фузи, по причинѣ кустарниковъ (wysteria japonensis), называемыхъ такъ въ нарѣчіи ямато, которые покрываютъ склоны вулкана своими переплетающимися вѣтвями и гроздьями бѣлыхъ и фіолетовыхъ цвѣтковъ [1]). Фузи-санъ (Фузи-яма, Фужино-яма), составлявшій нѣкогда предметъ поклоненія для буддійской секты, послѣдовали которой назывались яма-бузи [2]), изображается почти на всѣхъ издѣліяхъ японскаго происхожденія, на книгахъ, опахалахъ, лакированныхъ вещахъ, матеріяхъ, фарфоровой и другой посудѣ, обояхъ и мебели всякаго рода; но художники рисуютъ и гравируютъ ее подъ условнымъ видомъ: чтобы дать понятіе о ея громадности, они несоразмѣрно повышаютъ ея склоны, а вершину конуса заостряютъ на подобіе сахарной головы. На самомъ дѣлѣ величественная гора имѣетъ очень пологіе скаты, и кривая ея правильнаго профиля поднимается лишь медленно и постепенно, чтобы образовать конечную горку; тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей вершиной пояса, лежащаго выше пояса всѣхъ простирающихся у ея подножія земель, и на бокахъ ея видишь расположенныя ярусами одно надъ другимъ разныя времена года. Внизу разстилаются поля, покрытыя богатыми нивами и плантаціями, затѣмъ слѣдуютъ лѣса; еще выше тянется поясъ кустарника, гдѣ прежде водились во множествѣ обезьяны, которымъ, по словамъ легенды, геніи поручили охраненіе горы. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ году вершина одѣта снѣгомъ, ярко блистающимъ на голубомъ фонѣ неба, или имѣетъ сѣрый цвѣтъ, какъ облака, едва отличаясь отъ воздушнаго пространства неопредѣленными линіями. Фузи-яма превышаетъ на нѣсколько тысячъ футовъ большую часть другихъ главныхъ вулканическихъ вершинъ Японіи, и когда стоишь на краю его кратера, то окружающія горы кажутся какъ бы составляющими его кортежъ. Основаніе его, почти круглой формы, имѣетъ болѣе 150 километровъ въ окружности; широкая долина, по которой течетъ рѣка Фузи-гава, окружаетъ его на западной сторонѣ его полуокружности. По словамъ одной легенды, которая, вѣроятно, относится къ какому-нибудь сильному извержению, Фузи-яма выросъ изъ земли въ 285 году Р. Х., въ продолженіе одной ночи, въ тотъ самый часъ, когда образовалось озеро Бива. Каково бы ни было потрясеніе

[1]) Benj. S. Lyman, „Report on the progress of the Oil Surveys“, 1877.

[2]) Rein, „Der Nakasendô Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“, № 59.

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Serrurier, рукописныя замѣтки.

разсказанное въ этой преувеличенной формѣ, извѣстно достовѣрно, что вулканъ долго отдыхаетъ послѣ каждаго усилія; съ 799 года онъ приходилъ въ дѣйствіе только шесть разъ. Послѣднее его изверженіе, имѣвшее мѣсто въ 1707—1708 году, продолжалось два мѣсяца: въ то время на южномъ его склонѣ открылась разсѣлина, изъ которой выдвинулся вторичный конусъ, Гоей-санъ, поднимающійся на 2.865 метровъ. Окрестныя равнины покрылись слоемъ пепла толщиною около 3 метровъ; цѣлыя деревни исчезли съ лица земли; до самаго Іеддо и даже выше этого города, на разстояніи 96 километровъ отъ вулкана, воздухъ былъ омраченъ, и черныя тучи вулканической пыли, переносимыя вѣтромъ, ниспадали по другую сторону залива, на берегахъ океана [1]). Послѣ этого роковаго года города и деревни были вновь выстроены и теперь опять образуютъ цѣлый поясъ построекъ вокругъ первыхъ склоновъ горы; новые храмы появились на мѣстѣ прежнихъ капищъ, и толпы пилигримовъ, число которыхъ доходитъ отъ 15.000 до 20.000 въ годъ, снова стали совершать хожденіе къ святилищу, построенному у подножія верхней крутизны. Передъ восхожденіемъ на гору пилигримы имѣютъ обыкновеніе облачаться въ бѣлую одежду, для того, чтобы напугать горныхъ орловъ, которые, говорятъ, нападаютъ на людей, одѣтыхъ въ менѣе яркіе цвѣта [2]). Достигнувъ кратера, странники пьютъ воду сперва изъ «Золотаго ключа», затѣмъ изъ «Серебрянаго ключа», послѣ чего, по знаку своего проводника, звонятъ въ колокольчики и дѣлаютъ поклоны въ честь солнца. Сойдя къ подножію вулкана, они обращаются къ жрецу ближайшаго храма съ просьбой приложить къ ихъ одеждѣ клеймо, которое должно напоминать объ ихъ подвигѣ: это пилигримское платье становится драгоцѣнной святыней, которая переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну [3]). Англичанинъ Рутерфордъ Алькокъ былъ первый европеецъ, совершившій восхожденіе на Фузи въ 1860 году; за нимъ слѣдовали сотни другихъ путешественниковъ. Въ 1873 году натуралистъ Книппингъ провелъ двѣ недѣли на краю кратера, для производства геологическихъ наблюденій. Кратеръ, средній діаметръ котораго около 300 саженъ, заключаетъ двѣ отдѣльныя воронки, въ которыя можно спускаться по образовавшимся вслѣдствіе обвала откосамъ, состоящимъ изъ красныхъ лавъ и желтыхъ и сѣрыхъ туфовъ, до площадокъ, покрытыхъ обломками камней [4]). Глубина кратера около 600 футъ. Общая высота горы, по Рейну, достигаетъ 12.437 футъ.

Вулканъ Фузи-ями такъ же, какъ большое число другихъ эруптивныхъ конусовъ, стоитъ немного въ сторонѣ отъ горной цѣпи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая продолжается въ южномъ направленіи, чтобы образовать длинный полуостровъ Изу (Идзу), тоже вулканическій. У основанія этого полуострова простирается область Сагами, очень гористая, но легко проходимая; это наиболѣе посѣщаемый уголокъ Японіи и одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей страны Восходящаго солнца. Лѣсистые мысы, бухты, раздѣляющія ихъ, скалы, разсѣянныя на поверхности водъ моря, густые лѣса, источники и ручьи, цвѣты, ярко пестрѣющіе среди зелени, поднимающаяся надъ гребнемъ холмовъ бѣлая вершина священной горы—все то дѣлаетъ этотъ край восхитительнымъ мѣстопребываніемъ. Семь деревень съ заведеніями минеральныхъ водъ выстроились около теплыхъ ключей, и деревня Хаконе, расположенная на берегу живописнаго озера Аши-ноуми или «Моря злаковъ», сдѣлалась любимымъ мѣстомъ дачной жизни. На востокѣ отъ этого города, дорога, идущая изъ Токіо въ Кіото, пересѣкаетъ гору на Хаконскомъ перевалѣ (на высотѣ 855 метровъ), который прежде былъ запертъ укрѣпленными воротами, «гуанъ» или Центральной заставой Ниппона: отсюда и произошли названія: Гуанъ-до (на востокъ отъ воротъ), которое даютъ всей части Гондо, лежащей къ востоку отъ меридіана Хаконскаго перевала, и Гуанъ-сай, которымъ означаютъ другую половину главнаго острова Японскаго архипелага. На полуостровѣ Изу самая высокая гора—Амаки-санъ; другая гора оканчиваетъ его на югѣ, господствуя надъ бухтой и городомъ Симода, но въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ берега цѣпь снова вступаетъ на поверхность моря въ видѣ подводныхъ скалъ. Одна изъ этихъ скалъ, Микомото, получила печальную извѣстность въ исторіи кораблекрушеній: въ этомъ мѣстѣ разбился, въ 1867 году, корабль «Нилъ», нагруженный драгоцѣнными предметами, которые онъ везъ съ Парижской всемірной выставки. Теперь устроенъ маякъ, освѣщающій эту опасную скалу, извѣстную у англійскихъ мореплавателей подъ именемъ Рокъ-айландъ (Скалистый островъ). Симодская бухта замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней всего лучше можно было наблюдать явленіе волненій моря отъ землетрясенія, во время катастрофы 1854 года. Громадная волна, пришедшая съ открытаго моря, вдругъ подняла уровень водъ и хлынула на берега; въ нѣсколько мгновеній стоявшія въ портѣ джонки были разбиты ударами одна о другую, дома и храмы были стерты съ лица земли, рейдъ покрылся обломками. Частныя теченія сталкивались и производили сильные водовороты: русскій корабль «Діана», потонувшій вскорѣ послѣ землетрясенія, повернулся 43 раза вокругъ самого себя въ продолженіе 30 минутъ; въ теченіе цѣ-

[1]) Rein, цитированное сочиненіе.
[2]) Л. Мечниковъ, „Японская имперія".
[3]) De Hübner, „Promenade autour du Monde".
[4]) Rein, „Mittheilungen von Petermann", 1879, № 10.

цевъ, откуда извлекаютъ минеральное масло, былъ выкопанъ до глубины 222 метровъ [1]).

Какъ на сѣверѣ острова рядъ вулкановъ пересѣкаетъ въ поперечномъ направленіи среднюю цѣпь горъ, такъ точно, въ этой центральной области Гондо, линія огнедышащихъ горъ, рѣзко ограничивающая на югѣ цѣпь, вдоль основанія которой течетъ рѣка Синана-гева, тянется перпендикулярно самой оси Японіи, въ направленіи отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку; два самые знаменитые вулкана архипелага, Асама-яма и Фузи-санъ, составляютъ часть этого поперечнаго ряда огнедышащихъ горъ. По высотѣ, Асама-яма уступаетъ другимъ горнымъ вершинамъ имперіи Восходящаго солнца, такъ какъ онъ поднимается только на 2.525 метровъ (8.280 ф.) надъ уровнемъ моря; но изъ всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ страны ни одинъ не оставилъ болѣе свидѣтельствъ своего могущества и не внушаетъ большаго страха людямъ, живущимъ въ его тѣни; въ Японіи до сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаютъ о страшномъ изверженіи 1783 года, во время котораго огромный потокъ лавы вылился въ долину рѣки Вагацма и вся окружающая страна покрылась слоемъ пемзы; сорокъ восемь деревень были засыпаны дождемъ вулканическихъ шлаковъ, и тысячи людей погибли во время этой катастрофы. Съ той эпохи, отъ времени до времени, былъ выбрасываемъ пепелъ изъ громадной воронки кратера; хотя островъ имѣетъ въ этой области наибольшую ширину, однако съ обоихъ морей можно ясно различить высокій столбъ сѣрнистаго дыма, поднимающійся изъ жерла вулкана. Почти всѣ склоны горы Асама до сихъ поръ еще имѣютъ сѣрый цвѣтъ отъ покрывающей ихъ пемзы, выброшенной послѣднимъ изверженіемъ, и на обширномъ пространствѣ вокругъ конуса вездѣ видны только лавы. Рядомъ съ главнымъ кратеромъ, который имѣетъ не менѣе километра въ ширину, открывается другое жерло, стѣны котораго пробиты трещинами, гдѣ ласточки гнѣздятся тысячами. По близости этой вершины нѣтъ ни одного святилища, оттого пилигримы приходятъ лишь въ небольшомъ числѣ на эту страшную гору [2]). Къ югу отъ Асама-яма слѣдуетъ рядъ другихъ вулкановъ, продолжающійся до Киппо-санъ, центральнаго массива, отъ котораго расходятся въ разныя стороны многочисленныя развѣтвленія гранитныхъ горъ, и откуда получаются самые крупные и самые чистые куски горнаго хрусталя, шлифуемые японцами въ видѣ шаровъ и въ видѣ зеркалъ.

Вулканъ Фузи-яма — гора священная по преимуществу, патронъ страны, и иногда, въ поэтическомъ стилѣ, имя его пишутъ такимъ образомъ, чтобы придать ему смыслъ «Несравненной горы». Письменные знаки, обыкновенно употребляемые для изображенія названія этой горы, буквально значатъ «Благодѣтствующій офицеръ»; но уже задолго до введенія идеографическихъ письменъ она была извѣстна подъ именемъ Фузи, по причинѣ кустарниковъ (wysteria japonensis), называемыхъ такъ въ нарѣчіи ямато, которые покрываютъ склоны вулкана своими переплетающимися вѣтвями и гроздьями бѣлыхъ и фіолетовыхъ цвѣтковъ [1]). Фузи-санъ (Фузи-яма, Фужино-яма), составлявшій нѣкогда предметъ поклоненія для буддійской секты, послѣдовали которой назывались яма-бузи [2]), изображается почти на всѣхъ издѣліяхъ японскаго происхожденія, на книгахъ, опахалахъ, лакированныхъ вещахъ, матеріяхъ, фарфоровой и другой посудѣ, обояхъ и мебели всякаго рода; но художники рисуютъ и гравируютъ ее подъ условнымъ видомъ: чтобы дать понятіе о ея громадности, они несоразмѣрно повышаютъ ея склоны, а вершину конуса заостряютъ на подобіе сахарной головы. На самомъ дѣлѣ величественная гора имѣетъ очень пологіе скаты, и кривая ея правильнаго профиля поднимается лишь медленно и постепенно, чтобы образовать конечную горку; тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей вершиной пояса, лежащаго выше пояса всѣхъ простирающихся у ея подножія земель, и на бокахъ ея видишь расположенныя ярусами одно надъ другимъ разныя времена года. Внизу разстилаются поля, покрытыя богатыми нивами и плантаціями, затѣмъ слѣдуютъ лѣса; еще выше тянется поясъ кустарника, гдѣ прежде водились во множествѣ обезьяны, которымъ, по словамъ легенды, геніи поручили охраненіе горы. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ году вершина одѣта снѣгомъ, ярко блистающимъ на голубомъ фонѣ неба, или имѣетъ сѣрый цвѣтъ, какъ облака, едва отличаясь отъ воздушнаго пространства неопредѣленными линіями. Фузияма превышаетъ на нѣсколько тысячъ футовъ большую часть другихъ главныхъ вулканическихъ вершинъ Японіи, и когда стоишь на краю его кратера, то окружающія горы кажутся какъ бы составляющими его кортежъ. Основаніе его, почти круглой формы, имѣетъ болѣе 150 километровъ въ окружности; широкая долина, по которой течетъ рѣка Фузи-гава, окружаетъ его на западной сторонѣ его полуокружности. По словамъ одной легенды, которая, вѣроятно, относится къ какому-нибудь сильному изверженію, Фузи-яма выросъ изъ земли въ 285 году Р. Х., въ продолженіе одной ночи, въ тотъ самый часъ, когда образовалось озеро Бива. Каково бы ни было потрясеніе

[1]) Benj. S. Lyman, „Report on the progress of the Oil Surveys", 1877.

[2]) Rein, „Der Nakasendô Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann", № 59.

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Serrurier, рукописныя замѣтки.

разсказанное въ этой преувеличенной формѣ, извѣстно достовѣрно, что вулканъ долго отдыхаетъ послѣ каждаго усилія; съ 799 года онъ приходилъ въ дѣйствіе только шесть разъ. Послѣднее его изверженіе, имѣвшее мѣсто въ 1707—1708 году, продолжалось два мѣсяца: въ то время на южномъ его склонѣ открылась разсѣлина, изъ которой выдвинулся вторичный конусъ, Гоей-санъ, поднимающійся на 2.865 метровъ. Окрестныя равнины покрылись слоемъ пепла толщиною около 3 метровъ; цѣлыя деревни исчезли съ лица земли; до самаго Іеддо и даже выше этого города, на разстояніи 96 километровъ отъ вулкана, воздухъ былъ омраченъ, и черныя тучи вулканической пыли, переносимыя вѣтромъ, ниспадали по другую сторону залива, на берегахъ океана [1]). Послѣ этого роковаго года города и деревни были вновь выстроены и теперь опять образуютъ цѣлый поясъ построекъ вокругъ первыхъ склоновъ горы; новые храмы появились на мѣстѣ прежнихъ капищъ, и толпы пилигримовъ, число которыхъ доходитъ отъ 15.000 до 20.000 въ годъ, снова стали совершать хожденіе къ святилищу, построенному у подножія верхней крутизны. Передъ восхожденіемъ на гору пилигримы имѣютъ обыкновеніе облачаться въ бѣлую одежду, для того, чтобы напугать горныхъ орловъ, которые, говорятъ, нападаютъ на людей, одѣтыхъ въ менѣе яркіе цвѣта [2]). Достигнувъ кратера, странники пьютъ воду сперва изъ «Золотаго ключа», затѣмъ изъ «Серебрянаго ключа», послѣ чего, по знаку своего проводника, звонятъ въ колокольчики и дѣлаютъ поклоны въ честь солнца. Сойдя къ подножію вулкана, они обращаются къ жрецу ближайшаго храма съ просьбой приложить къ ихъ одеждѣ клеймо, которое должно напоминать объ ихъ подвигѣ: это пилигримское платье становится драгоцѣнной святыней, которая переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну [3]). Англичанинъ Рутерфордъ Алькокъ былъ первый европеецъ, совершившій восхожденіе на Фузи въ 1860 году; за нимъ слѣдовали сотни другихъ путешественниковъ. Въ 1873 году натуралистъ Книппингъ провелъ двѣ недѣли на краю кратера, для производства геологическихъ наблюденій. Кратеръ, средній діаметръ котораго около 300 саженъ, заключаетъ двѣ отдѣльныя воронки, въ которыя можно спускаться по образовавшимся вслѣдствіе обвала откосамъ, состоящимъ изъ красныхъ лавъ и желтыхъ и сѣрыхъ туфовъ, до площадокъ, покрытыхъ обломками камней [4]). Глубина кратера около 600 футъ. Общая высота горы, по Рейну, достигаетъ 12.437 футъ.

Вулканъ Фузи-ями такъ же, какъ большое число другихъ эруптивныхъ конусовъ, стоитъ немного въ сторонѣ отъ горной цѣпи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая продолжается въ южномъ направленіи, чтобы образовать длинный полуостровъ Изу (Идзу), тоже вулканическій. У основанія этого полуострова простирается область Сагами, очень гористая, но легко проходимая; это наиболѣе посѣщаемый уголокъ Японіи и одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей страны Восходящаго солнца. Лѣсистые мысы, бухты, раздѣляющія ихъ, скалы, разсѣянныя на поверхности водъ моря, густые лѣса, источники и ручьи, цвѣты, ярко пестрѣющіе среди зелени, поднимающаяся надъ гребнемъ холмовъ бѣлая вершина священной горы—все то дѣлаетъ этотъ край восхитительнымъ мѣстопребываніемъ. Семь деревень съ заведеніями минеральныхъ водъ выстроились около теплыхъ ключей, и деревня Хаконе, расположенная на берегу живописнаго озера Аши-ноуми или «Моря злаковъ», сдѣлалась любимымъ мѣстомъ дачной жизни. На востокѣ отъ этого города, дорога, идущая изъ Токіо въ Кіото, пересѣкаетъ гору на Хаконскомъ перевалѣ (на высотѣ 855 метровъ), который прежде былъ запертъ укрѣпленными воротами, «гуанъ» или Центральной заставой Ниппона: отсюда и произошли названія: Гуанъ-до (на востокъ отъ воротъ), которое даютъ всей части Гондо, лежащей къ востоку отъ меридіана Хаконскаго перевала, и Гуанъ-сай, которымъ означаютъ другую половину главнаго острова Японскаго архипелага. На полуостровѣ Изу самая высокая гора—Амаки-санъ; другая гора оканчиваетъ его на югѣ, господствуя надъ бухтой и городомъ Симода, но въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ берега цѣпь снова вступаетъ на поверхность моря въ видѣ подводныхъ скалъ. Одна изъ этихъ скалъ, Микомото, получила печальную извѣстность въ исторіи кораблекрушеній: въ этомъ мѣстѣ разбился, въ 1867 году, корабль «Нилъ», нагруженный драгоцѣнными предметами, которые онъ везъ съ Парижской всемірной выставки. Теперь устроенъ маякъ, освѣщающій эту опасную скалу, извѣстную у англійскихъ мореплавателей подъ именемъ Рокъ-айландъ (Скалистый островъ). Симодская бухта замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней всего лучше можно было наблюдать явленіе волненій моря отъ землетрясенія, во время катастрофы 1854 года. Громадная волна, пришедшая съ открытаго моря, вдругъ подняла уровень водъ и хлынула на берега; въ нѣсколько мгновеній стоявшія въ портѣ джонки были разбиты ударами одна о другую, дома и храмы были стерты съ лица земли, рейдъ покрылся обломками. Частныя теченія сталкивались и производили сильные водовороты: русскій корабль «Діана», потонувшій вскорѣ послѣ землетрясенія, повернулся 43 раза вокругъ самого себя въ продолженіе 30 минутъ; въ теченіе цѣ-

[1]) Rein, цитированное сочиненіе.
[2]) Л. Мечниковъ, „Японская имперія".
[3]) De Hübner, „Promenade autour du Monde".
[4]) Rein, „Mittheilungen von Petermann", 1879, № 10.

Широта.	Названіе	Геологич. составъ	Высота въ метрахъ.	Авторитеты.
36°55′	Яке-яма	вулканъ.	2 316	Гаулендъ.
			2 133	Драге.
36°46′	Нантай-санъ (Никко) . .	„ (?)	2.541	Рейнъ.
35°35′	Тате-яма	„ (?)	2.896	Гаулендъ.
36°30′	Гариноки-яма	„ (?)	2 400	Сатоу.
36°22′	Асама-яма	дѣйствующій вулканъ.	2 591	Мильнъ.
			2 525	Рейнъ.
36°15′	Ярига-таке	вулканъ. (?)	3 139	Гаулендъ
36°8′	Хиро-яма (Гаку-санъ) . .	„	2 618	Рейнъ.
			2.720	Петерманъ.
36°7′	Норикура-яма	„ (?)	2 987	Гаулендъ.
35°52′	Ми-таке (Онъ таке) . . .	„ (?)	3 027	„
			3 004	Рейнъ.
35°43′	Комага-таке	„ (?)	2 723	„
35°28′	Ибуки-яма	„	1.250	„
35°20′	Дайсенъ	„ (?)	1.640	Нейманъ
			1.702	Кампферъ.
35°18′	Фузи-санъ (Фузи-яма) .	„ (?)	3 769	Стьваръ.
			3 745	Рейнъ.
35°8′	Гіеи-зинъ	„ (?)	756	Японск. географія.
			825	Рейнъ.
35°3′	Комага-таке (Хаконе) . .	„ (?)	1 345	„
34°3	Ого-мине	граниты и сланцы.	1.882	Кинпинги.

Извилистый морской проливъ, отдѣляющій «континентъ» Японіи отъ южныхъ острововъ, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ рядъ фіордовъ и частныхъ бассейновъ, которые соединены въ одно обширное внутреннее море, имѣющее около 400 километровъ протяженія отъ востока къ западу. Это маленькое Средиземное море усѣяно островами и островками, ограничивающими небосклонъ со всѣхъ сторонъ: плывя по этимъ водамъ, между этими лѣсистыми землями, которыя поочередно скрываютъ и открываютъ отдаленный горизонтъ горъ, видишь передъ собой постоянно смѣняющійся рядъ восхитительныхъ картинъ безконечнаго разнообразія: видимыя картины можно сравнить съ норвежскими, но подъ итальянскимъ небомъ и малайскою растительностью. По японской космогоніи, при началѣ временъ, Изанаги и Изанами, божественная чета возсѣдала какъ-разъ надъ этой частью моря на небесномъ мосту, поддерживаемомъ столбами изъ облаковъ, и любовалась оттуда движеніемъ арміи волнъ, гоняющихся другъ за другомъ подъ ихъ ногами. Лежа безпечно на облакахъ, богъ обмакивалъ пурпурное остріе своего копья въ океанъ, и каждая ниспадавшая съ острія капля обращалась въ одинъ изъ тѣхъ зеленѣющихъ острововъ, которые теперь разсѣяны по поверхности моря: одинъ изъ первыхъ острововъ, которые выдвинулись тогда изъ волнъ, былъ прекрасный Авадзи (Аваджи), запирающій восточный входъ «Внутренняго моря».

Съ географической точки зрѣнія, японское средиземное море должно быть разсматриваемо какъ простой ровъ или каналъ, размытый водами, такъ какъ только въ нѣкоторыхъ изъ впадинъ его дна глубина превышаетъ 50 метровъ, средняя же глубина этого бассейна наполовину меньше. Западный входъ, извѣстный подъ именемъ Симоносеки или «Нижней заставы», имѣетъ всего только 10 метровъ глубины, то-есть какъ-разъ столько, сколько нужно самымъ большимъ кораблямъ; но безъ помощи пара такимъ кораблямъ было бы неблагоразумно пускаться въ этотъ узкій каналъ, морскую рѣку, окаймленную по сторонамъ скалами и пересѣкаемую на поверхности опасными теченіями. Кромѣ Симоносеки, есть еще три прохода, дающіе доступъ во Внутреннее море: проходъ Бунго, между островами Кіусіу и Сикокъ, и два другіе на сѣверѣ и на югѣ отъ острова Аваджи. Суда обыкновенно избираютъ сѣверный проходъ, проливъ Томога-сима или «Двухъ острововъ друзей», находящійся въ сосѣдствѣ портовъ Гіого (Хіого) и Осака; при томъ же и теченія въ этомъ каналѣ менѣе сильны, нежели въ другихъ. Но ни одинъ проливъ японскихъ морей не пугаетъ такъ мореходовъ, какъ проходъ Наруто, между островами Аваджи и Сикокъ. Приливъ, проникающій изъ океана во Внутреннее море, не можетъ тамъ развернуться на просторѣ, и движеніе его замедляется на всѣхъ мелкихъ мѣстахъ бассейна, при поворотѣ всѣхъ мысовъ и мысиковъ. Такимъ образомъ приливная волна, распространявшаяся быстро по открытому океаническому пространству, встрѣчается въ узкомъ проходѣ съ водами, лежащими на иномъ уровнѣ, вслѣдствіе чего образуются внезапные водовороты, очень опасные для обыкновенныхъ джонокъ. Японскіе судовщики описываютъ этотъ проливъ такимъ же образомъ, какъ сѣверные мореходы въ прежнее время представляли извѣстный водоворотъ Мальстремъ. По этимъ разсказамъ, которые, впрочемъ, не подтверждаются наблюденіями европейскихъ мореплавателей, Наруто есть тоже кружащаяся пучина, шириной въ нѣсколько

километровъ, и попадающіе въ нее предметы, увлекаемые спиралеобразно, устремляются быстрымъ и постоянно ускоряющимся круговращательнымъ движеніемъ къ центральной пропасти, откуда уже ничто не выходитъ на свѣтъ Божій.

Островъ Сикокъ, ограничивающій съ южной стороны японское средиземное море на пространствѣ бо̀льшемъ половины его длины, представляетъ выпуклость изъ сланцевыхъ горъ, которая тянется неправильно отъ востока къ западу. Главная рѣка острова Іосино-гава (Іошино-гава), называемая также Сикоко-сабуро или «Старшимъ сыномъ Сикока», течетъ параллельно самому высокому хребту этихъ древнихъ сланцевъ, и въ томъ же направленіи продолжается узкая западная стрѣлка или коса, которая, выдвигаясь къ противолежащему полуострову острова Кіусіу, оставляетъ лишь узкій проходъ водамъ Внутренняго моря. Хотя относительно невысокая,—такъ какъ высшая вершина ея достигаетъ только 1.400 метровъ,—главная горная цѣпь Сикока составляетъ, тѣмъ не менѣе, серьезное препятствіе между двумя скатами острова, такъ какъ нѣкоторые проходы ея имѣютъ около 1.000 метровъ высоты. Высочайшая вершина острова, гора Ишидзулія достигаетъ, по Лубенцову, 6.480 ф. высоты. На плоской вершинѣ ея изъ кумирни путешественникъ можетъ обозрѣвать почти весь островъ. Нѣсколько вершинъ вулканическаго происхожденія высятся на сланцевомъ цоколѣ. Лѣса, состоящіе изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ и почти тропическіе по виду, въ сосѣдствѣ рѣкъ, покрываютъ склоны горъ, исключая нѣкоторыхъ округовъ, гдѣ земледѣльцы, недальновидные варвары, выжгли лѣсъ, чтобы дать полный просторъ папоротникамъ, которыхъ корни и стебли употребляются туземцами въ пищу.

Такъ же, какъ на Сикокѣ, скаты Кіусіу, ориентированные съ сѣвера на югъ, въ томъ же направленіи, какъ и островъ, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ кристаллическихъ сланцевъ различныхъ видовъ, надъ которыми выдвинулись трахиты, сопровождаемые туфами и залежами лигнита. Но и на этомъ островѣ тоже открылись тамъ и сямъ вулканическія жерла, изъ которыхъ поднялись конусы изверженія, образовавшіеся изъ шлаковъ и пепла, и нѣкоторые изъ этихъ конусовъ до сихъ поръ пребываютъ въ состояніи періодической или постоянной дѣятельности. Въ самомъ центрѣ острова есть дѣйствующій вулканъ, Асо-санъ или Асо-даке, склоны котораго разработываются искателями сѣры и квасцовъ; кромѣ того, тамъ находятъ охристые сростки, заключающіе въ себѣ какое-то бѣлое и жирное вещество, которое жители страны ѣдятъ [1]). Въ 1874 году изверженіе пемзы превратило ручьи, бѣгущіе съ этой горы, въ потоки молочнаго цвѣта [1]),—событіе, вѣроятно, повторяющееся довольно часто, судя по имени, которое носитъ главный ручей, Сира-гава или «Бѣлая рѣка» [2]). Вулканъ Асо-санъ въ собственномъ смыслѣ представляетъ конусъ незначительной высоты, но кратеръ, въ центрѣ котораго онъ стоитъ, походитъ на лунные вулканы по своимъ огромнымъ размѣрамъ: онъ имѣетъ не менѣе 16 до 24 километровъ въ поперечникѣ, а стѣны его почти вертикальныя во внутренности, поднимаются на 200—300 метровъ. Послѣднее изверженіе вулкана было въ 1884 году, при чемъ количество выбрасываемаго изъ кратера пепла было такъ велико, что въ Кумамото въ продолженіе трехъ дней пришлось днемъ употреблять фонари, даже на улицахъ. Въ этой обширной равнинѣ живутъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, не подозрѣвая, что ихъ селенія построены въ жерлѣ огнедышащей горы [3]). На востокъ отъ Нагасаки полуостровъ Симабара или Шимабара состоитъ изъ одной только горы, длинные скаты которой правильно понижаются къ морю: этотъ конусъ есть знаменитый Унзенъ-санъ (Унзенъ-га-таке) или «Гора теплыхъ источниковъ», громадный кратеръ котораго поглотилъ тысячи христіанъ въ 1638 году, во время возстанія, скоро подавленнаго, обращенныхъ къ католическую вѣру туземцевъ, тогда очень многочисленныхъ въ этой части имперіи. Уже болѣе столѣтія вулканъ отдыхаетъ; однако, и теперь видно дрожаніе легкихъ паровъ на вершинѣ горы. Во время Кемпфера сѣрнистые пары поднимались изъ кратера такими густыми облаками, что птицы избѣгали летать вокругъ горы до разстоянія нѣсколькихъ миль; изъ безчисленныхъ отверстій выходили газы и потоки грязи, а во время дождей вся почва кипѣла, какъ жидкая масса [4]). Отъ изверженія сосѣдней огнедышащей горы, Міи-яма, сопровождавшагося изліяніемъ огромныхъ массъ воды, погибло нѣкогда болѣе 50.000 человѣкъ.

На югѣ острова Кіусіу находится группа вулкановъ, получившая названіе Кири-сима или «Острова тумановъ», по причинѣ выходящаго изъ кратеровъ этихъ горъ сѣрнистаго дыма. Тамъ всѣ горныя породы, туфы, трахиты, пемзы,—эруптивнаго происхожденія. Плоская возвышенность, на которой стоятъ вулканы-близнецы Кири-сима, представляетъ безплодную страну, покрытую красноватыми шлаками и пепломъ: тамъ и сямъ растутъ небольшими кучками крывыя низкія сосны и другія деревца, сжигаемыя каждый годъ кострами, которые разводятъ пастухи; лѣса каштановъ,

[1]) F. von Richthofen, „Geologie der Insel Kiusiu", „Mittheilungen von Petermann", 1882 г. № 5.

[1]) Rein, цитированное сочиненіе.

[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[3]) Milne, „Seismic science in Japan, Transactions of the seismological Society of Japan", part I. 1880.

[4]) Landgrebe, „Naturgeschichte der Vulkane".

таго внутренняго строенія, похожаго на структуру вулканическихъ шлаковъ: ходить по этимъ острымъ и изрѣзаннымъ по всѣмъ направленіямъ камнямъ должно быть невозможно. Другія известковыя скалы имѣютъ крутыя, обрывистыя грани и на вершинахъ поросли лѣсомъ, такъ что путешественникъ видитъ передъ собой цѣлый рядъ висячихъ садовъ, раздѣленныхъ непроходимыми пропастями [1]).

Благодаря высокой температурѣ водъ теченія, омывающаго архипелагъ Лю-цю, всѣ острова окаймлены карлловыми рифами, подобными рифамъ Южнаго моря и открывающимся тоже напротивъ устьевъ рѣкъ, такъ какъ кораллы не могутъ развиваться въ прѣсной водѣ. При помощи этихъ коралловыхъ построекъ могли образоваться, на окружности острова Окинава, порты Нава и Мельвилевъ (туземцы называютъ его Унтинъ), открытый Василіемъ Галь. Во многихъ мѣстахъ береговъ коралловые рифы подняты выше уровня окружающаго моря, что, безъ сомнѣнія, должно быть приписано поднятію почвы. Въ открытомъ морѣ, напротивъ порта Нава, коралловая банка простирается въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега и оканчивается такими обрывистыми стѣнами, что лотъ не можетъ предупредить мореплавателя о грозящей ему опасности [2]). Обломки кораллова, перекаченные волнами и смѣшанные съ пескомъ и съ раковинами, образуютъ тамъ и сямъ твердыя скалы, которыя видимо увеличиваются съ каждымъ годомъ, какъ камень «maçonne-bon-Dieu» на Антильскихъ островахъ—довольно плотный песчаникъ, содержащій значительное количество раковинъ и кораллова [3]).

Острова Гото, которые были часто избираемы японскимъ правительствомъ какъ мѣста ссылки, едва отдѣлены отъ Кіусіу узкимъ проливомъ, усѣяннымъ подводными камнями; они составляютъ, вмѣстѣ съ островомъ Хирадо, часть той китайской цѣпи, продолженіе которой Помпелли ищетъ въ островахъ Чжу-санъ и въ горахъ Нинъ-бо. Островъ Ики, на сѣверозападъ отъ Кіусіу, тоже принадлежитъ географически къ этому большому острову; но островъ Цу-сима, лежащій въ самомъ центрѣ Корейскаго пролива, повидимому, долженъ быть признанъ скорѣе корейскимъ, чѣмъ японскимъ; его флора и фуана связываютъ его нѣкоторыми видами съ маньчжурской ботанической и зоологической областью [4]). Этотъ островъ долгое время служилъ торговымъ посредникомъ между двумя государствами; цусимскій князь, почти независимый владѣтель, держалъ въ своихъ рукахъ монополію торговыхъ сношеній черезъ фузанскій портъ прежде, чѣмъ этотъ портъ былъ открытъ непосредственно японскимъ кораблямъ; чрезъ тотъ же островъ Цу-сима пересылались прежде на родину потерпѣвшіе крушеніе мореходы обѣихъ націй [1]). Въ 1861 году на островѣ поселились русскіе офицеры для починки своихъ судовъ, и можно было думать, что они присоединятъ къ русскимъ владѣніямъ эту землю, занимающую столь выгодное положеніе между двумя морями и двумя имперіями; но, вслѣдствіе дипломатическаго столкновенія съ Англіей, они покинули устроенныя ими верфи. Выбранное ими мѣсто находится близъ Фачу, главнаго города острова, на берегу широко раскрытаго залива Тамамура, который разрѣзываетъ западный берегъ и дѣлитъ островъ на двѣ половины: узкій каналъ, во время прилива наполняющійся водой, но все-таки недостаточно глубокій даже для простыхъ барокъ, соединяетъ этотъ заливъ съ Восточнымъ моремъ [2]). При отливѣ же обѣ половины острова Цу-сима соединяются въ одну землю песчаной косой. Отъ господства русскихъ осталось лишь на память названіе описанной ими бухты—«Посадникъ».

Страна вулканическая по преимуществу, «японскій континентъ» и принадлежащіе къ нему острова часто подвергаются землетрясеніямъ, которыя происходятъ, вѣроятно, отъ давленія паровъ, запертыхъ подъ поверхностной частью почвы. Въ историческія времена самыя сильныя землетрясенія имѣли мѣсто въ тѣхъ областяхъ архипелага, гдѣ находятся главные кратеры извержения, и именно въ равнинѣ Токіо, лежащей въ сосѣдствѣ вулкана Фузи и орошаемой рѣками, спускающимися съ другой огнедышащей горы, Асама-яма, происходили наиболѣе сильныя колебанія почвы. Говорятъ, что во время землетрясенія 1854 года, разрушившаго большую часть города Іеддо, погибло около ста тысячъ человѣкъ. Массивныя и наиболѣе солидно построенныя зданія менѣе выдерживаютъ сотрясенія почвы, нежели болѣе легкіе дома, но зато они имѣютъ болѣе шансовъ не быть поваленными и увесенными ураганами, другимъ бичомъ Японіи. Послѣднее весьма сильное землетрясеніе испытала Японія въ 1896 г.

Окруженная водами моря и влажной атмосферой, насыщенной океаническими парами, Японія, естественно, имѣетъ гораздо болѣе равномѣрный, болѣе морской климатъ, чѣмъ берега сосѣдняго континента, отъ которыхъ она отдѣлена Корейскимъ проливомъ. Тогда какъ въ Пекинѣ, лежащемъ далеко отъ морскихъ испареній, зима бываетъ такая же суровая, какъ въ Упсалѣ, а лѣто такое же жар-

[1]) Jones Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron".

[2]) Jurien de la Gravière, „Voyage en Chine".

[3]) Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron".

[4]) Oliphant, „Journal of the Geographical Society of London", 1863.

[1]) F. von Siebold, „Voyage au Japon".

[2]) R. Lindau, „Revue des Deux Mondes", 1863; — Oliphant, цитированная статья.

кое, какъ въ Каирѣ, Токіо несравненно менѣе страдаетъ отъ крайностей тепла и холода. Океанское теченіе, которому японцы дали названіе, Куро-сиво, то-есть «Черное теченіе», и которое изъ европейскихъ мореплавателей первый замѣтилъ голландецъ Фрисъ, въ 1643 году, соотвѣтствуетъ, по своему движенію и по вліянію на климатъ, Гольфстрему сѣверной Атлантики; оно идетъ вдоль восточныхъ береговъ большихъ Японскихъ острововъ, въ очень близкомъ отъ нихъ разстояніи, и его теплыя воды, которыя передъ тѣмъ прошли черезъ проливы Малезіи и Филиппинскихъ острововъ, увлекаютъ надъ собой воздухъ болѣе теплый, чѣмъ

Японскіе крестьяне.

Станціи.	Средняя температура.	Максимумъ.	Минимумъ.	Количество осадковъ.	Барометръ.	Дождь, снѣгъ градъ.
...има.....	16,8	34,1	— 5,3	2 244,1	761,0	164 дня
.....	15,4	35,9	— 6,5	2.685.5	761,0	139 „
.....	14,7	35,4	— 4,3	1.469,4	761,2	152 „
...таки.....	16,0	34,4	— 3,8	1.584.4	761,6	173 „
.....	14,0	34,4	— 6.8	1.715,1	760,4	159 „
...одате.....	8,3	31,1	—19,4	1.031,0	759,6	203 „
...азава.....	13,0	35,3	— 7.2	2.559,9	761,2	236 „
...аи	14,0	35,3	— 5,2	2.080,7	761,3	217 „
...та	10.3	32,9	—14,5	1.641,4	760,1	229 „
...мура	5,9	31,4	—16,8	1.064 1	758,9	154 „

Вода въ Японскомъ морѣ, благодаря этимъ ...оливнымъ дождямъ, гораздо менѣе солена, ...мъ въ Тихомъ океанѣ, и при равной темпе...атурѣ она замерзаетъ быстрѣе [1]). Въ этомъ ...очти замкнутомъ морѣ высота прилива весьма ...езначительна: у береговъ острова Садо вода ...поднимается всего только на 60 сантиметровъ.

Благодаря обилію дождей, относительной умѣренности зимъ и влажной жарѣ лѣта, японская флора отличается необыкновеннымъ богатствомъ и силой. Въ этой странѣ можно съ успѣхомъ пересаживать самыя большія деревья, даже оставляя только немного земли вокругъ корней и обрубая вѣтви на всякіе манеры [2]). Многія растенія, которыя со времени третичной эпохи не могли сохраниться на китайской территоріи, продолжали жить и процвѣтать въ Японіи. Тысячи растительныхъ видовъ, происходящихъ съ Малайскаго архипелага, изъ Индо-Китая, изъ долинъ Гималайскихъ горъ, изъ Кореи, изъ Маньчжуріи или даже изъ Сѣверной Америки, могли распространяться нѣкогда черезъ земли, нынѣ поглощенныя моремъ, или сѣмена ихъ были перенесены птицами или морскими волнами, и Японскій архипелагъ далъ имъ благопріятную для ихъ развитія среду. Оставляя въ сторонѣ растенія, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они были введены въ страну изъ Китая или изъ Европы въ историческія времена, Франше и Саватье нашли, что японская флора заключаетъ 2.743 вида, составляющіе 1.035 родовъ и 154 семейства. Между путешественниками, посѣтившими Японскіе острова, было много ботаниковъ, да и сами туземцы занимаются изученіемъ растеній, либо изъ любви къ цвѣтамъ, либо для отысканія лекарственныхъ травъ; слѣдовательно, растительность Японіи относительно хорошо извѣстна; тѣмъ не менѣе будущее изслѣдованіе острова Іессо и нѣкоторыхъ отдаленныхъ, малознакомыхъ мѣстностей другихъ острововъ, безъ сомнѣнія, увеличитъ число доселѣ открытыхъ видовъ. Въ настоящее время можно исчислять въ 3.000 различныхъ растеній совокупность флоры Ниппона, изъ нихъ 44 рода до сихъ поръ еще не были найдены нигдѣ, кромѣ ...періи Восходящаго солнца [1]).

Сѣверныя границы различныхъ характе...стическихъ растеній слѣдуютъ одна за дру... не въ правильномъ порядкѣ,—однѣ изъ ни... совпадаютъ съ изотермическими линіями, д... гія отклоняются къ югу или къ сѣверу п... вліяніемъ вѣтровъ, дождей и всѣхъ дѣятел... обусловливающихъ климатъ. На Курильски... островахъ деревья, береза, тополь, ива, расту... во всѣхъ долинахъ, хорошо защищенныхъ ... морскаго вѣтра; на островѣ Кунаширѣ е... даже дубовыя рощи, но высота деревьевъ ... превосходитъ тамъ 6 метровъ, исключая ... совъ, растущихъ въ долинахъ и оврага... вѣтеръ срѣзываетъ верхушки вѣтвей, котор... поднимаются надъ среднимъ уровнемъ лѣса ... Для постройки своихъ хижинъ и для то... печей, курильскіе островитяне обыкновен... употребляютъ деревья, выбрасываемыя на ... регъ морскими волнами. Шелковица и чай... дерево культивируются въ Хондо вездѣ до С... гарскаго пролива [3]), и даже городъ Акита ... одинъ изъ главныхъ центровъ шелковод... исключеніе составляетъ Ніигатское прибре... хотя и лежащее южнѣе, но имѣющее кли... слишкомъ холодный для этой культуры, ... какъ теплыя воды тропическаго течен... ударяются объ эту часть морскаго бере... Въ южной области архипелага, до окр... стей Іеддо флора представляетъ смѣсь ... Индостана и Малезіи съ растеніями у... наго пояса, которыя сообщаютъ рас... ности ея общую физіономію. Однако, из... число характеристическихъ видовъ ... скаго пояса живутъ въ Японіи только б... уходу земледѣльца. Сахарный трост... переходитъ за южные берега большаг... толстые бамбуки, стволы которыхъ д... 20 метровъ (безъ малаго 10 сажен... соту, не растутъ въ дикомъ состоя... также пальмы, поднимающія тамъ и... верхушки изъ вѣерообразныхъ лис...

[1]) Венюковъ;—Мечниковъ, „l'Extrême Orient"; juin, 1877.

[2]) *Brauns, „Mittheilungen des Vereins für Erdkunde"* ... 1880.

[1]) Максимовичъ въ 1884 году опред... японской флоры въ 2.728 видовъ (см. „B... internat.". 1884 г.).

[2]) Saint-John, „Journal of the Geogr... of London", 1872 г.

[3]) Боейковъ, „Mittheilungen von Peter... № 5.

[4]) Левъ Мечниковъ, цитированное со...

деревцами садовъ, суть колонисты, еще не вполнѣакклиматизировавшіеся; саговыя пальмы должны быть обвертываемы соломой, чтобы могли вынести зимніе холода, а на бананахъ не вызрѣваютъ плоды. Иначе и быть не можетъ въ странѣ, гдѣ движеніе сока въ растеніяхъ останавливается на шесть или на семь мѣсяцевъ въ году, смотря по изотермической широтѣ мѣста. Но что особенно отличаетъ японскую флору, гораздо болѣе, чѣмъ смѣшеніе типовъ, принадлежащихъ къ различнымъ поясамъ,—это необычайное разнообразіе видовъ ности разнообразными цвѣтками, между которыми блистаютъ бѣлоснѣжныя камеліи, не увидишь европейскихъ лютиковъ и гвоздикъ, и мы напрасно стали бы искать здѣсь многіе виды мотыльковъ и сложноцвѣтныхъ, которые глазъ западнаго человѣка привыкъ встрѣчать на всѣхъ лугахъ умѣреннаго пояса; не найдешь здѣсь и душистыхъ растеній Запада; японскіе цвѣтки имѣютъ больше блеска, яркости красокъ, но меньше аромата, сравнительно съ европейскими [1]). Въ японскомъ лѣсу разнообразіе растеній больше, чѣмъ во всѣхъ

Барсукъ.—Факсимиле японскаго рисунка.

умѣреннаго пояса, группирующихся въ лѣсахъ. Въ Японіи нѣтъ степей или ландовъ; не увидишь тамъ и луговъ въ собственномъ смыслѣ: хара или «горный лугъ» представляетъ смѣсь травъ, древесныхъ растеній и папоротниковъ. Повсюду, гдѣ культура не придала растительности однообразнаго вида, почва осѣнена либо большими деревьями, либо деревцами, кустарникомъ и древесными растеніями, перемѣшанными съ травами и ліанами; самые разнообразные виды встрѣчаются сотнями въ полѣ зрѣнія. Нѣтъ сада болѣе цвѣтущаго, чѣмъ этотъ естественный садъ японскихъ полей и лѣсовъ; но между этими безчисленными, до безконечдругихъ странахъ земнаго шара, не исключая даже тропическихъ; во время простой прогулки, не удаляясь въ сторону отъ тропинки, ботаникъ можетъ встрѣтить сотню различныхъ породъ деревьевъ, ибо Японія, какъ и Китай, отличается отъ Европы значительной пропорціей своихъ древесныхъ видовъ. Изъ всѣхъ областей растительности страна Восходящаго солнца заключаетъ на одномъ и томъ же пространствѣ наибольшее число деревьевъ, какъ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ [2]). Въ іюнѣ и

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais"; — Aimé Humbert, „le Japon pittoresque".

[2]) Alfred R. Wallace, „Fortnightly Review", nov. 1878.

...ѣтущія деревья представляютъ зрѣ-
...акомое на Западѣ, и когда листья
...ъ увядать, при приближеніи зимы,
... и разнообразныя краски можно при-
...торой расцвѣтъ растительности; подъ
...осеннимъ уборомъ, лѣса Японіи еще
...нѣе, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки,
...огато окрашенные въ разнообразные
... Во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ
... лѣса уже истреблены, и на мѣстѣ ихъ
...и чащи кустарника и ліанъ.

...екраснѣйшія и драгоцѣннѣйшія деревья
...ируются въ лѣса на скатахъ японскихъ
... между высотами отъ 500 до 1.000 метровъ;
...ко, великолѣпныя криптомеріи, краса и
...ость страны, не встрѣчаются уже въ ди-
...ъ состояніи на сѣверѣ отъ Іеддо; аллеи изъ
...хъ деревьевъ, осѣняющія храмы въ сѣвер-
... части Тосанъ-до и на островѣ Іессо, были
...саждены рукой человѣка. Кипарисы хиноки
...namaccyparis obtusa), дерево которыхъ слу-
...итъ матеріаломъ для постройки святилищъ,
...ля фабрикаціи всякаго рода священныхъ
...редметовъ, и которые прежде употреблялись
...также для полученія огня посредствомъ тре-
нія, лучше выносятъ холодъ, и нѣкоторые
отдѣльные экземпляры этой породы растутъ
еще до высоты 1.600 метровъ на склонахъ
горъ Тосанъ-до. Лиственныя деревья не пере-
ходятъ за линію высоты 1.500 метровъ, тогда
какъ ели и лиственницы поднимаются до вы-
соты 2.000 метровъ слишкомъ, а ползучія
хвойныя деревья встрѣчаются еще на высотѣ
2.400 метровъ надъ уровнемъ океана; даже на
сотню метровъ выше тамъ и сямъ стелются
по землѣ узловатые древесные стволы, на по-
ловину спрятавшіеся во мхахъ [1]). На горѣ
Фузи граница деревьевъ находится на высотѣ
2.225, а граница низкаго кустарника на вы-
сотѣ 2.450 метровъ [2]). Горныя вершины, под-
нимающіяся выше пояса древесныхъ растеній,
совершенно голыя или едва покрываются тон-
кимъ слоемъ зелени: одна только Бѣлая гора
достигаетъ предѣла вѣчныхъ снѣговъ.

Культурныя растенія архипелага всѣ восточ-
наго происхожденія, исключая табаку и карто-
феля, ибо островитяне получили изъ Азіи если
не самое земледѣліе, то по крайней мѣрѣ земле-
дѣльческія усовершенствованія, такъ же, какъ
письмо и искусства. Рисъ, шелковица, хлоп-
чатникъ, чайное дерево акклиматизировались
въ Японіи, равно какъ большая часть фрукто-
выхъ деревьевъ умѣреннаго пояса. Орѣховое
дерево, каштанъ разныхъ породъ перемѣшаны
вокругъ городовъ съ растеніями, дающими
плоды съ косточками и съ зернышками, съ по-
меранцевыми и апельсинными деревьями; но
влажность климата дѣлаетъ плоды раздутыми,

...Рейнъ, цитированное сочиненіе.
...Jongen von Petermann", 1879, № 10.

водянистыми, въ ущербъ сладости и вку...
вообще говоря, произведенія японскихъ фру...
товыхъ садовъ далеко уступаютъ тѣмъ же пр...
изведеніямъ Европы и Соединенныхъ Шта...
товъ [1]). Благодаря существенно морскому кли...
мату архипелага, японскія растенія легко мо...
гутъ быть вводимы во Франціи, въ Англіи ...
во всѣхъ странахъ западной Европы, подвер...
женныхъ вліянію моря.

Въ Японіи, гдѣ культура почвы проникл...
даже въ ущелья горъ, сохранилось лишь не...
большое число дикихъ животныхъ, нѣкогд...
населявшихъ страну. Хищные звѣри предста...
влены тамъ двумя видами медвѣдя, изъ кото...
рыхъ одинъ, свойственный исключительн...
острову Іессо, близко подходитъ къ калифорн...
скому медвѣдю и къ ископаемому пещерном...
медвѣдю (ursus spelaeus); собственно японскі...
медвѣдь, котораго встрѣчаютъ еще довольн...
часто въ гористыхъ мѣстностяхъ главнаг...
острова, гораздо меньше предыдущаго и отли...
чается отъ всѣхъ своихъ родичей, живущихъ...
въ другихъ странахъ, отвислыми губами...
Волки, которые теперь уже рѣдки, разнятс...
отъ европейскихъ только меньшими размѣ...
рами; въ южныхъ областяхъ архипелага прежд...
существовали также дикія собаки, похожія н...
австралійскихъ динго. Что касается лисицъ...
очень маленькихъ, какъ почти всѣ животны...
острововъ въ сравненіи съ соотвѣтственным...
континентальными видами, то онѣ весьма мно...
гочисленны и отличаются крайней дерзостью...
онѣ смѣло пробираются даже въ города, чтоб...
опустошать курятники, и не забываютъ пос...
щать маленькія часовни, куда благочестив...
поселяне кладутъ разныя яства въ честь Ина...
бога рисовыхъ полей. Онѣ даже навязал...
такъ сказать, въ качествѣ ассистентовъ къ эт...
богу; по крайней мѣрѣ японцы всегда изо...
жаютъ его въ сопровожденіи двухъ лис...
вырѣзанныхъ изъ дерева или изъ камн...
Народное суевѣріе приписываетъ этому з...
силу оборачиваться женщиной: говорят...
подъ видомъ молодой дѣвушки онъ заста...
блуждать запоздалыхъ путниковъ. Съ ...
стороны, барсукъ можетъ преобразит...
мебель или въ кухонную посуду, чтоб...
тить надъ хозяйками; кошкѣ тоже п...
ваютъ часть этой волшебной силы [3]).

Одна порода обезьянъ, сару (maca...
ciosus), съ зачаточнымъ хвостомъ и ...
нымъ лицомъ, очень мало отличаю...
варварійской мартышки, водится на...
островѣ японскаго архипелага до С...
пролива: это видъ четверорукихъ...
встрѣчается въ наибольшемъ разс...

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonna...
[2]) Л. Мечниковъ; — Буске; — Бердъ и д...
[3]) C. Pfoundes, „A budget of Japa...
Mitford, „Tales of Japan"; — Левъ Мечнико...
сочиненіе; — A. Humbert, „Japon pittores...

экватора, въ восточной Азіи; одна порода кабановъ, антилопа, красный олень, многіе виды грызуновъ, девять разновидностей летучей мыши и различныя породы китообразныхъ дополняютъ рядъ млекопитающихъ животныхъ Японіи. Считая лишь сухопутныхъ млекопитающихъ, Уоллесъ насчитываетъ тридцать видовъ, изъ которыхъ двадцать пять, то-есть ровно пять шестыхъ всей фауны, спеціально японскіе; правда, что роды не отличаются отъ соотвѣтственныхъ родовъ сосѣдняго континента; общая физіономія японской фауны напоминаетъ животное царство Маньчжуріи и Китая и свидѣтельствуетъ о непрерывности земель, существовавшей въ древнія времена между китайскимъ прибрежьемъ и противолежащими островами; видны также нѣкоторые признаки родства между животными японскими и сѣвероамериканскими, приписываемые равнымъ образомъ существованію въ прежнее время перешейка между двумя сѣверными континентами. Однако, различія, представляемыя теперь близкими между собой видами, доказываютъ, что это сухопутное сообщеніе давно уже было прервано напоромъ водъ[1]).

Птицы Японіи, лучше извѣстныя, нежели млекопитающія, менѣе многочисленны, чѣмъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе сосѣдство Китая. Тогда какъ въ этой части крайняго Востока насчитываютъ около 500 видовъ птицъ, Японія имѣетъ ихъ только около 300, и натурально почти всѣ онѣ, благодаря свободѣ ихъ полета, походятъ на пернатыхъ твердой земли; большое число птицъ переселяются на лѣтнее время къ сѣверу, дѣлая перелеты черезъ Сахалинъ или Курильскіе острова. По Зебому, въ Японіи считалось всего только 11 формъ прицъ, неоспоримо отличныхъ отъ пернатыхъ другихъ частей Азіи или всего свѣта. Но между видами, имѣющими представителей въ одно и то же время въ японскомъ архипелагѣ и въ другихъ странахъ Стараго свѣта, мы къ удивленію встрѣчаемъ много такихъ, области распространенія которыхъ раздѣлены нѣсколькими тысячами километровъ. Очевидно, эти виды населяли нѣкогда и все промежуточное пространство; но вслѣдствіе измѣненія условій среды, та или другая порода постепенно водворилась въ тѣсныхъ пространствахъ на обѣихъ оконечностяхъ своей прежней области распространенія [1]). Въ цѣломъ, орнитологія имѣетъ много сходства съ орнитологіей умѣренной Европы: каждый видъ представленъ на архипелагѣ соотвѣтственными формами; однако, лучшая изъ японскихъ пѣвчихъ птицъ, ототогису, за которую любители платятъ до 2.000 франковъ,—не соловей, она принадлежитъ къ семейству кукушекъ.

Легенда говоритъ о чудовищныхъ драконахъ, съ которыми приходилось воевать героямъ древнихъ временъ, но въ наши дни въ Японіи существуютъ только безвредныя змѣи, и единственныя ядовитыя животныя архипелага — тригоноцефалъ (треугольно-головая змѣя), на котораго японцы охотятся для приготовленія изъ него какого-то лекарственнаго снадобья [2]), и маленькое ракообразное изъ рода сколопендръ [3]). Одно изъ самыхъ странныхъ пресмыкающихся этой страны — исполинская саламандра, по-японски санціо-уво (Sieboldia maxima), которая питается рыбой, лягушками и дождевыми червями; впрочемъ теперь она становится довольно рѣдка, и въ самой Японіи даже составляетъ предметъ любопытства въ музеяхъ [4]). Міръ насѣкомыхъ представленъ въ странѣ Восходящаго солнца весьма многочисленными видами, такъ что во время маленькой экскурсіи вокругъ Токіо энтомологъ можетъ собрать больше бабочекъ и жуковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ вся Великобританія, съ ко-

Птица.—Факсимиле японскаго рисунка.

[1]) Alfred R. Wallace, „Island Life".

[1]) Alfred R. Wallace, цитированное сочиненіе.
[2]) Рейнъ, цитирован. сочиненіе.
[3]) Л. Мечниковъ, цитирован. сочиненіе.
[4]) Левъ Мечниковъ, „l'Extrême Orient", іюнь 1877.

торой часто сравниваютъ японскій архипелагъ. Такимъ образомъ острова крайняго Востока составляютъ исключеніе изъ того общаго закона, что фауна и флора на островныхъ земляхъ бѣднѣе, чѣмъ на материкахъ [1]). Что касается морской фауны, которая заключаетъ на югѣ— виды Филиппинскихъ острововъ, на сѣверѣ— виды Камчатки, то она тоже отличается замѣчательнымъ богатствомъ, и два пояса смѣшиваются тамъ на широтѣ центральной Японіи и острова Іессо. Нѣкоторыя породы китообразныхъ уже истреблены, равно какъ нѣкоторыя другія животныя, на которыхъ безпощадно охотились ради ихъ мѣха. Большіе морскіе звѣри, тюлени, моржи и ламантины, населяютъ воды вокругъ Курильскихъ острововъ. Бобры, прежде очень обыкновенные на берегахъ Курильскихъ острововъ, совершенно исчезли со многихъ острововъ, между прочимъ, съ Симушира. Путешественникъ Ляйменъ говоритъ объ одномъ морскомъ животномъ, китообразномъ или рыбѣ, которое онъ видѣлъ издали плавающимъ въ водахъ Сангарскаго пролива и которое японскіе лодочники называютъ камигири, по причинѣ имѣющагося у него на спинѣ рѣжущаго плавника; это треугольное оружіе, острое, какъ ножъ, служитъ ему, по ихъ разсказамъ, отличнымъ средствомъ обороны въ борьбѣ съ китомъ, и побѣда въ этихъ неравныхъ бояхъ всегда будто-бы принадлежитъ хорошо вооруженному камигири [2]) (косатка).

Въ сравненіи съ европейскими народами, японцы имѣютъ весьма небольшое число домашнихъ животныхъ. Туземныя лошади, болѣе многочисленныя въ Тосанъ-до, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, были ввезены изъ Кореи: онѣ мелкой породы, некрасивы и неуклюжи, злы, любятъ кусаться, но очень сильны и необыкновенно выносливы; сацумская порода, упоминаемая въ четырнадцатомъ столѣтіи китайскимъ писателемъ Матуанлиномъ, хотя и существуетъ, но она представлена лишь небольшимъ числомъ особей; большая часть лошадей, фигурирующихъ на скачкахъ въ Іокогамскомъ гипподромѣ, привозится изъ Монголіи [3]). Земледѣльцы, которымъ по большей части приходится обрабатывать незначительные участки земли, не нуждаются въ помощи скота: быки и коровы рѣдки въ японскихъ хозяйствахъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, содержаніе этихъ большихъ животныхъ стоитъ очень дорого, по причинѣ дурнаго качества пастбищъ и выгоновъ, да при томъ японцы до самаго недавняго времени не ѣли говядины. Съ восьмаго столѣтія нашего лѣтосчисленія употребленіе мясной пищи было запрещено, и даже всѣ тѣ, кто занимался изготовленіемъ или обработкой мяса или кожъ, мясники и кожевники, были заклеймены, въ глазахъ общества, позоромъ, извергались, подъ именемъ этасовъ или парій, въ классъ такъ называемыхъ хи-нинъ, то-есть «не - людей», вмѣстѣ съ комедіантами и нищими. Только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ европейскихъ идей, японцы, жители городовъ, постепенно ввели говядину и молоко въ число предметовъ питанія, вслѣдствіе чего скотоводство сдѣлало значительные успѣхи въ селеніяхъ. Пробовали также, но съ малымъ успѣхомъ, акклиматизировать овецъ и козъ, которымъ неблагопріятенъ японскій климатъ съ его сырымъ лѣтомъ. Ослы тоже страдаютъ отъ продолжительныхъ проливныхъ дождей, приносимыхъ южными муссонами; но свиньи, привезенныя изъ Европы, чувствуютъ себя какъ нельзя лучше въ новомъ отечествѣ, и разведеніе ихъ вполнѣ удалось. Вводители европейскихъ кроликовъ получали блестящіе барыши отъ своего предпріятія, благодаря страсти къ игрѣ, которая пробуждается у японцевъ такъ легко и по всякому поводу. Покупали кроличьихъ самокъ, чтобы побиться объ закладъ насчетъ ихъ плотовитости; лучшіе экземпляры расы продавались по нѣсколько тысячъ франковъ [4]).

Нынѣшнее населеніе Ниппона, за исключеніемъ, развѣ, окраинъ, в нѣшнихъ острововъ каковы Курильскіе, Іессо, Формозы и Лю-цю, есть одно изъ самыхъ однородныхъ, какія только существуютъ въ свѣтѣ; въ этомъ отношеніи японскій народъ не уступаетъ ни одной европейской націи: отъ Кагосимской бухты до залива Аомори, на пространствѣ десяти градусовъ широты, люди, которыхъ мы встрѣчаемъ, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи и обладаютъ полнымъ сознаніемъ своей общей національности. Но хотя мы видимъ теперь японцевъ уже совершенно слившимися въ одинъ народъ, невѣроятно однако, чтобы они принадлежали къ одной и той же расѣ, и, безъ сомнѣнія, они связаны лишь косвеннымъ образомъ съ прежними туземцами.

Насколько далеко восходятъ въ глубь временъ японскія лѣтописи и преданія, они говорятъ о древнихъ дикихъ обитателяхъ страны, «восточныхъ варварахъ», называемыхъ разными именами, какъ-то: эби, эбси, емизи, мозинъ или мао-жинъ (волосатые люди), которое населяли сѣверъ главнаго острова: это предки айносовъ. Никакое прямое свидѣтельство не позволяетъ, правда, разсматривать японцевъ какъ цивилизованныхъ братьевъ этихъ сѣверныхъ варваровъ, и единственное вѣроятное родство между тѣми и другими то, которые было результатомъ смѣшенія посредствомъ браковъ, продолжавшагося изъ вѣка въ вѣкъ въ

[1]) Rein, „Japan nach Reisen und Studien".
[2]) Benj. S. Lyman, „Yesso Geological Reports for 1785".
[3]) *Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.*
[4]) Левъ Мечниковъ, цитированное сочиненіе.

сопредѣльныхъ территоріяхъ. Если мы въ настоящее время не находимъ этихъ древнѣйшихъ жителей въ сѣверной части главнаго острова, тѣмъ не менѣе можно утверждать съ полной увѣренностью, что не всѣ они были истреблены японскими завоевателями пятнадцатаго столѣтія; подъ именемъ адзма-эби они смѣшались съ цивилизованнымъ населеніемъ сѣвера, и черты ихъ не трудно узнать у нынѣшнихъ обитателей страны такъ же, какъ и между остатками старины, находимыми въ землѣ, иногда попадается каменное оружіе, которое употреблялось аборигенами. Въ сѣверной части Хондо (Гондо) женщины, консервативный элементъ расъ, гораздо больше сохранили типъ айносовъ, нежели мужчины. На полуостровѣ Ога-сима, котораго почти не коснулось колонизаціонное движеніе, японцы представляютъ наибольшее сходство чертъ съ аборигинами Курильскихъ острововъ [1]). Даже жителямъ равнины, гдѣ находится Іеддо, приписываютъ примѣсь айносской крови. Въ наши дни айносы чистой расы заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ именно на островѣ Іессо, на южныхъ Курильскихъ островахъ и на южной оконечности острова Сахалина. Перепись 1896 года насчитала ихъ только 16.978 на островѣ Іессо; но сомнительно, чтобы общая численность всей расы достигала даже 15 тысячъ душъ. Небольшое число семействъ курильцевъ въ собственномъ смыслѣ, живущихъ на сѣверныхъ островахъ, сосѣднихъ съ Камчаткой, ничѣмъ не отличаются отъ курильцевъ сибирскаго полуострова. На островахъ Симусирѣ и Урупѣ живутъ также алеуты.

По Головнину, имя «айносы», такъ же, какъ большая часть названій народовъ, значитъ просто «люди»: это бѣдное племя, отъ котораго теперь остался лишь жалкій и презираемый обломокъ, тоже воображало въ простотѣ души, что оно обитаетъ въ самомъ центрѣ міра, и что оно одно составляетъ человѣчество. «Боги моря, взываетъ одна старинная пѣсня айносовъ, боги моря, откройте ваши божественныя очи. Повсюду, куда упадутъ ваши взоры, раздается айносская рѣчь» [2]). Но это имя «люди», которое айносы давали себѣ съ такою гордостью, ихъ сосѣди, японцы, не преминули, конечно, объяснить на свой ладъ посредствомъ своего собственнаго языка, и одна изъ ихъ этимологій, о которой сообщаетъ путешественникъ Сатовъ, сдѣлала изъ слова «айно» (яну) синонимъ слова «собака». По одному японскому преданію, которое, впрочемъ, признаетъ родство двухъ расъ, образовавшееся путемъ смѣшенія крови, сѣверные варвары произошли отъ собаки и одной японской принцессы [3]). Алеуты, которымъ приписываютъ того же родоначальника, очень гордятся своей генеалогіей; они увѣряютъ даже, что долгое время походили на собаку хвостомъ и лапами; они были снабжены руками и лишены хвостоваго придатка единственно въ наказаніе за грѣхи [1]).

Каждое отдѣльное племя или колѣно дикарей, живущихъ на островѣ Іессо, различно разсказываетъ о своемъ происхожденіи; но, вообще, айносы отказываются отвѣчать, когда ихъ начинаютъ разспрашивать объ ихъ предкахъ: они смотрятъ на подобные вопросы, какъ на дурное предзнаменованіе. За неимѣніемъ точныхъ свидѣтельствъ, этнографу не остается ничего болѣе, какъ помѣстить айносовъ между народами, съ которыми они имѣютъ всего болѣе сходства. По мнѣнію большинства писателей, айносы, сосѣди японцевъ, китайцевъ, маньчжуръ, должны быть попросту причислены къ такъ называемымъ «монгольскимъ» народностямъ восточной Азіи, при чемъ указываютъ въ особенности нѣкоторыя черты сходства, которыя они имѣютъ съ японцами,—малорослость, свѣтлый оттѣнокъ кожи, цвѣтъ волосъ и глазъ и, у бо́льшаго числа изъ нихъ, выпуклость скуловыхъ дугъ; Деницъ утверждаетъ, что между айносами и японцами не больше различія, чѣмъ между германцами и южными европейцами. Другіе ученые, пораженные главнымъ образомъ контрастомъ, который существуетъ между цивилизованными японцами и ихъ сосѣдями, пребывающими еще въ состояніи варварства, создали особенную расу изъ айносовъ и нѣкоторыхъ другихъ народностей въ сѣверной Азіи, камчадаловъ, коряковъ, алеутовъ. Нѣкоторые авторы даже видѣли въ нихъ вѣтвь эскимосовъ. Съ другой стороны, туземцы Іессо и Курильскихъ острововъ были также сближаемы, въ предположеніяхъ изслѣдователей, съ полинезійскими населеніями. Наконецъ, нѣкоторые смѣлые антропологи не побоялись даже усмотрѣть представителей такъ называемой «кавказской» расы въ этихъ народахъ Крайняго Востока, отдѣленныхъ отъ Западныхъ европейцевъ всѣмъ громаднымъ протяженіемъ Стараго свѣта.

Каково бы ни было происхожденіе айносовъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что обыкновенный типъ ихъ ясно отличается отъ типа ихъ властителей, японцевъ: цвѣтъ кожи у айносовъ бѣлѣе, лобъ шире и выше, полость, вмѣщающая мозгъ, обширнѣе и даже превосходитъ по объему соотвѣтственныя полости большинства людей всякой расы (средняя величина вмѣстимости черепа айносовъ, по Девису, равна 1.470 кубическихъ сантиметровъ), носъ выдающійся, глаза большіе, черные и кроткіе; ихъ вѣки, открытыя, какъ у европейца, остав-

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann", 1878 г. № 5

[2]) Pfizmaier, „Abhandlungen über die Ainossprache".

[3]) Лейменъ;—Мечниковъ;—Блекистонъ и др.

[1]) „Морской сборникъ", „Собраніе документовъ, относящихся къ русскимъ владѣніямъ".

...ду его горизонтальное направленіе. ...обенности отличаетъ айносовъ отъ ...чно-азіатскихъ сосѣдей,—это обиліе ...ъ. Въ прежнее время они были во... ...ѣстны подъ названіемъ «косматыхъ ...въ», даннымъ имъ по имени острововъ, ...ыхъ жили многія изъ ихъ колѣнъ; та... ...озвищемъ называютъ ихъ Зибольдъ и ... русскіе мореплаватели, Крузенштернъ ...инъ. Японскія лѣтописи описываютъ ...ъ то въ родѣ дикихъ звѣрей, имѣющихъ ... бороды длиной до четырехъ футовъ; ле... ...гласитъ, что первый айносъ, который ...скормленъ молокомъ медвѣдицы, покрылъ ...рстью, и оттого все его потомство роди... ...косматымъ, какимъ онъ былъ самъ. Нуж... ...днако, замѣтить, что одно и то же про... ...ство волосатой кожи менѣе густо обросло ...носовъ, нежели у японцевъ или европей..., но каждый волосъ на цѣлую треть толще[1]), ...дствіе чего волоса айноса кажутся гораздо ...ѣе обильными, чѣмъ они есть въ дѣйстви... ...ьности. Кромѣ того, очень многіе изъ айно... ...ъ имѣютъ настоящіе султаны на разныхъ ...стяхъ тѣла, и руно, осѣняющее ихъ кожу, ...стоитъ изъ волосъ, имѣющихъ, среднимъ чи...омъ, около 4 сантиметровъ въ длину. Айносъ, ...рдящійся своей длинной, окладистой бородой, ...оторая отличаетъ его отъ другихъ встрѣчае...ыхъ имъ людей, считаетъ ее чуть ли не свя...ыней, и ничто не могло бы побудить его до...бровольно занести бритву на это драгоцѣнное ...украшеніе лица[2]). Въ этомъ отношеніи айносъ ...ходитъ на русскаго крестьянина, съ кото...рымъ, впрочемъ, его легко смѣшать по чертамъ ...физіономіи[3]). Большинство путешественни...ковъ, посѣтившихъ землю айносовъ, говорятъ, ...то женщины тамъ дурны до безобразія, такъ ...то трудно повѣрить, что они принадлежали къ ...той же породѣ людей, какъ и мужчины: глаза ...у нихъ меньше и губы толще, чѣмъ у мужчинъ[4]); ...однако миссъ Бердъ, которая проникла даже ...къ племенамъ, живущимъ въ горахъ, разска...зываетъ, что она встрѣчала много женщинъ ...въ полномъ смыслѣ слова красивыхъ, даже ...между старухами. Дѣти, лелѣемыя и ласкаемыя ...нѣжно любящими родителями, необыкновенно ...милы и привлекательны[5]).

Языкъ айносовъ пока извѣстенъ только изъ ...краткихъ словарей, но и то немногое, что мы ...знаемъ о немъ, достаточно, чтобы сказать съ ...полной увѣренностью, что нѣтъ никакого сход...ства между ихъ идіомомъ и рѣчью цивилизо...ванныхъ жителей Ниппона; Клапротъ находилъ въ этомъ языкѣ нѣкоторое сходство съ самоѣд... скимъ, но Фицмайеръ доказалъ, что никакой связи между ними не существуетъ. Айносскія слова отличаются отъ діалекта ямато, и говоръ айносовъ, гдѣ звукъ *p* очень обыкновененъ, и слова котораго часто оканчиваются шипящими согласными, не имѣетъ той мягкости, какъ японскій, хотя онъ модулированъ съ акцен... томъ почти музыкальнымъ. Нарѣчія различ... ныхъ народцевъ этого племени очень мало раз... нятся одно отъ другаго, такъ какъ айносы-тол... мачи, взятые на Курильскихъ островахъ, на Кунаширѣ или Итурупѣ, понимаютъ безъ труд... рѣчь мацмайскихъ туземцевъ[1]). Языкъ айносовъ не имѣетъ литературы, и до настоящаго време... ни эти инородцы, за исключеніемъ нѣсколь... кихъ молодыхъ людей, посланныхъ въ школы Токіо, не учились читать или писать; но у нихъ отличная память, и всѣ они очень искусные счетчики: при помощи палочекъ съ нарѣзками или бирокъ и веревочекъ съ узелками, напо... минающихъ «квипосы» перуанцевъ, они ве... дутъ всѣ свои счеты десятками и единицами и никогда не дадутъ себя обсчитать торговцамъ. Ихъ домашняя деревянная утварь, искусно сдѣланная и украшенная узорами и рисунками, тоже свидѣтельствуетъ о ловкости ихъ руки и вѣрности ихъ вкуса. Музыкальное чувство у нихъ очень развито, и они поютъ свои заунывныя аріи трогательнымъ голосомъ. У потребляе... мые ими струнные инструменты остроумно сла... жены съ помощью сухихъ жилъ, которыя они вы... нимаютъ изъ мертвыхъ китовъ, выброшенныхъ волнами на берегъ.

Звѣроловы и рыболовы — айносы ведут... очень тяжелую и многотрудную жизнь. О... охотятся на медвѣдя, краснаго оленя, лисиц... а также занимаются ловлей большихъ морски... животныхъ китовой породы[2]), за исключеніе... кита, которому они такимъ образомъ сви... тельствуютъ свою признательность за то, ... весной онъ гонитъ передъ собой стаи сель... которыя, спасаясь отъ преслѣдованія, брос... ся въ бухты берега. Когда айносы открыв... молодаго медвѣдя въ берлогѣ, они прино... его домой и отдаютъ кормилицѣ, которая к... митъ его грудью какъ своего ребенка; ... шесть мѣсяцевъ медвѣжонокъ растетъ въ ... какъ одинъ изъ ея членовъ, но осенью ... ляютъ большой праздникъ, и финальны... томъ торжества бываетъ пиръ, устраи... насчетъ животнаго, предаваемаго за... «Мы убиваемъ тебя, о медвѣдь! воскл... айносы, нанося ему роковой ударъ, но... ро вернешься къ намъ подъ видомъ че... Голова его, воткнутая на колъ, перед... ной, должна защищать жилище, гдѣ ... гостемъ. Оленьи черепа, завернутые

[1]) Hilgendorf, „Mittheilungen der deutschen Gesellschaft für die Kunde Ostasiens“, 1874.
[2]) Kreitner, „Im fernen Osten“.
[3]) Rein, „Japan nach Reisen und Studien“;—Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien“.
[4]) Римскій-Корсаковъ;—Blakiston.
[5]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“.

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais“.
[2]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais“.

тоже благоговѣйно помѣщаются на верхушкѣ шеста и чаще всего въ лѣсу, гдѣ были убиты ихъ обладатели. Таковы главныя религіозныя церемоніи айносовъ; въ этомъ отношеніи они принадлежатъ къ той же группѣ, какъ и ино-

заперты медвѣди и орлы[1]), составляющіе предметъ семейнаго культа. Вліяніе японскихъ религій тоже замѣтно въ ихъ вѣрованіяхъ, если только, что́ очень вѣроятно, тѣ и другія не происходятъ частью отъ общаго корня. Айносы

Японскія музыканты.

родическія племена восточной Сибири, у которыхъ путешественники наблюдали подобныя же обрядности; какъ и уссурійскіе гольды, айносы очень любятъ общество животныхъ; почти въ каждой деревнѣ увидишь, подлѣ ихъ тростниковыхъ хижинъ большія клѣтки, въ которыхъ обожаютъ солнце, луну, звѣзды, море, которое ихъ кормитъ, лѣсъ, который ихъ защищаетъ, и почитаютъ всѣ силы природы, «камуевъ» или

[1]) Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London", 12 февр. 1872 г.

духовъ небесныхъ и земныхъ, которыхъ мы находимъ также въ древней космогоніи японцевъ и восточныхъ сибиряковъ [1]). Они взываютъ также въ своихъ молитвахъ къ японскому завоевателю Іошицунэ, побѣдителю ихъ предковъ, потому что легенда разсказываетъ, что онъ былъ милостивъ къ побѣжденнымъ[2]). Иностранцы, которымъ они оказываютъ гостепріимство, тоже удостоиваются чести получать отъ нихъ названіе камуевъ[3]). Подобно синтоистамъ Ниппона, айносы питаютъ глубокое благоговѣніе къ душамъ предковъ. Домъ умершаго ломаютъ; матеріалъ, изъ котораго онъ былъ построенъ, сжигаютъ или просушиваютъ, затѣмъ строятъ покойнику новое жилище, похожее на то, въ которомъ онъ обиталъ при жизни. Копья и другіе предметы, водруженные передъ этими гробницами, содержатся съ уваженіемъ, какъ святыня, и айносы съ ужасомъ и негодованіемъ отвергаютъ предложенія чужеземцевъ, когда тѣ просятъ продать имъ черепа ихъ предковъ. Впрочемъ, ритуалъ ихъ религіознаго культа въ высшей степени простъ, они священнодѣйствуютъ сами, не имѣя другихъ обрядовъ или церемоній, кромѣ пляски, возліяній «саки», то есть рисовой водки, и у нихъ не существуетъ возвышающейся надъ народомъ жреческой касты.

Въ общинахъ айносовъ родоначальникъ, званіе котораго обыкновенно дается члену рода или колѣна, обладающему наибольшимъ количествомъ оружія и медвѣжьихъ череповъ, не облеченъ никакой властью, кромѣ права судить споры, возникающіе между членами общины, но если общественное мнѣніе обвиняетъ его въ какой-нибудь несправедливости, то онъ тотчасъ же смѣщается, и на должность его назначаютъ того самаго человѣка, въ отношеніи котораго была допущена неправда [4]). Полигамія дозволена обычаемъ, и обыкновенно брачные союзы заключаются, если не между братьями и сестрами, то по крайней мѣрѣ между лицами, состоящими въ близкомъ родствѣ. Женщина работаетъ больше мужчины, но она не считается существомъ низшимъ его; завѣдуя домашнимъ хозяйствомъ, которое она содержитъ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, она имѣетъ въ управленіи общихъ интересовъ долю участія по меньшей мѣрѣ одинаковую съ мужчиной; никакое дѣло не обсуждается и не рѣшается безъ ея совѣта. Ея благородство и права ясно изображены, въ глазахъ айносовъ, знаками татуировки, начертанными ея матерью; первый знакъ отмѣтилъ ее на пятомъ или шестомъ году отъ роду, но украшеніе ея тѣла узорами довершается по наступленіи возраста возмужалости; съ помощью сажи, втираемой въ порѣзы кожи, ей дѣлаютъ нѣчто въ ро… наклеиваютъ мушки на губы, и цѣлое … изъ арабесокъ украшаетъ кисти ея р… предплечья. У айносовъ татуированье … освободилось отъ древняго символизма; … свободное искусство, подчиняющееся … прихотямъ рисовальщика, какъ у нѣкот… полинезійскихъ народцевъ; оно строго р… ровано искони установленнымъ церемон… Вообще айносы съ педантической точ… соблюдаютъ правила этикета.

Еще независимые отъ японцевъ въ по… шестнадцатаго столѣтія и даже наводив… нихъ страхъ, айносы занимали сѣверну… главнаго острова и встрѣчались съ свои… ными сосѣдями въ городѣ Акита, для … своихъ произведеній [1]); но уже съ давня… мени нѣтъ болѣе ни одного айноса на … Сангарскаго пролива, и даже не видать … на южныхъ берегахъ Іессо: они были по… но оттѣснены къ сѣверу. Ихъ стрѣлы, … ленныя ядовитымъ сокомъ аконита, и их… изъ древесной коры или изъ досчечекъ… помогли имъ устоять противъ японцевъ… ные, добродушные, дѣятельные, очень … ственные индивидуально, хотя испытываю… кой-то суевѣрный страхъ передъ пра… ственными властями [3]), они не обладаю… несчастію, ни нравственной силой, ни … альными рессурсами, которые были бы … обходимы въ борьбѣ на жизнь и смерть … завоевателями. Дичь убѣгаетъ въ глубь … слыша стукъ топора дровосѣковъ; а употр… огнестрѣльнаго оружія, которое дало б… самъ возможность преслѣдовать свою … воспрещено правительствомъ; японскіе … приходятъ ловить рыбу передъ самым… ками айносовъ, а эти послѣдніе не и… усовершенствованныхъ снарядовъ, … ходовъ для изслѣдованія водъ на бол… ныхъ пространствахъ и на болѣе зна… глубинѣ. Не имѣя другихъ товарищ… вотныхъ, кромѣ своихъ желтыхъ … торыхъ они запрягаютъ въ сани, и… тащатъ бечевой ихъ лодки, айносы … предаваться занятію скотоводство … многое, чему они научились изъ … состоитъ въ посадкѣ кое-какихъ … кругъ ихъ жилища. Они одѣваютс… но неразрушимыя ткани, выдѣл… древесной коры [4]) ихъ женами … въ холодное время года покрыва… сшитыми кожами и мѣхомъ. Хо… края, японцы, прямо не угнет… но они всегда и вездѣ надува… ныхъ дикарей, и, даже пользу…

[1]) Von Middendorf, „Ost Sibirische Reise“.
[2]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten Tracks in Japan“.
[3]) Scheure, „Exploration 6 окт. 1881 г.“
[4]) …ейнеръ цитированное сочиненіе.

[1]) L. Froes, „Epistolae Japonicae …
[2]) De Angelis; — Charlevoix, „His…
[3]) Watson, „Journal of the Ge… London“, 1874 г.
[4]) Blakiston, цитирован. сочине…

нымъ покровительствомъ со стороны правительства, которое требуетъ съ нихъ незначительную дань въ замѣнъ своихъ подарковъ большей цѣнности, эти инородцы, тѣмъ не менѣе, деморализуются нищетой, пьянствомъ и всѣми проистекающими изъ нихъ пороками; неоплатные долги, которыми они закабалили себя судовладѣльцамъ, обратили ихъ въ настоящихъ рабовъ. Если нѣкоторые японскіе колонисты Іессо переняли нравы айносовъ и татуируются на ихъ ладъ [1]), то туземцы объяпонились въ гораздо большемъ числѣ; многіе изъ нихъ поженились на дѣвушкахъ цивилизованной расы [2]), всѣ говорятъ болѣе или менѣе по-японски, и безъ всякаго сомнѣнія, со временемъ то, что останется отъ націи «косматыхъ» людей, мало-по-малу утратитъ свой языкъ, свои обычаи и даже самое имя. Впрочемъ, кажется, нельзя сказать, чтобы эта раса исчезла вслѣдствіе перевѣса смертности надъ числомъ рожденій; дѣти многочисленны, пользуются хорошимъ уходомъ, и оспенныя эпидеміи перестали уже опустошать деревни айносовъ; послѣ значительнаго уменьшенія численность этихъ инородцевъ опять стала возрастать [3]). Если что грозитъ ихъ существованію, какъ самобытныхъ племенъ, то это именно цивилизація. Какъ бы предчувствуя близкую потерю послѣднихъ остатковъ своей свободы, айносы не дорожатъ жизнью; они всегда веселы и смѣшливы, но малѣйшая непріятность или неудача повергаетъ ихъ въ уныніе, и самоубійства нерѣдки между ними. Однако, дѣтоубійство у нихъ не въ обычаѣ, исключая того случая, когда родятся двойни: тогда родители считаютъ долгомъ избавиться отъ одного изъ близнецовъ, чтобы устранить несчастливое предзнаменованіе.

Японская нація, которая теперь занимаетъ весь архипелагъ Восходящаго солнца, очевидно, составляетъ смѣшанную расу, и айносы входятъ въ эту помѣсь лишь незначительной долей. Смотря по чертамъ, которыя наиболѣе поражаютъ того или другаго наблюдателя, хотѣли пріобщить жителей Ниппона къ различнымъ корнямъ. Уитни, Мюллеръ, Мортонъ помѣщаютъ ихъ въ число членовъ великой индоевропейской семьи. Большинство антропологовъ причисляютъ ихъ къ народамъ, «монгольскимъ» другими словами, это значитъ, что японцы происходятъ отъ тѣхъ же предковъ, какъ и туземныя населенія Сибири и восточной Азіи. Китайскія лѣтописи, которыя разсказываютъ исторію страны Уо, то-есть Японіи, въ ту эпоху, когда островитяне этого государства еще не были знакомы съ искусствомъ письма, сообщаютъ факты, свидѣтельствующіе о преобладающемъ вліяніи, которое имѣла цивилизація Срединной имперіи на нарождавшійся народъ. Лѣтописцы упоминаютъ о переселеніяхъ китайцевъ съ береговъ Голубой рѣки на эти острова Восходящаго солнца; они даже передаютъ легенду, гласящую, что предками японцевъ были триста молодыхъ людей и триста дѣвушекъ, посланныя на восточныя моря императоромъ Цинь-ши-хуанъ-ди на поиски «цвѣтка безсмертія» [1]). Нѣкоторые ученые думали видѣть въ обитателяхъ Ниппона малайцевъ [2]), и Зибольдъ даже приписывалъ смѣшенію съ альфурусами, меланезцами, каролинцами присутствіе людей съ курчавыми волосами и смуглымъ цвѣтомъ кожи, которыхъ часто можно встрѣтить между жителями южной Японіи [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что экваторіальное теченіе Тихаго океана и Куро-сиво могли не разъ увлекать заблудившіяся суда, и такимъ образомъ возможно, что Японія населилась черезъ архипелаги Южнаго моря и Малезіи; однако, никакой историческій документъ не упоминаетъ о путешествіяхъ, совершенныхъ въ этомъ направленіи до прибытія европейскихъ кораблей. Лѣтописи разсказываютъ лишь о сношеніяхъ японцевъ съ сосѣдними островитянами и съ жителями азіатскаго континента, что и понятно, такъ какъ съ этой стороны сообщенія были всего легче и удобнѣе: отъ главнаго острова Японскаго архипелага до Кіусіу, отъ Кіусіу до острова Ики, отъ Ики до двойнаго острова Цу-сима, отъ Цу-сима до Корейскаго архипелага и до полуострова Кореи, рыболовы всегда видятъ земли передъ собой, и, смотря по движенію муссоновъ, лодки ихъ направляются попеременно отъ одного берега къ другому. Такъ, въ древности племя кмасо или юсу населяло одновременно юго-восточную оконечность Кореи и землю Іомодзъ или Нено-куми, въ западномъ Ниппонѣ: они были «усмирены», то-есть покорены, только во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Что касается племени ямато, которыхъ преданіе называетъ японцами по преимуществу, то они обитали на южныхъ берегахъ архипелага, обращенныхъ къ Тихому океану. Но острова несомнѣнно были уже населены ранѣе того времени, когда лѣтописи упоминаютъ впервые объ айносахъ, юсу и ямато. Въ равнинѣ Іеддо и во многихъ другихъ мѣстахъ Японіи находили груды мусора, похожія на датскіе кухонные остатки (kjokkenmöddinger), и содержащія, среди черепковъ глиняной посуды и раковинъ, между которыми есть виды, не принадлежащіе къ нынѣшней фаунѣ страны, человѣческія кости, перемѣшанныя съ костями обезьянъ, красныхъ оленей, кабановъ, волковъ и собакъ; разломы всѣхъ этихъ кусковъ человѣческихъ костей даютъ

[1]) Г. Крейтнеръ, цитированное сочиненіе.
[2]) Ватсонъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Miss Isabella Bird, цитированное сочиненіе.

[1]) Du Halde;—Матуанлинъ.
[2]) Зибольдъ;—Принцъ;—Деннцъ.
[3]) „Nippon Archiev", I.

свирѣпствуетъ только въ періодъ юго-восточнаго муссона, который превращаетъ на время архипелагъ Ниппона въ тропическую страну; но дѣйствіе ея здѣсь слабѣе, нежели въ Индостанѣ, хотя и въ Японіи въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она уноситъ въ могилу болѣе седьмой части заболѣвающихъ. Оспа тоже составляетъ одинъ изъ бичей, которыхъ японцы боятся пуще всего на свѣтѣ, хотя китайскіе способы оспопрививанія извѣстны въ странѣ съ давнихъ временъ, и хотя Зибольдъ ввелъ тамъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, употребленіе вакцины (коровьей оспы), еще недавно двѣ трети островитянъ имѣли лицо, обезображенное оспой, и въ продолженіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ, декабря и января, погребальные поѣзды, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, свидѣтельствовали о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ этой эпидеміей. Несмотря на необыкновенную чистоплотность японцевъ, проказа распространена во всѣхъ областяхъ архипелага, и преимущественно вокругъ залива Іеддо. Наконецъ, бугорчатая чахотка похищаетъ едва-ли менѣе жертвъ въ Японіи, чѣмъ въ странахъ Европы, гдѣ грудныя болѣзни наиболѣе обыкновенны. Съ другой стороны, нѣкоторыя европейскія болѣзни неизвѣстны въ Японіи: случаи заболѣванія рожей тамъ очень рѣдки, скарлатина не появлялась не только въ краѣ, но даже съ семействами, пріѣхавшими съ Запада, и тамошнія женщины никогда не были поражаемы родильной лихорадкой.

Браки между китайцами, поселившимися въ японскихъ портовыхъ городахъ, и туземными женщинами составляютъ рѣдкое явленіе, но число дѣтей, родившихся отъ европейцевъ и японокъ, относительно довольно значительно. Замѣчено, что типъ матери постоянно преобладаетъ въ продуктѣ этихъ брачныхъ союзовъ. Докторъ Вернихъ говоритъ, что японскія дѣти англійской или германской расы по отцу имѣютъ очень мало шансовъ жить, и тѣ, которыхъ успѣютъ спасти, всегда отличаются очень слабымъ здоровьемъ. Напротивъ, дѣти французовъ и японокъ родятся по большей части въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и развиваются быстро, болѣе веселыя, болѣе откровенныя и болѣе живыя, чѣмъ обыкновенно бываютъ дѣти туземнаго населенія. Что касается потомковъ португальскихъ христіанъ, женившихся на туземкахъ южныхъ острововъ, то они называютъ себя европейцами, носятъ еще фамиліи своихъ лузитанскихъ предковъ и по большей части считаютъ за честь говорить англійскимъ языкомъ, но почти всѣ они женятся на японкахъ, и дѣти ихъ снова принимаютъ первоначальный типъ, съ тою только разницей, что волоса у нихъ слегка волнистые, глаза менѣе скошены, лобъ выше, лицо съ менѣе косыми челюстями, чѣмъ у ихъ соотечественниковъ.

Ношеніе національной японской одежды теперь уже не только необязательно, но часто даже преслѣдуется, и даже въ своей маніи подражанія образованные классы и люди торговаго сословія возымѣли странную идею облечься въ европейское платье, которое совсѣмъ не идетъ имъ, но которое имѣетъ то преимущество, что оно вводитъ съ собой нравы, болѣе уравнивающіе различные слои общества: тогда какъ европейскій костюмъ почти одинаковъ для богатыхъ и бѣдныхъ, различіе матерій, узоровъ, цвѣтовъ раздѣляло японскій народъ на совершенно обособленные классы. *Нельзя не замѣтить тутъ, что европейскій костюмъ, насильно вводимый въ народъ, оказывается весьма не гигіеническимъ и даже вреднымъ для простолюдиновъ, не говоря уже про то, что онъ дорогъ и совершенно не идетъ къ японскому типу*. Въ прежнее время существовали очень строгіе уставы, опредѣлявшіе покрой и цвѣтъ одежды, которую должны были носить мужчины и женщины всякаго класса и всякаго ранга; впрочемъ, регламентъ занимался только деталями, такъ какъ японское платье или кимоно одинаковой формы для всѣхъ. Обыкновенная матерія, изъ которой шьется эта одежда, — бумажная ткань; простонародье и мелкая буржуазія облачаются въ шелковое платье лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; одни только богачи носятъ каждый день шелковую одежду, украшенную ихъ гербами. Женское кимоно отличается отъ мужскаго только длиной и яркостью матерій. Рукава, всегда очень широкіе, служатъ въ то же время карманами и наполнены тетрадками бумаги, которую употребляютъ вмѣсто носовыхъ платковъ и салфетокъ; книги маленькаго формата извѣстны подъ именемъ «рукавныхъ изданій» [1]). Юбка у благородныхъ, кальсоны у бѣдняковъ дополняютъ костюмъ; во время холодовъ японцы довольствуются тѣмъ, что надѣваютъ нѣсколько платьевъ одно на другое; во время дождя крестьяне и работники покрываютъ свою одежду соломенными плащами или накидками промасленной бумаги. Головнымъ уборомъ обыкновенно служитъ родъ зонтика изъ бумаги, натертой деревяннымъ масломъ или навощенной растительнымъ воскомъ, либо бамбуковый кружокъ, подвязываемый шнурками подъ подбородокъ. За исключеніемъ носильщиковъ и скороходовъ, обутыхъ въ соломенныя сандаліи, японцы носятъ хата, высокія сабо или, вѣрнѣе сказать, деревянныя скамейки, крайнее неудобныя для иностранца, такъ что нужно ходить съ большой осторожностью, и которыя даже причиняютъ нервныя болѣзни у самихъ японцевъ. Уличная грязь не позволяетъ щеголямъ употреблять европейскіе сапоги, а чистоплотность заставляетъ ихъ ходить босыми ногами по тон-

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais".

кимъ циновкамъ, покрывающимъ паркетные полы.

Прическа японцевъ, даже мужчинъ,—дѣло многотрудное, требующее большаго терпѣнія. Мужчины брѣютъ макушку и зачесываютъ свой шиньонъ на темя, гдѣ его держитъ трубка изъ лакированнаго картона. Что касается женщинъ, то онѣ оставляютъ расти небольшой пучекъ волосъ на лбу, а остальная шевелюра дѣлится на двѣ боковыя пряди и на обширный шиньонъ, переплетенные съ накладными волосами, которые прикрѣпляются черепаховымъ гребнемъ, косоплетками, булавками съ коралловыми головками. Все это красивое зданіе куафюры не можетъ быть построено менѣе, чѣмъ въ полдня, оттого женщины, принужденныя работать, не могутъ убирать себѣ голову чаще, чѣмъ разъ или, много, два раза въ недѣлю, и чтобы не привести въ безпорядокъ свою шевелюру, онѣ должны спать съ затылкомъ, положеннымъ на подставку, такъ чтобы голова не прикасалась къ циновкамъ или къ подушкамъ постели. Минеральныя бѣлила на лицѣ и на шеѣ, карминовыя румяна на щекахъ, черная краска на бровяхъ, золотые листочки на губахъ, черная краска на зубахъ,—остатокъ разноцвѣтной разрисовки тѣла, бывшей въ обычаѣ во времена первобытнаго дикарства,—дополняютъ туалетъ японки. Что касается привычки татуироваться, то она уже почти оставлена женщинами благороднаго сословія и даже женщинами изъ простаго народа; правительство, желающее прежде всего угождать иностранцамъ, сочло долгомъ воспретить также и у мужчинъ эту древнюю форму орнаментаціи, подобно тому, какъ оно навязало имъ ношеніе европейской одежды. Матуанлинъ разсказываетъ намъ, что встарину японскіе родоначальники были болѣе богато татуированы, чѣмъ люди изъ народа; въ наши дни наоборотъ,—японцы, у которыхъ тѣло наиболѣе разрисовано фигурами, носильщики и катальщики телѣжекъ, которыхъ самое ремесло заставляетъ показываться почти голыми въ публикѣ. Эти рисунки, трехцвѣтные по большей части, красные, синіе и бѣлые, переплетаются разнообразно, безъ всякой симметріи, но всегда со вкусомъ, такъ что соблюдается извѣстное равновѣсіе въ расположеніи главныхъ сюжетовъ, птицъ, драконовъ и цвѣтковъ. Такъ, напримѣръ, одна форма татуировки представляетъ дерево, обвивающее своими корнями правую ступню и поднимающееся по лѣвой ногѣ, затѣмъ раскинувшее на спинѣ и на груди свои усаженныя цвѣтками вѣтви, на которыхъ сидятъ птицы; прикрытый листвой дерева, аистъ занимаетъ лѣвую ногу. Кромѣ того, почти всѣ японцы имѣютъ на кожѣ знаки, оставшіеся отъ прижиганій растеніемъ artemisia japonica, однимъ изъ самыхъ употребительныхъ въ туземной терапевтикѣ средствъ леченія[1]).

Татуированный японецъ.

Смѣшанный изъ весьма различныхъ этнографическихъ элементовъ, японскій народъ представляетъ тѣмъ большую трудность для сужденія о немъ, для оцѣнки его нравственныхъ качествъ, что онъ имѣетъ сознаніе объ испытаніи, которому его подвергаютъ иностранцы, и что онъ, вслѣдствіе того, позируетъ, рисуется передъ ними. Подобно тому, какъ онъ хотѣлъ придать себѣ европейскій видъ, облачаясь въ иноземный костюмъ, такъ точно онъ старается усвоить себѣ идеи и манеры, приличествующія народу цивилизованному, и, благодаря самообладанію и самолюбію, которыя у него развиты въ

[1]) Зибольдъ;—Гюбнеръ;—миссъ Изабелла Бердъ;—мистрисъ Брасси;—Левъ Мечниковъ и др.

высокой степени, онъ умѣетъ притвориться, умѣетъ казаться не такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ [1]); оттого онъ становится очень опаснымъ, когда приготовляется къ акту мести. Можно смѣло сказать, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ людей, которые бы, въ радости или въ горѣ, умѣли лучше сдерживаться, чѣмъ японцы, — развѣ только между нѣкоторыми племенами американскихъ дикарей, которые остаются совершенно безстрастными во всякихъ обстоятельствахъ. До крайности осторожные, очень заботящіеся о мнѣніи другаго, японцы говорятъ не иначе, какъ хорошо взвѣсивъ каждое изъ произносимыхъ словъ; въ присутствіи европейца, они строго наблюдаютъ за собой, за всѣми своими тѣлодвиженіями и взглядами; многіе чиновники вооружили свои глаза очками съ синими или дымчатыми стеклами, для того, чтобы мысль ихъ оставалась непроницаемой для собесѣдника. Даже между собой японцы очень умѣренны и осторожны въ движеніяхъ: ихъ жесты, выражающіе негодованіе, гнѣвъ, отвращеніе, никогда не бываютъ такъ рѣзки, какъ у западныхъ народовъ; горесть ихъ тихая, спокойная; они не ломаютъ себѣ рукъ въ отчаяніи, не взываютъ о помощи къ божеству, поднимая руки и взоры къ небу. Научившись отъ европейцевъ подавать другъ другу руку въ знакъ дружбы, они не переняли привычки пожимать ее. Рѣдко даже случается, чтобы мать обняла своего ребенка, какъ бы нѣжно ни любила его. Поцѣлуй, столь обыкновенное проявленіе чувства у европейскихъ народовъ, въ Японіи совершенно не извѣстенъ. Эта сдержанность во внѣшнихъ проявленіяхъ чувства замѣчается даже у душевнобольныхъ: въ Нипонѣ почти не бывало примѣра, чтобы сумасшедшій сдѣлался опаснымъ.

Добродушіе, доброжелательность составляютъ основу японской натуры. Въ странѣ Восходящаго солнца большая рѣдкость встрѣтить человѣка, который бы, гордясь своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, третировалъ съ высокомѣріемъ своихъ подчиненныхъ или окружающихъ; напротивъ, тамъ всякій, кто располагаетъ властью, старается заставить другихъ простить ему это превосходство своею предупредительностью и любезностью. Ни одинъ японецъ, какъ бы властенъ и высокопоставленъ онъ ни былъ, никогда не позволяетъ себѣ принять тотъ надменный тонъ, который столь многіе чиновники западнаго міра, крупные и мелкіе, считаютъ драгоцѣннѣйшимъ аттрибутомъ своей должности [2]) Обычай японцевъ вѣжливо кланяться другъ другу при встрѣчѣ развилъ у нихъ привѣтливость въ обхожденіи и чувство взаимнаго уваженія, которыя сдѣлались, такъ сказать, ихъ природными качествами, и черты лица всегда сохраняютъ отблескъ обычной доброты сердца; даже въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ больные имѣютъ ласковый взглядъ, и рѣчь ихъ, какъ всегда, привѣтлива. Къ этой природной любезности и ласковости, которая поражаетъ особенно у женщинъ, обыкновенный характеръ японцевъ прибавляетъ еще домашнія или семейныя добродѣтели: воздержность, любовь къ порядку, предусмотрительность, здравый смыслъ. Молодыя дѣвушки, которыя соединяются съ европейцами временными браками, какіе практикуются въ краѣ, почти всегда удерживаютъ иностранца заботливостью и предупредительностью, которою онѣ его окружаютъ, опрятностью хозяйства и комфортомъ, который онѣ вводятъ въ жилищѣ. Веселость и спокойная покорность судьбѣ, замѣчаемыя у работниковъ, даже самыхъ обездоленныхъ, наиболѣе подавленныхъ трудомъ, приводятъ въ удивленіе европейскихъ путешественниковъ: японецъ всегда и всѣмъ доволенъ, мирится со всякой долей, весело переноситъ всякое утомленіе, всякія невзгоды и лишенія, и, однако, нельзя сказать, чтобы эта совершенная безропотность происходила отъ недостатка высшаго идеала; рвеніе, съ какимъ искусства и науки Европы принимаются въ странѣ, доказываетъ, какъ сильно у жителей желаніе прогресса во всѣхъ вещахъ.

Японцы удерживаются на пути усвоенія себѣ знаній и развитія, составляющаго естественное слѣдствіе образованности, однимъ изъ ихъ сильныхъ національныхъ качествъ,—высокимъ понятіемъ о чести. Они считаютъ себя связанными долгомъ, и этого достаточно: они дадутъ доказательства цивилизаціи, которыхъ отъ нихъ требуютъ. Обычай харакири, съ незапамятныхъ временъ практиковавшійся у людей благороднаго сословія, свидѣтельствуетъ о силѣ воли, которую они умѣли проявлять, когда къ тому представлялась необходимость. Что бы ни говорили, но этотъ обычай геройскаго самоубійства получилъ начало не въ Японіи, или по крайней мѣрѣ существовалъ не въ одной Японіи; такъ какъ китайскія лѣтописи упоминаютъ довольно частые случаи примѣненія его между сынами Срединнаго царства, но ни въ какой странѣ онъ не сдѣлался, какъ въ Нипонѣ, однимъ изъ національныхъ учрежденій. Давало ли правительство дворянину приказъ распороть себѣ животъ, чтобы избавить его отъ позорной смерти, или будущая жертва добровольно принимала рѣшеніе наложить на себя руки, чтобы отмстить косвенно своему противнику, заставляя его дать жизнь за жизнь, актъ самоубійства всегда исполняется самымъ стоическимъ образомъ и по всѣмъ правиламъ искусства; не бывало примѣра, чтобы кто-либо изъ этихъ гордыхъ самоубійцъ испустилъ ка-

[1]) Верныхъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Съ этимъ едва-ли возможно согласиться, если только вспомнить тотъ деспотизмъ властителей и дворянства, который тяготѣлъ надъ страною и народомъ въ періодъ его исторіи. *Прим. ред.*

кую-нибудь недостойную жалобу въ роковой моментъ передъ собраніемъ своихъ друзей. Напротивъ, лѣтописи даже прославляютъ многочисленныхъ героевъ, которые, послѣ вскрытія себѣ внутренностей, находили достаточно силы, чтобы сочинять стихи или писать духовное завѣщаніе своей собственной кровью. А между тѣмъ эти люди не играютъ безразсудно съ жизнью. Изъ-за другихъ причинъ, кромѣ дѣлъ, касающихся чести, хорошо или дурно понимаемой, въ Японіи чрезвычайно рѣдко случается, чтобы люди лишали себя жизни, и тѣ, которые хотятъ покончить съ своимъ горемъ-злосчастіемъ, ищутъ забвенія и безвѣстности. Но во всѣхъ случаяхъ, когда японецъ, мужчина или женщина, долженъ выказать мужество, даря превосходству дисциплины и вооруженія; но японская нація не изъ тѣхъ, которыя дадутъ себя завоевать безъ борьбы. Цивилизаціи навѣрно не придется оплакивать постыдное порабощеніе сорока милліоновъ людей, населяющихъ страну Восходящаго солнца.

Китайско-японская война, конечно, не могла служить примѣромъ для европейцевъ, но и она показала Европѣ, чего можно ожидать въ будущемъ отъ просвѣщенныхъ азіатовъ.

Вполнѣ признавая въ душѣ превосходство европейца въ наукѣ и индустріи, японецъ, тѣмъ не менѣе, не высказываетъ этого громко и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже цивилизованнѣе своихъ чужеземныхъ учителей. По воздержности, сознанію собственнаго достоинства, разви-

Японскія женщины.

онъ не бываетъ превзойденъ никакимъ народомъ. Исторія сорока семи роиновъ, столь аккуратныхъ въ совершеніи мести за убійство ихъ господина, столь геройски предавшихъ себя добровольной мести, извѣстна всѣмъ и каждому, и жители столицы съ благочестивымъ уваженіемъ поддерживаютъ могилы этихъ доблестныхъ людей [1]). Впрочемъ, исторія войнъ и революцій новѣйшаго времени доказываетъ, что въ отношеніи мужества японцы не выродились, не отстали отъ своихъ предковъ. Можно съ увѣренностью предсказать, что если когда-нибудь Россія или какая-либо другая изъ западныхъ державъ придетъ въ столкновеніе съ Ниппономъ, она увидитъ передъ собой храбраго противника. До сихъ поръ европейскія арміи одерживали легкія побѣды почти надъ всѣми иноплеменными народами, благотію чувства чести, взаимному уваженію и доброжелательности, масса японскаго народа несомнѣнно стоитъ выше нравственнаго уровня большинства жителей западнаго міра; она превосходитъ его также и пониманіемъ красоты въ природѣ. Самый послѣдній мужичекъ Ниппона не лишенъ способности восхищаться прелестью или грандіозностью пейзажей; приступая къ постройкѣ своей деревянной лачужки, онъ прежде всего заботится о томъ, чтобы выбрать для нея получше мѣсто, непремѣнно на берегу текущей воды, въ сосѣдствѣ лѣска или рощи, въ виду краснваго горизонта, и почти всегда украшаетъ свое жилище цвѣтами, расположенными со вкусомъ. Тамъ даже запрещено безобразить природу постоялыми дворами, поставленными въ ненадлежащемъ мѣстѣ и портящими или заслоняющими видъ. Во время лѣтняго сезона повсюду встрѣтишь группы людей изъ простаго народа, болѣе туристовъ,

[1]) Mitchord, „Tales of old Japan".

илигримовъ, которые посѣщаютъ мѣ-
, особенно славящіяся красотой и живо-
тью своихъ ландшафтовъ [1]). Ранѣе жен-
ъ не дозволялось совершать подобныя
твованія, но теперь, одѣтыя въ бѣлое
о, онѣ свободно примѣшиваются къ груп-
путешественниковъ.

авный упрекъ, который дѣлаютъ японцу,
оторый онъ дѣлаетъ самъ себѣ въ литера-
ыхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ рисуетъ свои
ыя стороны, это упрекъ въ недостаткѣ
держки, настойчивости; но это строгое су-
еніе не можетъ быть примѣнено къ массѣ на-
, столь дѣятельной, трудолюбивой и пред-
іимчивой; оно справедливо лишь по отноше-
ю къ щеголю молодаго поколѣнія, слишкомъ
оро «цивилизовавшагося» на европейскій
адъ. Самоувѣренный, легкомысленный, поверх-
остный, этотъ японскій фатъ не всегда даетъ
себѣ трудъ изучить что-либо основательно, дѣй-
ствовать послѣдовательно; онъ охотно перехо-
дитъ отъ одного предпріятія къ другому, даже
забываетъ начатое дѣло и хватается за другое.
Оттого нѣтъ недостатка въ зловѣщихъ проро-
кахъ, предсказывающихъ внезапные и страш-
ные повороты въ близкомъ будущемъ японской
исторіи; они выражаютъ опасеніе, какъ бы ту-
земный характеръ, обыкновенно мягкій, какъ
самый климатъ страны, но подверженный,
такъ же, какъ и этотъ климатъ, внезапнымъ
бурнымъ вспышкамъ [2]), не обнаружилъ своего
непостоянства неожиданнымъ отреченіемъ отъ
европейскаго вліянія и возвратомъ къ старинѣ,
къ прежней цивилизаціи. Но возможно ли, что-
бы нація вернулась вспять отъ достигнутаго
уже прогресса, когда этотъ прогрессъ опирается
на дѣйствительное научное развитіе? Возмож-
но ли, чтобы эволюціи умовъ не соотвѣтство-
вало аналогичное движеніе впередъ въ мірѣ
фактовъ! Пусть японцы откажутся отъ своей
глупой маніи копировать европейцевъ даже въ
ихъ смѣшныхъ сторонахъ, пусть они переста-
нутъ корчить изъ себя англичанъ и постараются
развиваться болѣе самобытнымъ образомъ, не
какъ слѣпые подражатели, а какъ равные,—
чего же лучше? Это не помѣшаетъ наукѣ оста-
ваться тою же самою для европейца и для
восточнаго человѣка, и тѣ, и другіе должны
будутъ одинаково изучать ея законы.

Такъ же, какъ искусства, научныя знанія и
національныя учрежденія страны, японскій
языкъ содержитъ примѣсь чужихъ элементовъ.
Коренной туземный идіомъ, называемый ямато,
не имѣетъ никакой связи съ китайскимъ;
это языкъ полисиллабическій который боль-
шинство лингвистовъ пытаются сблизить съ
языками урало-алтайской семьи [3]), хо
сихъ поръ могли найти очень мало сходст
между этими двумя элементами сравнен
какъ въ отношеніи расположенія фразъ, та
и въ отношеніи всей совокупности запа
словъ. Старый японскій языкъ передалъ сов
менной рѣчи свою гармоническую звучнос
которую можно сравнить съ звучностью ита
янскаго и многихъ полинезійскихъ языко
передалъ также свои полные слоги, свои пр
вила благозвучія и весь свой синтаксичес
строй. Имя прилагательное всегда предш
ствуетъ существительному, дополненіе ставит
передъ глаголомъ, члена не существуетъ и п
дежи именъ, равно какъ времена и накло
нія глаголовъ означаются лишь суффиксам
Въ настоящее время ямато, составляющій не
воначальную основу японскаго языка, уп
требляется во всей его чистотѣ только п
дворѣ да среди проститутокъ высшаго полет
которыя, вѣроятно, были въ старину жрица
синтоистическаго культа [4]). Даже сельскіе ж
тели, такъ же, какъ и цивилизованные обит
тели городовъ, говорятъ теперь синико-япо
скимъ языкомъ, въ которомъ, впрочемъ, кита
скія слова произносятся совершенно инач
чѣмъ въ мандаринскомъ діалектѣ. Въ Евро
нѣтъ примѣра подобнаго соприкосновен
двухъ языковъ; въ англійскомъ элемент
германскій и латинскій слились воедино, тог
какъ въ синико-японскомъ ямато и кита
скій, такъ сказать, срослись внѣшнимъ обр
зомъ. Между двумя крайностями, ямато
китайскимъ, замѣчаются многочисленныя п
реходныя формы, настолько отличныя одна
другой, что не всякій японецъ можетъ по
мать ихъ безъ предварительнаго изученія.
лектъ островитянъ Лю-цю разсматрива
какъ особый языкъ, но онъ очень близко
ходитъ къ японскому и пишется съ помо
того же алфавита [5]); онъ также заключае
себѣ много китайскихъ словъ, введенныхъ
земными книжками. На это нарѣчіе пере
миссіонеромъ Беттельгеймомъ часть книг
щеннаго писанія [6]).

Для изображенія словъ на письмѣ,
Ниппона имѣютъ двѣ системы транск
Они употребляютъ китайскіе іероглиф
рымъ они научились нѣкогда вмѣстѣ с
ками цивилизаціи, и такимъ образо
зуются той важной выгодой, что могут
написанное по-китайски такъ же хор
и написанное на ихъ собственномъ
совокупность идеографическихъ зна
вляетъ такой обширный курсъ у

---

[1]) Rein, „Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“ № 59.

[2]) [illegible] „Le Japon“.

[3]) Boller, „Sitzungen der Akademie“, Wie
1857.

[4]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[5]) Léon de Rosny, „Introduction à l'
gue Japonaise“.

[6]) Sarrurier, „De Lioe-Kioe Acrhipel“.

нужно посвятить всю жизнь, чтобы познакомиться съ нимъ вполнѣ. Въ элементарныхъ японскихъ школахъ дѣти обязаны выучить около 3.000 письменныхъ знаковъ; никто не

Буддистскій храмъ въ Никко.

можетъ претендовать на репутацію образованнаго человѣка, если не знаетъ ихъ отъ 8.000 до 10.000, но и этотъ огромный багажъ составляетъ еще только треть или четверть полнаго словаря [1]). Поэтому совершенно естественно, что японцы съ самыхъ первыхъ временъ своей цивилизаціи старались упростить и облегчить трудъ чтенія. Прежде даже чѣмъ усвоить себѣ китайскую письменность, они познакомились

[1]) „Notice officielle“ объ Японіи на филадельфійской всемірной выставкѣ;—Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais“.

съ корейскимъ букваремъ; впослѣдствіи они изобрѣли различные оригинальные способы фонетическаго письма, которые обыкновенно смѣшиваютъ съ корейскою азбукой подъ именемъ «божественныхъ письменъ». Въ настоящее время японцы имѣютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ семь различныхъ букварей, изъ которыхъ шесть составляютъ ихъ собственное изобрѣтеніе. Японскій букварь, всего чаще употребляемый въ наши дни книжниками, есть ката-кана, или «боковое письмо», названное такъ потому, что буквы его приставляются съ боку къ китайскимъ знакамъ, для того, чтобы дать имъ точное произношеніе. Кромѣ того, японцы употребляютъ еще «ровное» или курсивное письмо хира-кана — для частной корреспонденціи, для пѣсенъ, комедій, народной литературы. Но ни тотъ, ни другой способъ письма: ни ката-кана, ни хира-кана, не могутъ замѣнить китайскихъ идеографическихъ знаковъ, употребляемыхъ для изображенія на бумагѣ отвлеченныхъ понятій или научныхъ фактовъ: синико-японскія слова, относящіяся къ умственнымъ предметамъ, будучи односложными, какъ и въ коренномъ языкѣ, китайскомъ, имѣютъ десятки одноименныхъ словъ, которыя трудно различить одно отъ другаго, развѣ только посредствомъ спеціальныхъ знаковъ. Нынѣшній японскій языкъ не могъ бы обойтись безъ употребляемыхъ имъ двухъ родовъ письма, то-есть знаковъ, заимствованныхъ у китайцевъ, и собственнаго добавочнаго или «боковаго» букваря: этого требуетъ странное смѣшеніе въ одинъ идіомъ двухъ существенно различныхъ языковъ; одного агглютинативнаго, другаго моносиллабическаго. Японцы понимаютъ, насколько несовершенно и неудобно орудіе, которымъ они располагаютъ для выраженія своей мысли; и уже не разъ заходила рѣчь о томъ, чтобы сдѣлать изученіе англійскаго языка обязательнымъ, дабы приготовить ближайшее будущее поколѣніе къ замѣнѣ болѣе удобнымъ языкомъ затруднительной рѣчи, которою нынѣ говорятъ жители страны Восходящаго солнца. Большая часть словъ техническихъ или словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, заимствуются изъ европейскихъ языковъ, преимущественно изъ англійскаго, который въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ другіе, заступаетъ мѣсто китайскаго въ качествѣ поставщика ниппонскому идіому новыхъ выраженій, въ которыхъ этотъ послѣдній нуждается. Кромѣ того, латинскій алфавитъ составляетъ предметъ обученія во всѣхъ японскихъ школахъ, и были уже сдѣланы удачныя попытки, имѣющія въ виду обобщеніе транскрипціи японскаго языка посредствомъ этихъ буквъ [1]). Вѣрно, слѣдовательно, что восточные и западные народы постоянно сближаются не только идеями, но также, въ извѣстной мѣрѣ, и способомъ ихъ выраженія.

Съ восьмаго столѣтія литературное движеніе въ Японіи является значительнымъ, если не по достоинству, то, по крайней мѣрѣ, по числу сочиненій. Всѣ роды представлены въ этой совокупности словесныхъ произведеній: поэзія, драма, комедія, исторія, естественныя науки, и можно сказать, что интеллектуальная эволюція страны Восходящаго солнца совершалась параллельно умственному движенію западнаго міра. Тамъ, какъ и въ Европѣ, образованность была сосредоточена въ монастыряхъ: въ обителяхъ бонзъ переписывались древнія рукописи, собирались хроники и составлялись трактаты по богословію и по метафизикѣ; въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ въ крѣпкихъ замкахъ японскихъ бароновъ происходили «суды любви», подобные провансальскимъ «cours d'amour»; ученые воины и странствующіе трубадуры писали тамъ рыцарскіе романы, декламировали свои лирическія стихотворенія. Эпохой возрожденія японской литературы былъ семнадцатый вѣкъ, затѣмъ слѣдовалъ вѣкъ энциклопедистовъ. Въ настоящее время прибавились еще, къ ряду другихъ произведеній словесности, журналы, политическіе памфлеты и мелкая пресса. Что касается европейской литературы, то она впервые проникла въ Японію уже около половины восемнадцатаго столѣтія, когда организовались тайныя общества для перевода сочиненій голландскихъ авторовъ [1]).

Съ точки зрѣнія религіозной, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, народъ Ниппона переживаетъ теперь эпоху очевиднаго преобразованія. Большинство образованныхъ японцевъ, даже бѣдные жители городовъ выказываютъ, искренно или притворно, полный индифферентизмъ къ различнымъ религіямъ, какъ отечественнаго, такъ и чужеземнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, рѣдко бываетъ такъ, чтобы они не сохранили какихъ-либо привычекъ религіознаго характера, не исполняли какихъ-либо обрядовъ, такъ какъ вліяніе женщинъ даетъ себя чувствовать, черезъ воспитаніе дѣтей, на всей совокупности общества.

Подобно тому, какъ въ Китаѣ, въ странѣ Восходящаго солнца существуютъ совмѣстно три культа, и одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ сообразоваться одновременно съ обрядностями трехъ религій. Первая по времени возникновенія, синтоизмъ, есть національный культъ, и въ святилищахъ этого культа, въ храмахъ «Пути Духовъ», искали убѣжища японскіе ретрограды противъ нашествія китайскихъ идей, нравовъ, обычаевъ и языка; ихъ библія, называемая Козики, то-есть «Исторія дѣлъ старины», считается древнѣйшимъ и

[1]) „Chrysanthemum", july 1881.

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais".

замѣчательнѣйшимъ памятникомъ японской литературы. Конфуціонизмъ состоитъ лишь изъ правилъ нравственности; но буддизмъ есть въ одно и то же время метафизика и религія чувства, религія, которая утѣшаетъ въ горестяхъ настоящаго и показываетъ перспективы блаженства или покоя въ загробной жизни. Слѣдовательно, эти элементы, сообразно времени, мѣсту и людямъ, могутъ смѣшиваться различнымъ образомъ, не противодѣйствуя одинъ другому, и только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, вспыхивали религіозныя войны.

Первоначально японцы, такъ же, какъ китайцы, корейцы и сибирскіе народы, не имѣли другихъ божествъ, кромѣ силъ природы, къ которымъ они присоединяли души умершихъ и восемь милліоновъ духовъ, кружащихся въ воздушныхъ пространствахъ и ползающихъ подъ землей. Какъ жить въ мирѣ съ этими безчисленными легіонами духовъ безъ постоянныхъ заклинаній и жертвоприношеній. Какъ могъ родоначальникъ или глава семейства, священнодѣйствуя отъ имени всѣхъ членовъ своего рода или семьи, удалить злыя существа и умилостивить добрыя, какъ могъ онъ убѣдить всѣхъ этихъ невидимыхъ духовъ иначе, какъ говоря имъ тѣмъ же языкомъ, какимъ бы говорилъ смертнымъ, и чествуя ихъ трапезами и праздниками? Этотъ древній культъ предковъ, соединенный съ культомъ геніевъ или ками и силъ явленій природы, и теперь еще преобладаетъ въ Японіи подъ китайскимъ названіемъ синто; церемоніи этой религіи, очень простой, не требующей отъ своихъ послѣдователей ничего, кромѣ чистоты ума и сердца, совершаются обыкновенно среди природы, въ самыхъ величественныхъ мѣстоположеніяхъ; тамъ воздвигнуты святилища, посвященныя духамъ и заключающія металлическое зеркало, символъ чистоты и волшебнаго предвѣдѣнія. Каста наслѣдственныхъ жрецовъ замѣнила родоначальниковъ и отцовъ семействъ въ исполненіи обрядовъ религіи; эти священнослужители возносятъ мольбы къ геніямъ отъ имени толпы, приносятъ имъ жерты и совершаютъ въ честь ихъ матсури, то-есть процессіи и театральныя представленія. По странному стеченію противуположныхъ явленій, столь часто встрѣчающемуся въ исторіи народовъ, революція 1867 года, которая ввела Японію въ міръ европейской цивилизаціи, совпадала съ пробужденіемъ національнаго духа въ этой странѣ; въ то самое время, какъ японцы сближались съ западными націями посредствомъ науки и индустріи, древняя анимистическая религія синтоизма снова становилась на степень оффиціальнаго культа имперіи. Но похоронныя церемоніи, которыя прежде имѣли такое важное значеніе въ общей системѣ этого культа, все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой іерархическій характеръ. Было время, когда погребеніе князей и вельможъ сопровождалось человѣческими жертвоприношеніями: жены, слуги и лошади слѣдовали за своимъ господиномъ въ могилу. Еще въ 1844 году нужно было издавать законъ, воспрещающій людямъ дайміосовъ лишать себя жизни на трупѣ своего властителя [1]); такъ же, какъ въ Китаѣ, глиняныя изображенія замѣнили настоящихъ жертвъ въ могилахъ или урнахъ умершихъ. Японцы сохранили привычку выбирать священныя или живописныя мѣста для погребенія покойниковъ или помѣщенія урнъ съ ихъ прахомъ. Такъ, Іеясъ, и одинъ изъ его преемниковъ велѣли воздвигнуть себѣ пышные мавзолеи въ прекраснѣйшей долинѣ Ниппона, среди великолѣпныхъ лѣсовъ, окружающихъ городъ Никко.

Мораль Кози или Конфуція, введенная со всѣмъ ея китайскимъ церемоніаломъ около шестаго столѣтія христіанской эры, оказывала, какъ и въ Срединномъ царствѣ, преобладающее вліяніе на политику, администрацію соціальныя учрежденія, но она ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ характера религіи въ собственномъ смыслѣ слова; сеидо или «залы святости» совсѣмъ не похожи на настоящіе храмы; это просто мѣста собранія для людей ученыхъ и книжниковъ; главный сеидо Суруга-дай, въ Токіо, обращенъ въ библіотеку, гдѣ собраны сочиненія европейскихъ, китайскихъ и японскихъ авторовъ. Что касается буддизма, то онъ до сихъ поръ сохранилъ свою религіозную власть надъ большей частью населенія, несмотря на конфискацію имущества нѣкоторыхъ монастырей, продажу колоколовъ, передѣланныхъ въ мѣдную монету, и насильственное преобразованіе многихъ его храмовъ въ святилища синтоистическаго культа. Проникшій въ Японію сравнительно поздно, не ранѣе половины шестаго столѣтія, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, культъ Будды,—Шака на языкѣ ямато,—имѣлъ за собой то преимущество, что онъ сливался для новообращенныхъ его послѣдователей съ западной цивилизаціей, ибо онъ приноситъ съ собой письменность науки и искусства [2]). Кромѣ того, онъ прельщалъ народъ пышностью и торжественностью своихъ обрядовъ, догматами переселенія душъ и конечнаго искупленія, а также безконечнымъ разнообразіемъ своихъ святыхъ и боговъ, въ число которыхъ онъ поспѣшилъ принять тѣни великихъ людей, чтимыхъ народомъ. Съ этой эпохи японскій буддизмъ, удаленный отъ мѣста своего происхожденія и очень рѣдко имѣвшій сообщенія съ буддійскимъ міромъ континента, раздѣлился на многочисленныя секты, изъ которыхъ однѣ сохранили, какъ они утверж-

[1]) Mohnicke, „Die Japoner".

[2]) D'Hervey du Saint-Denys, переводъ книги китайскаго писателя Матуанлина „Этнографія народовъ, чуждыхъ Китаю".

дают, древнюю вѣру во всей ея чистотѣ, тогда какъ другія преобразовались, опираясь на новыя откровенія; но всѣ эти секты утратили самую память объ языкѣ, на которомъ первоначально были написаны священныя книги ихъ религіи, и только очень недавно, благодаря многократнымъ просьбамъ извѣстнаго филолога Макса Мюллера, японскіе бонзы, воспитывавшіеся въ западной Европѣ, открыли, наконецъ, въ храмахъ Ниппона драгоцѣнные памятники санскритской письменности, которые оріенталисты считали потерянными [1]). Нѣкоторые индусскіе идолы тоже всегда сохраняли и донынѣ сохраняютъ тотъ самый видъ, какой имъ придавался въ эпоху первыхъ буддійскихъ миссіонеровъ, и ни ваятели, ни литейщики не считали себя въ правѣ измѣнять традиціонную форму божковъ [2]). Самая популярная и распространенная изъ сектъ буддизма та, которая чтитъ, подъ ея тридцатью тремя различными образами, Кваннонъ (то же самое, что Гуаньинъ у китайцевъ), «богиню или бога милосердія съ тысячью подающихъ помощь рукъ». По переписи 1875 года оказалось, что семь главныхъ сектъ японскаго буддизма обладаютъ не менѣе какъ 88.000 храмовъ, а синтоисты имѣютъ ихъ болѣе 120.000, но въ этомъ числѣ есть много такихъ, которые служатъ одновременно мѣстомъ совершенія церемоній обоихъ культовъ: простая бамбуковая циновка раздѣляетъ два жертвенника [3]). Молитвенныя мельницы, употребленіе которыхъ такъ распространено у тибетскихъ буддистовъ, встрѣчаются лишь въ рѣдкихъ капищахъ Японіи; но ханжи этой страны тоже имѣютъ привычку постоянно повторять имя Будды. Они пишутъ свои молитвы на клочкахъ бумаги и свертываютъ ихъ въ шарики, которые кидаютъ на идола для того, чтобы божественное прикосновеніе заставило Будду внять ихъ прошеніямъ. Иногда они наполняютъ этими бумажками внутренность кумировъ, или трясутъ коробочки, на которыхъ написаны слова: «Десять тысячъ молитвъ». Очень простые снаряды превращаютъ ручьи въ «текущія взыванія» къ божеству [4]).

Христіанство, которое имѣло нѣкогда многочисленныхъ послѣдователей въ южной Японіи, исповѣдуется въ наши дни лишь небольшой кучкой вѣрующихъ. Въ 1549 году Франциск де-Ксавье высадился на островъ Кіусіу, и вскорѣ послѣ того религія «Ясо», то-есть Іисуса, на которую японцы сначала смотрѣли какъ на одну изъ сектъ буддизма, сдѣлала быстрые успѣхи. Іезуиты основали духовную семинарію въ Фунаѣ, и тридцать лѣтъ спустя послѣ первыхъ попытокъ обращенія, христіанскія общины, сгруппированныя вокругъ 200 церквей, насчитывали уже болѣе 150.000 членовъ. Одинъ японскій князь [1]), большой ревнитель новой вѣры, похвалился тѣмъ, что сжегъ въ своемъ удѣлѣ 3.000 кумировъ и монастырей; онъ отправилъ торжественное посольство въ Римъ для засвидѣтельствованія своей вѣрности и преданности «Великому, Всеобщему и Святѣйшему Отцу всего свѣта, государю папѣ» [2]). Неблагоразумный отвѣтъ одного испанскаго мореплавателя, потерпѣвшаго крушеніе у береговъ Ниппона, заставилъ призадуматься диктатора Тайкосаму. «Какимъ образомъ твой государь успѣлъ овладѣть столькими странами міра?» спросилъ одинъ японскій министръ у испанца. — Оружіемъ и религіей, отвѣчалъ тотъ.—Наши священники подготовляютъ намъ пути, обращая націи въ христіанство, а потомъ намъ ужъ ничего не стоитъ покорить ихъ своей власти» [3]). Встревоженный при видѣ новой могущественной силы, возникающей рядомъ съ его собственной, Тайкосама издалъ, въ 1587 г., эдиктъ объ изгнаніи іезуитовъ; но онъ не привелъ своихъ угрозъ въ исполненіе, и только десять лѣтъ спустя нѣсколько францисканскихъ миссіонеровъ, которые выдавали себя за посланниковъ, и на которыхъ донесли ихъ соперники, были приговорены къ смертной казни на крестѣ. Тѣмъ не менѣе, новая религія и послѣ того не переставала быть терпимой. Вспыхнувшія въ первое десятилѣтіе семнадцатаго вѣка междоусобныя войны имѣли слѣдствіемъ изданіе, въ 1614 году, повелѣнія о высылкѣ христіанъ изъ страны, и исповѣданіе христіанской вѣры было окончательно воспрещено послѣ возвращенія эмиссара, посланнаго въ Европу для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о религіяхъ западныхъ народовъ. Осужденные за вѣроотступничество, католики на островѣ Кіусіу возмутились въ 1638 году, но были побѣждены и перебиты безъ всякой пощады: тогда-то тысячи несчастныхъ христіанъ были ввергнуты въ море и въ жерло вулкана Унзенъ, близъ города Нагасаки. Въ 1640 году четверо португальскихъ пословъ, прибывшихъ изъ Макао, были преданы смерти какъ христіане, съ большей частью людей ихъ свиты. Тринадцать матросовъ съ ихъ корабля были отосланы на родину съ слѣдующимъ грознымъ предостереженіемъ: «Пока солнце освѣщаетъ землю, пусть ни одинъ христіанинъ не дерзаетъ являться въ Ниппонъ. Да будетъ вѣдомо о томъ всѣмъ и каждому! Если бы испанскій король персонально или богъ христіанъ, самъ великій Шакіи (то-есть Будда), вздумали нарушить этотъ заговоръ, то мы велѣли бы снести имъ голову».

[1]) Максъ Мюллеръ, „Засѣданіе Парижской академіи надписей и словесности 23 сентября 1881 г.“.
[2]) Mohnicke, „Die Japaner“.
[3]) *Griffis;—Satow;—Rein.*
[4]) *Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“.*

[1]) Дате Масамуне, князь Сендая (1567 — 1673 г.) Прим. ред.
[2]) Charlevoix, „Histoire du Japon“.
[3]) „Annales de la propagation de la Foi“, 1868.

Однако, нѣкоторое число католиковъ сохраняли свою вѣру въ захолустьяхъ, въ деревняхъ, удаленныхъ отъ центровъ населенія; во время революціи 1867 года четыре тысячи

Горожане Токіо.

этихъ христіанъ были сосланы на архипелагъ Гото [1]) и на другіе острова морскаго прибрежья

[1]) Въ настоящее время жители острова Гото почти всѣ католики. Прим. ред.

за то, что отказались участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ въ честь микадо, и не получили позволенія вернуться на родину даже послѣ вѣроотступничества, такъ что освобожденіе ихъ изъ ссылки состоялось только по настоянiямъ европейскихъ посланниковъ. Тѣмъ не менѣе пропаганда христіанства въ настоящее время производится свободно въ портовыхъ го-

родахъ, открытыхъ иностраннымъ кораблямъ, и правительство разрѣшаетъ преобразованіе буддійскихъ храмовъ въ католическія или протестантскія церкви. Англійскіе и американскіе миссіонеры выказываютъ наибольшее рвеніе въ этомъ дѣлѣ прозелитизма, хотя нельзя скрыть того факта, что въ 30-лѣтъ усилій они достигли лишь весьма незначительныхъ результатовъ. По Кристлибу [1]), въ 1879 году число туземныхъ христіанъ въ Японіи было слѣдующее:

Римско-католиковъ — 4.000; православныхъ—3.000 (по Касаткину 5.000); протестантовъ различныхъ сектъ—7.500.

По свѣдѣніямъ, даваемымъ японской «The Japon Weekly Maie», число христіанъ японцевъ въ странѣ въ 1897 году было:

Протестантовъ—38.710 челов. (кромѣ пресвитеріанъ, число коихъ неизвѣстно); католиковъ—52.177; православныхъ—23.153; число миссіонеровъ: протестантовъ — 680; католиковъ—96; православныхъ—11.

Число миссіонерскихъ школъ и количество обучаемыхъ въ нихъ:

Протестантскихъ: начальныхъ школъ — 105 съ 6.831 ученик.; среднихъ—15 съ 1.520; женскихъ—47 съ 2.527; воскресныхъ—837 съ 30.627; духовныхъ—17 съ 233 челов.

Православныхъ: начальныхъ—2 съ 69 чел.; среднихъ—1 съ 53; женскихъ—1 съ 77; духовныхъ—1 съ 11 челов.

Католическихъ: начальныхъ—4 съ 2.982; промышленныхъ—29 съ 622; высшихъ 2 съ 206; женскихъ—3 съ 180; духовныхъ—1 съ 42 челов. [1])*.

Съ другой стороны, буддійскіе жрецы, принадлежащіе по большей части къ «протестантской» сектѣ мантоистовъ, которая отвергаетъ безбрачіе и умерщвленіе плоти, предпринимаютъ поѣздки въ Европу съ спеціальной цѣлью найти тамъ аргументы противъ христіанства и обратить ихъ противъ самихъ миссіонеровъ. Большая часть подобныхъ сектъ, число которыхъ весьма значительно, каковы общество «Бѣдныхъ братьевъ», общества «Единомыслящихъ», «Недовольныхъ», «Морскихъ водорослей» и разныя другія, подвергались лишь косвенно вліянію европейцевъ и занимаются болѣе обновленіемъ соціальнаго строя, чѣмъ измѣненіями культа. Видя авантюристовъ, которые высаживаются въ ихъ порты, японцы въ массѣ не научаются уважать религію иностранца: «Дерево, говорятъ они, должно познавать по его плодамъ».

Суровость климата, въ особенности частые туманы и недостатокъ солнечнаго свѣта, не позволили земледѣльцамъ селиться ни на Курильскихъ островахъ, ни въ большомъ четыреугольникѣ, который образуетъ сѣверная часть острова Іессо, и никакая спеціальная промышленность не получила достаточно важнаго значенія, чтобы привлечь туда многочисленныхъ колонистовъ. Въ 1897 году все населеніе Курильскихъ острововъ состояло изъ 1.820 постоянныхъ жителей [1]), не считая промышленниковъ, пріѣзжающихъ на временныя рыболовныя и звѣроловныя станціи, которыя заведены японцами на островахъ Кунаширѣ и Итурупѣ; но сѣверные острова остаются и до сихъ поръ почти пустынными, благодаря тому, что населеніе ихъ водъ было будто бы нѣкогда истреблено русской компаніей Филиппеуса, до уступки архипелага Ниппону; только три изъ сѣверныхъ Курильскихъ острововъ имѣютъ по нѣсколько хижинъ, — Сумшу, Унекатанъ и Синскатанъ; 72 жителя — такова была въ 1875 году общая цифра населенія этихъ трехъ острововъ. Главная масса острова Іессо почти необитаема во внутренней части, и группы лачугъ, называемыя громкимъ именемъ городовъ, какъ Сойя, на берегахъ Лаперузова пролива, противъ Сахалина, Сибецъ и Неморо, напротивъ острова Кунашира, въ дѣйствительности не что иное, какъ рыбачьи деревушки. Городское населеніе, впрочемъ, весьма значительное въ сравненіи съ населеніемъ всего края, сосредоточилось въ городахъ юго-западной области, гдѣ климатъ умѣреннѣе, и гдѣ матеріальныя средства всякаго рода гораздо болѣе многочисленны, нежели въ сѣверной области.

Столица острова, Саппоро (Сацпоро), расположенная въ широкой аллювіальной равнинѣ, по которой протекаютъ рѣка Ишикари и ея притоки, есть городъ, построенный по американскому образцу въ 1870 году и снабженный даже «Капитоліемъ», стараніями кайтакуси или «колонизаціоннаго бюро»; профессора, прибывшіе изъ Соединенныхъ Штатовъ, основали тамъ школу земледѣлія, устроили древесные питомники и образцовыя фермы; участки земли въ окрестностяхъ были розданы тысячѣ солдатъ, переселившихся сюда со своими семьями. Саппоро уступаетъ по важности рыбопромышленному городу Ишикари, построенному при устьѣ рѣки, въ которую лососина заходитъ густоскученными стаями; въ 1860 году тамъ наловили около 1.200.000 штукъ этой рыбы. Большія суда не могутъ переходить баръ, гдѣ глубина воды измѣняется отъ 2 до 3 метровъ смотря по времени года; жете, построенныя въ надеждѣ углубить фарватеръ, оказались безполезными.

На морскомъ берегу, который тянется къ западу отъ Ишикари, городъ Отару (Отарунай), портъ столицы края, съ которой онъ соединенъ желѣзной дорогой, тоже ведетъ отпускную торговлю рыбой, отправляя этотъ продуктъ даже въ Китай: тамъ ежегодно сушатъ около шести милліоновъ семги, а сельди сотнями тысячъ употребляются на приготовленіе искусствен-

*) *Christlieb*, „Missions Evangéliques".
*) *„The Japon Weekly Maie", 1898 г.*

[1]) „Résumé statistique", 1898.

наго удобренія [1]). На юго-западѣ, на берегу другой бухты, находится портъ Иванай, откуда вывозятъ каменный уголь, добываемый изъ сосѣднихъ копей. Гораздо болѣе населенъ морской берегъ, обращенный на югъ, и на который ведетъ дорога, огибающая массивъ горъ на югѣ отъ Саппоро: на этомъ берегу находятся города Сару, обладающій каменноугольными копями, Юбуцъ, сборный пунктъ японскихъ рыболововъ, и мѣстечко Мороранъ, военно-морской портъ, расположенный на берегу глубокой бухты Едомо (Эндомо, Эндермо), которая имѣетъ не менѣе 8 метровъ на порогѣ бара, при низкомъ стояніи воды: это мѣсто посадки на суда для путешественниковъ, которые переѣзжаютъ чрезъ Бухту вулкановъ, чтобы отправиться съ острова въ собственномъ смыслѣ на полуостровъ Осима и въ городъ Хакодате, построенный полукругомъ на песчаномъ перешейкѣ, вдоль берега одного изъ самыхъ безопасныхъ рейдовъ во всемъ свѣтѣ.

Открытый иностранной торговлѣ съ 1854 г., портъ Хакодате, откуда можно видѣть, въ ясную погоду, горы главнаго острова, много выросъ съ половины текущаго столѣтія; населеніе его упятерилось, около сотни европейцевъ поселились въ немъ, рядомъ съ японцами и китайцами. По послѣднимъ даннымъ въ Хакодате проживаетъ 85 иностранцевъ изъ которыхъ 32 китайца [2]), населеніе же вообще достигаетъ 70.821 чел. [3]). Китоловы, ходящіе на промыселъ въ Охотское море, избрали этотъ городъ своимъ сборнымъ мѣстомъ; рейдъ каждый годъ посѣщается японской военной флотиліей, но собственно внѣшняя торговля порта незначительна, такъ какъ туземные пароходы захватили въ свои руки почти всю перевозку товаровъ и устранили конкурренцію иностранныхъ судовъ (цѣнность внѣшней торговли Хакодатскаго порта въ 1895 году: 908.750 дол.). Одинъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли Хакодате составляетъ камцу или морская капуста, съѣдобный водоросль, который вырываютъ длинными ремнями (отъ 6 до 12 метровъ длины) и сушатъ на песчаныхъ берегахъ, прежде чѣмъ отправлять въ порты главнаго острова и южнаго Китая [4]). Красивые загородные дома разсѣяны по скатамъ холма (въ 300 метровъ высотою), который господствуетъ надъ входомъ въ Хакодатскій рейдъ и надъ перешейкомъ, по берегу котораго расположенъ городъ. На западномъ берегу острова Іессо, городъ Іезаси — тоже многолюдный центръ, тогда какъ Мацмай или Фукуяма, самый южный городъ этого острова, лежащій у входа въ Сангарскій проливъ, пришелъ въ упадокъ со времени уничтоженія феодальнаго порядка; онъ пересталъ быть резиденціей маленькаго удѣльнаго двора и не пользуется торговыми выгодами, какія обезпечены городу Хакодате международными трактатами, открывшими этотъ портъ иностраннымъ кораблямъ; при томъ же мѣсто якорной стоянки въ Мацмаѣ неудобное, и суда подвергаются тамъ сильной качкѣ, когда дуетъ южный вѣтеръ.

Главные города на островѣ Іессо суть:

Хакодате—70.821 (въ 97 г.) жит.; Немуро 20.227 (въ 97 г.) Сару — 18.000; Іезаси — 17.500; Мацмай—16.000; Отару (Отарунай)—50.717 (въ 97 г.); Саппоро (Сацпоро)—33.87 жит. (въ 1897 г.) [1]).

Сѣверная оконечность главнаго острова Ниппона или Хондо слабо населена: какъ и островъ Іессо, она не имѣетъ рисовыхъ полей и частью получаетъ свое продовольствіе съ юга. Вслѣдствіе этого, города рѣдки въ этой области; жители скучены многочисленными общинами лишь въ долинѣ рѣки Китаками, принадлежащей уже къ поясу культуры риса.

Аоморн, на южномъ берегу широкой бухты, образующей вырѣзку въ сѣверной части континента, составляетъ конечный портъ Хондо и обязанъ нѣкоторой важностью движенію путешественниковъ, которые садятся тамъ на суда, отправляющіяся въ Хакодате. Хиросаки, бывшая столица обширнаго княжества,—болѣе значительный городъ; но нужно проѣхать болѣе 120 километровъ на юго-западъ или на юго-востокъ отъ этого города, прежде чѣмъ встрѣтить другіе довольно оживленные центры населенія: таковы города Кубата или Акита, при впаденіи рѣки Мимоно-гава въ Японское море, и Моріока, на верхнемъ теченіи рѣки Китаками. Въ этомъ рѣчномъ бассейнѣ разрабатываются богатые мѣдные рудники, и добываемая изъ нихъ руда отправляется на плоскодонныхъ судахъ въ портъ Исиномаки, лежащій при устьѣ рѣки, на берегу Сендайской бухты, усѣянной островами: глубина воды на барѣ при входѣ въ рѣку измѣняется отъ 3 до 4 метровъ. Сендай, большой городъ, окруженный рисовыми полями, который далъ свое имя этой вырѣзкѣ прибрежья, находится въ 15 километрахъ отъ берега моря, но онъ имѣетъ тамъ мѣсто дачной жизни, городокъ Сихогама (Сивокама), расположенный на одной изъ самыхъ живописныхъ бухточекъ, напротивъ архипелага маленькихъ острововъ, поросшихъ соснами и криптомеріями. Товары, отправляемые сендайскими негоціантами, перевозятся на судахъ изъ Сихогамы въ гавань острова Исабама, принадлежащаго къ архипелагу Матсусима, гдѣ они перегружаются на джонки.

На югъ отъ Сендая, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ, Нигонматсъ, Фукусима и другіе, въ долинѣ рѣки Абукма, насе-

[1]) Saint-John, „Journal of the Geographical Society“, 1872.

[2]) „Chronicle and directory 1897 г.“.

[3]) „Résumé statistique“, 1898.

[4]) Harry Parkes, „Proceedings of the Geographical Society“, 12 февр. 1872.

[1]) Цифровыя данныя, относящіяся къ 1897 году, даны согласно Японскому оффиціальному изданію „Résumé statistique de L'empire du Japon“, 1898 г. Прим. ред.

леніе которыхъ съ успѣхомъ занимается шелководствомъ; но самые многолюдные города, какъ-то: Іонезава, Ямагата, господствующій надъ окрестными полями и селеніями съ высоты своего холма, Цуругаока (прежде назывался Сіонай), Саката, находятся на западѣ, на покатости Японскаго моря, въ такъ называемомъ «Земномъ раѣ», гдѣ извивается рѣка Могами-гава. Вакаматсъ, главный городъ кена или области, построенъ на той же покатости, къ западу отъ озера Инавасиро и теплыхъ минеральныхъ ключей Хигасима-яма, бьющихъ изъ вулканической разсѣлины. Лѣса окрестностей очень богаты лаковымъ деревомъ, которое утилизируется мѣстными жителями для приготовленія лакированыхъ издѣлій; въ сосѣдствѣ областнаго города существуетъ фарфоровая мануфактура, одно изъ важнѣйшихъ заведеній этого рода во всей Японіи. Ручей или кава этого округа соединяется въ окрестностяхъ Нихигаты съ рѣкой, текущей изъ Сибаты, и съ боковыми потоками другаго, болѣе обильнаго ручья, Синано или «Рѣки тысячи медвѣдей», извилистая долина которой имѣетъ общее направленіе съ юга на сѣверъ. Эта страна одна изъ самыхъ производительныхъ по выдѣлкѣ шелка, доставляемаго дубовымъ шелкопрядомъ и собственно шелковичнымъ червемъ; кромѣ того, жители занимаются культурой лекарственныхъ растеній. Между городами ея есть нѣсколько многолюдныхъ и торговыхъ: таковы Матсумото, въ верхней части долины, Одзія и Нагаока, въ равнинахъ низовьевъ рѣки.

Городъ Ніигата или Нигата, то-есть «Новый прудъ», гдѣ сходящіяся дороги двухъ долинъ соединяются съ «сѣвернымъ трактомъ», носящимъ то же названіе, какъ и округъ Гокроку, обязанъ своимъ довольно важнымъ значеніемъ этой встрѣчѣ торговыхъ путей, на берегахъ судоходной рѣки, по которой поднимаются пароходы. Городъ, перерѣзанный каналами, окруженный широкими аллеями или бульварами, какъ города Голландіи, одинъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ Японіи и въ то же время одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ наибольшее число школъ; такъ же, какъ большая часть другихъ многолюдныхъ центровъ холоднаго ската острова, Ніигата отличается отъ населенныхъ центровъ восточной и южной частей своими широкими навѣсами, подъ которыми прохожіе укрываются лѣтомъ отъ солнца и дождя, а зимой отъ обильныхъ снѣговъ. Ніигата принадлежитъ къ числу портовъ Японіи, открытыхъ иностранной торговлѣ, но движеніе его торговаго обмѣна моремъ незначительно: баръ, заграждающій входъ въ рѣку, и вѣтры, которые во время зимнихъ мѣсяцевъ часто дуютъ съ страшной силой, дѣлаютъ его *подступы очень* опасными; суда должны *становиться на якорь передъ баромъ, въ открытомъ морѣ, на разстояніи почти 2 километровъ* отъ берега, и при томъ на дурномъ песчаномъ днѣ; съ берегомъ они могутъ сообщаться неиначе, какъ посредствомъ плоскодонныхъ сампановъ. Вслѣдствіе этого, ранѣе, до проведенія желѣзной дороги, почти всѣ произведенія богатой Ніигатской равнины, лакированныя издѣлія, рисъ, шелкъ, чай, пенька, жэньшэнь, индиго, каменный уголь, асфальтъ, должны были быть отправляемы въ Токіо по скернымъ горнымъ дорогамъ. Одинъ приморскій городъ, лежащій въ пятидесяти километрахъ къ юго-западу, Терадомари, хотѣлъ было замѣнить Ніигату въ качествѣ экспедиціоннаго порта, отнявъ у нея ея главную рѣку, Цикуму или Шинано-гаву. Такъ какъ эта рѣка проходитъ въ десяти километрахъ къ востоку, по другую сторону порога, образуемаго рядомъ невысокихъ холмовъ, то возъимѣли мысль прорыть каналъ, чтобы отвести Шинано-гаву и заставить ее изливаться прямо въ море при городѣ Терадомари. Даже въ настоящемъ своемъ видѣ Ніигатскій портъ все-таки есть лучшая гавань на этомъ берегу, благодаря тому, что лежащій напротивъ островъ Садо частью защищаетъ его отъ вѣтровъ и волненія моря; поэтому правительство обращалось ко многимъ инженерамъ, англійскимъ, голландскимъ, американскимъ, японскимъ, спрашивая ихъ мнѣнія относительно устройства глубокаго фарватера, при помощи жете параллельныхъ или сходящихся [1]). Другіе приморскіе города этого прибрежья, на сѣверѣ—Мураками, на югѣ—Терадомари, Касивазаки, Имаматси, портъ города Такаты, откуда вывозятъ шелкъ, канаты, писчую бумагу и въ особенности жэнь-шэнь, представляютъ судамъ еще менѣе безопасные рейды. Съ высоты дюнъ, отдѣляющихъ городъ Ніигату отъ моря и укрѣпленныхъ насажденіями сосенъ, можно разглядѣть, въ ясную погоду, горы острова Садо, имѣвшаго прежде весьма важное значеніе, благодаря богатству его золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, разрабатываемыхъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ въ окрестностяхъ Айкавы, главнаго города острова. Обороты внѣшней торговли Ніигатскаго порта въ 1895 году простирались до 57.240 дол.

На берегу большой бухты, защищаемой съ западной стороны длиннымъ мысомъ Ното, сгруппировано нѣсколько торговыхъ городовъ, какъ-то: Увотсъ, Синъ-минато, Тояма, Такаока, обогащаемый производствомъ бронзовыхъ издѣлій. На юго-западѣ, Каназава (Исикавакенъ), большой городъ, расположенный среди богатыхъ плодородныхъ полей, въ 8 километрахъ отъ моря,—тоже мануфактурный центръ, славящійся своими рѣзными бронзами, разрисованными фарфорами, дорогими матеріями; здѣсь устроены обширныя мастерскія, приводимыя въ движеніе паромъ, для мотанія шелка;

[1]) Ніигатскому порту придется играть еще болѣе важную роль при окончаніи сплошнаго пути черезъ Сибирь къ Владивостоку. Прим. ред.

многіе промышленные центры, каковы Коматсъ и Микава, составляютъ, такъ сказать, свиту Коназавы. Мѣстечко Такаматсъ служитъ портомъ для Каназавы и вообще для всей окрестной промышленной области, надъ которой господствуютъ, съ южной стороны, покрытые снѣгомъ скаты Сиро-яма (Хиро-яма) или Бѣлой горы. Такаяма и другіе внутренніе города важны главнымъ образомъ какъ рынки земледѣльческихъ произведеній. На югѣ, другой портъ, Сакаи, ведетъ отпускную торговлю произведеніями сельскагохозяйства и промышленности, привозимыми изъ сосѣднихъ городовъ, Охоно, Маруока, Фукуй.

Къ югу отъ богатыхъ Сендайскихъ равнинъ совсѣмъ нѣтъ многолюдныхъ городовъ на всей каменистой части морскаго прибрежья, которую большая и желѣзная дороги обходятъ на западѣ. Мито, городъ, пришедшій въ упадокъ, гдѣ жители занимаются преимущественно мраморной промышленностью, выдѣлкою суконъ, бумаги и папиросъ, есть первый приморскій городъ, который мы встрѣчаемъ на этомъ берегу, среди аллювіальныхъ равнинъ, которыя рѣка Накагава отложила при устьѣ, въ бывшемъ заливѣ, превратившемся теперь въ озеро. Населеніе сгруппировалось въ болѣе значительныя агломераціи въ плодородной равнинѣ, которую орошаютъ воды Тоне-гава и ея притоковъ, на сѣ-

Токіо.—Колоссальный колоколъ въ кварталѣ Шиба.

веро-западѣ отъ Токіо; эта часть Японіи производитъ лучшіе шелка. Два города, Такасаки и Маебаси, прославились своей шелковой промышленностью; въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Маебаси мѣстечекъ, въ Томіока, японское правительство основало образцовую шелкопрядильню, на которой вначалѣ работы производились подъ руководствомъ европейскихъ мастеровъ, выписанныхъ изъ Ліона: это—важнѣйшая и величайшая въ имперіи шелковая фабри-

ка, благодаря получаемымъ ею казеннымъ субсидіямъ. Въ долинѣ одного притока Тонегавы, на склонахъ вулкана Сирана-яма, около мѣстечка Кусатсъ, бьютъ изъ земли горячіе сѣрнистые ключи, имѣющіе температуру отъ 43 до 72 градусовъ; на эти воды пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ несчастные, страдающіе накожными болѣзнями. Низменная область озеръ, болотъ и полузатопленныхъ земель, по которой протекаетъ нижняя Тоне-гава по принятіи притока, спускающаго изъ долины Никко черезъ лѣса криптомерій, представляетъ слишкомъ нездоровую мѣстность, чтобы быть также густо населенной, какъ равнины, лежащія выше по рѣкѣ; главный городъ ея Чоши или Шоси, близъ устья рѣки; она тоже имѣетъ довольно оживленный портъ на сѣверной оконечности бухты Іеддо: это приморскій городъ Фунабаши, бывшій нѣкогда японскимъ «Монако» по существовавшимъ въ немъ игорнымъ домамъ.

Токіо (Токей), нынѣшняя столица и многолюднѣйшій городъ Японской имперіи, назывался прежде Іедо или Іеддо, то-есть «Воротами залива»; теперешнее его имя, синонимъ китайскаго слова дунъ-цзинъ, означающаго «восточную столицу», ведетъ свое начало съ 1869 года, эпохи, въ которую онъ сдѣлался резиденціей микадо. Еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, въ этой области существовали только рыбачьи и земледѣльческія селенія, когда Іеасъ, основатель послѣдней династіи сіогуновъ, построилъ тамъ свой замокъ. Въ правленіе третьяго изъ его преемниковъ Іемицзу всѣ дайміосы получили приказъ имѣть пребываніе въ Іеддо въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году и оставлять тамъ свои семейства и большую часть своихъ слугъ и свиты, и такимъ образомъ многочисленная толпа дворянъ, солдатъ, чиновниковъ и служителей поселилась вокругъ холма, на которомъ раскинулся сіогунскій дворецъ. Въ то же время и торговля, которая всегда была значительна на берегахъ бухты Іеддо, стала средоточиваться въ новомъ городѣ. Въ половинѣ текущаго столѣтія, то-есть въ эпоху высшаго процвѣтанія Іеддо, населеніе города несомнѣнно превышало милліонъ душъ, быть можетъ доходило до полутора милліона, считая въ томъ числѣ 800.000 воиновъ, и дворовыхъ людей дайміосовъ [1]); нѣкоторые писатели утверждали даже, что въ стѣнахъ столицы сіогуновъ было собрано не менѣе двухъ съ половиною милліоновъ жителей [2]). Междоусобная война, отъѣздъ большаго числа князей, въ сопровожденіи всей ихъ дворни, коммерческія катастрофы, бывшія слѣдствіемъ пожаровъ и рѣзни, превратили часть Токіо въ пустыню; но по возстановленіи мира, городъ постепенно снова населился, и онъ имѣетъ не менѣе постоянныхъ жителей, чѣмъ сколько имѣлъ подъ управленіемъ сіогуновъ. Его роль столицы обезпечиваетъ ему въ то же время преобладаніе въ отношеніи торговли и промышленности.

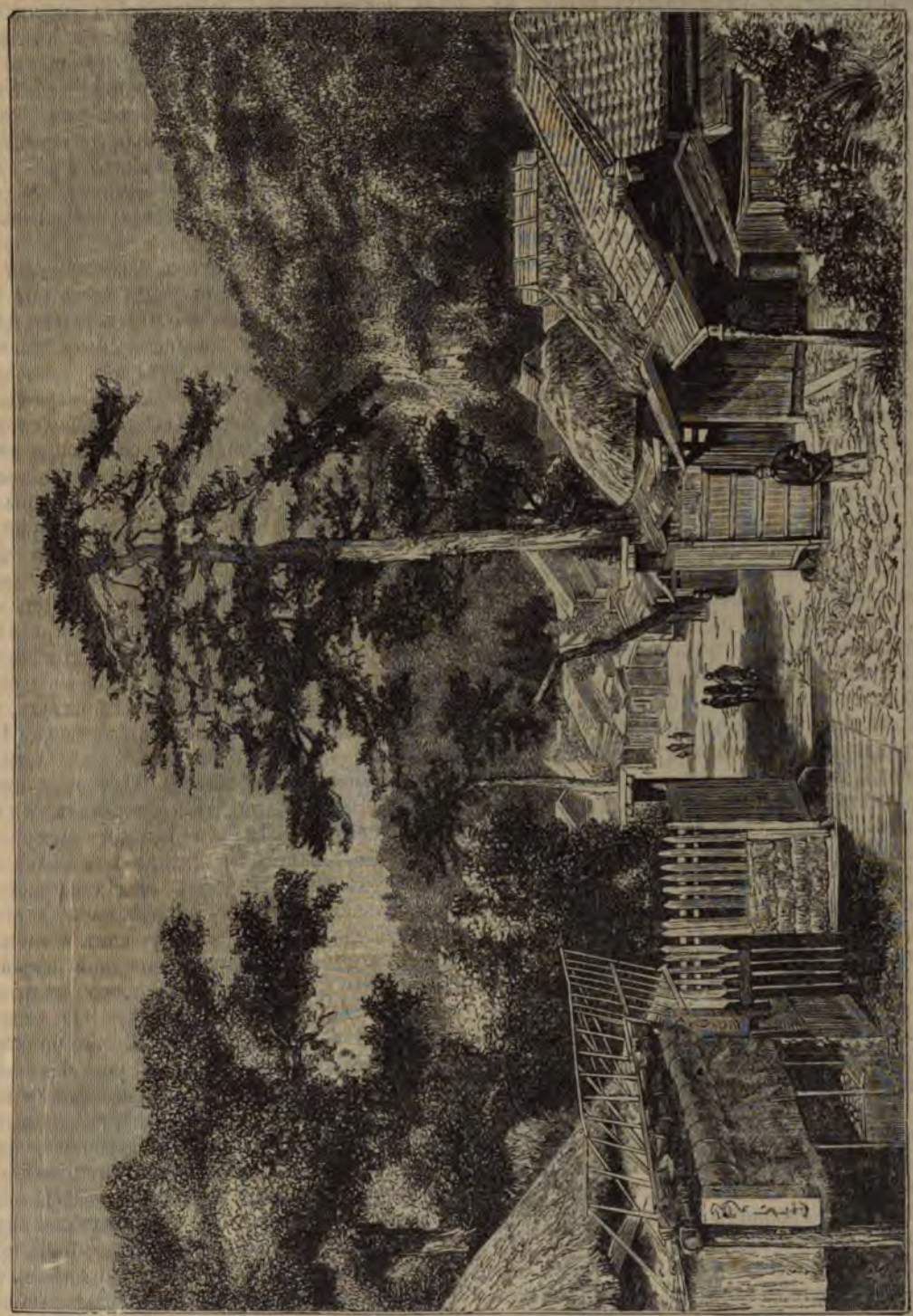
Пространство, заключенное въ чертѣ укрѣпленій Токіо, равняется 215□ версты. Онъ расположенъ на краю топкихъ илистыхъ береговъ, у сѣверо-западной оконечности бухты того же имени и при устьѣ Сумида-гавы, соединяющейся съ одной изъ вѣтвей Тоне-гавы, съ Іеддо-гавой. Съ трехъ сторонъ на югѣ, на западѣ и на сѣверѣ, Токіо окруженъ невысокими лѣсистыми холмами; въ центрѣ города, на плоской горѣ, опоясанной сѣрыми каменными стѣнами и обведенной рвомъ около 6 верстъ въ окружности, стоитъ Онъ-сиро или «благородный замокъ», который въ древности былъ резиденціей сіогуновъ, а потомъ до 1889 года сдѣлался мѣстопребываніемъ микадо [1]). Бывшія жилища дайміосовъ, выстроившіяся вокругъ царскаго дворца, преобразованы по большей части въ министерства, въ присутственныя мѣста, въ учебныя заведенія, и только за чертой этого центральнаго города начинается городъ въ собственномъ смыслѣ. На восточной сторонѣ, между замкомъ и устьемъ рѣки, находится самая оживленная часть торговаго квартала: тамъ стоитъ Ниппонъ-баши или «мостъ восходящаго солнца», принимаемый за центръ путей сообщенія Японіи; отъ этого пункта считаются всѣ разстоянія на дорогахъ имперіи. Въ той части японской столицы, гдѣ кипитъ самая оживленная торговая дѣятельность, видъ бульвара Гинза или «Серебрянаго сѣдалища» напоминаетъ уже видъ европейскихъ городовъ: тутъ на небольшомъ пространствѣ выстроился непрерывный рядъ красивыхъ домовъ изъ кирпича; въ другихъ мѣстахъ, сады, плантаціи чайнаго и шелковичнаго деревьевъ, группы криптомерій, раздѣляютъ различные кварталы. Изъ 300.000 домовъ Токіо большинство построены еще по старой японской модѣ: приступая къ сооруженію дома, прежде всего строятъ крышу изъ черныхъ черепицъ съ бѣлыми крапинками, затѣмъ эту кровлю кладутъ на толстые столбы, между которыми вставляются, въ видѣ перегородокъ, деревянныя рамы, обтянутыя бумагой, и выдвижныя стѣнки. Днемъ эти домики, похожіе какъ двѣ капли воды, одинъ на другой, открыты настежь на улицу, такъ что прохожій можетъ видѣть внутри камидану, то-есть святые образа и табличка предковъ, помѣщенные на почетной этажеркѣ. Въ странѣ, какъ Японія, гдѣ землетрясенія часты, эти домики изъ бамбука и картона, съ передвижными стѣнами представляютъ гораздо меньше опасности, нежели массивныя камен-

[1]) Rodolf Lindau, „Handelsbericht über Japan“.

[2]) *Маяпа Maedan*, „Revue Scientifique“, 10 авг. *1878 г.*

[1]) Въ 1889 году императоръ переѣхалъ въ новый дворецъ. Прим. ред.

ныя постройки, но за то шальная искра можетъ въ одно мгновеніе спалить эти легкія жилища, такъ сказать, заранѣе обреченныя на истребленіе пожаромъ. Утверждаютъ, что средняя продолжительность ихъ существованія не превышаетъ шести лѣтъ: «Огонь—это цвѣтокъ Іеддо», говоритъ мѣстное присловье. При первой тревогѣ, при первомъ крикѣ «пожаръ!», жители хватаютъ цѣнныя вещи и запираютъ ихъ въ амбаръ изъ битой глины, съ желѣзными ставнями и дверями, построенный въ сосѣдствѣ съ домомъ, на случай катастрофы. Въ 1879 году одинъ пожаръ истребилъ до десяти тысячъ домовъ.



Одоваро близъ Токіо.

Можно сказать, что Токіо состоитъ изъ сотни мѣстечекъ и деревень, которыя, разростаясь постепенно во всѣ стороны, соединились, наконецъ, въ одинъ городъ, но оставивъ тамъ и

сямъ пустопорожнія пространства, занятыя садами, рощами и полями. Японская столица не имѣетъ общественныхъ зданій, замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи; но окружающія дворецъ микадо стѣны, построенныя изъ циклопическихъ камней, увѣнчанныхъ черезъ извѣстные промежутки башнями въ формѣ кіосковъ и поднимающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на тридцать метровъ надъ широкими и глубокими рвами, представляютъ довольно величественное зрѣлище. Ясики, палаццо бывшихъ дайміосовъ, представляютъ низкія строенія, окруженныя стѣнами, украшенныя портиками изъ рѣзнаго дерева. Но самыя любопытныя и наиболѣе разукрашенныя всевозможными орнаментами зданія столицы—это буддійскіе храмы, которыхъ насчитывается болѣе тысячи въ различныхъ частяхъ города, и которые особенно многочисленны въ кварталѣ Асакуса, гдѣ находится, между прочимъ, храмъ богини милосердія Кваннонъ: это наиболѣе посѣщаемое изъ всѣхъ святилищъ столицы; вмѣстѣ съ тѣмъ это самый почтенный памятникъ по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ древности, ибо Асакуса по преданію есть тотъ островокъ, гдѣ были воздвигнуты первыя постройки Іеддо, надъ водами залива и болотъ. Окрестные холмы, между которыми самые высокіе—Шибо и Уено, первый на южной, второй на сѣверной сторонѣ города, господствуютъ надъ моремъ домовъ и священныхъ зданій, и сами, въ свою очередь, увѣнчены храмами и гробницами, замѣчательными богатствомъ рѣзьбы на деревѣ, изяществомъ столярной работы, отдѣлкой орнаментовъ, грандіозностью портиковъ или торіи, величиной колоколовъ.

Устроенные на этихъ двухъ холмахъ музеи содержатъ: одинъ — предметы естественной исторіи, другой памятники японскаго искусства и этнографическую коллекцію, чрезвычайно цѣнную для изученія дикихъ народцевъ, живущихъ въ Іессо и на Курильскихъ островахъ. Окружающіе городъ парки, насажденные въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Японіи, столь богатой великолѣпными деревьями. Вокругъ всѣхъ храмовъ листва японскаго клена и салисбюрія перемѣшивается съ иглами сосенъ и криптомерій: азалеи, камеліи раскидываютъ свои пышные гроздья цвѣтковъ вокругъ тонкихъ стрѣлокъ бамбуковъ. Кладбища, изъ которыхъ, одно расположенное при холмѣ Шиба, заключаетъ, между прочимъ, гробницы и изображенія упомянутыхъ выше сорока семи ронновъ, — изображенія, полныя силы и драматическаго эффекта,—составляютъ въ то же время тѣнистыя и цвѣтущія мѣста гулянья. Въ подражаніе европейскимъ столицамъ, Токіо, который со всѣхъ сторонъ окруженъ садоводственными заведеніями, не преминулъ обзавестись также ботаническимъ садомъ, и изъ всѣхъ существующихъ садовъ этого рода японскій есть безспорно одинъ изъ самыхъ любопытныхъ. Но Токіо, столь богатый гульбищами и увеселительными мѣстами, не имѣетъ площадей, гдѣ могла бы собираться толпа. Такъ какъ въ прежнее время народъ былъ исключенъ изъ политической жизни, составлявшей привилегію дворянъ и ихъ васаловъ, то японскіе города не нуждались въ мѣстахъ для народныхъ собраній; гдѣ нѣтъ гражданъ въ настоящемъ значеніи слова, тамъ форумъ безполезенъ сказалъ,—одинъ изъочевидцевъ старой Японіи, но не прошло и 20 лѣтъ какъ мы видимъ въ имперіи уже введеніе конституціи (въ 1889 году), а въ 1890 году открытъ парламентъ [1]).

Европейскихъ резидентовъ, поселившихся на постоянное жительство въ Токіо, всего 807 человѣкъ [2]), однако городъ имѣетъ довольно оживленный видъ. Болѣе двадцати пяти тысячъ дженерикша или курума, ручныхъ колясокъ, возимыхъ рабочими, безпрестанно снуютъ по большимъ улицамъ, заключающимся между замкомъ и берегомъ; каналы, пересѣкающіе нижній городъ во всѣхъ направленіяхъ, покрыты судами, которыя выгружаютъ свои товары въ устроенные по берегамъ склады; рѣка Сумидагава, черезъ которую построено пять мостовъ, соединяющихъ Токіо съ его главнымъ предмѣстьемъ Хонджо, исчезаетъ во многихъ мѣстахъ подъ множествомъ джонокъ всевозможныхъ формъ, гондолъ и яхтъ, гонимыхъ вѣтромъ или приливомъ. Но бухта, гдѣ построены форты на искусственныхъ островкахъ, имѣетъ такую незначительную глубину въ сосѣдствѣ Іеддо, что по ней могутъ плавать только джонки да небольшія буксирныя суда. Настоящій портъ находится на югѣ, передъ предмѣстьемъ Синагава (Торговая рѣка), и большіе купеческіе или военные пароходы должны останавливаться въ Іокогамѣ. Вокругъ желѣзнодорожной станціи, построенной въ южной части города, толпится также много народу, какъ и въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ западной Европы; неподалеку отъ станціи находится кварталъ «европейской концессіи», Тскидзи, гдѣ живетъ небольшое число иностранныхъ негоціантовъ. Такъ же, какъ форты рейда, желѣзная дорога построена частью на землѣ, набросанной середи моря, откуда произошло и названіе квартала, означающее «земляную насыпь». Впрочемъ, болѣе половины города построено на грунтѣ, который еще въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія былъ покрытъ водами моря. Это значительное наростаніе дельты насчетъ залива должно быть приписано не наносамъ рѣки Сумида-гава, очень незначительнымъ, а постепенному поднятію почвы которое, по исчисленію Наумана, составляетъ, въ среднемъ, около 27 сантиметровъ въ столѣтіе [3]).

[1]) C. Bousquet, „le Japon de nos jours".
[2]) „Chronicle and directory", 1897.
[3]) „Mittheilungen von Petermann" 1879 г., № 4.

Городъ труда, Токіо, есть главный центръ промышленности, хотя большая часть его произведеній достоинствомъ не могутъ сравняться въ произведеніями Кіото, старой столицы. Въ Токіо существуютъ фабрики шелковыхъ матерій и другихъ тканей, мануфактуры лакированныхъ издѣлій, фаянсовой и фарфоровой посуды, эмальированныхъ вещей, обширныя судостроительныя верфи, мастерскія машинъ, и отсюда запасаются товарами и продуктами всякаго рода города, лежащіе на востокъ отъ озера Бива. Въ то же время Токіо есть столица страны Восходящаго солнца въ отношеніи умственной дѣятельности и литературной промышленности. Университетъ его, высшее учебное заведеніе имперіи, имѣлъ въ 1879 году двѣнадцать иностранныхъ профессоровъ, сорокъ японскихъ преподавателей и около 150 воспитанниковъ, изучающихъ разныя науки: кромѣ того, болѣе двадцати молодыхъ людей содержались на средства этой школы за границей, частью въ Европѣ, частью въ Новомъ свѣтѣ. *Въ настоящее время (1898 г.) число студентовъ возразло до 1.500; лекціи читаются многочисленнымъ штатомъ профессоровъ, на разныхъ языкахъ. Въ университетѣ факультеты: юридическій, медицинскій, инженерный, математическій, агрономическій и филологическій. Большая часть учащихся медики и юристы*. Институтъ инженеровъ, учрежденіе, соединенное въ 1886 году съ университетомъ, построенное по плану одного французскаго архитектора, есть не только самый красивый и наилучше устроенный памятникъ японской столицы, но также одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ училищъ этого рода по богатству его коллекцій и по обилію превосходныхъ учебныхъ пособій, предлагаемыхъ тамъ воспитанникамъ. Главная библіотека Токіо, состоящая изъ 215.559 томовъ[1]), заключаетъ въ себѣ много сокровищъ, между прочимъ, древнѣйшій извѣстный до сихъ поръ санскритскій манускриптъ, относящійся къ 609 году христіанскаго лѣточисленія [2]); другая библіотека обладаетъ уже слишкомъ 20.000 томовъ на европейскихъ языкахъ. Въ числѣ ученыхъ обществъ столицы Ниппона есть также Географическое общество, издающее періодическій бюллетень своихъ трудовъ, и много другихъ ученыхъ обществъ.

Типы и костюмы.—Дженерикша, ручная коляска.

Іокогама, приморскій городъ, который со времени проведенія желѣзной дороги, имѣющей всего только 30 километровъ длины, превратился въ простой пригородъ столицы, былъ въ 1859 году незначительной рыбачьей деревней, когда торговые трактаты, заключенные съ европейцами, сдѣлали его пристанью линій морскаго судоходства: новыя улицы были проложены черезъ болота и рисовыя поля прибрежья.

[1]) Въ томъ числѣ 101.078 европейскихъ сочиненій. (см. „Enginering“ 1897 г.)

[2]) Max. Müller, „Academie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 23 сент. 1881 г.

Сначала выбрали было, для международнаго рынка, городъ Канагаву, лежащій верстъ на десять сѣвернѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая дорога, называемая Токайдо, поворачиваетъ во внутренность страны; но сосѣдство этой дороги, по которой часто проходили кортежи дайміосовъ, показалось опаснымъ для иностранной колоніи, а съ другой стороны малая глубина порта не позволила бы большимъ судамъ приставать къ берегу. Въ Іокогамѣ, напротивъ, воды глубоки, и пароходы самыхъ большихъ размѣровъ высаживаютъ своихъ пассажировъ на живые мосты, построенные на сваяхъ. Городъ занимаетъ уже обширное пространство земли, и европейскіе негоціанты, американцы (въ 1895 году въ Іокогамѣ насчитывалось 1.745 европейцевъ и американцевъ), китайцы (1.808 человѣкъ) производятъ тамъ значительную торговлю произведеніями страны,—чаемъ, шелкомъ, рисомъ, камфорой, лакированными издѣліями, — которыя обмѣниваются, главнымъ образомъ, на мануфактурные товары западныхъ государствъ. Торговое движеніе Іокогамы въ 1895 г. выразилось слѣдующими цифрами:

Цѣнность привоза — 56.095.830 долларовъ; вывоза — 84.791.634 дол.; общій оборотъ — 140.887.464 дол.

На югѣ отъ Іокогамы, другая бухта, называемая Іокоска (Якоска), верфь японскаго военнаго флота, и на берегахъ ея расположены строенія морскаго арсенала. Въ этой мѣстности ботаникъ Саватье производилъ свои изслѣдованія, имѣющія важное значеніе для изученія флоры Японіи. Главный военный лагерь и штабы войскъ, квартирующихъ въ окрестностяхъ столицы, расположены въ другой части городскаго округа, близъ укрѣпленнаго города Сакура, между дельтами рѣкъ Тоне-гава и Сумида-гава, около основанія полуострова Авакидзуса. Французскіе офицеры руководили устройствомъ полигона, постройкой казармъ и арсеналовъ. На сосѣднемъ плато, извѣстномъ подъ именемъ Токіо-синде или «Новый Токіо», находится земледѣльческая колонія, въ которой правительство поселило бродягъ и занимавшихся контрабандной торговлей купцовъ изъ столицы, давъ имъ домъ и земли; но большая часть поселенцевъ дезертировали [1]).

Бухта, врѣзывающаяся въ морское прибрежье между Іокогамой и Іокоской, носитъ названіе Каназава; на берегу этого залива пріютился, въ очаровательной мѣстности, городокъ того же имени, который въ четырнадцатомъ столѣтіи обладалъ лучшимъ во всемъ государствѣ книгохранилищемъ, а въ настоящее время славится своимъ садомъ древовидныхъ піоновъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ 300 лѣтній возрастъ. Въ 24 километрахъ къ юго-западу отъ Іокогамы, близъ восточнаго берега бухты Сагами, видны остатки того, чѣмъ былъ нѣкогда городъ Камакура, построенный, какъ гласитъ легенда, на мѣстѣ бывшаго озера и сдѣлавшійся столицей страны Восходящаго солнца въ двѣнадцатомъ и въ началѣ тринадцатаго столѣтій. Разрушенный въ 1333 году во время междоусобной войны, онъ такъ и не оправился отъ этого бѣдствія, и въ то время, какъ возвеличивался Іеддо, его сосѣдъ, онъ оставался простой деревней. Но окружающая почва повсюду хранитъ свидѣтельства древняго блеска и великолѣпія Камакуры: это руины сотни слишкомъ храмовъ, развалины многочисленныхъ дворцовъ и гробницы, изъ которыхъ одна посвящена памяти 8.300 легендарныхъ героевъ, одновременно лишившихъ себя жизни. Недалеко отъ Камакуры стоитъ знаменитый идолъ Дайбуцза или «великій Будда», въ которомъ японскіе литейщики сохранили индусскій типъ, придавъ ему удивительное выраженіе ясной кротости и величія. Бронзовая статуя имѣетъ не менѣе 13 метровъ (около 7 саженъ) высоты и заключаетъ во внутренности маленькій буддійскій храмъ; куафюра идола изображаетъ улитокъ, которыя, по словамъ легенды, влѣзли на голову Будды, чтобы защитить его голый черепъ отъ солнечнаго зноя; внутри идола винтообразная лѣстница. Недалеко отъ Камакуры, священный островокъ Іено-сима (Эно-шима), который въ часы отлива соединяется съ твердой землей посредствомъ песчаной косы, тоже принадлежитъ къ числу святыхъ мѣстъ Японіи, наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами; вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Ниппона, одна изъ мѣстностей наиболѣе привлекающихъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ на Іено-сима любоваться великолѣпной картиной, которую представляетъ море, берега и покрытый снѣгомъ конусъ вулкана Фузи-яма. На островѣ пещера длиною въ 53, высотою въ 4 сажени.

На востокѣ и на западѣ отъ полуострова Идзу, два города Одовара и Нумандзъ, лежащіе на большой дорогѣ Токаидо, имѣютъ нѣкоторую важность какъ каботажные порты, черезъ которые отправляются произведенія плодородной области Фузи-санъ. На югѣ отъ Хаконе, его озера и его, пользующихся извѣстностью, ваннъ, городъ Атами, построенный на берегу маленькой бухты, тоже имѣетъ горячіе источники, изъ которыхъ одинъ бьетъ изъ земли въ видѣ гейзера. На оконечности полуострова Идзу, портъ Симода, имя котораго получило на минуту громкую извѣстность во всемъ свѣтѣ, благодаря морскому землетрясенію, разрушившему этотъ городъ въ 1854 году, утратилъ всякую торговую роль съ той поры, какъ Іокогамскій портъ былъ открытъ для иностранныхъ судовъ и ихъ товаровъ. На сѣверѣ отъ области Фузи-яма, въ плодоносной равни-

[1]) G. Bousquet, „Le Japon de nos jours".

нѣ, городъ Кофу,—важенъ какъ рынокъ, регулирующій торговлю шелковыми матеріями; онъ имѣетъ шелкопрядильню, устроенную по образцу французскихъ заведеній этого рода. Состоя главнымъ городомъ департамента Аманаши, городъ извѣстенъ прогрессивнымъ направленіемъ своихъ жителей. Въ немъ больше европейскихъ построекъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Японіи. Ботаническій садъ, профектура, нормальная школа, банки, суды, промышленное училище. Около города обширные виноградники. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ города Сидзуока, Хамамацъ, Тойобаси (Іосида), въ сосѣдствѣ береговъ залива, называемаго Тоготоминада.

Городъ, основанный Ота - набунагой, Нагойя—теперь Айтси-кенъ,—расположенный въ прекрасной равнинѣ, которую различныя рѣки постепенно продолжаютъ своими наносами насчетъ бухты Овари, построенъ въ видѣ совершенно правильной шахматной доски. Это четвертый городъ Японіи по численности населенія и одинъ изъ городовъ, отличающихся предпріимчивостью и трудолюбіемъ своихъ жителей; населеніе его занимается производствомъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, эмальированныхъ издѣлій и фарфоровой посуды; въ Нагойѣ основана медицинская школа. Въ немъ еще сохранился старинный замокъ—одно изъ чудесъ Японіи. Приморскіе города Куана и Атсуда, изъ которыхъ послѣдній посѣщается множествомъ пилигримовъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Японіи на поклоненіе его знаменитому святилищу синтоистическаго культа, служатъ портами главному городу провинціи, равно какъ и другимъ городамъ, находящимся въ той же равнинѣ, Касаматсу, Іонаги, Гифу (Имай-джи), Тсу (Ано-тсу), на западномъ берегу той же бухты Овари,—тоже приморскій городъ, посѣщаемый джонками; выдѣлываемый здѣсь синій фарфоръ, называемый оварійскимъ, по имени провинціи, откуда онъ вывозится, — самый распространенный и наиболѣе употребляемый въ Японіи. Далѣе, на полуостровѣ, который загибается на югѣ залива Овари, въ области Исе, находится важный городъ Ямада, близъ котораго стоятъ самыя знаменитыя святилища синтоистическаго культа, Ге-ку и Най-ку, посѣщаемыя ежегодно міріадами пилигримовъ. Эти храмы первоначально были построены, если не три тысячи лѣтъ назадъ, какъ утверждаетъ преданіе, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ христіанской эры; впрочемъ, нынѣшнія зданія составляютъ лишь точное воспроизведеніе древнихъ капищъ. Черезъ каждые двадцать одинъ годъ строенія разрушаются, замѣняются новыми изъ дерева той же породы и покрываются соломой: ничто не измѣняется въ расположеніи, ни во внутреннемъ убранствѣ зданій при этой періодической реставраціи; ни одно изъ буддійскихъ новшествъ, которыми изобилуютъ другія кумирни, не нарушаетъ первобытнаго вида этихъ древнѣйшихъ и высоко чтимыхъ памятниковъ культа синто [1]). Нѣтъ почти ни одного дома въ странѣ Восходящаго солнца, который бы не имѣлъ на своей «табличкѣ боговъ» клочка бумаги, испещреннаго надписями въ память исейскихъ святынь, и какихъ-нибудь вещицъ изъ священнаго дерева того же происхожденія [2]).

У восточнаго входа во внутреннее японское море естественно долженъ былъ возникнуть важный центръ населенія. И дѣйствительно, Вакаяма, построенный при устьѣ рѣки Іосиногава, на сѣверной сторонѣ пролива, которому голландцы дали названіе Линшотенъ,—значительный и торговый городъ; кромѣ того, онъ славится живописностью своего стариннаго замка, плодородіемъ окружающихъ полей и обиліемъ плодовъ, производимыхъ его садами и нивами. Въ той же долинѣ находится монастырскій городъ Коя-санъ, гдѣ насчитываютъ не менѣе 370 буддійскихъ храмовъ и обителей, служившихъ прежде мѣстами убѣжища, куда стекались со всѣхъ концовъ страны преступники и подозрѣваемые въ преступленіи; рѣзьба на деревѣ, произведенія живописи, лакированные орнаменты, украшающіе кумирни Коя-санъ, принадлежатъ къ цвѣтущей эпохѣ японскаго искусства, а священныя рощи, окружающія зданія храмовъ, состоятъ изъ великолѣпнѣйшихъ деревьевъ, такъ что одна изъ самыхъ величественныхъ японскихъ породъ хвойныхъ получила названіе «коясанскаго дерева».

Бассейнъ рѣки Іодо-гава, который заключаетъ въ себѣ озеро Бива, окаймленное по берегамъ «восемнадцатью сотнями деревень», и въ которомъ находятся города Кіото, Нара, Осака, есть по преимуществу историческая область страны Восходящаго солнца. Уже на берегу озера встрѣчаемъ многолюдный городъ Хиконе, бывшую резиденцію дайміоса, который имѣлъ право на управленіе государствомъ во время несовершеннолѣтія сіогуновъ. Къ востоку отъ этого города, получившаго большую извѣстность въ междоусобныхъ войнахъ конца шестнадцатаго столѣтія, находится станція Секихагара, гдѣ Іеясъ одержалъ, въ 1600 году, рѣшительную побѣду, которая положила основаніе могуществу сіогунской династіи Тукугава, уничтоживъ партію, дѣйствовавшую въ союзѣ съ христіанами. Оцзу и Сига-кенъ, расположенные при выходѣ озера, составляютъ вмѣстѣ одинъ городъ, который тоже очень часто оспаривали другъ у друга соискатели власти, а на высотахъ Гіей-санъ, господствующихъ надъ этимъ городомъ съ сѣвера, находятся знаменитыя святилища синтоистическаго культа

[1]) Всейковъ, „Mittheilungen von Petermann", II, 1879 г.

[2]) Ernest Satow;—Isabella Bird;—Мечниковъ и др.

и буддійскіе храмы еще болѣе извѣстные, въ особенности кумирня Міидера, монахи которой вступали въ борьбу съ Ота-набунагой, диктаторомъ имперіи и покровителемъ миссіонера Франциска Ксавье. Оцзу или Оцу, соединенный съ своимъ длиннымъ предмѣстьемъ Зезе,— значительный торговый городъ и составляетъ какъ бы передовой кварталъ города Кіото, съ которымъ онъ сообщается посредствомъ вѣтви желѣзной дороги. Посредствомъ озерныхъ пароходовъ онъ завоевалъ себѣ монополію всего судоходства по Бивѣ, и теперь на этомъ озерѣ уже не увидишь парусныхъ судовъ. Спеціальность города составляетъ фабрикація соробановъ, особаго рода счетовъ или числительныхъ машинокъ. Городъ пріобрѣлъ печальную извѣстность какъ пунктъ, гдѣ было произведено нападеніе на нашего Государя въ 1891 году.

Городъ Кіото, то-есть, «столица», называемый также Міако или «резиденція», Сайкіо или «западная столица», и Геянзіо, «дворецъ мира и тишины», утратилъ свой высокій рангъ между японскими городами; теперь онъ не болѣе, какъ одинъ изъ трехъ императорскихъ городовъ и только третій по числу жителей; бывъ главнымъ городомъ имперіи въ продолженіе почти одиннадцати столѣтій, онъ развѣнчанъ въ 1868 году въ пользу Іеддо, послѣ революціи, которая измѣнила разомъ правительство, администрацію, иностранную политику и національные обычаи. Населеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, и цѣлые кварталы сдѣлались почти пустынными. Тѣмъ не менѣе, Кіото, городъ историческій, первопрестольная столица (Японская Москва), все еще остается городомъ красоты, изящества и вѣжливости. Равнымъ образомъ онъ стоитъ выше новой столицы, если не по размѣрамъ промышленной дѣятельности, то по крайней мѣрѣ по достоинству и красотѣ своихъ произведеній. Здѣсь находятся лучшіе въ Японіи мастера по фабрикаціи шелковыхъ матерій, парчей, вышивныхъ тканей всякаго рода, финифтяныхъ издѣлій, фарфоровъ, бронзъ съ украшеніями и другихъ металлическихъ вещей. На восточной сторонѣ города, предмѣстье Авата уже много вѣковъ славится своими семействами горшечниковъ, отборныхъ мастеровъ, корейскаго происхожденія. Не работая на фабрикѣ, они приготовляютъ сами, на дому, массу или тѣсто изъ глины, формуютъ ее, дѣлаютъ украшенія и обжигаютъ; отсюда оригинальность и совершенство ихъ работъ, которыя представляютъ настоящія произведенія искусства [1]). Немногіе города Ниппона могутъ сравниться съ Кіото въ отношеніи правильности и чистоты улицъ, которыя всѣ совершенно прямолинейны и пересѣкаются подъ прямыми углами, какъ улицы городовъ Новаго свѣта. Рѣка Камо-гава развертываетъ полукругомъ свой потокъ чистой воды на восточной сторонѣ города и отдѣляетъ Кіото отъ предмѣстій съ домами, построенными въ безпорядкѣ; въ лѣтніе дни толпа тѣснится на берегахъ этой рѣки, на многочисленныхъ перекинутыхъ черезъ нее мостахъ или даже, когда вода стоитъ низко, на островахъ, разсѣянныхъ по рѣкѣ. Бывшій дворецъ духовныхъ императоровъ или микадо, окруженный большимъ, теперь запущеннымъ садомъ, занимаетъ сѣверо-восточный уголъ города, площадью около 10 десятинъ, тогда какъ Нижо, нѣкогда крѣпкій замокъ сіогуновъ, истинныхъ государей, командуетъ на западѣ центромъ Кіото: въ этомъ замкѣ лѣтомъ имѣетъ пребываніе императорскій дворъ. Нѣкоторые изъ храмовъ представляютъ чудеса архитектурнаго искусства, особенно по изящнымъ рѣзнымъ антаблементамъ портиковъ; здѣшнія кладбища самыя красивыя, самыя живописныя во всей Японіи. Оффиціальная статистика насчитываетъ въ городѣ 945 зданій, воздвигнутыхъ въ честь Будды, между ними есть такія, постройка которыхъ восходитъ къ девятому и десятому столѣтію.

Расположенный въ обширной, очень плодородной равнинѣ, производящей, между другими продуктами, лучшій въ государствѣ чай, Кіото дополняется извѣстнымъ числомъ городовъ, которые зависятъ отъ него въ отношеніи своей промышленности или торговли. Такъ, Фузими, который можно разсматривать, какъ пригородъ Кіото, есть главная его пристань на рѣкѣ Удзи-гава, и пароходы регулярно заходятъ туда; ниже, городъ Іодо, построенный при сліяніи рѣкъ Кицу, Удзи-гава и Камо, изъ которыхъ послѣдняя, въ свою очередь, усиливается другой рѣкою, и которыя вмѣстѣ образуютъ Іодо-гаву или «Лѣнивую рѣку», тоже служитъ гаванью для Кіото. Рѣка Кицу, которая соединяется въ этомъ мѣстѣ съ истокомъ озера Бива, протекаетъ выше черезъ Нару, одинъ изъ древнихъ городовъ Японіи и одну изъ первыхъ императорскихъ резиденцій, замѣчательную своими великолѣпными священными рощами и особенно старымъ паркомъ, населеннымъ уже тысячу лѣтъ прирученными оленями, которыхъ посѣтители кормятъ пирожками, и рога которыхъ употребляются на фабрикацію вещицъ всякаго рода, считаемыхъ тоже священными. Одинъ изъ богатыхъ храмовъ Нары заключаетъ въ себѣ колоссальную статую Дайбуцзы или «Великаго Будды», вылитую изъ бронзы, имѣющую болѣе 16 метровъ ($7^1/_2$ саженъ) высоты и вѣсящую 450 тонъ (болѣе 27.000 пудовъ); это самый большой идолъ въ Японіи и одинъ изъ самыхъ древнихъ: происхожденіе его относится къ восьмому столѣтію. Одинъ изъ пригородовъ Нары, Касива-бава, есть древній Асивара, столица царства Зинму-Тенно, основателя династіи ми-

[1]) „Catalogue du Musée Guimet".

кадо. По имени этого села Ниппонъ долгое время былъ называемъ Асиварой, то-есть «Долиной мягкихъ тростниковъ« [1]). Недалеко отъ Нары находится другой важный городъ Коріяма.

Кіото соединенъ желѣзной дорогой съ своимъ приморскимъ портомъ, Осакой, украшеннымъ, какъ обѣ столицы, титуломъ фу, то-есть императорскаго города, и сдѣлавшимся вторымъ городомъ Японіи по численности населенія; въ отношеніи же движенія торговли съ внутренней частью страны онъ занимаетъ первое мѣсто. Осака естественно долженъ былъ пріобрѣсти значительную роль между городами Восходящаго солнца. Разсматривая на картѣ Японскій архипелагъ въ совокупности, тотчасъ же замѣчаешь, что часть страны, занимающая наиболѣе благопріятное положеніе, есть прибрежье главнаго острова, омываемое водами Внутренняго моря. Западный берегъ, выставленный холоднымъ вѣтрямъ и дикому волненію моря, обращенъ къ необитаемымъ берегамъ Маньчжуріи. Восточный берегъ смотритъ въ сторону безграничныхъ пустынь океана. Китайскія суда естественно должны были приставать къ южнымъ берегамъ: эта часть японскаго побережья представляетъ тройную выгоду, пользуясь наиболѣе счастливымъ климатомъ, обладая лучшими гаванями и будучи наиболѣе близкой къ странамъ, издревле цивилизованнымъ. Кромѣ того, порты Внутренняго моря имѣютъ тѣ же преимущества, какъ и рынки, лежащіе вдали отъ моря: они находятся въ центрѣ соединенія многочисленныхъ дорогъ. Осака, построенный недалеко отъ восточнаго входа въ Японское средиземное море, на сѣверѣ отъ города Сакаги, которому онъ наслѣдовалъ какъ большой портъ, занимаетъ центральное положеніе относительно всей южной части главнаго острова, и судоходная рѣка приноситъ ему произведенія очень плодородной и многолюдной равнины. На сѣверѣ отъ Осаки находится самый низкій порогъ между двумя морями; ни одна дорога не представляла болѣе удобнаго пути отъ Японскаго моря къ берегамъ Тихаго океана. Въ водахъ сосѣднихъ съ Осакой бури бываютъ рѣдко, и большіе господствующіе вѣтры — юго-западный и сѣверо-западный, препятствующіе каботажному судоходству въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, замѣняются въ этихъ водахъ чередующимися утренними и вечерними бризами, которыя облегчаютъ движеніе джонокъ [2]). Такимъ образомъ здѣсь соединены были всѣ условія для того, чтобы обезпечить значительную торговлю осакскому рынку. Правда, что суда большаго водоизмѣщенія могутъ становиться на якорь, въ бухтѣ «быстрыхъ волнъ», лишь въ большомъ разстояніи отъ входа въ мелководные мутные каналы, перерѣзывающіе японскій городъ, но его негоціанты съумѣли сохранить свои сношенія съ заграничными рынками и вести дѣла черезъ посредство другихъ болѣе глубокихъ портовъ. Равнымъ образомъ съ помощью многочисленныхъ мелко сидящихъ пароходовъ они съумѣли сохранить за своимъ городомъ роль распредѣлителя риса, рыбы, морскихъ водорослей, лѣсныхъ продуктовъ, во всей южной области Японіи; въ этомъ же городѣ приготовляется лучшая саки (рисовая водка). Наконецъ Осака сдѣлался также промышленнымъ центромъ и фабрикуетъ множество издѣлій, которыя японцы получали прежде изъ Европы, и которыя они теперь находятъ у себя дома. Осакскіе фабрикаты даже вывозятся въ большихъ количествахъ за границу; такъ, въ 1877 году, тамошніе купцы отправили болѣе 4 милліоновъ опахалъ на сумму около 650 000 франковъ.

Осака — это «японская Венеція», по крайней мѣрѣ въ нижней части, гдѣ рѣки и каналы, черезъ которые перекинуты сотни мостовъ, пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ; но одинъ кварталъ города поднимается пологимъ скатомъ на сѣверо-востокъ къ замку, гранитныя стѣны котораго, наполовину разрушенныя, еще импонируютъ своими размѣрами и позволяютъ любоваться съ высоты ихъ общимъ видомъ города, перерѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ серебристыми линіями каналовъ. Монетный дворъ представляетъ въ своемъ родѣ образцовое заведеніе, располагающее столь же совершенными орудіями производства, какъ подобныя заведенія на западѣ и въ Новомъ свѣтѣ. Нѣкоторыя изъ капищъ города принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ храмовъ Японіи; такова пагода Си-Тенножи или «Четырехъ небесныхъ боговъ»,—Мага-раджа у индусовъ,— которая стоитъ на югѣ отъ города и которая дала свое имя пригороду, помѣщаемому статистиками въ числѣ особыхъ городовъ; другой храмъ, расположенный близъ морскаго берега, на дорогѣ изъ Сакаи, который въ промышленномъ отношеніи можетъ быть разсматриваемъ, какъ пригородъ Осаки, есть древнее святилище синтоистическаго культа, посѣщаемое преимущественно рыбаками; при храмѣ есть священные пруды, гдѣ подъ листьями лотуса плаваютъ рыбы и черепахи, которыхъ прокармливаетъ благочестіе вѣрующихъ. Но толпа устремляется теперь на другую сторону города, куда ее привлекаетъ центральная станція желѣзныхъ дорогъ изъ Кіото и изъ Хіого, центръ движенія путешественниковъ и товаровъ въ южной Японіи. Рельсовый путь изъ Хіого, длиною около 36 километровъ, проходитъ черезъ нѣсколько многолюдныхъ городовъ, въ сосѣдствѣ бухты, между прочимъ, черезъ Амагасаки и Нисономію.

Древній городъ Хіого, расположенный при

[1]) Левъ Мечниковъ, „Studies on Japan".
[2]) Кемпферъ; — Воейковъ; — Рейнъ и др.

ваніи высокаго мыса, часто даетъ свое имя
му городу Кобе, отъ котораго онъ отдѣленъ
мъ русломъ рѣки Миното-гавы; мысъ, гос-
ствующій надъ Хіого, защищаетъ на юго-
ѣ портъ Кобе, глубина котораго достаточна
я того, чтобы суда могли бросать якорь вблизи
рега; въ 1874 году насчитывали около 400
ропейцевъ, поселившихся на постоянное жи-
льство въ Кобе; въ 1895 году число ихъ до-
одило до 819 чел.,—это самая многочисленная
олонія иностранцевъ въ Японіи послѣ Іокогам-
кой. Рейдъ можетъ быть разсматриваемъ какъ
ередовой портъ Осаки, и внѣшняя торговля,
приписываемая этому послѣднему городу, про-
ходитъ почти вся черезъ портъ новаго города.
Общая цѣнность иностранной торговли Осаки
и Хіого черезъ Кобе въ 1896 году составляла
86.348.616 дол Живущіе въ Кобе иностранцы
во время лѣтняго сезона ѣздятъ на воды въ
Ариму, гдѣ находятся пользующіеся большою
извѣстностью горячіе ключи, бьющіе изъ земли
на сѣверѣ, въ одной изъ долинъ сосѣднихъ
горъ.

На сѣверномъ берегу главнаго острова, два
города Цуруга и Обама, при бухтѣ Вакаса, со-
отвѣтствуютъ городамъ Осака и Хіого, съ ко-
торыми они сообщаются черезъ озеро Бива и со-
сѣдніе пороги: это сѣверные порты перешейка.
Обращенные къ бурному Японскому морю и
обладая у подошвы своихъ холмовъ лишь узкимъ
поясомъ годныхъ для культуры земель, эти
города не могли питать надежды сравняться по
важности съ торговыми городами южнаго бере-
га; но большія проѣзжія дороги и оканчиваемые
въ скоромъ времени рельсовые пути [1]) сдѣ-
лаютъ возможной перевозку произведеній юж-
ной области къ сѣверному прибрежью, а паро-
вое судоходство позволяетъ торжествовать надъ
вѣтрами западнаго моря. Портъ Цуруга, хотя
не очень обширный, но могущій принимать са-
мыя большія суда, такъ какъ глубина воды въ
немъ отъ 10 до 20 метровъ, и окруженный
амфитеатромъ холмовъ, который защищаетъ
его отъ всѣхъ вѣтровъ за исключеніемъ сѣверо-
западнаго, есть безспорно лучшая гавань на
внутреннемъ берегу Хондо и уже сдѣлался глав-
нымъ сборнымъ мѣстомъ для судовъ, ведущихъ
торговлю съ портами Кореи и русской Маньч-
журіи. Это одинъ изъ складочныхъ пунктовъ
для съѣдобныхъ морскихъ водорослей и рыбы,
отправляемыхъ изъ Хакодате: сотни барокъ
служатъ каждый годъ посредниками въ этой
торговлѣ съ Цуругой. Уже не разъ поднимался
вопросъ объ открытіи этого порта для евро-
пейскихъ кораблей.

На западѣ отъ перешейка, центръ котораго
занимаетъ озеро Бива, города построены почти
всѣ на берегу Внутренняго моря или, по край-
ней мѣрѣ на южной покатости полуострова, са-
мой плодородной и наиболѣе населенной. Однак
и на сѣверномъ скатѣ есть нѣсколько оживлен
ныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другим
У западной оконечности бухты Вакаса стоит
городъ Юра, окруженный лѣсомъ померанц
выхъ и апельсинныхъ деревьевъ, которыя д
ютъ лучшіе плоды во всемъ Ниппонѣ; недалек
отъ этого города находится «третье чудо
страны—естественный мостъ изъ скалъ, Ам
тате-баши, далеко выдвинутый въ море. Далѣ
береговая дорога проходитъ черезъ городъ Тот
тори, затѣмъ черезъ городъ Іонаго. Прекрасны
городъ Матсуе (Мацуе) живописно располо
женъ на берегу извилистой лагуны (Синзино
ике), наполненной солоноватой водой и сооб
щающей съ открытымъ моремъ узкимъ устьемъ

На южномъ побережьѣ, Акаси, первый го
родъ, который мы встрѣчаемъ, къ западу от
Хіого, недалеко отъ берега Японскаго среди
земнаго моря, господствуетъ надъ великолѣп
ной панорамой, обнимающей островъ Авадзи
двѣ окружащія его большія бухты. Далѣе, го
родъ Гимедзи, полный воспоминаній о дикта
торѣ Тайкосама, расположенъ у выхода очен
плодородной долины и въ мѣстѣ пересѣченія
нѣсколькихъ дорогъ съ линіей желѣзной дороги
построенной подъ руководствомъ француз
скихъ инженеровъ. Отъ нея дорога ведетъ в
внутреннюю часть полуострова къ важным
икунскимъ рудникамъ, главному металлургиче
скому заведенію имперіи; французскіе промыш
ленники, управляющіе этими горными заво
дами, добываютъ золото и серебро, отправля
емыя на монетный дворъ въ Осаку, но еш
не утилизируютъ богатыхъ мѣсторожденій мѣ
ной руды. Главную промышленность горо
Гимедзи составляетъ выдѣлка кожанныхъ из
лій, которыя приготовляются еще по старо
японскому способу, но по красотѣ и прочно
не уступаютъ стариннымъ кордуанскимъ и
изведеніямъ этого рода [1]). Во внутренно
страны, городъ Цуяма занимается преиму
ственно пряденіемъ и окраской тканей и фа
кацією желѣзныхъ издѣлій. Города Окаяма
боковой бухтѣ глубоко врѣзывающагос
твердую землю фьорда, и Фукуяма, на б
другой бухточки Внутренняго моря, был
когда резиденціями могущественныхъ
осовъ; но теперь они уступаютъ, по ва
торговаго значенія, порту Ономици, к
служитъ одною изъ главныхъ пристан
береговыхъ пароходовъ, поддержива
правильное сообщеніе между двумя бе
извилистаго моря.

Хиросима есть, на востокѣ отъ
Хіого-кобе, самый оживленный портъ
няго моря, которое отдѣляетъ отъ Нип
большихъ острова Кіусіу и Сикокъ.
родъ, расположенный, какъ и Осака,

[1]) Цуруга уже соединенъ ж. дорогой. Прим. ред.

[1]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтк

ной оконечности бухты полукругомъ и при устьяхъ рѣки, которая передъ тѣмъ протекаетъ извилистой линіей по плодородной равнинѣ, тоже имѣлъ бы нѣкоторое право на названіе «японской Венеціи», благодаря своимъ извилистымъ каналамъ, многочисленнымъ мостамъ, баркамъ и лодкамъ, снующимъ по всѣмъ направленіямъ. Напротивъ Хирошимы, на одномъ изъ острововъ, которыми усѣяна бухта, пилигримы посѣщаютъ, въ большомъ числѣ, одно изъ «трехъ чудесъ» Японіи, синтоистическій храмъ Итску-сима или «островъ свѣта», посвященный тремъ божественнымъ дѣвамъ, происшедшимъ изъ разбитаго меча бога вѣтровъ [1]). Это святилище заключаетъ нѣсколько изваяній изъ дерева, очень любопытныхъ по ихъ древности; но красу и гордость острова составляютъ его лѣса, во всѣ времена уважаемые топоромъ человѣка. До 1868 года, то-есть до японской революціи, запрещено было ѣсть мясо на священномъ островѣ и не позволялось хоронить тамъ умершихъ. Когда жрецы, пилигримы, содержатели гостиницъ и рыбаки, составляющіе все населеніе острова, лишались одного изъ своихъ, то тѣ, кто отвозилъ его тѣло, для погребенія, на твердую землю, могли вернуться домой лишь по прошествіи пятидесяти дней, въ продолженіе которыхъ ихъ держали запертыми въ особаго рода лазаретѣ. И теперь еще воспрещено обработывать почву на святомъ островѣ Итску-сима, и пища для жителей должна быть привозима каждое утро съ материка; какъ только суда съ продовольствіемъ приближаются къ острову, сотни прирученныхъ оленей сбѣгаются изъ глубины лѣсовъ на берегъ, чтобы получить свою долю привезенныхъ съѣстныхъ припасовъ [2]).

Главные города Ниппона, съ ихъ населеніемъ суть:

Сендай[3])—77.476 жит.; Акита[3])—27.113 жит.; Хиросаки [3]) – 31 295 жит.; Сіонай (Цуругаока)—25.000 жит.; Хиконе – 24.400 жит.; Моріока [3])—31.989 жит.; Вакамацъ—24.793 жит.; Такасаки[3])—30.000 жит.; Саката—21.576 жит.; Ямагата—32.151 жит.; Одзу [3])—34.556 жит.; Канума—15.060 жит.; Май-баси [3])— 0.883 жит.; Утсномія—33.334 жит.: Матсумото—30.130 жит.; Такаяма—13.000 жит.; Нихонмацъ – 11.000 жит.; Аомори—24.212 жит.; Гифу (Имайдзми) [3])—31 075 жит.; Исиномаки—10.000 жит.; Огаки—10.200 жит; Носиро—10.000 жит.; Хатсиное—10.000 [3]) жит.

Каназава (Исикава)—85.916 жит.; Тояма—58.975 [1]) жит.; Фукуйи—44.290 [1]) жит.; Ніагата—51.335 жит.; Таката — 20.500 жит.; Нагаока—24.000 жит.; Такаока—31.000 [1]) жит.; Синъ-Минато—18.900 жит.; Сибата—18.300 жит.; Касивазаки—14.000 жит.; Айгава 13.000 жит.; Цуруга—11.500 жит.; Муроками 10.000 жит.; Увоцъ—10.000 жит.; Комацъ—10.000 жит.; Охоно—10.000 жит.; Сакаи—49 063 [1]) жит.

Токіо (Іедо), въ 1897 году—1.299.941 жит.; Нагойя—242.085 [1]) жит.; Іокагама—179.502 [1]) жит.; Сидзуока – 32.000 жит.; Ямада – 28.000 жит.; Тсу 23.000 жит.; Мито (Ибараки-кенъ) —30.000 [1]) жит.; Діеси—18.000 жит.; Куана—18.000 жит.; Кофу (Яманаси-кенъ) – 35.738 [1]) жит.; Нумадзь—16.000 жит.; Атсуда (Міа) – 15.200 жит.; Окасака—13.000 жит.; Одовара—13.000 жит.; Уено—12.500 жит.; Хамамацъ—11.000 жит.; Фнабаси—9.500 жит.

Осака 503.600 [1]) жит.; Кіото – 341.101 [1]) жит.; Хіого-кобе – 184.194 [1]) жит.; Сакахи – 39.000 жит.; Фусима (городской округъ Кіото)—23.000 жит.; Нара—29.709 [1]) жит.; Коріяма—15.000 жит.

Матсуе—34.625 [1]) жит.; Тоттори—20.800 жит.; Іонаго—10.250 жит.;

Хирошима — 107.685 [1]) жит.; Хаги (Хаки, Хоги)—35.470 [1]) жит.; Окаяма—57.210 [1]) жит.; Химедзи—31.000 [1]) жит.; Акамага-секи (Симоносеки) Шимоношеки—36.570 [1]) жит.; Фукуяма—17.700 жит.; Цуяма—15.500 жит.; Ономитси—15.000 жит.; Акаси—14.500 жит.; Ямагучи—11.600 жит.; Ивакуни—10.000 жит.

Вакаяма—57.366 [1]) жит.

За Хирошимой, промышленный городъ Ивакуни, прославившійся своими фабриками писчей бумаги, цыновокъ, тканей, расположенъ на западномъ берегу залива. Далѣе, нѣсколько важныхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегамъ маленькихъ бухтъ, до того мѣста, гдѣ открывается проходъ Симоносеки (Акамага-секи), на сѣверной сторонѣ котораго протянулся длинный городъ того же имени, сжатый между лѣсистыми холмами и моремъ; въ стратегическомъ отношеніи это Константинополь японскаго Босфора, но онъ играетъ второстепенную роль между городами Восходящаго солнца; на сосѣднихъ берегахъ собираютъ съѣдобныя морскія водоросли. Главнымъ мѣстомъ провинціи Нагато, которая оканчиваетъ островъ Ниппонъ, прежде былъ большой городъ Хаги, построенный на берегу рейда, усѣяннаго островами и островками; нынѣ онъ былъ замѣненъ, какъ центръ областнаго управленія, городомъ Ямагучи, лежащимъ во внутренности острова, на берегу одного неболь-

[1]) Л. Мечниковъ, „l'Empire Japonais".
[2]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann", 1879, II.
[3]) „Stat. du Japon 1898 г."

[1]) „Statist. du Japon 1898 г."

ритока японскаго средиземнаго моря. ко отъ этого города находятся горячіе привлекающіе большое число посѣти-

значительные города острова Сикока роены на берегу или въ непосредствен- сосѣдствѣ моря: та же торговля, которая ала ихъ къ жизни, быстро населяетъ ихъ. шая часть этихъ приморскихъ городовъ щена къ главному острову, отъ котораго отдѣлены только проливами, которые суда ко могутъ переплывать въ нѣсколько ча-. Притягательная сила торгово-промыш-ныхъ центровъ Кіото и Осаки привлекла телей преимущественно на сѣверные берега трова: въ этой части побережья слѣдуютъ инъ за другимъ, отъ востока къ западу, го-да Тукушима, Такамацзу, Маругаме, Имбаръ, ацуяма. На берегахъ пролива, отдѣляющаго икокъ отъ острова Кіусіу, единственный го-родъ—Увазима; южный берегъ, обращенный къ открытому морю, тоже имѣетъ только одинъ городъ, Котси или Коги, главный городъ нѣко-гда могущественнаго феодальнаго княжества Тоса. Благодаря смышлености и промышлен-ному духу своихъ жителей, Котси сдѣлался самымъ дѣятельнымъ городомъ Сикока и цен-тромъ писчебумажнаго производства для всей Японіи.

Главные города островъ Сикока суть: Токушима — 61.489 [1]) жит.; Такамацзу — 34.274 [1]) жит.; Іехиме-кенъ (Мацуяма)— 35.534 [1]) жит.; Маругаме—14.000 жит.; Увазима—12.200 жит.; Имбаръ—12.000 жит.

На большомъ и густо населенномъ островѣ Кіусіу самую оживленную часть составляютъ мѣстности, прилегающія къ южному и западному берегамъ; эта часть Кіусіу обращена въ сторону того южнаго океана, по которому должны были прибыть корабли изъ Европы. На восточномъ берегу островъ Кіусіу имѣетъ только одинъ важный городъ Міясаки, а на сѣверо-восточныхъ берегахъ только два значительныхъ центра населенія—Усуки и Накатсъ. Городъ Ойта-кенъ или Фунай, гдѣ католическіе миссіонеры основали первую христіанскую общину, теперь пришелъ въ упадокъ. Точно также приморскій городъ Кокура, стоящій напротивъ Симоносеки, на югъ отъ входа во Внутреннее море, утратилъ свою важность. Обмелѣніе его рейда не позволяетъ большимъ судамъ приставать тамъ; тогда какъ въ прежнее время перевозка товаровъ и движеніе путешественниковъ производились почти исключительно по дорогѣ, идущей вдоль прибрежья, изъ Нагасаки въ Токіо, и должны были дѣлать переправу въ Кокурѣ, теперь пароходы проходятъ мимо этого города, не останавливаясь въ нем Со временемъ, вѣроятно, будетъ перекинут желѣзнодорожный путеводъ черезъ морской про ливъ, имѣющій въ этомъ мѣстѣ около 1.60 метровъ въ ширину.

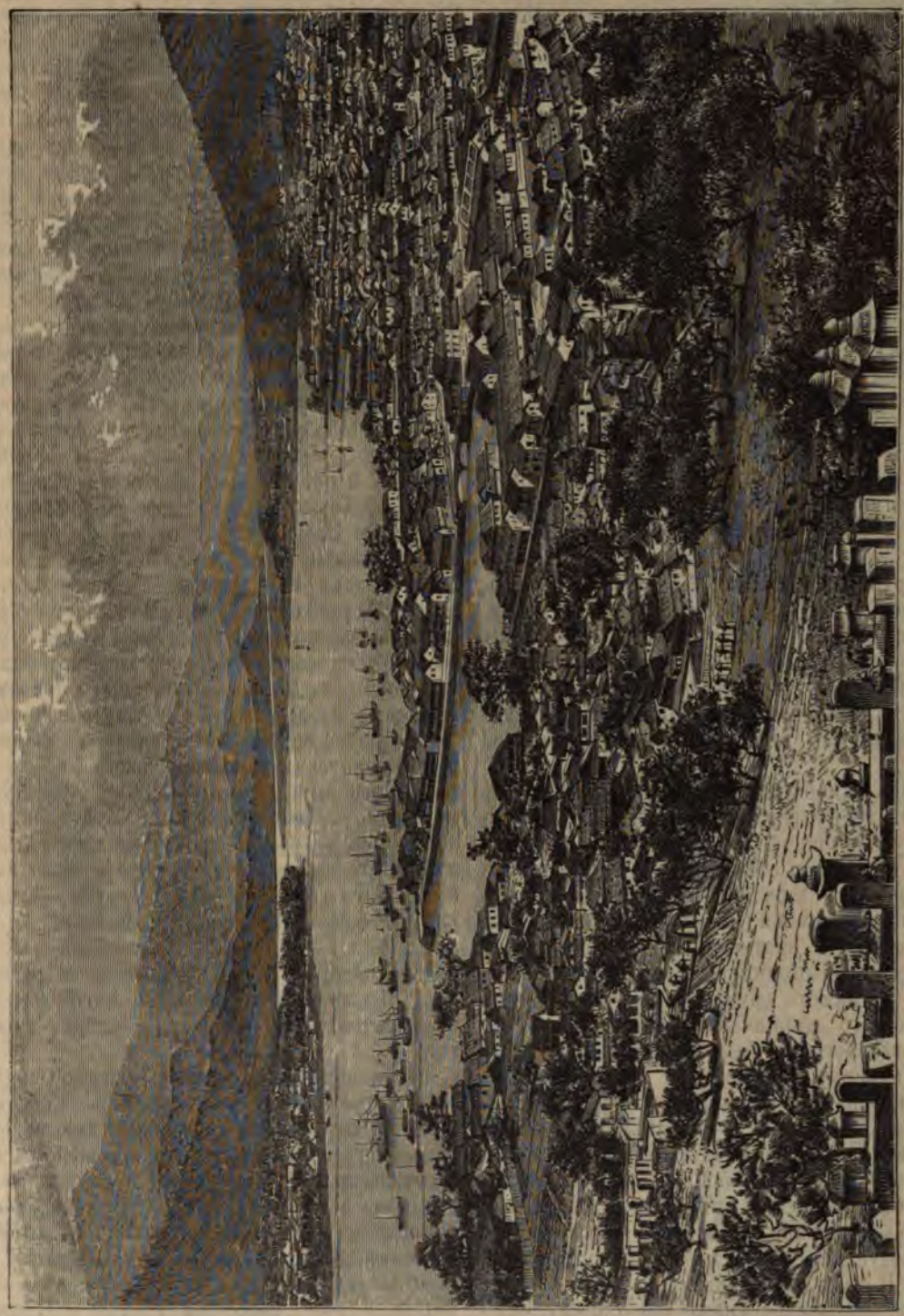
Два города-близнеца, Фукуока и Хаката раздѣленные только устьемъ маленькой рѣки которая изливается въ живописную бухту моря сосредоточиваютъ въ себѣ всю торговлю сѣве ро-западнаго побережья острова Кіусіу. Фуку ока, лежащій на южной сторонѣ рѣки, служит мѣстопребываніемъ администраціи и дворян ства, тогда какъ Хаката есть центръ торго вой и промышленной дѣятельности; тамъ фа брикуютъ, между прочимъ, бумажныя ткани превосходныя шелковыя матеріи; нѣсколь храмовъ и старинныхъ домовъ съ плоскими крышами, находящіеся въ окрестностяхъ этих двухъ городовъ, суть единственныя каменны зданія, которые существовали въ Японіи д недавной революціи. Желѣзныя дороги съ очен оживленнымъ движеніемъ соединяютъ двойно городъ Фукуока—Хаката съ двумя многолюд ными городами Куруме и Сага, лежащим южнѣе, близъ бухты Симабара. На юго-западѣ на полуостровѣ Хизень, разрабатываются зале жи каменнаго угля и фарфоровой глины: в этой мѣстности, особенно въ окрестностяхъ Ари ты, выдѣлываются лучшіе японскіе фарфоры между прочимъ, маленькія чаши съ тонкой прозрачной скорлупой; вокругъ Ариты постоян но работаютъ болѣе 200 фарфоровыхъ заво довъ. Эти произведенія, которымъ долгое вре мя подражали голландцы, называютъ безразлич но фарфорами изъ Хизена, изъ Ариты или из Имари, по старому имени провинціи, мѣст производства или порта, черезъ который о вывозятся. На оконечности полуострова, горо Хирадо (Фирандо), на островѣ того же име важенъ какъ пристань, часто посѣщаемая роходами, совершающими рейсы у береговъ: семнадцатомъ столѣтіи этотъ городъ въ долженіе десяти лѣтъ, съ 1613 по 1623 г былъ указанъ какъ рынокъ негоціантамъ ландскимъ и англійскимъ.

Нагасаки или «Длинный мысъ», получи извѣстность на западѣ, какъ единственны родъ, который японское правительство ос ло полуоткрытымъ иностранной торговлѣ изгнанія португальцевъ въ 1823 году, н надлежитъ къ числу самыхъ большихъ довъ государства: обладая превосходным томъ или, лучше сказать, фьордомъ, оче бокимъ (отъ 20 до 30 метровъ) и хоро щищеннымъ окружающими холмами, онъ ту невыгоду, что находится на оконечн каго полуострова, безъ плодородных стностей, которыя питали бы своими д деніями его торговый обмѣнъ; тѣмъ н однако, торговые обороты его значите расли, но только въ пользу японских

[1]) „Statist. du Japon 1898 г.“

внѣшняя торговля осталась въ прежнемъ состояніи, почти безъ всякой перемѣны.

Внѣшняя торговля Нагасаки въ 1895 году 10.614.787 долларовъ.



Видъ Нагасаки.

Движеніе судоходства въ портѣ Нагасаки въ 1896 г.: 1.282 судна вмѣстимостью 1.810.589 тоннъ. Черезъ Нагасаки вывозятъ лишь незначительное количество земледѣльческихъ продуктовъ, но онъ отправляетъ произведенія своей промышленности, лаковый товаръ, перламутровыя издѣлія, эмальированную глиняную посуду; нѣкоторые сосѣдніе города, какъ, напримѣръ, Фукабори, отнимаютъ у него часть торговаго обмѣна страны. Благодаря историческимъ воспоминаніямъ, Нагасаки есть одинъ изъ городовъ Восходящаго солнца, представляющихъ наибольшій интересъ для европейскаго путешественника; при томъ же великолѣпная

Нагасакской бухты есть безспорно
ъ прелестнѣйшихъ видовъ японскаго
по берегу, вокругъ залива, тянутся,
амфитеатра, изъ густой зелени, горы,
етровъ высоты, окруженныя по скатамъ
но воздѣланными террасами и одѣтыя
ушкахъ лѣсомъ, тогда какъ у входа под-
ся изъ водъ моря многочисленные
, между прочимъ, островной холмъ Та-
или «высокое копье», прозванный гол-
ами Папенбергомъ или «горой папы»,
амять миссіонеровъ и обращенныхъ въ
іанство японцевъ, которые съ высоты
крутыхъ утесовъ были сброшены въ
, въ 1622 году; надъ городомъ на горѣ по-
ваютъ также мѣсто, гдѣ двадцать шесть
стіанскихъ священниковъ были распяты
крестѣ въ 1597 году. Узкій искусственный
ровокъ Децима, вѣерообразной формы,
голландскіе купцы были запираемы какъ
мленные, теперь соединенъ съ твердой зем-
й, а зданія, служившія тюрьмой иностран-
амъ, съ 1639 до 1859 года, были истреблены
ожаромъ. Внутри города показываютъ квар-
алъ, въ которомъ были заключены китайскіе
купцы. Мѣстечко Инаса, въ сосѣдствѣ съ На-
гасаки, имѣетъ нѣсколько доковъ и носитъ на-
званіе русской Японіи [1]). На югѣ, внѣ фьорда,
разсѣяны многіе острова, изъ которыхъ одинъ,
Така-сима, имѣетъ богатыя каменноугольныя
копи, разработываемыя европейскимъ спосо-
бомъ. Въ 1881 году ежедневная добыча угля
въ этихъ копяхъ составляла 1000 тоннъ, столько
же, сколько его добывалось во всей остальной
Японіи.

Городъ Симабара, который былъ разрушенъ
въ 1792 году изверженіемъ Унзена, располо-
женъ у восточной подошвы этого вулкана,
откуда вытекаютъ обильные горячіе источники;
онъ сторожитъ западный входъ въ большую
бухту того же имени (Симабарская), тогда какъ
на востокъ отъ противоположнаго берега, въ
нѣкоторомъ разстояніи во внутренности земель,
городъ Кумамото группируетъ свои дома во-
кругъ своего стариннаго крѣпкаго замка, ба-
стіоны котораго, съ наклонными стѣнами, укра-
шены наверху верандами и красивыми пло-
скими крышами, осѣненными камфарными де-
ревьями. Этотъ городъ— самый центральный и
въ то же время самый многолюдный на остро-
вѣ; но онъ окруженъ лишь маловажными мѣ-
стечками и не имѣетъ приморскаго порта; пло-
скодонныя джонки забираютъ отправляемые
имъ продукты и товары на берегу и перевозятъ
ихъ въ Нагасаки. Напротивъ, въ южной части
острова, знаменитое княжество Сацума, «оте-
чество людей умныхъ и мужественныхъ», не
имѣетъ значительныхъ городовъ, но оживлен-
ные центры населенія расположены въ близ-

комъ разстояніи другъ отъ др
или въ сосѣдствѣ съ нимъ слѣдуютъ одинъ
другимъ города: Идзми, Акуне, Сендай, Касе
Каго, Міянозіо, Ямагава, и на берегахъ бух
Кагосима городъ того же имени, затѣмъ горо
Коцзики и Кокубу. Получившій извѣстность
новѣйшей исторіи городъ Кагосима, крѣпос
котораго была бомбардирована англичана
въ 1864 году, протянулся по западному бер
бухты, напротивъ островнаго вулкана краси
формы, называемаго Сакура или «Благородн
пикъ». Въ торговомъ отношеніи этотъ горо
не имѣетъ важнаго значенія, такъ какъ еди
ственная его промышленность, сколько-нибу
замѣчательная,—это производство фаянсов
и полуфарфоровой посуды, подражающей всѣ
родамъ «стараго сацумскаго фарфора»;
послѣднее время нѣкоторые предпріимчив
японцы основали тамъ бумагопрядильню и ор
жейную фабрику. Коцзики, у сѣверо-западна
угла той же бухты, занимаетъ, какъ торгов
городъ, болѣе выгодное положеніе, чѣмъ Ка
сима; портъ его менѣе выставленъ бурны
вѣтрамъ, и плодородныя мѣстности сѣвера м
гутъ удобнѣе доставлять туда свои произведен
по мнѣнію Воейкова [1]), это была бы одна и
самыхъ оживленныхъ гаваней японскаго пр
брежья, одна изъ гаваней, соединяющихъ
себѣ всѣ условія для самаго обширнаго дв
женія международнаго торговаго обмѣна, ес
бы она была открыта европейскимъ кораблям
было время, когда коцзикскіе табаки отправл
лись даже на островъ Кубу, откуда ихъ вы
зятъ обратно во всѣ части свѣта въ форм
подъ именемъ «гаванскихъ сигаръ».

Главные города острова Кіусіу суть: Ку
мото—56.824 жит.; Фукуока и Хаката—62
жит.; Каседа—31.600 жит.; Нагасаки—72
жит.; Кагосима—53.895 жит.; Каго—24
жит.; Сага — 29.893 жит.; Куруме — 2
жит.; Усуки—18.860 жит.; Симабара—1
жит.; Идзми—18.600 жит.: Фукабори—1
жит.; Кокубу—17.150 жит.; Міясаки—
жит.; Накатсъ—11.600 жит.; Акуне—
жит.; Хирадо—10.600 жит.; Коцзики—
жит.

Населеніе Лю-цю, разсѣянное на много
ныхъ островахъ этого архипелага, жи
большей части маленькими деревнями
гамъ бухтъ и бухточекъ; единственны
заслуживающіе этого названія, нахо
главномъ островѣ центральной груп
ваемомъ по-японски Окинава-сима, а по
Чунчинъ-дао. Наба, наиболѣе посѣщ
дами портъ архипелага, несмотря
паровые рифы, которыми усѣяны
якорной стоянкѣ, занимаетъ берега
вершенно защищенной отъ всѣхъ н

---

[1]) Maget, „Revue de Géographie", февр. 1879.

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von P
1879 г.

отправляетъ главнымъ образомъ сахаръ, бумажныя ткани, шелковыя матеріи, грузы которыхъ перевозятся японскими судами на сѣверные острова: годовая цѣнность этого отпуска превышаетъ милліонъ франковъ. Въ 1880 году внѣшняя торговля острововъ Лю цю выразилась слѣдующими цифрами: привозъ 1.319.900 франковъ, вывозъ 666.250 франковъ; всего 1.986.150 франковъ. Вымощенная каменной плитой дорога, одна изъ лучшихъ дорогъ въ Японіи, извивается въ очаровательной долинѣ, между лѣсистыхъ холмовъ, поднимаясь изъ Набы къ столицѣ архипелага. Построенный на плоской возвышенности, господствующей надъ двумя морями, этотъ городъ, имя котораго значитъ «главное мѣстечко», окруженъ прекрасными деревьями, пальмами вѣерниками и ареками, панданами; одно изъ его зданій носитъ титулъ университета.

Два другіе города, Токтонъ-онъ и Куниками, тоже находятся на главномъ островѣ архипелага. Совокупность городскаго населенія обнимаетъ 60.000 жителей, половину островитянъ Окинавы, и состоитъ исключительно изъ сизуку, то есть благородныхъ. Поселяне всѣ геймины или плебеи и отличаются отъ дворянъ бронзовыми булавками, которыя они носятъ въ волосахъ.

Кромѣ Лю-цю и различныхъ острововъ, составляющихъ, по ихъ географическому положенію, естественную принадлежность главнаго Японскаго архипелага, правительство микадо также присвоиваетъ себѣ, какъ составную часть имперіи Восходящаго солнца, группу острововъ, лежащую среди океанскихъ пустынь, въ 1.000 километровъ, по прямой линіи, къ юго-юго-востоку отъ Кіото. Эти уединенныя земли извѣстны въ Европѣ подъ именемъ архипелага Бонинъ или Бонинъ-сима,—испорченное японское названіе Мунинъ-то, которое буквально значитъ «безлюдные острова» Нынѣ обитаемые, эти острова, по справедливости, должны бы снова получить то наименованіе, которое имъ было дано въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, когда князь Садайори былъ прибитъ къ ихъ берегамъ бурей и взялъ ихъ именемъ своего правительства во владѣніе Японіи, приписавъ имъ имя своей фамиліи, Огасавара. Въ ту эпоху ихъ уже видѣлъ одинъ европейскій мореплаватель, испанецъ Виллалобосъ, объѣхавшій эти воды въ 1543 году [1]), Столѣтіе спустя, голландскій капитанъ Маттисъ Квастъ, сопровождаемый знаменитымъ мореплавателемъ Абелемъ Тасманомъ, тоже осмотрѣлъ южные острова архипелага, и различныя карты того времени указываютъ острова въ этой области Тихаго океана. Однако, память объ этихъ открытіяхъ совершенно изгладилась, когда американскіе китоловы, Коффинъ, въ 1823 году, и Эббетъ, въ 1824 году, пристали первый къ южнымъ, а второй къ центральнымъ островамъ архипелага. Въ 1827 году британскій адмиралъ Бичи овладѣлъ островами Огасавара, и англичане продолжали называть себя владѣтелями этого архипелага до 1861 года, эпохи, въ которую вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ пользу Японіи.

Хотя часто посѣщаемый китоловами и мореплавателями со времени гидрографическихъ обслѣдованій адмираловъ Бичи, Литке, Коллинсона, Перри, архипелагъ Огасавара еще очень мало извѣстенъ въ его деталяхъ, и даже не всѣ его пункты опредѣлены астрономически. На европейскихъ картахъ, сѣверная группа, гораздо меньшая, носитъ имя Парри; въ совокупности четыре группы, обнимающія 89 острововъ, общее пространство которыхъ 85 квадратныхъ километровъ, имѣютъ не менѣе 140 километровъ въ длину [1]). Всѣ эти острова, расположенные по направленію меридіана, могутъ быть разсматриваемы, какъ южное продолженіе вулканической цѣпи «Семиостровья», лежащей на югъ отъ бухты Іеддо, послѣднее звено этой цѣпи, островъ Хациссо, отдѣлено отъ группы острововъ Парри пространствомъ къ 650 километровъ; но извѣстно, что и другіе островки выступаютъ на поверхность моря въ этихъ водахъ, и что тамъ иногда появлялись временные вулканы. Холмы архипелага Огасавара, изъ которыхъ иные достигаютъ 400 метровъ высоты, тоже по большей части вулканическаго происхожденія; на этихъ холмахъ во многихъ мѣстахъ видны лавы, туфы, базальтовыя колоннады, и на вершинѣ конусовъ открываются тамъ и сямъ кратеры; но тамъ встрѣчаются также сланцы и кристаллическія горныя породы, и геологи американской экспедиціи Перри не замѣтили тамъ никакихъ слѣдовъ недавняго проявленія вулканической дѣятельности.

Острова Бонинъ-сима или Огасавара, которые лежатъ между 28 и 27 градусами широты, внѣ области холоднаго теченія, пользуются тропическимъ климатомъ, болѣе теплымъ, чѣмъ климатъ архипелага Лю-цю, находящагося, однако, въ столь же близкомъ разстояніи отъ экватора, и лѣса, покрывающіе ихъ, принадлежатъ, по своимъ древеснымъ породамъ, къ поясу растительности жаркихъ странъ; это пальмы по большей части, хамеропы, панданы, ареки, саговое дерево, равно какъ одинъ видъ, похожій на кокосовую пальму; тамъ растутъ также древовидные папоротники, но камфарнаго дерева до сихъ поръ нигдѣ не находили. Дерево, достигающее самыхъ большихъ размѣровъ на архипелагѣ,—это особая порода шелковицы, стволъ которой болѣе $5^1/_2$ аршинъ въ

[1]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde".

[1]) По японскимъ свѣдѣніямъ число острововъ этой группы доходитъ до 20 съ площадью 450 кв. ри. См. „Résumé statistique du Japon. 1898 г.".

кности. Почва, состоящая изъ разложив-
ся вулканическаго пепла, отличается боль-
ь плодородіемъ, и тамъ съ успѣхомъ воздѣ-
ютъ японскія хлѣбныя растенія, сахарный
тникъ, бананы, ананасы, сальное и воско-
деревья; въ долинахъ растутъ въ изобиліи
добные грибы. Первые поселенцы не нашли
емныхъ четвероногихъ: овцы, козы, свиньи,
шки, собаки, которыхъ теперь встрѣчаютъ
дикомъ состояніи, суть потомки домашнихъ
ивотныхъ, выпущенныхъ на эти острова пер-
ыми мореплавателями. Нѣсколько видовъ без-
редныхъ пресмыкающихся, которыя ползаютъ
ежду камнями, да птицы, очень малочислен-
ыя, которыя гнѣздятся въ лѣсахъ,—вотъ
единственные представители мѣстной сухопут-
ной фауны; когда первые мореплаватели при-
стали къ архипелагу, эти животныя еще не
боялись человѣка, и ихъ можно было брать ру-
ками. Бухты богаты животной жизнью: воды
ихъ изобилуютъ китообразными, рыбами, чере-
пахами и ракообразными.

Первые эмигранты поселились на архипе-
лагѣ Огасавара въ 1830 году, съ цѣлью вести
торговлю съ китоловами. Во время американ-
ской экспедиціи населеніе острова Пиля, назы-
ваемаго японцами Чичи-сима, то-есть «остро-
вомъ отца», состояло изъ 31 человѣка амери-
канцевъ, англичанъ, португальцевъ, канаковъ;
въ 1880 году народонаселеніе этого острова,
единственнаго обитаемаго, значительно увели-
чилось, такъ какъ число домовъ доходило уже
до 160, изъ которыхъ 130 принадлежали под-
даннымъ Ниппона. Центръ колоніи составляетъ
превосходный портъ Ллойдъ,—О-минато по-
японски,—открытый во внутренности разло-
маннаго съ одной стороны кратера и предста-
вляющій судамъ отличную якорную стоянку,
при глубинѣ въ 40 метровъ [1]).

Хотя Японія въ большей части своего про-
тяженія покрыта горами, и хотя сѣверныя ея
области имѣютъ слишкомъ холодный климатъ
для того, чтобы люди жили тамъ многочислен-
ными общинами, однако, населеніе этой страны
гораздо плотнѣе, чѣмъ населенность Франціи
и большинства другихъ государствъ западной
Европы.

Пространство и населеніе Японской имперіи
суть:

Провинціи.	Пространство кв. ри.	Населеніе душъ.
Ниппонъ	14.571,12	32.305.378
Іессо	5.061,90	507.050
Курильскіе острова	1.033,46	1.820
Сикокъ	1.180,67	2.948.009
Кіусіу	2.617,54	6 093.769
Общая цифра безъ Формозы	24.794,36	42.708.264

[1]) Островъ Формоза, недавно присоединенный къ Япо-
ніи, будетъ описанъ въ концѣ описанія страны „Восхо-
дящаго солнца".

Со времени революціи 1868 года, послѣ к
торой приступили къ первой правильной н
родной переписи, увеличеніе населенія бы
весьма значительно. Тогда какъ въ 1871 го
общее число жителей простиралось
33.110.825, въ 1892 году оно уже превыша
цифру 40.000.000, слѣдовательно, за девят
лѣтній періодъ приростъ народонаселенія с
ставлялъ болѣе 300 000 душъ въ годъ. Нѣ
никакого сомнѣнія, что если Японія будет
продолжать пользоваться миромъ, то она пр
взойдетъ Францію въ отношеніи числа жите
за-долго до конца текущаго столѣтія. Так
какъ народныя переписи дѣлались тщательн
то общіе результаты ихъ должны считаться д
вольно близкими къ истинѣ, и потому во
можно сомнѣваться въ дѣйствительности то
замѣчательнаго факта, упоминаемаго уже в
древнихъ лѣтописяхъ [1]), что число мужчин
въ Японіи превосходитъ число женщинъ. Чи
сленность мужскаго пола почти однакова съ чи
сленностью женщинъ. Извѣстно, что во всѣх
европейскихъ государствахъ и во всѣхъ стра
нахъ съ европейской цивилизаціей, гдѣ до сих
поръ были дѣлаемы серьезныя народныя пере
писи, пропорція женщинъ почти всегда берет
перевѣсъ надъ пропорціей мужчинъ. Числен
ное отношеніе половъ въ странѣ Восходящаг
солнца, по переписи 1896 года, выразилос
слѣдующими цифрами: мужчинъ—21.561.023
женщинъ—21.147.241 [2]).

Образъ жизни японцевъ дѣлаетъ понятнымъ
какимъ образомъ страна можетъ прокармл
вать относительно столь многочисленное нар
донаселеніе. Національная традиція признае
пять священныхъ растеній—рисъ, пшеницу,
мень, гречиху, горохъ-азуки, которыя Богъ
тра, Братъ солнца, извлекъ изъ тѣла бог
Великаго воздуха и которыя онъ положилъ
почву южнаго Ниппона [3]). Рисъ занимаетъ
вое мѣсто между этими растеніями и даетъ г
ную пищу жителей; его нужно обыкнов
для каждаго человѣка болѣе 1.200 граммов
день [4]); но другія зерна хлѣбныхъ зла
овощи, печенья и плоды, прибавляемы
ежедневному питанію, представляютъ
среднемъ, только 300 граммовъ. Б
можно сказать, совсѣмъ никогда не ѣдятъ
Поэтому, вся годная къ воздѣлыванію
составлявшая, по исчисленіямъ 1880 го
значительную площадь въ 3.596.224 де
съ-издавна употребляется подъ посѣв
всюду, гдѣ можетъ произрастать рисъ,
скатахъ горъ и холмовъ, гдѣ почва

[1]) Матуданиръ, въ переводѣ Эрве де-
„Ethnographie des peuples étrangers à la Chin
[2]) См. „Statistique du Japon". 1898 г. To
[3]) Козики;—Pflizmakier, „Ueber einige alt
Gegenstände Japans"; — Левъ Мечниковъ,
Japonais";—Pfoundes, „Budget of Japanes Not
[4]) Wernich, „Geographisch-madicinische S

быть достаточно напитываема водой только при помощи большихъ и дорого стоющихъ ирригаціонныхъ сооруженій, землевладѣлецъ распахиваетъ свои рисовыя поля; другіе хлѣба онъ

Видъ дороги къ Токаидо.

воздѣлываетъ только на такихъ земляхъ, гдѣ рисъ не далъ бы ему хорошаго урожая, и зерно онъ сѣетъ не въ разбросъ, а кладетъ его въ почву рукой параллельными рядами; этому драгоцѣнному растенію онъ заботливо приноситъ всѣ животныя удобренія, всѣ хозяйственные отбросы и помои.

Цифровыя данныя, относящія къ населенію, указываютъ, что въ періодъ 25 лѣтъ населеніе увеличилось почти на $^1/_4$ и хотя увеличилось также и количество земли, обрабатываемой подъ рисъ и другія хлѣбныя растенія, достиг-

къ концу 1893 года площади въ 4.089.140 тинъ [1]), тѣмъ не менѣе это увеличеніе и уждаетъ населеніе прибѣгать къ культурѣ тихъ промышленныхъ растеній, каковы— ковица, деревья: восковое, лаковое, бумаж-, индигоноска, жэнь-шэнь, чайное дерево. ѣ эти растенія культивируется съ большой ботливостью и даютъ продукты, очень цѣнимые американскими покупателями; эти послѣд-е предпочитаютъ японскій чай, несмотря на го терпкій вкусъ, ханькоускимъ и китайскимъ аямъ.

Чай и коконы шелковичныхъ червей составляютъ въ настоящее время главный предметъ экспорта страны. На культуру ихъ съ 80-мъ годовъ обращено было особенное вниманіе и благодаря тому обстоятельству, что культура чайнаго куста и особенно шелковицы не требуетъ тѣхъ сравнительно ровныхъ пространствъ земли, какія необходимы для посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ, а особенно риса, требующаго даже временнаго затопленія полей, промышленность этого рода получила громадное развитіе. Такъ въ 1880 году изъ Японіи было вывезено 3.206.361 квамме чая и 597.932 кокуи шелковичныхъ коконовъ. Въ 1894 году количество того и другаго сильно увеличилось, достигнувъ: чая 7 690.365 квамме, а коконовъ 1.800.747 кокуи [2]).

Въ нѣкоторыхъ округахъ южныхъ острововъ, благодаря удобствамъ вывоза, культура апельсинныхъ деревьевъ получила болѣе важное значеніе, чѣмъ даже воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній [3]). Зибольдъ насчитываетъ въ Японіи около 500 видовъ растеній, культивируемыхъ для питанія, украшенія или промышленности, и изъ этого числа болѣе половины привезенныхъ первоначально изъ другихъ странъ.

Японцы превосходные земледѣльцы, или, вѣрнѣе сказать, огородники и садовники: они обрабатываютъ свои поля точно такимъ же обзомъ, какъ и европейскіе огородники воздѣлываютъ свои гряды, съ помощью заступа и лопаты; они не оставляютъ никакой сорной травы въ почвѣ и усердно утилизируютъ все, что можетъ служить удобреніемъ; вѣроятно, количество животныхъ веществъ, употребляемое какъ навозъ, превосходитъ количество, входящее въ питаніе, такъ какъ съ острова Іессо, Курильскихъ острововъ, Кореи и отъ насъ изъ Приморской области привозится огромное коли ство рыбы, употребляемой исключительно унавоживаніе пахатныхъ земель. Но почвы хватаетъ для постоянно возрастающаго нар населенія, всѣ равнины уже обращены въ к турныя земли; теперь земледѣлію только остается завоевывать затопляе водой низменныя аллювіальныя простр ства, да скаты горъ. Правда, что остр Іессо представляетъ японцамъ обшир поле колонизаціи; болѣе обширный, чѣмъ ландія, и производящій тѣ же самыя расте этотъ островъ могъ бы прокормить насел въ нѣсколько милліоновъ, но климатъ его сл комъ суровъ для того, чтобы тамъ можно ло воздѣлывать рисъ, къ тому же и кресть не выказываютъ ни малѣйшей охоты пер ляться въ край, болѣе холодный, чѣмъ ихъ дина подъ небо, менѣе милостивое; почти японцы, приглашенные на островъ Іессо лонизаціонной конторой, смотрятъ на себя к на изгнанниковъ и пользуются первымъ бла пріятнымъ случаемъ, чтобы возвратиться отечество. Но если острову Іессо еще долго суждено получить сколько-нибудь важ значеніе въ отношеніи земледѣльческой изводительности, то его громадныя естеств ныя богатства, заключающіяся въ строев лѣсѣ, не могутъ не привлечь къ себѣ промы ленности и, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлаю современемъ предметомъ дѣятельной эксп таціи. Можно сказать, что весь этотъ остр есть не что иное, какъ огромный сплош лѣсъ, состоящій изъ разнообразнѣйшихъ весныхъ породъ, между которыми, по кра мѣрѣ, тридцать шесть видовъ деревьевъ, и щихъ цѣнность для построекъ или для ст ныхъ издѣлій: чуть только путешествен сойдетъ съ пристани, какъ его останавли непроходимыя чащи ліанъ и бамбуковъ, щихъ подъ большими деревьями; даже прогалины трудно пробраться; пучки (eulalio japonica), растущіе тѣсно одинъ другаго, достигаютъ такой высоты, нихъ можетъ спрятаться человѣкъ вер лошади[1]).

До тѣхъ поръ, пока не будутъ устроен сообщенія во внутренности острова. детъ обязанъ своимъ важнымъ эконом значеніемъ почти единственно рыбн мысламъ, производимымъ въ различн тахъ его прибережья. По обилію ры рая приходитъ метать икру на его этотъ островъ походитъ на Орегонъ, воположной сторонѣ Тихаго океана рыя изъ сѣтей, употребляемыхъ дл сосины, имѣютъ около 1.200 метро женъ) въ длину, и чтобы орудовать маднымъ снарядомъ, нужно болѣе

[1]) Это увеличеніе площади посѣва можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, которую даетъ Д. Позднѣевъ:

Года.	Подъ рисомъ.	Подъ ячменемъ и пшеницей.
	Десятинъ.	
80	2.307.114	1.289.110
84	2.345.148	1.337.202
87	2 373.362	1.432.237
91	2.481.419	1 542.290
92	2.492.053	1.596.609

[2]) Коку — 6,9 четверика, а квамме — 9¼ фун.

[3]) Masana Maeda, „L'agriculture au Japon, Réforme économique", 16 мая 1878 г.

[1]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten track

рабочихъ; въ концѣ дня послѣ троекратнаго закидыванія и вынманія сѣтей, рыбаки наловливаютъ иногда до 20.000 штукъ рыбы. Въ худые сезоны уловъ не превышаетъ 1.200.000 лососей, общій вѣсъ которыхъ около 3.000 тоннъ [1]). На всѣхъ берегахъ Японіи въ собственномъ смыслѣ и архипелага Лю-цю тоже занимаются съ успѣхомъ рыболовствомъ, и рыба входитъ въ гораздо болѣе значительной долѣ, чѣмъ мясо, въ питаніе жителей; въ послѣднее время также основаны заводы для искусственнаго разведенія рыбы на очень многихъ рѣкахъ центральнаго Ниппона [2]).

Морскими промыслами занято въ Японіи около 3,3 милліона человѣкъ. Японія не только сама истребляетъ массу рыбы, но и вывозитъ ее въ другія страны. Цѣна вывезенной въ 1892 году рыбы достигла 2.224.612 іенъ. Японскій рыбный промыселъ сильно развивается также вдоль нашего побережья; такъ, по отчету консула въ Хакодате за 1895 годъ, уловъ лососей достигъ 600.000 штукъ и горбуши 160.000. Около Сахалинскаго берега въ 1894 году, занималось 71 судно съ 2 мя тысячами рыбаковъ, выручившихъ чистаго барыша 128.000 д. На островахъ Лю-цю занимаются также ловомъ перламутровыхъ раковинъ, отыскиваемыхъ на днѣ искусными ныряльщиками или водолазами. Наконецъ многіе смѣлые промышленники гоняются въ открытомъ морѣ за кусирами, то-есть различными видами большихъ морскихъ животныхъ китовой породы, кашалотами, горквалами или головачами, спиноперыми китами; многочисленныя японскія гравюры представляютъ цѣлыя рыболовныя флотиліи, преслѣдующія этихъ исполинскихъ млекопитающихъ и загоняющія ихъ ударами гарпуна къ сѣтямъ, сплетеннымъ изъ толстаго каната [3]).

Въ прежнее время земля принадлежала государству, и крестьяне пользовались ею какъ наслѣдственные арендаторы. Благодаря этому владѣнію почвой, переходящему отъ отца къ сыну, землевладѣльцы, въ концѣ концовъ, пріобрѣли нѣкоторую независимость, и какъ классъ, они слѣдовали непосредственно за дворянствомъ: купцы и ремесленники стояли ниже ихъ въ соціальной лѣстницѣ, какъ бы ни было велико ихъ богатство. Размѣръ земельнаго налога былъ различенъ, смотря по роду культуръ, обилію урожая, прихоти государя: отъ одной десятой только въ нѣкоторыхъ округахъ онъ поднимался въ другихъ областяхъ до трети и даже до половины и трехъ пятыхъ получаемаго дохода. Послѣднія революціи, которыя измѣнили весь соціальный строй японскаго государства, естественно, должны были коснуться также и порядка землевладѣлія. Крестьяне сдѣлались de facto собственниками земли и должны платить налогъ въ два съ половиной процента. Можно сказать, что въ общемъ японское право, относительно системы землевладѣнія, приблизилось къ римскому праву. Крупная земельная собственность встрѣчается на островѣ Іессо, въ сѣверной части Ниппона и даже въ нѣкоторыхъ округахъ центральной области, повсюду, гдѣ находились нетронутыя культурой земли или пустоши. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній недавняго образованія можно сравнить по протяженію съ большими помѣстьями Ирландіи и Россіи. Близъ Ніигаты одно имѣніе, гдѣ вся земля засѣвается исключительно рисомъ, занимаетъ площадь въ 48 квадратныхъ километровъ и приноситъ владѣльцу около 400.000 франковъ годоваго дохода: это немного, конечно, въ сравненіи съ коллективнымъ доходомъ тысячи мелкихъ земельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ ихъ хозяевами [1]). Законы о наслѣдствѣ представляютъ еще остатокъ патріархальныхъ установленій. Старшій сынъ, наслѣдующій родовое имѣніе, не можетъ покинуть его, и жена должна жить вмѣстѣ съ нимъ въ его отчизнѣ, принимая его фамильное имя. Съ своей стороны, дочь, сдѣлавшаяся наслѣдницей, когда отецъ не имѣлъ дѣтей мужскаго пола, должна оставаться въ отцовскомъ имѣніи, и тогда она предписываетъ мѣстопребываніе и сообщаетъ фамилію своему супругу. Когда основывается новое хозяйство, если домъ данъ тестемъ, мужъ принимаетъ фамилію жены, которая приноситъ ему въ приданое жилище [2]).

Горнозаводская промышленность Японіи теперь относительно менѣе значительна, чѣмъ она была въ прежнее время. Говорятъ, что португальцы, въ семнадцатомъ столѣтіи, вывозили ежегодно изъ Японіи 600 боченковъ (?) чистаго золота, на сумму 20 милліоновъ франковъ; въ то время этотъ металлъ былъ относительно болѣе обыкновенъ, такъ какъ цѣнность его только въ 12 разъ превосходила цѣнность серебра [3]). Во многихъ рудникахъ мѣдь содержитъ значительную пропорцію золота: оттого мѣдная руда принадлежала къ числу самыхъ прибыльныхъ статей вывоза голландцевъ. Древнѣйшіе золотые рудники Японіи, находящіеся на островѣ Садо, которые разработываются уже сотни лѣтъ, совершенно исчерпаны и даютъ лишь нѣсколько унцевъ, недостаточныхъ для того, чтобы продолжать разработку. Въ настоящее время единственныя мѣсторожденія металловъ, дѣятельно разрабатываемыя — рудники мѣдные и желѣзные; что же касается серебра, то хотя разработка его и производится, но запасы

[1]) Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London".

[2]) „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient", 1880. № 12

[3]) Paul Gervais, „Nature", 8 дек. 1877 г.

[1]) Benj. J. Lyman, „Report on the Oil Wells", 1877.

[2]) Morgan, „Systems of consanguinity".

[3]) Левъ Мечниковъ, „l'Extrême Orient", іюнь 1877 г.; — G. Bousquet „le Japon de nos jours".

езначительны, и не далеко то время, о совершенно прекратится. Достаточно что отъ самыхъ богатыхъ рудниковъ льство отказалось въ пользу частной и.

ча золота въ Японіи въ 1895 году— унцъ; добыча серебра въ Японіи въ году — 2.326.699 унцъ; добыча мѣди 877 году — 3.800 тоннъ, цѣнность 000 франк.

ежи желѣза встрѣчаются въ различныхъ хъ архипелага, и одинъ изъ Курильскихъ ововъ, Урупъ, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ огромные запасы желѣзной руды, содержащей 80 процентовъ чистаго металла. Въ окрестностяхъ Сендая рудники питаютъ плавильные заводы, производящіе до 50 тоннъ въ день.

столѣтій; а между тѣмъ добыча каменнаго у въ Японіи въ 1895 году составляла в только 200.000 тоннъ. Теперь начинаютъ же утилизировать мѣсторожденія мрамора, торыми прежде туземная промышленность вершенно пренебрегала, по причинѣ тверд этого матеріала. Большая часть рудниковъ Японіи принадлежитъ правительству [1]).

Хотя главная промышленность японцев воздѣлываніе почвы для мѣстнаго потребле тѣмъ не менѣе страна Восходящаго со изъ всѣхъ государствъ Азіи принимаетъ болѣе дѣятельное участіе въ мануфактурн трудѣ, и произведенія ея мастерскихъ от вляются во всѣ части свѣта. Особенно въ

Японскіе рисунки.

Другіе металлы: свинецъ, олово, кобальтъ, ртуть, доставляются рудокопами національной промышленности лишь въ незначительныхъ количествахъ. Источники каменнаго масла или нефти обманули надежды спекулянтовъ, которые думали найти въ Японіи «масленыя рѣки», подобныя пенсильванскимъ запасамъ петроля, но зато страна Восходящаго солнца чрезвычайно богата каменноугольными пластами; одинъ городъ Іессо заключаетъ количество угля, исчисляемое Ляйменомъ въ 400 милліардовъ тоннъ, то-есть количество, достаточное, чтобы покрывать нынѣшнее потребленіе это продукта на всемъ земномъ шарѣ въ продолженіе 20-ти

изводствѣ издѣлій изъ глины японцы высокой степени совершенства. Уже лахъ людоѣдовъ, открытыхъ Морсе, на нявую посуду съ чрезвычайно искусн ными украшеніями, темы которы также на фаянсахъ историческихъ мѣста погребенія всѣхъ послѣдующ доставили искателямъ множество ф обожженной формовой земли или т которыя помѣщались въ видѣ кру могилъ. Однако, японцы обязаны св хами въ этомъ искусствѣ китайцам цамъ. Самыми знаменитыми горше

[1]) Воейковъ, „Mitheilungen von Peter № 5.

исторіи Ниппона считаются тѣ мастера, которыхъ привезъ съ собой одинъ Сацумскій князь, въ 1592 году, послѣ побѣдоносной экспедиціи въ Корею и которыхъ онъ поселилъ въ своемъ княжествѣ въ городѣ Несиво-гава: это они фабриковали прекрасные фаянсы, теперь очень рѣдкіе и дорого цѣнимые, которые извѣстны подъименемъ «стараго сацумскаго фарфора». Корейцы же, поселившіеся въ шестнадцатомъ столѣтіи въ Кіото, ввели тамъ искусство приготовленія фарфоровъ въ собственномъ смыслѣ. Въ это послѣднее время число мануфактуръ керамическаго производства сильно возросло, и даже нѣкоторые округи, прежде не имѣвшіе мутра, коралла или жемчуга. Въ 1894 году вывозъ фарфоровыхъ и глиняныхъ издѣлій опредѣлялся въ 1.435.000 іенъ.

Уже съ незапамятныхъ временъ японскіе ремесленники знакомы также съ искусствомъ ткать прочныя матеріи полотняныя и шелковыя, а ихъ парчи, тканыя съ золотыми и серебряными нитями, составляютъ великолѣпный матеріалъ для комнатныхъ обоевъ и парадныхъ одѣяній. Шелковыхъ издѣлій вывозится на 12.984.000 іенъ, что же касается бумажныхъ или пеньковыхъ издѣлій, то въ 1893 году вывозъ ихъ былъ на 2.012.000 іенъ.

Въ одномъ изъ храмовъ города Нара хранятся

Японскіе рисунки.

ни одного завода этого рода, теперь доставляютъ торговлѣ издѣлія, высоко цѣнимыя за богатство цвѣтовъ и оригинальность украшеній, изображающихъ листья или животныхъ. Селенія гончаровъ, даже пользующихся наибольшей извѣстностью, не отличаются отъ другихъ группъ хижинъ Ниппона: каждая мастерская состоитъ изъ членовъ одного семейства, которые ходятъ поочередно присматривать за обжиганіемъ матеріаловъ въ общественной печи деревни. Въ производствѣ бронзовыхъ издѣлій, каждый мастеръ или вѣрнѣе художникъ трудится надъ какой-нибудь отдѣльной вещью, и самъ одинъ плавитъ ее, высѣкаетъ рѣзцомъ, раскрашиваетъ окислами, украшаетъ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ металловъ, перлалаковыя коробки, происхожденіе которыхъ относятъ къ третьему столѣтію христіанской эры [1]), и которыя свидѣтельствуютъ о высокой степени совершенства, достигнутой японцами въ этой отрасли промышленности уже за тысячу шестьсотъ лѣтъ до нашего времени. Извѣстно, что японскіе лаки лучшихъ эпохъ наведенные на мѣди и всего чаще на деревѣ сосны retinispora, и украшенные золотомъ, серебромъ или перламутромъ, принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ предметовъ, какіе заключаютъ наши музеи; особенно высоко цѣнятся тѣ изъ этихъ издѣлій, которыя относятся къ шестнадцатому

[1]) Masana Macda, „Revue scientifique“, 15 іюня 1878 г.;— „Le Japon artistique et littéraire“.

столѣтію, то-есть къ тому времени, которое соотвѣтствуетъ эпохѣ возрожденія наукъ и искусствъ на Западѣ. Хорошія лаковыя вещи имѣютъ блескъ металла и почти неразрушимы, въ доказательство чего можно привести слѣдующій случай. Въ 1874 году отправленный въ Европу корабль «Нилъ» разбился о подводную скалу Микомото, въ сосѣдствѣ Симоды, и всѣ сокровища, которыя были посланы на Вѣнскую всемірную выставку, пролежали цѣлые полтора года въ морской водѣ; когда, наконецъ, лаковыя издѣлія были выловлены водолазами, они оказались совершенно цѣлыми и невредимыми; ихъ полировка нисколько не утратила своего блеска. Въ настоящее время старые лаки рѣдки, но все же вывозъ лакированныхъ издѣлій достигаетъ суммы въ 797.000 іенъ. Японцамъ принадлежитъ также пальма первенства по производству нѣкоторыхъ сортовъ бумаги, которую они фабрикуютъ изъ мякоти шелковицы, бруссонеціи (broussonetia papyrifera), кетміи (hibiscus) и многихъ другихъ древесныхъ породъ: если бы было вѣрно, какъ это утверждали нѣкоторые писатели, что степень цивилизаціи народовъ измѣряется количествомъ потребляемой ими бумаги, то японцы могли бы претендовать на первое мѣсто въ ряду культурныхъ націй. Не только они принадлежатъ къ числу народовъ, потребляющихъ наибольшее количество бумаги для печатанія и для рисованія кистью, но, кромѣ того, они пользуются этимъ продуктомъ для множества другихъ употребленій: тетрадки бумаги замѣняютъ имъ наши носовые платки и салфетки; табуретки, служащія подушками, обиваются бумагой; вмѣсто стеколъ, въ окна вставлены бумажные квадраты изъ четвертушки листа, и большія рамы, оклеенныя тѣмъ же матеріаломъ, составляютъ подвижныя стѣны домовъ; для защиты отъ дождя, японцы надѣваютъ одежду изъ бумаги, навощенной растительнымъ воскомъ, и бумага же замѣняетъ откидной кожаный верхъ въ коляскахъ, возимыхъ руками; бумажные ремни, употребляемые въ машинахъ, оказываются даже крѣпче кожаныхъ [1]). Нѣкоторые виды этихъ японскихъ продуктовъ до сихъ поръ еще не могли быть воспроизведены западной промышленностью; но что касается бѣлизны листовъ, то превосходство остается за англійскими и французскими фабрикантами; японская бумага всегда немного желтовата. Японцы также могутъ считаться учителями европейцевъ въ искусствѣ плетенья камыша и ивовыхъ прутьевъ, равно какъ въ искусствѣ плетенья соломы: они имѣютъ изумительное разнообразіе произведеній этого рода, отъ непромокаемаго плаща до маріонетокъ всевозможной величины и формы [2]). Однѣхъ циновокъ въ 1894 году изъ Японіи вывезено на 1.965 іенъ. Кожевенная промышленность представлена въ нѣкоторыхъ городахъ Японіи замѣчательно мастерскими произведеніями; но, вообще, кожа очень мало употребляется какъ матеріалъ для производства предметовъ роскоши, отчасти по той причинѣ, что профессія кожевника считалась позорнымъ ремесломъ,—выдѣлка кожъ низводила занимающихся ею ремесленниковъ въ презираемую касту этасовъ или парій, а главнымъ образомъ оттого, что въ Японіи нѣтъ скотоводства и кожевенные товары ввозятся въ Японію на сумму 1.172.847 іенъ [1]). Между замѣчательными произведеніями японской промышленности нужно упомянуть о тѣхъ «волшебныхъ зеркалахъ», блескъ которыхъ, какъ гласитъ легенда, заставилъ богиню Солнца, любопытную и завистливую, выйти изъ пещеры, въ которой она до того времени пряталась. Появленіе изображеній, которыя это зеркало отбрасываетъ на стѣны подъ вліяніемъ пучка лучей свѣта и теплоты, происходитъ, какъ показали опыты Шампіона, Персона, Мальяра, Гови, Айртона, Перри, Бертена, Дюбоска, оттого, что поверхность металла не вездѣ имѣетъ одинаковую толщину и одинаковую композицію; нагрѣваясь, она сгибается неравномѣрно въ различныхъ точкахъ и такимъ образомъ дѣлаетъ видимыми, посредствомъ искусно разсчитанныхъ отраженій своихъ впадинъ и выпуклостей, орнаментаціи или буквы, которыя, такъ сказать, были скрыты въ немъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ торговыя сношенія производятся свободно между Японіей и остальнымъ міромъ, японская промышленность вступила въ совершенно другой міръ. Чтобы продавать иностранцамъ возможно большее количество своихъ произведеній, туземные ремесленники стали заниматься преимущественно фабрикаціей дешевыхъ издѣлій, отчего, разумѣется, должно было пострадать дѣйствительное достоинство ихъ работы; кромѣ того, иностранная конкурренція разорила различныя отрасли промышленности. Тѣмъ не менѣе, однако, традиціи искусства сохраняются еще въ прежней силѣ для нѣкоторыхъ производствъ, каковы бронзы, лаковыя издѣлія, фаянсовая и фарфоровая посуда, шелковыя матеріи, бумага, раскрашенная или гофрированная для обоевъ. Гармонія цвѣтовъ, воздержность въ орнаментировкѣ, изящество, натуральность, разнообразіе рисунка составляютъ отличительныя черты произведеній японскихъ ремесленниковъ-художниковъ; всѣ предметы природы, цвѣтки, листья, вѣтки, насѣкомыя, рыбы, птицы и мелкія четвероногія животныя представляются съ такой поразительной типичностью выраженія, съ такой смѣлостью уменьшенія размѣровъ, съ такой легкостью руки, что исполненіе ри-

[1]) „Annales de l'Extrême Orient", 1881 г.; — „Géographie", 8 окт. 1881 г.

[2]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais".

[1]) Въ 1892 году.

сунка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ одно мгновеніе ока японскій артистъ нарисуетъ обширныя декоративныя композиціи, представляющія стройное цѣлое, при чемъ равновѣсіе частей никогда не достигается повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же формъ [1]). Даже тѣ, которые вовсе не артисты по профессіи, импровизируютъ украшенія, отличающіяся поразительной правдой и игривостью [2]); рисованіе составляетъ необходимую часть обыкновеннаго образованія; японецъ каждую минуту дѣлаетъ употребленіе изъ своей кисти. Очень тонкіе наблюдатели, японскіе художники имѣютъ замѣчательный талантъ схватывать типичныя

Изъ японскаго альбома.

черты и характеристическія позы людей, и ихъ иронія нападаетъ не только на презираемыхъ бонзъ, но и на сильныхъ міра, изображаемыхъ почти всегда подъ видомъ животныхъ, лисицъ, обезьянъ или кабановъ [3]). Хотя Ниппонъ получилъ изъ Китая первые уроки искусства, однако, японцы быстро освободились отъ рабскаго подражанія своимъ учителямъ и сохранили только заимствованный методъ и пріемы, чтобы примѣнять ихъ къ сюжетамъ собственнаго выбора съ своеобразной манерой, свободной, игривой и полной фантазіи; даже въ традиціонномъ искусствѣ буддійскаго культа мотивы, предписываемые религіей, воспроизводятся съ удивительнымъ разнообразіемъ деталей. Но если человѣческая фигура всегда изображается на японскихъ рисункахъ съ большой энергіей движенія, съ изумительной силой выраженія и замѣчательнымъ пониманіемъ типовъ и характеровъ, то рѣдко бываетъ, чтобы границы смѣшнаго, границы такъ называемаго гротесковаго рода не были превзойдены, и чтобы изображеніе не переходило въ каррикатуру. На всемірныхъ выставкахъ 1867 и 1878 годовъ японское искусство, уже давно оцѣненное европейскими знатоками, поразило всѣхъ посѣтителей своимъ неоспоримымъ превосходствомъ надъ китайскими произведеніями; вліяніе его уже въ значительной степени отразилось на всей современной европейской орнаментаціи въ матеріяхъ, фаянсахъ, картинахъ [4]). Японское искусство образовало особую школу и нашло себѣ подражателей на западѣ, и это уже въ эпоху его упадка, когда оно само испортилось подъ вліяніемъ овладѣвшей художниками любви къ наживѣ и происходящей оттого торопливости и небрежности работы.

Извѣстно, что послѣ изгнанія португальцевъ и избіенія обращенныхъ въ христіанскую вѣру японцевъ торговля Ниппона съ Европой была ограничена, въ 1685 году, суммой 300.000 таэлей (іенъ) что̀ составитъ около столькихъ же

[1]) „Le Japon artistique et littéraire"; — Cutler, „A grammar of Japanese Ornament and Design".

[2]) De Hübner, „Voyage autour du monde".

[3]) A. Humbert, „Japon pittoresque"; — „Le Japon artistique et littéraire".

[4]) Ch. Schiffer, рукописныя замѣтки.

рублей, и нагасакскій губернаторъ съ большимъ усердіемъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы опредѣленная трактатомъ цѣнность привоза не была превзойдена [1]). Китайскіе коммерсанты имѣли право продать въ Нагасаки товаровъ на двойную сумму, но и за ними учрежденъ былъ не менѣе бдительный надзоръ, чѣмъ надъ голландцами, въ наказаніе за то, что они провозили контрабандным путемъ кресты и католическія книги. Движеніе обмѣна въ размѣрѣ около 6 милліоновъ франковъ—вотъ къ чему сводились торговыя сношенія промышленной страны Восходящаго солнца съ остальнымъ міромъ. Хотя Японія окружена островами и островками, гдѣ джонки и рыболовныя суда могутъ тайкомъ складывать свои грузы, однако, несмотря на эти выгодныя условія, контрабандная торговля почти совсѣмъ не существовала; не торговлѣ, а пиратству предавались отважные японскіе мореходы, которыхъ видали на островѣ Формозѣ и на берегахъ китайской провинціи Фу-цзянь, подражатели тѣхъ смѣлыхъ корсаровъ, которые, въ первые вѣка христіанской эры, появлялись даже въ Малезіи и передъ устьемъ рѣки Мейнамъ, и которые доставляли сіамскому королю лучшихъ его воиновъ; наконецъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, колонія японцевъ охраняла подступы къ Ютіи, столицѣ сіамскаго царства [2]). Лишенные компаса изъ опасенія, чтобы этотъ путеводитель не ввелъ ихъ въ искушеніе пускаться въ дальнія плаванія по морямъ, японскіе мореходы не удалялись болѣе отъ береговъ своего архипелага въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій и воздерживались даже отъ всякаго разговора съ потерпѣвшими кораблекрушеніе чужестранцами. Во время морскаго землетрясенія, имѣвшаго мѣсто въ Симодѣ, около сотни японцевъ рѣшились скорѣе погибнуть, чѣмъ нарушить законъ, воспрещавшій имъ вступать на бортъ европейскаго судна, только двое приняли веревку, брошенную имъ русскими матросами съ корабля «Діана».

Съ 1854 года, эпохи открытія японскихъ портовъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ, внѣшняя торговля Ниппона не переставала возрастать отъ десятилѣтія къ десятилѣтію, но не годъ отъ году, ибо междоусобная война 1868 года, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, переполненіе рынка товаровъ, имѣли слѣдствіемъ временную пріостановку въ развитіи торговаго обмѣна. Въ тридцать лѣтъ, съ 1867 по 1897 годъ, совокупность коммерческихъ операцій Японіи съ иностранными негоціантами въ десяти открытыхъ портахъ: Нагасаки, Хіогокобе, Осака, Іокогама, Ніигата, Хакодате, Отурунай, Симоносеки, Сендай, Аомори [3]), не считая Формозы, возрасла такъ, что превысила оборотъ 1867 года болѣе чѣмъ въ 10 разъ [4]).

Журналъ «Monthly Returns of the foreing trade of the Empire of Japon», дающій весьма подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается внѣшнихъ коммерческихъ сношеній Японіи и ея торговли вообще, указываетъ, что въ 1897 году вывозъ достигъ цѣнности 408 милліоновъ франковъ, а ввозъ 549 милліоновъ. Такимъ образомъ общая сумма оборота за 1897 годъ опредѣлилась въ 957.000.000 франковъ или 3.824 милліона іенъ. Если вспомнить, что въ 1868 году торговля Японіи оцѣнивалась въ 262 милліоновъ іенъ, возросши къ 1879 году до 632 мил., а къ 1889 г. до 1.364 мил., то легло замѣтить, что за время 30-лѣтняго прогресса торговля страны болѣе нежели удесятерилась.

Это замѣчательное развитіе торговли зависитъ отъ прогресса японской промышленности. Привыкшіе находить въ самой странѣ земледѣльческія произведенія и обработанные предметы, необходимые для личнаго употребленія, японцы требуютъ отъ иностранцевъ только то, чего невозможно достать у себя дома.

Въ обмѣнъ за свои продукты, чаи, шелкъ сырецъ и матеріи, камфару, лакированныя издѣлья, коконы, они получаютъ у европейцевъ только шерстяныя и хлопчато-бумажныя ткани, металлическія издѣлія и нѣкоторые мануфактурные товары. Но по мѣрѣ того какъ въ Японіи развивается индустрія, страна освобождается всѣ болѣе и болѣе отъ зависимости иностранцевъ, дѣлается своимъ собственнымъ поставщикомъ и даже конкурентомъ своихъ бывшихъ учителей. Ея таможенные отчеты указываютъ одновременное увеличеніе вывоза сырыхъ матеріаловъ и уменьшеніе ввоза мануфактурныхъ издѣлій За послѣднее пятилѣтіе этотъ послѣдній упалъ на 44%, тогда какъ количество лишь одного шелка-сырца, вывезеннаго въ 1892 году, въ 11 разъ превышаетъ количество того же матеріала въ 1887 году. Уже теперь въ Японію почти прекратился ввозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій и увеличилось количество привозимаго хлопка-сырца. Болѣе того бумажныя издѣлія Японіи нашли сбытъ въ Кореѣ и Китаѣ и являются опаснымъ конкурентомъ бумажнопрядильной промышленности англійской Индіи. Есть проектъ, по которому Японія будто бы хочетъ отказаться отъ ввозной пошлины на хлопокъ и вывозной пошлины на мануфактуры, изъ него выдѣлываемыя, для того чтобы еще болѣе увеличить этого рода производство. Изъ прочихъ предметовъ, которые еще недавно ввозились въ страну, и въ которыхъ Японія нынѣ уже не нуждается и даже сама вывозитъ, это —различныя принадлежности туалета, сапоги, туфли, шляпы, зонтики,

[1]) Thunberg, „Voyage au Japon“;—Kämpfer, „Histoire du Japon“; Siebold, „Nippon Archiev“.

[2]) Thunberg; Kusunoki;—Knipping, „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 11.

[3]) Четыре послѣднихъ порта открыты условно, только послѣ войны съ Китаемъ.

[4]) Позднѣевъ, рѣчь, читанная на Нижегородскомъ съѣздѣ.

бѣлье, дождевики. Товары эти ходко идутъ по всему востоку и внутри Азіи. Широкое распространеніе нашли себѣ спички японскаго изготовленія, вывозъ которыхъ въ 1894 году достигъ 13.843.000 гроссъ на сумму 3.796.000 іенъ.

Весьма немаловажную роль въ японской торговлѣ имѣетъ каменный уголь, по своимъ качествамъ далеко неважный, но, какъ продуктъ дешевый, захватывающій всѣ азіатскіе и даже американскіе рынки. Въ 1894 году его вывезено было 1.265.504 тонны на сумму 4.176 т. іенъ.

Относительно торговли чаями уже было упомянуто; здѣсь достаточно лишь указать, что вывозъ чая въ 1894 году равнялся 5.556.400 фунтовъ, цѣною въ 7.930 т. іенъ*.

народомъ рыболововъ и мореходовъ. Простыя барки, слишкомъ маленькія для того, чтобы пускаться за предѣлы бухточекъ, насчитываются въ числѣ многихъ сотенъ тысячъ; каждая семья имѣетъ свою барку въ прибрежныхъ деревняхъ. Что касается болѣе значительныхъ судовъ, имѣющихъ болѣе 6 метровъ въ длину и достаточно крѣпкихъ, чтобы пускаться въ открытое море, то ихъ насчитывали въ 1872 году свыше тридцати тысячъ; до этого времени англійскій адмиралъ Гопъ, плывя черезъ внутреннее Японское море, встрѣтилъ тамъ болѣе 1.500 джонокъ, не считая барокъ. До послѣдней революціи, то-есть до 1868 года, моряки въ собственномъ смыслѣ не обладали еще судами съ килемъ, которыя можно бы было сравнить съ европейскими кораблями: у нихъ были

Японскій рисунокъ.

Вообще нѣтъ такихъ европейскихъ произведеній, которымъ японцы не умѣли бы подражать: осакскіе конструкторы поставляютъ несгараемые сундуки, ничѣмъ не отличающіеся отъ иностранныхъ произведеній этого рода, и даже украшенные именемъ патентованнаго европейскаго фабриканта. Англія получила даже грузы кирпича, привезенные изъ страны Восходящаго солнца.

Удлиненная форма архипелага, препятствія, которыя горы, наполняющія внутреннюю часть страны, противопоставляютъ сухопутнымъ сообщеніямъ, удобства, представляемыя безчисленными бухтами и бухточками прибрежья движенію судоходства, по крайней мѣрѣ на восточномъ берегу главнаго острова и во всей южной части Японіи, всѣ эти обстоятельства естественно должны были сдѣлать островитянъ

только джонки, всѣ построенныя по планамъ, предписаннымъ государствомъ [1]); но нѣкоторыя изъ этихъ судовъ поднимали болѣе 200 тоннъ груза и плавали во всѣхъ водахъ архипелага. Такъ какъ всякія торговыя сношенія съ чужими землями были воспрещены, то большія джонки, на которыя садились посланники и мандарины, отправляющіеся на острова Лю-цю, на Формозу, въ Китай, принадлежали правительству. Со времени открытія японскихъ портовъ европейскимъ негоціантамъ, торговый флотъ страны получилъ большую важность и развитіе, и теперь Японія равняется Франціи и превосходитъ многія другія европейскія государства по числу и вмѣстимости пароходовъ такъ же, какъ и по общей численности флота.

[1]) Kämpfer, „Histoire du Japon;“—Perry, „Expedition of an american squadron“.

*

ерческій флотъ Японіи въ 1879 году
лъ изъ: парусныхъ судовъ европейск.
укціи— 714, вмѣстим. 27.550 тоннъ.;
одовъ— 166, вмѣстим. 42.760 тоннъ;
къ, въ 31 тонну среднимъ числомъ—
4, вмѣстим. 745.134 тоннъ. Общее число
ъ, не считая рыболовн.—19.054, вмѣстим.
444 тоннъ.

ервый колесный пароходъ, проникшій въ
ѣскій портъ, «Барракута», едва успѣлъ войти
оды Нагасаки, какъ уже любознательные
емцы стали толпами являться на бортъ его,
бы осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ не-
данное судно, просили показать имъ дѣйствіе
шинъ и заставили корабельнаго инженера
чертить планъ и профиль парохода [1]). Когда
понскіе дайміосы вступили въ сношенія съ
ностранцами, они тотчасъ же накупили себѣ
ароходовъ, чтобы увеличить свой престижъ
въ глазахъ своихъ подданныхъ; скоро около
200 этихъ судовъ, составлявшихъ предметъ
роскоши, закачались въ портахъ передъ двор-
цами дайміосовъ, но большинство ихъ, негод-
ныя забракованныя суда, проданныя за вы-
сокую цѣну и управляемыя неопытными эки-
пажами, скоро обратились въ безполезные пон-
тоны. Эра серьезнаго судоходства въ ту пору
еще не началась [2]).

Наконецъ въ 1872 году одинъ японскій ко-
рабль пустился черезъ океанъ, направляясь въ
Санъ-Франциско, и съ этой эпохи флагъ Вос-
ходящаго солнца показался въ портахъ за-
паднаго міра. Одно пароходное общество, впро-
чемъ, получающее правительственную субсидію,
Митцу-биши, обладало уже въ 1876 году 40-ка
слишкомъ пароходами въ 2.000 тоннъ, которые
поддерживали сообщеніе между всѣми присти-
нями прибрежья Ниппона, а также совершали
рейсы въ Гонконгъ, въ Шанхай и во Влади-
востокъ. Это общество овладѣло мало-по-малу
монополіей перевозки товаровъ и пассажировъ,
но возникшая вскорѣ новая пароходная компанія
явилась сильнымъ конкурентомъ. Послѣ про-
должительной борьбы, гдѣ успѣхъ былъ весьма
перемѣнчивъ, противники рѣшили соединиться
и подъ общимъ названіемъ «Ниппонъ-юзенъ-
кайша» образовали огромную богато-организо-
ванную компанію. Это пароходное общество,
получая субсидію правительства, является для
страны тѣмъ же, что для насъ Добровольный
флотъ, съ тою только разницею, что количество
судовъ общества Ниппонъ-юзенъ въ нѣсколь-
ко разъ болѣе, чѣмъ въ Добровольномъ флотѣ
и флотъ японской компаніи можно видѣть не
только во всѣхъ портахъ Азіатскаго востока
и Австраліи, но даже въ Европѣ, а въ по-
слѣднее время была попытка завязать сношенія
и съ Африкою. Получая солидную субсидію,
служа транспортами въ военное время, [illegible]
ство по настоянію правительства въ 1895
1896 году пріобрѣло 20 судовъ, общее же чис
судовъ, принадлежащихъ обществу, доходитъ
двухъ сотенъ.

Вообще торговое судостроеніе въ стра
развивается одновременно съ торговлей, и
настоящее время по числу своихъ торговы
морскихъ судовъ Японія занимаетъ еще бол
видное мѣсто, чѣмъ въ 1879 году.

Въ ней къ концу 1897 года числилось:

Судовъ европейскаго типа: а) пароходо
827, вмѣстимостью—213.221 тоннъ; б) пар
сниковъ 702, вмѣстимостью—41.447 тонн
Судовъ японской конструкціи—17.360 [1]).

Одной субсидіи въ 1897 году провительство
выдано свыше 4.111.000 іенъ [2]). Участіе ин
странныхъ судовъ въ торговлѣ Японіи выр
зилось въ 1895 году слѣдующимъ образомъ

Англійскихъ—987, вмѣстимостью 1.786.3
тон.; германскихъ—371, вмѣстимостью 339.9
тон.; норвежскихъ—244, вмѣстимостью 239.1
тон.; Соединен. Штатовъ — 96, вмѣстимости
122.002 тон.; русскихъ—72, вмѣстимости
86.319 тон.; французскихъ—29, вмѣстимости
61.330 тон.; австрійскихъ—22, вмѣстимости
55.844 тон,; другихъ націй—84, вмѣстимости
62.573 тон. Итого — 1.905, вмѣстимости
2.753.482 тон. [3]).

Китайцы или нанкинъ санъ, какъ ихъ здѣ
называютъ, взимаютъ значительную долю б
рышей съ японской торговли: какъ посредн
ки, они замѣняютъ мало-по-малу европейце
и американцевъ въ портахъ, открытыхъ ин
страннымъ кораблямъ. Въ каждомъ торгово
домѣ мѣсто компрадора или маклера неизмѣ
занято китайцемъ. Число иностранныхъ р
дентовъ въ открыхъ портахъ Японіи состо

Въ 1874 г.: англичанъ 1.170; другихъ е
пейцевъ и американцевъ 1.238; китайцевъ 2
всего 4.513.

Въ 1878 г: англичанъ 1.067; другихъ
пейцевъ и американцевъ 1.410; кита
3.028; всего 5.505.

Къ январю 1897 года: англичанъ—
американцевъ—1.025; нѣмцевъ—476;
цузовъ — 343; русскихъ—269; китай
4.533; всего —9.238 человѣкъ.

Японцы не совсѣмъ пренебрегали
ствомъ сухопутныхъ дорогъ, хотя море,
мое теперь маяками (въ 1881 году въ
было уже 45 маяковъ, не считая по
огней), представляетъ имъ столь удо
ти сообщенія. Еще недавно только,
стностяхъ Кіото, старой столицы го
употребляли для перевозки тяжест
запряженныя волами. Эти пути были
ны и дополнены; другія дороги, пр

[1]) Tronson, „Voyage of the Barraconta".
[2]) „Oesterreichische Monatsschrift fur den Orient", 15 марта 1876 г.

[1]) „Almanach de Gotha", 1898 стр. 10
[2]) „Спб. Вѣдомости" 1898 г. № 128.
[3]) „Chronicle and Directory" 1897, p. 1

шія на большей части своего протяженія простыя тропинки, по которымъ могли проходить только мулы, были постепенно расширены, чтобы сдѣлать ихъ удобными для проѣзда ручныхъ колясокъ или «дженерикша». Четыре главныя дороги, называемыя обыкновенно по старымъ именамъ провинцій, черезъ которыя онѣ пролегаютъ, именно Токаи-до и Накасенъ-до, соединяющія Токіо съ Кіото, одна черезъ морское прибрежье, другая черезъ горы; Гокроку-до, которая идетъ по западной покатости главнаго острова, и Тосанъ-до, сѣверная дорога, принимаютъ мало-по-малу видъ европейскихъ шоссе. Что касается желѣзныхъ дорогъ, то Японія сначала довольствовалась тѣмъ, что подала примѣръ Китаю, построивъ два рельсовыхъ пути изъ Іеддо въ Іокогаму и изъ Осаки въ Кіото и Кобе, гдѣ публика толпится не менѣе, чѣмъ на самыхъ оживленныхъ линіяхъ Европы; но послѣ этого послѣдняго усилія предпріятія этого рода были надолго прерваны, строили только маленькія горнозаводскія желѣзныя дороги, и лишь въ самое недавнее время городъ Охоцъ былъ связанъ рельсовымъ путемъ съ Кіото, а на островѣ Іессо главный городъ Саппоро соединенъ съ портомъ Отарунай. Общая длина японскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1881 году равнялась 138 километрамъ; число пассажировъ, проѣхавшихъ въ 1879 г., было 3.000.000. Въ настоящее время приступаютъ къ исполненію обширнаго проекта, состоящаго въ томъ, чтобы провести магистральную линію съ сѣвера на югъ главнаго острова черезъ города Сендай, Токіо, Нагойя и Кіото и соединить ее боковыми вѣтвями со всѣми важнѣйшими городами западнаго берега. Участки этой сѣти, которые должны быть ранѣе другихъ окончены постройкой и открыты для движенія, суть дороги изъ Охоца въ Цуругу и изъ Токіо въ Нагасаки. За исключеніемъ локомотивовъ, привозимыхъ изъ Америки, весь матеріалъ, потребный для постройки и эксплоатаціи новыхъ рельсовыхъ путей, будетъ туземнаго происхожденія. Всего въ настоящее время въ Японіи открыто желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ 2.501,47 англійскихъ мили, рельсовъ положено 3.034,51 мили.

По части почтъ и телеграфовъ успѣхи Японіи были гораздо быстрѣе Первая телеграфная линія была открыта въ 1869 году, а въ 1896 году общая длина телеграфной сѣти, заключающей нѣсколько подводныхъ линій и связанной съ линіями сосѣдняго континента черезъ Шанхай, Владивостокъ и Фузанъ, составляла около 15.913 километровъ, при длинѣ провода 148.758 километ.; почтовыя дороги имѣли общее протяженіе въ 58.000 квадратныхъ километровъ. Что касается организаціи почтовой службы, то Японія, одно изъ государствъ, выказавшихъ наибольшую готовность присоединиться къ всемірному почтовому союзу, не имѣетъ причины завидовать почтамъ западной Европы; въ этомъ отношеніи ее уже можно поставить гораздо выше многихъ государствъ съ европейской цивилизаціей. Въ 1895 году движеніе почтовой и телефной корреспонденціи въ Японіи выразилось слѣдующими цифрами:

Почтовыхъ конторъ—3.830; писемъ и посылокъ внутр. — 439.692.266; писемъ и посылокъ за границу—4.384.868; транзитныхъ посылокъ—139.763. Телеграфныхъ конторъ—784; телеграмъ послано—9.411.421.

Циркуляція періодическихъ изданій въ короткое время возросла въ изумительныхъ размѣрахъ. Первое изданіе этого рода появилось въ 1871 году; а въ половинѣ 1878 года уже насчитывалось 266 газетъ японскихъ и 9 на иностранныхъ языкахъ, которыя всѣ вмѣстѣ печатались въ количествѣ 29 милліоновъ экземпляровъ. Въ теченіе того же года вышло въ свѣтъ 5.317 новыхъ сочиненій въ 9.967 томахъ. Такимъ образомъ страна Восходящаго солнца занимаетъ видное мѣсто между націями міра по развитію книжной торговли; по числу выходящихъ въ свѣтъ произведеній печати она превосходитъ даже Великобританію. Такъ, напримѣръ, въ теченіе года, съ іюля 1878 по іюль 1879 года, въ Японіи вышло въ свѣтъ слѣдующее число изданій:

543 сочиненія по политикѣ и законодательству; 470 сочиненій по педагогикѣ; 454 сочиненія по географіи; 313 сочиненій по филологіи, 225 сочиненій по математикѣ; 180 сочиненій по исторіи; 107 сочиненій по религіи; 2.925 романовъ, стихотвореній и т. п.

Въ это послѣднее время нѣкоторые не очень извѣстные японскіе издатели начали вступать въ конкуренцію съ европейскими собратами по ремеслу въ отношеніи контрафакціи англійскихъ литературныхъ произведеній [1]). Всѣ цѣнныя научныя сочиненія, появляющіяся въ Европѣ, переводятся на японскій языкъ и имена Дарвиновъ, Гербертовъ Спенсеровъ извѣстны всякому образованному человѣку въ Ниппонѣ.

Въ 1892 году въ Японіи числилось 24 библіотеки съ 327.548 томами книгъ. Выпущено 7.334 разныхъ изданій. Выходило 792 періодическихъ изданій, которыя расходились въ 244.203.066 экземплярахъ. Самая распространенная изъ Японскихъ ежедневныхъ газетъ «Jorodgu Choho» расходится въ количествѣ 24.458.240 экземпляровъ.

Быстрое возрастаніе литературнаго движенія доказываетъ, какъ серьезно поставлено дѣло народнаго просвѣщенія въ странѣ Восходящаго солнца. Образованіе сдѣлалось общимъ достояніемъ, и всѣ безъ различія проис-

[1]) „Athenaeum"; — „London and China Exprees", 4 нояб. 1881 г.

и состоянія могутъ изучать науки и
а въ общественныхъ учебныхъ заве-
. По закону, должна существовать одна
ная школа для каждыхъ 600 жителей;
и спеціальныя учебныя заведенія, ака-
художествъ, консерваторіи промышлен-
искусствъ и ремеслъ, университетъ въ
и многія высшія учебныя школы, изъ
ыхъ первая по времени есть главная ме-
нская школа въ Нагасаки, основанная въ
году, дополняютъ организацію системы
одного образованія. Даже тюрьмы преобра-
аны въ правильныя школы, гдѣ обязанности
ставниковъ обыкновенно исполняютъ осуж-
нные за политическія преступленія [1]). Часть
юджета, назначенная въ распоряженіе мини-
терства народнаго просвѣщенія, составляетъ
динъ изъ главныхъ расходовъ государства, и
понская нація, независимо отъ правительства,
тличается между всѣми народами своей щед-
ростью въ пользу школъ; въ пять лѣтъ, съ 1875
по 1879 годъ, добровольныя пожертвованія на
дѣло народнаго просвѣщенія достигли суммы,
превышающей 42 милліона франковъ, не счи-
тая земель, зданій, книгъ, инструментовъ,
учебныхъ пособій, всякаго рода приношеній
натурой. Между многочисленными ассоціаці-
ями, возникшими въ это послѣднее время, одно
общество, имѣющее не менѣе 3.000 членовъ
во всѣхъ частяхъ имперіи, основалось специ-
ально съ цѣлью содѣйствія распространенію
школьнаго образованія въ странѣ. Однако еще
двѣ пятыхъ мальчиковъ и четыре пятыхъ дѣ-
вочекъ не посѣщаютъ общественныхъ школъ,
но много дѣтей учатся грамотѣ въ своей семьѣ.

Въ настоящее время въ имперіи Микадо
25.617 школъ въ томъ числѣ 23.667 обще-
ственныхъ, получающихъ помощь отъ государ-
ства и 1,950 частныхъ. По отчетамъ число
учащихся въ концѣ 1896 года было 3.613.026
при 69.196 учителяхъ и наставникахъ. Содер-
жаніе всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній пре-
вышаетъ 50 милліоновъ ежегодно. Особенные
успѣхи замѣтны въ распространеніи высшаго
и профессіональнаго образованія. Такъ число
воспитанниковъ инженернаго училища возросло
до 825. На курсахъ архитектуры было—65
студентовъ; механики—40; кораблестроенія —
13; электротехники—30; химіи и технологіи—
24 и металлургіи—27 [2]). Ставъ на почву ком-
мерческаго и торговаго народа, японцы обра-
тили серьезное вниманіе и на эту сторону
образованія. Понимая свою неподготовлен-
ность и неопытность въ дѣлѣ торговли въ срав-
неніи съ европейцами, японцы спокойно и
энергично стали изучать торговую тактику и
пріемы своихъ конкурентовъ, и предприняли
рядъ мѣръ къ распространенію коммерческаго

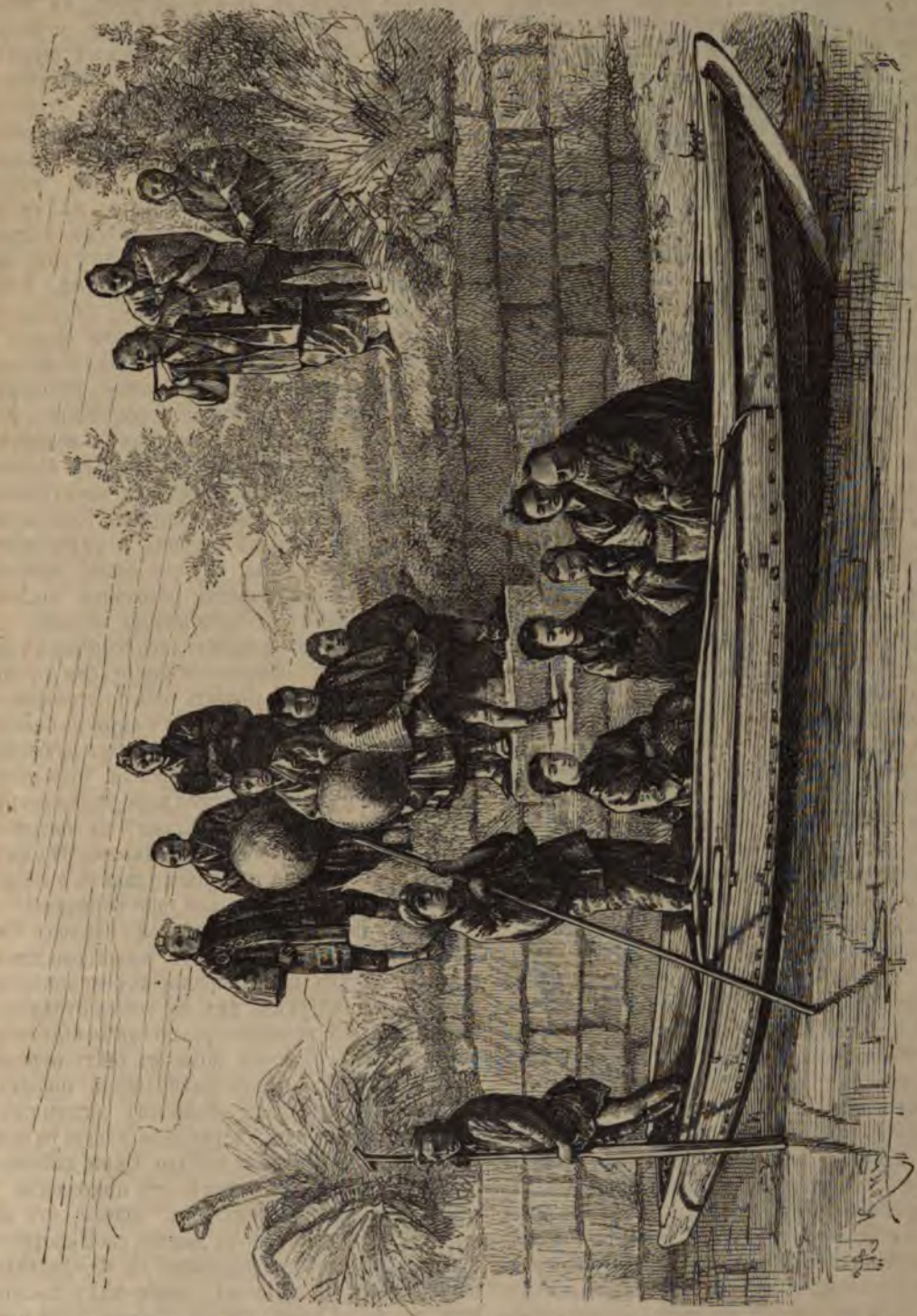
образованія, для чего открыли нѣсколь
мерческихъ училищъ, крупнѣйшія изъ
рыхъ находятся въ Осакѣ и Токіо; орг
ція ихъ и достигнутые результаты не
вляютъ желать ничего лучшаго Не смо
такіе, повидимому, блестящіе успѣхи, с
народнаго образованія, по отзыву Пел
не обладаетъ никакою устойчивостью.
ченіе перваго десятилѣтія дѣйствія н
школьныхъ порядковъ программы препод
и самые порядки подвергались неоднокра
кореннымъ преобразованіямъ. Такъ, въ 1
ду пришлось расширить кругъ власти мѣс
учрежденій, а въ 1885 году состоялся
пересмотръ школьныхъ уставовъ, вызв
жалобами на высокую плату за ученье.
приняты нѣкоторыя мѣры, но онѣ ока
недостаточны, и въ 1886 году вся система
была измѣнена. Но законъ 1886 года
въ дѣйствіи лишь до 1890 гола, когда
бовалось новое его измѣненіе и пересмот

Главный упрекъ, который дѣлаютъ япо
системѣ воспитанія, состоитъ въ томъ, чт
грамма ея слишкомъ обширна для начал
школъ и среднихъ учебныхъ заведеній;
теряетъ въ глубинѣ то. что выигрыва
обширности курса. Кромѣ того, прежні
быя тѣлесныя упражненія молодыхъ саму
замѣнены курсомъ гимнастики, но весь
достаточнымъ, и здоровье воспитанников
го страдаетъ отъ этого порядка, не со
ствующаго требованіямъ правильнаго
ческаго развитія, и вообще японскіе у
слишкомъ переутомлены и впадаютъ в
ное истощеніе.

Число иностранныхъ наставниковъ
рыхъ японское правительство выпис
Европы и Америки, чтобы ознакоми
леніе съ науками, искусствами и ремес
вилизованнаго міра, уменьшается из
годъ, и оклады, предлагаемые вновь
щимъ, дѣлаются все болѣе и болѣ
ными, что объясняется постепенно
англичанъ и американцевъ нѣмец
подавателями. Въ 1875 году всѣх
ныхъ наставниковъ, состоящихъ
японскаго правительства, насчи
въ 1892 году ихъ было тольк
странные инженеры, приглашен
веденія въ краѣ грунтовыхъ доро
выхъ путей, для постройки и во
лей, медики, которымъ поручаю
госпиталями и больницами, воен
ные для формированія и обучен
консульты, избранные для со
новъ, финансисты, прибывшіе
довать фондами и финансами
всѣ чужеземцы были приведе
постояннымъ обхожденіемъ
единственной роли, къ роли

[1]) „Nature, journal of science“, 13 окт. 1881.
[2]) „ “ 1897.
[1]) См. Пеликанъ, „Прогрессиру

по своей спеціальности [1]). Отъ нихъ требовали не примѣнять непосредственно свои таланты въ пользу своей славы, а только того, чтобы они дѣлались постепенно безопасными,



Японская барка.

образуя учениковъ, которые могли бы замѣнить ихъ и тѣмъ дали бы возможность какъ можно скорѣе отослать ихъ восвояси. Новая Японія считаетъ за честь создать себя собственными силами, и стѣсняющій и не скромный чужеземецъ, котораго она принимаетъ въ качествѣ гостя, есть для нея не болѣе, какъ необходимый врагъ. «Будущность народа, говоритъ съ гордостью одинъ японскій писатель, заключается въ немъ самомъ, какъ орелъ содержится въ яйцѣ».

По преданію, царствующая фамилія проис-

[1]) G. Bousquet, „Le Japon de nos jours".

Зимму-Тенно, «божественнаго за-
. сына бога Исанами и правнука
олнца». Микадо, занимающій теперь
онской имперіи, есть сто-двадцать-
мператоръ, носящій три божествен-
ака царскаго достоинства — зеркало,
печать: династія Солнца, имѣющая
й цвѣтокъ золотоцвѣта, форма котора-
оминаетъ свѣтящійся шаръ, окруженъ-
ами, царствуетъ, если вѣрить преданію,
ерерыва уже двадцать пять съ полови-
ковъ, то-есть со временъ Навуходоносо-
улла Гостилія. Однако девять первыхъ
ей исторіи японскихъ императоровъ из-
ы лишь по легендамъ, и бытописаніе въ
венномъ смыслѣ начинается только изъ
а третьяго вѣка христіанскаго лѣтоисчи-
ія, съ эпохи введенія китайскихъ идео-
фическихъ знаковъ [1]).

До недавней революціи, которая измѣнила
ому правленія, власть только номинально
ходилась въ рукахъ императора Ниппона.
конца двѣнадцатаго столѣтія онъ былъ,
къ сказать, сопричисленъ къ сонму боговъ, и
го могущество проявлялось черезъ посредство
іогуна, сдѣлавшагося истиннымъ повелите-
емъ государства. Въ 1853 году, когда амери-
канцы, а затѣмъ русскіе явились хлопотать о
заключеніи торговаго трактата съ царствомъ
Восходящаго солнца, микадо не умѣлъ при-
нять въ происходившихъ по этому поводу со-
вѣщаніяхъ правительства другаго участія, кро-
мѣ «возношенія съ утра до вечера горячихъ
молитвъ къ ками и къ тѣнямъ предковъ». За-
пертый въ своемъ дворцѣ или, вѣрнѣе ска-
зать, въ своемъ капищѣ, рабъ этикета, онъ не
могъ коснуться почвы своими ногами, ни вы-
ставить свою священную особу на открытый
воздухъ, ни позволить солнцу освѣтить его гла-
ву. Но и самъ сіогунъ не имѣлъ уже той само-
державной власти, которую знаменитый дик-
таторъ Іейасъ, основатель столицы Іеддо, оста-
вилъ въ наслѣдство своей фамиліи, въ концѣ
шестнадцатаго столѣтія. Несмотря на свое за-
висимое и подчиненное положеніе, вассалы им-
періи, то-есть восемнадцать великихъ даймі-
совъ и триста сорокъ четыре малыхъ даймі-
совъ, составляли въ дѣйствительности корпо-
рацію болѣе сильную, чѣмъ оффиціальные хра-
нители власти. Когда сіогунъ, напуганный
приходомъ американскихъ фрегатовъ подъ на-
чальствомъ коммодора Перри, принужденъ былъ
отказаться отъ традиціонной политики импе-
ріи—разрѣшить чужеземцамъ вести непосред-
ственно торговлю съ его народомъ и даже до-
зволить имъ поселяться на жительство въ пре-
дѣлахъ японской территоріи,—это рѣшеніе бы-
ло слишкомъ важно, чтобы не взволновать въ
сильной степени мнѣнія феодальныхъ ка
и всей толпы низшаго дворянства или са
раевъ. Волненіе общественнаго мнѣнія сдѣ
лось столь сильно, что толки внѣшняго м
проникли наконецъ въ первый разъ, въ те
ніе многихъ вѣковъ, въ «заповѣдную огра
императорскаго дворца. Побуждаемый двор
ствомъ, императоръ долженъ былъ вмѣшат
и дать приказанія сіогуну. Со всѣхъ сторо
вспыхнула борьба между дворянскими рода
изъ которыхъ одни держали сторону мика
другіе стояли за свѣтскаго царя, ни
почти независимые, переходили то на ту,
на другую сторону, смотря по своимъ кап
замъ или чувству непріязни. Въ 1863 году
га князей, властвовавшихъ въ Сацумѣ, Т
и Нагато, враждебная свободному допуще
иностранцевъ въ страну, одержала верх
заставила императора дать приказъ сіог
уничтожить заключенные торговые догово
но эти вассалы сами имѣли европейскихъ
структоровъ въ своихъ войскахъ, медик
и преподавателей съ Запада или изъ Нов
свѣта въ своихъ резиденціяхъ, и иностран
же доставляли имъ ружья и порохъ. Невозм
но было вернуться къ старому и уничтож
совершившіеся факты. Японія была окон
тельно открыта, и начатая революція дол
была идти своимъ естественнымъ ходомъ.

Въ то время, какъ занимались созывомъ г
ціюина, то-есть общаго собранія самурае
долженствовавшаго рѣшить всѣ внутренні
внѣшніе вопросы, въ западныхъ округахъ об
зовалась такъ называемая «дружина небе
го гнѣва», и иностранные корабли, прони
шіе въ Японское внутреннее море, были во
чаемы пушечными выстрѣлами съ бат
устроенныхъ на берегахъ проливовъ. Но
странцы не только отказались удалиться
вольно изъ страны, но они еще вернул
эскадрой, форсировали морской прохо
моносеки, требуя военнаго вознагра
а вскорѣ затѣмъ и расширенія ихъ при
Нужно было уступить имъ на всѣхъ пу
но сіогунъ, на котораго возлагали отв
ность за эти униженія, долженъ былъ
ся отъ престола: послѣ безуспѣшной
возмущенія, онъ былъ объявленъ ли
своего высокаго сана, верховная вла
ея цѣлости возвращена микадо. Сам
стали просить объ отмѣнѣ ихъ пр
одинъ изъ нихъ зашелъ такъ дале
могался чести сравнять съ землей св
чтобы замѣнить его пашнями [1]).
порядокъ былъ отмѣненъ, равно
ныя различія, право на образован
доставлено всѣмъ безъ исключен
ли дозволены между лицами, при
къ различнымъ классамъ общест

[1]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peu-
. Chine".

[1]) De Hübner, „Voyage autour du

ди плебейскаго происхожденія или геймины вошли въ правительство. Презираемые этасы были уравнены въ правахъ съ другими подданными государства; у самураевъ было отнято право ношенія оружія. Тѣмъ не менѣе населеніе Японіи еще и до нынѣ подраздѣляется: на дворянъ-потомковъ высшей феодальной аристократіи или «квадзокоу», мелкаго дворянскаго сословія или «шидзукоу» (самураи и роины) и собственно простаго народа или «геминъ». По переписи 1895 года численность этихъ сословій въ странѣ была:

Квадзокоу—4.162 ч.;шидзукоу—2.050.144 ч.; геминъ—40.216.314 чел [1]).

Чтобы показать, что совершившіяся перемѣны неотмѣняемы; и что новая эра Мейджи или «Просвѣщеннаго закона» рѣшительно открыта, императоръ покинулъ священный городъ Кіото и перенесъ свою резиденцію въ болѣе обширную столицу Іеддо, въ самое средоточіе погрессивнаго общества новой Японіи. Послѣднее возстаніе, которое ему пришлось побѣдить, было возмущеніе моряковъ военнаго флота, которые овладѣли городомъ Хакодате и основали тамъ независимую республику, по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

«Въ 1869 году, годъ спустя послѣ того, какъ революція низвергла всѣ соперничавшія между собой власти передъ властью императора, этотъ послѣдній самъ воздалъ честь другой силѣ,—силѣ общественнаго мнѣнія. Говоря языкомъ, какого до того времени никогда не слыхали въ странѣ Восходящаго солнца, микадо клялся торжественно, въ присутствіи своихъ совѣтниковъ, что будетъ созвано совѣщательное собраніе для обсужденія органическихъ законовъ; онъ обѣщалъ, что отнынѣ справедливость въ отношеніи всѣхъ будетъ его неизмѣннымъ правиломъ поведенія, и что онъ всегда будетъ обращаться за совѣтомъ къ мужамъ ума и истинной заслуги. Посланники, отправленные въ Европу для изученія образа правленія у цивилизованныхъ народовъ, высказались въ пользу порядка, которой долженъ былъ обезпечить имъ наибольшее личное вліяніе, и власть сохранила свои неограниченныя формы.

«Вѣнцомъ японскаго прогресса, по мнѣнію самихъ японцевъ, явилась конституція 1889 г. По существу она представляетъ изъ себя непостижимую смѣсь азіатчины съ послѣдними выводами и указаніями самыхъ передовыхъ западныхъ публицистовъ. Согласно этой конструкціи, микадо по справедливости долженъ быть признанъ самымъ конституціоннымъ монархомъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ мало того, что можетъ не управлять, онъ свободенъ также и не царствовать, а просто занимать престолъ, въ качествѣ представителя божественной династіи, не имѣющей ни начала ни конца своего существованія. Новые люди, несмотря на своей либерализмъ и явно проповѣдываемый атеизмъ, не посмѣли посягнуть ни на божественное происхожденіе ихъ небеснаго повелителя, ни на непрерывность его династіи, ни на завѣщанный Зинму Тенно порядокъ наслѣдія престола. Эти краеугольные камни японскаго государственнаго строя по-прежнему твердо стоятъ на своемъ мѣстѣ и, надо полагать, на вѣчныя времена будутъ служить подводными камнями, о которое еще не разъ будутъ разбиваться различные узурпаторы императорской власти. Ст. 1 и 2 японской конституціи гласятъ: «Что Японія должна находиться подъ властью династіи, не прерываемой въ вѣчности и что престолъ преемственъ по правиламъ, существующимъ (?) въ статутахъ императорскаго дома».

Японскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ. Въ палатѣ перовъ засѣдаютъ пожизненно всѣ міа, принцы, маркизы, а также и всѣ назначаемые для того самимъ микадо способные и ученые люди. Графы, виконты и бароны посылаютъ туда только своихъ представителей, которыхъ избираютъ на семь лѣтъ, каждый изъ своей среды отдѣльно. Кромѣ того въ городахъ Токіо, Кіото, Осака и въ каждомъ изъ 47 кеновъ, на которое Японія дѣлится въ административномъ отношеніи, 15 проживающихъ тамъ лицъ, изъ числа платящихъ наивысшій налогъ, — посылаютъ отъ себя въ палату перовъ по одному члену, назначаемому на 7 лѣтъ. Общее число назначаемыхъ членовъ не должно превышать общаго числа титулованныхъ членовъ.

Нижняя палата состоитъ приблизительно изъ 300 членовъ. Избиратели должны имѣть не менѣе 25, а избираемые 30 лѣтъ, и какъ тѣ, такъ и другіе должны платить не менѣе 15 іенъ (75 фр.) государственнаго налога. По словамъ г. В. Черевкова, въ 1887 г. въ Японіи было 1.581.726 лицъ, платящихъ свыше 5 дол.; 882.517 лицъ свыше 10 дол., и всего было 300.000 платящихъ 15 и выше долларовъ.

Парламентъ собирается разъ въ годъ. Пренія его публичныя; министры имѣютъ право засѣдать въ обѣихъ палатахъ и держать тамъ рѣчи. Отвѣтственны они только предъ императоромъ. Право палаты на утвержденіе бюджета ограничено. Она не можетъ отказать въ расходахъ, предусмотрѣнныхъ конституціей, а именно въ расходахъ на армію, на жалованье всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, на организацію различныхъ отраслей управленія, при чемъ расходы на императорскій домъ вовсе не подлежатъ ея обсужденію.

Первый японскій перламентъ былъ открытъ лѣтомъ 1890 г. и тотчасъ же обнаружилъ свой удивительный составъ. Въ немъ оказалось изъ 300 депутатовъ: 144 радикала, 50 крайнихъ прогрессистовъ и всего только 4 консерватора, въ лицѣ четырехъ буддійскихъ священниковъ.

[1]) „Almanach de Gotha".

…я всѣ депутаты принадлежали къ сословію …раевъ. За послѣдніе годы къ этимъ пар… …ъ прибавились еще соціалисты и коммуни… Несмотря на усвоенную правительствомъ …ему оффиціальныхъ кандидатуръ, достичь …палатѣ большинства членовъ своихъ оно ни… …ъ не можетъ. Болѣе двухъ третей депута… …ъ оказывается прямо ему враждебнымъ, и …онскій парламентъ представляетъ изъ себя …ену безконечныхъ и лишенныхъ всякаго …рактическаго значенія препирательствъ чле… …овъ оппозиціи съ министрами. Препиратель… …тва эти дѣтски радуютъ обѣ стороны, такъ …акъ даютъ ихъ лидерамъ возможность обна… …ружить свой ораторскій талантъ и похвастать …своими діалектическими способностями» [1]).

Высшія правительственныя установленія со… …ставлены по образцу подобныхъ же учрежде… …ній конституціонныхъ государствъ. Верховный комитетъ или совѣтъ министровъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра, ко… …торому, въ качествѣ товарища, приданъ вице… …президентъ—изъ статсъ-секретарей всѣхъ глав… …ныхъ отраслей государственнаго управленія или министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, иностран… …ныхъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морскаго, …народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, юсти… …ціи, императорскаго двора, министерства тор… …говли и земледѣлія; вскорѣ послѣ присоедине… …нія Формозы, японцы образовали министерство …колоній, но оно, просуществовавъ до 1898 года, …было упразднено. Другое высшее учрежденіе, …стоящее, однако, ниже совѣта министровъ— …это государственный законодательный совѣтъ, …который разрабатываетъ, подъ предсѣдатель… …ствомъ принца крови, законы и представляетъ …свои работы на разсмотрѣніе министровъ, не …имѣя самъ никакого права почина. Правительство созываетъ также, въ нѣкоторыхъ спе… …ціальныхъ случаяхъ, собраніе изъ чиновниковъ …окружной администраціи для выслушанія ихъ …мнѣній по вопросамъ, касающимся податей и …налоговъ; но областные правители или губер… …наторы облечены властью налагать свое veto …на совѣщанія этой коммисіи оффиціальныхъ …свѣдущихъ людей. Административная іерархія, …очень крѣпко организованная въ этой странѣ, …гдѣ общины пользуются лишь призрачнымъ …самоуправленіемъ—хотя головы или старши… …ны выбираются собраніемъ отцовъ семейства, …—обнимаетъ цѣлыхъ семнадцать ранговъ, раз… …дѣленныхъ на три категоріи, называемыя сіокъ… …нинъ, со-нинъ и ганъ-нинъ. До 1879 года по …государственной смѣтѣ была ассигнована сум… …ма въ 675.000 франковъ на «храмы боговъ»; …въ настоящее время покрытіе расходовъ на …потребности культа предоставлено всецѣло бла… …гочестію вѣрующихъ.

Старые японскіе законы, заимствованные …изъ китайской юриспруденціи временъ династій …Миновъ и Цзинь, и приказы или …коніе» диктатора Іейяса были собраны … …сводъ послѣ революціи и значительно с… …хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя … …прежде ненаказуемыя, теперь пресл… …какъ противузаконныя. Такъ, неогран… …право, которымъ прежде пользовалс… …семейства по отношенію къ своимъ … …было отмѣнено, и отнынѣ тотъ, кто с… …продавать своихъ дочерей, согласно … …нѣкогда очень распространенному, … …жалъ бы строгому наказанію [1]). Ж… …на которую старое законодательство с… …какъ на существо безправное, если от… …мужъ не выступалъ ея защитникомъ, … …легально мѣсто между человѣческими … …стями. Канга или наказаніе надѣва н… …ревяннаго ошейника отмѣнена, равно… …пытка; однако, по свидѣтельству иност… …послѣдняя еще примѣняется въ формѣ … …относительно, легкой. Смертная казнь … …повѣшеніе или обезглавленіе, устано… …комъ противъ убійцъ, мятежниковъ … …телей на большой дорогѣ, торговцевъ о… …но рѣдко случается, чтобы судамъ … …лось примѣнять эту кару. Въ 1892 … …всѣхъ острогахъ имперіи содержалось … …76.333 арестантовъ, между которыми … …4.959 женщинъ [2]). Французскіе юриско… …приглашенные въ Японію для изучен… …слѣдованія мѣстнаго права, выработ… …дексы гражданскій и уголовный, котор… …ское правительство и обнародовало въ… …какъ законы государства. Вышло одн… …многія изъ этихъ нововведеній спута… …тіе о справедливости въ умѣ японц… …числяя къ проступкамъ дѣйствія, кото… …не кажутся имъ предосудительными … …напримѣръ, обычай татуированія и … …дѣлаемыхъ публично, на глазахъ вс… …ный результатъ, котораго желаетъ … …японское правительство, преобразуя … …нодательство и судопроизводство,— … …ставить достаточно гарантій ин… …державамъ, для того, чтобы эти по… …казавшись отъ привилегіи внѣ… …позволили судить ихъ подданныхъ … …властямъ [3]). Въ настоящее время … …иностранцевъ, проживающихъ … …Японіи, подчинены и подсудны с… …никамъ и консуламъ; но имъ стр… …заниматься политикой страны, … …прещено изданіе газетъ и журн… …скомъ языкѣ подъ страхомъ … …нежнаго штрафа, тюремнаго … …даже каторжныхъ работъ,— … …приговору консула [4]).

[1]) Поликанъ, „Профессирующая Японія“, стр. 169—172.

[1]) Однако это практикуется еще … …классахъ общества.

[2]) G. Bousquet, „Le Japon de n…

[3]) „Annales de l'Extrême Orient…

[4]) „China and Japan, Order in …

Въ странѣ существуетъ 49 судебныхъ палатъ первой инстанціи по одной въ каждой изъ провинцій или округовъ. Низшихъ судовъ, соотвѣтствующихъ кругу дѣятельности нашихъ мировыхъ судей, 301. Судьи назначаются пожизненно по усмотрѣнію министра юстиціи. Старѣйшіе судьи по выбору микадо составляютъ главную центральную палату, засѣданія которой совершаются разъ въ три мѣсяца и которая разбираетъ особенно важныя преступленія или дѣла кассаціоннаго характера.

Въ Японіи 156 исправительныхъ тюремъ, кромѣ того 7 военнаго вѣдомства и 3 морскихъ. Относительно регистраціи преступленій уголовной подсудности, можно сказать, что число ихъ довольно велико.

Въ 1891 г.: маловажныхъ преступ.—154.087; серьезныхъ преступ.—3.260; итого—157.678. Въ 1892 г.: маловажныхъ преступ.—166.884; серьезныхъ преступ.—3.244; итого—170.133.

За исключеніемъ госпиталя, основаннаго въ Нагасаки голландскими медиками, Японія не имѣла, въ эпоху заключенія торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами, другихъ заведеній для леченія больныхъ. Но съ того времени, со своимъ обычнымъ рвеніемъ къ подражанію европейскимъ учрежденіямъ, страна Восходящаго солнца принялась за устройство больницъ, и въ концѣ 1878 года она имѣла ихъ уже 159, изъ которыхъ 35 были построены исключительно на средства, составившіяся изъ добровольныхъ пожертвованій[1]). Такъ же, какъ въ большей части европейскихъ странъ, оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ.

Государственный бюджетъ Японіи въ 1880 г. (считая іенъ въ 5 франковъ 47 сантимовъ) простирался до 304.413.000 франковъ.

Доходы: налоги прямые—226.867.720 фр.; налоги косвенные—41.807.587; таможенныя пошлины—11.931.766; разные—23.796.000.

Расходы: платежи по долгу—115.965.530 фр.; содержаніе двора и пенсіи—10.592.212; армія и флотъ—53.750.398; народное просвѣщеніе—6.235.089; общественныя работы—5.597.809; администрація и проч.—112.480.000 фр.

Японскіе колодники.

Финансы Японіи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, а въ послѣднее время такъ даже просто въ плачевномъ. Не успѣла страна позаимствовать у европейскихъ государствъ систему и методы отчетности, какъ уже усвоила манеру дѣлать неоплатные государственные долги и жить выше своихъ средствъ. Расходы страны увеличивались съ каждымъ годомъ, тогда какъ доходы остаются одни и тѣ же, отыскать же новый источникъ дохода является дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ населеніе и такъ уже обложено болѣе, чѣмъ это возможно.

Какъ увеличиваются расходы страны, видно изъ отчета консула Бренана, который приводитъ слѣдующую таблицу расходовъ въ настоящее время и въ будущемъ.

[1]) „Mithteilungen von Petermann", II, 1881.

...тьи расходовъ	въ 1893 г. іенъ.	въ 1897 г. іенъ.	Предполагаемыя въ 1904 г. іенъ.
...ержаніе двора.	3.000.000	3.000.000	
...ин. иностр.			
...лъ. . .	624 00	151.700	13.000.000
...ин. внутр.			
...лъ. .	27.636.000	6.492.000	
...ин. финансовъ	14.915.000	41.704.000	54.000.000
...ин. военное	2.316.000	29.137.000	31.000.000
...ин. морское	5.141.000	98.886.000	28.000.000
...ин. юстиціи .	3.452.000	35.552.000	
...ин. просвѣщен.	959.000	2.049.000	80.000.000
...ин. торговли и земледѣлія .	929.000	142.400	
Мин. колоній .	—	12.551.000	41.000.000
Субсидія мореплаванію	—	—	6.000.000
Итого .	64.442.000	122.984.000	173.000.000

Изъ этой таблицы легко усмотрѣть, какъ возросли доходы Японіи въ 4 года и каковы они будутъ черезъ десять лѣтъ. Этотъ десяти-лѣтній бюджетъ, одобренный парламентомъ, приводится въ исполненіе, не смотря на то, что онъ не соотвѣтствуетъ доходу, который исчисляется такимъ образомъ къ тому же 1904 году. Прежніе доходы по бюджету до войны — 57.557.000 іенъ. Увеличеніе (ожидаемое) ихъ и новые доходы—59.053.000 іенъ. Казенные доходы—35.000.000 іенъ. Разные доходы—30.000.000 іенъ. Доходы съ острова Формозы—85.000.000 іенъ. Итого—163.110.000 іенъ.

Сравнивая цифры доходовъ и расходовъ, легко усмотрѣть, что даже въ бюджетѣ послѣднія превышаютъ первыя на 10.000.000 іенъ, которые придется черпать изъ неизвѣстнаго источника, т. е. прибѣгать къ займамъ. Съ другой стороны ни для кого не составляетъ секретъ какъ ненадежны и призрачны расчеты на увеличеніе дохода, основанные на предположеніяхъ.

Достаточно указать хотя бы на то, что еще до настоящаго времени Формоза приноситъ лишь убытокъ и будетъ ли она черезъ 5—6 лѣтъ давать ожидаемую цифру дохода—это еще болѣе нежели сомнительно. Всѣ современныя газеты констатируютъ, что экономическое положеніе страны нисколько не поправилось даже полученіемъ 341.000.000 іенъ контрибуціи съ Китая, ушедшей на флотъ и перевооруженіе, попытки же правительства увеличить налогъ на нѣкоторые промысла потерпѣли полнѣйшее пораженіе въ парламентѣ, не смотря на его троекратный созывъ по этому случаю.

Въ прежнее время Японія въ административномъ отношеніи дѣлилась на области или «дороги» (до), названія которыхъ и теперь еще употребляются въ обыкновенной рѣчи; но послѣ революціи, чтобы порвать всякую связь съ преданіями старины, прежнія провинціи были замѣнены департаментами или губерніями (фу), подраздѣленными на уѣзды или округи (кенъ). Но прежде чѣмъ обратить...
перечисленію провинцій страны Восходя...
солнца, необходимо разсмотрѣть недавнее ...
пріобрѣтеніе Японіи Формозу.

Этотъ островъ Китайскаго моря, нем...
болѣе обширный и, вѣроятно гуще населен...
чѣмъ Хай-нань (вѣроятное пространство ...
селеніе Формозы: 560 квадратныхъ ми...
3.600.000 жителей, такъ что на 1 квадра...
милю приходится, среднимъ числомъ, по 6...
человѣкъ), тоже составлялъ въ администра...
номъ, какъ и въ геологическомъ отношеніи...
млю, связанную съ континентомъ [1]). Тогда ...
непосредственно на востокъ отъ острова ...
чинаются глубины, и ниже подводнаго от...
берега простираются пучины въ 2.000 метр...
Формозскій проливъ, отдѣляющій Формозу ...
сосѣдняго материка, и ширина котораго о...
150 верстъ въ самой съуженной его ча...
имѣетъ всего только 60 метровъ средней ...
бины, и нигдѣ лотъ не опускается въ нем...
100 метровъ. Даже около южнаго входа въ ...
ливъ разсѣяна, передъ западной выпукло...
Формозы, группа острововъ Пынъ-ху, за ...
рой оставлено также ея испанское назв...
Pescadores (Рыбачьи острова), и самъ арх...
лагъ продолжается на западъ и юго-за...
опасными подводными мелями. Такимъ о...
зомъ совершенно естественно, что до пр...
единенія къ Японіи Формоза причислялась в...
министративномъ отношеніи къ континен...
ной провинціи, съ которой она соединена ...
водными мелями, и откуда, кромѣ того, ...
исходитъ большинство ея жителей. Въ гл...
китайскаго правительства Формоза была ...
сто округъ сосѣдней провинціи Фу-цзянь.

Эта земля, которую старинные китайск...
графы знали подъ именемъ Большаго Лу...
и которая теперь приняла названіе своег...
наго города, Тай-вань, есть одинъ из...
стыхъ острововъ, представляющихъ н...
шую правильность въ расположеніи сво...
катостей. Отъ одной до другой оконечн...
пространствѣ около 360 верстъ, удл...
овалъ острова раздѣленъ на двѣ час...
томъ, который тянется съ юга на сѣве...
няясь къ востоку отъ меридіана. ...
склонъ, обращенный къ океаническ...
странствамъ, въ цѣломъ вдвое круче, ...
тивоположный скатъ, обращенный ...
землѣ: онъ погружается въ море кру...
сомъ, обрывомъ, тогда какъ запад...

---

[1]) Цифра эта дана согласно Матусовскому ...
изданіе „Résumé statistique de L'empire du J...
опредѣляетъ площадь Формозы и окружающ...
въ 1.493 квадр. ри, а населеніе въ 2.041.
При...

[2]) D'Hervey de Saint Denys, „Ethnogr...
ples étrangers à la Chine".

тость, которая походитъ на горныя цѣпи Фуцзяни, спускается полого къ морю и подъ его поверхностью. Съ того и другаго берега (восточнаго и западнаго) можно совершенно явственно разглядѣть обрисовывающійся на горизонтѣ профиль зубчатаго гребня этой длинной цѣпи, называемой Да-шань или «Большими горами»; въ южной части цѣпи вершины не превышаютъ 2.400 метровъ, тогда какъ въ центрѣ острова одна вершина горы, называемая англичанами горой Моррисонъ, достигаетъ высоты 3.352 метра (12.800 ф.), а далѣе на сѣверѣ гора Сильвія и нѣкоторыя другія вершины поднимаются слишкомъ на 3.600 метровъ. Въ своемъ общемъ образованіи хребетъ Да шань состоитъ главнымъ образомъ изъ известняковъ каменноугольной формаціи, но кое-гдѣ пробиваются наружу и вулканическія породы, и даже ходятъ смутные разсказы объ «огнедышащей горѣ», которая будто бы находится въ центрѣ Да-шаня; около сѣверной оконечности существуютъ еще фумароллы, отлагающія немного сѣры на скалахъ. Землетрясенія бываютъ часто, и нѣкоторые признаки позволяютъ думать, что морское прибрежье приподнимается дѣйствіемъ подземныхъ силъ; такимъ образомъ, если это предположеніе вѣрно, здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе, обратное тому, которое, какъ полагаютъ, происходитъ противъ острова, на континентальномъ берегу, между Нинъ-бо и Кантонскимъ заливомъ. Въ ту эпоху, когда голландцы владѣли городомъ Тай-вань, на юго-западномъ берегу Формозы, судоходный проливъ, въ которомъ могли свободно становиться цѣлые флоты, раздѣлялъ два главные форта города, а теперь этотъ проливъ превратился въ равнину, которая перерѣзана каналами и дорогами, и которую частію покрываютъ воды моря во время высокихъ приливовъ; корабли останавливаются нынѣ въ открытомъ морѣ на разстояніи болѣе 3 километровъ отъ прежняго порта. Въ то время, какъ эта гавань закрывалась, поднятіе почвы способствовало открытію другаго пристанища для судовъ далѣе, на югѣ; длинная коса, выступая мало-по-малу изъ-подъ воды, соединила прибрежье съ цѣпью вулканическихъ скалъ, и, защищая такимъ образомъ противъ волнъ широкую бухту, образовала портъ Да-гоу, который, впрочемъ, все болѣе и болѣе заносится иломъ, мелѣетъ, и теперь даетъ доступъ, при благопріятномъ вѣтрѣ и приливѣ, только судамъ, имѣющимъ не болѣе 3 или 4 метровъ водоизмѣщенія [1]). По наблюденіямъ американскаго геолога Бикмора, берега, поднятые подземными силами въ теченіе современнаго геологическаго періода, слѣдуютъ полосами по окружности полуострова до высоты 400 метровъ.

[1]) Thomson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873. XLIII.

Первые европейскіе мореплаватели, которые увидѣли Тай-вань въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, были, какъ видно, любители красотъ природы, и, благодаря этому обстоятельству, открытая ими земля, вмѣсто того, чтобы носить имя какого-нибудь святаго или короля, получила названіе Формозы или «прекрасной». И дѣйствительно, на океанѣ нѣтъ острова, который бы болѣе заслуживалъ такого названія, по крайней мѣрѣ на восточной покатости, ибо съ западной стороны горы Формозы оканчиваются голыми красноватыми склонами, совершенно похожими на отлогости противоположнаго китайскаго берега. Центральный хребетъ выдѣляетъ изъ себя справа и слѣва контрфорсы и боковые овраги, различающіеся одинъ отъ другаго высотой и видомъ: пики, пирамиды и куполы, округленныя вершины и крутыя стѣны идутъ непрерывной вереницей отъ линіи гребней до выдвинутыхъ въ море мысовъ, представляя безконечное разнообразіе формъ и контуровъ; тамъ и сямъ рѣзко выдѣляются бѣлыя скалы, уединенныя или нагроможденныя одна на другую рядами; долины наполнены зеленью лѣсовъ, и на днѣ темныхъ овраговъ блестятъ серебристые ручьи и водопады. Сквозь чащу бамбуковъ и пальмъ весело выглядываютъ селенія. Деревья густо скучены до самаго края соленой воды, и даже береговые утесы, разрѣзанные волнами моря на тысячи фантастическихъ фигуръ, обрамлены роскошной растительностью; вьюнки съ большими фіолетовыми цвѣтами съ красными полосками ниспадаютъ широкими гирляндами надъ поверхностью волнъ, и пучки лилій растутъ букетами на верхушкахъ высунувшихся изъ воды скалъ [1]).

Необычайное богатство флоры Формозы объясняется сосѣдствомъ континента и расположеніемъ разныхъ климатическихъ поясовъ одинъ надъ другимъ на скатахъ горныхъ цѣпей. Морскіе берега, по характеру растительности, принадлежатъ къ тропической области, а холмы и горы поднимаются въ умѣренный поясъ. Муссоны чередуются правильнымъ образомъ: лѣтомъ вѣтеръ дуетъ отъ малайскаго архипелага, зимой атмосферное теченіе приходитъ отъ Японскихъ острововъ. Этому періодическому измѣненію направленія воздушныхъ теченій или годовому качанію атмосферы соотвѣтствуетъ качаніе массы водъ: въ то время, какъ въ открытомъ морѣ, надъ океаническими пучинами, вѣтвь экваторіальнаго теченія направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, слѣдуя вдоль береговъ Японіи подъ именемъ Куро-сиво или «Черной рѣки», движеніе неглубокихъ водъ, въ Формозскомъ проливѣ, зависитъ отъ колебанія воздушныхъ массъ и направляется параллельно прибрежью то въ одну то въ другую сторону, смотря по силѣ

[1]) Cyprian Bridge, „An excursion to Formosa“.

…, который ихъ увлекаетъ [1]). Такимъ об… …ъ это движеніе взадъ и впередъ, испы… …емое атмосферой и моремъ, подвергаетъ …овъ попеременному вліянію климатовъ сѣ… …а и юга, и приноситъ ему птицъ, рыбъ, …ена и людей различныхъ областей. Формоза …ьзуется также тѣмъ преимуществомъ, что … обильно орошается частыми ливнями. По… …рный сѣверо-восточный муссонъ, который …ежде, чѣмъ достигнуть этого острова, про… …одитъ надъ морями Японіи, такъ же насы… …ценъ водяными парами, какъ и юго-западный …уссонъ, и такимъ-то образомъ Формоза, не… …смотря на періодическое чередованіе противо… …положныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ одинъ из… …сушаетъ почву сосѣдняго континента, полу… …чаетъ дожди во всякомъ мѣсяцѣ года. При томъ—явленіе необыкновенное въ восточной Азіи — небольшое количество дождевой воды выпадаетъ здѣсь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не лѣтомъ, а зимой. въ періодъ господства сѣверо восточнаго муссона; такъ, на станціи Цзилунъ, на сѣверной оконечности острова, количество дождя превышаетъ 3 метра: этотъ фактъ объясняется формой бухты, широко раскрытой съ сѣверной стороны и окруженной на югѣ высокими горами [2]). Иногда правильный порядокъ движенія воздушныхъ массъ нарушается ураганами на восточномъ берегу Формозы; но эти бури рѣдко проникаютъ на западъ, въ Фуцзянскій (Формозскій) проливъ. Однако, одинъ ураганъ, сопровождавшійся внезапнымъ возвышеніемъ уровня моря, надѣлалъ столько бѣдъ на Тайванѣ въ 1782 году, что въ Китаѣ распространился слухъ, что весь островъ поглощенъ волнами: почти всѣ корабли были потоплены или сильно повреждены, зданія на берегахъ обрушились, вода залила всѣ посѣвы [3]). Въ 1858 году, 18 и 19 августа, натуралисты фрегата «Навара», плывшаго изъ Шанхая къ Каролинскимъ островамъ, имѣли случай наблюдать одинъ изъ этихъ циклоновъ, который, кружась вихремъ, описывалъ въ то время большую кривую надъ южной грядой острововъ Лю-цю. Изъ часа въ часъ они могли прослѣдить, черезъ отдѣлявшее ихъ отъ циклона пространство, послѣдовательныя точки, гдѣ находился центръ урагана, который распространялся въ направленіи противоположномъ движенію правильныхъ тифоновъ.

«Прекрасный» островъ, вѣроятно, не имѣетъ ни одного растительнаго или животнаго вида, который не былъ бы уроженцемъ сосѣдняго континента; однако, изслѣдователи открыли на немъ нѣсколько органическихъ формъ, которыя до сихъ поръ не были встрѣчаемы въ другихъ мѣстахъ. Господствующіе раст… …ные виды тѣ же самые, какъ въ южной Я… …и въ провинціи Фу-цзянь; но нѣкоторы… …нихъ отличаются силой роста и красотой ф… …Ни въ какой другой части Китайской им… …не увидишь болѣе высокихъ бамбуковъ… …достигаютъ здѣсь 30 метровъ въ выш… …имѣютъ не менѣе 60 сантиметровъ въ о… …ности [1]). Большіе лѣса во внутренности ос… …состояли прежде, пока ихъ не опусто… …алчность лѣсопромышленниковъ, глав… …образомъ, изъ камфарнаго дерева. Одн… …самыхъ обыкновенныхъ древесныхъ п… …приморской области острова—деревцо с… …лымъ стволомъ, оканчивающимся корono… …рокихъ пальмовидныхъ листьевъ: это … …paryrifera, листья которой употребляют… …приготовленіе бумаги, извѣстной подъ им… …«рисовой». Между своими 35 видами мле… …тающихъ и 128 видами сухопутныхъ п… …Формоза имѣетъ соотвѣтственно 14 и 43 … …не встрѣчающихся ни на континентѣ, н… …сосѣднихъ островныхъ земляхъ. Эта особе… …исключительно мѣстная фауна доказы… …что островъ отдѣлился отъ материка Аз… …геологическую эпоху очень древнюю, но … …столько отдаленную, чтобы не могло с… …ниться родство родовъ [2]). Такимъ обр… …главные животные типы континента им… …представителей и въ фаунѣ Формозы: об ез… …насѣкомоядныя, тигры, кабаны, олени, … …лопы, разные виды жвачныхъ и грызу… …Многія изъ этихъ млекопитающихъ въ … …шей степени родственны видамъ индійс… …малайскимъ, японскимъ, нежели видамъ … …скимъ. Такъ называемая «каменная обе… …напоминаетъ нѣкоторыхъ четверорукихъ… …стана и Бирманіи, и ни мало не пох… …обезьянъ южнаго Китая и Хай-наня. … …также красивый олень, открытый на… …стомъ Суинго, бѣлки-летяги и обезьяна … …celis приближаются къ малайскимъ ф… …Изъ этого заключаютъ, что предки э… …вотныхъ рыскали въ лѣсахъ континен… …массива, который простирался вѣк… …Гималайскаго хребта до Борнео, Ф… …скихъ острововъ и Формозы, и ч… …раздѣленія острововъ, эти животныя… …лись только на югѣ и на востокѣ с… …ней области распространенія, въ Ки… …исчезли, вслѣдствіе измѣненія ср… …трастъ фауны замѣчателенъ въ … …относительно птицъ: болѣе поло… …ственныхъ Формозѣ видовъ имѣ… …ближайшихъ родичей не въ сос… …континента, но въ Гималайскихъ… …южной Индіи, на островахъ Ма… …Японскомъ архипелагѣ. Между …

[1]) De Vautré, Le Gras, „Instructions nautiques sur les côtes Est de la Chine".
[2]) Fritsche;—Hann, „Geographisches Jahrbuch", tome VIII, 1871.
[3]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois", tome X.

[1]) Thomson, „La Tour du Monde", 1…
[2]) Alfred R. Wallace, „Island Life"

мами, открытыми натуралистомъ Суинго, самыя замѣчательныя нѣкоторые виды куриныхъ и голубей, одинъ великолѣпный фазанъ, си-

Лѣсъ на островѣ Формозѣ.

ницы и воробьи, черный дроздъ съ бѣлой головой, но попугаевъ не нашли на островѣ, хотя они и водятся въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Китая. Тогда какъ азіатская иволга, странствуя на пространствѣ, обнимающемъ больше половины континента, и стаями въ нѣсколько тысячъ недѣлимыхъ, перелетаетъ лѣтомъ отъ Индостана до береговъ Амура, формозская иволга переселяется только съ равнины въ горы и съ горъ въ равнину, смотря по времени года [1]). Въ рѣкѣ

[1]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

ходитъ отъ Зинму-Тенно, «божественнаго завоевателя», сына бога Исанами и правнука «богини Солнца». Микадо, занимающій теперь тронъ Японской имперіи, есть сто-двадцать-третій императоръ, носящій три божественныхъ знака царскаго достоинства — зеркало, шпагу и печать: династія Солнца, имѣющая эмблемой цвѣтокъ золотоцвѣта, форма котораго напоминаетъ свѣтящійся шаръ, окруженный лучами, царствуетъ, если вѣрить преданію, безъ перерыва уже двадцать пять съ половиной вѣковъ, то-есть со временъ Навуходоносора и Тулла Гостилія. Однако девять первыхъ столѣтій исторіи японскихъ императоровъ извѣстны лишь по легендамъ, и бытописаніе въ собственномъ смыслѣ начинается только изъ конца третьяго вѣка христіанскаго лѣтоисчисленія, съ эпохи введенія китайскихъ идеографическихъ знаковъ [1]).

До недавней революціи, которая измѣнила форму правленія, власть только номинально находилась въ рукахъ императора Ниппона. Съ конца двѣнадцатаго столѣтія онъ былъ, такъ сказать, сопричисленъ къ сонму боговъ, и его могущество проявлялось черезъ посредство сіогуна, сдѣлавшагося истиннымъ повелителемъ государства. Въ 1853 году, когда американцы, а затѣмъ русскіе явились хлопотать о заключеніи торговаго трактата съ царствомъ Восходящаго солнца, микадо не умѣлъ принять въ происходившихъ по этому поводу совѣщаніяхъ правительства другаго участія, кромѣ «возношенія съ утра до вечера горячихъ молитвъ къ ками и къ тѣнямъ предковъ». Запертый въ своемъ дворцѣ или, вѣрнѣе сказать, въ своемъ капищѣ, рабъ этикета, онъ не могъ коснуться почвы своими ногами, ни выставить свою священную особу на открытый воздухъ, ни позволить солнцу освѣтить его главу. Но и самъ сіогунъ не имѣлъ уже той самодержавной власти, которую знаменитый диктаторъ Іейасъ, основатель столицы Іеддо, оставилъ въ наслѣдство своей фамиліи, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Несмотря на свое зависимое и подчиненное положеніе, вассалы имперіи, то-есть восемнадцать великихъ дайміосовъ и триста сорокъ четыре малыхъ дайміосовъ, составляли въ дѣйствительности корпорацію болѣе сильную, чѣмъ оффиціальные хранители власти. Когда сіогунъ, напуганный приходомъ американскихъ фрегатовъ подъ начальствомъ коммодора Перри, принужденъ былъ отказаться отъ традиціонной политики имперіи—разрѣшить чужеземцамъ вести непосредственно торговлю съ его народомъ и даже дозволить имъ поселяться на жительство въ предѣлахъ японской территоріи,—это рѣшеніе было слишкомъ важно, чтобы не взволновать въ сильной степени мнѣнія феодальныхъ князей и всей толпы низшаго дворянства или самураевъ. Волненіе общественнаго мнѣнія сдѣлалось столь сильно, что толки внѣшняго міра проникли наконецъ въ первый разъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, въ «заповѣдную ограду» императорскаго дворца. Побуждаемый дворянствомъ, императоръ долженъ былъ вмѣшаться и дать приказанія сіогуну. Со всѣхъ сторонъ вспыхнула борьба между дворянскими родами, изъ которыхъ одни держали сторону микадо, другіе стояли за свѣтскаго царя, иные, почти независимые, переходили то на ту, то на другую сторону, смотря по своимъ капризамъ или чувству непріязни. Въ 1863 году лига князей, властвовавшихъ въ Сацумѣ, Тозѣ и Нагато, враждебная свободному допущенію иностранцевъ въ страну, одержала верхъ и заставила императора дать приказъ сіогуну уничтожить заключенные торговые договоры; но эти вассалы сами имѣли европейскихъ инструкторовъ въ своихъ войскахъ, медиковъ и преподавателей съ Запада или изъ Новаго свѣта въ своихъ резиденціяхъ, и иностранцы же доставляли имъ ружья и порохъ. Невозможно было вернуться къ старому и уничтожить совершившіеся факты. Японія была окончательно открыта, и начатая революція должна была идти своимъ естественнымъ ходомъ.

Въ то время, какъ занимались созывомъ гакціюина, то-есть общаго собранія самураевъ, долженствовавшаго рѣшить всѣ внутренніе и внѣшніе вопросы, въ западныхъ округахъ образовалась такъ называемая «дружина небеснаго гнѣва», и иностранные корабли, проникавшіе въ Японское внутреннее море, были встрѣчаемы пушечными выстрѣлами съ батарей, устроенныхъ на берегахъ проливовъ. Но иностранцы не только отказались удалиться добровольно изъ страны, но они еще вернулись съ эскадрой, форсировали морской проходъ Симоносеки, требуя военнаго вознагражденія, а вскорѣ затѣмъ и расширенія ихъ привилегій. Нужно было уступить имъ на всѣхъ пунктахъ, но сіогунъ, на котораго возлагали отвѣтственность за эти униженія, долженъ былъ отречься отъ престола: послѣ безуспѣшной попытки возмущенія, онъ былъ объявленъ лишеннымъ своего высокаго сана, верховная власть во всей ея цѣлости возвращена микадо. Сами дайміосы стали просить объ отмѣнѣ ихъ привилегій, и одинъ изъ нихъ зашелъ такъ далеко, что домогался чести сравнять съ землей свой дворецъ, чтобы замѣнить его пашнями [1]). Феодальный порядокъ былъ отмѣненъ, равно какъ сословныя различія, право на образованіе было предоставлено всѣмъ безъ исключенія, браки были дозволены между лицами, принадлежащими къ различнымъ классамъ общества, и даже лю-

[1]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[1]) De Hübner, „Voyage autour du Monde".

ди плебейскаго происхожденія или геймины вошли въ правительство. Презираемые этасы были уравнены въ правахъ съ другими подданными государства; у самураевъ было отнято право ношенія оружія. Тѣмъ не менѣе населеніе Японіи еще и до нынѣ подраздѣляется: на дворянъ-потомковъ высшей феодальной аристократіи или «квадзокоу», мелкаго дворянскаго сословія или «шидзукоу» (самураи и роины) и собственно простаго народа или «геминъ». По переписи 1895 года численность этихъ сословіи въ странѣ была:

Квадзокоу—4.162 ч.;шидзукоу—2.050.144 ч.; геминъ—40.216.314 чел [1]).

Чтобы показать, что совершившіяся перемѣны неотмѣняемы; и что новая эра Мейджи или «Просвѣщеннаго закона» рѣшительно открыта, императоръ покинулъ священный городъ Кіото и перенесъ свою резиденцію въ болѣе обширную столицу Іеддо, въ самое средоточіе погрессивнаго общества новой Японіи. Послѣднее возстаніе, которое ему пришлось побѣдить, было возмущеніе моряковъ военнаго флота, которые овладѣли городомъ Хакодате и основали тамъ независимую республику, по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

«Въ 1869 году, годъ спустя послѣ того, какъ революція низвергла всѣ соперничавшія между собой власти передъ властью императора, этотъ послѣдній самъ воздалъ честь другой силѣ,—силѣ общественнаго мнѣнія. Говоря языкомъ, какого до того времени никогда не слыхали въ странѣ Восходящаго солнца, микадо клялся торжественно, въ присутствіи своихъ совѣтниковъ, что будетъ созвано совѣщательное собраніе для обсужденія органическихъ законовъ; онъ обѣщалъ, что отнынѣ справедливость въ отношеніи всѣхъ будетъ его неизмѣннымъ правиломъ поведенія, и что онъ всегда будетъ обращаться за совѣтомъ къ мужамъ ума и истинной заслуги. Посланники, отправленные въ Европу для изученія образа правленія у цивилизованныхъ народовъ, высказались въ пользу порядка, которой долженъ былъ обезпечить имъ наибольшее личное вліяніе, и власть сохранила свои неограниченныя формы.

«Вѣнцомъ японскаго прогресса, по мнѣнію самихъ японцевъ, явилась конституція 1889 г. По существу она представляетъ изъ себя непостижимую смѣсь азіатчины съ послѣдними выводами и указаніями самыхъ передовыхъ западныхъ публицистовъ. Согласно этой конструкціи, микадо по справедливости долженъ быть признанъ самымъ конституціоннымъ монархомъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ мало того, что можетъ не управлять, онъ свободенъ также и не царствовать, а просто занимать престолъ, въ качествѣ представителя божественной династіи, не имѣющей ни начала ни конца своего существованія. Новые люди, несмотря на своей либерализмъ и явно проповѣдываемый атеизмъ, не посмѣли посягнуть ни на божественное происхожденіе ихъ небеснаго повелителя, ни на непрерывность его династіи, ни на завѣщанный Зинму Тенно порядокъ наслѣдія престола. Эти краеугольные камни японскаго государственнаго строя по-прежнему твердо стоятъ на своемъ мѣстѣ и, надо полагать, на вѣчныя времена будутъ служить подводными камнями, о которое еще не разъ будутъ разбиваться различные узурпаторы императорской власти. Ст. 1 и 2 японской конституціи гласятъ: «Что Японія должна находиться подъ властью династіи, не прерываемой въ вѣчности и что престолъ преемственъ по правиламъ, существующимъ (?) въ статутахъ императорскаго дома».

Японскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ. Въ палатѣ перовъ засѣдаютъ пожизненно всѣ міа, принцы, маркизы, а также и всѣ назначаемые для того самимъ микадо способные и ученые люди. Графы, виконты и бароны посылаютъ туда только своихъ представителей, которыхъ избираютъ на семь лѣтъ каждый изъ своей среды отдѣльно. Кромѣ того въ городахъ Токіо, Кіото, Осака и въ каждомъ изъ 47 кеновъ, на которое Японія дѣлится въ административномъ отношеніи, 15 проживающихъ тамъ лицъ, изъ числа платящихъ наивысшій налогъ, — посылаютъ отъ себя въ палату перовъ по одному члену, назначаемому на 7 лѣтъ. Общее число назначаемыхъ членовъ не должно превышать общаго числа титулованныхъ членовъ.

Нижняя палата состоитъ приблизительно изъ 300 членовъ. Избиратели должны имѣть не менѣе 25, а избираемые 30 лѣтъ, и какъ тѣ, такъ и другіе должны платить не менѣе 15 іенъ (75 фр.) государственнаго налога. По словамъ г. В. Черевкова, въ 1887 г. въ Японіи было 1.581.726 лицъ, платящихъ свыше 5 дол.; 882.517 лицъ свыше 10 дол., и всего было 300.000 платящихъ 15 и выше долларовъ.

Парламентъ собирается разъ въ годъ. Пренія его публичныя; министры имѣютъ право засѣдать въ обѣихъ палатахъ и держать тамъ рѣчи. Отвѣтственны они только предъ императоромъ. Право палаты на утвержденіе бюджета ограничено. Она не можетъ отказать въ расходахъ, предусмотрѣнныхъ конституціей, а именно въ расходахъ на армію, на жалованье всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, на организацію различныхъ отраслей управленія, при чемъ расходы на императорскій домъ вовсе не подлежатъ ея обсужденію.

Первый японскій перламентъ былъ открытъ лѣтомъ 1890 г. и тотчасъ же обнаружилъ свой удивительный составъ. Въ немъ оказалось изъ 300 депутатовъ: 144 радикала, 50 крайнихъ прогрессистовъ и всего только 4 консерватора, въ лицѣ четырехъ буддійскихъ священниковъ.

[1]) „Almanach de Gotha".

и всѣ депутаты принадлежали къ сословію раевъ. За послѣдніе годы къ этимъ парть прибавились еще соціалисты и коммуни. Несмотря на усвоенную правительствомъ ему оффиціальныхъ кандидатуръ, достичь палатѣ большинства членовъ своихъ оно ни-ъ не можетъ. Болѣе двухъ третей депутаъ оказывается прямо ему враждебнымъ, и онскій парламентъ представляетъ изъ себя ену безконечныхъ и лишенныхъ всякаго рактическаго значенія препирательствъ члеовъ оппозиціи съ министрами. Препирательтва эти дѣтски радуютъ обѣ стороны, такъ какъ даютъ ихъ лидерамъ возможность обнаружить свой ораторскій талантъ и похвастать своими діалектическими способностями» [1]).

Высшія правительственныя установленія составлены по образцу подобныхъ же учрежденій конституціонныхъ государствъ. Верховный комитетъ или совѣтъ министровъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра, которому, въ качествѣ товарища, приданъ вицепрезидентъ—изъ статсъ-секретарей всѣхъ главныхъ отраслей государственнаго управленія или министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морскаго, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, юстиціи, императорскаго двора, министерства торговли и земледѣлія; вскорѣ послѣ присоединенія Формозы, японцы образовали министерство колоній, но оно, просуществовавъ до 1898 года, было упразднено. Другое высшее учрежденіе, стоящее, однако, ниже совѣта министровъ—это государственный законодательный совѣтъ, который разрабатываетъ, подъ предсѣдательствомъ принца крови, законы и представляетъ свои работы на разсмотрѣніе министровъ, не имѣя самъ никакого права почина. Правительство созываетъ также, въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, собраніе изъ чиновниковъ окружной администраціи для выслушанія ихъ мнѣній по вопросамъ, касающимся податей и налоговъ; но областные правители или губернаторы облечены властью налагать свое veto на совѣщанія этой коммисіи оффиціальныхъ свѣдущихъ людей. Административная іерархія, очень крѣпко организованная въ этой странѣ, гдѣ общины пользуются лишь призрачнымъ самоуправленіемъ—хотя головы или старшины выбираются собраніемъ отцовъ семейства, —обнимаетъ цѣлыхъ семнадцать ранговъ, раздѣленныхъ на три категоріи, называемыя сіокъ-нинъ, со-нинъ и ганъ-нинъ. До 1879 года по государственной смѣтѣ была ассигнована сумма въ 675.000 франковъ на «храмы боговъ»; въ настоящее время покрытіе расходовъ на потребности культа предоставлено всецѣло благочестію вѣрующихъ.

Старые японскіе законы, заимствованные изъ китайской юриспруденціи временъ династій Миновъ и Цзинь, и приказы или «коніе» диктатора Іейяса были собраны въ сводъ послѣ революціи и значительно смя хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя прежде ненаказуемыя, теперь преслѣ какъ противузаконныя. Такъ, неограни право, которымъ прежде пользовался семейства по отношенію къ своимъ д было отмѣнено, и отнынѣ тотъ, кто ст продавать своихъ дочерей, согласно о нѣкогда очень распространенному. жалъ бы строгому наказанію [1]). Же на которую старое законодательство см какъ на существо безправное, если отец мужъ не выступалъ ея защитникомъ, легально мѣсто между человѣческими стями. Канга или наказаніе надѣва ніе ревяннаго ошейника отмѣнена, равно пытка; однако, по свидѣтельству иностра послѣдняя еще примѣняется въ формѣ с относительно, легкой. Смертная казнь, повѣшеніе или обезглавленіе, установл комомъ противъ убійцъ, мятежниковъ, телей на большой дорогѣ, торговцевъ опі но рѣдко случается, чтобы судамъ пр лось примѣнять эту кару. Въ 1892 г всѣхъ острогахъ имперіи содержалось 76.333 арестантовъ, между которыми 4.959 женщинъ [2]). Французскіе юрисконс приглашенные въ Японію для изученія слѣдованія мѣстнаго права, выработа дексы гражданскій и уголовный, которые ское правительство и обнародовало въ 1 какъ законы государства. Вышло одна многія изъ этихъ нововведеній спутал тіе о справедливости въ умѣ японцев числяя къ проступкамъ дѣйствія, которы не кажутся имъ предосудительными, напримѣръ, обычай татуированія и о дѣлаемыхъ публично, на глазахъ всѣх ный результатъ, котораго желаетъ до японское правительство, преобразуя с нодательство и судопроизводство,—эт ставить достаточно гарантій иност державамъ, для того, чтобы эти посл казавшись отъ привилегіи внѣ-зе позволили судить ихъ подданныхъ властямъ [3]). Въ настоящее время бо иностранцевъ, проживающихъ въ Японіи, подчинены и подсудны сво никамъ и консуламъ; но имъ строг заниматься политикой страны, ра прещено изданіе газетъ и журнал скомъ языкѣ подъ страхомъ на нежнаго штрафа, тюремнаго з даже каторжныхъ работъ,—на приговору консула [4]).

[1]) Пеликанъ, „Профессирующая Японія“, стр. 169—172.

[1]) Однако это практикуется еще по классахъ общества. Ц

[2]) G. Bousquet, „Le Japon de nos

[3]) „Annales de l'Extrême Orient“,

[4]) „China and Japan, Order in Co

Въ странѣ существуетъ 49 судебныхъ палатъ первой инстанціи по одной въ каждой изъ провинцій или округовъ. Низшихъ судовъ, соотвѣтствующихъ кругу дѣятельности нашихъ мировыхъ судей, 301. Судьи назначаются пожизненно по усмотрѣнію министра юстиціи. Старѣйшіе судьи по выбору микадо составляютъ главную центральную палату, засѣданія которой совершаются разъ въ три мѣсяца и которая разбираетъ особенно важныя преступленія или дѣла кассаціоннаго характера.

Въ Японіи 156 исправительныхъ тюремъ, кромѣ того 7 военнаго вѣдомства и 3 морскихъ. Относительно регистраціи преступленій уголовной подсудности, можно сказать, что число ихъ довольно велико.

Въ 1891 г.: маловажныхъ преступ.—154.087; серьезныхъ преступ.—3.260; итого—157.678. Въ 1892 г.: маловажныхъ преступ.—166.884; серьезныхъ преступ.—3.244; итого—170.133.

За исключеніемъ госпиталя, основаннаго въ Нагасаки голландскими медиками, Японія не имѣла, въ эпоху заключенія торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами, другихъ заведеній для леченія больныхъ. Но съ того времени, со своимъ обычнымъ рвеніемъ къ подражанію европейскимъ учрежденіямъ, страна Восходящаго солнца принялась за устройство больницъ, и въ концѣ 1878 года она имѣла ихъ уже 159, изъ которыхъ 35 были построены исключительно на средства, составившіяся изъ добровольныхъ пожертвованій[1]). Такъ же, какъ въ большей части европейскихъ странъ, оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ.

Государственный бюджетъ Японіи въ 1880 г. (считая іенъ въ 5 франковъ 47 сантимовъ) простирался до 304.413.000 франковъ.

Доходы: налоги прямые—226.867.720 фр.; налоги косвенные—41.807.587; таможенныя пошлины—11.931.766; разные—23.796.000.

Расходы: платежи по долгу—115.965.530 фр.; содержаніе двора и пенсіи—10.592.212; армія и флотъ—53.750.398; народное просвѣщеніе—6.235.089; общественныя работы—5.597.809; администрація и проч.—112.480.000 фр.

Японскіе колодники.

Финансы Японіи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, а въ послѣднее время такъ даже просто въ плачевномъ. Не успѣла страна позаимствовать у европейскихъ государствъ систему и методы отчетности, какъ уже усвоила манеру дѣлать неоплатные государственные долги и жить выше своихъ средствъ. Расходы страны увеличивались съ каждымъ годомъ, тогда какъ доходы остаются одни и тѣ же, отыскать же новый источникъ дохода является дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ населеніе и такъ уже обложено болѣе, чѣмъ это возможно.

Какъ увеличиваются расходы страны, видно изъ отчета консула Бренана, который приводитъ слѣдующую таблицу расходовъ въ настоящее время и въ будущемъ.

[1]) „Mithteilungen von Petermann", II, 1881.

...и расходовъ	въ 1893 іенъ.	въ 1897 г. іенъ.	Предполагаемыя въ 1904 г. іенъ.
...жаніе двора.	3.000.000	3.000.000	
...иностр.			
...ъ. . .	624 00	151.700	13.000.000
...н. внутр.			
...ъ. .	27.636 000	6 492.000	
...н. финансовъ	14.915.000	41.704.000	54.000.000
...н. военное	2.316.000	29.137.000	30 000 000
...ин. морское	5.141.000	98 886.000	28.000.000
...ин. юстиціи .	3.452.000	35.552 000	
...ин. просвѣщен.	959.000	2.049.000	80.000.000
...ин. торговли и земледѣлія .	929.000	142.400	
Мин. колоній .	—	12.551.000	41.000 000
Субсидія мореплаванію	—	—	6.000.000
Итого .	64.442.000	122.984.000	173.000.000

Изъ этой таблицы легко усмотрѣть, какъ возрасли доходы Японіи въ 4 года и каковы они будутъ черезъ десять лѣтъ. Этотъ десяти-лѣтній бюджетъ, одобренный парламентомъ, приводится въ исполненіе, не смотря на то, что онъ не соотвѣтствуетъ доходу, который исчисляется такимъ образомъ къ тому же 1904 году. Прежніе доходы по бюджету до войны — 57.557.000 іенъ. Увеличеніе (ожидаемое) ихъ и новые доходы—59.053.000 іенъ. Казенные доходы—35.000.000 іенъ. Разные доходы—30.000.000 іенъ. Доходы съ острова Формозы—85.000.000 іенъ. Итого—163.110.000 іенъ.

Сравнивая цифры доходовъ и расходовъ, легко усмотрѣть, что даже въ бюджетѣ послѣднія превышаютъ первыя на 10.000.000 іенъ, которые придется черпать изъ неизвѣстнаго источника, т. е. прибѣгать къ займамъ. Съ другой стороны ни для кого не составляетъ секретъ какъ ненадежны и призрачны разсчеты на увеличеніе дохода, основанные на предположеніяхъ.

Достаточно указать хотя бы на то, что еще до настоящаго времени Формоза приноситъ лишь убытокъ и будетъ ли она черезъ 5—6 лѣтъ давать ожидаемую цифру дохода—это еще болѣе нежели сомнительно. Всѣ современныя газеты констатируютъ, что экономическое положеніе страны нисколько не поправилось даже полученіемъ 341.000.000 іенъ контрибуціи съ Китая, ушедшей на флотъ и перевооруженіе, попытки же правительства увеличить налогъ на нѣкоторые промысла потерпѣли полнѣйшее пораженіе въ парламентѣ, не смотря на его троекратный созывъ по этому случаю.

Въ прежнее время Японія въ административномъ отношеніи дѣлилась на области или «дороги» (до), названія которыхъ и теперь еще употребляются въ обыкновенной рѣчи; но послѣ революціи, чтобы порвать всякую связь съ преданіями старины, прежнія провинціи были замѣнены департаментами или губер- ...подраздѣленными на уѣзды или округи (кенъ). Но прежде чѣмъ ... перечисленію провинцій страны Восход... солнца, необходимо разсмотрѣть недавнее пріобрѣтеніе Японіи Формозу.

Этотъ островъ Китайскаго моря, н... болѣе обширный и, вѣроятно гуще насел... чѣмъ Хай-нань (вѣроятное пространств... селеніе Формозы: 560 квадратныхъ ... 3.600.000 жителей, такъ что на 1 квад... милю приходится, среднимъ числомъ, п... человѣкъ), тоже составлялъ въ администр... номъ, какъ и въ геологическомъ отношен... млю, связанную съ континентомъ [1]). Тогд... непосредственно на востокъ отъ остро... чинаются глубины, и ниже подводнаго ... берега простираются пучины въ 2.000 м... Формозскій проливъ, отдѣляющій Формо... сосѣдняго материка, и ширина котораго ... 150 верстъ въ самой съуженной его ... имѣетъ всего только 60 метровъ средне... бины, и нигдѣ лотъ не опускается въ не... 100 метровъ. Даже около южнаго входа ... ливъ разсѣяна, передъ западной выпук... Формозы, группа острововъ Пынъ-ху, за... рой оставлено также ея испанское на... Pescadores (Рыбачьи острова), и самъ а... лагъ продолжается на западъ и юго-... опасными подводными мелями. Такимъ ... зомъ совершенно естественно, что до ... единенія къ Японіи Формоза причислялас... министративномъ отношеніи къ контине... ной провинціи, съ которой она соединен... водными мелями, и откуда, кромѣ то... исходитъ большинство ея жителей. Въ ... китайскаго правительства Формоза бы... сто округъ сосѣдней провинціи Фу-цзя...

Эта земля, которую старинные китай... графы знали подъ именемъ Большаго ... и которая теперь приняла названіе св... наго города, Тай-вань, есть одинъ ... стыхъ острововъ, представляющихъ ... шую правильность въ расположеніи ... катостей. Отъ одной до другой оконе... пространствѣ около 360 верстъ, у... овалъ острова раздѣленъ на двѣ ... томъ, который тянется съ юга на с... няясь къ востоку отъ меридіана ... склонъ, обращенный къ океани... странствамъ, въ цѣломъ вдвое кру... тивоположный скатъ, обращенны... землѣ: онъ погружается въ море ... сомъ, обрывомъ, тогда какъ за...

---

[1]) Цифра эта дана согласно Матусовс... изданіе „Résumé statistique de l'empire ... опредѣляетъ площадь Формозы и окру... въ 1.493 квадр. ри, а населеніе въ 2...

[2]) D'Hervey de Saint Denys, „Eth... ples étrangers à la Chine".

тость, которая походитъ на горныя цѣпи Фуцзяни, спускается полого къ морю и подъ его поверхностью. Съ того и другаго берега (восточнаго и западнаго) можно совершенно явственно разглядѣть обрисовывающійся на горизонтѣ профиль зубчатаго гребня этой длинной цѣпи, называемой Да-шань или «Большими горами»; въ южной части цѣпи вершины не превышаютъ 2.400 метровъ, тогда какъ въ центрѣ острова одна вершина горы, называемая англичанами горой Моррисонъ, достигаетъ высоты 3.352 метра (12.800 ф.), а далѣе на сѣверѣ гора Сильвія и нѣкоторыя другія вершины поднимаются слишкомъ на 3.600 метровъ. Въ своемъ общемъ образованіи хребетъ Да шань состоитъ главнымъ образомъ изъ известняковъ каменноугольной формаціи, но кое-гдѣ пробиваются наружу и вулканическія породы, и даже ходятъ смутные разсказы объ «огнедышащей горѣ», которая будто бы находится въ центрѣ Да-шаня; около сѣверной оконечности существуютъ еще фумароллы, отлагающія немного сѣры на скалахъ. Землетрясенія бываютъ часто, и нѣкоторые признаки позволяютъ думать, что морское прибрежье приподнимается дѣйствіемъ подземныхъ силъ; такимъ образомъ, если это предположеніе вѣрно, здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе, обратное тому, которое, какъ полагаютъ, происходитъ противъ острова, на континентальномъ берегу, между Нинъ-бо и Кантонскимъ заливомъ. Въ ту эпоху, когда голландцы владѣли городомъ Тай-вань, на юго-западномъ берегу Формозы, судоходный проливъ, въ которомъ могли свободно становиться цѣлые флоты, раздѣлялъ два главные форта города, а теперь этотъ проливъ превратился въ равнину, которая перерѣзана каналами и дорогами, и которую частію покрываютъ воды моря во время высокихъ приливовъ; корабли останавливаются нынѣ въ открытомъ морѣ на разстояніи болѣе 3 километровъ отъ прежняго порта. Въ то время, какъ эта гавань закрывалась, поднятіе почвы способствовало открытію другаго пристанища для судовъ далѣе, на югѣ; длинная коса, выступая мало-по-малу изъ-подъ воды, соединила прибрежье съ цѣпью вулканическихъ скалъ, и, защищая такимъ образомъ противъ волнъ широкую бухту, образовала портъ Да-гоу, который, впрочемъ, все болѣе и болѣе заносится иломъ, мелѣетъ, и теперь даетъ доступъ, при благопріятномъ вѣтрѣ и приливѣ, только судамъ, имѣющимъ не болѣе 3 или 4 метровъ водоизмѣщенія [1]). По наблюденіямъ американскаго геолога Бикмора, берега, поднятые подземными силами въ теченіе современнаго геологическаго періода, слѣдуютъ полосами по окружности полуострова до высоты 400 метровъ.

[1]) Thomson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873. XLIII.

Первые европейскіе мореплаватели, которые увидѣли Тай-вань въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, были, какъ видно, любители красотъ природы, и, благодаря этому обстоятельству, открытая ими земля, вмѣсто того, чтобы носить имя какого-нибудь святаго или короля, получила названіе Формозы или «прекрасной». И дѣйствительно, на океанѣ нѣтъ острова, который бы болѣе заслуживалъ такого названія, по крайней мѣрѣ на восточной покатости, ибо съ западной стороны горы Формозы оканчиваются голыми красноватыми склонами, совершенно похожими на отлогости противоположнаго китайскаго берега. Центральный хребетъ выдѣляетъ изъ себя справа и слѣва контрфорсы и боковые овраги, различающіеся одинъ отъ другаго высотой и видомъ: пики, пирамиды и куполы, округленныя вершины и крутыя стѣны идутъ непрерывной вереницей отъ линіи гребней до выдвинутыхъ въ море мысовъ, представляя безконечное разнообразіе формъ и контуровъ; тамъ и сямъ рѣзко выдѣляются бѣлыя скалы, уединенныя или нагроможденныя одна на другую рядами; долины наполнены зеленью лѣсовъ, и на днѣ темныхъ овраговъ блестятъ серебристые ручьи и водопады. Сквозь чащу бамбуковъ и пальмъ весело выглядываютъ селенія. Деревья густо скучены до самаго края соленой воды, и даже береговые утесы, разрѣзанные волнами моря на тысячи фантастическихъ фигуръ, обрамлены роскошной растительностью; вьюнки съ большими фіолетовыми цвѣтами съ красными полосками ниспадаютъ широкими гирляндами надъ поверхностью волнъ, и пучки лилій растутъ букетами на верхушкахъ высунувшихся изъ воды скалъ [1]).

Необычайное богатство флоры Формозы объясняется сосѣдствомъ континента и расположеніемъ разныхъ климатическихъ поясовъ одинъ надъ другимъ на скатахъ горныхъ цѣпей. Морскіе берега, по характеру растительности, принадлежатъ къ тропической области, а холмы и горы поднимаются въ умѣренный поясъ. Муссоны чередуются правильнымъ образомъ: лѣтомъ вѣтеръ дуетъ отъ малайскаго архипелага, зимой атмосферное теченіе приходитъ отъ Японскихъ острововъ. Этому періодическому измѣненію направленія воздушныхъ теченій или годовому качанію атмосферы соотвѣтствуетъ качаніе массы водъ: въ то время, какъ въ открытомъ морѣ, надъ океаническими пучинами, вѣтвь экваторіальнаго теченія направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, слѣдуя вдоль береговъ Японіи подъ именемъ Куро-сиво или «Черной рѣки», движеніе неглубокихъ водъ, въ Формозскомъ проливѣ, зависитъ отъ колебанія воздушныхъ массъ и направляется параллельно прибрежью то въ одну то въ другую сторону, смотря по силѣ

[1]) Cyprian Bridge, „An excursion to Formosa“.

оторый ихъ увлекаетъ [1]). Такимъ об-
это движеніе взадъ и впередъ, испы-
е атмосферой и моремъ, подвергаетъ
поперемѣнному вліянію климатовъ сѣ-
юга, и приноситъ ему птицъ, рыбъ,
и людей различныхъ областей. Формоза
ется также тѣмъ преимуществомъ, что
бильно орошается частыми ливнями. По-
ій сѣверо-восточный муссонъ, который
де, чѣмъ достигнуть этого острова, про-
тъ надъ морями Японіи, такъ же насы-
ъ водяными парами, какъ и юго-западный
сонъ, и такимъ-то образомъ Формоза, не-
тря на періодическое чередованіе противо-
ожныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ одинъ из-
шаетъ почву сосѣдняго континента, полу-
етъ дожди во всякомъ мѣсяцѣ года. При
мъ—явленіе необыкновенное въ восточной
зіи — небольшое количество дождевой воды
ыпадаетъ здѣсь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не
мѣтомъ, а зимой. въ періодъ господства сѣве-
ро восточнаго муссона; такъ, на станціи Цзи-
лунъ, на сѣверной оконечности острова, коли-
чество дождя превышаетъ 3 метра: этотъ фактъ
объясняется формой бухты, широко раскрытой
съ сѣверной стороны и окруженной на югѣ вы-
сокими горами [2]). Иногда правильный порядокъ
движенія воздушныхъ массъ нарушается ураганами на восточномъ берегу Формозы; но эти бури рѣдко проникаютъ на западъ, въ Фуцзянскій (Формозскій) проливъ. Однако, одинъ ураганъ, сопровождавшійся внезапнымъ возвышеніемъ уровня моря, надѣлалъ столько бѣдъ на Тайванѣ въ 1782 году, что въ Китаѣ распространился слухъ, что весь островъ поглощенъ волнами: почти всѣ корабли были потоплены или сильно повреждены, зданія на берегахъ обрушились, вода залила всѣ посѣвы [3]). Въ 1858 году, 18 и 19 августа, натуралисты фрегата «Навара», плывшаго изъ Шанхая къ Каролинскимъ островамъ, имѣли случай наблюдать одинъ изъ этихъ циклоновъ, который, кружась вихремъ, описывалъ въ то время большую кривую надъ южной грядой острововъ Лю-цю. Изъ часа въ часъ они могли прослѣдить, черезъ отдѣлявшее ихъ отъ циклона пространство, послѣдовательныя точки, гдѣ находился центръ урагана, который распространялся въ направленіи противоположномъ движенію правильныхъ тифоновъ.

«Прекрасный» островъ, вѣроятно, не имѣетъ ни одного растительнаго или животнаго вида, который не былъ бы уроженцемъ сосѣдняго континента; однако, изслѣдователи открыли на немъ нѣсколько органическихъ формъ, которыя до сихъ поръ не были встрѣчаемы въ

[1]) De Vautré, Le Gras, „Instructions nautiques sur les côtes Est de la Chine".
[2]) Fritsche;—Hann, „Geographisches Jahrbuch", tome VIII, 1871.
[3]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois", tome X.

другихъ мѣстахъ. Господ
ные виды тѣ же самые, какъ въ южной
и въ провинціи Фу-цзянь; но нѣкото
нихъ отличаются силой роста и красотой
Ни въ какой другой части Китайской
не увидишь болѣе высокихъ бамбуко
достигаютъ здѣсь 30 метровъ въ вы
имѣютъ не менѣе 60 сантиметровъ въ
ности [1]). Большіе лѣса во внутренности
состояли прежде, пока ихъ не опу
алчность лѣсопромышленниковъ, г
образомъ, изъ камфарнаго дерева. О
самыхъ обыкновенныхъ древесныхъ
приморской области острова—деревцо
лымъ стволомъ, оканчивающимся коро
рокихъ пальмовидныхъ листьевъ: эт
раругіfега, листья которой употребля
приготовленіе бумаги, извѣстной подъ
«рисовой». Между своими 35 видами м
тающихъ и 128 видами сухопутныхъ
Формоза имѣетъ соотвѣтственно 14 и
не встрѣчающихся ни на континентѣ
сосѣднихъ островныхъ земляхъ. Эта ос
исключительно мѣстная фауна доказ
что островъ отдѣлился отъ материка
геологическую эпоху очень древнюю, но
столько отдаленную, чтобы не могло
ниться родство родовъ [2]). Такимъ о
главные животные типы континента
представителей и въ фаунѣ Формозы: об
насѣкомоядныя, тигры, кабаны, олени
лопы, разные виды жвачныхъ и гры
Многія изъ этихъ млекопитающихъ
шей степени родственны видамъ инд
малайскимъ, японскимъ, нежели видам
скимъ. Такъ называемая «каменная о
напоминаетъ нѣкоторыхъ четвероруки
стана и Бирманіи, и ни мало не
обезьянъ южнаго Китая и Хай-на
также красивый олень, открытый
стомъ Суинго, бѣлки-летяги и обезья
celis приближаются къ малайскимъ
Изъ этого заключаютъ, что предки
вотныхъ рыскали въ лѣсахъ конти
массива, который простирался
Гималайскаго хребта до Борнео,
скихъ острововъ и Формозы,
раздѣленія острововъ, эти живот
лись только на югѣ и на востокѣ
ней области распространенія, въ
исчезли, вслѣдствіе измѣненія
трастъ фауны замѣчателенъ
относительно птицъ: болѣе
ственныхъ Формозѣ видовъ
ближайшихъ родичей не въ
континента, но въ Гималайс
южной Индіи, на островахъ
Японскомъ архипелагѣ. Мез

[1]) Thomson, „La Tour du Mon
[2]) Alfred R. Wallace, „Island

мами, открытыми натуралистомъ Суинго, самыя замѣчательныя нѣкоторые виды куриныхъ и голубей, одинъ великолѣпный фазанъ, сиобнимающемъ больше половины континента, и стаями въ нѣсколько тысячъ недѣлимыхъ, перелетаетъ лѣтомъ отъ Индостана до береговъ

Лѣсъ на островѣ Формозѣ.

ницы и воробьи, черный дроздъ съ бѣлой головой, но попугаевъ не нашли на островѣ, хотя они и водятся въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Китая. Тогда какъ азіатская иволга, странствуя на пространствѣ, Амура, формозская иволга переселяется только съ равнины въ горы и съ горъ въ равнину, смотря по времени года [1]). Въ рѣкѣ

[1]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

й слышны пѣвчія рыбы, подобныя тѣмъ, одятся въ бухтѣ Тринкомале, въ водахъ иля и Санъ-хуанъ-дель-норге [1]).

айцы во всѣ времена знали о существо- Тай-ваня, такъ какъ съ ихъ береговъ о разглядѣть его горы въ ясную погоду; овы даже селились въ ближайшемъ его ствѣ, на архипелагѣ Пынъ-ху (Рыбачьи ова); но, несмотря на то, островъ оставался едьмаго столѣтія въ сторонѣ отъ обычной оги мореходовъ, можетъ быть, по причинѣ аха, который внушало его дикое населеніе. лько въ 605 году послѣ Р. Х. мореплаватели- слѣдователи направили паруса къ этой таин- венной области «Большаго Лю-цю»,—имя, уторое впослѣдствіи было перенесено на архи- елагъ, лежащій на сѣверо-востокѣ [Ріукіу или Лю-цю между Формозой и Японіей] [2]); но островъ не былъ колонизованъ, и въ царство- ваніе монгольской династіи, до конца четырна- дцатаго столѣтія, онъ еще означался въ китай- скихъ географіяхъ подъ названіемъ Дунъ-фанъ, то-есть «страны восточныхъ варваровъ». Не- большая кучка колонистовъ поселилась въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ сѣверной области, вѣ- роятно, на берегахъ гавани Цзи-лунъ, такъ какъ весь островъ былъ названъ этимъ име- немъ; но серьезное эмиграціонное движеніе на- чалось только во второй половинѣ семнадца- таго столѣтія, послѣ изгнанія голландскихъ торговцевъ и покоренія морскихъ разбойни- ковъ. Такимъ образомъ со времени первыхъ попытокъ китайской колонизаціи въ собствен- номъ смыслѣ слова прошло только двѣсти лѣтъ съ небольшимъ; но уже переселенцы, почти всѣ пришедшіе изъ провинціи Фу-цзянь, овла- дѣли всею западной покатостью острова и по- крыли пашнями и садами ея равнины и до- лины; на сѣверѣ, западный склонъ, обращен- ный къ океану, тоже находится въ рукахъ ко- лонистовъ, и съ каждымъ годомъ площадь культурныхъ земель все болѣе и болѣе увели- чивается. Безъ сомнѣнія, дѣло преобразованія, совершенное китайцами на Формозѣ въ два вѣка труда, гораздо значительнѣе, чѣмъ успѣ- хи, которыми могутъ похвалиться въ этомъ отношеніи испанцы на Филиппинскомъ архи- пелагѣ, хотя послѣдніе распологали цѣлой сотней лѣтъ больше.

Однако, это постепенное завоеваніе острова сдѣлано было и не безъ борьбы, и война сви- рѣпствовала безостановочно между колониста- ми и туземнымъ населеніемъ. Туземецъ, храб- рый и всегда носящій при себѣ оружіе, не разъ нападалъ врасплохъ на китайскія деревни и вырѣзывалъ ихъ жителей; чужеземцы мстятъ за эти набѣги посредствомъ торговли, продавая дикарю опіумъ и водку, дабы онъ самъ себя

какъ въ Соединенныхъ Штатахъ
паетъ слишкомъ часто въ отношеніи красноко-
жаго; онъ не убиваетъ индивидуума, но отра-
вляетъ всю расу. Суинго разсказываетъ также,
что китайцы, чтобы избавиться отъ своихъ
безпокойныхъ сосѣдей, пустили въ лѣса Формо-
зы тигровъ, привезенныхъ изъ провинціи Фу-
цзянь [2]). Съ другой стороны и между китайцами
существуетъ сильная вражда: хакка и другіе
переселенцы изъ Фу-цзяни и Гуанъ-дуна про-
должаютъ на островѣ свои вѣчные раздоры,
существующіе между ними на твердой землѣ.
Хакка, самые смѣлые изъ колонистовъ, посе-
лились большею частію въ области холмовъ,
между цивилизованными жителями прибрежья
и дикими туземцами. Находясь въ постоянныхъ
сосѣдскихъ сношеніяхъ съ этими обитателями
внутренней части острова, и роднясь съ ними
посредствомъ женитьбы на ихъ дѣвушкахъ,
они мало-по-малу усвоили себѣ ихъ нравы
обычаи, такъ что китайскаго въ нихъ только
осталось, что одежда да привычка носить ко
на затылкѣ: этимъ объясняется тотъ фак
что путешественники приняли живущихъ
Формозѣ хакка не за китайцевъ, каковы
самомъ дѣлѣ, но за населеніе малайс
происхожденія [3]). Взятые въ массѣ, форм
отличаются болѣе гордымъ и независи
характеромъ, чѣмъ китайцы континент
ихъ жилахъ еще течетъ кровь пиратовъ.

Первобытные жители (аутохтоны) о
извѣстны подъ различными наименован
пока еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ,
нованіи которыхъ можно бы было клас
ровать ихъ по порядку происхожденія
ства. Сонъ-фани или «дикіе люди», наз
также «иноземными варварами», похо
малайцевъ и обыкновенно причисл
этой расѣ; нарѣчіе, которымъ они
принадлежитъ къ общему корню м
рый, однако, считаетъ формозскихъ
единоплеменниками китайцевъ, пр
ихъ діалектѣ шестую часть словъ
это происхожденіе. Нѣкоторые нд
ставляютъ большое сходство съ язы
которымъ говорятъ въ сѣверной ч
даже семнадцать племенъ сѣве
Формозы даютъ своей рѣчи наз
почти тождественное съ именемъ
Филиппинскихъ острововъ; въ н
ругахъ жители называютъ себя т
Но если аборигенты Формоз
часть великой малайской семьи
леніе отъ другихъ народовъ до
изойти до введенія буддизма и

[1]) Bechtinger, „Het Eyland Formosa".
[2]) D'Hervey de Saint-Denys, „Académie des sciences", 2 mai 1872.
[3]) „North China Branch of the A
Friedrich Ratzel, „Die chinesi
Klaproth; — Thomson; — Ma
Steeve;—Favre;—Guérin;—Bernard.

тровахъ, ибо ихъ нарѣчія не заключаютъ въ себѣ санскритскихъ и арабскихъ словъ. Со времени колонизаціи острова формозцы всего болѣе имѣли сношеній съ Срединной имперіей, какъ это доказываютъ китайскія многочисленныя слова, болѣе или менѣе измѣненныя, которыя вошли въ ихъ діалекты [1]).

Въ горахъ юго-восточной части Формозы живетъ племя бутанъ, наводящее страхъ какъ на китайскихъ колонистовъ, такъ и на другихъ туземцевъ. Бутаны употребляютъ еще свое древнее оружіе—лукъ и стрѣлы, но сверхъ того, выучились владѣть и ружьемъ или, лучше сказать, мушкетономъ, который они покупаютъ у европейцевъ: это ихъ-то и приходили въ 1874 году наказать за избіеніе экипажа потерпѣвшаго крушеніе судна. Судя по плѣннымъ, приведеннымъ въ Іеддо, бутаны скорѣе напоминаютъ типъ жителей Ниппона, чѣмъ типъ малайцевъ; они по большей части одѣты въ короткій костюмъ изъ синей бумажной матеріи и носятъ серебряные браслеты и огромныя серьги изъ бамбука [2]). По разсказамъ туземцевъ, на югѣ острова, въ одномъ горномъ массивѣ, живутъ какіе-то «черные люди маленькаго роста». Валентинъ [3]) упоминаетъ объ этихъ карликахъ уже въ 1726 году; Суинго тоже говоритъ объ этомъ племени. Ни одинъ путешественникъ еще не имѣлъ случая побывать въ той мѣстности; но два формозскихъ черепа, изслѣдованные Шетелингомъ, приписываются этимъ негритосамъ Формозы, въ которыхъ видятъ остатокъ древней расы, почти совершенно исчезнувшей [4]).

Большинство непокоренныхъ туземцевъ—люди рослые, сильные, чрезвычайно проворные и ловкіе въ движеніяхъ; однако, новѣйшіе путешественники не подтвердили разсказовъ старыхъ китайскихъ писателей о ихъ быстротѣ, столь удивительной, что на охотѣ они будто бы опережаютъ самую легкую собаку и схватываютъ дичь на бѣгу [5]). По словамъ Герена, походка ихъ немного напоминаетъ переваливающуюся походку высшихъ четырерукихъ, напримѣръ гориллы. Руки у нихъ длинныя, ступни огромныя, и на ходу только передняя половина подошвы опирается о землю и, такъ сказать, схватываетъ ее. Самыя разнообразныя физіономіи встрѣчаются у этихъ народцевъ: рядомъ съ плоскими лицами видишь облики, которые кажутся европейскими; особенно у сѣверныхъ племенъ — наблюдателя поражаетъ красота типа, которую представляютъ дѣти; но черты лица ихъ скоро искажаются подъ вліяніемъ убогой, нищенской жизни. Многіе изъ этихъ дикарей имѣютъ что-то пугающее во взглядѣ: ихъ выпученные глаза, всегда подвижные и широко раскрытые, придаютъ имъ видъ безумныхъ. Въ одномъ племени сильно распространенъ зобъ, вслѣдствіе чего другіе туземцы старательно избѣгаютъ сношеній съ этимъ племенемъ; болѣзни кожи обезображиваютъ также жителей внутренней части острова; кромѣ того, постоянное жеваніе орѣховъ бетеля окрашиваетъ ихъ зубы въ красный цвѣтъ. Въ глазахъ сонъ-фаней, какъ и вообще всѣхъ дикарей, украшенія гораздо важнѣе, чѣмъ самая одежда. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ мѣдные браслеты, ожерелья и поясы изъ грубыхъ стеклянныхъ бусъ, обвѣшиваютъ себя костяными пластинками и всякими побрякушками; у мужчинъ въ мочкѣ уха проткнуто широкое отверстіе, въ которое продѣвается бамбуковая трубка, разрисованная узорами и оканчивающаяся со стороны щеки пучкомъ красной шерсти. Всѣ туземцы, ведшіе еще войну съ китайцами и японцами, сохранили обычай татуированія. Юноша, принимающій участіе въ экспедиціи противъ колонистовъ равнины, отмѣчается, по возвращеніи изъ набѣга, первымъ украшеніемъ на лбу; но высшій знакъ отличія, черту на подбородкѣ, онъ получаетъ только тогда, когда снесетъ голову по крайней мѣрѣ одному изъ враговъ [1]); у нѣкоторыхъ племенъ исторія подвиговъ воина описывается на его собственной особѣ, лицо и грудь его покрываются арабесками, изображеніями растеній и животныхъ. Женщины, которымъ ввѣрено ремесло или, вѣрнѣе сказать, священнодѣйствіе татуированія, украшены такимъ же образомъ, какъ и мужчины; всѣ онѣ носятъ, по крайней мѣрѣ, синій знакъ на лбу. При вступленіи въ брачный союзъ, молодая дѣвушка, покупаемая женихомъ, должна предоставить свою щеку въ распоряженіе прокалывающаго инструмента татуировщицы; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ кланахъ она жертвуетъ при этомъ случаѣ клыками и рѣзцами, тогда какъ мужчина выдергиваетъ себѣ только глазные зубы. Все въ существованіи сонъ-фаней урегулировано обычаемъ. У нихъ нѣтъ публичнаго культа, но они строго соблюдаютъ правило, по которому всякій долженъ, на разсвѣтѣ, выдти изъ хижины и сдѣлать одиночную прогулку по сосѣдней тропинкѣ, чтобы вопросить авгура, роль котораго разыгрываетъ птичка, черный королекъ; и сообразно тому, будетъ ли предзнаменованіе благопріятное или дурное, они и опредѣляютъ употребленіе наступающаго дня. Всякій туземецъ долженъ быть похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ испустилъ духъ; если онъ умираетъ въ своей хижинѣ, то ему выкапываютъ могилу

[1]) Favre, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, nov., dec. 1868.
[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[3]) „Beschryving van Tayouan of Formosa“.
[4]) Hamy, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, 20 nov. 1872.
[5]) Klaproth, Mémoires relatifs à l' Asie“.

[1]) Guérin, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“, juin 1868.

ь самымъ ложемъ и вмѣстѣ съ нимъ зары-
тъ въ землю его оружіе, кое-какую пищу и
ашній котелокъ.

Китайцы, жившіе въ постоянной враждѣ съ
ъ-фанями, описывали ихъ обыкновенно
дьми кровожадными; рѣдко, однако, случает-
, чтобы эти горцы не оказывали радушнаго
іема чужеземцамъ, не принадлежащимъ къ
асѣ ихъ исконнаго врага. Борьба противъ ки-
айскихъ поселенцевъ объясняется закономъ
озмездія и наслѣдственной ненавистью. Подлѣ
каждой хижины туземцевъ красуется, окружен-
ная зеленью, деревянная этажерка, установлен-
ная головами китайцевъ. Но, вѣроятно, сонъ-фа-
ни скоро должны будутъ прекратить свою охоту
на человѣка, потому что они малочисленны, для
того чтобы продолжать борьбу. Общее число
ихъ, какъ полагаютъ, не превышаетъ 20.000
человѣкъ, при томъ они распадаются на мно-
жество отдѣльныхъ клановъ или родовъ, изъ
которыхъ иные заключаютъ въ себѣ не болѣе
пятидесяти человѣкъ, и, благодаря этой разроз-
ненности, они даютъ себя уничтожать или по-
рабощать по частямъ иноземнымъ пришельцамъ.
Только южныя племена соединены въ общій
союзъ; но въ этой федераціи такъ же, какъ и въ
средѣ отдѣльнаго племени или клана, никто не
облеченъ правомъ, превышающимъ права дру-
гихъ членовъ: каждая семья образуетъ неза-
висимую группу, гдѣ отецъ пользуется неогра-
ниченною властью, которую онъ рано раздѣля-
етъ со старшимъ сыномъ. Однако, существуетъ
выборный судья, на котораго возложена обя-
занность примирять семьи въ случаѣ споровъ,
и задача его легка, благодаря природному чув-
ству справедливости дикарей, которые въ
этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше цивили-
зованныхъ обитателей равнины.

Покоренные или мирные туземцы, которые
живутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ китай-
цами и частію даже смѣшались съ ними по-
средствомъ браковъ, извѣстны вообще подъ
именемъ пепогоанъ. Большинство изъ нихъ
перестали татуироваться и носятъ костюмъ:
это между ними миссіонеры, католическіе и
протестантскіе, нашли всего больше неофи-
товъ. Путешественники, посѣтившіе Формозу,
почти всѣ останавливались у пепогоановъ и
потому описывали туземцевъ единственно на
основаніи наблюденій надъ этими смѣшанными
населеніями.

Формоза была одною изъ тѣхъ частей Китая,
гдѣ вліяніе европейцевъ замѣчалось наиболѣе
чувствительно; нѣкоторое время можно было
думать, что весь островъ сдѣлается европей-
ской колоніей. Уже въ 1621 году голландцы
утвердились на архипелагѣ Пынъ-ху (Рыбачьи
острова), и вскорѣ послѣ того, высадившись на
юго-западный берегъ большаго острова, они
поспѣшили завести свои торговыя конторы въ
томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Тай-
вань-фу. Но китайскіе земледѣльцы и купцы,
которыхъ нашествіе маньчжуръ заставило пере-
селиться въ нарождающуюся колонію, окружили
со всѣхъ сторонъ маленькую группу голланд-
цевъ, и въ 1662 году, когда пиратъ Чинчинъ-
гунъ, болѣе извѣстный у европейцевъ подъ
именемъ Коксинга,—произведеннымъ отъ слова
«косенья», которое буквально значитъ: «Госпо-
динъ надъ семьями страны»,—явился передъ
городомъ со своимъ флотомъ, китайцы, жители
края, тотчасъ же доставили ему цѣлую армію
осаждающихъ. Послѣ девятимѣсячной осады,
городъ долженъ былъ сдаться, и камни форта
Зеландіи, развалины котораго еще и теперь
высятся живописной массой подлѣ города, оста-
лись единственнымъ памятникомъ голландскаго
владычества. Въ царствованіе Коксинги англи-
чане вели непосредственную торговлю съ Фор-
мозой; но, послѣ окончательнаго утвержденія
маньчжурскаго господства, въ 1683 году, всякія
торговыя сношенія съ иностранными народами
были воспрещены, и только во второй половинѣ
текущаго столѣтія, именно въ 1858 году, евро-
пейцы могли, благодаря побѣдамъ, одержан-
нымъ англо-французскими войсками на мате-
рикѣ Китая, снова проникнуть на «Прекрас-
ный» островъ. Японцы тоже пытались въ раз-
ныя времена овладѣть этой землей; прежде
чѣмъ занять Формозу для самаго себя, упомя-
нутый морской разбойникъ, фуцзянецъ Кок-
синга, мать котораго была японка, предлагалъ
Іейасу, диктатору Японіи, завоевать для него
весь островъ и Фуцзянское прибрежье. Даж
во время экспедиціи, предпринятой япо
цами съ цѣлью наказанія бутановъ за к
варное истребленіе экипажа разбившаго
судна, китайское правительство опасалось, ка
бы Формоза не сдѣлалась въ концѣ конц
нераздѣльной частью Ниппона; чтобы сох
нить за собой обладаніе этой территоріей,
должно было принять на себя обязатель
заплатить японцамъ издержки ихъ похода
той поры оно воздвигло укрѣпленія на мно
пунктахъ окружности острова, въ особенн
близъ бухты Суао или Кемалань (Кабар
на восточномъ берегу.

*Въ настоящее время какъ Формоза, т
Пескадорскіе острова принадлежатъ Яп
достались ей какъ компенсація за уступк
дунскаго полуострова. Нельзя сказать, что
произошло безъ борьбы со стороны нас
Еще въ началѣ китайско-японской
одинъ изъ мѣстныхъ вождей Хукун
пользуясь слабостью китайской админис
провозгласилъ себя княземъ части остро
этомъ онъ выразилъ намѣреніе сражат
тивъ японцевъ, но въ то же время зая
тайскому губернатору, что не признает
Китая надъ центральною частью остр
тайцы еще къ началѣ войны ожида
скаго нападенія и заблаговременно

подступы къ гаванямъ, а также значительно усилили свои гарнизоны. Число китайскихъ солдатъ на Формозѣ доходило въ концѣ войны до 100.000 человѣкъ, снабженныхъ хорошимъ оружіемъ. Выдающимся вождемъ формозской арміи явился Лью-юнъ-фу, бывшій нѣкогда предводителемъ черныхъ флаговъ и главный противникъ французовъ во время Тонкинской экспедиціи 1883—84 г. Этотъ тонкинскій пиратъ, прибывшій на островъ въ началѣ войны, предложилъ свои услуги китайскому правительству, которое назначило его генераломъ отдѣльнаго отряда.

на островѣ провозглашена была республика, при чемъ бывшій губернаторъ Танъ, принужденный примкнуть къ движенію, объявленъ былъ президентомъ новой республики [1]). Президентъ этотъ тотчасъ же образовалъ кабинетъ, при чемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ извѣстный Ченъ-ги-тонгъ, бывшій военный аташе китайскаго посольства въ Парижѣ, агитація и совѣтамъ коего приписываются реформаторскія затѣи на островѣ. Вслѣдъ за симъ, президентъ Танъ послалъ о провозглашеніи республики и о принятіи званія президента всѣмъ иностраннымъ консуламъ,

Женщина и ребенокъ племени пепогоанъ.

Извѣстіе объ уступкѣ острова Японіи вызвало волненіе и безпорядки въ главныхъ центрахъ; начались бунты и столкновенія между пришлыми и мѣстными войсками. Послѣднія, между прочимъ, обвиняли офицеровъ арміи Ли-хунъ-чжана въ измѣнѣ и въ желаніи выдать ихъ японцамъ. Именитые граждане острова и даже мѣстныя власти стали устраивать митинги негодованія противъ малодушія Пекинскаго правительства, отказавшагося отъ обороны Формозы. Въ Пекинъ была отправлена резолюція, гласившая, что, въ виду образа дѣйствія Пекинскаго правительства, островъ считаетъ себя независимымъ и будетъ защищать своею независимость отъ японцевъ. Вскорѣ а также китайскимъ генералъ-губернаторамъ ноту [2]). Но Формозская республика была

[1]) Гербомъ республики избранъ тигръ на голубомъ полѣ.

[2]) Вотъ текстъ этого курьезнаго документа: „Когда Японія потребовала у Китая уступки Формозы, то населеніе острова этому воспротивилось. Мы неоднократно докладывали его величеству, прося его обсудить вновь эту часть трактата съ Японіей, но столь же часто получали отказъ. Вѣрный своей преданности династіи, народъ Формозы поклялся сопротивляться японцамъ до смерти. Когда я получилъ отъ его величества приказаніе вернуться на материкъ и когда все было въ критическомъ положеніи, народъ и граждане предложили мнѣ печать и знаки власти, также новую эмблему республики – голубое знамя съ желтымъ бордюромъ, и назначили меня „Президентомъ новой Формозской республики“, каковыя слова вы-

ѣчною. Почти одновременно съ обна-
емъ широковѣщательнаго манифеста о
лашенія республики, состоялась фор-
я передача острова японцамъ, которые
же приступили къ фактическому заня-
авныхъ береговыхъ пунктовъ. Прежде
японцы овладѣли Цзилуномъ. Занятіе
города сопровождалось бунтами, грабе-
и насиліями китайскихъ войскъ въ дру-
пунктахъ острова. Губернаторъ Танъ—
же президентъ молодой республики, и ми-
ръ иностранныхъ дѣлъ бѣжали вмѣстѣ съ
ами правительства на германскомъ суднѣ.
ѣдъ за бѣгствомъ этихъ сановниковъ про-
шелъ бунтъ солдатъ, которые, не получая
нованія, принялись грабить и жечь городъ.
я замиренія острова японцамъ пришлось на-
ть систематическое завоеваніе населенныхъ
нктовъ и предпринять рядъ походовъ про-
въ черныхъ флаговъ, начавшихъ партизан-
кую войну подъ предводительствомъ упомяну-
аго Лью-юнъ-фу. Покореніе Формозы продол-
алось до средины 1897 г., но стоитъ Японіи не
ало жертвъ и въ настоящее время* [1]).

Тай-вань, главный городъ Формозы, по име-
ни котораго китайцы и японцы называли весь
островъ, расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи
отъ берега. Построенный послѣ изгнанія голланд-
цевъ изъ форта Зеландіи, этотъ городъ имѣетъ со-
вершенно китайскій видъ: онъ обнесенъ зубча-
той стѣной около 10 километровъ въ окружно-
сти и заключаетъ въ своей чертѣ обширныя
воздѣланныя пространства, сады и пагоды.
Тай-вань, славящійся искусствомъ своихъ ма-
стеровъ филиграновыхъ издѣлій, ведетъ довольно
большую торговлю, несмотря на малую глу-
бину рейда; европейскія суда бросаютъ якорь
далеко отъ берега, на разстояніи 3 слишкомъ
километровъ отъ Аньпинскаго бара, порогъ ко-
тораго покрытъ слоемъ воды толщиною не бо-
лѣе одного или двухъ метровъ, смотря по вре-
мени года; товары перевозятся на берегъ на
катамаранахъ или на бамбуковыхъ плотахъ. въ
родѣ тѣхъ, какіе употребляютъ для той же цѣ-
ли въ Индіи, на Коромандельскомъ берегу:
плотъ окруженъ гибкими рѣшетчатыми пери-
лами или бортами, а въ центрѣ прикрѣплены
бочки, въ которыя и садятся пассажиры,
чтобы не быть снесенными каждой прох
дящей волной; деревянный чурбанъ, укр
пленный въ серединѣ плота, служитъ гн
домъ для мачты, на которую повѣшена, вм
сто паруса, узкая бамбуковая циновка. Цѣ
ность оборотовъ внѣшней торговли простир
лась въ 1895 году — 6.237.598 лянъ. Гла
ный предметъ отпуска составляетъ сахаръ, к
торый англійскіе корабли везутъ въ Австр
лію; попытки разведенія, въ окрестностя
города плантацій чая, кофе, хиннаго дерева п
ка еще не увѣнчались успѣхомъ [1]). Такъ
неудобенъ для судоходства портъ Да-гоу, то
говый пригородъ Тай-ваня, находящійся
лометрахъ въ сорока къ югу отъ этого гор
да, а между тѣмъ недорого стоющая расчис
ка дна съ помощью землечерпальныхъ м
шинъ сдѣлала бы эту гавань доступной д
большихъ судовъ; въ настоящее же время
нее могутъ входить только мелкія суда, имѣ
щія менѣе 4 метровъ водоизмѣщенія. Куч
рыбачьихъ домиковъ и нѣсколько товарны
складовъ коммерсантовъ составляютъ дерев
Да-гоу, окруженную банановыми смоковниц
ми; но въ 8 километрахъ отъ берега находи
ся значительный городъ Пи-тао, а къ югу
туда, при устьѣ многоводной рѣки, расположе
очень оживленный портъ Дунъ-ганъ; Тай-ван
фу соединенъ съ портомъ Да-гоу электрич
скимъ телеграфомъ и даже телефонной линіей
а близъ Аньпинскаго бара нѣкогда сложен
были на берегу рельсы разобранной Шаньха
вусунской желѣзной дороги, перевезенные с
да какъ матеріалъ для постройки рельсова
пути между двумя портами Формозы, Тай-
ня и Цзи-луна. Въ настоящее время эт
путь оконченъ до Тай-ваня, и японское пра
тельство, занятое устройствомъ путей сооб
нія на островѣ, уже проложило около 400
обыкновенной дороги и болѣе 100 миль ко
желѣзнаго пути [3]).

На восточной отлогости «Обезьяньей г
правильный конусъ которой господствуетъ
городомъ и рейдомъ, въ нѣкоторыхъ мѣ
бьютъ изъ земли минеральные ключи. В
отъ Да-гоу портъ Лянь-цяо, который сл
операціоннымъ базисомъ японцамъ во
ихъ экспедиціи въ 1874 году, не можетъ
важнаго значенія, по причинѣ его по
на южной оконечности острова, слишк
кой для того, чтобы питать значительн
говлю. Китайцы построили городъ въ
километрахъ отъ берега, чтобы удобн
наблюдать за бутанами [4]).

Около центральной части острова и
ной покатости, городъ Чжэнъ-хуа зам
какъ самый дѣятельный центръ для

рѣзаны на печати. Я принужденъ былъ дѣйствовать въ качествѣ президента новой республики до времени народнаго избранія, при чемъ рѣшено признавать сюзеренитетъ китайскаго императора и занимать положеніе вассальнаго государства. Мы также обсуждаемъ вопросъ объ обращеніи къ иностранной помощи и о фундаментальной реорганизаціи государства Мнѣ ничего не оставалось дѣлать другаго, среди всеобщаго замѣшательства, какъ принять выборъ народа, и я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы телеграфировать о вышеизложенномъ моимъ коллегамъ и разнымъ державамъ въ Европѣ и Америкѣ. Что же касается способности нашей долго сопротивляться врагамъ, то въ настоящее время трудно что-либо предсказать, но я надѣюсь, что вы насъ пожалѣете и окажете помощь».

[1]) См. Коростовецъ, „Китайцы и ихъ цивилизація".

[1]) Pelham Warren, „Commercial Reports"
[2]) „London and China Express", 17 juin
[3]) Brenann.
[4]) Mrs Hugues, „Among the sons of Ha

камфарой; но портъ Гой-хи, черезъ который вывозится этотъ товаръ, открытъ только отечественнымъ джонкамъ. Далѣе на сѣверѣ, многолюдный городъ Синь-чу, называвшійся въ старину То-ко-ханъ, тоже дополняется портомъ, Гонсаномъ, откуда коммерсанты отправляютъ рисъ и пшеницу подъ китайскимъ флагомъ. Портъ Тамъ-суй, близъ сѣверо-западной оконечности Формозы, получилъ болѣе важное значеніе, благодаря поселившимся тамъ европейскимъ негоціантамъ, и несмотря на нездоровый климатъ занимаемой имъ мѣстности. Прежде Тамъ-суй, гдѣ тоже сохранились остатки голландскаго форта, былъ главнымъ портомъ для вывоза камфары, но такъ какъ камфарныя деревья въ сосѣднихъ лѣсахъ на морскомъ берегу уже давно вырублены, то теперь камфаро-промышленники принуждены забираться далеко внутрь страны, даже до нагорныхъ долинъ, и у нихъ часто бываютъ столкновенія съ туземцами. Оттого торговля камфарой значительно уменьшилась; но она замѣнена чайной торговлей, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо̀льшіе размѣры, особенно съ Америкой (общій оборотъ порта въ 1894 году достигъ 8.305.948 ланъ); амойскіе и японскіе негоціанты забрали въ свои руки эту торговлю, и выгодами ея пользуется родной городъ первыхъ; они экспортируютъ, кромѣ того, рисовую бумагу. Джонки поднимаются по рѣкѣ Тамъ-суй до колоніи Таотютіа, гдѣ живутъ иностранные коммерсанты, и до города Менка (Банка), торговой метрополіи округа. Въ 12 километрахъ къ востоку отъ этого города, на дорогѣ въ Цзилунъ, есть сѣрнистые источники, куда пріѣзжаютъ во множествѣ, для пользованія водами, больные изъ окрестныхъ мѣстностей.

Портъ Цзи-лунъ, хотя онъ лежитъ километрахъ въ пятидесяти къ востоку отъ Тамъсуя, на сѣверномъ берегу Формозы, считается какъ бы составляющимъ вмѣстѣ съ этимъ городомъ одну и ту же пристань для иностранныхъ судовъ (въ портъ, въ 1894 году, привезено 24.243 тон.). Впрочемъ, если вѣрить разсказамъ туземцевъ, эти два порта соединены подземной галлереей; по ихъ словамъ, пещеры, находящіяся въ нѣкоторомъ разстояніи близъ обоихъ городовъ, составляютъ входы этого таинственнаго пути [1]). Цзи-лунъ участвуетъ въ торговлѣ страны преимущественно вывозомъ лигнитовъ, которые, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сорта̀ даютъ топливо превосходнаго качества, но покупаютъ ихъ мало, по причинѣ всякаго рода прижимокъ и вымогательствъ, которымъ подвергаются купцы со стороны чиновниковъ. Находящіяся въ сосѣдствѣ богатыя мѣсторожденія горнаго масла и сѣры почти еще не початы разработкой. Мысы и островки въ окрестностяхъ Цзи-луна, состоящіе изъ каменистыхъ наслоеній не одинаковой твердости, принимаютъ самыя фантастическія формы. Нижніе пласты, очень нѣжные и хрупкіе, быстро разрушаются безпрерывными ударами волнъ и образуютъ гроты и аркады подъ карнизами верхнихъ слоевъ. Большинство острововъ, подточенныхъ при основаніи, нависшихъ на верхушкѣ, походятъ на гигантскіе грибы [1]). На одномъ мысѣ, господствующемъ надъ входомъ въ портъ съ восточной стороны, видны еще развалины испанскихъ укрѣпленій.

Если «Большой Лю-чу», то-есть островъ Формоза, нѣкогда былъ китайской территоріей, то только часть Малыхъ Ликейскихъ острововъ, и при томъ наименѣе важная, принадлежала къ Китаю, такъ какъ японцы уже давно присоединили большинство ихъ къ своей административной территоріи. Южная группа, Санъ-нанъ или Саки-сима, которая представлена на старинныхъ китайскихъ картахъ какъ принадлежащая къ Формозѣ [2]), дѣйствительно соединена съ этимъ островомъ многочисленными островками и выступающими изъ воды скалами. Гористые и незначительные по протяженію, эти острова мало населены, и нѣкоторыя изъ живущихъ тамъ племенъ пребываютъ еще въ дикомъ состояніи; туземцы острова Іонакуни, самаго западнаго въ этой группѣ, походятъ на бутановъ юго-восточной Формозы [3]).

Около своей южной оконечности «Прекрасный» островъ имѣетъ только одно географически принадлежащее къ нему владѣніе, гористую землю Ботелъ-Тобаго.

На западѣ, въ Формозскомъ проливѣ, острова Пынъ-ху, называемые европейскими мореплавателями «Рыбачьими» (Пескадорскими) или Хокото, представляютъ очень важное значеніе, какъ мѣсто пристанища для судовъ и какъ складочный пунктъ между Формозой и континентомъ. Населеніе, исчисляемое приблизительно въ 44.820 душъ, занимается рыбной ловлей и культурой земляныхъ орѣховъ, риса и проса; но мѣстное производство недостаточно, и жители въ отношеніи своего продовольствія зависятъ частію отъ Формозы. Зимой вѣтры дуютъ иногда съ та̀кой силой, что ломаютъ деревья и вырываютъ ихъ съ корнемъ изъ земли. Главный городъ архипелага—мѣстечко Пынъ-ху-тинъ.

Города Формозы, приблизительное населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками и консульскими отчетами, суть:

Тай-вань-фу [4])—250.000 жителей. Тамъ-

[1]) Mayers, Dennys, King, „The treaty-ports of China and Japan".

[1]) L. Rousset, цитированное сочиненіе.

[2]) Jomard et de Montigny, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", dec. 1858.

[3]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[4]) Surnhoe, „Journal of the North China blanch of the Asiatic Society", may, 1868.

к. Чжэнъ-хуа—60.000. Синь-
к. Менка (Банка) (консулы)—
-лунъ—3.000 ж.
таблица даетъ списокъ современ-

ныхъ административны
составлена согласно оффиціальному
Императорскаго Кабинета: «Résumé statist
de l'impire du Japon». Tokio, 1898 г.

провинцій Японіи съ показаніемъ административнаго дѣленія стра и главнѣйшихъ пунктовъ.

провинцій.	Поверхность въ квадратн. километрахъ.	Населеніе.	На 1 квадр. километръ жителей.	Главный городъ провинціи; цы въ скобкахъ показываютъ насе. къ 1 января 1897 года.
ьный Ниппонъ.				
.....	1.940,28	1.468.754	757	Токіо (1.299.941).
.....	2.400,97	754 469	314	Іокогама (179.502).
.....	4.102,50	1.149 353	280	Урава ?
Чиба).....	5.030,37	1.247.954	248	Чиба (27.283).
.....	5.940,82	1.101.990	185	Мито (32.064).
.....	6.350,94	759.735	120	Уцаномія (36.438).
.....	6.281,22	749.941	119	Маебаши (30.883).
.....	13.167,97	1.212 208	92	Нагано (33.141).
.....	4.470,50	491.055	110	Кофу (35.738).
ока	7.770,67	1.173.953	151	Шизуока (39.950).
.....	4.826,16	1.557.171	323	Нагойя (242.085).
.....	5.684,33	976.844	172	Цзу (30.748).
.....	10.356,11	981.623	95	Гифу 31.075).
а	3.986,05	702.632	176	Оцу (Отцу) (34.556).
уи.....	4.201,36	632.580	151	Фукуи (44.290).
нкава.....	4 175,45	782.553	187	Каназава (85.916).
ма.....	4.108,98	784.534	192	Тояма (58.975).
того въ центральной Японіи.....	94 792,68	16.532.349	174	
Сѣверный Ниппонъ.				
гата	12.718.06	1.797.708	141	Ніигата (51.335).
ушима.....	13.049,36	1.028.536	79	Фукушима ?
ги.....	8.340,87	817.123	98	Сендай (77.476).
гата.....	9.256,41	808.848	87	Ямагата (32 151).
та.....	11.629,32	755 030	65	Акита 27 114).
тэ	13.868,66	701.236	51	Моріока (31.989).
ори	9.362,53	593.886	63	Аомори (24.212).
Итого.....	78.225,21	6.502.367	83	
Западный Ниппонъ.				
го	4.573,34	914.357	200	Кіото (341.101).
ка	1.784,81	1.280.559	717	Осака (503.690).
а.....	3.106 60	526 537	169	Нара ?
ама	4.790,85	666.275	139	Вакаяма (57.366)
го	8.585,95	1.618.895	109	Кобе (184.194).
яма.....	6.492,99	1.109.269	171	Окаяма (57.210).
юшима.....	8.032,25	1.400.715	174	Хирошима (107.
гучи	6.015,01	967.620	161	Ямагучи ?
мане.....	6.721,87	714.000	106	Мацуе (34.625).
ори.....	3.457,33	414.395	120	Тотори ?
Итого.....	53.561,50	9.612.622	179	
ій итогъ населенія на тр. Ниппонѣ.....	226.579,39	32.647.338	144	

Названіе провинцій.	Поверхность въ квадратн. километрахъ.	Населеніе.	На 1 квадр. километръ жителей.	Главный городъ провинціи; цифры въ скобкахъ показываютъ населеніе къ 1 января 1897 года.
Остр. Kiyciy.				
Нагасаки	3.626,83	796.056	219	Нагасаки (72.390).
Сага	2.468,99	602.230	244	Сага (29.893).
Фукуока	4.901,74	1.314.139	268	Фукуока (62.212).
Кумамото	7.179,18	1.112.247	155	Кумамото (56.824).
Оита	6.211,51	822.562	132	Оита ?
Міясаки	7.516,49	439.367	58	Міясаки ?
Кагосима	6.289,73	1.076.501	116	Кагосима (53 895).
Окинава	2.420,20	440.895	182	Наба (Нафа) (34.117).
Итого	43.614,57	6.604.047	151	
Остр. Синокъ.				
Токушима	4.184,09	688.840	165	Токушима (61.489).
Кагава	1.750,57	685.861	392	Такамацзу (34.274).
Эхиме	5.262,03	972.924	185	Мацуяма (34.535).
Коги	7.013,37	60.384	86	Коги (35.470).
Итого	18.210,06	2.948.009	162	
Хоккайдо или Іессо	94.011,79	508.870	5	Саппоро (33.987).
Итого японскій архипелагъ	382.415,81	42 708.264	112	
Формоза.	кв ри			
Дай-хоку (Дай-ба)	373	570.189	—	Татъ-суй, Синь-чу, Цзи-лунъ, Ій-лань.
Дай-шіу (Дай-тунъ)	745	619.701	—	Локко, Холи, Юй-линь.
Дай-нань (Тай-нань)	367	807.099	—	Гонсанъ, Гочунъ, Каги.
Хокото (Пескодорскіе острова)	8	44.820	—	—
Итого Формоза съ островами	1.493	2.041.809	—	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ шестой.

АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ.

А.

Абаканская степь, 667, 673.
Абаканскъ, селеніе, 687.
Абаканъ, рѣка, 677.
Аббасъ-Туманъ, мѣстность, 199.
Аблайкитская долина, 658.
Абрау, озеро, 60.
Абулъ, гора, 7, 166, 167, 214.
Абулъ, ледникъ, 68.
Абусвунъ, городъ, 481.
Абхазія, 60, 71, 79, 93, 125, 140.
Авача, вулканъ, 752.
Авачинская губа, 751.
Агишау, гора, 56.
Аграханъ, бухта, 126.
Адай-Кохъ, гора, 57, 64, 104, 111.
Аджарскій хребетъ, 143, 144, 165.
Адишъ, гора, 104.
Адишъ, ледники, 141.
Адлеръ (Ардлеръ, Ардувачъ), крѣпость, 98.
Адонъ-чолонъ, горы, 782.
Азія, 1—52.
Айбугиръ, заливъ, 364, 365.
Айгеръ-гиль, озеро, 221.
Айгунъ, городъ, 803, 813.
Айрычай, рѣка, 61.
Акгиссаръ, городъ, 198.
Акера, рѣка, 224.
Аккендъ, городъ, 515.
Акмолинскъ, городъ, 656.
Аксай, станица, 124.
Актогай, ущелье, 304, 306.
Акулиссы, деревня, 248.
Акуша, рѣка, 175.
Акъ-баша, гора, 311.
Акъ-бура, рѣчка, 494, 495.
Акъ-Дарья, рѣка, 484.
Акъ-Кумъ, степь, 334.
Акъ-Курганъ, городъ, 517.
Акъ-робатъ, проходъ, 435.
Акъ-Серай (см. Сургабъ).
Акъ-су, рѣка, 329, 331, 351, 352.
Акъ-сы, городъ, 493.
Акъ-тау, городъ, 377.
Акъ-ташъ, скала, 451.
Акъ-тепе, городъ, 481.
Акъ-чо, городъ, 441, 444.
Акъ-ширякъ, горы, 315, 340.
Алагезъ, горы, 7, 62, 221.
Алагиръ, городъ, 61, 120.
Алазанъ, рѣка, 61, 167—169.
Алайскій хребетъ, 286—288, 291.
Алай-тагъ, горы, 288, 290, 291.
Ала-Куль, озеро, 323, 324, 327, 331, 513.
Аламанъ, перевалъ, 302.
Алапаевскій заводъ, 650, 662.
Ала-тау, горы 293, 305, 306, 592, 594.
Ала-тай Джунгарскій, 302, 513.
Ала-тау Заилійскій, 293, 305, 306.
Ала-тау Кунгей, горы, 305, 306.
Ала-тау Терскей, горы, 306, 315, 344.
Алахунъ-дагъ, гора, 126.
Албазинъ, городъ, 813.
Алданъ, рѣка, 727, 728, 731.
Алданскія горы, 785, 787.
Александра, цѣпь, 294.
Александровская слобода, 119, 124.
Александровскій хребетъ, 305, 306, 512.
Александрополь, городъ, 241, 249.
Алетскій проходъ, 323.
Алибера, гора, 559, 694, 695, 840.
Алимъ-ту, городъ, 515.
Алматы, горы, 319.
Алтай, горы, 3, 590—613.
Алтынъ-Имель, перевалъ, 302, 319.
Алтынъ-тау, гора, 593.
Альгомъ, городъ, 481.
Амга, рѣка, 732.
Амгунь, рѣка, 796, 806, 807.
Амелишка, проходъ, 67, 68.
Америка, бухта, 799, 816.
Аму-Дарья (Оксусъ), рѣка, 270, 340, 348, 350—361.
Амурскій заливъ, 797.
Амурскій край, 718, 794, 801, 802, 803.
Амуръ, рѣка, 17, 270, 339, 554, 787—797.
Анабара, рѣка, 724.
Анадыръ, рѣка, 552, 752, 753.
Анапа, портъ, 98. 100, 103.
Ангара (Верхняя Тунгузка), рѣка, 555, 664, 700, 708, 709, 722.
Анди, горы, 125.
Андиджанъ, городъ, 494, 500.
Андхой, городъ, 441, 442, 444.
Ани, городъ, 241.
Анива, заливъ, 822, 826.
Анюй, рѣка, 733.
Апшеронскій полуостровъ, 55, 63, 177, 178.
Араванъ, городъ, 495.
Арагва, рѣка, 189.
Аракъ, рѣка, 165, 166, 212, 226 227.
Арало-Каспійскій склонъ, 267—530
Аралъ-тюбе, островъ, 325.
Аральское море, 270, 362 — 364 367 370.
Араратъ, гора, 7, 214, 216—220.
Арасанъ, мѣст., 513
Арва, рѣка, 307.
Арге, вулканъ, 7.
Аргунь, рѣка, 788—791.
Аргури, деревня, 220.
Ардаганъ, городъ, 97, 98, 212.
Арданучъ, мѣст., 164.
Ардахаръ, деревня, 245
Ардеметъ-Кагакъ, городъ, 243.
Арджеванъ, городъ, 167.
Ардонъ, рѣка, 104.
Арзіани, гора, 144.
Аркайпалъ, гора, 820
Аркатскія горы, 322, 323.
Армавиръ, городъ, 242, 243.
Арменія русская, 212—249.
Арпачай, рѣка, 2.7, 229, 241.
Артаксатъ, городъ, 244.
Артвинъ, городъ, 164
Аспинца, мин. воды, 199.
Ассаке, городъ, 495, 500.
Астара, портъ, 211, 212.
Атбасаръ, городъ, 656.
Атешъ-га, гора, 126.
Атешъ-га, округъ, 179.

…ка, 374, 375, 479.
…городъ, 511, 512, 518.
…Туркестанъ, 422–443.
…ки, крѣпость, 198.
…, крѣпость, 198, 199,
…окъ, деревня, 372.
…лиманъ, 257.
…ородъ, 139, 140.
…ь, городъ, 662, 663.
…Аде, городъ, 481.
…ородъ, 518.
…ай, бассейнъ, 380.
…ь, рѣка, 331.
…городъ, 557, 567, 812, 817.

Б.

…дагъ, гора, 126.
…адъ, городъ, 159.
…ахшанъ, городъ, 431.
…ахшанъ, государство, 426—430, …32, 436, 437, 444.
…дахшанъ, рѣка, 431.
…зардьюзъ, гора, 126.
…айкальскія горы, 695.
…айкалъ, озеро, 14, 555, 692—723.
…айкундъ, городъ, 465.
…айсунъ, городъ, 454.
Бакинская губернія, 180.
Бакинскій заливъ, 177.
Баксанъ, ледникъ, 68.
Баксанъ, рѣка, 58.
Баксу, рѣка, 107.
Бактріана, страна, 422—443.
Баку, городъ, 176—180, 195, 210—212.
Балаганскъ, мѣст., 722.
Балаханы, деревня, 179, 211.
Балахна, рѣка, 724.
Балханскій заливъ, 362.
Балханъ Большой, горы, 372, 374.
Балхашъ, озеро, 324—326, 332.
Балхъ, городъ, 440, 444.
Балхъ, рѣка, 441.
Балыкчи, городъ, 500.
Баляндъ-Кіикъ, долина, 289
Баміандскій проходъ, 432, 433.
Баміанъ, городъ, 434, 435.
Барабинская степь, 620, 621, 622, 623.
Баргузинъ, городъ, 719.
Баргузинъ, рѣка, 702.
Барда, деревня, 207.
Баркуль, горы, 297.
Барлукъ, горы, 320, 323.
Барнаулка, рѣка, 608, 625.
Барнаулъ, городъ, 557, 568, 607, 608, 610, 612, 613.
Барскаунъ, проходъ, 315, 319.
Васканъ, рѣка, 329.
Баталпашинская станица, 100, 103.
Батумъ, городъ, 163, 164.
Бахта, рѣка, 668.
Башъ-Алай, проходъ, 291.
Башъ-Карны, городъ, 244.
Баязетъ, крѣпость, 217.
Баяндай, городъ, 515.
Безопасное, село, 103.
Бей-Кемъ, рѣка, 665.
Бекешевская станица, 103.
Бекъ-пакъ-дала (Голодная степь), 334.
Бергушедъ, рѣка, 227.
…зовскій заводъ, 653.
Березовъ, городъ, 557, 653, 662, 663.
Берингово море, 551, 754, 755, 760, 763.
Беринговъ, островъ, 754, 760, 763.
Беринговъ, полуостровъ, 747, 748, 752, 755, 756, 758, 760, 761, 764.
Беринговъ, проливъ, 552, 754–758, 768, 772.
Бермамутъ, хребетъ, 119.
Бернизетъ, гора, 820.
Бештау, гора, 104.
Бзыбь, рѣка, 78, 79.
Билганъ, городъ, 171
Билинги, ледникъ, 68
Бинголъ-дагъ, вулканъ, 226.
Бисинги, ледникъ, 68.
Бійенъ, рѣка, 329.
Бійскъ, городъ, 611, 612, 613.
Бія, рѣка, 592, 624.
Благовѣщенскъ, городъ, 557, 813, 814, 817.
Благодарное, село, 119, 124.
Благодать, гора, 648.
Ближній, островъ, 733.
Боганида, рѣка, 724.
Богла-норъ, озеро, 299.
Богосъ, ледникъ, 68.
Болкалакъ, селеніе, 725.
Болоръ, хребетъ, 6.
Большая Кась, рѣка, 626.
Большая рѣка, 753.
Большая Толбача, вулканъ, 752.
Большой Араратъ, гора, 62.
Большой Кебинъ, рѣка, 306.
Большой Хинганъ, горы, 542.
Борбало, гора, 122, 125, 126, 189, 190
Боржомъ, городъ, 199.
Боро-хоро, горы, 301, 319.
Борохудзиръ, фортъ, 513.
Боскалъ, деревня, 177.
Босъ-дагъ, вулканъ, 178.
Братская степь, 715.
Братскій острогъ, 715.
Брянскъ, пристань, 124.
Буамское ущелье, 305, 306
Бузгола-хана, проходъ, 459.
Буинъ-норъ, озеро, 788
Булунъ, городъ, 747.
Бургасутай, проходъ, 323.
Бурейскія горы, 786.
Бурея, рѣка, 792.
Бухара, городъ, 460—467.
Бухара, государство, 450–469.
Бухтарма, рѣка, 591, 604, 609.
Бухтарминскъ, деревня, 610.
Бѣлая рѣка, 61, 708.
Бѣлки, горы, 591.
Бѣлоглинское, село, 103.
Бѣлоканы, городъ, 209, 212.
Бѣлоудовскій рудникъ, 657.
Бѣлуха, ледникъ, 614, 624.
Бѣлуха, рѣка, 592, 593.
Бѣлые пески, 334, 336.
Бѣлый Ключъ, урочище, 206
Быррапга, хребетъ, 540.
Бытантай, рѣчка, 580.

В.

Вагаршабадъ, городъ, 242.
Вагъ, рѣка, 626, 627.
Вадиль, городъ, 496, 500.
Вамаръ, городъ, 452.
Варданзи, округъ, 464.
Вардзія (Вард… 198.
Ваханъ, государство, 42… 444.
Ведень, деревня, 137.
Верхне-анадырское плос… 749.
Верхнеудинскъ, городъ, …
Верхняя пристань, 607.
Верхняя Тунгузка, рѣка, 668.
Верхоленскъ, городъ, 746
Ве хотурье, городъ, 648.
Верхоянскія горы, 748.
Верхоянскъ, городъ, 747.
Верхъ-Исетскіе заводы, …
Вилюй, рѣка, 728, 732.
Вилюйскъ, городъ, 747.
Вилючинская сопка, 752
Витимъ, рѣка, 726, 727, …
Вицыри, гора, 126.
Владивостокъ, городъ, … 815, 816, 817.
Владикавказъ, городъ, 1…
Владиміра Св. заливъ, 7…
Вознесенскъ, городъ, 559
Войкаръ, рѣка, 630.
Вольная Сванетія, 141, 1…
Вонючее озеро, 324, 325.
Восточная Сибирь, 848.
Восточный Кавказъ, 126–…
Восточный, мысъ, 748.
Врангель, портъ, 799.
Врангеля земля, 736.
Высокая, гора, 647.
Высохшее море (Ганъ-… 12.
Вѣрный, городъ, 319, … 518.

Г.

Гагры, крѣпость, 98.
Газрети-султанъ, гора, …
Гайдукъ, озеро, 106.
Газъ-Куль (Ой Куль), …
Гамышъ, (Семенова го…
Гангъ, рѣка, 3, 19.
Ганджа (Елисаветпол… 207.
Ганъ-Гай, море, 11, 1…
Гариболо, гора, 62.
Гармъ, мѣст. 453.
Гассандагъ, вулканъ…
Гаурзанкаръ (Луч… ра, 4.
Геленджикъ, бухта, …
Гемышъ, гора, 224, …
Геокъ-Тепе, городъ…
Георгіевскій фортъ…
Георгіевскъ, город…
Гератская (Гери-…
Гератъ, городъ, 4…
Гешикъ-Хаи, го…
Гижигинскъ, гор…
Гималайскія гор…
Гиндукушъ, гор… 423, 426, 427, … 441.
Гирканіополис…
Гирканское м…
Гиссарскій хр…
Гиссаръ, обла…
Гиссаръ, горо…
Гоанго, рѣка, …
Гоангъ-Гай (…

Гоангъ-ту, область, 14, 15
Гоби, степь, 3.
Годореби, гора, 167.
Гой-юанъ, городъ, 515.
Гокчай, озеро, 222, 223.
Голая гора, 787.
Голодная степь, 334, 335.
Гори, городъ, 181, 200, 212.
Гороблагодатскій округъ, 648.
Григориполисская станица, 103.
Грозный, городъ, 124.
Грузія, область, 180—183.
Губденъ, мѣст., 137, 140.
Гузель-донъ, рѣка, 107.
Гулистанъ, горы, 372
Гульша, городъ, 493.
Гунибъ, гора, 137.
Гургенъ, рѣка, 375, 376.
Гурзиванъ, городъ, 444.
Гурумди, гора, 286.

Д

Дагестанъ, горная страна, 6, 59-74, 124, 125-140
Далай-голъ, рѣка, 788, 789
Далай-норъ, озеро, 788.
Далматовъ, городъ, 655-663.
Даманъ-и-Кохъ, городъ, 372.
Данданъ-Шиканъ, скалы, 435.
Данзангъ, горная цѣпь, 3
Дарвазъ, горы, 290.
Дарвазъ, государство, 450—452.
Дарго, округъ, 132.
Дарзабъ, городъ, 444.
Дарьяльское ущелье, 66, 73.
Дарьялыкъ, рѣка, 358, 361.
Дау-Кара, озеро, 346, 357.
Даурія, 781, 783, 784, 804.
Даурскія горы, 784.
Даурскія степи, 783.
Даусъ-Алинь, горы, 786
Девдораки, ледникъ, 67, 68
Де-Кастри, бухта, 795, 798, 818
Делижанъ, городъ, 244.
Демавендъ, вулканъ, 7.
Денау, городъ, 454.
Денгизъ-тау, гора, 322, 323.
Денгли-Тепе, крѣпость, 449.
Дербентъ, городъ, 138—140, 459
Дерегезъ-атокъ, деревня, 372.
Деуденъ, рѣка, 361
Джабеши, деревня, 141.
Джабе-Шеви, долина, 152.
Джанрскій проходъ, 323.
Джалабадъ, мин. воды, 494
Джаланашъ, плоскогорье, 304, 319.
Джаланашъ-Куль, озеро, 324
Джаркендъ, городъ, 515.
Джвари, селеніе, 161, 164.
Джеремъ, городъ, 430.
Джизакъ, городъ, 491, 518.
Джирузи (Корысъ), мѣст., 249
Джорданъ (Гирканіаполисъ), городъ, 481.
Джулатъ, городъ, 123, 288.
Джульфа, городъ, 247, 248.
Джуманъ-тау, гора, 78.
Джунгарскій бассейнъ, 11.
Джунъ-Булакъ, рѣка, 695.
Дзеа-Кохъ, гора, 104.
Дзирула, рѣка, 159.
Диклосъ-Мта, гора, 126.
Диксонова гавань, 672.
Дири-дагъ, гора, 227
Дихъ-тау, гора, 56, 104.
Діоскуріасъ, гавань, 74.
Донское, село, 103.
Дора, проломъ, 427.
Дундинка, пристань, 691.
Дура и-Зинданъ, ущелье, 436.
Душамбе, городъ, 454.
Душъ-Качанъ, городъ, 719.
Дуэ, портъ, 825.

Е

Егорлыкъ, рѣка, 102, 103.
Ейскъ, городъ, 100, 103.
Екатеринбургъ, городъ, 653-655, 663.
Екатеринодаръ, городъ, 100, 103, 123.
Елисаветполь, городъ, 64, 197, 207, 208, 212.
Елугуй, рѣка, 668.
Енисей, рѣка, 16, 543, 544, 551, 554, 663-691.
Енисейскій заливъ, 691.
Енисейскъ, городъ, 688, 691.
Ергикъ-Таргакъ-Тайга, хребетъ. 665, 686, 692, 693.
Ермоловскій камень, 66.
Ехой, озеро, 693.

Ж

Желѣзинская станица, 623.
Желѣзноводскъ, городъ, 117.
Жиганскъ, городъ, 747.
Жилапути (Змѣиное ущелье), 491.
Жонкьеръ, бухта, 825.
Жупановская сопка, 752.

З

Заалайскій хребетъ, 290, 352.
Забайкальская область, 568, 718, 723, 779, 834.
Завитая, рѣка, 814.
Зайсанъ, городъ, 657.
Зайсанъ, озеро, 321, 615—617.
Закавказье, 54, 64, 95, 140, 147, 148, 149, 155, 159, 197, 225.
Закаспійская область, 528.
Закаталы, городъ, 209.
Занга, рѣка, 243.
Зангезуръ, округъ, 249.
Западная Сибирь, 659, 846, 848
Западный Кавказъ, 64, 77 103.
Зарявшанскій ледникъ, 352.
Зарявшанскій хребетъ, 290.
Зарявшанъ, рѣка, 352, 353, 482.
Заука, проходъ, 319, 340.
Зеленчукъ, рѣка, 61.
Зенги-ата, городокъ, 505.
Зея, рѣка, 540, 792.
Зикари, хребетъ, 104.
Зилла-Кохъ, гора, 104
Зіяуэддинъ, городъ, 467.
Змѣиная гора, 608, 609.
Змѣиногорскъ, городъ, 608, 609, 610, 613.
Змѣиное ущелье, 491.
Золотарскія горы, 610.
Золотой Рогъ, 799, 816.
Зугдиди, городъ, 150, 157.
Зунгари, рѣка, 16.
Зыряновскіе рудники, 610.
Зыряновскъ, городъ, 609, 610, 613
Зюгдиди, селеніе, 161.

И

Ивановская станица, 103.
Ивановская Бѣлка, гора, 610.
Идокопасъ, гора, 78
Икисураси (Междурѣчье), 342.
Или, рѣка, 328, 330, 516, 517.
Илійскъ, городъ, 515.
Илимша, рѣка, 671.
Ильинская станица, 103.
Имень (Чурта) рѣка, 331.
Имеретія, 140, 142, 143, 156.
Императорскій портъ, 815.
Ингода, рѣка, 812.
Ингуръ, рѣка, 140, 141, 149.
Индаръ-абъ, рѣка, 433.
Индигирка, рѣка, 733.
Индъ, рѣка, 3, 19.
Индухъ, деревня, 127.
Иравади, рѣка, 19.
Иракъ, проходъ, 435.
Иранъ, плоскогорье, 3.
Ирбитскій заводъ, 652.
Ирбитъ, городъ, 651, 652, 663.
Иргизъ, городъ, 511.
Иргизъ, рѣка, 345.
Иренъ-Хабирганъ, горы, 301, 302.
Ирикъ, ледникъ, 68.
Иркутскъ, городъ, 696, 719, 720, 721, 723.
Иркутъ, 693, 694, 695.
Иртышъ, рѣка, 614-619, 623, 624, 627, 629.
Иръ-ташъ, ледникъ, 340.
Исетскіе заводы, 653
Искурія, деревня, 97.
Исфайрамъ, перевалъ, 286, 291.
Исфаръ, городъ, 499, 500
Исыкъ-Куль, озеро. 270, 306—309, 319.
Ишимская степь, 657.
Ишимъ, городъ, 657, 663.
Ишимъ, рѣка, 623, 624, 656, 657.
Ишкашимъ, мѣст., 424, 451.
Ишкли, гора, 224.

І

Іора, рѣка, 167, 168.

К

Кабарда, страна, 69, 103, 109, 110, 111, 123.
Каваръ, село, 244.
Кавказскія горы, 53—63, 104.
Кавказъ, 51—267.
Кавукъ, проходъ, 291.
Кагызманъ, городъ, 240, 248.
Казалинскъ, городъ, 508, 518.
Казанголъ-дагъ, гора, 224.
Казанитъ, мѣст., 137
Казанищи, городъ, 140.
Казбекъ (Мкинвари, Урсъ-Кохъ), гора, 56, 59, 104.
Казиль-гійдукъ, городъ, 167.
Казиль-дагъ, гора, 215.
Казыкъ-уртъ, гора, 317.
Каинскъ, городъ, 659, 663, 690, 691.
Кайдакъ (Кара-су), 221.
Кайтаго-Табасеранъ, округъ, 135.
Кала-ата (Георгіевскій фортъ), 468.
Калаусъ, рѣка, 105.

...ръ, рѣка, 615.
...овъ (Караганъ), ледникъ,
...
...-Дабанъ, гора, 541, 707.
...тка, полуостровъ, 542, 747—
756—761.
...тка, рѣка, 753.
...атскія горы, 542.
...шловъ, городъ, 663.
...ылъ-ташъ, горы, 306.
...ы, перевалъ, 167.
...кій округъ, 689.
...скъ, городъ, 690.
...тагай, проходъ, 319.
...итанъ, гора, 785, 787.
...тагай, гора, 733.
...пуджикъ, гора, 224.
...пчегайское ущелье, 341.
...ара-адыръ, горы, 321.
...арабага, степь, 224.
...арабагскія горы, 227.
...арабагъ, страна, 171, 224.
Кара-бель, проходъ, 319.
Кара-богазъ, заливъ, 378—380.
Кара-бура, гора, 320.
Караганъ (см. Кальчидонъ).
Кара-дагъ, городъ, 374.
Кара-Дарья (Черная), рѣка, 341, 342, 493, 494.
Кара-дыръ, горы, 321.
Карайяза, степь, 170.
Кара-Казыкъ, проходъ, 291.
Кара-Кала, крѣпость, 242.
Каракентскія угольныя копи, 100
Кара-Коль, городъ, 514
Кара-Коль, горы, 312, 322.
Каракорумъ, горная цѣпь, 3, 8.
Кара-Коталъ, проходъ, 435.
Кара-Кубань, рѣка, 81.
Кара-Куль, городъ, 467, 518.
Кара-Куль, озеро, 284, 285, 312
Кара-Кумъ (Черные пески), 334, 335, 371.
Кара-сай, рѣка, 340
Кара-су (Кайдакъ), заливъ, 514.
Кара-су, рѣка, 221.
Каратагъ, городъ, 454.
Караталъ, рѣка, 328, 329, 331.
Кара-тау, гора, 288, 295, 317, 320, 343.
Каратегинъ, область, 450, 452, 453.
Кара-теке, горы, 312.
Кара-уэякъ, рѣка, 347.
Караче-тау, горный хребетъ, 288.
Карашаръ, озеро, 299, 300.
Каргашъ, рѣка, 623.
Карійскіе прінски, 813.
Карикджи, крѣпость, 460.
Каркаралинскъ, городъ, 657.
Карсъ, городъ, 240, 241, 248.
Карсъ-чай, долина, 241.
Карталинія, область, 69.
Карталинская равнина, 199.
Карчъ-Шаль, горы, 144.
Карши, городъ, 459.
Каспій, 379, 380—382.
Каспійское море, 126, 127, 376, 377, 378, 380
Кассанъ, городъ, 493, 500.
Катты-Курганъ, городъ, 482
Катунскія колонны, горы, 592.
Катунъ, горы, 299, 319.
Катунь, рѣка, 592, 593, 603, 624.
Катъ, городъ, 358.
Качакъ, проходъ, 433.
...ора, 286, 291.
Кафирнаханъ, рѣка, 453—455.
Кахетія, страна, 70, 183, 184.
Качалъ-дагъ, гора, 224.
Качинская степь, 667.
Качка, рѣка, 428, 429, 430.
Качу, гора, 126.
Качуга, деревня, 725, 726.
Кашка, рѣка, 455, 456—458.
Кашканаръ, гора, 648.
Кашкаръ, рѣка, 316.
Кашъ, рѣка, 299.
Квирила, рѣка, 142, 143, 159, 160.
Кегенъ, рѣка, 303, 304
Кедобекъ, заводъ, 206, 207.
Келатъ-атокъ, деревня, 372.
Кемчикъ, рѣка, 665.
Керечи-дагъ, гора, 214.
Керке, крѣпость, 460.
Керминехъ, городъ, 467.
Керуленъ, рѣка, 788.
Кеть, рѣка, 625—627.
Кешъ, деревня, 456.
Кизи, озеро, 795, 796.
Кизляръ, городъ, 124.
Кизылъ-Агачъ, заливъ, 175, 257.
Кизылъ-Аланъ (Красная стѣна), 375.
Кизылъ-Арватъ, городъ, 450.
Кизылъ-Артъ, проходъ, 285.
Кизылъ-Кайя, гора, 126.
Кизылъ-Кумъ (Красные пески), степь, 334.
Кизылъ-су (Сургабъ), рѣка, 287, 452, 454
Кизабаръ-Панджа, городъ, 452.
Килифъ, городъ, 460.
Киммерійское ущелье, 51.
Кингамъ, плоскогорье, 16
Кинзыракъ, мѣст., 249.
Киренскъ, городъ, 746, 747.
Кирики, вулканъ, 178.
Киселякъ, мысъ, 733.
Кисловодскъ, м. 118.
Китабъ, городъ, 455, 456.
Китай, рѣка, 708.
Кичисурханъ, рѣка, 452.
Кичкинаколь, ледникъ, 68.
Кишмъ, гора, 431.
Ключевская сопка, 751, 752.
Коби, деревня, 120.
Кобдо, плоскогорье, 592.
Когартъ-тау, горы, 312, 319.
Когистанъ, городъ, 489.
Когъ-артъ, проходъ, 286.
Коджоръ, перевалъ, 167.
Коджоры, городъ, 205.
Кодоръ, рѣка, 78
Койретынъ-дагъ, городъ, 167.
Койсу, рѣка, 126.
Коканъ, городъ, 320, 496—500.
Кокбекты, городъ, 657.
Кокпела, рѣка, 630.
Кокча, рѣка, 428, 429, 430.
Кокъ-су, рѣка, 329, 380, 592.
Кокъ-тепе, горы, 309.
Кокъ-шаль, горы, 311.
Колотъ, деревня, 70.
Колхида, 51.
Колыванскій заводъ, 610.
Колывань, городъ, 611, 661, 663.
Колывань, рѣка, 611.
Колыма, рѣка, 732, 733.
Командорскій архипелагъ, 754, 763.
Кональ, городъ, 513, 518.
Копетъ-дагъ, горы, 372, 374.
Коргонъ, плос...
Корея, полуостровъ, 24, 5...
Корилдашъ, горы, 141.
Корсаковъ, постъ, 826.
Коряковская сопка, 751, 7...
Косоголъ (Косіо), озеро, 6...
Котельный островъ, 733.
Котонъ-Карагай (см. Ал... станица).
Кохъ-и-амбара, 438.
Кочка, деревня, 621.
Кошети, перевалъ, 297, 3...
Коштанъ-тау, гора, 56, 57.
Красная стѣна, 376.
Красноводскъ, городъ, 47...
Краснополяна, село, 103.
Красноярскъ, городъ, 68... 691.
Красныя горы, 59.
Крестовая гора, 104.
Крестовая сопка, 752.
Крестовое село, 655.
Кроноцкая сопка, 752.
Крызъ, городъ, 140.
Ктеузъ-палъ (Ла Марти... пикъ, 819.
Куба, городъ, 139, 140.
Кубань, рѣка, 61, 80, 81,...
Кубергенты, горы, 311.
Кугульта, ст., 103.
Куда, рѣка, 708.
Куда-ко, нефтяная долина
Кузнецкія горы (Ала-та... 594.
Кузнецкъ, городъ, 611, 6...
Куку-Оба (Синій холмъ),...
Кукча, озеро, 345.
Кудабъ, м. 452.
Кулали, островъ, 382.
Кулахи, мѣст., 160, 164.
Култукъ, городъ, 719.
Кульджа, городъ, 319.
Кульпъ, гора, 215, 216.
Кума, рѣка, 105, 106.
Кумани, островъ, 178.
Куманы, 195.
Кумскій Прораванъ, 106.
Кунгей Ала-тау, гора, ...
Кунгесъ, рѣка, 328.
Кунградское озеро, 346...
Кундузъ, городъ, 436, ...
Кундузъ (Сургабъ), рѣ... 439.
Кура, рѣка, 61, 165—...
Курганъ, городъ, 655,...
Курганъ-Тюбе, город...
Курейка, рѣка, 668.
Курскій, каналъ, 10...
Курта, деревня, 70.
Курушъ, деревня, 72...
Курчумъ, рѣка, 611...
Курянъ-дагъ, гора,...
Курянынъ-кара, го...
Кусунай, портъ, ... 826.
Кутаисъ, городъ, ...
Кутемальда, руче...
Кучъ, полуостров...
Кяхта, городъ, 5...

Лаба, рѣка, 61.
Лагаръ-аулъ, го...
Лагичъ, городъ...
Ладовская бал...

Ладовская станица, 100, 103.
Лазистанъ, 140
Лазурдъ, округъ, 428.
Лакедивскій архипелагъ, 10.
Лакманъ, городъ, 454.
Ла-Мартиньеръ, пикъ, 819.
Ламахули, деревня, 152
Латтабандъ, проходъ, 437.
Лача, деревня, 177.
Ледовитый океанъ, 549, 550, 551, 664, 678, 723—726.
Ледяной мысъ, 731.
Лена, рѣка, 16, 543, 544, 551, 554, 725—732, 736.
Ленкоранъ, городъ, 175, 211.
Лепса, рѣка, 329, 331.
Лепсинскій проходъ, 302.
Лепсинскъ, городъ, 513.
Лиственичная деревня, 719.
Лиственичный островъ, 728.
Ліахва, рѣка, 200.
Лозы, островъ, 178.
Локтевскій заводъ, 610, 613.
Лонгъ, гора, 736.
Луковыя горы, 6.
Лучезарная гора, 4.

М.

Мадьяръ, городъ, 119.
Мазаръ-и-Шерифъ, городъ, 441.
Мазуранъ, городъ, 481, 482.
Майкопъ, городъ, 100, 103.
Маймачинъ, городъ, 716, 717.
Макачинга, гора, 748.
Маковское село, 626.
Маладивскій архипелагъ, 10.
Малка, рѣка, 107.
Малый Балханъ, горы, 372, 374.
Малый Кебинъ, рѣка, 306.
Малый Хинганъ, гора, 542, 786.
Малая Обь, рѣка, 627, 628.
Мамисонское ущелье, 57.
Мамисонъ, гора, 104.
Мамія-Ринцо, проливъ, 823.
Мангазея, село, 663
Манглисъ, урочище, 206.
Мангышлакъ, полуостровъ, 377.
Манракъ, гора, 321, 323.
Манчжурія (Русская), 799, 800.
Манчжурская Кульджа, городъ, 515.
Манчжурскія горы, 542, 786.
Мануэ, городъ, 826.
Манычъ, рѣка, 57, 62, 102, 103, 106, 107.
Маргиланъ, городъ, 495, 496, 800.
Маріинскій каналъ, 169.
Маріинскъ, городъ, 662, 663, 815
Марка-куль, озеро, 615.
Марухъ, гора, 78.
Маука, бухта, 826
Махмудъ-чаласи, озеро, 172.
Махрамъ, городъ, 499.
Маштаги, деревня, 211, 212.
Машукъ, гора, 117.
Мая, рѣка, 732.
Мгквари (Кура), рѣка, 165.
Медвѣжье село, 103.
Медвѣжьи острова, 733.
Меджуда, 200.
Меймене, городъ, 442, 443, 444.
Меймене, рѣка, 442.
Меконгъ, рѣка, 19.
Мельчиги, ручей, 107.
Мервскій Мургабъ, рѣка, 353.
Мервъ, край и городъ, 444—449, 463.
Мерке, ручьи, 304.
Мертвый заливъ, 380, 381.
Мескъ, горы, 63, 140, 199.
Месторіанъ (Маздуранъ), городъ, 481, 482.
Мзымта, рѣка, 78.
Мингрелія, 69, 140, 143, 148—150, 155.
Минусинскія степи, 672
Минусинскъ, городъ, 685 — 687, 691.
Минъ-Джильке, гора, 320.
Михайло-Семеновская станица, 814
Міанкальскій округъ, 467.
Мія, городъ, 454.
Мозлокъ, городъ, 123, 124.
Монголія, 566, 584.
Монъ-Пердю, пикъ, 320
Муганъ, степь, 171, 173, 174, 176
Мужалъ, община, 141.
Музартъ, ледникъ, 309
Музартъ-тау, гора, 309, 310, 319
Музъ-тау, гора, 320, 321, 323.
Мукъ-су, рѣка, 289.
Мунку-Сардыкъ, горы, 692—694.
Муравьевскій постъ, 826.
Мургабъ (см. Акъ-су), рѣка.
Муюнъ-Кумъ, степь, 332.
Мцхетъ, городъ, 181, 200—203.
Мычишъ, рѣка, 79.

Н.

Нагебо, гора, 144.
Накералъ, гора, 160.
Намангланъ, городъ, 492, 493, 500.
Нарать, гора, 301, 319, 328.
Наргинъ, о-въ, 177
Нарзанъ, источникъ 117.
Нарымъ, городъ, 662, 663.
Нарынское укрѣпленіе, 319.
Нарынъ, рѣка, 315, 319, 341.
Наукатъ, городъ, 495, 500.
Нахаръ, гора, 78.
Нахичевань, городъ, 246, 247, 249.
Находка, портъ, 799.
Невьянскій заводъ, 647—649, 663.
Невьянскъ, городъ, 663.
Нейва, рѣка, 648.
Ненисъ-Икаро, гора, 144.
Неронія, городъ, 244.
Нерчинскій заводъ, 568, 817.
Нерчинскъ, городъ, 812, 813, 817.
Нету, пикъ, 320.
Нибъ-Кумбъ, городъ, 452.
Нижне-Колымскъ, городъ, 747.
Нижне-Тагильскій заводъ, 647, 663.
Нижнеудинскъ, городъ, 722, 723.
Нижняя Тунгузка, рѣка, 668.
Николаевская станица, 100.
Николаевскъ, городъ, 815.
Николая, гора, 319
Нимъ-Марданъ, городъ, 481.
Нисса, городъ, 450.
Ница, рѣка, 651, 652.
Новая Земля, 551.
Новая Кульджа, городъ, 515.
Новая Сибирь, 551, 735.
Новобаязетъ, городъ, 244, 249.
Ново-Георгіевское село, 103.
Ново-Дмитріевское село, 103.
Ново-Михайловская станица, 103.
Ново-Покровская станица, 103.
Новороссійскъ (Суджукъ) городъ, 98, 100
Ново-Селенгинскъ, городъ. (См Селенгинскъ).
Ново-Троицкая станица, 103.
Номинъ-минганъ-гоби, пустыня, 298.
Нуамъ-Куамъ, гора, 141.
Нуку-Дабанъ, 693.
Нукусъ, фортъ, 355, 357, 509.
Нура-тау, гора, 288, 295.
Нусканъ, проломъ, 427.
Нуха, городъ, 209, 210, 212.
Нянь-Шань, хребетъ, 303.

О.

Обдорскъ, селеніе, 662, 663.
Обская губа, 627.
Обь, рѣка, 16, 543, 544, 551, 553, 554, 613—663.
Огурчинскій островъ, 382.
Ой-Куль (Газъ-Куль), озеро, 351.
Ока (Сибирская), рѣка, 693
Оксусъ (см. Аму-Дарья), рѣка.
Олекма, рѣка, 727, 731.
Олекминскъ, городъ, 746, 747.
Оленекъ, рѣка, 543, 724, 725.
Олти, городъ, 164.
Ольги Св., заливъ, 798, 815.
Ольхонскій островъ, 696.
Омскъ, городъ, 658.
Омь, рѣка, 621.
Они, городъ, 160.
Ононъ, рѣка, 790.
Ордубатъ, рѣка, 227, 248, 249.
Оронъ, озеро, 727.
Орпири село, 143, 160.
Осетія, 70.
Османъ-дагъ, вулканъ, 178.
Отказное село, 119, 124.
Охотское море, 17, 542.
Охотскъ, городъ 811. 812, 817.
Оштенъ, гора, 78
Ошъ, городъ, 494, 500.

П.

Павлодаръ, городъ, 658.
Пакаранъ, городъ, 242.
Палагай (св. Островъ), 178.
Палеостомъ, озеро, 142.
Памбакъ, гора, 221.
Памиръ, плоскогорье, 3, 276—284, 286, 323.
Пангасъ, городъ, 518.
Панджа, рѣка, 420, 427.
Пассисъ-Мта, горы, 62, 142.
Пассисъ-Мта, сѣверный ледникъ, 68, южный ледникъ 68.
Пашковская станица, 103.
Пелымъ, городъ, 648
Пенджакентъ, городъ, 482.
Пенжинскъ, городъ, 812
Передняя Азія, 20.
Первый островъ (Ближній), 733.
Перли-дагъ, гора, 215.
Перовскій фортъ, 508, 518
Пестрое озеро, 324, 325.
Песчаноокопская станица, 103.
Петра Великаго заливъ, 799, 807.
Петро-Александровскъ, фортъ, 509.
Петровская станица, 103.
Петровскъ, городъ, 137, 138.

дникъ, 340.
овскъ, городъ, 656, 657.
вулканъ, 8.
мѣстечко, 97.
рѣка, 79.
, заливъ, 798.
ная Тунгузка, рѣка, 668.
, рѣка, 820.
, рѣка, 198.
кое село, 719.
, заливъ, 799.
ородъ, 148, 160, 162, 163.
вейская станица, 119, 124.
кавказье, 63, 103.
урская область (См. Амур-
край).
рская область, 809.
ка, рѣка, 81.
ско. гора, 78.
анъ Су, ледникъ, 68
нтъ, городъ, 518.
ув, гора, 79.
тыня, островъ, 736.
ина, область, 724.
тигорскъ, городъ, 117, 118, 124.

Р.

амазанъ, городъ, 198.
ани, горы, 223.
атта, страна, 142, 149, 154, 155.
егаръ, городъ, 432.
едутъ-Кале, городъ, 148, 160–162.
Риддерскій рудникъ, 610, 613.
Риннъ, солончакъ, 20.
Ріонъ (Фазисъ), рѣка, 140–144, 149, 159.
Роки, хребетъ, 121, 122.
Ромишанъ, округъ, 464.
Рошанъ, государство, 450, 451.
Рустакъ, городъ, 432.

С.

Саваланъ, вулканъ, 176, 218.
Сагатль, гора, 144.
Садонъ, рудникъ, 120.
Сайрамъ, озеро, 302, 319.
Салаиръ, городъ, 610, 613.
Салуенъ, рѣка, 19.
Сальяны, городъ, 211, 212.
Самаркандъ, городъ, 482—489.
Самаркандъ, край, 460.
Самарова, деревня, 660
Самсаръ, вулканъ, 166, 167, 214.
Самурзаканъ, 98.
Самуръ, рѣка, 127.
Сангаро, гора, 78.
Сандалъ, горы, 289, 291.
Сандато, село, 103.
Санташъ, озеро, 303, 319.
Санташъ, проходъ, 303–305.
Сарапанесъ, городъ, 143.
Сарахсъ, городъ, 449.
Сари, островъ, 175.
Сари-Дагъ, гора, 126.
Сариколь, долина 283.
Сарипулъ, городъ, 441, 444.
Сари-Чуй, городъ, 454.
Сарканъ, рѣка, 329.
Сартламъ, озеро, 622.
Сархадъ, рѣка, 351, 451, 453.
Сары-Джассы, рѣка, 310.
Сары-Камышъ, озеро, 362, 370.
Сары-Камышъ, рѣка, 361.
Сары-Куль, озеро, 350.
Сары-Су, рѣка, 344.
Сассыкъ-Куль, озеро, 323–325, 327, 331, 514.
Сатледжъ, рѣка, 19.
Саумаль-Куль, болото, 344.
Сауръ, гора, 320, 321.
Саусаръ-тау, гора, 288.
Сахалинскія горы, 819.
Сахалинъ, островъ, 817–827.
Саянскія, горы, 590, 592, 599, 611, 694, 695.
Сванетія, 147, 149–152.
Святое море, 699–701, 704–706, 788.
Святой, мысъ, 696, 699, 702.
Севанъ, монастырь, 223.
Селенга, рѣка, 663, 664, 692, 699–701.
Селенгинскъ, городъ, 717, 723.
Сель-су, долина, 290.
Семенова, гора (см. Гамышъ).
Семеновская, колонія, 244.
Семипалатинскъ, городъ, 657, 658.
Семирѣченскій край, 329, 514.
Семирѣчье, 514, 518.
Сергіополь, городъ, 514.
Сердце-Камень, мысъ, 748, 754.
Серебряковская, пристань, 106.
Серебряная, гора, 692.
Сери-Объ-Норъ, озеро, 303.
Сибирь, край, 529–563, 589.
Сибирь (Искеръ), городъ, 531.
Сигнахъ, городъ, 209, 212.
Синее, озеро, (Гекъ-Гель), 208.
Ситирти, проходъ, 319.
Сихота-Алинь, горы, 542, 786, 787, 794, 795, 801, 819.
Соганлы-дагъ, гора, 214.
Согдіанъ, городъ, 482.
Соглыкъ, городъ, 207.
Сомхетъ, гора, 221.
Сонъ-Куль, озеро, 316, 319
Софійскъ, городъ, 815.
Сохондо, горы, 781, 782, 787.
Сохъ, городъ, 499.
Сохъ, рѣка, 496.
Сочи, городъ, 64.
Средне-Егорлыкское, село, 103.
Средне-Колымскъ, городъ, 747.
Срѣтенское, село, 812, 813.
Ставрополь, городъ, 102, 103.
Становой хребетъ, 542, 748, 778–787.
Старая Кульджа, городъ, 515, 516, 518.
Старкъ, бухта, 798.
Старо-Егорлыкское, село, 103.
Старо-Минская, станица, 103.
Старо-Щербиновская, станица, 103.
Степанъ-Цминда, ледникъ, 68.
Сузунскій, заводъ, 608, 613.
Суйдунъ, городъ, 515, 518.
Суйокскій, перевалъ, 590, 607, 612.
Суйокъ, гора, 312, 319.
Суйфунъ, рѣка, 786
Суксунскій, заводъ, 608.
Сулакъ, рѣка, 128.
Сунгари, рѣка, 792, 793, 794.
Сундуса, рѣка, 107.
Сурамскій, перевалъ, 140.
Сурамъ, гора, 63.
Сурамъ, городъ, 199.
Суранъ, городъ, 507, 508.
Сураханы, деревня, 352, 3
Сургъ-абъ, рѣка, 287, 352, 3
Сургутъ, городъ, 662, 663.
Сурковыя, горы, 320, 321.
Сусыкъ-Куль, озеро, 284.
Сухумъ-Кале, портъ, 97.
Сучанъ, рѣка, 799.
Сымъ, рѣка, 626.
Сыртъ, гора, 319.
Сыръ-Дарья, рѣка, 340, 3
348.

Т.

Тагарма, гора, 281, 282.
Ташль, рѣка, 648.
Тазовка, деревня, 663.
Тазъ, рѣка, 629.
Таймуръ, полуостровъ, 573.
Таймуръ, рѣка, 671.
Таласъ, рѣка, 344.
Таласъ-тау, горы, 316, 317, 3
Талгаръ, гора, 319.
Талиханъ, городъ, 436.
Талки, горы, 301–303, 319.
Талы, пригородъ, 209, 212.
Талышъ, городъ, 242.
Тамань, деревня, 98
Тамань, полуостровъ, 55, 82, 8
Танаисъ, рѣка, 51.
Танну-ола, гора, 592.
Тара, городъ, 659, 663.
Тарбагатай, горы, 320–324.
Тарей, озеро, 783.
Таримъ, рѣка, 3
Тарки, городъ, 137, 140.
Тасеевское, село, 685.
Тасъ-тау, гора, 321, 323.
Татарія, равнина, 3, 453.
Татарскій заливъ, 818, 823.
Татарскій проливъ, 787, 818
Татаръ-путь, городъ, 123.
Тахтакуватъ, городъ, 454.
Тахъ-и-Сулеймавъ, городъ, 43
Ташкентъ, городъ, 320, 502
518.
Ташъ-Курганъ, селеніе, 45
Ташъ-робатъ, проходъ, 31
319.
Тебулосъ-Мта, гора, 125.
Текели-дагъ, гора, 215.
Текесъ, рѣка, 303.
Телавъ, городъ, 209, 212
Телецкое озеро, 592, 593
Темиргоевская, станица
Темиръ-Ханъ-Шура, го
140.
Темрюкское, озеро, 83.
Темрюкъ, городъ, 103.
Темрюкъ, островокъ, 8
Тентекскій, перевалъ,
Тенътякъ-соръ, болото
Тепли, горы, 104.
Терай, холмъ, 4.
Терекъ, рѣка, 58. 10
Терекъ-даванъ, прохо
Термезъ, городъ, 45
Терпѣнія, заливъ, 8
Терскей Ала-тау, го
Терской ледникъ, 6
Терсъ-агаръ, прохо
Терсъ-Айрыкъ, до
Тертеръ, рѣка, 20
Тетнульдъ, ледник
Тибетъ, плоскогор
Тигильская, дере

Титъ-Ари, островъ (см. Лиственичный).
Тифлисъ, городъ, 203—206, 212.
Тіара пикъ, 819, 820.
Тквибула, каменноуг. копи, 160.
Тмутаракань, мѣст. 95.
Тобой, рѣка, 796.
Тоболь, рѣка, 624.
Тобольскъ, городъ, 568, 659, 660, 663.
Токмакъ, городъ, 512.
Токранъ, рѣка, 327.
Томскъ, городъ, 661, 663.
Торапованъ, озеро, 166
Тріалетскія, горы, 165, 166. 167.
Троицкосавскъ, городъ, 723
Троицкъ, городъ, 655, 663.
Труйбергъ, ледникъ, 141, 147.
Туапсе, городъ, 98.
Тузъ-алтынъ-даръ, рѣка, 289.
Туматскій, рукавъ, 731.
Тунка, село, 719.
Тункинская долина, 694.
Тункинскіе гольцы, 694, 695.
Тура, рѣка, 624, 629.
Тургай, городъ, 528.
Тургай, рѣка, 344.
Тургень, городъ, 515.
Тургень, рѣка, 305
Туринскъ, городъ, 652, 663.
Турка, деревня, 719,
Туркестанъ, городъ, 518.
Туркестанъ (Русскій), край, 477—482, 492, 518 530.
Туртумъ, рѣка, 145.
Туругъ-артъ, перевалъ, 311, 312, 319.
Турханскъ, городъ, 663, 691.
Турфанскій заливъ, 298.
Тусь-Кане, болото, 343.
Тхванъ-дагъ, гора, 126.
Тымъ, рѣка, 626, 627, 820.
Тыръ, скала, 796, 797.
Тюкъ-Караганъ, мысъ, 379.
Тюленій, островъ, 824.
Тюмень, городъ, 652, 653, 663.
Тянь-Шань, горы, 292,—301, 306, 312, 316—319, 323.
Тянь-Шань-пелу, область, 298.

У.

Уамуръ, городъ, 451.
Уаханъ (см. Ваханъ).
Уба, рѣка, 610.
Угодай, деревня, 607.
Угусъ-басъ, гора, 315, 319.
Уда (Забайкальская) рѣка, 708.
Удинская степь, 568.
Удскій острогъ, городъ, 812.
Узбой, рѣка, 360—362, 370, 371.
Узгентъ, городъ, 493, 500.
Узъ-бель, проходъ, 285.
Уйонъ-Холдонги, вулканъ, 9.
Ула-Кемъ, рѣка, 665.
Улала, селеніе, 602.
Уланъ-Дабасъ, прюломъ, 591.
Улунгуръ, рѣка, 298, 614, 615, 629.
Улунгуръ, озеро, 298, 614.
Улухатъ, ледникъ, 68.
Улясутай, заливъ, 298.
Уманская, станица, 103.
Ура-тепе, гора, 288.
Ура-тепе, городъ, 501. 518.
Уралъ, горы, 645 647, 652, 653.
Ургенджская, рѣка, 360.
Ургенджскій заливъ, 360.
Ургенджъ, городъ, 475.
Ургутъ, городъ, 491.
Урмана, тундра, 661.
Урсунь, рѣка, 788.
Урумбашъ, гора, 312.
Урумча, проломъ, 8, 297, 298
Урусъ, селеніе, 491.
Урусъ-Мартанъ, мѣстечко, 124.
Урухъ-донъ, ледникъ, 68.
Уръ-Кошаръ, горы, 320.
Успенская станица, 103.
Уссури, рѣка, 575, 794, 795, 800, 801, 803.
Уссурійскій заливъ, 794.
Уссурійскій край, 795, 797, 802.
Усть-Каменогорскъ, городъ, 619, 657
Усть-Кяхта, городъ, 718, 723.
Усть-Лабинскъ, городъ, 100.
Усть-Уртъ, плоскогорье, 376, 377.
Устъ-Янскъ, городъ, 557.
Уфимскъ-цихе, городъ, 200.
Уцера, источникъ, 160.
Учъ-Курганъ, городъ, 492, 496.
Ушба, рѣка, 58
Ушкина сопка, городъ, 752.

Ф.

Файзабадъ, городъ, 430, 431, 454, 455.
Фазисъ (см. Ріонъ), рѣка.
Фергана, 341, 342, 492, 493, 494.
Ферганская область, 493, 495, 496, 499, 500.
Фишта (Оштенъ), гора, 78.
Фіагъ-донъ, рѣка, 107.
Форелевое озеро, 705.

Х.

Хабаровскъ, городъ, 814, 815, 817.
Хабаръ-ассу, проходъ, 322, 323.
Хаджи-Какъ, проходъ, 435.
Хаджу-Оба, городъ, 465
Хазратъ-имамъ, городъ, 438.
Хайларъ, рѣка, 788, 789.
Халангатъ, о въ, 728.
Хами, горы, 297.
Хани, рѣка, 142.
Ханка, озеро, 794, 795, 799.
Ханкай, озеро, 786, 794.
Ханъ-Тенгри, горы, 309, 310, 319, 340.
Хараулахскіе холмы, 732.
Хатанга, рѣка, 571, 724.
Хатангское, село, 724.
Хива, городъ, 463, 471—475.
Хивинскій край, 469 - 473, 477.
Химры (Гимры), крѣпость, 137.
Хинганъ (Большой и Малый), горы, 542, 782, 786—792.
Ходжа-багарганъ, рѣка, 500.
Ходжа Могаметъ, горы, 429.
Ходжейли, городъ, 476.
Ходжентъ, городъ, 500, 501, 518.
Хови, городъ, 160, 164.
Хоргосъ, городъ, 515.
Хотуръ-тау, горы, 288.
Хуа-Кемъ, рѣка, 665.
Худаферинскій мостъ, 229.
Хулымъ, городъ, 440.
Хулымъ, область, 439.
Хулымъ, рѣка, 439
Хулюсутай, городъ, 783.
Хунзакъ, городъ, 137.

Ц.

Цаленджиха, селеніе, 162, 164.
Це-донъ, ледникъ, 68.
Центральная Азія, 12.
Цинубани, источникъ, 199.
Цунгъ-Лингъ (Луковыя горы), 6.
Цхенисъ, рѣка, 141, 142, 150.

Ч.

Чабаръ-ассу, проходъ, 323.
Чабдара, гора, 391.
Чаганъ-обо, проходъ, 323.
Чаны, озеро, 622, 623.
Чарджуй, городъ, 460.
Чарынъ, рѣка, 304.
Чатыръ-Куль, озеро, 311, 319.
Чашки, горки, 694.
Челекень, островъ, 480.
Челябинскъ, городъ, 655, 663.
Черекъ, ледникъ. 68,
Черныя горы, 28, 126.
Чехатай, горы, 144.
Чечня, область, 128
Чибрскій перевалъ, 434.
Чикишляръ, городъ, 480.
Чикой, рѣка, 718.
Чилдиръ-дагъ, 214.
Чиликъ, рѣка, 304, 305.
Чимбай, мѣстечко, 509, 518.
Чимкентъ, городъ, 506, 507, 518.
Чингилъ, гора, 215.
Чита, городъ, 812, 817.
Чичикли, гора, 312.
Чорухъ, рѣка, 144—146.
Чоткалъ, горы, 316.
Чу, рѣка, 305—307, 332, 344.
Чугучакъ, городъ, 322.
Чукотскій носъ, 748
Чулымъ, рѣка, 626.
Чулышманъ, рѣка, 592.
Чуна, рѣка, 709.
Чурту, рѣка, 331.
Чустъ, городъ, 493, 500.

Ш.

Шабинъ-дабахъ, горы, 592.
Шагосъ, островъ 10
Шагъ-дагъ, гора, 68, 126.
Шадринскъ, городъ, 655, 663.
Шалбузъ-дагъ, гора, 126.
Шаликъ-тау, горы, 309.
Шамавскій носъ, 697.
Шамо, бассейнъ, 11
Шамси, проливъ, 316, 320.
Шамхоръ, колонна, 206.
Шамхоръ, рѣка, 206, 207.
Шантарскій архипелагъ, 797.
Шанъ-Тунгъ, полуостровъ, 11.
Шарапанъ, деревня, 159.
Шариханъ, городъ, 495, 500.
Шарташъ, озеро, 655.
Шатъ-эль-Арабъ, рѣка, 20.
Шахъ-эль-Марданъ, городъ, 496.
Шевелючъ, сопка, 752.
Шельвели, горы, 289, 291.
Шемаха, городъ, 176, 177, 210.
Шенъ-Зи, провинція, 11.
Шерра, Понджа, 21.
Шехаръ-и-Себсъ, городъ, 455—459.

Шибирханъ, городъ, 441, 444.
Шилка, рѣка, 790, 791.
Шингонъ, государство, 450, 451.
Ширабадъ, городъ, 454.
Ширабадъ-Дарья, рѣка, 453.
Ширванъ, страна, 176.
Ширикумъ, степь, 171.
Шиховъ, мысъ, 178.
Шуша, городъ, 208, 209, 212.

Щ.

Щекъ, тѣснина, 726.
Щуровскаго, ледникъ, 288, 291.

Э.

Эби-норъ, озеро, 327.
Эльбрусъ, гора, 7, 56, 59, 104, 218.
Эмиль, рѣка, 331.
Эмлекли, городъ, 167.
Энгіунджъ, рѣка, 361.
Эривань, городъ, 217, 227, 228, 243, 244, 249.
Эски-Ташкандъ, городъ, 501.
Эски-Чинаръ, городъ, 501
Эссентуки, деревня, 117, 118.
Этекъ-майданскій, перевалъ, 221.
Эчміадзинскій монастырь, 213, 217, 242, 243.

Ю.

Юганъ, рѣка, 661.
Юлдусъ Большой, гора, 299, 300, 319.
Юлдусъ Малый, гора, 299, 300, 319.
Юрчи, городъ, 454.

Я.

Яблоновый хребетъ, 781, 782.
Язева, рѣка, 626.
Яксартъ, рѣка, 343, 348.
Якутскъ, городъ, 567, 745--747
Ялуторовскъ, городъ, 656, 663.
Ялъ-бузъ (Эльбрусъ), гора, 114
Яманъ-су, рѣка, 344.
Яна, рѣка, 543.
Янъ-су, рѣка, 344
Яны-Дарья, рѣка, 345, 346.
Яны-Кендъ, городъ, 510.
Яны-Курганъ, городъ, 501.
Яны-Чиназъ, городъ, 501.
Японское море, 819.
Яссы-тау, гора, 312.

Ѳ.

Ѳаддеевскій островъ, 734.
Ѳанагорія, деревня, 99.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ седьмой.

Восточная Азія.—Китайская имперія.—Корея.—Японія.

А.

Абердинъ, городъ, 538, 543.
Абдала, деревня, 121.
Абрикосовый Тибетъ, 25.
Абукма, рѣка, 802.
Ава, королевство, 55.
Аваджи, островъ, 714, 739, 740, 824.
Авата, предмѣстье, 819.
Аво-сима, островъ, 726.
Аво-уму, 737.
Австралія, 20, 513, 571, 600, 612, 614, 617, 710, 855.
Адзма-яма, гора, 728, 737.
А-жэ-хэ, городъ, 256, 262, 272.
Азіятская Росссіи, 483.
Азэ, мѣстечко, 495.
Аичи, провинція, 891.
Айгунь, городъ, 240, 258, 259, 272.
Айдау-тойра, 727.
Айкава, городъ, 804, 826.
Айтси-кенъ, 817.
Аканъ, гора, 722.
Акаси, городъ, 824, 826.
Акита, городъ, 727, 755, 756, 772, 802, 825, 891, 892.
Акамага-сека, 826.
Акуне, 832.
Акъ-кумъ, 193.
Акъ-су-дарья, рѣка, 120.
Акъ-су, городъ, округъ, 132, 147, 148, 149, 150, 658.
Ала-куль, озеро, 174, 180.
Ала-шань, пустыня, 186, 200, 204, 388, 416, 657.
Алай, 139.
Аландъ, вулканъ, 720.
Ала-тау, 174, 175.
Албанія, 526, 718.
Алонская, мель, 538, 543.
Алкнанда, рѣка, 47.
Алтай китайскій, 177, 179, 187, 190.
Алтай-нуру, 110, 188.
Алтайскій хребетъ (горы) 1, 11, 131, 151, 174, 175. 176.
Алтынъ-тагъ, хребетъ, 115, 116, 123, 131.
Алтынъ-цицикъ, вершина, 188.
Альпы, 8, 62, 460, 659.
Альпы, Сы-чуани, 442, 444, 448.
Альты-шаръ, 111.
Амагасаки, 822.
Амазонка, рѣка, 499.
Амаки-санъ, гора, 734.
Аматате-баши, 824.
Амдо, 89.
Америка, 20, 22, 24, 88, 493, 551, 755, 857.
Аминь-канъ, рѣка, 676.
Амой, портъ, 287, 288, 297, 490, 508, 515, 516, 597, 614, 619.
Амойская бухта, 515.
Амойскій лиманъ, 506.
Амойскій портъ 516.
Аму-дарья, рѣка, 12, 20, 36, 132, 134.
Амуръ, рѣка, 19, 197, 235, 240, 242, 245, 247, 258, 481, 598, 612, 616, 878.
Анаватапта, 33.
Англія, 8, 21, 71, 74, 371, 427, 492, 513, 534, 537, 538, 548, 576, 597, 598, 599, 600, 603, 694, 699, 760, 853.
Андиджанъ, 135, 137.
Аннамъ, королевство, 544, 545, 548, 604, 612.
Ансута, 33.
Антильскіе острова, 539, 613, 747.
Анъ-чжю, городъ, 672.
Анъ-шуа, 474.
Анъ-и-сянь, городъ, 422.
Анъ-лу-фу, 654.
Анъ-нинъ-хэ, рѣка, 470.
Анъ-сп, 148, 169, 658.
Анъ-хай, гавань, 515.
Анъ-хой, портъ, 277, 349, 397, 428, 441, 464, 465, 487, 488, 505, 651.
Анъ-цинъ-фу, 487, 505, 652.
Анъ-цзи, 495, 654.
Анъ-цзэ, 63.
Аоморн (Авоморн), 726, 802, 825, 851, 891, 892
Аомп, 737.
Ао мынь (Макао), 538, 656.
Апеннины, 659.
Апеннинскій полуостровъ, 659.
Аравія, 127.
Аравійскій полуостровъ, 618.
Аральскій бассейнъ 126.
Аральское море, 120, 184.
Арандо, вулканъ, 720.
Арбусъ-ула, горы. 203, 204.
Аргунь, рѣка, 145, 193, 197, 235.
Арима, 823.
Арита, городъ, 828.
Арраканъ, 55.
Артуръ, портъ, 19, 267, 268.
Артушъ, село, 144.
Архимеда, островъ, 744.
Асакуса, 811.
Асама-яма, гора, 731, 739, 748.
Асивара, 820.
Асо-даке, гора, 741.
Асо-санъ, гора, 741, 742, 743.
Ассамъ, 31, 56, 57, 61, 63, 76, 89, 101, 103, 104, 548, 604.
Асъ-виндъ, рѣка, 204.
Атами, городъ, 816.
Атенце, 64,
Атлантическій океанъ. 2, 675, 751.
Атсуда, городъ, 817, 826.
А-тунъ-цзы, 556.
Аукландъ, гора, 670.
Аула-гора, 670.
Африка, 61, 711, 855, 860
Аши-поуми, озеро, 734.
Аынъ, портъ, 481.
Аяръ-норъ, озеро, 174, 177.
Аѳины, городъ, 620.

Б.

Баба-куль, озеро, 120, 123.
Ба-гоу, городъ, 234.
Бадайскій, перевалъ, 147.
Бадакшанъ, 144.
Ба-да-линъ, хребетъ, 374.
Бай, городъ, 147.
Байкальскія горы, 187.
Байкальское озеро, 227.
Бай-тоу-шань, гора, 241.

19, 350, 351 355,
373, 374, 375, 391,
484, 597.

о, 25, 174, 178.
35, 143
60, 548, 555, 559.
гора, 727, 737.
, 528.
, 363, 375, 376, 652.
, 391, 417, 652.
аркюль) 149, 171, 172.
658.
174.
ла, 27.
42, 466, 505.
я равнина, 443.
ородъ, 417.
амуръ, 36.
180.
33.
а, 185.
ингиръ, 188.
-су-су, 256, 272.
-ту, рѣка, 226.
-тунь, 262.
ь-хара, горы. 155, 164, 431,
435, 442.
гія, 379.
алія, 61, 605.
галъ-кій заливъ, 42, 55, 61,
53, 443.
ва, озеро, 732, 737, 738, 818,
319, 820, 823.
йскъ, городъ, 188.
инъ-и-шань, хребетъ, 517.
инь-чжоу, 272. 417, 654.
ирма (Бирманія), 61, 62, 89, 141,
501, 545, 547, 554, 555, 559, 612.
и-цзы-во, 258, 268.
ишбалыкъ, 172.
лаговѣщенскъ, городъ, 258.
огда-ола, 173.
огдо-ку ень, 227.
ога-норъ, озеро, 120.
огарашъ-куль, озеро, 120.
одунэ, городъ, 201, 262, 272.
одъ-юлъ, 26, 32, 75, 97, 103, 149,
444, 447, 506.
ольшой каналъ 377, 381, 382, 383,
399, 400, 4 1.
ольшой мостъ, 512.
ольшой Тибетъ, 26.
ольшихъ Курильскихъ островъ
проливъ, 718.
ольшой Лучеу, 872.
о-май-ху, озеро, 380.
омбей, 490.
онга, 88.
оннинъ-сима, острова, 712, 833,
834.
орнео, 528, 612, 876.
оро-хоро, 175, 176, 177.
останъ-норъ, озеро, 120.
осфоръ японскій, 826.
о-хуа-шань, 363, 367.
о-шань, городъ, 385, 387.
разилія, 376, 612.
рамапутра, 54, 55, 56, 59, 60
61, 64, 164, 547, 548.
ританскіе острова, 7.
ританская Америка. 612.
ританская Индія, 612.
тая Колумбія, 612.

Бугуту, 204.
Бугукъ-голъ, 160.
Бугуръ, городъ, 147.
Буддала, 99.
Буль-чо, озеро, 40.
Булунъ-тахой, 180.
Бунго, проливъ, 740.
Бурея, рѣка, 240
Бурханъ-будда, хребетъ, 153, 155.
Бутанъ, 25, 26, 35, 67, 76, 80, 96,
101, 104.
Бугха, городъ, 259.
Бухаинъ-голъ, 152, 153, 154.
Бухара, 111, 136.
Бу-чи-ао, гора, 391.
Буянту, 191.
Бѣлая гора, 736.
Бѣлыя горы, 242, 263.
Бѣлуха, гора, 188.
Бэй-гуань, 264.
Бэй-линъ, 418.
Бэй лу, 170.
Бэй-мынь-цзянъ, рѣка, 566.
Бэй-танъ, 237, 372, 376.
Бэй-туань-инь-цзы, 272.
Бэй-цзянь, 518, 519, 520, 524, 526,
531.
Бэй-шань-хэ, 350.
Бэй-шуй цзянъ, 432.
Бэй-юнь, горы, 518.

В.

Вагацма, рѣка. 731,
Вай чэнъ, 356.
Вакаматсъ, 803, 825.
Вакаса, бухта, 833, 824.
Вакаяма, 818, 826, 891, 842.
Вампоа, 523, 524, 535, 539.
Вань-ли-чанъ-чэнъ, 205.
Ванъ-лунъ-гоу, 257.
Вань-чжоу, 569.
Вань-шу-шань, 365.
Великая стѣна, 15, 205, 206, 207,
587, 588.
Великая рѣка, 432, 433, 434, 453,
487, 505, 566.
Великій океанъ, 287, 715, 775.
Великобританія, 8, 385, 411, 513,
597, 699, 762, 858.
Венеція, 40.
Викторія, гор. 21. 535, 536, 537,
538, 543, 612, 617.
Висла, рѣка, 395.
Владивостокъ, 481, 603, 610, 614,
663, 693, 707, 855, 857.
Внутреннее японское море, 740,
741, 824.
Волга, рѣка, 139, 430.
Восточное море, 563.
Вошанъ, городъ, 555.
Ву-и-шань, гора, 514.
Вусунъ, 493.
Вусунскій рейдъ, 439.
Вынь-хэ, рѣка, 383, 400.
Вэй, рѣка 321, 424.
Вэнь-чжоу, 506, 511, 516, 654.
Вэньчжоускій, портъ, 510.
Вэй-си, 551, 556.
Вэй-сянь, городъ, 385, 387, 652.
Вэй-хай-вэй, 386, 598.
Вэй-хой-фу, 427.
Вэй-хэ, рѣка, 351, 391, 402, 403,
Вэй чанъ, лѣсъ, 201.
404, 405, 418, 419, 427, 478.
Вэй-шань, бухта, 379.

Г.

Гаванна, 524, 6036, 04.
Гайданъ, монастырь, 100.
Гай-пинъ, городъ, 266.
Гакпо, рѣка, 56, 64.
Гамбургъ, 599.
Гампу, 499.
Гангри, хребетъ, 43.
Гангъ, рѣка, 5, 13, 44, 47, 48
52, 62, 163, 392, 547.
Гангъ-дисъ-ри, хребетъ, 43,
46, 47, 50, 53.
Ганфу, 499.
Ганжуръ, 231.
Ганъ ,рѣка, 248.
Ганъ, 412
Ганъ-пу, 499.
Гань-су, провинція, 76, 149,
160, 163, 166, 167, 169, 173,
175, 185, 194, 204, 206, 228,
316, 318, 319, 321, 322, 349,
399, 406, 411, 412, 413, 415,
422, 428, 429, 430, 431, 469,
588.
Гань-су-синь-цзянь (шэнъ),
винція, 147, 166, 277, 587,
Гань-цзянъ, рѣка, 437, 458,
487, 566.
Гань-чжоу, городъ, 412.
Гань-чжоу-фу, 652, 654.
Гаогуй-ли, 660, 665.
Гао-ми, городъ, 386, 387.
Гарамукотанъ, островъ, 719,
Гаргунца, 94.
Гариноки-яма, гора, 739.
Гарро, горы, 60.
Гартокъ, рѣка, 50, 94, 95,
110.
Гартунгъ, рѣка, 50, 94, 95.
Гаурисанкаръ, гора, 96, 119
Гацизіо, островъ, 735.
Гваякиль, 879.
Гвіаны, 612, 613.
Германія, 395, 576, 598, 60
699.
Гензанъ, портъ, 671, 672,
693, 702, 707.
Гибралтаръ, 675.
Гималай, хребетъ, 5, 25
28, 31, 32, 33, 34, 35,
44, 45, 46, 47, 48, 49,
61, 64, 67, 69, 70, 7
104, 131, 442, 444, 75
Гинду-кушъ, гор.узелъ,
Гиринь, городъ, 243, 2
272, 278, 657.
Гифу, городъ, 817, 82
Гіаксай, 665.
Гіахарша, гора, 43, 4
Гіен-зинъ, 736.
Гіей-санъ, гора, 818
Гіенъ-фунъ, 669.
Гіого (Хіого), 740.
Гіянзіо, 819.
Гоа, городъ, 611,
Гоанго, рѣка, см.
Гоа-шань, гора, 7
Гоби, пустыня, 3
163, 164, 167, 1
194, 195, 199,
287, 405.
Гоей-санъ, гора
Гой-хи, портъ,
Гокіенъ, 527.

Гокло, 527.
Гокроку, 803.
Гольфстремъ, 750, 751.
Голландія, 395, 499, 612, 803.
Голубыя, горы, 403, 404.
Голубое, озеро, 152, 155, 157, 413.
Голубая рѣка, 155, 285, 287, 331, 347, 348, 379, 387, 397, 399, 403, 404, 406, 428, 439, 440, 444, 457, 458, 461, 463, 464, 466, 469, 479, 471—479, 488, 490, 491, 493, 494, 495, 503, 506, 517, 530, 544, 547, 552, 560, 570, 577, 579, 597, 599, 608, 619, 648, 774.
Гоми, городъ, 413.
Гондо (Хондо), островъ, 711, 715, 724, 725, 726, 731, 734, 765.
Гонконгъ, городъ, 288, 290, 291, 294, 371, 535, 536, 537, 538, 544, 525, 568, 569, 597, 598, 600, 614, 643, 648, 855.
Гоноолулу, 524, 603.
Гонтси, островъ, 715.
Гонсанъ, портъ, 889, 894.
Горнеръ, мысъ, 743.
Горнъ, мысъ, 16.
Гото, островъ, 747.
Готскій, каналъ, 399.
Гочунъ, 894,
Грецiя, 7, 8, 11.
Гринвичъ, 715.
Гсінъ, городъ, 121.
Гуанъ-до, 734.
Гуанъ-дунъ, полуостровъ, 267, 268
Гуанъ-дунъ, провинція, 277, 294, 297, 300, 458, 508, 517, 518, 519, 525, 527, 528, 530, 531, 533, 544, 615, 647, 655, 880
Гуанъ-линъ, 705.
Гуанъ-нанъ-фу, 652, 654.
Гуанъ-нинъ, горы, 241.
Гуанъ-нинъ-шань, 241.
Гуанъ-нинъ-сянь, 271.
Гуанъ-сай, 734.
Гуанъ-си, провинція, 277, 322, 347, 454, 517, 518, 519, 525, 526, 530, 545, 544, 567, 655.
Гуанъ-танъ-шань, 403.
Гуанъ-чжоу-фу, 532, 656.
Гуанъ-юань-сянь, 469
Гуань-гоу, 373, 374, 375.
Гуаньгоускій проходъ, 373.
Гуань-дао, 543.
Гуань-дай-доу, 535.
Гуань-синь-фу, городъ, 652.
Гуань-шань, гора, 563.
Гуань-ю-шань, 379.
Гуа-чжоу, 490.
Гу-бэй-коу, 373.
Гуй линъ, проходъ, 475, 476.
Гуй-линь-фу, 530, 656.
Гуй цзянъ, рѣка, 50, 530.
Гуй-чжоу, провинція, 277, 428, 453, 454, 464, 473, 474, 475, 518, 519, 543, 549, 562, 638, 644, 655.
Гуй-шу, 262.
Гуй-янъ, 474,
Гуй-янъ-фу, 656.
Гума, 143, 891.
Гумбумъ, кумирня, 152, 414.
Гундесъ, провинція, 94.
Гуншакаръ, горя, 84.
Гунъ-чанъ-фу, 418, 428, 654.
Гунъ-дань, 474.
Гурбу-найджъ, 33.
Гурла, гора, 48.
Гученъ, городъ, 172.
Гу-шань, 513.
Гыгынъ-сумэ, 235.
Гянцзэ, монастырь, 96, 97, 102, 110.

Д.

Даба, городъ, 49, 50, 93, 94.
Дабасунъ-норъ, 202.
Да-бо-шань, 402.
Да-вынь-хэ, рѣка, 400.
Да-гоу, 873, 880.
Да-гоу-хэ, 413.
Да-гу, мѣстечко, 597, 608.
Да-гуань-хэ, 562.
Да-гу-шань, 218, 268, 272.
Да-динъ-фу, 656.
Да-ду-хэ, рѣка, 453, 467.
Дажелетъ, островъ, 670.
Да-инъ, 498.
Дай-нань, 893.
Дай-хоку, 893.
Дай-шіу, 893.
Дайсенъ, пикъ, 738, 739.
Далай-норъ, озеро, 192.
Да-лянь-вань, 267, 268.
Да-ли-фу, 320, 548, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561.
Да-минъ-фу, городъ, 375, 652.
Да-мо-шань, 379.
Дангра-юмъ, 39, 43, 44, 48, 71, 89.
Дань-гэръ-тинъ, 414, 658.
Дань-чжоу, 569.
Дансангъ, гора, 119.
Дансунъ-норъ, озеро, 153.
Дарбульджинъ, 658.
Дарджилингъ, 97.
Да-тунъ-голъ, 151, 155.
Да-тунъ, 487, 488.
Да тунъ-хэ, 413.
Да-тунъ-фу, городъ, 375, 652.
Даусэ-алинь, хребетъ, 240, 244.
Да-хакъ-линъ, 366.
Да-цинъ (Римъ), 14.
Да-цзянь-лу, 104, 467.
Да-чжуанъ-хэ, 268.
Да-цзы-шань, гора, 379.
Да-цзянъ, 428, 434, 459, 566, 569.
Да-цинъ-хэ, 382, 396, 397.
Да-шань, 380, 873.
Да-янь-хэ, 268.
Дебанъ, монастырь, 100.
Деланглъ, пикъ, 722.
Де-сима (Децима), островъ, 716, 717, 831.
Джаиръ, 174.
Джанглаче, 44, 96.
Джаратай-дабасунъ, 205.
Джиты-шаръ, 111.
Джэголъ, 220, 234.
Джэгольскій, паркъ, 234.
Дзапхынъ, рѣка, 191.
Дзегунъ-тола, 27.
Дзумбуръ, вершина, 204.
Дзынъ-пынъ, 235.
Дибонгъ, 56, 59, 63.
Дигарчи, 96.
Динги, 96, 102, 110.
Динъ-анъ, 566, 569, 570.
Дипъ, заливъ, 538.
Динъ-хай-тинъ, 504, 505, 506, 654.
Динъ-цзы, 386.
Дихонгъ, рѣка, 56, 57, 58, 59, 60, 63.
Ди-хуа-чжоу, 172.
Дичу, рѣка, 431.
Діеси, 826.
Днѣпръ, рѣка, 16.
Доброй Надежды, мысъ, 16.
Докеръ-ла, 556.
Доктолъ, округъ, 96.
Долонъ-норъ-тинъ, 233, 235, 652.
Донкыръ, 155, 159, 160, 414.
Доркіа, 40.
Дуброо, 66.
Думфу, 43.
Дунай, рѣка, 120, 400, 401, 407.
Дунъ-гу, 362.
Дунъ-ганъ, 888.
Дунъ-линъ, 368.
Дунъ-тинъ-ху, 436, 437, 454, 458, 475 477, 479.
Дунъ-фанъ, 876
Дунъ-хай, 458. 563, 745
Дунъ-цзинъ, 426.
Дунъ-цзянъ, 514, 520, 523.
Дунъ-чанъ, 382, 486.
Дунъ-чанъ-фу, 652.
Дунъ-чуань-фу, 562, 656.
Дэ-анъ-фу, 654.
Дэнъ-чжоу-фу, 385, 887, 652.

Е.

Европа, 14, 18, 19, 22, 74, 369, 384, 408, 431, 471, 492, 496, 505, 514, 525, 567, 571, 572, 573, 579, 588, 589, 592, 675, 680, 753, 754, 758, 760, 779, 786, 784, 795, 799, 822, 827, 855, 857, 858, 860.
Едомо, бухта, 801.
Енисей, рѣка, 192, 210, 429.

Ж.

Жао-чжоу-фу, 487, 652.
Жара, гора, 442.
Желтое, море, 200, 206, 235, 240. 244, 268, 376, 381, 401, 402, 439, 441, 458, 503, 659, 668, 669, 670, 675.
Желтая, рѣка (Хуанъ-хэ), 122, 139, 150, 151, 154, 164, 167, 187, 200, 203, 204, 285, 294, 349, 375, 376, 379—383, 385, 387, 388, 391—398, 401, 402, 404, 406, 408, 411, 412, 414, 416, 4 7, 419, 420, 422, 424, 427, 439, 440, 441, 448, 470, 478, 484, 570, 587.
Жемчужная рѣка (Си-цзянъ,) 530, 531, 533 534, 538, 5 9.
Женевское, озеро, 121, 737.
Жехолъ, дворецъ, 350.
Жу-чжоу, городъ, 652.
Жэ-хэ, рѣка и городъ, 234, 373.

З.

Забайкалье, 19.
Забайкальская область, 207.
Загималайскій, хребетъ, 43, 44, 59, 60, 67.
Зайсанъ, 175.
Зайтонъ, 515.
Заливъ вулкановъ, 712, 722, 723.
Заордоская пустыня, 204.
Зарявшанъ, рѣка, 118.
Зеве, предмѣстье, 819.
Зеландія, городъ, 30, 884, 887.
Зипанго (Зипангу), 16, 716.
Зипонъ, 716,
Золотоносная, рѣка, 470.

...елагъ, 2, 569, 603.
...ва, 459, 580, 880.

И.

...олуостровъ, 8.
...1.
...гора 738, 739.
...а, 737.
...26.
...3, 891.
...а, 744.
...а, 726—737.
...и, 723.
...ро, озеро, 727.
...91.
...а, 744.
...й, 241.
...-яма, 737.
...городъ, 832.
...и, 721—723.
...(дзу), 734, 735.
...а, остр., 720.
...остр., 714, 747, 774.
...ь-хала, 262.
...167, 174, 175, 176, 177, 279, ...57
..., рѣка, 178, 179, 184.
...йская долина, 177.
...йскій край, 19.
...ачи, озеро, 140
...ьхури-алинь, хр., 240.
...май-джи, 817.
...май-дзуми, 825.
...мбаръ, 827
Імаматси, портъ, 804.
Імари, 828.
Імператорскій каналъ, 19, 205, 351, 382, 398, 399, 410, 428, 489, 496.
Інавасиро, 803.
Інаса, 831.
Індійская имперія, 666.
Індія, 10, 13, 14, 28, 34, 70, 74, 112, 130, 136, 139, 459, 567, 537, 547, 598, 600, 605, 611, 852, 876, 878.
Індійскій океанъ, 27, 35, 39, 41, 55, 61, 70, 163, 431, 517, 525, 711.
Індостанъ, полуостровъ, 12, 13, 25, 29, 49, 70, 84, 85, 94, 95, 103, 128, 136, 493, 517, 525, 547, 599, 604, 605, 756, 779, 876, 878.
Індо-Китай, 5, 6, 8, 55, 360, 445, 508, 519, 544, 547, 553, 564, 569, 595, 599, 600, 617, 755.
Інъ, рѣка, 36, 47, 48, 50, 51, 52, 75, 94, 116, 117, 137.
Інъ-коу, портъ, 243, 266, 272.
Інъ-цзы, портъ, 243, 266, 599.
Інъ-шань, хребетъ, 200, 201, 204, 208, 388, 389.
Іравадди, рѣка, 56, 60, 61, 63, 545, 547, 548, 555.
Іранъ, 33.
Іранское плоскогорье, 5
Іренъ-хабарганъ горы, 174.
Ірландія, 8, 840, 842.
Іртышъ, рѣка 174, 175, 181, 429.
Ісабама, островъ, 802.
Ісе, область, 817.
...ава, 825.
... 825.
Иссыкъ-куль, озеро, 147.
Итазибе, гора, 721, 722, 723.
Италія, 7, 8, 366, 393, 575, 659, 667.
Итсиное, источникъ, 737.
Итску-сима, 825.
И-тунъ-чжоу, 264.
Итурупъ, 800.
Ихэ-намуръ, 36.
И-чанъ-фу, 435, 441, 475, 505, 599. 654.
И-чжоу, 363, 368, 387.
И-чжоу-фу, 652.
Ишидзулія, гора, 741.
Ишикава, рѣка, 891.
Ишикари, 800.

I.

Іебосидаке, гора, 723.
Іедо-гава, рѣка, 738, 808.
Іеддо (Іедо), городъ, 715, 725 726, 727, 735, 748, 751, 756, 759, 765. 774, 779, 807, 809, 811, 815, 816, 819, 834, 857, 863, 865, 881.
Іезанъ, вулканъ, 723.
Іезаси, 801, 802.
Іезо, островъ, (Іессо), 711, 712, 715, 719, 721, 722, 723, 751, 752, 754, 759, 763, 764, 765, 766, 772, 773, 799, 800, 801, 811, 835, 839, 840, 842, 843, 856, 893.
Іено-сима, островъ, 816.
Іеримасаки, мысъ, 721.
Іеркаль, 64.
Іеторофу, островъ, 719.
Іетурупъ, 719, 720,
Ій-лань, 884.
Іокагама, городъ, 481, 680, 746, 754, 812, 814, 815, 816, 826, 851, 857, 892.
Іокагамская колонія, 823.
Іока-сима, 744
Іокоска, портъ, 815.
Іомодзъ, 744.
Іонакуми городъ, 890
Іонезава, 803.
Іонъ-біонъ, городъ, 710.
Іонь-сань-ганъ, рѣка, 708.
Іосимо-гава, рѣка, 741, 818.
Іо-чжоу-фу, 477, 478, 654.

К.

Кагава, провинція, 893.
Каги, городъ. 894.
Кагосима, 755 832, 893, 894.
Кагосимская бухта, 743.
Казабранка, 539.
Казакова, мысъ, 712.
Каиръ, городъ, 749.
Кай-ласъ, 44, 46, 47, 48
Кайласскій перевалъ, 68.
Кай-монъ, пикъ, 743.
Каймонъ-га-таке, 744.
Кайпинъ, 362.
Кайпинскія копи, 372.
Кай-пынъ, архипелагъ, 524.
Кай-юань-сянь, 264, 272.
Кай-фынъ-фу, 315. 393. 394, 395, 397, 412, 424, 425, 427, 452.
Кай-хуа-фу, 562
Кай-чхэнъ, 672.
Калганъ, городъ, 196, 228, 232, 374, 598, 657, 607.
Калифорнія, 21, 22, 364, 715, 5 612, 616.
Калькута, 524. 547.
Камакура, 816.
Камбоджа, рѣка, 64, 612.
Камо-гава, рѣка, 820.
Кампанія, 575.
Камчатка, полуостровъ, 712, 7 719, 765.
Камуль, 169.
Камъ, провинція, 26, 70, 74, 77, 92, 93, 101, 109, 164, 5 446
Канагава, 815.
Канада, 754
Каназава, 755, 804, 805, 815, 8 892.
Канкиръ, 151.
Кантонъ. 287, 288, 293, 297, 3 324, 372, 418, 476, 487, 490, 4 506, 511, 518, 519, 520, 523, 5 525, 527, 528, 530, 531, 532, 5 534. 538, 543, 544, 568, 593, 5 600, 645, 656.
Канхонская провинція, 519.
Кантонская, рѣка, 347, 458, 4 541, 549, 595, 597, 523, 627, 5 562.
Кантонскій лиманъ, 286, 524, 8
Кантонскій, портъ, 459, 597.
Канума. городъ. 825.
Канпу, рѣка, 56.
Канъ-уонь-до, провинція, 709.
Канъ-хуа, городъ, 687, 705.
Кара, государство, 665.
Кара-буранъ, 121.
Кара-иргышъ, 177.
Кара-кашъ, 34, 35, 116, 118, 1 142, 143.
Карашаръ, 115, 123, 139, 147, 658.
Карашаръ-куль, 120.
Каракорумъ, 15, 25, 32, 33, 3 43, 52, 112, 116, 118, 131 228, 229, 231.
Кара-курчинъ, 121.
Каралинскіе острова, 875.
Кара-мурень 394.
Кара-норъ, 164
Карангу-тагъ, 33, 117, 12
Кара-усу, 191, 226.
Караянъ, 558.
Каргальскъ, 150.
Карнали, рѣка, 47, 94.
Касаматсу, городъ, 817.
Каседа, городъ, 820.
Касива-бава, 820
Касивазаки, 804. 826.
Каспійское море, 14.
Катай, 15, 16.
Катунь, 174, 177.
Кашгарская долина,
Кашгарскій округъ,
Кашгарія, 34, 111, 1
Кашгаръ, городъ. 35 139, 144—146, 1
Кашгаръ-дарья, 11 658.
Кашмиръ, 25, 26, 50, 51. 68, 75, 116, 135, 144.
Кашъ, рѣка, 178,
Квантунскій пол
Квельпартъ, ос 668, 670, 691,

Кельнъ, 395.
Кемалань, бухта, 884.
Керія, 36, 150, 128, 143, 148, 658.
Кесенъ-нума, 725, 726.
Кетси, рѣка, 431.
Кизылъ-арта, 120.
Кизылъ-кумъ, 193.
Кизылъ-су, 126.
Кильчжу, городъ, 672, 708.
Кимонъ, кумирня, 738.
Кинто-санъ, гора, 731, 735.
Кинъ-сы, 496, 499.
Киргизъ-норъ, озеро, 191.
Кири-сима, 742, 743.
Киронгъ, городъ, 96, 102, 161.
Кисо-гава, 736.
Китайское море, 431, 458, 564, 569, 659, 663, 667, 872.
Китайское побережье, 7.
Китаками-гава, рѣка, 725, 802.
Китайскій туркестанъ, 111, 112.
Кицу, рѣка, 820.
Кичу, рѣка, 54, 99, 100.
Кіонъ-гый-до, провинція, 672. 709.
Кіонъ-санъ-до, провинція, 709
Кіото, 734, 738, 775, 776, 813. 828—822, 826, 827, 833, 845, 856, 857, 865, 866, 891, 892.
Кіонъ-сіонъ, городъ, 710.
Кіорингъ, озеро, 73.
Кіусіу, островъ, 663, 665, 712, 716, 740, 741, 742, 743—747, 751, 752, 774—796, 824, 827, 832, 835.
Кіяо-чжао, 161.
Клеопатры, острова, 744.
Коанъ-чжю, городъ, 710.
Кобдо, 176, 180, 186, 226, 228, 232, 235, 598, 657, 658.
Кобдо, озеро, 191.
Кобе, городъ, 823, 857, 892.
Коги, 893, 89.
Коканъ, 135.
Кокъ-норъ, озеро, 147.
Кокъ-су, 120.
Кокубу, 832.
Кокура, 827.
Комага-такс, 723, 735, 739.
Коматсъ, 805, 826.
Комацъ-яма, 743, 744.
Комунь-до, островъ, 699.
Конгкіо, 48.
Константинополь. 818.
Конче-дарья, 121.
Конъ-чжю, 710.
Корай, 660.
Корея, 5, 7, 8, 19, 24, 25, 381, 384, 584, 598, 600, 607, 659—674, 675—688, 712, 744, 745, 755, 763, 774.
Корейскій заливъ, 236, 245.
Корейскій полуостровъ, 671, 673,, 676.
Корейскій проливъ, 663, 747, 748 779.
Коріяма, 821, 826.
Корлы, 140.
Кормадельскій берегъ, 887.
Коровья рѣка, 431.
Корсика, 526.
Косима, 723.
Косіонъ, 706.
Косоголъ, озеро, 192.
Котси, 827.
Кофу, городъ, 817, 826, 892.
Коу-лунъ, 538, 598.
Кохинхина, 6, 540, 568, 604.
Коцзики, городъ, 832.
Коя-санъ, гора, 818.
Красная долина, 119.
Красная рѣка, 519, 544, 545, 546, 548, 554, 560, 563, 564.
Красносельская застава, 708.
Красные пески, 163.
Красный бассейнъ, 484.
Красныя горы, 120.
Куана, 817, 826.
Куанъ-чэнъ-цзы, 261, 272.
Куба, островъ, 612, 716.
Кубата, 802.
Кударо, 665.
Кузупчи, 202.
Куэнь-лунь, горы, 11, 27, 32, 33, 34, 35, 39, 41, 111, 115—117, 122, 124, 127, 131, 140, 141, 150, 187, 285, 402, 404, 431, 441.
Куй-чжоу, 441.
Куй-чжоу-фу, 435, 654.
Куку-норъ, озеро, 25, 28, 31, 32, 41, 62, 149, 151, 153, 155, 159, 160, 163, 164, 279, 285, 388, 402, 413, 414, 442, 472, 548, 657.
Кукунорскій край, 155.
Куку-хото, 216, 232, 233, 235, 652.
Кульджа, 19, 176, 177, 180, 184. 316, 658, 698.
Кульджинская долина, 145.
Кульджинскій край, 151, 180.
Кулькунъ, 33.
Кумамото, 742, 831, 832, 893, 894.
Кумъ-тагъ, 131.
Кумъ-сань, 708.
Кунгесъ, 178.
Кунасиро, 719.
Кунаширъ, островъ, 719, 720, 756, 800.
Кунпками, городъ, 833.
Кунъ-хэ, 262.
Курганъ-узгенъ, 231.
Курель, 84.
Курильскіе острова, 711, 712 717—722, 724, 756, 761, 763, 764' 766, 799, 800, 811, 835, 839, 843'
Курильское море, 719.
Куркунъ, 33.
Курла, 147, 150.
Куро-сіво, теченіе, 715, 749, 751, 752, 753, 774, 874
Куруме, 828, 832.
Куръ-кара-усу, рѣка, 149.
Куръ-кара-усу, городъ, 183.
Кусатсъ, 807.
Куча, 147, 148, 149.
Кянь-гуанъ, городъ, 692.
Кяхта, 176, 228, 374, 481, 598, 600, 607.
Кэнтей, хребетъ, 187, 192.
Кэруленъ, рѣка, 192, 194, 231, 235
Кэруленъ-барсъ-хотонъ, 225.

Л.

Лагоръ-аулъ, 240.
Лагулунгъ-ла, 44.
Ладакъ, 26, 27, 43, 109.
Ладронскіе острова, 524.
Лазаревъ, портъ, 693, 707.
Лай-чжоу, 379, 385, 415, 416, 652.
Лай-янъ, 386, 387.
Лалинь, 262.
Лалинь-чэнъ, 272.
Ланагу-ланка, 49.
Лама-мяо, 233.
Лань-чи, 502.
Лань-дао, 524, 525.
Лань-цанъ-цзянъ, рѣка, 64, 67, 101, 102, 150, 431, 550, 555, 556, 560.
Лань-чжоу-фу, 164, 391, 402, 404, 405, 415, 416, 428, 654, 656.
Лао-ва-танъ, 562.
Лао-лю-гуань, 563.
Лао-тѣ-шань, мысъ, 240.
Лао-хэ-коу, 484.
Лао-шань, 379.
Лаперузовъ проливъ, 721, 800.
Ласса (Хласса), городъ, 28, 29, 31, 36, 39, 41, 44, 54, 64, 75, 79, 81, 88, 91, 97, 98, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 441, 446, 460, 405, 556.
Лаха-су, 263.
Ледяныя горы, 14.
Лена, рѣка, 499.
Лепсинскъ, 144.
Лехъ, рѣка и городъ, 49, 101, 104.
Ли, портъ. 267.
Ли-бо, 455.
Ливерпуль, 11.
Ликійскіе острова, 744, 890.
Ликійское царство, 746.
Лима, 508.
Линштотенъ, 818.
Линъ-шанъ, 562.
Линь, пикъ, 171.
Линь-ань-фу, 564, 656.
Линь-гао, 569.
Линь-цинъ, 382.
Линь-юань, 652.
Ли-цзянъ-фу, 656.
Ли-чжоу, 65.
Ли-чу, 466.
Ли-шань-фу, 656.
Ліонъ, городъ, 433.
Лобъ-норъ, озеро, 33, 36, 106, 120, 121, 122, 127, 130, 131, 132, 140, 147, 148, 149, 151, 164, 413.
Логита, рѣка, 548.
Ло-коу, 383.
Локко, 894.
Лондонъ, 20, 355, 421, 478, 480, 481, 571, 711.
Лонъ-ха, 494
Лонъ-цзы, 562.
Лонь-гань, 435.
Лопатка, мысъ, 718.
Лопра-ко-чу, рѣка, 60.
Лоу-хуа-хэ, рѣка, 441.
Ло-фуа-шань, гора, 518.
Лохитъ, 56, 64.
Ло-хэ, рѣка, 420, 424.
Ло-шуй-хэ, рѣка, 402.
Ло-янъ, 424, 518.
Ло-янъ-сянь, 652.
Лоу-динъ-чжоу, 467.
Луань-хэ, рѣка, 350.
Луара, рѣка, 393.
Лукіу, 744.
Лунъ-ань-фу, 654.
Лунь-коу, 385.
Лу-тай, 372.
Лу-цзянъ, рѣка, 63, 67, 84, 150 431 544, 547, 548, 550, 552. 555.
Лу-чжоу, 471, 654, 744.
Лу-чжоу-фу, 652.
Лу-шань, 379.
Лу-шань-сянь, 652.
Лу-юань-шу, 239.
Лынь-шань, горы, 453.

Лэй-хэ, рѣка, 476, 477.
Лэй-чжоу, 543, 544, 569.
Лэ-ма, 524
Лэ-хай, 564, 570.
Лю-гоу-цяо, станція, 362.
Люй-би, 470.
Люй-шунь-коу, 267, 271.
Люсонъ (Люцонъ), островъ, 612, 880.
Люцю, острова, 678, 712, 744, 745. 746, 745, 752, 753, 764, 776, 832, 833, 841, 854, 875. 879.
Лю-чжоу-фу, 65.
Лянъ-дао, 538.
Лянъ-цзянъ, 511, 516.
Лянъ-чжоу, 412, 426, 540.
Лянъ-чжоу-фу, 541—543, 654.
Лянь-цяо, 880.
Ляодунскій заливъ, 243, 245, 266.
„ полуостровъ, 702, 885.
Ляо-хэ, рѣка, 241, 242—244, 253. 255, 264—266, 270, 271, 350, 599.
Ляо-янъ-чжоу, 265, 272.

М.

Мавританія, 675.
Маджинъ-таке, гора, 736.
Маебаси, 806, 825, 892.
Мазарская мечеть, 171.
Макао, 524, 538—540, 543, 569, 598, 656, 796.
Македонія, 718.
Малая Азія, 6, 8, 11.
Малайскій архипелагъ, 7, 19, 493, 599, 755.
Малдивскіе острова. 551.
Малезія, 503, 750, 756, 774 851, 876.
Малакка, полуостровъ, 612, 716.
Малая Бухарія, 111.
Малые Антильскіе острова, 612.
Малыхъ Курильскихъ острововъ проливъ, 718.
Малый Тибетъ, 25, 44.
Манасъ, городъ, 183.
Мангнангъ, монастырь, 71
Манилла, 516.
Мансороваръ, озеро, 48, 49, 73, 104.
Мань-хао, 548, 564.
Маньчжурія, 5, 6, 19, 25, 266, 267, 270, 271, 340, 352, 363, 373, 376, 381, 385, 529, 580, 587, 588, 591, 598, 608, 612, 617, 638, 650, 657, 659, 660, 664, 669, 670, 675, 673, 690, 692, 717 752, 754, 755.
Мао-эръ-шань, 676.
Мапангъ-чо, озеро, 48.
Маралъ-баши, 146, 148.
Маріамъ-ла, 44, 50, 52.
Маріоки, 727.
Марсель, 421.
Меруока, 805.
Ма-сань-по, портъ, 708.
Матсуе, 824, 826, 892.
Матуа, островъ и пикъ, 719, 720.
Маха-шань, 415.
Ма-цзя-поу, станція, 362, 363.
Мацмай, 723, 801, 802.
Муцумото (Матсумото), 803, 825.
Мацу-сима, островъ, 670, 802.
Мацу-яма, 827, 891.
Ме-аканъ, 722
Мейнамъ, 851.
Мекка, 171, 618.
Меконгъ, рѣка, 27, 72, 63, 64, 101, 150, 519, 544, 547, 550, 559, 560.
Мельвилевъ, островъ, 747.
Менкъ, 889
Мергень, городъ, 238, 240, 259, 272.
Меру-гора, 47.
Ми-дань, 435.
Ми-ики, 743.
Микава, 805.
Микомото, скала, 734, 847.
Мимона, 665, 802.
Миннесота, 21.
Минъ-шань, гора, 432.
Минь-чу, 94.
Миньанскій проливъ, 511.
„ проходъ, 511.
Минь-цзянъ, рѣка, 432, 433, 442, 443, 448, 453, 450, 467, 469, 470, 506, 508, 512, 511, 513, 514, 575.
Мирсъ, заливъ, 538.
Миссисипи, 392, 393, 424, 460.
Ми-таке, 739, 743, 744.
Мито, 805, 826, 892.
Міако, 819
Мін-яма, 742.
Міе, 891.
Міяги, 891.
Міясаки, 827, 832, 893, 894.
Могами-гава, рѣка, 803.
Могно-ларингъ, 51.
Мокпо, портъ, 708.
Момеинъ, 548, 555.
Монголія, 17, 15, 25, 41, 81, 102, 122, 124, 131, 160, 164, 175, 176, 349, 350, 352, 354, 368, 373, 374, 381, 387, 391, 402, 405, 416, 417, 461, 480, 524, 588, 612, 617, 657, 670, 763.
Монгольское плоскогорье, 226, 347.
Монингъ, 53.
Миното-гава рѣка, 823.
Монтангъ, проливъ, 524.
Монтъ-роза, 71.
Монъ-планъ, 44, 68, 95, 442.
Моріока, 802, 725, 892.
Моркэ-джотъ, 98.
Мороранъ, 801.
Моррисонъ, гора, 873.
Москва, 480.
Мостъ красныхъ, 514.
Мудань-цзянъ, рѣка, 243, 262.
Мукденъ, городъ, 244, 261, 263—266, 270, 272, 293.
Мундгата, гора, 48.
Мунку-сардыкъ, 177.
Мупинъ, 443, 444.
Мураками, 804. 826.
Муръ-усу, рѣка, 69, 150, 155, 431, 432.
Мынъ-хао-сянь, 560.
Мэй-линъ, проходъ, 459, 476, 519, 520, 531.
Мэй-цзянъ, рѣка, 518.
Мэй-чжоу, 654.
Мяо-дао, островъ, 376.
Мяо-фынь-шань, гора, 365.

Н.

Наба, 832, 833, 894
Нава (Нафа), 747
Нагасаки, 693, 707, 716, 742, 755, 796, 827—832, 851, 855, 857, 859, 869, 893, 894.
Нагана, 881, 892.
Нагаока, 803, 826.
Нагасе-гава, рѣка, 727,
Нагато, 826, 864.
Нагойя, городъ, 817, 826, 857, 892.
Найтси, 738.
Нака-гава, рѣка, 721, 806.
Накатсъ, 827, 832.
Накъ-тонъ-ганъ, рѣка, 707.
Накъ-чу, 63
Намейту, 431.
Намлингъ, 53, 96.
Намоа, 528.
Намуръ, озеро, 36.
Намъ-чо, озеро. 40.
Нана-сима, острова, 735.
Нангао, 528.
Нанкинъ, 315, 325, 326, 347, 349, 352, 427, 438, 440, 458, 477, 488, 489, 490, 494, 503, 506, 555, 597.
Нантай-санъ, островъ, 728, 739.
Нань-динъ, 406.
Нань-канъ-фу, 652.
Нань-коу, 373.
Нань-линъ, 1, 453, 454, 455, 459.
Нань-лу, 170.
Нань-нинъ-фу, 542, 656.
Нань-сюнь-чжоу, 531.
Нань-сянь-цзянъ, 565, 566.
Нань-тай 512, 513.
Нань-хай-цзы, паркъ, 363.
Нань-чанъ-фу, 484.
Наньчжоускій перевалъ, 424.
Нань-шань, 151, 153, 164, 187, 458—460, 463, 464, 516, 517, 518, 678.
Нань-янъ-фу, 652.
Напъ-чу, 63, 150,
Нара, городъ, 817, 820, 821, 846, 891, 892.
Нари, провинція, 71, 93, 109.
Нарынъ, 139.
Насу-яма, 737.
Неаполь, 116.
Небесныя горы, 1, 111, 115, 120. 122, 130, 132, 144, 147, 163, 164, 166, 167—179, 205, 208, см. также Тянь-шань.
Неморо, 800.
Немура, городъ, 755, 802.
Нено-куми, 774.
Несиво-гава, рѣка, 845.
Нефритовыя ворота, 175.
Нигонматсъ, 802.
Нидерланды, 440, 492.
Нижо, 821.
Николаевскъ, 481.
Никко, 712, 728, 694, 807.
Никкозанъ, 728.
Нилъ, рѣка, 312, 400, 429.
Нингута, городъ, 263, 272.
Нинджинъ-тангъ-ла, 40.
Нинъ-бо, 315, 329, 347. 458, 459 503, 504, 509, 547, 597, 619, 752 873.
Нинъ-бо-фу, 506, 654.
Нинъ-гай, 271.
Нинъ-ся-фу, 416, 454.
Нинъ-чжоу, 563.
Нинъ-чэнъ-танъ-ла, 43, 44.
Нинъ-юань, 470, 557.
Нинъ-юань-чжоу, 271.
Нинъ-юань-фу, 450, 452, 467, 65
Нинъ-юань-чэнъ, 184.
Ниламъ, 96, 102.

Непалъ, 14, 25, 31, 80, 94, 96, 103 104.
Ниппонъ, 666, 711, 712, 715, 717, 718, 724, 734, 744, 746, 764, 767 773, 774, 779, 783, 785, 786, 789, 792, 794, 795, 796, 819, 82 824, 826, 835, 836, 841, 842, 845, 849, 850, 851, 855, 858, 863, 88 884, 891.
Нисономія, 822.
Нихигата, 803.
Ніагара, 59.
Ніигата, 753, 803, 804, 826, 832, 851, 891, 892.
Ніа, городъ, 140.
Ніярингъ-чо, озеро, 43.
Новая Зеландія, 612.
Новый Валлисъ, 21, 612, 617.
Новый Свѣтъ, 19, 88, 508, 589, 710, 711, 813, 822.
Номинь, 248.
Нонни, рѣка, 237—243, 248, 259, 266, 261.
Носиро, 825.
Норикуръ-яма, гора, 739.
Ното, мысъ, 804.
Ного, полуостровъ, 726.
Нохъ, озеро, 51.
Нумандзъ, 816, 826.
Нунь-ань-сянь, 272.
Ну-цзянъ, рѣка, 63.
Нью-Іркъ. 20.
Нью-Фаундлендъ, 721.
Ньюфаундлендскія мели, 751.
Нэй-чэнъ, 356.
Нэмэръ, рѣка. 236.
Нэндъ, гора, 442.
Ню-чжуанъ, городъ, 243, 258, 265, 266, 272, 363.

О.

О-аканъ, вулканъ, 722, 723.
Обаяма, 823
Обь, рѣка, 181, 429.
Овари, 817.
Огаки, 725.
Огасовара, островъ, 712 834, 892.
Ога-сима, 726, 746, 765.
Огокато, озеро, 726.
Ого-мине, гора, 739.
Ого-яма, 735.
Одесса, 481, 600.
Одзія, 803.
Одинъ-норъ, озеро, 154.
Одинъ-тала, 154, 155.
Оита, 893, 894.
Одовара, 816, 826.
Окаяма, 824, 826, 841, 842.
Окасака, 826.
Оки, островъ, 714.
Окинава, 746, 747, 832, 833, 893.
Оксусъ, рѣка, 12, 13, 14, 112, 115, 119.
Оленій, островъ, 726.
Омбо, 71.
О-минато, 835.
Оми-шань, гора, 442.
Омосо, городъ, 272.
Омъ-чу, 63.
Онекотанъ, озеро, 719, 720.
Ононъ, рѣка, 192.
Ономице, 824, 826.
Онъ-таке, 736.
Ордосъ, 186, 201, 657.
Ордосская степь, 405.
Ордосскій край, 388, 391.
Ордосскій полуостровъ, 206, 390, 415, 417.
Орегонъ, 612, 840.
Оренбургъ, 135.
Орхонъ, рѣка, 227, 231.
Осака, городъ, 740, 755, 818, 821—827, 851, 857, 860, 866, 891, 892.
Осима, 723, 801.
Осорезанъ, 726, 737.
Остъ-Индія, 1.
Отарунай, городъ, 800, 802, 854, 857.
Отару, городъ, 800, 802.
Охоно, 805, 826.
Охотское море, 236, 718, 721, 751. 801.
Охоцъ, 857.
Оцзу, городъ, 818, 819, 825, 892.
О-шима, 735.
Оя-сиво, теченіе, 751.

П.

Пай-ку-сань, гора, 668, 669.
Пакхойскій полуостровъ, 543.
Пакхойскій, портъ, 543.
Пакъ-хой, портъ, 540-543, 599.
Палестина, 575.
Па-ли-цяо, 361, 365.
Пальгу-чо, озеро, 44.
Пальти, озеро, 44, 53, 54, 81.
Памиръ, 11, 13, 27, 32, 35, 39. 111, 112, 115, 119, 124, 132, 135. 205, 208
Пангонгское озеро, 51.
Парамуширъ, 718, 720, 721.
Парижъ, 355, 382, 468, 497, 571, 715.
Парри, острова, 834.
Па-фань, 456.
Пекинъ, 15, 16, 19, 107. 108, 109, 175, 176—200, 207, 340, 349, 352 — 355, 357, 360 — 368, 370, 373 — 376, 400, 413, 418, 420, 455, 488, 494, 495, 517, 571, 593, 597. 606, 608, 620, 625, 633, 635, 647, 650, 652, 663, 885.
Пекинская равнина, 206, 350, 355, 359, 366, 586.
Пекинская рѣка, 597.
Пелопонесъ, 565.
Пенангъ-чу, 96.
Пенсильванія, 476.
Пентодактиль, 565.
Пепельная яма, 173.
Персія, 112, 605.
Перу, 20, 116, 127, 539, 612, 613.
Пескадорскіе острова, 712.
Петербургъ, 667.
Петра Великаго заливъ, 19, 244, 263.
Петси, государство, 665.
Печа, гора, 199.
Пиля, острова, 835.
Пинанъ, 614.
Пинъ-динъ-чжоу, 428. 652.
Пинъ-ду, 385.
Пинъ-лянъ, 424.
Пинъ-лянъ-фу, 417, 428, 654.
Пинъ-лэ-фу, 656.
Пинъ-ху, 872, 879, 883, 890.
Пинъ-ху-тинъ, 890.
Пинъ-хэ, 424.
Пинъ-цюань чжоу, 234, 235.
Пинъ-шань, 434, 562.
Пинъ-янъ, 422.
Пинъ-янъ-фу, 422, 428, 6
Пинъ-яо-сянь, 428.
Пиренейскій полуостров
Пиренейскія горы, 8, 9
Питао, 888.
Пичжанъ, 167, 170, 172.
Піальма, 143.
Піемонто, 460.
Піенъ-мынь, 692.
Піонъ янъ, 671, 672.
По, рѣка, 392, 393.
Поламъ. 143.
Поми, королевство, 109.
Португалія, 16, 538, 598,
Портъ-Адамсъ, 267.
Портъ-Артуръ, 267, 268,
Посадникъ, бухта, 748
Посьетъ, заливъ, 263, 67
Потала, 99, 178.
По-янъ, 437, 438, 454, 4 487.
По-янъ-ху, 437, 438, 486.
Пребунъ. монастырь, 10
Приамурье, 577.
Прибайкальскій краи, 36
Приморская, область, 840.
Пулингъ, 93.
Пуло-пинанъ, 612.
Пунтунъ, 492, 493.
Пу-тай, 398.
Пу-ту, 505.
Пу-чжоу-фу, 422, 652.
Пухаоашимъ 67.
Пу-эръ-фу, 563, 656.
Пхіонъ-янъ, 706, 708, 71
Пхіонъ-янъ-до, провинці
Пэйхо, 354.
Пятиградія, 172.
Пять столбовъ, 405.

Р.

Радохъ, 57.
Райкокъ, 720.
Ракасъ-таль, 48, 49.
Раскемъ-дарья, рѣка, 11
Растуа, пикъ, 719.
Рейнъ, рѣка, 54, 395, 407
Римъ, 575, 620.
Риспри, пикъ, 722, 723
Риціенъ. уѣздъ, 671.
Ріукіу, островъ, 712.
Рокъ-айландъ, 734.
Рона, рѣка, 54, 391 433.
Россія, 15, 18, 19, 20. 1 168, 173, 176, 480, 481, 585, 598, 600. 785, 842.
Рыбачьи, острова, 872. 8

С.

Сага, городъ, 828, 832, 89
Сагами, область, 734, 816
Садо, островъ, 714, 726, 7 842.
Сантама, 891.
Сайгонъ, 528.
Сайрамъ, городъ, 147.
Сайрамъ-норъ, озеро, 177
Сакаи, 755, 805, 822, 826.
Саката, 803, 825.
Сакахи, 812, 826.
Сакичима, 890.

08.
32.
 островъ, 743, 744.
416.
а, гора, 726.
а, 27, 48, 62, 64, 88, 89,

, 118, 136, 171.
настырь, 101.
ородъ, 512.
, проливъ, 726, 751, 756,
, 801.
вы острова, 528, 603, 612.
118, 133, 143, 150.
ъ, книжество, 665.
ъ, 840.
анциско, 421, 603, 711,
55.
-турь, 272.
инъ, 243, 247, 262, 263, 272.
э, 350, 373.
а-коу, 272.
пуй, 531.
ро, 800, 801, 802
гро-таке, гора, 723.
чи, 232.
коль, 133.
ана-яма, гора, 807.
ытамъ, 183.
ю-яма, 805.
ртоль, 95.
ру, 801, 802.
ры, камышъ, 120, 123.
атадру (Сатраду), 49.
аура, 174.
ахалинъ, островъ, 711, 712, 717,
721, 761, 800.
Сахалянь, 258, 260.
Садзума, 744, 745, 831, 864.
Саянскія горы, 187, 192.
Сватоу, портъ, 508, 528, 524, 543.
Сватоускій лиманъ, 506.
Сезенга, рѣка, 189, 190, 192, 227.
Семиградіе, 149.
Сена, рѣка, 391.
Сенгсхабадъ, рѣка, 50
Сендай, пров. и городъ, 725, 753,
802, 825, 835, 843, 851, 857, 892.
Сендайская бухта, 802.
Сенегалъ, рѣка, 193.
Сенъ-Гильемъ-ле-дезеръ, 66.
Сенъ-Готардъ, 96,
Сенъ-дени, 706.
Сера, монастырь, 100.
Сетледжъ, рѣка, 31, 32, 44, 47—
50, 52, 93, 94.
Сеулъ, городъ, 672, 673, 693—695,
699, 700, 702, 704—707, 709.
Сеульская, рѣка, см. Хань-янъ.
Си-ань-фу, городъ, 319, 321, 323,
324, 409, 418, 419, 424, 428, 470,
571, 654.
Сибата, 803, 826.
Сибецъ, 800.
Сибирь, 19, 130, 131, 151, 160, 175,
374, 483, 600, 608, 610, 679, 717,
754, 769, 773.
Си-ванъ-цзы, станція, 193, 194, 195,
233.
Сидзоука, 817, 826
Сикавэй, обсерваторія, 287, 327,
494.
Сикимъ, 31, 96, 97.
Сикокъ, островъ, 712, 740, 741, 751,
827, 835.
Сикотанъ, 719.
Сильвія, гора 873.
Си-линъ, кладбище, 368.
Си-лунъ-чжоу, 656.
Симабара, 732, 828, 831, 832.
Симода, городъ, 734, 816, 847, 851.
Симодская бухта, 734
Симоносеки, городъ, 740, 826, 827,
851, 864.
Симуспръ, 719, 720, 763, 765.
Сина-гава, 812.
Синай, гора, 127.
Синана-гава, рѣка, 727, 728, 731,
735, 803.
Сингапуръ, 516, 528, 529, 568, 600,
605, 610, 612, 614, 617.
Сингичу, 50.
Синин-фу, 152, 159, 160, 413, 415,
428, 654, 657.
Сининский край, 414.
Синнинъ-хэ, 413, 415.
Синскатанъ, островъ, 800.
Синъ-ань-фу, 654.
Синъ-минато, 804, 826.
Синъ-су-хай, 154.
Синъ-цзинъ-тинъ, 265.
Синь-бу-вань, 484.
Синь-минь-тинъ, 270, 272.
Синь-цзянъ, 436, 453.
Синь-чжоу, 652.
Синь-чу, 889, 894
Синъ-чэнъ, 261, 373.
Сира-гава, рѣка, 742.
Сираги, 665.
Сиране-яма, 728.
Сиргибецъ-таке, гора, 723.
Сиретоко, 721.
Сири-яма, 723.
Ситлингъ-гонпа, 94.
Си-тэй-ма, 440.
Си-хай, 122.
Сихогама, 802.
Сихоте-алинь, хребетъ, 241.
Си-цзанъ (Тибетъ), 26, 109.
Си-цзинъ, 418.
Си-цзинь-шань, 402.
Си-цзянъ, рѣка, 21, 285, 458, 459,
474, 475, 517—520, 522—525,
530, 531, 539.
Си-чжоу, 412, 413, 415.
Сіамъ, 554, 568, 604, 612, 617.
Сіамскій, заливъ, 431.
Сіаскотанъ, островъ, 719, 720.
Сіерра-невадда, 405.
Сіонай, 825.
Сіунангуто, острова, 744.
Скандинавія, 7, 51, 721.
Свѣтовыя горы, 164, 168.
Собо-норъ, 164.
Согакъ-норъ, 164.
Соединенные штаты, 23, 42, 492,
494, 571, 576, 612, 618, 644, 699,
706, 717, 760, 856, 865, 880.
Сойя, мысъ и городъ, 721, 800
Сондо, городъ, 706.
Сонъ-кой, рѣка, 544, 547, 548.
Средиземное море, 8, 11, 14, 16.
Становой хребетъ, 197.
Стоннъ-куттеръ, островъ, 538.
Страмболи, 744.
Су, округъ, 412.
Суао, 884.
Субансири, 56, 59.
Сува сима, 744.
Сужу, 495.
Суй-динъ-чэнъ, 658.
Суй-дунъ, 184.
Суйфунъ, рѣка, 257, 263.
Сумида-гава, 808, 812, 815.
Сумпу, 800.
Сунгари, рѣка, 240, 242—245, 247,
249, 250, 255, 260, 262.
Сунъ-панъ-тинъ, 469.
Сунъ-цзянъ-фу, 494, 652.
Сунъ-шань, 424.
Суока, 139
Сурунскій хребетъ, 442
Су-убнь, городъ, 710.
Су-чжоу-фу, 490—492, 495, 497,
505, 562, 598, 652, 654.
Сшинда, рѣка, 50
Сыръ-дарья, рѣка, 135
Сы-чжоу, 652, 656.
Сы-чуань, провинція, 26, 32, 76,
89, 104, 109, 277, 293, 327, 332,
340, 428, 432, 434, 441, 443, 444,
447—451, 453, 466—470, 472
475, 487, 505, 534, 544, 545, 548,
549, 555, 562, 566, 570, 590, 600,
604, 606, 617, 638, 653, 730
Сы-энъ-фу, 656.
Сѣверная Америка, 7, 577, см.
Америка.
Сѣверная рѣка, 531.
Са-мяо, 560.
Сюань-хуа-фу, 374, 376.
Сюй-гоу, 421, 428.
Сюй-чжоу-фу, 471, 654.
Сюнъ-янь-сянь, 654
Сюнь-чжоу-фу, 656.
Сю-э-дунъ-шань, 442.
Сю-э-шань, гора, 405.
Сю-янь-чжоу, 268.
Ся-гуань, 558, 559.
Ся-мынь, 515.
Сянъ-инь. 477.
Сянъ-шань, 475,—477; 505, 654.
Сянъ-хэ, р., 475, 476, 477, 478.
Сянъ-цзянъ, 458, 477, 530, 535.
Сянъ-янъ-фу, 484, 487, 654.
Сянь-шань, гора, 365.
Сяо-у-тай-шань, гора, 350.

Т.

Та-донъ-ганъ, рѣка, 703.
Тадумъ, 96, 104.
Тадумскій монастырь, 52.
Тай-ань-фу, 387, 612.
Тай-вань, 872—875, 879, 8
888, 890.
Тайгетъ, гора, 565.
Тайгу (Та-гу), городъ, 70
Тай-гу-сянь, 421.
Тай-е-шань, гора, 427.
Тай-линъ, 459.
Тай-пинъ-фу, 652, 656.
Тай-ху, 495.
Тай-цанъ-чжоу, 494.
Тай-чжоу, 506.
Тай-чжоу-фу, 651.
Тай-шань, 380, 383, 3
Тай-юань-фу, 363, 4
652.
Тайюанскій бассейн
Такаока, 804, 826.
Таката, 804, 826.
Такаматсъ, 804.
Такабоко, 831.
Така-сима, 831.

Такамацзу, 827, 894.
Така-саки, 806.
Така-цихо, 743.
Таканама, 805, 825.
Такла-маканъ (Токламаканъ) 124, 128, 162, 185, 193.
Такла-хоръ, 94.
Таку, мѣстечко, 373.
Таку-шань, 263.
Такъ-даурака. 95.
Такъ-джалунгъ, 95.
Талки, перевалъ, горы, 175, 177.
Талянванъ, 161
Тамамура, бухта, 748.
Тамура, 663.
Тамъ-суй, 879, 889, 890.
Тангло, 663.
Танего-сима, островъ, 716, 744
Танксе, 52.
Танку-чжэнь, 427.
Танну-ола (ула), горы, 1, 188, 189, 191.
Танъ-хэ, 484.
Тао-лай, 164, 413.
Таотютія, колонія, 889.
Тао-хэ, 402.
Таргабатай, хребетъ, 167, 174, 176, 177, 179, 279. 657.
Тарготъ-лехъ, 44.
Тарготъ-янъ, 39, 43, 44.
Таримъ, рѣка, 10, 13, 25, 32, 34, 36, 112, 115—124, 130, 131, 134, 135, 139, 140, 143, 147, 148, 150, 151, 163, 165, 167, 175 176, 181, 185, 187.
Таримская низменность, 35.
Таримскій край, 139.
Тасманія, 612.
Татарскій проливъ, 712.
Татарское плоскогорье, 112.
Тате-яма, гора, 736.
Татъ-суй, 894.
Таушканъ-дарья, 120.
Ташбалыкъ, селеніе, 144.
Ташкентъ. 111, 134.
Ташъ-курганъ, 144.
Та-эръ-динъ-шань, 367.
Текесъ 78, 185.
Тенгри-норъ, озеро, 39 41, 43, 44, 48, 53, 63, 72, 73.
Тенрю, 727.
Тенью-гава, рѣка, 735, 736.
Терадомари 804.
Теректъ, хребетъ, 139.
Терекъ-даванъ, 115, 139, 144.
Тесихо, 721.
Тибетъ, 14, 24, 25, 26—28, 31, 32, 40 - 44, 46, 49, 51 78, 81, 83, 132, 140, 142, 149, 150, 155, 160, 164, 178, 196 216, 217, 219, 279, 285. 387, 431, 441, 444, 446, 447, 466, 467, 468, 545 547, 548, 556 580, 657.
Тибетское нагорье, 27, 28. 35, 45, 47, 61, 118, 131, 150, 151, 155, 274.
Тибръ, рѣка, 659.
Тинъ-чжоу, 374. 376.
Тинъ-чжоу-фу, 654,
Тихій океанъ, 5, 7, 8, 11, 15, 274, 286, 293, 582, 612, 618, 678, 711, 715, 718, 720, 751, 753, 774, 821, 833, 800
Тіакой, 737.
Тоби-сима, островъ, 726.
Тогузъ-дабанъ, 33.
Тоза, городъ, 864.
Тойобоси, 817.
Токатси, рѣка, 721—723.
Токатситаке, городъ, 721.
Токіо, 725, 728, 734, 747, 749, 754, 755, 762, 806, 807, 808, 810—813, 826, 827, 859, 860, 866, 891, 892.
То-ко-ханъ, 889.
Токсунъ, 171.
Токтонай, 431.
Токтонъ-онъ, 833.
Токушима, 827. 893, 894
Токъ-ялунгъ, 44.
Тола, рѣка, 194, 217
Томари, 719.
Томбукту. 127.
Томіока, 806.
Тонглунгъ-ла, 44.
Тоне-гава. рѣка, 725 728, 775, 807, 815
Тонкату, 492
Тонкинъ, 517, 519, 547, 548, 564. 568.
Тонкинскій заливъ, 7, 540, 544. 564, 569, 599.
Тори-сима, островъ, 744.
То-санъ-до, 759, 763, 857.
Тотори, провинція, 826, 841, 892.
Точиги, провинція, 891.
Тояма, 726, 804, 825, 892.
Трикомале, 879.
Тсапранъ, 94.
Тсіудо, островъ, 715.
Тсуки-яма, 737.
Ту-ботъ, 26.
Тульта (Тульту), 180, 185.
Тумынь-ула (Тюменьула), рѣка, 235, 263, 669, 674, 676, 709.
Тунъ-ань, 560.
Тунъ-гуань-тинъ, 419, 424, 477, 654.
Тунъ-жэнь-фу, 656.
Тунъ-хуа-сянь, 272.
Тунъ-хэ, 467.
Тунъ-чжоу, 361, 598.
Тунъ-чжоу-фу, 654.
Тунъ-чуань-фу, 654.
Туркестанъ, 115. 133, 138. 163, 173, 178, 179, 193, 195, 208 316, 317, 414, 580, 657.
Туркестанъ восточный, 118, 124, 139, 157.
Туркестанъ китайскій, 118, 122, 123, 127—129, 131, 132, 135, 136, 144, 147, 148, 150. 187.
Туругъ, перевалъ, 139.
Турумай, 723.
Турфанъ, 132, 170—173, 598, 658.
Турція, 493, 534.
Ту-фань, 26.
Тѣ-линъ, 262, 272.
Тѣ-мынь-гуань. 398
Тэнъ-дао-тинъ, 548.
Тэнъ-юэ-тинъ 555, 636.
Тюмень, городъ, 176.
Тянь-цзинь, (фу), 96, 228, 261, 347, 350, 351, 355, 361, 362, 368, 369, 370, 371—373, 376, 382, 424, 427, 481, 513, 571, 538, 571, 593, 597, 598
Тяньцзинскій портъ, 420.
Тянь-чжу, 315.
Тянь-чжуай-тай, 266, 272.
Тянь-шань, 1, 11, 27, 111, 115—120, 122, 123, 132, 134, 139, 141, 147, 151, 165, 167, 170, 172, 174—176, 181.
Тянь-шань-бэй-лу, 111, 122, 174, 75
Тянъ-шань-нань-лу, 111, 112. 115, 21, 122, 133, 135, 147, 175.
Тянь-шу, горы, 367.

У.

Убса-норъ, озеро, 191.
Увазима, 827.
Увотсъ, 804, 826.
Угольная гора, 420.
У-гунъ-шань, гора, 458.
Удзи-гава, рѣка, 820.
У-динъ-фу, 656.
У-дэ-линь, 238, 239.
Усно, 811, 826.
Узенъ-га-таке, гора, 744.
Узорчатая гора, 406.
Уй, 25, 52, 93, 98, 104.
Уй-цзанъ, 26.
Уланъ-даба, перевалъ, 188.
Улынъ-бо, 670.
Улюнгуръ, 174, 177, 180, 188.
Улясутай, 176, 191, 194, 226, 228, 232, 235, 548, 658.
Унекатанъ, островъ, 800.
Унзенъ, гора, 796, 831.
Уо, 773.
Упсала, 748.
Урава, 842.
Уральскія горы, 483.
Урга, 17, 81, 193, 194, 196, 217, 227, 228, 231, 233, 235, 598, 658.
Урумчи, 148, 167, 171, 172—175, 183, 658.
Урунгъ-кашъ, рѣка, 116, 143.
Урупъ, остр., 719, 765, 843.
Усино-яма, 723.
Уссури, р. 235, 240, 249.
Усу, 167.
Усуки, 827, 832.
У-тай, 652.
У-тай-шань, гора, 405, 421.
Утсіура, 723.
Утсномія, 825.
У-ху, городъ, 440, 487, 488, 505.
У-ху-сянь, 652.
Уцаномія, 842.
У-цзянъ, р. 453.
У-чанъ, 571.
У-чанъ-тинъ, 272.
У-чанъ-фу, 430, 478, 505, 654.
У-чжи-шань, гора, 565.
У-чжоу-фу, 530, 543, 656.
Учь-турфанъ, 147—149.
У-шань-сянь, 654.
Уюнь-холдонги, холмы, 238, 239.

Ф.

Файзабадъ, 144.
Факу-мынь, 271.
Фалклендскіе острова, 131.
Фанъ-шань, городъ, 368.
Фанъ-чэнь, 484.
Фачу, городъ, 748.
Ферганскій край, 132.
Ферганская долина, 135, 139, 144.
Ферганская область, 136, 143.
Ферро, островъ, 715.

тр., 6, 276, 508,
2—618, 750, 763.

ъ, 7, 8, 279, 287,
711, 712, 715, 744,
851, 852, 854, 867,
—893.
олнвъ, 287, 872, 875,

, 656.
рукавъ, 531.
1, 543.
19, 32, 399, 406, 430,
499, 548, 576, 597, 599,
675.
ая кохинхина, 612.
8.
, 807.
5, 827.
, 404.
ій рейдъ, 511.
-фу, 511, 593, 654.
665, 666, 671—673, 675,
692, 693, 697, 702, 706, 707,
857.
ь-кокъ, 715.
ъ-куе, 715.
инъ, 263.
-гава, рѣка, 732.
ми, 820.
я-санъ, 731, 732, 735, 739, 816.
ияма, 731—733, 735—738, 743,
48.
куй, 805, 891, 892.
куока, 828, 832, 893, 894.
укуяма, 801, 826.
окусима (Фукушима), 802, 891,
892.
Фуссано-пикъ, 721.
Фу-цзянь, провинція, 277, 294, 298,
300, 338, 457, 458, 464, 469, 487,
506—509, 511, 514—516, 518, 520,
526—528, 568, 570, 579, 615, 644,
647, 653.
Фу-чжоу, 258, 420, 473, 482, 508,
509, 511—513, 516, 527, 597, 619,
647.
Фу-чжоу-фу, 510, 513, 514, 516,
593, 652, 654.
Фынъ-дяо-шань, 403, 423.
Фынъ-тянь-фу, 262.
Фынъ-хуань, 258.
Фынъ-хуань-чэнъ, 268, 660, 692.
Фынъ-хэ, 420—422.
Фынъ-янъ-фу, 652.
Фэнъ-хай, 363.

Хаката, 828, 832.
Хакодате, 723, 753, 755, 801, 802,
841, 851, 865.
Хаконде, остр., 721, 893.
Хаконе, 734, 816, 818, 825.
Хаконскій перевалъ, 734.
Хаку-санъ, 736.
Халамба-ла, 53, 54.
Халдыкъ-голъ, р., 120.
Халха, 186, 657.
Хамамацъ, городъ, 817, 826
Хамба-ла, 44.
Хами, 132, 139, 163, 165, 166, 169,
172, 175, 176, 178, 598, 658.
Хамъ-гіонъ-до, пров., 709.
Хамъ-хынъ, городъ, 671, 710.
Ханган, 176, 190.
Ханка, озеро, 265.
Ханка-сань, гора, 670.
Ханъ-балыкъ, 352.
Ханъ-тенгри, озеро, 185.
Ханъ-ту, 406.
Ханъ-ула, 225, 227.
Ханъ-чжоу-фу, 283, 495, 496, 506,
654.
Ханъ-чжоу, 458, 497, 500, 503, 571.
Ханчжоуская бухта, 495, 498, 499,
503, 509.
Ханчжоускій, заливъ, 440.
— лиманъ, 440, 499,
500.
Хань (см. Хань-цзянь), 402, 403,
404, 429, 478, 483, 484, 528.
Хань-ганъ, 659.
Хань-коу, 175, 176, 223, 287, 363,
437, 475, 484, 492, 505, 532, 537,
547, 548, 571, 593, 599, 654.
Хань-синь-линъ, 421.
Хань-хай, море, 122.
Хань-цзянь, р., 232, 285, 436, 437,
453, 470, 518, 526, 5 9.
Хань-чжоу-фу, 532, 534.
Хань-чжуанъ-фу, 654.
Хань-чжунъ-фу, 402, 428, 436, 453,
470, 484, 505, 676.
Хань-янъ (Сеулъ), 709.
Хань-янъ, р., 691, 693, 698, 705.
Хань-янъ-фу, 478, 479, 505, 654.
Ха-бнъ-ха-до, пров., 709.
Хара-усу, р., 63, 155.
Хара-хото, 232.
Хара-хотонъ, 350.
Харноки, 736.
Хатспное, 825.
Хахаръ-чэнъ, 226.
Ха-циро, озеро, 726.
Хацисо, 834.
Ха-чжю, 710.
Хачи, 36, 38—40, 42, 48, 61, 63,
67, 74, 93, 431.
Хибаро, 727.
Хигасима-ама, 803.
Хида (Гида), 736.
Хизенъ, полуостровъ, 828.
Химедзи, городъ, 826
Хинганъ, хребетъ, 5, 162, 187, 193,
194, 197, 199, 201, 233, 235—
237, 240, 241—244.
Хинь-ань-алинь, 240.
Хирадо, островъ, 747.
Хиросаки, 802, 825, 828, 832.
Хиросима, городъ, 824—836, 891,
892.
Хирояма, гора, 737, 739, 805.
Хіен-сань, гора, 738.
Хіого, 822—824, 826, 851, 891.

Хо, р., 424.
Хой-хоу, озеро, 569,
Хой-хоу-фу, 652.
Хой-чжоу-фу, 652.
Хой-юань-чэнъ, 184.
Хокото, 890, 893.
Хокъ-чу, 511.
Хо-дао-ло-дзя, 128.
Холи, 894.
Хоморангъ-ла, озеро, 44, 52.
Хондо, островъ, 665, 715, 724, 756,
765, 802, 823.
Хора-ла, 44
Хоръ-сокъ, 36.
Хошанская равнина, 127, 132, 141,
169.
Хошанскій край, 116
Хошанскій округъ, 146.
Хошанъ, 12, 35, 36, 111, 112, 116,
124, 125, 127, 128, 131, 139, 140,
142, 143, 148—150, 193, 413, 658.
Хошанъ-дарья, р. 35, 116, 120, 124.
Хо-янь-шанъ, 171.
Хуа-ди, 533.
Хуанъ-пу, 490—493, 534.
Хуанъ-сы, 366.
Хуанъ-ту, 295, 407, 409.
Хуай-ань-фу, 652.
Хуай-хэ, р., 285, 397, 401, 40
424, 427.
Хуай-цинъ-фу, 427, 652.
Хуанъ-хай, море, 7, 401.
Хуанъ-хэ (Желтая рѣка), 7,
67, 150, 151, 153, 154, 160,
187, 194, 201—204, 232, 264,
284, 285, 287, 294, 349, 366, 3
405, 411, 415—418, 423, 424,
428, 430—432, 441, 576.
Хуанъ-чжоу-фу, 654.
Хуанъ-чэнъ, 359.
Хуань-сянь, гор., 385.
Хуань-ту-сянь, 375.
Хуань-цзянь, р., 562.
Хуа-чжоу, 419.
Хуа-шань, гор., 403, 405,
Ху-бэй, пров., 277, 332,
436, 441, 451, 464, 465,
505, 575, 580, 653.
Ху-коу, 484, 487, 506.
Хуланъ, 262.
Хуланъ-чэнъ, рѣка, 262
Хуланскій округъ, 256.
Ху-мынь, 523.
Ху-нань, пров., 277,
460, 465, 475—477, 5
540, 591, 653.
Хунъ-мяо, 172.
Хунъ-цзэ-ху, озеро,
Хунъ-шуй, 518, 563.
Хунь-чунь, гор.,
272, 692.
Хунь-чунь-хэ, р., 2
Хунь-хэ, р., 375,
391—393.
Хурха, рѣка, 243.
Ху-то-хэ, 351.
Ху-чжоу, 494, 49
Ху-чжоу-фу, 506
Хэй-лунъ-цзянъ,
ка, 258, 278,
Хэй-шуй, 453.
Хэ-нань, прови
323, 349, 387
412, 421—42
606, 651.
Хэ-нань-фу,

Х.

Хабарассу, перевалъ, 183.
Хаги, 826
Хай-ань-со, 569.
Хайларъ, 193, 231, 272, 363.
Хай-лунъ-чэнъ, 272.
Хай-мынь, 440.
Хай-нань, остр., 7, 25, 286, 540,
564—569, 598, 676, 876, 882.
Хайнанскій проливъ, 569.
Хай-нинъ-чжоу, 654.
Хай-хэ, р., 164, 371.
Хай-цзы, рѣка, 164.

Хэнъ-чжоу-фу, 654.
Хэнъ-шань, гор. 406.
Хэ-цзянь-фу, 652.
Хэ-чжоу, 416, 473.
Хэ-шань, гора, 431.

Ц.

Цаганъ-курень, городъ, 417.
Цаганъ-норъ, озеро, 233.
Цаганъ-хото, 232, 233.
Цайдамъ, 149, 150, 151, 153, 154, 159, 160.
Цао-ди, 186.
Цао-чжоу-фу, 652.
Цейлонъ, островъ, 13.
Центральная Азія. 360.
Цетунъ, 514.
Цзакъ-гольскій, аймакъ, 225.
Цзанбо, рѣка, 27, 31, 22, 36, 38. 43, 44, 47, 52—57, 59, 60, 64, 90, 93, 95, 96, 99, 101, 149.
Цзанскія, горы, 43.
Цзанъ, провинція, 26, 43, 52, 93, 96, 109.
Цза-цзянъ, рѣка, 486.
Цзанъ-дао, островъ, 470.
Цзи, 352.
Цзи-ань-фу, городъ, 460, 652.
Цзилунъ, 875, 879, 887, 888, 889, 890. 894.
Цзи-минъ, 373.
Цзи-мо, 386, 387.
Цзи-нань-фу, городъ, 363, 382, 383, 387, 427, 652.
Цзинъ-дэ-чжэнь, 487, 562.
Цзинъ-ду, 352.
Цзинъ-мынь-чжоу, 654.
Цзинъ-намъ-по, портъ, 708.
Цзинъ-хэ, рѣка, 404, 417, 418.
Цзинъ-цзи-пу, 416.
Цзинъ-чжоу, 417, 418, 428, 475.
Цзинъ-чжоу-фу, 258, 271, 363, 654,
Цзинъ-чэнъ, городъ, 352.
Цзинъ-шань, 359.
Цзинъ-ши, 283.
Цзинъ-шуй-цзянь, 367.
Цзинь-хуа, 501.
Цзинь-хуа-фу, 654.
Цзинь-цзи-бао, 319.
Цзинь-чжоу-тинъ, 267.
Цзинь-ша-цзянъ, рѣка, 67. 101, 150, 432—431, 433, 442, 445, 449 466, 470, 560, 566.
Цзи-сима, островъ, 718.
Цзунъ-линъ, хребетъ, 5, 11, 119, 141, 484.
Цзѣ-дой-сы, монастырь, 366.
Цзѣ-чжоу-фу, 422.
Цзы-лю-чэнъ, 471, 472.
Цзы-ци, городъ, 504.
Цзы-цзинь-чэнъ, 359.
Цзы-цзянъ, рѣка, 436.
Цзя-бань-чжань, 256.
Цзя-динъ-сянь, 494.
Цзя-динъ-фу, 452, 467, 468, 495, 654.
Цзя-инъ-чжоу, 385, 656.
Цзя-линъ, 285.
Цзя-линъ-цзянъ, 472.
Цзя-лунъ-шань, 414—3.
Цзянка, 92.
Цзянъ-дао-хэ, рѣка, 548.
Цзянъ-нинъ-фу, городъ, 489, 652.
Цзянъ-си, провинція, 277, 428, 451, 457, 458, 460, 465, 473, 474, 484, 486, 503, 506, 518, 520 562, 651.
Цзянъ-су, провинція 394, 428, 429, 440, 465, 488, 489, 495, 499, 505, 651.
Цзянъ-чуань, 563.
Цзянь-нинъ-фу, 654.
Цзянь-най, 511.
Цзяо-чжоу, городъ, 161, 363, 380, 386, 387, 598.
Цзяочжоуская, бухта, 387.
Цзя-синъ-фу, 654.
Цзя-юй-гуань, 165, 413.
Цзэ-чжоу, 652.
Цзю-сянь, 384.
Цзю-цзянъ, 482, 484, 485, 486, 506, 652, 887.
Циклады, острова. 7.
Цикубу-шима, островъ, 737.
Цикума, 727, 804.
Цинъ-линъ, хребетъ, 402, 403, 404.
Цинъ-нань-фу, 656.
Цинъ-хай, озеро, 152.
Цинъ-хуа-чжэнь, 427,
Цинъ-цзянъ, рѣка, 473, 474.
Цинъ-чжоу-фу, 384, 652.
Цинъ-шуй, 363, 367.
Цинъ-янъ-фу, 654.
Цинь-чжоу, 387.
Циримкотанъ, островъ, 720.
Цирпой, островъ, 720.
Ци-сянь, 428.
Цицикаръ, городъ, 238, 243, 252, 256, 260, 272.
Цсугару, проливъ, 723, 726.
Цуруга, городъ, 823, 826, 857.
Цуругаока, 803.
Цусима, островъ, 663, 666, 707, 712, 714, 747, 748, 774.
Цусимское, теченіе, 751, 752.
Цуяма, 824, 896.
Ци-хэ, 397.
Ци-хэ-сянь, 401.
Цэцэрликсскій, аймакъ, 225.
Цюань-чжоу-фу, 514, 515, 654.
Цюй-фоу, 383, 384, 387.
Цюй-цзинъ-фу, 562.
Цюй-чжоу, 501.
Цюнъ-чжоу-фу, 469, 566, 568, 569, 570, 654, 656.
Цю-сянь, 387.
Цянъ-сань, 670.
Цянь-танъ, 495, 503, 506.
Цянь-танъ-цзянъ, рѣка, 496, 500, 506.

Ч.

Чайдамъ, 150.
Чайдамская равнина, 153.
Чамдоула, городъ, 101, 102.
Чаменъ-тагъ, 149.
Чанъ-бо-шань, 240, 241, 242, 659, 668.
Чанъ-дэ-фу, 285, 475, 571, 654.
Чанъ-ту-фу, 272.
Чанъ-чжоу-фу, 571.
Чанъ-ша-фу, 477, 505, 654.
Чаосянь (Корея), 659, 665, 667, 668, 679.
Чао-чжоу-фу, 529, 656.
Чапидо, городъ, 101.
Чархалыкъ, 147.
Чейбсенъ, кумирня, 160.
Чекъ-куль, озеро, 121.
Чемульпо, портъ, 671, 673, 676, 693, 698, 700, 701, 702, 704, 706, 707.
Черные пески, 163.
Черный Иртышъ, 174, 175, 176, 180, 185.
Черченъ, городъ, 140. 413.
Черченъ-дарья, рѣка, 33, 35, 116, 131.
Четанъ, 54, 55, 59, 102, 658.
Четри-шань, 151.
Чжанъ-ба-сянь, 415.
Чжанъ-лань-чжень, 421.
Чжанъ-дэ-фу, 427.
Чжанъ-чжинъ, городъ, 672.
Чжанъ-цзя-коу, 374, 376, 652.
Чжанъ-чжоу-фу, 516, 654.
Чжамдо, 658.
Чжао-тунъ-фу, 562, 656.
Чжао-чжоу, 376.
Чжасилюмбу, монастырь, 81, 96, 102.
Чжао-цынъ-фу, 530, 543, 656.
Чжа-пу, 503.
Чжаринъ-норъ, озеро, 154.
Чженъ-хуа, 888, 891.
Чжень-си-тинъ, 172.
Чжи-ли, провинція, 16, 205, 220, 222, 231, 252, 256, 277, 278, 343, 350, 351, 352, 368, 374, 375, 406, 411 421, 580, 591, 604—643, 651, 670, 674. 679.
Чжилійскій заливъ, 200, 286, 350, 351, 352, 376. 380, 381, 385, 396, 398, 400 401, 670, 675, 705.
Чжилійская, равнина, 421.
Чжіолладо, провинція, 709.
Чжи-фу, 379, 386, 387. 707.
Чжифуйскій рейдъ, 687.
Чжи-чжу-дянь, 484.
Чжинь-чжю, городъ, 710
Чжоу-цунь. 385.
Чжоу-цзя-коу, 427.
Чжо-чжоу, 375.
Чжунгарія, 15, 25, 27. 117, 165, 174, 175—176, 185, 414, 588, 638.
Чжунъ-вэй. 416.
Чжунъ-цзинъ, 471.
Чжунъ-чжоу, 654.
Чжунь-гуань, 541. 558.
Чжунь-коу-со, пристань, 261.
Чжу-санъ, архипелагъ, 291, 440, 458, 463, 503 - 505 508, 597, 670, 747.
Чжу-синь-чжэнь, 427.
Чжу-цзы-линь, 372.
Чжу-цзянь, 523, 533.
Чжэ-линъ, 475, 531.
Чжэнъ-динъ-фу 375, 376.
Чжэнъ-динъ, 363, 421.
Чжэндинскіе храмы, 375.
Чжэ-цзянъ, 276, 277, 300, 428, 467, 464, 465, 498, 499, 500, 503, 504, 506, 514, 516, 575, 580, 591, 653,
Чжэнъ-цзя-коу, 382, 387.
Чжэнь-гинь-мынь, 505.
Чжэнь-динъ-фу, 652.
Чжэнь-цзянъ, 489, 490. 563, 597.
Чжэнь-цзянъ-фу. 489, 506.
Чжэнь-хай, 498, 503, 504.
Чжэнь-юань-фу, 656.
Чиба, 831, 892.
Чинча-хоцзы, городъ, 184.
Чичи-сима. островъ, 835.
Чокой-санъ, 727,
Чонъ-чегму, 71, 101.
Чомъ-то-донгъ, 44.

01, 102.
еро, 39, 40 63.
56.
60 262.
ро, 728.
3, 175, 180, 181, 183—
558.
, пустыня, 169.
о. 832.
514.
439, 440, 495.
, 472, 473. 476, 599.
ій, портъ, 473.
ъ-фу, 505, 654.
нь, городъ, 710.
фу, 654.
фу, 427, 432, 433, 467, 468,
70, 472. 475. 505, 654.
-фу, 220, 234, 652.
жоу-фу, 654.

Ш.

къ, рѣка, 52.
ръ-джонгъ, городъ, 69, 102.
ганъ, 319.
дунскія, гор. цѣпи, 350.
хай, 16, 287, 287. 327, 347,
2, 382, 472, 474, 489, 490—
04, 504, 505, 511, 532, 534, 539,
49, 575. 603, 608, 619, 620, 648,
99, 855, 857, 875.
анхайскій, портъ, 490.
Шань-ду, 233.
Шань-дунъ, 250, 252, 267, 277,
278, 293, 363, 376—387, 395,
396—402, 411, 420. 510, 591,
663, 670, 673, 674, 679, 702, 744.
Шань-си, 205. 222, 231—233, 252,
277, 278, 363, 375, 387, 391, 405,
406, 409, 411, 412, 417, 420—
422, 428, 451, 467, 473, 474, 546,
570, 575, 590, 606, 651, 652, 670.
Шань-тоу, 528.
Шань-хай-гуань, 259, 261, 271,
362, 363.
Шань-янь-алинъ, хребетъ, 1, 240,
241, 244, 263.
Шао-синъ, 498, 499, 500, 654.
Шао-синъ-фу 499, 506.
Шао-синскій, мостъ, 498.
Шао-чжоу-фу, 531, 656.
Шао-у-фу, 654.
Шаро-мурень, рѣка, 235, 242, 243,
244, 270.
Шахьяръ, городъ, 147.
Шахэ, 397, 427.
Ша-ши, городъ, 475, 479.
Ша-янъ, 484.
Швеція, 399.
Ши-бань-фанъ, гора, 443.
Ши-бинъ, 563.
Ши-бо, 811.
Ши-бу-чжай 434.
Шига, провинція, 891.
Ши-гатцае, 81, 96, 102, 104, 110,
234, 658.
Ши-дао, 386, 387.
Шизуока, провинція и городъ, 891.
892.
Ши-лунъ, 531.
Шимабара, 742.
Шиманае, 891.
Шимоносеки, 826.
Шинань-гава, рѣка, городъ, 804.
Ши-нань-фу, 654.
510.
Ши-сань-линъ, кладбище, 763.
Шихо, городъ, 183.
Ши-цзинъ, холмъ, 355.
Ши-янъ, 54.
Шу, царство, 470.
Шуанъ-чэнъ-тинъ, 256, 272, 262.
Шуга, горы, 155.
Шунь-де-фу, 652.
Шунь-нинъ-фу, 560, 633.
Шунь-цзинъ-фу, 654.
Шунь-тянь-фу, 352.
Шэнь-янъ, 264.
Шэнсинскій край, 484.
Шэнь-си, провинція, 277, 278, 318,
321, 322, 333, 387, 391, 405, 406,
411, 412, 417—423, 428, 451, 470,
474, 478, 505, 653.
Шэ-хэръ, 234.
Шэнь-цзинъ, 243, 278, 532, 650.
Шоси, 807.

Ы.

Ы-чжу, городъ, 671, 707.

Э.

Эби-норъ, озеро, 174, 177, 183.
Эгейское море, 7.
Эгинъ-голъ, рѣка, 192.
Эктагъ-алтай, хребетъ, 5, 188, 191.
Эмбенскія, болота, 179.
Эмиль, рѣка, 180, 183.
Эндермо, бухта, 801.
Эндомо, 801.
Эргикъ-таргакъ, 192.
Эро, рѣка, 65.
Эръ-хай, 559.
Эсанъ-вулканъ, 723, 724.
Эстрамадура, 538.
Этсиго, провинція, 729.
Эцзинъ, рѣка, 169.

Ю.

Юань, рѣка, 474, 475.
Юань-чэнъ, 422, 423.
Юбуцъ, городъ, 801.
Ювари, 721.
Южная Африка, 613.
Южно-Китайское море, 13.
Южно-Уссурійскій край, 372.
Южный каналъ, 399.
Юй-линь, 894.
Юй-линь-сянь, городъ, 169.
Юй-линь-фу, городъ, 420, 654.
Юй-линь-чжоу, 541, 656.
Юй-цзянъ, рѣка, 518, 519, 541.
Юй-ао, 498, 503, 504.
Юлдузъ, горы, 120.
Юліати, источникъ, 728.
Юнаньское нагорье, 453.
Юнъ-пинъ-фу 373, 652.
Юнъ-цзянъ, рѣка, 436, 475, 498,
499, 503, 504, 548, 563.
Юнъ-чанъ-фу, 555, 656.
Юнъ-чжоу-фу, 654.
Юнъ-чэнъ, городъ, 386, 511.
Юнъ-шунъ-фу, 654.
Юнь-анъ-фу, 555.
Юнь-минъ-юань, 364.
Юнь-нань, провинція, 55, 89, 149,
277, 287, 295, 299, 316, 319, 320,
332, 381, 445, 447, 449, 450, 455,
456, 470, 518 544—548, 552, 555,
556, 560 — 564, 566, 570, 580,
598, 606.
Юнь-наньское плоск
Юнь-нань-фу, городъ, 320, 545,
549, 550, 551, 552, 554, 559, 617,
638, 655.
Юнь-хэ, рѣка, 377, 399, 441.
Юнь-чжоу, 560.
Юнь-янъ-фу, 505, 561, 562, 654.
Юра, 824.
Юсу-такe, гора, 723.
Ю-танъ, городъ, 140.
Ютія, городъ, 851.

Я.

Ява, 528, 568, 612.
Яй-чжоу, 569.
Якеяма, гора, 726, 736, 739.
Якоска, портъ, 815.
Яксартъ, рѣка, 112.
Якусима, островъ, 744.
Я-лунъ-цзянъ, рѣка, 432, 442, 445,
470.
Ялу-цзянъ, рѣка, 235, 659, 660, 669,
673, 676, 706.
Ялъ, рѣка, 248.
Ямагава, провинція, 743, 832.
Ямагата, 803, 824, 891, 892.
Ямада провинція, 817, 826.
Ямдокъ, 53, 54.
Ямагучи, 826, 891, 892.
Ямаваши, 891.
Янги-тисаръ, 144, 148, 149, 150.
Янги-тисарскій округъ, 146.
Янги-шаръ, 144.
Янну, 490.
Янъ-лоу-дунъ, 482.
Янъ-минъ-гуань, перевалъ, 421
Янъ-пинъ-фу, 514, 516, 654.
Янъ-цзанбо, 52.
Янъ-цзинъ, 532.
Янъ-цзы-цзянъ (Янъ-цзы), 7
12, 21, 33, 41, 63, 150, 155,
284. 285, 305, 312, 319, 347,
351, 387, 388, 394, 395, 397,
400—402, 418. 424, 429—441
457, 458, 463, 464, 471 —
482, 486, 488—496, 506, 51
547, 561, 562, 580, 597, 6
Янъ-чжоу-фу, 383, 490, 654.
Янъ-хэ, рѣка, 350, 351, 3
362, 364, 374.
Янь-ань-фу, городъ, 420,
Янь-тай, 386.
Японія, 5, 8, 16, 19, 20,
463, 494, 504, 540, 600,
665, 666, 673, 680, 689,
694, 695, 696, 698, 699,
702, 710, 711, 712, 71
Японскій архипелагъ,
717, 721, 734, 738, 8
Японское море, 244, 2
667, 668, 669, 679, 7
802, 864, 721, 823,
Японскіе острова, 67
Ярига-такe, гора, 73
Яркендъ, городъ, 3
119, 124, 129, 132,
143, 144, 148, 149
178, 658.
Яркендъ-дарья, рѣ
119, 133, 137, 14
Яркендскій край,
Яркендскій округ
Я-чжоу-фу, 467,
Яшиль-куль, озе